

РУССКИЙ БІОГРАФІЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Суворова—Ткачевъ.

Издание Императорского Русского Исторического Общества.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.
1912.

C.

Суворова, Варвара Ивановна, княгиня Итальянская, графиня Рымникская, супруга генералиссимуса Александра Васильевича Суворова, дочь генерал-аншефа кн. Ивана Андреевича Прозоровского, статсъ-дама, род. 13 ноября 1750 г. 18 декабря 1773 г. состоялась ея помолвка съ Суворовымъ, 4 дня спустя — обручение, и 16 января 1774 г. свадьба. Бракъ этот былъ не особенно по сердцу ея родителямъ, прежде всего потому, что князья Прозоровские, несмотря на нѣкоторую захудалость въ помѣстномъ и вообще имущественномъ отношеніи, все же принадлежали къ высшимъ кругамъ московской знати и имѣли въ ней обширныя и прочныя связи, между тѣмъ какъ Суворовы были худородны; къ тому же и самъ женихъ не могъ считаться особенно завиднымъ; правда, къ этому времени Суворовъ имѣлъ уже за собою значительныя военные заслуги и былъ въ чинѣ бригадира и Георгиевскимъ кавалеромъ, но ему сильно вредила репутація странного и неисправимаго чудака. Нѣсколько лѣтъ супруги жили въ добромъ согласіи, но со второй половины 1777 г. между ними пошли значительные нелады, въ дальнѣйшемъ то утихавши, то вновь обострившися и завершившися въ концѣ концовъ полнымъ разрывомъ. Въ интересахъ мужа и жены было очень мало общаго: Александръ Васильевичъ всесцѣло былъ поглощенъ военными дѣлами, безпрестанно переѣзжалъ изъ конца въ конецъ государства и заставлялъ слѣдовать за собою и семью, между тѣмъ С. болѣе по душѣ была беспечная свѣтская жизнь. При такихъ условіяхъ и при всыпливости и нетерпимости каждого изъ супруговъ, имъ трудно было ужиться, тѣмъ болѣе, что С. не чужда была и увлеченій; «отлучаясь своевольно,

употребляла развратныя и соблазнительныя обхожденія, неприличныя части ея», пишетъ о ней Суворовъ со свойственной ему рѣзкой прямотой. Въ концѣ 1779 г. Суворовъ возбудилъ дѣло о разводѣ, но вымѣшательствомъ знатной родни Варвары Ивановны оно было замато. Полный разрывъ между супругами произошелъ въ 1784 г.; С. получила отъ мужа «раздѣльное жительство» и 1.200 руб. ежегодного содержанія. По словамъ Вигеля, С. была «красавица въ русскомъ вкусѣ, румяна и полна, но ума невысокаго и воспитанія стариннаго». Она пережила мужа на нѣсколько лѣтъ (скончалась 8 мая 1806 г.) и по его смерти получала пенсію въ 8 тыс. рублей. Погребена въ Воскресенскомъ монастырѣ.

«Цисьма и записки кнзя Итальянского, графа Александра Васильевича Суворова», „Русский Архивъ“, 1866 г., № 7, стр. 931, 962—964, 966, 967.—„Записки Вигеля“, „Русский Вѣстник“, 1864 г., № 1, стр. 298.—Переписка обѣ отдачѣ дома и назначеніи пенсіи графинѣ Суворовой-Рымникской (1797—1798), „Записки и Труды Импер. Общ. Истор. и Древн. Россійск.“, 1862 г., кн. 4, стр. 204—206.—А. Петрушевский, „Генералиссимусъ кнзя Суворовъ“, Спб., 1900 г.—„Русск. Старина“, 1876 г., т. XV, стр. 450—451.—С. Шубинскій, „Жена Суворова“, „Истор. Вѣстн.“, 1897 г., т. 68, стр. 7—82.—В. В. Руммель и В. Б. Голубцовъ, „Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій“, т. II, Спб., 1887 г., стр. 441.—Кн. П. Долгоруковъ, „Русская родословная книга“, ч. II, Спб., 1853 г., стр. 65.

Суворовъ, Александръ Аркадьевичъ, кнзя Итальянскаго, графъ Рымникскаго, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, генералъ-инспекторъ всей пѣхоты, членъ Государственного Совѣта, внукъ знаменитаго генералиссимуса Александра Васильевича Суворова, родился 1 июня 1804 г., скончался 31 января 1882 г.

Послѣ смерти своего отца, Аркадія Александровича, безвременно погибшаго въ пучинахъ Рынника, 9-лѣтній мальчикъ былъ отданъ въ юезуитскій пансионъ (въ Петербургѣ), гдѣ и пробылъ до 1816 г., когда его взялъ къ себѣ его дядя, Кириллъ Александровичъ Нарышкинъ, опасавшійся, чтобы на мальчика не было оказано дурнаго вліянія со стороны юезуитскаго ордена. Предполагалось, что дальнѣйшее воспитаніе С. получить въ домѣ дяди, для чего были уже приглашены лучшіе учителя, но въ это время мать С. уѣзжала въ Италию и пожелала взять сына съ собою; за границей она помѣстила его въ школу извѣстнаго въ исторіи педагогіи Фелленберга въ Гоффенѣ,—неподалеку отъ Берна. Здѣсь С. пробылъ 5 лѣтъ и за это время въ совершенствѣ овладѣлъ нѣсколькими иностраннными языками, занимаясь вмѣстѣ съ тѣмъ исторіей и естественными науками. 18-ти лѣтъ онъ уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ нѣкоторое время посѣщалъ Сорбонну, а затѣмъ перешелъ въ Геттингенъ и поступилъ въ число студентовъ тамошняго университета. Заграницная жизнь и теченія западно-европейской мысли, въ особенности умственное броженіе среди нѣмецкаго студенчества въ послѣ-наполеоновскую эпоху, оказали на выработку міровоззрѣнія С. несомнѣнное вліяніе; недаромъ вслѣдствіи консервативная печать бросала ему упреки, что свои взгляды съ оттѣнкомъ либерализма онъ вынесъ изъ «гнилого Запада». Возвратившись въ 1824 г. на родину, С., по волѣ Императора Александра I, былъ определенъ на службу юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ. Здѣсь онъ, «пылкій, образованный, исполненный самыхъ высокихъ привѣтствъ», по свидѣтельству лица, знаящаго его лично, вскорѣ сдѣлался любимцемъ полка, познакомился со своимъ сослуживцемъ, талантливымъ поэтомъ корнетомъ Александромъ Ивановичемъ Одоевскимъ, и повидимому подъ его вліяніемъ вступилъ въ общество, члены котораго вслѣдствіи стали извѣстны подъ именемъ декабристовъ. Его роль въ событіи 14 декабря 1825 г. остается неясной; по однимъ свидѣтельствамъ, онъ «вмѣстѣ со своимъ эскадрономъ стоялъ въ рядахъ защитниковъ царя», по другимъ же—находился въ противоположномъ лагерѣ. Есть, наконецъ, указанія, что онъ совсѣмъ въ этотъ день не былъ на Се-

натской площади. Такъ или иначе, но несомнѣнно, что какой-либо замѣтной роли въ обществѣ С. не игралъ, съ намѣреніями влиятельныхъ лицъ движенія знакомъ былъ мало и едва ли имѣлъ точное представление о конечныхъ цѣляхъ общества. Вечеромъ 14 декабря, послѣ того какъ возмутившіеся полки потерпѣли пораженіе и большинство главарей было арестовано, С. добровольно явился къ Государю и съ полнымъ чувствомъ раскаянія принесъ покаянную. И по этому пункту существуетъ вариантъ, согласно которому С. «зазнакомство съ Одоевскимъ» былъ арестованъ и на другой день послѣ подавленія восстania былъ допрошенъ государемъ. Какъ бы то ни было, Императоръ, увидѣвшій добровольно ли явившагося или приведеннаго силой С., воскликнулъ: «Не хочу вѣрить, чтобы вину знаменитаго русскаго полководца могъ быть когда-нибудь измѣнникомъ». Благодаря ли заслугамъ дѣда или въ виду ничтожной причастности С. къ движенію, государь отнесся къ нему въ высшей степени снискходительно, освободилъ отъ суда и свою немилость проявилъ лишь въ томъ, что послалъ его изъ Петербурга на Кавказъ, гдѣ въ то время начальствовалъ извѣстный А. П. Ермоловъ. Находясь на Кавказѣ, С., уже въ чинѣ корнета, полученному 1 января 1826 г., участвовалъ въ рядѣ дѣлъ противъ лезгиццевъ и въ особенности отличился въ пораженіяхъ послѣднихъ на рѣкахъ Йорни, Алазани и на полѣ Зеленчу. Когда вспыхнула война съ Персіей, онъ находился всегда на передовыхъ позиціяхъ, принималъ участіе почти во всѣхъ главныхъ сраженіяхъ и особенно активную дѣятельность проявилъ при осадѣ и взятии крѣпости Сардарабада. Незначительный инцидентъ, относящийся къ этому времени, ярко рисуетъ одну изъ сторонъ характера С. Какъ известно, вмѣстѣ съ начальомъ военныхъ дѣйствій противъ Персіи, въ Петербургъ посыпѣли доносы на командовавшаго нашими войсками на Кавказѣ А. П. Ермолова, котораго обвиняли въ различныхъ упущеніяхъ и старались даже выставить единственнымъ виновникомъ возгорѣвшейся войны. На его мѣсто былъ назначенъ враждовавший съ нимъ генералъ И. Ф. Паскевичъ, въ честь которого офицеры устроили традиціонный обѣдь. Сохранился разсказъ, что на этомъ обѣдѣ, непосред-

ственno послѣ тоста за нового коман-
дующаго, всталъ С. и въ присутствіи Паске-
вича произнесъ сочувственный спичъ въ
честь опального Ермолова. Какихъ-либо
дурныхъ послѣдствій для С. инцидентъ
этотъ не имѣлъ, но онъ характери-
зуетъ его прямоту и откровенность, неза-
висимо отъ того, нравится или нѣтъ вы-
сказываемое высокопоставленнымъ лицамъ.
За персидскую кампанію, въ теченіе ко-
торой С. проявилъ неоднократно «личное
мужество и выдающуюся храбрость и по-
стоянно исполнялъ подъ огнемъ въ тран-
шеяхъ приказаніе главнокомандующаго», онъ
былъ произведенъ въ поручики и награжденъ орденомъ св. Владимира 4-й ст.
съ бантомъ и золотой шпагой надписью съ
«За храбрость».

По окончаніи этой кампаніи С. уѣхалъ
въ Петербургъ, гдѣ 2 февраля 1828 г.
былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ
государю. Когда начались военные дѣй-
ствія противъ Турціи, онъ сопровождалъ
государя въ дѣйствующую армию какъ
флигель-адъютантъ, сдѣлался весьма близ-
кимъ къ нему лицомъ, почти неотлучно
находился при немъ въ теченіе первого
періода войны, сопутствовалъ ему при смо-
трахъ, перѣѣздахъ и пр. Однако въ то же
время С. не упускалъ случая, чтобы при-
нять и активное участіе въ военныхъ дѣй-
ствіяхъ; онъ находился въ рядахъ сра-
жавшихся подъ Шумлой и въ числѣ оса-
ждавшихъ Варну, былъ въ дѣлѣ подъ Са-
туновскимъ, при занятіи крѣпости Исакчи и
въ сраженіи при Буланлыкѣ, наконецъ,
ему лично сдалась небольшая крѣпость
Матчинъ. «За боевыя отличія и толковое
исполненіе» иногда весьма важныхъ пору-
ченій государя въ этой кампаніи С. былъ
произведенъ въ штабс-ротмистры, награ-
жденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. и удо-
стоенъ Высочайшаго благоволенія. Вскорѣ
послѣ паденія Варны онъ сопровождалъ
Императора на кораблѣ «Парижъ» при
возвращеніи въ Россію.

Въ Петербургѣ С. временно былъ при-
командированъ къ лейбъ-гвардіи Конному
полку для изученія строевой службы. Въ
1830 г. онъ женился, и по этому случаю
ему въ знакъ благоволенія къ нему госу-
даря было пожаловано изъ государотвен-
наго казначейства 100.000 руб. единовре-
менно и по 25.000 руб. ежегодной пенсіи.
Въ 1831 г. воспыхнуло восстание въ Польшѣ,

и С. вновь вступилъ въ дѣйствующую
армію. Состоя при квартирѣ главной
арміи, онъ вмѣстѣ съ послѣдней совер-
шилъ движеніе черезъ Ловичъ на Вар-
шаву, съ отличиемъ участвовалъ въ рядѣ
дѣлъ, въ томъ числѣ при штурмѣ и взя-
тии варшавскихъ передовыхъ укрѣшеній
и главнаго вала, причемъ былъ отправленъ
парламентеромъ по поводу сдачи, а затѣмъ
ѣздилъ съ донесеніемъ о побѣдахъ къ
Императору. Произведенный за отличія въ
польской войнѣ въ полковники, онъ остался
въ Петербургѣ и «для ознакомленія съ
цѣхотовой службой» вступилъ въ лейбъ-
гвардію Егерскаго полка, въ которомъ ко-
мандовалъ баталіономъ и прослужилъ до
конца 1832 г. Послѣ этого, состоя при
особѣ государя, синъ исполнялъ многія его
порученія, — напримѣръ, по рожденію ве-
ликаго князя Михаила Николаевичаѣздилъ
къ прусскому королю съ извѣщеніемъ объ
этомъ. 26 марта 1839 г. С. былъ назна-
ченъ командиромъ Фанагорійскаго grena-
derского полка, въ рядахъ котораго числил-
ся съ самаго рожденія, а 9 августа того же
года получилъ чинъ генераль-маиора. По
отношенію ко вѣроятнымъ ему низшимъ
чинамъ С. представлялъ довольно рѣдкое
исключение изъ общаго правила своей
эпохи. Онъ не только не стремился сдѣлать
еще болѣе суровымъ и безъ того тяжелый
солдатскій режимъ, но и самъ относился
и офицерамъ полка выѣняль въ обязан-
ность относиться къ солдату мягко и че-
ловѣчно, безъ лишнихъ строгостей, а тѣмъ
болѣе жестокостей. Съ другой стороны онъ
обращалъ серьезное вниманіе на материаль-
ное довольствіе солдата и чрезвычайно
ревниво слѣдилъ за тѣмъ, чтобы отпускае-
мая на этотъ предметъ средства цѣликомъ
шли по назначению. 15 января 1842 г. С.
былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады
3-й grenaderской дивізіи и въ этой долж-
ности состоялъ до 18 августа слѣдующаго
года, когда былъ отчисленъ въ свиту Его
Величества. Въ 1848 г. король Сардинскій
пожаловалъ его, какъ старшаго въ родѣ
Суворовыхъ, орденомъ Благовѣщенія съ
цѣпью и звѣздою, принадлежащими ему
согласно диплому, выданному королемъ
его знаменитому дѣду. 25 июня 1846 г.
С. былъ назначенъ генераль-адъютантомъ,
а 26 ноября 1847 г. удостоенъ ордена
св. Георгія 4-го класса за 25-лѣтнюю
службу.

Около этого времени въ Костромѣ, по слухамъ бывшихъ тамъ грандиозныхъ пожаровъ, среди низшихъ слоевъ населенія возникли значительные волненія, которыхъ вслѣдствіе неумѣлыхъ и неудачныхъ дѣйствій и распоряженій властей стали обостряться и грозили принять бурныя формы. Съ цѣлью успокоить разгорѣвшіяся страсти туда былъ командированъ С. Вопреки установившемуся порядку въ такихъ случаяхъ, онъ не только не пошелъ путемъ репрессій, а дѣйствовалъ исключительно мѣрами мягкости, благородства и убѣжденія—въ особенности замѣчательнымъ умѣніемъ говорить съ простолюдиномъ,—и въ самое короткое время достигъ полного успѣха. Этотъ пробный камень административныхъ способностей С. правель Императора Николая I къ убѣжденію, что онъ является вполнѣ подходящимъ лицомъ для успокенія броженія въ другомъ пункѣ обширной имперіи,—Прибалтійскомъ краѣ. 1 января 1848 г. С. былъ назначенъ генераль-губернаторомъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній и военнымъ губернаторомъ Риги. Управлять Прибалтійскимъ краемъ вообще, а въ этомъ историческомъ моментѣ въ особенности было дѣломъ чрезвычайно нелегкимъ. И безъ того ненормальные взаимоотношения различныхъ слоевъ населенія усложнялись еще свирѣпствовавшей въ это время въ краѣ холерной эпидеміей. Послѣдняя вызвала паническое бѣгство изъ очаговъ заразы—городовъ, особенно изъ Митавы. Понадобилось личное мужество С., безстрашно обходившаго больныхъ, чтобы въ этомъ отишениіи умѣрить панику, вѣсколько успокоить оставшихся и пріохотить къ возвращенію разбрѣжавшихся жителей, которые вскорѣ постепенно стали возвращаться въ города и даже оказывать содѣйствіе властямъ въ борьбѣ съ эпидеміей. Однако была и болѣе серьезная сторона въ положеніи Прибалтійского края. Предшествовавшіе неурожайные годы и ненормальные земельные отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ привели послѣднихъ, по выражению одной газеты, «къ молчанию, но грозному протесту», угрожавшему разразиться воспышкой. Та же газета говорить, что «спокойствіе края и по этому вопросу было подворено такими мѣрами, которыхъ соответствовали требованиямъ времени и вполнѣ гармонировали съ гуманными взгля-

дами генераль-губернатора и тѣмъ оттенкомъ его характера, который сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ могли бы сдѣлать въ самыя решительные минуты какія бы то ни были крутые мѣры»...

Внутреннее состояніе Прибалтійского края было крайне сложнымъ: параллельное существованіе трехъ национальностей—немецкой, латышской и эстонской, рѣзко разобщенные земельная аристократія и безземельный пролетариатъ, противоположность интересовъ этихъ группъ, сохранившіяся въ некоторыхъ мѣстахъ почти средневѣковый феодализмъ, вся экономическая и общественная преимущества на сторонѣ немецкой національности, а невыгоды земельныхъ отношеній на сторонѣ остальныхъ двухъ народностей, законъ писанный и право обычное, наконецъ, сосуществованіе и взаимное переплетеніе некоторыхъ старыхъ, отжившихъ формъ съ новыми,—все это въ высшей степени усложняло управление края. Если къ этому прибавить еще стремленія, исходившія какъ отъ авѣтской, такъ и отъ духовной русскихъ властей, обрушить обитавшія въ краѣ національности безъ различія, то запутанность положенія станетъ еще очевиднѣе. Для лица, стоявшаго во главѣ мѣстной администраціи, возможны были, по выраженію Ю. Самарива, три пути—путь репрессій, путь всяческихъ уступокъ или же путь примиренія національностей между собою и ихъ съ центральнымъ правительстvомъ. Послѣднимъ путемъ и пытался идти С., хотя держался на немъ далеко не всегда устойчиво, склоняясь къ покровительству и безъ того сильной вѣмепской національности въ ущербъ остальнымъ. Уже въ первые годы своего управления онъ заявилъ себѣ полнымъ противникомъ системы своего предшественника, Е. А. Головина и, наоборотъ, горячимъ сторонникомъ сохраненія балтійскихъ привилегій, которыми пользовалась преимущественно немецкая народность,—и въ этомъ смыслѣ высказался въ первомъ же своемъ всеподданѣйшемъ отчетѣ. Это обстоятельство вызвало противъ него бурю нападокъ, часто справедливыхъ, со стороны печати и некоторыхъ лицъ администраціи края.

На этой именно почвѣ между С. и мѣстнымъ епископомъ Филаретомъ возникла дѣловая переписка, съ виду корректная, но существу же рѣзкая, въ результатѣ ко-

торой епископъ былъ перемѣщенъ въ Харьковъ, а одинъ изъ его сторонниковъ, протоіерей Назаревскій, который въ домовой архіерейской церкви произнесъ направленную противъ С. громовую проповѣдь, попалъ въ монастырь. Пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ государя, С. сталъ умѣрять практическое примѣненіе введенныхъ до него мѣръ, главнымъ образомъ принужденіе къ переходу въ православіе и необходимость крестить дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ по обрядамъ православной церкви. По послѣднему вопросу онъ вскорѣ представилъ всеподданнѣйшее ходатайство объ отмѣнѣ стѣснительного указа отъ 1850 г. и о разрѣшеніи крестить дѣтей въ ту или другую вѣру по желанію родителей. Въ Петербургѣ это ходатайство встрѣтило сильныхъ противниковъ среди высшаго духовенства. Была назначена особая комиссія, которая склонна была раздѣлить взгляды С. въ данномъ отношеніи, но представленные на Высочайшее воззрѣніе труды ее не получали дальнѣйшаго хода. Высочайшее повелѣніе въ утвердительномъ смыслѣ состоялось лишь 15 марта 1861 г., когда С. уже оставилъ постъ генераль-губернатора.

Болѣе успѣшны были ходатайства С. по вопросу о языке, на которомъ должно вестись дѣлопроизводство въ мѣстныхъ административныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Въ центральныхъ правительственныйхъ кругахъ существовало твердое намѣреніе во всемъ дѣлопроизводствѣ мѣстныхъ учрежденій, въ ихъ перепискѣ съ петербургскими и губернскими властами, даже въ ихъ перепискѣ между собою и въ собственныхъ дѣлахъ совершенно устранить языкъ нѣмецкій и замѣнить его русскимъ. Сторонникъ обратнаго взгляда, С. однако не надѣлся отстоять его пѣдикомъ и вошелъ на компромиссъ: онъ настаивалъ на временномъ сохраненіи *status quo*, а для будущаго времени—на введеніи этой мѣры не сразу, а постепенно, параллельно съ подготовкой соотвѣтственнаго кадра чиновниковъ, вполнѣ владѣющихъ русскимъ языкомъ. Его усиленія въ этомъ смыслѣ и рядъ всеподданнѣйшихъ обстоятельныхъ донесеній имѣли результатомъ отсрочку введенія предположенной мѣры до 1 января 1858 г. По восшествіи же на престолъ Императора Але-

ксандра II, когда въ правительственныхъ сферахъ тенденціи значительно измѣнились, С. уже безъ особаго труда добился и дальнѣйшей отсрочки.

Мѣропріятія С. какъ генераль-губернатора Прибалтійскаго края создали ему широкую популярность въ средѣ мѣстнаго нѣмецкаго населенія, тѣмъ болѣе, что «если ему не суждено было залечить раны, нанесенные краю за предшествующія 7 лѣтъ (при Головинѣ), то это было не отъ недостатка доброй воли съ его стороны»,—по выражению одной изъ мѣстныхъ нѣмецкихъ газетъ. Но эти же мѣропріятія создали ему въ рѣшительныхъ противниковъ, которые обвинили его въ покровительствѣ нѣмецкому элементу во вредъ русскому, въ пристрастіи къ лютеранству, въ индиферентизмѣ къ православію и пр., на что С. обычно отвѣчалъ, что единственной его цѣлью было устранить недоброжелательность нѣмцевъ къ Россіи,—что должно было явиться естественнымъ слѣдствіемъ исключительныхъ законовъ,—и не дать лишнихъ поводовъ «для бросанія пламенныхъ взоровъ на сосѣднюю державу». Слѣдуетъ отмѣтить еще вѣкотороя мѣропріятія С., казавшіяся исключительно Риги. Онъ много содѣствовалъ улучшенію порта, при немъ была построена дамба, получившая большое значеніе для гавани, наконецъ, по его распоряженію, были снесены ненужныя крѣпостныя стѣны, мѣшившія правильному развитію города.

Въ 1854 г. С. былъ назначенъ командующимъ войсками Рижской губерніи и въ слѣдующемъ году находился на Магнусольмской батареѣ, при устьѣ Даугавы, во время бомбардировкѣ ея англійскими судами, когда наши орудія по ихъ малокалиберности и недальности не могли даже отвѣтить непріятелю. 23 февраля 1855 г. онъ получилъ командование надъ Балтійскимъ корпусомъ и войсками еще Митавской губерніи. Въ этихъ званіяхъ онъ, оставаясь генераль-губернаторомъ края, долженъ быть въ то же время слѣдить за исправнымъ состояніемъ боевой готовности войскъ и отражать нападенія, предпринимаемыя непріятелемъ въ теченіе севастопольской войны на берега Балтійскаго моря. Кстати замѣтить, что вообще довольно равнодушное къ успѣхамъ русскаго оружія и таготѣвшее къ Германіи

прибалтийское дворянство и купечество— при С., съ возникновенiem войны 1854—1855 гг., сдѣлало значительный пожертвование на нужды русской армии и построило значительный обозъ; специально же Рига преподнесла въ даръ 12 канонерокъ, которая хотя и «двигались въ водѣ какъ черепахи», все же приняли бой съ английскими адмиральскими кораблемъ, нанесла даже ему подводные повреждения и принудили его удалиться. Въ январѣ 1859 г. С. получилъ Высочайшую благодарность за управление краемъ, былъ произведенъ въ генераль-отъ-инфантерии и назначенъ шефомъ Рижского пѣхотного полка.

Генераль-губернаторомъ Прибалтийского края С. состоялъ въ теченіе 14 лѣтъ, до 23 апрѣля 1861 г., когда былъ назначенъ членомъ Государственного Совѣта, а вслѣдъ затѣмъ, именно 18 октября 1861 г., с.-петербургскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ. Въ Высочайшемъ ре- скрипѣ, данномъ по этому поводу на имя С., о его предшествующей дѣятельности между прочимъ говорится: «Наше всегдашнее желаніе, чтобы правящіе и управляемые соединялись узами взаимной привязанности и взаимного довѣрія, вами вполнѣ было понято и исполнено». За ту же дѣятельность онъ былъ удостоенъ ордена св. Владимира 1-й степени.

Постъ генераль-губернатора въ Петербургѣ былъ мало опредѣлившимся по существу, включаять въ себѣ нѣкоторые политические элементы и приобрѣтать важность и значеніе всѣцѣю отъ личности того, кто его занималъ. С. явился на эту должность съ репутацией опытнаго администратора, мнѣнія о дѣятельности котораго расходились: одни видѣли въ немъ гуманнаго правителя, другие обвиняли его въ излишней снисходительности, даже по-пустительствѣ.

Начало 60-хъ годовъ, какъ всякая переходная эпоха, сопровождалось броженiemъ общественной мысли, характеризовалось повышенной чувствительностью общества къ устарѣвшимъ, но еще не отмѣненнымъ юридическимъ нормамъ. С. былъ несомнѣннымъ сторонникомъ новыхъ начинаний; облеченный чрезвычайными полномочіями, онъ всѣми силами стремилсѧ къ политикѣ примиренія; какъ администра-

торъ, стоя на почвѣ хотя бы отжившихъ, но все же еще не отмѣненныхъ законовъ, онъ не только не увеличивалъ ихъ строгости, но всячески старался умѣрить, ослабить ихъ практическое примѣненіе. Въ особенности старался онъ, поскольку это отъ него зависѣло, сгладить рѣзкіе приемы другихъ административныхъ властей; когда въ Петербургѣ въ 1861 г. произошли студенческія волненія, 500 человѣкъ было арестовано и 200 изъ нихъ предписано было въ теченіе 24 часовъ оставить столицу, С. своею властью фактически отмѣнилъ это постановленіе, взявъ 50 человѣкъ лично на-поруки и расписавъ остальныхъ съ тою же цѣлью на своихъ подчиненныхъ и знакомыхъ; когда же университетъ былъ закрытъ, онъ оказалъ значительное содѣйствіе открытію «вольнаго университета» и глубоко сожалѣлъ, что это учрежденіе, послѣ недолгаго существованія, было закрыто. Въ 1862 г. въ Петербургѣ начался рядъ грандиозныхъ пожаровъ; общество охватила паника; произведены были многочисленные аресты и обыски, въ особенности среди учащейся молодежи, которой почему-то приписывали вину въ поджогахъ. Въ это время С. представлялъ одно изъ немногихъ среди администраціи лицъ, всѣцѣю отвергавшихъ такое обвиненіе противъ молодежи. При этихъ условіяхъ ему пришлось потратить не мало труда, усилий и энергіи, чтобы сгладить суровую политику III отдѣленія. За все время своего генераль-губернаторства С. не подписалъ ни одной смертной казни. Онъ глубоко сожалѣлъ, когда во внутренней политикѣ сталъ замѣваться поворотъ назадъ. Слѣдуетъ отмѣтить еще, что онъ оказалъ значительное содѣйствіе постройкѣ на мѣсто сгорѣвшаго Апраксина Двора новаго зданія и много трудился по возвышенію Галерной гавани; въ первомъ однажды, а во второй одинъ кварталъ были названы его именемъ. Дѣятельность С. въ Петербургѣ создала ему значительную популярность среди населенія, въ особенности среди студенческой молодежи, но вмѣстѣ съ тѣмъ она приобрѣла ему видныхъ противниковъ въ средѣ высшей администраціи. Когда 4 апрѣля 1866 г. было совершено одно изъ ряда послѣдовавшихъ затѣмъ покушеній, это явилось лишь формальнымъ поводомъ для упрека С. въ нераспоряди-

тельности; постъ генераль-губернатора былъ упраздненъ, и С. получилъ новое назначение—генераль-инспекторомъ всей пѣхоты и въ этой должности пробылъ до самой смерти.

С. былъ кавалеромъ всѣхъ орденовъ русскихъ и очень многихъ иностраннѣыхъ, въ томъ числѣ въ 1863 г. былъ удостоенъ ордена Андрея Первозваннаго. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ своей дѣятельности онъ принималъ видное участіе въ комиссіи по пересмотру военно судебнаго устава, былъ президентомъ вольно-экономического общества, предсѣдателемъ попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія, почетнымъ членомъ Демидовскаго дома трудящихся, почетнымъ членомъ академіи наукъ, дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго человѣко-любиваго общества, предсѣдателемъ Россійскаго общества покровительства животныхъ и пр.; затѣмъ былъ избранъ почетнымъ гражданиномъ городовъ Рыбинска, Тихвина, Новой Ладоги, Боровичей и почетнымъ же мировымъ судьемъ Петергофскаго и Московскаго уѣздовъ; кромѣ того одно время состоялъ гласнымъ Петербургскаго губернскаго земскаго собранія. У него было богатѣшее собраніе книгъ, поступившее въ 1884 г. въ Императорскую Публичную библіотеку, и архивъ съ богатыми материалами для біографіи генералиссимуса Суворова, часть которыхъ онъ еще при своей жизни опубликовалъ въ «Русской Старинѣ» («А. В. Суворовъ, письма его къ роднымъ и къ знакомымъ, 1791—1792 гг.»—1872 г., т. VI, стр. 406—426).

«Русский Инвалидъ», 1876 г., № 1 и 1882 г., № 28.—Томашевскій, «О генераль-губернаторѣ Суворовѣ», «Голосъ», 1866 г., № 132.—«Юбилей кн. А. А. Суворова», тамъ же, 1875 г., № 360.—«Кн. А. А. Суворовъ», «Рижскій Вѣстникъ», 1876 г., № 2.—«Кн. А. А. Суворовъ», «Нива», 1876 г., № 6.—«Генер.-ад., кн. Италийскій, гр. А. А. Суворовъ», «Всемирная Иллюстрац.», 1876 г., № 366.—«Кн. А. А. Суворовъ», «Иллюстрір. Газета», 1871 г., № 34.—«50-лѣтній юбилей гр. А. А. Суворова», Спб., 1876 г.—А. Чумиковъ, «Генераль-губернаторство кн. А. А. Суворова въ Прибалтійскомъ краѣ,—1848—1861 гг.», «Русскій Архивъ», 1890 г., № 9; тамъ же «Дополненія» къ предыдущей статьѣ.—«Архивъ гр. А. А. Суворова-Рымникского; 1729—1800 гг.», «Русск. Старина», 1872 г., т. 6, № 10.—«Кн. А. А. Суворовъ и гр. Муравьевъ», тамъ же, 1898 г., ноябрь, стр. 293—295.—Князь А. А. Суворовъ, черты изъ его жизни», сообщилъ А. Н. Веригинъ и проф. И. Е. Андреевскій, тамъ же, 1882 г., мартъ, стр. 828—838; апрѣль, стр. 525—542.—«Русскій

календарь Суворина» за 1883 г., с. 279.—«Лейбъ-гвардія Конный полкъ 14 декабря 1825 г.», «Русск. Стар.», 1881 г., т. XXX, стр. 205—210.—«Черта къ характеристицѣ Императора Николая I изъ турецкой кампании 1828 г.», тамъ же, 1871 г., т. III, стр. 61—63.—Некрологи Суворова почти во всѣхъ газетахъ за 1882 г.: «Голосъ», № 30; «Новое Время», отъ 21 февраля; «Нива», № 5, «Рижскій Вѣстникъ», № 30 и др.—«Энциклопед. словарь» Брокгауза, полусл. 62, с. у.—«Большой энцикл. словарь», изд. т-ва «Просвѣщеніе», т. 18, стр. 97.—Записки кн. Н. С. Голицына», «Русск. Ст.», 1880 г., ноябрь, стр. 612.—Ю. Г. Богуславскій, «Замѣтки и разсказы», тамъ же, 1879 г., т. XXVI.—«Два врага. Отрывки изъ воспоминаній В. М. Сикевича», «Истор. Вѣстн.», 1882 г., т. X, стр. 422 и дал.—И. И. Орловъ, «Кн. А. А. Суворовъ и русское иностранные купечество въ Ригѣ», тамъ же, 1885 г., № 2, стр. 341 и дал.—В. В. Григорьевъ, «Императ. Спб. университетъ за первые 50 лѣтъ его существованія», Спб., 1870 г.—В. Д. Стасовичъ, «50-лѣтіе С.-Петербургскаго университета» (въ сборникѣ его «За много лѣтъ», Спб., 1872 г.).—С. В. Рождественскій, «Исторический обзоръ дѣятельности министерства народн. просвѣщенія», Спб., 1902 г., стр. 324, 474, 524.—«Rigascher Almanach für 1859», стр. 1—18 (ст. портр.).—Кн. П. Долгоруковъ, «Русская родословная книга», ч. 2, стр. 66.

Суворовъ, Александръ Васильевичъ, князь Италійскій, графъ Рымникскій, генералиссимус Россійскихъ войскъ, фельдмаршалъ австрійской арміи, великий маршалъ войскъ племонтскихъ, графъ Священной Римской имперіи, наследственный принцъ Сардинскаго королевскаго дома, грандъ короны и кузень короля Сардинскаго, кавалеръ всѣхъ русскихъ и иностраннѣыхъ орденовъ,—родился 13 ноября 1730 г. въ г. Москвѣ, въ приходѣ церкви св. Феодора Студита, у Никитскихъ воротъ.

Отецъ его, Василій Ивановичъ, бывшій въ то время въ чинѣ подпоручика,—безъ связей, безъ громкаго имени,—не разсчитывалъ на блестящее будущее ни для себя, ни для сына; всецѣло поглощенный службой и хозяйственными дѣлами, онъ не могъ удѣлять много времени сыну, тратиться же на учителей и воспитателей, по скучности своей, не хотѣлъ, хотя имѣть къ тому возможность по своимъ материальнымъ средствамъ (около 300 душъ крестьянъ). Мать С., Авдотья Федосѣева (урожденная Манукова) не имѣла, повидимому, никакого влиянія на его воспитаніе.

Первый, впечатлительный ребенокъ былъ такимъ образомъ въ значительной мѣрѣ предоставленъ самому себѣ. О систем-

матическихъ занятіяхъ при этихъ усло- віяхъ, конечно, не могло быть и рѣчи. Даже русскую грамоту С. усвоилъ лишь настолько, насколько это было необходимо для свободного чтенія, ставшаго съ самого ранняго возраста его любимымъ занятіемъ. Читалъ онъ жадно, безъ разбора, безъ си- стемы и руководства, все чаще удаляясь отъ сверстниковъ, предпочитая ихъ шум- нымъ играмъ—чтеніе, тѣсному мірку дѣт- ской дѣйствительности — широкій міръ грезъ, который открывали ему страницы его любимыхъ книгъ. Образы великихъ людей, ихъ бурная, полная величія и трудовъ жизнь, слава подвиговъ неотра- зимо дѣйствовали на богатое воображеніе мальчика. Рѣдкій человѣкъ въ раннемъ дѣтствѣ не мечталъ о славѣ; но у С., бла- годаря особенностямъ его щедро одарен- ной натуры и, прежде всего, уже сказыва-вшимся зачаткамъ несокрушимой впослѣд- ствіи силы воли, мечты эти пріобрѣтаютъ особо настойчивый характеръ. Врядъ ли представлялось С. яснымъ въ тѣ дни, какой путь поведеть его къ славѣ. Кромѣ анекдотическихъ разсказовъ, ничто не го- ворить намъ, что военное поприще уже тогда приковывало всѣ его мысли. Не го- ворять обѣ этомъ и годы его молодости.

Отчужденность мальчика бросалась въ гла-за: сверстники смеялись надъ нимъ, отецъ сердился на «странности», грозилъ, но кон-чилъ тѣмъ, что махнулъ на него рукой.

Василій Ивановичъ предназначалъ сына въ гражданскую службу, но на одиннадца- томъ году жизни мальчика измѣнилось рѣ- шеніе и записалъ его въ Семеновскій полкъ. Биновникомъ этой перемѣны принято счи- тать генерала Ганибала, знаменитаго «Арапа Петра Великаго», посѣтившаго въ этомъ году Суворова-отца и будто бы прови- дѣвшаго въ хиломъ и тщедушномъ на видъ мальчикѣ будущаго великаго полководца.

С. приходилось начинать службу въ усло- віяхъ неблагопріятныхъ. Отецъ его не воспользовался своевременно правомъ, пре- доставленнымъ дворянамъ записать сына сейчасъ же послѣ рожденія въ гвардей- скій полкъ солдатомъ, что давало возмож- ность къ юношескому возрасту уже «до- служиться» до офицера и въ этомъ званіи вступить на дѣйствительную службу. Позд- ная запись лишила С. этого преимуще- ства: ему предстояло добыть офицерской патентъ солдатской службой.

22 октября 1742 г. С., въ числѣ дру- гихъ недорослей изъ дворянъ, былъ «за- писанъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ въ солдаты сверхъ комплекта безъ жалова- нія» и по силѣ указа Анны Ioannovны отъ 16 декабря 1736 г. уволенъ къ отцу на два года для обученія «указными нау- камъ». По ходатайству отца срокъ этотъ былъ продленъ по 1 января 1747 г., а затѣмъ и до 1 января 1748 г. За это вре- мя (25 апреля 1747 г.) С. былъ произ- веденъ въ капраны, попрежнему сверхъ комплекта, безъ жалованья.

Программа «указныхъ наукъ» была до-вольно обширна: «арифметика, геометрія, тригонометрія, планы геометріи, форти- фикація, часть инженеріи и артиллеріи, изъ иностранныхъ языковъ, также военной экзерциціи и пр.». Но выполненія ея от-нюдь не требовалось: подготовка обычно ограничивалась приобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній по одному—двумъ указаннымъ въ программѣ предметамъ. С. имѣлъ воз-можность выдѣлиться изъ общаго прави-ла. Отецъ могъ дать ему нѣкоторыя по-знатія по артиллеріи, и особенно по форти-фикації, въ которой былъ свѣдущъ, дать кое-какое понятіе о математическихъ наукахъ и «экзерциціяхъ»... Съ иностранными языками С. ознакомился еще рань-ше. Въ общемъ же годы послѣ записи въ солдаты по характеру занятій и время-препровождѣнію молодого С. врядъ ли су-щественно отличались отъ предшествов-шихъ.

1 января 1748 г. С. прибыль въ полкъ и былъ прикомандированъ къ 3-й ротѣ.

Положеніе тогдашихъ гвардейцевъ-сол-датъ изъ дворянъ и въ полку, и въ об-ществѣ мало чѣмъ отличалось отъ офицер-скаго. «Солдатская лямка» оказалась для С. не тяжелой, тѣмъ болѣе, что въ годъ его поступленія въ полкъ Семеновцы бы-ли заняты обстраиваніемъ Семеновской слободы: учений было мало, а отъ работы С., какъ дворянинъ, былъ избавленъ.

Въ полку С. видимо былъ на хорошемъ счету: онъ довольно быстро обогналъ своихъ сверстниковъ по поступлению. 22 де-кабря 1749 г. онъ былъ произведенъ въ подпрапорщики, 8 июня 1751 г. въ сер-жанты. Вмѣстѣ съ тѣмъ ни одна коман-дировка, болѣе или менѣе почетная, не миновала его, вызывая частые переводы изъ одной роты въ другую. Такъ, 7 мая

1748 г. С. командированъ въ составъ сводной команды Преображенского и Семеновского полковъ въ Кронштадтъ для «провожанія» корабля «Захарій и Елизаветъ», состоявшагося въ Высочайшемъ присутствіи при весьма торжественной обстановкѣ; 16 февраля 1749 г. откомандированъ въ составъ «Московской команды» полка, отправленной въ первопрестольную по случаю «шествія» туда Императрицы Елизаветы; въ Петербургъ 9 апреля того же года онъ былъ назначенъ безсмѣннымъ ординарцемъ маіора и кавалера Никиты Федоровича Соковнина, одного изъ «господъ полковыхъ штаповъ», пользавшагося большимъ вліяніемъ въ полку; 5 марта 1752 г. былъ командированъ съ депешами въ Берлинъ и Вѣну, вернувшись, въ послѣднихъ числахъ октября, онъ отбылъ почти тотчасъ же съ 1-мъ баталіономъ въ Москву по случаю новаго «шествія» туда Императрицы и оставался тамъ до самаго производства въ офицеры.

Мало привлекательного могла представить С. служба этихъ лѣтъ, сводившаяся къ карауламъ и рѣдкимъ строевымъ учениямъ, лишеннымъ къ тому же всякаго боевого характера: «метанія ружьемъ», хитрыя построенія, перемоніальный маршъ. Не удивительно поэтому, что особаго рвения къ службѣ онъ не проявлялъ. Рѣзко выдѣляясь среди сотоварищѣй своимъ замкнутымъ, скромнымъ образомъ жизни, своими усидчивыми занятіями, онъ пользовался, однако, всѣми привилегіями солдата-дворянинѣ: жилъ не въ казармахъ, а на квартирѣ дяди, капитана Преображенского полка; имѣлъ при себѣ дворовыхъ; при передвиженіяхъ полка, какъ, напр., при командировкѣ въ Москву, совершалъ ихъ не съ полкомъ, походнымъ порядкомъ, а отдельно, на перекладныхъ. Въ Москвѣ, во время первой командировки, онъ устроился чуть не на постоянное дежурство въ «Генеральнай Сухопутной гофшпитали», не смѣяясь, вопреки правиламъ, по двѣ и больше недѣль, а въ послѣднее дежурство—даже 8 недѣль. Дежурства эти, при тяжелой караульной службѣ, которую несъ полкъ въ Москвѣ, являлись отдыhomъ. Во вторую же московскую командировку С. значится въ приказѣ по полку въ числѣ провинившихся: оказался больнымъ, чтобы избѣжать наряда. Характерно также, что С.

воспользовался своимъ правомъ (бакт-дво-рянинъ) обойти хозяйственныхъ должности балгена-армуса и фурьера; очевидно, въ С.-солдатѣ не было еще того стремленія къ близости къ солдату, проникновенію въ его бытъ, которымъ отмѣченъ С.-фельдмаршалъ, иначе онъ не отказался бы отъ должностей, дающихъ такую широкую возможность много видѣть, много узнать въ области солдатскаго обихода.

Производство въ офицеры было нѣсколько задержано общимъ застоемъ въ производствѣ: иные солдаты изъ дворянъ по 11 лѣтъ дожидались офицерскаго патента. С. былъ выпущенъ 25 апреля 1754 г.—въ полевые полки поручикомъ. 3 мая его производство отдано было въ приказѣ по московской командѣ, а 10 мая того же года опредѣленіемъ военной коллегіи С. былъ назначенъ въ Ингерманландскій пѣхотный полкъ.

Въ полку онъ пробылъ два года, но служилъ мало. Большую часть времени онъ проводилъ у отца, принимая живѣшее участіе въ его хозяйственныхъ дѣлахъ. По прежнему удѣляя много времени на чтеніе, С. не только внимательно слѣдилъ за литературой, но и самъ пытался писать. Въ собраніяхъ Общества Любителей Русской Словесности (при Шляхетномъ корпусѣ), которая онъ усердно посѣщалъ при своихъ наѣздахъ въ Петербургъ, онъ дважды выступалъ даже въ качествѣ чтеца своихъ произведеній, составленныхъ въ излюбленной въ то время формѣ—разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ. Диалоги эти: Кортеца съ Монтеумой и Александра съ Геростратомъ, были въ 1756 г. напечатаны въ журналѣ «Ежемѣсячныя Сочиненія», издававшемся академіей наукъ, подъ инициалами А. С., давшими поводъ впослѣдствіи приписывать ихъ Сумарокову; они крайне бѣдны мыслями, банальны и совершенно не литературны, что вполнѣ понятно, такъ какъ С. не только писалъ, но и говорилъ очень неправильно. Во второмъ изъ этихъ «разговоровъ» С. старается разъяснить различіе между стремленіемъ къ славѣ и жаждой извѣстности. Выборъ темы и трактовка ея представляютъ несомнѣнныи интересъ именно какъ попытка оформить, оправдать, придать высший смыслъ тому стремленію, которое чувствовалъ въ себѣ С. съ самыхъ юныхъ лѣтъ.

17 января 1756 г. С. былъ назначенъ на уважена, но С. оставленъ былъ въ оберъ-провіантмейстеромъ въ Новгородъ; действующей арміи на генеральской должности—«генерального и дивизионаго дежурнаго» при Ферморѣ.

С. былъ назначенъ на уважена, но С. оставленъ былъ въ оберъ-провіантмейстеромъ въ Новгородъ; действующей арміи на генеральской должности—«генерального и дивизионаго дежурнаго» при Ферморѣ.

28 октября того же года—генераль-аудиторъ-лейтенантомъ съ состояніемъ при военной коллегии; 4 декабря переименованъ въ премьеръ-майора. Переходъ со строевой службы на хозяйственную не-трудно объяснить влияниемъ отца, имѣвшаго къ тому же крупныя связи въ интендан-ствѣ, где и самъ онъ въ то время зани-малъ уже видный постъ.

Въ началѣ Семилѣтней войны, въ 1757 г. С. былъ командированъ въ распоряженіе маюра Гротенгейльма, завѣдывавшаго етап-нымъ пунктомъ Курляндіи (Либава), и вѣдалъ сплавомъ провіанта къ Мемелю, а по занятію Мемеля назначенъ туда оберъ-провіантмейстеромъ. При движениіи Фермора на соединеніе съ главной арміей, С. поручено было организовать доставку ему провіанта «сплавомъ», но, «по неспособности рѣки», наладить это дѣло не удалось. Въ 1758 г. С. былъ при формированиіи третьихъ баталіоновъ въ Лифляндіи и Курляндіи. Произведеній (въ маѣ то-го же года) въ подполковники, съ перево-домъ въ Казанскій пѣхотный полкъ, онъ привелъ въ Пруссію 17 вновь сфор-мированныхъ баталіоновъ и временно остался при арміи, безъ опредѣленаго назначенія. Въ корпусѣ князя М. Н. Вол-конского былъ при занятіи Кроссена въ Силезіи; въ августѣ 1759 г. былъ очевид-цемъ Куниердорфскаго боя. 31 декабря 1759 г. Высочайшимъ приказомъ, по пред-ставлению генерала кригсъ-комиссара кн. Шаховскаго, С. былъ назначенъ «къ пра-вленію оберъ-кригскомуиссарской долж-ности».

Но боевое призваніе С., которое не могла пробудить караульная служба въ столицахъ, парады и экзерціціи, сказа-лось сразу, когда онъ попалъ въ боевую обстановку. Обязанности интенданта уже не могли удовлетворить его. Уступая на-стойчивымъ просыбамъ сына, отецъ С. въ февралѣ 1760 г. подалъ членобитную въ Конференцію при Дворѣ Ея Величества о переводѣ сына въ полевыя войска, такъ какъ онъ «по молодымъ лѣтамъ желаніе и ревность имѣть еще далѣе въ воин-скихъ операціяхъ практиковаться». Ва-силий Ивановичъ былъ уже въ то время лицомъ виднымъ — главнымъ полевымъ интендантомъ: просыба его не только бы-

ла 1761 г., по просьбѣ генерала Бер-га, командаша легкаго кавалерійскаго кор-пуса, С. былъ назначенъ въ его отрядъ, для исполненія обязанностей начальника штаба, и, подъ личнымъ руководствомъ Берга, въ безпрестанныхъ налетахъ и стычкахъ, прошелъ первую свою боевую школу. Цѣлый рядъ дѣлъ отмѣченъ бли-жайшимъ участіемъ С., имя котораго вскорѣ стало извѣстно въ арміи какъ лихого партизана, «быстро при рекогно-сировкѣ, отважнаго въ бою, хладнокров-наго въ опасности» (отзывъ Берга). «Былъ подъ Бригомъ,—пишетъ С. въ своей авто-біографіи,—при сраженіи Бреславскомъ съ генераломъ Кноблохомъ, и разныхъ шармиделяхъ, на сраженіи близъ Стригау, при Гроссѣ и Клейнъ-Вандрисѣ, где пред-водилъ крыломъ, и двѣ тысячи россій-скаго войска четыре шлезвіговскихъ мили про-тивоборствовали арміи подъ королемъ Пруссікимъ цѣлый день, а къ ночи сбили ихъ форпосты и одержали мѣсто своими; на другой день сими войсками чинено было сильное нападеніе на лѣвое прусское крыло противъ монастыря Вальштать... Приближаясь къ Швейдницу и окопу та-мо Пруссіаго короля, атаковалъ въ де-ревнѣ N прусскую заставу съ малымъ числомъ казаковъ, и за нею на высотѣ сильный прусскій пикетъ, которымъ мѣ-стомъ, по троекратномъ нападеніи, овда-дѣлъ и держаль оное нѣсколько часовъ, доколѣ отъ генерала Берка прислано бы-ло два полка казачьихъ, которые стоя-щихъ близъ подошвы высоты прусскихъ два полка гусарскихъ, съ подкрѣпленіемъ, двухъ полковъ драгунскихъ, сбили съ мѣ-ста въ лагерь; отсюда весь прусской ла-геръ былъ вскрытъ, и тутъ утверждена легкаго корпуса главная квартира, соеди-неніемъ форпостовъ вправо къ россійской, вѣво къ австрійской арміямъ; происходи-ли потомъ здѣсь непрестанные шармиде-ли, и среди разныхъ примѣчательныхъ, единожды подъ королевскими шатрами разбиты были драгунскіе полки, при моемъ нахожденіи, Финкенштейновъ и Голштейнъ, гусарскіе Лосовъ и Малаховскій, съ вели-кими ихъ урономъ. Когда генераль Шла-тентъ пошелъ черезъ Шольшу къ Кольбер-

гу, легкій корпусъ вскорѣ послѣдовалъ за нимъ; достигши онъ, часто съ нимъ сражался съ фланковъ, и при Костанахъ напалъ на его лагерь съвозь лѣсъ, сзади, ночью, причинилъ знатный уронъ, принудилъ къ маршру и разбилъ бы корпусъ, если бъ конные регулярные полки въ свое время подоспѣли. Я былъ впереди при всемъ происшествіи... Слѣдя противъ Ландсберга, взялъ я съ собою слабый въ стѣ коняхъ Туровѣрова казачій полкъ, переплыли черезъ Неццу, и въ той же ночи шесть миль отъ Дрезена послѣди къ Ландсбергу противнымъ берегомъ Варты; немедля чрезъ ровъ вломились въ городовыя ворота, и передовыми казаками сурпризированы и пленены двѣ прусскія команды съ ихъ офицерами; потомъ, съ помощью обывателей, сожгены Ландсбергской большої мостъ; прибывшее противное войско (корпусъ Платена) на другомъ берегу остановилось, но за нескорымъ прибытіемъ нашего легкаго корпуса, переправилось потокъ на понтонахъ, держа свой путь къ Кольбергу. Отряженъ я былъ отъ генерала Берха съ казачими полками и нѣсколькими гусарскими для подкрѣпленія, встрѣтился съ противнымъ корпусомъ подъ Фридебергомъ: онъ, маршируя на высотахъ, отозвался противъ меня всею своею артиллерию, подъ кото-рою я разбилъ его фланковые эскадроны, и забрано было въ половъ отъ оныхъ знатное число. Остановляль я Платена въ маршѣ елико возможно, доколѣ пришелъ въ черту генерала князя В. М. Долгорукова, который потомъ прежде его прибылъ къ Кольбергу; нашъ легкій корпусъ остановился подъ Старгардтомъ. По нѣкоторомъ времени выступилъ онъ къ Регенвальду, въ которой сторонѣ было нападеніе на маюра подъ Чарли, где я предводильтъ часть легкихъ войскъ: взяты сей маюръ съ его дetaшементомъ въ половъ. Но какъ г. Курбъертъ съ сильнымъ войскомъ, при нашемъ обратномъ походѣ, сѣшиль ударить въ нашъ задъ, где я обрѣтался, принужденъ я былъ его передовые пять эскадроновъ съ пушками брускировать съ имѣющимися у меня въ виду меныше ста гусаръ и казаковъ, которыми дѣйствительно сіи эскадроны опровергены были и оставили намъ много пленныхъ; успѣхъ отъ того былъ, что Курбъертъ ретировался. Подъ Новгартеномъ

предводи одну колонну легкаго корпуса... съ Тверскимъ драгунскимъ полкомъ врубился въ пѣхоту и сбились драгунъ; уронъ прусской въ убитыхъ и пленныхъ былъ великъ; взята часть артиллеріи, подо мной разстрѣляна лошадь и другая ранена». При движениі «знатной части прусского войска отъ Кольберга къ Штетину... близъ Регенвальда въ бою съ прусскимъ авангардомъ съ четырьмя эскадронами конныхъ гренадеръ атаковалъ пѣхоту на папашахъ... весь сей сильный авангардъ... взять въ пленъ, и его артиллерию досталась въ наши руки. Въ послѣди я попалъ съ ближнимъ легкимъ отрядомъ въ разстояніи малой мили на прусскихъ фурражировъ, подъ самымъ ихъ корпусомъ, где также сверхъ убитыхъ много взято въ половъ». «Въ ночи прусской корпусъ сталь за Гольнау, оставя въ городѣ гарнизонъ; генералъ графъ И. И. Цанинъ прибылъ къ намъ съ нѣкоторой пѣхотой; я съ однимъ гренадерскимъ баталіономъ атаковалъ вороты, и, по сильномъ сопротивлениі, вломились мы въ калитку, гнали прусской отрядъ штыками черезъ весь городѣ, за противные вороты и мостъ, до ихъ лагеря, где побито и взято было много въ пленъ. Я поврежденъ былъ контузіей въ ногу и въ грудь картечами, одна лошадь ранена подо мной въ половъ». Въ августѣ 1761 г. С. былъ назначенъ временно командующимъ Тверскимъ драгунскимъ полкомъ: блестящая дѣятельность полка при преслѣдованіи Бергомъ принципа Виртембергскаго окончательно упрочила сложившееся у главнокомандующаго мнѣніе о С. какъ офицерѣ, «который хотя и числится на службѣ пѣхотной, но обладаетъ сѣдѣніями и способностями чисто кавалерийскими» (отзывъ Румянцева). Сдавъ въ ноябрѣ Тверской полкъ, С. принялъ опять-таки во временное командование Архангелогородскій драгунскій.

Въ началѣ 1762 г. С. былъ командированъ изъ арміи въ Петербургъ, где и оставался нѣкоторое время безъ опредѣленного назначенія. 26 августа того же года былъ произведенъ въ полковники и получилъ командование Астраханскимъ полкомъ, а затѣмъ—6 апрѣля 1763 г.—Сузdalскимъ пѣхотнымъ, смѣнившимъ Астраханцевъ на петербургской стоянкѣ. Въ Сузdalскомъ полку въ видѣ опыта вве-

дено было обученіе по новому, еще не утвержденному уставу; опытъ далъ прекрасные результаты, благодаря настойчивымъ трудамъ С., и уже осенью того же года на произведенномъ Императрицей смотрѣ полкъ представился блестаще.

Въ 1764 г. полкъ вернулся на свои квартиры, въ Новую Ладогу, и С. открылась возможность, не отрываясь постоянно караулами и нарядами, приступить къ систематической работе надъ боевой подготовкой полка.

Опытъ семилѣтней войны не могъ пройти безслѣдо для С. Онъ явился на театръ военныхъ дѣйствий хорошо подготовленнымъ теоретически. Въ штабѣ, при Ферморѣ, гдѣ на его глазахъ двигались главные рычаги механизма арміи, отъ наблюдательного и тонкаго ума его не могли ускользнуть отрицательныя стороны тогдашней военной системы и «кабинетной стратегіи»; безсильная попытка уловить въ схемы и диспозиціи все неуволимое богатство возможности и случайностей, вялость и мудрствованія, непростительная медлительность, губившая всякий успѣхъ въ зародышѣ—нашли у С. достойную опѣвку. Тѣмъ рѣзче былъ для него контрастъ перехода изъ штаба въ поле, отъ бумаги къ дѣлу, изъ главной квартиры—въ летучій отрядъ, гдѣ расчетъ тактики часто замѣнялся инстинктомъ охотника, логика—смѣлостью. Впечатлѣніе этого перехода было слишкомъ сильно и увлекло С. въ крайность, приведя къ полному почти отрицанію всякихъ «методизма» и переоцѣнкѣ значенія смѣлости—«натиска». Въ его глазахъ въ то время «натискъ» заслоняетъ «глазомъръ»: онъ не явился, какъ въ поздайшій системѣ С., элементомъ, подчиненнымъ глазомъру, но самодовѣрѣющимъ и при томъ главнымъ, первымъ, основнымъ. Это преобладаніе смѣлости надъ глазомъромъ служитъ характерной особенностью и ближайшаго периода боевой его дѣятельности въ Польшѣ.

Полагая основой успѣха смѣлость—смѣлость полководца, приводящую его къ принятию рѣшенія наиболѣе невозможнаго теоретически («теорія невозможнаго»), и смѣлость солдата, безъ колебаній и страха, выполняющаго это рѣшеніе,—С. долженъ быть, естественно, придавать рѣшающее значеніе нравственному элемен-

ту. Въ его системѣ подготовки войскъ работа надъ душой солдата становится на первое мѣсто. Но для успѣшности ея надо было знать эту солдатскую душу, надо было сродниться съ солдатской массой, понять ее и найти понятныя для нея слова. И С. за годы командования полкомъ дѣйствительно сумѣлъ сродниться со своими Сузdal'цами. Проводя все свое время среди нижнихъ чиновъ, будучи, по его собственнымъ словамъ, «маюромъ, адъютантомъ, до ефрейтора», С. вынесъ изъ опыта этихъ лѣтъ то глубокое знаніе солдата, его психологіи, въ которомъ вся тайна его удивительного, неотразимаго вліянія на солдатскую массу. Тотъ же боевой опытъ убѣдилъ С. въ полной непрігодности широкихъ эволюцій, сложныхъ уставныхъ построеній, красивыхъ на плацу, но не примѣнимыхъ въ полѣ. Безъ сомнѣнія, не сразу далась ему «трудная простота», тайна которой съ такой полнотой вскрыта имъ впослѣдствіи. Занятія не были еще приведены въ систему, не велись по строго опредѣленной программѣ. Въ «сузdal'скомъ учрежденіи», какъ называлъ С. свой методъ работы надъ полкомъ, не было и признака «устава»; уставъ оставался прежнімъ, но, пользуясь той свободой, которая въ екатерининское время была предоставлена полковымъ командирамъ, С. отбросилъ всѣ уставные «чудеса», сохранивъ только простѣйшіе и необходимѣйшіе приемы и построенія. Свои ученія, всегда короткія, онъ вынесъ въ поле, въ лѣсъ; переходя съ полкомъ рѣки, маневрируя по ночамъ, въ дождь и бурю, С. стремился показать своимъ людямъ войну до войны, развить въ нихъ способность находиться въ любой обстановкѣ.

Вообщѣ цѣллю воспитанія войскъ С.ставилъ—способность солдата къ подвигу, больше—жажду его. Дѣйствительныя къ тому средствомъ считалъ онъ—сознательное отношеніе солдатъ къ происходившимъ событиямъ: онъ всячески старался выяснить войскамъ значеніе борьбы, къ участію въ которой они привезены, сдѣлать имъ эту борьбу понятной и потому близкой. Чувствуя общность задачи, Суворовскія войска, отъ солдатъ до высшихъ командировъ, сплачивались въ одно несокрушимое цѣло: развивалась сплѣка, чувство взаимной выручки, создавалась сила

стремлениія, неимовѣрная стойкость, ярость штыковой атаки. На этой основе развивалось дальнѣйшее, прежде всего—умѣніе найтись въ любой обстановкѣ, рѣшить любую задачу, которая можетъ представиться солдату въ бою. Достигалось это обучениемъ въ боевой обстановкѣ наглядностью, доведенной до крайнихъ предѣловъ (сквозные атаки), отрицаніемъ всѣхъ «чудесъ» уставныхъ, въ бою не примѣнимыхъ, осмысленностью учений. «Каждый воинъ долженъ понимать свой маневръ». На войнѣ С. не признавалъ тайны. Солдаты всегда знали, что предстоитъ совершить и зачѣмъ. Суворовская простота изложениія боевыхъ требованій во многомъ способствовала легкости ихъ усвоенія.

Осмысленность учений создавала вмѣстѣ съ тѣмъ и интересъ къ дѣлу. «Солдатъ любить ученіе, лишь бы коротко да съ толкомъ». Съ другой стороны, для солдата, прошедшаго Суворовскую школу, случайностей въ бою почти не было, такъ какъ онъ «онъ еще въ мирное время испыталъ самая тяжелая изъ боевыхъ впечатлѣній» (Драгомировъ). Это создавало «на себя надежность — основаніе храбрости».

Объ охраненіи солдатской «на себя надежности» С. заботился всемѣрно. «Братцы, вы богатыры! Непріятель отъ васъ дрожитъ! Вы—руssкіе». Онъ умѣлъ придать такую искренность этимъ обращеніямъ, что они дѣйствовали на солдатъ неотразимо. Онъ тщательно устранилъ все, что могло бы дать войскамъ малѣйшій намекъ на возможность неудачи. Мѣры предосторожности тщательно скрывались. Приказы всегда были категоричны: «Взять штурмомъ Пражскій ретраншаментъ»... «Непріятельскую армию взять въ полонъ».

Прилагая всѣ усилия, чтобы по возможності развязать въ войскахъ работу ума и воли, С. долженъ былъ неизбѣжно ввести у себя дисциплину, по существу рѣзко отличную отъ господствовавшей въ то время «палочной» дисциплины, созданной «наемническими особенностями» тогдашнихъ западно-европейскихъ армій. Онъ основывалъ ее не на страхѣ, но на совѣсти. Онъ допускалъ возраженія низшаго высшімъ, единственнымъ условіемъ ставя, «чтобы оно дѣлалось пристойно, наедище, а не въ многолюдствѣ, иначе будетъ буйствомъ». Только за крупная дисциплинар-

ная провинности да за грабежи—онъ сохранилъ «палочки»; за «отлетъ», дезертирство, мародерство—гонялъ сквозь строй.

Путь къ сохраненію здоровья солдатъ С. видѣлъ въ мѣрахъ гигиеническихъ—чистотѣ, умѣренности. За помѣщеніемъ, одеждой, пищей С. устанавливались неослабный надзоръ. Госпиталей не терпѣлъ, видя въ нихъ—по тогдашнему состоянію ихъ—очаги заразы. «Бойся богадѣльни — (такъ называлъ онъ больницы). Въ ней первый день—мягкая постель; второй день—французская чохлебка, третій день—ея братецъ, домовище». Въ силу этого, многочисленными инструкціями стремясь обеспечить «здоровье здоровыхъ», больныхъ С. старался вылечить «полковыми средствами»,—въ полковыхъ лазаретахъ, только въ крайнихъ случаяхъ сдавая ихъ въ «богадѣльню». Смертность и болѣзnenность въ Суворовскихъ войскахъ были значительно ниже обычной для того времени. Наряду съ гигиеной надежнымъ средствомъ къ сохраненію здоровья С. считалъ постоянный трудъ. «Трудъ здоровъ покой», «солдату нужно достаточное, но не обильное отдохновеніе». Здоровая и доброкачественная пища—и въ мирное время и на походѣ—составляла предметъ всегдашихъ заботъ С., по мѣрѣ силъ боровшагося съ общирными злоупотребленіями интенданства. «Кого бы я на себя ни подвигъ,—говорилъ С.—мнѣ солдатъ дороже всего». Дабы обеспечить солдатамъ на походѣ своевременное снабженіе пищѣй и кровомъ—С. высыпалъ обычно артельные котлы съ продовольствіемъ и повозки съ палатками впередь—стъ кавалеріей, верстъ на 15, такъ что къ подходу войскъ на ночлегъ имъ готовъ былъ горячій обѣдъ, раскинуты были палатки. Часто, во время боя—онъ подтягивалъ къ полю сраженія артельные котлы, чтобы дать возможность солдатамъ подкрепиться тотчасъ послѣ побѣды.

Но въ этой заботливости о солдатѣ, при всей сердечности ея—не было и признака чувствительности. И когда представлялась необходимость—при крайне форсированномъ маршѣ или въ бою для «быстрооты» и «натиска»—С. не останавливался передъ огромностью жертвъ, передъ кровью. Онъ доказалъ это съ особой яркостью на Кинбурнской косѣ, при подходѣ къ Треббіи и на высотахъ Нови...

Уча «показомъ, а не разсказомъ», С. самъ являлся образцомъ для своихъ солдатъ. Его обычной одеждой была греко-дерская куртка грубаго сукна или бѣлый холщевой китель. Въ походѣ и бою фельдмаршалъ часто появлялся въ одной рубашкѣ и исподнихъ. Только въ торжественныхъ случаяхъ надѣвалъ онъ фельдмаршальскій мундиръ, усыпанный бриллиантами, покрытымъ орденами. Его высокіе до колѣнъ ботфорты были всегда «худолакированы, худо спиты». Головнымъ уборомъ служила небольшая каска. Въ швейцарскомъ походѣ ее замѣняла шляпа, взятая у какого-то капуцина. Ни шубъ, ни перчатокъ С. не носилъ; только въ послѣднемъ швейцарскомъ походѣ, когда уже оказывалась болѣзнь и С. часто чувствовалъ ознобъ, онъ завелъ себѣ широкій, поноженный уже плащъ, прозванный солдатами «родительскимъ».

Ни экипажа, ни своихъ лошадей С. на походѣ не имѣлъ, пользуясь казачьими лошадьми. Багажа съ собой не возилъ никакого. Даже тарелки, ножи и прочую несложную сервировку стола фельдмаршала его безсмѣнныи камердинеръ, Прохоръ Дубасовъ занималъ гдѣ придется. Обѣдъ, всегда простой, обычно бывалъ приготовленъ настолько невкусно, что приглашенные зачастую принуждали себя есть. Въ отношеніи ёды С. измѣнялъ, впрочемъ, предписаннымъ имъ правиламъ: ёдь неумѣренно много, особенно подъ конецъ жизни, что сказалось и на развитіи его болѣзни. Спаль С. на соломѣ, даже во время городскихъ стоянокъ. Вставалъ обычно въ 2 часа ночи. Ложился рано.

Всѣ невзгоды и лишенія С. переносили наряду съ солдатами, добровольно отказываясь отъ удобствъ. Когда въ Польшѣ—въ 1794 г. и Швейцаріи—въ 1799 г. войскамъ пришлось выступить въ холодное время года въ лѣтнемъ обмундированіи, С. дѣлалъ съ ними походъ въ лѣтнемъ кителѣ, и смѣнилъ его на свою суконную куртку только по полученіи въ войска зимнихъ мундировъ. При наводкѣ мостовъ, при постройкѣ батарей, онъ принималъ участіе въ работахъ наряду съ радовыми...

Возвращаясь къ дѣятельности С. какъ команда Сузdalльскаго полка, слѣдуетъ отмѣтить, что, усилено трудясь надъ боевой подготовкой солдатъ, онъ не мало заботъ

удѣлялъ и хозяйственной части. Имъ построена была церковь и зданіе школы, въ которой онъ самъ вѣль занятія; разбить садъ на занятомъ полкомъ участкѣ. Большая часть работъ этихъ выполнена была личными трудомъ вижнихъ чиновъ полка.

Изъ Ладоги С. отлучался рѣдко: въ мартѣ 1765 г. по дѣламъ пріѣжалъ въ Петербургъ, причемъ представлялся Насѣльнику; въ юнѣ того же года съ полкомъ принималъ участіе въ красносельскихъ маневрахъ; въ 1768 г. ему былъ данъ годовой отпускъ, но онъ повидимому не воспользовался имъ.

Приказъ о выступлениі Суздалльцевъ въ Смоленскъ въ ноябрѣ 1768 г. засталъ С. въ полку: произведенный 22 сентября 1768 г. въ бригадиры, онъ временно сохранилъ еще командование имъ. Сузdalльский полкъ былъ назначенъ въ составъ отряда генерала Нуммерса, служившаго резервомъ польско-литовскаго корпуса (генерала Веймарна), дѣйствовавшаго противъ польскихъ мятежниковъ.

Полкъ выступилъ изъ Ладоги въ Смоленскъ въ глухое осенне время, въ распутицу. С. въ полной мѣрѣ использовалъ этотъ походъ по трудно проходимой мѣстности, черезъ лѣса, болота и рѣки, чтобы пополнить подготовку людей, ознакомивъ ихъ со всѣми мелочами военно-походнаго движенія, чего онъ не могъ сдѣлать за время своей мирной стоянки въ Ладогѣ. Прошедшіе Суворовскую школу Суздалцы въ 30 дней легко сдѣлали свыше 850 в., безъ отсталыхъ и почти безъ больныхъ. Не даромъ говоривъ С.: «тяжело въ ученьи, легко въ походѣ». Въ Смоленскѣ С. принялъ бригаду, въ составъ которой входили и Суздалцы.

Зиму 1768—1769 г. простояли въ Смоленскѣ. С. усиленно работалъ надъ обучениемъ вѣрнѣнныхъ ему войскъ, особенное вниманіе удѣляя ночнымъ дѣйствіямъ, такъ какъ характеръ предстоявшей войны обѣщалъ широкое ихъ примѣненіе. 15 мая 1769 г., за отѣзломъ генерала Храповицкаго, С. вступилъ въ командованіе всей пѣхотой отряда Нуммерса (полки Сузdalльскій, Нижегородскій и Смоленскій). 26 мая отрядъ въ полной боевой готовности былъ передвинутъ къ польской границѣ, въ мѣстечко Ляды.

Въ первыхъ числахъ юля получено

было известіе о появленіи партии Пулавскаго у Несвижа. Опасаясь захвата Минска, Нуммерсъ спѣшно двинулъ къ нему С. съ Сузdalльскимъ полкомъ и 2 эскадронами. 29 іюня С. занялъ Минскъ, но, по новому приказу, уже на слѣдующій день выступилъ дальше. Кн. Волконскій, нашъ посолъ въ Польшѣ, требовалъ усиленія войскъ въ Варшавѣ, въ окрестностяхъ которой, по слухамъ, появились значительные отряды конфедератовъ. С. указано было идти прямѣйшимъ трактомъ черезъ Гродно съ крайней поспѣшностью; для ускоренія движенія пѣхота и половина драгунъ была посажена на подводы.

Выступивъ 30 іюля, С., черезъ Столбцы и Кареличъ, 3 августа подошелъ къ Новогрудку, гдѣ узналъ о сборѣ конфедератовъ подъ Пинскомъ. Немедленно, свернувъ съ указанного ему прямого пути, онъ раздѣлилъ въ Слонимъ свой отрядъ, часть направилъ на Брестъ-Литовскъ, а съ другой, оставивъ въ сутки около 100 верстъ, внезапно появился подъ Пинскомъ. Но конфедераты успѣли уйти отъ удара; разсѣявъ по пути нѣсколько небольшихъ бандъ, захвативъ нѣсколько цѣнныхъ, С. черезъ Холмскъ и Антополь 9 августа присоединился къ остальной части своего отряда. 12 августа онъ былъ въ Польскомъ Минскѣ. Здѣсь движеніе было пріостановлено, такъ какъ опасенія за Варшаву временно разсѣялись; но 17 августа, по новому приказу Веймарна, отрядъ двинулъ дальше, и 19-го четыре передовыхъ роты С. уже сѣнили караулы въ Прагѣ и Варшавѣ. 20 августа прибылъ съ остальными и самъ С.; въ ту же ночь онъ получилъ новое порученіе: собрать свѣдѣнія о маршалѣ Котлубовскомъ, послухамъ, съ 8-тысячнымъ отрядомъ стоявшемъ близъ Варшавы.

На слѣдующій же день, 21-го, С. выступилъ съ 3 ротами Сузdalльского полка, эскадрономъ драгунъ, 50 казаками и одинимъ орудіемъ, перешелъ въ бродъ Вислу и двинулъ вверхъ по рѣкѣ. Въ 7 верстахъ выше города онъ обнаружилъ банду Котлубовскаго, атаковалъ безъ малѣйшаго колебанія и разсѣялъ ее; она оказалась силой всего въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Опросъ плѣнныхъ выяснилъ численность и расположеніе ближайшихъ конфедератскихъ отрядовъ. 23 августа С. произвелъ съ отрядомъ изъ трехъ ротъ оружія новый, и на этотъ разъ дальний

поискъ—къ Закочичму, гдѣ снова разсѣялъ конфедератовъ.

Тревожные слухи объ успѣшной деятельности на Литвѣ молодыхъ Пулавскихъ, сыновей маршала Барской конфедерации, вызвали усиленіе бывшихъ на Литвѣ русскихъ войскъ. 25 августа С. приказано идти къ Бресту съ отрядомъ изъ 1 гренадерской, 2 мушкетерскихъ ротъ усиленного состава, егерской команды Сузdalльского полка, эскадрона Воронежскаго полка, 50 казаковъ, при 2 полковыхъ орудіяхъ (всего 723 чл.). Форсированными маршами, черезъ Сѣдлецъ и Мендзырижецъ, С. бросился къ Ломачамъ, гдѣ думалъ захватить конфедератовъ. Не найдя ихъ тамъ, обратился на Вишницу, «по слуху, что тамъ часть ихъ была». Слухъ оказался ложнымъ. С. свернулъ на Пышницу, и около 3-хъ часовъ пополудни 31 августа прибылъ въ Брестъ. Въ послѣдніе 35 часовъ пройдено было больше 75 верстъ. Въ Брестѣ удалось получить точныя свѣдѣнія о противнике: конфедераты отходили на Кобринъ передъ преображенными силами отрядовъ Древица и Ренна. Оставилъ часть своихъ силъ въ Брестѣ, С. съ ротой гренадеръ, егерями, 36 драгунами и обѣями пушками немедленно выступилъ по Кобринской дорогѣ. Шли цѣлую ночь. На разсвѣтѣ С. присоединилъ къ себѣ встрѣченный раззѣздъ гр. Кастелли въ 80 коней (изъ отряда Ренна) и около полудня нагналъ, близъ деревни Орѣхово, въ 70 верстахъ отъ Бреста, партию Пулавскихъ въ 2.000 коней, при 2 пушкахъ, подъ командою 7 маршалковъ. Поляки привали бой на тѣсной лѣсной полянѣ, стоя за болотомъ, черезъ которое вела гать съ 3 мостами.

Подойдя къ позиціи конфедератовъ, шедшіе въ авангардѣ гренадеры подъ командой поруч. Сахарова свернулись въ колонну и бросились на гать, подъ прикрытиемъ огня артиллеріи отряда. Поляки отвѣчали, сильно обстрѣливая гать и русскія пушки. Несятъ огонь, рота гренадеръ быстро перебралась черезъ гать и выстроилась тыломъ къ вепроходному для кавалеріи болоту. Перешедшіе слѣдомъ егеря разсыпались на флангахъ гренадеръ и открыли огонь. За пѣхотой перешли карабинеры и драгуны. Казаки остались за болотомъ, для охраны тыла и наблюденія за выходами изъ лѣса.

С. во главѣ кавалеріи атаковалъ непріятельскую батарею, но поляки успѣли прикрыть ее своими эскадронами. Кавалерійскія силы были слишкомъ неравны, — С. пришлось предоставить атаку конфедератамъ. Четыре раза, смѣяная эскадроны, бросались они на пѣхоту, стойко встрѣчавшую ихъ бѣшеные налеты залпами и картечью. Разстроенные ряды отбитыхъ и отходившихъ поляковъ преслѣдовали съ карабинерами Кастелли, въ одной изъ такихъ схватокъ свалившій Франца Пулавскаго, одного изъ лучшихъ вождей конфедерациі. Приближалась ночь; чувствовалось утомленіе — и въ польскихъ и въ русскихъ рядахъ. С. торопился кончить дѣло. По его приказанію, гранатами заражена была деревня въ тылу польской позиціи. Пожаръ на пути отступленія долженъ былъ неминуемо оказать сильное моральное воздействиѣ на уже поколебленные эскадроны: они смѣшились. Этимъ моментомъ воспользовался С. и бросилъ свою пѣхоту въ штыки. Безпримѣрная въ хѣтописяхъ исторія атака — кавалеріи пѣхотой — увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Не принявъ удара, поляки дали тыль и въ безпорядкѣ помчались назадъ, черезъ горящую деревню. Русская кавалерія преслѣдовала ихъ на разстояніи 3 верстъ. Развить преслѣдованіе С. не могъ за недостаткомъ кавалеріи: высланный Ренномъ эскадронъ Воронежскаго полка присоединился къ отряду только на слѣдующій день. Поляки успѣли отойти къ Кельму, затѣмъ къ Владавѣ, но здѣсь подвернулись подъ ударъ Ренна и были окончательно разсѣяны. 3 сентября прибылъ въ Владаву шедшій по слѣдамъ разбитаго непріятеля С. Убѣдясь, что пораженіе Пулавскихъ завершено, онъ далъ войскамъ двухдневный отдыхъ, перешелъ Бугъ и 6 сентября снова былъ уже въ Брестѣ.

Веймарнъ остался крайне доволенъ Орѣховскимъ дѣломъ и свое довѣріе къ С. выразилъ въ назначеніи его 9 сентября начальникомъ Люблинскаго участка, на посты самостоятельный и весьма ответственный, въ виду особой важности даннаго района, расположенного въ центрѣ между собственно-Польшей, партизанами Литвы и бандами, формировавшимися въ австрійскихъ предѣлахъ. Такое положеніе открывало возможность дѣйствовать въ любомъ мѣстѣ, куда бы ни направился ударъ кон-

федератовъ. Въ частности, задачей С. было охраненіе восточныхъ воеводствъ и поддержка связи: 1) съ Нуммерсомъ на Бялу, Брестъ и Волковискій повять, 2) съ I арміей (дѣйствовавшей противъ турокъ) на Красноставъ—Сокаль, 3) съ Krakовскимъ воеводствомъ.

Борьба съ конфедератами представляла въ Люблинскомъ районѣ особую трудность: горы и холмы, масса ручьевъ, рѣчекъ, болотъ и лѣсовъ, небольшія селенія и города, похожіе на деревни, замки и монастыри,годные къ оборонѣ, — все это создавало исключительно благопріятную обстановку для партизанскихъ дѣйствій поляковъ. Но и С., пройдя превосходную партизанскую школу въ отрядѣ Берга, чувствовалъ себя здѣсь въ своей сфере, гдѣ болѣе, что задача его въ значительной мѣрѣ была облегчена образцовыми расположenіями Веймарна, снабдившаго его обстоятельной инструкціей, основная идея которой сводилась къ слѣдующему: часть войска занимаетъ важнѣйшіе пункты на участкѣ слабыми гарнизонами; остальная же часть составляетъ подвижной участковый резервъ, назначаемый для активныхъ дѣйствій, главнымъ образомъ въ своемъ участкѣ: только при очевидной безопасности въ своемъ участкѣ разрѣшается содѣйствовать войскамъ сосѣдняго. Эти общія положенія были образцово развиты и осуществлены С. Выбравъ Люблинъ базой — «капиталю», онъ раскинулъ по участку сѣть охранительныхъ постовъ, искусно воспользовавшись естественными преградами своего района и обеспечивъ этими же постами переправы для будущихъ своихъ набѣговъ. Съ замѣчательной правильностью произведена имъ оцѣнка значенія каждого пункта: сообразно съ этимъ, строго правильно распределены по участку силы, отъ прочно занятаго Сандомира, важнѣшаго пункта для дѣйствій на обоихъ берегахъ Вислы и Сана, до наименѣе значительныхъ южныхъ укрѣпленій Ямполи и Красника. Далеко впередъ за линію охранительныхъ шуктовъ выдвинулись наблюдательные посты. Большое вниманіе обращено на рекогносцировки; С. рекомендовалъ обходиться безъ шпionовъ, на свѣдѣнія которыхъ полагаться было трудно, а самимъ командирамъ посты «больше видѣть въ даль безъ зрителной трубки».

Путь къ замиренію возставшаго края С.

видѣль въ мягкомъ и заботливомъ отношеніи къ «мирнымъ» обывателямъ и въ энергичныхъ наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ непокорныхъ бандъ. Сообразно съ этимъ онъ приводилъ всѣ мѣры, чтобы поддержать добрыя отношенія съ местнымъ населеніемъ и не допускать войска до грабежей, бывшихъ въ то время явленіемъ обычнымъ. Не меньшую мягкость проявлялъ онъ и къ положившимъ оружіе конфедератамъ, такъ какъ «благопріятіе раскавшихся возмутителей пользуетъ болѣе нашимъ интересамъ, нежели разлитіе ихъ крови». Съ другой стороны, онъ развилъ весьма энергичную дѣятельность подвижного резерва, составъ котораго, за выдѣленіемъ гарнизоновъ, опредѣлился въ 5 ротъ, 3 эскадрона, сводную сотню, 6 орудій. Но дѣятельность эта давала все же крайне скучные результаты. Недостатокъ кавалеріи, явное сочувствіе жителей конфедератамъ, трудность своевременного обнаружения царій и, главное, полная инертность остальныхъ отрядныхъ начальниковъ, на сестднихъ участкахъ, давали возможность конфедератамъ безнаказанно ускользать отъ С.: за весь 1770 годъ ему только дважды—подъ Опатовыми и Наводницею— удалось захватить и разбить жестокопольскія банды. С. пытался воздѣйствовать на Веймарна, обеспечить себѣ поддержку, безъ которой сводилась на-нѣтъ вся его самоотверженная и неутомимая дѣятельность. Въ своихъ письмахъ, съ непріятной, но характерной для С. беззастѣничностью, онъ выдвигаетъ свои заслуги, самыми мрачными красками описывая образъ дѣйствій остальныхъ отрядныхъ начальниковъ. «Ставлю въ образецъ мое усердіе и службу; я... не такъ, какъ другіе начальники, которые, разѣзжая въ каретѣ изъ замка въ замокъ... только и дѣлаютъ, что, идучи съ отрядами, заходя въ помѣщицкіи усадьбы, пьютъ тамъ кофе и играютъ въ таблеи... Древицъ нерадиво, роскошно и великолѣпно въ Краковѣ отправляютъ празднества, когда я съ горстью людей дерусь по лѣсамъ по-гайдамацкому съ какими-то разбойниками и рождаю для Варшавы площадные прибаски». Веймарнъ, педантичный и до мелочности самолюбивый, принималъ далеко неблагосклонно жалобы, совѣты и указанія, которыми переполнены были рапорты С. Отношенія понемногу обострялись. Веймарнъ изыскивалъ пред-

логи для выговоровъ; С. горячностью и несдержанностью отвѣтовъ на запросы начальства еще болѣе осложнялъ положеніе. Онъ не останавливается даже передъ прямымъ выговоромъ Веймарну за неподходящій тонъ его ордеровъ: «Осмысливаясь просить, дабы меня по вѣкоторымъ ордерамъ вашимъ частыхъ суровыхъ выражений избавить приказатъ изволили». Одновременно съ этимъ, С. начинаетъ усиленно хлопотать о переводѣ въ армію противъ турокъ. Первоначально хлопоты эти имѣли успѣхъ: въ сентябрѣ С. благодаритъ Веймарна за ходатайство, въ октябрѣ собирается уже выѣзжать. Но переводѣ въ концѣ концовъ не состоялся, и С., вмѣсто боевыхъ подвиговъ, пришлось заняться устройствомъ карантиновъ, перекапываніемъ дорогъ на свое участокъ и т. п., въ виду появленія въ тылу главной арміи заразительной болѣзни, въ родѣ чумы.

Съ наступленіемъ 1771 года дѣла на Польскомъ театрѣ приняли угрожающій оборотъ. Во главѣ конфедератовъ стала командированій французскимъ правительствомъ энергичный и талантливый полковникъ Дюмурье. Разрозненные, беспорядочные дѣйствія польскихъ партизанъ принали подъ его руководствомъ планмѣрный характеръ. За Карпатами спѣшило формироваться кадры будущей милиционной арміи. Дюмурье разсчитывалъ, доведя армію эту до 60 тысячъ, сосредоточить ее въ укрѣпленномъ лагерѣ у Ланцкорны, захватить Краковъ, Ченстоховъ, Сандомиръ и Замостье и, опираясь на нихъ, развить рѣшительное наступленіе по обоимъ берегамъ Вислы. Партизанамъ указывалась особая самостоятельная задача: часть ихъ должна была броситься на сообщенія I арміи, часть—отвлечь вниманіе русскихъ къ Варшавѣ. Въ зависимости отъ того, что предпримутъ на это русские, Дюмурье готовилъ ударъ главными силами, своей милиционной арміей: на сообщенія — если партизаны оттянутъ русскихъ къ Варшавѣ, на Варшаву — если главные силы Веймарна отойдутъ на прикрытие сообщеній. При такомъ планѣ, значеніе Люблинскаго района С. становилось рѣшающимъ. Успѣхъ всего предприятия Дюмурье зависѣлъ отъ дѣйствій С.

Не зная ничего о замыслахъ противника, С. 3 февраля 1771 г. съ легкимъ деташментомъ, сформированнымъ въ концѣ ян-

варя, выступилъ изъ Красника къ Сандомиру, въ окрестностяхъ которого появилась партия Мюнчинского. Не заставь конфедератовъ, онъ быстро перешелъ къ Тарнову и Величкѣ, разбивъ захваченную тамъ банды и по слѣдамъ бѣглецовъ двинулся въ горы, къ Ланцкронѣ. Усиливъ по дорогѣ свой отрядъ ротой Казанцевъ и 50 казаками изъ Краковскаго гарнизона, С. 1 февраля безъ боя занялъ мѣстечко Ланцкорну и въ часъ дня стремительно атаковалъ замокъ. Но «возмутительское въ горахъ гнѣздо», въ виду той роли, которая отведена была ему въ планѣ Дюмулье, было къ этому времени уже подготовлено къ оборонѣ и занято 300 человѣкъ, подъ командой французскихъ офицеровъ. С. встрѣтилъ жестокій отпоръ. Овладѣвшая уже наружными укрѣпленіями и выбившая ворота замка русская пѣхота подъ градомъ картечи вынуждена была отступить. С. двинулъ вторую колонну, ввелъ въ дѣло часть резерва, но и ихъ атаки были отбиты. Потери доходили до 250 чел., подъ С. ранена лошадь, самъ онъ получилъ параличу. Съ русской стороны выпущено было до 60 пушечныхъ, до 3 $\frac{1}{2}$ тысячъ ружейныхъ зарядовъ. Тѣмъ временемъ въ тылу С. появилась подоспѣвшая банда Мюнчинского. С. прекратилъ атаки и отступилъ, преслѣдуемый Мюнчинскимъ. Повторить попытку овладѣть Ланцкорной С. не удалось: польские партизаны приступили къ выполнению плана Дюмулье: на сообщеніяхъ С. появились Заремба, Пулавскій и Савва, вынудивъ его «спѣшино обратиться къ сторонѣ Сандомирской, для закрытія Люблина». Отбиваясь отъ насѣдавшихъ партій Мюнчинского и Шица, С. вышелъ на равнину, къ Величкѣ, откуда 12 февраля вызванъ былъ къ Кракову извѣстіемъ о приближеніи соединенныхъ отрядовъ Пулавскаго и Саввы. Но вскорѣ выяснилось, что оба конфедерата, соединившись дѣйствительно подъ Опатовыми, вместо Кракова потянулись къ Рахову, видимо намѣреваясь атаковать Красникъ, а затѣмъ Люблинъ. Оставивъ въ Краковѣ раневыхъ и больныхъ, С. двинулъ свой легкій дѣтachmentъ въ погоню форсированными маршами и въ ночь съ 17 на 18 февраля захватилъ врасплохъ въ Раховѣ партію Саввы, послѣ короткаго уличного боя разбивъ ее и взялъ весь обозъ и до 100 пѣщинахъ. Изъ Рахова,

посадивъ для скорости Суздальцевъ на конь, С. поспѣшилъ къ Краснику, гдѣ въ это время отбивалъ атаки Пулавскаго капитана Шанкратьевъ «съ сотней людей и своей храбростью». Къ 9 часамъ утра 18-го С. былъ у Красника, но поляковъ уже не засталъ: послѣ 9-часового штурма они отошли еще до подхода выручки. С. не преслѣдовалъ: обозъ и пѣщинае сильно обременяли отрядъ. «Было уже не до атаки,—пишетъ С.—а только бы пѣщинае съ рукъ сжитъ». Онъ отвелъ ихъ въ Люблинъ.

Воспользовавшись отвлечениемъ С. отъ Кракова, Дюмулье перевелъ формированвшееся въ Венгрии отряды черезъ границу и съ одного удара очистилъ отъ русскихъ правый берегъ верхней Вислы. 18 апрѣля онъ захватилъ Краковъ и ближайшія окрестности; немедленно приступлено къ устройству намѣченныхъ опорныхъ пунктовъ: усилены укрѣпленія Ланцкорны, укрѣпленъ Освѣціемъ, Кременецкая гора въ Краковѣ, занятъ монастырь Тынецъ, Вадовицъ и Бобровъ; укрѣплены и заняты Пулавскими копи у Божніи и Велички. Опѣнивъ опасность, Веймарнъ двинулъ къ Кракову С., подчинивъ ему спѣшившій туда же отрядъ Древица. Выступивъ изъ Люблина съ 3 ротами, егерской командой, 30 казаками и 5 орудіями, С. 4 мая у Вржавы переправился на паромахъ въ Галицію и, слѣдя берегомъ Вислы, чрезъ Диковъ и Барановъ 5 мая прибылъ въ Мѣлецъ. Здѣсь къ нему присоединились отряды Лемана, Морскаго и Шепелева, доведя силы его до 1.270 человѣкъ. 7 мая, перейдя въ бродъ Вислу, С. чрезъ Домбровъ вышелъ къ Дунайцу, форсировалъ переправу, оборошившуюся Лясоцкимъ, маршаломъ Циркскимъ, съ 500 чел., и, выславъ въ погоню за отходившими конфедератами секундъ-маюра Рыльева съ 2 эскадронами карабинеръ и казаковъ,—сталъ на ночлегъ близъ д. Бискуницы. На слѣдующій день онъ былъ въ Божніи. Отсюда выступилъ въ полночь, перешелъ въ бродъ р. Рабу и, выбивъ по дорогѣ изъ деревень Станюшки и Брезово польскую партію въ 300 коней, послѣ 15-часового марша вступилъ въ Краковъ.

Дюмулье былъ захваченъ врасплохъ неожиданнымъ появлениемъ сильного русскаго отряда. Его силамъ, разбросаннымъ по окрестнымъ деревнямъ, грозилъ полный

разгромъ; сосредоточить ихъ до удара С. не представлялось возможнымъ. Выручилъ конфедератъ Валевскій, партія которого была одной изъ лучшихъ по дисциплинѣ и организованности. Онъ принялъ С. на себя и прекраснымъ маневромъ оттянулъ его на монастырь Тынецъ.

Тынецъ былъ крѣпокъ. Прикрытый съ одной стороны Вислой, онъ былъ окруженнъ съ трехъ остальныхъ—стѣною и рвомъ. Съ запада и съ юга къ нему прилегали болота съ гатами, обстрѣливаемыми съ редутовъ. На горѣ, къ востоку отъ монастыря, отдѣленный отъ него кладбищемъ, стоялъ редутъ съ палисадомъ изъ колючаго терновника, за тройнымъ рядомъ волчьихъ ямъ.

Подойдя къ монастырю, С. развернулъ свой отрядъ къ югу отъ него, тыломъ къ д. Тынецъ, въ одну линію, прикрывая казаками флангъ, и на разсвѣтѣ двинулъся на штурмъ. Послѣ горячаго боя восточный редутъ, дважды переходившій изъ рукъ въ руки, остался за русскими; занято было кладбище, и С. приступилъ уже къ артиллерійской подготовкѣ штурма самаго монастыря, когда со стороны Ланцкороны показалось «нѣсколько великихъ кучъ возмутительской конницы»: Валевскій сдѣлалъ свое дѣло,—Дюмурье успѣлъ сосредоточить свои разбросанные отряды.

Подъ угрозой атаки въ тылъ С. пришлось очистить редутъ, немедленно вновь занятый поляками, и подъ огнемъ съ высоты двинуться противъ новаго противника. Но тогъ быстро перешелъ въ отступление, заманивъ С. отъ Тынца, на штурмъ котораго легло до 200 русскихъ, къ Ланцкоронѣ, где на сильной позиціи его ждалъ Дюмурье со всѣми наличными силами (до 3.500 чel.).

Поляки стояли на гребнѣ высоты, скаты которыхъ поросли густымъ кустарникомъ. Лѣвый флангъ позиціи упирался въ Ланцкорону, замокъ которой, командовавшій надъ городомъ, занять было 600 чel. при 30 орудіяхъ. Центръ и правый флангъ, совершенна недоступныій по крутизѣ скаловъ, прикрывались двумя рощами, занятymi 200 егерей при 2 орудіяхъ.

С. подошелъ къ Ланцкоронѣ 10 мая, имѣя въ строю до 3.500 человѣкъ. Бой завязался на лѣвомъ русскомъ флангѣ, гдѣ польская конница—до 1.000 человѣкъ, была атакована эскадронами Петербургскаго

полка. Въ то же время, собравъ на правомъ флангѣ всѣхъ казаковъ отряда, С. двинулъ ихъ въ атаку на центръ непріятельской позиціи; за ними пошелъ Древицъ съ карабинерами; за карабинерами пѣхота. Не зная казаковъ и не зная своихъ польскихъ войскъ, ихъ впечатлительности, склонности къ паникѣ, на которой строилъ С. расчетъ своего рискованного удара, Дюмурье не придалъ значенія появлению нѣсколькихъ сотенъ въ разсыпанномъ строю: егерямъ было приказано пропустить на высоты «шедшихъ на вѣрную гибель» казаковъ, артиллерія замка—не стрѣлять, пока они не достигнутъ гребня. Но казаки, безпрепятственно подававшись на высоты, мгновенно свернулись въ лаву и съ гикомъ ударили въ пики. Неожиданная атака вызвала панику въ польскихъ рядахъ: войска Сапѣги и Оржевскаго смыкались и безъ выстрѣла дали тыль. Пытавшійся остановить бѣглецовъ Сапѣга былъ убитъ своими же солдатами. Дюмурье тщетно пытался возстановить бой—паника просла; двинутые въ контратаку гусары Шица повернули коней до удара. Между тѣмъ подошла русская пѣхота, выбившая изъ рощъ французскихъ егерей. Послѣдняя отчаянная атака Міончинскаго разбилась о ея штыки: самъ онъ былъ раненъ и взятъ въ пленъ. Всѣ бросились вразсыпаную... Только Дюмурье съ французскимъ эскадрономъ и люди Валевскаго отошли на Сушу въ полномъ порядке.

Ланцкоронское дѣло продолжалось всего полчаса. Потери конфедератовъ доходили до 500 чelов. Преслѣдованіе велось не особенно энергично, тѣмъ болѣе, что производить его приходилось подъ огнемъ заговорившей, наконецъ, артиллеріи замка: побѣдители начинали нести потери, которыхъ почти не было при самой атакѣ вслѣдствіе ея быстроты и неожиданности.

Пораженіе подъ Ланцкороной заставило Дюмурье отказаться отъ мысли осуществить свой столь искусно задуманный планъ, тѣмъ болѣе, что отношенія поляковъ къ нему, и до того непріязненные, послѣ неудачи 10 мая стали явно враждебными. Онъ вернулся во Францію. Дѣйствія конфедератовъ приняли прежній характеръ—непланомѣрной партизанской борьбы.

Значеніе этой побѣды было опѣнено

Императрицей: С. пожалованъ за Ланц-крону орденъ св. Георгія 3-го класса.

С. тотчас послѣ побѣды вернулся въ Мысленице, откуда 13 мая перешелъ въ Величку. Здѣсь получено имъ донесеніе, что партія Пулавскаго, Карчевскаго, Радзиминскаго и Славушевскаго, соединившись, идутъ на Литву. Форсированными маршами С. бросился за ними въ погоню и подъ Мѣлецомъ настигъ и разсѣялъ отрядъ въ 150—200 коней, принятый имъ за арьергадъ Пулавскаго. Но уже 17 мая, на дальнѣйшемъ маршѣ въ Маѣданѣ, выяснилось, что Пулавскій увернулся и два дня тому назадъ ушелъ за Вислоку между Дембцией и Пильзной. Твердо рѣшивъ покончить съ Пулавскимъ, С. на слѣдующій день возобновилъ погоню за Развадовъ-Яновъ, гдѣ удалось установить, что конфедераты подъ Замостемъ. Выступивъ въ ту же ночь, С. къ утру былъ уже подъ крѣпостью, которой дѣйствительно попытался съ налета овладѣть Пулавскій: но и на этотъ разъ польскому партизану удалось во-время стойти, къ Старому Замостью, разобравъ за собой мости на болотѣ и тѣмъ остановивъ преслѣдованіе. С. успѣлъ захватить въ форштатѣ только партію Карчевскаго, которая и была имъ уничтожена. Въ Замостѣ С. пришлось дать краткій раздыхъ до крайности утомленнымъ войскамъ. Въ ночь на 28-е онъ двинулся дальше, по слѣду Пулавскаго—на Бѣлгород, въ 25 мая дошелъ до Колбушева. Но слѣдъ оказался ложнымъ: его проѣлады-вала специальнѣ отряженная для этого партіи; самъ же Пулавскій съ главными силами, потерявъ надежду прорваться на Литву, обошелъ въ то время фланговымъ движениемъ С. и, выйдя на прежнюю дорогу, черезъ Дунаецъ вернулся къ Ланц-кронѣ. С. не отрицалъ, что Пулавскій обманулъ его: онъ очень хвалилъ его искусство и даже послалъ ему на память небольшую фарфоровую табакерку.

Упустивъ Пулавскаго, С. занялъ выжидательное положеніе, перейдя въ Мѣлецъ, на поздорогѣ отъ Кракова къ Люблину. Наступило временное затишье. С. воспользовался имъ для отправки многочисленныхъ пленныхъ изъ Кракова въ Россию, лично проводивъ съ отрядомъ транспортъ до Чхова. Въ первыхъ числахъ июля вѣстъ о движеніи Шида къ За-

мостью заставила С. форсированными маршами, очень тяжелыми, въ виду трудности дорогъ, послѣдить къ Люблину, куда онъ прибылъ въ 11 ч. ночи 7-го, сдѣлавъ въ 6 сутокъ 280 верстъ. Но опасность уже миновала: Шидъ былъ разбитъ еще до переправы черезъ Сань.

Разгромъ Дюмурье, неудачи Пулавскаго, безсиліе партизановъ передъ стальной сѣтью охранительныхъ постовъ Люблинскаго района, сковывавшей ихъ дѣятельность, быстро вели къ концу безнадежно уже проигранное дѣло конфедераций. Единственной надеждой ея была теперь Огинскій, великий гетманъ Литовскій. Въ его рукахъ была послѣдняя нетронутая сила—литовское коронное войско и его собственные полки, собранные имъ у Тедеханъ. Нерѣшительный, колеблющийся, онъ до сихъ поръ оставался только сочувствующимъ зрителемъ борьбы съ русскими. Его выступленіе, при той популярности, которой пользовался онъ въ странѣ, должно было создать новый подъемъ, призвать новыхъ бойцовъ въ порѣдѣвшіе ряды конфедератовъ.

Надежды конфедератовъ были известны русскому правительству. Сальдернъ, смѣнившій Волконскаго на посту русскаго посланника въ Варшавѣ, рѣшилъ не затягивать долѣе неизбѣжной развязки и потребовалъ отъ Огинскаго категорическаго отвѣта: противъ кого готовить овѣ войска. Запросъ Сальдерна положилъ предѣль колебаніемъ гетмана: онъ отвѣтилъ подписаніемъ въ Шинскѣ акта о присоединеніи къ конфедерациѣ и внезапнымъ нападеніемъ на отрядъ въ 500 чел. полковника Албичева у Бездеша.

С. еще 23 іюля былъ предписанъ Веймарномъ рядъ мѣръ по наблюденію за Огинскимъ; въ случаѣ перехода гетмана къ конфедератамъ, ему приказано было оставаться у Люблина и ждать дальнѣйшихъ указаний. Но когда (1 сентября) С. узналъ обѣ уничтоженіи отряда Албичева и о выступленіи Огинскаго къ Бресту, онъ счѣлъ невозможнымъ выжидать: гетмана было необходимо разбить раньше, чѣмъ успѣеть разнести вѣсть о его присоединеніи. Онъ выступилъ изъ Люблина въ тотъ же день и черезъ Коцкъ, Межирѣче, Бѣлу, притягивая по пути части гарнизоновъ своихъ охранительныхъ постовъ,—5 сентября въ 4 ч. утра прибылъ

въ Брестъ. На маршъ и въ Брестъ С. получилъ нѣсколько ордеровъ Веймарна съ предписаніемъ оставаться въ Люблинѣ и изложеніемъ принятаго Веймарномъ плана дѣйствій противъ Огинскаго. Но это не поколебало принятаго С. рѣшенія. Изъ Бреста онъ донесъ своему начальнику, что «во исполненіе ордера», такъ какъ «стремленія Огинскаго къ Варшавѣ и сторонѣ Люблина не слышно», — будеть стараться, «упреждая всѣ намѣренія и покушенія его, уничтожить,—сносясь съ Древицемъ и другими отрядными начальниками, чтобы ему, Суворову, обо всемъ сообщали и приказанія его исполняли». Не только не исполнивъ, такимъ образомъ, приказа Веймарна, но самовольно принялъ начальство надъ высланными противъ Огинскаго отрядами, С. послѣшилъ къ Телиханамъ, гдѣ, по слухамъ, еще находился Огинскій. Отъ Косова, по новымъ свѣдѣніямъ, свернулъ на Несвижъ, но на пути къ Погорѣльцамъ получивъ вполнѣ достовѣрное извѣстіе, что гетманъ у Столовичъ, немедленно повернулъ назадъ, послалъ Дирингу въ Свержень и Хвабулову въ Слуцкъ приказы спѣшить къ нему на соединеніе, а самъ позднимъ уже вечеромъ (12-го) двинулся къ Столовичамъ.

Темной ночью русскіе подошли къ мѣстечку. На пути захваченъ былъ непріятельскій уланскій разъездъ, давшій свѣдѣнія о расположenіи поляковъ и указавшій дорогу. «Хотя въ оной темнотѣ черезъ многія и узкія дефиля разныя препятствовали неудобства», — отрядъ къ 2-мъ часамъ ночи вышелъ къ Столовичамъ и, пройдя Сачивки, развернулся въ боевой порядокъ для перехода широкимъ фронтомъ болотистаго пространства, отдѣлявшаго его отъ мѣстечка. Несмотря на всѣ предосторожности, приближеніе русскихъ было обнаружено, и при началѣ переправы чрезъ дурной и тѣсный переходъ по болоту, подъ самымъ мѣстечкомъ, въ форштатѣ, они были встрѣчены сильнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ. «По неустрашимой храбрості россійскихъ солдатъ сильная непріятельская стрѣльба къ удержанію препятствіемъ служить не могла»: прямой дорогой чрезъ дефиля двинуты были двѣ роты и егерская команда, отбросившія противника отъ выхода изъ дефиля и загнавшія его въ дома. Слѣдомъ за ними

ворвался въ мѣстечко маіоръ Рылевъ съ кавалеріей, смявъ строившихся на площади поляковъ и захватилъ стоявшія тамъ пушки. Послѣ часового упорного боя выбиты изъ домовъ засѣвшіе тамъ литовскіе янычары, и въ 4-мъ часу утра С. выѣхалъ въ очищенное почти отъ непріятеля мѣстечко. При этомъ онъ одва не былъ застрѣленъ янычаромъ, котораго въ утренней получьмѣ принялъ за своего и окликнулъ.

Столовичи были заняты только частью войскъ Огинскаго. Остальная же силы его стояли за западной окраиной мѣстечка, на такъ называемыхъ моргахъ, въ полѣ. Къ нимъ примкнула часть выбитыхъ изъ Столовичъ конфедератовъ — числомъ до 500 коней; остальные разсыпались, увлекая въ свое мѣсто бѣгствія самого Огинскаго. Не давая противнику опомниться, С. вывелъ своихъ изъ мѣстечка и двинулся на поспѣшно строившихся въ полѣ литовцевъ. Подготовивъ атаку артиллерійскимъ огнемъ, который, по разсчету С., долженъ быть оказать сильное впечатлѣніе на молодыхъ, необстрѣленныхъ войска Огинскаго, онъ перешелъ въ наступленіе всѣмъ фронтомъ. Послѣ упорного боя литовцы отошли на Цюкантовичи-Молчадь, преодѣдуемые горстью Суворовской конницы. Въ это время подоспѣлъ послѣдній резервъ Огинскаго, коронные уланы Бѣляка, стоявшіе въ 4 верстахъ отъ Столовичъ. Внезапный ударъ этого свѣжаго тысячаго отряда смахъ на мгновеніе слабую русскую кавалерію, но оправившись отъ неожиданности, она опрокинула Бѣляка, спѣшно очистившаго поле сраженія. Потери конфедератовъ доходили до 500 чел.; въ пѣнѣ взято 18 офицеровъ, 273 нижнихъ чина; захваченъ весь обозъ, 10 мѣдныхъ пушекъ, знамена, гетманскій бунцукъ и булава, канцелярія. Съ нашей стороны убитыхъ было весьма мало, но ранены почти всѣ старшіе офицеры и 78 нижнихъ чиновъ.

С. не довершилъ разгрома силъ Огинскаго. Справедливо полагая, что опасность миновала и дальнѣйшее уничтоженіе литовскихъ мятежниковъ не составить затрудненій, онъ предоставилъ эту задачу другимъ, а самъ немедленно повернулся назадъ, въ Люблинъ. Весьма вѣроятно, что при движеніи своемъ, стремясь по возможности увеличить свои силы, онъ «опорожнилъ посты» и теперь спѣшилъ вновь занять ихъ, на случай какихъ-либо

СУВОРОВЪ.

осложненій въ раіонѣ и во избѣжаніе нареканій и безъ того недовольного имъ Веймарна. На пути, въ Пинскѣ, онъ захватилъ въ штѣнъ штабъ и свиту Огинского и, «приведя всѣхъ въ покорность и склонивъ лотовцевъ къ соблюденію спокойствія, тишины и сложенія оружія», черезъ Автономъ - Былъ вернулся въ Люблинъ. «Самовольный» поискъ С., произведенный совершенно въ духѣ великополководческой стратегіи, навлѣкъ на него сильнѣйшее неудовольствіе Веймарна. Но несмотря на это, С. въ декабрѣ 1771 г. былъ пожалованъ орденомъ Св. Александра Невскаго.

Начало 1772 года ознаменовалось по-слѣдней вспышкой угасавшаго польскаго восстания. Смѣшившій Дюмурье французскій генераль баронъ де-Вюменель сдѣлалъ попытку вновь оживить операциі. На этотъ разъ С. былъ захваченъ врасплохъ; считая кампанію конченной, онъ не принялъ своевременно мѣръ къ отраженію грозившаго его участку удара. Онъ не обратилъ особаго вниманія на занятіе м. Тынца сильнымъ польскимъ отрядомъ, подъ командой французскаго полковника Шуази, и не придалъ значенія доносу о готовящемся на Krakowѣ побужденіи, хотя зналъ, что комендантъ Krakова Штакельбергъ «обремененъ ксендзами и бабами» и потому служба въ гарнизонѣ ведется до крайности распущенено. Въ ночь на 22 января Шуази врасплохъ захватилъ Krakовскій замокъ и къ 24-му довелъ гарнизонъ его до 1.000 человѣкъ. Къ этому дню подоспѣлъ изъ Пинчова С., притянувшись по пути Браницкаго съ 5 коронными польскими кавалерійскими полками. Занявъ городъ, С. приступилъ къ осадѣ Krakовскаго замка, отрядивъ Браницкаго на противоположный берегъ Вислы для наблюденія и прикрытия осады отъ партизанскихъ налетовъ.

Осада затянулась. У С. не было осадной артиллериі, а безъ артиллерийской подготовки и пробитія брешей штурмъ крѣпкаго верками и положеніемъ замка представлялся невозможнымъ. С. приказалъ втащить нѣсколько орудій въ верхніе этажи наиболѣе высокихъ домовъ въ городѣ и открылъ изъ нихъ бомбардировку; подъ замокъ подведены были двѣ минныя галлерей. Но дѣло подвигалось медленно. Шайки конфедератовъ, бродившія вокругъ Krakова, безпрестанно тре-

вожили русскія войска; приходилось высылать противъ нихъ особые отряды. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ поисковъ участвовалъ и С., причемъ въ одномъ изъ нихъ, въ дѣлѣ съ бандой Косаковскаго, онъ едва не былъ убитъ конфедератскимъ офицеромъ.

Утомленный бездѣйствіемъ послѣ 3-недѣльного стоянія подъ отѣнами замка, С. рѣшился на штурмъ. Попытавшись рядомъ ложныхъ атакъ усыпить бдительность гарнизона, въ 2 ч. ночи 18 февраля онъ двинулъ свои войска на приступъ, но послѣ 4-часового жаркаго боя былъ отбитъ съ большими потерями. Послѣ этой неудачи С. отказался отъ дальнѣйшихъ попытокъ овладѣть замкомъ и перешелъ къ строгой блокадѣ. Въ началѣ апрѣля прибыла осадная артиллерия; скрыто построенная батарея обрушила часть стѣны у воротъ и пробила бреши. С. завязалъ переговоры: теперь, когда паденіе замка было неизбѣжно, онъ искалъ легчайшаго способа овладѣнія имъ и хотѣлъ избѣжать безцѣльныхъ при данной обстановкѣ потерь, связанныхъ со штурмомъ. Понимая безвыходность положенія, гарнизонъ сдался 12 апрѣля на капитуляцію.

За взятіе Krakова С. было пожаловано 1.000 червонныхъ.

Въ силу состоявшаго между Австріей и Россіей соглашенія, въ занятый С. раіонъ вступили австрійскія войска, съ цѣлью обеспечить за Австріей области, которая она предполагала присоединить при предстоящемъ раздѣлѣ Польши. Задача С. усложнилась. Ему было предписано Бибиковымъ, смѣшившимъ въ началѣ 1772 г. Веймарна, «ненарушимо соблюдать союзъ съ австрійцами, но не уступать имъ ни пяди земли». С. не былъ дипломатомъ: подобная задача казалась ему не разрѣшимой. Онъ попытался удержать за собой свой раіонъ, раскинувъ по нему сѣть русскихъ командъ. Но австрійцы «съ отмѣнной вѣжливостью» прорвали эту сѣть, захватили Ланцкорону и попытались отѣснить русскихъ отъ Тынца, къ штурму котораго готовился С. Не желая уступать австрійцамъ и въ то же время стремясь «соблюсти союзъ», С. послѣдилъ заключить капитуляцію съ гарнизономъ Тынца; она была гарантирована австрійскимъ генераломъ д'Альтономъ. Но Бибиковъ не утвердилъ капитуляціи. С. возобновилъ

осаду. Д'Альтонъ протестовалъ, ссылаясь на то, что капитуляція имъ гарантирована. Когда же протестъ его былъ оставленъ С. безо всякаго вниманія, онъ провелъ по частямъ въ Тынецъ, съ согласія гарнизона, небольшой австрійскій отрядъ и предложилъ С. снять осаду «въ виду состоявшейся передачи крѣпости австрійцамъ». Но на этотъ разъ С. твердо рѣшилъ не уступать. Онъ отказался «повѣрить» сообщенію д'Альтона, захватилъ въ пленъ посланный на усиленіе гарнизона Тынца слабый австрійскій отрядъ, не пропустилъ въ Тынецъ продовольственнаго транспорта и усилилъ бомбардировку. Дѣло едва не дошло до крупнаго столкновенія. Инцидентъ этотъ удалось замять только съ большими трудами. С. усиленно просилъ Бабикова, съ которымъ у него установились добрыя отношенія, освободить его отъ совершенно непосильной ему задачи: «Я человѣкъ добрый, отпору дать не умѣю... что у тебя, батюшка, сталь за политику? Пожалуй, пришли другого; чортъ ли съ ними говорить».

Договоръ о раздѣлѣ Польши положилъ конецъ затрудненіямъ С. Въ октябрѣ онъ выступилъ съ войсками въ обратный походъ. По прибытии въ Петербургъ, онъ былъ прикомандированъ къ петербургской дивизіи.

Въ Петербургѣ С. отдыхалъ недолго. Уже въ февралѣ 1773 г. поручено было ему, въ виду ожидаемой войны со Швеціей, произвести скрытную рекогносцировку шведской границы въ Финляндіи. По возвращеніи изъ этой командировки, ему не безъ труда, но удалось добиться назначенія въ I армію, на турецкій театръ, куда онъ стремился уже два года. Назначеніе состоялось въ апрѣлѣ. Черезъ 4 дня послѣ приказа С. былъ уже въ шуті и, слѣдя черезъ Ясы, въ первыхъ числахъ мая нагналъ на маршѣ дивизію ген.-поруч. гр. Салтыкова, въ которой ему предстояло служить. Салтыковъ поручилъ ему командование отрядомъ, стоявшимъ подъ Негоштскимъ монастыремъ, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ его расположения.

Уже съ половины февраля, по настояніямъ Екатерины, наши военные дѣйствія должны были перенестись за Дунай. Но неясность обстановки, малочисленность арміи заставляли Румянцева медлить рѣ-

шительнымъ наступленіемъ; онъ ограничивался сборомъ свѣдѣній о противнике на правомъ берегу и развитіемъ системы мелкихъ дѣйствій для облегченія предстоящей переправы и сохраненія за собой инициативы. Назначеніе С. въ Негошти безусловно стояло въ связи съ предстоявшимъ отряду труднѣйшимъ поискомъ на расположенный противъ Негошти, на томъ берегу Дуная, Туртукаї. Ударъ въ этомъ направлѣніи долженъ былъ отвлечь вниманіе турокъ отъ дѣйствій Вейсмана, шедшаго въ Гуробаламъ, и уничтоженіемъ укрѣпленного пункта почти въ центрѣ оборонительной турецкой линіи по Дунаю серьезно обезпокоить турокъ. Къ организаціи этого поиска С. приступилъ немедленно по прибытіи.

Личная рекогносцировка и свѣдѣнія, полученные отъ казаковъ, занимавшихъ форпости по Дунаю, убѣдили С., что вся тяжесть предстоящаго боя лежитъ на пѣхоту. Между тѣмъ, въ отрядѣ его «пѣхоты было пополамъ», и за выдвѣленіемъ охраненія и гребцовъ на суда—для активныхъ дѣйствій оставалось не свыше 500 человѣкъ. Этого очевидно было недостаточно для взятія трехъ турецкихъ лагерей, занятыхъ 4-тысячнымъ отрядомъ изъ трехъ родовъ оружія, обороняемыхъ 4 прикрытыми брустверами батареями; тѣмъ болѣе, что наступать приходилось по мѣстности сильно пересѣченной и мало извѣстной, такъ какъ подробной рекогносцировки произведено не было. С. безуспѣшно хлопоталъ объ усиленіи пѣхоты отряда. Отъ Салтыкова, съ которымъ у него сразу установились непріязненные отношенія, удалось добиться только присылки 3 эскадроновъ ненужныхъ С. карабинеръ; занимавшійсосѣдній участокъ генералъ П. Потемкинъ, еще 1 апрѣля перешедшій изъ Слободзеи въ Ликорешти, былъ крайне озабоченъ возможностью прорыва турокъ изъ Силистрии на Слободзею, и на поддержку съ его стороны разсчитывать не приходилось. Предоставленный такимъ образомъ собственнымъ силамъ, С. рѣшилъ возмѣстить слабость ихъ внезапностью удара и не откладывать поиска. 8 мая, по прибытіи кн. Мещерского съ присланными отъ Салтыкова эскадронами, С. выступилъ къ Ольтеницѣ, куда приведена была и стоявшая на р. Аргисѣ рѣчная флотилія. С. считалъ нецѣлесообразнымъ выводить

десантъ изъ устья Аргиса, обстрѣливаемаго съ многочисленной турецкой флотилией и береговыхъ батарей. Онъ предполагалъ произвести посадку на самомъ берегу Дуная, куда отъ Ольтеницы суда должны были быть перевезены въ собранныхъ для этой цели обывательскихъ подводахъ.

Между тѣмъ, демонстраціи Салтыкова подъ Рушукомъ привели турокъ къ мысли, что Негоешти занято слабо, и, руководствуясь очевидно тѣми же соображеніями, въ силу которыхъ назначенъ былъ поискъ на Туртукаѣ, съ турецкой стороны рѣшено было налетѣ на Негоешти. И въ то самое время, когда С. шелъ уже отъ Негоешти, въ устье Аргиса высадился турецкій отрядъ, силой въ 600 коней и 300 чел. пѣхоты, сбили казачьи пикеты и стремительно двинулся по направлению къ Ольтеницѣ. Узнавъ о высадкѣ, С. остановилъ свой маршъ. Немедленно высланные впередъ карабинеры и казаки захватили турокъ еще на подъемѣ на высоты, сбили ихъ атакой во фронтъ и правый флангъ и гнали до самого берега. Пользуясь тревогой, С. произвелъ весьма удачную рекогносцировку.

Но, несмотря на удачный исходъ, дѣло 9 мая значительно затруднило успѣхъ предстоящаго поиска. Движеніе С. было обнаружено, его намѣренія — раскрыты. Трудно было разсчитывать захватить турокъ врасплохъ. С. рѣшилъ потому атаковать въ ту же ночь, справедливо полагая, что столь скораго нападенія турки не ждутъ.

Туртукаїскій поискъ явился для С. «первоучкой». Этимъ объясняется, почему диспозиція этого поиска занимаетъ совершенно исключительное мѣсто въ ряду остальныхъ сохранившихся диспозицій С., по сложности плана и сбоямъ введенныхъ въ нее подробностей. Но, несмотря на эти недочеты, въ ней уже ярко сказался военный гений С.: туртукаїскій поискъ и по сие время можетъ служить образцомъ форсированной наступательной перевѣры.

Вечеромъ С. объѣхалъ съ Мещерскимъ, котораго онъ оставлялъ съ конницей и частью пѣхоты на первомъ берегу, линію его расположенія, лично установилъ 4 пушки выше пункта посадки и даль посыпавъ инструкцію. Войска двинулись къ Дунаю двумя колоннами: въ головѣ ихъ были пу-

щены собранныя у Ольтеницы подводы, чтобы поднятой ими пылью закрыть движение войскъ. Флотилия же выплыла прямо изъ устья Аргиса, такъ какъ турки совершенно неожиданно увѣли отъ него свое сторожевое судно, открывъ этимъ свободный и безопасный выходъ въ Дунай. Съ наступлениемъ ночи, пѣхота десанта, въ 3 отдѣленіяхъ, разомъ отвалила отъ берега. Переprава совершилась благополучно, но на версту ниже намѣченаго пункта, такъ какъ лодки сносило течениемъ; турки обнаружили ее только въ тотъ моментъ, когда суда уже причаливали. Выйдя на берегъ подъ сильнымъ, но безвреднымъ огнемъ съ пикетовъ и береговой турецкой батареи, войска развернулись по диспозиціи и двинулись вверхъ по рѣкѣ двумя колоннами (Батурина и Мауринова), имѣя въ головѣ стрѣлковъ и въ резервѣ двѣ роты Рѣбока. Атака была ведена «съ храбростію и фуроромъ российскихъ войскъ», какъ предписывалъ первый пунктъ диспозиціи. Каѳе Батурина, при которомъ находился и самъ С., съ одного удара овладѣло 2 батареями и ближайшимъ лагеремъ. Во время этой атаки С. былъ сильно контуженъ осколками разорвавшейся около него пушки и въ бою за лагерь, въ рукопашной схваткѣ, едва не былъ заколотъ янычарами.

Наступавшая пѣше колонна Мауринова ворвалась на штыкахъ во второй — «Пашинскій» лагерь, гдѣ встрѣтила отчаянное сопротивление. Стремясь возможно быстрѣе развить успѣхъ, С., не выжидая, пока освободится Мауриновъ, двинулъ резервъ Рѣбока на послѣдній оплотъ турокъ, 3-й лагерь за Туртукаемъ, а каѳе Батурина въ городъ: колонна Мауринова обратилась такимъ образомъ въ резервъ. 3-й лагерь и городъ захвачены были безъ труда; къ этому времени покончилъ съ Пашинскимъ лагеремъ и Мауриновъ, а на берегу появились переброшенные Мещерскимъ на оставшихся у него судахъ 150 охотниковъ изъ карабинеръ и 60 казакъ. За ними слѣдомъ переправились демонстрировавшіе на островѣ противъ Туртукаѧ казаки Каширова. Прикрытие стоявшихъ у берега турецкихъ судовъ было переколото, суда захвачены.

Начатая въ первомъ часу ночи атака къ четыремъ была уже закончена. Турки въ полномъ беспорядкѣ бѣжали по дорогѣ на Шумлу. Выславъ казаковъ въ разрѣздъ

С. вывелъ изъ Туртукая все христіанское населеніе его и выжегъ городъ до тла. Все бывшее въ городѣ отдано войскамъ въ добчу. Обратная переправа на лѣвый берегъ совершилась безпрепятственно, въ тотъ же день.

Потери наши, по реляціи, за весь поискъ ограничивались 26 убитыми, 42 ранеными. Турки потеряла до 1.500; пленныхъ не брали, по ожесточенности боя. Взято 80 судовъ, 16 пушекъ, 6 знаменъ. Моральное значеніе побѣды было огромно; но значенія стратегического она почти не имѣла, такъ какъ переправа главныхъ силъ, содѣйствовать которой имѣлось въ виду, состоялась только спустя мѣсяцъ.

Не зная общей обстановки, С. послѣ поиска отошелъ на Негоешти, гдѣ расположилъ регулярныя войска на отдыхъ и занялся приведеніемъ въ порядокъ артиллериі, флотиліи и укрѣплений, мѣстами обвалившихся и походившихъ, по выражению С., на турецкій ретраншаментъ. Отъ партизанскихъ дѣйствій на правый берегъ, которыхъ требовали отъ него Салтыковъ и Потемкинъ, онъ упорно отказывался, находя ихъ возможными и полезными только ставъ твердой ногой на томъ берегу. О необходимости же прочнаго занятія его онъ представлялъ Салтыкову неоднократно, но безъ успѣха. Въ этомъ же смыслѣ составлено было имъ затребованное отъ него Салтыковымъ соображеніе — о прорывѣ коммуникаціи по Дунаю.

5 іюня С. получилъ непосредственно отъ Румянцева приказъ произвести вторичный поискъ на Туртукаї, по возвращеніи С. на лѣвый берегъ вновь сильно занятый турками. С. былъ боленъ лихорадкой и только что наканунѣ послалъ просьбу обѣ отпускѣ въ Бухарестъ для лечения. Но получивъ ордеръ главнокомандующаго, онъ пересилилъ болѣзнь и остался. Принять лично командованіе отрядомъ онъ однако не могъ; лежа въ постели, продиетовалъ диспозицію, выполненіе которой пришлось передать старшему по чину, полковнику кн. Мещерскому. Въ ночь съ 7 на 8 іюня войска построились въ колонны, назначенная для принятія десанта флотилія вошла въ Дунай. Но непріятель былъ предупрежденъ: на правомъ берегу видѣлись толпы турокъ, выждавшія переправу. При такихъ условіяхъ предприятіе казалось слишкомъ рискованнымъ. Собран-

ный Мещерскимъ военный совѣтъ постановилъ отложить поискъ.

Узнавъ о рѣшеніи совѣта, С. немедленно выѣхалъ въ Бухарестъ. Разгневанный поведеніемъ подчиненныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, видимо боясь, чтоѣи неудача эта не была поставлена ему въ вину, С. въ рядѣ писемъ къ Салтыкову старается доказать, что дѣло остановилось единственно по трусости начальниковъ. «Дѣло было въ полдѣла противъ прошлаго... Маневръ къ атакѣ былъ прекраснѣйшій... Г. Б. причина всему... Всѣ оробѣли, лица не тѣ... когда подумаю, какая это подлость, жилы рвутся!»

Но отмѣна поиска не возбудила неудовольствія главнокомандующаго. Переправа у Гуробалъ, для облегченія которой онъ былъ назначенъ, состоялась уже 7 іюня, и такимъ образомъ туртукаjsкая демонстрація становилась бесполезной. Поэтому 8 іюня Румянцевъ послалъ приказъ С., вмѣсто поиска на Туртукаї, спуститься на судахъ въ Чоканештамъ, дабы отвлечь этимъ вниманіе гарнизона Силистріи отъ движенія корпусовъ Стушина и Потемкина.

Но С. считалъ повтореніе поиска необходимымъ — въ видахъ военно-воспитательныхъ. «Дабы не подвергать себя фельдфебельствомъ своимъ до стыда, видѣть подъ собой нарушающихъ присягу и опровергающихъ весь долгъ службы», онъ хотѣлъ во что бы то ни стало загладить побѣдой позоръ отказа отъ боя. Въ силу этого, хорошо сознавая стратегическую бесполезность удара на Туртукаї послѣ Гуробальской переправы, такъ какъ на Силистрійскую операцию по отдальности онъ не могъ оказать влиянія, С., перемогая болѣзнь, дѣятельно готовился къ набѣгу. Онъ прибылъ въ Негоешти 14 іюня. Поискъ назначенъ былъ въ ночь съ 16-го на 17-е. Къ 16-му въ Ольтеницѣ уже собирались войска, усиленные баталіономъ Аптеронцевъ и слабымъ Ингерманландскимъ карабинернымъ полкомъ; по распоряженію свыше, карабинерамъ были даны штыки, чтобы С. могъ пользоваться ими какъ пѣхотой, — мѣра, С. не одобренаа. Составъ отряда опредѣлился въ 2.400 человѣкъ, изъ нихъ 1.500 пѣхоты.

Желая отвѣнить внутренній смыслъ предстоящаго поиска, С. объявилъ по войскамъ, что диспозиція для боя остается прежняя, отданная для отмѣненнаго поиска.

Въ дѣйствительности же многочисленныи измѣненія и дополненія, сдѣланыи имъ къ прежней диспозиціи, придали ей совершенно новый, самостоятельный характеръ.

Еще до наступленія ночи (съ 16-го на 17-е июня) отвала отъ берега первая линія судовъ, принявшая пѣхотный каре Рѣбока, Батурина и Мелина. С., чувствовавшій себя настолько больнымъ, что его водили подъ руки, остался на лѣвомъ берегу, распредѣляя назначенные для прикрытия переправы войска. Подъ прикрытиемъ огня нашей артиллериі, первая линія войскъ высадилась безъ особыхъ затрудненій и потерпѣвъ во взводной колоннѣ поднялась на хребтъ, на которомъ должно было произойти развертываніе. Турки заставили на хребтѣ два лагеря: одинъ противъ устья Аргиса, другой защищавшій Шедшій въ головѣ колонны Рѣбокъ, строго соблюдано Суворовское правило «голова хвоста не ждеть», не дожидалась прибытія второй линіи, переправа которой задержалась, — смѣлой атакой выбилъ турокъ изъ ближайшаго лагеря и ввязался въ бой за слѣдующій. Но шедшій за нимъ Батуринъ, «расперовши диспозицію», по выражению С., не поддержалъ Рѣбока, положеніе котораго, подъ ударами превосходныхъ силъ противника, стало опасно. Рѣбокъ однако не только удержался, но послѣ 4-часовой рѣзни опрокинулъ турокъ, еще до подхода подкрѣплений, спѣшно высланныхъ С., высадившихся съ войсками второй линіи.

Утвердившись на хребтѣ, С. выдвинулъ колонну Рѣбока, усиленную 3 ротами, впередъ ретраншамента, на лѣвый флангъ — противъ нижняго лагеря турокъ, разбитаго у самаго Дуная. Правый флангъ составили Батурина и Мелина. Во второй линіи стали резервный баталіонъ Фишера и спѣшенніе карабинеры Мещерскаго. Вѣво, для очищенія лѣса, двинуть былъ Кашперовъ съ казаками и арнаутами. Въ ожиданіи прибытія третьей линіи (Шемакина), С. произвелъ реботосцировку. Турки, воспользовавшись простоянкой наступленія русскихъ, успѣли двинуть часть своихъ силъ къ мѣсту переправы и атаковали Ингерманландскихъ карабинеръ и казаковъ, какъ только тѣ сошли съ судовъ третьей линіи. С. двинулъ на выручку, но въ свою очередь былъ атакованъ толпами турокъ изъ лѣса. Но тѣмъ временемъ отрядъ Шемакина уже отбросилъ загородившаго ему путь

непріятеля и вышелъ во флангъ и тыль туркамъ, завязавшимъ бой съ С. Попавъ между двухъ огней, турки бросились въ свой нижний лагерь. Пользуясь смятеніемъ противника, С. двинулъ на лагерь, со стороны разрушенного Туртукая, казаковъ, а всѣ остальные силы — на путь отступленія турокъ къ Рушуку. Это движение рѣшило дѣло. Боясь оказаться отрѣзанными, турки безъ боя бросили свой послѣдній лагерь и по окольнымъ дорогамъ стали уходить на Рушукъ. Кавалерія гнала ихъ на разстояніи 5 верстъ. Наши потери доходили до 200 чел., турецкія — до 800; взято 14 пушекъ, 35 судовъ, много запасовъ, полностью отданыхъ войскамъ.

Тотчасъ послѣ Туртукайскаго поиска С. пришлось со своимъ отрядомъ и флотиліей идти къ Журжеву на усиленіе Салтыкова. Экспедиція эта продолжалась недолго: уже 21 июня С. вернулся къ устью Аргиса, подъ предлогомъ болѣзни, но въ сущности беспокоясь за свой районъ и за Бухарестъ. Съ того момента, какъ обозначилось наше отступленіе отъ Силистріи, ничто почти не препятствовало туркамъ ударить въ этомъ направлениі разрѣзать русскую армію на двѣ части. С. понималъ это ясно: «Негошти закрываетъ Бухарестъ и Обилешти... дурно такъ пускать». Не выжидая приказаній, С. озабочился прикрытиемъ опаснаго мѣста: онъ отправилъ Ингерманландскихъ карабинеръ, легкій баталіонъ Мелина и часть арнаутовъ въ Обилешти, а съ остальными войсками сталь у Ольтеницы; въ устьѣ Аргиса оставилъ былъ Кашперовъ.

9 июля, при новомъ расписаніи полковъ по отрядамъ, С. былъ переведенъ въ резервный корпусъ, къ Потемкину. Перемѣнѣе это обезпокоило С., увидѣвшаго въ немъ знакъ немѣлости главнокомандующаго. Но опасенія С. были разсѣяны послѣдовавшимъ черезъ нѣсколько дней назначеніемъ его въ Гирсово — важнѣйший и при томъ единственный на правомъ берегу Дуная опорный пунктъ. Отъѣздъ С. къ новому мѣсту назначенія былъ отсроченъ неудачнымъ паденіемъ его на лѣстницѣ Негоштского монастыря: около 2 недѣль пришлось провести въ постели. Прابывъ въ Гирсово въ послѣднихъ числахъ июля, С. немедленно приступилъ къ исправленію крѣпостныхъ верковъ и устройству новыхъ укрѣплений.

Вскорѣ обнаружились попытки турокъ

перейти въ наступленіе. Ожидая удара, С., на основаніи данныхъ ему полномочий, притянулъ къ себѣ бригаду Милорадовича, стоявшую при устьѣ р. Яломницы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, опасаясь, чтобы турки не прервали его сообщеній съ дѣйствовавшимъ на Бабадагѣ ген.-поруч. Унгерномъ и не попытались разбить по частямъ разъединенные такимъ образомъ отряды праваго берега, С. просилъ разрѣшенія Румянцева устраниТЬ эту опасность встрѣчнымъ ударомъ соединенныхъ силъ его, С., и Унгерна—на Карасу. Но Румянцевъ, не вѣрившій въ возможность энергичныхъ дѣйствій со стороны турокъ, нашелъ планъ С. не соответствующимъ обстановкѣ. Предположеніе С. не замедлило однако оправдаться. Въ ночь на 3 сентября, въ 20 верстахъ отъ Гирсова, на Карасуйской дорогѣ обнаруженъ былъ турецкій отрядъ силой въ 3.000 коней. Усилившись къ утру до 6 тысячъ, онъ отогналъ передовые посты Гирсовскаго отряда, прервавъ связь съ Унгерномъ, и около полуночи, подойдя на пушечный выстрелъ къ крѣпости, остановился, поджидая тянувшуюся за нимъ пѣхоту. Русская артиллерія молчала: С. искалъ рѣшительнаго боя и не хотѣлъ завязывать дѣла, пока не сосредоточится весь турецкій отрядъ. Высланнымъ имъ казакамъ было приказано послѣ короткой перестрѣлки обратиться въ бѣгство, чтобы придать туркамъ смѣлости. Турки развернулись передъ крѣпостью въ три линіи, по европейскому образцу, приблизились къ все еще молчавшимъ веркамъ и примкнули правымъ флангомъ къ р. Баруй, вытянувъ фронтъ параллельно Дунаю. Быстро построивъ батарею, они открыли огонь по ближайшему изъ 3 русскихъ укрѣплений, въ которомъ находился и самъ С. Планецъ, имѣвши замаскированныя амбразуры, не отвѣчалъ. Турецкая пѣхота, разсыпавшись, окружила его и, подойдя на половину картечного выстрѣла, съ необычайной стрѣмительностью бросилась на штурмъ. Отбивъ его картечью, С. немедленно атаковалъ въ свою очередь выведенными изъ шанца войсками; въ то же время бригада Милорадовича ударила на турокъ изъ-за р. Боруй. Послѣ жаркаго дѣла, особенно на правомъ флангѣ турокъ, приступникъ былъ опрокинутъ и бѣжалъ, на разстояніи 30 верстъ преодѣдуемый кавалеріей. Румянцевъ былъ чрезвычайно доволенъ побѣдою: во всей

арміи отслужены были благодарственные молебны, и 5 сентября С. получилъ лестное письмо главнокомандующаго.

Турки не повторили покушенія на Гирсово. Наступилъ періодъ затишья на боевомъ фронтѣ. Скучая бездѣйствіемъ, С. отпросился въ отпускъ и въ ноябрѣ выѣхалъ въ Москву. Здѣсь 18 декабря состоялась его помолвка, 22-го обрученіе и 16 января 1774 г.—свадьба. Весьма вѣроятно, что сватовство С. было устроено его отцомъ, жившимъ въ то время въ Москвѣ, на покой, и просьба объ отпускѣ была обусловлена именно этимъ предстоявшимъ событиемъ. Ставшая женой его, княжна Варвара Ивановна Прозоровская, дочь отставнаго генераль-аншефа, принадлежала къ высшему кругу московской знати.

Женитьба заставила С. задержаться въ отпуску. Онъ выѣхалъ въ армію только въ началѣ февраля, оставивъ молодую жену въ Москвѣ. Назначенный, при послѣдовавшемъ въ апрѣлѣ 1774 г. новомъ распределеніи армій, въ резервный корпусъ, стоявшій въ устьѣ Яломницы, С. до прибытія кн. Репнина принялъ командование надъ 2-й дивизіей, составлявшей правый флангъ Румянцевской арміи.

Задачей отряда (въ устьѣ Яломницы), принятаго С., по сдачѣ временнаго командованія дивизіей Репнина, было: охранять Гирсово и не допускать переправы турокъ черезъ Дунай у Силистрія; въ случаѣ наступательныхъ дѣйствій, С. предписано сообразоваться съ движеніями дѣйствовавшаго лѣвѣ Каменскаго. Направленіе и время дѣйствій Румянцевъ предоставилъ опредѣлить С. и Каменскому, по личному между ними соглашенію, всесфѣро полагаясь на боевую опытность и испытанную энергию обоихъ генераловъ. Выработанный С. и Каменскимъ планъ сводился къ слѣдующему: искать и разбить непріятеля въ полѣ, для чего идти на Базарджикъ и Козлуджъ; отсюда, демонстрируя на Варну, обратиться къ Шумлѣ, стратегическому пункту театра войны; если окажется, что овладѣть ею можно только путемъ правильной осады—дѣйствовать въ дальнѣйшемъ противъ Силистрія, совмѣстно съ направленными на эту крѣпость войсками. Планъ этотъ въ общихъ чертахъ былъ одобренъ главнокомандующимъ, измѣнившимъ, однако, детали: Каменскому указано идти къ Базарджику, высланъ сильную партію къ Ман-

гамії для демонстрація противъ Варны; С. отъ Гирсова перейти къ Черноводамъ, какъ бы угрожая Силистрії, а затѣмъ действаться параллелью съ Каменскими на соединеніе съ ними къ Базарджику, прикрывая его со стороны Силистрії и маскируя движение высыпкой партій. Но давая эта указания, равно какъ указания о порядкѣ послѣдующихъ дѣйствій противъ Шумлы, Румянцевъ предоставилъ имъ обоимъ полную свободу ініциативы, отдавъ, однако, рѣшающій голосъ Каменскому, какъ старшему, хотя и не подчинивъ ему С. непосредственно. Такая условная зависимость давала поводъ къ недоразумѣніямъ; они возникли дѣйствительно съ первыхъ же совѣтныхъ шаговъ. «Отвѣтъ списочного старшинства» обидѣлъ С., такъ какъ съ марта 1774 г. онъ былъ въ томъ же чинѣ, что и Каменскій (генераль-поручикъ), п старшинство послѣдняго представлялось незначительнымъ. С. принялъ мѣры, чтобы сохранить возможно дольше свою самостоятельность. Нѣсколько задержавъ свое выступленіе, подъ предлогомъ ожиданія назначенныхъ на усиленіе его полковъ, онъ измѣнилъ маршруты, хотя для этого пришлось идти болѣе трудными дорогами, не извѣстить объ этомъ Каменскаго и безо всякой связи съ нимъ, вопреки указаніямъ Румянцева, особо отмѣтившаго необходимость самой тѣсной связи,— съ «несвойственной ему медленностью» стать подвигаться къ Базарджику. Каменскій донесъ главнокомандующему, что С. неизвѣстно где находится, не слушаетъ его, Каменскаго, приказаній и держится совершенно независимо. Но Румянцевъ, высоко цѣнившій С., на этотъ разъ ограничился замѣчаніемъ Каменскому, что онъ «самъ имѣть всѣ способы заставить Суворова повиноваться».

Надежды С. встрѣтить турокъ до соединенія съ Каменскими не осуществились. Соединеніе состоялось 9 юня въ с. Юменли. Переведя свои войска въ авангардъ, С. немедленно, противъ воли Каменскаго, выступилъ съ кавалеріей и арнаутами на рекогносцировку.

Ни Каменскій, ни С. не знали, что въ Козлуджѣ, только лѣтомъ отдаленной отъ Юменли, стоитъ 40-тысячный турецкій корпусъ, шедший на Гирсово. Конница С., втянулась въ узкое дефиле, ведшее че-

резъ лѣсъ. У д. Башанту, впереди Козлуджи, она обнаружила сильный непріятельский отрядъ, спѣшно очистившій деревню при ея приближеніи, и по его следамъ вынеслась изъ лѣсного дефиле на равнину. Здѣсь ее уже ждали: албанцы бѣженно бросились въ атаку, стараясь отѣбѣзъ русскимъ отступленіе; часть ихъ пустилась въ обходъ по лѣснымъ тропинкамъ. Ударъ былъ неожиданъ, сопротивленія почти не было. Преслѣдуемая цѣпь, русская кавалерія въ беспорядкѣ, давя своихъ же, помчалась назадъ по дефиле. Самъ С. едва успѣлъ ускакать отъ ногони. Три свѣжихъ эскадрона, высланные Каменскими при извѣстіи о завязавшемся боѣ, были смяты бѣглецами. Наступленіе турокъ было задержано у входа въ дефиле со стороны Юменли подоспѣвшей пѣхотой, сомкнувшейся въ 4 каре. Послѣ пѣсколькихъ атакъ на фланги, своеевременно поддержаные, и неудачной попытки зайти русскимъ въ тылъ турки отхлынули по дефиле назадъ, преслѣдуемые С. съ его конницей и пѣхотными каре. За ними Каменскій двинулъ свою конницу и часть пѣхоты, самъ слѣдя съ остальными силами въ нѣкоторомъ отдаленіи. При выходѣ изъ лѣса С. развернулся въ линіѣ, выдержалъ рядъ новыхъ атакъ и, съ прибытиемъ артиллеріи, задержанной трудностями передвиженія по дефиле, выставилъ батареи. Въ теченіе 3 часовъ артиллерійскій и ружейный огонь подготовлялъ атаку. Замѣтивъ, наконецъ, ослабленіе непріятельского огня, С. перевелъ въ наступленіе всю линію, имѣя конницу впереди. Но турки, не принявъ удара, бѣжали въ направлениіи на Шумлу и Праводы. Въ брошенномъ лагерь взято 29 мѣдныхъ орудій, 107 знаменъ.

Весь бой веденіе былъ одними войсками С., бывшими въ первой линіи. Но въ ходѣ боя Каменскій несомнѣнно игралъ значительную роль, быстрыми и цѣлесообразными распоряженіями выручая С. изъ критического положенія, въ которое ставило его нѣсколько разъ въ этотъ день неудержимое, стремительное движение впередъ, вызванное желаніемъ покончить дѣло безъ Каменскаго. Каменскій остается совершенно въ тѣніи, такъ какъ его дѣйствія и распоряженія составляютъ только фонъ, на которомъ ярко выдѣляется рѣшительная и настойчивая атака С., кото-

рый и взяль честь дня. На собранномъ постѣ Козлуджи соѣтвѣ было рѣшено прі-остановить наступленіе на Шумлу и отойти на позицію между Шумлой и Салистрией. Постановленіе это возбудило сильное неудовольствіе Румянцева, но вредныхъ послѣдствій оно не имѣло, такъ какъ потрясенная рядомъ неудачъ Шорга отказалась отъ дальнѣйшей борьбы,— и 10 іюля заключенъ былъ славный для Россіи Кучукъ-Кайнарджійскій миръ.

Почти тотчасъ послѣ совѣта С. выѣхалъ въ Бухарестъ, такъ какъ при установившихся съ Каменскимъ послѣ этого боя дурныхъ отношеніяхъ оставаться подъ начальствомъ его онъ очевидно не могъ. Румянцевъ принялъ его сурово, потребовавъ объясненій, какъ рѣшился онъ оставить свой постъ почти въ виду непріятеля. Ссылаясь на все еще мучившую его лихорадку, С. просилъ отпуска въ Россію для лечения. 30 іюля состоялся приказъ о перевѣдѣ С. къ Салтыкову, «во избѣженіе лишнаго въ переѣздахъ труда», и о разрѣшеніи отпуска. Но С. остался въ Молдавіи вплоть до вызова его противъ Пугачева.

Еще 29 марта военная коллегія предписала Румянцеву исключить С. изъ списковъ I арміи и отправить въ распоряженіе Бибикова, дѣйствовавшаго противъ самозванца. Но главнокомандующій не согласился отпустить С.: онъ нуженъ былъ въ арміи; вмѣстѣ съ тѣмъ отозвавшіе генерала, уже составившаго себѣ громкое боевое имя, для назначенія противъ мятеожниковъ могло, по мнѣнію фельдмаршала, преувеличить значеніе поволжской смуты, а это не замедлило бы отразиться на ходѣ уже намѣчавшихся мирныхъ переговоровъ. Только по заключеніи мира вопросъ о назначенії С., вновь возбужденный преемникомъ умершаго Бибикова, Панинымъ—былъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ.

Повидавшись проѣздомъ черезъ Москву съ женою и отцомъ, С. на перекладныхъ, въ одномъ кафтанѣ, 24 августа прибылъ къ Панину, въ с. Ухолово, между Шацкомъ и Переяславлемъ-Рязанскимъ. Въ тотъ же день, облеченный обширными полномочіями, онъ выѣхалъ дальше, на Арзамасъ—Пензу—Саратовъ. Путь пролегать черезъ мѣстности, уже охваченные восстаніемъ. Счастливо уклоняясь отъ встрѣчи

съ бродившими повсюду шайками пугачевцевъ, иногда даже привимая «злодѣйское имя», чтобы спастись отъ «безчеловѣчной и безчестной смерти», С., съ адютантомъ Максимовичемъ и слугою Пруссакомъ, 2 сентября прибылъ въ Царицынъ и принялъ общее начальство надъ всѣми отрядами, гнавшимися за Пугачевымъ.

Быстро ориентировавшись въ обстановкѣ, С. отдалъ приказанія по отрядамъ, смыкая ихъ желѣзнымъ болѣцомъ вокругъ района, въ которомъ находился самозванецъ, а самъ съ 2 эскадронами, 2 сотнями и 300 посаженной на конь пѣхоты—двинулся въ Заволжскую степь. Усиленными переходами по безлюдной степи, безъ хѣба и часто безъ воды, направляя путь днемъ по солнцу, ночью по звѣздамъ. С. 12 сентября вышелъ на р. Малый Узень, раздѣливъ отрядъ на 4 части и двинулся разными дорогами къ Большому Узеню, выжигая камыши, въ которыхъ могли найти убѣжище мятеожники. Напавъ, наконецъ, на свѣжій слѣдъ Пугачева, С. узналъ, что онъ связанъ своими сообщниками и отправленъ въ Яикъ. Все еще надѣясь захватить самозванца до выдачи его властямъ, С. пошелъ по слѣду, доведя скорость марша до послѣднихъ предѣловъ. На одномъ изъ ночныхъ переходовъ киргизы, по недоразумѣнію, попытались заградить отряду путь: завязался бой, помимо потери времени, обременившій отрядъ ранеными. С. бросилъ отрядъ и съ однimi доброконными помчался дальше. 16-го онъ былъ въ Яикѣ, въ общемъ итогѣ въ 9 сутокъ сдѣлавъ 600 верстъ. Но было уже поздно: Пугачевъ былъ сданъ коменданту Яика, Симонову. Этой неудачи С. не могъ забыть всю жизнь. 1 октября Пугачевъ, подъ личнымъ наблюденіемъ С., былъ доставленъ въ Симбирскъ.

За поимку самозванца надо было ожидать богатыхъ милостей государыни. Вполнѣ поэтому понятно, что каждый изъ генераловъ, такъ или иначе содѣйствовавшихъ «истребленію сего гибельнаго проклятаго сына», всѣми мѣрами старался пріписать себѣ честь поимки. Правильнѣе было бы сказать, что С. «Неуточимость и труды Суворова выше салъ человѣческихъ». По стени, съ худѣйшою пищущою рядовыми солдатъ, въ погоду неизѣбѣшую, безъ дровъ, безъ зимняго плаща, съ командами маюorskими, а не генеральскими гонялся до послѣдней край-

ности». Въ Симбирскъ онъ благодарить С. за поимку «имелемъ государыни и всей имперіи». Но сама Екатерина несравненно правильнѣе оцѣнила степень участія С. въ усмиреніи бунта; отдавая должное проявленной имъ энергіи и неутомимости, она находила, что онъ «тутъ участія не имѣлъ... и пріѣхалъ по окончаніи дракъ и поимки злодѣя». Тѣмъ не менѣе С. пожалованъ была въ январѣ 1775 г. золотая шпага, усыпанная бриллиантами, а въ февралѣ ему поручено было докончать дѣло замиренія Поволжского края, принявъ командование войсками 1-й дивизіи, расположенными въ восточныхъ губерніяхъ. За зиму С. успѣлъ уничтожить остатки пугачевскихъ шаекъ и «безъ кровопролитія, но паче императорскимъ малосердцемъ» сократилъ «своими политическими распоряженіями и военными маневрами буйства башкирцевъ и иныхъ».

Въ августѣ 1775 г. С. пришлось выѣхать въ Москву, по случаю смерти отца. Здѣсь онъ представился государынѣ, предложившей ему командование Петербургской дивизіей. С. отказался, испросивъ годовой отпускъ для приведенія въ порядокъ дѣлъ отца и принятія оставленнаго имъ довольно крупнаго наслѣдства. Помимо денегъ С. унаследовалъ вполнѣ благоустроеннія имѣнія: Цензенского намѣстничества, Мокшанской округи, въ селѣ Никольскомъ, Новая Шукша тоже, въ сельцѣ Скрябинѣ и деревнѣ Рудаковкѣ; Владимірскаго намѣстничества, Сузdalской округи, въ селахъ Кистошѣ и Менчаковѣ, деревняхъ Куркахъ и Хлябовѣ; Ковровской округи въ сельцѣ Дьяковѣ и деревнѣ Трутневой; Костромскаго намѣстничества, Плесской округи, въ селѣ Сараевѣ, деревняхъ Федорихѣ, Симанихѣ и Михалевѣ; Новгородскаго намѣстничества, Боровичской округи, въ Кривинской и Санинской волостяхъ; Московской губерніи, Воскресенской округи, въ селѣ Рожественѣ и деревнѣ Долгинихѣ,—всего около 3.400 душъ обоего пола.

С. не могъ удѣлить дѣламъ хозяйства и управлѣнія этими имѣніями столько времени и труда, сколько его покойный отецъ; тѣмъ больше вниманія требовалось на первыхъ шагахъ, чтобы обеспечить правильное веденіе хозяйства, за которымъ въ послѣдующіе годы личного надзора быть уже не могло. С. напоминалъ отца по склонности къ бережливости,—къ собира-

нию, а не расточенію. Унаследованныя «экономіи» и все-какія личныя средства дали ему возможность тотчасъ послѣ смерти отца округлить свои помѣстія прикупкойсосѣднихъ земель. И въ послѣдующіе годы онъ не упускалъ случая покупать землю: въ теченіе 9—10 лѣтъ онъ успѣлъ пріобрѣсти до 1.500 крестьянъ. По отношенію къ крестьянамъ С. былъ вполнѣ на уровнѣ своего вѣка: они являлись для него статьей дохода. Чтобы обеспечить правильное поступленіе оброковъ (всѣ имѣнія С. были оброчными), надо было обеспечить благосостояніе крестьянъ. За этимъ С. следилъ внимательно, возлагая, однако, обязанность помогать неимущимъ и пострадавшимъ отъ какихъ-либо бѣствий крестьянамъ—на остальныхъ односельчанъ, на весь «міръ»; отъ него самого иногда назначалось только незначительное пособіе. Равнымъ образомъ, изъ такихъ же экономическихъ соображеній, С. удѣлялъ особое вниманіе бракамъ своихъ крѣпостныхъ: въ своихъ деревняхъ онъ не допускалъ безбрачія. При недостаткѣ невѣстъ, онъ приводились изъ другихъ вотчинъ или даже покупались. «Лица не разбираютъ,—пишетъ С. одному изъ своихъ управляющихъ,—лишь бы здоровы были. Дѣвицъ отправлять на крестьянскихъ подводахъ, безъ нарядовъ, одѣхъ за другими, какъ возятъ курь, но очень сохранно». За многоплодіе иногда выдавались небольшія награды. Въ приказахъ своихъ С. всегда указывалъ и на необходимость заботливаго ухода за дѣтьми для уменьшенія дѣтской смертности. Дабы не ослаблять численности своихъ оброчныхъ, С. предписалъ не поставлять рекрутъ натурой, а покупать ихъ со стороны, разверстывая цѣну рекрута по имуществу каждого на весь «міръ»: въ помогу міру С. опредѣлилъ отъ себя по 75 руб. за каждого рекрута.

По окончаніи отпуска, С. получилъ въ команду войска, расположенные въ Коломенѣ, и въ ноябрѣ 1776 г., въ виду ожидавшихся въ Крыму осложненій, былъ откомандированъ въ корпусъ Прозоровскаго, «къ полкамъ Московской дивизіи». По прибытии въ Крымъ, назначенъ начальникомъ пѣхоты корпуса и временно, по болѣзни Прозоровскаго, командовалъ всѣмъ корпусомъ. Дѣлъ не было—если не считать «расѣяніе одними движеніями собравшихся около Карасубазара против-

ныхъ Шагинъ-Гирею-хану партій» и «събываліе его въ семъ достоинствѣ, по прибытии его изъ Тамани». Все осталльное время С. съ 2 полками пѣхоты и нѣсколькими эскадронами кавалеріи стоялъ на р. Салгирѣ, близъ Акъ-Мечти, наблюдала горы къ сторонѣ Бахчисарая и верхнюю часть Салгира, занявъ важайшіе проходы и выдвинувъ посты въ Алушту (мѣры на случай высадки турокъ). Бездѣлье и лихорадка томили С. Онъ просилъ кн. Гр. Потемкина, съ которымъ былъ въ перепискѣ со временемъ пребыванія своего въ Симбирской, послѣ Пугачевскаго бунта, о переводе въ другую дивизію, но безрезультатно. Тогда въ іюнѣ 1777 г. онъ отпросился въ отпускъ, въ Полтаву, гдѣ жила жена его съ дочерью (род. 1 авг. 1775 г.), а по истеченіи срока отпуска не вернулся, но «для перемѣны воздуха» перѣѣхалъ въ Опошино, гдѣ и прожилъ до самой зимы.

Пребываніе С. въ Опошино ознаменовалось крупными семейными непріятностями. Варвара Ивановна представляла полную противоположность мужу во всемъ, кромѣ характера: неуживчивостью, вспыльчивостью, нетерпимостью—она не уступала С. Вполнѣ естественно, что при такихъ условіяхъ они не долго могли ужиться, тѣмъ болѣе, что Варвара Ивановна была не чужда увлечений.

За время отсутствія С. дѣла въ Крыму обострились. Открылись военные дѣйствія. Румянцевъ невольно обратилъ вниманіе, что въ рапортахъ Прозоровскаго никогда не упоминается С.; онъ запросилъ о немъ, и Прозоровскому пришлось донести, что С. по болѣзни не вернулся изъ отпуска, и гдѣ сейчасъ находится — неизвѣстно. За это Прозоровскій получилъ строгій выговоръ, а С. предписано было немедленно явиться на службу. С. отказался, ссылаясь на болѣзнь: ему не ходилось возвращаться въ Крымъ, такъ какъ отношенія его съ Прозоровскимъ были крайне непріязненны. Онъ вторично обратился къ Потемкину съ просьбой о переводе. На этотъ разъ просьба была уважена. Въ январѣ 1778 г. С. былъ назначенъ начальникомъ войскъ на Кубань.

Обѣѣхавъ линію постовъ, по берегу моря до Кубани и отъ Кубани до Козыза, собравъ свѣдѣнія о мѣстности и населеніи, результатомъ чего явилось подробное

топографическое и этнографическое описание края, С. приступилъ къ устройству передовой линіи. За три мѣсяца пребыванія на Кубани онъ успѣлъ построить до 30 укрѣплений. Кордонная служба была упорядочена. Строевыя занятія велись неослабно, несмотря на строительные работы, производившіяся войсками. Эвакуировавъ госпитали, С., въ видѣхъ уменьшенія смертности, скученный дотѣль войска размѣстилъ широко, сумѣвъ однѣко избѣжать излишнаго разбрасыванія силъ. Мягкое и гуманное обращеніе съ туземцами, подарки вліятельнымъ лицамъ, на которые не скучился С., въ связи съ постоянной боевой готовностью войскъ Кубанскаго корпуса—повели къ тому, что за все это время миръ не нарушился ни разу: не было ни одной вспышки недовольства, «ни одного ногайского за Кубань набѣга».

Оцѣнивая по достоинству труды С., Румянцевъ, при первой возможности, предоставилъ ему болѣе широкій кругъ дѣятельности, назначивъ въ апрѣль 1778 г. командующимъ войсками въ Крымъ, на мѣсто уволенного Прозоровскаго.

Въ тревожное время принялъ С. Крымскій корпусъ. Татары волновались. Помѣщеніе русскаго ставленника—хана Шагинъ-Гирея, было крайне неустойчивымъ, да и самъ онъ былъ далеко не искреннимъ приверженцемъ Россіи; такимъ образомъ, съ одной стороны, его приходилось охранять отъ подданныхъ, которымъ его называли, съ другой — следить за нимъ самимъ. Обезпокоенные успѣшнымъ ходомъ нашей политики въ Крыму, предвидя близкое присоединеніе его къ Россіи, турки готовы были вмѣшаться: у береговъ полуострова крейсировалъ турецкій флотъ.

С. раздѣлилъ полуострѣвъ на округа для лучшей организаціи наблюденія и обороны берега; намѣтилъ пункты для новыхъ укрѣплений; умножилъ береговые посты; установилъ сигнализацію между сухопутными войсками и флотомъ; принялъ рядъ мѣръ по охраненію здоровья войскъ, начавъ, по обыкновенію, съ эвакуациіи госпиталей. Наконецъ, 16 мая 1778 г. въ приказѣ по корпусамъ Крымскому и Кубанскому объявилъ подробное «Наставленіе о порядкѣ службы пѣхоты, кавалеріи и казаковъ въ лагерѣ, на походѣ и въ бою», существенно исправляв-

шее и дополнившее действовавший уставъ (1763 года).

Предписавъ С. не допускать турецкаго десанта съ флота, но не доводить дѣла до разрыва, Румянцевъ самъ не вѣрилъ, однако, чтобы С. сумѣлъ выполнить подобную задачу. Но турки, убѣдившись въ полной боевой готовности русскихъ войскъ, зная рѣшительность ихъ начальника, не проявили настойчивости при двукратныхъ попыткахъ десанта, и дѣло обошлось благополучно.

Еще труднѣе и сложнѣе была задача, порученная С.,—выселеніе христіанъ изъ Крыма въ Пріазовскій край. Въ дни ея выполненія противъ С. были всѣхъ христіане—потому что для нихъ выселеніе было тягостью, если не разореніемъ; ханъ—потому что съ уходомъ христіанъ, главныхъ плательщиковъ всякихъ налоговъ, онъ терялъ большую часть своихъ доходовъ и становился въ тѣсную зависимость отъ милости субсидировавшаго его русскаго правительства (съ этой цѣлью и было рѣшено выселеніе христіанъ); наконецъ, самъ Румянцевъ—такъ какъ онъ былъ противникомъ этой предписанной свыше мѣры и въ каждомъ шагѣ С. искалъ доказательствъ правильности своего отрицательного отношенія къ выселенію. Но, несмотря на всю напряженность положенія, на все трудности, С. удалось мирно довести дѣло до конца. Съ юля по сентябрь свыше 30 тысячъ христіанъ оставили Крымъ.

Въ январѣ 1779 г. С. выѣхалъ въ отпускъ, въ Полтаву, куда нѣсколько мѣсяцевъ назадъ ему пришло отправить изъ Крыма жестокаго страдавшихъ лихорадкой жену и дочь. Но пробылъ онъ тамъ недолго, такъ какъ въ февралѣ былъ командированъ въ Астрахань для инспекціи Моздокской линіи. Выполнивъ порученіе, онъ проѣхалъ на Кубань, осмотрѣть Бердянскую линію и черезъ Арбатъ вернулся въ Крымъ.

Въ мартѣ 1779 г. Порта подписала конвенцію, надолго, казалось, уничтожившую возможность распри за Крымъ. Военные приготовленія на Кубани и въ Крыму были прекращены. С. предписано, оставилъ въ Керчи и Еникале гарнизоны, до 6.000 человѣкъ, вывести остальные войска въ Россію и принять командование Малороссійской дивизіей. Отпустивъ войска и сведя съ ханскими таможенными откупщиками послѣдніе счеты по безпошлиновому ввозу то-

варовъ для русскаго корпуса, С. въ концѣ юля выѣхалъ наконецъ въ новую штабъ-квартиру, въ Полтаву. Здѣсь у него вновь возникли несогласія съ женою, и С. возбудилъ даже дѣло о разводѣ, но оно при посредствѣ родственниковъ жены и другихъ влиятельныхъ лицъ было замято.

24 января 1780 г. С. съ семьей выѣхалъ въ Астрахань, куда былъ переведенъ. Этотъ переводъ стоялъ въ связи съ проектомъ Екатерины использовать затрудненія, которыя испытывала морская торговля Индіи вслѣдствіе англо-французской войны, и «привлечь знатную часть ея къ нашимъ границамъ»—черезъ Персію и Каспійское море. Подготовка обширной операции, связанной съ этимъ проектомъ, должна была начаться съ «усмирѣнія пограничныхъ хановъ персидскихъ, въ виду ихъ частыхъ дерзостей»—въ дальнѣйшемъ, быть можетъ, предстоялъ персидскій походъ. С. рисовались широкія перспективы: онъ выѣхалъ на «свѣженькую работу» въ самомъ радостномъ настроеніи, тѣмъ болѣе что при дворѣ былъ принятъ чрезвычайно милостиво и пожалованъ звѣздой Александра Невскаго съ собственной одеждой Императрицы.

Но уже въ ближайшее время выяснилась полная фантастичность «персидского проекта»,—англичанамъ удалось обезпечить прежній путь ость-индской торговли, и порученія С. предприятія были отмѣнены. Тѣмъ не менѣе онъ оставленъ быть въ Астрахани, и такъ какъ опредѣленного назначенія не получилъ, а числился въ командингахъ, то оказался такимъ образомъ безъ дѣла и безъ командаованія. С. чувствовалъ себя ссылочнымъ, жаловался на непризнаніе заслугъ и усиленно хлопоталъ объ отпускѣ или переводѣ. Въ теченіе двухъ лѣтъ просбы его не имѣли успѣха: наконецъ, 31 декабря 1781 г. состоялся приказъ о назначеніи С. командующимъ дивизіей въ Казань,—единственное назначеніе, на которое онъ указывалъ въ своихъ письмахъ Потемкину и др. какъ на нежелательное.

Въ Казани С. пробылъ недолго. Въ августѣ 1782 г. онъ получилъ предписаніе немедленно отбыть къ уроцишу Кичи-Кермель на Днѣпръ и принять тамъ крымскія войска отъ графа де-Бальмена, а по прибытіи туда, послѣ свиданія съ Потемкинымъ въ Херсонѣ—получить въ командование Кубанскій корпусъ. 19 октября 1782 г. С.

прибылъ въ крѣпость св. Дмитрія, штабъ-квартиру корпуса.

Первая половина 1783 года прошла въ трудахъ по подготовкѣ предстоявшаго приведенія ногайскихъ ордъ въ россійское подданство. Еще въ прошлое пребываніе свое на Кубани ознакомясь съ туземнымъ населеніемъ, С. успѣшио справлялся съ нелегкой своей задачей,— и 28 июня мирно и безъ всякихъ осложненій принесена была ногайцами торжественная присяга на вѣрность Императрицѣ всероссійской. Наградой С. былъ благодарственный реескрипт и Владиміръ 1-й степени. Но вслѣдъ затѣмъ начались неудачи. Еще до назначенія С. постоянные мятежи и смуты среди ногайскихъ ордъ привели Потемкина къ мысли выселить ихъ въ уральскія степи. С. приказано было постепенно подготовлять это выселеніе, и, дѣйствительно, стараніями его идея переселенія все шире и шире распространялась между ногаями. Въ юлѣ на Кубани появились новые признаки волненія. Боясь нарушенія спокойствія и считая умы достаточно подготовленными, С. рѣшилъ немедленно приступить къ выселенію, вопреки приказу Потемкина—повременить. Сначала все шло благополучно. Подъ прикрытиемъ войскъ, подъ наблюдениемъ особыхъ приставовъ, ногайцы двинулись небольшими партіями вдоль линии постовъ, протянувшейся въ обезпечenie земель Войска Донскаго, отъ Еи до половины Дона. Но глухое недовольство переселенцевъ не замедлило перейти въ открытый мятежъ: отойдя всего съ сотни верстъ отъ Ейска, они—31 юля—напали на русскую команду; вслѣдъ затѣмъ 10.000 джамбулакцевъ повернули назадъ, обрушились на одинъ изъ постовъ, но были отбиты подоспѣвшими къ нему подкрепленіями. На уроцищѣ Урай-Илгасы произошла жестокая рѣзня, ставшая жизни 3.000 ногаевъ. Мятежъ быстро разросся. Несколько мелкихъ русскихъ отрядовъ было изрублено. На самую крѣпость Ейскъ произведено отчаянное, но неудачное нападеніе. Только трое старыхъ мурзъ остались вѣрны Россіи; всѣ остальные со своими ордами бросили Ейскія кочевья и ушли за Кубань.

Большую роль въ этомъ возстаніи сыграли «возмутительскія письма» бывшаго крымскаго хана Шагинъ-Гирея, успѣвшаго расказатьсѧ въ своемъ отреченіи отъ власти въ пользу русской Императрицы. Узнавъ

объ этомъ, Потемкинъ предписалъ С. возвратить Шагина изъ Тамани, куда онъ бѣжалъ изъ Крыма, въ русскіе предѣлы. Но курьеръ С., посланный съ соответствующимъ предписаніемъ къ Таманскому коменданту, былъ задержанъ въ пути, и предупрежденный Шагинъ-Гирея успѣль бѣжать къ Закубанскимъ горцамъ. Положеніе на Кубани осложнилось съ каждымъ днемъ. Отъ Потемкина шли гнѣвные ордера: онъ требовалъ немедленного «пресѣченія дерзости ногайцевъ».

19 сентября С. выступилъ изъ Копыла за Кубань съ 16 ротами, 16 эскадр., 16 орудіями и 6 казачьими полками. Съ необычайными предосторожностями поднявшись вверхъ по Кубани, онъ соединился въ ночь на 1 октября на уроцищѣ Токусъ-Тобе съ 10 казачьими полками, приведенными съ Дона войсковымъ атаманомъ Иловайскимъ, и къ 2 часамъ ночи благополучно, несмотря на огромныя затрудненія, переправился черезъ Кубань. Переправа не была обнаружена ногаями; аулы ихъ были захвачены врасплохъ. На уроцищѣ Керменчикъ произошла рѣзня, къ 10 часовъ прекращенная за сильнымъ утомлѣніемъ лошадей и людей. Убитыхъ татаръ насчитано до 2.000, среди нихъ 11 почетныхъ мурзъ и главныхъ наѣздиниковъ Едичкульской орды. Послѣ 2-часового отдыха Иловайскій съ казачьими полками двинулся снова впередъ, по правому берегу Лабы, надѣясь предупредить на переправѣ спѣшившія отъ верховьевъ Зеленчика значительныя скопища ногаевъ. Самъ же С. съ частью кавалеріи и пѣхотой пошелъ лѣвымъ берегомъ. Иловайскому удалось захватить ногаевъ: на уроцищѣ Сарычигерь казаки положили еще до 1.500 чel. Общий уронъ ногаевъ за этотъ день дошелъ до 3.500; пленныхъ взято до 1.000; 1.000 лошадей, тысячъ 7 рогатаго скота, 15 тысячъ барановъ стали добычей. Потери отряда были ничтожны. Въ ночь на 3-е отрядъ спустился по р. Лабѣ до уроцища Керменчикъ, откуда произведенъ былъ безрезультатный поискъ къ Кара-Ногаю: остатки разбитыхъ ордъ успѣли уже укрыться въ лѣсахъ. Послѣ двухдневнаго отдыха на берегу Кубани, противъ устья Лабы, въ ожиданіи возвращенія лазутчиковъ, высланныхъ для сбора свѣдѣній о разбойникахъ Зуналгѣсъ, съ шайкой котораго разочигывалъ покончить С., убѣдясь, что за удаленіемъ

непріятеля въ хъстисты горы ничего больше сѣдѣть нельзя, онъ распустилъ свой сводный отрядъ и вернулся въ Ейскъ.

Впечатлініе, произведенное Суворовскимъ набѣгомъ, было огромно. Бѣжавшіе за Кубань ногайскіе мурзы изъявили покорность, обѣщаючи вернуться на прежнія кочевья. Вѣсть о разгромѣ ногаевъ нашла себѣ откликъ далеко на Кавказѣ и въ Крыму, гдѣ татары, напуганные Керменчикской рѣзней, цѣлыми тысячами стали переселяться въ Турцію.

Зиму 1783—1784 г. С. провелъ въ крѣпости Св. Димитрія, гдѣ проживало и его семейство. Ему удалось исправить свой невольный проступокъ съ Шагинъ-Гиреемъ. Умѣлыми переговорами С. успѣлъ склонить Шагина оставить свое уѣхжище за Кубанью, и весной 1784 г. бывшій ханъ выѣхалъ въ Россію.

Признаніе Портой подданства Крыма и Кубанского края Россіи вызвало новое распределеніе войскъ. С. былъ отозванъ въ Москву и въ апрѣль получилъ командование Владимірской дивизіей. 29 мая онъ представился Императрицѣ для доклада о состояніи Кубанского края.

Въ 1784 г. несогласія С. съ женой обострились до такой степени, что повели къ разрыву между супружами—отдѣльному ихъ жительству. Дочь ихъ Наталья помѣщена была на воспитаніе въ Смольный институтъ; сынъ, Аркадій, родившійся 4 августа 1784 г., остался при матери.

Въ 1785 г. С. былъ переведенъ въ Петербургъ командующимъ Петербургской дивизіей. 28 октября 1786 г. по старшинству произведенъ въ генералъ-аншефы и 6 января 1787 г. принялъ командование войсками Кременчугской дивизіи, которымъ предстояло составить часть той блестящей декорациі, которую готовилъ Потемкинъ къ посѣщенію Императрицей вновь присоединенныхъ земель. Не мало пришлось С. потрудиться надъ обмунированіемъ и обученіемъ полковъ, представленныхъ Екатеринѣ въ Кременчугѣ на смотрѣ 30 апрѣля. Смотръ сошелъ блестяще: въ письмѣ къ Гриму Государыня называетъ Суворовскія войска «превосходѣйшимъ войскомъ, которое только можно встрѣтить». Изъ Кременчуга С. следилъ въ свитѣ Императрицы до Херсона. Вторичный смотръ войскамъ С. состоялся на обратномъ пути, въ специально для этого разбитомъ

лагерѣ близъ д. Бланкитной. Въ Полтавѣ С. откланялся Императрицѣ, получивъ «за гуляніе», какъ онъ выражался, табакерку съ вензелемъ Екатерины.

Послѣ блестящихъ смотровъ въ Кременчугѣ и Бланкитной отношенія государыни и особенно Потемкина съ С. стали значительно милостивѣе. Благодаря этому, при объявлении Турецкой (13 августа 1787 г.) войны Россіи С. получилъ командование однимъ изъ пяти корпусовъ, входившихъ въ составъ Екатеринославской арміи Потемкина, предназначеннѣй для активныхъ наступательныхъ дѣйствій. Болѣе того, ему порученъ былъ Херсоно-Кинбурнскій районъ, важнѣйший участокъ театра въ первый періодъ войны, когда за неготовностію нашей къ открытію военныхъ дѣйствій приходилось ограничиться обороной.

Первый ударъ турокъ ожидали именно въ этомъ районѣ. Между тѣмъ, укрѣпленія береговыхъ пунктовъ были далеко еще не законченны; въ войскахъ иекомплектъ доходилъ до $\frac{1}{3}$ штатнаго состава, несмотря на то, что они только что приняли рекрутъ. Отраженіе удара при этихъ условіяхъ представляло трудную и отвѣтственную задачу.

Оборона береговъ была для С. дѣломъ не новымъ. Съ нею—и въ значительно болѣе широкихъ размѣрахъ—ознакомился онъ еще въ 1778 г. въ Крыму, гдѣ ему пришлось организовать оборону цѣлой береговой линіи. Въ этомъ отношеніи частные распоряженія С. въ 1787 г. являются дополненіемъ его общихъ указаний 1778 г., составляя вмѣстѣ геніальный образецъ организаціи береговой обороны. Разбивъ на участки порученный ему районъ, С. распредѣлилъ войска, строго сообразуясь со стратегическими значеніемъ участковъ и неуклонно наблюдалъ при распределеніи цѣлостность строевой организаціи войскъ. Онъ принялъ мѣры къ усиленію строевого состава частей корпуса, уменьшивъ нарядъ караульной и гарнизонной службы и снявъ солдатъ съ работъ. По имѣвшимся свѣдѣніямъ, первый ударъ турокъ долженъ былъ обрушиться на Херсонъ и Глубокую. На нихъ и сосредоточилъ С. все свое вниманіе. Спѣшно усиливались слабыя укрѣпленія обоихъ угрожаемыхъ пунктовъ. Къ 21 августа—дню первого боя авангарда нашей рѣчной флотиліи съ

турецкимъ флотомъ—Глубокая пристань была уже обезпечена батареей и 5 судами Мордвинова, за вооруженiemъ которыхъ С. наблюдалъ лично. Къ 25 августа закончены были 5 сильныхъ батарей у Херсона, подготовлено 6 судовъ для специальной обороны подступовъ и прирѣчной стороны. Работы по укрѣплению продолжались безъ перерыва до середины сентября. Слабымъ демонстраціямъ турокъ къ Кинбурну С. не придавалъ значенія, хотя на всякий случай усилилъ гарнизонъ его пѣхотными полкомъ (Козловскимъ). Но 13 сентября турки произвели серьезную демонстрацію на Кинбурнъ, и въ тотъ же день греки—перебѣжчики изъ Очакова принесли С. извѣстіе, что на Херсонѣ никакихъ покушеній не готовится, а немедленно по прибытіи Варнинскаго флота, который ждутъ въ Очаковѣ, турки атакуютъ Кинбурнъ. На съѣдующее же утро С. сдалъ комадование въ Херсонѣ Бибикову, двинувъ къ Кинбурну войска ближайшаго къ нему V участка (Колончакъ-Старооскольскій редутъ), приказавъ туда же идти флотилии изъ Глубокой, и перенесъ свою главную квартиру въ Кинбурнъ. Начатая 13-го бомбардировка Кинбурна турецкимъ флотомъ съ небольшими перерывами продолжалась до 15-го. Попытки высадки были, однако, удачно отбиты, а флотъ отогнанъ геройской атакой галеры «Десны» (мичманъ Ломбардъ), единственного судна, во-время подоспѣвшаго изъ Глубокой. Затѣмъ наступило затишье, нарушающее только рѣдкими перестрѣлками крѣпости съ турецкой эскадрой да почти ежедневными стычками съ турками неутомимаго Ломбарда. Кинбурнский отрядъ несъ усиленную службу, въ постоянной готовности отразить высадку; но при этомъ С. самымъ тщательнымъ образомъ скрывалъ свои силы, не обнаруживая ясно расположения пѣхоты на берегу. Спѣшно производились работы по подготовкѣ косы въ инженерномъ отношеніи; образцово задуманныя и выполненные, они обратили косу какъ бы въ укрѣпленный лагерь, не загроможденный однако невуждными окопами.

Между тѣмъ приближался періодъ бурь, нужно было ожидать ухода турецкаго флота въ безопаснѣю стоянку—къ Константинополю. С. почти пересталъ вѣрить въ возможность покушенія на Кинбурнъ, когда,

наканунѣ Покрова, въ виду крѣпости появилась турецкая эскадра и открыла бомбардировку. Неудача русскаго флота (Войновича), на пути къ Варнѣ сильно пострадавшаго отъ бури и вынужденного вернуться къ берегамъ Крыма, открыла возможность Варнинской эскадрѣ безпрепятственно соединиться съ Очаковской: Кинбурну грозили почти всѣ морскія силы Турціи. С., 28 сентября вернувшись изъ Глубокой, куда онъѣздила для осмотра флотилии, немедля послалъ Мордвинову приказъ спѣшить съ судами къ Кинбурну. Но Мордвиновъ опоздалъ. Уже на разсвѣтѣ 1 октября бомбардировка возобновилась съ особой силой, и въ девятомъ часу утра, въ 2 пунктахъ — на самомъ концѣ косы, около 2 verstъ отъ крѣпости, и у Біанки, въ 12 verstахъ, — обозначились высадки. Отправивъ для выясненія дѣла къ Біанки Река съ отрядомъ, С. вызвалъ къ себѣ Козловскій полкъ отъ Покровскаго редута, спокойно объявилъ начальствующимъ о замѣченной высадкѣ — «... пускай всѣ выѣзжутъ» — и такъ какъ день былъ праздничный, пошелъ къ обѣднѣ. Высадка у Біанки оказалась демонстраціей, безъ труда отбитой Рекомъ. Турецкій флотъ раздѣлился на 3 части: главная, выдѣливъ отряды, наблюдавшіе флангъ и тылъ со стороны Глубокой, бомбардировала Кинбурнъ; вторая изъ мелкосидящихъ судовъ обстрѣливала фланговыми огнемъ пространство между пунктомъ высадки у мыса и Кинбурномъ; третья, у самого пункта высадки, обстрѣливала косу продольно. Подъ прикрытиемъ огня флота десантъ совершился безъ затрудненій. До 5.000 отборной пѣхоты изъ войскъ Очаковскаго гарнизона, при 2 орудіяхъ, вышли на косу и стали продвигаться впередъ, быстро перекапывая косу попрекъ траянеями, при помощи заготовленныхъ мѣшковъ съ пескомъ устраивая неглубокіе ложементы. Пространство между ложементами и берегомъ прикрывалось подвижными рогатками. С. не препятствовалъ подходу турокъ къ крѣпости. До прибытія флотилии она была бессиленъ бороться съ огнемъ флота; съ приближеніемъ же турокъ къ Кинбурну обстановка облегчалась, такъ какъ все болѣе стѣснялась сфера флангового картечного огня флота — наиболѣе опаснаго, и приходилось имѣть дѣло съ одной пѣхотой. Къ 3 часамъ дня, заложивъ на кою

15 ложементовъ, турки были уже меньше чѣмъ въ верстѣ отъ Кинбурна; передовые, подъ прикрытиемъ берега, подошли на 200 шаговъ къ гласису. Въ это время къ С. подошли ближайшія части спѣшино сосредоточившихся къ Кинбурну войскъ: онъ рѣшилъ атаковать.

Оставивъ въ крѣпости и въ вагенбургѣ 4 роты, С. вывелъ остальные силы (1.500 чел.) въ поле. Начальствованіе имъ поручено было генералу Реку. Самъ С., сохранивъ общее командованіе, находился при войскахъ первой линіи, съ Шлиссельбуржцами. Несмотря на то, что ложементы приходилось брать прямо въ лобъ, такъ какъ обходу слѣва препятствовала глубина лимана, а движеніе справа — въ тылъ, по отмели, было возможно только для гонницы, которая не успѣла еще подойти, — 10 траншей было взято съ одного удара. Но по мѣрѣ удаленія отъ крѣпости войска С. попадали подъ фланговый огонь флота: потери быстро стали расти. Рекъ, три баталіонныхъ командаира выбыли изъ строя тяжело ранеными; сказалась недостаточная боевая подготовка войскъ, значительная часть которыхъ къ тому же состояла изъ рекрутъ: ряды дрогнули и, беспорядочно отстрѣливаясь, перешли въ отступленіе. Преслѣдуя по пятамъ, турки окружили С., отходившаго съ кучкой солдатъ. Рядовой Шлиссельбургскаго полка Степанъ Новиковъ спасъ С., положивъ на мѣстѣ з туровъ. Его подвигъ и опасность, угрожавшая любимому вождю, мгновенно подняли духъ всѣхъкимъ офицерамъ удалось обернуть задніе ряды, примѣръ ихъ увлекъ остальныхъ, — и вся линія неудержимо ринулась снова впередъ. Турки держались стойко. «Молодцы, съ какими еще не дрались», писалъ С. послѣ боя. Сквозной и фланговый огонь флота вырывалъ у русскихъ цѣльные ряды. Успѣхъ колебался. Около 6 часовъ С. былъ раненъ картечью подъ сердце: рана не тяжела, но заставившая его на время потерять сознаніе. На мигъ лишенный вождя, русскія войска дрогнули снова: настроеніе упало, силы истощены, патроны израсходованы. Подъ новой бѣшенной контрапѣтакой турокъ, разстрѣливаемыя картечью съ турецкихъ судовъ, они отхлынули назадъ, въ полночь разстройствѣ. Но С. не даромъ затягивалъ бой, до полнаго истощенія силъ отряда Река не поддерживая его подходившими

къ Кинбурну свѣжими войсками. Въ тылу войскъ первой атаки уже выстроились 2 роты Шлиссельбургскаго, рота Орловскаго, баталіонъ Муромскаго полковъ, подоспѣвшая легкая конница и казаки. Съ этими свѣжими силами, съ новой энергией С. въ «третій разъ обновилъ бой». Наступавшая темнота ослабляла действительность турецкаго огня съ флота; къ тому же артиллерія крѣпости вывела 4 судна изъ строя, а смѣлая атака «Десны» — единственного судна, которымъ располагалъ С., отогнала на время отъ берега 17 непріятельскихъ судовъ. Это нѣсколько уравнивало шансы. Казаки по отмели бросились въ тылъ; главные силы ударили съ фронта. Послѣ отчаянного сопротивленія, такъ какъ турки знали, что отступленія нѣть (десантныя суда по приказанію паши отведены отъ берега), — ложементы были взяты, турки загнаны въ воду за устроенную ими при высадкѣ эстакаду. Здѣсь произошло массовое избиеніе: артиллерія разстрѣливала tolпы турокъ картечью; «легкоконные по грудамъ труповъ повторяли атаки». Невадолго до окончанія дѣла С. былъ раненъ втоично — пулей въ лѣвую руку навылетъ. Докончить въ этотъ день истребленіе попавшихъ въ тиски турокъ С. не могъ, за полнымъ изнеможеніемъ людей. Это было исполнено на слѣдующее утро казаками Исаева. Туркамъ удалось привыть на суда не больше 600 — 700 кинбурнскихъ бѣглцовъ: всѣ остальные полегли на косѣ. Наши потери доходили до 1.000 чел. Взято 15 знаменъ и 2 орудія, штурмовая лѣстница, рогатки.

«Спасеніе» Кинбурна, какъ называла побѣду 1 октября Екатерина, сохранивъ въ нашихъ рукахъ ключъ къ Крыму и Херсону, уничтоживъ опасенія за побережье, имѣло выѣсть съ тѣмъ огромное моральное значеніе, поднять духъ не только войскъ, но и главнокомандующаго кн. Потемкина, переживавшаго въ то время одинъ изъ характерныхъ для него припадковъ вялости и равнодушія. Два реєскрипта лента Андрея Первозваннаго были наградой С. «Чувствительны намъ раны ваши...», писала Императрица.

На зиму С. остался въ Кинбурнѣ. Хотя съ уходомъ отъ Очакова, 8 октября, турецкаго флота нельзѧ было ожидать повторенія попытки десанта, С. продолжалъ держать войска въ полной боевой готовности.

Отдана была — до сих поръ могущая служить образцомъ — диспозиція на случай высадки непріятеля. Сторожевая служба неслась неослабно. У береговъ скальвали ледъ, для большей безопасности отъ нечаянного нападенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ продолжалась постройка укреплений: возведены 2 новыхъ батареи на 24 орудія; устроена ядрокалильная печь.

Здоровье С. возстановливалось медленно; тѣмъ не менѣе онъ нетерпѣливо ожидалъ «дѣла», тяготясь положеніемъ «празднаго зрителя», въ которомъ оказался онъ на Кинбурнскомъ посту съ возобновленіемъ весной 1788 г. военныхъ дѣйствій. 18 апреля, по соглашенію съ командиромъ гребной флотиліи принцемъ Нассау, онъ представилъ Потемкину, приступившему къ осадѣ Очакова, проектъ штурма этой крѣпости съ приморской стороны, вызываясь лично выполнить его. Но планъ былъ отвергнутъ, какъ слишкомъ рискованный. 17 июня построенные за зиму С. береговые батареи приняли ближайшее участіе въ разгромѣ эскадры Гассана-паша принцемъ Нассау, а нѣсколько дней спустя въ отраженіи попытки турокъ — спасти оставшіяся подъ Очаковымъ суда.

Въ началѣ іюля С. просилъ и получилъ разрѣшеніе идти волонтеромъ съ десантнымъ отрядомъ, назначеннымъ для занятія о-ва Березани, противъ Очакова. Но экспедиція была отложена. Наконецъ, 16 іюля отданъ былъ приказъ о присоединеніи части Кинбурнского и всего Херсонскаго отряда къ корпусу Потемкина, и 19-го С. отбылъ подъ Очаковъ съ Фанагорійцами и своднымъ grenадерскимъ батальономъ.

Въ серединѣ іюля Потемкинъ затребовалъ отъ старшихъ начальниковъ, въ томъ числѣ и отъ С., «мінѣнія» о способахъ овладѣнія крѣпостью. С. высказался за формальную осаду, указывая главное направление ея на приморскую сторону; но въ глубинѣ души онъ попрежнему стоялъ за штурмъ. Онъ не могъ вмѣстѣ съ тѣмъ относиться хладнокровно къ безголовому и медленному веденію осадныхъ работъ, вялости и нерѣшительности главнокомандующаго. «Однимъ глядѣніемъ крѣпости не возмешь». Забывъ всю щѣнность сохрания благосклонности всесильнаго князя Таврическаго, С. не скучился на ѳдкіе сар-

казмы по его адресу. Это не могло остаться неизвѣстнымъ Потемкину.

27 іюля турки произвели сильную вылазку. До 500 человѣкъ пѣхоты, подъ прикрытиемъ небольшого кавалерійскаго авангарда, вышли лошадьми на крайній лѣвый флангъ русскаго расположенія, сбили пикетъ Бугскихъ казаковъ, но были остановлены высланными по тревогѣ С. Фанагорійскими стрѣлками; слѣдомъ за ними прибылъ съ grenадерскимъ батальономъ самъ С. Преслѣдуя опрокинутыхъ послѣ упорного боя турокъ, Фанагорійцы ворвались въ сады, окружавшіе крѣпость, но здесь были встрѣчены свѣжими силами непріятеля. С. ввелъ въ дѣло еще багаціонъ; но къ туркамъ подходили все новые и новые подкрѣпленія, и успѣхъ продолжалъ колебаться. Четыре раза посыпалъ Потемкинъ приказаніе вернуться, но С. съ непонятнымъ упорствомъ продолжалъ бой. Наконецъ, рана въ шею вывела его изъ строя: онъ приказалъ приведшему отъ него командованіе Бибикову отходить. Вместо постепенного отвода частей — быть данъ отбой, люди смыкались и подъ новымъ напоромъ турокъ бросились бѣжать. Это дѣло стоило намъ до 500 человѣкъ.

На слѣдующій день С. получилъ строгій запросъ главнокомандующаго: «будучи въ невѣдѣніи о причинахъ вчерашняго происшествія», Потемкинъ требовалъ объясненій. Неизвѣстно, что отвѣтилъ С., но черезъ 5—6 дней послѣ боя онъ выѣхалъ изъ осаднаго корпуса обратно въ Кинбурнъ, «чтобы имѣть наблюденіе за непріятельскимъ флотомъ», т. е. на прежній постъ «очевиднаго свидѣтеля». С. прибылъ въ Кинбурнъ совершенно больнымъ: лихорадка, затрудненіе дыханія, постоянные обмороки; сильно болѣла рана, полученная подъ Очаковымъ: при перевязкѣ въ ней оставлены были кусочки подкладки и сукна, вызвавшіе воспаленіе. Пришлось созвать консилиумъ. Больше мѣсяца С. не вставалъ съ постели: 18 августа въ Кинбурнѣ взорвало артиллерійскую лабораторію, въ которой снаряжалась бомбы: одной изъ нихъ была разбита комната С.; самъ онъ едва успѣлъ выскочить; кусками оторванной отъ стѣны щепы его ранило въ лицо, грудь, руку и ноги. Къ счастью, поврежденія оказалось неопасными. Силы С. возстановливались медленно. Онъ перебѣхалъ для продолженія леченія въ Херсонъ, а

потомъ въ Кременчугъ. Отношения съ Потемкинымъ обострившіяся за время Очаковской осады, мало-по-малу улучшились. Успѣшно завершивъ кампанію кровавымъ штурмомъ Очакова, осыпанный милостями, Потемкинъ забылъ «вины» С. Онъ былъ ласково принятъ въ Петербургъ, куда прибылъ въ февралѣ 1789 г., неоднократно удостаивался приглашенія во дворецъ и въ Эрмитажъ, появлялся на торжественныхъ приемахъ; помѣщенный главнокомандующимъ въ наградной спискѣ послѣ паденія Очакова, С. получилъ 14 апрѣля бриллиантовое перо въ шляпу, съ буквой К. (Київъ). Наконецъ, при распределеніи генералитета по войскамъ на предстоявшую кампанію, онъ получилъ наиболѣе видное и важное назначеніе, на которое только могъ разсчитывать: въ передовой корпусъ Молдавской арміи, где долженъ быть принять 2-ю дивизію (Дерфельдера).

25 апрѣля С. выѣхалъ изъ Петербурга, въ Кишиневѣ явился Репинину, до прибытія Потемкина временно занимавшему постъ главнокомандующаго. По плану, принятому Потемкинымъ, въ предстоявшей кампаніи имѣлось въ виду ограничиться занятіемъ Бендерь и Бессарабіи и «на Валахію видовъ не имѣть». Съобразно съ этимъ, Репининъ приказалъ С. отвести рѣвѣренную ему дивизію отъ Бырлада, где она держала связь съ австрійцами, за р. Васлуй. С. возмутила мысль начинать кампанію съ той самой «ретирады», о которой онъ запрещалъ даже упоминать въ своемъ присутствія, не говоря уже о томъ, что оставить Бырладъ значило порвать связь съ австрійцами, бросить рядъ удобныхъ позицій, затруднить сборъ свѣдѣній о противнике, о которомъ мы и такъ знали слишкомъ мало. Послѣ некотораго колебанія онъ рѣшилъ не исполнять приказанія. Репининъ, самъ отлично понимавшій всю невыгоду оставленія Бырлада, счѣлъ удобнымъ до времени «не замѣтить» послушанія С. Ободренный этимъ, С. не только остался въ Бырладѣ, но, пользуясь тѣмъ, что лѣвый флангъ его со стороны р. Елані былъ прокрытъ выдвинутымъ на правый берегъ Прута отрядомъ генерала Вадковскаго, сталъ постепенно придвигаться впередъ, къ Текучу, и занялъ Карпантешту. Высланная имъ еще дальше на югъ конница вошла въ соприкосновеніе съ непріятелемъ.

Благодаря этому С. имѣлъ возможность довольно полно освѣтить расположение турокъ и зорко слѣдить за ихъ передвиженіями. Но выдвинутое положеніе С. при извѣстной его склонности «рваться впередъ» сильно беспокоило Репинина, и 7 июня онъ послалъ С. приказаніе вернуться въ Бырладъ, что и было исполнено съ величайшей неохотой.

Передвиженія турокъ не оставляли сомнѣнія въ томъ, что они готовятся атаковать стоявшій на Аджутѣ передовой австрійскій корпусъ Принца Кобургскаго. Видя неизбѣжность столкновенія, Кобургъ рѣшилъ предупредить турокъ и 13 июня послалъ С. предложеніе двинуться соединенными силами на Фокшаны, куда—по имѣвшимся даннымъ—постепенно сосредоточивались турки. С. снесся съ Репининымъ. Явно сочувствуя проекту Кобурга, осторожный Репининъ уклонился однако отъ категорического приказа С. и связанный съ этимъ отвѣтственности: разрѣшеніе было дано условно, на страхъ и рискъ С., причемъ было предписано отлучиться не больше какъ на 6 дней, непремѣнно оставить часть войскъ въ Бырладѣ для связи съ Вадковскимъ и прикрытия со стороны турецкаго лагеря у д. Сассы, и письменно изложить Кобургу «непремѣнныя его требования»—во избѣженіе какихъ-либо недоразумѣній или жалобъ съ австрійской стороны впослѣдствіи. Въ отвѣтъ на разрѣшеніе С. донесъ, что во исполненіе данной Потемкинымъ директивы—«не терпѣть впереди себя непріятельскихъ скопищъ»—онъ выступаетъ къ Фокшанамъ, и 16 іюля, подъ вечеръ, съ 2 пѣхотными полками и 2 баталіонами гренадеръ, 1 егерскимъ баталіономъ, 9 эскадронами карабинеръ, 2 каз. полками и 15 орудіями кратчайшей, но труднѣйшей дорогой двинулся на Аджутѣ. Отрядъ шелъ всю ночь, слѣдующій день, и къ 11 ч. вечера, перейда Сереть по 3 австрійскимъ понтоннымъ мостамъ, у Аджута соединился съ австрійцами, наводившими мостъ на р. Тротушѣ. С. расположилъ утомленныхъ войска на отдыхъ. Отъ свиданія съ Кобургомъ для соглашенія о предстоявшихъ дѣйствіяхъ онъ отказался, подъ разнообразнѣшими предложеніями отклоняя неоднократные приглашенія Принца. Планъ Кобурга, сообщенный С. еще въ Бырладѣ, былъ безусловно непріемлемъ, такъ какъ при составленіи

его ни силы—свои и противника, ни расположение его, ни местность не были известны достовѣрно, и основывались такія данные только на предположеніяхъ. Положеніе осложнялось еще двоевластіемъ — тѣмъ болѣе, что Кобургъ (генераль-оть-кавалеріи) былъ старше по чину, и являлась вѣроатностъ, что общее команда-ваніе въ случаѣ соглашенія придется передать ему. Во избѣжаніе этого, С. пріобрѣгнуть къ приему, въ сущности уже испытанному имъ при Козлуджѣ, когда положеніе въ извѣстной степени было такимъ же. Онъ рѣшилъ двинуть свои войска впередъ и вмѣсто диспозиціи—руководить боемъ личнымъ примѣромъ рус- скаго отряда, предоставивъ австрійцамъ соображеніе свои дѣйствія съ маршемъ и боемъ передовыхъ русскихъ войскъ: роль австрійскаго главнокомандующаго (какъ и Каменскаго при Козлуджѣ) сводилась въ такомъ случаѣ къ разрѣшенію тактической задачи, заданіе которой создавалось маневрами С. На правильное рѣшеніе подобной задачи Кобургомъ С. могъ разсчитывать: способности и боевые качества австрій- скаго вождя были ему извѣстны.

Въ силу этихъ соображеній, С. только въ 11 ч. вечера 18-го послалъ Кобургу, приведенному въ полное недоумѣніе стран- нымъ поведеніемъ союзника, короткую за- писку: войска выступаютъ въ два часа ночи 3 колоннами... Русскіе въ средней колоннѣ; непріятеля атаковать всѣми си- лами, не занимаясь мелкими поисками вправо и влево. Выхода Кобургу, въ сущ- ности, не было, спорить было некогда—оставалось принять записку къ свѣдѣнію и руководству. Въ 3 часа ночи войска начали переправу черезъ Тротушъ и послѣ краткаго роздыха въ Калиманешти продолжили маршъ до Маринешти, гдѣ, имѣя въ тылу Сереть, фронтъ и лѣвый флангъ прикрытыми болотистой рѣчкой, остава- лись до вечера 20 іюля. Отсюда, двумя колоннами (австрійской и русской), дви- нулись къ р. Путнѣ. С. съ русской колон- ной, усиленной вѣсколькими австрійскими частями, шелъ—во исполненіе своего на- мѣренія—кратчайшимъ путемъ и до под- хода австрійцевъ форсировалъ своими пе- редовыми войсками переправу черезъ р. Путню, которую активно, но весьма неис- кусно оборонялъ Османъ-паша съ 6 тыс. янычаръ и спаговъ. Къ утру 21-го по на- ве-

денію за ночь мосту союзника перешли Путню и выстроились въ боевой порядокъ, въ 3 линіи: на правомъ флангѣ австрійцы, на лѣвомъ С., имѣя въ 1-й и 2-й линіяхъ 5 каре пѣхотныхъ въ шахматномъ по- рядкѣ, въ 3-й линіи — конницу. Связью между австрійцами и русскими служилъ выдвинутый впередъ авангардъ Карабая. Потѣравъ переправу, Османъ-паша по- пытался задержать движеніе союзниковъ къ Фокшанамъ въ густомъ лѣсу, лежавшемъ на пути ихъ сѣдованія и представлявшемъ крупныя удобства для обороны. Но исполь- зовать ихъ турки не сумѣли. Обстрѣлявъ опушку лѣса артиллерией, союзники безъ труда отбили фланговый контрападъ противника, и когда послѣ 2-часовыхъ усилий турки открынули—С. двинулъ свой отрядъ долиной Путни, по слѣдамъ отступавшей главной массы непріятеля. Кобургу остава- лось только послѣдовать за второй массой турокъ, отступавшихъ западнѣ лѣса. Та- кимъ образомъ естественно совершился об- ходъ лѣса съ обоихъ фланговъ: противнику послѣшилъ очистить его, отойдя къ Фок- шанамъ, гдѣ за земляными окопами стояли главные силы турокъ—до 30.000, подъ начальствомъ Дервишъ-Мухаммада.

По заросли, пробиваясь сквозь цѣпкій кустарникъ, на рукахъ подтаскивая орудія, войска С. шли бѣглымъ шагомъ, чтобы успѣть раньше австрійцевъ выйти на рав- нину. Это удалось. Не теряя времени, С. наскоро обстрѣлялъ артиллерией окопы пра- ваго фланга турокъ, противъ котораго онъ развернулся, отбивъ кавалерійскую атаку и двинулъ въ штыки три баталіона гренадеръ, на глазахъ показавшихся изъ-за лѣса австрійцевъ безъ выстрѣла ворвавшіеся въ окопы. Противъ спаговъ, составлявшихъ крайній правый флангъ турокъ, отражена была конница. Кобургъ, развернувшись, въ свою очередь безъ замедленія атаковалъ оставленные ему центръ и лѣвый флангъ. Послѣ короткаго, но жаркаго боя турки дали тыль, и только часть ихъ въ порядкѣ отошла на крѣпкій монастырь св. Самуила, лежав- шій за флангомъ и служившій какъ бы редюитомъ передовыхъ укрѣплений. Въ по- гоню за бѣжавшими турками выслана была легкая кавалерія; пѣхота окружила мона- стырь. Послѣ артиллерійской подготовки, продолжавшейся больше часа, С. совмѣстно съ австрійцами и на этотъ разъ по согла- шенію съ Кобургомъ съ двухъ сторонъ

атаковалъ бреши: монастырь былъ взятъ, защитники переколоты. Часть спустя занять австрійцами безъ потерь второй монастырь, св. Іоанна, прикрывавшій правый флангъ брошенной турками позиціи.

Турки потеряли до 1.500, до 100 пленныхъ, 12 пушекъ, 16 знаменъ; союзники — до 500 человѣкъ; иѣсколько менѣе половины этого числа приходилось на русскихъ.

С. не удалось развить успѣха. Какъ ни настаивалъ онъ передъ Репнинъ на дальнѣйшемъ движениіи, указывая, что «незачѣмъ колоть тупымъ концомъ вмѣсто остраго», ему категорически предписано было вернуться. 23-го С. выступилъ обратно и 25-го прибылъ въ Бырладъ, куда къ 29-му подтянулись обозы.

За Фокшаны С. получилъ: бриллантовый крестъ и звѣзду къ ордену св. Андрея Первозваннаго отъ Императрицы; отъ Императора Австрійскаго — богатую табакерку съ бриллантовымъ шифромъ, при милостию рескриптѣ.

Августъ прошелъ въ полномъ бездѣствіи. Только 28 августа Потемкинъ разрѣшилъ Репнину и С. продвинуться впередъ. 2 сентября С. занялъ Карабчешты (сѣвернѣе Текуча), держа связь съ кн. Пав. Потемкинъ у Фальчи, а 4-го, получивъ свѣдѣнія о сосредоточеніи 30 тыс. турокъ у Браилова, спустился еще южнѣе, къ Пущени, выславъ разѣзды на Максименъ и Галацъ. Здѣсь получено имъ извѣщеніе отъ фельдмаршала Шотемкина о движениіи Репнинна къ Табаку, съ предписаніемъ С. атаковать, если передъ нимъ появится не-пріятель. Предписаніе пришло какъ нельзя болѣе кстати: великій визирь уже перешелъ Дунай у Браилова и, сосредоточивъ болѣе 100.000 войскъ, шелъ къ Рымнику, съ цѣлью разбить австрійцевъ до соединенія ихъ съ русскими и обратиться затѣмъ на Бырладъ — Яссы.

Предупрежденный лазутчиками о грозящей ему опасности, Кобургъ 6 сентября далъ знать С. съ просьбой спѣшить на выручку. Но С. рѣшилъ выждать окончательного выясненія обстановки. Черезъ сутки прискакалъ новый гонецъ: визирь въ 4 верстахъ отъ австрійцевъ.

Въ 11 часовъ вечера С. со всѣмъ отрядомъ выступилъ на соединеніе, оставилъ въ Пущени только форпосты легкихъ войскъ. Но мостъ, который австрійцы давно уже должны были навести у Фурчена для связи

съ С., оказался наведеннымъ сѣвернѣе Маринешти, въ 15 верстахъ выше установленнаго пункта. Это заставило потерять два перехода, и только въ ночь на 9-е войска С., съ неимовѣрными затрудненіями, подъ проливнымъ дождемъ, достигли моста у Маринешти. Едва успѣть перейти авангардъ, какъ вздувшимся Серетомъ мостъ былъ поврежденъ. Согнали до 1.000 мѣстныхъ жителей; 1.500 солдатъ стали на работу: къ разсвѣту мостъ былъ готовъ, и раннимъ утромъ 10 сентября подошла къ австрійскому лагерю русская кавалерія, а сѣдомъ за нею и С. съ пѣхотой. Онъ примкнулъ къ лѣвому флангу австрійцевъ.

На этотъ разъ Кобургъ самъ явился къ С. для выработки плана предстоящихъ дѣйствій, и совѣщеніе такимъ образомъ состоялось. С. настаивалъ на немедленной атакѣ; то, что турки ограничивались до сихъ поръ аванпостными стычками, служило для него неопровергимъ указаніемъ, что со-средоточеніе противника не заключено, визирь ждетъ подкрѣплений. Кобургъ колебался: союзниковъ было 24 тысячи, противникъ вчетверо сильнѣе. Не расположенный терять время на споры, С. положилъ имъ конецъ заявленіемъ, что если Кобургъ не согласенъ, онъ атакуетъ одними русскими войсками. Кобургу пришлось уступить.

Подъ вліяніемъ сильнаго нервнаго подъема, отъ лихорадки, которой страдалъ С. въ Пущени, не осталось и слѣда. Онъ немедленно выѣхалъ съ иѣсколькими офицерами и партіей казаковъ на рекогносцировку къ р. Рымнѣ и съ высокаго дерева обозрѣлъ поле предстоявшаго боя и расположеніе противника.

Турки стояли въ 3 группахъ. 12-тысячный отрядъ Гаджи-паша-Сальтара — на сильно укрѣпленной позиції у Тыргокукули; 3-бунчужный Ага-паша — съ 70.000, въ укрѣпленіяхъ у Мартинешти; самъ визирь съ 20.000 — около Одая, не переходя р. Рымникъ. Мѣстность представляла огромныя выгоды туркамъ. Лагерь турокъ у Тыргокукули былъ прикрытъ съ фронта рѣкою Рымною, съ фланга — скрытымъ кукурузою оврагомъ; лагерь у Мартинешти — съ сѣверо-запада дугообразнымъ крутымъ оврагомъ, прикрывавшимъ доступъ на обширное поле, западнѣе Мартинешти, где свободно могла развернуться сильная армія. Оврагъ втотъ усиливался: въ центрѣ — лѣсомъ Крынгомейлоръ, приспособленнымъ къ оборонѣ,

на лѣвомъ флангѣ—также приспособленной къ оборонѣ деревней Бокзой. Связью обороны обѣихъ турецкихъ позицій—у Тыргокукули и Крынгомейлора служилъ лѣсъ Каата. Къ сторонѣ Рымни шли овраги, образовавшіе 3 отдельныхъ хребта и служившіе какъ бы передовыми позиціями передъ Крынгомейлорскимъ лѣсомъ.

При трудности предстоявшаго дѣла вопросъ объ организаціи руководства боемъ пріобрѣталь исключительную важность. Отъ наиболѣе правильнаго рѣшенія этого вопроса—объединенія командованія въ однѣхъ рукахъ—С. приходилось отказаться, такъ какъ объединеніе возможно было только въ рукахъ Кобурга, какъ старшаго по чину и положенію, на что русскій полководецъ очевидно согласиться не могъ. Двоевластіе въ союзномъ отрядѣ представлялось такимъ образомъ неизбѣжнымъ. Чтобы сохранить его только по внѣшности и объединить фактически руководство боемъ въ своихъ рукахъ, С. не могъ прибегнуть къ способу, примѣненному имъ 18 іюля; онъ былъ хорошъ при простой обстановкѣ Фокшанъ, но недопустимъ при предстоявшихъ сложныхъ маневрахъ Рымника. Въ данномъ случаѣ соглашеніе, указаніе самостоятельныхъ задачъ обоимъ корпусамъ становилось необходимымъ. Не полагаясь на австрійцевъ, С. рѣшилъ отвести имъ только испомогательную, второстепенную роль въ бою—принявъ всю тяжесть боя на русскія войска. Ими, только при содѣйствіи австрійцевъ, предполагалъ онъ атаковать обѣ массы противника, обнаруженныя имъ: первоначально покончить съ турками у Тыргокукули, прикрывая свой флангъ и тылъ медленнымъ наступленіемъ австрійцевъ къ Крынгомейлору; затѣмъ, перемѣнивъ фронтъ, сокинуться у Крынгомейлорскаго лѣса съ правымъ флангомъ австрійцевъ для совмѣстной и, сѣдовательно, подъ личнымъ его, С., руководствомъ—атаки главной турецкой позиціи. Весь планъ былъ рискованъ; въ частности, для марша отъ Тыргокукули къ Крынгомейлору С. предстояло мѣнять въ бою фронтъ дѣйствій, при условіяхъ, которыхъ нельзя было даже предвидѣть; но С. твердо вѣрилъ въ себя и свои войска, и планъ этотъ представлялся ему во всякомъ случаѣ менѣе рискованнымъ, чѣмъ ближайшее привлеченіе австрійцевъ къ рѣшенію дѣла. Чтобы обеспечить правильное выполненіе

своихъ предположеній, С. не посвятилъ въ нихъ Кобурга: онъ ограничился сообщеніемъ ему только первой половины плана—порядка перехода черезъ Рымну и наступленія къ Мартинешти.

Съ заходомъ солнца, русскіе перешли Рымну въ бродъ у лѣса Богачъ, австрійцы переправились у Чорешти; отряды двинулись по указаннымъ направленіямъ: С. берегомъ Рымны къ Тыргокукули, уступомъ кзади отъ него отрядъ Каракая, назначенный для связи съ австрійцами, еще лѣвѣ и кзади—главные силы Кобурга, направлявшися къ Крынгомейлорскому лѣсу. Начавъ наступленіе фронтально, Кобургъ вскорѣ однако понялъ, что подобный маршъ крайне невыгоденъ, такъ какъ ведеть къ вѣрообразной разброскѣ силъ, и перемѣнилъ его на облическій, выдѣливъ вмѣстѣ съ тѣмъ вправо еще отрядъ, для связи съ постепенно отдалявшимся отъ главныхъ силъ Каракаемъ. Такимъ образомъ маршъ союзниковъ свелся къ простому и крайне выгодному наступленію уступами.

Русскіе шли въ четыре линіи: въ первой—3 баталіона гренадеръ; во второй—1 грек. баталіонъ, 2 пѣх. полка; въ третьей—по 3 эскадрона карабинерныхъ полковъ: Рязанскаго, Стародубовскаго, Черниговскаго, и 2 дивизіона австрійскихъ гусаръ; въ четвертой—эрнауты, имѣя на обоихъ флангахъ донскихъ базаковъ Грекова. С. находился въ первой линіи, при среднемъ каре. Подвигаясь полами, заросшими кукурузой и бурьяномъ, русскія войска почти у самого Тыргокукули наткнулись на глубокій оврагъ и отъ неожиданности замялисъ. Этимъ моментомъ воспользовался Гаджи-Сальтари-паша. Открыть сильный артиллерійскій огонь по столпившимся у оврага русскимъ, онъ бросилъ имъ въ лѣвый флангъ, изъ-за лѣса Каата, нестройные толпы своей конницы. Лѣво-фланговая кара первыхъ трехъ линій встрѣтили и отбили атаку. Остальная войска, не задерживаясь, перешли оврагъ, отбили фронтальную атаку легкой турецкой кавалеріи и послѣ 3-часового упорного боя выбили турокъ изъ лагеря у Тыргокукули. Противникъ бѣжалъ по Рымникской дорогѣ, преслѣдуемый Рязанцами и Стародубовцами.

Великій визирь, узнавъ о наступленіи союзниковъ, выслалъ 15 тысячъ янычаръ для занятія Крынгомейлорскаго лѣса, дви-

иуть туда же отъ Мартинешти всю свою кавалерію, которой было приказано атаковать наступающаго съ обоихъ фланговъ Крынгомейлора. Прибывъ къ лѣсу, турецкая кавалерія вынеслась впередъ въ двухъ массахъ: одна, подвоя на круцахъ 2—3 тысячи янычаръ, бросилась вѣво, противъ русскихъ, показавшихся у лѣса Каата, вторая — на слѣдовавшаго уступомъ кзади отъ нихъ Каракая.

Для С. моментъ этотъ былъ критическимъ: онъ мѣнялъ фронтъ, почти подъ прямымъ угломъ, въ условіяхъ самыхъ не-выгодныхъ: лѣсъ Каата былъ еще въ рукахъ турокъ; войска разбросались; Стародубовцы и Черниговцы еще не вернулись съ преслѣдованія; между войсками, бывшими у Тыргокукули, и тремя каре, задержанными первой турецкой атакой передъ оврагомъ и шедшими теперь въ лѣсу Каата, чтобы составить крайній лѣвый флангъ нового русского порядка (послѣ перестроенія), образовался интервалъ, прикрытый только егерями. Въ случаѣ успѣха турецкой атаки, направленной именно на этотъ интервалъ и лѣвофланговую группу войскъ, положеніе становилось до крайности опаснымъ: союзники, потерявъ связь и возможность взаимной выручки, рисковали быть разбитыми по частямъ.

Но турки не согласовали своихъ атакъ. Они обрушились сначала на Каракая, были отбиты и повторить атаки не рѣшились, таѣзъ какъ слѣдовавшій за Каракаемъ уступомъ австрійскій отрядъ грозилъ имъ фланговыми ударомъ. Только тогда двинулась на русскихъ отраженная противъ нихъ кавалерія. Моментъ былъ упущенъ. Встрѣченные съ фронта батальонами, бывшими у Каата, турки были взяты въ лѣвый флангъ егерами и высланными С. каре Ростовскаго полка; въ правый флангъ ихъ ударили безостановочно продвигавшійся впередъ Каракай. Турки бросились назадъ. Лѣсъ Каата, обойденный послѣ отраженія атаки съ обоихъ фланговъ, былъ занятъ русскими безъ затрудненій. Противникъ отошелъ къ д. Бокзы.

Съ занятіемъ лѣса С. получалъ прочный опорный пунктъ. Пользуясь блазостью колодцевъ, онъ далъ войскамъ получасовой отдыхъ и отправилъ къ Кобургу полковника Золотухина сообщить вторую часть своей диспозиціи: «предложеніе» концептрически наступать къ оврагу у Крынго-

мейлорскихъ окоповъ и одновременно съ русскими атаковать турецкіе ретраншаменты и лѣсъ.

Чтобы сомнѣться съ общей линіей послѣдней атаки, С. предстояло сосредоточить свои разбросавшіяся войска и выбить турокъ изъ д. Бокзы, служившей передовой фланговой позиціей на лѣвомъ флангѣ Крынгомейлора.

Успѣшио подготовивъ атаку артиллерійскимъ огнемъ, С. атаковалъ Бокзы съ трехъ сторонъ, концептрически стягивая къ селенію 3 группы, на которыхъ въ теченіе боя разбились его войска. Новая контрь-атака турокъ противъ крайнаго лѣваго фланга была отбита фланговымъ ударомъ Каракая. Деревня и оборонявшая ее батарея взяты съ одного удара, и С. примкнулъ свои сосредоточившіяся, маконецъ, войска къ правому флангу австрійцевъ, подошедшіхъ уже къ Крынгомейлорскому лѣсу, подъ беззрѣвными налетами турецкой коннicy.

Около 4 ч. дня вся линія одновременно перешла въ наступленіе. Когда она была саженяхъ въ 400 отъ непріятеля, по сигналу, въ интервалы ея вынеслась кавалерія и, безъ труда переокочивъ рвы и неоконченные вязкіе окопы, на полномъ карьерѣ вrushилась въ ряды оторопившихъ отъ неожиданности янычаръ. Подъ прикрытиемъ этой блестяще задуманной С. атаки, пѣхота союзниковъ безъ потерь подошла къ окопамъ. Янычары дрались съ необычайнымъ упорствомъ. Но когда высланные еще до завязки боя въ обходъ кавалерійскія части вступили въ лѣсъ, грозя отрѣзать отступленіе, ряды турокъ были охвачены паникой и въ беспорядкѣ бросились назадъ, къ Мартинешти, настойчиво преслѣдуемые конніцей. Всѣ усилия великаго визиря, съ коравомъ въ руки пытавшагося остановить бѣглецовъ, оказались напрасными. Мартинештскій лагерь былъ брошенъ безъ боя. Паническое бѣгство продолжалось далеко за Рымникъ. Только ночь положила конецъ рѣзанѣ. С. остановилъ свои войска, въ бою выдвинувшіяся въ первую линію, въ Мартинештскомъ лагерѣ. Нѣсколько отступивъ назадъ, спѣшилъ свой отрядъ Каракай. Еще дальше кзади стали на отыхъ австрійцы.

Лагерь визиря за р. Рымникъ, невидимый съ поля, остался незанятымъ. Только на слѣдующий день казаки и арнауты обна-

ружили его — перебили задержавшихся там турокъ и взяли богатую добычу.

Уронъ турокъ доходилъ до 15.000. Въ пленъ взято всего нѣсколько сотъ человѣкъ. Побѣдителемъ досталось 100 знаменъ, 80 орудий, стада скота, нѣсколько тысячъ повозокъ. Союзники потеряли до 1.500 человѣкъ, причемъ до 1.000 (по австрійскимъ даннымъ) приходилось на русскія войска, на своихъ плечахъ вынесшихъ всю тяжесть боя.

На 3-й день С. разстался съ Кобургомъ и малыми переходами вернулся въ Бырладъ. Съ небывалой щедростью наградила Екатерина С. за Рымникскую побѣду. Ему были пожалованы графскій титулъ «Рымникаго», Георгій 1-го класса, бриллантовый перстень и рескрипты. Императоръ Австрійскій пожаловалъ ему титулъ графа священной Римской Имперіи. «Горячка въ мозгу...», писалъ С. дочери: «чуть, право, отъ радости не умеръ». «Монарши сіи благоволенія я не вмѣщаю въ радости моей. Слѣдя и прошедшія времена, не нахожу никому такового въ одномъ милостиваго награжденія» (письмо Потемкину).

Послѣ Рымникского разгрома снова наступило затишье — до осени слѣдующаго года. С. скучалъ въ Бырладѣ, удѣляя свои досуги изученію турецкаго языка и чтенію и мечтая о совмѣстномъ съ австрійцами наступлѣніи за Дунай. Смѣлый проектъ такого наступлѣнія, одобренный Кобургомъ, былъ посланъ имъ Потемкину «на усмотрѣніе». Но Потемкинъ, проводившій время въ Яссахъ и Бендерахъ, даже не удостоилъ С. отвѣта. Рымнская побѣда осталась совершенно неиспользованной.

Австрія, въ силу состоявшагося съ Пруссіей на Рейхенбахскомъ конгрессѣ соглашенія, 19 сентября 1790 г. заключила перемиріе съ Турцией: одной изъ статей договора закрывался русскимъ доступъ за Сереть, въ занятую австрійцами Валахію. Это сковывало наши операции, ограничивая возможный районъ наступлѣнія за Дунай узкой полосой между Галацемъ и моремъ, защищенной крѣпостями Исакчей, Тульчей, Измаиломъ, Килий и Браиловъмъ.

Кампанія 1790 года началась поздно: только въ сентябрѣ русскія войска съ Днѣстра двинулись на Дунай.

Дѣйствія велись энергично. Уже 18

октября пала Килия, 7 ноября Тульча, 13 ноября Изакчя. Съ занятіемъ ихъ одинъ Измаиль «вязалъ руки для предприятій дальнихъ». Обойти его, при малочисленности русской арміи — было опасно, на взятие — надеждъ было мало. Крѣпкій, «безъ слабыхъ мѣстъ» въ широкомъ поясѣ охватывающихъ его укрѣплений, Измаиль оборонялся 40-тысячнымъ гарнизономъ — цѣлой арміей; свыше 200 орудій стояло на веркахъ; боевые припасы въ изобилии; прованту — на полтора мѣсяца. Въ несокрушимости Измаила турки были уверены. И пока онъ стоялъ — на удачный исходъ мирныхъ переговоровъ, уже завязавшихъ въ Журжевѣ, разсчитывать было невозможно.

Безнадѣно тянулась начатая Потемкинымъ осада. Начальникъ гарнизона Измаила, испытанный въ бояхъ Айдосъ-Мехмедъ-паша пренебрежительно отвергалъ всякие переговоры. Приближалось холодное время года; въ осадномъ корпусѣ не хватало ни топлива, ни продовольствія. Духъ войскъ замѣтно падалъ. Собранный военный советъ, «какоіорый родъ сейма нерѣшительного», постановилъ, въ виду невозможности оставаться подъ крѣпостью и недостаточности силъ для штурма (35 тыс. противъ 42) — перейти отъ «обложенія» къ дальней блокадѣ, т. е. иrostному наблюденію за крѣпостью. Пославъ свое постановленіе Потемкину, проводившему время въ Бендерахъ среди безконечныхъ празднествъ, начальники частей, не дожидаясь отвѣта, стали отводить войска отъ крѣпости, при радостныхъ кликахъ и пальбѣ турокъ, торжествовавшихъ снятіе осады.

Но колеблющейся, осторожный Потемкинъ на этотъ разъ не согласился съ постановленіемъ совѣта. Императрица настойчиво требовала заключенія мира, невозможнаго, пока стояль Измаиль. Потемкинъ рѣшился на крайнее средство. 30 ноября С., стоявшій съ корпусомъ въ Галацѣ, получилъ ордеръ главнокомандующаго: «...остается предпринять съ Божіей помощью на овладѣніе Измаила... Извольте послать туда для принятія всѣхъ частей въ вашу команду... Моя надежда на Бога и на вашу храбрость». С. кратко донесъ: «Получа повелѣніе вашей свѣтлости, отправился я къ сторонѣ Измаила. Боже, даруй вамъ свою помощь». Назна-

чивъ подъ Измаиль Фанагорійскій гренадерскій полкъ, 2 сотни казаковъ, 1.000 арнаутовъ, 150 охотниковъ Аишеронскаго полка, С. самъ выѣхалъ немедленно съ небольшимъ конвоемъ и 2 декабря утромъ былъ уже подъ Измаиломъ.

Его прибытие было понято всѣми, отъ первого генерала до послѣдняго солдата. Штурмъ.

Немедленно вернувшись на прежнія мѣста отходившія войска, С. съ обычной энергіей принялъ за подготовку штурма. Осмотръ крѣпости, собранные полныя и точныя свѣдѣнія о ней и гарнизонѣ, выяснили С. всю неодолимую трудность предстоявшаго дѣла. Но сознаніе это не вызвало въ немъ колебаній. Ни на минуту не явилось въ немъ мысли воспользоваться предоставленнымъ ему Потемкинымъ, безъ всякихъ оговорокъ, правомъ—«составить Измаиль, если это окажется нужнымъ для пользы и славы оружія». Никогда, быть можетъ, не работала такъ напряженіо мысль С., охватывая всѣ мелочи, предусматривая всѣ случайности предстоявшаго штурма. По систематичности и тщательности подготовки Измаильскій штурмъ не имѣть себѣ равнаго въ исторіи.

Днемъ и ночью шло заготовленіе фашинъ и лѣстницъ. По ночамъ войска обучались эскадроф на специальномъ насыпанномъ валу, точной Измаильской профиля, во всей послѣдовательности воспроизводя всѣ акты штурма: подходъ ко рву, забрасываніе фашинами, переходъ, приставленіе и связываніе лѣстницъ, подъемъ на валъ, разбивка палисадовъ и т. д. Днемъ упражнялись въ штыковомъ бою. Самъ С. щѣлые дни проводилъ среди солдатъ; знакомя ихъ съ предстоявшимъ предприятіемъ, онъ выяснялъ войскамъ значение паденія Измаила—онъ сумѣлъ сдѣлать успѣхъ важнымъ, нужнымъ, блзкимъ каждому — до послѣдняго обознаго.

Одновременно съ этимъ шла работа съ команднымъ составомъ. Будущіе начальники штурмовыхъ колоннъ и возможные ихъ замѣстители были привлечены къ участію въ рядѣ рекогносцировокъ подступовъ къ крѣпости и самой крѣпости. Руководилъ ими самъ С., указывавшій направление и задачу каждой колонны, разъясняя способы и средства къ разрѣшенію каждой отдельной задачи. Тайны изъ плана предстоявшаго штурма онъ отнюдь не дѣ-

лалъ, стремясь, напротивъ того, возможно шире ознакомить съ нимъ и начальники и войска. С. не боялся, что перебѣжчики или шпионы сообщатъ его непріятелю: основная идея, самая сущность Измаильскаго штурма осталась тайной для войскъ, тщательно замаскированной искусно составленной диспозиціей. Главный ударъ Суворовской атаки направлялся на наиболѣе доступную, прирѣчную часть Измаила: здѣсь сосредоточены были С. главныя его силы (9.000 Рибаса, колонны Львова, Ласси и отчасти колонна Кутузова),—въ общей сложности до $\frac{2}{3}$ всѣхъ бывшихъ въ его распоряженіи войскъ, притомъ въ лучшія по боевымъ качествамъ (Фанагорійцы, Аишеронцы, Черноморские казаки и т. д.). Задача остальныхъ штурмовыхъ колоннъ сводилась къ демонстраціи, имѣвшей цѣлью разсосредоточить войска противника на всемъ 6-верстномъ протяженіи крѣпостной ограды. Такое разсосредоточеніе могло удастся только при крайней настойчивости атакъ демонстрирующихъ колоннъ; а настойчивость была возможна лишь въ случаѣ, если войска будуть далеки отъ мысли, что атака ихъ—«показная». И С. въ диспозиціи и въ бесѣдахъ съ солдатами и офицерами сумѣлъ скрыть разницу въ значеніи колоннъ: казалось, предстоитъ равномѣрная атака по всему фронту. Если бы въ этой формѣ планъ и былъ сообщенъ туркамъ — это могло только облегчить задачу С., содѣствуя успѣху задуманной имъ демонстраціи.

Для отвлечения вниманія противника, для создания внезапности, ежедневно производились фальшивыя тревоги. Дабы «показать видъ осады», на флангахъ сухопутнаго расположенія въ ночь на 7 декабря заложены были въ 160—200 саж. отъ крѣпости 4 осадныя батареи, на 10 полевыхъ 12-фунтовыхъ орудій каждая. Въ ночь на 9-е онѣ были закончены.

9 декабря генералы, постановившіе 26 ноября отступленіе, снова были созваны на совѣтъ. Въ его резолюціи еще разъ сказалась великая духовная сила С.: безъ колебаній, съ одушевлениемъ, глубокимъ и искреннимъ, единогласно рѣшено было штурмъ. «Ибо отступленіе предосудительно побѣднымъ Ея Величества войскамъ».

Штурмъ былъ назначенъ на 11 января. Наканунѣ началась артиллерійская подготовка. Цѣлый день и всю ночь болѣе 500

орудій съ фланговыхъ батарей, острова Сулина и флотилии де-Рибаса громили крѣпость. Турки отвѣчали горячо. Въ ночь никто не спалъ. Начальникамъ было предписано оставаться при своихъ частяхъ, «внушая мужество и твердны мѣры къ усилку». Напряженно ждали первой ракеты — сигнала строиться. Выводить войска до нея было запрещено, «чтобы людей не удрученіемъ къ пріобрѣтенію славы».

С. часть ночи провелъ среди солдатъ; затѣмъ прилегъ къ огню на своемъ бивакѣ, но не спалъ. Въ глубокомъ молчаніи окружала его многочисленная свита: чины полевого штаба, адъютанты, ординарцы... Всѣ были сосредоточены. И самъ С. какъ-то замкнулся, ушелъ въ себя въ эту ночь передъ штурмомъ, «на который можно рѣшиться разъ въ жизни». Полученное имъ письмо отъ Императора Австрійскаго осталось нераспечатаннымъ.

На разсвѣтѣ артиллерія, не ослабляя огня, смѣнила боевые снаряды на холостые. Въ 3 ч. ночи, въ густомъ туманѣ, взвилась первая ракета—войска стали въ ружье; по второй—они подошли на 200 шаговъ къ крѣпости и по третьей—въ 5 $\frac{1}{2}$ ч. утра—двинулись на штурмъ.

Въ первый разъ за свою боевую жизнь С. не былъ въ самомъ разгарѣ боя, на опаснѣйшемъ пункѣ. Съ кургана, на сѣверной сторонѣ, онъ зорко слѣдилъ за ходомъ штурма, при помощи отборной летучей ординарческой команды получая донесенія, отправляя приказанія, готовый двинуть въ критическій моментъ оставшееся въ его распоряженіи слабые резервы. Но моментъ этотъ не наступилъ. Увлекаемыя примѣромъ начальниковъ, штурмовые колонны почти одновременно поднялись на валъ. Предупрежденные о штурмѣ перебѣжчиками еще наканунѣ, турки оборонялись ожесточенно, но къ 8 ч. были сбиты на всей линіи, и крѣпостная ограда была прочно занята русскими. Только одна колонна—четвертая, Орлова, составленная изъ сибирскихъ казаковъ, вооруженныхъ укороченными дротиками—заколебалась было подъ ударомъ сильной турецкой вылазки во флангъ. Но С. быстро двинулъ ей на выручку всѣ конные резервы съ лѣваго крыла, резервъ третьей колонны, 2 эскадрона Сѣверскихъ карабинеръ, конный казачий полкъ Сычева,

посланный карьеромъ. Турки были сметы. Колонна поднялась на валъ. Утвердившись на валахъ, введя резервы черезъ открытые войсками ворота, С., не давая противнику оправиться, двинулъ войска внутрь—на штурмъ города, гдѣ на площадяхъ, улицахъ, въ домахъ, обращенныхъ въ крѣпости, готовилась упорная оборона. Съ неимовѣрными трудностями, съ боя бера каждую пядь земли, русскіе отряды, концентрически наступая, сжимали турокъ въ сплошное желѣзное болѣцо. 8 часовъ длилась рѣзня. Только къ 4 часамъ стали омолкать выстрелы: все, что было въ Измаилѣ—было въ пѣнѣ или полегло. Начался грабежъ.

Оправдались слова, написанныя С. се-раскиру, по прибытіи подъ Измаилъ, при требованіи сдачи: «первые мои выстрелы—неволя, штурмъ—смерть». Изъ 42-тысячнаго гарнизона осталось на мѣстѣ 31 тысяча. 9 тысячъ взято въ пѣнѣ: спасся бѣгствомъ только одинъ турокъ. Но и русскіе付или побѣду не дешево: потери доходили до 8—10 тысячъ. 245 пушекъ, 364 знамени, 7 буяновъ, 2 санджака, 3.000 пудовъ пороха, 42 судна, до 10.000 лошадей достались побѣдителямъ.

Трудно передать словами впечатлѣніе, произведенное паденіемъ Измаила на Европу и Турцію. Систовская конференція, на которыхъ подготовлялась коалиція противъ Россіи, прекратились; изъ Мачина и Бабадага стали разбѣгаться жители; въ Брайловѣ, несмотря на присутствіе 12-тысячнаго гарнизона, населеніе потребовало отъ паші немедленной сдачи въ случаѣ появленія русскихъ. Въ Константинополь заговорили о созывѣ народнаго ополченія, объ укрѣплѣніи столицы... Путь за Балканы былъ открытъ. Но, несмотря на всѣ настоянія Императрицы, Потемкинъ отказался использовать созданіе положеніе. Оять упорно стоять на своемъ: времена позднѣе, пора на зимнія квартиры.

Черезъ недѣлю послѣ штурма, отведя войска въ Галацъ, С. выѣхалъ въ Яссы къ Потемкину. Ось щукъ къ нему явился человѣкомъ. Ни кто лучше самого С. не могъ оценить Рымника и Измаила. Упомянутый сознаніемъ силы своего военного генія, съ такой полнотой проявившейся въ этихъ дѣлахъ, съ временно утратилъ то ясное, трезвое отношеніе къ дѣйствительности, которое отличало его обыкновенно. Ему

казалось, что теперь, когда его имя гремело далеко за предѣлами Россіи, его судьба не могла уже зависѣть отъ случайной прихоти временщика или интриги «государственныхъ непріятелей». С. считалъ себя отнынѣ свободнымъ отъ гнета необходимости, заставлявшей его сдерживать свое болѣзньенное самолюбіе, сгибать голову передъ сильными. И когда Потемкинъ, съ почетомъ встрѣтившій его у входа въ Ясскій дворецъ, спросилъ: «Чѣмъ мнѣ наградить ваши заслуги?», — С. рѣзко отвѣтилъ: «Ничѣмъ, кназъ. Я не купецъ и не торговаться съ вами прѣѣхалъ. Кромѣ Бога и Государыни никто меня наградить не можетъ». Слова эти были разрывомъ.

Первоначально С. не придалъ этому особой важности, тѣмъ болѣе, что возвышеніе Платона Зубова давало поводъ полагать, что прежнаго вліянія при Дворѣ Потемкинъ имѣть уже не будетъ. Но Высочайший раскрипѣтъ отъ 11 декабря вернулъ С. къ дѣйствительности: вмѣсто фельдмаршальского жезла, котораго онъ ожидалъ за Измаилъ, или по меньшей мѣрѣ генераль-адъютантскаго званія, онъ былъ пожалованъ — подполковникомъ Преображенскаго полка, 11-мъ по списку, въ которомъ выше его стояли лица безъ всякихъ заслугъ, кромѣ долголѣтней службы. Подобная оцѣнка Измаильской побѣды глубоко обидѣла С.: онъ счѣлъ ее не честью, а «стыдомъ». Но еще рѣзче сказался этотъ, по его выражению, «Измаильский стыдъ», когда, откомандированный 2 февраля отъ арміи, С. прибылъ въ Петербургъ. При Дворѣ онъ встрѣченъ былъ холодно. Несмотря наближеніе съ Платономъ Зубовымъ, онъ былъ рѣдкимъ гостемъ во дворцѣ. За два съ лишнимъ мѣсяца пребыванія въ столицѣ онъ только дважды (6 марта и 17 апрѣля) приглашенъ былъ въ Эрмитажъ и три раза — 15, 21 и 24 апрѣля — къ Высочайшему столу.

Частыя приглашенія въ періодъ съ 15 по 24 апрѣля объясняются, повидимому, желаніемъ Императрицы смягчить нѣсколько предстѣявшую высылку С. изъ Петербурга. Нельзя назвать иначе данную С. 24 апрѣля спѣшную командиновку на шведскую границу — для осмотра ея, такъ какъ единственной причиной ея было желаніе Потемкина видѣть С. 28 апрѣля въ Таврическомъ дворцѣ, гдѣ бывшій фаворитъ давалъ въ этотъ день роскошный

праздникъ въ честь подвиговъ минувшей войны и въ особенности Измаильского штурма.

Выѣхавъ 25 апрѣля, С. приложилъ всѣ силы, чтобы по возможности скорѣе закончить эту непріятную командиновку и быть свободнымъ къ началу предстоявшей кампаніи.

Работа была дѣйствительно выполнена съ необычайной быстротой. Къ 18 мая онъ представилъ уже Екатеринѣ отчетъ и проектъ укрѣпленія границы на случай наступательной войны со стороны Швеціи. Императрица одобрила проектъ и предложила С. выполнить его лично. С. понялъ, что, пока Потемкинъ въ силѣ, на лучшее разсчитывать нельзя, — и согласился: «Играть хоть въ бабки, коли въ кегли нельзя».

Государыня была чрезвычайно довольна согласіемъ С. Въ теченіе мая и юна мѣсяцевъ, которые С. провелъ еще въ Петербургѣ, онъ почти ежедневно приглашался во дворецъ, сопровождалъ Екатерину въ ея поѣздкахъ въ Павловскъ и Царское и быть окружены самыми лестными знаками вниманія. Въ Финляндію онъ выѣхалъ только въ послѣднихъ числахъ юна.

Все еще не потерявъ надежды получить другое назначеніе, по окончаніи возложеныхъ на него работъ, С. съ особенной энергией принялъся за дѣло. За время пребыванія его въ Финляндіи усилены укрѣпленія Фридрихсгама, Вильманстранда и Давидштата; исправленъ и усиленъ Нейшлотъ; построены новые форты — Ликкола, Утти и Озерной; оборонительныя средства Саволакской дороги усилены проведениемъ каналовъ; наконецъ, воздвигнуты сильныя укрѣпленія на островахъ при Роченсальмѣ, а на сухомъ пути заложена крѣпость Кюменгардъ; этотъ путь — любимое финляндское дѣтище С., сталъ главнымъ укрѣпленіемъ пунктомъ южной части финляндской границы. Всѣ постройки велись подъ непосредственнымъ наблюденіемъ С. Для ускоренія и удешевленія ихъ С. строилъ кирпичные заводы, жегъ известіе; на особой стройки судахъ подвозилъ строительные материалы изъ Ямбурга и Петербурга. Не менѣе энергіи и труда потребовалось, чтобы привести въ порядокъ подчиненные С. войска и флотилию. Полки Финляндской дивизіи, переполненные кригерскими (осужденными по суду) и выпи-

санными за проступки изъ гвардії, были худшими войсками въ Имперіи. Дезертирство, вообще сильно развитое въ то время въ пограничныхъ войскахъ, доходило здѣсь до предѣловъ необычайныхъ. Помимо нравственныхъ качествъ финляндскихъ войскъ объяснялось это и тяжестью службы въ странѣ, где скорбуть и др. болѣзни уносили ежегодно почти половину состава. Путемъ эвакуациі госпиталей, представлявшихъ въ то время гнѣзда заразы, а не лечебныя заведенія, и широкаго проведения въ жизнь казармы мѣръ гигієническихъ, С. удалось въ значительной мѣрѣ сократить смертность. Съ другой стороны—всически «облегчая солдатство», С. стремился поднять въ войскахъ дисциплину путемъ усиленныхъ строевыхъ занятій и отвлечь ихъ отъ праздности участіемъ въ строительныхъ работахъ. Обученіе велось по обычной Суворовской системѣ, въ полѣ, въ боевой обстановкѣ. «Обогнали мы здѣсь невозможность всѣмѣстныхъ маневровъ», пишетъ онъ, намекая на установленнѣе мнѣніе о невозможности полевого обученія войскъ въ такой мѣстности, какъ Финляндія.

Кромѣ войскъ, въ вѣдѣніи С. находилась гребная флотилія (до 125 судовъ съ 850 орудіями), большая часть которой находилась въ шхерахъ, меньшая—на озерѣ Сайма. Съ обычной добросовѣтностью относясь къ исправленію новаго для него дѣла,—командованія флотомъ, С. старался пополнить свой небогатый въ этой области опытъ, пріобрѣтенный на Очаковскомъ лиманѣ, личнымъ участіемъ въ морскихъ ученияхъ и маневрахъ. Существуютъ указанія, что С. бралъ частные уроки морскаго дѣла и даже сдалъ экзаменъ на мичмана.

Труды С. по упорядоченію Финляндской дивизіи не дали, однако, блестящихъ результатовъ. Во всякомъ случаѣ улучшеніе было слишкомъ малозамѣтнымъ, чтобы заставить замолчатъ петербургскихъ недруговъ и завистниковъ С. Въ Петербургѣ ходили самые нелѣпые слухи о состояніи войскъ и эксплоатациі С. солдатскаго труда. Услужливо сообщаемыя С. его племянникомъ, Хвостовымъ, «плевели эти» до крайности волновали С.: онъ выходилъ изъ себя, обращался въ военную коллегію, грозилъ потребовать сатисфакціи отъ клеветниковъ. Милостивый, но холодный приемъ, который встрѣчалъ онъ при Дворѣ во время рѣдкихъ своихъ наѣздовъ въ Петербургъ,

заставлялъ его думать, что слухамъ о немъ Императрица придастъ вѣру; у него явилось даже опасеніе, что онъ совершасть крупную ошибку, торопясь закончить порученная ему въ Финляндіи постройки: вместо нового назначенія, по выполненіи этой командировкіи, онъ можетъ оказаться вовсе не у дѣла. С. попытался закрѣпить свое положеніе, «устроить себѣ пристань», начавъ хлопоты о назначеніи командующимъ Финляндской дивизіи. Но Императрица уклончиво отвѣтила,—«дивизіей обременять его не хочеть, такъ какъ онъ потребенъ на важнѣшее». Слова эти показались С. приговоромъ: онъ счелъ себя окончательно «кассируемымъ въ гарнизонѣ». «Непріязненнаго ко мнѣ князя Потемкина сдѣлать или вѣчнымъ злодѣемъ, или обратиться мнѣ паки къ нему въ сателлиты, послѣдуя всѣмъ прочимъ до единаго, и въ обоихъ видахъ ждать гибели»... Съ нескрываемой тревогой слѣдила онъ за успѣшнымъ ходомъ военныхъ дѣйствій противъ турокъ. Побѣды Гудовича и въ особенности Репнина, котораго С. считалъ главнымъ своимъ сопротивомъ, казалось, «навлекали ему уладокъ», дѣлали его менѣе необходимымъ правительству: онъ не являлся уже, какъ въ послѣдніе годы, единственнымъ «побѣдоносцемъ» въ арміи.

Опасенія С. какъ будто начинали сбываться. Безъ него окончена была Вторая Турецкая война — и въ ряду блестящихъ награжденій по случаю заключенія мира болѣе чѣмъ скромной была его награда: похвальная грамота съ прописаніемъ заслугъ, эполетъ и перстень, и Георгій 3-го класса для выдачи по его усмотрѣнію. Являясь въ сущности рѣшителемъ этой войны, онъ былъ заслоненъ въ глазахъ современниковъ искусно выдвинутымъ на первый планъ Потемкинымъ, даже Репниковымъ. Началась Вторая Польская война, а С. по прежнему оставался «захребетнымъ инженеромъ», «пониженнymъ въ десятые». Черезъ посредство Хвостова и немногихъ своихъ сторонниковъ при Дворѣ, онъ напрягалъ всѣ усилия, чтобы «противодѣйствовать тайномъ подкопу» и получить назначеніе въ Польшу. 21 июня 1791 г. онъ рѣшился даже прямо обратиться къ Екатеринѣ съ просьбой назначить его «съ какимъ отдѣленіемъ войскъ въ Польшѣ». Гоударыня отвѣтила краткой запиской «Польскія дѣла не требуютъ графа С.»

С. собрался было подать въ отставку или проситься въ иностранную службу: отговаривъ его отъ этого Турчаниновъ, завѣравшій, что отставки не испугаются и примутъ, а на иностранную службу встути не разрѣшать.

Междудѣмъ на югѣ, подъ вліяніемъ начавшихся, по проискамъ Франціи, вооруженій Турціи, создавалась атмосфера войны. Это чувствовалось и правительствомъ С., и когда онъ вновь возбудилъ ходатайство о переводѣ, просясь на этотъ разъ въ Херсонъ — его желаніе сочли полезнымъ удовлетворить. 10 ноября 1792 г. послѣдовалъ рескриптъ, поручавшій ему командование войсками въ Екатеринославской губерніи, Крыму и вновь присоединенныхъ земляхъ — съ предписаніемъ немедля приступить къ укрѣплению границы, по утвержденнымъ уже Императрицей проектамъ инженеръ-маюра де-Волана. Одновременно съ этимъ предписано было представить планы и сметы производящимся въ Финляндіи работамъ, «для приведенія всѣхъ укрѣплений и каналовъ къ окончательной», и соображенія на случай оборонительной и наступательной войны въ Финляндіи. Представивъ требуемое, С. въ первыхъ числахъ декабря выѣхалъ на югъ. Навѣты на С. за время его финляндскаго командования не остались безъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что со временемъ неудачного сватовства молодого графа Салтыкова къ Наташѣ Суворовой число «государственныхъ непріятелей» С. значительно возросло. Объясненія, которыхъ давалъ онъ по финляндскимъ дѣламъ, видимо не поколебали твердо установленнаго мнѣнія о его «крайностяхъ». Признано необходиимъ не давать ему широкихъ полномочій, свободы дѣйствій; въ мягкой формѣ, но опредѣленно преподаются ему указанія, что и какъ дѣлать. И когда С., по прибытіи на мѣсто горячо принявшійся за дѣло, попытался отступить отъ данныхъ ему инструкцій: во избѣжаніе замедленій въ ходѣ работъ заключилъ контракты съ подрядчиками на огромныя суммы, выдавъ въ обеззеченіе векселя и раздавъ въ задатки 100.000 казенныхъ денегъ, занятыхъ для этой цѣли у адмирала Мордвинова — весьма малостівый по формѣ, но жестокий по существу рескриптъ объявилъ заключенные имъ контракты недѣйствительными и предписалъ, «по мирной порѣ и ненадобности

экстренныхъ мѣръ», дѣйствовать впередъ не столь поспѣшно и «по закону». Помимо жгучей обиды, которую испыталъ С., получивъ этотъ рескриптъ, неутвержденіе контрактовъ возвлагало на него обязанность изъ личныхъ средствъ пополнить розданные имъ задатки, вознаградить подрядчиковъ за понесенные ими расторженіемъ контрактовъ убытки. С. сдѣлалъ уже распоряженіе о продажѣ своихъ новгородскихъ деревень. «Въ какихъ я подложстяхъ», писалъ по этому поводу С. Хвостову, — «и князь Григорій Александровичъ никогда такъ меня не унижалъ». Но на этотъ разъ дѣло обошлось благополучно. Состоялось новое Высочайшее повелѣніе: «все контрактованное графомъ Суворовымъ заплатить немедленно и 100.000 рублей, взятые имъ у вице-адмирала Мордвинова, не засчитывать въ число ассигнованныхъ суммъ на построеніе крѣпостей по Днѣпру». Сверхъ того, управляющему банкомъ приказано было отпустить С. 250.000 рублей. Такимъ образомъ дана была возможность продолжать работы съ той же интенсивностью, съ которой они были начаты.

Но для такой работы прежней энергіи уже не было. С. и раньше не любилъ инженернаго дѣла. «Я не инженеръ, а полевой солдатъ, не Тучковъ, а знаютъ меня Суворовъ, и зовутъ Рымникскимъ, а не Вобаномъ». — «Баталія мнѣ лучше, чѣмъ лопата, извести и пирамида кирпичу». Теперь же, послѣ пережитыхъ непріятностей, онъ занимался постройками съ видимымъ отвращеніемъ. Это сказывается на ходѣ работъ: изъ подписанныхъ имъ за это время плановъ: проекта Фанагорійской крѣпости, 3 проектовъ укрѣплений Кинбурнской косы и Днѣпровскаго лимана, плана крѣпости Кизбурна, главнаго Депота (Тирасполя), форта Гаджидера (Овидіополя) на Днѣпровскомъ лиманѣ, Гаджибейскаго укрѣпленія, севастопольскихъ укрѣплений, — только незначительная часть была выполнена.

Не было особливой энергіи и къ работѣ надъ войсками. Финляндскій оѣть показалъ, что мѣры, которыхъ властехъ примѣнить С., къ коренному оздоровленію повѣсти не могутъ. Работать же съ увлечениемъ безъ надежды на конечный успѣхъ С. не могъ. Съ другой стороны, служебные неудачи послѣдняго времени охладили

рвение С. и къ трудамъ по боевой подготовкѣ войскъ. Онъ опасался, что въ случаѣ войны прошедшія его школу войска будутъ переданы другому и своими трудами онъ облегчить побѣду кому-нибудь изъ соперниковъ по службѣ. «Я выѣзжерцирую войска, ихъ могутъ отъ меня отобрать, и ими «они» будутъ бить: для того мнѣ не надлежитъ экзерцировать...» «Не хочу я на иныхъ работать и моимъ хребтомъ ихъ прославлять».

Дѣятельность С. въ Херсонѣ рѣзко отлична была, такимъ образомъ, отъ совершенно аналогичной ей дѣятельности финляндской—своей формальностью, отсутствиемъ «души», которую всегда вкладывалъ С. во всякое свое начинаніе. Въ его характерѣ, въ отношеніи къ окружающимъ сказывалась какая-то озлобленность. Всегда неуживчивый и тяжелый, по отзыву близкихъ людей, С. никогда такъ не «свирипствовалъ» какъ въ Херсонѣ.

Въ Петербургѣ о немъ какъ будто забыли. Только однажды, когда возникло опасеніе французского десанта на Черноморскіе берега, графъ Зубовъ обратился къ С. съ предложениемъ представить проектъ защиты береговъ; проектъ этотъ былъ составленъ при сотрудничествѣ де-Волава и представленъ Екатеринѣ. Нѣсколько позднѣе—уже съ цѣлью напомнить о себѣ, С. отправилъ въ Петербургъ еще проектъ—планъ наступательной войны съ Турцией для завоеванія ея. Проектъ былъ сданъ въ архивъ.

Въ то время какъ С. томился въ Херсонѣ, почти безъ надежды на лучшее будущее, на западѣ все шире развертывалась борьба монархій съ юной французской республикой. Съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдя за ходомъ военныхъ дѣйствій, С. мечталъ принять личное участіе въ борьбѣ съ «безбожными французишками», достоинства новой тактики которыхъ онъ сумѣлъ понять и опѣнить.

Въ іюнѣ 1793 г., когда выяснилось, что предполагаемое вступленіе Россіи въ коалицію противъ Франціи не осуществится, С. подалъ Императрицѣ прошеніе объ увольненіи его волонтеромъ къ союзнымъ войскамъ «по здѣшней тишинѣ» на всю кампанію. Разрешенія не послѣдовало. С. истолковалъ это въ благопріятномъ для себя смыслѣ и временно успокоился, рѣшивъ, однако, что если при первой войнѣ

Россія онъ не получитъ соответствующаго назначенія «безъ малѣйшихъ препонъ», онъ непремѣнно уѣдетъ заграницу волонтеромъ.

Въ 1794 г. вспыхнуло въ Польшу новое, съ Гродненскаго сейма подготовлявшееся восстаніе. Руководимое талантливымъ Косцюшко, оно развивалось быстро и успѣшно. Всѣ главныя центры края постепенно очищены были русскими. Нѣсколько мѣсяцій простоявъ назначенія, С. 24-го июля вторично послалъ Императрицѣ прошеніе объ увольненіи его волонтеромъ на Рейнъ, такъ какъ онъ «много лѣтъ безъ воинской практики по своему званію». Екатерина осталась крайне недовольна настойчивостью С., вида въ ней замаскированное требование назначенія въ Польшу. Но такъ какъ борьба съ Косцюшкой принимала уже оборотъ неблагопріятный и С. могъ оказаться нужнымъ, она не высказалла своего неудовольствія и, отклоняя просьбу С., подчеркнула, что «ежечасно умножаются дѣла дома».

Дѣла дѣйствительно умножались. Операциіи, руководство которыми взялъ на себя Высшій Советъ въ Петербургѣ, велись безъ системы, безъ должной энергіи,—шли «по турецкому желанію», какъ выражалась Салтыкова, т. е. по волѣ случая. Въ результатѣ русскія войска «повсюду били и гоняли, а изъ того ничего не выходило». «Ничего не значущая война» становилась «прехитрой и предерзкой». Между тѣмъ приближалась осень, уходъ на зимнія квартиры, предоставлявший во власть возставшихъ всю Польшу и часть Литвы. Только быстрый и рѣшительный ударъ могъ измѣнить обстановку. Въ сознаніи этого, Румянцевъ, имѣвшій общее командованіе войсками двухъ южныхъ районовъ, пограничныхъ съ Турцией и Польшей (С. и Салтыкова), рѣшилъ, безъ сношенія съ кабинетомъ, на свою ответственность, отправить на театръ военныхъ дѣйствій С. Онъ указалъ ему задачу не крупную и чисто демонстративную: «сдѣлать сильный отворотъ осму даржкому непріятелю отъ стороны Бреста, Подляскаго и Транскаго воеводствъ», дабы облегчить веденіе операций на главномъ театрѣ. Петербургскій Советъ, ордеръ которого С. получилъ уже на маршѣ, еще болѣе суживалъ задачу, ограничивъ ее занятіемъ Бреста и устройствомъ тамъ магазиновъ. Но врядъ ли Советъ, и тѣмъ болѣе Румянцевъ, ожидали

что С. останется въ узкихъ рамкахъ, ему предписанныхъ. Уже прочно сложилась къ тому времени репутація его, какъ человѣка, который «ни въ чёмъ общему порядку не слѣдуетъ». «Онъ пріучилъ всѣхъ о себѣ такъ думать,—пишетъ нѣсколько позднѣе Салтыковъ Репину,—ему то и терпятъ». Совѣтъ не могъ дать обширныхъ предписаний С. уже потому, что самъ не представлялъ себѣ, какъ выйти изъ сложившейся обстановки. Онъ, видимо, рѣшилъ предоставить С. «самовольно» рѣшить неразрѣшимую для Петербурга задачу, сохранивъ однако за собою право и возможность вмѣшаться въ любую минуту, чего не было бы, если бы С. даны были болѣе широкія полномочія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всякая неудача падала цѣликомъ на «самовольство» С.

С. получилъ ордеръ Румянцева (отъ 7 августа) въ Немировъ, куда онъ перешелъ отъ Ольвиополя, окончивъ съ успѣхомъ въ своемъ районѣ разоруженіе польскихъ войскъ, годъ тому назадъ принятыхъ на русскую службу, но «по измѣнившимся обстоятельствамъ» выражавшихъ явное сочувствіе польской инсуррекціи. Онъ съ радостью принялъ порученіе, дававшее ему возможность появиться на театрѣ военныхъ дѣйствій. Конечно, самъ онъ меныше чѣмъ кто-либо думалъ ограничиться исполненіемъ приказа о Брестскомъ «магазинѣ-вахтерствѣ». «Сильный отворотъ со стороны Бреста» долженъ былъ служить только вступленіемъ въ кампанію. Планъ ея давно уже сложился въ его головѣ; основная мысль этого плана—«искать развязки въ Варшавѣ». С. предполагалъ начать свои дѣйствія ударомъ во флангъ на опорные пункты польскихъ партій вдоль границы; оттеснивъ уцѣлѣвшія отъ удара партіи въ узкое пространство между Бугомъ и Наревомъ, онъ обеспечивалъ границу по Нареву и связь съ шедшимъ изъ Польши въ Литву отрядомъ Ферзена. 14 августа С. съ 4.500 чел. при 10 орудіяхъ выступилъ изъ Немирова на Брестъ и 22-го, пройдя 260 верстъ безъ дневокъ, стоя въ Варковичахъ, поджидая шедшія отъ Брацлава на соединеніе оставшіяся части своей дивизії. Слабдѣя войска продовольствiemъ въ 25 дней, онъ перешелъ въ Ковель, где присоединилъ летучие отряды Буксгевдена и Маркова къ своему корпусу, доведя силы его до 13 $\frac{1}{3}$, бат., 41 эск., 750 каз. (6.480 пѣх., 3.690 кав.,

750 каз., 18 орудій). Изъ Ковеля С. выступилъ 31 августа, слѣдя на Брестъ кружнымъ путемъ—черезъ Кобринъ, чтобы разбить сначала отряды Сѣраковскаго и Мокрановскаго, бывшихъ на операционномъ направлении Брестъ—Пинскъ, и тѣмъ обеспечить свой тылъ.

Вѣроятно для облегченія уже рѣшеннаго имъ «захвата власти» на Польскомъ театрѣ, С. занялъ при своемъ отрядѣ положеніе главнокомандующаго, а не командира корпуса. Онъ организовалъ обширный штабъ, назначилъ себѣ дежурнаго генерала, и непосредственное командованіе своимъ отрядомъ поручилъ генералу П. Потемкину.

Принимая всѣ мѣры, чтобы придать скрытность своему маршруту, С. быстро приближался къ Бресту. 3 сентября у Дивина казаки уничтожили почти цѣлую партію въ 300 коней. Пѣщіе подтвердили имѣвшіяся уже раньше свѣдѣнія, что Сѣраковскій у Кобриня. Въ ту же ночь С. выслалъ туда всю кавалерію, самъ съ казаками Исаева значительно опередилъ ее, развѣдалъ положеніе противника и на разсвѣтѣ 4-го разсѣялъ захваченный въ Кобринѣ авангардъ Сѣраковскаго въ 400 коней. По показаніямъ пѣщіихъ съ часу на часъ надо было ожидать появленія Сѣраковскаго, съ превосходными силами шедшаго будто бы отъ Крупчицъ. Такъ какъ продолжать движеніе было невозможно, за сильнымъ утомленіемъ лошадей и людей, С. пришлось остановиться на неудобной позиції на линіи Патрики—Забужки—Мазачи. Войска отдохнули сутки. Сѣраковскій не показывался. 6-го С. послѣдилъ перевести отрядъ на новую, несравненно лучшую позицію, у Шевини, на правомъ берегу р. Мухавца. На прежней остался Исаевъ съ частью казаковъ; въ Кобринѣ, для поддержки его—7 ротъ Малороссійцевъ и Смоленцевъ.

Сѣраковскій, дѣйствительно,шелъ на встрѣчу русскому отряду. Но узнать, что передъ нимъ не Дерфельденъ и Марковъ, какъ онъ думалъ, а корнусъ С., и имѣя подъ ружьемъ всегъ около 6.000 чел. при 26 орудіяхъ, онъ отказался отъ атаки и рѣшилъ ждать противника у монастыря Крупчицы на крѣпкой позиції за болотомъ, усиленной съ фронта пятью батареями.

Не задерживаясь на позиціи у Шевини, С. продолжалъ наступленіе и въ 8 ч. утра 6 сентября атаковалъ Сѣраковскаго. Казаки ударомъ въ пики сбили передовую

польскую конницу: она отошла къ правому флангу, преслѣдуемая Переяславскимъ коњно-егерскимъ полкомъ, въ рядахъ котораго находился самъ С., воспользовавшися этой атакой для рекогносцировки. Въ 9 ч. утра русскій отрядъ развернулся и подъ сильнымъ огнемъ польской артиллериі двинулся въ атаку: пѣхота съ фронта, кавалерія въ обходъ обоихъ фланговъ. Выставленная С. на ближайшей высотѣ 14-орудійная батарея, послѣ жаркой перестрѣлки, заставила замолчать артиллерию противника и облегчила трудный переходъ черезъ топкую рѣчку Тростаницу, съ фронта прикрывавшую польскую позицію. Около 10 ч. переправа была закончена и обойденъ лѣвый флангъ Сѣраковскаго. Поляки успѣли однако перестроиться и встрѣтить готовымъ фронтомъ атаку. Послѣ короткаго, но жаркаго боя, видя подходящія къ русскимъ подкрепленія и не разсчитывая удержаться, Сѣраковскій свернулъ свой отрядъ въ густую колонну, прикрывъ тыль большими каре и кавалеріей, выдержанъ нѣсколько лихихъ атакъ Мариупольцевъ и Переяславцевъ, Черниговскихъ карабинеръ и Кинбурнскихъ драгунъ— и въполномъ порядке втянулся въ густой лѣсъ, подожившій конецъ преслѣдовавшою. Потери поляковъ доходили до 1.000 ч.; наши—291 убитыми и 326 лошадей.

Боясь упустить Сѣраковскаго, С. въ ту же ночь выступилъ дальше. Но польскій начальникъ вынужденъ былъ остановиться подъ Брестомъ, у Тересполя, отчасти вслѣдствіе утомленія войскъ, отчасти по настоянию народнаго представителя Горайна, протестовавшаго противъ очищенія Бреста безъ боя. Только обозы отправлены были имъ на Варшаву.

Послѣ 8-часового отдыха и обѣда въ фольваркѣ Яновъ, С. черезъ Бульково—Шебринъ прибылъ въ Тришинъ, въ 5 верстахъ отъ Бреста, гдѣ, подъ закрытіемъ лѣса, расположилъ войска на отдыхъ. Приведенная подполк. Ивашевымъ рекогносцировка выяснила, что поляки ждутъ С. со стороны Тересполя. Въ часъ ночи съ 7-го на 8-е С., безъ сигналовъ поднявъ войска, повелъ ихъ черезъ Мухавецъ и Бугъ въ обходъ непріятеля и къ 6 ч. утра вышелъ во флангъ Сѣраковскому. Свое временно обнаруживъ движеніе С., Сѣраковскій быстро перемѣнилъ фронтъ подъ прямымъ угломъ, примкнувъ лѣвымъ флан-

гомъ къ Тересполю, правымъ — къ лѣсу. Успѣвъ закончить перестроеніе до атаки русскихъ и избѣгнувъ такимъ образомъ опасности—удара во флангъ и тылъ, онъ напшелъ, однако, занятое имъ положеніе невыгоднымъ для боя—и, подъ прикрытиемъ огня своей артиллериі, тремя колоннами потянулся къ д. Коршинъ, гдѣ имѣлась болѣе сильная и выгодная позиція. С. двинулъ въ догонку всю кавалерію; за нею «во весь бѣгъ» пошли егеря. Но Сѣраковскій успѣлъ двумя колоннами занять наимѣченную позицію, выставилъ на плотинѣ, ведшей къ ней, 12 орудій и попытался отбросить лѣвый русскій флангъ войсками третьей колонны и кавалеріей. Попытка эта вначалѣ имѣла успѣхъ. Дѣвъ смѣыхъ контръ-атаки конницы Исленевъ были отбиты. Но третья, поддержанная казаками бригадира Исаева, увѣличилась успѣхомъ: потерявъ нѣсколько орудій, поляки съ большими потерями отброшены были къ Коршину. Между тѣмъ главные силы С. уступами подходили къ польской позиції. Сѣраковскій не рѣшился принять боя и вновь перешелъ въ отступление, стараясь отойти на Добринъ, подъ прикрытиемъ лѣса, замаскированной лѣсной батареи и третьей колонны, сдерживавшей атаки Исленевъ. Но С., съ частью конницы помчавшіяся въ обходъ, успѣлъ захватить Добринъ, разломать бывшій тамъ мостъ черезъ р. Красну, испортить гать и такимъ образомъ отрѣзать путь отступленія полякамъ. Непріятельская колонны захвачены были кавалеріей на маршѣ, разсѣяны послѣ упорного боя и большей частью уничтожены. Спаслось не больше 500 человѣкъ. С. занялъ Брестъ.

Образцовый маршъ-маневръ С. къ Бресту, его сентябрьскія побѣды—рѣзко измѣнили обстановку. Обезпечивъ границу, С. стоять теперь на флангѣ польско-литовскіхъ отрядовъ, действовавшихъ противъ Репнина, угрожая связи ихъ съ войсками Косciюшки и облегчая отступленіе Форзена въ Литву. Но путь къ Варшавѣ еще не былъ открытъ.

Съ занятіемъ Бреста задача С., по буквѣ предписанія, была выполнена; дальнѣйшія дѣйствія, развитіе операций, являлись уже проявленіемъ личной инициативы,—«самоволствомъ». Ихъ приходилось поэтому вести до крайности оговоржено. Бои съ Сѣраковскимъ показали С., что передъ нимъ—не безпорядочныя банды Барской конфедерации, но организованный, «выкзерци-

рованный» противникъ: поляки боятся стойко, «маневрируютъ живо и проворно». Неоомотрительный шагъ грозилъ неудачей, а между тѣмъ малѣйшая неудача могла положить конецъ молчаливому «попустительству» Совѣта, безъ котораго С. не могъ ни собрать силы, достаточныя для похода на Варшаву, ни организовать самый маршъ; попытка «самовольно» усилиться нѣкоторыми подчиненными Репнина отрядами обончился неудачею: начальники ихъ отказались исполнить приказы С. до подтверждения ихъ Репнинымъ. Между тѣмъ С. не могъ двинуться изъ Бреста, не обеспечивъ своего тыла и фланговъ: изъ своего корпуса онъ не могъ выдѣлить для этой цѣли ни одного человѣка; пришлось поэтому вступить съ переписку съ Репнинымъ, тянувшуюся около мѣсяца. Первомачальный успѣхъ развить такимъ образомъ не удалось; «Брестъ и Каны подобіе имѣть, — пишетъ С.:—время упущенено».

Требованія С. хотя и съ промедленіемъ, но были исполнены Репнинымъ. Это указывало, что въ Петербургѣ временно утверждалось «авантажное заключеніе» о С. и препятствій къ развитію дѣйствій чинить ему не будуть. Таково было общее мнѣніе въ арміи, значительно облегчавшее предстоявшую С. задачу захвата власти на польскомъ театрѣ.

Съ тѣхъ порь, какъ частями войскъ Репнина обеспеченнѣйбытьтыльиправый флангъ С., при дѣйствіи по оперативной линіи Брестъ — Прага, только полное отсутствіе свѣдѣній объ отрядѣ Ферзена, который могъ и долженъ бытъ обеспечить его лѣвый флангъ, задерживало С. въ Брестѣ. Наконецъ 3 октября С. получилъ сообщеніе о побѣдѣ Ферзена подъ Мадиовицами и о плѣненіи Косцюшки. Это обеспечивало лѣвый флангъ и развязывало С. руки. Онь немедленно отправилъ Дерфельдену и Ферзену предписанія именемъ Императрицы — идти къ Прагѣ на соединеніе съ нимъ, и 7 октября выступилъ со своимъ корпусомъ на Яновъ. С. не сомнѣвался, что Ферзенъ точно выполнитъ посланный ему приказъ, такъ какъ даже если онъ и не получитъ еще въ сентябрѣ отправленное ему Репнинымъ предписаніе — быть въ распоряженіи С., то, не зная точно, при отсутствіи связи съ главной квартирой, служебного положенія С., онъ не имѣть оснований ослушаться. Менѣе надеженъ

былъ Дерфельденъ: онъ могъ запросить предварительно Репнина. При извѣстномъ С. настроеніи Петербурга, въ согласіи Репнина сомнѣній быть не могло, но возможна была проволока, потеря времени. Считаясь съ этой возможностью, С. вмѣсто прямого пути на Варшаву избралъ болѣе кружной путь — на Бѣльскъ, дабы въ случаѣ «томности дѣйствій» Дерфельдена облегчить ему присоединеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ «не дать своего крыла» дѣйствовавшимъ на Литвѣ польскимъ отрядамъ, «обеспечить Брестъ и очистить Литву». Передъ выступленіемъ изъ Бреста, онъ, видимо, не былъ увѣренъ въ томъ, что «захватъ власти» ему удастся. На всякий случай, онъ счѣлъ полезнымъ провести свое рѣшеніе — идти на Варшаву — черезъ собранный въ Брестѣ военный совѣтъ, дабы постановленіемъ его въ извѣстной мѣрѣ подготовить себѣ оправданіе на случай обвиненія въ самовольствѣ и придать вмѣстѣ съ тѣмъ больше вѣсу своимъ «самовольнымъ» приказамъ.

Но уже въ Яновѣ С. узналъ, что Дерфельденъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, уступилъ настояніямъ начальника его авангарда, графа В. Зубова и, снесясь съ Репнинымъ, началъ предписаный ему форсированный маршъ; стоявшій на пути его слѣдованія отрядъ Мокрановскаго безъ боя отошелъ на Варшаву. Обезпеченный такимъ образомъ со стороны Буго-Нарева, С. немедля свернулъ на прямую Варшавскую дорогу, на Бенгровъ и Станиславовъ, гдѣ 14 октября утромъ соединился съ 11-тысячнымъ отрядомъ Ферзена и приказалъ Ферзену сдѣлать ночной поискъ на Окунево, а самъ, съ дивизіей Потемкива, выступилъ на Кобылку. Занятіемъ этихъ двухъ пунктовъ онъ обеспечивалъ за собою важнѣйшую въ стратегическомъ отношеніи дорогу между ними, выигрывалъ пространство по фронту, возстановливая связь съ Дерфельденомъ, очищая мѣстность и уничтожая такимъ образомъ всѣ неудобства безразумного и крайне опаснаго при другихъ условіяхъ марша трехъ русскихъ колоннъ (Дерфельдена, Потемкина и Ферзена) отъ Буга къ Варшавѣ.

Кобылка, по слухамъ, занята была сильнымъ отрядомъ изъ трехъ родовъ оружія. Дѣйствительно, шедшій въ авангардѣ С. съ казаками бригадарь Исаевъ въ 5 ч. утра 15 октября обнаружилъ «непріятельский весьма немалый лагерь» и, по приказанію

С., немедленно пошель въ атаку. Поляки силой до 4.000 человѣкъ кавалеріи и пѣхоты, выстроившись въ двѣ линіи на лѣсной полянѣ, стойко отбивали атаки, при поддержкѣ замаскированныхъ лѣсныхъ батарей, но держались пассивно, допуская безпрепятственное развертываніе спѣшно прибывшихъ къ мѣсту боя русскихъ эскадроновъ. Пѣхота Потемкина тянулась еще далеко позади, когда польские фланги подались назадъ подъ ударами лично руководимой С. кавалеріи и вынудили центръ также перейти въ отступленіе, двумя колоннами. Настойчиво преслѣдуя съ тыла, С. охватилъ противника высланными по окольнымъ дорогамъ кавалерійскими частями, и въ густомъ лѣсу, дѣлавшемъ невозможнымъ дѣйствія въ конномъ строю, атаковалъ походные колонны поляковъ спѣшенной кавалеріей въ палаши и сабли. Эта необычайная атака («чего и я никогда не видѣлъ»—писалъ С. впослѣдствіи) увѣничалась полнымъ успѣхомъ: колонны были опрокинуты, разсѣяны и уничтожены почти цѣликомъ. Весь бой былъ такимъ образомъ введенъ и рѣшёнъ конницей, — въ обстановкѣ, казалось, исключавшей возможность широкаго ея примѣненія.

Съ 15 по 22 октября С. оставался въ окрестностяхъ Кобылки, готовясь къ послѣднему удару. 19-го подошелъ Дерфельденъ.

«Самовольно» организованная С. армія доходила только до 30.000 чл. при 76 орудіяхъ (18 тыс. пѣхоты, 7.000 конницы, 5.000 казаковъ). Два дня велись рекогносцировки Праги, въ которыхъ, какъ подъ Измайломъ, участвовали всѣ начальники будущихъ штурмовыхъ колоннъ. Черезъ день послѣ присоединенія Дерфельдена объявлена была диспозиція, опредѣлявшая порядокъ перехода къ Прагѣ и штурмъ. 20 и 21 октября шла заготовка плетней, фашинъ и лѣстницъ. 22-го въ 5 ч. утра войска двинулись подъ Прагу и въ 10 ч. утра подъ барабанный бой и музыку заняли назначенный имъ лагерный мѣста. Войска Дерфельдена и Потемкина стали отъ берега Вислы до Бялоленки, Ферзенъ отъ Выгоды до Годславска, растянувшись тонкой линіей на 14 версты, безъ резерва, имѣя между собой промежутокъ въ 4 версты (у Брудни, противъ Песчаной горы), прикрытой только 16-орудійной батареей. Армія должна была выказывать намѣреніе

начать правильную осаду, для чего передъ фронтомъ каждого корпуса на заранѣе определенныхъ мѣстахъ приступлено къ возведенію осадныхъ батарей.

Въ свое время Косciюшко удѣмъль особое вниманіе Прагѣ—предмѣстью и ключу Варшавы. Онъ усилилъ имѣвшуюся старинную оборонительную линію—новой, земляной оградой сильной временной профиля, вынеса ее на $\frac{1}{2}$ версты впередъ. Она состояла изъ двухъ параллельныхъ, съ изломами для флангового огня брустверовъ, до 14 футовъ высотою, съ двумя рвами и полисадами между брустверами. Передъ укрѣплѣніями шли заставы, тройной рядъ волчьихъ ямъ и тройные герсы. Линія оборонялась 43 батареями на 104 орудія. Подступы къ флангамъ линіи обстрѣливались съ батарей (до 30 орудій) на гвомѣтъ берегу Вислы, связаннымъ съ Прагой двумя прочными мостами. Косciюшко возводилъ эти укрѣплѣнія имѣя въ виду активную оборону Праги регулярными войсками, до 20.000 которыхъ можно было развернуть на обширномъ плацдармѣ между первой, старой и новой оборонительными линіями. Оборону же укрѣплевай онъ полагалъ возложить на вооруженныхъ жителей Варшавы (также до 20.000). Но мысли Косciюшки не суждено было осуществиться. Новый главнокамандующій Вавржецкій менѣе всего думалъ объ активной оборонѣ. Варшава выставила вмѣсто ожидаемыхъ 20.000—едва 2.000. Линію Косciюшка пришлось оборонять регулярными войсками, притомъ въ количествѣ недостаточномъ для прочнаго занятія обширнаго Пражскаго ретраншамента. При этихъ условіяхъ—линія Косciюшки становилась растянутой, легко прорываемой позиціей—и только, тѣмъ болѣе, что оборона ея совершенно не была организована. Все вниманіе польскихъ вождей поглощено было партійной борьбой, которой отмѣченъ начинавшій въ то время кризисъ революціи 1794 г.

Демонстративнымъ приготовленіямъ С. къ осадѣ дали вѣру, и наканунѣ самаго штурма Вавржецкій счѣль возможнымъ отправить изъ Варшавы на Иноврацлавъ Понятовскаго и Гедройца, ослабивъ такимъ образомъ свои силы подъ Варшавой на 11 тысячъ человѣкъ и 40 орудій. Въ Прагѣ, кроме варшавскихъ милиционеровъ, находилось до 15.000 регулярныхъ, 2.000 копньеровъ, 2.500 кавалеріи. Выработан-

ная С. диспозиція штурма по стройности и силѣ замысла можетъ быть поставлена рядомъ съ образцовой Измайльской диспозиціей. Строго соображаясь съ особенностями Пражскаго укрѣпленнаго лагеря и свойствами противника, С. распредѣлилъ свои войска на три атаки. Главныи силы—4 колонны—2 Дерфельдена и 2 Потемкина (23 бат., 15 спѣшеннѣхъ эскадроновъ, 9 эскадр. въ конномъ строю всего—12 тыс. человѣкъ), направлялись на сѣверный фронтъ ретраншамента—слабѣшую часть его, съ большей внутренней площадью (удобной для дѣйствія конницы) и менѣе сильными крѣпостными сооруженіями, такъ какъ позади валовъ открывался свободный проходъ къ мостамъ на Вислѣ. Колонны эти должны были атаковать первыми, дабы по возможности оттянуть силы поляковъ отъ сильнейшей части пояса укрѣпленій на угрожаемый фронтъ. Черезъ полчаса послѣ начала сѣверной атаки должны были двинуться на штурмъ остальные войска: 2 колонны (Ферзена)—5.000 чел.—на восточный фронтъ, въ кратчайшемъ разстояніи отъ мостовъ въ тылу Праги, и одна колонна, до 2.500 чел. (также подчиненная Ферзену), на южный. Съ необычайнымъ искусствомъ намѣчались въ диспозиції и частныи цѣли, поставленныя отдельными колоннами, и, въ особенности, послѣдовательность въ развитіи наступленія войскъ всѣхъ трехъ атакъ.

Штурмъ былъ назначенъ на 24 октября. Въ 3 ч. ночи войска стали строиться въ дивизионныи баталіонныи колонны и въ 5 ч.—по ракетѣ, полки сѣверной атаки, рота за ротой въ развернутомъ строю, бросились на штурмъ, имѣя впереди егерей, рабочихъ и команды съ шашевымъ инструментомъ. Наступленіе русскихъ было замѣчено поздно. Поляки не успѣли организовать никакого руководства боемъ: онъ свелся къ упорному, но беспорядочному сопротивленію на валахъ сѣвернаго фронта, куда при первыхъ выстрѣлахъ вызваны были почти всѣ бывшие внутри ретраншамента резервы. Задержать наступленіе удалось не надолго. Только четвертая колонна (Буксгевдена), штурмовавшая ІІесочину гору и Звѣринецъ, долго не могла сломить стоянное сопротивленіе защитниковъ этого боевого участка; первыи же три довольно быстро овладѣли валами. Шедшіе въ головѣ первой колонны Фанагорійцы,

безостановочно наступая берегомъ Вислы, пробились къ мостамъ, захватили и разломали голову одного изъ нихъ; другой былъ зажженъ самими поляками. Такимъ образомъ прервансъ была непріятельская «ретира» изъ ретраншамента и Праги, куда «на плечахъ бѣглецовъ» ворвались вторая и третья колонны.

Впечатлѣніе, произведенное на Варшаву пражскимъ боями, превратившимся въ жестокую бойню, въ которой погибло до 23 тыс. жителей Праги,—было потрясающимъ. Населеніе единодушно требовало прекращенія борьбы, сдачи, которая одна, казалось, могла отвратить отъ города жребій Праги. Къ вечеру смолкли стѣшно возвигнутыя было на берегу батареи, и послѣ полуночи къ С. отправлены были депутаты для переговоровъ о капитулациі.

С. принялъ депутатовъ на слѣдующій день утромъ. Предложенія имъ условія капитулациі поразили поляковъ своей умѣренностью: С. требовалъ, чтобы оружіе, снаряды и артиллерія были сложены за городомъ, въ условленномъ мѣстѣ, чтобы немедленно исправленъ былъ мостъ, дабы русскія войска могли въ тотъ же день или на слѣдующій вступить въ Варшаву; взамѣнъ этого онъ давалъ торжественное обѣщаніе именемъ Императрицы, что все будетъ предано забвѣнію и польскія войска, по сложеніи ими оружія, будутъ распущены по домамъ; какъ войскамъ, такъ и жителямъ Варшавы гарантируется личная свобода и имущество.

Вполнѣ понятно, что большая часть населенія Варшавы и войскъ съ восторгомъ привѣтствовала извѣстіе о предложенныхъ С. условіяхъ. Только незначительное меньшинство настаивало на продолженіи борьбы. Но на Верховный совѣтъ, на руководителей революціи, умѣренность требованій С., повидимому, произвела впечатлѣніе слабости. Большинство членовъ совѣта съ Вавржецкимъ во главѣ высказалось за отступленіе войскъ изъ Варшавы, за уходъ въ предѣлы Пруссіи и возобновленіе военныхъ дѣйствій на будущій годъ. Подъ давлѣніемъ Верховнаго совѣта, городской магистратъ отправилъ новую депутатію къ С.: требование побѣдителя о сдачѣ артиллеріи и обезоруженіи войскъ отклонилось подъ тѣмъ предлогомъ, что войска магистрату не подчинены, и хода-

тайствовалоъ обь оторочкѣ вступленія русскихъ войскъ въ Варшаву.

С. не настаивалъ на обезоруженіи, спра-
ведливо полагая, что «ессенція бунту», центръ силы противника—не въ той жи-
вой силѣ, которой располагали еще руко-
водители мятежа, а въ самой Варшавѣ. Пере-
ходъ ея въ руки законнаго правительства, распаденіе центральнаго революціоннаго ор-
гана власти, изъ столицы Польши дикто-
вавшаго странѣ свои праказы, по мнѣнію С., должны были настолько рѣзко измѣнить политическую атмосферу, что о продолже-
ніи борьбы не могло быть и рѣчи. Уцѣ-
лѣвшіе полки «бунтовщиковъ», какъ не-
измѣнно называлъ польскія войска С., пред-
ставлялись совершенно безопасными. Обезоруженіе ихъ было только дѣломъ вре-
мени, и притомъ времени недолгаго. Разрѣшивъ свободный выходъ несоглас-
нымъ положить оружіе, С., однако, от-
вергъ отсрочку вступленія русскихъ въ городъ. Къ 29 октября Вавржецкій стъ-
частью войскъ очистилъ Варшаву. Осталь-
ныя—выдали оружіе. Въ этотъ день С. торжественно вѣхалъ въ городъ, встрѣ-
ченный на мосту городскимъ магистра-
томъ, поднесшимъ ему ключи Варшавы и хлѣбъ-солъ. Занятіе города русскими со-
вершилось безо всякихъ осложненій.

30 октября С. былъ принятъ королемъ въ торжественной аудіенціи. На слѣдую-
щій день С. издано было воззваніе, объ-
щавшее именемъ Императрицы амнистію польскимъ войскамъ, положившимъ ору-
жіе. Чтобы усилить впечатлѣніе этого воз-
званія, С. освободилъ, какъ «подарокъ польскому королю», 300 польскихъ плѣн-
ныхъ офицеровъ и 200 солдатъ по выбо-
ру. Рѣзкій переходъ отъ ужасовъ Праги къ мягкости и забвенію прошлаго произ-
велъ самое благопріятное впечатлѣніе. Быстро разнесшійся по странѣ слухъ объ амнистіи положилъ конецъ колебаніямъ поляковъ. Готовившіяся подняться воевод-
ства Люблинское, Сандомірское и Галиц-
кое прекратили боевые приготовленія. Ряды войскъ, оставшихся подъ знаменами Вавржецкаго, быстро рѣдѣли. Его отряды безъ сопротивленія сдавались командали, высланными С. по Вислѣ и Палицѣ. 7 ноября, убѣдившись въ полной невоз-
можности продолжать борьбу, положилъ, наконецъ, оружіе и самъ главнокомандую-
щий Вавржецкій. Кампанія была кончена.

С. былъ осыпанъ милостями. «Вы знае-
те,—писала ему Екатерина,—что я безъ
очереди не произвожу въ чины. Но вы
сама произвели себя въ фельдмаршалы». Исполнилась, такимъ образомъ, завѣтная
мечта С. Кромѣ фельдмаршальского жез-
ла, С. получилъ алмазный бантъ на шля-
пу за Крупчицы и Брестъ и «въ полное и потомственное владѣніе»—огромное имѣ-
ніе, «Кобринскій ключъ», съ 7.000 душъ
мужскаго пола. Огь прусскаго короля—
ордена Краснаго орла и Большого Черяя-
го орла; отъ австрійскаго императора—
портретъ его, осыпанный брилліантами.

Захватъ Варшавы и окончаніе кампа-
ніи произошли такъ внезапно для Петер-
бургскаго Совета, что онъ не успѣлъ снаб-
дить С. инструкціями относительно даль-
нейшаго направления дѣлъ въ «завоеван-
ной имъ Польшѣ». Не посвященный въ
тайны русской политики, не подозревая даже предстоящаго третьяго и оконча-
тельнаго раздѣла Польши, С. «не на-
шелся въ нужныхъ по обстоятельствамъ
мѣрахъ». Онъ прежде всего отнюдь не
считалъ ее завоеванной. Поэтому онъ при-
ложилъ всѣ силы къ тому, чтобы не толь-
ко восстановить нарушенный апрѣльскимъ
возстаніемъ «законный» прежній порядокъ и прежнєе правительство, но и утвердить
его, всемѣрно поднять его авторитетъ и зна-
чевіе. Все это, наряду съ широкой амни-
стіей именемъ Императрицы,—шло враз-
рѣзъ съ рѣшеннымъ уже въ Петербургѣ низ-
ложеніемъ короля и прекращеніемъ само-
стоятельного политическаго существованія
Польши. Ордеръ Румянцева отъ 6 ноября
и послѣдовавшее затѣмъ Высочайшее по-
велѣніе отъ 21-го того же мѣсяца освѣ-
тили, наконецъ, С. истинныя намѣренія
русскаго Двора: въ предписаніяхъ этихъ
говорилось о контрибуціяхъ, конфискаці-
яхъ и арестахъ, отправкѣ короля въ Грод-
но, «твердомъ управлѣніи» страной рус-
ской военнай властью, подавленіи ору-
жіемъ малѣйшаго протеста или демонстра-
ціи. Съ такой системой С. согласиться не
могъ. Онъ всегда считалъ, что «благомуд-
рое великодуше» «болѣе полезно» въ та-
кихъ случаяхъ, нежели «стремглавный
военный мечъ». Правильность этого взгля-
да онъ доказалъ своей дѣятельностью въ
Крыму, въ Циуральи, въ той же Польшѣ.
Будучи совершенно неспособенъ къ пас-
сивному исполненію чужихъ приказаний,

С., получивъ инструкціи, не пошелъ дальше въкоторыхъ частныхъ уступокъ петербургскимъ требованіямъ, при чёмъ не очень даже нужнымъ скрывать отъ поляковъ, что дѣлается это помимо его воли и желанія, и въ общемъ продолжалъ упорно идти прежнимъ путемъ. Упразднить варшавскій магистратъ, какъ было ему предписано, онъ нашелъ ненужнымъ; о контрибуціяхъ донесъ, что по всеобщему оскудѣнію дѣлать ихъ невозможно. На противъ того, желая поднять сильно упавшій курсъ польскихъ денегъ и тѣмъ хотя нѣсколько облегчить дѣйствительно тяжелое финансовое положеніе Польши, онъ уничтожилъ захваченные въ добычу $\frac{3}{4}$ миллиона польскихъ золотыхъ (въ кредитныхъ билетахъ). Равнымъ образомъ ярко сказались его заботы сбъ интересахъ населенія и въ вопросѣ о продовольствіи русскихъ войскъ. С. рѣшительно отказался отъ сбора продовольствія съ земли, несмотря на огромныя затрудненія, которыя испытывало продовольствіе его войскъ. Одно время онъ рѣшилъ даже вывести изъ Польши 12 полковъ, такъ какъ неполученіе ими денегъ дѣлало невозможнымъ принятый имъ порядокъ продовольствія—закупкой по высокимъ цѣнамъ провіанта у сбывателей.

Дѣятельность С. въ Польшѣ, отвѣченная жестокостями австрійцевъ и пруссаковъ въ занятыхъ ими областяхъ, создала ему широкую популярность среди поляковъ и обеспечила спокойствіе края. Въ Екатерининъ день 1794 г. магистратъ Варшавы поднесъ ему отъ имени варшавянъ золотую эмалированную табакерку съ гербомъ города и надписью: «Варшава своему спасителю». Подарокъ этотъ явился отголоскомъ несомнѣнной симпатіи, которой пользовался фельдмаршаль въ широкихъ слояхъ польского народа, за пощаду Варшавы простившаго ему гибель Праги.

Нѣтъ сомнѣнія, что С. бытъ бы отозванъ, если бы въ Петербургѣ вѣрили въ совершение успокоеніе края. Но трезожные слухи о продолжающемся броженіи, съ одной стороны, возможность разрыва съ Пруссіей—при предстоящемъ раздѣлѣ—съ другой, дѣлали присутствіе С. при войскахъ въ Польшѣ необходимымъ. С. бытъ оставленъ въ Варшавѣ, но устраненъ отъ какого бы то ни было участія въ разрѣшеніи польского вопроса. Ему предоставили поддерживать спокойствіе, следить за выво-

зомъ въ Россію архивовъ, публичной библиотеки Залусскаго, артиллеріи, военныхъ припасовъ и пр.

Тотчасъ послѣ блестящихъ побѣдъ своихъ отодвинутый снова на задній планъ, С. не могъ не чувствовать обиды, «жалкой сущести въ своемъ апоѳеозѣ», тѣмъ болѣе, что многія первоначальная распоряженія его отмѣнялись, торжественно даныя имъ обѣщанія не были исполнены его преемниками по власти. Да и самыя награжденія за кампанію 1794 г. показали, что положеніе С. съ производствомъ въ фельдмаршала въ сущности измѣнилось мало, отношеніе къ нему Императрицы осталось прежнімъ. Конечно, онъ бытъ награжденъ щедро; но еще щедрѣе награждены были другіе, никакого вліянія на успѣхъ войны не имѣвшіе. Такъ, Платонъ Зубовъ получилъ 18 тыс. душъ изъ тѣхъ же земель, изъ которыхъ С. удѣлено было 7 тыс. Императоръ Австрійскій по случаю занятія Варшавы пожаловалъ Зубову титулъ князя Римской Имперіи. Не безъ горечи говорилъ С.: «щедро меня за Лодомирію, Галицию и Краковъ въ князѣ Платонѣ Зубовѣ наградили».

Польскій раздѣлъ осуществился мирно, какъ и ожидалъ С., не придававшій поэтому значенія порученнымъ ему военнымъ приготовленіямъ. 17 октября 1795 г. С. получилъ милостивый рескриптъ, отзывающій его въ Петербургъ: «Вы будете въ другихъ употребленіяхъ, вамъ свойственныхъ, или на иныхъ предѣлахъ Имперіи, гдѣ мы въ спокойствіи не столь увѣрены». Редакція рескрипта ясно выражала взглядъ Императрицы на С. какъ силу исключительно боевую, которой ийтъ примѣненія въ лагеря. С. сдалъ войска Дерфельдену и 3 декабря прибылъ въ Петербургъ. Въ Стрѣльну для встрѣчи его выслана была дворцовая карета. Прямо съ пути онъ прибылъ въ Зимній дворецъ, для представленія государынѣ. Для жительства С. бытъ отведенъ Таврический дворецъ, для услугъ приставленъ цѣлый штатъ придворныхъ служителей. Въ Петербургѣ С. пробылъ недолго. Уже въ серединѣ января ему поручено было осмотрѣть возведенія въ Финляндіи по проектамъ его укрѣщенія. На это потребовалось С. всего нѣсколько дней. Вскорѣ затѣмъ ему предложено было принять командованіе надъ готовившейся въ Персію экспедиціей. С. отказался,

однако, отъ похода, не сулившаго ему ни дѣйствительныхъ боевыхъ трудовъ, ниславы. Его мысль была прикована къ западу, гдѣ быстрый успѣхъ французской революции создавалъ возможность скорой встрѣчи русскихъ войскъ съ болѣе сильнымъ и потому болѣе цѣннымъ для С. противникомъ, чѣмъ лестройная толпы персіяиа. Онъ безъ со- жалѣнія уступилъ назначеніе въ Персію кн. Валеріану Зубову и въ ожиданіи войны съ Франціей, о которой ходили уже усиленные слухи, принялъ 20 января 1796 г. главное командованіе арміей въ Новороссіи и въ половинѣ марта выѣхалъ въ штабъ-квартиру ея, Тульчинъ.

Со времени командованія полкомъ, онъ, кажется, никогда не трудился надъ боевой подготовкой ввѣренныхъ ему войскъ съ такимъ рвениемъ, какъ въ Тульчинѣ. На этотъ разъ, при всей его мнительности, онъ былъ увѣренъ, что «экзерцируетъ» войска для себя, что въ войнѣ съ Франціей главнокомандующимъ будетъ онъ, а не кто-нибудь другой. Онъ чувствовалъ себя спокойнымъ за будущее послѣ производства въ фельдмаршалы и — брака «Суворочки» съ гр. Н. Зубовымъ (29 апрѣля 1795 г.), породившаго его съ всесильнымъ фаворитомъ Императрицы, княземъ Платономъ.

Работа С. надъ войсками Тульчинскаго сбора была тѣмъ драгоценна, что военно-воспитательная система его, такъ геніально въ основаніяхъ своихъ намѣченная еще въ Новой Ладогѣ, въ бытность полковымъ командиромъ, — развитая въ доведенную до совершенства богатымъ боевымъ его опытомъ, именно здѣсь, въ занятіяхъ войскъ Тульчинскаго сбора, получаетъ стройность и законченность. Между прочимъ, именно здѣсь впервые вводятся въ программу строевыхъ упражненій знаменитыя Суворовскія сквозныя атаки. Но мирная работа надъ войсками, борьба съ интенданскими злоупотребленіями, мелкая повседневныя административныя заботы — не надолго могли удовлетворять С. Уже вскорѣ по прибытии въ Тульчинъ онъ началъ раскаиваться, что отказался отъ персидского похода; по характеру своему, онъ не могъ хладнокровно относиться къ извѣстіямъ о побѣдахъ Валеріана Зубова и по обыкновенію своему не скучился на насмѣшки по адресу «побѣдителя Персіи», «произведенаго, стыдно сказать, въ генераль-аишѣфы, и кандидата въ фельдмаршалы, какъ только

случится ему изъ тамошнихъ нѣсколькихъ тысячъ побить нѣсколько десятковъ тысячъ». Подобные отзывы не могли не отразиться на отношенииъ его съ Зубовыми, уже осложненныхъ недоразумѣніями изъ-за приданаго Наталіи Александровны. Между тѣмъссора съ Зубовыми была бы весьма несвоевременна. Рядъ продовольственныхъ и иныхъ злоупотреблений, совершенныхъ въ Польшѣ приближенными С. лицами, давали поводъ къ интригамъ и навѣтамъ, бросавшимъ тѣнь на самого фельдмаршала, хотя судебнѣе преслѣдованіе виновныхъ возбуждено было по его личному настоянію. Уже одно громкое «дѣло Бронскаго» могло, при желаніи Зубовыхъ, принять тяжелый и непріятный для С. оборотъ. Одно время, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ слуховъ, доходившихъ къ нему изъ Петербурга, въ С. поколебалась даже увѣренность, что онъ будетъ назначенъ главнокомандующимъ въ предстоящей войнѣ съ Франціей, для которой готовились уже войска и продовольственные запасы. Опасенія были напрасны: въ началѣ ноября былъ заготовленъ проектъ рескрипта, вручавшій ему командованіе дѣйствующей арміей.

Кончина императрицы Екатерины рѣзко измѣнила обстановку. Ея преемникъ, Павелъ Петровичъ, по вступленіи на престолъ прежде всего прекратилъ военныя дѣйствія: онъ отмѣнилъ французскій походъ, вернулъ войска изъ Персіи, отозвалъ эскадры изъ Англіи и Нѣмецкаго моря. Онъ заявилъ торжественно, что задачей его царствованія будетъ — залечить раны, нанесенные безпрерывными войнами Великой Императрицы, и царствованіе его — будетъ для Россіи эпохой мира.

Къ С. новый Императоръ не чувствовалъ особаго расположения. Онъ не считалъ его выдающимся полководцемъ, слѣпо раздѣляя взгляды своихъ прусскихъ учителей на С. какъ на грубую, но «счастливую» силу, и въ подвигахъ его находилъ больше отрицательныхъ, чѣмъ поучительныхъ сторонъ; такъ, напр., образцовый Пражскій штурмъ онъ «не почиталъ даже дѣйствиемъ военнymъ, а единствено за-кланіемъ жidовъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ глазахъ Павла С. являлся олицетворенiemъ столь ненавидимой имъ старой Екатерининской арміи; и въ силу одного этого, даже если бы Императору и не были из-

вѣстны рѣзкіе отзывы С. о «пруссійскихъ затѣяхъ», было очевидно, что С. не можетъ быть мѣста въ рядахъ «обновленной» гатчинской арміи.

Но въ первые дни своего царствованія, еще не утвердясь на престолѣ, Павелъ не рѣшился порвать съ «прошлыми людьми», такъ же рѣзко, какъ порвалъ онъ съ дѣлами прошлаго царствованія; тѣмъ болѣе внимателенъ былъ онъ къ престарѣлому фельдмаршалу, пользовавшемуся огромной популярностью въ народѣ и всеобщей, глубокой любовью солдатской массы. Онъ успокоилъ его относительно все еще грозившаго С. осложненіями «дѣла Вронскаго», звалъ прѣѣхать въ Москву на коронацію, просилъ не забывать «старыхъ друзей». Но С. ясно сознавалъ, что его карьера кончена. Лучшее, на что онъ могъ разсчитывать, это—«быть безгласнымъ» и «для декораціи Величества». Послѣдовавшее вскорѣ назначеніе на вновь учрежденную должность инспектора, должность, которую могли занимать генералы-маіоры, С. счѣлъ почти оскорблениемъ. «Новый титулъ! — пишетъ онъ Хвостову 11 января 1797 г.— Я—инспекторъ... Я былъ такимъ—подполковникомъ».

С. не дѣлалъ никакихъ посытокъ не только добиться благоволенія новаго государя, но даже сохранить установленнѣе первоначально холодно-милостивое отношеніе къ нему Павла. Если раньше, во имя пользы дѣла, онъ шелъ на компромиссы, прибѣгалъ къ «придворнымъ изворотамъ», то теперь «польза дѣла» запрещала ему какой бы то ни было компромиссъ. Онъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ той безпощадной ломки Екатерининскихъ порядковъ, которая на долгіе годы задержала естественное развитіе русскаго военнаго искусства, достигшее небывалаго блеска въ вѣкѣ Екатерины, и привила арміи «наемническія особенности прусаковъ» и кабинетный методизмъ. С. ясно сознавалъ опасность происходившаго переворота. «Боже, даруй, чтобы зло для Россіи не открылось прежде ста лѣтъ, ио и тогда основаніе къ нему будетъ вредно». Очевидно, что участвовать въ созданії этого зла, даже «по帮忙ствоватъ» ему не могъ С., въ основу всѣхъ поступковъ своихъ полагавшій: «никогда противъ отечества».

Въ Тульчинѣ все осталось какъ было

при Екатеринѣ. С. не ввелъ въ дѣйствіе новые уставы Павла и продолжалъ обученіе войскъ по прежней своей системѣ; онъ не поступился ии одной изъ прерогативъ «завоеваннаго» имъ фельдмаршалскаго чина: вопреки формальному приказанию Императора не распустилъ своего штаба; вошелъ съ представленіемъ объ измѣненіи дислокациіи подчиненныхъ ему войскъ, что, по новымъ порядкамъ, выходило за предѣлы его компетенціи; по прежнему увольнялъ въ отпуска, посыпалъ курьерами офицеровъ... Окружавшіе его, боясь, что подобное нарушеніе Высочайшихъ повелѣній, при вспыльчивомъ характерѣ Императора, можетъ повлечь суровую кару, усиленно совѣтовали С. выйти въ отставку. Не рѣшаясь на этотъ окончательный шагъ, С. все же согласился устроиться на времена и 11 января послалъ прошеніе объ увольненіи въ годовой отпускъ «для исправленія ото дня въ день ослабѣвающихъ силъ». Павелъ сухо отказалъ: «обязанности службы препятствуютъ съ оной отлучаться».

Поведеніе С., рѣзко выдѣлявшееся на фонѣ безусловнаго подчиненія и раболѣпства, которымъ окружено было Павелъ, не долго могло остатися незамѣченнымъ. Сначала искренно удивленный, что «тотъ, кого онъ считалъ изъ первыхъ къ исполненію его воли, останется послѣднимъ», Императоръ быстро убѣдился, что преступки фельдмаршала являются не слѣдствиемъ небрежности или недосмотра, но протестомъ противъ новыхъ порядковъ. Это убѣжденіе укрѣплялось каждымъ новымъ извѣстіемъ о дѣятельности С. въ Тульчинѣ. Неудовольствіе Павла, сдержанное вначалѣ, начинаетъ выливаться въ формы все болѣе рѣзкія. Два реескрипта—2 и 12 января—послужили предостереженіемъ. 15 января послѣдовалъ Высочайший выговоръ въ приказѣ по арміи, вслѣдъ за нимъ второй. С. послалъ вторичную просьбу объ отпуске, ссылаясь на «мирное время». Нѣсколько дней спустя, однѣ изъ донесеній его Императору, по обыкновенію С.—краткое и своеобразное, было возвращено ему обратно, «съ означеніемъ неповинныхъ двухъ мѣстъ», а черезъ нѣсколько часовъ получено предписаніе немедленно выѣхать въ Петербургъ. Въ отвѣтъ 3 февраля С. послалъ прошеніе объ отставкѣ. Но прежде чѣмъ оно дошло до Петербурга,

6 февраля на разводѣ отданъ былъ Высочайший приказъ: «фельдмаршаль графъ С., отнесися... что таѣ какъ войны вѣтъ и ему дѣлать нечего, за подобный отзывъ отставляется отъ службы».

Дождавшись въ концѣ марта разрѣшенія на выѣздъ, С. отбылъ въ Кобринъ, сопровождаемый 18 офицерами разныхъ чиновъ, одновремено съ нимъ подавшими въ отставку. С. предполагалъ привлечь ихъ къ управлѣнію своимъ обширнымъ Кобринскимъ имѣніемъ, обѣщавъ за это наградить помѣстьями. Но не успѣли прѣжде осмотрѣться въ Кобринѣ, какъ 22 апреля вечеромъ прибылъ туда коллежскій ассесоръ Николевъ съ именемъ Высочайшимъ повелѣніемъ: немедленно перевезти С. въ его боровичскія деревни и «препоручить тамъ городничему Вындомскому, а въ случаѣ надобности требовать помощи отъ всякаго начальства». Отѣзду изъ Кобрина произошелъ такъ внезапно и съ такой спѣшностью, что С. не имѣлъ времени не только отдать какія-либо распоряженія, но даже захватить драгоценности и денегъ на дорогу.

Причины этого ареста представляются неясными. Повидимому, убѣдившись окончательно, что Суворовская дивизія сохранила во всей неприкосновенности свой Екатерининский видъ, Павель придалъ вѣру «ужаснымъ слухамъ» о С., ходившимъ въ то время по Петербургу, и увидѣлъ въ дѣствіяхъ фельдмаршала больше чѣмъ простое неповиновеніе или попытка протеста. Иначе трудно объяснить послѣдовавшій арестъ офицеровъ, привезенныхъ С. въ Кобринъ, и то неослабное наблюденіе, которое установлено было за С. по прибытіи его 5 мая 1797 г. въ Кончанскоѣ. Первоначально надзоръ не слишкомъ тяготилъ С.: городничій Вындомскій, по выражению С., «страдавшій при немъ», умѣлъ дѣлать свое тяжелое дѣло незамѣтно, не оскорбляя фельдмаршала. Но такое «наблюденіе» очевидно сочтено было недостаточнымъ: въ Кончанскоѣ поселился, подъ предлогомъ «судебныхъ, торговыхъ и иныхъ дѣлъ», отозвавшій С. изъ Кобрина Николевъ, уже повышенный въ чинѣ. Истинную причину его прибытія С. понялъ сразу — и въ тотъ же день отправилъ государю слѣдующія строки: «Сего числа прїѣхалъ ко мнѣ коллежскій совѣтникъ Николевъ. Великій монархъ, сжалътесь, умилосердь-

тесь надъ бѣднымъ старикомъ. Простите, если чѣмъ согрѣшилъ». На этомъ письмѣ Павель положилъ резолюцію: «Оставить безъ отзыва».

Тяжелое, безотрадное время переживалъ въ Кончанскоѣ С., лишенный возможності видѣть друзей и близкихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лишенный одиночества, такъ какъ всюду чувствовался надзоръ; онъ не могъ даже письмами поддерживать связь съ вѣшнимъ міромъ, отъ котораго былъ отрѣзанъ стѣной кочанскаго заключенія: вся переписка его тщательно просматривалась и только ничтожная часть доходила по назначенню. О личномъ управлѣніи обширными своими помѣстьями, о которомъ мечталъ С., оставляя службу, при данныхъ условіяхъ не могло быть, конечно, и рѣчи; онъ былъ бессиленъ даже хотя отчасти возстановить порядокъ въ богатѣшемъ Кобринскомъ имѣніи, на глазахъ у него расхищавшемся людьми, которымъ онъ довѣрилъ управлѣніе.

Опала С. не ограничилась ссылкой. Высочайшей властью данъ былъ ходъ всѣмъ искамъ, денежнымъ претензіямъ и жалобамъ, заявленнымъ на С. разными темными личностями, поспѣшившими использовать гаѣвъ Императора на С. На Кобринское имѣніе было наложенъ секвестръ. Прекращенное уже дѣло Бронского было возбуждено вторично, и не въ мѣру усердствовавшими судьями опальный С. на этотъ разъ призналъ быть виновнымъ и приговоренъ къ уплатѣ 60.000 рублей. Но неизѣпость обвиненія была слишкомъ очевидна: 17 марта Павель приказалъ «дѣло сіе оставить».

Частные претензіи, въ общей сложности, превышали 100.000 рублей. По нѣкоторымъ изъ нихъ Высочайшими повелѣніями предписано С. произвести уплату. Было время, когда С. чувствовалъ себя близкимъ къ разоренію.

Если у государя и были какія-нибудь сомнѣнія относительно преданности ему С., то результаты строгаго надзора, установленнаго за нимъ и бывшими его приближенными, должны были разсѣять ихъ безъ слѣда. Вмѣстѣ съ тѣмъ Павель не могъ не сознавать, насколько тяжелое впечатлѣніе производила эта непонятная, незаслуженная опала престарѣлого фельдмаршала, имя котораго пользовалось уваженiemъ не только въ Россіи, но и далеко за сѧ предъ-

лами. Онъ счелъ удобнымъ примириться съ С., и 12 февраля 1798 г. въ Кончанское отправленъ былъ племянникъ С., флигель-адъютантъ князь А. Горчаковъ, передать приглашение государя прибыть въ Петербургъ. Въ тотъ же день былъ отозванъ Николеъ.

Но Петербургъ, дворъ—не имѣли теперь никакой притягательной силы для С. Съ большими трудомъ удалось Горчакову уговорить егоѣхать. Онъ рѣшился, однако, не торопиться прибытиемъ въ Петербургъ и, подъ предлогомъ старости и болѣзни, отправился на долгихъ, проселочными дорогами; только въ послѣдніе дни февраля (вѣроятно 27-го) фельдмаршаль поздно вечеромъ прибылъ въ столицу и на слѣдующее же утро былъ принятъ Императоромъ. Но примиренія не состоялось. С. по прежнему считалъ возвращеніе на службу невозможнымъ; поэтому онъ «не понималъ» намековъ, которые давалъ ему государь по этому поводу, былъ неистощимъ въ осмыслии новыхъ порядковъ въ арміи, одежды, ученій... Съ первого же развода онъѣхалъ, не дождавшись конца, несмотря на присутствіе Императора, громко заявивъ стоявшему около Павла Горчакову, что у него «брюхо болитъ». Государь сдерживался, хотя скоро пересталъ выказывать С. знаки вниманія, которыми почтілъ его на первомъ приемѣ: онъ все рѣже приглашалъ фельдмаршала на разводы и за цѣлый мѣсяцъ только однажды пригласилъ къ обѣденному столу. Но все же онъ видимо надѣялся, что С. въ концѣ концовъ уступить и изъявить желаніе вступить вновь на службу; и потому, когда въ первыхъ числахъ апреля С. попросилъ отпустить его въ деревню, онъ далъ разрешеніе съ явнымъ раздраженіемъ, сказавъ, что противъ воли удерживать его не хочется.

Освобожденный отъ всякаго надзора, С. по возвращеніи въ Кончанское могъ приступить къ приведенію въ порядокъ своихъ запущенныхъ дѣлъ: онъ началъ ходячиать въ Кончанскоемъ, усиленно переписывался съ новымъ кобринскимъ управляемымъ Красовскимъ. Онъ вѣль, по прежнему, замкнутый образъ жизни. «Рѣдко мой выѣздъ,—пишетъ онъ Хвостову; — проче многіе дни я, какъ Цинцинатъ, преpringрождаю въ глубокомъ уединеніи». «Обращеніе мое двѣ трети съ дворянами, въ

государскіе дни званы были разъ 5—6; ихъ не торжествовать я считалъ за грѣхъ. Незваные—по дружбѣ и въ другое праздники были у меня къ службѣ Божіей и одному обѣду разъ до восьми, человѣкъ отъ трехъ до полудюжины; самъ я былъ въ гостяхъ менѣше 10 разъ; прочее время препровождалъ я въ глубокомъ уединеніи, самъ-другъ, самъ-третій, или со священникомъ» (письмо С. Лопухину). Ежедневно С. бывалъ у заутреніи, обѣдни и вечерни, причемъ самъ пѣлъ и читалъ. Но такая жизнь, изо дня въ день, не могла удовлетворить С., несмотря на преклонный возрастъ все еще полна жажды жизни и дѣла. Бесѣда съ навѣстившимъ его въ сентябрѣ 1798 г. генераломъ Прево-де-Люлланомъ показываетъ, съ какимъ неослабнымъ интересомъ слѣдилъ онъ за ходомъ бурной политической жизни Европы. Тѣмъ тяжелѣе угнетало его сознаніе, что его жизнь, его дѣятельность — кончена, что она—всѧ въ прошломъ. «Бездѣствие гнететъ и томитъ», пишетъ онъ; «душа все равно что пламя, которое надо поддерживать и которое угасаетъ, если не разгорается все сильнѣе». Исхода этому томлению, успокоенія С. постепенно начинавшему всѣ настойчивѣе искать въ религіи; сильное съ дѣства, религіозное чувство захватываетъ его все глубже; мысль идетъ къ монастырю, къ «представительству душою чистою къ Престолу Всевышняго». Настроеніе окрѣпло и вылилось въ декабрѣ 1798 г. въ письмѣ государю: «Ваше Императорское Величество всеподданнѣйше прошу позволить мнѣ отбыть въ Нилову Новгородскую пустынь, гдѣ я намѣренъ окончить мои краткіе дни въ службѣ Богу. Спаситель нашъ одинъ безгрѣшенъ. Неумышленности моей прости, Великий Государь. Всеподданнѣйший богоугоденецъ, Божій рабъ, Александъ Суворовъ».

Больше мѣсяца ждалъ С. отвѣта. Наконецъ, 6 февраля, получилъ фельдмаршаль собственноручный раскриптикъ Императора, врученный прискашившимъ въ Кончанское флигель-адъютантомъ Толбухинымъ. «Сейчасъ получилъ я,—писалъ Павелъ,—извѣстіе о настоятельномъ желаніи Вѣнскаго двора, чтобы вы предводительствовали арміями его въ Италии, куда и мои корпусы Розенберга и Германа идутъ...» С. предписывалось немедленно прибыть въ

Петербургъ, для дальнѣйшаго сїдованія на Вѣну и приватія командинанія.

С. былъ опшеломленъ. Но ни раздумья, ни колебаній приказъ государя не вызвалъ. Отъ кончансаго ястроенія не осталось и слѣда. Быстро собравшиесь, С. выѣхалъ на слѣдующій же день и 9-го прибыль въ Петербургъ, гдѣ немедленно привять былъ Императоромъ. 9-го же февраля онъ былъ вновь зачисленъ на службу, съ чиномъ фельдмаршала, но безъ отданія въ приказъ. Нѣсколько дней спустя, Павелъ возложилъ на него орденъ св. Иоанна Ерусалимскаго Большого Креста.

Въ послѣдніхъ числахъ февраля С. выѣхалъ изъ Петербурга. Ехалъ онъ далеко не съ прежней, «Суворовской» скоростью: съ одной стороны, особенно торопиться и не сїдовало, такъ какъ русскія войска были еще далеко отъ будущаго театра военныхъ дѣйствій, а до прибытія ихъ С. не предполагалъ начинать кампанію; съ другой стороны—сказывались преклонные годы и разстроенное здоровье фельдмаршала. Проѣздомъ черезъ Митаву онъ представился французскому королю-претенденту Людовику XVIII, нашедшему въ Россіи пріютъ и бывшему однимъ изъ конкурентовъ С. на постъ главнокомандующаго союзными войсками. Оттуда, черезъ Вильну, обгоняя таинствѣнную къ границѣ войска, С. 3 марта прибыль въ Кобринъ, гдѣ остановился на нѣколько дней отдохнуть и привести въ порядокъ неотложная дѣла этого имѣнія. Слѣдя далѣе на Брестъ, С. 9 марта перѣѣхалъ границу и 14 марта вечеромъ прибыль въ Вѣну. Населеніе встрѣтило его восторженно. Императоръ и Дворь—благосклонно, но сдержанно. Въ ближайшіе дни начались переговоры о предстоящей кампаніи.

С. былъ поставленъ во главѣ союзной арміи въ силу соображеній, въ которыхъ военный геній его не игралъ никакой роли. Ни Императоръ Францъ, ни Императоръ Павелъ не были поклонниками его полководческихъ талантовъ. Въ глазахъ Франца—онъ былъ «грубый натуралистъ», «генералъ безъ диспозиціи». Онъ остановилъ свой выборъ на С. отчасти подъ давленіемъ англійской и русской дипломатіи, отчасти же потому, что С., по мнѣнію его, одаренъ былъ высшимъ даромъ судьбы—неизмѣняющимъ счастіемъ. Что касается Павла, то къ этому времени его взглядъ

на С. не измѣнился; одновременно съ назначеніемъ его, онъ далъ генералу Герману повелѣніе—наблюдать за предприятиями С., которыя «могли бы служить ко вреду войскъ и общаго дѣла, когда онъ будетъ слишкомъ увлеченъ своимъ воображеніемъ, мотивы заставивъ забыть его все на свѣтѣ». «Итакъ», говорилось въ раскрипѣ Герману, «хотя онъ и старъ, чтобы быть Телемакомъ, но не менѣе того вы будете Менторомъ, коего совѣты и мнѣнія должны умѣрять порывы и отвагу воина, посѣдѣвшаго подъ Лаврами». Предписаніе это не было отмѣнено и послѣ того, какъ растроганный прощеніемъ съ С. Павелъ на словахъ облекъ его полной мочью: «веди войну по своему, какъ умѣшь»; оно не имѣло силы только за назначеніемъ Германа на другой театръ.

Еще больше мѣръ предосторожности готовилъ въ охрану дѣла отъ Суворовскаго «воображенія» Вѣнскій Дворъ. Первоначально предполагалось главноначальствованіе въ Италии вручить эрцгерцогу Палатину, подъ наблюденіемъ и руководствомъ С. Но въ такомъ случаѣ, положеніе С., какъ руководителя эрцгерцога и начальника русскихъ вспомогательныхъ корпусовъ, было бы, въ сущности, совершенно самостоятельнымъ, и воздѣйствовать на решенія его врядъ ли оказалось бы возможнымъ. Между тѣмъ, гофкригсрать желалъ во что бы то ни стало удержать за собой верховное руководство операциами. Для этого необходимо было поставить С. въ подчиненное ему положеніе. Императоръ нашелъ къ тому способъ, давъ С. высшее, на первый взглядъ, назначеніе главнокомандующимъ австрійскими войсками и возведя его 31 марта (н. с.) въ чинъ фельдмаршала. Какъ австрійскій фельдмаршаль, онъ былъ обязанъ повиноваться Австрійскому Императору и—гофкригсрату. Желая еще болѣе обезпечить свое влияніе на ходъ кампаніи, Вѣнскій Дворь изъялъ изъ вѣдѣнія С. всю продовольственную и административную часть и передалъ ее австрійскому фельдмаршалу Меласу, которому вмѣстѣ съ тѣмъ поручено было и ближайшее наблюденіе за С.

С. съ первыхъ же дней разгадалъ стремленіе гофкригсрата наложить на него свою руку, но не придалъ этому особаго значенія. Руководясь опытомъ 1794 г., онъ надѣвался на театръ военныхъ дѣйствий

быстро освободиться отъ опеки австрійскаго «Высшаго Совета». Вмѣсто того, чтобы сразу выяснить отношенія, онъ даваль уклончивые отвѣты, стараясь даже поддакивать австрійцамъ, и этимъ дать имъ въ руки сильное оружіе для будущаго: возможность ссылаться—и основательно—на «вѣнскіе переговоры». Равнымъ образомъ, неосмотрительно допустилъ онъ и передачу продовольственной части исключительно въ вѣдѣніе австрійцевъ, вѣроятно поддавшись соблазну избавиться отъ докучныхъ административныхъ заботъ. Обѣ ошибки отзвались на всемъ ходѣ кампаниі.

Несмотря на всѣ настоянія, С. наотрѣзъ отказался принять участіе въ выработкѣ плана кампаниі совмѣстно съ членами гофкригсрата. Присланный ему на просмотръ австрійскій планъ кампаниі онъ перечеркнулъ на-крестъ, сверху до низу, не вдаваясь въ разборъ его. Своихъ личныхъ соображеній онъ не сообщалъ ни австрійскимъ генераламъ, ни генералъ-адютанту Лauerу, специальнѣ для этого присланному Францемъ. Онъ руководился тѣмъ же, что заставило его наканунѣ Фокшанъ отказывать Принцу Кобургскому въ бесѣдѣ: не желаніемъ терять время на «кабинетное вранье». Единственно, чего удалось добиться отъ него австрійцамъ: «Начну кампанию переходомъ черезъ Адду, а кончу—гдѣ Богу будетъ угодно».

Но гофкригсрать не склоненъ былъ уступать. На прощальной аудіенції 23 марта Императоръ Францъ вручилъ С. «начертаніе», заключавшее въ формѣ приказанія тотъ самый планъ, который С. перечеркнулъ нѣсколько дней тому назадъ. Начертаніе ясно ставило цѣль кампаниі: прикрытие австрійскихъ владѣній и удаленіе опасности отъ границъ Имперіи, и указывало шагъ за шагомъ, какъ достичь этой цѣли. Наряду съ этимъ С. было предписано: въ случаѣ какихъ-либо отступленій отъ «начертанія», до исполненія—спешились съ Вѣной. С. «принялъ къ свѣдѣнію» и начертаніе и приказъ и выѣхалъ изъ Вѣны съ твердымъ намѣреніемъ не исполнять ни того ни другого.

Приказавъ слѣдовавшимъ въ Италию русскимъ войскамъ удвоить этапы, С. черезъ Брукъ и Виллахъ прибылъ въ Верону.

Къ моменту прибытія С. въ Италию положеніе союзниковъ на этомъ театрѣ могло считаться блестящимъ. Французскій главно-

командующій Шереръ, послѣ ряда поражений, уменьшившихъ его армію до 28.000 человѣкъ, спѣшно отводилъ за Адду свои утомленныя и деморализованныя войска. Заняты французскими гарнизонами крѣпости Итальянскаго четверо-угольника—оплотъ господства въ странѣ—были предоставлены самими себѣ. Неаполитанская армія Макдональда (40.000 чel.) едва справлялась съ возстаніемъ въ Партенопейской республикѣ, удаленная отъ Шерера болѣе чѣмъ на 20 переходовъ. Швейцарская армія, потерпѣвъ неудачу при вторженіи въ Тироль, разбросалась и оттянулась къ сѣверу, оставивъ свои сообщенія съ Шереромъ на воздухѣ. Разечитывать на подкрайленія изъ Франціи было трудно.

Силы союзниковъ въ Италии, съ подходомъ русскихъ подкрайленій, доходили до 100.000 человѣкъ. Изъ нихъ 65 тысячъ были уже въ сборѣ. Главные силы—22 тысячи, подъ командой Меласа сосредоточены были къ западу отъ Валеджю. Авангардъ Отта (7 тыс.) занималъ Монте Квари, выдвинувъ боковой отрядъ къ Понте-Санть-Марко. 7 тысячъ Вукасовича—въ Рока-д'Анфа; у Маркаріи—Гогенцоллернъ съ 5 тыс. обеспечивалъ лѣвый флангъ австрійцевъ и прикрывалъ блокаду Мантуйи, обложенной 10-тысячнымъ отрядомъ Кленау; С.-Жюльенъ съ 4.500 чel. осаждалъ Пескіеру.

Принимая командованіе въ Италии, С. смотрѣлъ на поставленную ему Императоромъ Францемъ задачу приблизительно такъ же, какъ 5 лѣтъ тому назадъ на ордерѣ «Высшаго Совета» о занятіи Бреѣста: какъ на необходимый первый шагъ, подготовку рѣшительного удара, который долженъ былъ перенести борьбу на французскую территорію. Своимъ наступленіемъ въ Италии онъ имѣлъ въ виду способствовать активности дѣйствій на Рейнѣ и въ Швейцаріи и, развязавъ себѣ руки на этомъ театрѣ, постепенно объединить общее наступленіе къ границамъ Франціи. Соображенія эти обусловили и выборъ С. первой его операционной линіи: на Брешію—Мilanъ. Выводя къ важнѣйшему пункту въ расположеніи противника, она вела кратчайшимъ путемъ къ рѣшенню, и захвату Малана, главнаго пункта на этомъ участкѣ театра войны; вмѣстѣ съ тѣмъ, прерывая ударомъ въ этомъ направлении сообщенія Шерера съ Швейцаріей, С. входилъ въ связь съ Рейнской и Швейцар-

ской арміями австрійцемъ, протягивался къ Савойѣ, считавшейся въ то время ключемъ Швейцарскихъ Альповъ на Западѣ при вторженіи во Францію. Направленіе на Миланъ, по совершенно, впрочемъ, инымъ соображеніямъ, было указано С. и гофкригсратомъ.

С. прибылъ къ арміи, въ Валеджіо, 4 апрѣля. Немедленно въ австрійскіе полки были командированы русскіе офицеры-инструкторы—для «наученія таинству побѣнія непріятеля холоднымъ ружьемъ» и «отученія отъ ретирадъ». Съ той же цѣлью и для ознакомленія съ основами Суворовской тактики отданы были приказами по арміи краткія наставленія для дѣйствія въ бою. Австрійцы были обижены стими распоряженіями: часть австрійскихъ генераловъ, и въ числѣ ихъ недавній побѣдитель Шерера, баронъ Край—открыто выражали непріязнь къ С. и русскимъ.

Стремясь по возможности скорѣе открыть дѣйствія, С. рѣшилъ не дождаться сосредоточенія всѣхъ войскъ и по прибытіи первыхъ русскихъ эшелоновъ (дивизія Повало-Швейковскаго), 8 апрѣля на разсвѣтѣ выступилъ изъ Валеджіо тремя колонами къ р. Кеаза и даље къ р. Меллѣ, обеспечивъ маршъ справа 7.000 отрядомъ Вукасовича, направленнымъ къ Брешіи, и слѣва—высланнымъ изъ Подоло Гогенцоллерномъ съ 5 тыс. Соприкосновеніе съ противникомъ было потеряно австрійцами тотчасъ по уходѣ французовъ за Минчіо, и въ моментѣ выступленія С. не зналъ ни расположевія арміи Шерера, ни состава, ни состоянія ея. Въ виду этого онъ старался организовать наступленіе методически и осторожно. На дѣлѣ получилось обратное. С. не хотѣлъ приоравливаться къ австрійскимъ порядкамъ и привычкамъ; австрійцамъ же Суворовскіе марши и переходы оказались не по силамъ. Такъ какъ С. начиналъ, по своему обычаю, маршъ въ 3 ч. пополудни, австрійскія войска не успѣвали до выступленія сумерокъ закончить назначенный имъ переходъ. Движеніе продолжалось ночью, колонны отставали, сбивались съ пути, тѣмъ болѣе, что диспозиція отдавалась всего за часъ до выступленія и притомъ въ не-привычно-краткихъ, отрывистыхъ выраженіяхъ. Остановки ночами происходили далеко не всегда въ намѣченныхъ для того пунктахъ. Между тѣмъ, диспозиція

движенія слѣдующаго дня отдавалась на основаніи предписанного наканунѣ, а не дѣйствительного расположенія войскъ. С. не соглашался ждать, пока подтянутся отсталые, выйдутъ на вѣрную дорогу сбившиеся отряды: имъ предлагалось наверстывать упущенное. Австрійцы физически не могли выполнить предъявленныхъ имъ С. требованій: въ силу этого путаница увеличивалась со дня на день; терялась связь колоннъ и зачастую не соблюдалось никакихъ мѣръ охраненія. Безпорядочность марша вызывала крупная продовольственная затрудненія и какъ слѣдствіе ихъ—грабежи. Утомленныя непривычнымъ напряженіемъ войска Императора Франца роптали; австрійскимъ генераламъ, при видѣ безпорядка, царившаго на маршѣ, «жутко становилось за будущее».

Первымъ препятствиемъ на пути сѣдованія С. была Брешія. Оцѣнивая по достоинству значеніе первого успѣха, С. принялъ всѣ мѣры къ обезпечению блестящей и громкой побѣды подъ стѣнами Брешіи. Онъ направилъ къ ней по сходящимся путямъ съ трехъ сторонъ 24.000 человѣкъ съ предписаніемъ штурмовать безъ промедленія, если не послѣдуетъ безусловной сдачи. Въ виду огромнаго превосходства силъ противника слабый (1.000 чел.) гарнизонъ Брешіи капитулировалъ безъ боя. Подобный исходъ не соответствовалъ видамъ С., оглабляя впечатлѣніе первого его боевого успѣха. Но онъ исправилъ дѣло реляціей: въ ней былъ и «жестокій пушечный огонь» и «упорное сопротивление», придавшее безкровному дѣлу такой характеръ, что оно явилось за границей нападки на С. за «турецкій способъ дѣйствій». Цѣль такимъ образомъ была достигнута вполнѣ: нужное впечатлѣніе создалась.

Когда С. стало точно известно расположение французовъ, то, чтобы помѣшать сосредоточенію, удержать на мѣстахъ разбросанныя силы противника,—и немедленно двинулъ къ Лекко и Бревіо, где онъ предлагалъ возможныи присутствіе главныхъ силъ французовъ—19 тысячи (Розенбергъ и Вукасовичъ), 2 тысячи (Секендорфъ) къ Лоди; самъ же онъ продолжалъ маршъ на Касано съ главными силами, выводя ихъ къ центру ровнымъ кордономъ растянутой вдоль Адды арміи непріятеля, для прорыва его въ важнѣй-

шемъ направлениі. 14 апрѣля союзная армія развернулась передъ Аддой.

Переправа была назначена на 15-е, но ее пришлось отложить до выясненія результатовъ завязанного Багратиономъ горячаго боя за Лекко, гдѣ обнаружены были значительныя силы противника. Занятие Лекко русскими не только приковало къ мѣсту войска крайняго лѣваго фланга французовъ, но обусловило даже высылку туда Шереромъ подкѣплений, что еще болѣе ослабило пунктъ главнаго удара С. у Треццо и Кассано. Въ ночь на 16-е союзники приступили къ наводкѣ мостовъ у Лекко, Сан-Джервазіо (выше Треццо) и Лоди, намѣчая такимъ образомъ переправу на протяженіи 55 верстъ и вынуждая этимъ противника сохранить свое растянутое положеніе. Мостъ у Джервазіо наводился подъ личнымъ наблюдениемъ С., безъ плаща и шапки работавшаго подъ дождемъ наравнѣ съ солдатами. Въ 5 ч. утра началась переправа.

Въ самый день перехода союзниковъ черезъ Аду въ главной квартирѣ французовъ былъ полученъ декретъ о назначеніи главнокомандующимъ итальянской арміи, вместо неспособнаго Шерера, молодого и талантливаго Моро. Немедленно принявъ начальствование, Моро попытался исправить ошибку своего предшественника и отдалъ приказъ о спѣшномъ сосредоточеніи къ Кассано. Но въ это время воодушевленные личными присутствіемъ С. батальоны Меласа взяли, наконецъ, штурмомъ тетъ-де-понъ на Аддѣ, выбили французовъ изъ Кассано и вышли въ тыл отходившимъ отъ Варпіо войскамъ Моро. Оказавшись между двухъ огней, Моро поспѣшилъ перешель въ отступленіе—на Мельцо.

17 апрѣля союзная армія двинулась къ Милану. Между Вардеріо и Падерно обнаружена была казаками Вукасовича дивизія Серрюре, не успѣвшая еще отступить; приближеніе корпуса Розенберга заставило ее положить оружіе. Къ ночи передовыя войска союзниковъ заняли Миланъ: французскій гарнизонъ заперся въ цитадели. 18 апрѣля, въ день Свѣтлого Воскресенія, С. торжественно вѣхъаль въ городъ, встрѣченный населеніемъ съ тѣмъ же энтузіазмомъ, съ которыми 3 года тому назадъ встрѣчали здѣсь Богдана. С. объявилъ Цисальпійскую республику не существую-

щей, учредилъ временное правительство. Дальнѣйшія распоряженія предоставлены были имъ Меласу, какъ лицу уполномоченному Императоромъ: Меласъ ввелъ немедленно австрійскіе порядки, къ великому неудовольствію итальянцевъ. За подписью С. выпущена была составленная въ Вѣнѣ напыщенная, безсильная прокламація къ французскимъ войскамъ.

Два дня продолжались торжества въ честь побѣдителей. 19-го подошли послѣднія войска, присоединилась къ арміи дивизія Ферстера, прибывшая изъ Россіи, и 20-го, въ 3 ч. пополудни, С. выступилъ изъ Милана.

Онъ не пошелъ за Моро, отступившимъ за Тичино, такъ какъ о движении его въ главной квартирѣ союзниковъ не было точныхъ свѣдѣній и время для преслѣдованія было уже упущенное: организовать быстро переправу черезъ По было невозможно за недостаткомъ понтоновъ. Вниманіе С. отвлечено было въ сторону болѣе сильнаго и опаснаго противника: по полученнымъ извѣстіямъ приближалась изъ Средней Италии 40-тысячная армія Макдональда. С. двинулся ей навстрѣчу, фланговымъ маршемъ къ р. По, къ Пьяченцѣ и Парпанезе. Предчувствуя, что движеніе это не встрѣтитъ одобренія въ Вѣнѣ, С. попытался «откупиться отъ гофкригогата, взять съ собою всего 36 тысячъ: остальная армія—до $\frac{1}{3}$ наличныхъ силъ, назначены были для осады крѣпостей (Мантуй, Пиччигетоне, Пескіеры и Миланской цитадели), на чёмъ настаивали австрійцы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ счѣлъ своевременнымъ сдѣлать Вѣнскому Двору первый намекъ на свои замыслы, ясно подчеркнувъ въ отправленномъ Императору операционномъ планѣ необходимость строгаго согласованія дѣйствій на отдѣльныхъ театрахъ, въ видѣахъ «предстоящаго общаго наступленія въ предѣлы Франціи». Въ отвѣтъ Императоръ подтвердилъ свое первоначальное «начертаніе»: ни о какомъ «общемъ наступленіи» и предполагать не слѣдовало»; С. предписывалось ограничиться беззпечениемъ завоеванныхъ областей, на правый берегъ По отнюдь не переходить и не отвлекаться отъ главной задачи—овладѣнія крѣпостями.

Рескрипты Императора не застали С. въ Миланѣ. Маршъ къ р. По былъ выполненъ быстро; переправа на правый берегъ

нѣсколько задержалась по недостатку неправочныхъ средствъ и малой распорядительности, проявленной штабомъ С., составленнымъ изъ австрійцевъ, и только въ послѣднихъ числахъ апрѣля главная армія С. (18 тыс. русскихъ и 18 тыс. австрійцевъ) стала на обоихъ берегахъ По, близъ Пьяченцы и Парпанезе, связанныя мостомъ у Медано Корти и паромомъ у Червезино, на центральной позиціи между Макдональдомъ и Моро.

С. долго не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о противнике. Наконецъ удалось установить, что Макдональдъ еще не выступалъ изъ Средней Италии; въ то же время стало известно, что армія Моро искуснѣмъ, хотя и рискованнымъ экспентрическимъ маршемъ отошла на сильную позицію Валенца—Алессандрии, прикрывая юго-западный Пѣмонтъ, Туринъ и главные пути черезъ Апенины въ Ривьеру, грозя тылу С. въ случаѣ движенія его навстрѣчу Макдональду.

С. обратился противъ Моро. 28 апрѣля, введенный въ заблужденіе ложнымъ извѣстіемъ о переходѣ французовъ въ отступленіе за Апенины, онъ приказалъ Шателеру занять Тортону и выслать къ Валенсіи корпусъ Розенберга. Но въ тотъ же день выяснилось, что Моро по прежнему стоитъ подъ Алессандрией. С. рѣшилъ站нуть свои силы впереди Тортоны и атаковать непріятельскую позицію за р. Танаро. 29 апрѣля войска Меласа заняли Горре-ди-Гарофолло; авангард Денисова—Маренго; отрядъ Багратиона сталъ у С.-Джуліано, где къ нему долженъ былъ присоединиться Розенбергъ, получившій приказъ оставать предпріятіе на Валенцу и перейти на правый берегъ По ниже, у Камбіи. Но Розенбергъ, положившись на сообщеніе мѣстныхъ жителей, что Валенца занята только 1.000 французовъ, рѣшилъ занять ее, совершивъ, вопреки предписанію, переходъ въ ранѣе намѣченномъ пункѣ; онъ совершилъ упугтиль изъ виду, что этимъ войска вводятся въ тупикъ между По и Танаро и соединеніе съ С. становится невозможнымъ. Испытка Розенберга овладѣть Валенцей повела къ неудачному для насъ бою при Басиньяно: потерялъ 70 офицеровъ, 1.200 нижнихъ чиновъ, 2 орудія, русскій отрядъ спасся отъ окончательного разгрома только потому, что Моро былъ настолько озадаченъ этой логически необъ-

ъяснимой переправой — прямо противъ его позиціи, что счѣлъ ее за демонстрацію и воздержался отъ преодолѣванія.

Неудача при Басиньяно задержала предполагавшееся наступленіе. Узнавъ о завязанномъ Розенбергомъ дѣлѣ, ясно представляя себѣ всю опасность положенія «зашедшаго въ куть» отряда и тѣмъ сильнѣе беспокоясь, что въ рядахъ его находился Великій Князь Константинъ Павловичъ, 26 апрѣля прибывшій къ арміи,—С. быстро потянулся къ Камбію почти всѣ союзныя войска. Онъ сознавалъ безполезность этого движенія: въ случаѣ энергичныхъ дѣйствій французовъ, помочь не могла поспѣть во-время, но онъ видимо не въ силахъ былъ оставаться спокойнымъ «зрителемъ изъ затонца», выждать на мѣстѣ результатовъ.

По присоединеніи Розенберга, С. возобновилъ движеніе—но уже по другому плану. Онъ успѣлъ за эти дни получить новыя и снова «достовѣрныя» извѣстія: Макдональду окончательно приказано оставаться въ Южной Италии; изъ Савои и съ Рейна идутъ подкрепленія къ Моро. Сообразно съ этимъ становилось неизбежнымъ сохранять занятое С. внутреннее положеніе относительно Макдональда и Моро: онъ рѣшилъ перевести войска на лѣвый берегъ По и стать на путахъ ожидаемыхъ подкрепленій, обойдя въ то же время лѣвый флангъ крѣпкой позиціи французовъ за Тазаро; дѣйствіе предполагалось произвести въ ночь на 5 мая, фланговый маршемъ къ р. Сезіи, подъ прикрытиемъ бокового авангарда Багратиона и демонстрацій: Чубарова на р. Танаро, Багратиона—на Бреше, Карабача—на Алессандрию. Но въ ту же ночь Моро, также не имѣвшій достовѣрныхъ свѣдѣній о противнике, рѣшилъ освѣтить положеніе и, наведя мостъ противъ Маренго, перешелъ Бормиду съ дивизіей Виктора и 2 тыс. кавалеріи. Выбивъ изъ Маренго австрійцевъ Карабача, онъ продолжилъ маршъ на С.-Джуліано, но на пути былъ атакованъ дивизіей Фрелиха, поддержанной вслѣдъ затѣмъ Багратиономъ. Вѣсть о наступленіи французовъ остановила обходное движеніе союзниковъ. Отъ Горре-ди-Гарофолло спѣшно двинулись къ мѣсту боя войска дивизіи Кайма. Приближеніе ихъ убѣдало Моро, что его предположеніе объ уходѣ С. на-встрѣчу Макдональду не основательно и главныя силы союзной арміи по прежнему стоять передъ нимъ; въ 4 ч. дня онъ быстро

перешелъ въ отступлениѣ и успѣлъ благополучно вернуться за Бориду, черезъ единственный мостъ, захватъ котораго союзниками поставилъ бы его въ безвыходное положеніе. С., находившійся въ это время въ Сале, прискакалъ уже по окончаніи боя и не могъ исправить ошибки: Моро былъ упущенъ.

Разобравшись, благодаря бою при Маренго, въ обстановкѣ, французскій главнокомандующій счелъ благоразумнымъ уединиться отъ неравнаго боя и заблаговременно отступить въ Генуэзскую Ривьеру. С. весь день 6-го простоялъ на мѣстѣ, выжидая дальнѣйшихъ дѣйствій противника, и только 7-го возобновилъ прерванное обходное движение. Закончивъ обходъ 9—10 мая, онъ обнаружилъ, что французы уже очистили свою позицію. Сразу установить направление, взятое Моро, не удалось. С. отказался отъ мысли догнать его и двинулся на Туринъ, дабы занятиемъ его отрѣзать Моро отъ возможныхъ подкрѣпленій изъ Швейцаріи и Савойи, поднять восстаніе въ Піемонтѣ и обезпечить себѣ прочный опорный пунктъ для дальнѣйшихъ операций на Ривьеру. Вмѣстѣ съ тѣмъ, захватъ Турина передавалъ въ руки союзниковъ огромные склады запасовъ, парки, арсеналы; на конецъ, занятіе столицы Сардинскаго королевства соотвѣтствовало видамъ Австріи и должно было содѣйствовать поддержанію добрыхъ отношеній между Вѣнскимъ Дворомъ и фельдмаршаломъ.

11 мая готовы были мосты на Сезінѣ, и союзная армія въ 4 перехода подошла къ Турину. Национальная гвардія измѣнной открыла ворота австрійцамъ: французский гарнизонъ (3.000 чел.) съ трудомъ успѣлъ укрыться въ цитадель, немедленно окруженну войсками С.

С. предполагалъ остататься въ Туринѣ только на то время, которое было необходимо для организаціи марша, намѣщаемаго имъ на Кармайолу—Чеву къ Финале; онъ разсчитывалъ движеніемъ этимъ покончить съ Моро, чѣмъ окончательно очищена была бы Сѣверная Италия, отрѣзана отъ Франціи и обречена на гибель армія Макдональда. Но осуществить свой проектъ ему не удалось.

Предложеніе С. движеніе на Ривьеру не встрѣтило одобренія въ Вѣнѣ, какъ совершенно ненужная—съ точки зренія гофкрайтера—трага людей и средствъ.

Вѣнскій Дворъ тѣмъ менѣе расположеньѣ былъ уступить въ этомъ вопросѣ настояніямъ С., что его дѣятельностью вообще были недовольны; принятые имъ, по вступленіи въ Піемонтѣ, мѣры шли совершенно вразрѣзъ съ видами и цѣлями австрійскаго правительства. Занявъ Туринъ, С. объявилъ Сардинское королевство восстановленнымъ, послалъ королю приглашеніе вернуться въ столицу, издалъ прокламацію къ жителямъ, приглашая ихъ вооружаться «на защиту короля», восстановилъ королевскую армію и весь прежній порядокъ вещей—даже прежніхъ должностныхъ лицъ. Мѣры эти, способствуя подъему чувства политической самостоятельности, национальнаго самосознанія піемонтцевъ, могли только затруднить предположенное Австріей присоединеніе Сардинскаго королевства къ наследственнымъ владѣніямъ. С. такимъ образомъ повторилъ ту же ошибку, которую сдѣлалъ онъ въ Варшавѣ въ 1794 г.

Въ новомъ, уже менѣе милостивомъ, реескриптѣ Императоръ Францъ, въ выраженіяхъ ясныхъ, далъ понять С., что онъ поставленъ во главѣ австрійскихъ войскъ и русскихъ корпусовъ, предоставленныхъ Павломъ въ распоряженіе союзника, отнюдь не для того, чтобы при помощи ихъ осуществлять свою собственную, Суворовскую, политическую программу, но ту программу, которая начертана Австріей, на чьи средства и чьими войсками ведется война. Категорически подтверждалось: въ областяхъ, занятыхъ союзниками по праву завоеванія, не допускать никакихъ властей кроме австрійскихъ; вообще же на будущее время въ административныхъ мѣроопріятіяхъ не выѣживаться, предоставить ихъ всецѣло Меласу и заниматься исключительно оперативной частью; ни о какихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ не думать, а ограничиваться осадами Мантуй и Миланской цитадели и обезпеченіемъ занятой территоії.

«Сей кабинетный декретъ» разрушилъ предположенія С. Онъ не могъ пойти заперекоръ повелѣнію Императора уже потому, что власть и авторитетъ его въ австрійской арміи были слишкомъ слабы для этого; важнейшая, провіантская часть находилась всецѣло въ рукахъ австрійцевъ; генералы, ему подчиненные, сносились прямо съ гофкрайтеромъ и даже помимо его получали предписанія изъ Вѣны; совершались даже передвиженія частей, о кото-

рыхъ С. узнавалъ только по окончаніи ихъ. Организовать при такихъ условіяхъ «самовольный маршъ», въ родѣ марша къ Црагѣ въ 1794 г., представлялось совершенно немыслимымъ. С. попытался добиться разрѣшенія идти на Ривьеру хлопотами въ Вѣнѣ черезъ русскаго посла Разумовскаго. Но настаивать на требованіяхъ С. Разумовскій не могъ: логически австрійцы были правы: война велась ими, и надо было предоставить Австріи отстаивать свои интересы такъ, какъ ей казалось лучшимъ. С. долженъ былъ уступить и цѣлый мѣсяцъ бездѣйствовать въ Туринѣ, такъ какъ даже къ осадѣ Туринской цитадели приступить не могъ, за отсутствіемъ осадной артиллеріи.

О непріятелѣ въ главной квартирѣ, по прежнему, получались только скучныя и противорѣчивыя извѣстія. Неясность обстановки не менѣе «кабинетного декрета» вязала руки С. Онъ выдвинулъ въ три стороны сильные заслоны — на вѣроятнѣйшіе пути наступленія непріятеля изъ Франціи, Швейцаріи и Средней Италии; остальные же войска рѣшилъ сосредоточить въ Александриѣ, откуда, находясь во внутреннемъ положеніи къ Макдональду и Моро, могъ легко помышлять возможной попыткѣ соединенія ихъ или движенія къ Мантуйѣ, въ тоже время и своевременно подкрѣпить любой изъ своихъ заслоновъ. Въ послѣдніхъ числахъ мая Фрелиху (въ Кони), Отту (въ Реджіо), Вукасовичу (въ Чену), Гогенцоллерну и Краму (подъ Мантуйей) — посланы приказы усиленными переходами спешить къ Александриѣ, куда должны были перейти и собранныя подъ Туриномъ войска. С. считывалъ такимъ образомъ сосредоточить подъ Александриѣ до 60 тыс. человѣкъ. Но собралось ко 2 іюня всего 37 тысячъ: вѣрный предписаніямъ гофкригсрата, Крамъ не далъ ни одного солдата и не пустилъ Гогенцоллерна.

Продовольствіе войскъ въ Александриѣ встрѣтило въ первый же день таія затрудненія, что, по настоянію австрійской продовольственной комиссіи, рѣшено было стоять къ Асти. Первымъ ушелъ туда корпусъ Розенберга, даже не отдохнувъ отъ форсированнаго марша отъ Туринга къ Александриѣ. Выступленіе остальныхъ войскъ назначено было на ближайшіе дни. Но въ тотъ же вечеръ, 2 іюня, получено было С. извѣстіе о движеніи сильныхъ

непріятельскихъ колоннъ на Парму и Модену. Макдональдъ выступилъ, накоэць, на соединеніе съ Моро; дебушировавъ 31 мая 4 колоннами по широкому фронту Блонья — Формиджино — Вецано — Форново, онъ разбіль 1 іюня у Модены Гогенцоллерна и, отогнавъ къ сѣверу австрійскіе отряды, шелъ на Парму — Тортону.

Внезапное появленіе Макдональда произвело на австрійцевъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Деблокада Мантуйї казалась несомнѣнной; Край считалъ себя обреченнымъ на пораженіе, прежде чѣмъ подоспѣть С. Отправивъ осадный паркъ изъ — подъ Мантуйѣ въ Верону, онъ уничтожилъ мосты черезъ По и стинуль всѣ наличныя силы къ наиболѣе вѣроятному пункту переправы черезъ По — у С.-Джервазіо.

Получивъ донесеніе о наступленіи Наполитанской арміи, С. немедля послалъ Краю приказъ идти къ нему на соединеніе, оставилъ необходимое количествомъ войскъ для блокады Мантуйї; самъ же, оставивъ подъ Александриѣ заслонъ противъ Моро въ 15 тысячъ, подъ начальствомъ Бельгарда, — съ остальными силами выступилъ къ Пьяченцѣ, предписавъ шедшему къ Вочерѣ Отту вернуться въ Парму на соединеніе съ бывшимъ таіъ отрядомъ Княжевича и задерживать противника между Парилемъ и Пьяченцой до подхода главныхъ силъ. Движеніе С. однаково соотвѣтствовало обоимъ возможнымъ намѣреніямъ Макдональда: въ случаѣ движенія его на Мантую и сообщенія союзниковъ, С. бралъ его въ тылъ; въ случаѣ прямого марша на соединеніе съ Моро — онъ встрѣчалъ и билъ до соединенія.

Наводка мостовъ на Бормидѣ задержала С., и только 4-го въ 10 ч. вечера союзная армія двумя колоннами начала свой безпримѣрный въ исторіи форсированный маршъ. Къ утру 5 іюня, пройдя 30 верстъ за ночь, С. прибылъ въ Кастель-ново-ди-Сирія и послѣ 3-часового отдыха двинулся дальше; вечеромъ того же дня главныя силы были въ Кастеллѣ, авангарды обѣихъ колоннъ (Даллера и Багратіона) дошли до Страделлы. Въ ночь на 6-е получено донесеніе Отта — неудачномъ для него боѣ подъ Пьяченцей. С. приказалъ Медасу немедленно вести войска Даллера за усиленіе Отта; остальными войсками — выступить еще до разсвѣта. Въ 10 часовъ утра, на маркѣ съ главными силами, у

Страделлы, С. получилъ новое донесеніе Отта: австрійскія войска отброшены за Тидоне; Макдональдъ, преслѣдуя по пятамъ, идетъ къ Кастель-Санъ-Джовано.

Въ случаѣ пораженія авангарда Отта, армія С., утомленная маршемъ, эшелонированная въ одной и при этомъ сильно растянувшейся колоннѣ по одной дорогѣ, подвергалась серьезной опасности. Прика-
зать австрійцамъ пропустить впередъ рус-
скія войска, С. довелъ скорость марша до послѣднихъ возможныхъ предѣловъ: люди
шли почти бѣгомъ. С. шутками подбодрялъ
солдатъ, разъѣжалъ вдоль колонны, по-
вторяя «впередъ, впередъ... голова хвоста
не ждетъ!» Оживленія его присутствіемъ,
войска шли бодро, несмотря на палящій
зной... Но до Тидоне было еще далеко,
когда прискакалъ новый гонецъ съ извѣ-
стіемъ, что соединенные силы Отта и Меда-
ласа съ крайнимъ трудомъ удерживаются
у С.-Джовано, подъ ударами втрое пре-
восходныхъ силъ претивника. С. сдалъ
командованіе Великому Княжу Константи-
ну, и съ 4 казачими полками и 2 полка-
ми австрійскихъ драгунъ помчался впе-
редъ; онъ прибылъ къ С.-Джовано въ
самый критический моментъ боя.

Успѣхъ уже рѣшительно склонялся на
сторону французовъ: объединивъ свои
разрозненные до того времени атаки, они
захватили австрійскую батарею у д. Сар-
мато; польская дивизія Домбровскаго появ-
илась у дер. Карамелло, грозя отрѣзать по-
колебленнымъ рядамъ австрійцевъ путь
отступленія. Въ этотъ моментъ подоспѣлъ
С. Одного взгляда, брошенного съ холма на
поле сраженія, было достаточно, чтобы
ориентироваться. Два казачихъ полка и
австрійскіе драгуны понеслись вправо, про-
тивъ Домбровскаго: казаки Молчанова и
Семерникова влево, на правый флангъ не-
пріятеля. Это лихая атака пріостановила
наступленіе французовъ. Тѣмъ временемъ
успѣли подойти головные баталіоны пѣхо-
ты авангарда.

Страшный слѣдъ обозначилъ ихъ путь
къ С.-Джовано: люди пѣхими шеренгами
падали отъ изнеможенія, въ подошедшихъ
ротахъ не насчитывалось и по 40 человѣкъ. Еле давъ перевести духъ прибывшимъ
баталіонамъ, С. двинулъ два баталіона на
поддержку лѣваго фланга, остальные при-
мкнули къ правому флангу австрійцевъ,
между ними и казаками, и, не теряя вре-

мени на перестрѣлку, всей линіей ударили
въ штыки.

Французы держались стойко, искусно
пользуясь пересѣченной мѣстностью, но
къ 9 ч. вечера, послѣ 5-часового горячаго
боя, С. удалось отбросить ихъ за р. Тидо-
не. Къ концу боя поднялись остальные
союзныя войска, но они были до того ис-
томлены переходомъ, что о продолженіи
боя не могло быть и рѣчи.

Узнавъ о появлѣніи на Тидоне глав-
ныхъ силъ С., Макдональдъ отвелъ свои
войска на 7 верстъ назадъ, на правый бе-
регъ Треббія, оставивъ на лѣвомъ два
авангарда: дивизію Сальма у С.-Николо,
на большой Пьяченцкой дорогѣ, и дивизію
Домбровскаго у Казалиджіо. Онъ не хотѣлъ
принимать боя до подхода дивизій Монтримар и Оливье, тѣмъ болѣе
что съ часу на часъ, по его мнѣнію, въ
тылу С. должно было обнаружиться вліяніе
операций Моро и отряженного по долинѣ
Треббія къ Боббіо отряда Ланоина. Тѣ же
соображенія заставили С. не медлить ата-
кой. Онъ возобновилъ бой на слѣдующій
же день. По диспозиції, 6.000 чл. должны
были занять противника въ центрѣ и на
правомъ его флангѣ, въ то время какъ
остальные (21 тыс.)—обрушились на лѣ-
вый флангъ, имѣвшій рѣшающее страте-
гическое значеніе. С. лично руководилъ
дѣйствіемъ праваго фланга союзниковъ.
Послѣ упорнаго боя, авангарды против-
ника, поддержаны главными силами Мак-
дональда, были оттеснены за Треббію, но
успѣхъ не былъ рѣшильнымъ. Атака, за-
утомленіемъ войскъ, начата была поздно;
пользуясь пересѣченной мѣстностью, фран-
цузы долго удерживались еще на передо-
вой позиціи, а общаго резерва въ нужную
минуту не оказалось на мѣстѣ, такъ какъ
Медасъ, которому поручено было команда-
ваніе имѣть въ лѣвымъ флангомъ, вопреки дис-
позиціи, вѣль его не за важнѣйшимъ пра-
вымъ, а за своимъ лѣвымъ крыломъ. Это
ослабило энергию атаки С. и позволило
французамъ задержаться на правомъ беро-
гу Треббія. Успѣхъ для такимъ образомъ
былъ исключительно мѣстнымъ, тактиче-
скимъ. С. сдалъ по войскамъ диспозицію
боя на слѣдующій день.

Но Макдональдъ, усиленный подошед-
шими дивизіями Монтришара и Оливье,
рѣшилъ въ свою очередь перейти въ па-
ступленіе. 8 июня, около 10 ч. утра, ко-

гда союзники начали становиться въ ружье, онъ перешелъ Треббию въсколькими колоннами и подъ прикрытиемъ огня своей артиллериі, оставленной на правомъ берегу, атаковалъ по всему фронту, стремясь охватить фланги. Искусное распределеніе войскъ обеспечило ему численный перевесъ на всѣхъ боевыхъ участкахъ. Бой колебался. Но въ критические моменты появленіе С. неизмѣнно возстановляло бой,—съ такой силой бросая впередъ уже дрогнувшіе ряды, что французы принимали только что отбитыя, отступавшія части—за свѣжія подкрепленія. Сила удара Макдональда разбилась о стойкость и искусство сопротивленія; къ 6 ч. пополудни вся линія французовъ была отброшена обратно за Треббію. С. попытался перейти ее съдомъ за противникомъ. Но попытки эти были отбиты артиллерийскимъ и ружейнымъ огнемъ съ того берега. Крайнее утомленіе войскъ заставило вновь перенести рѣшеніе боя на слѣдующій день. «Завтра дадимъ четвертый урокъ Макдональду».

Но Макдональдъ уклонился отъ новаго «урока». Его потери за три дня доходили до 18 тысячъ. Продолжать бой представлялось слишкомъ рискованнымъ, тѣмъ болѣе, что о Моро не было никакихъ вѣстей, а въ тылу Макдональда уже появились союзные отряды, грозившіе сообщеніемъ его съ Тосканой. Замаскировавъ отступленіе бивачными огнями, съѣхъ ту же ночь отошелъ за Нуру. Поздно обнаруживъ его уходъ, союзники не могли уже догнать усиленными переходами отступавшаго Макдональда. Только часть арьергарда Виктора была захвачена Розенбергомъ въ С.-Джорджіо. С. съ главными силами шелъ за французами до Уджаны, за 30 верстъ отъ Треббіи; убѣдившись въ безполезности погони, онъ поручилъ дальнѣйшее преслѣдованіе Отту, отрядъ котораго Край обязывался довести до 10 тысячъ, а самъ, давъ въ Фіоренцполъ дневку усталымъ войскамъ, 12 июня повернуль «братно,—на помощь Бельгарду, отброшеному перешедшимъ въ наступленіе Моро за Боргиду. Онь разсчитывалъ захватить французовъ у Борго или С.-Джуліано. Но единственной цѣлью движенія Моро было облегчить операцию Макдональда давленіемъ ва тылъ С. Узнавъ о неудачѣ Макдональда на Тре-

біи, онъ распустилъ слухъ о своимъ движеніи на Туринъ и до подхода С. успѣлъ безпрепятственно отойти на Геную. Несмотря на усиленные переходы, С. не могъ его догнать и 15 июня остановилъ войска на берегу р. Орбы, выдвинувъ авангардъ Багратіона къ Нови.

Одинаццаці-дневная операция С., «верхъ военного искусства», по выражению Моро, по рѣшительности и непредвѣтности замысла, скрытности, энергии и быстротѣ выполненія — является классическимъ образцомъ дѣйствій по внутреннимъ операционнымъ линіямъ. И результаты ея соответствовали понесеннымъ арміей С. трудамъ: послѣ неудачи Макдональда, Средняя и Южная Италия была окончательно потерянна для французовъ; въ Тосканѣ произошло восстание, Великій Герцогъ вновь призванъ во Флоренцію, во Франціи—итальянскія события вызвали сильнѣйшія опасенія за предѣлы самой республики; Макдональдъ и Моро были отрѣшены отъ командованія; генералы Викторъ, Ланонъ, Моримаръ отданы подъ судъ. Еще недавно второстепенный, итальянскій театръ пріобрѣлъ характеръ рѣшающаго; къ нему было приковано вниманіе всей Европы.

Вторично возбудилъ С. вопросъ о наступлениі на Ривьеру. И снова, въ благодарственномъ за Треббию рескрипѣ, Императоръ Францъ категорически предписалъ фельдмаршалу оставить всякую мысль о движеніи ва югъ, на Геную и ограничиться покореніемъ еще не сдавшихся крѣпостей Сѣверной Италии, и прежде всего Мантуй. Но С. на этотъ разъ рѣшительно отказался оставаться дольше «стражемъ передъ Вѣнскими вратами». Завязалась «скептическая огромная переписка» съ «бешитимзагерами». С. выходилъ изъ себя, требовать, настаивать, жаловался Разумовскому. «Подмыя невѣжества, сопряженныя съ многомѣстными скрибенскими интригами противъ моего чужеземства... «безпрестанный отъ интригъ неудовольствія къ гофкригсрату—отчали меня», пишетъ С., но «робкій кабинетъ» не обращалъ вниманія на представленія С., что «лучше одна кампанія вмѣсто десяти» и «лучше направить свой путь на Парижъ, нежели преградить остроумными ступенями дорогу къ своимъ вратамъ»,—и оставался вѣрнымъ своей

«неискоренимой привычкѣ битымъ быть» и системѣ «унтеркунфта». С. не только не дозволили притянуть подкѣпленій изъ отрядовъ Бельгарда, Кайма и Гадика и усилиться мѣстными ополченіями, подъ знаменами Сардинскаго короля, но даже попытались направить къ әрцгерцогу Карлу шедшія изъ Россіи подкѣпленія. Меласу предписано было неослабно стѣдить за С., безотлучно находясь въ главной квартире; отныне вѣдь дѣла генераль-квартирмейстерскаго штаба должны были идти черезъ его руки; безъ его вѣдома, генераль-квартирмейстеръ не могъ отдать ни одного приказа по арміи, касающагося операций. При этихъ условіяхъ, Меласъ держалъ С. въ рукахъ. Фельдмаршаль попытался обратиться за помощью къ своему Императору и 25 іюня послалъ даже просьбу объ отзованіи; но Павель принялъ сторону Вѣнскаго Двора и по желанію его подтвердилъ еще разъ, что С. въ полномъ распоряженіи Императора Франца. С. оставалось только вооружиться терпѣніемъ и ждать.

Шесть недѣль пришлось провести въ полномъ бездѣствіи. Занимаясь ежедневно обученіемъ войскъ, С. тщательно разрабатывалъ въ часы досуга планъ отложеннаго имъ, но отнюдь не отмѣненнаго похода на Геную. Основная мысль плана послѣдовательно развита имъ въ проектахъ, помѣченныхъ 2-мъ, 13-мъ и 19-мъ іюля. Планъ былъ сообщенъ старшимъ генераламъ союзной арміи; затребованы ихъ мнѣнія. По мѣрѣ возможности, подготавлялся и самій походъ. Снесясь съ властями въ Тосканѣ и адмиралами союзного флота, крейсерпринавшаго въ Средиземномъ морѣ, С. создалъ для будущей операции базу впереди въ Ливорно, обеспечивъ сообщеніе съ нею господствовавшимъ на морѣ флотомъ союзниковъ. По его же настоянію, флотъ прекратилъ сообщеніе Ривьеры съ Испаніей, Африкой, Греціей и Архипелагомъ, дабы лишить возможности продовольствовать французскія войска въ истощенной уже странѣ; для той же цѣли заняты ополченіями приморскіе пункты; королю Неаполитанскому послана просьба о высылкѣ гребной флотилии для крейсерованія вдоль береговъ.

Неудачи Моро и Макдональда не могли не отразиться на силѣ сопротивленія осажденныхъ австрійцами крѣпостей. Стойко державшіяся до сихъ поръ, одна за другой

сдаются Миланская и Туринская цитадели, Александрия и наконецъ, 17 іюля—Мантую. Исполнилось такимъ образомъ завѣтное желаніе Австрійскаго Двора. Съ этого момента завоеваніе Италіи считалось обезпеченнымъ, кампанія оконченной. Раздѣлившій этотъ взглядъ Императоръ Павель въ воздаяніе заслугъ С. въ «минувшую войну» возвелъ его указомъ 6 августа въ княжеское достоинство, съ титуломъ Итальянскаго.

Но для С. кампанія, окончавшая которой онъ намѣчалъ въ Парижѣ, только начиналась. Паденіе Мантуй устраивало послѣдній предлогъ, подъ которымъ гофкригсрать задерживалъ его движеніе на югъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, категорическихъ приказаний о дѣйствіяхъ по овладѣніи Мантуй С. дано не было: формально онъ былъ свободенъ—и тотчасъ, съ крайней поспѣшностью, приступилъ къ послѣднимъ приготовленіямъ къ походу. Немедленно послалъ приказъ Краю—оставивъ гарнизонъ въ Мантуй и выславъ 5 тыс. человѣкъ въ Тоскану на усиленіе Кленау, съ остальными (19 тысячами) въ 8 дней прибыть къ Александрии. Меласу предписано въ 10-дневный срокъ закончить необходимыя продовольственныя приготовленія. Операционный планъ, принявший въ третьей редакціи своей, 19 іюля, окончательную форму, былъ переработанъ генераль-квартирмейстеромъ Цахомъ 12 іюля въ диспозицію, значительно потерявъ при этомъ въ ясности и простотѣ.

При Вѣнскомъ Дворѣ было уже решено, немедленно по окончаніи кампаніи, т. е. послѣ паденія Мантуй, перевести русскія войска на другой театръ; 20 іюля, по получении известія о капитуляціи «ключа Сѣверной Италіи», Императоръ Францъ «секретно» сообщилъ әрцгерцогу Карлу о предстоящемъ отзываніи С. съ войсками въ Швейцарію, где дѣла австрійцевъ принимали неблагопріятный оборотъ. Ожидая сильныхъ протестовъ со стороны С., австрійское правительство привело всѣ мѣры, чтобы, до получения санкціи русскаго Императора о предполагаемомъ перемѣщевіи въ Итальянской арміи, не было ничего известно. Даже генераль-квартирмейстеру Цаху «секретное» предупрежденіе было послано только 2 августа. Ни Меласу, ни Краю временно не было дано никакихъ инструкцій. Въ силу этого приказъ С. о сосредоточеніи къ Александрии не встрѣтилъ противово-

дѣйствій. Край прибылъ въ срокъ—30 юля. 31-го разослана по войскамъ диспозиція. Наступленіе назначено на 4 августа. Но уже 1-го у Акві и Серавалле показались французскія войска. Противникъ упредилъ С. и самъ переходилъ въ наступленіе.

Вынужденное бездѣйствіе С. было исполь-
зовано французами. Макенальдъ берего-
выми дорогами пробрался въ Геную, гдѣ соединился съ Моро. Въ Ривьера прибылъ изъ Франціи съ подкрѣплеіями вновь назначенный главнокомандующій, талантли-
вый, но слишкомъ молодой и слишкомъ пылкій генералъ Жуберъ. Не давъ себѣ труда разобраться въ обстановкѣ, онъ немедленно повелъ впередъ воодушевлен-
ную его прибытіемъ армію и, рискованнымъ маршемъ, широкимъ фронтомъ, семью раз-
общенными колоннами перешелъ отдѣлявшія его отъ союзной арміи горы, направляясь къ Тортонѣ. Онъ намѣревался, деблокиро-
вавъ ее, обратиться къ Маутуѣ, о падежіи которой во Франціи еще не знали. Подойдя къ выходамъ изъ горъ, въ виду близости непріятеля, Жуберъ—снова весьма риско-
ваннымъ фланговымъ маршемъ—сблизилъ свои колонны на 15 верстъ по фронту. Раздѣленный маршъ французовъ былъ своевременно обнаруженъ Бельгардомъ, вы-
сланнымъ С. на рекогносцировку вверхъ по долинѣ Бормиды Но С. не торопился ударомъ. Боясь упустить представившійся случай полного разгрома французовъ, онъ выжидалъ выясненія силъ и цѣлей ощущую маневрировавшаго передъ нимъ противника и, увѣренный въ превосходствѣ своихъ силъ, выманывалъ его на равнину, гдѣ въ полной мѣрѣ могъ использовать перевѣсъ союзной артиллериіи и конницы.

Жуберъ ожидалъ встрѣтить между Скри-
ней и Бормидой слабый корпусъ тысячъ въ восемь. Вместо этого, съ высотъ Нови онъ увидѣлъ передъ собой на обширной равнинѣ—всю союзную армію. Немедленно остановивъ движеніе, Жуберъ созвалъ воен-
ный совѣтъ. Совѣтъ высказался за отсту-
пленіе. Но французскій главнокомандующій отложилъ до утра окончательное свое рѣ-
шеніе и не отдалъ никакихъ приказаний. Не получивъ инструкцій, частные началь-
ники по собственной иниціативѣ внесли иѣкоторый порядокъ въ расположение войскъ, заночевавшихъ въ крѣпкой позиціи у д. Нови. С. ждалъ боя на 3-е число и потому перенесъ свою главную квартиру въ Пи-

коло-Формигаро, чтобы быть ближе къ пе-
редовымъ войскамъ. Силы и расположеніе
противника не были известны ему въ
точности. Предугадавъ, что движеніе Жу-
бера предпринято съ цѣлью деблокады
Тортонѣ, что подтверждалось, на первый
взглядъ, появлениемъ въ долинѣ Скриви
зарвавшейся впередъ колонны Ватрена, С.
рѣшительно склонился къ мысли, что
войска Жубера наступаютъ въ двухъ раз-
дѣльныхъ группахъ. Одна, меньшая, со-
ставляя лѣвое крыло, имѣть цѣлью демонстрацію у Нови. Главная — правое
крыло, двинется долиной Скриви къ Тор-
тонѣ, угрожая лѣвому флангу и тылу со-
юзниковъ. Исходя изъ этихъ соображеній,
С. расположилъ свою армію семью усту-
пами справа, въ трехъ главныхъ массахъ
ашелонировавъ ее на 15 верстъ въ глуби-
ну. Для прикрытия Тортонѣ оставленъ
осадный корпусъ Альбания, 5.500 чel., и
8 тыс. Розенберга—всего 13.500. Передъ
Нови, для атаки его, корпусъ Края
(27.000) съ авангардомъ Багратіона (6 тыс.)
и Милорадовичъ съ 3.500 чel. Итого
36.500. Между обѣими фланговыми группами, для содѣйствія, по выясненіи надоб-
ности, любой изъ нихъ и связи при общей
атакѣ французовъ, въ случаѣ наступленія
ихъ всѣми силами на Тортонѣ—уступами
расположились Дерфельденъ (6 тыс.) и
Меласъ (9 тыс.). Подобное расположеніе
являлось несомнѣнно лучшимъ при неяс-
ности обстановки и намѣреній противника,
такъ какъ, куда бы ни двинулся Жуберъ,
С. имѣть возможность встрѣтить его раз-
ными силами и обойти—остальными. Но
для боя наступательного, какимъ, вопреки
первоначальнымъ предположеніямъ С., ока-
зался бой у Нови, указанное расположе-
ніе было далеко не выгоднымъ, ибо оно,
прежде всего, значительно ослабляло пре-
имущества численнаго превосходства силъ
союзниковъ: войска могли вводиться въ
дѣло только постепенно, по частямъ; са-
мостоятельность задачи каждого уступа
вызывала необходимость составленія ихъ
изъ трехъ родовъ оружія; въ силу этого
значительная часть конницы и, главное,
артиллериіи не могла своевременно быть
использована.

Такъ какъ 3 августа атаки не послѣ-
довало, С. рѣшилъ, не теряя времени, ата-
ковать самому, дабы не позволить про-
тивнику—ни втянуться обратно въ горы,

ни усилить и безъ того крѣпкую позицію, на которой онъ остановился. Исходя изъ того же неизвѣрнаго представления о группировкѣ противника, С. намѣтилъ свою атаку слѣдующимъ образомъ: войсками Края (27 тыс.) атаковать лѣвое крыло французовъ, схватомъ отрѣзая отходившія отъ этого фланга сообщенія черезъ Варъ съ Нидерландами и Альпийской арміей и одинъ изъ возможныхъ путей отступленія—на Каприату. Пользуясь неизбѣжнымъ, въ виду огромнаго превосходства силъ атакующаго, отвлечениемъ части силъ французовъ отъ центра къ угрожающему крайнему лѣвому флангу—атаковать русскими войсками Багратіона и Милорадовича Нови и, овладѣвъ этимъ тактическимъ ключемъ позиціи, прорваться между обѣими мас-сами непріятеля, захватывая оба важнѣйшихъ пути отступленія (отъ Нови на Гави и на Арквату) и скимая противника въ тыки при поддержкѣ справа—Меласа, слѣва—войскъ остальныхъ уступовъ.

Сообразно съ этимъ, еще до зари 4 августа, С. двинулъ Края въ атаку на лѣвый флангъ. Здѣсь палъ Жуберь, по первымъ выстрѣламъ прискаравшій въ цѣль. Командование принялъ Моро, успѣвшій подвести подкѣрѣпленія, не изъ центра однако, а съ праваго фланга. Съ подходомъ ихъ, на лѣвомъ флангѣ сосредоточилось до 22 тысяч французовъ. Австрійцы были сбиты съ захваченныхъ ими высотъ, и Край, послѣ упорнаго боя, отошелъ назадъ. Только тогда двинулся на Нови Багратіонъ, поддержаній всѣдѣ затѣмъ Милорадовичемъ. Меласу приказано было повторить атаку. Несмотря на личное присутствіе С., атаки русскихъ разбилась о непреодолимыя почти мѣстныя препятствія и геройское сопротивленіе французовъ, оборонявшихся весьма активно. Атака Края также кончилась неудачей. Притянувъ Дерфельдена, С. довѣль силы союзниковъ до 42.500 чл. на боевомъ фронѣ и вновь перевелъ всю линію въ наступленіе. Но французы держались съ отчаяннымъ упорствомъ, и къ часу дня истомленныя 9—часовыми боемъ союзныя войска были отбиты на всѣхъ пунктахъ. С. прекратилъ бой.

Обстановка выяснилась. Не оставалось сомнѣй, что всѣ силы французовъ сосредоточены на позиціи у Нови, и по до-

ливѣ Скриві—къ Тортонѣ нельзя ожи-
дать какихъ-либо покушеній. Немедленно вызывавъ прикрывавшія Тортону части, С. двинулъ Меласа въ обходъ и охватъ право-
го фланга и въ 4 ч. дня возобновилъ атаку, разомъ всѣми силами, введя въ бой до 46 тысяч человѣкъ. Обходное дви-
женіе Меласа рѣшило дѣло. Послѣ энер-
гичныхъ, но неудачныхъ попытокъ оста-
новить его, французы, съ успѣхомъ сдер-
живавшіе фронтальную атаки С., стали отходить, боясь потерять путь отступленія. Упорядочить отступление подъ напоромъ настойчиво продвигавшихся впередъ со-
юзниковъ оказалось невозможнымъ: оно перешло въ бѣгство на Тесарано и Пасто-
рано. С. не преслѣдовалъ, за крайнимъ утомленiemъ войскъ. Только на слѣдующій день подошедший къ концу боя и не при-
нимавшій въ немъ участія Розенбергъ вы-
сланъ былъ въ погоню; но и онъ «про-
явилъ томность». Остатки французской арміи успѣли отойти и расположиться для стратегической обороны проходовъ че-
резъ Апеннини на Ривьеру. Такимъ обра-
зомъ стратегическое значеніе кровопро-
литнаго боя, стоявшаго французамъ до $6\frac{1}{2}$, союзникамъ до 8 тысяч, было невелико.

С. не могъ послѣдовать за разбитымъ противникомъ: Меласъ не заготовилъ ни муловъ, необходимыхъ для горнаго по-
хода, ни провіанта, ни денегъ. Изъ Вѣны тѣмъ временемъ получено было строжай-
шее предписаніе воздержаться отъ даль-
нѣйшихъ движений; часть австрійскихъ войскъ, подчиненныхъ С., были отозваны или получали—помимо его, новыя назна-
ченія. С. сталъ лагеремъ у Асти. Снова потянулись томительные дни бездѣйствія и праздности. Небывалымъ почетомъ и вниманіемъ былъ окружень С. въ эти дни. Сардинскій король, за взятіе Туринѣ пожаловавшій ему крестъ св. Маврикія и Лазаря, цѣль ордена св. Анунціаты, теперь возвелъ его въ рангъ великаго маршала Піемонтскихъ войскъ и гранда королевства, съ потомственнымъ титуломъ принца и кузена короля. «Черезъ сіе вы и мнѣ войдете въ родство», писалъ по этому поводу фельдмаршалу Императоръ Павель, «быть однажды приняты въ одну царскую фамилію, потому что вла-
дѣтельная особы между собою всѣ почи-
таются роднею». И, какъ бы подгверждая эти строки, Павель предписалъ своимъ

«върноподданнымъ присоединить въ молитвахъ ихъ имя С. къ имени его» и приказалъ войскамъ арміи и флота, указомъ 6 сентября 1799 г.—«воздавать Суворову царскія почести согласно уставу, даже въ Высочайшемъ присутствіи». Городъ Туринъ поднесъ С. золотую шагу, усыпанную драгоценными камнями, съ благодарственной надписью. Со всѣхъ сторонъ получались адреса, привѣтственные письма. Лагерь при Асти былъ переполненъ иностранцами, добивавшимися свиданія съ С. Въ театрахъ произносились стихи въ честь С., за обѣдами—даже въ частныхъ домахъ—пили за его здоровье. Его изображенія, медали въ честь его, имѣли широкое распространеніе — особенно въ Англіи.

Одинъ только Вѣнскій Дворъ проявлялъ необыкновенную холодность по отношенію къ фельдмаршалу. С. получалъ отъ Императора Франца «токмо равнодушныя письма, наполненные иногда выговорами или предписаніями». Настойчивое стремленіе С. на югъ, желаніе занять Геную однами русскими войсками, о которомъ доносилъ Меласъ, дали поводъ подозрѣвать, что русский фельдмаршалъ намѣренъ стать на дорогѣ австрійскихъ проектовъ «округленія наследственныхъ земель» и поддержать въ Италии порядокъ, который обезпечивалъ бы вліяніе Петербургскаго Кабинета и служилъ его интересамъ. Удаленіе русскихъ войскъ изъ Италии стало очередной задачей австрійской дипломатіи. Задача эта была усложнена временно наступившимъ охажденіемъ Императора Павла къ австрійскому союзу. 31 июля на имя С. послѣдовалъ реескриптъ, въ которомъ говорилось о необходимости предохранить себя «отъ всѣхъ каверзъ и хитростей Вѣнскаго Двора». Послу въ Вѣнѣ предписано было потребовать формально отъ самого Императора Франца объясненій по поводу поступковъ Вѣнскаго Двора, «скорблявшихъ иѣкоторымъ образомъ славу и достоинство Русскаго Монарха и побѣдоноснаго его оружія». Но дипломатамъ Австріи, при содѣйствіи русскихъ пословъ гр. Вороцкова — въ Лондонѣ и «эрцгерцога Андрея» (Разумовскаго) — въ Вѣнѣ, удалось не только удержать Павла отъ разрыва союза, но и добиться согласія на новую комбинацію, въ которой С. отводилась труднѣйшая и неблагодарная задача: окончательно обез-

печить Австрію, очистивъ отъ французовъ Швейцарію. Борьба съ занимавшими Швейцарію—во главѣ 80.000 арміи—Массеною возлагалась исключительно на русскія войска; австрійская армія направлялась на Нижній Рейнъ, откуда командовавшій ею эрцгерцогъ Карлъ имѣлъ возможность своевременно использовать успѣхъ—послѣдуетъ ли онъ со стороны С. или со стороны Голландіи, куда готовился русско-англійскій десантъ.

С. узналъ объ этомъ соглашеніи, только когда оно стало уже совершившимся фактомъ. Протестовать было безцѣльно. Начавшіяся несогласія Вѣнскаго и Петербургскаго Дворовъ давали, однако, С. надежду на отмѣну въ ближайшемъ будущемъ распоряженія о его выступленіи въ Швейцарію. Поэтому онъ пытался отсрочить его подъ предлогомъ необходимости довести до конца осады Тортоны и Кунео. Но австрійцы прибѣгли къ вѣрѣшму способу «выманить» С. изъ Италии: они стали выводить свои войска изъ Швейцаріи, бросивъ оборону 200-верстной линіи, которую они занимали, на слабый корпусъ (24 тыс.) Римского-Корсакова, стоявшій у Цюриха. С. потребовалъ пріостановки вывода войскъ до своего прибытія. «Сія сова не съ умомъ сошла», писалъ онъ о Тугутѣ, «или никогда его не имѣла». Но австрійцы очистили Швейцарію, оставивъ тамъ только нѣсколько разбросанныхъ отрядовъ, въ общей сложности до 20.000. С. не могъ не опѣнить опасности, которой подвергался при этихъ условіяхъ Корсаковъ. Онъ ясно понималъ, что Массена «не будетъ настѣнождать и устремится на Корсакова». «Хотя въ свѣтѣ ничего не боюсь», писалъ онъ Вороцкову: «скажу — въ опасности отъ перевѣса Массены мало пособятъ мои войска отсюда — и поздно...» Онъ попытался изаверстать потерянное время скростью движенія. Но и тутъ австрійцы явились помѣхой. Въ шесть дней С. перевѣзъ войска изъ Александрии въ Таверну, къ подножію Альпъ. Но здѣсь не оказалось ни продовольствія, которое долженъ быть на 12 дней заготовить Меласъ, ни вьючныхъ животныхъ, ни лошадей, яп. фуражка, ни горной артиллериі. Пришлось потерять шесть дней — потеря непоправимая при данныхъ обстоятельствахъ. Наконецъ, прибыло 650 муловъ (вместо обѣщанныхъ 1.500). Недостающее число, по предложенію Великаго

Князя Константина, было пополнено лошадьми спешенныхъ для этого казачьихъ сотенъ; только такимъ образомъ явилась возможность выступить дальше.

Расположение союзныхъ войскъ въ Швейцаріи къ этому моменту было слѣдующее: у Цюриха—Римскій-Корсаковъ (24 тыс.); австрійцы: Готце (8 т.) на Линтѣ, Елачичъ (5 т.) у Сарганса, Линкенъ (4 т.) у Иланца, Ауфенбергъ ($2\frac{1}{2}$ т.) у Дисентиса. Главныя силы противника (50 т. Массены, Сульта и Молитора), по свѣдѣніямъ, которыми располагалъ С., стояли противъ Корсакова и Готце; остальная французская войска (15 т. Лекурба и Гюдена) занимали, растянувшись, долину р. Рейсы, правымъ флангомъ упираясь въ С.-Готардъ; отдаленный отрядъ былъ въ Вадисѣ. Сообразно съ этимъ С. принялъ рѣшеніе: быстро двинувшись къ С.-Готарду, сбить растянутое правое крыло противника и наступать съ боемъ долиной Рейсы, притягивая по пути постепенно отряды Ауфенберга, Линкена и Елачича — на соединеніе съ Корсаковымъ и Готце — въ районѣ кантона Гларусъ. Не полагаясь, однако, на себя, въ виду незнакомства съ мѣстностью, С. затѣбовалъ, пользуясь остановкой въ Тавернѣ, мнѣній генераловъ Штрауха, Линкена и Готце. Готце предложилъ существенная измѣненія. По его проекту, Линкенъ и Елачичъ присоединились не къ С., а къ нему; къ себѣ же предлагалъ онъ прятануть и Корсакова; по соединеніи всѣхъ этихъ отрядовъ — наступать къ Энзидельну, въ то время какъ С., соединившись только со слабымъ отрядомъ Ауфенберга, пробьется долиной Рейсы въ Швейц.; между указанными двумя пунктами въ предполагалось соединеніе, вынесенное ближе къ главной группѣ французскихъ войскъ и, следовательно, несравненно болѣе рискованное. С. не могъ отнести критически къ этому плану: австрійские генералы въ своихъ «мнѣніяхъ» не дали того, чего единственно хотѣлъ отъ нихъ С.—точныхъ данныхъ о мѣстности. Пришлося принять на вѣру ихъ соображенія. Австріецъ Цейротеръ, начальникъ штаба С., свѣль воедино предположенія Готце и Штрауха: результатомъ явилась диспозиція, по которой корпусъ С. направлялся черезъ С.-Готардъ, долиной Рейсы на Швейцъ — движение, невыполнимое уже потому, что въ Альтдорфѣ С. долженъ былъ упереться въ

тупикъ: отсюда на Швейцъ тогда дороги не было; обѣ этомъ не знали или не сообщили — ни Готце, ни Штраухъ, ни Вейротеръ, ни Линкенъ.

Съ цѣлью по возможности создать внезапность своему запоздалому движению, С. распустилъ слухъ, что выступленіе состоится не раньше 20 сентября, для большей достовѣрности упомянувъ даже обѣ этомъ въ приказѣ по войскамъ. Но уже къ 10 сентября все приготовленія были закончены, и С. выступилъ изъ Таверны въ Беллинденону; стоявшій тамъ съ 8 сентября 6-тысячный корпусъ Розенберга, назначенный для обхода С.-Готарда черезъ Дисентисъ и Урзернъ — продвинулся въ Дэнжіо.

Чтобы дать ему время совершилъ свое обходное движение, которое въ сущности и должно было решить дѣло, С. остановилъ 12 сентября главныя силы въ Даціи, въ 10 verstахъ отъ Айроло, где стоялъ передовой французской посты. Но фельдмаршаль не въ силахъ былъ выждать, пока обнаружатся результаты обхода; у него явились опасенія, что французы держать на Готардѣ только слабый заслонъ, и Розенбергу придется имѣть дѣло съ ихъ главными силами; поэтому онъ рѣшилъ, не дожидаясь извѣстій о Розенбергѣ, атаковать въ лобъ крѣпкую позицію французовъ.

13 сентября русскіе двинулись на перевалъ. Шедшій въ авангардѣ отрядъ Багратіона, по страшнымъ крученіямъ, выбивая заѣвшіхъ за камнями французовъ, обходомъ заставилъ ихъ очистить первую позицію и отойти за р. Серегіо; атакованные здѣсь главными силами С., подъ угрозой флангового удара продолжавшаго свое обходное движение Багратіона, французы шагъ за шагомъ, упорно обороняясь, отходили на верхъ горы. У самаго Госпіса, успѣвъ занять новую крѣпкую позицію и получивъ подкрѣпленія, они остановили наступленіе С. Дѣвъ стремительныя атаки русскихъ, воодушевленныхъ личнымъ присутствіемъ фельдмаршала и Великаго Князя, были отбиты съ жестокими потерями: изъ строя выбыло до 1.200 чел. О Розенбергѣ не было никакихъ извѣстій; все больше тревожась за его участъ, С. хотѣлъ непремѣнно до вечера овладѣть С.-Готардомъ. Въ 4 ч. дня онъ повелъ войска на третій штурмъ высотъ. Въ этотъ же моментъ, на сѣжныхъ высотахъ, надъ лѣвымъ флан-

гомъ французовъ, появились войска Багратиона. Противникъ дрогнулъ и сталъ отходить въ д. Госпенталь, послѣ тщетной попытки удержаться на спускѣ.

Послѣ краткаго раздѣла въ монастырѣ капуциновъ, находившемся на вершинѣ перевала, С. началъ спускъ. Французы ожидали его на новой позиціи впереди д. Госпенталь, куда Лекурбъ, бывшій на этомъ участкѣ, стянувъ всѣ свои наличные силы. Первые попытки С. обить ихъ были неудачны. Но въ 7 ч. вечера, въ тылу Лекурба появилась, сломивъ сопротивление слабыхъ французскихъ отрядовъ Оберъ-Альпа и Урзерна, съ такимъ негерманскимъ ожидаемаю колонна Розенберга. Боясь потерять путь отступленія, Лекурбъ спѣшилъ очистить позицію и двинулъ свои войска къ Урзерну—на прорывъ. Замѣтивъ отступленіе, баталіоны С. стремительно ударили въ тыки на отходившихъ французовъ, ворвались на плечахъ ихъ въ д. Госпенталь, сбили ихъ и разсѣяли. Французы бѣжали на Фурку и Гешененъ. Выславъ на Фурку для преслѣдованія ген. Валецкаго съ полкомъ, С. расположилъ войска на ночлегъ у д. Госпенталь. О занятіи Урзерна Розенбергомъ С. еще не зналъ. Огни его бивака, разбитаго въ 4 верстахъ отъ стоянки войскъ С., были приняты за непріятельскіе. Соединеніе произошло только на слѣдующее утро.

При менѣе активномъ противникѣ, день 13 сентября открыть бы С. свободный путь до Люцернскаго озера: естественнымъ движениемъ Лекурба, отброшенного изъ долины Рейса, было бы отступленіе на Валисъ. На это видимо разсчитывалъ и С. Въ 11 ч. ночи отъ отправилъ Готце и Корсакову записку: «несмотря на задержку, на слѣдующій день разсчитываю быть у Альтдорфа». Но энергичный Лекурбъ избралъ иное рѣшеніе: побросавъ артиллерию въ Рейсу, онъ въ ночь двинулся черезъ дикий хребетъ Бетцбергъ, почти въ 8.000 фут. высотой, по отвеснымъ скаламъ, безъ дорогъ, къ утру спустился къ д. Гешененъ и вновь сталъ на пути С., за Чортовымъ мостомъ.

14 сентября, въ 6 ч. утра, С. выступилъ изъ Госпентalia, соединился у Урзерна съ Розенбергомъ и двинулся дальше, правымъ берегамъ Рейса. На разстояніи версты за д. Урзернъ дорога преграждается огромными утесами, отвесно спускающимися къ

рѣкѣ. Сквозь эту преграду пробито отверстіе, называемое Урзернской дырой, длиной до 80 шаговъ, по размѣрамъ—едва достаточное для прохода лошади съ выскомъ. Выйдя изъ этого подземелья, дорога огибаетъ гору карнизомъ и круто спускается къ каменной аркѣ, переориентированной на высотѣ 75 фут. надъ одинъ изъ водопадовъ, который образуетъ въ этомъ месте сдвоенная скалами Рейса. Эта арка и носитъ название Чортова моста. Прямо съ него дорога упирается въ отвесныя скалы лѣваго берега, круто поворачиваетъ направо и по мосту спускается къ рѣкѣ, чтобы по второму мосту перейти снова на правой берегъ. Казалось, горы людей достаточно, чтобы остановить движение по этой дорогѣ. Такъ думалъ и Лекурбъ. Поэтому онъ даже не взорвалъ Чортова моста, а ограничился занятиемъ его и выхода изъ Урзернского подземелья.

Встрѣченный въ Урзернской дырѣ ружейными залпами и картечью, авангардъ Милорадовича остановился. Форсированіе прохода повело бы къ значительнымъ и напраснымъ потерямъ. С. выслалъ двѣ колонны въ обходъ. Полкъ Трубниковъ съ 300 чел. взобрался на отвесныя почти скалы надъ Урзернской дырой; маіоръ Тревогинъ—съ 200 егерями перейдя въ бродъ Рейсу, по крутизмъ стала заходить въ тыль защитникамъ Чортова моста. Появленіе Трубникова, вызвавъ смятеніе въ рядахъ французовъ, облегчило французскую атаку подземелья; гренадеры Милорадовича прорвались черезъ узкій проходъ и по склонамъ французовъ бросились на мостъ. Въ тылу французовъ, на горѣ Бетцбергъ, появились въ это время егера Тревогина, за ними высланный тѣмъ же путемъ баталіонъ Свищева и командированный еще съ утра для преслѣдованія Лекурба полкъ ген. Валевскаго. Не разсчитывая успѣть разрушить мостъ до подхода этихъ силъ, французы ограничились тѣмъ, что разобрали часть каменной аппарели, служившей спускомъ съ моста къ рѣкѣ, и отошли внизъ, къ самому берегу. Это не надолго задержало русскихъ. Шодъ сильнымъ огнемъ разсыпавшихся по скаламъ французскихъ сгрѣлковъ преброшено было черезъ провалъ нѣсколько бревенъ, связанныхъ офицерскими шарфами, и по нимъ перешли егера Тревогина, баталіонъ Свищева, за ними — остальная войска:

французы отступали шагъ за шагомъ; каждую пядь земли приходилось брать съ боя. Но въ самый разгаръ боя за Чортовъ мостъ Лекурбъ получилъ донесеніе—что селеніе Альтштедтъ, лежавшее у него въ тылу, на пути его отступленія къ Альтдорфу—захвачено внезапно дебушировавшей изъ Мадеранской долины непріятельской колонной. Поручивъ полковнику Дома съ небольшимъ отрядомъ сдерживать наступленіе русскихъ, Лекурбъ со всѣми остальными войсками бросился къ Альтштедту. Селеніе, дѣйствительно, было занято австрійцами Ауфенберга, согласно диспозиціи прибывшаго сюда изъ Дисентиса. Отчаянной атакой Лекурбъ выбилъ австрійцевъ и отбросилъ ихъ въверховья Мадеранской долины. Это спасло французскій отрядъ, такъ какъ русскія войска, тѣсня арьергардъ Дома, подходили уже къ Альтштедту. Зажегши за собой мостъ, французы отошли къ Альтдорфу. С. остановилъ свою войска у Вазена; всѣколько дальше продвинулъся авангардъ Милорадовича, успѣвшій потушить подожженный Лекурбомъ мостъ у Амстега.

На слѣдующій день С. продолжалъ наступленіе. Еще разъ, у впаденія въ Рейсурѣчки Шаценъ, Лекурбъ попытался остановить маршъ русскихъ. Безъ особаго труда сбитый Розенбергомъ, онъ окончательно очистилъ, наконецъ, дорогу, перейдя на лѣвый берегъ Рейса и снявъ за собою мости. С. занялъ Альтдорфъ. Только здѣсь выяснилось, что берегового пути на Швицъ изъ Альтдорфа нѣть: сообщеніе поддерживалось по озеру, на которомъ крейсировала французская флотилія. Между тѣмъ, С. и такъ опаздывалъ уже на сутки къ назначенному по диспозиціи сроку соединенія въ Швицѣ; опоздавшіе могло поставить въ опасное положеніе Готце и Корсакова; кромѣ того провіантъ былъ на исходѣ. пополнить же за асы можно было разсыпывать только въ Швицѣ. Въ виду всего этого, узнавъ, что черезъ сѣнговыи хребты Росштокъ есть 2 троицы на Мутенъ, откуда отходить дорога на Швицъ, С., не колеблясь, рѣшилъ двинуть войска по кратчайшей изъ нихъ, хотя въ это позднее время года только рѣдкіе охотники за сернами отваживались пользоваться ими.

16 сентября, въ 5 ч. утра, войска начали подъемъ. Въ Альтдорфѣ оставленъ былъ небольшой отрядъ для прикрытия

движенія. 12 часовъ потребовалось авангарду Багратіона, чтобы пройти, черезъ Росштокъ—15 верстъ, отдѣлявшіе Альтдорфъ отъ Мутена. Артиллерию и зарядные ящики, за недостаткомъ выручныхъ животныхъ, приходилось почти всю дорогу подтаскивать на рукахъ. Весь путь слѣдованія отряда усыпалъ былъ трупами лошадей, муловъ и людей. Въ 5 ч. вечера передовая части Багратіона заняли Мутентъ: стоявший тамъ французскій постъ, захваченный врасплохъ, послѣ короткой, но жаркой схватки положилъ оружіе. Къ ночи весь авангардъ былъ уже въ долинѣ. Переходъ остальныхъ войскъ затянулся до ночи 17-го. Выходы подошли 18-го и 19-го. За ними присоединился къ главнымъ силамъ оставленный въ Альтдорфѣ арьергардъ, два дня успѣшио отбивавшій атаки Лекурба.

С. петербургово ожидалъ сбора растянувшихся войскъ: до Швица, занятаго, по словамъ мѣстныхъ жителей, слабымъ отрядомъ непріятеля, оставалось всего 15 верстъ—одинъ переходъ. Но смутные слухи о происшедшемъ на этихъ дняхъ сраженіи, доходившіе еще въ Альтдорфѣ до С., здѣсь, въ Мутенской долинѣ повторялись опредѣленіе и настойчивѣе: говорили о Цюрихѣ, о Линтѣ. С. охватило беспокойство за Корсакова и австрійцевъ. Онъ выслалъ полковника Сычева съ сотней казаковъ, черезъ Брагель, вверхъ по долинѣ, открыть сообщенія съ австрійцами, которые должны были занимать Гларусъ. Сычевъ вернулся съ тревожными вѣстями: австрійцевъ нѣть; въ долинѣ Клейнтель стоять непріятель. Въ тотъ же вечеръ отъ прибывшихъ въ лагерь цюрихскихъ бѣглецовъ и горцевъ С. узналъ, что Корсаковъ разбитъ при Цюрихѣ и отошелъ къ Шафгаузену, Готце убить на Линтѣ, отрядъ его разсѣянъ, Елаичъ отступилъ на Рейнъ, Массена стягиваетъ армію къ Швицу; французы въ Эйзидельвѣ, Кленталь, долинѣ Рейса: С.—окружентъ. Одно рѣшеніе въ такихъ условіяхъ было возможно,—бой. Къ бою приводила два пути: впередъ, на Швицъ, на главныя силы Массена, и назадъ, на Гларусъ, занятый дивизіей Молитора. Первымъ порывомъ С. было—двинуться на Швицъ, попытаться отчаяннымъ ударомъ 15 тысячъ усталыхъ и почти безоружныхъ войскъ сломить Массену съ его 50 тыся-

чами. Но безнадежность подобной попытки была слишком очевидна. А между темъ неудача лишала возможности продолжать борьбу. 18 ноября С. созвалъ военный совѣтъ. Потрясающее впечатлѣніе произвела на присутствовавшихъ его рѣчь, краткая, но полная моціи; онъ сумѣлъ заглушить на время въ душѣ окружающихъ всѣ желанія, всѣ мысли и чувства, и слить ихъ въ одномъ несокрушимъ порывѣ—пробиться или погибнуть.

На слѣдующее утро войска двинулись къ Гларусу. Багратіонъ, шедшій въ авангардѣ, рядомъ упорныхъ боевъ проложилъ туда дорогу. Розенбергъ, оставленный въ Мутенской долинѣ прикрывать движение, принялъ на себя сбоя Массена и послѣ двухдневного боя отбросилъ его къ Швейц., взявъ 10 пушекъ и мортиру; затѣмъ, приковавъ противника къ мѣсту слухомъ о своемъ движении на Швейц., быстрымъ отступленіемъ выигралъ переходъ и 23 сентября присоединился къ главнымъ силамъ, съ 20 сентября ожидавшимъ его въ Гларусѣ. С. нашелъ въ Гларусѣ запасы мяса, хлѣба и картофеля. Но австрійского отряда Линкена, на соединеніе съ которыми разсчитывалъ С., уже не было: онъ отошелъ на Иланцъ. Туда же 21 сентября ушелъ съ австрійцами, бывшими въ составѣ корпуса С., генераль Ауфенбергъ. С. вновь созвалъ военный совѣтъ. Дальнѣйшее движение—на Молансъ, Везенъ и Саргансъ, куда отошелъ отбитый отъ Гларуса Молиторъ и спѣшилъ уже, кружнымъ путемъ, отъ Швейц.—Массена, представлялось невозможнымъ, такъ какъ патроновъ и снарядовъ больше не было. Единственнымъ и правильнымъ исходомъ было: уклониться отъ дальнѣйшаго боя, повернуть на югъ, въ долину Рейна, на Иланцъ, и далѣе—на Курь и Фельдкирхъ. Тамъ, прятнувшись обозы и артиллерию (отправленные изъ Италии на Граубюнденъ и Тироль) и соединившись съ Корсаковыми, можно было «обновить» кампанию. Такъ думалъ С.; такъ постановилъ совѣтъ.

Въ ночь съ 23 на 24 сентября армія С. начала свой послѣдній швейцарскій переходъ. Въ арьергардѣ остался Багратіонъ, безъ артиллери и патроновъ, одни-ми штыками отбивавший весь день 24-го атаки втрое сильнѣйшаго противника. По Зенфталю, черезъ Энги, Эльмъ и сѣ-

говой хребетъ Рингенкопфъ (Паниксеръ) шелъ путь С. Онъ оказался еще труднѣе, чѣмъ переходъ черезъ Роситокъ. Безъ дорогъ карабкались войска по обледенѣлымъ скатамъ, побросавъ всѣ тяжести и потерявъ почти всѣхъ лошадей отряда. 26-го, къ полудню, они собрались у деревни Паниксеръ и къ вечеру были въ Иланцѣ. 27-го С. прибылъ въ Курь, где впервые со времена вступленія въ Швейцарію нашелъ безопасный ночлегъ въ обильные запасы продовольствія.

Движеніе къ Иланцу не было отступленіемъ. Во время его мысль С. уже работала надъ планомъ предстоящихъ наступательныхъ дѣйствій. Острое чувство негодованія на союзниковъ, едва не погубившихъ его войска, значительно сгладилось по выходѣ въ долину Рейна, подъ вліяніемъ крайней предупредительности, проявленной на этотъ разъ австрійцами по отношенію къ русскому корпусу: боевые припасы и амуниція были быстро пополнены, провизія и фуражъ доставлялись въ изобилиї. С. началъ переговоры о дальнѣйшихъ совѣтскихъ дѣйствіяхъ и сообщилъ свой проектъ операционнаго плана эрцгерцогу Карлу. Эрцгерцогъ нашелъ его рискованнымъ и предложилъ свой проектъ. Но прежде чѣмъ отвѣтъ и операционный планъ Карла были доставлены С., въ намѣреніяхъ фельдмаршала произошелъ рѣзкій переломъ. Весьма вероятно, что бывшій при войскахъ его английскій уполномоченный Чантамъ и пріѣхавшій къ Фельдкирху русскій посланникъ въ Вѣнѣ—гр. Штакельбергъ предупредили С. о крупныхъ несогласіяхъ, возникшихъ между Вѣскими и Петербургскими Дворами; не могъ не знать о нихъ и Великий Князь, сильно настаивавшій передъ С. на прекращеніи военныхъ дѣйствій. Предвидя возможность близкаго разрыва союза, С. категорически отказался отъ предложенного имъ первоначально наступленія. Онъ написалъ эрцгерцогу: «у русскихъ нѣть силъ, одежды, магазиновъ, до Винктерура придется биться вѣсколько разъ, въ частности пустынной, гористой, опасной, слѣдовательно вести потерп: людей и такъ осталось мало; Массена не станетъ дожидаться: снова побѣгъ по частямъ Корсакова и Кондѣ». Въ заключеніе, онъ сообщалъ о намѣреніи своемъ отойти на правый берегъ Боденскаго озера и тамъ соединиться съ Корсаковымъ.

Всѣ усилія австрійцевъ уговорить С. задержать свое выступлѣніе и принять на себя оборону хотя бы небольшого участка австрійской границы не повели ни къ чему. С. отгловилъ предложенія Карла съѣхаться въ Штокахъ для личныхъ переговоровъ, оставилъ безъ вниманія угрозы—прекратить отпускъ провіанта русскимъ войскамъ. Напротивъ, получивъ 8 октября въ Линдау, куда отвѣтъ отъ свой корпусъ, реєкрипты Павла съ выражениемъ сильного неудовольствія на Вѣнокій Дворъ и указаніями на случай разрыва и возвращенія войскъ въ Россію, С. рѣшилъ перенести свой «унтеркунфть» еще дальше въ тыль «для большаго обезпечения спокойнаго отдыха войскъ». Императоръ Францъ сдѣлалъ послѣднюю попытку задержать его: реєкриптомъ 12 октября онъ пожаловалъ С. орденъ Маріи Терезіи Большого Креста, сообщивъ въ другомъ реєкрипте отъ того же числа, что ерцгерцогу Карлу предписано «всѧчески содѣствовать предстоящимъ его операциямъ». С. въ отвѣтъ своемъ, благодаря за милостивую награду, снова и опредѣленно указалъ, что единственной «операцией», которую онъ считаетъ возможной, является дать заслуженный отдыхъ войскамъ. Онъ выступилъ 19 октября изъ Ландау, 20-го прибылъ въ Лейтихъ и 26-го сталь въ Аугсбургъ.

Вскорѣ по занятіи новыхъ квартиръ С. получилъ официальное увѣдомленіе о состоявшемся 10 октября разрывѣ Павла съ Австріей; реєкриптъ Императора предписывалъ не обращать вниманія на предложенія австрійцевъ и малыми переходами, дабы не утомлять войска, идти къ русскимъ границамъ.

Высочайшимъ приказомъ 20 октября въ воздаяніе заслугъ, оказанныхъ въ Швейцарскомъ походѣ—С. даровано званіе «генералиссимуса всѣхъ россійскихъ войскъ»—«высшая степень почестей», по выраженію Павла.

15 ноября закончены были необходимыя приготовлеія, и С. выступилъ изъ Аугсбурга. Но въ первыхъ числахъ декабря, на походѣ черезъ Богемію, онъ остановилъ маршъ. Находившійся при русскихъ войскахъ англійскій уполномоченный, очевидно, предупредилъ С. о состоявшемся соглашеніи Лондонскаго и Петербургскаго кабинетовъ, примиреніи Павла съ Императоромъ Францемъ и возобновленіи перего-

воровъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ. Полученный уже послѣ остановки марта приказъ Павла подтвердилъ правильность соображенія Викгама.

С. перенесъ свою штабъ-квартиру въ Прагу. Здѣсь, среди увеселеній и торжествъ, которыми чествовали фельдмаршала, шли дѣятельные переговоры о планѣ будущей кампаніи съ австрійскимъ уполномоченнымъ Бельгардомъ и англійскимъ—lordомъ Минто. Не вдаваясь въ разборъ предложенного Лондонскимъ кабинетомъ плана, ограничиваясь уклончивыми замѣчаніями относительно своихъ личныхъ предположений, С. главное вниманіе обращалъ на обезпеченіе себѣ независимаго положенія въ предстоящей кампаніи. Онъ ставилъ непремѣннымъ требованіемъ, «чтобы ему быть главноначальствующимъ въ союзныхъ войскахъ всюду и гдѣ бы ни случилось». Даѣще, «Тугуту и гофкригсрату въ военныя дѣла не мѣшаться», особенно Тугуту, потому что «всѣ основанія новѣйшествійной совы Тугута въ понятіи дефансивы... Уже сей подъячій разумѣть хочетъ флаги армій, когда едва знаетъ выходъ изъ своей меланхолической кельи». (Письма С. Колычеву въ Вѣну). С. требовалъ на этотъ разъ «полней мочи». Но переговоры были прерваны въ самомъ началѣ. 5 января 1800 г. С. получилъ реєкриптъ Павла отъ 27 декабря: «Обстоятельства требуютъ возвращенія арміи въ свои границы, ибо виды вѣнскіе тѣ же, а во Франціи перемѣна, которой оброта терпѣливо и не изнуряя себя мнѣ ожидать должно... идите домой немедленно».

15 января русская армія двинулась на родину. С. выѣхалъ впередъ. Уже при выѣздѣ изъ Праги онъ чувствовалъ себя нездоровымъ. Потрясенія Швейцарскаго похода, когда его нервной сплои, безъ преувеличенія, жила вся русская армія, надломили слабое здоровье генералиссимуса, уже къ концу итальянской кампаніи часто недомогавшаго. Въ Краковѣ пришлось остановиться и приняться за лечение. Несколько оправившись, онъ выѣхалъ дальше, но въ пути болѣзнь быстро развилась, и сопровождавшіе С. Савраковъ и Розенъ съ большими трудомъ довезли его до Кобриня. Заботливый уходъ, старанія мѣстныхъ врачей и лейбъ-медика Вейкарта, присланного государемъ, временно возстановили уже угасавшія силы С. и дали

возможность продолжить путь. Въ Петербургѣ ему готовилась торжественная встреча, придворные кареты должны были встрѣтить его въ Нарвѣ; въ Гагчинѣ—флигель-адютантъ съ письмомъ отъ государя; самыи вѣзѣлъ долженъ быть совершившися при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, между шпалеръ войскъ, разставленныхъ на всемъ пути до Зимняго дворца, въ которомъ приготовлены были покой для генералиссимуса.

Но С. былъ еще далеко отъ Петербурга, когда получилъ внезапную вѣсть о новой опалѣ. 20 марта отданъ С. выговоръ въ приказахъ по арміи «за то, что онъ въ походѣ имѣлъ при себѣ, вопреки уставу, по старому обычаю, непремѣннаго дежурнаго генерала». Отъ того же числа и по тому же поводу посланъ ему строгий запросъ.

До сихъ поръ не удалось установить истинной причины рѣзкой перемѣны въ обращеніи Павла къ С. «Дежурный генераль», очевидно, могъ явиться только по-водомъ къ выраженню уже ранѣе накопившагося гнѣва, а отнюдь не причиной немилости. Равнымъ образомъ приходится признать слишкомъ одностороннимъ обычное утвержденіе биографовъ С., что опала, столь везаслуженная, сбывається не поступками С., а «духовной натурой Павла, въ для выясненія ея требуется изслѣдованіе не столько историческое, сколько патологическое». Вѣроятнѣе всего, что причины послѣдней опалы С. были тѣ же, что и первой, Тульчинской.

Павелъ не умѣлъ дѣйствовать полумѣрами. Торжественная встреча была отмѣнена; 23 апрѣля, когда полуумирающій С. вѣхалъ въ Петербургъ, ему дано было знать, что Государю не угодно его видѣть; 25 апрѣля послѣдовалъ приказъ обѣ отобраній у него адьютаントовъ.

С. остановился въ домѣ Хвостова на Крюковомъ каналѣ. «Что-то удерживало еще бросить его въ Петропавловскую крѣпость», пишетъ современникъ А. И. Тургеневъ, «но въ домѣ, для него приготовленномъ, онъ жилъ ве веселье казематнаго. Къ нему не емѣлъ никто прїѣзжать». Два раза въ день навѣща г. С. докторъ Гриффъ, тогдашняя медицинская знаменитость Петербурга. Но «фликсена» какъ называлъ С. свою болѣзнь—повидимому, тарческій маразмъ—не поддавалась лече-

нію. Въ минуты облегченія онъ продолжалъ еще заниматься турецкимъ языкомъ, бесѣдовалъ съ домашними о дѣлахъ политическихъ и военныхъ. Но память уже измѣнила ему: онъ сбивался въ рассказахъ о послѣднихъ своихъ походахъ, съ трудомъ припоминалъ имена разбитыхъ имъ французскихъ генераловъ. Когда близость кончины С. стала несомнѣнна, государь разрѣшилъ роднымъ и знакомымъ навѣщать его. Растопчинъ передалъ умирающему ордена, пожалованыи французскимъ королемъ-претендентомъ.

Съ трудомъ удалось уговорить С. пріобщиться: онъ не хотѣлъ вѣрить, что жизнь кончена. Послѣ принятія св. Тайнъ, онъ отдалъ послѣднія распоряженія... Вскорѣ началась агонія, и 6 мая, во второмъ часу дня, С. не стало.

Похороны назначены были на 1:-е, но, по приказанію Павла, были перенесены на 12-е. Въ отмѣну завѣщанія С., Императоръ приказалъ предать тѣло землѣ въ Александро-Невской лаврѣ.

Неподдѣльной, глубокой скорбью встрѣтила Россія вѣсть о кончинѣ С. Огромныя толпы народа провожали на кладбище его останки; но на похоронахъ не было ни придворныхъ, ни сановниковъ; С. не былъ прощенъ и послѣ смерти. О его кончинѣ не было отдано даже въ приказѣ при паролѣ; въ официальномъ органѣ о ней также не упоминалось. Воинскія почести повелѣно было отдать рангомъ ниже, по чину фельдмаршала, а не генералиссимуса; для отданія ихъ назначены армейскія части; гвардія не участвовала на похоронахъ. Павелъ во время погребенія производилъ смотръ гусарамъ, лейбъ-казакамъ и Аральскимъ казакамъ, былъ на вахт-парадѣ, послѣ которого удалился во внутренніе покоя, и только въ 6 часовъ вечера, когда церемонія давно уже была окончена, выѣхалъ въ городъ на обычную свою прогулку.

С. похороненъ въ Нижнѣй Благовѣщенской церкви, возлѣ лѣваго клироса. Въ 50-хъ годахъ на его могилу положена плита съ краткой Державинской надгробной надписью: «Здѣсь лежитъ Суворовъ».

I. Біографіи и «борники писецъ».

Алексеевъ, Б., «Письма и бумаги С.», вып. I, Спб., 1901.—Астафьевъ, А., «Воспоминаніе о С.» (перелеч. изъ IV кн. «Воен. Журн.» 1856), Спб., 1856.—Бавтышъ-Каменскій, «Біографіи

руссскихъ генералиссимусовъ», Спб., 1841.—Его же, «Словарь достопамятныхъ людей», 1836—47.—Баратовъ, «Суворовъ», «Кавказскій Вѣстникъ», 1900 г.—Басовъ, П., «Воен. Сб.», 1874, т. 97, № 8, стр. 183—231.—«Біографія С., имъ самимъ написанная въ 1786 г.», сообщ. Дм. И. Голохвастовымъ, «Чтения Имп. Общ. Ист. и Др.», 1848, кн. 9 (22), стр. 534—552.—«Біографія Александра Васильевича С., имъ самимъ написанная въ 1786 г. Съ приложениемъ его портрета, примѣчаніями и дополненіями», «Русск. Арх.», 1900; то же (отд. изданіе), М., 1900.—Богдановичъ, «Замѣтательныи походы Петра Великаго и С. Публичныи лекціи», Спб., 1846.—Булгаринъ, «Суворовъ», съ рис. В. Тимма, Спб., 1845.—«Бумаги Суворовскія, сохраненные въ семействѣ бывшаго его правителя дѣль Куриса», сообщ. Г. Даннелевскій, «Журн. Мин. Нар. Пр.», ч. ХСII, 1856 (№ 10), отд. VII, стр. 30—50 (есть отдѣльный оттискъ).—Буяковъ, «Побѣды кн. Италийскаго, графа А. В. С.-Рымникскаго», въ частей, 1809; 2-е изданіе, 7 частей, М., 1815.—Васильевъ, «Суворовъ. Очеркъ его военной дѣятельности», Вильно, 1829.—Высковатовъ, К. А., «Александръ Васильевичъ С.», «Рус. Старина», 1876, т. 15, № 1, стр. 213—216.—Геннадій, Гр., «Иностранная сочиненія о С.», «Воен. Журн.», 1857, кн. 1, стр. 208—219 (есть отд. оттискъ).—Гичевъ, М., «Черты изъ жизни С.», «Чтение для солдатъ», 1872, № 3, стр. 60—74; № 4, стр. 91—107; № 5, стр. 58—70; № 6, стр. 66—78.—«Грамоты, дипломы и письма къ автобіографіи А. В. С.», съ предисловіемъ Бодянскаго, «Чтения О. Ист. и Др.», 1848, кн. 1 (23), V, стр. I—II, 1—30.—Даниловъ, А., «Генералиссимусъ князя С. Сообщеніе» (Военные бѣсѣды, исполненные въ Гельсингфорскомъ военномъ собрании въ 1900—1901 гг. Вып. 2, стр. 89—139). Гельсингфорсъ, 1902.—Драгомировъ, «Генералиссимусъ кн. Суворовъ», «Развѣдчикъ», 1900.—Дубровинъ, Н., «А. В. С. среди преобразователей Екатерининского времени», Спб., 1886.—Желябужскій, «А. В. С.», М., 1873.—«Жизнь С., имъ самимъ опписанная, или собраніе писемъ и сочиненій его, изданныхъ съ примѣчаніями С. Глинкою», 2 ч., 1812.—Зейдель, И., «Аnekdotы кн. Италийскаго, графа А. В. С.-Рымникскаго», изд. и тип. А. Червякова, Спб., 1865 г.—«Исторія генералиссимуса кн. Италийскаго графа С.-Рымникскаго», 2 ч., 1812.—«Исторія графа Александра Васильевича С.», М., 1874.—Ковалевскій, «А. В. Суворовъ. Историко-психологич. очеркъ», «Варш. Воен. Ж.», 1900, № 5.—Козловъ, В., «Суворовъ въ его изображеніяхъ», Спб., 1899.—Левшинъ, «Собрание писемъ и анекдотовъ, относящихся до жизни А. В. князя Италийскаго, графа С.-Рымникскаго», М., 1809; изд. 3-е, 1814.—Любецкий, А., «Чтобы изъ жизни А. В. С.», «Чтение для солдатъ», 1873. № 1, стр. 69—82; № 6, кн. 2, стр. 33—56; № 10, кн. 3, стр. 42—51; № 14, кн. IV, стр. 21—49.—Любецкий, С. М., «Суворовъ», «Дѣтскій Журналъ», 1859, т. IV, кн. 10 и 11, отд. II, стр. 1—53, 65—91.—Марченко, «Суворовъ въ своихъ рукописяхъ», Спб., 1900 г.—«Материалы для біографіи С. и военной нашей истории XVIII в.», «Москвитянинъ», 1856, т. IV (№ 13—16), стр. 203—290.—Милютинъ, «С. какъ полководецъ», «Отеч. Зап.», 1839.—Милютинъ, «Жизнь и подвиги графа А. С.—а», Спб., 1845.—Новаковскій, «Русские люди. Біографические очерки», изд. 3-е, Спб., 1866.—Новаковскій, «Разсказы о С.-ѣ», членіе для народа», изд. 2-е, Спб., 1870; изд. 4-е, Спб., 1876; изд. 7-е, Спб., 1897.—Его же, «А. В. С.—ѣ» (изъ «Журнала для чтенія воспитан. Военно Учебы. Завед.»), Спб., 1858.—«Очеркъ жизни и дѣяній гр. А. С.—а Рымникскаго», М., 1848.—Парпуръ, «Жизнь и военные дѣянія генералиссимуса князя Италийскаго гр. А. В. С.—а Рымникскаго», М., 1801.—Песковскій, «А. В. Суворовъ», Спб., 1899.—Петersenъ, «Суворовъ въ зеркале новой истории», «Истор. Вѣстн.», 1885, т. 19, мартъ, стр. 582.—Петрушевскій, А., «Генералиссимусъ князя С.», 3 тома, Спб., 1884; изд. 2-е, Спб., 1900.—«Письма и записки кн. Италийскаго, графа С.—а Рымникскаго, 1787—1800», М., 1886.—Погоссій, «А. В. С.—ѣ», изд. 2-е, Спб., 1875; изд. 4-е, Спб., 1898.—Подвиги князя Италийскаго, графа А. В. С.—а Рымникскаго, или жизнь его и военная дѣянія противъ Пруссіи, Турціи, Польши и Франціи, съ приложеніемъ вѣкоторыхъ его писемъ», 3 тома, М., 1815.—Полевой, Н. А., «Исторія кн. Италийскаго, графа С.—а Рымникскаго, генералиссимуса Россійскихъ войскъ», изд. 2-е, Спб., 1858; изд. 6-е, Спб., 1900.—Полевой, Н. и Милютинъ, Д., «Александръ Васильевичъ С., генералиссимусъ русскихъ войскъ, его жизнь и побѣды», Спб., 1870.—Потаповъ, В., «Александръ Васильевичъ С. Простонародный русский разсказъ», изд. 2-е, М., 1867.—Праценко, Н., «Русский народный герой А. В. С.-Рымникскій», изд. 2-е, М., 1866.—«Разсказы старого воина о С.—ѣ» (полк. Старкова), М., 1847, 3 части.—«Разсказы о С.—ѣ», «Чтение для солдатъ», 1858, кн. 1, стр. 118—130.—Рождественскій, С., «Чтение для народа о С.—ѣ», изданіе комиссіи народныхъ чтеній, Спб., 1874.—Рыбкинъ, Н., «Генералиссимусъ С. Жизнь его въ своихъ вотчинахъ и хозяйственная дѣятельность, по вновь открытыхъ источникахъ и мѣстнымъ преданіямъ его вотчина», М., 1874.—Рыбкинъ, Н., «Краткій очеркъ жизни въ вотчинахъ и хозяйственной дѣятельности генералиссимуса Ал. Вас. С.—а Рымникскаго, по вновь открытыхъ источникамъ за 1784 и 1785 годы и мѣстнымъ преданіямъ его Новгородской вотчины», «Труды П. Вольного Эконом. Общ.», 1871, т. 2, вып. 2, стр. 161—190; т. 3, вып. 1, стр. 1—18; ідеш., «Русское Сельское Хозяйство», 1871, т. 9, № 5, стр. 130—133.—Сальниковъ, «Суворовъ», Спб., 1900.—Симанскій, «Суворовъ. Публичныи лекціи, читанныя въ Москвѣ и разныхъ городахъ Московскаго воинскаго округа», М., 1899.—Ф. Смитъ, «Суворовъ и паденіе Польши», 2 т., Спб., 1866.—Собрание анекдотовъ графа С.—а и писемъ, имъ самимъ и къ нему отъ разныхъ лицъ писанныхъ, съ присовокупленіемъ его вахтпрада или науки побѣждать. Служащее продолженіемъ къ книгѣ: Побѣды гр. Алекс. Вас. С.—а Рымникскаго, изд. 3-е, М., 1858 (1-е изданіе 1809, 2-е—1815).—Стремоуховъ и Симанскій, «Жизнь С.—а въ художественныхъ изображеніяхъ», М., 1900.—«Суворовъ, А. В.», «Калейдоскопъ», 1862, № 20, 22, 23, стр. 305—

312, 347—352, 358—368.—«А. В. Суворовъ, генералиссимусъ русскихъ войскъ. Его жизнь и побѣды. Составлено по исторіямъ Н. А. Поплаваго и генерала Д. А. Милютина», Спб., 1870.—«Суворовъ, князь Италійскій, графъ Рымникійский», изд. 2-е, доп., изд. журн. «Мірской Вѣстникъ», Спб., 1873.—«Суворовъ, князь Италійскій, генералиссимусъ русскихъ войскъ», Спб., 1873.—«Суворовъ, А. В., статья бар. Л. Зедделера въ «Воен. Энц. Лексиконѣ», изд. 2-е, т. XII, 389—400.—«Суворовъ, генералиссимусъ», Спб., 1900, изд. Маркса.—Фуксъ, Е. «Історія генералиссимуса князя Италійскаго, графа С—а Рымникаго», 3 части, М., 1811.—Его же, «Анекдоты кн. Италійскаго, графа С—а Рымникаго», Спб., 1827.—Его же, «Собрание разныхъ сочиненій», Москва.—«Характеристика С—а, имъ самимъ сдѣланная», «Русск. Старина», 1875, т. 2, № 5, стр. 150.—Anthing, F., «Essay on the campaigns of the Field-Marshall Alex. Souvorow Rymn.», translated from the German, 2 vol., London, 1799.—Anthing, «Versuch einer Kriegsgeschichte des Grafen Alexander Suworow Rymnikski, Russ. Kaiserl. General-Feldmarschalls», 3 Bde, Gotha, 1795, 1796, 1799.—Anthing, «Essai d'une histoire des campagnes du comte Alexandre Souvorow-Rymnikski. Trad. de l'allemand», 3 vol., Gotha, 1795—1799.—de Beauchamp, A., «Histoire des campagnes du maréchal de Souvorow», 3 vol., Paris, 1802.—Fuchs, «Anecdotes uit het Leven van den Russischen Veldmaarschalk Suworow», Haarlem, 1830.—Fuchs, «Anecdotes aus dem Leben des Fürsten Italinsky, Grafen Suworow-Rymniksky, Russ. Kaiserl. Feldmarschalls», Leipzig, 1839.—«Geschichte der Feldzüge Suwrows seit dem 7-jährigen Kriege bis zur Schlacht bei Novi 1799». 1809.—de Guillaumanches-Dubocage, «Précis historique sur célebre Feldmaréchal comte Souvorow-Rymnikski», Hamburg, 1803.—«Histoire des campagnes de Souvorow depuis la guerre de 7. ans jusqu'à la bataille de Novi 1799», s. 1. 1808.—«Histoire des campagnes du comte Alexandre Souvorow-Rymnikski», Londres, 1799.—«Histoire des campagnes du maréchal Souwaroff», 3 vol., Paris, 1797; idem, ib. 1802.—«History of the life and campaigns of Suvorow», London, 1800.—de Laverne, L. M. P., «Histoire du feldmärcchal Souvorof, liée à celle de son temps», Paris, 1809.—«Leben des Grafen Alexander Wasilowitsch Suworow-Rimnitzkoi, russ. Kais. Feldmarschall», Frankfurt u. Leipzig, 1799.—«Leben des Grafen Suworow-Rimnicky», Nürnberg, 1799.—«Leben und Feldzüge des General-Feldmarschalls Alexander Suwarow-Rimninsky in Italien», Leipzig, 1799.—«Leben und Kriegsgeschichte des Grafen von Suwarow-Rimnicky», Leipzig, 1799.—«Leben des Feldmarschalls Suvorow», Frankfurt, 1799.—Leben, Peter, «Alex. Wasil. Suwarow-Rimniskois», Wien, 1801.—Lebensgeschichte des Russischen Generalfeldmarschalls Graf von Suwarow, Wien, 1795; ib., 1799.—Macready, E. N., «Sketches of Suwarow and his last campaign», London, 1851.—Polewoi, N. A., «Geschichte des Fürsten Italiski, Grafen Suvaroff-Rimniski, Generalissimus der russischen Armee», Riga, 1850; id. Mitau, 1851—1853.—Rambaud, «Souvorow. Conférence faite en 1899 à l'Ecole

militaire de Saint-Cyr».—Serionne, «Les campagnes du feldmaréchal comte Souvorov-Rymnikski», Gotha, 1796, 3 volumes.—Sketch of the life of count Alexander Souwarow-Rymninski, London, 1799.—v. Smitt, F., «Suworows Leben und Heereszüge», 1 Band, Wilna, Leipzig, 1833—1834; idem, 2 Bde, Petersburg, 1835, idem, Wien, 1833.—v. Smitt, «Suworow und Polens Untergang», 2 Bde, Leipzig, 1858.—«Storia della vita e fasti di S. A. il signor conte Alessandro Suwarow-Rymnisky», Torino, 1799.—v. Tannenberg, G., «Lebensgeschichte des Grafen Suwarow-Rymnikskoy, Russ. General-Feldmarschalls», Wien, 1799.—«Vita comitis Petri Alexandri Wasil. Suwarow-Rymniskoi», Budae, 1799.—(Vulpius) «Kurze Lebens- und Kriegsgeschichte des Grafen Alex. Wasil. Suwarow-Rymniskoi», Leipzig, 1800.

II. Общія сочиненія.

Масловскій, Д. С., «Записки по истории русского военного искусства», Спб., 1894.—Гершельманъ, «Нравственный элементъ въ рукахъ С—а», изд. 2-е, Гродно, 1910.—«Суворовъ въ сообщеніяхъ профессоровъ Николаевской Академіи Генерального Штаба» книга I («Суворовъ и военная наука», рѣчь проф. полк. Мышилаевскаго);—«Суворовъ — полководецъ, рѣчь проф. полк. Орлова»;—«Суворовъ — стратегъ, сообщеніе проф. г.-м. Михневича»;—Две катастрофы. Суворовъ въ Швейцаріи, Петръ на Прутѣ. сообщеніе проф. полк. Мышилаевскаго;—«Падение Польши и Суворовъ», сообщеніе проф. полк. Гейслмана;—«Суворовъ и два Собѣта: Петербургскій 1794 г. и Вѣнскій 1799 года», сообщеніе проф. полк. Алексѣева;—«Суворовъ подъ Измайловъ», сообщеніе проф. полк. Колюбакина;—«Военно-административный обликъ Суворова», сообщеніе проф. полк. Макшеева), Спб., 1900; книга II («Стратегія и тактика Суворова въ Итальянской кампаніи 1799 г. для характеристики эпохи», сообщеніе проф. полк. Баскакова;—«Тактика Суворова», сообщеніе проф. полк. Орлова;—«Чествование столѣтней годовщины со дnia кончины генералиссимуса князя Суворова. Суворовъ — человѣкъ», рѣчь проф. полк. Мышилаевскаго;—«Суворовъ — русский военный двѣятель», рѣчь проф. г.-м. Орлова;—«Суворовъ и флотъ», статья проф. г.-м. Орлова), Спб., 1900.

III. Родословная Суворова.

«Родословная С—ва (княжеская вѣтвь этой фамиліи)», «Р. Стар.» 1872, т. VI, стр. 409.—«Федоръ Мавуковъ (дѣль С—а)», сообщ. Рѣпинскій, «Р. Стар.», 1900, январь, 258.—«Собственноручная записка С—а о его службѣ и происхожденіи его фамиліи, поданная имъ въ герольдію въ 1790 году», Съверный Архивъ, 1823, № 2, 3, 4; «Чтевія М. Общ. II. Др. Рос.», 1848 г., № 9.; отдельная брошюра издания Голубкова, 1848 г.; «Русскій Архивъ», 1900 г. и отд. издавіе того же года.

IV. Дѣтскіе годы.

«Суворовъ съ дѣтскаго возраста до полковничаго чина», «Чтевіе для солдатъ», кн. 4, 1858 г., стр. 26—48.

V. Солдатская служба.

Геруа, «Суворовъ-солдат. (Документы архива Семеновского полка)», Спб., 1900.

VI. Семилетняя война.

Масловский, Д., «Русская армия въ семилѣтнюю войну», т. II—III, М., 1887.—Челобитная генер.-пор. В. И. Суворова объ откомандированіи С—а въ армію отъ оберъ-кригскому-миссарской должности», сообщ. Г. К. Рѣшинский, «Р. Стар.», 1887, т. 56, стр. 212.—«Назначеніе кн. А. В. С—а въ действующую армію въ 1760 г.», сообщилъ А. В. Безродный, «Р. Стар.», 1897, сентябрь, стр. 480.—«Командировка С—а», «Воен. Сборникъ», 1901 г. № 12, стр. 231—232.

VII. Командование полкомъ.

Петрушевский, А., «Суворовъ — полковой командиръ», «В. Евр.», 1880, № 12.—«Русская армія въ началѣ царствованія Императрицы Екатерины II. Материалы для русской военной истории. Съ предисловіемъ А. Н. Лебедева. По рукописи, ему принадлежавшей», «Чтения въ Общ. И. Пр. Р.», 1899, кн. 2, стр. I—IV, 1—114.—Старый Суздалецъ, «Сузальская церковь С—а», «Развѣдчикъ», 1900, № 488, стр. 175.—«Описание лагеря, собранного подъ Высочайшей Е. И. В. собственною командою при Красномъ Селѣ въ 1765 г.», Спб., 1765.

VIII. Первая Польская война.

«Журналъ военныхъ дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества 1769—1771 г.».—Петровъ, А., «Война Россіи съ Турцией и польскими конфедератами, съ 1769—1774 г. Составлено преимущественно изъ неизвѣстныхъ по сіе время рукописныхъ материаловъ», т. I—III, Спб., 1866—1874.—Плестерерь, «Суворовъ. Походъ въ Польшу», «Воен. Сб.», 1901, № 5.—Плестерерь, «Дѣйствія С. противъ Дюмуры и Пулавскаго», «Варшавскій Военный Журналъ», 1902, II.—Смить, «Суворовъ и паденіе Польши», ч. I—II.—«Суворовскій Сборникъ», изд. «Варш. Воен. Журнала», Спб., 1900 (Столовичи, Орѣхово).—«Сборн. Р. Ист. Общ.», т. I.—Энгель, «Виленскій архивъ», т. I.—Масловский, Д., «Записки», ч. 2, вып. I.—Bährendtz, F., «Om Polens första deening», Karlskrona, 1878.—v. Benjowsky, M., Reisen und Schicksale. I. Kriegsoperationen in Polen und Gefangenschaft in Kamtschatka. A. d. Engl. v. G. Forster, Leipzig, 1791; idem, Hamburg, 1791.—(Bodeau), «Lettres historique sur l'état actuel de la Pologne et l'origine de ses malheurs», Amsterdam, 1772.—Brüggen, «Die erste Teilung Polens und die Konstitution vom 3. Mai 1791», «Preussische Jahrbücher», 35. Band.—Brüggen, «Polens Auflösung».—Cadiot, Indicateur fidèle pour la guerre des Polonais, des Russes et de Turcs, Paris, 1769. (Casanova), «Histoire des troubles de la Pologne depuis la mort d'Elisabeth Petrowna jusqu'à la paix entre la Russie et la Porte Ottomane. Trad. de l'ital.», 2 том., Paris, 1775.—(Casanova), «Istoria delle turbolenza della Polonia, della morte di Elisabet alla pace fra la Russia e la

Porta», Grätz, 1774.—(Cranz), «Das conföderirte Polen», 6 Theile, Erfurt, 1770—73.—G. Dumouriez, «La vie et les mémoires du général Dumouriez», tome premier, Paris, 1882.—de G. M., «Journal de siège de Cracovie», Paris, 1772.—«Geschichte des gegenwärtigen Krieges zwischen Russland, Pohlen und der Ottoman. Pforte. A. d. Italienischen», 36 Theile, Frankfurt & Leipzig, 1770—1775.—«Geschichte des gegenwärtigen polnischen Krieges», Augsburg, Leipzig, 1772.—Heyking, «Aus Polens und Russlands letzten Tagen».—(Joubert), «Histoire des révoltes de Pologne depuis la mort d'Auguste III jusqu'en 1775», 2 vol., Warsowie, 1775; idem, Paris, 1776.—(Joubert), «Geschichte der Staatsveränderungen vom Tode August III. bis 1775. A. d. Franz.», 2 Bde, Leipzig, 1777.—«Jüdische Briefe über den Krieg in Pohlen, s. l. 1770».—Letters, «Concerning the present state of Polande», London, 1773.—Preuss, F., «Die erste Theilung Polens u. die Mémorien Friedrichs des Grossen», Königsberg, 1874—75.—«Recueil des déclarations, notes et faits principaux qui ont précédé et accompagné la Diète Confédérée depuis le 18 Sept. 1772 au 14 mai 1773».—Roepell, «Polen um die Mitte des 18. Jahrhunderts».—Rustant, Jos., «Historia de las turbaciones de Polonia», 2 vol., Madrid, 1768—1769.—de Saint-Priest, A., «Etudes diplomatiques et littéraires», vol. I, Paris, 1850. v. Schröder, «Friedrich der Große und Katarina die Zweite», Berlin, 1859.—de Smidt, «Frédéric II, Catherine et le partage de Pologne», Paris, 1861.—«Storia della guerra tra la Russia, la Polonia et la Porta Ottomane», 15 vol., Napoli, 1767.—(Thesby de Belcourt, F.), «Relation ou journal d'un officier français au service de la confédération de Pologne», Amsterdam, 1776.—Thesby de Belcourt, «Tagebuch eines französischen Offiziers in Diensten der polnischen Konföderation. A. d. Franz.», Amsterdam, Berlin, 1776.—Vioménil, «Lettres sur les affaires de Pologne en 1771 et 1772», Paris, 1808.

IX. Первая Турецкая война.

Богдановичъ, «Походы Румянцева, Потемкина и С—а въ Турціи», Спб., 1852.—Бутурлинъ, Картина войны Россіи съ Турцией въ царствование Екатерины II и Александра I.—Дѣйствія С—а въ Турціи въ 1773 г.», «Журн. Воен.-Уч. Зав.», 1855 г., т. CXIV. (№ 453), стр. 30—63.—«Журналъ военныхъ дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества», 1773—1774.—И. И., «Исторія войнъ Россіи съ Турцией», «Новоросс. Телегр.», 1876, №№ 526, 527, 531, 534, 537.—Богуславский, «Исторія Апшеронскаго полка», т. I, Спб., 1842.—Масловский, «Записки по исторіи воен. иск.», вып. II, ч. 2, стр. 264—302.—Петровъ, «Война Россіи съ Турцией и польскими конфедератами», т. IV, Спб., 1874; т. V, Спб., 1874.—Петровъ, «Турецкий походъ С—а и аnekdotы по поводу его», «Р. Стар.», 1871, т. IV, стр. 591—592.—Петрушевский, «Суворовъ въ Первую Турецкую войну. 1773—1774», «Вѣсты Европы», 1881, № 12.—«Письма С—а», «Москвитянинъ», 1854, № 20.—«Рапорты, письма и записки С—а къ графу Ивану Петровичу Салтыкову, съ 6 мая по 11 юля 1773 г.», «Журн. Воен.-Уч. Завед.», т. CXXII, 1856 г. (№ 486), стр. 220—

252.—Саковичъ, «Исторический обзоръ дѣятельности графа Румянцева-Задунайскаго и его со-трудниковъ: кн. Прозоровскаго, С—а и Бриника, съ 1775 по 1780 г.», Русская Бесѣда, 1853 г., кн. 10—12 (№ 2—4), отд. II, стр. 1—56, 62—151, 173—260; отд. оттискъ Москва, 1853 г.—Саковичъ, «Дѣйствія С—а въ Турціи въ 1773 г.», Спб., 1853; idem «Воен. Журналъ», 1853 г.—Редакція 1773 г., «Прибавленіе къ С. Петербургскимъ Вѣдомостямъ». — «Сборникъ военно-историческихъ материаловъ», вып. III.—Beck, L. A., «Die russische, wie auch türkische Staats- und Kriegsgeschichte», 2 th., Nordhausen, 1777.—«Beitrag zur Geschichte des gegenwärtigen Krieges zwischen dem russisch. u. türkisch. Reiche», Breslau, 1771.—Boutourlin, «Précis des événements militaires de la 1-e et 2-e guerre des Russes contre les Turcs sous Catherine II», Petersburg, 1822.—de Doniseaux, «Guerre des Russes contre les Turcs», London, 1774.—«Examen d'un livre intitulé; Considérations sur la guerre présente entre les Russes et les Turcs. (Turin, 1773)», Amsterdam, 1778.—«Geschichte (Historisches Tagebuch) des Krieges zw. Russland u. d. Pforte, 1768—1774», Wien, 1788.—Hammond, C. F. E., «Reise durch Oberschlesia zur Russischen Armee nach der Ukraine u. z. Feldm. Rumänzow-Sadunaiskoy», 2 th. Gotha, 1787.—«Histoire de la guerre entre la Russie et la Turquie», St. Petersburg, 1773.—Jäger, J. W., «Le Théâtre de la guerre entre la Russie et la Turquie», Frankfurt, 1770—de Keralio, «Histoire de la guerre des Russes contre les Turcs», 2 vol., Paris, 1777; idem, ib., 1780.—v. Keralio, «Geschichte des letzten Krieges der Russen gegen die Türken. A. d. Franz.», 2 Bde, Leipzig, 1777—1778.—Resmi Achmed Effendi, «Wesentl. Betrachtungen oder Geschichte des Krieges zw. d. Osmanen und Russen. 1768—1774. A. d. Türkischen mit Anmerk. v. H. Fr. v. Diez», Halle, 1813.—Reistand, I., «Reflexions politico-militaires sobre la guerra del Turco contra Rusia», Madrid, 1769—1775.—«Schauplatz des gegenwärtigen Krieges zwischen Russland und der Pforte», 3 Bde, Hamburg, 1771—74.—Staats- und Kriegsgeschichte des Russ. u. Türk. Reiches, 2 Bde, Leipzig, 1777.—de Sylva, «Considérations sur la guerre présente entre les Russes et les Turcs», Turin, 1773.—de Tott, «Mémoires sur les Turcs et Tartares», 3 vol., Amsterdam, 1785; idem. Maestricht, Amsterdam, 1785—1786.—Vassif Efendi, «Précis historique de la guerre des Turcs contre les Russes de 1769 à 1774. Trad. du Turc. par Caussin de Perceval», Paris, 1822.

X. Пугачевский бунтъ.

Анучинъ, Д., «Участіе С—а въ усмирениі Пугачевщины и поимкѣ Пугачева», «Русский Вѣстникъ», 1868, № 11.—Гротъ, Я., «Материалы для исторіи Пугачевского бунта», «Записки Академіи Наукъ», т. I, XXV.—Гротъ, Я., «Потемкіи во время Пугачевщины», «Р. Старина», 1870, № 10.—Даль, В., «Картины изъ русского быта. Рассказъ Верхоланцева о Пугачевѣ», «Р. Бесѣда», 1856, кн. 4.—Дмитревъ-Мамоновъ, «Пугачевский бунтъ въ Зауральѣ и Сибири», Спб., 1907.—Дубровинъ, Н., «Пугачевъ и его сообщники. Эпизодъ изъ исторіи царствованія Императрицы Екатерины II,

1773—1774. По неизданнымъ источникамъ», томъ 2 и 3, Спб., 1884.—Мордовцевъ, «Пугачевщина», «Вѣсти. Европы», 1866, № 1.—Мордовцевъ, «Русские государственные дѣятели прошлого вѣка и Пугачевъ», «Отечеств. Записки», 1868, № 8, 10.—Мордовцевъ, Д., «Кто былъ усмирителъ Пугачевщины», «Отечеств. Записки», 1869, № 11.—Мордовцевъ, Д., «Заметаевъ», «Русский Дневникъ», 1859, № 7 и 8.—Пекарскій, П., «Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова», Спб., 1869.—Полуденскій, «Подлинная бумаги, до бунта Пугачева относящіяся», «Чтения Моск. Общ. Ист. Др.», 1860, кн. II.—Поспѣловъ, «Пугачевскій бунтъ», «Оренбург. Губерн. Вѣдомости», 1869 г., № 26—28.—Пушкинъ, А. С., «Исторія Пугачевского бунта». —Пупаревъ, «Еще о Заметаевѣ (приказъ С—а)», «Русский Дневникъ», 1859 г., № 82 (изъ № 14 «Казак. Губ. Вѣд.» 1859 г.).—Руничъ, «Записки сенатора П. С. Руничъ о Пугачевскомъ бунтѣ», «Р. Стар.», 1870, т. II, стр. 253. 321—346.—«Русские достопамятные люди. Замѣтки и воспоминанія по поводу труда Д. Н. Бантши-Каменскаго. «Словарь достопамятныхъ людей», изд. 1847 г. и нѣкоторыхъ другихъ изданій того времени» (рукописи изъ собранія С. Д. Полторацкаго), «Р. Стар.», 1892. юнь, стр. 7.—Самойловъ, «Жизнь и дѣянія ген., фельдм. кн. Г. А. Потемкина-Таврическаго», «Р. Арх.», 1867, № 4, 7, 10 и 12.—Сулоцкій, А. Материалы для исторіи Пугачевского бунта», «Чтения въ Моск. Общ. Ист. Др. Рос.», 1859, кн. I.—«Архивъ Государственного Совета», Спб., 1869, 2 части.—«Сборникъ Императорскаго Русскаго Историч. Общества», тт. 6, 13, 19, 27.—Екатерина II и Пугачевщина», «Р. Старина», 1875, № 5.—«Извѣстіе о поимкѣ Пугачева», «Р. Стар.», 1876, т. XVI,—«Письма великаго С—а къ кнзю Потемкину», Архивъ кн. Воронцова, кн. 24.—«Письма Императрицы Екатерины II къ кнзю Волконскому Освященнѣйшаго вѣкъ. Барченева, кн. I.

XI. Кубань и Крымъ 1774—1779.

Бобровскій, П., «Суворовъ на Кубани въ 1778 г. и за Кубанью въ 1783 г.», Спб., 1900.—Бобровскій, «Исторія лейбъ-grenад. Е. Вел. Эриванскаго полка», часть II.—Бутковъ, «Материалы для новой исторіи Кавказа», т. II, Спб., 1869.—Добровинъ, Н., «Присоединеніе Крыма къ Россіи», Спб., 1885—89.—Лефорть, «Исторія царствованія Екатерины II», ч. 4.—Петровъ, «Вторая Турецкая война», т. I, Спб., 1880, стр. 11—12.—«Письма С—а Турчанинову. Сообщ. Алексеевъ», «Варшав. Военный Журналъ», 1902, №№ 1, 4, 5.—«Отечественная Записки», ч. ХХ, № 56, декабрь, 1824.—«Русская Старина», май, 1900.—«Письмо С—а гр. П. И. Чанину. (Изъ собранія автографовъ Н. К. Богушевскаго)», «Р. Старина», 1873, т. VII, стр. 729.

XII. Астрахань 1780—81.

«Письма С—а Турчанинову. Сообщилъ Алексеевъ», «Варшавскій Воен. Ж.», 1902, №№ 1, 6, 11.—«Архивъ кн. Воронцова», кн. 24.—«Русская Старина», 1873, т. VIII, стр. 729.—«Р. Старина», 1900, май.—«Аnekdotъ о С—ѣ въ бытность его въ Астрахани», «Р. Архивъ»

1873, № 2, стр. 146—149.—«Астраханский Сборникъ 1896 г.», вып. I.—Юдинъ, «С. въ Астрахани», «Истор. Вѣстн.», 1900, т. 80, май, 518.

XIII. Кубань 1782—83.

Бобровскій, П., «Суворовъ на Кубани въ 1778 г. и за Кубанью въ 1783 г.», Спб., 1900.—Бобровскій, «Исторія Эриванского полка», ч. III и приложенія.—«Донесенія о ногайцахъ эсаула Перфилова войсковому атаману Иловайскому (1783)», «Донск. Войск. Вѣд.», ч. неоф., № 15, 1857.—«Копія съ донесенія его свѣтлости князю Григорію Александровичу (Потемкину) отъ генер.-поруч. п. кавалера С—а, октября отъ 5 числа 1782», тамъ же, 1857, № 14.—«Материалы для Донской исторіи», тамъ же, 1858, № 4.—Отвѣтъ атамана Иловайскаго на письмо генер.-поруч. Суворова о пленныхъ ногайцахъ», тамъ же, 1856, № 48.—«Письма С—а войсковому атаману Иловайскому», тамъ же, 1857, ч. неоф., №№ 27—30, 36, 37 и 50.—«Письма графа С—а, его супруги и полковницы Давыдовой къ войсковому атаману Иловайскому о пленныхъ ногайцахъ», тамъ же, 1856, № 46.—Сенюткинъ, «Военные дѣйствія Донцовъ противъ ногайцевъ и черкесъ 1777—1783 гг.», тамъ же, ч. неоф., 1856, № 9, 13, 14, 36, 37, 39, 42, 43, 47.—«Три ордера кн. Потемкина войсковому атаману Иловайскому (1783)», тамъ же, ч. неоф., 1857, № 26.—«Экстрактъ съ донесенія князю Потемкину генераль-поручику С—а, о разбитіи ногайцевъ въ 1783 г.», тамъ же, ч. неоф., № 4.—Петровъ, А. Н., «Вторая Турецкая война», т. I, стр. 22—31.

XIV. Вторая Турецкая война.

«Архивъ военно-походной канцелярии гр. Румянцева, 1777—1791», «Чт. Моск. Общ. Ист. Др.», 1875, IV; 1876, I и II.—Богдановичъ, «Походы Румянцева, Потемкина и С—ва въ Турцію», Спб., 1852.—Бутурлинъ, «Картина войны Россіи съ Турцией въ царствованіе Екатерины II»,—Брикнеръ, «Разрывъ между Россіей и Турцией въ 1787 г.», «Журн. Мин. Нар. Пр.», т. 168.—Брикнеръ, «Исторія Екатерины II», Спб., 1885.—Ильбасовъ, «Князь де-Линъ въ Россіи въ 1780 и 1787—88», «Р. Стар.», 1892, февраль, 275—312; мартъ, 541—573; апрель, 1—43.—Висковатовъ, «Взглядъ на военные дѣйствія россіанъ на Черноморѣ морѣ и Дунаѣ съ 1787 по 1791 г.», Спб., 1828.—Записки о томъ сколько я памятую о крымскомъ и турецкомъ походѣ», Одесса, 1872.—Масловскій, Д. Ф., Записки по истории военного искусства, вып. 2, часть 2, глава VI—VII, Спб., 1894.—Письма и бумаги А. В. Суворова, Г. А. Потемкина и П. А. Румянцева Кинбурнъ-Очаковская операция, «Сборн. воен.-истор. мат.», вып. IV, Спб., 1893.—Петровъ, «Вторая турецкая война въ царствованіе Императрицы Екатерины, 1787—1791» (рецензія Н. Дубровина въ «Зап. Ак. Наукъ», т. XLI, кн. 2, Спб., 1882, стр. 188—233).—Петровъ, «Влияніе турецкихъ войнъ на развитіе русского военного искусства», т. II.—«Изъ бумагъ кн. Потемкина-Таврическаго (1783—1791)», «Р. Арх.», 1865, № 1.—«Собственноручные распоряженія кн. Потемкина во время второй турецкой войны», «Зап.

Одесского Общ. Ист. и Др.», т. II.—«Записки Энгельгардта», 1867.—«Записки Грибовскаго».—«Записки донского атамана Денисова», «Р. Стар.», 1874, № 5.—«Письма контр-адмирала Мордвинова кн. Потемкину», «Зап. Од. Общ. Ист.», т. IX.—«Письма де-Рибаса В. С. Попову», тамъ же, т. XI.—«Сборникъ И. Русск. Ист. Общ.», т. 27, 42, 47, 54.—«Записки Гарновскаго», «Р. Стар.», XV, XVI.—«Жизнь кн. Потемкина», М. 1812, IV.—«Одесский Альманахъ», 1839.—«Р. Архивъ», 1884, № 2.—«Р. Инивальдъ», 1827, №№ 9, 10.—«Славянинъ», 1827, II.—«Geschichte und Ursachen des Krieges der Ottoman-Pforte mit Russland u. Oesterreich», Ulm, 1788—90.—Hayne, «Abhandlung über die Kriegskunst der Turken, von ihren Märschen, Lägern, Schlachten und Belagerungen».—Hermann, «Geschichte des Russischen Staates».—de Volney, «Considérations sur la guerre actuelle des Turcs», Paris, 1788; id. London, Leipzig, 1788.—«Ausführliche Geschichte des Krieges zwischen Russland, Oesterreich und der Turkey».—Beer, «Die orientalische Politik Oesterreichs seit 1774».—Criste, «Kriege unter Kaiser Josef II. Nach den Feldakten etc.», Wien, 1904.—Criste, «Bündnisse und Kriege zwischen Oesterreich und Russland», «Organ der milit. wiss. Vereins», LIX Band.—«Besondere Beilagen zur Wiener-Zeitung», 1788, 1879 u. 1790, 2 Bde, Wien.—«Vollständige Geschichte des jetzigen Krieges zw. Oesterreich, Russland und der Ottoman-Pforte von 1788 an», 2 Bde, Wien, 1788—89.—Zinkeisen, «Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa».

XV. Кинбурнъ.

«Записки Михаила Гарновскаго 1787», «Р. Стар.», 1876, т. XV, стр. 472—473.—«Къ исторіи Черноморского флота», «Р. Арх.», 1902, ч. I, стр. 213—214.—Масловскій, Д., «Оборона береговъ С—ъ (Кинбурнская операція)», «Воен. Сб.», 1892, № 2.—Его же, «Записки по ист. воен. иск.», вып. 2, ч. 2.—Мошинъ, «Оборона побережья».—Петровъ, «Вторая турецкая война», т. I, стр. 92—104.—«Письма и бумаги С—а, Потемкина и Румянцева», «Сборн. воен.-истор.мат.», вып. IV.—«Русская Старина», 1875, т. XIII, стр. 21—23; 1876, т. XVI, стр. 244—248, 249—262.—Яспинскій, «Суворовъ какъ воспитатель конницы и дѣло у Кинбурна 1 октября 1787 г.», «Вѣстн. Русской Конницы» 1907, № 3, стр. 1009—1016.

XVI. Очаковъ.

Брикнеръ, А., «Осада Очакова въ 1788 г.», «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1873, ч. 168, № 8, стр. 367—423.—Петровъ, «Вторая турецкая война», т. I, стр. 181—185.—«Письма Потемкина С—у», «Р. Старина», 1875, т. XIII, стр. 23—24, 28, 29, 30—33, 34, 35, 38—40, 160.—«Переписка Потемкина съ Екатериной», «Р. Старина», 1876, т. XVI, стр. 462, 473, 580, 581.—«Письмо С—а В. С. Попову», «Р. Стар.», 1900, май, 323—324.—«Сборникъ военно-истор. мат.», в. IV.—Сталь, баронъ, «Событія подъ Очаковомъ въ 1788 г. съ сентября до половины ноября», «Зап. Одес. Общ. Ист. и Др.», 1867, т. VI, стр. 597—601.—Цебриковъ, «Вокругъ Очакова, 1788 г. (Дневникъ очевидца)», сообщ. А. Ф. Бычковъ, «Р. Старина», 1895, стр. 147—212.—«Русское Чтение», 1842, ч. II, стр. 197.

XVII. 1789 г. Рымникъ и Фокшаны.

Масловский, Д., «Записки», вып. 2, ч. 2.—Петровъ, «Вторая турецкая война», т. II, стр. 25—75. Спб. 1880.—«Переписка Екатерины съ Потемкинымъ и др. лицами», «Р. Старина», 1875, XIV, стр. 223; 1876 г., XVII, стр. 205—210; 1887, т. 54, стр. 68; т. 55, стр. 310.—«Военно-Энциклоп. Лексиконъ», изд. 2, т. XI, стр. 111—115.—«Суворовъ и Дерфельдентъ послѣ Рымника. (По рассказу бывшаго секретаря С—а Трефурта). Сообщ. К. Висковатовъ», «Р. Старина», 1876, т. XV, стр. 215.—Arneth, «Josef II und Katharina von Russland. Ihr Briewecksel».—Lang, «Foccani und Martineschi», «Org. d. mil. wiss. Vereins», LXVII.—Schlitter, «Geheime Korrespondenz Josef II mit seinem Minister in den österreichischen Niederlanden Ferdinand Grafen Trauttmansdorff. 1787—89».—Witzleben, «Prinz Friedrich Jusias von Coburg Saalfeld, Herzog zu Sachsen».—«Wöchentliche Beiträge zur Geschichte des gegenwärtigen Feldzuges der Oesterreicher u. Russen wider die Türken», 3 Bde, Wien, 1788—89.

XVIII. Измайлъ 1790.

Колюбакинъ, «Суворовъ подъ Измаиломъ. (Характеристика С—а по опыту штурма Измаила 11 декабря 1790 г.)».—«Суворовъ въ сообщ. проф.», кн. I, стр. 172—196.—Мосоловъ, Записки отставнаго генераль-майора Сергея Ивановича Мосолова, «Р. Архивъ», 1905, I, стр. 138—140.—Орловъ, «Штурмъ Измаила С—а въ 1790», Спб., 1820.—Петровъ, «Вторая турецкая война», т. II, стр. 128—131; 172—189.—Письма Потемкина С—у и Екатеринѣ, «Р. Стар.», 1875, XIV, стр. 227, 230—231.—Письмо Потемкина Екатеринѣ, тамъ же, 1876, т. XVII, 642—643.—Письмо Ек. II Циммерману, тамъ же, 1887, т. 35, стр. 3 2—313.—Разсказы А. И. Ермолова, тамъ же, 1896, октябрь, 102.—Цицановъ, кн. II, «Бесѣда трехъ россійскихъ солдатъ въ царствѣ мертвыхъ, служившихъ въ трехъ разныхъ войнахъ противъ турокъ», Спб., 1790. (Въ извлечении: «Р. Стар.», 1875, XIV, стр. 231—240).—Brückner, A., «Die Einnahme von Ismail im Jahre 1790. Ein Beitrag zur Geschichte des russ.-türk. Krieges. 1787—91», «Baltische Monatsschrift», 1871, Bd. 20, 556—585.

XIX. Финляндія.

Глинка, С., «Суворовъ въ Финляндіи», «Русское Чтеніе», ч. II, Спб., 1845.—Петрушевскій, «Суворовъ въ Финляндіи 1791—1792», «В. Европы», 1883, № 10.—«Переписка С—а за 1791 г.», «Р. Старина», 1872, т. VI, стр. 411—426.—Письмо Екатерины Потемкину; тамъ же, 1876, т. XVII, стр. 649.—«Суворовъ въ Финляндіи. (Исторический разсказъ)», «Мирской Вестникъ», 1869, № 7, стр. 92—101.

XX. Третья Польская война.

Алексеевъ, М., «Суворовъ и два Собѣта: Петербургскій 1794 года и Вѣнскій 1799», «Суворовъ въ сообщ. проф.», ч. I, стр. 135—153.—«Выдержки пзъ замѣтокъ Брусилова С. въ Петербургѣ по взятию Варшавы», «Р. Стар.», 1893, т. 80, стр. 415—416.—Вышеславцевъ, «Суворовскій иконостасъ», тамъ же,

1900, май, 339—340.—Гейкингъ, «Воспоминанія сенатора барона Карла Гейкинга», «Р. Старина», 1897, декабрь, 603.—Гейманъ, «Падение Польши и С.», «Суворовъ въ сообщеніяхъ професс. Никол. Ак.», т. I, стр. 118—153.—«Записки о нынѣшнемъ возмущеніи Польши», Спб., 1792.—К. В., «Клеветою меньше. (О приказѣ С—ва о взятии Праги)», «Соврем. Литопись», 1868, № 18.—Кишинскій, «Записки башмачника Ява Кишинскаго о варшавскихъ событияхъ 1794 г. и о своей неволѣ», «Р. Старина», 1895, февраль, 92—120; мартъ, 115—146.—«Корреспонденція С—а въ походѣ 1794 г.», «Суворовскій Сборникъ», Варш., 1900, стр. 203—261.—Костомаровъ, «Послѣдніе годы рѣчи Постолитой», т. II.—Левенштейнъ, «Записки», «Р. Стар.», 1900, августъ, 275—277; сентябрь, 486—491.—Марковъ, «Исторія кониць», ч. IV, отд. I, Тверь, 1890.—Масловский, Д., «Записки», вып. 2, ч. 2.—«Похождения или исторія жизни Ивана Мигрина, черноморского казака», «Р. Старина», 1878, т. 23, стр. 15—17.—Михайловъ, «Штурмъ Праги въ 1794 г.», М., 1835.—«Очерки, исторические и бытовые, Западной Старины. Дневникъ Краковскаго восстания въ 1794 г.», «Р. Старина», 1906, январь, 174—188.—Понятовскій, «Воспоминанія князя Станислава Понятовскаго», ib., 1898, сентябрь, 577—578.—Письмо С—а Державину по поводу взятия Варшавы, ib., 1890, т. 66, стр. 135—136.—Орловъ, «Штурмъ Праги С—ъ», Спб., 1894.—Суворовъ въ Варшавѣ (Историческая справка). Сообщиль Б. Лугановскій, «Р. Старина», 1902, юль, стр. 128.—Харкевичъ, «Розыски на Суворовскихъ поляхъ сраженій», «Варш. Воен. Журналъ», 1902, № 2, стр. 116—119; № 3, стр. 226—231.—«Суворовскій Сборникъ», Варшава, 1900.—Пѣшковскій, «Послѣднія судьбы Польши», «Р. Архивъ», 1904, III, 305—309.—Шмидтъ, «Гуго Колонтаи и его послѣдователи», Львовъ, 1873.—Штурмъ Праги 24 октября 1794 г., Москва, 1835.—«Военный Журналъ», 1811, ч. XII.—«Beitrag zur Geschichte der Polnischen Revolution und des Dombrowskischen Feldzuges», s. l. 1796.—«Beiträge zur Geschichte der polnischen Revolution i. J. 1794», Frankfurt & Leipzig, 1796.—Beiträge, wichtige, und Aktenstücke zur Geschichte des Aufstandes in Polen 1794, Leipzig, 1831.—de Couronnel, A., «Considerations historiques sur la chute de la Pologne», Paris, 1862.—Dabrowski, «Wyprawa do wielkiej Polski w roku 1794, tudzież wyjatek z autobiografi zego, wyd prez E. Raczyńskiego», Poznań, 1839.—Dabrowski, «Feldzug nach Grosspolen. Beitrag zur Gesch. der Polnischen Revolution 1794, von ihm selbst beschrieben. Aus der polnischen Bearbeitung von Ed. Raczyński, übersetzt durch v. Eckert I», Berlin, 1845.—De Favrat, «Mémoires pour servir à l'histoire de Pologne. 1794—96», Berlin, 1799.—«Finis Poloniae», Leipzig, 1855.—Gasianowski, «Pamiętniki z roku 1793—94», Lwow, 1860.—«Geschichte der polnischen Revolution», Leipzig, 1796.—Hermann, «Diplomat. Correspondenzen a. d. Revolutionszeit. 1791—1797. Beiträge zur Geschichte der osteuropäischen Staaten während der ersten Koalition», Gotha, 1867.—Kaiser, A., «Geschichte der Polnischen Revolution. 1794»,

Leipzig, 1832. — v. Klinkowstroem, «Berechtigung einiger Angaben in des Grafen von Schwerin Darstellung», Berlin, 1799. — Liske, «Zur Geschichte der letzten Jahre der Republik Polen», Historische Zeitschrift, 21. Band.—Mehée, Histoire de la prétendue revolution de Pologne, Paris, 1792.—Mémoires sur la revolution de Pologne trouvés à Berlin, Paris, 1806; idem, Leipzig, 1807. — «O polskim naczelniku Kościuszcego Raclawickim bitwie dnia 4 Kwietnia 1794», Leipzig, 1861; idem, Berlin, 1862.—Ostrowski, «Le Massacre de Praga le 4 Nov. 1794», Paris, 1869. — Pamietniki ksiendza Kitowicia, t. II, 1845.—Pamietniki z osmnastego wieku, tom. II, Poznań, 1861.—«Polen zur Zeit der 2 letzten Theilungen dieses Reiches, hist., stat. u. geogr. beschrieben», s. I. 1807. — «Polens Untergang», Breslau, s. a. — «Polnische Konföderirten in Curland», Altona, 1795. — Der Polnische Insurrectionskrieg i. J. 1794. Von einem Augenzeugen, Berlin, 1796.—v. Schwerin, «Wahre Darstellung der Veralasung, auf welche ich nach 43 Dienstjahren aus dem Kgl. Preuss. Militärdienste entlassen worden bin», Leipzig, 1795.—Seuma, «Nachrichten über die Vorfälle in Polen 1794», Leipzig, 1796.—Sirisa, «Polens Ende», Warschau, 1797.—Treskow, «Der Feldzug der Preussen. 1794», Berlin, 1837. — (Woyda), «Versuch einer Geschichte der letzten polnischen Revolution im J. 1794», 2 Bde, s. I. 1794.—(Zayonczek), Histoire de la revolution de Pologne en 1794, Paris, 1797. — Kurjer Warszawski, 1851, № 205—206.

XXI. Херсонъ и Тульчинъ.

Бильбасовъ, «Адрианъ Грибовскій», «Р. Старина», 1892, январь, стр. 33. — «Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ», «Р. Стар.», 1876, т. XVII, 445.—Негрекуль, «О пребывании графа С—а, Рымникского въ Херсонѣ», «Одесск. Вѣстн.», 1855, № 125.

XXII. 1796—1798 Тульчинъ—Кончанское.

«Всеподданѣйший рапорт генерала отъ инф. Архарова о прибытии С—а въ Боровицкую вотчину», «Р. Стар.», 1903, т. 122, апрѣль, стр. 217.—Гейкингъ, «Императоръ Павелъ и его время. Записки барона Гейкинга», «Р. Старина», 1887, т. 56.—«Секретная инструкція отправленію по Высочайшему повелѣнію въ Боровиц кол. ассесору В. Николаеву для надзранія за С—ъ», Чтенія И. Общ. И. Др. Рос., 1862, кн. IV, отд. V, стр. 199—201. — Лебедевъ, П. С., «Преобразователи русской арміи въ царствование Императора Павла Петровича 1796—1801», «Р. Старина», 1877, т. XVIII, стр. 237—260.—Мартыновъ, «Суворовъ въ ссылкѣ», Истор. Вѣстн., 1884, т. 18, окт., стр. 144.—Мокалійский, «Пребываніе С—а въ с. Кончанскоемъ. (Нѣкоторые разсказы о мѣстного старожила)», «Ист. Вѣстн.», 1886, т. 26, ноябрь, 408.—Выписки изъ тетрадей инженера Нордштейна», «Р. Архивъ», 1903, III, 269.—Письма и записки Императора Павла С—у, Митусову, Розенбергу, Буксгевдену, «Р. Старина», 1873, т. VII, 490; 1882, т. 33, стр. 446, 443; 1900, янв., стр. 125.—Переписка обѣ отдачѣ дома и назначеніи ценсіи графинѣ С—ой-Рымникской», Чтенія М. О. Ист. Др. Рос., 1862, кн. IV,

отд. V, стр. 204—206. — Петрушевскій, А., «Князь Суворовъ въ опалѣ», «Вѣстн. Евр.», 1884, № 7.—«Переписка П. Шанпра съ А. Куракинымъ», «Р. Стар.», 1874, т. X, стр. 331—364.—«Петербургская старина. Выписки изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», «Р. Стар.», 1874, т. XI.—«Кѣ біографії князя А. В. С—а, Сообщ. А. Безродной», «Р. Стар.», 1898, авг., 401—409.—«Собственноручная записка А. В. С—а о прусскихъ порядкахъ въ войскахъ», «Р. Старина», 1900, стр. 124.—Шильдеръ, Императоръ Павелъ I, его жизнь и царствование.—Шумпгорскій, «Императоръ Павелъ. Жизнь и царствование», Спб., 1907.—Хмыровъ, «Послѣднее четырехлѣтіе жизни С—а», «Р. Архивъ», 1871, № 9, стр. 1446—1486.

XXIII. 1799 г. Италіанскій походъ.

«Бурбоны въ изгнаніи и въ Варшавѣ», «Р. Старина», 1900, январь, 242.—«Суворовъ проѣздомъ черезъ Митаву, 2 аපекдата, сообщ. Александромъ Бѣлаго», тамъ же, 1873, т. VII, 263.—Алексѣевъ, «Суворовъ и два Совета», («Суворовъ въ сообщ. профессоровъ», ч. 1, стр. 154—191). Баскаковъ, «Страженіе и тактика С—а въ Италіанскомъ походѣ» (тамъ же).—Борисовъ, «Суворовъ передъ судомъ Наполеона», «Варш. Воен. Журн.», 1900, V.—Бутурлинъ, Д. П., «Италіанскій походъ С—а въ 1799», «Сынъ Отечества», 1821, ч. 69, 70, 72 и 74.—Вульпіусъ, «С. и казаки въ Италии», 1802.—«Выписки изъ поденныхъ при дворовыхъ записокъ 1796—1801», «Р. Старина», 1886, т. 50, стр. 352—353.—Глинка, «Краткое обозрѣніе военной жизни и подвиговъ гр. Милорадовича», Спб., 1818.—Денисовъ, «Записки донскаго атамана Денисова», «Р. Старина», 1875, т. X—XI.—Елчаниновъ, «А. Суворовъ въ Италии и Швейцаріи въ 1799 г.», «Р. Изв. 1908, № 272, 273.—Зуевъ, «Суворовъ въ 1799 г.», Спб., 1900.—«Константина Навловичъ, Цесаревичъ», «Р. Старина», 1877, т. XIX, 366—379.—Комаровскій, гр., «Записки», «Воен. Журн.», 1810, кн. 2.—Милютинъ, «Исторія кампаніи 1799 г.»—Орловъ, «Суворовъ. Разборъ военныхъ дѣйствій въ Италии въ 1799 году», Спб., 1892.—Орловъ, «Суворовъ на Треббі», Спб., 1895.—Орловъ, «Походъ 1799 г. по запискамъ Грязева», Спб., 1898.—«Петербургская Старина», «Р. Старина», 1885, т. 47, стр. 338, 341; 1884, т. 41, стр. 364, 366, 368, 369, 624, 625; т. 44, стр. 626—629, 632.—«Письмо С—а графу А. Разумовскому», ib., 1900 г., май, 325—326.—«Письма С—а С. Колышеву», ib., 1900, май, 315—322.—Рудыновскій, «Дроzdь-Бояничевскій 1799 г.», ib., 1873, т. VIII, стр. 230—231.—Руничъ, «Изъ записокъ Руничча. Переводъ В. Тимошукъ», ib., 1901, февраль, 329.—«Суворовъ и его походы въ Италии и Швейцаріи», Спб., 1873;—«Суворовъ въ Вѣнѣ», «Варш. Воен. Журн.», 1900, май.—Толь, К. Ф. графъ, «Изъ записокъ», III, 1799.—«Походъ въ Италию», «Р. Извѣл.», 1858, № 232.—Тургеневъ, А. М., «Записки», «Р. Старина», 1886, т. 49, стр. 41—43.—«Высочайший указъ, данный Сенату о пожалованіи С—у княжескаго достоинства», ib., 1873, т. VII, стр. 624.—Фуксъ, «Исторія россійско-австрійской кампаніи 1799 г.», 3 тома, Спб., 1825—26.—Фуксъ, «Суворовъ и

Тугутъ. Сообщ. С. П. Шиповымъ, «Чтения въ Ил. Общ. Ист. Др. Р.», 1847, кн. 9, IV, 1—14.—Фуксъ, «Прибытие гр. С-а Рымникского въ Италию», «Воен. Журн.», 1817, № 7.—«Bemerkungen über die Beschaffenheit der russischen Armeen und die merkwürdigsten Vorfälle in dem Feldzuge von 1799» (Hüffer, «Quellen», I, ср. 71—108).—Bianchi, «Storia della monarchia Piemontese», Torino, 1879, III.—Botta, «Storia d'Italia dal 1789 al 1814», t. III—IV, Firenze 1824, Pisa 1824; франц. издание: Paris, 1824 и др.—«Campagne des austro-russes en Italie en 1799», Leipzig, 1801.—«Campagne des austro-russes en Italiens sous les ordres du maréchal de Suworow», Paris, 1802.—Cantù, «Histoire de Cent-Ans», t. II.—v. Clausewitz, K., «Die Feldzüge von 1799 in Italien und in der Schweiz. Hinterlassenes Werk», Berlin, 1834.—Costa de Beauregard, «Un homme d'autrefois», Paris, 1877.—«Cronaca d'Abloerti» (Verona).—Dumas, «Campagne de l'Archiduc Charles et de Souvorow-Ryminsky pendant l'année 1799», Hambourg, 1800.—Dumas, «Précis des événements militaires, ou essais historiques sur les campagnes de 1799 à 1814», t. I—II, Paris, 1816.—Ferrari, G., «I Francesi in Lombardia», Milano, 1799.—Gachot, E., «Les campagnes de 1799. Souvorov en Italie», Paris, 1903.—«Geschichte der Kriege in Europa, seit dem Jahre 1792 als Folgen der Staatsveränderung in Frankreich unter König Ludwig XVI. Ed. V, Leipzig, 1832.—Gioja, M., «I Francesi, i Tedeschi, i Russi in Lombardia», Milano, 1805.—Gouyon Saint-Cyr, «Mémoires pour servir à l'histoire militaire sous le directoire le Consulat et l'Empire», Paris, 1831.—Hüffer, «Feldzug von 1799». Leipzig.—Hüffer, «Quellen zur Geschichte der Kriege von 1799 und 1800», 1. Band, Leipzig, 1900.—Hugo A., «France militaire», vol. III, Paris, 1836.—Jomini, «Histoire critique et militaire des guerres de la révolution», vol. XI et XII, Paris, 1824.—Jubé et Servan, J., «Histoire de guerres des Gaulois et des Français en Italie», vol. V, Paris, 1805.—v. Kausler und Wörl, «Die Kriege von 1792 bis 1815 in Europa», Karlsruhe und Freiburg, 2 Bde, 1840—1842.—Lambroso, A., «Miscellanea Napoleonica», II, Roma, 1896.—Macdonald, «Mémoires», Paris, 1892.—«Mémoires historiques», № 48, Bulletin de Floreal.—Picard, «Bonaparte et Moreau», Paris, 1905.—«Raccolta di leggi e proclami emanati nella Lombardia durante l'occupazione Austro-Russa», Milano, 1800, 2 vol.—«Raccolta dei manifesti e provvidenze emanate per gli stati di S. M.-il Re di Sardegna, dall'ingresso dell'armata Austro-Russa in Piemonte», Torino, 1799—1800, 9 vol.—Ritchie, «Mémoires politiques et militaires sur les principaux événements arrivés depuis la conclusion du traité de Campoformio jusqu'à celle du traité d'Amiens», Paris, 1804.—Rossi, «Storia di Piacenza».—Scherer, «Précis des opérations militaires de l'armée d'Italie, depuis le 21 ventôze jusqu'au 7 floréal de l'an VII», Paris, An. VII (1799).—Schneidawind, Der Feldzug der Franzosen gegen Verbündeten in Italien in den Jahren 1793 und 1799, Darmstadt, 1836, 3 Bändchen.—Schutz, «Geschichte der Kriege in Europa seit dem Jahre 1792», Leipzig—Berlin s. a.—v. Seida und Landsberg, «Politisch-militärische Geschichte des merkwürdigen Feldzuges

1799, mit besonderer Rücksicht auf die Armee des Erzherzogs Carl», Ulm, 1800.—«Storia dell'anno 1799 divisa in V libri», Amburgo, 3 vol.—«Storia politico-militare dell'attual guerra contra la Francia, corredata dai rapporti ufficiali pubblicati dalla corte di Vienna, scritta da un Ufficiale ingegnere Austriaco», 6 vol., Venezia, 1799.—«Storia della campagna fatta in Italia da principe Suworov unitamente a Melas, Kray, Froeliche Klenau», Firenze, 1800.—Stutterheim, «Feldzug vom Jahr 1799 in Italien», Oester. Milit. Zeitschr., 1812, idem, «Neue Militärische Zeitschrift», 1812.—Tatischeff, «Paul I et Bonaparte», «Nouvelle Revue», 15 nov., 15 déc. 1887.—Thiers, «Histoire de la révolution française», Paris, 1823—27.—Tiesenhausen, «Suworows Zug in Italien und der Schweiz», «Archiv des histor. Vereins des Kanton Bern», 7. Band, 3 Heft.—Tuetey, «Un général de l'armée d'Italie» (Серюрье), Paris, 1899.—«Vertr. uliche Briefe von Thugut. Von Dr. A. von Vivenot», Wien, 1872.—«Victoires et conquêtes des Français», vol. XVI.—Vulpuis, «Suworow und die Kosaken, nebst einer kurzen Leben- und Thatenbeschreibung. Eine Charakteristik und Anekdoten aus dem Leben Suworows», Rudolstadt, 1800.—Winkelmann, «Suworow's Feldzug in Italien und der Schweiz», «Baltische Monatsschrift», 1866, Bd. 13, 242—259.—v. Zeissberg, «Quellen zur Geschichte der deutschen Kaiserpolitik Österreichs», Wien, 1873.

XXII. Швейцарский поход и возобновление Рoccии.

Фон дер Бринкен, «Швейцарский поход С-а (въ 1799). Сообщение: («Военные бесѣды, исполненные въ Гельсингфорскомъ военномъ собрании въ 1900—1901 г.», вып. 2). Гельсингфорсъ, 1902.—«Встрѣча съ С-омъ въ 1799 г. въ Прагѣ. (Изъ «Записокъ барона Г. М. Армфельдта»), перевѣль съ шведскаго и сообщилъ Г. Ф. Сюннербергъ, «Р. Старина», 1893. т. 76, стр. 695—700.—Державинъ, «Переходъ въ Швейцарія черезъ Альпийскія горы российскихъ войскъ, подъ предводительствомъ генералиссимуса 1799», Спб., 1800.—Маляренко, «Швейцарская кампания С-а въ 1799», Харьковъ, 1902.—Мышлаевскій, «Дѣяния катастрофы» («С. въ сообщ. профессоровъ», кн. I, 50—84).—Милютинъ, «Исторія кампаніи 1799 г.», Орловъ, «Памятники Швейцарского похода С-а», «Развѣдчики», 1904, № 719, стр. 787—789.—«Свиданіе С-а съ Корсаковымъ». Сообщ. К. Высоковатовъ, «Р. Старина», т. XV, 1876, стр. 214—215.—Стремоуховъ, «По пути С-а въ Швейцарію», «Истор. Вѣсти.», 1899, № 1.—Редигъ Бѣбергъ, «Походъ С-а чрезъ Швейцарію. Переводъ Е. Мартынова», Спб. 1901. (Idem. Вѣсти. Иностр. воен. літ.», 1902).—Тол., К. Ф., «Суворовъ въ Италии и Швейцаріи. II.—Походъ чрезъ Швейцарію», «Воен. Журн.», 1859, ч. IV, кн. I, стр. 60—131.—Шакабентъ, «Воспоминанія изъ времена Отечественной войны 1812 года и перехода русскихъ войскъ чрезъ Альпы подъ нач. С-а», Спб., 1856.—Янжуль, И. «Суворовскій мостъ (чрезъ р. Муту)», «Р. Старина», 1906, январь, 129.—«Allgemeine Schweizerische Militärzeitung», Basel, 1872, № 49, 50.—«Anzeiger für Schweizer-Geschichte», 1900, № 2,

Bern.—Bousson de Mairet, «Eloge historique du lieutenant general Lecourbe», Paris, 1854.—v. Bülow, «Der Zug Suworow's durch die Schweiz im J. 1799», «Die Grenzboten», 1876, № 10—11.—«Correspondence of the B. H. William Wickham from the year 1794, edited by his Grandson W. Wickham», 2 vol., London, 1870.—Ebel, «Anleitung die Schweiz zu bereisen», Zürich, 1804.—«Life and letters of Sir Gilbert Elliot, first Earl of Minto», London, 1874, II.—Gunter, «Der Feldzug der Division Lecourbe», Frauenfeld, 1896.—Hartmann, O. «Der Anteil der Russen an dem Zeitalter der Französischen Revolution», Berlin, 1884.—Marès, «Précis historique de la compagnie du général Massena dans les Grisons et en Helvetie», Paris, An. VII. (1799).—v. Haller, «Geschichte der Wirkungen und Folgen des öesterreichischen Feldzuges in der Schweiz», 1801.—(Karl, Erzherzog), «Geschichte des Feldzuges von 1799 in Deutschland und der Schweiz», Wien, 1819 (франц. пер. Vienne, 1820).—Jahrbuch des histor. Vereins des Kanton Glarus, 6. Heft, von Dr. Heer, Glarus. 1870.—Lusser, «Leiden und Schicksale der Urner. 1798—1802», Altorf, 1845.—Massena, «Mémoires», vol. III, Paris, 1848.—«Mémoires de Provéra, colonel bernois ou service de la coalition», t. II.—Meyer, «Biographie des Generals Hotze», Zürich, 1853.—Müller, «Briefwechsel der Brüder Georg Müller und Johannes v. Müller 1789—1809; herausgegeben von Eduard Haag», Frauenfeld, 1891.—Philebert, «Le général Lecourbe, d'après les archives, sa correspondance et autres documents», Paris, 1895.—Rodding-Biberegg, «Der Zug Suworows durch die Schweiz», Id.: «Geschichtsfreund». Bd. 50.—Reise eines Ungekannten durch Deutschland und die Schweiz 1799 bis 1801, Breslau, 1892.—de Revet, «Guerre des Alpes».—Rochette, «Geschichte der helvetischen Revolution 1797—1803», Stuttgart, 1824.—Rochette, «Histoire de la revolution helvétique de 1797 à 1803», Paris, 1823.—de Roverea, «Mémoires», tome II, Paris, 1848.—Schneidawind, «Der Feldzug der Franzosen gegen die Verbündeten in der Schweiz und Deutschland. 1799», Darmstadt, 1841—42, 4 Bändchen.—«Schweizer Alpen-Zeitung», Zürich, 1893, № 6 и 7.—«Tagebuch der helvetischen Republik», 2 Bde, Zürich, 1799.—Wieland, C., «Die kriegerischen Ereignisse in der Schweiz 1798 u. 1799», Basel, 1870—71.—Schokke, «Die Schweiz», Carlsruhe, 1881.—Neue milit. Blätter», Berlin, 1889, № 1—3.

XXIV Статьи общего содержания, характеристики, заметки и пр.

«О похоронах С.-а» (письма Хвостова и др. лицъ), «Р. Старина», 1900, май, 331—36.—«Камеръ-Фурьерские журналы», 1785—1800.—«Из записокъ Д. И. Руничка», «Р. Старина», 1901, февраль, 342—343.—«Письмо барона Розена кн. Горчакову изъ Кобриня» (о болезни С.-а), ib., 1900, май, 329—330.—«Приказъ бар. Розена дворецкому Никифорову, 20 февр. 1800», ib., 1900, май, 330.—«Письмо Д. Давыдова Н. М. Языкову» (о смерти С.-а), ib., 1884, т. 43, стр. 147—148.—«Медали въ честь русскихъ дѣятелей, собралъ и издалъ Ю. Б. Іверсенъ; 1878—83», см. статью Божерянова, «Р. Стар.», 1884, т. 42, стр. 619—620.—«Разсказы Е. Н. Львовой», ib., 1880, т. 28, стр. 341.—«Изъ записокъ французского эмигранта, маркиза Марсианъяка (отзыль о С.-ѣ), сообщ. М. Богдановичъ», ib., 1879, т. 25, стр. 399.—«Записки профессора академика Тьюбо», ib., 1878, т. 23, стр. 484—490.—«Историческая пѣсня о С.-ѣ», ib., 1873, т. VIII, 819.—«Архивъ кн. Италийскаго», ib., 1872, т. VI, 406—408.—Д. Давыдовъ, «Записки о польской войне 1831 г.», ib., 1872, т. VI.—«Загробныя записки кн. П. С. Голицына», «Р. Архивъ», 1905, III, 577.—«Дневникъ И. М. Стегирева», ib., 1902, II, стр. 415.—«Изъ записокъ И. И. фонъ-Гоце ib., 1902, III, 69.—А. И., «Замѣтки о портретахъ С.-а и альбомъ Аントинга», ib., 1899, II, стр. 133—136.—«Рекспринтъ графу С. Вязитинову 23 сент. 1818 г.» (о постановкѣ памятника С.-у), «Р. Старина», 1901, октябрь, 136.—«Бракъ С.-а» (письма), ib., 1876, т. XV, стр. 450—451.—Шубинскій, С., «Жена Суворова», «Ист. Вѣстникъ», 1897, т. 68, стр. 7—82.—Михневичъ, Вл., «Изъ пропласти», ib., 1897, т. 68, стр. 356—357.—Записки гр. Комаровскаго, ib., 1897, т. LXIX.—Дѣяния старинныхъ певцовъ о подвигахъ Суворова», «Р. Старина», 1900, май, 341—344.—Бюхельбекъ, «Дневники поселенца», ib., 1891, октябрь, стр. 97.—Михайловскій-Данилевскій, «Къ столѣтію со дnia рожденія С.-а», ib., 1891, т. 71, стр. 519.—«Графъ Д. И. Хвостовъ», ib., 1892, т. 74, стр. 573—576.—«Изъ историческихъ записокъ Иоанна Альберта Эренстрема», ib., 1893, юль.—«Высочайший приказъ 17 августа 1826 о наименованіи Фанагорійскаго полка—гроцадорскимъ генерал-майоромъ С.-а полкомъ», ib., 1893, т. 78, стр. 217.—Лебедовъ, «Князь П. Д. Цициановъ», ib., 1890, т. 66, стр. 143—144.—Шильдеръ, «Россия въ отношеніяхъ къ Европѣ», ib., 1888, т. 57, стр. 273—274.—«Изъ воспоминаній Михайлова-Данилевскаго», ib., 1899, декабрь, 550—552, 561—566.—«Записки адмирала Чичагова», ib., 1880, т. 51, стр. 248, 257—58.—«Камердинъ генер.-фельдмаршала кн. А. В. С.-а», ib., 1888, т. 59, стр. 412.—«Записки М. А. Фонвизина», ib., 1884, т. 42, стр. 60.—Иващенко, «Изъ записокъ о С.-ѣ», «Отеч. Записки», 1841, т. XIV, стр. 1—5.—«О наименованіи С.-а титуломъ свѣтлости», «Р. Стар.», 1901, юль, стр. 30; idem: «Р. Стар.», 1892, т. 74, стр. 544.—«Библиографическая записка», I, 1858, стр. 196.—«Мое посвѣщеніе фельдмаршала кн. С.-а Римскаго. Изъ путевыхъ записокъ графа Долягарди», «Р. Старина», 1876, т. 17, стр. 832—834.—Характеристика А. В. С.-а, пмъ самимъ едѣланіемъ. Сообщ. М. Щербанинъ, ib., 1875, т. XIII, стр. 150.—«Эпитафія С.-у, сочиненіемъ А. С. Шишковымъ», ib., 1871, т. IV, стр. 415—416, 588—590.—«Исторія о свѣтлости князя С.-а» (Записки Хвостова), ib., 1900, май, 336—337.—Голицынъ, кн., «Но-слѣдій Суворовскій отголосокъ (Рассказъ о встрѣчѣ съ С.-ѣ)», «Русский Вѣстникъ», 1861, № 14.—Сулоцкій, «Дѣяния замѣчательныя иконы въ Омске», «Тобольск. Губ. Вѣд.», 1859, № 2.—«Олонецкія воспоминанія. IV. Суворовъ въ Петрозаводскѣ», «Памятн. книга Олонецкой губ. на 1858 г.».—«Замѣтка объ А. С. Хвостовѣ и разсказы его о С.-ѣ», «Атенеи», 1858, ч.

III, № 20, стр. 278—279.—Л. П., «Неизданныя письма Потемкина и анекдоты о С.—ѣ», «Р. Изв.», 1857, № 38.—«Село Сараево Суворовыхъ. Ист. изслѣдованіе», «Костром. Губ. Вѣд.», ч. неоф., № 33, 1857.—«Письмо изъ Кончанскаго 22 августа 1856 г.», «Р. Изв.», 1856, № 229.—«Вѣд. Город. Моск. Пол.», № 235.—«Новгородск. Губ. Вѣд.», 1856, № 43.—Астафьевъ, «Воспоминанія о С.—ѣ. Рѣчь, произнесенная въ церкви села Кончанскаго», «Воен. Журналъ», 1856, т. IV, отд. II, стр. 49—80.—«Отрывокъ изъ исторіи С.—а», ib., 1817, № 1.—Цуриковъ, «Дѣдушка С.; стихотвореніе. Сообщ. архим. Леонидъ», «Чтѣнія Общ. Ист. Др. Рос.», 1876, кн. 4, IV, 262—264.—«Новые анекдоты батюшки великаго С.—а. Собр. В. Потаповъ», М., 1846.—«Современникъ», 1846, т. 42, стр. 356—357.—Д. А., «Суворовъ въ чешскомъ городѣ Высокое Мыто», «Соврем. Лѣтопись», 1866, № 5.—«Задушевное слово о памятнику С.—а», «Домашняя Бесѣда», 1874, № 51, стр. 1381.—Чумиковъ, А., «Фельдмаршалъ С. въ Прагѣ 1800», «Р. Старина», 1876, т. 17, № 12, стр. 832—34.—«Письмо графа С.—а къ бакалавру Кострову, которымъ въ стихахъ отвѣчаетъ изъ Варшавы на присланную къ нему эпистолу 3 апреля 1795», «Астраханскій Справ. Листокъ», 1868, № 98.—Мордовцевъ, Д., «С. въ народной поэзіи», «Древняя и Новая Россія», 1876, т. I, № 2, стр. 174—181.—«Анекдотъ о С.—ѣ», «Домашняя Бесѣда», 1875, № 1, стр. 48.—«Эпиграфія С.—у 1800 г. Сообщилъ Пупаревъ», «Р. Старина», 1871, т. IV, № 10, стр. 415—416.—*, «Народныя и военные пѣсни про С.—а», «Грамотѣй», 1873, № 1, стр. 64—70.—«Suvorov und seine Kammerdiener», «Slavische Blätter», 1866, № 4.—Д. I., Павлюполь Суворова (с. Кончанско), «Иллюстрпр. Газета», 1871, т. 28, № 47.—Шишковъ, Стихи для начертанія на гробницѣ С.—а, «Р. Стар.», 1871, т. IV, № 11, стр. 588—590.—«Aus dem Leben Suworof», «Sonntagsblatt», 1870, № 23—25.—«Послѣдніе дни Великаго С.—а», «Домашняя Бесѣда», 1876, № 2.—«Суворовскій Прошка по кончины своего барина», «Р. Арх.», 1901, II, 184—186.—«Письмо И. Снегирева кн. А. А. С.—у (о могилѣ родителей С.—а), «Старина Русской Земли», Йовановскаго, 1871.—«Записка кн. Г. А. Потемкина къ графу А. В. С.—у», «Р. Архивъ», 1886, I, 308.—Соколовъ, Сергій, «Русский богатырь. Народная легенда о С.—ѣ», «Воен. Морск. Арх.», 1905, № 439.—«Дневникъ А. В. Храповицкаго съ 18 января 1782 по 17 сент. 1793», М. 1901.—«Stratagemes militaires et russes de guerre», Paris, 1826, стр. 19, 72, 215, 440.—«Записки А. М. Грибовскаго», «Р. Архивъ», 1899, т. I, стр. 18, 34.—Coks, «Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark», изд. 5, 1802.—Р. Старина, 1882, т. 33, стр. 448.—Разговоры въ царствѣ мертвыхъ: С.—а съ Харономъ, Фридриха Великаго съ Кейтомъ и Швериномъ, Петра Великаго съ Фридрихомъ В. и С.—ѣ», М., 1807.—«Духъ великаго С.—а. Россійское сочиненіе В. С.», Спб., 1808.—Наука побѣждать С.—а, изд. Автоновскаго, Спб., 1809.—«Разговоры въ царствѣ мертвыхъ между С.—ѣ, Багратиономъ, кн. Кутузовымъ и митрополитомъ Платономъ», Спб., 1814.—«Новое собрание русскихъ анекдотовъ, изданныхъ

С. Глинкою», М., 1829.—Вернетъ, Н., «Мои бездѣлицы», М., 1840.—Глинка, С., «Русское чтеніе», Спб., 1845, 2 тома.—Ambert, «Gens de Sengge, portraits», Paris, 1863.—«Сборникъ боевыхъ наставлений и приказовъ», издание Военно-Учебнаго Комитета, вып. I.—«Суворовъ», 3-е изд., Спб., 1868.—«Сборникъ статей Драгомирова», 2 ч., Спб., 1881.—Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», Спб., 1889.—«Воспоминанія Суворовскаго солдата. Д. Масловскаго», Спб., 1895.—Binder v. Krieglstein, «Geist und Stoff im Kriege», Wien, 1896.—«В. Сборн.», 1898, № 3 и 4: статья Агап'ева.—«Австро-скій писатель о русскомъ полководцѣ: 18-ый вѣкъ въ русскихъ историческихъ пѣсняхъ. Безсонова», М. 1872, вып. 8.—Аничковъ, «Орлиное гнѣздо», Спб., 1898.—Осташевичъ, «Суворовъ и его отношенія къ Фанагорійскому полку», Ярославль, 1900.—Шевляковъ и Щеголовъ, «Суворовъ въ анекдотахъ», Спб., 1900.—Рудаковъ, «Суворовъ въ анекдотахъ и рассказахъ современниковъ», Спб., 1900.—«Армейскіе вопросы», № 6, Иркутскъ, 1900.—«Суворовъ въ словѣ паstryрѣ церкви», Спб., 1900.—«Генералиссимусъ кн. Суворовъ, духовно-нравственная характеристика», Спб., 1900.—Мышлаевскій, «Объ истории и Суворовъ», «Р. Изв.», 1900, № 234.—Петровъ, «Суворовъ въ народной поэзіи», Спб., 1900.—Алексеевъ, «Суворовъ-поэтъ», Спб., 1901.—Зѣнченко, «Характеристика С.—а какъ полководца», Спб., 1902.—Архивъ графовъ Мордвиновыхъ», Спб., т. 1—3, 1901—1902.—Васильчиковъ, «Семейство Разумовскихъ», Спб., 188.—«Записки Порошина», прилож. къ «Р. Старинѣ», 1882.—«Р. Ивалидъ», 1856, № № 275, 276; 1899, № № 204, 210, 215, 227, 237, 266, 267; 1900, № 29.—Язвицкій, «Историческое похвальное слово С.—у», Спб., 1810.—«Музей С.—а», «Истор. Вѣстн.», 1899, т. 75, февр., стр. 762; 1900 г., т. 81, стр. 1137 (сент.).—«Памятники С.—у въ Ненецкой губерніи», 1903 г., т. 93, юль, стр. 38.—«Суворовские памятники», «Истор. Вѣстн.», 1903, т. 91, янв., стр. 380.—«Два письма С.—а Румянцеву. Сообщ. Есиповъ», «Истор. Вѣстн.», 1881, т. 5 авг., 393.—«Характеристика С.—а. (Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ графа Ф. Г. Головкина)», «Истор. Вѣстн.», 1900, т. 80, май, 525.—«Къ характеристику С.—а. Сообщ. П. Л. Юдинъ», «Истор. Вѣстн.», 1903, т. 94, стр. 194 (октябрь).—Шаховской, «Спаситель жизни С.—а», «Истор. Вѣстн.», 1900, т. 90, стр. 508 (май).—«Гдѣ жилъ С.—ѣ Варшавѣ?», «Истор. Вѣстн.», 1885, т. 61, сент., 815.—«Къ юбилею С.—а», «Истор. Вѣстн.», 1900, 79, янв., 421.—«Суворовскій юбилей», 76, т. 81, 1900, юль, стр. 333.—«Р. Изв.», 1827, № 10.

XXVI. Библиографія.

Петрушевскій, «Краткій очеркъ Суворовской литературы», Спб., 1903.—Полянскій, Хронологический указатель литературы о С.—ѣ. Памятная книжка Новгор. губ. на 1899.—Статья Апушкина въ «В. Сборнике», 1900 г.

С. Масловскій.

Суворовъ, Аркадій Александровичъ, графъ Рымникскій, единственный сынъ гене-

ралиссимуса Александра Васильевича Суворова, родился 4 августа 1784 г. Уже при Императорѣ Павлѣ онъ былъ пожалованъ въ генераль-адъютанты, сохранивъ это званіе и при Александрѣ I, а къ 30 годамъ былъ генераль-лейтенантомъ и командовалъ дивизіей. Складомъ своего ума, характеромъ и воинскими дарованіями онъ напоминалъ отца, къ тому же обладалъ его способностью привязывать къ себѣ солдатъ, его неустрашимостью и настойчивостью. Эти качества обѣщали въ молодомъ генералѣ выдающагося полководца, но его ранняя смерть не дала надеждамъ осуществиться: 13 апрѣля 1811 г. онъ утонулъ въ той самой рѣкѣ, на берегахъ которой его отецъ одержалъ одну изъ самыхъ блестящихъ своихъ побѣдъ—въ Рымнике; желая счасти своего утопавшаго кучера, онъ бросился въ буряную рѣчку, но повредилъ себѣ руку и не могъ выплыть. Отъ брака съ Елизаветой Александровной Нарышкиной имѣлъ двухъ сыновей — Константина (род. 10 ноября 1809 г., ум. 25 января 1878 г.), дослужившагося до чина полковника и бывшаго въ придворномъ званіи гофмайстера, и Александра (см. выше).

Кн. П. Долгоруковъ, «Русская родословная книга», ч. II, Спб., 1855 г., стр. 68, 67.—В. В. Руммель, и В. В. Голубцовъ, «Родословный сборникъ русского дворянства», ч. II, Спб., 1877 г., стр. 442—«Рижский Вѣстникъ», 1876 г., № 1.—«Rigaescher Almanach für 1859».—«Русская Старина», 1882 г., стр. 532.

Суворовъ, Василий Ивановичъ, генераль-аншефъ, отецъ генералиссимуса Александра Васильевича Суворова, сынъ генерального войскового писаря въ царствование Петра I, родился въ 1705 г. въ Москвѣ. Свѣдѣнія о его дѣтскихъ годахъ и первоначальной службѣ довольно скучны. Извѣстно, что онъ былъ крестникомъ Петра Великаго, а изъ документовъ, представленныхъ уже послѣ его смерти фельдмаршаломъ Александромъ Васильевичемъ въ московскую дворянскую опеку, видно, что онъ началъ службу въ должности денщика и переводчика у своего крестнаго отца. Приведеніемъ этихъ свѣдѣній обыкновенно и ограничиваются изслѣдователи о жизни С. въ этотъ ея періодъ. Однако нѣть сомнѣнія, что въ юношеские годы С. былъ заграницей, гдѣ изучалъ строительно-морское дѣло. Въ инструкціи къ тогдашнему агенту адмиралтейства по найму техниковъ, Конону Никитичу Зо-

тову, Петръ упоминаетъ о Василии С. въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Суворова отправить въ Марданъ, гдѣ новый каналъ дѣлаются, также и на тотъ каналъ, который изъ окіана въ Медитеранское море проводентъ, и въ прочія мѣста, гдѣ дѣлаются каналы, доки, гавани и старые почипываются и чистять; чтобы онъ могъ присмотрѣться къ машинамъ и прочему и могъ бы у тѣхъ фабрикъ учиться»... Когда возвратился С. въ Россію, остается неизвѣстнымъ, во всякомъ случаѣ раньше 1724 г., ибо въ этомъ году вышла въ свѣтъ переведенная имъ заграницей и привезенная оттуда книга «Истинный способъ укрѣпленія городовъ, изданіе славнаго инженера Вобана». Книга эта, кромѣ ея несомнѣнныхъ для своего времени достоинствъ, примѣтальна еще и въ томъ отношеніи, что по ней С. училъ своего знаменитаго сына. «Нокойный батюшка,—писалъ въ послѣдствіи генералиссимусъ,—перевѣль способъ Вобана съ французскаго на русскій языкъ и при сходнѣніи чтеніи и сравненіи съ оригиналомъ сего перевода изволилъ самъ мене руководствоватьсь къ познанію сей столь нужной и полезной науки».

По смерти Петра Великаго Императрицей Екатериной I С. былъ «вынушенъ лейбъ-гвардіи отъ бомбардиръ сержантомъ», вскорѣ производентъ къ прaporщики и назначенъ въ Преображенскій полкъ, въ которомъ дослужился до чина капитана гвардіи. При Аннѣ Ioannovнѣ С. состоялъ «въ полевыхъ войскахъ прокуроромъ» и въ этой должности былъ командированъ въ Сибирь для разслѣданія «иѣкоого важнѣшаго дѣла». Въ отдаленномъ Березовѣ въ это время томилось въ ссылкѣ семейство князей Долгорукихъ, въ томъ числѣ извѣстный фаворитъ и оберъ-камергеръ Императора Петра князь Иванъ Александровичъ, пострадавшій за свою приверженность къ низложенному Императору, и не менѣе извѣстная жена его, княгиня Наталья Борисовна, урожденная Шореметева. По доносу тобольского таможеннаго подьячаго Тишина на Долгорукаго было взведено обвиненіе «во вредительныхъ и злыхъ словахъ» объ Императрицѣ и вѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицахъ. С. въ качествѣ прокурора, по повелѣнію Анны Ioannovны, долженъ былъ принять участіе въ наряженной по этому поводу «строжайшей» экспедиціи. Послѣдняя, состоявшая подъ

начальствомъ капитана Сибирского гарнизона Ушакова, начала свои дознанія въ Тобольскѣ въ сентябрѣ 1738 г. По изслѣдованию бiографа кн. Долгорукаго, Д. А. Корсакова, свои разслѣдованія экспедиція открыла обычными допросами «съ пристрастиемъ» и «розыскомъ», т. е. пыткою. Дѣло велось такимъ образомъ, что Долгорукій, вначалѣ все отрицавшій, подъ конецъ, не будучи въ силахъ противостоять мученіямъ, не только призналъ то, въ чемъ его винили, но рассказалъ даже и такія вещи, о которыхъ его не спрашивали,—напр., о составленіи подложного завѣщанія отъ имени Петра II, о сдѣланной имъ, Долгоруковыми, подложной подъ этимъ завѣщаніемъ подписи и пр. 11 сентября 1738 г. Ушаковъ и С. предложили Долгорукову 16 вопросныхъ пунктовъ и, пытая дыбомъ, «правели его къ сознанію» во всѣхъ виненіяхъ. Дѣло разрослось, по вынужденіямъ у Долгорукова показаніямъ были привлечены къ дознанію еще около 50 человѣкъ и пр. Какова во всемъ этомъ характерномъ для своей эпохи дѣлѣ, въ «прострастіи» и пыткахъ была роль С. и въ какой мѣрѣ онъ былъ инициаторомъ жестокихъ прiемовъ—выяснить нѣтъ возможности. Вполнѣ вѣроятно, что главная роль во всемъ этомъ принадлежала Ушакову, какъ начальнiku экспедиціи, С. же былъ лишь невольнымъ свидѣтелемъ происходящаго; тѣмъ болѣе это вѣроятно, что лица, знаявшія его лично, отзываются о немъ какъ о человѣкѣ души доброй и мягкой. Съ другой стороны, полученный имъ изъ Петербурга по этому дѣлу инструкціи категорически требовали примѣненія самыхъ строгихъ мѣръ въ дознаніи; не выполнить ихъ—значило бы навлечь на себя немилость. Во всякомъ случаѣ, сибирская командинровка С. показываетъ, что въ это время онъ пользовался при Дворѣ особымъ вниманіемъ.

Въ Тобольскѣ С. пробылъ болѣе года. Возвратившись въ Петербургъ, онъ черезъ недолгое время, именно 2 февраля 1741 г., уже въ царствование Иоанна Антоновича, былъ уволенъ отъ должности войскового прокурора и съ чиномъ коллежскаго совѣтника опредѣленъ къ «гражданскимъ дѣламъ», но въ томъ же году повышенъ въ рангъ полковничій и назначенъ вновь прокуроромъ генераль-бергъ-директорiума, или бергъ-коллегіи. Объ этомъ periodѣ дѣятельности С., продолжавшемся десять лѣтъ,

сохранились свѣдѣнія, свидѣтельствующія, что онъ всегда стоялъ на стражѣ интересовъ закона и казны. Въ концѣ 1742 г. онъ доносилъ, напр., въ сенатъ о беспорядкахъ, царящихъ въ бергъ-коллегіи, президентъ которой часто единолично, безъ согласія остальныхъ членовъ, сочинялъ и подписывалъ различныя опредѣленія, назначалъ на службу и пр., противъ чего С., какъ прокуроръ коллегіи, протестовалъ и письменно, и устно, но его не слушали; сенатъ постановилъ: «Впредь бергъ-коллегіи поступать порядочно, а не такъ, какъ нынѣ, а противъ прокурорскаго доношенія... взять отъ коллегіи отвѣтъ, изслѣдовать». Въ 1745 г. С. протестовалъ противъ рѣшенія бергъ-коллегіи считать уважительными причины отказа въ некоторыхъ солепромышленниковъ и владѣльцевъ жѣлѣзныхъ заводовъ поставить договоренный съ казною продуктъ, отъ чего послѣдняя несла потери; такъ какъ коллегія оставила его протестъ безъ вниманія, то С. перенесъ его въ сенатъ, которому до нее также, что многіе заводчики за отведенія имъ государственные земли и уголья, вопреки бергъ-регламенту, ничего въ казну не платятъ, а коллегія имъ по-пустительствуетъ. Въ 1746 г. онъ опять имѣлъ столкновеніе съ коллегіей по дѣлу нѣкого Прадунова, первого нефтепромышленника въ Россіи, который добывавшую имъ нефть продавалъ какъ лекарственное средство, что бергъ-коллегія находила допустимымъ, а С. держался обратнаго мнѣнія, которое раздѣлилъ и сенатъ.

Въ 1751 г. С. недолгое время былъ, кажется, прокуроромъ сената; по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ послѣдняго сохранилось его донесеніе о незаконныхъ дѣйствіяхъ оберъ-президента главнаго магистрата, С. С. Зиновьевъ. Слѣдующее извѣстіе о С. относится къ 29 марта 1753 г., когда онъ былъ представленъ сенатомъ въ оберь-прокуроры синода, но утвержденія почему-то не получилъ, а по Высочайшей резолюціи былъ пожалованъ въ бригадиры; въ декабрѣ того же года онъ получилъ чинъ генераль-маиора и былъ назначенъ членомъ военной коллегіи. Среди дѣлъ послѣдней сохранился между прочимъ подписанный С. указъ объ отставкѣ изъ Оренбургскаго гарнизона «Пензенскаго полка подполковника Романа Державина за имѣющимися у него болѣзнями отъ воинской и штатской службы».

Четырехлетіе 1758—1761 гг. служебной дѣятельности С. характеризуется рядомъ повышений и даваемыхъ ему часто весьма серьезныхъ поручений. 7 января 1758 г. онъ былъ произведенъ въ генераль-поручики, 20 апрѣля 1760 г. получилъ командировку къ русской арміи, находившейся за границей, и состоялъ при ней главнымъ полевымъ интендантомъ. Во время пребыванія С. въ дѣйствовавшей за границей арміи Елизавета Петровна поручала ему большія денежныя операциіи, относилась къ нему съ большимъ довѣріемъ и въ юнѣ 1760 г. пожаловала его орденомъ св. Александра Невскаго. 16 августа того же года С. былъ назначенъ сенаторомъ и долженъ былъ прїѣхать въ Петербургъ, но черезъ мѣсяцъ по его назначеніи вышелъ указъ «о невызовѣ изъ арміи до окончанія кампаніи пожалованного 16 августа въ сенаторы Суворова». Наконецъ, въ декабрѣ С. былъ назначенъ на весьма видный и ответственный постъ—генераль-губернатора завоеванной части Пруссіи. «Отзыная нашего генераль-поручика изъ Пруссіи губернатора Корфа,—говорилось въ указѣ о послѣднемъ назначеніи С.,—...Всевысочайше восхотѣли мы опредѣлить васъ на его мѣсто точно на такомъ же основаніи и съ такимъ же жалованіемъ, какое онъ получалъ. Почему и имѣете вы немедленно въ Кенигсбергѣ бѣхать и его смѣнѣть, а мы увѣрены пребываемъ, что вы и въ семъ новомъ постѣ съ той же ревностью службу нашу продолжать станете, о которой мы всегда оказывали вамъ наше удовольствіе и благоволеніе»... Послѣднее назначеніе доказываетъ, что въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны С. считался выдающимся администраторомъ.

Съ воцареніемъ Петра III С. по указу отъ 27 декабря 1761 г. отъ должности генераль-губернатора Пруссіи былъ уволенъ, а черезъ мѣсяцъ, именно 30 января 1762 г., получилъ назначеніе тобольскимъ или, какъ тогда говорилось, сибирскимъ губернаторомъ, на мѣсто старика Ф. И. Соймонова. Въ указѣ сенату по этому поводу между прочимъ значится: «...Находящійся въ Тобольскѣ губернаторъ Соймоновъ, какъ намъ извѣстно, по его преклоннымъ лѣтамъ и слабости здоровья наложенныхъ на него разныхъ и многотрудныхъ дѣлъ съ такимъ успѣхомъ, какъ намъ желательно, исправлять не можетъ, и для

того Всемилостивѣйше жалуемъ на его мѣсто губернаторомъ генераль-лейтенанта Василия Суворова, котораго сенатъ имѣеть отправить туда немедленно, препоручаемъ ему все тѣ дѣла, которыя вѣдалъ губернаторъ Соймоновъ...». Однако поездка С. въ Сибирь не состоялась. Почему именно онъ не вступилъ въ отправленіе новыхъ обязанностей и по какимъ причинамъ сенатъ не исполнилъ повелѣнія о «немедленномъ» отправленіи его къ должности,—свѣдѣній обѣ этомъ никакихъ не сохранилось. Извѣстно лишь, что временное управление Тобольскою губерніе было возложено на другое лицо, ст. сов. Колудерова, С. же остался въ Петербургѣ. Можно только предполагать съ нѣкоторой вѣроятностью, что или С. самъ, какъ бывшій въ Сибири и отлично звавшій всѣя неурядицы, этого мѣста не желалъ, тѣмъ болѣе, что такое назначеніе послѣ пребыванія генераль-губернаторомъ Пруссіи онъ могъ разсматривать какъ немилость, или же — и это болѣе вѣроятно — его дальнѣйшее пребываніе въ Петербургѣ имѣло нѣкоторую связь съ подготовлявшимися въ то время событиями, результатомъ которыхъ было изложеніе Петра III. Послѣднее предположеніе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ воцареніи Екатерины II С. игралъ довольно замѣтную роль — былъ исполнителемъ важнаго порученія: явившись съ отрядомъ гусаръ въ Ораненбаумъ, онъ арестовалъ тамъ голштинскій генералитетъ, отобралъ отъ всѣхъ голштинацѣвъ шпаги и тесаки, объявилъ арестованыхъ военнооплѣнными, заключилъ всѣхъ въ крѣпость и въ то же время распорядился о составленіи описи дворцовыми суммами и имуществу, а на другой день сдѣдалъ разборъ арестованныхъ, изъ которыхъ русскихъ, малоросовъ и лифляндцевъ привелъ къ присягѣ Императрицѣ, а голштинцевъ посадилъ на суда и перевезъ въ Кронштадтъ.

Послѣ краткаго периода негласнѣй опалы при Петрѣ III, съ воцареніемъ Екатерины II С. вновь сталъ пользоваться довѣріемъ, милостью и даже нѣкоторымъ, хотя и незначительнымъ вліяніемъ на ходъ дѣлъ, преимущественно государственно-экономического характера. Развязавшись окончательно съ назначеніемъ въ Сибирь, онъ продолжалъ засѣдать въ сенатѣ и исполнялъ различныя Высочайшия порученія. Въ началѣ 1762 г. губернаторамъ и воен-

водамъ велико было представить, «гдѣ и сколько имѣется нерозданныхъ заѣкъ, дикихъ полей, лѣсовъ и др. угодій», а послѣ получения сенатомъ этихъ свѣдѣній вышелъ приказъ о продажѣ такихъ угодій съ публичнаго торга въ Петербургской вотчинной конторѣ. Главнымъ распорядителемъ по организаціи этой операции былъ назначенъ С., который и въ слѣдующемъ 1763 г. состоялъ предсѣдателемъ особой комиссіи по продажѣ «казенныхъ заѣкъ и въ дачахъ не бывалыхъ земель». Наконецъ, въ томъ же 1763 г. ему было поручено разслѣдовать одно политическое дѣло—дѣло о «дерзостныхъ рѣчахъ» камерь-юнкера Федора Хитрово, одного изъ участниковъ въ сверженіи Петра III. 24 мая 1763 г. Екатерина, бывшая въ то время въ Ростовѣ, отправила С. письмо слѣдующаго содержанія: «По полученіи сего, призовите къ себѣ камерь-юнкера кн. Ивана Несвижскаго и прикажите ему письменно подать вамъ или при васъ написать все то, что онъ отъ Федора Хитрово слышалъ, и по важности показаній... его, Хитрово, арестовать; для дальнѣйшаго произвожденія оного дѣла призовите себѣ въ помоць кн. Мих. Болконскаго и кн. Петра Петровича Черкасскаго и рапортуйте мнѣ какъ часто возможно. Я при семъ рекомендую вамъ поступать весьма осторожно, не тревожа ни городъ и, сколь можно,—никого, однакожъ такимъ образомъ, чтобы до-скончально узнать саму истину, и весьма различайте слова съ предпріятіемъ. Впрочемъ, по полкамъ имѣете уши и глаза». Изъ допроса кн. Несвижскаго С. выяснилъ, что Хитрово распространялъ слухи о намѣреніи генераль-фельдмаршала гр. А. П. Бестужева устроить бракъ Екатерины съ гр. Григоріемъ Орловымъ, при чемъ противъ такого проекта ничего не имѣла и сама Императрица, но ему воспротивились Панинъ и Разумовскій,—и далѣе, о предположеніи среди группы влиятельныхъ придворныхъ лицъ, буде Императрица не откажется отъ своего намѣренія,—схватить братьевъ Григорія и Алексія Орловыхъ и ихъ «отлучить, а то и погубить». Самъ Хитрово на допросѣ 27 мая умыселъ противъ Орловыхъ отрицалъ, распространеніе вѣстей же о предполагаемомъ бракѣ подтвердилъ, сославшись на то, что слышалъ ихъ отъ другихъ, между прочимъ отъ княгини Дашковой. Екатерина была недовольна половинчатыми признаніями

Хитрова и въ рядѣ писемъ къ С. наставляла на новыхъ допросахъ, дѣлала указанія и высказывала предположенія, не кроется ли въ этомъ дѣлѣ, помимо умысла на жизнь Орловыхъ, заговоръ противъ самой государыни. Однако послѣ ареста Хитрова и двухъ-трехъ другихъ незначительныхъ лицъ, все это дѣло, о которомъ стали по обѣимъ столицамъ циркулировать всевозможные слухи, постарались замять.

О дальнѣйшей службѣ С. известно, что въ концѣ 1763 г. онъ былъ пожалованъ въ генераль-аншефы, а черезъ три года награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени. Послѣдніе годы своей жизни, оставаясь въ званіи сенатора, онъ провелъ на покой въ Москвѣ, гдѣ и умеръ въ 1775 г. и тамъ же былъ погребенъ—при церкви Вознесенія. Женатъ С. былъ на Авдотѣ Федосьевнѣ Мануковой (брачъ состоялся около 1720 г.), дочери дьяка при Петрѣ Великомъ, имѣлъ двухъ дочерей и знаменитаго сына—Александра Васильевича. По отзывамъ современниковъ, С. былъ способнымъ администраторомъ и человѣкомъ для своего времени весьма образованнымъ—зналъ нѣсколько иностраннѣй языковъ и имѣлъ обширную библиотеку, преимущественно изъ военныхъ сочиненій, которой былъ обязанъ своею начитанностью въ области военной исторіи Александръ Васильевичъ. Одной изъ преобладающихъ чертъ въ характерѣ С. являлась непомѣрная скучность, перешедшая отчасти и въ его сыну.

Журналы и протоколы сената отъ 3 марта 1742 г., 8 марта 1745 г., 14 апрѣля 1749 г., 12 ноября 1751 г.—Полное Собрание Законовъ, т. XV, стр. 588, 629, 701, 738, 786—790, 867, 892; т. XVI, стр. 17, 19, 58, 92, 110, 200, 328, 330, 370, 371, 392, 393, 601, 721, 730, 894; т. XVIII, стр. 400; т. XIX, стр. 26.—П. Пекарский, «Наука и литература при Петрѣ Великомъ», т. I, Спб., 1862, стр. 159, 227—228; т. II, стр. 619—620.—«Осмнадцатый вѣкъ», историч. сборникъ, изд. П. Бартеневымъ, кн. I, М., 1868 г., стр. 50; кн. II, стр. 494.—В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ, «Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій», т. II, Спб., 1887 г., стр. 440.—«Родословіе Суворовыхъ», «Русская Старина», 1872 г., № 10.—«Біографія Александра Васильевича Суворова, имѣ самимъ написанная въ 1786 г.», «Чтения Общ. Истор. и Древн. Росс.», 1847—1848 г., т. IX.—«Записки Болотова».—«Автобіографія Шеффера» (о дѣятельности С. въ царствованіе Елизаветы Петровны).—«Судьба кнізей Долгорукихъ при Императрицѣ Аннѣ», «Заря», 1870 г., № 6—9.—«Дѣло Долгору-

кихъ», «Русская Старина» 1873 г., № 7.—«Князья Долгоруковых въ 1730—1740 гг.», *ibid.*, 1878 г., т. XXIII.—Д. А. Корсаковъ, «Иванъ Алексѣевич Долгорукий», «Древн. и Нов. Россіи», 1879 г., т. I, и въ его сборникѣ «Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII в.», Казань, 1891 г.—С. М. Соловьевъ, «История Россіи», изд. т-ва «Общества Пользы», кн. IV, стр. 237, 1602, 1603; кн. V, стр. 203, 334, 599—600, 695, 1225, 1367, 1455—1457; кн. VI, стр. 125, 294.—«Сподвижники Императрицы Екатерины II по духовному, военному и гражданскому управлению», «Сынъ Отеч.», 1847 г., № 7, стр. 1—32.—М. Пыляевъ, «Отецъ Суворова», «Исторический Вѣстникъ», 1891 г., № 7.—Е. К., «Василій Иванович Суворовъ сибирскій губернаторъ», «Тобольскія Губернск. Вѣдом.», 1892 г., № 38, 39.—С. Петрушевскій, «Гералиссимусъ Суворовъ», Спб., 1900 г., стр. 1—5.—«Сборникъ Императ. Русск. Исторического Общества», т. I, стр. 242; т. VII, стр. 107, 121—122, 151, 172, 186, 231, 282, 289—294, 303, 304, 339; т. X, стр. 99; т. XXV, стр. 456; т. XLII, стр. 397, 467; т. XLIII, стр. 6, 42; т. XLVI, стр. 496.—«Mémoires der Fürstin Daschkoff», Hamburg, 1857, Bd., I, S. 145—151.—«La cour de la Russie il y a cent ans», Berlin, 1858, S. 228—232.

Суворовъ, Иванъ Петровичъ, врачебный инспекторъ Туркестанской области, писатель, сынъ священника, родился въ 1829 г. Окончивъ курсъ Тверской духовной семинарии, поступилъ въ 1848 г. казеннымъ воспитанникомъ въ Петербургскую медико-хирургическую академію, изъ которой вышелъ въ 1854 г. и тотчасъ же былъ назначенъ врачомъ при времененномъ военномъ № 12 госпиталѣ, находившемся въ Дунайскомъ княжествѣ, а въ самый разгаръ Севастопольской кампании состоялъ лекаремъ Тобольского пѣхотного полка. По окончаніи войны С. былъ командированъ съ научной цѣлью въ 1-й Петербургский военный госпиталь, где занимался болѣе двухъ лѣтъ, а затѣмъ получилъ назначеніе лекаремъ въ Оренбургскій военный округъ. 17 ноября 1862 г. за защиту диссертациіи подъ заглавіемъ «Нервныя сплетенія и ячейки въ радужной оболочкѣ глаза» («Медиц. Вѣсти.», 1862, и отд., Спб.) медико-хирургической академіей онъ былъ удостоенъ степени доктора медицины и въ слѣдующемъ году занялъ мѣсто старшаго доктора Сыръ-Дарьинской линіи. Въ дальнѣйшей службѣ занималъ мѣста: главнаго лекаря Оренбургскаго военного госпиталя (1865 г.), старшаго врача Туркестанской области (1866 г.), помощника окружнаго военно-медицинскаго инспектора Туркестанской области (1867—1874 г.)

и, наконецъ, инспектора той же области, съ 1874 г. до самой смерти, которая послѣдовала въ срединѣ 80-хъ годовъ. Кроме диссертациіи С. принадлежать еще слѣдующія работы: «О минеральномъ источнике Арыманъ-Булакъ, близъ верховьевъ одного изъ притоковъ съ правой стороны р. Атрекъ-Куль-Су» («Воен.-Медиц. Журн.», 1872 г., ч. 115, VI); «О появленіи и распространеніи холеры въ 1872 г.» (тамъ же, 1873 г., ч. 117, III); «О санитарной части войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Хивы въ 1873 г.» (тамъ же, 1875 г., ч. 122, VII).

Л. Ф. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, тетр. 2, Спб., 1886 г., стр. 122; тетр. 3, Спб., 1887 г., стр. 67.

Суворовъ, Иванъ Федоровичъ Меньшиковъ, воевода; впервые упоминается подъ 1661 г., именно 4 мая, когда онъ, будучи въ жильцахъ, участвовалъ въ пріемѣ цесарскихъ пословъ; въ 1667 г. пожалованъ въ стряпчіе, а въ 1680 г.—въ стольники и назначенъ воеводою въ Томскъ, откуда въ слѣдующемъ году ходилъ въ стопи усмирять, взбунтовавшихся киргизовъ, «ась нимъ тобольскихъ ратныхъ людей 320 человѣкъ, юртовскихъ татаръ 100, тарскихъ 210; да къ нимъ добавлено томскихъ, красноярскихъ и кузнецкихъ служилыхъ людей»; за не-прибытиемъ енисейскихъ служилыхъ людей, которые должны были значительно усилить отрядъ С., стычки его съ киргизами имѣли яе всегда благопріятный для него исходъ, и лѣтомъ 1682 г. С., потерявъ разновременно 61 чел. убитыми, 62 чел. ранеными, изнуривъ остальныхъ людей и рѣшительного успѣха все же не добившись, принужденъ былъ возвратиться въ Томскъ. Въ ближайшее послѣ этого времени онъ былъ воеводою въ Тюмень. Въ 1694 г. отмѣченъ пребывающимъ въ Москвѣ: 2 февраля этого года дневаль и ночеваль у гроба царицы Натальи Кирилловны. Умеръ онъ въ 1703 г.

«Дополненія къ Актамъ Историч.», т. X, стр. 360—361.—«Древнія Россійская Библіотека», т. VIII, стр. 153.—В. К. Андріевитѣ, «Исторія Сибири», ч. II, Спб., 1889 г., стр. 181.—Кн. П. Долгоруковъ, «Россійская родословная книга», ч. II, Спб., 1858 г., стр. 65.—В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ, «Родословный сборникъ русскаго дворянства», ч. II, Спб., 1877 г., стр. 444.

Суворовъ, Максимъ Терентьевичъ, директоръ синодальной типографіи; учился въ Московской словено-греко-латинской академіи. 18 декабря 1716 г. Пётръ Ве-

ликий писалъ изъ Амстердама начальнику Монастырского приказа гр. Ивану Алексеевичу Мусинъ-Пушкину: «По получени (сего) выбирите немедленно изъ латинской школы лучшихъ ребятъ, высмотря гораздо которые поостряя, человѣкъ десять, и прішли моремъ на шнавѣ, которую будетъ отпускать генералъ - фельдмаршаль кн. Меньшиковъ». 22 марта 1717 г. Мусинъ-Пушкинъ доносилъ царю, что онъ отправилъ къ нему девять учениковъ, въ числѣ которыхъ былъ и С. Онъ поселился въ Прагѣ и тамъ пробылъ 3 года, занимаясь преимущественно языками — немецкимъ, французскимъ и славянскими. Въ Россію С. возвратился въ 1720 г. и штатъ-контроль-коллегію былъ посланъ въ вѣдоміе синода, который опредѣлилъ его въ Петербургскую типографскую контору старшимъ справщикомъ и переводчикомъ съ жалованьемъ по 300 руб. въ годъ. Въ актахъ Московского архива министерства иностранныхъ дѣлъ упоминается, что изъ-за границы С. привезъ сдѣланые имъ переводы иѣсколькихъ книгъ, но названія ихъ не приводятся. Въ августѣ 1725 г. С. былъ посланъ въ Сербію «для обученія тамошняго народа дѣтей латинскаго и словенскаго діалектовъ». Жалованья ему было назначено 300 руб. въ годъ, что, повидимому, было недостаточно для С., обремененнаго семьею, ибо онъ неоднократно писалъ въ сенатъ и «черезъ свои доношевія требовалъ съ прибавкою, объявляя себѣ немалыя нужды». Въ 1732 г. С. сообщалъ въ сенатъ, что новый сербскій митрополитъ ему «отъ тамошняго ученія въ Сербіи отказалъ и содержать его не хочетъ», и просилъ разрѣшенія возвратиться въ Россію. Сенатъ разрѣшилъ и на расходы по проѣзду отпустилъ сто рублей, пославъ о томъ указъ русскому посланнику въ Вѣнѣ Ланчинскому. Послѣднему С., прибывъ въ Вѣну, объявилъ, что указу «повиноваться готовъ и радъ тамошнее бѣдственное житье перенѣтъ», но ассигнованными деньгами онъ проѣздѣть свой съ семьею на родину «управить не можетъ», такъ какъ и сама сумма недостаточна и долгъ у него есть, нажитысъ въ Сербіи. Съ другой стороны и условія пребыванія С. въ Сербіи значительно измѣнились. Правда, митрополитъ подражнему относится къ его учительствованію неблагосклонно, но «оный митрополитъ почасту въ болѣзни припадать сталъ, и оказалася оная болѣзнь пебезопаскою», а другія влѧ-

тельныя духовныя лица относятся къ нему, С., и къ его дѣятельности вполнѣ доброжелательно; такъ, петровородынскій епископъ Вискаріонъ въ двухъ письмахъ къ С. «объявляетъ желаніе свое и прочихъ сербскихъ архіереевъ имѣть его подражнему въ Сербіи учителемъ, хотя бы митрополитъ и не хотѣлъ», и предлагаетъ ему пріѣхать въ Петровородынъ; въ томъ же духѣ пишетъ ему и хратскій епископъ Исаія. Убѣдившись въ справедливости словъ С. по подлиннымъ письмамъ къ нему названныхъ епископовъ, Ланчинскій, «видя поправленіе зазора, который оный Суворовъ претерпѣлъ», «къ тому же заподлино вѣдая, что Римско-Цесарскому Двору обученіе сербскаго народа весьма непріятно», высказался въ донесеніи сенату за оставленіе С. въ Сербіи и далъ ему 100 гульденовъ на проѣздъ въ Петровородынъ. 15 сентября того же 1733 г. Ланчинскій доносилъ, что ему «Сегединскаго города жители прислали зѣль докучное просительное письмо за подпись и печатьми 9 знатѣйшихъ персонъ», въ которомъ просятъ о прасылкѣ С. учителемъ въ ихъ городѣ. Судя по письмамъ епископовъ къ С. и жителей Сегедина къ Ланчинскому, слѣдуетъ думать, что С., какъ преподаватель, пользовался значительной популярностью, немилость же къ нему митрополита была продиктована соображеніями не педагогического, а политическаго характера, что впослѣдствіи вполнѣ разъяснилось. Изъ донесенія Ланчинскаго отъ 1 февраля 1735 г. видно, что сербско-митрополичій агентъ при Вѣнскомъ Дворѣ Йосифъ Ямбремковичъ, чловѣкъ съ запятнанной репутацией, но пользовавшійся полнымъ довѣріемъ митрополита, старался всякими средствами отстѣнить отъ послѣдняго лицъ, казавшихся ему опасными въ смыслѣ уменія его собственнаго вліянія на владыку. Такъ какъ, по-видимому, и С. былъ близокъ къ митрополиту, то Ямбремковичъ сталъ доносить, будто вѣнскому правительству «противно, что чужестранная персона въ учителя употребляема», митрополитъ же очень чутко относился къ желаніямъ Вѣны. Позже, когда вины Ямбремковича объяснились и онъ самъ былъ преданъ суду, слѣдующій сербскій митрополитъ Викентій Ioannовичъ именемъ клира и общества приносилъ россійскому синоду извиненіе за опалу на С. и просилъ оставить его въ Сербіи по прежнему. Въ 1736 г. С. вновь чуть было не пострада-

далъ въ связи съ дѣломъ сербскаго епископа Виссариона, арестованаго митрополитомъ по обвиненіи его въ «тайной съ Россійскимъ царствомъ и посланникомъ корреспонденціи». С. былъ заподозрѣнъ въ приверженности къ епископу Виссариону, и митрополитъ «чрезъ знатную персону домогался обѣ указѣ, чтобы Сегединской комендантъ его, Суворова, яко выгнанаго изъ Россіи волочая, взалъ подъ арестъ, но комендантъ сіе учинить яко съ чужестраннымъ человѣкомъ и союзной потенціи подданнымъ извинился». Вскорѣ послѣ этого С. возвратился въ Россію и былъ назначе-
нъ директоромъ Московской синодальной типографіи. Умеръ С. въ апрѣлѣ 1770 г. и погребенъ въ Спасо-Андрониковомъ монастырѣ.

И. И. Голиковъ, «Дѣянія Петра Великаго», т. X, М., 1838 г., стр. 72.—П. Пекарскій, «Наука и литература въ Россіи при Петре Великомъ», т. I, Спб., 1862 г., стр. 237—239.—Московскій Архивъ министерства иностраннѣхъ дѣлъ, дос-
сесенія изъ Еѣны за 1730—1736 г. г.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Общ. Польза», кн. IV, стр. 1253—1257.—В. В. Рум-
мель и В. В. Голубцовъ, «Родословный сборникъ русскаго дворянства», ч. II, Спб., 1877 г. стр. 450.

Суворовъ, Прохоръ Игнатьевичъ, ор-
динарный профессоръ высшей математики въ Московскому университѣтѣ, родился въ 1750 г., умеръ въ началѣ 1815 г. въ Москвѣ. Сынъ священника, С.-въ 1758 г. поступилъ въ Тверскую семинарию, где пробылъ до 1765 г. Около этого времени возникъ проектъ основать въ Москвѣ высшее духовно-учебное заведеніе и, въ видахъ созданія для него преподавательскихъ силъ, синоду, отъ имени Императрицы было объявлено: «Изъ обучающихся въ семинарии учениковъ, которые дошли уже до реторики и, превосходя другихъ честныхъ поведеніемъ, съ тѣмъ вмѣстѣ подаютъ хорошую надежду своимъ способностямъ, избрать десять человѣкъ для отправленія ихъ въ Англію, чтобы они въ университетахъ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ могли научиться высшимъ наукамъ на пользу государства». Въ число этихъ десяти человѣкъ, какъ лучшій ученикъ Тверской семинарии, попалъ и С., которому въ это время было едва 15 лѣтъ. Изъ Твери онъ былъ отправленъ въ Петербургъ, а изъ Петербурга, вмѣстѣ съ остальными избранниками, 11 ноября 1765 г. выѣхалъ въ Англію. Къ регулярнымъ занятіямъ С. пришлось приступить не сразу, чemu по-

мѣхой были недостаточная его подготовкен-
ность для слушанія университетскихъ предметовъ, плохое знаніе латинскаго языка, на которомъ преподавалась большая часть наукъ, и полное незнакомство съ англійскимъ, которымъ излагалась меньшая ихъ часть. Преодолѣвъ эти препятствія, С. сталъ изучать юриспруденцію, философію, исторію, богословіе, древне-еврейскій языкъ, изъ новыхъ языковъ—французскій, а подъ руководствомъ члена королевской коллегіи,магистра наукъ Іоганна Стобса—и греческій языкъ. Когда С. съ товарищами возвратился въ Россію—неизвѣстно. Синодъ, пославъ ихъ въ Англію, на долгое время совершило забыть о нихъ. Только случайное обстоятельство—запросъ о нихъ въ 1780 г. со стороны сената, вызванный необходимостью дать кому-то какую-то справку, заставило синодъ заинтересоваться судьбою С. и его товарищѣ—спустя 15 лѣтъ послѣ отправленія ихъ въ Англію. Послѣ нѣкоторыхъ розысковъ въ дѣлахъ коллегіи иностраннѣхъ дѣлъ обнаружилось, что С. еще въ 1775 г. окончилъ курсъ въ Оксфордскомъ университѣтѣ, быть уда-
стоенъ послѣднимъ зданія дѣйствительного магистра наукъ и вернулся въ Россію, где 9 октября того же 1775 г. опредѣленъ учителемъ въ морской кадетской корпу-
съ. Постъ дальнѣйшихъ справокъ былъ «разысканъ» и самъ С., дѣйствительно служившій въ названномъ корпу-
съ преподавателемъ цѣлаго ряда предметовъ—математики, латинскаго языка, миѳологіи, англійскаго языка и словесности. Въ 1783 г. С. былъ пожалованъ въ премьер-маиоры и назначенъ помощникомъ инспектора корпуса, а въ марта 1794 г.—инспекто-
ромъ. Во время пребыванія въ корпусѣ С. вмѣстѣ съ преподавателемъ Василиемъ Никитинымъ составилъ «Тригонометрію плоскую и сферическую», напечатанную въ 1787 г. (въ Петербургѣ; переведена на англійскій языкъ и издана въ Лондонѣ), и «Евклидовы стихіи, въ 15 кни-
гахъ состоящія» (Спб., 1789 г.). Послѣдняя книга примѣчательна между прочимъ, что въ ней впервые, кажется, дѣ-
ляется попытка греко-латинскую геометри-
ческую терминологію замѣнить славяно-
русской; небольшая часть изобрѣтенныхъ терминовъ удачна, напр. вмѣсто «теоре-
ма»—заданіе, вмѣсто «пунктъ»—точка; большинство же ихъ громоздко и неудобо-
произносимо. Въ 1794 г. вышло въ свѣтъ

его «Слово на всерадостное торжество мира между Российской империей и Отоманской Портою, сентября 2-го 1793 г.», произнесенное имъ очевидно въ видѣ речи на официальномъ торжествѣ въ корпусѣ по этому случаю и затѣмъ, по обычаю времени, «преданное тисненію». 24 марта 1795 г. С. вышелъ въ отставку, но въ октябрѣ 1798 г. возвратился на службу, поступивъ преподавателемъ англійского языка въ Черноморское штурманское училище въ Николаевѣ. Занятія съ учениками побудили его составить «Разговоры англійскіе и россійскіе, раздѣленные на 30 уроковъ, для употребленія юношеству и всѣмъ начинавшимъ учиться сему языку» (Николаевъ, 1803 г.). За годъ до этого въ Николаевѣ же напечатана была его другая официально-торжественная речь: «Слово на празднество всерадостнѣйшаго коронованія Государя Императора Александра Павловича, бывшаго въ Черноморскомъ штурманскомъ училищѣ октября 1801 г.». Послѣдніе годы службы въ Николаевѣ С., помимо обычныхъ занятій, управлялъ училищною типографіею и состоялъ смотрителемъ зданій. Въ 1803 г. онъ вторично вышелъ въ отставку и жилъ въ Николаевѣ до 1810 г., когда (2 июня) Высочайшимъ указомъ былъ назначенъ прямо ординарнымъ профессоромъ высшей математики въ Московской университете. Въ этой должности пробылъ до 1814 г.

А. Соколовъ, «Прохоръ Игнатьевичъ Суворовъ, учитель морского корпуса и штурманского училища въ Николаевѣ. Изъ лѣтъ Николаевскаго портоваго архива», «Морской Сборникъ», 1856 г. т. XXIV, № 10, стр. 29—32.—Тридцатый, «Замѣчанія старого моряка», тамъ же, т. XXV, № 12, стр. 1—9.—«Биографический словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго университета», ч. II, Москва, 1845 г., стр. 476—478.—Проектъ богословскаго факультета при Екатеринѣ II», «Вѣстникъ Европы», 1873 г. т. VI, № 11, стр. 300—317.—О. Веселаго, «Очеркъ истории морского кадетскаго корпуса», Спб., 1852 г., стр. 162—163.—В. Сопиковъ, «Опытъ россійской библиографіи», №№ 3678, 9431, 10822—10823, 12022.

Суворовы—дворянскій родъ. Начало его не поддается точному установлению. По одной изъ записей фельдмаршала Александра Васильевича, оно относится къ первой четверти XVII в. «Во времена царя Михаила Феодоровича, и именно въ 1622 г. выѣхали изъ Швеціи Наумъ и Суворъ и по челобитной ихъ принаты въ

россійское подданство, — пишеть фельдмаршаль;—именуемы честные мужи, раздѣлились (потомки) на разныя поколѣнія и по Сувору стали называться *Суворовы*». Князь П. Долгоруковъ считаетъ однако Наума не современникомъ Сувора, а потомкомъ его, родившимся уже въ Россіи и давшимъ начало роду Наумовыхъ. Позднѣйшиѳ и болѣе компетентные изслѣдователи родословныхъ относятъ происхожденіе С. къ болѣе раннему времени,—къ началу XVI в.; не отрицаютъ выходчества родонаучальниковъ изъ Швеціи, укрѣпившуюся за родомъ фамилію они производятъ отъ прозвища «Суворъ», даннаго одному изъ потомковъ этихъ выходцевъ, именно—Юдѣя. *Посникъ* С., дьякъ казеннаго дворца, упоминается уже подъ 1566 г., когда онъ вмѣстѣ съ другими подписался подъ приговоромъ думы о войнѣ съ Польшею; въ 1572 г. онъ значится участникомъ Новгородскаго похода Иоанна IV. *Борисъ* С. подъ 1628 г. пазванъ стольникомъ царя Михаила Феодоровича; въ 1681 г., въ правлѣніе Софии Алексѣевны, «находясь уже въ старости маститой», за многолѣтнюю и усердную службу пожалованъ похвальною грамотою. *Андрей Никитичъ* въ описаніи свадьбы Алексея Михаловича съ Марией Ильинишной Милославской (26 января 1648 г.) названъ степеннымъ ключникомъ кормового дворца. О Федорѣ С. сохранилось только имя; у него было два сына—*Иванъ Федоровичъ Большой*, около 1680 г. бывшій воеводою въ Тюмени, и *Иванъ Федоровичъ Меньшой* (см. отд.). *Василій Ивановичъ* (см. отд.), отецъ фельдмаршала Александра Васильевича (см. отд.), по одному родословнымъ, былъ внукомъ первого изъ нихъ (Большаго, у которого былъ сынъ *Иванъ Ивановичъ*), а по другимъ—правнукомъ иѣкоего *Ивана Парфеньевича* С., о которомъ известно лишь, что онъ убитъ въ 1655 г. поляками подъ Дубровною. Единственный сынъ генералиссимуса, князь *Аркадій Александровичъ* (см. отд.) оставилъ двухъ сыновей: *Константина Аркадьевича* (род. 1809 г., умеръ 1877 г.), гофмейстера, и Александра *Аркадьевича* (см. отд.). Со смертью въ 1893 г. единственного сына постѣдняго, *Аркадія*, мужская линія въ княжескомъ родѣ, начавшаяся отъ фельдмаршала Александра Васильевича, пресеклась. Дворянская фамилія С., существующая и по-

нынѣ, продолжается отъ родного дяди генералиссимуса, гвардейского капитанъ-поручика Александра Ивановича (род. 1709 г., ум. 1753 г.).

В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ, „Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій“, т. 2, Спб., 1887 г., стр. 438—451.—Кн. П. Долгоруковъ, „Россійская родословная книга“, ч. 2, стр. 64—68.—„Общій Гербовникъ“, ч. IV, № 7; ч. VIII, № 67.—„Тобольскія Губернскія Вѣдомости“, 1892 г., № 38.

Сугорскій, князь Захарій Ивановичъ, воевода и дипломатъ второй половины XVI в., представитель стариннаго княжескаго рода, происходившаго изъ племени Константина Всеvolодовича ростовскаго. Впервыи онъ упоминается воеводою въ Астрахани въ 1568—1572 гг., затѣмъ въ 1574 г. былъ посломъ въ Крыму. Въ 1576 г. въ санѣ «легкаго» послы и съ титуломъ намѣстника бѣлозерскаго онъ вмѣстѣ съ дьякомъ Андреемъ Ардыбашевымъ былъ отиравленъ Иоанномъ Грознымъ къ цесарю Максимилиану II. Незадолго передъ гдѣмъ умеръ польскій король Сигизмундъ-Августъ, и въ Польско-Литовскомъ королевствѣ возникъ вопросъ обѣ избраніи ему замѣстителя; собиравшися одинъ за другимъ сеймы раскальвались на партіи, каждая изъ которыхъ стремилась на королевствѣ видѣть своего кандидата; одни хотѣли видѣть цесаря Максимилиана или его сына ерцгерцога Эрнеста, другіе—Иоанна или сына его Федора, третіе—Генриха Анжуйскаго, четвѣртые—Стефана Баторія, и т. д. Еще болѣе обострились споры и осложнились дипломатическая сношенія заинтересованныхъ въ разрѣшеніи вопроса государства, когда избранный наконецъ въ короли Генрихъ бѣжалъ изъ Варшавы, пробывъ на тронѣ всего нѣ сколько мѣсяцевъ. Съ бѣгствомъ Генриха значительно окрѣпли шансы австрійской партіи, и Максимилианъ II, съ цѣлью найти поддержку своимъ видамъ въ Москвѣ, отиравиль къ Иоанну для переговоровъ пословъ Иоанна Кобенцеля и Даніэля Принца. Въ отвѣтъ на это-то посольство и былъ посланъ въ Вѣну С. Ему было приказано сказать Максимилиану, что царь соглашается на возведеніе его сына Эрнеста въ польскіе короли, при условіи, что Кіевъ, какъ искони царская вотчина, и Ливонія переходять къ Москвѣ. Если же австрійскія притязанія потерпятъ неудачу, С. было поручено—и это другая сторона его

миссіи—всемѣрно стремиться къ тому, чтобы склонить Максимилиана на союзный договоръ съ Россіей съ цѣлью противодѣйствовать избранію въ польскіе короли ставленниковъ турецкаго султана, въ томъ числѣ и Стефана Баторія.

Въ началѣ 1576 г. С. двинулся въ путь. Въ Ригѣ и Мемелѣ изъ уваженія къ царю послы встрѣтили пушечной пальбой. 16 іюля онъ былъ уже въ Вѣнѣ. О приемѣ его цесаремъ въ «Дѣлахъ цесарскаго Двора» (въ Московскому архивѣ министерства иностраннѣхъ дѣлъ) сохранилось пространное описание, сдѣланное однимъ изъ лицъ посольства. Во время первого же приема, обставленного весьма цышино и торжественно, разыгрался небольшой инцидентъ, весьма характерный и для времени и для С.: привѣтствуя пословъ, цесарь всталъ и приподнялъ шляпу, но по забывчивости ли или потому, что это не было принято при австрійскомъ дворѣ—не далъ руки для цѣлованія; С. счѣлъ это за невниманіе, обидѣлся и черезъ упомянутаго Даніэля Принца, служившаго переводчикомъ, попросилъ исправить ошибку, и—«цесарь, снявъ съ себя шляпу и вставъ, звалъ къ рукѣ... и обнимались». 28 августа С. имѣлъ продолжительный разговоръ съ «полами», т. с. съ пришедшими въ Вѣну послами отъ римскаго папы; рѣчь шла о томъ, чтобы «цесарю и папѣ римскому и инымъ христіанскимъ государемъ быти въ любви», что означало—стоять заодно противъ султана. Однако грамоту и письмо отъ папы къ Иоанну С. отказался взять: «того письма взяти не вмѣстно, что се мя присланы къ цесарю, а не къ папѣ». 15 сентября С. былъ принятъ въ послѣдній разъ цесаремъ, который былъ боленъ и лежать въ постели. По существу миссія С. была не особенно успѣшной и не дала какихъ-либо реальныхъ результатовъ, главнымъ образомъ, потому, что разслабленный Максимилианъ не былъ въ состояніи что-либо дѣлать и ограничивался лишь почестями, оказываемыми посламъ. Не имѣла успѣха миссія С. и въ коночномъ смыслѣ: подъ давлѣніемъ и угрозами Турціи, при отсутствіи почти всякой противодѣйствія со стороны Россіи и Австріи, въ польско-литовскіе короли былъ избранъ, какъ известно, Стефанъ Баторій.

Въ вѣкоторыхъ позднѣйшихъ дѣтонасихъ въ связи съ посольствомъ С. къ цесарю заднимъ числомъ разсказывается басня, ри-

сующая императора провидцемъ въ исторіи; въ разговорѣ съ С. Максимилианъ предсказалъ будто бы, что въ Россіи «будетъ трясеніе великое, и будутъ многія власти и несогласія, а смятенія того будетъ лѣтъ 15 или мало больше, или мало меньше; а потомъ земля русская распространится вельми и прославится во вся концы вселенная»; наконецъ, въ числѣ этихъ слишкомъ точныхъ и по тому одному явно баснословныхъ предсказаний находится и то, что первый послѣ смуты русскій царь будетъ называться Михаиломъ. Въ донесеніяхъ самого С. обѣ этихъ пророчествахъ нѣть ни слова, но въ нихъ очень много любопытнаго, характеризующаго обычай, богатство и пышность европейскаго двора того времени.

Изъ Вѣны С. выѣхалъ 17 сентября 1576 г. и черезъ Прагу и Франкфуртъ-на-Одерѣ прибылъ въ Штеттинъ, откуда путь продолжилъ моремъ, но принужденъ былъ возвратиться, ибо «въ яочи прашель вѣтеръ встрѣчу... и якорь изломало, и корабельникъ поворотило назадъ». Не захотѣвъ зимовать въ Штральзундѣ, гдѣ онъ высадился, С. сѣлъ въ Грайфовальдѣ на «бусу» и 15 декабря прибылъ въ Пернай, а 3 января 1577 г. былъ уже въ Москвѣ.

Незадолго до смерти С. былъ назначенъ воеводою въ Смоленскъ, гдѣ въ 1582 г. и скончался. По сообщеніямъ ливонскаго историка Кельха, С. одинъ изъ немногихъ вѣльможъ своего времени обнаруживалъ величайшую преданность Иоанну не только за страхъ, но и за совѣсть.

«Дѣла цесарскаго Двора», рукописные акты въ Московск. архивѣ министерства иностраннѣыхъ дѣлъ, листы 157—266.—«Памятники дипломатическихъ сношеній», т. I, стр. 545—788; т. X, стр. 7.—«Древняя Россійская Библіоека», т. XIII, стр. 371.—Кн. Лобановъ-Ростовскій, «Русская родо-ловная книга», Спб., 1895 г., стр. 207.—Н. П. Лихачевъ, «Разрядные дѣлы XVI стол.», стр. 473.—Карамзинъ, «Истор. госуд. Россійскаго», изд. Эйнерлинга, Спб., 1843 г., т. IX, стр. 143, 160; прим. 348, 442.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Обществен. Польза», кн. II, стр. 255.

Судаковъ, Арсеній Тимофеевичъ, протоіерей, писатель, родился въ 1817 г.; среднее образование получилъ въ Тверской духовной семинаріи и высшее—въ Петербургской духовной академіи, курсъ которой въ 1843 г. окончилъ со степенью магистра; годъ спустя послѣ этого былъ рукоположенъ во священника въ посольской

церкви въ Стокгольмѣ, но потомъ перешелъ въ Петербургъ къ Семеоновской церкви; въ январѣ 1857 г. снова отправился за границу къ посольской церкви въ Гаагѣ, откуда опять возвратился въ Петербургъ—священникомъ при соборѣ Зимняго дворца, которымъ и пробылъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1883 г. Въ «Христіанскомъ Чтеніи» С. напечаталъ—«Реформатская церковь въ Голландіи» (1861 г.), «Отвѣты изъ Голландіи на папское приглашеніе къ римскому вселенскому собору» (1870 г.) и «Нидерландская реформатская церковь въ отношеніи къ государству и другимъ религіознымъ обществамъ» (1877 г.); въ «Духовной Бесѣдѣ» за 1874 г. помещены его статьи—«Новѣйша свѣдѣнія объ ирвингіанствѣ» и «Протестантство въ Испаніи»; въ «Странникѣ» за 1879 г. появилась его критическая статья «Педагогика іезуитовъ»; наконецъ, въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Петербургской духовной академіи хранится (А, II—75) одѣяній имъ переводъ на французскій языкъ сочиненія митр. Филарета: «Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ въ православіи греко-российской церкви».

Преосв. Савва, «Автобіографія», ч. VI, стр. 474.—А. Родоскій, «Біографіческий словарь студентовъ первыхъ 28-ми курсовъ С.-Петербургской духовной академіи, 1814—1869 гг.», Спб., 1907 г., стр. 483—484.—«Енциклопедич. словарь» Брокгауза-Ефона, полут. 62, с. v.

Судаковъ — фамилія нѣсколькихъ московскихъ воеводъ XV—XVII вв., о которыхъ исторические документы сохранили лишь самая незначительная свѣдѣнія.

1. *Іванъ Андреевичъ*; въ 1578 г. отмѣченъ воеводою въ Ракоборѣ; въ 1581 г.—воевода въ Куконосѣ; 1584 г.—въ Вышгородѣ. Въ 1587 г. былъ отправленъ въ качествѣ московского послы въ Крымъ для переговоровъ о мирѣ; въ бытность тамъ или уже по вѣздѣ оттуда составилъ довольно пространный «Статейный списокъ» (отчетъ) о своемъ пребываніи въ Крыму, напечатанный въ «Ізвѣстіяхъ Таврической Ученой Комиссіи» (1891 г., № 14); списокъ этотъ содержитъ много подробностей о самыхъ переговорахъ, объ управлѣніи ханствомъ, о роли «карачеевъ», представителей татарскихъ княжескихъ фамилій, и пр.

2. Игнатій Андреевичъ—подъ 1638 г. названъ воеводою въ Шуй.

3. Михаила Андреевичъ—родомъ изъ новгородскихъ бояръ, воевода Василія Темнаго въ Берей; участвовалъ въ бою съ литовцами въ 1445 г. при Суходровѣ и былъ взятъ ими въ пленъ.

4. Петъръ Михайловаичъ—въ 1562 г. числился воеводою въ Болховѣ.

5. Тимофей Михайловаичъ—воевода въ Новомъльѣ въ 1565—1566 г.г.

«Древняя Россійская Библіоенка», т. VIII, стр. 25; т. ХІІ, стр. 98.—Н. П. Лихачевъ, «Разрядные дѣяки XVI в.», Спб., 1891 г., стр. 431.—«Сборн. Русск. Историч. Общ.», т. II, Спб., 1875 г., стр. 725, 726, 730, 734, 735.—«Акты Археографич. Экспедиції», т. III, стр. 421.—Кн. П. Долгоруковъ, «Россійская родословная книга», ч. 4, стр. 37.

Судаковъ, Михаилъ, переводчикъ; біографическихъ свѣдѣній о немъ не имѣтъся. Въ «Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» напечатаны слѣдующіе его переводы съ французского, французскаго и англійскаго языковъ: «Извѣстіе о второмъ путешествіи д-ра Лерха въ Персію, 1745—47 г.г.» (1790 г., юнь, авг., окт., ноябрь; 1791 г., янв., февр., маргъ, апр., юнь, юль, авг.; перев. вмѣстѣ съ А. Клевецкимъ); «Повѣсть о Пальмирѣ, взятая изъ весьма древней рукописи» (1791 г., юль); «Письмо Сихема къ отцу своему» (1791 г., сент.); «Повѣсть объ Энніи Лілії» (1791 г., окт., декабрь); «Разсужденіе о законѣ вообще» (1792 г., февр.); «Долженствуютъ ли дѣти имѣть различныя чувствованія къ своимъ родителямъ» (1792 г., март); «Логика» (1792 г., апрѣль, май; совмѣстно съ А. Клевецкимъ); «Разсужденіе о чувствительности» (1792 г., августъ); «Важность изученія о бессмертіи души» (1792 г., декабрь); «Разсужденія о нравоученіи» (1793 г., янв., февр., мартъ).

А. Н. Неустроевъ, «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г.г.», Спб., 1872 г., стр. LXII, 413 и 420.—«Указатель» къ нему, Спб., 1898 г., стр. 663.—«Энциклоп. словарь» Брокгауза-Ефрона, полусл. 63, Спб., 1900 г., стр. 62.

Судаковъ, Михаилъ Ивановичъ, врачъ, родился въ 1844 г., умеръ 9 сентября 1893 г. въ Стрѣлыѣ; учился въ Петербургской медико-хирургической академіи, изъ которой выпущенъ въ 1873 г. лекаремъ; въ 1874 г. назначенъ въ 136-й пѣх. Таганрогскій полкъ, въ слѣдующемъ году

прикомандированъ къ Петербургскому клиническому военному госпиталю, въ 1876 г. отправился на службу въ войска Керченского гарнизона; затѣмъ служилъ въ оккупационныхъ войскахъ въ Болгаріи (1878 г.), а въ 1879 г. было вторично прикомандированъ къ Петербургскому клиническому госпиталю; позже продолжалъ службу въ войскахъ. За диссертацию «Объ отношеніи язвенного процесса въ легкихъ къ бугорчатымъ язвамъ кишечника» («Воен. Мед. Журналъ», 1880 г., ч. 139, отд. III) онъ въ 1880 г. былъ удостоенъ степени доктора медицины.

«Врачъ», 1893 г., № 37.—Л. Ф. Змѣевъ, «Русские врачи-писатели», тетр. V, Спб., 1889 г.—«Новое Время», 12 сент. 1893 г.—«Новости», 14 сент. 1893 г.

Судаковъ, Семенъ—новгородскій бояринъ. Лѣтописи упоминаютъ ого дважды, подъ 1332 и 1352 г.г. Въ первый разъ упоминаніе о немъ стоитъ въ связи съ происходившими въ Новгородѣ народными волненіями; новгородская чернь, недовольная правленіемъ бояръ, возстала и предала разрушительнымъ экзекуціямъ, въ томъ числѣ разграбила дворъ С. и села его брата Селифона (Ксенофона); это происходило въ посадничество Федора Ахмыла, который, вслѣдствіе народныхъ волненій, лишился власти. Второе упоминаніе о С. относится къ возникшему послѣ смерти великаго князя Семена Ioannовича вопросу — кому бытъ его замѣстителемъ на великоокняжескомъ Владимиրскомъ столѣ, сго ли брату Ioанну II Ioannовичу, человѣку слабому духомъ и тѣломъ, или суждальскому князю Константину Васильевичу. Новгородцы, много терпѣвшіе отъ московскихъ князей, взяли сторону послѣдняго, и С., одинъ изъ наиболѣе упорныхъ сторонниковъ этого князя, былъ отправленъ въ орду хлопотать передъ ханомъ объ утвержденіи Константина въ великоокняжескому достоинству. Миссія его однако успѣха не имѣла: «не послушна ихъ (новгородцевъ) царь (Чанибекъ), дасть во-лико княженіе князю Ивану Ивановичу».

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. III, стр. 86; т. IV, стр. 62; т. V, стр. 228; т. VII, стр. 217.—Никон. лѣт., т. III, стр. 202—203.—Татицкій сводъ, т. IV, стр. 180.—«Продолж. Древн. Россійск. Библіоѳеки», т. II, Спб., 1786 г., стр. 594.—Кн. П. Долгоруковъ, «Россійская родословная книга», ч. 4, стр. 37.—Г. Калайдовичъ, «Исторический и хронологический опытъ исторіи о посадникахъ новгородскихъ», М., 1821 г., стр. 173.—А. В. Экземплярскій, «Вели-

кіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскій періодъ», ч. II, Спб., 1891 г., стр. 402—403.—Карамзинъ, «Исторія государства Россійскаго», изд. Эйнервінга, Спб., 1843 г., т. IV, стр. 173; прим. 296.

Судейкинъ, Любимъ Сергеевичъ, стольникъ, дипломатъ конца XVII и начала XVIII вв.; службу началъ подъачимъ, въ 1676—1692 г.г. былъ дьякомъ въ Сѣверскѣ, въ 1695 г. отмѣченъ дьякомъ же въ Воронежѣ, а съ 1697 по 1699 г. былъ посланикомъ въ Венеціи, наконецъ въ теченіе двухъ лѣтъ, 1700—1701 г.г.—русскимъ резидентомъ въ Польшѣ, что сошло со временемъ, когда русское правительство въ своихъ сношеніяхъ съ Варшавою обратило особенное вниманіе на положеніе православнаго населения въ польскихъ владѣніяхъ. 8 марта 1700 г. С. получилъ отъ Петра I грамоту, въ которой указывалось, что хотя одною изъ статей русско-польского мирного договора православнымъ въ Польшѣ обезпечивается свободное исповѣданіе своей религіи, тѣмъ не менѣе «бискупы и іезуиты, и доминиканы, и прежніе уніаты, и шляхта» въ Литвѣ «православныхъ разораютъ, въ унію насильно приводятъ, монастыри и церкви отнимаютъ», чemu и примѣры приводятся. «И ты бы (Судейкинъ),—заканчивается грамота,—королевскому величеству, сенаторамъ, канцлеру и иныхъ чиновъ ближнимъ людямъ говориъ, чтобы королевское величество, по должности договоровъ вѣчнаго мира, приказалъ... православныхъ христіанъ въ унію не обращать и умершихъ хоронить по древнему обыкновенію, и впредь на такое неистовоство дерзать заказать жестокими указами». На соответственная представленія С. сенаторы отвѣчали обычной рѣчью, что у нихъ насильно въ католичество никого не обращаютъ, принимаютъ же только тѣхъ, кто добровольно переходитъ. Когда же С. возразилъ, что не можетъ быть слова о добровольномъ переходѣ, разъ обращенные жалуются царю, сенаторы отговорились незнаніемъ подобныхъ случаевъ и обѣщали разслѣдоватъ дѣйствія канцлера великаго княжества Литовскаго, князя Радзивилла, на котораго въ грамотѣ Петра къ С. дѣдались опредѣленныя указанія. Въ маѣ 1700 г. С. лично принялъ рядъ устныхъ жалобъ отъ православныхъ на гоненія и угнетенія со стороны католического духовенства, въ

средѣ котораго въ этомъ смыслѣ особенно отличался епископъ Іосифъ Шумлянскій, самъ перешедшій въ унію и другихъ къ тому принуждавшій. На основаніи собранныхъ свѣдѣній С. составилъ «лѣяцію» и отправилъ ее Петру. 23 мая къ С. прѣѣхали номинатъ луцкой епископіи архимандрітъ Діонісій Жебокрицкій, игуменъ Почаевскаго монастыря Іосифъ Исаевъ и Бѣльскаго монастыря Сильвестр Тройцевичъ и объявили ему, что гоненія на православныхъ и понужденіе ихъ къ унію стали невыносимы, и иного исхода, какъ заступничества русскаго царя, они не видѣть. С. обнадежилъ просителей заступничествомъ и тотчасъ выѣхалъ изъ Варшавы въ Вильну, гдѣ въ то время находился польскій король. Тамъ онъ услышалъ новыя жалобы на притѣсненія поляковъ, которые, по словамъ жалобщиковъ (вполнѣ подтверждавшимся), упорствовавшихъ въ нежеланіи перейти въ унію заковывали въ цѣпи и сажали въ тюрмы. У литовскаго гетмана Сапіги С. настоялъ на освобожденіи заключенныхъ, затѣмъ добился свиданія съ королемъ и выхлопоталъ у него указъ никого не певолить въ унію, отосланый къ Радзивиллу, Сапігѣ и Шумлянскому. Тѣмъ не менѣе было ясно, что королевскій указъ явился вынужденнымъ, а потому и неискреннимъ, что сознавалъ и С. Донося обо всемъ Петру, въ заключеніе онъ писалъ: «Повидимому, все поклебствуютъ; а истины отнюдь неѣть, и желаютъ, конечно, чтобы у нихъ въ Польшѣ и Литвѣ наше благочестіе изсякло». Недовѣrie С. оправдалось въ самомъ скромѣи времени: уже въ февралѣ 1701 г. обнаружилось, что королевские листы не доставили спокойствія галицкимъ православнымъ; къ С. въ Варшаву стали приходить львовскіе братчики «съ величимъ плачемъ», что Шумлянскій «гвалтомъ» отбираетъ у нихъ церкви, а ихъ самихъ понуждаетъ къ унії. С. снова выхлопоталъ имъ у Августа листъ, но коронный великий канцлеръ, бискупъ Перемышльскій, отказался скрѣпить его коронною печатью. Связанное съ Польшою союзнымъ договоромъ и общую борьбою противъ Карла XII, русское правительство не находило возможнымъ дѣлать рѣшительныхъ представлений польскому. Въ такихъ обстоятельствахъ, когда къ Польшѣ нужно было относиться какъ къ союзнику и въ то же время не

поступаться своими интересами, нужень былъ опытный и искусный дипломатъ, какимъ С., повидимому, не считался, почему въ серединѣ 1701 г. былъ отозванъ и замѣненъ ближнимъ стольникомъ ген.-адъютанта Г. Ф. Долгоруковымъ.

«Дополнение къ Актамъ Историческимъ», т. IX, стр. 248.—Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, «Дѣла польскія» за 1700—1701 г.г.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи съ древнішими временемъ», изд. т-ва «Общественная Польза», кн. III, стр. 1277—1280.

Судила Ивановичъ, прозваніемъ Ижесатичъ, новгородскій посадникъ, принадлежалъ къ влиятельному въ дѣлахъ Новгорода боярскому роду,—извѣстно, по крайней мѣрѣ, что отецъ его, Иванко Павловичъ, также былъ посадникомъ. Въ политической жизни Новгорода и въ борьбѣ его партій С. И. началъ принимать участіе, вѣроятно, около 1180 г.; есть вполнѣ опредѣленныя данныя, изъ которыхъ видно, что еще за нѣсколько лѣтъ до своего первого посадничества онъ былъ уже однимъ изъ главныхъ—если даже не главнымъ—руководителей новгородской партіи, стоявшей за княженіе въ Новгородѣ суздальскихъ князей, или Юрьевичей. Когда въ 1140 г. на новгородскій столъ сѣлъ Святославъ Олеговичъ, С. И., будучи противникомъ его княженія и опасаясь преслѣдованій, бѣжалъ въ Сузdalъ къ кн. Юрію Владимировичу. Въ слѣдующемъ 1141 г. настроеніе новгородцевъ измѣнилось, верхъ взяла партія «суздалицевъ», Святославъ Олеговичъ изъ Новгорода, и С. И., вернувшись изъ Суздаля, былъ избранъ въ посадники, замѣстивъ Якуна Мирославича, который пытался бѣжать выѣхѣть съ княземъ, но былъ схваченъ, бить и заточенъ въ Чудь. Это посадничество С. И. совпало съ весной трудными обстоятельствами для Новгорода. Не говоря уже объ острой цартийной борьбѣ, которая всегда терзала вольный городъ, были еще и другія условія, тяжело отражавшияся на теченіи его жизни, и среди нихъ главное—ссора съ вол. кн. Всеvolodomъ Олеговичемъ изъ-за нежеланія новгородцевъ признать своимъ княземъ его брата, сына или племянниковъ. Не рѣшаясь вступить съ новгородцами въ открытый бой, Всеvolodъ Олеговичъ предпринялъ противъ нихъ рядъ косвенныхъ мѣръ, весьма чувствительныхъ для города,

по преимуществу торговаго: повсюду задерживалъ новгородскихъ купцовъ и сажалъ ихъ въ тюрьмы, не пропускалъ никакого изъ иноземныхъ гостей, запретилъ къ городу всякий подвозъ и всемѣрно препятствовалъ призванію нового князя. Въ теченіе цѣлыхъ 9 мѣсяцевъ С. И. исполнялъ обязанности и посадника, и князя, за отсутствіемъ такового, и добился таки того, что новгородскій столъ былъ занять однимъ изъ суздальскихъ князей, именно Ростиславомъ Юрьевичемъ. Послѣдній, впрочемъ, прокняжилъ недолго, но С. И. удержалъ власть въ своихъ рукахъ и при преемникѣ его, Святополкѣ Всеvolодовичѣ,—и это можетъ быть объяснено только исключительной популярностью посадника въ широкихъ массахъ Новгорода; иль онъ только въ 1145 г., при обстоятельствахъ, оставшихся неизвѣстными. Въ 1147 г. онъ былъ избранъ во второй разъ посадникомъ, причемъ пробылъ у власти относительно очень долго, до зимы 1156 г.; некоторыми историками, впрочемъ, этотъ періодъ дѣлится на два, т. е. предполагается, что С. И. не былъ непрерывно всю это время посадникомъ, около 1154 г. будучи избранъ на эту должность въ третій разъ, а до того годъ или два былъ не у власти. Но предположеніе этого строится на соображеніяхъ общаго характера, мнѣніями которыми не опровергаемыми и не подтверждаемыми. Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что и на этотъ разъ С. И. упорно вѣръ свою политику, всячески стараясь примирить новгородцевъ съ Юріемъ суздалисмъ. Послѣднее паденіе егоносить трагический характеръ и произошло въ связи съ одной изъ тѣхъ мятежныхъ и мало чѣмъ объяснимыхъ вещишекъ новгородской черни, которыми такъ изобилуетъ исторія вольного города. Разъяренная чернь, не удовольствовалась тѣмъ, что лишила С. И., прежде популярнаго у нея, посадничества и изгнала изъ города, но настигла его гдѣ-то и нанесла ему такое жестокое побои, отъ которыхъ онъ черезъ пять дній скончался.

Новгородская типографическая лѣтопись, М., 1781 г., стр. 23, 30, подъ 6649, 6650, 6656, 6669 гг.—Софийская лѣтопись, ч. I, Спб., 1795 г., стр. 158, 159.—Царственная лѣтопись, Спб., 1772 г., стр. 44—45.—Никоновская лѣтопись, ч. II, Спб., 1768 г., стр. 81.—«Продолженіе Древней Российской Вивіоѳики», ч. II, Спб., 1786 г., стр. 391, 392.—Г. Калайдовичъ, «Исто-

рическій и хронологическій опытъ о посадникахъ новгородскіхъ», М., 1821 г., стр. 83—84.—Д. Прозоровскій, «Новая розысканія о новгородскихъ посадникахъ», «Вѣстникъ Археологии и Исторіи», вып. IX, Сіб., 1892 г., стр. 103, 128.—Н. Рожковъ, «Политическія партіи въ Великомъ Новгородѣ», «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1901 г., апрѣль, стр. 245, 247.—Карамзинъ, «Истор. госуд. Россійскаго», изд. Эйнерлинга, Сіб., 1843 г., т. II, стр. 117; прим. 358, 381.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Общества Польза», кн. I, стр. 390, 453, 455.

Судиславъ Владиміровичъ, одинъ изъ 12 сыновей великаго князя Владимира отъ супруги его Адели, по старшинству, кажется, младшій; Несторъ упоминаетъ его впервые подъ 988 г. По даннымъ позднѣйшихъ хѣтописей, С. В. получелъ отъ отца въ удѣлъ Псковъ, вѣкоторые историки же полагаютъ, что онъ вмѣстѣ съ братьями Станиславомъ и Поздвидомъ владѣлъ Кіевскимъ княженіемъ,—предположеніе, никакъ не доказываемое. Послѣ смерти Мстислава Удалаго Ярославъ Владиміровичъ сдѣлался, какъ извѣстно, «самовластецъ» Русской земли. С. В., единственному въ это время изъ живыхъ братьевъ Ярослава, повидимому не по душѣ было, что тотъ не дѣлится съ нимъ вымороочными волостями братьевъ; по крайней мѣрѣ въ этомъ смыслѣ онъ былъ облеветанъ передъ Ярославомъ, который, опасаясь увидѣть въ лицѣ брата соперника, въ 1036 г. посадилъ его въ тюрьму во Псковѣ. Цѣлыхъ 22 года пропомился С. В. въ тюрьмѣ. Только въ 1058 г. о немъ вспомнили дѣти Ярослава и освободили его, дряхлаго старика, болѣе не опаснаго, къ тому же бездѣтнаго,—и все же они взяли съ него клятву не затѣвать ничего имъ противнаго. Свободою С. В. воспользовался только для того, чтобы отказаться отъ свѣта,—онъ постригся въ Кіевскомъ монастырѣ св. Георгія, гдѣ и жизнь свою кончилъ, въ 1063.

Лаврентьевск. лѣт., стр. 67, 71.—Софійск. лѣт., стр. 80.—Никоновск. лѣт., т. I, стр. 93.—Соф. Врем., т. I, стр. 87.—Н. М. Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійскаго», изд. Эйнерлинга, Сіб., 1843 г., т. I, стр. 133; прим. 464, 467; т. II, стр. 14, 22, 41; прим. 114.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Общества Польза», кн. I, стр. 191, 204, 289—290.—Даугошъ, «Historia Polon.», т. I, стр. 145.—Арцыбашевъ, «Повѣстование о Россіи», т. I, прим. 132.—В. Дурасовъ, «Родословная книга всероссійскаго дворянства», ч. I, Сіб., 1906 г., гл. 2, стр. 5.

Судковскій, Руфімъ Гавrilовичъ, выдающійся художникъ-маринистъ, академикъ, родился 7 апрѣля 1850 г. Сынъ священника Херсоаской епархіи и самъ по желанію отца готовясь стать священникомъ, С. соотвѣтственно этому и получилъ образованіе, учась сначала въ Очаковскомъ духовномъ училищѣ, затѣмъ въ Одесской духовной семинаріи. Но священническая дѣятельность вскорѣ перестала его привлекать. Уже въ дѣтскіе годы начали обнаруживаться въ немъ способности къ рисованію, а въ юношескомъ возрастѣ, особенно во время пребыванія въ Одессѣ, подъ впечатлѣніемъ видовъ южнаго моря съ его чарующими красотами въ немъ окончально проснулся художникъ, и онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ поѣтителей рисовальной школы Одесского общества любителей искусства. Ознакомившись основательно съ употребленіемъ карандаша и кисти, С. съ жаромъ, сталъ рисовать съ натуры и уже въ этихъ юношескихъ работахъ обнаружилъ несомнѣнныи талантъ и преимущественную любовь къ морскимъ сюжетамъ. Въ 1868 г. онъ, не кончивъ курса, вышелъ изъ семинаріи и отправился въ Петербургъ, где былъ принятъ ученикомъ въ академію художествъ. Въ послѣдней пробылъ 3 года, причемъ его пейзажные этюды на заданныя темы были отличены большою и малою серебрявыми медалями (1870 г.). Въ 1871 г. С. возвратился я въ родину (въ Очаковъ) и энергично занялся этюдами береговъ Чернаго моря. Картины первыхъ лѣтъ его пребыванія въ Очаковѣ носятъ явные следы подражанія разнымъ мастерамъ; въ нихъ мало оригинально-творческихъ элементовъ какъ въ композиціи рисунка, такъ и въ отношеніи его выполненія, почему даже лучшіе изъ этихъ опытовъ, принятые разными петербургскими выставками, остались, вполнѣ естественно, незамѣченными и публикой и критикой. Но непрестанная и усердная работа С. наѣдъ своимъ дарованіемъ, строгая самокритика и особенно поѣздка въ 1874 г. за границу значительно усовершенствовали технику его кисти и развили его наблюдательность. Картины его на академической выставкѣ 1877 г. представляли уже рѣшительный шагъ впередъ въ сравненіи съ прежними опытами, обнаруживъ въ авторѣ несомнѣнныи крупный талантъ и умѣніе

выразить его, и академія художествъ нашла вполнѣ возможнымъ присудить С. за нихъ званіе художника 2-й степени, хотя имъ и не было сданъ необходимый для этого специальный экзаменъ по общимъ предметамъ: «въ знакъ особаго исключенія и не въ примѣръ другимъ»—было мотивировано академіей это присужденіе. Два года спустя С. получилъ званіе класснаго художника 1-й степени. Въ это же время начинаетъ расти его извѣстность и въ широкихъ кругахъ, чemu особенно способствовали устроенные имъ въ 1880 и 1881 г.г. въ Одессѣ двѣ выставки собственныхъ картинъ. Наконецъ, три выставки его работъ въ Петербургѣ (1882, 1883 и 1884 г.г.; первая вмѣстѣ съ Ю. Ю. Клеверомъ) окончательно упрочили его извѣстность какъ выдающагося художника-мариниста, а одя изъ замѣтнейшихъ его картинъ—«Буря близъ Очакова», экспонированная въ 1882 г. на выставкѣ «Общества художественныхъ выставокъ», доставила зму званіе академика. На этихъ выставкахъ С. явился уже вполнѣ опредѣлившимся художникомъ, настоящимъ мастеромъ, способнымъ передавать красками самыя неуловимыя движения волнъ, самую причудливую игру свѣта на водѣ. Водную стихію онъ и училъ во всѣхъ отношеніяхъ и съ поразительной художественной вѣрностью умѣлъ передавать ея покой, ея прозрачность, ея безбрежность, игру въ ней солнечныхъ и лунныхъ лучей въ тихую погоду, грозное величие ея въ бурю. С. занялъ выдающееся мѣсто въ ряду русскихъ художниковъ. Безспорный талантъ и серьезная непрестанная работа надъ нимъ обѣщали С. славную будущность, но преждевременная смерть его не дала осуществиться этимъ ожиданіямъ: онъ умеръ 4 февраля 1885 г. отъ тифа, въ возрастѣ менѣе 35 лѣтъ, въ расцвѣтѣ силъ, не завершившись окончательно какъ художникъ, не успѣвъ осуществить надеждъ, которыя возлагались на его талантъ. Въ годъ смерти С. друзьями его была устроена посмертная выставка его произведеній.

Общее число картинъ С. весьма значительно, особенно если принять во вниманіе непродолжительность его художественной карьеры. Лучшими изъ нихъ считаются: «Очаковская пристань» (находится въ музѣи Императора Александра III), «Штиль» (тамъ же), «Дарьяльское ущелье»

(тамъ же), «Ночь», «Прозрачная вода», «Бурное море», «Затишье» (въ Третьяковской галлерѣ), «Буря близъ Очакова», «Полдень», «Рассвѣтъ до восхода солнца», «Ночью будетъ буря», «Кинбурнская коса послѣ дождя», «Днѣпровскія гирла», «Ловля сельдей», «Бой Весты съ турецкимъ мониторомъ». Изъ менѣе значительныхъ работъ назовемъ: «Березанскій заливъ», «На Финскомъ заливѣ», «Лиманъ», «Тихій день», «Девятый валъ», «Одесскій моль», «Буря у Одессы», «Передъ грозой», «Шередь бурей», «Морской берегъ», «Волна», «Бурный прибой» и др. Были у С. карандашные и акварельные работы, но они стоятъ значительно ниже его картинъ масляными красками.

Ф. И. Булгаковъ, «Альбомъ русской живописи. Картины и этюды академика Р. Г. Судковского», Спб., 1897 г. (приложены краткая біографія и подробный списокъ картинъ, бывшихъ на разныхъ выставкахъ).—Его же, «Наші художники (живописцы, скульпторы, мозаисты, граверы и медальеры) на академическихъ выставкахъ послѣдняго 25-лѣтія», Спб., 1889—1900 гг.—«Художественный Но-востіи», 1885 г., № 4, стр. 118—118; № 5, стр. 136—138 («Корреспонденція изъ Одессы»).—Я. П. Полонскій, «О картинахъ Р. Г. Судковскаго», «Нива», 1885 г., № 50.—А. Н. Новицкій, «Історія русскаго искусства», М., 1899—1903 г.—А. Бенуа, «Історія русской живописи», Спб., 1901—1902 г., ч. II, стр. 201.—Р. Г. Судковскій, академикъ пейзажной живописи, «Всемірная Ілюстрація», 1885 г., № 842.—«Каталогъ художественного отдѣла Русскаго музея Императора Александра III», Спб., 1899 г.—Энциклопедіческие словари Брокгауза-Ефрона, бр. Гранатъ и т-ва «Проф-свѣщеніе», с. в.—Некрологи: «Новое Время», 1885 г., № 3213.—«Новости», 1885 г., № 36.—«Нива», 1885 г., № 10.—«Русскій календарь» А. С. Суворина на 1886 г.

Судовщико́въ, Николай Родионо-вичъ, драматический писатель конца XVIII и начала XIX вв. Сохранившаяся о немъ біографическая свѣдѣнія довольно скучны. Между 1780—1795 гг. онъ вращался въ кругу цетербургской «золотой молодежи» и вѣръ неумѣренный образъ жизни. «Забуяненная головушка» и весельчакъ, остроумиѣйший собесѣдникъ, сыпавший въ разговорѣ риомованными фразами, составитель Ѣдкихъ эпиграммъ, дебоширъ и про-казникъ, онъ вѣчно имѣлъ всякия столкновенія и непріятности съ полиціей, которая довольно легко сходили ему съ рукъ лишь благодаря покровительству со стороны та-

кихъ лицъ, какъ известный писатель Н. О. Эминъ, генераль-прокуроръ кн. А. А. Вяземскаго и сберъ-шталмейстеръ А. А. Нарышкинъ. Служилъ онъ мелкимъ чиновникомъ въ какомъ-то вѣдомствѣ. Какъ писатель, С. ограничивался долгое время сочиненіемъ эпиграммъ, остроумныхъ и юдкихъ, имѣвшихъ большой успѣхъ, но въ началѣ девяностыхъ годовъ сталъ работать серьезнѣе, результатомъ чего явилось его первое болѣе крупное произведеніе—остроумная сатирическая комедія въ стихахъ: «Не знаешь, не ревнуй, а знаешь—такъ молчать», въ дѣйствующихъ лицахъ которой узнали себя нѣкоторые видные сановники, и по ихъ настоянию пьеса была запрещена. Но она ходила по рукамъ въ спискахъ, сдѣлалась популярной, а два стиха изъ нея, именно:—«За все, про все плати; честь, славу и ученье, все купишь съ молотка» и «Кто богатъ, тотъ въ мірѣ и капраль»—одно время были ходячими фразами. Впослѣдствіи эта комедія была напечатана и нѣсколько разъ играна на сценѣ. Черезъ нѣкоторое время С. написалъ другую комедію-сатирику: «Неслыханное дѣло или честный секретарь», въ 3 дѣйств. Напечатать ее тогда по тѣмъ же причинамъ, какъ и первую, оказалось невозможнымъ, хотя она понравилась самой Императрицѣ Екатеринѣ II. Въ этой пьесѣ бичевались главнымъ образомъ взяточничество и пристрастіе тогдашнихъ приказчиковъ и полицейскихъ. Только вѣсь сколько мѣсяцій спустя эта комедія по приказанію великаго князя Павла Петровича, бывшаго о ней очень высокаго мнѣнія, была напечатана и многократно играна, самъ же С. получилъ хорошее мѣсто при удѣльномъ вѣдомствѣ. Позже С. служилъ при томъ же вѣдомствѣ въ Казани и при Императорскихъ театрахъ въ Петербургѣ. Къ числу достоинствъ произведеній С. принадлежитъ чистый, правильный, звучный и красивый для своего времени стихъ. Въ этомъ отношеніи съ нимъ едва ли могъ сравниться кто-либо изъ современныхъ ему поэтовъ.

Макаровъ, «Николай Родионович Судовицковъ», «Репертуаръ и Павтоны», Сиб., 1844, № 8, стр. 251—270.—А. В. Арсеньевъ, «Словарь писателей средняго и нового періодовъ русской литературы, XVII—XIX в.», Сиб., 1887, стр. 91. О комедіи «Неслыханное дѣло» см. также Галаковъ, «Исторія словесности».—«Справочный энциклопед. словарь» Крайя-

Старчевского, т. 9, Сиб., 1855 г., с. v.—«Энциклопедич. словарь» Брокгауза-Ефона, подъул. 31, с. v.

Судъенко, Михаилъ Осиповичъ, любитель-археографъ, предсѣдатель Киевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ. Оставшись круглымъ сиротой, мальчикъ въ 1804 г. былъ усыновленъ т. сов. Осипомъ Степановичемъ Судъенкомъ, а послѣ его смерти (1811 г.) воспитывался въ домѣ князя Я. И. Лобанова-Ростовскаго; позже учился въ Пажескомъ корпусѣ, изъ кото-раго въ 1824 г. былъ выпущенъ корнетомъ въ лейбъ-кирасирскій Ея Величества полкъ; въ январѣ 1829 г. онъ вышелъ въ отставку (съ чиномъ штабсъ-ротмистра) и поселился въ своемъ имѣніи Черниговской губерніи, гдѣ предался занятіямъ исторіей. Нѣсколько времени затѣмъ С. провелъ въ путеше-ствіяхъ за границею, вернувшись откуда снова поселился въ имѣніи и въ 1835—1837 и 1838—1841 гг. былъ новгородъ-сѣверскимъ уѣзднымъ предводителемъ дво-рянства. Помимо этого, С., обладавшій зна-чительнымъ состояніемъ, былъ попечите-лемъ сперва Новгородъ-Сѣверской, а затѣмъ Черниговской гимназій. На устройство пансиона при послѣдней имъ была по-жертвована въ 1838 г. значительная сумма (30 тыс. ассигнаціями); кромѣ того имъ были дѣлаемы большія пожертвованія въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію, въ кото-рой, какъ и въ Черниговской, много лицъ воспитывалось на его счетъ. Впослѣдствіи С. переселился въ Кіевъ, гдѣ близко со-шелся съ М. В. Юзефовичемъ и генераль-губернаторомъ Д. Г. Бибиковымъ. Всльдѣствіе предложенія послѣдняго, С. принялъ на себя обязанности попечителя Бѣлопер-ковской гимназіи, а потомъ—предсѣдателя временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ, учрежденной при Кіевскомъ, Во-лынскомъ и Подольскомъ генераль-губер-наторѣ. Занимая эту постъ, С. предался научнымъ занятіямъ и собираю разнаго ряда историческихъ документовъ. Его со-браніе рукописей и книгъ принадлежало къ числу самыхъ лучшихъ частныхъ книго-хранилищъ въ Россіи; часть принадлежав-шихъ ему документовъ онъ сообщилъ Московскому обществу исторіи и древностей, а также и другимъ ученымъ обществамъ, членомъ коихъ состоялъ, все же громад-ное его собраніе рукописей поступило въ библиотеку университета св. Владимира. За

время своего предсѣдательства въ Киевской археографической комиссіи, С. способствовалъ выходу въ свѣтъ многихъ изданій комиссіи, между прочимъ—«Лѣтописи Величка» (Кievъ, 1848—1855 гг.); кромѣ того онъ издалъ «Матеріалы для отечественной исторіи» (2 тома, Kievъ, 1853—1855 гг.) и на свои средства работу А. Шафонскаго: «Черниговскаго намѣстничества топографическое описание» (Kievъ, 1851 г.). С. принималъ участіе и въ общественной дѣятельности; такъ, въ 1854 г. онъ сформировалъ съ значительными по жертвованіями съ своей стороны Новгород-свѣрскую дружицу, а особенно ярко выразилась его личность въ Черниговскомъ комитетѣ по ссвобожденію крестьянъ, гдѣ онъ выявилъ себѣ жаркимъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ съ землею. Въ послѣдніе годы своей жизни С. ослѣпъ, но твердо переносилъ свои страданія. По свидѣтельству знавшихъ его, С. обладалъ острѣмъ и серьезнымъ умомъ, соединяя въ себѣ съ этимъ необычайную твердость характера и стойкость убѣждений: выработанные имъ взгляды никогда не подчинялись разсчету и всегда стояли въ строгомъ соотвѣтствіи долгу. Умеръ С. 8 сентября 1874 г.

А. Лазаревскій, «Украинскія историческія маличи», т. I, Kievъ, 1901 г., стр. 59—61. «Кievская Старина», 1882 т., т. I, стр. 196. — «Родословная книга Черниговскаго дворянства, составленная графомъ Милорадовичемъ», т. II, Спб., 1901 г., ч. VI, стр. 193. — «Кievлянинъ», 1871 г., № 112.—А. Лазаревскій, «Указатель источниковъ для изученія малороссийскаго края», вып. I, Спб., 1858 г., стр. 91, 97.—Въ «Русскомъ Архивѣ» 1895 г. были напечатаны три письма Пушкина къ М. О. Судченко.

B. Модзалевскій.

Сузdal'skie и Suzdal'sko-Nizh'egorod'skie udelynye knyazya свое имя получили отъ главныхъ центровъ въ ихъ княжествѣ—Суздаля и Нижнаго-Новгорода. Относительно времени основанія Суздаля (нынѣ уѣзднаго города Владимирской губерніи) лѣтописи не даютъ никакихъ указаний; во всякомъ случаѣ онъ одно изъ древнейшихъ русскихъ поселеній и, безъ сомнѣнія, существовалъ уже въ концѣ X вѣка. Первое достовѣрное упоминаніе о немъ находимъ у Нестора подъ 1024 г.: «Въ се лѣто вѣсташа вѣльзи въ Суждали, избиваху старую чадъ по дьяволю на ученью и бѣсованью». Слѣдующія два сто-

летія Сузdal' съ значительными прилегавшими къ нему землями былъ волостью сначала Киевскихъ, потомъ Переяславскихъ, наконецъ Владимірскихъ князей. Въ 1237 г. онъ былъ сожженъ Батыемъ, а его окрестности разорены. Въ 1238 г., по уходѣ татаръ изъ сѣверо-восточной Руси, великимъ княземъ Владимірскимъ сталъ Ярославъ Всеvolodovichъ, который въ томъ же году отдалъ Сузdal' въ самостоитѣтельный уделъ младшему брату своему *Святославу Всеvolodovichu*. 1238 годъ такимъ образомъ можно считать началомъ существованія Сузdal'skаго удѣльного княжества. Святославъ прокняжалъ въ Суздалѣ только до 1246 г. включительно, когда (по смерти брата Ярослава) занялъ великокняжескій престолъ. Хотя за Святославомъ не удержался эпитетъ князя Сузdal'skаго, вытесненный его великокняжескимъ званіемъ (о Святославѣ Всеvolodovichѣ см. томъ «Сабаньевъ—Смысловъ», стр. 251—252), тѣмъ не менѣе онъ все же былъ первымъ княземъ въ Суздалѣ, и при установлѣніи порядка сѣм'и князей на этомъ столѣ съ него и слѣдуетъ начинать. Съ переходомъ Святослава въ Владимір Сузdal' перешелъ къ его племяннику *Andreju Yaroslavichu* (второй князь въ Суздалѣ), которому этотъ уделъ былъ сохраненъ за собою и въ періодъ его кратковременнаго великокняженія. За нимъ слѣдовали въ порядке времени его сыновья *Юрій, Михаїлъ и Василій Andreevich*, затѣмъ сынъ послѣдняго—*Alexander Vasilevich*. При слѣдующемъ Сузdal'skомъ князѣ—*Konstantin Vasilevich* (младшемъ сынѣ Василія Андреевича) уделъ значительно былъ расширенъ новыми землями,—къ нему были присоединены Нижній-Новгородъ, Городецъ, Юрьевецъ, Шуя и др., и даже резиденція князя на иѣкоторое время (съ 1350 г.) была перенесена въ Нижній-Новгородъ. Съ этой поры и все княжество стало называться Сузdal'sko-Nizh'egorod'skimъ, а иногда Сузdal'sko-Gorodets'kimъ.

Нижній-Новгородъ основанъ въ 1221 г. княземъ Юриемъ Всеvolodovitchemъ на мѣстѣ древнаго болгарскаго поселка съ цѣлью защиты отъ мордвы и болгаръ. Находясь на слиянії Волги и Оки, городъ скоро сталъ важнымъ торговымъ пунктомъ между Русью и азіатскими инородцами. Какъ крайній восточный пунктъ Владимірскаго

великаго княжества, онъ имѣлъ также важное стратегическое значеніе,—значеніе сторожевой твердыни. Въ 1238 г. онъ избѣжалъ повидимому татарскаго разгрома, но потомъ подвергался ему неоднократно. До сліянія его съ Суздальскимъ княжествомъ овъ находился во владѣніи великихъ князей Владимирскихъ.

Послѣ присоединенія къ Суздalu Нижнаго - Новгорода и другихъ мѣстъ княжество самостоительно просуществовало еще 42 года. Въ 1392 г. и Суздаль и Нижній-Новгородъ были присоединены къ великому княжеству Московскому. Съ этихъ порь Суздаль уже никогда не подымался изъ подчиненного положенія, Нижній-Новгородъ же еще два раза (каждый разъ ненадолго) приобрѣталь значеніе самостоительного княжества,—первый разъ въ 1412—1417 гг., когда князь *Даниилъ Борисовичъ* при помощи Зелени-Салтана отнялъ городъ отъ Москвы, и второй разъ въ 1446—1450 гг., когда въ немъ княжили *Василий и Фёдоръ Юрьевичи*, получившіе его отъ Василия Шемяки.

Такимъ образомъ, собственно Суздальское удѣльное княжество существовало 112 лѣтъ, а въ соединеніи съ Нижнимъ-Новгородомъ еще 42 года, всего свыше 150 лѣтъ. Князья его достигали значительнаго могущества, съ успѣхомъ боролись съ другими удѣльными князьями и только предъ усилившіеся Москвою должны были сложить оружіе. Отъ Суздальскихъ князей произошли шесть княжескихъ родовъ, всѣ уже давно угасшіе: въ XV колѣнѣ (отъ Рюрика) — князья *Ногтевы*, XVI колѣнѣ — *Шуйские*, XVII — *Горбатые-Шуйские* и *Глазатые-Шуйские*, XVIII — князья *Барбашинъ* и XIX — *Скопинъ-Шуйские*.

I. Родословныя: а) *Рукописныя:* въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москве, №№ 84/110 (10, гл. 9); 174/280 (F⁰, гл. 9); 187/296 («Родослови. книга о великихъ князехъ отъ Августа Кесаря Римскаго и о великихъ князяхъ Великаго Россіи Московскаго государства и о удѣльныхъ князехъ», 4⁰); 222/393 («Родословецъ», 4⁰); 592/1094 («Родословецъ русскихъ великихъ князей.. и удѣльныхъ князей русскихъ»).—Въ Императорской Публичной библіотекѣ, отд. Q, IV, №№ 47, 102 и 272.—Тамъ же, въ отд. древнехранiliща М. П. Погодина, №№ 1518 («Лѣтвица великихъ государей и великихъ князей русскихъ») и 1604.—Въ Московскому обществу исторіи и древностей российскихъ, №№ 177, 178 и 179

(40, гл. 11).—Въ библіотекѣ Императ. академіи наукъ, №№ 29 (4⁰, гл. 10), 31 (4⁰), 37 (B⁰).—б) *Изданныя:* «Родословная книга князей и дворянъ российскихъ и выѣзжихъ» («Бархатная книга»), ч. II, M., 1787 г., гл. 8.—Т. Мальгинъ, «Зерцало российскихъ государей», изд. 3-е, Спб., 1791 г.—М. Г. Спиридовъ, «Сокращенное описание службъ благородныхъ российскихъ дворянъ», М., 1810 г.—«Родословная книга великихъ и удѣльныхъ князей рода Рюрикова», въ «Запискахъ касательно Россійской исторіи», ч. V, Спб., 1793 г.—Митонъ, «Родословная владѣтельн. российскихъ князей по родосписямъ Н. М. Карамзина», Спб., 1821 г.—(Приписываемый Екатеринѣ II) «Родословникъ князей великихъ и удѣльныхъ рода Рюрикова», Спб., 1793 г.—«Родословная книга въ трехъ спискахъ, синодальную и двухъ другихъ», издан. «Времен. Импер. Московск. Общ. Истор. и Древност. Россійск.», кн. X, M., 1851 г.—П. Строевъ, «О родословіи владѣтельныхъ князей русскихъ», «Сынъ Отечества», 1844 г., ч. XIV и «Жизнь и труды П. М. Строева».—Н. Головинъ, «Родословная роспись потомковъ вел. кн. Рюрика», M., 1851 г.—П. Хавскій, «О родословныхъ российскихъ потомства вел. кн. Рюрика», «Сѣверная Пчела», 1835 г., № 135.—Эрмеринъ, «Общий обзоръ родовъ, происшедшіхъ отъ вел. кн. Рюрика». И. Жанти, «Родословная царей и князей русскихъ... съ присоединеніемъ хронологическихъ таблицъ», Тифлісъ, 1888 г.—Кн. П. Долгоруковъ, «Россійская родословная книга», 2 тт., Спб., 1854—1855 гг.—Кн. Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», Спб., 1895 г.—П. Н. Петровъ, «Для немногихъ; специальная замѣтки по генеалогии, исторіи и искусству», Спб., 1871 г.—Его же, «Исторія родовъ русского дворянства», т. I, Спб., 1885 г.—Гр. Бобринскій, «Русскіе роды, внесенные въ Общій Гербовникъ», Спб., 1890 г.—И. Д. Хмыровъ, «Перечень князей Рюрикова дома».—«Алфавитно-справочный перечень удѣльныхъ князей русскихъ и членовъ царствующаго дома Романовыхъ», Спб., 1871 г.—В. Дурасовъ, «Родословная книга всероссийскаго дворянства», ч. I, Спб., 1906 г.

II. Лѣтописи и акты: «Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей», тт. I, II, IV—VIII, XV.—«Нижегородская лѣтопись», т. III—V.—В. Татищевъ, «Исторія Россіи», т. IV.—«Собрание Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ», т. I, №№ 41, 42, 62.—«Акты Исторические», т. I, №№ 25, 28, 29, 38, 58.—«Нижегородский лѣтописецъ», напеч. въ «Древней Россійской Вилюенікѣ» Новикова, въ «Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета», 1836 г., кн. II, стр. 126—157 и отд. изданъ А. С. Гаписскимъ (лучшая редакція).—«Степенная книга», т. I, 66.—«Книга Большого Чертежа», изд. Г. И. Спасскимъ, М., 1846 г.

III. Пособія общую характера. Н. М. Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійскаго», Спб., 1843 г., тт. IV—V.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», кн. I, по изд. т-ва «Обществен. Попѣза».—М. М. Щербатовъ, «Россійская исторія», т. II.—Исторія Россіи Иловайскаго, Бестужева-Рюмина и др.—Арцыбашевъ, «Появление о Россіи», т. II.—Проф. Сергеевъ

вичъ, «Лекціи по русскому праву», Спб., 1887 г. — А. В. Экзомплярскій, «Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарский періодъ», 2 тт., Спб., 1891 г. — В. С. Борзаковскій, «Исторія Тверскаго княжества», Спб., 1876 г.

IV. Сочиненія специальные: а) О Суздалѣ: Ананій Федоровъ, «О богоспасаемомъ градѣ Суждалѣ», составл. въ 1770 г., напечат. въ «Древней Россійск. Библіоіюсѣ» Новикова и во «Времен. Московск. Общ. Истор. и Древностей Россійскихъ», т. XXII.—Шагановъ, «О древнихъ гробницахъ въ Суздалѣ», «Нижегор. Губернск. Вѣдомости», 1847 г., № 40.—Его же, «Кидекша», ibid., 1847 г., № 68 (объ основаніи Суздаля).—Митроп. Евгений, «Словарь истор. духовн. писателей», т. I, стр. 34 (о томъ же).—Кисленскій, «Исторія Суздаля и его древн.», Спб., 1848 г. и «Журн. Минист. Народн. Просвѣщ.», 1848 г., прибавл., стр. 19—47.—Протопоповъ, «Сузdalъ отъ княженія вел. кн. Юрия Долгорукаго до нашествія татаръ», «Владимирск. Губернск. Вѣдом.», 1839 г., №№ 25, 26.—Его же, «Сузdalъ отъ нашествія татаръ до присоединенія его къ Московскому княжеству», ibid., 1839 г., №№ 27, 30, 35—37.—Іеромонахъ Іоасафъ, «Сузdalъская достопримѣчательности», ibid., 1839 г., №№ 3—13.—«О древнѣйшихъ княжескихъ лицахъ, похороненныхыхъ въ Сузdalскомъ соборномъ храмѣ», ibid., 1842 г., № 29.—Гр. М. В. Толстой, «Путевыя замѣтки изъ древней Сузdalской области», Спб., 1869 г.—Тихонравовъ, «Археологическая замѣтка о г. Суздалѣ и Шуйѣ», «Записки Русск. Археологич. общества по отдѣл. русско-славянской археологии», т. I, Спб., 1851 г.—«Князья Сузdalско-Шуйские», «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній» Калачкова, кн. I.—А. Щекатовъ, «Географич. словарь Россійского государства», т. V, 1807, стр. 1237 (о Суздалѣ).—Семеновъ, «Географич.-статистический словарь».—Н. Барсовъ, «Материалы для историко-географич. словаря Россіи».—б) О Нижнемъ-Новгородѣ: П. И. Мельниковъ, «Историческіе извѣстія о Нижнемъ Новгородѣ», «Отечеств. Записки», 1840 г., т. XI, № 7, и «Журналъ для чтенія воспитан. военно-учебн. заведеній», 1840 г., т. 27, №№ 106, 107.—Его же, «Нижегородское великое княжество», «Нижегор. Губ. Вѣдом.», 1847 г., № 4, стр. 13—15; № 5, стр. 17—19; № 6, стр. 21—22; № 7, стр. 25—27; № 8, стр. 29—30.—Его же, «Исторія Нижнаго-Новгорода до 1350», ibid., 1847 г., №№ 2, 3.—Имъ же сообщена «Легенда о возникновеніи Нижнаго-Новгорода», ibid., 1845 г., № 3 и 1847 г., № 7.—Н. Храмцовскій, «Краткій очеркъ исторіи и описание Нижнаго-Новгорода», 2 тт., Н.-Новгор., 1857 г.—И. Гурьяновъ, «Историческое обозрѣніе Нижнаго-Новгорода», М., 1824 г.—«Основаніе Нижнаго-Новгорода», «Журн. для чтенія воспит. военно-учебн. заведеній», 1848 г., т. 74, № 291.—Духовскій, «Благодать на события, совершившіяся въ теченіе шести вѣковъ въ Нижнемъ-Новгородѣ», «Казанскій Вѣстникъ», 1826 г., ч. 18, кн. 9, стр. 15—34.—«Исторія событий, случившихся въ Нижнемъ-Новгородѣ, отъ 1462 до 1600 г.», «Нижегор. Губ. Вѣд.», 1846 г., №№ 50—52,

54—57.—Перетятковичъ, «Поволжье въ XV и XVI вв.» («Очерки изъ исторіи края и его колонизации»).—Амвросій, «Исторія россійской іерархіи», V, стр. 164.—Добротворскій, «Описаніе Нижегородскаго Печерскаго монастыря».—«Родословная таблица Нижегородскихъ великихъ князей», «Памятная книжка Нижегородской губ. на 1895 г.»—Хвольсонъ, «Ибнъ-Даста», стр. 188.—Н. Шигановъ, «Для исторіи Горбатова», «Нижегор. Губ. Вѣдом.», 1847 г., № 68.

1. Александръ Васильевичъ, старшій сынъ Василия Андреевича (7), шестой князь на сузdalскомъ столѣ, который онъ получилъ въ 1309 г., послѣ смерти отца, тѣмъ не менѣе впервые упоминается В. А. только въ 1327 г., когда онъ вмѣстѣ съ другими русскими князьями, подъ начальствомъ Ивана Калиты, ходилъ на Тверь съ цѣлью наказать тверскаго князя Александра Михайловича и жителей Твери за то, что послѣдніе истребили татарскій отрядъ и его начальника Шевкала (Шелкана-Дудентьевича). Александръ Михайловичъ бѣжалъ во Псковъ, гдѣ былъ избранъ княземъ, но Калита не оставилъ его и тамъ въ покой и въ 1329 г. предпринялъ походъ на пріютившій этого князя городъ. Въ этомъ походѣ онъять-таки участвовалъ и А. В. Отъ брака съ неизвѣстной имѣль дочь Анастасію, бывшую второю женой тверскаго князя Бориса Александровича.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. III, стр. 74; т. IV, стр. 51, 53; т. V, стр. 218, 220; т. VII, стр. 200, 201, 203; т. XV, стр. 417. Никоновск. лѣтоп., т. III, стр. 138, 151, 160.—«Степен. книга», т. I, стр. 66.—Амвросій, «Исторія россійск. іерархіи», т. V, стр. 164.—Добротворскій, «Описаніе Нижегородскаго Печерскаго монастыря».—П. И. Мельниковъ, «Нижегородское великое княжество», «Нижегор. Губ. Вѣдом.», 1847 г., №№ 3, 4.—Н. Храмцовскій, «Краткій очеркъ исторіи Нижн.-Новгорода», Н.-Новг., 1857 г., ч. I.—Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійск.», изд. Эйперлинга, Спб., 1843 г., т. V, стр. 349.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Обществ. Польза», кн. I, стр. 922, 951, прим. 1.—А. В. Экзомплярскій, «Великіе и удѣльные князья Сѣверн. Руси», т. II, Спб., 1891 г., стр. 269, 388, 398—400, 478, 511.—В. С. Борзаковскій, «Исторія Тверскаго княжества», Спб. 1876 г., стр. 125.

2. Александръ Даніиловичъ, прозваніемъ Взметень, единственный сынъ Даніила Борисовича (10), упоминается въ лѣтописяхъ только однажды, по случаю женитьбы его въ 1419 г. на вдовѣ Алексея

ксандра Ивановича Брюхатого (3), Васи-
лисъ Васильевичъ. Потомства онъ не имѣлъ.

Полн. Собр. Русск. лѣтоп., т. V, стр. 261; т. VIII, стр. 90.—Никоновск. лѣт., т. V, стр. 73.—П. И. Мельниковъ, „Утвари въ селѣ Медвѣдевѣ“, „Нижегор. Губ. Вѣдом.“, 1846 г., № 46.—Карамзинъ, Исторія госуд. Россійск., т. V, прим. 254.—А. В. Экземплярскій, „Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Руси“, т. II, стр. 433, 435, 441.

3. Александръ Ивановичъ, прозваніемъ Брюхатый, единственный сынъ, по од-
нимъ родословнымъ, Ивана Васильевича (15), а по другимъ—Ивана Борисовича (14), что болѣе вѣроятно, такъ какъ нахо-
дить подтвержденіе въ официальныхъ доку-
ментахъ. Извѣстія о немъ довольно скучны.
До 1414 г. онъ былъ заодно съ Сузdalско-
Нижегородскими князьями Данииломъ (10)
и Иваномъ (14) Борисовичами, Василиемъ
Семеновичемъ (9) и Иваномъ Василь-
евичемъ (15), боровшимися противъ Москвы
за обладаніе Н.-Новгородомъ, когда же
въ этомъ году братъ великаго князя Юрий
Димитревичъ названныхъ князей выгналъ
изъ Нижняго, оттеснивъ ихъ за р. Суру,
А. И. поспѣшилъ примириться съ великимъ
княземъ, а нѣсколько позже даже пород-
нился съ нимъ, женившись въ 1418 г. на
дочери его Василисъ. Въ видѣ приданаго
онъ получилъ Нижній Новгородъ и писался
великимъ княземъ, хотя княженіе его на-
ходилось, конечно, въ полной зависимости
отъ Москвы. Произнѣжилъ онъ недолго,
такъ какъ въ концѣ того же 1418 г. окон-
чался, оставивъ единственного сына Се-
мёна, который потомства не имѣлъ.

Полн. Собр. Русск. лѣтоп., т. I, стр. 235;
т. V, стр. 261; т. VI, стр. 140; т. VIII, стр. 88,
90; т. XV, стр. 487.—Никоновск. лѣтоп., т. V,
стр. 67, 73.—„Нижегородск. лѣтописецъ“, изд.
А. С. Гадисскимъ.—„Акты Историческихъ“, т. I,
№ 25, 38, 58.—„Акты Археографич. экспе-
диц.,“ т. I, № 17.—Собрание Госуд. Грамотъ
и Договор., т. I, № 41, 42.—П. И. Мельни-
ковъ, „Утвари въ селѣ Медвѣдевѣ“, „Ниже-
гор. Губ. Вѣд.,“ 1846 г., № 46.—Н. Храмцов-
ский, Краткій очеркъ исторіи Нижняго-Нов-
города, „Н.-Новг.,“ 1857 г., ч. I. Карамзинъ,
„Истор. госуд. Россійскаго“, изд. Эйнерлинга,
т. V, стр. 76; прим. 146, 254, 282.—А. В. Эк-
земплярскій, „Велик. и удѣльн. князья Сѣв.
Руси“, т. II, стр. 422, 431, 434—438, 441, 442.

4. Андрей Константиновичъ, старшій
сынъ Константина Васильевича (17), восъ-
мой князь Сузdalско-Нижегородскій, ро-
дился не позже 1329 г., впервые же въ
лѣтописяхъ упоминается только подъ

1355 г., когда умеръ его отецъ, и А. К.
въ ту же зиму отправился къ хану Чани-
беку: «и чествование его царь, и пожало-
ва его, и даде ему столъ отца его, кня-
жение Сузdalское и Нижний Новгородъ
и Городецъ». Изъ орды А. К. возвратил-
ся «съ честю и пожалованіемъ» лѣтомъ
1356 г.; а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ
послѣ этого между нимъ и великимъ кня-
земъ московскимъ Иваномъ Ивановичемъ
произошло въ Переяславлѣ свиданіе, о
цѣляхъ котораго, въ виду умолчанія лѣ-
тописей объ этомъ, можно только догады-
ваться. А. К., характеромъ мягкий и ми-
ролюбивый, не желая продолжать распри
изъ-за великокняжескаго стола, такъ рев-
ностно оспаривавшаго его отцомъ, первы-
мъ, повидимому, сдѣлалъ нѣкоторые ша-
ги къ примиренію съ Московскимъ кня-
земъ, въ пользу послѣдняго отказался отъ
всакихъ притязаній на великое княженіе,
и упомянутое свиданіе для того, какъ ка-
жется, и состоялось, чтобы этотъ отказать
оформить. Извѣстно, что Московскій князь
щедро одарилъ «молодшаго брата», т. е.
А. К., и «отпустилъ его съ миромъ». Шодь 1359 г. лѣтописи стмѣчаютъ А. К.
пребывающимъ въ ордѣ, гдѣ въ это время
происходили смуты—дворцовые переворо-
ты и ханоубийства слѣдовали непрерыв-
нымъ рядомъ. Бранные времена въ ордѣ
чуть было не захватили и А. К. въ число
своихъ жертвъ, что явствуетъ изъ словъ
лѣтописи: «.... едва уласе его Богъ отъ
горкія смерти отъ рукъ поганыхъ». Когда
ханскій престолъ ненадолго занялъ
одинъ изъ многочисленныхъ претендентовъ
на него, Нарбусъ, всѣ русскіе князья
въ томъ же 1359 г.ѣздили въ орду съ
дарами и поклономъ новому хану; среди нихъ
былъ и А. К. Около этого времени
умеръ Московскій князь Иванъ Ивановичъ,
и въ связи съ этимъ возникъ вопросъ о
томъ, кому сидѣть на великокняжескомъ
столѣ, ибо сынъ умершаго, Димитрій
(Донской), былъ еще ребенокъ. Велико-
княжескій Владимірскій престолъ ханъ
предложилъ А. К., однако онъ «по то не
поялся», т. е. отъ предложеній чести
отказался, при томъ не изъ скромности,
какъ склонны предполагать многие исто-
рики, а вѣроятнѣе изъ простого разсчета:
принявъ даръ, ему пришлось бы за него
встти ожесточенную борьбу съ другими
князьями, и прежде всего съ Москвою,

мѣряться съ котою для него было, разумѣется, не подъ силу. Эти вполнѣ вѣроятныя соображенія находятъ иѣкоторое подтвержденіе и въ словахъ, которыя Татищевъ, неизвѣстно откуда ихъ почерпнувшій, влагаетъ въ уста А. К.: «Доискаваться ярлыка (на великое княжеское)—потратить только деньги, а потомъ, когда вырастетъ Димитрій, то надобно будетъ воевать съ нимъ, при томъ должно нарушить клятву, данную его отцу». Какъ извѣстно, великокняжескій престолъ послѣ отказа А. К. достался его младшему брату, Дмитрію Константиновичу (12), который менѣе чѣмъ черезъ два года на опыты убѣдился въ справедливости опасеній А. К.

Въ 1360 г. А. К. участвовалъ въ съѣздѣ князей, состоявшемся въ Костромѣ для рѣшенія вопроса о томъ, какъ отвѣтить на требование хана о выдачѣ новгородскихъ разбойниковъ, «ушкуйниковъ», на которыхъ въ ордѣ жаловались жукотинскіе князья. Надобно думать, что А. К. присоединился къ общему мнѣнію, въ смыслѣ удовлетворенія требованія. Наряду съ другими русскими князьями А. К. въ 1361 г. отправился въ орду представиться новому хану Хидырю и попалъ туда какъ разъ въ то время, когда тамъ происходила новая «замятня»—Хидырь былъ убитъ старшимъ сыномъ, Темиръ-Хоземъ, въ свою очередь тоже скоро убитымъ. Русскіе князья поспѣшили удалиться. На обратномъ пути изъ орды на А. К. напалъ какой-то татарскій князь Рятахозъ, отбитый только съ большимъ трудомъ.

Въ 1364 г. А. К., чувствуя силь свои, умаленіе, постригся, а 2 июня 1365 г. скончался, предъ смертью правя въ схимѣ, и погребенъ въ нижегородскомъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ. О его характерѣ лѣтописи отзываются въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, называя его—какъ-кимъ, смиреннымъ, тихимъ, «зѣло духовнымъ» и многодобрѣтельнымъ. Онъ былъ женатъ, по однимъ даннымъ, на некоей Анастасіи, происходившемъ изъ неизвѣстной, а по другимъ—на дочери творителя Ивана Кіасовскаго, Василисѣ, но потомства не оставилъ. Еще при жизни А. К. даль удѣлы и двумъ младшимъ братьямъ: Дмитрію (12)—Суздалъ, а Борису (6)—Городецъ съ Цоволжемъ, и только третью изъ нихъ, Дмитрія-младшаго (13), проз-

вишемъ Ноготъ, оставилъ безъ особой волости.

Полн. Собрание Русск. Лѣтоп., т. I, стр. 231; т. IV, стр. 4—6, 63—65; т. V, стр. 228—230; т. VIII, стр. 10—11, 13.—Никоновск. лѣт., т. III, стр. 205, 207, 212—218; т. IV, стр. 7—8, 18, 78—79.—Архангелогородск. лѣт., подъ 1360 г.—«Степенная книга», т. I, стр. 486.—«Временникъ» П. М. Строгова, т. I, стр. 336.—М. Д. Хмыровъ, «Перечень князей Рюрикова дома», № 72, 328.—П. Н. Петровъ, «Исторія родовъ русскаго дворянства», т. I, родословная таблица кн. Суздальскихъ.—Татищевъ, «Россійская исторія», т. IV, 188.—Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійскаго», изд. Эйлерлинга, т. IV, стр. 174, 181, 183; прим. 376, 396; т. V, стр. 3, 4; пр. 1, 4, 114, 137.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т. въ «Обществѣ Польза», кн. I, стр. 956, 959.—Л. В. Экземплярскій, «Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси», т. II, стр. 41, 49, 50, 104, 182, 344, 388, 403—409, 417, 423, 424.—Н. Храмцовскій, «Краткій очеркъ исторіи Н.-Новгорода», Н.-Новгородъ, 1857 г., ч. I.—П. И. Мельниковъ, «Нижегородское великое княжество», «Нижег. Губ. Вѣд.», 1847 г., № 4—8.—Его же, «Исторія Нижн资料ego Новгорода», тамъ же, 1845 г. № 2 и 3.—«Нижегородскій лѣтописецъ» А. С. Гацисскаго.

5. **Андрей Ярославичъ**, второй князь Суздальскій, съ 1248 г. великий князь Владимира (о немъ см. отдельно).

6. **Борисъ Константиновичъ**, третій сынъ Константина Васильевича (17), десятый князь Суздальскій, князь Нижегородскій и Городецкій, родился около 1335 г., но въ лѣтописяхъ первый разъ встрѣчается только въ 1354 г., по поводу его женитбы на дочери великаго князя литовскаго Ольгерда. Въ слѣдующемъ году умеръ отецъ Б. К., передъ смертью назначивъ дѣтимъ своимъ особыя удѣлы: старшему сыну, Андрею (4), онъ далъ Н.-Новгородъ, Дмитрію (12)—Сузdalъ, Б. К.—Городецъ. Десять лѣтъ спустя умеръ и Андрой, не оставивъ потомства. Его удѣлью по тогдашнему праву власѣданія долженъ былъ перейти къ Дмитрію, но Б. К. предупредилъ послѣдняго—самовольно засѣсть въ Нижнемъ и даже не пустилъ брата въѣхать въ городъ, когда тотъ хотѣлъ осуществить свои права. Въ нуждѣ Дмитрій обратился къ помощи вел. кн. Дмитрія Ивановича (Донского), который уговоривъ братиекъ мирно подѣлиться, но Б. К. совсѣма не послушался. Тогда Московскій князь послалъ къ нему преподобнаго Сергія (Радонежскаго) звать его на судъ въ Москву, на что Б. К. отвѣтилъ, по словамъ лѣто-

писи—«Князей судить только Богъ», т. е. отъ суда отказался и въ Москву, конечно, не поѣхалъ. По настоянію митрополита и Димитрія Ивановича, Сергій примѣнилъ рѣзкую мѣру — затворилъ всѣ церкви въ Нижнемъ-Новгородѣ, но и это не помогло. Когда же, наконецъ, всѣ мирныя средства были исчерпаны, Московскій князь прибѣгнулъ къ болѣе дѣйствительному—послали свои полки на помощь Дмитрію, и послѣдній, присоединивъ къ нимъ и свою довольно значительную рать, въ 1365 г. подошелъ къ Нижнему-Новгороду. Не надѣясь на успѣшность сопротивленія, Б. К. вышелъ брату навстрѣчу и запросилъ мира, отступаясь отъ Нижняго. Миръ былъ данъ, и Б. К. снова поселился въ своемъ Городцѣ. Съ тѣхъ поръ онъ ни разу не нарушилъ установившагося между нимъ и братомъ согласія и въ этомъ отношеніи является рѣдкимъ и отраднымъ исключеніемъ на фонѣ тогдашней исторической жизни, когда нарушеніе заключенныхъ договоровъ, сложеніе крестныхъ цѣлованій и пр. были общимъ явленіемъ. Какъ брату Дмитрію, такъ и вел. кн. Московскому онъ всегда оставался вѣрнымъ союзникомъ: въ 1367 г. вмѣстѣ съ братомъ боролся противъ монгольского мурзы Булатъ-Темира, грабившаго нижегородскія земли; соединенными силами князья разбили татаръ и прогнали ихъ за р. Позуну; въ 1370 г., по требованію брата, онъ ходилъ на болгарскаго царя Асана, который сдался безъ битвы и былъ смѣщенъ съ престола; далѣе, въ 1375 г. Б. К. помогалъ Дмитрію Ивановичу въ борбѣ его съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ; наконецъ, въ 1377 г. Б. К. разбилъ и жестоко наказалъ морду, скѣгшую Нижній-Новгородъ и сграбившую удѣль Дмитрія, который самъ въ то время былъ безсиленъ, такъ какъ незадолго до того его полки были разгромлены у р. Пьянъ ордынскимъ выходцемъ Араишемъ.

Въ 1383 г. умеръ Дмитрій Константиновичъ, и вслѣдъ за этимъ возникъ вопросъ, кому долженъ достаться главный въ Сузdalльскомъ княжествѣ удѣль, Нижній-Новгородъ, его ли дѣтямъ или же Б. К., какъ слѣдующему брату скончавшагося. Б. К., находившійся въ это время въ ордѣ у Тохтамыша, повелъ предъ послѣднимъ энергичные хлопоты и успѣхъ у него

выпросить себѣ ярлыкъ на Нижегородскій удѣль. Сыновья же Дмитрія, Семенъ (20) и Василій (8) Карадая, принуждены были тѣмъ самымъ довольствоваться Суздалемъ. Этими они остались, конечно, недовольны, и въ 1387 г., когда возвратился изъ орды младшій изъ нихъ, Василій, державшійся тамъ съ 1382 г. въ качествѣ заложника, братья начали борьбу съ Б. К. за Нижній и даже за Городецъ, на который получиль ярлыкъ отъ хана Василій. Такъ какъ имъ помогалъ Московскій князь, то Б. К. принужденъ былъ уступить силѣ, отступилъ отъ Нижняго и вновь поселился въ Городцѣ, который получиль по заключенному съ племянниками договору. Считая свои права на Нижегородскій удѣль несомнѣнными, Б. К. не терялъ надежды возвратить его себѣ и ждалъ только удобнаго случая. Такой случай представился въ 1389 г., когда умеръ Дмитрій Донской, въ которомъ племянники Б. К. находили сильную поддержку. Б. К. тотчасъ отправился въ орду хлопотать о ярлыкѣ. Не заставилъ въ ордѣ Тохтамыша, отправившагося къ границамъ Персіи воевать съ Тамерланомъ, онъ нагналъ его въ шуті, долгое время странствовалъ съ нимъ, наконецъ добился желаемаго и въ 1390 г. вернулся въ Нижній. Но и въ этотъ разъ княженіе Б. К. въ Нижнемъ продолжалось недолго. Въ 1393 г. Московскій князь Василій Дмитріевичъ поѣхалъ въ орду «со многою честю и дарами», «умздилъ» тамъ всѣхъ хааскихъ вельможъ и самого хана въ особенности и вмѣстѣ съ другими удѣлами получилъ ярлыкъ и на княжество Нижегородское. Въ томъ же году, возвратившись изъ орды, онъ отправилъ въ Нижній-Новгородъ пословъ, которыми нижегородскіе бояре, не любившіе, какъ полагаютъ некоторые историки, Б. К. или, что нѣвѣроятнѣе, понимавшіе, на чьей сторонѣ сила и успѣхъ,—предали городъ, а народу объявили, что онъ теперь принадлежить Московскому князю. Черезъ нѣкоторое время прїѣхалъ въ Нижній и Василій Дмитріевичъ, схватилъ Б. К., его жену и дѣтей, заключилъ ихъ въ оковы и развелъ ихъ по разнымъ городамъ, а въ Нижнемъ посадилъ своихъ намѣстниковъ. Съ этихъ поръ прекратилась самостоятельность Нижегородскаго княжества, ставшаго владѣніемъ московскихъ князей.

Скончался Б. К. Въ Суздалѣ, по однимъ

известіемъ въ 1893 г., по другимъ — 12 мая 1394 г.; тѣло его погребено въ сусадальскомъ Рождественско-Богородицкомъ соборѣ; позже его прахъ былъ перенесенъ въ городецкій Михайловскій соборъ. Какъ упомянуто выше, онъ былъ женатъ на дочери литовскаго князя Ольгерда, Мариѣ, и отъ брака съ нею имѣлъ двухъ сыновей — *Даниила*(10) и *Ивана*(14) прозваніемъ *Тугой Лукъ*. Б. К. известенъ еще какъ строитель: въ 1372 г., въ видѣ оплата отъ набѣговъ морды, черемисъ и татаръ, онъ основалъ на р. Сурѣ городъ Курмышъ (нынѣ уѣздный городъ въ Симбирской губ.), а въ 1369 г. поставилъ въ Нижнемъ соборную церковь во имя Архангела Михаила.

Полное Собр. Русск. Лѣтоп., т. IV, стр. 62, 65, 95, 99; т. V, стр. 228, 230, 242, 245; т. VI, стр. 122—124; т. VIII, стр. 9, 13—14, 16—17, 26, 48—50, 52, 60—62, 64; т. XV, стр. 446.—Никоновск. лѣтоп., т. III, стр. 204; т. IV, стр. 9—10, 17, 23—24, 34, 42—44, 54—56, 138, 142—143, 149, 191, 202, 293—241, 254.—«Нижегородскій лѣтописецъ» изд. А. С. Гацисскимъ.—«Историческое собраніе о богоспасаемомъ градѣ Суздалѣ», Анастасія Федорова, «Времен. Московск. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ», т. XXII.—Протопоповъ, «Исторический очеркъ г. Суздаля», «Владим. Губернскія Вѣдом.», 1839 г., № 25—37.—Киселевскій, «Исторія Суздаля и его древности», Спб. 1848 г.—Тихоправовъ, «Археологический замѣткѣ о г. Суздалѣ и Шубѣ», «Записки Русск. Археологич. общ. по отдѣлу русско-славянск. археологии», т. I, Спб., 1851 г.—Таганцовъ, «О древнихъ гробницахъ въ Суздалѣ», «Нижегородск. Губ. Вѣдом.», 1847 г., № 40.—«Акты Археографич. Экспедиціи», т. I, № 12.—Н. Храмцовскій, «Краткий очеркъ исторіи Нижнаго-Новгорода», Н.-Новгор., 1857 г.—П. И. Мельниковъ, «Историческая известія о Нижнемъ-Новгородѣ», «Отечеств. Записки», 1842 г., т. XI, отд. I.—Его же, «Нижегородское великое княжество», «Нижегор. Губ. Вѣд.», 1847 г., № 6 и 7.—Духовскій, «Взглядъ на события, совершившіяся въ теченіе шести вѣковъ въ Нижнемъ-Новгородѣ», «Казанскій Вѣстникъ», 1826 г., кн. 9.—Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійскаго», изд. Эннерлинга, Спб., 1843 г., т. IV, стр. 174; прим. 377; т. V, стр. 4, 6, 21, 24, 27, 57, 62, 71, 74—76, 118; прим. 4, 33, 39, 114, 122, 137, 138, 141—145.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Общества Польза», кн. I, стр. 959, 960, 973, 974, 976, 985, 1009—1011.—«О древнейшихъ княжескихъ лицахъ, погребенныхъ въ Сусадальскомъ соборномъ храмѣ», «Владим. Губернск. Вѣдом.», 1842 г., № 29.—А. В. Экземплярскій, «Великие и удѣльные князья Сѣверной Руси», т. II, стр. 59, 223, 225, 308, 344, 397, 403, 404, 409—412, 414—429, 431, 434—437, 440, 443, 482, 544.—В. С. Борзаковскій, «Исторія Тверскаго княжества», Спб., 1876 стр. г.

159.—«Энциклопед. словарь» Броекгауза-Ефрона, полуут. 7, стр. 413.

7. *Василій Андреевичъ*, третій сынъ Андрея Ярославича (5), пятый князь въ Сусадаль, которымъ владѣлъ три или четыре года, такъ какъ унаследовалъ его не ранее 1306—1307 г., когда умеръ братъ В. А., Михаилъ (8), а въ 1309 г. окончался и самъ В. А.; онъ и упоминается только по поводу своей кончины, именно въ Никоновской лѣтописи, которая известія о немъ явно перепутываетъ, считая его прямымъ потомкомъ не Андрея Ярославича (5), а его брата—Александра Невскаго. Отъ брака съ неизвѣстной имѣль двухъ сыновей—Александра (1) и Константина (17).

Никоновская лѣтоп., т. III, стр. 105 (ошибочно названъ Михайловичемъ).—А. В. Экземплярскій, «Великие и удѣльные князья Сѣверной Руси», т. II, стр. 388—390, 397—399.—Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійск.», т. IV, стр. 247, 263.—Нижегородская лѣтоп., изд. Гацискимъ.—Н. Храмцовскій, «Краткий очеркъ исторіи Нижнѣ-Новгорода», ч. I, гл. 1.—«Энциклопедич. словарь» Броекгауза-Ефрона, полуут. 10, Спб., 1892 г., стр. 594.

8. *Василій Дмитріевичъ*, прозваніемъ Кирдяпа, старшій сынъ Дмитрія Константиновича (12), князь Сусадальскій и Городецкій, родился около 1350 г. На политическое поприще онъ выступилъ рано, именно въ 1365 г. Выступленіе это стояло въ связи съ борьбой за Нижегородское княжество между отцомъ В. Д. и его дядей, Борисомъ Константиновичемъ (6), который самовольно занялъ Нижнѣ-Новгородъ помимо старшаго брата. По порученію отца, В. Д. въ этомъ 1365 г. выѣхѣлъ съ братомъ Семеномъ (20) Ѣздить для переговоровъ къ дядѣ, но тотъ не пустилъ его къ себѣ; тогда В. Д. отправился въ орду, откуда вскорѣ возвратился съ ханскимъ посломъ и, главное, съ ярлыкомъ для отца на великое княженіе Владимірское, отъ котораго Дмитрій Константиновичъ, впрочемъ, добровольно отказался въ пользу московскаго князя, чѣмъ обезпечилъ себѣ поддержку послѣдняго въ борбѣ съ Борисомъ. Когда Борисъ былъ сломленъ и Дмитрій Константиновичъ сѣлъ въ Нижнемъ, В. Д. получилъ Сусадаль, въ которомъ княжилъ до 1382 г. За это время о немъ сохранились немногочисленныя свѣдѣнія: въ 1367 г. онъ участвовалъ вмѣстѣ съ отцомъ и дядей Борисомъ въ походѣ на ордынскаго выходца Булатъ-

Темира, въ 1370 г. только съ дядей ходилъ на болгарского царя Асана и, наконецъ, въ 1376 г. съ братомъ Иваномъ (16) водилъ соединенную рать нижегородскую и московскую опять на болгаръ, которыхъ подъ Казанью разбилъ, обложилъ данью и взялъ съ нихъ единовременный выкупъ въ размѣрѣ 5.000 руб. Есть извѣстіе, что В. Д. принадлежитъ ініціатива происшедшаго въ 1374 г. въ Нижнемъ избѣженія татарскаго посла Сарайки и его свиты, однако достовѣрность его сомнительна. Въ трагической битвѣ съ татарами на р. Шыней В. Д. не участвовалъ, находясь въ это время въ Суздалѣ; получивъ же вѣстъ о пораженіи русскихъ и о гибели брата Ивана, онъ отправился къ мѣсту битвы и тамъ отыскалъ тѣло брата, которое привезъ въ Нижній и предалъ землѣ.

Въ 1382 г. на Русь и въ частности на Москву надвинулась гроза въ лицѣ Тохтамыша. В. Д. отдомъ, желавшимъ отклонить отъ Суздальско-Нижегородскаго княжества новый разгромъ, былъ посланъ съ дарами на встречу хану. Когда москвицы отказались отворить предъ Тохтамышемъ городскія ворота, В. Д. и братъ его Семенъ вступили съ осажденными въ переговоры, причемъ клялись имъ въ отсутствіи злыхъ намѣреній у хана, добросовѣстно, повидимому, будучи убѣждены въ этомъ. Однако, какъ оказалось, они заблуждались—ханъ, достигнувъ цѣли, вѣроломно нарушилъ обѣщаніе не убивать и не грабить, и В. Д. съ братомъ являются, такимъ образомъ, косвенной причиной, хотя бы и невольной, произошедшей въ Москвѣ рѣзни. Изъ-подъ Москвы Тохтамыш взялъ В. Д. съ собою въ орду въ качествѣ заложника, аманата. Тамъ онъ томился до 1386 г., когда, не будучи въ силахъ долѣ выдерживать неволю, бѣжалъ, но на дорогѣ былъ пойманъ и вновь доставленъ въ орду, где за свою попытку принялъ отъ хана «истому велию». Однако вскорѣ онъ успѣлъ чѣмъ-то умилостивить Тохту и въ 1387 г. былъ отпущенъ на Русь, причемъ получилъ даже ярлыкъ на Городецъ.

Возвратившись на Русь, В. Д. нашелъ, что владѣть Городцомъ ему обидно, и сталъ домогаться Нижнаго-Новгорода, въ которомъ сидѣлъ его дядя Борисъ Константиновичъ. Въ союзѣ съ братомъ Семеномъ онъ собралъ суздальские, городецкіе полки, выпросилъ помощь у Ди-

митрия Ивановича Донского и подступилъ въ Нижнему, подъ которымъ простоялъ восемь дней, и принудилъ дядю къ сдачѣ. Однако В. Д. владѣть Нижнимъ-Новгородомъ недолго, такъ какъ въ 1389 г. онъ, по ханскому ярлыку, снова перешелъ къ Борису, а всколько позже, въ 1393 г., былъ присоединенъ къ Московскѣ вел. кн. Василемъ Димитріевичемъ (сыномъ Донского), который, не довольствуясь этимъ, пошелъ на Суздаль, гдѣ снова княжилъ В. Д. вмѣстѣ съ братомъ Семеномъ. По даннымъ Татищевскаго свода, Московскій князь вывелъ братьевъ изъ Суздаля и далъ имъ Шую, чѣмъ они, какъ старшіе въ родѣ Суздальско-Нижегородскихъ князей, остались крайне недовольны и въ 1394 г. «побѣжали» въ орду добиваться своей вотчины,—полагать надо, не Суздаля, а Нижнаго. Великій князь послалъ за ними погоню, но братья ускользнули отъ нея. Съ этихъ поръ вилотъ до самой кончины В. Д. болѣ въ лѣтописяхъ не упоминается. Надо думать, что онъ помирился съ Московскими княземъ, конечно, на всей волѣ послѣдняго, причемъ, вѣроятно, получилъ Городецъ; по крайней мѣрѣ извѣстно, что въ немъ онъ скончался, именно въ 1403 г.; тѣло его предано землѣ въ нижегородскомъ Спасо-Преображенскомъ соборѣ. Отъ брака съ неизвѣстной онъ имѣлъ четырехъ сыновей: Ивана (15), Юрия (22), Федора (23) и Даниила (11),透过儿 которыхъ очищается родоначальникомъ князей Шуйскихъ старшей вѣтви.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. IV, стр. 84, 86—87, 89, 95, 107, 145; т. V, стр. 242, 253; т. VI, стр. 98, 100—101, 103, 124, 132; т. VII, стр. 13—14, 17, 24, 26, 42—43, 45, 47, 50, 52, 64.—Никоновская лѣтоп., т. I, стр. 8—10, 17, 24, 47—48, 53, 132, 135—137, 149, 155—156, 254, 256, 307.—Татищевск. сводъ, т. IV, стр. 375.—«Нижегородскій лѣтописецъ», изд. А. С. Гацисскимъ.—Д. Киселенскій, «Исторія Суздаля и его древности», „Журналъ Минист. Нар. Провѣщ.“, 1848 г., прибавл., стр. 19—47.—Протопоповъ, „Сузdalъ отъ нашествія татаръ до присоединенія его къ Московскому княжеству“, „Владим.-Губернск. Вѣдом.“, 1839 г., №№ 35—37.—„Князья Суздальско-Шуйскіе“, „Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній“ Калачова, т. I.—Тихонравовъ, „Археологическіе замѣтки о г. Суздалѣ и Шуѣ“, „Записки Русск. Археологич. общ. по отдѣл. русско-славянск. археологии“, т. I, Спб., 1851 г.—П. Мельниковъ, „Историческая извѣстія о Нижнемъ-Новгородѣ“, „Отечеств. Записки“, 1840 г., т. XI, № 7.—Н. Храмцовскій, „Краткій очеркъ исторіи Нижнаго-Новгорода“, Н.-Новгор., 1857 г.,

т. I.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійскаго“, изд. Эйверлинга, Сіб., 1843 г., т. V, стр. 4, 24, 27, 45, 47, 57, 76; прим. 4, 31, 44, 90, 98, 114, 137, 144—146; т. XII, прим. 1.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Общества Пользы“, кн. I, стр. 973, 974, 982, 983, 1010, 1011, 1012.—А. В. Экземплярскій, „Великие и удельные князья Сѣв. Руси“, т. II, Сіб., 1891 г., стр. 223, 225, 245, 251, 323, 390, 409—417, 419, 420, 423—432, 434—440.

9. *Василій Семеновичъ*, единственный сынъ Семена Дмитревича (20),—о немъ известно только, что онъ владѣлъ Шуей и что вмѣстѣ съ Даніиломъ (10) и Иваномъ (14) Борисовичами находился въ Н.-Новгородѣ въ 1414 г., когда ихъ всѣхъ выгнали оттуда братъ великаго князя, Юрій Дмитревичъ. Изъ шести безудѣльныхъ сыновей его старшій, Александръ, прозваніемъ *Глазатый*, далъ начало угасшему роду князей *Шуйскихъ-Глазатыхъ*, а отъ третьаго сына Александра, *Ивана Барбаша*, произошли князья *Шуйскихъ-Барбашы*. Другой сынъ В. С., *Иванъ*, прозваніемъ *Горбатый*, считается родонаучникомъ также угасшихъ князей *Шуйскихъ-Горбатыхъ*. Изъ остальныхъ дѣтей В. С. слѣдуетъ отмѣтить еще *Andreя*, прозвищемъ *Лугвицу*, павшаго въ бою у Суходрова, и *Василія*, прозваннаго *Гребенкой*, бывшаго княземъ и воеводой во Псковѣ и Новгородѣ Великомъ безъ согласія Москвы и затѣмъ въ 1477 г. перешедшаго на службу къ Иоанну III.

Поли. Собр. Русск. Лѣтоп., т. XV, стр. 487.—Собр. Госуд. Грам. и Догов., т. II (договоръ дѣтей В. С. съ Василиемъ Темнымъ).—Н. Шпигановъ, „Для исторіи Горбатова“, „Нижегородск. Губернск. Вѣд.“, 1847 г., № 68.—А. В. Экземплярскій, „Велик. и удельн. князья Сѣв. Руси“, т. II, стр. 225, 430, 438, 440, 441.

10. *Даніилъ Борисовичъ*, старшій сынъ Бориса Константиновича (6), родился ранѣе 1370 г., вѣроятно въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ первый разъ упоминается подъ 1392 г., притомъ безъименно: въ этомъ году великий князь Московскій отнялъ у Бориса Константиновича Нижній-Новгородъ, а его самого, жену и дѣтей захватилъ въ плѣнъ и разводъ по разнымъ городамъ. Освободившись изъ неволи—когда именно, неизвестно,—Д. Б. жилъ сначала въ ордѣ, потомъ у казанскихъ татаръ, въ Болгаріи. Это скитаніе по чужимъ землямъ свидѣтельствуетъ, что изъ неволи онъ, вѣроятно, бѣжалъ. Изъ Болгаріи Д. Б., старшій между

наличными сузdalско - нижегородскими князьями, или, какъ называютъ его лѣтописи, «отчичь Нижнаго-Новгорода», пытался вырвать свою отчину изъ рукъ Московскаго князя Василія Дмитревича. Въ 1411 г. онъ и его братъ Иванъ (14) съ болгарскими, жукотинскими и мордовскими князьями подошли къ Нижнему и обложили его. Узнавъ объ этомъ, Московскій князь на выручку осажденнымъ послалъ своего сына Петра, которому далъ ростовскіе и ярославскіе полки. Противники встрѣтились 15 января при с. Лысковѣ. «Быть межи ими сѣча зла», изъ которой Д. Б. вышелъ побѣдителемъ, но не совсѣмъ ясно, сумѣли они использовать свое благоприятное положеніе, овладѣлъ ли Нижнимъ или нетъ; только косвенные данныя позволяютъ съ нѣкоторою вѣроятностью отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Въ томъ же 1411 г. Д. Б., «укрывая тайно отъ всѣхъ, приведе къ себѣ», вѣроятно въ Нижній, татарскаго царевича Талыча и въ іюлѣ послалъ его вмѣстѣ со своимъ бояриномъ Семеномъ Карамышевымъ на Владиміръ, который былъ страшно разоренъ и опустошенъ. Слѣдующее извѣстіе о Д. Б. гласить, что онъ отправился въ орду хлонотать о ярыкѣ на Нижегородское княжество, который и получилъ, благодаря тому, что ханъ Зелени-Салтанъ (Джелаль-Эдінъ) гѣвался на Московскаго князя. Послѣдній, однако, и самъ пошелъ въ орду, гдѣ нашелъ уже поваго хана, брата и убийцу Зелени-Салтана, Керимбендея, который утвердилъ Нижній за Московскими княземъ. Тѣмъ не менѣе, Д. Б. не покорился, и только въ 1414 г. пославшій великимъ княземъ Юрій Дмитревичемъ кн. Галицкій принудилъ его, послѣ безуспѣшнаго сопротивленія, уйти изъ Нижнаго.

Три слѣдующихъ за тѣмъ года Д. Б. скитался по разнымъ землямъ, ища себѣ помощи противъ Москви и вигдѣ не находя ее. Видя бесплодность своихъ усилий, онъ и его братъ Иванъ, который всегда дѣлилъ съ Д. Б. и радости и неудачи, въ 1417 г. явились въ Москву и примирились въ великимъ княземъ, но этотъ миръ былъ непродолжителенъ, такъ какъ уже въ слѣдующемъ году они бѣжали изъ Москвы, а куда—неизвестно. На этомъ лѣтописныя извѣстія о Д. Б. прекращаются. Отъ брака съ *Маріей*, отчествомъ и происхожденіемъ неизвестной (въ иночествѣ *Марина*), онъ

имълъ сына Александра, прозваниемъ Взметень.

Поли. Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 235; т. III, стр. 104; т. IV, стр. 12, 112, т. V, стр. 254, 261; т. VI, стр. 141; т. VIII, стр. 85, 88—90; т. XV, стр. 446, 485, 487.—Никоновск. лѣтоп., т. IV, стр. 241; т. V, стр. 36—39, 44, 70.—Нижегородск. лѣтописецъ, изд. А. С. Гацисскимъ.—«Акты Историч.», т. I, № 29.—«Акты Археографич. Экспедиціи», т. I, № 18.—Карамзинъ, «Истор. госуд. Россійскаго», изд. Эйперлинга, т. V, стр. 118, 119; прим. 185, 146, 211.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Общ. Польза», кн. I, стр. 1012, 1013.—А. В. Экземплярскій, «Великие и удѣльные князья Сѣверной Руси», т. II, стр. 59, 60, 90, 225, 308, 310, 344, 421, 431—434, 438, 440—441.—Н. Храмцовскій, «Краткій очеркъ исторіи Нижнаго-Новгорода», ч. I, Н.-Новг., 1857 г.—П. И. Мельниковъ, «Нижегородское великое княжество», «Нижегор. Губ. Вѣд.», 1847 г., №№ 4—8.

11. *Даниилъ Васильевичъ*, четвертый и младший сынъ Василия Димитревича Кирдяпы (8), извѣстенъ только по одному отмѣченному лѣтописямъ факту: въ 1411 г., находясь въ рядахъ велиокняжескихъ войскъ, онъ участвовалъ въ битвѣ при с. Лысковѣ; въ этой битвѣ онъ и палъ. Родословныя считаются его бездѣтными.

Пол. Собр. Русск. Лѣтоп., т. III, стр. 104; т. IV, стр. 12; т. V, стр. 258; т. VIII, стр. 85; т. XV, стр. 485.—Никоновск. Лѣт., т. V, стр. 36—39.—«Нижегородск. лѣтопись», изд. А. С. Гацисскимъ.—Карамзинъ, «Истор. госуд. Россійск.», т. V, прим. 254.—А. В. Экземплярскій, «Великие и удѣльные князья Сѣверной Руси», т. II, стр. 426, 432, 440.

12. *Димитрій Константиновичъ старшій*, второй сынъ Константина Васильевича, девятый князь Сузdalскій и Нижегородскій, одно время великий князь Владимирскій, родился, какъ можно заключить изъ косвенныхъ указаний Воскресенской и Никоновской лѣтописей, въ 1323 г. О первой половинѣ его жизни не сохранилось никакихъ извѣстій — впервые его имя на страницахъ лѣтописей упоминается почему-то только подъ 1359 г., когда русские князья, а въ числѣ ихъ и Д. К.,ѣздили въ орду на поклонъ новому хану, Наврусу. Замѣчательно, что въ теченіе пѣмыхъ 35 лѣтъ ни разу даже не упоминаемый лѣтописцами, слѣдовательно, какъ можно думать по этому признаку, не принимавшій никакого участія въ современныхъ событияхъ, илчѣмъ себя не проявившій и ничѣмъ не выдавшійся, Д. К. въ эту по-

ѣздку, благодаря отчасти стеченіямъ обстоятельствъ, отчасти же, повидимому, личнымъ качествамъ, сразу же выдвигается на первый исторический планъ съ тѣмъ, чтобы вскорѣ и сойти съ него. Незадолго передъ поѣздкой князей въ орду скончался московскій князь Иванъ Ивановичъ, бывшій въ то же время и великимъ княземъ Владимирамъ. Такъ какъ даже старшій его сынъ, Димитрій (Донской), былъ малолѣтъ, то возникъ вопросъ, не отдать ли великокняжескій престолъ кому-нибудь старшему. Ханъ предложилъ его сначала старшему брату Д. К., Андрею Константиновичу (4), но тотъ отказался отъ этой части. Тогда Наврусъ далъ ярлыкъ Д. К. Послѣдній, по выражению лѣтописи, получилъ книженіе «не по отчинѣ и не по дѣдинѣ», т. е. ни отецъ, ни дѣдъ его великими князьями Владимирами не были, слѣдовательно, наследственного права на это достоинство онъ не имѣлъ. Самъ Д. К. однако былъ другого мнѣнія (хотя бы потому, что онъ былъ колѣномъ старше дѣтей Ивана Ивановича), ярлыкъ принялъ и изъ орды направился непосредственно во Владимиръ, въ которомъ, чтобы прочиѣе закрѣпить его за собою, остался жить, возвращивъ этому городу значеніе столицы. Но Москва не думала уступать. Бояре ея, привыкшіе быть боярами сильнѣшихъ князей, не желали сойти на низшую ступень и приложили всѣ силы, чтобы добить ярлыкъ для малолѣтнаго Димитрія. Послѣдній былъ отправленъ съ этой цѣлью въ орду, гдѣ за него хлопотали вліятельные его родственники, князья тверской и ростовской, полагавшіе, что для нихъ безопаснѣе имѣть на Владимиromъ столѣть безвольнаго малютку, чѣмъ взрослаго честолюбца, какимъ они считали Д. К. Въ ордѣ продолжались смуты, и добиться чего-нибудь не представлялось возможнымъ. Тогда московскіе бояре въ 1362 г. двинули противъ Д. К. многочисленное войско, въ виду котораго онъ, не считая возможнымъ сопротивляться, отступилъ отъ великаго княженія, и оно перешло къ Димитрію Ивановичу.

На этомъ борьба Д. К. за великое княженіе не закончилась. Въ 1363 г. онъ снова получилъ великокняжескій ярлыкъ, на этотъ разъ отъ хана Мюрида, который гнѣвался на московскаго князя и этимъ хотѣлъ его наказать. Д. К. тотчасъ же

поѣхалъ во Владіміръ, но прокняжилъ тамъ только 12 дней, такъ какъ Димитрій Ивановичъ оять пошелъ на него съ большімъ войскомъ, вытѣснилъ его изъ Владіміра, осадилъ въ Суздалѣ и принудилъ къ миру на всей своей волѣ. Хотя въ томъ году въ Суздалѣ къ Д. К. прибѣжали нѣсколько влиятельныхъ русскихъ князей, въ томъ или другомъ обиженныхъ Москвою, и предлагали ему союзъ противъ послѣдней, онъ, однако, не рискнулъ возобновить борьбу. Даже когда въ 1365 г. онъ въ третій разъ получилъ ярлыкъ на великое княжение Владімірское и борьба за осуществленіе своихъ правъ, такъ сказать, сама собою напрашивалась, Д. К., дважды испытавъ на себѣ могущество московского князя, предпочелъ уклониться отъ нея, добровольно отказавшись отъ ярлыка въ пользу Димитрія Ивановича, чѣмъ снискать его расположение и обеспечилъ для себя въ трудныхъ случаяхъ его поддержку, которая пригодилась въ самомъ ближайшемъ времени.

Въ томъ же 1365 г. скончался Андрей Константиновичъ, и Д. К., какъ старшій послѣ умершаго, долженъ былъ унаследовать ему Нижній-Новгородъ, но его предупредилъ младшій братъ, Борисъ Константиновичъ (6), который не допустилъ Д. К. даже вѣхать въ городъ. При такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, самъ не имѣя достаточной силы, чтобы управиться съ самовольнымъ братомъ, Д. К. обратился за помощью къ Димитрію Ивановичу, который черезъ посредничество св. Сергія Радонежскаго предложилъ сначала Борису судъ, затѣмъ пригрозилъ закрыть всѣхъ церквей въ Нижнемъ, а когда эти мѣры на Бориса не произвели воздѣйствія, далъ Д. К. значительное войско, во главѣ кото-раго послѣдній и подстутилъ къ Нижнему. Силы Бориса принужденъ были уступить, и Д. К. сѣлъ на княжение въ Нижнемъ-Новгородѣ, наиболѣе крупномъ и богатомъ городѣ въ сузdalскомъ княжествѣ, своему побѣжденному брату отдавъ Городецъ. Оказавшую Москвою помощь Д. К. окончательно примирila его съ Димитріемъ Ивановичемъ, а въ 1366 г. дружба между ними была закрѣплена узами свойства—московскій князь женился на дочери Д. К., Евдокіи.

Примирившись съ Димитріемъ Ивановичемъ и съ роднымъ братомъ Борисомъ,

Д. К. могъ обратить свое вниманіе и на противниковъ другого рода. Еще раньше Нижегородскую землю тревожили волжскіе пираты, «ушкуйники» или, какъ называетъ ихъ Никоновская лѣтопись, «младые дворянчики»; принятые въ 1360 г. на костромскомъ съѣздѣ князей, въ которомъ участвовалъ и Д. К., рѣшеніе о выдачѣ разбойниковъ хану ни къ чему не привело, такъ какъ они на своихъ легкихъ судахъ, «ушкуяхъ», были неуловимы. Въ 1366 г. эти «младые дворянчики» внезапно подплыли на 200 ушкуяхъ къ самому Нижнему, ограбили здѣсь гостей и ушли съ большой добычей, а Д. К. былъ бессиленъ даже преслѣдовать ихъ, ограничившись принятиемъ лишь оборонительныхъ мѣръ на случай повторныхъ набѣговъ. Въ 1367 г. онъ имѣлъ ратное дѣло съ ордынскимъ выходцемъ кн. Булатъ-Темиромъ, который, пользуясь непрекращающимися смутами въ ордѣ, овладѣлъ среднимъ течениемъ Волги и оттуда стала тревожить и грабить Нижегородскую область. Съ цѣлью разомъ покончить съ этимъ хищникомъ, Д. К. собралъ значительное войско и лично вывелъ его противъ татарскаго князька, кото-раго встрѣтилъ у береговъ Цыяны, сыгравшей такую роковую роль въ судьбѣ Д. К., и на голову его разбилъ. Наконецъ, въ 1370 г. Д. К. послалъ брата Бориса и сына Василия противъ своего сосѣда, болгарскаго князя Асана (Осана), который, не вступая даже въ бой, встрѣтилъ русскихъ съ челобитьемъ и дарами. Походъ былъ предпринятъ Д. К. не по своей волѣ, такъ какъ съ болгарами онъ поддерживалъ самыя добрососѣдскія отношенія, а по приказанію хана, чѣмъ, вѣроятно, и объясняется довольно рѣдкой въ исторіи русскихъ князей поступокъ: принявъ отъ Асана челобитье и дары, они тѣмъ не менѣе его самого смѣстили и на Болгарское княжество посадили какого-то Салтана, сына Бакова, повидимому—ставленника хана. Въ 1372 г., опасаясь новыхъ набѣговъ со стороны разбойниковъ—«ушкуйниковъ» и иородцевъ, Д. К. обнесъ Нижній-Новгородъ каменной стѣной.

Послѣ этого о Д. К. нѣтъ никакихъ извѣстій до 1374 г. Въ этомъ году къ Нижнему-Новгороду подошли $1\frac{1}{2}$ тыс. татартъ, составлявшіе, какъ видно, лишь передовой отрядъ болѣе крупного войска и направлявшіеся къ Москвѣ, гдѣ въ это время

находился и Д. К., гости на крестинахъ у зятя, Димитрия Ивановича. Нижегородцы татаръ не только не пропустили, но напали на нихъ, многихъ перебили, а главнаго посла, именемъ Сарайку, и его дружину захватили живьемъ и посадили въ крѣость. Возвратившись изъ Москвы, Д. К. распорядился развести пленныхъ татаръ по разнымъ мѣстамъ, но они, какъ повѣствуетъ лѣтопись, вырвались, пробились на архиерейскій дворъ и оттуда, предводительствуемые Сарайкой, стали стрѣлять по нападавшимъ нижегородцамъ. Послѣднѣе, конечно, одолѣли и, прида въ ожесточеніе, перебили всѣхъ татаръ. Мстя за свой отрядъ и пословъ, тогдашній ханъ Мамай выслалъ противъ Нижняго значительное войско, которое опустошило побережья рр. Киши и Пьяной, многихъ людей перебило и въ полонъ побрало. Оказать сопротивленіе Д. К. было не подъ силу. Такъ же пассивно отнесся онъ къ нашествію татаръ и въ слѣдующемъ 1375 г., посланныхъ Мамаемъ наказать его за то, что онъ помогалъ Московскому князю въ походѣ послѣднаго на Михаила Александровича, кн. Тверского, бывшаго въ то время въ милости у Мамая. И на этотъ разъ татары пожгли и пограбили нижегородскія заселенія и ушли съ большими полономъ.

Неизвѣстно по какимъ причинамъ, въ 1376 г. у Д. К. вышлассора съ болгарами, и зимою этого года онъ предпринялъ противъ нихъ походъ, въ которомъ его собственное многочисленное войско было усилено еще значительную ратью, присланною въ помощь, по его просьбѣ, Московскими княземъ. 16 марта русскіе подошли къ Казани. Принять бой жители вышли за городъ — начали стрѣлять, «громъ пущаху, страшающе русскіе полки», выѣзжали на верблюдахъ въ вадежѣ всполошить у русскихъ лошадей, но единодушнаго и стремительнаго натиска не выдержали и бѣжали въ городъ, преслѣдуемые и избиваемые русскими, которые потому стали разорять и грабить села и зимовища окрестъ Казани, а на Камѣ пожгли всѣ болгарскія суда. Не видя исхода, осажденные князья Махметъ-Салтанъ и упомянутый выше Асая добили челомъ Д. К. двумя тысячами рублей, на воиновъ дали три тысячи, да кромѣ того принуждены были согласиться на обложеніе страны данью.

Въ 1377 г. на Нижній-Новгородъ, не безъ вѣдома Мамая, пополни ратью выходецъ изъ Синей орды (отъ Аравльскаго моря) царевичъ Арапша (Арабъ-шахъ), «ратникъ велий и мужественъ, и крѣпокъ, и свирѣпъ зѣль». Д. К. послалъ просить помощи у Московскаго князя, который явился лично къ Нижнему и привезъ съ собою многочисленные полки. Такъ какъ слухи о нашествіи Арапши постепенно затихли, то Димитрий Ивановичъ рѣшилъ отѣхать въ Москву, свою рать оставилъ въ распоряженіи Д. К. Вскорѣ выяснилось, что татары до поры до времени скрываются у уроцища Волчьихъ Водъ (гдѣто въ нынѣшней Симбирской губ.). Д. К. немедленно послалъ своего сына Ивана (16) и какого-то кн. Семена Михайловича съ большой ратью, къ которой присоединились и московскіе полки. Въ походѣ и войско и его начальники вели себя очень неосторожно: доспѣхи, щиты и шлемы держали на повозкахъ, оружіе имѣли не готовое къ бою, «ѣздиша порты своя съ плеть спущающе, а петли растегающе, аки въ бантѣ растрепаша», всѣ «медъ паху допіана и ловы дѣюще, потѣху себѣ творяще... мнявшись дома суще». Между тѣмъ татары, тайно наведенные мордовскими князьями на русскихъ, зашли съ тыла и неподалеку отъ той же р. Пьяны 2 августа ударили на нихъ, «быюще, колюще и сѣкуче». Среди русскихъ полковъ возникла невообразимая паника: преслѣдуемые и избиваемые татарами, люди бросились бѣжать въ беспорядкѣ къ Пьянѣ, въ водахъ которой многіе нашли свою смерть, и среди нихъ сынъ Д. К., Иванъ. Только небольшая горсть людей спаслась или осталась въ живыхъ въ этой несчастной битвѣ, память о которой долго еще жила у народа въ саркастической «пословцѣ»: «За Пьяною люди пьяны». Побѣдители-татары «сташа на костехъ», а затѣмъ быстрымъ маршемъ двинулись къ Нижнему. Думать объ оборонѣ при такихъ обстоятельствахъ, когда все войско было уничтожено, Д. К. не приходилось, и онъ ушелъ въ Сузdalъ, а его примѣру послѣдовало и большинство жителей. 5 августа татары были уже въ городѣ, перебили оставшихся тамъ людей, дома, церкви и монастыри сожгли, а затѣмъ разрушительной лавой раздѣлились по окрестностямъ Нижняго, все предавая огню и мечу.

Княжество Д. К. напастиемъ Арапши до того было опустошено и ослаблено, что по уходѣ татаръ на него осмѣлилась на- пасть даже ничтожная мордва, побившая многихъ людей и пожегшая уцѣлѣвшія се- ленія. На борьбу съ этимъ не столько несчастьемъ, сколько позоромъ за Д. К. выступилъ его благородный братъ Борисъ, который, вскорѣ собравши незначитель- ное войско, бросился по слѣдамъ уходи- щей мордовы, у той же роковой р. Пьяны настигъ ее и жестоко разбилъ, отомстивъ за поруганіе. Этимъ месть не ограничи- лась, и зимою того же 1377 г. Д. К. самъ, собравшись съ силами, выслалъ на хищниковъ значительную рать, которая въ союзѣ съ прислаными на помощь московскими полками всю Мордовскую землю «пусту сотвориша», селенія раз- грабивъ и пожегши, жителей побивъ и иго- лонивъ. Въ отміщеніе за этотъ каратель- ный походъ на подвластную хану мордову, Мамай въ 1378 г. выслалъ рать на Ниж- ний. Д. К., бывшій въ то время въ Го- родцѣ, послѣшилъ домой, но жителей вашель разбѣжалъши. Не надѣясь на успѣшность сопротивленія, онъ попытался отдѣлаться отъ бѣдствія откупомъ, но та- тары послѣдній не приняли, вспали въ городъ, пограбили и сожгли его и отпра- вились въ орду съ большими полонами.

Описавъ эти бѣдственныя события, лѣ- тописи на нѣкоторое время, года на че- тыре, перестаютъ говорить о Д. К. По- видимому, онъ не участвовалъ даже въ Куликовской битвѣ, можетъ быть изъ-за своего безсилія, можетъ быть и по нѣко- торымъ соображеніямъ. Именно, можно думать, что нациганный предыдущими на- шесгвіями татаръ и опасаясь еще боль- шихъ опустошеній, онъ не только не под- держивалъ Московского князя въ его анти- ордынской политикѣ, но напротивъ—сталъ искать для себя у хана милости. Объяс- неніе поворота Д. К. нужно искать въ томъ, что ему приходилось труднѣе чѣмъ кому бы то ни было въ виду близкаго сосѣдства съ татарами и еще ближайшаго съ подвластными имъ инородческими пле- менами и въ виду того, что и тѣ и дру- гие могли во всякомъ время набѣгать на нижегородскія волости. Дѣйствительно, когда въ 1382 г. на Москву и вообще на Русь стала надвигаться грозная туча—съ несмѣтыми полчищами шелъ побѣдитель

Мамая, Тохтамышъ, Д. К., желая спасти свою землю отъ новыхъ бѣдъ, отправилъ навстрѣчу ему большое посольство во главѣ съ своими сыновьями Василіемъ (8) и Се- меномъ (20), причемъ послѣдніе сопрово- ждали хана во все времена пребыванія его на Руси. Такая покорность понравилась Тох- тамышу, а онъ оставилъ земли Д. К. въ покое, а на обратномъ пути въ орду не по-татарски любезно отвѣтилъ ему также посольствомъ, во главѣ котораго поста- вилъ своего шурина Шихмата. Вмѣстѣ съ посольствомъ былъ отпущенъ къ Д. К. и его сынъ Семенъ, другого же хана взять съ собою въ орду въ качествѣ за- ложника.

Скончался Д. К. 5 июля 1383 г., «живъ всѣхъ дѣть 61», передъ смертью принялъ иноческий образъ съ именемъ Феодора; по-гребенъ въ церкви св. Спаса. Онъ былъ женатъ на происхожденіемъ намъ неиз- вѣстной Аннѣ, отъ брака съ которой имѣлъ троихъ сыновей—*Василія* (8), *Івана* (16) и *Семена* (20), и двухъ дочерей—*Марію*, бывшую за Николаемъ Васильевичемъ Вельяминовымъ, и *Евдокію*—какъ сказа- зано, жену Дмитрія Ивановича Донского. Д. К. обладалъ древнійшимъ харатейнымъ спискомъ лѣтописи Нестора; сдѣланный по его приказу списокъ съ этого списка до- шелъ до насъ и напечатанъ подъ назва- ниемъ «Лаврентьевской лѣтописи».

Полное Собр. Русск. Лѣтоп., т. I, стр. 209, 230; т. III, стр. 87, 91; т. IV, стр. 63, 65, 70, 73, 74, 84, 86, 89, 91; т. V, стр. 228—230, 233, 236, 238, 239; т. VI, стр. 98, 100—111; т. VII, стр. 220; т. XV, стр. 428, 434—437.—Никоновск. лѣтоп., т. III, стр. 214—215; т. IV, стр. 8, 12, 13, 17, 24—25, 34; 38, 40—48, 51—53, 79, 131—132, 137—142.—Татищевск. сводъ, т. IV, стр. 203.—Лѣтопись Львова, т. II, стр. 143.—«Ни- жегородскій лѣтописецъ», изд. А. С. Гацис- скаго.—«Акты Историческіе», т. I, грамота отъ 1 авг. 1591 г.—Т. Мальгинъ, «Зерцало рос- сійскихъ государей», изд. 3-е, Спб. 1791 г., стр. 336.—М. Д. Хмыровъ, «Перечень князей Юрікова дома», № 72.—Н. Н. Петронъ, «Исторія родовъ русскаго дворянства», т. I, Спб. 1885 г., родосл. табл., кн. Сузdal'скихъ.—Н. Храмовскій, «Браткій очеркъ исторіи Нижнаго-Новгорода», Н.-Новгор., 1857 г., т. I, стр. 24 и слѣд.; т. II, стр. 49.—Н. И. Мельниковъ, «Историческія извѣстія о Нижнемъ-Новгородѣ», «Отечеств. Записки», 1842 г., т. XI, отд. I, стр. 17 и дал.—Его же, «Нижегородское вели- кое княжество», «Нижегор. Губернск. Вѣдом.», 1847 г., N № 6 (о пословицѣ: «Дмитрій да Борисъ за городъ подались») и 17.—«Исторія Нижнаго-Новгорода до 1350 г.», ibid., 1847 г., № 2, 3.—Духовскій, «Взглядъ на событія,

совершившися въ теченіе шести вѣковъ въ Нижнемъ-Новгородѣ», «Казанскій Вѣстникъ», 1826 г., ч. 18, кн. 9, стр. 15—34.—Татищевъ, «Россійская исторія», т. IV, стр. 188.—Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійскаго», изд. Эйнерлинга, Спб., 1843 г., т. IV, стр. 181—184; прим. 326, 392, 396, 397; т. V, стр. 2, 4, 6, 20—21, 24—27, 45, 49, 57, 151, 187; прим. 1, 4, 39, 90, 98, 114; т. XII, стр. 1; прим. 1.—Арцыбашевъ, «Повѣствованіе о Россіи», т. II, стр. 122, 790, 793; прим. 872.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Общества Польза», кн. 1, стр. 956, 957, 959, 960, 968, 973—976, 985.—А. В. Экземплярскій, «Велик. и удѣльные князья Сѣверн. Руси», т. II, Спб., 1891 г., стр. 40, 41, 49, 50, 85, 104, 105, 164, 182, 183, 218, 280, 281, 294, 297, 403—431, 438, 440, 482, 486, 544.—В. С. Борзаковскій, «Исторія Тверскаго княжества», Спб., 1876 г., стр. 159—160; прим. 712.

13. *Дмитрій Константиновичъ меньши́й*, прозваніемъ *Ноготь*, братъ предыдущаго, четвертый сынъ Константина Васильевича (17), князь Суздальскимъ можетъ быть названъ только какъ представитель рода, ибо ни Суздальемъ, ни какимъ-либо особымъ удѣломъ не владѣлъ, хотя, по видимому, и имѣлъ кое-какія волости, данные ему старшими братьями на кормъ. Немногія сохранившіяся о немъ лѣтописныя извѣстія едва ли достовѣрны. Согласно даннымъ этихъ источниковъ, въ 1367 г. онъ вмѣстѣ съ старшими братьями Дмитриемъ (12) и Борисомъ (6) Константиновичами ходилъ противъ ордынского выходца Булатъ-Темира, разорявшаго своими набѣгами Нижегородскую землю, а въ 1375 г. былъ въ походѣ Дмитрия Ивановича (Донского) противъ Тверскаго князя Михаила Александровича. Между тѣмъ сохранился официальный документъ—данная суздальскому Васильевскому монастырю,—въ которомъ 1353 годомъ помѣчается смерть кн. «Дмитрея Костянтиновица», и этотъ князь, по мнѣнию А. В. Экземплярскаго, не кто иной, какъ Д. К. Извѣстно имя его супруги—*Марія*, въ иночествѣ *Марина*; она скончалась и погребена въ Суздалѣ, въ нынѣшней церкви св. Александра Пертскаго, бывшей женскимъ монастыремъ. Д. К. имѣлъ единственного сына *Юрия*, черезъ которого онъ считается родоначальникомъ не-удѣльныхъ князей *Ногтесыихъ*.

Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. XV, стр. 435.—Ніконовск. Лѣт., т. IV, стр. 17, 42. — «Акты Юридические», т. I, № 63⁴.—Н. Храмцовскій, «Краткій очеркъ и исторія Н.-Новгорода», стр.

26.—Карамзинъ, «Истор. госуд. Россійск.», т. V, стр. 24; прим. 33. — А. В. Экземплярскій, «Велик. и удѣльные князья Сѣверн. Руси», т. II, стр. 404, 422—423.

14. *Іванъ Борисовичъ*, прозваніемъ *Тугой Лукъ*, второй и младший сынъ Бориса Константиновича (6), родился въ 1370 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ и тамъ же былъ крещенъ митрополитомъ Алексіемъ. На арену политической дѣятельности выступилъ весьма рано—12-ти лѣтъ; именно, въ 1383 г. вслѣдъ за отцомъ отправился въ орду, куда повезъ, какъ кажется, дополнительные подарки для хана Тохтамыша, у котораго Борисъ Константиновичъ искалъ милости, а черезъ три года, слѣдовательно 15-ти лѣтъ, И. Б., по порученію отца, вновьѣздилъ въ орду—съ цѣлью, повидимому, хлопотать у хана о дальнѣйшемъ задержаніи въ ордѣ Василія Кирдапы (8), въ которомъ Борисъ Константиновичъ не безъ основанія боялся увидѣть опаснаго соперника на нижегородской столѣ. Въ 1392 г., когда Нижній-Новгородъ былъ насильственно отнятъ у Суздальскихъ князей и присоединенъ къ Москвѣ, И. Б. вмѣстѣ съ отцомъ, матерью и братомъ попалъ къ московскому князю въ плѣнъ, изъ котораго впослѣдствіи бѣжалъ въ орду. Въ дальнѣйшемъ его судьба тѣснымъ образомъ связана съ судбою его старшаго брата, Даниила (10); вмѣстѣ съ нимъ онъ въ 1411 г. привелъ къ Нижнему казанскихъ татарь, вмѣстѣ же выигралъ битву при с. Лысково у кн. Петра Дмитріевича, сына Московскаго князя, затѣмъ овладѣлъ Нижнимъ, въ 1412 г.ѣздилъ въ орду, где выхлопотанъ былъ ярлыкъ на Нижегородское княжество, въ 1414 г. былъ изгнанъ Москвою изъ Нижняго, въ 1417 г. примирился съ великимъ княземъ и, иаконецъ, въ 1418 г.ѣжалъ изъ Москвы—неизвѣстно куда. Скончался И. Б., во всякомъ случаѣ, въ Нижнемъ, по однимъ извѣстіямъ въ томъ же 1418 г., по другимъ—въ 1448 г. (вѣроятно, описка или опечатка), и тамъ же погребенъ, въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ. На комъ женатъ былъ И. Б.—неизвѣстно; что же касается его потомства, то одинъ родословный считаютъ И. Б. бездѣтнымъ, другія же даютъ ему сына *Александра*, прозваніемъ *Брюхатаго* (3).

Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 235; т. IV, стр. 112; т. V, стр. 261; т. VI, стр. 140; т. VII, стр. 48—49, 88, 90; т. XV, стр. 446, 485, 487.—

Никон. лѣтоп., т. IV, стр. 67, 70, 73, 142, 155; т. V, стр. 36—39.—«Нижегородск. лѣтописецъ», изд. А. С. Гацисскимъ.—«Акты Исторические», т. I, № 25, 38.—П. И. Мельниковъ, «Утвари въ селѣ Медвѣдевѣ», «Нижегор. Губ. Вѣдом.», 1846 г., № 46.—Н. Храмцовскій, «Краткій очеркъ исторіи Нижнаго-Новгорода», Н.-Новг., 1857 г.—Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійск.», т. V, прим. 114, 122, 137, 146, 211.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. «Общ. Пользы», кн. I, стр. 1012, 1013.—А. В. Экземплярскій, «Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Руси», т. II, стр. 59, 60, 90, 91, 225, 308, 310, 344, 416, 419, 421, 432, 434—438, 440—442.—«Энциклоп. слов.» Брокгауза-Ефрана, полут. 7, стр. 413; полут. 24, стр. 766.

15. *Иванъ Васильевичъ*, старшій сынъ Василія Дмитріевича Кирдяпы (8), князь-жилъ въ Суздалѣ, но не самостоятельно, а подъ волей московскаго князя, которому въ общемъ былъ покоренъ. Только въ 1414 г. онъ вошелъ въ какую-то сдѣлку со своими двоюродными дядьками, дѣтьми Бориса Константиновича (6), боровшимися съ Москвою за Нижній-Новгородъ, но скоро былъ усмирены братомъ великаго князя, Юріемъ Дмитріевичемъ Галицкимъ. Скончался онъ въ 1417 г. Нѣкоторыя родословныя даютъ ему сына Александра Брюхатаго (3), что едва ли правильно.

Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 235; т. VI, стр. 140—141; т. VIII, стр. 88; т. XV, стр. 487.—Никоновск. лѣтоп., т. V, стр. 67.—Карамзинъ, «Исторія гос. Рос.», т. V, стр. 76, прим. 146.—«Собрание Государств. Грам. и Договор.», т. I, № 39.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. «Обществ. Пользы», кн. I, стр. 1012, 1013, 1127.—А. В. Экземплярскій, «Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Руси», т. II, стр. 225, 426, 434, 436—438, 440, 441.

16. *Иванъ Дмитріевичъ*, второй сынъ Дмитрія Константиновича (11), княжичъ Сузdalско-Нижегородскій, особаго удѣла не имѣлъ. Свѣдѣнія о немъ немногочисленны: въ 1367 г. вмѣстѣ съ отцомъ, дядей Борисомъ (6) и братьями преслѣдовались Булатъ-Темира, въ 1376 г.—участвовалъ въ походѣ на Казань и въ 1377 г.—ходилъ съ нижегородскими и московскими войсками противъ пришедшаго изъ Синей орды царевича Араши, причемъ во время произошедшей 2 августа на берегахъ р. Шляны трагической для русскихъ битвы И. Д., спасаясь отъ татаръ, бросился въ рѣку и утонулъ. Тѣло его позже было разыскано братомъ Василиемъ Дмитріевичемъ (8) и погребено въ нижегородскомъ Спас-

скомъ соборѣ. Потомства И. Д. не оставилъ и неизвѣстно даже, былъ ли онъ женатъ.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. III, стр. 91; т. IV, стр. 73; т. V, стр. 236; т. VIII, стр. 14, 24—26; т. XV, стр. 436—437.—Никоновск. лѣт., т. IV, стр. 17, 47—48, 51—53.—«Нижегородск. лѣтописецъ», изд. А. С. Гацисскимъ.—Н. Храмцовскій, «Краткій очеркъ исторіи Нижнаго-Новгорода», т. I, Н.-Новг., 1857 г.—Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійскаго», изд. Эйерлинга, т. V, стр. 24, 26, 27; прим. 39, 44.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. «Обществ. Пользы», кн. I, стр. 974, 975.—А. В. Экземплярскій, «Великіе и удѣльн. князья Сѣв. Руси», т. II, стр. 413, 414, 417, 424, 425, 427.

17. *Константинъ Васильевичъ*, второй и младший сынъ Василія Andrsevicha (7), седьмой князь Сузdalской—см. томъ «Кнаппе-Кюхельбекъ», стр. 117.

18. *Михаилъ Andrsevichъ*, второй сынъ Андрея Ярославича (5), четвертый князь въ Суздалѣ, который получилъ послѣ смерти своего старшаго брата Юрія (21) въ 1279 г., а до этого года владѣлъ Городцемъ Волжскимъ. Подобно брату, М. А. долгое время управлялъ однѣмъ Суздалемъ съ его волостями, въ Нижнемъ-Новгородѣ же сидѣлъ сынъ Александра Невскаго, Андрей Александровичъ. Только въ 1304 г., послѣ кончины этого князя, къ М. А. перешлъ и Нижній-Новгородъ, для утвержденія котораго за собою онъ въ 1305 г. вѣдилъ въ орду. Добившись въ ордѣ своей цѣли, М. А. проѣхалъ прямо въ утвержденный за нимъ городъ и тамъ первымъ дѣломъ «изби вѣчники»—казнилъ и наказалъ многихъ жителей за то, что они побили бояръ умершаго кн. Андрея Александровича, притомъ такое рѣшеніе приняли на вѣчѣ, «чернь же—по мнѣнію Карамзина—не имѣла власти судебнаго, исключительного права княжескаго». Въ упомянутую поѣздку къ хану М. А. женился на какой-то ордынкѣ, именемъ намъ неизвѣстной. Никоновск. лѣтоп. по недоразумѣнію даетъ ому сына Василія, на самомъ же дѣлѣ М. А. потомства не оставилъ. Кончицу его на основаніи хронологическихъ соображеній слѣдуетъ отнести къ 1306 или 1307 г.

Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. III, стр. 68, 222; т. IV, стр. 47; т. V, стр. 204; т. VII, стр. 184.—Никоновск. лѣт., т. III, стр. 67.—Храмцовскій, «Краткій очеркъ исторіи Нижнаго-Новгорода». гл. I.—Карамзинъ, «Исторія госуд.

Российск.», изд. Эйнерлинга, т. IV, стр. 106; прив. 182, 209, 244, 263.—С. М. Соловьевъ, «История Россіи», изд. «Общ. Пользы», кн. I, стр. 851. — А. В. Эзремплярский, «Велик. и удельн. князья Сѣв. Руси», т. II, стр. 388—391, 393, 396—398.—Протопоповъ, «Суздаль отъ нашествія татаръ до присоединенія его къ Московскому княжеству», «Владим. Губ. Вѣд.», 1839 г., № 27, 30, 35—37.

19. *Святославъ Всеволодовичъ*, сынъ Всеволода Большое Гнѣздо, первый князь на Суздальскомъ столѣ, съ 1246 г. великий князь Владимирскій (см. томъ «Сабанѣевъ—Смысловъ», стр. 251—252).

20. *Семенъ Дмитриевичъ*, младшій сынъ Дмитрія Константиновича (11), двѣнадцатый кн. Суздальскій, въ лѣтописяхъ начинается упоминаться съ 1375 г., когда былъ въ походѣ Московскаго князя на Тверь, хотя съ большімъ вѣроятіемъ можно думать, что еще въ 1367 г. онъ участвовалъ въ преслѣдованіи мурзы Булатъ-Темира. Въ 1377 г. С. Д., вмѣстѣ съ дядей Борисомъ Константиновичемъ (6) предводительствуя соединенными нижегородскими и московскими полками, ходилъ на морду, осмѣлившуюся послѣ несчастной для русскихъ битвы у р. Цианы съ царевичемъ Аралишой напасть на Нижегородскую землю; походъ былъ настолько жестокъ, что мордовская земля «сътворилась пуста». Во времена нашествія на Русь въ 1382 г. Тохтамышъ С. Д., вмѣстѣ съ братомъ Василиемъ (8), по порученію отца, сопровождалъ хана въ походѣ на Москву и былъ однимъ изъ совѣтовавшихъ москвичамъ отворить городскія ворота, такъ какъ ханъ питаетъ-де самая мирная намѣренія, что, какъ указано въ біографіи Василия Дмитріевича, оказалось невѣрнымъ: татары предали городъ страшному разрушению. На обратномъ пути въ орду Тохта, задержавъ при себѣ Василия Дмитріевича, самого С. Д. отпустилъ къ отцу вмѣстѣ со своимъ шуриномъ Шахматомъ и цѣльмъ посольствомъ, наряженнымъ ханомъ къ Дмитрію Константиновичу въ знакъ милости хана къ нему за его покорность.

Послѣ смерти отца С. Д. въ Нижнемъ-Новгородѣ занялъ княжескій столъ его дядя Борисъ, а самъ С. Д. и братъ его должны были княжить въ Суздальѣ, чѣмъ остались недовольны и въ 1387 г. съ помощью московскихъ войскъ отняли у дяди Нижний, въ которомъ, однако, просидѣли не болѣе двухъ лѣтъ, такъ какъ Борисъ Константиновичъ добился ханскаго ярлыка на Нижний, и С. Д. съ братомъ принуждены были

уступить, снова сѣвшіи въ Суздаль. Въ 1393 г. Московскій князь, купивъ въ ордѣ ярлыкъ на нижегородское княженіе, отнялъ Нижний у Бориса и выгналъ С. Д. и Василія изъ Суздalia, давъ имъ Шую. Братья остались новымъ удѣломъ недовольны и «побѣжали» въ орду жаловаться Тохтамышу, причемъ счастливо избѣжали погони, выславшій имъ волѣдъ изъ Москвы. У Тохтамыша они, повидимому, ничего не добились, и Василій, потерявши всяющую надежду на возвращеніе въ отчизну, успокоился и помиралъ съ Московскимъ княземъ. С. Д. однако не оставилъ своихъ домогацій и стала дѣйствовать уже самостоительно. Въ 1395 г. онъ, собравши кое-какія собственныя силы и получивъ подкрѣщеніе отъ казанскихъ татаръ, подступилъ къ Нижнему и обложилъ его. Осажденные долго сопротивлялись, но наконецъ должны были согласиться на сдачу при условіи, что ничего не будетъ разграблено, въ чемъ С. Д. и его воины цѣловали крестъ, а татары «рогу пили по своей вѣрѣ». Тѣмъ не менѣе послѣдніе не сдержали слова: ворвались въ городъ и разграбили его. «Не азъ творихъ месть, но татарове; а язъ въ нихъ не воленъ, а съ ними не могу», приводить лѣтопись оправданія С. Д. Московскій князь вскорѣ послалъ сильный отрядъ на выручку нижегородцевъ; татары бѣжали, а съ ними и С. Д., не желавшій покориться великому князю и отказаться отъ Нижнаго.

Въ 1399 г. С. Д. опять пытался при помощи казанскихъ татаръ овладѣть Нижнимъ-Новгородомъ, но объ этомъ заблаговременно узнали въ Москвѣ, откуда была послана за С. Д. погоня, которая преслѣдовала его до Казани, но «не угониша». Въ 1401 г. великий князь снова послалъ двоихъ воеводъ искать С. Д. и его семью. Послѣдніе нашли семейство С. Д. въ Мордовской землѣ и привезли его въ Москву, где оно было заключено во дворѣ боярина Белеуга. Узнавъ объ этомъ, С. Д., скрывавшійся въ ордѣ, стала просить у московскаго князя «мира и любви», что и получилъ въ томъ же году. На миры Московскій князь согласился, вѣроятно, подъ вліяніемъ посланія игумена Бѣлоозерскаго монастыря Кирилла, въ которомъ онъ увѣщевалъ великаго князя въ его борьбѣ съ суздальскими князьями не поддаваться злобѣ и чувству мщенія, а быть справедливымъ, миролюбивымъ и мягкосердымъ. Послѣ этого С. Д. уѣхалъ съ семействомъ

въ Вятку, гдѣ скоро умеръ—21 декабря 1402 г., оставивъ двоихъ сыновей, изъ которыхъ только одинъ известенъ по имени—*Василій* (9). Тщетныя заботы и хлопоты С. Д. о возвращеніи своей вотчины лѣтопись рисуетъ слѣдующими словами: «Сей же князь Семенъ Дмитреевичъ суждоскии ізъ Нижнаго Новагорода многи напасти подъять і многи истомы претѣрпѣ во Ордѣ и на Руси, тружався добиваясь своея отчины, і 8 лѣтъ не почивая по ряду во Ордѣ служилъ четыремъ царемъ: первому—Тахтамышу, второму—Аскакъ-Темирю, третьему—Темиръ-Кутлу, четвертому—Шадибеку; а все то поднимая рать на великого князя Василья Дмитреевича московскаго, како бы ему найти свою отчину—княжение Новагорода Нижнаго, и Сузdalъ и Городецъ; и того ради многъ трудъ подъя, і иного напастеї и бѣдъ претѣрпѣ, своего пристанища не имѣя и не обрѣтая покоя ногама своимъ, і не успѣ ничтожъ».

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. IV, стр. 84, 86—87, 89, 95, 101; т. V, стр. 233, 242—254; т. VI, стр. 98, 100—101, 103, 124, 128, 130—131, т. VIII, стр. 14, 22, 26, 42—43, 45, 47, 52, 64, 72; т. XV, стр. 435, 461, 470—Никоновск. Лѣтоп., т. IV, стр. 17, 42—44, 54—55, 132, 135—137, 142, 155—156, 254, 256, 267, 278, 303—304. Татицевск. сводъ, т. IV, стр. 375.—«Нижегородскій лѣтописецъ», изд. А. С. Гацисскимъ.—«Акты Историч.», т. I, № 12.—Карамзинъ, «Истор. госуд. Россійскаго», изд. Эйперлинга, т. V, стр. 21, 27, 45, 47, 51, 57, 76; прим. 33, 90, 95, 98, 114, 137, 144—146, 175.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Общества Польза», кн. I, стр. 976, 982, 983, 1010, 1011.—А. В. Экземплярскій, «Велик. и удѣльные князья Сѣв. Руси», т. II, стр. 223—225, 390, 412, 415—420, 423—431, 434, 440.—Протопоповъ, «Сузdalъ отъ нашествія татаръ до присоединенія его къ Московскому княжеству», «Владим. Губ. Вѣдом.», 1839 г., № 27, 30, 35—37.—П. И. Мельниковъ, «Нижегородское великое княжество», «Нижегородск. Губ. Вѣдомости», 1847 г., № 4—8.—Н. Храмцовскій, «Краткій очеркъ исторіи Нижнаго - Новгорода», Нижн. - Новгородъ, 1857.

21. *Юрій Андреевичъ*, старшій сынъ Андрея Ярославича (5), третій князь на суждальскомъ столѣ, который онъ получилъ въ 1264 г., послѣ смерти отца. Наслѣдственный удѣлъ достался ему значительно урѣзаннымъ, ибо часть его, въ центрѣ которой былъ Городецъ-Волжскій, по завѣщанію Андрея Ярославича перешла къ племяннику послѣднаго, сыну Александра Невскаго, Андрею Александровичу. Владѣніе Суждалемъ, Ю. А. тѣмъ не

менѣе всю почти жизньъ провелъ въ Великомъ Новгородѣ, въ которомъ онъ княжилъ, однако, не какъ призванный населеніемъ князь, а какъ намѣстникъ вел. кн. Тверскаго Ярослава Ярославича. Дата рождения Ю. А. неизвѣстна, на историческую сцену же онъ, по лѣтописнымъ даннымъ, выступилъ въ 1267 г., когда новгородцы «сдумаша съ княземъ своимъ Юрьевъ, хотиша идти на Литву». Въ чѣмъ съ Ю. А. войско Великаго Новгорода и двинулось къ границамъ Литвы, подошло уже къ Дубровкѣ,—небольшой постъ въ нынѣшнемъ Порховскомъ уѣздѣ,—но тамъ произошла распра изъ-за дальнѣйшаго пути: одни желали остаться вѣрными принятому намѣренію, т. е. вторгнуться въ Литву, другіе совѣтовали двинуться на Шоцкъ, а трети, среди которыхъ были, кажется, и Ю. А., настаивали на походѣ за Нарву, противъ ливонскихъ рыцарей. Послѣднее теченіе взяло верхъ, и войско пошло къ подвластному датчанамъ Раковору (Везенбергу), котораго, однако, взять не смогло и ограничились опустошеніемъ прилегающаго края,—«много земля ихъ потратиша», по выражению лѣтописи. Въ слѣдующемъ году новгородцы, съ цѣлью загладить предшествующую неудачу, снова двинулись къ Раковору. На этотъ разъ въ походѣ, кроме Ю. А., приняли участіе, по просьбѣ новгородцевъ, и другіе русскіе князья, въ томъ числѣ Дмитрій Александровичъ по-реяславскій, Святославъ и Михаилъ Ярославичи, Константинъ Ростиславичъ смоленскій, псковскій князь Довмонтъ. На р. Кеголи произошло большое кровопролитіе, «страшное побоище, яко не видали ни отцы, ни дѣды», извѣстное подъ именемъ Раковорской битвы, изъ которой новгородцы одержали решительную победу. О роли Ю. А. въ этой битвѣ сохранился не совсѣмъ лестный для его памяти отзывъ лѣтописца: «Юрій вда пленъ», т. е. показалъ непріятелю тылъ, къ тому же и на побудительныя причины бѣгства лѣтопись, хотя и не категорически, на брасываетъ подозрѣніе словами: «или перевѣтъ былъ въ немъ, то Богъ вѣсть», а это, по толкованію новѣйшихъ историковъ, означаетъ, что молва подозрѣвала его въ сношеніяхъ съ врагомъ. Какъ бы то ни было, въ слѣдующемъ 1269 г. Ю. А. загладилъ свою вину. Движимые чувствомъ

мести, лионцы во второй половинѣ мая этого года подстутили къ Пскову и обложили его со всѣхъ сторонъ. Тогда Ю. А. съ новгородскимъ войскомъ пошелъ на выручку осажденнымъ и принудилъ «божихъ дворянъ», т. е. рыцарей, сначала къ бѣгству, а затѣмъ къ весьма невыгодному для нихъ миру, заключенному «на всей волѣ новгородской». Въ послѣдній разъ Ю. А. упоминается въ связи съ скорой между Ярославомъ Ярославичемъ и новгородцами; понятно, что Ю. А. принялъ сторону первого, оставилъ Новгородъ и засѣлъ въ Торжкѣ, гдѣ задерживалъ єдушихъ въ Новгородъ купцовъ и идущие туда суда и товары. Скончался Ю. А. 8 марта 1279 г. и погребенъ въ Суздалѣ, въ храмѣ Богоматери. Неизвѣстно, былъ ли онъ женатъ, но потомства во всякомъ случаѣ не оставилъ.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. III, стр. 59—61; т. IV, стр. 40, 43; т. V, стр. 193, 195, 199; т. VII, стр. 167—169, 174, 174.—Никоновск. лѣт., т. III, стр. 46—49, 67.—Татиш. сводъ, т. IV, стр. 37.—Договорная грамота Новгорода съ вел. кн. Ярославомъ Ярославовичемъ въ Архивѣ Иностран. коллегії, № 1, напечат. въ «Собр. Гос. Грам. и Догов.», т. I, № 1.—Н. Барсовъ, «Материалы для историч.-географич. словаря Россіи», стр. 71.—Keilch, «Liefländische Geschichte», р. 97.—Arndt, «Liefländische Chronik», р. 63.—Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійскаго», изд. Эйнерлинга, Спб., 1843 г.; т. IV, стр. 62—64, 67; прим. 122, 123, 127, 128, 132, 182, 263.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Общества Попыза», кн. I, стр. 845, 851.—А. В. Экземплярскій, «Великіе и удѣльные князья Сѣв. Руси», т. II, стр. 388—390, 393—397, 451.—«Бархатная книга», ч. I, стр. 67.—В. С. Борзаковскій, «Исторія Тверского княжества», Спб., 1876 г., стр. 76—77.—Калайдовичъ, «Историч. и хронологический опытъ о посадникахъ новгородскихъ», М., 1821 г.—Пасекъ, «Новгородъ самъ въ себѣ», «Чтение въ Обществѣ Истор. и Древностей Россійскихъ», 1869 г., т. IV.

22. *Юрій Васильевичъ*, второй сынъ Василія Дмитріевича Кирдяпы (8), владѣль Шуей, извѣстенъ только по родословнымъ какъ родоначальникъ князей Шуйскихъ, старшей вѣтви. Его сыновья *Василій* и *Федоръ Юрьевичи* жили въ самое бурное время XV в., когда происходила упорная борьба между вел. кн. Василіемъ Васильевичемъ (Темнымъ) и претендентами на великокняжеский столъ, князьями Галицкими. Во времена смуты братья изъ своей вотчины бѣжали въ Новгородъ Великій, а оттуда пришли къ Шемякѣ и заключили

съ нимъ договоръ, по которому, «когда Богъ дастъ ему (Шемякѣ) достать... велико княженіе», они должны получить въ независимое владѣніе Сузdalъ, Нижній Новгородъ, Городецъ и даже Вятку. Это была въ послѣдній разъ вспыхнувшая мечта князей Сузdalско-Нижегородскихъ возвратить себѣ бытъ владѣнія рода; съ поражениемъ Шемяки погасла навсегда и она. О третьемъ сыне Ю. В., *Іванъ*, известно только, что онъ скончался бездѣтнымъ. Василій Юрьевичъ имѣлъ двухъ сыновей—*Василія* же, прозваніемъ *Блѣдный*, бывшаго при Ioаннѣ III намѣстникомъ во Псковѣ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, и *Михаила*. Средній изъ троихъ сыновей первого, *Іванъ*, по прозванию *Скопа*, является родоначальникомъ особой вѣтви Шуйскихъ князей, *Скопинъ-Шуйскихъ*; герой смутного времени, Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій—его правнукъ. Второй сынъ Василія Юрьевича Михаиль, имѣлъ дѣтей *Івана* и *Андрея*, дѣда царя Василія Ивановича Шуйскаго.

П. Н. Петровъ, «Исторія родовъ русскаго дворянства», т. I, Спб., 1885.—Кн. П. Долгоруковъ, «Россійская родословная книга», т. I, Спб., 1854 г., стр. 233.—В. Дурасовъ, «Родословная книга всероссійского дворянства», ч. I, Спб., 1906 г.—«Книги Сузdalско-Шуйскіе», «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній» Калачева, кн. I.—Карамзинъ, «Истор. госуд. Росс.», т. XII, прим. 1.—Хилковъ, «Ладро россійской истории», стр. 314.—А. В. Экземплярскій, «Великіе и удѣльные князья Сѣв. Руси», т. II, стр. 426, 436—439.

23. *Федоръ Васильевичъ*, третій сынъ Василія Дмитріевича Кирдяпы (8), извѣстенъ только по родословнымъ, которые считаются его бездѣтными.

Н. Сербовъ.

Сузdalъцевъ, Іванъ Васильевичъ, воевода въ Турийскѣ въ третьей четверти XVII в. Въ 1673 г., по приказу изъ Москвы, онъ собиралъ въ своемъ воеводствѣ деньги на жалованье воевавшей съ турками рати—по полтинѣ съ двора «съ купцами, промышленниками, ремесленниками, со всякихъ чивовъ людей по $1/10$ деньги», а со «скучныхъ людей» по полтинѣ съ человека, причемъ оцѣнка имущества и промысловъ произведена была выборными отъ сословий, собранная же деньги внесены въ приказъ Большого прихода.

Второе извѣстіе о С. относится къ 1676 г., когда къ нему (10 февраля) былъ отправленъ изъ Москвы приказъ оказать необходимое содѣствіе посланному въ Турицкъ стольнику кн. Ив. Козловскому въ приведеніе къ присягѣ населенія и служилаго люда Сибири недавно передъ тѣмъ (30 января 1876 г.) восшедшему на престолъ царю Федору Алексѣевичу.

(Дополненіе къ Актамъ Историческихъ, т. VI, стр. 324, 374.—«Древняя Россійск. Виз.», т. III, стр. 215; т. VIII, стр. 148; т. XIV, стр. 63.—«Полное Собрание законовъ», т. I, стр. 892, 907; т. II, стр. 6.—В. Е. Андріевъ, «Исторія Сибири», ч. II, Спб., 1889 г., стр. 2, 178.

Сукинъ, Борисъ Ивановичъ. Въ 1542 г., съ 1 по 23 марта, одинъ изъ четырехъ приставовъ при польскомъ посольствѣ въ Москву; на немъ съ товарищами лежала обязанность смотрѣть за исправнымъ доставленіемъ посламъ корма и наблюдать, чтобы съ ними никто не говорилъ; по вѣзду пословъ въ Москву пристава ихъ «уставливали» на подворѣй; 6 марта послы прѣѣхали къ великому князю, по его приказанію, въ сопровожденіи приставовъ; въ Золотой палатѣ былъ столъ у великаго князя, и оставлены обѣдать какъ послы, такъ и пристава. Въ 1547 г. С. былъ дьякомъ; на первой свадѣбѣ вел. кн. Ивана Васильевича съ Анастасіей Романовной Захариной былъ вмѣстѣ съ Вас. Григ. Захаровымъ въ казнѣ великой княгини и у платья, и оба они сидѣли въ хоромахъ; свадебные списки находились у С. и у Бокана Митрофанова; къ вѣнчанью С. шелъ за санями великой княгини и всѣ три дня стоялъ у завтраковъ. Въ 1548 г. на свадѣбѣ кн. Юрія Васильевича съ княжной Ульяной Дмитріевной Палецкой «уѣсты во всѣ три дни у завтраковъ стоялъ» и вмѣстѣ съ Захаровымъ былъ въ казнѣ великой княгини и въ хоромахъ. Въ томъ же году былъ въ числѣ дьяковъ, взятыхъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ изъ Москвы въ походъ «для казанскаго дѣла» во Владимиръ и въ Нижній-Новгородъ. Царица Анастасія Романовна была тогда во Владимирѣ, и при ней состояли бояринъ Вас. Юрьевъ. Малого и дьяка С. Въ 1551 г., послѣ того какъ былъ поставленъ г. Свяжскъ и назначены «годовать» воеводы, ходили туда воеводы изъ Мещеры, а со

служилыми татарами С. Въ 1552 или 1553 г. царь велѣлъ въ Мещерѣ, въ «Шатскихъ воротахъ», поставить городъ съ Николина даи Вешняго; городъ ставилъ С. Въ 1558 г. былъ воеводой въ Чебоксарахъ. Въ 1559 г. въ Ливонскомъ походѣ былъ у воевода передового полка съ казанскими «горними» и «луговыми» людьми. Въ 1562 г. въ походѣ къ Полоцку былъ у «наряду» съ боярами кн. М. П. Репнинскимъ и Мих. Ив. Вороного-Волынскимъ. Назначеніе двухъ бояръ показываетъ, что артиллерія была въ большемъ противъ обыкновенного состава. Въ 1563 г. провожалъ до Бѣлоозера кн. Евфросинію, матерь кн. Владимира Андреевича, постриженную въ Москву 5 августа этого года на Кирилловскомъ дворѣ кириловскимъ игуменомъ Вассіяномъ. Въ 1566 г. въ Соборной грамотѣ объ отказѣ польскому королю въ перемирии С. написанъ съ *личемъ* и сей часъ послѣ печатника, но отдельно отъ дьяковъ: «... а у бояръ въ судѣ язъ Борисъ Ивановичъ Сукинъ». Въ 1567 г., 17 февраля, къ царю Ивану Васильевичу въ Ново-Александровскую Слободу явилось посольство отъ шведскаго короля Ирика и просило, чтобы царь пожаловалъ Ирика, «учинилъ себѣ въ братствѣ», а Ирикъ король за это пришлетъ Ioannу польскаго короля сестру Катерину, которая была за его Ириковымъ братомъ за Яганомъ. Царь согласился и отправилъ встрѣчать королеву у рубежа бояръ Мих. Як. Морозова и Ив. Як. Чеботова и съ ними С. и дьяка Андрея Щелкарова. Въ 1572—1573 г. г. С. былъ «печатникомъ», т. е. хранителемъ государственныхъ печатей, и по своей должности засѣдалъ въ Воарской думѣ. Его помѣстья упоминаются въ писцовыхъ книгахъ Московскаго и Коломенскаго уѣздовъ XVI в.; кромѣ того онъ владѣлъ монастырской вотчиной, седьмью Никитскими, данными въ 1546 г. Троице-Сергіеву монастырю Матв. Ив. Тюменевыми; вотчину эту С. купилъ у монастыря въ 1547 г. за 150 р. и обязался держать ее за собой «до живота», а послѣ отдать въ монастырь на поминование, чтобы «игумену меня, Бориса, и моихъ родителей, отца моего и матерю мою, написати въ сенавики въ вечныя». Впослѣдствии С. отдалъ село съ деревнями въ монастырь, но выговорилъ себѣ право жить въ этой вотчинѣ до смерти. Въ синодѣ Чудовскаго монастыря записанъ «Родъ

Бориса Ивановича Сукина»; въ синодикѣ Троице-Сергіевої Лавры, согласно дого-
вору С., записаны его родители.

«Др. Рос. Вивл.», т. XIII, стр. 32, 45, 281,
330, 431.—«Ник. Лѣт.», т. VII, стр. 102.—Шер-
батовъ, т. VIII, стр. 80; т. XIII, стр. 84—85.—
«Собр. Гос. Гр. и Дог.», т. I, стр. 548.—«Русск.
Ист. Библ.», т. III, стр. 181, 291.—«Чт. Моск.
Общ. Ист. и Др. Рос.», 1902 г., т. I, стр. 126,
128, 149, 159, 204, 234.—«Симб. Сборн.», стр.
3, 4.—«Писп. кн.», т. I, стр. 133, 274.—Пого-
динъ, «Рус. Ист. Сб.», т. V, стр. 241.—«Сб.
Ипп. Русск. Ист. Общ.», т. LIX, стр. 145—146,
148.—Карамзинъ, «Ист. Гос. Рос.», т. VIII,
прим. 164, 246; т. IX, стр. 72, прим. 86, 387,
819.—Лихачевъ, «Разрядные дѣяниа XVI в.»,
Сиб., 1888 г., стр. 121—122, 214—217.—Рожде-
ственский, «Служилое землевладѣніе», стр. 11.

B. Корсакова.

Сукинъ, Василий Борисовичъ. Въ 1577 г. стряпчій съ четобатами. Въ 1579 г.—
дѣякъ. Въ 1583 г. принималъ въ Орѣшкѣ
новгородскій хлѣбъ изъ государевыхъ жит-
ницъ отъ монастырскаго слуги Вяжицкаго
монастыря. Въ началѣ 1586 г. подъ началь-
ствомъ С. и Ивана Мясного были посланы
въ Сибирь 300 стрѣльцовъ и казаковъ и
письменный голова Данила Чулковъ; имъ
было велѣно оказать содѣйствіе Мансу-
рову, только что отправленному съ отря-
домъ стрѣльцовъ въ помощь Ермаку, такъ
какъ не было еще извѣстно о его гибели.
С. прибылъ къ р. Турѣ 29 іюля 1586 г.
и поступилъ весьма осмотрительно: не по-
шелъ къ р. Иртышу и въ глубь Си-
бири, какъ это дѣлали многіе до него, а
построилъ городъ Тюмень на р. Турѣ,
на томъ мѣстѣ, где былъ прежде Чингій
городокъ. Изъ Тюмени С. послалъ Чулкова
ставить острогъ у устья рѣкъ Тобола и
Иртыша. Въ 1598 г. подписался среди
дворянъ подъ соборнымъ опредѣленіемъ объ
избрании царемъ Бориса Годунова. Въ іюнѣ
1599 г. отправленъ, съ титуломъ намѣст-
ника елатомскаго, посломъ въ Шве-
цію для объявленія о восшествіи на мос-
ковскій престолъ Бориса Годунова и для
заключенія союза между Швеціей и Мос-
ковскимъ государствомъ, однимъ изъ усло-
вій котораго Борисъставилъ, чтобы Шве-
ція уступила Московскому государству Нарву,
а онъ взамѣнъ обѣщалъ за это не
пропускать черезъ свои владѣнія польскія
войска въ Швецію. Но С. не могъ исполнить
возложеннаго на него порученія, такъ
какъ Арвесъ, начальникъ Або, не пропу-

стилъ его въ Швецію. Въ 1603—1613 гг.
С. былъ думнымъ дворяниномъ. Въ 1604 г.
получилъ царскій указъ о приготовленіи
корма и питья по росписи для цесаревыхъ
пословъ въ Торжкѣ, въ Твери и между
Торжкомъ и Москвой. Въ 1608 г. посланъ
вмѣстѣ съ кн. Сем. Вас. Прозоровскимъ въ
Коломну; съ ними отправлено много слу-
жилыхъ людей. Придя въ Коломну, они
укрѣпили городъ, а когда Хмѣлевскій под-
ступилъ къ Коломнѣ, они вышли изъ го-
рода, вступили съ нимъ въ сраженіе и раз-
били его. Въ 1609 г. С. потерпѣлъ по-
раженіе отъ разбойника Салкова въ пят-
надцати верстахъ отъ Москвы, недалеко
отъ Николо-Угрѣшскаго монастыря. Въ
1610 г. былъ въ числѣ лицъ, отправлен-
ныхъ въ Польшу къ королю Сигизмунду
съ кн. Вас. Вас. Голицыномъ и митропо-
литомъ Филаретомъ. Послы поднесли ко-
ролю подарки; С. поднесъ сорокъ соболей
и рысь. Будучи въ Польшѣ, С. и думный
дѣякъ Сыдавной Васильевъ передавали
королевскимъ людямъ о разговорахъ кн. Го-
лицина и митрополита Филарета; узнавъ
объ этомъ, митрополитъ сталъ совѣтываться
съ прочими членами посольства тайно
отъ С. и Сыдавного. Ожидая отъ короля
особыхъ милостей, С., Сыдавной и еще
несколько свѣтскихъ и духовныхъ лицъ
изъ членовъ посольства отпросились у него
въ Москву и обѣщали, что будутъ скло-
нять московскихъ людей присягнуть са-
мому королю, а не сыну его, королевичу
Владиславу. Митрополитъ Филаретъ и
остальные послы просили пановъ рады до-
ложить королю, что не слѣдуетъ никого
отпускать въ Москву, но паны отвѣчали,
что король отпустилъ нѣкоторыхъ членовъ
посольства по собственной ихъ просьбѣ и
что измѣнить рѣшенія нельзя. Однажды
Левъ Ив. Сапѣга призвалъ къ себѣ дум-
наго дѣяка Луговскаго, какъ будто по
весьма важному дѣлу. Луговской засталъ
у Сапѣги обоихъ приверженцевъ короля
Сигизмунда: С. и Сыдавной, одѣтые въ
богатое платье, собирались идти предста-
вляться королю. Указывая на нихъ Лу-
говскому, Сапѣга сказалъ: «Сукинъ старъ,
а прочие, живуучи здѣсь, проѣлись». Лугов-
ской, возмущенный намѣреніемъ С. и Сы-
давного уѣхать въ Москву, отвѣтилъ:
«Хотя бы Василья Сукина и прямо постигла
богъзнь и ему бѣ лучше тутъ умереть, гдѣ
посланъ, а отъ дѣла не отѣхати, и ста-

рѣ его живутъ, а дѣль не мечутъ, а Василю еще можно жити, такъ же и Сыдавному, хотя бъ онъ и проѣлъ, а еще жити можно». С. и Сыдаввой поѣхали въ Москву съ королевскимъ листомъ и съ жалованіемъ словомъ о соизволеніи Сигизмунда отпустить на Московское царство королевича Владислава, съ обѣщаніемъ истребить нового Лжедмитрія и утишить всѣ волненія. По возвращеніи въ Московское государство С. продолжалъ быть на сторонѣ Сигизмунда. Вотъ что писалъ о немъ Прокопій Ляпуновъ въ грамотѣ, посланной изъ Рязаніи въ Нижній-Новгородъ 31 января 1611 г.: «И на Коломенѣ, господа, соруєтъ Василій Сукинъ, потому что онъ былъ подъ Смоленскимъ у короля и крестъ королю щѣловалъ, и король ему далъ съ всѣмъ Коломну въ путь; а Коломенскіе, господа, дворяне и дѣти боярскіе и черные люди съ нами въ одной мысди». Въ апрѣлѣ 1612 г. архимандритъ Троице-Сергіева монастыря Діонисій, келарь Авраамій Палицынъ и соборные старцы отправили посланіе кн. Пожарскому и всѣмъ ратнымъ людямъ, убѣждая ихъ поспѣшить къ Москвѣ для избавленія отечества отъ непріятелей. По какому случаю находился въ это время С. въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ и на какомъ основаніи онъ участвовалъ въ этомъ посланіи — неизвѣстно, но вслѣдъ за соборными старцами названы поименно два мірянина: Василій Сукинъ и Андрей Палицынъ.

«Ник. Лѣт.», т. VIII, стр. 3.—«Акты Арх. Эксп.», т. II, стр. 44, 302, 341.—«Акты юрияд.», стр. 224, 225.—«Собр. Гос. Гр. и Дог.», т. II, стр. 210, 406, 411, 415, 445, 478, 479, 498, 570, 572, 575.—«Др. Рос. Вивл.», т. III, стр. 107. т. XX, стр. 73—89.—«Нов. Лѣтоисцесь», стр. 79, 122, 125.—«Чт. Моск. Общ. Ист. Др. Рос.» 1902 г., т. I, стр. 126, 128, 149, 159, 204, 234.—Міллеръ, «Описаніе Сибирскаго царства», Сіб., 1750 г., гл. Ш, стр. 212; IV, стр. 307.—Фишеръ, «Сибирск. исторія», Сіб. 1774 г., стр. 168.—Кн. Щербатовъ, т. XIII, стр. 84—85, 231.—Голиковъ, XII, стр. 238, 246, 293; 307, 311, 362.—Карамзинъ, «Ист. госуд. Рос.», т. X, стр. 15, прим. 51; т. XII, стр. 81, 104, 148, 162; прим. 435, 616, 667.—Соловьевъ, «Истор. Россіи», т. VIII, стр. 340, 370—373, 447, 452.—Лихачевъ, «Разрядные дѣяни», стр. 122, 197, 215, 216.—«Акты Моск. госуд.», т. I, стр. 40.—«Памятники дипломатич. сношеній», т. II, стр. 837.

B. Корсакова.

Сукинъ, Григорій Никитич. Въ 1547 г. на свадьбѣ вѣл. кн. Ивана Ва-

сильевича съ Анаст. Роман. Захариной находился въ числѣ другихъ лицъ въ завѣдываніи кн. Юрия Глинского «у постели на разсыпку»; въ 1548 г. былъ въ такой же должности на свадьбѣ кн. Юрия Васильевича. Въ 1551 г., передъ Казанскимъ походомъ, былъ отправленъ подъ начальство кн. Мих. Вас. Глинского на Каму съ устюжскими и вятскими земскими воестными войсками изъ Вятчины. Въ 1555 г. былъ новгородскимъ дѣякомъ. Такъ какъ дѣяки вѣдали Новгородскій «конюшъ путь», то велико «дати Григ. Никит. Сукину денегъ, а ему тѣ деньги давати на кормъ татарамъ на ихъ и на конскій кормъ». Въ томъ же году — намѣстникъ въ Ямбургѣ. Въ 1556 г. въ Ливонскомъ походѣ со служилыми татарами. Въ 1559 г. въ Ливонскомъ походѣ сначала въ лѣвой рукѣ съ темниковскими и съ циенскими людьми, а затѣмъ въ Большомъ полку съ царевичемъ Ибакомъ. Въ 1562—1563 гг. намѣстникъ въ Поченѣ; былъ въ числѣ воеводъ, назначенъ въ береговой разрядъ. Въ 1564—1565 гг. былъ городничимъ въ Полоцкѣ вмѣстѣ съ Григ. Иван. Нагимъ.

«Др. Рос. Вивл.», т. XIII, стр. 33, 38, 298, 324, 339, 346.—«Ник. Лѣт.», т. VII, стр. 104.—«Разр. книги», т. II, стр. 124.—«Дворц. разряды», т. III, дополн., стр. 373, 374.—«Чт. Моск. Общ. Ист. Др. Рос.», 1902 г., т. I, стр. 149, 179, 205, 215, 230, 240, 244, 252. «Сибирск. Сборн.», стр. 8.—Кн. Щербатовъ, т. VIII, стр. 315.—«Доп. къ Акт. Ист.», т. I, стр. 74—75.—Погодинъ, «Рус. Ист. Сборн.», т. V, стр. 241.—Лихачевъ, «Разрядные дѣяни», стр. 122, 216, 272.—«Сборникъ кн. Хилкова», Сіб., 1879 г., стр. 8—9.

Сукинъ, Осипъ Ивановичъ (умеръ 4 мая 1669 г.). Въ 1637 г., іюля 27, пожалованъ изъ жития въ стряшчіе. Въ 1638 г. почевалъ на государевѣ дворѣ. Въ 1639 г. въ январѣ дневалъ и почевалъ при гробѣ царевича Ивана Михайловича, а въ апрѣлѣ при гробѣ царевича Василія Михайловича. Въ 1646 г. во время похода изъ Ливенъ въ Бѣлогородъ былъ однимъ изъ эсауловъ въ полку кн. Никиты Ив. Одоевскаго. Въ 1648 и 1650 гг. сопровождалъ иногда царя Алексѣя Михайловича въ Троице, въ с. Коломенское и с. Покровское. Въ 1651 г. былъ головой у сотни стольниковъ при встречѣ литовскихъ пословъ. Въ 1652 г. воевода въ Коротоякѣ; долженъ былъ по «большимъ вѣстямъ»

сходиться съ кн. Григ. Сем. Куракинымъ, находившимся воеводой въ Яблоновѣ, и получиль отъ него письмо о посылкѣ изъ Коротояка донскихъ казаковъ въ войско на Донъ съ «крымскими и черкасскими вѣстями». Въ 1656 г. голова у жилецкой сотни, въ томъ же году, когда царь Алексѣй Михайловичъ находился подъ Ригою, С. встрѣчалъ передъ царскимъ шатромъ пословъ Курляндскаго князя и Бранденбургскаго курфюрста. Въ 1658 г. участвовалъ во встрѣчѣ и проводахъ грузинскаго царевича, пріѣзжавшаго въ Москву. Въ 1658—1664 гг. быль товарищемъ воеводы кн. Юрія Алексѣев. Долгорукаго во время польскихъ походовъ и удачно сражался съ польскими и литовскими людьми. Кн. Долгорукой и С. не сплють въ теченіе этихъ шести лѣтъ были въ Польшѣ; они отзывались въ Москву и снова отправлялись противъ поляковъ. 2 февраля 1659 г. послѣ стола царь Алексѣй Михайловичъ жаловалъ возвратившихся въ Москву кн. Долгорукаго и его товарищѣ за ихъ службы, что они побили и взяли въ плѣнъ гетмана Гонсѣвскаго. С. получилъ шубу, крытую золотымъ атласомъ, кубокъ, приданчу къ современному помѣстному и денежному окладу и 3.000 ефимковъ на вотчицу. Въ 1661 г. С. пожалованъ въ окольничие. Въ бытность свою въ 1662—1664 гг. въ Москве С. неоднократно «объявлялъ» царю крымскихъ пословъ и шведскихъ посланниковъ; въ 1663, 1666—1668 гг. оставался въ числѣ другихъ окольничихъ «вѣдать Москву». Въ 1662 и 1668 гг. вѣдалъ Челобитный приказъ.

24 февраля 1663 г. С. и дьякъ Бреховъ были посланы царемъ въ Воскресенскій монастырь для допроса патріарха Никона по поводу жалобы на него Сытина, земли и рыбныя ловли котораго гравичили съ владѣніями Воскресенскаго монастыря. Будучи во враждебныхъ отношеніяхъ къ Никону, Сытнъ, изъ-за непріятностей по рыбной ловлѣ, возникшихъ между его людьми и патріаршимъ сыномъ боярскимъ Александромъ Лускінъ, написалъ царю члобитную и, прося обороны отъ насилиствъ патріарха Никона, называлъ его «немилосерднымъ разорителемъ». Царь потребовалъ объясненія отъ Никона, который закончилъ свое оправданіе упреками и укоризнами. Письму этому придали большое значеніе; были составлены вопросные

пункты и вручены С.; вопросы касались и «государевыхъ» дѣлъ, и жалобъ Сытина. Не станемъ останавливаться на подробностяхъ допроса, произведенного С., такъ какъ это болѣе умѣстно въ биографіи Никона. Скажемъ только, что дѣло затянулось: не кончилось еще слѣдствіе по жалобѣ Сытина, какъ возобновилась тяжба другого недруга Никона, Боборыкина. Для разбора этого дѣла были посланы въ Воскресенскій монастырь опять С. и дьякъ Бреховъ.

Въ промежутокъ между допросами Никона по жалобамъ Сытина и Боборыкина, С. обѣдалъ въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія 19 апрѣля 1663 г. за царскимъ столомъ. Кромѣ Касимовскаго и Сибирскихъ царевичей были всѣ «власти», т. е. высшее духовенство, и три боярина; изъ окольничихъ назначены быть у стола кн. Дм. Алексѣев. Долгорукой и С.; послѣднимъ изъ приглашенныхъ названъ думный дьякъ Семенъ Заборовской. Еще у сказки Заборовской быль челомъ государю, что ему «у стола съ окольничьими Осипомъ Сукинымъ быть невмѣстно; и, бывъ чelomъ, у стола не быль, сѣхалъ къ себѣ на дворъ». На другой день Заборовской быль чelomъ государю въ отечествѣ о счетѣ на С., ссылаясь, что «Осиповъ прадѣль, Борисъ Сукинъ, быль при Иванѣ Васильевичѣ дьякомъ», и что «въ иныхъ худыхъ чинахъ бывали родители его». С. въ свою очередь быль чelomъ на Заборовскаго о безчестіи и обороны и говорилъ, что «де Семенъ Заборовской передъ нимъ, Осипомъ, человѣкъ молодой, а беть чelomъ на него, Осипа, не по своей мѣрѣ; а прежде сего на окольничихъ думные дьяки не бывали чelomъ». Дальше онъ заявлялъ, что его дѣдъ Борисъ не бывалъ во дьякахъ, «а тотъ Борисъ, что былъ во дьякахъ, и тотъ не ихъ Сукиныхъ, и никто роду его, Осипова, въ такихъ обычныхъ чинахъ не бывали». Закончилъ С. свое объясненіе тѣмъ, что его двоюродный прадѣль Феодоръ Ивановичъ быль бояриномъ при царь Иванѣ Васильевичѣ. Царь Алексѣй Михайловичъ положилъ на Заборовскаго опалу за то, что онъ прогибалъ его, уѣхавъ отъ стола: указалъ ему не сѣхжать со двора. Черезъ два дня, 22 апрѣля, онъ однако п миловалъ Заборовскаго и велѣлъ ему видѣть свои государевы очи. Въ тотъ же день и С. и Заборовской снова били царю

челомъ другъ на друга, вслѣдствіе чего царь приказалъ думному посольскому дьяку Алмазу Иванову выписать изъ Разряда и доложить «противъ ихъ чelобитъя». Чѣмъ кончилось это дѣло—неизвѣстно.

«Др. Рос. Вивл.», т. VIII, стр. 149; т. XX. стр. 115.—«Акты Арх. Эксп.», т. IV, стр. 144, 174.—«Акты Моск. госуд.», т. II, стр. 303, 306, 614, 639.—«Дворц. разр.», т. III, стр. 37, 188, 234, 495, 547, 606, 840; прилож., стр. 86, 75, 76, 168, 234, 251, 288, 334, 337, 344, 359, 366, 368, 373—375, 390.—«Русск. Ист. Библ.», т. X, стр. 101, 121, 140, 172, 414; т. XI, стр. 24, 107, 112.—Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ», стр. 111.—Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XI, стр. 336—337.—Лихачевъ, «Разрѣшные дѣлки», стр. 122, 215—216.—Гиббенетъ, «Историч. изслѣд. дѣла патріарха Никона», Спб., 1882 г., т. I, стр. 152; т. II, стр. 34—42, 591—596.

B. Корсакова.

Сукинъ, Федоръ Ивановичъ. Въ 1535 г.—осадный воевода въ Почепѣ. По взятии поляками г. Стародуба, той же участіи долженъ быть подвергнутся и находившійся по близости Почепъ. Главный воевода, кн. Юр. Вас. Ушатый, вслѣдствіе тяжкой болѣзни, велѣль везти себя въ Москву, и вмѣсто него въ Почепѣ остался С. Городъ бытъ плохо укрѣпленъ, защитниковъ было мало, а потому С. распорядился, чтобы жители удалились со своими пожитками въ другое болѣе укрѣпленные города, а то, чего не могли унести съ собою, зарыли бы. Послѣ этого онъ до тла сжегъ Почепъ. Когда пришли поляки, то нашли груды пепла и незначительную горсть людей; заставивъ ихъ присягнуть королю, они ушли обратно.

Въ 1539 г. С. ѻздилъ въ Литву съ грамотой о восшествіи на преоголъ московскій великаго князя Ивана Васильевича. 1 октября 1543 г. онъ былъ отправленъ къ польскому королю Сигизмунду Казимировичу (на этотъ разъ онъ названъ уже ближнимъ дворяниномъ), которому долженъ быть объявить, что для размежеванія Себежскихъ спорныхъ земель будутъ присланы осеню суды Карамышевъ и Грибакинъ, а если рано выпадетъ снѣгъ, то они приѣдутъ въ Троицкыи днѣ слѣдующаго года. С. вручены вѣрющая грамота къ королю, списокъ той рѣчи, которую онъ долженъ сказать, память, какъ держать себя дорогой, что отвѣтчать на разные вопросы объ отношеніяхъ Москов-

скаго государства къ Казани, Крыму и Астрахани, и списокъ «обидныхъ дѣлъ», причиненныхъ людямъ московскаго великаго князя литовскими людьми. С. непремѣнно долженъ былъ добиться приема у короля Сигизмунда Казимировича, а въ случаѣ его болѣзни—у королевича Сигизмунда-Августа, и никакъ не соглашаться на приемъ панами; если же онъ не будетъ допущенъ къ королю, то долженъ немедленно возвратиться въ Москву. Если будуть разспрашивать его о великомъ князѣ, то онъ долженъ сказать: «Великій Государь Иванъ, Божію милостію, въ мужскій возрастъ входить, а ростомъ совершенаго человѣка ужъ есть, а съ Божію волею помышляеть ужъ брачный законъ принятія. А и то есмі слышали, что государь нашъ и не въ одно мѣсто послалъ себѣ невѣстъ пытати, и отколѣва къ государю нашему будеть присылка, а будеть государева воля, и государь нашъ хотеть то свое дѣло дѣлати». Все, что С. будетъ говорить и что ему скажутъ,—онъ долженъ записывать, а пріѣхавъ — доложить государю. С. вернулся въ Москву въ іюнь 1544 г. и привезъ отчѣтъ короля на скажанныя имъ посольскія рѣчи. Король обѣщалъ выслать своихъ судей на Себежскія земли къ Троицкыи днѣ, такъ какъ къ Филиппову заговѣнью (14 ноября) стала зима и суды Московскаго великаго князя не успѣли выѣхать на порубежную границу. Вел. кн. Иванъ Васильевичъ требовалъ разсмотрѣнія обидныхъ дѣлъ, причиняемыхъ литовскими людьми, но воеводы и намѣстники литовскихъ украинныхъ городовъ неоднократно жаловались на самовольство московскихъ намѣстниковъ и воеводъ, а потому король рѣшилъ прислать съ своими судьями, которые выѣдутъ на рубежъ къ Троицкыи днѣ, списки всѣхъ «кривдъ и шкодъ», причиненныхъ ого подданными московскими людьми. Тогда пусть разберутъ обиды, причиненные съ себѣхъ сторонѣ, и произведутъ должную «управу». Что касается обидъ и безчестія, будто бы одѣланныхъ великимъ посланъ московскимъ, то во времена своего пребыванія въ Литвѣ никто изъ нихъ не жаловался на какія-либо притесненія, точно также не жаловались они и на грабежи или воровство со стороны литовскихъ людей. Тѣхъ дворянъ, которые были въ приставахъ у московскихъ постовъ, не было

при королѣ во время посольства С., и король обѣщалъ велѣть разыскать и разспросить ихъ.

Въ теченіе 11 лѣтъ (1547—1558 г.г.) С. участвовалъ на семи свадьбахъ царя и ближнихъ людей, описавія которыхъ напечатаны въ «Древней Российской Вивліо-енїѣ». 22 января 1547 г. царь Иванъ Васильевичъ послалъ грамоту въ Муромъ боярину и воеводѣ кн. Александру Бор. Горбатову о помолвкѣ, въ изъявленіе царской милости, дочери его княжны Ирины за государева племянника, кн. Ив. Феод. Мстиславскаго: «а въ твое есми мѣсто, — читаемъ въ грамотѣ, — велѣль быти на свадбѣ казначѣемъ своимъ Ив. Ив. Третьякову да Федору Ивановичу Сукину и твоей шурье». На свадѣбѣ царя Ивана Васильевича съ Анастасіей Романовной Захарьиной С. былъ у постели и стлалъ постель вмѣстѣ съ дядей царя, бояриномъ кн. Юр. Вас. Глинскимъ. На свадѣбѣ брата царя, кн. Юрия Васильевича съ княжной Ульяной Дм. Палецкой, былъ тоже у постели вмѣстѣ съ тверскимъ дворецкимъ Вас. Мих. Юрьевымъ, причемъ на третій день послѣ свадѣбы жена С. была въ числѣ приглашенныхъ у кн. Ульяны Дмитріевны. На первой свадѣбѣ кн. Влад. Андр. Старицкаго съ Евд. Алеко. Нагой (31 мая 1550 г.) и на второй его свадѣбѣ съ княжной Евд. Ром. Одоевской (1558 г.) иѣсколько дней кряду участвовалъ въ свадебныхъ пиршествахъ. Въ 1554 г. на свадѣбѣ царя Семіона Бекбулатовича съ Марьей Andr. Кутузовой и въ 1555 г. на свадѣбѣ кн. Ив. Дм. Бѣльского съ кн. Мареой Вас. Шуйской былъ вмѣстѣ съ Ив. Як. Чоботскимъ дружкой со стороны «княгини», т. е. невѣсты; жены С. и Чоботова были свахами. На свадѣбѣ царя Семіона С. и Чоботовъ єздили къ матери невѣсты за постелью и стлали се на «дворѣ» (т. е. въ домѣ) царя Семіона. На другой день они єздили съ кашей къ царю, къ царицѣ, къ кн. Юрию Васильевичу и его княгинѣ, къ кн. Евфросиніи и къ Влад. Andr. Старицкому и обѣдали у царя Семіона вмѣстѣ съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ.

Въ 1547 г., декабря 9-го, С. былъ однимъ изъ поручителей по кн. Ив. Ив. Иронскому, что онъ не отѣдетъ изъ Московскаго государства; С. подписался на седьмомъ мѣстѣ, между Сем. Конот. Заболот-

скимъ и кн. Мих. Петр. Репниномъ. Въ 1547, 1548, 1555, 1559 и 1567 г.г. былъ съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ его походахъ въ Коломну, Тулу, Серпуховъ, Владиміръ и Нижній-Новгородъ, по «крымскимъ» вѣстамъ, или для «казанскаго дѣла». Въ 1553 и 1556 г.г., во время походовъ царя въ Коломну, оставался «вѣдаться» Москву (въ первый разъ съ кн. Юріемъ Васильевичемъ, второй — съ иѣсколькими боярами). Въ 1558—1561 г.г. С. четыре раза былъ въ «отвѣтѣ» съ литовскими посланниками и три раза єздилъ въ Литву съ посольскими порученіями царя Ивана Васильевича. Главными предметами переговоровъ были: заключеніе перемирия, вопросъ о царскомъ титулѣ Ивана Васильевича и разсмотрѣніе «обидныхъ» дѣлъ. Въ 1553 г., когда С. былъ въ отвѣтѣ съ литовскими посланниками, пріѣхавшими въ Москву, онъ долженъ былъ, между прочимъ, сказать: «желателенъ миръ между обоми государствами, чтобы не проливалась кровь христіанская, чтобы вѣра христіанская ширилась и множилась, а бесерменская бѣ рука не высилась». Въ 1559 г. литовскій посланникъ прибылъ въ Москву съ грамотою о пограничныхъ дѣлахъ; въ это время царь Иванъ Васильевичъ былъ въ Можайскѣ. Казначей С. и Хозяинъ Юрьевичъ Тютинъ написали ему о пріѣздѣ посланника, но царь вернулся въ Москву только 1 декабря. Согласно желанію посланника видѣть Алексія Феод. Адашева, С. и дьяка Ивана Михайловича Висковатаго, царь приказалъ посланнику быть для переговоровъ въ городѣ, въ избѣ Висковатаго. Посланникъ просилъ Адашева и С. склонять цара къ миру, такъ какъ когда начнется кровопролитіе, то «трудно привести государей къ добру». Они отвѣчали, что добрыя отношенія могутъ быть только въ такомъ случаѣ, если король не станеть вступаться въ землю Ливонскую.

Въ 1561 г. С. былъ однимъ изъ членовъ посольства въ Польшу для сватовства за царя Ивана Васильевича сестры короля Августа-Сигизмунда, Екатерину. Ему было дано наказъ развѣдать, которая изъ сестеръ короля красиѣ и здоровѣе. Если вѣлья будетъ разузнать немедленно, то говорить о королевнахъ безымянно. Если король изъявить согласіе на этотъ бракъ, то С. долженъ непремѣнно видѣть королевнъ, или, по крайней мѣрѣ, ихъ «пар-

сонь», т. е. портреты, и привезти таковые парю. Сватовство не состоялось, потому что король согласился бы на бракъ своей сестры лишь въ томъ случаѣ, если бы этотъ бракъ доставилъ ему выгодный миръ съ Московскимъ государствомъ.

Остается сказать о дѣятельности С. въ качествѣ государственного казначея. Эту должность онъ занималъ съ 1544 до 1566 г., т. е. 22 года, будучи сначала вторымъ казначеемъ при Ив. Ив. Третьяковѣ и при Иванѣ Петр. Головинѣ: съ 1553 г. онъ сталъ главнымъ казначеемъ, а вторымъ казначеемъ былъ Хозяинъ Юрьевичъ Тютинъ. Въ половинѣ XVI в. права и обязанности казначеевъ Казенаго двора достигли высшаго развитія: они не только хранили государеву казну, но и вѣдали государевы доходы: сдавали на оброкъ разныя доходныя статьи и получали пошлины и оброки; кромѣ того вѣдали расходы, дѣла о холопотвѣ и судѣ. Проф. Сергѣевичъ полагаетъ, что «казначеи получили право «судить судь царя и великаго князя» не въ качествѣ хранителей казны, а въ качествѣ довѣренныхъ и приближенныхъ къ царю лицъ». Въ уставной Важской грамотѣ 1552 г. оказано, что тѣ стороны люди, которые будутъ искать чего-либо на Шенкурцахъ и на Вельскихъ посадскихъ людяхъ или крестьянахъ, должны прийти въ Москву къ казначеямъ и къ дьяку Истомѣ Ноугородову, и они, по царскому указу, «управу имъ чинять на Москвѣ». Въ уставной грамотѣ Переяславскими рыболовами 1555 г. судъ предоставленъ самимъ казначеямъ, безъ доклада парю: «а въ чемъ имъ (т. е. выборнымъ излюбленнымъ старостамъ) — читаемъ въ этой грамотѣ — будетъ управляти невозможно, и имъ въ томъ суда своего списки и обоихъ исцовъ присылати къ докладу на Москву, къ нашимъ казначеямъ, къ Ф. И. Сукину, да къ Х. Ю. Тютину, да къ дьяку нашему Угриму Лвову, и они имъ указъ чинять беззобокити и списки подписываютъ беспошилино». То же самое сказано и въ уставной грамотѣ Устюжскаго уѣзда Уседскихъ и Заецкихъ волостей крестьянамъ. Изъ памяти казначеямъ С. и Тютину 1555 г. видно, что ихъ суду приказаны цѣлые города. Сообщая казначеямъ къ свѣдѣнію новый указъ о холопахъ, дьякъ Безсоновъ такъ заканчивалъ память: «И казначеямъ Федору Ивановичу

да Хозяину Юрьевичу велѣти то въ Судебникъ написати, а въ города, которые имъ приказаны судати, къ выборнымъ головамъ послати, чтобы они добровольныхъ людей судили по сему приговору». Казначеямъ былъ порученъ не только судъ въ различныхъ случаяхъ, но и казнь, какъ можно заключить изъ слѣдующей памяти царя Ивана Васильевича отъ 25 апреля 1559 г.: «Въ который день живетъ панихида большая, митрополитъ у государя за столомъ, а государь передъ нимъ стоитъ, и въ той день смертною и торгоюю казнью вами въ своемъ приказѣ казнити не велѣть никого».

Въ 1566 г. С. былъ пожалованъ въ бояре, а въ 1567 г. умеръ.

«Ник. Лѣт.», т. VII, стр. 207, 208, 268.—«Др. Рос. Вѣв.», т. VIII, стр. 3; т. XIII, стр. 30, 32, 33, 36, 37, 39, 45, 53, 58, 67—68, 74, 81, 293; т. XX, стр. 33, 47, 48.—«Слѣб. Сбори», стр. 16. — «Чт. Моск. Общ. Ист. Др. Рос.», 1902 г., т. I, стр. 2, 4, 7, 123, 163, 173, 189, 212, 226.—«Акты Ист.», т. I, стр. 214, 252—53, 266.—«Доп. къ Акт. Ист.», т. I, стр. 79, 132, 138, 157, 170.—«Акты Арх. Эксм.», т. I, стр. 201, 213, 218, 223, 234, 236, 238, 262, 266, 278, 292.—«Акты криц.», стр. 52, 53.—«Собр. Гос. Гр. и Дог.», т. I, стр. 458, 459; т. II, стр. 44, 47, 50.—«Полн. Собр. Зак.», т. XIX, стр. 377, 466.—Кн. Щербатовъ, т. VII, стр. 139; т. VIII, стр. 69.—«Сб. Имп. Рус. Ист. Общ.», т. LIX, стр. 218, 223—224, 390—418, 420—446, 495—500, 510—531, 570, 574, 579, 593—594.—Карамзинъ, «Ист. госуд. Рос.», т. VIII, стр. 20, 47, пр. 37, 189; т. IX, прим. 654.—Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. VI, стр. 171, 251.—Лихачевъ, «Разрядные дѣяни», стр. 27, 121, 179, 213—217, 270, 277.—«Древніе акты, относящи. къ исторіи Вятскаго края», Вятка, 1881 г., стр. 24, 26—27, 30—31.

Сукинъ, Яковъ Галактионовичъ, капитанъ 1-го ранга, потомъ генераль-майоръ; воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ 22 февраля 1764 г.; 1 мая 1768 г. былъ произведенъ въ гардемарина и до 1770 г., когда получилъ чинъ мичмана, плавалъ на учебныхъ судахъ. Командуя палубнымъ ботомъ «Св. Георгій Побѣдоносецъ», С. въ 1771 г. на немъ перешелъ изъ Ровеля въ Кононгагентъ, оттуда, въ составѣ эскадры контр-адмирала Арафа, прибылъ въ Архипелагъ, въ которомъ некоторое время занимался крейсерствомъ, а въ 1772 г. изъ Архипелага перешелъ въ Ливорно. Въ 1775 г. С., уже въ чинѣ лейтенанта, находился въ Архангельскѣ, откуда нѣсколько разъ

пытался моремъ пройти въ Кронштадтъ, но «за ветхостью судовъ» каждый разъ неудачно, вслѣдствіе чего его потребовали въ Петербургъ и назначили надъ нимъ слѣдствіе. «За троекратное возвращеніе въ Архангельскъ и за дерзкія рѣчи въ судѣ, по совокупности винъ», онъ былъ разжалованъ въ матросы на 6 мѣсяціевъ. Съ возвращеніемъ ему въ 1777 г. прежняго чина, онъ плавалъ между Кронштадтомъ и Ревелемъ, въ 1780 г. на корабль «Кн. Владиміръ» въ составѣ эскадры бригадира Палибина ходилъ въ Лиссабонъ, откуда вернулся только въ слѣдующемъ году. Въ теченіе 1783—1784 гг. ему на транспортѣ «Соломбала» наконецъ удалось совершить переходъ изъ Кронштадта въ Архангельскъ и обратно. Произведенный 1 мая 1788 г. въ капитаны 2-го ранга (чинъ капитанъ-лейтенанта получилъ еще въ 1783 г.), С. короткоѣ время командовалъ фрегатомъ «Мстиславецъ», а затѣмъ штурманской ротою и былъ занятъ проводкою кораблей изъ Петербурга въ Кронштадтъ. Въ первый періодъ войны со шведами С. состоялъ начальникомъ корабля «Европа», входившаго въ отрядъ капитана Глѣбова, и участвовалъ въ двухъ морскихъ сраженіяхъ при Паркалаута (1789 г.), а въ 1790 г., командуя кораблемъ «Америка», отличился въ Красногорской и Выборгской битвахъ, особенно въ первой: отдѣлившись на своемъ корабль отъ эскадры адмирала Чичагова, онъ сдѣлалъ искусный маневръ и сталъ въ чрезвычайно удобномъ для русскихъ мѣстѣ, совершивши заперевъ выходъ изъ Бюркезунда и изолировавъ такимъ путемъ находившуюся тамъ шведскую гребную флотилію отъ главныхъ вепріятельскихъ силъ; этоъ тактический маневръ сразу обезпечилъ преимущества за русскимъ флотомъ. За эту заслугу С. былъ награжденъ золотымъ оружиемъ съ надписью «За храбрость». 21 июня того же 1790 г. онъ, на своемъ корабль «Америка», въ отрядѣ русской гребной флотиліи принца Нассау-Зигена, принималъ участіе въ нападеніи у острова Равица на шведскую гребную флотилію, которая, послѣ 5-часового ночного боя, была выбита изъ пролива и отступила. Послѣ войны С. командовалъ послѣдовательно кораблемъ «Максимъ Исповѣдникъ», штурманской ротою, кор. «Три Святителя» и «Александръ Невскій», совершая въ

теченіе нѣсколькихъ лѣтъ морскія кампаніи, 1 января 1795 г. былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга, а въ октябрь 1797 г. назначенъ капитаномъ надъ Архангельскимъ портомъ. Переименованный въ 1799 г. въ генераль-маиоры, С. оставался на этой должности до самой смерти, постигшей 4 мая 1812 г.

«Общий морской списокъ», ч. V, Спб., 1890 г., стр. 142—144. — «Материалы для исторіи русского флота» (по указателю) — Веселаго, «Очеркъ исторіи морскаго кадетскаго корпуса», Спб., 1852 г.—А. Кротковъ, «Повседневная запись замѣчательныхъ событий въ русскомъ флотѣ», Спб., 1894 г., стр. 131, 148, 203. — «Морской Сборникъ», 1851 г., № 7, стр. 91—92; 1857 г., № 9, стр. 41—43; 1873 г., № 10, стр. 86 — 87; № 12, стр. 49 — 52. — Шишковъ, «Военная дѣйствія россійскаго флота противъ шведскаго въ 1788 — 1790 гг.», стр. 158 — 161, 167 — 171, 214. — Головачевъ, «Дѣйствія русскаго флота въ войнѣ со шведами 1788—1790 гг.», стр. 37—56 и 62.

Суровъ, Василий Нелюбовъ — дьякъ при царѣ Василии III Угійскомъ и Лжедмитріи. Впервые упоминается въ январѣ 1572 г. дьякомъ въ Новгородѣ, на опришной сторонѣ, а въ сентябрѣ того же года находился уже въ Москвѣ и въ разрядныхъ книгахъ записанъ въ числѣ дьяковъ, сопровождавшихъ государя въ походъ. Затѣмъ въ теченіе долгаго времени о немъ неѣть никакихъ извѣстій, вплоть до 1591 г., когда онъ отмѣченъ находящимся въ Казани вмѣстѣ съ воеводою Дмитремъ Ивановичемъ Вельяминовымъ. Съ 1592 г. онъ состоялъ вторымъ дьякомъ въ Разрядномъ приказѣ. Къ 19 апрѣля слѣдующаго года относится извѣстіе, что онъ вмѣстѣ съ бояриномъ кн. Никитой Романовичемъ Трубецкимъ разбиралъ тяжбу между окольничими Семеномъ Федоровичемъ Сабуро-вымъ и бояриномъ кн. Василиемъ Андреевичемъ Велико-Гагинымъ. Около 1596 г., съ уходомъ старшаго разряднаго дьяка Захарія Свіязека, С. становится на его мѣсто и эту важную должность занимаетъ до начала 1598 г., — въ іюлѣ указы въ Разрядѣ пишутся уже на другое имя. Подъ тѣмъ же 1598 г. имя С. въ актахъ того времени встрѣчается еще два раза: по случаю разбирательства имъ мѣстическаго спора окольничихъ Михаила Михайловича и Михаила Глѣбовича Салтыковыхъ съ бояриномъ Иваномъ Васильевичемъ Сицкимъ — въ первый разъ, и во второй — въ связи съ избраніемъ на царство Бориса

Годунова, когда С. наряду съ другими чинами подписался на составленной по этому поводу грамотѣ. Въ февралѣ или марта 1598 г. С. былъ назначенъ главою приказа Большого прихода, который, по видимому, выдѣлился изъ Большого Дворцового прихода и имѣлъ съ послѣднимъ тѣсную связь. По его подписямъ на сохранившихся документахъ можно прослѣдить, что завѣдывалъ онъ этимъ приказомъ до 1602 г., въ этомъ же году находился гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ до 29 декабря, когда по указу Годунова одновременно съ дьякомъ Андреемъ Арцыбашевымъ вновь поступаетъ въ «государеву казну въ Большой приходъ». Съ воцареніемъ Лжедмитрія С. не только не потерялъ своего значенія, но еще болѣе усилился, ставъ во главѣ приказа Большого Дворцоваго прихода. Довѣріе къ нему въ это время можетъ быть иллюстрировано тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1606 г. онъ, «дьякъ изъ дворца», вмѣстѣ съ Михаиломъ Александровичемъ Нагимъ и кн. Василиемъ Михайловичемъ Мосальскимъ былъ посланъ на границу встрѣтить невѣсту Лжедмитрія—Марину Мнишекъ. Послѣднее известіе о С. относится къ 1610 г., когда Сигизмундъ III выдалъ ему листъ, въ которомъ писалъ: «Пожаловали есмѧ діака нашего Василья Нелюбова, велѣли бытъ въ діацехъ въ Большомъ Дворце по прежнему».

Новгородская лѣтописи, Спб., 1879 г., стр. 109.—«Акты Историческіе», т. I, стр. 186, 191, 369, 406, 415, 429, 437; т. III, стр. 76, 208, 269; т. IV, стр. 463.—«Акты Археографич. Экспедиціи», т. I, стр. 394, 412, 424, 448; т. II, стр. 171—173; т. III, стр. 152.—«Допол. къ Акт. Истор.», т. I, стр. 396.—«Акты Юридическихъ», стр. 226.—«Древняя Россійск. Быліоепка», т. XIII, стр. 431.—«Разрядная книга П. Ф. Лихачева», стр. 125, 339, 394, 476, 504.—«Собрание Государств. Грамотъ и Договоровъ», т. II, стр. 482.—«Сборникъ Муханова», стр. 591.—«Сборникъ Императорск. Русскаго Историч. Общества», т. XXXVIII, стр. 300—301, 426—427.—«Русскій Историч. Сборникъ», т. II, стр. XVI—XXIV.—Д. Н. Лебедевъ, «Акты историко-юридического собрания И. Д. Бѣллева», № 218, стр. 40.—Н. Н. Балтыш-Каменскій, «Переписка между Россіею и Польшею по 1700 г.», ч. II, стр. 68.—«Ежегодникъ Владимира губер. статистического комитета», т. II, стр. 47; т. III, стр. 428—429.—П. И. Ивановъ, «Описanie архива старыхъ дѣлъ», стр. 225.—Н. П. Лихачевъ, «Разрядные дѣлки», стр. 473, 505—507, 511, 513, 556, 557; прим. 49, 57, 58, 60, 70.—А. И. Марковичъ, «О мѣстничествѣ», стр. 363—370.

Суко́въ, Вязга—государевъ дьякъ при Гроздомъ въ Новгородѣ, гдѣ должность дьяковъ была немаловажна и они играли значительную роль, являясь нерѣдко вполнѣ самостоятельными чиновниками. Изъ письмовой книги Шелонской пятины видно, что С. вѣдаль, между прочимъ, дѣлами по утвержденію наследствъ и дѣлами земельными, причемъ его рѣшенія — по ихъ ли пристрастію или по другимъ причинамъ — часто наталкивались на сопротивление пятиныхъ писцовъ; такой случай упоминается, напр., подъ 1540 г. С. былъ, по видимому, родственникомъ дьяку Елеазару Сукуву, — едва ли сыномъ, а вѣryѣ племянникомъ.

«Новгородскія лѣтописи», Спб., 1879 г., стр. 69.—«Акты Археографической Экспедиціи», т. I, стр. 337, 339, 343.—«Дополненіе къ Актамъ Историч.», т. I, стр. 90.—«Письмовая книга Шелонской пятины, написанная Алексѣемъ Жеребцовскимъ», изд. Археографич. комисс., т. IV, стр. 529—530.—А. Никаревъ, «Грамоты и акты Рязанскаго края», стр. 35.—И. Н. Лихачевъ, «Разрядные дѣлки въ XVII стол.», стр. 248—250.

Суко́въ, Елеазаръ—дьякъ велик. кн. Василия Ioанновича. Въ 1507 г. былъ посланъ къ казанскому хану Магмету-Аминю для окончательныхъ переговоровъ о выдачѣ захваченныхъ ханомъ русскихъ купцовъ и находившихся въ Казани военнопленныхъ. Магметъ - Аминъ, подъ угрозами Москвы, не только удовлетворилъ требование великаго князя, но и отправилъ къ нему своего посла бить челомъ о мирѣ. Въ 1514 г. С. вмѣстѣ съ великокняжескимъ чиновникомъ Дмитромъ Ласкиревымъ сопровождалъ въ Вѣну цесарскаго посла Георга Шниценъ-Памера, приѣзжавшаго къ великому князю для заключенія договора о совмѣстныхъ Россіи и Австріи наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ литовскаго короля Сигизмунда. С. и Ласкиревъ перевезли въ Вѣну первоисведенную на нѣмецкій языкъ русскую договорную грамоту, въ которой, между прочими, слово «царь» было передано нѣмецкимъ «Kaiserg». 1 августа Максимилианъ припаялъ русскихъ по слову и клятвою, собственноручною подписью и золотою печатью утвердилъ договоръ, а 1 декабря С. уже былъ въ Москвѣ. Нѣмецкій подлинникъ упомянутой грамоты, сохранившійся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (русский утерянъ), послужилъ Петру Великому до-

кументальнымъ доказательствомъ, что предки его назывались императорами (Kaiser) и въ этомъ достоинствѣ признавались австрійскимъ дворомъ.

Никоновская лѣтоп., т. IV, стр. 203.—Карамзинъ, «Исторія государства Россійскаго», изд. Эннерлинга, Спб., 1843 г., т. VII, сгр. 36; прим. 14, 101.—Н. П. Лихачевъ, «Разрядные дѣяки», стр. 252.—А. Пискаревъ, «Грамоты и акты Рязанскаго края», стр. 35.

Сулемповъ, князь Юрий Янисеевичъ, бояринъ царя Михаила Федоровича, сынъ знатнаго выходца изъ Крымской орды, родился около 1584 г. Былъ стольникомъ царя Бориса Годунова, въ 1605 г. посланъ съ золотыми въ Новгородъ-Сѣверскій къ князю Никитѣ Романовичу Трубецкому съ товарищи послѣ отраженія приступа Лжедмитрія. Оставался стольникомъ при царѣ Василіи Шуйскомъ и послѣ сверженія послѣдняго, занимая неизмѣнно первыя мѣста среди своей братии. Въ боярскомъ спискѣ 1610—1611 гг., среди стольниковъ С. занимаетъ третье мѣсто, уступая первенство кн. Ив. Мих. Кагыреву-Ростовскому и кн. Ив. Бор. Черкасскому. Не позже 1610 г. С. женился на Марфѣ Михайловнѣ Салтыковой, племянницѣ Марфы Ивановны Романовой. Когда разруха Московскаго государства достигла высшей точки, видимъ С. участникомъ земскихъ движений, направленныхъ на возстановленіе государственного порядка: онъ находится въ числѣ воеводъ и первого и второго земскаго ополченія. Въ маѣ 1611 г. его изъ первого ополченія посыпаютъ на земскую службу въ Торжокъ; въ январѣ 1612 г. за него прикладываютъ руку подъ грамотой, выданной кн. Д. Т. Трубецкому на Багу воеводами и іерархами второго земскаго ополченія подъ Москвой. Въ первые же мѣсяцы по воцаренію Михаила Федоровича Романова видимъ С. при дворѣ. Въ торжествѣ вѣнчанія на царство 11 июля 1613 г. С. шелъ въ процессіи передъ царемъ первымъ изъ 10 стольниковъ; 11 и 13 июля былъ у государя столъ, и «въ большой столь смотрѣль стольникъ кн. Юрья Еншина мурзинъ съятъ Сулемповъ».

Неохотно, не сразу уступали иноземцу почетныя мѣста при дворѣ. С. пришлось выдержать цѣлый рядъ мѣстническихъ споровъ, прежде чѣмъ установился кругъ лицъ, которымъ не обидно было сидѣть

подъ нимъ или быть съ нимъ. Всѣ извѣстныя столкновенія кончаются въ пользу С., но не всѣхъ изъ его побѣжденныхъ противниковъ мы встрѣтимъ потомъ ниже его: царь щадилъ ихъ родовое самолюбіе. Первое изъ такихъ дѣлъ относится къ 18 сентябрю 1613 г. Царь принималъ кизилбашскаго (персидскаго) посла Амиръ Албека. Въ числѣ стольниковъ, соответствующихъ въ качествѣ рындъ стоять около царя въ бѣломъ платѣ, были назначены С. и Ив. Петр. Шереметевъ. Послѣдній не хотѣлъ уступить первого мѣста С. и былъ челомъ на него государю въ отечествѣ. С. былъ челомъ встрѣчно. Шереметевъ указывалъ, что С.—«иноземецъ, а въ нашу де версту по ся мѣста менши его никто не бывалъ». Услыша это, Вас. Ив. Бутурлинъ, Матв. Ив. Плещеевъ-Колоткинъ и князь Ив. Фед. Троекуровъ били челомъ на Шереметева: «а сказывается, что будто въ его версту со князь Юрьемъ никто не бывалъ; а мы де, холопи твои, прежъ сего со князь Юрьемъ бывали; а Ивана Шереметева мы, холопи твои, ничѣмъ не хуже...; а ему де Ивану не токмо со князь Юрьемъ, и съ нами, холопи твоими, быть можно». Государь рѣшилъ: «князь Юрью Еншину болши быть Ивана Шереметева, и въ Розрядѣ велѣль государь записать».

Въ 1614 г. видимъ С. ратнымъ воеводой, во главѣ отряда. Весною былъ посланъ Водгою, въ плавную, бояринъ кн. Ив. Никитичъ Меньшой Одоевскій въ Астрахань для дѣйствій противъ Заруцкаго. А съ конною ратью, берегомъ, «для обереганья», посланы С. и кн. Никита Петр. Барятинскій, которые должны были заботиться о сборѣ служилыхъ въ Алатырь. Одоевскій выступилъ изъ Москвы 19 апреля, а 29 июня въ Астрахань получилъ извѣщеніе С. и Барятинскаго изъ Алатыря о томъ, что они прибыли на мѣсто. Но Заруцкій, разбитый неоднократно царскими войсками, и Марина Мишекъ уже 25 июня были схвачены своими же казаками и выданы. Повидимому, отрядъ С. активнаго участія во всей кампаніи не принималъ. С. вернулся къ своимъ придворнымъ обязанностямъ. Осеню того же 1614 г. царь ходилъ на богомолье въ Троицкую Лавру; «былъ столь у государя въ Воздвиженскому... Въ столовы столники смотрѣли: князь Юрья Сулемповъ да Исаакъ Погожей». Это

послѣднее извѣстное упоминаніе о С. стольникѣ. 2 февраля 1615 г. ему сказано боярство: оказывать бояринъ кн. Влад. Тим. Долгорукой.

Въ концѣ 1615 или началѣ 1616 г. «казанскіе и свіажскіе и иныхъ многихъ понизовыхъ городовъ татаровъ и луговая черемиса заворовали». Царь поручилъ усмирение мятежа боярину С. и стольнику кн. Алексѣю Мих. Львову съ отрядомъ въ 1.330 чел. Судя по величинѣ рати, мятежъ представлялся угрожающимъ. По городамъ отправлены были сборщики собраты служилыхъ и привести ихъ въ Нижний къ С. Но повидимому походъ ограничился сборомъ ратныхъ людей въ Нижнемъ. — Къ первой половинѣ 1617 г. относится самое важное выступленіе С. въ качествѣ ратнаго воеводы. Поляки стали гнѣнить московскіе отряды Мих. Бутурлина и Ис. Погошаго, стоявшіе подъ Смоленскомъ. 6 января 1617 г. государь велѣлъ идти въ Дорогобужъ большой всепомогательной рати подъ начальствомъ С. и кн. Сем. Вас. Прозоровскаго. 16 февраля С. былъ уже въ Вязьмѣ. Польскій отрядъ полк. Чаплинскаго заставилъ Бутурлина и Погошаго уйти изъ-подъ Смоленска, напасть на С. въ Дорогобужъ, но былъ отбитъ съ большими потерями. Царь 21 мая велѣлъ С. и Прозоровскому со всѣми ратными идти къ Москвѣ. Несмотря на неудачу похода, участники его были награждены. — Осенью 1618 г. С. въ послѣдній разъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Владиславъ съ польскимъ войскомъ приближался къ Москвѣ. По приговору земскаго собора 9 сентября обороны Москвы поручена 16 боярамъ, въ ихъ числѣ — С. Въ этой же осадѣ былъ и братъ его — Маметша-мураза. Почти черезъ годъ — 21 августа 1619 г. братья получили жалованную грамоту на вотчины въ Муромскомъ и Нижегородскомъ уѣздахъ за осадное сидѣніе, за то, что они «стояли крѣпко и мужественно, и на бояхъ и на приступахъ билися, не падя головъ своихъ». Итакъ, на ратномъ полѣ, насколько позволяютъ судить дошедшія извѣстія, С. никакихъ талантовъ не проявилъ: алатырскій и казанскій походы ограничились сборомъ ратныхъ, дорогобужской походъ цѣли не достигъ, давъ отличиться лишь мелкимъ начальникамъ; только мужество при оборонѣ Москвы отмѣчено въ официальной грамотѣ. Послѣ 1618 г. С.

совершенно оставляетъ боевое поприще, обратившись къ дѣятельности административной.

Боярская книга 1615—1676 г. показываетъ намъ высокое положеніе С. среди своей браты въ новомъ санѣ. Здѣсь поименованы 24 боярина, изъ коихъ у 4 окладъ (денежный) не обозначенъ; изъ остальныхъ двое имѣютъ окладъ въ 700 руб. (Мстиславскій и Воротынскій); слѣдующій окладъ — 500 руб. имѣютъ только шестеро бояръ, въ ихъ числѣ С. Небезынтересно замѣтить, что кн. Ив. Бор. Черкасскій, двоюродный братъ государя, первый, кого государь пожаловалъ въ боярство по вступленіи на престолъ, — въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ остался при своемъ окладѣ стольника (200 руб.), а С., получившій боярство менѣе года назадъ, поверстанъ почти высшимъ боярскимъ окладомъ (500 р.). Такое видное положеніе открывало С. доступъ къ высшимъ, отъбѣтвеннымъ должностямъ въ центральномъ и областномъ управлѣніи, на каковыхъ мы и видимъ его съ 1619 по 1640 г., почти безъ перерыва.

Въ 1619 г., немедля по возвращеніи своемъ изъ польскаго лѣна, патріархъ Филаретъ взялся за государственные дѣла. Уже въ 1619 г. видимъ мѣры противъ одного изъ величайшихъ соціальныхъ золъ своего времени — закладничества. Земскій соборъ, очевидно, не безъ вліянія Филарета, учредилъ приказъ Сыскныхъ Дѣлъ для сыска и возвращенія въ тягло закладчиковъ и вообще лицъ вышедшихъ изъ тягла. Во главѣ приказа поставленъ С. Отъ его дѣятельности на этомъ посту осталось мало следовъ: повидимому, результаты были не значительны, а приказъ вскорѣ закрытъ, надо полагать, благодаря стараніямъ сильныхъ людей, противъ которыхъ онъ былъ направленъ. — Не позже декабря того же 1619 г. учреждѣнъ былъ другой приказъ Сыскныхъ Дѣлъ для пересмотра жалованыхъ грамотъ и порученъ сначала кн. Ю. А. Сицкому; но позже марта 1621 г. его смѣнилъ С.; при обоихъ былъ дьякомъ Семенъ Головинъ, до конца 130 (середины 1622 г.). Извѣстно довольно много грамотъ, пересмотрѣнныхъ и подтвержденныхъ за это время, съ подписью дьяка С. Головина. Почему-то дѣятельность С. и здѣсь оказалась неудовлетворительной: смѣнившій его въ февралѣ 1623 г. бояр-

ринъ кн. Б. М. Лыковъ съ дьякомъ П. Пахиревымъ стали вторично пересматривать грамоты, подтвержденныя С., и кое въ чёмъ измѣнять ихъ. Въ январь 1623 г. С. назначенъ на воеводство въ Тобольскъ, т. е. отправленъ въ почетную ссылку. Въ какомъ духѣ былъ произведенъ вторичный пересмотръ жалованныхъ грамотъ кн. Лыковымъ и чье негодованіе возбудилъ С.—сильныхъ людей, привилегіи которыхъ онъ умалялъ, или высшей власти, преднаხертанія которой исполнялъ не съ должностной энергией? Извѣстно лишь, что сначала пересмотръ производился по челобитью самихъ грамотчиковъ, позднѣе—по приказу государя; извѣстно также, что вторичному пересмотру подверглась грамота Симонова монастыря, который Сулемшовы всегда одаривали и где они погребались, где самъ С. выстроилъ церковь въ годъ отъѣзда въ Сибирь: это говорить какъ будто за сравнительную схождительность С. къ грамотникамъ. Съ другой стороны, Филаретъ не могъ поручать борьбу съ злоупотребленіями людемъ слабымъ волею и нечестивымъ, такъ какъ это въ корыѣ губило бы его начинанія; въ то же время видимъ, что на брата С., стольника кн. Вас. Яншевича опала не распространялась: онъ назначенъ кравчимъ на мѣсто Мих. Мих. Салтыкова, и ему государь велѣлъ быть у себя въ комнатѣ, въ чёмъ можно видѣть особое благоволеніе царское. — Въ эти же годы С. принялъ участіе въ важномъ дѣлѣ. Въ ожиданіи новой войны съ Польшей земскій соборъ 12 октября 1621 г. принялъ большой съскъ помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ московскихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ. Во всѣ концы повѣхали бояре приводить въ извѣстность военные силы государства; С. съ дьякомъ Пот. Бунковымъ посланъ въ одинъ изъ важнѣйшихъ округовъ—Рязань и Мещеру.

Первые же два появленія С. за царскимъ столомъ сопровождались мѣстническимъ споромъ. 6 августа 1621 г. у государя стола были бояре С. и кн. Гр. Петр. Ромодановскій. Послѣдній былъ членомъ на С., находя, что ему менѣе его быть не вмѣстно: «какъ кн. Григорей посланъ былъ въ прошломъ 124 году на съѣздъ съ крымскими послы, а въ послѣдѣтъ въ тѣ поры былъ дядя князя Юрьевъ большой Ахметъ

паша Сулемшевъ, а пріѣжалъ на съѣздъ къ нему князь Григорю и въ государевъ шатрѣ у него былъ». Царь и патріархъ отвѣтили: «что ему князь Григорю и съ Ахметъ пашею какіе мѣста: Ахметъ паша служить крымскому царю, а князь Юрья ему государю служить...» Царь рѣшительно объявилъ челобитчику: «съ князь Юрьевъ ему можно быть, и лучше де тебя съ князь Юрьевъ бывали.. И велѣлъ ему государь сѣсть подъ князь Юрьевъ. И князь Григорей подъ князь Юрьевъ въ столѣ сидѣлъ». Кн. Прозоровскій, кн. Сицкой и Третьяковъ, считая себя не хуже Ромодановскаго, били членомъ «помогающи» С.: они «бывали и съ меньшимъ съ князь Юрьевымъ братомъ, съ князь Васильемъ Сулемшовымъ». С. не удовлетворился рѣшеніемъ царя и послѣ обѣда былъ членомъ патріарху на безчестье, прося обороны. Въ отвѣтъ Филарета звучитъ раздраженіе: «каково де безчестья хочешь, вѣдь де и такъ князь Григорей подъ тобою сидѣлъ, и ему сказано, что ему быть съ тобою можно; а о обороны отказано». — Другое дѣло носить характеръ скорѣе осторожной оговорки, чѣмъ спора. 14 марта 1622 г. съ С. у стола государева былъ бояринъ кн. Д. М. Пожарскій, который былъ членомъ на С. по такому соображенію: по родству кн. Гр. Петр. Ромодановскому ему мало, нынѣ бы его отечеству порухи не было. Патріархъ напомнилъ, что Ромодановскому въ его челобитии на С. отказано. И князь Дмитрий, по государеву слову, сѣлъ подъ князь Юрьевъ». Оба раза у стола государева видимъ также и патріарха Филарета; къ нему С. обращается съ просьбой о обороны, онъ принимаетъ участіе въ разборѣ спора. Можно допустить, что именно Филаретъ выдвигаетъ С. впередъ и является его покровителемъ. Но какъ бы то ни было, это покровительство не избавило С. отъ сибирской службы.

Назначеніе С. въ Тобольскъ состоялось 13 января 1623 г., отправленіе—не раньше февраля. Въ товарищи С. данъ Фед. Кирил. Смердовъ-Плещеевъ и дьяки Герасимъ Мартемьяновъ и Никита Леонтьевъ. Въ Верхотурье воеводами посланы кн. Никита Петр. Барятинскій, соратникъ С. по алатырскому и дорогобужскому походу, и Макс. Сем. Языковъ, котораго спустя 19 лѣтъ видимъ душеприказчикомъ въ завѣщаніи С. Кромѣ того С. даны двое

письменныхъ головъ, каковыхъ до сего времени въ Тобольскѣ не бывало. Дьякъ Мартемьяновъ заслуживаетъ вниманія. Ранѣе онъ былъ при С. дьякомъ приказа Сыскухъ Дѣль въ 1619 г., затѣмъ съ 1620 г.—дьякомъ Помѣстнаго приказа, но вмѣстѣ съ другимъ дьякомъ—Новокитоновыми, они позволили себѣ записать неточно постановленіе земскаго собора 12 марта 1620 г., иначе говоря, совершили служебный подлогъ и «многіе статьи переправливали не дѣломъ». Подлогъ открылся спустя болѣе 2 лѣтъ, и, вѣроятно, благодаря этому-то Мартемьяновъ отправленъ на сибирскую службу и С. получилъ въ свое распоряженіе человѣка опытнаго въ области земельныхъ дѣлъ и отношеній. Такимъ образомъ, вокругъ С. въ Сибири видимъ усиленный штатъ служащихъ, видимъ друзей его и опытныхъ дѣльцовъ. Наказъ, данный ему изъ Казанскаго Дворца князь Дм. Маметр. Черкасскимъ, предоставилъ большую свободу дѣйствий: «а вѣлько ему, будучи въ Сибири, въ Тобелску и во всѣхъ сибирскихъ городѣахъ искати во всемъ государю прибыли и дѣлati во всемъ, смотря по тамошнему дѣлу, какъ его Богъ вразумить». Въ Сибири С. ждало большое дѣло. Нѣсколько лѣтъ уже государь требовалъ, чтобы мѣстные воеводы произвели опись населенныхъ мѣсть, жителей и ихъ занятій. Воеводы бездѣйствовали. Только С., наконецъ, «разсмотря тамошнихъ сибирскихъ мѣсть, послыпалъ дѣтей боярскихъ съ подьячими, приведчи къ крестному пѣловавью, всякихъ земель писать и дозирать, и ясачныхъ людей и посадскихъ и пашенныхъ крестьянъ и всякихъ людей описывать». Вспомнимъ, какъ сложна была эта задача въ Европ. Россіи, гдѣ на исполненіе ея уходило по вѣсколько лѣтъ; вспомнимъ мѣстная затрудненія,—неустроенность путей сообщенія при громадности разстояній. Русскія владѣнія уже охватывали значительную часть бассейна Енисея; былъ передѣленъ водокъ на р. Лену: пространство превышавшее европейскія владѣнія. Оцѣнить энергию вдохновителя, искусство организатора, труды исполнителей, успѣвшихъ завершить почти все это громадное предпріятіе въ теченіе 1623 и 24 г.г.; слѣдующему воеводѣ пришлося закончить лишь опись архіерейскаго дома, начатую при С. Произведенная ревизія была чревата послѣдоватіями: она

установила присутствіе въ Сибири многихъ людей, находящихся не у дѣль, «гулящихъ», тогда какъ раньше воеводы жаловались на отсутствіе рабочихъ рукъ на мѣстахъ; она обнаружила много земель, воздѣлываемыхъ жителями на себя безъ вѣдома власти, много частныхъ промысловъ, не приносящихъ выгоды казнѣ. Изъ ревизіи вытекъ рядъ «уложеній боярина кн. Ю. Я. Сулемшова», которые составили эпоху въ исторіи Сибири и совершенно преобразили характеръ мѣстной жизни, внесли въ нее порядокъ и настолько соответствовали ея условіямъ, что, за исключениемъ исключеніями, просуществовали очень долго. Въ то же время С. упорядочилъ казенную отчетность, первый составивъ «сметныя книги хлѣбныхъ и денежныхъ доходовъ и расходовъ». До тѣхъ поръ Сибирь во многихъ сторонахъ, экономической жизни зависѣла отъ Европейской Россіи. Служилые люди получали, кроме денежнаго, и хлѣбное жалованье, но собственнаго мѣстнаго хлѣба у казны не ставало. Приходилось привозить большое количество его изъ поморскихъ и поволжскихъ уѣздовъ, что стоило очень дорого казнѣ и составляло тяжелую повинность для жителей, обязанныхъ доставлять свой хлѣбъ въ Сибирь на собственныхъ подводахъ: часто подводы не выдерживали труднаго пути и не возвращались домой. «Пашенное уложеніе» С. установило правильное соответствие между величиной «собинной» пашни, которую крестьянинъ пашетъ на себя, и количествомъ десятинъ, которое онъ обязанъ пахать за это на государя,—«и государева десятинная пашня прибыла многая». «Хлѣбное уложеніе», строго соблюданное, установило сборъ пятинаго выдѣльного хлѣба съ пашенъ служилыхъ людей. Многіе служилые, получая хлѣбное жалованье, самовольно захватили себѣ земли и стали пахать на себя: имъ оставлена пашня, но выдача хлѣбного жалованья прекращена. Въ связи съ этимъ переименованы оклады денежного жалованья, которые въ различныхъ городахъ были различны; установлено два разряда городовъ—пашенные и не-пашенные; для каждого разряда произведена уравнительная переверстка жалованья, кос-гдѣ сокращены оклады казакамъ и стрѣльцамъ. Благодаря этому получилась большая экономія, и изъ Казани стали присыпать жалованье сибир-

скимъ служилымъ вдвое меньше прежняго. Въ непашенныхъ городахъ (Мангазея и др.), вмѣсто дорогой покупки хлѣба, С. стала съ купцовъ и промышленниковъ брать въ видѣ пошлины десятину изъ ихъ хлѣбныхъ запасовъ. Когда же все-таки приходилось покупать хлѣбъ въ казну, то въ сибирскихъ городахъ платили по 20 алтынъ за четвѣть и меныше, вмѣсто прежнихъ рубля и полутора. Въ цѣляхъ увеличенія пашни основывались новые слободы крестьянскія въ плодородныхъ мѣстностяхъ (напр. на р. Ницѣ); отъ иныхъ промысловъ и занятій люди обращались къ пахотѣ. Въ результатѣ всего этого Сибирь стала обходитья собственнымъ хлѣбомъ; уже въ 1624 г. стало «хлѣбными запасы мочно въ сибирскихъ городѣхъ пронятца безъ присылки поморскихъ городовъ». Прилежащіе европейскіе уѣзды избавились отъ разорительной повинности. Выиграла казна, выиграло населеніе, знавшее теперь опредѣленно размѣры своихъ повинностей, что оставляло меныше простора злоупотребленіямъ.

Ясачное и таможенное «уложеніе» С. значительно увеличили доходы казны съ ясачныхъ инородцевъ и съ сибирской торговли. Ясакъ былъ увеличенъ, но не представлялся отяготительнымъ, такъ какъ вскорѣ выдѣмъ, что тюменскіе татары-ямыщики просятъ перевести ихъ на ясакъ, хотя бы даже съ прибавкой противъ прежняго, но избавить ихъ отъ ямской повинности, которая имъ «не за обычай». Увеличеніе ясачной соболиной казны имѣло для Московскаго правительства въ иныхъ отношеніяхъ, пожалуй, не меныше значеніе, чѣмъ экономія по хлѣбнымъ операциямъ. Вспомнимъ, какую роль играли соболи въ нашихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ иностранными дворами. Въ Константинополь наши посольства не могли шагу ступить безъ соболинихъ сороковъ, подносымыхъ въ даръ великимъ и малымъ вельможамъ султана.

Населеніе, жившее доселѣ во льготѣ, не платя тягла, не ясся иныхъ повинностей, также привлекло къ себѣ вниманіе С. Посадскіе были обложены оброкомъ. Подъ оброкъ попали было и монастырскіе половники, но у Тобольскаго Знаменскаго монастыря всѣ его 10 половниковъ «разбрелись розно», и пришло новыи половники монастыря отъ оброка освободить. С.

старался вообще распредѣлять повинности наиболѣе цѣлесообразно. На Верхстурскій волокъ въ бродовщики (чинить дороги и мосты) посылались раньше пашенные крестьяне, для которыхъ это было очень тягостно; С. замѣнилъ ихъ ямскими охотниками. На Тюмени же прежнихъ ямскихъ охотниковъ онъ посадилъ на пашню, въ крестьяне, а гонбу ямскую возложилъ на мѣстныхъ татаръ. Но въ 1629 г. татары съ гонбы переведены на ясакъ, а подводы тюменскіе всеводы стали брать по вольному найму за стѣть ямскаго оклада. Въ Мангазею на годовую службу прежде посылались 50 казаковъ изъ состава Тобольскаго войска. С., не ослабляя тобольскихъ силъ, набралъ эти 50 человѣкъ изъ вольныхъ людей и послалъ ихъ въ Мангазею. Привлеченіе дотолѣ «гудящихъ» рабочихъ силъ къ дѣлу принесло еще одно немалое облегченіе для прилегающихъ европейскіхъ уѣздовъ. Прекращена посылка плотниковъ изъ поморскихъ уѣздовъ: ихъ стали нанимать на мѣстѣ, въ Сибири. Прекращена посылка посадскихъ людей изъ Казани въ Сибирь на таможенные службы: стали избирать изъ мѣстныхъ посадскихъ,—а таковыхъ изъ Казани каждый годъ перебывало до 800 и больше, что вело многихъ «молодшихъ» людей къ разоренію.

Установителю земскаго наряда въ Сибири неизбѣжно приходилось бороться съ различными злоупотребленіями и неустройствами. Въ 1624 г., при пріемѣ г. Томска новые воеводы кн. Ае. Гагаринъ и Сем. Давовъ открыли недочетъ казны у прежнихъ кн. Ив. Шеховскаго и Макс. Радилова: болѣе 388 руб. деньгами и болѣе 1,000 четей хлѣба. Дѣло получило законный ходъ, и С. нажилъ себѣ враговъ на всю жизнь. Въ Тобольскѣ былъ уничтоженъ кабакъ, въ Тарѣ зерновой откупъ, такъ какъ служилые люди проигрывали въ зернь свои «животиши» и оружіе, и отъ той зерни чинились «татьба и воровство великия», и «сами себя изъ самопаловъ» убивали и давились. Самъ С. стяжалъ себѣ репутацію безупречно честнаго человѣка. Борьба съ злоупотребленіями не мѣщала заботиться о награжденіи заслугъ. При С. въ 1624 г. основана и построена богадѣльня изъ государственной казны «для отставныхъ старыхъ иувѣчныхъ» воиновъ, согласно ихъ целобитью, причемъ

иные изъ нихъ служили въ Сибири лѣтъ по 40, съ Сибирскаго взятыя. Вслѣдъ за тѣмъ назначена руга новому Знаименскому монастырю, куда, «безо вкладу постригались ѿдо-де Ермаковскихъ казаковъ по-стриженки».

Воеводство С. является переломомъ въ исторіи Сибири. До него, въ продолженіе 40 лѣтъ шло непрерывное «пріисканіе новыхъ и новыхъ землицъ подъ высокую руку государеву». Каждый новый воевода старался отличиться увеличеніемъ территории и числа подвластныхъ ясачныхъ. Ко времени С. захвачено было громадное пространство, на которомъ царили безпорядки. С. обратился къ устроенію внутренняго наряда, и эта задача одна уже требовала такого напряженія энергіи, что во вѣнчаней политикѣ видимъ нѣкоторое затишье. «Задоръ» и несправедливость томскихъ воеводъ, вызывавшіе неоднократныя восстанія и набѣги киргизовъ, получаются рѣшительное осужденіе. Сношенія съ калмыками и Алтынъ-Ханомъ монгольскимъ не встрѣчаютъ сочувствія воеводы, и изъ Москвы приходитъ приказъ: не пропускать ихъ пословъ въ Москву по всякому пустому поводу. Морской путь въ Мангазею изъ приполярной Россіи закрывается, чтобы «нѣмецкіе люди» какъ-нибудь его не провѣдали. Встрѣчаемъ одновѣроявленіе прежней агрессивной политики мѣстнаго правительства: изъ Енисейска отправляется партия казаковъ въ Братскую (бурятскую) землю,—но, повидимому, этотъ шагъ предпринятъ мѣстнымъ воеводой Як. Хрипуновымъ за свой рискъ и страхъ. С. же сосредоточился исключительно на внутреннихъ дѣлахъ. Его мѣропріятія требовали большого напряженія со стороны сибирского населения. Предпріимчивые и алчные авантюристы, составлявшіе массу сибириakovъ, не могли быть довольны, когда ихъ лишали льготъ, хотя бы незаконныхъ, когда ихъ привуждали браться за тяжелую работу, отвлекая отъ легкой наживы, когда преслѣдовали и карали за то, что до той поры считалось допустимымъ и обычнымъ. До насъ дошло извѣстіе о заговорѣ тюменскихъ служилыхъ людей—атамана пѣшихъ казаковъ Прѣзжаго Рязанова съ товарищи. Хотѣли подстеречь С. на обратномъ пути изъ Тобольска въ Москву, животы его разграбить, а самого убить. Заговорщи-

ковъ выдалъ, повидимому, атаманъ тюменскихъ же конныхъ казаковъ Иванъ Воиновъ. Какъ бы то ни было, С. не могъ не знать о множествѣ недовольныхъ; слухи о заговорѣ должны были дойти до него; онъ могъ ожидать вспышки противъ себя каждую минуту и на каждомъ шагу. Если примемъ во вниманіе его первое состояніе въ это время, то легко поймемъ случай съ тобольскимъ боярскимъ сыномъ Данилой Низовцовыми. Въ апрѣль 1625 г., когда С. дослуживалъ въ Тобольскѣ послѣдніе мѣсяцы, онъ былъ въ соборѣ св. Софіи у заутрени. Всѣ пошли къ нему христосоваться. Низовцовъ подошелъ съ яйцомъ въ руку, наклонился и поцѣловалъ С. въ руку вмѣсто губъ. Увидя въ этомъ воровской умыселъ, С. тутъ же въ церкви, «передъ архіепископомъ и передъ товарищи и передъ всѣми людьми, зашибъ» его въ щеку, обругалъ, послалъ въ тюрьму, да самъ же подалъ на него члобитную митрополиту Макарію, прося разслѣдовать дѣло, такъ какъ подозрѣвалъ заговоръ. Низовцову пришлось сѣзжать въ Москву, но, кажется, онъ вернулся оттуда благополучно.

29 мая 1625 г. С. сдалъ дѣла своему преемнику боярину кн. Дм. Трубецкому, и 22 августа того же года мы видимъ его у государева стола. Сотрудники С. по сибирской службѣ были награждены, и самъ онъ къ прежнему окладу 500 р. получилъ прибавку въ 50 руб. и снова сталъ въ первыхъ рядахъ боярства. Если и была опала два года назадъ, то теперь нѣть и слѣдовъ ея: блестящая служба все покрыла. Отзытъ Казанскаго Дворца о заслугахъ его формулируется въ слѣдующихъ выразительныхъ словахъ: «И всѣкими дѣлами бояринъ князь Юръи Янчесвичъ Сулемешъ Сибирскую землю, по спо-ему высмотрѣ, обновилъ и во всомъ устроилъ». Для разоренной московской газыни была весьма чувствителна какъ большая экономія, такъ и прямая прибыль, доставленная въ итогѣ мѣропріятій С. Реформы, произведенные имъ своеї властю, санкционированы законодательнымъ путемъ и впослѣдствіи не разъ подтверждались, какъ при жизни С., такъ и по смерти, въ теченіе двухъ долгихъ царствованій. Ему отдавали должное даже его преемники, позднѣйшіе сибирские воеводы, отнюдь вообще не склонные восхвалять своихъ

предшественниковъ. И по возвращеніи въ Москву С. продолжалъ вліять на сибирскія дѣла въ боярской думѣ. Отъ ся засѣданій не осталось никакихъ слѣдовъ дѣлопроизводства: кто и что тамъ говорилъ, мы обыкновенно не знаемъ. Тѣмъ цѣнныѣ извѣстіе о выступленіи С. Въ январѣ 1627 г. дума назначала воеводу въ Сибирь, на мѣсто тѣхъ, которые смѣнили С. съ товарищи. На Верхотурье второй воевода не посланъ: «потому что сказалъ государю бояринъ князь Ю. Я. Сулемшовъ, что на Верхотурье другому воеводѣ быть нечего для, только государевъ казнѣ въ жалованьѣ и въ подводѣхъ убытокъ, а на Верхотурье воеводѣ можно быть одному». Равнымъ образомъ, «послѣдній» С. не посланъ вторые воеводы въ Тюмень, Березовъ и Сургутъ, и только 4 города остались съ двумя воеводами каждый: Тобольскъ, Тара, Мангазея и Томскъ.

5 февраля 1626 г. С. присутствуетъ на бракосочетаніи царя Михаила Федоровича съ Евд. Лук. Стрѣшневой. Тутъ же (впервые) упоминается его жена княгиня Марфа Михайловна, которая теперь часто вострѣвается въ числѣ «прѣвзихъ» бояринъ. Съ того же февраля 1625 г. (если не раньше) и приблизительно до мая 1630 г. С. сидѣтъ судьей въ приказѣ Сыскныхъ дѣлъ, оставаясь дольше всѣхъ на этой должности въ царствованіе Михаила Федоровича. Съ однимъ и тѣмъ же дьякомъ — Иваномъ Цереносовымъ С. въ 1626 г. вѣдаетъ еще приказъ Приказныхъ дѣлъ.

Свѣдѣнія объ этихъ приказахъ неясны и неполны. По актамъ заключаемъ, что С. былъ порученъ надзоръ за дѣятельностью дозорщиковъ,—задача серьезная. Переводъ посадскихъ людей (напр. изъ Чердыни) въ московскую суконную сотню тоже видимъ въ вѣдѣніи приказа Сыскныхъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ 22 августа 1628 г. С. «сказано въ Разбойный приказъ», гдѣ онъ сидѣлъ еще въ 1629 и 1630 гг. Въ товарищахъ съ нимъ здѣсь былъ Ив. Вас. Измайлова, затѣмъ Бор. Ив. Пушкинъ; въ числѣ дьяковъ видимъ опять Семена Головина, сидѣвшаго съ С. въ приказѣ Сыскныхъ дѣлъ въ 1621—22 гг. Спустя 3 мѣсяца по назначенію С., царь и патріархъ слушаютъ и утверждаютъ новыя «статьи», касающіяся дѣлопроизводства Разбойного приказа. На основаніи сохранившихся дѣлъ можно вы-

сказать предположеніе, что, при всей своей суровости, С. вліялъ на царскіе приговоры въ смягчающемся духѣ: въ случаяхъ, за которые ранѣе виновные подвергались смертной казни, мы видимъ теперь ссылку въ Сибирь на поселеніе. Кроме обычныхъ приказныхъ дѣлъ, на С. попрежнему возлагались отвѣтственные порученія. Въ первой половинѣ 1628 г. ему поручено верстать новиковъ всѣхъ городовъ; для поспѣшнаго половины городовъ была передана боярину кн. Дм. Мих. Пожарскому.

Въ іюнѣ или маѣ 1630 г., С. смѣненъ изъ приказа Сыскныхъ дѣлъ и съ дьяками Разбойного приказа Ив. Сафоновымъ и Никитой Посниковымъ посланъ въ уѣздъ на разборъ служилыхъ въ статьи къ денежному жалованью; сохранились десятины его разбору бѣжечанъ, угличанъ и звенигородцевъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ.

10 сентября 1630 г. С. назначенъ на воеводство въ Новгородъ Великій, съ нимъ кн. Сем. Никит. Гагаринъ на мѣсто боярина кн. Д. М. Пожарского и М. Ф. Глѣбова. Почти одновременно братъ его кравчій Вас. Яншевичъ исчезаетъ изъ дворцовыхъ записей на 7 мѣсяцевъ. Возможна опала, постигшая обоихъ братьевъ. Судя по смѣтному списку 139 г., С. былъ единственнымъ въ этомъ году бояриномъ на воеводствѣ въ уѣздѣ; прочие пребывали въ Москвѣ. Въ Новгородѣ С. занимали, главнымъ образомъ, дѣла по сношеніямъ со Швеціей; онъ проявлялъ осторожность, даже придирчивость въ вопросѣ о выдачѣ перебѣжчиковъ, заботился о поддержаніи городскихъ укрѣплений въ цѣлости, о содержаніи боевыхъ силъ въ готовности. Во внутреннихъ мѣропріятіяхъ видимъ обычную заботливость С. обѣ интересахъ государевой казны; такъ, въ первый же годъ воеводства онъ посыпаетъ «въ новгородскіе монастыри отписывать на государя збруи всякие». 11 октября 1632 г. на мѣсто С. и Гагарина назначены кн. Ив. Мих. Катыревъ-Ростовскій и Пав. Ив. Волынскій.

Тотчасъ по возвращеніи изъ Новгорода С. получаетъ въ вѣдѣніе Разбойный приказъ, гдѣ остается въ теченіе болѣе $3\frac{1}{2}$ лѣтъ; смѣненъ 7 іюня 1636 г. Дѣятельность его здѣсь мало извѣстна; по-видимому, она была тѣсно связана съ военными потребностями времени—со Смоленскимъ походомъ 1633—34 гг. Еще 27 іюня

1633 г. С. порученъ приказъ сбора ратныхъ людей и денегъ для этого похода. Было приказано «сбирать тѣхъ даточныхъ не мѣщкая, а собравъ, пересмотрѣти тѣхъ даточныхъ людей на лицо, и отрѣлати имъ велѣти при себѣ, а пересмотря, велѣти имъ сказать, чтобы они на государеву службу подъ Смоленескъ со всею службою ихъ запасы были готовы, а идти имъ подъ Смоленескъ тотчасъ, безо всякаго задержанія». Тѣми же потребностями момента было вызвано еще одно особое порученіе С.: въ ноябрѣ и декабрѣ 1633 г. онъ съ кн. Н. М. Мезецкимъ произвелъ перепись дворцовъ и людей Москвы «для осадного времени», въ ожиданіи поляковъ. Въ декабрѣ того же года С. раздавалъ денежное жалованье служилымъ, отправляемымъ съ кн. Черкасскимъ и Пожарскимъ подъ Смоленескъ на смѣну Шеина, даваль «наспѣхъ, днемъ и ночью». Въ сентябрѣ 1634 г. С. произвелъ «досмотръ» городъ Ростова. Видимъ кипучую дѣятельность С. и царское благоволеніе, частое появленіе у государева стола: въ теченіе 5 лѣтъ (1625—30)—16 разъ, въ теченіе $3\frac{1}{2}$ лѣтъ (1632—36 апр.)—18 разъ, и за все время одно мѣстническое дѣло въ февраль 1634 г. съ бояриномъ Бор. Мих. Салтыковымъ, только что, по смерти Филарета, возвращеннымъ ко двору. На поставлѣніи новаго патріарха Іоасафа С. водилъ подъ патріархомъ осля и былъ 6 февраля у государева стола; были: патріархъ и бояре кн. Иванъ Бор. Черкасскій, С., Бор. Мих. Салтыковъ. Послѣдній не хотѣлъ сѣсть подъ С. и не явился къ столу; его привезли насильно, посадили, а потомъ за безчестіе кн. Юрия Яншиевича кинули въ тюрьму. Поздѣйшихъ мѣстническихъ дѣлъ С. мы не встрѣчаемъ: положеніе С., повидимому, окончательно упрочилось. Между прочимъ, 10 июня 1635 г. онъ встрѣчалъ тѣло царя Вас. Ив. Плуйского, возвратленіе изъ Литвы, за Арбатскими воротами; съ нимъ были бояринъ Б. М. Салтыковъ и окольничий М. М. Салтыковъ; съ ними же С. почевалъ «у гроба въ арханѣль».

Смѣщенный изъ Разбойной Избы, С. $1\frac{1}{2}$ года провелъ не у дѣлъ, точнѣе—безъ особыхъ дѣлъ, такъ какъ нѣть слѣдовъ его удаленія отъ двора и изъ думы. Въ 1638 г., не раньше января или даже февраля, онъ назначенъ вторично воеводою въ Новго-

родъ Великій. Кругъ дѣлъ его и теперь тотъ же, что 8 лѣтъ назадъ: видимъ тѣ же заботы объ исправленіи укрѣпленій, ту же осторожность въ сношеніяхъ съ иноzemцами, придирчивость въ пропускѣ за рубежъ. Замѣчается неблагожелательность по отношенію къ церковнымъ и монастырскимъ властямъ, которыхъ умѣютъ однако найти себѣ защиту въ Москвѣ. Такъ, новгородские откупщики въ теченіе двухъ лѣтъ (146 и 147, т. е. 1638 и 39 г.) притесняли рыболововъ Спасо-Преображенскаго Старорусскаго монастыря на оз. Ильменѣ, и только вмѣшательство приказа Большого Дворца возстановляетъ ихъ прежнія льготы; С. прекратилъ было выдачу денежнаго жалованья и хлѣбной ржи Софійскому собору въ Новгородѣ, но государь предписалъ выдать слѣдующее «безъ московскіе волокиты» и впредь выдавать «ежелѣть». Плѣнныхъ татаръ С. посыластъ въ Тихвинскій монастырь на содержаніе. Замѣчается стремленіе ограничить многочисленныя льготы духовенства и привлечь его средства къ удовлетворенію государственныхъ нуждъ. Въ Новгородѣ С. болѣль и хлопоталъ черезъ брата о присылкѣ къ нему «для лѣчбы» лѣкаря Вилима. Но царская грамота говоритъ: «только послать (Вилима) и у насъ въ аптекѣ такого лѣкаря не останется»; всѣмъ послать кого-нибудь другого. 14 февраля 1640 г. С. смѣщенъ изъ Новгорода; его смѣнилъ бояринъ кн. Андр. Вас. Хилковъ.

Послѣдніе годы жизни С. не занималъ никакой должности, хотя несомнѣнно пребывалъ при дворѣ. Онъ сопровождалъ государя въ Вязниковскомъ походѣ на богоилье, бываетъ у государя за столомъ, выставляется попрежнему даточныхъ людей въ цвѣтномъ платьѣ и на коняхъ при встрѣчѣ иностраннѣхъ пословъ и датскаго королевича Вольдемара. Послѣднєе упоминаніе о немъ въ дворцовыхъ разрядахъ относится къ государеву столу 1 марта 1642 г. Почти черезъ годъ, 7 февраля 1643 г., чувствуя приближеніе смерти, С. составилъ завѣщаніе, въ которомъ распорядился своимъ богатѣйшимъ по тому времени имуществомъ. Душеприказчикомъ назначенъ святѣйший патріархъ Іосифъ, а ему въ помоць («ему великому патріарху самому вездѣ не усмотрѣть»)—протопопъ Іоакимъ, духовникъ С., бояринъ М. М. Салтыковъ и М. С. Языковъ. С. пережилъ

жену, дочь, брата. Его богатыя вотчины, съ царского разрѣшения, переходили къ внуку—кн. Ив. Корел. Юсупову и отчасти къ кн. Як. Куден. Черкасскому. Кромѣ внука, прямого потомства С. не оставилъ, судя по этому завѣщанію. Перечисляя свои долги, которые должны уплатить душеприказчики, С. оговаривается: если кто-нибудь еще предъявить требованія, заплатить имъ, такъ какъ «забыть на всякаго человѣка хватится». Смиреніемъ звучать эти слова гордаго, суроваго боярина. На другой день С. умеръ и погребенъ самимъ патріархомъ въ Симоновомъ монастырѣ, «съ родителями своими вмѣстѣ».

Немало выходцевъ изъ чужихъ красъ приимала къ себѣ Русь, но мало кто изъ нихъ послужилъ своей новой родинѣ такъ много, усердно и плодотворно, какъ этотъ, забытый историками бояринъ. Что же касается исторіи Сибири, то въ ней большинство историковъ различаетъ до сихъ поръ два периода: до и послѣ Сперанскаго; первый изъ нихъ надо въ свою очередь раздѣлить на эпоху до и послѣ С.

«Разрядныя записи за Смутное время», Бѣлокурова, «Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.», 1907 г., т. II—III. — «Дворцовые разряды», т. I—II. — «Дополненія къ Дворцовымъ разрядамъ», Забѣлинъ, «Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.», 1882 г., т. I—II. — «Разрядныя книги за 7124 и 7125 гг.», «Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.», 1849 г., т. II—III. — «Записная книга Московскаго стола за 7135, 7142, 7145, 7149 г.», «Русск. Ист. Библ.», т. IX—X. — «Писовая книга по Нижнему Новгороду 1621—22 г.», тамъ же, т. XVII, стр. 69, 70. — Ивановъ, «Указатель къ боярскимъ книгамъ», стр. 396—Кн. П. Долгоруковъ, «Россійская родословная книга», ч. II, Соб., 1855 г., стр. 77. — «Изустая память боярина кн. Ю. Я. Суслова», «Архивъ гр. С. Д. Шереметева», № 370. — Токмаковъ, «Историческое и хронологическое описание моск. ставропигіального первокласснаго Симоноваго монастыря», вып. II, стр. 28, 54—55, 83, 89. — «Древняя Россійская Бывліюка», изд. 2, т. V, стр. 68, 69, т. XIX, стр. 386—388; т. XX, стр. 89—90, 100, 385. — «Акты Историческіе», т. II, № 328; т. III, № 16, 108, 117, 164, 167, 222; т. IV, №№ 8, 33. — «Дополн. къ Акт. Ист.», т. III, №№ 9, 48, 53, 138. — «Собрание Госуд. Грамотъ и Договоровъ», т. III, №№ 16, 19, 40, 57, 72, 83, 97. — «Акты Археограф. Экспедиціи», т. III, №№ 201, 203, 222, 235, 238, 282, 289, 332. — «Акты Московскаго Государства», т. I, №№ 74, 108, 200, 259, 311, 542, 581, 586, 607, 609, 614, 623, 626, 682; т. II, №№ 50, 65, 111, 140, 274, 284, 384. — «Акты Иверскаго Святозерскаго монастыря», «Русск. Ист. Библ.», т. V, № 7. — Забѣлинъ, «Материалы для исторіи, археологии и статистики города Москвы», т. I, стр. 855. —

«Смѣтный списокъ 7139 г.», «Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.», 1849 г., т. IV. — «Бесарійский списокъ 7119 г.», «Сборникъ Археолог. Института», т. VI, стр. 95. — «О верстахъ новгородъ всѣхъ городовъ 7136 г.», «Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.», 1895, т. IV. — «Забѣлинъ, «Мининъ и Пожарскій», М. 1883, прилож. I.—Н. П. Лихачевъ, «Разрядные дѣяла XVI в.», прил. IV, стр. 56, 58—60. — Акты, напечатанные въ «Русск. Ист. Библ.», т. II и III. — Описание документовъ въ бумагѣ, хранившихся въ Моск. Арх. Мин. Юстиціи, т. II, стр. 94, 100, 109—110; т. VI (Указная книга Помѣстнаго Приказа), стр. 35, 48, 58, 59, 88; т. IX (Дѣла десятенья) №№ 103, 137, 138, 163, 174, 297. — Н. Н. Оглоблинъ, «Обзорѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго Приказа», т. I—IV. — М. Г. Курдюмовъ, «Описание актовъ, хранившихся въ Архивѣ Имп. Археограф. Комиссіи»: 1) Акты Новгородской казенной палаты, №№ 100, 115, 116, 117; 2) Акты П. М. Строева: № 285 (Лѣтопись занятій Археографической Комиссіи, вып. 19). — Челобитная тобольскаго воевода Суслова парю Михаилу Федоровичу, «Тобольск. Губ. Вѣд.», 1858 г., № 18. — С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. Общ. Пользы, т. II, стр. 1065, 1135, 1221, 1301, 1302, 1365. — Берхъ, «Царствование Михаила Федоровича», т. I, стр. 106. — Барсуковъ, «Родъ Шереметевыхъ», т. III. — С. Б. Веселовскій, «Къ вопросу о пересмотрѣ жалованыхъ грамотъ», «Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.», 1907 г., т. III.—И. Я. Гурляндъ, «Приказъ Сысѣкныхъ дѣлъ» («Сборникъ въ честь Владимира-Буданова»). — Чичеринъ, «Областные учрежденія», стр. 127—128, 365. — Н. Поповъ, «Историческія замѣтки о Бѣжецкомъ Верхѣ въ XVII и XVIII в.в.», «Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.», 1881 г., т. III. — Словцовъ, «Историческое обозрѣніе Сибири», т. I, стр. 19, 92. — П. Н. Бутицкій, «Заселеніе Сибири», стр. 55—56.

B. Егоровъ.

Сулима, Ахимъ Семеновичъ, тайный советникъ, послѣдній генеральный судья Малороссіи, одинъ изъ образованійшихъ людей Украины, сынъ полковника Переяславскаго С. И. Сулимы и Прасковы Васильевны Савичъ, дочери Лубенскаго полковника. Родился въ 1737 г., воспитывался сперва въ Киевской академіи, а затѣмъ въ Шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ кадетомъ 3 ноября 1755 г. По окончаніи въ 1759 г. курса наукъ въ корпусѣ, С. былъ награжденъ золотою медалью и оставленъ при корпусѣ съ чиномъ сержанта. Въ 1761 г. онъ произведенъ былъ въ поручики и съ этого времени по 1763 г. находился при обученіи 180 человѣкъ, предназначенныхъ къ выпускѣ въ армію ружейными и сѣдельными мастерами. За эту службу С. въ 1763 г. былъ произведенъ въ капитаны

и, по определению начальства, имѣлъ «надъ обученiemъ кадетъ наукамъ смотрѣніе» по 1764 г. Къ этому времени относится сдѣланый имъ по порученiu начальства переводъ съ французскаго языка на русскій двухъ томовъ исторіи о фельдмаршалѣ Тюреннѣ; первый томъ этого сочиненія былъ напечатанъ въ типографіи корпуса подъ заглавиемъ: «Исторія о виконте Тюреннѣ. Сочиненіе аббата Регенета» (Спб., 1763), а второй—въ 1766 году. 29 апреля 1764 г. С. былъ произведенъ въ промъермайоры съ переводомъ въ Азовскій пѣхотный полкъ, но черезъ три года былъ вновь определенъ на службу при корпусѣ для наблюденія за обученiemъ кадетъ и для исполненія различныхъ порученій И. И. Бецкаго. По указанію послѣдняго, С. былъ сочиненъ уставъ корпуса, вторая и третья части учрежденія Московскаго Воспитательного Дома и планъ къ заведенію при этомъ домѣ собранной казны, ссудной казны и вдовьей казны, причемъ всѣ эти труды его были утверждены Императрицей. Какъ известно, всѣ эти акты проникнуты особыми воспитательными начальами въ духѣ просвѣтительной философіи XVIII в., и чтобы составить ихъ нужно было быть дѣйствительно просвѣщенными и знающими человѣкомъ. Оставаясь на службѣ при корпусѣ, С. 1 февраля 1767 г. былъ произведенъ въ подполковники по армїи и въ секундъ-майоры корпуса, послѣ чего былъ посланъ Бецкимъ «по разнымъ дѣламъ» въ Москву, откуда возвратился въ началѣ сѣдмидесятаго года, а 8 июня 1770 г. пожалованъ полковникомъ отъ армїи. По занятіи русскими войсками Бѣлоруссіи въ 1773 г., С. былъ выбранъ тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ этой области графомъ З. Г. Чернышевымъ «ко всѣмъ внутреннимъ въ оныхъ губерніяхъ распоряженіямъ», причемъ на обязанности его лежало составленіе различнаго рода узаконеній для вновь учрежденыхъ губерній. Чернышевъ видимо цѣнилъ знаніе и усердіе С., оказанныя имъ при исполненіи различныхъ возлагаемыхъ на него порученій, такъ какъ 9 октября 1775 г. онъ былъ пожалованъ чиномъ бригадира. Однако уже въ 1776 г. С. находился «сверхъ комплекта», при отставкѣ же своей (28 сентября 1778 г.), по ходатайству графа Чернышева, былъ награжденъ чиномъ генераль-майора. Уво-

лившись отъ службы, С. поселился въ своихъ имѣніяхъ въ Малороссіи, где у него было 1,310 душъ крестьянъ, и занялся хозяйствомъ и воспитаніемъ своихъ дѣтей. Такъ онъ прожилъ почти двадцать лѣтъ, а когда по указу 1796 г. былъ возстановленъ въ Малороссіи Генеральный судъ, вмѣсто прежнихъ судебныхъ палатъ, то С., избранный однимъ изъ четырехъ кандидатовъ въ генеральные суды, былъ утвержденъ въ этой должности по 1-му департаменту (2 мая 1797 г.) съ переименованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ 1802 г. С., съ закрытиемъ Генеральнаго суда, вышелъ въ отставку, причемъ былъ награжденъ орденомъ св. Владимира большого креста и пожизненій ценсіей по 1200 рублей въ годъ, а въ 1805 г. былъ пожалованъ въ свиту Императора Александра I коллежножакатымъ по квартирмейстерской части подъ команду генераль-квартермистра П. К. фонъ-Сухтелена, съ коимъ присутствовалъ при битвѣ подъ Аустерлицемъ. Послѣдніе годы своей жизни С. провелъ въ своемъ имѣніи Сулимовкѣ, где и умеръ въ 1818 г.; погребенъ тамъ же. Помимо персвода исторіи о Тюреннѣ, С. оставилъ еще «Записку по Второму департаменту Генеральнаго Малороссійскаго суда: о необходимости въ прибавкѣ канцелярскихъ служителей и на расходы канцелярской суммы»; записка эта, помѣщенная въ «Кievskoy Starinѣ» (1884 г., кн. I, стр. 135—142), сообщасть любопытныя сѣдѣнія какъ о прежнихъ, такъ и о современныхъ судахъ Малороссіи.

„Сулимовскій Архивъ“, Кіевъ, 1884 г.— „Мотижинскій Архивъ“, Кіевъ, 1890.— „Кіевская Старина“, 1892 г., т. IV, стр. 293, 294, 311, 315; 1884 г., кн. I, стр. 135—142.— „Ежемѣсячные сочиненія Имп. С.-Петербургской Академіи“, 1784 г., стр. 180—181.— А. Родосский, „Описіе книгъ гражданской почты XVIII столѣтія, хранящихся въ библіотекѣ Спб. духов. академіи“, Спб., 1899 г., стр. 99.— Сонниковъ, „Опытъ россійской библиографіи“, № 4780.— „Списокъ военному департаменту 1776 г.“, стр. 177.

B. Модзалескій.

Сулима, Иванъ Михайловичъ, гетьманъ Запорожскихъ казаковъ. По происхожденію своему принадлежалъ, по всейѣ вѣроятности, къ Любецкой шляхѣ и впервые упоминается подъ 1615 г., когда онъ

состоялъ на службѣ у Станислава Жолкевскаго, будучи однимъ изъ офиціаловъ въ его имѣніяхъ. Начало исторической его дѣятельности относится къ 1628 г. Въ это время запорожцы вовлечены были въ ме-ждусобія крымскихъ хановъ Джанибека и Мухаммеда, причемъ они держали сторону Мухаммеда, будучи подкуплены въ его пользу щедрыми пожертвованіями его бра-та—Шагинъ-Гирея. Принимая участіе въ распѣтіи этихъ хановъ, казаки не сколько разъ ходили въ Крымъ, но выбираемые ими предводители или погибали, или были смыты самими же казаками, вслѣдствіе неудачнаго выбора. Въ такое тревожное для запорожцевъ время ими и былъ вы-бранный въ гетманы С. Въ своемъ письмѣ къ Христофору Радзивиллу отъ 29 декабря 1628 г. С. именуется гетманомъ и просить о представительствѣ передъ королемъ въ дѣлѣ казаковъ съ Шагинъ-Гиреемъ. Затѣмъ С. оставилъ политическую дѣятельность и жилъ на Украинѣ, устраивая, по всей вѣ-роятности, свои семейныя и имущество-вныя дѣла. Такъ, въ 1629 г. онъ состоялъ на службѣ у «воеводы русской» Софіи Даниловичевой (дочери Станислава Жолкевскаго) и былъ помощникомъ урядника въ ея имѣніяхъ—Яроша Глоговскаго. Въ этомъ году онъ, по приказанію Глогов-скаго, участвовалъ въ вооруженномъ на-паденіи и разореніи принадлежавшаго кiev-скому Пустынно-Никольскому монастырю села Тростянца. Жолкевскій цѣнилъ С. и подарилъ ему изъ своихъ имѣній значи-тельный участокъ земли, на которомъ имъ были поселены впослѣдствіи три села: Су-лимовка, Лебединъ и Кучаковъ. Однако С. не долго прожилъ на Украинѣ. Есть извѣстіе (письмо 1675 г. запорожскаго ко-шевого Сѣрка къ крымскому хану), что въ 1633 г. С. ходилъ съ казаками противъ турокъ, причемъ ему удалось ограбить и разорить Азовъ. Около этого же времени (1634) донскіе казаки тоже пытались овла-дѣть этимъ городомъ, но неизвѣстно, стоялъ ли походъ С. въ связи съ походомъ дон-цевъ. Постоянное беспокойство, испыты-ваемое турками и крымцами отъ сосѣдства запорожцевъ, грабившихъ турецкія области и подпливавшихъ даже къ самому Кон-стантинополю, возбуждало со стороны тур-рокъ жалобы на запорожцевъ и угрозы войной Польшѣ. Послѣдняя принуждена была наконецъ (послѣ заключенія въ 1634 г.

мира съ турками) дать обязательство совер-шенно очистить отъ запорожцевъ днѣпро-скіе острова. Для осуществленія этой не-легкой задачи, по приказанію короннаго гетмана Конецпольскаго, была построена инженеромъ Бопланомъ на Днѣпрѣ, ниже Князева острова, крѣпость Кодакъ. На-ходившійся здѣсь начальникомъ гарни-зона Маріанъ не пропускалъ казаковъ на югъ, запрещалъ имъ проходить мимо крѣпости, ловить рыбу въ Днѣпрѣ и вообще всячески ихъ притѣснялъ. Есте-ственно, что у запорожцевъ явилось же-ланіе уничтожить Кодакъ; и С., возвра-щаясь въ 1635 г. изъ похода, напалъ ночью на крѣпость, разорилъ ее и пере-билъ весь гарнизонъ. Въ это время король польскій былъ занятъ войной съ Пруссіей, и казаки надѣялись, что это дѣло пройдетъ для нихъ безъ послѣдствій, но когда миръ съ Пруссіей былъ заключенъ, реестровые казаки стали бояться кары за разореніе Кодака, схватили С. съ пятью его привер-женцами и связанными доставили въ Вар-шаву на сеймъ. Здѣсь С. и его товарищѣ пытали, причемъ въ оправданіе свое они оказали, будто бы они не знали, что крѣ-пость была построена по распоряженію правительства, и думали, что нѣмцы, со-ставлявшіе ея гарнизонъ, притѣсняли ихъ самовольно. Почему, не желая утруждать правительство всякаго рода жалобами, они и рѣшили сами отомстить за свои обиды. Однако этихъ оправданій въ Варшавѣ не принимали во вниманіе, и С. вмѣсть съ пятью своими товарищами былъ приговоренъ къ смертной казни. С., принявший католи-цизмъ, просилъ передъ смертью положить съ нимъ въ гробъ золотой крестъ, пода-ренный ему папой Павломъ V, когда С., взявши приступомъ турецкую крѣпость, подарилъ папѣ въ Римѣ триста пѣнниыхъ. Насколько вѣроятно это извѣстіе—сказать трудно, но такъ какъ папа Павелъ V за-нималъ престолъ папскій съ 1605 по 1621 г., то къ этому времени и нужно отнести воз-можное пребываніе С. въ Римѣ. По сви-дѣтельству князя Альбрехта-Станислава Радзивилла, король искалъ предлога спасти С., зная отвагу и храбрость какъ его, такъ и казаковъ, но успѣя короля ни къ чему не привели, и 12 декабря 1635 г. въ Варшавѣ С. и бывшимъ съ нимъ пяти казакамъ были отрублены головы, а тѣла—четвертованы.

«Сулимовский Архивъ», Киевъ, 1884 г. — «Мотыжинский Архивъ», Киевъ, 1890 г. — «Киевская Старина», 1882 г., кн. III, стр. 428; кн. IV, стр. 292, 293; 1885 г., кн. XI, стр. 691. — Соловьевъ, «Исторія Россії», кн. II, стр. 1481. — А. В. Стороженко, «Очеркъ Переяславской старины, къ біографії казацкаго гетмана И. М. Сулимы», Киевъ, 1900 г., стр. 204—215. — «Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси», вып. II, Киевъ, 1896, стр. 313.

B. Модзалевскій.

Сулима, Иванъ Федоровичъ, генеральный хорунжій; внукъ гетмана и сынъ Переяславского полковника. Впервые упоминается въ 1673 г., когда онъ принялъ вмѣстѣ съ отцомъ подданство Россіи и єздилъ съ нимъ въ Москву. Затѣмъ, женевшись на дочери богатаго Переяславского полковника Леонтия Полуботка, С. получилъ черезъ тестя Воронковское сотничество, на урядѣ котораго онъ былъ въ 1687 г. Но уже въ 1688 г. С. называется бывшимъ сотникомъ Воронковскимъ иносить звание лишь знатнаго войскового товарища. Получивъ въ этомъ году, вмѣстѣ съ отцомъ, подтверждительный универсаль Мазепы на села Сулиминцы, Лебединъ и Кучаковъ, С. въ 1687 и 1689 гг. находился въ походахъ подъ Переяславомъ, а въ 1695 — былъ подъ Кизикерменомъ, Таваломъ и Каменнымъ Затономъ. Несмотря, однако, на эти свои службы, С. не удалось получить какоголибо уряда, и въ 1699 г. онъ все еще былъ войсковымъ товарищемъ. Объясняется это тѣмъ, что С. находился въ близкому свойствѣ съ Самойловичемъ, а послѣдняго Мазепа не могъ любить, какъ своего предшественника. Непріязненные отношения между С. и гетманомъ, однако, прекратились, и послѣдній поставилъ его изъ знатныхъ войсковыхъ товарищей (1703) генеральнымъ хорунжимъ. Когда это случилось — въ точности неизвестно, но по всей вѣроятности — въ 1704 г., С. сталъ близокъ къ Мазепѣ и всльдъ за измѣнной гетмана пошелъ было за нимъ, но тотчасъ же (1708) отсталъ, сумѣвъ сохранить и урядъ, и имѣнія. Въ 1709 г. С. принималъ участіе въ Полтавской битвѣ и въ 1711 — въ «Прутовой бatalіи». За это, по всей вѣроятности, а также и за то, что С. вмѣстѣ съ полковникомъ Стародубскимъ Журавкою произвелъ въ 1709 г. отдачу Меньшикову Почепской сотни, гетманъ и нашелъ возможнымъ подтвердить ему въ 1712 г. право на села Старое и

Кальное (въ Переяславскомъ полку). Въ 1716 и 1718 гг. С. былъ назначенъ за гетмана надъ семью малороссійскими полками, отправленными въ царицынскій походъ, гдѣ и находился около трехъ лѣтъ. Генеральнымъ хорунжимъ С. пробылъ до самой своей смерти, хотя еще съ 1715 г., когда умеръ Степанъ Томара, правилъ Переяславскимъ полкомъ какъ настоящій полковникъ, — и тоже до конца жизни. Получить же ему оттуда урядъ, болѣе выгодный, чѣмъ урядъ генеральскаго хорунжаго, не удалось, — вѣроятно по непріязни къ нему Меньшикова. Послѣдней службой С. былъ походъ къ Ладожскому озеру, для постройки канала, куда было выслано нѣсколько малороссійскихъ полковъ; находясь здѣсь за полковника Переяславского полка, С. дошелъ лишь до Вышваго Волочка, гдѣ заболѣлъ и умеръ въ мартѣ 1721 г.; тѣло его было перевезено въ Малороссію и похоронено въ его имѣніи Переяславскаго полка, — селѣ Сулиминцахъ.

«Сулимовский Архивъ», Киевъ, 1884 г. — «Мотыжинский Архивъ», Киевъ, 1890 г. — А. М. Лазаревскій, «Описаніе старой Малороссіи», т. I, Киевъ, 1889 г., стр. 245, 250, 252, 258, 259, 275. Сборникъ лѣтоисѣй, относящихся къ исторіи Южной и Западной Руси», Киевъ, 1888 г., стр. 52. — «Сборникъ харьковскаго историко-филологическаго общества», т. VIII, стр. 256, 258. — «Черниговская лѣтоисѣй по новому списку», Киевъ, 1890 г., стр. 31. — «Киевская Старина», 1882 г., кн. IV, стр. 173, 175, 293, 297. — «Дневники Марковича», ч. I, стр. 11. — «Лѣтоисѣй Самовидца», стр. 300, 303, 306.

B. Модзалевскій.

Сулима, Григорій Ивановичъ, вице-адмиралъ, членъ адмиралтейств-совѣта. Въ 1792 г. поступилъ въ Херсонскій корпусъ кадетомъ и 1 января 1794 г. произведенъ въ гардемаринъ. Съ 1794 г. до 1798 г. плавалъ ежегодно въ Черномъ морѣ; 1 января 1796 г. произведенъ въ мичманы и слѣдующію два года былъ въ кампаніи на таганрогской бригантиѣ «Прокторъ», затѣмъ плавалъ: въ 1800 г. на ботѣ «Елень» въ Азовскомъ морѣ; съ 1801—1802 г.—на суднѣ «Галата» отъ Николаева до Севастополя; 1803 г.—на шхунѣ № 1 въ Черномъ морѣ. 10 марта 1804 г. произведенъ въ лейтенанты, и затѣмъ, командаю той же шхуной, перешелъ отъ Николаева до Корфу, откуда плавалъ къ Мальту и въ Венецию. До 1808 г. сперва

на фрегатѣ «Поспѣшный», потомъ на фрегатахъ «Крѣпкій» и «Дерзкій» ежегодно находился на рейдѣ Корфу. Въ 1808 и 1809 г.г. на фрегатѣ «Дерзкій» находился сначала на триестскомъ, потомъ на венецианскомъ рейдахъ; въ 1810 г. возвратился изъ Триеста сущей въ Николаевѣ; 5 января слѣдующаго года произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, затѣмъ командированъ въ Казанскую губернію за рокрутами, съ которыми и прибылъ въ Николаевъ. Въ 1812 г. на корабль «Лѣсное» плавалъ отъ Николаева до Севастополя, послѣ чего былъ командированъ въ составѣ 75-го корабельного экипажа въ Южную армию, стоявшую у Аккермана. Въ слѣдующемъ году находился съ вооруженными лодками при осадѣ крѣпости Торна, въ корпусѣ гр. Ланжерона, и командовалъ береговыми батареями на островѣ Шаркѣ; потомъ откомандированъ на реку Одеръ для постройки и наведенія мостовъ при городахъ Алазу и Окельнѣ и участвовалъ при наведеніи понтонныхъ мостовъ черезъ реку Бобръ. Въ 1814 г. находился при наведеніи понтонныхъ мостовъ на рекахъ Saalѣ и Шульди, за что награжденъ былъ орденомъ Анны 2-й ст. и орденомъ «Pour le mѣrite» отъ короля прусского. Состоя при гр. Ланжеронѣ, участвовалъ въ сраженіяхъ при Суасонѣ, Ліовѣ, Монмартрѣ и при занятіи Парижа, послѣ чего принялъ въ командование 75-й флотскій экипажъ, съ которымъ возвратился въ Николаевъ. Въ 1816 г., командуя корветомъ «Шагинъ-Гирей», перевезъ изъ Керчи въ Таганрогъ великаго князя Николая Павловича, а послѣ занималъ брантвахтенный постъ при Сухумѣ-Калѣ. Слѣдующие три года командовалъ тѣмъ же корветомъ: при Севастопольскомъ портѣ, въ плаваніи между Севастополемъ и Николаевымъ и на военно-брантвахтенномъ штурту при Одессѣ; въ 1819 г. за 18 морскихъ кампаний награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 4-го класса. Въ 1820 г. командовалъ бригомъ «Ганимедъ» въ Черномъ морѣ, а въ слѣдующемъ — при Севастопольскомъ портѣ. Съ 1822—1825 г.г., командуя фрегатомъ «Поспѣшный», плавалъ ежегодно въ Черномъ морѣ. 30 августа 1824 г. произведенъ въ капитаны 2-го ранга. Въ 1826 г., состоя командромъ того же фрегата, плавалъ отъ Севастополя до Редутъ-Кале «для отвоза чиновниковъ, принадлежащихъ пер-

сидской миссіи». Въ 1827 г. находился при Николаевскомъ портѣ и надзиралъ за постройкой кораблей «Эривань» и «Анапа», а потомъ, командуя корветомъ «Чесма», перешелъ изъ Николаева въ Севастополь. 6 декабря произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Въ слѣдующемъ году командовалъ 41-мъ флотскимъ экипажемъ; 22 августа 1831 г. произведенъ въ контр-адмирала и назначенъ командавать 3-й бригадой 2-й флотской дивизіи. Въ 1834 и 1835 г.г. состоялъ главнымъ командромъ и военнымъ губернаторомъ Свеаборга; съ 1836 по 1842 г.г. состоялъ главнымъ командромъ Архангельского порта и архангельскимъ военнымъ губернаторомъ; въ этой должностіи въ декабрѣ 1837 г. произведенъ въ вице-адмирала, 1838 г. награжденъ орденомъ св. Станислава 1-й ст., въ 1840 г. орденомъ св. Анны 1-й ст. — 24 апреля 1842 г. назначенъ членомъ адмиралтействовѣта, въ 1846 г. награжденъ орденомъ св. Владимира 2-й ст., а 6 февраля 1852 г. уволенъ отъ службы.

«Общий морской списокъ», выпускъ V.

Сулима, Николай Семеновичъ, генераль-губернаторъ Восточной, а потомъ Западной Сибири, генераль-лейтенантъ, членъ военного совѣта и государственного контроля; внуkъ Переяславского полковника (см. ниже) и сынъ надворногосовѣтника Семена Семеновича Сулимы отъ брака его съ княжою Марию Васильевной Несвицкой; родился 13 января 1777 г.; въ 1791 г. былъ отданъ въ сухопутный шляхетскій кадетскій корпусъ, но черезъ годъ, пятнадцать лѣтъ, былъ записанъ въ Семеновскій полкъ (1792), откуда въ 1797 г. переведенъ прaporщикомъ въ Нашебургскій пѣхотный полкъ. Получивъ здѣсь въ 1797 г. чинъ подпоручика, а черезъ два года — поручика (1799), С. переведенъ былъ въ Измайловскій полкъ, где и произведенъ штабс-капитаномъ въ 1800 г. Въ 1803 г. онъ былъ произведенъ въ капитаны, а 11 октября того же 1803 г. — въ полковники, получивъ затѣмъ, 20 октября 1804 г., назначеніе командавать Московскимъ мушкетерскимъ полкомъ, съ коимъ и совершилъ походъ по Галиціи, Силезіи, Богеміи, Моравіи и Австріи. Отличившись 29 октября этого года подъ Дриштейномъ, близъ Кремса, где онъ со своимъ полкомъ въ теченіе

въ школьныхъ часовъ преграждалъ путь цѣлой дивизіи Дюпона и отбилъ у непріятеля знамя (за что получилъ орденъ Владимира 4-й ст.), С. 20 ноября подъ Аустерлицемъ былъ тяжко раненъ въ голову и взятъ въ пленъ, откуда черезъ двѣ недѣли былъ вымѣненъ. Вернувшись изъ похода, С. 23 октября 1807 г. уволился отъ службы, но 30 марта 1810 г. снова принялъ на службу по арміи и 18 сентября 1811 г. получилъ назначеніе командинромъ Таврическаго grenадерскаго полка. Съ этимъ полкомъ С. участвовалъ въ важнейшихъ сраженіяхъ Отечественной войны; такъ, онъ былъ подъ Витебскомъ, Смоленскомъ и Бородинымъ (гдѣ за отличіе былъ произведенъ въ генераль-маиоры), при Спасокомъ (гдѣ былъ контуженъ ядромъ въ правую ногу), при Тарутинѣ и подъ Краснымъ. Въ послѣднемъ сраженіи С. отбилъ у непріятеля шесть орудій и взялъ въ пленъ болѣе тысячи человѣкъ, за что и получилъ орденъ Георгія 3-й ст. 1813-й годъ С. провелъ въ походахъ за границею и за участіе въ сраженіяхъ при Люценѣ, Кенигсвартѣ и Бауценѣ получилъ золотую шагу съ надписью «за храбрость» и прусскій орденъ Краснаго Орла 2-й ст., и за Лейпцигъ—Анну 1-й ст. Въ 1814 г. С. былъ подъ Парижемъ, получивъ за отличіе при взятіи его алмазные знаки Анны 1-й ст., а затѣмъ (1 сентября 1814 г.) назначенъ командинромъ 1-й grenадерской бригады. Прослуживъ въ этой должности около двухъ лѣтъ, С. 31 января 1817 г. вышелъ въ отставку, но 15 мая того же года вновь былъ принятъ на службу съ назначеніемъ командинромъ 3-й бригады 17-й пѣхотной дивизіи. 17 апрѣля 1822 г. С. назначенъ былъ командинромъ 3-й бригады 14-й пѣхотной дивизіи и получилъ 22 августа этого года орденъ Владимира 2-й ст. 16 сентября 1826 г. онъ былъ назначенъ на новый постъ начальника 11-й пѣхотной дивизіи, а 1 января 1827 г. перемѣщенъ на такую же должность въ 16-ю дивизію, получивъ за отличіе въ командованіе ею (17 мая 1827 г.) чинъ генераль-лейтенанта. Въ турецкую кампанію 1828 г. онъ былъ въ сраженіяхъ подъ Силистрію, Шумлою и Кульчю и при занятіи Адріанополя; въ 1831 г. принималъ участіе въ подавленіи Польскаго восстанія, былъ въ сраженіи подъ Вильною и отличился со своею дивизіею на приступѣ Варшавскихъ укрѣ-

плений, за что былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго; въ 1832 г. былъ предсѣдателемъ Варшавскаго верховнаго уголовнаго суда, а черезъ годъ (6 декабря 1833 г.) получилъ назначеніе генераль-губернаторомъ Восточной Сибири. Въ этой должности онъ оставался до марта 1834 г., когда былъ назначенъ командинромъ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса и генераль-губернаторомъ Западной Сибири; въ 1835 г. онъ получилъ алмазные знаки къ ордену Александра Невскаго. Генераль-губернаторомъ С. пробылъ не долго,—менѣе двухъ лѣтъ; 28 января 1836 г. состоялся приказъ обѣ увольненіи его отъ должности генераль-губернатора и о назначеніи членомъ военнаго совѣта. 13 января 1837 г. онъ былъ назначенъ членомъ совѣта государственного контроля, а черезъ три года, 21 октября 1840 г., скончался въ Петербургѣ и погребенъ въ Сергиевой пустыни близъ этого города. Портретъ его находится въ военной галлерѣ Зимняго Дворца въ числѣ портретовъ сподвижниковъ Александра I.

Дѣло архива департамента герольдіи правительствующаго союза о дворянствѣ Сулимы.—Формуляръ И. Г. Сулимы 1830 года.—«Русская Старина» 1874 г., № 5, стр. 195—198.—«Сулимовскій архивъ», Кіевъ, 1894 г.—«Кіевская Старина», 1882 г., т. IV, стр. 615.—«Справочныи энциклопед. словарь» Старчевскаго, т. IX, ч. II стр. 595—596.

В. Модзалевскій.

Сулима, Семенъ, переводчикъ 1772—1779 г.г. Напечатаны его переводы: «Разсужденіе (философское) о воспитаніи, какому должно быть для произростанія желательныхъ плодовъ, съ присовокупленіемъ рѣчи, говоренной къ г. г. кадетамъ Сухаревскаго кадетскаго корпуса при начатіи наукъ, соч. г. Клерка», перв. съ франц. языка (Спб., 1773 г.; изд. 2-е, Спб., 1779 г.); «О язвѣ моровой, соч. англійскаго доктора Рихарда Меогда», переводъ съ нѣмецкаго языка (Спб., 1772 г.).

В. Соникова, «Опытъ россійской библиографіи», 1815 г., ч. 4, стр. 302, № 9680 и стр. 303, № 9681; ч. V, стр. 132, № 12773—В. Н. Рогожинъ, «Указатель къ „Опыту“ Соникова», М., 1900 г., стр. 172.

Сулима, Семенъ Ивановичъ, полковникъ Переяславскій, младшій сынъ гене-

рального хорунжаго Ивана Федоровича Сулимы отъ брака его съ Марьей Леонтьевной Полуботокъ. По смерти отца своего С. былъ опредѣленъ въ 1728 г. въ число бунчуковыхъ товарищѣй и єздилъ въ 1728 г. съ гетманомъ Апостоломъ въ Москву на коронацію императора Петра II. Въ слѣдующемъ (1729) году С. назначенъ былъ сопровождать турецкаго посла, проѣзжавшаго черезъ Малороссію. По окончаніи этой «комиссіи», въ которой онъ находился три мѣсяца, такъ какъ єхалъ съ посломъ до Сѣвска, С. тотчасъ же (30 сентября 1729 г.) получилъ гетманскій универсаль на Барышевское сотничество Переяславскаго полка. Будучи сотникомъ, въ 1732 г. стоялъ съ командою на пикетѣ подъ Койловымъ и Каневомъ (изъ Днѣпра), въ 1733 г.—участвовалъ въ Крымскомъ походѣ, а въ 1736 г.—былъ при взятіи Черекопа и Бакцисера, откуда отпущенъ въ домъ свой за «неисклѣмую» болѣзнь. За все эти службы С. въ 1737 г. получилъ урядъ Переяславскаго полкового обознаго и снова былъ въ походахъ: въ 1737 г.—подъ Карасубазаромъ и въ 1738 г.—подъ Бендерами, причемъ въ обоихъ этихъ случаяхъ наказаныи полковникомъ, а въ 1739 г., въ февралѣ, по указу Императрицы Анны Ioannовны, былъ пожалованъ полковникомъ въ Переяславъ. Едва получивъ этотъ урядъ, С. былъ посланъ въ Хотинскій походъ и былъ при взятіи Хотина и на «Таучанской баталіи» (1739 г.). Въ 1740 г. снова єхалъ черезъ Малороссію послоль Оттоманской порты, и С., какъ уже разъ исполнившій подобное порученіе, былъ вновь посланъ для встрѣчи посла къ р. Бугу съ командою въ двѣ тысячи казаковъ. Исполнивъ и это порученіе успѣшно, чрезъ два года (1742) онъ былъ назначенъ командиромъ надъ четырьмя малороссийскими полками, высланными для прикрытия границъ отъ падѣговъ крымцевъ. Въ 1747 г. на С. былъ поданъ отъ Переяславской полковой старшины доносъ, которымъ недовольныи имъ полковые урядники указывали на многочисленныи злоупотребленія своего полковника и на то, что онъ назначаєтъ былъ полковникомъ не по заслугамъ, и по представительству свояка, Алексея Гльбова, служившаго адъютантомъ у фельдмаршала Маниха. Однако высланныи гетманомъ на розыскъ этого дѣла лица никакихъ злоупотребленій С. не открыли, а въ 1752 г.

всѣ доносчики дали подпись въ томъ, что доность ихъ не имѣть никакого основанія. Въ февралѣ 1752 г. С. получилъ отъ Разумовскаго въ Переяславскомъ полку деревни Власовку и Коржи и 59 дворовъ въ Барышевкѣ. Переяславскимъ полковникомъ С. пробылъ около 27 лѣтъ, до смерти, послѣдовавшей 27 мая 1766 г. въ Барышевкѣ.

«Сулимовский Архивъ», Киевъ, 1881 г.—«Могилянскій Архивъ», Киевъ, 1890 г.—«Дневникъ Ханенко», Киевъ, 1887 г., стр. 255.—«Киевская Старина», 1882 г., кн. IV, стр. 174, 293, 302, 308.—А. М. Лазаревскій, «Описаніе старой Малороссіи», т. I, Киевъ, 1882, стр. 250—252.

B. Модзалевскій.

Сулоцкій, Александръ Ивановичъ, протоіерей, видный изслѣдователь сибирской старины, родился въ 1812 г., умеръ 3 мая 1884 г. въ Омскѣ. Отецъ его былъ причетникомъ въ одномъ изъ захудалыхъ церковныхъ приходовъ Ростовскаго уѣзда Ярославской губ. Въ 1827 г. С. поступилъ въ Ярославскую духовную семинарію, а по окончаніи курса въ ней былъ принятъ на казенный счетъ въ Петербургскую духовную академію. Выйдя изъ послѣдней со степенью кандидата богословія, онъ въ 1838 г. получилъ място учителя церковной исторіи и греческаго языка въ Тобольской духовной семинаріи, въ которой съ 1840 г. сталъ преподавать также библейскую исторію, церковные древности и обряды, каноническое право и исторію русской церкви, а частнымъ образомъ излагалъ своимъ ученикамъ исторію собственно сибирской церкви и особенно исторію Тобольской епархіи. Въ 1848 г. по совѣту тобольского архіепископа Георгія С. послѣ долгихъ колебаній рѣшился наконецъ на рукооположеніе во священники и по совершеніи обряда былъ назначенъ законоучителемъ въ Сибирскомъ кадетскомъ корпусѣ въ Омскѣ и настоятелемъ корпусной церкви. Позже онъ состоялъ членомъ правленія Омскаго духовнаго училища (съ 1868 г.) и предѣдателемъ съѣзовъ Омскаго училищнаго округа. Въ санѣ протоіеря былъ возведенъ въ 1863 г.

Литературно-научная дѣятельность С. началась еще въ Тобольскѣ, но планомѣрный и постоянный характеръ пріобрѣтъ уже въ Омскѣ. Okolo 40 лѣтъ работалъ онъ надъ изученiemъ сибирской церковной

и отчасти гражданской исторії, надъ со-
бираніемъ матеріаловъ, документовъ и ак-
товъ и разработкою ихъ. О первоначаль-
ныхъ своихъ занятіяхъ въ этомъ направле-
ніи самъ онъ пишетъ въ своей «Авторской
исповѣди»: «Я началъ заниматься исторіею
Сибири, читалъ все, что только попадалось
печатанаго и рукописнаго, по временамъ
разбиралъ и читалъ старинныя дѣла архи-
вовъ семинарскаго и консисторскаго, сно-
сился лично и черезъ письма съ людьми,
знакомыми съ сибирской стариной, а также
съ имѣющими доступъ въ архивы церков-
ные и присутственныхъ мѣстъ, и такимъ
образомъ сталъ собирать матеріалы для
исторіи христіанства въ Сибири и пред-
шествовавшихъ ему... язычества и магоме-
танства,—сталъ отъ времени до времени о
тѣхъ или другихъ событияхъ и лицахъ,
дѣйствовавшихъ въ Сибири, составлять
собственно для себя статьи, а вскорѣ сталъ
даже и ученикамъ высшаго отдѣленія се-
минарія преподавать исторію сибирской
церкви и Тобольской епархіи. И такъ какъ
любовь къ стьмъ предметамъ въ ученикахъ
я видѣлъ, можно сказать, страстную, отъ
этого самъ еще болѣе сталъ пристращаться
къ исторіи и археологіи сибирской церкви,
а отсюда мало-по-малу перешелъ въ къ
печатанію какъ отдѣльныхъ изданій, такъ
и журнальныхъ статей». Многочисленные
труды и статьи его, изъ которыхъ отдѣльно
вышло только девять, а остальная (около
ста болѣе или менѣе крупныхъ статей)
разсѣяны въ разныхъ повременныхъ изда-
ніяхъ, имѣютъ своимъ предметомъ исторію
христіанства въ Сибири, ея церковная
древности и въ особенности исторію То-
больской епархіи, изслѣдовавшую въ формѣ
біографій ея архіпастырей почти на
всемъ ея протяженіи. Отдѣльными изда-
ніемъ вышли слѣдующія работы С.: «Фи-
ларей Лещинскій, митрополитъ сибир-
скій и тобольскій» (Омскъ, 1854 г.),
«Жизнь Іоанна Максимовича, митрополита
тобольскаго» (ib., 1854 г.), «Описаніе То-
больскаго Софійскаго собора» (M., 1854 г.),
«Описаніе наиболѣе чтимыхъ иконъ То-
больской епархіи» (Спб., 1864 г.), «Ска-
заніе объ иконѣ Божіей Матери, именуемой
Алабацкой» (Вятка, 1874 г. и Омскъ,
1887 г.), «Икона св. Николая, именуемая
Можайской» (Акмолинскъ, 1883 г.), «То-
больскіе и томскіе архіпастыри, или крат-
кая исторія Тобольской и Томской епархій»

(Омскъ, 1881 г.), «Святитель Филоѳей, въ
схимѣ Федоръ, просвѣтитель сибирскихъ
и нородцевъ» (ib., 1882 г.). Изъ статей С.,
напечатанныхъ въ повременныхъ издаваніяхъ,
назовемъ только важнѣйшія, придерживаясь
порядка по времени ихъ напечатанія: «За-
мѣчательные въ Сибири колокола и между
ними ссылочный угличскій» («Московити-
нинъ», 1843 г., май, кн. I; «Тобольская
Губернская Вѣдомость», 1858 г., № 10 и
«Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Россійск.»
1871 г. № 1); «Еще о замѣчательныхъ
колоколахъ въ Сибири» («Тоб. Губ. Вѣд.»,
1858 г., № 44); «Начало театра въ Сибири»
(тамъ же, 1858 г., № 12); «Матеріалы для
исторіи пугачевскаго бунта» («Чт. въ Общ.
Ист. и Др. Росс.», 1859 г. № 1); «Преосв.
Владимиръ, епископъ тобольскій» («Стран-
никъ», 1861 г., № 11 и 1862 г., № 11);
«Г. И. Мансвѣтовъ на службѣ въ Тоболь-
скѣ» (тамъ же, 1863 г., № 11); «Мѣсто
заточенія, смерти и погребенія бывшаго
митрополита ростовскаго А. Мацѣевича»
(Прибавл. къ «Ирк. Епарх. Вѣд.», 1863 г.,
№№ 37—39; «Чт. въ Общ. Ист. и Др.
Ross.», 1864 г., № 4 и «Яросл. Губ. Вѣд.»
1868 г., № 9); «Историческія свѣдѣнія объ
иконописаніи въ Россіи» («Ирк. Епарх.
Вѣд.», 1863 г., №№ 48—50 и «Чтенія».
1864 г., № 3); «Жизнь Іоанна Максимо-
вича, митрополита Тобольскаго» («Стран-
никъ», 1864 г., № 1); «Св. Дмитрій Ро-
стовскій какъ архіпастырь сибирской»
(тамъ же, 1866 г., № 11); «Жизнеописа-
ніе Афанасія Протопопова, архієпископа
тобольскаго» (тамъ же, 1867 г., №№ 1 и 2);
«Черты изъ жизни митрополита москов-
скаго Филарета» (тамъ же, 1868 г., т. III);
«Семинарскій театръ въ старину въ То-
больскѣ» («Чт. въ Общ. Ист. и Др. Росс.»,
1870 г., № 2); «Княжна Е. И. Долгорукая
въ ссылкѣ въ Березовѣ и въ монастырѣ
въ Томскѣ» («Тоб. Губ. Вѣд.», 1871 г.,
№№ 3 и 4); «Старинный сибирскій учитель
Сильвестровичъ и ученикъ его Мировичъ»
(ib., 1871 г., № 26 и «Русск. Стар.», 1879 г.
№ 7); «Сперанскій въ Тобольскѣ» («Тоб.
Губ. Вѣд.», 1872 г., №№ 41.. 53); «П. А.
Соловцовъ» («Чт. въ Общ. Ист. и Др.»,
1873 г., № 3); «Преосв. Афанасій тоболь-
скій» («Русск. Архивъ», 1881 г., т. II);
«Протоіерей Г. П. Павскій и московскій
митрополит Филаретъ» («Русск. Стар.»,
1881 г., № 7); «Первые викарии Тоболь-
ской митрополіи» («Тоб. Губ. Вѣд.», 1883 г.

СУЛЬМЕНЕВЪ.

№ 21). За монографію «Филоеей Лещинской, митрополитъ сибирскій и тобольскій» С. въ 1855 г. Петербургской духовной академіей былъ удостоенъ званія магистра богословія.

О значеніи С. какъ изслѣдователя въ області истории Сибири анонімный авторъ некролога въ «Тобольскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» говоритъ: «Едва ли кто можетъ приступитьъ теперь къ изученію Сибирскаго края въ церковно-историческомъ отношеніи, не ознакомившись предварительно съ литературными трудами С. Правда, онъ не оставилъ цѣльныхъ и особенно капитальныхъ трудовъ, но это зависѣло отъ того, что онъ былъ одинъ изъ первыхъ, въ полномъ смыслѣ самостоятельныхъ тружениковъ по разработкѣ разныхъ письменныхъ архивныхъ и другихъ памятниковъ сибирской старины. Ему приводилось не обобщенія дѣлать, а первому пролагать путь къ занятіямъ сибирскою церковною исторіею; по его слѣдамъ теперь легко будетъ идти всякому, кто пожелаетъ принять на себя трудъ изученія и дальниѣйшей разработки церковно-исторической науки Сибирскаго края».

В. И. Межовъ, «Исторія всеобщей и русской словесности», Спб., 1872 г., №№ 5011, 5012, 5306, 5307, 8697, 8736, 8737, 8750, 8751, 8782, 9086, 9525, 9934, 9935, 10972, 11001, 12343, 12515.—Его же, «Литература русской исторіи за 1859—1864 г.г.», Спб., 1866 г., т. I, №№ 371, 1875, 2104, 2274, 3320, 3805—3808, 3935, 3936, 4218, 4425, 4435, 5282, 5298.—Его же, «Сибирская библиографія», Спб., 1903 г., т. I, №№ 1582, 1667, 2068; т. II, №№ 6626, 6678, 6991, 7008, 7010—7012, 7018—7020, 7164, 7195, 7327, 7329, 7330, 7336, 7338—7340, 7346, 7361, 7519, 7547, 8229—8232, 8313, 8361, 8338—8390, 8392, 8394, 8395, 8420, 8452, 8473, 8474, 8484, 8492, 8507, 8508, 8589, 8826, 8827, 8915, 9069, 9071, 9396, 9561, 9565, 9712, 9713, 9721, 9722, 10262, 10289, 10584, 10669, 10879, 11221, 11259, 11260, 11386, 11637, 11738, 11663, 11670, 11727, 12108, 16767, т. III, №№ 17422, 17423, 17788, 23194.—Его же, «Русская историческая библиографія за 1865—1876 г.г.», Спб., 1880—1889 г.г., т. I, №№ 2542, 2660, 4179; т. II, №№ 16932, 17067, 17070, 17074, 17127—17129, 17259, 17328, 17526, 19078, 19629, 19520, 19521, 19670, 19741, 19747, 23566, 23723, 23767, 24476, 26233; т. III, стр. 27656, 27804, 27921, 34044, 35328; т. IV, № 43919; т. V, №№ 52854, 51915, 53071, 53074, 53717.—Протоіерей Михаилъ Путинцевъ, «Прогнозъ Азександръ Ивановичъ Сулоцкій», «Душеполезное Чтеніе», 1885 г., № 5, стр. 66—93.—«Тобольская Епарх. Вѣдом.», 1884 г., № 10 (некрологъ и «Авторская исповѣдь» С.), № 11 (списокъ сочиненій С.).—«Акмолинская Областная Вѣдомости», 1884 г., № 19 (некрологъ).—«Церков-

ный Вѣстникъ», 1884 г., № 24.—«Историч. Вѣстникъ», 1887 г., т. 30.—Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. 4 и 6.—А. Родосскийъ, «Биографический словарь воспитанниковъ С.-Петербургской духовной академіи», Спб., 1908 г., стр. 484—485.—К. Д. Головщиковъ, «Очеркъ жизни и трудовъ бывшихъ штатцевъ Ярославской духовной семинаріи», вып. 2, Яросл., 1893 г.—И. Чистовицъ, «Исторія С.-Петербург. дух. академіи», Спб., 1857 г., стр. 449.—«Энциклопедич. словарь» Брокгауза-Ефрона, т. 32, стр. 36.

Сульменевъ, Иванъ Савицъ, адмиралъ, предсѣдатель морского генераль-аудиторіата; родился въ 1770 г.; 16 апреля 1786 г. поступилъ въ морской кадетскій корпусъ, находившійся тогда въ Кронштадтѣ; въ слѣдующемъ году произведенъ въ гардемаринъ, назначенъ на корабль «Цезарій» и плавалъ въ Балтійскомъ морѣ въ эскадрѣ контр-адмирала Козлянинова. Весной 1788 г. поступилъ на корабль «Чесма», бывшій подъ флагомъ вице-адмирала фонъ-Дезина, и прослужилъ здѣсь сряду 19 морскихъ мѣсяцевъ. Въ январѣ 1789 г. произведенъ въ мичманы, потомъ на томъ же кораблѣ перешелъ изъ Копенгагена въ Ревель, а оттуда въ Кронштадтѣ. Въ слѣдующемъ году переведенъ былъ въ гребной флотъ, посланъ въ Фридрихсгамъ на зимовавшій тамъ отрядъ нашей гребной флотиліи и поступилъ на полуправъ «Леопардъ». З мая, въ отрядѣ капитана Слизова, участвовалъ въ сраженіи со шведской флотиліей, которая и была сражена. Затѣмъ, по заключеніи въ томъ же году мира, произведенъ былъ 9 августа въ лейтенанты и получилъ въ команду три плѣненныхъ галеръ, съ которыми при церемоніалѣ мирнаго торжества вошелъ въ Неву. По окончаніи войны, С. продолжалъ быть ежегодно въ кампаніахъ. Въ 1791 г. командовалъ 12 капоньерскими лодками и часть лѣта занимался описью береговъ и промѣромъ при Березовыхъ островахъ. Въ 1792 г. командовалъ брантвактеннымъ ка-теромъ «Ястребъ». Въ 1793 г. на фрегатѣ «Австроиль» былъ въ крейсерствѣ между Кронштадтомъ и Роченсальмомъ и производилъ опись финскихъ шхеръ, затѣмъ вплоть до 1804 г. безпрерывно плавалъ на различныхъ судахъ Балтійскаго флота, причемъ неоднократно ходилъ къ берегамъ Англіи; такъ, въ 1799 г. на кораблѣ «12 Апостоловъ» былъ въ плаваніи у Красной Горки съ флотомъ подъ штандартомъ

государя, въ 1798 и 1799 г. служилъ старшимъ офицеромъ на кораблѣ «Св. Петръ» въ эскадрѣ вице-адмирала Макарова, посланной въ качествѣ вспомогательной въ Англию для дѣйствія съ англійскимъ флотомъ противъ Голландіи, и раздѣлилъ всѣ труды этой кампаниі, заключавшиеся главнымъ образомъ въ крейсерствѣ въ позднее время года у опасныхъ и враждебныхъ береговъ Голландіи, въ высадкахъ десантовъ и другихъ военно-морскихъ операций; въ 1802 и 1803 гг. командовалъ въ Финскомъ заливѣ транспортнымъ шлюпомъ «Шарлота»; въ 1804 г. служилъ на кораблѣ «Волеславъ» въ Балтійскомъ морѣ. 3 июня произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, зимою же былъ командированъ въ Вологодскую губернію для набора рекрутъ. Въ 1805 г. на кораблѣ «Селафаиль», въ эскадрѣ вице-адмирала Сенявина, перешелъ изъ Кронштадта въ Англію; тамъ назначенъ былъ командиромъ купеческаго брига «Фениксъ», на которомъ плавалъ въ Средиземномъ морѣ, гдѣ имѣлъ разныя порученія и посыпки. Въ 1807 г. командовалъ тѣмъ же бригомъ въ Архипелагѣ, а 15 октября былъ назначенъ командиромъ взятаго въ сраженіи у Аеонской горы въ плѣнъ турецкаго корабля «Сед-ель-Бахръ», съ которымъ перешелъ въ Триестъ, гдѣ собралась наша эскадра, занимая оборонительное положеніе къ болѣе сильной англійской эскадрѣ, крейсировавшей въ виду Триеста. Послѣ передачи нашихъ судовъ французскому правительству и замовки на берегу до 23 марта 1809 г. С., уже капитанъ 2-го ранга (произведенъ 1 марта этого года, когда получилъ и орденъ св. Георгія 4-й ст. за 18 морскихъ кампаний), былъ назначенъ командиромъ 4-й колонны нашихъ морскихъ силъ и отправленъ сухимъ путемъ изъ Триеста чрезъ Венгрию и Галицию въ Россію. Путешествіе это на протяженіи 2,816 в., продолжавшееся около полутора, подробнѣ описано въ особомъ сочиненіи В. Б. Броновскаго, автора «Записокъ и писемъ морскаго офицера», служившаго лейтенантомъ въ колонії С. Въ Петербургѣ онъ вскорѣ былъ определенъ командиромъ 41-го корабельного экипажа, потомъ командиромъ 22-го корабельного экипажа и корабля «Орелъ», въ лѣтній же кампаніи 1811 г. начальствовалъ надъ 30 канонерскими лодками. Въ 1812 г., командуя тѣми же лодками,

въ составѣ гребной флотиліи подъ начальствомъ контр-адмирала фонъ-Мюллера, участвовалъ, съ 14 по 22 сентября, въ сраженіи на Ла противъ французскихъ батарей, по занятіи которыхъ и по очищеніи отъ непріятеля города Митавы перешелъ въ Свеаборгъ (за эту кампанию награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст.). Въ 1813 г., командуя въ эскадрѣ капитана 1-го ранга гр. Гейдена отрядомъ изъ 21 канонерской лодки и другихъ судовъ, С. перешелъ въ Данцигъ, гдѣ при блокадѣ этой крѣпости участвовалъ въ сраженіяхъ 21 и 23 августа и 4 сентября, а затѣмъ перешелъ въ Кенигсбергъ. По возвращеніи изъ командировки въ Петербургъ съ большой суммой денегъ былъ командированъ въ Данцигъ для спасенія погибавшаго транспорта «Св. Феодоръ», нагруженаго материалами для флота, значительную часть которыхъ и доставилъ въ Кенигсбергъ. По прекращеніи военныхъ дѣйствій, С., командуя 1-мъ и 2-мъ отрядами флотиліи, возвратился въ 1814 г. въ Свеаборгъ.

Походомъ этимъ окончилась дѣйствительная военно-морская служба С., продолжавшаяся сряду 28 лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ ежегодно бывалъ въ морѣ и сдѣдалъ 29 морскихъ кампаний. 1 февраля 1816 в. С. определенъ былъ въ морской кадетскій корпусъ на вакансію старшаго маіора; въ 1818 г. 30 августа произведенъ въ капитаны 1-го ранга; 1 января 1824 г. въ капитанъ-командоры, но въ октябрѣ 1826 г. снова переведенъ во флотъ. 4 февраля слѣдующаго года С. былъ произведенъ въ генералъ-маіора съ назначеніемъ исправляющимъ должность генералъ-аудитора и директора аудиторскаго департамента. 6 октября 1835 г. произведенъ въ ген.-лейтенанты, а черезъ годъ переведенъ въ вице-адмиралы и назначенъ членомъ морскаго генералъ-аудиторіата. Въ 1837 г. определенъ сворхъ того членомъ совѣта государственного контроля и награжденъ орденомъ св. Владимира 2-й ст., а въ 1841 г. орденомъ Вѣлаго Орла. Въ 1845 г. получилъ звѣзду отличія безпорочной службы за 40 лѣтъ и, наконецъ, 26 октября 1847 г. пожалованъ въ адмиралы и назначенъ предсѣдателемъ генералъ-аудиторіата. С. скончался 22 мая 1851 г., на 81 г. жизни,

на 64 г. службы (29 лѣтъ во флотѣ, 10 л. въ корпусѣ и 25 лѣтъ въ морскомъ аудиториатѣ).

„Общій морской списокъ“, ч. V.—Морской Сборникъ, 1851 г., т. 6, № 11, стр. 418.—Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ“, Дюера, з. v.—„Энциклопедический словарь“ Брокгауза и Эфрона, з. v.

Сумарокова, Наталья Платоновна, сестра Панкратія Платоновича Сумарокова, писательница. Въ 1786 г. она сопровождала брата въ ссылку въ Тобольскъ и тамъ прожила вплоть до его возвращенія на родину. Изъ ея стихотвореній и пѣсень напечатаны въ издававшемся Панкратіемъ Платоновичемъ журналѣ «Иртышъ»: «Утомится ль рокъ жестокій» (1790 г., янв., стр. 57); «Во всемъ пространствѣ» (стр. 59); «Стихи на смерть» (стр. 62); «Эпітафія»—начинается словами: «Лежашій здѣсь судья...» (1791 г., стр. 24); басня «Лягушка и Тростникъ» (1791 г., іюнь, стр. 22).

Н. Н. Голицынъ, „Бібліографіческий словарь русскихъ писательницъ“, Спб., 1889 г., стр. 239—240.

Сумарокова, Екатерина Александровна, дочь Александра Петровича Сумарокова, супруга Якова Борисовича Княжнина, писательница,—см. Княжнина.

Къ приведенной подъ статьей „Княжнина, Екатерина Александровна“ бібліографії следуетъ сдѣлать слѣдующій дополненія: Н. Н. Голицынъ, „Бібліографіческий словарь русскихъ писательницъ“, Спб., 1889 г., стр. 239.—Макаровъ, „Русский писательницы“, „Дамскій Журналъ“, 1830 г., ч. 29, № 1; ч. 31, № 7.—Мордовцевъ, „Русская женщины второй половины XVIII в.“, Спб., 1874 г.—Johann Beaucoulli's Reisen“, Leipzig, 1780 г., Th. 5, S. 124.—Дмитревъ, „Мелочи изъ запаса моей памяти“, М., 1869 г., стр. 293.—Неустроевъ, „Разысканія о русскихъ современныхъ издаваніяхъ“ (опубличено названіе Екатериной Петровной).—Геннадіи, „Словарь писателей“, стр. 143—144 (смѣшивается съ В. А. Кляжиной, урожденной Карапуловой).—Толль, „Настольный словарь“, т. III, стр. 565.

Сумароковъ, Александръ Петровичъ, известный писатель, родился въ 1718 г., умеръ 1 октября 1777 г. въ Москвѣ. О мѣстѣ своего рожденія С. говорить въ стихахъ къ герцогу Браганцу:

Гдѣ Вильманштрандъ, я тамъ по близости
рождень,
Какъ былъ Голицынымъ краи Финскій
побѣдилъ.

Изъ предковъ С. известенъ Иванъ Богдановичъ С., за спасеніе на охотѣ Царя Алексія Михайловича отъ медведя прозванный «Орломъ». Роднымъ племянникомъ его былъ отецъ поэта, Петръ Панкратьевичъ (1692—1766), действительный тайный советникъ. Мать С., Прасковья Ивановна, была изъ рода Приклонскихъ. Изъ трехъ мальчиковъ въ семье С. былъ среднимъ. Отъ отца, человѣка для своего времени очень образованного, С. познакомился съ грамматическими основаниями русского языка; «долженъ я за первого основанія въ русскомъ языке отцу моему», говорить объ этомъ самъ С. Это было для будущаго поэта чрезвычайно важно, ибо въ училищахъ тогда мало занимались русскимъ языкомъ, считая, что каждый русскій и безъ того его знаетъ. Въ книжѣ «Описание Петербурга», изданной въ 1779 г. Рубаномъ, сказано: «въ кадетскомъ сухопутномъ корпусѣ обучаютъ молодыхъ шляхтичей военной экзерції, инженерству, рисовальному искусству, математикѣ, также по-немецки, по-французски, по-латыни и часть ораторії, танцевать, на рапирахъ биться и конной Ѣздѣ».

Въ 1732 г. 13-лѣтній С. поступилъ въ вышеупомянутый кадетскій корпусъ, тогда называвшійся также «рыцарской академіей». Товарищами его по корпусу оказались лица, впослѣдовіи ставшія известными какъ дѣятели на разныхъ по-приഷахъ государственной и общественной жизни. Тутъ были князь Репнинъ, побѣдитель Юсуфа, графъ П. И. Панинъ, покоритель Бендеръ, графъ М. Ф. Каменскій, считавшійся со словъ Фридриха II первымъ европейскимъ тактикомъ, Херасковъ—творецъ «Россіады», Свистуновъ—переводчикъ, Мелисино, отважно метавшій громы подъ Ларгою и подъ Кагуломъ, Елагинъ—сочинитель «Опыта русской исторіи», Румянцевъ-Задунайскій и др. Товарищи по корпусу образовали «общество любителей русской словесности», где въ свободные часы читали другъ другу свои произведения. А. С. Суворовъ, будущій генералиссимусъ, тоже посѣпалъ кадетскій корпусъ и водилъ знакомство со всѣмъ «обществомъ любителей русской словесности». Между кадетами появились стихотворцы, пробовавшіе свои силы надъ русскимъ стихомъ. Отъ имени корпуса было передано нѣсколько поздравительныхъ одъ Императрицѣ Аннѣ Іоан-

новнѣй. Что для однихъ было забавой, простымъ развлечениемъ, то въ С. пробудило талантъ, указало ему на поприще, котораго онъ и не оставилъ до конца жизни. Онъ увлекся французскими санти-ментальными пѣсenkами, въ то время модными во всей Европѣ, и по образцу ихъ стала слагать русскія. Одна изъ пѣсенъ, напечатанныхъ Новиковымъ въ полномъ собраніи сочиненій С., относится, повидимому, къ корпусной жизни.

Благополучны дни
Нашими временами,
Веселы мы одни,
Хоть нѣть женщинъ съ нами.
Честности здѣсь уставы,
Злобѣ, враждѣ конецъ,
Ищемъ единой славы
Отъ чистоты сердецъ.
Гордость—источникъ бѣдъ,
Распредѣль намъ не приводить,
Споровъ межъ вами нѣть,
Браны намъ и въ умѣ не входить.
Дружба, твои успѣхи
Увеселяютъ насъ:
Вотъ наши утѣхи,
Благословенъ сей часъ.

Корпусное начальство не могло оставаться въ новѣдѣніи относительно таланта своего питомца. Скоро пѣсни сдавались извѣстны при Дворѣ, были положены на музыку и, наконецъ, перешли въ гостиныя придворныхъ дамъ.

Знакомясь въ кадетскомъ корпусѣ со всеобщою исторіею, С., по собственному его свидѣтельству, переселялъ события вѣковъ минувшихъ въ свои первые стихотворческие опыты. Ужъ въ этихъ опытахъ видна зрѣлая мысль и новый слогъ, имъ самимъ созданный. Вотъ что писалъ въ 1736 г. юный кадетъ, вспоминая о завоеваніяхъ Александра Македонского:

Сынъ гордости, сущъ любитель!
Тебя мечта, побѣдъ ювилѣтъ,
Въ страны индійской звала;
Тебя, покоя разоритель,
Тщета въ край свѣта завела.
Когда бы смерть це опоздала
Скончать твой вѣкъ, земля бы стала
Театромъ греческихъ темницъ,
Въ порывахъ гордости ты вскорѣ
Потялъ въ пространнѣшее море
Искать неизѣдомыхъ границъ.

Со стороны формы и содержанія наиболѣе характерно изъ написанного въ корпусѣ слѣдующее стихотворное посланіе С. товаришу своему М. Хераскову

Среди игры, среди забавы
Среди благополучныхъ дней,

Среди богатства, чести, славы
И въ полной радости своей—
Что все, какъ дымъ, проходитъ,
Природа къ смерти насъ приводитъ:
Воспоминай, о человѣкъ!
Умреши, хоть смерти ненавидишь
И все, что ты теперь ни видишь,
Исчезнетъ отъ тебя на вѣкъ.
Во всемъ на свѣтѣ перемѣна,
И все составлено изъ тѣна.
Не зрямы мы твердости ни въ чемъ.

Несомнѣнnyй поэтический размахъ скзался и въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ оды С. «На побѣды Петра Великаго»:

Петръ природу премѣняетъ,
Новы души въ насъ влагаетъ;
Строить войско, входитъ въ Понти,
И во дни такой премѣны,
Мещетъ пламень, рушитъ стѣны
Рветъ и движеть горизонты.

Надо принять во вниманіе, что С. не имѣлъ предшественниковъ въ тоническомъ стихосложеніи, если не считать Третьяковскаго, который имѣть значеніе въ русской литературѣ только въ качествѣ теоретика этого стихосложенія. Внося гдѣстиви С. самъ говорилъ объ этой порѣ своего творчества: «Я будто сквозь дремучій лѣсъ, скрывающій отъ очей моихъ жилище музъ, безъ проводника, проходилъ. Хотя я много долженъ Расину, но его я увидѣлъ уже тогда, когда вышелъ изъ сего лѣса, и когда уже парижская гора предъявилась взору моему». А это случилось уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ выхода его изъ корпуса.

Съ кадетскимъ сухощутнымъ корпусомъ связано основаніе новаго русскаго театра. Юные сотоварищи С., восхищенные его трагедіею «Хоревъ», задумали разыграть ее. Свистуновъ игралъ Осиельду, Мелисино—Кія, Бекетовъ—Хорева. Узнала объ этомъ Императрица Елизавета Петровна, и тѣ же кадеты нѣсколько разъ представляли «Хорева» во дворцѣ. Трагедія имѣла большоі успѣхъ. «Хоревъ» явился первой пьесой новаго русскаго театра, именно ее поставили на сцену основатели его, Федоръ Волковъ и Дмитревскій, спачала на подиосткахъ кожевониаго завода въ Ярославлѣ, а затѣмъ съ громаднымъ успѣхомъ и въ Петербургѣ, куда они были вызваны. «Подняли занавѣсь,—рассказываютъ о первомъ представлѣніи Ярославичами «Хорева» въ Петербургѣ племянникъ поэта, Павелъ Ивановичъ С.,—услышали сладко-звукіе стиховъ, борьбу страстей и тронулись разлукою, кончиюю любовниковъ.

Зрители прослезились и знаками передавали взаимно удовольствія. Императрица утирала глаза платкомъ, потребовала въ свою ложу сочинителя, сняла съ руки своей перстень, подарила ему и разговаривала съ нимъ милостиво».

Изъ корпуса С. вышелъ 22 лѣтъ въ адъютанты къ Головкину, а послѣ въ гр. Алексію Григорьевичу Разумовскому, при которомъ, по свидѣтельству митрополита Евгения, «дослужился до чина бригадирскаго, а наконецъ Екатерину II пожалованъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, кавалеромъ св. Анны и пенсиономъ болѣе 200 рублей». Къ этому времени относится его признаніе, что онъ любилъ балы и съ увлечениемъ предавался имъ; любилъ также женское общество, гдѣ блистали своими пѣснями, эклогами и идиліями.

Эклоги были моднымъ видомъ стихотвореній въ тогдашней европейской поэзіи. Свои эклоги С. посвятилъ «прекрасному россійскаго народа женскому полу». Ихъ содержаніе самъ поэтъ опредѣляетъ такъ— «дни златого вѣка, когда едина нѣжность, только препровождаемая жаромъ и вѣрностью, была основаніемъ любовнаго блаженства». Въ эклогахъ С. преобладаетъ многословіе, мечтательность и чувствительность, которую впослѣдствіи окрестили именемъ «ложной». На упрекъ, что въ нихъ много «излишней любви», С. отвѣчаетъ прекрасному полу: «Вамъ должно знать, что недостаточная любовь не была бы матерью поэзіи».

Междуди службою, свѣтскими развлеченіями и стихотворствомъ С. находилъ время и для чтенія, что видно изъ его философскихъ компиляцій и критическихъ статей, показывающихъ въ немъ значительную эрудицію. С. изложилъ «О разумѣніи человѣческомъ» Локка, писалъ о Спинозѣ, «О лѣтоисчислѣніи», выказалъ довольно обширные познанія въ математикѣ; его «Эпистола о стихотворствѣ» обнаруживаетъ знакомство автора съ корифеями древней литературы и современной ему англійской и французской. Тутъ цитируются Анакреонъ, Аристофанъ, Вирgilій, Гораций, Шекспиръ, Мильтонъ, Буало, Расинъ, Вольтеръ и др. Особенное вниманіе удѣлялъ С. изученію русскаго языка. Литературный языкъ былъ въ то время въ периодъ зарожденія; приходилось вести борьбу съ тѣми писателями, которые, за отсут-

ствіемъ многихъ русскихъ словъ для вновь возникшихъ понятій, обращались безъ нужды къ иностраннымъ языкамъ. Противъ этихъ отрицательныхъ явлений и ополчился С. Онъ обратился къ изученію русской исторіи, что видно изъ его статей «Московская хѣтопись» и «Стрѣмецкій бунтъ»; онъ обратилъ вниманіе на русскія пѣсни, что видно, напримѣръ, изъ его плясовой пѣсни: «Въ рощѣ дѣвки гуляли: калина моя, малина моя»; изслѣдоваль русскія слова сравнительно съ иностранными нарѣчіями (его статья «О происхожденіи русскаго народа по сходству нарѣчій»); написалъ статью «Россійское духовное краснорѣчіе», затѣмъ разсужденіе «О коренныхъ русскихъ словахъ». Вся эта теоретическая дѣятельность подвѣщалась имъ практическіи—созданіемъ соотвѣтствующихъ образцовъ русской рѣчи, которая, по его мнѣнію, должна удовлетворять слѣдующимъ тремъ условіямъ: языкъ долженъ быть простъ, правиленъ и чистъ отъ лишнихъ иноzemныхъ словъ.

Съ какимъ трудомъ доставалось С. создание такихъ образцовъ, показываетъ собственное признаніе его, что онъ девять лѣтъ жегъ свои стихи, какъ неудачные опыты. «На что намъ вводить чужія слова,—говоритъ С. о чистотѣ языка.—Чужія слова всегда странны будуть и знаменованія ихъ будутъ ведостаточны; слѣдственно введуть слабость и безобразіе въ сильный и прекрасный нашъ языкъ. А то еще страннѣе, когда мы называемъ или пишемъ чужими странными словами то, чему у насъ есть свои точные названія... У насъ есть свой древній и несмѣшанный языкъ; на что же портить его словами изъ новыхъ и смѣшанныхъ нарѣчій». С. видѣлъ особую красоту и прелестъ въ звукоподражательности многихъ словъ русскаго языка. «У насъ,—говорить онъ,—слово дождь выражаетъ точный шумъ раздробленно ліющіхся изъ воздуха водъ; когда мы произносимъ слово журчаніе, то мы какъ будто слышимъ струящуюся воду, потоки мелкихъ струй; въ словѣ громъ какъ бы слышится трескъ стягивающихъ воздушныхъ волнъ» и т. д. По поводу простоты хорошей рѣчи С. говоритъ: «По моему мнѣнію, пропади то великолѣпіе слога, въ которомъ нѣтъ ясности. Маогіе пишутъ, что проповѣди архіепископа Феофана потому не хороши,

что онъ просты. Но что похвальнѣе простоты, искусствомъ очищенной, и что глупѣе тѣхъ людей, которые, вѣдь естественности слога, пишутъ какой-то хитрой кудрявости». Что касается правильности рѣчи, то онъ говоритъ: «Нельзя, чтобы тотъ себя письмомъ своимъ прославилъ, кто грамматическихъ не знаетъ свойствъ и правиль». Но этимъ требованиемъ С. отнюдь не думалъ ставить въ зависимость языкъ народа отъ правиль грамматики, ибо, говорить онъ, «люди говорять и пишутъ, не спрашиваясь непрестанно съ грамматикою», наоборотъ—самую грамматику, т. е. рядъ известныхъ правиль, выводилъ онъ изъ строя рѣчи, создающагося въ горнилѣ исторической жизни народа.

Мы переходимъ къ самой зреющей порѣ литературной дѣятельности С., когда онъ обратился «къ Мельпоменѣ и, взявъ у нея кинжалъ, пустился къ театру». Въ 1756 г. послѣдовалъ указъ «о бытіи россійскаго театра», и С. опредѣленъ директоромъ. Въ театрахъ въ царствованіе Елизаветы Петровны ставились иностранными труппами комедіи Мольера, трагедіи Корнеля, Расила, Вольтера. По условію съ директоромъ Серинъ, труппа обязывалась играть на придворномъ театрѣ разъ въ недѣлю комедіи и трагедіи; французскія представлѣнія обыкновенно назначались по понедѣльникамъ; итальянскія же и балетныя—по четвергамъ. Здѣсь-то С. и увлекся «трагическою музою»; эти блестящія представлѣнія внушили ему желаніе поизученнымъ должно-классическимъ образцамъ написать русскую трагедію. Были особыя условія, почему С. за образцами обратился къ должно-классической трагедіи, несмотря на то, что ему былъ известенъ Шекспиръ, съ нашей, современной, точки зреяня стоящей выше. Между тѣмъ С. очень гордился, когда его величали «сѣвернымъ Расинымъ», и считалъ нужнымъ оправдываться, когда его упрекали въ подражаніи Шекспиру. По поводу передѣлки имъ шекспировскаго «Гамлета» онъ писалъ: «Гамлетъ мой,—кромѣ монолога въ кончаніи 3-го дѣйствія и Клавдіева на колѣни паденія, на шекспирову трагедію едва-едва походитъ». Не только С., но и другіе современные ему писатели высоко ставили подражанія должно-классикамъ. Этотъ родъ литературы имѣлъ большой успѣхъ и у публики. Трагедія С. трогали зрителей до слезъ; пьеса «Дмитрій

Самозванецъ», имѣла такой успѣхъ, что трудно было найти свободное мѣсто, когда она ставилась; эта же пьеса держалась на провинціальныхъ театрахъ еще въ 20-хъ годахъ XIX в., всегда собирая многочисленныхъ зрителей. Должно также обратить вниманіе на распространенность сочиненій С.: послѣ изданія имъ самимъ отдѣльныхъ своихъ стихотвореній вскорѣ понадобилось новое изданіе (Новиковское), которое черезъ 6 лѣтъ было повторено. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что не капризъ и не случайность вызвали перенесеніе въ русскую литературу образцовъ ложно классической трагедіи. Было, слѣдовательно, въ послѣдней нечто, что отвѣчало запросамъ времени.

И дѣйствительно, если обратиться къ состоянію литературы и общества ко времени выступленія С. на литературное поприще, то неизбѣжность перенесенія на русскую почву образцовъ должно классической трагедіи становъ ясной. Въ литературѣ С. засталъ такъ называемыя «духовныя драмы», мистеріи; общество въ то время переживало переходъ отъ московскихъ къ петербургскимъ условіямъ жизни, и эти два момента и опредѣлили форму и содержаніе трагедіи С. Въ качествѣ образца «духовной драмы» возьмемъ самую известную изъ нихъ —мистерію св. Дмитрія Ростовскаго: «Рождество Христово» или «Рождественская драма». Она состоитъ изъ анти-пролога, пролога, 18 явленій и эпилога; дѣйствующими лицами въ ней выступаютъ исключительно олицетворенія такихъ отвлеченныхъ понятій, какъ натура человѣческая, надежда, миръ, любовь, кротость, незлобіе, радость, разсужденіе, желѣзный вѣкт, брань, ненависть, ярость, злоба, зависть, плакъ, смерть, жизнь, земля, небо и т. д.; дѣйствіе въ ней тянется на протяженіи отъ сотворенія мира до Рождества Христова; события раздѣлены между разными мѣстами, между собой не связанными (небо, земля, Виссарионъ и др.); изображается не одно какое-либо дѣйствіе въ его развитіи, а рядъ разнообразныхъ, не согласованныхъ между собой.

Ложно-классическая трагедія являлась рѣзкимъ контрастомъ духовнымъ драмамъ по своей простотѣ, выражавшейся въ строгой теоріи «трехъ единствъ», по которой требовалось сосредоточить вниманіе зрителя на изображеніи одного какого-либо дѣйствія, совершающагося въ одномъ мѣстѣ и по возможности въ теченіе одного дна.

Въ «Эпистолѣ о стихотворствѣ» С. по поводу этихъ трехъ единствъ пишетъ: Не представляй двухъ дѣйствій въ смѣшанію мнѣ думъ:

Къ предмету одному стремится умъ.

Старайся мнѣ въ игрѣ часы часами мѣрить,
Чтобъ я, забывшися, возмогъ тебѣ повѣрить,
Что будто не игра то дѣйствіе твое,
Но самое тогда случившееся бытіе.

Не сдѣлай трудности и мѣстомъ мнѣ своимъ,
Чтобы тогда, какъ ты мнѣ представляешь Римъ,
Не полетѣть въ Москву, а изъ Москвы въ Це-
кину...

Кругъ драматического дѣйствія суживался, но зато получалась большая яркость впечатлѣнія. Вотъ этотъ-то литературный типъ и былъ взятъ за образецъ С., который такимъ образомъ былъ для своего времени реформаторомъ, создателемъ новой для Россіи литературной формы—ложно-классической.

Вторымъ моментомъ, опредѣлившимъ неизбѣжность перехода къ ложно-классической трагедіи, является измѣнившееся съ Петра Великаго содержаніе русской общественной жизни: до него просвѣщеніе сосредоточивалось въ монастыряхъ, въ семинарияхъ, и носило церковный характеръ; съ Петра же оно перешло въ свѣтскія учебныя заведенія пріобрѣло свѣтскій характеръ; вліяніе на всѣ стороны жизни перешло отъ церкви къ государству, къ свѣтской власти. Образовался петербургскій Дворъ, сконцентрировавшій около себя всѣ проявленія общественной жизни. Изъ разныхъ медвѣжьихъ уголковъ были привлечены ко двору люди «земли»—дворянство, отличавшееся угловатыми манерами и не знаящее даже, какъ должно себя держать въ обществѣ. Необходимо было эту разношерстную массу выпиловать. Для нея были созданы «ассамблей», былъ выработанъ кодексъ приличій въ книгѣ «Юности честное зерцало»,—руководствѣ, имѣвшемъ цѣлью приблизить молодого дворянинна къ типу «придворнаго человѣка» и научить его обхожденію въ свѣтѣ. И въ соотвѣтствіи съ новыми требованіями придворной и салонной жизни создавался и лоскъ ложно-классической трагедіи.

Въ первой трагедіи С. «Хоревъ» дѣйствующія лица дѣлятся на «героевъ» (Кій—князь кievskій, Хоревъ—его братъ, наследникъ престола, Оснельда—дочь бывшаго владѣтельного князя Кіева, Завлохъ—отецъ Оснельды, бояринъ Сталверъ) и на «подлый народъ». Первые—люди долга,

сильныхъ чувствъ, благородныхъ манеръ, вторые — почти не люди: они лишены самостоятельнаго существованія—не будь ихъ, ходъ трагедіи никакъ не измѣнился бы. Хоревъ и Оснельда любить другъ друга, но должны стать выше своихъ чувствъ, ибо они связаны кровными узами съ лицами, враждующими между собой изъ-за престола, Кіемъ и Завлохомъ. На почвѣ этой коллизіи должна съ чувствомъ и происходить борьба, кончающаяся трагически для обоихъ влюбленныхъ. По тому же типу составлены и всѣ остальные трагедіи С. «Синавъ и Труворъ», «Семира», «Ярополкъ и Диміза», «Вышеславъ», «Дмитрій Самозванецъ» и вѣкотрѣя другія, менѣе извѣстныя. Во всѣхъ этихъ трагедіяхъ, даже въ тѣхъ изъ нихъ, которые написаны на «русскія темы», которые имѣютъ своимъ содержаніемъ изображеніе событий изъ русской истории,—русскаго было очень мало: по псевдо-классической пітикѣ скроенные, онѣ и духъ свой, и сущность своего содержанія черпали изъ французскихъ образцовъ, лишь виѣшнностью да именами героеvъ (тоже нерѣдко оранжаженными) давая подобіе русскаго содержанія.

Несмотря на очевидные, съ современной намъ точки зренія, недостатки ложно-классическихъ трагедій С., послѣднія были для своего времени шагомъ впередъ. Какъ ни мало отражали «герои» С. реальность жизни, все же они были ближе къ дѣйствительности, чѣмъ отвлеченные образы драмъ Дмитрія Ростовскаго и другихъ творцовъ «духовныхъ драмъ». Кроме того, упорядоченная форма ложно-классической трагедіи съ ея малымъ числомъ дѣйствующихъ лицъ и концентраціей вниманія на ограниченномъ временемъ и пространствомъ кругъ явленій дѣлала удобной постановку ея на сценѣ. Дѣйствующая черезъ посредство игры на зреніе и слухъ, трагедія С. создавала связь литературы съ обществомъ, возвышая послѣднее до вопросовъ общаго порядка.

Кромѣ трагедій С. написалъ много комедій и басенъ, но успѣха у современниковъ эти произведения не имѣли: въ нихъ мало художественности—въ басняхъ очень слаба аллегорія, въ комедіяхъ—типичность. Комедія, конечно, по сущности своей должна была ближе держаться предметовъ изъ русской жизни. Но и здѣсь у С. постоянно

даютъ себя чувствовать иностранные образы, особенно въ первыхъ имъ написанныхъ, въ которыхъ фигурируютъ не только подлинные типы французской комедіи съ ихъ именами (Шасквінъ, Леандръ, Кристенъ и т. п.), но сохраняется даже обстановка, а весь центръ дѣйствія вертится зачастую на субретѣ или плутоватомъ слугѣ. Но зато въ комедіяхъ и басняхъ много «стахотворной остроты», «издѣвки», сатирическаго гибва. О назначеніи комедіи С. говорить: «Свойство комедіи издѣвкой привить нравъ, смѣшить и пользовать—прямой ея уставъ», а что должно быть предметомъ осмѣянія, указано у него такъ:

Представь бездущаго подъячаго въ приказѣ, Судью, что не пойметъ, чтописано въ указѣ. Представь мнѣ щеголя, кто тѣмъ вздымаеть носъ, Что цѣлый мыслить вѣкъ о красотѣ волосъ, Который родился, какъ мнитъ онъ, для амуру, Чтобы где-нибудь къ себѣ склонить такую же дуру.

Представь затынщика на диспутѣ его, Который не совретъ безъ „его“ ничего; Представь мнѣ гордаго, раздута какъ лягушку, Скупого, что готовъ въ удавку за полушку.

Лучшей комедіей является «Опекунъ», въ которой тѣмъ больше желчи, что она написана по личному поводу. Въ главномъ дѣйствующемъ лицѣ комедіи, ростовщикѣ Чужехватовѣ, выведенъ зять С., у котораго послѣдній имѣлъ несчастіе задолжаться. Въ прошеніи, поданномъ Императрицѣ, С. такъ рисуетъ своего зятя, изображенаго въ лицѣ Чужехватова: «Человѣкъ праздный, прибылжадный, непросвѣщенный и кроме часовника ничего не читавшій и кроме сребролюбія ни о Богѣ, ни о прямой дорогѣ не имущій повятія; ростовщикъ, онъ береть по десяти рублей со ста и еще по два рубля въ ящики собираеть на жалованье своимъ людямъ, которыхъ онъ почти никогда не корミть, приказывая имъ пищу добывать самимъ; дровъ имъ не даетъ, приказывая, чтобы они дрова сами въ Москвѣ-рѣкѣ добывали, следствіенно приказываетъ онъ имъ дрова красть. Жалости и человѣколовія въ немъ неѣтъ никакого, обыкновенное наименованіе людямъ: «вы мои злодѣи»... Науки онъ называетъ календаремъ, стихоговорство лихою болѣстью; воспитательный домъ—непристойнымъ именемъ... Считаетъ деньги и бѣть ими слугъ, и у него только 4 наказанія: четками, подъ бока кулачками, кошками и вѣчные кандалы». Мще-

ние со стороны зятя, узнавшаго себѣ въ Чужехватѣ, причинило впослѣдствіи С. не мало горя и побудило его обратиться непосредственно къ Императрицѣ. Густыя, грубыя краски, наложенные на Чужехвата, дѣлаютъ его личность карикатурной, что приближаетъ цѣсу скорѣ къ сатирѣ, чѣмъ къ комедіи. Въ другой комедіи С., «Лихоимецъ», повторяется мольеровскій «Скушой»; въ комедіи «Трессотиніусъ» осмѣивается ученый педантизмъ Третьяковскаго и Ломоносова, выведенныхъ въ лицѣ Трессотиніуса и Бомбембіуса. Образчикомъ этого осмѣиваемаго С. педантизма является споръ о буквѣ «твѣрдо», въ которомъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ утверждаетъ, «что твердо обѣ одной ногѣ правильнѣе, ибо у грековъ... оно обѣ одной ногѣ, а треножное твердо есть нѣкакій уродъ», а другое казуистически возражаетъ: «Мое твердо о трехъ ногахъ и для того стоять твердо, его оно твердо; а твое твердо нетвердо, его оно не твердо; твое твердо слабое, ненадежное, а потому презрительное, гнусное, позорное, скаредное». Положительной стороной комедій и басенъ С. является ихъ разговорный языкъ,—бойкий, живой, чуждый искусственности, свойственной нѣкоторымъ его трагедіямъ.

Сатирическія статьи С. касаются главнымъ образомъ такихъ распространенныхъ въ его время пороковъ, какъ лихоміство, взяточничество, ябода, безсмысленное подражаніе иностранцамъ, затѣмъ невѣжество, щегольство, барская спесь. Интересны двѣ сатирическія пѣсни С.; одна иронически оплакиваетъ судьбу взяточника: «Саввушка грѣшень, Савва повѣшень; Больше не падки мысли на взятки» и т. д. Другая сатирическая пѣсня называется «Хорѣ къ превращенному свѣту», изъ которой вышла народная пѣсня: «За моремъ синичка не пышно жила». Въ «Хорѣ къ превращенному свѣту» изображается, чего плохого неѣтъ за-границей изъ того, что имѣется въ Россіи, и что тамъ есть хорошаго, чего у насъ неѣтъ:

За моремъ подъячие честны,
За моремъ въ подрядахъ не краутъ
За моремъ почтственные люди
Шеи назадъ не загибаютъ;
Денегъ въ землю за моремъ не прячутъ,
Деревень въ карты тамъ не ставятъ,
Людьми тамъ не торгуютъ...

Какъ первый примѣръ въ дѣлѣ изданія журналовъ, слѣдуетъ указать на издавав-

шійся С. въ 1759 г. на его собственныя средства журналъ «Трудолюбивая Пчела». Онъ печатался въ академической типографії въ количествѣ 1,200 экземпляровъ, но чрезъ годъ долженъ быть прекратиться за отсутствіемъ подписки и вслѣдствіе столкновеній съ академической канцеляріей. Въ журналѣ, кромѣ статей и стихотвореній самого С., помѣщались произведения Третьяковскаго, Дмитревскаго, Козицкаго, Нартова, Мотониса, Полетики и др. Журналъ велся настолько интересно и содержательно, что въ 1780 г., слѣдовательно уже по смерти С., былъ вторично изданъ академіей.

Въ 1762 г. произошло замѣчательное въ исторіи русской печати событие. Какъ свидѣтельствуетъ митрополитъ Евгений, Екатерина II, вступивъ на престолъ, «на три дня во всѣхъ московскихъ типографіяхъ допустила свободу печатанія». Однимъ изъ первыхъ этой свободой воспользовался С., представивъ свои замѣчательныя для того времени соображенія, во-первыхъ, о необходимости изданія Свода Законовъ и, во-вторыхъ, объ учрежденіи государственаго совета. «Какъ членъ общества я желаю, чтобы законы исправлены были. На что неѣтъ закона или неясенъ, на то сочиненъ бы быть новый, ясный, положительный... Суды не боги и не цари, а мы не тварь ихъ и не подданные. Осуждать должны законы, а не они, если судъ праведенъ; а если судъ неправеденъ, то осуждаются насть не суды, а беззаконники... Прежде всего повели, — обращается С. къ Императрицѣ, — собрать для но-ваго зданія вещи и основать училища го-тovящимся соблюдать предначертаные премудростью твою законы. Повели передъ писцами разогнуть книгу естественной грамматики, которой многіе писцы и поимени не знаютъ. Повели имъ изображать дѣла ясно и мыслить обстоятельно, чтобы знало общество, что написано». Представляя идеальное общество, С. говоритъ: «Тамъ (существуетъ) Государственный Советъ, которому принадлежитъ обозрѣніе государственныхъ узаконеній и прочихъ основаній; а книга тамошнихъ законовъ не болѣе календаря». Извѣстно, что четырьмя годами позже, въ Наказѣ Екатерины II, повторяется эта мысль относительно общедоступности законовъ: «а уложение, всѣ законы въ себѣ содержащее,

должно быть книгою весьма употребительною и которую бы за малую цѣну достать можно было на подобіе букваря».

Тѣмъ не менѣе С. былъ противникомъ освобожденія крестьянъ. Въ числѣ лицъ, которымъ былъ данъ для прочтенія «Наказъ» еще до собранія Комиссіи, былъ п. С., который представилъ свои замѣчанія. «Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя,—писалъ онъ въ этихъ замѣчаніяхъ: — Скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ, и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ; и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиками и крестьянами, ради усмиренія которыхъ потребны многіе полки; и непрестанная будетъ въ государствѣ междуусобная брань, и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ, вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища... А это примѣчено, что помѣщики крестьянъ, а крестьяне помѣщикъ очень любятъ, а нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій еще не имѣть...». Замѣчанія С. не понравились Екатеринѣ. На поляхъ рукописи ея рукою противъ разныхъ мѣстъ приписаны возраженія, а въ заключеніе дана такая характеристика поэту: «Господинъ Сумароковъ хороший поэтъ, но слишкомъ скоро думаетъ. Чтобы быть хорошимъ законодавцемъ, онъ связи довольної въ мысляхъ не имѣть... Изображеніе (т. е. воображеніе) въ поэзѣ работаетъ, а связи въ мысляхъ понять ему тяжело...».

Въ мысляхъ «О старой и новой славѣ» С. говоритъ, что счастье народовъ заключается не въ расширеніи границъ, а во многомъ другомъ, между прочимъ въ «дешевизнѣ нужныхъ вещей». По этому поводу имъ написано политico-экономическое разсужденіе «О всегдашней равности въ товарахъ», где говорится: «Много или мало вывоза товаровъ, пошлина ни убавляется, ни прибавляется, и сборъ государственный въ казнѣ съ нихъ равенъ. Много или мало сожнется въ Россіи хлѣба, но люди къ пропитанію своему требуютъ равной мѣры. Равна пошлина, равна мѣра пропитанія; равна должна быть и цѣна во всякомъ время, хотя много, хотя мало вывезено товаровъ, или много или мало скжато хлѣба. Въ случаѣ неурожая помогаетъ ли возвы-

шение на него цѣны народу? Она помо-
гасть только злочестивымъ продавцамъ,
обогащающимся несчастіемъ человѣче-
скимъ. Зло это отвращено будетъ тогда,
когда учредятся у насъ хлѣбные магазины,
что легко можетъ быть въ Россіи, столь
обширной и столь изобильной»...

Послѣдніе годы своей жизни С. при-
шлось провести въ Москвѣ, и это обстоя-
тельство, какъ это ни странно на первый
взглядъ, оказалось для него роковымъ.
Здѣсь слова «отца русскаго театра», «Сѣ-
вернаго Распна» потерпѣла крушеніе.

Здѣсь имѣли успѣхъ «слезная, мѣщан-
ская драмы». Кто-то изъ московскихъ чинов-
никовъ перевелъ одну изъ такихъ драмъ
Бомарше: «Евгенія». Пьеса была постав-
лена и имѣла громадный успѣхъ. С. почув-
ствовалъ себѣ уязвленнымъ въ своемъ само-
любіи, написалъ рѣзкую статью по поводу
паденія вкуса московской публики; среди
послѣдней образовались двѣ партии, при
чемъ партія С. оказалась въ плачевномъ
меньшинствѣ.

Характерная для С. и нравовъ времени
периодети этой борьбы слѣдующія. За разрѣ-
шениемъ литературного спора о сравни-
тельныхъ достоинствахъ ложно-классиче-
ской и «мѣщанской» драмъ С. обратился
къ Вольтеру. Вотъ что отвѣтилъ францей-
скій поэтъ: «Je me vante à vous, monsieur,
d'être de votre opinion en tout. Oui, mon-
sieur, je regarde Racine comme le meilleur
de nos poètes tragiques sans contredit,
comme celui qui le seul a parlé au coeur
et à la raison, qui seul a été véritable-
ment sublime sans aucune enflure et qui
a mis dans la diction une charme inconnue
jusqu'à lui. Il est le seul encore qui ait
traité l'amour tragiquement. Des autres
n'avaient pas assez de force dans l'esprit
pour faire des tragédies. Ils ont mis des
aventures tragiques sous des noms bouri-
geois. On dit qu'il y a quelque intérêt
dans ses pièces et qu'elles attachent assez
quand elles sont bien jouées, cela peut
être; je n'ai jamais pu les lire, mais on
prétend que les comédiens font quelque
illusion. Ces pièces bâtardees ne sont ni
tragédies ni comédies, quand on n'a point
de chevaux on est trop heureux de se
faire trainer par des mulets». Получивъ
это письмо, С. торжествовалъ. «Какому-то
подьячemu (такъ онъ называетъ перевод-
чика пьесы Бомарше), пишетъ С., препо-
лучили превознести до небесъ «Евгению».

Подьячай—утвердитель вкуса въ Москвѣ,
конечно, скоро будетъ свѣтопреставленіе.
Но неужели Москва болѣе повѣрить подья-
чemu, нежели Вольтеру и мнѣ?» С. всѣмъ
давалъ читать письмо Вольтера, думая его
авторитетомъ измѣнить вкусъ самобытныхъ
москвичей. Противъ С. составился, во главѣ
съ содержателемъ московскаго театра
Бельмонти, заговоръ съ цѣлью сорвать
какую-либо пьесу С. Московскому градо-
начальнику, графу Салтыкову, внушили
мысль, что весь большой московской свѣтъ
съ нетерпѣніемъ ждетъ представлѣнія тра-
гедіи С. Узнавъ о козняхъ противъ него,
С. протестовалъ противъ постановки на
сцену его трагедіи, но пьеса все же была
поставлена. Едва поднялся занавѣсъ, какъ
начался гулъ, шумъ, свистки. «Въ крес-
лахъ то грызли орѣхи, то забѣгали въ ло-
жи, чтобы пустыми рассказами умножить
шумъ. Такой же содомъ капѣль и вѣтъ те-
атра: тамъ раздавался крикъ кучеровъ и
тамъ бушевала надъ ними расправа
конюшенная». С. заболѣлъ и больной на-
писалъ письмо Бельмонти: «Я принялъ
сегодня лекарство, прописанное мнѣ вра-
чемъ, который вѣтъ мнѣ не сердиться.
Но вы умышленно довели до моего свѣ-
дѣнія объявленіе о томъ, что мои тра-
гедіи будутъ играны вопреки волѣ моей.
Вы будете за это отвѣтчины передъ лицомъ
правосудія и вы расплатитесь со мною бо-
шелькомъ, если захочу. Вы обманули меня
и честь. Вы ее утратили, нарушивъ чест-
ное слово. Скажете ли, что исполняете при-
казаніе фельдмаршала? На это отвѣтю,
что и онъ подъ законами, а не свыше за-
кона. Онъ первый вельможа въ Москвѣ,
но онъ не начальникъ надъ музами; честь
ваша уже не честь. Мои трагедіи — моя
собственность. Если хотите, покажите
письмо мое фельдмаршалу; я уважаю его
какъ знаменитаго градоначальника древней
столицы, а не какъ властелина моей музы —
она не зависитъ отъ него. Итакъ, по мѣсту,
имъ занимаемому, я его почитаю, но на
поприщѣ поэзіи я ставлю себя выше его.
А милостей его отнюдь не домогаюсь».
Прибѣгнулъ С. къ посредничеству Импера-
трицы, но сочувствія не встрѣтилъ. Го-
сударыня ему отвѣтила: «Вамъ бы слѣдо-
вало сообразоваться съ желаніемъ первого
правительственнаго сановника въ Москвѣ;
и если ему заблагоразсудилось приказать,
чтобы трагедія была играна, то над-
лежало его волю исполнить безпреко-

словно. Я думаю, что вы лучше всех знаете, какого уважения достойны люди, служившие со славою и убъленные съдиями. Вотъ почему совѣтую вамъ избѣгать впредь подобныхъ пререканій. Такимъ образомъ вы сохраните спокойствіе души, необходимое для произведеній вашего пера; а мнѣ всегда пріятнѣ будетъ видѣть представление страстей въ вашихъ драмахъ, нежели въ вашихъ письмахъ».

Къ крушению славы присоединилось еще униженіе. Его колкія статьи противъ приказныхъ («краивное сѣмя») и ябедниковъ давно восстановили послѣднихъ противъ него. Случай отомстить С. представился, когда онъ заложилъ свой домъ и въ срокъ не уплатилъ долга. Описали имущество С. и стали гнать его изъ родительского дома. Онъ обратился за помощью къ князю Потемкину. «Меня, пишетъ С., выгоняютъ изъ дома. Правда, я долженъ, но я извѣщаю васъ, что за занятая деньги я заложилъ табакерку, подаренную мнѣ Императрицей Елизаветой Петровной. Ее оцѣнили въ 12.000, а на мнѣ всего долга тысяча до восьми. Я бѣдѣ не домъ мой нуженъ, ей (ему) нужно подвергнуть меня пыткѣю и надругаться надо мною. Она (онъ) мстить мнѣ. Придирки и козни ябѣдъ сводятъ меня въ роятино, сведутъ съ ума. Я человѣкъ. У меня пылали и пылаютъ страсти. А у гонителей молхъ ледяная перья приказныя: имъ любо будетъ, если я умру съ голода или съ холода». Всѣ эти невзгоды дѣйствительно повлѣли самымъ удручающимъ образомъ на писателя; преслѣдуемый, беззащитный, онъ пристрастился къ спиртнымъ напиткамъ, пагубно повлѣявшимъ на его здоровье и ускорившимъ его смерть.

С. былъ высокаго мнѣнія о роли писателя въ жизни народа; современное же С. общество смотрѣло иначе. Даже лучшая часть этого общества допускала лишь менеантское, а не равноправное отношеніе къ писателю. Человѣкъ съ невысокимъ чиномъ долженъ быть, по понятіямъ того времени, и держать себя соотвѣтственнымъ образомъ. С. же никогда не умѣлъ поддаваться къ сильнымъ мѣра сего. Онъ умеръ, добившись отъ современниковъ мало уваженія къ себѣ, какъ писателю, но зато тѣмъ въ лучшемъ свѣтѣ выростаетъ его фигура въ глазахъ потомства. Что составляетъ истинную награду писателю, спра-

шиваетъ С., и отвѣчаетъ слѣдующими словами, которыхъ могутъ служить эпиграфомъ къ его биографіи: «Утѣшительная надежда передать всю душу свою потомству и послѣ смерти жить своимъ твореніемъ».

I. Издание собраний сочиненій С.: Въ 1769 г. самимъ С. въ Петербургѣ издано въ двухъ книжкахъ „Собрание стихотвореній духовныхъ, одѣ торжественныхъ, элегій и эклогъ“.—„Полное собраніе всѣхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ покойнаго дѣйств. ст. сов... Александра Петровича Сумарокова“. издано Н. Новико-вымъ въ 1787 г. въ Москвѣ.—Въ 1909 г. Академія Наукъ приступила къ собранію всѣхъ материаловъ, касающихся С., и къ изданію всѣхъ его сочиненій. Издание поручено профессору Шляпкину.

II. Отдельные монографіи и журнальныя статьи о С.: Н. Буличъ, „Сумароковъ и современная ему критика“, Спб., 1854 г. (отзывы и дополненія въ статьяхъ: Михайлова, „Библ. для Чтенія“, 1854 г. № 5; Галахова, „Отеч. Записки“, 1854 г. № 6; Гаевскаго, „Журналъ Мин. Народ. Просв.“, 1854 г. ч. 83; А. Пыпина, „Спб. Вѣдом.“, 1854 г., №№ 83, 84; Бестужева-Рюминъ, „Моск. Вѣдом.“, 1854 г., №№ 40, 47, 48).—С. Н. Глинка, „Очеркъ жизни А. П. Сумарокова и избранныя его сочиненія“ въ 3 ч., Спб., 1841 г.—П. Иващенко, „Очеркъ содержания сатиры Сумарокова“, Нѣжинъ.—В. Г. Бѣлынскій, „Собрание сочиненій“, т. I („Литературныя мечтатели“); т. V, стр. 348—355; т. VI, стр. 257—259; т. VII, стр. 105.—„Литературная Газета“ Дельвига, 1830 г., т. I, № 28 (объ отношеніи С. къ Ломоносову).—А. Шишковъ, „Сравненіе Сумарокова съ Лафонтеономъ“, „Драматич. Вѣсты“, 1808 г., т. V, прибавл.—„Исторія драматической поэзии у русскихъ“, „Сынъ Отеч.“, 1847 г., т. I, отд. V.—В. Милкінъ, „Мысли о Сумароковѣ и другихъ писателяхъ“, „Отеч. Записки“, 1828 г., ч. 33, № 95; ч. 34, №№ 96, 97.—Его же, „Очерки русской журналистики, препримущественно старой“, „Современникъ“, 1851 г., т. XXV, изд. 2-е, стр. 2 и дал.—Лаговскій, „Сумароковъ какъ писатель и драматургъ“, „Пантонъ и Репертуаръ“, 1851 г., т. I, кн. 2; т. II, кн. 3 и 4.—М. Сухомлиновъ, „Замѣтки о Сумароковѣ“, „Извѣстія Император. Акад. Наукъ“, 1855 г., т. IV, вып. 4.—Щигринъ, „Сумароковъ и слезная драма“, „Пантонъ“, 1855 г., № 9.—„Замѣтчицкая слова Сумарокова“, „Москвитянинъ“, 1855 г., № 4.—„Извѣстія Третьяковскаго на Сумарокова“, тамъ же, 1855 г., №№ 13 и 14. Вл. Стоюнинъ, „А. П. Сумароковъ“, „Музик. и Театральн. Вѣсты“, 1856 г., №№ 36—40, 43—46 и отд. Спб., 1856 г.—Г. Геннадіи, „Библиографическая указанія для биографіи Сумарокова“, тамъ же, 1856 г., № 41.—П. Лебедевъ, „Новые материалы для биографіи Сумарокова“, „Библіогр. Записки“, 1858 г., №№ 14, 15.—„Образцы журнальной полемики прошлаго столѣтія“, тамъ же, 1859 г., № 17.—П. Ф., „А. П. Сумароковъ“, „Разсвѣтъ“, 1860 г., № 7.—П. Пекарскій, „Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журнализмѣ 1755—1764 гг.“, „Сборникъ отд. русск. яз. при ак. наукъ“, Спб., 1863 г.—

А. Ефремовъ, „Материалы для русской личной литературы“, Спб., 1867 г.—„Матъніе Сумаркова объ освобожденіи крестьянъ“, „Русск. Архивъ“, 1870 г., № 2, стр. 285—291.—М. Н. Лонгиновъ, „Послѣдніе годы жизни А. П. Сумарокова“, тамъ же, 1871 г., № 10, 11.—Родиственскій, „Къ статьѣ М. Н. Лонгинова о Сумароковѣ“, тамъ же, 1871 г., № 11.—Анекдоты о Сумароковѣ, тамъ же, 1874 г., № 4.—Д. Дмитріевъ, „Русская театральная публика во времена Сумарокова“, „Превная и Новая Россія“, 1875 г., № 1.—Н. Тихонравовъ, „А. П. Сумароковъ. Современная его характеристика“, „Русск. Старина“, 1884 г., кн. III и въ „Собраниі сочиненій“, т. III, ч. 2, М., 1898 г.—Заусцинскій, „Басни Сумарокова“, „Варшавск. Университ. Извѣстія“, 1884 г., № 3, 5.—Д. Языковъ, „Новые материалы для биографіи Сумарокова“, „Историч. Вѣстникъ“, 1885 г., № 5.—В. Истоминъ, „Главнейшія особенности языка и слога произведений А. П. Сумарокова“, „Русский Филолог. Вѣстн.“, 1898 г., № 1, 2.—Замѣчанія Сумарокова на Наказъ“, „Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ.“, т. X, стр. 65—86.—Пав. Ив. Сумароковъ, „Нѣкоторыя разсужденія о А. П. Сумароковѣ и началѣ российскаго театра“, Спб., 1806 г.—Статья Мерзлякова въ „Вѣстн. Евр.“ 1817 г., № 12—14.

III. Общія сочиненія. М. Сухомлиновъ, Исторія россійской академіи наукъ, т. I. и II.—Пекарскій, „Исторія академіи наукъ“.—Кн. П. Вяземскій, „Собрание сочиненій“ въ ст. „О Фонвизинѣ“, т. V.—А. Беселовскій, „Западное вліяніе въ новой русской литературѣ“, „Вѣстн. Европы“, 1881 г., № 11, и отд., М. 1883 г.—„Русский театръ въ Петербургѣ и Москвѣ 1749—1774 г.г.“, „Сборникъ II отд. акад. наукъ“, т. XI, Спб., 1875.—Араповъ, „Лѣтопись русского театра“.—М. Протопоповъ, „На зарѣ русской поэзіи“, „Русск. Богатство“, 1896 г., № 7.—А. Пыпинъ, „Исторія русской литературы“, т. III, стр. 460—468, 474—477.—Л. Майковъ, „Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII в.в.“, Спб., 1889 г.—С. Венгеровъ, „Русская поэзія“, т. VI, Спб., 1897 г.—И. Ивановъ, „Исторія русской критики“, „Миръ Божій“, 1897 г., № 3, 4 и отд., Спб., 1898 г., ч. I (гл. „Сумароковъ и Третьяковскій какъ критики и публицисты“).—П. Я., „Русская музъ“, Спб., 1908 г.—Карабановъ, „Основаніе русскаго театра“.

IV. Учебные пособія. А. Галаховъ, „Исторія русской словесности“, т. I.—Его же, „Историческая хрестоматія“, т. I, стр. 223—252.—Г. Карапуловъ, „Очерки исторіи русской литературы“.—И. Порфириевъ, „Исторія русской словесности“, ч. II.—В. Покровскій, „Историческая хрестоматія“, вып. V (статьи: Булича „Сумароковъ—сѣверный Расинъ“; его же, „Комедіи Сумарокова“; его же, „Отношеніе Сумарокова къ современнымъ писателямъ“; Порфириевъ, „Трагедія Сумарокова“); вып. XIII („Сумароковъ какъ редакторъ „Трудовой Печати““).—Учебники Незеленова, Орлова; Сосницкаго и друг.

V. Воспоминанія, меморіи, замѣтки и пр. Записки Порошина, Спб., 1882 г.—„Записки Жихарева съ 1805 по 1819 г.“, Спб., 1859 г.—

„Изъ записной книжки А. М. Павлова о Сумароковѣ“, „Русск. Архивъ“, 1874 г., № 11.—„Изъ старинной записной книжки“, тамъ же, 1875 г., № 3, стр. 309—310.—„Записки Добрыни“, „Русск. Старина“, 1871 г., № 3, стр. 604.—М. Дмитріевъ, „Мелочи изъ запаса моей памяти“, М., 1869 г.—Радищевъ, „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, изд. А. С. Суворина, Спб., 1859 г.—„Похвальное слово Сумарокову, читанное въ Российской Академіи Наукъ Ив. Дмитріевскимъ“, „Сочиненія и переводы Рос. Ак. Наукъ“, ч. III, Спб., 1807 г.—Дружеруковъ, „Разговоры въ царствѣ мертвыхъ Ломоносова съ Сумароковымъ“, М., 1787 г.—Н. Струйскій, „Апология къ потомству отъ Н. Струйскаго о свойствахъ права Сумарокова“, Спб. (? вѣроятѣ Рузавка), 1788 г.—„Могила Сумарокова“, „Московск. Вѣдъ“, 1874 г., № 136.

VI. Словари и справочные изданія. Бантыш-Каменскій, „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“, М., 1836 г.—Н. Новиковъ, „Опытъ исторического словаря о россійскихъ писателяхъ“, М., 1772 г.—Митроп. Евгений, „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи“, М., 1845 г.—„Портретная галлерея Мюнстера“ (ст. Д. М. Хмырова).—Энциклопедич. словари Старческаго-Крайя, Березина, т-ва Просвѣщеніе, Брокгауза и Ефрона и др.—Д. Ровинскій, „Словарь гравированныхъ портретовъ“, № 3299.—Губерти, „Материалы для русской библіографіи“, № 384.—В. И. Межовъ, „Русская библіографія“.—Каталоги библиотекъ Глазунова, Смирдина, Плавильщиковъ и др.

VII. Переписка С. „Отрывки изъ переписки Сумарокова“, „Отеч. Записки“, 1858 г., № 2.—„Русская Бесѣда“, 1860 г., № 20 (Екатеринѣ II); „Чтенія Общ. Истор. и Древн. Росс.“, 1860 г., т. 2 (Екатеринѣ II къ С.); „Библіограф. Записки“, 1858 г., № 14 и „Русск. Архивъ“, 1871 г., № 10 (къ гр. Г. Г. Орлову); „Сѣверн. Архивъ“, 1823 г., № 14 (къ Миллеру); „Москвитянинъ“, 1855 г., №№ 17, 18 (три письма Екатеринѣ II къ С.); „Русск. Вѣстникъ“, 1842 г., т. VI, отд. 4 (къ неизвѣстному); „Библіограф. Зап.“, 1864 г., № 4 (къ разнымъ лицамъ); „Лѣтопись Русск. Литературы“, 1860 г., т. 3 (тоже); „Записки Акад. Наукъ“, 1862 г., т. I, прил. (къ Шувалову); „Русск. Архивъ“, 1879 г., № 9 (къ Потемкину); „Осмнадцатый Вѣкъ“, сборн. П. Бартенева, кн. 3 (два донесенія С.).

Ф. Борисовъ.

Сумароковъ, Иванъ Богдановичъ, прозванный Орломъ за спасеніе царя Алексія Михайловича на охотѣ отъ медведя. За этотъ подвигъ онъ былъ названъ комнатнымъ стольникомъ, сдѣлался приближеннымъ царя и сблизился съ родственниками Петра, Нарышкиными. О дальнѣйшей жизни С. сохранились лишь сѣрические свѣдѣнія, рисующія его человѣчкомъ съ весьма стойкимъ и твердымъ характеромъ. Кто-то изъ привержен-

цевь Софы—уже послѣ смерти Феодора Алексѣевича—донеось ей, будто бы Нарышкины говорили С.: «Орелъ, убей того орла, который лежаетъ на Воробьевы горы», разумѣя подъ этимъ царя Феодора, частоѣзившаго въ выстроенный имъ на Воробьевыхъ горахъ домъ. Ненавидѣвшая Нарышкиныхъ Софья, желая воспользоваться противъ нихъ этимъ оружиемъ, убѣждала С., чтобы онъ подтвердилъ вѣрность этого доноса, обѣщая ему за это 1000 дворовъ, боярство и воеводство въ Вятскомъ намѣстничествѣ. С. отрицалъ взводимое на его друзей обвиненіе, и Софья «осудила его къ различнымъ мукамъ, цѣлый годъ продолжавшимся», а дабы вынудить у него это показаніе, не остановилась даже передъ тѣмъ, чтобы съ этой цѣлью передъ самой его смертью подослать къ нему духовника. «Я не соглагъ въ то время,—отвѣтилъ послѣднему С.—когда могъ опасаться гибели Софии, когда предлагала она миѣ чины и награды, не соглагъ и на краю гроба, ибо еду туда, гдѣ тотъ, кто носилъ порфири, равенъ тому, кто ходилъ съ сумаю». По одной версіи, онъ былъ послѣ этого казненъ, по другой—убитъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ 1682 г. какъ противникъ Софии; погребенъ въ Москвѣ у Николы Столпа.

«Русскій Вѣстникъ». 1808 г., ч. 4, стр. 232—235. — Д. Бантышъ-Каменскій. «Словарь до-стопамятныхъ людей русской земли», М., 1836, часть 5, стр. 122—123. — «Поли. Собр. Законовъ», т. XI, стр. 233. — «Примѣръ твер-дости и благородства духа», «Отеч. Записки», 1822 г., ч. 9, стр. 265—267. — «Русскій энциклопедич. словарь» Березина, отд. IV, т. II, Спб., 1877 г., стр. 359. — П. Долгоруковъ, «Российск. родословная книга», ч. 4, Спб., 1857 г., стр. 444. — Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. «Русская родословная книга», ч. 2, Спб., 1895 г. стр. 127.

Сумароковъ, Павелъ Ивановичъ, шлемянникъ Александра Петровича, сенаторъ, писатель. Въ молодости служилъ гвардейскимъ офицеромъ, потому въ ми-нистерствѣ юстиції, а въ первой четверти XIX вѣка былъ витебскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Умеръ въ 1846 г. Въ свое время пользовался довольно широкою из-вестностью, какъ писатель, и академіей наукъ былъ избранъ въ дѣйствительные ея члены. Напечатаны слѣдующія его работы и сочиненія: «Путешествіе по всему Крыму и Бессарабію» (М., 1800);

«Русскій Біографіческій Словарь».

«Досуги крымскаго судьи» (Спб., 1803—1805); «Прогулка за границу» (ib., 1821); «Нѣкоторыя разсужденія объ Александрѣ Петровичѣ Сумароковѣ и о началѣ рос-сійскаго театра» (ib., 1805); «Обозрѣніе царствованія Екатерины Великія» и «Черты Екатерины Великія» (ib., 1819); комедіи «Зеленый корсетъ» (1805) и «Модникъ» (1806), драма «Марфа Посадница» (1807) и притча «Орлы и скворцы» (Спб., 1806).

Полное Собрание Законовъ, т. XXVII, стр. 143, 149. — «Сборникъ Русск. Исторіи. Общ.», т. 27, стр. 275; т. 74, стр. 40. — «Архивъ Государств. Собѣта», т. III, ч. 1, Спб., 1878 г., стр. 854; т. IV, ч. I, Спб., 1892, стр. 40; ч. 3, 1896 г., стр. 105, 117, 418, 439. — «Письма графа А. А. Аракчеева къ П. И. Сумарокову», «Труды Общ. Истор. и Пр. Рос.», 1862 г., кн. 2, смѣсь, стр. 91—133. — «Мнѣніе сенатора Сумарокова по вопросу о смертной казнѣ», тамъ же, 1859 г., кн. 4, стр. 43—48. — «Графъ А. А. Аракчеевъ и П. И. Сумароковъ. Ихъ взаимная переписка. 1812—1816 г.г.», «Русская Старина», 1900 г., XI, стр. 399—408. — «Пеанъ П. И. Сумарокова. 23 августа 1812 г.», сообщила Вексель, тамъ же, 1896 г., II, стр. 265—266. — «Воспоминанія Н. Н. Шенкера», «Русский Архивъ», 1880 г., III, стр. 267. — Кн. П. А. Вяземскій, «Выдержки изъ записной книжки», «Московск. Телегр.», 1826 г., ч. 12, № 21; 1827 г., ч. 14, № 4. — «Настольный словарь» Толя, ч. III, стр. 565. — Мамышевъ, «Георгіевские кавалеры», стр. 1—2 (въ статьѣ о С. П. Сумарокова). — «Московскія Вѣдом.», 1846 г., № 124, стр. 861 (некрологъ).

Сумароковъ, Панкратій Платоно-вичъ, журналистъ и поэтъ, внучатый племянникъ извѣстнаго писателя, родился 14 октября 1765 г. во Владимѣрѣ; дѣтство до двѣнадцати лѣтъ провелъ въ деревнѣ, гдѣ научился читать и писать, но изъ книгъ ему были доступны только Часословъ и Псалтирь; затѣмъ былъ взятъ родственникомъ Юшаковымъ въ Москву и въ домѣ послѣдняго подъ руководствомъ француза — гувернера и другихъ учителей получилъ хорошее образование, 18 лѣтъ С. поѣхалъ въ Петербургъ и опредѣлился въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ, въ которомъ прослужилъ годъ и былъ произведенъ въ корнеты. Въ Петербургѣ онъ оказался замѣшаннымъ въ нелѣпую исторію (подробно о ней см. у Гербеля: «Русскіе поэты»), въ результатѣ которой былъ привлечеянъ въ качествѣ обвиняемаго по поддѣлкѣ сторублевой ассигнаціи, судился, былъ обвиненъ и сосланъ безсрочно въ Тобольскъ, съ лишеніемъ дворянскаго званія. Въ ссылкѣ онъ пробылъ 15 лѣтъ

(1786—1801), но, благодаря гуманности тогдашнего тобольского губернатора, Алябьева, пользовался полной свободой и имѣлъ возможность заниматься литературой и преподаваніемъ. Еще досылки С. писали стихотворенія, преимущественно сатирическаго характера, и нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны въ журн. «Лѣкарство отъ скучи и заботы». Въ ссыльѣ же онъ вмѣстѣ съ кружкомъ молодыхъ учителей при главномъ тобольскомъ народномъ училищѣ задумалъ издавать журналъ полушутиліаго, полу серьезнаго характера, по типу петербургскихъ «Зритея», «Петрб. Меркурия» и упомянутаго «Лѣкарства отъ скучи и заботы». Разрѣшеніе при содѣйствіи Алабьева было получено безъ большого труда, и 6 сентября 1789 г. вышелъ 1-й номеръ ежемѣсячнаго журнала «Иртышъ, превращающійся въ Иппокрену»—первое періодическое изданіе въ Сибири. С. былъ редакторомъ-издателемъ этого журнала, въ которомъ собственно Сибири отводилось очень мало мѣста, помѣщались же въ немъ главнымъ образомъ статьи по общей исторіи, переводная беллетристика, басни и стихотворенія мѣстныхъ поэтовъ и пр. Больше всѣхъ писалъ въ немъ самъ С. Ему принадлежать здѣсь сказки — «Искусный лекарь» и «Способъ воскрешать мертвыхъ»; стихотворенія — «Ода на Гордость», «Восточная повѣсть», «Приказываль женѣ» и «Кедръ»; поэма — «Лишенній зрѣнья Купидонъ» (одно изъ лучшихъ его произведеній); притчи — «Отстрѣленная нога», «Караимская любовь» (перев. съ франц.), «Соловей, Попугай, Кошка и Медвѣдь»; научныя статьи — «Какимъ образомъ по знаемъ мы разстоянія, величины, виды и положенія предметовъ» (составлено по Ньютону) и «Краткое изложеніе новѣйшихъ астрономическихъ открытій»; кромѣ того длинный рядъ другихъ менѣе важныхъ стихотвореній, сказокъ, поэмъ, басенъ, сонетовъ, притчъ и въ особенности эпиграммъ. Журналъ просуществовалъ два года и закрылся. Этимъ С. не смущился и въ 1793 г. сталъ издавать другой журналъ — «Библіотеку ученую, экономическую, нравоучительную, историческую и увеселительную», — цѣлую энциклопедію всевозможнаго рода свѣдѣній, которыхъ послужили С. материаломъ для нѣкоторыхъ позднѣйшихъ работъ. Издавать журналъ ежемѣсячникомъ, какъ предполагалось, вслѣд-

ствіе ничтожнаго числа подписчиковъ (111) не удалось, и его 12 книжекъ растянулись на два года. Большинство статей и въ этомъ изданіи принадлежать самому С. Неудача, постигшая и эту попытку, отбила у С. всякую охоту стоять во главѣ періодического изданія въ Сибири, и всѣ свои новые произведенія онъ сталъ посыпать въ столичные журналы, главнымъ образомъ въ издававшееся Подпізайловымъ въ Москвѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени», въ которомъ, между прочимъ, были напечатаны его имѣющіе успѣхъ и донынѣ комическіе куплеты «Плачь и смѣхъ» (1795 г., ч. VII, стр. 29—30). Много произведеній С., частью уже ранѣе напечатанныхъ въ «Иртышѣ», частью же новыхъ попало въ 8-ю часть издававшагося между 1796—99 гг. Карамзиномъ альманаха: «Аониды или собраніе новыхъ стихотвореній»; «Наконецъ, въ 1800 г. С. выпустилъ сборникъ своихъ произведеній подъ заглавіемъ «Собрание нѣкоторыхъ сочиненій, подражаній и переводовъ» (Москва, 1800), куда вошла, между прочимъ, его прелестная сказка «Альнаскарь», въ живыхъ и яркихъ краскахъ изображающая картины сибирской зимы. Этимъ заканчивается сибирскій періодъ жизни С.

Послѣ вступленія на престолъ Александра I С. подаль прошеніе на Высочайшее имя, въ концѣ іюня 1801 г. былъ амнистированъ, а въ 1802 г. ему было возвращено дворянское званіе. Возвратившись изъ ссылки, онъ поселился сначала въ деревнѣ Тульской губ., но вскорѣ перѣѣхалъ въ Москву, куда былъ приглашенъ въ качествѣ редактора «Журнала пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія». Подъ его редакціей вышли однако только три книги этого изданія, такъ какъ вслѣдствіе недѣдовъ съ издателемъ журнала Княжевымъ С. вынужденъ былъ оставить здѣсь работу. Въ 1804 г. онъ было сдѣдалъ попытку продолжать основанный Карамзиномъ «Вѣстникъ Европы», но долженъ былъ оставить и эту мысль. Изъ отдѣльныхъ изданій его къ этому времени относятся: «Сочиненія и переводы П. Сумарокова» (М., 1807); сюда вошло лучшее его произведеніе — поэма: «Амуръ, лишенній зрѣнья»; два сборника утилитарнаго характера — «Источникъ здравія, или словарь всѣхъ употребляемыхъ сиѣдей, приправъ и напитковъ изъ трехъ царствъ природы»

(М., 1800, 1803) и «Истинный способъ быть здоровымъ, долговѣчнымъ и богатымъ» (М., 1813), составленные на основаніи богатаго материала изъ раньше упомянутой «Библіотеки», и послѣ его смерти вышелъ сборникъ «Стихотвореній П. Сумарокова» (Спб., 1832). Умеръ С. 1 марта 1814 г. Какъ поэтъ, С. особеннаго значенія не имѣть и въ настоящее время совершенно забытъ, но не подлежитъ сочтѣнію его важная заслуга какъ шонера и насадителя сибирской журналистики.

Н. В. Гербель, «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ», изд. 3-е, Спб., 1888, стр. 80—82.—А. В. Арсеньевъ, «Словарь русскихъ писателей средняго периода русской литературы», Спб., 1887, стр. 143—144.—А. Н. Неструевъ, «Историческая разысканія о русскихъ новомъзенныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.», Спб., 1874 г., стр. 549—550, 746—749 и 867—869.—А. В. Смирновъ, «Уроженцы и дѣятели Владимирской губерніи, ставшіе на какомъ-либо попришѣ известными», Влад., 1896 г., вып. I, стр. 102—115.—«Стихотворенія П. Сумарокова», Спб., 1832 г., со вступительной статьей біографическаго характера, написанной его сыномъ, стр. I—XXXI.—«Вѣсть», 1865 г., № 6.—М. Н. Лопгиновъ: «Столѣтнія годовщины 1865 г. — Сенатскій архивъ», кн. 28, т. 1. 483.—«Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенатскомъ архивѣ», отд. I, т. I, Спб., 1909 г., № 582.

Сумароковъ, Петръ Спиридоновичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, родился въ 1709 г., умеръ 12 декабря 1780 г.; въ юности былъ камеръ-пажемъ при Екатеринѣ I, а при бракосочетаніи Анны Петровны отчисленъ въ ея свиту и въкоторое время жилъ въ Кильѣ. 19 января 1730 г., когда Верховный соѣдъ постановилъ пригласить на Россійскій престолъ Анну Іоанновну, С. былъ посланъ П. И. Ягужинскимъ въ Митаву съ порученіемъ предупредить будущую императрицу о замыслахъ верховниковъ, сдѣлившихся къ ограничению самодержавія. Несмотря на заставы, расположенные около Москвы, на удержаніе почты, чтобы никто не могъ пріѣхать въ Митаву прежде посланной туда отъ Верховнаго совѣта депутациіи во главѣ съ кн. В. И. Долгорукимъ, С. все же удалось прибыть туда раньше и передать Аннѣ отъ Ягужинского, что «если изволить его (Ягужинскаго) послушать, то пусть вѣрить не всему, что станутъ представлять Василій Лукичъ Долгорукій и которые съ нимъ посланы, до того времени,

пока сама изволить прибыть въ Москву. Ежели кн. Василій Лукичъ по тѣмъ (выработаннымъ Верховнымъ совѣтомъ) пунктамъ принуждать будетъ подписываться, чтобы ея величество просила отъ всѣхъ посланныхъ трехъ персонъ такого письма за подписаниемъ рукъ ихъ, что они отъ всего народу оное привезли; ежели скажутъ, что съ согласія народа, а письма дать не похотятъ, то-бъ объявила, что ея величество оное учинить по волѣ ихъ, только когда она прибудетъ къ Москве...». Вмѣстѣ съ тѣмъ С. было поручено завѣрить Анну Іоанновну, что въ Москву она можетъ вѣхать безъ всякихъ опасеній, такъ какъ всѣ желаютъ ея царствованія. Долгорукій, узнавъ, что С. находится въ Митавѣ, велѣлъ его схватить и допросить, а послѣ допроса приказалъ заковать его въ кандалы и отправить въ Москву вмѣстѣ съ ген. Леонтьевымъ, который повезъ письмо Анны и подписаніе ею пункты верховниковъ. Когда планы верховниковъ рушились и они сами были арестованы, С. былъ, конечно, освобожденъ, обласканъ и милостиво пожалованъ. Въ мартѣ 1742 г. ему было дано званіе шталмейстера, а десять лѣтъ спустя, 25 апрѣля 1752 г., онъ былъ пожалованъ оберъ-шталмейстеромъ. Въ званіе сенатора С. былъ возведенъ 28 декабря 1761 г., но пробылъ имъ недолго. Въ мартѣ 1763 г. въ сенатѣ слушалось дѣло по злоупотребленіямъ винного откупа, причемъ С. не былъ допущенъ другими сенаторами къ присутствованію при разборѣ этого дѣла, такъ какъ онъ самъ имѣлъ винный откупъ въ Бахмутской провинціи, законъ же Петра I гласилъ: «Ежели судья равное дѣло имѣть съ челобитчикомъ или отвѣтчикомъ..., то ему не судить, чтобы для своего примѣра дѣло не испортиль». С. обидѣлся и подалъ жалобу Императрицѣ, что отстраненъ несправедливо, но Екатерина написала такое рѣшеніе: «...По парткулярнымъ спорнымъ дѣламъ сенаторы выходятъ, по силѣ Петра Великаго указа, безъ огорченія изъ сената. А если по откупнымъ дѣламъ огорчительно, то способъ оставаться въ сенатѣ въ ихъ рукахъ», т. е. не заниматься откупами. С. подалъ прошеніе объ отставкѣ, которое въ концѣ января 1764 г. и было принято.

Дѣла Верховнаго тайного совѣта въ Государственномъ архивѣ. — Журналы сената, отъ

29 января 1752 г.—А. Б. Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», Спб., 1873 г., стр. 100.—«С.-Петербург. Вѣдом.», 1764 г., № 13.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Общества Попыза», вл. IV, стр. 1156, 1157; кн. V, стр. 872, 1459.—«Сборникъ Императ. Русск. Исторіи. Общества», т. V, стр. 350, 352; т. VII, стр. 235—237; т. XV, стр. 410, 412; т. XLVI, стр. 22.—«Записка гр. Панина къ П. С. Сумарокову», «Русск. Стар.», 1876 г., т. VIII, стр. 907—908.

Сумароковъ, Сергѣй Павловичъ, графъ, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-артиллеріи, ветеранъ Отечественной войны, выдающійся специалистъ артиллерійскаго дѣла, сынъ сенатора Павла Ивановича С., родился 19 июня 1793 г. Первоначальное образование получилъ въ домѣ отца, затѣмъ у своего дяди, генер.-отъ-инфантеріи кн. Сергѣя Федоровича Голицына. Обнаруживъ наклонность къ военной службѣ и способности къ математикѣ, 16-лѣтній юноша въ 1809 г. поступилъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардію Артиллерійской баталіонъ, где на него оказалъ благотворное влияніе известный математикъ П. А. Рахмановъ, издаватель «Военного Журнала»; подготовившись подъ его руководствомъ къ офицерскому экзамену, онъ блестяще сдалъ послѣдній и былъ принятъ въ гвардію, а 12 февраля 1810 г. произведенъ въ подпоручики. Въ день Бородинского сраженія, 26 августа 1812 г., С., состоя въ рядахъ гвардейской артиллеріи, получилъ боевое крещеніе, былъ раненъ осколкомъ гранаты въ голову и награжденъ золотой шпагой съ надписью, «За храбрость»; несмотря на рану, онъ остался при своей батарей, съ которой не разставался до самого окончанія войны. Въ битвѣ подъ Бауденомъ, происходившей на германской территории 8 и 9 мая 1813 г., С. былъ контуженъ въ бокъ и за отличие удостоенъ орденовъ — Владимира 4-й ст. и прусского «За достоинство». Послѣдняя рана также не удержала С. отъ дѣятельного участія въ дальнѣйшихъ битвахъ; 15, 16 и 17 августа онъ сражался подъ Дрезденомъ, 4 и 6 октября подъ Лейпцигомъ и за отличие въ этихъ дѣлахъ былъ произведенъ въ поручики. Когда театръ военныхъ дѣйствій былъ перенесенъ на французскую территорію, С. участвовалъ въ рядѣ стычекъ, совершилъ походъ до самыхъ стѣнъ Парижа и сражался при взятіи гордой столицы. Изу-

чивъ въ походахъ практическую сторону артиллерійскаго дѣла и привязавшись къ нему всей душою, С., желая пополнить свое теоретическое образованіе въ этой отрасли, по возвращеніи въ Россію просилъ о прикомандированіи его къ учебнымъ артиллерійскимъ ротамъ, при которыхъ и занимался въ теченіе четырехъ лѣтъ. 11 марта 1817 г. онъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, 5 февраля

1818 г.—въ капитаны и всего черезъ полгода, 25 въ августа,—въ полковники, съ назначеніемъ командиромъ легкой артиллерійской роты, сначала № 2, затѣмъ № 4.

Въ августѣ 1824 г. «въ воздаяніе отлично-ревностной и усердной службы» С. былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. и въ томъ же году, по домашнимъ обстоятельствамъ, вышелъ въ отставку съ производствомъ въ генераль-маиоры. Однако черезъ два года, именно въ концѣ августа 1826 г., онъ вновь поступилъ на службу, былъ зачисленъ во 2-ю артиллерійскую бригаду въ прежнемъ чинѣ полковника и бромъ того пожалованъ въ адъютанты къ великому князю Михаилу Павловичу, тогдашнему генералъ-фельдцѣхмайстеру. Когда Артиллерійское училище, бывшее долгое время составной частью учебно-артиллерійской бригады, было выдѣлено изъ послѣдней и сдѣлано самостоятельнымъ, С. былъ назначенъ временнымъ его начальникомъ. При немъ въ училищѣ былъ проведенъ рядъ мѣропріятій, въ томъ числѣ основаны кроме существовавшихъ офицерскихъ три юнкерскихъ класса и классъ «приготовительный». Открывшаяся вскорѣ война съ турками вновь вызвала его къ боевой дѣятельности. Пожалованный «за отлично - усердную службу» алмазными знаками ордена св. Анны 2-й ст., онъ въ 1828 г. отправился въ дѣйствующую армию, поступивъ въ часть, осаждавшую Браиловъ. Въ формулярномъ спискѣ С. говорится, что во время осады онъ съ 12 по 17 мая командовалъ «надъ мортирою и прочими батареями, успѣшными ихъ дѣйствіями достигъ надлежащей цѣли и, пребывая постоянно на кессельбатарѣ, оказалъ мужество непоколебимое», съ открытиемъ переговоровъ о сдать Браилова, состоя парламентеромъ, «много способствовалъ благоразумiemъ и дѣятельностью къ успѣху ихъ», а послѣ паденія крѣпости «своими не-

усыпными трудами успѣшио содѣйствовать соблюденію порядка» и «съ отличной храбростью и премѣрною дѣятельностью» исполналъ различныя порученія вел. кн. Михаила Павловича. За «отличную храбрость и постоянное усердие, оказываемыя во все времена осады», С. получилъ чинъ генераль-маиора по артиллеріи (25 июня 1828 г.) и орденъ св. Георгія 4-го класса. 8 июня С. участвовалъ въ дѣлѣ подъ Шумлю, 14 сентября, состоя въ отрядѣ ген.-адъютанта Сухозавета подъ Варною, былъ посланъ съ передовыми частями для открытия непріятеля, черезъ четыре дня при кровопролитномъ, но неудачномъ штурмѣ главнаго укрѣпленія, Варны, при дер. Куртенѣ, командовалъ артиллеріей лѣвой колонны, а нѣсколько позже, начальствуя по порученію принца Евгения надъ одной изъ пѣхотныхъ бригадъ, въ значительной степени содѣйствовалъ пораженію войскъ Омеръ-Вріоне.

По окончаніи военныхъ дѣйствій С. съ некоторыми конфиденціальными порученіями уѣхалъ въ Петербургъ, откуда въ 1829 г. былъ командированъ для осмотра состоянія войскъ по карантинной линіи Прута и укрѣпленій Севастополя. Замѣчательно, что еще за четверть вѣка до Севастопольской войны С., осмотрѣвшіи крѣпость, казавшуюся неприступной, въ своемъ донесеніи военному министру гр. Чернышеву съ мѣткой вѣрностию указалъ на слабыя мѣста со стороны суши, могущія сдѣлаться роковыми въ случаѣ высадки непріятеля. Его неоднократныя указанія на это оставлены были однако безъ вниманія, хотя за «отличное и благоразумное исполненіе» порученія онъ и былъ удостоенъ Высочайшей благодарности и ордена св. Анны 1-й ст. Черезъ 25 лѣтъ его опасенія вполнѣ оправдались.

Въ январѣ 1830 г. С. былъ назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, въ декабрѣ того же года—командиромъ артиллеріи всего Гвардейскаго корпуса и уѣхалъ въ армию, дѣйствовавшую противъ польскихъ повстанцевъ. Въ эту войну онъ былъ однимъ изъ довѣренныхъ лицъ великаго князя Михаила Павловича, командовавшаго всей гвардіей, участвовалъ въ военныхъ созѣщаніяхъ при немъ и неоднократно подавалъ цѣлесообразные совѣты, остававшіеся, однако, въ большинствѣ слу-

чаевъ безплодными, благодаря разладу и даже враждѣ между собою приближенныхъ къ великому князю лицъ, главную роль среди которыхъ игралъ ген.-отъ-инфант. кн. Щербатовъ, официальный помощникъ Михаила Павловича. До 9 мая 1831 г. артиллерія С. въ битвахъ почти совершенно не участвовала, ограничиваясь лишь стратегическими передвиженіями, имѣвшими цѣль отразить нападенія Скжи-нецкаго. Но въ этотъ день его части пришлось вынести очень жаркое дѣло. Еще раннимъ утромъ С. съ помощью Павловскаго полка удачно переправилъ на правый берегъ Нарева подвижной паркъ, очистивъ путь для арріергарда, а затѣмъ послѣдовалъ къ д. Желткамъ. Здѣсь онъ при содѣйствіи ген.-ад. Шеншина рѣшился отстаивать мости на Бугѣ, чтобы овладѣть этой переправой и не дать возможности инсургентамъ обойти русскую гвардію и отрѣзать ее отъ остальной части арміи. Въ донесеніи великаго князя къ генераль-фельдмаршалу успѣхъ этого дѣла всецѣло приписывается «необычайной мѣткости губительныхъ выстрѣловъ артиллеріи, дѣйствіе коей съ величайшимъ хладнокровiemъ и искусствомъ направляя лично командиръ гвардейской артиллеріи ген.-майоръ Сумароковъ...», причемъ наносить чувствительный вредъ мятежникамъ, у коихъ подбито 1 орудіе и взорвано 2 зарядныхъ ящика... Непріятель долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія завладѣть переправой, всѣми силами поспѣшио отступить и скрылся. По свидѣтельству участниковъ боя, С., дѣйствительно, подъ сильнымъ огнемъ непріятельской артиллеріи не только отдавалъ, какъ начальникъ, общія приказанія, но и лично устанавливалъ орудія у самой переправы и лично же направлялъ ихъ. Но это безстрашіе стоило ему дорого: осколкомъ ядра овъ получилъ въ правую ногу тяжелую рану, которая всю жизнь его давала себѣ чувствовать. «Въ воздаяніе отличного мужества и храбрости», оказанныхъ въ этотъ день, С. былъ награжденъ крестомъ св. Георгія 3-го кл., а позже пожалованъ «Польскимъ знакомъ» 2-й ст. и ежегодной пенсіей въ 1,200 р., отъ которой онъ, будучи человѣкомъ состоятельный и «до денегъ безъ пристрастія», отказался.

Въ 1831 г. для излеченія раны С. былъ уволенъ заграницу, но вмѣсто этого ѻздилъ

въ Москву и Ревель, гдѣ принималъ морскія ванны. Возвратившись въ концѣ сентября 1832 г. въ Петербургъ, онъ вскорѣ былъ утвержденъ быть начальникомъ артиллеріи Гвардейскаго корпуса по штату мирнаго времени, продолжая въ то же время состоять при Михаилѣ Павловичѣ. Въ 1833 г. онъ ёздилъ въ Берлинъ для присутствования при маневрахъ прусскихъ войскъ, о состояніи которыхъ, по настоянию прусского короля и противъ своей воли, долженъ былъ высказать свое мнѣніе. Въ прямыхъ и недвусмысленныхъ выраженіяхъ своей записки, составленной по этому поводу, С. высказалъ прусскому королю много горькихъ истинъ, обратившихъ на себя вниманіе какъ короля, такъ и назначенней имъ послѣ военной комиссіи для изслѣдованія состоянія арміи. Получивъ въ Берлинѣ орденъ Краснаго Орла 2-й ст. со звѣздою, по возвращеніи на родину С. былъ пожалованъ 22 апреля 1834 г. въ генераль-адъютанты къ Государю. Полученная при защитѣ Бугской переправы рана давала себя чувствовать, и С. время съ сентябрь 1834 по октябрь 1835 г. снова провелъ за границей, вращаясь и пользуясь медицинскою помощью главнымъ образомъ въ Берлинѣ, откуда ёздилъ для участія въ русско-prusскихъ торжествахъ 1835 г., въ которыхъ, къ слову сказать, онъ обнаружилъ между прочимъ свои замѣчательныя познанія въ области діротехники, устраивая блестящіе фейерверки. Въ 1836 г. С. производилъ опыты надъ «регулированными» снарядами и ёздилъ — въ Прагу для присутствования при коронаціи, въ Вѣну — для обозрѣнія военно-учебныхъ заведеній и присутствованія при смотрѣ австрійскихъ войскъ и въ Мюнхенѣ — для ознакомленія съведенной тамъ новой системой полевой артиллериі. Всюду однако онъ былъ принять довольно холодно, а въ Мюнхенѣ королемъ прямо было запрещено показывать ему какіе-либо чертежи и планы. 18 апреля 1837 г. С. получилъ чинъ генераль-лейтенанта. Въ теченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ онъ четыре раза на болѣе или менѣе продолжительный срокъ ёздилъ заграницу для лечения нынешней раны: во время пребыванія въ Россіи продолжать командовать артиллерией Гвардейскаго корпуса. Въ 1849 г. С. участвовалъ въ Венгерскомъ походѣ, въ теченіе которого состоялось начальникомъ

артиллериі не только своего корпуса, но и grenадерскаго. Возвратившись изъ похода, онъ 13 октября 1849 г. получилъ назначеніе на весьма видный постъ командующаго вѣсмъ пѣхотнымъ гвардейскимъ корпусомъ, въ томъ числѣ и его артиллериі, а 6 декабря 1851 г. былъ произведенъ въ генералы-отъ-артиллериі.

За все время своего пребыванія начальникомъ гвардейской артиллериі С. ввелъ въ нее рядъ положительныхъ перемѣнъ, — улучшилъ значительно ея материальный составъ, весьма высоко поставилъ пиротехническую часть, ввелъ и усовершенствовалъ шрапнель, увеличилъ быстроту усиленійъ дѣйствій и т. п., причемъ его мѣропріятія, какъ вполнѣ цѣлесообразныя, послѣ распространялись обыкновенно и на артиллерию всей арміи. Помимо исполненія своихъ прямыхъ обязанностей онъ за это же время участвовалъ въ составленіи «Правилъ для руководства при постройкѣ новой артиллериі», былъ членомъ «комитета для выработки мѣръ по снабженію арміи лошадьми», въ 1846 г. представилъ обширную записку объ улучшеніяхъ въ нашей арміи, за что неоднократно получалъ Высочайшія благодарности.

По вступленіи на престолъ Императора Александра II С. во время Восточной войны былъ съ 18 мая 1855 г. назначенъ командующимъ Западною арміею, а одно время, по болѣзни князя Варшавскаго, начальствовалъ и надъ Среднею. Въ день коронованія Императора, 26 августа 1856 г., онъ былъ пожалованъ въ члены государственного совѣта и именнымъ Высочайшимъ указомъ въ награду «долговременной, отлично-усердной службы престолу и отечеству» возведенъ въ графское достоинство. Послѣ этого служба престарѣлаго С. носила скорѣе почтенный характеръ и ограничивалась засѣданіями въ государственномъ совѣтѣ и комитетѣ о раненыхъ, гдѣ онъ состоялъ членомъ, а одно время и предсѣдателемъ. Въ 1859 г. онъ былъ пожалованъ алмазными знаками ордена св. Александра Невскаго, 21 декабря 1861 г. по случаю его 50-лѣтія службы въ офицерскихъ чинахъ, получилъ на свое имя Высочайший реескриптъ съ перечисленіемъ его заслугъ и назначеніемъ шефомъ батареи № 2, лейбъ-гвардіи 1-й артиллериіской бригады, гдѣ онъ началъ свою службу 22 февраля 1875 г., 82 лѣтъ отъ рода,

онъ скончался. С. былъ женатъ на гр. Александрѣ Павловичѣ, урожденной маркизѣ Маруцци, и отъ этого брака имѣлъ 3 дочерей. Графскій титулъ и фамилія С. перешли къ Феликсу Николаевичу Эльстону (см. слѣдующій), за которымъ была замужемъ одна изъ дочерей С.

Вс. Мамышевъ, „Русская патріотическая библіотека. Георгіевский кавалеръ С. П. Сумароковъ“, Спб., 1867, стр. 346.—„Обозрѣніе постепенного образованія Артиллерійскаго училища со времени его основанія“, Спб., 1845 г. стр. 15—17.—Формулярный списокъ о службѣ.—„Русскій Ивалідъ“, 1831 г., стр. 517; 1838 г., № 60 и 61; 1875 г., № 44 и 47.—„Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ“ Леера, т. VII, Спб., 1894 г., стр. 356—357.—Кн. П. Долгоруковъ, «Россійск. родословная книга», ч. 4, Спб., 1857 г., стр. 445.—Кн. Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», т. II, Спб., 1895 г., стр. 276.—П. И. Петровъ, «Исторія родовъ русскаго дворянства», т. I, Спб., 1885 г., стр. 247.

Сумароковъ-Эльстонъ, графъ Феликсъ Николаевичъ, генераль-лейтенантъ, генераль-адъютантъ, родился 24 января 1820 г., 1-го февраля 1836 г. поступилъ фейерверкеромъ въ артиллерійское училище, по выходѣ изъ котораго въ 1840 г. произведенъ въ прапорщики и оставленъ былъ при артиллерійской академіи для получения высшаго образования. Въ 1842 г. переведенъ былъ въ лейбъ-гвардію конную артиллерію, продолжалъ службу до 1849 г. частью во фронтѣ, частью—въ штабѣ генераль-фельдцейхмайстера. Въ 1849 г., въ чинѣ капитана, назначенъ былъ адъютантомъ къ военному министру графу Чернышеву, а затѣмъ состоявшимъ для особыхъ поручений при немъ же. Въ 1854 г., съ открытиемъ военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи, онъ былъ отправленъ на Кавказъ, где командовалъ временно баталіономъ Брестского полка, въ составѣ Гурійского отряда, и участвовалъ въ дѣйствіяхъ на кавказко-турецкой границѣ въ составѣ корпуса, находившагося подъ командою генераль-лейтенанта Бебутова, съ которымъ въ маѣ того же года переправился черезъ Карсъ-Чой. Во время осады Севастополя онъ принималъ участіе въ его оборонѣ и по окончаніи кампаніи былъ произведенъ въ полковники и удостоенъ званія флигель-адъютанта. По браку его въ 1856 г. съ графиней Сумароковой ему повелѣно было къ своей фамиліи Эльстонъ прібавить

фамилію *Сумароковъ* и графскій титулъ. Въ 1857 г. онъ назначенъ былъ вице-директоромъ канцеляріи военного министерства, но черезъ годъ вновь переведенъ на Кавказъ, где командовалъ сначала Апшеронскимъ, а затѣмъ гренадерскимъ Грузинскимъ полкомъ и за отличие въ дѣлахъ противъ горцевъ произведенъ былъ въ генераль-майоры съ назначеніемъ въ свиту Его Величества. Въ 1861 г. С. исполнялъ обязанности помощника начальника Кавказской гренадерской дивизіи, а въ 1863 г. назначенъ былъ на должность наказного атамана Кубанскаго казачьяго войска. Съ этого времени, командуя самостоятельными отрядами, С. принималъ дѣятельное участіе въ покореніи западнаго Кавказа. Его боевая дѣятельность совпала со временемъ окончательного покоренія Кавказа и плененія Шамиля. За боевые отличія кавказскаго периода своей службы С. награжденъ былъ орденами св. Владимира 1-й ст., св. Станислава 1-й ст., св. Анны 1-й ст. съ короной, св. Владимира 2-й ст., всѣ съ мечами; кроме того произведенъ былъ въ чинъ генераль-лейтенанта, получилъ два именныхъ Высочайшихъ благоволенія и пять тысячъ десятинъ земли въ вѣчное владѣніе. Въ 1865 г. С. назначенъ былъ начальникомъ Кубанской области и командующимъ войсками, въ ней расположеннымъ, а въ 1866 г. пожалованъ былъ званіемъ генераль-адъютанта. Съ 1868 до 1874 г. онъ принужденъ былъ вслѣдствіе разстроеннаго здоровья временно оставить службу и жилъ главнымъ образомъ за границею. За это время онъ командированъ былъ въ Бѣлградъ для присутствія при бракосочетаніи кнеза Милана Сербскаго. Въ 1875 г. состоялось при шведскомъ королѣ Оскарѣ во время его посѣщенія Россіи и въ томъ же году присутствовалъ при открытии въ Норвегіи памятника покойному шведскому королю; кроме того онъѣздилъ въ Вѣну съ дипломатическимъ порученіемъ. Въ 1875 г. С. назначенъ былъ командующимъ войсками Харьковскаго военного округа. Умеръ въ Харьковѣ, 30 октября 1877 г.

Некрологи: „Русскій Ивалідъ“, 1877 г., № 243.—„Харьковскія Губ. Вѣдомости“, 1877 г., № 283.—„Русскій календарь на 1879 г.“ изданіе А. С. Суворина, Спб., 1879 г., ч. II, стр. 376.—„Систематический указатель „Русскаго Иваліда“ за 1869—1890 г.г.“, Спб., 1891 г., стр. 234, № 269.

Сумароковы—дворянскій родъ, происходящій, по сказаніямъ старинныхъ родословцевъ, отъ иѣкоего *Левиса*, выѣхавшаго будто бы изъ Швеціи на службу къ великому князю Василію Дмитріевичу и принявшаго крещеніе съ именемъ *Луды*. Вѣроятнѣе, однако, что родъ С. происходилъ изъ Литвы: тамъ и донынѣ существуетъ фамилія *Суморокъ*, и о С. упоминается и въ духовномъ завѣщаніи отъ 1498 г. князя И. Ю. Патрикѣева, потомка Гедемина. Первый изъ С., о которомъ сохранились свѣдѣнія, былъ *Іванъ Михайловичъ*, находившійся воеводою въ походахъ шведскомъ 1549 г. и полоцкомъ 1551 г. *Алексѣй Ивановичъ* въ октябрѣ 1550 г. пожалованъ помѣстьями въ Московскомъ уѣздѣ. *Іванъ Никитичъ* упоминается подъ 1579 г. воеводою въ Юрьевѣ-Ливонскомъ; *Семейка С.* былъ дьякомъ судныхъ дѣлъ (1586 г.). Другой, *Іванъ Алексѣевичъ*, служилъ воеводою въ Красноярскѣ; сохранилась отписка его отъ 1667 г. о намѣреніи идти войною на Енисейскъ. Со второй половины XVII в. С., служившіе до того по городамъ, начинаютъ появляться на службѣ въ столицахъ въ стольникахъ, стряпчихъ и т. п. *Панкратій Богдановичъ* былъ стряпчимъ съ ключемъ при царѣ Иоаннѣ Алексѣевичѣ. О его старшемъ братѣ *Іванѣ Богдановичѣ*—см. отдельно. Въ 1699 г. *Іванъ Игнатьевичъ, Матвѣй Ивановичъ* и *Василій Тимофеевичъ* упоминаются какъ стольники Петра Великаго. Сынъ *Панкратія Богдановича*, *Петръ Панкратьевичъ* (1692—1766), дѣйств. тайный советникъ, былъ главнымъ судью въ канцеляріи конфискаціи при Елизаветѣ Петровнѣ. О его сыне *Александре Петровичѣ*, о *Петрѣ Спиридоновичѣ, Панкратіи Платоновичѣ, Іванѣ Ивановичѣ* и гр. *Сергѣю Павловичѣ*—см. отдельно.

«Общий Гербовникъ», ч. II, № 82.—Кн. П. Долгоруковы, «Россійская родословная книга», ч. 4, Спб., 1857 г., 444—445.—Кн. Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», т. 2, Спб., 1895 г., стр. 269—282.—П. Н. Петровъ, «Ист. родовъ русскаго дворянства», т. I, Спб., 1885 г., стр. 246—247.

Сумбатовъ, князь *Михаилъ Луарсабовичъ*, генералъ-маJORъ, происходилъ изъ рода грузинскихъ князей, уроженецъ Тифлисской губерніи; родился 5 сентября 1822 г. и для образования посту-

пиль въ Тифлисскую губернскую гимназию, изъ которой вышелъ въ 1833 г. и опредѣлился волонтеромъ въ Архангельскую милицію, где вскорѣ за отличие въ экспедиціи г.-м. Симборскаго противъ горцевъ произведенъ въ прaporщики и переведенъ въ Нижегородской драг. полкъ, въ которомъ прослужилъ 3 года, принялъ за это время участіе въ экспедиціяхъ подъ личнымъ начальствомъ командира отдѣльного Кавказскаго корпуса ген. отъ инф. Гологина и начальника Лезгинской кордонной линіи полк. Маркова, послѣ чего уволился по прошенію отъ службы. Въ 1844 г. С. снова опредѣлился волонтеромъ въ Грузино-Имеретинскую милицію и за отличие въ бояхъ 1844 г. подъ личнымъ начальствомъ командира отдѣльного Кавказскаго корпуса г.-ад. Нейдгардта и въ 1845 г. подъ начальствомъ главнокомандующаго гр. Воронцова произведенъ въ капитаны съ назначеніемъ состоять по кавалеріи и при отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ. Въ этой должности С. принималъ дальнѣйшее участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ: въ 1847 г. въ главномъ дѣйствующемъ отрядѣ гр. Воронцова; въ 1848 г. въ Дагестанскомъ отрядѣ г.-ад. кн. Аргутинскаго-Долгорукова, при чемъ подъ Гергебилемъ былъ раненъ пулею; въ 1853 г. на Лезгинской линіи въ отрядѣ кн. Орбеліани; въ 1854 г. въ дѣйствовавшемъ на турецкой границѣ корпусѣ; въ 1859 г. въ Чеченскомъ отрядѣ и въ 1861—1862 г. г. въ Верхнѣ Абадзехскомъ отрядѣ. Такимъ образомъ вся служба С. прошла на его родномъ Кавказѣ и выразилась въ безпрерывныхъ походахъ и военныхъ дѣйствіяхъ. Въ 1883 г. С. былъ произведенъ въ генералъ-маюры и черезъ 3 года скончался, 23 сентября 1886 г. Наградами С. за его выдающуюся дѣятельность служили ордена, чины и пожалованіе въ вѣчное и потомственное владѣніе участковъ земли: 500 десятинъ въ 1869 г. и 1 десятина въ 1882 г.

Формуляръ въ Общемъ архивѣ Главнаго штаба, дѣло 4 стола, 6 отд. 1886 г., № 818.—«Русский Иванайдъ», 1886 г., № 217.—«Русский календарь на 1888 г.», стр. 279.

Суморопцій, *Іванъ Варфоломеевичъ*, дьякъ. Въ 1693 г. названъ «подьячимъ изъ Тобольска»; въ томъ же году принялъ участіе въ посольствѣ, посланномъ

во главѣ съ датчаниномъ Елизаремъ Избрандтомъ въ Китай для уладенія нѣкоторыхъ пограничныхъ осложненій и торговыихъ недоразумѣній. Роль С. въ этомъ послольствѣ была не столько дипломатическая, сколько ученая: ему вмѣстѣ съ докторомъ Христофоромъ Каратенсомъ поручено было «разыскивать травы и корни». По возвращенію былъ дьякомъ.

Полн. Собр. Законовъ, т. XVI, стр. 600; т. XXVI, стр. 586.—В. К. Андреевичъ, «История Сибири», ч. II, Спб., 1889 г., стр. 53.

Сунбуловъ, Григорій Федоровичъ, рязанскій воевода, сподвижникъ Прокофія Ляпунова, происходилъ изъ «худородныхъ» рязанскихъ дворянъ. Самая раннія сохранившіяся о немъ извѣстія стоять въ тѣсной связи съ восстаніемъ Болотникова. Чисто олигархический характеръ, который прорѣло московское правительство послѣ сверженія первого Лжедимитрія и вступленія на престолъ Василия Шуйскаго, вершеніе всѣхъ дѣлъ немногими родовитыми боярами, хранящими всѣми мѣрами старину и ревниво не допускавшими въ свою среду новыхъ людей, узко-сословные знатно-боярскіе интересы на первомъ планѣ всюду, всемѣрная защита отъ малѣйшихъ посягательствъ на нихъ,—все это для С., представителя средняго слоя дворянства, притомъ человѣка умнаго, энергичнаго, одареннаго способностями вождя, было крайне антипатично; для него, какъ впрочемъ и для многихъ другихъ, было привлекательнѣе находиться подъ знаменами какого угодно самозванца и проходимца и противъ Шуйскаго, чѣмъ наоборотъ. Поэтому, когда вновь ожила легенда о спасеніи царевича Димитрія и на защиту его въ южныхъ частяхъ Московскаго государства вспыхнулъ вооруженный мятежъ, въ челѣ котораго сталъ извѣстный Болотниковъ, когда мятежъ сталъ разрастаться и охватить многие города и цѣльныя области, С. безъ долгихъ колебаній присталъ къ нему. Ополчившіяся рязанскія дѣти боярскія, мѣстная земельная знать, а по выражению лѣтописи—«рязанскіе воры», выбрали въ 1606 г. его вмѣстѣ съ Прокофиемъ Ляпуновымъ воеводами. Нѣть всестаки никакихъ основаній думать, что С. былъ увѣренъ въ ложности слуховъ спасенія Димитрія и въ самозванствѣ Молчанова; вѣроятнѣе всего, что онъ, какъ и всѣ

рязанцы, не имѣлъ никакихъ убѣждений въ этомъ отношеніи, да и не интересовался особенно этимъ вопросомъ, создавшимся же движениемъ намѣревался воспользоваться для своихъ и своего класса цѣлей—обуздѣть властвовавшихъ родовитыхъ бояръ и долю ихъ политической власти урвать въ пользу средняго дворянства.

Со своею ратью С. и Ляпуновъ направились къ Москвѣ, куда съ юга двигался также и Болотниковъ. Побѣдоносному шествію воеводъ оказала сопротивленіе только Коломна, и это повело къ полному разгромленію города. На Окѣ они соединились съ Болотниковымъ, составивъ въ общемъ очень внушительную силу, предъ которой высланная изъ Москвы значительная рать подъ началомъ воеводы Мстиславскаго беспорядочно отступила, не принявъ даже боя. 22 октября союзники стали укрѣпленными лагеремъ въ с. Коломенскомъ, въ 7 верстахъ отъ Москвы, и отсюда блокировали столицу, хотя довольно слабо и не со всѣхъ сторонъ. Первый мѣсяцъ осада шла успѣшно, тѣмъ болѣе, что за это время съ юга подошли новые силы, въ лицѣ казачьихъ отрядовъ «вора» Петрушки. Но затѣмъ среди осаждавшихъ начался расколъ. Причиною его отчасти послужило непоявленіе тщетно ожидавшагося Димитрія; значительно же болѣе глубокое значеніе въ этомъ расколѣ сыграли чисто соціальный условія. Войска союзниковъ состояли изъ самыхъ различныхъ общественныхъ элементовъ; на одной сторонѣ были казачья голытьба, бѣжавшіе холопы и крѣпостные и вообще мелкие безыменные люди во главѣ съ Болотниковымъ; на другой сторонѣ—дворянѣ и дѣти боярскія «большихъ статей», рать С. и Ляпунова. Разнородность, а часто и полная противоположность интересовъ этихъ общественно-различныхъ группъ и обусловила расколъ. Болотниковъ со своими людьми въ своихъ стремленіяхъшелъ гораздо дальше низложенія царя и его сторонниковъ; въ его планы входили насильственные мѣропріятія соціального характера. Сущность его восстанія и стремленій ясна изъ распространявшихся имъ въ Москвѣ, среди низовъ населенія, грамотъ, содержаніе которыхъ лѣтописцемъ передается въ такихъ выраженіяхъ: «Велѣть боярскимъ холопамъ побить своихъ бояръ, женъ ихъ, вотчину и помѣсты имъ сулать, шпынямъ и безъименнымъ ворамъ

велять гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивать, имѣнья ихъ грабить, призываютъ ихъ, воронъ, бѣ себѣ, хотятъ имъ давать боярство, воеводство, окольничество и дьячество»... Это импонировало московской черни, и есть указанія, что она проявляла намѣренія перейти на сторону Болотникова. Но это же не нравилось и не могло нравиться С. и всѣмъ рязанцамъ, которые не только не желали лемки со словесныхъ правиллѣгій, но, наоборотъ, до-могались ихъ умноженія и упроченія. «Дворане землевладѣльцы и рабовладѣльцы,—пишетъ С. О. Платоновъ,—увидѣли, что они находятся въ политическомъ союзѣ со своими соціальными врагами... Они убѣдились, что пріятный имъ строй имѣть болѣе опасныхъ враговъ, чѣмъ олигархи—въ лицѣ ихъ собственныхъ союзниковъ». Вождѣнія С. не шли дальше сверженія Шуйского съ боярами и замѣны ихъ среднимъ дворянствомъ, поэтому «воровскіе листы» (грамоты) Болотникова, звавшіе къ борьбѣ со всѣми привилегированными со словесами вообще, онъ могъ разматривать лишь какъ разрушительную проповѣдь. Результатомъ всего этого было то, что «ноября въ 15 день отъ нихъ (осаждавшихъ), злыхъ еретиковъ и грабителей и осквернителей, изъ Коломенскаго пріѣхали къ государю царю и великому князю Василию Ивановичу съ винами своими рязанцы Григорій Сунбуловъ да Прокопей Лапуновъ, а съ ними многіе рязанцы двораны и дѣти боярскіи». Василій Ивановичъ «пріѣхалъ ихъ любезно, аки отецъ чадолюбивъ, и вины ихъ вскорѣ имъ отдалъ». Прощеніе С. съ товарищами было вызвано, конечно, болѣе всѣкими причинами, чѣмъ простымъ «чадолюбіемъ». Дѣло въ томъ, что измѣна ихъ Болотникову и переходъ въ московский лагерь произошли въ чрезвычайно критический для Шуйского моментъ, когда у послѣднаго были истощены рѣшительно всѣ средства обороны, съ переходомъ же рязанцевъ рѣшилась и судьба возстанія Болотникова, который 2 декабря 1606 г. былъ отброшенъ отъ Москвы, а вскорѣ и совсѣмъ разбитъ.

Какихъ-либо твердыхъ политическихъ убѣждений у С. не было. Какъ представитель среднаго слоя дворянства, онъ былъ однимъ изъ наиболѣе яркихъ типовъ этого класса, вѣчно колебавшагося въ Смутную эпоху между родовитымъ боярствомъ, съ

которымъ его связывала общность экономическихъ и сословныхъ интересовъ, и низами населения, съ которыми онъ имѣлъ нѣкоторыя точки соприкосновенія въ чисто-политическихъ симпатіяхъ. Предавшись Шуйскому по необходимости, избравъ въ его лицѣ просто менѣшее изъ двухъ золъ, С., конечно, не оставилъ надежды на сверженіе Василія Ивановича, а вмѣстѣ и тѣсно связанныго съ нимъ боярства. Подходящимъ моментомъ для новой попытки С. счѣль возставіе Тушинскаго вора и вызванныя этимъ волненія. 17 февраля 1609 г., въ субботу на масленицу, С. вмѣстѣ съ кн. Романомъ Гагариномъ и Тимофеемъ Грязнымъ сдѣлалъ попытку вызвать возмущеніе и въ Москву. Набравъ около 300 сторонниковъ, онъ потребовалъ у бояръ объявить Шуйскаго низложеннымъ, но усіхъ не имѣлъ; бояре разбрѣжались изъ Кремля по домамъ, чтобы тамъ выждать течеія событий. Тогда заговорщики обратились къ патріарху Гермогену съ требованіемъ идти на Лобное мѣсто и обратиться съ рѣчью къ народу. Присутствовавшая во время переговоровъ толпа приняла сторону патріарха, въ свою очередь рѣшительно возставшаго противъ начѣній С. съ товарищами. Такимъ образомъ, попытка поднять восстаніе окончилась полной неудачей, и С. ничего не оставалось, какъ бѣжать въ Тушино, что онъ и сдѣлалъ. Вскорѣ Шуйскій черезъ патріарха предложилъ С. полное прощеніе вины съ условіемъ вернуться въ Москву, но онъ уклонился отъ этого. Послѣ распаденія лагеря тушищевъ и ухода Заруцкаго, С. пришелъ въ столицу и стала на сторону бояръ, присягнувшихъ Владиславу. На этомъ свѣдѣнія о немъ обрываются, и самый годъ его смерти неизвѣстенъ.

Лѣтопись о мятежахъ, стр. 138 и сл.—«Акты Историч.», №№ 98—101, 106—108, 110, 115, 116, 128, 130.—«Акты Археограф. Экспедиції», т. II, №№ 88, 89, 91, 93, 95, 98, 99, 101, 102—104, 110.—Н. М. Карапетінъ, «Истор. Гос. Россійск.», изд. Эйнерлинга, т. XII, Спб., 1843 г., стр. 20, 24, 26, 85, 86, 134; прим. 61, 82, 83, 149, 173, 350, 557, 607.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. «Обществ. Пользы», кн. II, стр. 814, 815, 816, 877, 878, 934.—С. О. Платоновъ, «Очерки по исторіи смуты въ Московскому государствѣ XVI—XVII вѣкѣ», Спб., 1899 г., стр. 326, 327, 333, 335, 338, 436, 495.—«Никоновск. Лѣтоп.», стр. 81, 82, 90, 92, 111.—«Собрание Гос. Грам. и Догов., т. II, стр. 441.—

„Энциклопедія воен. и морск. наукъ“ Леера, т. VII, Сиб. 1894 г., стр. 358.—„Русск. Историч. Библіот.“, т. XIII, стр. 112.

H. Сербоевъ.

Сунбуловъ, Михаилъ Исаевичъ, думный дворянинъ; въ 1658 г. былъ страпчимъ. Во время борьбы Петра съ сестрою былъ на сторонѣ Софии и Милославскихъ. Когда послѣ кончины царя Феодора Алексѣевича патріархъ спрашивалъ съ крыльца собравшійся народъ, кому изъ братьевъ, Ioannu или Петру, быть на царствѣ, С. былъ изъ числа тѣхъ—и единственнымъ, чье имя сохранилось документами,—которые кричала за Ioannu Алексѣевича. Послѣ низверженія Софии онъ, повидимому, не пострадалъ. Голиковъ разсказываетъ о позднѣйшей встречѣ С. съ Петромъ, въ которой онъ будто бы признался, что былъ подкупленъ сторонниками Софии и что ему обѣщано было боярство.

Голиковъ, „Дѣянія Петра Великаго“, т. I, стр. 155.—„Записки Матвѣева“ въ собраниихъ Туманского и Сахарова.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Общ. Пользы“, стр. 891, 892.

Супоневы—дворянскій родъ, происходящій отъ Генриха Супона, выѣхавшаго изъ Пруссіи къ великому князю Дмитрію Ioановичу Донскому и принявшаго крещеніе съ именемъ Остафія. Въ XVI вѣкѣ многіе С. служили стольниками и страпчими. Кириллъ Осиповичъ въ 1644—1645 г. былъ воеводою на Ленѣ; Григорій Осиповичъ подъ 1666 г. называвъ страпчимъ, а позже (1690 г.) былъ думнымъ дворяниномъ; Аедій Николаевичъ, генералъ-майоръ, въ 1813—1816 гг. занималъ должность владимірскаго губернатора.

„Преви. Россійск. Вивліо.“, т. III, стр. 169; т. XVIII, стр. 16.—„Дополн. къ Актамъ Историч.“, т. II, стр. 264, 275, 278; т. III, стр. 20, 24, 33—35, 37, 47, 56, 98, 102, 138, 139, 173, 209, 211, 323.—Полн. Собр. Законовъ, т. XIII, стр. 804, 805.

Суриковъ, Иванъ Захаровичъ—даровитый поэтъ-самоучка, одинъ изъ самыхъ выдающихся представителей своеобразной плеяды поэтовъ-самородковъ, поэтовъ-страдальцевъ (Раззореновъ, Деруновъ, Тарусинъ и др.), выросшей изъ народной среды и развившейся на русской почвѣ въ первыя десятилѣтія преформенной эпохи. Тя-

желая условія жизни поэта преждевременно свели его въ могилу, не давши ему возможности проявить свой талантъ во всей яркости. Родился С. 25 марта 1841 г. въ маленькой деревушкѣ Новоселовѣ, Юхтинской волости, Углицкаго уѣзда, Ярославской губ. Отецъ его, оброчный крестьянинъ, жилъ въ Москвѣ,—куда еще въ молодые годы ушелъ на заработки и гдѣ былъ на побѣгушкахъ, служилъ приказчикомъ «по овощной части», а затѣмъ открылъ собственную овощную лавочку,—и лишь изрѣдка наѣзжалъ въ деревню, чтобы навѣстить жену и родныхъ. Будущій поэтъ, тихій, слабый и болѣзный въ дѣтствѣ, до девятнадцати жилъ въ родной деревнѣ, которая своимъ простымъ, мирнымъ и спокойнымъ укладомъ и своими красотами на всю жизнь оставила въ немъ неизгладимое впечатлѣніе,—впослѣдствіи въ его сихотвореніяхъ часто встрѣчаются деревенскіе мотивы. Въ 1849 г. онъ вмѣстѣ съ матерью перѣѣхалъ къ стпу въ Москву. Городская жизнь съ ея шумомъ и гамомъ, грязью и отсутствіемъ простора, удущливымъ и отравляющимъ воздухомъ подействовала на впечатлительного мальчика самымъ тягостнымъ образомъ, и онъ сталъ еще тише, еще молчаливѣ и зачуданѣе. На десятомъ году онъ былъ отданъ для обучения грамотѣ двумъ пожилымъ дѣвушкамъ раззорившагося купеческаго рода, сестрамъ Финогеновы, одна изъ которыхъ выучила своего ученика гражданской и церковной азбукѣ, чтенію, письму палочекъ и буквѣ по стариннымъ прописямъ, а другая, женщина въ высшей степени религіозная, ввела его въ область житій святыхъ, подвижниковъ и пр.; эти сказанія дѣйствовали на мальчика такъ сильно, что онъ порою самъ мечталъ объ иночествѣ, о спасеніи души въ «лѣсныхъ дебряхъ» или въ «тихой матери-пустынѣ». Какъ и всякая даровитая натура, С., едва выучившись грамотѣ, съ жадностью набросился на чтеніе, причемъ поглощалъ все, что попадалось подъ руки,—сказки, путешествія, романы. Между прочимъ онъ наткнулся также на нѣсколько романовъ Мерзлякова, пѣсень Цыганкова и басенъ Дмитріева и за чтеніемъ этихъ стихотвореній, по собственному признанію, впервые самъ почувствовалъ смутное влечение къ поэзіи. Привыкнувъ учиться грамотѣ «на старинный ладъ», нараспѣвъ,

мальчикъ и стихи не читалъ, а распѣвалъ; эта манера осталась у него почти на всю жизнь и сослужила ему известную службу: когда онъ началъ самъ писать, то размѣръ стиховъ долгое время провѣрялъ пѣніемъ, оставивъ этотъ «натуралистъ» методъ только значительно позже, когда познакомился съ теоріей стихосложенія. Еще болѣе пріохотилъ его къ чтенію жившій въ одномъ домѣ съ нимъ мелкій чиновникъ, «отставной семинаристъ» Ксенофонть Добротворскій, неудачникъ и съ виду угрюмый пессимистъ, но въ сущности человѣкъ добрѣйшей души, къ тому же имѣвшій недурную библіотечку.

Какъ только мальчикъ нѣсколько подросъ и отецъ замѣтилъ, что сынъ можетъ быть ему полезенъ въ торговлѣ, онъ послѣдний засадить его за прилавокъ, вооружившись вѣстѣ съ тѣмъ противъ склонности мальчика къ чтенію и противъ завязанныхъ имъ у Добротворскаго знакомствъ съ нѣсколькими интеллигентными лицами. Строгости, почти гнетъ отца тяжелымъ образомъ отражались на С., но своего любимаго занятія онъ не бросилъ и урывками, украдкой поглощалъ книгу за книгой. Смутное влеченіе его къ поэзіи вскорѣ реальнымъ образомъ выразилось въ формѣ стихотворенія, написанного имъ подъ сильнымъ впечатлѣніемъ пожара, случившагося въ ихъ домѣ. «Дерзай, юноша», сказалъ ему Добротворскій, прочитавшій этотъ первый опытъ. Похвала изъ устъ такого непогрѣшимаго, по мнѣнію С., человѣка окрылила его, и за первымъ стихотвореніемъ послѣдовалъ рядъ пѣсень, написанныхъ преимущественно въ формѣ пѣсенъ. Уже въ этихъ опытахъ, изъ которыхъ сохранились только немногіе, чувствовался талантъ, свѣтилось искреннее чувство и искрилась теплота, хотя, какъ произведенія незрѣлыхъ, они страдали, разумѣется, значительными недостатками — неточностью образовъ, отсутствиемъ простоты и пластичности, подражаніемъ, иногда манерностью. При тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ онъ жилъ у отца, работать надъ усовершенствованіемъ стиля и устраненіемъ недостатковъ было чрезвычайно трудно, тѣмъ болѣе, что малообразованный юноша только инстинктомъ поэта чувствовалъ недостатки своихъ стихотвореній, но яснаго представленія объ этомъ онъ не имѣлъ и имѣть не могъ. Къ 1857 г., т. е. когда С.

было 16 лѣтъ, изъ написанного имъ состоялась довольно объемистая тетрадь, которую онъ, по совету своихъ друзей и съ рекомендательнымъ письмомъ профессора К. Ф. Рулье, отнесъ къ одному изъ русскихъ поэтовъ. Послѣдній принялъ въ немъ теплое участіе, указалъ на недостатки, дать указанія, какъ избѣжать ихъ, и пр. Но неблагопріятный отзывъ другого поэта, на судъ котораго С. также отдалъ свои опыты, отзывъ рѣзкій, почти безжалостный, чрезвычайно тяжело отразился на молодомъ таланту. С. однако не пришелъ въ полное уныніе и не забросилъ своихъ занятій, но сталъ къ своему творчеству относиться серьезнѣе и строже, началь трудиться надъ обработкой стиха и формы, надъ звучностью, плавностью и браткостью стиха, — и эта упорная работа постепенно привела его къ простотѣ и художеству образовъ. Этотъ періодъ въ жизни С. совпалъ съ временемъ расцвѣта торговыхъ дѣлъ у его отца, отрывшаго еще одну лавку, значительно больше первой. С. хотя и просиживалъ долгими часами за прилавкомъ и отчетностью, все же имѣлъ и нѣкоторое свободное время, которое онъ цѣликомъ могъ посвящать своимъ любимымъ занятіямъ. Но скоро отецъ его, возбужденный успѣхомъ и сгорая нетерпѣніемъ быстро разбогатѣть, началъ играть на скачкахъ; дѣла его приняли дурной оборотъ. Чтобы забыться, онъ сталъ пить, и это окончательно его раззорило. Прашлось закрыть сначала большую, затѣмъ и меньшую лавку; отецъ уѣхалъ въ деревню, а С. вынужденъ былъ поступить въ подручные къ своему дядѣ, брату отца, старику приворчливому и капризному, имѣвшему тоже овощную лавочку. Жилось С. у дяди еще хуже, чѣмъ прежде — весь его день уходилъ на подметаніе лавки, услуги покупателямъ и развозку на тачкѣ товаровъ по заказчикамъ. Въ это время, длившееся около 1 $\frac{1}{2}$ лѣтъ, С. долженъ былъ почти совсѣмъ забросить любимое чтеніе и совершенно прекратить занятія надъ усовершенствованіемъ своего дарованія. Когда жизнь у дяди стала совсѣмъ невыносимой, С. продалъ все, что могъ, сколотилъ кое-какіе гроши, за 10 руб. снялъ маленькое помѣщеніе на Тверской и вмѣстѣ съ матерью стала скучать и продавать старый ломъ желѣза, мѣди, тряпье и пр. Торговля пошла довольно бойко, особенно когда

стали продавать также уголь, сначала дровесный, а затѣмъ и каменный. Въ 1860 г. С. женился на сиротѣ М. К. Ермаковой, съ которой жилъ вполнѣ счастливо до конца жизни.

Самостоятельность С. позволила ему вернуться вновь къ своимъ любимымъ занятиямъ. Къ этому времени относится его знакомство съ поэтомъ А. Н. Плещеевымъ, который въ опытахъ С. призналъ зачатки яркаго таланта, отнесся къ нему весьма сочувственно и поощрилъ его къ дальнѣйшему творчеству и самообразованію. Нѣсколько наиболѣе удачныхъ стихотвореній Плещеевъ передалъ Ф. Б. Миллеру, редактору «Развлеченія». Первое изъ нихъ появилось въ этомъ журналь въ 1863 г. Окрыленный успѣхомъ, С., какъ истинный талантъ, сталъ еще строже относиться къ своимъ произведеніямъ и, при тѣпломъ участіи Плещеева, еще усерднѣе работать надъ совершенствованіемъ стиха и формы. Жизнь С., хотя и трудная, стала кое-какъ налаживаться. Но вскорѣ умерла его мать, а изъ деревни прїехалъ отецъ, который, поселившись у сына, сталъ вести нетрезвую жизнь, а затѣмъ женился во второй разъ на раскольнице, оказавшейся женщиной тяжелаго и сварливаго характера. С. вмѣстѣ съ женой ушелъ отъ отца. Началась жизнь, полная тяжелыхъ страданій, лишений и скитаний, пошли безконечные поиски работы. С. испробовалъ всякия профессіи — былъ переписчикомъ, снова поступилъ въ подручные къ своему дядѣ, но не вынесъ его гнета и упѣль, наконецъ, поступилъ ученикомъ въ типографію, но, проработавъ всего нѣсколько дней, заболѣлъ и слегъ. Нужда въ семье была страшная, все было продано и заложено; дѣло дошло до того, что С., оправившись нѣсколько отъ болѣзни, одно время помышлялъ даже о самоубійствѣ. Послѣ ухода мачехи, обобравшей своего мужа, С. переселился къ отцу и вновь принялъся за торговлю и за перо. Произведенія его стали появляться въ рядѣ журналовъ — «Развлеченія», «Воскресномъ досугъ», «Иллюстрированной Газетѣ». Талантъ его постепенно крѣпнетъ, принимаетъ опредѣленное направление, извѣстность его растетъ. Несмотря на это, печатаются его не всегда охотно. «Если бы я рассказалъ тебѣ мои неудачи (литературныя), — пишетъ онъ по этому поводу въ 1872 г. И. Г.

Воронину, — ты бы вѣрно сказалъ: какъ это тебя угораздило все вынести и не пасть духомъ?.. Да вотъ, устоять же... Только робкій дома сидѣть остается». Въ 1870 г. одно изъ его стихотвореній появилось въ «Дѣлѣ», и съ этихъ порь С. стала часто печататься въ этомъ журналь, поощряемый издателемъ Благородствовыемъ и стоявшимъ близко къ редакціи А. К. Теллеромъ. Въ 1871 г. отпечатано первое собраніе его стихотвореній, въ которое вошло 54 пьесы.

Самъ поэтъ-самоучка, С. чрезвычайно сочувственно относился къ такимъ же, какъ и онъ, самородкамъ, гибнущимъ подъ тяжестью неблагопріятныхъ житейскихъ условій. Чтобы поднять въ нихъ духъ и вѣру въ себя, онъ черезъ публикацію призываетъ ихъ объединяться и издать свой сборникъ, сборникъ исключительно поэтовъ-самоучекъ. Цѣлый рядъ ихъ отозвалось на призывъ С., и онъ организовалъ кружокъ, въ который вошли Тарусинъ, Кондратьевъ, Деруновъ, Рассореновъ, Григорьевъ, Радионовъ, Козыревъ (племянникъ С.) и др. Кружокъ, полный оживленія, энергіи и обмына мыслей, въ 1872 г. выпустилъ свой первый альманахъ «Разсвѣтъ». Это было лучшамъ временемъ С. Въ этотъ же періодъ онъ написалъ рядъ былинъ, сказаний и поэмъ: «Садко» («Бѣсты. Евр.», 1872), «Богатырская жена», «Василько», «Какутъ Великій», «Казнь Стенька Разина», «Правежъ», «Удалой», — и много простыхъ образныхъ, полныхъ тепла и свѣжести стихотвореній для дѣтей (печатались въ «Дѣтскомъ Чтеніи», «Семѣи и Школѣ», «Воспитаніи и Обученіи», «Сборникахъ» А. Н. Якоби и пр.).

На творчество С. незгладимую печать наложила его собственная жизнь, полная горя, лишений и страданій. Въ своихъ простыхъ прочувствованныхъ стихахъ онъ правдиво выражалъ все то, что онъ пережилъ и выстрадалъ, и не только онъ, но тысячи и десятки тысячъ дѣтей народа. Какъ его страданія являются не только личными, ему одному присущими, а характеризуютъ цѣлые народные слои, такъ и его творчество отражаетъ чувства не только его самого, но и многихъ пасынковъ жизни, борющихся съ гнетущими условіями жизни и въ этой борбѣ изнемогающихъ. Область житейскихъ невзгодъ и страданій является лейтмотивомъ въ про-

изведеніяхъ С., и только въ этой области онъ остается самимъ собою — настоящимъ, непосредственнымъ лирикомъ: съ глубокимъ чувствомъ и неподдельной искренностью оцѣниваетъ онъ тяжелую крестьянскую долю, скорбить о погибшихъ въ жизненной борьбѣ силахъ, обѣ унуженныхъ и оскорблѣнныхъ, мучается людскимъ безсиліемъ вообще и своимъ въ частности.

Въ этого же онъ часто впадаетъ въ риторику, перестаетъ быть самимъ собою и обнаруживаетъ явные слѣды подражанія Кольцову, Некрасову, Никитину, Михайлову-Шеллеру. Прекрасно удаются С. также и небольшія картинки природы (стих.: «На берегу», «На дорогѣ», «Въ воздухѣ смолкаетъ», «Весной», «На одрѣ», «На чужбинѣ», «Ночью», «Отъ деревьевъ тѣни», «Сонъ и пробужденіе», «Помниши: были годы», «У могилы матери» и др.).

Характеръ своего творчества самъ С. опредѣляетъ въ слѣдующемъ восьмистишиї:

Мѣ доставались нелегко
Моей души больны звуки,
Страдаль я серднемъ глубоко,
Когда слагалась пѣсня муки.
Я въ пѣснѣ жить не головой.
А жилъ скорбяща душою,—
И оттого мой стонъ больной
Звучитъ тяжелою тоскою.

Еще ярче проявляется, можетъ быть, эта самохарактеристика въ другомъ стихотвореніи, гдѣ поэтъ говоритъ: «...Грустны пѣсни мои, какъ осенне дни: звуки ихъ — шумъ дожда, за окномъ вѣтра вой. То рыданья души, стоны груди больной».

Въ 1875 г. вышло 2-е изданіе «Сборника стихотвореній» С., довольно быстро разошедшееся. О С. заговорила печать, если и не всегда сочувственно, то во всякомъ случаѣ вполнѣ серьезно, какъ о несомнѣнномъ талантѣ, а «Общество любителей русской словесности въ Москвѣ» избрало его въ свои члены.

Между тѣмъ тяжелая условія жизни С. скоро подорвали его здоровье и силы, и съ 1879 г. онъ начиняетъ серьезно прихварывать; у него развивается чахотка. Третье изданіе его произведеній, вышедшее въ 1877 г. у Солдатенкова, дало ему кое-какія средства, и онъ по совѣту врачей весною 1878 г.ѣздила лечиться въ кумысолечебное заведеніе (въ Самарскихъ станицахъ), а въ 1879 г. съ той же цѣлью чѣлоторое время жилъ въ Крыму. Но было

уже поздно; чахотка прогрессировала, и дни его были сочтены. 24 апреля 1880 г. онъ умеръ и похороненъ на Пятницкомъ кладбищѣ въ Москвѣ. Въ апрѣль 1910 г. въ Москвѣ и отчасти и въ другихъ городахъ литературными обществами праздновалась память 30-лѣтія со дня кончины С. и на могилѣ его былъ сооруженъ памятникъ.

Стихотворенія С. выдержали 4 изданія. Лучшее изъ нихъ послѣднее (М., 1885 г.), при которомъ помѣщено и подробный биографический очеркъ жизни С., написанный его другомъ, Н. А. Соловьевымъ-Несмѣловымъ.

Важнѣйшимъ материаломъ для биографіи С. являются его письма къ различнымъ лицамъ (напечатаны при 4-мъ изданіи его произведений) и упомянутый «Биографическій очеркъ С. Соловьева-Несмѣлова (тамъ же); неполныя свѣдѣнія разбросаны въ повременной печати; «Голосъ», 1880 г., № 118 (некрологъ), «Иллюстрированная Газета», 1871 г., № 17. Въ связи съ 30-лѣтней годовщиной со дня смерти С. въ газетахъ петербургскихъ («Новое Время», «Русь», «Рѣчь») и московскихъ («Голосъ Москвы», «Русское Слово») отъ 23—25 апреля 1910 г. помѣщены болѣе или менѣе бѣглые статьи, посвященные жизни и творчеству С.

Сурковъ, Владими́ръ Прохоровичъ, контр-адмираль, родился въ 1789 г., умеръ 11 декабря 1855 г., воспитаніе получило въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ который поступилъ 1 августа 1802 г., а выпущенъ изъ него въ чинѣ гардемарина былъ 20 мая 1809 г. До 1812 г. С. служилъ въ Балтійскомъ флотѣ, откуда съ производствомъ въ мичманы былъ переведенъ въ Черноморскій флотъ, на судахъ котораго прослужилъ лишь 2 года и снова перешелъ въ Кронштадтъ. Въ 1824 г. С., въ чинѣ лейтенанта, на шлюпѣ «Мезень» ходилъ изъ Кронштадта въ Архангельскъ и обратно, черезъ два года на фрегатѣ «Елена» плывалъ къ берегамъ Англии, на томъ же фрегатѣ въ 1827 г. изъ Кронштадтаѣздила въ Портсмутъ, а оттуда въ Средиземное море, гдѣ участвовалъ въ Наваринскомъ сраженіи, за отличие въ которомъ былъ удостоенъ Владимира 4-й ст. съ бантами и чина капитанъ-лейтенанта. Между 1828—1830 гг. С. на корабляхъ «Азовъ» и «Князь Владимиръ» крейсировалъ въ Архипелагѣ и находился при блокадѣ Дарданелль, по

окончаній которой возвратился въ Кронштадтъ. Награжденный «за 25-тилѣтіе въ офицерскихъ чинахъ» Георгіемъ 4-й ст., онъ въ 1831 г. былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга, черезъ 3 года—1-го ранга и назначенъ въ Архангельскъ, где въ теченіе 1842—1846 гг. командовалъ 9-мъ флотскимъ экипажемъ. Производствъ С. въ контръ-адмиралы состоялось 16 января 1846 г.; вмѣстѣ съ этимъ онъ былъ по прошенію уволенъ отъ службы.

„Общій морской списокъ“, ч. VIII, Спб., 1894 г., стр. 273—274.

Сурковъ, Иванъ Александровичъ, дворянинъ Лифляндской губерніи, родился 18 января 1809 г. и по окончаніи образованія въ Дворянскомъ полку выпущенъ въ 1828 г. прапорщикомъ во 2-й Морской цехъ; со своимъ полкомъ онъ принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ 1830—1831 гг., причемъ выполнилъ удачно самостоительную командировку въ Свѣнцians для охраны этого города отъ нападеній мятежниковъ. Въ 1833 г. С. перевелся въ 6-й пѣхотный Либавский полкъ и съ нимъ участвовалъ въ Венгерскомъ походѣ 1849 г. и въ охранѣ береговъ Лифляндіи и Курляндіи во время Восточной войны. Въ 1854 г. С. былъ назначенъ командромъ своего же полка и съ нимъ выступилъ для усмиренія польского мятежа 1863 г., во время которого неоднократно получалъ въ командование отряды для выполненія отдѣльныхъ задачъ по преслѣдованію мятежниковъ и занятію ихъ лагерей, а равно захвату оружія и боевыхъ припасовъ. Полкомъ С. командовалъ до 1867 г., когда состоялось его назначеніе Люблинскимъ губернскимъ воинскимъ начальникомъ и начальникомъ Люблинского военнаго госпитала; на этой должностіи С. былъ произведенъ (1869) въ генераль-маиора. Скончался 28 февраля 1872 г.; погребенъ С. на приходскомъ Рождествено-Богородицкой церкви кладбищѣ. Высшей наградой С. имѣлъ орденъ Св. Владимира 3-й степени съ мечами, полученный имъ въ 1863 г.

Формуляръ въ Общемъ архивѣ Главнаго штаба, дѣло 3 стола, 6 отд. 1872 г., № 208.

Суровцевъ (также **Суровцовъ**), Григорій Степановичъ, профессоръ Ка-

занского университета по каѳедрѣ россійской словесности, род. въ 1786 г.; первоначальное образование получилъ въ Вологодской духовной семинаріи, затѣмъ быть зачисленъ въ студенты Троице-Сергіевской лаврской духовной академіи, по окончаніи курса въ которой въ 1807 г. былъ назначенъ учителемъ риторики, греческаго и французскаго языковъ въ ту же Вологодскую семинарію, а въ 1814 г. переведенъ преподавателемъ тѣхъ же предметовъ въ Калужскую семинарію, где некоторое время состоялъ также инспекторомъ. Въ 1820 г. С. уволился изъ духовнаго вѣдомства и поступилъ на службу въ канцелярію медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. Ярый консерваторъ, заряженный мистицизмомъ, господствовавшимъ некоторое время по окончаніи наполеоновскихъ войнъ въ высшихъ и среднихъ кругахъ русскаго и въ особенности петербургскаго общества, С. попалъ въ милость къ попечителю Казанскаго университета М. Л. Магницкому, превратившему этотъ университетъ чуть ли не въ средневѣковый католический монастырь; по предложению Магницкаго, разносильному приказу, С. 15 апрѣля 1822 г. былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ Казанскаго университета по каѳедрѣ россійской словесности, хотя не имѣлъ ни ученой степени, ни ученыхъ трудовъ. Съ октября 1822 г. онъ былъ назначенъ завѣдывающимъ университетской типографіей, въ 1824—1829 гг. занималъ должность синдика университета, 19 февраля 1829 г. утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по занимаемой каѳедрѣ, въ 1831 г. ему было поручено временно читать лекціи по всеобщей исторіи, въ томъ же году былъ назначенъ и. д. декана нравственно-политического отдѣленія, а въ 1832 г.—деканомъ словеснаго отдѣленія. Уволенъ изъ университета 11 января 1840 г.; умеръ въ 1860 г. Всѣ труды С. написаны имъ уже тогда, когда онъ занималъ профессорскую каѳедру. Напечатаны изъ нихъ слѣдующіе: «Рѣчь о духовномъ проповѣдническомъ краснорѣчія, сравнительно съ древнеязыческимъ, произнесенная въ торжественномъ собраниіи университета 15 сентября 1825 г.» («Казанск. Вѣсти.», 1825 г.; вышла также отдельно); «Вятская исторія» (тамъ же, 1825—27 гг.); «О началь и происхожде-

ніи бумажныхъ денегъ» (тамъ же, 1827 г.); «О пребываніи Императора Петра Великаго въ Нижнемъ-Новгородѣ» (тамъ же, 1827 г.); «Статистическое описание Нижегородской губерніи» (тамъ же, 1828 г.); «О заслугахъ Ломоносова въ отечественной словесности» (Казань, 1826 г.); «Объ основаніяхъ изящнаго» («Учен. Записки Казанск. Универс.», 1835, III, также отдельно); «О чувашскомъ языке» (тамъ же, 1837, I и отдельно); «Нѣчто о собраніи областныхъ словъ» (тамъ же, 1839, II и отдельно).

Загоскинъ. «Біографіческій словарь профессоровъ и преподавателей Императ. Казанск. университета. 1804—1904 гг.», Спб., 1904 г., ч. I, стр. 174, и ч. II, стр. 81. — В. Григорьевъ, «Императ. С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50-ти лѣтъ его существованія», Спб., 1870, стр. 34. — Н. Поповъ, «Общество любителей отечественной словесности и periodическая литература въ Казани», «Русск. Вѣсти.», 1859 г., т. XXIII.

Суровцовъ, Михаилъ Пльничъ, генераль-маоръ, изъ корабельныхъ мастеровъ, начальникъ корабельныхъ инженеровъ Черноморского флота. На службу поступилъ въ 1780 г. въ мачтовые ученики, въ 1794 г. произведенъ въ корабельные подмастерья прапорщикяго чина, два года спустя въ поручики, а въ 1798 г. — въ корабельные мастера маорскаго чина и назначенъ въ Черноморскій флотъ. Въ 1826 г. произведенъ въ 4-й классъ, черезъ годъ переименованъ въ инженеръ-генераль-маоры и назначенъ на должность оберъ-интенданта Черноморской исполнительной экспедиціи. Послѣ присоединенія корпуса корабельныхъ инженеровъ Черноморскаго флота къ корпусу Балтійскаго флота (1831 г.) С. назначенъ начальникомъ корабельныхъ инженеровъ и предсѣдателемъ кораблестроительного и ученаго комитета. За успѣхи, оказанные имъ въ дѣлѣ кораблестроенія, въ 1807 г. награжденъ орденомъ св. Владимира 4-й степени, въ 1822 г. за проведеніе черезъ мелкій Днѣпровскій лиманъ 110-пушечнаго корабля «Императоръ Францъ» по новому, имъ самимъ выработанному проекту удостоенъ ордена св. Анны 2-й ст. Во время его предсѣдательствованія въ кораблестроительномъ комитетѣ было построено четыре 110-пушечныхъ корабля, четыре 84-пушечныхъ и одиннадцать 74-пушечныхъ,

всего — 19 кораблей съ 1.580 пушками большей частью мелкаго калибра; тѣмъ же комитетомъ и въ то же время было построено кромѣ того 11 фрегатовъ и 2 парохода (одинъ изъ первыхъ Россіи) по сто силь каждый. Умеръ С. 3 января 1883 г.

«Записки Ученаго Комитета Морскаго Штаба», 1833 г., ч. II, стр. 339—341.—«Общий морской списокъ», ч. VIII, Спб., 1894 г., стр. 620—621.—«Полное Собр. Законовъ», т. XVIII, стр. 696; т. XXIII, стр. 147.—«Материалы для истории русского флота», т. XV, стр. 494, 529, 589; т. XVII, стр. 36, 372, 392, 590.

Суровцовъ, Василий Васильевичъ, одинъ изъ первыхъ фабрикантовъ сукна; имѣлъ фабрику въ Москвѣ. Въ 1730—1760 гг. былъ поставщикомъ сукна въ казну. Въ 1745 г. заявилъ, что подчиненіе его, какъ поставщика, двумъ вѣдомствамъ — комиссариату и мануфактурь-коллегіи, — предъявляющихъ различные, часто непримиримыя требования къ качеству товара, онъ дольше не можетъ сносить, а потому просить принять его фабрику въ казну, въ противномъ же случаѣ онъ слагаетъ съ себя ответственность за поставку установленного количества сукна. Просьба была отклонена. Въ 1758 г. у него на фабрикѣ произошли волненія рабочихъ, за которыхъ нѣсколько рабочихъ и самъ С. были взяты подъ арестъ. Въ 1767 г. онъ былъ избранъ въ депутаты для выбора головы и депутата гор. Москвы въ комиссию о сочиненіи Нового Уложения.

Журналы сената отъ 11 января и 9 декабря 1745.—«Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общ.», т. IV, стр. 20.—М. Туганъ-Барановский, «Исторія русской фабрики». — С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. «Общ. Пользы», кн. 5, стр. 335, 1258.

Сусанинъ, Иванъ Осиповичъ (отчество вѣроятно, но не достовѣрно), крестьянинъ Костромского уѣзда, села Домнина (бывшаго вотчиной Романовыхъ), извѣстенъ въ русской исторіи какъ спаситель жизни царя Михаила Федоровича отъ злыхъ умысловъ отряда польскихъ и литовскихъ людей. Больше или менѣе опредѣленныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній о жизни этого героя изъ народа почти не сохранилось, почему личность его является до извѣстной степени легендарной. Долгое время единственнымъ документальнымъ источникомъ, сообщающимъ некоторыя данные о подвигѣ

и жизни С., была грамота царя Михаила Федоровича, пожалованная имъ «по совету и прошению матери» 30 ноября 1619 г. зятю С., крестьянину того же Костромского уѣзда и села Домнина, Богдану Сабинину. Этой грамотой «Богданкѣ» были дарованы многія милости за то, что его тещь, Иванъ С., котораго польские и литовскіе люди «изымали и пытали великими и немѣрными пытками», выѣдывая, гдѣ «въ тѣ поры великий государь, царь и великий князь Михаилъ Федоровичъ... про то вѣдая и терпя немѣрные пытки»... тѣмъ не менѣе сохранилъ тайну, «про наасъ не сказать... и за то польскими и литовскими людьми быть замученъ до смерти». Констатируя фактъ подвига, грамота въ то же время совершено обходитъ молчаніемъ тѣ вѣнчанія условія, среди которыхъ она со-вершился. Послѣдующія жалованія и подтверждительныя грамоты 1641, 1691 и 1837 гг., данная потомкаѣ С., только повторяютъ слова грамоты 1619 г., не прибавляя никакихъ новыхъ фактическихъ свѣдѣній. Съ другой стороны, въ лѣтописяхъ, хроникахъ и другихъ письменныхъ документахъ и источникахъ XVII в. ничего не говорится о С.; не упоминается о немъ нигдѣ и въ дочесеніяхъ и опи-саніяхъ иностраннѣхъ пословъ, путешес-твенниковъ и историковъ, бывавшихъ въ Россіи въ тѣ времена; только на родинѣ С. преданія о подвигѣ его не переставали жить и передавались изъ рода въ родъ. До второй половины XVIII в. никто, по-видимому, и яе думалъ видѣть въ С. спасителя жизни первого представителя изъ дома Романовыхъ на русскомъ престолѣ. Насколько известно, впервые подвигъ С. именно въ этомъ смыслѣ освѣщенымъ костромскимъ архiereемъ Дамаскинымъ въ его привѣтственной рѣчи Импер. Екатеринѣ II, въ 1767 г. посѣтившей Кострому; въ исторической же литературѣ о С. первымъ заговорилъ въ 1792 г. полковникъ Ив. Васильковъ, авторъ «Собрания истори-ческихъ извѣстій, относящихся до Ко-стромы», который изображаетъ подвигъ С. слѣдующими чергами: «...Села Домнина кре-стьянинъ Иванъ Сусанинъ въ 1613 г. во время впаденія въ Костромской уѣздѣ по-искомъ противъ особы Михаила Федоро-вича, поляками и литовцами бывъ пой-манъ, разными истязанъ муками и въ страданіи умерщвленъ, но твердый духъ

его, зная о мѣстѣ пребыванія искомаго, скрылъ испытываемую имъ тайну и при-несъ жизнь въ жертву для цѣлости особы, къ утвержденію государства сохраняемой»... Еще болѣе яркими штрихами какъ спаси-теля царской особы обрисовалъ С. Щекатовъ въ 3-мъ томѣ своего «Географиче-скаго словаря» (1804 г.), а вслѣдъ за-нимъ Сергѣй Глинка въ своей «Исторіи» прямо возвѣль С. въ идеаль народной доблести, причемъ описание его подвига украсило рядомъ подробностей, или про-сто сочиненныхъ, или же неизвѣстно гдѣ почерпнутыхъ. Рассказъ Глинки, почти дословно повторенный и Бантышъ-Камен-скимъ въ «Словарѣ достопамятныхъ людей земли Русской», сдѣлался общепринятымъ для учебниковъ исторіи; вмѣстѣ съ этимъ личность и подвигъ С. стали любимыми сюжетомъ и для поэзіи, написавшихъ о немъ цѣлый рядъ стихотвореній, думъ и драмъ, и для популяризаторовъ, давшихъ многочисленные рассказы и повѣсти для народа на эту тему, и, наконецъ, для музыкальныхъ композиторовъ, въ этой про-стой и трогательной исторіи искавшихъ источники вдохновенія. Изъ литературныхъ и музыкальныхъ произведеній на эту тему особенно известны: «Иванъ Сусанинъ», дума Рыльева, «Костромскіе яѣса», драма Н. Человѣко и опера—«Жизнь за Царя» М. И. Глинки и Иванъ Сусанинъ» Кавоса. По просьбѣ костром-скихъ дворянъ Императоръ Николай I повелѣлъ воздвигнуть въ Костромѣ С. памятникъ «во свидѣтельство, что благородные потомки видѣли въ безсмертномъ подвигѣ Сусанина спасеніе жизни новоизбранного русской землею царя чрезъ пожертвованіе своей жизни, спасеніе пра-вославной вѣры и русскаго царства отъ чужеземнаго господства и порабощенія».

Отсутствие историческихъ источниковъ, которые подтверждали бы грамоту царя Михаила Федоровича отъ 30-го ноября 1619 г., и разногласіе авторовъ, повѣ-ствовавшихъ о подвигѣ С., побудили Н. И. Костомарова отнести критически къ постепенно создавшейся версіи объ этомъ подвигѣ. Исходя главнымъ обра-зомъ изъ того, что сохранившимися источ-никами не подтверждается присутствіе польско-литовскаго отряда близъ с. Дом-нина, что въ началѣ 1613 г., къ кото-руму времена пріурочивается подвигъ С.,

Михаилъ Федоровичъ со своею матерью жилъ не въ с. Домнино, а въ укрѣпленномъ Ипатьевскомъ монастырѣ, и что въ современныхъ С. или близкихъ къ его времени лѣтописяхъ и хроникахъ о немъ ничего не говорится, Костомаровъ отрицаетъ прописываемый С. фактъ спасенія новопизбраннаго царя; гибель же С. онъ объясняетъ лишь какъ одну изъ безчисленныхъ жертвъ, погибшихъ отъ разбойниковъ, столь многочисленныхъ въ Смутное время; что же касается сохранившихся среди земляковъ С. преданій о его подвигѣ, то онъ находилъ ихъ запутанными и противоречивыми, чтобы на ихъ основаніи можно было сдѣлать какіе-либо положительные выводы, и считалъ ихъ навѣяными еніжными источниками, «пришедшими къ домнинацамъ отъ тѣхъ, кто почерпнулъ ихъ изъ книгъ, а не наоборотъ». Костомарову горячо возражали С. М. Соловьевъ въ «Нашемъ Времени», протоіерей Домниинскій въ «Русскомъ Архивѣ», Дорогобужинъ (тамъ же и отдѣльной брошюрою), М. П. Погодинъ въ «Гражданіи», бар. Николай Нольде и др., но все ихъ возраженія опирались либо на недостовѣрныхъ народныхъ преданіяхъ, либо на первой грамотѣ отъ 1619 г. и, не подкрепленныя новыми фактическими данными или историческими документами, носили преимущественно теоретический и для данного случая мало доказательный характеръ; полемика въ значительной своей части свелась къ тому, какъ понимать иѣкоторые выраженія въ древнихъ грамотахъ. Однако съ конца 1870 гг., и особенно въ 1880-хъ годахъ, когда повсюду были организованы губернскія архивныя комиссіи и мѣстныя историческія общества, занявшіяся разысканіемъ и описью древнихъ актовъ, стали обнаруживаться новые документы о подвигѣ С., открылись почти современные ему многочисленныя рукописныя «записки» и «преданія» XVII и XVIII вв., въ которыхъ авторы съ явнымъ преклоненіемъ пишутъ о подвигѣ С. и о немъ самомъ, иерѣдко называя его «мученикомъ». На основаніи такихъ нигдѣ ранѣе неизданныхъ рукописныхъ или же малоизвѣстныхъ печатныхъ источниковъ В. А. Самаранову въ 1882 г. удалось пролить иѣкоторый свѣтъ на этотъ спорный исторический пунктъ; въ своей книгѣ «Памятіи Сусанина» онъ собралъ много-

численныя данныя, изъ которыхъ явствуетъ: 1) въ 1613 г. въ Костромской и Галичской уѣздахъ действительно приходили польские и литовскіе люди, рыскали во-округъ с. Домнина, пытали многихъ встрѣчавшихся поселянъ съ цѣлью узнать отъ нихъ мѣстопребываніе царя, чтобы захватить или убить его какъ соперника польского королевича Владислава; 2) Михаилъ Федоровичъ въ это время жилъ несомнѣнно въ своей вотчинѣ, с. Домнино; 3) о его точномъ мѣстопребываніи знала, повидимому, одинъ С., бывшій приказчикомъ или старостой въ Домнино; былъ ему известенъ и фактъ избрания на царство его боярина; 4) именно по совѣту С. царь скрылся отъ ляховъ въ Ипатьевской монастырѣ; 5) С. былъ польско-литовскимъ отрядомъ убитъ послѣ продолжительныхъ и мучительныхъ пытокъ. Положенія Самаранова подтверждаются и позднѣе найденными документами, хранящимися въ Костромской комиссіи, въ археологическомъ институтѣ и др. учрежденіяхъ.

Въ результатѣ всѣхъ историческихъ изысканій подвигъ С. представляется въ слѣдующемъ видѣ: Иванъ С. былъ старостою родовой вотчины Романовыхъ, села Домнина, въ которомъ вѣкоторое время послѣ избрания на престолъ жилъ молодой царь Михаилъ Федоровичъ вмѣстѣ со своею матерью, Марею Ивановною. Костромской уѣздѣ, въ предѣлахъ котораго находилось Домнино, какъ только распроспрашивалась вѣсть объ избрании на царство вмѣсто королевича Владислава представителя русскаго боярскаго рода, наводнился польско-литовскими отрядами, искашившими царя съ цѣлью убить его. Одинъ изъ такихъ отрядовъ рыскалъ въ окрестностяхъ Домнина и хваталъ встрѣчавшихся по пути поселянъ, при помощи пытокъ стараясь выѣдать у нихъ точное мѣстопребываніе Михаила Федоровича. Въ числѣ скваченныхъ былъ и С., который, какъ староста Домнина и довѣренный человѣкъ своего боярина, одинъ лишь зналъ о точномъ мѣстопребываніи послѣдняго. Въ дальнѣйшемъ разсказъ имѣть двѣ версіи. Болѣе извѣстная и популярная, но въ сущности менѣе достовѣрная изъ нихъ гласить, что С., послѣ иѣкоторыхъ пытокъ, взялся быть проводникомъ отряда, но забѣль его въ противоположную отъ Домнина сторону, пославъ передъ уходомъ

своего зятя Богдана Сабинина къ Михаилу Федоровичу съ совѣтомъ укрыться въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Только на слѣдующій день открылъ С. полякамъ, заведеннымъ въ дремучія лѣсныя чащи, свой обманъ, за который и былъ ими, послѣ разнообразныхъ пытокъ, «изрубленъ въ мелкие куски». Ясно, что эта версія малодостовѣрна, такъ какъ всѣ пытки и смерть С., въ некоторыхъ источникахъ описанная съ различными деталями, никому не могли быть извѣстны, тѣмъ болѣе, что по этой же версіи погибъ и весь польско-литовскій отрядъ, заблудившійся въ лѣсныхъ дебряхъ. По другой, болѣе достовѣрной версіи, С. просто отказался что-либо сообщить, въ то же время пославъ своего зятя съ предупрежденiemъ и совѣтомъ Михаилу Федоровичу; поступили же поляки съ нимъ такъ жестоко именно потому, что онъ одинъ зналъ о мѣстопребываніи царя, о чёмъ было извѣстно и полякамъ со словъ другихъ поселянъ. По этой версіи, С. «пытали великими немѣрными пытками, садили на столбъ, рубили на мелкія части и замучили до смерти» не въ глухомъ лѣсу, а въ с. Исуповѣ, въ присутствіи многихъ поселянъ, для устрашения послѣднихъ. Смерть С. произошла въ 1613 г. Сохранилось извѣстіе, что по восшествіи на престолъ Михаила Федоровича велѣлъ перенести тѣло С. изъ Домнина, гдѣ были погребены его останки, въ Ипатьевский монастырь; это обстоятельство, если только оно было въ дѣйствительности, еще болѣе подтверждаетъ вѣроятіе второй версіи, такъ какъ въ лѣсныхъ дебряхъ тѣло едва ли могло быть разыскано.

Въ 1619 г. Богданъ Сабининъ за по-
дигъ тестя былъ пожалованъ отъ Михаила
Федоровича грамотою, которую велѣно было
«половину деревни Деревицъ, на чёмъ
онъ Богдашка нынѣ живеть, полторы чети
выти земли обѣлить, съ тое полудеревни...
на чёмъ на Богдашкѣ и на дѣткѣ его,
и на внучатахъ, и на правнучатахъ, на-
шихъ никакихъ податей и кормовъ и под-
водъ и наметныхъ всякихъ столовыхъ и
хлѣбныхъ запасовъ, и въ городовыя по-
дѣлки, и въ мостовщину и въ иные и въ
какія подати плати съ нихъ не велѣ...»
Въ 1633 г. по завѣщанію царицы Мароны
дер. Деревицъ была отказана Московскому
Новоспасскому монастырю, потомство же

С. (дочь его Антонида Ивановна и внуки
Данила и Константій Богдановичи Саби-
нины) получило взамѣнъ пустошь Коробово
(49 верстъ отъ Костромы) съ тѣми же
льготами. Льготы и привилегіи потомковъ
С. (послѣ назывались Коробовскими бѣло-
панцами; изъ нихъ переписная ландрат-
ская книга, хранящаяся въ московскомъ
архивѣ министра юстиціи, называется Фе-
дора Константинова, Аникима Ульянова и
Ульяна Григорьевы) были подтверждены
грамотами въ 1641, 1691 гг. при Петре I и
Иоаннѣ Алексѣевичахъ, 8 декабря 1767 г.
при Екатеринѣ II и наконецъ въ 1837 г.
при Николаѣ I.

Полк. Васковъ, „Собрание историческихъ
извѣстій, относящихся до Костромы“, М.,
1792 г., стр. 48—49.—Н. И. Костомаровъ,
„Иванъ Сусанинъ“ въ „Историческихъ моно-
графіяхъ и изслѣдованіяхъ“, т. I, Спб.,
1867 г.—Его же, „Личности Смутного времени“,
„Вѣсты Евр.“, 1871 г., № 6.—Его же,
„Екатерина Алексѣевна, первая русская Импера-
трица“, „Древняя и Новая Россія“, 1877 г.,
№ 2.—Его же, „Смутное время Московского го-
сударства—московское разореніе“.—С. М. Соловьевъ,
„Возраженіе Костомарову“, „Наше
Время“, 1872 г., № 76.—Его же, „Исторія Рос-
сіи“, изд. „Общ. Польза“, кн. II, стр. 1045,
1396—1404.—М. П. Погодинъ, „За Сусанина“,
„Гражданинъ“, 1872 г., № 29, 1873 г., №№ 46
и 47.—Протоіер. Алексѣй Домнинскій,
„Правда о Сусанинѣ; сводъ мѣстныхъ пре-
даній“, съ предисл. В. И. Дорогобужина,
„Русск. Архивъ“, 1871 г., № 2, стр. 1—34.—
В. И. Дорогобужинъ, „Еще отповѣдь г. Косто-
марову“, „Русск. Арх.“, 1871 г., № 10, стр.
1729—1734.—Его же, „О томъ, какъ костром-
ской крестьянинъ Иванъ Сусанинъ положилъ
жизнь за царя“, М., 1872 г.—Бар. Никол.
Нольде, „Критико-исторический и психологи-
ческий разборъ статей г. Костомарова и г. Ка-
звелина“.—Самаряновъ, „Памяти Ивана Суса-
нина“, Кострома, 1-е изд. 1882, 2-е 1884 г.—
И. Колмогоровъ, „Замѣтка о потомкахъ Су-
санина“, „Древности и труды Археографич-
еской комиссіи при Имп. Московск. Общ.“, т. I, вып. 1,
1898 г.—Д. И. Иловайскій, „Смутное время
Московского государства“, М., 1898 г.—Кон-
стантиновъ, „Учебникъ истории“, Спб., 1820 г.,
стр. 139.—Кайдановъ, „Учебн. русск. истор.“,
Спб., 1834 г., стр. 177.—Устрыловъ, „Русск.
исторія“, т. I, стр. 298.—Глинка, „Исторія“,
т. VI, стр. 22—24.—Шекатовъ, „Географиче-
ский словарь“, т. III, Спб., 1804 г., стр. 748.—
Бантышъ-Каменскій, „Словарь достопамят-
ныхъ людей земли русской“, ч. 5, М., 1836 г.
—Статья безъ подп. „Московск. замѣтки“,
„Гражд.“, 1872 г., № 30.—„Историко-статист.-
описаніе Костромск. Ипатьевскаго монастыря“,
Костр., 1870 г., стр. 25—27, 164—168.—Кн.
Козловскій, „Вглядъ на исторію Костромы“,
Спб., 1840 г., стр. 94—98, 99—100, 157—159,
174—175.—Прот. Діевъ, „Описаніе Ипатьев-

скаго монастыря", Костр. 1855 г., стр. 87—80.
—Его же, „Первые два десятилетия XVI в. для костромской стороны“, Костр. Губ. Вѣд. 1854 г., № 47.—„Материалы для отечественной истории“, ibid., 1882 г., № 13.—„Списокъ населен. мѣстъ Россійск. Имперіи“, т. XVIII (Костр. губ.), Спб., 1877 г., стр. LXVII.—„Полное Собрание Госуд. Грам. и Догов.“, т. III, стр. 214, 334.—„Полн. Собраний Законовъ“, т. III, № 1415.—„Письма русскихъ государей“, изд. Археогр. комисс., т. I, стр. 36.—„Указъ Конюшеннаго приказа отъ 19 мая 1731 г. на имя бѣлопашца Ивана Лукоянова Сабинина“, Костр. Губ. Вѣд., 1852 г., № 12.—Бешняковъ, „Бѣлопашцы и бѣльные крестьяне“, „Журн. Мин. Народн. Просв.“, 1859 г., № 5.—П. В. Павловъ, „Тысячелѣтіе Россіи“, „Мѣсяцесловъ на 1862 г.“, с. 32.—„Сказаниѳ о Сусанинѣ“, Костр. Губ. Вѣд., 1849 г., № 20.—„Замѣтки“ „Моск. Вѣд.“, 1884 г., № 102, стр. 3;—„Вѣсти. Евр.“, 1867 г., № 9, стр. 36;—„Моск. Набѣл.“, 1836 г., ч. IX, стр. 375.—Народныя изданія: „Жизнь за царя; подвигъ крест. Ив. Сусанина“, М., 1874 г., изд. Глушкова;—„Доблестные подвиги русск. крест. Ив. Сусанина и Осипа Комисарова“, изд. 2-е, Спб., 1876;—Ив. Шевелкинъ, „Разсказъ объ избрании Михаила Феодоровича на престолъ царства Русскаго и обѣ Ив. Осиповичѣ Сусанинѣ, спаситель жизни его“, М., 1867 г.;—„Сусанинъ и Комисаровъ Костромской, 1613 и 1866 г.г.“, Спб., 1866 г.;—И. С. Ремезовъ, „Биографич. очерки для народнаго чтенія: Ив. Сусанинъ“, в. 5, Спб., 1868 г.;—его же, „Костромск. крест. Ив. Сусанинъ“, Спб., 1872 г.—, Ив. Сусанинъ, историч. повѣсть“, изд. журн. „Мірской Вѣсти“, Спб., 1865 г.—Ив. Сусанинъ, или жизнь за царя; историч. разсказъ“, М., 1871 г.

Сусловъ, Александръ Алексеевичъ, генераль-лейтенантъ, родился въ 1807 г., умеръ 16 сентября 1877 г. Образованіе получило домашнее и около 17 лѣтъ былъ опредѣленъ на службу въ сенатъ, подканцелярскимъ чиновникомъ, но черезъ годъ (1825) поступилъ въ кавалерію, гдѣ остался до получения чина капитана, съ которымъ вышелъ въ отставку. Въ 1842 г. снова принялъ на службу и назначенъ на Кавказъ, гдѣ черезъ нѣкоторое время получилъ въ командованіе Гребенской казачьей полкъ. Постоянная борьба съ народами Чечни и Дагестана позволили ему обнаружить личную храбрость и качества распорядительного боевого командира, и въ 1847 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ Сунженской линіи. Повышенный въ 1850 г. въ генераль-майоры, получилъ бригаду въ 21-й пѣхотной дивизіи, а черезъ два года назначенъ начальникомъ Эриванскаго отряда, съ которымъ во время Восточной войны принималъ участіе въ осадѣ Карса и даже переходилъ Саганлагъ. Въ 1858 г.

произведенъ въ генераль-лейтенанты и два года спустя по разстроенному здоровью перечисленъ въ запасныя войска. Въ 1873 г. ему пожалованъ земельный участокъ на Кавказѣ въ 500 десятинъ.

Формулярный списокъ въ Московск. отдѣлѣніи архива Главнаго штаба за 1860 г., кн. 549, списокъ 2.—Дополнительный къ нему свѣдѣнія за 1866, 1872, 1873 и 1877 гг. въ архивѣ Главнаго штаба, списки генераловъ кн. № 3, стр. 698.—„Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ“ Леера, т. VII, Спб., 1894 г., стр. 354.

Сусловъ, Иванъ—поэзъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, соавторничалъ въ «Современникѣ» и «Литературной Газетѣ», гдѣ помѣщались преимущественно мелкія стихотворенія. Отдельно напечатанъ: «Эхо береговъ Сосны» (Москва, 1844 г.),—сборникъ стихотвореній, о которомъ повременная печать того времени дала весьма неодобрительные отзывы.

В. И. Межовъ, „Систематический каталогъ русскимъ книгамъ книжн. магаз. А. Ф. Базунова“, Спб., 1869 г., стр. 757, № 10348.—„Отечество. Записки“, 1844 г., т. XXXIII, отд. 6, стр. 9.—„Литературная Газета“, 1884 г., № 7, стр. 135.

Суловъ, Иванъ Тимофеевичъ, дѣятельный распространитель секты «людей Божіихъ» или хлыстовской, первый иже-христъ. С. былъ оброчнымъ крестьяниномъ Нарышкиныхъ, родомъ изъ Владимирской губ., Муромскаго у., Стародубской волости, деревни Максаковой. Дата его рожденія одними изслѣдователями относится къ 1630 г. другими—къ 1616 г., что, по-видимому, ближе къ истинѣ. Жизнь его, какъ часто случается съ личностями, со-здавшими крупныя общественные движения, особенно религиознаго характера, окружена густымъ слоемъ мистического тумана и украшена рядомъ чудесныхъ аксессуаровъ—продуктъ пылкой фантазіи его послѣдователей. Но относительно недавнѣе прошлое и существование официальныхъ документовъ позволяютъ съ достаточной точностью выдѣлить дѣйствительно существовавшее отъ поздайшихъ произвольныхъ прибавленій. Только о periodѣ жизни С. до 30-лѣтнаго возраста не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній. Повидимому, онъ жилъ въ родной деревнѣ, вѣль обычную жизнь крестьянина и, человѣкъ умный, трезвый и начитанный, пользовался среди

односельчанъ значительнымъ вліяніемъ. Этими качествами онъ обратилъ на себя вниманіе Данилы Филиппова, основателя и, такъ сказать, теоретика хлыстовскаго ученія, величавшаго себя «богомъ саваоюмъ», лигности, впрочемъ, полуименіческой. Филипповъ въ 1652 г. пригласилъ С. къ себѣ въ деревню Старую, посвятилъ его въ свое ученіе, далъ ему «божество», назвавъ «сыномъ Божіимъ», и повелѣлъ ему идти на проповѣдь. Первое время С. проповѣдовалъ среди своихъ односельчанъ и жителей окрестныхъ деревень; проповѣдь его пользовалась значительнымъ успѣхомъ, и у него скоро появилось 12 «апостоловъ», такимъ же фанатическихъ приверженцевъ нового ученія, какъ и онъ самъ, а также «богородица». Во главѣ этихъ лицъ С. отправился въ нынѣшнюю Нижегородскую губернію, остановился сначала въ селѣ Павловѣ-Перевозѣ (нынѣшняго Горбатовскаго уѣзда), а оттуда внизъ по Окѣ спустился къ Волгѣ, повсюду проповѣдуя и повсюду встрѣчая массы послѣдователей. Его слава распространилась и возросла до такой степени, что онъ вездѣ, гдѣ появлялся, встрѣчалъ восторженныхъ слушателей, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ селѣ Работкахъ, ему, по свидѣтельству св. Дмитрия Ростовскаго, открыто воздавались божескія почести. «Въ томъ скитѣ, — говоритъ святитель въ своемъ «Розыскѣ» (стр. 589), — обрѣтеся вѣкій мужикъ, его же зовутъ христомъ и яко Христа почитаютъ, а кланяются безъ крестнаго знаменія. Онъ водить за собою дѣвицу красноличну и зоветъ ю матерью себѣ, а вѣрующіи въ него зовутъ ю бого родицею... Сѣдшу же ему, вси людіе, тамо (въ храмѣ) собравшиеся, падша поклони шася тому до земли, аки истинному Христу... Въ молитвѣ же взываху къ нему овіи: господи, помилуй мя! глаголюще; овіи же: о, создатель нашъ, помилуй нась! Онъ же къ нимъ пророческая словеса иѣкая глаголаша, сказующе, что будетъ каковое воздуха перемѣніе, и утверждаше ихъ вѣрити въ онъ несомнѣнно». С. возсѣдалъ на особомъ тронѣ, на головѣ носилъ иѣчто въ родѣ вѣнца и проч.

Успѣхъ проповѣди С. объясняется какъ сущностью самого ученія, такъ и историческими условіями того времени. С. былъ не столько создателемъ ученія, сколько проводникомъ его въ жизнь, про-

повѣдникомъ; несомнѣнно впрочемъ, что ему принадлежать также и создание, по крайней мѣрѣ дальнѣйшее развитіе нѣкоторыхъ тезисовъ и положеній ученія. Вся же обрядовая сторона и все движение, вызванное этимъ ученіемъ, — это цѣликомъ должно быть приписано С. Сущность его проповѣди сводилась къ слѣдующему: «божество» есть субстанція, разлитая въ мірѣ; паденія первого человѣка не было; каждый человѣкъ своей праведной жизнью — продолжительнымъ постомъ, молитвами и добрыми дѣлами — можетъ достигнуть такого нравственного совершенства, что почти перестаетъ отличаться отъ божества, во всякомъ случаѣ дѣлается достойнымъ стать «сосудомъ» божества, которое, «ради безпорочности жизни, чистоты сердца и святыни дѣлъ» такого человѣка, «селится въ него и дѣйствуетъ въ немъ и посредствомъ него», селится въ образѣ «бога-отца» или, что чаще, «бога-сына», «христа»; «сущность» Христа можетъ воплотиться то въ одномъ, то въ другомъ человѣкѣ, даже въ нѣсколькихъ одновременно. Эта мысль иллюстрируется словами одного изъ хлыстовскихъ пѣснопѣній: «Онъ (Христосъ) пречистой своеї плоти подвигъ земной кончилъ, а въ другихъ плотяхъ избранныхъ еще кончаетъ, а въ иныхъ плотяхъ избранныхъ еще начинаетъ». Поэтому можетъ быть много «христовъ», даже одновременно. (Изъ этого положенія «христовщины» путемъ искаженія повидимому произошло и название ученія — «хлыстовщина», хотя нѣть недостатка также и въ другихъ объясненіяхъ). Христосъ-Искупитель есть не единственный, а лишь исторически первый человѣкъ, въ которомъ впервые пребывало «божество». Черезъ новыхъ избраниковъ получаются новые откровенія, открывается новое Евангеліе, слѣдовательно св. Писаніе и преданіе становятся вообще излишними. Нравственная сторона ученія носить дуалистический характеръ: душа — начало доброе, плоть — начало злое; поэтому послѣднюю необходимо обуздывать различными способами, въ томъ числѣ воздерживаніемъ отъ брака (положеніе, ставшее главнымъ у скопцовъ).

Считая себя воплощеніемъ «божества» въ образѣ Христа, С. всюду проповѣдовалъ эти основы ученія и связанныя съ ними 12 заповѣдей; главный изъ нихъ: 1) «Я есмь богъ, пророками предсказан-

ный; сопеть на землю вторично для спасения рода человеческого; 2) «Нѣсть и не искать другого ученія»; 3) «Хмѣльного не пейте и плоскаго грѣха не творите, на свадьбы и крестины не ходите и на хмѣльныхъ бесѣдахъ не бывайте»; 4) «Не женитесь, а кто женатъ, то жить съ женой, какъ съ сестрою»; 5) «Скверныхъ словъ не произносите»; 6) «Не воровать, а ежели кто хотя одну копѣйку украдетъ, то на страшномъ судѣ» будетъ наказанъ; 7) «Правила сіи содержать въ тайнѣ, ни отцу, ни матери не объявлять; если кнутомъ будутъ бить и огнемъ жечь, то терпѣть...»; 8) «Другъ ко другу ходите, хлѣбъ-соль водите, любовь творите, заповѣди храните...». С. отрицалъ церковь, таинства, іерархію и православные обряды, но при этомъ не отвергалъ наружнаго почитанія православной церкви и не требовалъ открытаго разрыва съ нею, чѣмъ имѣлъ въ виду избѣгать репрессий по отношению къ сектантамъ.

Несомнѣнно, что въ этомъ ученіи есть черты, связывающія его съ другими, напр. съ воплощеніями Вишну у восточныхъ народовъ, съ дуалистическими взглядами вѣкоторыхъ христіанскихъ сектъ (евхиты, богоомилы и пр.), особенно же съ мистическими сектами бичующихся, пляшущихъ, адамитовъ, квакеровъ и т. д.; наконецъ, то обстоятельство, что С. запрещалъ всякое книжное ученіе, чѣмъ сближался съ казненымъ въ Москвѣ нѣмцемъ Кульманомъ, дало поводъ вѣкоторымъ послѣдователямъ въ проповѣди С. видѣть вѣчто исторически слѣдующее изъ ученія Кульмана. На самомъ дѣлѣ, ученіе, проводникомъ котораго въ жизнь явился С., едва ли стоитъ въ какой-либо связи съ аналогичными ему; скорѣе всего, что оно явилось совершенно независимо отъ нихъ, общія же черты указываютъ лишь на то, что какъ хлыстовщина, такъ и подобныя ему секты въ другихъ мѣстахъ или въ другое время были вызваны аналогичными же историческими условіями. Условія же тогданшней русской жизни какъ нельзя болѣе благопріятствовали зарожденію, развитію и распространенію такой секты. Она явилась реакцией противъ униженія личности, и именно—личности крестьянина. Значительные поборы въ пользу церкви, еще большие въ пользу государства, темнота и невѣжество, наконецъ, режимъ крѣпостного права,—

все это толкало крестьянина найти какой-нибудь исходъ своему униженню, успокойть въ чёмъ-либо свою душу. И такое успокоееніе давало ему это мистическое ученіе, говорившее ему, что онъ такой же человѣкъ, какъ и другіе, и что если его жизнь нравственна, то вознагражденіе за это онъ получить не въ загробномъ мірѣ, а уже здѣсь, воплотивши себѣ духъ Божій въ томъ или иномъ образѣ,—«христа», «богородицы», «пророка» и пр. И примѣчательно, что громаднѣйшее большинство, почти всѣ послѣдователи этого мистического ученія, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, были крестьяне, притомъ наиболѣе бѣдныхъ мѣстностей и исключительно крѣпостные (въ то время какъ ученія раціоналистическая своихъ адептовъ вербуютъ среди болѣе состоятельныхъ слоевъ населенія). Значительную притягательную силу имѣла для крестьянъ также проповѣдь о воздержаніи отъ спиртныхъ напитковъ, о равенствѣ всѣхъ сектантовъ между собою, о широкой взаимопомощи и благотворительности и проч.

Первое время проповѣдь С. не замѣчалась; но когда число послѣдователей его стало быстро расти, началась преслѣдованія. Объективныхъ свидѣтельствъ о преслѣдованіяхъ С. и его учениковъ не сохранилось; существуютъ обѣ этомъ лишь разсказы самихъ хлыстовъ, зачастую фантастические. Согласно одному изъ нихъ, С. выѣхѣ со своими учениками по приказу царя Алексея Михайловича быть взятъ подъ стражу, допрашиваемъ и пытанъ, но безрезультатно, послѣ чего онъ былъ отправленъ въ Москву, гдѣ его допрашивали и пытали патріархъ Никонъ въ присутствіи боярина Морозова; но послѣдній, убѣдившись въ невинности С., отъ дальнѣйшаго участія въ его допросѣ отказался; затѣмъ С. жгли, бросали въ темницу, истязали на Лобномъ мѣстѣ (на Красной площади), наконецъ распили въ Кремль у Спасскихъ воротъ; въ четвергъ онъ испустилъ духъ, въ пятницу былъ похороненъ въ могилу со сводами, а съ субботы на воскресенье, ровно въ 12 час. ночи, воскресъ. Надуманность всей этой исторіи ясна; въ ней со всѣми деталями и подробностями повторяется евангельское сказаніе о послѣдніхъ дняхъ Христа; есть Каїфа (Никонъ), Пилатъ (Морозовъ); точное совпаденіе событий по днямъ, даже

позднейшія явленія С. своимъ ученикамъ и проч. Можно допустить, что С. не разъ дѣйствительно попадалъ въ руки властей, но, благодаря своей изворотливости — съ одной стороны, а съ другой — сочувствуя и денежной помощи своихъ послѣдователей, каждый разъ отѣлывался пустяками. Самы хлысты не скрываютъ послѣдней, наиболѣе дѣйствительной причины спасенія своего Ижехриста. Въ одной изъ ихъ обрядовыхъ пѣсень говорится, что приѣхавшіе въ Москву поволжскіе гости, узнавъ про заключеніе С., — «стали между собою сгладываться, золотой казной стали складываться, выкупать стали, выручать и на волю выпускать».

Съ 1672 г. по 1700 г. С. подъ именемъ «темного богатыни» жилъ въ Москвѣ, гдѣ имѣлъ небольшую мелочную лавочку, въ которой самъ сидѣлъ рѣдко, и близъ Сухаревой башни также собственный домъ, называемый среди сектантовъ «домомъ божімъ», «сіонскимъ» и «новымъ Іерусалимомъ»; сюда собирались послѣдователи С. для совершенія своихъ моленій, обрядовъ и воздаянія ему божескихъ почестей; сюда же на свиданіе къ С. приходилъ и «верховный гость, господь-саваоѣ», Даніїлъ Филипповъ, и они вели тутъ религіозныя бесѣды, по поводу которыхъ у хлыстовъ до сихъ поръ сохранились различныя прѣсноцѣнія. Когда въ началѣ XVIII в. снова возникли противъ хлыстовъ гоненія, С. бѣжалъ изъ Москвы и въ нее вернулся послѣ длиннаго ряда скитаній по Оке и Волгѣ — только лѣтъ черезъ 15, пріобрѣлъ или построилъ новый «божій домъ» и опять учредилъ моленія и радиа. Успѣхъ С. въ Москвѣ былъ настолько значителенъ, что когда впослѣдствіи, именно въ 1733 г., властями было получено донесеніе отъ небезъизвѣстнаго разбойника и шпиона Баньки Канина (онъ же Караполовъ) о значительномъ распространеніи секты хлыстовъ и для разогнанія этого дѣла была учреждена особая слѣдственная комиссія, то послѣдней было обнаружено, что чуть ли не всѣ московскіе монастыри были заражены хлыстовщиной, притомъ при несомнѣнномъ участіи С.; выяснилось также, что уже къ этому времени секта охватила губерніи Владимирскую, гдѣ С. родился, Нижегородскую, гдѣ онъ проповѣдывалъ, Московскую, гдѣ онъ прожилъ свыше 40 лѣтъ, Костромскую, Ярославскую, Калуж-

скую, Самарскую, Саратовскую и цѣлый рядъ другихъ, въ большинствѣ изъ которыхъ онъ скитался во время гоненій. С. умеръ въ глубокой старости: по одному источникамъ, въ 1716 г. («скончался плютию на сотому году»), по другимъ даже еще позже, между 1718—1720 гг. Въ качествѣ Ижехриста его замѣнилъ Прокофій Лупкинъ. Тѣло С. было перенесено въ женскій Ивановскій монастырь, гдѣ надъ его могилою сектантами устроены были памятники съ надписью: «Погребенъ святой угодникъ Божій». Къ могилѣ на поклоненіе стекались массы послѣдователей С., поэтому въ 1739 г., по повелѣнію Императрицы Анны Ioанновны, трупъ его вмѣстѣ съ трупомъ Прокофія Лупкина былъ выкопанъ изъ земли «черезъ пальчай», вывезенъ въ поле, сожженъ, а прахъ разсыпанъ по воздуху. Память о С. и до сихъ поръ составляетъ предметъ благоговѣнія хлыстовъ; места, отмѣченныя какими-либо событиями изъ его жизни и дѣятельности, почитаются святыми, равно какъ и вещи, употреблявшіяся при жизни имъ или Даніиломъ Филипповимъ. Такъ, столъ, за которымъ, по преданію, бесѣдовали эти два главныхъ распространителя секты, сохранился у хлыстовъ до 1845 г., когда былъ конфискованъ властями и переданъ въ кабинетъ раскольничихъ вещей; до конца 60-хъ годовъ XIX ст. въ одномъ московскомъ хлыстовскомъ семействѣ сохранились коврикъ, платокъ, кресло, скамейка и др. вещи, бывшія въ употреблѣніи во времена С. Воспоминанія о различныхъ событияхъ изъ его жизни и празднованіе ихъ пріурочивается хлыстами къ православнымъ праздникамъ, чтобы, празднуя въ другіе дни, тѣмъ самымъ не вызывать подозрѣній въ принадлежности къ сектѣ.

„Указъ Императрицы Анны Ioанновны свят. Синоду“, „Полное Собрание Закон.“, т. IX, № 6613 и „Чтен. Общ. Истор. и Древн. Россійск.“, кн. VI, стр. 66 — 74. — И. Снегиревъ. „Основатели секты «людей Божіихъ» Иванъ Сусловъ и Прокофій Лупкинъ“, „Правосл. Обозрѣніе“, 1862 г., юль, стр. 324—328.—Ил. Б—въ, „Данныя сороковыхъ годовъ XVIII столѣтія для исторіи тайной бесѣдъ святыхъ отецъ, тамъ же, 1862 г., августъ, стр. 444—457.—Барадиновъ, „Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ“, Спб., 1863 г., т. VIII.—Гр. Протопоповъ, „Опытъ историческаго обозрѣнія мистическихъ сектъ въ Россіи“, „Труды Киевской Духовной Акад.“,

1867 г., № 10, стр. 89—119.—И. Добротворский, „Люди Божиі — русская секта такъ называемыхъ духовныхъ христіанъ“, Казань, 1869 г.
—Е. Барсова, „Русский простонародный мистицизмъ“, „Христіанска. Чтен.“, 1869 г., сент., стр. 418—431.—Его же, „Новѣшіе изслѣдователи русского раскола“, „Православіе. Обозрѣн.“, 1873 г., янв., стр. 126—162.—Мельниковъ, „Тайныя секты“, „Русск. Вѣстникъ“, 1868 г., № 5, стр. 5—70.—Его же, „Бѣлые голуби“, тамъ же, 1869 г., № 3, стр. 312—388.—Н. Репутский, „Люди Божиі и скопцы“, М., 1872 г.—Записка Сергеева, „Изъясненіе раскола, именуемаго христовщина или хлыстовщина“, рукопись, хранится въ архивѣ синода; напеч. въ „Чтен. Общ. Истор. и Древн. Россійск.“, 1873, I, V, стр. 31—38 и 1874, 3, V, стр. 62.—Свящ. А. Рождественскій, „Хлыстовщина и скопчество въ Россії“, М., 1882 г.—К. Кутеповъ, „Секты хлыстовъ и скопцовъ“, Казань, 1882 г.—Сборникъ Липранди и Кельсіева“, вып. II, 1861 г., стр. 125—135, 287—290; вып. III, 1862 г., стр. 110.—Статьи Добротворского въ „Правосл. Собес.“, 1858 г., ч. I, стр. 333—364; ч. II, стр. 361—407; 1860 г. ч. III.—„Ровыськъ Дмитрия Ростовского“, ч. 3, гл. 18, стр. 559—560.—Учен.-литературн. прибавление къ „Биржевымъ Вѣдомостямъ“, 1866 г., юнь.—„День“, 1864, № 33.—„Тамбовск. Епарх. Вѣдом.“, 1862 г., № 5; 1864 г., № 11 и 12.—„Домашняя Бесѣда“, 1867 г., II, стр. 285—294.—„Русская старина“ А. Мартынова, т. 2, М., 1857 г., стр. 12.—Г. Пановъ, „О хлыстахъ и скопцахъ и ихъ лжеучителяхъ“, „Душеполезн. Чтеніе“, 1889 г., № 7.—Свящ. Д. Сперанскій, „Хлыстовщина—одна изъ мистическихъ русскихъ сектъ“, „Странникъ“, 1895 г., т. I и II.—І. Корниенко, „Къ вопросу о происхожденіи секты „людей Божиихъ“, „Вѣра и Разумъ“, 1896 г., т. II, ч. 2.—Н. Ивановскій, „Секта хлыстовъ въ ея исторіи и современномъ состояніи“, Спб., 1898 г.—Т. Маргариновъ, „Исторія русскихъ рационалистическихъ и мистическихъ сектъ“, Кишиневъ, 1902 г.—А. Рортизмeyer, „Die Gottesmenschen und die Skorpzen in Russland“, Berlin, 1883.

Сусторъ, Осипъ Ивановичъ, медальеръ. Въ 1802 г. по именному указу поступилъ минцъ-граверомъ на монетный дворъ, а въ 1811 г. былъ назначенъ медальеромъ. Встрѣчающаяся на медаляхъ первой четверти XIX в. надпись «Joseph Suttor» есть, по предположенію Ю. Б. Иверсена, правильное написаніе имени С., испорченное въ русской транскрипціи. Изъ несомнѣнныхъ его работъ можно назвать слѣдующія: наградная медаль для воспитанниковъ медико-хирургической академіи; большая медаль съ надписью «За полезное» и съ изображеніемъ орудій земледѣлія; одностороннее грудное изображеніе Императора Александра I; одностороннее изображеніе трехъ союзныхъ монарховъ надъ

трофеями и съ надписью: «Салось и побѣды».

Ю. Б. Иверсентъ, «Словарь медальеровъ и другихъ лицъ, имена которыхъ встречаются на русскихъ медаляхъ», Спб., 1874 г.

Сутгофъ, Александръ Николаевичъ, генераль-отъ-инфантеріи; родился въ 1799 или 1800 г.; по окончаніи образованія въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія произведенъ въ 1818 г. въ прапорщики; въ слѣдующемъ году перевелся въ л.-гв. Московскій полкъ, въ рядахъ которого участвовалъ въ походѣ 1828 г. въ Турцию и въ военныхъ дѣятельностяхъ 1836 г., за штурмъ Варшавы будучи отличенъ орденомъ Владимира 4-й ст. Въ 1832 г. С. вышелъ въ отставку полковникомъ и вскорѣ поступилъ на службу въ министерство финансовъ чиновникомъ особыхъ порученій въ канцелярію по кредитной части, но въ гражданской службѣ пробыль два года и снова опредѣлился (капитаномъ) въ Московскій полкъ. Съ производствомъ въ полковники С. былъ переведенъ въ л.-гв. Измайліовскій полкъ, въ которомъ прослужилъ до 1841 г., когда вторично вышелъ въ отставку, но годъ спустя опять вернулся на дѣятельную службу, посвятивъ себя военно-педагогической дѣятельности. С. въ теченіе многихъ лѣтъ (до 1863 г.) состоялъ директоромъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковыхъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (нынѣ Николаевское кавалерійское училище), исполняя вмѣстѣ съ тѣмъ должность начальника лагерного кадетскаго корпуса и инспектора военно-учебныхъ заведеній. Въ 1845 г. онъ произведенъ былъ въ генераль-маиора; за 25-лѣтнюю службу награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 4-й ст., а въ 1862 г. — табакеркой съ портретомъ Его Величества, украшенномъ бриллиантами. Въ 1863 г. С. произведенъ въ генерал-лейтенанты и назначенъ членомъ военного совѣта и инспекторомъ военно-учебныхъ заведеній; въ 1868 г. получилъ чинъ генерала-отъ-инфантеріи и орденъ св. Александра Невскаго съ алмазными къ нему знаками. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ предсѣдательствовалъ въ главномъ военно-учебномъ комитетѣ, состоя въ то же время членомъ главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній и совѣтовъ Патріоти-

ческаго и С.-Петербургскаго Елизаветинскаго институтовъ. Имъль всѣ ордена до св. Александра Невскаго съ алмазными знаками включительно. Умеръ С. 24 мая 1874 г.

Некрологи за 1874 года: «Русскій Инвалидъ», № 115; «Голосъ», № 145; «Иллюстрированная Недѣля», № 22.—В. И. Межовъ, «Русская историческая библиографія за 1865—1876 годы», Спб., 1882 г., т. II, стр. 384, № 23957 и стр. 23, № 11974.—«Столѣтие военного министерства», т. III, стр. 421—423.—А. Н. Фадѣевъ, «Воспоминанія 1851—1867 гг.», «Русскій Архивъ», 1891 г., № 12, стр. 504—505.—Архивъ Канцелярии военнаго министерства, дѣла 1869 г., № 52; 1872 г., № 57; 1870 г., № 26.—Общий архивъ Главнаго штаба: кн. I, стр. 344; кн. II, стр. 544; кн. V, стр. 978.—Московское отдѣленіе Общаго архива: формулярный списокъ за 1854 г., № 16785.

Сутгофъ (также Сутговъ), **Александръ Николаевичъ**—декабристъ. Родился 4 декабря 1801 г. въ Кіевѣ, гдѣ отецъ его, потомокъ стариинаго шведскаго рода, служилъ дивизіоннымъ командиромъ. По совѣту близкаго друга дома, извѣстнаго донскаго атамана ген.-лейт. Платова, С. еще ребенкомъ, по тогдашнему обычая, былъ записанъ урядникомъ Донскаго войска. Воспитывался онъ сначала въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, а послѣ сожженія Москвы — въ одномъ изъ лучшихъ учебныхъ заведеній въ Кіевѣ, по окончаніи курса въ которомъ, 16 лѣтъ, вступилъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардію Гренадерскій полкъ; къ 1825 г. дослужился до чина подпоручика гвардіи и командовалъ ротой. Въ первой половинѣ 1825 г. С. познакомился съ нѣкоторыми видными представителями того движенія, которое впослѣдствіи было названо декабристскимъ, въ томъ числѣ съ Каховскимъ, Рылѣвымъ, Александромъ Бестужевымъ-Марлинскимъ, и подъ ихъ вліяніемъ вступилъ членомъ въ Сѣверный союзъ. Особой выдающейся роли онъ въ послѣднемъ не игралъ, но въ главнѣйшія его дѣла и рѣшенія, повидимому, былъ посвященъ. Участіе С. въ самомъ восстаніи 14 декабря 1825 г., на основаніи официальныхъ документовъ, сводится къ слѣдующему: согласно «Донесенію Высочайше учрежденной Слѣдственной комиссіи для изысканій о засумыпленныхъ обществахъ», онъ послѣ того, какъ вѣренная ему рота уже принесла присягу на вѣрность Николаю Павловичу, обратился къ ней со сло-

вами: «Братцы, напрасно мы послушались; другие полки не присягаютъ и собрались на Петровской площади; одѣньтесь, зарядите ружья, за мной и не выдавайте!» «Донесеніе Слѣдственной комиссіи прибавляетъ: «Почти вся рота, несмотря на увѣщаніе полкового командира Столлера, послѣдовала за Сутгофомъ, который безпрестанно повторялъ: впередъ! не выдавайте!» Верховный уголовный судъ, назначенный для опредѣленія степени виновности каждого изъ декабристовъ, преступление С. резюмировалъ: «Привадлежалъ къ тайному обществу; по учиненію присяги лично дѣствовалъ въ мяте же; возмутилъ свою роту и присоединилъ ее на площади къ мяте же; команда его производила стрѣльбу». По опредѣленію того же суда, онъ, послѣ шестимѣсячнаго предварительного заключенія въ Петропавловской крѣпости, былъ причисленъ къ преступникамъ первого разряда, разжалованъ и присужденъ къ смертной казни черезъ отсѣченіе головы,—кромѣ него къ этому разряду было отнесено еще 30 человѣкъ,—но это наказаніе по Высочайшей конфірмаціи было замѣнено безсрочными каторжными работами. Впослѣдствіи въ силу манифестовъ безсрочные работы были ограничены для него сначала 25 годами, а затѣмъ еще сокращены, но въ общей сложности онъ отбыгалъ ихъ въ теченіе цѣлыхъ 15 лѣтъ: 2 года въ Нерчинскихъ рудникахъ и 13 лѣтъ на незадолго передъ передъ тѣмъ отстроенному Петровскому заводѣ, Иркутской губ., гдѣ съ него вскорѣ по прибытии были сняты кандалы. Вышедши въ 1839 г. въ разрядъ поселенцевъ и не имѣя никакой надежды на возвращеніе въ Европейскую Россію, С. рѣшилъ покориться обстоятельствамъ, поселился въ деревушкѣ Иркутъ, женился, обзавелся домикомъ и весь отдался своему небольшему хозяйству, которымъ настолько увлекся, что не воспользовался даже даннымъ ему нѣсколько позже правомъ жить въ Иркутскѣ. Въ концѣ 1848 г. онъ получилъ извѣщеніе о переводѣ его на Кавказъ рядовымъ, — въ этомъ смыслѣ усиленно ходатайствовали его мать и сестра, по мужу Нарышкина. На самого же С. это извѣстіе подействовало крайне удручающе: онъ сжился съ новыми условіями, приходилось еще разъ въ корыѣ разрушать уставновившійся укладъ, наконецъ, перспектива выносить неопределеннное время солдатскій

режимъ уыбамась ему весьма мало. На Кавказъ онъ отправился вмѣстѣ съ женой, былъ определенъ въ Кубанскій полкъ и въ послѣднемъ тянуль солдатскую ламбу въ теченіе 8 лѣтъ. Съ воцареніемъ Александра II въ горкую жизнь С. начали врываться болѣе сѣвѣтые моменты: онъ былъ произведенъ въ офицера, получилъ право повсемѣстнаго жительства, и въ судьбѣ его принялъ близкое участіе кавказскій намѣстникъ князь Барятинскій. Расшатанное катергой и плохими условіями жизни здоровье С. однако не позволяло ему дольше служить въ арміи, и онъ перечислился въ резервъ; послѣ этого былъ назначенъ завѣывающимъ московской фехтовальной школой, а затѣмъ кн. Барятинскимъ приглашенъ въ управляющіе минеральными водами, сначала Кисловодскими, а пѣтромъ Боржомскими, гдѣ исправлять кромѣ того должностіи воинскаго начальника, управляющаго казеннымъ Боржомскимъ имѣніемъ, лѣсничаго и смотрителя Боржомскаго дворца. Въ этихъ занятіяхъ С. послѣ долголѣтнаго страдальческаго периода нашелъ наконецъ нѣкоторый покой, продолжавшійся однако не особенно долго — 14 августа 1872 г. С. умеръ. Знавшіе С. лично свидѣтельствуютъ о его выдающейся образованности, чрезвычайной начитанности и «большой хозяйственной опытности».

„Донесеніе Высочайше учрежденной Слѣдственной комиссіи для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ“. — Всеподданнѣйший докладъ Верховного Уголовного Суда (оба документа напеч. въ кн. „Процессъ декабристовъ“, изд. И. А. Малинина, М., 1905 г., стр. 42, 59 и 95). — „Кавказъ“, 1872 г., №№ 120 (некрологъ) и 143 („По поводу некролога А. Н. Сутгофа“, Е. Фелицина). — В. Богуцарскій, „Изъ прошлаго русскаго общества“, Спб., 1904 г., стр. 20, 37 и 38. — „Записки Бѣляева“, „Русская Старина“, 1880 г., т. 30, № 3. — Изъ записокъ Якушина“, „Русск. Архивъ“, 1870 г., № 4—5, стр. 1568, 1611, 1639. — „Записки М. А. Бестужева“, „Русск. Старина“, 1881 г., ноябрь. — „Иллюстрированная Газета“, 1872 г., № 35 (некрологъ).

Сутгофъ, Николай-Лахимъ Мартыновичъ, докторъ медицины, лейбъ-медикъ, акушеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, получилъ право практиковать въ Россіи по экзамену въ медицинской коллегіи 8 іюня 1787 г. 27 сентября того же года определенъ былъ докторомъ въ Костромское намѣстничество. Въ началѣ XIX ст. поселился въ Петербургѣ, гдѣ и

умеръ послѣ продолжительной болѣзни въ октябрѣ 1836 г. на 71 году отъ роду.

Я. Чистовичъ, „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи“, Спб., 1883 г., стр. CCCIV. — „Сѣверная Пчела“, 1836 г., № 238—С. П. Жихаревъ, „Воспоминанія“, М., 1890 г., стр. 242—43. — Б. И. Межовъ, „Русская историческая библиографія за 1800—1854 г.г.“, Спб., 1893 г., т. II, стр. 245, № 17787. — „Общий медицинский списокъ на 1809 г.“, Спб., 1810 г., стр. 92.

Сутковскій, Левъ Купріановичъ (Фомичъ), профессоръ Казанского университета по каѳедрѣ оперативной хирургіи, изъ дворянъ (католікъ), родился въ 1821 г.; умеръ 25 декабря 1886 г.; учился въ Виленской медико-хирургической академіи, изъ которой осенью 1840 г. препровождѣнъ вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами по академіи для окончанія образованія въ Казанскій университетъ, курсъ коего блестаще окончилъ въ 1843 г.—съ званіемъ лекаря 1-го отдѣленія и съ золотою медалью, причемъ былъ оставленъ при университѣтѣ асистентомъ хирургической клиники. Въ концѣ 1845 г. срокъ оставленія С. при университѣтѣ, по рекомендациіи профессора Елаича, продолженъ съ цѣлью «дать ему возможность приготовиться къ испытанію на степень доктора и приват-доцента». Съ 1847 г. С. сталъ исполнять должностія врача при студенческой больнице. Въ январѣ 1848 г. онъ былъ удостоенъ степени доктора медицины, а въ августѣ того же года утвержденъ доцентомъ по каѳедрѣ оперативной хирургіи съ порученіемъ преподавать деомургію. Съ осени 1848 г. до осени 1851 г. онъ занималъ должностія младшаго ординатора Казанскаго военнаго госпиталя. 10 февраля 1849 г. С. былъ утвержденъ адъюнктомъ оперативной хирургіи, въ 1853—1854 учебномъ году онъ выступилъ конкурентомъ на каѳедру акушерства, по поводу чего въ совѣтѣ университета возникъ споръ, изъ котораго видно, что мнѣнія профессоровъ объ учености С. были очень различны; тѣмъ не менѣе, въ февралѣ 1854 г. ему было поручено чтеніе физіологіи зародыша и ученія о беременности и родахъ. Въ августѣ 1855 г. онъ былъ командированъ за границу для научнаго усовершенствованія, откуда возвратился въ ноябрѣ 1859 г. и 16 января 1860 г. былъ избранъ

экстраординарнымъ профессоромъ по ка-

еедръ оперативной хирургії, причемъ завѣдывалъ хирургическимъ кабинетомъ. Въ февралѣ 1861 г. повышенъ въ званіе ординарного профессора. Въ сентябрѣ 1871 г. окончилось 25-лѣтіе его учебной службы; С. желалъ остаться еще на пятилѣтіе, но былъ забаллотированъ и въ ноябрѣ уволенъ изъ университета. По свидѣтельству знающихъ С., онъ былъ исключительно скучъ, ходилъ одѣтымъ грязно и неопрятно, въ чёмъ была опасность для больныхъ, обладалъ неуживчивымъ тяжелымъ характеромъ и очень скучнымъ научнымъ багажемъ по своей специальности, что, къ чести его сказать, самъ сознавалъ. Уже подъ конецъ своей дѣятельности онъ не устыдился записаться простымъ слушателемъ на курсы анатоміи, которые читалъ профессортъ П. Ф. Лесгафтъ. Но по свидѣтельству тѣхъ же лицъ, онъ былъ искусственнымъ техникомъ-операторомъ и добросовѣстнымъ врачемъ, тепло относившимся къ больнымъ. Изъ его работы напечатаны: «О причинахъ выкидыша въ судебнно-медицинскомъ отношеніи» (Казань, 1843 г.); «Сравненіе литотоміи съ ліитотрипсіей» (ib., 1847 г.); «De arte cheiloplastica», дисс. на степ. д-ра мед. (ib., 1847 г. и подъ названіемъ «Объ историческомъ развитіи пластическихъ операций», — Спб., 1848 г.); «Объ искусственныхъ преждевременныхъ родахъ и искусственномъ выкидышѣ» (Казань, 1853 г.).

Формул. списокъ о службѣ адъюнкта Каз. ун. Сутковскаго, составленъ 28 февраля 1855 г. — „Врачъ“, 1887 г., № 2 и 5.—Н. П. Загоскинъ, „Къ стольней годовщинѣ Казанского университета. Дѣятели И. Каз. ун.“, Казань 1900 г.—Л. Ф. Змѣевъ, „Русские врачи-писатели“, тетр. II, Спб., 1886 г.—Виларе, „Энцикл. мед. словарь“, вып. 19, Спб. 1893 г.—„Казанскій Листокъ“, 1887 г., 22 янв.

Суханинъ, Егоръ Петровичъ, профессоръ начертательной геометріи въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, род. въ 1817 г., ум. въ 1863 г. Поступивъ въ 1830 г. въ институтъ инженеровъ путей сообщенія кадетомъ, онъ въ 1836 г. былъ произведенъ въ прaporщики. Въ 1838 г. назначенъ въ Уокругъ къ работамъ Биндавскаго сообщенія и въ концѣ того же года былъ переведенъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія репетиторомъ по начертательной геометріи, состоя въ то же

время тамъ учителемъ рисованія и преподавателемъ ситуациі. Затѣмъ онъ сталъ преподавателемъ начертательной геометріи въ бывшемъ архитекторскомъ училищѣ и въ лѣсномъ институтѣ. Въ 1847 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ начертательной геометріи въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, а въ 1849 г. помощникомъ инспектора классовъ. Съ 1859 г. состоялъ членомъ комитета, учрежденного при министерствѣ народного просвѣщенія для разсмотрѣнія проекта условій на получение мѣстъ преподавателей въ учебныхъ заведеніяхъ разныхъ вѣдомствъ, а 21 декабря 1861 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ директора института инженеровъ путей сообщенія и оставался въ этой должности до смерти.

С. Житковъ, „Біографія инженеровъ путей сообщенія“, вып. I, Спб., 1889 г., стр. 102.—Его же, „Інститутъ инженеровъ путей сообщенія Імператора Александра I“, Спб., 1899 г., стр. 111, 150.—„Списокъ лицъ, окончившихъ курсъ наукъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія Імператора Александра I съ 1811 по 1882 г.“ Спб., 1883 г., стр. 39.

Сухановъ, Кириллъ Васильевичъ, миссионеръ среди тунгузовъ Даури, протоірей, сынъ сибирскаго иѣщанина, род. 7 января 1741 г., умеръ 15 августа 1810 г. Человѣкъ съ самого дѣтства въ высшей степени религіозный, онъ, выучившись грамотѣ, пристрастился къ чтенію священныхъ книгъ и съ большимъ усердіемъ изучалъ вопросы вѣры. Постепенно въ немъ созрѣла мысль посватить свои силы и знанія на проповѣдь христіанства среди обширнаго туземнаго племени — тунгузовъ. Путь, избранный С. для этой цѣли, является лучшой его характеристикой какъ миссионера: онъ не только не былъ офиціальнымъ представителемъ церкви, за ея счетъ командированнымъ просвѣщать и обращать въ христіанство туземцевъ, — онъ на первыхъ порахъ своей дѣятельности даже не обращался къ какой бы то ни было ея поддержкѣ; наоборотъ, С. является въ своемъ родѣ миссионеромъ-самородкомъ, идущимъ въ темную массу не по долгу службы, а по внутреннему влечению, покоряясь лишь силѣ живущей въ немъ идеи; понимая, что только примѣромъ собственной жизни главнымъ образомъ можно вліять на народную массу, С., основательно изучивши сначала

языкъ тунгузовъ, пришелъ къ нимъ съ котомкой за плечами и во всю послѣднюю свою дѣятельность, проповѣдуя учение Христа, жилъ въ полномъ смыслѣ слова аскетомъ. Благодаря этимъ условіямъ, проповѣдь С. въ короткое время имѣла самый выдающійся успѣхъ, который еще болѣе возросъ, когда С. иркутскимъ епископомъ Михаиломъ былъ рукоположенъ въ священники и получилъ небольшую походную церковь. С. однако не ограничивался одной устной пропагандой христіанства: самостоятельно обучившись живописи, рѣзбѣ, позолотѣ, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ каменщикомъ и искусственнымъ плотникомъ, онъ сооружалъ храмы, украшалъ ихъ, писалъ иконы, основывалъ училища, образовывалъ церковнослужителей, причетниковъ и иконописцевъ изъ туземцевъ, наконецъ, входилъ въ хозяйственную сторону послѣднихъ, помогая имъ своими указаніями и знаніями и даже колонизировалъ необитаемыя, но обильные природными богатствами мѣстности. За свои выдающіяся заслуги онъ, на склонѣ своихъ лѣтъ, былъ возведенъ въ санъprotoіерея. На его надгробномъ памятнике при Нерчинскомъ соборѣ высѣчены слова, прекрасно, хотя и не совсѣмъ полно резонирующія его дѣятельность; «...Гдѣ былъ лѣсъ, степь и дикия пустыни, къ служению Богу воздвигъ ты тамъ святыни». Своей дѣятельностью С. оставилъ настолько яркие слѣды, что тунгусы, среди которыхъ онъ проповѣдовывалъ и работалъ, еще долгое время послѣ его смерти назывались его именемъ—сухановскими.

Бантышъ-Каменский, „Словарь достопамятныхъ людей Русской земли“, ч. III, Спб. 1847 г., стр. 393.—„Отечеств. Записки“, 1840 г., № 10.—„Энцикл. словарь“ И. Березина, отд. IV, т. I, стр. 372.—„Настольный словарик“ Толля, т. III, стр. 571.

Сухановъ, Михаилъ Дмитревичъ, поэтъ-самоучка, крестьянинъ Архангельской губерніи, дата рождения неизвѣстна, умеръ въ 1843 г. Рано выучившись грамотѣ, мальчикъ пристрастился къ чтенію. Случайно въ его руки попали стихотворенія Ломоносова, которыми онъ увлекся и сталъ имъ подражать. Первые опыты его были очень слабы, но С. много работалъ, просиживая ночи надъ сочинительствомъ и отдалкой формы, и стихъ его сталъ звуч-

ище, мягче и содержательнѣе. Чтобы пристроить сына, отецъ завелъ для него лавочку въ Архангельскѣ и посадилъ С. за прилавокъ, передавъ всю торговлю въ его полную отчетность. Въ Архангельскѣ онъ познакомился съ нѣкоторыми моряками, уговорившими его послать стихи въ «Русскій Инвалидъ», где и были напечатаны нѣкоторые пьески; позже С. сотрудничалъ и въ другихъ журналахъ. Отдѣльно подалъ: «Мои сельские досуги» (Спб., 1836 г.), «Время не праздно» (ib., 1836 г.), «Древнія русскія стихотворенія» (М., 1840 г.) и «Древнія россійскія стихотворенія, служащія дополненіемъ къ Киршѣ Данилову» (М., 1841).

П. А. Плетневъ, „Собрание сочинений“, т. 2.—Н. И. Добротворскій, „Крестьянинъ-поэтъ Сухановъ“, „Русскій Архивъ“, 1888 г., кн. II, стр. 347.

Сухановъ, Самсонъ Семеновичъ, искусный каменщикъ-валяръ, родился 27 июня 1776 г. въ Евской волости Вологодской губерніи, умеръ въ 1820-хъ годахъ. С. былъ сыномъ бѣдного крестьянина-пастуха. Когда ему было шесть лѣтъ, отецъ научилъ его грамотѣ. Въ раннемъ дѣтствѣ онъ очень интересовался занятіями своего родственника-иконописца и постоянно чертилъ разныя фигуры мѣломъ и углемъ. Будучи девятилѣтнимъ мальчикомъ, онъ поступилъ въ батраки къ одному богатому крестьянину съ жалованьемъ по 25 коп. въ годъ, у которого и прослужилъ почти двадцать лѣтъ, исполняя различнѣя работы по хозяйству и промысламъ (водилъ барки съ лѣсомъ, ѳздилъ на звѣринный ловъ по Бѣлому морю). 30 лѣтъ отъ роду С. отправился въ Петербургъ, где поступилъ на службу къ одному своему родственнику, державшему подрядъ по постройкѣ Михайловскаго замка. Вскорѣ С. не только привыкъ къ каменной работе, но и полюбилъ ее и сдѣлался прекраснымъ мастеромъ. Онъ довелъ способъ ломанія гранита до чрезвычайной простоты и легкости. Его каменные работы отличались грандиозностью и въ то же время красотою. Въ постройкѣ Казанскаго собора въ Петербургѣ, когда ее взяла на себя казна, С. былъ мастеромъ и главнымъ приказчикомъ. Въ 1807 г. онъ записался въ петербургское купечество. Къ числу работъ С. принад-

лежать: статуя и пьедесталь для памятника Минину и Пожарскому въ Москвѣ, ростральная колонна противъ биржи въ Петербургѣ, гранитная ванна въ Петергофѣ, гранитный бюстъ для графа А. С. Строганова, набережная Биржи и базы и цоколь самого зданія, пьедесталь и гранитные колонны съ капителями для памятника Императору Павлу I и мостъ у Царь-башни въ Павловскѣ, колонны, фигуры и барельефы горнаго корпуса въ Петербургѣ, многія работы изъ мрамора, гранита и много камня въ Казанскомъ соборѣ, нѣкоторыя фігуры Адмиралтейства, каменныя работы церкви Всѣхъ Скорбящихъ въ Петербургѣ, многіе памятники на Петербургскихъ кладбищахъ и друг.

П. Свінинъ, „Приключенія С. С. Суханова, русскаго природнаго ваятеля“, „Отечественныя Записки“, 1818 г., часть I, стр. 188—219.—„Справочн. энциклопедическ. словарь“ Крайя, томъ IX, ч. II, Спб. 1855 г.

Сухарева, Агафонья Марковна, тайная совѣница, благотворительница, родилась 30 июля 1776 г., умерла 30 апреля 1853 г.; была предсѣдательницей женскаго попечительного общества о тюремахъ, членомъ попечительного комитета, учрежденнаго 18 августа 1814 г., и болѣе шестнадцати лѣтъ предсѣдательницей Петербургскаго женскаго патріотическаго общества. Отличаясь практическимъ умомъ и организаторскими способностями, она умѣла увеличивать доходы учрежденій, находившихся подъ ея управлѣніемъ, открывать новые источники благотворительности, умножать число мѣстъ воспитанія сиротъ, облегчать положеніе бѣдныхъ, вносить порядокъ и стройность во всякое дѣло. За свои личныя достоинства и за свою благотворительную дѣятельность пользовалась уваженіемъ всѣхъ знавшихъ ее. По замѣчанію А. Башуцкаго, «она надѣлена была рѣдкимъ соединеніемъ мужественнаго ума и воли и женственнаго сбѣзнованія къ печальнымъ и нишетѣ; при истинной, неславолюбивой благотворительности, полезно и разумно направляемой, она была неутомимо дѣятельна...».

Некрологъ А. Башуцкаго въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1840 г., № 27 и въ „Русскомъ Извѣстіи“ 1840 г., № 29.—Некрологъ въ „Мѣсяцесловѣ“ на 1840 г.

Сухаревъ, Григорій Ивановичъ, профессоръ акушерства и судной науки въ Петербургской медико-хирургической академіи, первый устроитель и описатель Кавказскихъ минеральныхъ водъ, сынъ харьковскаго священника, родился въ 1770 г., умеръ 6 октября 1807 г. Первоначальное образованіе получилъ въ Харьковской духовной семинаріи, изъ которой поступилъ въ 1792 г. ученикомъ въ Петербургское медико-хирургическое училище, въ 1794 г. произведенъ въ подлекари, въ 1795 г., по окончаніи курса, получилъ званіе лекаря и оставленъ при генеральному сухопутномъ госпиталѣ на подлекарской вакансіи. Профессоръ Конради, преподававшій акушерство, тогда же предложилъ С. въ адъюнкты при этой каѳедрѣ. По требованію медицинской коллегіи, С. прочелъ пробную лекцію, и слушавшіе ее члены коллегіи заявили, что онъ «по части акушерства заявилъ себя весьма хорошо и впрочемъ имѣть достаточный даръ слова къ изыясненію своихъ мыслей». Въ февралѣ 1796 г. онъ былъ утвержденъ адъюнктомъ. Черезъ 1½ года Конради засвидѣтельствовалъ его «примѣрную прилежность и усердіе къ своей должности». Въ 1797 г. С. назначенъ адъюнктомъ акушерства и въ повивальной школѣ Петербургского воспитательного дома, черезъ 2 года произведенъ въ штаб-лекаря и назначенъ адъюнкту-профессоромъ акушерства и судной науки въ Московское медико-хирургическое училище. 14 декабря 1799 г. профессоръ Конради умеръ, и каѳедра его 2 января 1800 г. была передана С. Въ это время устраивалась Петербургская медико-хирургическая академія. 18 июля 1802 г. члены государственной медицинской коллегіи, ст. сов. Карпинский и бол. сов. Саполовичъ присутствовали на лекціи С. и нашли, что «Сухаревъ изыяснялъ акушерскіе предметы правильно, подробно и весьма основательно», а потому просили медицинскую коллегію произвести его въ экстраординарные профессора. Получивъ это званіе въ 1802 г., С., читавшій въ медико-хирургической академіи акушерство, снова долженъ быть присоединенъ къ этому предмету судную науку. Въ апрѣль 1803 г. С. былъ командированъ на Кавказъ и назначенъ главнымъ врачомъ тамошнихъ минеральныхъ водъ.

Въ этой должности онъ принесъ большую пользу. Понявъ государственную важность благоустройства этихъ водъ, онъ описалъ ихъ и упорядочилъ источники, за что получилъ въ 1806 г. чинъ надворного советника.

Я. Чистовичъ, „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россії“, Спб. 1883 г.—Л. Ф. Змѣевъ, „Русские врачи-писатели“, тетр. II. Спб., 1886 г.—А. К. Евронинъ, „Истор. очеркъ кавацдры судебной медицины съ токсикологіей при Воен.-Мед. Академіи“, Спб. 1898 г. стр. 33—35.—„Исторія Имп. Воен.-Мед. Академіи“, Спб., 1898 г., стр. 91.—„Проток. засѣд. Спб. общ. русск. врачей за 1857—1858 г.“, стр. 349.

Сухаревъ, Пётръ Дмитриевичъ, дворянинъ Подольской губерніи, родился 18 марта 1818 г.; по окончаніи курса въ Каменецъ-Подольской губернскй гимназіи поступилъ въ 1836 г. унтер-офицеромъ въ 41-й пѣх. Селенгинскій полкъ, въ которомъ черезъ 2 года произведенъ въ офицеры. За время службы въ этомъ полку С. дважды получиль денежныя награды: въ 1845 г. 122 р. 50 к. и въ 1848 г. 145 р.; въ послѣдній годъ С. перевелся поручикомъ въ л.-гв. Егерскій полкъ и оставался въ немъ до 1854 г., когда въ чинѣ капитана былъ назначенъ командинромъ Таврическаго баталіона внутренней стражи съ переименованіемъ въ подполковники; черезъ 2 года С. былъ перемѣщенъ на должность командинра Орловскаго баталіона внутренней стражи и командинвалъ имъ до 1860 г., когда состоялось его назначеніе помощникомъ окружнаго генерала 6-го округа Отдѣльного корпуса внутренней стражи. Черезъ 4 года С. былъ назначенъ командинромъ 2-й рабочей бригады для устройства желѣзныхъ дорогъ въ Новороссійскомъ краѣ, а въ 1867 г. перемѣщенъ на должность командинра 1-й бригады. Въ 1869 г. С. былъ произведенъ въ генераль-маюры и въ томъ же году, по упраздненіи рабочихъ бригадъ зачисленъ въ запасныя войска и скончался скоропостижно 5 ноября въ Елисаветградѣ.

Формуляръ въ Общемъ архивѣ Главнаго штаба, дѣло 3 стола, 6 отд., № 435, 1869 г., стр. 24—33.

Сухиновъ (нѣкоторые авторы «Воспоминаній» и «Записокъ» называютъ

его—Сухановъ), *Іванъ Івановичъ*—декабристъ, родился въ 1797 г. въ Александровскомъ уѣздѣ, Херсонской губ., воспитывался въ домѣ отца, небогатаго дворянина, и по сбычаймъ того времени съ раннихъ лѣтъ былъ записанъ на службу, именно—гражданскую. Громкіе подвиги Суворова и другихъ героеvъ войны зажгли въ молодомъ С. страсть къ военной службѣ, и онъ, 15-лѣтній мальчикъ, поступилъ рядовымъ въ Лубенскій гусарскій полкъ, не страшась суроваго режима, которому долженъ быть подчиняться рядовой солдатъ того времени, и надѣясь отличиться и выйти въ офицеры; въ этомъ юномъ возрастѣ онъ совершилъ трагичнаго кампаніи 1812, 1813 и 1814 гг., участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и стычкахъ, получиль семь болѣе или менѣе серьезныхъ ранъ, разстроилъ совершенно свое здоровье, но повышеніемъ его обошли, и онъ вышелъ въ отставку. Отчасти, повидимому, эта личная неудача, отчасти же и отличавшаяся отъ русскихъ политическія условия Западной Европы, къ которымъ отъ отнесся во время походовъ съ юношескимъ энтузіазмомъ—чerta, характеризующая почти всѣхъ декабристовъ, участвовавшихъ въ кампаніяхъ послѣ 1812 года, — создало въ С. благопріятную почву для воспріятія впослѣдствіи конституціонныхъ ідей движенія, извѣстнаго подъ именемъ декабристскаго. Въ 1816 г. С. вернулся на родину. Два года спустя онъ, значительно уже охладѣвшій къ военной службѣ, подъ вліяніемъ и при содѣйствіи своего друга гр. Тимона снова возвращается къ ней, поступаетъ юнкеромъ въ Изюмскій гусарскій полкъ, въ слѣдующемъ 1819 г. переводится въ Черниговскій пѣхотный и получаетъ первый офицерскій чинъ.

Честная натура, вѣрный товарищъ, пылкій энтузіастъ, надѣленный отъ природы выдающимися способностями, С. обратилъ на себя вниманіе Южнаго общества, душою котораго былъ Сергій Муравьевъ-Апостоль, скоро воспринялъ задачи этой организаціи, въ сентябрѣ 1825 г. въ лагерь при м. Лещинѣ былъ избранъ въ ея члены и съ этого времени присутствовалъ на всѣхъ ея собраніяхъ. Будучи изъ тѣхъ людей, которые, разъ взявшись за какое-нибудь дѣло, отдаются ему всей душой, С. вскорѣ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе энер-

гичныхъ членовъ Южнаго общества и тру-
дился для намѣченныхъ имъ цѣлей, не же-
лѧя ни себя, ни времена, ни средствъ. По
планамъ Сергея Муравьевъ-Апостола онъ
долженъ былъ вскорѣ перейти съ пропага-
торскими и организаторскими цѣлями въ
Александровскій гусарскій полкъ, но извѣ-
стія, полученные изъ Петербурга о собы-
тіяхъ 14 декабря, помѣшили этому намѣ-
ренію. Почти непосредственно за собы-
тіями въ Петербургѣ на югѣ Россіи раз-
разилось нечто аналогичное, извѣстное въ
исторіи декабристскаго движенія подъ
именемъ—«возстанія Сергея Муравьевъ». Участіе самого С. въ этомъ актѣ сводится,
по формулѣ слѣдственной комиссіи, къ
слѣдующему: «быть однимъ изъ офи-
церовъ, сдѣлавшихъ съ цѣлью освобожде-
нія арестованныхъ двухъ братьевъ Му-
равьевыхъ нападеніе на командаира Чер-
ниговскаго полка Гебеля, причемъ послѣд-
нему было нанесено 13 ранъ; командаиа
авангардомъ возставшихъ, вступилъ въ
г. Васильковъ, арестовалъ подполкъ. Тру-
хина, занялъ караульные посты, забралъ
знамена и полковой ящикъ; личнымъ влія-
ніемъ присоединилъ къ возстанію 4-ю муш-
кетерскую роту, командовалъ 6-й мушке-
терской ротой, а при вступлении въ с. Мот-
товиловку—арріергардомъ; бѣдилъ въ Бѣ-
лую Церкви для веденія переговоровъ о
присоединеніи къ возстанію 17-го егер-
скаго полка и принималъ личное участіе
въ сраженіи при Бѣлой Церкви, 3 января
1826 г., съ правительстvenными войсками,
бывшими подъ начальствомъ генер. Гейс-
мана».

Послѣ этой стычки, окончившейся раз-
громомъ возставшихъ войскъ, главные
члены общества (Муравьевъ-Апостолъ, Бе-
стужевъ-Рюминъ и др.) были отправлены
въ Петербургъ, надѣя оставшими была
напряжена военно-судная комиссія въ
Кievѣ, С. же удалось бѣжать. Нѣкоторое
время онъ прятался въ погребѣ какого-то
крестьянина, потомъ скрывался у другихъ
лицъ, раздобылъ штатское платье и въ
немъ, несмотря на всѣ розыски и обѣщан-
ія за его поимку награды, пробрался въ
Александровъ къ своему брату, у котораго
въ теченіе одной ночи собственноручно
сдѣлалъ для себя фальшивый паспортъ,
затѣмъ перѣхалъ въ Кишиневъ съ на-
мѣреніемъ перебраться въ Молдавію, но
отказался отъ этого плана и, желая

вмѣстѣ пострадать съ товарищами по
дѣлу, почти добровольно отдалъ себя въ
руки властей. Арестованый и закованый
чѣкандалы, онъ «пересыпался по при-
надлежности»,—сначала въ Одессу къ гр.
Воронцову, потоmъ въ Mogилевъ къ главно-
командовавшему 1-ю арміей Сакену, на-
конецъ въ Kievъ, где засѣдала военно-
судная комиссія. По приговору послѣдней,
С., державшій себя на допросахъ чрезвы-
чайно стойко и благородно, дававшій по-
казанія только о себѣ и ни однімъ словомъ
не обмолвившійся о дѣйствіяхъ другихъ—
былъ присужденъ къ четвертованію, но этотъ
приговоръ по послѣдовавшей въ юля 1826
года Высочайшей конфirmaціи былъ замѣ-
ненъ лишеніемъ правъ дворянства, чиновъ
и пр., политической смертью и ссылкою въ
Сибирь на вѣчныя каторжныя работы.

Въ Сибирь С. (вмѣстѣ съ тремя дру-
гими осужденными по тому же дѣлу) былъ
отправленъ не на твойкахъ, какъ осужден-
ные въ Петербургѣ, а по этапу пѣшкомъ.
Это мучительное путешествіе продолжалось
годъ и 7 мѣсяцевъ. Вынесенная имъ за
это время страдавія зародили, а тяжелыя
условія жизни на мѣстѣ назначенія (Зе-
рентуйскій рудникъ) закрѣпили въ С.
страстное желаніе бѣжать. Но когда онъ
поближе познакомился съ другими заклю-
ченными и среди нихъ встрѣтилъ то же
горячее стремленіе освободиться, когда онъ
своимъ открытымъ характеромъ пріо-
брѣлъ расположение и любовь со сто-
ронъ отбывающихъ въ томъ же руд-
никѣ наказаніе бывшихъ солдатъ Семенов-
скаго полка, С. оставилъ въ сторонѣ свое
личное эгоистическое стремленіе и на
мѣсто его создалъ другой, болѣе обшир-
ный, почти безумный планъ, именно обе-
зоружить всѣ команды, освободить всѣхъ
заключенныхъ на ближайшихъ рудникахъ—
Зерентуйскомъ, Кличкинскомъ, Благодат-
скомъ, Большеваводскомъ,—идти на Нер-
чинскъ, где завладѣть артиллеріей, оттуда
на Читу, где опять-таки освободить заклю-
ченныхъ, между ними многихъ декабри-
стовъ, и, наконецъ, условиться съ послѣд-
ними о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Какъ
всегда, такъ и на этотъ разъ С. отдался
дѣлу со всѣй присущей ему страстью и
принялся за него съ необычайной энер-
гіей: завелъ сношенія съ другими рудни-
ками, завязалъ знакомства съ нѣкоторыми
лицами на волѣ, черезъ ихъ посредство

досталъ порохъ, свинецъ и оружіе, самъ лишилъ пули и надѣмъ ихъ свыше тысячи штукъ, и все это—несмотря на суровый режимъ, которому подчинялись онъ и другие заключенные.

Въ началѣ 1828 г. заговоръ былъ обнаруженъ. Вследствіе доноса одного изъ участниковъ въ рудникѣ были произведены обыски и дознаніе, въ первый разъ однако не давшіе никакихъ результатовъ, а послѣ повторнаго доноса со стороны нѣкоего Козакова была назначена слѣдственная комиссія. Одновременно съ этимъ на Кличкинскомъ рудникѣ вспыхнула бунтъ, сопровождавшійся вооруженнымъ сопротивленіемъ. Бунтъ былъ подавленъ, многие изъ участниковъ арестованы, въ томъ числѣ и С. какъ вдохновитель другихъ, а о дѣлѣ было сообщено въ Петербургъ, откуда получилось приказаніе — всѣхъ судить военнымъ судомъ. С. ни въ чёмъ не сознавался, показанія другихъ были сбивчивы, слѣдствіе шло медленно, несмотря на то, что «допросы начинали побоями, кончали жестокостями»; одна комиссія смѣняла другую, и «главная и послѣдняя открыла не больше первой». Дѣло велось такимъ образомъ, что, по словамъ одного изъ обвинявшихся, «если бы были деньги, то всему можно было бы дать совсѣмъ другой оборотъ, по корыстолюбію нѣкоторыхъ членовъ комиссіи». Читинскіе заключенные, освѣдомленные объ этомъ, присыпали даже нарочного съ обѣщаніемъ дежной помощи, но было уже поздно — военный судъ состоялся. С. былъ приговоренъ къ 400 ударамъ кнута, что означало, конечно, вѣрную смерть, но затѣмъ это рѣшеніе было измѣнено — его и еще пятерыхъ вѣтвью было разстрѣлять. Пепренисти этого С. не могъ: онъ два раза принималъ сильныя дозы яда, но каждый разъ безрезультатно; ночью же наканунѣ казни онъ на ремнѣ отъ кандаловъ удавился (въ сентябрѣ 1828 г.). Послѣдствіемъ дѣла С. было переведеніе нѣкоторыхъ «секретныхъ» заключенныхъ въ Читу и неизмѣрное усиленіе репрессій въ тѣхъ рудникахъ, которые оказались такъ или иначе причастными къ этому дѣлу.

«Приказъ начальника главнаго штаба Его Императ. Величества, въ Спб., генваря 8 дня, 1826 г., № 2»; — «Копія съ рапорта отъ ген.-лейт. Рота, за № 13»; — «Копія съ рапорта отъ ген.-лейт. Рота, за № 16»; — «Донесеніе Вы-

сочайше учрежденной слѣдственной комиссіи для изысканія о злоумышленныхъ обществахъ» (всѣ эти документы напечатаны въ книге «Процессъ декабристовъ», изд. И. А. Малинина, М., 1905 г.). — «И. Н. Сухиновъ, одинъ изъ декабристовъ», «Русск. Архивъ», 1870, № 4—5, стр. 908—926, и по поводу этой статьи — тамъ же, стр. 1927—1936. — Максимовъ, «Сибирь и каторга», ч. III, Спб., 1871, стр. 178—182. — «Записки барона А. Е. Розена», ч. I, 1800—1827 гг., «Отецъ Записки», 1876 г., № 9, стр. 500—504. — «Воспоминанія М. И. Муравьевъ — Апостола», «Русск. Старина», 1886 г., т. 51, № 9, стр. 519—552. — «Разсказы П. Е. Анненковой», «Русск. Старина», 1888 г., № 5, стр. 367—382.

Сухихъ, Андрей Якимовичъ, исторический и портретный живописецъ, родился въ Ижорскихъ заводахъ 10 августа 1798 г., умеръ въ 1873 г. Сынъ чиновника, С. въ 1808 г. поступилъ въ Петербургскую академію художествъ, гдѣ обучался живописи подъ руководствомъ профессора Я. К. Шебуева. Въ 1817 и 1820 гг. С. получилъ малую и большую серебряныя медали, въ 1821 г. малую золотую медаль за рисунки съ натуры и въ этомъ же году выпущенъ изъ академіи художествъ съ аттестатомъ 1-й степени. Въ 1827 г., по двумъ представленнымъ портретамъ, мужскому и женскому, С. былъ признанъ назначенными въ академики, а въ 1830 г. возведенъ въ званіе академика по исполненной программѣ: «написать картину, изображающую Улисса на островѣ Калипы, который, сидя на берегу и взирая на Понтъ, сѣтуетъ «бѣ отечествѣ своемъ». С. занимался, главнымъ образомъ, церковною живописью и уроками рисования, а также реставраціею картинъ. Ему, между прочимъ, принадлежать нѣсколько образовъ въ Александровскомъ православномъ соборѣ въ Варшавѣ.

А. Сомовъ, «Картинная галлерея Императорской академіи художествъ. I. Каталогъ оригинальныхъ произведений русской живописи», Спб., 1872 г.—П. Н. Петровъ, «Сборникъ материаловъ для истории Императорской академіи художествъ за сто лѣтъ ея существованія», Спб., 1864—1866 г.

Сухово - Кобылина, Софья Васильевна, пейзажистка, родилась въ 1825 г., умерла 25 сентября 1865 г. въ Чернскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи. С.-Кобылина была дочерью полковника. Свое художественное образование она получила подъ

руководствомъ академика Е. Мейера. Въ лѣтніе мѣсяцы она дѣлала художественные экскурсіи во внутреннія губернія Россіи и въ Крымъ для занятій этюдами съ натуры. Еще въ 1849 г. выставила въ академіи художествъ пейзажъ «Дорога на берегу рѣбы». Въ 1853 г. академія художествъ присудила ей малую золотую медаль за нѣсколько крымскихъ видовъ, а въ 1854 г.— большую золотую медаль за два вида Крыма и видъ въ окрестностяхъ Мурома. Съ течениемъ времени талантъ С.-Кобылинской все болѣе и болѣе развивался. Въ 1857 г. она отправилась для дальнѣйшаго усовершенствованія въ живопись на собственный счетъ за границу, причемъ жила, главнымъ образомъ, въ Италии. Въ Римѣ гостиная ея была центромъ, куда собирались всѣ находившіеся въ то время русскіе художники, цѣнившіе въ ней и талантливую художницу, и женщину тонкаго и блестящаго ума, благороднаго и горячаго сердца. Въ послѣднее время своей жизни она оставила пейзажи и занялась портретной живописью. Въ 1867 г. перѣхала изъ Рима въ имѣніе своего отца въ Тульской губерніи, где скоро и скончалась. Картины и этюды С.-Кобылинской, оставшіеся послѣ ея смерти (въ количествѣ 174), находились на академической выставкѣ 1868 г. и были отчасти распроданы. Работы ея свидѣтельствуютъ о томъ, что она была сильна въ рисункѣ и обладала тонкимъ пониманіемъ пейзажной живописи.

Т. Толычева, „Софья Васильевна Сухово-Кобылина“, „Современная Лѣтопись“, 1867 г., № 36.—Ф. И. Булгаковъ, „Наши художники (живописцы, скульпторы, мозаичисты, граверы и медальеры) на академическихъ выставкахъ послѣдняго 25-лѣтія“, Спб., 1889—1890 г., т. II (здесь, между прочимъ, перечислены картины Сухово-Кобылинской на академической выставкѣ 1868 г.)—П. Н. Петровъ, „Сборникъ материаловъ для исторіи Императорской академіи художествъ за 100 лѣтъ ея существованія“, Спб., 1864—1867 гг.—А. П. Новицкій, „Исторія русского искусства“, М., 1899—1903 гг.—А. Сомовъ, „Картичная галерея Императорской академіи художествъ. I. Каталогъ оригинальныхъ произведеній русской живописи“, Спб., 1872 г.

Суховъ, Алексѣй Петровичъ, беллетристъ и карикатуристъ, родился въ 1839 г.; по происхожденію — сынъ крестьянина Касимовскаго уѣзда, Рязанской губерніи. Когда отецъ его въ 1848 г. умеръ отъ

Русский Біографіческій Словарь

холеры, мать съ 9-лѣтнимъ мальчикомъ пѣшкомъ отправилась въ Москву. Здѣсь она нанялась въ работницы за Москвой-рѣкой въ одной купеческой семье, а сына отдала въ учение къ живописцу Выѣскоку, у котораго онъ провелъ 9 лѣтъ ученичества. За это время С. самоучкой урывками въ свободные отъ работы вечера научился читать и писать и стать рисовать. 18 лѣтъ, когда кончился срокъ его учения у живописца, С. поступилъ мастеромъ къ иконописцу, где пробылъ 8 лѣтъ. Въ это время, въ концѣ 50-хъ годовъ, стали появляться въ «Развлеченіи» первые его разсказы изъ замоскворѣцкаго купеческаго быта, который онъ имѣлъ возможность наблюдать въ течение десятка лѣтъ, проведенного за Москвой-рѣкой. Разсказы эти въ свое время имѣли большой успѣхъ въ Москвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря помощи одного профессора университета, у котораго въ услуженіи находилась позже его мать, С. получилъ, уже будучи въ 26-лѣтнемъ возрастѣ, вѣкоторую возможность пополнить свое скучное образованіе. Когда материальная дѣла его нѣсколько улучшились, онъ въ 1872 г. завелъ типографію и сталъ хлопотать въ Петербургѣ о разрѣшеніи ему издавать юмористический журналъ. Хлопоты эти однако успѣхомъ не увенчались, и С. купилъ издававшій въ Петербургѣ, но не выходившій уже въ теченіе цѣлаго года юмористический журналъ «Будильникъ», перенесъ его въ Москву и печаталъ въ своей типографіи. Онъ принялъ въ свою журнальную дѣятельность участіе какъ по художественному, такъ и по литературному отдѣлу. Убытки по журналу заставили С. уступить въ 1875 г. право изданія «Будильника» г-жу Уткиной, причемъ онъ продолжалъ сотрудничать въ журнале. Въ началѣ 1876 г. С. былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму по обвинению въ растратѣ денегъ, собранныхъ имъ въ пользу крестьянъ Самарской губ., пострадавшихъ отъ неурожая. Слухи обѣ этой растратѣ стали появляться въ вѣкоточныхъ газетахъ еще до его ареста. Однако черезъ нѣсколько недѣль С. за недоказанность обвиненія былъ освобожденъ изъ тюрьмы, и дѣло о немъ прекращено. Подъ влияниемъ тюремнаго заключенія и пережитаго униженія здоровье его сильно пошатнулось, и 18 июня 1876 г. онъ умеръ. Разсказы его, помѣщавшіеся въ «Развлеч-

ченія», вышли отдельнымъ изданіемъ въ Москвѣ въ 1870 г. подъ заглавіемъ: «Типы темнаго царства». Подписывался С. псевдонимомъ «Желѣзная Маска».

„Лѣт смерти“, „Недѣля“, 1876 г., № 44—45.—„Иллюстрированная Газета“, 1876 г., № 47.—„Живописное Обозрѣніе“, 1876 г., № 51.—В. С. Карповъ и М. Н. Мазаевъ, „Опыт слова-вара псевдонимовъ русскихъ писателей“, Спб., 1891 г., стр. 48.—В. И. Межовъ. „Русская историческая библиография за 1865—76 гг.“, Спб., 1890 г., т. II, стр. 27, № 12,276; стр. 384, № 23964 и № 23965.

Суходольскій, Дмитрий Петрович, генералъ-отъ-кавалеріи, членъ военнаго совѣта, происходилъ изъ дворянъ Калужской губ., родился 15 сентября 1812 г. Общее образованіе С. получилъ въ домѣ своихъ родителей. Въ 1827 г. поступилъ въ Жандармскій полкъ, въ рядахъ котораго принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ и за отличіе при штурмѣ Варшавы въ 1831 г. былъ произведенъ въ прaporщики и награжденъ орденомъ св. Анны 4-й ст. съ надписью «За храбрость». Въ 1837 г. С. былъ зачисленъ въ постоянный кадръ Образцового кавалерійскаго полка, въ которомъ состоялъ до 1855 г., когда въ чинѣ полковника былъ назначенъ командиромъ 12-го гусарскаго Ахтырскаго принца Фридриха - Карла Прусскаго полка, начальникомъ котораго, сначала въ прежнемъ чинѣ, а съ августа 1856 г. въ чинѣ генераль-маюра, онъ состоялъ до января 1861 г., когда получилъ новое повышеніе — помощникомъ начальника кавалерійской дивизіи. Состоя въ этомъ званіи сначала въ 3-й, потомъ въ 6-й и въ 1-й дивизіяхъ, овъ съ одной бригадой послѣдней изъ нихъ въ 1863 г. былъ командированъ въ Мариампольскій уѣздъ для преображенія остатковъ польскихъ повстанцевъ, часть которыхъ онъ разбилъ у с. Чистая Буда. Поодѣ подавленія польского восстания С. служилъ военнымъ начальникомъ г. Kovы и его уѣзда, а съ 1866 г., произведенный въ генераль-лейтенанты, состоялъ помощникомъ начальника 1-й гвардейской кавалерійской дивизіи. Въ мартѣ 1871 г. С. былъ назначенъ представителемъ отъ кавалеріи въ комиссию о личной воинской повинности, въ которой заѣдалъ до июня 1873 г., когда былъ

определенъ состоять при Его Императорскомъ Высочествѣ генераль-инспекторѣ; наконецъ въ апрѣль 1878 г. онъ былъ назначенъ членомъ военнаго совѣта и 16 февраля 1881 г. произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи; умеръ 30 октября 1885 г. Имѣлъ всѣ россійскіе ордена до св. Александра Невскаго включительно. На всеподдавающемся докладѣ военнаго министра о смерти С. Императоромъ Александромъ III написано: «Бѣдный старикъ, очень жаль его».

«Русскій Ивалидъ», 1885 г., № 245.—«Сто-летіе военного министерства», т. III. — Кн. П. Долгоруковъ, «Россійская родословная книга», ч. 4, кн. 2.

Суходольскій, Левъ Степановичъ, педагогъ и писатель, родился въ 1826 г.; сынъ священника, воспитывался въ духовномъ училищѣ, затѣмъ въ духовной семинаріи; высшее образованіе получалъ въ Шетербургской духовной академіи, курсъ которой окончилъ кандидатомъ въ 1845 г.; впослѣдствіи долгое время былъ преподавателемъ основного богословія, а одно время и инспекторомъ въ Уфимской духовной семинаріи, занимаясь въ то же время въ мѣстныхъ архивахъ главнымъ образомъ по вопросу о распространеніи христіанства въ восточныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи. Плодомъ этихъ занятій явились слѣдующіе его печатные труды: «Взглядъ на первые слѣды христіанства въ предѣлахъ Оренбургскаго края» («Оренбургскія Губернскія Вѣдо-мости», 1858 г., №№ 20, 21, 24—26 и 35, и отдельно, Оренбургъ, 1859 г.); «Распространеніе христіанства въ землѣ Уральскаго казачьяго войска въ XVIII в.» («Оренб. Губ. Вѣд.», 1859 г., №№ 1—4, 7, 8, 13, 15—17 и 31); «Краткія замѣчанія о прежде существовавшихъ монастыряхъ въ Оренбургскомъ краѣ и описание Уфимскаго Успенскаго собора» (тамъ же, 1860 г., №№ 38, 39, 44, 47 и 53); «Церковно-статистическое описание Оренбургской епархіи» (тамъ же, 1854, 1855, 1859 и 1863 гг.—главный трудъ); «Башкирская легенда о Тулякѣ» (тамъ же, 1858 г., № 46). Въ 1858 г. онъ былъ избранъ дѣятельнымъ членомъ Русскаго географическаго общества. Умеръ С. 21 декабря 1882 г.

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ», вып. 1, М., 1881 г.; 2-е изд., М., 1903 г.—Чистовичъ, «Исторія Петербургской духовной академіи», Спб., 1857, стр. 453.—А. Родоскій, «Біографіческій словарь воспитанниковъ первыхъ 23 курсовъ Петербургской духовной академіи, 1814—1869 гг.», Спб., 1907 г., стр. 485—486.—«Уфимскія Епарх. Вѣдом.», 1880 г., № 23 (описание празднованія его 35-лѣтія на службѣ) и 1882 г., № 24 (некрологъ).—«Поученія преосвящ. Никона» (Бровковича) (нагробное слово при по-гребенії С.).

Сухозанетъ, Иванъ Онуфріевичъ, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи, братъ слѣдующаго, родился 11 юля 1788 г.; происходилъ изъ дворянъ Витебской губерніи (отецъ его въ царствование Екатерины II переселился изъ Польши и поступилъ на русскую службу). Въ 1800 г. С. поступилъ на казенный коштъ въ инженерный (впослѣдствіи 2-й) кадетскій корпусъ изъ котораго въ августѣ 1803 г. вышелъ подпоручикомъ въ инженерный корпусъ, годъ спустя былъ переведенъ въ артиллерію и въ ея составѣ участвовалъ во всѣхъ войнахъ противъ Наполеона I. Боевое крещеніе получилъ въ сраженіи подъ Пултускомъ, затѣмъ, состоя въ авангардѣ, былъ въ дѣлахъ подъ Прейсишъ-Эйлау (контуженъ картечью въ лѣвый бокъ), Вольфсдорфомъ, Шарникомъ, Гутштадтомъ, Гейльбергомъ, Фридландомъ (смятъ непріятельскою кавалеріею и замертво вынесенъ съ поля сраженія), Тильзитомъ и др. За отличія С. былъ награжденъ двумя орденами и золотымъ знакомъ съ надписью «За труды и храбрость», произведенъ въ поручики, вмѣстѣ съ переводомъ въ гвардейскую артиллерію назначенъ адъютантомъ къ инспектору конной артиллеріи, ген.-маиору Яшвилю; затѣмъ въ 1811 г. повышенъ въ капитаны и въ концѣ того же года—въ подполковники. Вторженіе Наполеона въ Россію застало С. командиромъ конно-артиллерійской № 1 батареи, съ которой онъ вошелъ въ составъ отдѣльного корпуса Битгенштейна; подъ начальствомъ послѣдняго участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Вилькомиромъ, Волынцами, Якубовыми, при Клястицахъ; особенно отличился въ первой битвѣ подъ Полоцкомъ: въ рѣшительный моментъ перешелъ въ энергичную атаку и тѣмъ спасъ нашу резервную артиллерію (награжденъ Георгіемъ 4-й ст.). Во время

преслѣдованія арміи Наполеона С. въ чинѣ полковника командовалъ артиллерійской бригадой. За сраженіе подъ Бауценомъ былъ произведенъ въ генераль-маиора съ назначениемъ состоять при начальнике артиллеріи всѣхъ дѣйствующихъ войскъ, князь Яшвили. Особенно выдающуюся роль сыгралъ С. въ сраженія подъ Лейпцигомъ, где въ критическую минуту успѣлъ развернуть всю русскую артиллерію (100 орудій) и огнемъ ея отразилъ рѣшительную атаку французской конніцы. Со вступленіемъ союзныхъ войскъ на территорію Франціи С. получилъ въ командованіе резервную артиллерію главной арміи, а по взятіи Парижа и заключеніи мира назначенъ начальникомъ артиллеріи IV корпуса. Во вторичномъ походѣ за Рейнъ С. состоялъ начальникомъ штаба всей артиллеріи. Въ 1819 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи гвардейского корпуса и ближайшее послѣ этого времія посвятилъ улучшенію разныхъ сторонъ этой части, главнымъ образомъ—поднятію дисциплины, въ чемъ и достигъ цѣли. Извѣстно, что въ день 14 декабря 1825 г. гвардейская артиллерія не обнаружила никакого колебанія и, во главѣ съ С., сразу и опредѣленно стала на сторону Императора. Она и сыграла рѣшающую роль въ подавленіи восстания, разогнавъ картечью его участниковъ. Признательность свою за рѣшительные дѣйствія С. въ событіяхъ 14 декабря государь выказалъ уже на слѣдующій день, пожаловавъ его въ генераль-адъютанты, а затѣмъ и впослѣдствіи относился къ нему очень милостиво, неоднократно жалуя его и защищая отъ нападокъ его противниковъ. Въ первую половину турецкой войны 1828—1829 гг. С., уже въ чинѣ генераль-лейтенанта (съ 1826 г.), былъ сначала начальникомъ штаба осадныхъ войскъ подъ Браиловскимъ и за отличія въ сраженіяхъ при этой осадѣ награжденъ Георгіемъ 3-й ст., потомъ подъ Шумлой начальникомъ штаба гвардейского корпуса, командуя вмѣстѣ съ тѣмъ и отдѣльнымъ отрядомъ, во главѣ котораго разбилъ турецкую часть при Гаджи-Гассанѣ-Ларѣ; въ 1829 г. командовалъ 16-ю пѣхотною дивизіею, перешелъ съ нею Балканы, по ущельямъ преслѣдуя непріятеля, а затѣмъ съ 8 баталіонами ходилъ въ г. Демотику для усмиренія мя-тежа. Въ польской кампаніи 1830 г. онъ

занималъ должность начальника артиллеріи всей боевой арміи, но пробыть въ ней недолго: почти въ самомъ началѣ похода, въ сраженіи подъ Прагой, ядромъ ему оторвало ногу, вслѣдствіе чего онъ принужденъ былъ оставить театръ военныхъ дѣйствій и на некоторое время отправиться для лечения за границу (въ Пруссію). Этимъ кончается первый periodъ его службы—боевой periodъ.

По возвращеніи С. изъ-за границы начинается periodъ его административно-учебной дѣятельности. Назначенный въ 1831 г. главноуправляющимъ артиллерійскимъ училищемъ, онъ быстро повышается по военно-учебному вѣдомству, такъ что два года спустя стоитъ во главѣ почти всѣхъ военныхъ училищъ: съ 28 декабря 1831 г.—предсѣдатель артиллерійского комитета; съ 11 января 1832 г.—директоръ военной академіи и членъ военно-учебного комитета; съ 5 февраля того же года—главноуправляющій главнымъ инженернымъ училищемъ; съ 24 июня 1833 г.—членъ военного совѣта; съ 4 сентября того же года—главный директоръ Пажескаго и всѣхъ сухопутныхъ корпусовъ и Дворянскаго полка; съ конца того же сентября—членъ совѣта о военно-учебныхъ заведеніяхъ. Нѣкоторая изъ этихъ должностей впослѣдствіи были съ него сложены, но военной академіей онъ управлять болѣе 20 лѣтъ, вплоть до 1854 г., когда она была преобразована. Въ томъ видѣ, какой академія имѣла въ царствование Николая I, съ немногими достоинствами и обильными недостатками, она была вполнѣ дѣтищемъ С. Она была имъ организована съ начала до конца, имъ лично избраны всѣ преподаватели и весь штатъ, установлены главные положенія ея внутренняго быта, и даже программы изложенія предметовъ почти до мельчайшихъ деталей разработаны имъ же. Главнымъ основаніемъ, на которомъ базировалась весь строй академіи, была дисциплина въ духѣ своего времени, т. е. послушаніе безъ всякихъ условій—безъ возраженій, безъ изложенія资料 of his own и въ репрессивныхъ случаяхъ даже безъ оправданія. Эта особо понятая своеобразная дисциплина, вообще характерная для той эпохи, въ С. нашла своего крайнаго выразителя и проводника въ жизнъ, и недаромъ его имя стало нарицательнымъ и донынѣ еще употребляется

въ публицистикѣ какъ выраженіе и символъ начала «не смѣть свое сужденіе имѣть». На этомъ принципѣ и былъ положенъ С. весь строй академіи. Онъ былъ ея полнымъ хозяиномъ. «Конференція,— говорить историкъ академіи Глинокецкій,— сдѣлалась въ то время вполнѣ безгласною; журналы ея засѣданій не представляютъ ничего, что служило бы хоть намекомъ на какую-либо съ ея стороны инициативу; она только и занимается утвержденіемъ списка книгъ, приобрѣтаемыхъ для академической библіотеки, да разборомъ результатовъ экзаменовъ. Совѣтъ академіи также всецѣло заслонился личностью Сухозанета, который вносилъ предложения только для формы». Первый вице-директоръ академіи баронъ Зедделеръ, стремившійся поднять значение конференціи и внести духъ прогресса въ преподаваніи, по донесенію С. военному министру былъ отставленъ отъ должности какъ «потрясающей основанія службы и подчиненности». Жизнь въ академіи напоминала военный лагерь, до того въ ней дисциплина преобладала надъ всѣмъ прочимъ. При малѣйшемъ проступкѣ офицера начальство должно было употреблять барателльныя мѣры, не принимая никакихъ объясненій, не вдаваясь въ разговоры. «Объясняться съ ними (офицерами)! — воскликнулъ разъ С.—Да ежели я узнаю причину проступка офицера, то значить я уже дѣлаю снисхожденіе, тогда я становлюсь болѣе отцомъ, нежели начальникомъ. Вотъ настоящій смыслъ военной дисциплины!» Подъ проступками понимались зачастую такія явленія, которыхъ не всегда ставится въ вину ученикамъ младшаго возраста. Оползаніе на лекцію или невниманіе въ аудиторіи относились уже къ разряду серьезныхъ нарушеній, караемыхъ арестомъ; ходить рядомъ съ юнкеромъ запрещалось офицеру подъ угрозой двухсуготочнаго ареста; за держаніе руки въ карманахъ шароваръ сдѣлывалъ выговоръ провинившемуся предъ собраніемъ всѣхъ офицеровъ и администраціи академіи. О постановкѣ научной стороны въ академіи можно судить по любимымъ словамъ ея начальника, употребляемымъ имъ даже въ приказахъ: «Безъ науки побѣждать можно, но безъ дисциплины—никогда». Наука въ военномъ дѣлѣ, по убѣждению С., есть нечто третьестепенное, «не болѣе какъ

пуговица къ мундиру; мундиръ безъ пуговицы нельзѧ надѣть, но пуговица еще не составляетъ всего мундира». При такихъ условіяхъ понятно, что желающихъ поступить въ академію офицеровъ находилось не много и число ихъ убывало съ каждымъ годомъ. Въ 1851 г., напр., изъ нея было выпущено лишь 12 человѣкъ, а къ приему явилось всего 10 человѣкъ, и это несмотря на то, что академія давала широкія служебныя привилегіи. Только съ началомъ новыхъ вѣяній было обращено вниманіе на постановку учебнаго дѣла въ академіи и на малочисленность въ ней студентовъ-офицеровъ. Была наряжена особая комиссія, которая объяснила С. о некомплектѣ учащихся признала недостаточными; и въ 1854 г. онъ былъ отставленъ отъ директорства, будучи зачисленъ съ чиномъ генерала-отъ-артиллериі по гвардейской конной артиллериі. Скончался С. въ 1861 г. отъ перваго удара. Онъ имѣлъ всѣ русскіе ордена до Андрея Первозваннаго включительно, а изъ иностраннѣхъ—прусскій «Pour le mѣrite» и австрійскій Маріи Терезіи. Въ «Русской Старинѣ» 1873 г. напечатаны (т. VII) его воспоминанія подъ заглавіемъ «14 дек. 1825 года».

Архівъ канцелярії военнаго министерства, д. 1837 г., № 37.—Въ Общемъ архівѣ Главнаго штаба формуларные списки за 1849 г., кн. 13481 и 1852 г., кн. 15074, списокъ 15; прохожденіе службы отъ 1845 г., кн. I, стр. 96.—Въ Моск. отдѣленіи Общаго архива Главнаго штаба: формул. списокъ за 1853 г., № 15600.—Глиноецкій, „Исторический очеркъ Николаевской академіи главнаго штаба“.—Н. М. Затворницкій, „Столѣтіе военнаго министерства. Память о членахъ военнаго совѣта“, Спб., 1907 г., стр. 141—148.—Д. Мамышевъ, „Горгіевские кавалеры“, вып. 5 и 6.—П. С. Лебедевъ, „Послѣдняя польская смута“, „Русская Старина“, 1874 г., т. XI и XII.—Поправка къ этой статьѣ: „О рабѣ генерала Веселитского на праздникахъ въ честь Сухозанета“, сообщ. А. Гань, тамъ же, 1874 г., т. XI, стр. 377—378.—„Русская Старина“, т. 37, стр. 172, 253—338, 349, 354, 410—427, 631—637, 638, 703—711; т. 39, стр. 601, 609.—Высочайшия рескрипты въ „Русск. Извѣстіяхъ“, 1844 г., №№ 70 и 273; 1846 г., № 14; 1848 г., № 82.—Изъ недавнаго прошлаго; приказы по военнѣй академіи И. О. Сухозанета“, „Русский Архивъ“, 1875 г., т. I, стр. 219 п дал.—Шильдеръ, „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. III, Спб., 1905 г., стр. 170.—Некрологи: „Русский Извѣстій“, 1861 г., № 40; „Военный Сборникъ“, 1861 г., № 3; „Артиллер. Журналъ“, 1861 г., № 3.—„Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ“ Леера, т. VII, Спб., 1894 г., стр. 360.

Н. С.

Сухозанеть, Николай Онуфріевичъ, военный министръ, изъ дворянъ Витебской губерніи, родился въ 1794 г. и по окончаніи домашнаго образованія поступилъ въ 1811 г. юнкеромъ въ конно-артиллерійскую № 1 роту и въ томъ же году произведенъ въ офицеры. Съ вступлениемъ роты въ походъ передъ началомъ Отечественной войны началась боевая служба С., продолжавшаяся три года, причемъ онъ участвовалъ въ цѣломъ рядѣ сраженій: при Клястицахъ, на р. Сивошинѣ, при мызѣ Соколицахъ, мызѣ Сволынѣ, Полоцкѣ, Чашникахъ, Витебскѣ, Люценѣ, Бауценѣ, Дрезденѣ, Кульмѣ и на конецъ Парижѣ; чины подпоручика и поручика, ордена св. Владимира 4-й степени и св. Анны 2-й степени несомнѣнно указываютъ на выдающуюся дѣятельность молодого офицера. По окончаніи войны съ Наполеономъ С. былъ переведенъ въ гвардейскую артиллерию съ назначениемъ адьютантомъ къ начальнику артиллериі первой арміи князю Яшвилю и въ этой должности оставался до получения въ командование въ чинѣ капитана (1819 г.) конно-артиллерійской № 19 роты; ротой онъ командовалъ лишь одинъ годъ и былъ назначенъ при производствѣ въ полковники начальникомъ артиллериі 4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, а въ 1824, г.—начальникомъ штаба артиллериі первой арміи и на этой должности произведенъ въ генераль-маиора.

Съ началомъ Польскаго возстанія 1831 г. С. занялъ постъ начальника штаба артиллериі дѣйствующей арміи и за отличие въ сраженіи подъ Остроленкой награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени. Въ 1836—1849 гг. занималъ должность командаира 4-й артиллерійской дивизіи, а въ послѣднемъ году былъ назначенъ начальникомъ артиллериі дѣйствующей арміи и оставался въ этомъ званіи до сраженія на р. Черной (4 августа 1855 г.) во время Восточной войны, послѣ которого ему былъ вѣренъ 3-й боршувъ, а въ слѣдующемъ году—Южная армія. Арміей С. командовалъ съ января до 17 апрѣля, когда, за уходомъ кн. Долгорукова, Императоръ Александръ II избралъ его на постъ военного министра. По вступлению въ должность министра С. отдалъ слѣдующій характерный приказъ, который велико было прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ и батареяхъ, а также во всѣхъ управлѣніяхъ и учрежденіяхъ

военного министерства: «По Высочайшему приказу... вступая въ отправление обязанностей, Всемилостивѣйше на меня возложившихъ, призвавъ въ помощь Бога, поптусь употребить всѣ силы для исполненія долга службы по присягѣ; я надѣюсь найти во всѣхъ и въ каждомъ содѣйствіе и рвение къ пользамъ Его Императорскаго Величества. Ура! Боже, Царя храни!»

Въ 1861 г. С. былъ назначенъ (16 мая) временно-командующимъ первою арміею съ оставленiemъ въ званіи военного министра и дважды (съ 16 мая по 1 августа и съ 11 по 27 октября) за болѣзнь кн. Горчакова исполнялъ обязанности намѣстника Царства Польскаго, управление же министерствомъ было возлагаемо на ген.-адъютанта Д. А. Милютина; разстроенное здоровье С. было причиной, что 6 августа онъ былъ уволенъ отъ командования арміею, а 9 ноября — отъ должности военного министра съ оставленiemъ членомъ государственного совѣта, причемъ увольненіе сопровождалось пожалованіемъ портрета, алмазами украшенного, и милостивымъ рескриптомъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «Въ продолженіе пятилѣтняго управлениія вашего военного министерствомъ, достигнуты, по Моямъ указаніямъ, весьма важные результаты: съ приведеніемъ войскъ въ мирное положеніе, образованъ резервъ отпускныхъ нижнихъ чиновъ, давшій возможность отдалить на вѣсоколько лѣть рекрутскіе наборы; бывшія военные поселенія и округа пахотныхъ солдатъ получили гражданское устройство; стрѣлковому образованію и вооруженію войскъ дано обширное развитіе; увеличено содержаніе генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, учреждена эмеритальная касса для назначенія прибавочныхъ пенсій имъ по выходѣ въ отставку, а послѣ смерти — ихъ семействамъ; улучшено довольствіе военно-служащихъ нижнихъ чиновъ, дарованы имъ разныя права и сокращены сроки службы; двѣни нижнихъ чиновъ обращены въ гражданское вѣдомство съ упраздненіемъ вовсе военныхъ кантонистовъ; пересмотрѣнъ и отпечатанъ вторымъ изданіемъ сводъ военныхъ постановлений»...

Въ слѣдующемъ году С. былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета по разсмотрѣнію проекта сенатора А.Х. Капгера «Положенія о взысканіяхъ по правиламъ военной дисциплины». Эта работа послужила основаніемъ

для изданного впервые дисциплинарного устава. Скончался С. 22 июля 1871 г.

При назначеніи С. военнымъ министромъ Императоръ Александръ II поставилъ ему двѣ задачи: 1) сокращеніе расходовъ на содержаніе арміи и 2) преобразованіе военныхъ силъ на новыхъ началахъ, согласно требованіямъ времени и опыта войны. За пять лѣтъ управления военнымъ министерствомъ С. удѣлялъ много вниманія первой изъ задачъ и почти не коснулся второй; всѣ его преобразованія затронули центральное, строевое и мѣстныя военные управлениія, выразившись въ общемъ въ слѣдующемъ: 1) упраздненіе военныхъ поселеній, начатое С. по личной ініциативѣ, доведено имъ до конца; вся разработка вопроса была произведена имъ самимъ, и въ результатѣ 21 сентября 1856 г. состоялся указъ сенату о передачѣ округовъ пахотныхъ солдатъ въ Новгородской, Витебской и Могилевской губерніяхъ въ вѣдѣніе министерства удѣловъ; одновременно особымъ комитетомъ были выработаны основанія для упраздненія военныхъ поселеній кавалеріи, положеніе о которыхъ Высочайше утверждено 4 июня 1857 г.; 2) согласно запискѣ гр. Ридигера былъ разсмотрѣнъ вопросъ объ упраздненіи военныхъ кантонистовъ, благодаря чему 378.000 человѣкъ обращены въ свободное податное сословіе; 3) упраздненъ департаментъ военныхъ поселеній; 4) преобразованъ медицинскій департаментъ съ присоединеніемъ къ нему департамента казенныхъ врачебныхъ заготовлений; 5) образована военно-кодификаціонная комиссія, на которую возложенъ пересмотръ законоположеній, а также поручено составленіе продолженій къ своду военныхъ постановлений; 6) упразднены званія главнокомандующихъ 2-й арміей, а также гвардейскимъ и grenадерскими корпусами; 7) Кавказскій корпусъ преобразованъ въ Кавказскую армію; 8) упразднены бригадныя управлениія въ пѣхотѣ и кавалеріи; 9) сокращено число комиссаріатскихъ комиссій; 10) число артиллерійскихъ округовъ уменьшено съ 12 до 9; 11) преобразованы мѣстныя управлениія на Кавказѣ; 12) сокращенъ срокъ обязательной службы въ войскахъ съ 25 на 15 лѣтъ; 13) отмѣнена отдача въ солдаты въ видѣ наказанія за преступленія; 14) увеличено содержаніе генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ всей арміи; 15) образована эми-

тальная касса; 16) основанъ журналъ «Военный Сборникъ».

Архивъ канцелярии военного министерства, д. № 59, 1856 г. и д. № 34, 1864 г. (назначенія военнымъ министромъ и временнымъ намѣстникомъ Царства Польскаго).—«Военный Сборникъ», 1866 г., № 9 («Записки о польскихъ заговорахъ и восстаніяхъ») и 1873 г. (Отчетъ по Государственному Совѣту за 1871 г.).—Н. А. Давыдовъ, «Исторический очеркъ развитія военного управления въ Россіи».—Затворницкій, «Столітіе военного министерства. Память о членахъ Военного Совѣта».—А. Л. Зиссерманъ, «Рейдмаршъ князь Барятинскій; переписка его съ Н. О. Сухозанетомъ», «Русский Архивъ», 1888 г., т. III.—Московское отдѣленіе Общаго архива Главнаго штаба: формулярный списокъ 1856 г., св. 128, № 148.—Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ въ 1860—1861 г.г., «Русская Старина», 1869 г., т. 62.—Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ въ 1861 г. Пѣсня-шутка», тамъ же, 1869 г., т. 62.—Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ и Императоръ Николай I, тамъ же, 1890 г., т. 65.—Н. А. Обнинскій, «Походныя замѣтки ополченца 1855—1856 г.г.», «Русский Архивъ», 1891 г., т. III.—Общий архивъ Главнаго штаба: формулярный списокъ: 1854 г., № 16262; 1859 г., лпт. А, сп. 21; 1864 г., кн. 1010; прохожденіе службы: 1845 г., кн. I, II, и III.—«Русский Инвалидъ», 1861 г., № 249 (Высочайший реескрипты) и 1871 г., №№ 169 и 174 (некрологъ).—«Иллюстриров. Газета», 1871 г. № 30, (некрологъ).

M. P.

Сухомлиновъ, Иванъ Ивановичъ, докторъ химії, ординарный профессоръ Харьковскаго университета, родился въ 1792 г. въ Харьковѣ. Среднее образованіе получилъ въ Харьковской гимназіи. Въ 1811 г. поступилъ казенно-коштнымъ студентомъ въ Харьковскій университетъ, на физико-математическій факультетъ, курсъ котораго окончилъ въ 1814 г. кандидатомъ; въ 1851 г. отправленъ былъ въ Дерптскій университетъ для усовершенствованія въ химії, но тамъ, кромѣ этого предмета, сталъ заниматься также изученіемъ исторіи литературы и философіи и въ 1816 г. былъ удостоенъ диплома магистра изящныхъ наукъ и доктора философіи. По возвращеніи въ Харьковъ онъ былъ избранъ соѣдомъ университета въ лекторы химії. Въ 1817 г. защищалъ диссертацию на тему: «De natura Halogeni», послѣ чего получилъ званіе доктора химії и адъюнкта профессора. Позже былъ назначенъ экстраординарнымъ, а затѣмъ и ординарнымъ профессоромъ. Въ его вѣдѣніи находилась химическая лабораторія, а временно также и минералогіческий кабинетъ, учебный ма-

теріалъ котораго трудами С. былъ систематизированъ и приведенъ въ порядокъ. Съ 1830 г. С. ежегодно назначался деканомъ физико-математического факультета. Кромѣ химіи онъ преподавалъ временами также стехіометрію, минералогію, сельское хозяйство и технологію. Въ своемъ «Опытѣ исторіи Харьковскаго университета» проф. Д. И. Багалій характеризуетъ преподавательскую дѣятельность С. слѣдующими словами: «Ординарный профессоръ Сухомлиновъ пользовался общимъ уваженіемъ, какъ ученый, основательно изучившій предметъ своей специальности и другія науки, относящіяся къ естествознанію. Но преподаваніе его мало приносило пользы студентамъ. Никогда не упражнялъ онъ ихъ на практикѣ въ химическомъ анализѣ, и въ продолженіе всего курса слушатели не видѣли ни одного опыта. Не знала даже—была ли лабораторія въ университѣтѣ; но если она и существовала, то въ ней работалъ одинъ только профессоръ, и никто изъ студентовъ туда не заглядывалъ». С. читалъ лекціи въ Харьковскомъ университѣтѣ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1836 г. Кромѣ диссертаций напечатаны еще актовая рѣчь С.: «De iis, quae in processu chemico agunt». Нѣсколько ненапечатанныхъ работъ С. сохранились въ рукописномъ видѣ въ архивѣ Харьковскаго университета: «Expositio doctrinae de fixis et determinatis proportionalis in unibus corporum chemicis» (диссертация на должность экстраординарного профессора), «Tentamen theoriae chemicae generalis hodierno chemicae statui accommodatae» (представлена передъ баллотировкой въ ординарные профессора) и рукописный курсъ химії, которымъ С. руководился при чтеніи своихъ лекцій.

Проф. Д. И. Багалій, «Опытѣ исторіи Харьковскаго университета», Спб., 1904 г., томъ II, стр. 147, 327, 335, 360, 370, 451, 452, 464, 465, 495, 502, 579, 588, 592, 619, 714, 730, 741, 746, 860, 932.

Сухонинъ (болѣе извѣстенъ подъ псевдонимомъ **Шардинъ**), **Петръ Петровичъ**, баллестристъ и писатель по финансамъ, родился въ 1821 г., умеръ 28 июня 1884 г. въ Стрѣльнѣ, происходилъ изъ дворянъ Солигаличскаго уѣзда, Костромской губ. Воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи курса котораго въ 1838 г. былъ произведенъ въ мичманы

плавалъ сначала въ Балтійскомъ морѣ, затѣмъ назначенъ быль въ Черноморскій флотъ, гдѣ подъ командой адмирала Газарева прошёлъ хорошую морскую службу. Въ 1839 г., состоя на фрегатѣ «Штандартъ», принималъ участіе въ занятіи мѣстечка Субаши; въ 1841 г. изъ Черноморскаго флота перенесся въ Балтійский, въ которомъ находился до 1848 г., когда въ чинѣ лейтенанта быль уволенъ изъ морской службы и опредѣленъ къ «статскому дѣламъ». Впослѣдствіи служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при говарищѣ министра народнаго просвѣщенія, по лѣсному вѣдомству, а также по министерству финансъ, гдѣ быль начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ податей и сборовъ, а съ 1862 г.—начальникомъ петербургскаго табачнаго акциза, въ контролѣ котораго онъ ввелъ много улучшений. Страсть къ карточной игрѣ создала ему рядъ непріятностей по службѣ, и онъ долженъ быль выйти въ отставку и заняться исключительно литературнымъ трудомъ. Одно изъ первыхъ его произведеній—«Александръ Семеновичъ Шишковъ въ его литературной дѣятельности», появилось еще въ 1851 г., когда онъ находился на службѣ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, и было напечатано въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» (1851 г., ч. LXIX, кн. 1). Въ 1854 г. С. напечаталъ «Русскую свадьбу въ исходѣ XVI в.—драматическое представление изъ частной жизни нашихъ предковъ» (Спб., 2-е изд. 1884 г.). Эта обстановочная пьеса была поставлена на Александрийскомъ театрѣ и имѣла небывалый успѣхъ; пользуясь такимъ же успѣхомъ и на провинціальной сценѣ, особенно же на народныхъ театрахъ, она создала С. широкую популярность. Остальные двѣ его пьесы—«Русские хороводы» (Спб., 1855) и «Андрей Яковлевичъ Щелкаловъ, государственный дьякъ и печатникъ» (Спб., 1868), хотя и выдержаны въ томъ же обстановочномъ стилѣ, какъ и «Русская свадьба», но ни по литературнымъ достоинствамъ, ни по успѣху на сценѣ сравниться съ ней не могли. С. принадлежитъ также рядъ историческихъ романовъ: «Княжна Владимірская (Тараканова) или Задѣлинскіе капи-талы» («Русская Рѣчь», 1881 г., № 3—5 и 7—12; отд. Спб., 1883 г., 2-е изд. 1885 г.), «На рубежѣ» (тамъ же, 1882 г., № 3—

12), «Родъ князей Задѣлинскихъ или борьба началь» (тамъ же, 1880 г., № 5—12; отд. Спб., 1883 и 1884 г.), «На рубежѣ двухъ столѣтій» («Вѣкъ», 1883 г., № 1—12; отд., посмертн. изд., Спб., 1886 г.); затѣмъ имъ напечатаны романъ изъ современной жизни «Спекуляторы» («Библиотека для Чтенія», 1847 г., № 8—11) и нѣсколько повѣстей на исторические и современные сюжеты: «Вѣрочка» («Отечеств. Записки», 1849 г., № 2—3), «Федоръ Васильевичъ» («Сынъ Отеч.», 1856 г., № 1), «Актриса Уранова-Сандунова» («Колосъ», 1884 г., № 1), «Неудавшаяся королева» (тамъ же, 1884 г., № 5), «Пропала собачка» (истор. этюд—тамъ же, 1884 г., № 6). Незадолго до смерти С. вышелъ въ свѣтъ сборникъ его «Историческихъ разсказовъ» (Спб., 1884 г.), а по кончинѣ были напечатаны его «Листки изъ далекаго прошлаго—наброски и воспоминанія» («Колосъ», 1885 г., № 5) и В. Лепетихинымъ изданы «Повѣсти и рассказы А. Шардина» (Спб., 1888 г.). Въ свое время эти произведения С. пользовались извѣстнымъ успѣхомъ, особенно среди молодежи, но въ смыслѣ глубины не представляютъ чего-либо выдающагося и нерѣдко грѣшать въ соблюдении исторической перспективы. С. написалъ довольно много также по различнымъ финансовымъ и экономическимъ вопросамъ. Въ этой области ему принадлежать слѣдующія работы: «Обозрѣніе монетныхъ системъ» («Якорь», 1864, № 42), «По поводу книги А. Шипова—О средствахъ къ устраненію нашихъ экономическихъ и финансовыхъ затрудненій» («Ежемѣс. Прибавл. къ Бирж. Вѣд.», 1866, № 1), «О серебряной и золотой монетѣ» (Спб., 1866 г.), «Происхожденіе ассигнацій» («Всемірный Трудъ», 1868 г., № 6), «Объ ассигнаціонномъ обращеніи» (тамъ же, 1868 г., № 12), «Проектъ положенія объ акціонерныхъ обществахъ» («Дѣло», 1872 г., № 9), «О невозможности переустройство Маріинской системы замѣнить устройствомъ Тихвинской» (Спб., 1875 г.), «О способахъ переустройства Маріинской системы» (Спб., 1875 г.), «О порядкахъ разсмотрѣвія предложеній по переустройству Маріинской системы» (Спб., 1876 г.), «О различныхъ проектахъ переустройства Маріинской системы» (Спб., 1877 г.), «Банковое дѣло въ Россіи» («Русская Рѣчь», 1879 г., № 11—12), «О соляномъ налогѣ» (тамъ же, 1880 г., № 5).

Въ «Иллюстрированномъ Листкѣ», издававшемся подъ редакціей В. Р. Зотова, С. долгое время велъ особый постоянный статей подъ названиемъ «Денежный фельетонъ».

А. Вольфъ, „Хроника Петербургскихъ тетрать“, ч. I, Спб., 1877 г., стр. 157.—„Петербургъ въ сороковыхъ годахъ“, изъ воспоминаний В. Р. Зотова (въ „Историч. Вѣстникѣ“, 1890, № 6, стр. 552—553).—„Общий морской списокъ“, ч. XI, Спб., 1900 г., стр. 665—666.—Д. Д. Языковъ, „Писатели, умершие въ 1884 г.“ (въ книгѣ: „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русск. писателей“, вып. 4, Спб., 1888 г., стр. 88—89; вып. 5, Спб., 1889, стр. 15; добавл. къ 6 вып., стр. 7).—„Историч. Вѣсти“, 1884 г., № 8, стр. 467.—„Афиши и Объявленія“, 1884 г., № 111.—„Газета Гатчина“, 1884 г., № 26.—Самого Сухотина „Листки изъ далекаго прошлаго—наброски и воспоминанія“, „Колосъ“, 1885 г., № 5.

Сухоруковъ, Василий Дмитриевичъ, родился въ 1795 г., происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. Среднее образованіе получилъ въ Новочеркасской гимназіи, курсъ которой окончилъ въ 1812 г., затѣмъ поступилъ въ Харьковскій университетъ. По окончаніи въ 1815 г. университетскаго курса С. былъ зачисленъ въ войсковую канцелярію Донской области, въ 1816 г. произведенъ въ хорунжіе и до 1821 г. служилъ въ разныхъ войсковыхъ учрежденіяхъ. Когда при комитетѣ обѣ устройствъ Войска Донского послѣ назначенія предсѣдателемъ его гр. И. Чернышева, возникла мысль составить исторію донскихъ казаковъ, то С. поручено было собираніе материаловъ и составленіе какъ исторического, такъ и статистического описанія земли Войска Донского. Исполняя это порученіе, онъ въ 1821 г. объѣхалъ всѣ станицы Хоперскаго, Донецкаго, Усть-Медведицкаго, 2-го Донскаго и отчасти 1-го Донскаго округовъ, а также разсмотрѣлъ архивъ бывшей крѣпости Новохоперска. Въ январѣ 1822 г. С. выѣхалъ съ Чернышевымъ побѣхъ въ Петербургъ для представленія своихъ работъ. Здѣсь на него возложено было исполненіе порученій по собственной канцеляріи Чернышева. Въ томъ же году его зачислили въ лейбъ-Казачій полкъ съ производствомъ въ корнеты, а въ 1823 г. онъ произведенъ былъ въ поручики. Въ работахъ С. помогали П. М. Строевъ, который приглашенъ былъ для разработки материала по исторіи

донскихъ казаковъ, хранившагося въ Московскомъ архивѣ иностранной коллегіи. Въ 1825 г. у С. произошли недоразумѣнія съ гр. Чернышевымъ, результатомъ которыхъ была командировка его на Донъ въ распоряженіе предсѣдателя комиссіи для размежеванія земель (генералъ-майора Богдановича) и для окончанія исторического и статистического описанія земли Войска Донского. Тамъ С. принималъ также участіе въ составленіи «Положенія обѣ управліенія Войскомъ Донскимъ». Въ 1827 г. онъ командированъ былъ на Кавказъ сотрудникомъ, причемъ составленіе исторіи донскихъ казаковъ изъято было изъ его вѣдѣнія и передано другимъ лицамъ. Труды С. послужили главнымъ материаломъ для изданія уже послѣ его смерти «Исторического и статистического описанія земли Войска Донского» (Новочеркасскъ, 1869 г.; изд. 2-е, 1903). Также на основаніи работъ С. составлена была В. Броневскимъ въ 1835 году «Исторія Войска Донского». Во время пребыванія своего на Кавказѣ С. отличился въ войнѣ съ Персіей и Турцией. Въ 1830 г. его, по распоряженію графа Чернышева, тогда уже военнаго ministра, перевели въ Финляндію, но черезъ годъ онъ уволенъ былъ на Донъ. Въ 1834 г. С. снова былъ определенъ на Кавказъ, а въ 1839 г. уволенъ въ отставку и поселился въ Новочеркасскѣ. Собранные материалы самъ С. использовалъ только для статьи «Общежитіе донскихъ казаковъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ», помѣщенной въ «Русской Старинѣ» А. Корниловича за 1825 г. Большой популярностью въ области Войска Донского онъ пользовался благодаря стихотворенію «Отвѣтъ Дона», написанному имъ въ отвѣтъ на стихи графини Растропчиной «Къ Дону». Стихотвореніе это первоначально распространено было въ рукописномъ видѣ и впервые напечатано въ «Русской Старинѣ» за 1871 г. (т. 3, № 2, стр. 238). Уже послѣ смерти С., послѣдовавшей въ Новочеркасскѣ 13 августа 1841 г., напечатаны были двѣ его статьи: «Записки о достопримѣчательностяхъ въ Донской области» («Донскія Войсковыя Вѣдомости», 1865 г., № 34 и 35) и «Критический разборъ Исторіи Войска Донского» Вл. Броневскаго» («Донской Вѣстникъ», 1867 г., №№ 27—29).

„Сборникъ Областного Войска Донского статистического комитета“, вып. I, Новочер-

касскъ, 1901 г., стр. 5, 9, 12, 13—47.—Предисловіе къ „Историческому и статистическому описанію земли Войска Донского“, Новочеркскъ, 1903 г., 2-е изд., стр. 2—5, II—VII.—Н. Барсуковъ, „Жизнь и труды П. М. Строева“, Спб., 1878 г., стр. 73, 79, 82, 95 и 110.—„Русская Старина“, 1871 г., т. 3, № 2, стр. 236—240.—„Донской Вѣстникъ“, 1869 г., № 20.—„Систематическая распись содержанія „Русской Старины“ за 1870—1884 гг.“, Спб., 1885 г., стр. 175, № 2126.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библиографія за 1865—1876 гг.“, Спб., 1882 г., т. II, стр. 384, № 23967; т. V, стр. 281, № 52052.

Сухотинъ, Антонъ, капитанъ-командоръ, родился въ 1722 г.; воспитывался въ тогдашней морской академіи, въ которую поступилъ въ 1723 г. Между 1745—1752 гг. С. каждое лѣто участвовалъ въ кампаніяхъ по Балтийскому морю, совершая и болѣе значительныя плаванія, сдѣлавъ въ томъ числѣ переходъ изъ Кронштадта въ Архангельскъ и обратно. Произведеній въ 1751 г. въ мичманы, онъ былъ опредѣленъ къ экипажескимъ магазинамъ, при которыхъ состоялъ до 1754 г., когда, будучи повышенъ въ чинъ унтеръ-лейтенанта, вновь перешелъ въ строевой флотъ и на небольшой пинкѣ «Кола» совершилъ отважный для такого судна новый переходъ изъ Кронштадта въ Архангельскъ. Возвратившись въ Петербургъ, С. въкоторое время состоялъ при морскомъ шляхетномъ корпусѣ, въ 1757 г. былъ произведенъ въ корабельные секретари и лѣтомъ этого года плавалъ къ Мемелю, въ 1758 г., уже въ чинѣ лейтенанта, на различныхъ судахъ крейсировалъ въ Балтийскомъ морѣ, между 1761—1764 гг. въ вѣрениемъ его командѣ пакетботѣ «Соколь» ежелѣтно совершалъ переходы къ сѣверно-пруссскимъ берегамъ, чаще всего въ Данцигъ и Любекъ, въ 1765 г. былъ повышенъ въ капитанъ-лейтенанты и назначенъ командиромъ пинки «Новая Движка», а 1 января 1766 г. по прошенію былъ уволенъ со службы въ чинѣ капитана 2-го ранга. Однако уже въ 1768 г. снова находимъ его на морской службѣ, въ прежнемъ чинѣ капитанъ-лейтенанта и командиромъ фрегата «Св. Феодоръ». Второй періодъ его службы въ составѣ Балтийскаго флота продолжался 8 лѣтъ, въ теченіе которыхъ С. былъ по-слѣдовательно повышенъ въ капитаны 2-го, затѣмъ 1-го ранга, а въ 1776 г. былъ вновь уволенъ въ отставку съ чи-

номъ капитанъ-командора. Годъ смерти С. не извѣстенъ.

„Общий морской списокъ“, ч. II, Спб. 1885 г. стр. 412—413.—„Материалы для истории русского флота“, ч. X, Спб. 1883 г., стр. 162, 456, 605; ч. XI, Спб. 1886 г., стр. 139, 194, 247, 331.—Штатъ морскому шляхетному корпусу по 600 му числу кадетовъ“, Спб. 1792 г.—Ив. Голенищевъ-Кутузовъ, „Собрание списковъ, содержащее имена всѣхъ служившихъ въ русскомъ флотѣ“, Спб., 1784 г.

Сухотинъ, Василий Федоровичъ, мичманъ русского флота, герой морской войны 1808 г. со шведами, родился въ 1784 г.; воспитавшись получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи курса въ которомъ въ 1801 г. былъ произведенъ въ первый флотскій офицерскій чинъ. Во время Финляндской войны 1808 г. С., въ чинѣ мичмана, командовалъ гемаломъ «Сторо-Бюркъ» и съ нимъ въ составѣ отряда гребной флотилии капитанъ-лейтенанта Новокшенона стоялъ въ Юнгферзундѣ—въ финляндскихъ шхерахъ. Ночью съ 6 на 7 августа 1808 г. шведы, воспользовавшись густымъ туманомъ, подошли вилотную къ судну С. и абордировали его. Нападение было неожиданнымъ, и С., выѣжившій на палубу, оказался одинокимъ среди толпы вепрятелей. Въ первую же минуту онъ получилъ тяжелый сабельный ударъ и былъ окружены нападавшими. Отчаянно защищаясь, С. стала отступать, стараясь попасть въ нижнюю палубу, где могъ разсчитывать на поддержку находившагся тамъ экипажа. Несмотря на полученную вторую, еще болѣе тяжелую рану, нанесенную кинжаломъ, ему все же удалось пробраться къ своей каютѣ. Въ этотъ моментъ онъ, повидимому, вспомнилъ, что въ каютѣ находятся секретныя сигнальныя книги, которые, доставшись непріятелю, дали бы ему ключъ къ пониманію русскихъ сигналовъ. Въ одно мгновеніе С. былъ въ каютѣ, а слѣдовавшіе за нимъ по пятамъ шведы очутились передъ запертоей дверью. Требование съ ихъ стороны открыть двери, затѣмъ угрозы и наконецъ выстрѣлы остались безъ отвѣта. За это время С., изнемогавшій отъ ранъ и истекавшей кровью, собравъ послѣднія силы, старался уничтожить книги: онъ ихъ раздиралъ, рубилъ корточкомъ, рвалъ зубами и, не имѣя силы привести всѣ клочки въ совершенно негодное состояніе, собралъ

ихъ и спряталъ на груди подъ плащемъ. Взломавшіе дверь и ворвавшіесь въ каюту шведы нашли С. уже мертвымъ, пронизаннымъ пятью пулями. Бросившись грабить все цѣнное въ каютахъ, они не обратили вниманія на убитаго, и такимъ образомъ тайна даже тѣхъ сигналовъ, списки которыхъ не были совершенно уничтожены, осталась также не выданной. Нѣкоторыя подробности этого подвига, хотя онъ бытописателями русскаго флота и передаются какъ фактъ, нужно принимать только предположительно, такъ какъ о нихъ, за отсутствіемъ русскихъ очевидцевъ событія и за смертью С., некому было свидѣтельствовать. Очевидцемъ происходившаго на палубѣ былъ П. П. Сущовъ.

„Общий морской списокъ“, ч. II.—Шульцъ, „Подвиги русскихъ моряковъ“.—Берхъ, „Исторія русскаго флота“.—А. Кротковъ, „Повседневная запись замѣчательныхъ событий въ русскомъ флотѣ“, Спб. 1894 г., подъ 6 авг.—„Справочный энциклопедич. словарь“ Старчевскаго, т. 9, Спб. 1855 г.—„Сѣверная Пчела“, 1829 г., № 152.—„Военный энциклопедич. лексиконъ“, т. ХII, Спб. 1857 г., стр. 413.—„Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ“, т. VІІ, Спб. 1894 г., стр. 360.

Сухотинъ, Иванъ Михайловичъ, капитанъ-командоръ, родился около 1700 г. Окончивъ въ 1718 г. морскую академію въ Петербургѣ, С. поступилъ на службу во флотъ простымъ матросомъ и таковыми прослужилъ въ теченіе трехъ лѣтъ, до 1721 г., когда былъ произведенъ въ первый чинъ — гардемарина. Спустя 4 года онъ былъ повышенъ въ мичманы и посланъ въ Астрахань. Благодаря своимъ выдающимся способностямъ и личной храбrosti, С. уже послѣ двухлѣтней службы въ Астрахани былъ произведенъ въ унтеръ-лейтенанты «отъ солдатъ». По новому штату, вступившему въ силу съ 18 января 1733 г., онъ былъ записанъ въ лейтенанты маорскаго ранга, но въ томъ же году «за брань, будучи на кораблѣ, своего командующаго капитана Бранта и въ называніи воромъ, а также за безвинное битье въ пьяномъ видѣ сержанта и боцмана» разжалованъ въ матросы и началь служебную лампу вновь. Въ 1735 г. въ день коронованія Императрицы былъ сразу произведенъ въ лейтенанты и посланъ въ Архангельскъ, откуда, командуя дубель-шлюпкою, принималъ участіе въ Обской экспедиціи, имѣвшей цѣлью обслѣдовать условія пла-

вания въ Ледовитомъ океанѣ, а по возвращеніи былъ назначенъ смотрителемъ надъ гаванью при Архангельскомъ портѣ. Выѣхавъ капитаномъ Апрылевымъ и корабельнымъ мастеромъ Сютерландомъ (Александромъ) С. въ 1749 г. былъ посланъ разведать о томъ, нельзя ли спасти затонувшій во время перехода изъ Архангельска въ Кронштадтъ корабль «Вархайлъ». Въ своемъ донесеніи по этому поводу онъ писалъ, «что прежде отъ корабля были видны топы и трубы, а нынѣ какъ топы, такъ и мачты отъ великаго волненія погрузились въ воду», — стѣдовательно, при наличности тогдашнихъ подъемныхъ средствъ спасеніе корабля оказалось дѣломъ невозможнымъ. Въ 1751 г., когда вновь были измѣнены морские штаты, С. былъ причисленъ къ адмиралтейству, а между 1754—1755 гг. занималъ должность помощника капитана надъ Архангельскимъ портомъ. Съ 1755 по 1763 г. С. служилъ въ Петербургѣ, занимая мѣсто капитана Галерного порта. Въ 1756 г. состоялось производство его въ капитаны 2-го ранга, черезъ два года — 1-го ранга, а 20 сентября 1763 г. онъ, въ чинѣ капитанъ-командора, былъ уволенъ со службы и вскорѣ послѣ этого скончался.

„Общий морской списокъ“, ч. II, Спб., 1895 г., стр. 413—414.—„Материалы для исторіи русскаго флота“, ч. VIII, Спб., 1880 г., стр. 108, 144, 201, 421; ч. IX, Спб., 1883 г., стр. 72, 248, 322, 329, 471, 597, 692; ч. XI, Спб., 1885 г., стр. 18.—И. Голенищевъ-Кутузовъ, „Собрание списковъ, содержащихъ имена всѣхъ служившихъ въ русскомъ флотѣ“, Спб., 1761 г.—В. Берхъ, „Опытъ исторіи русскаго флота“, ч. I, Спб., 1830 г.—И. Стрэндцель, „Русскія экспедиціи для описанія сѣверныхъ береговъ Сибири“, 1734—1862 гг., Кронштадтъ, 1862 г.—В. Берхъ, „Хронологическая исторія всѣхъ путешествій въ сѣверные полярныя страны“.

Сухотинъ, Михаилъ Михайловичъ, писатель, родился въ началѣ 20-хъ годовъ XIX столѣтія; высшее образованіе получилъ въ Московскомъ университѣтѣ, который окончилъ въ 1846 г. со степенью кандидата правъ; впослѣдствіи онъ много потрудился надъ основаніемъ одного изъ московскихъ отдѣловъ «Общества распространенія духовно-нравственныхъ книгъ», состояль членомъ «Общества любителей духовного просвѣщенія», отъ послѣд资料а былъ вмѣстѣ съ братомъ Федоромъ Михайловичемъ (см. ниже) избранъ депута-

томъ на Бовисской конференціи по вопросу о возоединеніи старокатоликовъ, много путешевствовалъ по Западной Европѣ, въ особности по Англіи, где познакомился съ некоторыми выдающимися дѣятелями въ области духовно-нравственного просвѣщенія и где основательно изучилъ современное ему положеніе Англиканской и Ирландско-католической церкви и взаимное ихъ отношеніе. Напечатаны слѣдующія его работы: «Письма изъ Англіи» («Московск. Вѣдом.», 1859 г., №№ 43 и 44), «Стан-лій» («Православное Обозрѣніе», 1862 г., кн. 7), «Изъ путевыхъ замѣтокъ обѣ Англіи» (тамъ же, 1862 г., кн. 12), «Изъ современного быта Англиканской церкви» (тамъ же, 1865 г., кн. 12; 1866 г., кн. 7; 1867 г., кн. 1; 1868 г., кн. 1 и 9; 1870 г., кн. 2), «Англиканская конвокация» (тамъ же, 1869 г., кн. 2), «Билль обѣ имущество-ствахъ Ирландской церкви» (тамъ же, 1869 г., кн. 7), «Посѣщеніе Англіи архиепископомъ Сиры и Теніоса» (тамъ же, 1870 г., кн. 8 и 12), «Обрядовое разно-гласіе Англиканской церкви» («Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія», 1876, кн. 3). Скончался С. 21 февраля 1881 г. въ Москвѣ.

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ», вып. I, М., 1881 г.; 2-е изд., М., 1903 г., стр. 65. — «Московскій Церковн. Вѣдом.», 1881 г., № 9. — «Россійская Библіографія», 1881 г., № 85, стр. 193. — «Русский Архивъ», 1894 г., т. I, стр. 458, 460—462; т. II, стр. 532. — «The life and correspondence of A. P. Stanley», London, 1893.

Сухотинъ, Николай Николаевичъ, изъ дворянъ Тульской губерніи, родился въ 1816 г., воспитаніе получилъ въ артиллерійскомъ училищѣ, по окончаніи котораго въ 1834 г. былъ оставленъ при немъ до 1836 г., когда переведены въ конно-артил-лерійскую легкую № 24 батарею; въ 1840 г. С. перевелся въ конно-артиллериюскую легкую № 2 батарею и въ слѣдующемъ году командированъ былъ на Кавказъ, где совершилъ экспедицію противъ горцевъ въ страйдѣ г.-ад. Граббе. Вернувшись въ свою батарею въ 1842 г., С. пробылъ въ ней 2 года и получилъ въ командование конно-артиллериюскую легкую № 10 батарею. Черезъ 5 лѣтъ С. былъ назначенъ коман-диромъ 5-й конно-артиллериейской бригады съ оставленіемъ и командромъ батареи, отъ второй должности отчисленъ въ 1852 г.

при производствѣ въ генераль-майоры. Въ слѣдующемъ году С. вступилъ въ коман-дование 2-й бригадой 1-й драгунской дивизіи и съ ней принялъ участіе въ воен-ныхъ дѣйствіяхъ на Крымскомъ полуостровѣ во время Восточной войны, послѣ чего перемѣщенъ на таковую же должность въ 6-ю легкую кавалерійскую дивизію. По окончаніи Восточной войны С. былъ уво-ленъ на годъ въ отпускъ, по возвращеніи изъ которого зачисленъ въ запасныя вой-ска; пробывъ въ нихъ 2 года, онъ прачи-сился состоящимъ при министрѣ внутрен-нихъ дѣлъ и въ 1864 г. назначенъ По-дольскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Губерніей С. управлялъ до 1866 г., когда былъ уволенъ по прошенію отъ должности. Въ 1869 г. состоялось назначеніе С. въ распоряженіе командующаго войсками Ви-ленскаго военнаго округа, на каковой должности онъ и скончался 22 мая 1879 г. Послѣдней наградой С. былъ орденъ св. Анны 1-й степени.

Формуляръ въ Общемъ архивѣ Главнаго штаба, дѣло 3 стола, 6 отд. 1879 г., № 1020, стр. 396.

Сухотинъ, Федоръ Михайловичъ, тай-ный совѣтникъ, предсѣдатель Московскаго попечительного о бѣдныхъ комитета, умеръ 20 мая 1889 г. въ Тулѣ, на 73 году жизни. С. получилъ прекрасное домашнее образо-ваніе, которое пополнилъ занятіями по изученію русской и иностранной литературы, преимущественно богословской, въ коей онъ былъ очень свѣдущъ, такъ что въ 1860-хъ годахъ былъ избранъ обще-ствомъ любителей духовнаго просвѣщенія въ депутаты на съездѣ европейскихъ богослововъ въ Боннѣ. Свою служебную карьеру С. началъ на военномъ попришѣ, поступивъ въ 1833 г. юнкеромъ въ Пре-ображенскій полкъ; въ 1840 г. онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика и въ слѣдующемъ году перешелъ на службу въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, гдѣ, пользуясь довѣріемъ начальства, исполнялъ серьезныя порученія. Въ 1844 г. С. оставилъ эту службу и съ 1846 по 1865 г., съ перерывомъ около двухъ лѣтъ для поездки за границу съ цѣлью лечения, занималъ должность предводителя дворян-ства Новосильского уѣзда Тульской губ. За эту продолжительную службу, оправдавшую отчасти съ временемъ введенія крестьян-

ской реформы, С. проявил живую деятельность и энергию, заслужив себе общее уважение. Съ 1865 г. онъ состоялъ на службѣ за оберъ-прокурорскимъ столомъ синода, завѣдуя его духовно-учебнымъ управлениемъ. Съ 1867 г. былъ на службѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ, находясь въ прикомандированіи къ нему; въ 1869 г. вышелъ въ отставку, а въ 1877 г., по представлению совета Императорского человѣколюбиваго общества, былъ назначенъ предсѣдателемъ Московскаго попечительного о бѣдныхъ комитета. Въ этой должности онъ совершилъ рядъ преобразованій во внутренней жизни заведеній комитета, какъ, напр., преобразованіе Усачевско-Черниавскаго женскаго училища изъ рукодѣльного въ перворазрядное съ восьмикласснымъ курсомъ и ремесленаго Набилковскаго въ пятиклассное съ введеніемъ въ программу бухгалтеріи, товаровѣднія и нѣмецкаго языка. Въ 1888 г. С. получилъ чинъ тайного советника.

Некролог въ „Тульскихъ Губернск. Вѣdomostяхъ“ 1889 г., № 21, „Всемирной Иллюстрації“ 1889 г., № 1063, стр. 402, и во „Всебѣщемъ Календарѣ“ Гоппе на 1890 г.

Сухотинъ, Яковъ Филипповичъ, вице-адмиралъ; высшее образованіе получилъ въ морской академіи, въ которую поступилъ въ 1743 г., и по окончаніи курса въ ней былъ опредѣленъ въ Балтійский флотъ. Между 1745 — 1766 гг. ежегодно совершалъ обычныя плаванія по Балтійскому морю, вѣсколько разъ сдѣлалъ переходъ изъ Кронштадта въ Архангельскъ и обратно, въ теченіе одного года состоялся совѣтникомъ при Московской адмиралтейской конторѣ, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта (1762) командовалъ галотомъ «Юнге-Тобіасъ» и въ чинѣ капитана 2-го ранга (1765) — фрегатомъ «Св. Феодоръ». Въ 1769 г. С. находился въ Тавровѣ, где начальствовалъ надъ 29 новопостроенными военными лодками и на ихъ совершилъ многократно плаваніе отъ Икорецкой верфи къ Черкассу. Находясь въ 1770 г. на Азовскомъ морѣ и, уже въ чинѣ капитана 1-го ранга, командая тремя вооруженными лодками, онъ произвелъ тщательный промѣръ и подробную опись Азовскаго моря до Бердянской косы. Въ томъ же году онъ временно командовалъ эскадрой изъ 9 ко-

раблей, а въ 1772 г. — всею эскадрою на Азовскомъ морѣ. 29 мая 1773 г. съ отрядомъ, состоявшимъ изъ трехъ новоконструированныхъ 16-пушечныхъ кораблей («Азовъ», «Новопавловскъ», «Морея»), 32-пушечнаго фрегата «Второй» и бота «Темерникъ», С. сдѣлалъ нападеніе у Суджукъ-Кале на 6 турецкихъ судовъ; отъ брошенной съ «Новопавловска» бомбы одно турецкое судно загорѣлось; воспользовавшись наступившей въ турецкомъ отрядѣ суматохой, С. посредствомъ гранатъ поджегъ и остальные суда и совершенно уничтожилъ ихъ; на другой день съ тѣмъ того же отряда, подъ южнымъ Таманскимъ берегомъ, онъ сжегъ турецкій транспортъ, а другой съ экипажемъ въ 81 чел. взялъ въ пленъ; наконецъ, 8 июня въ Кизильбашской бухтѣ, близъ устья р. Кубани, имъ было произведено нападеніе на турецкій отрядъ въ 20 транспортовъ, изъ которыхъ 2 были тоже сожжены. За эти военно-морскія заслуги, въ значительной мѣрѣ способствовавшія дезорганизаціи турецкихъ морскихъ силъ, С. былъ награжденъ Георгіемъ 4-й степени съ надписью «за храбрость». Большеннѣе состояніе С. заставило его покинуть театръ войны и перевестись въ Петербургъ, откуда онъ совершилъ рядъ служебныхъ командиниковъ: єздилъ на Боровицкіе пороги для обслѣдованія барочнаго пути и по выработанному плану успѣшно провелъ по опасному фарватеру нѣсколько крупныхъ барокъ изъ Твери въ Петербургъ (1775), провелъ изъ Петербурга въ Кронштадтъ новопостроенный 66-пушечный корабль, изъ Архангельска въ Ревель — 4 новыхъ фрегата (1776) и пр. Въ 1776 г. онъ былъ произведенъ въ капитаны бригадирскаго ранга и назначенъ шефомъ 1-го солдатскаго баталіона. Въ 1778 г. назначенъ въ эскадру адмирала В. Я. Чичагова, въ которой командалъ кораблемъ «Пантелеимонъ». Произведенный въ январѣ 1779 г. въ капитаны генераль-майорскаго ранга, а полгода спустя въ контръ-адмиралы, онъ между 1781—1782 гг., имѣя въ подчиненіи эскадру изъ флагманскаго корабля «Пантелеимона» и судовъ «Не троپъ меня», «Европа», «Память Евстафія», «Викторъ», «Марія» и «Воинъ», совершилъ продолжительное плаваніе по Средиземному морю, а по его окончаніи былъ назначенъ присутствующимъ въ адмирал-

тействъ-коллегіи и въ комиссаріатской экспедиції, состоя въ то же время командромъ практической эскадры для обученія нижнихъ чиновъ и мичмановъ. Въ 1783 г. С. получилъ чинъ вице-адмирала и назначеіе главнокомандующимъ Черноморского флота, вслѣдствіе чего переселился въ Херсонъ, где жилъ до 1785 г.; въ этомъ году онъ вновь былъ переведенъ въ Балтійский флотъ, на должностъ управляющаго комиссаріатскою экспедицію, въ которой служилъ до войны со шведами. Съ возникновеніемъ послѣдней, С. былъ назначенъ въ эскадру адмирала А. И. Круза. Въ Красногорскомъ сраженіи 29 мая 1790 г., командуя авангардомъ русской эскадры и имѣя флагъ на корабль «Двѣнадцать Апостоловъ», онъ первымъ сдалъ нападеніе на непріятельскія суда. Это первое изъ четырехъ произошедшихъ въ тотъ же день сраженій длилось отъ 4 до 8 ч. утра и обончилось тѣмъ, что шведы принуждены были отступить. С. принадлежала значительная доля заслуги въ успѣхѣ русскихъ; но сраженіе было для него роковымъ: ядромъ ему оторвало ногу, и отъ этой раны въ началѣ юня 1790 г. онъ скончался. Передъ смертью онъ «за храбрость и распорядительность» въ Красногорскомъ сраженіи былъ награжденъ золотою шпагою съ брилліантами и 6.000 р. единовременно.

«Общійморской списокъ», ч. II, Спб., 1887 г.—
«Материалы для исторіи русскаго флота», ч. X, Спб., 1883 г., стр. 162, 447, 457, 497, 614, 665; ч. XI, Спб., 1885 г., стр. 339, 342, 543; ч. XII, Спб., 1888 г., стр. 160, 278, 323, 324, 346, 347, 352, 365, 380, 389, 390, 411, 415, 481, 482, 583, 609, 623, 625, 643, 644, 654, 664, 666, 684, 694, 715, 716; ч. XIII, Спб., 1890 г., стр. 15, 17, 18, 19, 20, 24, 31, 42, 44, 165, 175, 241, 251, 392, 431, 434, 455, 463; ч. XIV, Спб., 1893 г., стр. 9, 50, 59, 68, 73, 87, 236, 240, 241, 288, 293, 299; ч. XV, Спб., 1895 г., стр. 24, 25.—А. Кротковъ, «Повседневная запись замѣтательныхъ событий въ русскомъ флотѣ», Спб., 1894 г., стр. 131, 132, 136, 145, 147, 172, 499.—«Морской Сборникъ», 1851 г., № 7, стр. 91—92; 1855 г., № 9, стр. 93; 1857 г., № 9, стр. 41—43; 1873 г., № 10.—А. Шишковъ, «Военные дѣйствія россійскаго флота противъ шведскаго въ 1788—1790 гг.», Спб., 1826 г., стр. 151—161.—Служебныя донесенія и письма Сухотина къ контр-адмиралу Костопицкому, гр. Чернышеву, кн. Потемкину и др. изъ Херсона (подлинники въ Архивѣ морскаго министерства: «Дѣло Таганрогскаго порта», «Дѣло адмиралт.-коллегіи», № 22, «Дѣло гр. Чернышева», № 31, «Дѣло кн. Потемкина-Таврическаго», № 49 и пр.; въ извлеченияхъ напечат. въ «Матер. для исторіи

русскаго флота», ч. XV, стр. 25—35).—«Описаніе морскихъ и сухопутныхъ сраженій между россійскими и шведскими арміями съ 1788 по 1790 г.»—неизв. автора, Спб., 1804 г.—А. Бриннеръ, «Война Россіи съ Швецией въ 1788—1790 г.», Спб., 1869 г.—В. Ф. Головачевъ, «Дѣйствія русскаго флота во времена войны Россіи со Швецией въ 1788—1790 годахъ», Спб., 1871—1873 гг., стр. 37—51.—А. Висковатовъ, «Взглядъ на военные дѣйствія Россіи на Черномъ морѣ съ 1787—1791 гг.», Спб. 1828 г.

Сухотины—дворянскій родъ, давшій нѣсколькихъ дѣятелей въ разныхъ отрасляхъ государственной службы, преимущественно въ морской. О болѣе значительныхъ изъ нихъ см. отдельно. О слѣдующихъ лицахъ изъ этого рода сохранились лишь отрывочныя свѣдѣнія.

Алексѣй Николаевичъ—служилъ во флотѣ, родился въ 1726 г.; въ 1769 г. адмираломъ Сенявинымъ былъ командированъ (въ чинѣ капитанъ-лейтенанта) въ Новгородскую и Архангельскую губернію съ порученіемъ нанять тамъ 700 плотниковъ и доставить ихъ въ Таганрогъ, где строились суда; вместо указанного числа могъ нанять всего 144 человѣка. Въ 1770 г. произведенъ въ генералъ-майоры арміи. Въ 1777 г. упоминается командромъ корабля «Таганрогъ». Умеръ около 1810 г.

Архивъ гидрографического департ., № 1750, л. 291, 505.—«Материалы для исторіи русскаго флота», т. VI, Спб., 1877 г., стр. 271.—«Древн. Россійск. Вивліопека», т. XIII, стр. 380.

Андрей—подъ 1679 г. названъ воеводою въ Усманіи.

«Дополненіе въ Актамъ Историч.», т. VII, стр. 220.—«Сборн. Русск. Историч. Общества», т. II, Спб., 1875 г., стр. 289.

Григорій Филатовичъ—служилъ въ лейб-гвардіи Измайлова мѣста полку, изъ котораго вышелъ въ чинѣ полковника; переименованъ въ дѣйств. статскіе совѣтники и назначенъ архангельскимъ вице-губернаторомъ; 3 июня 1762 г.—губернаторъ, въ каковой должностіи произведенъ въ тайные совѣтники.

«Древн. Россійск. Вивліопека», т. XI, стр. 395.—«Архангельскія Губернск. Вѣдомости», 1847 г., № 46 («Перечень начальниковъ Архангельской губ.») и 1850 г., № 7.—«Опись документовъ и цѣлъ, хранящихся въ Сенатскомъ архивѣ», отд. I, т. II, Спб., 1910 г., № 934..

Иванъ Ивановичъ—умеръ въ 1688 г. Въ концѣ 1769 г. посланъ въ Крымъ

вмѣстѣ съ дьякомъ Михайловымъ къ хану Муратъ-Гирею для опредѣленія границъ, но дѣла не исполнилъ, между прочими потому, что Михайловъ по неизвѣстному по-воду покинулъ С. и возвратился въ Москву; въ 1682 г. пожалованъ думнымъ дворяниномъ.

„Дополненіе къ Актамъ Историч.“, т. IX, стр. 156.—„Древняя Россійск. Вѣліюнка“, т. VII, стр. 483.—Соловьевъ, „Исторія Россіи“ по изд. „Общ. Пользы“, кн. III, стр. 852.

Сухоцкій, Георгій Устиновичъ, вратъ, полякъ — дворянинъ Гродненской губерніи, родился въ 1825 г. Высшее образование получилъ на медицинскомъ факультетѣ Кіевскаго университета, который въ 1848 г. окончилъ со степенью лекаря и былъ прикомандированъ къ Херсонскому военному госпиталю; послѣ этого служилъ врачемъ въ Віленскомъ егерскомъ полку (1849—1856 г.), въ Симферопольскомъ военному госпиталю (1856—1857 г.), Грузинскомъ линейномъ № 5 баталіонѣ (1877—1880 г.), окружнымъ врачомъ въ Кайтаро-Табасаранскомъ (Дагестанской области) округѣ (1860—1877 г.) и главнымъ врачомъ Кавказскаго военного временнаго № 5 госпитала, где и умеръ въ 1878 г., заразившись тифомъ. Напечатаны: «Медико-топографическое описание Кайтаро - Табасаранского округа» («Сборн. Кавк.», 1866, II и 1877, I); «О дѣйствии гидрата каменно-кислой магнезіи при поносахъ и холерѣ» («Проток. Общ. Псковск. Врач.», 1871 г. и «Псковск. Губ. Вѣд.», 1871, № 2).

Л. Ф. Змѣевъ, „Русские врачи-писатели съ 1863 г.“, тетр. 5, Спб., 1889 г., стр. 157.

Сухтеленъ, графъ Павелъ Петровичъ, генерал-лейтенантъ, генерал-адъютантъ, сынъ слѣдующаго, родился въ Петербургѣ 23 августа 1788 г. Получивъ подъ руководствомъ отца блестящее домашнее образование, С. уже въ 1802 г., 14 лѣтъ отъ роду, поступилъ въ военную службу и, благодаря высокому служебному положенію своего родителя и обширнымъ связямъ его, сразу былъ определенъ колонновожатымъ въ Императорской свитѣ. Въ томъ же 1802 г. С. былъ произведенъ въ подпоручики квартирмейстерской части, а черезъ годъ переведенъ корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ. Первые годы военно-

служебной дѣятельности С. совпадли съ тѣмъ бурнымъ историческимъ періодомъ, когда геній Наполеона наносилъ удары застывшемъ въ рутинѣ военной системѣ западныхъ державъ, когда перекраивались границы государствъ, одни изъ нихъ по имени уничтожались, другія создавались, когда каждый годъ ознаменовывался рядомъ историческихъ событий чрезвычайной важности, и Европа, а съ ней и восточная часть ея, Россія, въ теченіе одного десятилѣтія пережила войну большую, чѣмъ за время цѣлаго столѣтія. Война стала обычнымъ явленіемъ, доминирующимъ элементомъ въ жизни народовъ, война создавала героевъ, война сдѣлалась единственной почти ареной для отличій, для проявленія талантовъ и способностей. Съ юношескимъ пыломъ и увлеченіемъ отдалъ С. свои юные силы войнѣ. Въ 1805 г. онъ получилъ боевое крещеніе, 17-лѣтнимъ юношемъ въ 4-мъ эскадронѣ своего полка принялъ участіе въ первомъ походѣ противъ Наполеона. Въ исторической битвѣ подъ Аустерлицомъ, въ которой эскадронъ С. находился въ отрядѣ, отражавшемъ нападенія лѣваго крыла французской арміи, онъ получилъ двѣ серьезныхъ раны — сабельный ударъ въ голову и поврежденіе правой ноги осколкомъ ядра, и выѣхѣ со своимъ командиромъ кн. Рѣпнинскимъ попалъ въ плѣнъ. На ъдкое замѣчаніе случайно встрѣтившаго плѣнныхъ Наполеона о молодости С. послѣдній находчиво экс-протомъ взорвалъ всесильному полководцу извѣстнымъ стихомъ изъ корнелевской трагедіи «Сидъ»:— «Je suis jeune, il est vrai, mais aux âmes bien nées la valeur n'attend pas le nombre des années». Отвѣтъ понравился Наполеону, и впослѣдствіи онъ повелѣлъ даже запечатлѣть сцену этой встречи на картинѣ, и понынѣ сохраниющейся въ Тюильрійскомъ дворцѣ. Оправившись отъ ранъ, С. въ 1806 г. послѣ размѣна плѣнными возвратился въ Россію, где за участіе въ Аустерлицкомъ сраженіи былъ награжденъ золотой шпагой и произведенъ въ поручики.

Во второй кампаніи противъ Наполеона С. участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Гейльсбергомъ (29 мая 1807 г.) и Фридландомъ (2 июня); возвратившись послѣ Тильзитскаго мира въ Петербургъ, онъ отсюда выѣхѣ съ отцомъ ѿздѣлъ обозрѣвать западную границу Россіи, отъ Балтійскаго

моря до Черного. Точно также сопутствовал онь отцу и при вступлении наших войск въ Финляндию, гдѣ былъ при занятіи Лозаны, Борго и Гельсингфорса и игралъ роль парламентера при переговорахъ о сдачѣ Свеаборга, за что былъ пожалованъ званіемъ флигель-адъютанта.

Слѣдующія затѣмъ нѣсколько лѣтъ С. провелъ почти безпрерывно въ сраженіяхъ. Въ шведской кампаніи его военная дѣятельность выразилась участіемъ его въ цѣломъ рядѣ болѣе или менѣе крупныхъ столкновеній съ непріятелемъ: въ жаркомъ дѣлѣ при Индельсами, въ стычкахъ въ Карелии и Саволаксѣ, въ замѣчательномъ переходѣ вмѣстѣ съ Кульневымъ по льду Ботническаго залива на шведскій берегъ. Въ турецкой кампаніи 1811 г. С. подъ начальствомъ Кутузова, командовавшаго Дунайской арміей, дѣйствовалъ въ многочисленныхъ вылазкахъ и по порученію Кутузова совершилъ въ виду турецкихъ постовъ смѣльную переправу черезъ Дунай съ цѣлью доставить генералу Маркову важныя приказанія отъ командующаго; во время этой переправы онь былъ легко раненъ въ ногу; наградой за смѣлость былъ чинъ ротмистра.

Въ концѣ 1811 г. С. прѣѣхалъ въ Петербургъ, но отдохнулъ недолго и вскорѣ былъ посланъ съ дипломатическимъ порученіемъ, касавшимся взаимосоглашеній въ нѣкоторыхъ пунктахъ между Россіей и Англіей,—въ Лондонъ, откуда возвратился только зимою 1812 г., когда Наполеоновская армія отступала къ западной границѣ. Пылкій С. тотчасъ поѣхалъ въ дѣйствующую армію, участвовалъ въ дѣлѣ при Березинѣ, въ рядѣ другихъ крупныхъ и мелкихъ стычекъ, въ занятіи русскими войсками Берлина, въ разныхъ авангардныхъ дѣлахъ за предѣлами Россіи, напр. въ сраженіи подъ Зегаузеномъ (20 февраля 1813 г.), гдѣ былъ тажело раненъ въ лѣвую руку. За эту кампанію онь былъ награжденъ чиномъ полковника, русскимъ орденомъ св. Анны 2-го класса и прусскимъ орденомъ «За заслуги». Оправившись отъ раны, С. вновь присоединился къ арміи, былъ участникомъ въ пораженіи ген.-ад. Чернышевымъ французского генерала Морана, находился при покореніи Люнебурга, въкоторое время состоялось начальникомъ штаба отряда ген.-лейт. графа Вальмодена, затѣмъ былъ отправленъ къ

гр. Витгенштейну, въ распоряженіи котораго братковременно находился и раньше, на конецъ принималъ участіе въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ, Пирною и Лейпцигомъ, за которыхъ одинъ за другимъ получилъ ордена: св. Георгія 4-й ст., св. Владимира 3-й ст., прусскій Краснаго орла 3-й ст. и шведскій—Меча. Въ декабрѣ 1813 г. онъ, получивъ командованіе надъ Волынскимъ уланскимъ полкомъ, съ которымъ совершилъ отважный переходъ черезъ Рейнъ и сыгралъ видную роль при занятіи Люттиха и Намюра. Недалеко отъ Суассона С. 2 февраля 1814 г. атаковалъ регулярную французскую пѣхоту, которой нанесъ решительное пораженіе (непріятель потерялъ болѣе половины своего состава убитыми и пленными), а на слѣдующій день, 3 февраля, полкъ С. отличился при взятіи приступомъ, послѣ упорной обороны со стороны непріятеля, крѣпости Суассонъ; за послѣднее дѣло С. былъ произведенъ въ генераль-маиоры. Не менѣе выдающееся участіе принималъ С. и въ послѣдовавшихъ затѣмъ сраженіяхъ: Лаонскомъ (26 февраля), у Бери о-Бака (6 марта), при занятіи Реймса и въ арріергардномъ дѣлѣ 19 марта, когда онъ со своимъ отрядомъ ворвался въ городокъ Петиѣ и привудилъ разбѣжаться гарнизонъ.

По заключеніи Парижскаго мира С. возвратился въ Петербургъ, откуда былъ посланъ сначала ненадолго въ Швецію, гдѣ состоялъ при штабѣ наслѣднаго принца во время его похода въ Норвегію, а затѣмъ на Вѣнскій конгрессъ. Участникомъ въ вѣнскихъ торжествахъ и въ дипломатическихъ переговорахъ былъ недолго, такъ какъ скоро получились извѣстія о высадкѣ Наполеона и объ его успѣхахъ среди высланной противъ него арміи. С. покинулъ Вѣну и присоединился къ русскимъ силамъ, получивъ въ командованіе отдѣльный отрядъ. Послѣ плененія Наполеона и ссылки его на Елену С. одно время управлялъ Обскимъ департаментомъ во Франціи и въ «благодарность за благотворительное управление» отъ нового французскаго императора получилъ орденъ св. Людовика. Будучи назначенъ командиромъ 1-й бригады 2-й гусарской дивизіи, онъ съ этой частью въ декабрѣ 1815 г. возвратился на родину, гдѣ былъ пожалованъ значительной ежегодной арендой срокомъ на 12 лѣтъ.

Въ октябрѣ 1819 г. былъ назначенъ ко-
мандиромъ 1-й бригады первой же гусар-
ской дивизіи, но уже черезъ мѣсяцъ по-
лучилъ повелѣніе состоять при начальникѣ
легкой Гвардейской кавалерійской дивизіи
и эту должность занималъ до сентября
1823 г., когда вновь вступилъ въ коман-
дованіе названной бригадой. Въ началѣ но-
ваго царствованія, именно 20 мая 1826 г.,
С. былъ определенъ на постъ генераль-
квартирмейстера главнаго штаба, а 22 ав-
густа того же года произведенъ въ гене-
раль-лейтенанты, получивъ вмѣстѣ съ тѣмъ
Анненскую ленту и 6.000 рублей единовре-
менного пособія.

Въ войнѣ съ Персіей С. занималъ долж-
ность начальника штаба отдѣльного Кав-
казскаго корпуса и былъ при осадѣ и взя-
тии крѣпостей Аббасъ-Аббада и Сардаръ-
Аббада. При осадѣ и взятии Эривани при-
нималъ въ сраженіяхъ личное участіе, при-
чемъ собственноручно обезоружилъ хана,
за что награжденъ Георгіевскимъ крестомъ
3-го класса. Когда мирные переговоры, въ
веденіи которыхъ С. игралъ выдающуюся
роль, были прерваны и военные дѣйствія
возобновились, онъ двинулъ съ укрѣплен-
ному городу Ардебилю,—мѣсту коронова-
нія персидскихъ шаховъ,—удачными опе-
раціями заставилъ гарнизонъ капитулиро-
вать и 25 января 1828 г. занялъ городъ.
Послѣ этого успѣха русскихъ шахъ про-
силъ о мирѣ; начались вновь переговоры,
и 10 февраля въ Туркманчай стороныами
были подписаны его условія. Въ числѣ не-
многихъ представителей отъ Россіи, прини-
мавшихъ участіе какъ въ введеніи перего-
воровъ, такъ и въ окончательной редакціи
условій, былъ и С. За взятие Ардебиля
былъ щожалованъ въ генераль-адютанты,
а по возвращеніи въ Петербургъ награ-
жденъ единовременно 50.000 рублей.

Въ Петербургѣ С. отдыхалъ не болѣе
мѣсяца, такъ какъ по повелѣнію отъ 8 мая
1828 г. долженъ былъ отправиться въ ар-
мію, дѣйствовавшую противъ турокъ. При-
бывъ на театръ военныхъ дѣйствій, онъ
тотчасъ сталъ вести переговоры съ комен-
дантомъ осажденнаго Брайлова, стѣ-
ствіемъ которыхъ была сдача укрѣпленія,
послѣдовавшая 6 июня. Покончивъ съ этимъ
дѣломъ, С. послѣшилъ присоединиться къ
Главной арміи, подходившей къ Шумѣ.
Явилась настоятельная необходимость обез-
печить безопасность операционной базы со-

стороны Варны; съ этой цѣлью былъ обра-
зованъ отдѣльный отрядъ, численностью
въ 4.558 чл. всѣхъ родовъ оружія, коман-
дование которымъ было поручено С. Отрядъ
занялъ сообщенія между Базарджакомъ и
Варною; сдерживая напоръ непріятеля и
находясь въ почти безпрерывныхъ круп-
ныхъ и мелкихъ стычкахъ, онъ принесъ нео-
цѣненную пользу главнымъ русскимъ си-
ламъ.

Послѣ паденія Варны С., по Высочай-
шему повелѣнію,ѣздилъ въ Прѣводы
съ цѣлью удостовѣриться на мѣстѣ, можно
ли тамъ оставить на зиму гарнизонъ, не
подвергая его серьезной опасности. Минѣ
его по этому поводу, послѣ Высочайше одо-
бреннаго, сводилось къ положительному ре-
шенію вопроса при условіи сооруженія нѣ-
которыхъ новыхъ укрѣпленій. Выполнить
это порученіе, С. отправился къ Силистрѣ,
гдѣ вступилъ сначала въ командованіе ар-
ріергардомъ, а потомъ быть назначенъ
временнымъ командиромъ своднаго пѣхот-
наго корпуса. Заслуги его въ Турецкой
войнѣ были награждены орденомъ св. Влади-
міра 2-й ст. и золотой шпагой съ алма-
замами и надписью «За храбрость».

Въ апрѣль 1830 г. (послѣ кратковремен-
наго заграничнаго отпуска) С. былъ на-
значенъ оренбургскимъ военнымъ губер-
наторомъ и командиромъ отдѣльного Орен-
бургскаго корпуса. Выѣхавъ съ этимъ ему
была выражена Высочайшая благодар-
ность за полезную и успѣшную дѣя-
тельность въ должностяхъ генераль-квар-
тирмейстера. Въ Оренбургѣ С. прибылъ
въ началѣ іюня 1830 г. Его управ-
леніе краемъ было непродолжительно, но
во многихъ отношеніяхъ характерно. За-
служиваетъ вниманія его взглядъ на ко-
чующихъ киргизовъ. Въ то время какъ
предшественники С. стояли за законода-
тельныя и административныя мѣры, веду-
щія къ постепенному переходу киргизовъ
къ осѣдлой жизни, самъ онъ полагалъ, что,
наоборотъ, слѣдуетъ выдвинуть такія мѣ-
ропріятія, которыя удерживали бы кирги-
зовъ при существующемъ образѣ ихъ жизни.
С. исходилъ изъ той точки зрѣнія, что
именно при условіяхъ пастушеско-кочевой
жизни киргизы являются полезнымъ для
Россіи народнымъ элементомъ, покупаю-
щимъ хлѣбъ и мануфактурныя издѣлія въ
обмѣнъ за кожи и другое сырье. Чтобы уре-
гулировать жизнь туземцевъ, С. распоря-

дился составить въчто въ родѣ «Свода законовъ», основанного на ихъ обычномъ правѣ; предполагалось въ него добавить лишь нѣкоторыя статьи, ограничивающія для кочевниковъ свободу перехода въ состояніе осѣдлости. Но работа эта, порученная хану Джигангеру, была выполнена неудовлетворительно, и воспользоваться ею не оказалось возможности. Неудачу потерпѣла и попытка С. примѣнить между киргизами оспопрививаніе. Съ другой стороны, С. ревниво относился къ тому, чтобы киргизовъ не притѣсняли болѣе сильные элементы: когда уральские казаки сдѣлали попытку захватить въ свое пользованіе цѣлинныя земли за Ураломъ, искони считавшіяся киргизскимъ пастибіщнымъ достояніемъ, С. воспротивился этому и категорически отказалъ казакамъ въ запашкахъ. Для упорядоченія пользованія туземцами землею, прилегавшею къ русской линіи, С. подѣлилъ эту полосу на опредѣленные участки и для управлениія назначилъ начальниковъ изъ киргизовъ же. Послѣдняя мѣра оказалась соотвѣтствующею обстоятельствамъ и оставалась въ силѣ до 1869 г. Иначе относился С. къ башкирамъ, относительно нихъ полагая, что ни въ военномъ, ни въ экономическомъ отношеніяхъ они не представляютъ при наличности существовавшихъ условій чего-либо полезнаго для государства, почему должны быть обращены въ казенныхъ поселянъ. Предположеніе это получило одобреніе правительства, но въ исполненіе, впрочемъ, не было приведено.

Слѣдуетъ отмѣтить еще слѣдующія мѣры, принятая С. для ввѣренаго ему края: посылка въ Петербургъ молодыхъ людей для обученія въ фельдшерскихъ школахъ, прекращеніе ссылки осужденныхъ къ ней въ Оренбургскую губернию, учрежденіе постоянныхъ военныхъ судовъ при уральской и оренбургской войсковыхъ канцеляріяхъ, разрѣшеніе казеннымъ крестьянамъ селиться на Оренбургской линіи съ причисленіемъ ихъ къ «таможеннымъ» казакамъ, устройство училища для дочерей недостаточныхъ чиновниковъ, музея для мѣстныхъ древностей, военного госпиталя, манежа, экзерцир-гауза и проч. 4 марта 1832 г. С. получилъ Высочайшую благодарность и «полную признательность за отличное усердіе и дѣятельность, обращаемую на всѣ пред-

меты обширнаго Оренбургскаго края», а 9 апрѣля того же года былъ пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго «за отлично-усердную службу и неустанные труды по занимаемой должности и за пріимѣрную заботливость о благосостояніи ввѣренныхъ его управлению края и войскъ». 20 марта 1833 г. С. скоропостижно умеръ въ Оренбургѣ, гдѣ былъ и похороненъ.

С. былъ женатъ на дочери Дмитрія Александровича Зубова, Варварѣ Дмитріевнѣ, и имѣлъ отъ этого брака лишь одну dochь, Ольгу Павловну, бывшую фрейлиной Императрицы Александры Феодоровны; она прекрасно владѣла иѣзиками — французскимъ, голландскимъ, нѣмецкимъ, шведскимъ и итальянскимъ и состояла членомъ различныхъ учрежденій. Ему принадлежитъ, между прочимъ, начало осуществленія важной мысли: соединить астрономическое и геодезическое измѣренія Россіи съ странами Западной Европы посредствомъ исчисленія меридiana по параллели Бреста и продолженія его къ западу черезъ Австрію и Германію, а къ востоку до Волги и Урала. Военная литература обязана С. краткимъ жизнеописаніемъ ген.-адъютанта Конот. Христоф. Бенкendorфа, написанномъ по-французски и въ русскомъ переводе напечатанномъ въ «Военному Журналѣ». Кромѣ того уже значительно позже его смерти въ «Русскомъ Архивѣ» (1876 г., № 3) появились извлечения «Изъ записной книжки П. П. Сухтелена — 1816 г.».

«Описаніе Военной галлереп Зимняго Дворца». — Кн. Ив. Мих. Долгорукій, «Капище моего сердца», «Чтения въ Императорск. Общ. Ист. и Древностей Россіи при Моск. Унів.», 1872 г., № 12; отд. М., 1882 г. — Ф. Лобысовичъ, «Главные начальники Оренбургскаго края, 1724—1770», «Военный Сборникъ», 1872 г., т. 85, № 5, стр. 56—58. — «Воспоминанія В. И. Панаева», «Вѣстн. Европы», 1867 г., № 3, стр. 192—270, № 4, стр. 72—181. — «Изъ записной книжки Сухтелена», «Русскій Архивъ», 1876, № 3, стр. 346—355. — «Журналъ для чтенія воспитан. воен.-учебы. заведеній». — «Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ» Леера, т. VII, Спб. 1894 г., стр. 360—362. — «Военный энциклопед. лексиконъ», ч. XII, Спб., 1853, стр. 414—417; «Московскія Вѣдом.», 1833 г., № 35. — «Русск. Архивъ», 1890 г., № 9, стр. 346; 1904 г., № 1, стр. 255—256. — «С.-Петерб. Вѣдомости», 1833 г., № 92, стр. 355—356. — «Прибавленіе къ Казанскому Вѣстнику», 1833 г., № 18. — «Дневникъ гр. П. П. Сухтелена о пребываніи Хозрева - миры въ Россіи», «Русск.

Арх.>, 1899 г., т. I.—«Персидское посольство въ России», тамъ же, 1899, т. I.—С. Г. Кареппина, «Русский человѣкъ на восточной окраинѣ; въ прилож. письма Сухтелена», тамъ же, 1873 г., стр. 1318.

Сухтеленъ, графъ *Петръ Корниловичъ*, инженеръ - генераль, происходилъ изъ древнаго рода герцогства Юлихъ-Клевскаго, въ XVI вѣкѣ перешедшаго въ Нидерланды и съ тѣхъ поръ принадлежащаго голландскому дворянству съ титуломъ «jonkheer-ridder». С. (первоначальное его имя—Жанъ-Пьеръ) родился 2 августа 1751 г. въ г. Грeve; по окончаніи курса въ Гренингенскомъ университете служилъ въ инженерныхъ войскахъ въ ту эпоху упадка Голландскихъ Штатовъ, когда они въ войнѣ съ Англией испытывали рядъ неудачъ, потеряли свои колонии въ Азіи, и партія республиканцевъ, недовольная штатгальтеромъ Вильгельмомъ V, требовала удаленія дяди его, герцога Луи-Эристаса Брауншвейгъ-Вольфенбюттель, друга англичанъ. Въ ту эпоху многие офицеры искали счастья въ другихъ государствахъ; въ числѣ таковыхъ С. перешелъ (въ юль 1783 г.) инженеръ - подполковникомъ въ русскую службу. Лѣтомъ 1785 г. С. осматривалъ каналы Вышневолоцкой системы, а осенью того же года приступилъ, въ числѣ другихъ инженеровъ, къ работамъ по прорытию Сѣверо-Екатерининского канала (соединяя р. Сѣв. Кельту, притокъ Вычегды, съ р. Джуричъ, впадающей въ Ю. Кельту, притокъ Камы; окончено въ 1822 г.; закрыто въ 1838 г. по отсутствію судоходства). Шведская война 1788 г. прервала на время работы, и С. былъ назначенъ начальникомъ инженерного штаба; за отличія въ кампаніи (подъ Выборгомъ, Фридрихсгамомъ, Скоби и др.) онъ былъ пожалованъ чиномъ генераль-маира и 300 душъ въ Фридрихсгамскомъ уѣздѣ и награжденъ Георгіевскимъ крестомъ. По окончаніи войны С. осматривалъ по Высочайшимъ повелѣніямъ крѣпости на западной и юго-западной границахъ и принималъ участіе въ сооруженіи Ревельскаго военнаго порта. Будучи въ 1794 г. въ Варшавѣ у короля Станислава Понятовскаго, С. былъ раненъ во время бунта и взятъ въ плѣнъ. Пробывъ 1797 г. начальникомъ инженерной части Финляндскаго департамента, С. былъ назначенъ членомъ департамента водяныхъ коммуникацій, вслѣдъ затѣмъ командированъ по Высочай-

шему повелѣнію осматривать всѣ крѣпости отъ Херсона до Риги и Ревеля, а затѣмъ отправленъ съ инженернымъ корпусомъ въ Архангельскъ, где и сставался до вступленія на престолъ Императора Александра I. Назначеніе С. управляющимъ свитой Его Величества по квартирмейстерской части принесло этой отрасли арміи большую пользу: обращено вниманіе на комплектованіе свиты вполнѣ образованными офицерами и на то, чтобы возлагаемыя на офицеровъ занятія служили къ дальнѣйшему ихъ развитію и усовершенствованію; назначались военно-топографическая съемка, военно-учебная экспедиція и пр. Въ этотъ периодъ своей служебной деятельности (октябрь 1806 г.) С. съ дѣтьми былъ принятъ по прошенію въ вѣчное подданство Россіи. При началѣ Финляндской войны 1808—1809 г.г. С. былъ назначенъ состоять при главнокомандующемъ гр. Буксгевденѣ въ званіи совѣтника и въ этой должности принялъ дѣятельное участіе въ выработкѣ общаго плана кампаніи, причемъ знаніе страны, приобрѣтенное во время участія въ войнѣ 1789 г., а равно и инспектированіе въ мирное время укрѣпленныхъ пунктовъ вдоль шведской границы принесли существенную пользу. Давъ необходимые указанія относительно обложенія крѣпости Свартгольма, С. 18 февраля послѣшилъ къ Свеаборгу, составлявшему стратегическій ключъ южнаго побережья Финляндіи; овладѣніе этимъ пунктомъ составляло вопросъ первостепенной важности, а между тѣмъ средства, приготовленныя для достиженія цѣли, были ничтожны; для пополненія ихъ С. между прочимъ, воспользовался непрѣятельскими орудіями, захваченными въ Гельсингфорсѣ и другихъ мѣстахъ, покинутыхъ шведами. Буксгевденъ руководилъ операциами противъ Або, а потому управление дѣйствіями противъ Свеаборга掌了 на С., и лишь ему принадлежитъ заслуга благополучнаго исхода труднаго предприятия, покоренія одной изъ самыхъ сильныхъ крѣпостей того времени. Недостатокъ въ осадныхъ средствахъ С. талантливо замѣнилъ моральными воздействиѳми на коменданта и гарнизонъ, результатомъ чего явились переговоры послѣ первого бомбардированія, и 25 марта подписанъ былъ договоръ, по которому крѣпость, счиавшаяся неприступной, уступлена русскимъ. Во время дальнѣйшихъ военныхъ

дѣйствій С. руководилъ инженерными войсками, играя видную роль въ штабѣ главнокомандующихъ. Сдача Свеаборга установила за С. репутацію искуснаго дипломата, такъ что главнокомандующиye всегда ему поручали переговоры въ затруднительныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, при заключеніи конвенціи 7 сентября въ Лохте и решеніи вопроса о перемирии 4 марта 1809 г. С. составилъ на французскомъ языкѣ описание этой войны: «*R. de Suchtelen. Précis des événements militaires des campagnes de 1808 et 1809 en Finlande dans la dernière guerre entre la Russie et la Suède.*». По окончаніи войны С. былъ отправленъ чрезвычайнымъ посломъ въ Стокгольмъ. Въ 1812 г. С. выѣхъ съ барономъ Николаемъ заключилъ мирный договоръ съ Англіей и былъ возведенъ съ потомствомъ въ бароны великаго княжества Финляндіи. Въ слѣдующемъ году С. сопровождалъ Бернадотта въ походъ, участвовалъ во всѣхъ битвахъ съверной арміи отъ Гросъ-Берена до Лейпцига и по заключеніи Парижскаго мира возвратился на свой постъ чрезвычайного посла и полномочного министра при Стокгольмскомъ дворѣ, каковой и занималъ почти до самой кончины (6 января). Въ 1822 г. С. былъ возведенъ съ потомствомъ въ графское величества Финляндскаго достоинство.

Въ послѣдніе годы своей жизни С. жилъ въ роскошныхъ покояхъ покинутаго Михайловскаго дворца, гдѣ ему по Высочайшему повелѣнію была отведена обширная квартира. Въ бывшемъ тронномъ залѣ Павла I находился его кабинетъ и помѣщалась библиотека, представлявшая собраніе рѣдчайшихъ книгъ и рукописей преимущественно по инженерному дѣлу. По отзыву знашаго С. лично Ф. Ф. Вигеля, «этотъ человѣкъ ужасалъ своимъ знаніемъ, но таѣ былъ скроменъ, что не только пугать, но даже удивлять имъ никого не думалъ. Всеѳдущій человѣкъ, съѣ въ себѣствѣ невѣждѣ былъ ласковъ и учтивъ, не давая подозрѣвать о своемъ значеніи. Всѣ математическія науки, всѣ отрасли литературы, философія, богословіе—равно были ему знакомы, въ художествѣ же онъ былъ вѣрный и искусный судья».

Нордовъ, „Архивъ графовъ Канкриныхъ-Ламберть-Сухтелентъ“.—„Записки Ф. Ф. Вигеля“.—„Столѣтіе всенаго министерства“, т. VI, ч. I.—Михайловскій-Данилевскій, „Описа-

вие Финляндской войны 1808—1809 гг.“.—„*Anteckningar of Grefve Magnus Björnstjerna*“, Stockholm, 1851.—Упомянутое въ текстѣ описание войны, составленное С.—„Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенатскомъ архивѣ“, отд. III, т. I, №№ 145, 375, 735.

Сушинский, Семенъ Матвеевичъ, военный врачъ, одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ баронета Я. В. Вилле, происходилъ изъ духовнаго званія (его отецъ былъ священникомъ въ Черниговскомъ повѣтѣ), родился въ 1778 г., умеръ 31 августа 1831 г. отъ холеры. Среднее образованіе получилъ въ Черниговской духовной семинаріи, медицинское—въ Петербургской медико-хирургической академіи (1799—1804), изъ которой былъ выпущенъ младшимъ врачомъ въ лейбъ-Гренадерскій полкъ. Въ 1805 г. пользовалъ раненыхъ въ битвѣ подъ Аустерлицемъ, а въ кампанію 1807 г., уже въ званіи старшаго лекаря, работалъ въ бояхъ 25 марта (въ Пруссіи), 24 мая (подъ Гутштатомъ), 29 мая (при Гельсбергѣ) и 2 июня (при Фридландѣ). Уже тогда С., какъ искусный и безстрашный хирургъ, управлявшій работами по сбору раненыхъ подъ градомъ пуль, обратилъ на себя вниманіе Я. В. Вилле, ставшаго ему покровителствовать. Въ послѣдовавшую затѣмъ войну со Швеціей С. работалъ какъ врачъ во всѣхъ сраженіяхъ—съ 21 мая 1808 г. по 18 марта 1809 г., а по окончаніи войны принималъ видное участіе въ работахъ по упорядоченію санитарной части въ войскахъ. Когда была учреждена должность дивизіонныхъ врачей, Вилле предоставилъ С. это място въ 1-й гренадерской дивизіи. Въ Отечественную войну и послѣдовавшій за нею заграничный походъ С. участвовалъ, по официальному удостовѣренію, «съ 13 июня 1812 г. во всѣхъ сраженіяхъ и походахъ внутри и внѣ Россіи противъ французовъ по 4 сентября 1814 г.». По представлению Кутузова ему въ 1813 г. былъ данъ чинъ надворнаго советника. Возвращившись въ Россію, С. былъ назначенъ баронетомъ Вилле на службу въ военно-медицинскій департаментъ сначала столонаучальникомъ, потомъ (1816 г.) начальникомъ первого отдѣленія, а съ 1818 г.—вице-директоромъ департамента. Въ юль 1820 г. медико-хирургическая академія, признавъ С. однимъ изъ наиболѣе выдающихся своихъ воспитанниковъ, поднявъ

шихъ военно-медицинское дѣло въ Россіи, удостоила его степени доктора медицины.

Фомуляръ въ Московскомъ отдѣлѣніи Архива Главнаго штаба, опись дѣлопроизводства канцеляріи начальника Главнаго штаба, дѣла медицинскія, свѣзка 110, № 6 (за 1815—1817 гг.).—Архивъ Главнаго воен.-медиц. управлѣнія, дѣла медиц. департамента.—„Исторія военно-медицинской академіи”, Спб. 1898 г., стр. 146.—„Столѣтіе военного министерства”, т. VIII, ч. 1, стр. 45.—Л. Ф. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели”, тетр. 2, Спб., 1886 г.

Сушкова, Анастасія Павловна, урожденная княжна Долгорукова, переводчица, дочь генераль-маиора князя Павла Васильевича Долгорукова, родилась въ 1789 г. Въ 1811 г. она противъ воли своего отца выступила въ бракъ съ бѣднымъ и незнатнымъ ратникомъ Александромъ Васильевичемъ Сушковымъ. Была рѣдко образованной для того времени женщиной и основательно знала три иностранныхъ языка. По свидѣтельству ея дочери, Екатерины Александровны Хвостовой, она переводила въ стихахъ Томаса Мора, Юага и Байрона. Тетрадь съ этими переводами сохранилась у Е. А. Хвостовой. Семейная жизнь С. сложилась несчастливо. Благодаря неу碌чивому характеру ея мужа, ей приходилось постоянно перекочевывать съ места на место (Москва, Петербургъ, Пенза или имѣніе Знаменское) и жить въ разлукѣ съ дочерьми, которыхъ воспитывались у родственниковъ. Умерла С. 28 мая 1826 г., 38 лѣтъ отъ роду, въ Псковской губ., въ имѣніи своей родственницы В. Ю. Горчаковой.

Князь Н. Н. Голицынъ, «Библіографическій словарь русскихъ писательницъ», Спб. 1889 г., стр. 241.—Записки Е. А. Хвостовой, Спб., 1871 г., стр. 3, тоже въ «Русскомъ Архивѣ», 1866 г., № 8—9, стр. 1343—1344.—«Русская родословная книга», изд. «Русской Старины», Спб. 1873 г.—«Русский Архивъ», 1866 г., № 8—9, стр. 1343—34.

Сушкова, Марья Васильевна, урожденная Храповицкая, мать Николая Васильевича Сушкова (см. ниже), супруга симбирского губернатора Василия Михайловича Сушкова, переводчица и писательница конца XVIII вѣка; родилась 2 марта 1752 г. въ Малороссіи, умерла 23 декабря 1803 г. въ Москвѣ. Въ домѣ своего отца, лейбъ-кампанца Василия Ивановича Храповицкаго, она получила блестящее по своему времени, хотя своеобразное воспитаніе: въ совершенствѣ изучила француз-

скій, итальянскій, англійскій и нѣмецкій языки, но съ трудомъ могла изъясняться на родномъ русскомъ языкѣ. Новая литературыя вѣянія въ Россіи, оказавшія на нее известное влияніе, отчасти же ея стремленіе попасть въ придворныя дамы и перспектива быть наказанной за незнаніе русскаго языка чтеніемъ «Телемахиды» заставили ее пополнить этотъ изыянъ въ образованіи, и уже въ зрѣлыхъ годахъ она подъ руководствомъ своего брата Александра Васильевича Храповицкаго засѣла за русскія вокабулы, въ чемъ впрочемъ сдѣлала большіе успѣхи, пристрастившись въ то же время къ писанію стиховъ. Рекомендую ее Императрицѣ Екатеринѣ II, графъ К. Г. Разумовскій замѣтилъ, что она «заглянула на вирши и читаетъ русскую грамоту лучше придворнаго дѣячка». Императрица пригласила С. ко двору, поощрила въ писаніи стиховъ, предложила заняться переводами романовъ и указала журналы, где они могутъ быть напечатаны. Съ этого времени С. стала сотрудничать въ рядѣ тогдашнихъ журналовъ: въ еженедѣльникѣ Сумарокова «И то и сіѣ», въ журналахъ—«Живописѣ» (1772 г.), «Вечера» (1772—1773), «Собесѣдникъ Любителей Русскаго Слова» (1788 г.). Ей принадлежатъ слѣдующіе переводы: «Инки или разрушеніе Перуанской имперіи», романъ Мармонтеля (переводъ выполненъ хорошо, романъ имѣлъ выдающійся успѣхъ и выдержалъ 4 изданія,—Москва, 1778, 1782, 1801, 1819 гг.—всего въ количествѣ 5.000 экз., что для того времени считалось весьма солидной цифрой); «Щастливое похищеніе, повѣсть гишпанской» (съ франц., Спб., 1777 г.); «Эрисія или весталка», драма въ 3 дѣйств. (М., 1783); «Бѣглецъ», драма Мерсье въ 5 дѣйств. (М., 1784); «Земира и Азоръ», опера Мармонтеля, музыка Гретри, въ 4 дѣйств. (М., 1788, изд. Н. Новикова, 2-е изданіе Спб., 1784); «Роза и Коласъ», оперетка; «Идиллия Дезульверъ»; «Юаговы ночи»; «Монологъ Катоновъ», съ франц.; «Гладелушкій житель», комедія съ фр., осталась не напечатанной, но вѣсколько разъ ставилась на сцену; «Сонеты и стансы Петрарки», съ итальянск. стихами; «Потерянный Рай» Мильтона, съ англ. прозой (первый по времени русскій переводъ этого творенія). Съ русскаго на французскій С. перевела «Чесменовій бой» Хераскова

(«Le combat de Tsesme, poème, avec un discours sur la poésie russe»), 1772 г., прозой. Изъ оригинальныхъ ея стихотворений напечатаны: «Стансы на учреждение Россійской академіи» («Чтения въ Бефъдѣ Любителей Русскаго Слова»), «Ироиды», «Посланіе къ Державину», «Посланіе къ Дашковой» и «На смерть гр. Григорія Ивановича Орлова». Послѣднія четыре стихотворенія ю же переведены и на французскій. Большинство переводовъ С. подписаны инициалами «М. С.».

Макаровъ, «Матеріалы для исторіи русскихъ женщинъ — авторовъ», «Ламскій Журналъ», 1830 г., № 7, стр. 98—100; № 10, стр. 145—147 и № 21, стр. 113.—Д. Мордовцевъ, «Русскія женщины второй половины XVIII в.», Спб., 1874 г.—Николай Книжникъ (кн. Н. Гоппицынъ), «Словарь русскихъ писательницъ 1759—1839 гг.», «Русск. Архивъ», 1865 г., № 9—10, стр. 1209—1210.—Его же, «Списокъ русскимъ писательницамъ», «Молва», 1857 г.—«Московскій Телеграфъ», 1829 г., № 18 и 19.—«Раутъ», 1854 г., стр. 121.—«Драматический Альбомъ» Арапова, М., 1854 г., стр. 130.—Новиковъ, «Опытъ словаря русскихъ писательницъ».—Н. В. Сушкинъ, «М. В. Храповицкій и М. П. Сердюковъ», «Раутъ», 1852 г., стр. 204 и сл.—А. Е. Викторовъ, «Бумаги Н. В. Сушкина въ Московскому Публичному музею», М., 1872 г.—«Сочиненія Державина» подъ ред. Грога, т. VI, стр. 611.—Геннадіи, «Списокъ русскихъ анонимныхъ книгъ», Спб., 1871 г., стр. 10.—«Johann Bernoulli's Reise», Leipzig, 1870, p. 124.—Leclerc, «Histoire de la Russie moderne», Paris, 1783, t. 1, р. 86.

Сушкинъ, Дмитрий Петровичъ, дѣятельный статский советникъ, писатель, сотрудникъ различныхъ журналовъ, родился 14 марта 1817 г., умеръ въ 1877 г., братъ Сергея Петровича Сушкина. Отдѣльно издалъ «Стихотворенія» (Спб. 1838 г.) и въ современныхъ изданияхъ напечаталъ: «Эпизодъ изъ исторіи русскаго театра, 1818 г.» («Русская Старина», 1873 г., т. 7, № 4), «Хозяйственныя распоряженія Императрицы Елизаветы Петровны 1746—1759 г.г.» (тамъ же, 1873 г., т. 8, № 7), «О запискахъ А. В. Храповицкаго» («Голосъ», 1872 г., № 65).

Библиотека для Чтеній», 1838 г., т. 31, отд. 6, стр. 1—11.—«Современникъ», 1838 г., т. 12, стр. 67—69.—«Сѣверная Пчела», 1838 г., № 231, статья Ф. Булгакова.—«Сынъ Отечества», 1838 г., т. 5, отд. 4, стр. 139.—«Русская родословная книга», Спб. 1873 г., т. I, стр. 306.—В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ, «Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилий», Спб., 1887 г., т. II, стр. 458.

Сушкинъ, Михаилъ Васильевичъ, писатель и переводчикъ, братъ слѣдующаго,

родился, какъ можно заключить изъ предисловій и заявлений къ посмертному изданію некоторыхъ его произведеній, въ 1775 г., умеръ въ 1792 г.—17 лѣтъ. Незадолго до смерти С. въ журнале «Дѣло отъ бездѣлья» были напечатаны его «Ода, писанная въ теченіе войны съ турками» (1792, ч. II, мартъ), логогрифъ «Я есмь не веществъ», загадки «Я въ царствѣ нѣжностей» и «Я тридцать съ четырьмя», шарада «Въ полднейшихъ только я странахъ» (1792 г., май), и отдѣльно изданъ переводъ съ французскаго: «Полная баснословная исторія» (М., 1792, и 2-е изд., Владимиръ, 1799 г.). Характерны однако для С. не эти забавы пера, въ которыхъ впрочемъ свѣтится неподдельный талантъ, встрѣчаются свѣжіе обороты и выраженія,—характеренъ для него его «Россійскій Вертеръ», найденный въ рукописи и изданій нѣсколько лѣтъ спустя по смерти С. Этотъ небольшой романъ, навѣянный, безъ сомнѣнія, «Вертеромъ» Гете и проникнутый безудержнымъ пессимизмомъ, въ своемъ родѣ единственное явленіе въ литературѣ: судьбу его героя—самоубийство—раздѣлилъ и авторъ. Романъ является такимъ образомъ полной исповѣдью С., выраженіемъ его міровоззрѣнія и міроощущенія. Были ли какія-нибудь причины личного свойства, приведшія С. къ мрачному взгляду на жизнь, или же это былъ только философскій выводъ, тогда сильно распространенный и С. воспринятый не только умомъ, но и полнымъ сердцемъ,—судить трудно. Нѣтъ сомнѣнія во всякомъ случаѣ, что С. былъ чуткой и нервной натурой, широко одаренной и глубоко воспринимающей съ рѣдкой особенностью такого юнаго возраста, въ какомъ покончилъ съ собою С., воспринятія мысли анализировать, развивать, перерабатывать, доводить до крайностей, а затѣмъ не только исповѣдывать ихъ, но и дѣломъ имѣть следовать. Свои возврѣнія онъ изложилъ въ нѣсколькихъ философскихъ разсужденіяхъ, о чёмъ кратко сообщается въ одномъ изъ примѣчаній къ тому же «Россійскому Вертеру», но по условіямъ цензуры они не могли увидѣть свѣта. О характерѣ, а отчасти и о предметѣ ихъ можно судить по одному мѣсту его завѣщенія, въ смягченной формѣ переданному издателемъ романа: «Онъ (С.)велѣлъ раздать имущество свое нищимъ, а попамъ ничего», «и для того,—прибавляеть издатель,—нищіе со

слезами на глазахъ провожали прахъ его, а попы предали проклятию его имя»; въ томъ же завѣщаніи С. далъ отпускную своюимъ людямъ. Въ 1803 г. братомъ по-крайнаго С. Николаемъ Васильевичемъ была издана книга подъ названіемъ «Памяти брата, или собраніе сочиненій и переводовъ М. Сушкова, найденныхъ послѣ его смерти».

Предисловіе къ «Памяти брата etc.», М., 1803 г.—Заявленіе отъ издателя «Россійскаго Вертера», М., 1801 г.—Сопиковъ, «Опытъ россійской библіографіи», Спб., 1814 г., ч. II, № 2434; ч. III, № 4876.—А. Н. Неустроевъ, «Историческое разысканіе о русскихъ временемененныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.», Спб., 1872 г., стр. 717.—«Роспись россійскимъ книгамъ», Смирнина, Спб., 1828 г., № 6648, 8445.—В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ, «Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилий», Спб., 1887 г., т. II, стр. 457.—«Русская родословная книга» изд. «Русской Старинѣ», Спб., 1873 г., стр. 305.

СУШКОВЪ, Николай Васильевичъ, драматургъ, поэтъ и журналистъ; родился 15 ноября 1796 г. Отецъ его былъ при Императорѣ Павлѣ симбирскимъ губернаторомъ, мать—въ свое время довольно известной писательницей и переводчицей. Воспитывался С. въ Московскомъ благородномъ пансионѣ и здѣсь подъ вліяніемъ Мерзлякова и образовавшихся въ пансионѣ литературныхъ кружковъ началъ писать. Первые попытки его были уже настолько успѣшны, что въ 1810 г. одно изъ его стихотвореній—«Дружба»—удостоилось быть прочитаннымъ на торжественномъ пансионскомъ актѣ. Окончивши курсъ пансиона (1814 г.), С. поступилъ на службу въ министерство юстиціи, въ которомъ числился служащимъ уже съ 1807 г. Въ Петербургѣ, куда онъ перѣѣхалъ изъ-за службы, С., несмотря на свои обширные связи въ аристократическихъ сферахъ, жилъ довольно скромно и вращался главнымъ образомъ въ литературной сфере. Здѣсь онъ сблизился съ Державинымъ, Карамзинымъ, Крыловымъ, Гайдичемъ, Оленинымъ и др.; въ этомъ кружкѣ окончательно сложились его литературные вкусы и возврѣнія.

Съ 1815 г. С. сталъ печататься въ цѣломъ рядѣ periodическихъ изданій: «Сынъ Отеч.», «Амфіонъ», «Благонамѣреніе», «Русск. Пустынникъ», «Соревноватѣль Проповѣщенія и Благотвореній», «Музъ россійск. стихотв.» и др., гдѣ появлялись главнымъ образомъ его стихотворенія и мелкія критическія замѣтки. Около этого же времени

С. обратился къ театру и написалъ для домашней сцены драму «Теніеръ или анекдотъ въ лицахъ»; нѣсколько позже ее предполагалось поставить даже на Эрмитажной сценѣ (напеч. только въ 1850 г. въ «Драматич. Альбомѣ» Арапова). Для домашней же сцены предназначались его переводъ «Metromanie» Пирона и небольшая оригинальная пьеска «Сюрпризы», за которую онъ имѣлъ непріятности отъ Милорадовича (послѣдній въ одноть изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы увидѣлъ намеки на Петра I).

Въ 1818 г. С. перешелъ на службу въ первый департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, гдѣ занялся составленіемъ исторического и статистического описанія соляныхъ источниковъ, солеваренныхъ заводовъ и каменной соли. Отдельные отрывки изъ этой работы были напечатаны въ «Отечеств. Записк.» (1821) и «Сибирск. Вѣстн.» (1821), а черезъ нѣкоторое время въ «Горномъ Журналѣ» (1827)—связанное съ предыдущемъ изслѣдованіе: «Объ Эльтонскомъ и крымскихъ соленыхъ озерахъ». Зимою 1822 г. С. былъ назначенъ советникомъ соляного отдѣленія Таврической казенной экспедиціи и переселился въ Симферополь. Предыдущія занятія по изученію соляного промысла помогли ему быстро ориентироваться на новомъ мѣстѣ, и онъ въ непродолжительное время цѣлесообразной постановкой дѣла значительно повысилъ отъ него доходы казны. Въ 1825 г. онъ былъ переведенъ членомъ Бессарабскаго верховнаго совѣта въ Кишиневъ, гдѣ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, въ концѣ 1827 г. или въ началѣ 1828 г. имѣлъ дуэль, кончившуюся смертью его противника. Подъ вліяніемъ этого происшествія, всегда мучившаго его, онъ вслѣдствіи написалъ въ стихахъ пьесу «Дуэлисты», нѣсколько разъ игранную на Московской сценѣ. За дуэль С. былъ приговоренъ къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ крѣпости и къ духовному покаянію, которое пожелалъ отбыть въ Москвѣ. Здѣсь въ немъ подъ вліяніемъ Московскаго митрополита Филарета постепенно совершился духовный переворотъ, и С., относившійся раньше индифферентно къ вопросамъ вѣры, сталъ человекомъ въ высшей степени религіознымъ въ духѣ православія; этотъ переломъ отразился на всей его послѣдующей жизни и дѣятельности, а также и на его позднѣйшихъ произведеніяхъ. Отбывъ установлен-

ное церковное покаяніе, онъ зачислился по министерству внутреннихъ дѣлъ и перевѣхалъ въ Петербургъ, но уже въ 1830 г. командированъ въ Митаву предсѣдателемъ «Комиссіи для обревизованія земскихъ сбровъ по Курляндіи», а вскорѣ затѣмъ назначенъ управляющимъ «канцеляріи начальника временно образованной, по слу- чаю волненій въ Западномъ краѣ, изъ Жмудскихъ уѣздовъ области». Послѣ по- давленія польского восстанія онъ пере- веденъ въ Вильну правителемъ канцеляріи виленскаго ген.-губернатора Н. А. Долго- рукова. Въ 1835 г. былъ приглашенъ гр. Толлемъ на должностъ вице-директора единственнаго въ то время департамента путей сообщенія, а въ 1838 г. (въ этомъ же году женился) получилъ назначеніе губернаторомъ въ Минскъ. Его губерна- торство въ Минскѣ совпало съ моментомъ дѣятельности Іосифа Сѣмашко, стремивша- гося къ возсоединенію уніатовъ. Сдѣлав- шись подъ вліяніемъ митрополита Фила- рета убѣжденнымъ сторонникомъ и защит- никомъ господствующей церкви, С. къ дѣятельности Сѣмашко отнесся болѣе чѣмъ сочувственно, и его слишкомъ прямоли-нейная политика въ этомъ вопросѣ сподѣла ему губернаторскаго мѣста. Послѣ этого онъ совсѣмъ покинулъ службу и навсегда поселился въ Москвѣ. Когда въ 1845 г. М. И. Муравьевъ, тогдашній управляющій межевымъ корпусомъ, предложилъ ему по- ступить на службу въ качествѣ своего то-варища, С. отказался въ весьма характер-ныхъ для него выраженіяхъ: «Я не често-любивъ и не любостяжателенъ,—писалъ онъ Муравьеву;—стало быть, перевезгать современемъ ленту съ одного плеча на другое или же изъ превосходительства возрасти въ превосходительство съ чет-вертью—не пиша моему самолюбію, а хло-потать обѣ ареядѣ, когда я прожилъ 50 лѣтъ безъ богатства, и поздно и не нужно».

Начиная съ 1818 г. и до отставки, С., поглощенный служебными обязанностями, совершенно прекратилъ занятія литерату-рой (только въ 1823 г. напечаталъ рань-ше написанную «лирическую трагедію» въ 3 д. «Сафо»), растерялъ за этотъ двадца-тилѣтній періодъ всѣ прежнія литератур-ные связи, а самое главное — совершилъ утрату духовную связь съ новыми ли-тературными вѣяніями и направленіями. Время можно-классическихъ трагедій и ко-

мѣдій, написанныхъ александристскими сти-хами, безвозвратно прошло, наступила новая литературная эпоха, эпоха западничес-тва и славянофильтва. Привыкши къ бе-зобидной журналистикѣ 1815—20 гг., С. не понималъ новой роли литературы, новой роли журналовъ, роли вновь возникшей критики и т. д. «Литературное поприще мое,—говорить самъ С., бросая ретроспек-тивный взглядъ на свою литературную дѣятельность,—разломано надвое; середину между двумя половинами наполняетъ слу-жебная дѣятельность. Съ одного конца — молодость и успѣхи, на другомъ концѣ — старость и помѣхи». Сущность дѣла коре-нилась, конечно, не только въ «старости и помѣхахъ», она лежала гораздо глубже,—въ новыхъ условіяхъ, которыхъ С. не могъ охватить, которымъ онъ былъ совершенно чуждъ. И когда онъ, поселившись въ Москвѣ, вновь принялъ за литературную дѣятельность, то съ первыхъ же шаговъ потерпѣлъ неудачу. По предложенію «Москвитянинъ» почтить 700-лѣтіе Москвы литературными произведеніемъ, С. написалъ поэму «Москва», въ которой въ стихахъ и лицахъ пытался дать характеристику главныхъ моментовъ въ исторіи развитія древней столицы. Поэма встрѣтила рѣзкій отзывъ со стороны всѣхъ журналовъ и критиковъ того времени. Напечатанную вскорѣ за этимъ драму «Бѣдность и благо-творительность» критика совершенно обо-шла молчаніемъ. По поводу рѣзкихъ напа-докъ на «Москву» С. отвѣтилъ брошюрой полемического характера: «Нѣсколько словъ на отзывы журналовъ о поэмѣ «Москва», но этимъ еще болѣе ухудшилъ отношеніе къ себѣ журнальной критики».

Значительно большими успѣхомъ пользо-вались произведенія С. на сценѣ. Хотя драматическая поэма «Москва» и драма «Бѣдность и благотворительность», не-смотря на всю ихъ невинность, цензурой допущены къ постановкѣ на сценѣ и не были, но напечатанная въ «Москвитянинѣ» (1849 г.) небольшая пьеса: «Комедія безъ свадьбы» игралась нѣсколько разъ. Кроме того между 1850—1858 гг. въ бенефисы видныхъ артистовъ были играны слѣдую-щія его пьесы, написанныя и напечатан-ныя въ тотъ же промежутокъ времени: «Раканы» (1850, бенефисъ Садовскаго), «Движущіеся столы» (1853, бенеф. Семе-новой), «Молдавская Кукона» (бенеф. Щеп-

кина), «Мазогинъ» (1852) и «Современные вопросы и женихи всѣхъ временъ» (1858).

Въ это же время С. писалъ и не для театра. Въ 1885 г. онъ издалъ сборникъ стихотвореній подъ заглавиемъ «Книга печалей», а между 1851—53 г. издалъ три сборника альманаха подъ названіемъ «Раутъ». Въ третьемъ изъ нихъ была помѣщена статья С. «Обозъ къ потомству», въ которой заключались личныя его воспоминанія о литераторахъ того времени. Статья вызвала рядъ пасквиля на автора со стороны недовольныхъ литераторовъ. Нѣчто подобное пришлось ему вынести и послѣ напечатанія въ 1864 г. «Воспоминаній о Тучковѣ, московскомъ ген.-губернаторѣ». Въ 1858 г. была имъ издана книга «Московскій университетскій благородный пансионъ», очень цѣнная работа, дающая обильный материалъ для исторіи этого привилегированного учебнаго заведенія и безпристрастныя характеристики-воспоминанія о многихъ лицахъ, учившихся въ немъ и впослѣдствіи ставшихъ видными государственными дѣятелями. Наконецъ къ 1868 г. относятся его «Воспоминанія о жизни и времени святителя Филарета». За нихъ дополненіемъ застала его смерть. Въ послѣдніе годы С. состоялъ членомъ Московскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія, имѣвшаго цѣлью распространеніе научно-богословскихъ и историческихъ свѣдѣній. Умеръ С. 7 іюля 1871 г.

«Указатель къ современнымъ изданіямъ Общ. Ист. и Древн. Рос.» прилож. къ «Русск. Архиву», 1866 г., № 1007, 1063, 1170, 1171, 1251, 1454, 1493, 1569, 1573, 1600, 1601, 1653, 1710.—«Сборн. И. Русск. Ист. Общ.», т. XXVI, стр. 218.—«Сочиненія К. Батюшкова».—В. Майковъ, «Критические опыты», — Щебальскій, «Литераторъ стараго времени», «Русск. Вѣстн.», 1871 г., № 11.—«Свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ, умершихъ въ 1871 г.», «Русск. Архивъ», 1873 г., № 8, стр. 1506—1507.—«Надгробное слово протоіерея И. Рождественскаго», «Моск. Епарх. Вѣд.», 1871 г., № 29.—Некрологи: «Русск. Архивъ», 1871 г., № 10, стр. 1473.—«С.-Петерб. Вѣд.», 1871 г., № 41.—«Некрологи», 1871 г., № 36.—«Голосъ», 1871 г., № 40.—«Календарь на 1872 г.», Гатцукъ, стр. 245.

СУШКОВЪ, Петъръ Михайловичъ, коллежскій совѣтникъ, родился въ 1733 г. Былъ секретаремъ Сибирскаго приказа (1769 г.), ассесоромъ банковой конторы (1760 г.). Женатъ былъ на А. П. Румян-

цевой (род. въ 1740 г.). Умеръ бездѣтнымъ въ январѣ 1804 г. Напечатаны его романы «Юлія или слѣдствіе обольщенія» (М., 1805 г.) и переводъ съ франц. «Дѣти прарады» (М., 1809 г.).

В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ, «Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій», Спб., 1887 г., т. II, стр. 456.—«Русская родословная книга», изд. «Русской Старины», Спб. 1873 г., т. I, стр. 304.—Сопниковъ, «Опытъ российской библиографіи», Спб., 1814 г., ч. II, № 3474 и 3566.—Смирдинъ, «Роспись российскимъ книгамъ», Спб., 1828 г., № 7629 и 8743.—«Настольный словарь» Толля, т. III, стр. 573.

СУШКОВЪ, Сергій Петровичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, писатель по церковнымъ и богословскимъ вопросамъ, родился 15 января 1816 г. Образование получалъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, изъ котораго вышелъ въ артиллерійскіе сфицеры. Служилъ на Кавказѣ, гдѣ принималъ участіе въ дѣлахъ съ горцами, и въ одной изъ стычекъ раненъ былъ въ голову. За отличие въ дѣлахъ былъ награжденъ юркъ школьными орденами и переведенъ въ гвардейскую артиллерію. Въ 1842 г. вышелъ въ отставку. Вторично вступилъ на военную службу въ 1855 г., во время Восточной войны, и въ чинѣ штабсъ-капитана командовалъ одной изъ дружинъ московского ополченія. По окончаніи войны снова вышелъ въ отставку и въ 1857 г. уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ прожилъ до 1862 г. Здѣсь онъ занялся изученіемъ богословскихъ церковныхъ вопросовъ. Написалъ и издалъ на французскомъ языкѣ нѣсколько брошюръ, направленныхъ противъ римской церкви, а также принялъ близкое и дѣятельное участіе въ издававшейся протоіереемъ Васильевымъ и абатомъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи православнымъ священникомъ, Владиміромъ Гетте—«L'unione Chretiennae». За брошюры и статьи въ «L'unione Chretiennae» ему была объявлена благодарность, напечатанная въ газетѣ «Le Nord» и присланная изъ министерства внутр. дѣлъ по Высочайшему повелѣнію. Въ 1861 г. ему было поручено посломъ П. Д. Киселевымъ наблюдать за постройкой посольской русской церкви въ Парижѣ. По возвращеніи въ 1862 г. въ Россію, онъ, по приглашенію оберъ-прокурора синода Ахматова, поступилъ на службу по духовному вѣдомству и написалъ по порученію того же лица книги

«Объ училищахъ для дѣтей лицъ духовнаго званія» и «О нововведеніяхъ князя Кузы въ румынскй церкви». За первый трудъ награждены были Императрицей Маріей Александровной перстнемъ. Въ 1869 г. С. въ третій разъ вышелъ въ отставку, а 1873 г. поступилъ на службу въ главное управление по дѣламъ печати, гдѣ составлялъ письменныя обозрѣнія русскихъ газетъ и журналовъ. Съ 1874 по 1881 г. включительно состоялъ главнымъ редакторомъ «Правительственного Вѣстника», причемъ при уходѣ ему была объявлена благодарность министра внутреннихъ дѣлъ за успѣшное литературное и финансовое руководство газетой. Въ послѣдніе годы жизни С., продолжая служить въ главномъ управлении по дѣламъ печати, возобновилъ прерванныя богословскія занятія. Его сочиненіе «Противъ лжеученія о вселенскомъ главенствѣ римской церкви» (Спб. 1891 г.) удостоено было академіей наукъ преміи московскаго митрополита Макарія. Издалъ съ написанной имъ біографіей сочиненія своей сестры графини Е. П. Ростопчиной (Спб., 1890 г.). Кроме того С. было написано значительное число журнальныхъ статей и замѣтокъ, главнымъ образомъ по богословскимъ вопросамъ: «Церковь древне-христіанская» («Исторический Вѣстникъ» 1886 г., апрѣль), «О воспоминаніяхъ О. А. Пржѣславскаго» («Русскій Архивъ», 1877 г., т. II), «А. Е. и В. Н. Асенковы» («Русская Старина», 1876 г., т. XIII). Умеръ С. въ Петербургѣ 5 апрѣля 1893 г.

Б. В. Руммель и В. В. Голубцовъ, „Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій“, Спб., 1887 г. т. II, стр. 458.—„Русская родословная книга“, изд. „Русской Старины“, Спб., 1873 г., т. I, стр. 306.—„Русский Календарь на 1894 г.“, Спб., 1894 г., стр. 331.—„Правительственный Вѣстникъ“, 1893 г. № 28.—„Новое Время“, 1893 г., № 6086.—„С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1893 г., № 37.—„Новости“, 1893 г., № 37.—„Исторический Вѣстникъ“, 1893 г., апрѣль, стр. 300.—Прибавленіе къ „Церковнымъ Вѣдомостямъ“, 1893 г., № 8, стр. 330.

Сушовъ, Павелъ Ивановичъ, вице-адмиралъ, происходилъ изъ древней дворянской фамиліи, родился 30 мая 1779 г. въ родовомъ имѣніи Сушово, Нижегородской губ., Васильскаго уѣзда, и по смерти, послѣдовавшей 23 декабря 1851 г. въ Петербургѣ, въ родномъ помѣстѣ же и похороненъ. Въ 1791 г. онъ поступилъ въ морской кадетскій корпусъ, по окончаніи

курса котораго 1 мая 1796 г., «не вступивъ 17-ти лѣтъ отъ роду», былъ произведенъ въ мичманы и командированъ въ Архангельскъ, гдѣ въ теченіе лѣта слѣдующаго года командовалъ портовымъ бригомъ № 1. Между 1798—1800 г. С. находился въ эскадрѣ вице-адмирала Тета, посланной въ качествѣ вспомогательного отряда изъ Архангельска въ Англію. Состоя на фрегатѣ «Счастливый», онъ постигъ рядъ европейскихъ портовъ, въ томъ числѣ Любекъ, Данцигъ, Карлскрону и Стокгольмъ. Возвращившись осенью 1800 г. въ Кронштадтъ, С. въ теченіе всей дальнѣйшей морской службы уже никогда не выходилъ за предѣлы Балтійского флота. Произведенный черезъ два года въ лейтенанты, онъ въ 1807 г. былъ назначенъ командиромъ катера «Снапопъ», а въ слѣдующемъ году, командуя нѣсколькоими канонерскими лодками, участвовалъ въ сраженіи у Юнгфрууница (8 августа) и въ жаркомъ дѣлѣ русскаго гребнаго флота съ шведскимъ у острова Цальви (6 сентября), за что получилъ нѣсколько знаковъ отличія. При послѣднемъ сраженіи онъ былъ очевидцемъ геройской защиты мичмана В. Ф. Сухотина, которую впослѣдствіи описалъ въ письмѣ къ извѣстному исторіографу русскаго флота В. Н. Берку (напечатано въ «Сѣверной Пчѣль», 1829 г., № 152 и въ книжѣ Шульца «Подвиги русскихъ моряковъ»). Когда въ 1809 г. Кронштадтъ былъ приведенъ въ оборонительное положеніе въ виду предполагавшейся возможности прихода англійскаго флота, С. находился на одномъ изъ кораблей, все время стоявшихъ на рейдѣ. Въ чинѣ капитанъ-лейтенанта (съ 1811 г.) командуя военнымъ бригомъ «Меркурій» и крейсеру на немъ въ 1812 г. у береговъ Курляндіи, С. вѣль дневникъ наиболѣе выдающимся событиямъ и свѣси наблюденія подъ заглавіемъ «Изъ записокъ старого моряка» напечаталъ впослѣдствіи въ «Морскомъ Сборнике» (1848 г., т. I, 298, 345, 437 и 491; т. II, 95). Одно его замѣченіе по поводу управления тендерами породило целую полемику по этому вопросу на страницахъ «Морскаго Сборника». Въ 1816 г. С., состоя командромъ брига «Феликсъ», щадилъ съ гвардейскими нижними чинами въ Стокгольмъ, гдѣ получилъ шведскій орденъ Мечъ, а по возвращеніи былъ награжденъ Георгиемъ 4-й ст. за 18 мор-

скихъ кампаній. Въ 1819 г. онъ состоялъ флагъ-капитаномъ при вице-адмиралѣ Кроунѣ и занимался перевозкой войскъ изъ Свеаборга въ Ревель, слѣдующій годъ провелъ по болѣзни въ отпускѣ, въ теченіе 1821—1823 гг. командовалъ сначала фрегатомъ «Гекторъ», затѣмъ фрегатомъ «Авроиль», участвовалъ въ крейсерствахъ, а въ концѣ послѣдняго года былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга и назначенъ начальникомъ корабля «Ретвизанъ», на которомъ однако за его ветхостью кампаній не совершалъ. За дѣятельное участіе въ снятіи съ мели судовъ послѣ извѣстнаго наводненія 1824 г. С. въ числѣ немногихъ былъ награжденъ орденомъ Владимира 4-й ст. Съ 1827 г. вмѣстѣ съ повышениемъ въ капитаны 1-го ранга онъ былъ определенъ командаромъ 17-го флотскаго экипажа и строившагося 84-пушечнаго корабля «Эмгейтонъ», два года спустя—командиромъ 14-го флотскаго экипажа и 110-пушечнаго корабля «Императоръ Александръ I», во главѣ которыхъ состоялъ до 28 августа 1831 г., когда былъ пожалованъ въ контр-адмиралы и назначенъ капитаномъ Кронштадтскаго порта; въ этой должности онъ пробылъ не болѣе года. Въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ, начиная съ 1832 г., С. состоялъ начальникомъ 3-й бригады 1-й флотской дивизіи и командовалъ особымъ отрядомъ военныхъ судовъ, совершая обычныя кампаніи (1834 г.), специально занимался перевозкой войскъ (1835 г.), наблюдалъ за испытаниемъ новопостроенныхъ судовъ—напр. кораблей «Владиміръ», «Фершампенаузъ», «Орель», командовалъ всею 1-ю флотскою дивизіею (1837 г.), а съ производствомъ въ вице-адмиралы (въ томъ же 1837 г.), состоялъ начальникомъ практической эскадры въ Балтійскомъ морѣ до 1839 г., когда по слабости здоровья былъ назначенъ членомъ адмиралтейств-совѣта. Въ засѣданіяхъ послѣдняго онъ принималъ дѣятельное участіе при пересмотрѣ некоторыхъ главъ морского устава; въ совѣтѣ служилъ до конца жизни. Высшій орденъ имѣлъ Владимира 2-й ст. По отзывамъ современниковъ, С. живо интересовался литературой, въ особенности морской, въ которой считался авторитетомъ.

«Общій морской списокъ», ч. V, Спб., 1890 г., стр. 160—163.—«Материалы для истории русского флота», ч. XIV, Спб., 1893 г., стр. 554.—

Статья самого С. „Изъ записокъ старого моряка“, „Морск. Сборн.“, 1848 г., т. I и II.—Ф. Бесселаго, „Очеркъ истории морского кадетскаго корпуса“, Спб. 1852 г.—С. К., „Вице-адмиралъ И. И. Сущовъ“, „Морск. Сборн.“, 1853 г. № 7, стр. 32—38.

Схардія, Симонъ (1595—1672), переводчикъ средины XVII в., главнымъ образомъ книгъ политического содержанія, «наукъ вызволенныхъ» учитель и вкладчикъ. Человѣкъ для своего времени весьма образованный, хорошо знавшій иностранные языки, онъ, повидимому, внимательно и серьезно слѣдилъ за умственными теченіями въ Западной Европѣ и болѣе важное старался передать на русскій языкъ. Трудно, впрочемъ, установить, какие именно переводы принадлежать ему; только относительно одного не можетъ быть никакихъ сомнѣній, такъ какъ онъ снабженъ подписью Simon Schardius. Это—переводъ книги «Наставленіе царя о твореніи соѣтствъ и избраніи совѣтниковъ, о совѣтахъ и совѣтникахъ», книга I, «съ трактату или описанія Фридерика Фурія Короляна о наставленіи князя съ языка итальянскаго преложенная чрезъ Симона Схардія, науку вызволенныхъ учителя и вкладчика». Ему же по всейѣ вѣроятности принадлежитъ переводъ и слѣдующихъ сочиненій: «На Аргенію Іоанна Барклай дискурсъ» (любимое сочиненіе Ришелье); «Эрнеста Годкелія, философа, о европейскихъ царѣхъ и ихъ преизящныхъ нравахъ, и даже до послѣднихъ нравовъ нашихъ подобообразное описание, тщаніемъ Гобемія сочиненія»; «Совѣты на сокровищное хранилище гражданское, церковное, воинское и собственное; или всякаго сокровища общественного соблюденіе вѣчное; или совѣты на установление, и размноженіе, и соблюденіе всякаго сокровища, повсюду обрѣтающагося, выданыхъ чрезъ Максимилиана Фаута Ашавенбургскаго во Франкфуртѣ»; «Новоумноженный политическаго счастья ковачъ» Христіана Георгія фонъ - Бесселя. Всѣ переводы С. остались въ рукописи.

И. Пекарский, «Наука и литература при Петре Великомъ», т. I, Спб., 1862 г., стр. 265.

Схарія (Захарія, Скара), ересіархъ, основатель секты жадовствующихъ; дѣятельность его относится ко второй половинѣ XV вѣка. Въ 1470 г. (по некоторымъ источниковъ — въ 1471) въ «господинъ по-

ликий Новгородъ», отстававшій въ то время отъ московскаго единодержавія свои вольности, въ качествѣ намѣстника короля польскаго прибылъ братъ киевскаго князя Семена, кн. Михаилъ Олельковичъ (Александровичъ), а вмѣстѣ съ нимъ изъ Киева же прїехали нѣсколько евреевъ (по свидѣтельству лѣтописца), вѣрнѣе караимовъ, въ ихъ числѣ и С. Цѣлью прїезда послѣднихъ были торговыя дѣла, что видно изъ словъ лѣтописца: «15 лѣто 6979 былъ въ Новгородѣ князь Михаило Олельковичъ, а съ нимъ жиудове торгомъ». Съ княземъ С. былъ хорошо знакомъ еще въ Киевѣ, а въ Новгородѣ пользовался даже особымъ его вниманіемъ и благосклонностью. Крымскій уроженецъ и караимъ по происхожденію, С. въ Киевѣ переселился еще въ молодые годы и тамъ среди своихъ единовѣрцевъ пользовался большими влияніемъ. Отъ своего племени онъ унаследовалъ наиболѣе характерная его особенности—свободное и критическое отношеніе къ основнымъ положеніямъ и догматамъ вѣры и глубокое уваженіе къ науки. По тогдашнему времени онъ былъ очень образованнымъ человѣкомъ: онъ хорошо зналъ Ветхій и Новый Завѣтъ, ему были основательно извѣстны творенія отцовъ и учителей христіанской церкви, и, что самое главное, онъ незаурядно былъ знакомъ съ философией, естественными и математическими науками, а изъ послѣднихъ—особенно съ астрономіей. Въ своемъ «Просвѣтителѣ» Іосифъ Волоцкій характеризуетъ С. въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Сей (С.) баша дьяволовъ сосудъ и изучень всякому злодѣйства изобрѣтенію, чародѣству же и чернокнижію, звѣздозаконію и астрологіи». С. былъ блестящимъ діалектикомъ, что въ связи съ его обширными, на тогдашнюю русскую мѣрку почти исключительными познаніями давало ему въ руки неотразимое оружіе.

Соловьевъ въ «Исторіи Россіи» (кн. I, т. V, стр. 1546) говорить, что уже въ половинѣ XV вѣка въ Киевѣ явилась ересь, смысль іудейства съ христіанскимъ рабонализмомъ, отвергавшая таинство Св. Троицы, божественность Христа, почитаніе иконъ и пр., и что во главѣ этой секты уже въ Киевѣ стоялъ С. Однако ни одно изъ этихъ положеній — ни то, что колыбелью секты живоствующихъ или весьма близкой ей является Киевъ, ни то,

что С. уже тамъ игралъ выдающуюся роль — не находить подтвержденія въ первоисточникахъ. Съ другой стороны есть прочныя данины предполагать, что подобіе такой секты въ зачаточномъ видѣ существовало на западныхъ окраинахъ Литвы, и что С., бывавшій всюду по своимъ торговымъ дѣламъ, именно тамъ могъ почерпнуть зародышъ антидогматическихъ идей, которые самостоятельно развилъ далѣ.

Въ Новгородѣ С. поставилъ себѣ скоро въ хорошія отношенія, особенно съ нѣкоторыми лицами изъ духовенства. Знакомства его начались именно съ послѣднихъ, что вполнѣ естественно, такъ какъ въ тѣ времена торговля въ городѣ находилась подъ покровительствомъ церкви, при храмахъ хранились товары, вѣсы и мѣры, складовательно для торговца, какимъ былъ С., являлась постоянная необходимость входить въ сношенія съ духовными лицами. Со многими изъ нихъ С. сблизился, и въ результатѣ, по словамъ лѣтописца, получилось то, что «мнози отъ поповъ и діаконовъ, живущихъ свинскимъ житіемъ, начали къ нему ходить и бражничать и учиться волшебнымъ книгамъ... И того ради научившися отъ нихъ христіоборной ереси жидовской...» Что касается «волшебныхъ книгъ», то поводъ къ этому могла дать, вѣроятно, имѣвшаяся у С. рукопись «шестокрылія», на основаніи которой онъ предсказывалъ небесныя явленія, чѣмъ сильно дѣйствовалъ на окружающихъ, ко всякому выходящему изъ ряда вонъ явленію относившихъ съ суевѣріемъ и видѣвшіхъ въ немъ предвестника бѣдствія. Точно также въ распоряженіи С. имѣлись, по-видимому, нѣкоторыя рукописи по математикѣ, которая русскимъ книжникамъ могла казаться «волшебными тетрадями и чернокнижіемъ».

Но ни «волшебные книги», ни обаяніе личности С., ни его выдающаяся ученость, конечно, не дали бы тѣхъ большихъ результатовъ, какіе оказались на дѣлѣ, если бы не существовали особыя условія, благопріятствовавшія зарожденію и развитію такой рационалистической секты, какой была секта живоствующихъ. Къ такимъ условіямъ относится, главнымъ образомъ, состояніе политическихъ и церковныхъ дѣлъ того времени, какъ нельзя болѣе благопріятное для броженія мысли. Въ «великомъ городѣ», наканунѣ паденія его

политической самостоятельности, образовались двѣ партіи, изъ которыхъ одна—сторонница политической свободы—искала покровительства Литвы, для чего и пригласила кн. Михаила въ качествѣ намѣстника, а другая—сторонница единой церкви—стояла за сохраненіе союза съ Москвою. Первая включала все, что было вольномыслящаго и свободолюбиваго, вторая—ревнителей «отческихъ преданій» и традицій. Между ними шла ожесточенная борба, и при тѣсной связи, существовавшей между интересами политическими и религіозными, эта борьба должна была перейти и перешла изъ области политической въ область религіозно-церковную. Съ другой стороны тогдашній чрезмѣрно развившійся формализмъ въ дѣлахъ церкви, не всегда примѣрное поведеніе многихъ ея представителей, значительные поборы съ прихожанъ, рядъ злоупотреблений и пр. явленія, свойственные переходнымъ эпохамъ,—все это вызвало извѣстную реакцію противъ существовавшихъ религіозныхъ формъ, многихъ отъ нихъ отталкивало и гнало въ ряды прозелитовъ иныхъ толкованій. Къ тому же Новгородъ, имѣвшій постоянныя торговыя сношенія съ Западомъ, болѣе чѣмъ всякая другая область была подверженъ его влиянию; всякое крупное общественное движение въ странахъ средне-европейскихъ въ большей или меньшей степени отражалось и въ немъ, въ данный же моментъ на Западѣ именно и происходило сильное религіозное броженіе. Наконецъ, новгородское духовенство пользовалось не только во времена вольностей города, но долгое время и послѣ его покоренія Москвою сравнительной независимостью въ своихъ дѣлахъ отъ центральной власти и не подлежало внимательному контролю со стороны ея,—духовенство же, какъ наиболѣе образованное сословіе, и явилось авангардомъ въ распространеніи положеній и первыми членами секты живодѣствующихъ. Совокупность этихъ условій и создала почву для развитія религіозного броженія, еще раньше выразившагося въ сектѣ стригольниковъ. Отъ стригольничества было недалеко и до либерально-философскаго іудейства, какимъ и было ученіе С. Такимъ образомъ, почва была подготовлена. С. принадлежитъ, выражаясь сравненіемъ, роль не пахаря, а сѣятеля.

Сохранившіяся въ лѣтописяхъ и другихъ первоисточникахъ свѣдѣнія объ ученіи С. и его сектѣ скучны и далеко не полны, притомъ почти во всѣхъ случающихъ записаны лицами, или совершенно не имѣвшими къ сектѣ никакого отношенія или же стоявшими къ ней въ качествѣ представителей противной стороны. Сектанты же не оставили послѣ себя ни одного сочиненія, въ которомъ излагалось бы ихъ вѣроученіе. Во всякомъ случаѣ то, что сохранилось, позволяетъ представить ученіе С.—главнымъ образомъ сторону отрицанія—въ слѣдующемъ видѣ: онъ отрицалъ монашество, духовную іерархію, троичность Божества, божественность Христа и воплощеніе Бога, отвергалъ поклоненіе иконамъ, крестное знаменіе и Евангеліе, не признавалъ таинствъ вообще и таинства причащенія въ особенности, не вѣрилъ въ бессмертіе души и отвергалъ почитаніе святыхъ, мощей и храмовъ. Что же касается стороны положительной, то С., какъ и большинство реформаторовъ религіи, въ этомъ смыслѣ почти ничего не создалъ, по крайней мѣрѣ объ этомъ неѣ никакихъ свѣдѣній. Единственное, что можно съ достовѣрностью констатировать, это то, что во главу угла своей вѣры онъ положилъ Моисеевы заповѣди во всей ихъ ветхозавѣтной чистотѣ, признавъ ихъ алльфой и омегой религіи,—и это собственно и есть, повидимому, тотъ «іудейскій» элементъ, отъ которого получила свое название секта.

Первыми лицами, воспринявшими положенія С., были попы Діонисій и Алексій, къ которымъ въ скоромъ времени присоединились многие священники, діаконы и причетники, а также знатные граждане и городскіе чиновники, между прочимъ такія видныя лица того времени, какъ Софійскій протоієп. Гаврило и сынъ знатнаго боярина Гр. Мих. Тучина. Изъ этихъ лицъ, выдающихся по своему образованію и общественному положенію, составился бружокъ, который, тщательно скрывая свои идеи отъ властей («тахуся, якоже змієвъ въ скважнѣ») и наружно не порывая съ православiemъ, старался пріобрѣтать все новыхъ и новыхъ сторонниковъ. Въ скромъ времени секта перебросилась изъ Новгорода въ Москву, куда ее перенесли попы Алексій и Діонисій, взятые Ioannомъ III какъ люди весьма ученые и

княжные и назначенные протопопами Архангельского и Успенского собора. Рядъ известныхъ лицъ применулъ къ новому учению, между ними любимецъ великаго князя дыкъ Федоръ Курицынъ. Самъ Иванъ Васильевичъ, имѣвшій понятіе о ереси, относился къ ней благосклонно. Гонения на нее начались только съ 1487 г., когда противъ нея решительно выступилъ въ Новгородѣ архіепископъ Геннадій, соизвавшій въ 1488 г. соборъ, который подложилъ «нераскаянныхъ еретиковъ казнить градскою смертю».

Принималъ ли С. дѣятельное участіе въ дальнѣйшемъ распространеніи своего учения и какое именно—остается неизвестнымъ. Есть больше основанія думать, что бѣль дальнѣйшимъ успѣхамъ своихъ идей онъ относился довольно равнодушно и все его вліяніе въ теченіе послѣдующей жизни въ Новгородѣ ограничивалось только тѣмъ, что онъ служилъ «источникомъ мудрости» для лицъ, наиболѣе выдающихся въ этомъ движеніи. Въ Новгородѣ онъ прожилъ лѣтъ двадцать. По свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ у Татищева подъ 1491 г., С. былъ казненъ Иоанномъ III въ Новгородѣ вмѣстѣ съ другими лицами, возставшими противъ московскаго великаго князя, изъ чего слѣдуетъ, что онъ, повидимому, принималъ участіе также и въ движеніи новгородскихъ партій противъ единодержавія Москвы.

Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей, III, стр. 144, 184; IV, стр. 158—159, 235; VI, стр. 49, 235; VIII, стр. 160, 220, 234—242, 244.—«Никон. Лѣтопись», VI, стр. 119, 171.—«Посланія» Новгородскаго архіепископа Геннадія: а) къ ростовскому архіеписк. Іосафу (Членіе Общ. Истор. и Древн., 1847 г., т. VIII); б) къ митрополиту Зосимѣ и къ собору владыкѣ («Акты Арх. Экспед.», I, № 320 и «Православн. Собесѣд.», 1863, IV, стр. 476—481).—«Отвѣтныя грамоты» архіеписк. Геннадія: а) отъ великихъ Иоанна Васильевича («Акты Истор.», т. I, № 285); б) отъ митропол. Геронтия (тамъ же, № 286).—Сочиненія преподобн. Іосифа Волоколамскаго (Волоцкаго): а) «Просвѣтитель», содержащій возраженія жиціюющимъ въ 16 пунктахъ («Правосл. Собес.», 1853—1855 гг. въ отдѣльно); б) «Посланіе къ сузdalскому епіскопу Нифонту» (Членія въ Московск. Историч. Обществѣ, 1847 г., 1 отд., IV); в) «Посланіе къ авдотниковскому архіеписк. Митрофану»—духовнику великихъ Иоанна и Василия (тамъ же); г) начало «Посланія къ великихъ Иоанну и Васильевичу» (Древн. Россійск. Вивліе., XVI, стр. 423); д) «Посланіе къ бѣлоозерскимъ старцамъ о повиновеніи соборному опредѣленію» (тамъ же, XVI, стр. 424—428).—Сочине-

нія икона Новгородскаго Отенскаго монастыря Зиновія: а) «Истины показаніе» (Казань, 1863); б) «Многословное посланіе» (рукопись хранится въ библіот. Спб. дух. акаад., № 1108).—В. Жмакинъ, «Митрополит Даніїлъ и его сочиненія», М., 1881 г., стр. 342—369.—Н. Рудневъ, «Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, бывшихъ въ русской церкви со временемъ Владимира Великаго до Иоанна Грознаго», М., 1838.—А. Сервицій, «Опытъ изслѣдованія ереси новгородскихъ еретиковъ или живоцѣствующихъ», «Православн. Обозр.», 1862, іюнь, стр. 177—205. Свящ. Ф. Титовъ, «Секта живоцѣствующихъ», «Місіонерск. Обозр.», 1896 г., юль—авг., стр. 27—41; окт., 257—272; ноябрь, 337—353; дек., 437—445.—Духовн. Вѣстникъ, 1865, т. 11, стр. 25—54.—Преосп. Макарій, «Історія Русской Церкви», 2-е изд., Спб., 1887 г., т. VI, стр. 81—142, 195—205 и 250—280.—Преосп. Філаретъ, «Історія Русской Церкви», т. III, стр. 106—120.—Карамзинъ, «Історія Государства Россіи», т. IV, стр. 82—85, 90—105; т. VI, стр. 196 и прим. 320 и 324.—Соловьевъ, «Історія Россіи», изд. «Общ. Польза», ви. I, стр. 1546—1547.—Костомаровъ, «Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ», т. II, стр. 311—341.—Его же, «Сѣверно-руssкія народоправства», т. II, стр. 446—448.—Иконниковъ, «Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи», Кіевъ, 1869, стр. 389—457.—В. Андреевъ, «Расколъ и его значеніе въ русской исторіи», стр. 21—23.—И. И. Малышевскій, «О зарожденіи религіозныхъ сектъ въ Россіи съ рабоча-историческимъ направлениемъ», «Труды Киевск. Духовн. Акад.», 1883, т. XII, стр. 644—684.—Долговъ, «Новые данные, для исторіи живоцѣствующихъ» въ «Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.», И. Пановъ, «Ересь живоцѣствующихъ», «Журн. Минист. Народн. Пропаганды», 1877, ви. I, стр. 1—40; ви. II, стр. 253—295; ви. III, стр. 1—59.—Записки Одесск. Общ. Истор. и Древност., т. I, стр. 644.

Схендо-фонъ-деръ-Бехъ, Михаилъ, главный докторъ при Петербургскомъ сухопутномъ госпиталѣ. Грекъ по происхождѣнію, С. степень доктора медицины и філософіи получилъ въ Падуѣ, а въ Россію прибылъ около 1723 г. Оболо этого же времени онъ былъ назначенъ главнымъ докторомъ Петербургскаго сухопутнаго госпитала на мѣсто доктора Антонія Севасто. Страсть къ нумизматикѣ составила несчастье его жизни и погубила его карьеру. Занимаясь собираниемъ древнихъ монетъ, С. составилъ замѣттельный по своей рѣдкости и обширности нумизматический кабинетъ. Герцогъ Биронъ настаивалъ на томъ, чтобы С. уступилъ ему часть своей коллекціи, но онъ не исполнилъ желанія всесильнаго временщика и за это поплатился ссылкой въ Сибирь. Черезъ вѣсколько лѣтъ, при Аннѣ Леопольдовнѣ, С. была возвращена свобода, но не

служебное положение. Наиболѣе крупными изъ его сочиненій (на латинскомъ языке) является работа о современномъ ему состояніи просвѣщенія въ Россіи: «Praesens Russiae litterariae status in epistola adumbratus ad Samuelem Kasleseri de Keresser, Principatus Transilvaniae Secretarium», и напечатанная въ Нюрибергѣ въ 1727 г. «Empirica illustris per septem nobilissima euporista familiaria remedia ad totidem gravissimos et frequentiores morbus profligandos» (1723 г.).

Д-р Николай Купріяновъ, „Історія медицини въ Россії въ царствованіе Петра Великаго“.

Сцепура, Степанъ (Людвигъ) Францевичъ, статскій советникъ, врачъ изъ минскихъ дворянъ (католикъ), родился въ 1826 г., умеръ 15 июня 1881 г.; учился въ гимназіи въ Слуцкѣ, затѣмъ на медицинскомъ факультетѣ Харьковскаго университета, где находился съ 1845 до 1850 г., когда и получилъ степень лекаря, а степень доктора медицины—въ 1860 г. Служилъ военнымъ врачомъ на Кавказѣ со времени выпуска изъ университета до 1880 г. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. онъ былъ врачомъ главной квартиры. Служа на Кавказѣ, онъ участвовалъ въ основаніи тамошняго общества врачей, въ которомъ былъ однимъ изъ первыхъ членовъ-учредителей. Напечаталъ слѣдующія работы: «Дизентерія какъ исходъ кавказскихъ перемежающихся лихорадокъ», дис. на степень д-ра мед. (Харьковъ, 1860 г.); «Опытъ антропологического изслѣдованія макрокефалическихъ череповъ, найденныхъ въ гробницахъ древняго кладбища близъ Мцхета въ Грузіи» (Казань, 1875 г.); «Докладъ комитета по разбору сочиненія на премію общества: «Экскурсія по Таманскому полуострову» («Сборникъ Кавк. общ. врачей» 1871 г.).

Л. Ф. Змѣевъ, „Русские врачи-писатели“, тетр. II, Спб., 1886 г. и II дополненіе 1892 г.—„Материалы по описанію Русско-Турецкой войны 1877—1878 г.г.“—„Сборникъ Кавказскаго общ. врачей“ 1881 г.

Счастневъ, Михаилъ Николаевичъ, врачъ, родился въ 1828 г., умеръ въ 1873 г. Служилъ уѣзднымъ врачомъ въ Малоярославль и состоялъ членомъ общества калужскихъ врачей. Напечаталъ: «Тяжелое раненіе кости черепа» («Проток. общ. калужск. врач.», 1873 г., № 5); «Проектъ устройства санитарной части общественнаго

управлениія въ г. Киевѣ» (въ извлеченияхъ тамъ же, 1873 г., X и 1874 г., I).

„Проток. общ. калужск. врач.“, 1873 г., IX.—Л. Ф. Змѣевъ, „Русские врачи-писатели съ 1863 г.“, театр. 5, Спб., 1889 г., стр. 157.

Сыпневичъ, Доминикъ Станиславовичъ, лекторъ англійскаго языка при университѣтѣ св. Владимира, дворянинъ (католикъ), родился въ 1812 г. Образованіе, въ объемѣ гимназическаго курса, получилъ въ бывшемъ въ Кременцѣ-Волынскомъ лицѣ. За самовольную отлучку за границу противъ него было возбуждено дѣло, но по Высочайшему соизволенію прекращено, и онъ въ 1844 г. получилъ возможность вернуться въ Россію. Въ 1845 г. С. поступилъ на службу въ канцелярію кіевскаго, подольскаго и волынскаго генераль-губернатора, въ которой пробылъ до 1849 г., когда выдержанъ при Харьковскомъ университетѣ испытаніе на званіе учителя англійскаго языка и получилъ докторскій дипломъ. Послѣ этого въ томъ же году кіевскій генераль-губернаторъ, который завѣдывалъ въ то время и учебными окружами, назначилъ его лекторомъ англійскаго языка при университѣтѣ св. Владимира; въ 1852 г. онъ былъ утвержденъ въ этой должности, въ которой пробылъ до смерти, послѣдовавшей 5 ноября 1864 г.

В. С. Иконниковъ, „Біографіческий словарь профессоровъ и преподавателей Імператорскаго унів. св. Владимира“, Кіевъ 1884 г.

Сырейщиковъ, Евгений Борисовичъ, педагогъ-писатель и переводчикъ, экстраординарный профессоръ Московскаго университета; учился въ Московскому университетѣ, куда вступилъ студентомъ въ 1770 г. на историко-филологический факультетъ. Университетскій курсъ проходилъ подъ руководствомъ проф. Барсова и кончилъ съ похвалою. 11 сентября 1779 г. былъ назначенъ преподавателемъ правиль россійскаго слова и славянскаго языка, а также логики и нравственности въ университетской гимназіи. Выйти съ тѣмъ онъ исправлялъ должность переводчика и издателя «Московскихъ Вѣдомостей». Во вниманіе къ его «способностямъ, усмѣшливымъ во время его службы при гимназіи», С. произведенъ быть въ экстраординарные профессора. 22 мая 1784 г. былъ переведенъ на службу въ Петербургъ, въ комиссию обѣ устроиствъ народныхъ училищъ, и стать однимъ изъ сотрудниковъ Яковича

де-Мирево по подготовкѣ учителей и составленію учебниковъ для народныхъ школъ. Въ организованной Яковчевъ учительской семинаріи С. преподавалъ россійскій и славянскій языки, россійскую словесность, логику, нравственность, т. е. особенно отвѣтственные предметы, и состоялъ редакторомъ журнала «Растущій Виноградъ», въ которомъ главнымъ образомъ сотрудничали ученики учительской семинаріи. Въ «Растущемъ Виноградѣ» помѣщены нѣкоторые переводы его изъ Тацита. Умеръ С. въ Петербургѣ въ 1790 г. Изъ учебниковъ имъ составлены «Краткая россійская грамматика въ пользу юношества» (Москва, 1793), «Краткая россійская грамматика, изданная для народныхъ училищъ», выдержанная 7 изданій (Спб., 1787—1805). Напечатаны двѣ его рѣчи: «Слово на высокоторжественный день рождения Импер. Екатерины II, произнесенное въ публичномъ университетскомъ собраніи 24 апреля 1780 г.» (М., 1780) и «Рѣчь о пользѣ правоученія при воспитаніи юношества, произнесенная въ университетскомъ собраніи 30 июня 1783 г.» (М., 1783). Изъ переводовъ его вышли въ свѣтъ: «Открытое зеркало для всѣхъ, или рѣдкое чудо нынѣшняго вѣка, о свойствахъ дружества», соч. Каракеоли, съ французскаго (М., 1775); «Опытъ истолкованія гіероглифовъ и надписей, находящихся на нѣкоторыхъ дрѣвнихъ монетахъ», соч. Ивана Коха, съ латинскаго (Спб., 1788.); «Крестьянка-философка, или приключенія графини М. А. Де-Руміе», съ вѣмецкаго (М., 1767 г., изд. 2-е—1788 г.); «Опытъ изъясненія свинговъ» соч. И. Коха, съ латинскаго (Спб., 1798 г.).

Митроп. Евгений, „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ“, М., 1845 г., т. II, стр. 190.—„Біографический словарь профессоровъ и преподавателей Импер. Московского университета“, М., 1855 г., т. II, стр. 478—479.—А. В. Арсеньевъ, „Словарь писателей средняго и нового періодовъ русской литературы“, Спб., 1887 г., стр. 120.—«Роспись россійскими книгами изъ библіотеки Ал. Смирдина», М., 1828 г., стр. 99, № 1356; 227, № 2993; стр. 504, № 6446; стр. 641, № 8926.—В. Сопиковъ, „Опытъ россійской бібліографіи“, Спб., 1815 г., ч. II, стр. 264, № 2979; ч. III, стр. 54, № 3847, стр. 156, № 4271, стр. 257—58, № 5053, стр. 332, 5819—20; ч. IV, стр. 87, № 7822 и 7823, стр. 344, № 10043, стр. 361, № 10162, стр. 439, № 10767.—Г. Н. Геннади, „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и учени-

ыхъ, умершихъ въ VIII XI столѣтіи“, т. I, стр. 249, 156; т. II, стр. 36—37.—Лопаревъ, Каталогъ библіотеки графа Шереметева, № 423.—А. Н. Неустроевъ, „Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г.г.“, Спб., 1875 г., стр. 276 и 380.

Сыромятниковъ, Алексѣй Степановичъ, московскій купецъ, писатель по расколу. Умеръ въ 1803 г. Напечаталъ: «Краткая выписка о чести епископа, священника и диакона» (Спб., 1779 г.), «Выписка изъ бесѣдъ св. Ioanna Златоустаго на посланія св. апостола Павла» (Спб., 1784 г.) и «О таинствахъ церковныхъ и священствѣ» съ приложеніемъ «Выписокъ изъ посланий св. Игнатія Богоносца» (Спб., 1790 г.). Оставилъ послѣ себя рядъ сочиненій и тщательно собранныхъ имъ въ формѣ выписокъ материаловъ; рукописи хранятся въ одномъ изъ московскихъ архивовъ.

Митрополитъ Евгений, „Словарь русскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ“, М., 1845 г., т. II, стр. 191.—А. В. Арсеньевъ, „Словарь писателей средняго и нового періода русской литературы“, Спб., 1887 г., стр. 121.

Сысоева, Екатерина Алексѣевна, урожденная Альмендингенъ, писательница для дѣтей и переводчица, родилась въ Петербургѣ 8 октября 1829 г. Въ 1830 г. родители ея перѣехали на жительство въ Тверь. Трехъ лѣтъ она лишилась матери и была отвезена на воспитаніе къ своей теткѣ, С. П. Берковистъ, въ Малороссію. Послѣ смерти тетки ее перевезли опять въ Тверь, къ отцу, а затѣмъ въ Москву, где отдали въ Екатерининскій институтъ, который она окончила въ 1846 г. съ золотою медалью. По окончаніи института вернулась къ отцу въ Тверь. Здѣсь она вскорѣ вышла замужъ за С. П. Сысоева. Образованіе, полученное въ институтѣ, ее не удовлетворяло, и она усиленно занялась дополненіемъ его, изучала иностранные языки, педагогику, музыку. Съ начала 60-хъ годовъ С. стала заниматься переводами, которые частью помѣщались въ приложніяхъ къ «Биржевымъ Вѣдомостямъ», частью же издавались въ видѣ отдѣльныхъ книгъ М. О. Вольфомъ. Значительную часть своего времени она отдавала благотворительности: принимала участіе въ обществѣ «Копейка», въ различныхъ спектакляхъ, концертахъ, литературныхъ вече-

рахъ, устраиваемыхъ съ благотворительною цѣлью. Чувствуя призваніе къ литературной дѣятельности, С. въ 1871 г. перебѣхала въ Петербургъ, гдѣ уже серьезно занялась литературой; здѣсь обнаружился ея талантъ писать для дѣтей. Она много переводила, приняла постоянное сотрудничество въ «Дѣлъ», для котораго по иностраннымъ газетамъ и журналамъ составляла «корреспонденціи изъ Парижа и Лондона», въ «Военномъ Сборникѣ», гдѣ помѣстила рядъ статей и замѣтокъ компилиативнаго характера по географіи и этнографіи, и въ «Живописномъ Обозрѣніи»; вела также вѣкоторое время иностранный отдѣлъ въ «Сѣверномъ Вѣстнике». Въ 1880—1881 гг. сотрудничала въ «Семейныхъ Вечерахъ» и въ издававшемся короткое время «Журналѣ для Дѣтей». Въ 1881 г. С. пріобрѣла у М. К. Щебриковой журналъ «Воспитаніе и Обученіе», состоявшій изъ отдѣловъ педагогическаго и дѣтскаго. Въ теченіе 1881 г. ею сдѣланъ былъ опытъ расширенія дѣтскаго отдѣла, послѣ чего она съ 1882 г. стала издавать дѣтскій журналъ «Родникъ», въ качествѣ же приложения «Воспитаніе и Обученіе», гдѣ помѣщались съ этого года только статьи педагогическаго характера. Участіе въ журнале приняли довольно видныя литературные силы (Н. Позняковъ, В. П. Авенариусъ, П. Ф. Каптеревъ, д-ръ А. Литвинский, проф. Д. Н. Кайгородовъ, и др.); сама С. работала много, переводила, компилировала, популяризовала, и журналъ имѣть значительный успѣхъ. Безпрерывная работа по редакціи и изданію надорвала силы С.; съ 1890 г. серьезно больна, она не могла уже посвящать много времени и силъ своему любимому дѣлу. Умерла С. въ Петербургѣ 4 декабря 1893 г.; похоронена на Волковомъ кладбищѣ.

Изъ написаннаго С. по дѣтской беллестристикѣ наибольшую популярностью пользовалась «Исторія маленькой девочки» (Спб., 1879 г.), имѣющая автобіографический характеръ (описывается періодъ дѣтства С., когда она жила у своей тетки въ Малороссії). Кроме того напечатала: «Очерки и рассказы для юношества» (Спб., 1877 г.), «Отъ бревенчатой хижинки до Бѣлаго Дома, жизнь Дж. Гарфильда» (Спб., 1883—1885 г.), «Актея», повѣсть (1884), «Жизнь и подвиги Иннокентія, проповѣдника Евангелія на Алеутскихъ островахъ»

(1887), «Жизнь Гарріетъ Бачеръ Стоу» (1892). Изъ переводныхъ произведеній С. извѣстны: «Астрономический атласъ Брунса» (1872), «О звуковыхъ ощущеніяхъ» Э. Маха, «Воспитаніе умственное, нравственное и физическое» Г. Спенсера (1883), «О влияніи умственныхъ упражнений на здоровье дѣтей» д-ра Биггема (1876), «Половой подборъ» Ч. Дарвина, С. Смайльса «Томасъ Эдвартъ, неутомимый труженикъ» (1877) и его же «Бережливость» (1876), «Девяносто третій годъ» В. Гюго, «Послѣднія сказки Г. Андерсена» (1877), Д. Гринвуда «Похождения Ровинъ Девиджера» (Спб., 1872 г.), Ю. Гуро «Дѣти фермера» (1875) и др. Въ «Роднике» за 9 лѣтъ (1882—1890) помѣщено болѣе шестидесяти ея переводныхъ работъ, часто довольно значительныхъ по объему.

Н. Позняковъ, «Литературная дѣятельность Е. А. Сысоевой», «Воспитаніе и Обученіе», 1894 г., декабрь, стр. 479—485.—«Систематический указатель содержанія журнала „Родникъ“ за 10 лѣтъ, 1882—1891 г.», Спб. 1892 г., стр. 72. Некрологи: «Воспитаніе и Обученіе» 1894 г., январь; «Новости» 1893 г., № 337; «Историч. Вѣстникъ», 1894 г., № 2, стр. 586.—А. В. Соловьевъ, «Справочная книга по чтенію для дѣтей всѣхъ возрастовъ», Спб., 1903 г., №№ 1188 1610, 1629, 1809.

СЫТИНЪ, Алексѣй Степановичъ, капитанъ-лейтенантъ; родился въ 1770 г., 15 лѣтъ поступилъ въ морской кадетскій корпусъ; въ 1788 г., находясь въ чинѣ гардемарина на фрегатѣ «Ярославецъ», выѣхавъ изъ послѣднимъ былъ взятъ шведами въ пленъ, изъ котораго вернулся лишь въ началѣ 1790 г.; въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ въ чинѣ мичмана плавалъ по Балтійскому морю; переведенный въ 1793 г. на Черноморскій флотъ, принималъ участіе въ описи береговъ, совершаю поездки въ Константинополь, въ 1795 г. былъ командированъ въ Костромскую губ. за рекрутами, въ томъ же году, получивъ чинъ лейтенанта, командовалъ бригантиною «Тимофей» и на ней въ составѣ эскадры вице-адмирала Ушакова ходилъ въ Архипелагъ, а на фрегатѣ «Михаиль» въ отрядѣ капитана Сорокина перешелъ въ Венецианскій заливъ. Умеръ С. 23 августа 1812 г., 42 лѣтъ отъ рода, всего лишь въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, полученнаго имъ въ 1809 г., но имя его въ морской исторіи не забудется,—въ связи съ морской кам-

панії 1806 г. 17 февраля этого года, находясь въ отрядѣ капитанъ - командора Белли, овъ съ 5 гребными судами отѣлился отъ остальныхъ силъ и подъ прикрытиемъ шхуны «Экспедиціонъ» напалъ на 16-пушечную французскую шебеку «Азардъ», завладѣль ея абордажемъ и вмѣстѣ съ 60 человѣками команды взялъ въ пленъ. Это искусное нападеніе было совершено ночью, во время проливного дождя, и настолько для французовъ неожиданно, что они не успѣли сдѣлать ни одного выстрѣла. Лучшей наградой С. за этотъ подвигъ было его назначеніе командиромъ плененнаго судна. На послѣднемъ онъ 30 марта того же года участвовалъ во взятіи крѣпости Курцало на островѣ Далматіи, бывшей во власти французовъ. Держась дистанціи отъ крѣпости на пистолетный выстрѣлъ, «Азардъ» вмѣстѣ съ другими судами открыла такой убийственный огонь, что уже черезъ полчаса крѣпость сдалась, а находившійся въ ней гарнизонъ былъ взятъ въ пленъ безъ условій. Въ апрѣль С. дважды отличился, въ первый разъ захвативъ на островѣ Лисса 3 мѣдныхъ пушки и во второй разъ, въ самой крѣпости Лисса,—7 орудій различнаго калибра и нѣсколькихъ человѣкъ изъ непріятельскаго отряда; въ томъ же апрѣль С. участвовалъ въ перестрѣлкѣ у Далматинскихъ острововъ, а въ теченіе ближайшаго мѣсяца въ охранѣ кр. Курцало. Послѣдняя извѣстія о его дѣятельности въ этой кампаніи относятся къ 5—6 июня 1806 г., когда онъ находился при бомбардировкѣ кр. Новой Рагузы и укрѣпленій острова св. Марка и при неудачной попыткѣ взять крѣпость штурмомъ.

«Общий морской списокъ», ч. V, Спб., 1890 г., стр. 165.—А. Кротковъ, «Повседневная запись замѣтательныхъ событий въ русскомъ флотѣ», Спб., 1894 г., стр. 29, 63, 70, 76, 88, 165, 167.—Ф. Веселаго, «Очеркъ истории морского кадетскаго корпуса», Спб., 1862 г.—Мельниковъ, «Дневные морские записи», т. I, стр. 110—111, 125—126.—Бровевскій, «Записки морского офицера», т. I, стр. 136—137; т. II, стр. 5—8, 10—11, 17—24.—Свирицъ, «Воспоминанія на флотѣ», ч. I, стр. 160.—«Морской сборникъ», 1855 г., № 8, стр. 302—322.

СЫЦЯНКО, Осипъ Семеновичъ, врачъ, доцентъ Харьковскаго университета, изъ дворянъ, умеръ въ 1886 г. въ Харьковѣ. По окончаніи курса въ гимназіи поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго

университета, изъ котораго въ 1851 г. вышелъ съ званіемъ лекаря. Въ февралѣ 1856 г. за диссертациою «De fibris intermittentis curatione» (М., 1856) Московскому университетомъ удостоенъ званія доктора медицины. До 1860 г. служилъ врачемъ въ имѣніи графа Пувалова, Моршанскаго уѣзда Тамбовской губ., а потомъ сначала младшимъ, затѣмъ старшимъ врачомъ въ Виленской еврейской больницѣ—до 1864 г., когда Харьковскимъ университетомъ былъ избранъ въ доценты по каѳедрѣ электротерапіи. Много работалъ по изслѣдованію распространенія электричества въ человѣческомъ организмѣ и вліянія тока въ лечебномъ отношеніи, продуктомъ чего были его статьи: «Противовоспалительное дѣйствіе гальваническаго тока» («Медицин. Вѣстн.», 1867 г., № 4), «Леченіе хроническихъ язвъ гальванизмомъ» (ib., 1867 г., № 4 и 8 и 1868 г., № 21), «О скорости движенія гальваническаго тока въ нервахъ и другихъ неметаллическихъ проводникахъ» («Моск. Медиц. Газета», 1869 г., № 4; 1870 г., № 7), «Примѣненіе электричества къ врачебной диагностицѣ» (ib., 1869 г., № 18) и др. Отдѣльно издава «Гигиеническая комнатная гимнастика» (Харьковъ, 1880), съ рисунками.

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ пожизненныхъ русскихъ писателей», вып. 6, Спб., 1889г.—Л. Ф. Зибевъ, «Русские врачи-писатели», тетр. 2, Спб., 1886 г., и 2-е добавленіе, Спб., 1892 г. (полный списокъ статей С.).—Н. Мамоновъ, «Исторический очеркъ общества русскихъ врачей въ Москвѣ», М., 1875 г., стр. 147.

СЫЧЕВСКІЙ, Сергій Ивановичъ, писатель и литературный критикъ, родился въ Петербургѣ въ 1835 г. Сынъ чиновника въ одномъ изъ министерствъ, С. по окончаніи гимназіи (съ золотой медалью) поступилъ въ Петербургскій университетъ на историко-филологической факультетѣ. Въ 1863 г. онъ былъ исключенъ во время студенческихъ волненій изъ университета и высланъ въ Елисаветградъ, гдѣ занялся преподавательской дѣятельностью. Затѣмъ онъ былъ нѣкоторое время учителемъ и инспекторомъ въ одной частной женской гимназіи въ Одессѣ и здѣсь началъ было готовиться къ магистерскому экзамену, но сдать послѣдній ему не удалось. Вскорѣ ему было предложено мѣсто редактора неофиціальной части «Херсонскихъ Губернскихъ Вѣ-

домостей», и С. перебралась въ Херсонъ, гдѣ и пробыла до 1875 г. Тамъ онъ написалъ и прочелъ (въ 1874 г.) нѣсколько лекцій о Шекспирѣ, обнаружившихъ въ немъ глубокое пониманіе великаго драматурга и недюжинный критический талантъ. Лекціи эти вышли отдельнымъ издаваніемъ въ 1892 г. въ Одессѣ подъ заглавіемъ: «Уильямъ Шекспиръ. Лекціи С. И. Сычевскаго, съ портретомъ и біографіей автора». Нѣкоторыя главы изъ этихъ лекцій были напечатаны также въ «Одесскомъ Вѣстнике» за 1874 г., №№ 154, 158, 170, 180, 188 и 1875 г., №№ 23—29, 38, 44. Въ томъ же 1875 г. С. перебралась въ Одессу и вскорѣ сдѣлалась дѣятельнымъ сотрудникомъ «Одесского Вѣстника», въ которомъ завѣдывала литературно-критическимъ отдѣломъ. Въ 1878 г. онъ поступилъ на службу въ одесскую городскую управу, но прослужилъ тамъ недолго. Когда въ Одессѣ въ 1880 г. стала издаваться газета «Правда», онъ сталъ сотрудничать въ ней, но газета въ томъ же году была закрыта. За ея короткое существование С. успѣль напечатать слѣдующія статьи: «Личность въ литературѣ» (№ 76); «Литературные очерки» (№ 9 и 169); «Бракъ и любовь» (№ 101); «Лишніе люди» (№ 157); «Что нового въ литературѣ» (№ 219); «Стадное увлеченіе нашей литературы» (№ 250). Въ 1882 г. С. получилъ мѣсто въ Кіевѣ въ управлѣніи Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, а въ 1885 г. снова перебралась въ Одессу, гдѣ опять взялася за литературный трудъ въ качествѣ сотрудника «Одесского Вѣстника». Хорошо знакомый съ теоретической и практической педагогикой, онъ помѣстилъ рядъ интересныхъ и оригинальныхъ по взглядамъ статей въ народившемся въ 1889 г. въ Одессѣ педагогическомъ журналѣ «Школьное Обозрѣніе». Изъ нихъ слѣдуетъ отмѣтить: «Художественный элементъ въ преподаваніи» (1889 г., № 1), «Жгучій вопросъ школьнаго дѣла» (№ 2), «Дѣтская психологія» (1890 г., № 6, 8), «Педагогический идеалъ Н. В. Гоголя» (1890, № 9). Будучи недюжиннымъ знатокомъ западно-европейской литературы, которую изучалъ въ подлинникахъ, онъ въ теченіе своей почти 25-лѣтней литературной дѣятельности посвятилъ множество статей главнѣйшимъ представителямъ западно-европейской литературы, — Шекспиру, Байрону, Виктору Гюго, Золя,

Полю Бурже и др. Изъ русской же литературы имъ было отмѣчено почти все болѣе или менѣе важное, что печаталось въ лучшихъ журналахъ или выходило отдельными изданіемъ. Много критическихъ очерковъ посвящено имъ было и произведеніямъ корифеевъ нашей литературы: Л. Н. Толстому, Тургеневу, Некрасову, Щедрину («Одесский Вѣстникъ», 1889) и др. Его «Журнальные очерки» о Некрасовѣ («Одесский Вѣстн.», 1876, № 81) вызвали въ свое время въ столичныхъ журналахъ цѣлый литературный споръ. Часть ихъ перепечатана въ «Сборникѣ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ» В. Зелинского, ч. III (М. 1887), стр. 130. Въ «Русской критической литературѣ о произведенияхъ Л. Н. Толстого» В. Зелинского ч. III, М. 1888 г., стр. 130—137, и ч. IV, М. 1896 г., стр. 129—135, 163—165, 192—195 и 223—230) также перепечатана часть его «Очерковъ новѣйшей русской литературы», печатавшихся въ «Одесскомъ Вѣстнике» за 1868 г. № 153—155). Вообще все напечатанное имъ за его 25-лѣтнюю литературную дѣятельность въ «Одесскомъ Вѣстнике» составляетъ цѣнныій вкладъ въ русскую критическую литературу. Кроме критическихъ статей, онъ написалъ рядъ беллетристическихъ очерковъ подъ псевдонимомъ «Стрѣлка». Умеръ С. 18 августа 1890 г. въ Одессѣ отъ воспаленія мозга.

«На смерть Сычевскаго», „Одесскія Новости“, 1890, № 1693.—„Памяти С. И. Сычевскаго“, „Одесский Вѣстникъ“, 1890, № 217.—„Похорони С. И. Сычевскаго“, „Одесский Вѣстникъ“, 1890, № 218.—„Одесскія Новости“, 1890, № 1694.—„Вѣдомости Одесскаго Градоначальства“, 1890, № 183.—„Исторический Вѣстникъ“, 1890, № 10.—„Всемірная Иллюстрація“, 1890, № 1128, стр. 159.

Сычуговъ, Викторъ Ивановичъ, академикъ архитектуры, умеръ въ Варшавѣ 23 июня 1892 г. Художественное образованіе получилъ въ академіи художествъ (въ 1860-хъ годахъ), гдѣ занимался архитектурой подъ руководствомъ известнаго Гона. Академію С. окончилъ съ тремя серебряными и одной золотой медалью за архитектурные проекты. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при варшавскомъ генераль-губернаторѣ. По его планамъ въ Правдинскомъ краѣ построено тринацать и ремонтировано болѣе шестидесяти

церквей; ему же принадлежать проекты нового собора въ Варшавѣ и перестройки собора въ Гроднѣ.

П. Н. Петровъ, „Сборникъ материаловъ для истории Императорской Академіи Художеств за сто лѣтъ ея существованія“, Спб., 1864—1866 г. — Некрологи въ „Новомъ Времени“ 1882 г., № 5865 и въ „Русск. Календарь“ Суворина на 1893 и на 1894 г.— „Варшавскій Дневникъ“, 1892 г., №№ 140 и 141.

Съверцовъ, Николай Алексеевичъ, известный зоологъ, географъ и путешественникъ, членъ Императорскаго Русскаго Географическаго общества и многихъ другихъ ученыхъ обществъ. Родился въ 1827 г. Дѣтство и юность провелъ въ родовомъ имѣніи, въ Воронежской губ. Въ домѣ родителей получилъ прекрасное образование: хорошо ознакомился съ литературой, свободно говорилъ и писалъ на немецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ и хорошо зналъ латинскій. Уже съ раннихъ лѣтъ С. обнаруживалъ глубокую прыти въ ума, трудолюбіе, любовь къ природѣ и влеченіе къ приключеніямъ. Особенный интересъ онъ питалъ къ жизни животныхъ. Зоология стала его любимымъ предметомъ, какъ только онъ научился читать: рассматривать зоологические листы и читать о жизни животныхъ было его наибольшимъ удовольствиемъ.

16 лѣтъ онъ поступилъ на естественное отдѣленіе физико-математического факультета Московскаго университета. Обладая къ тому времени уже солидными знаніями по естественной исторіи, почерпнутыми изъ книгъ и непосредственныхъ наблюдений въ периодъ деревенской жизни, онъ со всей страстьюю своей натуры предался занятіямъ зоологіей и ботаникой. Впротемъ, рядомъ съ этими науками онъ занимался и геологіей, географіей, физикой, въ которыхъ, несмотря на свою специальность зоолога, обнаруживалъ впослѣдствіи, во время своихъ путешествій, глубокія познанія: трудно даже рѣшить, въ сокровищнице какой науки — геологіи или зоологии — онъ внесъ большій научный даръ. Уже на университетской скамье онъ рѣшилъ сдѣлаться натуралистомъ и путешественникомъ, что вызывало рѣшительное несочувствіе его родныхъ, желавшихъ видѣть его на государственной службѣ. Но его сближеніе съ проф. К. Ф. Рулье и известныи натуралистомъ и путешественникомъ, изслѣдователемъ Средней Азіи Г. С. Карелинымъ, положило конецъ

всякимъ колебаніямъ и сомнѣніямъ, внутреннимъ его родными, и окончательно опредѣлило его жизненный путь. Если Рулье, учившій, что «всестороннее изученіе клоука болота достойно первого ученаго въ мірѣ», будилъ въ С. интересъ изслѣдователя, то Карелинъ, по собственному признанію С., своими рассказами «о таинственной, богатой и оригинальной природѣ Средней Азіи, съ рѣзкими контрастами пустынь и роскошной растительности, звонкихъ низинъ и снѣговыхъ хребтовъ, лѣтнаго жара и зимнаго холода», увлекалъ его воображеніе, будя въ немъ наклонности путешественника. 18 лѣтъ С. мечталъ о Средней Азіи какъ о научной цѣли своей жизни. Научную дѣятельность С. началъ находясь еще на университетской скамье, предпринявъ изслѣдованіе въ зоологическомъ отношеніи своей родной, почти совсѣмъ не изученной до него, Воронежской губ., съ цѣлью прослѣдить влияніе различныхъ условій на периодическая явленія животной жизни. Результаты своихъ наблюдений онъ обработалъ въ 1855 г. въ своей магистерской диссертациі «Періодическая явленія въ жизни звѣрей, птицъ и гадовъ Воронежской губерніи», трудъ, который, несмотря на многие неправильные выводы, отъ бопухъ самъ С. впослѣдствіи отказался, представляетъ и понынѣ, по мнѣнію М. А. Мензбира, глубокій научный интересъ. Академикъ А. Ф. Мидендорфъ въ своемъ отчетѣ объ этой книжкѣ, представленной комиссиі по присужденію демидовскихъ премій, далъ самый благопріятный отзывъ о ней, указывая на оригиналность мышленія, способность къ обоснованнымъ научнымъ обобщеніямъ, наблюдательность и трудолюбіе автора. Практическимъ результатомъ этого отзыва было присужденіе С. демидовской преміи.

Къ студенческимъ же годамъ относится и монографія С. о кошкахъ, часть которой появилась въ серіезномъ научномъ журналѣ *«Revue et Magazin de Zoologie»*; печатаніе работы было продолжено вслѣдствіе возникшихъ у него сомнѣній относительно сдѣланныхъ имъ выводовъ. Полную монографію о кошкахъ онъ издалъ лишь послѣ его первой поѣздки за границу, гдѣ онъ собралъ много новыхъ данныхъ о предметѣ этой работы, — въ 1858—1859 гг.

Въ 1857 г. С. былъ командированъ

Академіей наукъ въ ученою экспедицію на низовья Сырь-Дарьи для изслѣдованія климата и изученія географического распространенія животныхъ въ зависимости отъ физическихъ условій земной поверхности. Путешествіе продолжалось два года (1857—1858). Сдѣлавъ всѣ приготовленія къ пути въ теченіе іюня и юла, С. отправился въ степи у Илека и Эмбы, которая онъ осмотрѣлъ до устья Мугоджары. Послѣ осмотра Усть-Урта и нѣкоторыхъ прибрежныхъ степей Аравийского моря имъ были изучены низовья Сыра, оз. Камышлабашъ и восточное прибрежье Аравийского моря. Путешествіе это, сопряженное со многими лишеніями и опасностями, было на время прервано случаемъ, который чуть не стоилъ С. жизни. Въ апрѣлѣ мѣсяца 1858 г. во время охоты въ области Сырь-Дарьи, куда С. поднялся по этой рѣкѣ изъ форта Шеровскаго, на него напала партія кокандцевъ. Оставленный на произволъ судьбы спутниками — казаками, онъ былъ проколотъ пикой и изрубленъ шашкой и отведенъ пѣннымъ въ г. Туркестанъ. Тяжело раненый и больной онъ провелъ мѣсяцъ въ пѣну, но даже и это время использовалъ сколько могъ для ознакомленія съ южнымъ предгорiemъ Карагату. Онъ былъ освобожденъ въ концѣ мая лишь благодаря энергичному вмѣшательству начальника тогдашней Сырь-Дарьинской линіи ген. Данзаса, подкрѣпившаго свое требование военной демонстраціей. Оправившись отъ ранъ, С. снова принялъ за научная изслѣдованія, которыхъ онъ и продолжалъ до конца октября 1858 г. Это первое его путешествіе въ Центральную Азію дало богатые научные результаты. Хотя С. главнымъ образомъ былъ занятъ изучениемъ местной фауны, но одновременно съ зоологическими и зоогеографическими изслѣдованіями онъ дѣлалъ и геологическую наблюденія, которые привели къ установлению имъ слѣдовъ усыханія Аравийского моря, его бывшаго сообщенія съ Балканемъ, измѣненія притоковъ нижняго Сыра и образованія степныхъ солонцовъ. По нанесеннымъ на топографическую карту солонцамъ, соленымъ грядамъ, чинкамъ и пескамъ солонцеватой степи онъ могъ установить очертанія бывшаго Арабо-Каспійского моря въ разные периоды его постепенного осушенія,

что выдвинуло передъ нимъ широкую задачу: изслѣдовать вопросъ объ отступлении Каспійского моря и заселеніи Каспійской низменности животными породами прилежащихъ странъ. Къ этому вопросу онъ впослѣдствіи и вернулся, когда во время послѣдующихъ путешествій открылъ на Тянъ-Шанѣ слѣды ледниковаго периода.

По возвращеніи изъ киргизскихъ степей съ богатой коллекціей по фаунѣ Сырь-Дарьинской области и пріуральскихъ степей Арабо-Каспійской низины, С. вскорѣ поѣхалъ работать въ Западную Европу. Тамъ онъ познакомился съ Левальяномъ-младшимъ, замѣчанія которого о животныхъ алжирской Сахары помогли ему уяснить многое изъ подмѣченаго въ Туркестанскомъ краѣ. Тѣмъ не менѣе С., отличавшійся чрезвычайной сдержанностью въ отношеніи печатанія своихъ работъ, не опубликовалъ результатовъ своихъ наблюдений во время первого путешествія въ Среднюю Азію.

Вернувшись изъ-за границы, С. былъ назначенъ, въ 1860 г., членомъ комитета по устройству Аравийского казачьяго войска. Собравъ (отчасти самъ, отчасти съ помощью коллекцій Крашенинникова и Г. С. Карелина) богатый матеріалъ по фаунѣ нижняго теченія Урала, онъ многое сдѣлалъ для устройства рыбныхъ промысловъ на земль Аравийского казачьяго войска и для основательного изученія образа жизни красной рыбы, составляющей главный предметъ дохода тамошняго населения. Одновременно съ этимъ онъ работалъ надъ сводкой собранныхъ матеріаловъ и надъ выработкой теоретическихъ основоположеній біологической науки. Имѣя уже о трансформаціи животныхъ видовъ собственную теорію, которая, однако, казалась ему неудовлетворительной, онъ въ 1864 г. познакомился съ теоріей Дарвина. Книга «О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора» оказала громадное влияніе на научные воззрѣнія С., который принялъ теорію Дарвина только послѣ многочтія колебаний и тщательной проверки фактіровъ и выводовъ не въ кабинетѣ и не по книгамъ, а въ лабораторіи природы,—нагорной странѣ Центральной Азіи. Но разъ ставъ на сторону Дарвина, онъ уже до конца жизни оставался самымъ горячимъ приверженцемъ его. Самъ Дарвинъ многаго ожидалъ

отъ его изслѣдованій надъ возрастными измѣненіями птицъ и въ бытность у него С. долго съ нимъ бесѣдовалъ объ этомъ предметѣ.

Въ томъ же 1864 г. С. представился случай посѣтить горную страну Тянь-Шань, бывшую въ то время заповѣдной землей для европейцевъ и потому ставшую предметомъ самыхъ страстныхъ стремлений для европейскихъ ученыхъ и путешественниковъ. Съ цѣлью прекращенія кокандскихъ набѣговъ и грабежей въ южной части нашихъ киргизскихъ степей русское правительство рѣшило занять кокандскія владѣнія, находившіяся между тогдашней Сыръ-Дарьинской линіей и Алатаевскимъ округомъ. Съ этимъ порученіемъ былъ туда посланъ отрядъ ген. Черняева, къ которому С. и былъ прикомандированъ военнымъ министерствомъ для научныхъ наблюденій, средства на которыхъ ему отпускались изъ суммъ, назначенныхъ на походъ. Императорское Русское Географическое общество, по предложению предсѣдателя отдѣла физической географіи П. П. Семенова - Тянь-Шаньского, постановило отпустить на научные работы С. 500 рублей и оказывать ему всяческое содѣствіе въ его предпріятіи. С. донесъ отрядъ въ Кастекъ и отправился прямо къ югу вдоль рѣчки того же имени. Изслѣдовавъ берега этой рѣчки и прибрежный горный хребетъ, онъ исключительное вниманіе посвятилъ кастекскимъ моренамъ, изученіе которыхъ убѣдило его въ присутствіи между Чу и Сыръ-Дарьей слѣдовъ ледникового периода. 8 мая онъ достигъ горного хребта Тянь-Шань, а 16 мая направился въ Киргизынъ-Алатау къ долинѣ Исыкъ-аты, въ которой открылъ морены древнихъ ледниковъ, подобныя кастекскимъ; тутъ же онъ ознакомился съ бытомъ кара-киргизскихъ родовъ. 18 мая С. вмѣстѣ съ Фрезе вышелъ вдоль рѣки Адамедына въ долину Чу, къ Пишпеку, и до Мерке продолжалъ путь вдоль сѣверной подошвы Киргизынъ-Алатау. Этотъ хребетъ С. изучилъ отъ Буянского ущелья до р. Ала-арчи, затѣмъ поднялся вверхъ по р. Мерке и, осмотрѣвъ известняки и раковины меркинскихъ известняковъ, повернуль обратно и поднялся опять въ горы по р. Урандѣ и перевалу Кыръ-джолъ. Покончивъ съ осмотромъ южного склона Киргизынъ-Алатау,

С. направился въ мѣстности, лежащи у южной и сѣверной подошвъ этого хребта и осмотрѣлъ: долину Кара-Кыштака; сѣверную подошву Киргизынъ-Алатау, где нашелъ слѣды древнихъ ледниковъ; водопады Чу и Таласа и долину послѣдняго; Карабурскій перевалъ; долины Кара-Кыспана и Чаткала; р. Тарса и долины Арыса и Бугуни съ горами у верховья послѣдней; Карагатау и оз. Бійлю-куль; горы Казы-Куртъ, и, наконецъ, окрестности Ташкента и кокандскіе города. Во время этого путешествія ему приходилось исполнять должностіе начальника штаба, дѣлать съемки, составлять планы, водить отрядъ на приступъ, быть въ роли парламентера и т. д. Октябрь и ноябрь онъ провелъ въ Чимкентѣ, послѣ взятія этого города занимаясь зоологическимъ сборомъ во время осеннаго полета птицъ и помогая ген. Черняеву въ составленіи проекта устройства только что покоренной страны. Съ этимъ проектомъ С. былъ спѣшно посланъ въ началъ декабря въ Петербургъ, почему онъ вынужденъ былъ оставить собранія коллекціи въ Чимкентѣ. Экспедиція эта принесла цѣнныя научные результаты: С. собралъ богатѣйшія коллекціи среднеазіатскихъ звѣрей и птицъ, среди которыхъ было много новыхъ видовъ, и богатый гербаріумъ, который вошелъ въ общую коллекцію среднеазіатскихъ растеній П. П. Семенова-Тянь-Шаньского, насчитывавшую болѣе 1.000 видовъ и описанную директоромъ Ботаническаго сада Регелемъ и его сотрудникомъ Гердеромъ въ рядѣ мемуаровъ въ «Bull. de la Soc. Imp. des Naturalistes de Moscou», съ 1864 по 1869 г. Географическое общество присудило С. золотую медаль за «особенно полезные труды въ экспедиціяхъ, снаряженныхъ обществомъ или дѣйствующихъ по его корученію». С. однако разсмотривалъ это путешествіе лишь какъ успѣшное начало дальнѣйшихъ работъ по изученію на мѣстѣ среднеазіатской природы, таѣ какъ, осмотрѣвъ въ сравнительно короткій періодъ времени такое множество мѣстностей, онъ, конечно, не могъ детально изучить каждую изъ нихъ. Поэтому, не дѣлая сводки собранныхъ материаловъ, С. началъ готовиться къ новому путешествію.

Открывшаяся послѣ похода ген. Черняева возможность изслѣдованія Турхестанскаго края побудила военное министер-

ство снарядить въ 1865 г. известную Туркестанскую ученную экспедицию. Физический отдѣлъ этой экспедиціи былъ порученъ руководству С., на обязанности которого были геологическая изслѣдованія, составленіе естественно-историческихъ коллекцій, метеорологическая наблюденія и собирашеніе свѣдѣній о производствѣ Зачуйского края. Но главной и основной задачей для С. было болѣе детальное выясненіе важнаго для геологической науки вопроса о существованіи въ западныхъ отрогахъ Тянъ-Шаня моренъ и вообще слѣдовъ древняго ледникового периода. Кромѣ того онъ долженъ былъ ознакомиться съ вопросомъ о размѣрахъ и границахъ шелковичнаго промысла въ русскомъ Туркестанѣ и узнать, существуетъ ли въ Сырь-Дарьинской области болѣзнъ шелковичныхъ червей, являющаяся бичемъ шелкопрядства въ южной Европѣ. Для выполненія всѣхъ этихъ многосложныхъ задачъ С. взялъ съ собою одного коллектора, 3 препараторовъ, 3 стрѣлковъ и горного инженера съ 3 штейгерами и 10 чернорабочими. Свои работы въ Туркестанскомъ краѣ С. началъ тщательнымъ изслѣдованіемъ горной системы Карагату, недостаточно осмотрѣнной имъ въ 1864 г., и крайнихъ западныхъ предѣловъ Тянъ-Шаня. Весьма цѣнныя результаты дали его изслѣдованія пространства и залеганія каменоугольной формациіи въ Карагатускихъ горахъ. По притокамъ р. Терсы, кромѣ многихъ мѣсторожденій жѣлезной руды, имъ найдена пѣлая система золотыхъ розыпей, при чѣмъ на золотыхъ пріискахъ на Черчикѣ имъ были собраны свѣдѣнія о примитивныхъ способахъ ихъ размыкви туземцами-сартами. Весьма плодотворными оказались его изслѣдованія въ южной отлогости долины Терсы, где онъ нашелъ явственные слѣды древнихъ ледниковъ, усмотрѣнныя имъ окр. Куркуреу въ возвышенности, состоящей изъ тянъ-шанскихъ валуновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ С. собралъ весьма цѣнныя данныя о шелководствѣ въ русскомъ Туркестанѣ, опредѣливъ предѣлы распространенія этой отрасли промышленности и главные пункты ея.

Оставивъ другихъ членовъ экспедиціи въ Туркестанской области и давъ имъ инструкціи для безостановочнаго изслѣдованія осмотрѣнныхъ мѣстностей, С. вернулся въ началѣ зимы 1866 г. въ Петербургъ, где до весны 1867 г. занимался обработкой

собранныхъ имъ богатыхъ матеріаловъ. Но не успѣлъ онъ покончить съ этой работой, какъ ему представилась возможность новой поѣзди. Покореніе сара-багишъ и установление дружескихъ отношеній съ Якубъ-ханомъ, главой отложившагося отъ Китая восточнаго Туркестана, сдѣлали въ 1867 г. Тянъ-Шань болѣе чѣмъ когда-либо доступнымъ для изслѣдователя. Совѣтъ Географического общества рѣшилъ воспользоваться этимъ и въ апрѣлѣ 1867 г. отрядили С. въ Центральную Азію для опредѣленія геологическаго разрѣза Тянъ-Шаня близъ его развѣтвленія къ озеру Ханъ-Тенгри, на меридианѣ, въ мѣстѣ оближенія долинъ Нарына и Аксая. Задержанный въ дорогѣ тяжелой болѣзни, С. смогъ выѣхать изъ Вѣрнаго лишь 14 сентября 1867 г., а изъ Асуйскаго поста — 18-го того же мѣсяца. Съ Иосыкъ-Кула онъ поднялся черезъ проходъ Барскоунъ, вышелъ на уроцище Улькунъ-Нарынъ-Басъ, а оттуда, по Нарыну и черезъ сиѣговой Акъ-Чеку, на верховья Атапши, откуда перешелъ къ р. Тасъ-Асу, поднялся по этой посѣдней и, переваливъ черезъ горы Уюрменъ-Чеку, 13 октября достигъ Аксая. На обратномъ пути С. пошелъ къ мѣсту прежнаго китайскаго моста, перевалилъ на Джуванъ-Арыкъ, лѣвую вершину на р. Чу, а 30 октября прибылъ въ Тобмакъ. По всему пути своего слѣдованія С. дѣлалъ точныя инструментальныя съемки, измѣрялъ высоты переваловъ, собирая матеріалы для составленія геологическихъ картъ и разрѣзовъ и составляя коллекціи горныхъ геологическихъ породъ. Кромѣ того онъ собралъ болѣе 260 птицъ, большая часть которыхъ представляла рѣдкіе экземпляры, и 30 видовъ четвероногихъ, среди которыхъ было нѣсколько новыхъ, раньше неизвѣстныхъ. Между прочимъ С. былъ добытъ во время одного изъ этихъ путешесвий прекрасный экземпляръ кочугара изъ той самой породы горныхъ барановъ, которыхъ описывалъ еще Марко Поло и которыхъ, по добытому англійскимъ путешественникомъ Вудомъ скелету головы и ногъ, зоологи описали и назвали *Ovis polii*, полагая при этомъ замѣчательную породу эту совершенно вымершей. По пути въ Ташкентъ С. воспользовался теплой погодой, чтобы сдѣлать нѣсколько экскурсій въ сторону для дополненія сдѣланныхъ раньше, въ 1864 г., изслѣдований у Мерке и Аулье-

ата. Въ Ташкентѣ онъ обработалъ для туркестанскаго ген.-губернатора нѣкоторыя изъ практическихъ результатовъ своихъ экспедицій, составивъ двѣ обстоятельный записки о путяхъ изъ Туркестанскаго края въ Кашгаръ и о мѣстахъ, удобныхъ для русской колонизации.

Въ 1868 г. С. совершилъ дополнительную экскурсию въ Ходжентскій край. Въ концѣ апрѣля мѣсяца онъ отправился выѣтѣ съ Шиляевымъ въ окрестности г. Ходжента, где въ теченіе мая и юна собралъ богатую ботаническую коллекцію, заключавшую много новыхъ и замѣтныхъ растеній, при чемъ не упускаль и продолженія зоологическаго сбора. Тамъ же онъ занялся и геологическими изслѣдованіями, осмотрѣвъ много выходовъ мѣдной, свинцовой и желѣзной рудъ, а также заганія бирюзы въ концахъ хребтовъ между Чирчикомъ и Сырь-Дарьей. Вернувшись въ концѣ юна въ Ташкентъ, онъ подготовилъ тамъ орографическую карту края и сдѣлалъ нѣсколько предварительныхъ работъ для будущей сводки своихъ наблюденій и обработки материаловъ. 10 августа онъ, большой лихорадкой, приступы которой повторялись у него и раньше, выѣхалъ черезъ Вѣрный въ Омскъ, совершая по пути наблюденія и изслѣдованія. Изъ Токмака С., по порученію ген.-губернатора, осмотрѣлъ перевалы черезъ хребетъ Сукъ-Тюбе, а въ Вѣрномъ и Иссыкъ-Кулѣ устроилъ метеорологические наблюдательные пункты. По пути изъ Вѣрнаго до Лепсъ онъ дополнилъ по пути свои геологическія наблюденія придорожныхъ формаций въ Копальскомъ Алатау. Этимъ закончился циклъ его путешествій на Тянъ-Шань, продолжавшихся въ общемъ 4 года (1864—1868) и давшихъ богатѣйшіе результаты. Было изслѣдовано много непозѣстныхъ раньше мѣстностей, сдѣлано громадное количество наблюденій—зоологическихъ, географическихъ, метеорологическихъ и геологическихъ составлены подробныя карты мѣстностей и изучена ихъ орографія. Но важный научный интересъ представляютъ собранныя во время этихъ экспедицій коллекціи: 1) геогностическая, 2) ботаническая (значительно больше 1.000 экземпляровъ, по большей части рѣдкихъ) и 3) зоологическая: насѣкомыя, рыбы, амфибіи, птицы и звѣри (многиѣ новыхъ видовъ).

Въ періодъ времени съ 1869 до 1873 г.

С. былъ занятъ обработкой добытыхъ материаловъ. Научные результаты всѣхъ своихъ экспедицій, кроме зоологическихъ, онъ изложилъ въ своемъ труда: «Путешествія по Туркестанскому краю и изслѣдованіе горной страны Тянъ-Шаня», изданномъ Географическимъ обществомъ въ 1873 г. Появленіе этой книги, содержащей кромѣ отчета о путешествіяхъ 1857, 1864 и 1865—1868 г. г. описание изслѣдованныхъ областей и карту, вызвало большое вниманіе въ Европѣ, и работа немедленно была переведена на немецкій языкъ и помѣщена въ лучшемъ географическомъ повременномъ изданіи: «Petermann's Mitteilungen». Что же касается зоологическихъ изслѣдований, то извлеченіе изъ нихъ, содержащее краткій общій очеркъ туркестанской фауны позвоночныхъ съ описаніемъ новооткрытыхъ и малоизвѣстныхъ звѣрей и птицъ, напечатано въ «Запискахъ Московскаго Общества Любителей Естествознанія». Выѣтѣ съ тѣмъ С. подготовилъ къ печати свое зоологическое изслѣдованіе «Вертикальное и горизонтальное распределеніе туркестанскихъ животныхъ», въ которомъ описалъ много новыхъ формъ и сообщилъ весьма цѣнныя свѣдѣнія объ оленяхъ и аркарахъ (горныхъ барабанахъ). Сданный Географическому обществу въ 1871 г., этотъ трудъ могъ появиться въ печати, вслѣдствіе запутанности материальныхъ дѣлъ общества, лишь въ 1873 г. Въ этомъ же году была напечатана въ сборникѣ «Природа» замѣтная работа С. объ аркарахъ, представляющая громадный научный интересъ какъ по сбилию затронутыхъ въ ней вопросовъ, такъ и по множеству фактовъ, подтверждающихъ теорію Дарвина. Къ этому же періоду времени относится его участіе въ комиссіи для составленія проекта Сырь-Даргинской экспедиціи, куда онъ былъ избранъ Географическимъ обществомъ въ 1870 г.

Въ связи со своими зоологическими работами С. посѣтилъ въ 1872—1873 г.г. Вѣну, Берлинъ и нѣкоторыя другіе центры Европы, где работалъ въ музеяхъ, описывалъ и срисовывалъ звѣрей и птицъ, необходимыхъ для опредѣленія туркестанскихъ животныхъ породъ, и изучалъ альпійскіе ледники.

Вернувшись изъ-за границы и покончивъ съ изданіемъ своихъ трудовъ, С. началъ хлопотать о снаряженіи новой экспедиціи

въ область восточного Тянь-Шаня для изслѣдованія горнаго хребта въ этой части и прилежащихъ къ нему мѣстностей, главнымъ образомъ южнаго склона восточного Тянь-Шаня, Кашгаръ-Дары и смежной съ Кашгарій області Памира. Но Географическое общество, проектировавшее экспедицію въ Арабо-Каспійскую низменность для изслѣдованія Аму-Дарьинской области, предложило ему принять въ ней участіе. С. принялъ это предложение и 12 июня 1874 г. выѣхъ съ С. М. Смирновымъ отправился изъ Казалинска на восточный берегъ Аральскаго моря, къ заливу Шуткуль. Сначала по этому берегу до залива Биктау, а оттуда длинными безводными переходами черезъ западную часть Кызылъ-Кума, С. прошелъ къ колодцу Тамбай-Казганъ. Затѣмъ, перейдя черезъ чинъ Бель-Тау, онъ вышелъ къ оз. Кунградъ-Куль и на протокѣ Карап-Колъ, гдѣ вступилъ въ систему протоковъ Аму-Дарьинской дельты. Отсюда, раздѣлившись съ Смирновымъ, С. пошелъ въ Нукусъ прибрежными песками. Изъ Нукуса онъ по рѣкѣ Кегейлы доплылъ до Чимбая, откуда направился въ Кашкане-Тау; осмотрѣвъ горы и озерные осадки у ихъ южной подошвы, онъ вернулся въ Нукусъ. Затѣмъ С. поѣхалъ въ Петро-Александровскъ, гдѣ, послѣ осмотра горъ Шейхъ-Джейли, занялся сборомъ зоологическихъ коллекцій. Изъ Петро-Александровска С. водой поѣхалъ обратно въ Нукусъ, прослѣдовавъ оттуда въ Клычъ-Калу и къ Кунгардъ-Кулю, откуда совершилъ нѣсколько боковыхъ экскурсій. Изъ Кунгаръ-Куля С. на верблюдахъ направился къ р. Яны-Дарѣ, по этой послѣдней прошелъ вверхъ до Петровска, а оттуда въ Ташкентъ. Независимо отъ богатыхъ зоологическихъ и ботаническихъ коллекцій С. собралъ во время этой экспедиціи весьма важный матеріалъ для уразумѣнія многихъ явлений, относящихся непосредственно къ физической географіи Аральскаго бассейна. Благодаря сообщеніямъ имъ свѣдѣніямъ явилась возможность констатировать фактъ чрезвычайно быстрого измѣненія очертаній восточного берега Арака отъ пониженія его уровня. Кромѣ того онъ собралъ громадный матеріалъ для выясненія границъ и характера палеарктической фауны и ея подраздѣленій (результаты этихъ изслѣдованій онъ изложилъ въ рѣчи на

одномъ изъ засѣданій Географического общества). Вернувшись въ 1875 г. изъ Аму-Дарьинской экспедиціи и приготовивъ къ печати нѣкоторыя карты и работы, С. опять уѣхалъ за границу (въ Парижъ и Лондонъ), гдѣ сравнивалъ свои коллекціи съ коллекціями, добытыми французскими и англійскими изслѣдователями въ восточной, центральной и южной Азіи. Эта работа привела къ исправленію печатавшагося на нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ «Вертикального и горизонтального распределенія туркестанскихъ животныхъ», поставившаго его имя въ рядъ первоклассныхъ путешественниковъ-зоологовъ.

Въ томъ же 1875 г. С., выѣхъ съ П. П. Семеновымъ-Тянь-Шанскимъ и нѣкоторыми другими членами Географического общества, былъ избранъ (21 мая) представителемъ этого общества на Парижскомъ международномъ географическомъ конгрессѣ. За его докладъ о слѣдахъ ледникового периода на Тянь-Шанѣ и представленную имъ карту высотъ Центральной Азіи конгрессомъ ему была присуждена золотая медаль.

Въ 1877—1878 г., въ связи съ движениемъ отряда ген.-лейт. А. К. Абрамова, была снаряжена почетнымъ членомъ Географического общества, туркестанскимъ генер.-губернаторомъ К. П. Кауфманомъ большая экспедиція въ область Алай и Памира. Главная роль въ изслѣдованіяхъ этой экспедиціи, носящей название Фергано-Памирской, принадлежала С. и И. В. Мушкетову, изслѣдованія которыхъ находились въ тѣсной зависимости между собой и дали въ достаточной степени ясную научную картину той части «Крыши міра», которая раньше была неизвѣстна европейскимъ изслѣдователямъ. Въ 1877 г. С., въ сопровожденіи топографа Скасса, астронома Шварца и препаратора Скорнякова, выѣхалъ изъ Ходжента, откуда и началъ свои изслѣдованія. Изъ Оша онъ въ октябрѣ мѣсяцѣ направился черезъ Гульчу въ долину Тары, а оттуда черезъ перевалъ Акбугузъ—въ долину Куршаба. Переваливъ затѣмъ черезъ Таидыкъ и Кызылъ-Артъ, онъ вышелъ на Памиръ и направился на востокъ по долинѣ Кокъ-Таша, откуда черезъ Заалайскій хребеть и Шартъ вернулся въ Ошъ. Результатомъ этой первой его Памирской поѣздки были зоологическая и геогностическая коллекціи, съемка

небольшой части Заалайского хребта, орографическая изысканія и опредѣленіе нѣсколькихъ астрономическихъ пунктовъ. Весной 1878 г. С. предпринялъ поѣздку изъ Андижана къ Ферганскому хребту. Переваливъ черезъ Шартъ, онъ спустился къ Узахмату и оттуда вернулся въ Андижанъ. Въ іюнѣ этого же года С. принялъ третью поѣздку въ область Памира. Въ сопровождении своего пріятеля полковника Кушакевича (коллектора по части ботаники), топографовъ Руднева и Скасса и препаратора Скорнякова, С. отправился на востокъ для осмотра верховьевъ Кашгаръ-Дарьи, ставшей доступной для наблюденія благодаря нахожденію въ этой мѣстности ген.-лейт. Абрамова. Поручивъ топографическую и инвентировочную работы Рудневу и сдѣлавъ со Скорняковымъ двѣ боковые экспедиціи отъ р. Игенъ, къ югу и югу отъ верхней Кашгаръ-Дарьи, С. прошелъ на Кара-Куль, куда сошлиась все части его экспедиціи. Оттуда онъ поднялся вверхъ по р. Сѣв. Акъ-Баталу и, переваливъ черезъ высоту въ 15.000 фут. на р. Южный Акъ-Баталь, направился по послѣдней къ Аксу, одной изъ главныхъ долинъ Аму. Не доходя устья Акъ-Батала, С. свернулъ къ Памиръ-Рансъ-Кулю, где имъ были сдѣланы съемки этой части Памира и опредѣленъ астрономической пунктъ. Вынужденный вслѣдствіе истощенія запасовъ вернуться на Акъ-Баталь, онъ доплылъ по нижнему течению этой реки до ея устья Аксу, откуда направился по притоку Аксу-Кара-Су въ совершенно неизвѣстный до тѣлъ Памиръ-Аличуръ, затѣмъ перевалилъ черезъ Найза-Ташъ и внизъ по р. Алпачуръ направился къ озеру Яшиль-Куль, где тщательно осмотрѣлъ группу острововъ. На обратномъ пути въ Аксу С. дополнить свои съемки и коллекціи, значительно уменьшившими промежутокъ между областю изслѣдований русскихъ путешественниковъ и границами англійскихъ регионализировокъ, и сдѣлавъ цѣлый рядъ геологическихъ наблюдений, которыми установилъ, что озеро Кара-Куль не есть замкнутый бассейнъ, какъ это предполагали раньшѣ, а является лишь центральнымъ расширениемъ весьма длинной долины, открывающейся съ обоихъ концовъ—на с.-в. къ Коксу, а на ю.-з. къ Аксу. Это открытие дало С. возможность причислить къ Кара-

Кулю знаменитое въ исторической географіи Азіи Драконово озеро древне-китайскаго путешественника Хуанъ-Цзана. 14 сентября онъ прибылъ въ Гульчу, где занялся зоологическими наблюденіями и собралъ коллекцій, а 4 октября направился на верховья р. Тары. Переваливъ по глубокому снѣгу черезъ Акъ-Богузъ, С. пошелъ впередъ до вершины перевала Тузъ-Ашу, водораздѣль Тары и Кашгаръ-Дарьи. Тамъ онъ окончилъ начатыя еще въ 1877 г. и продолженные въ іюлѣ 1878 г. изслѣдованія орографического и географического отношенія Тянъ-Шаня къ Памиру. 29 октября, слѣдя внизъ по р. Тарѣ, С. пришелъ въ Узентъ. Экспедиція эта дала богатые научные результаты по геодезіи, гіоскопетріи, метеорологіи и географіи Памира. Особенно цѣлыми были геологическая наблюденія, отчасти открывавшія совершенно новую область, отчасти дополнившія наблюденія другихъ геологовъ, преимущественно Мушкетова и Романовскаго. Изъ собранныхъ имъ во время путешествій на Памиръ коллекцій, кроме геогностическихъ (образцовъ горныхъ породъ), высокую цѣнность имѣютъ собранный имъ зоологический матеріалъ, представлявшій въ то время животрепещущій научный интересъ, такъ какъ онъ впервые пролилъ свѣтъ на біологическую природу Памира, остававшагося до экспедиціи С. въ естественно-историческомъ отношеніи *terra incognita*, которая однако, по немногочисленнымъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Хуанъ-Цзаномъ и Марко Поло о ея своеобразныхъ біологическихъ условіяхъ, уже давно возбуждала сильнейшее любопытство всего ученаго мира.

Съ мая по октябрь 1879 г. С. совершилъ на свои средства экспедицію въ Семиреченскую область и Западную Сибирь, изъ которой вернулся въ концѣ 1879 г. и принялъся за обработку добытыхъ за все время путешествій результатовъ. Главнейшіе выводы онъ изложилъ вскорѣ въ своей рѣчи «Объ орографическомъ образованіи Высокой Азіи и его значенія для распространенія животныхъ», произнесенной на одномъ изъ засѣданій VI съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Петербургѣ и представлявшей какъ бы вчерій итогъ его двадцатилѣтнихъ изысканій. Въ тотъ же періодъ были имъ напечатаны статья о памирскихъ животныхъ

и большое изысканіе о древнихъ путешествіяхъ на Памиръ. Особенную цѣнность представляетъ напечатанный имъ въ 1879—1880 г. трудъ «О пролетныхъ путяхъ птицъ черезъ Туркестанъ», установившій связь между наблюденіями сибирскихъ путешественниковъ и наблюденіями англичанъ въ Индіи, Белуджистанѣ и Персіи. Этимъ сближеніемъ области изслѣдованій его и другихъ русскихъ путешественниковъ съ областью научныхъ открытій иностранцевъ онъ какъ бы подвелъ итогъ одной изъ сторонъ своей долголѣтней и многосторонней дѣятельности. Уже въ ранній періодъ своей географической дѣятельности у него возникали планы путешествій почти одновременно съ совершенно аналогичными планами европейскихъ путешественниковъ. Такъ, напр., уже его первая, увѣличавшаяся такимъ блистательнымъ успѣхомъ, попытка проникнуть въ область Тянь-Шаня для всесторонняго его изслѣдованія совпали съ смѣмыми предпріятіемъ начальника снаряженій по иніциативѣ и подъ покровительствомъ Александра ф. Гумбольдта экспедиціи Адольфа Шлагинвейта, задумавшаго проникнуть изъ Индіи черезъ Каракорумскій перевалъ Куэнь-Луя въ Центральную Азію и достигнуть Тань-Шаньскаго хребта съ южной стороны. Дальнѣйшія путешествія, рядомъ съ другими задачами, преслѣдовали также цѣль сузить полосу, раздѣлявшую територіи изслѣдованій русскихъ и западно-европейскихъ путешественниковъ, приближая такимъ образомъ конечную цѣль науки—одѣлать земной шаръ открытымъ для взоровъ всего человѣчества.

Послѣдніе годы своей жизни, съ 1879 по 1885, С. провелъ отчасти въ Москвѣ, отчасти въ своемъ имѣніи Бобровѣ, Воронежской губ., занимаясь обработкою и приведеніемъ въ систему богатѣйшихъ материаловъ. На работы по своду его коллекцій ему Высочайше было пожаловано пособіе въ 1.000 р. въ годъ. Рядомъ съ чисто коллекторской и систематизаторской работой онъ много трудился надъ изложеніемъ своихъ исключительныхъ знаній и литературной ихъ обработкой. Но въ печать онъ сдалъ только работу «О помѣсячѣ въ группѣ уточъ». Остальные же его ученыя работы были найдены въ его бумагахъ; между ними были также капитальная работы, какъ замѣчательная монографія объ орлахъ (идея кото-

рой зародилась у него еще въ 1857 г. и для которой онъ собираль съ тѣхъ поръ материалы) и «Распределеніе птицъ палеарктической области». Въ рукописи остался также его большой трудъ «Орографическій очеркъ Памирской горной системы», напечатанный послѣ его смерти, въ 1886 г., въ XIII т. «Записокъ Русскаго Императорскаго Географическаго общества» (подъ редакціей Мушкетова, съ біографическимъ очеркомъ М. А. Мензбира) и многія другія его работы, среди которыхъ осталось много незаконченныхъ. Это преобладавіе рукописнаго материала надъ напечатанными его произведеніями М. А. Мензбира объясняетъ крайней щепетильностью С. въ отношеніи своихъ литературныхъ работъ, которые никогда не удовлетворали его и которые онъ всегда считалъ незаконченными, сколько бы онъ надъ ними ни работалъ.

Къ несчастью, С. не могъ довести дѣла своей жизни—приведеніе въ систему результатовъ долголѣтнихъ трудовъ — къ концу. Роковая случайность оборвала эту замѣчательную жизнь. 27 января 1885 г. онъ побѣжалъ вѣтѣть съ ген. Стриженевскимъ по льду р. Дона въ Воронежѣ. Противъ р. Икорцы коляска, въ которой ониѣхали, провалилась въ болото. Стриженевский успѣлъ выбраться изъ воды и вытащить С. Но послѣдній прошелъ только нѣсколько шаговъ и упалъ на ледь: у него отнялись ноги, и онъ могъ еле говорить. Пока подоспѣла помощь, онъ скончался—отъ прилива крови къ головѣ и перваго удара. Его трагическая смерть вызвала глубокую скорбь ученыхъ и печати въ Россіи и за границей. По ходатайству Географического общества Высочайше было отпущено 5.000 р., изъ которыхъ общество выдавало вдовѣ С. по 1.000 р. въ годъ на приведеніе его бумагъ въ порядокъ.

Подводя итогъ разносторонней дѣятельности С., необходимо остановиться на двухъ главныхъ ея сторонахъ: на его богатыхъ и плодотворныхъ открытияхъ и изслѣдованіяхъ какъ путешественника и на научныхъ, съ большими талантами и широтой взгляда обработанныхъ, результатахъ его трудовъ какъ ученаго. Какъ путешественникъ-изслѣдователь онъ изучилъ самостоѧтельно громадную территорію Центральной Азіи, совершивъ для этого больше 10 экспедицій. Обнаруживая изумительное безстрашие и неутомимость, онъ проникъ во

многія нѣвѣдомыя до него области Памиро-Тянъ-Шаньской системы, лично изслѣдовавъ ихъ съ разныхъ научныхъ точекъ зѣнія; въ областяхъ, изученныхъ до него, онъ производилъ наблюденія и изысканія, которыя всегда прибавляли новыя и существенные данные для выясненія природы этихъ областей. Каждая его поѣзда обогащала различные отрасли науки новыми фактическими материалами. Одна коллекція штицъ (теперь находящаяся въ Императорской академіи наукъ) обнимаетъ около 1.200 экземпляровъ. (Описаніе этой коллекціи принадлежитъ его ученику, проф. М. А. Мензбиру, выпустившему его яз французскомъ языке подъ названіемъ: «N. A. Sewertzow. Ognithologie du Turkestan et des pays adjacents»). Другія его коллекціи, являющіяся цѣнными вкладомъ въ сокровищницу различныхъ областей человѣческаго знанія (геологіи, ботаники, фауны позвоночныхъ и др.), также богаты по обилию экземпляровъ и множеству типовъ. Къ этому надо прибавить большое количество сдѣланныхъ имъ во время путешествій съемокъ, измѣреній высотъ, чертежей, рисунковъ—богатый материалъ, сдѣлавшій возможнымъ выясненіе орографического характера Центральной Азіи. Если же обратимся къ дѣятельности его какъ ученаго, къ научному примѣненію, которое онъ сдѣлалъ изъ добытыхъ имъ материаловъ, къ обобщеніямъ его разностороннихъ изслѣдованій и выводамъ изъ нихъ, то увидимъ, что въ области чистой науки онъ рядомъ съ талантомъ, широтой взгляда и добросовѣстностью въ выводахъ проявилъ не меньшее трудолюбіе, настойчивость и неутомимость, чѣмъ въ своихъ путешествіяхъ. Влекомый своей страстной и дѣятельной натурой въ далекія таинственные страны, издавна волновавшія любопытство ученыхъ и искателей приключений, онъ не могъ предаться исключительно кабинетной работѣ. Удостоившись за свои ученые работы степени доктора зоологии Московскаго университета, открывшей ему дорогу къ профессурѣ, онъ при первой возможности пустился въ далекій путь опасностей и приключений. Неоднократно онъ оставлялъ свои работы по приведенію въ систему добытыхъ материаловъ, чтобы отправиться въ новое путешествіе. Но въ промежутки между этими путешествіями онъ превращался въ усидчиваго ученаго, терпѣливо и упорно подбиравшаго одну кру-

пицу истины къ другой. Выполняя всю черную работу, которой требуетъ превращеніе хаотического материала въ стройное цѣлое, онъ никогда не предавался излишествамъ увлеченія какой-либо теоріей или схемой: онъ принималъ выводы лишь послѣ тщательной и многосторонней пропрѣки, дѣлая обобщенія лишь на основаніи многочисленныхъ фактовъ; вѣкоторыя работы (какъ монографію объ орлахъ) онъ исправлялъ и пропрѣялъ въ теченіе всей своей тридцатилѣтней научной дѣятельности, не решившись, однако, обнародовать ихъ до конца жизни. Онъ не успѣлъ, къ несчастью, закончить научную обработку своихъ изслѣдованій и открытій, въ которую погрузился въ послѣдніе годы своей жизни, но и того, что онъ сдѣлалъ, было слишкомъ достаточно, чтобы сдѣлать его имя славнымъ. Вотъ главнѣйшие научные результаты его работъ: выясненіе зоогеографическаго характера изслѣдованныхъ имъ странъ въ связи съ ихъ орографическимъ строеніемъ; опредѣленіе ихъ геологическаго характера; установленіе зоологическихъ участковъ громадной территории Центральной Азіи отъ Алтая до Памира включительно; выясненіе различій (съ объясненіемъ ихъ причинъ) между фауной Тянъ-Шана и фауной европейскихъ Альпъ; карты Памиро - Тянъ-Шаньской системы; фаунистические списки и т. д.

Ученые общества, какъ въ Россіи, такъ и за границей, высоко цѣнили научныя заслуги С. За границей печатались его труды въ запискахъ ученыхъ обществъ и лучшихъ научныхъ журналахъ; Парижскій международный конгрессъ удостоилъ его золотой медали. Ученые же общества Россіи, членомъ которыхъ онъ состоялъ, помогали ему въ его научныхъ предпріятіяхъ, давали ему важныя въ научномъ отношеніи порученія, издавали его труды и удостаивали его высокими знаками вниманія. Къ тому, что было сообщено въ этомъ отношеніи выше, слѣдуетъ прибавить, что Географическое общество исходатайствовало ему въ 1874 г. званіе статского советника, а въ 1883 г. присудило ему высшую награду общества—Константиновскую медаль. Что касается литературного наслѣдства, оставленного С., то, несмотря на все его нерасположеніе (какъ свидѣтельствуетъ Мензбиръ) къ печатанію своихъ работъ, оно оказалось громаднымъ. Ихъ было написано 70 статей и книгъ

изъ которыхъ много переведено на иностранные языки. Назовемъ главныиіе его труды: «Періодическая явленія въ жизни звѣрей, птицъ и гадовъ Воронежской губ.» (Москва, 1855, магистерская диссертациа), «Вертикальное и горизонтальное распределеніе туркестанскихъ животныхъ» (Спб., 1873), «Путешествія по Туркестанскому краю и изслѣдованіе горной страны Тянь-Шаня» (Спб., 1873), «О пролетныхъ путяхъ птицъ черезъ Туркестанъ», «Объ орографическомъ образованіи высокой Азіи и его значеніи для распространенія животныхъ», «Распределеніе птицъ палеарктической области» и «Орографический очеркъ Памирской горной системы» (въ XIII т. «Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», Спб., 1886).

Главныиій биографическій материалъ въ произведеніяхъ С., главнымъ образомъ въ его книгѣ «Путешествія по Туркестанскому краю и изслѣдованіе горной страны Тянь-Шаня».—«Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», т. VIII, стр. 9; т. XIII, стр. 31; т. XXI, Спб., 1885, стр. 328, 431.—«Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», Спб., т. I, стр. 75—164.—«Историческій Вѣстникъ», 1885 г., кн. 3, апрѣль, т. XX (некролог).—М. А. Мензбиръ, «Рѣчь, читанная въ годичномъ собраниѣ Императорскаго Московскаго общества испытателей природы», въ XIII т. «Записокъ Русскаго Императорскаго Географическаго Общества», Спб., 1886.—«Двадцатипятилѣтіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 13 января 1871 г.», Спб., 1872, стр. 32, 33.—П. П. Семеновъ (Тянь-Шавьскій), «Исторія полуѣвропейской дѣятельности Императорскаго Русскаго Географическаго общества», Спб., 1896, т. I, стр. 92, 93, 94, 165, 269, 271, 285, 286—289, 290, 291; т. II, стр. 481, 483, 500, 724, 725, 759, 762—768, 789, 806, 810, 811, 820, 962; т. III, 994, 1302.—«Русский энциклопедический словарь», изд. проф. Спб. университета И. Н. Березинъ, отд. IV, т. II, стр. 402.—«Всемирная Географія», въ т. «Азіа» Сиверса, стр. 29, 30.—С. А. Бутурлинъ, «Послѣдний отвѣтъ господину Мензбирю», Тула, 1906, стр. 10.—Его же, «Кулины Российской Имперіи», Тула, 1902, стр. II и 16.—Его же, «О географическомъ распространеніи настоющихъ фазановъ», въ приложениѣ къ журналу «Наша Охота», стр. 18, 26, 32, 43.—Его же, «Кузьн-Луньская зави-рушка», въ «Орнитолог. Вѣстнѣкѣ», 1910, № 3, стр. 188, 189.—Его же, «Обзоръ русской орнитологической литературы», въ «Орнитологичек. Вѣстнѣкѣ», 1910, № 4, стр. 301.

M. Руссовъ.

Свдѣльниковъ, Николай Михайловичъ, литераторъ, умеръ въ Москвѣ 15 мая 1887 г. Въ теченіе тридцати лѣтъ С. работалъ въ московскихъ періодическихъ

изданіяхъ, главнымъ образомъ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» (1874—1881) и «Московскомъ Листкѣ» (1881—1887); сотрудничалъ онъ и во многихъ провинциальныхъ изданіяхъ. Произведенія С. отличаются весьма разнообразнымъ характеромъ. Въ области беллетристики ему принадлежать: «Живые вопросы», рассказы (М., 1878), «Герои дня и минуты», разсказы, сцены, были и повѣсти (М., 1879), «Въ мірѣ страстей», собраніе четырехъ повѣстей (М., 1882) и «Жизнь—что морская пучина», уголовный романъ въ двухъ частяхъ (М., 1887); изъ его переводовъ (съ французского) напечатаны романы Фортюна Буагобея: «Предсмертные годы дѣятельности изгнанного французского сыщика Лекока» (М., 1878), «Тайны и драмы послѣдняго времени» (Москва, 1879, 2 части). Изъ его работъ по исторіи изданы: «Турецкая кампанія 1877—1878 г.» (преимущественно по официальнымъ документамъ; 2 тома, М. 1878—1879) и «Рововые минуты въ жизни русскаго народа и восшествіе на престоль Государа Императора Александра III» (М., 1882). С. писалъ и для сцены; ему принадлежитъ «Лихолѣтье», драматическая хроника въ 5 дѣйствіяхъ съ прологомъ, изъ временъ первого Самозванца (М., 1886). Онъ же издалъ: «Пріемныя программы» (М., 1879 и 1885—1886), «Я хочу вамъ разсказать», сборникъ куплетовъ, шансонетокъ, романсовъ, попури изъ пѣсень и оперетокъ (М., 1879), «Москва и ея окрестности» (М., 1882) и «Синхронистический конспектъ» (по учебникамъ Иловайскаго, Шульгина и Соловьевъ; М., 1879 и 1885).

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», выпускъ 7.—«Московскій Листокъ», 1887 г., № 137.

Свдѣловъ, Григорій Семеновичъ, художникъ исторической живописи, родился въ Москвѣ 12 января 1836 г., умеръ тамъ же 15 апрѣля 1884 г. Происходилъ изъ семьи масоторговцевъ. Начатки художественного образования получилъ въ школѣ живописи и ваянія въ Москвѣ, а въ 1857 г. поступилъ въ академію художествъ, гдѣ въ 1858 г. получилъ малую серебряную медаль за рисунокъ, въ 1859 г. большую Серебряную медаль за рисунокъ и малую заслужительную, въ 1860 г.—большую медаль за этюдъ. На академической выставкѣ 1862 г. находились его картины: «Путешественники за-

стигнутые дождемъ» и «Походъ Олега на Царьградъ». Въ 1864 г. С. получилъ малую золотую медаль за программную картину «Меркурій усыпляетъ Аргуса», а въ 1866 г.—большую золотую медаль и званіе художника 1-й степени, съ правомъ на пенсионерское прибываніе за границей въ теченіе шести лѣтъ, за программную работу «Обращеніе Владимира въ христіанство». Съ 1867 до 1870 г. онъ прожилъ въ Парижѣ, где написалъ всего двѣ картины: «Христосъ въ темнице» и образъ Пресв. Троицы въ куполѣ алтаря парижской православной церкви. Здѣсь же С. ослѣпъ на одинъ глазъ. Незнаніе имъ иностранныхъ языковъ и болѣзнь глаза затрудняли для него путешествіе для осмотра музеевъ и галлерей. Вызванный въ 1870 г. обратно въ Россію, онъ провелъ три послѣднихъ года пенсионерства въ Москвѣ, занимаясь главнымъ образомъ исполненіемъ работъ для церквей. Въ томъ же 1870 г. С. получилъ отъ академіи художествъ званіе академика за картину «Іоаннъ Грозный и Малюта Скуратовъ». Въ качествѣ участника работъ по украшенію живописью московского храма Христа Спасителя, С. написалъ въ западномъ крылѣ этой церкви стѣнную картину «Крещеніе св. Ольги» и набросалъ эскизы такихъ же картинъ «Крещеніе св. Владимира» и «Закладка Успенского собора въ Москвѣ» (по этимъ эскизамъ написаны были картины Н. Корнѣловымъ). Въ 1876 г. С. съ шумнымъ успѣхомъ выставилъ на выставкѣ академіи художествъ свою извѣстную картину: «Іоаннъ Грозный любуется Василисой Мелентьевной» (находится въ музѣѣ Императора Александра III въ Петербургѣ), блестящую по технікѣ письма и по интересному сочетанію свѣтовыхъ эффектовъ. Кромѣ упомянутыхъ, изъ произведеній С. назовемъ еще картины «Курская горожанка» (въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ), «Саянка Щигровскаго уѣзда», «Царь Алексѣй Михайловичъ выбираетъ себѣ невѣstu», а также изображенія четырехъ евангелистовъ болѣе натуральной величины и восьми пророковъ въ церкви св. Троицы у Покровскихъ воротъ въ Москвѣ и иконостасъ въ Георгиевскомъ посадѣ Волконскаго уѣзда.

Ѳ. И. Булгаковъ, „Наши художники (живописцы, скульпторы, мозаичисты, граверы и

медальеры на академическихъ выставкахъ послѣдняго 25-лѣтія“, 1889—1890 г.г.—„Художественные Новости“, 1884 г., № 10, стр. 270—271.—П. Н. Петровъ, „Сборникъ материаловъ для истории Императорской Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія“. Спб., 1864—1867 г.г.—А. П. Новицкій, „Исторія русскаго искусства“, М., 1899—1903 г.г.—Д. А. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX в.в.“, 1895 г.—Некрол. въ „Всебѣц. Календарѣ“ Гоппе за 1885 г.—„Каталогъ художественного отдѣла русскаго музея Императора Александра III“, Спб., 1899 г.—„Іванъ Грозный передъ спящей Василисой Мелентьевной. Картина г. Сѣрова“, „Всемирная Иллюстрація“ 1876 г., т. XV, стр. 278.

СЫНЦОВЪ, Василий Гурьевичъ, дѣйств. статскій советникъ, директоръ Варшавскаго ветеринарного института, родился 28 января 1842 г. въ Петербургѣ, умеръ тамъ же 9 января 1890 г. Происходилъ изъ мѣщанъ; образованіе получалъ въ Петербургской медико-хирургической академіи (по ветеринарному отдѣленію) и въ 1864 г. былъ признанъ ветеринарнымъ лекаремъ съ отличиемъ и награжденъ золотой медалью. Въ теченіе ближайшихъ двухъ лѣтъ состоялъ репетиторомъ ветеринарныхъ наукъ при академіи, занимаясь въ свободное отъ занятій лѣтнее время изученіемъ мѣръ борьбы съ сибирской язвой на Марининской системѣ. Въ началѣ 1867 г. онъ поступилъ на службу по военно-медицинскому вѣдомству во 2-й лейбъ-уланскій Курляндскій полкъ ветеринарнымъ врачомъ и до 1874 г. занималъ различныя должности по военному вѣдомству. Въ мартѣ 1869 г., по защитѣ диссертациіи «О карбункулезномъ шпатѣ (такъ наз. сибирская язва)», онъ былъ удостоенъ конференціей Петербургской медико-хирургической академіи званіямагистра ветеринарныхъ наукъ и въ слѣдующемъ году командированъ ветеринаромъ въ Петербургскій военный округъ. Въ 1874 г. онъ былъ назначенъ директоромъ Варшавской ветеринарной школы, где сталъ читать частную патологію и терапію, науку о повальныхъ болѣзняхъ, клинику внутреннихъ болѣзней и временно—патологическую анатомію, фармакологію и скотоводство. Въ качествѣ директора онъ неустанно стремился къ уравненію и улучшению положенія ветеринарной школы, стоявшей въ какихъ-то совершенно исключительныхъ и крайне незыгодныхъ условіяхъ сравнительно съ другими ветеринарными институтами, существовавшими тогда

въ Россіи. Благодаря его заботамъ школа была переименована сначала въ училище съ новымъ болѣе обширнымъ уставомъ, а затѣмъ въ 1889 г. и въ институтъ. Въ 1885 г. онъ былъ командированъ съ ученою цѣлью за границу и побывалъ въ главнѣйшихъ пунктахъ Германіи, сѣверной Италіи и Австріи, знакомясь съ выдающимися ветеринарными учрежденіями и музеями по медицине и естественнымъ наукамъ. Съ 1873 г. состоялъ членомъ корреспондентомъ Дерптскаго ветеринарного института, въ 1875 г. онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Петербургскаго общества ветеринарныхъ врачей, а въ 1885 г. утвержденъ совѣщательнымъ членомъ ветеринарного комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. Кромѣ диссертаций, С. напечаталъ слѣдующія статьи: «Замѣтки о такъ наз. сибирской язвѣ» («Журналъ Коннозаводства», 1869 г. № 5 и 6); «Наблюденія надъ ящуромъ у рогатаго скота» (тамъ же, 1870, № 6); «Къ вопросу о носовой экземѣ» («Архивъ Ветеринарныхъ Наукъ», 1871 г., кн. III, стр. 140); «Нѣсколько словъ по поводу Практическаго руководства къ ларингоскопіи животныхъ, доктора Шилтова» («Ветеринарный Вѣстникъ», 1882).

А. Богдановъ, „Материалы для истории научной и прикладной деятельности въ Россіи по зоологии и социкасающимся съ нею отраслямъ земледѣлія, преимущественно за 1850—1887 г.“, т. I, листъ 18; портретъ въ т. II, табл. XIII (въ „Ізвѣстіяхъ Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи“, т. LV и LVI).—Некрологи: «Ветеринарный Вѣстникъ», 1890, вып. 1V; «Вѣстникъ Общественной Ветеринарии», 1890, № 2, стр. 21; «Архивъ Ветеринарныхъ Наукъ», 1890, кн. II, отд. 7, стр. 117—118; «Всемирн. Иллюстр.», 1890, № 1097, стр. 90.

Свраковскій, Сигизмундъ, польскій повстанецъ, по происхожденію полякъ-дворянинъ Волынской губ., родился въ 1826 г. Будучи още студентомъ Петербургскаго университета, онъ въ 1848 г. вступилъ въ члены одного изъ польскихъ политическихъ кружковъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами былъ арестованъ и приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь; вскорѣ онъ получилъ возможность бѣжать и пытался перейти въ Австрію, однако на границѣ былъ схваченъ и административнымъ порядкомъ сданъ рядовымъ въ Оренбургскій линейный батальонъ. Человѣкъ въ высшей

степени способный, С., несмотря на всѣ тяготы рядовой службы, успѣлъ, будучи въ батальонѣ, пополнить нѣкоторые пробѣлы въ своеобразованіи, въ совершенствѣ изучилъ англійскій языкъ и находилъ еще время заниматься съ тремя дочерьми своего непосредственнаго начальника. Въ 1857 г. онъ былъ помилованъ и произведенъ въ офицеры.

Возвратившись въ Петербургъ, С. перечислился въ драгуны, поступилъ въ военную академію, которую блестяще и окончилъ, затѣмъ опредѣлился на службу въ генеральный штабъ и достигъ капитанскаго чина. Специальностью его на службѣ въ штабѣ была обработка военно-статистическихъ свѣдѣній, и въ этой области онъ сдѣлалъ много полезнаго, создавъ между прочимъ свою собственную, очень рациональную систему разработки и сводки сырьихъ матеріаловъ. Образованный въ Парижѣ изъ представителей отъ всѣхъ европейскихъ державъ военно-статистической комитетъ, делегатомъ на которой отъ Россіи былъ командированъ С., призналъ за представленными имъ работами выдающуюся цѣнность, а Наполеонъ III сдѣлалъ ему предложеніе заняться разработкой военно-статистическихъ свѣдѣній для Франціи, отъ чего С. отказался. Въ 1858 г. С. вторично былъ командированъ заграницу для изслѣдованія и обозрѣнія тюремъ въ Западной Европѣ. Результатомъ этой поездки явилось нѣсколько написанныхъ С. талантливыхъ статей (о тюрямахъ, арестантскихъ ротахъ, обѣ оружіи и т. п.), которыя были напечатаны въ официальныхъ изданіяхъ. Несомнѣнно, что, сложись обстоятельства нѣсколько иначе, изъ С. выработался бы выдающійся ученый изслѣдователь въ области военной статистики.

За границей С. познакомился съ Гарibalди, съ наиболѣе выдающимися представителями польской политической эмиграціи, а также съ произведениями Прудона, идеи которого оказали на него значительное влияніе. Отъ послѣдняго онъ воспринялъ главнымъ образомъ идею о федералистическомъ сожительствѣ народовъ, хотя анархистомъ въ полномъ смыслѣ С. никогда не былъ; Гарibalди ему импонировалъ ореоломъ славы народнаго борца; въ националистическомъ же и сепаратистскомъ стремленіяхъ большинства польскихъ эмигрантовъ С. отнесся отрицательно. Въ ре-

зультатъ этихъ перекрещивавшихся положительныхъ и отрицательныхъ вліяній С. выработалъ на польскій вопросъ свой собственный взглядъ, формулированный имъ въ небольшой «Запискѣ», имѣвшей впослѣдствіи значительное распространеніе и вліяніе среди польского общества.

Вкратцѣ его идеи сводятся къ слѣдующему. Польскій вопросъ, по своему существу довольно простой, благодаря ряду политическихъ моментовъ, превратился въ одинъ изъ самыхъ сложныхъ и запутанныхъ. Уже въ далекомъ историческомъ прошломъ, въ XVI в. при Ягелло, возникла мысль, поддержанная послѣ гетманомъ Жолкѣвскимъ, о соединеніи двухъ славянскихъ народовъ—литовско-польского и русскаго. Александру I осуществить этой идеи не удалось, произошло не сліяніе двухъ народовъ по принципу «равнаго съ равнымъ, вольного съ вольнымъ», а подчиненіе одного другому, польскаго русскому, образовалась не федерація, а гегемонія, которая еще болѣе была закрѣплена дальнѣйшими событиями. Между тѣмъ высокий уровень культурности польского народа и стремленіе послѣдняго къ гражданской свободѣ требуютъ для себя свободнаго развитія и съ существующими условіями сжиться органически не могутъ. Рѣшеніе вопроса состоится въ томъ, чтобы разумно соединить главенствующія начала въ исторіи каждого изъ обоихъ народовъ: русскаго—начало централизаціи, польскаго—начало самостоятельности и автономіи провинціи, округа, наконецъ личности; примиреніемъ этихъ противоположностей, нахожденіемъ ихъ равновѣйствующей и разрѣшится вопросъ польскій, а также создастся почва для разрѣшенія вопроса общеславянскаго, для осуществленія идей панславизма. Однако союзъ этихъ двухъ народовъ можетъ и долженъ основываться на правахъ «равнаго съ равнымъ, вольного съ вольнымъ», т. е. на принципѣ федераціи, образецъ которой наблюдается въ политическомъ устройствѣ Швейцаріи. Отсюда С. выводилъ необходимость равноправія языка въ школахъ, судахъ, законодательныхъ учрежденіяхъ, равноправія религій и пр.

Въ 1859—1860 г.г. подъ вліяніемъ С. въ Петербургѣ стали организовываться польскіе революціонные кружки, члены которыхъ вербовались главнымъ образомъ изъ учащейся молодежи и офицеровъ-по-

ляковъ. Популярность С. среди послѣднихъ и его видная роль въ петербургскомъ польскомъ комитете не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ 1863 г. онъ по порученію этого комитета отправился выѣтъ съ некоторыми другими офицерами-польскими въ Литву, чтобы предводительствовать вспыхнувшимъ польскимъ восстаніемъ. Явившись въ Литву, С. провозгласилъ себя воеводою Литовскимъ и Ковенскимъ подъ именемъ Доленго—такимъ именемъ и титуломъ онъ до крайней мѣрѣ подписывалъ бумаги — и сталъ собирать вокругъ себя дружинниковъ. Въ короткое время ему удалось образовать отрядъ въ 5.000 человѣкъ, съ которымъ онъ намѣревался пробраться въ Курляндію, чтобы тамъ его еще болѣе расширить, но 25 апрѣля его настигли близъ д. Медейки русскія войска; произошедшая стычка кончилась безпорядочнымъ отступленіемъ отряда С. На другой день, 26 апрѣля, уже при самой д. Медейки произошло настоящее сраженіе, длившееся болѣе 4 часовъ и кончившееся полнымъ пораженіемъ повстанцевъ, причемъ самъ С. былъ раненъ пулею въ грудь навылетъ и попалъ въ плѣнь вмѣстѣ со всѣмъ почти своимъ штабомъ. Предъ военно-полевымъ судомъ отвѣтчикъ по существу онъ отказался и требовалъ суда присяжного и гласнаго. Судъ приговорилъ его къ смертной казни черезъ повѣщеніе, что и было приведено въ исполненіе 15 июня 1863 г. въ Вильнѣ.

Н. Цыловъ, „Сигизмундъ Сѣраковскій и его казнь“, Вильна, 1867 г.—„Записки Н. В. Берга о польскихъ заговорахъ и мятежахъ послѣ 1831 г.“, „Русскій Архивъ“, 1870 г., №№ 4—5.—„Віленскіе очерки“, „Русская Старина“, 1884, № 1, стр. 48—60 (тамъ же напечатана и упомянутая „Записка“ С.).—Гордонъ, „Воспоминанія“.

Сѣрко или Сирко, Иванъ Дмитриевичъ, пошуляряйший кошевой атаманъ запорожскихъ казаковъ, личность по мощности своей и богатой событиями жизни почти легендарная. О первой половинѣ его жизни достовѣрныхъ извѣстій не сохранилось. Определено установлено лишь мѣсто его рожденія,—слобода Мерсса Слободской Украины, въ нынѣшней Харьковской губерніи. Народная малорусская пѣсня приписываетъ ему жену Софью, двухъ сыновей—Петра и Романа, и двухъ дочерей.

На историческую сцену С. выступил въ 1654 г. и съ тѣхъ порь въ теченіе 26 лѣтъ, сначала въ званіи полковника украинскихъ казаковъ, затѣмъ въ званіи полковника же и кошевого запорожскихъ казаковъ, составлялъ центральную фигуру Запорожья и даже всей Украины. Дѣятельность его совпала съ тяжелымъ для Украины періодомъ, съ временемъ ея «шатанія» между Москвой, Польшей и турецкимъ султаномъ. И С. то сносился и завязывалъ переговоры съ русскимъ царемъ, польскимъ королемъ, турецкимъ султаномъ, крымскимъ ханомъ и молдавскимъ господаремъ, то шелъ воиню на каждого изъ нихъ и, несмотря на свои относительно слабыя войсковые силы, завязывалъ въ Сѣчи такие узлы событий, которые приходилось развязывать въ Москвѣ и въ Варшавѣ, въ Бахчисарай и въ Константинополь.

Коїда Богданъ Хмѣльницкій въ 1654 г. присагнула на подданство Московскому царю, С. отказался присоединиться къ этому акту и удалился изъ Украины въ Запорожье, где въ неизвѣстности прожилъ 5 лѣтъ.

Въ 1659 г. видимъ его уже сторонникомъ Москвы и противникомъ польского короля, не желавшаго мириться съ потерей Малороссіи. Лѣтомъ этого года онъ самостоятельно ходилъ на крымскаго хана, союзника Польши, разграбилъ Аккерманъ, многихъ татаръ побилъ и многихъ плѣнниковъ-христіанъ освободилъ. На обратномъ пути его остановилъ полковникъ Тимошъ, посланный гетманомъ Выговскимъ «для перейму». С. Въ произошедшемъ бою Тимошъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе и ушелъ къ Выговскому «самъ-треть». Воспользовавшись замѣшательствомъ противника, С. подошелъ къ Чагирину, который подъ казацкими саблями раздѣлилъ судьбу Аккермана, а затѣмъ направился въ Сѣчь. Тамъ его нашли посланцы отъ князя Трубецкого изъ Путівля и гетмана Безпалаго изъ Конотопа съ проосьбой къ нему «чинить промыселъ» надъ крымскими улусами. По донесеніямъ Безпалаго царю, С. еще въ то же лѣто, выйдя на лодкахъ изъ Сѣчи съ большимъ войскомъ, поднялся по Бугу до Умані, подѣлъ котораго, «чиня промыселъ», разгромилъ рядъ улусовъ, потомъ спустился къ Бугскому лиману, где тоже жегъ и грабилъ татарскіе поселки. За этотъ походъ царь жаловалъ его,—«велѣлъ

послать ему на триста рублей соболей да двѣсти червонныхъ золотыхъ». Подъ актомъ 9 октября 1659 г. обѣ избраніи Хмѣльницкаго имѣется имя и «кальницкаго полковника Ивана Сирко, а за него неграмотнаго росписался гетманъ Юрій Хмѣльницкій».

Вліяніе С. въ Запорожье быстро росло. Водительство казаками, которыхъ при немъ въ 1661 г. насчитывалось болѣе 15 тысячъ, принадлежало ему повидимому всепѣло. Украинскіе гетманы по важнымъ дѣламъ обращаются непосредственно къ нему, хотя онъ и не былъ еще кошевымъ, званіе котораго носилъ Брюховецкій. Что же касается его политическихъ симпатій въ эту пору, то ихъ, какъ кажется, нельзя считать опредѣленными: когда Хмѣльницкій въ концѣ апрѣля 1661 г. предался Польшѣ, С. разорвалъ съ нимъ и, по одному извѣстію, сталъ «вѣрно служить русскому царю», по другому же — «не преклонялся ни къ русскому царю, ни къ польскому королю».

Въ 1663 г. С. впервые былъ избранъ кошевымъ атаманомъ всего запорожскаго низового войска. Ближайшей его заботой было увеличить войсковые силы Сѣчи. До этого онъ—первый въ Запорожье—сталъ составлять вспомогательные казакамъ отряды изъ воинственныхъ балмыцкихъ племенъ, по словамъ лѣтописи, мужественныхъ, отважныхъ, «по виду черныхъ, страшныхъ», вооруженныхъ копьями и стрѣлами. Ближайшіе годы онъ былъ несомнѣннымъ сторонникомъ Москвы. Въ октябрѣ 1663 г. съ казаками и московской ратью, бывшую подъ началомъ стряпчаго Григорія Косагова, ходилъ на крымскихъ татаръ и сжегъ Переокопъ; захваченныхъ плѣнныхъ казаки беззмянно изрубили, въ чёмъ потомъ передъ украинскимъ гетманомъ и царемъ должны были оправдываться: «а избили ихъ ради открывшагося въ Крыму морового повѣтря». По возвращеніи въ Запорожье С. пришлось выдержать бурный натискъ со стороны значительной части вольницы. Волненіе было вызвано «прелестными» листами сторонника польского короля гетмана Павла Тетери, склонившаго подъ разными обѣщаніями запорожскихъ «молодцовъ» къ Польшѣ. Часть ихъ отвѣтила согласіемъ, другая во главѣ съ С. противилась этому, и такъ какъ первыхъ было едва ли не большинство, то опасенія Косагова, что

«ми въ съ Сѣркомъ тутъ будеть матъ», были не напрасны; «теперь бунтуютъ и на насть совѣщаются: чутъ только осилить, сейчасъ выдадуть насть ляхамъ или татарамъ», писалъ тотъ же Косаговъ въ Москву. Скоро однако получилась вѣсть о пораженіи польскаго короля русскими подъ Глуховымъ, и это охладило противниковъ Москвы, отбѣзвашихся отъ перехода къ Польшѣ и приимирившихся съ С. Онъ тотчасъ же воспользовался обстоятельствами и въ декабрѣ того же года съ небольшимъ отрядомъ пошелъ добивать Переокопъ. Подъ послѣднимъ его встрѣтила татарская орда, предъ которой онъ сначала отступалъ, но на берегу рѣчки Колончака даль ей сраженіе, выигралъ его и гналъ татаръ до перешейка. Въ этомъ извѣстіи гдѣ-то кроется «сказка»: или преумножена численность отряда С. (показано всего 90 казаковъ, 30 донцовъ и 60 калмыковъ), или преувеличена сила орды, изъ которой подъ саблями казаковъ пало будто бы около 1.000 человѣкъ.

Въ началѣ 1664 г. С. ходилъ за Бугъ и Даѣстрѣ, гдѣ разорялъ турецкія поселенія и бралъ добычу, а потомъ двинулся по Бугу на черкасскіе города. Брацлавъ, Каневъ, Могилевъ, Умань и другіе города при приближеніи С. объявили себя на сторонѣ московскаго царя и были пощажены, но Чигиринъ и Бѣлая Церковь остались вѣрными Польшѣ. Сначала одинъ, потомъ въ союзѣ съ Косаговымъ С. все лѣто бродилъ въ близкихъ и дальнихъ окрестностяхъ Чигирина, имѣя непрерывно большія и малыя стычки съ сторонниками Польши и гетмана Тетерѣ: жестокую схватку у Бужина (7 априля) съ полковникомъ Чарнецкимъ, съ нимъ же, Тетерей и татарами подъ Смѣлой въ Капустянской долинѣ, подъ Геродищемъ съ татарами и въ другихъ мѣстахъ. Въ конечномъ счетѣ верхъ оставался почти всегда за С., и въ срединѣ лѣта онъ могъ уже войти въ непокорный Чигиринъ, который испыталъ суровую расправу.

Въ іюль 1664 г. у С. вышла размолвка съ Москвой. Въ отвѣтъ на многократныя настоанія изъ Москвы о необходимости совѣстныхъ или согласныхъ дѣйствій запорожцевъ съ гетманомъ Иваномъ Брюховецкимъ С. написалъ царю, что онъ гетману не вѣрить и дѣйствовать съ нимъ за-одно не желаетъ; въ этомъ отказѣ остался онъ непреклоненъ и послѣ разго-

вора съ посланнымъ къ нему довѣреннымъ царя Репнинымъ. Упорство это объясняется отчасти чисто личными счетами С. съ Брюховецкимъ, болѣе же тѣмъ, что С., цѣшившій выше всего вольности запорожскаго войска и независимость собственныхъ дѣйствій, не могъ быть доволенъ слишкомъ большою предупредительностью гетмана къ Москвѣ. Съ кѣмъ бы ни воевалъ С. и съ кѣмъ бы ни былъ въ союзѣ, онъ ревниво оберегалъ свою самостоятельность, въ то время какъ Брюховецкій за посулу боярскаго сана биль чоломъ царю всѣми украинскими городами и пошлиями съ нихъ въ цареву казну—вплоть до согласія на московскихъ воеводъ по главнымъ мѣстамъ Малороссіи. Когда Брюховецкій, измѣнивъ Москвѣ, стала сноситься съ Петромъ Дорошенкомъ, желавшимъ отдать Україну подъ руку крымскому хану, С. остался вѣренъ московскому царю и въ 1667 г. по собственному почину пошелъ на крымскихъ татаръ, союзниковъ Дорошенка. Ханъ, въ это время воевавшій съ Яномъ Собѣскимъ, поспѣшилъ заключить съ послѣднимъ перемиріе и обратился противъ С. Подъ Переокопомъ произошелъ бой, завершившійся разгромомъ крымцевъ. Болѣе недѣли опустошали запорожцы татарскія села и въ Сѣчъ возвратились съ огромной добычей. Отъ царя за это дѣло С. получилъ похвальный листъ.

Въ 1668 г. С. оказывается уже противъ Москвы и въ союзѣ съ Дорошенкомъ. Достовѣрно извѣстно, что въ это время онъ не былъ кошевымъ и жилъ въ Слободской Українѣ, гдѣ состоялъ полковникомъ въ Зміевѣ и завѣдывалъ казаками слободъ Мерееы и Печенѣговъ. Что именно вооружило С. противъ Москвы, несправедливости ли московскихъ воеводъ и бояръ на Українѣ или какіе-либо личные счеты,—остается невыясненнымъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что уже въ январѣ 1668 г. онъ сносился съ Дорошенкомъ. 10 марта этого года Зміевъ въ чѣлѣ съ С. поднялъ бунтъ на защиту казацкихъ правъ. 11 марта С. былъ уже подъ Харьковомъ въ надеждѣ, что и этотъ городъ присоединится къ восстанію, но ошибся въ расчетахъ и предъ ратью князя Григорія Ромодановскаго отступилъ за Даѣпръ къ Дорошенку, по пути разоряя и грабя слободы. У Дорошенка, судя по отрывочнымъ извѣстіямъ источниковъ, С. оставался недолго, уже

осенью того же года возвратившись въ Сѣчь. Тамъ онъ собралъ войско и ходилъ на украинскіе города противъ воевода и бояръ. «Приходилъ же онъ,—говорится въ Актахъ южной и западной Россіи,—и соединился съ городами, въ которыхъ живутъ казаки, не для чего иного, какъ для того, чтобы воеводы надъ нашими (украинскими) людьми не были, и вмѣсто нихъ, по старому украинскому обычаю, поставлены были полковники, сотники и войты». Онъ бился съ царскими воеводами подъ Ахтыркой и подъ Торговицей. Описывая этотъ походъ, упомянутые Акты заключаютъ: «А о томъ овъ весьма печалеѧтъ, что отъ царскаго величества отступилъ; а бусурманамъ онъ не присягалъ». Въ силу ли этой печали или по другимъ причинамъ, но походъ на воевода онъ остановилъ и въ согласіи съ Дорошенкомъ той же осенью пошелъ воевать крымскихъ татаръ. Объ этомъ походѣ, обильномъ побитыми татарами и освобожденными русскими полонянниками, говорятъ не менѣе четырехъ разныхъ источниковъ, въ томъ числѣ посланіе Дорошенка: «Сіе вамъ вѣдомо чинимъ, что, услыша о низоваго войска желательствѣ громить татарскіе улусы, мы послали нѣсколько тысячъ городового войска съ пушками и съ добрымъ воаждемъ, паномъ Иваномъ Сиркомъ, татарскую землю воевать», и донесеніе царскихъ посланцевъ: «Гетманъ Дорошенко послалъ Сирка въ Крымъ, чтобы учинить въ Крыму поискъ и замѣшанину».

Начало 1669 г. С. провелъ въ походѣ противъ Суховіенка и крымскаго хана Батырчи, которымъ подъ мѣстечкомъ Ольховцемъ на несъ рѣшительное пораженіе: Суховіенко ушелъ изъ битвы самъ-пять. Въ послѣдовавшей затѣмъ смутѣ на Украинѣ въ связи съ избраниемъ въ гетманы Демьяна Многогрѣшнаго С. вмѣстѣ съ запорожцами объявилъ себя противъ послѣдняго и въ союзѣ съ Дорошенкомъ настаивалъ на избрании другого гетмана, Юрия Хмѣльницкаго. Затѣмъ ихъ въ виду рѣшительныхъ дѣйствій Москвы успѣха не имѣла.

Годъ спустя С. на короткое время мѣняетъ свои политическія симпатіи. Избранный въ кошевые, онъ снова становится сторонникомъ Москвы, что подтверждаетъ и дѣломъ. Сохранилась его отписка отъ 18 июля 1670 г. къ воеводѣ Вѣлгороду, князю Григорію Ромодановскому, что онъ

«Божиєю милостью и счастьемъ царскаго пресвѣтлаго величества» ходилъ подъ турецкій городъ Очаковъ, где взялъ много добычи, а городъ сжегъ. Это извѣстіе, подтверждаемое и Актами южной и западной Россіи, не подлежитъ сомнѣнію, но не подлежитъ сомнѣнію и то, что въ томъ же юлѣ 1670 г. С. опять измѣняетъ царю. Когда сторонники Москвы Демьянъ Многогрѣшный, Юрий Хмѣльницкій и союзники ихъ Калга-султанъ и др. съ громаднымъ войскомъ загнали Дорошенка въ ловушку подъ Стеблевымъ, окружили и стѣснили его, такъ что ему доводилось очень плохо,—неожиданную помощь оказалъ гетману не кто иной какъ С. Стремителынъмъ рукошашинымъ боемъ онъ принудилъ къ бѣгству сначала татарь, потомъ людей Юрия Хмѣльницкаго, котораго пѣши, и выручилъ Дорошенка. Еще полгода спустя С. стоитъ уже ни за царя, ни за Дорошенка, а за Польшу, отъ которой получилъ богатые подарки и ставленника которой въ гетманы, Михайла Ханенка поддерживалъ противъ стараго гетмана Дорошенка. Когда послѣдній, провѣдавъ о претензіяхъ Польши вручить гетманскую булаву Ханенку, пошелъ въ союзъ съ татарскимъ ханомъ на Украину и сталъ чинить ей «большую шкоду», С. по зову Яна Собѣскаго вышелъ противъ татарь, перехватилъ ихъ, уже разбитыхъ поляками, на переправѣ черезъ Бугъ, громилъ и топилъ ихъ, а послѣ боя принудилъ хана съ остатками орды идти вмѣстѣ съ нимъ противъ Дорошенка. Послѣдній отступилъ назадъ «съ оскудѣлымъ и въ запасахъ оголодѣлымъ войскомъ», а С., «прихаливъ» къ себѣ все Побужье, подступилъ къ Кальнику, послѣ осады взялъ его и затѣмъ расположился у Лодыжина. 25 октября онъ съ запорожцами присягнулъ быть въ вѣчномъ подданствѣ у польскаго короля и принялъ встречную присягу польскихъ гетмановъ не отнимать у казаковъ стародавнихъ вольностей.

Ближайшіе послѣ этого события мѣсяцы С. провелъ въ непрерывныхъ походахъ противъ татарь и Дорошенка: около Ильинцевъ разбилъ значительный татарскій отрядъ, подъ Кальникомъ—отрядъ Дорошенка, въ началѣ 1672 г. въ Волошской землѣ разорялъ села, на рекѣ Куяльникѣ напалъ на крымскаго хана Нереддина и взялъ его въ пленъ; отсюда онъ по зову поляковъ, общавшимъ запорожцамъ доб-

ную плату, поспѣшилъ походомъ на украинскіе города, но въ платѣ его обманули, что вызвало ропотъ запорожцевъ на С. за вѣру полякамъ и союзъ съ ними и повело въ рѣшенію вновь перейти подъ руку московскаго царя.

Послѣ паденія Демьяна Многогрѣшнаго и ссылки его въ Сибирь С. рѣшилъ добиться малороссійскаго гетманства для себя лично. Этому рѣшительно воспротивились правобережный гетманъ Петро Дорошенко, лѣвобережные полковники во главѣ съ Федоромъ Жученкомъ и особенно Москва,—первые по мотивамъ личного свойства, а послѣдняя по недовѣрію къ постоянству политическихъ симпатій С. и въ виду его рѣянной защиты казацкихъ вольностей. 19 апрѣля 1762 г. С., по пути въ Курскъ къ боярину Г. Г. Ромодановскому, къ которомуѣхалъ для переговоровъ о гетманствѣ,ѣхалъ безъ войска, всего съ вѣсколькими довѣренными лицами, онъ былъ перехваченъ Жученкомъ, арестованъ, закованъ въ желѣзы и посаженъ въ полтавскую тюрьму, оттуда отправленъ въ Москву, а изъ Москвы—въ Сибирь, въ Тобольскъ. Планы С. такимъ образомъ рушились. Вместо гетманства онъ получилъ ссылку. Послѣдняя едва ли не длилась. За С. явилось три ходатая. Первый—запорожскіе казаки, написавшіе письмо новому гетману Самойловичу, прося его «смиренно и покорственно... донести прошеніе къ его царскому пресвѣтому величеству», чтобы С. былъ имъ возвращенъ «для лучшего промыслу надъ непріятелемъ», а затѣмъ пославшіе просьбу боярину Артамону Матвѣеву: «умилосердися яко отецъ вадъ чады, чтобы малостивымъ твоимъ ходатайствомъ... полевой нашъ вождь добрый и правитель, бусурманамъ страшный воинъ, Иванъ Сирко къ намъ быль отпущенъ, для того что у насть второго такого полевого воина и бусурманамъ гонителя нѣть; бусурманы, слыша, что въ войсکѣ запорожскому Ивану Сирка, страшнаго Крыму промышленника и счастливаго побѣдителя, который ихъ всегда поражалъ и побивалъ и христіанъ изъ неволи освобождалъ, нѣть, радуются и надъ нами промышляютъ». Другимъ ходатаемъ были поляки въ лицѣ своего послы Христофора Ковалевскаго, который просилъ въ Москвѣ о возвращеніи С. «на общую уолугу» московскаго царя и польскаго короля противъ начавшаго насыдать

съ юга непріятеля,—турокъ, татаръ и Дорошенка. А третьимъ и самымъ убѣдительнымъ ходатаемъ былъ самъ непріятель, тѣ события, которыя къ невыгодѣ русскихъ и поляковъ стали громоздиться на югѣ послѣ ссылки С. и пріостановить которыхъ было не подъ силу другимъ полковникамъ и воеводамъ. Дѣйствительно, весною этого 1762 г. громадная полчища турокъ вторглись въ Подолію и грозили Кіеву. Въ союзѣ съ ними дѣйствовалъ и Дорошенко. Кіевскому воеводѣ князю Юрію Трубецкому не управляться было съ такими противниками. Нужна была запорожская вольница, а чтобы водительствовать ею—уже былъ С. Ц Алексѣй Михайловичъ даровалъ С. свободу, хотя взялъ съ него горжественную присягу, принесенную въ царскихъ палатахъ въ присутствії Никона, освященнаго собора, ближнихъ бояръ и думныхъ людей,—«служить его царскому величеству вѣрно и ни на какія прелести не склоняться, и подущенія никакого не слушать, и словъ непристойныхъ не вмѣщать». Но отпустили С. въ сѣчь не сейчаст: по проискамъ Самойловича онъ былъ задержанъ въ Москвѣ до первой половины лѣта 1673 г.,—кстати и турки пріостановили свое наступленіе. Только въ іюнѣ этого года мы видимъ его опять въ походахъ, прежде всего противъ татаръ: «взять взятыемъ и разориъ крымскій городъ Асланъ и много людей въ полонъ захватиль», потомъ противъ турокъ, разгромившимъ Очаковъ. Съ визовьевъ Днѣпра онъ поднялся къ украинскимъ городамъ и сталъ преслѣдоввать татаръ, въ союзѣ съ турками дѣйствовавшихъ противъ русскихъ и поляковъ: «Татарское войско вынѣ въ сборѣ есть..., а войною тѣхъ татарь никакуда не пропускаеть Сѣрикъ съ запорожскими казаками». Побывавъ походомъ въ Крыму, въ Волошской землѣ и за Бугомъ, ожегши городъ Тягинъ и опустошивъ Бѣлогородчину, С. направился въ Сѣчь.

Въ началѣ зими въ Сѣчи объявился самозванецъ, называвшій себя сыномъ царя Алексія Михайловича Семіономъ. Подошедшій къ Сѣчѣ С. учинилъ самозваному царевичу допросъ и словамъ его даль полную вѣру—искренно или нѣть, неизвѣстно. Во всакомъ случаѣ и царское слово, переданное ему черезъ пословъ, о томъ, что объявившійся царевичъ самозванецъ, а настоящій царевичъ Семіонъ Алексѣевичъ

четыре года назад скончался и было бы ему, многолетней онъ, не 15 лѣтъ (годы самозванца), а только девятъ, и требование гетмана Самойловича о выдаче самозванца,—все это С. оставилъ втуне и безъ отвѣта. Не убѣдили его и прибывшіе въ Сѣчь царские послы сотникъ Чадуевъ и подьячій Щоголевъ. Въ разговорѣ съ ними С., между прочимъ, высказалъ много горькихъ упрековъ Москвѣ по поводу чинимыхъ ю обидъ казачеству вообще и ему, С., въ частности. «...Больше меня не обмануть. Раньше мнѣ отпсалъ Ромодановскій на карткѣ государеву милость, и я, повѣря ему, побѣжалъ къ нему, а онъ продалъ меня за 2.000 червонныхъ», говорилъ онъ по поводу своего ареста и ссылки въ Сибирь. «А кто же,—спросили послы,—тѣ червонные за тебя далъ?» —«Царское величество, милосердя обо мнѣ, тѣ червонные Ромодановскому указалъ дать», отвѣтилъ С. Отпусткая московскихъ пословъ обратно, С. отправилъ съ нами и своихъ людей съ постановленіями рады спросить самого царя о царевичѣ Семёновѣ (предшествующую грамоту запорожцы считали сочинительствомъ бояръ) и съ письмомъ Лжесеміона къ царю. И только тогда, когда посланцы С. изъ усть царя услышали о самозванствѣ пришельца въ Сѣчь и о томъ по возвращеніи передали С., послѣдній наконецъ рѣшилъ удовлетворить требование Москвы о его выдачѣ, заковалъ его въ желѣзы и отправилъ въ Москву, гдѣ онъ 17 сентября 1674 г. былъ казненъ, на допросѣ называвъ свое настоящее происхожденіе — сынъ варшавскаго мѣщанина, перешедшаго изъ Варшавы въ Лохвицу и ставшаго подданнымъ князя Дмитрия Вишневецкаго. Трудно допустить, чтобы С., человѣкъ проницательный и зоркій, вѣрилъ сказкамъ самозванца о своемъ происхожденіи. Скорѣе это была роль разыгранаго убѣжденія, принятая имъ на себя отчасти въ видахъ устрашенія Москвы, отчасти изъ мести за ссылку въ Сибирь. Во всякомъ случаѣ Москва должна была отпустить, «пробачить» вины запорожцамъ, а С. получилъ даже царскій подарокъ, четыре сорока соболей, и получилъ бы въ вотчину и городокъ Келеберду, на что и грамота была уже послана, не вмѣшаися въ дѣло зложелатель С.—гетманъ Самойловичъ.

Еще до отправки Лжесеміона въ Москву

С. сдѣлалъ искай «выпадъ», о причинахъ котораго трудно и догадываться. Онъ вдругъ отправилъ посланцевъ сначала въ Чигиринъ къ Дорошенку, затѣмъ къ Самойловичу съ предложеніемъ каждому изъ нихъ забыть распри съ запорожцами, быть съ ними «въ едивомысліи и въ братолюбіи» совѣтѣ для того, чтобы... никакого не было замѣшанья и кроворазлитія», и сообща дѣйствовать противъ бусурманъ. Изъ этого дѣла, какъ и не могло иначе быть при тогдашней путаницѣ и борьбѣ честолюбій разныхъ гетмановъ, ничего не вышло. Самойловичъ не только не пошелъ на встречу предложенію С., но перехватилъ посланцевъ къ Дорошенку, схватилъ и посланныхъ къ нему самому и всѣхъ заключилъ въ тюрьму.

Въ началѣ 1675 г. въ западную Украину пришелъ польскій король Янъ Собѣскій. Это обстоятельство вызвало «замѣшаніе» и шатаніе среди казаковъ въ восточной Украинѣ и усиленную подозрительность къ С. со стороны Самойловича и Москвы. Посыпались доносы Самойловича и оправданія С. Въ январѣ Самойловичъ писалъ о сношеніяхъ С. съ королемъ въ Москву, а въ марта о томъ же—воеводѣ Ромодановскому: «Сирко служить Москвѣ не помышляетъ и присагалъ-де онъ въ Москвѣ поневолѣ, а какъ родился за ляхами, такъ и умереть хочетъ за ними». Съ цѣлью разсѣять взводимые на него наївѣты С. въ маѣ послалъ царю черезъ своего довѣренаго человека оправдательный листъ, въ которомъ писалъ, что, правда, «его королевское величество въ третій разъ пишетъ намъ о томъ, чтобы мы шли къ нему на службу ичишли бы общій на бусурманъ промыселъ; но мы, вѣрою служа вашему величеству, безъ указа вашего величества не уйдемъ, а будетъ на то указъ, тогда идти готовы». Царь, настроенный наївѣтами Самойловича, отвѣтилъ С. суровой грамотой, которую запрещалъ ему сноситься съ королемъ и отказывалъ въ разныхъ проосьбахъ и милостяхъ. Вѣдаться съ королевскими послами С. тѣмъ не менѣе не пересталъ, что вызвало дальнѣйшіе доносы Самойловича въ Москву, который въ недоброжелательствѣ къ С. часто приплеталъ къ былямъ и небылицы. Въ общемъ явно, что запорожцы не раокрывали всѣхъ своихъ намѣреній, особенно послѣ обидной грамоты королевому С., но и Самойловичъ

въ своихъ подозрѣніяхъ заходилъ слишкомъ далеко. Никакой измѣны во всякомъ случаѣ не послѣдовало.

Время непріязни между С. и Самойловичемъ ослабла, перейдя даже въ нѣкоторый родъ дружбы. Дѣло въ томъ, что въ октябрѣ 1675 г. С., извѣщеній о на-двигавшихъ татарахъ, спѣшилъ вышель къ Переокону и подъ нимъ разбилъ непріятеля, взялъ большую добычу и освободивъ многихъ пленныхъ. Подъ впечатлѣніемъ этого похода, избавившаго Самойловича отъ нужды лично вѣдаться съ татарами, отчасти же, согласно другимъ источникамъ, подъ вліяніемъ угрозы С. выйти на него за его «непотребства» съ 100 тысячами сабель, гетманъ подобрѣль, сталъ выказывать кошевому и запорожцамъ свое расположение и послалъ кормовыхъ припасовъ. С. на ласку отвѣтилъ лаской и повтореніемъ разъ уже неудавшагося предложенія. «Такъ какъ мы нѣкогда передъ образомъ Христа и Богоматери обязались истинное пріятство между собой соблюдать,—писалъ онъ,—то я всей душою хочу сдержать свое обѣщаніе, хотя злодійский врагъ постоянно... даетъ поводъ къ разрыву той дружбы и тѣснаго союза между нами. Теперь... я готовъ вспомнить обоюдную клятву нашу передъ святымъ образомъ и призвать на помощь всемогущаго Бога, чтобы Онъ продолжилъ згоду между нами на благое дѣло отчизны до-рогой».

Дружба кошевого и гетмана развалилась уже въ самомъ близкомъ времени, на этотъ разъ въ связи съ желаніемъ правобережнаго гетмана Дорошенко отъ Турціи перейти въ подданство Россіи. С., извѣщеній объ этомъ желаніи, съ запорожцами и донескимъ товариствомъ подошелъ къ Чигирину, резиденціи Дорошенка, гдѣ принялъ отъ послѣдняго по всѣмъ формамъ присягу на вѣрность Москвѣ и встрѣчно далъ присягу въ томъ, что гетманъ «будетъ принять вашихъ царскихъ величествомъ въ отеческую милость,—писалъ С. царю,—останется въ цѣлости и ненарушенъ въ здоровьѣ, въ чести, въ пожиткахъ, со всѣмъ городомъ, со всѣми товарищами и войскомъ, при милости и при кляйнотахъ войсковыхъ, безо всякой за прошлыхъ преступленія мести...» О «под-клоненіи» Дорошенка «подъ руку царскаго величества» С. объявилъ въ особыхъ ли-стахъ всѣмъ полковникамъ гетмана Са-

мойловича и ему самому съ предложеніемъ отныне жить таѣ, «чтобы Богу было угодно и людямъ хвално», и не ходить «на ту сторону (правобережную) обиды дѣлать». Самойловичъ, узнавъ о происшедшемъ въ Чигиринѣ, обратился съ воззва-ніемъ къ лѣвобережнымъ казакамъ «хитростямъ и коварствамъ» Дорошенко и С. не вѣрить, написалъ боярину Матвееву, совѣтуя не довѣрять С., и самому царю въ томъ же смыслѣ. Исторія загорѣлась отчасти изъ дѣйствительного недовѣрія къ С. и особенно къ Дорошенку, болѣе же всего изъ уязвленнаго самолюбія Самойловича, въ томъ, что присяга была принесена С., который принимать ее формального права не имѣлъ, а не ему и воеводѣ Ромодановскому. Въ этомъ духѣ и получилъ С. грамоту изъ Москвы: буде Дорошенко на дѣлѣ желаетъ поступить въ подданство великаго государя, то учинить ему присягу о томъ въ присутствіи боярина Ромодановскаго и гетмана Самойловича. Дорошенко отказался ѿхать къ этимъ лицамъ, опасаясь ихъ мести, и взамѣнъ того послалъ отъ себя людей въ Москву съ челобитной о подданствѣ. Царя и это почему-то не удовлетворило, и С. были запрещены дальнѣйша сношенія съ лѣвобережнымъ гетманомъ, что впрочемъ его не укротило и представительства его за Дорошенко не остановило, результатомъ чего была царская грамота въ томъ смыслѣ, что если Дорошенко окажется поистинѣ вѣрнымъ царю, то «о прежнихъ его дѣлахъ будетъ забыто все».

Усалія С. умирить это дѣло были прерваны угрозой со стороны Турціи въ отмашеніе ему за привлеченіе Дорошенка на сторону русскихъ. «Турецкій» султанъ Магометъ IV осенью 1675 г. отрядилъ крымскаго хана съ 50 тыс. татаръ и лично вышелъ съ отборными 15 тыс. янычаръ съ намѣреніемъ «выбить всѣхъ запорожцевъ до ковца, а самую Січь сравнять съ землею». На третью ночь Рождества, когда казаки пьяные спали по своимъ куренямъ, 15-тысячный отрядъ, какъ рассказываетъ лѣтопись Величко, вошелъ въ Січь. Татары будто бы настолько стѣснились въ узкихъ проходахъ и проулкахъ, что потеряли всякую возможность двигаться и стрѣлять, чѣмъ и воспользовались нѣсколько десятковъ проснувшихся запорожцевъ, начавшихъ разстрѣливать врага изъ ку-

ренныхъ оконъ. По лѣтописному сказанію, довольно сомнительному въ подробностяхъ, между татарами возникла давка, а затѣмъ паника, стоявшая имъ около 13 тысячъ раздавленныхъ и смятыхъ. Черезъ бѣглцовъ паника перебросилась и въ ханскій лагерь, стоявшій за Сѣчью, и ханъ съ ордой безъ оглядки бѣжалъ въ Крымъ, преслѣдуемый С. съ запорожцами. Въ іюль того же 1675 г. (по сентябрьскому счету) запорожцы во главѣ съ С. пошли отвѣтнымъ походомъ въ Крымъ и всю страну «несчастно струснули». Рядъ городовъ, въ томъ числѣ и столица Бахчисарай, были преданы огню, страна разорена, люди побиты и въ полонъ взяты, и самъ ханъ съ мурзами едва спасся въ горы. Несколько опомнившись, ханъ собрался съ силами и двинулся къ Сивашу, надѣясь отрѣзать казакамъ путь. Однако С., отправивъ большую часть войска разорять Крымъ, съ меньшою частью предусмотрительно остался у переправы. Ханъ очутился между двухъ огней: впереди былъ С., а сзади подступала выходившая изъ Крыма другая часть запорожцевъ. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ опрокинуть передний отрядъ татары принуждены были сложить оружіе, а кто не хотѣлъ — былъ убитъ. Только самъ ханъ и немногіе съ нимъ успѣли ускользнуть въ стороны. С. привезъ въ Сѣчь 7 тыс. пленныхъ татаръ и нѣсколько тысячъ освобожденныхъ изъ неволи христіанъ.

Разгромъ Крыма обозлилъ турецкаго султана до-нельзя. Онъ грозилъ разорить Сѣчъ до основанія и собирался на нее походомъ. Живущимъ въ Малороссіи преданіемъ именно къ этому моменту пріурочивается высокомѣрное посланіе султана къ запорожцамъ и извѣстное «смѣхотворное» письмо послѣднихъ въ отвѣтъ, писаніе котораго изображенено Рѣпинымъ въ картинѣ «Запорожцы».

Послѣ смерти Алексѣя Михайловича С. съ кошомъ принесъ торжественную присягу на вѣрность Федору Алексѣевичу и почти одновременно съ этимъ попытался завершить неоконченное дѣло о принятіи Дорошенка въ подданство Россіи (1676 г.). Противодѣйствіе планамъ С. со стороны Самойловича и вызванное донесеніями послѣдняго недовольство царя кошевымъ еще болѣе упрочили дружбу С. съ Дорошенкомъ и испортили его отношенія къ Мо-

сквѣ, такъ что онъ повидимому подумывалъ снова о союзѣ съ турками или татарами. Тѣмъ не менѣе, когда Самойловичъ и Ромодановскій пошли на Дорошенка открытою силой и послѣдній пытался сдаться, С. почему-то не предпринялъ никакихъ шаговъ для поддержки своего друга, остался равнодушнымъ зрителемъ и даже возобновилъ свои обычные промыслы надъ крымцами.

Съ начала 1677 г. отношенія С. съ Москвою значительно ухудшились. Къ этому времени обнаружилось явное намѣреніе турокъ и татаръ идти на Украйну, и до Самойловича дошли слухи о сношеніяхъ С. съ султаномъ. Дѣйствительно, С. одно за другимъ получалъ рядъ посланій отъ находившагося въ плѣну у турокъ Юрия Хмѣльницкаго съ предложеніемъ стать на сторону султана, «найяснѣшаго цесаря турецкаго». «Когда я быль въ Запорожїѣ,—писалъ Хмѣльницкій С.,—ты вы мнѣ обѣщали оказать любовь и желательство и вождесть (т. е. гетманомъ) меня имѣть хотѣли; исполните теперь ваше обѣщеніе и отправляйте пословъ своихъ для переговоровъ со мною». Эти посланія С. отправляли Самойловичу, сопровождая ихъ собственными, въ которыхъ увѣрялъ о своихъ честныхъ намѣреніяхъ по отношенію къ Москве, но не скрывалъ недовольства послѣднею изъ-за неприсылки оружія, сушки и продуктовъ и высказывалъ желаніе завести переговоры съ турками съ цѣлью размѣна пленныхъ. Самойловичъ, а подъ вліяніемъ его и царь чистотѣ намѣреній С. вѣры не давали, подозрѣвая его въ томъ, что переговоры о размѣнѣ пленныхъ затѣваются лишь для возможности переговоровъ о союзѣ. Въ іюнѣ 1677 г. изъ Москвы прибылъ въ Сѣчь для разслѣдованія этого дѣла царскій посолъ Василий Перхуровъ и на радѣ выслушалъ, съ одной стороны, увѣренія С. и коша въ готовности противиться туркамъ и татарамъ, а съ другой — рядъ жалобъ на Самойловича и Москву о неприсылкѣ довольствія, суконъ, и всякаго жалованья. Жалобы С. въ іюль черезъ посланца стольника Александра Каравандѣева были удовлетворены, но самъ онъ остался подъ подозрѣніемъ, и Самойловичъ слѣдилъ за каждымъ его шагомъ.

20 августа 1677 г. произошла подъ Чигириномъ битва московскихъ полковъ съ

совместными силами турокъ, татаръ, валаховъ и мултятнѣ, разрѣшившаяся бѣгствомъ союзниковъ. Отношение С. къ этому дѣлу остается не совсѣмъ выясненнымъ. По лѣтописи Величка слѣдуетъ, что С. послалъ на помощь московскимъ полкамъ значительный отрядъ запорожцевъ, который и рѣшилъ дѣло въ критическую минуту. Фактъ этотъ однако въ другихъ источникахъ не находить подтвержденія. Съ другой стороны, не болѣе достовѣрны и извѣстія о двойственной роли С.: посыпая письмо Самойловичу съ поздравленіями его съ счастливой побѣдой, онъ въ то же время своими лодками помогъ будто бы бѣжавшимъ татарамъ переправиться черезъ Днѣпръ, за что отъ хана получилъ хлѣбныхъ запасовъ, самопаловъ, зелья и свинцъ, а отъ султана 30 тыс. червоноцевъ. На основаніи этихъ слуховъ Самойловичъ послалъ въ октябрѣ С. рѣзкое укорительное письмо и о нихъ же сообщилъ въ Москву, откуда для разслѣдованія вскорѣ былъ посланъ подьячий Емельянъ Шестаковъ. На рядѣ поставленныхъ по этому дѣлу Шестаковыемъ вопросовъ С. отвѣчалъ: подъ Чигириемъ онъ не ходилъ потому, что войска въ Сѣчи было мало и ходили слухи о намѣреніяхъ турокъ по пути къ Чигирию осадить сначала Сѣчь; съ ханомъ примирился отчасти въ виду этой угрозы, отчасти же потому, что царь и гетманъ, несмотря на неоднократныя человѣтъя его, С., ни припасовъ, ни оружія, ни вспоможенія людьми не присыпали, почему казаки одной рыбой должны были кормиться, а ханъ за полоненныхъ татаръ далъ большой выкупъ,—«а если бы съ ханомъ не помирились, то всѣ съ голоду померли бы». «...А какъ скоро войска и запасы будутъ намъ присланы, то мы перемирие съ ханомъ нарушимъ и пойдемъ въ Крымъ войною».

Весною 1678 г. вновь грозила бѣда отъ нашествія турокъ на Украину. Царь и гетманъ стали готовиться къ отпору, почему опять должны были вѣдаться съ С. А о немъ между тѣмъ стали приходить тревожныя вѣсти; доносили, что онъ въ дружбѣ съ султаномъ и ханомъ, съ сбоями сносится черезъ пословъ, сносится также и съ Юріемъ Хмѣльницкимъ, что онъ готовъ отойти отъ Москвы и пристать къ султану, если послѣдній дастъ согласіе вѣру православную не гнать, податей не брать, вольностей запорожскихъ не нарушать.

шать и по городамъ своихъ старшихъ не ставить. Нѣкоторые говорили, что всѣмъ этимъ С. «просто манить враговъ, чтобы они на него прежде времени не наступали, а самъ только времени выжидаетъ, чтобы надъ Крымомъ промысль чинить». Самойловичъ однако слухи считалъ за истибу, С. ни въ чёмъ не довѣрялъ, его совѣты (напр. объ очищеніи труднаго для защиты Чигирина) считалъ «злосливыми» намѣреніями, просьбы его о довольствіи, оружіи, зваменахъ и пр. отклонялъ и въ посланіяхъ царю обрисовывалъ С. самыми черными красками. Только когда турецкая гроза стала совсѣмъ близко, онъ послалъ запорожцамъ 200 бочекъ муки, 40 бочекъ пшена и другихъ продуктовъ. Подозрѣнія Самойловича однако не оправдались. Въ юнѣ 1678 г. С. совершенно разорвалъ всякия сношенія съ непріятелями и 12 числа этого мѣсяца разбилъ на Днѣпровскомъ лиманѣ нѣсколько турецкихъ судовъ съ хлѣбными запасами, а затѣмъ, желая опередить шедшихъ възъ-подъ Чигирина турокъ, двинулся къ Бугу, на пути изъ сїжгъ мостъ, лиѣль рядъ стычекъ съ непріятельскими отрядами, которые разбились и разсѣялись. Въ то время, когда С. громилъ татаръ на Днѣпрѣ и Бугѣ, московские полки и украинскіе казаки понесли рѣшительное пораженіе у Чигирина и отступили отъ города. Неудачу эту молва, а вслѣдъ за нею и лѣтописи объяснили нерѣшительностью князя Ромодановскаго, сына которого находился въ плѣну у турокъ, и тѣмъ, что Самойловичъ, «энюхавшись съ княземъ и слѣдуя его волѣ», удерживалъ казаковъ отъ рѣшительного сраженія. Тогда С. и запорожцы послали Самойловичу пространное ядовитое, полное рѣзкихъ укоризнъ письмо. Изложивъ всѣ бѣдствія, перенесенные Украиной отъ вражды правобережнаго и лѣвобережнаго гетманствъ, въ томъ числѣ Самойловича съ Дорошенкомъ, С. писалъ: «Послѣ всего этого не удивляйся, ваша вѣльможность, войску запорожскому, если намъ пришлось, посты случившагося збуренія турчиномъ Чигирина, Канева... и тебя записать въ реестръ прошлыхъ нещиро зличивыхъ отчизнѣ нашей гетмановъ... Вместо военнаго похода... ты, яко журавель на кулинѣ стояцій, издалека черезъ Днѣпръ смотрѣлъ до Лодыжина и Уманя, что тамъ будетъ твориться, обгородившись хорошо намет-

ными стѣнами для защиты своего здравья, чтобы оттуда не залетѣла по вѣтру пуля какая и оному въ роскошныхъ перинахъ... не причинила шкоды... Объясни же теперь, пане гетмане, что доказать ты, какую услугу Богу и отчинѣ сдѣлалъ. Дорошенка заслалъ въ непрестанную неволю, Чигирии со всему себобочию Украиною утратилъ, многому множеству христіанской крови напрасно пролиться допустилъ и послѣ такого благополучия обѣихъ сторонъ гетманомъ титуловаться сталъ... Дождался крайняго упадка и запустѣнія отчизны нашей... за что дашь отвѣтъ передъ Богомъ всевидящимъ. Твоему разуму показался лучшимъ одинъ человѣкъ, сынъ князя Романовскаго, нежели тысячи братіи нашей, великороссійскихъ и малороссійскихъ, оставленныхъ безъ помоши твоей на убіеніе въ Чигирии, Каневѣ и другихъ мѣстахъ... Кто тутъ слѣпотѣ твоего ума не удивится? Кто можетъ съ пріязнью и зичливостью привлониться тебѣ?..» И т. д.—длинный рядъ укоровъ, заключенный благожеланиемъ, «чтобы ты черезъ тотъ упадокъ очнулся и поискаль милости Божіей для вѣчного живота и благополучія». Послѣ своей неудачи подъ Чигириномъ, отчасти, можетъ быть, вслѣдствіе приведенного письма, а болѣе всего въ виду того, что С. на дѣлѣ доказалъ шаткость недобрыхъ о немъ слуховъ, Самойловичъ сталъ съ значительно большимъ довѣріемъ относиться и къ С. и къ запорожцамъ вообще, къ нимъ отписывая, что вѣрить ихъ «искреннему желанію къ православному монарху», и въ Москвѣ прося, «дабы великий государь, взирая на труды ихъ, по челобитью свою милость явилъ».

Весною 1679 г. С. напалъ на городъ Кызыкерменъ и Таванъ. Мстя за разореніе этихъ городовъ, турки поздней весною подступили было къ Сѣчѣ, но С., имѣя мало войска, ушелъ на острова, почему турки повернули обратно. Узнавъ о недостачѣ войскъ у С., царь впервые послалъ ему помошь,—большую конную рать и пѣшихъ людей. Въ началѣ лѣта Самойловичъ предупреждалъ С., что на Сѣчь снова собираются янычары, и предлагалъ свою помошь, на что С. отвѣтилъ: «Если вы, ваша вельможность, станете беспокоить вашу гетманскую особу съ такой пріязнью и усердіемъ, какую выказали у Лодыжина,

Уманя, Чигирина... то лучше вамъ оставаться въ собственномъ домѣ и не смотрѣть на наше паденіе сблизка, какъ смотрѣли вы безпечально на паденіе Чигирина...»

«Того же лѣта (1680), августа первого числа,—говорить лѣтопись Величко,—представилъся отъ жизни сей, черезъ нѣкоторое время послѣ болѣзни, въ Грушевѣ, въ пасѣкѣ своей, славный кошевой атаманъ Иванъ Сірко... Погребенъ былъ честно всѣмъ войскомъ низовыми запорожскими... Хоронили его знаменито 2 августа со многою арматною и мушкетною стрѣльбою и съ великою отъ всего низового войска жалостью...» На камнѣ, сохранившемся донынѣ на его могилѣ (въ нынѣшней деревнѣ Капуливе, Екатеринославской губерніи и уѣзда), дата смерти С. обозначена 4 мая 1680 г.; разногласіе объясняется, вѣроятно, ошибкой на этомъ камнѣ, поставленномъ, надо думать, значительно позже на мѣстѣ стараго камня, уничтоженнаго во времія гоненій на Сѣчь; надпись возстановлялась на память, почему и возможна была ошибка.

Друзья и враги С., лѣтописцы и историки,—всѣ отзываются о немъ какъ о человѣкѣ замѣчательныхъ военныхъ дарованій. Польский король Янъ Собѣскій называлъ его «воиномъ славнымъ и въ ратномъ дѣлѣ большимъ промышленникомъ», украинские лѣтописцы величаютъ его «сильнымъ и великимъ ватагомъ», «славнымъ атаманомъ», малороссійские историки приравниваютъ его къ Чингисхану и Тамерлану. Татары дали ему прозвище «урусъ-шайтанъ» (русскій чортъ), татарки его имениемъ пугали дѣтей; турецкій султанъ издалъ указъ молиться въ мечетяхъ о погибели С. Сами запорожцы и украинские казаки считали его непобѣдимымъ. Легенды гласятъ, что послѣ смерти С. запорожцы, отправляясь въ походъ, возили его тѣло въ гробу или его правую руку, которую при встречѣ съ врагами выставляли впередъ и кричали: «Стой, душа и рука Сирка съ нами». О подвигахъ его и донънѣ распѣваются пѣсни, рассказываются думки, легенды и сказки.

Четырьмя разнаго значенія причинами главнымъ образомъ вызывались походы и направлялась политика С. и его казаковъ. Первая изъ нихъ—безшабашная удаль, столь характерная для корсаровъ, пиратовъ, а въ русской исторіи для обитателей Сѣчи.

Именно этой безприципной удалю, любовью къ войнѣ для войны объясняются яначе часто совсѣмъ необъяснимые рѣзкіе переходы запорожцевъ во главѣ съ С. отъ одной стороны къ другой, неожиданная извѣшна этимъ, неожиданная помощь тѣмъ. Вторая—необходимость добывать средства къ жизни, которыхъ не давала Сѣчь. Къ тому и «прихыливались» казаки, кто предлага́ль эти средства, а если никто не предлага́ль—шли походомъ на того, где полагали найти ихъ наиболѣе легко, при наименьшемъ сопротивлѣніи. Третья причина уже принципіального характера; это—вѣра православная. Она была тѣмъ начальствомъ, которое заставляло С. чаще всего быть на сторонѣ Москвы и заодно съ нею, о чёмъ онъ неоднократно и высказывалъ въ посланіяхъ къ Самойловичу. А надѣль всѣмъ этимъ высится—вольность Запорожья. Ради сохраненія вольности, если она ему обеспечена, онъ готовъ бытъ войти въ дружбу съ султаномъ и ханомъ, а при опасеніяхъ утратить это высшее благо Сѣчи—отторгался даже отъ Москвы и шелъ противъ нея, несмотря на родственность крови и общность вѣры.

Акты Южной и Западной Россіи, т. IV, стр. 272, 292; т. V, стр. 138, 139, 155, 156, 201, 202, 216—218, 223—225; т. VI, стр. 30, 31, 35, 199, 203—207; т. VII, стр. 12, 91, 104, 110, 111, 115, 150, 157, 158, 297, 298, 301, 316; т. VIII, стр. 34, 60, 62, 65, 113, 230, 246, 271; т. IX, стр. 242, 415, 445, 454, 549, 572—575, 577, 586, 587, 590, 606, 607, 647, 828, 830, 850—851, 892, 894, 896, 986, 988; т. XI, стр. 11, 15, 91, 113, 140, 306, 336, 342—364, 429, 443, 446, 479, 497, 525, 550—562, 575, 579, 580, 582—586, 610, 639; т. XII, стр. 34, 50, 90, 97—107, 111—115, 127, 132, 137, 258—260, 273—276, 287—290, 305, 319—321, 324, 326, 329—337, 355, 368, 371, 374, 393—398, 401, 417, 444—446, 462, 464 522—527, 538, 545—562, 565, 575, 596—602, 604, 610, 622, 632—636, 641—647, 655, 661, 682, 698, 701, 718, 774, 818, 820, 823, 829, 832, 834; т. XIII, стр. 56—57, 75, 90—92, 105—111, 122—123, 163, 179—180, 181—188, 194—197, 213—216, 226, 227, 270, 274, 330, 344—348, 352—356, 370, 377, 423—430, 432—439, 436, 439, 448, 455, 458, 473, 487, 505—508, 515—517, 546—552, 595, 602, 603, 642, 666, 694, 697, 700, 703. — Лѣтопись Велличко; Киевъ, 1851 г., т. II, стр. 79, 100, 168—170, 178, 341, 343—346, 353, 368—364, 370—371, 390—396, 428, 429, 452, 464, 467, 489—493, 497—498. — Лѣтопись Самовидца, Киевъ, 1878 г., стр. 86, 91, 94, 96, 99—102, 107, 111, 148. — Лѣтопись Григорія Грабянки, Киевъ, 1854 г., стр. 192, 193, 198. — Лѣтописець Леонтий Боболинскаго, Киевъ, 1854 г., стр. 315. — Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ,

дѣла 1663 г., № 14, св. 18; 1664 г., № 9, св. 19; 1668 г., № 3, св. 26; № 13, св. 26; 1672 г., № 27, св. 38; 1673 г., № 3, св. 38; № 35, св. 39; 1675 г., № 2, св. 41.—Latopisiec Joachima Jezileza, Warszawa, 1853 г., II, 87, 92, 106.—«Собрание Госуд. Грамотъ и Догов., т. IV, М., 1828 г., стр. 51, 287, 312, 314, 315, 321, 325.—Бантышъ-Каменскій, «Источники малороссийской истории», т. I, М., 1857 г., стр. 248, 266, 267; т. II, М., 1858, стр. 147.—Д. И. Эвартицкий. «Запорожцы въ остаткахъ старинъ», Спб., 1888 г., т. II, стр. 74—76. — Его же, «Исторія запорожскихъ казаковъ», Спб., 1892 г., т. I, стр. 355.—Его же, «Іванъ Дмитріевічъ Сирко, славный кошевой атаманъ Запорожскаго войска», Спб., 1894 г.—Ригельманъ, «Лѣтописное повествование о Малой Россії», М., 1847 г., т. II, стр. 76, 122, 170—171.—Мышецкий, «Исторія о казакахъ запорожскихъ», Одесса, 1852 г., т. II.—Костомаровъ, «Русская история», т. II, Спб., 1876 г., стр. 788.—Historia panowania Jana Kazimierza, Poznan, 1840, I, 182.—Флареть, «Историко-статистическое описание Харьковской епархіи», М., 1857 г., т. II, стр. 50—53, 263.—«Кievskaya Starina», 1893 г., т. XL, стр. 310.

Сѣровъ, Александръ Николаевичъ, композиторъ и музыкальный критикъ, родился 11 января 1820 г. въ Петербургѣ, гдѣ отецъ его, Николай Ивановичъ, человѣкъ невысокаго происхожденія, но умный и энергичный, занималъ довольно видное мѣсто въ министерствѣ финансовъ. Мать его, Анна Карловна, была дочь крестьянши, выходящей еврея Карла Ивановича Габлица, человѣка высокихъ способностей, довольно известнаго сенатора временъ Екатерины II и одного изъ главныхъ и дѣятельнѣйшихъ помощниковъ бн. Потемкина по устройству вновь присоединенаго тогда къ Россіи Крыма. Такимъ образомъ въ жилахъ С. текла до известной степени смѣшанная кровь. Уже въ самые ранніе дѣтскіе годы стала обнаруживаться въ мальчикѣ общая даровитость натуры; чутъ ли не съ трехъ лѣтъ началь учиться онъ грамотѣ, на четвертомъ году могъ уже бѣгло читать, на девятомъ — бойко говорилъ и читалъ на французскомъ и немецкомъ языкахъ. Выработавшаяся въ дѣтствѣ страсть къ чтенію не покидала С. никогда и послужила источникомъ его самыхъ разнообразныхъ, энциклопедическихъ знаній. Очень рано проявилась въ мальчикѣ также любовь къ природѣ и необыкновенное пристрастіе къ рисованію, технику которого С. впослѣдствіе изучилъ весьма основательно, что развило и образовало его эсте-

тическій вкусъ, а это въ свою очередь замѣтно отразилось на живописной постановкѣ его оперъ. Любопытно, что ни въ дѣтствѣ, ни въ отрочествѣ особенно сильно влечеенія къ музыкѣ С. не обнаруживалъ. Семья его была не музыкальна; и только благодаря господствовавшему въ ней убѣженію, что умѣніе играть на какомъ-нибудь инструментѣ есть признакъ «хорошаго тона» и что поэтому музыка необходима въ курсѣ общаго образованія,— мальчикъ сталъ учиться игрѣ на фортепіано. Въ учительницы къ восьмилѣтнему мальчику была приглашена молодая девушка, Олимпіада Григорьевна Жебелева, отличная музыкантша и добросовѣстная преподавательница. Не проявлявшій ни особенной склонности, ни любви къ новымъ занятіямъ, С. въ теченіе первыхъ двухъ-трехъ лѣтъ, когда методически усваиваются технические приемы игры, учился довольно вяло. И только лишь скучное и трудное прошло, элементарная школа была пройдена, его апатія къ звукамъ, постепенно и понемногу, стала смыкаться противоположнымъ отношеніемъ, съ теченіемъ времени превратившимся въ горячую, страстную любовь. Цѣлыхъ семь лѣтъ занимался С. подъ руководствомъ О. Г. Жебелевой и за это время, по словамъ одного изъ его биографовъ, «познакомился со многими величайшими произведеніями музыки, основательно изучилъ музыкальную технику и полюбилъ міръ звуковъ всѣми силами своей страстно-артистической души». Въ концѣ 1827 г. онъ былъ помѣщенъ приходящимъ ученикомъ въ пансіонъ г-жи Командеръ, гдѣ въ теченіе трехъ лѣтъ, которая онъ тамъ пробылъ, вынесъ весьма мало. Изъ пансіона С. перешелъ въ 1-ю Петербургскую гимназію; здѣсь, несмотря на рутинную постановку преподаванія, онъ учился отлично, изъ всѣхъ предметовъ не слишкомъ взлюбивъ только математику — частое явленіе у музыкально-даренныхъ людей. Наконецъ, въ 1835 г., когда С. было около 16 лѣтъ, онъ перевелся изъ гимназіи въ только что открытое тогда училище правовѣдѣнія. Въ этомъ привилегированномъ училищѣ, не взирая на его нѣсколько специальный характеръ, чуть ли не лучше всѣхъ предметовъ было поставлено въ тѣ времена преподаваніе музыки. Учителъ ея, нѣкто Карель, плохой, но въ высшей степени страстный скрипачъ,

отличался большою добросовѣстностью какъ руководитель въ своемъ предметѣ и своею страстью къ музыкѣ увлекать почти половино всѣхъ воспитанниковъ, каждый изъ которыхъ учился на какомъ-либо инструментѣ. На С., уже хорошо понимавшаго музыку и порядочно подготовленнаго, этотъ человѣкъ съ нѣсколько странными музыкальными вкусами не могъ оказать сколько-нибудь серьезнаго вліянія; какъ во время своего пребыванія въ училищѣ, такъ и по выходѣ изъ него онъ относился и продолжалъ относиться къ училищному преподавателю музыки скрѣбѣ отрицательно, чѣмъ положительно; но въ самой средѣ своихъ товарищъ С. нашелъ, по крайней мѣрѣ въ первые годы ученія, внимательную аудиторію, которую онъ не безъ охоты заставлялъ себя слушать; очень дѣятельно онъ также участвовалъ и въ училищномъ оркестрѣ. Изъ всѣхъ сверстниковъ С. особенно подружился съ В. В. Стасовымъ, съ которымъ оставался въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ еще долгое время и по выходѣ изъ училища; съ другими же товарищами ладилъ мало, особенно въ старшихъ классахъ, гдѣ съ большинствомъ изъ нихъ былъ даже во враждебныхъ отношеніяхъ. Причины этого брызгались отчасти въ исключительно музыкальныхъ интересахъ С., мало и несочетно реагировавшаго на другія явленія ученической жизни, отчасти же въ его вяломъ, неповоротливомъ и несомнѣнно очень гордомъ, даже нѣсколько заносчивомъ характерѣ, чего такъ не любить экспансивная молодежь. Отсутствіе заботливой направляющей руки въ училищѣ повело къ тому, что С. сдѣлалъ было серьезный ложный шагъ, промѣнявъ фортепіано на віолончель и на изученіе техники этого инструмента набросился со всею присущею ему способностью увлекаться, почти совершенно оставивъ фортепіано и, что важнѣе, совсѣмъ мало заботясь объ общемъ музыкальномъ развитіи. Въ игрѣ на віолончели онъ сдѣлалъ быстрые успѣхи и достигъ того, что, по отзыву его учителя Карла Шуберта, «въ отношеніи музыкального смысла, выразительности и фразировкѣ въ учителяхъ не нуждался». Но віолончель, на которой онъ игралъ и въ оркестрѣ, не была его инструментомъ, и С. позднѣе понялъ ошибочность сдѣланнаго шага, возвратившись къ фортепіано, незамѣнимому въ области

композиції. Такимъ образомъ, въ смыслѣ теоретически-музыкального развитія С. за время пребыванія въ училищѣ сдѣлалъ очень мало; отсутствіе специальной подготовки, строгой школы, отсутствіе даже какого-либо дѣйствительно понимающаго лица, подъ руководствомъ котораго молодой музыкантъ могъ бы систематично и основательно пройти теоретический курсъ музыки,— все это было случайностью, тяжело отразившейся на С. впослѣдствіи, когда пополнить такие пробѣлы было не легко; въ пору, когда С. началъ уже творить, ему часто недоставало чуть ли не самыхъ элементарныхъ знаній по теоріи музыки, и въ зрѣломъ возрастѣ онъ никогда садился за изученіе весьма заурядныхъ вещей. Зато должно сказать, что все достигнутое С. достигнуто собственнымъ и самостоятельнымъ трудомъ; переложеніе оркестровыхъ партитуръ на фортепіано, чтеніе музыкально-теоретическихъ книгъ и собственные музыкальные опыты были его единственной школой; съ известнымъ правомъ его можно назвать— композиторомъ-самоучкой.

Окончивъ блестяще курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія, С. на вѣкоторое время отдался мечтамъ о «служеніи искусству», и эти мечты во всей ихъ выпуклости отразились въ одномъ изъ его писемъ къ В. В. Стасову. «Какое высокое назначеніе,—писалъ онъ,—быть жрецомъ такой мусы (музыки), бросить значительную горсть фимиаму на ея жертвеникъ и этимъ заставить человѣчество подвинуться на нѣсколько шаговъ впередъ», а вліяніе музыки на прогрессъ человѣчества онъ считалъ не менѣе выянія «паровыхъ машинъ и желѣзныхъ дорогъ». По настояніямъ практическаго отца, полагавшаго, что «всякій молодой человѣкъ дворянскаго рода долженъ служить» и на службѣ составить себѣ «положеніе» и для отысканія службы сыну начавшаго энергичныя хлопоты, С. принужденъ былъ лѣтомъ 1840 г., по его выражению, «приняться къ лицу чиновныхъ людей»,— принять чиновникомъ IX класса въ канцелярію 5-го уголовнаго департамента сената. Равнодушный съ виду къ своимъ новымъ обязанностямъ, но все же добросовѣстный и исполнительный, онъ постепенно примирился и сжился съ той мыслью, что для художника служба можетъ, иногда даже должна быть средствомъ къ жизни, но не ея цѣлью. «Для службы,—писалъ онъ Стас-

сову,—не много нужно удѣлять духовныхъ силь, и онѣ преснокойно могутъ быть всѣ сосредоточены на другомъ, лучшемъ!»—и на это «лучшее», на искусство вообще и музыку въ частности, онъ и сконцентрировала всѣ свое вниманіе. Страстное стремленіе его къ музыкѣ въ это время походило на фанатизмъ; она, по его мнѣнію, «обширяє всѣхъ прочихъ искусствъ... обнимаетъ всю природу...»; название «искусство» для нея даже унизительно, а если искусство, то «высокое, высочайшее...» «Блаженъ тотъ... кого любить эта муса... Такой счастливецъ не вуждается ни въ чемъ на свѣтѣ... Въ музыкѣ онъ находитъ и жизнь, и счастье...» И С. посѣщалъ театры, концерты, слушалъ, наслаждался, вдумывался, изучалъ и впитывалъ въ себя звуки, звуки и звуки. Въ однѣмъ изъ его писемъ къ тому же Стасову (отъ начала 1841 г.) содержится такое показаніе автобіографическаго характера: «Я теперь просто плаваю въ музыкѣ... всѣ прочія отношенія для меня какъ будто не существуютъ... безпрерывно питаю себя звуками»... Симпатіи его въ это время были направлены преимущественно на классическую музыку съ Бетховеномъ во главѣ, который навсегда остался его кумиромъ; какъ тогда, такъ и позже истинной музыкой онъ считалъ нѣмецкую, отдавая ей рѣшительное предпочтеніе передъ итальянской. Не ограничиваясь платоническимъ обожаніемъ искусства, С. стремился къ расширению и углубленію своего артистического развитія. Онъ скоро замѣтилъ при этомъ пробѣлы въ своемъ музыкально-теоретическомъ образованіи и малое знакомство съ литературою въ этой области и путемъ чтенія старался постепенно восполнить упущенное.

Еще будучи въ училищѣ правовѣдѣнія, С. дѣлалъ попытки, скрываемыя имъ и отъ начальства, и отъ товарищей, выражать на клавишахъ приходившія ему въ голову музыкальныя мысли. Отсутствіе навыка и соответственныхъ познаній, однако, не позволяли ему не только записать эти мелодіи, но даже выразить ихъ вполнѣ удовлетворительно. По выходѣ изъ училища моменты вдохновенія стали посѣщать его все чаще, и онъ старался записывать зарождавшіяся и бродившія мелодіи. Эти опыты пробуждавшагося творчества онъ описываетъ такъ: «...Я иногда сажусь къ клавишамъ... и перебираю звуки до тѣхъ поръ, пока появится какая-нибудь мысль;

тогда уже пойдет другая игра... фантази-
руется какъ нельзя лучше, и иногда вы-
несу изъ этого хаоса нѣсколько удачно
вылившіхся фразъ и сейчастъ замѣчу ихъ
на потяжь бумагѣ. Иногда же вовсе не
подходя къ органу, я вдругъ сочиню цѣ-
лый мотивъ, который мнѣ какъ будто кто-
то напѣваетъ». Порою на С. находили со-
мѣнія, колебанія. Наслажденіе, испыты-
ваемое имъ отъ пробужденія творчества,
жизнерадостность, увѣренность въ своихъ
силахъ вдругъ обрывались и смѣнялись
вспышками меланхоліи, удрученностью
духа, разочарованіемъ, тоскою. Обычныя у
истинно-художественныхъ натуръ, эти ко-
лебанія въ душевномъ равновѣсіи у С. вы-
ражались не слишкомъ рѣзко, и бодрое со-
стояніе духа въ его настроеніи было пре-
обладающимъ. Смѣна подобныхъ настroe-
ній продолжалась до конца апрѣля 1841 г.,
когда С. удалось, наконецъ, по его соб-
ственному выраженію, «развернуть уста»—
написать нѣсколько небольшихъ вещицъ:
вокальную балладу на слова Гете *«Der Rattenfänger»*, *«Cantique pour violoncelle»*
и *«Une fantaisie en forme de valse»*. Пер-
вую изъ этихъ вещицъ, которую С. счи-
талъ и хронологически первымъ своимъ
произведеніемъ, хотя она написана, ка-
жется позже *«Cantique pour violoncelle»*,
онъ отославъ В. В. Стасову съ просьбой
дать о ней отзывъ. Благопріятная въ общемъ
критика Стасова привела начинающаго
композитора въ восторгъ, и С. предста-
вилъ свою балладу вмѣстѣ со вновь напи-
санной *«Maylied»* вниманію принца П. Г.
Ольденбургскаго, основателя и попечителя
училища правовѣдѣнія и большого люби-
теля музыки. Мило написанные опыты
были прияты принцемъ очень тепло, и
лпкованію узнавшаго объ этомъ С. не было
предѣловъ, что и выразилось въ одномъ
изъ его писемъ къ Стасову. Любопытно,
что эти музыкальные опыты, не имѣвшіе,
разумѣется, ничего общаго съ его дѣя-
тельностью въ сенатѣ, помогли С. и по
службѣ: «за отличие», по распоряженію ми-
нистра юстиціи, онъ былъ переведенъ изъ
сената въ одинъ изъ департаментовъ ми-
нистерства, что составляло замѣтное повы-
шеніе; за этимъ скрывалась, конечно, рука
принца Ольденбургскаго.

Въ началѣ 1842 г. С. познакомился съ
М. И. Глинкой, личность которой про-
извела на него обаятельное впечатлѣніе

съ первой же встречи. До тѣхъ порь
относившійся довольно равнодушно и къ
русской музыѣ вообще, и къ произведе-
ніямъ Глинки въ частности, С. со вре-
менемъ знакомства съ послѣднимъ сталъ смо-
трѣть на эти явленія другими глазами. Даже
когда первый пытъ увлечения «Жизнью за
царя» и *«Русланомъ и Людмилою»* нѣ-
сколько остылъ, когда С. началъ подмѣтать
кромѣ достоинствъ также и недостатки въ
этихъ произведеніяхъ, онъ все же и къ
нимъ, и къ ихъ автору продолжалъ отно-
ситься съ глубокимъуваженіемъ. «Про-
изведенія Глинки,—читаемъ мы въ письмѣ
С. отъ 28 февраля 1843 г.,—явленіе слиш-
комъ замѣчательное... онъ именно своимъ
«Русланомъ и Людмилою» показалъ, чего не
надо дѣлать, т. е. направленіемъ своимъ
показалъ ошибочность западныхъ совре-
менныхъ оперистовъ... Во всякомъ случаѣ
произведенія его стоять глубокаго изуче-
нія, что я и дѣлаю». Личное знакомство
съ Глинкой, бесѣды съ прославленнымъ
композиторомъ и изученіе его произведеній
натолкнули С. на многочисленные ху-
дожественно-критическіе вопросы, на массу
сложной умственной работы, обратили его
вниманіе на возвращенную Глинкою идею о
национальной русской музыѣ и подали
ему мысль самому попытать свои силы въ
оперѣ. Дѣйствительно, въ это время онъ
серѣзно думалъ объ оперѣ, для сюжета
которой, по свидѣтельству Стасова, пред-
полагалъ использовать фабулу романа
«Аскольдова могила». Нѣсколько позднѣе,
по совѣту того же Стасова, онъ обратился
за той же цѣлью къ роману Лажечникова
«Басурманъ», но въ виду различныхъ труд-
ностей отказался отъ этой мысли. Къ по-
ловинѣ 1844 г. относится его просьба къ
В. Р. Зотову написать для него либретто
на тему *«Виндзорскихъ кумушекъ»* Шек-
спира, отъ чего Зотовъ отказался. Нако-
нецъ, въ началѣ 1845 г. С. уже серѣзно
занился писаніемъ, воспользовавшись для
канвы содержаніемъ *«Мельничихъ изъ
Марли»*, но далѣе нѣсколькоихъ музыкаль-
ныхъ номеровъ не пошелъ. Опера была
для него въ эту пору еще слишкомъ слож-
нымъ родомъ творчества. Подъ вліяніемъ
мысли о ней С. съ тѣмъ большей энергіей
принялся за композицію менѣе обширнаго
характера и въ теченіе 1842—1845 гг.
написалъ рядъ небольшихъ, но весьма удач-
ныхъ вещей. Таковы *«Херувимская»*, этюдъ

для фортепіано «Capricioso quasi burlesco», нѣсколько романсовъ, струнныхъ тріо; переложилъ онъ на хоры рядъ народныхъ пѣсень, а осенью 1844 г. предпринялъ аранжировку «Второй мессы», которая была началомъ длинного ряда подобныхъ же аранжировокъ, составившихъ главный предметъ музыкальныхъ занятій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Налаживавшаяся творческая дѣятельность С. прервалась и назрѣвавшіе въ немъ планы рушились довольно неожиданнымъ образомъ: въ серединѣ 1845 г. онъ внезапно былъ назначенъ товарищемъ предсѣдателя уголовнаго суда въ Симферополь. Это было, несомнѣнно, повышеніемъ по службѣ, но въ глазахъ самого С. оно являлось роковымъ, такъ какъ съ отъездомъ изъ Петербурга терялись всѣ преимущества столичной жизни,—театры, концерты, литература, разнообразіе впечатлѣній, всѣ музыкально-образовательныя средства, въ способы къ дальнѣйшему художественному совершенствованію дарованія. Жизнь С. въ Симферополѣ, куда онъ прибылъ всѣ сентябрѣ того же года, потекла довольно сѣро и однобразно. Благотворное вліяніе на состояніе его духа оказывали тамъ лишь два лица: М. П. Анастасьева, хорошо образованная и умная женщина, съ развитымъ музыкальнымъ вкусомъ,—съ ней С. на всю жизнь сохранилъ самыя теплія отношенія,—и М. А. Бакунинъ, въ бесѣдахъ съ которымъ С., по его собственному выраженію, «жилъ по-человѣчески». Подъ вліяніемъ и руководствомъ Бакунина, тогда еще страстнаго гегельянца лѣваго крыла, С. принялъ было даже за изученіе «Логіка» и «Феноменологія» Гегеля. Крымскій періодъ жизни С. характеризуется довольно большими числами полусамостоятельныхъ музыкальныхъ работъ, какъ фортепіанныя аранжировки, оркестровая переложенія и пр. различныхъ классическихъ вещей, преимущественно произведеній Бетховена. По свидѣтельству Стасова, имъ въ теченіе этихъ и нѣсколькихъ слѣдующихъ лѣтъ «арранжирована большая часть важайшихъ музыкальныхъ созданій послѣднихъ 80 лѣтъ». Не оставлялъ С. во время пребыванія въ Симферополѣ и попытокъ вработаться въ оперу; попрежнему его занимаетъ сюжетъ «Мельничихъ въ Марии». Принявши за серьезную работу, онъ однако вскорѣ убѣдился, что мечты его

о крупномъ произведениіи и на этотъ разъ преждевременны; причина крылась все въ томъ же—систематическихъ знаний по теоріи музыки у него все еще не было. Особенно ярко и рельефно отразился этотъ недостатокъ въ написанномъ тогда С. первомъ самостоятельномъ произведениіи для оркестра: «Фантазію на вторую идилію Теокрита», где обнаружилось совершенно недостаточное умѣніе его владѣть контрапунктомъ. Неудача произвела на С. ошеломляющее впечатлѣніе, но отдавши себѣ отчетъ въ ея причинахъ, онъ, упорный въ достижениіи разъ положенной цѣли, не устыдился въ 28 лѣтъ брать заочные уроки у Гункѣ и погрузился въ систематическое изученіе теоріи музыки.

Періодъ крымской жизни С. оборвался также довольно неожиданнымъ образомъ. Художественной натурѣ композитора настолько не по думѣ пришли «отвратительная атмосфера разныхъ служебныхъ крючковъ и плутней... копаниѣ въ счетахъ и разсчетахъ... писаніе бумаги слогомъ свода законовъ» и пр.—и чѣмъ дальше, тѣмъ больше,—что въ маѣ 1848 г. онъ безъ всякихъ околичностей бросилъ службу въ Симферополѣ и уѣхалъ въ Петербургъ, где надѣялся пристроиться въ другомъ вѣдомствѣ. Матеріальная необезпеченність и настоящія отца, однако, заставили С. занять то же мѣсто товарища предсѣдателя суда, на этотъ разъ во Псковѣ. Но по тѣмъ же причинамъ онъ и тамъ прослужилъ всего лишь два года, снова бросилъ мѣсто—теперь уже окончательно и безъ надежды снова вернуться къ службѣ—и переселился въ Петербургъ. Этотъ поступокъ С. повелъ къ разрыву навсегда съ его отцомъ, который службу считалъ необходимостью, а на занятія сына музыкой смотрѣлъ только какъ на приятную забаву. Разставшись съ службою и порвавши съ отцомъ, С. на первыхъ порахъ очутился въ весьма незавидныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, которыя многіе его біографы, не обинаясь, просто называютъ нищетой. При такихъ условіяхъ необходимо было искать заработка, ибо мелкая музыкальная произведенія не давали С., конечно, никакого дохода. И онъ принялъ за литературную работу—музыкальную критику. «Первая же критическая статья Сѣрова,—говорить близко знавшій его А. Веселовскій,—произвѣли переполохъ въ нашемъ музыкальномъ мірѣ, гдѣ еще

царила теоретическая рутина, а критика была отдана на откупъ либо газетчикамъ вродѣ Булгарина, сдѣлавшимъ изъ нея почти рекламу, либо диллетантамъ-веснайкамъ, вродѣ Ульбышева, возвеличенаго кружкомъ кормившихся около него музыкантовъ и несвѣдущей публикой до значенія критическихъ дѣлъ мастера». Выработавшися въ С. вдумчивость и внимательное отношеніе ко всякому музыкальному произведению оказали ему неоцѣненную услугу въ его новой роли, и онъ рядомъ блестящихъ и талантливыхъ статей выступилъ противъ «рутинеровъ и самозванныхъ авторитетовъ» русской музыкальной критики. Помѣщавшися на первыхъ порахъ въ «Современникѣ», «Библіотекѣ для Чтеній» и «Пантеонѣ», статьи его читались нарасхватъ, стяжавъ ему широкую известность и даже имя «Бѣлинскаго музыкальной критики». Успѣхъ окрылилъ С., и онъ сталъ подумывать о специальному органѣ, посвященному исключительно или преимущественно музыкальной критикѣ. Мечта его осуществилась лишь въ 1856 г., когда М. Я. Раппопортъ былъ основанъ «Музыкально-Театральный Вѣстникъ», первое въ Россіи специальное издаваніе подобного рода. Приглашенный постояннымъ сотрудникомъ этого органа, С. получилъ въ свое завѣданіе отдѣль музыки, который онъ до самаго прекращенія журнала (въ срединѣ 1860 г.) вѣль замѣчательно талантливо и разнообразно, дѣйствительно «воспитывая музыкальный вкусъ въ публикѣ», какъ однажды онъ самъ выразился. Тонкій анализъ, глубокое художественное пониманіе, блестящій стиль и остроуміе, всегда вѣрная оцѣнка, теплое отношеніе къ дѣйствительно художественному, безпощадная критика всего ложнаго, фальшиваго и ходульного, наконецъ «новое слово», новые идеи, которыя, какъ оказалось впослѣдствіи, имѣли много общаго съ вагнеровскими, ни самому С., ни русской публикѣ тогда еще неизвѣстными,—всѣ эти качества его статей создали ему вполнѣ заслуженную славу музыкального критика первостепенной величины. С. отзывался на всѣ болѣе или менѣе крупныя события въ музыкальной жизни Россіи и Западной Европы, не брезгая иногда даже мелочами, если онъ казалось ему по-чemu-либо важными, осаѣщая и анализировалъ всевозможнѣйшіе вопросы текущей музыкальной жизни, а часто давалъ и обширныя

цѣльные изслѣдованія объ отдѣльныхъ крупныхъ произведеніяхъ и явленіяхъ въ музыкѣ. Таковы, напр., его оцѣнка въ рядѣ статей оперы Даргомыжскаго «Русалка», разборъ «Руслана и Людмилы» и «Князя Холмскаго» Глинки, рядъ замѣчательныхъ характеристикъ подъ общимъ заглавіемъ «Галлерейа оперныхъ компонистовъ» и др. С. же подалъ и первый примѣръ у насъ систематического веденія музыкальной библіографіи, сообщая обо всѣхъ новыхъ произведеніяхъ, появлявшихся какъ въ Россіи, такъ и за-границей. Наконецъ, онъ первый познакомилъ русскую публику съ Вагнеромъ и его новыми идеями въ области оперы. Слѣдуетъ добавить, что около этого же времени (1861—1863 гг.) онъ работалъ также въ издававшемся въ Петербургѣ «Энциклопедическомъ словарѣ», въ которомъ ему принадлежитъ цѣлый рядъ статей на первыя буквы алфавита. Критическая дѣятельность С., при его страстности и ярко выраженномъ полемическомъ темпераментѣ, вскорѣ создала ему множество враговъ, на всякия вылазки которыхъ онъ имѣлъ обыкновеніе всегда отвѣтить, обрушиваясь еще болѣе страстными статьями и доводя полемику до конца. Одинъ разъ, именно въ полемикѣ съ А. М. Ульбышевымъ, дѣло дошло до того, что С. перенесъ борьбу за страницы брюссельской «Nord» и столбцы нѣкоторыхъ нѣмецкихъ музыкальныхъ газетъ, напр. «Neue Zeitschrift fr Musik», где онъ помѣстилъ эту ю «Ульбышевъ противъ Бетховена» (1857 г.), вызвавшій сенсацию въ Германіи и вишательство въ спорѣ Листа, выступившаго въ томъ же органѣ съ сочувствіемъ С. статьей «Ulibischeff und Seroff, Kritik der Kritik» (1858 г.).

Въ 1858—1859 гг. С. дважды ёздилъ заграницу, гдѣ завязалъ личныя знакомства съ Листомъ, Берліозомъ, Мейерберомъ и др. Тамъ же и тогда же онъ познакомился съ Рихардомъ Вагнеромъ и впервые съ его произведеніями. Эти путешествія и связанныя съ ими впечатлѣнія оказали значительное вліяніе на художественный обликъ С., обогатили его многими новыми свѣдѣніями, а знакомство съ музыкой Вагнера опредѣлило его дальнѣйшее направление и въ сферѣ теоретическихъ воззрѣній, и въ области творческой дѣятельности. «То, чего онъ самостоятельно добивался доселе,—говоритъ А. Веселовскій,—тѣ строгія требо-

вания, которая онъ предъявляла въ оцѣнкѣ оперъ, онъ нашелъ подбѣженными въ теоретическихъ сочиненіяхъ Вагнера и осуществленными въ его операхъ». С. сдѣлался рѣшительнымъ сторонникомъ вагнеровскихъ идей, по возвращеніи въ Россію, какъ упомянуто выше, первый познакомилъ съ ними русскую читающую публику и до самаго прекращенія «Музикально - Театрального Вѣстника» усердно ихъ пропагандировалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ глубокое впечатлѣніе, вынесенное С. отъ вагнеровскихъ оперъ, побудило его самого перейти отъ дѣятельности музикального критика къ дѣятельности творческой; съ 1860 г., когда какъ разъ преобразилось изданіе «Вѣсника», литературная дѣятельность С. теряетъ свой постоянный и систематический характеръ, и начинается наиболѣе продуктивный и плодотворный періодъ его музикального творчества.

Первыми произведеніями С. послѣ за-
граничныхъ поѣздокъ были два его опыта въ духовномъ стилѣ: «Рождественская пѣснь» для сопрано и альтовъ съ оркестромъ и кантата на слова «Pater noster». Послѣ нихъ онъ вновь обратился къ своей излюбленной мечтѣ—оперѣ. Объемъ и характеръ теоретическихъ познаній теперь не могли служить ему препятствиемъ, и онъ энергично принялъся за работу. Попытавшись неудачно разработать сюжеты изъ гоголевскихъ произведеній «Майская ночь или Утопленница» и «Ночь на Рождество», изъ которыхъ послѣднему предполагалось дать форму «симфонической пантомимы» подъ заглавіемъ «Бакула-кузнецъ», С. остановился, наконецъ, на незначительной, но колоритной трагедіи Джакометти «Guiditta», которая и послужила ему кайвой для текста оперы «Юдиѣ». Драматическую основу этого произведенія, «дѣбretto», онъ написалъ самъ, безъ чьей-либо посторонней помощи, и въ этомъ сказалось отчасти влияніе Вагнера, хотя, строго говоря, еще до знакомства съ идеями послѣдняго С. самостоятельно разви-
валъ мысль о необходимости композитору лично составлять оперный текстъ, по крайней мѣрѣ подобный планъ его. Послѣ продолжавшейся нѣсколько лѣтъ упорной работы «Юдиѣ» была окончена и 16 мая 1863 г. въ первый разъ дана на сценѣ Маріинскаго театра. Несмотря на нѣкоторые недочеты, особенно въ вокальной

частіи, опера имѣла шумный успѣхъ, причиной которого были художественные достоинства оркестровой части оперы, ея текстъ, стилизованій и вполнѣ соответствующій содержанію, далекій отъ всякихъ риторическихъ и ничего не говорящихъ фигуръ, и, наконецъ, сущность всего произведенія въ его цѣломъ, явившагося не пріуроченіемъ къ случайному сюжету арий, дуэтовъ, хоровъ и пр., а дѣйствительнымъ драматическимъ произведеніемъ съ элементами истинной борьбы страстей, чувствъ, переживаній, художественно объясняемыхъ и иллюстрируемыхъ музыкой. Это былъ опытъ, при томъ вполнѣ удачный, той самой «музикальной драмы», сущность которой С. раньше—и до и послѣ знакомства съ Вагнеромъ—развивалъ въ своихъ статьяхъ и вѣтшия признаки которой дали поводъ критикѣ причислить его—не безъ нѣкотораго основанія—къ послѣдователямъ и даже подражателямъ нѣмецкаго композитора. Первая же опера создала С. славу выдающагося композитора, еще болѣе упрочившуюся за нимъ, несмотря на нападки и приидики его литературныхъ враговъ, появленіемъ второй оперы, «Рогнѣда», 27 ноября 1865 г. поставленной на той же Маріинской сценѣ и имѣвшей еще больший успѣхъ, чѣмъ «Юдиѣ». Текстъ и этой оперы былъ составленъ также самимъ С. и только въ стихотворную форму онъ былъ облечень Д. В. Аверкѣевымъ. На этотъ разъ С. далеко шагнулъ впередъ и въ голосовой части, съ особеннымъ совершенствомъ и разнообразiemъ разработавъ хоры язычниковъ и странниковъ, въ которыхъ отчетливо выразился драматическій антitezисъ отживавшаго язычества и нарождавшагося христіанства. Къ достоинствамъ оперы слѣдуетъ отнести также рельефно очерченныя фигуры Владимира и самой Рогнѣды, богатыя музыкою отдельныя мѣста и выдержаный колоритъ сѣйдѣй древности. По окончаніи оперы «Рогнѣда» С. на нѣкоторое время прервалъ свою композиторскую дѣятельность и на столбцахъ основанной имъ газеты «Музика и Театръ» (вышло 17 номеровъ) возвратился къ музикальной критикѣ. Усиленная журнальная кампанія противъ него его литературныхъ противниковъ раздражала С., гордаго и самоувѣренного — крайняя самоувѣренность была одною изъ главныхъ чертъ его ха-

рактера,—въ немъ проснулась былая полемическая жилка. Много обвиняли С. въ томъ, что онъ умаляетъ значение Глинки для собственнаго возвеличения; отвѣтомъ на эти обвиненія былъ рядъ статей подъ общимъ заглавиемъ «Русланъ и Русланисты», въ которыхъ С. обстоятельно выяснилъ и развилъ свой взглядъ на Глинку и созданія имъ оперы. Нужно сказать, что воскресшая полемика теперь очень угомняла С., въ значительной степени способствовала обостренію развивавшейся у него болѣзни сердца и вообще отравляла послѣдователіе годы жизни композитора. Нѣсколько раньше онъ прочелъ 5 публичныхъ лекцій о «Музыкальномъ преподаваніи въ связи съ исторіей музыки» и 10 лекцій о «Музыкѣ, музыкальной наукѣ и музыкальной педагогії» (напеч. въ «Эпохѣ», 1864 г., №№ 6 и 12), имѣвшія выдающійся успѣхъ. Такимъ же успѣхомъ были встрѣчены позже въ Москвѣ и его 6 лекцій на тему «о бытѣ историческомъ развитія идеала оперы, какъ музыкальной драмы» (въ 1876 г.). Въ началѣ 1868 г. С., по порученію Р. Вагнера, завѣдалъ постановкою на Мариинской сценѣ оперы «Лоэнгринъ»; это обстоятельство, нѣсколько отвлекшее вниманіе С. отъ полемическихъ дѣяній, вмѣстѣ съ тѣмъ вернуло его вновь къ творческой работѣ; онъ энергично принялъся за оперу «Вражья сила», которую незадолго передъ тѣмъ началъ. Отрывки изъ нея публика впервые услышала въ концертѣ, данномъ С. съ большими успѣхами въ 1868 г. въ Москвѣ. Тогда и тамъ же С. прочелъ три замѣчательныхъ лекціи, предметомъ которыхъ были—великорусская пѣсня, реформа Р. Вагнера въ области оперы и девятая симфонія Бетховена. Эти блестящія лекціи, показавшія огромную эрудицію С., имѣли исключительный успѣхъ и тотчасъ по прочтеніи были напечатаны въ газетѣ «Москва» (1868 г., №№ 19, 20) и въ «Современной Лѣтописи» (№ 16). Объектомъ особенного интереса со стороны С. въ это время было творчество великорусскаго народа въ области музыки, и къ этому предмету онъ возвратился также въ 1870 г. въ статьѣ «Русская пѣсня, какъ предметъ науки», собираясь въ недалекомъ будущемъ посвятить этому даже обширное изслѣдованіе.

Послѣдняя написанная С. опера, «Вражья сила», была поставлена на сценѣ 19 ап-

рѣля 1871 г., уже послѣ смерти автора.

Сюжетъ ея заимствованъ изъ комедіи Островскаго «Не такъ живи, какъ хочется». Переработка текста въ желаемомъ для С. направленіи представила такія трудности, что онъ не рѣшался самъ взяться за это дѣло и обратился съ соответственной просьбой сначала къ самому Островскому, а затѣмъ и къ другимъ писателямъ, но у всѣхъ встрѣчалъ отказъ въ виду чрезвычайной сложности подобной работы. Тогда С. самостоятельно взялся за дѣло и безъ чьей-либо помощи довелъ его до конца. «Вражья сила» явилась истинной «музыкальной драмой» съ музикальнымъ преимущественно русскаго характера, такъ сказать, въ «национальномъ стилѣ». Красной нитью черезъ нее проходить комическая струнка. Особеннымъ же совершенствомъ отличается въ оперѣ оркестровка, за смертью С. оставшаяся не совсѣмъ законченной,—5-й актъ и нѣкоторыя отдѣльныя мѣста были дооркестрованы проф. Н. Ф. Соловьевымъ. Работая надъ послѣдней оперой, С. предполагалъ по ея окончаніи приступить къ сочиненію комико-фантастической сперы на сюжетъ изъ повѣсти Гоголя «Ночь на Рождество», а затѣмъ къ большой трагической оперѣ на сюжетъ изъ эпохи гуситскихъ войнъ. Онъ набросалъ даже нѣсколько эскизовъ изъ первого произведенія, вошедшіе въ скрипту, составленную для фортепіано въ двѣ руки супругою композитора, В. С. Сбровой. Однако литературные travolamenti и хлопоты по оперѣ «Вражья сила» окончательно расшатали здоровье С. Въ концѣ 1870 г. онъ имѣлъ еще силы послѣдовать приглашенію для присутствованія на вѣнскихъ торжествахъ по поводу столѣтія памяти Бетховена, но изъ Вѣны вернулся уже совершенно больнымъ и разбитымъ. Смерть его послѣдовала 20 января 1871 г.; онъ скончался отъ разрыва сердца среди оживленного разговора съ однимъ изъ своихъ друзей. Останки его положены на кладбище Александро-Невской лавры, недалеко отъ могиль Глинки и Даргомыжскаго.

С. сотрудничалъ какъ музыкальный критикъ въ слѣдующихъ periodическихъ изданіяхъ: «Современникъ» (1851 г., №№ 3—6, 9, 11, 12); «Библ. для Чтенія» (1851 г., № 4; 1861 г., № 2); «Пантонъ» (1852, №№ 1, 3, 4, 6—8; 1853, №№ 4—6; 1855,

(№№ 1, 2, 7); «Москвитянинъ» (1854, т. VI); «Моск. Вѣд.» (1854, № 31; 1857, № 50 — 52); «Journal de St.-Petersbourg» (1855, № 254; 1868, № 234; 1869, № 9, 18, 19, 76, 105, 110, 113, 137, 233, 253, 279, 290; 1870, № 13, 56); «Музыка и Театр. Вѣстн.» (1856 — 1860 гг., почти во всѣхъ номерахъ); «Сынъ Отеч.» (1856, № 1, 2, 4, — 9, 11 — 13, 17, 28, 31; 1857, № 2, 7, 9, 12, 22, 37; 1860, № 13, 14; 1862, № 124); «Neue Zeitschrift fü R. Musik» (1857, № 17 — 19; 1859, № 17; 1861, № 10 — 13; 1863, № 1 — 5); «Иллюстрація» (1858, № 187, 188); «Русское Слово» (1859, № 1, 7); «Русскій Миръ» (1860, № 67); «Искусство» (1860, № 1 — 5); «Основа» (1861, № 3, 4); «Сѣверн. Пчела»; 1862, № 124, 229, 267; 1863, № 216); «С.-Петербург. Вѣдом.» (1863, № 40, 52); «Якорь» (1863, № 2, 20, 21, 23 — 26, 28 — 30, 32, 34, 36; 1864, № 2, 3); «Эпоха» (1864, № 6, 7); «Русская Сцена» (1864, № 2 — 4, 7, 11; 1865, № 1, 2, 6, 7); «Голосъ», (1864, № 83; 1869, № 119; 1870, № 307, 321); «Музыка и Театръ» (во всѣхъ номерахъ за 1867 — 1868 г.); «Современ. Лѣтоп.» (1868, № 16); «Москва» (1868, № 19, 20); «Новое Время» (1868, № 231 — 234); «Музыка. Сезонъ» (1869 — 1870 г., № 5, 18; 1870 — 71 г., № 6, 13); «Monde Musical» (1870, № 1, 2); «Музыка. Свѣтъ» (1870, № 7, 9; 1871, № 1).

I. Словари. «Настольный словарь» Ф. Томля, Спб. 1864 г., т. 3, стр. 584. — «Свѣдѣнія изъ «Справочнаго словаря» Г. Н. Геннадія», «Русск. Архивъ», 1873 г., № 8, стр. 1479. — «Русскій энциклоп. словарь» И. Н. Березина, вып. 13, Спб. 1877 г., стр. 413 — 415. — «Биографическ. лексиконъ русск. композиторовъ и музыкальщ. дѣятелей» А. И. Рубецъ, Спб. 1879 г., стр. 48 — 49. — «Biographie Universelle des Musiciens», F. Fetis, Paris 1880, стр. 512 — 514. — «Konversat. Lexikon» von Meyer, Bd. 18, Leipzig 1881, стр. 364. — «Musik-Lexikon» von Krieman, Leipzig 1882, стр. 851. — «Музыкальный словарь» Н. Перепевцына, М. 1884 г., стр. 336. — «Энциклопедич. словарь» Брокгауз-Ефронъ, полут. 62.

II. Истории и памѣни заимств. «Музыкальный Сезонъ», 1870 г., №№ 13 и 14. — «Revue et Gazette Musicale de Paris», 1870 — 1871, № 37. — «Музыкальный Свѣтъ», 1871 г., № 2. — «Музыка. Вѣстн.», 1871 г., № 3. — «Новое Время», 1871 г., № 20. — «Голосъ», 1871 г., №№ 21, 22, 23, 26, 36, 44. — «С.-Петербург. Вѣдом.», 1871 г., №№ 21 и 23. — «Нувеллистъ», 1871 г., февраль. — «Биржев. Вѣдом.», 1871 г., №№ 23 и 25. — «Петербург. Газета», 1871 г., №№ 11, 15. — «Петербург. Чистокъ», 1871 г., № 17. — «Русск. Извѣстіе», 1871 г., № 18. — «Русск. Вѣдом.», 1871 г., № 21.

«Вечерняя Газета», 1871 г., № 23. — «Современ. Извѣстія», 1871 г., № 23. — «Иллюстриров. Газета», 1871 г., № 4. — «Модный Магазинъ», 1871 г., № 4. — «Нива», 1871 г., № 9. — «Модный Свѣтъ», 1871 г., № 10. — «Signal», 1871 г., № 9. — «Dziennik Warszawski», 1871 г., № 27. — «Русскій календарь» А. С. Суворина на 1872 г., стр. 407 — 408. — «Новое Время», 1885 г., № 3198 (объ открытии памятника). — «Новости», 1885 г., № 23 (тоже). — «С.-Петербург. Вѣдом.», 1885 г., № 22 (тоже). — «Суфлеръ», 1885 г., № 7 (тоже). — «Театральный Мирокъ», 1885 г., № 1 (тоже).

III. Газетныя и журнальныя статьи биографич. характера. М., «А. Н. Сѣровъ. биографич. очеркъ» (имѣетъ автобиографическое значеніе). — «Русск. Сцена», 1865 г., № 2, стр. 206 — 215. — А. Н. Сѣровъ, биогр. очеркъ, «Музыкальн. Свѣтъ», 1866 г., № 1. — «Der russische Komponist Seroff», «Krety» (Prag), 1868, № 7. — А. Фамининъ, «А. Н. Сѣровъ», «Музыкальный Сезонъ», 1871 г., № 17. — Ц. Юи, «Музыкальная замѣтка» А. Н. Сѣровъ, «С.-Петербург. Вѣдом.», 1871 г., № 41. — В. Ленце, «А. Н. Сѣровъ», «Сынъ Отеч.», 1871 г., № 19. — П. Б., «А. Н. Сѣровъ», «Петербург. Газета», 1871 г., № 15. — Н. А., «А. Н. Сѣровъ», «Петербург. Чистокъ», 1871 г., № 33. — Ларош, «Замѣтка объ А. Н. Сѣровѣ», «Современ. Чистокъ», 1871 г., № 6. — «Киевскій Телеграфъ», 1871 г., № 23. — А. Н. Сѣровъ, «Рижскій Вѣстникъ», 1871 г., № 45. — Дм. Столыпинъ, «А. Н. Сѣровъ, биографич. очеркъ», «Всемирн. Иллюстр.», 1871 г., №№ 127, 128. — А. Н. Сѣровъ, «Семейн. Вечера», 1871 г., № 4, стр. 107 — 128. — W. de Lenz, «Alexander Sérów», «Journal de St.-Petersb.», 1871, № 205. — Memor (B. Ф. Ленцъ), «A. N. Sserow», «St.-Petersb. Zeitung», 1871, № 52. — А. Н. Сѣровъ, «Ciazie», 1872 г., № 7. — А. Faminin, «A. N. Sserow und seine letzte Oper «Бражка сила», «Norddeutsche Presse», 1872, №№ 281, 282, 283. — Ф. В. А., «Объ А. Н. Сѣровѣ по случаю возобновленія его оперы «Юдисъ», «Петербург. Газета», 1874 г., № 199. — З. А. Н. Сѣровъ, биограф. и музык. очеркъ, «Одесск. Вѣстн.», 1874 г., № 129. — Псевд. «Что тебѣ въ имени моемъ?», «А. Н. Сѣровъ, его биографія и дѣятельность», «Астрах. Справочн. Листокъ», 1875 г., № 7. — «Биография свѣдѣнія объ А. Н. Сѣровѣ», «Казанск. Губ. Вѣдом.», 1875 г., № 80. — В. В. Стасовъ, «А. Н. Сѣровъ», 1870 — 1871; биографич. очеркъ, его письма и замѣтки о музыкѣ, «Русск. Стар.», 1875 г., №№ 8, 10, 11; 1876 г., №№ 1, 2, 4, 5, 12; 1877 г., №№ 1, 2, 3, 4, 5, 10, 11; 1878 г., № 11. — В. С. Баскинъ, «А. Н. Сѣровъ, биограф. очеркъ», «Русск. Мысль», 1883 г., № 8, стр. 265 — 295; № 9, стр. 169 — 188. — Его же (псевд. Вебе), «А. Н. Сѣровъ. Биографич. наброски», «Музыкальный Миръ», 1883 г., №№ 1 — 5, 9 — 14. — «Биографич. свѣдѣнія объ А. Н. Сѣровѣ и разборъ его оперы «Рогвѣда», «Харьк. Губ. Вѣдом.», 1883 г., № 277. — Г. Каргановъ, «Биографич. свѣдѣнія объ А. Н. Сѣровѣ», «Кавказъ», 1883 г., № 331. — «Знакомый Незнакомецъ», «Биографич. свѣдѣнія объ А. Н. Сѣровѣ, по поводу первого представл. его оперы «Рогвѣда» въ Тифлисъ», «Тифлиск. Объявленія», 1885 г., № 276. — Д. И. Лобановъ, «А. Н. Сѣровъ и его современники. Критико-биографич. наброски и

воспомин.", „Колосъя“, 1886 г., № 9.—Н. Пере-
пелицынъ, „Очерки истории музыки въ Рос-
сии“, „Новь“, 1887 г., № 9.—В. Васкинъ, „А.
Н. Съровъ“, „Сынъ Отеч.“, 1887 г., №№ 229,
232.—П. А. Висковатый, „А. Съровъ и Р. Ваг-
неръ“, „Русск. Старина“, 1883 г., № 5, стр.
581—584.

V. Воспоминания. И. А. Бесселовский, „Вос-
поминаніе объ А. Н. Съровѣ“, „Бесѣда“, 1871 г.,
№ 2, стр. 324—344.—Дм. Лобавовъ, „Изъ вос-
поминаній объ А. Н. Съровѣ и его оперѣ
«Юдиль», „Вѣсты Европы“, 1871 г., № 6, стр.
919—927.—М. Е. Славинскій, „Постѣдніе три
часа жизни А. Н. Сърова“, „Голосъ“, 1871 г.,
№ 40.—Ф. М. Толстой, „Воспоминаніе объ
А. Н. Съровѣ“, „Русск. Стар.“, 1874 г., № 2,
стр. 339—350.—М. М. Молчановъ, „А. Н. Съ-
ровъ въ воспоминаніяхъ старого правовѣда“,
тамъ же, 1883 г., № 8, стр. 331—360.—К. И.
Званцовъ, „А. Н. Съровъ въ 1857—1871 гг.“,
тамъ же, 1883 г., № 8, стр. 343—354; № 9, стр.
647—682.—А. В. Старчевскій, „Композиторъ
А. Н. Съровъ. Изъ воспоминаній“, „Наблю-
датель“, 1888 г., № 3, стр. 147—173.—В. С. Съ-
рова, „А. Н. Съровъ. Изъ воспоминаній“,
„Русск. Вѣдом.“, 1888 г., № 258.—М. Ивановъ,
„Музык. наброски. Воспоминанія въ статьи,
посвящ. А. Н. Сърову“, „Новое Время“, 1888 г.,
№№ 4525 и 4532.

V. Отдельные сольные о жизни и дѣятельно-
сти. „Дерзостное слово г. музыкальн. критика
Сърова“, „Сѣверн. Пчела“, 1861 г., № 75.—„Кон-
цертъ со скандаломъ“, „С.-Петербург. Вѣдом.“,
1861 г., № 75.—А. С., „О концертѣ г. Лазарева
и о г. Съровѣ“, „Русск. Миръ“, 1861 г., № 24.—
Yurig von Arpold, „Die Entwicklung der russischen
Nationaloper und die russischen Com-
ponisten der letzten Jahrhunderte“, „Neue Zeit-
schrift f. Musik“, 1869, т. 59, № 14, стр. 109.—
В. В. Бессель, „Русская оперная сцена“, „Оте-
честв. Записки“, 1864 г., № 12, стр. 910—911.—
Ростиславъ (Ф. М. Толстой), „Торжество рус-
скихъ оперныхъ артистовъ“, „Голосъ“, 1864 г.,
№ 329, 354.—„Петербург. Листокъ“, 1865 г., № 162.—
А. П.—чъ, „Балетъ, „Ночь наканунѣ Рожде-
ства“, „Русск. Сцена“ (газ.), 1865 г., № 6.—
„Голосъ“, 1866 г., № 39 (Высочайш. повелѣніе
о выдачѣ Сърову за музыкальн. заслуги еже-
годн. пенсии въ 1000 р.).—„Neue Zeitschrift f. Musik“,
1866, № 1, стр. 47 (о томъ же).—Лар-
ошъ, „Глинка и его значеніе въ исторіи му-
зыки“, „Русск. Вѣсты“, 1867 г., № 10, стр.
537.—Незнакомецъ (А. С. Суворинъ), „Недѣль-
ные очерки и картички. „Новая опера г. Съ-
рова“, „С.-Петербург. Вѣд.“, 1867 г., № 29; 1871 г.,
№ 45 (о смерти Сърова).—„Отечеств. Записки“,
1868 г., № 11, стр. 124, 139 (отношеніе Съро-
ва къ Вагнеру).—Рѣшеніе с.-петербургск.
столичн. мѣрового съзыва по дѣлу Аверкіева
съ Съровымъ (право на литерат. собствен-
ность автора либретто), „Судебный Вѣстн.“,
1868 г., № 253.—„Отечеств. Записки“, 1869 г.,
№ 1, стр. 158—165; № 3, стр. 143—145.—Ц.
Кюи, „Новорожденный. «Специальный музы-
кальный комитетъ» при Русск. музык. об-
ществѣ“, „С.-Петербург. Вѣд.“, 1870 г., № 56.—
„Программы симфоническихъ собраний Русск.
муз. общества въ Петербургѣ“, сезонъ 1870—

1871 г. (5-е собрание).—И. Слотинъ, „Коррес-
pondentъ изъ Вѣны“ (по поводу поѣздки Съ-
рова на чествов. памяти Бетховена), „Музык.
Сезонъ“, 1870—1871 г., № 9.—„Письма А. С.
Даргомыжскаго“ (къ Сърову), тамъ же, № 5.—
„Записки М. И. Глинки“, изд. „Русск. Стар.“,
Спб., 1871 г., стр. 133, 178, 180.—„Праздни-
вание Бетховенскаго юбилея въ Вѣнѣ“, „Ну-
велистъ“, 1871 г., январь.—„Neue und neuere
studirte Opern“, „Neue Zeitschrift f. Musik“,
1871, т. 67, № 4.—„Отчетъ Русск. музык. об-
щества за 1870—1871 г.“, Спб., 1872 г., стр.
2, 5—6.—Gustave Bertrand, „Les nationalistes
musicaux etudiées dans le drame lyrique“,
Paris, 1872, стр. 329—331.—В. С(тасовъ), „Фран-
цузские отзывы о русскихъ музыкантахъ и
русской музыке“, „С.-Петербург. Вѣдом.“, 1872 г.,
№ 166.—П. С. Макаровъ, „Музыкальн. письма“,
„Бирж. Вѣд.“, 1872 г., № 8.—Gustave Bertrand,
„Un peu de musique russe“, „La Chronique
Musicale“, 1873, № 7, стр. 6.—А. Фами-
нинъ, „Употребленіе хора“, „Музыкальн. Ли-
стокъ“, 1873—1874 г., № 13.—В. Бессель, „О
музыкально-издательской дѣятельности въ
России“, тамъ же, 1874—1875 г., №№ 16 и 19.—
А. А. Соколовъ, „Театральный альманахъ на
1875 г.“, Спб., 1875 г., стр. 147—149, 153.—В.
С. Стасовъ и В. Г. Кастрюто - Скандербекъ,
Александър Сергеевичъ Даргомыжскій. Мате-
риалы для его биографии и переписка“, „Русск.
Стар.“, 1875 г., № 2, стр. 340; № 4, стр. 799,
805, 806; № 6, стр. 261; № 7, стр. 428, 433.—
Л. І. Кармалина, „Воспоминаніе о Глинкѣ и
Даргомыжскомъ“ тамъ же, 1875 г., № 6, стр.
271.—М. И. Ивановъ, „Листъ. Извѣстія личныхъ
воспоминаній“ „Пчела“, 1875 г., № 42.—Н.
Ященко, „Общая музыка“, Ростовъ-на-Дону,
1876 г., стр. 14—17, 40—44.—C'est moi (Н. П.
Карцевъ), „Возобновленіе оперы «Борисъ Го-
дуровъ» М. Мусоргскаго“ (сравненіе Сърова
съ Мусоргскимъ), „Музык. Свѣтъ“, 1876 г.,
№ 42.—„Музык. Листокъ“, 1876—1877 г., № 1
(призваніе Сърова къ музыкѣ).—Мих. Нѣ-
вячъ (В. О. Михневичъ), „Музыка въ Россіи
при Екатеринѣ II“ (взглядъ Сърова на оперу
въ Россіи), тамъ же, № 2, стр. 89.—С. Бура-
ковскій, „М. И. Глинка. Биографич. очеркъ“,
тамъ же, 1877 г., № 30.—Г. В., „Голосъ одного
изъ публики о русскихъ музыкальныхъ сочи-
нителяхъ“, „Пчела“, 1877 г., № 11.—„Извѣстія
старого музыканта“, „Воскресный Ли-
стокъ Музыки и Объявленій“, 1878 г., № 6.—
С.—чъ, „Замѣтка о русскихъ концертахъ въ Па-
рижѣ“, „Суфлеръ“, 1878 г., пробный номер.—
М. Ивановъ, „Нѣсколько словъ о русскихъ
оперныхъ дѣлахъ“, „Пчела“, 1878 г., № 3.—
„Обзоръ музыки въ 1878 г.“, „Воскр. Листокъ
Музыки и Объявленій“, 1879 г., № 7.—П. С. М.—въ
(Макаровъ), „Эпизоды изъ жизни русск. арти-
стовъ и композиторъ“, тамъ же, 1879 г., № 15.—
Н. Карпевъ, „Краткій очеркъ развитія рус-
ской музыки и оперы“, „Суфлеръ“, 1879 г.,
№ 8.—М. Макаровъ, „Удѣльн. русскихъ ком-
позиторовъ“, тамъ же, 1879 г., №№ 13, 14.—
В. С. Стасовъ, „Училище Правовѣдія 40
лѣтъ тому назадъ“, „Русск. Стар.“, 1880 г.,
№ 12, стр. 1038—1042; 1881 г., № 3, стр. 580,
585—602.—„Эпизодъ изъ жизни А. Н. Сърова“,

„Русск. Музык. Вѣстн.“, 1880 г., № 14.—А. А—въ (Астафьевъ), „По поводу статьи г. Макарова о судьбѣ русск. композиторовъ“, тамъ же, 1880 г., № 25.—„Общество русскихъ композиторовъ“, „Воскр. Инстокъ Муз.etc.“, 1880 г., № 1.—М. Ивановъ, „Французская свѣдѣнія о нашихъ артистахъ“, „Нов. Время“, 1880 г., № 697.—П. Макаровъ, „Судьба национальныхъ композиторовъ въ Россіи“, „Берегъ“, 1880 г., № 121, 123, 128, 153, 182.—Мих. Пѣтуховъ, „Гекторъ Берлюзъ о Россіи“, Спб. 1881 г., стр. 54, 56, 76.—Octave Fonque, „Les revolutionnaires de la musique“, Paris 1882, стр. 353.—Имп. Русск. музык. общ., „Правил. Вѣстн.“, 1882 г., № 9.—В. В. Стасовъ, „Наша музыка за послѣднія 25 лѣтъ“, „Вѣстн. Евр.“, 1883 г., № 11, стр. 571, 577, 583—590, 594—595, 610.—М. Ивановъ, „Музык. обзоры“ „Нувеллистъ“, 1883 г., № 2.—А. И. Вольфъ, „Хроника петербургскихъ театровъ съ конца 1855 до нач. 1881 г.“, ч. 3, Спб., 1884 г., стр. 118, 119, 121, 122, 127, 129, 131, 133, 135, 136, 138, 140, 142, 143.—П. П. Бочаровъ, „Въ правил. Сенатѣ“ (эпизодъ изъ молодости Сѣрова), „Русск. Стар.“, 1884 г., № 10, стр. 147.—„Лекція Лорана де Рилье въ Сорбоннѣ о русск. музыкѣ“, „Нувеллистъ“, 1884 г., № 6.—В. В. Стасовъ, „Тормозы нового русского искусства“, „Вѣстн. Евр.“, 1885 г., № 2, стр. 546; № 4, стр. 567; № 5, стр. 74, 79—110.—В. Т. Соколовъ, „А. С. Даргомыжскій“, „Русск. Стар.“, 1885 г., № 5, стр. 342.—В. С. Сѣрова, „Русская музыка. Три враждебные партии въ 60-хъ гг.“, „Сѣверн. Вѣстн.“, 1885 г., № 4, стр. 1—19.—К. Галлеръ, „Материалы для жизнеописанія русск. музикальн. дѣятелей“, „Библіографъ“, 1885 г., № 3, стр. 45—50.—Его же, „Праздничная фантазія“, „С.-Петербург. Вѣд.“, 1885 г., № 3.—Его же, „Къ чествованію юбилея Ю. К. Арнольда“, тамъ же, 1886 г., № 305.—А. Ф., „Изъ области музыки“, „Муз. Обозр.“, 1885 г., № 4.—В. В. Стасовъ, „Гавріил Якимович Ломакинъ“, „Русск. Стар.“, 1886 г., № 3, стр. 654—655; № 5, стр. 311, 318.—П. Киль, „Русланъ и Людмила“ М. И. Глинки“, „Музык. Обозр.“, 1886 г., № 3.—Дм. Стефановскій, „Отзыvъ о книгѣ «Новая теорія музыки»“, тамъ же, № 305.—В. В. Стасовъ, „25-лѣтіе бесплатной музикальной школы“, „Историч. Вѣстн.“, 1887 г., № 3, стр. 602, 608, 614—615, 616, 620.—Его же, „Александръ Порфириевъ. Бородинъ“, тамъ же, 1887 г., № 4, стр. 143—144.—М. Ивановъ, „Русская народная пѣсня по новымъ пѣствѣдованіямъ“, „Нов. Время“, 1888 г., № 1146.—М. Л. Златковскій, „Аполлонъ Николаевъ. Майковъ. Биограф. очеркъ“, Спб. 1888 г., стр. 61—64.—Изъ области музикальной критики, „Балансъ“, 1888 г., № 5.—„Музикальный плазионъ пѣдѣстинельность“, тамъ же, 1888 г., № 9.—Юрій Арнольдъ, „Возможно ли въ музыкѣ пекустѣвъ установление характеристическихъ-самостоятельной русск. национальной школы“, тамъ же, 1888 г., №№ 23, 25.—В. Вальтеръ, „Рихардъ Вагнеръ“, Спб. 1911 г.

VI. Отдельные изданія. М. К., „Александръ Николаевичъ Сѣрова. Къ исторіи оперы въ лучшихъ ея представителяхъ“, М. 1874 г., стр. 235—239.—Cesar Cui, „La muzique en Russie“, Paris 1881, стр. 54—69.—А. Саккети,

„Очеркъ всеобщей исторіи музыки“, Спб. 1883 г., стр. 276—278.—В. С. Баскинъ, „Русские композиторы. III. Александръ Николаевичъ Сѣрова“, Спб. 1890 г.—„Собрание стихотворений Л. И. Бутковского“, ч. 2, Спб. 1871 г., стр. 106 (стих. „Надъ могилою А. Н. Сѣрова“).—„Записки Мих. Ив. Глинки“, изд. А. С. Суторина, подъ ред. В. В. Стасова, Спб. 1887 г., стр. 170, 230, 233, 250, 317, 323, 330, 362, 363, 367.—А. Е. Молчановъ, „Александръ Николаевичъ Сѣрова. Библиографический указатель“, Спб. 1888 г. и „Библиографъ“, 1885 г., №№ 3 и 4.—„Материалы для биографии Ал. Никол. Сѣрова“, Спб. 1889 г.—С. А. Базуновъ, „Ал. Никол. Сѣрова. Его жизнь и музыкальная дѣятельность“, изъ серии „Биография. библиотеки“ Ф. Павленкова, Спб. 1893 г.

VII. Оперная музика Сѣрова вообще. И. Любичъ, „Музика будущности г. Сѣрова“, „Модный Магазинъ“, 1865 г., № 24.—Невскій Вѣянъ, „Нѣчто о справедливости въ музыкѣ“, тамъ же, 1866 г., № 24.—„Петербургскіе театры въ 1865—1866 театр. году“, „Иллюстрир. Газета“, № 14; тоже въ 1866 г., ib., 1867 г., № 14; тоже за 1867—1868 г., ib., 1868 г., № 11.—Ц. Кюи, „Музикальные замѣтки. Конецъ оперного сезона“, „С.-Петербург. Вѣдом.“, 1870 г., № 56.—Его же, „Бенефис Направлника“, тамъ же, 1876 г., № 8.—Ростиславъ (Ф. М. Толстой), „Обзоръ оперного сезона“, „Голосъ“, 1868 г., № 58.—М., „Русская опера въ Кіевѣ“, тамъ же, 1874 г., № 358.—„Русскіе артисты заграницей“, „Музык. Листокъ“, 1873—1874 г., № 5.—Корреспонд. изъ Одессы, тамъ же, № 24; 1875—1876 г., № 2.—„Русская опера въ Казани“, тамъ же, № 119.—П. Макаровъ, „Современное положеніе русской оперной труппы“, „Музикальный Сѣйтъ“, 1874 г., № 3.—Его же, „Краткое историч. обозрѣніе русской оперы“, тамъ же, 1874 г., №№ 3 и 4.—„Обзоръ театральн. сезона 1875—1876 г.“, „Казанск. Губ. Вѣд.“, 1876 г., № 11.—„Русскіе современные дѣятели“, Спб., 1877 г., т. II, стр. 89.—E. Reyer, „Les concerts russes du Trocadéro“, „Journal des Débats“, 1878, 24.—П. С. Макаровъ, „Современное положеніе русской оперы“, „Воскресн. Лист. Муз. и Объявл.“, 1879 г., №№ 48, 49.—О. Я. Левенсонъ, „Въ концертномъ залѣ. Сборникъ статей“, М. 1880 г., стр. 113, 114, 119.—Руслянъ, „Наканунѣ открытия спектаклей въ русской оперѣ“, „Берегъ“, 1880 г., № 155.—К., „Русская опера въ Москвѣ“, „Моск. Вѣд.“, 1880 г., № 290.—А., „Московская русская опера“, „Вѣкъ“, 1883 г., № 3, стр. 38, 39, 52—53, 60, 62.—Л. Баторинъ, „Новая дирекція и оперный театръ“, „Театръ“, 1883 г., №№ 1 и 2.—Дипетантъ, „Музикальный очеркъ“, „Южный Край“, 1884 г., № 1090.—Парошъ, „Нѣчто о нашемъ оперномъ репертуарѣ“, „Русск. Вѣстн.“, 1885 г., № 9, стр. 372, 375—383.—Незнамовъ, „Итоги оперного сезона 1885—1886 г. въ Казани“, „Музык. Обозр.“, № 23.—Его же, „Итоги оперного сезона въ Москве въ 1885—1886 г.г.“, тамъ же, 1886 г., № 28.

VIII. Критические отзывы объ операхъ „Юдионѣ“. „Музикальный Сѣйтъ“, 1863 г., № 6 (1-е предст. „Юдионѣ“); 1874 г., № 3, 12; 1875 г., № 18.—П. Макаровъ, „Краткий обзоръ дѣятельности русской оперы въ Петербургѣ за 1875 г.“,

тамъ же, 1876 г., № 1.—Ростиславъ (Ф. М. Толстой), „Западная реклама, перенесенная на русскую почву“, „Северн. Почта“, 1863 г., № 126.—Его же, „Нѣсколько словъ о первомъ представл. оп. „Юдиэль“ тамъ же, 1863 г., № 131.—Его же, „Юдиэль“, опера въ 5 актахъ, соч. г. Сѣрова“, тамъ же, 1863 г., №№ 147, 149, 154 (послѣднія три статьи изданы отдельно, брошюрою подъ загл. „Разборъ оперы „Юдиэль“, соч. Сѣрова“, Спб., 1871 г.).—М. Р(аппопортъ), „Юдиэль“, опера Сѣрова“, „Сынъ Отеч.“, 1863 г., № 234.—„Юдиэль“, новая опера въ 5 д., слова и муз. А. Н. Сѣрова“, „Голосъ“, 1863 г., № 123.—Ларошъ, „Юдиэль“, опера А. Н. Сѣрова“, тамъ же, 1874 г., № 314.—Ап. Григорьевъ, „Новая русская опера“, „Якорь“, 1863 г., № 10.—Боже, „Юдиэль“, опера въ 5 акт. А. Н. Сѣрова“, тамъ же, 1863 г., № 12.—Его же, „Еще нѣсколько словъ о русской оперѣ“, тамъ же, 1863 г., № 27.—Пн. Вакарь, „Нѣсколько словъ о новой оперѣ „Юдиэль“, „Северн. Почта“, 1863 г., № 130.—М., „Театральная замѣтка“, „Русск. Иванал.“, 1863 г., № 112.—Дм. И. Лобановъ, „Юдиэль“, опера Сѣрова“, „Иллюстрація“, 1863 г., №№ 271—273.—J. P., „Judith“, Oper in 5 Acten, Text und Musik von A. Serow“, „St.-Petersb. Zeitung“, 1863, № 110.—„Neue Zeitschrift f. Musik“, 1863, Bd. 58, № 25, S. 219; № 26 („Judith“, Oper von Sserow, Correspond. aus St.-Petersb.).—Д. И. Лобановъ, „Петерб. музыкальны лѣтоописъ“, „Русск. Сцена“, 1864 г., № 1, стр. 3—5 и 10.—„Русская опера“, тамъ же, 1864 г., № 4, стр. 209.—Правдинъ, „Петерб. сцена. Русская опера“, тамъ же, 1864 г., № 8, стр. 136, 141, 143.—Ап. Григорьевъ, „Голосъ старого критика“, „Эпоха“, 1864 г., юль, стр. 19.—„Наши двѣ очернныя сцены“, „Русск. Сцена“ (газ.), 1865 г., № 1.—Баронъ Галкинъ (А. Дмитриевъ), „Моск. театръ“, тамъ же, 1865 г., № 6.—К. Ц.—въ, „Два слова по поводу представления „Юдиэль“, „Современ. Лѣтоописъ“, 1865 г., № 35.—Z., „Содерж. оп. „Юдиэль“, „Театр. Афиши и Актракты“, 1865 г., № 228/107.—А. Дмитриевъ, „Объ исполненіи и постановкѣ оп. „Юдиэль“, тамъ же, 1865 г., №№ 235/113, 236/114.—„Dictionnaire lyrique ou histoire des opéras“ par. F. Clément et P. Larouse, Paris 1869—1870, pag. 386.—Ларошъ, „Нѣсколько словъ объ оп. „Юдиэль“, „Музыкальн. Листокъ“, 1873—1874 г., № 4.—А. Фаминцинъ, „Петербургск. хроника“, тамъ же, № 13.—Ц. Юи, „Юдиэль“, оп. Сѣрова“, „С.-Петр. Вѣд“, 1874 г., № 312.—Русск. Миръ“ 1874 г., № 309, [ст. М. Р(аппопортъ)].—„Новости“, 1874 г., № 251.—„Петерб. Газета“, 1874 г., № 99.—„Петерб. Листокъ“, 1874 г., № 220.—N., „Музык. извѣстія изъ Петербурга“, „Русск. Вѣдом.“, 1874 г., № 274.—Кievsk. Телегр.“, 1874 г., № 17 (ст. А. У.).—„Одесск. Вѣсти“, 1874 г., №№ 127, 133, 138, 139.—„Одесск. Лист. Объявл.“, 1874 г., № 124.—Ф., „Возобновленіе оп. А. Н. Сѣрова „Юдиэль“, „Всемирн. Иллюстр.“, 1874 г., № 309.—L., „Reprise de „Judith“, opéra en 5 actes, paroles et musique d'A. Sérou“, „Journ. de St.-Petersb.“, 1874, №№ 303.—А. С., „Opéra Russe“, „Journ. d'Odessa“, 1874, 125, 134.—B. B., „Judith“, „Odessaer Zeitung“, 1874, № 67.—„Замѣтки Шлотоффова“, „Кievsk. Лист. Объявл.“, 1874 г., № 7.—Музык. Листокъ“, 1874—1875 г., № 12 (ст. А. Фаминцина).—„Голосъ“, 1875 г., № 294.—„Новое Вр.“, 1875 г., № 273.—„Петерб. Газ.“, 1875 г., № 172.—„Петерб. Листокъ“, 1875 г., №№ 193, 194.—M. C., „Юдиэль“, „Всемирн. Иллюстр.“, 1875 г., № 323 (съ плакатомъ).—А. Фаминцинъ, „Обзоръ музык. дѣятельности Петербурга въ теч. зимнаго сезона 1874—1875 г.“, „Пчела“, 1875 г., № 9.—Соловьевъ, „Музык. сезонъ 1874—1875 г. въ Петербургѣ“, „Моск. Вѣд.“, 1875 г., № 122.—A. Faminzin, „Musikalische Rundschau“, „St.-Pet. Zeit.“, 1875, № 149.—Его же, „Возобновленіе „Юдиэль“, „Муз. Лист.“, 1875—1876 г., № 3.—М. Ивановъ, „Русск. опера“, тамъ же, 1876—1877 г., № 1.—В. С(тасовъ), „Письма изъ чужихъ краевъ“, „Нов. Вр.“, 1878 г., № 908.—„Голосъ“, 1878 г., № 251 (корресп. изъ Парижа).—„Nouvelles musicales de l'exposition“, „Revue et Gasette musicale de Paris“, 1878, № 38.—Arthur Pougin, „Les concerts étrangers au Trocadéro“, „L'Art“, 1878, t. IV, pag. 166.—Jean Bertrande, „Drame et musique“, „Republique Française“, 1878, 23 сент.—Edmond Hippocrate, „Le deuxième concert russe“, „L'Evénement“, 1878, № 2354.—Jules Guilemot, „Audition musicale“, „Soleil“, 1878, 1 окт.—D. Magnus, „2-e concert russe“, „Le Telegraph“, 1878, № 607.—B. de Lomagne, „2-e concert russe“, „Le Soir“, 1878, № 3394.—„Le petit Journal“, 1878, № 5743.—Sz. V., „Die Musik auf der Weltausstellung zu Paris 1878“, „Signale“, 1878, № 46, S. 323; № 48, S. 755.—„Голосъ“, 1880 г., № 312.—„Нов. Вр.“, 1880 г., № 1695.—„Молва“, 1880 г., № 522.—„Соврем. Изв.“, 1880 г., № 309.—А. Размадзе, „По поводу мнѣній о „Юдиэль“ и Сѣровскихъ операхъ вообще“, „Русск. Курьеръ“, 1880 г., № 317.—„Русск. Газ.“, 1880 г., № 170.—Зеть, „Юдиэль“, оп. Сѣрова“, тамъ же, 1880 г., № 178.—Ильст. и Кикъ, „Бенефис г. Вальца“, „Будильн.“, 1880 г., № 43; 1881 г., № 44.—W., „Музык. очеркъ“, „Южн. Край“, 1882 г., №№ 672, 679, 686.—Хары. Губ. Вѣд“, 1882 г., № 314.—„Искусство“, 1883, № 6.—„Музык. Обозрѣніе“, 1883 г., № 2.—„Заря“, 1885 г., № 191.—„Балъ“, 1883 г., №№ 18, 27.—„Новое Время“, 1888 г., №№ 4387, 4516.—„25-лѣтіе оперы „Юдиэль“, „Петерб. Листокъ“, 1888 г., № 132.—„Русск. Вѣд.“, 1888 г., № 261.—„Моск. Вѣд.“, 1888 г., № 262.—„Всемирн. Иллюстр.“, 1888 г., № 1029.—„Театръ и Жизнь“, 1888 г., № 133.

IX. Критические отзывы объ операхъ „Родильда“, „Русская Сцена“, 1864 г., № 4, стр. 206, 210.—Ц. Юи, „Музыкальны лѣтоописъ“, „С.-Петерб. Вѣдомости“, 1864 г., № 87.—„Голосъ“, 1864 г., №№ 84, 89.—„Музык. Свѣтъ“, 1865 г., № 11.—Ц. Юи, „Рогнѣда“, оп. Сѣрова“, „Спб. Вѣд“, 1865 г., № 292.—B. II. Буренинъ, „Обществен. и литературн. замѣтки“, тамъ же, 1865 г., № 293.—П. Орл., „Вѣсти о постановкѣ „Рогнѣды“, „Голосъ“, 1865 г., № 247.—Ростиславъ (Ф. М. Толстой), „По поводу генеральной репетиціи „Рогнѣды“, тамъ же, №№ 297, 311, 320, 323, 335.—„Первое представл. „Рогнѣды“ въ Петерб.“, тамъ же, 1865 г., № 298.—М. Р(аппопортъ), „Рогнѣда“, оп. въ 5 дѣйств., „Сынъ Отеч.“, 1865 г., №№ 260, 263.—Злыднинъ, „Рогнѣда“, „Вѣсть“, 1865 г., № 19.—И., „Изъ музык. міра“, тамъ

же, 1865 г., № 26.—«Петерб. Листокъ», 1865 г., № 162.—«Русск. Извал.», 1865 г., № 240.—«Русск. Сцена» (газ.), 1865 г., № 7, 9, 11—14, 18, 22.—«Театр. Афиши и Объявл.», 1865 г., № 291/161.—«Иллюстрирован. Газета», 1865 г., № 43.—«Модный Магаз.», 1865 г., № 22.—Петербургский житель, «Письма въ глушь», «Соврем.», 1865 г., № 10, стр. 250—257.—St.-Petersb. Zeit., 1865, № 243.—«Revue et gasette musicale de Paris», 1865, № 49.—Карикатуры на «Рогнѣда» въ «Искрѣ», 1865 г., № № 45, 47; шаржъ, тамъ же, № № 47, 48.—Литературное Домино (Д. Д. Минаевъ), «Рогнѣда. Опѣть либретто для опера въ 4 дѣйств.», «Будильникъ», 1865 г., № 91.—Музыкальная рецензія абиссинского маэстро», тамъ же, № 91.—Календарь на 1-й годъ, тамъ же, № № 69, 95.—«На память», тамъ же, № № 65, 96.—Скромный лѣтописецъ, «Материалы для исторіи цивилизациі», тамъ же, № № 65, 97.—В. В. Стасовъ, «Археологич. замѣтка о постановкѣ «Рогнѣда», «Вѣстн. Евр.», 1866 г., кн. III, стр. 81—92.—Л. Макаровъ, «Рогнѣда», оп. въ 5 д., «Музык. Свѣтъ», 1866 г., № № 6, 10.—«Голосъ», 1866 г., № № 257, 263.—Ц. Юю, «Журнальные толки о «Рогнѣдахъ», «Спб. Вѣд.», 1866 г., № 14.—Его же, «Музык. замѣтки», тамъ же, 1866 г., № 66, 327.—В. В. Стасовъ, «Вѣрить ли?», тамъ же, 1866 г., № 74.—«Сынъ Отеч.», 1866 г., № 55, 268, ст. М. Раппенпорта).—«Петерб. Лист.», 1866 г., № 138 (ст. А. Д.).—Литерат. домино (Д. Д. Минаевъ), «Передъ зеркаломъ. Святочное гаданіе», «Искра», 1866 г., № 1.—«Итальянск. и русск. опера», «Литерат. Библіот.», 1867 г., ноябрь, стр. 98.—«Антрактъ», 1867 г., № 3.—«Искра», 1867 г., № 7 (стих. Н. Страннополюбскаго).—«Муз. и Театръ», 1868 г., № 16.—Тихонъчъ, ««Рогнѣда» и др. новыя опера Сѣрова въ его московск. концертѣ 10 марта», «Соврем. Извѣст.», 1868 г., № 67.—Неизнакомецъ, «Лѣтопись моск. концертовъ», «Антрактъ», 1868 г., № № 8, 11.—Его же, «Нѣск. словъ по поводу «Рогнѣда», «Русскій», 1868 г., № 132.—«Отеч. Зап.», 1869 г., № 6, стр. 268.—С. И., «Русск. опера. Постановка «Рогнѣда», «Голосъ», 1869 г., № 1.—Ц. Юю, «Нѣск. словъ по поводу т. перешняго представл. «Рогнѣда», «Спб. Вѣд.», 1869 г., № № 290, 332, 346.—«Dictionnaire lyrique ou histoire des opéras», par F. Clément et P. Larouse, Paris, 1869—1870, page 585.—Ростиславъ (Ф. М. Толстой), «Музыкальный разборъ «Рогнѣда», Спб., 1870 г.—Ц. Юю, «Музыкальные замѣтки», «Спб. Вѣдом.», 1870 г., № 275.—«Петерб. Газета», 1870 г., № 143.—«Дебютъ Л. Віардо въ «Рогнѣда», «Спб. Вѣд.», 1871 г., № 123.—«Второй дебютъ Л. Віардо», «Новости», 1871 г., № 5.—St.-Petersb. Zeit., 1871 г., № 120 (о томъ же).—«Neue Zeitschrift für Musik», 1871, № 27.—«Петерб. Газ.», 1871 г., № 26.—«Рогнѣда» на кievской сценѣ, «Киевлянинъ», 1872 г., № 133.—«Киевск. Телеграфъ», 1872 г., № 137.—«Музык. Лист.», 1872—1873 г., № № 9, 18 (корресп. изъ Кіева).—П. С., ««Рогнѣда» и «Жидовка», «Одесскій Вѣстникъ», 1873 г., № 99.—«Opéra Russe», «Journal d'Odessa», 1873, № 77; 1874, № № 90, 116.—«Музык. Листокъ», 1873—1874 г., № 18. — «Музык. Свѣтъ», 1874 г., № № 9, 12 (корресп. изъ Екатеринбурга).—Б. Л., ««Рогнѣда» на сценѣ русской оперы», «Русск. Вѣдом.», 1874 г., № 26.—«Киевск. Телеграфъ», 1874 г., № № 5, 9.—Б., «Русская опера», «Одесскій Вѣстн.», 1874 г., № № 94, 121.—«Музыкальная и театральная жизнь въ Москвѣ», «Музык. Свѣтъ», 1875 г., № 4; 1876 г., № 2.—Харьк. Губ. Вѣд., 1876 г., № 9 (ст. К. Галлера).—Н. Карцевъ, ««Рогнѣда» Сѣрова въ бенефисѣ Направника на сценѣ Мариинскаго театра», «Петерб. Листокъ», 1876 г., № 7.—«Всемирн. Иллюстр.», 1876 г., № № 367, 405.—«Казанскій театръ въ 1877—1878 г.», «Музык. Свѣтъ», 1878 г., № 6.—В. Стасовъ, «Послѣдніе два русскія концерта въ Парижѣ», «Новое Вр.», 1878 г., № 935.—«Голосъ», 1878 г., № 260 (корресп. изъ Парижа, П. Зинновцева).—Н. Соловьевъ, «Музык. хроника», «Спб. Вѣдом.», 1878 г., № 254.—«Revue et gasette musicale de Paris», 1778, № 39.—Edmond Hippocrate, «Le troisième concert russe», «L'Evénement», 1878, 24—IX.—Oscar Comettant, «Revue musicale», «Siècle», 1878, 23—IX.—Arthur Heulhard, «Troisième et dernier concert russe», «Voltaire», 1878, 25—IX.—Rostislaw (Толстой), «Quelques mots à propos de la reprise de la «Rognéda» de Sérou», «Journal de St.-Petersb.», 1879, № 311.—«Русск. Музык. Вѣстн.», 1880, № № 26, 27, 30.—«Изъ провинциальной театральной хроники», «Суфлеръ», 1880 г., № № 34, 71 (корресп. изъ Нижн.-Новгородска); № 89 (корресп. изъ Харькова).—«Харьковъ», 1880 г., № 693.—Н. Д.—чъ, ««Рогнѣда» на харьковской сценѣ», «Харьковскія Губернскія Вѣдомости», 1880 г., № 283, 297.—«Первые три симфоническія собрания Русск. музык. общ. въ Москвѣ», «Соврем. Извѣст.», 1881 г., № 322.—Любитель музыки, «Русская опера», «Одесск. Вѣстн.», 1881 г., № 272.—Бекарь, «Русская опера», «Новорос. Телегр.», 1881 г., № 2055.—«Одесск. Листокъ», 1881 г., № 202.—W., «Музык. очерки», «Южный Край», 1882 г., № 679.—«Музык. и Театр. Вѣсты», 1883 г., № № 88, 89 (корресп. изъ Москвы).—К., ««Рогнѣда»», «Нов. Время», 1883 г., № 248.—«Искусство», 1883 г., № 6 (корресп. изъ Харькова).—«Зритель», 1883 г., № 12 (корр. изъ Харькова).—«Южный Край», 1883 г., № 706, 978, 980.—«Харьк. Губ. Вѣд.», 1883 г., № 10, 274.—Риголетто (В. С. Баскінъ), «Сцена и кулисы», «Будильникъ», 1883 г., № 4.—М. Ивановъ, «Музык. обозрѣніе», «Нувеллѣсть», 1884 г., № 6.—Его же, «Возобновленіе «Рогнѣда» на русской сценѣ», «Нов. Вр.», 1884 г., № 3066.—«Новости», 1884 г., № 278.—«Спб. Вѣд.», 1884 г., № 248.—Н. Сомовъ, ««Рогнѣда», тамъ же, 1884 г., № 258.—«Петерб. Газета», 1884 г., № 248 (ст. П. В.).—«Петерб. Листокъ», 1884 г., № 246.—В. Н., «Возобн. «Рогнѣда», «Минута», 1884 г., № 234.—«Южный Край», 1884 г., № 1087, 1361.—Харьк. Губ. Вѣд., 1884 г., № 314.—V. P., ««Démon» de Rouinstein et «Rognéde» de Sérou», «Journal de St.-Petersb.», 1884, № 271.—«Суфлеръ», 1885 г., № 5 (корресп. изъ Казани).—«Театр. Мірокъ», 1885 г., № 1 (корр. изъ Харькова); № 26 (корр. изъ Саратова); № 28 (корр. изъ Самары); № 32 (корр. изъ Н.-Новгорода); № 42 (корр. изъ Казани).—««Рогнѣда»

на казанской сценѣ", „Волжскій Вѣстн.", 1885 г., № 6, 229.—„Казанскіе Новости", 1885 г., № 60.—„Казанскій Биржев. Листокъ", 1885 г., № 133.—„Саратовск. Дневникъ", 1885 г., № 180, 134.—„Сарат. Лист.", 1885 г., № 127.—„Астрах. Справочн. Листокъ", 1885 г., № 110.—„Музык. Обозрѣніе", 1886 г., № 29 (корресп. изъ Казани); 1887 г., № 16 (корр. изъ Харькова); № 27 (изъ Москвы); № 23 (изъ Самары).—Н. С., „Казанск. русск. опера", „Волжск. Вѣстн.", 1886 г., № 45.—„Нов. Время", 1887 г., № 4193, 4197.—Н. Соловьевъ, „Рогнѣда", на русской сценѣ", „Новости", 1887 г., № 238; 1888 г., № 197.—„Петербург. Газета", № 239.—„Петербург. Листокъ", 1887 г., № 240.—„Микута", 1887 г., № 227.—„Свѣтъ", 1887 г., № 139 (ст. Испогнито).—„Русск. Вѣдом.", 1887 г., № 294 (ст. М. К. и.).—„Русск. Курьеръ", 1887 г., № 297.—„Замѣтки дилетанта", „Моск. Листокъ", 1887 г., № 304.—„Новости Дня", 1887 г., № 296.—„Кавказъ", 1887 г., № 3.—„Всемирн. Иллюстрація", 1887 г., № 974, 988, 1018.—„Нов. Обозр.", 1887 г., № 1049.

X. Критическіе отзывы объ операхъ „Вражья сила". Ц. Юп, „Музык. замѣтки". „Спб. Вѣд.", 1868 г., № 66.—„Затишье на русск. оперной сценѣ", „Отеч. Зап.", 1871 г., № 12, стр. 293—294.—„Музык. Свѣтъ", 1871 г., № 5.—П. Макаровъ, „Вражья сила", оп. А. Н. Сырова", тамъ же, 1871 г., № 6.—„Музык. Вѣстн.", 1871 г., № 6.—Ростиславъ (Ѳ. М. Толстой), „Новая опера А. Н. Сырова, „Вражья сила", „Голосъ", 1871 г., №№ 105, 112, 116, 119, 124, (отд. изд., Спб., 1871 г.).—Его же, „Еще нѣск. словъ о „Вражьей силѣ", тамъ же, 1871 г., № 136.—Самъ по себѣ, „Вражья сила". Печальная разсужденія и радостныя надежды", тамъ же, 1871 г., № 113.—Спб. Вѣд.", 1871 г., № 27.—Ц. Юп, „Вражья сила", опера А. Н. Сырова", тамъ же, 1871 г., № 111.—Его же, „Волшебная сказка о Ростиславѣ и Радионопортьѣ", тамъ же, 1871 г., № 114.—„Бирж. Вѣд.", 1871 г., №№ 107, 111 (замѣтка М. Радионпорта и Нила Адмирари).—„Вечерн. Газ.", 1871 г., № 106.—„Петербург. Газ.", 1871 г., №№ 58, 61, 65.—„Петербург. Листокъ", 1871 г., №№ 76, 77.—„Всемирн. Иллюстр.", 1871 г., № 127.—Фигаро, „Новая опера", „Модн. Магаз.", 1871 г., № 9.—„Русская опера", „Ваза", 1871 г., № 17.—„Signale", 1871, № 27 S. 424 (Korresp. aus Petersburg).—Ларошъ, „Вражья сила" на русск. оперн. сценѣ", „Голосъ", 1872 г., № 184.—Ц. Юп, „Вражья сила" Сырова", „Спб. Вѣд.", 1872 г., № 297.—„Новая русская опера", „Нов. Время", 1872 г., № 138.—Л., „L'influence hostile", opéra en 5 actes d'A. Sérow", „Journal de St.-Petersb.", 1872 г., № 299.—R., „A propos du dernier opéra de Sérow", ib., 1872 г., № 319.—„Музык. Лист.", 1872—73 г., № 78.—А. Фамицинъ, „Вражья сила", тамъ же, 1873—74 г., № 10.—Орфей, „Вражья сила" А. Н. Сырова", „Музык. Свѣтъ", 1874 г., № 1.—П. Макаровъ, „Вражья сила" въ настоящемъ сезонѣ", тамъ же, 1874 г., № 10.—Его же, „Нѣск. словъ о возобновл. „Вражьей силы" Сырова", тамъ же, 1875 г., № 1.—„Возобновл. „Вражьей силы", „Голосъ", 1879 г., № 48, 49.—О томъ же, замѣтка М. Иванова въ „Нов. Врем.", 1879 г., № 1339.—„Новости", 1879 г., № 295 (зам. К. Галлерера).—Н. Соловьевъ, „Возобновл. „Вражьей силы" Сырова", „Спб. Вѣд.", 1879 г., № 323.—К. Галлеръ, „Возобн. „Вражьей силы" Сырова", „Молва", 1879 г., № 320.—„Петербург. Газ.", 1879 г., № 225 (зам. П. Зиновьева).—„Петербург. Лист.", 1879 г., № 226 (зам. —).—„Суфлеръ", 1879 г., № 11.—„Всемирн. Иллюстр.", 1879 г., № 569.—Rostislaw (Ѳ. М. Толстой), „Quelques mots sur la reprise de l'opéra posthume Sérow", „Journ. de St.-Petersb.", 1879 г., № 11.—„Русск. Музык. Вѣстн.", 1890 г., № 19.—„Воскресн. Листокъ Музыки", 1880 г., № 11 и 12 (корресп. изъ Харькова).—„Берегъ", 1880 г., № 195.—„Петербург. Газ.", 1880 г., № 213, (стих. Ша-гри).—„Суфлеръ", 1880 г., № 17 (корресп. изъ Харькова).—„Русск. Газ.", 1880 г., № 134.—Sono qui, „Вражья сила", „Киевлянинъ", 1880 г., № 281.—„Заря", 1880 г., № № 35, 37.—„Харьковъ", 1880 г., № 558.—„Харьк. Губ. Вѣд.", 1880 г., № 49 (зам. щ. К.), № 239 (зам. Н. ч.).—„Русск. Музык. Вѣстн.", 1881 г., № № 28, 35.—„Нов. Время", 1881 г., № 2060 („Музык. фельветъ").—Н. Соловьевъ, „Музык. обозрѣніе", „Спб. Вѣд.", 1881 г., № 298.—„Петербург. Газ.", 1881 г., № 278.—О. Я. Левенсонъ, „Опера „Вражья сила" Сырова", „Русск. Вѣд.", 1881 г., № 315.—А. Размадзе, „Вражья сила", „Русск. Курьеръ", 1881 г., № 214.—„Моск. Листокъ", 1881 г., № 98.—Нікесъ и Кікесъ, „Вражья сила", 1881 г., № 47.—„Зритель", 1881 г., № 20.—„Нувеллистъ", 1883 г., № 7.—„Театръ", 1883 г., № 10 (корресп. изъ Харькова).—„Южный Край", 1883 г., № 751.—„Возобн. „Вражьей силы", „Нов. Вр.", 1884 г., № 3113.—„Новости", 1884 г., № 297.—„Русск. Вѣд.", 1884 г., № 296 (зам. А. Размадзе).—Молодой музыкантъ, „Нѣск. словъ о скъжетѣ п музыкѣ послѣдней оперы А. Н. Сырова", „Соврем. Изѣстія", 1884 г., № 302.—„Русск. Курьеръ", 1884 г., № 296.—„Моск. Листокъ", 1884 г., № 294.—В. С. Баскінъ, „Вражья сила".—„Россія", 1884 г., № 41.—„Южный Край", 1884 г., № 1090.—В. С. Баскінъ (патеръ Бембо), „Въ гостяхъ у Мельномены", „Развлечепіе", 1884 г., № 42.—„Итоги московск. казен. и частныхъ театровъ за сезонъ 1884—1885 г.", „Суфлеръ", 1885 г., № 13.—„Театръ и Жизнь", 1885 г., № 114.—Т., „Краткій очеркъ музыки жизни Москвы за истекшій (1884) годъ", „Русск. Вѣд.", 1885 г., № 2.—К., „Итоги истекшаго музык. сезона въ Москве", „Русск. Мыслъ", 1886 г., № 6, стр. 146.—„Баянъ", 1888 г., № 1 (корресп. изъ Киева).—„Портретъ галерея композиторовъ", „Баянъ", 1888 г., № 5, 7, 10.—„Тифліск. Листокъ", 1888 г., № 47.

XI. Отзывы о мелкихъ произведенияхъ: а) Молитва изъ оп. „Майская ночь": „Спб. Вѣд.", 1851 г., № 96.—б) Араканжировка увертюры Бетховена „Корiolанъ": „Отеч. Зап.", 1856 г., № 12, стр. 128—130 (зам. В. В. Стасова).—в) Українскія пѣсни: „Основа", 1861 г., № 6, стр. 143—160 (ст. А. В. Побратима).—„Сѣв. Пчела", 1861 г., №№ 95, 107, 116.—„Сынъ Отеч.", 1861 г., № 18.—„Соврем. Лѣтоп.", 1861 г., № 18.—„Музык. Листокъ", 1875—1876 г., № 16.—г) „Гонакъ": „Голосъ", 1866 г., № 257.—„Спб. Вѣдом.", 1866 г., № 66.—д) „Гречанки": „Спб. Вѣд.", 1867 г., № 151.—е) „Неронъ": „Спб. Вѣд.", 1869, г. № 341.—„Биржев. Вѣд.",

1869 г., № 358.—„Сынъ Отеч.“, 1869 г., № 283.—„Музык. Сезонъ“, 1869—1870 г., № 5.—ж.) „Ave Maria“: „Голосъ“, 1871 г., № 29, 45.—„Иллюстр. Газ.“, 1871 г., № 6.—„Музык. Свѣтъ“, 1875 г., № 3.—з) „Пляска запорожцевъ“: „Музикальн. Свѣтъ“, 1877 г., № 43.

XII. Статьи и замѣтки о критической дѣятельности и лекціяхъ Сѣрова. А. Д. Улыбашевъ, „Письмо къ редактору“, „Музык. и Театр. Вѣстн.“, 1856 г., №№ 14, 19.—К. Званцовъ, „Г-нъ Мейерберъ, г. Сѣровъ въ г. Архопольдъ“, тамъ же, 1856 г., № 17.—Его же, „Лекціи А. Н. Сѣрова“, тамъ же, 1856 г., № 9.—Ростиславъ (Ф. М. Толстой), „Г-нъ Сѣровъ въ общирная программа его дѣятельности“, „Сѣв. Пчела“, 1856 г., №№ 35, 125.—Его же, „Бетховенъ, критики и толкователи его произведеній“, тамъ же, 1856 г., №№ 192, 193, 197 и отд., Спб., 1856 г., стр. 15, 21, 23, 26, 27.—Его же, „Дѣя современныя знаменитости, г. Лазаревъ и г. Сѣровъ“, тамъ же, 1856 г., № 121.—Его же, „Небывалое явленіе въ пѣвческихъ русской полемики“, тамъ же, 1856 г., № 217.—Его же, „Неудачная выноска и неумѣстная радость главного сотрудника «Музык. и Театр. Вѣстника»“, тамъ же, 1856 г., № 269.—Его же, „Лжемурованіе непозвѣстнаго музыканта на счетъ «Гугенотовъ»“, тамъ же, 1856 г., № 275.—Его же, „Письмо въ редакцію“, „Спб. Вѣд.“, 1856 г., № 142.—Его же, „Chronique musicale“, „Journ. de St.-Petersb.“, 1856 г., № 266.—Его же, „Музикальны бѣсѣды“, „Сѣв. Пчела“, 1859 г., № 33.—Его же, „Окончательная расправа съ самозавистомъ“, „Музык. и Театр. Вѣстн.“, тамъ же, 1859 г., № 105.—Его же, „О пропагандѣ критиковъ-самозавистцевъ“, тамъ же, 1859 г., № 130.—Его же, „Музикальны бѣсѣды“, „Голосъ“, 1871 г., № 265.—Его же, „Un coup de griffe à l'en droit des détracteurs du defunt Sérow“, „Journ. de St.-Petersb.“, 1871, № 44.—Юрій Арнольдъ, Мейерберъ и Сѣровъ, „Сѣв. Пчела“ 1856 г., № 73.—Его же, „Бетховенъ, его критики и толкователи“, „Музык. и Театр. Вѣстн.“, 1857 г., № 21.—Его же, „Лекціи г. Сѣрова о музыке“, „Сынъ Отеч.“, 1859 г., №№ 9, 10.—Его же, „Отвѣтъ“, „Сѣв. Пчела“, 1862 г., № 278.—Fr. Liszt, „Ulibischeff und Seroff“, „Neue Zeitschrift für Musik“, 1858. Bd. 48, № 1.—M. Р(апиногрт.), „Концерты и вѣсти изъ артистич. міра“, „Сынъ Отеч.“, 1861 г., № 13.—Его же, „Мейерберъ и его портреты“, тамъ же, 1864 г., №№ 120, 123.—B. В. Стасова, „И мое последнее слово гг. Кукольнику и Сѣрову“, „Истории при афишахъ“, 1862 г., № отъ 6 юня.—Его же, „Музикальны письма Гейне въ русскомъ переводе“, „Спб. Вѣдом.“, 1867 г., № 38.—Его же, „Композиторское письмо“, тамъ же, 1868 г., № 332.—Его же, „Писатель по призванию“, тамъ же, 1869 г., № 24.—Его же, „Музикальны жизнъ“, тамъ же, 1869 г., № 154.—Д. В. Аверкіевъ, „По поводу лекцій А. Н. Сѣрова“, „Якорь“, 1863 г., № 33.—Ц. Кюп, „Отвѣтъ г. Сѣрову“, „Спб. Вѣд.“, 1864 г., № 69.—Его же, „Первый номеръ «Музыка и Театръ»“, тамъ же, 1867 г., № 87.—Его же, „Полугодовая дѣятельность газ. «Музыка и Театръ»“, тамъ же, 1867 г., № 297.—Его же, „Мальбуругъ въ походъ собрался“, тамъ же, 1867 г., № 317.—

Его же, „Еще одна галюцинація г. Сѣрова“, тамъ же, 1868 г., № 23.—Его же, „Послѣдний концертъ Русск. музык. общества“, тамъ же, 1868 г., № 43.—Его же, „Мои постыденія великопостныхъ концертовъ“, тамъ же, 1868 г., № 66.—Его же, „Коррекція г. Сѣрова“, тамъ же, 1869 г., № 132.—Дм. Ив. Лобаковъ, „По поводу отвѣта г. Сѣрову“, „Голосъ“, 1864 г., № 129.—Незнакомецъ (А. С. Суворинъ), „Г-нъ Ростиславъ и г. Сѣровъ“, „Спб. Вѣд.“, 1867 г., № 110.—Его же, „Еще о непостоянствѣ г. Ростислава“, тамъ же, 1867 г., № 136.—Его же, „Недѣльные очерки изъ картишки. Г-нъ Сѣровъ“, тамъ же, 1869 г., № 149.—„Сѣверн. Пчела“, 1864 г., № 10 (о лекціяхъ Сѣрова).—„Якорь“, 1864 г., № 20 (о томъ же).—„Музык. Сезонъ“, 1869—1870 г., №№ 11, 13, 16 (о томъ же).—„Голосъ“, 1870 г., № 7 (о томъ же).—„Соврем. Лѣтоп.“, 1871 г., № 7 (замѣтка Лароша).

XIII. Юмористическія статьи и картикатуры. „Искра“, 1859 г., № 49; 1861 г., №№ 13, 21; 1865 г., №№ 45, 47, 48; 1866 г., № 1; 1877 г., №№ 7, 44.—„Сынъ Отеч.“, 1858 г., № 11.—„Модный Магазинъ“, 1865 г., № 24; 1866 г., № 17; 1867 г., №№ 9, 11.—„Современникъ“, 1865 г., № 10, стр. 250—257.—„Вудильники“, 1865 г., №№ 47, 85, 91, 95, 96, 97, 100; 1867 г., №№ 18, 49; 1880 г., № 45; 1883 г., № 4.—„Гуточки“, 1862 г., № 12, 35.—„Спб. Вѣд.“, 1867 г., № 358.—„Музык. Свѣтъ“, 1877 г., № 6.—„Развлеченіе“, 1884 г., № 42.

XIV. Портреты Сѣрова. „Русск. Сцена“, 1865 г., № 1.—„Музык. Свѣтъ“, 1866 г., № 1.—„Kvety“ (Prag), 1868 г., № 47.—„Всемирн. Иллюстр.“, 1871 г., №№ 109, 127.—„Семейные Вечера“, 1871 г., № 4.—„Journal de St.-Petersb.“, 1871, № 205.—Масляни красками, работы Н. Н. Ге, въ 1871 г.—„Иллюстр. Газета“, 1871 г., № 6.—„Сияние“, 1872 г., № 7.—Отдѣльн. гравюра, работы В. Боброва, 1876 г.—„Русск. Старина“, 1880 г., № 12.—Отд. въ краскахъ, раб. В. В. Стасова (наход. въ бѣл. училиши правовѣдѣнія).—„Нувеллистъ“, 1888 г., № 1.—Къ книгѣ И. Перепелѣцына „Очерки по истории музыки въ Россіи“ п. „Биограф. очеркъ Л. Н. Сѣрова“, Базунова.

Сѣровъ, Павелій Александровичъ, знаменатый граверъ на деревѣ, родился 28 января 1824 г., на дорогѣ изъ Бѣлъска (Тульской губ.) въ Жиздрѣ (Калужск. губ.), умеръ въ 1881 г. въ Ницѣ. Отецъ его былъ крѣпостной крестьянинъ села Хлопова, Солигаличскаго уѣзда, Костромской губ., принадлежалъ помѣщику Макавьеву, человѣку грубому и властному, и съ юныхъ лѣтъ проживалъ въ Петербургѣ, въ мальчикахъ при желѣзныхъ лавкахъ своихъ братьевъ. Женился Сѣровъ-отецъ на крестьянкѣ изъ села Хлопова и послѣ женитбы началъ вести разгульную жизнь. Помѣщикъ вы требовалъ его въ деревню и въ 1820 г. забралъ въ солдаты. Онъ поступилъ слесаремъ въ 3-й карабинерный полкъ Гренадерскаго корпуса; былъ онъ человѣкъ не

безъ способностей: кромѣ слесарства онъ былъ часовщикомъ и даже въ нѣкоторомъ родѣ рѣзчикомъ, такъ, напр., искусно рѣзаль буквы на стали для штампованиія на солдатскихъ погонахъ шифровъ полка. Дѣтскіе годы Съяковъ-сынъ провелъ въ странствіи за полкомъ, въ которомъ служилъ его отецъ; былъ въ Старой Руссѣ, въ селѣ Перегино (Новгор. губ.). На седьмомъ году его начали учить грамотѣ; первый учитель его былъ унтер-офицеръ Остроумовъ, который преподавалъ ему, кромѣ чтенія и письма, цифры, часословъ и псалтырь. На глазахъ мальчика происходилъ бунтъ военныхъ поселеній и наказаніе виновныхъ. Приблизительно съ 1832 г. мальчикъ оставленъ былъ при полку принца Оранского кантонистомъ и въ слѣдующемъ году сдѣланъ полковымъ пѣвчимъ. Жизнь мальчиковъ кантонистовъ была тяжела и невесела, а пѣвчимъ доставалось и того хуже; С. пришлось испытать и выстрадать все: холода, голодъ, неспособный трудъ и всякаго рода униженія. Съ 1836 г. его сдѣлали полковымъ музыкантомъ (на флейтѣ), но года черезъ два, вслѣдствіе болѣзни груди, его выписали изъ музыкантовъ и въ апрѣль 1838 г. помѣстили въ Псковской полубаталіонъ военныхъ кантонистовъ. С. долженъ былъ заниматься въ кантонистаріи (писцомъ),ходить на спѣвки и посѣщать классы; несть и фронтовую службу наравнѣ съ другими солдатами. Въ военной школѣ кантонистовъ онъ успѣлъ изучить алгебру и геометрію и весьма недурно рисовалъ; изъ другихъ предметовъ въ классахъ преподавали фортификацію, низшую геодезію, топографическую съемку, рекрутскую службу, весь строевой уставъ, всѣ построенія и т. д. Рисовалъ онъ настолько хорошо, что портретъ его работы, Императора Николая I, былъ повышень въ классѣ полубаталіона. Онъ сдѣланъ былъ французскимъ карандашомъ и очень хорошо.

Въ апрѣля 1840 г. 18-лѣтняго С. зачислили, въ рангѣ рядового солдата, учителемъ въ баталіонъ кантонистовъ. Эта служба была чрезвычайно тяжелой, крайне ответственной, отнимала все свободное время и сильно тяготила С. Онъ началъ хлопотать, и въ 1843 г. его перевели въ Петербургъ писаремъ въ департаментъ военныхъ поселеній. Писарскія занятія въ кантонистаріи продолжались съ 8 ч. утра до 3 ч. дня.

Остальное время оставалось свободнымъ, и С. предался чтенію и рисованію. Онъ прочиталъ сочиненія моднаго въ то время Марлинскаго, Лермонтова и др. авторовъ. Еще во Псковѣ онъ прочиталъ «Героя нашего времени», а «Евгения Онѣгина» выучилъ наизусть. Много времени отнимала у С. переписка всеподданѣйшихъ до-кладовъ, которые поручались именно ему вслѣдствіе его прекраснаго почерка: онъ писалъ ихъ иногда цѣлую ночь напролѣтъ. Начальникъ топографовъ, полковникъ Поповъ, обратилъ вниманіе на рисунки С. и нашелъ, что ни одинъ изъ его топографовъ такъ не чертить. Послѣ этого С. сдалъ экзаменъ и сдѣланъ былъ топографомъ. Въ слѣдующемъ году къ нему пріѣхала мать, и чтобы имѣть для нее квартиру и средства жизни, С. взялъ мѣсто дворника (на Пескахъ), которое исправлялъ 8 мѣсяцевъ. Въ это время ему случайно попался гравированный листокъ изъ одного французскаго изданія «Тысяча и одна ночь». С. догадался, что это не литографія, а нѣчто другое, что въ этомъ рисункѣ каждая линія дѣлается на доскѣ рельефомъ, точно такъ, какъ типографскія буквы, и что такимъ образомъ этотъ рисунокъ печатается виѣстъ съ наборомъ. Зантересованный такимъ открытиемъ, С. на кускѣ березового дерева попробовалъ вырѣзать перочиннымъ ножомъ какой-нибудь рисунокъ. Но дерево не годилось для этого. Въ Гостиномъ дворѣ онъ узналъ, что для вырѣзыванія существуютъ особо приготовляемыя дощечки. Доставъ ихъ у столяра Вагнера, С. принялъся гравировать перочиннымъ ножомъ, безъ всякихъ указаній и совѣтовъ. Объ этомъ узнали его товарищи-сослуживцы; одинъ изъ нихъ, писарь Антоновъ, указалъ на С. въ магазинѣ Смирдина, где искали гравера, такъ какъ въ то время въ Россіи почти совсѣмъ не было граверовъ и гравюры дѣлались за границей. С. пошелъ въ магазинъ Смирдина, встрѣтился тамъ съ однимъ учителемъ, Студицкимъ, который и заказалъ ему 15 рисунковъ для дѣтской книжки: «Путешествіе вокругъ свѣта». Тутъ были, между прочимъ, рисунки: «С.-Бернарская собака», «Рицъ», «Площадь въ Римѣ». Каждый мелкій рисунокъ С. дѣлалъ по нѣсколько дней.

Въ 1847 г. С. случайно познакомился съ княземъ В. Ф. Одоевскимъ, которому

онъ сдѣлалъ топографический планъ его имѣнія, находящагося около Нарвы. Князь, узнавъ, что молодой топографъ гравируетъ на деревѣ, рекомендовалъ его Н. В. Кукольнику, который въ то время издавалъ «Иллюстрацію» и нуждался въ граверахъ. Въ то время гравировали на деревѣ только баронъ Клодтъ, баронъ Нетельгорстъ и Дерикеръ. Съ этого времени С. началъ работать для «Иллюстраціи». Узнавши, что С. рѣжетъ гравюры перочиннымъ ножомъ, Кукольникъ выписалъ для него особые инструменты, употребляемые при гравировании; съ ними С. весьма быстро освоился, и работа пошла несравненно скорѣе. Уже и тогда его рисунки оказывались лучшими, и Булгаринъ очень расхваливалъ его въ «Сѣверной Пчѣль».

С. стала въ глазахъ своего начальства въ нѣкоторомъ родѣ величиною, и для него сдѣланы были нѣкоторыя послабленія: онъ могъ уходить со службы во всякое время, а въ субботу и совсѣмъ не приходить. У Кукольника С. познакомился и встрѣчался съ Булгаривымъ, гр. Соллогубомъ, М. И. Глинкой, П. А. Каратыгинъ, К. П. Брюловымъ, Бруни,—однимъ словомъ, вошелъ въ артистические и литературные кружки.

По совѣту Кукольника и др., которые замѣчали необыкновенный талантъ С., онъ рѣшилъ выхлопотать разрѣшеніе посѣщать классы академіи. Но директоръ департамента баронъ Н. И. Корфъ, главный его начальникъ, узнавъ о такомъ желаніи рядового солдата-топографа, пришелъ въ негодованіе и яростъ, грозилъ даже арестантскими ротами и учинилъ С. бурную нотацію. Однако Кукольникъ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій сталъ хлопотать передъ военнымъ министромъ А. И. Чернышевымъ, который доложилъ Государю, и тогда по Высочайшему повелѣнію С. разрѣшено было посѣщать классы академіи (съ 1847 г.), хотя онъ числился по-прежнему на службѣ топографомъ.

Ему было въ это время 23 года. Выйдя на настоящій свой путь, С. всею душою предался своему дѣлу и усердно посѣщалъ академію художествъ. Онъ поступилъ въ классъ рисования головъ съ натуры. Чрезъ два мѣсяца его перевели въ слѣдующій классъ, а еще черезъ мѣсяцъ—въ классъ гипсовой головы. Уже въ это время С. проявлялъ самостоятельность: рисуя

французскимъ карандашомъ, онъ не слѣдовалъ рутинной методѣ выѣзжавшія штриховъ и добивался лишь, чтобы свѣтъ и тѣни помѣщались на своемъ мѣстѣ, чтобы быть схваченъ моментъ и какъ можно вѣрнѣе переданы фигуры. На ряду съ занятіями въ академіи С. продолжалъ гравировать для «Иллюстраціи»; это все отнимало такъ много времени, что онъ работалъ иногда ночи напролѣтъ. Императоръ Николай I вспомнилъ кабъ-то про «топографа - самуучку» и пожелалъ узнать, успѣваетъ ли онъ въ академіи. Чтобы доказать, что онъ пользуется какъ слѣдуетъ разрѣшеніемъ, С. срисовалъ съ натуры солдата Кавалергардскаго полка въ полной формѣ, унтер-офицера Преображенскаго полка, также въ полной формѣ, и солдата Семеновскаго полка, составилъ группу изъ трехъ лицъ, награвировалъ ихъ на деревѣ, отпечаталъ на бристольской бумагѣ и сдѣлалъ маленький альбомъ изъ 15 рисунковъ. Кукольникъ представилъ этотъ альбомъ военному министру Чернышеву, а послѣдній Государю, который остался доволенъ успѣхами С. и приспалъ девяжью награду. Черезъ годъ С. познакомился съ барономъ К. К. Клодтомъ, который высоко цѣнилъ его гравюры (напримѣръ «Холмогоры») и пригласилъ его вступить въ только что образовавшуюся небольшую мастерскую. Въ ней участвовали Лингъ, Юю и Бернардъ, а завѣдывала ею баронъ Клодтъ. За готовую квартиру и за 50 руб. въ мѣсяцъ С. сталъ работать въ этой мастерской. Тогда же онъ познакомился съ знаменитымъ скульпторомъ П. К. Клодтомъ и съ нѣсколькими литераторами. Работы для «Иллюстраціи» отвлекли его отъ академіи, потому онъ заболѣлъ тифомъ и вслѣдствіе всего этого около 8 мѣсяцевъ не посѣщалъ классовъ. Въ 1849 г. «Иллюстрація» прекратила свое существование. С. вновь сталъ посѣщать классы академіи и сталъ выказывать прежніе успѣхи. Въ 1852 г. онъ рѣшилъ бросить гравирование и заняться живописью. Шерѣхавъ на дачу вмѣстѣ съ барономъ Клодтомъ, онъ все лѣто писалъ этюды съ натуры. Но нужда въ деньгахъ заставила его призадуматься о своемъ положеніи и о будущемъ. Онъ сообразилъ, что художниковъ много, а граверовъ почти нѣть и спросъ на нихъ весьма большой. Кроме того врожденная любовь къ гравированию и предчувствіе своихъ силъ въ

этомъ дѣлъ побуждали его взяться за эту отрасль искусства и поставить ее на высокую степень совершенства. Такимъ образомъ онъ бросилъ живопись и снова принялъ за гравированиемъ съ такихъ оригиналовъ, каковы произведения знаменитыхъ граверовъ: Одранъ, Уиль, Клауберъ (учитель Уткина) и др. Онъ началъ также чертить перомъ, тушью и изучать манеру штриха. При этомъ онъ предъявлялъ къ себѣ необыкновенно строгія требования и отъ каждого неудавшагося штриха приходилъ въ отчаяніе. Стремясь достичнуть совершенства копируемаго оригинала и видя, что это ему еще не удается, С. иногда буквально обмывалъ слезами доску. Въ отчаяніи онъ даже помышлялъ совсѣмъ бросить это дѣло; но усилия даромъ не прошли, и скоро онъ сталъ замѣтать, что у него кое-что выходитъ хорошо, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. С. даже поселился поближе къ академіи, чтобы чаще посѣщать ее. По собственному его признанію, рѣшительное вліяніе на его работы имѣли слѣдующіе профессора: Ф. А. Бруни, граверъ Уткинъ, Іорданъ, граверъ на мѣди Бруни раньше другихъ обратилъ вниманіе на С., больше всѣхъ ободрялъ его. По его же выбору или указанію С. приготовлялъ работы на званіе свободного художника и академика. Когда С. для получения званія свободного художника рѣшилъ просить программу по гравированию на деревѣ, то конференцъ-секретарь академіи Григоровичъ рѣшительно отговаривалъ его отъ такого несбыточного, будто бы даже чистого предпріятія, потому что, по его мнѣнію, гравирование на деревѣ вовсе не искусство, и граверъ на деревѣ въ состояніи сдѣлать развѣ какую-нибудь виньетку, а не серьезную вещь. Дѣйствительно, до С. гравирование на деревѣ не считалось самостоятельной областью искусства, и въ академіи не задавали соответственныхъ программъ. Однако С. настоялъ на своемъ, и въ концѣ 1852 г. совѣтъ академіи поручилъ профессору Ф. А. Бруни, завѣдывавшему Эрмитажемъ, назначить картину, съ которой С. долженъ былъ рисовать. Выбрали голову старика въ профиль—этюдъ Рембрандта. С. работалъ очень усердно; вскорѣ рисунокъ былъ представленъ въ совѣтъ, который одобрилъ и позволилъ гравировать съ него. Все лѣто, т. е. около 3 мѣсяцевъ, С. занимался гравированиемъ

съ этого рисунка. Въ октябрѣ 1853 г. онъ окончилъ свою работу и представилъ ее къ предстоящему экзамену. Бруни, Шебуевъ, Уткинъ и др. профессора были въ восхищении отъ работы С. и находили ее небывалою вещью. Уткинъ, послѣ долгаго разсмотрѣнія гравюры, сказалъ: «Что же послѣ этого значить гравюра на мѣди, когда на деревѣ такія вещи дѣлаются». Въ академическомъ мірѣ ходилъ даже слухъ, что С. за его работу хотѣли дать прямо званіе академика, но такъ какъ онъ былъ нижнимъ чиномъ, то это казалось затруднительнымъ, и ему дали званіе свободного художника, а въ департаментѣ военныхъ поселеній начальству С. сообщено было, что онъ выказалъ необыкновенно хорошіе успѣхи въ гравировании на деревѣ. Императоръ Николай I, посѣтившій (въ декабрѣ 1853 г.) академическую выставку и видѣвшій гравюры С., сказалъ: «надо его поддержать». По Высочайшему повелѣнію С. «за необыкновенный талантъ» произвели въ регистраторы, дали мѣсто въ военномъ министерствѣ, выдали денегъ на обмунированіе и совершенно освободили отъ всякихъ служебныхъ занятій, а совѣтъ академіи назначилъ ему программу на званіе академика. Всегда же Бруни предложилъ ему рисовать и гравировать съ картины Рембрандта «Невѣrie св. Фомы». С. расовалъ съ этой картины довольно долго и только въ маѣ 1857 г. представилъ свой рисунокъ въ совѣтъ академіи художествъ. Онъ вышелъ очень удачнымъ, и объ этомъ можно судить по тому, что совѣтъ академіи не только одобрилъ его, но еще рѣшилъ представить его Императору Александру II, «какъ примѣръ необыкновенного таланта, удивительного копирования каждого взмаха Рембрандта». Рисунокъ былъ дѣйствительно представленъ Государю, и С. пожаловано 500 рублей. Съ удвоенной энергией принялъ С. за исполненіе академической программы, и весной 1858 г. работа была готова и представлена въ академію. Профессора хвалили представленную работу, находили, что она выполнена отлично, но по настоянію Ф. И. Іордана С. не дали званія академика, на томъ основаніи, что онъ не исправилъ рисунокъ Рембрандта, а оставилъ его съ тѣми несовершенствами, какъ онъ есть. Взамѣнъ этого званія С. сдѣлали пенсионеромъ академіи и отправили за границу

(23 сентября 1858 г.) на одинъ годъ для усовершенствованія своего таланта. Прибывъ въ Парижъ, С. отправился къ граверу Бесту, основателю и издателю журнала «Magasin Pittoresque», показалъ ему свои работы (между прочимъ голову съ Рембрандта, за которую получилъ званіе свободного художника) и просилъ у него позволенія заниматься въ его мастерской. Бестъ, разсмотрѣвъ работу, говорилъ, что С. нечemu учиться въ его ателье, такъ какъ его работа вполнѣ хороша, но уступилъ настоятельной просьбѣ С. и принялъ его къ. С. былъ очень доволенъ мастерской Беста и всѣмъ заведеннымъ въ ней порядкомъ. Работалъ онъ усидчиво и всѣмъ скоро сталъ получать отъ Беста хорошия деньги: съ первого раза его поставили на раду съ лучшими граверами и платили ему отъ 10 до 30 франковъ въ день. За второй мѣсяцъ Бестъ выдалъ ему уже 800 франковъ, и съ этого времени С. началъ дѣлать портреты. Первымъ его гравернымъ портретомъ былъ съ извѣстнаго живописца Декана. Эту работу въ Парижѣ очень высоко ставили и удивлялись ей, какъ шедевру искусства. Подъ нею С. подписался по-русски; остальные же работы были подписаны уже по-французски. Онъ сдѣлалъ еще портреты де-Лакруа, Форстера, Энгра, Галеви, Гораса, Вернета, Рюда и много другихъ. У Беста бывали заказы отъ римскаго папы, которые С. тоже иногда исполнялъ. Онъ работалъ также для «Исторіи Испаніи», для Изабеллы, для «Французской исторіи» и пр. Бестъ такъ дорожилъ русскимъ граверомъ, что просилъ его не работать у другихъ издателей. С. былъ съ нимъ на дружеской ногѣ. Помимо гравированія С. рисовалъ въ Луврской картинной галлерѣ. Будучи вообще любознательнымъ, онъ посѣщалъ всевозможныя галлереи Парижа, путешествовалъ по сѣверу Франціи, посѣщалъ разные города,ѣздилъ въ Испанію до Мадрида, оттуда на Гибралтаръ, въ Малагу и обратно въ Парижъ черезъ Марсель. Онъ интересовался исторіей гравернаго дѣла, познакомился съ нимъ основательно и изучилъ граверное дѣло во всѣхъ деталяхъ. Черезъ два года послѣ отѣзда изъ Россіи онъ получилъ заказъ изъ Киево-Печерской лавры—награвировать нѣсколько изображеній святыхъ съ лубочныхъ рисунковъ прошлаго столѣтія. Лавра обратилась къ

нему потому, что еще въ академіи онъ работалъ для нея, и монастырь таѣ цѣнилъ его работы, что къ нему прїѣзжали въ Петербургъ два іеромонаха съ предложеніемъ поселиться у нихъ. Ему предлагали хорошую плату, цѣлый домикъ подъ квартиру, содержаніе, прислугу и даже лошадей изъ конюшенья митрополита. Къ концу своего пребыванія въ Парижѣ С. сдѣлался настолько извѣстенъ своими работами, что Барбантъ, однѣ изъ хорошихъ граверовъ Парижа, предлагалъ ему составить ассоціацію изъ лучшихъ граверовъ и основать ателье на широкую ногу, гарантировуя ему 10 тысячъ франковъ годового дохода, съ тѣмъ условиемъ, чтобы онъ остался во Франціи навсегда. Но С. тянуло уже въ Россію, и въ февралѣ 1863 г. онъ покинулъ Парижъ и отправился въ путешествіе. Онъ проѣхалъ Швейцарію, былъ въ Женевѣ, гдѣ осматривалъ мастерскую Калима и городской музей; обѣхалъ Италию до Неаполя, былъ въ Римѣ и осмотрѣлъ всѣ галлереи съ Ватиканомъ включительно. Въ сентябрѣ онъ прибылъ въ Германію, а въ началѣ 1864 г. возвратился въ Петербургъ. Въ томъ же году въ сентябрѣ онъ выставилъ свои работы въ академіи художествъ и получилъ за нихъ званіе академика по гравированию на деревѣ. Это былъ первый случай, когда за гравированіе на деревѣ дали званіе академика. По пріѣздѣ изъ-за границы первой работой С. была гравюра-антиминсъ, исполненная имъ по порученію св. синода съ рисунка Ф. Г. Солиццева. За эту работу С. получилъ 900 рублей. Потомъ имъ исполнены: картины къ акафистнику и другимъ молитвеннымъ книгамъ изданія Киево-Печерской лавры, тоже по рисунку Солиццева. Съ этого времени растетъ извѣстность С., и его заваливаютъ работами. До 1870 г. все время заказы дѣлались и изъ Парижа. Съ января 1865 г. С. началъ преподавать граверное искусство въ школѣ для приходящихъ, поѣвшавшихъ въ зданіи биржи. Онъ обучалъ ученицъ, на одной изъ которыхъ, А. А. Гавриловой, потомъ женился (1868). Около этого времени С. работалъ надъ своей лучшей гравюрой, надъ портретомъ Императора Александра II. Въ октябрѣ 1866 г. она была окончена, представлена Государю, заслужила Высочайшее одобрение, а С. получилъ денежнѣе вознагражденіе и званіе «гравера Его Величества съ

причисленiemъ къ Эрмитажу». Съ 1870 г. С. сталъ работать для «Русской Старины», и лучшія гравюры его за послѣднее время— множество портретовъ русскихъ дѣятелей— были именно для этого журнала. Для общества поощренія художниковъ онъ исполнилъ портретъ Кокорина (1870); ему принадлежать и картинки для книги «Павловскъ» (Спб. 1877 г.). Въ 1873 г. онъ лишился жены. Въ 1876 г. онъ женился во второй разъ и уѣхалъ за-границу, такъ какъ разстроенное здоровье его требовало теплого климата. Онъ жилъ неперемѣнно то въ Парижѣ, то въ Ниццѣ, гдѣ и умеръ отъ чахотки 2 января 1881 г. Почти наканунѣ смерти ему назначена была пенсія въ размѣрѣ 800 рублей, которою ему не довелось воспользоваться.

С. былъ честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ; его обращеніе исполнено было ласки, доброты и мягкости. Среди своихъ учениковъ онъ пользовался безграничными уваженіемъ. Онъ образовалъ цѣлую школу русскихъ граверовъ на деревѣ. Въ числѣ его учениковъ можно назвать: Кубло, П. Ф. Борисова, В. В. Маттэ, И. И. Матюшина, Г. И. Грачева, К. Крюгера, Я. Я. Яненко и др. Работы С. весьма многочисленны. Почти всѣ гравированные на деревѣ портреты, приложенные къ «Русской Старинѣ» (до 1881 г.), принадлежать его рѣзцу. Изъ нихъ особенно замѣчательны по художественности портреты пѣвца бывшаго Рябинина, Барона, статсъ-дамы Натальи Лопухиной, тайного секретаря Петра III Дмитрия Волкова, Емельяна Шугачева, А. Т. Болотова, основателя Харьковскаго университета Каразина, Грибоѣдова и др.

Художническую дѣятельность С. можно раздѣлить на три периода. Къ первому относятся посредственаго достоинства гравюры 1845—1849 гг. для дѣтской книжки Студенцаго и для «Иллюстраціи». Послѣ того какъ онъ прошелъ строгую школу въ академіи художествъ, начинается второй периодъ его дѣятельности, въ который со-зданы имъ многія превосходныя гравюры, напримѣръ голова съ Рембрандта, портреты, гравированные имъ въ Парижѣ для «Magasin Pittoresque», и портретъ Императора Александра II. Съ 1870-хъ годовъ наступаетъ третій и послѣдній пе-риодъ дѣятельности С.: подъ его руководствомъ работаетъ цѣлая граверная мастер-

ская и выпускаетъ громадное количество едва съ помѣтою «С. и К.». Въ этотъ періодъ, заваленный слѣшными заказами, С. дѣлалъ иногда очень обыкновенную ксилографію. Всѣхъ гравюръ, принадлежащихъ несомнѣнно рѣзцу С., насчитываютъ до 500, а дѣланыхъ въ его мастерской, пройденныхъ и подправленныхъ имъ,— до 900.

Сѣраковъ работалъ для слѣдующихъ изданій: «Всемирной Иллюстраціи» (62 гравюры), «Сказки, рассказы, очерки и рѣчи Лабуля», «Нива» (1870—1873), «Русская Старина» (1870—1881), «Семья и школа», «Народныя сказанія. Сборникъ для юношъ» (Спб. 1871), «Исторія русской литературы» Полевого (Спб. 1872), «Сказки Кота-Мурлыки» (Спб. 1872), «Сборникъ рукописей, представленныхъ Наслѣднику Цесаревичу о Севастопольской оборонѣ севастопольцами» (Спб. 1872—1873), «Отечественная исторія» Рождественского (Спб. 1873, 1875, 1877, 1880), «Модный Свѣтъ», иллюстрированный журналъ (Спб. 1874), «Русская Библиотека», «Кругозоръ» (Спб. 1876), «Павловскъ» (1777—1877) и др.

Архивъ Импер. академіи художествъ. Дѣло о Сѣраковѣ.—Петровъ, «Сборникъ материаловъ для исторіи академіи художествъ».—«Русская Старина», 1875 и 1881 г.—Некрологъ: «Новое Время», 1881 г., № 1745; «Голосъ», 1881, № 5.—Ровинскій, «Словарь русскихъ граверовъ».—Булгаковъ, «Наши художники», Спб. 1893.

Сэнъ-Жульенъ, Шарль, литераторъ и лекторъ французскаго языка и исторіи французской литературы при Петербургскомъ университѣтѣ. Родился во Франціи, гдѣ провелъ юность и первые годы зрѣлой жизни. Учился въ гимназіи, а затѣмъ слушалъ лекціи на философскомъ факультетѣ Парижскаго университета. Убѣжденный приверженецъ династіи Карла X, онъ послѣ юльской революціи вынужденъ быть эмигрировать въ Россію, гдѣ въ 1831 г. былъ приглашенъ старшимъ лекторомъ французскаго языка и исторіи французской литературы на филологическомъ факультетѣ Петербургскаго университета. Совершенно не говоря по-русски, лекціи свои читалъ на французскомъ языкѣ и при преподаваніи послѣдняго, согласно тогдашнему обычаю основываясь въ изложеніи предмета на какомъ-нибудь авторитетѣ,

придерживался грамматики Летелье и «толковаль о слогѣ» по Лагарпу, Батте, Мармонтолю и Вильмену. Что же касается его лекцій по «критическому изложению исторіи французской литературы» (съ 1797 до 1830), то въ нихъ С. основывался на авторитетѣ Шенѣ и тѣхъ же Вильмена и Лагарпа, однако въ этомъ случаѣ не было слѣпымъ послѣдователемъ. Многія идеи, мысли и наблюденія, изложенныя въ этихъ лекціяхъ, принадлежали ему лично. Литераторъ и даже немножко поэтъ, поклонникъ Ламартина и Виктора Гюго, почитатель Огюстена Тьери, слушавшій въ Парижѣ лекціи Гизо и Вильмена, онъ «внесъ въ свой курсъ исторіи французской литературы, чо свидѣтельству современниковъ, идеи, поражавшія новостью слушателей и приготовлявшія въ нихъ цокотѣніе съ иными литературными взглядами и вкусами». Въ кругъ его дѣятельности входили, между прочимъ, также и упражненія студентовъ въ сочиненіяхъ разнаго содержанія по лучшимъ классическимъ риторамъ, и эти упражненія онъ велъ съ большию успѣхомъ. По курсу исторіи французской литературы онъ составлялъ собственные записи, которые въ переработанномъ видѣ въ 1835 г. вышли въ свѣтъ (тримя книжками) подъ заглавиемъ: «Cours de la littérature française fait à l'université Imper. de St-Petersbourg en 1832—1834». Къ той же научно-педагогической области относятся и слѣдующія его напечатанныя въ Петербургѣ книги: «Histoire et littérature des sciences, cours professé à l'institut des voies de communications», «Livre de lecture pour la langue française» (начальная хрестоматія на французскомъ и русскомъ языкахъ, принятая въ число руководствъ по министерству народного просвѣщенія), «Cours méthodique et général de composition, appliquée à la langue française» (1845 г., изд. на счетъ минист. нар. просв.). Литературная дѣятельность С. не ограничивается однако областю педагогики. Небольшая книжка стихотвореній подъ заглавиемъ «Les premiers chants du poète» была имъ издана еще въ Парижѣ, въ 1829 г. Пропутешествовавъ въ 1834 г. по Финляндіи, онъ напечаталъ описание этой поездки подъ заглавиемъ «Impressions et souvenirs de Finlende»; къ 1840 г. относится его работа «Guide du à St-Petersbourg». Наконецъ въ 1839 г. онъ

издалъ сборникъ своихъ стихотвореній и статей, назвавъ его «Sébile», а два года спустя—второй такой же сборникъ подъ общимъ названіемъ «Centifolia». Впослѣдствіи, выучившись настолько по-русски, чтобы читать нашихъ писателей въ подлинникахъ, С. познакомился съ ихъ произведеніями и написалъ о нихъ нѣсколько статей, которая выѣхъ съ другими его небольшими эскизами русской жизни были напечатаны въ «Revue des deux Mondes» и др. французскихъ журналахъ. Нѣкоторое время С. издавалъ въ Петербургѣ небольшой журналъ на французскомъ языкѣ—«Le Furet», выходившій разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ) и имѣвшій значительный успѣхъ въ салонахъ тогдашняго высшаго петербургскаго общества. Въ 1846 г. С. вышелъ въ отставку, былъ удостоенъ званія члена-корреспондента Петербургскаго университета и уѣхалъ въ Парижъ.

В. Б. Григорьевъ, „Императорскій Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія“, стр. 58, 77, 95, 129, 139—140—„Русск. Вѣстникъ“, 1871 г., №№ 9, 10, 11.

Сюннербергъ, Константина Карловичъ, генераль-маиръ; образованіе получилъ въ частномъ учебномъ заведеніи, военную службу началъ унтер-офицеромъ въ лейбъ-гвардіи Уланскомъ полку, куда поступилъ въ 1854 г. Въ этомъ полку онъ проодолжилъ въ теченіе 18 лѣтъ, былъ повышенъ въ корнеты, затѣмъ въ субалтернъ-офицеры, командовалъ эскадрономъ и дивизіономъ и исполнялъ обязанности полкового казначея. Во время польского восстанія С., уже въ чинѣ штабсъ-ротмистра, находился въ составѣ войскъ Варшавскаго военнаго округа и участвовалъ въ дѣлѣ при д. Мысловѣ (24 авг. 1863 г.), где былъ серьезно раненъ въ плечо; за отличія въ этомъ сраженіи онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 4-й ст. съ мечами и бантомъ. Въ 1872 г. былъ произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ 7-го уланскаго Ольвіопольскаго графа Остенъ-Сакена полка и воглавѣ послѣдняго принималъ участіе въ Турецкой кампаніи 1877—1878 гг., въ которой подъ начальствомъ ген.-лейт. Веревкина несъ, между прочимъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ трудную службу по содержанію авазпостовъ вдоль береговой линіи Дуная,

сть г. Рени до г. Измаила; за эти заслуги былъ повышенъ въ генералъ-майоры и награждевъ орденомъ св. Станислава 1-й ст. По окончавіи войны съ Турцией онъ былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 7-й кавалерійской дивизіи и въ этой должності умеръ въ Елисаветградѣ, — 15 декабря 1882 г.

„Русский Извалидъ“, 1882 г., № 290.— „Материалы по описанію Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг.“, изд. Генер. Штаба, т. 78.— „Описаніе Русско-Турецкой войны 1877—78 гг.“, изд. Ген. Штаба, т. VII.

Сютерландъ, Александръ, корабельный и камельный мастеръ, родомъ голландецъ; на русскую службу перешелъ въ 1736 г., будучи уже въ капитанскомъ чинѣ. Выдающійся знатокъ кораблестроенія, которое онъ изучилъ на родинѣ, въ Россіи С. вскорѣ по пріѣздѣ былъ назначенъ завѣдывающимъ постройкою судовъ на Архангельскихъ верфяхъ, а послѣ туже должностіе занималъ въ Петербургѣ. На русской службѣ С. выстроилъ слѣдующія суда: въ Архангельскѣ — 66-пушечн. корабль «Лѣсное» и фрегатъ «Меркурий» (1739—1743), 54-пуш. «Вараханъ», 66-пуш. «Москва», «Ингерманландъ», «Наталія», «Астрахань» и одиць корабль, оставшійся безъ названія, такъ какъ во время пути изъ Архангельска въ Кронштадтъ въ 1758 г. онъ у Скагена потерпѣлъ аварію и утонулъ; фрегаты «Архангель Михаилъ», «Вахтмейстеръ» и «Святой Михаилъ» (1747 — 1757); въ

Петербургѣ — 60-пуш. корабль «Св. Великомученица Варвара» (1743 — 1744), 80-пуш. «Св. Андрей Первозванный», «Св. Екатерина» и 100-пуш., — «Св. Дмитрій Довской» (1757 — 1760). За свою дѣятельность по постройкѣ судовъ С. въ 1741 г. былъ пожалованъ майорскимъ рангомъ, въ 1751 г. — полковничимъ, а въ 1760 г. назначенъ присутствующимъ въ оберъ-сараверской конторѣ. Умеръ 27 июля 1760 г. въ Петербургѣ.

„Общий морской списокъ“ ч. II, Спб. 1885 г., стр. 418—419. — „Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общ.“, т. 85, стр. 61.

Сютерландъ, Джонъ, голландецъ, брат предыдущаго; въ 1737 г. перешелъ на русскую службу въ качествѣ барабельного подмастерья. Нѣкоторое время онъ работалъ подъ начальствомъ другихъ лицъ, а съ 1739 г. ему уже поручалось самостоятельно строить небольшія суда. Въ 1747 г. онъ былъ пожалованъ въ корабельные мастера майорского ранга съ правомъ строить большихъ судовъ. На русской службѣ С. выстроилъ слѣдующія суда: въ Петербургѣ — 24-пушечн. прамы «Олифантъ» и «Дикій Быкъ» (1839—1740), 6-пуш. бомбардирскій корабль «Громъ» (1741), 10-пуш. «Дондеръ» и 36-пуш. прамъ «Олифантъ» (1751—1752); въ Кронштадтѣ — 80-пуш. корабль «Св. Павелъ» (1753 — 1757). Умеръ С. 4 октября 1757 г. въ Петербургѣ.

„Общий морской списокъ“, ч. II, Спб., 1885 г., стр. 419.

Т

Таббертъ, Илья и Матвій (въ нѣкоторыхъ документахъ названы Тарбетъ, но имѣется собственноручная расписка Ильи Т. въ получении денегъ изъ четвертного приказа—*Hilas Tabbert*), братья, иноземцы, пришедшие изъ Голландіи въ Россію по купеческимъ дѣламъ. Судя по двумъ сохранившимся документамъ, они торговали разными товарами. Такъ, въ записи 3 октября 1684 г. говорится о покупкѣ «про ихъ великихъ государей (Іоанна и Петра Алексѣевичей) верховой обиходъ», ларчика нѣмецкой работы, а «Память изъ Пушкарскаго приказа въ Просольскій» 2 мая 1684 г. говоритъ объ условіяхъ поставки Ильи Т. 3.000 пудовъ свинцу въ Пушкарскій приказъ. Въ 1683 г. Илья Т. подалъ челобитню о разрѣшении ему завести на Москвѣ суконные заводы. По докладу Василия Васильевича Голицына, ему это было разрѣшено царями Іоанномъ и Петромъ. Вслѣдствіе недостатка въ Россіи искусственныхъ мастеровъ, Илья Т. добился вскорѣ разрѣшения послать за границу брата Матвія «для призываія на ихъ великихъ государей службу изъ разныхъ государствъ суконныхъ дѣлъ мастеровъ». Матвію Т. была выдана засвидѣтельствованная грамота для свободнаго проѣзда до рубежа. Онъ, повидимому, успѣшио исполнить порученіе: уже въ 1683 г. суконный заводъ былъ оборудованъ. Въ 1684 году Илья Т. подалъ государямъ челобитню, въ которой, указывая на пользу для государства его завода и на свои большиe расходы, онъ хлопочетъ: 1) чтобы ему была выдана жалованная грамота на 20 лѣтъ на право безпошлиной торговли въ предѣлахъ Россіи и свободнаго вывоза изъ другихъ государствъ сырья («овчинъ и шерсти бараней»), 2) чтобы мимо него никому за эти урожайные годы не разрѣ-

шили заводить суконные заводы и 3) «чтобы великие государи пожаловали его иноземца: который будетъ дѣлать сукна, сарти, стамеды или какая иная шерстяная издѣлія здѣсь на Москвѣ—торговать въ розницу по вольною цѣною». 9 апреля 1684 г. была наложена резолюція великихъ государей: чтобы «пришедшему изъ Голландійскіи земли иноземцу» Илью Т. была выдана жалованная грамота на 10 лѣтъ, съ предоставлениемъ ему и другихъ льготъ, при томъ, однако, условіи, чтобы «на тѣхъ заводахъ при нѣмецкихъ мастерахъ держать и русскихъ людей, которые даны ему или охотники придутъ для ученія, и отъ тѣхъ учениковъ того мастерства не скрывать».

„Дополненія къ Актамъ Историческимъ“, т. XI.—„Акты Историч.“, т. IX, стр. 157.

Табусинъ, Павелъ Филипповичъ, извѣстный пчеловодъ, родился въ 1822 г. въ Кіевѣ; отецъ его былъ отставной полковникъ, принимавшій участіе въ итальянскомъ походѣ Суворова, въ Отечественной войнѣ и въ кампаніи 1814—1815 гг. Первоначально Т. учился въ 1-й кіевской гимназіи, но по смерти отца, благодаря которой семья осталась безъ средствъ, принужденъ былъ перевестись въ одинъ изъ петербургскихъ кадетскихъ корпусовъ, куда его, какъ сына офицера, участвовавшаго во многихъ кампаніяхъ и получившаго раны, приняли на казенный счетъ. По окончаніи кадетскаго корпуса въ 1844 г., Т. выпущенъ былъ въ офицеры въ 19-ю конную артиллерійскую бригаду, квартирившую въ Екатеринославской губернії. Въ 1858 г. онъ оставилъ строевую службу и поселился въ Кіевѣ, где получилъ мѣсто репетитора русскаго языка при Кіевскомъ Владимирскомъ кадетскомъ корпусѣ. Послѣ

преобразованія кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи Т. назначенъ былъ преподавателемъ русскаго языка, инспекторомъ и, наконецъ, воспитателемъ Владимира кадетскаго корпуса. Въ это время онъ сталъ интересоваться пчеловодствомъ.

По выходѣ въ отставку въ 1867 г. подполковникомъ онъ поселился на своей дачѣ, расположенной близъ Кіева на рѣкѣ Сирѣтѣ, где онъ завелъ было маленькое хозяйство и пасѣку еще съ 1864 г. Пасѣка получила вскорѣ широкую извѣстность и считалась образцовой во всѣхъ отношеніяхъ; она состояла изъ 200 ульевъ исключительно системы Долинскаго. За медъ и соты онъ получилъ большую серебряную медаль на кіевской сельско-хозяйственной выставкѣ 1871 г. Въ 1873 г. Т. вслѣдствіе нездоровья принужденъ былъ продать свою пасѣку. Затѣмъ во время одной изъ своихъ поездокъ на Кавказъ, на воды, онъ приобрѣлъ усадьбу въ посадѣ Туапсе, въ Черноморскомъ округѣ, намѣреваясь устроить здѣсь пасѣку, но привести свое намѣреніе въ исполненіе ему не удалось. Т. сталъ изучать литературу пчеловодства и на основаніи этихъ занятій и собственнаго опыта въ 1875 г. издалъ «Опытъ руководства къ пасѣчному хозяйству», за который удостоенъ былъ Вольно-Экономическимъ обществомъ малой золотой медали. Желая ознакомиться съ постановкой пасѣчного хозяйства во Франціи, Т. побывалъ въ 1880 г. на всемирной выставкѣ въ Парижѣ и осматривалъ также пасѣки на югѣ Франціи. Въ «Трудахъ Имп. Вольно-Экономического Общества», членомъ котораго онъ состоялъ, имъ помѣщены слѣдующія статьи по пчеловодству: «Отвѣтъ на рецензію» (1875, т. III, вып. 2, стр. 207); «По поводу 50-лѣтнаго юбилея школы пчеловодства Прокоповича, 1828—1878» (1878, т. I, стр. 437); «Кавказская пчела въ немецкихъ пасѣкахъ» (1882, т. III, стр. 467). Сотрудничалъ онъ и въ «Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ». Имъ же напечатаны переводы четырехъ комедій Мольера и «Дамы съ камелиями» Дюма-сына, впрочемъ, очень неудачные. Умеръ Т. послѣ продолжительной болѣзни 4 ноября 1882 г.

М. Ващенко - Захарченко, „П. Ф. Табусинъ“, „Труды Имп. Вольно-Экономического Общества“ 1883, т. I, вып. 2, стр. 214; вып.

3, стр. 310, 315—316.—А. Бѣлевичъ, „Указатель статей, помѣщенныхъ въ «Трудахъ Императорскаго Вольно-Экономического Общества» за 1876—1888 г.“, Спб. 1889, стр. 54, 55 и 60.

Тавастшернъ, Вильгельмъ Генриховичъ, генераль-маіоръ, родился въ Финляндіи въ 1807 г.; принадлежалъ къ древнему финляндскому дворянскому роду. На службу поступилъ юнкеромъ въ 1823 г. Принималъ участіе въ усмирѣніи польскаго восстанія 1831 г., въ венгерскомъ походѣ 1848 г. Въ Восточную войну 1853—1856 г.г. Т. участвовалъ въ дѣйствіяхъ противъ союзниковъ на Балтійскомъ морѣ, находясь преимущественно во время блокады Кронштадта соединеннымъ англо-французскимъ флотомъ на передовомъ пункте — фортѣ Александровѣ; кромѣ того, будучи назначенъ начальникомъ отряда, находившагося въ г. Фридрихсгамѣ, успѣшно отразилъ въ 1855 г. нападеніе непріятеля и за это дѣло произведенъ былъ въ полковники. Въ 1863 г. былъ назначенъ командиромъ 111-го пѣхотнаго полка, а въ 1869 г. произведенъ былъ въ генераль-маіора съ назначениемъ на должность помощника начальника 4-й пѣхотной дивизіи. Въ 1872 г. вышелъ въ отставку; скончался въ Воронежѣ 10 января 1875 г.

„Донъ“, 1875, № 6 (пекрологъ).—В. И. Мезовъ, „Русская историческая библиографія за 1865—1876 годы“, Спб. 1882, № 24006.

Талантовъ, Флегонть Тихоновичъ, протоіерей, преподаватель біблейской исторіи въ Казанскомъ университѣтѣ и Казанской духовной семинаріи, родился въ 1793 г. въ Владимирской губерніи, обучался во Владимирской духовной семинаріи, по окончаніи курса которой въ 1816 г. поступилъ въ Московскую духовную академію. Курсы академіи Т. окончилъ въ 1820 г. и въ томъ же году опредѣленъ былъ въ Казанскую духовную семинарію преподавателемъ церковной исторіи, еврейскаго языка и гражданской исторіи; гражданскую исторію преподавалъ до сентября 1834 г., еврейскій языкъ — до 1842 г., а церковную исторію — до 1847 г.; несолько лѣтъ преподавалъ при семинаріи греческій языкъ. 22 мая 1822 г. Т. назначенъ былъ священникомъ и ключаремъ Благовѣщенскаго каѳедральнаго собора въ Ка-

зани и въ послѣдней должности оставался болѣе тридцати лѣтъ. Съ 29 мая 1823 г. ему поручено было преподаваніе церковно-біблейской исторіи въ Казанскомъ университѣтѣ.

Въ октябрѣ 1823 г. онъ назначенъ былъ членомъ казачеемъ вновь открывшагося духовнаго попечительства и оставался въ этой должности свыше 40 лѣтъ. Въ сентябрѣ 1825 г. Т. по представлѣнію университета возведенъ былъ въ санъ протоіерея; съ 25 іюля 1828 г. до самой смерти состоялъ присутствующимъ членомъ консисторіи; 1 марта 1832 г. назначенъ протоіереемъ Благовѣщенскаго каѳедральнаго собора. При введеніи университетскаго устава 1835 г. онъ уволенъ былъ отъ чтенія лекцій при университетѣ. Въ маѣ 1843 г. при открытии Казанской духовной академіи синодъ назначилъ его дѣйствительнымъ членомъ конференціи академіи въ числѣ десяти лицъ отъ мѣстнаго духовенства. Въ декабрѣ 1826 г. онъ избранъ былъ членомъ общества любителей отечественной словесности, а съ 1840 по 1865 г. состоялъ членомъ Казанскаго губернскаго статистическаго комитета; съ 1826 г. былъ членомъ правленія семинаріи по учебной части и въ теченіе одиннадцати лѣтъ исполнялъ должность бібліотекаря. Былъ награжденъ въ 1832 г. скуфіей и въ 1832 г.—наперснымъ крестомъ за службу при университетѣ. Имъ напечатано «Слово на день Воззвіженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня», произнесенное при освященіи университетской церкви («Казанская Извѣстія» за 1825 г.). Скончался Т. въ Казани 1 мая 1869 г.

П. Васильевъ, „Некрологія казанскихъ писателей и ученыхъ, умершихъ съ іюля 1868 по іюль 1869 г.“, „Казанскій календарь“ на 1870 г., стр. 51.—Н. Загоскинъ, „Біографіческій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Казанскаго университета. 1804—1904 гг.“, Казань 1904, т. I, стр. 175.—Его же, „Дѣятели Казанскаго университета. 1805—1900 гг.“, Казань 1900, стр. 52.—Его же, „Материалы для исторіи каѳедръ и учрежденій Импер. Казанскаго университета. 1804—1826 гг.“, Казань 1899, отдѣль А, № 86 (номѣщены въ университетской послужной спискѣ).—„Історическая записка о четырехъ отдѣленияхъ Казанскаго университета. 1814—1826 гг.“, Казань 1899, стр. 2, 4, 6.—І. Гвоздевъ, „Двадцатипятилѣтіе Казанской духовной академіи“, „Православный Собесѣдникъ“, 1868, т. III, стр. 222, примѣч. 233.—А. Благовѣщенскій,

„Історія Казанской духовной семинаріи съ 8 низшими училищами за XVII—XIX ст.“, Казань 1891, стр. 235, 302, 305—306, 326, 327, 331, 361, 363, 371, 372, 373.—В. И. Межовъ, „Русская историческая бібліографія за 1865—1876 годы включительно“, Спб. 1872, т. II, стр. 446.

Талецъ, бояринъ въ Вышегородѣ Кіевскомъ. Подкупленный Святополкомъ, онъ вмѣстѣ съ Путшѣй, Еловичемъ и Ляшко ворвался въ палатку къ князю Борису Владимировичу, сыну св. Владимира, и убилъ его. Это событие лѣтописи относятъ его къ 1015 г.

Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей, т. I, стр. 58; т. III, стр. 208; т. V, стр. 127; т. VII, стр. 320.—Карамзинъ, „Історія госуд. Россійск.“, изд. Эйнерлинга, т. II, стр. 3.

Талицкій, Григорій, изувѣрь-раскольникъ при Петре I, по ремеслу книгоисецъ. Нововведенія Петра вызвали, какъ извѣстно, большое недовольство среди приверженцевъ старины, но никогда это недовольство не проявлялось въ такой рѣзкой формѣ, какъ у раскольниковъ, приверженцевъ старины по преимуществу. На этой почвѣ углубившагося недовольства раскольниковъ и возникло изувѣрство Т., сущность которого заключалась въ томъ, что предсказанный Цисаніемъ антихристъ уже пришелъ въ міръ, и его нужно искать въ лицахъ разрушителя старины и обычаяхъ предковъ, въ лицахъ, конечно, Петра. Такъ какъ недовольныхъ дѣятельностью царя было много, то ничего удивительного, что измышеніе Т. имѣло значительный успѣхъ. Извѣстно, напр., что въ числѣ если не сторонниковъ, то почитателей Т. находился и царевичъ Алексѣй Петровичъ.

Слѣдственное дѣло о Т. возникло по доносу иѣкою пѣвчаго дьяка Федора Казанцева, который въ іюнѣ 1700 г. сообщилъ въ Преображенскій приказъ слѣдующее: его сестра и мужъ ея «живутъ у книгоисца Талицкаго и слышать у него про государя всякия непристойныя слова; да онъ же, Гришка, рѣжетъ невѣдомо какія доски, хочетъ печатать тетради и, напечатавъ, бросать въ народъ». Узнавъ, что его по этому доносу ищутъ, Т. поспѣшилъ скрыться, но вскорѣ былъ отысканъ и допрошенъ. Сначала онъ во всемъ заперся, но послѣ пытки признался, что составилъ письмо, въ которомъ говорилъ о наступлении послѣдняго времена и о

пришествії въ міръ антихриста, подъ по-
слѣднимъ дѣйствительно разумѣя царя; писалъ онъ также и другія письма въ укоризну государю, созѣтуя народу отъ него отступить, его не слушать и податей не платить; въ тѣхъ же письмахъ предлагалъ онъ стрѣльцамъ, воспользовавшись случасиемъ, когда Петръ пойдетъ на войну, собраться въ Москву и на царство выбрать «князя Михаила», т. е. боярина кн. Михаила Алекуловича Черкасского, отъ которого народу будетъ добро, такъ какъ онъ милостивъ. Списки съ своихъ воззваний Т., по его признанію, давалъ читать своимъ друзьямъ и единомышленникамъ, а нѣкоторыя статьи объ антихристѣ и послѣдніхъ временахъ вырывалъ на доски, намѣреваясь отпечатать ихъ и раздать въ народъ съ цѣлью возмутить его на убийство государя. Дающе, отчасти изъ признаній самого Т., отчасти изъ свидѣтельскихъ показаній выяснилось, что «попоносныя слова» о государѣ высказывалъ онъ и въ устныхъ бесѣдахъ съ разными лицами; говорилъ объ этомъ, напр., съ тамбовскимъ епископомъ Игнатиемъ, который, слушая его рѣчи, рыдалъ, рыдалъ и надъ чтенiemъ написанного въ тетрадяхъ, цѣловалъ послѣднія и просилъ Т. дать ему списокъ съ нихъ; выяснилось, что подобная же бесѣда была у Т. съ кн. Ив. Ив. Хованскимъ, также отнесшимся сочувственно къ его рѣчамъ; нѣкій попъ Андрей показалъ, что Т. называлъ Москву Вавилономъ, а государя антихристомъ и говорилъ: «Какой онъ царь, самъ людей мучить», про царевича выразился: «Отъ недоброго корня и отрасль недобрая», и наконецъ высказать угрозу: «Какъ я съ Москвы скроюсь, то на Москву будеть великое смятеніе»; монахъ Матвей рассказалъ на снятомъ съ него допросѣ, что Т. однажды, явившись къ нему въ келью, говорилъ: «Что вы спите? пришло послѣднее время; въ книгахъ пишуть, что будетъ осмой царь антихристъ, а нынѣ осмой царь Петръ Алексѣевичъ, онъ-то и антихристъ».

Проповѣдь Т. власти считали, повидимому, пустившей глубокіе корни, а его изувѣрство и фанатизмъ заразительными, такъ какъ увѣщевать его было поручено никому иному, какъ мѣстоблюстителю патріаршаго престола Стефану Яворскому. Т. былъ хорошимъ начетчикомъ; спорить

съ нимъ было не легко, и кіевскій ученый не могъ убѣдить московскаго фанатика. «Что до обличенія Талицкаго надлежить,—рассказываетъ современникъ,—о томъ могутъ присутствующіе тому свидѣтельствовать, что на преніи Яворскому Талицкой ни мало не уступалъ... и сотворилъ Яворскаго изнемогающе». Такъ какъ увѣщанія не дали благопріятнаго результата, то надъ Т. былъ наряженъ судъ изъ бояръ, который приговорилъ: «Гришку Талицкаго казнить смертью, другихъ бить кнутомъ и сослать въ Сибирь; тамбовскаго епископа Игнатія, разстрѣженаго, сослать въ Соловки». Былъ привлеченъ къ этому дѣлу и кн. Хованскій, но умеръ до окончанія его.

Часто встрѣчается указаніе, что Т. по приговору бояръ вскорѣ послѣ суда надъ нимъ былъ казненъ. Между тѣмъ на поляхъ одного изъ докладовъ синода объ упорствѣ раскольниковъ въ своемъ мнѣніи имѣется собственноручная помѣтка Петра, изъ которой видно, что Т. дѣйствительно былъ подвергнутъ казни черезъ колченіе, но не стерпѣлъ ее и стала каяться, послѣ чего было снято съ костра и вновь допрошено; на этомъ допросѣ онъ призналъ, что все, чemu училъ,—ложь. Всѣдотвіе отреченія отъ заблужденій казнь ему была замѣнена ссылкой въ Сибирь. Въ 1703 г. Стефанъ Яворскій издалъ книжку подъ названіемъ «Знаменія пришествія антихristova и кончины вѣка», направленную противъ заблужденій Т.

Полное Собрание Законовъ, т. VI, стр. 495, 686. — Н. С. Тихонравовъ, „Московскіе вольнодумцы начала XVIII в. п. Стефанъ Яворскій“, „Русский Вѣстник“, 1870, № 9, стр. 11, и „Собраліе сочиненій“, т. II, Москва, 1898.—Ескіловъ, „Раскольническія дѣла XVIII столѣтія“, т. I.—Ф. Терпоскій, „Митрополит Стефанъ Яворскій“, „Труды Кіевской Духовной Академіи“, т. I.—Д. Извѣковъ, „Изъ исторіи богословской polemической литературы XVII в.“, „Православн. Обозрѣніе“, 1871, № 8.—С. Максимовъ, „Сибирь и каторга“, ч. 3: „Политические и государственные преступники“, Спб. 1871, гл. 2.—С. М. Соловьевъ, „Історія Россіи“, изд. т-ва „Обществен. Польза“, кн. III, стр. 1371—1372; кн. IV, стр. 816, 817.—„Русский біографический словарь“, т. „Сабаньевъ.. Смысловъ“, стр. 415—416.

Н. С.

Талызинъ, Иванъ Лукьяновичъ, адмираль, членъ адмиралтейства - коллегіи, родился въ 1700 г., умеръ въ 1777 г. Образованіе получиль въ морской академіи, куда

18*

поступилъ въ 1715 г., но уже въ слѣдующемъ году, въ званіи гардемарина, былъ посланъ для изученія экипажемайстера скаго дѣла за границу, сначала въ Англію, а затѣмъ въ Голландію, гдѣ съ небольшими перерывами пробылъ пѣтыхъ 12 лѣтъ, съ 1717 по 1729 г. Возвратясь въ Россію, онъ служилъ нѣкоторое время при московской конторѣ, а въ мартѣ 1733 г. прїѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ черезъ мѣсяцъ былъ назначенъ помощникомъ портоваго экипажемайстера въ рангѣ флотскаго лейтенанта. 2 января слѣдующаго года Т. былъ повышенъ въ рангъ полковника и назначенъ советникомъ экипажеской экспедиціи, въ каковой должности прибылъ до 20 сентября 1740 г., когда вмѣстѣ съ производствомъ въ контр-адмиральский рангъ былъ определенъ советникомъ же адмиралтейств-коллегіи. Въ декабрѣ 1741 г. учреждена «комиссія для описи пожитковъ и деревень къ разобранію долговъ заарестованныхъ персонъ», и Т. былъ назначенъ ея членомъ. 1 января 1748 г. онъ получилъ чинъ генераль-поручика и одновременно определенъ членомъ адмиралтейств-коллегіи; съ декабря 1752 г. состоялъ присутствующимъ въ петербургской сенатской конторѣ съ порученіемъ «имѣть надзоръ за денежнou казнou», наконецъ 5 мая 1757 г. произведенъ въ адмиралы, награжденъ орденомъ Александра Невскаго и назначенъ присутствующимъ въ адмиралтейств-коллегіи.

Т. доводился двоюроднымъ братомъ канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину и близкимъ родственникомъ Никитѣ Ивановичу Чанину, и именно этимъ родствомъ отчасти объясняется та довольно значительная роль, которую онъ игралъ въ событияхъ 28 июня 1762 г.—изверженіи Петра III и въцареніи Екатеринѣ II. Въ самый день переворота, когда возникли опасенія, что Петръ можетъ перѣѣхать въ Кронштадтъ и утвердиться въ немъ, туда были спѣшино отправлены Т. съ «особыми полномочіями»,—съ приказомъ не допустить сверженного императора къ этой крѣпости, воспрепятствовать, буде обнаружится такое намѣреніе, отѣзду въ Германію и даже, въ случаѣ сопротивленія, овладѣть его особы. Прибывъ въ Кронштадтъ, Т. объявилъ о переворотѣ, привелъ къ присягѣ на вѣрность Екатеринѣ солдатъ и чиновъ флота и затѣмъ арестовалъ присланного

Петромъ генераль-аншефа П. А. Девьера. Когда же къ крѣпости ночью на галерѣ и яхтѣ подѣхалъ Петръ съ приближенными лицами, Т. не допустилъ высадки, а на извѣщеніе, что прїѣхалъ Императоръ, отвѣтилъ, что въ Россіи вѣтъ Императора, а есть Императрица Екатерина II, если же суда тотчасъ не отойдутъ, то противъ нихъ будетъ открытъ огонь. Угроза подѣйствовала, и суда отплыли отъ Кронштадта. Утвердившись на престолѣ, Екатерина щедро вознаградила Т. за его услуги—орденомъ Андрея Первозваннаго и 2 тыс. рублей. Въ сентябрѣ того же 1762 г. Т. сопровождалъ императрицу въ Москву въ качествѣ докладчика по мѣстнымъ дѣламъ и тамъ оставался до 1764 г., когда возвратился въ Петербургъ, въ юнѣ былъ назначенъ членомъ адмиралтейств-коллегіи по новому штату, а въ мартѣ 1765 г. по разстроенному здоровью вышелъ въ отставку.

Полное Собрание Законовъ, т. XIII, стр. 261; т. XIX, стр. 368; т. XXIII, стр. 259; т. XXV, стр. 112; т. XXVI, стр. 609, 621; т. XXXI, стр. 833.—Бавтишъ-Каменскій, «Словарь достоинчательныхъ лицъ въ Россіи», т. V, с. v.—Берхъ, «Жизнеописанія первыхъ русскихъ адмираловъ».—Общий морской списокъ, ч. II, Спб., 1855, стр. 419—420.—«Сборникъ Императорск. Русскаго Историческаго Общества», т. VII, стр. 101, 106, 108; т. XVIII, стр. 470, 473.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва Общества Популярн., кн. V, стр. 1335, 1339.—«Осмнадцатый вѣкъ», сборникъ подъ ред. П. И. Бартенева, т. II, изд. 1-е, Спб. 1869, стр. 581, 632, 633, 635—637; т. III, стр. 349.—Русскій Архивъ, 1863, стр. 435—436.—«Русск. Старина», 1870, т. I, стр. 221, 222.—Н. М. Майковъ, «П. И. Ведѣй. Опытъ біографіи», Спб. 1904, стр. 73 и прилож., стр. 265.—Архивъ Морск. инспекціи, дѣло адмир.-коллегіи 1763 г., № 29, л. 366. «Энциклопедический словарь» Брокгауза-Ефрона, 1-е изданіе, т. 32, Спб. 1901 г., стр. 549.

Талызинъ, Матвѣй Ивановичъ, профессоръ Педагогическаго института, составитель школьніхъ учебниковъ; сынъ сельскаго священника въ Тверской губерніи; родился 7 ноября 1784 г. и первые пачатки ученія получилъ отъ дѣда своего, бывшаго настоятелемъ Автоніевскаго Краснохолмскаго монастыря; эти бесѣды въ обстановкѣ строгой монашеской жизни оставили глубокіе слѣды въ душѣ ребенка, и подъ конецъ жизни своей Т. часто вспоминалъ о нихъ. Среднее образованіе получено было имъ въ Тверской духовной семинаріи, где по своимъ способностямъ, познаніямъ

и характеру онъ пользовался вниманиемъ начальства.

Исключительное положеніе Т. въ семинарии и помогло ему поступить въ открывшійся въ 1804 г. въ Петербургѣ Педагогический институтъ, куда начальство семинарии опредѣлило его, несмотря даже на то, что онъ былъ только въ философскомъ классѣ этого заведенія. По окончаніи полнаго курса въ Педагогическомъ институтѣ въ 1808 г. Т., какъ одинъ изъ отличныхъ студентовъ института, «для дальнѣйшаго усовершенствованія пріобрѣтенныkhъ имъ знаній», предназначенъ былъ къ отправленію за границу, но послѣдовавшая въ это время смерть отца его помѣщала ему отправиться туда, и онъ принужденъ былъ просить о скорѣшемъ своемъ определеніи на службу, чтобы имѣть возможность помогать средствами осиротѣвшей семьѣ, и 4 декабря 1808 г. былъ назначенъ учителемъ россійской реторики въ Первый кадетскій корпусъ, где впослѣдствіи преподавалъ также логику и одно время русскую исторію. Съ іюня 1809 г. онъ преподавалъ русскую словесность въ Главномъ инженерномъ училищѣ, Горномъ кадетскомъ корпусѣ и Пажескомъ. Принятая затѣмъ въ мартѣ 1829 г. должность инспектора Педагогического института заставила его бросить преподаваніе въ Горномъ и Первомъ корпусахъ. 30 іюля 1829 г. онъ былъ утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора россійской словесности въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ. Въ февраль 1831 г. Т. занялъ вторично мѣсто преподавателя россійской словесности въ первыхъ классахъ Пажескаго корпуса, а годъ спустя уволился отъ должности профессора и инспектора Главнаго Педагогического института, по разстроенному здоровью. 25 сентября 1832 г. Т. пожалованъ былъ въ статскіе совѣтники, а затѣмъ послѣдовали назначенія его преподавателемъ того же предмета въ школу гардемаринъ подпрапорщикъ и юнкеровъ (1 октября 1832) и Павловскій кадетскій корпусъ въ два верхніе класса (1 ноября 1832). Оставилъ преподаваніе въ школѣ 15 января 1834 г., Т. въ слѣдующемъ году утвержденъ былъ въ званіи наставника наблюдателя россійской словесности по Павловскому и Пажескому корпусамъ (мартъ 1835). Въ этихъ заведеніяхъ Т. продолжалъ службу по 1843 г.,

когда разстроенное здоровье принудило его выйти въ отставку.

Изъ изданныхъ Т. руководствъ и другихъ сочиненій извѣстны слѣдующія: 1) «Начальный основы реторики и поэзіи съ предварительнымъ объясненіемъ необходимыхъ логическихъ правилъ, собранные для Перваго кадетскаго корпуса» (Спб. 1818); по отзыву критики, помѣщенному въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (1860, апрѣль, ч. СVI, стр. 17—19), книга эта составлена подъ замѣтнымъ вліяніемъ «Реторики» Мерзлякова; 2) «Логика»—лучшее руководство того времени; 3) «Краткая исторія Россіи съ обозрѣніемъ достопримѣчательныхъ происшествій въ вѣкотворѣ другихъ державахъ» (Спб. 1815, 2 части); 4) «Рѣчь о необходимости отечественного воспитанія, произнесенная въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ 11 декабря 1831 г. (Спб. 1832); здѣсь Т. говоритъ прѣтивъ иноземнаго воспитанія русскихъ, видя въ немъ упадокъ народности, и предлагаетъ замѣнить или исправить чужеземное воспитаніе увеличеніемъ храбрости сыновъ нашихъ черезъ разныя отечественные игры, каковы: «кулачные бои, борьба, ристанія на коняхъ, бѣговіе взапуски, быстрыя устремленія на крутизны, смѣлые скачки съ высоты въ глубокіе потоки» и т. д.; эта рѣчь возбудила пристрастную критику, помѣщенную въ «Московскомъ Телеграфѣ» (1832, апрѣль, стр. 411—416), которая въ свою очередь вызвала (въ сентябрьской книжкѣ этого же журнала за тотъ же годъ, стр. 128—132) отзывъ Т., въ которомъ онъ старается освободиться отъ взвидимыхъ на него обвиненій въ «дурнотѣ слога и смыслѣ рѣчи»; и вновь «Отвѣтъ на возраженія г. Талызина» («Моск. Телеграфъ», 1832, № 11, смѣсь, стр. 391—401); 5) «Письмо о логикѣ», изданное Т. («Сынъ Отечества», 1828, ч. CXVII, стр. 59—74 и 172—189), возбудившее «Отвѣтъ М. Талызину» (ibid., 1828, ч. CXVII, стр. 403—24, ч. CXVIII, стр. 61—89).

По отзыву своихъ слушателей Т. зналъ свой предметъ въ совершенствѣ, что въ связи съ отличнымъ даромъ слова, любовью къ истинѣ и прекрасному, безпристрастіемъ и истинной любовью къ юношеству—заставляло любить его всѣхъ воспитанниковъ заведеній, въ которыхъ онъ преподавалъ. Основательно изучивъ

философию, древнюю и новую, Т. навсегда остался христианиномъ православнымъ, и чтенія его проникнуты было философию христианскую. Часто свои уроки онъ замѣщалъ чтеніемъ произведеній любимыхъ своихъ писателей Жуковскаго и Карамзина, причемъ, разбирая какое -нибудь произведеніе, онъ имѣлъ въ виду нравственное воспитаніе своихъ слушателей, почему и читалъ такія произведенія, въ которыхъ человѣческая душа выставлялась только съ лучшихъ сторонъ. Долголѣтняя служба въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній доставила ему благоволеніе начальниковъ этихъ заведеній, — великихъ князей Константина и Михаила Шавловичей. Кромѣ того, онъ пользовался дружбою Державина, Карамзина, Жуковскаго, Крылова, Гнѣдича и другихъ писателей, а также воспитателя императора Александра II, генераль-адъютанта К. К. Мердера, бывшаго искреннѣйшимъ другомъ Т. во всю свою жизнь. Русскій по душѣ, чуждый, по слову современника, лести и искательства, Т. былъ неутомимымъ дѣятелемъ на по-пришѣ общественнаго образованія. Скончался онъ 20 мая 1855 г. въ Петербургѣ.

Послужной списокъ, составленный 22 сентября 1835 года.—Некрологъ въ „Русскомъ Педагогическомъ Вѣстнике“, 1857 г., т. I, стр. 139—144.—„Журналъ Министерства Народного Просвѣщенія“, 1860, ч. CVI, апрѣль, стр. 17—19.—„Московскій Телеграфъ“, 1832, апрѣль, стр. 411—416; сентябрь, стр. 128—132; ноябрь, стр. 391—401.—Сенатскій Архивъ, Формулярные списки 1815 г., № 9, л. 18.—Посмертные записки А. А. Одиакова, „Русская Старина“, 1889, ноябрь, стр. 303, 304.—„Дневникъ А. В. Никитенко“, „Русская Старина“, 1890, ноябрь, стр. 390, 393.—„Профессоръ Я. В. Толмачевъ“, „Русская Старина“, 1892, сентябрь, стр. 721.—„Русская Старина“, 1879, февраль, стр. 310.—„Записки декабриста“ (А. Е. Розена), Лейпцигъ 1870, стр. 9.—„Записки барона А. Е. Розена“, „Отечественные Записки“, 1876, № 2, стр. 462.—А. В. Никитенко, „Дневникъ и Записки“, т. II, Спб. 1893, стр. 178, 180.—Я. Березинъ-Ширяевъ, „Описаніе русскихъ и иностранныхъ книгъ, или дополнительные материалы для библіографіи“, Спб. 1873, стр. 27.—„Древняя и Новая Россія“, 1876, № 1, стр. 27.—Акты двадцатипятилѣтнаго юбилея Главнаго Педагогическаго Института 30 сентября 1853 г., Спб. 1853, стр. 7, 38, 99, 103.—Д. В. Кренке, „Кадетскій бытъ двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ“, „Исторический Вѣстникъ“, 1882 г., май, стр. 353—354.—Смирдинъ, „Роспись россійскимъ кни-гамъ“, № 2416, 6018.

В. Модзалевский.

Талызинъ, Степанъ Александровичъ, генераль-маіоръ, шефъ Выборгскаго мушкетерскаго полка, происходилъ изъ богатой дворянской фамиліи, — родился въ 1768 г., службу началъ сержантомъ въ Измайловскомъ полку, въ немъ же произведенъ (1784) въ прапорщики и оставался до 1789 г., когда, будучи капитанъ-поручикомъ, выпущенъ подполковникомъ въ Бѣлорусскій егерскій корпусъ; черезъ пять лѣтъ за боевую отличію произведенъ въ штабс-капитаны съ переводомъ въ Орловскій пѣхотный полкъ, въ 1797 г. произведенъ въ генераль-маіора съ назначеніемъ шефомъ Выборгскаго мушкетерскаго полка и на слѣдующій годъ былъ исключенъ изъ службы. Т. принималъ участіе въ Шведской войнѣ, а также съ Турцией и польскими конфедератами въ цѣломъ рядѣ сраженій; вотъ главнѣйшая изъ нихъ: 1789 г.—7 сентября при р. Сальцѣ; 12 сентября при штурмѣ Измаила; 4 ноября при занятіи Бендерь; 1790 г.—6 декабря въ ночной экспедиціи подъ Измаиломъ; 8 декабря на гребной Дунайской флотиліи; 11 декабря при штурмѣ и взятіи Измаила, за что награжденъ орденомъ Георгія 4-й степени; 1791 г.—съ 17 мая по 12 августа въ прикрытии батарей на островѣ Дунаю; 1792 г.—въ Польшу; 1794 г.—6 сентября въ пораженіи конфедератовъ при с. Крупицахъ и 8 сентября подъ м. Тарнопольемъ.

Формуляръ въ Московскомъ отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба, книга за 1707 годъ, № 477.

М. П.

Талызинъ, Федоръ Ивановичъ, состоящий по армии генераль-лейтенантъ, изъ Московскихъ дворянъ, родился въ 1773 г. и по обычаю времени двухъ лѣтъ отъ роду былъ зачисленъ рядовымъ сначала въ л.-гв. Преображенскій полкъ, а въ слѣдующемъ году переведенъ въ л.-гв. Измайлловскій, въ которомъ въ 1790 г. произведенъ въ прапорщики. Въ 1798 г. былъ произведенъ въ штабс-капитаны, а уже черезъ годъ въ генераль-маіора съ назначеніемъ шефомъ полка资料 of his name (впослѣдствіи Седенгинскаго). Дальнѣйшая служба поражаетъ необыкновеннымъ количествомъ неремѣнь, слѣдовавшихъ быстро одна за другой, иногда по вѣсъ сколько въ годъ; такъ: въ 1800 г.—выключенъ изъ службы «за недѣльное представление»; въ 1801 г.—Высочайшимъ приказомъ наименованъ от-

ставнымъ; назначенъ шефомъ Бутырскаго мушкетерскаго полка; повелѣнно состоять по арміи вслѣдствіе увольненія въ годовой отпускъ; въ 1804 г.—назначенъ шефомъ Севастопольскаго пѣхотнаго полка; уволенъ отъ службы; въ 1812 г.—шефъ 3-го егерскаго полка въ Московскомъ ополченіи; командиръ 3-й дивизіи Московскаго ополченія; принять на службу командиромъ 2-й бригады 7-й пѣхотной дивизіи, командиръ 2-го отряда 2-го резервнаго корпуса; въ 1813 г.—командующій 4-й пѣхотной дивизіей; командующій 7-й пѣхотной дивизіей; въ 1814 г.—командиръ 3-й бригады 8-й пѣхотной дивизіи; въ 1815 г.—отставленъ отъ службы, но по изслѣдованіи ложнаго доноса оправданъ генераль-фельдмаршаломъ кн. Барклай-де-Толли и принять на службу командиромъ 3-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи; въ 1816 г.—командиръ 2-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи; командиръ 16-й пѣхотной дивизіи; въ 1817 г.—командиръ 4-й пѣхотной дивизіи; въ 1820 г.—произведенъ въ генераль-лейтенанты; въ 1822 г.—уволенъ въ отпускъ за границу съ зачисленіемъ состоящимъ по арміи; въ 1824 г.—командиръ 11-й пѣхотной дивизіи; въ 1826 г.—отчисленъ отъ должности съ зачисленіемъ состоящимъ по арміи; въ 1828 г.—оставленъ отъ службы съ тѣмъ, чтобы и впредь никуда не опредѣлять; это отставленіе явилось результатомъ военного суда при 2-мъ пѣхотномъ корпусѣ; въ 1839 г. Высочайше повелѣнно: «считать уволеннымъ отъ службы и вмѣстѣ съ тѣмъ производить ему по уваженію бѣднаго и болѣзеннаго положенія негласнымъ образомъ по 3.000 руб. ассигнаціями въ годъ вмѣсто получаемыхъ нынѣ 2.160 рублей и сверхъ того выдать ему единовременно 3.000 рублей». Подобная милость была вызвана несомнѣнно воспоминаніемъ о боевой дѣятельности Т. по случаю освященія памятника на Бородинскомъ полѣ; дѣйствительно, формуляръ указываетъ, что Т. былъ выдающимся офицеромъ по боевому опыту и принималъ участіе въ Кавказско-Горской, Отечественной и коалиціонныхъ 1813—1815 гг. войнахъ въ слѣдующихъ дѣлахъ: 1804 г.—14 іюня при освобожденіи г. Анакура, осажденнаго горцами, и въ сраженіи при уро-чищѣ Годоретѣ; 28 іюля на высотахъ горы Лолеша; 3 августа при штурмѣ и взятіи д. д. Вѣрхнія и Среднія Млети, въ Варах-

скомъ ущельѣ; 5 октября при уро-чищѣ Гамашичурѣ; 7 октября въ дѣлѣ съ персидскими войсками, предводительствуемыми грузинскимъ царевичемъ Александромъ, напавшими на транспортъ, слѣдовавшій подъ Эривань; 8 октября съ тѣми же войсками близъ р. Каменки, у разоренной крѣпости Лори; 14 октября въ Абаранскомъ ущельѣ, на границѣ Персіи; 1812 г.—26 августа при с. Бородинѣ; 17 сентября при с. Чириковѣ; 10 октября при Тарутинѣ; 11 октября подъ начальствомъ Ермолова у Малоярославца разбилъ итальянскую гвардію, бывшую подъ начальствомъ вице-короля Евгенія (награжденъ Анной 1-й степени); 4 ноября при с. Добромъ; съ 6 ноября въ летучемъ корпусѣ Ермолова при преслѣдованіи непріятеля по виленской дорогѣ черезъ г. Борисовъ до м. Сморгони; 1813 г.—1 февраля при г. Калишѣ; 20 апрѣля во время сраженія при Люценѣ, занимая де-фила при м. Цвейкау, блестяще выполнилъ самостоятельную задачу прикрывать правый флангъ нашей арміи; 21 апрѣля прикрывалъ движеніе союзныхъ войскъ къ м. Борны; 22 апрѣля прикрывалъ отступленіе черезъ р. Мульду, сдерживая нападеніе французовъ, и подъ ихъ огнемъ скжегъ мостъ; 29 апрѣля при г. Вейсигѣ прикрывалъ правый флангъ; 30 апрѣля при г. Бишофсфельдѣ выдержалъ упорный бой, давая возможность отступить гр. Милорадовичу; 3 мая при отступленіи къ Бауцену; 7 мая при Бауценѣ; 9 мая, находясь на лѣвомъ флангѣ во время генерального сраженія при Бауценѣ, опрокинулъ французскія войска и затѣмъ прикрывалъ отступленіе; 10 мая при г. Рехенбахѣ; 11 мая выдержалъ упорный бой въ лѣсу, прикрывая отступленіе къ Швейдницу (золотая шпага, алмазами украшенная, съ надписью «за храбрость»); во время перемирия принялъ 7-ю пѣхотную дивизію въ корпусѣ князя Щербатова, вошедшемъ въ составъ Силезской арміи фельдмаршала Блюхера, и съ нею участвовалъ въ дѣлахъ: 7 августа при Зибенейхенѣ, 12 августа при Гольсбергѣ, 14 августа при Кацбахѣ, гдѣ опрокинулъ штыками не-пріятельскую линію, 15 и 16 августа между р.р. Кацбахъ и Боберь, 17 августа у р. Бобра взялъ въ плѣнъ дивизію Шюто, 26 сентября, командуя всей пѣхотой подъ Нейштадтомъ г. Дрездена, взялъ укрѣпленія и преслѣдовалъ непріятеля до стѣнъ города;

въ ночь на 20 декабря переплылъ подъ сильнымъ огнемъ непріятеля Рейнъ, овладѣль берегомъ, штурмомъ взялъ редутъ съ 6 орудіями и всвмъ отрядомъ, занялъ Рейнъ-шавецъ и мостъ, за что на полѣ битвы награжденъ орденами Георгія 3-го класса и прусскимъ Краснаго орла; 1814 г.—11 января взялъ штурмомъ г. Лини, защищаемый Викторомъ; 13 января при Сенъ-Дизье; 17 января при г. Бріенъ-ла-Шато по приказанію кн. Блюхера опрокинулъ непріятельскихъ стрѣлковъ и содѣствовалъ блестательной кавалерійской атакѣ ген.-лейт. Ланскаго; 20 января подъ с. Ларотьеръ, въ присутствіи Императора Александра I, подъ сильнымъ картечнымъ отнемъ атаковалъ центръ непріятельской линіи, штурмомъ взялъ батарею въ 10 орудій и прорвалъ линію противника; 28 января при г. Лафергѣ-Су-Жуарѣ, временно командуя 6-мъ корпусомъ, сбилъ непріятельскія батареи и взялъ штурмомъ самый городъ; 30 января при Монмиролѣ отразилъ нападенія французской гвардіи, а затѣмъ, будучи отрѣзанъ кавалеріей Нансути, штыками пробился сквозь нее, сохранивъ всѣ орудія (орд. Владимира 2-й ст.); 31 января при г. Шато-Тьери; 10 и 11 февраля, командуя 7-й и 18-й дивизіями и тремя баталіонами пруссаковъ, защищалъ въ г. Мери переправу черезъ р. Сену, несмотря на сплошной въ городѣ пожарь, и тѣмъ обезопасилъ наступательное движение Силезской арміи; 24 февраля при Краонѣ; 26 февраля при Ланонѣ; 1 марта при Суассонѣ и 22 марта при блокадѣ Венсенского замка. Ордена Т. имѣлъ лишь за боевые отличія, и къ вышеупомянутымъ слѣдуетъ добавить медали въ память Отечественной войны и взятія Парижа. Въ аттестації Т. сказано: «Прилично званію своему изучень». Въ Орловской губерніи Т. владѣлъ имѣніемъ въ 277 душъ, которое съ 1882 г. распоряженіемъ правительства отдано въ опеку. Отъ брака съ французской уроженкой Юлией Петровой Корнетъ дѣтей не имѣлъ; объ усыновленіи же рожденной до брака дочери подавалъ прошенія на Высочайшее имя. Скончался Т. 3 февраля 1844 г.

Формуляръ въ Московскомъ отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба, кн. № 631.—Судравскій, „Военная галерея Зимняго дворца“, стр. 31.

М. П.

Талызины, дворянскій родъ, восходящій къ княженію Василія Темного, начало ведеть отъ татарскаго мурзы *Тагай-Эльдиза*, въ крещеніи названаго *Яковомъ*. Его правнукъ *Семенъ*, получившій русифицированную изъ прежней фамилію Талызина, въ 1571 г. пожалованъ былъ отчиною въ Муромскомъ уѣздѣ. Онъ имѣлъ сына *Дмитрія*, прозвищемъ *Злоба*—отца *Семена Рахмана*, потомства не оставившаго, и *Ивана Чешихи*, у котораго было четыре сына: *Василій*, *Гавріилъ*, *Никита* и *Лука Ивановичи*. Потомство старшаго и третьяго изъ нихъ прекратилось на дѣтихъ ихъ—*Степанъ* и *Никитъ* *Васильевичахъ* и *Тимофей* *Никитичъ*; скоро угасло потомство и *Луки Ивановича*; его сыновья—*Лукьянъ* *Лукичъ* (въ 1629 г. отмѣченъ патріаршимъ столъникомъ, 1636—московскимъ дворяниномъ, 1647—новгородскимъ дьякомъ), *Никифоръ* *Лукичъ* (въ 1617—1619 г.г. воевода въ Усть-Янскѣ, 1627—1629 дѣякъ московскаго Судного приказа, 1630—посоль въ Персію) и московскій дворянинъ *Лука* *Лукичъ*—дѣтей не имѣли. Родъ Т. продолжился отъ второго сына *Чешихи*, *Гавріила*, отца *Никифора* и *Василія* *Гавриловичей*, изъ которыхъ первый имѣлъ только одного бездѣтнаго сына, *Никифора* же, а второй—пять сыновей: *Лукьяна*, *Якова*, *Василія*, *Ивана* и *Михаила*,—изъ нихъ *Яковъ*, *Иванъ* и *Михаилъ* бездѣтны. *Лукьянъ* имѣлъ сына *Ивана* *Лукьянновича*, московскаго дворянина 1676—77 г., потомъ воеводу въ Тарѣ, 1680 г., и внука *Лукьяна* *Ивановича*, съ 1693 г. воеводу въ Верезовѣ и отца двухъ сыновей: *Федора* *Лукьянновича* (род. въ 1692 г., ум. 26 июня 1740 г. въ чинѣ тайного советника) и *Ивана* *Лукьянновича*, адмирала (см. отдельно). Послѣдній остался безъ потомства, а первый былъ отцомъ генералъ-поручика (съ 1783 г.) *Петра* *Федоровича* и дѣйствительного камергера и тайного советника *Александра* *Федоровича* (род. 1749 г., ум. 1787 г.); внукъ его отъ единственнаго сына, *Степана* *Александровича* (см. отдельно), *Александръ* *Степановичъ* (род. 1795 г., ум. 22 марта 1858 г.) былъ съ 1849 г. тайнымъ советникомъ, а правнукъ *Степанъ* *Александровичъ* (род. 17 июля 1825 г., ум. 6 октября 1878 г.)—секретаремъ вол. кн. Ольги Федоровны, камергеромъ и дѣйствительнымъ статскимъ советникомъ. На-

конецъ, средний сынъ Василия Гавриловича, *Василий Васильевич* (род. 1697 г., ум. 1749 г.) имѣлъ сыновей *Ивана* (род. 1724 г.), *Льва* (род. 1734 г.), *Анисима* (род. 1743 г.) и *Петра* (род. 1745 г.) Васильевичей, изъ которыхъ у послѣдняго сынъ *Евстигней* Петровичъ въ 1835 г. умеръ въ чинѣ генераль-маюра. Изъ представителей Т., связь которыхъ съ родомъ трудно установить, слѣдуетъ назвать генераль-крайгъ-комиссара и директора комиссіонаго департамента *Александра Ивановича* (ум. 1849 г.), сенатора *Дмитрія Михайловича* (род. 1760 г., ум. при Александрѣ I), тобольского, а потомъ оренбургскаго гражданскаго губернатора *Ивана Дмитріевича* (вѣроятно сынъ предыдущаго, род. 1799 г., ум. 14 мая 1844 г. въ Уфѣ) и генераль-лейтенанта *Петра Александровича* (род. 17 января 1767 г., умеръ 30 апреля 1801 г.).

П. Н. Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства“, ч. I, Спб. 1885, стр. 389—390.— В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ, „Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій“, т. II, Спб. 1887.— „Родословная книга князей и дворянъ российскихъ и выѣзжихъ“ („Вархатная книга“), ч. 3.— Гр. А. Бобринскій, „Дворянскіе роды, внесенные въ Общий Гербовникъ“, Спб. 1890, ч. I.— „Общий Гербовникъ дворянскихъ родовъ“, т. I, Спб. 1797.— „Всемирная Иллюстрація“, 1880, № 611.— М. Чернявской, „Генеалогія дворянъ, внесенныхъ въ родословную книгу Тверской губ.“, Тверь 1869.— В. Н. Сторожевъ, „Тверское дворянство XVIIв.“, 4 вып., Тверь 1891—1895.— „Алфавитный сплісокъ родопачальниковъ дворянъ Казанской губ.“, Казань 1896.— Обѣ отдѣльныхъ лицахъ встрѣчаются упоминанія: „Полное Собрание Законовъ“, т. 4, стр. 713; т. 22, стр. 150, 151; т. 27, стр. 385; т. 42, стр. 46, 105, 398.— „Акты Историч.“, т. III, стр. 266; т. IV, стр. 47.— „Дополн. къ Акт. Историч.“, т. Ш, стр. 169.— „Акты Археографич. Экспедиціи“, т. Ш, стр. 292; т. IV, стр. 3.— „Древняя Россійская Письменность“, т. Ш, стр. 228, 232, 281; т. XX, стр. 338.— „Сборникъ Русскаго Историч. Об-ва“, т. 9, стр. 68; т. 45, стр. 612; т. 73, стр. 436, 438, 572, 573; т. 408, стр. 474, 475.— „Осмотръ цдатый вѣкъ“, историч. сборн., т. I, изд. 1-е, Спб. 1868, стр. 347.

Талльбергъ, Дмитрій Германовичъ, ординарный профессоръ уголовнаго права въ университете св. Владимира въ Киевѣ; родился въ 1853 г. въ Киевѣ, умеръ тамъ же 30 мая 1891 г. Сынъ инспектора студентовъ Киевскаго университета, Т. первоначальное образованіе получилъ въ кievской второй гимназіи и по окончаніи курса поступилъ на юридическій факультетъ кiev-

скаго университета (1870). Въ 1874 г. онъ получилъ степень кандидата и золотую медаль за сочиненіе «Тюремный вопросъ въ вынѣшнемъ состояніи и въ частности о положеніи русскихъ тюремъ» («Юридич. Вѣстн.», 1875—1876), былъ оставленъ при университѣтѣ для подготовленія къ профессорскому званію и поступилъ на службу въ центральный архивъ. 25 июня 1880 г. онъ былъ назначенъ и. д. доцента Демидовскаго юридического лицей по каѳедрѣ уголовнаго права, а посль защиты 12 сентября 1880 г. диссертациіи «Насильственное похищеніе чужого имущества по русскому праву: разбой и грабежъ» (Спб. 1880), утвержденъ былъ доцентомъ въ томъ же лицѣ (19 марта 1881 г.). Въ лицѣ онъ читалъ курсъ уголовнаго производства, былъ 22 июля 1881 г. утвержденъ и. д. экстраординарного профессора и въ октябрѣ того же года отправился въ полуторагодовую заграничную командировку. Въ 1884 г. (11 мая) онъ былъ избранъ соѣдомъ университета св. Владимира въ доценты по каѳедрѣ уголовнаго права и сталъ читать уголовное судоустройство и судоизвѣдство, а въ 1887 г., по защитѣ докторской диссертациіи: «Гражданский искъ въ уголовномъ судѣ или соединенный процессъ» («Кievsk. Универс. Извѣстн.», 1887—88 г., и отд., Киевъ 1888), былъ утвержденъ въ званіи ординарного профессора. Трудъ этотъ имѣеть тѣмъ большее значеніе, что онъ является почти единственной монографіей, посвященной столь важному въ теоретическомъ и въ практическомъ отношеніи вопросу о соединенномъ процессѣ. Другимъ весьма цѣннымъ трудомъ Т. является «Русское уголовное судоизвѣдство» (Кievъ 1889—91, 2 т.), отличающееся широкой постановкой теоретического изслѣдовавія въ уголовномъ процессѣ дѣйствующаго законодательства. Въ этомъ трудѣ Т. старается провести мысль о невозможности ограничиться при изученіи законодательства одною такъ называемою положительной критикой и необходимости стремиться также и къ отрицательной критикѣ, т. е. къ тому, чтобы дать опѣнку извѣстныхъ учрежденій съ точки зреінія общихъ понятий пользы и интересовъ общества. «Критическое отрицательное отношеніе къ положительному законодательству, говорить онъ, имѣть за собою великую заслугу

предъ человѣчествомъ въ исторіи, и этотъ пріемъ всегда служить въ рукахъ научной теоріи орудіемъ противъ несовершенствъ дѣйствующихъ законовъ, которые необходимо должны измѣняться подъ вліяніемъ требованій дѣйствительной жизни и измѣняющихся условій соціальной жизни общества». Кромѣ указанныхъ выше работы, Т. было напечатано еще: «Исторический очеркъ тюремной реформы и современная система европейскихъ тюремъ» («Кievsk. Univ. Izvѣst.», 1875 г., № 7, 8, 9), «Изъ исторіи ссылки и тюремъ въ Россіи въ царствованіе Александра I, съ документами по этому вопросу, извлечеными изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ» («Проток. Киевск. Юрид. Общ.», 1878, и «Кievsk. Univ. Izvѣst.», 1878), «Историческое происхожденіе существующаго въ уложеніи о наказаніяхъ дѣлъ насилиственного похищенія чужой собственности на два вида: разбой и грабежъ» (ib., 1879), «Вступительная лекція по уголовному процессу» («Времен. Демид. Юридич. Лицея», 1881, кн. 24), «Населеніе исправительныхъ колоній и приютовъ» («Юрид. Вѣсти.», 1882, № 9), «О несмѣняемости судей во Франгіи» (ib., 1883, № 1), «Къ проекту Уложенія о наказаніяхъ» (ib., № 3), «Анатропологическое учение въ уголовномъ правѣ» (Кіевъ 1885), «Исправленіе малолѣтнихъ преступниковъ въ Россіи» («Юрид. Вѣсти.», 1885, № 2), рецензія на «Курсъ уголовнаго права» И. Я. Фойницкаго («Кievsk. Univ. Izvѣst.», 1885, № 9, стр. 331—350), «Поврежденіе имуществъ по проекту нового уголовнаго уложенія» («Юрид. Вѣсти.», 1886, № 11 и 12), «О соединеніи процесса» («Журн. Гражд. и Уголовн. права», 1887, кн. 3, 6 и 7) и его рѣчь въ засѣданіи Кіевскаго юридич. общества 20 ноября 1889 г. («Юрид. Вѣсти.», 1890, № 1).

В. С. Икоиниковъ, «Біографіческій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго университета св. Владимира. 1834—1884», Кіевъ 1884, стр. 639—640.—Некрологъ въ «Журн. Гражданск. и Уголовн. Права», 1891, № 7, стр. 181—182.—К. Головицкій, «Павель Григорьевич Демидовъ и история основанія имъ въ Ярославль училища, 1803—1886», Ярославль 1887, стр. 141, 155.—Рецензія на «Русское уголовное судопроизводство» въ «Журн. Гражд. и Уголовн. Права», 1890, № 3, стр. 109—114; «Книжный Вѣстн.», 1889, № 8; «Юридич. Літопись», 1890, № 2; «Юридич. Бібліогр. Демидовск. Лицея», 1891,

кн. 23, стр. 1—92; «Вѣстн. Европы», 1891, кн. 5; «Русск. Вѣдом.», 1891, № 135; И. И. Янкуль, «Книга о книгахъ», Москва 1892, стр. 232.—Рецензія на «Гражданскій письмъ въ уголовномъ судѣ»: «Юрид. Вѣсти.», 1889, № 4; «Русск. Мысль», 1888, № 7; «Журн. Гражд. и Угол. Права», 1889, № 2; «Новости», 1888, № 211.—А. Поворинскій, «Системат. указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству гражданскому и уголовному», Сіб. 1891.

П. Гуревичъ.

Тальони (Taglioni), *Марія*, знаменитая танцовщица, дочь слѣдующаго, родилась 23 апреля 1804 г. въ Стокгольмѣ. Танцевальному искусству обучалась въ Парижѣ уже съ восьмилѣтняго возраста. Впервые Т. выступила передъ публикой въ Вѣнѣ 10 июня 1822 г. въ балетѣ ея отца «Réception d'une jeune poupée à la cour de Théâtre». Разсказываютъ, что въ смущенія она забыла па, которому училъ ее отецъ, импровизировала собственное и такъ удачно, что вызвала неописуемый восторгъ публики. Первый же выступленія на сценѣ создали ей славу первоклассной танцовщицы, а вскорѣ она пріобрѣла европейскую известность. Послѣ Вѣны Т. выступала въ Штутгартѣ и Мюнхенѣ съ неизмѣннымъ успѣхомъ, 23 июля 1827 г. дебютировала въ Парижѣ, на сценѣ Большой оперы, въ балетѣ «Сициліецъ». Успѣхъ ея былъ исключительный, и она получила постоянный ангажементъ въ Парижѣ, куда и переехала 30 апреля 1828 г. по окончаніи контракта въ Мюнхенѣ. Дальнѣйшія выступленія въ Парижѣ окончательно упрочили ся славу, и съ этого времени она считается настоящей королевой танцевъ. До 1837 г. она лишь изрѣдка покидала Парижъ, гастролируя въ Лондонѣ, Берлинѣ, Ливерпульѣ, Манчестерѣ и другихъ городахъ. Въ 1832 г. Т. вышла замужъ за графа де-Вуаленъ, но сцены не оставила и продолжала носить свою дѣвичью фамилию. Въ 1837 г. Т. получила приглашеніе въ Петербургъ, причемъ ей были предложены столь выгодныя условия, что администрація парижскаго театра не могла съ ними конкурировать, и Т. приняла предложеніе. Въ Петербургѣ она впервые выступила 6 сентября 1837 г. въ наиболѣе любимомъ ею балетѣ «Сильфіда», зарочно для нея сочиненномъ ея отцомъ. Успѣхъ ея въ Петербургѣ былъ не меньшій, чѣмъ въ другихъ городахъ. Ей писали стихи Грибоѣдовъ и Пушкинъ, Райтомъ была вы-

гравирована одна только ея нога, стоящая носкомъ на облакѣ, и къ этой гравюрѣ П. А. Вяземскими были написаны стихи, заканчивающіеся словами: «Pourquois chausser une aile?». Еще въ Парижѣ Теофиль Готье, увлеченный ея талантомъ, создалъ для нея изъ бretонской легенды о мертвыхъ дѣственницахъ балетъ «Жизель или Валисса», который парижскій балетмейстеръ Каради облечъ въ пластическія формы для сцены. Въ Петербургѣ же имя ея стало такъ популярно, что появилась карамелъ «Тальони», шляпы «Тальони», вальсы. «Возвращеніе Марии Тальони». П. А. Каратыгинъ написалъ известную въ свое время пьесу-шутку «Ложа 1-го яруса, на послѣдній дебютъ Тальони», часто ставившуюся на петербургской сценѣ. Т. любила появляться преимущественно въ роляхъ стихийныхъ, сверхъестественныхъ существъ. Танецъ ея отличался цѣломудренной чистотой и стыдливостью, античной пластичностью. Больше всего она славилась своими выступленіями въ балетахъ «Sylphide», «Belle du bois dormant», «Fille du Danube», «Révolte au sérail», «Natalie», «Cendrillon», Dieu et Bayarde», «Flore et Zéphire». Въ 1842 г. Т. покинула Россію и опять появилась въ Парижѣ. Послѣднее время публика вѣсколько охладѣла къ ней. Въ 1847 г. она совсѣмъ покинула сцену. Нѣкоторое время послѣ этого Т. давала частные уроки танцевъ въ Лондонѣ, а затѣмъ поселилась въ собственной виллѣ у озера Комо. На парижской сценѣ она выступила еще одинъ разъ съ цѣлью поощрѣвія дебютантки Эммы Леви, склонившейся классическимъ приемамъ, въ свое время упрочившимъ благодаря Т., но уже начинавшимъ забываться съ ея уходомъ со сцены. Специально для Эммы Леви она даже разработала балетъ «Papillon». Умерла Т. въ Марсель 23 апреля 1884 г. Въ книжѣ Плещеева «Нашъ балетъ» помѣщено нѣсколько ея портретовъ.

А. Плещеевъ, „Нашъ балетъ, 1873—1899 г.“, Спб. 1899, стр. 123 и слѣд. — Скальковскій, „Балетъ, его исторія и место въ ряду изящныхъ искусствъ“, Спб. 1886, изд. 2-е. — Czerwinski, „Brevier der Tanzkunst“, Leipzig 1880. — Les origines de l'opéra, le ballet de la reine“, Paris 1869—Voss, „Der Tanz und seine Geschichte“, Berlin 1868. — „Исторія танцеванія и балета по розысканіямъ французовъ и англичанъ“, „Репертуаръ и Пантеонъ“, 1850, т. VII, стр. 23—42. — Ф. Кони, „Балетъ въ Петербургѣ“, тамъ же, 1850, т. II, кн. III, стр. 36—38, 50—51, 83,

102—118, 125, 126, 129, 138, 168. — А. И. Вольфъ, „Хроника петербургскихъ театровъ съ конца 1826 до начала 1855 года“, Спб. 1877, ч. I, стр. 48, 67, 68—69, 74, 84, 91, 99, 103; ч. II, стр. 47, 52, 58, 65, 76, 77, 86, 95, 105, 114, 123, 131. — „Репертуаръ и Пантеонъ“, 1842, кн. VIII, отд. IV, стр. 36, отд. V, стр. 44; книга XI, отд. IV, стр. 33; кн. XII, отд. IV, стр. 29; кн. XV, отд. V, стр. 32. — „Воспоминанія А. Ф. Пржецлавскаго“, „Русская Старина“, 1874, т. XI, стр. 472. — „La Grande Encyclopédie“, Paris, т. 5, стр. 157. — Meyer's „Grosses Konversations-Lexikon“, 6. Auflage, Leipzig und Wien 1908, т. 19, стр. 284. — Brockhaus „Konversations-Lexikon“, Leipzig 1886, т. 15, стр. 446. — S. Orgelbrandt, „Encyklopédja Powszechna“, Warszawa 1903, т. XIV, стр. 384. — „Справочная энциклопедическая словарь“, паданіе Е. Крайя, Спб. 1848, т. X, стр. 61—62. — Д. А. Ропинскій, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Спб. 1888, т. IV, стр. 496.

Тальони, Филиппъ, балетмейстеръ, старший сынъ балетного танцора въ Пьемонтѣ Карла Тальони, родился въ Миланѣ въ 1777 г. Первоначально былъ балетнымъ танцоромъ въ Неаполѣ, затѣмъ приглашенъ въ качествѣ балетмейстера въ Стокгольмъ. Когда стала выступать на сценѣ его дочь, Марія, Т. обыкновенно повсюду сопровождалъ ее въ качествѣ балетмейстера. Въ Россіи въ 1835 г. впервые были поставлены его балеты «Сильфіда» и «Возстаніе въ Сералѣ» на петербургской сценѣ. Въ 1837 г. онъ вмѣстѣ съ дочерью приглашенъ былъ въ Петербургъ, где имъ поставлено было много балетовъ собственного сочиненія. Изъ многочисленныхъ его вещей наибольшей славой, какъ въ Россіи, такъ и въ Западной Европѣ, пользовался балетъ «Сильфіда». Значеніе его какъ балетмейстера въ томъ, что онъ замѣнилъ господствовавшую до него въ балетѣ пантомиму классической пластикой, чѣмъ внесъ въ него больше движенія. Кроме того, еще будучи въ Стокгольмѣ, онъ ввелъ въ анакреоническомъ балетѣ вмѣсто костюмовъ рококо античные костюмы. Считаясь съ направлениемъ таланта своей дочери, Т. для многихъ своихъ балетовъ бралъ сюжеты изъ фантастического міра; таковы: «Озеро волшебницъ», «Воспитанница Амура» и др. Въ 1840 Т. приглашенъ былъ въ качествѣ балетмейстера въ Варшаву. Въ 1853 г. онъ навсегда оставилъ сцену и поселился на озере Комо, въ Италии, где и умеръ 11 февраля 1871 г.

Источники тѣ же, что и для Марии Тальони,

Тамара (также *Томара*), *Василій Степановичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, посланникъ и полномочный министръ въ Константинополѣ, былъ въ службѣ съ 1759 г. Сначала служилъ переводчикомъ на Кавказѣ и въ качествѣ такового упоминается въ релацияхъ князя Н. В. Репнина Екатеринѣ Великой за 1775 г. 3 июня 1783 г. Т., уже въ чинѣ подполковника, доставляетъ грузинскому царю Ираклію отъ князя Потемкина проектъ трактата о признаніи верховной власти и покровительства Россіи и послѣ принятія его Иракліемъ отвозитъ его въ Петербургъ. Въ переговорахъ, предшествовавшихъ заключенію этого трактата, Т. принималъ дѣятельное участіе. Въ октябрѣ 1784 г. онъѣздилъ въ Испагань къ Ала-Муратъ-хану съ письмомъ отъ князя Потемкина. 21 июля 1797 г. онъ произведенъ былъ въ тайные совѣтники, а въ 1799 г. назначенъ чрезвычайнымъ посланикомъ и полномочнымъ министромъ въ Константинополь. Въ этой должности Т. оставался до 1809 г., когда вышелъ въ отставку съ чиномъ дѣятельного тайного совѣтника. Современники отзываются о немъ какъ объ умномъ и талантливомъ дипломатѣ; въ извѣстной книжѣ Жозефа Местра «Les Souires de St-Petersbourg»—Т. одно изъ бесѣдующихъ лицъ. Умеръ Т. 3 марта 1819 г., 73 лѣтъ отъ роду. Капиство оплакивалъ его смерть въ стихахъ.

П. Г. Бутковъ, „Матеріалы для новой исто-
рии Кавказа съ 1722 по 1803 годъ“, Спб. 1869, ч. II, стр. 121, 132, 150, 151, 154, 155,
305, 447, 521, примѣч. I; ч. III, стр. 168, 183,
184, 186, 187, 190.—А. В. Рачинскій, „Къ био-
графіи графа Орлова-Чесменскаго“, „Русскій
Архивъ“, 1876, т. II, кн. 7, стр. 282—284.
„Архивъ князя Воронцова“, Москва 1881, стр.
95, 231, 508.—„Сочиненія Капиства“, въ изда-
ніи А. Смирдина, стр. 383.—„Сочиненія Г. Р.
Державина“ съ объяснительными примѣча-
ніями Я. Грота. Спб. 1869—1871, т. VI, стр.
278, 365.—„Сборникъ Импер. Русск. Истор. Об-
щества“, т. 15, стр. 444—447, 453, 458, 460, 461,
462, 566, 567, 571, 573, 574, 431, 517, 518; т. 27,
стр. 276.—В. С. Иконниковъ, „Опытъ русской
историографии“, Киевъ 1906, т. II, кн. 1, стр.
1125.—„Опись документовъ пдѣль Сенатскаго
архива“, т. I, отд. 2, Спб. 1909, № 109.

Тамаринскій, Михаилъ Антоновичъ, архитекторъ, воспитаникъ и пенсионеръ академіи художествъ, сынъ дьякона церкви при этой академіи, родился въ Петербургѣ 15 ноября 1812 г. Склонность къ рисованію у него обнаружилась съ малыхъ

лѣтъ. Въ 1822 г. его приняли въ академію художествъ, благодаря покровительству конференцъ-секретаря А. Ф. Лабзина, въ качествѣ казеннаго воспитанника. Т. избралъ классъ архитектуры и занимался подъ руководствомъ адъюнкта-профессора Гомзина, а послѣ смерти послѣдняго — К. А. Тона. За время пребыванія своего въ академіи Т. награжденъ былъ за архитектурную композицію въ 1831 г. малой серебряной медалью, въ 1832 г.—большой серебряной, а въ 1833 г. малой золотою медалью. Въ 1833 г. онъ окончилъ академический курсъ съ аттестатомъ первой степени, и въ томъ же году, по распоряженію академіи, отправился въ Псковъ для работъ по реставрированію древностей мѣстнаго собора. Когда возстановленіе было доведено до конца, ему предложено было мѣсто губернскаго архитектора въ Псковѣ, но онъ отказался и вернулся въ Петербургъ, гдѣ въ 1836 г. по заданной академіей темѣ представилъ изображеніе ярмарки, за что получилъ золотую медаль 1-й ст., давшую ему право на казенноконтное заграничное путешествіе; въ 1837 г. онъ поѣхалъ въ Италію, гдѣ много рисовалъ съ натуры, въ Неаполѣ занимался въ королевскомъ музѣѣ копированиемъ съ древней живописи, бронзовыхъ украшений и вазъ. На способности Т. обратили вниманіе, и ему предложено было реставрировать виллу Адріана, работы по которой за смертью онъ не довелъ до конца. Т. считался однимъ изъ даровитѣйшихъ учениковъ К. А. Тона, и академія художествъ возлагала на него большия надежды. Умеръ онъ въ Римѣ 14 июня 1841 г.

„Художественная Газета“, 1841, № 17, стр. 5—7.—„Отчетъ Имп. Академіи Художествъ за 1864—1864 г.“, Спб. 1866, стр. 119. II. Н. Петровъ, „Сборникъ матеріаловъ для истории Имп. Петербургской Академіи Художествъ за 100 лѣтъ“, Спб. 1864—1865, т. II, стр. 261, 284, 304, 305 343, 351, 365, 371.

Тамберлинъ, Генрихъ (Энрико), пѣвецъ итальянской оперы въ Петербургѣ съ 1848 г.; родился въ Римѣ 11 марта 1820 г. (нов. ст.); сперва воспитывался въ семинарии Монте-Фиасконе и полагалъ сдѣлаться юристомъ, но потомъ сталъ учиться пѣнію у Боръя и Рульельми. Въ 1841 г. съ большимъ успѣхомъ дебютировалъ въ теноровой партии въ миланскомъ театрѣ дель-Фандо, въ оперѣ «Капулетти». Ближайшіе затѣмъ годы пѣлъ въ Лиссабонѣ,

Мадридъ, Барселонѣ, Лондонѣ. Въ Петербургѣ впервые выступилъ въ 1848 г. на Императорской сценѣ, на которой пробылъ съ перерывами до 1864 г., при чмъ сдѣланъ бытъ придворнымъ пѣвцомъ. Въ 1856 и 1861 гг. онъ выступалъ въ Большой Оперѣ въ Парижѣ; гастролировалъ также въ Сѣверной и Южной Америкѣ. Величественна наружность, свѣжесть и сила голоса, выразительность пѣнія поставили Т. на одну высоту съ выдающимися представителями старо-итальянской вокальной школы; особенно восторгались его до-дизомъ, замѣчательнымъ по своей красотѣ и силѣ. Къ тому же онъ соединялъ въ себѣ вмѣстѣ съ голосомъ недюжинный драматический талантъ. Репертуаръ его былъ обширный и разнообразный. Лучшими партіями его были: Отелло, пророкъ, герцогъ въ «Риголлето», трубадуръ, Рауль въ «Гугенотахъ», Арнольдъ въ «Вильгельмѣ Телль». Съ неменьшимъ успѣхомъ Т. выступалъ и въ концертахъ. Умеръ Т. въ 1882 г.

Ф. Толль, „Настольный словарь для справокъ“, Спб. 1864, т. III, стр. 603—604.—М. К., „Исторія оперы въ лучшихъ ея представителяхъ. Композиторы, пѣвцы и пѣвицы“, Москва 1874, стр. 152—53.—И. Д. Нерепелицынъ, „Исторія музыки въ Россіи съ древнѣйшихъ временій и до нашихъ дней“, Спб. 1888, стр. 150 и 192.

Тамбурини, Антоніо, пѣвецъ итальянской оперы въ Петербургѣ; родился 28 марта 1800 г. въ Фаэнцѣ. Музикальное образованіе получилъ у своего отца—профессора музыки. 9-лѣтнимъ мальчикомъ Т. уже хорошо игралъ на волторинѣ и занималъ място въ оркестрѣ, съ 12 лѣтъ пѣлъ въ церковныхъ и театральныхъ хорахъ. Его способности обратили на него вниманіе извѣстныхъ въ то время пѣвцовъ Момбелли и Пизарини, которые давали ему уроки пѣнія. Впервые на сцену Т. выступилъ въ 1818 г., въ Болонье, въ оперѣ «Джеральдин»; дебютъ его имѣлъ большой успѣхъ; въ слѣдующемъ году онъ пѣлъ въ Шачене, гдѣ отличился въ операхъ «Ченеретоль» и «Итальянка въ Алжирѣ». У него былъ звучный и сильный баритонъ съ низовыми нотами, такъ что онъ могъ пѣть и басовыя партіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ недурнымъ актеромъ, хотя ему недоставало темперамента для драматическихъ сценъ. Послѣ своихъ первыхъ успѣховъ Т. выступалъ въ театрѣ Scala въ Миланѣ, затѣмъ въ Тріестѣ,

Римѣ, Палермо, Венеціи и другихъ городахъ Италии. Большая часть его сценической дѣятельности прошла во Франціи, гдѣ онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ пѣлъ въ Парижской Большой Оперѣ. Въ 1844 г. Т. выступилъ въ Петербургѣ, гдѣ почти безъ перерывовъ пробылъ до 1852 г.; нѣсколько разъ онъ гастролировалъ и въ Москвѣ. Успѣхъ его въ Россія былъ не менѣшій, чмъ въ Западной Европѣ. Съ 1853 г. онъ пѣлъ въ Лондонѣ, а въ 1855 г. покинулъ сценическую дѣятельность. Умеръ Т. Ниццѣ 6 сентября 1867 г.

Ф. Толль, „Настольный словарь для справокъ“, Спб. 1864, т. III, стр. 604.—de-Riez, „Tamburini et la musique italienne“, Paris 1877.—М. К., „Исторія оперы въ лучшихъ ея представителяхъ. Композиторы, пѣвцы и пѣвицы“, Москва 1874, стр. 144—145.—П. В. Нерепелицынъ, „Исторія музыки въ Россіи съ древнѣйшихъ временій и до нашихъ дней“, Спб. 1888, стр. 150 и 192.—„Иллюстрированная Газета“, 1866, т. 17, № 13, стр. 200. „Русск. Стар.“, 1870, т. I, 1-е изд., стр. 575; т. II, стр. 394.

Тамесъ (Tamesz), Павелъ, граверъ на мѣди начала XVIII столѣтія, на службѣ у Петра Великаго. Въ изданіи «Книга Маркова или воинскихъ дѣлъ отъ войскъ парскаго величества российскихъ» (Санкт-Петербургъ, лѣта Господня 1713, генваря въ день первый) помѣщены слѣдующія его работы: планъ Новые Кавцы, планъ Выборга, крѣпость Динамондъ. Эти работы хранятся и въ Импер. Эрмитажѣ на отдѣльныхъ листахъ: планъ Новые Кавцы въ увеличенномъ размѣрѣ въ одномъ экземпляре (папка № 111, полка 5, листъ № 53); планъ Выборга въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ раскрашенный (папка № 111, полка 5, листъ № 26 и папка № 36, полка 5, листъ № 18); крѣпость Динамондъ (папка № 111, полка 5, листъ № 45). На всѣхъ этихъ листахъ подпись: «Paulus Tamesz fecit». Т. жилъ еще въ 1728 г. въ Петербургѣ.

Д. А. Ровинскій, „Русскіе граверы и ихъ произведения съ 1564 г. до основанія Академіи Художествъ“, Москва 1870, стр. 126 и 292.—И. Пекарскій, „Наука и литература въ Россіи при Петре I“, ч. II, стр. 291.

Тамбовцевъ, Василій, писатель второй половины XVIII столѣтія, поручикъ бывшаго малороссійскаго легіона, старшина яицкихъ казацкихъ войскъ; написалъ «Топографическое описание полей и водъ яицкихъ» (Спб. 1770) и статью «Очи-

щеніе конопляного масла», помѣщенную въ «Трудахъ Имп. Вольнаго Экономического общества» (1771 г., ч. XVIII). Т. былъ членомъ Имп. Вольнаго Экономического общества, въ засѣданіи котораго имъ въ 1768 г. произнесена была рѣчь на получение серебряной медали («Труды Имп. Вольнаго Экономического Общества», 1768, ч. X).

Митр. Евгений, „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи”, Москва 1845, т. II, стр. 190.—„Материалы для истории русской литературы”, изд. П. А. Ефремова, Спб. 1867, стр. 106.—Н. И. Новиковъ, „Опыт исторического словаря о российскихъ писателяхъ”, Спб. 1772, стр. 212.—В. Неустроевъ, „Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1800 гг.”, Спб. 1872, стр. 111, 113.—В. И. Межковъ, „Русская историческая библіографія за 1876—1865 гг.”, Спб. 1882 г., т. II, стр. 56. № 14580.—Его же, „История русской и всеобщей словесности”, Спб. 1872, стр. 270, № 6697.

Танбовцевъ, Аѳанасій, депутатъ Комиссіи для сочиненія новаго уложенія отъ содержащихъ ландполіцію Казанскаго уѣзда, Ногайской, Арской и Алатской дорогъ. Въ четырнадцатомъ засѣданіи Комиссіи, 28 августа 1767 г., прочелъ на-казъ отъ пахотныхъ солдатъ съ жалобой на большіе поборы, недостаточное количества земли и слишкомъ обременительную службу. Отстаивалъ необходимость введенія упрощеннаго судопроизводства.

„Сборникъ Импер. Россійского Историч. Общества”, т. IV (Труды Екатерининской Комиссіи для сочиненія новаго уложенія), стр. 167—108.

Танковъ, Иванъ Михайловичъ, живописецъ, декораторъ, академикъ, сынъ чиновника, родился въ 1739 г. Въ 1756 г. онъ поступилъ на службу въ контору строенія и садовъ Ея Величества и здѣсь учился у А. Переziнотти. Въ 1769 г. Т. получилъ званіе подмастерья живописи, въ 1771 г. сталъ посѣщать классы живописи академіи художествъ. Въ сентябрѣ 1778 г. имъ были представлены въ академію двѣ картины, изображающія сельскіе праздники, за которыхъ онъ былъ признанъ назначеннымъ въ академики. Для получения званія академика совѣтомъ академіи ему задана была тема «представить село и причинившійся въ ономъ пожаръ, где требуется въ ночномъ времени пред-

ставить жителей, спасающихъ себя самихъ, скотъ и домъ отъ распространившагося огня». Т. представилъ картину «Пожаръ въ деревнѣ въ ночное время», за которую и получилъ 17 июля 1785 г. искомое званіе. Кроме пейзажей съ жанровымъ стаффажемъ онъ писалъ также декорации для императорскаго театра. Картины Т. не по исполненію довольно посредственны. Изъ нихъ назовемъ: «Праздникъ въ провинциальному городѣ» и «Тайное крещеніе», которые находятся въ картинной галлерѣ Третьяковыхъ въ Москвѣ. Умеръ Т. въ Петербургѣ 12 июля 1799 г.

А. П. Новицкій, „Історія русскаго искусства”, Москва 1900, т. II, стр. 218.—А. Сомовъ, „Картинальная галлерей Имп. академіи художествъ. Каталогъ оригинальныхъ произведений русской живописи”, Спб. 1872, вып. I, стр. 10, 148—149.—„Сборникъ материаловъ для истории Имп. академіи художествъ за 100 лѣтъ” подъ ред. И. Н. Петрова, Спб. 1864, т. I, стр. 138, 144, 234.—„Каталогъ картины галлерей П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ”, стр. 60.

Таннауэръ, Іоганнъ-Готфридъ, живописецъ-портретистъ въ службѣ Петра I, сынъ живописца, родился на 1680 г. въ Саксоніи; занимался сначала часовымъ мастерствомъ и музыкой въ Швабіи, отсюда отправился для усовершенствованія въ своемъ ремеслѣ въ Венецію, но, познакомившись здѣсь съ Себастіано Бомбелли, сталъ учиться у него живописи. Затѣмъ Т. поѣхалъ въ Голландію, где изучалъ и копировалъ произведения Рубенса и посвятилъ себя исключительно портретному роду. По рекомендациіи живописца Купецкаго Петра Великаго, во времія пребыванія своего въ Карлсбадѣ, пригласилъ Т. на службу въ Россію, назначивъ его придворнымъ живописцемъ. Въ 1710 г. Т. переселился въ Россію и сопровождалъ Петра I въ Прутскому походѣ. На ряду съ писаніемъ портретовъ членовъ царской фамиліи и другихъ лицъ онъ занимался и починкой часовъ. До настоящаго времени сохранились слѣдующіе портреты, о которыхъ достовѣрно известно, что они принадлежать кисти Т.: Царь Великий, въ профиль (у графа Шереметева, въ Кукковѣ близъ Москвы); царевичъ Алексѣй Петровичъ (въ галлерѣ дома Романовыхъ при Эрмитажѣ); Императрица Анна Ioанновна (въ Царскосельскомъ и Гатчинскомъ дворцахъ); А. Д. Татищевъ (въ имѣніи

графа Шереметева Кусковъ); графъ П. И. Ягужинскій (тамъ же); Анна Петровна (въ Царскосельскомъ старомъ дворцѣ). Кромѣ того Т. приписываются слѣдующіе портреты: Петръ I, усопшій (въ академіи художествѣ); онъ же, конный (у Н. Д. Быкова); Петръ I и Екатерина I, поясные (въ Московской Оружейной Палатѣ); царевна Наталья Алексѣевна (въ галлереѣ дома Романовыхъ при Эрмитажѣ); кронпринцесса Шарлотта-Софія (тамъ же). Современникъ Т., Берхгольцъ даетъ слѣдующій отзывъ о портретахъ, которые онъ видѣлъ въ незаконченномъ еще видѣ въ мастерской художника: «это были портреты императора, императрицы, обѣихъ принцессъ и князя и княгини Меньшиковыхъ, всѣ оригинальные, одинаковой величины, и одинъ лучше другого. Хотя каждый изъ нихъ отличался необыкновеннымъ сходствомъ и не имѣлъ никакихъ недостатковъ, однако же всѣхъ похожѣе былъ портретъ императора—совершенная натура». У графа Шереметева въ Кусковѣ имѣется также собственный портретъ Т., гравированный черной манерой Купецкими. Портретъ этотъ принадлежитъ къ сюжету пяти чувствъ и представляетъ слухъ: Т. изображенъ на немъ играющимъ на скрипкѣ. Умеръ Т. въ 1787 г.

А. Сомовъ, „Картинная галлерея Имп. академіи художествъ. Каталогъ оригинальныхъ произведений русской живописи“, Спб. 1872, вып. I, стр. 1—2 и 143.—Д. А. Ровинский, „Русские граверы и ихъ произведения“, Москва 1870, стр. 90, 117, 172, 173, 249.—Его же, „По дробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Спб. 1889, т. I, стр. 247, 291—292, 626—627; т. II, стр. 1325, 1387—1388, 1823, 1734, 1869, дополн., стр. 223, 237, 247, 249—251, 265, 274, 279, 282—284, 289, 290, 348, 352, 362, 368.—А. П. Новицкій, „Исторія русского искусства“, Москва 1900, т. II, стр. 3 и 28.—П. Божеряновъ, „Очеркъ развитія искусства въ Россіи въ царствованіи Петра Великаго“, Спб. 1872, стр. 4—5.—„Дневникъ каммерюнкера Берхгольца“, изд. Амона, Москва 1858, изд. 2-е, ч. II, стр. 303—304.—J. Hasselblatt, „Historischer Ueberblick der Entwicklung der Kaiserl. Russischen Akademie der Künste in Petersb.“, Спб. 1886, стр. 30.—A. Wassiltschikoff, „Liste alphabetique de portraits russes“, Спб. 1875, т. I, стр. 56, 107 и 423; т. II, стр. 111—132.—П. Н. Петровъ, „Каталогъ исторической выставки портретовъ лицъ XVI—XVIII вв. въ Москвѣ“, Спб. 1870, стр. 36, 222.

Танненбергъ, Богданъ Богдановичъ (Gotthelf-Wilhelm), докторъ медицины, профессоръ Повивального института и глав-

ный врачъ Воспитательного дома въ Москвѣ, московскій уроженецъ; медицинское образование получило за границей, въ университетахъ Геттингенскомъ и Берлинскомъ, въ первомъ изъ которыхъ и удостоено докторскаго диплома. По возвращеніи въ Россію Т. 5 августа 1791 г. подвергся экзамену при медицинской коллегіи, получилъ право практиковать въ Россіи и утвержденъ былъ въ званіи доктора медицины. Въ томъ же году онъ определенъ былъ въ Московскій госпиталь «по надобности». Въ 1793 г. его перевели на службу въ Московскій Воспитательный домъ въ качествѣ врача при больницахъ воспитанниковъ и акушера при секретно-родильномъ госпиталѣ. Когда при Воспитательномъ домѣ учрежденъ былъ въ ноябрѣ 1800 г. Повивальный институтъ, Т. назначенъ былъ профессоромъ при немъ, а въ 1804 г., послѣ увольненія Рихтера отъ чтенія лекцій, — старшимъ профессоромъ. Съ 1807 г. Т. кромѣ того занялъ должность директора и главнаго акушера родильного госпиталя при Воспитательномъ домѣ. Имъ написано: «Краткое наставление беременнымъ и родильницамъ для обереженія своего здоровья и ожиданія благополучного окончанія родовъ» (Москва 1803). Въ 1832 г. Т. вышелъ въ отставку въ чинѣ действительного статского советника.

Я. Чистовичъ, „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи“, Спб. 1883, стр. СССУ.—В. Красускій, „Краткій исторический очеркъ Имп. Московскаго Воспитательного дома“, Москва 1878, стр. 224—225.—„Материалы для истории Имп. Московскаго Воспитательного дома“, Москва 1863—77, вып. I, гл. II, стр. 66, 67, гл. III, стр. 98; вып. II, гл. I, стр. 6, 22.—„Общий медицинский списокъ“ на 1809 г., стр. 93; за 1810 г., стр. 101.—„Роспись российскимъ книгамъ изъ библиотеки для чтенія А. Смирдина“, Москва 1828 г., стр. 36, № 4676.—В. Соцкій, „Опытъ российской библиографіи“, Москва 1820—28, ч. 3, стр. 420, № 6503.—„Роспись российскимъ книгамъ для чтенія изъ библиотеки В. Плавильщика“, Спб. 1828, стр. 40, № 478.

Тантави, Мухамедъ-Айядъ, шейхъ, экстраординарный профессоръ Петербургскаго университета и преподаватель азиатскаго института при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, родился около 1806 г. въ г. Таантѣ (въ Египтѣ), отъ которого и получилъ свою фамилию. Въ 30-хъ годахъ онъ состоялъ профессоромъ арабскаго языка и литературы въ Каирѣ при эль-азгарской мечети и славился въ Египтѣ какъ

одинъ изъ ученѣйшихъ людей и лучшихъ знатоковъ отечественной литературы. Къ нему прѣѣзжали изъ Европы арабисты для усовершенствованія въ арабскомъ языке и словесности. Благодаря имъ слава о немъ распространилась и въ Европѣ; у нихъ же Т. научился французскому языку. Больше всего способствовали извѣстности Т. его ученики, ориенталисты Фульгенцій Френель и Густавъ Вейль, переводчикъ «Тысячи и одной ночи» на нѣмецкій языкъ. По предложенію, сдѣланному академикомъ Френомъ вице-канцлеру графу Несельроде, основателю и начальнику азиатского института при министерствѣ иностраннѣхъ дѣлъ, Т. въ 1839 г. приглашенъ былъ преподавателемъ арабскаго языка въ этомъ институтѣ и принялъ приглашеніе. Въ Петербургѣ онъ научился русскому языку. Въ 1846 г. Петербургскій университетъ предложилъ ему занять вакантную за уходомъ О. И. Сенковскаго каѳедру арабскаго языка и словесности въ званіи экстраординарнаго профессора. Съ 1848 г. Т. началъ чтеніе лекцій. Въ первые годы онъ объяснялъ Харирия, но убѣдившись въ томъ, что это мало доступно его слушателямъ, сталъ ограничиваться толкованіемъ легкихъ историческихъ отрывковъ. Кроме того онъ излагалъ арабскую грамматику, упражнялъ въ разговорахъ и сочиненіяхъ, въ переводахъ съ русскаго языка на арабскій. Для своихъ слушателей Т. составилъ на французскомъ языкѣ руководство разговорнаго языка подъ заглавиемъ «Trait  de la langue arabe vulgaire» (Leipzig 1848). Въ бюллетеяхъ Петербургской академіи наукъ напечатаны его статьи «Observations sur la traduction de quelques vers arabes» и «Observations sur la r thorique des nations musulmanes de M. Garcin de Tassy». Написанная имъ по-арабски автобиографія вмѣстѣ съ нѣмецкимъ переводомъ, сдѣланнымъ Козегартеномъ, помѣщена въ «Zeitschriften f r die Kunde des Morgenlandes» (1850, VII, 48—83). Каѳедру Т. занималъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1858 г.

В. В. Григорьевъ, „Имп. С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія“, Спб. 1870, стр. 124 и 252—254.—«Zeitschrift der deutschen morgenl ndischen Gesellschaft», т. IV, стр. 243—48, статья Гогвальда.—П. С. Савельевъ, „Восточная литература и русские ориенталисты“, „Русскій Вѣстникъ“, 1856, т. II, стр. 278.—„Journal

asiatique“, 1838, январь, стр. 63.—С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1840, № 186 и 207.—В. И. Межовъ, „Исторія русской и всеобщей словесности“, Спб. 1872, стр. 587, № 15261.—Его же, „Русская историческая библіографія за 1800—1854 годы“, Спб. 1893, т. II, стр. 246, № 17812 и 17813.

Танѣевъ, Александръ Сергеевичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, статсь-секретарь, сенаторъ, членъ государственного совѣта, почетный членъ Имп. академіи наукъ, управляющій 1-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, родился 18 декабря 1785 г. Образованіе получилъ отчасти домашнее и въ разныхъ пансионахъ. Службу началъ гвардіи подпоручикомъ, въ 1800 г. вступилъ на службу въ кабинетъ Его Величества. Въ 1808—1810 гг. находился при графѣ Аракчеевѣ въ бытность послѣднаго военнымъ министромъ. Когда учреждена была въ 1812 г. Собственная Его Величества канцелярія, Т. опредѣленъ былъ туда на службу, при чемъ участвовалъ въ поѣздкахъ государя въ Карлсруэ, Брюссель и Лондонъ. Въ 1814 г. онъ присутствовалъ на Венскомъ конгрессѣ, находясь при статсь-секретарѣ Марченко, а въ 1818 г. на Аахенскомъ конгрессѣ состоялъ при государѣ. Во время Турецкой войны 1828 г. находился при особѣ государя по дѣламъ Собственной Его Величества канцеляріи. Въ ноябрѣ 1831 г. Т. назначованъ былъ въ статсь-секретари и назначенъ управляющимъ 1-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, въ каковой должности находился до самой смерти. Состоялъ членомъ комитета по крестьянскимъ дѣламъ съ 1839 г. Ему поручено было въ 1846 г. составить проектъ образованія инспекторскаго департамента гражданскаго вѣдомства, которому предоставлено завѣдываніе вѣтъ составомъ гражданскихъ чиновъ, и онъ же былъ назначенъ главноуправляющимъ этого департамента, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предсѣдателемъ особаго комитета по вопросу обѣ удаленіи со службы неблагонадежныхъ чиновниковъ. Умеръ Т. 17 июля 1866 г. и похороненъ на Тихвинскомъ кладбище Александро-Невской лавры.

Толль, „Настольный словарь для справоносъ по всѣмъ отраслямъ знанія“, Спб. 1863, т. III, стр. 609.—В. Саполовъ, „Петербургскій некрополь“, Москва 1883, стр. 129.—С. В. Рождественскій, „Исторический обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія, 1802—

1902", Спб. 1902, стр. 235, 262, 289, 326.—"Сборник постановлений по министерству народного просвещения", ч. II, № 229, 425, 518.—"Иллюстрированная Газета", 1866, № 30.—"Сборник Имп. Русского Исторического Общества", т. XI, стр. 127, 186, 188, 250; т. 111, стр. 49, 116, 120, 199, 260, 362, 445; т. 113, ч. I, стр. 306, ч. II, стр. 94.—"Русская Старина", издание 2-е, 1870, т. I, стр. 538—539.—В. И. Межовъ, "Русская историческая библиография за 1800—1854", Спб. 1893, т. II, стр. 246, № 17814.—Его же, "Русская историческая библиография за 1865—1876", Спб. 1882, т. II, стр. 16, № 11293.

Таньевъ, Александръ Тихоновичъ, стольникъ, полковникъ стрѣлецкій, упоминается впервые въ 1672 г. 25 января этого года, тогда стрѣлецкій полуголова Т., былъ у царской руки и 27-го посланъ къ гетману Демьяну Многогрѣшному въ Батурина для объясненій по поводу его недовольства нерѣшительной политикой Москвы и отсутствиемъ помощи ему противъ поляковъ. 30 января Т. вмѣстѣ съ подъячими Дементіемъ Ивановымъ выѣхалъ изъ Москвы, 6 февраля они въ Батурина, 7-го уже говорили съ гетманомъ. Отъ Многогрѣшного Т. выслушали признанье, что онъ вѣкоторыя рѣзкія слова по адресу Москвы, о которыхъ дошелъ слухъ въ Москву, дѣйствительно произнесъ, а произнесъ для того, чтобы «великій государь пожаловалъ, поляковъ пускать за Днѣпро и за Сожъ не велѣлъ: только ихъ пустить за Сожъ—и они станутъ вступаться въ малороссійскіе города, земли и угодья, станутъ называть города на этой сторонѣ Днѣпра своими». При этомъ гетманъ высказалъ исконное опасеніе казаковъ, что Москва хочетъ отдать полякамъ Киевъ. Отъ стрѣлецкаго полковника Григорія Нельзова, вмѣстѣ съ полкомъ своимъ находившимся въ Батурина, Т. узналъ послѣднія батуриинскія новости. Оказалось, что въ Батурина распространился слухъ о смыщевіи Многогрѣшного и о назначеніи на него мѣсто запорожскаго посланца въ Москву Киевскаго полковника Солонину. Извѣстіе это волновало гетмана, гетманъ пилъ и буйствовалъ. 9 февраля гетманъ отпустилъ Т. изъ Батурина въ Москву. 28 февраля пишется царская грамота къ Многогрѣшному, въ которой онъ заявляется, что Солонину никто не назначалъ,—«мы никогда не назначимъ гетмана безъ членитъ всего войска Запорожскаго и безъ рады войсковой даже и по смерти твоей», и съувѣщеваніемъ хранить вѣр-

ность государю. Съ этой грамотой Т. вновь посылается въ Батурина вмѣстѣ съ подъячими Семеномъ Щеголевымъ. 7 марта онъ приѣхалъ въ Батурина и того же числа явился къ гетману. Многогрѣшный опять жаловался на то, что Москва хочетъ отдать Киевъ, что запорожскій посланецъ не пускается присутствовать въ посолской избѣ при веденіи переговоровъ съ поляками о малороссійскихъ дѣлахъ, а это противно Глуховскому договору, что, наконецъ, Москва помогаетъ полякамъ деньгами. Т. пытался успокоить гетмана, говорилъ, что запорожскому посланцу всѣ акты сообщаются тотчасъ же по написаніи. Гетманъ, однако, продолжаетъ какъ въ эту встрѣчу, такъ и при отпускѣ Т. сыпать упреками и обвиненіями по адресу Москвы, а самому Т. угрожаетъ отдать его въ неволю крымскому хану, если онъ еще разъ будетъ у него съ неправдой. Послѣ неласковой встрѣчи у гетмана Т. спѣшилъ къ Нѣлову. Нѣловъ разсказываетъ Т., что гетманъ совсѣмъ перемѣнился, измѣнилъ Москвѣ, вступилъ въ переговоры съ Дорошенкой о томъ, чтобы въ случаѣ отдачи Киева имъ бы соединиться и вмѣстѣ съ обѣихъ сторонъ за Киевъ стоять и съ поляками биться. Ночью 8 марта Т. вмѣстѣ съ Нѣловымъ, передѣвши, отправляются къ недовольнымъ Многогрѣшнымъ казацкимъ старшинамъ. Тѣ жалуются на измѣну Многогрѣшного, утверждаютъ, что онъ съ Дорошенкой поддался турскому султану, и просятъ Т. о всемъ слышанномъ передать въ Москву государю черезъ боярина Матвѣева, чтобы Москва прислала имъ войска на помощь. Но еще до прибытія помощи старшины обѣщаютъ Т. схватить Многогрѣшного и выдать его Нѣлову. 10 марта Т. уѣзжаетъ въ Москву, а въ ночь на 13-е старшины исполняютъ данное Т. обѣщаніе: они схватили гетмана и отправили его въ Москву. Во время допроса Многогрѣшного въ Москвѣ Т. явился на очную ставку съ нимъ и уличалъ его по своему статейному списку.

Въ 1674 г. Т. былъ приставомъ въ церемонии по случаю вступленія въ совершенное полѣтие и объявленія наследникомъ царевича Феодора Алексеевича: стоялъ при польскомъ резидентѣ Шавлѣ Свидерскомъ въ Архангельской паперти отъ Соборной церкви. Въ записной разрядной книжѣ за 1678—1679 гг. мы встречаемъ Т. уже

стольникомъ и стрѣлецкимъ полковникомъ, въ приказѣ же у него 8 сотниковъ и 835 стрѣльцовъ. Въ 1680 г. Т. назначенъ въ Переяславль подъ начало воеводы Бенедикта Хитрова и товарища его Левшина на смѣну стрѣлецкаго полковника Новгородскаго разряда. Въ Кіевскомъ съѣтномъ спискѣ денежной казны, ратныхъ людей, военныхъ запасовъ, лекарствъ и проч. съ 1 сентября 1681 г. по 1 сентября 1682 г. Т. значится стольникомъ и полковникомъ; въ его приказѣ подполковникъ Тимоѳей Кішкинъ, капитановъ 8 человѣкъ, московскихъ стрѣльцовъ 670 человѣкъ. Въ 1682 г. стрѣльцы, недовольные большинствомъ своихъ полковниковъ, а въ числѣ ихъ и Т., разъ и другой просили объ устраненіи своихъ полковниковъ отъ должностей, о наказаніи ихъ и о взысканіи съ нихъ неправильно взысканного. Жалоба стрѣльцовъ была удовлетворена. Т., равно какъ и другимъ полковникамъ, былъ скажанъ имѣнной царскій указъ, коимъ, въ наказаніе за взяточничество, присвоенъ, незаконный требованія и притесненіе стрѣльцовъ, онъ лишается чина полковника, помѣстій, устраивается отъ приказа, обязывается возмѣстить незаконные поборы и отданъ въ батоги. Указъ приводится въ исполненіе, и въ теченіе нѣсколькихъ дней на площади происходит расправа надъ полковниками, при чемъ руководить расправой толпа стрѣльцовъ, своими криками то остававливая, то возобновляя ее. Годъ смерти Т. неизвѣстенъ.

Акты Арх. Эксп., т. IV, стр. 358.—Дополн. къ Актамъ Историч., т. IX, стр. 117; т. X, стр. 101, 111; т. XI, стр. 207.—Полн. Собрание Зак., т. I, стр. 989.—Акты Южн. и Западн. Россіи, т. IX, стр. 629—648, 661—663, 665—679, 691, 707, 708, 714, 715, 736, 755, 757, 763, 765—769, 772, 773, 782, 791, 806, 807.—Соловьевъ, „Исторія Россіи“, кн. III, стр. 417, 419, 420, 421—424, 431.—Костомаровъ, „Собр. сочин.“, т. VI, стр. 180—188, 197.—Устриловъ, „Исторія царствованія Петра Вел.“, т. I, стр. 273; прим. 42.

Танѣевъ, Серге́й Александровичъ, статья-секретарь, сынъ Александра Сергеевича Танѣева, дѣйствительный тайный советникъ, членъ государственного совѣта, главноуправляющій 1-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, родился въ 1821 г. Первоначально учился дома, а затѣмъ въ декабрѣ 1835 г. поступилъ въ 2-е отдѣленіе 6-го класса открытаго въ этомъ году училища правовѣдія, курсъ

котораго окончилъ въ 1842 г. По выходѣ изъ училища Т. вступилъ на службу въ канцелярію 1-го департамента сената съ чиномъ титуллярнаго совѣтника. Въ 1844 г. онъ былъ командированъ къ русской дипломатической миссіи въ Неаполѣ. Въ 1846 г. пожалованъ былъ въ званіе камер-юнкера двора. Въ томъ же году Т. возвратился въ Россію и опредѣленъ былъ исправляющимъ должность секретаря при 1-мъ департаментѣ сената, а вскорѣ затѣмъ переведенъ на службу въ 1-е отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи въ качествѣ старшаго чиновника; въ 1858 г. на него возложено было вре-менное исполненіе обязанностей управляющаго этимъ отдѣленіемъ. Въ теченіе 1859 и 1860 гг. онъ находился въ заграничной командировкѣ по министерству народнаго просвѣщенія и по возвращенію въ Россію награжденъ былъ орденомъ св. Станислава 1-й степени. Въ 1862 г. Т. былъ вторично командированъ за границу для ознакомленія съ постановкой народнаго образованія въ Бельгіи, Германіи, Франціи и Швейцаріи. Въ томъ же году онъ пожалованъ былъ въ статс-секретари по слу-чаю 50-лѣтия юбилея 1-го отдѣленія канцеляріи, а вскорѣ назначенъ членомъ совѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ помощникомъ главнаго попечителя Императорскаго Человѣколюбиваго общества. Съ 1863 г. Т. состоялъ членомъ комитетомъ призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Въ 1865 г. онъ былъ произведенъ въ тайные советники. Въ 1866 г. онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность управляющаго 1-мъ отдѣленіемъ канцеляріи Его Величества послѣ смерти отца, Александра Сергеевича Танѣева, занимавшаго этотъ постъ, а въ слѣдующемъ году въ этой должности утвержденъ. Ему принадлежитъ заслуга приведенія въ порядокъ дѣлъ архива 1-го отдѣленія канцеляріи и изданіе «Сборника историческихъ материаловъ», извлеченныхъ изъ этого архива (Спб. 1876, ч. I). Въ 1873 г. Т. опредѣленъ былъ на постъ предсѣдателя комиссіи для пересмотра нѣкоторыхъ условій въ порядкѣ представленія чиновниковъ къ наградамъ. Въ 1877 г. произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго тайного совѣтника. За руководство дѣлами по разсмотрѣнію устава и штатовъ Покровской общины сестеръ милосердія ему въ 1877 г. пожаловано было

звание почетного члена общины. Въ 1879 г. онъ назначенъ былъ членомъ государственного совѣта съ оставленіемъ въ занимаемыхъ должностяхъ. Съ 1881 г. онъ состоялъ предсѣдателемъ комиссіи для пересмотра правилъ о награжденіи медалями. Въ 1882 г. его избрали почетнымъ членомъ общества Краснаго Креста. На него возложено было въ 1883 г. поднесеніе государю докладовъ о всѣхъ дѣлахъ совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго общества, требующихъ Высочайшаго утвержденія и разрѣшенія; въ томъ году ему было поручено предсѣдательствованіе въ постоянной комиссіи для распределенія наградъ при Собственной Его Величества канцеляріи. Въ 1884 г. Т. назначенъ былъ состоять старшимъ членомъ комитета призрѣнія заслуженныхъ чиновниковъ гражданскаго вѣдомства. Постъ управляющаго 1-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи занималъ до самой смерти, послѣдовавшей 30 мая 1889 г. Имѣлъ ордена до Владимира 1-й степени включительно.

Некрологи за 1889 г.: „Правительственный Вѣстникъ“, № 97, отт 4 мая; „Новое Время“, №№ 4738 и 4736.—„Русский календарь“ на 1890 г., изд. А. Суворина, Спб. 1891, ч. I, стр. 251.—„Пятидесятилѣтій юбилей Имп. училища правовѣдѣнія“, Спб. 1886, стр. 134.—Н. В. Калачевъ, „Архивы, ихъ государственное значеніе, составъ и устройство“, „Сборникъ государственныхъ знаній“, Спб. 1877, т. IV, стр. 216.—С. И. Иконниковъ, „Опытъ русской историографіи“, Кіевъ 1891, т. I, клига 1, стр. 490.

Тапильский, Сила Степановичъ, протоіерей, писатель и собиратель извѣстий по исторіи духовенства, родился въ 1817 г. въ селѣ Борцѣ, Сапожковскаго уѣзда, Рязанской губерніи, въ семье прищетника, учился въ Рязанской духовной семинаріи, по окончаніи курса которой, какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, посланъ былъ въ 1839 г. въ Петербургскую духовную академію. Академію Т. окончилъ со степенью магистра богословскихъ наукъ и 31 января 1845 г. былъ оставленъ при академіи бакалавромъ по классу св. ци-
саўя, которое преподавалъ до 1847 г., когда оставилъ академію. 20 сентября 1846 г. онъ рукоположенъ былъ во священники и опредѣленъ къ церкви Маріи Магдалины при Маріинскомъ институтѣ, при которомъ состоялъ и законоучителемъ. Въ

май 1849 г. Т. перемѣщенъ былъ приходскимъ священникомъ къ церкви Покрова Пресвятой Богородицы, 14 января 1860 г. онъ назначенъ былъ настоятелемъ этой церкви и членомъ Петербургской консисторіи, а 5 сентября того же года произведенъ въ протоіереи. Въ декабрѣ 1860 г. перемѣщенъ былъ протоіереемъ Морского Богоявленскаго Николаевскаго собора. Состоялъ членомъ комитета Петербургской консисторіи и старшимъ членомъ и предсѣдательствующимъ комитета богоадѣльни для вдовъ и сиротъ лицъ духовнаго званія. Т. работалъ и писалъ главнымъ образомъ по исторіи петербургскаго духовенства; большинство его трудовъ остались неизданными. Имъ напечатанъ «Справочный указатель соборовъ и церквей Петербургской епархіи и состоящихъ при нихъ священнослужителей и приходовъ», а вт. «Историко-статистическихъ свѣдѣніяхъ о Петербургской епархіи» (вып. II) помѣщено его «Описаніе Морского Богоявленскаго Николаевскаго собора». Въ архивѣ синода хранятся въ рукописи слѣдующіе его труды и собранные имъ материалы: «Записки по св. Писанію», лекціи, читанные въ Петербургской духовной академіи; «Бесѣды катехизическая», говоренія имъ въ 1851 г.; «Петербургскіе соборы, церкви и духовенство» (несколько съязкъ и переплетовъ); «Дѣла, относящіяся къ Рязанской епархіи», въ которыхъ имѣются и древнійшия грамоты, договоры, указы, «Указы различныхъ временъ—копіи съ данныхъ», по исторіи петербургской епархіи. Умеръ Т. въ Петербургѣ 15 декабря 1873 г.

„Духовная Бесѣда“, 1873, № 51, стр. 412 (некрологъ) — Мпх. Алексѣевъ, „Слово, говореніе при погребеніи протоіеря Никола Богоявленскаго собора С. С. Тапильскаго“, тамъ же, 1873, № 52, стр. 401—407.—„Историко-статистическая свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи“, Спб. 1871, вып. II, стр. 253.—И. Чистопливъ, „Исторія С.-Петербургской духовной академіи“, Спб. 1857, стр. 344, 451.—А. Родосѣскій, „Біографический словарь студентовъ первыхъ XXVIII выпусковъ С.-Петербургской духовной академіи 1814—1869 гг.“, Спб. 1907, стр. 494—495.—„Памятная книжка С.-Петербургской губерніи на 1896 годъ“, стр. VI.—В. И. Межовъ, „Русская историческая бібліографія за 1865—1876 гг.“ Спб. 1882, т. II, стр. 42, № 13.362, стр. 387, № 24.014.

Таппе, Августъ Вильгельмовичъ (Dietrich - August-Wilhelm), учитель языка

каго училища св. Петра въ Петербургѣ, нѣмецкій пасторъ, докторъ философіи и теологии, составитель учебниковъ, родился въ Ганноверѣ 9 февраля 1778 г. Образование получило въ Геттингенскомъ университѣтѣ, гдѣ изучалъ теологію, а степень доктора философіи получилъ въ Эрфуртскомъ университетѣ. Послѣ того долгое время былъ домашнимъ учителемъ въ Зелtinghofѣ, Лифляндской губерніи. Въ 1805 г. опредѣленъ былъ въ Выборскую мужскую гимназію преподавателемъ философіи и протестантскаго исповѣданія, а въ 1810 г. переведенъ преподавателемъ нравственности, исторіи и антропологіи въ нѣмецкое училище св. Петра. Въ 1815 г. Т. защищалъ диссертацию при Дерптскомъ университѣтѣ и удостоенъ былъ степени доктора теологии. Въ 1819 г. онъ оставилъ русскую службу въ чинѣ титулярнаго советника и вернулся въ Германію, гдѣ преподавалъ въ званіи профессора нравственность, нѣмецкій языкъ и отечественную исторію при королевской лѣсной академіи въ Тарандѣ; въ этой должности оставался до самой смерти (3 апруля 1830 г.). Помимо диссертаций и юридическихъ книгъ по вопросамъ нравственности и антропологіи, Т. напечаталъ рядъ учебниковъ русскаго языка для нѣмцевъ, а также въ сокращенномъ изложеніи исторію Россіи по «Исторіи Государства Россійскаго» Н. Карамзина. Извѣстны слѣдующія его сочиненія: «Diss. theolog. de usu ac ratione dictionis antropopaticae in scriptura sacra» (Dorpati 1815, по ошибкѣ напечатано 1835 г.); «Diss. theolog. de regno Dei, a Jesu, Servatore nostro, in terris condito, quae ejus sit ratio et quoque vigeat nostris temporibus (?)» (Dorpati 1815, 2-е изд. Petropoli 1819); «Untrügliche Mittel wider den Biss toller Hunde», соч. Павла Свирина, перев. съ русскаго (Petersburg, 1817); «Ueber Scheintodte» (Erfurt 1798); «Ueber den Ursprung, Begriff und Werth einer Gründlichen Anthropologie» (Wiburg 1806); «Neue theoretisch-praktische Russische Sprachlehre für Deutsche mit Beispielen, als Aufgaben zum Uebersetzen aus dem Deutschen in das Russische, nach den Hauptlehrern der Grammatik nebst einem Abrisse der Geschichte Russlands» (Petersburg und Riga, 6 изданій, 1810 — 1823); 2-я часть этого учебника

подъ заглавиемъ: «Neues russisches Elementarlesebuch für Deutsche, enthaltend Sentenzen und Maximen, Fabeln, Anecdoten, eine geographisch-statistische Uebersicht Russlands, eine Komodie im Auszuge und Bruchstücke aus Karamsins Schriften» (2-е изд. 1812); приложеніе ко 2-й части: «Russische Uebersetzungen der deutschen Aufgaben nach den Hauptlehrern der Grammatik in der Sprachlehre» (Petersburg 1812); 3-я часть: «Russische historische Lesebuch aus Karamsins Geschichte Russlands» (Petersburg, Riga und Leipzig 1819); «Tableau abrégé de l'histoire de Russie de Mr. de Karamsin» (2-е изд., 1825); «Сокращеніе исторіи Карамзина съ толкованіемъ труднѣйшихъ мѣстъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ» (Спб. 1819); «Tugendlehren für Kinder in kurzen Sätzen und Versen» (Petersburg 1812); «Vom Göttlichen und Ewigen in Menschen, oder vom Reiche Gottes auf Erden» (ib. und Riga, 1815; 2-е изданія, ib. und Leipzig 1819; 3-е изд., Dresden 1823); «Geschichte von Russland nach Karamsin» (2 части, Dresden und Leipzig, 1828 — 1831); «Ueber die Verwandschaft des Koptischen mit den Sprachen in Nordasien und im nordöstlichen Europa» (въ «Zeitschrift f. die eleg. Welt», 1824, № 2); издалъ «Worte aus dem Buche der Bücher, oder über Welt und Menschenleben» сочиненіе князя N*** (Dresden 1824).

Біографіческий очеркъ на нѣмецкомъ яз., составленный Гольдбахомъ въ приложениію ко 2-й части сочиненія Т. „Geschichte von Russland nach Karamsin“ (Dresden und Leipzig, 1831). — J. F. von-Recke und R. Ed. Napierksky, „Allgemeine Schriftsteller und Gelehrten Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland“, Mitau 1832, т. 4, стр. 345—347. — Meusel, „Gelehrte Deutschlands“, т. 16, стр. 2; т. 21, стр. 3.— „Conversations Lexicon“, т. XII.—Д. А. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Спб. 1889, стр. 860 (портретъ). — Ф. Толль, „Наставочный словарь для справокъ по всемъ отраслямъ земледѣлья“, Спб. 1863, т. III, стр. 610. — В. С. Сопиковъ, „Опытъ российской библиографіи“, изд. подъ редакціей В. Н. Рогожина, Спб. 1904, ч. II, стр. 80, №№ 2970—2971; ч. III, стр. 135, №№ 5219, 5220, 5221.

Тараканова, Августа Матвеевна, въ иночествѣ Досиѳея, предполагаемая дочь Императрицы Елизаветы Петровны отъ мorganатического брака ея съ гр. Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ, ро-

дилась около 1745 г., где именно—неизвестно. Въ дѣствѣ (когда именно—остается тоже неизвестнымъ) была отправлена за границу, кажется въ Италию, где получила воспитаніе и где оставалась до 1785 г., когда, по повелѣнію Императрицы Екатерины II, была привезена въ Россию и водворена на жительство въ московскій Ивановскій монастырь, который по указу 1761 г. пред назначался «для призрѣнія вдовъ и сиротъ знатныхъ и заслуженныхъ людей». Тамъ она и была пострижена. На содержаніе ея изъ казнѣчества отпускалась значительная сумма, а время отъ времени на ея имя «отъ лица неизвестныхъ» въ монастырскую кассу вносились крупные денежные вклады, которые монахиня отдавала на украшеніе монастырскихъ церквей, на раздачу бѣднымъ и нищимъ. По распоряженію свыше, съ ней никто не могъ видѣться и разговаривать кромѣ игумены, духовника и особаго причетника. Она имѣла отдѣльный столъ, обильный и изысканный, ей отводились особья мѣста для прогулокъ, даже церковное богослуженіе совершалось для нея одной. Такимъ образомъ жила она въ полнѣшемъ уединеніи, занимаясь чтеніемъ душеполезныхъ книгъ и рукодѣліемъ, а послѣдніе годы своей жизни провела въ безмолвіи и считалась «праведной». Только послѣ смерти Екатерины ее стали посѣщать московскій митрополитъ Платонъ и некоторые знатные лица. Скончалась Т. 4 февраля 1810 г. и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ, въ усыпальницѣ бояръ Романовыхъ. На похоронахъ ея, при большомъ стечениі народа, присутствовали родственники Разумовскихъ и многіе вельможи. Указанная дата смерти отмѣчена на ея надгробномъ памятнике, на сохранившемся же портретѣ ея имѣется надпись слѣдующаго содержанія: «Принцесса Августа Тараканова, во иночѣхъ Доспеея, пострижена въ московскомъ Ивановскомъ монастырѣ, где по многихъ лѣтъ праведной жизни своей скончалась въ 1808 году». Изъ этихъ двухъ разнорѣчащихъ дать правильной считается первая. По этому портрету стало известнымъ имя ея въ мірѣ, свое отчество она сама изобрѣла, происхожденіе же фамиліи остается невыясненнымъ. Догадка гр. Д. Н. Блудова, что фамилія происходить отъ дер. Таракановки, изъ которой Разумовские будто бы были родомъ, не

подтверждается, такъ какъ въ Черниговской губерніи такой слободы нѣть. По словамъ видѣвшихъ Т., она была средняго росту, худощава и рѣдкой красоты, имѣла видъ кроткій и безропотно сносила свою участіе, по портрету же можно заключить, что она имѣла большое сходство съ Елизаветой Петровной.

Свящ. В. Рудневъ, „Инокиня Доспеея (княжна Тараканова)“, „Душеполезное Чтеніе“, 1876, № 12, стр. 412—426.—П. Мельниковъ, „Княжна Тараканова и принцесса Владимірская“, „Русский Вѣстникъ“, 1867, № 5.—Д. Мордовцевъ, „Русскія женщины новаго времени. Женщины второй половины XVIII в.“.—А. А. Васильчиковъ, „Семейство Разумовскихъ“, т. I, Москва, 1869.—М. Н. Лонгиновъ, „Княжна Тараканова“, „Русск. Вѣстн.“, 1859, т. 24.—Его же, „Замѣтки о княжнѣ Таракановой“, „Русск. Архивъ“, 1865, № 1.—„Осмнадцатый вѣкъ“, изд. 1-е, Спб. 1869, стр. 562—571.—„Русск. Архивъ“, 1865, стр. 656.—„Русская старина“ пзд. Мартынова, годъ второй, стр. 87.—„Русскія достопримѣчательности“, вып. V, стр. 14—17.—„Чтенія въ Общ. Истор. п. Др. Рос.“, 1866, кн. II.—А. А. Мартыновъ, „Русскія достоинства“, выц. 3: „Ивановский монастырь“.—Самтпѣцъ, „О княжнѣ Таракановой“, „Современ. Лѣтопись“, 1865, № 13.—Helbig, „Russische G n stlinge“, T bingen 1809.—Duclo, „M moires secrets sur la France“.—„M moires de prince Pierre Dolgoroukow“, III, G neve, 1871.—Prosp. M hrim , „Histoire de la pr tendue fille d'Elisab re“, „Journal des Savants“, 1869, juillet et juillet. H. C.

Тараканова, Елизавета, княжна-самозванка, «всклепавшая на себя имя», была не болѣе какъ поискательница приключений. Въ сущности, это загадочное лицо такъ и осталось неизвестнымъ ни по фамиліи, ни по имени, ни по роду. И не совсѣмъ вѣрно также замѣченіе Екатерины II, что она «всклепала на себя имя» действительной княжны Т., о существованіи которой, вѣроятно, даже не знала; не имя «всклепала» она, а только происхожденіе той; имя же той, за кого она себя хотѣла выдать, дочери Елизаветы Петровны, ей дано впослѣдствіи историками и народной молвой, послѣдней—серъезно, первыми—только формально. Если придерживаться обычая, принятаго для наименованій самозванцевъ, то Т. слѣдовало бы назвать *Лже-Таракановой*, съ тѣмъ большими основаніемъ, что ея действительное имя осталось невыясненнымъ и вѣроятно никогда и не выяснится. Загадочно и происхожденіе Т. Нѣкоторые современные ей писатели называли ее, основываясь на слухахъ изъ

сомнительныхъ источниковъ, дочерью то пражского трактирщика, то юрибергскаго булочника, но это врядъ ли достовѣрно въ виду ея хорошаго воспитанія, изысканныхъ манеръ, такта, обворожительности, знанія многихъ языковъ,—французскаго и нѣмецкаго въ совершенствѣ, англійскаго и итальянскаго въ степени достаточной для свободнаго разговора. Другіе искренно считали ее дочерью турецкаго султана, третьи приписывали ей знатное польское происхожденіе. Сама она говорила о своемъ происхожденіи весьма различно.

Жизнь Т.—сплошная сказка изъ «Тысячи и одной ночи», безконечная вереница смыняющихся какъ въ калейдоскопѣ авантюръ и приключеній, увлечений, успѣховъ и падежей, перемѣнъ имѣнія, блеска и роскоши, преисполненной и бѣгства, погони за ролью и даже погони за властью. Отличаясь необычайною красотою, гибкимъ и живымъ умомъ, веселымъ нравомъ, она очаровывала людей всякаго круга, ранга, состоянія и происхожденія, кружила имъ головы, часто доводила ихъ до разоренія и тюрьмы; знательные вельможи бросали свѣтъ, общество, придворную жизнь и поступали къ ней чуть не въ услуженіе, представитель цесарскаго рода просилъ ея руки, готовъ былъ оставить свое княжество и слѣдовать за нею куда угодно. Не отличаясь строгостью нравовъ, Т. любила хорошо пожить, любила роскошь, тратя на это громадныя деньги, чужія и свои, неизвѣстно откуда къ ней притекавшія. Преисполненная кредиторами, она перекочевывала изъ города въ городъ, изъ страны въ страну: изъ Кilia, гдѣ впервые объявилась (1770), она перѣхала въ Берлинъ, изъ Берлина въ Гентъ, оттуда въ Лондонъ, затѣмъ въ Парижъ и т. д., именуясь то дѣвицей Франкъ, то Шель, то госпожей Тремуйль. Поселившись въ 1772 г. въ Парижѣ, Т. изъ Али-Эмете или Алины, ея послѣдняго имени, превратилась вдругъ въ принцессу Владимірскую и стала распространять разсказы о томъ, что происходит отъ богатаго рода русскихъ князей Владимірскихъ, воспитывалась будто бы въ Персіи у ляды, которая была чуть ли не персидскій шахъ, и нынѣ, по достижениіи совершеннолѣтія, прѣхала въ Европу съ цѣлью отысканія наследства, находящагося въ Россіи. Эта первая попытка Т. выдать себя за рус-

скую была скомпанована явно неудачно, ибо никакихъ князей Владимірскихъ въ Россіи не было уже въ теченіе трехъ слишкомъ столѣтій, тѣмъ не менѣе въ Западной Европѣ, гдѣ о Россіи знали очень немногое, придали ей вѣру, и Т. могла свободно спекулировать на своей выдумкѣ. Замѣчательно, что Т., повидимому хорошо зная исторію Западной Европы, вплоть до мелкихъ дипломатическихъ и дворцовыхъ тайнъ, въ русской исторіи обнаруживала невѣжество и промахи, простительные и естественные развѣ только въ виду вообще низкаго уровня знаній въ Европѣ того времени о Россіи. Новые поклонники Т. помогли ей весело прожить еще некоторое время,—среди вихъ блестящій придворный Людовика XV маркизъ де-Моринъ, расстратившій на Т. все свое состояніе и затѣмъ, когда кредиторы обратились въ судъ, не задумавшійся послѣдовать за нею во Франкфуртъ-на-Майнѣ. Тамъ поклонники ея за долги были посажены въ тюрьму, а сама Т. очутилась въ критическомъ положеніи въ виду отсутствія материальныхъ средствъ и угрозъ кредиторовъ. Изъ этихъ затрудненій она вышла благодаря сближенію съ гр. Рошфоромъ де-Вилькуромъ, официально считавшимся ся женихомъ, а затѣмъ съ владѣтельнымъ княземъ Гольштейвъ-Лимбургскимъ, который, несмотря на свой преклонный возрастъ, настолько увлекся Т., что не остановился передъ заточеніемъ своего бывшаго друга и нынѣ соперника—де-Вилькура. Поселившись въ одномъ изъ замковъ ка. Лимбургскаго (Нейсисъ), Т. окружила себя своимъ дворомъ, учредила даже свой орденъ и повела безумно-роскошную жизнь, называя себя то султаншей Элеонорой, то принцессой Азовской, то сына принцессой Владимірской. Своими тратами она совершенно разстроила дѣла князя Лимбургскаго, почти совсѣмъ его разорила, и если не совсѣмъ успѣла въ этомъ, то благодаря только приближенному министру князя, нерѣдко отказывавшему совершать для него новые и новые займы. Въ свою очередь и Т. принесла въ даръ ка. Лимбургскому очень значительную сумму, неизвѣстно откуда полученнную, на покупку графства Оберштейнъ и выкупъ заложеннаго графства Стирумъ, изъ которыхъ первое въ октябрѣ 1773 г. было ей княземъ подарено. Обвороженный, очарованный князь предложилъ Т. свою

руку, но она отклонила его предложение, ссылаясь на необходимость бхать въ Персію, отклонила и тогда, когда князь рѣшился отказаться от престола въ пользу младшаго брата и следовать за нею въ Персію или куда будетъ ей угодно. Будучи съ княземъ въ интимныхъ отношеніяхъ, Т. тѣмъ не менѣе не хотѣла связывать себя официально, ибо около этого времени она начала вовлекаться въ планы, сулившіе ей болѣе широкія перспективы и кружившіе ей голову болѣшими высотами, чѣмъ тронъ княжества Гольштейнъ-Лимбургскаго. Переселившись въ графство Оберштейнъ, гдѣ она окружила себя еще болѣе пышнымъ дворомъ, Т. оттуда вступила въ оживленныя сношенія съ польскими конфедератами, которые рѣшили ее использовать въ своихъ цѣляхъ, для создания трудностей императрицѣ Екатеринѣ II.

Въ началѣ 1774 г., подъ вліяніемъ поляковъ, окружавшихъ кн. Карла Радзивилла, бывшаго палатина виленскаго, богатѣшаго магната, приверженца Барской конфедерации, Т. объявила себя дочерью Елизаветы Петровны, сестрой Пугачева, действовавшаго въ это время очень успѣшно, и претенденткою на русскій престолъ, его законною наследницею. Успѣхъ Пугачева и длительная военная дѣятельность Россіи съ Турцией окрыляли надеждами какъ Т., такъ и игравшихъ ея личностью поляковъ. Чтобы быть ближе къ послѣднимъ и къ Радзивиллу, Т. въ мартѣ 1774 г. отправилась въ Венецію, гдѣ, поселившись подъ именемъ графини Пиннебергъ въ пышной квартирѣ дома французскаго посольства, повела прежній блестящій образъ жизни, окружая себя обществомъ изъ знатныхъ представителей всѣхъ націй и при всякомъ удобномъ случаѣ распространяя послѣднюю легенду о своемъ происхожденіи. Пышность и роскошь, питаемыя средствами Радзивилла, не имѣли бы, вѣроятно, конца, если бы въ это время огромныя литовскія имѣнія польскаго магната не подверглись сокрушительному разгрому, а вмѣстѣ съ этимъ изсакъ источникъ доходовъ. Въ виду этого пришлось торопиться выполнениемъ дальнѣйшихъ пунктовъ намѣченаго плана,—и 6 мая того же года Т. и Радзивилль выѣхали въ Константинополь съ цѣлью послать оттуда въ дѣйствующую противъ Турціи русскую армию возваніе съ призывомъ присягать

«законной наследницѣ престола»,—Т. доплыть до Константинополя имъ, однако, не удалось, такъ какъ корабль бурею былъ прибитъ къ берегу около Рагузы, въ которой Т. была принята, благодаря некоторымъ неладамъ этой республики съ русскими властями, довольно радушно и прожила до конца 1774 г.

Изъ Рагузы Т., при содѣйствіи Радзивилла, стала сочинять «манифестики» п письма и разсыпать ихъ къ коронованнымъ особамъ въ Западной Европѣ и влиятельнымъ русскимъ дѣягелямъ, въ томъ числѣ гр. Панину. Въ письмахъ она говорила о своемъ происхожденіи отъ Елизаветы Петровны, представляя даже вымыщенное духовное завѣщаніе императрицы, о житѣ при матери до 9-лѣтняго возраста, затѣмъ у шаха персидскаго, о намѣреніи при помощи Пугачева занять престоль и пр. Эту легенду она дополняла и пріукрашивала устными разсказами, которыми старалась доставить возможно широкое распространеніе. Легенда въ версіи этого времени сложилась въ общихъ чертахъ такимъ образомъ: Родилась Т. въ 1753 г.; до 9 лѣтъ жила при матери; согласно завѣщанію послѣдней, по достижениіи совершеннолѣтія должна унаследовать россійскій престолъ, до тѣхъ же поръ ея опекуномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ регентомъ долженъ быть Петръ III. Екатерина II, низложивъ супруга, ее, Т., въ возрастѣ 10 лѣтъ, сослала въ Сибирь, откуда она черезъ годъ какимъ-то сердобольнымъ священникомъ была похищена и перевезена къ отцу, гетману Разумовскому (смѣшивалася гр. Алексѣя Григорьевича Разумовскаго съ его младшимъ братомъ, Кирилломъ Григорьевичемъ); опасаясь за ея судьбу, отецъ отоспалъ ее къ своему родственнику (!), персидскому шаху; въ Персіи получила образованіе съ помощью выписанныхъ изъ Европы учителей; когда ей исполнилось 17 лѣтъ, шахъ открылъ ей тайну ея рожденія и предложилъ свою руку, но она, какъ православная, предложения не приняла, почему была отпущена въ Европу. Пугачевъ, по словамъ Т., былъ ея единокровнымъ братомъ, сыномъ Разумовскаго отъ первого брака.

Будучи въ Рагузѣ, Т. замыслила, помимо обращенія къ русской арміи, послать возваніе съ «объявленіемъ себя» и на русскую эскадру, стоявшую подъ началь-

ствомъ гр. Алексея Орлова и адмирала Грейга въ Ливорно. Въ успѣхѣ, притомъ близкомъ, Т. была настолько увѣрена, что въ серединѣ июля писала къ кн. Лимбурскому, продолжавшему считаться ея женой: «Постараюсь овладѣть русскимъ флотомъ, находящимся въ Ливорно. Мне необходимо объявить, кто я, ибо уже постарались распустить слухи о моей смерти. Я издаю манифесты, распространю ихъ по Европѣ, а Порта открыто объявить ихъ во всесобщее свѣдѣніе. Друзья мои уже въ Константинополѣ. Они работаютъ, что нужно. Сама я не теряю ни минуты и готовлюсь объявить о себѣ всенародно. Въ Константинополѣ я не замѣщаю, стану во главѣ своей арміи, и меня признаются». Между тѣмъ распространившіеся слухи о происхожденіи Т. и связанный съ этимъ шумъ вокругъ ея имени встревожили рагузскій сенатъ, который черезъ своего представителя при петербургскомъ дворѣ запросилъ гр. Н. И. Панина, завѣдавшаго иностранными дѣлами, какъ относиться къ ней. Панинъ, по уполномочію Императрицы, отвѣтилъ, что нѣтъ никакой надобности обращать вниманія на «этую побродяжку». Екатерина не хотѣла дѣлать изъ этого громкой исторіи и рѣшилась на другое средство—безъ шума и огласки захватить Т. въ чужихъ краяхъ. Исполненіе этого плана было поручено гр. Алексею Орлову.

Между тѣмъ планы Т. одинъ за другимъ стали рушиться. Обращеніе къ султану осталось безъ отвѣта. Пугачевъ, на успѣхи которого Т. возлагала столько надеждъ, былъ окончательно разбитъ и схваченъ. Турецкая война кончилась унизительнымъ для Порты миромъ. При измѣнившихся столь круто условіяхъ оставилъ надежды на успѣхъ и кн. Радзивилль, который въ октябрѣ 1774 г. окончательно разорвалъ съ Т. и уѣхалъ въ Венецию. Послѣ вѣсковыхъ оставленныхъ Т. безъ отвѣта цисемъ прекратилъ съ нею сношенія и князь Лимбургскій, все еще горячо ее любившій. Французское послольство, по указанію изъ Парижа, отказалось сидѣть въ квартире. Брошенная всѣми, кто былъ вліятеленъ и богатъ, Т. осталась съ поклонниками второго и третьего сортовъ и безъ тѣхъ средствъ, которыхъ нужны были для удовлетворенія ея страсти къ роскоши. Если до тѣхъ поръ ея домогательства можно было еще разматривать болѣе или менѣе серьезно, то съ

этого момента они были не болѣе какъ политическими шалостями, дѣтскою и наивною игрою въ политику. Переѣхавъ въ Неаполь, а оттуда въ Римъ, Т. вновь гдѣ-то достала значительную сумму денегъ и стала искать поддержки своимъ планамъ сначала у римскихъ кардиналовъ, а затѣмъ, по явному недоразумѣнію, у англійскаго посла Гамильтона,—въ обоихъ случаяхъ, конечно, безъ всякаго успѣха. Тогда Т. прибѣгла къ давно лѣбяниному средству,—стала сноситься съ гр. Орловымъ, пославъ къ нему на эскадру «манифестикъ», а ему самому обширное письмо, въ которомъ «объявляла себя» и спрашивала Орлова, чью сторону онъ приметъ. И «манифестикъ» и письмо гр. Орловъ немедленно отправились къ императрицѣ, а къ Т., чтобы выиграть время до получения отвѣта изъ Петербурга, подослали де-Рибаса (впослѣдствіи основателя Одессы) съ порученіемъ увѣрить ее въ своей готовности на поддержку, чemu Т. могла вполнѣ повѣрить, такъ какъ гр. Орловъ въ это время находился въ иѣкоторой немилости. Получивъ отъ императрицы категорическое приказаніе «схватить всклопавшую на себя имя бродяжку во что бы то ни стало», Орловъ послалъ къ Т. своего генерал-лейтенанта Христанека съ новыми порученіями—войти въ довѣріе къ Т., заплатить за нее долги (около 11 тысячъ червонцевъ) и заманить ее въ Пизу, гдѣ жилъ Орловъ.

Когда Т. прибыла въ Пизу, Орловъ окончательно убѣдилъ ее въ своей дружбѣ и поддержкѣ, притворился, что признаетъ ее дочерью Елизаветы Петровны, оказывалъ знаки уваженія, заботливо окружалъ удобствами и вообще разыгрывалъ свою роль очень искусно. Онъ представился влюбленнымъ, предложилъ ей руку, вступиль съ нею въ связь и обѣщалъ добыть ей престоль путемъ бунта населенія и возстанія войскъ. 20 февраля 1775 г. онъ убѣдилъ Т. совершить для пользы дѣла непродолжительную поѣздку въ Ливорно, и когда она взошла на флагманскій корабль «Три Царя», Орловъ отдалъ приказъ адмиралу Рейгу арестовать ее и везти въ Россію. Населеніе Пизы и Ливорно было возмущено, тосканскій великий герцогъ и тосканскій дворъ дипломатическимъ путемъ протестовали противъ насилия, совершенного на ихъ территорії, но русское правительство не отвѣчало. Однако гр. Орловъ поспѣшилъ

оставилъ предѣлы Тосканы, такъ какъ въ виду сильнаго возмущенія противъ себя боялся покушенія.

26 мая 1775 г. Т. была привезена въ Петербургъ и посажена въ одномъ изъ равелиновъ Петропавловской крѣпости. Допросъ ея былъ порученъ фельдмаршалу кн. Голицыну, которому она давала различныя, ве совсѣмъ согласныя показанія, въ общемъ сводящіяся къ слѣдующему. Отъ роду имѣть 23 года, отца и мать и мѣста рожденія не знаетъ, крещена въ православіи, до 9 лѣтъ воспитывалась въ Кильѣ у какой-то г-жи Перетъ, затѣмъ съ ней уѣхала въ Персію, гдѣ у какой-то старухи прожила 3 года, а позже, бѣжавъ отъ старухи, жила въ Багдадѣ у знатнаго перса Гамета, у которого познакомилась съ персидскимъ княземъ Гали. Послѣдній увезъ ее въ Испагань, относился къ ней очень почтительно, разсказывалъ ей, что она дочь Елизаветы Петровны, и наконецъ предложилъ ей руку, на что она отвѣтила отказомъ. Въ Испагань пробыла до 1769 г., когда вслѣдствіе возникшихъ въ Персіи волненій кн. Гали поспѣшилъ уѣхать въ Европу, взявъ съ собою и Т. Черезъ Россію Т.ѣхама перешла въ Берлинѣ и Лондонѣ, откуда Гали поспѣшилъ вернуться въ Персію, а Т., снабженная значительными денежными средствами, перебралась въ Парижъ, потомъ въ германскія государства, гдѣ отъ многихъ высокопоставленныхъ знакомыхъ снова услышала о своей «настоящей природѣ». Далѣе Т. довольно правдоподобно излагаетъ исторію своего знакомства съ кн. Лимбургскимъ, кн. Радзивилломъ и др. польскими эмигрантами, отрицая, однако, свое желаніе возмутить войска и флотъ и этимъ путемъ достичнуть россійского престола, но признавая, что Радзивилль и окружавшіе его хотѣли воспользоваться ея именемъ для своихъ цѣлей. Считая себя ни въ чёмъ неловинной, Т. неоднократно, но безуспешно обращалась и къ посредству кн. Голицына и прямо къ государынѣ съ просьбою освободить се, а однажды рѣшилась просить даже аудіенціи, на что Екатерина II, недовольная показаніями Т., въ письмѣ къ кн. Голицыну писала: «Распутная лгунья осмѣлилась просить у меня аудіенціи. Объ-

явите этой развратницѣ, что я никогда не приму ея, ибо мнѣ вполнѣ известны и крайняя ея безнравственность, и преступные замыслы, и попытки присваивать чужие имена и титулы. Если она будетъ упорствовать въ своей лжи, то будетъ передана самому строгому суду». Судъ, однако, не понадобился. Больная чахоткой, измученная неизвѣстностью, заключенiemъ и частыми допросами, Т. съ каждымъ днемъ все больше таяла и 4 декабря 1775 г. скончалась, незадолго до смерти разрѣшившись отъ бремени сыномъ, отцомъ котого-быть, несомнѣнно, гр. Алексѣй Орловъ. Тайну своего рождения она скрыла даже отъ исповѣдывавшаго ее священника. При ея погребеніи не было совершено никакихъ обрядовъ.

Преданіе о гибели Т. во время наводненія въ Петербургѣ въ 1777 г., послужившееюю для надѣлавшей въ 1865 г. много шума картины Флавицкаго, не имѣть подъ собою почвы и изслѣдованіями не подтверждается. По свидѣтельству кн. Голицына, Т. была «свойства чувствительнаго, вспыльчиваго, разума и понятія остраго, имѣла многія знанія; росту средняго, сухощава, статна, волосы черные, глаза каріе, немножко косила, лицомъ походила на итальянку». Ея бурная и столь трагически закончившаяся жизнь не разъ служила темой для романистовъ, въ томъ числѣ для Г. И. Данилевскаго, написавшаго въ 1883 г. романъ «Княжна Тараканова».

«Бумаги пазъ дѣла самозванки, павѣстной подъ имѣнемъ княжны Таракановой»; павѣщены пазъ Государственного архива К. К. Злобинымъ, «Сборникъ Императ. Русск. Историч. Общества», т. I, Спб. 1867, стр. 169—196.—П. Мельниковъ, «Княжна Тараканова и принцессы Владимірская», «Русск. Вѣстникъ», 1867, №№ 5, 6, 8 и отд., Спб. 1868.—Отзывы о послѣднемъ труде, исправленія и дополненія: «Вѣстн. Евр.», 1867, № 4, стр. 36—44; 1868, № 3, стр. 479—480; «Современное Обозрѣніе», 1868, № 4, стр. 30—38.—«Извѣстіе о пребываніи въ Римѣ въ 1774 г. неизвѣстной принцессы Елизаветы, именовавшей себя docherью россійской императрицы Елизаветы Петровны», «Русск. Старина», 1907, кн. 9.—«Материалы для исторіи Россіи, извлеченные изъ Британскаго музея въ Лондонѣ» Н. И. Стороженкомъ, «Чтенія въ Моск. Общ. Истор. и Древн. Россійск.», 1870, № 3, гл. 5, стр. XI, 1—48.—В. Папінъ, «Краткая исторія Елизаветы Алексѣевны Таракановой», тамъ же, 1867, № 2, стр. 155—160 и отд., Москва 1867.—Л. А. Васильчиковъ, «Семейство Разумовскихъ», т. I, Москва 1869 и Спб. 1880.—«О

картина Флавицкаго: Княжна Тараканова", "Вѣсть", 1864, № 49.—Письмо въ редакцію" М. Н. Лонгинова, тамъ же, 1864, № 49.—Н. Рамазановъ, "Княжна Тараканова. Картина Флавицкаго", "Моск. Вѣдом.", 1865, № 80.—Г. Юрьевъ, "Къ вопросу о княжнѣ Таракановой", 1865, № 70.—М. Н. Лонгиновъ, "Замѣтка о княжнѣ Таракановой", "Русскій Архивъ", 1865, № 7.—Л. Саминъ, "О княжнѣ Таракановой", "Соврем. Лѣтопись", 1865, № 13.—Княжна Тараканова. Картина Флавицкаго", "Всемирн. Иллюстр.", 1870, № 208.—"Русск. Вѣсть", 1859, № 24.—"Русская Бесѣда", 1859, № 6.—"Сѣверная Пчела", 1860, № 39.—"Энциклопедич. словарь" Брокгауз-Ефрона, т. 32, с. v.—G. von Brewern, "Die vergebliche Tochter der Kaiserin Elisabeth Petrowna. Nach den Acten des Kaiserlichen Russischen Reichsarchivs", Berlin 1867 (отзыvъ: "Literarisches Centralblatt", 1867, № 42).—Prosp. M  rim  , "Histoire de la pr  tendue fille d'Elisabeth", "Journal de Savants", 1869, juillet и juillet.—W. R. S. Rabston, "Legend of the Princes Tarakanof", "Macmillan's Magazine", 1869, ao  t.—Challamel-Lacour, "La princesse Tarakanov; histoire d'une aventuri  re russe au XIX (?) siecle", "Revue des deux Mondes", 1870, 1 mai.—"Eine russische Pr  tendentin", "Europa", 1873, № 18.—Castera, "Histoire de Catherine II", Paris, an. VIII.—Duclos, "M  moires secrets sur la France", II, 350.—Helbig, "Russische G  nstlinge", 213, 249.

Н. С.

Таракановъ, Алексѣй Ивановичъ, генералъ-лейтенантъ, родился въ 1671 г., дата смерти неизвѣстна, но упоминается еще въ 1752 г. проживающимъ въ Москвѣ. Въ 1692 г. названъ стольникомъ. Лѣтомъ 1728 г. посланъ (въ чинѣ полковника) на Украину, въ Черкасскъ, чтобы настоять на высылкѣ съ Дона всѣхъ бѣглыхъ, поселившихся тамъ съ 1695 г. Казачій кругъ, выслушавъ грамоту, на требование въ общемъ согласился, но просилъ Т. ограви- чить высылку поселившимся съ 1712 г. и позднѣе, о пришедшихъ же до этого срока рѣшено черезъ особое посольство въ Москву просить ихъ оставить, ибо изъ такихъ бѣглыхъ у казаковъ «много старшинъ и лучшихъ людей и его величества слугъ»; выслать ихъ означаетъ опустошить всѣ городки, некому будетъ службы слу- жить, рубежи и черты охранять. Верхов- ный тайный совѣтъ позже срокъ высылки утвердилъ съ 1710 г. Въ 1730 г. назна- ченъ сенаторомъ. Въ объявленныхъ при- казахъ сената имя его всегда стоять сей- часъ или послѣ П. Ягужинскаго или послѣ кн. М. Голицына. 7 февраля 1731 г. ему указъ императрицы о ежемѣсячныхъ до- несеніяхъ по набору ландмилицикъ под-

ковъ. Резолюціей государыни на доноше- ніи ген.-фельдм. кн. Долгорукаго Т. (уже генералъ-майоръ) назначенъ на Царицын- скую укрѣпленную линію, а указомъ отъ 4 марта 1732 г. велѣно емуѣхать въ Пе- тербургъ для доклада о ходѣ работъ по устройству военныхъ линій. Съ сентября 1732 г. Т., совмѣстно съ де-Брини работалъ по устройству Україны, въ томъ числѣ описывалъ поселенія малороссий- скихъ казаковъ и укрѣплять Україн- скую линію. Шесть лѣтъ спустя Минихъ, бывшій въ Малороссіи походомъ на Крымъ, доносилъ въ Петербургъ, что работы по укрѣпленіямъ, сдѣланнныя Т. и де-Брини, изъ рукъ вонъ плохи: редуты на крѣпостахъ никуда негоды, Бахмутская провинція вся обнажена, мѣста подвергаются набѣгамъ и грабежамъ. «Тяжкій отвѣтъ— писалъ Минихъ—должны дать Богу и вѣщему величеству генералы князь Шахов- ской [въ то время главный распорядитель въ Малороссіи] и Таракановъ за то, что во время ихъ управлениія въ Українѣ народъ до конца разоренъ», что «города и слободы опустошаются, хлѣбъ перекури- вается въ вино, растеть пьянство и гу- лянье», провинція дорогъ и дорожаетъ, магазины пусты. Безпристрастность этой оцѣнки дѣятельности Т. и Шаховскаго со- мнительна, такъ какъ съ послѣднимъ у Миниха были нелады и контры. Въ 1736 г. Т. участвовалъ въ Крымскомъ походѣ и въ осадѣ, причемъ командовалъ пятою колон- ною арміи того же Миниха, такъ неистово отзывавшагося о его прошлой дѣятель-nosti.

Полное Собр. Закон., т. VIII, стр. 118, 119, 360, 477, 515, 517, 529, 530, 542, 607, 624, 625, 647, 661, 737, 816, 859, 888, 889, 988, 989; т. IX, стр. 222, 231, 455, 549, 563, 572, 817—823; т. XIV, стр. 180, 181.—"Сборникъ Русского Историч. Общества", т. 76, стр. 570; т. 81, стр. 172, 173, 190; т. 84, стр. 122, 123, 173, 512, 648, 651, 696—698; т. 104, стр. 15, 25, 34, 64, 69, 70, 121, 130, 148, 149, 151, 172, 178, 185, 186, 188, 191, 202, 205, 207, 208, 303, 395, 450, 492; т. 106, стр. 60, 69, 77, 79, 181, 225, 315, 337, 358, 382, 283, 404, 405, 464, 478, 613; т. 107, стр. 12, 36, 46, 79, 390; т. 111, стр. 242, 278, 317, 362, 371. С. М. Соловьевъ, "История Россіи", изд. „Общ. Попѣза“, кн. IV, стр. 1103—1104, 1340, 1341, 1343.—"Описъ документовъ и дѣлъ, храня- щихся въ Сенатскомъ архивѣ", отд. I, т. 2, Слѣ. 1910, №№ 705, 712, 714, 721, 726, 767, 877, 907, 1051, 1254, 1302, 1696, 1773, 1846, 2022.

Таракановъ, Василий Никитичъ, новгородскій купеческий староста, 1512—

1518 гг. Въ маѣ 1514 г. виѣстъ съ иѣсколькими новгородскими боярами подпи-сался на грамотѣ, закрѣпившѣй между Новгородомъ и Ганзою 10-лѣтній торгово-политической договоръ, по которому иѣмцы за отказъ отъ дружбы съ Сигизмундомъ приобрѣтали значительныя права на торговлю различными товарами въ Новгородѣ. Къ этой грамотѣ, сохранившейся и понынѣ (находится въ московскомъ архивѣ министерства иностраннѣхъ дѣлъ), была прѣвѣщена и печать Т., но отъ нея остались только слѣды. Въ 1515 г. царь Шуйскій, въ виду того, что новгородскіе намѣстники и тѣуны судили пристрастно, неправильно и издоимствовали, повелѣлъ «выбрati изъ улицъ (въ Новгородѣ) лучихъ четыредесять восемь человѣкъ и къ цѣлованью привести; и оттолѣ... уставили судiti съ намѣстники старосту купецкого Василія Никитина сына Тараканова, а съ тѣуны судити цѣловалникомъ по 4 человѣкѣ на всякий мѣсяцъ».

Полн. Собр. Русскихъ Лѣтоп., т. VI, стр. 280—281.—Карамзинъ, „Исторія Государства Россійск.“, изд. Эйнерлинга, т. VII, прим. 103, 362.—Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дѣяниа XVI вѣка“, Спб. 1888, стр. 36.

Таракановъ, Никита Ксенофонтовичъ, стольникъ и воевода; впервые упоминается въ 1672 г. по поводу посылки его для учиненія розыска о запрещенной рыбной ловлѣ въ водахъ рр. Шексны и Суды, о чёмъ представилъ довольно пространную отписку. Въ 1676 г. назначенъ воеводою въ Бѣлоозерскъ и спустя три года за ревностную службу получилъ похвалу. Отъ 1678 г. сохранился рядъ царскихъ грамотъ къ нему въ Бѣлоозерскъ. Отъ 22 марта грамота ему о высылкѣ ратныхъ людей къ Москвѣ для встрѣчи польскихъ пословъ; отъ 26 марта приказъ рядить воинскихъ и иныхъ чиновъ людей въ Курскъ и Новый Осколь по случаю ожидавшагося нападенія турокъ и крымскихъ татаръ на Чигиринъ; отъ 16 апрѣля грамота о высылкѣ въ малороссійскіе города на службу въ полкъ думнаго дворянинна Венедикта Андреевича Змѣева начальныхъ людей — хопейщиковъ, рейтаръ и пушкарѣй; а «тѣ люди разбѣжались по домамъ, и тѣхъ людей приказано сыскивать и приводить въ Бѣлоозеро въ сѣѣзжую избу, бить ихъ батогомъ нещадно, а учлия наказаніе высывать на службу». Отъ апрѣля (дата

не обозначена) указъ ему выслать къ Змѣеву половину числящихся по Бѣлоозеру пушкарей, а кому идти — о томъ тянуть имъ жребій, и «жребій давать въ правду, никому не норовя, и пословъ и поминковъ отъ тѣго ни отъ кого не беря». Отъ апрѣля же ему приказъ выслать въ Москву разнаго чина людей для посольской встрѣчи, а за промедленіе или за поблажки, буде такія окажутся, Т. угрожается быть «въ конечномъ раззореніи» и наказаннымъ. На имя Т. сохранился рядъ грамотъ и административнаго характера отъ того же 1678 г.: о денежныхъ окладахъ бѣлоозерскимъ подьячимъ Приказа Большого дворца, о доставленіи въ Москву денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ и рыбы указанного образца къ царскому столу, о разспросѣ иѣкоего бобыля Артемьева насчетъ найденныхъ у него «предметовъ волшебства». Подъ 1680 г. Т. названъ разборщикомъ; въ январѣ ему приказано собрать бѣлоозерскихъ людей и къ 6 февраля стать съ ними въ полѣ къ воеводѣ боярину кн. П. И. Хованскому. Въ 1682 г. Т. правительницю Софьею посланъ въ Крымъ посланникомъ. Изъ Крыма Т. доносилъ, что ханъ, желая получить больше подарковъ, велѣлъ его схватить, отвести въ конюшню, бить обухомъ, приводить къ огню и страшать всякими муками, но Т. все время стоялъ на томъ, что ничего противъ прежнихъ дачъ не дастъ; ничего не добившись отъ него добровольно, ханъ велѣлъ пограбить у него «всѣ вещи безъ остатка», а самого отпустить на всѣ четыре стороны. Кое-какъ Т. добрался до русского стана на р. Альмѣ, откуда и отпсалъ обо всемъ въ Москву. Возмущенная насилиемъ и грабежомъ, правительница Софья объявила хану, что московскихъ пословъ онъ у себя болѣе не увидить, а необходимые переговоры уполномоченными съ обѣихъ сторонъ будутъ вестись на границѣ. Объ этомъ навесеннемъ царскому посланнику безчестіи, послѣ котораго Т. получилъ прибавку къ окладу въ 50 рублей соболями, упоминается потомъ въ царскомъ указѣ 1686 г., коимъ приказывалось по мѣстамъ готовиться къ походу противъ Крыма. Въ 1692 Т. посланъ съ милостивымъ словомъ и подарками къ гетману Мазепѣ и былъ принятъ имъ очень пышно: стояла шпалерами гетманская цѣхota, играли трубы, были литавры.

„Дополнение къ Актымъ Историческимъ“, т. VII, стр. 69, 70, 72—75, 77—79, 174—177; т. VIII, стр. 61—63, 88—89, 185; т. IX, стр. 227; т. X, стр. 62, 76.—„Акты Археографич. Экспедиції“, т. IV, стр. 306, 307, 318.—Полное Собрание Законовъ, т. II, стр. 841.—С. М. Соловьевъ, „История Россіи“, изд. т-ва „Общества Польза“, кн. III, стр. 1003.—Костомаровъ, „Собр. сочиненій“, т. VI, стр. 443.

А. Я.

Тарановъ-Бѣловеровъ, Александръ Степановичъ, предводитель дворянства Таврической губерніи, основатель страннопріимного дома въ Симферополѣ, род. въ 1759 г. въ семье бѣднаго дворянинна. Образование получалъ въ Харьковской гимназіи, по окончаніи курса которой служилъ въ Луганскомъ драгунскомъ шинкнерскомъ полку, въ который записанъ былъ солдатомъ еще въ 1769 г. Первый чинъ заурядъ-поручика получилъ въ 1772 г. За время службы въ полку отмѣчены его стояніе при охранной стражѣ у Бахмутскаго карантина, установленного вслѣдствіе спирѣствовавшей тогда въ Крыму моровой язвы, и работа его по водворенію отставныхъ пикинеровъ съ семействами на земляхъ, принадлежавшихъ до того запорожцамъ. Въ 1779 г. по болѣзни вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика и вскорѣ перешелъ на гражданскую службу. Въ 1784 г. онъ избранъ былъ секретаремъ дворянства учрежденной тогда Екатеринославской губерніи и депутатомъ вѣѣтъ съ губернскимъ предводителемъ для прінесенія благодарности Екатеринѣ. Въ октябрѣ того же года состоялось опредѣленіе его прокуроромъ въ Екатеринославской губернскій магистратъ съ чиномъ коллежского ассесора, а 13 декабря — въ Таврическую верхнюю расправу. Передъ прѣѣздомъ Екатерины II въ Крымъ онъ былъ посланъ Потемкинымъ въ Москву для покупки разныхъ вещей, необходиимыхъ въ связи съ предстоявшими торжествами, а во время прѣѣзда на него возложена была обязанность по наблюдению за порядкомъ въ мѣстахъ, где Императорша имѣла въ виду дѣлать остановки. Въ 1788 г. Т. назначенъ былъ областнымъ прокуроромъ, а въ 1791 г. перешелъ въ провіантскій штатъ, занявъ должность оберъ-провіантмайстера премьеръ-майорскаго чина. Годъ спустя въ чинѣ подполковника онъ былъ переведенъ советникомъ соляныхъ дѣлъ Таврической губернской

палаты и въ этой должности пробылъ до 1795 г., когда принужденъ былъ за болѣзнь оставить службу и для поправленія здоровья выѣхать за границу. По возвращеніи въ Россію, Т. въ 1800 г. назначенъ былъ членомъ незадолго до того учрежденной комиссіи для разбора возникшихъ въ Крыму земельныхъ споровъ и одновременно служилъ два трехлѣтія таврическимъ совѣтнымъ судьей. Въ 1810 г. награжденъ былъ орденомъ св. Анны 2-й степени. Съ 1812 до 1818 г. онъ избираемъ былъ таврическимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Въ 1817 г. назначенъ былъ членомъ комиссіи для раскрытия въ Крыму различныхъ злоупотреблений и состоять въ этой должностіи до смерти, послѣдовавшей 31 марта 1819 г.; похороненъ въ Англійскомъ саду близъ принадлежавшей ему деревни Базарджикъ, въ 18 verstахъ отъ Симферополя.

Сынъ бѣднаго дворянинна, Т. оставилъ послѣ себя значительное состояніе, изъ котораго завѣщалъ своимъ законнымъ наследникамъ только одно имѣніе въ тогдашней Слободско-Украинской губерніи. Остальное свое недвижимое имущество, находившееся въ Таврической губерніи, и денежный капиталъ въ размѣрѣ 150 тысячъ рублей онъ въ завѣщаніи пожертвовалъ на устройство страннопріимного дома въ Симферополѣ. Для осуществленія этой воли имъ назначены были попечители, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были уполномочены въ цѣляхъ увеличенія капитала отпускать на свободу крестьянъ, завѣщанныхъ страннопріимному дому, за выкупъ, который однако не долженъ превышать 200 рублей за ревизскую душу. Завѣщаніе его было исполнено; страннопріимный домъ былъ открытъ въ 1822 г., а въ 1826 г. быть выстроенъ собственный каменный домъ. Страннопріимный домъ Т. существуетъ въ Симферополѣ и понынѣ.

Т. былъ выдающимся по тому времени сельскимъ хозяиномъ; имъ достигнуто было значительное улучшеніе простой породы крымскихъ овецъ путемъ скрещивания туземной породы съ выписанной имъ въ 1804 г. производителями испанской породы.

Д. Балтыши-Каменскій, „Словарь достопамятныхъ людей земли русской“, Москва 1836, ч. V, стр. 126—130.—Брокгаузъ и Ефронъ, „Энциклопедический словарь“, полуут. 21, Спб.

1893, слово „Домъ страннопріїмный“, стр. 9—10.—„Справочныи энциклопедический словарь“ Крайя, т. 10, Спб. 1848, стр. 103.—Толь, „Настольныи словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знанія“, т. III, Спб. 1863, стр. 611.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библиографія за 1800—1854 годы“, т. II, Спб. 1893, стр. 6, № 8384.—Полное Собрание Законовъ“, т. XXXVII, стр. 747, № 28656.

де-Тарантъ, принцесса, Луиза Эмануиловна де-ла-Тремуль, статсъ-дама, герцогиня, была придворной дамой при французскомъ дворѣ до Великой французской революціи; пользовалась расположениемъ королевы Маріи-Антуанетты, будучи одной изъ приближенныхъ къ ней статсъ-дамъ. Съ началомъ революціи эмигрировала въ Россію. Здѣсь Т. 20 іюля 1797 г. пожалована была въ статсъ-дамы и имѣстъ съ тѣмъ орденомъ св. Екатерины меньшаго креста. Она была ревностной католичкой и дѣятельно пропагандировала католицизмъ въ средѣ высшаго петербургскаго общества. Такъ, живя у графини Варвары Николаевны Голицыной, Т. обратила ее и ея дочь въ католическую вѣру. До конца своихъ дней она осталась приверженной дому Бурбоновъ. Умерла Т. въ Петербургѣ 22 іюня 1814 г. Послѣ реставраціи тѣло ея перевезено было во Францію.

„Сѣверная Почта“, 1814, № 52.—П. Ф. Карабаповъ, „Статсъ-дамы русскаго двора въ XVIII столѣтіи“, „Русская Старина“, 1871, № 1, стр. 47—48.

Тарара — нѣсколько иконописцевъ. 1) **Андрей**, работалъ въ Москвѣ, упоминается въ числѣ многихъ другихъ, въ 1644 г. пожалованыхъ царскою наградою за «Успенское» письмо. 2) **Василий Федоровичъ**, въ одной изъ «сказокъ» отъ 1660 г. называется кормовымъ иконописцемъ; наряду съ предыдущимъ также, повидимому, участвовалъ въ работахъ по украшенію Успенского собора. 3) **Василий**, по фамиліи также **Тараринъ**, былъ кормовымъ иконописцемъ «меньшої статьи» и въ 1650 г. писалъ образа для Саввиинскаго монастыря.

И. Е. Забѣлинъ, „Материалы для истории русскаго иконописанія“, стр. 9, 12, 13.—Д. А. Ровинскій, „Исторія русскихъ школъ иконописи до конца XVII“, Спб., 1856, стр. 184.—Его же, „Обозрѣніе иконописаній въ Россіи“, Спб. 1903 г., стр. 164.

Тарасевичъ, Александръ Кипріановичъ, изъ дворянъ г. Риги, родился 5 апѣреля 1815 г. и по окончаніи курса въ Павлов-

скомъ кадетскомъ корпусѣ выпущенъ (30 января 1834 г.) прапорщикомъ во 2-й саперный батальонъ, въ которомъ и служилъ до 27 февраля 1850 г., когда въ чинѣ штабсъ-капитана былъ переведенъ въ 1-й резервный саперный батальонъ; произведенный въ въ томъ же году въ капитаны, Т. получилъ и первую награду — орденъ св. Анны 3-й степени; въ 1855 г. былъ произведенъ въ подполковники, въ 1862 г. въ полковники и черезъ два года (5 мая 1864 г.) назначенъ командиромъ понтона № 6 парка. Паркомъ командовалъ лишь годъ, когда получилъ (9 іюня 1865 г.) 128-й пѣхотный Старооскольскій полкъ. Насколько первые года Т. медленно подвигался по службѣ, настолько сравнительно быстро онъ достигъ чина генераль-маиора (19 октября 1869 г.), но болѣзньное состояніе вынудило его вскорѣ покинуть службу и выйти въ отставку (19 марта 1870 г.). Т. участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ въ 1841, 1849 и 1863 гг., причемъ имѣлъ слѣдующія награды: лично получилъ въ 1842 г. монаршее благоволеніе за храбрость въ стычкѣ съ горцами, св. Станислава (1857) и св. Анны (1864) 2-й степени съ коронами, знакъ отличія беззборочной службы (1857) за 20 лѣтъ, св. Владимира 4-й степени съ бантомъ (1859) за 25 лѣтъ и знакъ отличія за службу на Кавказѣ (1864); окончался 19 апѣреля 1882 г.

Формуляръ въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба, 3 ст., 4 отд., I кат. 1870 г., № 140, и 3 ст., 6 отд., 1882 г., № 381.

Тарасевичъ, Леонтий, украинскій граверъ на мѣди конца XVII и начала XVIII в.; учился искусству у братьевъ Кильяновъ въ Аугсбургѣ и отъ нихъ перенялъ манеру травить мѣдь крѣпкой водкой; жилъ преимущественно въ Черниговѣ. Въ соцарствованіе Ioanna и Петра Алексѣевичей былъ вызванъ «изъ Черкасъ», выѣхъ со своимъ товарищемъ И. Ширскимъ, въ Москву, где по заказу Шацловитаго награвировалъ двѣ доски: одну съ изображеніемъ св. мученика Стратилата (патрона заказчика), въ рамкѣ, орнаментированной фігурой ангеловъ и воинскими доспѣхами, другую — съ портрета царевны Софіи Алексѣевны, въ коронѣ, съ державою въ рукахъ и съ расположеными вокругъ семью аллегорическими изображеніями (въ медальонахъ) добродѣтелей. Отъ первой работы уцѣльѣ единственный оттискъ, хранящійся въ Московскому публич-

номъ музей, въ собраніи Д. А. Ровинскаго; экземпляры второй гравюры послѣ паденія Софіи усердно отбирались отъ владѣльцевъ и уничтожались, почему до нась не дошло ни одного изъ нихъ. Представленіе объ этой гравюрѣ можетъ дать лишь копія съ нея, сдѣланная амстердамскимъ граверомъ Блютеликомъ. Рядъ выдающихся по исполненію гравюръ сработаны Т. для киевскаго изданія Печерского Чатерика отъ 1702 г. Всего насчитывается до 70 гравюръ руки Т.

Д. А. Ровинскій, „Русскіе граверы и ихъ произведения до основанія академіи художествъ“, Москва 1870.

Тарасенковъ, Алексѣй Герентьевичъ, врачъ, писатель, сынъ торговца мѣховыми товарами, родился въ 1813 г. Среднее образование получилъ въ одной изъ московскихъ гимназій, высшее — на медицинскомъ факультетѣ московскаго университета, изъ котораго въ 1838 г. вышелъ со званіемъ лекаря 1-го разряда. Служебную дѣятельность началъ въ 1840 г., когда назначенъ былъ врачемъ московской дворцовой конторы; одновременно съ этимъ въ 1842—1843 г.г. состоялъ ординаторомъ московской дѣтской больницы безъ жалованья. Въ 1844 г. за сочиненіе «О признакахъ головного воспаленія вообще и arachoiditis въ особенности», представленное университету, удостоенъ званія штаб-лекаря. Въ 1845 г. назначенъ былъ врачемъ московской больницы для чернорабочихъ, а съ 1853 г.—старшимъ врачемъ той же больницы и оставался въ этой должности до 1858 г., когда ему поручено было завѣдывать страннопріимнымъ домомъ графа Шереметева и полицейско-арестантской больницей. Кромѣ того Т. состоялъ врачемъ московскаго училища, а съ 1860 г.—полечительства о бѣдныхъ по 1-му Тверскому участку, и былъ секретаремъ инспектора гражданскихъ больницъ, котораго на время отсутствія замѣнялъ. Въ больницахъ, бывшихъ въ его завѣдованіи, Т. ввелъ значительныя улучшенія. Имъ были написаны отчеты и историческая описания больницъ; таковы: «Историческое описание больницы графа Шереметева въ Москвѣ» (Москва 1859), «Отчетъ по временному (тифозному) отдѣленію московской больницы для чернорабочихъ» (1857), «Историческая записка о страннопріимномъ домѣ гр. Шереметева» (1857), «Обзоръ болѣній въ московскихъ больницахъ гражданскаго вѣдомства», со времени открытия каждой изъ нихъ (1862), «Медико-статистическое выведеніе изъ вѣдомостей московской больницы для чернорабочихъ за 1844—1858 гг., отъ начала существованія ихъ» («Проток. физико-медиц. общ.», 1859, 26 янв.); «Отчетъ объ операцияхъ въ московскихъ гражданскихъ больницахъ въ 1858 г.» (тамъ же, 1859, 2 ноября), «Медико-статистическая данная изъ отчетовъ всѣхъ больницъ гражданскаго вѣдомства медицинскому инспектору» за 1858—1863 г. (тамъ же, 1859—1864), «О движениѣ больныхъ, преимущественно тифозныхъ, съ января по май 1868 г.» (тамъ же, 1868) и др. Кромѣ работы въ больницахъ Т. принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ физико-медицинского общества и общества русскихъ врачей въ Москвѣ, членомъ которыхъ онъ состоялъ, — первого съ 1854 г., а второго съ 1858 г. Т. лѣчилъ въ 1851—1852 г. Н. В. Гоголя во время его послѣдней болѣзни и результаты своихъ наблюдений изложилъ въ статьѣ «Послѣдніе дни жизни Н. В. Гоголя» («Отечественные Записки», 1856, № 12, т. СIX, стр. 397; отд. оттискъ, Москва 1857, и 2-е изд., дополн. по рукописи, Москва 1902). Умеръ Т. въ Москвѣ 16 мая 1873 г. въ чинѣ статского советника.

По вопросамъ медицины и истории медицины Т. написалъ много работъ, основанныхъ главнымъ образомъ на материалахъ изъ собственной врачебной практики. Главнейшія его работы: «О томъ, какъ излечиваются болѣзни и что называется лекарствомъ» (Москва 1850), «Помѣщательство ума послѣ холеры» («Моск. Врач. Журн.», 1854, № 1), «Замѣчанія о господствующихъ перемежающихся лихорадкахъ» (тамъ же, 1854), «Эпидемическая дифтерическая жаба» (тамъ же, 1854), «Историческая записка о состояніи и дѣятельности Медико-Физического общества за первыя 50 лѣтъ» (тамъ же, 1856, № 2 и отд., Москва 1856), «Случай перехода острого ревматизма въ холеру» («Протоколы Общества Русскихъ Врачей», Спб. 1857), «Самъ болѣй лечить hydrocoele уколомъ шила» («Моск. Медиц. Газета», 1859, № 59), «Взглядъ врача на женское воспитаніе» (тамъ же, № 48); «Нѣчто о больницахъ» («Моск. Вѣд.», 1859, № 29), «Объ устройствѣ вра-

чебного пособія въ деревняхъ» («Моск. Медиц. Газета», 1862, № 50), «О санитарныхъ заведеніяхъ парижского общественнаго призрѣнія, читано въ засѣданіи Общ. Русскихъ врачей» (тамъ же, 1870, № 7), «Матеріалы для біографіи А. Н. Бахметьева, попеч. Московск. учебнаго округа» (Москва 1861), «О болѣзняхъ, предшествовавшихъ въ этомъ году холерѣ» («Проток. Моск. Общ. Русскихъ Врачей», 1866).

Некрологи за 1873 г.: „Московская Медицинская Газета“, № 10; „Московская Вѣдомости“, 17 мая; „Московская Епархиальная Вѣдомость“, № 23; „Протоколъ засѣданія Общества русскихъ врачей въ Москве“, 18 мая.— „Гражданинъ“, 1874 г., № 3.—Л. Ф. Змѣевъ, „Русские врачи-писатели“, Спб. 1896, тетр. 2, стр. 126; тетр. 3, стр. 69.—Исторический Вѣстникъ, 1902, юнь, стр. 1081.—А. В. Мезиеръ, „Русская словесность съ IX по XIX вѣкъ“, Спб. 1902, ч. II, стр. 56, № 5681.—В. И. Межовъ, „Литература русской истории за 6 лѣтъ, 1859—1864 гг.“, Спб. 1866, т. I, стр. 163, № 2566.

Тарасенко - Отрышковъ, Наркисъ Ивановичъ, коллежский совѣтникъ, членъ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ, писатель - экономистъ; писалъ, главнымъ образомъ, по вопросамъ финансовой и экономической политики. Т. имѣлъ слабость воображать себя первымъ русскимъ политико-экономомъ, тѣмъ не менѣе работы его не представляютъ собой чего-либо выдающагося и слѣда въ экономической наукахъ не оставили, хотя онъ и касался въ нихъ самыхъ различныхъ вопросовъ изъ области народнаго хозяйства. Ф. Булгаковъ называлъ его «русскимъ философомъ безъ логики». Въ 1832 г. Пушкинъ, предполагая издавать подъ своей редакціей литература-политическую газету, предложилъ ему взять на себя завѣдываніе предполагавшимся изданіемъ, и Т. согласился на это предложеніе, но предпріятіе не осуществилось. Въ 1833 и 1834 гг. Т. издавалъ «Журналъ общеполезныхъ свѣдѣній или Библіотека по части промышленности, сельского хозяйства и наукъ къ нимъ относящихся». Имъ были написаны слѣдующія журнальныя и отдѣльно изданія статьи: «Объ устроеніи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи» (Спб. 1835); «Объ успѣхахъ сельского хозяйства въ Англіи и Россіи» (Спб. 1838); «Поѣздка въ Крымъ»—о фа-

брничной промышленности и торговли («Сѣверная Пчела», 1855, № 153); «Замѣтки о магометанствѣ въ Крыму» («Моск. Вѣдом.», 1856, № 60); «О золотѣ и серебрѣ» (Спб. 1856); «Бесѣды съ землевладѣльцами и торговцами» (Спб. 1858); «Частные банки» («Указатель политico-экономической», 1859, № 29); «Обзоръ виѣшней торговли въ Россіи за послѣднія 25 лѣтъ» (Спб. 1859); «Положеніе нашей заграничной торговли въ отношеніи къ С.-Петербургому» («Спб. Вѣд.», 1860, № 31); «Обзоръ нынѣшнаго положенія виѣшней торговли въ Россіи» (Спб. 1861); «Нынѣшнее положеніе виѣшней торговли Россіи лѣтомъ» («Труды Имп. Вольно-эконом. общ.», 1860, т. II, отд. III, стр. 136—139 и 316—324); «Причины нынѣшняго безძенежья въ Россіи и средства къ ослабленію ихъ дѣйствія» (Спб. 1861); «Замѣтки въ поѣздку во Францію, Сѣверную Италію, Бельгію и Голландію» (Спб. 1871). «Замѣтки въ поѣздку на минеральныя воды въ Крайцнахъ Эмсъ» (Спб. 1872); Особнякомъ стоять нѣсколько не вяжущееся съ обычными темами работъ Т. его «Руководство къ вывожденію цяленъ изъ всякаго рода матерій» (Спб. 1833). Т. состоялъ членомъ-корреспондентомъ Имп. Вольно-экономического общества.

Ф. А. Вычковъ, „Неосуществившаяся газета Шушкіна“, „Историческій Вѣстникъ“, 1883, т. XIII, стр. 299.—П. В. Аввакумовъ, „Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина“, т. I, стр. 358.—И. Н. Березинъ, „Русский энциклоп. словарь“, Спб. 1877, отд. IV, т. II, стр. 463.—„Историческій Вѣстникъ“, 1886, т. XXIII, январь-февраль, стр. 387—389.—А. Ф. Поворинскій, „Систематический указатель русской литературы по гражданскому праву“, Спб. 1904, № 15221, стр. 728.—В. И. Межовъ, „Каталогъ русскихъ книгъ продающимся въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова“, Спб. 1869, стр. 233, № 3810, стр. 235, № 3848; стр. 241, № 3927.—Его же, „3-е и 4-е прибавленіе къ каталогу“, Спб. 1873, стр. 127, № 2069.—И. и В. Ламбины, „Русская историческая библиография за 1859 годъ“, Спб. 1868, стр. 133, № 2395; то же за 1860 годъ, Спб. 1869, стр. 144, № 2449; стр. 146, № 2494; то же за 1855 годъ, Спб. 1866, стр. 89, № 878; то же за 1856 годъ, Спб. 1861, стр. 46, № 604.—М. Д. Ольхинъ, „Систематический реестръ русскихъ книгъ съ 1831 по 1846 годъ“, Спб. 1846, стр. 58, № 1519; стр. 156, № 3349; стр. 159, № 3394; стр. 165, № 3488; стр. 263, № 5925.

Тарасій Вербицкій, архимандритъ Кієво-Братскаго монастыря, ректоръ Кіевской духовной академіи въ 1768—1773 гг.;

обучался въ Киевской духовной академії. По окончаніи курса академії принялъ чинъ постриженія и остался при академії преподавателемъ въ низшихъ классахъ; въ 1758 г. онъ преподавалъ синтаксису. Затѣмъ опредѣленъ былъ каѳедральнымъ проповѣдникомъ въ Киевѣ, а въ 1766 г. произведеѧ былъ во игумена Кирилловскаго монастыря. 12 августа 1768 г. онъ переведенъ былъ архимандритомъ Киево-Братскаго Богоявленскаго монастыря и назначенъ вмѣстѣ съ тѣмъ ректоромъ академії; за время своего ректорства преподавалъ богословіе. Въ 1773 г. Т. вызванъ былъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія и въ качествѣ проповѣдника съ оставленіемъ въ должности ректора академії. Однако въ Киевѣ онъ не вернулся, такъ какъ 16 января 1774 г. его перевели архимандритомъ въ Антоніевъ Новгородской епархіи монастырь. Затѣмъ Т. переведенъ былъ въ Хутынскій Спасо-Варлааміевъ Новгородской епархіи монастырь въ іюлѣ 1774 г., а въ апрѣль 1775 г. въ Иверскій Богородичный той же епархіи монастырь; наконецъ, въ маѣ 1774 г. онъ вернулся въ Киевъ, будучи опредѣленъ архимандритомъ въ Киевскій Златоверхо-Михайловскій монастырь. Въ 1787 г. Т. ушелъ на покой и жилъ въ Киево-Печерской лаврѣ, где и скончался 24 февраля 1790 г. Т. былъ извѣстенъ какъ проповѣдникъ; изъ его проповѣдей, говоренныхъ имъ при дворѣ въ бытность его въ Петербургѣ, напечатаны лишь нѣкоторыя въ 1773 и 1774 г.г., большая же часть ихъ, по свидѣтельству митрополита Евгенія, осталась въ рукописяхъ.

Митрополитъ Евгений, „Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-российской церкви“, изд. 2-е, Спб. 1827, т. II, стр. 264—265.—„Материалы для исторіи русской литературы“, піддание П. А. Ефремова, Спб. 1867, стр. 106.—Н. Н. Новиковъ, „Опытъ исторического словаря о российскихъ писателяхъ“, Спб. 1867, стр. 213.—Ф. Толль, „Настольный словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знаній“, т. III, Спб. 1863, стр. 611.—Макарій Булгаковъ, „Исторія Киевской духовной академії“, Спб. 1843, стр. 179, 164 и 168.—В. Аскочонский, „Кievъ съ древнейшимъ его училіщемъ—академіей“, Киевъ 1856, т. II, стр. 259, 303—304, 311, 312.—„Акты Киевской духовной академії“, т. III, № 40.—Строевъ, „Списокъ іерарховъ и настоятелей монастырей российской церкви“, Спб. 1877, стр. 16, 19, 27, 52, 53, 60.

Тарасій Глушицький, святитель XV в.; былъ игуменомъ Пермской обители, но оставилъ начальствование и отправился въ Глушицкій монастырь къ преподобному Діонисію, чтобы жить тамъ подъ его руководительствомъ. Принятый Діонисіемъ, Т. прожилъ съ нимъ 10 лѣтъ. Онъ стяжалъ даръ умилія и непрестанный плач; скончался въ 1440 г. при игуменѣ Амелихіи и покоятся подъ спудомъ въ Глушицкомъ монастырѣ. Память его чтится 12 октября; служба установлена общая со всѣми преподобными Глушицкаго монастыря и отправляется по древней рукопионной книжѣ.

Ігнатій, „Краткія жизнеописанія русскихъ святыхъ“, ч. I, Спб. 1875, стр. 60—61.—„Словарь историческій о святыхъ“, стр. 259.—Сергій, „Літгія русскихъ святыхъ“, ч. II, стр. 272.—Николай Барсуковъ, „Источники русской агиографії“, Спб. 1882, стр. 542.—Графъ М. Толстой, „Разказы изъ истории русской церкви“, Москва 1865, кн. 3, стр. 50—51.

Тарасій, Земка Левоничъ, игуменъ Киево-Братскаго монастыря, ректоръ Киевскаго училища и завѣдующій типографіей Шеферской лавры, жилъ въ концѣ XVI и первой трети XVII вѣка. Учился въ училищѣ Киево-Братскаго монастыря, по окончаніи которого принялъ постриженіе. Вызванъ былъ въ Киево-Печерскую лавру Елисеемъ Плетеницкимъ, гдѣ, начиная съ 1624 г., изъ года въ годъ видѣнъ завѣдующимъ типографіей, проповѣдникомъ и соборнымъ старцемъ; онъ исполнялъ также обязанности корректора, а по сказанію Киевскаго каталога ректоровъ академическихъ съ 1831 г. состоялъ игуменомъ Киево-Братскаго монастыря и ректоромъ училища монастырскаго. Изъ сочиненій его наиболѣе извѣстенъ трактатъ о літургії, напечатанный при «Служебнику» (Кievъ, изд. 1628 г.); трактатъ этотъ заключаетъ въ себѣ общирия каноническая и патрологическая ссыпкія и состоитъ изъ трехъ отдѣленій: 1) о назначеніяхъ літургії, 2) о важности літургіи и достоинствѣ приготовленіи къ ней и 3) отъ кого установлена и передана она. Онъ перевелъ съ греческаго языка «на общую малороссійскую бесѣду» «Синаксари» Каллиста, помѣщенный въ «Поестной Тріодіи» (Кievъ 1627). Кроме того имъ написано послѣ словіе къ «Номоканону» (Кievъ 1624),

предисловіє къ «Толкованію на Апокалипсисъ» Андрея, архієпископа Кесарія Капподокійськія (Кіевъ 1625) и къ «Цвѣтной Тріоди» (Кіевъ 1631); вѣроятно имъ сочинена «Імнологія на Пасху» кіевскихъ типографовъ архимандриту Петру Могилѣ (Кіевъ 1630). Современникъ Т., Кальнофойскій въ похвальнай эпітафії, напечатанной въ его «Тератургімѣ» (Кіевъ 1638, стр. 47), называетъ его «мужемъ, ученымъ въ языкахъ грекомъ, латинскомъ, словенскомъ и русскомъ». Умеръ Т. 13 сентября 1632 г.

К. Аскоченский, «Кіевъ съ его древнійшими училищемъ—академіей», Кіевъ 1856, т. I, стр. 102, 328.—Митр. Євгений Болховитиновъ, «Словарь исторический о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина», Спб. 1827, т. I, стр. 263—264.—Макарій, «Історія русской церкви», Спб. 1882, т. ХІІ, кн. 2, стр. 387—388.—Філаретъ, «Історія русской церкви», Черніговъ 1862, изд. 4-е, періодъ 4-й, стр. 91 и 97.—Амвросій, «Історія россійской іерархіи», Москва 1807—1815, т. I, стр. 492.—С. Голубевъ, «Історія Кіевской духовной академіи», Кіевъ 1886, вып. 1, стр. 173—174, 175, 225 и прилож., стр. 4.—«Кіевлянинъ», 1840, стр. 159.—П. Строевъ, «Списки іерарховъ и настоятелей россійской церкви», Спб. 1877, стр. 17.—Его же, «Описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ И. Н. Царского», Москва 1836, стр. 113, № 84; стр. 123—124, № 90.—Его же, «Описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ и россійскихъ Ф. Л. Толстого», Москва 1829, стр. 164, № 70, стр. 165, № 72.—Філаретъ, «Обзоръ русской духовной литературы», т. I, стр. 190, § 169.—В. И. Межовъ, «Історія русской и всеобщей словесности», Спб. 1872, стр. 289, № 8035.—Каратаемъ, «Описаніе славяно-русскихъ книгъ», ч. II, стр. 404—429.—В. И. Межовъ, «Русская историческая бібліографія за 1800—1854 годы включительно». Спб. 1893, т. 3, стр. 11.—«Енциклопедіческий словарь» Брокгауза-Ефрона, 1-е изд., т. 32, Спб. 1901, стр. 629.

Тарасій, епископъ ростовскій; въ епископы рукоположенъ въ 1288 г. изъ архимандритовъ Іоанно-Богословскаго монастыря послѣ смерти Игнатія. Біографическихъ свѣдѣній о немъ сохранилось мало. Лѣтопись разсказываетъ о немъ, что въ 1290 г. (6798) князя Ростовскаго, брата Дмитрія и Константина Борисовичи послали его изъ Ростова въ Устюгъ Великій для освященія собора церкви Успенія, «а съ нимъ образъ Пресвятаго Богородицы, одигітря и колоколь». Въ 1295 г. Т. поссорился со своимъ княземъ Константиномъ Борисовичемъ и уѣхалъ въ Устюгъ. Константинаъ побѣжалъ за нимъ

и взялъ его подъ стражу вмѣстѣ со всѣми людьми епископскими. О послѣдствіяхъ лѣтопись однако ничего не говоритъ. Извѣстно во всякомъ случаѣ, что послѣ этого столкновенія со своимъ княземъ Т. продолжалъ и послѣ занимать епископскую каѳедру въ ростовскомъ книжествѣ и лишь въ 1299 г. ушелъ на покой. Скончался Т. въ 1304 г.; мѣсто погребенія неизвѣстно.

Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей т. I, стр. 227; т. IV, стр. 102; т. VI, стр. 128; т. VII, стр. 179, 180, 181, 184; т. VIII, стр. 69.—А. Крыловъ, «Історико-статистическое описание Ростовско-Ярославской епархіи», Ярославль 1860, стр. 41 и 45.—Іерархи ростовско-ярославской пастыри», Ярославль 1864, стр. 52.—Амвросій, «Історія россійской іерархіи», Москва 1807—1815, ч. I, стр. 117; ч. IV, стр. 307.—Карамзинъ, «Історія государства Россійскаго», Москва 1819, т. IV, прим. 169, 182, 201, 247.—Д. Ниль, «Ярославскій Спасо-Преображенскій монастырь», Ярославль 1862, стр. 81.—П. Строевъ, «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійской церкви», Спб. 1877, стр. 330.—Соловьевъ, «Історія Россіи», Москва 1870, изд. 3-е, т. V, стр. 235.

Тарасій, епископъ сарскій и подонскій съ 1572 до 1579 г.; имя его не упоминается ни въ лѣтописяхъ, ни въ «Історіи россійской іерархіи» Амвросія. Несомнѣнно только, что Т. присутствовалъ на соборѣ 20 декабря 1578 г., установившемъ празднованіе препод. отцу Іоанну Волоколамскому «отъ нынѣшняго лѣта (7087) доколѣ монастырь Пречистаго стоить».

И. Л. Соловьевъ, «Сарайские и крутицкие епископы», «Чтенія въ Имп. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1894, кн. 3, стр. 591.—П. Строевъ, «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійской церкви», Спб. 1877 г., стр. 1035.—«Чтенія въ Имп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1847 г., кн. 7, отд. IV, стр. 9.

Тарасій, архимандритъ Антоніева Новгородскаго монастыря съ января 1696 г., ушелъ на покой по Строеву въ 1699 г., по «Історіи россійской іерархіи» Амвросія въ 1698 г., а въ исторіи монастыря сказано лишь, что онъ упоминается въ монастырскихъ бумагахъ въ декабре 1697 г.

«Описаніе Антоніева Новгородскаго монастыря», Москва 1810, стр. 148.—П. Строевъ, «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійской церкви», Спб. 1877, стр. 95.—Амвросій, «Історія россійской іерархіи», Москва 1807—1815, т. III, стр. 252.

Тарасій, строитель Коневского Рождественского С.-Петербургской епархіи монастыря съ 1762 до 1782 г. При цемъ въ 1776 г. была окончена постройкой каменная Николаевская церковь; его стараниемъ монастырь обнесенъ былъ деревянной оградой съ небольшими башнами на углахъ. По выходѣ на покой Т. жилъ при томъ же монастырѣ, скончался въ 1787 г. и погребенъ при обители.

П. Строевъ, „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійской церкви“, Спб. 1877, стр. 286.—„Островъ Валаамъ и гамонный монастырь“, о. Коневецъ, Спб. 1852, стр. 16—17.—„Історическое изображеніе о начальствѣ Коневской обители, о запустствіи, возобновленіи и настоящемъ оной положеніи“, Спб. 1817, стр. 19—20.

Тарасовский, Пётръ, депутатъ отъ тотемскихъ черносотныхъ крестьянъ въ комиссии для сочиненія новаго уложенія. Былъ въ числѣ прииседавшихъ къ инѣю "Зарудного и Козельского, возражавшихъ противъ предложеія дворянскихъ депутатовъ о недопущеніи къ дворянскому званію (за исключениемъ случаевъ Высочайшаго пожалованія) лицъ другихъ сословій, достигшихъ на военной службѣ высшихъ чиновъ.

„Сборникъ Императорскаго Русскаго Исторического общества“, т. IV (Труды Екатерининской комиссии для сочиненія новаго уложенія).

Тарасовъ, Василий Ивановичъ, докторъ медиціи, главный врачъ Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія, сынъ пономаря Рязанской губ., родился въ 1822 г. Поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета въ 1840 г. и курсъ окончилъ въ 1845 г. съ отличиемъ, получивъ званіе лекаря 1-го отдѣленія. Назначенъ былъ Кирсановскимъ Тамбовской губ. уѣзднымъ врачемъ. Въ 1851 г. уволенъ былъ съ этой должности. Въ 1854 г. выдержанъ экзаменъ на званіе оператора и получилъ при Московскому университете степень доктора медицины за представленную имъ диссертацио: «Anatomico-physiologica perinaei humani descriptio» (Москва 1854). Во время Крымской кампаніи отправился съ Крестовоздвиженской общиной сестеръ милосердія на театръ военныхъ дѣйствій, где завѣдывалъ учрежденіями, состоявшими подъ покровительствомъ великой княгини Елены

Павловны. По окончаніи кампаніи Т. назначенъ былъ главнымъ врачемъ этой общинѣ. Имъ написано: «Краткий отчетъ Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія за 1862 г.» («Медицинскій Вѣстникъ», 1863, № 23—26); тоже за 1864 г. (тамъ же, 1865, № 40 и «Вѣстникъ Медицинской Жизни», 1865, ч. 92, II); «Лечебница для приходящихъ при Крестовоздвиж. общинѣ сестеръ милосердія» («Медиц. Вѣстникъ», 1862, № 19); Т. состоялъ пророчетнымъ именемъ Московскаго Физико-Медицинского общества. Умеръ въ Петербургѣ 6 июня 1868 г.

Некрологи: „Медицинскій Вѣстникъ“, 1868, № 29; „С.-Петербургскій Вѣдомости“, 1868, № 172; „Иллюстрированный календарь“ на 1869 г., стр. 320.—Г. Геннади, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей за 1868 г.“, „Русскій Архивъ“, 1870, стр. 2039.—Л. Ф. Змѣевъ, „Русские врачи-писатели“, Спб. 1886, тетр. 2, стр. 126; 2-е дополненіе, Спб. 1892, стр. 42.—Его же, „Словарь врачей, получившихъ степень доктора мед. въ Московскому университѣту“, Спб. 1885, стр. 551.—В. И. Межовъ, „Исторія русской и всеобщей словесности“, Спб. 1772, стр. 281, № 7254; стр. 450, №№ 12114—12116.—Его же, „Русская историческая библиографія за 1868—1876 годы“, Спб. 1882, т. II, стр. 387; т. III, стр. 60.

Тарасовъ, Дмитрий Климентовичъ, тайный советникъ, почетный лейбъ-хирургъ, действительный членъ медицинскаго совета, директоръ медицинскаго департамента, родился въ с. Тарасовъ, Рязанской губ., 26 октября 1792 г.; отецъ его былъ бѣднымъ священникомъ, который самъ пахалъ землю. На восьмомъ году Т. отдали въ Рязанскую духовную семинарію, которую онъ окончилъ 18 лѣтъ. Еще на первомъ году богословскаго курса ему, въ виду отличныхъ успѣховъ, поручалось преподавать въ начальномъ классѣ семинаріи (инфимѣ). Первоначально Т. хотѣлъ сдѣлаться священникомъ, но покровительствовавшій ему архіепископъ Феоктистъ призналъ его слишкомъ молодымъ для священническаго сана и вместо того предложилъ ему должностъ правителя дѣлъ семинарскаго правленія и комиссіи о построеніи нового семинарскаго зданія, а также проподавателя латинскаго и греческаго языковъ при семинаріи, на что Т. согласился. Подъ влияниемъ доктора Воскресенскаго, бывшаго изъ Рязани прѣзидомъ изъ дѣйствующей арміи во время Отечественной войны, Т. рѣшилъ побѣхать въ одну изъ столицъ учиться

медицине. Рышене свое онъ приведъ въ исполненіе только въ январѣ 1815 г., когда отправился въ Петербургъ, а въ марта того же года принять былъ казенныиъ воспитанникомъ въ медико-хирургическую академію. Будучи на послѣднемъ курсѣ, онъ назначенъ былъ ординаторомъ при профессорѣ, завѣдовавшемъ терапевтической клиникой. Рядъ хирургическихъ операций, иногда весьма трудныхъ и сложныхъ, но темъ не менѣе вполнѣ удачныхъ, дали ему матеріалъ, на основаніи котораго имъ была написана работа на званіе медико-хирурга. Въ 1818 г. онъ окончилъ курсъ въ академіи съ отличиемъ золотой медалью, получилъ званіе лекаря 1-го отдѣленія медицинскихъ и ветеринарныхъ наукъ и назначенъ былъ баталіоннымъ лекаремъ въ д. гв. Преображенскій полкъ, 28 ноября 1819 г., сохранивъ первую должностъ, онъ опредѣленъ былъ правителемъ дѣлъ канцелярии президента медико-хирургической академіи баронета Я. В. Вилліе. Съ 1820 г. Т. вмѣстѣ съ Дворомъ въ теченіе шести лѣтъ путешествоvalъ по Россіи и Западной Европѣ. Онъ сумѣлъ снискать довѣріе Александра I и лечить его и присутствовалъ при его смерти. Послѣдніе годы жизни Александра I, его болѣзнь подробно описаны имъ въ его воспоминаніяхъ «Записки моей жизни» («Русская Старина», 1871, т. 4, №№ 9 и 12, 1872, №№ 3 и 8). Со смертью Александра I, служба Т. при Дворѣ окончилась, что было вызвано отчасти разногласіями и неладами его съ баронетомъ Вилліе, и онъ былъ назначенъ главнымъ лекаремъ артиллерійскаго госпиталя. Въ 1827 г. Т. былъ вызванъ барономъ Дубичемъ въ Грузію. Здѣсь генераль Паскевичъ предложилъ ему должностъ штаб-лекаря отдѣльного Кавказскаго корпуса, но Т. не принялъ этого предложения «въ виду особеннаго рода обхожденія ген. Паскевича съ подчиненными», какъ объясняетъ онъ въ своихъ «Запискахъ». Въ концѣ того же года Т. вслѣдствіе нерасположенія къ нему Вилліе перешелъ изъ военного вѣдомства въ гражданское и занялъ постъ генераль-наго штаб-лекаря по гражданской части. Въ 1829 г. за службу при Александрѣ I награжденъ былъ званіемъ почетнаго лейбъ-хирурга. Съ 1830 г. онъ состоялъ членомъ Имп. Человѣколюбиваго общества. За труды по прекращенію холеры произ-

веденъ, были въ 1831 г. въ статокіе со-
вѣтники. Въ августѣ 1836 г. Т. назначенъ
быть исправляющимъ должностъ директора
военно-медицинскаго центрального
академіи, призыва его въ степень доктора
медицины honoris causa. Въ сентябрѣ 1846 г.
Т. по прошенію уволенъ былъ отъ управ-
ленія военно-медицинскимъ департамен-
томъ, съ назначеніемъ членомъ медицин-
скаго ученаго комитета, а позднѣе также
членомъ медицинскаго совѣта при мини-
стерствѣ внутреннихъ дѣлъ. 29 апреля 1866 г.,
петербургскими врачами, былъ
отпразднованъ 50-лѣтій юбилей его ме-
дицинской службы; къ этому же дню Т.
награжденъ былъ орденомъ св. Владимира
2-й степени и званиемъ заслуженного художника.
Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ іюлѣ 1866 г.,
онъ умеръ.

Т. вмѣстѣ со Стрѣлковскимъ участвовалъ въ 2-мъ изданіи «Фармакопеи» Вилліе, а также составилъ и издалъ «Энциклопедійский медицинскій лексиконъ» (Спб. 1842—1850). Т. въ свое время былъ из-
вестенъ въ медицинскихъ кругахъ больше
всего какъ опытный хирургъ-практикъ.
Значительныхъ научныхъ трудовъ онъ не
написалъ, а помѣстилъ только въ медицин-
скихъ журналахъ нѣсколько статей съ
описаниемъ рѣдкихъ въ медицинской практикѣ
случаевъ. Таковы: «Операция брюха»
(«Другъ Здоровья», 1836, №№ 36 и 39),
«Два случая укушенія людей птицами»
(«Протоколы Петербургск. Общества рус-
скихъ врачей», 1856, стр. 43) и «Тифозная
горячка у трехлѣтняго мальчика» (тамъ же,
1858—1859, стр. 223).

Некрологъ за 1866 г.: «Сверная Почта»,
№ 34, «Медицинскій Вѣстникъ», № 20 и 27
— «Информированная Газета», № 29 — «Записки
д. К. Таракова», «Русская Старина», 1871,
т. 4, № 9 и 12; 1872, т. 5, № 18 и т. 16, № 18;
Л. Ф. Змѣевъ, «Русские врачи-писатели», Спб.
1886, тетр. 2, стр. 126; дополн. 1-я, стр. 69; до-
полн. 2-я, Спб. 1892, стр. 42; «Другъ Здо-
ровья», 1848, № 40 (назначенъ адресъ, под-
писаніемъ Т. петербургскими врачами въ
1848 г.).

Тарасъ, по прозвищу Трясила, мало-
російскій гетманъ. Съѣдѣнія о немъ отры-
вочны и не вполнѣ достовѣрны. По одной
версии, онъ избранъ былъ гетманомъ въ
1628 г. посмъ умерщвленія Грицька. Со-
бравъ въ короткое время до 30.000 че-
ловѣкъ

въкъ, Т. встрѣтился съ польскимъ войскомъ, которымъ руководилъ коронный гетманъ Конецпольскій, подъ Переяславлемъ. Здѣсь онъ, полѣгаясь тѣмъ, что поляки справляли празднікъ, именуемый «панскімъ тяломъ», напалъ на послѣднихъ ночью и одержалъ полную победу, овладѣвъ артиллерией и обозомъ. Битва эта извѣстна въ народѣ подъ именемъ Тарасовой или Переяславльской ночи. Затѣмъ, согласно той же версіи, Т. въ 1629 г. отправился противъ татаръ и турокъ, нанеся значительный уронъ турецкому флоту и возвратился съ богатой добычей. Болѣе достовѣрной представляется другая версія, по которой Т. избранъ былъ гетманомъ въ 1630 г. на Запорожье, одновременно съ другимъ гетманомъ Григоріемъ Чернымъ. Изъ Запорожья онъ сталъ разсыпать универсалы къ украинскимъ казакамъ, призывая ихъ къ себѣ и возбуждая къ неповиновенію Григорію Черному, вызывавшему недовольство казаковъ своими симпатіями къ полякамъ. Вскорѣ Т. вышелъ изъ Запорожья на Украину, чтобы поддержать поднявшееся тамъ восстаніе противъ поляковъ, проявлявшееся преимущественно въ партизанскихъ дѣйствіяхъ. Къ нему присоединилась и та часть ресѣтровыхъ казаковъ, которая согласно договору съ Польшей, заключенному въ 1625 г. на урочищахъ Медвѣжьи Лозы, должна была постоянно находиться на Запорожье въ пѣляхъ охраны границъ отъ нападенія татаръ. При вступленіи на Украину запорожцы, находившіеся въ войскахъ Т., стали распространять слухи, будто они намѣрены покориться Григорію Черному. Послѣдній повѣрилъ этимъ слухамъ, но былъ схваченъ сторонниками Т. и изрубленъ. Послѣ этого Т. предъявилъ полякамъ требование о выведеніи изъ Украины жолнеровъ, уничтоженіи куруковской комиссіи, ограничившей численность казацкаго сословія, и о выдачѣ приверженцевъ Григорія Черного. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ изгонять изъ Украины пановъ, жолнеровъ и урядниковъ. Противъ него посланъ былъ коронный гетманъ Конецпольскій, который двинулъ на Украину всѣ бывшія въ его распоряженіи войска. Поляки встрѣтились съ казаками подъ Переяславлемъ. По однимъ даннымъ здѣсь и произошла битва, извѣстная подъ именемъ Тарасовой ночи и относимая

и иногда къ 1628 г.; по другимъ—Конецпольскій осадилъ казаковъ въ укрѣпленіи ихъ лагерѣ. Однако осада не была удачна для поляковъ: по польскимъ источникамъ, Конецпольскій потерялъ при штурмахъ больше людей, чѣмъ во время цѣлой русской войны, причемъ однихъ дворянъ пало около трехсотъ человѣкъ. Вскорѣ Конецпольскій принужденъ былъ прекратить осаду. Вообще о дальнѣйшихъ событияхъ, какъ и о судьбѣ самого Т. достовѣрныхъ данныхъ нѣть ни въ малороссійскихъ, ни въ польскихъ источникахъ. По однимъ даннымъ Т. попался въ пѣнѣ къ полякамъ, по другимъ же, что представляется весьма загадочнымъ, Т., несмотря на удачный для казаковъ исходъ битвы подъ Переяславлемъ, былъ выданъ послѣдними полякамъ и казненъ въ Варшавѣ. Путивлецъ Григорій Гладкій рассказалъ въ Посольскомъ приказѣ слѣдующее о Переяславльской битвѣ: «Гетманъ Конецпольскій осадилъ казаковъ въ Переяславлѣ. У польскихъ людей съ черкасами въ 3 недѣли бои были многіе, и на тѣхъ бояхъ черкасы поляковъ побивали, а на послѣднемъ бою черкасы у гетмана въ обозѣ народъ взяли, многихъ поляковъ въ обозѣ побили, перевозы по Днѣпру отягли и паромы по перевозамъ поглуби. Послѣ этого боя гетманъ Конецпольскій съ черкасами помирілся, а приходилъ на черкасъ за ихъ непослушаніе, что они самовольствомъ ходятъ подъ турецкіе города, и всѣмъ войскомъ убили Гришу Чернаго, котораго онъ ирежде далъ имъ въ гетманы. Помирясь съ черкасами, Конецпольскій выбралъ имъ другого гетмана, Тимоху Арандаренко. А было у Конецпольскаго польскихъ и нѣмецкихъ и черкасъ лучшихъ, которые отъ черкасъ пристали къ полякамъ, восемь тысячъ, а черкасъ было семь тысячъ».

Д. Вантышъ-Каменскій, „Исторія Малої Россії“, Москва 1830, т. I, стр. 34, примѣчанія 155, 156; стр. 202—203. Вл. Антоновичъ, „Изслѣдованія о казацтвѣ по актамъ съ 1500 по 1648 годъ“, Кіевъ 1883, стр. СУ—СVII. С. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, 3-е изд., „Москва 1877, т. X, стр. 96—97.—Его же, „Очеркъ исторіи Малороссіи до подчиненія ея царю Алексѣю Михайловичу“, „Отечество. Записки“, 1848, № 12.—Александъ Ригельманъ, „Литописное повѣствованіе о Малої Россіи и ея народѣ и казакахъ вообще“, Москва 1847, кн. I, стр. 40—41; кн. IV, стр. III—Д. И. Эварницкій, „Исторія запорожскіхъ казаковъ“, Спб. 1895, т. II, стр. 214—215.—Костомаровъ, „Вог-

данъ Хмельницкій", Спб. 1884, т. I, стр. 93.—М. А. Максимовичъ, „Собрание сочинений", Киевъ 1876, т. I, стр. 243, 842.—Лѣтопись Грабянки (28); Лѣтопись самовидца, стр. 4; Lator. Zeplicza, т. I, стр. 38.—Pamiętniku do panowania Zygmunta III, т. I, стр. 154, 155.—Костомаровъ, „Борьба украинскихъ казаковъ съ Польшой", „Отечество. Записки" т. CV, стр. 205.—J. Ch. Engel, „Geschichte der Ukraine und der Ukrainischen Kosaken", Halle 1796, стр. 126.—Брокгаузъ-Эфронъ, „Энциклоп. словарь", 1-е изд., полут. б4, Спб. 1902, стр. 629, слово „Тарасова ночь"; полуут. 67, стр. 13, слово „Трясила"; полуут. 55, стр. 495.—„Справочн. энцикл. словарь", изд. К. Краяля, т. X, Спб. 1848, стр. 479.—Orgelbrandra „Encyklopédja powszechna", Warszawa 1903, т. XIV, стр. 402.—В. С. Иконниковъ, „Опытъ русской историографіи", Киевъ 1908, т. II, кн. 2, стр. 1649.—„Архивъ Юго-Западной Россіи", т. I, стр. 312, LXXXV; стр. 297, LXXX; стр. 301, LXXXI; стр. 306, LXXXIII; стр. 309, LXXXIV.

Тарачковъ, Александръ Степановичъ, писатель по естествознанию и статистикѣ, секретарь губернского статистического комитета въ Орлѣ, родился въ 1819 г. Образование получилъ въ Московскомъ университѣтѣ, где окончилъ физико-математический факультетъ. Въ 1843 г. Т. занялъ должность наставника-наблюдателя и преподавателя естественной истории и физики при Орловскомъ Бахтина кадетскомъ корпусѣ и оставался въ этой должности до 1864 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ редактировалъ неофициальную часть «Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» и состоялъ секретаремъ Орловского статистического комитета. Съ 1864 г. подъ его редакціей издавались ежегодно «Памятныя книжки Орловской губерніи». Т. много работалъ надъ изученiemъ Орловской губерніи. Имъ изслѣдованы и описаны топографія, климатическая условія, почва и фауна различныхъ уѣздовъ Орловской губерніи. Нѣсколько его статей посвящены вопросамъ сельского хозяйства, торговли и промышленности въ той же губерніи и обработкѣ собранного имъ статистического материала. Въ концѣ 60-хъ годовъ онъ назначенъ былъ членомъ экспедиціи по изслѣдованию хлѣбной производительности и торговли въ ссии, причемъ ему поручено было об-
щованіе Центрального района, т. е. губерній Московской, Тульской, Владимірской и частей Курской, Орловской и Рязанской. Для исполненія данного ему порученія Т. объѣхалъ свой районъ и представилъ предварительный отчетъ въ 1869 г., помѣщенный въ «Извѣстіяхъ Имп. Рус-

скаго Географического Общества» (т. V, отд. II); онъ имѣлъ въ виду представить полный отчетъ и работалъ надъ составленiemъ его въ теченіе 1870 г., но смерть помѣщала ему довести этотъ трудъ до конца. Большинство своихъ изслѣдований Т. помѣстилъ въ «Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Здѣсь напечатаны слѣдующія его статьи: «Топографическое положеніе, климатъ, почва и лѣса Орловскаго уѣзда» (1856, №№ 24 и 27; перепеч. изъ «Газеты Лѣсоводства и Охоты»); «Отчего въ Орлѣ бываютъ большие пожары?» (1859, № 11); «О причинахъ уменьшенія дачи въ окрестностяхъ Орла и наблюденія надъ весенними и осенними ея перелетами» (1859, №№ 8—10, 13, 14); «Каравачевские лѣса» (1859, №№ 22—24; перепеч. изъ «Газеты Лѣсоводства и Охоты», №№ 3, 4 и 6); «Очеркъ нынѣшняго состоянія лѣсовъ и лѣсныхъ породъ въ Орловской губерніи» (1859, №№ 26 и 27); «Отчетъ по акклиматизаціи животныхъ и растеній, читанный 5 ноября 1860 г. въ годичномъ засѣданіи Орловскаго отѣла» (1861, №№ 17 и 18; перепеч. изъ «Акклиматизаціи», т. II, вып. 6); «Геогностическая и гидрологическая условія Орла въ гигієническомъ отношеніи» (1861, № 37; отд. оттискъ, Орелъ 1861); «Путевые замѣтки по Орловской и сосѣднимъ съ ней губерніямъ» (1861, №№ 1, 2, 4, 6, 8, 11—14; 1862, №№ 46, 48, 49 и 51, отд. Орелъ 1861—62); «Общество взаимнаго страхованія, какъ вѣрнѣшее средство для обезпеченія народнаго благосостоянія отъ пожаровъ» (1862, № 32); «Путевые замѣтки» (1863, №№ 1, 3, 5, 8, 11, 17 и 18); «Опыты надъ торфомъ, находимымъ въ Кромскомъ уѣзде» (1864, № 2); «Отчетъ о путешествіи по уѣздамъ придеснинскаго бассейна Орловской губ. для статистическихъ изслѣдований въ 1863 г.» (1865, №№ 1, 2, 4—8, 10, 15 и 16); «Полезныя въ техническомъ отношеніи ископаемыя произведения Елецкаго уѣзда» (1865, № 31); «Отчетъ о путешествіи по уѣздамъ Сосенского бассейна Орловской губ. для статистическихъ и геогностическихъ изслѣдований» (1866, №№ 1—5, 7, 9 и 10); «Ископаемыя богатства въ Брянскомъ уѣздѣ» (1868, № 2); «Торговля и главные ея предметы въ г. Мценскѣ» (1868, №№ 9—12, 15); «Анализы пыли съ дорогъ, вымощенныхъ самородомъ въ Орловской губ., произве-

данные Шмидтомъ» (1868, № 21); «О состояніи торговли и промышленности въ городахъ Болховѣ, Малоархангельскѣ, Кромахъ и Дмитровскѣ» (1869, №№ 2, 4, 8, 9, 11, 12, 22—24). Кромѣ того Т. помѣстить въ «Памятной книжкѣ Орловской губерніи» (1864, стр. 1—80) «Материалы для истории торговли и промышленности въ Орловской губ.» и издать отдельно: «Сады и садоводство въ Орловской губ.» (1858) и «Орловская флора» (1862). Умеръ Т. 19. декабря 1870 г. въ чинѣ статского советника.

«Орловскія Губернскія Вѣдомости», 1870, № 52.—Баронъ Ф. Р. Остепп-Оаенъ, „Отчетъ Имп. Русскаго Географическаго Общества за 1870 г.“, Спб. 1871, стр. 11.—«Орловскія Губернскія Вѣдомости», 1876, №№ 78, 81, 84, 85, 86, 87.—П. и В. Ламбины, „Русская историческая библиографія за 1859 годъ“, Спб. 1868, стр. 53, № 881 и 883; стр. 177, № 3167; то же за 1861 г., Спб. 1870, стр. 44, №№ 742, 743, 749; стр. 272, № 4959; то же за 1862 г., Спб. 1872, стр. 54, № 887; стр. 283, № 4876.—В. И. Мековъ, „Литература русской истории за 6 лѣтъ, 1859—1864 гг.“, Спб. 1865, т. I, стр. 190, № 3006.

Тарбевъ, Василий Никитичъ, думный дворянинъ, стольникъ. Въ разрядныхъ книгахъ 1661, 1668, 1676 гг. Т. значится стряпчимъ. Въ 1676 г. получилъ звание стольника. Въ 1682 г. числился думнымъ дворяниномъ цара Иоанна Алексеевича. Думнымъ же дворяниномъ упоминается и въ боярскихъ книгахъ за 1686 и 1692 гг.

„Древняя Россійская Библіоѳека“, т. 20, стр. 426.—Ивановъ, „Алфавитный указатель къ боярскимъ книгамъ“, стр. 405.

Тарбевъ, Петръ Матвеевичъ, тайный советникъ, бѣлоруско-витебскій гражданинъ, губернаторъ съ 1801 г. До того служилъ прапорщикомъ въ Аренсбургѣ и почти вдругъ пожалованъ былъ генерал-майоромъ и кавалеромъ и назначенъ витебскимъ губернаторомъ постъ Сѣверина Г. Добрынина въ своихъ воспоминаніяхъ говорить о немъ, что онъ «зналъ службу, много читалъ, много помнилъ и охотникъ былъ рассказывать о дѣйствіяхъ и поведеніи знаменитыхъ особъ». По выходѣ въ отставку Т. получалъ поточную пенсію и пожалованъ былъ деревнями на 12 лѣтъ; умеръ въ своемъ имѣніи.

„Истинное повѣствованіе или жизнь Г. Добрынина, имъ самимъ написанная“, „Русская Старина“, 1871, октябрь, стр. 341, 343, т. I.

пуновъ, „Витебская старина“, Витебскъ 1883, т. I, стр. 556. „Русская Старина“, 1872 т. V, стр. 884.

Тарбевъ, Тимоѳей Никитичъ, воевода, стольникъ. Впервые упоминается въ 1676 г. дворяниномъ московскимъ. Съ сентября 1679 по 1681 г. былъ воеводой въ Дѣдиловѣ. Въ 1679 г. получилъ 2 царскихъ грамоты о высылкѣ стрѣлѣцкаго хлѣба, 26 октября того же года—грамоту о сборѣ ямскихъ и полотняническихъ дешевъ. Въ грамотѣ отъ 26, 28 и 29 января 1680 г. Т. предписывается высыпать ратныхъ людей, оставшихся послѣ разбора, произведенаго Никитой Есенофонтовичемъ Таракановымъ, въ Курскъ къ боярину Петру Ивановичу Хованскому по случаю войны съ сultаномъ и Крымскимъ ханомъ. Въ грамотѣ отъ 3 февраля того же года приказано ему оберегаться отъ татаръ, следить за ихъ появленіемъ, оповѣщать своевременно окрестныхъ жителей и созывать ихъ въ осаду виѣсты съ имуществомъ. 29 марта приказанъ ему выслать половину дѣдиловскихъ пушкарей по жребию въ Сѣверскъ къ боярину Ромодановскому въ полкъ Игана Купера, и въ грамотѣ отъ 26 апрѣля подтверждены съ исполнениемъ высылки торошиться. Въ ноябрѣ Т. приказано было всѣхъ московскихъ чиновъ людей имѣть съ дѣтьми, братьями и племянниками писать къ 1 января 1681 г. къ Москвѣ къ царскому обетру по случаю войны съ сultаномъ и крымскимъ ханомъ. Въ томъ же году Т. получила грамоты о высылкѣ подводъ въ Тулу къ кн. Порfirию Шаховскому подъ военные запасы, о сборѣ полуоптины со двора на покупку 5 тысячъ лошадей, которымъ быть подъ пушками и подъ всякой полковой казной для воинскихъ походовъ, о сборѣ полтины и десятой денги. 9 марта 1681 г. Т. получила грамоту о сборѣ даточныхъ людей. Въ 1680 пожалованъ въ стольники.

Дополненія къ Актамъ Историческими, т. VIII, стр. 76, 78, 80, 85, 88, 89; т. VIII, стр. 58, 59, 82, 85, 87, 88, 106, 107, 109, 110, 144 145, 258, 259.—Барсуковъ, „Списокъ городовъ водъ и ХУЦ стольцій“, стр. 70. Иваноп., „Алфавитный указатель къ боярскимъ книгамъ“, стр. 404.

Тарбевъ, Тимоѳей Петровичъ, воеводы-полковникъ. Впервые его имя упоминается въ 1609 г., когда Т. во времена смутного времени виѣсты съ князь-

Федоромъ Шаховскимъ и со всеми торопчанами писалъ о вѣрности и покорности государю Василію Ивановичу: «попомял Бога и Пречистую Богородицу и русскихъ Чудотворцевъ и государево крестное цѣлованье, въ соборномъ храмѣ въ Торопцѣ, знаменовались Пречистые Богородицы образомъ на томъ, что имъ служити и прѣмати государю попрѣжнему». Въ 1614—1615 гг. Т. служилъ воеводой въ Волоколамъ (Волоколамскѣ): 16 апрѣля 1614 г. полутилъ царскую грамоту объ освобождѣніи слугъ и крестьянъ Іосифова Волоколамскаго монастыря отъ службы ратной. Въ юлѣ того же года ему грамота о возвратѣ Волоколамскому монастырю крестьянъ, разбѣжавшихся во время Литовскаго раззоренія. Въ 1617—1618 гг. Т. отмѣченъ (съ указаниемъ имени, но безъ отчества) воеводой на Уажѣ. Барсуковъ, ссылаясь на дворцовые разряды, не рѣщается приписать это воеводство именно Тимоѳею Петровичу Т., что дѣлаютъ однабо составители алфавитнаго указателя къ Разряднымъ единицамъ по официальныхъ спискамъ, хотя и въ этикѣ разрядныхъ книгахъ Т. значится тоже безъ отчества.

Акты Исторические, т. II, стр. 274.—Акты Археогр. Экспедиц., т. III, стр. 7, 82.—Барсуковъ, «Списки городовъ воеводъ XVII столѣтія», стр. 49.—Дворцовые разряды, т. I, столб. 147, 189, 295, 348.—Разрядные книги по офиц. санамъ спискамъ, т. I, столб. 76, 406, 544.—Акты юрдические, т. I, стр. 177.

Тарковъ (также *Tarkovъ*), *Савва*, дьякъ Сибирскаго приказа. Въ 1660 г., тагда подьячій, былъ посланъ подъ начальствомъ тобольскаго сына боярскаго Якова Корфацкаго стъ товарищами въ Тобольскій уѣздъ для составленія переписныхъ книгъ. Въ 1662 г., состоя подьячимъ Обской и Обдорской съезжей избы, прѣѣхалъ въ Обской и Обдорской заставѣ вмѣстѣ съ письменными головой Бареоломеемъ Головинъмъ въ Тобольскъ и здѣсь подалъ воеводѣ Ивану Андреевичу Хилкову письмо, въ которомъ докладывалъ, что на заставахъ узналъ о происходящихъ тамъ сѣѣздахъ остяковъ къ остяцкому князьку Ермаку, что самъ Ермакъ жаловался имъ на березовскихъ сборщиковыхъ, говорилъ, что большая часть собираемаго ясака идетъ самимъ сборщикамъ, что у остяковъ, какъ видно, готовится измѣна воровская. Результатомъ этого донесенія Т. явилась отписка кн. Хилкова

березовскому воеводѣ Алексѣю Петровичу Давыдову съ предупрежденіемъстеречься остицкой измѣны, держать крѣпкіе караулы, производить розыскъ измѣниковъ, брать въ заложники членовъ семействъ скрывшихся остиаковъ. Съ 1675 по 1680 гг. Т. дьякъ Сибирскаго приказа сначала подъ начальствомъ боярина Родиона Матвеевича Стрѣшиева, а съ 1679 кн. Ивана Борисовича Репнина. Грамота отъ 23 февраля 1680 г. еще именуетъ скрѣпу Т., а въ грамотѣ отъ 6 апрѣля того же года называется уже другой дьякъ.

Акты Исторические, т. IV, стр. 506; т. V, стр. 36, 47, 51, 70, 72, 78.—Дополненія къ Акту Историческому, т. IV, стр. 263, 297, 298, т. VI, стр. 376; т. VII, стр. 49, 50, 108, 109, 118, 115, 117, 118, 119, 121, 122, 298, 356, 857; т. VIII, стр. 24, 29, 40, 41, 48, 54, 78, 104, 156, 168, 170, 203, 210, 242, 255, 260, 261; т. IX, стр. 106.

Тарнава-Боричевский, *Іванъ Петровичъ*, тайный советникъ, членъ совѣта министерства путей сообщенія, директоръ особой канцеляріи главнаго управления путей сообщенія и публичныхъ зданій, писатель по истории и археологіи, преимущественно Литвы, сынъ священника, родился въ Минской губерніи въ 1810 г. Родители его жили сначала въ Вильнѣ, а потомъ въ Гроднѣ, гдѣ умеръ его отецъ. Воспитывался Т. въ Минской духовной семинаріи, по окончаніи курса которой поступилъ въ Кіевскую духовную академію. Курсъ академіи онъ окончилъ старшимъ кандидатомъ въ 1833 г. и въ томъ же году поступилъ преподавателемъ словесныхъ наукъ въ Орловскую духовную семинарію. Въ 1835 г. Т. уволился изъ духовного званія и поступилъ на гражданскую службу, въ департаментъ путей сообщеній и публичныхъ зданій, въ 1838 г. перешелъ на службу въ департаментъ государственныхъ имуществъ, а въ 1839 г. въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства, гдѣ пробылъ до 1841 г. Затѣмъ Т. опять перешелъ на службу въ главное управление путей сообщенія и публичныхъ зданій, служа сначала въ 1-мъ департаментѣ, а съ 1842 г. — въ бывшемъ тогда департаментѣ искусственныхъ дѣлъ. Съ 1850 г. состоялъ чиновникомъ особыхъ поручений VI класса, а съ 1853 г. — V класса, при главноуправляющемъ путями сообщенія и публичными зданіями. Въ сентябрѣ 1855 г. онъ получалъ чинъ

дѣйствительного статского советника и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ былъ членомъ комитета, учрежденного для определенія основныхъ началь условий на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ частными компаніями, а въ 1856 г.—членомъ отъ главнаго управления путей сообщенія и публичныхъ зданій въ Высочайше учрежденный комитетъ для составленія общаго плана хода почты въ Имперіи. Въ 1858 г. ему поручено было состоять довѣреннымъ лицомъ отъ главнаго управления путей сообщенія и публичныхъ зданій для сношенній съ петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ и совѣтательнымъ, отъ того же управления, членомъ центральнаго статистическаго комитета при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. По случаю заключенія телеграфной конвенціи между Россіей и Персіей, шахъ персидскій въ 1865 г. пожаловалъ ему орденъ Льва и Солица 1-й степени; въ томъ же году онъ получилъ чинъ тайного советника. Съ 1870 г. Т. состоялъ членомъ совѣта министерства путей сообщенія и въ этой должности оставался до смерти. Умеръ Т. въ Выборгѣ, 24 июня 1887 г.

Т. извѣстенъ какъ писатель по исторіи и археології. Онъ занимался изученіемъ памятниковъ литовской старинѣ и вообще русскихъ древностей. По этимъ вопросамъ имъ написанъ рядъ журнальныхъ статей, помѣщенныхъ главнымъ образомъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», и нѣсколько книгъ, вышедшихъ отдѣльными изданіями. Труды его слѣдующіе: «Сказание Адольфа Лизека о послѣствіи отъ императора римскаго Леопольда къ великому царю московскому Алексію Михайловичу въ 1675 году» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1837, ч. XVI); рецензія на книгу Терещенка «Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи» (тамъ же, 1838, ч. XVII, отдѣль IV); «О книжкѣ «Воспоминанія о посѣщеніи святыни московской государемъ наслѣдникомъ» (тамъ же, 1838, ч. XVIII, отдѣль V); «О русской лѣтописи въ Литвѣ, называемой „Хроника Быховца“» (тамъ же, 1838, ч. XIX); «Извлечея изъ оказаній Я. Рейтенфельса о состояніи Руси при царь Алексію Михайловичу» (тамъ же, 1839, ч. XXIII); «Мекленбургскія древности» (тамъ же, 1839, ч. XXIV); «Повѣсти и преданія народовъ славянскаго племени»,

2 части (Спб. 1840—1841); рецензія на сочиненіе Ко(то)шихина «О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича» («Маякъ», 1841, ч. IV, гл. 4); о первомъ томѣ изданія Сахарова «Сказанія русскаго народа» (тамъ же, 1841, ч. XVII—XVIII, гл. 4); по поводу изданія А. Тургенева «Historica Russiae monumenta» («Журн. Мин. Народн. Просв.», 1842, ч. XXXIV, отдѣль 6); «Камни литовскихъ богоинь» (тамъ же, 1839, ч. XXII); «Народные славянские разсказы» (Спб. 1844); «Свѣдѣнія о древнихъ литовцахъ» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1844, ч. XLII); «Отрывокъ изъ литовско-русской исторіи» (тамъ же, 1845, ч. XLVIII); обѣ изданія «Актовъ, относящихся къ исторіи западной Россіи» (тамъ же, 1846 г., ч. I, отдѣль VI; 1849, ч. LXIV, отдѣль VI; 1852, ч. LXXXIII, отдѣль VI); «Изслѣдованіе о происхожденіи, названіи и языкѣ литовскаго народа» (тамъ же, 1847, ч. LXVI); «Обозрѣніе Губернскихъ Вѣдомостей съ 1842 г. по 1847 г.» (тамъ же, 1848, чч. LVIII и LIX; 1849 г., чч. LXI и LXIII; 1850 г., чч. LXV, I—XVII и LXVIII; 1851 г., ч. LXIX); «Обзоръ Губернскихъ Вѣдом. съ 1848 г. по 1850 г.» (тамъ же, 1852, чч. LXXV и LXXVI; 1853 г., ч. LXXX; 1855 г., ч. LXXXV); «Извѣстія о древнихъ памятникахъ, находящихся въ вѣдомствѣ главнаго управления путей сообщеній» («Извѣстія Имп. Археол. Общ.», т. III, вып. 4); «Православіе и русская народность въ Литвѣ» (Спб. 1851); «Предположенія частныхъ лицъ обѣ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, поступившія въ главное управление путей сообщенія и публичныхъ зданій» («Журн. Главн. Упр. Путей Сообщенія», 1863, т. XXXIX, кн. 1 и 2; т. XI, кн. 4). Въ «С.-Петербургск. Вѣдомостяхъ» (№ 124 за 1860 г.) помѣщена была его статья «Руссы на южномъ берегу Балтійскаго моря», въ которой, на основаніи многихъ старинныхъ источниковъ, доказывается происхожденіе Руссовъ съ южныхъ береговъ Балтійскаго моря. Т. также принималъ участіе въ составленіи «Судоходнаго дорожника Россійской Имперіи». Т. подписывался подъ статьями и издавалъ свои сочиненія подъ неполной фамиліей «Боричевскій», подъ какой онъ и извѣстенъ болѣе въ литературѣ.

Некрологъ въ «Литовскихъ Епархиальныхъ Вѣдомостяхъ», 1887, № 37, стр. 314. — Д. Д.

Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, умершихъ въ 1887 году“, вып. VII, Спб. 1893, стр. 88—89.—„Пятидесятилетній юбилей Киевской духовной академіи“, Киевъ 1869, стр. 113, 33, 410.—„Русский Архивъ“, 1873, № 6, стр. 897.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библиографія за 1865—1876 гг.“, Спб. 1882, т. II, стр. 359, № 23400; т. VI, № 55552.—Его же, „Литература русской истории за 1859—1864 гг. включительна“, Спб. 1866, т. I, стр. 57, № 794; стр. 323, № 5070.—Его же, „История русской и всеобщей словесности“, Спб. 1872, стр. 138, № 2878; стр. 294, № 8606.—И. Прозоровъ, „Систематический указатель книгъ и статей по греческой филологии“, Спб. 1898, отд. IV, стр. 113, № 51.

Тарновскій, Василий Васильевичъ, одинъ изъ дѣятельнѣшихъ тружениковъ по крестьянскому дѣлу, членъ Черниговской земской управы, писатель, родился 14 июня 1810 г. въ Черниговской губерніи, въ семье помѣщика. Первоначальное образование получилъ подъ руководствомъ своего отца, затѣмъ поступилъ въ Нѣжинскую гимназію высшихъ наукъ князя Безбородко, курсъ которой окончилъ со степенью кандидата въ 1826 г. Въ томъ же году Т. поступилъ на юридический факультетъ Московского университета, изъ которого вышелъ со степенью кандидата, и по желанию родителей началъ службу въ Петербургѣ по контрольному вѣдомству, хотя его влекло къ ученой дѣятельности. Въ Петербургѣ онъ пробылъ недолго, такъ какъ климатъ столицы оказался вреднымъ для его здоровья, и вскорѣ уѣхалъ въ Житомиръ, гдѣ поступилъ преподавателемъ русской истории въ мѣстную гимназію. Здѣсь Т. сталъ готовиться къ ученому поприщу, во смерть отца прервала его занятія и привидила его отдать свое время управлению родовымъ имѣніемъ. Живя въ деревнѣ, Т. заинтересовался бытомъ крестьянъ и занялся изученіемъ крестьянскаго вопроса. Состоя членомъ комиссіи, учрежденной при университѣтѣ св. Владимира для описанія губерній Киевскаго учебнаго округа, онъ въ «Трудахъ» этой комиссіи помѣстилъ статью «О дѣлности семействъ въ Малороссіи» (1853, ч. II) и составленную вмѣстѣ съ С. М. Ходецкимъ программу для подробнаго описанія имѣнія въ хозяйственномъ отношеніи (1855, т. III, отд. 3). По воззрѣніямъ своимъ Т. былъ рѣшительнымъ противникомъ крѣпостного состоянія крестьянъ и всецѣло отдался дѣлу освобожденія. Онъ принималъ участіе, хотя и

неофиціально, въ выработкѣ инвентарнаго положенія объ урегулированіи взаимоотношеній личныхъ и земельныхъ между крестьянами и ихъ владѣльцами въ Юго-Западномъ краѣ, предпринятой кievскими генералъ-губернаторомъ Д. Г. Бибиковымъ. Когда же съ воспареніемъ Александра II началась подготовительная работа къ крестьянской реформѣ, Т. назначенъ былъ членомъ отъ правительства въ Черниговскомъ по улучшению крестьянскаго быта комитетѣ; здѣсь онъ былъ однимъ изъ сотрудниковъ по выработкѣ отдѣльного проекта упраздненія крѣпостного права, принятаго меньшинствомъ комитета. Съ учрежденіемъ въ 1859 г. редакціонныхъ комиссій онъ назначенъ былъ членомъ-экспертомъ ихъ отъ Черниговской губерніи. Членомъ комиссіи Т. оставался до завершенія ими поставленной имъ задачи, принимая въ ихъ работахъ дѣятельное участіе. При раздѣленіи комиссій на отдѣлы онъ вошелъ въ хозяйственный, а позднѣе и въ кодификаціонный отдѣль. Кроме нѣсколькихъ докладовъ общему присутствію комиссій, главнымъ образомъ по вопросамъ, касающимся крестьянскаго быта Малороссіи, Т. исполнилъ трудъ по общей пропрѣкѣ вычислений о существующихъ крестьянскихъ надѣлахъ по Харьковской, Херсонской и Екатеринославской губерніямъ. По своимъ воззрѣніямъ на характеръ крестьянской реформы и способы ея проведения онъ принадлежалъ къ умѣренно-либеральной группѣ комиссіи и высказывался за вознагражденіе помѣщиковъ за отчуждаемую въ на дѣль землю. Когда работы редакціонныхъ комиссій были завершены, Т. назначенъ былъ членомъ отъ правительства въ Полтавскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, а въ 1865 г.—членомъ Черниговской губернскай земской управы. Умеръ Т. 4 декабря 1866 г.

Т. писалъ мало. Кроме указанной выше имъ въ журналахъ помѣщены были еще слѣдующія статьи: «Юридический бытъ Малороссіи» («Юридические Записки», 1842, т. II; «Объ основаніяхъ для определенія цѣнности земель» (тамъ же, 1859, т. III); «О вознагражденіи владѣльца за землю, предоставляемую крестьянамъ въ пользованіе» («Сельское Благоустройство», 1858, № 5, отдѣль I).

„Иллюстрированная Газета“, 1866, № 50.—„Киевлянинъ“, 1867, № 16.—„С.-Петербургскія

Вѣдомости", 1867, № 42. — Геннади, „Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и ученыхъ, умершихъ въ 1866 г.", „Русский Архивъ", 1868, № 12, стр. 2020. — «Месяцесловъ на 1868 г.", Сиб., стр. 229. — „Гимназия высшихъ наукъ и лицей им. Безбородко", Сиб., 1859, стр. 206; изд. 2-е, Опб. 1881, ч. 1, стр. 461—464; ч. II, стр. LXXIX—LXXXI и CXXIX. — Н. П. Соколовъ, „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіи Императора Александра II", Сиб. 1889—1892, т. I, стр. 186, 196, 222, 232, 318, 319, 335, 361, 393, 396, 431, 458, 658, 658, 736, 758, 771, 780—781 и XIV; т. II, стр. 116, 125, 133, 166, 167, 169—170, 279, 284, 387, 513, 561, 569, 813, 816, 817, 819, 830; т. III, ч. 1, стр. 18, 24—25, 26, 27, 36, 38, 39, 42, 44—47, 51, 74, 94, 99—100, 105, 106, 200, 204, 204, 203, 204, 205, 207, 209—211, 213—214, 259, 271; т. IV, ч. 2, стр. 265, 293, 298, 318, 355, 359, 481, 482, 797. — Бронгаузъ и Эфронъ, „Эпциклопедіческій словарь", изд. 1-е, полусл. 32, стр. 707, слово „Крестьяне". — Материалы для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи въ царствованіе Александра II, „Шерлины", 1860—1862, т. 2, стр. 21; т. 3, стр. 111. — П. и В. Ламбины, „Русская историческая библиографія за 1859 годъ", Сиб. 1868, стр. 121; № 2190. — В. И. Межовъ, „Метрополитъ русской и всеобщей словесности", Сиб. 1872, стр. 261, № 7254; стр. 450, № 12120—12121; стр. 165; стр. 3424.

Тарновскій, Константина Августа-звиче, драматургъ и музыкантъ, родился въ 1826 г. въ Ковенской губ., умеръ въ 1892 г. По окончаніи курса въ московскомъ университѣтѣ поступилъ на службу въ дирекцію московскихъ Императорскихъ театровъ, где былъ сначала секретаремъ дирекціи, а потомъ инсекторомъ репертуара. Т. написалъ, перевѣлъ и передѣльалъ до 150 пьесъ, изъ печатанныхъ подъ собственнымъ именемъ и подъ псевдонимами Семена, Рижскаго, Евстафій Берендзегъ. Хорошій музыкантъ, онъ сочинилъ также нѣсколько романсовъ, пользовавшихся по-пулярностью, и поставилъ на сцену нѣсколько собственныхъ феерий, изъ которыхъ наиболѣшими успѣхомъ пользовались: „Привракъ", „Любовной бродяга", „Нелѣ-Самбъ". Его водевили: „Мотя", „Взаимное обученіе", „Живчикъ", „Парни", „Пан-ционерка", „Феоника", „Неѣ бывать бы счастливъ", „Вѣхъ, идѣтъ къ болѣ розу я либиль", „Назрана груздемъ", „Поощи-чатель", „Сѣлкой", „Ариѳмъ, все, пещеница" и др. — Самарскій, множество представлений въходило въ концертъ обычнаго репертуара домашнихъ спектаклей. Т. былъ авторомъ многихъ, болѣе крупныхъ и мелкихъ ста-тей и рецензий о театрахъ, которыхъ печата-

лись въ „Пантонѣ" Ф. Кони, „Московскихъ Вѣдомостяхъ", „Figaro", „Gaulois", „Pressé". Въ 1878 г. изданъ его „Театръ", сборникъ пьесъ, куда вошли трехъактная комедія „Воробушкъ", водевили: „Милые бранятся—только тѣшатся" и „Квартъ отъ дамы" въ комедіи въ 4 д. „Тетеревамъ не легать по деревамъ". Въ „Колосыѣ" 1884 г. напечатана его драма „Золотой теперь" (№№ 7 и 8), а послѣ смерти Т. въ „Театральной Библіотекѣ" 1894 г. появились его комедіи—трехъактная „Княжна Маня" (№ 2) и пятиактная „Пришла бѣда—растворяй ворота" (№ 9).

„Ежегодникъ Императорскихъ театровъ", сезоны 1891—1893 г., стр. 520—521 (приведены полный списокъ рочинаний Т.). — „Историческій вѣстникъ", 1892, т. IX, стр. 758. — А. В. Мезиръ, „Русская словесность" съ XI по XIX стол. включитъ", ч. II, Сиб. 1902, №№ 17833—17840.

Тароговичъ, Юра, вѣрно Юрия Тароговичъ, т. е. Юрий Рагуловичъ, новгородецъ, со словъ котораго монахъ-лѣтотоцесель Сальвестръ въ 1071 г. заискалъ искоторыя историческая события. Несторъ пишеть: „Се же хочю сказати, яже смылахъ прежде сихъ четырехъ лѣтъ, я же скажа ми Юрия Тароговичъ Новгородецъ, глаголя сице...". И дальше слѣдуєтъ по-вѣтвованию.

„Несторовская лѣтопись", стр. 148—146. — Карадашъ, „Исторія госуд. Российскаго", т. II, прим. 64.

Тарсія, Варфоломей (Барфоломео), живописецъ XVIII столѣтія; его пригласилъ въ 1838 г. директоръ гравировальнаго департамента Штейлинъ обучать рисованію русскихъ граверовъ при академии художествъ. Имъ написанъ заглавный листъ къ описанію кунсткамеры академии художествъ. На листѣ представлена императрица Анна Ioанновна въ видѣ матери, производящей дѣтей къ Минску; вдали аллегорическое изображеніе науки и статуя Петра Великаго, вверху слава съ подписью: „Петръ началь, Анна совершила". Другихъ достовѣрныхъ произведеній Т. не сохранилось.

Д. А. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ", Сиб. 1880, т. I, стр. 282; т. II, прилож., стр. 304. — Ею же, „Русские граверы и ихъ произведения", Москва 1870, стр. 29, 249, 329. — П. Цицкарский, „Исторія Имп. Академіи Наукъ", Сиб. 1870, т. I, стр. 542. — „Сборникъ Русского Исторического Общества", т. XVII, стр. III.

Тарсія, Джованні-Баттіста, живописець XVIII століття, родом изъ Венеції, сынъ скульптора Антона Тарсія, вперше пріїхалъ въ Россію въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго, а во второй разъ въ 1735 г. Онъ писалъ въ Петербургѣ штафоны для императорскихъ дворцовъ, домовъ вельможъ и церквей. Между прочимъ имъ написаны были два портрета: одинъ—его друга, пріора Карлоса, съ распятиемъ въ рукахъ; другой, носащій название «Портретъ прекрасной венеціанки, поправляющей свое ожерелье», изображаетъ супругу тайного советника Саввы Рагузинскаго. Достовѣрныхъ произведений его илафонной и стѣнной живописи не сохранилось. По свидѣтельству Штелина онъ писалъ очень быстро и манерно малопонятная, вычурно-задуманная аллегорія Т. дожилъ до глубокой старости и умеръ въ 1765 г. въ Петербургѣ.

Брокгаузъ и Эфронъ, «Енциклопед. словарь»; 1-е изд., полуут. 64, стр. 654.—И. Н. Бerezинъ, «Русский энциклоп. словарь», Спб. 1877, отд. IV, т. II, стр. 468.—Д. А. Ровинский, «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», Спб. 1889, т. II, приложение, стр. 349.

Тархановъ, Павелъ Васильевичъ, статский советникъ, членъ Петербургской академіи наукъ, астрономъ, родился 23 октября 1787 г. въ Угличѣ, въ семье священника. Образование получалъ въ Петербургскомъ бывшемъ Педагогическомъ институтѣ. Въ 1811 г. принять былъ въ число членовъ Петербургской Академіи наукъ въ качествѣ астронома, находясь подъ руководствомъ Шуберта. Въ 1819 г. участвовалъ въ качестве астронома въ морской экспедиціи капитановъ Васильева и Велингстона въ Индійскій океанъ. По возвращеніи въ 1822 г. въ Петербургъ награжденъ былъ орденомъ св. Владимира 4-й степени и назначенъ адъютантомъ профессоромъ Академіи, а въ 1826 г. юнкеромъ Академіи. Съ 1828 г. ему поручена была редакція календаря, и эту обязанность онъ исполнялъ до самой смерти. Съ 1832 г. онъ преподавалъ астрономію въ офицерскомъ классѣ Морскаго кадетскаго корпуса. Т. написалъ «Calcul des oppositions de Jupiter et Saturne», «Longitude de Rio Janeiro» и перевелъ «Лекціи астрономіи» Литра, снабдивъ ихъ своими примѣчаніями. Умеръ въ Петербургѣ 16 марта 1839 г.

«Сынъ Отечества», 1839, т. 8, стр. 19.—«С.-Петербургскія Вѣдомости», 1840, № 19, стр. 85—86.—«Мѣсяцесловъ» на 1840 годъ.—Ф. Токль, «Настольный словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знаній», Спб. 1864, т. III, вып. IV, стр. 614.—S. Orgelbrandz, «Encyklopedia powszechna», Warszawa, 1908, т. XIV, стр. 402.

Тарханъ-Моуравовъ, князь Йосифъ Давыдовичъ, родился въ 1819 г. и по окончаніи курса въ Дворянскомъ полку въ 1837 г. выпущенъ прапорщикомъ въ Эриванскій карабинерный полкъ; дальнѣйшая служба его протекла на родинѣ ему Кавказѣ въ безпрестанныхъ походахъ съ горцами, и чины штабсъ-капитана (1845), капитана (1846) и полковника (1853) получены за боевые отличия. Въ 1855 г. Т. былъ назначенъ командиромъ Грузинскаго гренадерскаго великаго князя Константина Николаевича полка и стоять во главѣ его до 8 сентября 1859 г., когда съ производствомъ въ генераль-маиоры состоялось назначеніе его начальникомъ войскъ въ Южномъ Дагестанѣ и управляющимъ Казыкумхомъ; это былъ памятный годъ въ исторіи покоренія Восточнаго Кавказа, когда падъ Гунибъ и сдался Шамиль. На отвѣтственному посту Т. тотчасъ проявилъ себя и заслужилъ орденъ св. Георгія 3-й степени, причемъ подвигъ, послужившій поводомъ къ награжденію, изображенъ такъ: «При занятіи 25 августа аула Гуниба, команда войсками на сѣверной сторонѣ Гунибъ-дага, овладѣлъ едва доступною и сильно-защищаемою позиціею на вершинѣ горы и совершилъ блестательную и смѣлу атаку; затѣмъ, разсѣявъ сторожившія на этомъ пространствѣ скопища Кази-Магомета, устремился къ аулу Гунибъ и, окруживъ селеніе, доставилъ срѣдство принудить Шамиля сдаться военнопленнымъ». Въ 1860 г. Т. состоялъ военнымъ начальникомъ Сѣвернаго Дагестана, а черезъ годъ отчисленъ отъ должности съ назначеніемъ состоять при Кавказской арміи. Въ 1863 г. онъ былъ назначенъ командующимъ 39-й пѣхотной дивизіей, а черезъ 5 лѣтъ—Кавказской гренадерской дивизіей; на этомъ постѣ, получивъ (1871) звание генераль-адъютанта, Т. остался до 1877 г., когда былъ назначенъ состоять въ распоряженіи главнокомандующаго Кавказской арміею. Скончался Т. 26 марта 1878 г., проведя за 59 лѣтъ жизни 16 въ походахъ и военныхъ дѣйствіяхъ (1838,

1842, 1844—1846, 1848, 1850, 1852—1855, 1859, 1864, 1867, 1877, 1878 гг.). „Ежегодник Русской армии“, 1879, стр. 126.—Судравский, „Кавалеры ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия за 140 летъ (1769—1909)“, „Военный Сборник“, 1909, № 12, стр. 250.

М. И.

Татаринова, Екатерина Филипповна, рождennia Букегевденъ, основательница и вдохновительница религиозного кружка «духовный союзъ», родилась 23 августа 1783 г. Отецъ Т. служилъ въ войскахъ, въ чинѣ полковника вышелъ въ отставку, нѣкоторое время былъ директоромъ банка въ Тюмени, где около 1790 г. умеръ, послѣ чего мать Т., въ девичествѣ баронесса Мальтиць, перѣехала съ дѣтьми въ Петербургъ. Здѣсь Т. съ раннихъ лѣтъ была отдана на воспитаніе въ общество благородныхъ девиць (нынѣ Смольный институтъ). Съ дѣства она отличалась мягкимъ и кроткимъ характеромъ и глубокой религиозностью; эти черты, свойственные ей въ теченіе всей жизни, и ея нѣкѣпкое здоровье привлекали къ ней женственный сердца; начальница института г-жа Адлербергъ приняла ее какъ родную въ свою семью и окружала ее материальными заботами. За прекрасные успѣхи въ языкахъ при выходѣ изъ института она была удостоена фрейлинского приданаго. По окончаніи институтскаго курса Т. поселилась у матери, бывшей въ то время юной дочери Императора Александра I, великой княжны Марии Александровны, и жившой въ одной изъ квартиръ Михайловскаго замка (нынѣ Инженерный замокъ). Выѣда замужъ за Ивана Михайловича Татаринова, служившаго въ Астраханскомъ grenадерскому полку капитаномъ, Т. сопровождала мужа въ военныхъ походахъ Отечественной войны и затѣмъ послѣдовала за нимъ и въ заграничный походъ. Тяжело раненый подъ Лейпцигомъ, мужъ Т. принужденъ былъ оставить военную службу, былъ переименованъ изъ полковника въ статскіе сопѣтники, возвратился на родину и занялъ должность директора гимназіи въ Рязани, порвавши съ женой отчасти изъ-за различія въ образѣ мыслей, отчасти вслѣдствіе несходства характеровъ. Т. поселилась вновь у матери въ Петербургѣ, где вскорѣ умеръ ея единственный сынъ.

Оставленная мужемъ и потрясенная

смертью горячо любимаго сына, Т. стала искать утѣшенія въ благотворительности, помогая бѣднымъ деньгами, совѣтами и ходатайствомъ, и въ религіи. Лютеранско исповѣданіе, въ которомъ она родилась и выросла, ее не удовлетворяло, да такая относительна наибольшѣе рационалистическая религія и не могла удовлетворить. Только глубокій мистицизмъ съ его тайнами и откровеніями могъ бы увлечь ея въ высшій степени экзальтированную натуру. Въ своихъ исканіяхъ истиннаго Бога — явленіи въ то время очень обычномъ — Т. вошла въ близкія сношенія съ хлыстами и скопцами, которые въ то время пользовались значительною свободою въ отправленіи своихъ обрядовъ, бывала на ихъ радѣніяхъ и слушала ихъ пророковъ. Завязала она близкое знакомство и съ семействомъ Ненастьевыхъ, особенно съ Вѣрой Сидоровной Ненастьевой, очень набожной женщиной, стоявшей въ центрѣ петербургскіхъ хлыстовъ, а затѣмъ скопцовъ. Въ это время «сердце ея, — по впечатлѣніямъ, хорошо знавшаго ея лица, — горѣло любовью къ Господу Спасителю съ необычайною силой. По искренности и простотѣ она желала открыть радость, которую нашла въ Господѣ, кто только могъ ей произнести имя Спасителя. Всѣ слова ея запечатлѣвались необычайною силой духа и сообщались любовью». Ни хлысты, ни скопцы своимъ ученіемъ, однако, Т. не удовлетворили; и у тѣхъ, и у другихъ она нашла мало притягательнаго и привлекательнаго, скопчество казалось ей даже мерзкимъ: она рѣзко возстала противъ ихъ запрещенія вступать въ бракъ, не пить вино, не курить и проч.; умерщвленія плоти она не признавала. Единственно, къ чему она питала нѣкоторую склонность, это были радѣнія, которыя она потомъ перенесла и въ своей «духовный союзъ». Въ 1817 г. Т. рѣшилась перейти изъ лютеранства въ православіе. Она увѣряла, что въ минуту присоединенія къ православію почувствовала въ себѣ даръ пророчества. Съ этого времени начинается ея сектантская дѣятельность. Въ эпоху развитія пѣтизма расположенніе къ духовной экзальтациіи могло казаться только желательнымъ, и Т. съ разныхъ сторонъ стали уговаривать, чтобы она «не таила дѣла Божія».

Первыми членами кружка Т. были ея мать, братъ — капитанъ Пётръ Филиппо-

вичъ Буксгевденъ, деверь — М. М. Татариновъ, директоръ института слѣпыхъ, секретарь общества попечительства о бѣдныхъ, ст. сов. Мартынъ Степановичъ Урбановичъ-Пилецкій, человѣкъ весьма образованный, беззастѣно преданный Т., но странный чудакъ, его сынъ Михаилъ и братъ Павелъ, академикъ и живописецъ Владимиръ Лукьяновичъ Боровиковскій, штабсъ-капитанъ Гагинъ и музыкантъ кадетскаго корпуса Никита Федоровъ, извѣстный больше подъ именемъ Никитушки, по своему пророческому дару игравшій такую важную роль въ сектѣ, что она иногда называлась *Никито-Татариновской*. Изъ этихъ-то лицъ и составилось общество, извѣстное въ началѣ 1817 г. подъ именемъ «братьства во Христѣ», а позже подъ различными названиями: «союзъ братства», «союзъ братьевъ и сестеръ», «духовный союзъ». Назвать это общество сектою въ строгомъ смыслѣ этого слова нельзя, такъ какъ оно не имѣло никакой организаціи, вступающимъ въ него не предъявляло никакихъ условій и требованій, не налагало на нихъ никакихъ обязанностей. Никого умыслили къ себѣ не привлекая, Т. никого и не отвергала и не удерживала противъ воли. Большинство участниковъ были просто хорошо знакомые между собою люди, связанные единствомъ религіозныхъ исканій и тяготѣніемъ къ центру кружка, личности Т. Обаяніе этой личности, судя по отзывамъ и даже по поступкамъ ея послѣдователей, было дѣйствительно необыкновеннымъ.

Позже къ этимъ членамъ кружка, составившимъ его ядро, примкнули и другія лица, всего около 70 человѣкъ, и между ними — генераль Евгений Александровичъ Головинъ, впослѣдствіи генераль-губернаторъ Прибалтійскаго края, съ женой, сыномъ, дочерью и зятемъ, вице-президентъ академіи художествъ Александръ Федоровичъ Лабзинъ, директоръ комитета о тюрьмахъ Алексѣй Григорьевичъ Милорадовичъ и его братъ, полковникъ Дмитрий Григорьевичъ, кн. Степанъ Александровичъ Кропоткинъ съ сыномъ Николаемъ и дочерью Ольгой, княгиня Енгалычева, генеральша Бутурлина, штабъ — лекарь О. А. Косовичъ, директоръ департамента народнаго просвѣщенія и секретарь Библейскаго общества Василий Михайловичъ Поповъ съ дочерьми Вѣрой, Любовью и

Софьей, изъ которыхъ послѣднюю онъ чуть не уморилъ побоями и домашнимъ заключенiemъ за ея отвращеніе отъ сектантскихъ обрядовъ. На собраніяхъ у Т. бывалъ также извѣстный проповѣдникъ свящ. А. Маловъ и умился отъ ея пѣсней и пророчествъ. Посѣщалъ ихъ даже самъ министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ кн. А. М. Голицынъ, вѣрившій въ прорицанія пророковъ и особенно покровительствовавшій Т. и ея кружку. Частымъ гостемъ на нихъ былъ, наконецъ, оберъ-гофмейстеръ Р. А. Кошелевъ.

Т. не принадлежала ни догматического, ни нравственного ученія хлыстовъ и скопцовъ (ихъ христовъ-искусителей, ихъ безбрачной жизни и пр.) и со стороны внутренняго содержанія своей секты держалась обыкновенныхъ мистическихъ понятій, но почти цѣлкомъ усвоила обрядность радѣній, какъ способъ доходить до мистического экстаза. Тайну своей секты она основывала на смыслѣ начальныхъ стиховъ гл. XIV первого посланія къ Коринѳянамъ о дарѣ пророчества: «Держитесь любви, ревнуйте же духовнымъ; паче же да пророчествуйте. Глаголій бо языки не человѣкомъ глаголеть, но Богу...» Собраниія ея, долгое время проходившія въ Михайловскомъ замкѣ, въ началѣ носили характеръ исключительно религіозныхъ собесѣданій, че сопровождавшихся обрядностью, радѣнія же появились нѣсколько позже, притомъ не столько по волѣ самой Т., сколько по настоянію другихъ лицъ. Еще позже, когда число членовъ кружка значительно увеличилось, теченіе собравшій проходило опредѣленнымъ порядкомъ: открывались они обыкновенно чтенiemъ священныхъ книгъ, потомъ пѣлись разныя пѣсни и затѣмъ начиналось радѣніе. Тексты пѣсень принадлежали или самой Т., или были заимствованы у хлыстовъ и у иностраннѣхъ масоновъ, клались же на музыку онѣ—обыкновенно на простонародные напѣвы—главнымъ уставщикомъ кружка Никитушки, притомъ «больше по внушенію сердца, нежели ума, ибо она была почти безграмотна и даже имя свое съ трудомъ великимъ подписывала». Чаще другихъ пѣлись хлыстовскія пѣсни «Царство ты, царство», «Дай намъ, Господи, Иисуса Христа», иногда же церковныя, напр., «Спаси, Господи, люди Твоя». Радѣніе, или ликованіе, состояло въ круженіи,

ръ, которому принимали участие все присутствующие, одѣтые въ бѣлыхъ одѣжды, женщины—въ платье особаго покроя, мужчины—въ халаты. Радѣніе заканчивалось, когда на кого-нибудь изъ кружившихся «накатывалъ» «духъ святой», и онъ начинай—пророчествовать. Пророчества эти, произносившіяся необыкновенно быстро и состоявшія изъ разныхъ, безсвязныхъ рѣчей, подъ окладомъ народныхъ, прибаутокъ, ст. приемами, отмѣтились частью къ ближайшей судьбѣ всего кружка, частью къ судьбѣ отдельныхъ его членовъ и лишь очень, рѣдко къ общественнымъ или государственнымъ явленіямъ. Чаще всѣхъ пророчествовала сама Т., Никитушка и нѣкая Лукаря. Кружение, «святое плясаніе», движенье въ нѣкоемъ какъ бы духовномъ вальсѣ и пророчества составляли самую замѣтную для всѣхъ особенность секты и были причиной того, что членовъ ея называли русскими квакерами. Кроме музыки, сектѣ служили и другія искусства: живопись—въ украшавшихъ ея молельныи картинахъ, чаще всего кисти Боровиковскаго, и хореографическое искусство въ радѣльныхъ пластикахъ, оправданіе и необходимость которыхъ Т. въ другіе секты видѣли въ танцѣ Давида передъ боязгемъ.

Собрания въ Михайловскомъ замкѣ, въ квартирѣ Т., продолжались свободно и даже дадено не секретно съ 1816 по 1822 г. Въ 1817 г. на нихъ обратила было внимание полиція, произвела дознаніе и результаты его представила кан. А. Н. Голицыну, но послѣдній отвѣтилъ, что государь разсмотрѣвъ представленную ему по этому поводу записку, приказалъ «оставить оная собранія безъ вниманія, какъ не заключающія въ себѣ важности». Объясняется это, конечно, тѣмъ, что кан. Голицынъ самъ принадлежалъ къ сторонникамъ Т., а подъ его влияніемъ къ дѣятельности послѣдней относился сочувственно и государь. Кан. Голицынъ выхлопоталъ Т. значительную ежегодную пенсию (въ шесть или даже десять тысячъ рублей) и съ ея дѣятельностью познакомилъ и лицъ царской фамиліи. Императрица Елизавета Алексеевна, послѣ нѣсколькихъ свиданий съ Т., сбѣщала быть ея покровительницей. Ціпера торъ Александръ I, бывшій въ это время въ Петербургѣ, въ письмѣ къ гофмейстеру Кошелеву говорилъ, что сердце

его пламенѣть любовью къ Спасителю всегда, когда онъ читаетъ въ письмахъ Кошелева объ обществѣ Т. въ Михайловскомъ замкѣ. По возвращеніи въ столицу государь далъ Т. аудіенцію, принялъ ее благосклонно, долго съ нею бесѣдовалъ, сообщивъ ей «самыя сердечныя свои чувствованія и многое, ей только одной известное, и такъ удостовѣрился въ ея правовѣрии, въ непорочности пути ея и въ подлинности ея пророческаго слова, что возлюбилъ ее въ Богъ». Въ 1818 г. тайнов. сов. Милорадовичъ былъ сильно обезпокоенъ тѣмъ, что въ общество Т. былъ вовлеченъ его сынъ, гвардейский офицеръ, и по этому поводу жаловался государю. Государь отвѣтилъ ему письмомъ, въ которомъ говорилъ: «Я старался проникнуть его связи и по достовѣрнымъ свидѣніямъ (полученнымъ, вѣроятно, отъ Голицына) нашелъ, что ничего такого нѣтъ, что бы отводило его отъ религіи; напротивъ, онъ сдѣлалъ еще болѣе привязанъ къ церкви и исправнымъ въ своей должности, посему заключаю, что связи его не могутъ быть вредны». Разговаривалъ государь и съ Никитушкою, который «за свою пророческую дѣятельность» былъ награжденъ чиномъ коллежскаго регистратора. Наконецъ, государь самъ посыпалъ одно изъ собраній у Т. и остался весьма доволенъ произведеніемъ на него впечатлѣніемъ. Это было время расцвѣта и наивысшаго успѣха общества Т.

Въ началѣ 1822 г. въ Михайловскомъ замкѣ было помѣщено инженерное училище, и Т., наряду съ другими обитателями дворца, принуждена была очистить квартиру. 1 августа того же года, въ связи съ перемѣнной настроеній въ высшихъ сферахъ, былъ изданъ указъ о закрытіи всѣхъ тайныхъ обществъ. Пересядившись на новую квартиру (на 1-й ротѣ Измайлова полка), Т., несмотря на этотъ указъ и на взятую у нея соответственную подписку, собраній у себя все же не прекратила, хотя они и стали происходить реже, а число участвующихъ въ нихъ значительно уменьшилось; вѣрными Т. остались только наиболѣе искренно и глубоко уважавшіе и любившіе ее, какъ, напр., Головинъ, Шоповъ, Боровиковскій и нѣкоторые др. Въ виду стыдна свободы собираясь для моленій и радиѣній, члены общества направили свою главную дѣятельность въ

другую сторону — на дѣла благотворительности, обаживая «жилица бѣдности и страданій» и помогая нуждающимся. Въ 1824 г. былъ арестованъ сектантъ, проповѣдникъ Дубовицкій, и въ связи съ его дѣломъ началось слѣдствіе и съ братствомъ Т. Государь попрежнему ничего преступнаго въ немъ не видѣлъ, но по настояніямъ Аракчеева и А. С. Шишкова, особенно не любившаго Т. и называвшаго ее «жрицей между вакханками», согласился на тщательное, но не гласное слѣдствіе, которое, однако ничего нового не дало, почему Т. и ея приверженцы снова были оставлены въ покое.

Въ 1825 г. палъ кн. Голицынъ, въ лицѣ котораго Т. лишилась самой влиятельной поддержки. Опасаясь новыхъ преслѣдований со стороны полиціи, Т. съ близайшими своими послѣдователями — братомъ Никитушкой, Пилецкимъ, Поповымъ и др. — выселилась за городъ, недалеко отъ Московской заставы, где на средства, данныя ген. Головинцемъ, пріобрѣла обширную усадьбу съ просторнымъ домомъ и тамъ основала нѣчто въ родѣ сектантской колоніи. Здѣсь радѣнія кружка Т. продолжались еще 12 лѣтъ. 8 мая 1837 г., по распоряженію Бенкендорфа, согласно волѣ государя, колонія Т. была закрыта, а она сама и все члены кружка, до рѣшенія дальнѣйшей ихъ участіи, подверглись аресту въ своихъ комнатахъ. Секретный раскольничьій комитетъ, которому было передано дѣло Т., нашелъ, что она и ея послѣдователи составили тайный союзъ и установили «образъ моленія, соединенный съ неприличными обрядами, противными какъ правидамъ и духу православной церкви, такъ и государственнымъ узаконеніямъ». Дальнѣйшую дѣятельность общества секретный комитетъ призналъ вредной, высказалъ мнѣніе о желательности его закрытия и полагалъ главныхъ сектантовъ разослать по монастырямъ, а остальныхъ отдать подъ надзоръ полиціи. Это мнѣніе комитета 11 мая было утверждено императоромъ Николаемъ I; 21 мая 1837 г. Т. была лишена пенсіи и сослана подъ строгій надзоръ въ кашинскій Срѣтенскій монастырь, а ея послѣдователи посланы по другимъ монастырямъ; только немногихъ, въ томъ числѣ Е. А. Головина, спасло ихъ высокое положеніе.

Материально поддерживаемая кн. Енга-

личевыми..., Т. пробыла въ монастырѣ 10 лѣтъ, ведя строгую жизнь, исполненную церковные и монастырскіе обряды и занимаясь чтеніемъ священныхъ книгъ. Ессеніе ея признаетъ свои религіозныя убѣждѣнія и свою религіозную дѣятельность заблужденіемъ было причиной того, что пропенія ея родственника М. Татаринова на имя ген.-адъютанта А. Х. Бенкендорфа объ исходатайствованіи соизволенія на освобожденіе ея изъ монастыря и ея собственные неоднократныя прошения о томъ же непосредственно на Высочайшее имя оставляемы были безъ вниманія. Государь приказалъ объявить Т., что освобожденіе ея можетъ состояться только въ комѣ случаѣ, если она отвергнетъ свои заблужденія, на концѣ была основана секта ее». Т. же упорно отказывалась признать его заблужденіемъ, потому что это ученіе, по ея словамъ, привело къ покаянію и послужило къ утвержденію многихъ въ вѣрѣ въ Иисуса Христа. Она говорила, что въ первобытной церкви всегда были особый общества, но не допускались гласно по той причинѣ, что не всѣ «могутъ се вѣстити», и это послужило бы соблазномъ для многихъ. Признавая, что православная церковь и бѣзъ пророческихъ еображеній доставляетъ средство къ дарованію вѣрии Духа святого, Т. тѣмъ не менѣе отрицала пользу и возможности пророческаго слова. Дарь пророческій, говорила она, возбуждался не кружениемъ тѣла, а вѣрою въ Евангеліе и въ пророческое слово; радѣніе же или кружение тѣла служило къ умерщвленію страстивой природы, которая противится благодатному дѣйствию на «внутреннаго человека». Т. утверждала, что въ ихъ собранияхъ дѣйствительно происходило явленіе о. Духа во плоти, т. е. чрезъ человѣка «слышалось слово жизни тому, кто съ чистымъ сердцемъ желає его слышать». Слово это, обновляло человека, точно также, какъ и св. таинства церкви, установленыя Спасителемъ. Только въ 1847 г., когда Т. не отказалась отъ сущности своего ученія, та же безусловное письменное обязательство оказывать искреннее поклоненіе православной церкви, не входить ни въ какія неблаговидныя общества, не распространять ни явно ни тайно своихъ заблужденій и не исполнять никакихъ особыхъ обрядовъ подъ спасенiemъ строжайшаго взисканія по закону,

государь разрешилъ Т. жительствовать въ г. Кашинѣ, но съ учреждениемъ надъ нею секретного полицейского надзора. Изъ тюрьмы она вышла больная и разбитая. Въ юлѣ 1848 г. ей было разрешено жить въ Москвѣ, но безъ права вѣзда въ Петербургъ. Въ Москвѣ Т. и скончалась—13 июля 1856 г.

Юрьевскій архимандритъ Фотій, основываясь на какихъ-то слухахъ, весьма неисточно отзыкается о поведеніи Т., называя ее развратницей; слухи эти однако свидѣтельствами допрошеныхъ лицъ ни малѣйше не подтверждаются, а изслѣдованіями историковъ сектъ рѣшительно опровергаются и причисляются къ измышеніямъ Фотія, почему-то страстно ненавидѣвшаго Т. Изъ всего известнаго о Т. видно, что ея послѣдователи смотрѣли на нее какъ на женщину высокоравственную и вдохновляемую Богомъ; они питали къ ней глубочайшее уваженіе, называли матерью, видѣли въ ней руководительницу на пути къ Богу. То уваженіе, съ которымъ относились къ Т. ея послѣдователи, лучше всего можно видѣть на жизни Е. А. Головина, который по ея слову отказался отъ губернаторскаго поста въ Сибири, чѣмъ навлекъ на себя гневъ государя, затѣмъ подальше отставку, которую получилъ вмѣстѣ съ запрещенiemъ жить въ столицахъ, и наконецъ, опять-таки по ея слову, снова вступилъ на службу.

Слѣдствіе по дѣлу Т. и всеподданѣйшія прошенія ея отъ 28 марта 1843 г. и ея довѣря, М. Татаринова, отъ неизвѣстной даты 1842 г. находятся въ архивѣ оберъ-прокурора синода, д. № 54, и въ архивѣ синода, д. № 23759. — Письма Импер. Александра I къ тайн. сов. Милорадовичу, „Русскій Архивъ“, 1864, стр. 623. — Свящ. Иоанновъ, „Дополнительная свѣдѣнія о Татариновой и членахъ ея духовнаго союза“, тамъ же, 1872, № 12, стр. 2334—2354. — „Извлеченія изъ записокъ Юрьевскаго архимандрита Фотія“, тамъ же, 1873, стр. 1444—1451. — П. В. Кукольникъ, „Анти-Фотій. Отвѣтъ очевида на статью, помѣщенную въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 г.“, тамъ же, 1874, № 3, стр. 589—611. — „Воспоминанія Фаддеева“, тамъ же, 1891, № 3, стр. 397. — И. П. Липранди, „О сектѣ Татариновой“, „Чтения въ Моск. Общ. Истор. и Древн. Россійск.“, 1868, № 4, стр. 20—51, и отд., Москва 1869 (свѣдѣнія односторонни, основаны на допросахъ прислуги и показаніяхъ сыщиковъ). — Его же, „Краткое обозрѣніе русскихъ расколъвъ, ересей и сектъ“, тамъ же, 1870, и отд., Москва 1870. — Ю. В. Толстой, „О духовномъ союзе Е. Ф. Татариновой“, „Девятнадцатый вѣкъ“, историч. сборникъ подъ ред. Барте-

нева, Москва 1872, т. I, стр. 220—231. — Его же, „Очеркъ жизни и службы Е. А. Головина“, тамъ же, т. I, стр. 8—10, 21—22. — „Пять записаній книжки художника В. А. Боровиковскаго, 1819—1824 г.г.“, тамъ же, т. I, стр. 213—219. — Н. Дубровинъ, „Наши мистики-сектанты. Е. Ф. Татаринова и А. П. Дубовицкій“, „Русская Старина“, 1895, №№ 10, 11, 12; 1896, №№ 1, 2. — В. Фуксъ, „Изъ истории мистицизма. Татаринова и Головинъ“, „Русский Вѣстникъ“, 1892, январь (цѣлькомъ напечатана очень цѣнная по своей искренности и правдивости записка Е. А. Головина, написанная имъ для Паскевича-Эриванскаго по просьбѣ послѣдняго). — „Письма кн. А. М. Голицына К. С. Вяземинову“, „Историк. Вѣстникъ“, 1884, № 3, стр. 580. — Н. С. Усовъ, „Изъ моихъ воспоминаній“, тамъ же, 1884, № 3, стр. 559. — А. Малышевскій, „Головинъ и Татаринова“, тамъ же, 1896, № 9. — „Любопытныя свѣдѣнія объ павѣтной сектаторшѣ Е. Ф. Татариновой“, „Русскій Миръ“, 1872, № 196. — П. Знаменскій, „Чтениа изъ истории русской церкви за время царствованія Императора Александра I“, „Православный Собесѣдникъ“, ч. III, стр. 257—260. — „Татаринова въ Кашинскомъ женскомъ монастырѣ“, „Тверскія Епархиальные Вѣдом.“, 1891, №№ 10, 11 и 12 (перепечатано въ извѣщеніи въ „Богословск. Вѣстникѣ“, 1893, № 6, стр. 369—375). — „Изъ воспоминаній митрополита Филарета“, „Православное Обозрѣніе“, 1868, № 8, стр. 523. — Н. В. Сушкинъ, „Записки о жизни митропол. Филарета“. — „Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля“, Москва 1864, т. III, ч. 6, стр. 38. — Д. Мордовцевъ, „Русскія женщины XIX вѣка“, Спб. 1874, стр. 221—237. — В. Кельсіевъ, „Сборникъ о расколѣ“, Лондонъ 1861, выпускъ II, стр. 130. — „Энциклопедический словарь“ Брокгауза—Ефрона, изд. 1-е, т. 92. Спб. 1901, стр. 666—668.

Татариновъ, Адріанъ Івановичъ, надворный совѣтникъ, директоръ экономической канцеляріи медицинской коллегіи, московскій уроженецъ, поступилъ въ Московскій генеральныи госпиталь въ 1745 г. Въ 1745 г. получилъ званіе подлекаря, а 27 марта 1753 г.—званіе лекаря съ правою хирургической практики въ Москвѣ. Пользовался покровительствомъ Лавр. Блюментроста, воспитанникомъ котораго онъ былъ. По его ходатайству Т. назначенъ былъ въ 1755 г. лекаремъ при Московскому университетѣ, а въ 1763 г., по представленію куратора университета Ф. П. Веселовскаго, получилъ званіе штаб-лекаря. Въ 1768 г. послалъ въ Геттингенскій университетъ диссертацию «*De pleuritide vera, singulari casu illustrata*» (Göttingae 1768), и получилъ оттуда дипломъ доктора медицины. На основаніи этого диплома Т. просилъ медицинскую коллегію утвердить его въ степени доктора, но

послѣдняя отказалась, настаивая на необходимости специального экзамена. Тогда Т. написал президенту коллегии А. А. Ржевскому объ этомъ отказъ, а въ медицинскую коллегию послалъ предложеніе признать его докторомъ; это ходатайство было удовлетворено 7 декабря 1775 г., утвержденъ же въ степени доктора онъ былъ лишь въ 1779 г. по Высочайшему повелѣнію; тогда же награжденъ чиномъ надворного советника. Въ 1776 г. Т. назначенъ былъ помощникомъ директора, а въ 1779 г. директоромъ экономической канцелярии медицинской коллегіи.

Б. Рихтеръ, „Исторія медицины въ Россії“, Москва 1820, ч. III, стр. 462.—Я. Чистовичъ, „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россії“, Спб. 1883, стр. CCCV.—Л. Ф. Змѣевъ, „Русские врачи-писатели“, Спб. 1886, тетр. 2, стр. 127.

Татариновъ, Александръ Алексеевичъ, докторъ медицины, писатель, известный синологъ, статский советникъ, родился въ Пензѣ. Среднее образование получилъ въ Пензенской гимназіи, по окончаніи которой поступилъ въ Петербургскую медико-хирургическую академію въ 1835 г. Изъ академіи Т. вышелъ въ 1840 г. со степенью лекаря и тотчасъ отправился въ Пекинъ въ качествѣ врача русской духовной миссіи; пробылъ тамъ 10 лѣтъ, до 1850 г. Хорошо владѣя китайскимъ языкомъ, онъ посвятилъ себя изученію китайской медицины и ея литературы. За свои ученыя изслѣдованія по этой части, напечатанныя въ «Трудахъ» членовъ пекинской миссіи, Т. удостоенъ быть безъ экзамена степени доктора медицины. Ихъ собрана была коллекція рѣдкихъ китайскихъ вещей, исключительная по богатству. Замѣчательны его рисунки китайскихъ растений; они представляли собой не простые контуры растеній, а детальные снимки съ корней, цветовъ и плодовъ. Въ 1850 г. Т. возвратился въ Петербургъ и зачисленъ былъ въ драгоманы при азиатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Затѣмъ онъ сопровождалъ въ Кульджу Е. П. Ковалевскаго, отправившагося туда для переговоровъ объ открытии тамъ русской торговли. По окончаніи этой миссіи Т. назначенъ былъ первымъ русскимъ консуломъ въ Чугучакѣ. Всѣдѣствіе происшедшіхъ здѣсь безпорядковъ ссыльныхъ, разгромившихъ русское консульство, онъ при-

нужденъ былъ скрыться въ ближайшій пограничный постъ Бахты. Пока шли переговоры, Т. назначенъ былъ сопровождать графа Путятину, отправившагося хлопотать объ уступкѣ Китаю Россіи съвернаго берега Амура. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи трактата съ китайскимъ правительствомъ, имъ реадаптированъ былъ и самъ китайскій текстъ трактата. После заключенія Пекинскаго договора онъ причисленъ былъ къ Игнатьеву, но вскорѣ вышелъ въ отставку съ чиномъ статского советника и поселился въ Пензѣ. Т. былъ членомъ Общества русскихъ врачей въ Петербургѣ, въ «Трудахъ» котораго помѣщены многія его статьи. Умеръ Т. въ Пензѣ 24 сентября 1886 г.

Имъ напечатаны слѣдующія статьи: «Способы изслѣдованія причинъ насильственной смерти, употребляемые китайцами» («Отечеств. Записки», 1847, т. LV, кн. 12; отд. оттискъ, Спб. 1847); «Китайскія средства, приводящія въ безчувствіе» («Финскій Вѣстникъ», т. III); «О состояніи медицины въ Китаѣ» («Труды общества русскихъ врачей въ Петербургѣ», 1853, кн. IV; перепеч. «Medizinische Zeitung Russland's», 1853, №№ 45, 63, 70; 78, 85, 93, 101) «О кровообращеніи по понятіямъ китайской медицины» (тамъ же, кн. VI); «Анатомо-фізіологическая понятія китайцевъ» (тамъ же); «Catalogus medicamenorum Chinensium, quae Pekini comparanda et determinanda curavit A. Tatarinow» (Петербургъ 1857); «Объ употреблении болеуляющихъ средствъ при операцияхъ и о водолѣченіи въ китайской медицинѣ» («Труды членовъ Пекинской духовной миссіи», Спб. 1857; извлечения въ «Medizinische Zeitung Russland's», 1858, № 98); разборъ труда П. Корниевскаго «Медицинскій приказъ въ Китаѣ» («Протоколы общества русскихъ врачей въ Петербургѣ», 1861/62); «Семимѣсячный плавъ въ Бухаріи», съ картинаами (Спб. 1867).

Л. Ф. Змѣевъ, „Русские врачи-писатели“, Спб. 1886, вып. II, стр. 127.—Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, умершихъ въ 1886 году“, вып. IV, Спб. 1889, стр. 115; вып. VIII, Спб. 1900, стр. 148.—„Журналъ Минист. Нар. Просвещенія“, 1885, ч. CCXLII, кн. 11, отд. IV, стр. 98—99.—„Историч. Вѣстникъ“, 1886, кн. 11, стр. 454—455.—„Свѣтъ“, 1886, № 214.—„Иллюстриров. Газета“, 1867, т. 19, № 14.—„Русский Инвалидъ“, 1867, № 90.—„Дѣло“, 1886, № 5.—„Калужскій Вѣстникъ“, 1867, № 7—8.—В. Поповъ,

повъ, „Алфавитный указатель статей, помѣщенныхъ въ Трудахъ и Протоколахъ общества русскихъ врачей въ Петербургѣ“, Спб. 1886, стр. 56.—В. И. Межовъ, „Каталогъ книгъ книжного магазина А. Ф. Базунова“, Спб. 1869, стр. 396, № 5816; 1-е дополнение къ каталогу, Спб. 1870, стр. XXXIV, № 5816; стр. 248, № 5208; стр. 275, № 5515.

Татариновъ, Валеріанъ Алексѣевичъ, государственный контролеръ, выдающейся государственный дѣятель, происходилъ изъ старой дворянской семьи, родился въ 1816 г. Образованіе получилъ въ Московскомъ университетскомъ пансионѣ и по окончаніи курса въ немъ поступилъ на службу въ канцелярію государственного контроля. Въ 1842 г. былъ командированъ въ 2-е отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи для составленія контрольныхъ правилъ и законовъ. Въ 1850 г. онъ былъ назначенъ вице-директоромъ канцеляріи государственного контроля и правителемъ дѣлъ комитета по составленію ревизионного устава. Приобрѣвъ солидный служебный опытъ, въ 1852 г. занялъ постъ генераль-контролера департамента гражданскихъ отчетовъ и предсѣдателя особой комиссіи для изслѣдованія растраты суммъ комитета 10 августа 1814 г. Уже въ это время Т. обратилъ свое вниманіе на не-нормальное положеніе отчетности въ государствѣ и пришелъ къ убѣждѣнію, что Россіи нуженъ контроль, обладающій правомъ и обязанностью указывать хозяйственнымъ учрежденіямъ всѣ ихъ ошибки и ложные пріемы, раскрывать и преслѣдовать всѣ злоупотребленія и недосмотры въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ, не соотвѣтствующихъ или вредящихъ интересамъ государства. Въ богатомъ инициативой и творческомъ умѣ Т. зародились реформаторскіе планы. Съ незрѣлыми, но построеными на твердой и здоровой почвѣ проектами нѣкоторыхъ изъ такихъ плановъ былъ ознакомленъ великий князь Константина Николаевичъ, а черезъ его посредство и Императоръ Александръ II, отъеѕшившій весьма сочувственно къ идеямъ и стремленіямъ Т. Въ концѣ 1855 г. онъ былъ посланъ за границу для изученія механизма повѣрки государственной отчетности. На основаніи собственныхъ размышлений и приобрѣтенного за время службы практического опыта Т. уже самъ пришелъ къ извѣстнымъ выводамъ въ области цѣлесообразной постановки государственного

контроля, выработалъ нѣкоторые руководящіе принципы, поэтому понятно, съ какимъ пыломъ и интересомъ занялся онъ изученіемъ практической постановки этого дѣла въ тѣхъ странахъ, которая ему удалось посѣтить. И дѣйствительно, едва ли кто-либо другой могъ бы собрать болѣе обильную жатву въ результатѣ этой командировкіи, чѣмъ сдѣлалъ это Т. Обѣѣхавъ главныя западно-европейскія государства—Пруссію, Австрію, Бельгію и Францію,—онъ въ каждомъ серьезно и подробно останавливался на постановкѣ государственного контроля и изучилъ этотъ вопросъ всюду въ совершенствѣ—отъ основныхъ принциповъ и до мельчайшихъ деталей. Результатомъ этой поѣздки Т. были составлены имъ пять записокъ: «Государственная отчетность въ Пруссіи», «Государственная отчетность во Франціи», «Государственная отчетность въ Австріи», «Государственная отчетность въ Бельгіи» и «Хозяйство и отчетность военнаго министерства во Франціи». Каждая изъ нихъ, вопреки обыкновенію, была не официальнымъ отпиской-отчетомъ, а свидѣтельствовала о необычайномъ трудолюбіи автора и исключительномъ его интересѣ къ трактуемымъ вопросамъ. Эти труды, по возвращенію Т. на родину (въ началѣ 1858 г.), были представлены имъ тогдашнему государственному контролеру Аяненкову и въ теченіе 1858—1861 гг. появились въ свѣтѣ (2-е изд. 1881—1884 гг.). Вмѣстѣ съ тѣмъ во время своей командировкіи Т. собралъ огромное количество подлинниковъ и копій разныxъ документовъ и формъ иностранной государственной отчетности, и этотъ материалъ сослужилъ ему хорошую службу впослѣдствії, при разработкѣ книгъ и разнообразныхъ бланковъ для той же цѣли на родинѣ. Но самое главное—изъ поѣздки Т. возвратился съ вполнѣ готовымъ, глубоко продуманнымъ, систематически разработаннымъ и на иностраннѣхъ образцахъ проѣреннымъ планомъ реформы государственного контроля въ Россіи.

Къ этому времени въ государственной отчетности царилъ полный хаосъ. Недвижимыя имущества, материальные капиталы и переходящіе денежные ресурсы не были на счету. Государственная роспись считалась государственной тайной. Цѣлые отрасли государственныхъ доходовъ, состоявляя предметъ произвольнаго хозяйствничанья

въ рукахъ отдельныхъ распорядительныхъ управлений, не поддавались наблюдению даже министерства финансовъ, игравшаго въ то время единственную роль государственной бухгалтерии, притомъ далеко не точной и не полной. Государственный Советъ при разсмотрѣніи бюджета ограничивался однимъ констатированиемъ фактовъ, предлагавшихся его вниманію, такъ какъ не имѣть предоставленнаго законою права ориентироваться въ документахъ и материалахъ. Роспись составлялась крайне гадательно: источники доходовъ были известны далеко не вполнѣ, а расходная графа составлялась на основаніи простыхъ заявлений министерствъ и главноуправлений, рѣдко представлявшихъ мотивы въ необходимости испрашиваемыхъ средствъ. Такъ называемаго принципа единства кассы, т. е. государственной казны какъ таковой, въ строгомъ смыслѣ не было: министерство финансовъ по буквѣ закона хотя и было призвано исполнять обязанности казначорилица, но на дѣлѣ три четверти государственныхъ доходовъ хранились и расходовались отдельными вѣдомствами. Кромѣ того, каждое министерство, помимо общегосударственныхъ средствъ, пользовалось и своими капиталами, имѣло свое хозяйство, нерѣдко шедшее въ разрѣзъ съ интересами казны; притомъ эти приходо-расходы отдельныхъ вѣдомствъ совсѣмъ не показывались въ государственныхъ смыткахъ. Что же касается государственной отчетности, то тогдашняя система ея повѣрки состояла въ окончательной ревизіи правильности своихъ приходо-расходовъ самими отчетными управлениями, на долю же тогдашняго государственного контроля, созданного закономъ 30 декабря 1836 г., оставалась формальная и беспѣльная повѣрка общихъ, такъ называемыхъ генеральныхъ отчетовъ высшихъ учрежденій, составлявшихъ ихъ изъ частныхъ отчетовъ подвѣдомственныхъ имъ мѣстъ и представлявшихъ ихъ иногда 5—6 лѣтъ спустя по совершенніи оборотовъ, нѣкоторыя же министерства, напр. юстиціи, за длинный рядъ лѣтъ и вовсе умалчивали отчетами предъ государственнымъ контролемъ.

При такихъ ненормальныхъ условіяхъ требовалось рѣзкое и коренное измѣненіе всей системы веденія какъ государственного хозяйства, такъ и отчетности. Именно за это въ высшей степени трудное и слож-

ное дѣло и взялся Т. Онъ отлично сознавалъ и грандиозность задачи, и тѣ почти неодолимыя препятствія, которыя онъ встрѣтилъ на своемъ пути въ лицѣ всякаго ранга чиновниковъ, которымъ наличныя условия служили щитомъ и ширмами для собственныхъ цѣлей. Тѣмъ не менѣе онъ взялся за это громадное дѣло, вооруженный сознаніемъ его важности для государства и поддержаніемъ немногихъ лицъ, и послѣ ряда лѣтъ если довелъ его и не до желаемаго имъ конца, выполнилъ и не во всемъ его объемѣ, то все же сдѣлалъ очень многое, едва ли не все, что можно было совершить при такомъ обилии неблагопріятныхъ условій. Въ 1858 г. онъ выработалъ проектъ преобразованія, основанный на совершенно новыхъ началахъ. Въ основу его легли два новыхъ принципа въ отношеніи финансовой системы и два такихъ же новыхъ начала въ порядкѣ ревизіоннаго надзора. Въ преобразованіяхъ финансовой системы онъ предложилъ: 1) «Систематическое, подробное и однообразное для всѣхъ управлений составленіе финансовыхъ сметъ и такое же исполненіе ихъ съ безусловнымъ и немедленнымъ обращеніемъ всѣхъ сметныхъ остатковъ въ распоряженіе государственного казначейства», и 2) «Введеніе единства кассы, т. е. соединеніе всѣхъ денежныхъ средствъ государства исключительно въ кассахъ министерства финансовъ съ правомъ одного только этого министерства завѣдывать сборомъ всѣхъ государственныхъ доходовъ и обязанностью производства платежей». Въ отношеніи же порядка ревизіи свои предложения Т. формулировалъ: 1) «Устройство въ государствѣ одной только, но сильной и вполнѣ независимой отъ исполнительной власти ревизіонной инстанціи, имѣющей право по подлиннымъ документамъ производить всестороннее наблюденіе за движениемъ капиталовъ и уполномоченной повѣрять и судить дѣйствія и хозяйственныя операции исполнителей и главныхъ распорядителей», и 2) «Установленіе «предварительного контроля», обязавшаго въ лицѣ членовъ той же высшей ревизіонной инстанціи производить предварительную повѣрку всѣхъ расходныхъ предписаний, предупреждать и останавливать неправильные распоряженія государственными капиталами». На выработанномъ Т. проектѣ съ этими четырьмя другъ друга дополняю-

щими началами была положена Высочайшая резолюция о передачѣ его на разсмотрѣніе комитета министровъ, въ которомъ онъ и обсуждался 5 ноября въ присутствіи Государя. Постановленіемъ комитета министровъ было рѣшено для всесторонняго обсужденія новыхъ началь образовать особую комиссию, въ которую Т. былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ, незадолго пѣредъ тѣмъ получивъ званіе статъ-секретаря. Обсудивъ подробно вопросы о разсмотрѣніи и заключеніи сѣмѣтъ, о введеніи «единства кассы» и установлѣніи одной независимой ревизіонной инстанціи—государственного контроля съ предварительной и послѣдующей повѣрками отчетности,—комиссія во всеподданнѣйшемъ докладѣ (въ февралѣ 1859 г.) заявила, что проектированные основанія улучшеній финансовой системы и государственного контроля «единогласно признаны не только полезными, но и крайне необходимыми», а относительно сдѣланныхъ министрами и главноуправляющими доводовъ противъ реформы замѣтила, что «не только не поколебалась ими, но еще болѣе укрѣпилась въ своемъ рѣшеніи о пользѣ и настоятельной необходимости для Россіи такихъ преобразованій». Несмотря на всѣ нападки лицъ и учрежденій, старавшихся удержать старые порядки независимаго распоряженія казенными средствами, проектъ комиссіи былъ утвержденъ, и тотчасъ же была образована новая комиссія, специально для устройства кассового и ревизіонного порядка, въ которой Т. занялъ мѣсто предсѣдателя. Выработанная ею и вскорѣ введенная въ жизнь новая кассовая система уже въ первые годы своего дѣйствія разкрыла истинное состояніе финансъ государства, сосредоточивъ всѣ средства страны въ однѣмъ министерствѣ финансъ, что повело къ значительному сокращенію расходовъ. Въ 1862 г. по указаніямъ Т. составлены были кассовые правила, официально называемыя «Правилами составленія, исполненія и заключенія финансовыхъ сѣмѣтъ министерствъ и главныхъ управлѣній», оставающія и до сихъ поръ главной основой государственного счетоводства. Хотя объемъ ихъ въ значительной степени былъ урѣзанъ Государственнымъ Совѣтомъ путемъ введенія ряда сборовъ и доходовъ, не подлежащихъ внесенію въ сѣмѣты, но сущность осталась неизмѣнной,

и осуществленіе ихъ явилось крупнымъ и решительнымъ шагомъ по пути дѣйствительнаго контроля надъ денежными операциими государственныхъ учрежденій. 1 января 1863 г. Т. былъ назначенъ исправляющимъ должность государственного контролера, и въ томъ же году впервые были примѣнены упомянутыя новыя сѣмѣтныя правила. Въ 1864 г. онъ приступилъ къ производству опыта введенія единства кассы сначала въ одномъ Петербургѣ; въ 1865 г. это начало было распространено еще на 12 губерній, а затѣмъ послѣдовательно и на всю Россію. Параллельно съ этимъ и такимъ же осторожнымъ и послѣдовательнымъ путемъ вводились и контрольные учрежденія: въ 1864 г. была образована въ Петербургѣ временная ревизіонная комиссія,—первое учрежденіе въ Россіи для своевременной и документальной повѣрки государственныхъ оборотовъ; такія же учрежденія, подъ именемъ контрольныхъ палатъ, въ началѣ 1865 г. были введены еще въ 12 губерніяхъ, а въ 1866 г. распространены и на остальные; съ этого времени контрольные палаты стали повѣрять всѣ государственные доходы и расходы на мѣстахъ ежемѣсячно по подлиннымъ документамъ. Въ своихъ отчетахъ до 1866 г. Т. не переставалъ указывать на дефициты въ государственномъ бюджетѣ, представляя соображенія о способахъ возстановленія давно уже нарушенаго равновѣсія государственной росписи. Результатомъ такихъ настоящий было сокращеніе многихъ непроизводительныхъ расходовъ, и въ 1868 и 1869 гг. государственная роспись была сведена безъ сверхсѣмѣтныхъ ассигнованій. Къ 1866—1869 гг. относится введеніе Т. еще одного контрольного принципа первостепенной важности—фактическаго контроля. Въ 1866 г. это начало впервые было примѣнено къ эксплоатационнымъ дѣйствіямъ Николаевской желѣзной дороги, а въ послѣдующіе годы оно было введено и для другихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, причемъ чины государственного контроля начали производить внезапный свидѣтельства перевозки товаровъ, пассажирскихъ поездовъ и багажа. Въ 1869 г. Т. вошелъ въ сношеніе съ министромъ финансовъ о введеніи фактическаго контроля на винокуренныхъ заводахъ и въ оптовыхъ складахъ вина, что приведено было въ исполненіе

неніе уже послѣ его смерти. Наконецъ, въ 1870 г. впервые введены правила материального счетоводства въ интендантскихъ складахъ. Въ цѣляхъ устраненія неудобствъ двойной ревизіи и значительного уменьшения расходовъ казны Т. провелъ сліяніе адміністративнаго контроля сборовъ Николаевской желѣзной дороги съ повѣркою доходовъ дороги государственнымъ контролемъ, и эти доходы съ 1867 г. стали повѣряться ежедневно, на самомъ мѣстѣ сбора.

Хотя всѣ главныя предположенія Т. и даже многія второстепенныя удостаивались Высочайшаго одобренія, однако не всѣ они были проведены въ жизнь,—и между ними прежде всего предварительный контроль. Вслѣдствіе возраженій различныхъ вѣдомствъ, особенно министерства финансъ, эта важная мѣра осталась лишь благимъ пожеланіемъ и была осуществлена уже послѣ смерти Т. Точно также, несмотря на всѣ настоянія Т., осталось въ силѣ изъятіе отъ наблюденія государственного контроля цѣлой серіи доходовъ и расходовъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. Тенденція къ безотчетному и безконтрольному пользованію государственными средствами въ нѣкоторыхъ кругахъ были слишкомъ устойчивы, и борьба Т. съ этимъ явленіемъ не увенчалась полнымъ успѣхомъ. Т. сдѣлалъ все, что находилъ нужнымъ, цѣлесообразнымъ и необходимымъ въ государственныхъ интересахъ, и не его вина, если не всѣ его планы, не всѣ его рациональные предложенія получили осуществленіе. Послѣдующая дѣятельность Т. была поглощена, главнымъ образомъ, усилиями, вслѣдствіе упорного противодѣйствія далеко не всегда успешными,—указать и заполнять пропуски и пробѣлы въ проведенной реформѣ, отстоять необходимость исправленія пропусковъ и упущеній. Важность и насущность принципа единства кассы, установленного пока лишь временно, должно было доказать въ примѣненіи на практикѣ, и для этого требовался усиленный и неусыпный трудъ со стороны Т. Не мало было работы и второстепенной важности. Изданія правила движенія, отчетности и ревизіи государственныхъ капиталовъ постоянно требовали въ томъ или иномъ пункта частичнаго пересмотра, согласованія съ многочисленными узаконеніями и регламентами всѣхъ хозяйственныхъ управлений;

точно также нуждалось въ дальнѣйшемъ развитіи и установление о контрольныхъ палатахъ. И Т. всему и всюду давалъ направление, совершаъ подготовительныя работы для будущихъ преобразованій, клалъ начало, собирая материалы, разрабатывалъ и устанавливалъ образцы книгъ, бланковъ и пр. Усиленный умственный трудъ повелъ къ глубокому разстройству мозга, и эта болѣзнь Т. ускорила его смерть, послѣдовавшую 14 февраля 1871 г. отъ разрыва сердца, въ самый разгаръ его государственной дѣятельности. Онъ не оставилъ семью никакого состоянія, и дѣтамъ его по Высочайшему повелѣнію было выдано 100 тысячъ рублей изъ государственного казначейства. Дѣятельность Т., результаты созданныхъ имъ здѣсь обдуманной отчетности и ревизіонной реформы получили правильную и достойную оценку въ официальномъ заявлѣніи Государственнаго Совѣта (1876 г.), въ которомъ было констатировано, что «большой сравнительно съ прежнимъ порядокъ въ государственномъ хозяйстве, большая бережливость въ употребленіи средствъ государства, большее уваженіе къ финансовымъ хозяйственнымъ законамъ стали положительно замѣтиться въ послѣднее время, и на проявленіе всѣхъ этихъ улучшений значительную долю вліянія безспорно имѣетъ болѣе строгий и внимательный контрольный надзоръ», который и является всецѣло дѣтищемъ Т.

Полное Собрание Законовъ.—„Архивъ Государственного Совѣта“. — А. Головачевъ, „Десять лѣтъ реформъ“, Спб. 1872.—Н. Алышевскій, „Въ память о В. А. Татариновѣ. О прошломъ и нынѣшнемъ устройствѣ государственного контроля въ Россіи“, Спб. 1881.—А. Градовскій, „Начала русского государственного права“, т. II, Спб. 1887.—В. Лебедевъ, „Финансовое право“, т. I, вып. II, Спб. 1891.—Л. Ходскій, „Основы государственного хозяйства“, Спб. 1894.—Ф. Бочковскій, „Организмъ государственного контроля сравнительно съ государствами Западной Европы“, Спб. 1895.—Ив. Блюхъ, „Устройство финансового управления и контроля въ Россіи въ историческомъ ихъ развитіи“, Спб. 1895.—В. Саковичъ, „Государственный контроль въ Россіи“, Спб. 1896.—В. Тальбергъ, „Государственный фактический и предварительный контроль въ желѣзнодорожномъ хозяйстве“, Кіевъ 1897.—„Преобразованіе государственного контроля и нѣкоторыхъ частей финансовой администраціи въ Россіи“, „Морской Сборникъ“, 1859, № 6 и 12.—„Преобразование государственной отчетности“, ч. III: „Все подданѣйшие доклады, послужившіе основаниемъ къ установлению коренныхъ началь-

новаго устройства смыть, кассъ и ревизіи", Спб. 1861.—„Сборникъ циркуляровъ, изданыхъ по государственному контролю въ 1865—1873 гг." (№ 11, 27, 73 и др.).—„Голосъ", 1871, № 49.—„Энциклопедич. словарь" Брокгауза-Ефрона, изд. 1-е, т. 32, Спб. 1902, с. v.—„Исторический Вѣстникъ", 1882, № 7.

Татаринцевъ, Павелъ, атаманъ Терского «семейнаго» войска, въ 1767 г. былъ депутатомъ отъ этого войска въ Комиссіи для сочиненія новаго Уложенія. Отстаивалъ преимущества духовенства. По вопросу о правахъ и преимуществахъ дворянства, возбудившему горячія пренія въ рядѣ совѣщавій, Т. присоединился къ возраженію Миронова противъ депутатовъ-дворянъ, отстаивавшихъ незыблемость дворянскаго званія и предлагавшихъ не давать этого званія лицамъ другихъ сословій, хотя бы и достигшимъ оберъ-офицерскаго ранга. Въ 1771 г. былъ награжденъ за тридцатисемилѣтнюю службу золотой медалью для ношения на шеѣ.

„Сборникъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Общества", т. IV (Труды Екатерининской комиссіи для сочиненія новаго Уложения), стр. 201.

Татевъ, князь Борисъ Петровичъ, рюриковичъ въ ХХ колѣнѣ, бояринъ и воевода. Впервые упоминается въ 1578 г. Подъ 1600 г. въ Разрядныхъ книгахъ названъ воеводою въ Орѣ. Въ ювѣ этого года крымцы значительной ордой напали на Бѣлогородъ и отъ него пошли къ Курскому, но по дорогѣ ихъ встрѣтилъ Т., разбилъ и прогналъ прочь. Въ 1605 г. былъ воеводою въ Черниговѣ. Когда въ Польшѣ объявился Отрецьевъ и Борисъ Годуновъ разослали къ порубежнымъ воеводамъ приказъ оповѣстить пограничныхъ державцевъ о томъ, что царевичъ Димитрій дѣйствительно убить и Отрецьевъ самозванецъ, такой приказъ подучилъ и Т. Онъ его исполнилъ и въ своихъ отпискахъ къ державцамъ отъ себя прибавилъ, что убѣйство Димитрія произошло 14 лѣтъ назадъ. Тѣмъ не менѣе извѣстно, что Годуновъ считалъ Т. въ числѣ своихъ враговъ и держалъ его въ замаскированной опалѣ. Князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ въ членобитной на князя Пожарскаго царю Василию Шуйскому говорить: «Прежде, при царѣ Борисѣ, онъ, князь Димитрій Пожарскій, доводаль на меня ему, царю Борису, многіе затѣйные доводы, будто бы я, сходясь съ

Голицынными да съ княземъ Татевымъ, про него, царя Бориса, разсуждаю и умышляю всякое зло». Самозванецъ, возсѣвшіи на престолъ, многихъ изъ опальныхъ при Борисѣ снискалъ особую милостью. Среди такихъ былъ и Т. Онъ присутствовалъ на свадьбѣ Отрецьева съ Мариюю, была возведенъ въ боярскій санъ, засѣдалъ въ царской думѣ и числился въ приказѣ Большого прихода. Въ концѣ 1606 г. Т. вмѣстѣ съ князьями Скопинымъ-Шуйскимъ и Андреемъ Голицынскимъ, по порученію царя Василия Ивановича, повелъ войско на выручку осажденной Болотниковымъ Калуги. Московскіе полки расположились у Серпуховскихъ воротъ для наблюденія за дѣйствіями противника и для боя въ случаѣ его приступа. 1 мая между воеводами Т., Черкасскимъ, Барятинскимъ съ одной стороны и воеводою Болотникова кн. Телятевскимъ съ другой произошла на р. Пчелѣ жестокая битва, окончившаяся пораженiemъ московскихъ войскъ. Въ этой битвѣ Т. былъ убитъ, по однимъ свѣдѣніямъ 1-го, а по другимъ—3 мая 1607 г.

Никоновская лѣтопись, стр. 84, 88.—Акты Историческіе, т. II, стр. 84.—Акты Археографич. Экспед., т. II, стр. 43.—Древняя Россійск. Видліенка, т. XIII, стр. 121.—„Русскій Историч. Сборникъ", т. II, стр. 268.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійск.", изд. Эйнерлинга, т. XI, стр. 124, прим. 36.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россії", изд. „Общ. Пользы", кн. II, стр. 734, 739, 755, 817.—Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дѣяки XVI вѣка", Спб. 1888, прилож., стр. 57.—„Русская родословная книга", изд. „Русск. Старины", т. I, Спб. 1873.—П. Н. Петровъ, „Исторія рода русскаго дворянства", т. I, Спб. 1886.

Татевъ, князь Иванъ Андреевичъ, стольникъ. Въ 1587 г. вмѣстѣ съ Шуйскими, Урусовыми, Колычевыми и др. князьями былъ схваченъ Годуновымъ, который мстилъ имъ за то, что они, желая умалить его вліяніе, сговаривались совѣтовать царю Федору Ioанновичу разойтись съ супругою Ириною, сестрою Бориса, какъ безплодною. Формальнымъ предлогомъ ареста Т. и другихъ было обвиненіе ихъ въ измѣнѣ царю. Розыскъ ничего не далъ, тѣмъ не менѣе судъ нашелъ ихъ виновными, и Т. былъ сосланъ въ Астрахань. Въ 1604 г. видимъ его однако воеводою въ Черниговѣ, куда вскорѣ былъ назначеннъ и его двоюродный братъ Борисъ Петровичъ. Когда этотъ городъ предался Самозванцу, Т., мстя Годунову за прошлыя

обиды, съ охотой перешелъ на сторону Лжедимитрия и сопровождалъ его въ походахъ. После неудачи подъ Стародубомъ Самозванецъ бѣжалъ въ Путинъ, куда за нимъ послѣдовалъ и Т. Оттуда онъ былъ посланъ къ Сигизмунду за ратною помощью, которую и получилъ. Въ 1606 г. присутствовалъ на свадьбѣ Лжедимитрия съ Мариной, причемъ въ сѣнахъ встрѣчалъ посланныхъ Сигизмундомъ по случаю этого торжества пословъ. Позднѣйшихъ свѣдѣній о немъ не сохранилось.

Древняя Россійская Библіоѳика, т. III, стр. 119, 138, 160, 257, 302, 303.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійск.“, изд. Эйнерлинга, т. X, стр. 47; т. XI, стр. 88, 100; прим. 283, 291.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. „Общ. Пользы“, кн. II, стр. 542.—„Сборн. Имп. Историч. Общ.“, т. 38, стр. 83.—П. Н. Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства“, т. I, Спб. 1886.—„Русская родословн. книга“, изд. „Русской Старинѣ“, т. I, Спб. 1873.

Татевъ, князь Петръ Ивановичъ, XIX колено отъ Рюрика, воевода, бояринъ и окольничій. Впервые упоминается подъ 1556 г.—воеводою въ Нугри. Въ 1565 г.—воевода въ Лукахъ и въ Опочкѣ. Отъ этого года ему государева грамота въ Опочку находящихся при немъ дѣтей боярскихъ передать Григ. Никит. Борисову, а ему самому такой сказъ: «а самъ бы еси и съ людми и съ коими и зъ доспѣхомъ поѣхалъ къ себѣ, а жъ Москвѣ бы еси же жадилъ, а жадаль бы еси отъ настѣ грамоты, гдѣ тебѣ велимы на своей службѣ быть». Н. П. Лихачевъ предполагаетъ, что въ курсивныхъ словахъ кроется опала. Въ 1570 г.—воевода въ Путинъ, откуда первымъ далъ знать въ Москву о наступлении крымскаго хана Девлет-Гирея. Вмѣстѣ съ другими воеводами онъ, самъ воевода въ Переображеніи полку, вышелъ навстрѣчу татарамъ къ берегамъ Волги, но ханъ обошелъ ихъ и пошелъ къ Москвѣ. Т. съ товарищами пошли туда же болѣе краткими путями, упредили его и заняли разныя предмѣстія столицы. Т. досталась защита Крутицкой части. Въ 1573 г. Т. пожалованъ былъ въ бояре. Въ 1574 г. онъ отмѣченъ воеводою въ правой руѣ, стоялъ въ Мишногѣ. Годъ спустя уже названъ окольничимъ, а еще черезъ годъ числится воеводою въ Сторожевомъ полку и стоитъ въ Коломенѣ. Отъ этого 1576 г. сохранилась его мѣстническая жалоба: быть челомъ на бояръ

Петра Васильевича Морозова, Никиту Романовича Юрьева и Ивана Васильевича Шерemetева, что ему, Т., въ Сторожевомъ полку съ ними быть невѣстно; отвѣтъ неизвѣстенъ. Въ концѣ лѣта 1578 г. участвовалъ во взятіи Обернапена; тогда же быть однимъ изъ воеводъ, заведшихъ мѣстнические споры; на ихъ членитивыя Ioанъ черезъ думнаго дьяка Андрея Щекалова пригрозилъ всѣмъ имъ лишеніемъ власти въ случаѣ дальнѣйшей ссоры. Участвовалъ Т. и въ осадѣ Вендена и быть однимъ изъ немногихъ воеводъ, сопротивлявшихся Салѣгѣ до конца,—не бѣжалъ, а попалъ въ плѣнъ. Изъ плѣна быть выкупленъ за 4114 рублей (12 тысячъ польскихъ золотыхъ) и шесть сороковъ соболей. Въ 1579 г. на него мѣстническая жалоба Данила Борисовича Салтыкова. Т. быть однимъ изъ самыхъ способныхъ и уважаемыхъ воеводъ при Грозномъ. Умеръ 22 сентября 1586 г. и передъ смертью принялъ иноческій чинъ съ именемъ Пимена.

Древняя Россійская Библіоѳика, т. VIII, стр. 5; т. XIV, стр. 294, 295, 303.—„Спбпскій сборникъ“, стр. 67.—Гейденштейнъ, „Записки о Московской войнѣ“, перев. подъ ред. В. Г. Веселовскаго, Спб. 1888, стр. 35—36.—„Акты Западн. Россіи“, т. III, № 105.—„Русскій Историч. Сборникъ“, т. V (счетное дѣло Салтыковыхъ и Сцицкихъ).—„О службѣ и походахъ боярскѣхъ“, „Отеч. Записки“, ч. 28, стр. 403—421.—Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки XVI стол.“, Спб. 1888, стр. 115, 212—213, 319, 480—481, 484.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, т. IX, стр. 106, 169, 245; прим. 351, 353, 509, 731; т. X, прим. 23.—П. Н. Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства“, т. I, Спб. 1886.—„Русская родословная книга“, изд. „Русск. Старинѣ“, т. I, Спб. 1873.

Татевъ, князь Федоръ Ивановичъ, воевода; въ малолѣтство Ioанна IV былъ воеводою въ Рязани. Въ 1534 г. крымскій ханъ Саинъ-Гирей, съ которымъ Москва вела переговоры о союзѣ, по побужденію польского короля вдругъ двинулъ значительныя орды крымскихъ и азовскихъ татаръ въ предѣлы Московскаго государства. Въ Рязанской области татаръ встрѣтилъ Т. и князь Пунковъ. Въ жестокой схваткѣ Т. одержалъ рѣшительную победу и погналъ татаръ обратно. Слѣдующее извѣстіе о Т. находимъ только подъ 1559 г., когда онъ значится воеводою въ Тулѣ, откуда въ ноябрѣ писалъ въ Москву, что «приходилъ Дави-мурза и воевалъ Ростовъ».

скую волость», а онъ, Т., «на нихъ приходилъ и языка поймалъ, а за ними не ходилъ, что люди къ нему вскорѣ и собралися». Въ 1564 г. былъ воеводою въ правой рукѣ съ бн. Иваномъ Федоровичемъ Мстиславскимъ и въ томъ же году со своей ратью попалъ въ Большой полкъ подъ начало къ Ивану Дмитриевичу Бѣльскому. Несколько мѣсяцевъ въ 1565 г. былъ воеводою въ Дѣдиловѣ, а потомъ назначенъ намѣстникомъ въ Путинъ, каковымъ отмѣченъ еще въ 1567 г.

Акты Историч., т. II, стр. 90—91.—Древняя Российская Вивліюника, т. III, стр. 119; т. VIII, стр. 9; т. XIII, стр. 143, 155, 218, 348, 372, 396.—Сборникъ Русск. Историч. Общ., т. 71, стр. 94, 640.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійскаго“, пзд. Эйнерлинга, т. VIII, стр. 15; прим. 564.—П. Н. Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства“, т. I, Спб. 1886.

Татевы, княжеский родъ, отрасль удѣльныхъ князей Стародубовскихъ. Родоначальникомъ ихъ былъ князь *Иванъ Федоровичъ* (XVIII колѣно отъ Рюрика), произвищемъ *Татъ*, отъ которого и произошла фамилія. У него было три сына—*Петръ Ивановичъ* (см. отд.), *Андрей Ивановичъ*, воевода въ Процѣ (1556), въ Михайлова (1559), въ Сторожевомъ полку въ Коломенѣ (1561), въ Острогѣ (1564), въ Путинѣ (1567) и въ Орѣ (1569), и *Федоръ Ивановичъ* (см. отд.). Послѣдній былъ бездѣтенъ. Петръ Ивановичъ имѣлъ сына *Бориса Петровича* (см. отд.), отца трехъ бездѣтныхъ сыновей: *Петра Борисовича*, о которомъ сохранилось только имя, *Федора Борисовича* (стольникъ на первой и второй свадѣбѣ царя Михаила Федоровича шелъ за государемъ и несъ колпакъ, умеръ въ 1630 г.) да *Ивана Борисовича* (въ 1613 г. подписалъ грамоту обѣ избраний царя). Воевода *Андрей Ивановичъ* оставилъ четырехъ сыновей: *Юрія*, о которомъ кромѣ имени ничего неизвѣстно, *Ивана Андреевича* (см. отд.), *Федора* и *Семена Андреевичей*—оба упоминаются поѣзжавшими въ свадѣбѣ Самозванца. Изъ нихъ дѣтей имѣлъ только Федоръ—одного сына, стольника *Ивана Федоровича*, упоминаемаго въ описаніи второй свадѣбѣ царя Михаила Федоровича. Его сынъ *Степанъ Ивановичъ*, въ 1658—1676 гг. стольникъ, въ 1673—нижегородскій воевода, былъ отцомъ послѣдняго князя Татева, *Ивана Степановича*, со смертью котораго родъ пресекся.

П. Н. Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства“, стр. 150.—„Русская родословная книга“ (Лобановъ-Ростовскій), пзд. „Русск. Старины“, т. I, Спб. 1873 г.—„Русск. Историч. Сборникъ“, т. II, стр. 385—387.—О Семенѣ Андреевичѣ: „Акты Истор.“; II, 121; „Акты Арх. Эксп.“, II, 43; „Др. Рос. Писл.“, XIII, 117, 375.—О Степанѣ Ивановичѣ: „Акты Истор.“, VI, 331; „Полн. Собр. Зак.“, I, 698.

Татищева, Анна Алексеевна, dochь Алексея Даниловича Т., родилась въ 1729 г., была гоф-фрейлиной императрицы Анны Ioannovны, затѣмъ статье-фрейлиной правительницы Анны Leопольдовны (1741 г.) и императрицы Елизаветы Петровны. 8 февраля 1748 г. вышла замужъ за полковника, впослѣдствіи генераль-а-шефа и графа П. И. Панина; во-второмъ бракѣ за тайн. сов. П. М. Bakuninimъ. Скончалась 27 октября 1764 г. въ Петербургѣ и похоронена въ ц. св. Ioanna Предтечи на Лиговкѣ. Имя Т. встречается въ описанияхъ церемоній погребенія Анны Ioannovны и коронаціи Елизаветы Петровны. Ей принадлежать переводы нѣсколькихъ повѣстей и романовъ съ французского.

Макаровъ, „Материалы для исторіи русскихъ жепницъ—авторовъ“, „Дамский Журналъ“, 1830.—П. Ф. Карапаповъ, „Статье-дамы и фрейлины Русскаго двора“, „Русская Старина“, 1871, т. III, стр. 469.—„Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общ.“, т. XXII, стр. 330; т. LXXXVII, стр. 351.—Кн. П. Долгоруковъ, „Российск. родословная книга“, т. II, стр. 226.—„Внутренній бытъ русскихъ государей“, т. I, стр. 383, 446, 476.—„Письмо академика Ададурова къ Н. П. Панипу“, „Русск. Архивъ“, 1879 г., т. I, стр. 1370, 1371.—„Дописенія и русскаго послан. гр. Сольмса королю Фридриху II, отъ 29 окт. 1764 г.“, т. VI, стр. 164.—„Записки Порошинъ“, стр. 99.—Нагробная надпись въ ц. св. Ioanna Предтечи.—С. С. Татищевъ, „Род. Татищевыхъ, 1400—1900 гг.“, стр. 180, 210, 347, 349.—„С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1748, стр. 102.

Татищевъ, графъ Александръ Ивановичъ, генералъ отъ инфантеріи, военный министръ, родился въ 1762 г. и четырнадцати лѣтъ былъ произведенъ въ корнеты кирасирскаго князя Потемкина полка, въ которомъ и служилъ до 1793 г., принялъ участіе въ войнѣ съ Турцией и польскими конфедератами; за отличія при осадѣ Очакова (1788) и въ сраженіи съ поляками при м. Грановѣ (1792) Т. былъ награжденъ чинами. Въ 1793 г. въ чинѣ подполковника перевелся въ Полтавскій легкоконный полкъ, откуда въ слѣдующемъ году, согласно Высочайшему указу, командиро-

ванъ въ Придворную конюшенную контору съ званиемъ «присутствующаго»; въ этомъ званиі онъ пробылъ лишь годъ, быль назначенъ унтеръ-шталмейстеромъ, затѣмъ произведенъ въ полковники, переименованъ въ статские совѣтники, а въ 1798 г. уволенъ отъ службы съ чиномъ дѣйствительного статского совѣтника. При Александрѣ I Т. быль принятъ на службу генераль-маюромъ съ зачислениемъ въ провіантскій штатъ, но въ 1803 г. снова вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ. Въ 1806 г., когда формировалась милиція, московское дворянство избрало Т. сначала московскимъ уѣзднымъ начальникомъ, а затѣмъ бригаднымъ начальникомъ подвижной милиціи. Въ этомъ званиі Т. обратилъ на себя вниманіе Императора Александра I, который назначилъ его (2 марта 1808 г.) генераль-кригсъ-комиссаромъ. Отечественная война вызвала усиленную дѣятельность этого вѣдомства, и Т. блестяще справился съ трудной задачей, причемъ о ходѣ работъ доносилъ непосредственно Государю, надписывая пакеты «въ собственные руки». Когда быль сформированъ Главный штабъ Его Величества, на военного министра возложены были главнымъ образомъ вопросы военнаго хозяйства, а потому понятно, что Т. явился самымъ подходящимъ кандидатомъ для занятія этого поста, Высочайший приказъ о чемъ состоялся 14 марта 1823 г., и въ томъ же году онъ быль произведенъ въ генералы отъ инфантаріи. Но кончинѣ Императора Александра I, известіе о чемъ пришло въ Петербургъ 27 ноября, Т., какъ находившійся въ церкви съ величимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, вслѣдъ за его высочествомъ присягнулъ Константина Павловичу; на его же долю выпало производить дознаніе по дѣлу Краснокутскаго, прокурора 3-го департамента сената, арестованнаго по подозрѣнію въ участіі въ заговорѣ возмутить 2-ю армію, полковникомъ въ одномъ изъ полковъ которой онъ раньше состоялъ. Въ печальной церемоніи перевезенія тѣла почившаго Императора орденъ св. Анны было поручено нести Т. Въ 1826 г. онъ быль возведенъ въ графское Россійской имперіи достоинство и черезъ годъ по болѣзни уволенъ отъ службы. Скончался 17 июня 1833 г.

Общій Архивъ Главнаго Штаба: форму-

лярный списокъ за 1818 г., сп. 73; прохожденіе службы, кн. 1818 г., стр. 8 и 14.—Архивъ канцеляріи Военнаго Министерства: графское достоинство, д. 1826 г., № 34; увольненіе отъ должности военнаго министра, 1827 г., № 47.—Сенатскій Архивъ, т. I, стр. 197 и 205.—Давиловъ, «Исторический очеркъ развитія военнаго управления въ Россіи».—Шелеховъ, «Исторический очеркъ главнаго интендантскаго управления».—Карновичъ, «Замѣчательный богатства частныхъ лицъ въ Россіи».—Затворницкій, «Столѣтіе военного министерства. Память о членахъ военнаго сопствта», т. III, стр. 9, 10 и 11.—«Русская Старина», 1882, т. XXXVI, стр. 186; 1897, февраль, стр. 197, мартъ, стр. 469.—Приложеніе къ камеръ-фурьерскому журналу: 1794 г., стр. 67; 1795 г., стр. 118.—Татищевъ: «Родъ Татищевыхъ», стр. 116, 126, 127, 168, 203, 205, 217, 218, 219, 220, 309, 352.—Петровъ, «Исторія родовъ русскаго дворянства».—Князь П. Долгоруковъ, «Россійская родословная книга», ч. 2.—Его же, «Россійская родословная книга», ч. 2.—«Списки титулованнѣмъ родамъ и лицамъ», изданіе департамента герольдій.—«Столѣтіе Военнаго Министерства», т. I, стр. 118, 135, 136, 162, 163, 167, 188, 228, 229, 252, 253, 284, 286, 290; т. III, ч. 1, стр. 16, 94, 149, 186, 187, 188, 189, 192, 193, 234, 239, 240, 438, 440, 441, 442, 451, 452, отд. 4, стр. 9 и 64; т. IV, ч. 1, кн. 2, отд. 2, стр. 114 и 184; т. V, стр. 326, 333, 360, 365, 368, 375, 388, 421, 440, 458, 487, 516; т. VII, стр. 136; т. VIII, стр. 52; т. X, ч. 2, стр. 2; т. XI, ч. 1, стр. 154; т. XIII, кн. 3, стр. 104.—«Сборникъ Русск. Историч. Общ.», т. 20, стр. 508, 511—512, 524.

М. П.

Татищевъ, Алексѣй Даниловичъ, генераль-энштѣфъ, сынъ комнатнаго стольника Дашилы Михайловича Т., родился въ 1697 г.; въ молодыхъ годахъ служилъ денщикомъ у Петра Великаго; государь очень благоволилъ къ нему за расторопность и точность, съ какими Т. выполнялъ возложенные на него порученія, и нѣрѣдко сажалъ его обѣдать съ собою. Императрица Екатерина I въ мартѣ 1725 г. произвела Т. въ гофъ-юнкера, а въ слѣдующемъ году, 26 ноября, пожаловала камеръ-юнкеромъ. Когда во времія малолѣтства Петра II дѣлами государства управляли Долгоруковы, Т. попалъ въ опаду и былъ удаленъ отъ двора. Анна Ioанновна въ 1830 г. возвратила ему прежнее званіе, а въ 1737 г. пожаловала въ дѣйствительные камергеры. «Посвятивъ себя придворной жизни, говорить о немъ Бантышъ-Каменскій,—Татищевъ умѣлъ удержаться на скользкихъ паркетахъ въ самое шаткое время, когда Россія стонала подъ игомъ Бирона и тысячи

людей дѣлались жертвами его подозрительного нрава». Держался онъ потому, что всячески старался угодить могущественному временщику и кабинет-министру А. П. Волынскому. Мертвящая скуча, царившая въ придворныхъ сферахъ во времена Бирона, вызвала на сцену шутовъ, шутихъ и разныя развлечения, въ большинствѣ случаевъ довольно грубаго пошиба. Именно изобрѣтеніемъ такихъ развлечений и отличался Т.—въ этомъ въ сущности состояла его придворная служба. Ему принадлежитъ идея известнаго ледяного дома со всѣми его аксессуарами, вплоть до устройства въ немъ свадьбы шута-князя Голицына, прозывавшагося Квасникомъ, которого вздумали женить на придворной калмычкѣ Бужениновой. Въ жестокую зиму 1740 г. между старымъ Зимнимъ дворцомъ и зданіемъ адмиралтейства былъ построенъ довольно обширный домъ, стѣны котораго были сложены изъ массивныхъ ледяныхъ плитъ; изъ того же материала было сдѣлано все внутреннее его убранство—кровать, столы, стулья, посуда, блюда, даже каминъ и дрова въ каминѣ, шандалы и свѣчи въ шандалахъ. Народъ потѣшили стрѣльбою изъ стоявшихъ у дома ледяныхъ пушекъ, ледяными дельфинами, которые ночью выбрасывали изъ пасти огонь (зажженную нефть), поставленными за ледяными стеклами оконъ «смѣшными картинами», ледянымъ словномъ съ сидѣвшими на немъ ледянымъ персомъ, ледяными птицами на ледяныхъ же деревьяхъ и пр. Устройствомъ праздника распоряжался Волынскій, а въ исполненіе приводилъ всю эту затѣю со всѣми деталями Т. и такъ искусно, что домъ, по словамъ современника, «гораздо великолѣпнѣй казался, нежели когда бы онъ изъ самаго лучшаго мрамора былъ построенъ, для того казался едѣловъ былъ будто изъ одного куска, и для ледяной его прозрачности и сиянія его цѣту на гораздо дражайшей камень, нежели на мраморъ, походилъ», а все вмѣстѣ—«съ изряднымъ мастерствомъ сдѣлано было». Т. же придумалъ устроить по случаю этой свадебной оказіи и своеобразную живую энографическую выставку: изъ разныхъ угловъ Россіи, по его предложенію, вы требовали «по три и по двѣ пары мужеска и женска пола пополамъ» инородцевъ—вотяковъ, черемисъ, татаръ, калмыковъ, остыаковъ,

самоѣдовъ и пр.—«собою не очень гаусныхъ», въ національныхъ костюмахъ, съ оружиемъ и музыкой, „какая у нихъ употребляется”—для участія въ качествѣ поѣзжанъ. Нѣкоторыя губерніи прислали разныхъ животныхъ, собакъ, козловъ, барановъ и пр., которыхъ были запряжены въ сани для гостей. Подробности этой «потѣхи» свидѣтельствуютъ объ изобрѣтательности и распорядительности Т.; нѣкоторыя данные заставляютъ думать, что отъ ея успѣха онъ ожидалъ для себя богатыхъ милостей, однако надежды его почему-то не оправдались. Только 24 мая 1742 г. императрица Елизавета Петровна назначала Т. въ генераль-поручики и назначила генераль-полицеймейстеромъ съ возвведеніемъ этой должности изъ пятаго въ третій классъ. Этому посту Т. удалось исхлопотать полную самостоятельность и приравнять его по значенію съ должностю министра. Такъ, указомъ отъ 1 мая 1746 г. генераль-полицеймейстеръ былъ изъять изъ зависимости сената и генераль-прокурора и подчиненъ непосредственно императорскому величеству, а сенату предписано повелѣть указовъ ему не посыпать, принимать отъ него высочайшія повелѣнія и по требованіямъ его оказывать всяческое содѣйствіе; 22 августа того же года повелѣно тайной канцеляріи сноситься съ генераль-полицеймейстеромъ премеморіями, не требуя отъ него выполненія указаний. 30 августа 1757 г. Т. былъ произведенъ въ генераль-аншефы. Въ должности генераль-полицеймейстера онъ оставался до самой смерти, послѣдовавшей 12 сентября 1760 г. Послѣдніе годы Т. имѣлъ отношеніе къ тюрьмамъ. Изобрѣтательность не оставляла его и въ этой дѣятельности; ему принадлежитъ если не изобрѣтеніе, то примѣненіе особой машинки для клеймѣнія преступниковъ съ цѣлью предупреждать ихъ побѣги, а для людей, испинно осужденныхъ и невинно заклеймленныхъ словомъ «воръ», Т. придумалъ, въ прѣляхъ, такъ сказать, возстановленія истинъ и въ виду невозможности уничтожить сдѣланное клеймо, передъ послѣднимъ выкигать «оправдательную» частицу «но».

Полное Собрание Законовъ, т. XII, стр. 472, 488, 595, 661, 672, 872, 873, 880, 960; т. XIII, стр. 106, 148, 267, 340, 365, 392, 654, 679, 718, 759, 825, 829, 840, 860, 861, 921, 925; т. XIV, стр. 51, 71, 169, 250; т. XV, стр. 335, 350, 944.—

Дѣло о Татищевыхъ, въ архивѣ департамента герольдіи, лл. 240—242.—«Сенатскій архивъ», т. II, стр. 169, 240, 260.—Барановъ, «Опись Высочайшихъ указовъ и повелѣній въ сенатскомъ архивѣ», т. II, № 4394; т. III, №№ 8737, 8809, 9520, 9937, 10103, 11681, 11699.—«Сборникъ Императорск. Историч. Общества», т. 20, стр. 138; т. 40, стр. 39, 59, 64, 230, 392; т. 69, стр. 750; т. 86, стр. 306; т. 104, стр. 231, 244, 380, 450, 451, 535.—«Дневникъ Беркгольца», вт. «Büsching's Magasin», 1785, т. XIX, стр. 42—43.—«Записки Нашокина», стр. 64.—«Извѣщенія изъ морскихъ журналовъ», стр. 157, 158, 210.—«Материалы для истории русского флота», т. II, стр. 561—563, 578.—«Внутренний бытъ русскихъ государей», т. I, стр. 3.—Вотчинное дѣло генер.-полицеймейст. Татищева, въ собраніи рукописей Бѣллева, № 126/1619, въ Румянцевскомъ музѣѣ.—Вантышъ-Каменский, «Словарь достопамятныхъ людей Русской земли», ч. III, Спб. 1847, стр. 394—398.—С. С. Татищевъ, «Родъ Татищевыхъ», 1400—1900 г. г., Спб. 1900, № 128.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва „Общества Помѣза“, кн. IV, стр. 1472—1473.—Вейдемейеръ, «Обзоръ главнейшихъ происшествій въ Россіи», изд. 2-е, Спб. 1832, ч. II, стр. 141.—М. Крафтъ, «Описаніе Ледяного дома», стр. 11.—Какъ дѣйствующее лицо въ романѣ Данилевскаго „Ледяной домъ“. — «Шереписка Императоръ Анны Ioанновны съ московскимъ главно-команд. гр. Салтыковымъ о сватовстве его за княжну Гагарину», „Русск. Арх.“, 1873, стр. 1665—1667.—Петровъ, «Исторія Петербурга», стр. 496, 497, 508, 513, 530, 538, 607, 612, 621.—«Осмнадцатый Вѣкъ», сборн. П. И. Бартенева, т. III, стр. 326—330.—«Русск. Старина», 1870, т. II, стр. 115.—«Древняя и Новая Россія», 1876, т. III.

Татищевъ, Алексѣй Степановичъ, воевода. Въ 1638—41 гг. отмѣченъ на службѣ въ Тулѣ; 17 марта 1644 г. пожалованъ въ стряпчие; два года спустя находился на службѣ въ Ливнахъ и Бѣлгородѣ, откуда вызванъ въ Москву, пожалованъ (1647) въ стольники и въ этомъ званіи въ ближайшіе годы сопровождалъ государя на богомолія въ монастыри Троице-Сергіевъ и Саввино. Въ 1655 г.—на службѣ подъ Дубровно, черезъ четыре года находился воеводою въ Ярославль и въ 1668 г.—воеводою въ Сѣвскѣ. Былъ въ Чигиринскомъ походѣ 1673 г. Въ 1680 г. за старостью отъ службы отставленъ. Окладъ ему помѣстный 755 чет. и денежный въ 40 руб.

«Дворцовые разряды», т. III, стр. 199, 206, 283, 293.—«Памятники дипломатическихъ сношений», т. X, стр. 51.—«Русск. Историч. Библіот.», т. X, стр. 416.

Татищевъ, Афанасій Даниловичъ, старшій братъ Алексія Даниловича, дѣй-

ствительный камергеръ и ген.-маіоръ, родился 30 апрѣля 1685 г.; службу началъ комнатнымъ стольникомъ, затѣмъ былъ въ числѣ потѣшныхъ царевича Петра, съ 1698 г. сдѣлался сержантомъ лейб-гвардіи Семеновскаго полка и вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно брату, денщикомъ Петра Великаго. И его государь любилъ за расторопность при исполненіи порученій, особенно же за веселый нравъ, остроумныя шутки и многочисленныя продѣлки, подчасъ не совсѣмъ небиннаго характера, которыя онъ себѣ позволялъ. Самая известная изъ нихъ такова. Однажды, въ чёмъ-то провинившись, Т. былъ посланъ Петромъ къ караульному офицеру, у которого долженъ быть получить 50 палочныхъ ударовъ; по дорогѣ онъ встрѣтилъ какого-то подьячаго, котораго и рѣшилъ вмѣсто себя подвести подъ удары. Первая часть продѣлки удалась. Оставалось избѣжать ея послѣдствій. За ближайшимъ обѣдомъ Т., поддерживаемый государынею, сталь усердно просить прощенія у Петра, который и далъ его, полагая, что рѣчь идетъ о первоначальной продѣлкѣ, за что Т., по его мнѣнію, уже достаточно поплатился 50 ударами. Когда же выяснилась вся исторія, Петръ сильно разгнѣвался, однако, желая сдержать данное слово, не наказалъ Т. и кончилъ тѣмъ, что расхотелся надѣть его заходчивостью. Невинно пострадавшій подьячій въ конечномъ счѣтѣ тоже остался въ выигрышѣ: за воровство онъ позже былъ присужденъ къ смерти, но Петръ, вспомнивъ незаслуженно понесенную имъ обиду, простила его. Въ 1718 г. Т. получилъ чинъ прaporщика Семеновскаго полка и до конца жизни Петра Великаго состоялъ при его особѣ, сопровождая его въ походахъ и путешествіяхъ. 30 января 1729 г. онъ «за долговременною службою и болѣзнию» былъ отъ службы отставленъ съ чиномъ гвардіи поручика и поселился въ Москвѣ, а 12 августа 1741 г., въ день рождения Иоанна Антоновича, правителніцею Анною Леопольдовною пожалованъ въ дѣйствительные камергеры съ тѣмъ, чтобы «быть ему въ отставкѣ по прежнему». Скончался онъ 30 августа 1750 г., незадолго до смерти получивъ чинъ генераль-маіора, и погребенъ въ Симоновскомъ монастырѣ въ Москвѣ. До конца жизни онъ сохранилъ са-мыя теплые чувства о Петре Великомъ и

со слезами на глазахъ разсказывалъ всмъ и каждому разные случаи изъ его жизни.

Дѣло о дворянствѣ Татищевыхъ, въ архивѣ департамента герольдій, л. 233.—„Древняя Российская Библиопека“, т. XIX, стр. 392.—„Дневникъ камерь-юнкера Беркгольца“, въ „Büsching's Magasin“, 1785, Bd. IX, pp. 112, 156, 171; 1786, Bd. XX, pp. 331, 332, 451—453, 485; 1787, Bd. XXI, p. 231.—В. Голиковъ, „Дѣяния Петра Великаго“, т. II, стр. 517; т. XIV, стр. 630; т. XV, стр. 47, 200, 201—206.—Его же, „Аnekdotы о Петре Великомъ“, Спб. 1807, стр. 406—411, 529—530.—„Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ.“, т. 11, стр. 208, 392; т. 104, стр. 107, 108, 220, 288, 321, 322, 342, 462.—„Сборникъ архивныхъ бумагъ о Петре Великомъ“, т. II, стр. 58, 59, 62—64, 68, 69, 71.—„Архивъ князя Куракина“, т. I, стр. 91.—Барановъ, „Опись сенатскаго архива“, т. II, 33, 113; 370; 34, 370; 35, 216, 523; т. III, 131, 94 и 142, 169.—Бантышъ-Каменскій, „Словарь достопамятныхъ людей Русской земли“, ч. III, Спб. 1847, стр. 398—401.—Устряловъ, „Исторія Петра Великаго“, т. III, стр. 571.—С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ“, 1400—1900 гг. Спб. 1900, № 129.—Надгробная надпись въ Симоновскомъ монастырѣ.

Татищевъ, Василій Никитичъ, родился 19 апрѣля 1686 г., умеръ 15 юля 1750 г., сынъ стольника Никиты Алексѣевича, принадлежалъ къ древнему русскому аристократическому, но «захудалому» роду, происходившему отъ князей Смоленскихъ. Татищевы были въ родствѣ съ Салтыковыми, и этимъ объясняется принятие Василія Никитича семіцѣтнимъ мальчикомъ въ число стольниковъ ко двору царицы Прасковыи Федоровны, рожденной Салтыковой, жены царя Ioannina Алексѣевича. Одинъ изъ биографовъ Т. полагаетъ, что онъ или до 1704 г., или уже по вступлениіи въ военную службу учился въ московской артиллерійской и инженерной школѣ, находившейся въ завѣданіи Брюса.

Поступивъ на службу въ 1704 г., Т. участвовалъ въ 1704 г. во взятии Нарвы, въ 1709 г. въ Полтавской битвѣ, а въ 1711 г. въ Прутской кампаніи. Стоянка полкомъ въ Польшѣ въ 1710 г. побудила его учиться польскому языку, а пребываніе въ 1713—14—17 г. въ Берлинѣ, Бреславль и Дрезденѣ дало ему возможность усовершенствоваться не только въ наукахъ, но и въ знаніяхъ немецкаго языка, которыми, по свидѣтельству современниковъ, онъ прекрасно владѣлъ. Во время заграницаго пребыванія Т. приобрѣлъ довольно много книгъ по математикѣ, военнымъ наукамъ, географіи и исторіи. Въ 1717 г.

Петръ Великій, придававшій большое значеніе изученію древностей, въ особенности русскихъ и славянскихъ, иувѣренный въ познаніяхъ въ этой области Т., отправилъ его въ Гданскъ (Данцигъ) хлопотать о включеніи въ контрибуцію старинной иконы, писанной, какъ гласило преданіе, св. Мѣѳодіемъ, первоучителемъ славянскимъ. Т. не могъ выполнить порученія царя, потому что магистратъ Гданска не согласился уступить икону, но Петру Великому не пришлось жалѣть обѣ этой неудачѣ, такъ какъ, ознакомившись съ исторіей иконы, Т. доказалъ невѣрность преданія. По возвращеніи изъ Гданска Т. состоялъ при Брюсѣ, генераль-фельдцейхтерѣ и президентѣ бергѣ и мануфактурѣ-колледжѣ, и жилъ съ нимъ на Аландскій конгрессъ. Какъ изъ Гданска, такъ и съ Аландскихъ острововъ, Т. привезъ много книгъ, которые оказали ему большую пользу, потому что, по повелѣнію Петра Великаго, ему пришлось заняться географіей Россіи. Мысль о составленіи подробной географіи Россіи принадлежала Брюсу, но онъ самъ не могъ посвятить этому труду достаточно времени, а потому Т. было поручено заняться собираемъ материала. Убѣдившись, что изученіе географіи невозможно безъ знанія исторіи, Т. началъ собирать въ 1719 г. материалы для исторіи Россіи. Занятія эти заставили его обратить вниманіе на тотъ вредъ, который происходилъ отъ общности и череззполосности земельныхъ владѣній, и онъ въ томъ же году подалъ царю представленіе о необходимости размежеванія земель въ Россіи, чтобы прекратить частныя ссоры, возникшія между землевладѣльцами.

Въ 1720 г. Т. долженъ былъ временно прекратить свои историко-географическія работы, такъ какъ, по видимому по представленію Брюса, былъ посланъ «въ Сибирскую губернію, на Кунгуръ и въ прочихъ мѣстахъ, где обыщутся удобныя разныя мѣста, построить заводы и изъ рудъ серебро и мѣдь плавить». Для Т. дѣло это было совершенно незнакомо, а заводы, вѣроятно ему, находились въ двухъ общирныхъ губерніяхъ—Сибирской и Казанской. Съ ними были отправлены саксонецъ Бліеръ, знатокъ горного дѣла, уже прежде бывшій на Уралѣ, и нѣсколько учениковъ московской инженерной школы. Пріѣхавъ въ Кунгуръ, Т. не могъ найти

рабочихъ, потому что, какъ оказалось изъ произведенного имъ слѣдствія, при прежнихъ управителяхъ насилино наряжали крестьянъ на горныя работы и по большей части не платили имъ денегъ. Т. поселился на Уктуускомъ заводѣ и учредилъ тамъ горную канцелярію, переименованную затѣмъ въ «Сибирское высшее горное начальство». Въ теченіе полутора года, которые Т. пробылъ на уральскихъ заводахъ, онъ воспользовался указаніями Блера и пленного шведа Шенстрѣма, вызванного имъ изъ Соликамска, чтобы познакомиться въ горномъ дѣломъ. Несмотря на краткость своего пребыванія на Уралѣ, Т. сдѣлалъ очень много: онъ перенесъ Уктуускій заводъ на рѣку Исеть и назвалъ это поселеніе, въ честь жены Петра Великаго, Екатерины Алексѣевны, Екатерининскомъ, чѣмъ положилъ начало теперешнему Екатеринбургу; хлопоталъ о перевозѣ туда Ирбитской ярмарки и о колонизаціи заводовъ пленными шведами; предлагалъ дозволить разработку рудъ частнымъ предпринимателямъ и учредить для надзора за ними шихтмейстеровъ; открылъ при заводахъ школы, изъ которыхъ двѣ были первоначальныя, гдѣ священники учили читать и писать, а въ двухъ другихъ школахъ учили ариѳметикѣ, геометріи и «прочимъ горнымъ дѣламъ»; требовалъ, чтобы были заведены школы въ селеніяхъ, приписныхъ къ заводамъ, и въ видѣ поощренія обѣщалъ грамотнымъ освобожденіе отъ рекрутства. Т. составилъ инструкцію для заводскихъ управителей, въ которой главное вниманіе было обращено на добросовѣстное отношеніе къ крестьянамъ, работающимъ на заводахъ. До Т. крестьяне должны были съ своими исками ѻздить въ Тобольскъ, но по его ходатайству былъ назначенъ особый судья на заводы. Башкирамъ, препятствовавшимъ въ розысканіи рудъ, была присланна, по мысли Т., грамота изъ Сената; они послушались этой грамоты и стали показывать рудники.

До приѣзда Т. на Уралъ заводчикъ Демидовъ, пользуясь особымъ покровительствомъ Петра Великаго, былъ тамъ, можно сказать, полновластнымъ хозяиномъ, а потому отнесся недоброжелательно къ новымъ распорядкамъ. Попытка подкупить Т. деньгами, чтобы не учреждались казенныя заводы, не удалась; тогда Демидовъ

отправилъ въ Петербургъ жалобу на Т., обвиняя его въ томъ, что онъ устроилъ заставы, затрудняющія привоз хлѣба на заводы, и отнялъ у него, Демидова, часть пристани на рѣкѣ Чусовой. Но Т. устроилъ заставы по требованію сибирского губернатора, а пристань отнялъ потому, что она основана была самовольно. Въ это время изъ бергъ-коллегіи прислали нового управляющаго заводами совѣтника Михаиліса, а Т. велѣли быть его помощникомъ. Дождавшись Михаиліса, Т. поѣхалъ въ началѣ 1722 г. въ Москву и въ Петербургъ разъяснить свои недоразумѣнія съ Демидовымъ. Онъ не засталъ въ Москве ни Брюса, ни царя, и проѣхалъ въ Петербургъ, а въ концѣ іюля отправился опять на Уралъ, вслѣдъ за Гениномъ, который былъ назначенъ для исправленія мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ и для разслѣдованія дѣла Демидова «не маня ни для кого». Убѣдившись въ правотѣ Т., Гений просилъ царя назначить его директоромъ заводовъ. Только въ сентябрѣ 1723 г. получено на Уралѣ оправданіе Т. и дозволеніе приставить его, по прежнему, къ дѣламъ. Въ концѣ этого года Т. былъ посланъ Гениномъ въ Петербургъ съ докладомъ о состояніи заводовъ и въ январѣ 1724 г. представлялся Цетру. Въ письменномъ оправданіи Т. по дѣлу съ Демидовымъ Т. привелъ текстъ: «дѣлающему мѣда не по благодати, а по дѣлу». Царь потребовалъ объясненія этихъ словъ. Т. отвѣчалъ, что можно обвинять за взятку только въ случаѣ несправедливаго рѣшенія; по мнѣнію Т. судья можетъ получить вознагражденіе отъ тяжущагося: 1) если работалъ постѣ полудня, чего не обязанъ дѣлать изъ-за жалованія, 2) если не тянуль дѣла справками и придираками, 3) если рѣшилъ дѣло не въ очередь, въ случаѣ крайней въ томъ нужды тяжущагося. Государь сказалъ на это: «сіе все правда и для совѣтныхъ людей невинно; токмо не безъ опасности безсовѣтнымъ дозволить, чтобы подъ тѣмъ доброхотнымъ принужденного не было». Т. добавилъ: «лучше всякаго и безсовѣтного закономъ помиловать, нежели многихъ невинныхъ овѣнь отяготить». Въ 1724 г. Т. произведенъ въ совѣтники бергъ-коллегіи и назначенъ въ сибирскій оберъ-бергъ-амтъ (какъ было переименовано высшее горное начальство). Вместо Урала онъ былъ посланъ въ Шве-

шю для изученія горнаго дѣла, для вы-
зыва оттуда горныхъ инженеровъ и вообще
ученыхъ людей въ Россію и для отдачи
въ обученіе горному дѣлу нѣсколькихъ
учениковъ морской и артиллерійской школы.
Кромѣ того ему было секретно поручено
«смотрѣть и увѣдомляться о политическомъ
состояніи, явныхъ поступкахъ и скрытыхъ
намѣреніяхъ онаго государства».

Весьма интересенъ разговоръ, бывшій
у Петра Великаго съ Т. передъ отѣзводомъ
его въ Швецію; онъ приведенъ впослѣд-
ствіи Т. въ сочиненіи «Разговоръ двухъ
пріятелей о пользѣ науки и училищъ»,
откуда мы цѣлкомъ его выписываемъ.
«Въ 1724 г., какъ я отправлялся въ Шве-
цію, случилось мнѣ быть у его величества
въ лѣтнемъ домѣ; тогда лейбъ-медикусъ
Блюментростъ, яко президентъ Академіи
Наукъ, говорить мнѣ, чтобы въ Швеціи
искать ученыхъ людей въ учреждающуюся
академію въ профессоры, на что я, раз-
смѣявся, ему сказалъ: ты хочешь сдѣлать
архимедову машину очень сильную, да по-
дымать нечего и гдѣ поставить мѣста
нѣть.—Его Величество изволилъ спросить,
что я сказалъ, а я донесъ, что ищеть учи-
телей, а учить некого, ибо безъ нижнихъ
школъ академія онаго съ великимъ раз-
ходомъ будетъ бесполезна. На сіе его
величество сказалъ: Я имѣю жать скирды
великія, только мельницы нѣть; да и по-
строить водянную и воды довольства въ
близости нѣть; а есть воды довольно въ
отдаленіи, токмо каналъ мнѣ дѣлать уже
не успѣть для того, что долгота жизни
нашней ненадежна и для того перво мель-
ницу строить, а каналъ велѣль только
зачать, которое наследниковъ моихъ лучше
понудить къ построенной мельнице воду
проводѣти». Мельница—академія, каналъ—
школы математическая и епархиальная,
основанные Петрою. «Но сіе желаніе и
надежда его величества весьма обманула,—
продолжаетъ Т.,—ибо по его скорому
представленію хотя люди въ наукахъ пре-
славные скоро съѣхались и академію основа-
ли, но по епархіямъ, кромѣ новгород-
ской и бѣлгородской, не токмо школы
вновь устроены, по нѣкоторымъ и начаты
оставлены и разорены; вмѣсто того архі-
еепи конскіе заводы созидать прилежали».

Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Швецію Т.
заболѣлъ и два мѣсяца пролежалъ въ по-
стели. Не успѣлъ еще онъ приняться за

выполненіе возложенныхъ на него поруче-
ний, какъ пришло извѣстіе о кончинѣ
Петра Великаго, передъ которымъ онъ
благоговѣлъ. Впослѣдствіи Т. такъ вспо-
миналъ о своемъ царѣ-покровителе: «Все,
что имѣю: чины, честь, имѣніе и главное
надѣть всѣмъ—разумъ, единственно все по
милости Его Величества имѣю: ибо если
бы онъ въ чужие краи меня не посыпалъ,
къ дѣламъ знатныхъ не употреблялъ, а
милостью не ободрялъ—то бы я не могъ
ничего того получить».

Правительство Екатерины I оставило Т.
въ Швеціи, и онъ обратилъ тамъ вниманіе
на все, что считалъ полезнымъ для
Россіи. Осмотрѣвъ горные заводы и руд-
ники, онъ собралъ множество чертежей и
плановъ и условился съ мастерами обѣ
отдачи имъ на выучку русскихъ. Относитель-
но найма инженеровъ ему не посчастливилось;
вслѣдствіе запрещенія шведскимъ
правительствомъ вывозить въ боль-
шомъ количествѣ какихъ-либо мастеровъ,
Т. былъ нанять и посланъ въ Екатерин-
бургъ одинъ только мастеръ, по фамиліи
Рефъ. Этотъ Рефъ умѣлъ прочно поста-
вить обученіе гравиальному искусству; уче-
ники его, оказавъ замѣчательные успѣхи,
въ свою очередь стали обучать гравенію
слѣдующее поколѣніе, такъ что Екатерин-
бургъ, построенный Т., ему же обязанъ
во все время своего существованія по-
стояннымъ и вѣрнымъ заработкомъ. Т. сблизился въ Швеціи со многими учеными,
особенно съ королевскимъ библіотекаремъ
Бреннеромъ, котораго онъ зналъ еще въ
Россіи, а черезъ него съ упсальскимъ
профессоромъ Бензелемъ, извѣстнымъ зна-
токомъ древностей сѣверныхъ народовъ.
При ихъ помощи онъ ознакомился съ би-
бліотеками, архивами и музеями Швеціи
и немедленно сообщилъ въ Петербургъ
планъ выборки изъ скандинавскихъ исто-
риковъ всего, что касается русскихъ древ-
ностей. Т. не ограничился собираемъ
историческихъ материаловъ и покупкой
книгъ; онъ старался пополнить свое обра-
зованіе и занимствовалъ у ученыхъ шве-
довъ методъ изслѣдованія историческихъ
источниковъ. Въ бытность свою въ Шве-
ціи Т. поѣхалъ и Данію. По возвращеніи
въ Петербургъ онъ прежде всего занялся
составленіемъ отчета о своей поїздкѣ, за-
тѣмъ, принимая во вниманіе шведскую мо-
нетную систему, указалъ на необходимость

ввести въ Россіи десятичную систему въ монетахъ, вѣсахъ и мѣрахъ. Вѣроятно, въ это же время онъ представилъ императрицѣ предположенія относительно устройства дороги въ Тобольскъ и въ Нерчинский край.

Съ 1727 по 1730 гг. Т. былъ членомъ монетной конторы. Послѣ кончины императора Петра II члены Верховнаго тайного совѣта послали избранной ими въ императрицы вдовствующей курляндской герцогинѣ Аннѣ Ioannovnѣ составленный безъ вѣдома всѣхъ сословій «кондїці», на основаніи которыхъ она должна была управлять Россіей. Дворянство, или, какъ тогда его называли, шляхетство, не сочувствуя олигархической программѣ «кондїцій» и не желая отдать судьбу Россіи въ руки немногихъ ея представителей, состоявшихъ главнымъ образомъ изъ князей Долгорукихъ и Голицыныхъ, рѣшило постигнуть императрицѣ, по пріѣздѣ ея въ Москву, свои проекты государственного устройства Россіи. Въ сочиненіи этихъ проектовъ шляхетства Т. принималъ весьма дѣятельное участіе. Онъ составилъ «мнѣніе» о такомъ устройствѣ по просьбѣ одного изъ шляхетскихъ кружковъ, во главѣ котораго стоялъ кн. А. М. Черкасскій; «мнѣніе» Т. служить весьма любопытнымъ и характернымъ выраженіемъ политическихъ воззрѣній какъ кружка, такъ и самого Т., стоявшаго принципіально за монархическое правленіе въ Россіи, но относительно Анны Ioannovnѣ допустившаго нѣкоторыя «поправки» въ своемъ политическомъ принципіи. Изъ этого довольно обширнаго «мнѣнія» приведемъ только соображенія Т. по поводу «вступленія на престолъ особы женскаго пола». «О государынѣ императрицѣ (Аннѣ Ioannovnѣ)—говорить Татищевъ,—хотя мы ея мудростю, благонравiemъ и порядочными правителстvомъ въ Курляндіи довольно увѣрены, однако жъ, какъ есть персона женская, бѣ такимъ многимъ трудамъ неудобна, а паче всего ей знанія законовъ не достаетъ; для того на время, доколѣ намъ Всевышній мужескую персону на престолъ даруетъ, потребно нѣчто для помочи ея величеству вновь учредить». Это нѣчто состояло, по проекту Т., изъ двухъ камерь, основанныхъ на своеобразномъ представительствѣ отъ шляхетства: «вышнее правленіе»—сенатъ изъ 21 члена пред-

ставителей высшихъ, родословныхъ, «фамильныхъ» людей, отъ каждой фамиліи по одному, и «нижнее правленіе»—по изображенію отъ шляхетства—100 членовъ, раздѣленныхъ на 3 сессіи, по 30 слишкомъ лицъ въ каждой, которыхъ засѣдаются по очереди въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Эти постоянные члены «Нижнаго правительства» вѣдаются дѣла внутренней экономіи. Три раза въ годъ «нижнее правительство» собирается въ полномъ своемъ составѣ для разсмотрѣнія важныхъ дѣлъ, а въ выдающихся случаяхъ, какъ напр. объявление войны, кончина безнаследнаго государя,—созывается полный составъ «нижнаго правительства» въ общее засѣданіе съ «вышимъ».

Шляхетство не выказало единодушія; оно разбилось на кружки, изъ которыхъ почти каждый выработалъ особые планы государственного строя. Партия кн. Черкасскаго, какъ самая многочисленная, взяла вѣрхъ, и адресъ отъ шляхетства, въ которомъ давалось знать о его желаніяхъ, Т. прочелъ императрицѣ при общемъ собраніи Верховнаго тайного совѣта, сената, генералитета, шляхетства и духовенства. По требованію гвардіи былъ возстановленъ прежній порядокъ правленія; тѣмъ не менѣе правительство Анны Ioannovnѣ обратило вниманіе на Т. и произвело его изъ коллежскихъ совѣтниковъ прямо въ дѣятельные сенатскіе, а въ день коронаціи онъ исправлялъ обязанности оберъ-дремоніймейстера.

Въ томъ же 1730 г. появился планъ академіи ремеселъ, которая должна была состоять изъ четырехъ отдѣлений; во главѣ отдѣленія механики хотѣли поставить Т. Академія эта не была учреждена, потому что противъ нея высказался Остерманъ. Т. былъ назначенъ главнымъ судьею, т. е. предсѣдателемъ, монетной конторы и приложилъ къ этому дѣлу знанія, приобрѣтенные въ Швеціи. Если бы онъ дольше оставался во главѣ монетной конторы, то сумѣлъ бы добиться устройства училища для преподаванія наукъ, нужныхъ для монетнаго дѣла; но онъ не поладилъ съ своимъ ближайшимъ начальникомъ гр. М. Г. Головкинымъ, которому въ 1731 г. была подчинена монетная контора вмѣсто сената: Т. предполагалъ, что ихъ сорицъ Биронъ. Правителстvомъ было получено извѣстіе о взяткахъ Т., и его уво-

или отъ должности предсѣдателя монетной конторы; весьма вѣроятно, что главная причина увольненія Т. заключалась въ томъ, что гр. Головкинъ вмѣсто одной компаніи скупщиковъ желалъ поставить другую (скупщиками назывались купцы, поставлявшіе въ казну серебро и золото въ иностранныхъ монетахъ, вецахъ, слиткахъ, ломѣ и т. п.).

Въ 1734 г. Т. былъ освобожденъ отъ суда и снова назначенъ на Ураль «для размноженія заводовъ», согласно данной ему инструкціи. Въ то же время ему поручены составленіе горнаго устава и надзоръ за частными заводами какъ относительно доброкачественности ихъ произведеній, такъ и относительно положенія работниковъ и общаго распорядка на заводахъ. Вмѣшательство въ управлениѣ частными заводами навлекло на Т. жалобы и нареканія со стороны Демидовыхъ и нѣкоторыхъ другихъ заводчиковъ, а потому частные заводы были переданы въ вѣдѣніе коммерц-коллегіи. Т. пробылъ на Уралѣ до 1737 г., усердно и ревностно выполняя возложенное на него порученіе о «размноженіи заводовъ»: число заводовъ возросло при немъ до 40, и онъ считалъ возможнымъ открыть еще 36. Въ 1736 г. бергъ-директоромъ былъ назначенъ Шомбергъ, вызванный изъ Саксоніи Бирономъ, который, по словамъ Т., «вознамѣрился онъ великий государственный доходъ [т. е. доходъ отъ горныхъ заводовъ] похитить».

Въ 1737 г. Т. былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ въ Оренбургскую экспедицію на мѣсто умершаго Кирилова, извѣстнаго основателя новой Оренбургской линіи, построенной для прикрытия Оренбургскаго края отъ нападенія степныхъ народовъ. Т. нашелъ дѣла запущенными, остался недоволенъ составомъ служащихъ, насторожъ перенесъ Оренбургъ съ того мѣста, которое выбралъ Кириловъ, и продолжилъ начатое его предмѣстникомъ построеніе укрѣпленной Оренбургской линіи. Одну изъ построенныхъ имъ въ этой линіи крѣпостей онъ назвалъ своимъ именемъ — Татищевої. Т. находилъ, что невозможно окончательно усмирить Башкирью крутыми мѣрами: по его мнѣнію, надо было упорядочить сборъ ясака и отдать башкирскія земли отъ чувашикъ и мещерякскіхъ. Усмиреніе края осложнилось обращеніемъ матежниковъ къ киргизскому

хану Абуль-Хаиру, котораго они провозгласили своимъ ханомъ. Абуль-Хаиръ съ толпою матежныхъ башкиръ явился въ Оренбургъ и началъ творить тамъ судъ и расправу. Т. медлилъѣхать въ Оренбургъ, ссылаясь на недостатокъ въ деньгахъ и амуниціи, но получилъ за это строгое замѣчаніе и поѣхалъ уговаривать Абуль-Хаира снова присягнуть россійской императрицѣ, что ему и удалось достичь. Одновременно съ заботами объ умиротвореніи башкиръ, на долю Т. выпали хлопоты поселенія въ русскихъ предѣлахъ крещеной калмыцкой княгини Тайшиной, для которой онъ выстроилъ городъ, названный Ставрополемъ. Въ январѣ 1739 г. Т. поѣхалъ въ Петербургъ съ допесеніемъ о положеніи дѣла въ Оренбургскомъ краѣ. Всѣдѣствіе поданныхъ на него жалобъ, гр. Головкинъ счелъ нужнымъ отрѣшить Т. отъ должности и назначить особую комиссию для разслѣдованія взводимыхъ на него обвиненій: взятокъ, утайки частнаго жалованья, назначенаго киргизскому хану и старшинамъ, построенія себѣ дома въ Самарѣ и т. п. По свидѣтельству саксонского посланника, во время производства дѣла Т. былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Комиссія работала полтора года; постановили лишить Т. чиновъ и взыскать съ него штрафъ въ возмѣщеніе ущерба, нанесенного имъ казеннымъ и частнымъ интересамъ; но такъ какъ не всѣ касающіяся его дѣла были разсмотрѣны, то приговоръ оставилъ безъ исполненія.

Въ 1741 г. правительство Анны Леопольдовны рѣшило воспользоваться знакомствомъ Т. съ Оренбургскимъ краемъ и съ калмыцкими дѣлами и отправило его во главѣ калмыцкой экспедиціи, а затѣмъ, по вступленіи на престолъ Елизаветы Петровны, онъ назначенъ губернаторомъ въ Астрахань, съ оставленіемъ при калмыцкихъ дѣлахъ. Пріѣхавъ въ Царицынъ, Т. узналъ, что раздоръ между калмыцкими владѣтелями продолжаетъ усиливаться; вскорѣ одинъ изъ нихъ, Дондукъ-Даши, добился должности «памѣстника» калмыцкихъ улусовъ и сумѣлъ расположить къ себѣ влиятельныхъ лицъ въ Петербургѣ настолько, что тѣ вѣрили его жалобамъ и исоднократно присыпали выговоры Т. за рѣзкое обращеніе съ памѣстникомъ и въ особенности за нападки на суевѣріе калмыковъ.

Дѣло дошло до того, что намѣстникъ заявилъ подозрѣніе въ покушеніи Т. на его жизнь и обвинялъ его во взяткахъ. Главныя пререканія между ними происходили изъ-за судебнаго устава, составленіе котораго было поручено Т.: намѣстникъ жаловался, что Т. не составляетъ устава; Т. ссыпался на то, что намѣстникъ не присыпаетъ ему сборника степныхъ обычаевъ. Выведенный изъ терпкнія, Т. написалъ намѣстнику рѣзкое письмо, въ которомъ между прочимъ почти слово въ слово повторилъ выраженіе своего державнаго учителя о законахъ: «о правахъ вамъ объявляю—писалъ Т.—хотя я ихъ сочиняю, но тщетно законы писать, если ихъ не хранить». Дондукъ отвѣтилъ дерзостью. Тогда Т. прекратилъ съ намѣстникомъ всякия сношенія и переписку съ нимъ переслалъ въ Петербургъ. По приказанію изъ Петербурга было сдѣлано строгое разслѣдованіе; тѣхъ людей, которые сорили намѣстника съ губернаторомъ, отвезли въ Петербургъ и одного изъ нихъ наказали плетьми. Едова калмыцкаго хана Дондукъ - Омбо, Джанша, производившага смуты, была крећена вмѣстѣ съ дѣтьми, и волненія среди калмыковъ наконецъ улеглись.

Во время своего астраханскаго губернаторства Т. обратилъ вниманіе на внутреннюю и виѣшнюю торговлю Астраханскаго края, а такъ какъ первое мѣсто во внутренней торговлѣ принадлежало торговлѣ рыбой, то онъ занялся разборомъ правъ калмыковъ и русскихъ на рыбную ловлю и устроилъ въ Астрахани контору, наблюдавшую за этимъ промысломъ. Желая правильно поставить торговлю съ средней Азіей, онъ сталъ собирать свѣдѣнія о вывозимыхъ и привозныхъ товарахъ и данныя о торговыхъ путяхъ и о населеніи края.

Пространство тогдашней Астраханской губерніи было гораздо больше теперешняго; въ нее входили, кроме теперешней Астраханской губерніи, нынѣшняя Саратовская губернія, Земля войска Уральскаго и Прикаказье нашего времени. Т. былъ удрученъ состояніемъ всей этой обширной области и писалъ въ 1742 г. кабинетъ-секретарю императрицы Елизаветы Петровны Ив. Айт. Черкасову, котораго зналъ еще при Петрѣ Великомъ: «Сія губернія такъ разорена, какъ недовольно свѣдущій

повѣрить не можетъ, понеже люди разо-гнаны; доходы казенные растеряны или расточены; правосудіе и порядки едва когда слыханы — что за такимъ величимъ отдаленіемъ и не дивно,—и вамъ, яко болѣе меня свѣдущему, писать пространно не потребно. Причина же сего есть главная, что нѣсколько губернаторовъ сюда вмѣсто ссылки употреблялись и, не имѣя смѣлости, или ничего, или боясь кого, по нуждѣ неправильно дѣлали. А можетъ и то, что, не имѣя достаточнаго жалованія, принуждены искать прибытка, не взирая на законы». Несмотря на недостатокъ помощниковъ, Т. не ограничивался текущими дѣлами и занимался проектами для улучшенія положенія края. Онъ предлагалъ выстроить нѣсколько городковъ и населить ихъ волжскими казаками, крещенными калмыками и выходцами изъ другихъ губерній, чтобы увеличить количества осѣдлыхъ поселеній; для постройки крѣпостей онъ просилъ прислать инженеровъ изъ Петербурга, причемъ артиллерію для нихъ считалъ возможнымъ взять изъ Сибири. Раздача земель, по его предложенію, должна была совершаться по указаннымъ дачамъ; въ татарскіе суды надлежало опредѣлять грамотныхъ мурзъ и т. п. Какъ видно, Т. заботился о благоустройстве вѣтреной ему губерніи и желалъ, чтобы всюду и всегда законъ стоялъ на первомъ планѣ; недаромъ онъ съ огорченіемъ упоминалъ въ письмѣ къ Черкасову, какъ мы видѣли выше, что «правосудіе и порядки едва когда слыханы». О его дѣятельности въ Астраханской губерніи имѣть слѣдующее свидѣтельство доктора Лерха, посѣтившаго Астрахань по пути въ Персию: «Татищевъ во всѣхъ дѣлахъ свѣдущъ и рѣшителент; умъ каждому посовѣтовать и помочь, а въ особенности купцамъ, которыхъ онъ привелъ въ цѣнущее состояніе. Дѣлалъ онъ это однако не даромъ, за что подвергся отвѣтственности, и сенатъ прислалъ указъ, которымъ онъ отрѣшается». Т. во время его астраханскаго губернаторства приходилось неоднократно оправдываться въ поборахъ и взяткахъ, какъ видно изъ его писемъ къ Черкасову. Всѣ обвиненія онъ опровергалъ очень основательно, но признавалъ правильными: «когда кому благодѣяніе сдѣлаю, то я по закону божескому приять приносимое безъ заэрѣнія могу».

Отрѣшениe Т. отъ должности произошло, не-главнымъ образомъ, изъ-за жалобы на него намѣстника Дондукъ-Даши. Подняли старое дѣло, которому не давали хода болѣе трехъ лѣтъ, и постановили освободить Т. по милостивымъ манифестамъ 1741 и 1744 гг. отъ назначенаго ему наказанія, но взыскать положенный денежній штрафъ. Несмотря на то, что оберъ-прокуроръ сената Брыкинъ представилъ возраженія какъ относительно денежнаго взысканія, такъ и относительно неправильнаго отрѣшения отъ должности—канцлеръ гр. Головкинъ настоялъ на увольненіи Т.

Сдавъ дѣла, Т. выѣхалъ изъ Астрахани 17 ноября 1745 г., а 22 декабря прибылъ въ Симбирскую деревню сына, где перезимовалъ. Затѣмъ онъ отправился въ свою подмосковную Болдину, где и прожилъ до самой смерти, работая надъ своей «Исторіей Россіи». Онъ считался состоящимъ подъ судомъ, а потому у его двери находился постоянно солдатъ сенатской роты.

Обстоятельства, предшествовавшія его смерти, настолько необычны, что мы приводимъ ихъ на основаніи семейнаго преданія. Наканунѣ своей смерти Т. поѣхалъ верхомъ въ церковь за три версты и велѣлъ туда явиться мастеровымъ съ лопатами. Послѣ обѣди онъ пошелъ съ священникомъ на кладбище, велѣлъ вырыть для себя могилу подъ предковъ и просилъ священника пріѣхать на другой день пріобщить его. Домой онъ вернулся уже не верхомъ, а въ одноколкѣ, и нашелъ тамъ курьера, который привезъ указъ, оправдывающій его, и орденъ св. Александра Невскаго. Онъ возвратилъ орденъ, сказавъ, что умираетъ; то же сказалъ и повару, когда тотъ пришелъ спрашивать обѣ обѣдѣ на завтра. На другой день, 15 июля 1750 г. онъ пріобщился св. Таинъ, соборовался, простился со всѣми и скончался.

По своему умственному развитію, по своимъ взглядамъ и убѣженіямъ, Т. безспорно принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ изъ передовыхъ людей своей эпохи. Его «умонаучертаніе», какъ выражались въ XVIII вѣкѣ, сложилось подъ вліяніемъ западно-европейскихъ мыслителей XVII и XVIII вѣковъ и преобразовательной дѣятельности Петра Великаго. Изъ этихъ мыслителей ему наиболѣе сим-

патичны: Бейль, Локкъ, Гоббсъ, Лейбницъ, послѣдователь Лейбница и его популяризаторъ Хр. Вольфъ и основатели науки такъ назыв. естественного права—Пуффендорфъ, Томазій и Гуго Гроцій. Свои философскія, религіозныя, политическія и общественные убѣждения Т. выразилъ какъ въ «Исторіи Россіи», такъ и въ другихъ ученыхъ и политическихъ трактатахъ.

По мнѣнію Т., цѣль человѣческой жизни—ученіе, развитіе разума, усвоеніе добра и отвращеніе отъ зла; смыслъ науки—самосовершенствованіе и самопознаніе человѣка для плодотворной практической дѣятельности на пользу государства и общества.

Религіозныя убѣждения Т., составившія ему между современниками репутацію «аѳиста» и пугавшія многихъ своею смѣлостью, исходили изъ его философскихъ взорѣй, но не отличались особою устойчивостью. Полагая въ основу всего человѣческаго міросозерцанія разумъ, Т. признавалъ Высшее Существо, Промыслъ Божій и загробную жизнь, высоко чтиль евангельское ученіе, но отошелся отрицательно къ вѣроученію положительныхъ христіанскихъ религіозныхъ исповѣданій: нападалъ на чрезмѣрное развитіе обрядности, на смыщеніе въ религіи важнаго и первостепенаго съ неважнымъ и второстепеннымъ и на несоответствіе дѣйствительнаго состоянія духовенства съ его высокимъ назначениемъ въ народной жизни. Въ жизни, на практикѣ, особенно подъ вліяніемъ лицъ невзгодъ, онъ исполнялъ благочестивые православные обряды предковъ и отличался даже заботливостью. Т. придавалъ религіи большое государственное значеніе и считалъ, что религія охраняетъ народную массу отъ пороковъ и преступлений. Многія изъ этихъ мыслей Т. выражаетъ въ такъ называемой «Духовной», которая содержитъ въ себѣ съвѣты его единственному сыну Евграфу Васильевичу, совершенно юному въ то время, когда она писалась. Обыкновенно въ «духовной» дѣлаются распоряженія относительно распределенія остающагося имущества, но Т. иначе взглянулъ на дѣло и преподалъ своему сыну вѣставленія: 1) касательно вѣры, душеполезнаго чтенія и ознакомленія съ инославными христіянскими вѣроисповѣданіями; 2) свѣтскихъ

наукъ, знанія гражданскихъ и воинскихъ законовъ; 3) почтительного отношения къ матери (несмотря на то, что Т. давно разошелся съ своей женой), выбора жены (совѣтуетъ взять жену нѣсколько моложе себя или однихъ лѣтъ съ собой; за богатствомъ не гнаться, но обратить вниманіе, чтобы было «свойство доброе», которое можетъ оказать большую пользу; видѣть въ женѣ «не рабу, но товарища, помощницу во всемъ и друга неліцепрѣнаго»); 4) службу государю и государству нести вѣрно и прилежно; ни отъ какой услуги не отказываться и ни на что не напрашиваться; для шляхетства есть три рода службы: военная, гражданская и придворная, и Т. даетъ совѣты, какъ держать себя на каждомъ изъ этихъ поприщъ.

По политическимъ убѣжденіямъ Т. принадлежалъ къ кружку, во главѣ котораго стоялъ Артемій Петровичъ Волынской, желая страстно, чтобы просвѣщеніе и общественное развитие Россіишли дальше по пути, указанному «первымъ русскимъ императоромъ», т. е. заимствовали бы все пригодное и полезное отъ Западной Европы, сообразуясь вмѣстѣ съ тѣмъ съ частными русскими национальными особенностями. Поэтому Т. требовалъ национального направлѣнія въ русскомъ правительстве и враждебно относился къ Бирону и прочимъ немцамъ-правителямъ, хотя не могъ открыто высказывать это. Исходя изъ своихъ основныхъ воззрѣній на различныя формы правленія въ государствахъ и увлеченій личностью и замыслами Петра Великаго, Т. признавалъ самодержавіе единственной формой правленія, пригодной для Россіи, и считалъ, что власть законодательная и высшая судебная принадлежать исключительно монарху. Но понятіе о самодержавіи у него неразрывно связывалось съ представлениемъ о личности его учителя Петра Великаго. Иначе смотрѣлъ Т. на императорскую власть въ рукахъ «персоны женской», какъ мы видѣли это выше. Главнейшими обязанностями государственной власти, по убѣжденію Т., были: просвѣщеніе народа, правосудіе, попеченіе объ экономическомъ и нравственномъ благосостояніи всѣхъ классовъ населенія страны, наконецъ, упорядоченіе центрального и областного управления, въ основѣ资料а котораго должно лежать коллегіальное начало.

Какъ уже говорилось выше, Т. по порученію сначала Брюса, а затѣмъ самого Петра Великаго, долженъ былъ составить географію Россіи. Желая уяснить себѣ разные географические, этнографические и статистические вопросы, онъ невольно перешелъ къ изученію исторіи. Въ ней онъ искалъ ключа къ пониманію современного ему политического, экономического и культурного состоянія Россіи. Составленіе ландкарты, изданный имъ «Географический лексиконъ» (Спб. 1793, 3 тома, доведено до буквы К) и, наконецъ, «Исторія Россіи»—все это подготовительные работы для достиженія его завѣтной мысли—описанія Россіи въ географическомъ отношеніи. Широкій взглядъ Т. на географію выраженъ имъ въ замѣтальномъ его «Предложеніи о сочиненіи исторіи и географіи Россійской». Предложеніе это было представлено въ 1787 г. въ Академію Наукъ, ему придали официальное значеніе и разослали по областнымъ правителямъ и канцеляріямъ. Оно состояло изъ 198 вопросовъ и было, по справедливому замѣчанію Н. А. Попова, обширною программою для трудовъ многихъ ученыхъ, многихъ экспедицій, многихъ поколѣній. Предложеніе касалось самыхъ разнообразныхъ вопросовъ исторіи, географіи и этнографіи Россіи. Между прочимъ Т. обратилъ внимание на тщательное записыванье мѣстныхъ словъ, на изслѣдованіе мѣстныхъ племенныхъ нарѣчій, говоровъ, вѣровавій, на собиранье повѣрій, пѣсенъ, преданий, древнихъ названій разныхъ мѣстностей, уроціщъ и рѣкъ и самоизваній разныхъ племенъ, населяющихъ Россійскую имперію, на сохраненіе и описание вещественныхъ древностей, на приведеніе въ порядокъ и описание мѣстныхъ архивовъ.

Обработкой материаловъ для сочиненія «Исторіи Россійской съ самыхъ древнійшихъ временъ, неусыпнымъ трудомъ чрезъ тридцать лѣтъ собранной и описанной», Т. началъ заниматься въ 1727 г., какъ онъ самъ говорить въ донесеніи коллегіи иностранныхъ дѣлъ изъ Самары отъ 29 ноября 1738 г., а собирать материалы для этого труда онъ сталъ въ 1720 г. У Т., какъ упомянуто раньше, была большая библиотека; кроме того онъ пользовался библиотеками Брюса и извѣстнаго «любителя наукъ» этого времени кн. Дм.

Мих. Голицына, кн. С. Д. Голицына, во время губернаторства послѣдняго въ Казани, въ 1730-хъ годахъ, отъ кн. Черкасского, А. П. Волынского, Еронкина и Хрущова; покупалъ рукописи на площадяхъ, у разносчиковъ; поручалъ своимъ знакомымъ списывать рукописи; разбѣгдалъ, нѣтъ ли старинныхъ рукописей въ монастыряхъ, архивахъ, присутственныхъ мѣстахъ. Пользуясь рукописями, Т. объясняетъ во введеніи къ «Исторіи», почему онъ отдаетъ предпочтеніе тому или другому списку лѣтописи, почему считаетъ свидѣтельство одного лѣтописца достовѣрнѣе другого. Большинство рукописныхъ лѣтописей, вошедшихъ въ составъ Татищевскаго свода, не дошло до нась. Въ этомъ заключается причина того, что впослѣдствии стали сомнѣваться во многихъ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ Т. Главное сомнѣніе возбудили приведенные имъ отрывки изъ Иоакимовской и Полоцкой лѣтописей. Т. получилъ отрывки изъ Иоакимовской лѣтописи отъ своего родственника, архимандрита Базюкова монастыря, Дорогобужскаго уѣзда, Смоленской г., Мельхиседека Борщова въ 1748 г. и, списавъ ихъ, вернулъ тетради Борщову, который вскорѣ умеръ, а имущество его было расхищено.

При жизни Т. встрѣтилъ не только ходность, но даже враждебное отношеніе къ своему труду, и печатаніе его «Исторіи» могло осуществиться только при Екатеринѣ II. Подлинный манускриптъ «Исторіи» Т. сгорѣлъ вскорѣ послѣ его смерти вмѣстѣ съ обширной библиотекой въ его подмосковномъ имѣніи, селѣ Болдинѣ, и его сынъ Евграфъ Васильевичъ принесъ въ даръ Московскому университету весьма исправную копію съ подлинника. Университетъ рѣшился издать эту копію, поручивъ редактированіе ея пѣвѣстному русскому историку того времени, вѣмцу Миллеру, академику и начальнику Главнаго Московскаго архива министерства иностраннѣнныхъ дѣлъ. Принявъ на себя трудъ редактированія, Миллеръ раздѣлилъ «Исторію» на нѣсколько книгъ и издалъ въ 1769 — 1773 гг. лишь первыя двѣ книги (1-я книга въ двухъ частяхъ), не сумѣвъ исправить искаженія и не понявъ того значенія, какое имѣтъ «Исторія» Т. З-я книга «Исторіи» была издана по особому повелѣнію императрицы Екатерины II въ

Петербургѣ въ 1784 г. Всѣ 3 книги (въ 4 частяхъ) доводятъ событія изъ русской исторіи до 1462 г., т. е. до воскнїженія Иоанна III. Черезъ шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ послѣ изданія З-й книги «Исторіи» М. П. Погодинъ нашелъ среди своихъ рукописей 4-ю ея книгу, обнѣмающую событія отъ воскнїженія Иоанна III до 1577 г., съ приложеніемъ жизнеописанія царя Феодора Иоанновича, составленаго патріархомъ Іовомъ. Въ 1848 г., т. е. безъ малаго столѣтія спустя послѣ смерти Т., эта 4-я книга была издана на средства Московскаго общества исторіи и древностей российскихъ, подъ редакціей проф. О. М. Бодянскаго. Такимъ образомъ мы располагаемъ въ настоящее время печатнымъ экземпляромъ «Исторіи Российской» Т. съ древнейшихъ временъ до царствованія Феодора Иоанновича включительно. Русскіе историки XIX в.: Погодинъ, Бутковъ, Соловьевъ и митрополитъ Макарій пользовались «Исторіей» Т. для своихъ ученыхъ работъ, а профессоръ П. А. Лавровскій посвятилъ обширную статью опроверженію мнѣнія А. Л. Шлецера, что Т. выдумалъ Иоакимовскую лѣтопись. Этими учеными, а также и біографамъ Т., отзывы которыхъ о немъ будутъ приведены ниже, наука русской исторіи нашего времени обязана несомнѣнными доказательствами ученої добросовѣтности Т.

Для изученія историческихъ воззрѣній Т. всего болѣе интересна представляеть введеніе въ его «Исторію», занимающее первую часть первой книги. Въ этомъ введеніи Т. излагаетъ понятіе обѣ исторіи, подъ которой онъ разумѣетъ дѣянія въ смыслѣ всѣхъ явлений и «приключеній» въ общественной и культурной жизни народовъ. Затѣмъ онъ предлагаетъ раздѣленіе исторіи на священную, церковную, политическую и ученую и переходить къ изложению пользы исторіи, которая, сообразно представляемъ вѣка, по мнѣнію Т., заключается прежде всего въ томъ, что исторія есть *наука опыта*, а потому ни богословъ, ни юристъ, ни медикъ, ни администраторъ, ни дипломатъ, ни вождь не могутъ съ успѣхомъ исполнять своихъ должностей безъ знанія исторіи. Отечественная исторія, а въ томъ числѣ и русская, всего болѣе нужна въ этомъ отношеніи природнымъ жителямъ своей страны: однако необходимо русскимъ изучать иностранную исторію, а

иностраннымъ историкамъ русскую «для лучшаго обработанія науки исторической». Здѣсь Т. выражаетъ справедливую мысль, что одни отечественные историки недостаточны для «составленія вполнѣ безпристрастной исторіи», потому что отечественные писатели въ своихъ сужденіяхъ могутъ руководствоваться «любовью» или «страхомъ». Западно-европейскіе историки, безъ знанія русской исторіи, не могутъ уяснить себѣ исторію древнихъ народовъ, обитавшихъ въ предѣлахъ теперешней Россіи, и кромѣ того, только при знаніи русской исторіи они могутъ оправдывать ложь, сочиненную нашими врагами. Нельзя не отмѣтить важнаго замѣчанія Т. о маломъ знакомствѣ русскихъ образованыхъ людей его времени съ русской исторіей, о ихъ нежеланіи узнать ее должнымъ образомъ и о стремлѣніи ихъ болѣе знакомиться съ исторіей западно-европейской. Разсужденіе о пользѣ исторіи Т. заканчивается указаниемъ на ея воспитательное значеніе, въ смыслѣ собранія нравственныхъ подвиговъ изъ прошлаго, въ примеръ, нравоученіе, подражаніе современнымъ дѣятелямъ на разныхъ государственныхъ и общественныхъ поприщахъ. «Сія то есть потребность исторіи — говорить онъ, — но что всякому человѣку нужно знать, то можно легко уразумѣть, что въ исторіи не токмо нравы, поступки и дѣла, но изъ того происходящія приключенія описуются, яко мудрыми, правосудными, милостивыми, храбрыми, постоянными и вѣрными честь, слава и благополучіе, а порочными, несмысленными, лихомицами, скучными, робкими, превратными и невѣрными бесчестіе, поношеніе и оскорблѣніе вѣчное послѣдуютъ, изъ котораго всякий обучаться можетъ, чтобы первое колику возможно пріобрѣсти, а другаго избѣжать».

Основная причина всѣхъ «приключеній», взаимодѣйствіе которыхъ составляеть предметъ исторіи, по возврѣнію Т., есть умъ человѣческій и обратная его сторона, отсутствіе его, глупость. Просвѣщенный умъ, называемый Т. разумомъ, является основной силой всемирной исторіи, а потому умопросвѣщеніе есть главнѣйшее ея содержаніе. Это умопросвѣщеніе выражается въ трехъ явленіяхъ, сообразно времени ихъ возникновенія: въ изобрѣтеніи письменъ, въ возникновеніи и распространеніи на землѣ христіанства и въ изобрѣ-

теніи книгопечатанія. На основаніи ихъ Т. желаетъ рассматривать главнѣйшія «дѣянія» въ исторіи славянъ и славяно-руссовъ, а потому онъ подробно останавливается на вопросѣ о древности письменъ у славянъ, о идолослуженіи, бывшемъ у славянъ, и о крещеніи славянъ и Руси. На возникновеніи и развитіи книгопечатанія у славяно-руссовъ Т. не успѣлъ остановиться, такъ какъ та часть его «Исторіи», где должно было найти мѣсто это явленіе, имъ не вполнѣ обработана.

Т. перечисляетъ затѣмъ вспомогательные науки при изученіи исторіи и указываетъ на ея раздѣленіе по содержанію (общая, пространная, частная, особенная) и по времени (древнѣйшая, древняя, средняя, новая и новѣйшая); потомъ следуютъ разсужденія о качествахъ, необходимыхъ для историка. Нельзя не отмѣтить своеобразный взглядъ Т. на научное отношеніе историка къ своимъ обязанностямъ. «Властно — говорить онъ — какъ человѣкъ домовитый къ строенію дому множество потребныхъ припасовъ собереть и въ твердомъ хранилищи содержать, дабы, когда что потребно, могъ взять и употребить, но къ тому потребно смыслъ, чтобы прежде начатія опредѣленіе о распорядкѣ строенія и употребленія по мѣстамъ пристойнымъ припасовъ положить, а безъ того строеніе его будетъ или нетвердо, нехорошо, непокойно, тако къ писанію исторіи весьма нужно свободный смыслъ, къ чему наука логика много пользуетъ; другое сужденіе, чтобы яко строитель могъ разобрать припасы годные отъ негодныхъ, гнилые отъ здоровыхъ, тако писателю исторіи нужно сть приложаніемъ разсмотрѣть, чтобы басенъ за истину, и неудобныхъ за бытія не принять, а паче беречся предразсужденія, и о лучшемъ древнемъ писателѣ, для котораго науку критики знать не безнужно; третье, какъ всякое строеніе требуетъ украшенія, такъ всякое сказаніе краснорѣчія и вяяtnаго въ немъ сложенія, которому наука риторика наставляетъ».

Уже въ приведенномъ мнѣніи Т. видно его возврѣніе на историческую критику и историческое изслѣдованіе, но онъ считаетъ это недостаточнымъ и излагаетъ далѣе основательно правила исторической критики, въ которыхъ онъ наряду съ туземными, отечественными письменными источниками ставить и свидѣтельства иностранцевъ

отдавая впрочемъ преимущество свидѣтельствамъ русскимъ. Всего болѣе скептицизма замѣчается у Т. относительно достовѣрности историческихъ свидѣтельствъ, принадлежащихъ лицамъ духовнымъ. «Мню попали измышлено»—постоянно восклицаетъ онъ при такихъ «приключеніяхъ» въ лѣтописахъ и отдельныхъ сказаніяхъ, которыя представляются ему сверхъестественными, чудесными, а потому и невѣроятными. Вполнѣ понимая важность для русского историка изученія ипогородцевъ, жи-вущихъ въ предѣлахъ русского государства, онъ считаетъ необходимымъ, кромѣ языковъ русского и славянскаго, знаніе для историка Россіи языковъ татарскаго и финскаго. Постѣ изложенія правилъ исторической критики Т. перечисляетъ источники русской исторіи, останавливаясь главнымъ образомъ на источникахъ письменныхъ, и раздѣляетъ весь ходъ русской исторіи на слѣдующіе периоды: 1) свѣдѣнія о народахъ, жившихъ въ предѣлахъ теперешней Европейской Россіи съ незапамятныхъ временъ (скиѳы, сарматы, готы и другія германскія племена, славяне до 800 г. по Р. Хр.); 2) отъ 860 г. до нашествія татаръ; 3) отъ нашествія татаръ до Иоанна III и 4) отъ Иоанна III до Михаила Федоровича Романова. Дальнѣйшія события русской исторіи. Т. не считалъ возможнымъ обнародовать на слѣдующихъ основаніяхъ: во-первыхъ, события съ володаренія Михаила Федоровича въ его время были известны большинству тогдашнихъ образованныхъ русскихъ людей, а во-вторыхъ потому, что, излагая подробно обстоятельства избрания Михаила и послѣдующія события, непремѣнно пришлось бы затронуть «многихъ знатныхъ родовъ великихъ пороковъ», чѣмъ можно было «подвинуть потомковъ сихъ родовъ на великую злобу».

Все вышеизложенное составляетъ содержаніе первыхъ трехъ главъ «введенія»; главы 4 и 5 посвящены Иоакимовской лѣтописи и подробному разсмотрѣнію извѣстій начальной Киевской лѣтописи, въ то время всесѣло приписываемой Нестору. Всѣхъ главъ во введеніи 49. Съ главы 6-й до 42-й включительно Т. приводить подробныя свидѣтельства иностраннѣхъ, древнихъ и среднѣвѣковыхъ, писателей о первоначальныхъ нафельникахъ восточной Европы до появленія на ней славянъ. Въ дальнѣйшихъ главахъ мы встрѣчаемъ весь-

ма цѣнныя даже для нашего времени замѣтки о географіи вообще и о русской въ частности, и объ отношеніи географіи къ исторіи; о древнемъ раздѣленіи Россіи на княжества; о «древнемъ правительстве русскомъ и другихъ въ примѣръ» (гл. 45); о русскомъ государственномъ гербѣ; о родословіи русскихъ государей; о церковной іерархіи, где Т. высказывается противъ папства. Послѣдняя 49-я глава первой части «Исторіи» посвящена разсмотрѣнію «чиновъ и сувѣрій древнихъ» по отношенію къ христіанской церковной іерархіи.

Въ 45-й главѣ введенія, опредѣляя разныя формы государственности у разныхъ народовъ сообразно съ ихъ географическими положеніемъ и просвѣщеніемъ, Т. приходитъ къ заключенію, что Россіи всего болѣе «приличествуетъ» монархической образъ правленія: «Великія области—говорить онъ—открытыя границы, а напаче гдѣ народъ учениемъ и разумомъ не просвѣщенъ и болѣе за страхъ, нежели отъ собственного благонравія въ должности содержится—тамо оба первые [демократія и аристократія] не годятся, но нужна быть монархія». Постепенное развитіе монархического начала въ русской исторической жизни является для Т. важнымъ фактомъ въ ся общественности. Всѣ явленія антимонархического характера признаетъ онъ безпутствомъ. Такими «безпутствами» онъ считаетъ и новгородской вѣчевой строй и междукняжескія распри.

Въ этой же главѣ Т. предлагаетъ, какъ бы выразились въ наши дни, изложенію «эволюціи» общественной и политической жизни у людей. Онъ отмѣчаетъ слѣдующія стадіи этой эволюціи: 1) супружество, т. е. мужъ и жена—начало общественности, 2) семья, родъ—родители и дѣти, 3) домъ—господинъ и слуги, 4) гражданское общество, состоящее во взаимной защитѣ своихъ членовъ и въ раздѣленіи земель, 5) постепенное возникновеніе изъ этого общества государства (демократія, аристократія и монархія).

Сначала Т. намѣревался изложить «Исторію Россіи», какъ онъ выражается, «историческими порядкомъ», т. е. pragmatически и на современномъ ему русскомъ книжномъ языѣ, но затѣмъ, найдя въ спискахъ лѣтописи разногласія и опасаясь дальнѣйшихъ «охулений» его труда, онъ измѣнилъ планъ и рѣшилъ составить сводъ лѣтопис-

ныхъ извѣстій: «естылибъ—говоритъ Т.— нарѣчие и порядокъ ихъ перемѣнить, то опасно, чтобы и вѣроятности не погубить». Лѣтописный сводный текстъ онъ сталъ снабжать примѣчаніями, которые имѣютъ большое значеніе какъ для изученія историческихъ, философскихъ и политическихъ его вззрѣй, такъ и для бытовой истории его времени, но и эти примѣчанія въ печатномъ текстѣ очень урѣзаны; они заканчиваются второй печатной книгой его «Исторіи», а 3-я и 4-я состоять только изъ свода лѣтописныхъ извѣстій.

Самый выдающійся русскій историкъ XIX вѣка, близко знакомый со всемъ ходомъ русской исторіографіи, С. М. Соловьевъ въ стѣдующихъ выраженіяхъ опредѣляетъ научное значение «Исторіи Россійской» Т.: «Заслуга Татищева—говоритъ онъ—состоитъ въ томъ, что онъ первый началъ дѣло такъ, какъ слѣдовало начать: собралъ матеріали, подвергъ ихъ критикѣ, свѣль лѣтописныя извѣстія, снабдилъ ихъ примѣчаніями географическими, этнографическими и хронологическими, указалъ на многіе важные вопросы, послуживши темами для поздѣйшихъ изслѣдований, собралъ извѣстія древнихъ и новыхъ писателей о древнѣйшемъ состояніи страны, получившей послѣ названіе Россіи, однимъ словомъ, указалъ путь и даль средства своимъ соотечественникамъ заниматься русскою исторіею; кто посвятилъ себя научнымъ изслѣдованіямъ, тотъ знаетъ, какъ важны первыя указанія на предметъ, на его различныя стороны, какъ бы мнѣнія первого указателя ни были неправильны, тотъ оцѣнитъ великія услуги Татищева, какъ первого указателя; не говорю уже о томъ, что мы обязаны Татищеву сохраненіемъ извѣстій изъ такихъ списковъ лѣтописи, которые, быть можетъ, навсегда для настѣ потерянны; важность же этихъ извѣстій для науки ставится день ото дня ощущительнѣе».

Къ этой мастерской характеристиکѣ можно только прибавить слѣдующее. Т. понималъ очень широко для своего времени исторію, какъ общественный процессъ, и задачи исторической науки, ея вспомогательныхъ знаній и исторической критики, гораздо шире, чѣмъ понимали эти вопросы впослѣдствіи многіе изъ русскихъ историковъ XIX вѣка.

Научные заслуги Т. въ области русской

исторіи не исчерпываются печатнымъ изданіемъ его «Исторіи». Необходимо отмѣтить еще слѣдующіе труды его по русской исторіи, распадающіеся на двѣ группы: неизданные до сихъ поръ обзоры и изложенія цѣлыхъ эпохъ русской исторіи и изданные труды историко-юридические. Многія историческая рукописи Т. хранятся доселѣ неизданными въ Московскомъ Главномъ архивѣ министерства иностраннѣхъ дѣлъ и въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Императорской академіи наукъ. И. А. Поповъ перечисляетъ часть этихъ рукописей, видѣніи имъ въ вышеупомянутомъ архивѣ. Изъ этого перечисленія видно, что Т. изложилъ все царствованіе Федора Ioанновича и события смутного времени, а равно все царствованіе Михаила Федоровича и жизнеописаніе царя Федора Алексѣевича. Перечисленіе рукописей Т., хранящихся въ академіи наукъ, дано академикомъ Куниномъ.

Т. открылъ для ученаго міра и изслѣдоваль два важныхъ историко-юридическихъ русскихъ памятника, такъ наз. Царскій Судебникъ Ioанна IV и Ярославову «Русскую Правду», снабдивъ оба памятника интересными примѣчаніями, но оба они, также какъ и «Исторія» Т., были изданы послѣ его смерти: Судебникъ въ 1768 г., а «Русская Правда» въ 1786 г. въ 1-й книжѣ «Продолж. Древ. Рус. Вивліоеки». Въ этой же книжѣ, изданной академіей наукъ, помѣщено и 2-е изданіе Судебника царя Ioанна IV въ обработкѣ Т.

Кромѣ отмѣченныхъ ученыхъ трудовъ Т. приводимъ списокъ главнѣйшихъ его сочиненій политическихъ и общественныхъ. Таковы: 1) «Пропрозвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства русскаго о правлениі государственномъ» (1730),—мнѣніе, поданное Т. Верховному совѣту при водареніи Аны Ioанновны и подписанное сорока лицами, большую частью изъ высшаго шляхетства (помѣщ. въ сборникѣ Шогодина «Утро» на 1859 г.); 2) «Напомнѣніе на присланное расписание высокихъ и низкихъ государственныхъ и земскихъ правительствъ» (1739—1740) (помѣщ. въ томъ же сборнике); 3) «Духовная» (1733) и сходное съ ней предсмертное увѣщеніе сыну (изданы А. А. Дмитріевымъ въ «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1886, апрѣль; кромѣ того «Духовная» издана А. Н. Островскимъ и помѣщ. въ т. IV «Извѣ-

стій Казанскаго общества Археології, Исторії и Этнографії»); вперые эта «Духовная» была напечатана отдельной книжкой въ Петербургѣ въ 1773 г. С. В. Друковцовыи по списку его отца, В. М. Друковцова; Островскій отмѣтилъ всѣ неправильности, допущенные Друковцовыи, и издалъ «Духовную» вполнѣ научно; 4) «Экономическая записки для управляющаго деревнею» (помѣщ. въ «Временникѣ Моск. Общ. Ист. Др. Рос.», кн. XII); 5) «Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училіи» (1733—1736); изданъ вполнѣ въ «Чт. М. Общ. Ист. и Др.», 1887 г., кн. I, а выдержка изъ него въ статьѣ К. Н. Бестужева-Рюмина (см. «Біографіи и характеристики», стр. 99—140); 6) «Разсужденія о ревизіи поголовной» (2-й ревизіи 1742), напеч. въ книгѣ Н. А. Попова «Татищевъ и его время», приложение № 16.

«Экономическая записки» посвящены Т. вопросу объ упорядоченіи отношеній между помѣщиками и крестьянами. На первомъ планѣ стоитъ у него нравственное благосостояніе крестьянъ. Главнѣйшая обязанность помѣщика заключается, по его убѣждению, въ попеченіи о благолѣпіи церкви и о пріобрѣтеніи ученаго священника, «который бы своимъ еженедѣльнымъ поученіемъ и предикою къ совершенней добродѣтели крестьянъ довести могъ». Затѣмъ слѣдуетъ забота о непремѣнномъ обученіи крестьянъ, какъ мужскаго, такъ и женскаго пола, грамотѣ и наученіе мастерствамъ; попеченіе о здоровьѣ и призрѣніи крестьянъ (необходимость имѣть въ деревняхъ лекарей, больницы и богадѣльни). Излагая подробно наставленіе относительно образа жизни крестьянъ и всего обихода ихъ, онъ считаетъ необходимымъ искоренять въ нихъ лѣни и пріучать ихъ къ порядку и систематичности въ работахъ; велить прикащику имѣть надъ крестьянами строгій надзоръ; работой ихъ не утомлять; лѣтомъ давать большой отдыхъ въ жарь. Не ограничиваясь работами, производимыми крестьянами для помѣщиковъ, Т. заботится и о зимнемъ времязпровождении крестьянъ, когда обученные ремесламъ могутъ зарабатывать лично для себя. «А въ зиму ревизуетъ [приказчикъ крестьянъ]—читаемъ мы въ «Экономическихъ запискахъ»—что кто сдѣлалъ для своей продажи и не были ль праздны, понеже отъ праздности крестьяне не только въ болѣзни при-

ходяты, но и вовсе умираютъ». Отъ управлія деревнями онъ переходить къ управлію домомъ и даетъ совѣты даже о количествѣ бѣлья и одежды, которое должно быть у дворовыхъ; «всѣ должны умѣть грамотѣ, партесь пѣть и на музикѣ играть; жаловань давать на каждого не менѣе трехъ рублей въ годъ, дабы оные всѣмъ были довольны, и затѣмъ наказывать за вину нещадно; одна милость безъ наказанія быть не можетъ по закону божію».

Въ «Разговорѣ о пользѣ наукъ» Т. подробно обозрѣваетъ ученіе, свойственное каждому изъ четырехъ возрастовъ человѣческихъ: младенчеству (до 12 лѣтъ), юношеству (до 25 лѣтъ), мужеству (до 50 лѣтъ). Форма разговора, въ которую Т. облечъ свое сочиненіе, была въ то время весьма распространеною, такъ какъ придавала живость изложенію и открывала широкое поле для опроверженія разныхъ возраженій. Отъ обученія отдельного человѣка Т. переходитъ къ разсмотрѣнію «умопроясненія» всего человѣчества, которое онъ дѣлаетъ, сообразно съ возрастами человѣка, также на четыре періода, повторяя здесь тѣ же подраздѣленія, которыхъ имѣ выписаны во «введеніи» къ «Исторіи Россіи». Отстранивъ возраженіе противъ пользы науки, бесѣдующій переходитъ къ вопросу о томъ, чому надо учиться. Т. излагаетъ цѣлую классификацію наукъ, на которой рѣзко отражается утилитарное пониманіе знанія въ Россіи, внесенное къ намъ Петромъ Великимъ. «Наука» въ то время понималась у насъ только въ смыслѣ усвоенія необходимыхъ въ житейской практикѣ различныхъ прикладныхъ свѣдѣній. Т. дѣлить всѣ науки по ихъ «качество» на слѣдующія пять группъ: нужные, полезные, щегольскія или увеселяющія, любопытныя и тщетныя, вредительныя. Но при томъ некоторые «по стану или состоянію человѣка могутъ быть нужны или полезны». *Нужные* науки тѣ, съ помощью которыхъ мы сохраняемъ тѣло и возвышаемъ душу (домоводство, врачебство, законъ Божій, для шляхетства—умѣнье владѣть оружиемъ); *полезные* науки тѣ, которые «до способности къ общѣ и собственной пользѣ принадлежать» (сюда относятся: письмо, изученіе иностраннѣхъ языковъ, математика, исторія, географія и т. д., краснорѣчіе или витийство для лицъ духовныхъ, дипломатовъ и придворныхъ);

щегольскими науками Т. называеть стихотворство, музыку, танцы, вольтижирование, знаменование (живопись); любопытными и тщетными такія, которые «ни настоящей, ни будущей пользы въ себѣ не имѣютъ, но большею частію и въ истинѣ оскудѣваютъ» (таковы: астрология, физиономика, хиромантия, алхимія); вредными, наконецъ, онъ считаетъ разнаго рода гаданія и волшебства. Въ заключеніи «Разговора о пользѣ наукъ» Т. предлагаетъ учредить училища по всѣмъ губерніямъ, провинціямъ и городамъ на монастырскіе и церковные доходы, съ тѣмъ, однако, чтобы дѣти изъ шляхетства «особливо отъ подлости отдѣлены были». Особые шляхетскія школы, по мнѣнію Т., могли бытъ основаны на суммы, которая составляется отъ экономіи въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ. Такія шляхетскія училища должны бытъ основаны въ Москвѣ, Кіевѣ, Казани, Воронежѣ, Нижнемъ, Смоленскѣ и Вологдѣ; учителей надо приготавлять изъ русскихъ.

Въ заключеніе приводимъ характеристики Т. трехъ его биографовъ: Н. А. Попова, В. П. Безобразова и К. Н. Бестужева-Рюмина. «Иностранные путешественники, заѣзжіе академики, образованные русскіе считали Татищева—говорить Н. А. Поповъ—человѣкомъ ученымъ и проницательнымъ; петербургскіе правители усерднымъ чиновникомъ и отличнымъ администраторомъ; сослуживцы и подчиненные строгимъ, взыскательнымъ, но справедливымъ начальникомъ; управляемые—разсудительныи и свѣдущими судьей; купцы, ремесленники, простые рабочіе—человѣкомъ опытнымъ въ ихъ дѣлахъ, къ которому въ случаѣ надобности всегда можно обратиться за совѣтомъ. Лишь отъ одного недостатка не могъ отдѣлаться Татищевъ во всю свою жизнь: отъ природы боливой и раздражительный, онъ не умѣлъ укрощать своего крутого, взмѣрчиваго нрава. Съ другой стороны общественная жизнь представляла множество соблазнительныхъ примѣровъ для взяточничества; и Татищевъ любилъ собирать отовсюду благія даянія, умѣлъ и самъ при случаѣ дать посуль важному лицу. Но зато это былъ трудолюбивѣйшій и внимательнейшій къ своему дѣлу человѣкъ того времени».

По справедливому замѣчанію академика В. П. Безобразова, Т. былъ рѣдкимъ и счаст-

ливымъ сочетаніемъ человѣка дѣла и человѣка науки. О европейской образованности Т. и о томъ способѣ, какъ онъ использовалъ ее на благо своего отечества, академикъ Безобразовъ говорить: «Татищевъ разрѣшилъ въ своей государственной дѣятельности и личности другую трудную задачу, которая возбуждаетъ много недоумѣй и разногласій въ наше время: онъ былъ вполнѣ европеецъ, по своему образованію, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ съ ногъ до головы русскій человѣкъ,—самобытный и цѣльный. Онъ считалъ Россію нераздѣльною частью общеевропейскаго міра, но зналъ ея особыя историческія и национальныя условія. Онъ вспахивалъ русскую ниву съ идеями общеевропейского просвѣщенія и съ усовершенствованными орудіями современной ему европейской техники, но онъ проводилъ каждую борозду по этой нивѣ, сообразно со всѣми особенностями ея почвы и климата, и трудился съ такою любовью къ своей землѣ, какой не могли имѣть никакіе иноземцы, проявившіе на ней въ его время. Для всего этого надо было вполнѣ овладѣть европейскимъ просвѣщеніемъ и наукой, а не быть знакомымъ только съ поверхностными ихъ формами, какъ было большинство окружавшихъ его, такъ называемыхъ «образованныхъ» русскихъ людей».

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ находить, что если Пушкинъ называлъ Ломоносова «первымъ русскимъ университетомъ», то название это въ значительной степени можетъ быть примѣнено и къ первоначальному русской исторической науки—В. Н. Татищеву.

„В. Н. Татищевъ“ (біографія), „Сынъ Отечества“, 1821, ч. 69, № 16, стр. 71—81.—„В. Н. Татищевъ“, „Сибирскій Вѣстникъ“, 1821, ч. 15, стр. 55—77.—„Біографическое извѣстіе о Татищевѣ“ (изъ опыта „Краткая история россійской литературы“ Н. Греча), „Сѣверный Архивъ“, 1827, ч. 25, стр. 100—104.—В. Н. Берхъ, „Жизнеописаніе В. Н. Татищева“, „Горный Журналъ“, 1828, №№ 1—4.—П. Г. Бутковъ, „Оборона лѣтописи русской Несторовой отъ наѣзда скептиковъ“, Москва 1840 (защита добросовѣстности Татищева въ вопросѣ о Лаврентьевской лѣтописи).—Н. А. Ивановъ, „Общее попытіе о хронографахъ“, Казань 1843, стр. 25—43 п слѣд. (о критическихъ приемахъ Татищева; доказывается его добросовѣстность).—Митрои. Евгевій, „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей“, Москва 1845, т. II.—Д. И. Бантышъ-Каменскій, „Біографія достопамятн. людей русской земли“, 1847, т. III.—С. М. Соловьевъ, „Писатели русской истории XVIII вѣка. В. Н. Татищевъ“,

Архивъ историко-юридич. свѣдѣній, относящихся до Россіи", изд. Калачова, Москва 1885, кн. II, ч. 1, отд. Ш, стр. 15—46 (характеристика его историческихъ воззрѣній и критическихъ приемовъ; анализы его "Исторіи Россійской").—П. А. Лавровский, "Назѣльдованіе о лѣтописи Якимовской", "Учен. Зап. II Отд. Акад. Наукъ", 1855, кн. II и отд. изд.—Н. П. Лыжинъ, "Два памфлита временъ Аны Иоанновны", "Изв. II отд. Акад. Наукъ", 1858, т. VII, стр. 49—64 (о двухъ отрывкахъ изъ лѣтописи Полоцкой и Новгородской, находящихъ въ "Исторіи Россійской").—Н. К. Чупинъ, "Библіотека В. Н. Татищева въ Екатеринбургѣ", "Моск. Вѣд.", 1860, № 203.—Н. А. Поповъ, "В. Н. Татищевъ и его время", Москва 1861, 803 стр.—А. А. Куникъ, академикъ, "Рецензія на книгу Н. А. Попова "Татищевъ и его время"" (самая значительная пять рецензій на эту книгу), въ 32-мъ присужденіи Демидовскихъ наградъ.—И. Иолетти и М. Голиковъ, "Ист. основ. русскихъ горныхъ заводовъ", "Памятная книга для русск. горныхъ инженеровъ", Спб. 1862.—Н. В. Знаменский, "Исторія Россійская" Татищева по отношенію къ руск. церкви. исторіи", "Труды Киевск. Дух. Акад.", 1862, кн. 2.—И. П. Пекарский, "Новая извѣстія о В. Н. Татищевѣ", Прилож. IV тому "Записокъ Имп. Ак. Наукъ" № 4, Спб. 1864, 66 стр. (съ портретомъ и снимкомъ почерка).—Н. К. Чупинъ, "В. Н. Татищевъ и первое его управление Уральскими заводами", "Перм. Губ. Вѣд.", 1867 (перепеч. въ "Сборникѣ статей Чупина", изд. Перм. губ. земствомъ въ 1892 г.).—Д. П. Безобразовъ, "Уральское горное хозяйство", Спб. 1889.—С. М. Соловьевъ, "Исторія Россіи съ древн. времепъ", Москва 1871, т. XX, стр. 258—276 (1-е изд.).—Н. К. Чупинъ, "Татищевъ въ дѣлѣ Столѣтова", "Русск. Стар.", 1873, т. VIII, стр. 985.—К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, "В. Н. Татищевъ, администраторъ и историкъ начала XVIII в. (1686—1750)", "Др. и Нов. Россія", 1875 (перепеч. въ сборникѣ статей "Біографіи и характеристики", Спб. 1882, стр. 1—175).—Д. А. Корсаковъ, "Отношенія В. Н. Татищева къ А. П. Волынскому и его «спіріентамъ»", "Др. и Нов. Россія", 1877, тетр. 8, стр. 281—284.—Лисенко, "Мысли В. Н. Татищева о горнозаводской промышленности въ 1735—1738 гг.", "Русск. Стар.", 1879, т. XXVI, стр. 35 и слѣд.—Д. А. Корсаковъ, "Воцареніе императрицы Аны Иоанновны", Казань 1880.—Е. Е. Голубинский, "О такъ назыв. Якимовской лѣтописи", Прибавл. къ "Твор. св. отцѣвъ", 1881, ч. XXVIII (сторонникъ мнѣнія о подлогѣ этой лѣтописи Татищевымъ).—А. А. Куникъ, "Перечень сочиненій В. Н. Татищева и материаловъ для его біографіи", "Зап. Имп. Ак. Наукъ", т. XLVII, кн. 1, 1883, стр. 78—87.—М. О. Кояловичъ, "Исторія русского самосознанія", Спб. 1884, стр. 101—109 и др. (біографія Татищева и разборъ его историческихъ трудовъ).—В. И. Рожковъ, "Дѣятельность артиллеріи капитана В. Н. Татищева на уральскихъ заводахъ въ царствованіе Петра Великаго", "Горный Журналъ", 1884, и отд., Спб. 1884, 152 стр.—Его же, "Бергъ-компания въ царствѣ Аны Иоанновны", ibid.

1885.—М. И. Сухомлиновъ, "Матеріалы для исторіи Импер. Академіи Наукъ", Спб. 1885 и 1886 гг.—Д. А. Корсаковъ, "В. Н. Татищевъ", "Русск. Стар.", 1887, т. LIV, іюнь, стр. 563—590; перепеч. въ книгѣ "Ізъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка", Казань 1891.—Въ сборникѣ "Торжественное собраніе Императорской Академіи Наукъ 19 апр. 1886 г. въ память двухсотлѣтней годовщины для рождения В. Н. Татищева" (съ прилож. портретомъ. Прилож. къ т. LV "Записокъ Имп. Ак. Наукъ", Спб. 1887) статья Н. А. Попова, "Ученіе и литературные труды В. Н. Татищева. Юбилейная рѣчъ", п. В. Безобразова.—I. П. Сениговъ, "Историко-критическая извѣдованія о Новгородскихъ лѣтописяхъ и о Россійской исторіи В. Н. Татищева", "Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос.", 1887; отд. Москва 1887.

В. Корсакова.

Татищевъ, Владиліръ Игнатьевичъ; первое извѣстіе о немъ относится къ 1608 г., когда онъ прибылъ изъ Ладоги въ Новгородъ съ ратной помошью къ своему брату Михаилу Игнатьевичу, бывшему въ Поволжь воеводой, а послѣ убіенія его разъяренной толпой былъ посланъ кн. М. В. Скопинъ-Шуйскимъ на „коровъ“ по Пшагѣ; въ 1611 г. числился стольникомъ. 7 апреля 1612 г. подписался подъ граммой кн. Д. М. Пожарского къ вычегодцамъ о сборѣ донежныхъ средствъ и всеобщемъ ополченіи городовъ для освобожденія Москвы. Въ 1613 г. єздилъ въ составѣ депутациіи отъ московскаго земскаго собора въ Кострому и Ярославль съ извѣстіемъ объ избраніи на царство Михаила Федоровича. Въ томъ же году новымъ царемъ ему возвращены отобранныя у него раньше Боярскою думою помѣстья. Умеръ Т. 16 января 1615 г. и погребенъ въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ, где и донынѣ сохранилась надгробная плита съ надписью.

Разрядный Архивъ за 1775 и 1786 гг. въ Моск. архивѣ минист. юст. — „Акты Археогр. Экспедиціи“, т. II, стр. 357.—„Дворцовые Разряды“, т. I, стр. 1100.—„Временникъ Моск. Общества Истор. и Древн. Россійск.“, т. VIII, отд. „Смѣсь“, стр. 11, 31.—„Чтійній“ того же общества, 1895 г., I, 1.—С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ“, стр. 25, 26, 176, 214, 215, 246, 259, 293.

Татищевъ, Григорій Игнатьевичъ; воевода, 1 августа 1598 г. подписался подъ актомъ объ избраніи на царство Бориса Годунова. Подъ 1613 г. названъ воеводою на Барѣ, подъ 1616 г.—дворяниномъ московскимъ. Во времія московскаго си-

дня 1618 г. былъ въ Москвѣ, сидѣлъ въ приказѣ у дѣль. Окладъ его помѣстный 700 четей, пожалованъ въ 1616 г., да денежный въ 30 руб., который три года спустя повышенъ до 70 руб. Умеръ 6 февраля 1620 г. и погребенъ въ Симоновомъ монастырѣ въ Москвѣ.

Собрание рукописей Бѣляева въ Румянцевскомъ музѣ, № 126/1619.—Акты Историч., т. III, стр. 2.—Дополн. къ Акт. Историч., т. II, стр. 20—21, 24.—Акты Археограф. Экспед., т. II, стр. 44; т. III, стр. 155.—Древняя Россійская Библіоенка, т. II, стр. 394; т. XIX, стр. 390.—Боярскія окладныя книги отъ 1619 г. въ Моск. архивѣ минист. иностранн. дѣль.—Чтения Моск. Общ. Ист. п. Древл. Россійск., 1895, т. I.—С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ, 1400—1900 гг.“, Спб. 1900, стр. 24, 35, 176, 214, 216, 246, 258, 259, 294.

Татищевъ, Данило Михайловичъ, родился въ 1660 г. Подъ 1680 г. числится въ жильцахъ, въ 1682 г. — стратчимъ и въ этомъ званіи сопровождалъ государей во время поѣздки ихъ въ Троицкій монастырь; въ 1684 г. пожалованъ въ комнатаные стольники къ царю Іоанну Алексѣевичу. Въ 1688—1691 гг. былъ вгорымъ воеводою на Двинѣ, гдѣ первымъ воеводою состоялъ его отецъ, Михаилъ Юрьевичъ. Подъ 1696 г. значится въ числѣ участниковъ «кумпандства» для постройки корабля въ Азовскомъ флотѣ. Затѣмъ о немъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній до 1708 г., когда онъ упоминается участникомъ Донского похода въ полку кн. В. В. Долгорукова. Въ 1711 г. Т. получилъ должность сузdalльского коменданта и въ качествѣ такового составилъ переписную книгу г. Суздаля. 10 февраля 1714 г. сенатъ приговорилъ быть ему ландгерихтомъ въ Казанской губерніи, а въ 1718 г. указомъ сената онъ назначенъ «къ дѣламъ» въ Сибирскую губернію, что могло означать ссылку — и для этого были основанія,—но Т. «за скорбю своею у дѣль не былъ». Тогда онъ былъ преданъ суду и приговоромъ министровъ отъ 16 марта 1718 г. обвиненъ въ томъ, что «въ бытность ландрихтеромъ въ Суздалѣ слышалъ о постриженіи царицы Евдокіи Федоровны и приходилъ къ ней на поклонъ въ Покровскій дѣвичій монастырь, видѣлъ ее въ мірскомъ платьѣ, приваживалъ ей письма и посыпки и самъ къ ней съѣстные и прочие припасы приносилъ», и «за то его плутовство и недонесеніе царскому величеству» присужденъ: «быть его батоги нещадно и по наказаніи освободить». За

тѣ же вины къ нещадному битью батогами была присуждена и жена Т., Ульяна Андреевна, дочь окольничаго А. И. Леонтьева, по наказаніи постриженная въ Бѣлгородскомъ монастырѣ съ именемъ Елизаветы. 16 января 1722 г. въ Герольдмейстерской конторѣ сказанъ Т. указъ—въ канцелярію разборнаго дѣла являться ему «по вся дни и безъ указу съ Москвы не Ѹхати».

„Двинская лѣтопись“, изд. Титова, стр. 56—57. — „Древняя Россійск. Библіоенка“, т. XVIII, стр. 53, 54. — „Сенатскіе доклады и приговоры“, т. II, кн. 2, стр. III, 117; т. IV, кн. 1, стр. 100, 144, 193.—Ф. Веселаго, „Исторія русскаго флота“, т. I, прил. стр. 185.—Устриловъ, „Исторія Петра Великаго“ т. VI, стр. 222.—С. С. Татищевъ, „Роль Татищевыхъ“, Спб. 1900, стр. 38, 39, 55—58, 75, 178, 200, 207, 215—217, 222, 246, 247, 274, 292, 296—299, 343.—Составленная Т., „Переписная книга“ Суздаля за 1711 г. находится въ Моск. архивѣ минист. юстиції, № 3578.

Татищевъ, Дмитрий Ивановичъ, стольникъ; первое упоминаніе о немъ встрѣчается подъ 1620 г., когда онъ отмѣченъ проживающимъ въ своемъ помѣстѣ с. Бортницы (Сузdalльскаго уѣзда). Дѣль 1626 г. его имя называется среди стольниковъ патріарха Филарета, а въ этомъ году (6 августа) изъ патріаршихъ пожалованъ въ царскіе стольники. 14 іюня 1627 г. дневаль и ночеваль на государевомъ дворѣ въ Кремлѣ. Въ февралѣ (17, 21 и 24-го) 1630 г. былъ при приемахъ шведскаго посла Антона Монира. Участвовалъ въ Смоленскомъ походѣ 1632 г. Два года спустя умеръ.

Писцовые книги въ Моск. архивѣ министерствъ: по Ростову, № 838; по Дмитрову, № 628; по Суздалю, №№ 11320—11324.—„Разрядные книги“, т. II, стр. 449.—„Дворц. разряды“, т. II, стр. 840.—„Русск. Истор. Библ.“, т. IX, стр. 404, 497.—„Владим. Губ. Вѣдом.“, 1871, № 52, часть пеофіц. (челобитная Т.).

Татищевъ, Дмитрий Павловичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, оберъ-камергеръ, членъ Государственного совѣта, сенаторъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при разныхъ дворахъ, родился въ 1767 г. Сначала служилъ въ войсکѣ, — въ л.-гв. Преображенскомъ и л.-гв. Конномъ полкахъ. Въ 1791 г. въ чинѣ подпоручика былъ волонтеромъ въ арміи кн. Потемкина. По заключеніи Яссскаго мира былъ посланъ графомъ Безбородко въ январѣ 1792 г. за повѣрен-

наго въ дѣлахъ въ Константинополь, гдѣ пробылъ четыре мѣсяца; это былъ первый шагъ въ его дипломатической карьерѣ. Въ томъ же 1792 г. записался волонтеромъ въ австро-прусскую армію и участвовалъ во французскомъ походѣ. По возвращеніи въ Петербургъ вожалованъ въ камеръ-юнкеры. Во время кампаніи съ польскими конфедератами 1794—95 гг. былъ въ ливовской арміи Суворова, участвовалъ въ рядѣ сраженій, при штурмѣ Праги командовалъ охотниками впереди третьей колонны, а за отличіе при взятіи Варшавы произведенъ въ секунд-ротмистры и награжденъ Георгіемъ 4-й степени. Дальнѣйшее повышеніе Т. по службѣ шло очень быстро: черезъ годъ по полку повышенъ въ ротмистры и по придворной службѣ въ дѣйствительные камергеры, а въ юнѣ 1799 г. переведенъ въ гражданскую службу съ производствомъ сразу въ тайные советники и съ назначеніемъ членомъ коллегіи иностраннныхъ дѣлъ. Съ этихъ порт собственно и начинается его дипломатическая дѣятельность, продолжавшаяся свыше 40 лѣтъ. Онъ участвовалъ почти во всѣхъ главнѣйшихъ конгрессахъ этого времени третиимъ, вторымъ или первымъ представителемъ отъ Россіи, и его именемъ скрываны почти всѣ важнѣйшіе международные договоры, касавшиеся интересовъ и Россіи. Въ юнѣ 1802 г. былъ назначенъ посланникомъ въ Неаполь, откуда былъ отозванъ въ февраль слѣдующаго года съ повелѣніемъ присутствовать въ коллегіи впредь до указа. Въ 1804 г. былъ вторымъ уполномоченнымъ (послѣ кн. Чарторыйскаго) при переговорахъ съ Австріей о союзѣ и 13 (25) октября подписалъ въ Петербургѣ «Декларацию о союзѣ Россіи и Австріи противъ Франціи» (съ австрійской стороны—гр. Стадіонъ). Въ январѣ 1805 г. отправленъ посланникомъ къ Неаполитанскому двору и подписалъ союзный договоръ съ Неаполемъ; оттуда отозванъ въ 1808 г. Въ сентябрѣ 1815 г. назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Испаніи, гдѣ пробылъ до февраля 1821 г., когда (уже въ чинѣ дѣйств. тайн. советника, съ 1819 г.) съ тѣми же грамотами переведенъ къ Нидерландскому двору. Съ 1822 г. начинаются его дипломатическія сношенія съ Вѣнной, особенно важныя и трудныя, требовавшія исключительныхъ дарованій и опыта въ

виду того, что этотъ періодъ совпалъ съ ростомъ могущества Меттерніха и вліяніемъ Австріи въ международныхъ дѣлахъ. Въ этомъ году Т. дважды (въ февралѣ и маѣ) по Высочайшему повелѣніюѣ вѣздили въ Вѣну съ особыми порученіями—для предварительныхъ переговоровъ по вопросамъ, которые были разрѣшены на близайшемъ Веронскомъ конгрессѣ. На этомъ конгрессѣ Т. былъ третиимъ уполномоченнымъ (послѣ гр. Нессельроде и гр. Ливена) и подписалъ: 19 ноября (1 декабря) 1822 г. протоколъ о соглашении Россіи, Австріи и Пруссіи съ Франціей по испанскимъ дѣламъ (уполномоченные отъ Австріи—кн. Меттерніхъ, Пруссіи—гр. Бернstorffъ, кн. Гацфельдъ, Франціи—герцогъ Монмарансі, маркизъ Караманъ и виконтъ Шатобранъ) и 20 ноября резолюцію объ отмѣнѣ торга неграми, подписанную представителями пяти великихъ державъ (тѣ же и отъ Англіи герцогъ Веллингтонъ). После конгресса Т. оставленъ въ чрезвычайной миссіи при Австрійскомъ дворѣ. 20 февраля (4 марта) 1825 г. онъ подписалъ въ Вѣнѣ (со стороны Австріи—Меттерніхъ) конвенцію о ликвидациіи денежныхъ претензій и дѣлъ по прежнему владѣнію Австріей нѣкоторыми частями Царства Польскаго и Краковской области (награжденъ брилліантовыми знаками св. Александра Невскаго). 22 августа 1826 г. назначенъ при Вѣнскомъ дворѣ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ, каковымъ оставался до 11 ноября 1841 г., когда за болѣзнь вручилъ отзывныя грамоты. За это время имъ заключены и подписаны слѣдующіе международные акты: въ Вѣнѣ 17 (29) апреля 1828 г. въ качествѣ первого уполномоченнаго (вторымъ былъ Грибовскій, отъ Австріи—Меттерніхъ и гр. Гоесть)—конвенцію объ окончательной ликвидациіи взаимныхъ претензій Царства Польскаго и Австріи; въ Мюнхенграецѣ 6 (18) сентября 1833 г. третиимъ уполномоченнымъ (послѣ Нессельроде и Орлова, отъ Австріи—Меттерніхъ и Фикельмонъ)—тайную конвенцію по дѣламъ Оттоманской имперіи и Египта и тамъ же 7 (19) сентября—тайную же конвенцію по дѣламъ Царства Польскаго (награжденъ арендой по 20 тыс. гульденовъ на пять лѣтъ); 29 августа (10 сентября) 1838 г. въ Миланѣ—протоколъ по дѣламъ Кракова (отъ Австріи—Меттерніхъ). Въ декабре 1838 г.

Т. назначенъ былъ членомъ Государствен-
наго совѣта, а 15 апрѣля 1841 г. пожа-
лованъ въ оберъ-камергера съ оставле-
niемъ въ должности посла. Сенаторомъ
состоялъ съ 1810 г. Умеръ 16 сентября
1845 г. въ Вѣнѣ и похороненъ въ Тати-
щевскомъ цюгостѣ (Ростовскаго уѣзда Іро-
славской губ.). Имѣлъ всѣ русскіе ордена
(съ алмазными знаками Андрея Первово-
званнаго включительно), а изъ иностранн-
ыхъ — испанскій орденъ Золотого Руна,
неаполитанскій св. Януарія и австрійскій
св. Стефана 1-й степени. Т. владѣлъ зна-
чительнымъ числомъ картинъ испанской
школы, собранныхъ въ бытность послан-
никомъ въ Мадридѣ. Академія художествъ
избрала его въ свои члены.

Формулярный списокъ: въ архивѣ минист-
риностр. дѣлъ и въ архивѣ сената. — Дипло-
матическая переписка изъ Константиополя
1792 г., въ Моск. архивѣ минист. иностранн-
ыхъ. — Въ Петерб. архивѣ минист. иностранн-
ыхъ: переписка Т. въ бытность посланника
при дворѣ короля Обѣихъ Спіції съ
1805 по 1808 г.; въ Испаніи — съ 1815 по 1821 г.;
по побѣздамъ въ Вѣну 1822 г.; изъ Вѣны —
съ 1823 по 1845 г. — „Записки гр. Каю-
дистрія“, „Сборн. Русск. Истор. Общ.“, т. III,
стр. 279—283 (о поездкахъ въ Вѣну). — Ф. Ф.
Мартенсъ, „Собрание трактатовъ и конвенций“,
т. II, стр. 407—421; т. IV, ч. I, стр. 324, 326,
336, 375, 445, 454, 527 (тексты подписанныхъ
T. конвенций). — Prokesch-Ostfg., „Geschichte
des Abfalls der Griechen“, т. I и II (доносенія
T.). — „Portfolio“, т. I, II, III и IV (доносенія
T.). — „Архивъ кн. Воронцова“, т. XVIII (пере-
писка T. съ гр. А. Р. и С. Р. Воронцовыми). —
„Mémoires de Metternich“, т. III, IV, V и VI. —
„Воспоминанія П. И. Полетики“, „Русск. Ар-
хівъ“, 1885, т. III, стр. 330—336. — „Воспоми-
нанія М. П. Щербаница“, „Русск. Старина“,
1876, кн. III, стр. 292—293. — „Записки гр.
Рибопьера“, тамъ же, 1877, кн. II, стр. 16. —
„Сборн. Русск. Истор. Общ.“, т. 88, стр. 448,
531. — С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ“,
стр. 103—105, 217—223, 325—328, 349—350. —
П. А. Вяземскій, „Изъ старой азиатской книж-
ки“. — „Иллюстрація“, 1845, № 27. — „Иллюстр.
Газета“, 1866, № 37. — „Исторический Вѣст-
ник“, 1897 (статья А. Я. Титова). — Кл. П. Дол-
горуковъ, „Русск. родословная книга“, т. II,
стр. 227.

Татищевъ, Евграфъ Васильевичъ,
дѣятельный статский совѣтникъ, сынъ
историка Василия Никитича, родился въ
1717 г.; первоначальное образование полу-
чили дома подъ руководствомъ отца, въ
апрѣль 1732 г. былъ принятъ кадетомъ
въ шляхетскій сухопутный корпусъ, от-
куда 4 ноября 1736 г. выпущенъ въ ар-
мию солдатомъ со слѣдующимъ аттеста-

томъ: «имѣть начало въ геометріи, гово-
рить и писать твердо по-немецки, учить
исторію и географію, рисуетъ отчасти,
искусенъ въ верховойъ єзди, фехтованіи и
танцованиі». Служилъ Т. сначала въ Черм-
скомъ драгунскомъ полку, въ 1741 г. выѣ-
сть съ производствомъ въ секундъ-маіора
переведенъ въ Низовые полки съ прико-
манированіемъ къ калмыцкой экспедиціи,
бывшей подъ начальствомъ его отца, за-
тѣмъ въ чинѣ премьеръ-маіора былъ въ
Нарвскомъ (съ 1751 г.) и подполковника
въ Ростовскомъ (съ 1758 г.) пѣхотныхъ
полкахъ. 18 декабря 1758 г. произведенъ
въ полковники, а 25 декабря 1764 г. пе-
реведенъ на гражданскую службу съ пе-
реименованіемъ въ статские совѣтники.
Вскорѣ послѣ этого Т. вышелъ въ от-
ставку и поселился въ Москвѣ, гдѣ въ
своемъ домѣ на Петровскомъ бульварѣ въ
концѣ 70-хъ гг. XVIII в. принималъ вел.
кн. Павла Петровича и гдѣ прожилъ до
самой кончины, послѣдовавшей 6 сентября
1781 г. 28 февраля 1767 г. онъ въ числѣ
другихъ подписалъ наказъ давковскому де-
путату въ Комиссію Уложенія. Для него
была составлена Василемъ Никитенко его
извѣстная «Духовная».

Полное Собрание Законовъ, т. XV, стр.
1046. — Дѣла Герольдмейстерской конторы въ
Московск. архивѣ минист. юстиції: 1731 г.,
кн. 118^{1/90}; 1758 г., кн. 400^{1/7}; 1757 г., кн. 118^{2/90}. —
Именной списокъ кадетъ сухопутнаго шля-
хетскаго корпуса 1761 г., ч. I, стр. 50. — „Ду-
ховная В. Н. Татищева“, Казаль 1885. — Дѣ-
ло о Татищевыхъ департамента герольдії,
л. 605. — Бараповъ, „Опись сенатскаго архива“,
т. II, 86, 195. — „Сборнікъ Импер. Русск. Историч.
Общества“, т. XVIII, стр. 354. — Кн. П.
Долгоруковъ, „Российская родословная книга“,
т. II, стр. 226. — Н. Поповъ, „В. Н. Татищевъ
и его время“, стр. 299 и слѣд. — С. М. Соловьевъ,
„Исторія Россіи“, изд. т-ва „Общ. Поль-
за“, кн. V, стр. 1257. — С. С. Татищевъ, „Родъ
Татищевыхъ“, 1400—1900 гг., стр. 83, 97, 98,
182, 202, 205, 207, 209, 222, 307, 308, 348. — Д.
Благова, „Разсказы бабушки“, стр. 12—14,
47, 125 (о семейной жизни T.).

Татищевъ, Иванъ Андреевичъ, пра-
витель Казанскаго намѣстничества, родился
въ 1740 г. и четырехъ лѣтъ зачисленъ
солдатомъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ.
Въ 1757 г. изъ полковыхъ сержантовъ
произведенъ въ прапорщики. 17 лѣтъ
спустя названъ капитаномъ гвардіи. По-
вышенный въ 1774 г. въ полковники, изъ
Преображенскаго переведенъ въ Нарвскій
пѣхотный полкъ, которымъ съ слѣдующаго

года сталъ командовать и съ которыемъ участвовалъ въ экзерцизіяхъ въ присутствіи Екатерины II; удостоенъ выраженія удовольствія. Пять лѣтъ спустя произведенъ въ бригадиръ и еще черезъ годъ (1780) въ генераль-маиоры; въ 1783 г. награжденъ Георгиемъ 4-й степени. Казанскимъ намѣстникомъ назначенъ въ 1783 г. и пробылъ въ этой должностіи до смерти, послѣдовавшей въ 1789 г.

Исторія л.-гв. Преображенского полка, т. IV, стр. 208.—Дѣло Герольдмейстерской Конторы, кн. 418/221, въ Моск. архивѣ мин. юстиції.—Камеръ-фурьерскіе журналы 1775 г., стр. 526—528.—*Волинскій списокъ* 1780 г., стр. 44.—*Сочиненія Державина*, изд. Акад. Наукъ, т. V, стр. 381, 409, 427, 463, 572, 756; т. VIII, стр. 393, 403.

Татищевъ, Иванъ Ивановичъ, писатель, родился въ 1743 г. въ Малороссіи, гдѣ отецъ его, Иванъ Петровичъ, былъ священникомъ (позже придворный священникъ); обучался въ Кенигсбергѣ. По возвращеніи оттуда въ 1764 г. былъ определенъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и отправленъ въ данцигское россійское посольство, а въ 1769 г. переведенъ въ лондонское посольство; въ 1775 г. возвратился въ Петербургъ и продолжалъ службу при той же коллегіи до 1779 г., когда былъ назначенъ московскимъ почтѣ-директоромъ; уволенъ отъ службы въ 1801 г. и въ 1802 скончался. Извѣстно его сочиненіе: «Историческая примѣчанія и объясненія Императрицы Екатерины II на объясненія короля шведскаго», написанное Т. по порученію самой государыни, ею же просмотрѣнное и изданное въ Петербургѣ (1789). Ему же принадлежитъ нѣсколько переводовъ съ иностранныхъ языковъ: «Лексиконъ французской академіи», вторая половина, отъ буквы L до Z, — въ первый разъ изданъ анонимно (Спб. 1786), а 2-е изданіе вышло съ именемъ Т. (Спб. 1798); «Нѣмецкій лексиконъ» Аделунга, 5 первыхъ буквъ (Спб. 1798); съ англійскаго — «Рѣчи, говоренія кавалеромъ Рейнолдсомъ о живописи при открытии въ Лондонѣ академіи художествъ» (Спб. 1792), разсказъ «О снѣ и фанатизмѣ, или изувѣрствѣ» (*Спб. Вѣсти.*), трактать «О выдаѣваніи пеньки», «Описаніе картины живописца Патока», представляющей сожженіе турецкаго флота въ Чесмѣ, и «Исторія Шотландіи въ царствованіе ко-

ролевы Маріи и короля Іакова VI» Робертсона, 2 тома.

Митроп. Евгений (Болховитиновъ), „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ“, т. I, Москва 1845, стр. 203—204.—Спогиревъ, „Словарь русскихъ писателей“.—„Справочный энциклопед. словарь“ Крайя-Старчевскаго, т. 10, Спб. 1858 г.

Татищевъ, Иванъ Михайловичъ больши, окольничій. Отъ 1664 г. упоминается жильцомъ на съѣздѣ съ польскими послами при бояринѣ кн. Н. И. Одоевскомъ и на царскомъ смотрѣ предъ выступленіемъ противъ польского короля. Въ 1667 г.—стряпчій,ѣздилъ по службѣ за государемъ въ осеннихъ походахъ. Слѣдующіе два года пробылъ на службѣ въ Сѣнскѣ и подъ Глуховыми. 6 июня 1676 г. пожалованъ въ стольники. Въ 1678—79 гг.—воевода въ Чигиринскомъ походѣ князей Г. Г. и М. Г. Ромодановскихъ и послѣ этого ближайшо три года былъ воеводою въ Переяславль-Рязанскомъ, откуда вызванъ въ Москву, гдѣ въ 1682 г. отмѣченъ съ государями въ троицкомъ богомольѣ. 29 августа 1684 г. пожалованъ въ думные дворяне. Въ этомъ и въ теченіе слѣдующихъ трехъ годовъ неоднократно упоминается сопровождающимъ царя Ioanna Алексѣевича въ богомольныхъ походахъ въ монастыри Троице-Сергіевъ, Спасовъ, Новодѣвичій, Воскресенскій и Саввицъ. Въ окольничіе повышенъ 23 марта 1689 г. и въ томъ же году умеръ (25 апрѣля). Помѣстный окладъ ему въ 1250 чет.

„Дворовые разряды“, т. III, стр. 305, 325, 347; т. IV, стр. 3.—Записная книга жалован. царскихъ грамотъ (Моск. архивъ минист. юст.), № 16.—Устяловъ, „Исторія Петра Великаго“, т. I, прилож. XII, стр. 394.

Татищевъ, Иванъ Юрьевичъ, стольникъ, новгородскій коменданть, родился въ 1652 г., службу началъ въ 1668 г. Въ 1678—79 гг. въ званіи московскаго дворянина участвовалъ въ Чигиринскомъ походѣ, а въ 1687 г.—въ первомъ Крымскомъ походѣ; два года спустя былъ воеводою въ Кашинѣ, затѣмъ въ званіи стряпчаго служилъ въ Рыльскѣ въ полку А. С. Шеина. Въ 1690 г. пожалованъ въ стольники; въ февралѣ и марта 1696 г. дневалъ п. ночевалъ у гроба царя Ioanna Алексѣевича. Весною 1698 г. посланъ новгородскимъ воеводою П. М. Апраксинымъ за шведскій

рубежъ, въ Нарву, Ревель и Ніеншанцъ, для найма мастеровъ корабельного дѣла на Азовскія верфи. Въ 1700 г. Т. участвовалъ въ походѣ подъ Нарву, во дорогѣ куда Петръ I останавливался въ его усадьбѣ Пелешкѣ и обѣдалъ у него. Царскимъ указомъ отъ 30 января 1701 г. велѣно ему быть у стругового дѣла и построить на рѣкахъ Волховѣ и Лугѣ 600 струговъ. 24 января 1702 г. Т. былъ назначенъ начальникомъ верфи при устьѣ Сяси, на которой построилъ первую суда будущаго Балтійскаго флота. Въ 1703 г. онъ былъ назначенъ воеводою въ Новгородѣ со званіемъ коменданта новгородской приказной палаты. Въ этой должности Т. завѣдывалъ судостроеніемъ на р. Лугѣ, составилъ писцовую книгу Зарусской половины Шелонской пятини, производилъ измѣреніе рѣкъ, впадающихъ въ Ладожское озеро, и фарватера самаго Ладожскаго озера, въ 1706—1708 гг. изслѣдовалъ берега Невы и описалъ примыкающіе къ нимъ лѣса; 29 августа 1708 г. участвовалъ въ отраженіи шведовъ отъ Петербурга. Отъ должности новгородского коменданта Т. уволенъ 23 марта 1721 г.—«за старостью лѣть и слѣпостью». Послѣдніе годы онъ прожилъ въ Новгородѣ, где и скончался въ 1730 г. Въ сохранившихся письмахъ къ нему Петра Великаго послѣдній называетъ его «Нер(г)», «Сватъ» и «Г-нъ комендантъ».

Разрѣдныя вязки, № 23, дѣло № 40, въ Московск. архивѣ милиц. юстиції.—Приказъ древнихъ лѣтъ, № 26, связка 697, въ морскомъ архивѣ милиц. постр. дѣль.—Переписка на русскомъ языке, 1702 г., № 7, тамъ же.—Дѣла гр. Апраксина, № 42, 251, въ Главномъ морскомъ архивѣ.—Кабин. дѣла, отд. II, № 2.—«Собрание Госуд. Грамотъ и Договоровъ», т. IV, стр. 656.—«Памятники дипломатическихъ сношений», т. VШ, стр. 1194, 1223, 1242.—Журналы Петра Великаго, въ прилож. къ «Исторіи Петра Великаго» Устрялова, т. IV, ч. 2, стр. 507.—Указы, грамоты и письма къ Т. Петру Великаго и донесенія Т. царю за 1702 г., въ «Материалахъ для истории русского флота», т. I, стр. 1, 3—8, 10, 11, 12.—Вѣдомость построенныхъ Т. первымъ судамъ Балтійскаго флота, тамъ же, т. III, стр. 644; обѣ участія въ отраженіи шведовъ, ibid., т. I, стр. 168; обѣ увольненія, т. IV, стр. 456.—Переписка Т. съ царемъ за 1703 и 1704 гг., въ «Письмахъ и бумагахъ Петра Великаго», т. II, стр. 230, 246, 625, 656; т. III, стр. 623.—Письма къ нему Петра I съ 1706 по 1714 г., въ «Дѣлописяхъ Петра Великаго» В. Голикова, тт. II—V, XIV, XV.—С. С. Татищевъ, «Родъ Татищевыхъ», 1400—1900 гг., стр. 46, 60—64, 79, 80, 178, 201, 205,

206, 208, 215, 216, 222, 246, 247, 275, 276, 305, 340, 343, 344.

Татищевъ, Игнатій Петровичъ, думный дворянинъ, воевода, дипломатъ, государевъ казначей, впервые упоминается въ 1556 г. подѣтнымъ рыцаремъ, съ писменнымъ государевымъ саадакомъ, въ походѣ Иоанна IV въ Серпуховъ по крымскимъ вѣстямъ; въ 1559 г.—второй рында въ царскомъ походѣ въ Тулу по тѣмъ же вѣстямъ; 1576 г.—второй голова у надзиравія сторожей въ походѣ съ государемъ въ Кауагу; 1577 г.—второй воевода въ Голбинѣ; 1578 г.—второй воевода въ Трекахъ, затѣмъ въ Кеси и второй воевода сторожевого полка на Окѣ; 1579 г.—голова въ государевомъ полку въ походѣ на Ливонію и противъ польского короля; 1580 г.—третій воевода въ большомъ полку и во Рже-Володиміровѣ; участвовалъ въ торжествѣ бракосочетанія царя съ Марию Нагою; 1582 г.—второй воевода въ передовоемъ полку во время похода противъ шведовъ и въ битвѣ подъ Орѣшкомъ; 15 апрѣля 1583 г. назначенъ муромскимъ намѣстникомъ. Въ царствованіе Иоанна Грознаго, когда такъ легко было, даже безъ всякой вины, попасть въ опалу, Т., благодаря своей ловкости, не только удержался на службѣ, но подъ конецъ царствованія этого государя былъ возведенъ, въ 1582 г., въ достоинство думнаго дворянина, столь засѣдать наряду съ боярами и окольничими въ Большой думѣ и играть довольно видную роль, особенно въ отношеніи иностраннѣй политики, что видно по неоднократному уполномочию его какъ при Иоаннѣ, такъ и при его преемникахъ, вести дипломатическіе переговоры то съ Швеціей, то съ Литвою. Въ 1583 г. вмѣстѣ съ новгородскимъ воеводою кн. Семеномъ Ивановичемъ Лобановымъ-Ростовскимъ и дьякомъ Дружиной Петлинскимъ онъ былъ назначенъ вести мирные переговоры со шведами, представителями которыхъ были Класъ Тоттъ и Пунтусъ Делагарди. Такъ какъ еще раньше между Россіей и Швеціей происходили тревя, чьимъ посланъ и куда идти—русскимъ ли въ Стокгольмъ или шведскимъ въ Москву, то, во избѣженіе унаженій и излишнихъ недоразумѣній, стороны сошлись на пограничной р. Плюсѣ, въ Шелонской пятинѣ, причемъ, по извѣстію шведскаго историка Далина, уполномоченные каждой стороны находились въ

отдѣльныхъ палатахъ, ведя разговоръ на разстояніи. Т. требовалъ сначала отъ шведовъ возвращенія новгородскихъ и эстонскихъ земель и городовъ, но потомъ, исполнявъ волю Иоанна, опасавшагося Литвы и крымскаго хана Махметъ-Гирея и спѣшившаго миромъ съ Швеціей, 26 мая подписалъ перемиріе на 2 мѣсяца, а 29 іюня на 3 года, не добившись существенныхъ уступокъ. Продиктованный рядомъ затруднительныхъ обстоятельствъ, договоръ этотъ, такимъ образомъ, для русскихъ былъ невыгоденъ, потому что въ рукахъ шведовъ остались многіе искони русскіе города. Въ 1584 г., уже послѣ смерти Иоанна, когда опять возникли опасенія войны съ Швеціей, царь Федоръ Иоанновичъ поручилъ Т. и кн. Федору Дмитріевичу Шестунову возобновить переговоры съ тѣми же шведскими представителями—Тоттомъ и Делагарди. Уполномоченные сошлись 25 октября 1584 г. на устьѣ той же Плюсы, близъ Нарвы, причемъ и на этотъ разъ сохранили церемоніаль отдельныхъ палатокъ, расположивъ ихъ, впрочемъ, такъ близко одна отъ другой, что существенныхъ неудобствъ отъ этого не происходило, ибо одинъ конецъ длиннаго стола, за которымъ сидѣли дипломаты, былъ въ палатѣ русскихъ, а за другимъ въ своей палатѣ сидѣли шведы. На этотъ разъ требованія посольствъ были еще неумѣренѣ,—къ предыдущимъ прибавилось требованіе уступки Новгорода и Пскова; Т. съ товарищемъ былъ въ свою очередь уполномоченъ выговорить Иванъ-городъ, Яму, Копорье и Кереллу сначала даромъ, въ крайнемъ случаѣ предложивъ выкупъ въ 15 т. р., между тѣмъ какъ шведы за эти города хотѣли 400 тыс. Во время переговоровъ Делагарди утонулъ въ Нарвѣ. Т. и Шестуновъ немедленно сообщили объ этомъ въ Москву, откуда отъ царскаго имени получился отвѣтъ: «Писали вы намъ, что Пунтусъ Делагарди утонулъ; сдѣлалось это Божиимъ милосердіемъ и великаго чудотворца Николая милостію». Со смертью неуступчиваго дипломата предполагалось, что въ переговорахъ пойдутъ перемѣны къ выгодѣ русскихъ, но надежды эти не оправдались. Разница во взглядахъ и требованияхъ была слишкомъ велика, переговоры принимали нерѣдко весьма острый характеръ, иногда прерывались и снова возобновлялись; въ концѣ концовъ ни къ

какому окончательному решенію стороны не пришли, а лишь продлили перемиріе еще на 4 года, сохранивъ прежніе *status quo* и взаимно обязавшись въ августѣ 1586 г. сѣѣхаться для соглашенія о «мирѣ вѣчномъ». Дальнѣйшая дипломатическая спопшнія со шведами вѣль, однако, уже не Т., а окольничий кн. Хворостининъ.

13 декабря 1583 г. Т. присутствовалъ при приемѣ Иоанномъ IV англійскаго посла Еронима Бауса; въ 1584 г. былъ вторымъ воеводою большого полка въ Алексинѣ по крымскимъ вѣстямъ, въ 1585 г.—въ Серпуховѣ по тѣмъ же вѣстямъ; 11 ноября 1586 г. въ составѣ Ближней думы сопровождалъ царя Феодора Иоанновича въ шведскій походъ; въ 1588 г. первымъ встрѣчалъ цареградскаго патріарха Іеремію при представлении его царю Феодору; въ 1589 г. воевода въ Казани; въ 1590 г. участвовалъ въ походѣ противъ шведовъ и 25 февраля заключилъ съ ними перемиріе подъ Нарвой; 1591 г.—воевода въ Новгородѣ и въ томъ же году встрѣчалъ польскихъ пословъ при представлении ихъ царю. Въ февралѣ 1591 г. Т. вмѣстѣ съ окольничимъ Мих. Салтыковымъ-Морозовымъ былъ посланъ въ Польшу. Цѣлью посольства являлось получение окончательного согласія Сигизмунда на заключенное упомянутыми послами его въ Москвѣ между Шольшей и Россіей перемиріе на 12 лѣтъ. Въ виду войны съ Швеціей подписать перемиріе съ Шольшей для Феодора Иоанновича было очень важно, почему посламъ въ тайномъ наказѣ повелѣвалось быть уступчивыми, «говорить гладко», не затѣвать лишнихъ пререканій, но «беречь накрѣпко, чтобы король на обѣихъ грамотахъ крестъ цѣловалъ въ самый крестъ прямо губами, а не въ подножье и не мимо креста, и не носомъ». Т. и Салтыковъ встрѣтили дурной приемъ, отчасти потому, что король и нааны были противъ этого міра, на которомъ настаивала главнымъ образомъ литовская шляхта, отчасти же въ виду того, что русские нарушили одно изъ главныхъ условій подлежащаго утвержденію перемирія—не воевать съ шведскимъ королемъ Иоанномъ, отцомъ Сигизмунда. Въ дорогѣ Т. терпѣлъ всяческія лишенія, часто не имѣлъ пищи для людей и корма для лошадей, а въ Krakovѣ, где въ то время жилъ Сигизмундъ, встрѣтился со стороны послѣдняго рѣшительный отказъ цѣловать перемирную

грамоту. Только послѣ долгихъ и энергичныхъ настояній и послѣ нѣкоторыхъ уступокъ Т. добился желаемаго. Въ Москву онъ прибылъ въ январѣ 1592 г.

Это было послѣднее посольство Т. О дальнѣйшей его дѣятельности сохранились слѣдующія извѣстія: въ 1593 г. онъ состоялъ вторымъ судьей въ судно-владимирскомъ приказѣ; въ 1594 г. посланъ дѣлать засѣки со стороны Крыма и сдѣлалъ одну изъ четырехъ засѣкъ, на которыхъ была возведена крѣпость, ставшая основаніемъ Курска; 22 мая 1597 г. былъ при приемѣ цесарскаго посла бургграфа Авраама Донаускаго; весною 1598 г. сопровождалъ Бориса Годунова въ походъ въ Серпуховъ, по крымскимъ вѣстямъ, и 1 августа подписался въ ряду окольничихъ подъ грамотой обѣ избраніи Годунова на царство; въ 1599 г. участвовалъ въ приемѣ шведскаго королевича; въ 1600 г. Борисъ Годуновъ возвелъ его въ достоинство казначея, поручивъ ему завѣдываніе государевой казной, драгоценными вещами и управление казенными приказомъ; съ 16 декабря 1601 по 6 февраля 1602 г. онъ былъ въ отѣѣть съ датскими послами. Скончался Т. въ 1604 г., передъ смертью принявъ постриженіе съ именемъ Йосафа.

Дѣла пошликия, въ Московск. архивѣ иностр. дѣлъ, № 21, лл. 318—507.—Дѣла шведскія, тамъ же, № 5, лл. 202—257.—Мѣстническія дѣла, въ Московск. архивѣ иништ. юстиціи, № 1069, л. 76.—Выпись пѣзъ писцовой книги по Можайску, тамъ же.—Собрание рукописей Вѣляева, въ Румянцевскомъ музѣѣ, № 126/1619.—„Доцопленія къ Актамъ Истор.“, т. I, стр. 273.—„Акты Археографич. Экспедиціи“, т. II, стр. 42.—„Древняя Россійская Писцовая книга“, т. XII, стр. 50, 54, 58, 61, 63—64; т. XIII, стр. 83, 113—114, 219, 254, 294; т. XIV, стр. 448, 454, 455, 492, 493; т. XIX, стр. 389; т. XX, стр. 58.—„Сибирскій Сборникъ“, стр. 61, 72, 79, 81, 82, 141—143, 145.—„Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общ.“, т. XXXVIII, стр. 104.—„Собрание Государств. Грамотъ и Договоръ“, т. II, стр. 487.—„Büsching's Magazin“, 1773, т. VII, стр. 315, 316.—М. Г. Спиридовъ. „Сокращенное описание службъ российскихъ дворянъ“, Москва 1810.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійск.“, изд. Эндерлинга, т. IX, стр. 245, 254; прим. 554, 727, 729; т. X, стр. 31, 67, 95; прим. 117, 187, 194, 284, 300, 315.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Общества Пользы“, кн. II, стр. 578—579, 584—585, 658.—Бѣлокуровъ, „Сношенія Россіи съ Кавказомъ“, стр. 320.—Даштиль, „Geschichte des R. Schwed.“, гл. XV, стр. 134.—„Histor. Russiae Monum.“, II, № XIX.—Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки“, стр. 223; прилож., стр. 54.—Бантышъ-Каменский. „Словарь достопа-

мятныхъ людей русской земли“, ч. III, Спб. 1847, стр. 412—414.—„Справочный энциклопедич. словарь“ Края, т. X, с. v.

Татищевъ, Леонидъ Александровичъ, родился 3 мая 1827 г. и по окончаніи курса въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ произведенъ (10 августа 1845 г.) въ корнеты л.-гв. Гусарского полка. Черезъ 14 лѣтъ службы былъ произведенъ въ полковники и въ 1863 г. назначенъ (5 октября) командиромъ 5-го гусарскаго Александрийскаго полка, а черезъ мѣсяцъ (3 ноября)—2-го лейбъ-гусарскаго Павлоградскаго. Въ 1865 г. онъ былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству и въ слѣдующемъ году произведенъ въ генераль-майоры съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества. На нѣкоторое время строевая служба Т. прервалась, и онъ, въ видупольскаго восстания, былъ назначенъ военнымъ начальникомъ въ Мариуполь, но въ 1875 г. вернулся снова въ строй командующимъ сперва 6-й, а затѣмъ 11-й кавалерійской дивизіей, съ которой въ чинѣ генераль-лейтенанта (съ 30 августа 1876 г.) выступилъ въ Турецкую войну 1877—1878 гг. Скончался 5 августа 1881 г. Будучи еще лейбъ-гусаромъ, участвовалъ съ 20 мая по 2 ноября 1849 г. въ Венгерскомъ походѣ, а начальникомъ дивизіи—во всѣхъ четырехъ періодахъ Турецкой войны, причемъ за сраженіе подъ Чапрукюемъ (9 сентября 1877 г.) награжденъ золотой осипанной бриллиантами саблей съ надписью «За храбрость», а за отличие вообще въ Турецкую войну—орденомъ Владимира 2-й степени съ мечами. Кроме того Т. имѣлъ серебряную медаль за труды по устройству крестьянъ Царства Польскаго для ношения на груди на Анненской лентѣ. Онъ былъ женатъ на Екатеринѣ Ильинишѣ Бибиковѣ, фрейлине Императрицы, дочери генераль-адъютанта Ильи Гавриловича.

Формулляръ въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба, дѣло 3 ст., 6 отд., 1881 г., № 836, св. 2811, стр. 3—21.—„Иллюстрированная хроника войны“, приложение къ № 463 „Всемирной Иллюстраціи“, № 60, стр. 74.—„Материалы Русско-Турецкой войны 1877—78 гг.“, вып. 94.

М. П.

Татищевъ, Михаилъ Игнатьевичъ, думный дворянинъ, потомъ окольничій, дипломатъ при Борисѣ Годуновѣ и Васи-

ліі Шуйскомъ, сподвижникъ кн. М. В. Скопина-Шуйского, сынъ царскаго казначея Игнатія Петровича Т., впервые упоминается въ 1596 г. по случаю пожалованія его званіемъ ясельничаго. Первые слѣды его дипломатической или посольской службы встрѣчаются подъ 1598 г., когда онъ былъ посланъ въ Литву для оффіциального извѣщенія объ избраніи на царство Бориса Годунова, затѣмъ въ слѣдующемъ году онъ въ с. Святыхъ Отецъ встрѣчаль сына шведскаго короля Эрика, изгнаннаго изъ Швеціи и искавшаго счастья въ Россіи. Въ декабрѣ 1600 г. Т. принялъ видное участіе въ веденіи переговоровъ съ польскимъ посольствомъ, имѣвшимъ во главѣ Льва Сапѣгу и пріѣхавшимъ для установленія «вѣчнаго мира» между Россіей и Польшею. Обнаружившіяся во время совѣщаній несогласія часто вели къ жаркимъ спорамъ, переходившимъ нерѣдко въ брань. Какъ видно изъ документальныхъ данныхъ того времени, именно Т. былъ невоздерживѣе другихъ на языкъ и часто необдуманными и рѣзкими выраженіями давалъ поводъ къ бурнымъ сценамъ. Во время одного изъ совѣщаній онъ, не обинаясь, назвалъ Сапѣгу лжецомъ, на что въ отвѣтъ получилъ имя конюха; подобная любезности продолжали сыпаться съ обѣихъ сторонъ и въ результатѣ имѣли то, что Сапѣга оставилъ засѣданіе, на время прервавъ переговоры, билъ на Т. челомъ, и ему «въ отвѣтахъ ходить не вѣльно».

Въ маѣ 1604 г. Т., по порученію царя Бориса, поѣхалъ въ Грузію, вмѣстѣ съ иверійскимъ архимандритомъ Кирилломъ, пріѣзжавшимъ въ Москву для опроверженія извѣстій, взвѣденныхъ на грузинскаго царя Александра русскими сановниками Нашокинымъ и Леонтьевымъ. Миссія Т. была двоякая: съ одной стороны добиться оффіциального, скрѣпленного присягой утвержденія Грузии въ подданствѣ Москвы, и съ другой—разрѣшить щекотливое «семейственное дѣло»: найти въ Грузіи жену дочери и невѣstu сыну Бориса. Въ августѣ Т. пріѣхалъ въ г. Загемъ, но не засталъ тамъ царя Александра, находившагося вмѣстѣ съ значительной частью своего войска у персидскаго шаха. Т. принялъ младшій сынъ Александра, Юрій, искренній сторонникъ Москвы; онъ много жаловался на бѣдственное положеніе Гру-

зіи, всегда угрожаемой со стороны Турціи и Персіи, и извиняясь своего отца, который только въ виду такихъ угрозъ при нужденъ былъ идти съ войскомъ въ персидской станъ, несмотря на то, что тѣмъ самымъ наносилось оскорблѣніе Московскому царю, въ чьемъ подданствѣ считалась Грузія; только рѣшительныя мѣры со стороны Москвы—постройка крѣпостей въ Грузіи и присылка туда значительного войска—могутъ удержать, по мнѣнію Юрія, эту страну въ фактическомъ подданствѣ Москвы, ибо могущество послѣдней при наличныхъ условіяхъ парализуется ея дальностью, а Турція и Персія, благодаря своей близости, во всяко время въ состояніи оказать на Грузію такое давленіе, которому нѣть возможности сопротивляться. Какъ бы въ подтвержденіе словъ Юрія, вскорѣ разнеслась вѣсть, что къ Загему идетъ турецкое войско: угроза была на-лицо, отразить ее собственными силами Юрій не могъ, а помощь Москвы была далека. Юрій обратился къ Т. съ просьбою дать ему для отраженія непріятеля стрѣльцовъ, сопровождавшихъ московское посольство. Опасаясь безъ царскаго указа удовлетворить просьбу, ибо этимъ какъ бы обязывалась война Турціи, Т. долго колебался, но въ концѣ концовъ, чтобы удостовѣрить Иверію въ дѣйствительности заботъ объ ея судьбѣ со стороны Московскаго государства, далъ 40 стрѣльцовъ, которые и присоединились къ бѣгачному отряду грузинъ. Огнестрѣльное оружіе этой горстки русскихъ оказалось рѣшительное дѣйствіе: постѣ стычки, произошедшей 7 октября 1604 г., турки, полагая численность русскаго отряда гораздо большей, чѣмъ то было на дѣлѣ, поспѣшили бѣжали. На слѣдующій день при помощи тѣхъ же стрѣльцовъ Юрію удалось разбить толпы полуудицкихъ обитателей береговъ р. Кумы. Положеніе русскихъ послѣ этихъ побѣдъ все болѣе упрочивалось, и вліяніе Т. росло съ каждымъ днемъ, въ январѣ 1605 г. онъ даже взялъ съ Юрія и народа присягу въ подданствѣ, но въ марта того же года произошелъ рѣзкій поворотъ въ течениі дѣлъ. Изъ Персіи къ этому времени возвратился царь Александръ съ старшимъ сыномъ Константиномъ, который принялъ въ Персіи магометанство и былъ явнымъ сторонникомъ шаха, даже настолько, что по порученію послѣдняго собралъ войско

и съ помощью персовъ собирался идти къ Шемахѣ. Т. выступилъ рѣшительнымъ противникомъ этого похода, предпринимаемаго подъ вліяніемъ Персіи, а царя Александра неоднократно предостерегалъ противъ старшаго сына, въ которомъ онъ подозрѣвалъ нечистыя замыслы. Опасенія Т. оправдались въ самой неожиданной формѣ: 12 марта Константинъ умертвилъ отца и младшаго брата и объявилъ себя царемъ Грузіи. Эта дворцовыи переворотъ означалъ еще большее усиленіе персидскаго вліянія въ дѣлахъ Иверіи и уменіе вліянія Москвы. Т. это отлично понималъ, хотя Константинъ и объявилъ ему, что Александръ убитъ случайно, а Юрий—какъ недругъ Россіи, только прикидывавшійся ея доброжелателемъ, что произошедши переворотъ никакъ неизмѣняетъ отношеній Грузіи къ Московскому государству, и онъ, Константинъ, «готовъ во всемъ усердствовать царю христіанскому» Борису. Отвергнувъ предложенные ему Константиномъ дары, Т. въ прямой и категорической формѣ поставилъ вопросъ о подданствѣ Грузіи Московскому, на что Константинъ, тяготѣвшій къ Персіи, но выѣхавшій съ тѣмъ боявшійся Россіи, далъ уклончивый отвѣтъ, уѣхавши, что хотя до поры до времени онъ останется магометаниномъ и въ подданствѣ у шаха, на дѣлѣ же будетъ «другомъ Россіи и защитникомъ христіанства». Такой отвѣтъ не удовлетворилъ Т., и онъ уѣхалъ изъ Загема, объявивъ Константину, что Борисъ добровольно не уступитъ Грузіи шаху, который своимъ несомнѣннымъ содѣйствиемъ убийству Александра и Юрия нарушилъ добрыя отношенія между Россіей и Персіей.

Изъ этой части Грузіи, Кахетіи, Т. отправился въ западную ея часть, Карталинию, къ владѣтелю которой, Юрию, и прибылъ 15 апреля 1605 г. Тамъ Т. долженъ былъ, по порученію Бориса, видѣть племянника Юрия, Теймураса, предназначавшагося въ женихи дочери московскаго царя, и заодно и дочь Юрия, Елену, которую, по совѣту архимандрита Клирила, Борисъ хотѣлъ видѣть женою своего сына Феодора. Теймураса, взятаго персидскимъ шахомъ въ заложники, Т. уже не засталъ въ Карталии, почему какъ на женихѣ дочери царя остановился на другомъ родственнике Юрия, юномъ князѣ Хоздроѣ. Будучи принятъ Юриемъ съ большими почестями,

Т. предложилъ ему вступать въ подданство Россіи и отпустить въ Москву Елену и Хоздроѧ, «если они имѣютъ достоинства, нужные для чести вступить въ семейство Борисова». «А сія честь велика,—говорилъ Т.:—императоръ и короли шведскій, датскій и французскій искали ее ревностно». Юрий, получивъ увѣренія въ военной защищѣ отъ персидскаго шаха, объявилъ себя подданнымъ Москвы и представилъ на судъ Т. жениха и невѣstu. Въ донесеніи царю Т. писалъ о нихъ: «Хоздрою 23 года отъ рождения; онъ высокъ и строенъ; лицо у него красиво и чисто, но смуглѣ; глаза свѣтлые каріе, носъ съ горбинкой, волосы темнорусые, усы тонкій... въ разговорахъ уменъ и рѣчистъ...; однимъ словомъ хорошъ, но не отличенъ; вѣроятно, что полюбится, но не вѣрно... Елена прелестна, но не чрезвычайно: бѣла и еще нѣсколько блѣтится; глаза черные, носъ небольшой, волосы крашеные; станомъ прямъ, но слишкомъ тонка; въ лицѣ не довольно полна». Т. хотѣлъ взять въ Москву и жениха и невѣсту, говоря, что послѣдняя будетъ жить у царицы, учиться языку и навыкамъ русскимъ обычаямъ, но Юрий отпустилъ только Хоздроѧ, удержавъ Елену, которая, кстати, не нашла бы уже жениха. По дорогѣ въ Москву Т. узналъ, что турки жестоко отомстили русскимъ въ Дагестанѣ за свое пораженіе въ Грузіи, почему, опасаясь всякихъ случайностей въ пути, онъ оставилъ Хоздроѧ въ Сіонской землѣ, а самъ поспѣшилъ въ Москву, куда и прибылъ 5 ноября 1605 г., уже въ царствование Лжедмитрія. Въ своихъ донесеніяхъ о поѣздкѣ въ Грузію Т. далъ подробное описание этой страны, весьма цѣнное какъ свидѣтельство наблюдательнаго очевидца.

Тонкій умъ и гибкій характеромъ, Т. умѣлъ быстро приспособляться ко всяkimъ обстоятельствамъ. Пользуясь раньше довѣріемъ Бориса, онъ лестно и угодженіемъ вскорѣ пріобрѣлъ такое же довѣріе и у Самозванца, сдѣлавшись однимъ изъ постоянныхъ участниковъ пирровъ и увеселеній въ царскихъ покояхъ. Когда же узналъ о заговорѣ противъ Лжедмитрія и взвѣсилъ шансы его болѣе чѣмъ вѣроятнаго успѣха, онъ примкнулъ къ заговорщикамъ и пересталъ льстить Самозванцу, сдѣлавшись по отношенію къ нему даже дерзкимъ. Однажды за царскимъ столомъ

ки. Василій Шуйскій, видя блюдо телятины, замѣтилъ, что русскіе въ постъ не могутъ єсть мяса. Лжедимитрій началь споръ съ Шуйскимъ. Всталъ Т. и заговорилъ въ поддержку Шуйскому, но такъ рѣзко и въ такихъ дерзкихъ выраженіяхъ, что его вывели изъ-за стола, посадили въ тюрьму и хотѣли сослать въ Вятку. Этотъ случай вызвалъ много толковъ при дворѣ; приближенные Лжедимитрія предполагали, что Шуйскій завелъ разговоръ съ умысломъ, а Т., обычно столь дипломатичный, осторожный, изысканный въ своихъ выраженіяхъ, писценировалъ свою выходку съ намѣреніемъ вызвать царя на какое-нибудь рѣзкое выраженіе, которое могло бы ему повредить. Какъ бы то ни было, черезъ двѣ недѣли Басманову удалось исхлопотать прощеніе Т. у Лжедимитрія, не отличавшагося злопамятствомъ.

Т. былъ однимъ изъ видныхъ участниковъ какъ въ подготовленіи паденія Самозванца, такъ и въ самомъ актѣ сверженія его. Уже во время переговоровъ съ послами Сигизмунда, Ольсницкимъ и Гонсѣвскимъ, относительно «союза и дружбы» между Россіей и Польшей, азъ рѣчей Т., смѣлыхъ, часто ироническихъ, нерѣдко дерзкихъ, видно, что онъ чуялъ грядущую перемѣну, вѣрилъ въ нее и въ ея успѣхъ. 17 мая 1606 г., въ день восстания, Т. былъ во главѣ ворвавшійся во дворецъ толпы и собственоручно закодоль скосого спасителя отъ ссылки, Басманова, когда тотъ, убѣжденный сторонникъ Лжедимитрія, пытался успокоить расходившіяся страсти. Въ слѣдующіе дни послѣ переворота Т. наряду съ другими боярами вѣль переговоры съ задержанными въ Москвѣ въ качествѣ заложниковъ польскими послами Ольсницкимъ и Гонсѣвскимъ. Во время восстания разъяренной толпой были убиты многие поляки, никакого отношения къ Лжедимитрію же имѣвшіе и ви въ чёмъ неповинные. Естественно было опасаться мести со стороны Польши за невинно погибшихъ, поэтому всѣ усилия бояръ были направлены къ тому, чтобы доказать, что Польша и Сигизмундъ и являются единственными виновниками въ воцареніи Лжедимитрія, почему и должны примириться съ послѣдствіями. Однако, когда Гонсѣвскій привелъ рядъ фактовъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что русскіе сами виноваты въ воцареніи Самозванца, что они

сдавали ему города, что они признали его истиннымъ царевичемъ и короновали въ Москвѣ, а король, нерѣдко даже оскорбляемый Лжедимитріемъ, здѣсь не при чёмъ,— бояре не нашлись что возразить. Изъ затрудненія ихъ вывелъ Т., который перевелъ вопросъ въ другую область, указывая, что Польша, терзаемая внутреннимъ возстаніемъ (рокошемъ), находится въ тягостномъ положеніи, выходъ изъ котораго для нея не въ войнѣ, а въ мирѣ съ Москвою. Въ концѣ концовъ онъ добился признанія отъ поляковъ, что въ дѣлѣ Лжедимитрія никто не виноватъ.

Въ 1607 г. Т. былъ возведенъ въ окольничие и сталъ засѣдать въ Большой думѣ съ боярами, а въ 1608 г.—въ эпоху Тушинского вора—былъ назначенъ воеводой въ Новгородъ, куда вскорѣ прибылъ и извѣстный герой Смутнаго времени, кн. Мих. Вас. Скопинъ-Шуйскій для сбора ратныхъ людей и переговоровъ со шведами о помощи Москвѣ. Когда новгородцы стали оказывать москвичамъ «расположеніе подозрительное», Скопинъ-Шуйскій, разсчитывавшій на ихъ и наковитянъ помочь, рѣшилъ искать ее въ другомъ мѣстѣ. Т., сопровождая князя, съ многочисленной дружиной также оставилъ Новгородъ. Ни въ Ивангородѣ, куда они сначала направились, ни въ Орѣшкѣ ихъ однако не приняли. Новгородцы одумались и пригласили Скопина-Шуйскаго обратно. Вернулся въ Новгородъ и Т., пользуясь имъ и бывшій его правой рукой. Въ началѣ 1609 г. распространилась вѣсть, что отрядъ мятежниковъ подъ начальствомъ Кернозицкаго идетъ къ берегамъ Ильменя. Чтобы помѣшать исправить ихъ черезъ Мсту, Скопинъ хотѣлъ вызвать сильный отрядъ въ Бровницы. Предводительствовать этимъ передовымъ отрядомъ вызвался Т. Въ это время нѣсколько новгородцевъ донесли Скопину, что Т. собирается измѣнить и нарочно выпросилъ идти въ Бровницы, имѣя въ виду помочь Кернозицкому овладѣть Новгородомъ. Въ виду такого важного донесенія Скопинъ призвалъ Т., собралъ также всѣхъ ратныхъ людей и объявилъ о доносѣ, имѣя въ виду путемъ допроса обѣихъ сторонъ и народнаго обсужденія добиться истины. Но толпа, услышавъ обвиненіе, взболовалась, пришла въ смятеніе, набросилась на Т. и умертвила его, не давъ сказать ему ни слова въ оправ-
е

даніе. Похороненъ, однако, Т. былъ—въ монастырѣ св. Антонія—съ почестями, изъ чего можно думать, что уже вскорѣ послѣ убийства новгородцы пришли къ убѣждѣнію, что ихъ подозрѣнія были ошибочны. Карамзинъ считаетъ Т. «едва ли виновнымъ» въ взведенной на него измѣнѣ, а Соловьевъ говорить по этому поводу: «Трудно представить себѣ, чтобы этотъ человѣкъ, такъ сильно стоявшій за старину, убѣйца Басманова, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ заговорщиковъ противъ первого Лжедими-тра, хотѣлъ передаться второму. Гораздо болѣе вероятно, что Татищева не любили за его характеръ, не хотѣли быть подъ его начальствомъ... и, быть можетъ, доносчики сами не хотѣли своимъ доносомъ сдѣлать большого вреда ему».

«Дѣла польскія», въ Московск. архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, №№ 24, 26, 27.—«Ни-кононовская лѣтопись», т. IV, стр. 108. «Дополненія къ Актамъ Историч.», т. I, стр. 268—269.—«Акты Археограф. Экспедиціи», т. II, стр. 42.—«Древняя Россійск. Вибліо», изд. 1791 г., т. ХІІІ, стр. 271, 284; т. XIX, стр. 390; т. XX, стр. 66.—«Временникъ Московск. Общ. Истор. и Древност. Россійск.», т. VIII, отдѣль. «Смѣсь», стр. 22.—«Русская Историческ. Вибліо», т. I, стр. 20; т. XIII, стр. 389, 392, 410—428, 740.—«Лобановскій Родословецъ». — «Памятники дипломатическ. сошествій», т. II, стр. 694.—«Разрядная книга», т. I, стр. 141, 149, 150.—«Собрание Государств. Грамотъ и Договоровъ», т. II, стр. 285.—Сказаніе «Еже содѣялся», «Чтени. Московск. Общ. Ист. и Древн. Росс.», 1847 г., т. XI, стр. 20.—«Сказание современника о Дмитрии Самозванцѣ», изд. Устяловы, т. I, стр. 60, 300—304; т. II, стр. 163, 168, 200, 209, 231, 235, 236, 249, 259—261.—Въ издан. Археограф. Комис. запискахъ о Россіи Шиле, стр. 9; Масса и Геркмана, стр. 88, 232.—Adelung, «Uebersicht der Reisend.», II, р. 18.—Карамзинъ, «Исторія государства Россійск.», изд. Эйнерлинга, т. X, прим. 465; т. XI, стр. 37—42, 44, 148, 162, 169; прим. 38, 47, 91—95, 98, 99, 560; т. XII, стр. 10, 89, 90; пр. 367, 368.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», издательства «Общества Пользы», кн. II, стр. 697, 700, 795, 798, 832, 833, 884—С. Ф. Платоновъ, «Очерки по исторіи смуты», стр. 295, 298, 306, 318, 386—389, 596.—Костомаровъ, «Смутное время», «Вѣсти Европы», 1872, іюнь, и «Собрание сочинений», т. II, стр. 172.—Проф. Иконниковъ, «Биографія кн. М. В. Скопина-Шуйскаго», «Древн. и Новая Россія», т. II, стр. 28—32.—С. С. Татищевъ, «Роды Татищевыхъ», 1400—1900 гг., Спб. 1900, стр. 17—21, 25, 176, 212—215, 244—246, 257, 338, 341, 342.—Бѣлокуровъ, «Сношения Россіи съ Кавказомъ», стр. 377—414, 420—517.—Н. П. Лихачевъ, «Разрядные дьяки XVI стол.», Спб. 1888, стр. 198, 225, 424.—«Zycie Lwa Sapiehy» въ «Zycia slawnych dolakow», Бобровича, т. IV.—«Trebickiego ro-

soltwo Lwa Sapiehy», «Histor. Russ. Monum.», I, № XXXI.—О переговорахъ съ Отѣсницкимъ и Гонсѣвскимъ, ibid., t. II, №№ LXXVI и CI.—«Справочный энциклопед. словарь», Крайя-Старчевскаго, т. 10, с. v.

Татищевъ, Михаилъ Юрьевичъ, бояринъ, родился въ 1620 г. 12 июля 1639 г. былъ пожалованъ изъ стряпчихъ въ стольники; въ 1641—1646 гг. съ перерывами числился на службѣ въ Тулѣ въ полкахъ князя Я. К. Черкасскаго и Г. С. Куракина, въ 1646 г.—на службѣ въ Мценскѣ въ полку кн. И. А. Трубецкаго, въ 1647 г.—на службѣ въ Ливнахъ въ полку того же кн. Куракина. 27 января 1648 г., на другой день послѣ свадьбы царя Алексея Михайловича съ Марию Милославской, Т. за царскимъ столомъ въ Грановитой палатѣ «пить яосиль передъ бояры въ большой столь». Въ апрѣль и въ сентябрѣ 1651 г. онъ сопровождалъ государя въ богомольные «походы» по монастырямъ. Въ 1655 г. упоминается на ратной службѣ,—подъ Дубровною, въ долгу кн. Н. И. Одоевскаго. 25 января 1660 г. вмѣстѣ съ Одоевскимъ посланъ въ г. Борисовъ, что на Березинѣ, на сѣѣздѣ съ польскими комиссарами «для мирнаго постановленія»; съ этою же цѣлью встрѣчался онъ съ польскими уполномоченными и въ февралѣ 1662 г. въ Смоленскѣ. 19 февраля 1664 г. за царскимъ обѣдомъ въ честь англійского посла Чарльза Говарда «ставольѣть предъ великимъ государемъ». 1668 и часть слѣдующаго года Т. провелъ на службѣ въ Сѣверскѣ въ полку кн. Куракина и подъ Глуховымъ въ полку кн. П. А. Долгорукова. 12 ноября 1671 г. за царскимъ столомъ въ честь польскихъ пословъ «ѣсть ставилъ предъ бояры». Въ 1672 г. впервые былъ назначенъ воеводою—въ Арзамасъ, гдѣ пробылъ до 1676 г. когда былъ переведенъ воеводою въ Ростовъ. 24 августа 1684 г. былъ пожалованъ въ думные дворяне, а черезъ 5 дней въ окольничіе; въ этомъ званіи въ ближайшее затѣмъ время неоднократно сопровождалъ царя Иоанна Алексѣевича въ поѣздки въ Троицкій, Воскресенскій и другіе монастыри. 25 января 1688 г. назначенъ первымъ воеводою на Днѣпръ, каковымъ пробылъ до средины декабря 1690 г. Въ бояре пожалованъ 2 февраля 1691 г., съ помѣстнымъ окладомъ въ 1000 четв. и денежнѣмъ въ 384 руб. Т.—единственный представитель рода, достигшій званія боя-

рина. Скончался 17 апрѣля 1701 г. и похороненъ въ московскомъ Симоновомъ монастырѣ.

Полное Собрание Законовъ, т. II, № 1070, стр. 584.—Дополн. къ Актамъ Историч., т. IX, стр. 22, 24, 223.—Древняя Россійск. Віплюбописка, т. XIII, стр. 219; т. XIV, стр. 53, 54; т. XX, стр. 423.—Дворцовые разряды, т. III, стр. 245, 252, 567, 859, 869; продолж. III т., стр. 210, 211, 311, 415; т. IV, стр. 305, 321.—Русская Историч. Библиотека, т. X, стр. 188, 324, 341, 350, 416.—Сборникъ Імпер. Русск. Историч. Общества, т. I, стр. 323.—Двинская лѣтопись, изд. Титова, стр. 53, 56, 57.—Писцовая книга въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи: по Ростову, 7133—34 гг., № 425; по Дмитрову, X, 7135—37 гг., № 628; по Москвѣ, 7178 г., № 9810; по Давкову, 7185—86 гг., № 391; по Ряжску, 7183 г., № 388.—Благородъ, „Опись записныхъ книгъ и бумагъ Дворцового приказа“, стр. 326 (жалованная грамота ц. Алексея Михайловича отъ 3 июня 1667 г. Т.)—С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ“, Спб. 1900, стр. 25, 34—39, 54—56, 58, 60, 176, 200, 205, 212—216, 243, 244, 246—248, 250, 251, 263—265, 292, 294—298, 342, 344.

Татищевъ, графъ Николай Алексѣевичъ, генералъ отъ инфантеріи, родоначальникъ графской линіи Татищевыхъ, родился въ 1739 г. и четырехъ лѣтъ былъ зачисленъ на службу въ л.-гв. Преображенскій полкъ и въ немъ же началъ и дѣятельную службу въ 1759 г. гвардіи поручикомъ. Годомъ спустя (съ 1763 г.) въ рядахъ Нижегородского карабинернаго полка участвовалъ въ 1768 г. въ походѣ противъ польскихъ конфедераторовъ и былъ при штурмѣ Варшавы. Въ турецкомъ походѣ слѣдующихъ лѣтъ участвовалъ въ рядѣ сражений, за отличие въ бою при Кагулѣ произведенъ въ премьеръ-маиора и награжденъ Георгіемъ 4-й степени, за бой подъ Бухарестомъ (20 октября 1771 г.) повышенъ въ полковники, отличился также въ сраженіи подъ Турномъ (16 октября 1773 г.), подъ Черноводами (18 октября) и подъ Рущукомъ и Турукаемъ (1774). Въ апрѣль 1777 г. получилъ чинъ полковника и назначенъ командиромъ Ново-Троицкаго кирасирскаго кн. Шотемкина полка, во главѣ котораго въ слѣдующемъ году (22 марта) встрѣчалъ въ Дерптѣ прусскаго наследнаго принца Фридриха-Вильгельма. Въ бригадирѣ былъ произведенъ въ юнѣцъ 1782 г. и менѣе чѣмъ черезъ годъ въ генералъ-маиора съ назначеніемъ временно командующимъ Преображенскаго полка въ званіи его премьеръ-маиора. Въ

июль 1788 г. во главѣ отряда изъ трехъ баталіоновъ (по одному отъ Преображенскаго, Семеновскаго и Измайловскаго полковъ) и трехъ эскадроновъ конной гвардіи выступилъ въ Финляндію въ походѣ противъ шведовъ, откуда, награжденный Азиатской 1-й степени, возвратился только въ октябрь слѣдующаго года. 2 сентября 1793 г., въ день празднованія Йесского мира съ Турцией пожалованъ орденомъ Александра Невскаго. При Павлѣ I былъ въ немилости и уволенъ отъ службы съ переименованіемъ изъ генераль-поручиковъ въ генераль-лейтенанты, но со вступленіемъ на престолъ Александра I вновь принялъ на службу, повышенъ въ генераль отъ инфантеріи, назначенъ командиромъ Преображенскаго полка и начальникомъ по инфантеріи петербургской инспекціи. 15 сентября 1801 г., въ день коронаціи, возведенъ съ потомствомъ въ графское достоинство. Въ 1806 г. назначенъ главнокомандующимъ первою областю Земскаго войска. Умеръ въ ноябрѣ 1823 г. и похороненъ въ с. Ретени (Лужскаго уѣзда). Имѣлъ орденъ Андроя Первозванного (1807). Екатерина Великая была крестною матерью его дочери Екатерины.

Цѣлое департам. герольдіи, л. 252.—Камеруль-Фурьерские журналы, 1780 г., стр. 27, 29, 30, 99; 1786 г., стр. 637; 1789 г., стр. 466, 473, 474.—Исторія л.-гв. Преображенскаго полка, т. IV, стр. 202, 208.—Селатскій архивъ, т. I, стр. 6.—Сборникъ Русск. Историч. Общ., т. 15, стр. 143, 144; т. 22, стр. 469, 506; т. 26, стр. 410, 424, 490, 499; т. 27, стр. 506; т. 29, стр. 111, 208, 442, 534; т. 42, стр. 12; т. 45, стр. 186.—Бантыш-Каменскій, „Синскій георг. кавалеровъ“, стр. 328.—Русск. Архивъ, 1864, стр. 220, 221, 777; 1867, стр. 223.—Русск. Старина, 1870, 2-е изд., стр. 250.—Десятинацатый вѣкъ, сборн. П. Бартенева, т. II, стр. 15.—Кн. Долгоруковъ, „Родословная книга“, т. II, стр. 228.—С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ“, стр. 115—117, 218—221.

Татищевъ, Петръ Алексѣевичъ, членъ Новиковскаго литературнаго кружка въ Москвѣ, изѣбѣтный масонъ, родился въ 1730 г. Въ 1744 г. вступилъ въ службу солдатомъ лейбъ гвардіи Преображенскаго полка, вскорѣ былъ произведенъ въ сержанты, въ 1748 г.—въ прaporщики, 1751 г.—въ подпоручики, 1753 г.—въ поручики, 1758 г.—въ капитанъ-поручики, 25 декабря 1761 г. по болѣзни отставленъ отъ службы съ чиномъ гвардіи секундъ-маиора и поселился въ Москвѣ. 9 марта

1767 г. въ его домѣ у Красныхъ воротъ происходили выборы предводителя дворянства Московского уѣзда и депутата отъ этого сословія и уѣзда въ Комиссію для составленія новаго уложенія, а 19 апрѣля того же года—выборы депутатовъ въ ту же Комиссію отъ 5-й и 6-й частей Москвы. Въ 1774 г. Т. выѣхалъ съ сыномъ Петромъ принимать участіе въ защите Казанской цитадели противъ полчищъ Пугачева. Въ 1779 г. онъ пріѣхалъ къ масонству, именно къ такъ называемому «берлинскому» его направлению, начавшемуся въ Москвѣ съ пріѣздомъ Шварца, съ которымъ Т. тѣсно сдружился. Послѣ некотораго пребыванія въ «теоретическомъ градусѣ» онъ сдѣлался мастеромъ московской ложи «Трехъ знаменъ», въ 1782 г.—главнымъ мастеромъ ложи «Гармонія», а съ 1783 г.—главою всѣхъ русскихъ масоновъ съ титуломъ пріора «Восьмой провинціи» ордена (т. е. Россіи) и съ именемъ «Peter или eques a signo triumphale», одновременно будучи префектомъ ложи «Коронованного знамени», или, какъ она называлась въ его честь, «Капитула Татищева». Въ 1784 г. Т. образовалъ въ Москвѣ «директорію для теоретической степени». Таковы фактическія данныя, говорящія объ участіи Т. въ такомъ видномъ духовно-нравственномъ течеіїи конца XVIII в., какъ масонство. Значеніе дѣятельности его въ этой области до вѣкотойрой степени освѣщается въ указанныхъ ниже источникахъ, тѣмъ не менѣе роль его въ русскомъ масонствѣ въ общемъ и понынѣ остается далеко еще не выясненной. Не можетъ быть однако никакого сомнѣнія въ преданности и усердіи Т. къ дѣлу, въ его искреннемъ увлеченіи имъ, о чёмъ свидѣтельствуютъ даже официальные документы; такъ, московскій генеральгубернаторъ К. А. Прозоровскій въ своемъ донесеніи къ т. с. Шешковскому характеризуетъ Т. какъ фанатика. Съ 1782 г. Т. состоялъ однимъ изъ учредителей «Компании Типографической», въ которой было напечатано столько важныхъ историческихъ документовъ, и «Дружескаго ученаго общества при Московскому университѣтѣ», открытие котораго состоялось (6 ноября) въ его домѣ. Умеръ Т. 10 марта 1810 г. въ Москвѣ.

„Абшидъ“ отъ 8 февраля 1763 г., въ архивѣ московск. депутатск. собранія, — „Сборникъ

Императ. Русск. Историч. Общества“, т. II, стр. 105, 148, 150, 151, 153 („Новые документы по дѣлу Новикова“); т. IV, стр. 17, 19, 22; т. VI, стр. 166.—„Древняя Россійская Библіо-ѳіка“, т. XIX, стр. 392.—М. Н. Лопгиновъ, „Новиковъ и московские маркисты“, Спб. 1867, стр. 138—141, 143, 148, 150, 165—167, 175, 176, 181, 184, 195, 196, 199, 212, 213, 216, 232, 273, 357.—Статья Ешевскаго въ „Русскомъ Вѣстнике“, т. LII, стр. 361—406; т. LVI, стр. 5—52.—Тамъ же за 1810 г., ч. 10, въ прибавленіи къ № 4, стр. 1—4, напечатаны „Стихи на смерть И. А. Татищева, 1810 г. 10 марта“, съ подписью: А. Т.—Д. Корсаковъ, „Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка“, стр. 71—75.—С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ“, Спб. 1900, стр. 92, 93, 180, 202, 208, 300, 301, 304, 310, 312, 313, 347.

Татищевъ, Петръ Петровичъ, сынъ предыдущаго, родился въ 1758 г., дѣтство провелъ въ Казани, гдѣ 15-ти лѣтъ вступилъ волонтеромъ въ сформированный казанскимъ дворянствомъ уланскій корпусъ и въ качествѣ субалтернъ-офицера принималъ участіе въ защите казанской цитадели противъ пугачевцевъ. 10 ноября 1774 г. Екатерина II, по просьбѣ графа П. И. Панина, «въ разсужденіе претерпѣннаго мученическаго конца въ вѣрности непоколебимаго старика Кудревцева» (дѣда Т. по матери, погибшаго во время осады Казани), опредѣлила Т. на дѣйствительную службу, сразу пожаловавъ его въ поручики Бѣлевскаго полка. Въ апрѣль 1776 г. онъ былъ повышенъ въ капитаны съ назначениемъ флигель-адъютантомъ при фельдмаршалѣ, 9 іюня 1782 г. произведенъ въ секунд-маиоры, а 20 мая 1786 г. въ премьер-маиоры и уволенъ по прошенію въ отставку. Слѣдя отцу, Т. съ конца 70-хъ гг. сдѣлался масономъ и въ 1781 г. со своимъ воспитателемъ, извѣстнымъ Шварцемъ,ѣздилъ за границу для изученія системы «строгаго наблюденія», а по возвращеніи поступилъ членомъ въ капитуль «8-й провинціи» (т. е. Россіи) ордена.

Дѣло о Татищевыхъ въ архивѣ департам. герольдій, № 237, 245 и обор.—Дѣло Герольд-мейстерской конторы въ московскомъ архивѣ маркист. юстиціи, № 512, л. 334.—„Сборникъ Императ. Русск. Историч. Общества“, т. II, стр. 151; т. VI, стр. 164, 180, 185.—М. Н. Лопгиновъ, „Новиковъ и московские маркисты“, стр. 139, 141, 150, 176, 232.—Д. А. Корсаковъ, „Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII в.“, стр. 91—93.—С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ“, Спб. 1900, стр. 92, 102, 103, 202, 207, 300, 301, 304, 310, 349.

Татищевъ, Прокофій Андреевичъ, воевода, родился въ 1678 г.; восьми лѣтъ

числился стольникомъ царицы Прасковы Федоровны; въ 1692 г.—комнатный стольникъ царя Иоанна Алексеевича; въ 1698 г. назначенъ сержантоуъ лейбъ-гвардии Семеновскаго полка. Въ 1711 г.—указъ о посыпкѣ его на службу въ Бѣлгородъ, въ полкъ кн. М. Г. Ромодановскаго, затѣмъ почему-то отмѣненный. Между 1728—1735 гг. жилъ въ Москвѣ не у дѣль, а 23 декабря послѣдняго года былъ назначеиъ воеводою въ Суздалъ, гдѣ прослу-жилъ до 1739 г., когда былъ отрѣшенъ отъ должности «за многіе непорядочныя поступки, взятки и слабое выскаканіе недоямокъ», а въ маѣ 1740 г. отданъ подъ слѣдствіе за самовластій отъездъ съ воеводства, безъ сдачи преемнику дѣль и ключей. 1 сентября того же года выпущенъ въ отставку отъ военныхъ и статскихъ дѣль «за старостью и дряхлостью», тѣмъ не менѣе оставленъ подъ слѣдствіемъ, впрочемъ до его смерти, послѣдовавшей въ 1743 г., не закончившимся.

Сказка о службахъ Т., въ Моск. архивѣ мініст. юстиції, дѣла Герольдмейст. конторы 1735 г., кн. № 162, 232; 1759 г., кн. № 487.—«Сенатскій архивъ», т. IV, стр. 449.—«Доказы и приговоры сената», т. I, стр. 61; т. II, ч. 2, стр. 102; т. IV, ч. 1, стр. 442.—С. С. Татищевъ, «Родъ Татищевыхъ», Спб. 1900, стр. 89, 101, 181, 203, 205, 206, 215, 216, 222, 247, 288, 309.—Устряловъ, «Исторія Петра Великаго», т. III, стр. 571.

Татищевъ, Сергій Даниловичъ, капитанъ-командоръ, на службу поступилъ въ 1716 г. гардемариномъ и былъ по-сланъ для науки «за море», въ Англію, по возвращеніи откуда въ 1721 г. произведенъ въ унтеръ-лейтенанты. 8 января 1722 г. Т. назначенъ былъ состоять въ командѣ капитана Вильбоса при Петербургскомъ портѣ, а мѣсяцъ спустя — въ комиссію для содержанія кригсрехтовъ при адмиралтействѣ. Произведенъ 7 января 1726 г. въ лейтенанты, онъ исполнялъ разныя порученія по заготовкѣ строительныхъ матеріаловъ, для чего въ 1731 г., напр., былъ отправленъ въ Новгородъ, а съ 1734 г. сталъ командовать отдѣльными судами, сначала яхтою «Принцесса Анна», потомъ брандвахтеннымъ фрегатомъ «Старо-Фениксъ». 27 февраля 1738 г. Т. былъ назначенъ завѣдывающимъ всѣми придворными судами. 23 декабря 1740 г., при перенесеніи тѣла импер. Анны Ioannovны изъ лѣтнаго дворца въ Петропавловскій

соборъ, онъ былъ ассистентомъ при ген.-лейт. Измайловой, несшемъ въ процессіи скіпетръ. Въ январѣ 1741 г. Т. получилъ чинъ капитана, а въ капитанъ-командоры былъ повышенъ при отставкѣ, послѣдовавшей 27 июля 1744 г. Дата смерти его неизвѣстна.

Дѣло Герольдмейстерской конторы въ Московск. архивѣ мініст. юстиції № 139 п 99.—Дѣло о Татищевыхъ въ архивѣ департ. герольдії, л. 248 и обор.—«Записки капитанъ-командора Татищева», рукописныи списки съ подлинника въ бблѣсткѣ академіи наукъ, № 45.—«Общий морской списокъ», ч. I, стр. 368.—«Внутренній бытъ русскихъ государей», т. I, стр. 475.—Барановъ, «Опись Высочайшимъ указами п повелѣніемъ правит. сенату», т. II, 72128, 885.—С. С. Татищевъ, «Родъ Татищевыхъ», Спб. 1900, стр. 77, 78, 178, 201, 207, 303, 304, 207 222, 226.

Татищевъ, Степанъ Лазаревичъ, воевода; въ 1610 г. — подъ Смоленскомъ съ великими послами Боярской думы къ польскому королю Сигизмунду III, откуда возвратился въ слѣдующемъ году; 13 мая 1613 г. отправленъ кн. Д. М. Пожарскимъ изъ Ярославля въ Новгородъ съ грамотами къ митрополиту Исидору, боярину кн. Одоевскому и шведскому военачальнику Делагарди и 1 июня съ отвѣтными грамотами этихъ лицъ возвратился въ Ярославль къ Пожарскому, занявъ мѣсто воеводы въ рати послѣдняго въ походѣ на Москву. Въ 1616 г. пожалованъ въ московскіе дворянѣ; въ 1617 г. назначенъ вторымъ воеводою въ Вязмы; 1618—1619 г.г.—полковой воевода въ Болховѣ; въ сентябрѣ 1623 г. посланъ по станамъ въ государевомъ «походѣ» изъ Москвы въ Троице-Сергіевъ монастырь и обратно; 1625—1627 г.г.—воевода въ Терѣ; 1631 г.—обѣзжай голова для береженія отъ огня и отъ всякоаго воровства въ московскомъ Китай-городѣ; 10 апреля 1631 и 1 апреля 1632 г. — «видѣть свѣтлыя царскія очи»; въ 1633 г.—обѣзжай голова для той же цѣли за Лузскими воротами въ Москвѣ; 23 мая 1637 г. въ бытность царя въ с. Покровскомъ, дневалъ и ночевалъ на государевомъ дворѣ въ Кремлѣ; въ 1642 г. за старостью отставленъ отъ службы и черезъ годъ умеръ. Помѣстный окладъ ему въ 1632 г. учисенъ въ 1000 чет. и денежный въ 90 руб.

Писцовая книга въ Московск. архивѣ мініст. юстиції за 1637—1639 г.г.: по Кинешмѣ, № 627; по Дмитрову, № 628.—Въ

Румянцевск. музѣй, Вотчинный архивъ въ собраніи Бѣляева, № 126/1619. — „Собрание Госуд. Грамотъ и Договоровъ“, т. II, стр. 485, 588—592, 598 — „Разрядная книга“, т. I, стр. 484, 538, 636, 1248, 1354; т. II, стр. 86, 367. — „Дворцовые Разряды“, т. I, стр. 287, 346, 422, 570, 572, 740, 847, 848, 937; т. II, стр. 23, 197, 329; 848, 858. — С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ“, Спб. 1900, стр. 14, 27—29, 173, 176, 200, 206, 213, 214, 216, 224, 244, 246, 259, 260, 342, 353.

Татищевъ, Юрий Игнатьевичъ, стольникъ и воевода; первое извѣстіе о немъ есть отъ 1598 г., когда онъ 1 августа подпи-салъ грамоту объ избраніи на царство Бориса Годунова; въ 1604 г. пожалованъ въ стольники; 25 марта этого года посланъ съ юношествомъ отъ государева стола къ гру-зинскому послу архимандриту Кириллу. Въ 1611 г. Т. былъ назначенъ воеводою въ Курскѣ, гдѣ въ слѣдующемъ году вы-держалъ 4-педѣльную осаду отъ поляковъ, заставивъ ихъ въ концѣ концовъ отсту-пить отъ города; въ память этого события основанъ Знаменскій монастырь въ Кур-скѣ, гдѣ онъ воеводствовалъ до 1616 г., когда былъ отозванъ. 8 и 28 июня 1617 г. въ качествѣ стольника служилъ за цар-скимъ обѣдомъ въ честь англійского посла Ивана Меррика и «смотрѣль въ криптовой столѣ». Въ юнѣ 1618 г. посланъ въ Ка-лугу къ больному, вѣрянѣ — сказавше-муся больнымъ кн. Д. М. Пожарскому съ милостивымъ словомъ, но по мѣстническимъ счетамъ отказался исполнить это поруче-ніе, за что былъ бить кнутомъ и выданъ Пожарскому головою. Въ томъ же 1618 г. былъ на Москвѣ во время сидѣнія въ «ко-ролевичъ приходѣ» и за это награжденъ вотчиною. Въ 1619 г. посланъ съ титу-ломъ намѣстника курмышскаго первымъ уполномоченнымъ межевать границы съ польскимъ комиссаромъ въ Торопецъ и Великѣ; мѣстническая жалоба на него второго уполномоченнаго по межеванію, Глѣбова, оставлена была безъ отвѣта. 17 апрѣля 1621 г. звалъ персидскаго посла отъ государя къ столу. Въ февралѣ 1622 г. назначенъ въ товарищи къ околь-ничему Головину съ порученіемъ «съскать иро оклады стольниковъ и стряпчихъ, и дворянъ, и московскихъ жильцовъ»; по по-воду этого назначенія имъ вчинена мѣстни-ческая жалоба на Головина, въ которой ему отказано, а онъ за беззастѣніе посаженъ на три дnia въ тюрьму. Въ 1625 г. упо-минается въ Серпуховѣ у городового дѣла,

въ 1626 — воевода въ Вязьмѣ, 1627 г. — московскій дворянинъ; 12 юля, въ девъ государева ангела, обѣдалъ за царскимъ столомъ въ золотой палатѣ; 14 сент. слѣ-дующаго года присутствовалъ при приемѣ персидскаго посла. Въ началѣ 1629 г. по-жалованъ помѣстными окладами въ 1000 чет. и денежными въ 90 руб., а нѣсколько мѣ-сяцевъ спустя первый окладъ увеличенъ еще на 200 чет.

„Акты Археографич. Экспедиції“, т. II, стр. 44. — „Древняя Россійская Библиотека“, т. XIX, стр. 390. — Справки разрядного ар-хива за 1775 и 1786 г.г., въ Моск. архивѣ минист. юстиціи. — „Книги разрядные“, т. I, стр. 195, 558, 559; т. II, стр. 1195. — „Дворцовые Разряды“, т. I, стр. 149, 192, 245, 282, 283, 329, 372, 409, 497, 498, 843, 928, 932, 934, 999, 1004, 1018, 1019; т. II, стр. 6. — Чтеніе Московск. Общ. Истор. п. Древн. Россійск.“, т. I, 1895 г. — „Русск. Историческ. Библиотека“, т. IX, стр. 411, 423, 501, 509, 511. — Ивановъ, „Алфавитный указатель къ Боярскимъ книгамъ“, стр. 406. — Спирдовъ, „Сокращенное описание службъ россійскихъ дворянъ“, Москва 1810. — Бѣлоку-ровъ, „Сношенія Россіи съ Кавказомъ“, стр. 409. — С. С. Татищевъ, „Родъ Татищевыхъ. 1400—1900 г.г.“, Спб. 1900, стр. 21—25, 176, 200, 205, 213—215, 244, 246, 257, 258, 292—294, 342. — С. М. Соловьевъ, „История Россіи“, изд. т-ва „Общества Польза“, кн. II, стр. 1301. — Писцовая книга Моск. архива минист. юстиція: по великому Устюгу, № 583; по Вологдѣ, № 56; по Ярославлю, № 550; по Ростову, № 838. Справка изотчи. архива въ Собраніи Бѣляева, № 126/1619, въ Румянцевскому музѣю. — Полное Собрание Законовъ, т. II, № 1070, стр. 584.

Татищевъ, Юрий Степановичъ, воевода. Въ первомъ о немъ упоминаніи отъ 1636 г. названъ московскимъ дворяниномъ; въ октябрѣ этого года, въ бытность царя въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, трижды дневаль и ночевалъ въ кремлевскомъ го-сударевомъ дворѣ. Подъ 1638 г. отмѣченъ на службѣ въ Тулѣ въ полку кн. И. Я. Черкасскаго. 5 февраля слѣдующаго года присутствовалъ при приемѣ персидскаго посла. Въ 1646—47 гг. былъ на службѣ въ Ливнахъ и Бѣлгородѣ въ полку кн. Н. И. Одоевскаго. Участвовалъ въ литов-скихъ походахъ 1654—56 гг. воеводою въ государевомъ полку. Въ 1659—60 гг. на службѣ подъ Конотопомъ въ полку кн. А. М. Трубецкого. Въ 1665 г. упоминается умершимъ. Окладъ ему (1660 г.) помѣст-ный 900 чет. и денежный 47 руб.

„Дворцовые разряды“, т. II, стр. 158. — „Русск. Историч. Библиот.“, т. X, стр. 19, 213, 232, 477.

Татьяна Михайловна, великая княгиня и царевна, дочь царя Михаила Феодоровича от второй его супруги Евдокии Лукьяновны (Стрельчевой); родилась 5 января 1636 г. Осталась в льтъ сиротою по отцу и девяти льтъ по матери. Вмѣсть съ сестрами Ириной и Анной Михайловнами воспитывалась и росла на половинѣ царевенъ, выходя оттуда лишь въ большие дни, чтобы присутствовать, раныше въ качествѣ царской сестры, а впослѣдствии въ качествѣ царской тетки и самаго старшаго члена царской семьи, на разныхъ семейныхъ празднествахъ и торжественныхъ выходахъ. Существуютъ многочисленныя упоминанія въ разныхъ актахъ о присутствіи ея на царскихъ приемахъ, на чинахъ избранія и возведенія на патріаршество новгородскаго митрополита Питирима, на чинахъ поставленія на царство царя Феодора Алексѣевича и совокупно царствовавшихъ Иоанна и Петра Алексѣевичей, на приемахъ пословъ и проч. Въ царствованіе Иоанна и Петра ей, повидимому, какъ старшему члену семьи, предоставляются наиболѣе почетныя роли на семейныхъ торжествахъ: такъ, напр., мы видимъ ее вмѣсть съ Петромъ восприемницей царевенъ Феодосіи Иоанновны (4 июня 1690 г.) и Екатерины Иоанновны (29 октябр. 1691 г.). Она упоминается среди другихъ членовъ царской семьи во многихъ грамотахъ и указахъ царей, патріарховъ, митрополитовъ и другихъ правящихъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ: въ извѣщеніяхъ о рожденіи или кончинѣ членовъ царской семьи, въ приказахъ о служеніи молебствій по случаю побѣдъ, въ грамотахъ о приведеніи къ присягѣ и т. п. Есть рядъ указаний, что она сыграла нѣкоторую роль въ реформахъ и нововведеніяхъ, которыхъ совершились какъ при братѣ Алексѣ Михайловичѣ, такъ и при племянникахъ. Она сочувствовала церковной реформѣ и была очень расположена къ Никону. Во время ссылки Никона въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, гдѣ его окружали тяжелыя условія, она неоднократно просила Феодора Алексѣевича обѣ улучшеніи участія опального патріарха и добилась бы вѣроятно цѣли, но встрѣтила противодѣйствіе со стороны патріарха Иоакима, въ ревности къ власти боявшагося соперничества. «Сверженъ онъ не нами, — отводилъ патріархъ просыбы и доводы Т. М., — а великимъ со-

боромъ и вселенскими патріархами; мы не можемъ возвратить его безъ ихъ вѣдома». Когда же созданный царемъ соборъ вынесъ отрицательное для Никона рѣшеніе, Т. М. упросила царя написать ему собственноручное письмо въ угашеніе. Ея вліяніе и просыбы сказались и въ томъ, что тѣло Никона было перенесено и торжественно предано землѣ въ Богоявленскомъ монастырѣ. Въ возникшей послѣ смерти царя Феодора распре между сторонниками царствія Иоанна и сторонниками соцарствія обоихъ царевичей Т. М. склонялась, повидимому, къ первымъ. Имѣются, по крайней мѣрѣ, свидѣтельства, что радость царицы Натальи Кирилловны (Нарышкиной) по случаю избранія на царство и сына ея Петра вызвала Т. М. раздраженіе; когда Т. М. узнала, что царица Наталья съ Петромъ простились съ покойникомъ Феодоромъ и возвратились во дворъ, не дождавшись конца службы, то она съ сестрой Анной отправила къ царицѣ монахинь съ выговоромъ. Съ упроченiemъ Софьи у власти Т. М. была у нея въ милости, пользовалась вліяніемъ и почетомъ и получала значительныя средства для широкой жизни; на семейныхъ торжествахъ и парадныхъ приемахъ она исполняетъ самыя почетныя роли; во время извѣстнаго диспута съ раскольниками въ Грановитой палатѣ она возсѣдала вмѣстѣ съ управительницей Софьей на царскихъ тронахъ, тогда какъ царица Наталья Кирилловна, царевна Марья Алексѣвна и патріархъ сидѣли пониже, въ креслахъ.

Паденіе Софіи вызвало неблагопріятныя послѣдствія и для Т. Михайловны. Ея вліяніе упало: нигдѣ въ актахъ этого времени, гдѣ она только упоминается, она не фигурируетъ (какъ это бывало въ актахъ прежніяго времени) въ качествѣ сопѣтчицы, наставительницы или вообще лица, играющаго видную роль. Положеніе ея при Петрѣ ухудшилось не только въ политическомъ отношеніи, но и въ материальномъ.

Объ оскудѣніи ея средствъ при Петре имѣются свидѣтельства въ дошедшіхъ до настѣ жалобахъ ея людей; въ жалобахъ этихъ указывалось, что раньше было обилие и было достатокъ, а теперь того вѣтъ. Дворцовыи поваръ Чуркинъ сътуетъ, что «у царевны Татианы Михайловны она стряпаетъ вверху, живеть недѣлю и добычи вѣтъ ни по копѣйкѣ на недѣлю», что «кравчій князь

Хапътовскій ставить ей, государынѣ, яйца гнилые», между тѣмъ какъ «прежде сего все было полно», «прежде сего во дворцѣ по погребамъ рыбы было много и мимо дворца проѣзжие говаривали, что воняеть, а нынѣ вотъ де не воняеть,—ничего вѣтъ». Чомимо этой краснорѣчивой жалобы имѣются и другія указанія. Такъ, наприм., установлено (Костюрикское дѣло въ столбцахъ Преображенского приказа), что въ 1698 году, т. е. сейчасъ послѣ подавленія стрѣлецкаго бунта и разгрома стрѣлецкаго войска, стрѣльцы связывали свои надежды на возстановленіе своего вліянія и значенія съ неудовольствиемъ въкоторыхъ членовъ царской семьи петровскими нововведеніями и рядомъ съ царевичемъ Алексѣемъ упоминали и Т. М., которая жаловалась будто царевичу на боярина Тихона Никитича Стрѣшнева, что онъ ее и другихъ царевенъ съ голоду поморилъ: «если бы де не монастыри настъ кормили, мы бы съ голоду померли». Этимъ положеніемъ Т. М. и другихъ царевенъ вызвана и фраза стрѣльцовъ: «не одни стрѣльцы пропадаютъ, плачутъ и царскія сѣмена». О послѣдніхъ годахъ жизни Т. М. почти не имѣется свѣдѣній. Умерла она 23 августа 1706 г. О смерти ея сохранился документъ «Чинъ погребенія царевны Татіаны Михайловой 24 августа 1706 г.». Изъ документовъ руки Т. М. сохранилось ея письмо къ новгородскому митрополиту Корнилю съ благодарностью за присылку 200 сыртей и съ препровожденіемъ къ нему отъ имени царевны Аны Михайловой въ подарокъ скатерти.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. III, стр. 195; т. VI, стр. 54.—Акты Историч., т. IV, стр. 226, 297; т. V, стр. 131, 136.—Дополн. къ Актамъ Историч., т. II, стр. 154; т. IV, стр. 40; т. V, стр. 12; т. VI, стр. 240; т. VIII, стр. 287; т. X, стр. 123—124.—Акты Археограф. Экспед., т. III, стр. 196; т. IV, стр. 44, 85.—Полное Собрание Законовъ, т. I, стр. 238, 368, 378, 397, 413, 717; т. II, стр. 2, 3, 5, 58, 387, 429, 441, 448, 449; т. III, стр. 15, 69, 115; т. IV, стр. 154.—«Сборникъ Историч. Общ.», т. 84, стр. 667.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. «Общества Польза», кн. II, стр. 1292; кн. III, стр. 605, 886, 892, 915—919, 1202, 1375.

Татьянинъ, Степанъ Андреевичъ, воевода важскій. Въ 1598 г. въ чинѣ жильца участвовалъ на соборѣ, избравшемъ царемъ Бориса Годунова, и къ грамотѣ руку приложилъ. Въ декабрѣ того же года былъ посланъ изъ Москвы до Пскова про-

вождать англичанина Чирѣя, при чемъ ему было приказано: «береги того накрѣпко, чтобы ему и людемъ его ни отъ кого отъ русскихъ людей безчестья и обиды никакой не было». Въ Псковѣ ему велико было получить отписку у воеводы кн. Андрея Ивановича Голицына и въ Москву представить ее въ Посольскій приказъ. Въ 1640 и 1641 гг. Т. отмѣченъ воеводой на Вагѣ. Отъ 3 июля 1640 и 3 апрѣля 1641 г. сохранились 2 царскихъ грамоты ему на Вагу.

Дополненія къ Актамъ Историч., т. II, стр. 235—237.—Акты Археограф. Экспедиц. т. II, стр. 45, 52.—«Сборникъ Русск. Историч. Общ.», т. 38, стр. 266—267.—Варсуковъ, «Городовые воеводы въ XVII стол.», стр. 35.

Татьянинъ, Федоръ Степановичъ, сынъ предыдущаго, стольникъ. Въ 1655 г. былъ посланъ Алексѣемъ Михайловичемъ вмѣстѣ съ іеромонахомъ Пахоміемъ призывать на его великаго государя имя, а въ Савинскій монастырь Сторожевскаго во крестьянство польскихъ и литовскихъ людей. Въ 1658 г. былъ при столѣ въ честь грузинскаго царевича Николая (въ «Древн. Россійск. Вивл.» названъ въ этомъ случаѣ *Таянинъ*, вѣроятно, опечатка). Въ 1682 г. при Петрѣ и Ioаннѣ власти названаго монастыря просили о выдачѣ имъ изъ приказа ходопьяго суда копіи съ переписныхъ книгъ крестьянъ, поселившихся на ихъ земляхъ. Несмотря на государевъ указъ, монастырскія власти списковъ не получили и въ 1686 г. снова били челомъ, при чемъ просили сдѣлать допросъ Т. Въ томъ же году Т. на допросѣ у боярина Бориса Ивановича Прозоровскаго подтвердилъ, что въ свое время государевъ указъ о призываѣ въ крестьянство въ Савинскій монастырь получилъ и что за исполненное порученіе былъ пожалованъ въ сибирскій городъ Верхотурье.

Дополненія къ Актамъ Историч., т. X, стр. 125—127.

Таубе, Василий Федоровичъ, баронъ, вице-адмиралъ, генералъ-адъютантъ, родился 25 декабря 1817 г., умеръ 4 июля 1880 г. въ Петербургѣ. 11-ти лѣть поступилъ въ морской кадетскій корпусъ, былъ въ началѣ 1834 г. произведенъ въ гардемаринъ и въ теченіе лѣта и осени этого года на различныхъ судахъ—фрегатѣ «Паллада», корветахъ «Св. Георгій Побѣдоносецъ» и «Императоръ Петръ I» — прохо-

дилъ практическую морскую службу, крейсиря въ Балтійскомъ морѣ и плавая отъ Кронштадта до нѣкоторыхъ портовъ Западной Европы, преимущественно—Свинемюнде, Копенгагена и Данцига. По окончаніи кампаниі онъ былъ повышенъ въ мичмана (21 декабря) и назначенъ въ 45-й флотскій экипажъ, находившійся въ Астрахани, гдѣ въ качествѣ командира мелкихъ береговыхъ судовъ, главнымъ образомъ ботовъ, служилъ до 1835 г., когда возвратился въ Балтійский флотъ. Произведенный здѣсь въ лейтенанты (10 юля 1840 г.), въ 1840—1845 гг. за люгерахъ «Ораніенбаумъ» и «Петергофъ» участвовалъ въ ежегодныхъ морскихъ кампанияхъ. Капитанъ-лейтенантомъ лѣтомъ слѣдующаго года на транспортѣ «Або» былъ въ Неаполѣ, гдѣ въ числѣ другихъ русскихъ моряковъ неаполитанскимъ королемъ былъ пожалованъ орденомъ Франциска I. По возвращеніи назначенъ командиромъ брига «Аяксъ» и сначала на немъ, а затѣмъ также командромъ на корветѣ «Наваринъ» и пароходо-фрегатѣ «Храбрый» съ 1847 по 1852 г. то плавалъ съ учебными отрядами, то несъ брандвахтенную службу, то крейсировалъ у разныхъ береговъ Балтійского моря. Въ 1852 г. отправленъ въ Архангельскъ, откуда, принявъ команду надъ заканчиваемымъ постройкою винтовымъ фрегатомъ «Полканъ»,ѣздилъ въ Англію для изученія сборки машинъ и парового двигателя, предназначенныхъ для этого фрегата. Возвратившись въ Архангельскъ, онъ наблюдалъ за оборудованіемъ «Полканава» привезенными машинами и, по завершеніи работъ, перешелъ на немъ въ Кронштадтъ, гдѣ въ апрѣль 1854 г. повышенъ въ капитаны 2-го ранга. Въ 1854—1855 г. на томъ же судѣ участвовалъ въ защитѣ Кронштадта при нападеніи на него англо-французскаго флота; ближайшіе годы, уже капитанъ 1-го ранга (26 августа 1856 г.) и командръ новоостроеннаго винтового корвета «Ретвизанъ», на послѣднемъ совершилъ плаваніе въ Средиземное море, одно изъ нихъ весьма продолжительное. Въ 1860 г. назначенъ начальникомъ штаба главнаго командря Кронштадтскаго порта и на этой службѣ 30 августа 1863 г. былъ произведенъ въ контр-адмиралы. Во время встречи въ кронштадтскихъ водахъ тѣла усопшаго наследника Николая Александровича въ

апрѣль 1865 г. Т. командовалъ кораблемъ «Императоръ Николай I», въ то же время состоя начальникомъ штаба командающаго всѣми судами флота. 9 мая 1866 г. назначенъ младшимъ флагманомъ Балтійскаго флота, а въ 1867 г. командовалъ отрядомъ броненосныхъ судовъ. Въ мартѣ 1868 г. получилъ назначеніе директоромъ инспекторскаго департамента морскаго министерства, а 6 мая — членомъ главнаго военно-тюремнаго комитета. По званію директора департамента, онъ участвовалъ въ занятіяхъ ряда особо учрежденныхъ комиссій — по составленію устава морскихъ учебныхъ заведеній, по пересмотру проекта морскаго устава, по разсмотрѣнію проекта новаго устава кронштадтскихъ лоцмановъ и др. Вице-адмиральскій чинъ Т. получилъ 28 марта 1871 г. дальнѣйшая дѣятельность Т. сосредоточилась, главнымъ образомъ, въ разнаго рода комиссіяхъ и комитетахъ: 28 сентября того же 1871 г. онъ былъ назначенъ членомъ комиссіи морскихъ учебныхъ заведеній, затѣмъ принималъ участіе въ работахъ комиссіи по установленію однообразія маячнаго обзора во всѣхъ русскихъ моряхъ, въ 1873 г. морскимъ министерствомъ уполномоченъ быть въ качествѣ его представителя въ комиссіи по пересмотру положенія о судахъ общества офицеровъ, въ 1875 г. состоялъ членомъ особаго комитета для обсужденія сдѣланнаго Уайтгедомъ предложенія о покупкѣ отъ него нѣсколькихъ экземпляровъ самодвижущихся минъ и секрета ихъ изготавленія и въ 1876 г. на правахъ члена участвовалъ въ занятіяхъ комиссіи по разработкѣ правилъ объ организаціи государственного ополченія и о порядкѣ призыва ратниковъ на службу. За эту разнообразную дѣятельность награжденный орденами св. Владимира 2-ой ст. (1873) и Бѣлаго орла (1876) и ежегодной ареной въ 2000 руб. срокомъ на 12 лѣтъ (1877), Т. 1 января 1878 г. былъ пожалованъ въ генерал-адъютанты, а спустя два года, 24-го марта 1880 г.—назначенъ членомъ адмиралтейств-совѣта, въ каковой должности и пробылъ до самой смерти.

„Общий морской списокъ“, ч. XII, Спб. 1800, стр. 6—9.—Ф. Ф. Веселаго, „Очеркъ истории морского кадетскаго корпуса съ прилож. списковъ воспитанниковъ за 100 лѣтъ“, Спб. 1852.

Таубе, Йоганн—авантюристъ XVI в., родомъ ливонецъ; въ 1560 г. взять рус-

скими въ пленъ и около 1567 г. вступилъ на царскую службу. «Хитрой лестью» онъ сумѣлъ расположить къ себѣ Иоанна IV, вошелъ къ нему въ довѣренность и сталъ однимъ изъ ближайшихъ, даже главнымъ советникомъ царя въ ливонскихъ дѣлахъ. Именно Т., дѣйствуя въ полномъ согласіи съ другимъ любимцемъ Иоанна, Элертомъ Крузе, внушилъ царю мысль образовать изъ ливонскихъ орденскихъ земель отдельное королевство и дать ему особаго владѣтеля съ вассальными обязанностями къ Московскому государству, увѣряя, что жители прибалтийскихъ земель сдѣлаются вѣрѣйшими подданными Россіи, пристанутъ къ ней «душой и сердцемъ», а шведовъ и литовцевъ отъ себя изгонятъ. Т. указывалъ даже и лицъ, пригодныхъ съ точки зрѣнія Москвы на роль ливонского короля — курляндскаго герцога Готгарда (Кетлера) и датскаго принца Магнуса, владѣтеля Эзеля. Получивъ своему плану одобрение отъ Иоанна, Т. выѣхалъ съ тѣмъ же Крузе для болѣе вѣрнаго успѣха въ 1569 г. отправился въ Дерптъ и оттуда изволъ переговоры съ жителями Ревеля съ одной стороны, обѣщаю щимъ свободу и долголѣтній миръ, и съ курляндскимъ герцогомъ — съ другой. Однакожи ревельские граждане, ни герцогъ, зная характеръ Иоанна, въ сбѣщанія Т. не повѣрили и его предложенія отвергли. Потерпѣвъ неудачу у Готгарда, Т. отъ имѣни Иоанна санъ ливонскаго короля предложилъ датскому принцу Магнусу, который оказался болѣе довѣрчивымъ, предложеніе принять я въ 1570 г. прїѣхалъ въ Москву, гдѣ Иоаннъ дѣйствительно объявилъ его ливонскимъ королемъ и женихомъ своей племянницы Евфиміи, дочери Владимира Андреевича Старицкаго. Послѣ того какъ были выработаны условія зависимости ливонскаго короля отъ московскаго царя, Магнусъ отправился въ Ливонію, куда сопровождали его и Т. съ Крузе въ роли ближайшихъ советниковъ. По увѣреніямъ Т. Ливонія должна была привѣтствовать новаго короля чуть ли не съ радостью, однако, когда Магнусъ съ 25-тысячнымъ отрядомъ русскаго войска подошелъ (23 августа 1570 г.) къ Ревелю, городъ отказался его впустить. Слушаясь совѣтовъ Т., Магнусъ началъ правильную осаду Ревеля, продолжавшуюся всю осень и зиму и сопровождавшуюся болѣзнями въ станѣ какъ осаждаемыхъ, такъ и осаждавшихъ. Когда въ

февралѣ на помощь первымъ явился шведскій флотъ и надеждѣ на покореніе города стало менѣе, среди русскаго войска начало обнаруживаться недовольство. Магнусъ былъ въ отчаяніи и во всемъ обвинялъ Т. и Крузе. Новые переговоры съ Ревелемъ черезъ пастора Шраффера опять не дали успѣха. Потерявши всякую надежду добиться цѣли, Магнусъ 16 марта снялъ осаду и съ небольшимъ отрядомъ ушелъ въ Оберпаленъ, а остальное войско отодвинулось въ восточную часть Ливоніи. Тогда Т. и Крузе, утративъ довѣріе Магнуса и боясь ответственности за неудачу передъ царемъ, которому обѣщали легкій успѣхъ относительно Ревеля, уѣхали въ Дерптъ и оттуда вступили въ тайны сношенія съ польскимъ королемъ, обѣщающимъ овладѣть Дерптомъ въ его пользу, если онъ приметъ ихъ милостиво и дастъ тѣ же выгоды, какими они пользовались въ Москвѣ. Получивъ согласіе Сигизмунда-Августа, они подговорили нѣкоего Розена, начальника находившегося въ русской службѣ нѣмецкой дружины, напасть на русскихъ въ воскресный день, въ послѣднѣйое время, когда тѣ по обыкновенію будуть спать. Что же касается нѣмецкихъ жителей города, то они, по разсчетамъ Т., относясь съ ненавистью къ Россіи, легко согласятся на подданство Польши. Заговорщики сначала имѣли было успѣхъ — перебили стражу, выпустили заключенныхъ, которые взяли оружіе убитыхъ и стали помогать нападавшимъ; но когда послѣдовавшіе обратились къ жителямъ, призывая ихъ къ оружію, то тѣ не оказали имъ ни малѣйшаго содѣйствія. Между тѣмъ русскіе — дѣти боярскія и стрѣльцы, составлявшіе гарнизонъ, вооружились и приготовились къ сопротивленію, а имъ на помощь явилась стрѣльцы, квартировавшіе въ посадѣ, и многие русскіе купцы. При ближайшемъ столкновеніи выяснился перевѣсъ на сторонѣ русскихъ, почему Розенъ со своимъ отрядомъ посыпши очистить городъ. Т. и Крузе, потерпѣвъ и здѣсь неудачу, счастливо бѣгствомъ къ польскому королю, принявшему ихъ очень благосклонно, — на надеждѣ вызывать у Т. разныя государственные тайны Россіи. Въ то время какъ годомъ раньше Т. писалъ императору Максимилиану, что московскій царь имѣть непобѣдимое войско и въ силахъ изгнать изъ Европы турокъ, теперь

онъ сталъ увѣрять того же Максимилиана и другихъ государей, что Россія беспыльна и ее легко завоевать. Подстрекательства его къ войнѣ съ Ioannomъ однако никакого успѣха не имѣли. Судя по одному изъ заявленій дьяка Андрея Щелкалова въ переговорахъ съ литовскими послами, можно думать, что Т. въ Россіи за измѣну и послѣдующую дѣятельность его при иностраннѣхъ дворахъ былъ приговоренъ къ смертной казни, и даже была потребована его выдача, встрѣченная отказомъ. Для герцога курляндскаго Т. составилъ обширную записку о русскихъ дѣлахъ, въ которой очень много цѣнныхъ фактическихъ данныхъ о царствованіи Ioanna Grознаго; хотя Т. далеко не всюду безпристрастенъ, но все имъ сообщаемое уже по тому одному имѣть несомнѣвныя достоинства, что написано не по слухамъ, а лицомъ, хорошо посвященнымъ въ russkія дѣла.

Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, Спб. 1843, т. IX, стр. 52, 100—103, 117, 130, 151, 155; прим. 130, 131, 133, 134, 136, 137, 139, 142, 143, 147, 150, 154, 156, 160, 166, 188, 183, 186, 187, 189—195, 198, 199, 201, 206, 268, 275, 277, 283, 284, 289, 291, 293—295, 298, 302, 310, 321, 341—343, 356, 359—361, 364—366, 420.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Общество Польза“, кн. II, стр. 205, 210—211.—Кельхъ, „Lifländische Hist.“, pp. 277—278, 303. А. Браудо, „Посланіе Таубе къ герцогу Кетлеру“, „Журн. Минист. Народн. Просвѣщ.“, 1890, № 10.—G. Ewers und Engelhardt, „Beiträge zur Kenntniss Russlands“, 1811, стр. 187—238 (впервые напечатано донесеніе Т. курляндскому герцогу; подлинникъ хранится въ Кенигсбергскомъ музѣѣ).—Дѣла Польскія, въ Московск. архивѣ минист. иностранн. дѣлъ, №№ 6, 7, 9.—„Акты Западной Россіи“, т. III, № 41.—„Histor. Russ. Monuments“, I, №№ CXLV, CLI.—„Monumenta Liv. antiquae“, I, 267.—„Справочный энциклопедич. словарь“, Крайя-Старчевскаго, т. 10, Спб. 1858, с. v — „Энциклопедич. словарь“ Брокгауз-Ефрона, 1-е изд., т. 18, стр. 687—688; т. 16, стр. 848; т. 18, стр. 334; т. 32, стр. 683.

Таубе, Максимъ Максимовичъ, баронъ, генералъ-лейтенантъ и сенаторъ, родился въ 1782 г.; образование получилось въ Петербургскомъ 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, курсъ которого окончилъ въ 1798 г. и поступилъ на службу въ чинъ подпоручика въ 5-й артиллерійской батальонъ. Значительная часть служебной дѣятельности Т. прошла въ походахъ и бояхъ. Онъ принималъ участіе въ Турецкой войнѣ 1807 и 1811 гг., находясь при взятіи Бухареста,

въ сраженіяхъ подъ Журжею, при взятіи Силистрии, при блокадѣ Шумлы и штурмѣ Рушука, причемъ за дѣло при Силистрии награжденъ былъ золотою шпагою съ надписью «За храбрость». Въ 1812 г. за участіе въ отечественной войнѣ Т. получилъ чинъ подполковника. Въ кампаніи противъ французовъ 1813—1814 г. онъ сражался подъ Лейпцигомъ и за отличие получилъ орденъ Георгія 4-й степени, участвовалъ въ занятіи Гамбурга, въ сраженіяхъ при Краопѣ и Лаонѣ, где пожалованъ былъ алмазными знаками ордена Анны 2-й степени, а также при взятіи Парижа. Въ эту же кампанію Т. за отличіе произведенъ былъ въ полковники. По окончаніи военныхъ дѣйствій командированъ былъ за границу въ 1817 г. въ отдѣльный корпусъ графа Воронцова въ качествѣ исправляющаго должность окружного начальника по артиллерійской части въ крѣпостяхъ, временно занятыхъ russkimi войсками. Въ 1819 г. его назначили командиромъ Тамбовскаго пѣхотнаго полка, въ 1822 г. съ производствомъ въ генералъ-майора — на должность начальника сначала 1-й бригады 15-й пѣхотной дивизіи, а затѣмъ 3-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи. Съ 1825 по 1831 г. Т. служилъ на Кавказѣ при войскахъ отдѣльного кавказскаго корпуса. Здѣсь онъ участвовалъ въ экспедиціи, предпринятой въ 1831 г. въ Чечню, и въ подавленіи восстанія койсубуллацевъ въ Дагестанѣ. Въ 1832 г. назначенъ предсѣдателемъ кавказскаго областнаго управлѣнія, а въ 1835 г.—кавказскимъ гражданскимъ губернаторомъ; въ 1836 г. произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты и въ 1839 г. назначенъ сенаторомъ. Умеръ 25 іюля 1849 г.

„Справочныи энцикл. словарь“ изд. К. Крайя, т. X, Спб. 1848, стр. 142.—П. Томилъ, „Настольный словарь“, т. III, Спб. 1864, вып. IV, стр. 617.—„Записки И. С. Мпркевича“, „Русская Старина“, 1874, № 2.—„Русская Старина“, 1876, № 12, стр. 842—844.

Тауберть, Иванъ Андреевичъ, статский советникъ, библиотекарь и членъ правленія петербургской академіи наукъ, членъ императорскаго вольно-экономического общества, родился въ нѣмецкой семье въ Петербургѣ 31 августа 1717 г. Съ 1726 г. обучался въ гимназіи академіи наукъ. Въ 1734 г. произведенъ въ студенты. Въ 1735 г. назначенъ членомъ Российскаго со-

бранія, при которомъ числился переводчи-
комъ. Въ 1736 г. произведенъ въ адъ-
юнкты по историческому классу. Хотя
въослѣдствіи, въ 1745 г., въ спорѣ съ
Шумахеромъ профессора, между прочимъ,
жаловались, что Т. произведенъ въ адъ-
юнкты вслѣдствіе того, что Шумахеръ хо-
тѣлъ «сдѣлать этотъ чинъ наслѣдственнымъ
въ своей фамиліи» (Т. былъ зятемъ Шу-
макера), но нельзя, однако, считать этотъ
отзывъ о Т. чуждымъ пристрастія. Такъ,
въ этой же жалобѣ, признавъ за Т. по-
знанія въ «rossiйскомъ языѣ», профес-
сора заявляютъ, что «по французскому
языку онъ отчасти обученъ», а между
тѣмъ имѣется много указаний, что Т. об-
ладаль солиднымъ знаніемъ французскаго
и другихъ иностраннѣхъ языковъ: въ
1743 г. вице-канцлеръ Бестужевъ пору-
чаетъ ему и почтѣ-директору Ашѣ отвѣт-
ственную и требующую тонкаго знанія
языковъ работу — дешифрировать и пере-
водить депеши иностраннѣхъ министровъ
и пословъ и получаемыхъ ими отъ своихъ
дворовъ рескриптовъ; въ разное время ака-
демія поручаетъ ему переводъ различныхъ
актовъ, редактировать чужіе переводы и пр.
Въ 1741 г. онъ назначается субъ-
библіотекаремъ академической бібліотеки,
что въ то время заключалось не только
въ выдачѣ книгъ, но главнымъ образомъ
въ составлениі каталоговъ, рецензированії
книгъ и т. п. Относительно его долголѣт-
ней дѣятельности бібліотекаря мы имѣемъ
отзывы исключительно его недоброжелате-
лей, отзывы, которые не могутъ не стра-
дать односторонностью. Безспорно, однако,
то, что за короткое время онъ возстано-
вилъ противъ себя значительную часть
профессоровъ и студентовъ. Объ этомъ
свидѣтельствуютъ «доношенія» различныхъ
лицъ слѣдственной комиссіи по дѣлу Шу-
макера сенату, президенту академіи и пр.
Такъ, въ 1742 г. въ упомянутой слѣд-
ственной комиссіи слушалась жалоба на Т.
въ томъ, что онъ, пользуясь родствомъ
съ Шумахеромъ, позволяетъ себѣ забирать
чужія бумаги, распечатывать двери па-
лата и вообще хождяющими по своему
усмотрѣнію. Т. даваль по этому поводу
объяснялся, которая, повидимому, были
сочтены слѣдственной комиссией удовле-
творительными, такъ какъ его положеніе
въ это время не только не пошатнулось,
но скорѣе окрѣпло: вскорѣ ему было по-

ручено «смотретьъ, чтобы все порядочно
происходило» въ академіи, что включало
фактический надзоръ за профессорами. Это
вызвало возмущеніе въ средѣ профессо-
ровъ, которое и выразилось въ 1745 г.
въ извѣстномъ заявлѣніи-протестѣ на имя
Шумахера, подписанномъ профессорами
Гмелинымъ, Вейсбрехтомъ, Міллера, Ле-
рена и Рихманомъ. «...Надсмотрщикомъ
надъ нами вы поставили человѣка, кото-
рого мы въ самомъ маломъ дѣлѣ не счи-
таемъ такимъ, какъ вы о немъ разсу-
ждаете», говорится о Т. въ протестѣ. Далѣе
профессора протестуютъ противъ оставле-
нія Т. бібліотекаремъ, находя, что такая
должность требуетъ и больше знаній, и
больше стараній и трудолюбія. Одно изъ
главныхъ ихъ требованій, чтобы Т. надъ
ними «смотрѣлъ никакого не имѣлъ». На
своеволіе Т. жаловался (въ 1756 г.) се-
нату переводацкъ Волчковъ. Затѣмъ мы
знаемъ многократныя жалобы и донесенія
Ломоносова на его самоуправство и плохое
управлѣніе. Но всѣ эти жалобы и офи-
циальная по нимъ разслѣдованія не при-
носили, повидимому, большого ущерба
карьерѣ Т.: честолюбивый и настойчивый,
изворотливый и острый умомъ, съ боль-
шимъ самообладаніемъ встрѣчавшій самыя
непріятныя неожиданности, онъ — по сви-
дѣтельству Шлецера — всегда съ большими
умѣніемъ пользовался своими связями при
дворѣ и среди высокопоставленныхъ лицъ
и, лавируя между вліяніями, удачно отра-
жалъ удары, которые готовились нанести
ему его многочисленные недоброжелатели.
Послѣ заявленія профессоровъ Шумахеру
и донесенія ихъ сенату (о несоответствіи
высокомъ жалованья Т. какъ бібліотекаря)
онъ не только не терпитъ какого-либо
ущерба, но удостаивается чина коллеж-
скаго ассесора и получаетъ отъ академіи
местное порученіе вмѣстѣ съ Ломоносовымъ
и Волчковымъ, «понеже переводчика Кон-
дратовича переведеныя имъ книги на
rossiйскій языкъ имѣются, а годы ли для
печатанія не извѣстно... общѣ разсмо-
трѣть незамедлительно и увѣдомить пись-
менно канцелярію, что тѣ книги въ пере-
водѣ сходны ли съ оригиналами, а въ рѣ-
чахъ и штильѣ по свойству rossiйскаго
языка исправны ли и можно ль толькъ ево
переводъ безъ дальнѣйшаго поправленія
въ печать издать». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ
принималъ участіе въ изданіи «Санктъ-

Петербургскихъ Вѣдомостей» (отъ этой должности уволенъ въ 1748 г.). Въ 1752 г. онъ былъ вызванъ президентомъ академіи Разумовскимъ вмѣстъ съ секретаремъ канцеляріи Ханинымъ и переводчикомъ Тепловымъ (впослѣдствіи влиятельнымъ членомъ академіи) въ Москву, куда президентъ послѣдовалъ за переѣхавшимъ туда двоюромъ и где Т. съ товарищами долженъ былъ исполнять порученія влиятельныхъ придворныхъ и царедворцевъ. Въ 1753 г. ему было поручено академіей просмотрѣть и подготовить къ печати переводъ рѣчей, произнесенныхъ студентами на латинскомъ языке 5 сентября, въ день тезоименитства Елизаветы Петровны. Все это время Т. въ нескончаемыхъ спорахъ Шумахера съ профессорами и Ломоносовымъ держалъ сторону первого. Поэтому ростъ его влияния въ академіи и близость его къ вѣкоторымъ влиятельнымъ сановникамъ вызывали тревогу въ профессорскихъ кругахъ. Ломоносовъ, непримиримый врагъ Т., сохранившій къ нему острую непріязнь до самого гроба, пишетъ 1 ноября 1753 г. гр. И. И. Шувалову, что возвышение Т., этого «пригордаго невѣжды и высокомысленнаго фарисея», вызываетъ тревогу и что «всѣ яны упражняющіся въ наукахъ говорять: «не дай Богъ, чтобы академія досталась Тауберту въ приданое за дочкой Шемахеровой: обоихъ равна зависть и ненависть къ ученымъ, которая отъ того происходит, что оба не науками, но чужихъ рукъ искусствомъ, а особенно профессорскимъ попраніемъ подняться ищутъ». Въ 1754 г. сенатъ предложилъ Т. участвовать въ громадной работе по пересмотру уложенія составленіемъ «пунктовъ по академіи наукъ». Въ 1756 г. онъ былъ назначенъ цензоромъ «Ежемѣсячныхъ Сочинений», которая должна была просматривать въ сотрудничествѣ съ Поповымъ и Миллеромъ. Въ 1757 г. назначенъ вмѣстъ съ Ломоносовымъ присутствующимъ въ канцеляріи академіи, а въ 1758 г. произведенъ въ советники канцеляріи. Съ этого момента между нимъ и Ломоносовымъ борьба становится особенно ожесточенной. Присутствовавъ въ канцеляріи вмѣстѣ около десяти лѣтъ, снѣ почти по всѣмъ возникавшимъ въ академической жизни вопросамъ держались разныхъ мнѣній, которые каждый изъ нихъ старался провести доступными всеми средствами. Борьба ве-

лась съ перемѣннымъ успѣхомъ: если Ломоносовъ вкладывалъ въ нее всю страсть своей натуры и энергию, съ которой онъ брался за всякое дѣло, то Т. обладалъ качествами, которыя весьма успешно противопоставляли написку бурного темперамента Ломоносова: онъ никогда не терялъ самообладанія, былъ чрезвычайно настойчивъ и постояненъ въ средствахъ. Разногласія начались съ первыхъ же шаговъ ихъ совѣтской дѣятельности—изъ-за преобразовательныхъ плановъ Ломоносова, находившаго, что академія затромождена ремесленными заведеніями (между тѣмъ какъ Т. особенно ими дорожилъ), и требовавшаго расширенія на ихъ счетъ учебныхъ учрежденій. Ломоносовъ винилъ Т., что онъ унижаетъ «науки» передъ «художествами». Разногласія вызывали также требование Ломоносова, чтобы диссертации переводились на русскій языкъ и на немъ печатались; Т. отстаивалъ латинскій какъ единственный достойный ученыхъ трудовъ языкъ. Особенное противодѣйствіе со стороны Т. вызывали планы Ломоносова объ увеличеніи числа гимназистовъ и студентовъ академіи. Т. находилъ лучшимъ сосредоточить всѣ силы на немногихъ молодыхъ людяхъ и сдѣлать изъ нихъ ученыхъ; противъ расширенія числа учащихся онъ былъ и изъ экономическихъ соображеній. Противъ плана Ломоносова онъ возстановилъ и Фишера. «Фишеръ— жалуется Ломоносовъ — принялъ Таубертыи совѣты, спорилъ противъ числа студентовъ и гимназистовъ, точно его слова употребляя: что куда де столько студентовъ и гимназистовъ, куда ихъ дѣвать и употреблять?» Т. пытался возвѣстовать и на самого Ломоносова, доказывая ему, по словамъ послѣдняго, каждый день предпочтительность ограниченаго числа студентовъ; дѣйствовалъ онъ и透过ъ своихъ влиятельныхъ знакомыхъ. Побѣдителемъ, однако, вышелъ Ломоносовъ, хотя для этого ему пришлось прибѣгнуть къ вліянію И. И. Шувалова. Острыя тренія выходили между Т. и Ломоносовымъ на почвѣ стремлений послѣдняго къ усиленію русскаго элемента въ академіи.

Послѣ ряда столкновеній съ Т. Ломоносовъ подалъ президенту обширное донесеніе изъ десяти пунктовъ о «прородзостяхъ канцеляріи советника Тауберта», оставшееся безъ отвѣта.

Въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы Петровны положеніе Ломоносова значительно окрѣпло, и онъ иногда одерживалъ верхъ надъ Т. Но какъ разъ въ эти годы положеніе и Т. было очень прочнымъ. Въ 1758 г. президентъ академіи поручилъ Т. «въ особливое его смотрѣніе» типографію, словолитную, пунцонную, механическую лабораторію, переплетную и книжную лавку, а 9 июня 1759 г. типографія уже отдава ордеромъ президента въ «единственное его вѣдѣніе». Въ апрѣль 1760 г. онъ съ Бургавомъ былъ посланъ «въ чужie краи, чтобы изъстранныхъ ученыхъ увѣрить, якобы академическое соображеніе было въ лучшемъ цвѣтѣ» (слова Ломоносова). Т. чрезвычайно ревниво относился къ престижу академіи и составу ея ученаго штата и всегда старался привлечь самыхъ выдающихся европейскихъ ученыхъ.

Въ томъ же 1761 году Т. исходатайствовалъ у президента академіи разрѣшеніе издавать постепенно собраніе русскихъ лѣтописей подъ заглавіемъ «Библіотеки россійской исторіи». Шлецеръ, такъ много одѣлавшій для изученія этихъ лѣтописей и для установленія методовъ ихъ изслѣдованія, расточая Т. самыя горячія похвалы за проведеніе въ жизнь идеи издания лѣтописей, утверждаетъ, однако, что мысль объ этомъ пришла первому не Т., а Миллеру, который не имѣлъ такого вліянія, чтобы осуществить ее. Началомъ этого издания послужила «Лѣтопись Несторова съ Кенигсбергскаго или Радзивилловскаго списка»; печатаніе ея подвигалось чрезвычайно медленно и въ 1767 г. еще не было закончено. Продолженія «Библіотеки» не было: она прекратилась на Несторовой лѣтописи. Объ этомъ изданіи Шлецеръ пишеть: «Таубертъ, не истинный ученый по профессіи, обремененный другими дѣлами, вовсе не былъ такимъ человѣкомъ, отъ котораго можно бы ожидать успѣшнаго изданія средневѣковой лѣтописи. Печать, корректуру и все дѣло онъ передалъ неученому академическому канцеляристу Баркову. Несчастный выборъ, потому что этотъ человѣкъ сверхъ недостатка учености имѣлъ еще ту слабость, что часто бывалъ не трезвъ. И что еще большее зло, Таубертъ позвоили, или, лучше сказать, приказалъ этому издаletю: 1) измѣнить старую ореографію или подновлять ее; 2) пропускать цѣлые

отрывки неисторического содержанія, какъ-то религіозныя разсужденія со многими цитатами изъ бібліи (которыя могли бы быть полезны при собираніи вариантовъ), 3) непонятныя мѣста измѣнять по догадкамъ и дѣлать ихъ понятными, старые слова замѣнять новыми по соображенію и 4) пробѣлы пополнять изъ другихъ источниковъ». Шлецеръ и Миллеръ дѣлали настойчивыя представленія Т. о необходимости сохранять подлинную ореографію, но онъ отклонялъ эти представленія. Онъ любилъ Шлецера, давалъ ему важные порученія, проводилъ многія его идеи въ жизнь, но соображеній его обѣ исторической критикѣ не могъ понять. Выпускать лѣтопись въ ея подлинномъ видѣ, по его словамъ, онъ не можетъ, такъ какъ въ высокихъ сферахъ будуть его и его подчиненныхъ обвинять въ незнаніи грамматики.

Переворотъ 28 июня 1762 г. и воцареніе Екатерины II прошли не безъ вліянія на судьбу Т., который и самъ принималъ нѣкоторое участіе въ немъ: въ занимаемомъ имъ академическомъ домѣ ночью, съ его вѣдома и приказа, печатался манифестъ, который былъ розданъ уже на разсвѣтѣ. 19 июля 1762 г. онъ былъ удостоенъ титула статского советника съ назначениемъ ему жалованія въ 1500 рублей. Въ это время хотя Ломоносовъ еще оставался въ канцеляріи советникомъ наравнѣ съ Т., но фактическое управление сю перешло къ Т., и когда Ломоносовъ разъ отказался подписать дѣло, подписанное Т. и производившееся по его приказу, онъ распорядился производить впредь дѣла безъ подписи Ломоносова. Онъ могъ это сдѣлать потому, что Екатерина относилась къ Ломоносову холодно, какъ къ человѣку, покровительствуемому опальнымъ Шуваловымъ, и Ломоносову оставалось только угѣщаться въ желчныхъ письмахъ къ разнымъ лицамъ; въ одномъ письмѣ онъ называетъ, напр., Т.—Таубергаутъ (тупая голова).

Въ это время Т. проявилъ большую дѣятельность, участвую въ различныхъ комиссіяхъ академіи, разсматривая всѣ ся дѣла, работая по учрежденію новыхъ учебныхъ заведеній (институтъ Разумовскаго, учрежденіе для малолѣтнихъ дѣтей при академической гимназіи) и т. п. Особенно достойнымъ упоминанія является его со-дѣйствие Шлецеру въ выработкѣ статисти-

ческихъ таблицъ, научной обработкой послѣднимъ данныхъ о народонаселеніи въ Россіи и нѣкоторыхъ другихъ его трудахъ. Относясь къ Шлецеру съ уваженіемъ и покровительствуя ему, онъ предоставилъ въ его полное распоряженіе библіотеку и особенный интересъ проявлялъ къ его педагогическимъ занятіямъ. Шлецеръ обратилъ вниманіе Т. на то, что въ общемъ планѣ преподаванія въ институтѣ Разумовскаго (гдѣ Т. былъ инспекторомъ) неѣть географії, и на необходимость познанія отечества (такъ онъ называлъ статистику). Т. заинтересовался, выразилъ желаніе присутствовать на опытныхъ урокахъ, пришелъ отъ нихъ въ восторгъ и распорядился ввести эти предметы въ программу института, предоставивъ Шлецера полную свободу въ выборѣ и добываніи свѣдѣній по географії и статистикѣ Россіи. Скоро онъ сталъ доставлять Шлецеру официальные документы изъ разныхъ государственныхъ коллегій со сопствѣственными данными и собирая для него подходящій матеріалъ, который тотъ и использовалъ для составленія учебника географії, изданного и получившаго быстрое распространеніе. Вскорѣ Т. поручилъ Шлецеру составить образцы церковныхъ списковъ (на необходимость которыхъ для выясненія вопроса о народонаселеніи Россіи послѣдний указывалъ); они и были выполнены къ концу 1763 г. Образцы эти Т. представилъ государынѣ черезъ Бецкаго, и 11 февраля 1764 г. именнымъ указомъ повелѣно о введеніи этихъ таблицъ въ Петербургѣ въ видѣ опыта, а съ марта уже сталъ поступать въ академію статистический матеріалъ. Собранный за десять мѣсяцевъ матеріалъ Т. поручилъ Шлецеру, который и обработалъ его по методу тогдашнихъ авторитетовъ Зюсмилхъ и Варгентина. Извѣстно, что выводы Шлецера изъ этихъ данныхъ, обработанныхъ въ его статьѣ «Русскій патріотъ», вызвали горячие споры. Тѣмъ не менѣе согласіе императрицы на новсемѣстное введеніе таблицъ было дано. Такимъ образомъ, если Шлецера можно назвать отцомъ русской статистики, то Т. должно считать акушеромъ ея: только благодаря его вліянію и энергіи была проведена въ жизнь идея церковныхъ списковъ, которая еще раньше, при Петрѣ Великомъ, вылилась въ форму закона (дополненіе къ Духовному Регламенту 1722 г. о введеніи священниками книгъ о родив-

шихся), подтвержденного въ 1726 г. и 1737 г. и тѣмъ не менѣе основательно забытого ко времени царствованія Екатерины II.

Въ 1764 г. Т. поручилъ Шлецеру составить русскую грамматику въ виду указанныхъ послѣднимъ многихъ пограничеств въ грамматикѣ Ломоносова. Весною было готово 11 листовъ большого in-octavo (до склоненія прилагательныхъ). Фактъ этотъ вызвалъ ярость Ломоносова, который усмотрѣлъ въ этомъ подвохи Т. Въ виду того, что Ломоносовъ въ это время началъ пользоваться милостью государыни, Т. прекратилъ изданіе Шлецеровской грамматики.

Въ 1763 г. Т. вмѣстѣ съ Миллеромъ завѣдывалъ составленіемъ «карты россійскихъ продуктовъ» для: 1) Великой Россіи или европейской ея части, 2) Малой Россіи со всѣми заднѣпровскими мѣстами и гравицами польской и турецкой, 3) Сибири, или азіатской части Россіи, и 4) Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи. Въ мартѣ 1764 г. ему и Ломоносову было поручено президентомъ академіи «обще или, есть ли не согласятся, порознь, приглашай каждыи къ себѣ изъ господъ профессоровъ кого пожелаетъ, разработать новый регламентъ академіи». 10 сентября былъ приказъ президента, чтобы «какъ Ломоносовъ, такъ же бы г. Таубертъ своего сочиненія штатъ предложили въ будущемъ собраніи». Одобренъ былъ проектъ Ломоносова; проектъ же Т. не рассматривался. Возможно, что такое пренебреженіе къ нему было слѣдствиемъ ослабленія вліянія Т. и усиленія Ломоносова. Это совпадаетъ съ неловкимъ положеніемъ при дворѣ Разумовскаго вслѣдствіе извѣстныхъ малороссійскихъ событий.

Пощатнувшееся вліяніе Т. уже не было, повидимому, возстановлено и послѣ смерти Ломоносова (4 апр. 1765 г.). Оставшись единственнымъ директоромъ канцеляріи, онъ, однако, не могъ себѣ чувствовать совершенно свободнымъ въ своихъ дѣятствіяхъ, такъ какъ въ это время пересталъ пользоваться расположениемъ государыни. Объ ея отношеніи къ Т. свидѣтельствуютъ слѣдующіе факты. На сдѣланной Т. описи принятыхъ въ академію въ 1735 г. изъ пожитковъ Брюса книги и «всякихъ куриезныхъ вещей» съ отметкой Т., что двѣ малоцѣнныихъ вещи пропали, Екатерина сдѣлала рѣзкую приписку, которая отно-

сится по адресу Т.: «Тожъ выкрадъ. У меня въ конюшни отцѣпили и продали за 30 рублей англійскую лошадь, которая стоитъ 500 рублейъ, но то учинено неизвѣданными людьми. Видно, что у нихъ [т. е. въ академіи] беспорядица не менѣе какъ въ послѣдней воеводской канцеляріи, но таковыхъ воеводъ смыкаютъ нынѣ отчасти». Особливое раздраженіе государыни Т. вызывалъ устройствомъ при академіи безъ ея вѣдома и разрѣшенія «учрежденія къ воспитанію малолѣтнихъ, опредѣляемыхъ къ высокимъ наукамъ». Она узнала объ этомъ только изъ газетъ, черезъ которыхъ Т. публиковалъ, чтобы «желающіе всякаго чина, кромѣ крѣпостныхъ, приводили въ канцелярію академіи дѣтей своихъ не старѣе какъ отъ пяти до шести лѣтъ». Екатерина повелѣла Теплову нарядить слѣдствіе и потребовать отъ Т. отвѣта, «на какомъ основаніи онъ то дѣлаетъ». Ни пространная письменная объясненія Т., ни прекрасный отзывъ Теплова о внутреннемъ устройствѣ заведенія и его порядкахъ не могли, однако, ослабить раздраженіе императрицы, какъ это видно изъ ея собственноручныхъ помѣтокъ къ объясненію Т.

Въ 1766 г., когда начальникомъ академіи съ званіемъ директора ея былъ назначенъ непрасположенный къ Т. графъ Влад. Гр. Орловъ, Т. потерялъ всякое вліяніе въ академической жизни. Орловъ скоро упразднилъ совершенно канцелярію, въ которой Т. былъ единственнымъ (за смертью Ломоносова) распорядителемъ и совѣтникомъ, и учредилъ вместо нея комиссию для завѣдыванія хозяйственными дѣлами академіи. Т. былъ назначенъ ея членомъ, но онъ уже и формально былъ лишенъ рѣшающей роли, такъ какъ всѣ дѣла комиссіи подписывались самимъ Орловымъ.

Къ этому времени относится знакомство Т. съ русскимъ законовѣдомъ XVIII стол. А. Я. Полѣновымъ, которому онъ, несмотря на свое пошатнувшееся положеніе, окказалъ благодѣтельное покровительство и вниманіе. Усмотрѣвъ въ будущемъ авторѣ «Записки о крѣпостномъ состояніи крестьянъ Россіи», бывшемъ тогда студентомъ университета при академіи, высокія способности, Т. послалъ его за границу для пополненія образования и все время переписывался съ нимъ, поощряя его къ нау-

камъ. Полѣновъ питалъ къ Т. самыя горячія чувства благодарности и уваженія. Уже послѣ полного почти удаленія Т. отъ дѣлъ Полѣновъ писалъ Т. (7 января 1767 г.): «Словами не могу довольно изобразить сколь мнѣ сіе прискорбно. Однако имѣю честь увѣрить, что мои мысли не перемѣнились. Я знаю почитать моихъ благодѣтелей и надежду свою возлагаю на Бога».

Относительно дѣятельности Т. въ послѣдніе годы его жизни (онъ умеръ 9 мая 1771 г.) сохранилось мало свѣдѣній, можетъ быть потому, что вслѣдствіе паденія вліянія и дѣятельности особенной не было. Въ промежуткѣ между 1765 и 1769 г. онъ написалъ книгу «Начертаніе касающееся до скотскаго падежа». Т. написалъ также «Камчатскую исторію» (не издана) и перевелъ книгу Байера «Объ Азіи», которая была напечатана въ Петербургѣ (1758, 1768, 1782 гг., 8⁰). Подъ его смотрѣніемъ одно общество начало было трудиться въ собираніи Полнаго Россійскаго словаря и собрало матеріалъ по букву В., но продолженіе оставлено (Митрополитъ Евгений).

Матеріалы для исторіи академіи наукъ». — „Лѣтопись русской литературы и древностей“, т. V, стр. 1—36.— „Русскій Архивъ“, 1865, № 4, стр. 446, 447, 448, 450, 454, 457, 459, 460, 461, 466, 467. — Тамъ же, годъ 3-й, пад. 2-е, стр. 559, 563, 564, 567, 568, 569, 572, 574, 575, 578, 587, 588, 594, 600. — „Записки Императорской Академіи Наукъ“, т. VII, стр. 121, 122, 125, 250, 252, 294; приложение, стр. 70, 71. — „Русская Старина“, 1870, пад. 2-е, стр. 197. — Чтение въ Обществѣ Исторіи и Древн. Рос.“, 1866, № 4, стр. 134.— Письма Эйлера къ Т., тамъ же, отд. „Смѣсь“, стр. 130—133. — Письма Т. къ Козинскому и прощеніе его къ Екатеринѣ, тамъ же, 1876, № 3, стр. 4—7. — „Полное Собрание Законовъ“, т. XIV, стр. 202; т. XV, стр. 857. — „Сборникъ Имп. Русскаго Истор. Общества“, т. VII, стр. 42, 349; т. X, стр. 21, 22, 41; т. XVII, стр. 315, 317.— „Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, пимъ самимъ написанная“, перев. съ немецкаго, „Сборникъ отдѣла русскаго языка и словесности Имп. академіи наукъ“, т. XIII, стр. 36, 38, 50, 56, 57—62, 90—93, 98—101, 103, 104, 106, 109, 111, 114, 118, 119, 121, 122, 132—144, 152, 153, 176—182, 186, 187, 191, 193—195, 211, 212, 215, 216, 219—224, 227, 228, 231, 232, 238, 241243, 246, 247, 250, 252, 255, 256, 259, 260, 263—267, 272, 273, 283, 286, 287, 311, 325, 327, 339, 340, 344. — „Письма Шлецера къ Тауберту“, тамъ же, стр. 359—386. — Біографія Т. помѣщена въ словарь Новикова и въ „Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи“, митрополита Евгения, стр. 204, 254, 255.— П. Бартеневъ, „Осмнадцатый вѣкъ“, т. II,

Москва 1869, стр. 327, 430, 431, 474, 475. — Д. Полѣновъ, „А. Я. Полѣновъ, русскій законо-вѣль восемнадцатого вѣка“ (отдѣльный оттискъ для Публичной библіотеки), стр. 2, 3, 4, 6, 7, 12, 14, 17, 18, 25, 27, 35, 44, 47, 48, 51, 57.—Билярскій, „Матеріалы для біографіи Ломоносова“, Спб. 1865, стр. 16, 17, 66, 191, 229, 246, 283, 287, 322, 368, 385, 387, 430, 440, 481, 492, 493, 494, 495, 496, 524, 527, 528, 529, 551—557, 566, 569, 570, 589, 595, 596, 603, 604, 608, 610, 611, 637, 652, 669, 673, 712, 724, 730, 731, 732, 790, 791.—С. М. Соловьевъ, „Історія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, т. IV, стр. 419; т. V, стр. 249, 545, 563, 564; т. VI, стр. 210, 211, 223, 231, 242, 243, 244, 247, 263, 270. — П. Пекарскій, „Історія импер. академіи наукъ“, Спб. 1870, т. I.—Его же, „Дополнительный извѣстій къ біографіи Ломоносова“, приложеніе къ VIII тому „Записокъ Имп. Академіи Наукъ“, 1865, № 7, подъ 1765 годомъ. — Ламанскій, „Ломоносовъ и Императорская академія наукъ“. — II. А. Ефремовъ, „Матеріалы для історіи русской литературы“, Спб. 1867. — Н. Пыльинъ, „Історія русской литературы“, Спб. 1903, т. III, стр. 497, 534.

Тауберъ, Андрей Михайловичъ, профессоръ Харьковскаго университета съ 1813 г. до 1824 г., минералогъ и зоологъ, родомъ изъ Германіи, среднее образование получилъ въ йзенбергской и гальской гимназіяхъ, затѣмъ посвѣщалъ университетъ въ Іенѣ и Лейпцигѣ, посвящая себя изученію, главнымъ образомъ, естественныхъ наукъ, въ особенности же — минералогіи. Съ цѣлью болѣе детального ознакомленія съ этой наукой Т. посвѣщалъ также горную академію въ Фрейбергѣ. По окончаніи образования преподавалъ четыре года минералогію въ Дрезденѣ, затѣмъ въ теченіе шести лѣтъ путешествовалъ по Германіи и Данії съ цѣлью ознакомиться съ лучшими минералогическими кабинетами этихъ странъ. За это время имъ составлено было минералогическое описание рельефовъ болѣзи Дрездена, которое вмѣстѣ съ картою и 6 рисунками, изображающими внутреннее строеніе кряжей, издано было въ Нюрибергѣ въ 1793 г. За эту работу, въ свое время обратившую на себя вниманіе учёныхъ, онъ избралъ бытъ членомъ-корреспондентомъ минералогического и физического общества въ Іенѣ, а потомъ и геттингенского общества. Въ 1805 г. Т. пріѣхалъ въ Россію съ цѣлью вступить на русскую службу и опредѣленъ бытъ минералогомъ при Главномъ правлѣніи училищъ, при чмъ ему поручено было приведеніе въ порядокъ минералогическихъ коллекцій, которыя присланы были изъ

Сибири и предназначались для различныхъ университетовъ и подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеній. Въ 1808 г. Т. избранъ былъ адъюнктъ-профессоромъ Московскаго университета, но каѳедры ему не дали; онъ командированъ былъ университетомъ въ Западную Сибирь для собирания минералогическихъ коллекцій. Помимо исполненія данного ему порученія, Т. въ теченіе двухлѣтней своей командировкіи изучалъ также заводы въ Уральскихъ горахъ. Въ Москву онъ возвратился со значительной коллекціей минераловъ, а также съ картами и чертежами, изображающими какъ внутреннее, такъ и наружное строеніе Уральскихъ горъ. О результатахъ своихъ работъ и изслѣдований имъ сдѣланъ былъ докладъ въ Московскомъ обществѣ естествоиспытателей. Въ 1811 г. университетъ избралъ было его для вторичнаго цутешествія уже на Кавказъ, но приведенію этой командировкіи въ исполненіе помѣшила возникшая тогда война съ французами. Тогда Т. по порученію университета сталъ писать, пользуясь собранымъ матеріаломъ, сочиненіе, посвященное минералогическому описанію Уральскихъ горъ. Въ это время произошло вторженіе Наполеона въ Москву, и Т. въ общемъ пожарѣ столицы потерялъ все свое имущество, библіотеку, измѣрительные инструменты и приборы и рукописи. Онъ переселился въ Харьковъ. Здѣсь онъ въ качествѣ адъюнкта-профессора занялъ въ 1813 г. каѳедру минералогіи, а въ концѣ того же года сдѣланъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ. Онъ былъ помощникомъ проф. Делявина, вмѣстѣ съ которымъ занималъ зоологическимъ и минералогическимъ кабинетами, которые, однако, были вскорѣ изъяты изъ его вѣдѣнія, такъ какъ по болѣзни онъ оставилъ ихъ въ неисправности. Т. читалъ на латинскомъ языке минералогію, придерживаясь химической системы Карстена, орнитогнозію по русскому сокращенію Финера и геогнозію. Въ 1814 г. правленіе Харьковскаго университета командировало его вмѣстѣ съ проф. Громовымъ въ Чугуевъ для осмотра найденныхъ тамъ костей мамонта. Въ теченіе своей профессуры въ Харьковѣ Т. нѣсколько разъ получалъ подобныя командировкіи. Послѣ истребленія его рукописей пожаромъ въ Москвѣ, Т. больше никогда уже почти ничего не писалъ, посвящая

все свое время практической и лекторской деятельности. Только въ 1820 г. онъ представилъ университету на соисканіе каѳедры технологіи сочиненіе на нѣмецкомъ языке «О красильномъ искусствѣ», но каѳедра эта отдана была другому — Дьячкову. Въ 1824 г. Т. вышелъ въ отставку, и о дальнѣйшей судьбѣ его ничего не извѣстно.

Д. И. Багалѣй, «Опытъ истории Харьковскаго университета», Харьковъ 1894, т. I, стр. 326, 504—505, 589, 629, 719, 720, 747, 775; т. II, стр. 146, 147, 335, 484, 486, 579, 588.—Рославлевъ-Ростовскій, «Объ ученой дѣятельности Харьковскаго университета въ первое десятилѣтие его существованія», «Журналъ Министерства Народн. Просв.,» 1855, № 7, часть LXXXVII, стр. 8 и 19.—М. И. Сухомлиновъ, «Изслѣдованія и статьи по русской истории литературы и просвѣщенію», Спб. 1889, т. I, стр. 235.

Тачаловъ, Арсений Васильевичъ, про-тоіерей православныхъ церквей въ Висбаденѣ и Парижѣ, духовный писатель, родился въ семье священника въ с. Быковѣ, Корчевского уѣзда, Тверской губерніи. Воспитывался въ Тверской семинаріи и съ 1859 г. въ Петербургской духовной академіи, курсъ которой окончилъ въ 1863 г. со степенью магистра богословія. Въ томъ же году опредѣленъ былъ псаломщикомъ при Висбаденской православной церкви. По принятіи 3 января 1867 г. сана священника, онъ сдѣланъ былъ настоятелемъ, а въ 1875 г. протоіереемъ той же церкви. Изъ Висбадена Т. частоѣздила въ Эмсъ, а съ 1876 г. также въ Гомбургъ, Юнгегаймъ и Румденгаймъ для совершенія церковныхъ службъ. Въ Эмсѣ благодаря Г., сумѣвшему привлечь для этого крупныхъ жертвователей, была построена православная церковь. По порученію общества любителей духовного просвѣщенія онъ велъ личныя и письменныя сношенія съ представителями старокатоличества и принималъ дѣятельное участіе въ 6 конгрессахъ старокатоликовъ. Участвовалъ также въ общихъ конференціяхъ въ Боннѣ по вопросу о возсоединеніи церквей. Въ 1887 г. Т. перенесенъ былъ протоіереемъ православной церкви въ Парижѣ. Умеръ въ Берлинѣ 7 апреля 1890 г.

Т. напомѣстилъ въ духовныхъ журналахъ слѣдующія статьи по вопросамъ духовного просвѣщенія и догматики, изъ которыхъ некоторые написаны имъ еще въ годы студенчества: «Состояніе и нужды духовныхъ учебныхъ заведеній» («Правосл.

Обозрѣніе», 1861, кн. 6, 7, 8, 11 и 12); «Учебные часы и экзамены въ семинарияхъ» (тамъ же, 1862, кн. 11); «Изученіе древнихъ языковъ въ духовныхъ училіцахъ» (тамъ же, 1862, кн. 8); «Объ уничтоженіи наследственности мѣстъ въ духовномъ званіи» («Духъ Христіаніна», 1863); «Новая книга И. Овербека „Свѣтъ съ Востока“» («Прав. Обозрѣніе», 1865, кн. 11; 1867, кн. 6); «Протестантскій нѣмецкій союзъ и первое его собраніе въ Эйзенахѣ» (тамъ же, 1866, кн. 8); «Новѣйшія сочиненія о жизни Иисуса Христа: 1) Жизнь Иисуса Христа по Ренану; 2) Характеристический образъ И. Христа соч. Шенкеля; 3) Жизнь И. Христа, соч. Штрауса; 4) Евангеліе; 5) Чудеса» («Христ. Чтеніе», 1867, ч. I); «Протесты въ Германіи и Австріи противъ новаго, на ватиканскомъ соборѣ 18 іюля 1870 г. провозглашенаго догмата о папской непогрешимости» (тамъ же, 1871, №№ 5 и 6). Нѣкоторыя статьи Т. подписывались сокращеннымъ именемъ А. Т-овъ. Въ цѣляхъ знакомленія старокатоликовъ съ православной церковью онъ издавалъ на нѣмецкомъ языке оберъ-прокурорскіе отчеты за 1870—1877 г.г.; имъ переведенась нѣмецкаго языка книга Ците «Істинна и величіе христіянства» (Спб. 1869) и издана нѣмецко-русская хрестоматія подъ псевдонимомъ Васильевичъ.

Некрологъ за 1890 годъ: «Церковная Вѣdomostъ», приложение къ № 18, стр. 379; «Новое Время», № 5068; «Исторический Вѣстникъ», кн. 7, стр. 236.—И. Чистовицъ, «Исторія Петербургской духовной академіи за послѣдніе 30 лѣтъ», Спб. 1889, приложение, стр. 21.—И. М. Семевский, «Альбомъ Знакомые», Спб. 1888, стр. 269—270.—Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. X, Спб. 1907, стр. 74.—Wiesbadener Tagblatt, 1890, № 99.—В. И. Межовъ, «Русская историческая библіографія за 1865—1876 годы», т. III, №№ 26, 503; т. VI, № 58096.—П. А. Ефремовъ, «Указатель къ «Православному Обозрѣнію» за 1860—1870 г.г.», Москва 1872, стр. 65, 79, 102, 145.—«Систематический указатель статей, помѣщенныхъ въ журнале „Христіанское Чтеніе“ за 1821—1903 г.г.», Спб. 1905, №№ 1645, 2194, 4254.

Тачановскій, Владиславъ Казимиrowичъ, зоологъ, родился въ д. Яблонна, Люблинской губерніи, 5 марта 1819 г. Образование получило въ Люблинской гимназіи, курсъ которой окончилъ въ 1838 г. Затѣмъ онъ поселился въ д. Яблонна, где управлять оставшимся послѣ смерти отца

имѣніемъ. Здѣсь Т. заинтересовался зоологіей и сталъ усердно єю заниматься, въ особенности же орнитологіей. Въ 1852 г. онъ поступилъ на государственную службу чиновникомъ особыхъ поручений при радомскомъ губернаторѣ для составленія зоологическихъ коллекцій Радомской и Люблинской губерній, которая предполагалось основать при губернскихъ правленіяхъ. На этой должности Т. первоначально занялся изученіемъ орнитологической и малостолической фауны Царства Польскаго. Предположеніе объ основаніи коллекцій при губернскихъ правленіяхъ не было приведено въ исполненіе, и Т. въ 1855 г. получилъ мѣсто хранителя зоологического кабинета при Варшавскомъ университѣтѣ. Переселеніе въ Варшаву дало ему возможность заняться научной обработкой своихъ наблюдений и матеріаловъ. Въ 1857 г. онъ командированъ былъ Варшавскимъ учебнымъ округомъ въ Парижъ для изученія способовъ набивки и препарировкы животныхъ. Въ 1866 г. графы А. и К. Бронницкие устроили ему поездку въ Алжиръ, где онъ пробылъ съ ноября 1866 по апрель 1867 г. Сдѣланія имъ здѣсь наблюденія послужили ему матеріаломъ для нѣсколькихъ статей по орнитологіи Алжира. Съ 1871 г. Т. сталъ получать коллекціи, которая составлялись К. Ельскимъ, а затѣмъ И. Штолъцманомъ въ Перу и Кайенѣ, и В. Дыбовскимъ и В. Годлевскимъ въ Восточной Сибири. Благодаря этимъ коллекціямъ Т. пріобрѣлъ возможность написать нѣсколько работъ о птицахъ Восточной Сибири и Перу. Много времени посвятилъ онъ изученію пауковъ, главнымъ образомъ кайенскихъ. Богатый матеріалъ былъ ему доставленъ также и графами Бронницкими, которые совершили въ 1863 г. съ цѣлью составленія зоологическихъ коллекцій путешествіе къ верховьямъ Нила. За труды по орнитологіи на французскомъ языкѣ онъ удостоенъ былъ преміи Имп. Академіи Наукъ. Т. приложилъ много заботъ объ обогащеніи Варшавского зоологического кабинета. Особенной полнотой и богатствомъ отличаются экзотический отдѣлъ, а въ немъ — колибри. Между этой коллекціей имѣлось много образцовъ, повтореній которыхъ въ то время не было ни въ одномъ другомъ европейскомъ зоологическомъ музѣ. Въ уваженіе къ научнымъ заслугамъ Т.

Ягеллонскій университетъ удостоилъ его въ 1887 г. степени доктора философіи honoris causa. Т. состоялъ членомъ Петербургскаго общества естествоиспытателей, общества испытателей природы при Харьковскомъ университѣтѣ, Орнитологическаго общества въ Берлинѣ, Французскаго зоологическаго общества, Зоолого-Ботаническаго общества въ Вѣнѣ, Зоологическаго общества въ Лондонѣ, Академіи Гиппоны въ Боннѣ. Умеръ Т. въ Варшавѣ 5 января 1890 г.

Онъ написалъ свыше 60 работъ (на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и польскомъ языкахъ), издавая ихъ отдельно и помѣщая въ современныхъ изданіяхъ. Главнѣйшія его работы слѣдующія: «Liste de vertébrés de Pologne» («Bull. de la Société zoologique de France», 1877); «Tabelle rychu ptastwa w latach 1845—48» («Biblioteka Warszawska»); «Spis ptaków gubernii lubelskię» (тамъ же, 1851); «Sur la nidification du Remiz pendulinus» («Revue et Magazin de Zoologie», 1859); «O ptakach drapieznych w krolewstwie polskiém» (Warszawa 1860); «Оологія польскихъ птицъ» (Варшава 1862); «Spis pajaków zebranych w okolicach Warszawy w 1865» («Извѣстія Варшавской гл. школы», 1866, № 5); «Konstantego Tuzenhausa oologia ptakow polskich wystawiona na 170 tablicach rytych na miedzi i kolorowanych pochwala do ktorych opisyulozyl Taczanowski» (Warszawa 1862); «Историческій очеркъ состоянія Варшавскаго зоологическаго кабинета» («Варш. Унів. Извѣстія», 1870, № 2); «Uebersicht der Vögel die in Algerien, Provinze Constantine, während der Reise vom Ende Novembre 1866 bis Ende April 1867 gesammelt und beobachtet wurden» («Journal für Ornithologie», 1870); «Description des spèces nouvelles de la collection pérouvienne de M. Dr Raimondi de Lima» («Proceedings of the Zoological Society of London», 1883); «Description du nouveau cerf du pays d'Ussuri méridional Cervus Dybowsky» (тамъ же, 1876); «Verzeichniss der Vögel, welche durch die Herrn Dybowski und Godlewski in südlichen Ussuri-Lande und namentlich an den Küsten des Japanischen Meers gesammelt und beobachtet wurden» («Jurnal für Ornithologie», 1876); «Liste des oiseaux recueillis par M. Kalinowski à Sidemi» («Proceedings of the Society Zoological of London»,

1885); «Liste des oiseaux recueillis par M. Kalinowski en Corée aux environs de Seoul» (тамъ же, 1887); «Les Araniedes du Pérou» («Bull. tin de la Société des naturalistes du Moscou», 1878); «Сравнительный обзоръ орнитологической фауны средней Европы и Юго-Восточной Сибири» («Труды 3-го съезда русск. естеств. и врачей въ Киевѣ», 1872); «Критический обзоръ орнитологической фауны Восточной Сибири» («Труды 5-го съезда русск. естеств. и врачей въ Варшавѣ», 1876); «О некоторыхъ новыхъ видахъ птицъ, найденныхъ гг. Дыбовскимъ и Годлевскимъ въ Забайкальской области въ 1873 г.» («Извѣстія Спб. отдѣленія Имп. Русск. Географ. Общ.», 1875, т. 5, № 3—4); «En hydris marima steller», на польск. яз. (сжемѣс. «Вселенная», 1882, т. I); «Дятлы» (тамъ же, 1882, т. I); «О странствованіи птицъ, преимущественно мѣстныхъ» (тамъ же, 1886, т. V); «Изслѣдованіе Камчатки въ естественно-историческомъ отношеніи» (тамъ же, 1882, т. I). Отдѣльно изданы: «Ptaki krajowe» (Krakow, 2 тома, 1882—1883), «Ornithologie du Pérou» (т. I, Paris 1884; т. II и III, Rennes 1885—1886); «Faune ornithologique de la Siberie orientale» (Спб. 1891).

S. Orgelbrand, «Encyklopédia powszechna», изд. 2-е, т. 14, Warszawa 1903, стр. 382—393.—Д. Д. Языковъ. «Обзоръ жизни и трудовъ по-коинихъ русскихъ писателей», вып. 10, Сиб. 1907, стр. 74.—«Извѣстія Имп. Общества Любителей Естествознанія», Москва 1889, т. VII, л. 24.—«Московская Вѣдомость», 1890, № 14.—A. Wrzesniowski, «Wladyslaw Taczanowski», „Wszechswiat”, 1883.—S. Sztolcman, „Wladyslaw Taczanowski”, тамъ же, 1890.—K. Esterreicher, „Bibliografia polska XIX stulecia”, Krakow 1878 г., т. IV, стр. 479.—В. И. Межовъ, «Сибирская библиографія», Спб. 1903, т. III, стр. 178, №№ 22129, 22130 и 22132; стр. 288, № 24884; стр. 300, №№ 25170—25179.

Ташлыковъ, Аѳанасій Федоровичъ, московский дворянинъ, дьякъ. Въ 1658 г. (6 іюля) участвовалъ въ проводѣ въ Грановитую палату къ царю Алексѣю Михайловичу грузинского царя Теймураза Давидовича. Въ томъ же 1658 г. былъ отправленъ княземъ Ромодановскимъ въ Малороссию на раду для избрания нового гетмана. Съ 1672 г. поставленъ дьякомъ Казанского дворца, гдѣ черезъ его руки проходили важные государственные дѣла. Въ царскихъ грамотахъ 19 марта, 5 и 20 мая и 17 іюня 1673 г. астраханскому

воеводѣ Одоевскому «о убѣжденіи казацкихъ ташилей и ногайскихъ мурзъ итти войной на турковъ и крымцевъ совмѣстно съ донскими казаками и запорожскими черемисами» повелѣвалось «отписка» подавать въ приказѣ Казанского дворца боярину Михаилу Юрьевичу Долгорукому и дьяку Т. Подобное повелѣніе отдавалось и относительно многихъ другихъ дѣлъ. Въ этомъ же приказѣ согранилось много документовъ—царскихъ грамотъ, воеводскихъ донесений и пр., скрѣпленныхъ его рукой.

„Акты Историческіе“, т. IV, стр. 505—509, 511, 516.—„Дополненія къ Актамъ Историческимъ“, т. VI, стр. 243, 250; т. VI, стр. 132, 184, 208, 260, 265, 266, 268, 275, 286, 301, 306, 340; т. VII, стр. 172, 198, 203, 206, 231; т. IX, стр. 51, 71.—„Древняя Рос. Вивілюника“, т. VIII, стр. 120.—Полное Собрание Законовъ, т. I, стр. 852, 862.

Твардовскій, Осипъ Петровичъ, профессоръ Виленского университета; высшее образование получилъ въ Виленскомъ университѣтѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1807 г. со степенью доктора. Въ началѣ 1823 г. совѣтомъ Виленского университета онъ былъ избранъ на должность ректора и сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ математики подъ вліяніемъ Адама Чарторыйскаго, который надѣлся имѣть въ немъ вѣрного проводника своихъ взгля-
довъ на дѣло постановки просвѣщенія въ Польшѣ. До своего избрания Т. стоялъ въ сторонѣ отъ академической жизни и жилъ въ своемъ богатомъ помѣстіѣ, занимаясь математикой. Пребываніе Т. въ должности ректора ознаменовалось броженіемъ въ студенческой средѣ, приведшимъ въ концѣ концовъ къ закрытию университета. Въ цѣляхъ борьбы съ этимъ броженіемъ Т. выработаны были «Правила для слушателей университета», которыми введенъ былъ усиленный надзоръ за студентами въ стѣ-
нахъ и въ университета. Однако мѣры, предпринимавшіяся университетскимъ начальствомъ, не привели къ желаннымъ результатамъ, а 17 мая 1828 г. былъ арестованъ и самъ Т., но скоро освобожденъ. Когда же въ 1824 г. Новосильцевъ заявилъ Т., что правительство не дѣлаетъ университету и вынуждено будетъ реорга-
низововать его, онъ, видя свое безсиліе, подалъ въ отставку и удалился въ свое имѣніе. Напечатаны слѣдующія произве-
денія Т.: «Zagajenie posiedzenia publicz-
nego cesarskiego universytetu Wilen-

skiego» (Wilno); «O terazniejszym stanie oswiecenia pospolstwa tadziez o szkolach parafialnych i o funduszach na ubogich uczniow w gubernii Minskiej (Wilno 1819).

«Сборникъ материаловъ для истории просвѣщенія въ Россіи», Спб. 1898, т. I, стр. XIV, XXIV, XXXII—XXXIII, XXXVI, XXXVII, LXXXIV—XV, LXXXVI, LXXXVII, LXXXVIII, XCII, CIII—CIV, CVII—CX, CXI—CXXVIII; т. II, стр. 800, 802, 804; т. III, стр. 693.—„Ruskij Archivъ“, 1874, стр. 1174, 1210. Szcziga, „Proces filaretów w Wilnie“, „Archiwum do dzjelów literatury i oswiaty w Polsce“, t. VI, 1890, стр. 170.—Kniaze Adam Czartoryski i Józef Twardowski korrespondenza 1822—1824.—„Roczniki Towarzystwa Przyjaciol nauk Poznańskiego“, t. XXVI, Poznań, стр. 192—201.—Esterreicher, „Bibliografia polska XIX stólecia“, Kraków 1878, т. IV, стр. 546—547.

Твердиковъ, Григорій Иванович, московскій гость. Въ 1598 г. подписался подъ грамотой обь избраниі на царство Бориса Годунова. Въ 1610 г. участвовалъ въ посольствѣ къ королю Сигизмунду III для врученія ему хартіи обь избраниі Владислава на московскій престолъ. Въ 1619 г. было спрошено его мнѣніе по поводу просьбы Англіи разрѣшить ея купцамъ вести черезъ Россію торговлю съ Персіей; Т. отвѣтилъ, что просьбу эту удовлетворить можно: «пустъ только государь велѣть англичанамъ торговатъ указными своими товарами заморскими, а русскими товарами торговатъ имъ съ персіанами не велѣть».

С. Соколовъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, изд. „Общ. Пользы“, кн. II, стр. 1176.—Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, т. XII, стр. 191, примѣч. 616.—И. Н. Голиковъ, „Дѣянія Петра Великаго“, Москва 1837—1846, изд. 2-е, стр. 293.—„Дополненія къ дѣяніямъ Петра Великаго“, Москва 1790, т. II, стр. 21.—„Акты Археографической Комиссіи“, Спб. 1836, т. II, стр. 45.

Твердиковъ, Степанъ, купецъ. Въ 1568 г. былъ посланъ вмѣстъ съ Федотомъ Погорѣловымъ въ Англію къ королевѣ Елизавѣтѣ царемъ Иваномъ, озабоченнымъ въ то время установлениемъ торговыхъ сношений съ западно-европейскими странами. Въ сохранившемся документѣ «Опись царскаго имущества» имются указанія относительно грамоты обь отпускѣ его въ Англію, выданной ему царемъ. Данное ему порученіе онъ, повидимому, исполнилъ успѣшно, о чѣмъ свидѣтельствуетъ относящееся къ этому времени (9 мая 1567 г.) письмо королевы Елизаветы къ царю Ивану, гдѣ она пишетъ, что изъ дружбы къ царю

дозволитъ русскимъ купцамъ свободно исправлять свои торговыя дѣла въ Англіи. Въ 1584 г. пожалованъ въ дьяки Казанскаго двора. Въ расходной книжѣ обь отпускѣ вѣщей по царскимъ указамъ («Книги, а въ нихъ писанъ расходъ казеннай къ ружнымъ церквамъ ладанъ и годовое») сохранилось указаніе, что за его приписью выдавалось жалованіе «царскимъ охотникомъ и рожечникомъ». Будучи дьякомъ, Т., какъ видно изъ сохранившейся «грамоты аглицкаго купца Еремея Горше къ Ульяму къ Трумбому», продолжалъ вести торговыя дѣла съ англійскими купцами. Въ царствованіе Феодора Ioannовича по его и другихъ русскихъ купцовъ жалобѣ на неплатежъ долговъ англійскими купцами возникли дипломатические переговоры между московскимъ правительствомъ и королевой Елизавѣтой. Въ 1598 г. былъ на соборѣ, избравшемъ Годунова въ цари, и подписался подъ грамотой.

«Сборникъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Общества», т. XXXVIII, стр. 241.—Дополненія къ Актамъ Историческихъ, т. I, стр. 199—200.—Акты Археографической Экспедиціи, т. I, стр. 351; т. II, стр. 45.—С. Соколовъ, „Исторія Россіи“, т. II, стр. 392.—Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, т. IX, прим. 260; т. XII, прим. 616.

Твердиславъ Михайловичъ, извѣстный новгородскій посадникъ, принадлежалъ къ одному изъ тѣхъ новгородскихъ боярскихъ родовъ, которые въ XII—XIII вв. monopolizировали въ своихъ рукахъ должность посадника. Отецъ его, Михаилъ (Михайка) Степанычъ, трижды посадничалъ въ Новгородѣ, соперничая съ бояриномъ Мирославомъ Незданичемъ, самъ Т. М. занималъ эту должность четыре раза, въ посадникахъ были также и сынь его Степанъ Твердиславичъ, и внукъ Михаилъ Степанычъ. Вперыс въ Новгородской лѣтописи С. Т. упоминается подъ 1205 г., когда онъ въ Аркадіевомъ монастырѣ соорудилъ большую каменную даркою (во имя Св. Симеона Столпника),—обычный прѣмъ богатыхъ новгородцевъ, желавшихъ приобрѣсть популярность въ широкихъ народныхъ массахъ и благодаря ей достигнуть видныхъ общественныхъ должностей. Посадникомъ въ первый разъ Т. М. былъ избранъ въ 1209 г., явившись замѣстителемъ Дмитрія Мирослава, сына упомянутаго Мирослава Незданича. Въ слѣдующемъ 1210 г. Т. М. упоминается какъ участникъ похода на Литву,

когда бывшіе подъ его предводительствомъ новгородцы одержали блестящую победу при Ходыничахъ. Возвратившись изъ этого похода покрытый славою искуснаго ратнаго вождя и упрочивъ тѣмъ самимъ свою популярность, Т. М. могъ бы на значительное время обезпечить за собою должность посадника; тѣмъ не менѣе въ 1211 г. онъ уступилъ ее «старѣйшему себѣ» своему единомышленнику Дмитрію Якуничу, сыну извѣстнаго посадника Якуна Мирославича, возвратившемуся къ этому времени съ низовой Руси; «и съступися Твѣрдиславъ посадничества по своеи воли старѣйшию себѣ»—отмѣчается это событие въ лѣтописи. Трудно съ опредѣленностью сказать, какимиображеніями руководствовался онъ, совершая такой исключительный актъ самоотреченія; само по себѣ «старѣйшинство» Дмитрія Якунича едва ли сыграло здѣсь рѣшающую роль, особенно если принять во вниманіе честолюбіе и властолюбіе Т. М., а также то обстоятельство, что какъ во времія посадничества, такъ и послѣ отреченія отъ него онъ былъ и продолжалъ быть единственнымъ руководителемъ партіи, стоявшей въ то времія у власти. Болѣеѣ вероятны будеть предположить, что своимъ поступкомъ молодой еще Т. М. хотѣлъ еще болѣе поднять и углубить свою популярность, разсчитывая использовать ее въ близкомъ будущемъ. Дѣйствительно, едва ли кто-либо изъ бывшихъ до и послѣ него посадниковъ пользовался такой преданностью къ себѣ низшихъ слоевъ новгородскаго населенія, и едва ли кого-либо послѣдніе защищали съ такою отвагой, какъ защищали они Т. М., когда всы бурной и измѣнчивой политической исторіи Великаго Новгорода склонились не въ его пользу. Въ 1214 г. онъ былъ избранъ на должность посадника во второй разъ. Въ этомъ году новгородскій князь Мстиславъ Романовичъ водилъ рать на Кіевъ противъ Все-волода Святославича Черниаго, и Т. М., по должностіи своей, былъ въ числѣ лицъ, сопутствовавшихъ князю. Во времія похода среди новгородцевъ по разнымъ причинамъ росло недовольство какъ самимъ княземъ, такъ и участвовавшими въ походѣ въ значительномъ числѣ смолянами. Недовольство перешло въ глухое броженіе, грозившее вылиться въ мятежъ. Князь не могъ предупредить разрыва. Сдѣлать это удалось Т. М.; въ длинной рѣчи, обращенной къ

ратникамъ, онъ изложилъ заслуги князей, указалъ на опасность, грозившую Новгороду отъ недоведенія до конца похода, и—по лѣтописной передачѣ—заключилъ: «Яко, братіе, страдали дѣды наши и отчи за Русскую землю», тако, братіе, поидемъ по своемъ князи». Броженіе улеглось, походъ былъ продолженъ и закончился, какъ извѣстно, взятиемъ многихъ приднѣпровскихъ городовъ, плѣненiemъ нѣкоторыхъ князей изъ противнаго лагеря и сверженіемъ Всеволода Святославича съ кievскаго великокняжескаго престола, перешедшаго къ Мстиславу Романовичу. Въ 1215 г. Т. М. сопровождалъ въ Новый Торжокъ покинувшаго новгородскій престолъ князя Ярослава II Всеволодовича, впослѣдствіи великаго князя Кіевскаго и Владимірскаго, и оттуда возвратился богато одаренный. Въ этомъ же году онъ, повидимому, лишился посадничества, хотя ни самый фактъ, ни обусловившія его причины и сопровождавшія обстоятельства въ лѣтописяхъ не отмѣчаются; объ этомъ можно судить лишь по тому, что въ періодъ 1215—1217 гг. посадникомъ упоминается другое лицо,—Гюрги Ивановичъ. Въ третій разъ должность посадника Т. М. занялъ въ 1217 г. и вскорѣ послѣ этого въ чель соединенной рати новгородцевъ и псковитянъ ходиль на чудь; этотъ походъ, изображенный въ лѣтописяхъ нѣсколько миѳически, былъ удачень, и Т. М. вернулся изъ него «съ побѣдою и богатою добычею». Въ началь 1218 г. Новгородъ былъ взволнованъ темью исторіей объ арестѣ и выдачѣ князю нѣкого новгородскаго боярина Матея Душильцевича (также Душиловича), почемуто бѣжавшаго изъ города, но пойманнаго и насильно возвращеннаго. Подробности этой исторіи неизвѣстны, но вольнолюбивые новгородцы, повидимому не безъ основанія, усмотрѣли въ ней нарушеніе своихъ традиціонныхъ гражданскихъ правъ. И арестъ, и выдачу боярина молва приписала Т. М., и часть населенія придала ей вѣры. Торговая сторона и Неревскій конецъ 27 января возстали противъ Т. М. Однако болѣе демократическая часть Новгорода, Софійская сторона, особенно же Людинъ конецъ и улица Прусы, рѣшительно взяли сторону посадника. У городскихъ воротъ разыгралась сѣча, которая кое-какъ была прекращена лишь послѣ значительныхъ жертвъ людмв. Дѣло перешло на обсу-

жденіе вѣча. Цѣлую недѣлю длились бурные вѣчевые собранія; повидимому, противники Т. М. свои обвиненія стропли на всѣхъ данныхъ, и только непоколебимая популярность его среди большинства вѣча служила ему защитой. Во всякомъ случаѣ неизвѣстно, чѣмъ законачились бы эти волненія, если бы одно обстоятельство не придало имъ совершенно иного направлѣнія. Неожиданно для всѣхъ новгородской князь Святославъ Мстиславичъ заявилъ, что онъ отнимаетъ посадничество у Т. М. Протестъ противъ этого самовластнаго вмѣшательства князя въ дѣло, подлежащее вѣдѣнію исключительно вѣча, объединилъ всѣ партіи. Разсчеты князя воспользовались шатаніемъ умовъ для расширѣнія своей власти не оправдались; онъ получилъ рѣшительный отпоръ: «тобѣ склоняемъ, а се нашъ посадникъ; а въ то ся не вадимъ», отвѣтило ему вѣче. Т. М. оставленъ былъ по настоящему вѣча посадникомъ, а князю его вмѣшательство стоило стола: не желая быть въ натянутыхъ отношеніяхъ съ вѣчемъ и посадникомъ, княженіе опѣ передалъ своему младшему брату Всеислоду, а самъ уѣхалъ въ Кіевъ къ отцу, Мстиславу Романовичу. Посадничество Т. М. лишился въ 1219 г.; на этотъ разъ его обвинили въ томъ, что онъ посовѣтовалъ сузdalскими князьямъ Юрию и Ярославу Всеиводовичамъ не пропускать чрезъ свои бѣлоозерскія владѣнія новгородца Семьюна Емина, который съ дружиной въ 400 человѣкъ отправился въ походъ на Тойли(мо)кары (въ Движской землѣ). Уланы какъ видно, были неопровергнуты, и Т. М. принужденъ былъ уступить власть противникамъ. Но уже въ слѣдующемъ 1220 г. онъ былъ вновь—въ четвертый и послѣдній разъ—избранъ въ посадники, въ должностіи котораго пробылъ, однако, недолго. Князь Всеиводъ Мстиславичъ, не любивший Т. М., какъ виновника паденія его брата, на этотъ разъ самъ «вѣзвади весь городъ, хотя убити Твѣрдислава». По возвращеніи князя изъ Смоленска Т. М. былъ предъ нимъ въ чемъ-то оклеветанъ, и Всеиводъ Мстиславичъ во главѣ вооруженного отряда отправился на Ярославовъ дворъ—мѣсто вѣчевыхъ собраній—съ цѣлью арестовать посадника. Часть собравшихся туда новгородцевъ однако воспротивилась этому и съ оружиемъ въ рукахъ стала на защиту Т. М. Повторилась прежняя исто-

рія. Опять Прусы и Людинъ конецъ встали за Т. М., а Неревскій конецъ и Торговая сторона противъ него. Всеиводъ на кровопролитіе не рѣшился. Споръ перешелъ на обсужденіе вѣча. Самъ Т. М. въ это время былъ болѣнь, и на Ярославовъ дворъ его привезли на саняхъ. Выѣзжательство архіепископа Митрофана повело къ перемирію между враждующими. Послѣ этихъ волненій Т. М., ссылаясь на болѣнь, самъ отказался отъ посадничества. Получивъ согласіе вѣча, онъ дѣйствительно окончательно отстрадалъ отъ политической дѣятельности, а вскорѣ совсѣмъ удалился изъ мѣра, постригшись въ Аркадіевомъ монастырѣ, гдѣ и скончался. Всѣдѣ за нимъ постриглась и жена его, именемъ, кажется, Феодора,—въ монастырѣ св. Варвары.

Политическая дѣятельность Т. М. сошлась съ крайнимъ обостреніемъ партійной борьбы въ Новгородѣ. Предметъ и содержаніе этой борьбы извѣстны: княженіе на новгородскомъ столѣ Ольговичей или сузdalской линіи, во-первыхъ, и политическое господство широкихъ массъ, демоса, или имущественныхъ слоевъ аристократіи—во-вторыхъ. Однако роль Т. М. въ этой борьбѣ остается по совсѣмъ выясненной и разворѣчаво освѣщается изслѣдователями. Мнѣнія сходятся въ томъ, что Т. М. во всѣхъ случаяхъ поддерживалъ Ольговичей и всегда былъ непримиримымъ противникомъ сузdalской линіи, а также въ томъ, что онъ былъ несомнѣннымъ главою одной изъ враждующихъ новгородскихъ партій. Но какой именно? Одни изслѣдователи, какъ Костомаровъ и Пассекъ, видятъ въ немъ вождя партіи бояръ, партіи новгородской имущественной аристократіи, другіе (Рожковъ) считаютъ его представителемъ интересовъ демократической партіи. При скучныхъ данныхъ первоисточниковъ вопросъ этотъ едва ли можетъ быть разрѣшенъ съ полной определенностью. Есть одинъ аргументъ, который является почти упрашающимъ, именно то, что во всѣхъ затруднительныхъ положеніяхъ Т. М. за него вставали части города, населенные простымъ народомъ,—Людинъ конецъ, улица Прусы и Загородскій конецъ, а противъ него—«онполовцы», т. е. жители Торговой стороны, торговая и имущественная аристократія. Исходя изъ этого, Т. М. слѣдовало бы считать вождемъ демократической партіи, но этому до извѣстной степени про-

тиворѣчить его тяготѣніе къ усиленію княжеской власти, за что онъ неоднократно подвергался обвиненіямъ. Попыткою выйти изъ этого противорѣчія было предположеніе, что въ борьбѣ съ боярами и въ стремлѣніи урѣзать ихъ могущество новгородской демосью самъ (а съ нимъ и вождь его, Т. М.) одно время искалъ союза съ княземъ и былъ сторонникомъ уширенія его власти за счетъ могущества бояръ. Исторически вообще совершенно правильное и допустимое, это предположеніе все же по отношенію къ Новгороду остается гипотезой и требуетъ специальныхъ доказательствъ. Во всякомъ случаѣ мнѣніе, что Т. М. былъ представителемъ интересовъ новгородской аристократіи, аргументируется значительно слабѣе противоположного, и его слѣдуетъ считать менѣе вѣроятнымъ.

Новгородская первая лѣтопись, Москва 1781, стр. 73, 76, 80, 82, 92—96.—Никоновская лѣтопись, ч. II, Спб. 1768, стр. 307, 317, 345.—Продолженіе Древней Российской Библіофики, ч. II, Спб. 1786, стр. 441, 447, 448, 454, 466, 467—471. Кн. Щербатовъ, „Россійская исторія“, т. II, стр. 449, 500.—Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, Спб. 1843, т. III, стр. 91, 103—105, 156; прим. 129, 132, 152, 153, 161, 180, 208, 331, 369; т. VI, стр. 84, прим. 190.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, изд. т-ва „Общества Поплава“, кн. I, стр. 578, 579, 584, 596, 597.—Г. Калайдовичъ, „Историческій и хронологический опытъ о посадникахъ новгородскихъ“, Москва 1821, стр. 110—118.—Д. Прозоровскій, „Новая розысканія о новгородскихъ посадникахъ“, „Вѣстникъ Археологии и исторіи“, вып. IX, Спб. 1892, стр. 106—107, 123.—Пассекъ, „Новгородъ самъ въ себѣ“, „Чтѣнія общества Исторіи и Древностей россійскіхъ“, 1869 г., кн. IV.—Костомаровъ, „Сѣверно-руssкія народоправства“.—Н. А. Рожковъ, „Политическая партія въ Великомъ Новгородѣ XII—XV вв.“, „Журналъ Минист. Народн. Просв.“, 1901, апрѣль, стр. 252, 260—261, 262, 263.

Твердышевъ, Осипъ, купецъ и фабрикантъ, принадлежалъ къ гостинной сотнѣ. Еще въ 1791 г. онъ имѣлъ лавки въ Симбирскѣ, около крѣпости. Въ 1790 г. Т. выѣхалъ съ другими русскими купцами образовалъ въ Москвѣ компанію для усовершенствованія суконного производства; этой компаніи, во главѣ которой стоялъ Шеголинъ, Петръ Великій особымъ именнымъ указомъ отъ 17 февраля 1720 г. даровалъ различныя привилегіи; ей принадлежала крупнѣйшая фабрика того времени—«Большой суконный дворъ».

„Русская родословная книга“, изд. „Русской Старины“, Спб. 1873, т. I, стр. 307.—E.

II. Карновичъ, „Замѣчательные богатства частныхъ лицъ въ Россіи“, Спб. 1874, стр. 208—209.—Туганъ-Барановскій, „Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ“, изд. 2-е, Спб. 1900, т. I, стр. 12.—Полное Собрание Законовъ т. 76, стр. 136, № 3526.

Твердышевы, братья *Иванъ Борисовичъ*, коллежский асессоръ, купецъ, основатель многихъ мѣдноплавильныхъ и желѣзныхъ заводовъ въ Оренбургскомъ краѣ, и *Яковъ Борисовичъ*, его компаньонъ, директоръ мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ, родомъ изъ Симбирска, обладали значительными для своего времени богатствами. Существуетъ маловѣроятное преданіе, которое приводится въ книге П. Долгоруковымя въ его *«Mémoires»*, что къ промышленной деятельности ихъ направилъ Петръ Великий. Около Симбирска или гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ ему пришлось перебѣжать черезъ Волгу. Гребцами на царской лодкѣ были три брата Т. (кромѣ Ивана и Якова еще ихъ младшій братъ Петръ, умерший въ 1749 г.). Петръ разговорился съ ними, братья ему понравились, показавшись бойкими и смѣшливыми людьми, и Петръ предложилъ имъ идти на Уралъ, чтобы, подобно Демидову, заняться горнымъ дѣломъ. Когда Т. согласились на отсутствіе денегъ, Петръ распорядился дать имъ 50 рублей, съ которыми они и отправились на Уралъ. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что въ царствованіе Анны Ioannовны или въ самомъ началѣ царствованія Елизаветы Петровны Иванъ и Яковъ Т. выѣхали съ И. Сем. Мясниковымъ-Пустинниковымъ, также изъ Симбирска, женатымъ на сестрѣ ихъ, задумали по примѣру Никиты Демидова искать счастья въ Пріуральскомъ краѣ. Свою дѣятельность они сосредоточили главнымъ образомъ въ Оренбургскомъ краѣ. Наиболѣе энергичнымъ изъ нихъ былъ Иванъ Т. Первоначально онъ выѣхалъ съ компаньонами заняться торговыми дѣлами, бралъ на себя разные подряды и поставки для казны. Ему удалось внести значительное оживленіе въ торговлю Оренбурга и Уфы; онъ заботился также объ изысканіи болѣе прямыхъ и удобныхъ дорогъ. Благодаря этому онъ имѣлъ возможность брать поставки для казны по болѣе низкой цѣнѣ, чѣмъ другіе. И дѣйствительно, при всѣхъ поставкахъ Иванъ Т. уступилъ казанской губернскому канцелярии болѣе 21 тысячи рублей противъ объявленной ею цѣни. Въ 1743 г. онъ подалъ генераль-губернатору

прощею ѿ передачѣ ему на опредѣленныхъ условіяхъ мѣдноплавильнаго казен-наго завода близъ Табанска. Это былъ единственный заводъ во всемъ краѣ, построенный еще въ 1736 или 1737 г., но вскорѣ оставленный. Ходатайство это поддерживалъ передъ бергъ-колледжей начальникъ Оренбургскаго края Неплюевъ. И хотя о томъ же въ 1742 г. просилъ А. Н. Демидовъ, однако вопросъ решенъ былъ бергъ-колледжей въ пользу Т. въ виду того, что онъ исправно и дешевле другихъ исполнялъ казенные подряды. Вмѣсто возобновленія работъ старого завода Т. построилъ новый, въ 90 вер. отъ Табанска, на рѣкѣ Торѣ, впадающей въ Бѣлую, на болѣе удобномъ мѣстѣ, назвавъ его Воскресенскимъ. Этимъ было положено начало металлургической промышленности въ Оренбургскомъ краѣ. Затѣмъ братья Т. основали рядъ другихъ заводовъ. Подъ конецъ жизни имъ принадлежало, кромѣ Воскресенского, 5 мѣдноплавильныхъ заводовъ: Преображенскій на рѣкѣ Урманѣ, построенный въ 1748 г., Богоявленскій на Усолкѣ (1572), Архангельскій на Аксинѣ (1553), Верхоторскій у верховьевъ Торы (1574) и Покровскій, переставшій дѣйствовать во время восстания Пугачева. Въ нихъ выплавлялось въ годъ по 25 тысячъ пудовъ мѣди. Кромѣ того имъ принадлежали лѣсопильный Симскій и слѣдующіе желѣзодѣлательные заводы: Катавъ-Ивановскій на р. Катавѣ, построенный въ 1757 г., молотовой Юрюзань-Ивановскій на Юрюзанѣ (1758), Бѣлорѣцкій на Бѣлой (1762) и молотовой Усть-Катавскій. Въ разныхъ мѣстахъ на западномъ склонѣ Урала Т. открыли богатую желѣзную и мѣдную руду. Росту ихъ богатства способствовало еще и то, что имъ удавалось дешево скупать большія пространства земли у башкиръ. За свои труды по развитию горнозаводской промышленности Т. награждены были въ 1760 г. званіемъ потомственного почетного гражданина; кромѣ того Иванъ Т. получилъ чинъ коллежскаго ассессора, а Яковъ назначенъ былъ директоромъ мѣдноплавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ. Подъ конецъ жизни имъ, кромѣ капитоловъ и заводовъ, принадлежало 76 тысячъ крѣпостныхъ. Иванъ Т. умеръ въ 1773 г., а Яковъ въ 1783 г. Ни тотъ, ни другой изъ братьевъ не оставилъ потомства; Иванъ умеръ бездѣтнымъ; у Якова была одна

дочь, Татьяна, замужемъ за Гаврилой Ильичемъ Бибиковымъ, но и она умерла бездѣтной ранѣше своихъ родителей. Поэтому все огромное состояніе Т. перешло въ руки четырехъ дочерей Мясникова, также не имѣвшаго мужскаго поколѣнія.

Е. П. Карповичъ, „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи“, Спб. 1874, стр. 208—210.—Н. И. Рычковъ, „Оренбургская топографія“, Спб. 1762, ч. II, стр. 223—233.—„Сборникъ историческихъ и статистическихъ матеріаловъ о Симбирской губерніи“, 1868, стр. 186—192.—А. Артемьевъ, „Казанская гимназія въ XVIII вѣкѣ“, Спб. 1874, стр. 64—65.—„Русская родословная книга“, изд. „Русской Старинѣ“, Спб. 1873, т. I, стр. 307—308.—„Русский Архивъ“, 1872, стр. 235.—„Русская Старина“, 1872, ч. VI, стр. 682; 1875 г., ч. 12, № 2, стр. 394 и № 3, стр. 540.—В. Рожковъ, „Матеріалы къ исторіи горнаго промысловъ въ Оренбургскомъ краѣ“, „Горный Журналъ“, 1868, ч. 3, № 8, стр. 297.—„Исторический Вѣстникъ“, 1886, т. XXIII, стр. 575.—Pierre Dolgorukow, „Mémoires de prince“, Géneve 1867—1871, т. I, стр. 89—91.

Тверитиновъ, Алексѣй Владиміровичъ, генералъ-маіоръ, родился въ 1742 г., умеръ 18 ноября 1798 г.; воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ которому поступилъ въ 1759 г., т. е. вскорѣ послѣ основанія этого учебнаго заведенія. Окончивъ корпусный курсъ и произведеній въ 1761 г. въ гардемаринъ, съ этого времени и вплоть до 1769 г. проходилъ практическую службу на судахъ Балтійскаго флота, причемъ былъ однимъ изъ участниковъ Кольбергской экспедиціи. Былъ мичманомъ (съ 1766 г.), онъ въ 1769 г. перешелъ въ Азовскую флотилію, где его вѣдѣнію на первое время были поручены 14 военныхъ лодокъ, а затѣмъ транспортное судно «Шантія», на которомъ онъ, уже въ чинѣ лейтенанта (съ 1772 г.), въ теченіе двухъ лѣтъ плавалъ по Азовскому и Чёрному морямъ. Въ 1774 г. Т., находясь въ эскадрѣ вице-адмирала А. К. Сенявина на кораблѣ «Модошъ», участвовалъ въ сраженіи при защищѣ Керченского пролива отъ турецкаго флота, когда послѣдній, несмотря на превосходство силъ, привужденъ былъ отступить съ урономъ. После очищенія южныхъ береговъ Чёрнаго моря отъ испрѣтельскаго флота Т. получилъ въ командованіе галють «Верблюдъ» и на немъ свободно могъ плавать между Керчию и Балаклавою. Затѣмъ Т. командовалъ послѣдовательно «малымъ» бомбардирскимъ судномъ, бо-

томъ «Міусъ», снова тѣмъ же гальтомъ «Верблюдъ», кораблемъ «Модонъ», на которомъ состоялось его первое серьезное боевое крещеніе, и фрегатомъ «Седьмой» въ эскадрѣ капитана Н. А. Карташова, плававъ въ бассейнахъ Азовскаго и Чертаго морей, крейсировалъ у различныхъ береговъ послѣдняго, на кораблѣ «Азовъ» сдѣлалъ нѣсколько переходовъ изъ Керчи въ Таганрогъ и обратно, въ 1777 г., произведеній въ капитанъ-лейтенанты, былъ командированъ въ Москву за церковною утварью для церкви св. Николая въ Таганрогѣ, наконецъ, въ слѣдующемъ году получилъ командировку въ Изюмскую и Бахмутскую провинціи для описи лѣсовъ и промѣра глубинъ рѣки Донца. Оттуда онъ возвратился въ концѣ 1779 г. и тогда же былъ назначенъ командиромъ фрегата «Крымъ», на которомъ оставался до января 1787 г., когда вмѣстѣ съ производствомъ въ капитаны 1-го ранга (2-го ранга получилъ въ 1783 г.) переведенъ совѣтникомъ черноморской интенданской экспедиція. Слѣдующій чинъ — капитана бригадирскаго ранга Т. получилъ 8 июня 1790 г. и черезъ полгода былъ назначенъ на должность «oberштеръ-кригскомиссара»; наконецъ, 24 ноября 1796 г. онъ былъ произведенъ въ генераль-маиоры и прикомандированъ къ адмиралтейству-коллегіи, при которой и оставался до смерти.

„Общій морской списокъ“, ч. V, Спб. 1890, стр. 170—171.—Ф. Ф. Веселаго, „Очеркъ истории морского кадетскаго корпуса съ приложениемъ списковъ воспитанниковъ за 100 лѣть его существованія“, Спб. 1852.

Тверитиновъ, Дмитрий Евдокимовичъ, московскій еретикъ, родомъ изъ Твери, по которой и получилъ свое прозвище (настоящая фамилія его — Дерюнинъ), былъ сначала стрѣльцомъ, потому перешель въ чернослободцы. Въ Москву Т. переселлся въ 1692 г. и тамъ, чтобы спискать себѣ процитаніе, служилъ у иноzemцевъ разныxъ религій. Когда въ Нѣмецкой слободѣ въ 1700 г. Іоганномъ Грегори открыта была первая частная аптека, Т. поступилъ туда, съ цѣлью, по его словамъ, «исѣять науки у дохтуроў и лекарей». Природа одарила его пытливымъ умомъ и живою восприимчивостью; онъ былъ «между другими отъ натуры остроумиѣ и тщалївїе». Учась лекарскому искусству, Т. въ то же время живо

интересовался религіозными вопросами, жадно прислушивался къ разговорамъ въ этомъ смыслѣ, нѣрѣдко и самъ принималъ въ нихъ участіе. Это было время, когда свобода вѣрованія не испытывала особыхъ стѣсненій. Въ указѣ 1702 г. Петръ I объявлялъ: «Мы... совѣсти человѣческой привилегировать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его ответственность пещись о спасеніи души своей». Объ этомъ же говоривалъ и Т.: «Нынѣ у насть на Москвѣ, слава Богу, позволено всякому, кто какую вѣру избереть, такую и вѣруетъ». Понятно, что только при такихъ условіяхъ могло свободно развиться, а главное — свободно распространяться то ученіе, основателемъ котораго явился Т.

Понявъ, что съ его элементарнымъ образованіемъ далеко не уйти, и сгорая жаждою основательно познакомиться съ различными вѣрованіями, Т. не остановился передъ трудностью изученія латинскаго языка и, преодолѣвъ его, съ жаромъ набросился на чтеніе Библіи, катехизисовъ и разныхъ религіозныхъ трактатовъ. Въ результатѣ этого чтенія и постоянныхъ бѣстѣдъ съ образованными обитателями Нѣмецкой слободы онъ усвоилъ себѣ многія изъ протестантскихъ воззрѣй, которая впослѣдствіи развила и дополнила собственными домыслами. Т. отрицалъ авторитетъ церковнаго преданія, отвергалъ значеніе церкви съ ея іерархіей, соборами и св. отцами, говоря: «Я самъ церковь, во Христѣ всѣ — pari et ieremi»; признавая единственнымъ ходатаемъ Иисуса Христа, онъ видѣлъ заблужденіе во всякомъ посредничествѣ между человѣкомъ и Богомъ, въ ходатайствѣ ангеловъ, Богоматери и святыхъ, отвергая почитаніе ихъ; тѣмъ менѣе могло быть допустимымъ, по убѣжденіямъ Т., такое посредничество простого человѣка, почему онъ молитву за умершихъ считалъ почти кощунствомъ; отрицалъ сеѧ, даѣ, знаменія, чудеса, всѣ обряды, почитаніе иконъ, креста и мощей, посты, монашество и другія установленія церкви. Единственное, что онъ признавалъ и на чемъ строилъ какъ все свое отрицаніе, такъ и положительные выводы, былъ Ветхий и Новый Завѣтъ. Изъ этого видно, что протестантизмъ оказалъ большое и несомнѣнное вліяніе на складъ воззрѣй Т., однако его нельзя назвать простымъ послѣдователемъ и рас-

пространителемъ ученія средневѣковыхъ реформаторовъ, — протестантской доктрины. Отъ протестантизма возврѣнія Т. существенно отличалось тѣмъ, что онъ не принялъ основного доктринального принципа протестантовъ — объ оправданіи одною вѣрою, а напротивъ говорилъ, что человѣкъ спасается единственно по дѣламъ своимъ и заслугамъ. «Права вѣра — говорилъ онъ — отъ добродѣтели познавается»; спасеніе не въ доктринахъ, а въ жизни; отсюда его убѣжденіе, что «спастись можно во всѣхъ вѣрахъ», чemu онъ находилъ подтвержденіе и въ словахъ апостола: «Бояйся Бога и дѣлай правду во всякомъ языцѣ пріятенъ ему есть». Нѣкоторыми сторонами своихъ возврѣній онъ сходился съ sectой стригольниковъ, имѣвшей значительное распространение при Ioаннѣ III въ Новгородѣ и въ Москвѣ; къ такимъ сторонамъ относятся его неизменное признаніе церковной іерархіи, моленія ангеламъ, святымъ и «стихословіе похвалъ». Его аргументы противъ разныхъ церковныхъ установлений нерѣдко очень сильны и поражаютъ своею яркостью; видно, что они принадлежать не книжнику, черпающому свои доводы изъ различныхъ писаний и трактатовъ, а человѣку, самостоительно искашившему разрѣшенія мучившихъ его вопросовъ, размышлявшему надъ ними долго и настойчиво.

Возврѣнія Т. какъ нельзя болѣе подходили къ той эпохѣ, въ которой онъ жилъ, — эпохѣ преобразованій Петра, ломки старыхъ учрежденій и обычаевъ. Вполнѣ естественно, что и въ области религіи раздался протестъ противъ устарѣвшихъ и въ своей неподвижности застывшихъ формъ. Въ противоположность ученію другихъ секундантовъ, ученіе Т. не призывало къ оставленному прошедшему, а именно противъ него и противъ всего того, что отъ него еще осталось, возставало; его доктрина — протестъ русской старинѣ въ дѣлахъ церкви, именно въ дѣлахъ церкви, а не вѣры, протестъ, отрицаніе, реформа, почему она такъ и подходила ко всей дѣятельности Петра, и почему Петръ инстинктивно, безотчетно благоволилъ къ Т. Еще одно обстоятельство очень характерно для ученія Т. — въ немъ относительно очень мало мистицизма, неизмѣнного спутника ученій, возникающихъ въ моменты, такъ сказать, общественныхъ туниковыхъ; напротивъ, вполнѣ гармонируя съ духомъ времени, ученіе

Т. проникнуто значительной дозой здраваго смысла, реализма.

Т. пользовался всякимъ случаемъ, чтобы распространить свои возврѣнія. Если больной у него просилъ лекарства отъ болѣзни глазъ или зубной боли, онъ съ насыщенной совѣтовать ему сдѣлать серебряный глазокъ или зубокъ къ образу св. Ипатія или Антиохія чудотворца; если заставалъ больного за чтеніемъ церковной книги, то отговаривалъ отъ чтенія, утверждая, что въ Библіи находится все нужное для спасенія; при видѣ постной пищи, вооружался противъ постовъ; встречаясь съ людьми, интересовавшимися богословскими вопросами, заводилъ рѣчь о доктринахъ, отличавшихъ православную церквь отъ протестантской, и, смотря по обстоятельствамъ, то прямо критиковалъ православное ученіе, то притворялся сомнѣвающимися. Посвидѣтельству знающихъ его, человѣкъ «поглупый въ политикѣ», Т. имѣлъ «незатыкаемыя уста», любилъ говорить о богословскихъ предметахъ и говорилъ красно и убѣдительно. Его недюжинный даръ слова и манеру говорить официальный документъ, «Записка» объ его дѣлѣ, характеризуетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Онъ имѣетъ понравившее уклоненіе, мягко и весьма лѣстивое, такъ что уже и тѣломъ своимъ не можетъ быть не уклоненъ, не уступчивъ, не прегибателенъ на тотъ бокъ и на другой; та-ко же и шею свою и на то и на другое плечо полагаетъ, и самъ весь изгибается, и говорить очень вѣжливо, утѣшило, смы-хомъ растворяя; приступаетъ и уступаетъ и всячески мастеритъ, дабы тому, что съ кѣмъ говоритъ, пріятенъ былъ, и тако-вымъ понравіемъ такъ одаренъ, что едва разумѣю ему обрѣсти можно». Разсужденія Т. слушались «въ сладость», съ удовольствіемъ. Онъ самъ искалъ серьезныхъ противниковъ, съ которыми вступалъ въ споръ, и часто ходилъ въ славяно-греко-латинскую академію для диспутовъ какъ съ профессорами, такъ и съ воспитанниками ся. Сравнительно малообразованный человѣкъ, онъ владѣлъ такимъ стихійнымъ талантомъ діалектики, что изъ споровъ даже съ серьезнейшими противниками выходилъ побѣдителемъ. По словамъ той же «Записки» объ его дѣлѣ, онъ «едва не прельстилъ» архимадрита Златоустинского монастыря Антонія и «повредилъ» даже префекта славяно-греко-латинской академіи и учи-

теля философія Стефана Прибыловича, уѣхавшаго изъ Москвы съ «болѣзнями сердца», — съ сомнѣніями, посѣянными въ немъ Т. Однажды пригласилъ его къ себѣ для преній сенаторъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ, почитавшій себя и другихъ почитаемый за человѣка весьма начитаннаго въ богословіи. Т. однако «переговорилъ его такъ скоро, что мѣвъ чѣмъ въ четверть часа заставилъ его замолчать». Тѣмъ сильнѣе, было, конечно, влияніе его на людей малосознанныхъ. Въ спорахъ онъ выдвигалъ преимущественно собственный разсужденія, но не пренебрегалъ и текстами изъ всященнаго писанія, которое зналъ почти сплошь напазусть. Въ особыхъ тетрадяхъ онъ собралъ до 500 наиболѣе характерныхъ текстовъ, раздѣливъ ихъ на группы въ доказательство отдѣльныхъ свойствъ мнѣній и каждую группу отмѣтивъ особенными надписями, вродѣ слѣдующихъ: «О идолѣхъ языческихъ» — противъ иконопочитанія, «О тлѣніи человѣческаго естества» — противъ честивоїя мощей, и др. Эти тетради выѣсты съ переведеніемъ на русскій языкъ «Лютеровыи катехизисомъ» онъ даваль читать и списывать. Въ переднемъ углу комнаты, гдѣ жилъ Т., находился листъ съ начертанными на немъ первыми двумя заповѣдями, непонятно почему выдвинутый позже противниками Т. какъ главная улика противъ него въ ереси.

12 лѣтъ спокойно прожилъ Т. въ Москвѣ. Въ теченіе этого времени онъ пріобрѣлъ не одну тысячу послѣдователей какъ въ древней столицѣ, таѣ и въ другихъ мѣстахъ. Многіе сами распространяли его ученіе. Наиболѣе ревностными и способными его послѣдователями были его двоюродный братъ Фома Ивановъ, фискалъ Михайло Андреевъ Косой, воспитанникъ славяно-греко-латинской академіи Ивашка Максимовъ и шуринъ Т., Петръ Олісовъ, позже ставшій его противникомъ и всічески добивавшійся, честными и нечестивыми мѣрами, его осужденія. Правительственные лица были хорошо осведомлены объ его мнѣніяхъ, но долгое время оставляли его въ покое, вѣроятно въ виду упомянутаго указа Петра о вѣротерпимости. Однако, благодаря донесамъ и проискамъ упомянутаго Петра Олісова и другихъ противниковъ Т., духовенство зорко следило за нимъ, а въ 1713 г. рѣшилось начать противъ него слѣдственное дѣло по обвиненію

въ ереси. Первымъ былъ схваченъ Ивашка Максимовъ, а затѣмъ по оговорамъ послѣдняго — Т. и другіе его послѣдователи. Главнымъ двигателемъ этого дѣла о «новыхъ московскихъ философахъ» или «московскихъ вольнодумцахъ» былъ мѣстоблюститель патріаршаго престола Стефанъ Яворскій. Не ожидая даже окончанія слѣдствія, онъ въ маѣ того же 1713 г. произнесъ проповѣдь, направленную противъ Т. и его ученія и исполненную рѣзкихъ и не всегда справедливыхъ нападокъ. И началъ и кончилъ мѣстоблюститель свою проповѣдь текстомъ: «Отче святый, соблюди ихъ во имя Твоего... да будутъ едини, яко же и мы», съ чѣмъ въ кричащемъ противоречіи находится вся его послѣдующая дѣятельность въ этомъ дѣлѣ. Слѣдствіе о послѣднемъ велось духовнымъ начальствомъ прі осѣданіи Преображенскаго приказа. Кабъ Т., таѣ и схваченные его послѣдователи были признаны виновными. Т. и Косому какимъ-то образомъ удалось ускользнуть изъ Преображенскаго приказа и бѣжать въ Петербургъ, гдѣ они жаловались кн. Як. Фед. Долгорукову, обѣщавшему имъ свое покровительство. Когда изъ Преображенскаго приказа въ Петербургѣ было получено требование выдать Т., то за него заступились многіе влиятельные сановники: Долгоруковъ, сенаторъ Мих. Самаринъ и Тих. Никит. Стрѣшневъ, александро-нѣвскій архимандритъ Феодосій и др., все лица, не любившія Яворскаго. По просьбѣ Долгорукаго, Петръ въ августѣ, несмотря на всѣ хлопоты Яворскаго, приказалъ дѣло о Т. и его послѣдователяхъ изѣять изъ Преображенскаго приказа и передать на новое разсмотрѣніе въ сенатъ. Только благодаря этому Т., по выражению автора «Молотка на Камень вѣры», «избѣгъ меча», ибо сенатъ, выслушавъ всѣхъ обвиняемыхъ, объявили ихъ себя православными, а когда-либо произнесенныя «дерзкія слова» объяснившихъ или спорами для упражненій въ латинскомъ языкѣ, или еще проще — опьяненiemъ, не нашелъ въ дѣлѣ чѣго-либо серьезнаго. Примѣчательно, что изъ всѣхъ обвиняемыхъ Т. оправдался вполнѣ всего. Указомъ Петра отъ 3 июня 1714 г. было повелѣно товарищѣ Т. по дѣлу послать въ Москву къ Яворскому, и «хотя они и сказали, что пребываютъ въ иправославіи, однако все еще ихъ освидѣтельствовать духовно, истинно ли они православную вѣру содержать и

если явится, что истинно, то... въ торжественный день, въ соборной церкви велѣть имъ самимъ о себѣ объявить, что они въ православной вѣрѣ пребываютъ твердо, дабы тѣмъ обѣ виахъ народное мнѣніе искоренить». Что же касается Т., то никакимъ предварительнымъ испытаниемъ подвергать его не найдено было нужнымъ, и митрополиту Стефану въ томъ же приказѣ прямо предписывалось «всенародно объявить, что онъ, Димитрій, ... въ церковныхъ догматахъ противления никакого не имѣтъ... и въ Петербургѣ св. тайнъ причаститися сподобленъ, дабы тѣмъ объявленіемъ обѣ немъ, Димитрію, прежнее всенародное мнѣніе искоренить и учинить его свободна». Такимъ образомъ, Петръ, удовлетворившись отречениемъ Т. отъ еретическихъ мыній, категорически предписывалъ Яворскому присоединить его къ православной церкви и «учинить свободна». Однако Стефанъ, вопреки царской волѣ, поступалъ иначе: и Т., и его единомышленниковъ онъ подъ крѣпкимъ карауломъ заключилъ по монастырямъ, снова начальственное дѣло о нихъ и обнародовалъ «увѣщаніе къ православнымъ», приглашая всѣхъ, кто что-либо о нихъ знаетъ, объявить о томъ, донести «освященному собору, а кто утаитъ—будетъ подъ соборною клятвою». Яворскій считалъ себя въ правѣ возобновить дѣло потому, что къ нему поступили будто бы новые документы, съ несомнѣнностью свидѣтельствующіе о виновности Т., но если бы это было такъ, то не было никакой надобности обращаться съ возваніемъ о доносахъ. Документы, на которые ссылался Яворскій, были—тетради Т. съ текстами изъ циславія и его таблица съ первыми двумя заповѣдями, но первая изъ нихъ и раньше были въ рукахъ слѣдственной власти, а вторая ни съ какой стороны не могла послужить обвинительнѣмъ матеріаломъ. Мотивы, побудившіе мѣстоблюстителя продолжать это дѣло, слѣдуетъ искать въ другой плоскости: это былъ одинъ изъ эпизодовъ борьбы духовной власти съ свѣтской изъ-за преобладанія въ сферѣ духовныхъ дѣлъ. Волявшейся царя, чтобы вести съ нимъ борьбу открыто, нерѣшительный Яворскій ухватился за это дѣло, въ которомъ формально право было на его сторонѣ, потому что наличность отклоненія Т. отъ православія являлась несомнѣнной, но сила была на сторонѣ Петра.

Доносчики, конечно, нашлись, хотя показанія ихъ ничего нового и существеннаго къ уже известному не прибавили. Т., заключенный въ Занконоспасскій монастырь, обратился съ жалобою къ Петру на дѣйствія Яворскаго, но мѣстоблюститель задержалъ ее. Сильно повредилъ своимъ товарищамъ Отома Ивановъ, находившійся на покаяніи въ Чудовомъ монастырѣ: доведенный до отчаянія крутымъ обращеніемъ съ нимъ, онъ разѣкъ косаремъ въ церкви образъ св. Алексія чудотворца, за что позже былъ сожженъ. Яворскій по обыкновенію снова выступилъ противъ Т. и его единомышленниковъ въ рядѣ проповѣдей и въ одной изъ нихъ, не дожидаясь решения собора, предалъ ихъ анаѳемѣ. Московскому собору оставалось только присоединиться къ решенію его главы, что онъ и сдѣлалъ, въ 1714 г. предавъ еретиковъ проклятию и отдавъ ихъ гражданскому суду. Но прежде чѣмъ гражданскій судъ произнесъ свой приговоръ надъ Т. и его «богопротивной компаніей», дѣло о немъ опять было потребовано въ Петербургъ, чего добился кн. Долгоруковъ, спѣциально изъ-за этого на время переселившись въ Москву и внимательно слѣдившій за дѣйствіями Яворскаго. Петръ приказалъ и самому Яворскому явиться въ Петербургъ «къ отвѣту о бывшемъ соборѣ» и за неисполненіе царскаго указа объ освобожденіи Т. Въ мартѣ 1715 г. дѣло Т. вновь рассматривалось въ сенатѣ и прияло совершенно неблагопріятный оборотъ для мѣстоблюстителя, такъ что однажды «сенаторы съ великимъ отвѣтомъ и жалѣмъ изгнали его вонъ». Изъ обвинителя Яворскій превратился въ обвиняемаго. Т. къ тому же представилъ некоторые документы, изъ которыхъ явствовало, что мѣстоблюститель самъ относился, по крайней мѣрѣ въ прошломъ, сочувственно къ протестантизму. По указу Петра отъ 22 февраля 1715 г. Т. былъ отданъ одному изъ архіерѣвъ «въ служенію при его домѣ... дабы не поколебимъ вѣрѣ». Въ 1718 г. онъ былъ освобожденъ на поруки, и впослѣдствіи, окончательно отрекшись отъ своихъ возврѣній, ходатайствовалъ о полномъ прощеніи. Синодъ въ 1723 г. опредѣлилъ разрѣшить его отъ церковнаго проклятия, и онъ былъ принятъ въ церковное общеніе.

Литературнымъ памятникомъ религіоз-

наго броженія, связанныго съ именемъ Т., остались три полемическихъ сочиненія: первое — Стефана Яворскаго, вышедши уже послѣ его смерти извѣстный «Камень вѣры»; второе — «Рожнецъ духовный», написанный шуриномъ Т., Петромъ Олисомъ, въ иночествѣ Пафнутіемъ; третье — «Молотокъ на Камень вѣры», направленный, какъ видно изъ названія, противъ сочиненія Яворскаго; авторъ «Молотка» неизвѣстенъ.

Слѣдственное дѣло о Т. находится въ Московской синодальной библіотекѣ, № 58.—Записка о дѣлѣ Тверитинова, составленная Леонтиемъ Магницкимъ, въ «Памятникахъ древней письменности», Спб. 1882, стр. I—XII, I—V, 1—272.—Тетради Т. и выдержки изъ слѣдственного дѣла о немъ напечатаны въ «Православія. Обозр.», 1863, № 8.—Митроп. Стефанъ, «Камень вѣры», съ предисл. Феодо-лакта Лопатинскаго, М. 1728, 1729 и 1730 (три изданія).—Инокъ Пафнутій, «Рожнецъ духовный», рукопись въ Московскомъ Публичномъ музѣѣ, № 1226 (безъ указанія имени автора).—И. Чистовичъ, «Незадавнымъ проповѣди митропол. Ст. Яворскаго», «Христіанск. Чтеніе», 1867.—«Описаніе документовъ и дѣлъ архива св. Синода», т. I и II (помѣщена часть протоколовъ сенатскаго суда и приведены некоторые официальные документы).—Сборникъ Русск. Историч. Общества», т. XI, стр. 301.—Ф. Терновскій, «Мѣстоблюститель патріаршаго престола, митрополитъ рязанскій Стефанъ Яворскій и Димитрій Тверитиновъ», «Прибавленія къ твореніямъ св. отцовъ», ч. XXI, Москва 1862.—Его же, «Митрополитъ Стефанъ Яворскій», «Труды Киевской Духовной Академіи», тт. I—II.—Его же, «Московскіе еретики въ царствованіе Петра I», «Православное Обозрѣніе», 1863, № 4, стр. 305—347; № 5, стр. 111—135; № 6, стр. 323—338.—Его же, «Рожнецъ духовный» и «Камень вѣры». Два полемическихъ сочиненія противъ московскихъ еретиковъ», тамъ же, 1863, № 12.—«Памятники древней письменности. Дѣло Тверитинова», тамъ же, 1883, № 8.—Д. Извѣковъ, «Проповѣдническая и противопротестантская литература на Руси», тамъ же, 1871, № 1, стр. 80—90.—Его же, «Изъ истории богословской полемической литературы XVIII вѣка», тамъ же, 1871, № 8.—Н. Тихонравовъ, «Московскіе вольнодумцы начала XVIII в. и Стефанъ Яворскій», «Русскій Вѣстникъ», 1870, № 9; 1871 г., №№ 2, 6 (перепечатано въ «Собраниі сочиненій», т. II, Москва 1898).—Н. Покровскій, «Борьба съ протестантскими идеями въ петровское время», тамъ же, 1872, № 9.—Протоіерей И. Моревъ, «Камень вѣры», Стефана Яворскаго, его мѣсто среди отечественныхъ противопротестантскихъ сочиненій и характеристической особенности его догматическихъ возврѣній», Спб. 1904.—Его же, «Митроп. Стефанъ Яворскій въ борьбѣ съ протестантскими идеями своего времени», Спб. 1905.—Чистовичъ, «Феоданъ Прокоповичъ и

его время», Спб. 1868, стр. 415.—В. В. Андреевъ, «Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи», Спб. 1870, стр. 241—263.—Филаретъ, «Исторія русской церкви», періодъ IV.—П. Знаменскій, «Руководство къ русской церковной исторіи», Казань 1888.—А. Добролюбовскій, «Руководство по исторіи русской церкви», вып. IV, Москва 1893.—Устряловъ, «Исторія Петра Великаго», т. VI.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. 1866, т. XVI, стр. 336—344; изд. 2-е, т.-ва «Общество Польза», кн. IV, стр. 256—262.—«Московскій Вѣдомости», 1883, № 108.—Энциклопедич. словарь «Брокгауза—Ефрона», 1-е изд., т. 32, стр. 708—709.

Тверитиновъ, Сергій Александровичъ, генераль-лейтенантъ; родился въ 1820 г.; воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ; въ 1842 г. произведенъ въ гардемаринъ, а два года спустя въ мичманы и оставленъ въ офицерскомъ классѣ. Ближайшіе затѣмъ годы на фрегатѣ «Отважность» и яхтѣ «Нева» плавалъ въ Балтийскомъ морѣ; въ 1848 г. переведенъ въ Черноморскій флотъ; на корабль «Три Іерарха», на транспортѣ «Мамай», фрегатѣ «Кудевчи», пароходо-фрегатѣ «Бессарабія» и бригѣ «Птоломей» въ кампаніи 1849—1853 гг. то крейсировалъ по Черному морю, то несъ охранительно-береговую или транспортную и продовольственную службу. Въ 1853 г. на «Бессарабіи» участвовалъ въ синопскомъ сраженіи, за которое былъ награжденъ Аянной 3-й степени и годовымъ окладомъ. Во время Севастопольской обороны сначала находился на рейдѣ, съ 18 сентября 1854 г. по 27 марта слѣдующаго былъ въ гарнизонѣ, на бастионѣ Корнилова и на редутѣ Камчатка, причемъ на послѣднемъ 26 мая былъ раненъ штыдерною пулей въ голову и осколкомъ бомбы въ грудь, но скоро оправился и состоялъ по особымъ порученіямъ при Нахимовѣ во время бомбардировокъ. За Севастополь награжденъ Владиміромъ 4-й и Аянной 2-й степени и золотою полусаблей съ надписью «За храбрость». Въ апрѣль 1857 г., будучи въ чинѣ капитанъ-лейтенанта и оставаясь въ морскихъ спискахъ, былъ переведенъ на гражданскую службу — сначала николаевскимъ городничимъ (въ Самарской губ.), потомъ самарскимъ поліцеймейстеромъ. Въ сентябрѣ 1864 г., въ чинѣ капитана 2-го ранга (съ 1862 г.) назначенъ старшимъ адъютантомъ въ штабъ войска Оренбургскаго края по части оберъ-квартирмейстера для завѣдыванія отдѣленіемъ по аральской флотилии. 27 марта

1866 г. повышенъ въ капитаны 1-го ранга и въ ноябрь слѣдующаго года назначенъ на должность Гурьевскаго уѣзда начальника, а также предсѣдателемъ организаціонной комиссіи по введенію новаго положенія между киргизами въ Гурьевскомъ уѣздѣ. Осенью 1870 г. находился въ Киргизской степи начальникомъ военнаго отряда для усмиренія адаевцевъ и уничтоженія хищныхъ шакѣвъ, а также для повѣрки пригодности мѣстности при озерѣ Масме, избранной подъ укрѣпленіе. Съ 7 апрѣля по 9 октября 1871 г. командовалъ отрядомъ, посланнымъ на нижнюю Эмбу для постройки укрѣпленія на рѣкѣ Масме и для изысканій пути въ Хиву. Въ августѣ этого же года назначенъ предсѣдателемъ временнаго совѣта по управлению внутреннею киргизскою ордою. 31 марта 1874 г. переименованъ въ военный чинъ и повышенъ въ генералъ-маиоры съ зачисленіемъ по адмиралтейству, где и числился до апрѣля 1884 г., когда вмѣстѣ съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты былъ уволенъ отъ службы. Умеръ 20 марта 1885 г. Высшей наградой имѣлъ орденъ св. Станислава 1-й степени.

Общий морской списокъ, ч. XII, Спб. 1900, стр. 11—13.

Тверскіе великие и удельные князья — могущественный и многочисленный княжеский родъ древней Руси, въ теченіе почти двухъ съ половиною столѣтій стоявшій во главѣ великаго княжества Тверскаго, отъ названія котораго и получилъ свое собирательное имя. О времени основанія центральнаго пункта Тверскаго княжества, Твери, въ старину писавшійся также Тферью и Тьферью, мнѣнія варьируютъ; одни историки относятъ это событие къ 1181 г., когда Всеялодъ Юрьевичъ Большое Гнѣздо для охраненія своихъ владѣній отъ набѣговъ новгородской вольницы поставилъ при устьѣ Тверцы (это имя рѣка пріобрѣла впослѣдствіи) крѣпостцу, которая позже, около 1240 г., съ низменнаго и потому часто заливаемаго водою лѣваго берега Волги была перенесена на правый, нагорный берегъ. Этому предположенію о сузdalскомъ происхожденіи Твери, основанному на нѣкоторыхъ, впрочемъ не совсѣмъ опредѣленныхъ лѣтописныхъ данныхъ, противополагается другое мнѣніе,

впервые высказанное проф. Бѣляевымъ и основывающееся на историческихъ соображеніяхъ общаго характера. Не отрицаю того, что крѣпостца Тверь дѣйствительно заложена въ 1181 г.; проф. Бѣляевъ, а за нимъ и другие историки считаютъ вполнѣ вѣроятнымъ, что основаніе крѣпостцы на лѣвомъ берегу Волги предшествовало основанію на правобережной сторонѣ торгового поселенія, начало которому значительно раньше было положено новгородцами; сохранилась даже грамота отъ 1134 или 1135 г., въ текстѣ которой упоминается «тверской гость», изъ чего слѣдовало бы сдѣлать рѣшительное заключеніе о существованіи Твери уже въ это время, если бы подлинность грамоты не подлежала сомнѣнію. Въ общемъ можно считать установленнымъ, что въ концѣ IX или въ началѣ X вѣка новгородцами на принадлежащемъ имъ тогда правомъ берегу Волги основано торговое поселеніе, которое никакой политической роли не играло и потому лѣтописями обходилось молчаніемъ, а затѣмъ въ первой четверти XII вѣка на противоположномъ берегу сузdalскими князьями заложена была крѣпость, позже перенесенная на правый берегъ, послѣ покоренія послѣдняго Владимѣрскимъ княжествомъ. Первое вполнѣ опредѣленное лѣтописное слово о Твери относится къ 1209 г. въ связи съ раздорами между Новгородомъ и вел. кн. Всеялодомъ, сынъ котораго Константинъ ходилъ на Горжокъ и затѣмъ, согласно Лаврентьевской лѣтописи, — «возвратиша съ Тьфери», а Воскресенская лѣтопись, говоря о томъ же, выражается еще яснѣ — «сынове Всеялоды отошли суть на Тверь въ Владимѣръ ко отцу своему».

Въ началѣ XIII в. Тверь несомнѣнно принадлежала владимѣрско - сузdalскимъ князьямъ и прымкала къ Переяславльскому удѣлу; это видно, наприм., изъ того, что приглашенный къ себѣ новгородцами и до того сидѣвшій въ Переяславльѣ Ярославъ Всеялодовичъ, прибылъ въ Новгородъ и схвативъ новгородского тысяцкаго Лкуна Зуброминича и новоторжскаго посадника Фому Добромича, «поточи я пѣ Тверь», и позже, когда тотъ же Ярославъ поссорился съ Новгородомъ, «его мужи, собравши тверичь, путь отъ Новгорода засѣкоша и рѣку Тверцу», т. е. препятствовали подвозу въ Новгородъ товаровъ и

жизненныхъ припасовъ; наконецъ, вставшій на защиту новгородцевъ кн. торопецкій Мстиславъ Удалый, получивъ отъ Ярослава отказъ заключить съ Новгородомъ миръ и прекратить враждебныя дѣйствія, отомстилъ Ярославу походомъ на ту же Тверь, Ярославъ же, «сдышавъ, оже грабятъ тверское», иде съ Торжку во Тверь, результатомъ чего былъ известный Лицецкій бой. Приведенные данные съ достаточностью опредѣленностью свидѣтельствуютъ о томъ, что Тверь въ указанное время принадлежала къ отчинѣ Ярослава, т. е. къ Переяславльскому удѣлу. Съ другой стороны, выраженіе «грабятъ тверское», по толкованію новѣйшихъ историковъ, равносильно выраженію «грабятъ Тверской край» и указываетъ на видное положеніе Твери уже въ это время, возвысившейся до того, что ея именемъ обозначается цѣлый край. Послѣ 1216 г., т. е. со времени опустошенія Мстислава, Тверь почти совсѣмъ не упоминается до эпохи нашествія татаръ, когда и она и прилегающій къ ней край были сильно опустошены.

Начало самостоятельного существованія Тверского княжества нужно отнести къ 1245—1247 гг. Ярославъ Всеволодовичъ, послѣ смерти своего брата сдѣлавшійся великимъ княземъ Владимірскимъ, отдалъ прежній свой удѣль, Переяславль, сыну Александру (Невскому), а Тверь—другому сыну, Ярославу Ярославичу, который и является первымъ самостоятельнымъ тверскимъ княземъ. Во вновь образовавшемся княжествѣ, помимо самой Твери, вошли еще слѣдующіе болѣе крупные населенные пункты: Кашинь, Микулинъ, Холмъ, Ржева, Зубцовъ, Новый Городокъ (Старица).

Пространство, занимаемое Тверскимъ княжествомъ, относительно было небольшое—около 140—150 верстъ въ длину и отъ 20 до 85 верстъ въ ширину. Тѣмъ не менѣе, уже на первыхъ порахъ своего существованія Тверь пріобрѣла исключительное положеніе среди другихъ княжествъ древней Руси, чѣму способствовали, съ одной стороны, ея военные успѣхи, и съ другой—то обстоятельство, что первые тверскіе князья были вмѣстѣ съ тѣмъ и великими князьями Владимірскими. О значеніи тверскихъ князей можно судить и по тому, что многіе изъ нихъ одновременно княжили и въ богатомъ и могущественномъ Великомъ Новгородѣ, иногда приводя

его свободолюбіе подъ свою волю, а Новгородъ, какъ известно, праглашалъ къ себѣ въ князья только самыхъ сильныхъ изъ Рюриковичей. Въ началѣ XIV в. соперницей Твери выступаетъ Москва. Съ этого времени между двумя сильнейшими сѣверно-русскими княжествами — Тверскимъ и Московскімъ—начинается жестокая и упорная борьба, видимымъ объектомъ которой являлось великое княжество Владимірское, а истиннымъ — политическое преобладаніе, политическая гегемонія. Борьба продолжалась около 180 лѣтъ, вначалѣ съ перемѣнами успѣхомъ для той и другой стороны, даже скорѣе съ большими успѣхомъ для Твери, князья которой продолжали еще долгое время оставаться Владимірскими великими князьями и вершить дѣла на Сѣверной Руси по своей волѣ; но потомъ, при московскомъ князѣ Иванѣ Калитѣ и особенно при Дмитріи Донскомъ, чаша вѣсовъ склонилась на сторону Москвы, и Тверь потеряла свое первенствующее положеніе, а въ 1486 г. она совсѣмъ была покорена и поглощена своей соперницей.

Тверское княжество на своей территории дало начало нѣсколькимъ удѣльнымъ княжествамъ, въ отличіе отъ которыхъ оно стало называться великимъ,—эпитетъ, который перешелъ и къ самимъ князьямъ, сдѣвшимъ на тверскомъ столѣ. Впервые въ особый удѣль вышелъ Кашинь, который около 1319 г. достался младшему сыну Михаила Юрьевича—Василію. Кашинские князья—единственно изъ всѣхъ удѣльно-тverскихъ князей добились выдающагося положенія и настолько усилились, что вели, и не безъ успѣха, борьбу даже съ Тверью. Почти одновременно съ Кашинскимъ возникли и другіе удѣлы на Тверской землѣ: Холмскій—первый князь Всеволодъ Александровичъ (14), Микулинскій—Михаиль Александровичъ (26), Зубцовскій—Борисъ Александровичъ (7), Дорогобужскій—первый князь неизвѣстенъ, вѣроятно, Константинъ Михайловичъ (24). Удѣльно-тverские князья Холмскіе, Микулинскіе, отъ которыхъ позже обособились кн. Телляжескіе съ удѣломъ того же имени, затѣмъ кн. Зубцовскіе, удѣль которыхъ какъ выморочный вскорѣ снова вошелъ въ собственно Тверское княжество,—играли роль второстепенную и въ договорныхъ грамотахъ всегда фигурируютъ какъ «молодшая

братія» Тверскихъ князей. Наконецъ, кн. *Дорогобужские* и произошедшіе отъ нихъ кн. *Чернятинские*, за исключениемъ Еремы Константиновича (изъ числа первыхъ), въ исторіи Твери вообще почти никакой роли не играютъ и даже въ лѣтописяхъ встречаются рѣдко.

I. Родословия. А. Рукописныя: Въ Архивѣ министерства иностраннныхъ дѣлъ въ Москвѣ № 84/110 (4°, гл. 8), 174/280 (F^o, гл. 8), 187/296 («Родословная книга о великихъ князехъ отъ Августа Кесаря Римскаго и о великихъ князехъ великихъ Россіи Московскаго государства и о удѣльныхъ князехъ», 4°), 222/383 («Родословецъ», 4°), 592/1094 («Родословецъ русскихъ великихъ князей и удѣльныхъ князей русскихъ»); въ Импер. Публичн. ббліотекѣ — Q, IV, № 47, 102 (гл. 8), 272; тамъ же, въ отд. древнехранилища М. П. Погодина — № 1518 («Лѣстница великихъ государей и великихъ князей русскихъ») и 1604; въ ббліотекѣ Имп. академіи наукъ — № 29 (4°, гл. 8—9), 31 (4°) и 37 (F^o); въ Моск. обществѣ исторіи и древностей россійскихъ — № 177, 178 и 179 (4°, гл. 10). — Б. Издания: «Родословная книга въ трехъ спискахъ, спомодальному и двумъ другимъ», изд. «Времен. Импер. Моск. общ. истор. и древн. Россійск.», кн. X, Москва 1851.— «Родословная книга князей и дворянъ россійскихъ и выѣзжихъ» («Бархатная книга»), ч. II, Москва 1787, гл. 7.— М. Г. Сиридовъ, «Сокращенное описание службъ благородныхъ россійскихъ дворянъ», Москва 1810.— Т. Малыгинъ, «Зерцало россійскихъ государей», изд. 3-е, Спб. 1791.— «Родословная книга великихъ и удѣльныхъ князей рода Рюрикова», въ «Запискахъ касательно россійской исторіи», ч. V, Спб. 1793.— И. Жанти, «Родословная царей и князей русскихъ... съ присоединеніемъ хронологическихъ таблицъ», Тифлісъ 1888.— И. Стровъ, «О родословіи владѣльныхъ князей русскихъ», «Сынъ Отечества», 1844, ч. XIV, и «Жизнь и труды П. М. Строва».— (Приписаніемъ Екатеринѣ II) «Родословникъ князей великихъ и удѣльныхъ рода Рюрикова», Спб. 1793.— Л. Митонъ, «Родословная владѣльныхъ россійскихъ князей по расписямъ Н. М. Карамзина», Спб. 1821.— И. Шиловъ, «Родословные таблицы», въ «Ключѣ, или алфавитномъ указателѣ къ Истории Россіи Соловьеву».— И. Хавскій, «О родословныхъ расписяхъ потомства всл. кн. Рюрика», «Сѣверная Пчела», 1835, № 135.— Эрмеригъ, «Общий обзоръ родовъ, произошедшихъ отъ вел. кн. Рюрика».— Кн. Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», 2 т.— Кн. П. Долгоруковъ, «Россійская родословная книга», т. I, Спб. 1854.— П. Н. Петровъ, «Для немногихъ; специальная замѣтка по генеалогіи, исторіи, археологіи и искусству», Спб. 1871.— Его же, «Исторія родовъ русского дворянства», т. I, Спб. 1885.— Н. Головинъ, «Родословная распись потомковъ вел. кн. Рюрика», Москва 1851.— В. Дурасовъ, «Родословная книга всероссійского дворянства», ч. I, Спб. 1906, отд. I, гл. 2.— Барсу-

ковъ, «Обзоръ источниковъ и литературы русского родословія».

II. Лѣтописи и акты: «Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей», т. I, II, IV, V, VI, VII, VIII, XV.— «Никоновская лѣтопись», т. I, II—V.— «Собрание Государств. Грамотъ и Договоровъ», т. I, №№ 31, 38, 56—59, 67, 86, 97, 98, 110, 111, 124, 138, 144, 151, 187.— «Акты Археограф. Экспедиціи», т. I, № 78.— «Дополненія къ Актамъ Историч.», т. I, № 3.— «Акты Западной Россіи», т. I, №№ 33, 50, 51, 71.— «Микулинская лѣтопись», составленная по древнимъ актамъ, Москва 1854.— «Хоженіе за три моря (тверского гостя) Афанасія Никитина», изд. И. И. Срезневскимъ въ «Учен. Записк. 2-го отдѣл. Академіи Наукъ».— Матвѣй Мѣховскій, «Descriptio Sarmatarum Asiae et Europiana et eorum quae in eis continentur», кн. II, глава «De Moscovia» (критич. разборъ въ ст. «Матвѣй Мѣховскій и его сочинение „О двухъ Сарматіяхъ“, „Отечеств. Запискѣ“», 1854 г., т. III).— Adelung, «Augustin Freiher von Meyerberg und seine Reise nach Russland», съ прилож. атласа рисунковъ, на 26 листѣ которого изображенъ гербъ Тверского княжества, а на 27 л. — видъ древней Твери.— «Библиотека иностраннѣхъ писателей о Россіи», главы о Кампензе и о Навѣ Іоаннѣ.— «Спомінки Старца-Успенского монастыря», «Журналъ 17-го засѣданія Тверск. учен. арх. ком.», 3 авг. 1888 г. въ «Тверск. Губ. Вѣд.», 1888, № 86.

III. Пособія общаго характера и отдельные статьи. Н. Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійскаго», изд. Эйлерлинга, Спб. 1843 г., т. I—IX.— С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. 1-ва, «Общ. Полъза», кн. I—II.— В. Татищевъ, «Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ», т. I—III.— Бестужевъ Рюминъ, «Русская исторія», т. I.— Былевъ, «Разсказы изъ русской исторіи», т. II.— Его же, «Русская земля передъ прибытиемъ Юрика», стр. 87—88.— Его же, «Географіческія свѣдѣнія на Руси», «Записки Русск. Географич. Общ.», 1852, т. VI, стр. 52.— Костомаровъ, «Сѣверо-русскія народоправства», т. I.— В. С. Борзаковскій, «Исторія Тверскаго княжества», Спб. 1876, стр. 269+152.— А. В. Экземплярскій, «Великие и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскій периодъ», Спб. 1891, т. I, стр. 444—557.— Барсовъ, «Очерки русск. историч. географії», стр. 165.— Соловьевъ, «Географіч. извѣстія о древней Россіи», «Современникъ», 1853, т. 86, стр. 111.— «Списки населенныхъ мѣстъ въ Тверской губерніи», т. I—XXV.— «Краткое описание Тверской губерніи», Тверь 1847, стр. 48—49.— В. И. Покровскій, «Истор.-статистическое описание Тверской губ.», т. I, Тверь 1879.— «Остатки старины въ Тверской губ.», «Тверск. Губ. Вѣд.», 1865, № 10.— «Тверскія древности», тамъ же, 1845, прибавл. къ № 1.— «Происшествія въ Россіи, современныя построению Твери», тамъ же, 1840, № 27.— Европеусъ, «О курганныхъ раскопкахъ около погоста Бѣжецъ въ Бѣжецкомъ у. Тверской губ.», «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1872, № 12.— Сахаровъ, «Обозрѣніе русской археологии», «Записки Русско-Слав. Археологіи», т. I, стр.

9.—Чертковъ, „Описаніе древнихъ русскихъ монетъ“, Москва 1834.—Рейхель, „Дополн. къ русск. нумизматикѣ“, „Записки Академіи Наукъ“, т. I, стр. 28.—Энциклопед. и справочные словари Плюшара, Верезина, Крайя-Старчевского, т.—ва „Просвѣщеніе“, Брокгауза-Ефрона, с. v.

IV. Объ отдельныхъ городахъ и княжествахъ.

А) О Кашинскомъ княж.: Проф. Иноzemцевъ, „Удѣльные князья Кашинские“, „Чтения Моск. общества истор. и древн. Россійск.“, 1873, № 4.—Б) О Калязинѣ — „Записка о городе Калязинѣ“, „Архивъ историч. свѣдѣній“ Калачова, т. II.—Ратчинъ, „Полное собраніе свѣдѣній о русскихъ монастыряхъ“.—И. Некрасовъ, „Зарожденіе національной литературы въ Сѣверной Руси“, Одесса 1870.—В) О Ржевѣ: Статья проф. Цеплина въ „Сѣвери. Архивѣ“, 1882, ч. IV.—Г) О Михулии: „Историческая записка о селѣ Михулино-Городище“, Тверь 1852.—Мартыновъ, „Русская старина въ памятникахъ церковного и гражданского зодчества“, т. I, тетр. 11.

I. Тверскіе князья.

1. Александръ Ивановичъ, средній изъ троихъ сыновей Ивана Михайловича (22), двѣнадцатый князь на тверскомъ столѣ, родился около 1380 г. Первое лѣтописное слово о немъ относится къ 1390 г., когда онъ находился въ числѣ встрѣчавшихъ митрополита Кипріана, приглашенного въ Тверь Михаиломъ Александровичемъ (26), дѣдомъ А. И., для суда надъ тверскими владыкою Евгениемъ. Въ 1399 г. А. И., по завѣщанію Михаила Александровича, получилъ совмѣстно со своимъ отцомъ Тверь и рядъ другихъ городовъ, но такъ какъ Иванъ Михайловичъ, ставъ великимъ княземъ, владѣлъ всѣми полученными для себя и сыновей нераздѣльно, то А. И. никакого удѣла не имѣлъ. Только въ 1402 г. ему отказалъ свою часть удѣла Иванъ Всеvolодовичъ холмскій, и съ этого времени вплоть до мая 1425 г. А. И. является въ сущности княземъ холмскимъ. Сдѣлавшись удѣльнымъ княземъ, онъ сталъ принимать замѣтное участіе въ тогданихъ политическихъ событияхъ, главнымъ образомъ въссорахъ отца съ его братомъ Василиемъ Михайловичемъ (11) кашинскимъ въ сношніяхъ первого съ Литвою. Например, въ 1403 г. онъ, по порученію отца, ходилъ съ тверскими полками на Кашинъ и завладѣлъ имъ, а въ слѣдующемъ 1404 г. былъ подъ Смоленскомъ, въ лагерѣ Витовта, къ которому ѿздилъ, вѣроятно, съ какими-либо порученіями отъ отца. Когда Иванъ Михайловичъ въ 1405 г.

вновь овладѣлъ Кашиномъ и посадилъ тамъ своихъ намѣстниковъ, для приведенія кашинскихъ дѣлъ въ порядокъ и осмотра городскихъ укрепленій былъ посланъ А. И. Всѣль за этимъ имъ А. И. исчезаетъ со страницъ лѣтописей на цѣлыхъ шесть лѣтъ, вплоть до 1411 г., когда онъ упоминается гостяющимъ у Витовта въ Киевѣ, принявшаго и отпустившаго его «со многою честью». Конечно, и на этотъ разъ поѣздка А. И. къ Витовту была связана съ какимъ-либо порученіемъ отъ Ивана Михайловича, что находитъ подтверждение въ заключеніи между тверскимъ и литовскимъ князьями годомъ позже «едиництвѣ», т. е. союзѣ. 22 мая 1425 г. умеръ Иванъ Михайловичъ, и А. И., какъ старшій изъ живыхъ сыновей его, унаследовалъ великонижескій тверской столъ, но на немъ сидѣлъ очень недолго: 25 октября того же 1425 г., послѣ пятимѣсячнаго княженія, онъ умеръ отъ морового поѣтря. А. И. былъ женатъ на дочери московскаго князя Федора Михайловича, по имени неизвѣстной, отъ брака съ которой имѣлъ троихъ сыновей — Юрия (34). Бориса (7) и Ярослава (37).

Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей т. IV, стр. 106, 121, 360; т. V, стр. 252, 263 т. VI, стр. 74 130—132; т. VIII, стр. 75—76, 193 т. X, стр. 445, 470—471, 488.—Никоновскій дѣточ., т. IV, стр. 195, 305, 307, 308, 314—315 т. V, стр. 37, 42—43.—Татищевскій сводъ, т. IV, стр. 410, 456, 459, 490.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, т. V, стр. 101, 119, 143; прим. 186, 212, 232, 254, 258.—Арцыбашевъ, „Повѣствованіе о Россіи“, т. II, стр. 156, прим. 1119.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т.-ва „Общество Попѣзы“, кн. I, стр. 1026, 1083.—Ключевскій, „Источники древне-русскихъ житій святыхъ“, стр. 183.—С. В. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества“, Спб. 1876, стр. 171, 177, 179, 191; прим. стр. 110—112.—А. В. Щекемпільскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси“, Спб. 1891, т. II, стр. 106, 497—499, 503—507, 534, 536, 547, 555.

2. Александръ Михайловичъ, второй сынъ Михаила Ярославича (31), пятый великий князь на тверскомъ столѣ, род. 7 октября 1301 г. Когда отецъ его, ѿѣзжая въ орду, раздѣлилъ между дѣтьми свою вотчину, А. М. достались, какъ кажется, Холмъ и Михулинъ; такое заключеніе можно вывести изъ того, что именно этими городами владѣло потомство А. М. Самъ онъ въ своемъ удѣлѣ если и бывалъ, то очень рѣдко, живя преимущественно въ Твери,

гдѣ его присутствія, какъ старшаго въ родѣ послѣ княжившаго Дмитрія Михайловича (16), требовали тревожныя времена и постоянныя ссоры Твери съ Москвою. Въ 1320 г. А. М.ѣздилъ въ Москву въ связи съ хлопотами о полученіи тѣла убитаго въ ордѣ отца и тамъ съ Юриемъ московскимъ «въ любовь по пѣлованію крестному» «до-кончалъ миръ», впрочемъ настолько не-прочный, что уже въ слѣдующемъ году онъ былъ нарушенъ Юриемъ его походомъ на принадлежавшій Твери Кашинъ и требованіемъ отъ послѣдней уплаты 2000-рублеваго «выхода». А. М.ѣздилъ однімъ изъ лицъ, стоявшихъ въ челѣ тверской рати во время этого похода, закончившагося безъ кровопролитія, — уступкю тверскому князю домоганіемъ Москвы. Слѣдующее лѣтописное слово обѣ А. М. относится къ 1322 г., когда онъ на р. Урдомѣ, притокѣ Волги, подстерегъ єхавшаго въ орду Юрия и отобралъ у него упомянутый выше дежный «выходъ», который тотъ сначала было утаилъ, а теперь всѣхъ халу. Въ лѣтописяхъ не имѣется никакихъ указаний о томъ, подвергся ли А. М. ханскому гнѣву за самовольный поступокъ. Возможно, что ограбленныя деньги онъ самъ отвезъ хану, и только, пожалуй, этимъ и можно объяснить благоволеніе къ нему хана въ то время, когда въ 1224 г. его старшій братъ Дмитрій Михайловичъ убиль въ ордѣ Юрия. Виновника убийства разгнѣванный ханъ нѣсколько позже казнилъ, тверскихъ князей называлъ «крамольники и ратныхъ себѣ», А. М. же, тоже находившагося тогда въ ордѣ, безпрепятственно отпустилъ въ Тверь, впрочемъ съ какими-то «должницами его» (см. стр. 399), отъ которыхъ «много тягости было Тверской землѣ»; послѣ казни же брата А. М. не только былъ утвержденъ тверскимъ княземъ, но даже получилъ ярлыкъ на великое княжество Владимірское. Такимъ образомъ, тверской столъ вмѣстѣ съ великоокнійскимъ Владимірскимъ А. М. получиль въ концѣ 1335 г., а вскорѣ послѣ того своимъ княземъ его призналъ и Новгородъ.

Первенство А. М. среди русскихъ князей было непродолжительно. Паденіе его связано съ такъ называемой «щелкановщиной». Въ 1327 г. изъ орды въ Тверь явился татарскій посолъ, двоюродный братъ хана Узбека — Шевкаль, болѣе извѣстный

по народно-былинной пѣснѣ подъ именемъ Щелкана Дудентьевича. О цѣляхъ его посольства не сохранилось достовѣрныхъ данныхъ. Извѣстно лишь, что какъ онъ самъ, такъ и сопровождавшій его татарскій стрядъ, повидимому не очень численный, страшно угнетали тверичанъ «насилиствомъ, и грабленіемъ, и бѣеніемъ, и поруганіемъ», а по слову упомянутой пѣсни стали они —

И вдовы-го безчестити,
Красны дѣвицы позорити,
Надо всѣми паругатися,
Надъ домами насмѣхатися.

Такой произволъ вывелъ тверичей изъ терпѣнія, и 16 августа они восстали: «смятошася людіе, удариша въ колоколь и собраша вѣтіемъ»; возбужденіе перешло въ «замятню», ожесточенные тверичане набросились на татаръ, большинство ихъ перебили, а Шевкала въ занятомъ имъ силою великоокнійскимъ дворцѣ сожгли. Узнавъ о мятежѣ и гибели своего любимца, ханъ пришелъ въ ярость. Судя по отрывочнымъ лѣтописнымъ дацнымъ, самъ А. М. къ мятежу и его исходу былъ непричастенъ, даже старался образумить обращавшихся еще раньше къ нему жителей съ жалобами на притѣсненія. Тѣмъ не менѣе, вѣроятно не безъ соотвѣтственныхъ усилий московскаго князя, дѣло предъ ханомъ было изображенено такъ, что главнымъ виновникомъ случившагося оказался А. М. Ханъ потребовалъ къ себѣ Ивану Калиту (или Калита самъ послѣшилъ въ орду), даль ему 50-тысячное войско и послалъ на Тверскую землю. Во главѣ этой силы и въ союзѣ съ сузdalскимъ княземъ Андреемъ Васильевичемъ, Калита взялъ Тверь и Кашинъ, «а прочая грады и волости пусты сотвориша, а люди изѣкоша, а иныхъ во плѣнъ поведоша», и даже пожегъ и пограбилъ Новоторжскую волость, принадлежавшую Новгороду; «и бысть тогда всел русской землѣ волія тягости, и томленіе, и кровопролитіо...» Воротясь съ такою силою А. М. было невозможнo. Задумавъ бѣжать, онъ обратился съ просьбою о пріютѣ къ Новгороду, по тотъ, изъ опасенія навлечь на себя разореніе татаръ, просьбу отклонилъ. Тогда А. М. ушелъ въ Псковъ, куда за нимъ послѣдовали его мать и братья, Константина (24) и Василій (10). Стремившійся

тогда къ отдаленію оть Новгорода и къ полной самостоятельности, даже «себѣ владыку и князя умыслиша», Псковъ принялъ А. М. съ радостью и, по некоторымъ извѣстіямъ, посадилъ его на свой столъ. Такамъ исходомъ ханъ бытъ менѣе всего доволенъ; онъ приказалъ русскимъ князьямъ доставить А. М. въ орду. Приказъ бытъ категориченъ, и, не говоря уже о Калитѣ, послѣ бѣгства А. М. утвержденномъ въ достоинствѣ великаго князя Владимірскаго, даже родной братъ А. М., Константинъ, занявшій въ его отсутствіе тверской столъ, послалъ ему совѣтъ идти въ орду. А. М. отказался. Въ силу новаго приказа хана силою доставить тверского князя на его судъ, многіе князья во главѣ съ Калитою ополчились на Псковъ. Видя, что Пскову въ предстоящей неравной борбѣ не устоять, А. М. выразилъ уже готовность идти «за всѣхъ страдати», но вѣче «кресть цѣловаша, что его не выдати русскимъ княземъ», и заявило: «мы вси главы своя за тебя положимъ». Къ противникамъ А. М. присоединилась и духовная власть: митрополитъ Феогностъ, по договору Калиты, наложилъ на непокорныхъ псковичей отлученіе. Эта почти всеобщая погоня князей и духовенства на опального А. М., готовность ихъ помочь хану и выдать ему головою одного изъ своихъ возмущаешь даже лѣтописцевъ, одинъ изъ которыхъ выражается особенно энергично: «вложилъ окаймленный врагъ дьяволь злую мысль князьямъ русскимъ взыскать князя Александра Михайловича тверского, повелѣнiemъ царя татарскаго царя Азбака и подъяша всю землю Русскую». Въ виду такого противъ него ополченія А. М. рѣшилъ удалиться въ Литву, къ своему другу Гедимину, передъ уходомъ принять отъ исковитянъ клятву, что они не выдадутъ его жены. Изъ Литвы онъ возвратился черезъ $1\frac{1}{2}$ года и остановился опять въ Псковѣ, гдѣ вторично былъ посаженъ на княжеский столъ. Здѣсь онъ прожилъ еще около 8 лѣтъ. Въ 1335 г. Калита хотѣлъ было снова двинуться на убѣжище А. М., но противъ его затѣи на этотъ разъ возсталъ Новгородъ, въ виду измѣнившихся политическихъ обстоятельствъ начавшій тяготѣть къ Литвѣ. Калита долженъ бытъ отказаться отъ своего намѣренія. Понимая, однако, что покой его въ Псковѣ непроченъ, А. М. рѣшился на рискованный шагъ—отправиться лично въ

орду съ повинною. Въ 1336 г. онъ послалъ туда предварительно сына своего Федора (39). Послѣдній «со слезами многими просилъ обѣ отцѣ своеи» и добился ханскаго отвѣта—пусть самъ отецъ «придетъ съ винуно и просить, тогда не отыдеть безъ милости». Въ виду такихъ благопріятныхъ вѣстей А. М. не замедлилъ явиться въ орду; въ 1337 г. онъ находится уже тамъ. Прямодушіе, открытая рѣчи, «сладость словесъ и смиреніе» А. М. понравились хану, и онъ сложилъ свой гнѣвъ и вернулъ А. М. его княжество.

Въ 1338 г. А. М. возвратился въ Тверь и сѣлъ на княжескій столъ, безпрепятственно уступленный братомъ; тогда же изъ Пскова прибыли его жена и дѣти. Княженіе его было и на этотъ разъ недолговременно. Между Тверью и Москвою не замедлили обнаружиться вновь раздоры. Причина ихъ кроется, повидимому, въ томъ, что А. М. захотѣлъ возвратить себѣ Владимірское великое княженіе, отъ которого Москва не пожѣлала отказаться. Къ этому времени многие бояре А. М. покинули Тверь и перешли въ Москву или потому, что въ результатѣ грядущихъ разнѣй предвидѣли побѣду Москвы, или же потому, какъ полагаютъ Карамзинъ и Соловьевъ, что они, коренные тверскіе бояре, завидовали новымъ любимцамъ князя, которыхъ тотъ пріобрѣлъ во время скитаній въ отчинѣ. Въ 1338 г. А. М. послалъ сына Федора сначала къ Калитѣ для переговоровъ о возвратѣ великаго княженія, а послѣ ихъ неудачи—въ орду съ цѣлью хлонотать о томъ передъ ханомъ. Туда же отправился и Калита, который старался очернить всячески А. М., въ чёмъ и успѣлъ; это подтверждается и лѣтописнымъ словомъ: «его же (Калиты) думою послалъ царь Азбакъ на Русь по князя Александра Михайловича», т. е. ханъ потребовалъ послѣдняго къ себѣ. По Никоновской лѣтописи, ханъ требовалъ его «не съ яростю и жестокостью, но съ тихостью и кротостью», общая дать ему «великое княженіе и честь велию»,—дѣйствуя такъ вѣроятно изъ опасенія, чтобы А. М. снова не ушелъ въ Литву. Освѣдомленный обѣ устьяхахъ Калиты, А. М. медлилъ поѣздкой въ орду; уклонился онъ и по вторичному посылу, но послалъ сына Федора разузнать о положеніи дѣль. Несмотря на неблагопріятныя вѣсти, въ серединѣ 1339 г. А. М. наконецъ рѣшился

предстать предъ ханомъ. Прибывъ въ орду, онъ собиралъ справки, дарилъ приближенныхъ хану лицъ и пр., но дѣло его было проиграно—ему объявили, что онъ будетъ казненъ. 28 октября того же 1339 г., послѣ того какъ онъ сдѣлалъ необходимыя распоряженія по вотчинѣ, А. М. вмѣстѣ съ сыномъ Федоромъ былъ убитъ: «розоимаша ихъ по составамъ». Тѣла убитыхъ были привезены въ Тверь, где и преданы землѣ въ церкви Спаса Преображенія.

А. М. былъ женатъ съ 1320 г. на Анастасіи, по отчеству и по происхожденію неизвѣстной, и отъ брака съ нею имѣлъ сыновей: Льва (25), Федора (39), Всеволода (14), Михаила (26), Владимира (13) и Андрея (5) и дочерей—Ульяну (46) (супруга Ольгерда) и Марлю, бывшую въ супружествѣ за Семеномъ Гордымъ.

Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей, т. I, стр. 230; т. III, стр. 73—75, 77—79; т. IV, стр. 50—54, 185—186; т. V, стр. 12, 210, 215—222; т. VII, стр. 185, 191—192, 197—201, 204—205; т. XV, стр. 412—416, 418—420, 467.—Никоновская лѣтоп., т. III, стр. 124, 126—131, 137, 141, 151—154, 164—170.—Татиц. сводъ, т. IV, стр. 101, 112—113, 115—117, 122—125, 136—142.—Супрасл. рукопись, пзд. кн. Оболенскаго, стр. 52.—«Собрание Госуд. Грамотъ п Договоръ», т. I, № 15.—«Древнія россійскія стихотворенія, собранія Кирши» Даниловымъ, Москва 1818, стр. 31—36.—«О происхожденіи Национальныхъ», «Временникъ», 1851, т. X, по списку А., стр. 197.—Костомаровъ, «Начало единодержавія», «Вѣстник Европы», 1870, № 12.—Его же, «Русская история въ жизнеописаніяхъ», Спб. 1873, стр. 185.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Общество Пользы», кн. I, стр. 908, 911, 916—918, 920—921.—Его же, «Отношенія между русскими князьями Рюрикова дома», стр. 467.—Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійскъ», изд. Эйнерлинга, Спб. 1843, т. IV, стр. 113, 120—122, 124—126, 134—144; прим. 206, 243, 248, 253, 258, 260, 263, 280, 286, 290, 299—301, 304—306, 308; т. V, стр. 221; т. VII, стр. 28.—И. Д. Бѣляевъ, «Разсказы изъ русской исторіи», разск. 6-й.—Бестужевъ-Рюминъ, «Русская исторія», т. I, стр. 393.—Вешняковъ, «О возвышеніи Москвы», стр. 62.—В. С. Борзаковскій, «Исторія Тверскаго княжества», Спб. 1876, стр. 120—126, 253—261; прим. стр. 64—71, 151.—А. В. Экземплярскій, «Великие и удѣльные князья Сѣверной Руси», т. II, Спб. 1891, стр. 48, 85, 86, 161—162, 291, 367; 398, 447, 469—478, 485, 538—540, 550, 640 641.—Иловайский, «Русская исторія» (Московско-Литовскій періодъ).

3. Александръ Михайловичъ, первый сынъ Михаила Александровича (26), въ отличіе отъ своего брата того же имени (4) называется бѣльшимъ; на велиокняже-

скомъ столѣ онъ не сидѣлъ и особаго удѣла не имѣлъ, почему тверскимъ княземъ, вѣроятно княжичемъ, его слѣдуетъ считать только лишь какъ одного изъ членовъ рода. О немъ только въ Никоновской лѣтописи, подъ 1357 г., замѣчено, что онъ скончался «у бабы своея, у великихъ княгини Софы въ Софійскомъ монастырѣ», чѣмъ и исчерпываются дошедшая до настѣ извѣстія.

Никоновск. лѣтоп., т. III, стр. 120.—А. В. Экземплярскій, «Великие и удѣльные князья Сѣверной Руси», Спб. 1891, стр. 497, 641.

4. Александръ Михайловичъ, прозваніемъ Ордынецъ, второй сынъ Михаила Александровича (26), см. Кашинскіе князья.

5. Андрей Александровичъ, шестой сынъ Александра Михайловича (2); свѣдѣнія о немъ скучны, но несомнѣнно, что особаго удѣла онъ не имѣлъ, почему за нимъ и сохранилось имя рода—тверского князя. Изъ Никоновской лѣтописи видно, что онъ скончался въ 1364 г. отъ моровой язвы; затѣмъ имя его упоминается среди другихъ князей и княжичей въ жалованной грамотѣ кн. Василія Михайловича (10) Тверскому отроку монастырю. Онъ былъ женатъ на нѣкоей Евдокіи, ни по отчеству, ни по происхожденію намъ неизвѣстной, но по-томства не оставилъ.

Никоновская лѣтоп., т. IV, стр. 9.—«Акты Археографич. Экспедиції», т. I, № 5.—А. В. Экземплярскій, «Велик. и уд. князья Сѣверной Руси», т. II, стр. 476, 569, 526, 641.—Карамзинъ, «Ист. гос. Рос.», пзд. Эйнерлинга, т. V, стр. 5, прим. 5.

6. Андрей Ивановичъ—лицо неясненное; въ договорѣ 1437 г. Бориса Александровича (7) съ вел. кн. московскимъ Василиемъ Темнымъ А. И. упоминается цѣлующимъ крестъ въ соблюдении этого договора и называется тверскимъ князьмъ; однако, изъ этого единственного упоминанія о немъ совершенно не видно, чей, какого князя Ивана онъ сынъ. По хронологическимъ соображеніямъ его слѣдуетъ считать вѣроятнѣе всѣго сыномъ кн. Ивана Ивановича (21), хотя родословная и не даютъ послѣднему мужскаго потомства.

«Акты Археограф. Экспедиції», т. I, № 33.—А. В. Экземплярскій, «Вел. и уд. князья Сѣв. Руси» т. II, стр. 537, 641, 643.

7. Борисъ Александровичъ, средній изъ троихъ сыновей Александра Ивановича (1), тринадцатый князь на тверскомъ столѣ,

дата рождения въ точности неизвѣстна, вѣроятнѣе всего относится къ 1402—1404 гг. Начинаетъ упоминаться въ лѣтописяхъ съ 1426 г., когда умеръ его старшій братъ, Юрій Александровичъ (34), и Б. А. занялъ послѣ него тверской столъ. Надо думать, что послѣднимъ онъ овладѣлъ не безъ борьбы со своимъ племянникомъ Иваномъ Юрьевичемъ (23); сыномъ умершаго князя и, слѣдовательно, прѣямымъ наследникомъ тверского стола, въ конечномъ результатаѣ удовлетворившимся Зубцовымя. Былъ, повидимому, и другой претендентъ на тверской столъ, кашинскій князь Василій Михайловичъ III (28), долгое время неизвѣстно гдѣ скитавшійся и теперь возвратившійся въ Кашинъ въ надеждѣ на полученіе стола. Надежды эти, однако, не оправдались, такъ какъ Б. А. схватилъ его и посадилъ подъ стражу.

Княженіе Б. А. было въ общемъ спокойно. Онъ совершенно прекратилъ борьбу съ князьями тверскихъ удѣловъ и все вниманіе сосредоточилъ на отношеніяхъ къ Москвѣ и Литвѣ, стремясь къ заключенію выгодныхъ союзовъ то съ той, то съ другой стороной и силясь поддержать между нихъ самостоятельность своего княжества. Въ августѣ 1427 г. Б. А. заключилъ договоръ съ Литвою «быть за одно»: Витовтъ не вступается «ни въ великое княжество Тверское, ни въ воды, ни въ земли тверскія», ни въ отношенія Б. А. къ родичамъ его, «такъ какъ онъ (Б. А.) воленъ и жаловать, и казнить кого хочетъ»; далѣе, Витовтъ даетъ обѣщаніе не принимать къ себѣ никого изъ родственниковъ Б. А. съ ихъ вотчинами, а если кто и уйдетъ въ Литву, то отчина бѣглеца останется въ распоряженіи тверского князя. Подобныя же обязательства далъ и Б. А. по отношенію къ Витовту. Каждая сторона, наконецъ, обязывалась помогать другой во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ «думою и помочью», словомъ и дѣломъ. И Б. А. добросовѣстно выполнялъ принятые имъ на себя обязанности; въ 1428 г. онъ, напр., помогъ ратью Витовту противъ Новгорода, съ котораго литовскій князь взялъ большой окунь. Союзныя и дружественныя отношенія его съ Литвою подтверждаются и другими фактами: въ 1430 г. Б. А.ѣздилъ къ Витовту въ гости, когда тотъ намѣревался короноваться королевскимъ вѣдомъ и устроилъ извѣстный сѣздъ коро-

нованныхъ лицъ. Послѣ смерти Витовта Б. А. въ томъ же 1430 г. породился съ преемникомъ его вел. кн. Свидригайломъ Ольгердовичемъ, женившимся на двоюродной сестрѣ Б. А., Аннѣ Ивановнѣ, и помогалъ ему въ его борьбѣ съ братомъ Витовта, Сигизмундомъ Кейстутовичемъ, а позднѣе, въ 1432 и 1433 гг., посыпалъ ему на помощь своего брата Ярослава (37). Когда же Свидригайло въ 1435 г. подъ Вилькомиромъ былъ разбитъ, Б. А. послѣшилъ заключить союзный договоръ также и съ его побѣдителемъ, Сигизмундомъ.

Въ послѣдовавшихъ затѣмъ московскихъ смутахъ Б. А. не принималъ участія. Тверь въ это время служила только убѣжищемъ для московскихъ изгнаниковъ. Прежде другихъ, въ 1433 г., явился туда изъ Москвы бояринъ Иванъ Дмитріевичъ Всеvolожскій, тестъ дяди Б. А. Юрія Ивановича (36). Всеvolожскій питалъ, повидимому, надежду на то, что ему удастся пробудить въ Б. А. старинную вражду Твери къ Москвѣ, но успѣха не имѣлъ и ушелъ къ претенденту на московскій престолъ Юрію Дмитріевичу галицкому. Побѣженный послѣднимъ, въ томъ же году въ Тверь бѣжалъ и великий князь московскій Василій Васильевичъ съ матерью и женой; Б. А. принялъ ихъ съ почетомъ и съ честью же отпустилъ въ Кострому. Въ 1434 г., послѣ вторичної побѣды Юрія надъ Василіемъ Васильевичемъ, въ Тверь бѣжалъ шуринъ Б. А. кн. Иванъ можайскій, а по смерти Юрія спасся бѣгствомъ въ Кашинъ сынъ его, Василій Косой.

Около 1440 г. Б. А. измѣнилъ направленіе своихъ симпатій. Когда на московскій престолъ снова сѣлъ Василій Васильевичъ, Б. А. разрывается свой союзъ съ Литвой и заключаетъ дружественный договоръ съ московскими князями. Эта договоръ, заключенный князьями какъ равный съ равнымъ, слѣдовательно возвратившій Б. А. давно утраченное тверскими князьями положеніе,—содержать въ себѣ взаимные обязательства князей помогать другъ другу противъ татаръ, литвѣ, ляховъ и нѣмцевъ, а также обѣщанія Василія Васильевича не братъ Твери и Кашина, если ему предложить ихъ татары, взамѣнъ чего Б. А. обязуется сложить крестное цѣлеваніе къ Сигизмунду, заявивъ ему, что онъ теперь заодно съ Москвою. Въ 1440 г. Б. А. далъ московскому князю помошь противъ

Новгорода, а въ 1444 г. неизвѣстно по какимъ побужденіямъ самъ ходилъ на республику и погревалъ пограничныя новгородскія волости—Бѣжецкій Верхъ, Заборовье и нѣкоторыя новоторжскія заселенія. Годъ спустя онъ дважды повторилъ походъ на новгородскія земли—сперва пограбилъ 50 новгородскихъ и бѣжецкихъ волостей, а во второй разъ взялъ Торжокъ и пограбилъ его, причемъ увезъ въ Тверь пограбленного товару 40 «повозовъ». Успѣхъ Твери можетъ быть объясненъ тѣмъ, что Новгородъ былъ занятъ борьбою съ нѣмцами и внутренними смутами, вслѣдствіе чего не могъ дать надлежащаго отпора.

Вскорѣ Б. А. долженъ быть принялъ участіе и въ московской смутѣ. Нѣкоторыя лѣтописи, напр. Никоновская, передаютъ, что въ возникшей между Дмитріемъ Шемякой и Василиемъ Васильевичемъ борьбѣ Б. А. принялъ будто бы сторону перваго и даже былъ причастенъ къ ослѣпленію второго. Въ рядѣ другихъ источниковъ этого извѣстія нѣтъ, и изслѣдованіями новѣйшихъ историковъ оно вовсе отвергается,—слишкомъ этому противорѣчатъ какъ послѣдующія события, такъ и положеніе вѣщѣй въ тотъ моментъ. Съ одной стороны, Б. А. находился въ такихъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Василиемъ Васильевичемъ, что опасаться послѣдняго у него едва ли были основанія. Съ другой же, хорошія отношенія между князьями сохранились и въ теченіе послѣдующаго времени, что, конечно, оказалось бы невозможнымъ, если бы Б. А. былъ участникомъ ослѣпленія Василия Васильевича. Послѣднему, уже слѣпому, дали, какъ извѣстно, Вологду, но онъ пробылъ тамъ недолго и въ 1447 г. отправился въ Тверь, где Б. А. принялъ его съ почетомъ и богато одарилъ; здѣсь же и тогда же состоялось обрученіе семилѣтнаго сына Василия Васильевича, Ивана, съ дочерью тверского князя Маріей Бѣрисовной (братья послѣдовали только въ 1452 г.); наложница, Б. А. помогъ Василию Темному и ратною помошью въ его походѣ противъ Шемяки, за что московскій князь, послѣ побѣды надъ соперникомъ, отблагодарилъ его уступкой Ржеву, жители которой, впрочемъ, не wollteли перейти къ Твери и добили Б. А. челомъ лишь послѣ того, какъ тверской князь принудилъ ихъ къ тому оружиемъ. Вскорѣ, однако, на Ржеву напалъ ливонский князь

Казимиръ, и Б. А., временно пребывавшій тамъ со своею семьей, едва успѣлъ спастись отъ плена бѣгствомъ. Но въ 1449 г. вражду Б. А. съ Казимиромъ замѣнилъ союзъ, закрѣпленный особымъ договоромъ, который въ существенныхъ чертахъ склонялся къ договоромъ, заключеннымъ тверскимъ княземъ раньше съ Витовтомъ.

Въ 1453 или 1454 г. Б. А. и московскій великий князь вновь подтвердили свой союзъ и дружбу договоромъ, главные пункты которого гласятъ: 1) каждый изъ князей, ни дѣти ихъ, ни «молодшая братья» ихъ не должны принимать къ себѣ недруговъ другой стороны; 2) отчины князей, отѣхавшихъ изъ Твери въ Москву, остаются за тверскимъ княземъ, а изъ Москвы въ Тверь—за московскимъ; 3) оба князя взаимно обязываются заботиться о женѣ и дѣтяхъ того изъ нихъ, который раньше умретъ; 4) въ случаѣ нападенія на одного изъ договаривающихся князей литви, ляховъ или нѣмцевъ, другой долженъ лично садиться на коня и сѣѣти на помошь первому; 5) московскій князь обязуется не принимать отъ татаръ Твери и Кашину, и Б. А.—Москвы и Новгорода. Въ договорѣ князя другъ друга называютъ «братьями», т.е. выступаютъ какъ равныя стороны.

Б. А. скончался 10 февраля 1461 г. и погребенъ въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ въ Твери. Онъ былъ женатъ дважды: въ первый разъ на Анастасіи Андреевнѣ (ум. 12 февраля 1451 г.), сестрѣ можайскаго князя Ивана Андреевича, и второй разъ съ 1452 г. на дочери кн. Александра Васильевича сузdalскаго, именемъ также Анастасіи. Отъ первого брака имѣлъ dochь *Maryю* и отъ второго сыновей: *Михаила* (27), вступившаго послѣ его смерти на тверской столь, и *Александра* (р. 1455 г.), умершаго въ младенчествѣ.

Полное Собр. Русск. Лѣтоп., т. III, стр. 141; т. IV, стр. 123—125, 181, 146 147; т. V, стр. 262, 264—265, 269, 271; т. VI, стр. 143, 148 149, 172—173, 176—178; т. VIII, стр. 95, 97, 99, 115, 119—121, 125; т. XV, стр. 488—491, 493—495.—Никоновск. лѣтоп., т. V, стр. 96—97, 112, 117, 119, 191, 202, 211, 213, 221.—Татицевскій сводъ, т. IV, стр. 501, 506, 513, 563, 572—573, 575.—«Акты Историческ.», т. I, № 51.—«Акты Археографич. Экспедиц.», т. I, № 33.—«Акты Зап. Россіи», т. I, №№ 5, 53.—«Сборникъ Мухапова», №№ 1, 8.—«Собрание Государств. Грам. и Договоровъ», т. I, №№ 63, 66, 76, 77, 98.—«Лѣтопись вел. княж. Литовскаго», Учен. Записки Акад. Наукъ, 1854, № 1, стр. 50—51, 55.—«Pomniki do dziejów Litewskich» („Лѣтописецъ

Быховца"), изд. Нарбутта, Wilno 1846, стр. 42, 46.—Длугопль, „Historia Polonica“, т. I, lib. XI, стр. 611.—Стрыйковский, т. II, стр. 185, 187.—Карамзинъ, „Ист. госуд. Российского“, изд. Эндерлинга, Спб. 1843, т. V, стр. 143, 146, 147, 164, 178, 182, 184, 186, 191, 193, 195, 206; прим. 258, 307, 319, 327, 332, 345, 348, 349, 358, 386.—С. М. Соловьевъ, „История России“, изд. т-ва „Общества Пользы“, кн. I, стр. 1066, 1070, 1083—1085, 1087.—Narbuitt, „Dzieje narodu Litewskiego“, т. VII, pp. 120, 123, 127.—Koialowicz, „Historia Lituanie“, т. II, pp. 125, 126.—Копецбу, „Свидригайло, вел. кн. Литовский“, Спб. 1835, стр. 116.—Арцыбашевъ, „Повествование о России“, т. II, стр. 184, 203; прим. 1421.—Костомаровъ, „Русская история въ жизнеописанияхъ“, вып. III, стр. 58.—Бѣляевъ, „Рассказы изъ русской истории“, т. II, стр. 550.—С. В. Борзаковский, „История Тверского княжества“, Спб. 1876, стр. 191—199.—А. В. Экземплярский, „Великие и удѣльные князья Свѣт. Руси“, т. II, Спб. 1891, стр. 107, 242—244, 246, 321, 323, 325, 399, 512, 521, 536, 548, 553, 555—557, 642, 643.—Н. П. Лихачевъ, „Слово похвальное ионика Фомы о благов. и вел. кн. Борисѣ Александровичѣ“, „Памятники древней письменности“, т. CLXVII, 1908.

8. *Борисъ Михайловичъ*, четвертый сынъ Михаила Александровича (26), упоминается въ лѣтописяхъ только два раза: по случаю женитьбы въ 1384 г. на дочери (именемъ неизвѣстной) смоленского князя Святослава Ивановича и по случаю смерти, послѣдовавшей 19 июля 1395 г. Можно думать, что онъ съ 1389 г. до кончины владѣлъ Кашиною. Имѣлъ единственного сына *Ивана* (19).

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. IV, стр. 360; т. VIII, стр. 65, 74; т. XV, стр. 443.—Никонов. лѣт., т. IV, стр. 145, 257.—Проф. Ипомеевъ, „Удѣльные князья Кашинские“, „Чтения въ Моск. Общ. Ист. и Др. Рос.“, 1873, т. IV, стр. 48—49.—Н. Головинъ, „Удѣльные князья Кашинские“, отд. брошюра.—В. С. Борзаковский, „История Тверского княжества“, прим. 824.—А. В. Экземплярский, „Велик. и удѣльн. князья Свѣт. Руси“, т. II, стр. 495—497, 529—532, 536, 643.—Карамзинъ, „Ист. гос. Российской“, т. V, стр. 101; прим. 137, 186, 254.

9. *Василій Васильевичъ*, старшій сынъ слѣдующаго (10), родился въ 1330 г. Упоминается въ лѣтописяхъ только разъ по поводу смерти, послѣдовавшей въ 1362 г. Говоря объ этомъ, Никоновская лѣтопись называетъ В. В. княземъ кашинскимъ, изъ чего съ вѣроятностю можно думать, что онъ владѣлъ Кашиною, который достался ему отъ отца, когда послѣдній занялъ велиокняжеский тверской столъ. Потомства В. В. не оставилъ.

Никоновск. лѣтоп., т. IV, стр. 5.—А. В. Экземплярский, „Великіе и удѣльн. князья Свѣт.

Руси“, т. II, стр. 481, 484, 519, 525, 526.—В. С. Борзаковский, „Истор. Тверского княжества“, стр. 134, прим. 603.—Костомаровъ, „Церковно-историческая критика ф. XVII в.“, „Вѣсти Евр.“, 1870, № 4, стр. 493.—Проф. Ипомеевъ, „Удѣльные князья Кашиноые“, „Чтения Моск. Общ. Истор. и Др. Росс.“, 1873, кн. 4.—Н. Головинъ, „Удѣльные князья Кашинские“, отд. брошюра.

10. *Василій Михайловичъ I*, четвертый и младшій сынъ Михаила Ярославича (31), девятый тверской и первый кашинскій князь, дата рождения неизвѣстна. Впервые упоминается въ 1319 г., когда провожалъ отца въ его послѣдней поѣздкѣ въ орду, а въ слѣдующемъ году встрѣчалъ его тѣло, перенесенное изъ Москвы въ Тверь. Въ 1327 г., послѣ извѣстныхъ событий въ связи съ сожженiemъ въ Твери татарского посла Шевкала и избѣженія его отряда, (см. стр. 390), В. М. бѣжалъ въ Ладогу, откуда вернулся въ 1328 г. Отъ отца онъ получалъ въ удѣль Кашино, но кашинскимъ княземъ начинаетъ называться почтѣму-то только съ 1339 г., до тѣхъ порь имена князя тверского. Послѣ внезапной кончины въ 1345 г. Константина Михайловича (24), старшаго брата В. М., послѣдній, какъ старшій въ родѣ, остался несомнѣннымъ кандидатомъ на тверской столъ. Готовясь къ поѣздкѣ въ орду за ярлыкомъ и понимая, что его можно получить только при помощи не малыхъ денегъ, В. М. не имѣя собственныхъ средствъ, воспользовался отсутствиемъ своего племянника, Всеволода Александровича (14) холмскаго, и взялъ «дань» съ его удѣла. Всеволодъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ негодованіе и въ отмщеніе рѣшился оспаривать у В. М. тверской столъ, ярлыкъ на который ему и удалось получить въ ордѣ. Какъ законный наследникъ великокняжескаго стола въ Твери, В. М. этого дѣла такъ не оставилъ, и между нимъ и племянникомъ возникъ упорный споръ, который они несолько разъ доводили до хана. Въ 1347 г. вышло окончательное рѣшеніе хана, коимъ тверской столъ былъ утвержденъ за Всеволодомъ Александровичемъ, но В. М. не сдавался: между противниками продолжалась «брань велия.., и мало кровопролитія не бысть межи ими». Только въ 1348 г. ихъ примирилъ тверской владыка Феодоръ: В. М. получилъ тверской столъ, а Всеволодъ сѣлъ въ Холмъ, и такимъ образомъ «укрѣпишась межи собою крест-

нымъ цѣлованіемъ въ единомысліи, въ со-
вѣтѣ и во единствѣ жити». Благодаря, по-
видимому, ходатайству московскаго князя
Семена Гордаго, дочь котораго была за-
сыномъ В. М., послѣдній, даже не єзда-
въ орду, въ 1351 г. получилъ и ярлыкъ
на тверское княженіе. Ободренный этимъ
успѣхомъ и укрѣпившись на столѣ, онъ
вдругъ нарушилъ недавно принесенное
Всеволоду Александровичу крестное цѣло-
ваніе, началъ тѣснить его самого и «тя-
гостью данною оскорблѣти» его бояръ и
слугъ. Всеволодъ обиды «браталича» по-
корно сносилъ до 1356 г., когда, наконецъ,
обратился съ жалобою на него къ влади-
мѣрскому митрополиту Алексю, который
попытался было примирить дядю и пле-
мянника, но успѣха не достигъ, главнымъ
образомъ потому, что В. М., поддержива-
емый Семеномъ Гордымъ, ставилъ унизи-
тельный для Всеволода условія: «много
быша межи ихъ глаголанія, но конечный
миръ и любовь не сотворися». Продолже-
ніе этой распри находимъ въ ордѣ, куда
въ томъ же 1356 г. єздили всѣ русскіе
князья предстаютъ новому хану Бер-
дабеку. Всеволодъ Александровичъ, благо-
даря тому, что его не пропустилъ черезъ
свои владѣнія московскій князь, опоздалъ
въ орду, и этимъ обстоятельствомъ восполь-
зовался В. М., истолковавъ его предъ ха-
номъ въ невыгодномъ смыслѣ для холм-
скаго князя, попросту — оклеветавъ его, и
этимъ добился отъ хана выдачи себѣ пле-
мянника головой. Всеволодъ Александров-
ичъ тогда покинулъ свой Холмъ, которымъ
тотчасъ завладѣлъ В. М., и удалился въ
Литву, гдѣ въ лицѣ Ольгерда пріобрѣлъ
сильную поддержку, почему, возвратившись
на Русь, нашелъ дядю значительно смиг-
чившимся и готовымъ дѣлиться волостями.
Послѣднему обстоятельству въ извѣстной
мѣрѣ способствовало ропотъ и другихъ
племянниковъ противъ своюволія В. М., а
также церковные вопросы, главнымъ об-
разомъ поднятый Ольгердомъ вопросъ объ
образованіи Галицкой митрополіи. Упор-
ствуй В. М. въ своей волѣ надъ молодыми
ми, недовольные имъ племянники во гла-
вѣ съ Всеволодомъ поддержали бы Оль-
герда, и послѣдній добился бы своей цѣли.
Въ виду такихъ опасеній В. М. пошелъ
на уступки и миролюбивую сдѣлку, чѣмъ
и помѣшалъ Ольгерду осуществить свое
давнишнее желаніе.

Не успѣлъ В. М. окончательно уми-
ротворить одного племянника, какъ про-
тивъ него возсталъ другой, братъ Все-
воловода, популярный въ то время на Руси
микулинскій князь Михаилъ Александров-
ичъ (26), къ которому тверичи питали
любовь и желали его видѣть своимъ
членомъ. Популярность Михаила была
В. М. не по душѣ, и онъ, въ намѣреніи
обезсилить племянника, двинулся было въ
1363 г. на Микулинъ, но города взять не
могъ, почему покончилъ миромъ, ко-
торый продолжался лишь до 1364 г. Въ
этомъ году отъ моровой язвы умеръ без-
дѣтнымъ князь дорогобужскій Семенъ Кон-
стантиповичъ, свой удѣлъ отказалъ Ми-
хаилу Александровичу. Усиленіе племян-
ника-противника было совсѣмъ не на руку
В. М., почему онъ возобновилъ борьбу,
въ 1366 г. кончившуюся миромъ, о кото-
ромъ запросилъ самъ В. М. Вмѣстѣ съ
этимъ престижъ В. М. въ Твери падъ со-
всѣмъ: онъ только по имени продолжалъ
называться великимъ княземъ, всѣ же дѣ-
ла вершилъ и властью пользовался Миха-
иль Александровичъ, котораго и лѣтописи
выдвигаютъ на первый планъ, оставляя
В. М. въ тѣніи. Именно поэтому о по-
слѣднихъ годахъ его жизни почти не со-
хранилось извѣстій. Извѣстно только, что
скончался онъ въ 1368 г. Отъ брака съ
княжною брянскій Еленой Ивановной онъ
имѣлъ сыновей Василия (9) и Миха-
ила (28).

Полное Собр. Русск. Лѣтоп., т. IV, стр. 51,
139, 185; т. V, стр. 210, 217—218; т. VII, стр.
192, 215; т. XV, стр. 416—417. — Никоновск.
лѣтоп., т. III, стр. 138—139, 155, 167, 184—185,
190—193, 195, 208, 210—211, 214; т. IV, стр.
5, 8—9, 12, 15—16, 19. — Татиц. сводъ, т. IV,
стр. 119—120, 160, 167—170, 172, 183—186, 198,
201—202, 205. — *Pomniki do dziejów Litew-
skich*, изд. Нарбутта, Wilno 1846, стр. 22.—
«Акты Археогр. Экспед.», т. I, № 5. — Проф.
Иппоземцевъ, «Удѣльные князья Кашицкіе»,
Чтеп. Моск. Общ. Истор. и Древн. Россійск.,
1873, т. IV, стр. 38 и слѣд. — «Удѣльные
князья Кашицкіе», брошюра, принадлежа-
щая, кажется, Н. Головину. — Арицѣбашевъ,
«Повѣствование о Россії», т. II, стр. 102, прим.
732. — Narbutt, «Dzieje narodu Litewskiego»,
т. V, р. 237.—Карамзинъ, «Истор. госуд. Рос-
сійск.», изд. Эннеллінга, т. IV, стр. 126, 135,
143, 144, 171, 175, 178; прим. 248, 301, 306, 308,
328, 365, 369, 379, 383; т. V, стр. 7, 8; прим. 9
11.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», кн. I,
стр. 940, 941, 953, 960, 962.—Костомаровъ, «Цер-
ковно-историческая критика XVII в.» Вѣсты
Европы, 1870, № 4, стр. 483. — В. С. Борзы-
ковскій, «Исторія Тверскаго княжества», Спб.

1876, стр. 133—141; прим. стр. 71—78.—А. В. Экземплярский, „Великие и удельные князья Северной Руси“, т. II, Спб. 1891, стр. 473, 476—477, 488, 516—519, 524—528, 531, 540—544, 641.

11. *Василий Михайлович II*, пятый сын Михаила Александровича (26), см. *Кашинские князья*.

12. *Василий Михайлович III*, единственный сын Михаила Васильевича (28), *Кашинские князья*.

13. *Владимир Александрович*, пятый сын Александра Михайловича (2); изъ лѣтописи о немъ извѣстно только, что онъ скончался отъ моровой язвы въ 1364 г.; упоминается еще въ одной жалованной грамотѣ вел. кн. Василия Михайловича (10) Тверскому отроку монастырю, начинаящейся словами: «Се милостиия князя великаго Васильева Михайловича и его братаничевъ: книжа Всеволожа... книжа Володимерова...» и др. Этими исчерпываются все дошедшия до нась о немъ извѣстія.

Никоновская лѣтоп., т. IV, стр. 9.—«Акты Археограф. Экспедиції», т. I, № 5.—А. В. Экземплярский, „Великие и удельные князья Сѣв. Руси“, т. II, стр. 476, 519, 526, 539, 641.—Карамзінъ, „Исторія гос. Россійск.“, т. V, стр. 5, прим. 5.

14. *Всеволодъ Александровичъ*, третий сын Александра Михайловича (2), седьмой князь тверской и вмѣстѣ съ тѣмъ князь холмскій, родился въ Псковѣ приблизительно въ серединѣ 1320-хъ годовъ, когда отецъ его находился тамъ въ невольномъ изгнаніи. Въ 1339 г., незадолго до своей трагической кончины въ ордѣ, Александръ Михайловичъ «о своей вотчинѣ глаголавъ», т. е., по толкованію историковъ, подѣлилъ ее между своими сыновьями, причемъ В. А. получилъ въ удѣль Холмъ, въ управление которыемъ, вѣроятно по малолѣтству, вступилъ иѣсколько позже. Действующимъ лицомъ въ тогдашнихъ событияхъ В. А. выступаетъ въ 1345 г. Въ это время его самого и его мать Настасью стала утѣшать дядя В. А., тверской князь Константина Михайловичъ (24): «начаимати бояри ихъ и слуги въ серебрѣ за волости» (толкуется въ томъ смыслѣ, что Константиномъ Михайловичемъ съ удѣла В. А. сталъ насильно браться денежный сборъ для ордынского выхода). «Того не моги терпѣти», В. А. ушелъ искать управы на дядю въ Москву, а затѣмъ въ орду, куда

прибылъ и Константинъ Михайловичъ. Ханъ Чанибекъ долженъ былъ дать противникамъ судъ, но онъ не состоялся за внезапную смертью Константина Михайловича. На освободившійся тверской столѣ прямымъ наследникомъ, какъ старшій въ родѣ, являлся братъ умершаго Василий Михайловичъ (10), который и сталъ готовиться къ поѣздкѣ въ орду за ярыкомъ; не имѣя денегъ, необходимыхъ для дачи хану и его приближеннымъ, онъ задумалъ собрать ихъ съ удѣла отсутствовавшаго В. А., для чего послалъ въ Холмъ своихъ «даньщиковъ», взявшихъ тамъ «дань на людехъ». Но В. А. не былъ изъ тѣхъ, котораго можно было безнаказанно обижать. За обиду отъ дяди онъ отплатилъ ему болѣшимъ: пользуясь пребываніемъ въ ордѣ, рѣшился оспаривать у него тверской столѣ и въ своихъ хлопотахъ имѣть успѣхъ, а на обратномъ пути изъ орды встрѣтилъ Василия Михайловича въ г. Бездежѣ и вдобавокъ «ограби его». Вскорѣ послѣ этого лѣтописи отмѣчаютъ обоихъ противниковъ находящимися въ ордѣ, гдѣ они, хлопоча каждый за себя, пробыли до 1347 г., когда ханъ, по совѣту матери, окончательно отдалъ предпочтеніе В. А. Обойденный Василий Михайловичъ не оставилъ своего дѣла, и между нимъ и В. А. «соторися нелюбіе». Рядъ происшествій изъ этихъ раздоровъ неурядицъ въ тверской землѣ побудилъ витѣваться въ спорѣ тверского владыку Феодора, при посредствѣ котораго противники примирились: В. А. уступилъ Тверь дядѣ, а самъ ограничился холмскимъ удѣломъ, которымъ онъ и правилъ мирно до 1351 г. Съ этого же года его опять начинаетъ тѣснить Василий Михайловичъ, начавшій бояръ и слугъ В. А. «гостію данною оскорблѣти». «Не хотя со стрѣлемъ своимъ битися», долго и терпѣливо сносилъ В. А. обиды, но въ 1356 г. онъ обратилъ съ жалобою на дядю къ владимирскому митрополиту Алексію, прося у него заступничества. По зову митрополита во Владимиръ явился и Василий Михайловичъ, предварительно заручившійся поддержкой московскаго вел. кн. Иоанна II Иоанновича. Между племянникомъ и дядею «много быша глаголанія», но «конечный миръ и любовь не соторися»; отношения ихъ даже ухудшились, что и сказалось въ томъ же 1356 г., когда всѣ русскіе князья їздили къ новому хану Бердикбу. В. А. для поѣздки въ орду

избралъ путь чрезъ Переяславль, но тамошній намѣстникъ московскаго князя, выдая, что послѣдній держитъ сторону Василия Михайловича, не пропустилъ В. А. Онъ долженъ былъ пройти въ орду черезъ Литву, почему пришелъ позже остальныхъ князей. Запозданіе В. А. тверскому князю удалось истолковать въ невыгодномъ для того смыслѣ передъ ханомъ, который безъ суда и выдалъ его Василию Михайловичу. Для В. А. наступило «томленіе ведѣ»: бояре, слуги и народъ его подвергались «грабленію», имущество ихъ конфисковывалось и продавалось. Такая несправедливость возмутила тверского владыку Феодора, и онъ хотѣлъ оставить свою епіскошю.

Въ 1358 г. В. А. удалось уйти въ Литву, откуда онъ возвратился въ Тверь въ слѣдующемъ году. Съ этихъ поръ отношенія къ нему со стороны Василия Михайловича измѣняются въ лучшую сторону, что объясняется измѣненіями въ политическомъ положеніи и политическихъ симпатіяхъ того времени. Въ бытность въ Литвѣ В. А. сдружился съ сильнымъ литовскимъ княземъ Ольгердомъ, съ которымъ онъ издавна находился въ свойствѣ: Ольгердъ былъ женатъ на его сестрѣ, Ульянѣ Александровнѣ. Литовской князь въ это время ледѣялъ мечту объ образованіи для православныхъ подданныхъ Литвы независимой митрополіи. Его ставленникъ, вѣкій Романъ, личность довольно темная, утвержденный константинопольскимъ патріархомъ въ качествѣ митрополита литовскаго, въ 1359 г. появляется на Руси съ цѣлью произвести «замятію» — устранить владимиро-московскаго митрополита Алексія и сдѣлаться общерусскимъ митрополитомъ. Затѣмъ эта въ конечномъ счетѣ не удалась, но въ данный моментъ В. А., заключивъ союзъ съ вѣсколькими другими удѣльно-тверскими князьями, охотно поддерживалъ притязанія Романа, благодаря чему въ свою очередь пользовался поддержкой отъ Ольгерда. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить еще, что новый великий князь московский, Дмитрій Константиновичъ суздальскій, бывшій въ свойствѣ какъ съ Ольгердомъ, такъ и съ В. А., являлся далеко не такимъ безусловнымъ сторонникомъ Василия Михайловича, какъ его предшественникъ, Иоаннъ Иоанновичъ. Въ виду этихъ — то измѣнившихся обстоятельствъ

Василій Михайловичъ и сталъ болѣе уступчивымъ къ В. А. По лѣтописнымъ даннымъ, послѣдній «взя миръ и любовь зъ братею своею», а тверской князь «треть ихъ отчины отступиша і раздѣлиша волостями», т. е. сдѣлалъ значительные уступки сплотившимся во главѣ съ В. А. тверскимъ удѣльнымъ князьямъ.

Послѣдніе годы своей жизни В. А. провелъ мирно; по крайней мѣрѣ лѣтописи послѣ событий 1359 г. ничего не говорятъ о немъ до самой его кончины, послѣдовавшей въ 1364 г. отъ моровой язвы, которая унесла много народу, въ томъ числѣ и вѣсколькихъ лицъ тверского княжескаго дома. Нѣсколько раньше отъ той же язвы скончалась и супруга В. А., Софья, происхожденіемъ, какъ кажется, изъ рязанскаго дома. Отъ брака съ нею В. А. имѣлъ двоихъ сыновей, Юрія (35) и Ивана (20).

Полное Собрание Русскихъ Лѣтошній, т. VII, стр. 210, 215.—Ніконовская лѣтопись, т. III, стр. 184—185, 190—192, 193, 195—196, 198, 208, 210—211, 214; т. IV, стр. 9.—Татинъ, сводъ, т. IV, стр. 159—160, 168—169, 172, 183—185, 186, 189—190.—Карамзинъ, «Истор. госуд. Россійск.», изд. Эйлеринга, Спб. 1843, т. IV, стр. 171, 175, 178; пр. 369, 379, 383; т. V, стр. 5, пр. 5.—Саблуковъ, «Очеркъ Кипчакскаго царства», «Сарат. Губернск. Вѣдом.», 1844, стр. 78.—В. С. Борзаковскій, «Исторія Тверскаго княжества», Спб. 1876, стр. 133—141; прим. стр. 71—78.—А. В. Экземплярскій, «Великие и удѣльные князья Сѣверной Руси», т. II, стр. 476, 478, 479, 483, 485, 519, 524, 526, 539—546, 551, 648.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», кн. III, стр. 937, 940, 941, 953, 959, 1247, 1248.

15. *Даниилъ Дмитріевичъ*, старшій сынъ Дмитрія Юрьевича (17), недолго владѣлъ холмскимъ удѣломъ, а затѣмъ перешелъ на службу къ Москвѣ, где прославился какъ воевода, между прочимъ въ Казанскомъ походѣ,—ом. *Холмскій, Даниилъ Дмитріевичъ*.

16. *Дмитрій Михайловичъ*, прозваниемъ *Грозный очи*, старшій сынъ Михаила Ярославича (31), четвертый волиній князь на тверскомъ престолѣ, родился 15 сентября 1299 г., а 8 ноября 1302 г. надѣ нимъ совершиенъ постригъ. Въ походахъ и междуусобіяхъ сталъ принимать участіе очень рано. Еще въ 1311 г., когда ему было едва 12 лѣтъ, онъ, «собра многи вои», по порученію отца ходилъ на Нижній-Новгородъ; его водительство ратью могло быть только nominalнымъ, и двѣлами въ сущности распоряжались довѣрені

ные люди отца. Походъ не былъ доведенъ до конца, такъ какъ во Владимірѣ Д. М. встрѣтилъ препятствіе въ лицѣ митрополита Петра, рѣшительно воспротивившагося походу, грозя въ противномъ случаѣ «не благословить его (Д. М.) столомъ во Владиміри»; З недѣли простоялъ тамъ юный князь, «бія челомъ Петру, да его разрѣшишь», и когда тотъ «разрѣшилъ» (т. е. простилъ), распустилъ, конечно не безъ согласія отца, рать и возвратился въ Тверь. Въ 1314 г. Д. М., въ отсутствіе отца, бывшаго въ это время въ ордѣ, ходилъ къ Волгѣ на новгородцевъ, возставшихъ противъ Твери, прогнавшихъ отъ себя ея намѣстниковъ и пожегшихъ тверскія заселенія на лѣвомъ волжскомъ берегу. Битвы не было: простоявъ другъ противъ друга 6 недѣль, стороны заключили миръ. Въ 1318 г., осенью, Д. М. провожалъ отца въ послѣднюю его поѣздку въ орду. Тверской столъ Д. М. занялъ въ концѣ 1319 г., послѣ того какъ въ Твери стало извѣстно о мученической кончинѣ Михаила Ярославича, и тотчасъ по возвращеніи позаботился о перенесеніи тѣла отца на родину. Въ концѣ слѣдующаго года Д. М. женился на дочери литовскаго князя Гедимина, Маріи. Бракъ заключенъ не безъ расчета со стороны Д. М. Имѣя на одной сторонѣ враждебную и сильную Москву и на другой не менѣе враждебный и богатый Новгородъ, Д. М. въ борьбѣ съ ними не могъ полагаться на собственныя силы, тѣмъ болѣе, что Тверь сильно пострадала въ ордѣ при ссорѣ Михаила Ярославича съ Юриемъ московскимъ. Между тѣмъ Литва къ этому времени становится весьма крѣпкимъ княжествомъ, и тяготѣвіе Д. М. къ ней, закрѣпленное брачнымъ союзомъ, вполнѣ естественно. Въ 1321 г. въ Кашино, городѣ Тверскаго княжества, приходилъ изъ орды татаринъ Таянчарь съ «жадовиномъ должникомъ» и «много тягости училъ Кашину». Въ томъ же году, не совсѣмъ понятно по какому поводу, изъ тотъ же Кашинъ ходилъ Юрий со «всей силой низовской и сузdalской». Д. М. вывелъ противъ него большую рать, но до битвы и тутъ не дошло: при посредничествѣ бывшаго тверскаго владыки Андрея противники пришли къ «докончанію», по которому Д. М. обязался уплатою Юрию 200 рублей «выхода» (ордынскій дані) и обѣщалъ не искать великаго княженія.

Такъ какъ Юрий полученный «выходъ» не отдалъ хану, а утаилъ, то Д. М., узнавъ объ этомъ, въ началѣ 1322 г. отправился въ орду, гдѣ и рассказалъ о поступкѣ московскаго князя и использовалъ гнѣвъ хана, попросивъ себѣ ярлыкъ на великое княжество Владимірское. Юрий пытался было сѣздиТЬ въ орду, дабы оправдаться и отдать утаенные деньги, но по дорогѣ туда подвергся нападенію со стороны младшаго брата Д. М., Александра(2), и ограбленъ. Въ 1323 г. изъ орды приходилъ на Русь татарскій посолъ, который, учившись между прочимъ «много пакости низовскимъ городамъ», звалъ Юрия къ хану. Всѣдѣ за Юриемъ поспѣшилъ въ орду и Д. М. Между князьями-противниками долженъ быть состояться ханскій судъ. Однако Д. М., не дожидаясь суда и «мсти кровь отчу», 21 ноября 1324 г. напалъ на Юрия и въ пылу раздраженія убилъ его, чѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ хана, хотя тотъ и медлилъ съ наказаніемъ. Историки по поводу этой медлительности высказываютъ недоумѣніе, не находя объясняющихъ ее причинъ, тѣмъ болѣе, что ханъ даже отпустилъ въ Тверь брата Д. М., Александра. Объясненіе, какъ кажется, кроется въ томъ, что Александръ уѣхалъ за сборомъ денегъ, потребованныхъ ханомъ въ видѣ выкупа за Д. М. Въ лѣтописяхъ недаромъ сказано, что Александра сопровождали «должницы». Какъ бы ни было, ханъ расправился съ тверскимъ княземъ лишь 15 сентября 1325 г. Въ этотъ день Д. М. былъ убитъ на р. Кондраткѣ. Дѣтей онъ послѣ себя не оставилъ; Никоновская лѣтопись ошибочно приписываетъ ему сына Федора. Супруга его, Марія Гедиминовна, умерла въ 1348 г.

Полное Собрание Русской Лѣтописей, т. I, стр. 208, 209, 229; т. III, стр. 70, 72, 73; т. IV, стр. 47—50; т. V, стр. 205, 210, 216—217; т. VII, стр. 182, 186, 191, 198—200, 216, 237, 248; т. XV, стр. 413—414, 467.—Никоновская лѣтопись, т. III, стр. 107, 124—125, 128—129, 192.—Татаревск. сводъ, т. IV, стр. 109, 115, 169.—Супрасль рукопись, издан. кн. Оболенскій, стр. 51.—«Собрание Государств. Грамотъ и Договоровъ», т. I, № 15, 16.—Карамзинъ, «Исторія государства Российскаго», т. IV, стр. 108, 113, 118, 120—125, 144; прим. 206, 243, 252, 258, 259, 278.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», кн. I, стр. 903, 904, 908, 911; кн. III, стр. 874, пр. 3.—Костомаровъ, «Начало единодержавія», «Вѣстник Европы», 1870, № 12.—Его же, «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ», Спб. 1873, стр. 184.—В. С. Борзаковскій, «Исторія Тверскаго княжества», Спб. 1876, стр. 115—119; прим. стр. 64—66.—А. В. Экземмлярскій, «Великіе

и удельные князья Съверной Руси въ та-
тарский періодъ", т. II, Спб. 1891, стр. 398,
462, 463, 468—471, 476, 538.

17. *Дмитрій Юрьевичъ*, единственный
сынъ Юрия Всеволодовича (35), послѣ
второго отъезда послѣдняго (1408 г.) въ
орду отъ тверского князя Ивана Михай-
ловича (22) получилъ часть отцовскаго
холмскаго удѣла. Въ лѣтописяхъ имя
Д. Ю. не встрѣчается ни разу, зато упо-
минается въ одной изъ договорныхъ гра-
мотъ Бориса Александровича (7) съ мос-
ковскимъ княземъ Василиемъ Темнымъ:
непосредственно послѣ тверского князя и
сына его Михаила онъ цѣлуетъ крестъ въ
соблюденіи договора о дружбѣ и союзѣ.
Отъ брака съ неизвѣстной имѣлъ сыновей
Даниила (15), *Михаила* (29), *Василия*,
Ивана. Послѣдніе двое удѣловъ не имѣли,
а были на службѣ у Москвы.

Собр. Госуд. Грамотъ и Догов., т. I,
№ 76—77.—В. С. Борзаковскій, "Истор.
Тверск. княжества", стр. 186.—А. В. Экзем-
плярскій, "Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Руси",
т. II, стр. 501, 507, 546, 548, 553.—Родослов-
ная Воскресенской лѣтоп., въ Полн. Собр.
Русск. Лѣт., т. VII, стр. 245.

18. *Еремій Константиновичъ* (1346—
1372), старшій сынъ Константина Михай-
ловича (24), владѣль Дорогобужемъ, отъ
имени котораго и получилъ отдельное
прозвище,—см. *Дорогобужскіе князья*.

19. *Иванъ Борисовичъ*, единственный
сынъ Бориса Михайловича (8), упоми-
нается съ 1399 г., когда онъ, по завѣ-
щанію дѣда Михаила Александровича (26),
сталъ совмѣстно съ дядей Василиемъ (10)
владѣть Кашиномъ и Коснигиемъ. Среди
тогдашнихъ удельныхъ тверскихъ князей
только И. Б. не подвергся притѣсненіямъ
со стороны сѣвшаго на тверской столѣ Ива-
на Михайловича (22), даже вошелъ къ
нему въ милость, благодаря тому, что
мать его сумѣла подойти къ великому
князю съ «луканой лестью» и тѣмъ ему
настолько угодила, что онъ подарилъ
И. Б. озеро Луское и слободку Іеруса-
лимскую. Но въ 1408 г. великий князь
чѣмъ-то былъ разгневанъ И. Б. и по-
шелъ на Кашинъ, который повоевалъ и
обложилъ данью, И. Б. же бѣжалъ въ
Москву. Позже они, однако, повидимому,
примирились, по крайней мѣрѣ въ 1412 г.
И. Б. во главѣ тверичанъ защищалъ Ка-
шинъ противъ Василия Михайловича III,
т. е. стоялъ на сторонѣ Ивана Михайло-

вича. Это послѣдній годъ, подъ которымъ
онъ упоминается. Нѣкоторыя родословныя
даютъ ему сына Андрея (6), что непра-
вильно,—потомства онъ не имѣлъ.

Полное Собр. Русск. Лѣт., т. VIII, стр. 82.—
Никон. лѣт., т. IV, стр. 297, 299; т. V, стр. 17,
45.—Татищевскій сводъ, т. IV, стр. 439—440,
462.—Хмыровъ, "Родословная", № 319.—
Н. Головинъ, "Родословная роспись потом-
ковъ Рюрика", Москва 1851, № 624.—Его же,
"Кашинские удельные князья", отд. брош.—
А. Д. Ипполитцевъ, "Удѣльные Кашинск.
князья", Четв. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос.,
1879, т. IV, стр. 49.—В. С. Борзаковскій,
"Исторія Тверскаго княжества", стр. 178, 186,
187.—А. В. Экземплярскій, "Велик. и удѣльн.
князья Сѣв. Руси", т. II, стр. 495, 498, 502,
529, 531—538, 642.—Карамзинъ, "Истор. госуд.
Россійск.".—С. М. Соловьевъ, "Исторія Россіи",
изд. "Общ. Польза", кн. I, стр. 1025, 1027,

10. *Иванъ Всеволодовичъ*, второй и
младшій сынъ Всеволода Александрови-
ча (14), совмѣстно съ старшимъ братомъ
Юріемъ (35) владѣль Холмомъ, прибли-
зительно съ 1364 г. О первыхъ годахъ
его княженія извѣстій не сохранилось;
только на основації нѣкоторыхъ, не со-
всѣмъ достовѣрныхъ сказаній о Куликов-
ской битвѣ можно думать, что онъ былъ
участникомъ въ этомъ сраженіи. Первое
опредѣленное лѣтописное слово объ И. В.
относится къ 1397 г., когда онъ сложилъ
крестное цѣлование къ Михаилу Александровичу (26)
и ушелъ въ Москву, где
женился на сестрѣ великаго князя Анастасіи
Дмитревнѣ и отъ него получилъ
Торжокъ. Въ 1398 г. онъ былъ посланъ
московскимъ княземъ Василиемъ Дмитріе-
вичемъ княжить во Псковѣ, но пробылъ
тамъ только четыре мѣсяца. Когда на
тверской столѣ сѣлъ Иванъ Михайло-
вичъ (22), И. В. «соспался» съ нимъ, взялъ
«миръ и докончаніе» и въ 1400 г. вмѣстѣ
съ женой и боярами перебѣхалъ въ Тверь,
а оттуда въ Холмъ. Скончался онъ въ
1402 г., на другой день Пасхи, передъ
смертью принявъ иночество съ именемъ
Игнатія. Свою часть въ холмскомъ удѣле
онъ завѣщалъ сыну великаго князя
тверского, Александру Ивановичу (1).
Самъ потомства не оставилъ.

Полное Собр. Лѣт., т. IV, стр. 144, 195,
т. V, стр. 18; т. VI, стр. 180—181; т. VIII;
стр. 70—71, 75; т. XV, стр. 457—458.—Никон.
лѣт., т. IV, стр. 93, 270, 278, 305; т. V, стр. 18.—
Татищ. сводъ, т. IV, стр. 266—267.—А. В. Эк-
земплярскій, "Велик. и удѣльн. князья Сѣв.
Руси", т. II, стр. 494, 497—498, 505, 545—547.—

Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійск.“—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россії“, изд. „Общ. Пользы“, кн. I, стр. 977, 1026 и прим. 2.— В. С. Борзаковский, „Истор. Тверск. княжества“, стр. 178.

21. *Иванъ Ивановичъ*, старшій сынъ слѣдующаго (22), даты рожденія и смерти неизвѣстны. Въ 1398 г., передъ своей кончиной, вел. кн. Михаилъ Александровичъ (26), дѣдъ И. И., назначилъ своему старшему сыну Ивану Михайловичу и дѣтамъ его, Александру и И. И., слѣдующіе города: Тверь, Ржеву, Зубцовъ, Новый Городокъ, Радиловъ, Вобрынь и Опоку. Получилъ ли И. И. какой-либо изъ этихъ городъ въ удѣль или въ отдельное управлениe — свѣдѣній объ этомъ нѣтъ. Въ 1406 г. И. И. вмѣстѣ съ другими тверскими удѣльными князьями участвовалъ въ походѣ московскаго князя Василія Дмитревича противъ Витовта; походъ закончился перемириемъ противниковъ, заключеннымъ на р. Плавѣ безъ вѣдома и безъ предупрежденія тверскихъ князей, чѣмъ послѣдніе, а въ числѣ ихъ также И. И., были оскорблены и немедленно покинули московскій станъ. Подъ 1403 г. въ лѣтописи имѣется извѣстіе, что И. И. женился и былъ вѣнчанъ въ Твери епископомъ Арсеніемъ, но имя жены не называется. Отъ этого брака онъ имѣлъ, кажется, сына Андрея (6) и дочь Анну, которая въ 1430 г. вышла замужъ за литовскаго князя Свидригайла.

Полное Собр. Русск. Лѣтоп., т. IV, стр. 365; т. V, стр. 252, 254; т. VI, стр. 133; т. VIII, стр. 74, 78; т. XV, стр. 474—476, 489.—Никонъ-лѣт., т. IV, стр. 307.—Татиц. сводъ, т. IV, стр. 423.—Карамзинъ, „Ист. Гос. Рос.“, изд. Эйнерлинга, т. V, прим. 198, 254.—В. С. Борзаковский, „Исторія Тверскаго княжества“, стр. 173, 177, 182.—А. В. Экземплярскій, „Вел. и удѣльн. князья Сѣв. Руси“, т. II, стр. 497, 500, 504, 505, 641.

22. *Иванъ Михайловичъ*, третій сынъ Михаила Александровича (26), одиннадцатый великій князь тверской, родился въ 1357 г. Слѣдующій разъ лѣтописи говорятъ о немъ подъ 1371 г., когда онъ былъ посланъ отцомъ, въ то время тягавшимся съ Москвою, въ орду и тамъ оставленъ въ качествѣ заложника; оттуда его выкупилъ за 10 тыс. рублей московскій князь Дмитрій Ивановичъ, взялъ его съ собою въ Москву и посадилъ на дворѣ митрополита Алексія, гдѣ онъ «и сѣде вѣколоно, донели-же выкупили его», г. е.

пока оттуда его въ 1373 г. не выкупилъ за ту же сумму отецъ. Въ 1375 г. И. М., по желанію отца, женился на литовской княжнѣ Марії Кейстутьевнѣ, родной сестрѣ ставшаго впослѣдствіи великимъ княземъ литовскимъ Витовта.

Въ 1398 г., по смерти отца, И. М., какъ старшему изъ живыхъ дѣтей, досталась Тверь и рядъ другихъ болѣе или менѣе значительныхъ волостей — Новый Городокъ, Ржева, Зубцовъ, Радиловъ, Вобрынь, Опока, Вертизинъ. Чтобы утвердиться въ великокняжескомъ достоинствѣ на тверскомъ столѣ, И. М. послалъ къ хану своихъ «киличеевъ» съ просьбою пожаловать его «отчиною его и дѣдиною, а своимъ улусомъ княженіемъ Тверскамъ». Ханъ Шадибекъ принялъ «киличеевъ» съ ясакомъ и опустилъ ихъ съ «честью» и съ ярлыкомъ на тверской столѣ.

Въ 1400 г. И. М. сталъ тѣснить болѣе слабыхъ тверскихъ князей, племянника Ивана Борисовича (19) и своихъ родныхъ братьевъ — «на свою братію нелюбы нача держати». Одинъ изъ братьевъ его, Василій Михайловичъ II (12) кашинскій-коснятинскій, жаловался на поступки И. М. ихъ матери Евдокіи Константиновнѣ, которая послала къ нему своихъ бояръ съ увѣщаніемъ. То же сдѣлали съ своей стороны Федоръ Михайловичъ (40) и упомянутый Иванъ Борисовичъ. И. М. однако увѣщаніемъ пословъ не внялъ и пуще прежнаго стала «враждовать и нелюбы держать» противъ братьевъ и даже противъ матери. Тогда мать Ивана Борисовича избрала путь — по выражению лѣтописи — «лукавой лести». Со своими сыновьями она явилась къ И. М. била ему челомъ и заявила, что своихъ бояръ они не посыпали. Такая покорность пришлась по сердцу И. М., онъ принялъ Ивана Борисовича подъ свою руку и въ 1401 г. отдалъ ему озеро Луское и слободу Ерусалимскую, отнятую у брата Василія Михайловича. Послѣдній, самъ слабый и не имѣя надежды ни на Москву, ни на Литву, незадолго передъ тѣмъ «сотоврившихъ единъ миръ и любовь» съ Тверью, по старому обычаю обратился къ духовному лицу, уважаемому въ Тверской землѣ властыре Арсенію, котораго онъ и просилъ бытъ ходатаемъ предъ И. М. объ общемъ судѣ; на ходатайство это И. М. отвѣтилъ отказомъ. Неудавшаяся попытка примиренія

еще болѣе обострила вражду между И. М. и Василемъ, которая въ 1403 г. дошла до открытаго междуусобія; И. М. сначала пошель было лично, а затѣмъ послалъ сына Александра во главѣ значительного войска походомъ на Кашина. Василий Михайловичъ бѣжалъ въ Москву, а Александръ овладѣлъ Кашинымъ. Въ томъ же 1401 г. братьевъ примирилъ московскій князь,— признавъ надъ собою волю тверскаго князя, Василій получилъ Кашина обратно. Миръ былъ не продолжителъ; его нарушилъ въ 1404 г. И. М., схвативъ прѣѣждавшаго въ Тверь Василія. Хотя братья вновь примирились и Василій былъ отпущенъ въ Кашина «съ любовью», но уже въ началѣ лѣта 1405 г. «любовь» была забыта, и тѣснимы Тверью Василій, «не хотя самъ себя вдати въ напасть», уѣжалъ изъ Кашина въ Москву, а И. М. послалъ въ его волость своихъ намѣстниковъ, которые «продажами и грабежомъ» много зла причинили жителямъ. Не получивъ въ Москвѣ поддержки, Василій принужденъ былъ заговорить о мирѣ, который и былъ заключенъ, причемъ на этотъ разъ продолжался цѣлыхъ шесть лѣтъ. Василій Михайловичъ получилъ обратно Кашина, но принужденъ былъ сдѣлать значительныя уступки И. М.

Еще до этого замиренія у И. М. началась вражда съ другимъ княземъ, Юриемъ Всеволодовичемъ (35) холмскимъ; послѣдній, прослушавъ о томъ, что въ Твери былъ схваченъ Василій Михайловичъ, и опасаясь подобной же участіи, въ 1405 г., по совѣту своихъ бояръ, бѣжалъ въ Москву. Возможно, что опасенія эти были напрасными, ибо И. М. нѣсколько разъ посыпалъ въ Москву уговаривать холмскаго князя возвратиться, самъ предлагая, въ случаѣ нанесеній ему невольно какой-либо обиды, передать дѣло на судъ владыки Арсения. Тѣмъ не менѣе Юрій, удерживаемый боярами, остался въ Москвѣ. Въ 1406 г. между литовскими князьями Витовтомъ, захватившимъ Смоленскъ и сдѣлавшимъ набѣгъ на Псковскую область, и великимъ княземъ московскимъ Василемъ Дмитревичемъ, этому самовольству воспротивившимся, начались враждебныя дѣйствія, участіе въ которыхъ принялъ и И. М., послѣ нѣкотораго колебанія ставшій на сторону Москвы и сложившій крестное цѣлованіе къ Витовту. Какъ кажется,

тверскіе полки участвовали уже въ первомъ походѣ москвичей на Литву, въ 1406 г., когда безуспѣшно осаждались Вязьма, Серпейскъ и Козельскъ. Во всякомъ случаѣ, когда московскій князь предпринялъ въ томъ же году второй походъ на Литву, известный подъ именемъ Плавскаго, и обратился за помощью къ И. М., послѣдній послалъ съ этой цѣлью братьевъ Василія кашинскаго и Федора микулинскаго, сына Ивана (21) и кн. Ивана Еремѣевича дорогобужскаго. Разрывъ съ Литвой, старинной союзницей Твери, представлялъ нежданній поворотъ въ политикѣ тверскихъ князей и настолько противорѣчилъ сложившимся традиціямъ, что не могъ быть длительнымъ явленіемъ. И действительно, уже во время Плавскаго похода обнаружились обстоятельства, заставившія И. М. пожалѣть о перемѣнѣ тактики. Русскіе встрѣтились съ литовцами на р. Плавѣ, безплодно простояли тамъ нѣсколько дней въ виду другъ друга и затѣмъ заключили миръ. Способъ заключенія этого-то мира и внесъ раздоръ между московскимъ и тверскимъ князьями. Первый, начавъ мирные переговоры, не предупредилъ о томъ тверскихъ князей и воеводъ, а въ перемирной грамотѣ «не написа честно имени брата своего, вел. кн. Ивана тверскаго, но написа и послы братіи своей». Тверичи вознегодовали на Василія Дмитріевича, говорили, что они не на службу пришли къ нему, и въ сильномъ озлобленіи покинули лагерь москвичей. Раздоръ новель къ тому, что оскорблennyй И. М. сталъ чуждаться Москвы и снова склоняться на сторону Литвы, и когда въ слѣдующемъ 1407 г. между Москвою и Литвою произошло новое столкновеніе и Василій Дмитріевичъ опять обратился къ И. М. за помощью, послѣдній, ссылаясь на недавно нанесенную ему обиду, отвѣтилъ отказомъ:—«се отселѣ не помогаю вы».

Возникшимъ между Василемъ Дмитріевичемъ и И. М. раздорами послѣдній воспользовался Юрій Всеволодовичъ холмскій, изъ Москвы въ іюнѣ 1407 г. отправившійся въ орду, въ надеждѣ тамъ найти поддержку своимъ притязаніямъ. Мѣсяцъ спустя пойхалъ въ орду (Волгою) и И. М., до тѣхъ поръ тамъ не бывавшій. На судѣ предъ новымъ ханомъ, Булатъ-Салтаномъ, сѣвшимъ на мѣсто изгнаннаго незадолго

передъ тѣмъ Шадибека, дѣло выигралъ И. М.—онъ былъ «оправленъ» и въ январѣ 1408 г. отпущенъ въ Тверь «съ честью» и съ подтверждательнымъ ярыкомъ на всю Тверскую землю. Вскорѣ возвратился въ Москву и Юрий и черезъ сопровождавшаго его татарскаго послы Маманта Дербуша потребовалъ отъ И. М. уступки Кашина, пожалованнаго ему ханомъ уже по отѣзду И. М. изъ орды. И. М. отвѣтилъ отказомъ, заявивъ, что онъ самъ «только вчера» отъ хана, что въ полученному имъ, И. М., ярыкѣ ему жалуется вся Тверская земля, следовательно въ томъ числѣ и Кашинъ, и что такому противорѣчивому распоряженію хана онъ повѣрить не можетъ, пока его люди, которыхъ онъ по этому поводу посыпаетъ въ орду, не разузнаютъ объ этомъ дѣлѣ и не подтвердятъ правильность его.

Въ 1408 г. И. М. былъ поставленъ въ затруднительное положеніе во время похода на Москву извѣстнаго татарскаго воевода Едигея. Послѣдній, подступивъ къ Москвѣ и обложивъ ее, намѣревался разрушить ея стѣны и послалъ къ И. М. въ Тверь приказъ лично явиться со всею тверскою ратью и «съ пушками, и съ тюфяками, и съ цицальми, и съ самострѣлами», а главное—немедленно доставить подъ Москву «сосуды градобійные», тогдашнюю артиллерию. И. М. не хотѣлось раздражать ни татаръ, ни московскаго князя, а потому онъ пустился на «коварство»,—съ маленькой дружиной и съ стѣнобитными орудіями онъ хотя и вышелъ въ походъ къ Москвѣ, но шелъ такъ медленно, что помочь его не понадобилась. «И таковымъ коварствомъ—по выражению лѣтописи—премудрова: ни Едигея разгнѣва, ни князю великому (московскому) погруби, обоимъ обоего избѣжа; се же сотвори уменски, паче же истенски». За свою нехитрую хитрость онъ все же поплатился, такъ какъ татары, уходя отъ Москвы и по дорогѣ все разрушая, коснулись и Тверской земли: разорили Клинскую волость, пожгли ее и многихъ жителей увели въ плѣнь.

Въ томъ же 1408 г. М. И. снова началь
непріязненно относиться къ своему племян-
нику Ивану Борисовичу, которому долгое
время покровительствовалъ. Неизвѣстно
по какимъ причинамъ, И. М. вдругъ дви-
гнулся на Кашинь, где княжилъ Иванъ

Борисовичъ, и вынудилъ послѣдняго бѣжать въ Москву. Въ Кашире И. М. оставилъ своихъ намѣстниковъ, съ жителемъ взялъ дань, захватилъ въ плѣнъ «сноху» свою княгиню Борисову и примирился съ братомъ Василиемъ Михайловичемъ, который, повидимому, въ этомъ столкновеніи держалъ сторону бѣжавшаго Ивана Борисовича. Къ 1411 г. относится сближеніе И. М. съ Витовтомъ, на свиданіе съ которыми изъ Твери въ Литвуѣздилъ второй сынъ И. М., Александръ (1), принятый тамъ очень любезно. Годъ спустя послѣ этого у И. М. опять начинается «нелюбие велие» съ братомъ Василиемъ, княжившимъ въ Кашире; въ концѣ июня 1412 г. онъ велѣлъ схватить Василия, его жену, бояръ и слугъ, а въ Кашире послалъ намѣстниковъ, но по дорогѣ въ Тверь, куда были препровождены пленные, Василию удалось ускользнуть отъ стражи и бѣжать въ Москву. Повидимому въ связи съ этимъ утѣсненіемъ кашинскаго князя стоять пріѣздъ въ Тверь татарскаго «посла лютаго», который звалъ И. М. въ орду, куда онъ и отправился въ августѣ 1412 г., передъ этимъ на случай возможныхъ осложненій заключивъ договоръ съ Витовтомъ о взаимной поддержкѣ. Несколькими недѣлями раньше побѣхалъ въ орду и Василий Михайловичъ. Послѣдній вернулся въ Москву уже въ октябрѣ, а 24 декабря, наканунѣ Рождества, во главѣ толпы татарь внезапно подступилъ къ Каширу, но наткнулся на рѣшительный отпоръ со стороны бывшаго въ городѣ тверского отряда (состоявшаго подъ начальствомъ Ивана Борисовича, съ которыми И. М. передъ отѣзгомъ въ орду, надобно полагать, помирился) и потерпѣлъ неудачу.

И. М. вернулся изъ орды только въ апрѣль 1413 г.; ханъ Каримбердай отпустилъ его «съ честью и съ пожалованіемъ». Съ этого времени и вплоть до 1422 г. о немъ въ летописяхъ не встрѣчается никакихъ свѣдѣній, откуда слѣдуетъ заключить, что послѣдніе годы его княженія протекли мирно: удѣльные князья не поднимались противъ него, Москва и татары не нападали на Тверь. Къ 1422 г. относится извѣстіе, что И. М. женилъ своего младшаго сына Юрія на дочери вліятельнаго московскаго боярина Ивана Дмитревича Всеволожскаго, что слѣдуетъ толькo

вать какъ шагъ въ смыслѣ сближенія съ Москвою. Подъ этимъ же годомъ встрѣчается еще одно упоминаніе объ И. М.,— о военной помощи, оказанной имъ Витовту въ войнѣ послѣдняго съ рыцарями.

Скончался И. М. 22 мая 1425 г. отъ моровой язвы, передъ смертью принялъ схиму съ именемъ Гоша. Онъ былъ женатъ дважды: съ 1375 г. на сестрѣ Витовта, Мариѣ Кейстутьевѣ (44; ум. 1404 г.) и съ 1408 г. на дочери дорогобужскаго князя Дмитрія Еремѣевича, Евдокіи. Дѣтей имѣлъ только отъ первого брака—сыновей Ивана (21), Александра (1) и Юрия (36).

Полное Собр. Русск. Лѣтопис., т. III, стр. 103, 105, 110; т. IV, стр. 104, 106, 113, 120—121, 360, 417; т. V, стр. 252, 254, 257, 258, 263; т. VI, стр. 130—133, 135, 136, 139, 142, 143; т. VIII, стр. 18, 71, 74—78, 81—83, 86, 91, 93; т. X V, стр. 461, 470—471, 474—480, 486, 488.—Никоновская лѣтопись, т. III, стр. 305; т. IV, стр. 296—298, 299, 307, 313—317; т. V, стр. 1, 8, 9, 11, 13, 17, 25—26, 37, 42, 43, 47, 79, 85, 262.—Татиш. сборн., т. IV, стр. 400—403, 418—422, 439, 440, 455, 460, 464, 490.—В. С. Борзаковскій, «Исторія Тверскаго княжества», Спб. 1—76, стр. 177—191, 262—269; прим. стр. 109—119, 151—152.—А. В. Экземплярскій, «Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси», т. II, Спб. 1891, стр. 228, 490, 492, 494—507, 520, 530, 533—537, 543, 545—547, 551, 552, 556; 642.—Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійскаго», изд. Эйнерлинга, Сиб., 1843 г., т. IV, прим. 390; т. V, стр. 15, 99—101, 108, 112, 114, 119, 143; прим. 23, 137, 183, 185, 186, 198, 203, 207, 211—213, 232, 254, 258.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Общество Польза», кн. I, стр. 964, 967, 970, 1025, 1027, 1028, 1083.

28. Иванъ Юрьевичъ, сынъ Юрия Александровича (34), единственный самостоятельный князь зубцовскій. Извѣстія о немъ весьма скучны. Послѣ смерти отца, послѣдовавшей въ 1425 г., онъ, по малодѣству ли или по другимъ причинамъ, не занялъ великокняжскаго тверскаго стола, перешедшаго его дядѣ Борису Александровичу (7), но отъ послѣдняго получивъ въ удѣль пригородъ Твери—Зубцовъ, которыемъ и управлялъ, повидимому, до половины XV в., т. е. до времени, когда съ опредѣленностью можно считать его еще живымъ. Въ слѣдующій разъ И. Ю. упоминается въ духовной грамотѣ митрополита Фотія, писанной въ 1431 г.; въ числѣ другихъ князей Фотій въ духовной преподаетъ благословеніе и ему; наконецъ, имя И. Ю. фигурируетъ еще въ двухъ договорныхъ грамотахъ Бориса Александровича съ вел. кн. московскимъ Василиемъ

Темными, относящихся къ 1437 и къ 1450 гг.; въ обоихъ актахъ онъ отмѣчается въ числѣ «молодшой братіи» первого князя и пѣтуетъ крестъ въ соблюденіи договоровъ. Потомства И. Ю. не оставилъ.

Полное Собр. Русск. Лѣт., т. VI, стр. 146; т. VII, стр. 245.—«Собрание Госуд. Грам. и Догов.», т. I, № 76, 77.—«Акты Археогр. Экспед.», т. I, № 33.—Барамзинъ, «Ист. гос. Россійск.», изд. Эйнерлинга, т. V, стр. 143; прим. 258, 332, 349.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. «Общ. Польза», кн. I, стр. 1084.—А. В. Экземплярскій, «Вел. и уд. князья Сѣв. Руси», т. II, стр. 507, 556.—В. С. Борзаковскій, «Исторія Тверскаго княжества», стр. 119.

24. Константинъ Михайловичъ, третій сынъ Михаила Ярославича (31), шестой князь на тверскомъ столѣ, родился въ 1306 г. Впервые упоминается подъ 1318 г., когда отцомъ, затѣявшимъ передъ ханомъ тяжбу съ московскимъ княземъ Юриемъ Даниловичемъ, былъ посланъ въ орду въ качествѣ заложника; въ виду того, что самъ Михаиль Ярославичъ медлилъ пріѣздомъ въ орду, разг҃бъванный ханъ хотѣлъ было 12-лѣтняго К. М. уморить голодомъ и только по настоятельнымъ соображеніямъ своихъ приближенныхъ отказался отъ этого намѣренія. Находился К. М. въ ордѣ и во время казни отца; въ лѣтописяхъ упоминается, что въ тяжкой потерь утѣшала его жена Узбека, Балынь. Изъ орды его въ 1320 г. вывезъ Юрий Даниловичъ въ Москву, тамъ женилъ на своей дочери Ссфѣ и вскорѣ отпустилъ въ Тверь, впрочемъ за солидный выкупъ въ 2.000 руб.; внесенный за К. М. его старшимъ братомъ, Дмитріемъ (16). Затѣмъ лѣтописная извѣстія о немъ надолго обрывается, возобновляясь лишь въ 1327 г. въ связи съ происшествіями, слѣдовавшими послѣ избѣженія въ Твери ханскаго посланника Шевкала и его свиты. Нагрянувшему вслѣдъ за этими на Тверь Ивану Калитѣ, которому ханъ далъ 50-тысячное войско и поручилъ наказать виновныхъ, тверскіе князья не могли сопротивляться и разбрѣжались въ разныя стороны; К. М. вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Василиемъ ушелъ въ Ладогу, но тамъ пробылъ недолго, тогчасъ по уходѣ татарь возвратившись въ разоренную Тверь, гдѣ первое время «сѣдоша въ велицѣ нищетѣ и убожествѣ, понеже земля Тверская пуста»... Но К. М. съ помощью брата Василия

«начаша помалу собирати люди и утѣшили отъ великия печали и скорби». Такъ какъ княжившій въ Твери до нашествія татаръ Александръ Михайловичъ (3) принужденъ былъ и далъ скитаться на чужбинѣ, то К. М., какъ сѣдующій по старшинству, въ 1328 г. побѣхъ въ орду за княжескимъ ярлыкомъ для себя. Ханъ поизрежнему держаль гнѣвъ на тверскихъ князей, и получить ярлыкъ самому К. М. едва ли бы удалось, если бы ему не помогъ Калита, въ это время также бывшій въ ордѣ. Княженіе К. М. характеризуется отсутствиемъ самостоятельности, подчиненіемъ волѣ Калиты, за которымъ тверской князь, по выражению А. В. Экземплярскаго, шелъ какъ бы на привязи: онъ сопровождалъ Калиту въ его многократныхъ поездкахъ въ орду, помогалъ ему въ походахъ, напр. въ 1333 г., когда московскій князь ходилъ войною на Новгородъ. Причины этой покорности ясны: унаследовавъ разгромленное и обезсиленное княжество, Н. М. не могъ помышлять о первенствѣ; съ другой стороны вполнѣ вѣроятно и формальное согласіе подчиняться Калитѣ какъ воздаяніе за оказанную ему послѣднимъ помощь при полученіи княжескаго ярлыка. Однако пассивность К. М. выходила за предѣлы простой покорности, достигая степени униженія: когда руководимые Калитою русскіе князья посыпали сказать бѣжавшему въ Псковъ Александру Михайловичу, чтобы тотъ шелъ въ орду, К. М. также принялъ участіе въ этомъ хорѣ противъ его брата; долженъ былъ онъ примкнуть и къ походу, предпринятыму Калитою на Псковъ съ цѣлью принудить послѣдній къ выдачѣ Александра Михайловича. Не думая о борьбѣ съ Москвою, подчиняясь ей, К. М. направилъ усилия къ тому, чтобы восстановить силы княжества, привести въ порядокъ внутреннія дѣла, утвердить крѣпость своей отчины, и въ этомъ, безъ сомнѣнія, успѣлъ; недаромъ Александръ Михайловичъ назвалъ его однажды «наставникомъ и собирателемъ отчины». Замѣчательно, что К. М. былъ менѣе всего честолюбивъ; когда братъ его Александръ получилъ въ 1337 г. наконецъ, отъ хана прощеніе, онъ безъ всякаго сопротивленія уступилъ ему княженіе въ Твери, фактъ для того времени исключительный. Но въ 1339 г. Александръ былъ казненъ въ ордѣ, и княжескій столъ

снова перешелъ къ К. М. Зависимое положеніе его отъ Москвы стало еще тѣгостнѣе. Это было время, когда Калита стала особенно тѣснить другихъ князей, и, по выражению лѣтописи, «наста насиливаніе много». Понятно, что менѣе всего щадилъ онъ свою исконочную противницу Тверь, и въ этомъ отношеніи дошелъ до того, что приказалъ снять колоколъ съ главной тверской Спасо-Преображенской церкви, усыпальницѣ мѣстныхъ князей, и перевезти его въ Москву,—обида по тогдашнимъ понятіямъ исключительная. Не вышелъ К. М. изъ повиновенія у Москвы и со вступленіемъ (1340 г.) на ея престолъ сына Калиты, Семена Гордаго; во время поѣздки послѣдняго за великокняжескимъ ярлыкомъ въ орду, куда сопровождалъ его и К. М., ханъ даже оформилъ эту зависимость, отдавъ К. М. наряду съ другими князьями «подъ руцѣ его», Семена. Въ послѣдніе годы въ общемъ тихаго и мирнаго княженія у К. М. «бысть нелюбье» съ княгиней Настасіей, супругой брата его Александра, и съ племянникомъ Всеволодомъ Александровичемъ; желаю, вѣроятно, обогатиться на ихъ счетъ, К. М. «начати имати бояръ ихъ и слуги.. черезъ людскую силу». Всеволодъ Александровичъ, «того не моги терпѣти», бѣжалъ въ Москву, а затѣмъ отправился съ жалобою въ орду, куда поспѣшилъ и К. М. Тамъ долженъ быть разсудить ихъ ханъ, но незадолго до предстоявшаго суда К. М. внезапно скончался,—въ 1345 г. Женатъ онъ былъ дважды: первый разъ на упомянутой Софѣ Юрьевнѣ, дочери московскаго кн. Юрия Даниловича, и второй—на Евдокії, отчествомъ и родомъ неизвѣстной: вѣроятно отъ второго брака имѣлъ двоихъ сыновей *Семена* (33) и *Еремія* (18). Такъ какъ послѣдніе послѣ смерти отца княжили въ Дорогобужѣ, то является предположеніе, что этотъ городъ получилъ въ удѣлъ еще К. М. отъ своего отца Михаила Ярославича, когда тотъ передъ трагически закончившейся поїздкой въ Москву раздѣлилъ между сыновьями свою вотчину. Тѣль не менѣе имя князя дорогобужскаго К. М. не привилось, вѣроятно потому, что прозваніе его по великокняжескому столу вытѣснило прозваніе по удѣлу.

Полное Собр. Русск. Лѣтоп., т. III, стр. 79; т. IV, стр. 55; т. V, стр. 209, 210, 217, 220, 222;

т. VI, стр. 192; т. VII, стр. 191, 201, 203, 206, 209, 210, 237; т. XV, стр. 410, 414, 419.—Никоновская лѣтоп., т. III, стр. 120, 124, 139, 140—141, 151, 159, 161, 170, 171, 178—179, 184; т. IV, стр. 12, 204.—Татищ. сводъ, т. IV, стр. 99, 101, 110, 120, 121, 130, 131, 142, 153, 159—160.—Карамзинъ, «Исторія госуд. Россіїск.», пад. Энкіпера, Спб. 1843, т. IV, стр. 112, 115, 116, 119, 121, 126, 134, 135, 140, 143, 153, 170; прим. 247, 280, 291, 301, 308, 369; т. V, стр. 5.—С. М. Соловьевъ, «Історія Россії», изд. т-ва «Общ. Поплавъ», кн. I, стр. 908, 910, 919—920, 940; кн. III, стр. 874, пр. 3.—Бестужевъ-Рюминъ, «Русская исторія», стр. 417.—И. Д. Вѣлятевъ, «Великій кн. Михаилъ Ярославичъ Тверской», «Чтенія Моск. Общ. Истор. и Древн. Рос.», 1861, № 3.—В. С. Бораковскій, «Історія Тверского княжества», Спб. 1876, стр. 125—127, 130—132.—А. В. Экземплярскій, «Великие пурѣльные князья Сѣверной Руси», т. II, Спб. 1891, стр. 47, 86, 399, 400, 467, 469, 473, 476—478, 516, 540.—«Энциклопед. словарь» Брокгауза-Ефрона, 1-е изд., Спб. 1895, полуут. 31, стр. 72.

25. *Левъ Александровичъ*, старшій изъ шести сыновей Александра Михайловича (2); лѣтописи отмѣчаютъ только дату его рождения—1321 годъ; вѣроятно умеръ малолѣтнимъ.

Полное Собр. Русск. Лѣт., т. XV, стр. 414.—Никоновск. лѣтоп., т. III, стр. 126.—А. В. Экземплярскій, «Великій и уд. князь Сѣв. Руси», т. II, стр. 476, 640.

26. *Михаилъ Александровичъ*, четвертый сынъ Александра Михайловича (2), десятый князь на тверскомъ столѣ и первый князь микулинскій, родился въ 1333 г. во Псковѣ, гдѣ въ то время изгнаникомъ жилъ его отецъ; крестилъ его новгородскій владыка Василій, ради этого пріѣхавшій во Псковъ. Когда М. А. получилъ въ удѣль Микулинѣ, изъ лѣтописныхъ данныхъ не видно, но вѣроятно въ 1339 г., когда Александръ Михайловичъ передѣлъ послѣдней поѣздкой въ орду «о вѣтчии» своей глаголавъ». По малолѣтству въ управление удѣломъ вступили лишь значительно позже, предоставивъ веденіе дѣль боярамъ. Въ 1841 г. онъ былъ отвезенъ изъ Твери въ Новгородъ къ владыкѣ Василію для обученія грамотѣ. Это послѣднее лѣтописное извѣстіе, относящееся къ дѣтскимъ и юношескимъ годамъ М. А.—въ теченіе дальниѣшихъ цѣлыхъ 20 лѣтъ има въ древнихъ актахъ не встрѣчается. Только подъ 1362 г. лѣтописи снова заговориваютъ о немъ, къ тому же съ пространностью и полнотою, дѣлающими еще менѣе понятнымъ такое

длительное молчаніе. Въ Тверской лѣтописи, напр., подъ этимъ годомъ подробно говорится о добромъ нравѣ М. А. и о томъ, что тверичи питали къ нему необыкновенную любовь—«всі сынове тверстія прилагахуса къ нему и храбри служаху ему». Изъ этой любви тверского населения къ М. А. можно заключить, что онъ если и жилъ преимущественно на своемъ удѣльѣ, въ Микулинѣ, то нерѣдко бывалъ и въ Твери, гдѣ въ это время княжалъ дядя его, Василій Михайловичъ кашинскій (10), и въ дѣлахъ тверскихъ имѣть уже тогда значительное вліяніе. Популярность М. А. среди тверичей вызывала враждебный къ нему чувства и опасенія со стороны Василія Михайловича, который, внимая напговорамъ и навѣтамъ своей супруги Елены, «нача гнѣватися на Михаила, зло враждоваше на него», а въ 1363 г. предпринялъ даже походъ на Микулинѣ, кончившійся, впрочемъ, миромъ: дядя и племянникъ «смиришася и любовь сотвориша». Опасенія тверского князя были не безосновательны; изъ нѣкоторыхъ данныхъ видно, что въ сущности М. А., благодаря своей популярности, пользовался въ Твери большими знатеніемъ и вліяніемъ, чѣмъ самъ князь тверской, Василій Михайловичъ.

Въ 1364 г. М. А. значительно усилился территориально и материально, унаслѣдовавъ удѣль отъ своего двоюроднаго брата, дорогобужскаго князя Семена Константиновича, павшаго жертвой свирѣпствовавшей въ этомъ году моровой язвы. Завѣщаніе Семена Константиновича вызвало протестъ со стороны прямого наслѣдника, старшаго брата его Еремія; по ходатайству послѣдняго предъ митрополитомъ, дѣло о наслѣдствѣ перешло, согласно установленному обычаю, на судъ духовнаго лица, и судьюю призванъ былъ тверской владыка Василій, признавшій права М. А. на удѣль, въ виду яснаго смысла завѣщанія, безспорными. Впослѣдствіи за это рѣшеніе владыка самъ подвергся суду князей, слѣдствиемъ котораго владыкѣ «соствориша проторъ великъ». Усиленіе М. А. было, конечно, не по душѣ Василію Михайловичу, и онъ, не будучи въ состояніи справиться съ нимъ собственными силами, потерпѣвъ уже однажды въ этомъ неудачу, для борьбы съ М. А. сталъ искать союзника, которого и нашелъ въ лице московскаго князя Димитрия Ивановича (Донскаго), къ этому

времени окончательно утвердившагося на московскомъ престолѣ. Въ свою очередь и М. А., также не надѣясь на собственныя силы для предстоящей неизбѣжной борьбы, нашелъ поддержку у Латвы, которая, такимъ образомъ, изъ-за междуусобій тверскихъ князей впервые пришла въ столкновеніе съ Москвой. Когда Дмитрій Ивановичъ, по выражению лѣтописи, «нача посягати» на русскихъ князей, въ томъ числѣ и на М. А., послѣдній отправился за помощью къ Ольгерду. Воспользовавшись отсутствіемъ М. А., враги его—Василій Михайловичъ и Еремій Константиновичъ въ союзѣ съ Москвою—соединенными силами пошли на... Тверь. Именно на Тверь, а не на Микулинъ, и это является въ значительной степени необъяснимымъ, такъ какъ тверскимъ великимъ княземъ въ это время продолжалъ оставаться одинъ изъ соучастниковъ похода и враговъ М. А.—Василій Михайловичъ. Единственное объясненіе, которое здѣсь можно допустить и которое обычно приводится, это то, что тверичи въ возникшихъ расприяхъ взяли сторону своего любимца, М. А., и князь тверской хотѣлъ наказать ихъ за измѣну себѣ. Какъ бы то ни было, взять городъ союзникамъ не удалось, но окрестнымъ жителямъ пришлось испытать «муки, безчестье и грабежъ» отъ ихъ войскъ, удалившихся лишь послѣ того, какъ «все пусто сотвориша». Осеню того же 1366 г. М. А. возвратился съ литовскими войсками. Ему съ первыхъ же шаговъ сопутствовалъ успѣхъ: взять въ плѣнъ жень князей Василія и Еремія, а также многихъ бояръ и слугъ первого, онъ почти безпрепятственно подступилъ къ Кашину. Василій Михайловичъ не въ состояніи былъ оказать серьезнаго сопротивленія племяннику и запросилъ мира, который и былъ заключенъ въ селѣ Авдеевскомъ. Непосредственно вслѣдъ за этимъ М. А. взять «миръ и любовь» также съ Дмитріемъ Ивановичемъ и Ереміемъ Константиновичемъ, а въ день Крещенія 1367 г. цѣловалъ крестъ въ любви и дружбѣ и съ сыномъ тверского князя, Михаиломъ Васильевичемъ (28). Хотя условия этого ряда мирныхъ соглашеній и неизвѣстны, но несомнѣнно, что главнѣйшимъ ихъ пунктомъ было утвержденіе за М. А. спорнаго удѣла княже-Семена. Съ другой стороны, влияніе М. А. въ дѣлахъ Тверского княжества, и до

тѣхъ поръ весьма видное, стало исключительнымъ, хотя тверской столъ все же остался въ рукахъ Василія Михайловича, несмотря на желаніе тверичей имѣть своимъ княземъ М. А. Наиболѣшее удовлетвореніе заключенные мирные договоры доставили народной массѣ, въ теченіе предыдущихъ княжескихъ междуусобицъ сильно разорившейся и теперь, въ виду измѣнившихся политическихъ условій, торжествовавшей неописуемо; даже высшимъ слоемъ населенія наступившія спокойныя времена доставляли радость,—«и радовались бояре, и всѣ вельможи, также гости и купцы, и ремесленники, и работные люди», повѣствуетъ лѣтопись.

Всѣобщая радость была однако непродолжительна: уже въ томъ же 1367 г. Еремій Константиновичъ сложилъ крестное цѣлованіе къ М. А. и ушелъ въ Москву, гдѣ снова поднялъ вопросъ объ удѣлѣ своего брата. Пользуясь всякимъ случаемъ для выѣзжательства въ дѣла тверскихъ князей, Дмитрій Ивановичъ не упустилъ и этого обстоятельства, выставилъ себя защитникомъ уѣсненнаго князя и по совѣту съ боярами пригласилъ въ Москву М. А. для переговоровъ о спорномъ дѣлѣ. Не безъ основанія подозрѣвая въ этомъ приглашеніи ловушку, М. А. медлилъ соглашемъ, но когда получилъ завѣренія въ безопасноти даже отъ митрополита Алексія, счелъ это достаточной гарантіей и въ началѣ 1368 г. былъ уже въ Москвѣ. Обѣщанія митрополита были нарушены самымъ безцеремоннымъ образомъ: послѣ нѣкотораго подобія суда, рѣшившаго дѣло по указкѣ московскаго князя въ пользу Еремія, М. А. самого и его бояръ неожиданно схватили, арестовали и посадили въ заточеніе. Такой поступокъ былъ настолько вѣроломенъ, что имъ были поражены даже пріѣхавшіе вскорѣ послѣ этого въ Москву трое татарскихъ князей,—«слышавше сіе, усумнѣвшись». Именно это обстоятельство, повидимому, и заставило московскаго князя освободить М. А. и тверскихъ бояръ, связавъ его, впрочемъ, крестнымъ цѣлованіемъ, а на чёмъ—изъ лѣтописей не видно; можно лишь предполагать,—или чтобы М. А. не мстилъ въ союзѣ съ Литвою за причиненную ему обиду, или же въ томъ, что онъ отступился отъ части удѣла, завѣщанаго ему Семеномъ Константиновичемъ; послѣднее пред-

положение более вѣроятно, ибо почти непосредственно вслѣдъ за освобожденіемъ М. А. Дмитрій Иванович занялъ относившійся къ этому удѣлу Градокъ, въ которомъ посадилъ своего намѣстника.

Въ 1368 г. скончался Василій Михайловичъ, и М. А., унаследовавъ послѣ него великокняжескій столъ, сталъ тверовимъ княземъ не только *de facto*, но и *de jure*. Воскненіе въ Твери М. А., человѣка воинственнаго и самостоятельнаго, не могло быть по душѣ Дмитрію Ивановичу, и послѣдній, не давая М. А. освоиться въ новомъ положеніи и собравшись съ силами, выслалъ противъ него сильную рать. Не будучи въ состояніи ей сопротивляться, М. А. бѣжалъ въ Литву, гдѣ ему снова удалось вооружить противъ Москвы Ольгерда. Во главѣ могучей рати, по пути усиленной присоединившимися смолянами, воинственный Ольгердъ двинулся противъ Дмитрія Ивановича, на р. Тростѣ 21 ноября 1368 г. уничтожилъ московскій сторожевой полкъ и затѣмъ подступилъ къ самой Москвѣ, гдѣ затворился великий князь съ боярами и духовенствомъ. Три дня простоялъ Ольгердъ подъ городомъ, взять его не могъ, но кругомъ «соторилъ много зла», какого Москва никогда прежде не видала даже отъ татаръ. По заключенному вскорѣ миру М. А. получилъ обратно Градокъ и другія волости изъ удѣла князь-Семена, ранѣе отнятыхъ Москвою.

Мирный договоръ въ сущности почти не измѣнилъ взаимоотношеній Твери и Москвы. Обѣ стороны сознавали неустойчивость положенія и готовились къ болѣе решительнымъ событиямъ; М. А. въ 1369 г., напр., укрѣпилъ Тверь деревянною стѣною, «срубилъ градъ деревянъ и глиною помазаль». Браждебныя дѣйствія и на этотъ разъ началь Дмитрій Ивановичъ, который уже вскорѣ послѣ замиренія послалъ рать на Смоленскъ и Брянскъ съ цѣлью наказать ихъ за союзъ съ Ольгердомъ и Тверью. Было ясно, что Дмитрій Ивановичъ не оставитъ въ покое и Тверь. И дѣйствительно, уже въ августѣ 1370 г. московскій князь сложилъ крестное щѣлованіе къ М. А. и объявилъ ему войну. М. А. опять бѣжалъ въ Литву. Въ его отсутствіе московскія войска сильно пограбили Тверскую землю, забравъ при томъ въ пленъ многихъ жителей, а затѣмъ въ сентябрѣ того же года явились снова, уже подъ на-

чальствомъ самого Дмитрія Ивановича, взяли Зубцовъ и Микулинъ, по пути «все пусто сотворили и людей многое множество въ полонъ повели». Старанія М. А. получить помощь отъ Ольгерда противъ Москвы на этотъ разъ успѣха не имѣли, ибо Литва была занята войною съ князьями. Тогда М. А. отправился въ орду, гдѣ неожиданно возобновилъ одно изъ прежнихъ притязаній тверскихъ князей—сталъ хлопотать о ярлыкѣ на великое княженіе Владимірское. Желая, очевидно, поселить еще большую рознь между враждующими князьями и вмѣстѣ съ тѣмъ устрашить усилившагося Дмитрія Ивановича, которому въ это время принадлежалъ титулъ великаго князя Владимірскаго, ханъ Мамай къ хлопотамъ М. А. отнесся благосклонно и просямый ярлыкъ ему выдалъ. Въ Москвѣ, однако, относились уже не съ такою покорностью къ ханской волѣ, какъ прежде. Узнавъ о проискахъ М. А. и о рѣшении хана, Дмитрій Ивановичъ сначала «негодова о семъ», а затѣмъ попросту распорядился изловить М. А. на его пути изъ орды, несмотря на то, что тверской князь возвращался въ сопровождении татарскаго посла Сарыхода. Предупрежденный обѣ этомъ своими московскими доброхотами, М. А. избѣжалъ погони, направившись въ Литву, гдѣ опять сталъ просить помощи у Ольгерда противъ Москвы, — на этотъ разъ не безплодно. Въ союзѣ съ своимъ братомъ Кейстутомъ и многими другими литовскими князьями Ольгердъ вторично двинулся на Москву; въ ноябрѣ 1370 г. онъ былъ уже въ московской области, гдѣ пожегъ и пограбилъ окрестности Волоколамска, а 6 декабря подступилъ къ Москвѣ, которую осаждалъ въ теченіе 8 дней. Только военные успѣхи серпуховскаго князя Владимира Андреевича, выступившаго на помощь Дмитрію Ивановичу и грозившаго напасть на Тверь либо обрушиться въ тылъ осаждавшимъ, заставили Ольгерда снять осаду и самостоятельно заключить съ Москвою миръ. Оставшись безъ поддержки литовскаго князя, М. А. также принужденъ былъ заключить перемирие, по условіямъ которого хотя и сохранилъ за собою вѣдѣнія, но отказался отъ притязаній на великое княжество Владимірское.

Результатами этого похода М. А. остался недоволенъ, ибо ни расширить территоріи

Твери, ни удержать за собою титулъ великаго князя Владимиrскаго, ни ослабить Москвы ему не удалось. Съ другой стороны, въ послѣднюю его поѣздку въ орду выяснилось благосклонное отношеніе къ нему хана. М. А. теперь и задумалъ искать у него поддержки и въ началѣ 1371 г. вторично поѣхалъ въ орду, гдѣ дѣйствительно получиль подтверждительный ярлыкъ на великое княженіе Владимиrское, но отъ предложеннай ханомъ ему ратной помощи для осуществленія новыхъ правъ почему-то отказался. Этой поѣздкой въ орду М. А. сдѣлалъ двойную ошибку: вторичнымъ обращенiemъ къ татарамъ, гнѣть которыхъ становился на Руси все болѣе невыносимъ, онъ возстановилъ противъ себя почти все населеніе Руси, а отказомъ отъ татарской помощи лишился возможности хотя бы силой утвердиться въ великому княженіи. Поэтому, когда московскій князь, узнавъ о поступкѣ М. А., велѣлъ во всѣхъ городахъ привести жителей къ крестному цѣлованію въ томъ, что они не пустятъ М. А. на Владимиrское великое княженіе, онъ всюду встрѣтилъ единодушное согласие. И дѣйствительно, когда М. А. подошелъ къ Владимиру, жители не пустили его въ городъ, пославъ сказать ему: «ты взялъ обманомъ великое княженіе». Сопровождавшій и этотъ разъ М. А. татарскій посолъ Сарыхожа приглашалъ Дмитрія Ивановича, ставшаго съ ратью у Переяславля-Залѣсскаго, повиноваться ханской волѣ, на что московскій князь отвѣтилъ: «къ ярлыку не ѿду, а въ землю на княженіе Владимиrское не пущу, а тебѣ послу путь чистъ». Оставленный Сарыхожей, котораго Дмитрій Ивановичъ шедрыми подарками привлекъ къ себѣ, М. А. отъ Владимира двинулъ было на Бѣжецкій Верхъ, но затѣмъ повернуль въ Тверь, куда и вошелъ въ маѣ. Полная неудача тѣмъ не менѣе не сломила рѣшимости М. А. добиваться великаго княженія, и онъ вскорѣ послалъ къ хану своего старшаго сына Ивана съ жалобой на московскаго князя, но послѣдний, провѣдавъ объ этомъ, самъ поѣхалъ въ орду, гдѣ не щадиль денегъ и подарковъ, при поддержкѣ Сарыхожи вполнѣ оправдался и получилъ подтвержденіе на великокняжескій ярлыкъ. М. А. же въ лицѣ его сына ханъ велѣлъ сказать: «Мы дали тебѣ великое княженіе и давали тебѣ рать, а ты не захотѣлъ и сказалъ, что своею си-

лою садешь, и ты сиди съ кѣмъ тебѣ любо, а отъ настъ помощи не ищи». Такимъ образомъ дѣло М. А. въ ордѣ было окончательно проиграно. Однако, пользуясь отсутствиемъ Дмитрія Ивановича, М. А. постарался нанести ему вредъ съ другой стороны—во главѣ значительного войска двинулся на московскія области и повоевалъ Кострому, Угличъ и снова Бѣжецкій Верхъ, въ которыхъ посадилъ своихъ намѣстниковъ. Необдуманнымъ захватомъ Бѣжецкаго Верха онъ вооружилъ противъ себя новгородцевъ, владѣвшихъ этой волостью, и они, до тѣхъ поръ не державшіе ничѣй стороны въ борьбѣ Твери съ Москвою, вслѣдствіе такой обиды вступили въ тѣсный союзъ съ московскимъ княземъ. Послѣдній, возвратившись изъ орды, тотчасъ же послалъ свою рать къ Бѣжецкому Верху, гдѣ намѣстникъ М. А., Никифоръ Лычъ, былъ схваченъ и убитъ; однако московскія войска вскорѣ были отозваны къ участію въ походѣ на Рязань. Этимъ обстоятельствомъ, т. е. поглощеніемъ всѣхъ боевыхъ силъ Москвы походомъ противъ рязанскаго князя Олега, и воспользовался М. А.: въ 1372 г. онъ напалъ на Кистму, гдѣ захватилъ тамошнихъ воеводъ, затѣмъ пошелъ къ Дмитрію, пожегъ его окрестности, ограбилъ городъ и увелъ многихъ жителей въ плѣнъ, далѣ, при помощи литовцевъ, обрушился на Переяславль, который также разорилъ и обложилъ выкупомъ, оттуда, узнавъ о томъ, что кашинскій князь Михаилъ Васильевичъ бѣжалъ въ Москву и тамъ заключилъ съ Дмитріемъ Ивановичемъ союз,—двинулся къ Кашину, взялъ его, обязаль окупомъ, окрестности разорилъ, наконецъ—направился къ Торжку, безъ труда его покорилъ и посадилъ тамъ намѣстниковъ. Когда же на защиту Торжка поднялись новгородцы, изгнавшіе тверскихъ намѣстниковъ, а тверскихъ гостей избившіе и ограбившіе, М. А. вернулся къ этому городу, въ проишедшей битвѣ разбилъ новгородцевъ на-голову, городъ же разграбилъ и сжегъ до основанія; во время этого пожара, привнесшаго вслѣдствіе бушевавшаго вѣтра страшные размѣры, погибло много людей; вообще М. А. на этотъ разъ учинилъ такое зло, какого, по выражению лѣтописи, «и отъ поганыхъ не бывало».

Успѣхи М. А. поселили въ немъ рѣшимость еще разъ напасть на Москву; раз-

счеты его могли быть тѣмъ болѣе основательными, что на помощь ему снова пришелъ литовскій князь Ольгердъ съ значительными силами. Въ союзѣ съ послѣднимъ М. А. дѣйствительно двинулся къ Москвѣ. Однако Дмитрій Ивановичъ на этотъ разъ не былъ застигнутъ врасплохъ. Съ сильнымъ войскомъ онъ встрѣтилъ противниковъ у Любутска и въ первой же стычкѣ разбилъ сторожевой полкъ Ольгерда, вслѣдствіе чего литовскій князь принужденъ былъ отступить и занять оборонительную позицію. Нѣсколько дней безплодно простоявъ другъ противъ друга, князья рѣшились на перемиріе, въ актѣ о которомъ, помимо М. А., даже противъ его воли, были включены и нѣкоторыя условія, касавшіяся тверского князя: послѣдній долженъ былъ возвратить все пограбленное въ области Владимира великаго княженія и вывести своихъ намѣстниковъ изъ городовъ Дмитрія Ивановича, если же откажется подчиниться или начнетъ непріязненныя дѣйствія раньше окончанія срока перемирія (съ 31 июля до 26 октября) — московскій князь самъ съ ними перевѣдается, а Ольгердъ не заступается. Положеніе М. А., такимъ образомъ, стало довольно затруднительнымъ: онъ принужденъ былъ или добровольно отказаться отъ всего прежде завоеванного, или, случай сопротивленія, разсчитывать на собственные силы. М. А. принужденъ былъ предпочесть первый исходъ и вернулся въ Тверь. Это было необходимо и потому, что, пользуясь затруднительными обстоятельствами М. А., отъ него отложился недавно усмиренный кашинскій князь Михаилъ Васильевичъ, ушедший сначала въ Москву, а затѣмъ въ орду о чёмъ-то хлопотать, хотя хлопоты его успѣха не имѣли. Впрочемъ, затрудненія, чинимыя М. А. кашинскимъ княземъ, закончились благополучно, такъ какъ Василій Михайловичъ вскорѣ по возвращеніи изъ орды скончался (1372 г.), сынъ же его, Михаилъ Васильевичъ II, «съ бабою своею, со княгинею Еленою, и съ боярами прѣѣхалъ во Тверь къ великому князю Михаилу съ себойтьемъ и вдаясь во всю волю его». Между тѣмъ срокъ перемирія между Москвою и Тверью подходилъ къ концу, и М. А., повидимому, опасался, что Дмитрій Ивановичъ пойдетъ на него походомъ, именно въ виду этого онъ энергично стала укрѣплять Тверь — прорыть

вокругъ канаву и насыпалъ валъ отъ Волги до р. Тиаки. До столкновенія, однако, дѣло не дошло, такъ какъ Дмитрій Ивановичъ былъ ствлеченъ татарами, угрожавшими изъ-за Оки; въ концѣ же 1373 г. между противниками окончательно былъ заключенъ миръ, по которому Дмитрій Ивановичъ отпустилъ сына тверского князя, Ивана Михайловича, получивъ за него раньше упложеній имъ въ ордѣ выкупъ въ 10 тыс. рублей, а М. А., согласно выше упомянутому перемирному договору, вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ всѣхъ волостей, взятыхъ имъ у Москвы. «И бысть радость велика всѣхъ христіанамъ», заключаетъ лѣтописецъ по случаю этого мира.

По обыкновенію, миръ и на этотъ разъ оказался непродолжительнымъ. Въ томъ же 1373 г. въ Тверь изъ Москвы явились два бѣглеца, сынъ московскаго тысяцкаго Иванъ Вельяминовъ и купецъ Некомать, которыхъ лѣтописи и считаютъ виновниками вновь возгорѣвшейся вражды между М. А. и Дмитріемъ Ивановичемъ. Эти перебѣжчики, по словамъ лѣтописи, прїѣхали въ Тверь «на христіанскую наспать, на христіанскую пагубу, со многовою ложью, лѣстивыми словами,— отъ нихъ-то и огонь весь загорѣлся». Изъ ихъ разсказовъ о намѣреніяхъ — отчасти дѣйствительныхъ, отчасти мнимыхъ — московскаго князя М. А. убѣдился въ томъ, что Дмитрій Ивановичъ злоумышляетъ какъ противъ Твери, такъ и противъ орды; полученный извѣстія были приваты тверскимъ княземъ съ полнымъ довѣрiemъ и сочтены настолько важными, что онъ обоихъ перебѣжчиковъ съ этими вѣстями послалъ въ орду, а лично съ цѣлью хлопотать о союзѣ противъ Москвы отправился въ Литву, где ему была обѣщана помощь. Изъ Литвы М. А. вернулся весною 1375 г., а въ іюлѣ прибылъ изъ орды Некомать съ татарскимъ посломъ Ачихожею и съ ярлыкомъ для М. А. на великое княжение Владимира, изъ чего видно, что вѣстямъ о намѣреніяхъ московскаго князя придалъ вѣры также и ханъ. Всѣдѣствіе такихъ обстоятельствъ М. А. послалъ сказать Дмитрію Ивановичу о сложеніи крестнаго щелованія и одновременно съ этимъ отправилъ намѣстниковъ въ Торжокъ и значительную рать ва Угличъ. Такимъ образомъ, М. А., въ разсчетѣ на поддержку Литвы и орды, самъ началъ борьбу съ Москвою. Но расчеты его не оправ-

дались: съ одной стороны, ни орда, ни Литва не оказали ему обѣщанной помощи; съ другой же, Москва была вполнѣ подготовлена къ сопротивлению, даже къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Въ юлѣ 1375 г. Дмитрій Ивановичъ съ помощью почти всѣхъ князей сѣверо-восточной Руси двинулся на Тверь. Противъ М. А. вооружились даже бывшіе его союзники, какъ, напр., смоленскіе князья. Вездѣ и всюду противъ него поднялось негодованіе за то, что онъ «сложился съ Мамаемъ и со всю ордою его». Въ виду такого оборота дѣль и наступленія противниковъ, М. А., не въ силахъ оказать открытое сопротивленія, заперся въ Твери; союзныя войска начали воевать и опустошать окрестности города,—взяли Микулинъ и другія волости, которыя пожгли и пограбили, а въ началѣ августа подступили къ самой Твери, пытались взять ее приступомъ, но потерпѣли неудачу, послѣ чего обложили городъ съ цѣлью принудить его къ сдачѣ голodomъ. Въ то время какъ Дмитрій Ивановичъ усилился еще присоединеніемъ къ нему новгородцевъ, въ отмщеніе за прошлыхъ обиды пришедшихъ къ Твери «рыкающе, съ яростью, скрежущюще зубы на тферицѣ», въ то время какъ разосланые въ разныя стороны московскими князями отряды взяли Зубцовъ, Бѣлгородъ и Старицу,—М. А. не получалъ поддержки ни отъ татаръ, ни отъ Ольгерда и принужденъ былъ защищаться собственными силами; правда, къ Твери подошла было литовская рать, но когда узнала о превосходныхъ силахъ московского князя, поспѣшило бѣжала обратно. При такихъ обстоятельствахъ М. А., «видя свое изнеможеніе, понеже вся Русская земля возстала на него», рѣшился просить мира, пославъ къ Дмитрію Ивановичу съ челобитнѣемъ обѣ этомъ тверскому владыку Евфимію «и старѣшихъ и нарочитыхъ бояръ своихъ». По заключенному мирному соглашенію М. А. «во всю волю (Дмитрия) даяся», сдѣлавъ важные уступки и Москвѣ и Новгороду—въ пользу первой отказался отъ всякихъ притязаній на вел. княж. Владимірское, призналъ независимость Кашинскаго княжества, и въ пользу второго—возвратилъ всѣ села, купленныя тверскими князьями, вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ Торжка, отпустилъ всѣхъ цѣлнныхъ новгородцевъ и проч.. Вмѣсть съ тѣмъ М. А. призналъ себя

«младшимъ братомъ» Дмитрію Ивановичу, обязался давать ему военную помощь и принужденъ былъ разъ навсегда отказаться отъ союза съ Литвою. Встрѣчныя обязательства Дмитрія Ивановича были далеко не такого широкаго объема, ограничиваясь почти исключительно военной помощью Твери, если бы на нее напали татары или литовцы.

Такимъ образомъ, продолжительная борьба М. А. съ Москвою закончилась полнымъ его пораженіемъ, и въ дальнѣйшей своей дѣятельности хотя онъ и предпринимаетъ рядъ шаговъ съ цѣлью восстановить расшатанныя силы Тверскаго княжества и возвратить ему утраченное значеніе, но эти усиленія не всегда сопровождаются успѣхомъ. Такъ, напр., уже въ концѣ того же 1375 г. М. А. женилъ своего старшаго сына, Ивана, на литовской княжнѣ Маріи Кейстутовнѣ, устроивъ этотъ бракъ, конечно, съ политическими расчетами, но послѣдніе не оправдались, ибо два года спустя умеръ Ольгердъ, и литовскимъ княземъ сталъ Ягелло, а въ 1382 г., во время смуты въ Литвѣ, былъ удавленъ и отецъ Маріи—Кейстутъ. Если въ этомъ отношеніи М. А. потерпѣлъ неудачу, то неожиданное усиленіе онъ получилъ съ другой стороны: въ 1382 г. умеръ кашинскій князь Василій Михайловичъ, потомства не оставившій, и его удѣль, изъ-за котораго пролилось столько крови, снова перешелъ въ семейство М. А., доставшись его сыну Борису.

Совсѣмъ почти не выяснена роль М. А. въ связи съ Куликовской битвой. Въ однихъ сказанияхъ обѣ этой битвѣ тверскіе князья совершенно не упоминаются участниками въ ней, въ другихъ же говорится, что М. А. на помощь Дмитрію Ивановичу, по его просьбѣ, послалъ своего племянника, Ивана Всеволодовича холмскаго. Въ виду существовавшихъ сблизительствъ М. А. оказывать Москвѣ помошь, необходимость которой въ данномъ случаѣ была особенно настоятельной, слѣдуетъ второе предположеніе считать болѣе вѣроятнымъ.

Разразившееся вслѣдъ за Куликовской битвой нашествие на Русь хана Тохтамыша, имѣвшее цѣлью наказать собственно московскаго князя, угрожало бѣдствіями и Тверской землѣ, которая М. А. предупредилъ обычнымъ въ то время «дипломатическимъ» прѣемомъ—задарилъ Тохтамыша, притомъ настолько обильно, что тотъ, «при

дары... послалъ ерлыкъ свѣй, жалованіе свое къ великому князю Михаилу Александровичу». Благосклонное отношение къ нему хана и относительное обезсиленіе Москвы, значительно пострадавшей во время нашествія Тохтамыша, вновь на монентъ воскресило въ М. А. надежды на возстановленіе бывшаго положенія Твери. Быть со своимъ сыномъ Александромъ (3), запаошись дарами, онъ поспѣшилъ въ орду, гдѣ предъ ханомъ возбудилъ свои прежнія притязанія на Владимірское великое княженіе. Цѣлый годъ пробылъ М. А. въ ордѣ, но въ своихъ хлопотахъ не успѣлъ: «Я улу-сы свои самъ знаю—отвѣтилъ ему ханъ,— и каждый князь русскій на моемъ улусѣ, а на своемъ отечествѣ живеть по старинѣ, а мнѣ служить правдою, и я его жалую по старинѣ, а что неправда предо мною улусника моего кн. Дмитрія московскаго и я его поустранилъ, и онъ мнѣ служитъ правдою, и я его жалую по старинѣ во отчинѣ его, а ты поди въ свою отчину во Тверь и служи мнѣ правдою, и я тебя жалую». Въ 1383 г. М. А., ничего не добившись, уѣхалъ изъ орды, оставилъ тамъ для дальниѣшихъ хлопотъ сына Александра, который также ничего не успѣлъ и въ 1386 г. возвратился въ Тверь. Съ этихъ поръ М. А. окончательно прекратилъ свои домогательства на великое княженіе Владимірское и свои иска-тельства въ ордѣ; если онъ и заботился объ исправленіи въ различныхъ пунктахъ старыхъ укрѣплений и о возведеніи новыхъ, напр. въ Новомъ Городкѣ на Волгѣ и въ самой Твери, то дѣлалъ это исключительно въ цѣляхъ успѣшной обороны противъ возможныхъ вступленій Москвы. Въ эти же видахъ онъ старался укрѣпить родственныя связи съ Латвой и Смоленскомъ, въ 1385 г. женивъ двухъ своихъ сыновей—Бориса на дочери Святослава Ивановича смоленскаго и Василия на дочери Владимира Ольгердовича кіевскаго, причемъ послѣдній бракъ снискалъ расположеніе къ Твери Витовта. Стремился М. А. также къ приобрѣтенію друзей и въ самой Москвѣ, для чего своего младшаго сына Федора женилъ на дочери знаменитаго московскаго боярина Федора Андреевича Кошки, причемъ родство М. А. съ послѣднимъ не разъ сослужило ему службу въ томъ смыслѣ, что, благодаря вліянію Кошки въ московскихъ дѣлахъ, происки мелкихъ князей противъ М. А. часто оста-

вались безрезультатными. Въ послѣдніе годы своей жизни М. А. обратилъ особенное вниманіе на внутреннее устройство своего княжества, расщатанного предшествовавшимъ тревожнымъ временемъ; онъ добился того, что въ княжествѣ исчезли разбойники, тати, ябедники, корчевники, мытари, прекратились насиливанія и грабежи; онъ отличался правосудіемъ—«паче же всего любляше судъ правъ, и на лица судити, боляромъ не потакаше, но паче сиротамъ во всемъ полагаше, милостыню присно безпристани творяше». Отношенія его съ Москвою въ это время значительно улучшились: въ сохранившейся договорной грамотѣ съ Василиемъ Дмитріевичемъ онъ называется братомъ послѣднему, т. е. признается равнымъ ему; въ этой же грамотѣ онъ обзываются за себя и за дѣтей своихъ не искать ни Москвы, ни великаго княженія Владимірскаго, ни Новгорода; наконецъ, тамъ же находится и обязательство М. А. оказывать ратную помошь Москвѣ противъ татаръ, литовцевъ, немцевъ и поляковъ, чemu соответствуетъ подобное же обязательство со стороны Василия Дмитріевича по отношенію къ Твери.

Лѣтомъ 1399 г. М. А. заболѣлъ настолько тяжело, что приказалъ писать «грамоты душевныя», составилъ завѣщаніе, раздѣлилъ между сыновьями Тверское княжество и 20 августа митрополитомъ Арсеніемъ былъ постриженъ съ именемъ Манея. Послѣдніе дни онъ прожилъ въ монастырѣ св. Анастасія, гдѣ и скончался, 26 августа того же 1399 г., передъ самой смертия принялъ схиму. Онъ имѣлъ шесть сыновей—Александра большого (3) и Александра меньшаго (4), Иоанна (22), Василия (11), Бориса (8) и Федора (40), изъ которыхъ только Иоанъ, Василий и Федоръ пережили отца.

О личности М. А. въ лѣтописяхъ находимъ указанія, что его боялись, «яко бы мужъ страшень и сердце его яко сердце лву», но выѣтъ съ тѣмъ ему ставится въ заслугу его любовь къ дружинѣ, его бескорыстіе и безпристрастіе: «сладокъ же бѣше дружинѣ своей, яко не любляше злата, ни ризъ многочѣнныхъ, но вся, елико имѣаше... дружинѣ своей; сего ради друголюбецъ прозвавшееся..; и не имѣаше единаго или дву любити паче инехъ всѣхъ, но къ всѣмъ разсудионъ достойную честь подаваше и сладкую любовь простираше».

Полное Собрание Русск. Литопис., т. I, стр. 231—233; т. III, стр. 77, 89—90, 230; т. IV, стр. 53, 66—71, 75, 90, 360; т. V, стр. 220, 231, 233; 234, 238, 251—252; т. VI, стр. 90; т. VII, стр. 73, 203; т. VIII, стр. 15—20, 22, 23, 42, 47, 48, 49; т. XV, стр. 430—434, 442, 443, 445, 468—469.—Никоновская лѣт., т. III, стр. 175; т. IV, стр. 5, 8—9, 12, 15, 17, 19—20, 22—26, 28—30, 33—38, 40, 41, 43—46, 93, 131, 137—138, 141, 143, 154—156, 199, 202, 255, 285—296.—Татищ. сборн., т. IV, стр. 198, 201—202, 205, 208—209, 211—212, 216—219, 227—229, 234—235, 237, 256, 266—267, 304, 306, 312—313, 322, 365, 385.—„Собрание Государств. Грамотъ и Договоровъ“, т. I, № 8, 16, 17, 28, 31.—„Акты Археограф. Экспедиції“, т. I, № 5, 8, 14.—Григорьевъ, „Изъ протоколовъ Константинопольского патриархата“, „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1847 г., ч. LIV.—Вѣляевъ, „Михаилъ Александровичъ, великий князь Тверской“, „Чтения въ Импер. Общ. Истор. и Древн. Россійск.“, 1861. III.—Его же, „Разсказы изъ русской исторіи“, т. II, стр. 453 и слѣд.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, Спб. 1843 г., т. IV, стр. 168; прим. 359, 367; т. V, стр. 7, 8, 11, 18, 15—18, 21—24, 50, 51, 61, 99, 100, 130, 233; прим. 5, 9, 10, 17, 19, 20, 22, 25, 26, 29, 32, 35, 65, 98, 102, 137, 183, 230, 232, 254, 420.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Общества Польва“, кн. I, стр. 960—969, 977, 983, 984, 989, 1024, 1025, 1172, 1173.—Костомаровъ, „Русск. исторія въ жизнеописаніяхъ“, т. I, стр. 208 и слѣд.—Его же, „Церковно-историческая критика“, „Вѣстн. Европы“, 1870, т. IV, стр. 483—485.—Бестужевъ-Рюминъ, „Русск. исторія“, т. I, гл. VII, стр. 419, 420; пр. 20.—Д. Ключевский, „Древне-русскія житія святыхъ“, стр. 177—180.—А. Поповъ, „Изборникъ славянскихъ по русскихъ сочиненій“, стр. 57.—Преосв. Макарій, „Исторія русской церкви“, т. IV, стр. 49—61.—„Древняя Россійск. Библіоека“, т. I, № 31, 32.—А. В. Экземплярскій, „Великие и удѣльные князья Сѣвера. Руси“, т. II, Спб. 1891, стр. 41, 53, 102, 104, 105, 295—298, 412, 447, 474, 476, 478, 482—498, 505, 516—520, 526—533, 536, 539, 540, 544, 546, 550, 555—558, 585, 629, 641, 642.—В. С. Борзаковский, „Исторія Тверскаго княжества“, Спб. 1876, стр. 142—176, прим. стр. 79—109.—„Энциклоп. слов.“ Брокгауз-Ефрона, 1-е изд., полусл. 36, Спб. 1896, стр. 485—486.

27. *Михаилъ Борисовичъ*, старшій сынъ Бориса Александровича (7), четырнадцатый и послѣдній великий князь Тверской, родился въ 1453 г.; тверской столъ унаследовалъ въ 1461 г., когда умеръ его отецъ. Восьмилѣтній мальчикъ не былъ, конечно, въ состояніи управлять княжествомъ, и его именемъ правили и вершили дѣло приближенныя бояре. Они-то въ 1462 г. и заключили съ недавно вступившимъ на московскій престолъ Ioаниномъ III, женатымъ на сестрѣ М. Б., двѣ договорныя грамоты, которыми тверской и московскій князья оби-

зываются помочь другъ другу противъ ливы, ляховъ, нѣмцевъ, татаръ, и каждый изъ нихъ обѣщаетъ не принимать недруговъ другого и не брать отъ татаръ въ даръ: М. Б.—Москву и Новгородъ, а Ioанинъ—Тверь и Кашинъ. Такъ какъ М. Б. княжилъ мирно, ни съ кѣмъ не скорясь, то ему не приходилось просить помощи у Москвы, но самъ онъ помогалъ войсками Ioанину неоднократно: такъ, напр., тверская рать участвовала въ первомъ новгородскомъ походѣ (1471 г.), подъ начальствомъ кн. Юрия Абдуллаевича Дорогобужскаго и Ивана Никитича Жito, а во второмъ походѣ Москвы на Новгородъ, въ 1477 г., помимо посылки вспомогательной рати подъ начальствомъ кн. Михаила Федоровича микулинскаго, тверской князь принималъ и личное участіе; пом'гъ М. Б. Москве и въ заключительномъ аккордѣ сверженія татарскаго ига: на р. Угрѣ, гдѣ въ 1480 г. Ioанинъ встрѣтился съ Ахматомъ, были и тверскіе полки во главѣ съ князьями Махаиломъ Дмитревичемъ холмскимъ и Осипомъ Андреевичемъ дорогобужскимъ. Изъ того обстоятельства, что М. Б. не ограничивался личнымъ участіемъ въ походахъ Ioanna III и посыпалъ ратной помощи ему, а часто отдавалъ московскому князю и «кормы по своей вотчинѣ», чего по договору дѣлать былъ не обязанъ, должно заключить, что тверской князь чувствовалъ себя въ зависимости отъ московскаго, хотя союзъ съ нимъ и заключилъ какъ равный съ равными. Тягаться М. Б. съ Москвою было, конечно, совершенно не подъ силу, если же Ioанинъ и не трогаетъ его, то, вероятно, потому только, что отъ этого союза имѣть большія выгоды, ибо по первому требованію всегда получалъ отъ Твери значительныя вспомогательныя войска и въ большомъ числѣ принималъ къ себѣ выѣзжихъ изъ Тверского княжества бояръ и дѣтей боярскихъ.

Союзныя отношенія М. Б. къ Москвой, въ сущности—полная покорность ей, продолжались до 1483 г., когда онъ рѣзко измѣнилъ свою политику: видя, что Новгородъ покоренъ Москвою, что могуществомъ ее все растетъ, ея владѣнія все расширяются, со всѣхъ сторонъ окружаютъ Тверскую землю, сдавливаютъ ее какъ бы желѣзнымъ кольцомъ, М. Б. началъ сознавать свое опасное положеніе—раньше или позже быть поглощеннымъ могущественнымъ сосѣдомъ.

домъ,—и стала искать поддержку противъ Москвы тамъ, гдѣ ее и раньше часто находили тверские князья,—у Литвы. Съ великимъ княземъ литовскимъ и королемъ польскимъ онъ заключилъ въ 1483 г. договоръ о взаимной поддержкѣ другъ друга противъ враговъ и этого союзъ стремился укрѣпить родственными связями, хлопоча о своей женитьбѣ на внучкѣ Казимира. Сношения М. Б. съ Литвой не остались тайной для Москвы, и Иоаннъ III, какъ только узналъ объ этомъ, послалъ войско, сильно опустошившее Тверскую землю. Такъ какъ помощи отъ непостоянного Казимира никакой не было, то М. Б., не въ состояніи обороняться собственными силами, очутился въ критическомъ положеніи, изъ которого могъ быть только одинъ выходъ—добить членъ московскому князю на всей его волѣ, что онъ и сдѣлалъ черезъ посредство тверского владыки. На этотъ разъ осторожный Иоаннъ не посягнулъ еще на прѣсть Тверского княжества, но миръ, данный имъ М. Б., заключенъ былъ на весьма тяжелыхъ условіяхъ для тверского князя, который долженъ былъ отказаться отъ равенства съ московскимъ княземъ, сталъ называться «молодшимъ братомъ» не только по отношенію къ Иоанну Васильевичу, но и къ старшему его сыну Ивану Ивановичу, принужденъ быть разорвать свой союзъ съ Казимиромъ и, наконецъ, дать обязательство ничего не предпринимать самолично: во вѣхъ важныхъ дѣстvияхъ предварительно испрашивать согласія великаго князя московскаго, о второстепенныхъ же по меньшей мѣрѣ его извѣщать.

Отѣзды князей изъ Твери въ Москву, и раньше довольно частые, послѣ заключенія этого для Твери невыгоднаго мира еще болѣе усилились. Уже въ 1485 г. остали Тверское княжество и перешла на московскую службу два видныхъ удѣльныхъ князя—Андрей микулинскій и Осипъ догоубжскій, первому изъ которыхъ Иоаннъ III далъ Дмитровъ, а второму—Ярославль; за ними туда же перешли и многие тверские бояре. Изъ одного мѣста Софийской лѣтописи видно, что этотъ массовый переходъ бояръ къ Иоанну III объясняется выгодностью служить у него, ибо всѣ возникавшія земельныя и иные тяжбы между тверскими и московскими боярами неизмѣнно разрѣшались, благодаря силѣ Иоанна, въ пользу послѣднихъ.

Въ такомъ положеніи М. Б. возобновилъ свои сношения съ Литвой, втайне отъ Москвы,—но тамъ за нихъ зорко следили и одного его гонца съ грамотами къ королю перехватили. М. Б. прибѣгнулъ было къ разъ испытанному способу: послалъ тверского владыку Вассиана добить членъ Иоанну, но послѣдній члобитъ не принялъ, а новое посланство отъ М. Б., во главѣ съ кн. Михаиломъ Дмитріевичемъ холмскимъ, даже и на глаза къ себѣ не пустилъ. Ясно было, что раскрытымъ обстоятельствомъ московскій князь хочетъ на этотъ разъ воспользоваться болѣе рѣшительно. Онъ сталъ собирать войско и 21 августа 1486 г., лично начальствуя, выступилъ въ походъ на Тверь, куда, по приказу изъ Москвы, значительный отрядъ выслали и новгородцы. 8 сентября московское войско подошло къ Твери и осадило ее, 10-го зажгены были посады, а на слѣдующій день многие тверскіе князья и бояре явились въ московскій станъ и били Иоанну членъ о приватїи на службу. Ночью на 12 сентября М. Б., «видя свое изнеможеніе», взялъ свою казну и «съ малою дружиною» бѣжалъ въ Литву къ Казимиру. Оставшись безъ великаго князя, тверской владыка Вассианъ, кн. Михаилъ холмскій съ сыномъ и братьями, а также другіе князья, бояре и земскіе люди держали совѣтъ, какъ быть, и порѣшили отворить городъ. Иоаннъ велѣлъ всѣхъ жителей привести къ присягѣ, а 15 сентября самъ вѣхалъ въ Тверь, которую отдалъ своему сыну Ивану Ивановичу, посадивъ въ ней намѣстникомъ боярина Василія Федоровича Образець-Добрынского; многихъ князей и бояръ онъ свелъ на Москву, «у себя ихъ пожаловалъ, въ боярѣхъ училъ», сохранивъ за ними всѣ имущества и вотчины, чѣмъ отнялъ у нихъ всякий поводъ къ недовольству.

Такимъ образомъ при М. Б. Тверь пала, потеряла свою независимость отдельного великаго княжества и вошла составною частью въ княжество Московское. Долголѣтняя борьба кончилась въ пользу Москвы. М. Б. обратился было за помошью къ Литвѣ, но получилъ отказъ, о чёмъ Казимиръ, изъза союза съ которыми Тверь пострадала, поспѣшалъ даже извѣстить Иоанна. Послѣ неудачи въ Литвѣ М. Б. уѣзжалъ куда-то въ другое мѣсто, затѣмъ былъ въ Краковѣ, где отъ короля получила нѣкоторыя села, но не военную помошь. Какъ сложилась

далнѣйшая жизнь послѣдняго тверского князя, обѣ этомъ извѣстій нѣть; съ 1505 г. имя его совсѣмъ исчезаетъ со страницъ лѣтописей.

М. Б. былъ женатъ дважды: въ первый разъ съ 1417 г. на Софѣ Семеновнѣ, дочери кіевскаго князя Семена Олельковича, и во второй разъ—на неизвѣстной по имени внучкѣ Казимира IV, отъ которой имѣлъ dochь, бывшую, по преданію, въ замужествѣ за однимъ изъ Радзивилловъ, и сына Бориса, упоминаемаго только въ родословныхъ.

Полное Собр. Русск. Лѣтоп., т. IV, стр. 44—45, 134—135; т. V, стр. 43—44, 237; т. VI, стр. 206—207, 336—237; т. VIII, стр. 161, 163, 184, 185, 214, 216; т. XV, стр. 495, 497—498, 500.—Никоновская лѣт., т. VI, стр. 22, 25, 74—76, 120—121.—Татиц. сборн., т. V, стр. 16, 18, 90.—Собрание Госуд. Грам. и Догов., т. I, № 88, 89, 119, 120.—Акты Западной Россіи“, т. I, № 79, 89, 218; т. II, № 35.—Сборникъ Муханова“, № 10, 11, 31, 33.—Narbott, „Dziěje narodu Litewskiego“, т. VIII, р. 234.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійск.“, изд. Эйнерлинга, Спб. 1843, т. V, стр. 206; прим. 349; т. VI, стр. 7, 24, 70, 110—112, 127, 155; прим. 282, 396, 629; т. XI, стр. 75.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Общества Польза“, кн. I, стр. 1388—1392.—Костомаровъ, „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ“, т. II, стр. 251—252.—В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества“, Спб. 1876, стр. 199—204; прим. стр. 128—130.—А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси“, т. II, Спб. 1891, стр. 315, 336, 511—514, 522, 548, 553, 556.—„Русской Историческ. Сборникъ“ Погодина, ст. „Мѣстничество“—о боярахъ, перешедшихъ отъ тверскаго князя къ московскому. — „Энциклоп. словарь“ Брокгауза—Ефрона, 1-е изд., полуут. 38, Спб. 1896, стр. 486.

28. *Михаилъ Васильевичъ*, второй и младший сынъ Василия Михайловича I (10), родился въ 1331 г. Въ 1362 г., послѣ смерти старшаго брата, Василия Васильевича (9), онъ получилъ во владѣніе Кашины. При жизни отца М. В. принималъ участіе въ борьбѣ его съ Михаиломъ Александровичемъ (26) за Дорогобужскій удѣлъ; напр., въ 1367 г. выѣхѣлъ съ отцомъ и Еремѣемъ Константиновичемъ, кн. дорого-бужскимъ, ходилъ на тверскую область, которую они сильно пограбили и опустошили, но когда тверской князь возвратился изъ Литвы съ значительнымъ войскомъ, полученнымъ тамъ, М. В., боясь за судьбу своего удѣла, одѣвши изъ первыхъ явился къ Михаилу Александровичу «зять съ нимъ миръ». Въ слѣдующемъ году

М. В. вновь поднялъ вопросъ о Дорогобужскомъ удѣлѣ и съ этой цѣльюѣздилъ въ Москву, гдѣ обратился по этому поводу къ авторитету митрополита Алексія, у котораго успѣха не имѣлъ. Въ 1371 г. онъ сложилъ крестное цѣлеваніе къ Михаилу Александровичу и пытался вступить въ союзъ съ Москвою, но тверской князь внезапно обрушился на Кашины, разгромилъ его, а М. В. привелъ «во всю свою волю». Тѣмъ не менѣе онъ сдѣлалъ еще одну попытку бороться съ тверскимъ княземъ, въ 1372 г. снова нарушивъ крестное цѣлеваніе и уѣхавъ въ Москву, а оттуда въ орду, гдѣ былъ членомъ на Михаила Александровича, но ничего не добился и вернулся ни съ чѣмъ. Умеръ М. В. зимою 1373 г., отъ брака съ дочерью велик. кн. московскаго Симеона Гордаго, Василисю оставилъ единственнаго сына—*Василия* (12).

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. VII, стр. 215; т. VIII, стр. 19; т. XV, стр. 433.—Никон. лѣт., т. IV, стр. 12, 15, 17, 22—24.—Татиц. сводъ, т. IV, стр. 201—202, 205, 208, 215.—А. Д. Иноzemцевъ, „Удѣльные Кашинские князья“, Член. Моск. Общ. Истор. и Древн. Росс., 1873 г., т. IV, стр. 45 и слѣд.—Н. Головинъ, „Кашинские удѣльные князья“, отд. брош.—Акты Археогр. Экспедиц., т. I, № 5.—В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества“, Спб. 1876 г., стр. 134, 144, 145, 147 и 148, прим. 655.—Костомаровъ, „Церковно-историческая критика въ XVII в.“, „Вѣсты Европы“, 1870 г., № 4, стр. 483.—Карамзинъ, „Истор. госуд. Россійск.“—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Общ. Польза“, кн. I, стр. 937, 960, 962, 965, 967.—А. В. Экземплярскій, „Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Руси“, т. II, стр. 481, 484, 487, 489, 491, 492, 519, 525—527, 541.

29. *Михаилъ Дмитриевичъ*, второй сынъ Дмитрия Юрьевича (17), владѣльца Холмомъ сначала совмѣстно съ братомъ Данииломъ (15), а послѣ ухода послѣдняго въ Москву—единолично. Свѣдѣнія о немъ исчерпываются временемъ между 1480—1486 гг. Въ 1480 г. онъ называется воеводою тверскихъ войскъ и, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, принималъ участіе въ походѣ московскихъ войскъ на р. Угру. Затѣмъ онъ упоминается въ договорной грамотѣ отъ 1485 г. Михаила Борисовича (27) съ московскимъ княземъ, ирпичемъ въ качествѣ «молодшаго брата» тверскаго князя цѣлуясь крестъ въ соблюденіи договора. Когда въ Москвѣ обнаружили сношенія Михаила Борисовича съ Литвою и Твери грозила

жестокая расправа, М. Д. во главѣ боярскаго посольства ѻздила къ московскому князю для переговоровъ, но послѣдній и «на очи не допустилъ» его. Наконецъ, когда Иванъ Васильевичъ въ 1486 г. подступилъ къ Твери, М. Д. вмѣстѣ съ владыкой Вассианомъ и другими лицами составили депутацію, которая вышла къ московскому князю и передала ему городъ.

Собр. Госуд. Грам. и Догов., т. I, №№ 88, 89, 119, 120.—Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. VI, стр. 236—237.—А. В. Экземплярскій, «Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Руси», т. II, стр. 513, 514, 521, 548, 549.—В. С. Борзаковскій, «Исторія Тверскаго княжества», стр. 201—202.

30. *Михаилъ Ярославичъ*, второй сынъ Ярослава Ярославича (38), въ отличіе отъ слѣдующаго брата того же имени называется *старшимъ*, годь рождения неизвѣстенъ, умеръ же въ 1271 г., вскорѣ по кончинѣ отца. Такъ какъ М. Я. умеръ раньше старшаго брата, Святослава Ярославича (32), то тверскаго стола не занималъ; нѣть также никакихъ данныхъ предполагать, чтобы онъ сидѣлъ на какомъ-либо удѣлѣ. Свѣдѣнія о жизни М. Я. весьма скучны. Ранніе годы дѣтства онъ, подобно старшему брату, провелъ въ татарскомъ плену; въ 1268 г., когда онъ впервые называется по имени, участвовалъ въ извѣстной битѣ подъ Раковорою (Везенбергомъ), стоя на лѣвомъ крылѣ новгородцевъ; наконецъ въ 1270 г., во время ссоры Ярослава Ярославича съ Новгородомъ, водилъ на послѣдній велиокняжескіе полки. Женатъ М. Я., вѣроятно, не былъ, по крайней мѣрѣ ни изъ лѣтописей, ни изъ родословныхъ не видно, чтобы онъ оставилъ потомство.

Полное Собрание Русск. Лѣтопис., т. I, стр. 226; т. III, стр. 59; т. IV, стр. 40, 42; т. V, стр. 193, 198; т. VII, стр. 167.—Никоновск. лѣтопись, т. III, стр. 46, 51.—Татищ. сводъ, т. IV, стр. 36.—Карамзинъ, «Исторія государства Россійск.», Спб. 1843, т. IV, стр. 63; прим. 137.—В. С. Борзаковскій, «Исторія Тверскаго княжества», Спб. 1876, стр. 84.—А. В. Экземплярскій, «Велик. и удѣльн. князья Сѣверной Руси», т. II, Спб. 1891, стр. 395, 452, 454, 455, 639.

31. *Михаилъ Ярославичъ*, въ отличіе отъ предыдущаго называется *младшимъ*, родился въ 1240 г., третій сынъ Ярослава Ярославича (38) и третій князь на тверскомъ столѣ, на который сѣлъ послѣ смерти своего брата Святослава Ярославича (32), вѣроятно въ 1282 г., во всякомъ случаѣ

не позднѣе 1285 г.; подъ этимъ годомъ онъ впервые послѣ рожденія упоминается разными лѣтописями, которыя, называя его великимъ княземъ тверскимъ, отмѣ чаютъ закладку имъ соборной церкви въ Твери. М. Я. было еще не болѣе 15 лѣтъ, когда ему пришлось уже испытать тревоги военнаго времени и водитьствовать полками; въ 1286 г. въ Тверскую землю вторглись литовцы и повоевали нѣкоторыя области. Такъ какъ литовское разореніе угрожало и другимъ княжествамъ, то къ вооружившимся тверичамъ, въ челѣ коихъ сталъ молодой князь, присоединились новоторгцы, волочане, дубчане, ржевцы, дмитровцы, москвичи, и всѣ они, догнавъ врага къ глухомъ лѣсу, обрушились на него совѣтными силами, разбили, отобрали весь полонъ и захватили даже ихъ князя Доманта.

Въ 1288 г. у М. Я. вышли нелады съ великимъ княземъ Дмитриемъ Александровичемъ. Въ виду того, что «не восхотѣ Михаилъ тверской поклонитися вел. кн. Дмитрію», подобно другимъ князьямъ, и такъ какъ Дмитріемъ не была позабыта помощь, оказанная Тверью въ 1281 г. (при Святославѣ Ярославичѣ) его противнику и брату Андрею Александровичу, то великий князь въ союзѣ съ братьями Даніиломъ московскимъ и Андреемъ городецкимъ, а также съ Дмитріемъ Борисовичемъ ростовскимъ и новгородцами двинулся къ Твери; по дорогѣ союзники девять дней простояли подъ Кашиномъ, взять который не могли, но вокругъ него «все пусто сотвориша», затѣмъ разорили Кононatinъ. Недалеко отъ послѣдняго ихъ встрѣтилась съ войскомъ М. Я. Не рѣшаясь вступить въ бой, противники стала осылаться о мирѣ, который и былъ заключенъ на условіяхъ, оставшихся для насъ неизвѣстными.

Въ 1293 г. М. Я. ѻздила въ орду; отмѣча эта фактъ, лѣтописи не говорять о его цѣляхъ; по согласному же мнѣнію изслѣдователей, поѣзда была М. Я. представлена для представлена новому хану Тохтѣ, сыну Менгу-Тимура, и для получения подтверждительного ярлыка на княженіе. Во время его отсутствія въ Тверь бѣжали и тамъ скрывались многіе люди, ушедшіе изъ городовъ, разоренныхъ или только ждавшихъ разоренія отъ татарскихъ отрядовъ, по наущенію городецкаго князя Андрея высланныхъ ханомъ

противъ Дмитрія Александровича. Татары въ такомъ множествѣ шнырили по всѣмъ большимъ дорогамъ, что М. Я., возвращаясь изъ орды, чтобы обойти «поганыхъ» и попасть въ Тверь, принужденъ былъ избрать окольный путь. Тверь во главѣ съ прибывшимъ княземъ приготовилась къ отчаянному сопротивленію на случай нападенія татаръ, но послѣдніе не рѣшились на это; изъ выраженія Лаврентьевской лѣтописи—«Татарове же и Андрей князь слышавше приходъ княжъ Михаиловъ и не поидаша на Тѣръ»—и аналогичного мѣста въ Воскресенской лѣтописи можно заключить, что именно возвращеніе М. Я., только что получившаго отъ хана ярлыкъ на княженіе, и удержало татаръ отъ похода на Тверь, которая такимъ образомъ оказалась чуть ли не единственнымъ исключениемъ среди тогдашняго почти всеобщаго разгрома. Борьба между Андреемъ городецкимъ и Дмитріемъ Александровичемъ кончилась пораженіемъ послѣдняго, бѣжавшаго во Псковъ. Въ этомъ междоусобіи, принесшемъ столько бѣдъ древней Руси, М. Я. держался въ сторонѣ, сочувствуя скорѣѣ слабѣйшой сторонѣ, Дмитрію, несмотря на то, что за его противника стояли татары. Такъ, въ 1294 г. обезсиленаго Дмитрія онъ принималъ у себя въ Твери и позволилъ тверскому епископу быть посредникомъ для веденія мирныхъ переговоровъ между Дмитріемъ съ одной стороны и Андреемъ съ новгородцами—съ другой. Дмитрій недолго пережилъ свое паденіе,—вскорѣ онъ постригся и умеръ, великимъ же княземъ владимирскимъ сталъ Андрей. Могущество послѣдняго при поддержкѣ татаръ было вѣдь всякаго сомнѣнія, и М. Я. приходилось съ этимъ считаться. Можно думать, что М. Я. повелъ въ виду этого двойственную политику,—старался сближиться, по крайней мѣрѣ не портить отношеній съ Андреемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стремился путемъ союза съ третьими лицами обезопасить себя отъ дурныхъ послѣдствій всякихъ случайностей. Такъ, въ 1294 г. онъ женился на дочери ростовского князя Дмитрія Борисовича, Аннѣ, сестра которой была за Андреемъ; здѣсь именно сказалось желаніе М. Я. сблизиться съ Андреемъ и нейтрализовать, такъ сказать, сильное Ростовское княжество. Съ другой стороны, въ 1295 г. М. Я. заключилъ съ Новгородомъ договоръ, ко-

торымъ договаривавшіеся обязывались ко взаимной поддержкѣ въ случаѣ обиды отъ Андрея и татаръ. Повидимому, М. Я. вступилъ въ этотъ договоръ въ предвидѣніи треній съ великимъ княземъ. Дѣйствительно, почти непосредственно за этимъ у него возникла съ Андреемъ изъ-за неизвѣстныхъ намъ причинъ ссора, которая, впрочемъ, разрѣшилась мирнымъ путемъ на совѣтѣ князей во Владимірѣ, куда кромѣ тѣхъ, собравшихся собрались князья Даніилъ московскій и Иванъ Дмитріевичъ Переяславльскій со стороны М. Я. и Федоръ Ростиславичъ Переяславльскій и Константинъ Борисовичъ ростовской со стороны Андрея. Для разбора тяжбы прибылъ туда и ханскій посолъ. Примиреніе состоялось, главнымъ образомъ, благодаря посредничеству владимирскаго епископа Симеона. Не успѣла окончательно сгладиться старая, какъ въ томъ же году всыпнула новая ссора, послѣ которой Андрей хотѣлъ идти на Переяславль, Москву и Тверь, но М. Я. съ московскими князьями сталъ у Юрьева и загородилъ Андрею путь. Бой не состоялся,—князья «докончали цѣлованіемъ креста на мирѣ» и на этотъ разъ.

Вытекавшія изъ заключенного въ 1295 г. съ Новгородомъ договора обязательства М. Я. пришло выполнить въ 1301 г., когда онъ вышелъ на помощь новгородцамъ, у которыхъ завязалась борьба со шведами, незадолго передъ тѣмъ построившими на Невѣ, противъ Охты, крѣпостцу Ландскрону съ цѣлью господствовать надъ Балтійскимъ моремъ и мѣшать новгородской торговлѣ. Походъ доводить до конца оказалось не нужнымъ, такъ какъ въ пути М. Я. узналъ, что новгородцы въ союзѣ съ владимирскими войсками одержали надъ шведами побѣду и Ландскрону сожгли. На происходившемъ въ томъ же году въ Дмитріевѣ съездѣ князей, имѣвшемъ, повидимому, цѣлью урегулированіе положенія Переяславля, М. Я. въ чёмъ-то не сошелся съ его князьями, сѣдѣвшими членами. Была разнорѣчиво лѣтописями описанная и не совсѣмъ ясная вражда М. Я. съ ними.

Съ 1304 г. начинается упорная и продолжительная борьба Твери съ Москвою, завершившаяся такъ трагически для М. Я. Въ этомъ году умеръ великий князь Андрей Александровичъ, и владимирской столѣ остался вакантнымъ. Претендентами на

него явились М. Я., ибо «ему же по старшинству дошель бывше степени княжества великаго», и незадолго передъ тѣмъ воинжившійся въ Москвѣ послѣ смерти Даниила (ум. 1303) сынъ его Юрій. Соотношеніе силъ противниковъ въ этотъ моментъ и общія тогдашнія политическія условія были настолько ясны, именно къ выгодѣ М. Я., что, напр., владимирскіе бояре почти всѣ отѣхали въ Тверь, въ твердомъ убѣжденіи, что въ грядущихъ событияхъ она возьметъ верхъ. М. Я. безъ замедленія отправился въ орду за велиокняжескимъ ярлыкомъ; туда же и съ той же цѣлью выѣхалъ и Юрій Даниловичъ. Въ отсутствіе М. Я. бояре его между тѣмъ всячески старались дѣйствовать, хотя далеко не удачно, въ его пользу,—захватили въ Костромѣ брата Юрія, Бориса Даниловича, хотѣли захватить и самого Юрія, но успѣха не имѣли, въ Новгородѣ «съ силою и безстудствомъ многимъ» послали намѣстниковъ, но новгородцы, оскорблѣнныя самовластіемъ тверятнъ, «высокоумие ихъ и безстудство ни во что же положиша», затѣмъ къ Торжку противъ тѣхъ же новгородцевъ выслали войско, но, не добившись успѣха, вскорѣ принуждены были заключить миръ, наконецъ, пытались овладѣть Переяславлемъ, но предупрежденная обѣ этомъ Москва высадила свои войска на выручку города, и тверичи близъ него понесли такое пораженіе, что «бысть во Твери печаль и скорбь велия, а въ Переяславль веселіе и радость велия». Такимъ образомъ, хотя и «бысть замятая на всѣй Суздалской землѣ во всѣхъ градѣхъ», но почти всѣ попытки тверятнъ одна за другой терпѣли неудачу. М. Я. между тѣмъ получиль въ ордѣ ярлыкъ на велиокняжескій владимирскій столъ. Не малую роль при этомъ сыграли и денежныя средства, которыми онъ располагалъ въ большомъ количествѣ, чѣмъ его противники; на значительность даннаго М. Я. хану «выхода», т. е. дани, есть косвенное указаніе и въ лѣтописи, гдѣ говорится, что послѣ этого «бысть тягота велика въ Русской землї».

Достигнувъ цѣли, ставъ великимъ княземъ, М. Я. задумалъ обезсилить свою сооперницу Москву и вскорѣ по возвращеніи изъ орды, въ томъ же 1304 г., пошелъ на нее съ ратью, но не будучи въ состояніи осилить Юрія, принужденъ былъ заклю-

чить съ нимъ миръ. Походъ на Москву онъ повторилъ и въ 1308 г., бился подъ городомъ, «много зла сотворилъ», но и на этотъ разъ рѣшительнаго успѣха не имѣлъ и, заключивши миръ, вернулся въ Тверь. Послѣ этого борьба съ Москвою на какое-то время утихаетъ съ тѣмъ, чтобы позже возобновиться съ новою силою. Сдѣлавшись великимъ княземъ владимирскимъ, М. Я. тѣмъ самымъ сталъ считаться княземъ Новгорода, такъ какъ послѣдній еще до отѣхѣда князей на тяжбу въ орду рѣшилъ посадить на свой столъ того изъ соперниковъ, кто добудетъ у хана велиокняжескій ярлыкъ. Тѣмъ не менѣе М. Я., занятый борьбою съ Москвою, только въ 1308 г. выѣхалъ въ Новгородъ, чтобы тамъ вокняжиться официально, да и то лишь потому, что новгородцы сами попросили его къ себѣ для разбора возникшихъ у нихъ споровъ иссоръ съ тверскими намѣстниками—Борисомъ Константиновичемъ и Федоромъ Михайловичемъ, первый изъ которыхъ своимъ нещаднымъ управлениемъ совершилъ разоріе кореловъ, и тѣ въ большинствѣ ушли къ шведамъ, а второй трусливо бѣжалъ съ поля битвы и во время бѣгства еще пограбилъ некоторыя новгородскія волости. Такихъ намѣстниковъ Новгородъ не захотѣлъ кормить «новгородскимъ хлѣбомъ» и потребовалъ у М. Я. ихъ омѣщенія. Чѣмъ кончилось это дѣло, неизвѣстно,—повидимому удовлетвореніемъ новгородцевъ; изъ сохранившихся же отъ времени этой поѣздки М. Я. иѣсколькихъ договорныхъ грамотъ его съ Новгородомъ видно, что это требованіе новгородцевъ не было единственнымъ: наряду съ нимъ они выдвинули и рядъ другихъ, касавшихся власти князя и вольностей населенія, и между прочимъ наставляли на возвратеніе взятыхъ отъ Новгорода предшественниками М. Я. разныхъ селъ и городовъ. Хотя М. Я. требуемаго и не возвратилъ, но изъ Новгорода уѣхалъ безъ ссыры.

Неудачные походы 1308 г. на Москву не смущили М. Я., и онъ задумалъ овладѣть Нижнимъ-Новгородомъ,—вѣроятнѣе всего съ цѣлью съ двухъ сторонъ тѣснить города, лежавшіе между Тверью и Нижнимъ, а также области въ бассейнѣ р. Оки, слѣдовательно и Москву. Въ 1311 г. онъ отправилъ къ Нижнему значительную рать подъ номинальнымъ начальствомъ своего 12-лѣтняго сына Дмитрія, самъ же учав-

стія въ походѣ не принялъ, опасаясь, вѣроятно, чтобы въ его отсутствіе Москва или Новгородъ не напали на Тверь.

Въ 1312 г. у М. Я. вновь вышли нелады съ Новгородомъ. Чѣмъ-то разсерженный, князь вызвалъ изъ Новгорода своихъ намѣстниковъ, остановилъ туда подвозъ хлѣба, занялъ Торжокъ и Бѣжичи. Республика, терзаемая внутренними раздорами, пережившая недолго передъ тѣмъ грандіозный пожаръ, не была въ состояніи оказать стойкое сопротивленіе и быстро пошла на уступки, согласившись уплатить 1.500 гривень серебра. Въ отвѣтъ на это М. Я. «ворота отворилъ», т. е. снялъ запрѣтъ на подвозъ продуктовъ, и возвратилъ въ Новгородъ намѣстниковъ. Послѣдніе, пользуясь положеніемъ стороны побѣдившей, стали притеснять новгородцевъ, вызывая въ вольнолюбивомъ населеніи ропотъ и недовольство. Новгородъ ждалъ только удобнаго случая, чтобы свергнуть съ себя тяжелое иго. Въ 1313 г. М. Я. поѣхалъ за ярыкомъ къ новому хану Узбеку въ орду, откуда возвратился только въ 1315 г. Этимъ продолжительнымъ отсутствіемъ князя и воспользовались новгородцы; попрежнему тѣснимы тверскими намѣстниками, они въ 1314 г. восстали, прогнали отъ себя утѣшителей и стали звать къ себѣ на княженіе Юрия Даниловича московского, который предложеніе принялъ и въ Новгородѣ послалъ князя Федора Ржевскаго; этотъ же арестовалъ намѣстниковъ М. Я. и заключилъ ихъ во владычномъ дворѣ, а затѣмъ съ значительной ратью двинулся на Тверскую землю и на лѣвомъ берегу Волги пожегъ нѣсколько сель. Такимъ образомъ вновь возникла у Твери борьба съ Москвою. Вышедший противъ новгородцевъ къ Волгѣ отрядъ тверитянъ во главѣ съ 15-лѣтнимъ сыномъ М. Я., Дмитриемъ, вступить въ бой не рѣшился, и противники послѣ 6-недѣльного безплоднаго стоянія другъ противъ друга заключили миръ на условіяхъ, повидимому, для новгородцевъ весьма выгодныхъ, такъ какъ послѣдніе послѣ этого могли звать Юрия въ князья «на всей новгородской волѣ». Вокняжившійся на новгородскомъ столѣ Юрий пробылъ однако на немъ недолго. Въ 1315 г. М. Я. вернулся изъ орды и тотчасъ принялъ противъ Новгорода рѣшительныя мѣры: съ одной стороны онъ пустилъ обычное и испытанное средство, т. е. повсюду задержалъ новго-

родскихъ гостей и пріостановилъ въ Новгороду всякий подвозъ, вслѣдствіе чего цѣны на продукты первой необходимости въ немъ неизмѣрно поднялись; во-вторыхъ же, будучи еще въ ордѣ, гдѣ онъ былъ подтверждѣнъ въ великомъ княженіи, М. Я. вооружилъ хана противъ Юрия, добился вызова послѣднаго въ орду для объясненій и получить татарское войско для борьбы съ Новгородомъ. Въ то время какъ Юрий медлилъ исполненіемъ воли хана, чѣмъ еще болѣе сгущалъ надъ своей головой тучи его гнѣва, тверской князь въ членѣ низовскихъ полковъ и значительного отряда татаръ вторгся въ Новгородскую землю. Около Торжка встрѣтивъ новгородцевъ, бывшихъ подъ начальствомъ брата Юрия, Аѳанасія, онъ 10 февраля 1315 г. нанесъ имъ жестокое пораженіе и принудилъ ихъ затвориться въ городѣ. Требованіе М. Я. о выдачѣ начальниковъ новгородцы сначала рѣшительно отвергли, но затѣмъ согласились на частичное его удовлетвореніе, выдавъ кн. Федора Ржевскаго, послѣ чего стороны заключили миръ, по условіямъ котораго Новгородъ обязался уплатою 5.000 гривень серебра. Благоразуміе требовало отъ М. Я. умѣренной политики, но онъ, опьяненный успѣхомъ, переступилъ границы, шагнувшіе въ область насилия и ничѣмъ неоправдываемыхъ жестокостей. Заключенный съ Новгородомъ миръ оказался призрачнымъ,—его нарушилъ самъ М. Я. Въ ознаменование заключенного договора устроилъ торжество и пригласилъ на него Аѳанасія Даниловича и многихъ видныхъ новгородскихъ бояръ, онъ коварно ихъ всѣхъ схватилъ и отправилъ въ Тверь какъ заложниковъ; затѣмъ, вопреки уговору, не пощадилъ и Торжка,—бралъ съ жителей окунь, грабилъ ихъ, отбиралъ коней и оружіе, разрушилъ мѣстный кремль; пользуясь угнетеннымъ положеніемъ Новгорода, принудилъ его заключить съ собою новый договоръ, для себя весьма выгодный,—согласно ему новгородцы, помимо разныхъ другихъ обязательствъ, должны были уплатить князю еще 12 тысячъ серебряныхъ гривень; но и получивъ ихъ, попрежнему продолжалъ тѣснить вольный городъ, попрежнему чинилъ всякия препятствія подвозу туда хлѣба, а его намѣстники попрежнему угнетали народъ.

Вокругъ Новгорода вновь завязался узелъ, который въ конечномъ результата распутился трагически для тверского князя. Вскорѣ

послѣ Новоторжской битвы Юрій, лично въ ней не участвовавшій, поѣхалъ въ орду, куда еще раньше звалъ его ханъ для объясненій. Оправдаться теперь ему не стоило особенныхъ усилій; наоборотъ, своею волею и жестокости М. Я. позволяли Юрію безъ труда отвлечь вниманіе хана отъ своихъ винъ и перенести его гнѣвъ на тверскаго князя. Не малую роль при этомъ должны были сыграть и сопровождавшіе Юрія нѣкоторые знатные новгородцы, уполномоченные республикою свидѣтельствовать о винахъ М. Я. и снабженные богатыми дарами для снисканія ханской милости. Не довольствуясь этими посланными, Новгородъ съ тою же цѣлью послалъ въ орду еще особое самостоятельное посольство, которое, впрочемъ, до орды не дошло, такъ какъ въ пути было охвачено и приведено въ Тверь. Новое засиліе М. Я. взеолновало новгородцевъ и вызвало среди нихъ восстаніе, завершившееся изгнаніемъ тверскихъ намѣстниковъ. Хотя М. Я. всѣдѣ за этими событиями и поднялся со всему Низовскою землею на Новгородъ, но въ виду рѣшимости послѣдняго защищаться до послѣдней возможности и въ виду доходившихъ слуховъ обѣ успѣхахъ Юрія въ ордѣ дѣйствовалъ не такъ стремительно и не такъ рѣшительно, какъ прежде; очень близко придвинувшись къ Новгороду, дойдя до Устьянь, всего въ 50 верстахъ отъ него, онъ раздумалъ продолжать походъ и повернулся назадъ. Это неожиданное отступленіе явилось гибельнымъ для войска: блуждая по лѣсамъ и болотамъ, люди терпѣли страшный голодъ, йли конину, даже кожу со щитовъ, заболявали и умирали. Заболѣлъ и самъ М. Я., но неудача, однако, не смагчила его. Когда новгородцы, желая воспользоваться его труднымъ положеніемъ, послали къ нему владыку Давида хлопотать обѣ освобожденій пѣнниковъ и заложниковъ, М. Я. рѣшательно отвергъ это предложеніе.

Между тѣмъ гроза противъ М. Я. собиралась и съ другой стороны. Поѣзда Юрія Даниловича въ орду увѣнчались для него полнымъ успѣхомъ. Тамъ князь породнился съ ханомъ, женившись на его сестрѣ Кончакѣ, и получила ярлыкъ на великонижегородскій столъ. На помошь ему были даны татарскія войска, а для совѣта—татарскіе послы. М. Я. и оставшіеся ему вѣрными судальскіе князья встрѣтили Юрія на Волгѣ, близъ Костромы, где противники

долго простояли другъ противъ друга бездѣйствено. На сторонѣ Юрія были и татары, и родство съ ханомъ; М. Я. на этотъ разъ подчинился требованіямъ благоразумія,—не вступая въ бой, онъ отказался отъ великаго княженія въ пользу Юрія и вернулся въ Тверь. Это было только начало развертывавшейся драмы. По собственному опыту М. Я. долженъ былъ понимать и понималъ, что Юрій не оставитъ его въ покой. Дѣйствительно, въ самомъ непродолжительномъ времени тотъ сталъ собирать ихъ въ Костромѣ. На его сторону перешли и судальскіе князья. Вопшель Юрій въ договоръ и съ новгородцами, по которому послѣдніе должны были напасть на Тверь съ сѣвера; онъ самъ намѣревался одновременно обрушиться на нее съ юга. Новгородъ согласился и выступилъ въ походъ. Но М. Я. не даромъ всю жизнь провелъ въ бояхъ,—его опытность и пониманіе условій успѣха въ нихъ, его воинскія способности вѣтъ всякихъ сомнѣній. Воспользовавшись бѣ-недѣльной проволочкой новгородскихъ войскъ подъ Торжкомъ, откуда они сносились съ союзникомъ о времени одновременного нападенія, и не давши эти переговоры довести до конца, онъ быстро вышелъ на встречу новгородцамъ и подъ тѣмъ же Торжкомъ одержалъ блестательную побѣду, а послѣдовавшимъ за нею миромъ обязалъ ихъ возвратиться домой и соблюдать строжайшее невмѣшательство. Остался еще болѣе сильный противникъ, Юрій, который подходилъ къ Твери съ юга, подвергая все встрѣчающееся на пути грабежу, насилию и опустошенію. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ творилъ зло Юрій въ Тверской землѣ и, наконецъ, въ 15 верстахъ отъ Твери остановился. Не будучи увѣренъ въ своихъ силахъ, М. Я. затворился въ городѣ. Простоявъ подъ Тверью 5 недѣль, причемъ татарскій совѣтникъ Кавгадый послалъ къ М. Я. пословъ «все съ лестью, и не быть межи ими мира», и не рѣшаясь идти на городъ приступомъ, Юрій двинулся къ Волгѣ, намѣреваясь перейти на ея лѣвый берегъ для продолженія грабежей. Это на мѣреніе встрѣтило неожиданный отпоръ со стороны кашинцевъ, которые, предупреждая надвигающуюся бѣду, восстали. Теперь М. Я. въ лицѣ кашинцевъ нашелъ неожиданного союзника, съ большою вѣроюностью могъ разсчитывать на успѣхъ и рѣшился перейти въ наступленіе. Соеди-

навшись съ кашинцами, онъ встрѣтилъ Юрія при теперешнемъ с. Бортеневѣ 22 декабря 1318 г. произошла кровавая битва. М. Я. одержалъ рѣшительную победу—взялъ большой полонъ, захватилъ многихъ бояръ и князей, въ томъ числѣ и другого брата Юрія, Бориса, и жену первого, Кончаку, которая сопровождала своего мужа въ походѣ. Самъ Юрій бѣжалъ въ Новгородъ. Татары, бывшіе подъ начальствомъ упомянутаго Кавгадыя, въ этой битвѣ, неизвѣстно почему, не принимали почти никакого участія, въ самомъ начальствѣ удалившись въ свой станъ.

Разгромивъ Юрія, М. Я. не трудно было разбить и Кавгадыя. Но посолъ былъ въ большой милости у хана, и тверской князь не только не нападаетъ на него, но всячески ищетъ съ нимъ примиренія, щадить его людей, хотеть перетануть его на свою сторону. На другой день послѣ битвы М. Я. лично видѣлся съ татарскимъ вельможей, пригласилъ его съ дружиной въ Тверь и тамъ держалъ въ чести. Кавгадый обѣщалъ М. Я. защиту передъ ханомъ, но, какъ оказалось позже, вѣроломно обманулы князя.

Находясь въ Новгородѣ, Юрій вралъ всѣ успія, чтобы получить отъ него помощь противъ М. Я. Новгородъ, такимъ образомъ, стечениемъ обстоятельствъ былъ поставленъ въ безвыходное положеніе: не помочь Юрію — значило навлечь гнѣвъ хана и покорно терпѣть чрезмѣрное усиленіе Твери, помочь же — значило нарушить недавно заключенный съ тверскимъ княземъ договоръ, съ чѣмъ, впрочемъ, по тогдашнимъ временамъ, не очень считались, а главное — подвергнуть опасной мести находившихся въ Твери въ качествѣ заложниковъ новгородскихъ бояръ. Въ этомъ затруднительномъ положеніи Новгородцы рѣшили принять на себя роль примирающаго посредника между враждующими князьями и вмѣстѣ съ псковичами вышли на Волгу; надѣясь болѣе на миръ, чѣмъ на бой, они взяли съ собою новгородского владыку Давида. М. Я. встрѣтилъ ихъ у «брода». Битва, дѣйствительно, не состоялась. Было принято рѣшеніе, что оба князя пойдутъ на судъ въ орду. Вмѣстѣ съ тѣмъ новгородцы заключили здѣсь съ М. Я. договоръ, которымъ тверской князь сдѣлалъ имъ значительныя уступки; обѣщался признать старыя гра-

ницы между договарившимися землями, къ выгодѣ новгородской, не задерживать хлѣбныхъ обозовъ, купцовъ и пословъ новгородскихъ, возвратить захваченные въ разное время села и волости, уничтожить нѣкоторыя старыя, для Новгорода невыгодныя грамоты, освободить пленныхъ новгородскихъ бояръ, а также князей Аѳанасія и Бориса, братьевъ Юрія, и жену его Кончаку.

Соглашаясь на ордынскій судъ, М. Я. сильно надѣялся на поддержку Кавгадыя. Но до него скоро дошли слухи, что всѣ обѣщанія послѣдняго были лицемѣрны и онъ стоитъ за Юрія. Къ тому же въ Твери внезапно скончалась Кончака. Прошла мольба, что ее отравили. Эти обстоятельства поселили въ М. Я. сомнѣнія относительно благопріятнаго исхода его дѣла предъ ханомъ, и онъ сталъ медлить отъѣздомъ въ орду. Сначала туда былъ посланъ его 12-лѣтній сынъ Константинъ, не ходатаемъ за отца, а съ качествѣвъ заложника; затѣмъ М. Я. отправилъ въ Москву одного изъ своихъ приближенныхъ, Александра Марковича, съ «посольствомъ о любви», но посолъ былъ тамъ убитъ. Двудличный Кавгадый, этотъ, по выражению лѣтописи, «начальникъ всего зла, беззаконный, трехлятый», недавно увѣрявшій М. Я. въ готовности защитить его передъ ханомъ, находился теперь у Юрія и давалъ ему указанія, какъ лучше всего повести дѣло въ ордѣ,—совѣтовалъ взять съ собою побольше бояръ, князей и знатныхъ новгородцевъ въ качествѣ свидѣтелей виновности М. Я. и написать противъ него, по лѣтописному выражению, «многія лжесвидѣтельства». Въ то время какъ М. Я. все еще размышилялъ и медлилъ, его противники были уже въ ордѣ и всячески старались оклеветать его передъ ханомъ и приближенными послѣдняго, выдвинувъ на первый планъ обвиненіе въ утайкѣ дани: «...собрали по городамъ многія дани и хотеть бѣжать къ нѣмъ, а къ тебѣ идти не想要 и твоей власти не повинуемся». Весьма обычное и часто основательное, на этотъ разъ обвиненіе въ утайкѣ денегъ было простымъ извѣтіемъ, тѣмъ не менѣе оно достигло цѣли,—ханъ придалъ ему вѣры и въ гнѣвѣ хотѣлъ уморить голодомъ заложника-сына М. Я., отъ чего воздержался только вслѣдствіе довода, что въ такомъ случаѣ отецъ навѣрное не

пріѣдетъ. Опасаясь, какъ бы М. Я. не успѣлъ въ доказательствѣ своей невинности, Кавгадый подоспалъ было къ нему убить, но неудачно, затѣмъ сталъ увѣрять хана, что тверской князь, чувствуя свою вину, совсѣмъ не пріѣдетъ. Между тѣмъ, уже въ августѣ 1318 г. М. Я. выѣхалъ въ орду. Предчувствуя недобро, онъ принялъ благословеніе отъ тверскаго епископа Варсонофія и позволилъ своимъ дѣтямъ и женѣ провожать вѣба до р. Керли. Во Владимѣрѣ М. Я. встрѣтилъ ханскаго посла Ахмыла, человѣка прямодушнаго, предупредившаго его объ оболгaniи Кавгадыемъ и гнѣвѣ хана и давшаго совѣтъ торопиться въ орду для оправданія. Окружавшіе М. Я. бояре и родные держали рѣчь за то, чтобы онъ лично не спѣшилъ, а послалъ бы выѣсто себя одного изъ сыновей, но М. Я., «исполненъ смиренія», рѣшительно возразилъ словами (въ передачѣ Ключевскаго): «Царь хочетъ не кого-либо другого, а именно меня, если я не поѣду, то вотчина моя въ половину будетъ и множество христіанъ убито; нужно же когда-нибудь умирать, такъ не лучше ли теперь положить свою душу за многія души». Въ лѣтописномъ изображеніи этой сцены М. Я. выступаетъ величественной фігурой, готовой идти за правду на самопожертвованіе. Давъ сыновьямъ своимъ «рядъ, написа грамоту, раздѣливъ имъ вотчину свою», онъ отоспалъ ихъ въ Тверь, а самъ продолжалъ путь и въ началѣ сентября нашелъ хана на берегу Азовскаго моря, при устьѣ Дона. По обычаю, онъ началъ съ одариванія какъ самого хана, такъ и приближенныхъ къ нему лицъ, но Юрій успѣлъ всѣхъ еще раньше задобрить. Черезъ полтора мѣсяца ханъ велѣлъ дать тяжущимся князьямъ судъ, который производился дважды. Въ обоихъ случаяхъ Кавгадый былъ и главнымъ свидѣтелемъ, и обвинителемъ, и судьею. М. Я. обвинили и признали виновнымъ въ томъ, что онъ утаилъ отъ хана многія собранія деньги, гордый и непокорливый, бился съ его посломъ, побилъ многихъ татаръ, хотѣлъ бѣжать къ нѣмъ и отравилъ Кончаку. Оправданія М. Я. были пропущены мимо ушей, и онъ призванъ достойнымъ смерти. Участъ его однако была рѣшена не тотчасъ,— Узбекъ пошелъ тогда походомъ на властителя Ирана, хана Абусаида. М. Я., закованный по рукамъ и ногамъ, съ тяжелою

колоною на шеѣ, долженъ былъ слѣдоватъ за ханомъ, подвергаясь всевозможнымъ униженіямъ. Только когда татары приблизились къ Дербенту, въ окрестностяхъ этого города, въ среду 22 ноября 1318 г., была совершена надъ М. Я. казнь, вѣроятно—убийство, такъ какъ умеръ онъ отъ нещадныхъ побоевъ, нанесенныхъ ему въ присутствіи Кавгадыя, Юрія и множества народа. Тѣло его привезли въ Москву и погребли въ Спасскомъ монастырѣ, вѣсколько же позже оно, по просьбѣ дѣтей М. Я. и съ разрѣшеніемъ Юрія, было перевезено въ Тверь и предано землѣ въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ. За свою мученическую кончину М. Я. причисленъ церковью къ лицу благовѣрныхъ; память объ убиеніи его чтится 22 ноября.

Полное Собрание Русск. Лѣтоп., т. I, стр. 22, 207—208, 209, 228—229, 282; т. III, стр. 65—66, 67—68, 70, 71—72, 130, 223; т. IV, стр. 43, 44—46, 48—49, 183; т. V, стр. 201—215; т. VII, стр. 179, 180—181, 183—186, 188—197; т. XV, стр. 406—407, 408—413.—Никоновская лѣтоп., т. III, стр. 85, 88, 91—94, 99—101, 103, 105, 108—111, 112—123.—Татищевск. сводъ, т. IV, стр. 69, 75, 77, 82, 88, 92, 94—95, 97—108, 110.—«Собрание Государствен. Грамотъ и Договоровъ», т. I, №№ 4—7, 9—12, 14.—«Степенная книга», стр. 425—428.—«Страданіе за христіанъ въ ордѣ великихъ князей Михаила Ярославича Тверского», рукописный сборникъ въ Император. Публичной бібл., № 83.—Соколовъ, «Св. князь Михаилъ Тверской», Тверь 1864.—Горскій и Невоструевъ, «Описаніе славянскихъ рукописей Московской синодальной библиотеки», Москва 1855, стр. 292, 293.—Филаретъ, «Русские святые, чтимые всей церковью или мѣстно», ноябрь, стр. 372—383.—К. Щербатовъ, «Россійская история», т. III, стр. 290 и слѣд.—Карамзинъ, «Исторія государства Россійскаго», изд. Эйнерлинга, Спб. 1843, т. II, прим. 64; т. III, пр. 244; т. IV, стр. 87—89, 95, 96—99, 102, 103, 105—112, 113—117, 121, 124—125, 133, 140, 144, 149; пр. 118, 154, 158, 170, 178, 182, 188, 186, 187, 191, 197; 200, 206—208, 210, 212, 214, 215, 217, 221—227, 229, 232, 234, 236, 238, 239, 243, 245, 248; т. V, стр. 14; пр. 254, 349, 394; т. VI, стр. 7, 112; пр. 195.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», изд. т-ва «Общества Попѣза», кн. I, стр. 850, 880, 881, 882, 884, 901—903, 904—906, 907—910; кн. III, стр. 874, пр. 3.—Бестужевъ-Рюминъ, «Русская исторія», стр. 395 и слѣд.—И. Д. Бѣляевъ, «Разсказы изъ русской исторіи», т. II, стр. 199, 393, 395, 403, 408, 411—412, 414, 417.—Его же, «О монгольскихъ чиновникахъ на Руси», «Архивъ истор.-юридическ. свѣдѣній, относящихся до Россіи», кн. I.—В. С. Борзаковскій, «Исторія Тверскаго княжества», Спб. 1876, стр. 87—117 и прим., стр. 42—64.—А. В. Экземплярскій, «Великие и удѣльные князья Сѣверной Руси», Спб., 1891, т. I, стр. 65—66;

т. II, стр. 6, 8, 27, 30, 33, 35, 38, 81, 265, 274, 454, 457—469, 471, 479—480, 516, 523—524, 531, 538, 540, 550, 557, 575—576, 626—627, 635—636.—Костомаровъ, „Русская история въ жизнеописанияхъ“, Спб. 1873, стр. 180.—Его же, „Сѣверно-русскія народоправства“, т. I, стр. 154.—Его же, „Церковно-историческая критика въ XVII в.“, „Вѣстникъ Европы“, 1870, апрѣль.—Дмитревъ, „О церк.-исторической критикѣ въ XVII в.“, „Чтен. Моск. общ. истор. и древн. российск.“, 1871, № 4, стр. 43.—Гр. Толстой, „Разсказы изъ истории Русской церкви“, 2-е изд., 1870, т. II, стр. 48.—Бусланевъ, „Очеркъ русск. словесности и искусства“, т. II, стр. 351, 357.—Narbott, „Dziéje narodu Litewskiego“, IV, p. 326—327.—Hammer, „Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak“, 1840, p. 286, 288—289, 290—292.—D'Olsson, „Histoire des Mongols“, 1884, p. 413.—Калайдовичъ, „Историч. и хронологический опытъ о посадникахъ новгородскихъ“, Москва 1821.—Д. Прозоровский, „Новая разысканія о новгородскихъ посадникахъ“, „Вѣстникъ Археологии и Исторіи“, вып. IX, Спб. 1892.—Н. А. Рожковъ, „Политическая партия въ Великомъ Новгородѣ XII—XV вв.“, „Журналъ Минист. Народн. Просв.“, 1901, № 4.—„Энциклоп. слов.“ Брокгауз-Ефрона, 1-е изд., полут. 38, Спб.. 1896, стр. 487.

32. Святославъ Ярославичъ, старшій сынъ Ярослава Ярославича (38), второй князь на тверскомъ столѣ. О жизни его до во-княженія въ Твери извѣстно сравнительно немногого. Послѣ Переяславской битвы ребенкомъ былъ взятъ татарами въ плѣнъ, въ которомъ пробылъ, вѣроятно, до 1258 г. Слѣдѣзъ за этимъ упоминается подъ 1266 г., когда Ярославъ Ярославичъ, самъ вокняжившись въ Новгородѣ, посадилъ его на псковскій столъ. Будучи княземъ въ Псковѣ, онъ въ 1267 г. крестилъ бѣжавшихъ туда отъ волненій на родинѣ знатныхъ литовцевъ, въ томъ числѣ кн. Довмонта. Неизвѣстно, чѣмъ псковитянамъ былъ по нраву Довмонтъ и почему у нихъ съ С. Я. произошли раздоры, но первый вскорѣ, въ томъ же 1267 г., былъ объявленъ псковскимъ княземъ, а С. Я. лишенъ стола; этотъ актъ сильно разгневалъ отца С. Я., Ярослава Ярославича, который было ополчился на мятежный городъ, но послѣ угрозы новгородцевъ дѣло Пскова считать своимъ собственнымъ отказался отъ похода. Въ 1268 г. С. Я. участвовалъ въ Раковорской битвѣ въ слѣдующемъ году, по приказу отца, собравшагося походомъ на Колывань (Ревель), водилъ въ Новгородъ низовскіе полки и во время ссоры Ярослава Ярославича съ новгород-

цами въ 1276 г. былъ посыпаемъ имъ на вѣче для переговоровъ.

Тверской великоніжескій столъ С. Я. занялъ въ 1271 г., тотчасъ по смерти отца. Бывшій въ ту пору великимъ княземъ владимирскимъ дядя его, Василій Ярославичъ (костромской), вѣль тогда споръ изъ-за Новгорода съ Дмитріемъ Александровичемъ (переяславскимъ), призваннымъ на новгородское княженіе. Силою обстоятельствъ С. Я. принужденъ былъ принять ту или другую сторону въ этой распѣ родичей, ибо Тверь, находясь въ непосредственной близи къ мѣсту военныхъ дѣйствій, раньше или позже подверглась бы опустошенію отъ кого-либо изъ враждавшихъ и самымъ ходомъ событий должна была быть вовлечена въ междуособие. С. Я. сталъ на сторону сильнѣшаго изъ нихъ, Василія Ярославича, и въ 1273 г. со своими войсками и татарами повоевалъ Волокъ, Бѣжецъ, пограбилъ въ Низовской землѣ новгородскихъ купцовъ и вернулся въ Тверь съ большой добычей. Попытка Дмитрія Александровича начать мирные переговоры съ вел. кн. Василіемъ послѣднимъ была отвергнута, и оскорбленные этимъ новгородцы со своимъ княземъ въ челѣ двинулись на Тверь, считая ее, по-видимому, наиболѣе уязвимымъ мѣстомъ. Дойдя до Торжка, они, однако, разсудили, что имъ не подъ силу бороться съ С. Я. и пошли на уступки, отказавъ въ княженіи Дмитрію, который удалился въ Шеряславль, и пригласивъ на новгородскій столъ Василія Ярославича. Такимъ образомъ послѣдний вокняжился въ Новгородѣ при непосредственномъ содѣствіи С. Я.

Въ теченіе слѣдующихъ 8 лѣтъ ни о Твери вообще, ни о С. Я. въ лѣтописяхъ никакихъ упоминаній нѣтъ, изъ чего съ некоторою вѣроятностью можно заключить, что этотъ періодъ княжество прошло въ тишинѣ и мирѣ. Только въ 1281 г. С. Я. съ тверичанами вновь принимаетъ участіе въ распрахъ князей, на этотъ разъ въ борьбѣ братьевъ Дмитрія и Андрея (городецкаго) Александровичей, возникшей вслѣдствіе притязаній послѣдняго на великоніжескій престолъ, на которому оидѣлъ Дмитрій. И на этотъ разъ вовлечениѳ С. Я. въ борьбу было для него, по тѣмъ же причинамъ, вынуждено обстоятельствами, и теперь, какъ и раньше, онъ взялъ сторону болѣе сильнаго изъ

противниковъ, именно Андрея, за кото-
рого стояли и татары и многие мелкие
князья. Было ясно, что поддерживаемый
татарами Андрей долженъ побѣдить, и
следовательно Тверь, возьми она сторону
Дмитрия, подверглась бы настоящему раз-
грому, тѣмъ болѣе, что незадолго до этого
татары въ ней уже многое «пусто сотово-
риша», хотя она тогда и сохраняла не-
вмѣшательство. Какъ бы ни было, но С. Я.
въ союзъ на этотъ разъ съ новгородцами
и Данииломъ Александровичемъ (москов-
скимъ) направился къ Переяславлю и до-
шелъ до Дмитрова, подъ которымъ встрѣ-
тилъ Дмитрия Александровича. Никто изъ
противниковъ начать первымъ бой не рѣ-
шался, и послѣ пятидневнаго безплоднаго
стоянія они заговорили о мирѣ, который
и былъ заключенъ, на условіяхъ, впро-
чемъ, для насть неизвѣстныхъ. 1282 годъ
является послѣднимъ, подъ которымъ С. Я.
еще упоминается; вѣроятно, въ этомъ году
онъ и умеръ, во всякомъ случаѣ не позже
1285 г., когда въ разныхъ лѣтописяхъ
великимъ княземъ тверскому называется
уже братъ его, Михаилъ Ярославичъ
(меньшій). Былъ ли С. Я. женатъ и
имѣлъ ли дѣтей, — извѣстій объ этомъ по
сохранилось.

Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей, т. III, стр. 58—59, 60, 62—63; т. V, стр. 198—199; т. VII, стр. 172. — Никопольск. лѣтоп., т. II, стр. 46—47, 50, 55—57. — Татищевск. сводъ, т. IV, стр. 45, 46. — Карамзинъ, „Исторія го-
суд. Россійск.“, изд. Эндерлинга, Спб. 1843, стр. 63, 75, 83, 89; прим. 120, 125, 127, 129, 163, 169, 172. — В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества“, Спб. 1876, стр. 84—87. — А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣль-
ные князья Сѣверной Руси“, Спб. 1891, стр. 451, 454—458, 552, 639. — Щербатовъ, „Россий-
ская исторія“, т. III, стр. 206.

33. Семенъ Константиновичъ (умеръ 1364 г.), второй сынъ Константина Ми-
хайловича (24), см. кн. Дорогобужское.

34. Юрий Александровичъ, старшій изъ
троихъ сыновей Александра Ивановича (1),
тринацдатый великий князь Тверской, род-
ился около 1400 г. Извѣстій о немъ не
сохранилось почти никакихъ. Тверской
столъ онъ занялъ, надо полагать, сойтась
же послѣ смерти отца, т. с. въ концѣ
октября 1425 г.; но такъ какъ лѣтописи
отмѣчаютъ, что онъ княжилъ только четыре
недѣли, умеръ же онъ 23 апрѣля 1426 г.,
то, следовательно, на основаніи этихъ дан-
ныхъ начало его княженія въ Твери

следуетъ отности къ концу марта того же
1426 г. Разногласіе этихъ датъ о моментѣ
занятія Ю. А. тверского стола можетъ быть
примилено только при предположеніи, что
Ю. А. действительно великимъ княземъ
Тверскимъ сдѣлался непосредственно вслѣдъ
за смертью отца, т. е. въ октябрѣ 1425 г.,
утвержденъ же ханомъ онъ былъ только
въ марта слѣдующаго года. Свое кратко-
временное княженіе Ю. А. не успѣлъ чѣмъ-
либо ознаменовать, откуда понятна и скру-
дость извѣстій о немъ. Умеръ онъ отъ
моровой язвы. Отъ брака съ неизвѣстной
имѣлъ сына Ивана (23).

Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. VII, стр. 245;
т. VIII, стр. 93; т. XV, стр. 488. — Никопольск. лѣт.,
т. V, стр. 85. — Карамзинъ, „Ист. госуд. Рос-
сійскаго“, изд. Эндерлинга, т. V, стр. 143; прим.
254, 258. — С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“,
изд. „Общ. Польза“, кн. I, стр. 1088. — А. В.
Экземплярскій, „Велик. и удѣльн. князья Сѣв.
Руси“, т. II, стр. 506, 536, 556. — В. С. Борзак-
овскій, „Исторія Тверскаго княжества“, стр. 191.

35. Юрий Всеvolodовичъ, старшій сынъ
Всеvolода Александровича (14), совмѣстно
съ младшимъ братомъ Иваномъ (20) вла-
дѣлъ Холмомъ. Хотя отецъ сго умеръ еще
въ 1364 г., но Ю. В. почему-то очень дол-
гое время не упоминается въ лѣтописяхъ,
вплоть до 1404 г., когда онъ, опасаясь
Ивана Михайловича (22), тѣснившаго мел-
кихъ удѣльныхъ князей, по совету какихъ-
то «злыkhъ человѣкъ» бѣжалъ въ Москву.
Подозрѣнія его противъ тверскаго князя,
кажется, были напрасны, по крайней мѣрѣ
послѣдній вѣсколько разъ послыпалъ къ
нему въ Москву съ предложеніемъ, пови-
димому вполнѣ искреннимъ, вернуться въ
свой удѣль. «И не отлучайся, брате, своего
отечества,—писалъ Иванъ Михайловичъ,—
но поди, живи на предѣля отца своего,
а злыkhъ человѣкъ ис слушай; аще ли ти
кая обида есть, да се о насть епископъ
Арсений и мужи честніи отецъ нашихъ». Но
Ю. В. не вѣръ увиѣніямъ и увиѣніямъ
тверскаго князя, а въ 1407 г., не дождав-
шись помощи отъ Москвы, отправился въ
орду; притязанія сго, которая онъ надѣялся
осуществить въ ордѣ, разными лѣтописями
рисуются разно: по однимъ даннымъ онъ
желалъ получить десять волостей въ Твер-
скомъ княжествѣ, по другимъ третью часть,
по третьимъ—Кашинское княжество, а по
четвертымъ—даже все Тверское: «ища—по
лѣтописному слову—великаго княженія

тврскаго подъ вел. кн. Иваномъ Михайловичемъ». Провѣдавъ объ этомъ, послѣдній также побѣхъ въ орду, гдѣ безъ труда одержаль верхъ надъ соискателемъ тверскаго стола и потому вскорѣ вернулся въ Тверь. Ю. В., оставшись въ ордѣ, послѣ отѣзда Ивана Михайловича стала хлопотать еще болѣе усиленно и кое-чего добился—въ 1408 г. онъ вернулся въ Москву въ сопровожденіи ханскаго посла Дербыша, который немедленно выѣхалъ въ Тверь и тамъ заявилъ Ивану Михайловичу, что ханъ пожаловалъ Ю. В. частью Тверской земли. Великій князь отвѣтилъ, что повѣрить этому не можетъ, такъ какъ самъ еще «вчера» вернулся отъ хана съ другимъ рѣшеніемъ, поэтому пошлетъ въ орду спрашиваться объ этомъ. Потерпѣвъ неудачу, Ю. В. опять побѣхъ въ орду—и на этомъ извѣстія о немъ обрываются. Отъ брака съ неизвѣстной (1391 г.) онъ имѣлъ сына Дмитрия (17).

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. VI, стр. 132; т. VIII, стр. 77; т. XV, стр. 473—474, 478, 480.—Никон. лѣт., т. IV, стр. 202, 313; т. V, стр. 9—10.—Татищ. сводъ, т. IV, стр. 418.—В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества“, стр. 177—178, 180—181, 184—185; прилож. 4, стр. 262—263.—А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси“, т. II, стр. 498, 500—501, 505, 544—548.—Карамзинъ, „Истор. гос. Россійск.“.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россії“, изд. „Обществ. Пользы“, кн. I, стр. 1026, 1027.

36. *Юрій Ивановичъ*, третій и младшій сынъ Ивана Михайловича (22), князь неудѣльный, родился, вѣроятно, послѣ смерти своего дѣда, вел. кн. Михаила Александровича (26), т. е. послѣ 1399 г., ибо послѣдній, распредѣляя свою отчину между своими сыновьями и внуками, объ Ю. И. ничего не говорить, изъ чего можно заключить, что его въ это время еще не было на свѣтѣ. Упоминается лишь единственный разъ, по случаю женитьбы его на дочери московскаго боярина Ивана Дмитревича Всеволожскаго, что произошло по однѣмъ лѣтописямъ въ 1421 г., по другимъ—въ 1422 г.; потомства, видимо, не оставилъ.

Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. VI, стр. 142; т. VII, стр. 91.—Никонов. лѣт., т. V, стр. 79.—А. В. Экземплярскій, „Вел. и удѣльные князья Сѣверной Руси“, т. II, стр. 503, 504, 508, 642.—В. С. Борзаковскій, „Истор. Тверск. княжества“, стр. 189.

37. *Ярославъ Александровичъ*, третій и младшій сынъ Александра Ивановича (1).

Лѣтописныя свѣдѣнія о немъ очень скучны: въ 1432 г. онъ былъ посланъ своимъ старшимъ братомъ Борисомъ Александровичемъ въ Литву на помощь Свидригайлу въ борьбѣ послѣднаго съ Сигизмундомъ за обладаніе литовскимъ княжествомъ; помогалъ онъ Свидригайлу также въ 1433 и въ 1435 г., причемъ въ послѣдній разъ участвовалъ въ битвѣ подъ Вилькомиромъ, гдѣ Свидригайло былъ жестоко разбитъ, а Я. А. сложилъ голову. Говоря о помощи Я. А. литовскому князю, Тверская лѣтопись отмѣчаетъ, что въ этомъ походѣ съ нимъ была «сила тверская... сила городецкая»; курсивное слово даетъ некоторое основаніе предполагать, что Я. А. владѣлъ однимъ изъ мелкихъ тверскихъ удѣловъ, именно Городенскимъ, центромъ котораго былъ г. Городецъ, нынѣ село Городенъ или Городня—на правомъ берегу Волги, въ 28 верстахъ отъ Твери. Существованіе этого удѣла вполнѣ несомнѣнно, ибо подтверждается сохранившимися городенскими монетами, но о сидѣвшихъ на этомъ столѣ князьяхъ, которые, конечно, тоже были, извѣстій никакихъ не сохранилось. Если Я. А. действительно былъ городенскимъ удѣльнымъ княземъ, то, надо полагать, онъ единственный занималъ этотъ столѣ, ибо потомства не оставилъ, и подвластный ему удѣль, какъ выморочный, снова слился съ Тверскимъ великимъ княжествомъ.

Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. XV, стр. 489.—Лѣтоп. Велик. кн. Литовскаго*, Учен. Зап. Акад. Наукъ*, 1854 г., т. I, стр. 50—51.—Nagbutt, „Dzieje narodu Litewskiego“, т. VII, стр. 120, 123, 127, 176, 176.—А. В. Экземплярскій, „Великие и удѣльные князья Сѣверной Руси“, т. II, стр. 505, 506, 555, 556.—В. С. Борзаковскій, „Ист. вел. кн. Тверскаго“, стр. 193, 194; прим., стр. 121—122.—Pomniki do dziejow Litewskich*, Wilno 1846, стр. 46.—Kojałowicz, „Historia Litwana“, II, 159.

38. *Ярославъ III Ярославичъ*, шестой сынъ великаго князя кіевскаго и владимирскаго Ярослава II Всеволодовича, внукъ Всеволода Юрьевича. Большое гнѣздо, первый великий князь Твери и великий князь владимирскій, родился въ 1230 г. О молодости его не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Точно также не имѣется въ лѣтописяхъ опредѣленныхъ и прямыхъ указаний и въ время воскняженія его въ Твери, а следовательно—на дату, къ которой слѣдовало бы отнести начало самостоятельнаго существованія Тверскаго княжества. Только на

оснований косвенныхъ данныхъ можно предполагать, что время этихъ однозначающихъ событий относится къ 1247 г., когда Я. Я. было около 17 лѣтъ. Именно въ этомъ году Святославъ Всеволодовичъ, унаследовавшій великокняжескій Владимирскій престолъ послѣ смерти (1246) брата Ярослава II, разсажалъ дѣтей послѣдняго, скѣдовательно своихъ племянниковъ, по разнымъ городамъ, причемъ Я. Я., по волѣ усопшаго, досталась Тверь. Этой датѣ противорѣчитъ лишь одно мѣсто въ Никоновской лѣтописи (т. III, стр. 3), гдѣ Я. Я. названъ тверскимъ княземъ уже подъ 1238 г., но неѣтъ сомнѣнія, что этотъ титулъ данъ ему лѣтописью, происхожденія позднѣйшаго, переднимъ числомъ.

Первымъ дѣломъ Я. Я. было отраженіе въ 1248 г. военной угрозы со стороны литовцевъ; собравшись въ значительную рать, они продвинулись до самаго Зубцова, но здѣсь были встрѣчены Я. Я. въ союзѣ съ братьями и въ схваткѣ съ ними потерпѣли жестокое пораженіе. Въ 1249 г. у старшихъ братьевъ Я. Я., Александра (киевскаго), княжившаго тогда въ Новгородѣ, и Андрея, князя суздальскаго, вышла «пря велія о великомъ княженіи». Я. Я., повидимому, не вмѣшивался въ споръ, оставаясь стороннимъ наблюдателемъ; по крайней мѣрѣ имя его въ связи съ этой борьбою лѣтописями въ ту пору нигдѣ неупоминается. Но въ 1252 г. Александръ Ярославичъ отправился изъ Новгорода въ орду, гдѣ передъ сыномъ Батыя, тогдашнимъ ханомъ Сартакомъ, оклеветалъ Андрея и получилъ «старѣшинство во всей братіи его», а также ратную помощь, съ которой и пошелъ на Суздальскую землю. Поступокъ Александра вывелъ Я. Я. изъ стороннаго положенія, и онъ принялъ рѣшительно сторону Андрея. Одно неясное мѣсто Ипатьевской лѣтописи дало поводъ историку Тверского княжества, В. С. Борзаковскому, въ видѣ догадки высказать соображеніе, что было и еще одно основаніе, побудившее Я. Я. выступить противъ Александра; изъ не совсѣмъ опредѣленного указанія этой лѣтописи можно заключить, что Я. Я. одно время, приблизительно съ 1247 г., принадлежалъ Кіеву, который по утвержденному ханомъ и выше отмѣченому дѣлежу между братьями перешелъ къ Александру; именно стремленіе возвратить этотъ городъ, по мнѣнію В. С. Борзаков-

скаго, и было другимъ соображеніемъ, опредѣлившимъ симпатіи и антипатіи Я. Я. въ этомъ междуусобіи. Какъ бы ни было, но еще до возвращенія Александра изъ орды Я. Я. выѣхѣлъ съ Андреемъ захватить хорошо укрѣпленный Переяславль Залѣскій, гдѣ укрыть и свое семейство. Союзники были, повидимому, очень сильны, ибо знали, конечно, съ какой цѣлью Александръ отправился въ орду, и хорошо должны были понимать, что имъ придется сражаться не только съ его воинами, но и татарами. Тѣмъ не менѣе послѣдовавшая битва подъ Переяславлемъ кончилась для Я. Я. и Андрея печальнымъ образомъ: городъ былъ взятъ. Андрей бѣжалъ сначала въ Новгородъ, затѣмъ въ Псковъ, Колывань (Ревель) и оттуда въ Швецію, дѣти Я. Я. попали въ пленъ, жена его была убита, а рать истреблена и разсѣяна. Въ несчастномъ бою самого Я. Я. не было; незадолго передъ тѣмъ и неизвѣстно почему онъ уѣхалъ куда-то, вѣроятнѣе всего въ Тверь, замѣстивъ себя воеводою Жидиславомъ, также убитымъ татарами. Новѣйшие историки въ этой битвѣ видятъ болѣе чѣмъ одинъ изъ обычныхъ узловъ сплетавшихся тогда междуусобій, — въ ней усматривается первая попытка, хотя и неудачная, открытыхъ враждебныхъ дѣйствій на сѣверѣ Руси противъ татаръ.

Нѣкоторое время послѣ переяславской битвы Я. Я. пробылъ въ Твери, но затѣмъ, опасаясь мести со стороны Александра за союзъ съ Андреемъ, въ началѣ 1254 г. выѣхѣлъ съ приближенными боярами бѣжалъ въ Ладогу, гдѣ былъ принять честно; отсюда онъ, какъ кажется, собирался послѣдовать за Андреемъ, т. е. перебраться въ Швецію, но неожиданно развернувшіяся события въ Новгородѣ заставили его остататься. На историческую сцену республики, къ области которой принадлежала и Ладога, къ этому времени появляются двѣ враждующія партіи, — по терминологіи С. М. Соловьевъ, партія «большихъ» и «меньшихъ»; первая была сторонницей Александра Ярославича и княжившаго тогда въ Новгородѣ его сына Василія, вторая же, недовольная ихъ самовластіемъ и гнетомъ, пожелала видѣть на новгородскомъ столѣ Я. Я., разсчитывая на менѣе самовластное вмѣшательство съ его стороны во внутреннія дѣла Новгорода. Въ 1255 г. приверженцы Я. Я. на

въчахъ одержали верхъ, и онъ вожиялся сначала во Псковѣ, а затѣмъ и въ Новгородѣ. Для Александра Ярославича втотъ двойной ударъ—изгнаніе изъ Новгорода сына и вожиженіе тамъ политическаго противника—не оказался неожиданнымъ и не засталъ его врасплохъ; въ самомъ непродолжительномъ времени онъ въ союзъ съ двоюроднымъ братомъ Дмитриемъ Святославичемъ и новоторжцами двинулся къ Новгороду. Не надѣясь на новгородцевъ, значительная часть которыхъ къ тому же была враждебно къ нему настроена, и опасаясь вступить въ открытый бой съ подступавшими союзниками, Я. Я. предпочелъ оставить недавно занятый имъ княжескій столъ и бѣжалъ,—неизвѣстно куда; новгородцы же должны были примириться съ Александромъ, признать его вновь своимъ княземъ и ему въ угоду посадника Абанію, сторонника партіи «меньшихъ», замѣнить внукомъ извѣстнаго Твердислава Михайловича, Михаиломъ Степановичемъ, приверженцемъ «большихъ».

Гдѣ скитался Я. Я. и когда онъ возвратился въ Тверь, прямыхъ указаний на это неѣть; возможно, что онъ пребывалъ въ Швеціи; возвращеніе же его состоялось, вѣроятнѣе всего, въ концѣ того же 1255 г., когда изъ той же Швеціи выѣхалъ на родину и его братъ Андрей. Оба они примирились съ Александромъ, и въ 1258 г. всѣ троеѣдили въ орду, гдѣ Я. Я. былъ впервые и отѣуда отпущенъ «со многою честью». Изъ орды онъ вывезъ, какъ кажется, и взятыхъ туда въ пленъ послѣ Переяславльской битвы своихъ дѣтей. Примиреніе Я. Я. съ Александромъ произошло на почвѣ подчиненія первого второму. Это ясно хотя бы изъ того, что когда въ 1262 г. новгородцы пошли походомъ на нѣмцевъ и въ помощь имъ Александръ послалъ Я. Я., этотъ подчинился приказанію. Походъ былъ удаченъ: союзники взяли Юрьевъ (Дерптъ), разорили его и домой возвратились со многими награбленными товарами и съ болѣшимъ полономъ.

Въ ноябрѣ 1263 г. на обратномъ пути изъ орды скончался єздившій туда для умилостивленія хана (въ связи съ частичными возмущеніями населенія противъ татарскихъ сборщиковъ) Александръ Ярославичъ. Снова возникъ вопросъ о томъ, кому быть великимъ княземъ. Бывшіе когда-то союзники, Я. Я. и Андрей выступили теперь

другъ противъ друга какъ враги. Не желая, однако, вызывать кровопролитія, братья разсудили свой споръ о величественіи передать на рѣшеніе хана. Ёздившій по требованію послѣдняго для объясненій въ орду, Я. Я. возвратился оттуда съ великокняжескимъ ярыкомъ, одержавъ, такимъ образомъ, верхъ надъ Андреемъ, который, впрочемъ, вскорѣ скончался (1264 г.). Сохрания за собою Тверь, Я. Я., следовательно, сталь владѣть также княжествомъ Владимировскимъ, а обаяніе приобрѣтеної имъ силы и опасенія навлечь на себя нерасположеніе благоволившаго къ нему хана заставили практическихъ новгородцевъ предложить ему и своей княжеской столѣ, для чего они изгнали малолѣтнаго Дмитрія Александровича. Пришедшее изъ Новгорода въ Тверь посольство принесло грамоту, заключавшую условія, на которыхъ Я. Я. долженъ былъ принять новгородское княженіе,—условія относительно народныхъ вольностей, княжескихъ торговыхъ пошлинь, доходовъ, охоты и пр. Отдѣльнымъ пунктомъ новгородцы требовали отъ него не дѣлать такихъ насилий, какія учинялись его братомъ Александромъ. Я. Я. предложеніе, конечно, принялъ, нерушимость выставленныхъ условій подтвердилъ крестнымъ цѣлованіемъ, выѣхалъ въ Новгородъ и 27 января 1266 г. вожижался тамъ, своего сына Святослава посадивъ во Псковѣ. Симпатіи новгородской партіи «меньшихъ» и раньше были на его сторонѣ, съ пѣлю же примирить съ собою и привязать къ себѣ и противную партію, «большихъ», онъ вступалъ во второй бракъ съ дочерью одного изъ наиболѣе видныхъ представителей этой группы, боярина Юрия Михайловича (Болховскаго). Мирныя отношенія Я. Я. съ новгородцами продолжались, однако, очень недолго; уже въ слѣдующемъ 1267 г. онъ едва не поссорился съ ними: спасаясь отъ начавшихся въ Литвѣ послѣ убийства Миндовга междоусобій, во Псковъ прибѣжало до 300 видныхъ ливонцевъ, которыхъ псковитяне приняли съ лаской и одного изъ нихъ, Довмонта, даже сдѣлали своимъ княземъ. Предпочтеніе Довмонта Святославу привело Я. Я. въ гнѣвъ, и онъ, находясь въ то время въ Твери, съ значительнымъ отрядомъ выступилъ оттуда и направленію въ Новгородъ, намѣреваясь продолжать путь на Псковъ. «Перевѣдайся, княже, раньше съ нами», замѣтило ему вольно-

любивое и самолюбивое новгородское вѣче, чѣмъ умѣрило его воинственный пыль. Вынужденный распустить полки по домамъ, Я. Я. не пожелалъ возвратиться въ Новгородъ, оставивъ тамъ своего племянника Юрия Андреевича. Въ 1268 г. взаимоотношения его съ новгородцами нѣсколько улучшились, и онъ, по ихъ просьбѣ, выслалъ имъ на помощь противъ датчанъ своихъ сыновей, Святослава и Михаила, и нѣкоторыхъ другихъ князей, которые и принали участие въ знаменитой раковорской (везенбергской) битвѣ, завершившейся побѣдой новгородцевъ, но стоявшей имъ громадныхъ потерь и, главное, не давшей въ резултатѣ столь желаннаго новгородцами вѣшняго мира. Эта конечная неудача войны повела къ большой смутѣ въ Новгородѣ, въ началѣ 1269 г. вылившейся въ открытый мятежъ. Образовались двѣ разномыслящія группы: одна считала, что только Я. Я. можетъ примирить ихъ съ нѣмцами, и потому подагала необходимымъ обратиться къ его посредничеству, другая же рѣшительно противъ этого возставала. Сплетеніемъ этихъ неблагопріятныхъ для республики обстоательствъ — внутренними смутами и продолжающейся угрозой со стороны вѣшняго врага — и задумалъ воспользоваться Я. Я. съ цѣлью нѣсколько укротить свободолюбивыхъ гражданъ, устранить отъ дѣлъ нѣкоторыхъ наиболѣе влиятельныхъ и ему непріятныхъ новгородцевъ и замѣнить ихъ своими сторонниками. И вотъ въ это время онъ переѣзжаетъ изъ Владимира въ Новгородъ, где передъ вѣчемъ излагаетъ свои жалобы-извѣты на неугодныхъ ему лицъ Жирослава Давидовича, Михаила Мишинича, Юрия Святославича и др., выставляетъ ихъ единственными виновниками длящейся ссоры съ нѣмцами и требуетъ лишенія ихъ власти. Чувство суверенитета новгородского вѣча, однако, одержало верхъ надъ сознаніемъ своей слабости, даже безсилія, и оно отвергло притязанія Я. Я., но при этомъ просило его не оставлять Новгорода и руководить новымъ походомъ противъ нѣмцевъ. Пользуясь критическимъ и безвыходнымъ положеніемъ новгородцевъ, Я. Я. поступилъ какъ разъ обратно тому, о чёмъ его просили: отвергъ предложеніе и уѣхалъ. Тогда вѣче пошло на уступки — послало къ князю владыку и «лучшихъ мужей» съ просьбой воротиться и съ завѣреніемъ

пойти навстрѣчу нѣкоторымъ его желаніямъ. Я. Я. воротился, вѣче отвѣчало събѣщаніемъ съ должностей нѣкоторыхъ, хотя и не всѣхъ неугодныхъ ему бояръ, причемъ въ тысяцкіе избрало его сторонника, Ратибора Клуксовича. Уступки новгородцевъ обязывали Я. Я. къ ратной помощи, и онъ въ слѣдующемъ 1270 г. сталъ стягивать въ Новгородъ свои и татарскіе полки, готовясь идти войною на нѣмцевъ. Въ прямомъ смыслѣ помочь оказалось, однако, не нужной, но косвенно послужила новгородцамъ на пользу, такъ какъ нѣмцы, повидимому именно въ виду этой угрозы, послѣшили предложить имъ миръ «на всей новгородской волѣ». Напрасно станутые полки Я. Я. хотѣль было двинуть на корельцевъ, грабежомъ которыхъ и намѣревался вознаградить своихъ воиновъ, но новгородцы, считая Корелу своею областью, удержали князя отъ его затѣй. Полки были отосланы по мѣстамъ, а Я. Я., не особенно довольный исходомъ этого дѣла, все же остался на нѣкоторое время жить въ Новгородѣ. Поддерживаемый своими сторонниками, онъ здѣсь сталъ обнаруживать тѣ самые стремленія, отъ которыхъ особымъ пунктомъ упомянутой грамоты присягалъ воздерживаться, — стремленія къ чрезмѣрному самовластію: вмѣшивался въ новгородско-нѣмецкую торговлю, тѣсnilъ ее, перевершалъ иногда грамоты, отнялъ нѣкоторыя вотчины у храма св. Софіи, его «гогольные» ловцы мѣшали судоходству по Волхову, его любимцы стали угнетать народъ и т. п. Это было даже слишкомъ много, чтобы вызвать въ новгородцахъ всепышку. Дѣйствительно, уже въ томъ же 1270 г. произошло восстание, вынудившie какъ самого Я. Я., такъ и его наиболѣе приближенныхъ сторонниковъ бѣжать въ Городище. Здѣсь онъ получилъ отъ вѣча грамоту съ прощаніемъ цѣлаго ряда его винъ, въ которой, между прочимъ, говорилось: «Пойзжай, книже, отъ насть, а мы себѣ князя промыслимъ». Пришла очередь за Я. Я. идти на уступки, — войско его было отпущено, на небольшую горсть остававшихся людей опереться не являлось возможнымъ, и онъ «оступился» отъ всего, въ чёмъ его обвиняли; но новгородцы уже не вѣрили ему и рѣшительно заявили: «Князь, пойзжай прочь, не хотимъ тебя, а не то воѣмъ Новгородомъ пойдемъ про-

гнать тебя» (изъ Городища). Я. Я. ушел изъ новгородской земли и сталъ собирать войска, чтобы вернуться туда силой. Къ нему на помощь съ ратью пришли Дмитрий Александровичъ Переяславскій, Глѣбъ Ростиславичъ смоленскій и значительный отрядъ отъ татарскаго хана Менгу-Тимура, котораго Я. Я. вооружилъ противъ Новгорода всячими извѣтами. Въ этомъ затруднительномъ положеніи новгородцы получили неожиданно помощь, откуда менѣе всего могли ожидать ее: костромской князь Василий Ярославичъ Мезинный (менышой), младшій братъ Я. Я., опасаясь, повидимому, чрезмѣрного усиленія Твери, которая, поглотивъ Новгородъ, могла поглотить и Кострому, вдругъ послалъ къ новгородцамъ пословъ съ поклономъ отъ себя: «Кланяюсь св. Софіи и мужамъ новгородцамъ! слышалъ, что Ярославъ, Дмитрій и Глѣбъ идутъ на Новгородъ со всею силою своею. Жаль мнѣ своей вотчины», а самъ поѣхалъ въ орду опровергать извѣты Я. Я. на Новгородъ и ходатайствовать объ отзваніи высланного противъ послѣдняго войска. Ходатайство было успѣшно,—татарскій отрядъ ханомъ былъ вороченъ. Съ другой стороны на помощь укрѣпившемуся и поголовно вооружившемуся Новгороду пришли и псковичи, лодожане, вожане, корела, ижора и, по даннымъ Никоновской лѣтописи, даже нѣмцы. Эти внушительныя приготовленія и рѣшимость Новгорода къ отчаянному сопротивленію въ значительной степени умѣрили боевое рвение Я. Я., и онъ, узнавъ о приближеніи противниковъ къ Городищу, отступилъ къ Русѣ, откуда послалъ повторить новгородцамъ, что отступается отъ всего, за что тѣ его не «взлюбили». Новгородцы отказались отъ переговоровъ и призвались къ Русѣ. Въ теченіе цѣлой недѣли стояли здесь другъ противъ друга противники, не рѣшавъ вступить въ бой. Я. Я. заблагоразсудилъ прибѣгнуть къ посредничеству духовной власти; по его просьбѣ, митрополитъ Кирилль II послалъ новгородцамъ грамоту, въ которой увѣщевалъ ихъ примириться съ княземъ, «иже всей злобы лишается», въ противномъ случаѣ угрожалъ наложеніемъ на Новгородъ запрещенія. Грамота подѣствовала: новгородцы, а вслѣдъ за ними и Я. Я. пошли на взаимныя уступки; Я. Я. снова былъ призванъ княземъ на новгородскомъ столѣ, но цѣловалъ крестъ на всей

новгородской волѣ, что было скрѣплено особою грамотою. Выѣзжая изъ Новгорода, онъ оставилъ тамъ своимъ намѣстникомъ Андрея Воротиславича, а въ Псковѣ посадилъ какого-то литовскаго князя Ай(в)густа. Въ 1271 г. вмѣстѣ съ братомъ Василиемъ и Дмитріемъ Александровичемъ Я. Я. для чего-тоѣздилъ въ орду,—вѣроятнѣе всего судиться съ этими князьями, а на обратномъ пути оттуда 16 октября того же 1271 г. умеръ, незадолго до кончины, по обычаю времени, принявъ схиму съ именемъ Аѳанасія. Останки его епископомъ Симеономъ погребены въ Твери, въ церкви св. Космы и Даміана.

Ни имя, ни происхожденіе первой супруги Я. Я., убитой татарами послѣ Переяславскаго боя, неизвѣстны; отъ нея онъ имѣлъ двоихъ сыновей—Святослава (32) и Михаила-старшаго (30), отъ брака же съ Ксенией Юрьевной (Георгіевной) Болховской, которую лѣтописи называютъ премудрою, блаженною, преподобною, святою (см. т. «Кнаппе — Кюхельбекъ», стр. 511—512), имѣлъ сына Михаила-младшаго (31) и двухъ неизвѣстныхъ по имени дочерей, изъ которыхъ одна съ 1282 г. была замужемъ за кн. Юріемъ Волынскимъ, а другая въ 1291 г., будучи дѣвицею, постриглась.

Оцѣнка дѣятельности Я. Я. историками далеко не одинакова. Въ то время какъ С. М. Соловьевъ находить, напр., что общія политическія условія въ періодѣ княженія Я. Я. какъ нельзя болѣе благопріятствовали усиленію Твери и выступленію ея въ качествѣ средоточивающаго пункта древней Руси, но что этому воспрепятствовалъ недостатокъ твердости кназя,—В. С. Борзаковскій, наоборотъ, полагаетъ, что Я. Я. былъ, быть можетъ, даже слишкомъ смѣлъ, успѣшной же дѣятельности его мѣшиали именно общія неблагопріятныя обстоятельства и самоограниченіе политическихъ интересовъ предѣлами Тверского княжества, т. е. игнорированіе и недостаточное пониманіе важности интересовъ общерусскихъ. Во всякомъ случаѣ, Я. Я. должно считать одною изъ центральныхъ фігуръ въ исторіи междуусобій Руси второй половины XIII вѣка.

Полное Собрание Русск. Лѣтопис., т. I, стр. 201—202, 203, 226, 252; т. II, стр. 341, 342; т. III, стр. 55—56, 58—60, 61—62, т. IV стр. 38, 39, 40—41, 180—182; т. V, стр. 187, 188, 190, 192, 193—195, 196 — 198; т. VII, стр. 156, 159, 162,

163, 164, 167—168, 169 — 170, 176, 236; т. XV, стр. 396, 398, 400, 402—403.—Никоновская лѣтоп., т. III, стр. 3, 26, 31, 33—34, 35—36, 38—39, 42, 43, 46—48, 49—50, 52—54, 85, 89.—Татищ. сводъ, т IV, стр. 1, 19, 20, 24, 32 — 33, 35, 38—39, 41—42, 43.—„Собрание Государств. Грамотъ и Договоровъ“, т. I, №№ 1, 2, 3.—„Русско-литовские акты“, № 26.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійск.“, изд. Эйнерлинга, Спб. 1843, т. IV, стр. 46, 56, 59—69, 93; прим. 1, 38, 78, 92, 114, 122, 125, 130, 132, 137, 154, 179, 187, 207, 260.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. „Обществ. Пользы“, кн. I, стр. 839, 844, 845, 846, 847.—И. Д. Бѣляевъ, „Разсказы изъ русской исторіи“, т. II, стр. 367.—Narbutt, „Dzieje narodu Litewskiego“, IV, р. 108, 109, 207, 208.—А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси“, т. II, Спб. 1891, стр. 4, 5, 23, 207, 263, 354, 365, 367, 368, 394, 395, 448—456, 639.—В. О. Борзаковскій, „Исторія Тверского княжества“, Спб. 1876, стр. 68—83 и прилож. № 1, стр. 241—245.—Соколовъ, „Св. князь Михаилъ Тверской“, Тверь 1864.—Андреевскій, „О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами“, стр. 16.—Калайдовичъ, „Исторический и хронологический опытъ о посадникахъ новгородскихъ“, Москва, 1821.—Д. Прозоровскій, „Новая розыскавія о новгородскихъ посадникахъ“, „Вѣстникъ Археологии и Исторіи“, вып. IX., Спб. 1892.—Пасекъ, „Новгородъ самъ въ себѣ“, „Чтевія Общества Исторіи и Древн. Россійск.“, 1869, кн. IV.—Н. А. Рожковъ, „Политическая партия въ Великомъ Новгородѣ XII—XV вв.“, „Журн. Минист. Народн. Просв.“, 1901, № 4.

39. *Федоръ Александровичъ*, второй сынъ Александра Михайловича (2), начинаетъ упоминаться съ 1827 г., когда въ Твери произошло известное избиеніе татаръ и Александръ Михайловичъ, въ виду приближенія татарского карательного войска, вмѣстѣ съ Ф. А. и другими дѣтьми бѣжалъ сначала во Псковъ, а затѣмъ въ Литву. Когда Александръ Михайловичъ, послѣ долгихъ скитаній по чужимъ землямъ, задумалъ возвратить себѣ Тверское княжество, съ ходатайствомъ обѣ этомъ къ хану въ 1335 г. онъ послалъ Ф. А. Послѣдній изъ орды, въ сопровожденіи татарского посла Авдула, возвратился прямо въ Тверь, откуда и даль знать въ Псковъ отцу, что ханъ готовъ сложить гнѣвъ на милость, если опальный тверской князь лично явится въ орду и принесетъ новинную. Какъ известно, Александръ Михайловичъ, стѣздивъ въ орду, дѣйствительно былъ прощенъ ханомъ и снова получилъ ярыкъ на великокняжеский тверской столъ, изъ чего должно заключить, что ходатайствовавшій Ф. А. былъ одаренъ большими, говоря современнымъ языкомъ, дипломатиче-

скими способностями. Подтверждается это и дальнѣйшими событиями: какъ только Александръ Михайловичъ попадалъ въ затруднительное положеніе, такъ или иначе разрѣшить которое зависѣло отъ хана, съ ходатайствомъ къ послѣднему онъ всегда посыпалъ Ф. А., а если бѣздила самъ, то неизмѣнно все же бралъ и сына. Такъ, когда у тверского князя въ 1337 г. началась вражда съ Москвою, Ф. А. вновь бѣжалъ съ хлопотами въ орду, а въ 1339 г. туда же сопровождалъ отца, выѣзданаго ханскимъ посломъ. Ф. А. поѣхалъ въ орду даже нѣсколько раньше, чтобы разузнать о положеніи дѣль. Противъ вліянія въ ордѣ могущественнаго московскаго князя Ивана Калиты, съ которымъ у тверского великаго князя и было споръ, Ф. А. ничего не могъ сдѣлать, почему далъ знать, что дѣла идутъ плохо, и что ему грозить опасность. Александръ Михайловичъ тѣмъ не менѣе не внялъ предостереженіямъ сына и поѣхалъ въ орду, где вскорѣ выяснилось, что опасенія Ф. А. были не напрасны. Жизнь его закончилась трагически: онъ раздѣлилъ судьбу отца—вмѣстѣ съ нимъ 28 октября 1339 г. былъ въ ордѣ казненъ. Тѣла ихъ погребены были въ церкви Спаса-Преображенія. Погомства Ф. А. не оставилъ.

Полн. Собр. Русск. Лѣт., III, стр. 78—79; т. IV, стр. 53—54, 186; т. V, стр. 220—222; т. VII, стр. 204—205; т. XV, стр. 418—420.—Никоновская лѣтоп., т. III, стр. 162, 164—170.—Татищ. сводъ, т. IV, стр. 136—142.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, т. IV, стр. 140, 143; прим. 299, 306.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. „Обществен. Польза“, кн. I, стр. 913, 922.—С. В. Борзаковскій, „Исторія Тверского княжества“, Спб. 1876, стр. 127—128, 257—259.—А. В. Экземплярскій, „Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Россіи“, т. II, стр. 474—475, 640.

40. *Федоръ Михайловичъ*, шестой и младший сынъ Михаила Александровича (26), см. *Мижулинскіе князья*.

II. Тверскія княгини.

41. *Анна Дмитріевна* — супруга Михаила Ярославича (31), дочь Дмитрія Борисовича Ростовскаго; годъ рожденія ея неизвѣстенъ, замужъ же за Михаила Ярославича вышла 8 ноября 1294 г. А. Щекатовъ въ своемъ «Географическомъ словарѣ» полагаетъ, что вмѣстѣ съ рукою А. Д. къ Михаилу Ярославичу, какъ бы въ видѣ приданаго, перешелъ Каширъ, но это невѣрно, ибо ужъ подъ 1288 г. Каширъ упо-

минается въ числѣ тверскихъ городовъ. Во всякомъ случаѣ, бракъ этотъ былъ заключенъ съ политическими разсчетами, разсчетами тверского князя путемъ родственныхъ связей обеспечить для себя въ трудныхъ обстоятельствахъ поддержку Ростова. Въ 1318 г. А. Д. провожала своего мужа до р. Нерли, когда тотъ въ послѣдний разъѣздилъ въ орду. Позже А. Д. постриглась въ Тверскомъ Софийскомъ монастырѣ съ именемъ Софией. Обычно принимается, что постриженіе произошло вскорѣ послѣ трагической смерти Михаила Ярославича въ ордѣ и даже вызвано было этимъ событиемъ, но справедливость такого предположенія опровергается лѣтописными данными, согласно которымъ она еще въ 1327 г. жила въ мірѣ; въ этомъ году произошло въ Твери извѣстное избіеніе татарскаго послы-вельможи Шекала (Щелкана), на что ханъ отвѣчалъ посыпкою карательного отряда, изъ страха передъ которымъ тверскіе князья бѣжали во Ісковъ, причемъ въ числѣ бѣжавшихъ лѣтопись упоминаетъ и А. Д., называя ее великой княгиней и не оговариваясь объ ея иноческомъ имени. Только подъ 1357 г. встрѣчается извѣстіе, изъ котораго опредѣленно можно заключить, что къ этому вѣмени она была въ монастырѣ: «У кн. Михаила Александровича Тверскаго, внука Михайлова, правнука Ярослава, преставись сынъ Александръ у бабы своея, у вел. кн. Софиѣ въ Софийскомъ монастырѣ». Скончалась А. Д. въ 1367 г. Послѣдніе годы своей жизни она жила поперемѣнно то въ Твери, то въ Кашина, удѣлѣ менѣшаго сына своего Василия,—и въ Кашина, кажется, и скончалась, почему составленное въ XVII в. житіе А. Д. называетъ ее «благовѣрной княгиней Анной Кашинской, во иночествѣ Софией». Впослѣдствіи, (12 іюня 1650 г.) состоялось прославленіе княгини-иокини, и останки ея, обрѣтенныя нетленными, были перенесены ростовскимъ митрополитомъ Варлаамомъ, въ присутствіи царя Алексія Михайлова и патріарха Іосифа, изъ Успенской церкви Кашина въ Воскресенскій соборный храмъ того же города. Въ 1667 г. возникъ вопросъ о канонизаціи княгини, но сопричисленіе къ лицу святыхъ по разнымъ причинамъ (въ томъ числѣ обнаруженное двоеперстіе княгини) пришлось отложить «до подлиннаго извѣщенія, егда еще впереди Богъ объявитъ и утвердить». Рака княгини

была запечатана, изображенія ея на иконахъ, служба и житіе отобраны и спрятаны, пѣніе молебновъ воспрещено, храмъ, созданный во имя ея въ Кашина, освященъ вновь во имя Всѣхъ Святыхъ. Съ тѣхъ поръ оставки княгини почивали подъ спудомъ до 12 іюня 1909 г., когда состоялось ея воспрославленіе.

Полное Собр. Русск. Лѣтоп., т. I, стр. 228, 230; т. III, стр. 65—66, 74; т. IV, стр. 44, 51, 183, 185, т. V, стр. 202; т. VII, стр. 180—181, 200; т. XV, стр. 406—407.—Нікон. лѣт., т. III, стр. 210; т. IV, стр. 20.—Татищ. сводъ, т. IV, стр. 185.—Житіе благовѣрной княгини Анны Кашинской, рукопись XVII в., приписываемая свящ. Василию (находится въ Московск. Патріаршей библіотекѣ, № 622); напечатано „Житіе и подвиги св. благов. вел. кн. Анны Кашинской“ (народное изданіе), Москва 1909, и „Житіе благов. вел. кн. Анны Кашинской“, съ предисл. А. Титова, Ростовъ 1909.—Рукопись житія въ библіотекѣ Академіи Наукъ, № 31. 6. 34; напечатана іеромон. Іоакимомъ: „Житіе св. благ. вел. кн. Анны Кашинской“, Москва 1909.—„Соборное дѣяніе о блаженной княгинѣ Аннѣ“, находится въ Московской Синодальной библіотекѣ, въ сборнике № 884, лл. 381—415; напечатано Костомаровымъ въ его ст. „Церковно-историческая критика въ XVII в.“, „Вѣстн. Евр.“, 1870, апр.—Дмитріевъ, „По по-воду статьи Костомарова—Церковно-историч. критика въ XVII в.“, „Чтенія Моск. Общ. Истор. и Древн. Россійск.“, 1871, № 4; тамъ же (1872, № 1) напечатано въ полномъ видѣ упомянутое „Соборное дѣяніе“.—Филимоновъ, „О се-ребряномъ образѣ княгини Анны Кашинской“, тамъ же, 1872, № 1.—Гр. Толстой, „Разсказы изъ русской истории“, т. II, изд. 2-е, 1870, стр. 48.—В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества“, Спб. 1876, стр. 113—114.—А. В. Экземплярскій, „Велик. и удѣльн. князья Сѣверн. Руси“, т. II, Спб. 1891, стр. 30, 459, 467, 473, 476, 523.—Карамзинъ, „Истор. госуд. Россійск.“, изд. Эйнерлинга, т. IV, стр. 113, 121; прим. 248, 308.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. товар. „Общ. Польза“, кн. III, стр. 874; прим. 3.—Е. Е. Голубинскій, „Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви“, Москва 1903, стр. 130—170.—В. О. Ключевскій, „Древне-русскія житія святыхъ“, стр. 340 и слѣд.

42. Евдокія Константиновна, жена Михаила Александровича (26), дочь Константина Васильевича кн. сузdalскаго,—послѣднее, впрочемъ, лишь предположительно: одни историки и нѣкоторые родословные даютъ ей указанное отчество, другіе же считаютъ ее извѣстной только по имени. Свѣдѣнія о ней очень скучны. По хронологическимъ соображеніямъ можно думать, что замужъ за тверскаго князя она вышла въ 1351 или 1352 г., а единственное лѣтописное упоминаніе о ней, относящееся къ

1400 г., даеть основаніе заключить, что умерла она въ глубокой старости. Въ этомъ году младшій сынъ Е. К., Василій Михайловичъ кн. кашинскій, обратился къ ней съ жалобой на своего старшаго брата Ивана Михайловича, который, сдѣлавшиясь великимъ княземъ тверскимъ, сталь усиленно тѣснить удѣльныхъ князей. Стремясь сохранить между своими дѣтьми миръ, Е. К. послала своихъ бояръ къ Ивану Михайловичу съ порученіемъ сказать ему, что онъ «не по грамотѣ отца ходить», т. е. не исполняетъ мирныхъ завѣтовъ, преподанныхъ дѣтьмъ Михаиломъ Александровичемъ передъ смертью. Вмѣстѣ съ этимъ Е. К. просила сына, чтобы онъ «пожаловалъ, велѣлъ бы своимъ боярамъ крестное цѣлованіе держать по грамотѣ... отца», но, видно, она плохо знала характеръ своего сына, на которого можно было повѣтъ только лестью. Заступничество Е. К. не только не достигло успѣха, но имѣло совершеио обратные результаты. Иванъ Михайловичъ напоминаніе ему о долгѣ счѣль дерзостью, сталь еще болѣе тѣснить своихъ младшихъ братьевъ и даже противъ Е. К. начальъ «враждоватъ, держать ненависть».

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. XV, стр. 467—468.—Никон. лѣт., т. IV, стр. 297—299.—Татищ. сводъ, т. IV, стр. 401—403.—Карамзинъ, „Истор. гос. Рос.“, т. V, прим. 186, 254.—С. М. Соловьевъ, „Истор. Россія“, изд. тов. „Общ. Польза“, кн. I, стр. 1025, 1026.—С. В. Борзаковскій, „Истор. Тверскаго княжества“, стр. 178—А. В. Экземплярскій, „Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Руси“, т. II, стр. 482, 497, 498, 533, 544, 551, 643.

Марія Гедиминовна, жена Дмитрія Михайловича (16), дочь великаго князя литовскаго Гедимиша. О ней извѣстно лишь, что въ замужествѣ за тверскимъ княземъ она была съ 1320 г. и въ 1349 г. скончалась, дѣтей не оставивъ.

Полное Собр. Русск. Лѣтоп., т. XV, стр. 414, 467.—Никон. лѣт., т. III, стр. 124, 192.—Татищевск. сводъ, т. IV, стр. 109, 169.—С. В. Борзаковскій, „Истор. Тверск. княжества“, стр. 118.—А. В. Экземплярскій, „Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Руси“, т. II, стр. 469, 471.

44. *Марія Кейстутьевна*, княжна литовская, первая супруга Ивана Михайловича (22), родная сестра вел. кн. литовскаго Витовта, замужемъ съ конца 1375 г. Бракъ Ивана Михайловича съ М. К. былъ заключенъ по желанію отца первого, вел. кн. тверскаго Михаила Александровича (26), который имѣлъ въ виду тѣмъ самыми укрѣпить союзъ между Тверью и

Литвою, но расчеты эти на первое время не оправдались, ибо въ Литве вскорѣ преобладающее значеніе приобрѣла партія, враждебная дому, изъ котораго происходила М. К., и ея отецъ въ 1382 г. былъ убитъ; только съ воскликненіемъ Витовта Тверь снова возобновила дружескія связи съ Литвою. Витовтъ относился къ браку своей сестры съ тверскимъ княземъ очень дружелюбно и въ 1398 г., напр., весьма торжественно принималъ у себя супружескую чету. Имя Маріи М. К. получила при крещеніи, связавшомъ съ замужествомъ и совершившемъ тверскимъ владыкой Евфиміемъ, первоначальное же имя ея было *Михлосса*. Скончалась М. К. въ 1404 г., незадолго до смерти принявъ иночество съ именемъ *Марэы*.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. VIII, стр. 71; т. XV, стр. 435, 443, 457.—Никоновск. лѣт., т. IV, стр. 46, 156, 269.—Татищ. сводъ, т. IV, стр. 237, 313, 385.—П. Н. Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства“, Спб. 1889.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, т. V, стр. 93; прим. 137, 183, 254.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россія“, изд. тов. „Общ. Польза“, кн. I, стр. 970.—Narbott, „Dzieje narodu Litewskiego“, V, pp. 214, 290, 299.—С. В. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества“, стр. 164, прим. 749—752.—А. В. Экземплярскій, „Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Руси“, т. II, стр. 494, 496, 504, 553.

Софія Семеновна, первая жена михаила Борисовича (27), замужемъ за которымъ была съ 1471 г.—дочь кievскаго князя Семена Олельковича. Если добавить еще, что по Тверской лѣтописи она скончалась 7 февраля 1483 г., а по Татищевскому своду—2 апрѣля того же года, то этимъ исчерпываются всѣ сохранившіяся о ней свѣдѣнія.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. VI стр. 497.—Татищ. сводъ, т. V, стр. 88.—Narbott, „Dzieje narodu Litewskiego“, стр. 234, пр. 1—С. В. Борзаковскій, „Исторія Тверск. княжества“, прим. 962.—А. В. Экземплярскій, „Велик. и удѣльн. князья Сѣв. Руси“, т. II, стр. 513, 514.

44. *Ульяна Александровна*, дочь Александра Михайловича (2), вторая жена вел. кн. литовскаго Ольгерда, род. въ 1331 г., замужъ вышла въ 1348 г. Бракъ этотъ состоялся съ разрѣшеніемъ московскаго князя Симеона Гордаго, которому У. А. доводилась свояченицей и который въ то время пользовался значительнымъ вліяніемъ на тверскія дѣла. Въ Литву У. А. сопровождала ея мать, вел. кн. Настасія, использовавшая свою поѣздку для упроченія союза между ея сыномъ Всеволодомъ и

Ольгердомъ. О жизни У. А. въ Литвѣ сохранились слѣдующія свѣдѣнія: княгиня рѣдко выѣзжала изъ дома, всецѣло посвятивъ себя воспитанію своихъ дѣтей и занимаясь рукодѣліемъ; работы, выходившія изъ ея рукъ и рукъ окружавшихъ ее придворныхъ дамъ, были рѣдкаго совершенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ У. А. имѣла, повидимому, значительное вліяніе на своего мужа, что подтверждается слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ 1370 г. братъ ея, Михаилъ Александровичъ, споря съ Дмитриемъ Донскимъ о владимирскомъ великомъ княженіи, дважды обращался за помощью къ Литвѣ, первый разъ непосредственно къ Ольгерду, причемъ получилъ отказъ, а второй разъ черезъ У. А., которую просилъ повѣлять на мужа въ желаемомъ смыслѣ; ходатайство за брата имѣло полный успѣхъ: Ольгердъ, вмѣстѣ съ братомъ Кейстутомъ и другими литовскими князьями, поднялся на Москву. Есть и другое извѣстіе, подтверждающее ея вліяніе на мужа: будучи сама очень набожной, она убѣдила Ольгерда передъ смертью принять крещеніе и даже облечься въ схиму. Скончалась У. А. въ 1391 г., незадолго передъ смертью постригшись съ именемъ *Мариной*.

Поли. Собр. Русск. Лѣтои., т. VII, стр. 215; т. XV, стр. 416.—Нікововск. лѣт., т. III, стр. 192—193; т. IV, стр. 25—28, 202.—Татищевск. сводъ, т. V, стр. 169, 365.—*Pomniki do dziejow Litewskich*, изд. Нарбутта, 1846, стр. 22.—Narbutt, „Dzieje narodu Litewskiego“, т. V, р. 237.—Преосв. Макарій, „Истор. русск. церкви“, т. IV, стр. 133.—Карамзинъ, „Истор. госуд. Россійск.“, изд. Эйверлинга, т. IV, стр. 165; прим. 351; т. V, стр. 29, 89, прим. 50, 71, 254.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. тов. „Общ. Ильза“, кн. II, стр. 1392.—В. С. Борзаковскій, „Исторія Тверскаго княжества“, Спб. 1876, стр. 134—135, 149; прим. 606.—А. В. Экземіллярскій, „Великіе и удѣльныя князья Св. Руси“, т. II, стр. 476, 481, 489, 548.

Тверской, Николай Михайлович, академикъ исторической живописи, сынъ художника, служившаго при академіи губернеромъ, родился въ Петербургѣ 3 мая 1804 г. Въ маѣ 1813 г. привѣтъ въ воспитанники академіи; въ 1820 г. еще въ ученикахъ награжденъ малою серебряною медалью за рисунки съ натуры и въ 1822 г. серебряною же большою. За картину «Христосъ въ вертоградѣ или явленіе Спасителя двумъ Маріямъ по воскресенію» награжденъ обществомъ поощренія художниковъ въ 1824 г. золотою медалью. За недостат-

комъ средствъ Т. не могъ кончить курса и въ 1823 г. вышелъ изъ академіи. Въ 1827 г. онъ былъ признанъ назначеннымъ въ академики за портретъ во весь ростъ императора Николая I. Покровительствовавшее ему общество поощренія художниковъ отправило его за свой счетъ за границу для усовершенствованія. Т. поселился въ Римѣ и здѣсь по заказу, сдѣланному ему въ 1833 г. академіей художествъ, исполнилъ копію съ «Авроры», написанной альфresco картины Рени, украшающей плафонъ садового павильона при палаццо Роспильози въ Римѣ. Званіе академика Т. получилъ за картину, исполненную имъ по заданной ему академіей темѣ: «Тезей по указанію матери подымаетъ камень, подъ коимъ скрыто оружіе отца его». Умеръ Т. 7 октября 1848 г.

А. Сомовъ, „Каталогъ картинной галлерепп Имп. академіи художествъ“, Спб. 1872, вып. II, стр. 43 и 187.—П. Н. Петровъ, „Сборникъ материаловъ для истории Имп. Петербургской академіи художествъ за 100 лѣтъ“, Спб. 1864—1865, т. I, стр. 52, 132, 148, 167, 217, 222, 236, 251, 296, 336; т. II, стр. 191—192, 196.—Д. И. Ропинскій, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Спб. 1889, т. II, стр. 600, прилож. стр. 741.

Твороговъ, Иванъ, елецкій казакъ, участникъ пугачевскаго бунта. Кн. А. Вяземскій въ своемъ донесеніи лифляндскому генералу-губернатору Юрию Юрьевичу Броуну отзываются о немъ, какъ о «первомъ во всѣхъ чинимыхъ Пугачевымъ злодѣствахъ способникѣ». Однако онъ вмѣстѣ съ Чумаковымъ, Коноваловымъ и нѣкоторыми другими пугачевцами за то, что, «внѣвъ глазу и угрѣзенію совѣсти и сочувствуя тяжесть беззаконій своихъ, не только пришли сами съ повинною, но и виновника пагубы, Пугачева, срязавъ, предали себя и самого злодѣя и самозванца законной власти и правосудію», помилованъ 9-мъ пунктомъ «сентенции 1775 г. января 10 о наказаніи смертною казнью измѣнника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщниковъ». Въ числѣ 25 человѣкъ, ставшихъ раньше на сторону Пугачева, но впослѣдствіи раскаявшихъся и тѣмъ или инымъ способомъ содѣйствовавшихъ власти въ подавленіи мятежа, Т. былъ высланъ въ Лиѳляндію, признанную страной, гдѣ—среди инородческаго и иновѣрческаго населенія—ихъ «буйство» и беспокойный нравъ могли остатся безъ вредныхъ по-

слѣдствій. Прибывъ въ Лифляндію, Т. по-
далъ прошеніе гр. Броуну отъ своего и
товарищѣй имени о перевѣдѣ ихъ—слѣд-
ствіе ихъ прежніхъ земледѣльческихъ за-
нятій—въ Кіевскую губернію или хотя бы
въ рѣчной городь Лифляндской губ., гдѣ бы
они могли заниматься рыболовствомъ. Т. съ
нѣкоторыми другими былъ поселенъ въ
г. Пernoвѣ. Въ 1804 г. императоръ Алек-
сандръ I повелѣлъ, вслѣдствіе прошенія
казака Семена Фофанова объ освобожденіи
его отца, бывшаго участника мятежа,—
узнать, «какого перновскіе переведенцы
поведенія» и желаютъ ли они вернуться
на родину. Мѣстныя власти дали о Т. благо-
приятный отзывъ, и ему было разрѣшено
вернуться на родину. Но онъ отказался
уѣзжать изъ Лифляндіи и выхлопоталъ себѣ
у Буксгевдена право свободного передви-
женія по губерніи. Умеръ въ Пernoвѣ
около 1804 г.

Тебеньковъ, Михаилъ Дмитриевичъ, вице-адмираль, гидрографъ, воспи-
тывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ,
курсъ котораго окончилъ въ 1821 г. Бли-
жайшіе годы служилъ на разныхъ судахъ
Балтийскаго флота, затѣмъ (1824 г.) завѣды-
валъ работами вблизи Нарвы по заготов-
ленію лѣса для постройки судовъ. Въ
январѣ 1825 г. поступилъ на службу Рос-
сійско-Американской компаніи и въ тече-
ніе послѣдующихъ 1826—34 годовъ по-
слѣдовательно командовалъ компанейскими
бригами «Головнинъ», «Рюрикъ», «Чича-
говъ» и шлюпомъ «Урупъ». 1835 годъ
прослужилъ въ главномъ управлѣніи ком-
паніи въ Петербургѣ, а затѣмъ командо-
валъ корветомъ «Елена» вплоть до 1840 г.,
когда съ чиномъ капитанъ-лейтенанта вы-
шелъ изъ службы компаніи, поступилъ въ
министерство вароднаго просвѣщенія и
былъ назначенъ инспекторомъ студентовъ
Харьковскаго университета съ переимено-
ваніемъ въ коллежскіе ассесоры. Въ январѣ
1844 г. вновь поступилъ на морскую
службу и былъ назначенъ главнымъ пра-
вителемъ русскихъ колоній въ Сѣверной
Америкѣ (впослѣдствіи проданныхъ Соеди-
неннымъ Штатамъ) съ производствомъ въ
капитаны 2-го ранга. Въ 1846 г. имъ по
предложению правительства и на казенный
счетъ была снаряжена экспедиція для
обслѣдованія судоходства устья Амура.
Экспедиція пришла къ заключенію, что съ-

верная часть Амурскаго лимана доступна
лишь для небольшихъ парусныхъ судовъ,
для судовъ же глубокосидящихъ доступъ
въ устье исключается; основываясь на
этомъ заключеніи, правительство останови-
лось на положеніи, что «напрасно хлопотать
объ Амурѣ, когда дознаю, что въ него
могутъ входить только однѣ шлюпки»,—и
этотъ невѣрный взглядъ продержался до
1849 г., когда Амурская экспедиція пришла
къ другимъ выводамъ. Въ августѣ 1849 г.
Т. получилъ чинъ капитана 1-го ранга.
Въ 1851 г. онъ былъ назначенъ состоять
по флоту и ближайшее время употребилъ
на составленіе по собранымъ имъ за
время службы материаламъ атласа сѣверо-
западныхъ береговъ Америки и Алеутскихъ
острововъ, за который ему государемъ
былъ пожалованъ бриллиантовый перстень
и шведскимъ королемъ орденъ Меча. Въ
1853 г. назначенъ членомъ комиссіи по
составленію морскихъ уложеній и слѣдую-
щій годъ, будучи командиромъ 1-й бри-
гады шхерной гребной флотиліи, работалъ
по сооруженію укрѣплений Роченсальма.
Въ мартѣ 1855 г. назначенъ капитаномъ
надъ Петербургскимъ портомъ, а вскорѣ
послѣ этого и бригаднымъ командиромъ
рабочихъ экипажей, расположенныхъ въ
Петербургѣ, въ каковыхъ должностяхъ со-
стоялъ до 1859 г., когда былъ зачисленъ
по резервному флоту. 5 сентября 1860 г.
произведенъ въ вице-адмиралы (контръ-
адмираль съ 1855 г.) и уволенъ отъ службы.
Скончался 3 апрѣля 1872 г.

„Общий морской списокъ“, т. VIII, Спб.
1894, стр. 293—295.—Г. Н. Геннадій, „Краткія
свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ, умершихъ
въ 1872 г.“, „Русский Архивъ“, 1874, № 12,
стр. 1122.—„Отчетъ Императорск. Русскаго Гео-
графич. Общества“ за 1872 г., составленный
гр. К. Ф. Литке, Спб. 1873.—С. В. Максимовъ,
„Годъ на Востокѣ“, отд. изданіе, стр. 326; въ
„Полномъ собраніи сочиненій“, изд. т-ва „Про-
свѣщеніе“, стр. 362—363.

Тебеньковъ, Яковъ Петровичъ, ге-
нераль-лейтенантъ, изъ дворянъ Смолен-
ской губерніи, родился въ 1781 г. и по
окончаніи курса въ Псковскомъ кадетскомъ
корпусѣ выпущенъ (1799) подпоручикомъ
въ артиллерію. Принявъ участіе въ воен-
ныхъ дѣйствіяхъ противъ Наполеона въ
течение 1805—1811 г., Т. вернулся въ
Россию уже по вторженіи Наполеона и по-
ступилъ въ корпусъ генераль-адъютанта
Винцингероде, который имѣлъ назначені-

емъ прикрывать Смоленскъ. Постепенно подвигаясь по іерархической лѣстницѣ, онъ въ 1828 г. былъ произведенъ въ генераль-маиоры съ назначениемъ командиромъ конно-артиллерійской дивизіи, съ которой принялъ участіе въ усмиреніи польского восстания 1830—1831 гг. Въ 1836 г. онъ покинулъ строевую службу, будучи назначенъ командиромъ Казанского порохового завода, гдѣ ввелъ много улучшений какъ въ смыслѣ виѣннаго благоустройства, такъ равно и въ способахъ выдѣлки пороха: возвелъ много новыхъ казенныхъ зданій, привелъ въ порядокъ солдатскіе дома, улучшилъ бытъ нижнихъ чиновъ, ввелъ системы зернильную и бочечную для размельчения и смѣшиванія сѣры съ углемъ, вскорѣ улучшилъ эти системы, ввелъ зернильную коннодѣйствующую машину и принялъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы обезопасить производство. Въ 1845 г. онъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты и 13 марта 1847 г. скончался. За свою службу получилъ рядъ Высочайшихъ благоволеній,— первое изъ нихъ въ 1811 г. за приведеніе въ образцовый порядокъ конно-артиллерійской № 20 роты, и неоднократныя денежныя и земельныя награды.

„Казанская Губернская Вѣдомость“, 1847 № 12, стр. 102 (пекрологъ). — Н. Баженовъ „Воспоминаніе о генераль-лейтенантѣ Я. П. Тебѣньковѣ“, „Казанская Губернская Вѣдомость“, 1847, № 17, стр. 219.

Тебякинъ, Владими́р Александровичъ, родился въ 1825 г., образование получилъ въ Дворянскомъ полку, откуда выпущенъ въ 1844 г. унтеръ-офицеромъ въ Таврический grenадерскій полкъ и въ томъ же году произведенъ въ офицеры; послужившись до чина полковника (1864), въ 1872 г. былъ назначенъ командиромъ 64-го пѣхотнаго Казанского полка, съ которымъ и выступилъ въ походъ 1877 г.; вскорѣ за отличие былъ произведенъ въ генераль-маиоры съ назначениемъ командиромъ 1-й бригады въ той же 16-й пѣхотной дивизіи. 30 августа во время боя подъ Членвой, при отраженіи турецкой атаки со стороны редута Багларь-бashi, были выведены въ подкреплѣніе сражавшимся войска изъ Скобелевскаго редута № 1, въ командованіе райономъ которыхъ вступилъ начальникъ 3-й стрѣлковой бригады генераль-маиоръ Дѣбровольскій; онъ былъ скоро смертельно раненъ, и его замѣнилъ Т.

31 числа кровавый бой продолжался; турки поражали редутъ № 1 не только со стороны Багларь-бashi, но и въ тылъ изъ-за Тученицкаго оврага. Вскорѣ третья часть артиллерійской прислузы выбыла изъ строя, и, наконецъ, одна граната срѣзала гребень траперса, ударила въ зарядный ящикъ и взорвала его, причемъ Т. былъ контуженъ и обожженъ; вслѣдъ затѣмъ другой гранатой онъ былъ убитъ.

„Ежегодникъ Русской арміи“, 1878, стр. 93.— „Описanie Русско - Турецкой войны 1877 - 1878 гг. на Балканскомъ полуостровѣ“, издание Военно-Исторической комиссіи Главнаго Штаба, т. V, стр. 207, 222, 246 и 247.— „Иллюстрированная хроника войны“, приложение къ № 468 „Всемирной Иллюстраціи“, № 49, стр. 390.— „Сборникъ материаловъ по Русско-Турецкой войнѣ“, издание Военно-Исторической комиссіи Главнаго Штаба, выпускъ XIII, ч. 1, стр. 14.

M. II.

Теглевъ, Алексѣй Васильевичъ, генераль-маиоръ; образование получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, курсъ которого окончилъ въ 1808 г. гардемариномъ и затѣмъ въ теченіе ближайшихъ 1809—1819 гг. на различныхъ судахъ плавалъ въ Балтийскомъ морѣ и его заливахъ. Въ 1814 г. онъ былъ назначенъ командиромъ транспорта «Генигкейгъ», который 14 июня того же года потерпѣлъ крушеніе у острова Большого Тютерса въ Финскомъ заливѣ; наряженное по этому поводу слѣдствіе выяснило, что катастрофа явилась слѣдствіемъ ряда неотвратимыхъ причинъ, и Т. въ качествѣ командаира судна былъ признанъ невиновнымъ. Получивъ затѣмъ въ командованіе новый транспортъ «Каледонія», Т. въ 1815 г. на немъ совершилъ плаваніе въ Нѣмецкое морѣ, гдѣ неоднократно бывалъ и въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ на фрегатахъ «Аргусъ» и «Легкій» и корабляхъ «Не тронь меня» и «Ростиславъ». Въ 1819 г. онъ былъ командированъ въ Архангельскъ, гдѣ прослужилъ до 1822 г., когда возвратился въ Кронштадтъ и получилъ назначеніе въ офицерскую команду корвета «Фершампенauзъ», а нѣсколько позже, въ 1823—1824 гг., состоя на шлюпѣ «Свирь», принималъ дѣятельное участіе въ описи южныхъ береговъ Финскаго залива. Въ чинѣ капитанъ-лейтенанта (съ 30 декабря 1826 г.) Т. нѣсколько лѣтъ на кораблѣ «Св. Георгій Побѣдоносецъ» крейсировалъ у Красной Горки, перевозилъ десантъ изъ Кронштадта въ Либаву,

28*

совершалъ кампаніи въ Балтійскомъ и въ съсѣднихъ съ нимъ моряхъ и пр. Произведенный въ капитаны 2-го ранга, онъ въ 1838 г. былъ назначенъ смотрителемъ зданій главнаго интенданства и въ этой должности, съ 6 декабря 1841 г. будучи уже капитаномъ 1-го ранга, прослужилъ до 8 апрѣля 1851 г., когда по разстроенному здоровью вышелъ въ отставку съ производствомъ въ генераль-маиоры и вскорѣ послѣ этого скончался.

„Общий морской списокъ“, ч. VIII, Спб. 1894, стр. 270—271.—Ф. Ф. Веселаго „Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса съ приложеніемъ спискаъ воспитанниковъ за 100 лѣтъ его существованія“, Спб. 1852.

Тейльсь (де), *Андрей Дмитриевичъ*, составилъ «Ручную библіотеку для людей, употребительную по русскому сельскому хозяйству и по части домоводства» (1838, 7 книжекъ), и помѣстилъ въ «Запискахъ для Чтенія» статью о «Земледѣліи въ Россіи» (1869, №№ 1—3). Т. служилъ въ когортое время въ гвардіи, а въ 1830 г. исполнялъ обязанности одоевскаго уѣзданаго судьи. Позже онъ занимался сельскимъ хозяйствомъ. Послѣ него осталось много рукописныхъ мистически-масонскихъ трактатовъ, а также семейныя записки о его предкахъ. Судя по бумагамъ Т., онъ принялъ быть въ ученическую степень одной изъ масонскихъ ложъ. Умеръ Т. въ Тулѣ въ 1870 г.

С. Петровскій, „Изъ записокъ Тейльса“, „Исторический Вѣстникъ“, 1886, ноябрь, стр. 397.—Систематический реестръ русскими клипгамъ за 1831—1846 годы“, изд. М. Д. Ольхина, Спб. 1846, стр. 245, № 6324.—«Каталогъ журнальныхъ статей домашней библіотеки бр. Таланцевыхъ», стр. 299.—С. В. Ельшевскій, „Московские масоны 80-хъ годовъ прошедшаго (XVIII) столѣтія“, „Историч. Вѣстникъ“, 1865, № 3, стр. 50.

Тейльсь (де), *Антонъ Антоновичъ*, вице-директоръ Московскаго университета, сынъ слѣдующаго, родился въ 1733 г. Вступилъ въ службу въ 1744 г., произведенъ былъ 1 марта 1752 г. изъ сержантовъ сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса въ поручики, а 25 декабря 1755 г.—изъ поручиковъ въ капитаны. Перейдя затѣмъ изъ военной службы въ статскую съ чиномъ коллежскаго ассесора (15 февраля 1761 г.), онъ съ 1766 г. состоялъ ассессоромъ конференціи Московскаго университета, службу въ которомъ продолжалъ и

въ послѣдующіе годы. Такъ, въ 1769 г. онъ управлялъ конференцію университета, а въ 1770—1771 гг., вслѣдствіе назначенія директора университета М. М. Краснова вице-президентомъ бергъ-коллегіи, занималъ его должность, будучи въ то же время советникомъ канцеляріи университета. Послѣдніе годы своей службы Т. состоялъ въ чинѣ статского советника и былъ вице-директоромъ университета; отъ должности былъ уволенъ съ чиномъ действительного статского советника 25 сентября 1798 г. Умеръ между 1811 и 1818 годами.

Въ литературѣ имя Т. впервые появилось въ 1779 г., когда имъ печатался переводъ «Міннай Паскаля» въ «Утреннемъ Свѣтѣ» (часті VI и VII). Затѣмъ изъ другихъ его сочиненій и переводовъ намъ известны слѣдующіе: «Описаніе совершенного строенія мельницъ», сочиненіе г. Штурма, переводъ съ нѣмецкаго, съ фигурами (1-е изданіе Москва 1782, 2-е Москва 1800); «Чувствованія благотвореній. Драмма съ балетомъ, сочиненная въ Твери г. Тейльсомъ и въ Высочайшемъ присутствіи въ проѣздѣ изъ Москвы 1787 года, юля 9 дня, Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ князей Александра Павловича и Константина Павловича представленная пѣтомицами Тверскаго Дворянскаго училища» (Москва 1787; вѣроятно, что это сочиненіе принадлежитъ Игнатію Антоновичу Тейльсу, хотя въ «Росписи» Соликова авторомъ ея названъ Антонъ Антоновичъ Т.); «Іавѣстія, служащія къ исторіи Карла XII, короля Шведскаго», съ портретомъ, переводъ съ французскаго (2 части, Москва 1789); «Надпись Карлу XII», стихи (въ «Іппокренѣ» 1799, ч. II, стр. 286); «Его Превосходительству Ф. Ф. А.», стихи (тамъ же, ч. II, стр. 303); «Къ чижу прекрасной Лизы», стихи (въ «Новостяхъ» 1799, юль, стр. 216); «Къ Юліи», стихи (тамъ же, стр. 219); «Стихи къ К....» (въ Сѣверномъ Вѣстникеъ 1805, ч. VIII, стр. 163); «Эпистола», стихи (въ «Сѣверномъ Меркурии» 1811, ч. IX, стр. 208); «Къ Клименѣ», стихи (тамъ же, 1811, ч. X, стр. 42—43); «Къ мудрецамъ», стихи (тамъ же, ч. X, стр. 43—44); «Анакреонтическая пѣснь» (тамъ же, ч. X, стр. 63—64); «Къ Крт. Вѣс.» (тамъ же, ч. X, стр. 64); «Пѣсни изъ Галатеи» (тамъ же, ч. X, стр. 76—79); «Къ цинні» (тамъ же, ч. X, стр. 108—109);

«Гимнъ Купидону» (тамъ же, ч. X, стр. 110—112).

Дѣло архива департамента герольдіп правительствующаго сената о дворянствѣ рода де-Тейльсъ —А. Н. Неустроевъ, „Историческое разысканіе о русскихъ современныхъ паданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.“, Спб. 1874 (по указанію).—Ст. Шевыревъ, „Исторія Императорскаго Московскаго университета“, Москва 1855, стр. 146, 164, 171, 178.—„Сенатский Архивъ“, т. I, Спб. 1888, стр. 442.—„Русский Архивъ“, 1874, стр. 1824; 1876 г., ч. III, стр. 29.—Н. Петровскій, „Библиографическая замѣтка о русскихъ журналахъ XVIII вѣка“, „Журналъ Министерства Народного Просвѣщенія“, 1898, № 1, стр. 100.—„Драматический словарь“, Москва 1787; изданіе 2-е, Спб. 1881, стр. 153—157.—Списокъ чинамъ 1773 г.—Списокъ находящимся въ статской службѣ чинамъ на 1793 г., стр. 63.—Сопниковъ, №№ 3472, 4428, 7728, 7729.—„Чтения Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“, 1871, кн. II, стр. 47—48.

Вад. Модзалевскій.

Тейльсъ (de), Антонъ Вильгельмовичъ, докторъ медицины, штатъ-физикъ Московской медицинской конторы, родился въ Константинополѣ, гдѣ отецъ его, голландскій подданный, служилъ при голландскомъ посольствѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ исполнялъ различныя дипломатическія порученія и для русскаго правительства, а послѣ неудачнаго Прутскаго похода способствовалъ примиренію Россіи съ Турціей. По словамъ В. Рихтера, Вильгельмъ де-Тейльсъ служилъ при русскомъ посланникѣ въ Константинополѣ, баронѣ Шафировѣ, переводчикомъ. За услуги, оказанныя Россіи, Петръ Великій приглашалъ Вильгельма де-Тейльса на русскую службу, но послѣдній, проникнутый республиканскими взглядами, счѣлъ невозможнымъ для себя поступить на службу къ неограниченному монарху. Вместо себя онъ послалъ въ Россію своего сына Антона. Послѣдній обучался медицинѣ въ Падуанскомъ университѣтѣ, который окончилъ со степенью доктора философіи и медицины. Нѣкоторое время служилъ врачомъ при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ. Въ 1714 г. онъ, слѣдя пріглашенію, поѣхалъ въ Москву, снабженный рекомендательнымъ письмомъ барона Шафирова къ государственному канцлеру князю Г. И. Головкину. По пріѣздѣ Т. опредѣленъ былъ въ Московскую Главную или Верхнюю аптеку докторомъ. Въ этой должности пробылъ около 12 лѣтъ, послѣ чего 22 декабря 1726 г. назначенъ былъ докторомъ въ Ни-

зовыи корпусъ, но не успѣлъ доѣхать до мѣста назначенія, какъ былъ уволенъ, а 11 августа 1727 г. опять опредѣленъ былъ на старую должность. По смерти Бидло Т. въ маѣ 1735 г. назначенъ былъ главнымъ врачомъ въ Московскій госпиталь на р. Яузѣ, но дѣло велъ, по словамъ Я. Чистовича, плохо. Къ тому же онъ жестоко обращался съ учениками хирургической школы при госпиталѣ; напр., сей-часъ послѣ своего назначенія Т., пріѣхавъ въ госпиталь, наказалъ будто бы за пьянство батогами нѣсколькихъ учениковъ, а семерыхъ велѣлъ заковать въ кандалы и отправить для наказанія въ коллегію экономіи. Плохое управление госпиталемъ вызвало недовольство архіятера Фишера, и послѣдній сталъ постоянно назначать Т. въ командировкіи. Такъ, при отправлѣніи русскихъ полномочныхъ пословъ въ мартѣ 1737 г. для заключенія мира съ Турціей, Т., какъ знающему турецкій языкъ, поручено было сопровождать ихъ. Въ 1738 г. онъ командированъ былъ въ Немировъ для прекращенія и лечения чумы въ войскахъ на Украинѣ; въ томъ же году назначенъ былъ фельдъ-медикомъ при армії Миниха. За это время управление госпиталемъ передано было Л. Блюменгартству, а въ 1740 г. Т. отставленъ былъ отъ занимаемой должности. Въ 1748 г. онъ назначенъ былъ штатъ-физикомъ Московской медицинской конторы; въ 1750 г. былъ уволенъ, а 17 апреля 1757 г. опять назначенъ на эту должность. Въ концѣ концовъ, чувствуя себя утомленнымъ, онъ самъ подалъ въ отставку въ юнѣ 1761 г. Въ запискахъ одного изъ потомковъ его, Андрея Тейльса, говорится, что Петръ Великій поручилъ Т. «между разными должностями главный надзоръ за вновь устроемыми учебными заведеніями», что онъ пожаловалъ ему въ разныхъ мѣстахъ 1000 душъ крестьянъ и устроилъ его бракъ сначала съ сестрой графа Чернышева, потомъ женилъ его на Колюгриковой и въ третій разъ—на царевнѣ Грузинской, однаковъ другихъ источникахъ эти факты не указаны. Умеръ Т. въ Москвѣ.

Ф. Топль, „Настольный словарь для справокъ“, Спб. 1864, т. III, стр. 626.—В. Рихтеръ, „Исторія медицины въ Россіи“, 1820, ч. III, стр. 147.—Я. Чистовічъ, „Исторія первыхъ медіцінскихъ школъ въ Россіи“, стр. 58, 59, 65, 66, 69, 70, 90, 95, 96, 97, 98, 99, 101, 102, 218—219, 232, 245, 263—265, LVII—LIX.—„Извѣстія Тейльса“, сообщ. С. Петровскій.

Исторический Вѣстникъ, 1886, ноябрь, стр. 397 — 402. — С. Смирновъ, „Історія Славяно-греко-латинской академії“, Москва 1855, стр. 240.

Е. К.

Тейльсь (де), *Іванъ Антоновичъ*, докторъ медицины, сынъ предыдущаго, родился въ Москвѣ и служилъ сперва въ межевомъ департаментѣ, но затѣмъ, оставивъ службу, отправился изучать медицину за границу. Получивъ степень доктора медицины при Лейденскомъ университѣтѣ, Т. возвратился въ Россію и 1 іюня 1746 г. опредѣленъ былъ на службу младшимъ докторомъ въ Петербургскій генеральныи сухопутныи госпиталь на мѣсто умершаго доктора Экелунда, съ жалованьемъ по 300 рублей въ годъ. По знанію русскаго языка и умѣнію хорошо говорить и писать на немъ Т. могъ бы быть хорошимъ учителемъ въ госпитальной школѣ. Однако въ это время былъ вызванъ въ Россію изъ Голландіи докторъ Абрамъ Кау-Бургаавъ для занятія должности старшаго врача при Петербургскому адмиралтѣскому госпиталю, а до его прибытія мѣсто это поручено было вѣдѣнію Т. Прослуживъ недолго въ качествѣ замѣстителя Бургаава, Т. вскорѣ возвратился на службу въ генеральныи сухопутныи госпиталь, а 3 іюня 1749 г. назначенъ былъ докторомъ ландмилиционнаго корпуса въ команду генерала фонъ-Бисмарка, на мѣсто умершаго доктора Цумпе. Послѣдующая служба Т. прошла въ войскахъ, съ которыми онъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ. Затѣмъ, въ 1772 г. онъ опредѣленъ былъ старшимъ докторомъ въ Кіевскій полевой госпиталь (на мѣсто умершаго отъ чумы С. Митрофанова), въ 1774 г. былъ ассесоромъ въ вотчинномъ департаментѣ и межевой конторѣ Слободской Українскай губерніи, а въ августѣ 1777 г., по собственной просьбѣ и за старость, переведенъ на службу въ Новороссійскую губернію съ жалованьемъ по 600 рублей въ годъ и съ правомъ владѣть 240 десятинами земли. Послѣдніе годы своей жизни Т. былъ докторомъ въ Кременчугѣ (въ 1778—1786 гг.), где имъ была открыта бесплатная больница для бѣдныхъ. Есть извѣстіе, что онъ принадлежалъ къ числу масоновъ. Подобно своимъ братьямъ Антону (см. выше) и Игнатию (см. ниже) Т. также занимался литературой, но изъ печатныхъ

его произведеній извѣстно только два: «Стихи къ городу Санктпетербургу» («Собрание разныхъ сочиненій и новостей», 1776, январь, стр. 67) и «Стихи къ бывшему 12 февраля маскраду, на которомъ воспитывающіяся въ Воскресенскомъ Ново-дѣвичьемъ монастырѣ благородныи девицы были въ вестальскихъ одеждахъ» (тамъ же, 1776, февраль, стр. 11). Умеръ въ чинѣ надворнаго совѣтника, 21 августа 1786 г. въ Кременчугѣ.

Дѣло архива департамента герольдіи пра-
вительствующаго сената о дворянствѣ рода де-
Тейльсь.—Я. Чистовицъ, „Історія первыхъ
медицинскихъ школъ въ Россії“, Спб. 1883,
стр. CLIX.—А. Н. Неустроевъ, „Історическое
разысканіе о русскихъ повременныхъ изда-
ніяхъ и сборникахъ 1703—1802 гг.“, Спб. 1874,
стр. 218.—„Історический Вѣстникъ“, 1886, т. 26,
стр. 402, 403.—„Роспись чиновныхъ особъ
на 1774 г.“, стр. 229.—„Мѣсяцесловъ“ на 1778,
стр. 347, и на 1781, стр. 409.

Вад. Модзалевскій.

Тейльсь (де), *Ігнатій Антоновичъ*, тайный совѣтникъ и сенаторъ, прозаикъ и стихотворецъ, родился въ 1744 г., братъ предыдущаго. Въ молодые годы Т. писалъ стихотворенія, которые были имъ изданы отдельно въ Петербургѣ въ 1769 г. Кроме этой книжки ему принадлежатъ двѣ отдельно изданныя похвальные оды: «Слово императрицы Екатерины II на выздоровленіе ея отъ прививанія оспы» (Спб. 1771) и «Слово похвальное графу Никитѣ Ивановичу Панину» (Спб. 1771). Онъ перевѣль съ нѣмецкаго языка сочиненіе Іоганна Линденгера «Обычаи достоинствъ народовъ» (Москва 1766; изданіе 2-е, 1788) и съ французскаго языка сочиненіе Дюгальда «Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание Китайской имперіи и Татаріи китайской» (2 части, Спб. 1774—1777). Новиковъ говоритьъ, что Т. былъ «сочинитель проекта нового уложенія дирекціонной комиссіи». Въ дальнѣйшемъ Т. оставилъ свои литературныя занятія и отдался служебной дѣятельности. Онъ былъ вице-куторомъ въ первомъ департаментѣ сената, а въ 1786 г. переведенъ въ Тверь въ качествѣ предсѣдателя палаты уголовнаго суда Тверскаго намѣстничества и директора мѣстнаго училища; позже былъ назначенъ вице-губернаторомъ, а затѣмъ и губернаторомъ Тверской губерніи. Въ 1807 г., со временемъ присоединенія Бѣло-

стокской и Тарнопольской областей къ Россіи, Т. назначеянь быль начальникомъ этихъ областей. Ему же Высочайшимъ указомъ 26 іюня 1815 г. поручена была сдача уступленной обратно Австріи Тарнопольской области.

Т. пользовался большимъ расположениемъ со стороны императрицы Екатерины II, которая ему поручила особяное наблюденіе за извѣстнымъ графомъ Бобринскимъ, воспитывавшимся въ кадетскомъ корпусѣ. Въ запискахъ одного его потомка Д. А. Тейльса разсказывается, что въ царствовании Павла I Т. по чьему-то оговору былъ заключенъ въ Гатчинскій замокъ, но, послѣ того какъ выяснилась ложность сдѣланнаго на него доноса, былъ освобожденъ и щедро награжденъ императоромъ. Есть основанія полагать, что онъ былъ масономъ; Новиковъ предлагалъ его принять черезъ С. В. Перфильева въ 1783 г. въ Петербургской капитуль масонскаго рыцарскаго ордена, говоря въ своей рекомендациі, что «онъ человѣкъ по всему заслуживающій на исправлѣніи образомъ эту честь». За время своей административной службы Т. былъ награжденъ орденами св. Александра Невскаго, св. Анны 3-й степени, св. Владимира 3-й степени и былъ командоромъ ордена св. Иоанна Єрусалимскаго. Умеръ Т. 18 сентября 1815 г. въ Бѣлостокѣ, где онъ остановился на возвратномъ пути изъ Таганрога въ Петербургъ для осмотра ввѣренной ему Бѣлостокской области.

„Сѣверная Почта“, 1815, № 79 (некрологъ).—Митропол. Евгений, „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи“, Москва 1845, т. II, стр. 205.—Н. Новиковъ, „Опытъ историческаго словаря о российскихъ писателяхъ“, Спб. 1772, стр. 216.—Брокгаузъ и Ефронъ, „Энциклопедический словарь“, 1-е изд., Спб. 1901, полусл. 64, стр. 766.—С. Петровский, „Изъ записокъ Тейльса“, „Исторический Вѣстникъ“, 1886, т. XXVI, стр. 402.—Материалы для истории русской литературы среднаго периода“, изданіе И. А. Ефремова, Спб. 1867, стр. 106.—„Словарь исторической или Сокращенная ббліотека“, изд. А. Свѣтушкина, 1793, ч. XII, стр. 350.—Сочиненія С. В. Ешевскаго“, Москва 1870, ч. 3, стр. 541—542.—„Русскій Архивъ“, 1877, т. IV, стр. 266.—Сочиненія Г. Р. Державина“ съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота, Спб. 1869—1871, т. V, стр. 468, 476, 478, 542, 543; т. VI, стр. 95.—Д. А. Ровинскій, „Русскія народныя картинки“, Спб. 1881, ч. IV, стр. 346.—А. Н. Неустроевъ, „Историческое розысканіе о рус-

скихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 годы“, Спб. 1874, стр. 615.—В. Соликовъ, „Опытъ российской ббліографіи“, изд. подъ В. Н. Рогожина, Спб. 1905, ч. IV, стр. 5, № 6996; стр. 38, № 7544; стр. 280, № 10811; стр. 282, № 10844.—„Роспись российскимъ книгамъ для чтенія изъ ббліотеки Александра Смирдина“, Спб. 1828, стр. 239, № 3131; стр. 273, № 3574.—Анастасевичъ, „Роспись российскимъ книгамъ для чтенія изъ ббліотеки В. Плавильщика“, Спб. 1820, стр. 221, № 2645.—„Систематический указатель содержанія Исторического Вѣстника за 1880—1889 годы“, Спб. 1891, стр. 81, № 1128.—„Роспись содержанію „Русскаго Архива“ за первыя 30 лѣтъ, 1863—1892 годы“, Москва 1894, стр. 48, № 979.—В. И. Межовъ, „Исторія русской и всебѣдной словесности“, Спб. 1872, стр. 270, № 6195.—Его же, „Русская историческая ббліографія за 1865—1876 г.г. включительно“, Спб. 1882, т. II, стр. 56, № 14578.

Е. К.

Тейльсъ (де), Наталия, писательница; по всей вѣроятности — Наталия Андреевна Тейльсъ, родившаясь въ 1789 г., дочь статского советника, московскаго губернского прокурора Андрея Антоновича Тейльса и Екатерины Михайловны Страковой; по другимъ свѣдѣніямъ, родилась въ 1793 г. и воспитывалась въ Московскомъ Екатерининскомъ институтѣ въ то время, когда имъ управляла Е. В. Перре, т. е. съ 1807 по 1814 г. Единственное сочиненіе Т., извѣстное въ литературѣ и написанное ею еще въ бытность въ институтѣ, представляетъ собою рядъ незрѣлыхъ и неопытныхъ стихотвореній, статей въ прозѣ и переводовъ и носить название: «Подарокъ вѣжливому родителю въ Новый годъ; или Сочиненія и Переводы Наталии Тейльсъ» (Москва 1810).

Дѣло архива департ. герольдіи правительства сената о дворянствѣ рода де Тейльсъ.—Кн. Н. Н. Голицынъ, „Ббліографический словарь русскихъ писательницъ“, Спб. 1889, стр. 243.—„Всероссийская ббліографія“, 1881, статья Н. Г.—В. Соликовъ, „Опытъ российской ббліографіи“, № 8434.

Вад. Модзалевскій.

Тейль-фонъ-Сероскеркенъ, баронъ Федоръ Васильевичъ, генералъ-майоръ; въ 1818—1821 гг. былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Ріо-Жанейро, а въ 1823—1826 гг. ту же должность занималъ въ Филадельфи. Въ его честь, какъ бразильскаго посланника, названъ «Островомъ Тейля» открытый въ январѣ 1821 г. капитаномъ 2-го ранга Беллингстаузеномъ островъ на юги-

ротѣ $62^{\circ}58' S$ и долготѣ $61^{\circ}55' W$, нѣсколько южнѣе Ново-Шотландскихъ острововъ.

А. Кротковъ, „Повседневная запись замѣчательныхъ событий въ русскомъ флотѣ“, Спб. 1894, стр. 14.—„Записки ученаго комитета морскаго штаба“, т. XI, стр. 249.—Беллинсгаузенъ, „Двукратныи пысканія въ Южномъ Ледовитомъ океанѣ и плаваніе вокругъ свѣта“, т. II, стр. 263—266.

Тейхеръ, Йоганнъ-Христофоръ, граверъ по мѣди, адъюнкты-профессоръ академіи художествъ въ 1761—1763 гг., родился въ 1715 г. въ Дрезденѣ. Былъ приглашенъ изъ Вѣны академіей наукъ въ 1761 г. въ помощь Шмидту для усиленія надзора за граверами; одновременно преподавалъ гравированіе по мѣди и при академіи художествъ въ качествѣ адъюнкты-профессора при Чемесовѣ. Въ 1763 г. былъ уволенъ со службы и уѣхалъ обратно въ Вѣну. За время пребыванія въ Россіи имъ были выгравированы: портретъ французскаго посла маркиза д'Опиталь съ оригинала Токке; поколѣній портретъ Петра III съ оригинала Рокотова, хранящійся въ академіи наукъ. Портретъ Петра III остался неизданнымъ, по свидѣтельству Штетина, за несходствомъ, а какъ замѣчаетъ Ровинскій — вслѣдствіе вступленія въ это время на престолъ Екатерины II. Заграницей имъ сдѣланы слѣдующія работы: Фридрихъ III, съ портрета Гюбера; живописецъ Генрихъ Стевеникъ, съ рисунка Эйзена; Махаелесь, продавецъ эстамповъ; Богоматерь съ Спасителемъ для Дрезденской галлереи съ картины Пармеджіано; «Смерть св. Іосифа» для галлереи графа Брюля съ картины Рибейра, и четыре гравюры, изображающія времена года, съ картинъ А. Керна.

Д. А. Ровинскій, „Русскіе граверы и ихъ произведения съ 1564 года до основанія Академіи Художествъ“, Москва 1870, стр. 41, 45, 118, 229, 317.—Его же, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Спб. 1888—1889, г. III, стр. 17; т. IV, стр. 278, 313, 385, 588.—Н. Петровъ, „Сборникъ материаловъ для исторіи Ими. Академіи Художествъ“, Спб. 1870, т. I, стр. 15; примѣчанія, стр. 627, 680.—Nagler, „Neues Künstler-Lexicon“, т. XVIII, стр. 281.—„Библіотека для Чтенія“, 1860, № 1.

Текелли, Петръ Абрамовичъ, генераль-аншефъ, участникъ многихъ войнъ, усмиритель Запорожской Сѣчи, родился въ 1720 г. въ Сербіи, въ старинной дворянской семье. Военную службу на-

чаль въ Австріи, откуда въ 1747 г. переселился въ Россію и здѣсь былъ принятъ въ войска съ чиномъ поручика. По-степенно повышаясь въ чинахъ, Т. въ 1757 г., будучи уже секундъ-маюромъ, участвовалъ въ семилѣтней войнѣ и 19 августа отличился въ сраженіи при Гроссъ-Эгердорфѣ, во время которого былъ раненъ въ голову. 5 марта 1758 г. онъ за участіе въ бомбардировкѣ крѣпости Кистрина получилъ чинъ подполковника, въ томъ же году былъ подъ начальствомъ ген. Фермора въ известной битвѣ при Цорндорфѣ, когда русскіе овладѣли 26 орудіями, многими знаменами, штандартами и взяли около 1500 чел. въ пленъ; 12 июля 1760 г. находился въ сраженіи при Пальцигѣ, 1 августа въ битвѣ подъ Франкфуртомъ, нѣсколько позже подъ главнымъ предводительствомъ фельдмаршала гр. Салтыкова командовалъ особымъ летучимъ отрядомъ и отличился въ дѣлѣ подъ мѣстечкомъ Кеслиномъ, гдѣ былъ вторично раненъ — пулею въ правую ногу, но тѣмъ не менѣе театра военныхъ дѣйствій не оставилъ и, какъ только нѣсколько оправился отъ раны, возвратился къ своему посту; до окончанія войны онъ принялъ участіе еще въ занятіи гр. Чернышевымъ Берлина, гнался за непріятелемъ до Шпандау, причемъ ему удалось отбить у того нѣсколько пушкѣ и взять пленными болѣе ста человѣкъ, а 2 октября 1761 г. онъ съ своимъ отрядомъ подъ мѣстечкомъ Гольнау разбилъ отрядъ пруссаковъ, шедшій изъ Штетина къ Кольбергу съ запасами пороха и бомбъ, овладѣвъ обозомъ и военными снарядами; это небольшое, но блестящее выполненнное дѣло доставило Т. объявленіе Высочайшаго благоволенія. Послѣдніе мѣсяцы семилѣтней войны Т. про-служилъ подъ начальствомъ Румянцева и въ значительной мѣрѣ содѣйствовалъ послѣднему во взятии Кольберга. За рядъ отличий, оказанныхъ Т. въ этой войнѣ, по окончаніи ея, онъ былъ произведенъ въ полковники.

При Екатеринѣ II въ 1764—1768 гг. Т. сражался въ Польши противъ конфедератовъ и «за благоразумныя распоряженія» заслужилъ похвалу отъ военной коллегіи вмѣстѣ съ чиномъ бригадира. Въ послѣдовавшую затѣмъ турецкую войну Т. вновь «обнажилъ свою саблю»; первымъ дѣломъ, въ которомъ онъ «понюхалъ по-

роху» въ этой войнѣ, былъ рядъ битвъ подъ Хотиномъ, произошедшихъ 17, 19 и 21 апреля 1769 г.; находясь подъ непосредственнымъ начальствомъ князя Голицына, Т. неоднократно проявлялъ на дѣлѣ тонкое пониманіе положенія и былъ однимъ изъ главѣйшихъ помощниковъ командующаго, разбившаго въ ковѣдѣ концовъ упорное сопротивленіе Абазы-паши. «За оказанныя отличія» въ этомъ дѣлѣ Т. удостоился вторично получить Высочайшее благоволеніе «съ обнадеживаніемъ, что заслуги (его) въ забвѣніи оставлены не будутъ». 19 іюня онъ подъ Каменецъ-Подольскомъ содѣйствовалъ оттѣсненію непріятеля за Днѣстръ, а черезъ нѣсколько дней (30 іюня) имѣлъ сраженіе съ турками въ горахъ и въ теченіе почти 7 часовъ, несмотря на превосходство непріятеля, удерживалъ со своимъ отрядомъ, составленнымъ изъ гусарскихъ полковъ, мѣсто битвы; когда же на помощь ему подоспѣлъ батальонъ пѣхоты, Т. умѣло воспользовался этимъ незначительнымъ шансомъ, въ самый критический моментъ быстро двинулъ въ дѣло свѣжія силы, чѣмъ создалъ впечатлѣніе полученныхъ русскими крупныхъ подкрѣплений, и принудилъ непріятеля къ бѣгству. 2 юла Т. разбилъ другой турецкій отрядъ, шедшій изъ Хотина, а 22 числа того же мѣсяца разсѣялъ вспомогательное турецкое войско, спѣшившее на помощь находившимся подъ Хотиномъ главнымъ непріятельскимъ силамъ, и удостоился получить похвалу «за неустрашимость». Послѣ перехода русской арміи за Днѣстръ Т. участвовалъ въ рядѣ небольшихъ стычекъ 6 и 29 августа и 5 сентября, вмѣстѣ съ остальной арміей вступилъ въ предѣлы Валахіи, 3 и 4 января, командуя правымъ флангомъ, былъ въ битвѣ при Фокшанахъ, 17 и 18 января разбилъ турокъ при Браиловѣ, а 4 и 5 февраля—подъ Журжею; лѣтомъ принялъ дѣятельное участіе въ битвахъ 15 и 17 іюня, затѣмъ содѣйствовалъ оттѣсненію лагеря турокъ и преслѣдованію ихъ; находился въ схваткахъ 3—5 іюля и, наконецъ, въ генеральныхъ сраженіяхъ, произошедшихъ 7 и 21 іюля, когда онъ овладѣлъ турецкими шанцами и отбилъ у непріятеля взятое имъ раньше наше знамя. За все это онъ былъ награжденъ чиномъ генераль-майора и орденомъ св. Анны 1-й степени. Въ 1771 г. Т. командовалъ

авангардомъ ген.-фельдмаршала гр. Румянцева, состоявшимъ изъ 7 батальоновъ пѣхоты и трехъ полковъ конницы. Румянцевъ отправилъ его на помощь ген. Эссену, который начальствовалъ 2-й дивизіей и неудачно покушался овладѣть Журжею. Съ приходомъ Т. обстоятельства рѣзко измѣнились. 20 октября соединенные русскія силы, насчитывавши въ свою очередь всего около 8 тыс. человѣкъ, сразились при урочищѣ Попешти съ непріятелемъ и, несмотря на свою малочисленность, отбросили 45-тысячную турецкую армію, овладѣвъ 14 орудіями и взявъ въ пленъ до 2.000 человѣкъ. Въ этомъ блестательномъ дѣлѣ Т. имѣлъ такой успѣхъ благодаря стратегической хитрости: спрятавшись вмѣстѣ со своимъ отрядомъ за высотами, онъ далъ главнымъ турецкимъ силамъ пройти мимо себя и затѣмъ неожиданно для тѣхъ атаковалъ ихъ во флангъ и тылъ, между тѣмъ какъ ген. Эссенъ устремился на нихъ съ фронта. Атакованный съ трехъ сторонъ и представляя себѣ численность нападавшихъ значительно большей, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ, непріятель отступилъ въ сторону свободного отъ натиска фланга, оставивъ Журжу, которая 24 октября была занята русскими. 1772 годъ прошелъ весь въ переговорахъ. Въ слѣдующемъ 1773 г. Т. участвовалъ сначала въ неудачной осадѣ Задунайской Силистріи, затѣмъ въ разсѣяніи турецкаго става, расположившагося на высотахъ, окопавшагося рвомъ и обложившагося пушками. Наконецъ, въ 1774 г. онъ также былъ во многихъ болѣе или менѣе крупныхъ сраженіяхъ, въ одномъ изъ нихъ овладѣвъ нѣсколькими десятками пушекъ и всѣмъ обозомъ верховнаго визиря. 17 марта 1774 г. Т. былъ произведенъ въ генераль-поручики, а 26 ноября того же года награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени. Послѣ окончания войны съ Турцией и заключенія Кучук-Кайнарджійскаго мира Т. былъ назначенъ на время отсутствія кн. Потемкина командинущимъ войсками, расположеннымъ въ Новороссійскомъ краѣ. Въ началѣ мая 1775 г. онъ получилъ приказъ занять Сѣчъ и положить конецъ вольному устройству и своею волю запорожцамъ. Изъ крѣпости св. Елизаветы (Елизаветграда), где онъ квартировалъ, Т. со значительными силами быстро двинулся

по назначению и 25 мая, въ Троицкынъ день, уже занялъ всѣ наиболѣе главные стратегическіе пункты Запорожскаго войска, съ дивизіей пѣхоты и конницы подошелъ къ самой Сѣчи и выстроилъ противъ нея артиллерію. На третій день послѣ этого Т. вызвалъ къ себѣ всѣхъ запорожскихъ старшинъ и сообщилъ имъ текстъ мавифеста объ уничтоженіи Сѣчи. Послѣ бурныхъ совѣщаній, въ которыхъ осѣдлые казаки настаивали на повиновеніи, а атаманы, «ватажки» (атаманы разбойничихъ шаекъ) и «характерники» (сѣчевые забубенные головы, храбрецы) требовали сопротивленія, Т. наконецъ удалось склонить запорожцевъ къ покорности. Кошевой Колыша и другія должностныя лица пришли съ хлѣбомъ-солью къ Т., который привалъ ихъ ласково и на другой день даже обѣдалъ у кошевого, но спустя недѣлю почему-то перемѣнилъ политику, нѣсколькихъ видныхъ лицъ Сѣчи, въ томъ числѣ судью Касапя и писаря Глобу, арестовалъ и отправилъ въ Петербургъ. Видя арестъ старшинъ, запорожцы начали волноваться и думать, «яко бы москали въ убрать (обмануть), а самимъ десь дальше мандрувать (убраться подальше)». Съ этой цѣлью 50 казаковъ явились къ Т. съ прососьбой о выдачѣ имъ одного общаго пропускного билета для ловли рыбы на р. Тилигулѣ (Ингулѣ), впадающей недалеко отъ устья Буга въ Черное море и принадлежавшей тогда туркамъ. Получивъ пропускъ, казаки собрали всѣ свои пожитки и харчевые клунки, сѣли ночью на свои чайки, взяли съ собою еще нѣсколько сотъ безбилетныхъ запорожцевъ и черезъ Днѣпровскій лиманъ «мандрували» къ Ингулу, гдѣ и остались навсегда, испросивъ на то разрѣшеніе у султана, давшаго его охотно. Такую продѣлку съ однѣмъ и тѣмъ же пропускомъ запорожцы повторили нѣсколько разъ, вслѣдствіе чего вся запорожская «сиromаха» очутилась въ Турціи. Т. замѣтилъ обманъ только тогда, когда въ Сѣчи осталась лишь небольшая горсть людей. Создавъ оставшихся куренійныхъ атамановъ, Т. обрушился на нихъ съ попреками, чѣмъ дѣла, конечно, не поправилъ, и вскорѣ послѣ этого поспѣшно выѣхалъ въ Петербургъ, оставивъ расквартированную въ предѣлахъ Запорожья 7-ю дивизію. Какъ ни трагикомиченъ былъ результатъ покоренія Сѣчи, все же за Т.

остается та важная заслуга, что онъ сумѣлъ убѣдить запорожцевъ къ покорности не проливъ ни единой капли крови, и эта заслуга признана была и въ Петербургѣ, гдѣ Т. былъ пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго.

Послѣ уничтоженія независимости Сѣчи Т. былъ назначенъ главнокомандующимъ 18-тысячной арміей, охранявшей безопасность русскихъ границъ на восточномъ берегу Чернаго моря. Ему неоднократно приходилось разсѣивать собиравшіяся на правомъ берегу Кубани непріятельскія толпы и всегда быть насторожѣ противъ турецкихъ крѣпостей Анапы и Суджукъ-Кале, которая онъ послѣ нѣсколькихъ успѣшныхъ стычекъ съ ихъ гарнизонами почти совсѣмъ обезвредилъ. Въ 1786 г. Т. былъ пожалованъ въ генераль-авшефы, въ слѣдующемъ году назначенъ шефомъ Нижегородскаго драгунскаго полка, а 14 апреля 1789 г., отягченный годами и болѣзнями, подалъ прошеніе объ отставкѣ, которую и получилъ съ сохраненіемъ всѣхъ окладовъ. Скончался онъ въ 1793 г., совершенно потерявъ зрѣніе—въ селѣ Александровскѣ, Херсонской губ., Александрійскаго уѣзда.

Интересенъ и характеренъ отзывъ о Т. фельдмаршала Суворова. «Помни, помни,— говорилъ какъ-то знаменитый полководецъ,— сего любезнаго моего сослуживца, усача-гусара и рубаку-наїздника, гордившагося сходствомъ съ Петромъ Великимъ, съ портретомъ котораго и умеръ. Его вздумалъ одинъ миролюбивый предводитель уклонять по какимъ-то политическимъ видамъ отъ нападенія, но онъ, сказавъ ему: «Политыка, политыка, а рубатыся треба»—бросился на непріятеля, разбиль его и, возвратясь къ миролюбивому китайцу, произнесъ: «А що твоя цапира?»— Я бы (т. е. Суворовъ) воевалъ съ Текелли безъ бумаги: онъ съ саблею, а я со штыкомъ». Эти слова прекрасно характеризуютъ Т. какъ полководца и его манеру воевать, сходную съ манерой самого Суворова, выражавшуюся въ девизѣ «быстро и натискъ». Былъ случай въ жизни Т., прекрасно говорящій объ его великолѣпіи: когда Екатерина II предоставила Т. за усмирение Сѣчи избрать любую награду, тотъ лаконически отвѣтилъ: «Прости Хорватъ». Наконецъ, въ Малороссіи, въ народныхъ слояхъ разсказывается по пре-

даню, будто Т., вступившій въ бракъ въ преклонныхъ годахъ, сильно ревновалъ свою молодую, красиую жену и никакъ не позволялъ ей отлучаться; именно съ этимъ случаемъ связывается происхожденіе и донынѣ извѣстной малороссійской пѣсенки «Ой пидъ вышиною, пидъ черешневою», кончающуюся адресованными Т. его женко словами: «Ой ты, старый дидуга, изогнулся якъ дуга, а я, молоденька, гуляты радиенька».

Полное Собраніе Законовъ, т. XVII, стр. 1092; т. XX, стр. 193, 221; т. XXII, стр. 571; т. XXIV, стр. 869.—«Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества», т. XXVI, стр. 290, 407; т. XXVII, стр. 50, 382, 443, 457, 532.—«Архивъ военно-походной канцелярии гр. П. А. Румянцева-Задунайского», «Чтения Моск. Общ. Истор. и Древн. Россійскихъ», 1865 г., № 1; 1866 г., № 1 (письма Румянцева къ Т.).—Масловский, «Русская армія въ Семилѣтнюю войну».—Скальковский, «О запорожцахъ».—И. И. Срезневский, «Запорожская старина», сборникъ материала.—Engel, «Geschichte der Ukraine und der Ukrainischen Kosaken», Halle 1796.—Маркевичъ, «Исторія Малороссії».—Д. И. Бантыш-Каменскій, «Исторія Малой Россіи», Москва 1830 г.—Его же, «Словарь достопамятныхъ людей земли Русской», т. II, стр. 420—425.—Военно-энциклопедич. словарь, т. V, Спб. 1854, стр. 557—558; т. XII, Спб. 1857, стр. 552.—«Одесский Вѣстникъ», 1859, № 42.—«Русская Старина», 1870, т. II, стр. 359.—«Сочиненія Фукса», Спб. 1827, стр. 143.

Телепневъ, Василий Григорьевичъ, думный дьякъ Посольского приказа при царѣ Василии Ивановичѣ Шуйскомъ, братъ слѣдующаго. Въ концѣ 1610 г. кѣмъ-то былъ составленъ для врученія Сигизмунду списокъ думныхъ дворянъ и дьяковъ, извѣстныхъ своею приверженностью къ Шуйскому, причемъ имя Т. въ этомъ спискѣ среди дьяковъ стоитъ вторымъ, сейчасъ послѣ имени Василия Янова, бывшаго во главѣ Разрядного приказа. Упоминается Т. еще въ книгѣ Московскаго стола отъ 1627 г., въ которой говорится: «При царѣ Василиѣ... въ посолскому приказу былъ думной дьякъ Василий Телепневъ, и Василий Телепневъ былъ менше Василья Якова», что даетъ изслѣдователямъ основаніе предполагать, что Разрядный приказъ стоялъ выше посолского.

„Акты Исторические“, т. II, стр. 367, 379, 383.—„Акты Археографической Экспедиціи“, т. II, стр. 235.—„Историческая Библіотека“, изд. Археогр. комиссіи, т. IX, Спб. 1884, стр. 437—438.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т.-ва „Общ. Польза“, кн. II, стр. 1116.—

Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки XVI в.“ Спб. 1888, стр. 131, 529, 532.

Телепневъ, Ефимъ Григорьевичъ, думный дьякъ Посольского приказа, старший братъ предыдущаго. Дьякомъ былъ уже въ 1605 г., что видно изъ этого года датированной и имъ скрѣпленной десятни по Торопцу; въ слѣдующемъ году версталъ торопецкихъ и холмскихъ дворянъ и боярскихъ дѣтей. Въ 1608 г. былъ дьякомъ въ Новгородѣ. Какъ разъ въ это время тамъ же находился извѣстный юноша-воевода Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйский. Т. помогалъ ему какъ соѣтомъ въ веденіи переговоровъ со шведами относительно помощи ихъ Москвѣ противъ Тушинского вора, такъ и сообщеніемъ свѣдѣній насчетъ настроенія новгородцевъ. Именно онъ и окольничий Михаилъ Игнатьевичъ Татищевъ освѣдомили Скопина-Шуйского о «подозрительномъ дружелюбіи» къ нему новгородцевъ, о возможной и вѣроятной ихъ измѣнѣ, и онъ же подалъ советъ уйти изъ Новгорода, притомъ и самъ сопровождалъ Шуйского; когда послѣдній, по усиленной просьбѣ покаявшихся новгородцевъ, вновь пришелъ къ нимъ, вернулся въ Новгородъ и Т. Послѣ трагической смерти Татищева (подозрѣваемый въ измѣнѣ, былъ растерзанъ толпою) Т. сдѣлалъ описание всему оставшемуся послѣ него имуществу. Въ 1610 г. Т. участвовалъ въ переговорахъ съ гетманомъ Жолкѣвскимъ о признаніи Владислава русскимъ царемъ, причемъ онъ прочиталъ при его же участіи составленныя условія съ русской стороны, часть которыхъ Жолкѣвский вскорѣ и подписалъ. Въ 1613—1614 гг. Т. завѣдывалъ денежнымъ дворомъ, а затѣмъ печатнымъ дворомъ вплоть до 22 декабря 1626 г., когда былъ пожалованъ думнымъ дьякомъ Посольского приказа на мѣсто проворовавшагося Ивана Грамотина. Послѣдня извѣстія о Т. относится къ 1630 г., когда онъ значится думнымъ дьякомъ Казенного приказа; въ этомъ же году уволенъ отъ дьячества.

Архивъ министерства юстиціи въ Москвѣ, десятни №№ 60 (по Торопцу), 121 и 130 (по Новгороду—Деревенской и Бѣжецкой пятинамъ).—„Акты Исторические“, т. II, стр. 303, 305—307; т. III, стр. 97, 100, 255, 285, 305, 307, 466.—„Дополн. къ Актамъ Историческихъ“, т. I, стр. 268—269; т. III, стр. 159.—„Акты Археограф. Экспедиціи“, т. II, стр. 98; т. III, стр. 265.—„Древняя Россійская Библіоеніка“,

т. VI, стр. 224; т. XIII, стр. 161.—„Временникъ Моск. Общ. Ист. и Древи. Рос.“, т. VIII (опись имущества Татищева). — „Собраліе Государствен. Грамотъ и Договоровъ“, т. II, стр. 418.—„Указатель къ книгамъ боярскихъ“, стр. 407.—„Историческая Библиотека“, изд. Археогр. комиссіи, т. IX, Спб. 1888, стр. 427—438.—Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки XVI в.“, Спб. 1888, стр. 130—131, 198, 449, 531, 532.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Российскаго“, изд. Эйнрінгга, т. XII, стр. 89, 140; прим. 367.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Общества Польза“, кн. II, стр. 1313.

Телепневъ, Иванъ Степановичъ, стольникъ и думный дворянинъ. Впервые упоминается въ 1653 г.; въ этомъ и 1654 г. Т. участвовалъ въ посольствѣ ближняго боярина Василія Васильевича Бутурина съ товарищами, отправленномъ въ Малороссію для приведенія къ присягѣ гетмана Богдана Хмельницкаго, войска Запорожскаго и всѣхъ жителей малороссійскихъ городовъ на подданство царю Алексію Михайловичу. Въ январѣ 1654 г. Т. отправленъ былъ въ Павловскій полкъ «всакихъ чиновъ людей къ вѣрѣ приводить и города и всякие крѣпости и нарядъ и зелье и свинецъ и всякое строеніе оци- сать». Въ 1655 г. находился съ жильцами при наказномъ атаманѣ Иванѣ Золотаренкѣ. 17 апрѣля этого года Т. вмѣстѣ съ другимъ стольникомъ Михаиломъ Дмитріевымъ послалъ отписку государю въ Смоленскъ о томъ, что Золотаренко по просьбѣ осажденныхъ въ Могилевѣ посылаетъ къ немъ помошь и самъ со всѣми ратными людьми собирается туда же идти. Отъ 24 апрѣля Т. была послана царская грамота изъ-подъ Смоленска, чтобы онъ возвращался отъ гетмана къ государю, развѣдавъ предварительно про гетманскій походъ подъ Могилевъ и собравъ и иныхъ вѣсти. Въ письмѣ къ государю отъ 10 мая Золотаренко, сообщая о военныхъ дѣйствіяхъ противъ непріятелей, просилъ государя оставить съ нимъ Дмитрева и Т., отличающихся большой храбростью. Отъ 22 мая Т. была послана повторная грамота съ приказомъ явиться къ государю. Въ письмѣ къ государю отъ 19 мая Золотаренко выражаетъ сожалѣніе объ отзывѣ Т., который, по словамъ гетмана, «всегда сильно ставился противъ враговъ и недруговъ вашего царскаго величества, яко на всякаго рыцера пристоитъ, не жалуетъ здоровья своего покладашъ на

всякомъ мѣстѣ рыцерскомъ за достоинство и за расширение государства вашего царскаго величества». Въ 1658 г. при пріѣздѣ въ 1660 г. при отпускѣ грузинскаго царевича Николая Давыдовича у стола, къ которому былъ приглашенъ царевичъ, Т. въ чинѣ стольника предъ пословъ пить носилъ. Въ 1667 г. на отпускѣ польскихъ пословъ, пріѣхавшихъ для подтвержденія Андруссовскаго перемирія, у стола, въ честь ихъ данномъ, Т. надѣздалъ и потчива1ъ въ большой столѣ. Въ томъ же году 12 февраля Т. былъ посланъ въ Киевъ къ боярину и воеводѣ Петру Васильевичу Шереметеву и въ Гадячъ къ гетману Брюховецкому съ извѣщеніемъ о заключеніи Андруссовскаго перемирія на 13 мѣтъ и въ мѣсяцѣ и съ грамотой Брюховецкому, которою гетману велѣлось не ходить по ту сторону Днѣпра и обѣща1ъась ему ратная помошь. О своемъ пребываніи въ Малороссіи Т. вель статейный списокъ, въ которомъ подробно разсказывается о пріемѣ его гетманомъ и о переговорахъ, которые велись между ними. 28 февраля Т. былъ отпущенъ гетманомъ. По дорогѣ въ Киевъ ему пришлось сутки простоять въ Борзѣ, такъ какъ получились вѣсти о томъ, что султанъ и татары перешли Днѣпръ. 8 марта онъ прибыль въ Киевъ и того же числа былъ у боярина Шереметева. Шереметевъ жаловался Т. на недостатокъ ратныхъ людей, докладывалъ, что многие города около Бѣлої церкви отложились къ Дорошевѣ и что татары и измѣнники черкесы перешли Днѣпръ. 11 марта Т. уѣхалъ изъ Киева.

Съ 1671 по 1679 гг. Т. вѣдалъ оружейную палату. Въ 1673 г. за обѣдомъ у царя по случаю поставленія митрополита Питирима въ патріархи Т. сидѣлъ за властелинскимъ поставцомъ. 2 мая 1682 г. онъ въ числѣ 10 стольниковъ, боярина, окольничаго и думного дьяка, назначенныхъ на каждый день по указу царя Петра Алексѣевича, лаеваль и иочеваль у гроба Федора Алексѣевича. Подъ 1684 г. (въ «Боярскихъ книгахъ»), и подъ 1685 г. (въ «Полномъ Собрании Законовъ») Т. упоминается въ званіи думного дворянина.

„Дополненія къ Актамъ Историческимъ“, т. V, стр. 310; т. VI, стр. 239; т. IX, стр. 106.—„Акты Южной и Западной Россіи“, т. VI, стр. 160, 163, 172, 173—175, 176; т. IX, столбецъ 485; т. X, столбецъ 139, примѣч. къ столбц.

239—240, 251; т. XIV, столбцы 553—556, 601, 609—610, 633—635.—Полное Собрание Законовъ, т. I, стр. 907; т. II, стр. 602.—„Древняя Россійская Библіоѳека“, изд. 2-е, т. VI, стр. 357; т. VII, стр. 393; т. VIII, стр. 143, 175; т. XIV, стр. 59; т. XV, стр. 298.—Ивановъ, „Алфавитный указатель къ боярскимъ книгамъ“, стр. 407.—Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. „Обществ. Пользы“, кн. III, стр. 343.

Телепневъ, Стахій Никитичъ, генералъ — лейтенантъ, родился въ концѣ 40-хъ гг. XVIII вѣка. Образование получило въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ 21 мая 1763 г. Произведенный въ 1763 г. въ гардемарины, онъ, плавая на различныхъ судахъ въ Балтійскомъ морѣ, здѣсь прошелъ первоначальную практическую школу и въ 1769 г., вмѣстѣ съ повышеніемъ въ мичманы, былъ командированъ въ Донскую флотилию, имѣвшую главную базу въ Таганрогѣ. Отсюда Т. въ теченіе 1770—1774 гг. совершилъ ежегоднія крейсерскія кампаніи въ водахъ Черного и Азовскаго морей и, между прочимъ, принималъ участіе въ сраженіи съ турецкимъ флотомъ у мыса Таклы, за отличие въ которомъ получилъ чинъ лейтенанта. Возвращенный въ 1775 г. изъ Таганрога въ Кронштадтъ, Т. былъ назначенъ командиромъ пинка «Св. Евстафій», на которомъ ближайшимъ лѣтомъ совершилъ нѣсколько переходовъ въ Черновъ. Въ 1876—1878 гг. на фрегатахъ «Наталія» и «Павелъ» онъ участвовалъ въ продолжительной образовательно-развѣдочной кампани въ южно-европейскихъ моряхъ, побывалъ въ Константинополѣ, плавалъ въ Архипелагѣ и другихъ частяхъ Средиземнаго моря, посѣтилъ Ливорно, Танжеръ, Гибралтаръ и только въ 1779 г. возвратился въ Кронштадтъ, гдѣ черезъ годъ былъ повышенъ въ капитанъ-лейтенанты. Ближайшее затѣмъ время Т. служилъ сначала на кораблѣ «Св. Спиридоній» въ эскадрѣ вице-адмирала И. А. Борисова (1780—1781), а потомъ на кораблѣ «Царь Константинъ» въ эскадрѣ вице-адмирала В. Я. Чичагова (1782—1784), неоднократно на этихъ судахъ ходилъ въ разные иностранные порты Балтійскаго и Средиземнаго морей и 26 ноября 1784 г. былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст. Въ 1785 г. Т. впервые получилъ въ свое командованіе большое военное судно — фрегатъ «Слава». Въ слѣдующемъ году онъ успѣшно выполнилъ данное ему порученіе —

наборъ рекрутовъ въ Костромскомъ наимѣстничествѣ, и по возвращеніи оттуда былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга (1 мая) и одновременно съ этимъ назначенъ командиромъ линейнаго корабля «Азія», каковымъ состоялъ до 1788 г., когда получилъ должность помощника капитана надъ Ревельскимъ портомъ. Лѣто 1790 г. Т. почти все провелъ въ бояхъ со шведами. Командуя въ чинѣ капитана 1-го ранга (съ 1 января этого года) 66-пушечнымъ кораблемъ «Ярославъ», 2 мая онъ участвовалъ въ извѣстномъ ревельскомъ сраженіи, во время которого шведской эскадрѣ, бывшей подъ флагомъ герцога Зюдерманландскаго, адмираломъ Чичаговымъ было нанесено жестокое пораженіе; оказанное имъ въ этой битвѣ отличіе было награждено золотою шпагою съ надписью «За храбрость». Затѣмъ корабль Т. былъ въ числѣ тѣхъ, которые 25 мая неожиданно для шведовъ показались въ виду острова Сескарь — мѣсто стоянки шведской эскадры — и, придвинувшись къ ней, вынудили герцога Зюдерманландскаго удалиться въ глубь Выборгской бухты. По выработанной Чичаговымъ диспозиціи, Т. со своимъ кораблемъ поступилъ въ отрядъ капитанъ-бригадира П. И. Лежнева (позже вице-флагманъ Черноморскаго флота) и 22 июня принялъ участіе въ выборгскомъ сраженіи, во время которого на его долю выпала атака шведской гребной флотиліи, закончившаяся полнымъ разгромомъ и сдачей послѣдней. Послѣ войны Т. былъ назначенъ капитаномъ надъ Ревельскимъ портомъ и въ этой должности состоялъ до 1796 г., когда былъ перемѣщенъ капитаномъ же въ Кронштадтскій портъ, гдѣ 14 ноября 1796 г. повышенъ въ капитанъ-бригадиры, а 21 сентября 1798 г. переименованъ въ генералъ-маиора. Послѣдній чинъ генералъ-лейтенанта онъ получилъ 13 ноября 1802 г. одновременно съ назначеніемъ перво присутствующимъ въ Московской адмиралтейской конторѣ, въ каковой должности состоялъ до самой смерти, послѣдовавшей 12 февраля 1806 г.

„Общий морской списокъ“, ч. V, Спб. 1890, стр. 176—178.—А. Кротковъ, „Повседневная запись замѣчательныхъ событий въ русскомъ флотѣ“, Спб. 1893, стр. 94, 96, 138, 175, 207.—Шишковъ, „Военные дѣйствія россійскаго флота противъ шведского въ 1787—1790 гг.“, стр. 124, 141, 156, 182.—Головачевъ, „Дѣйствія

русского флота въ войнѣ со шведами 1790 г., стр. 207.— „Морской Сборникъ“, 1872, № IX, стр. 873.— Ф. Веселаго, „Краткія свѣдѣнія о русскихъ морскихъ сраженіяхъ за два столѣтія, 1656—1856 гг.“, Спб., 1871.— Его же, „Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса съ приложеніемъ списковъ воспитанниковъ за 100 лѣтъ“, Спб. 1852.— „Матеріалы для исторіи русскаго флота“ (по указателю).

Телепневъ, Степанъ Васильевичъ, стольникъ. Въ 1623 г. 3 декабря, въ чинѣ стряпчаго, находился въ меньшой золотой палатѣ въ рындахъ въ бѣломъ платьѣ по правую руку отъ государя на прѣездѣ кизылбашскаго купчина вмѣстѣ со стольникомъ княземъ Иваномъ Федоровичемъ Татевымъ. Въ 1624 г. сентября 19 въ свадьбу царя Михаила Федоровича съ княжной Марией Владимировной Долгорукой Т. несъ княгининъ коровай вмѣстѣ съ братомъ своимъ и другимъ стряпчимъ. Въ 1625 г. присутствовалъ въ меньшой золотой палатѣ при отпускѣ кизылбашскаго посла Русамъ-бека съ товарищами, а послѣ того у стола въ Грановитой палатѣ въ большой столовѣ ѿстьставилъ. Въ 1626 г. ноября 25 при приемѣ шведскихъ пословъ короля Густава Адольфа въ меньшой золотой палатѣ былъ при государѣ въ рындахъ въ бѣломъ платьѣ. Въ 1627 г. июля 28 пожалованъ изъ стряпчихъ въ стольники и къ кресту приведенъ, а 3 сентября на приемѣ шведскихъ пословъ былъ въ рындахъ въ бѣломъ платьѣ. Іюля 5 1634 г. былъ у государя у стола. Въ 1636 г. сентября 23, 26, 29 и ноября 2 въ отсутствіе государя, бывшаго на богомолѣ въ Троице-Сергіевомъ и Угрешскомъ монастыряхъ, Т. дневалъ и ночевалъ на государевомъ дворѣ. Въ 1637 г. января 30 на прѣездѣ гонца польскаго и литовскаго короля Владислава Адама Орлика въ золотой подписанной палатѣ Т. стоялъ рындою въ бѣломъ платьѣ; 25 апреля тоже на отпускѣ персидскаго и кизылбашскаго купчина Наврузъ-Ага и Шамахейскаго хана купчина Маготеть-Касима; 25 мая въ отлучку государя въ село Покровское Т. дневалъ и ночевалъ на государевомъ дворѣ съ окольничимъ Степаномъ Матвеевичемъ Пробстевымъ. Въ 1639 г. апреля 9 дневалъ и ночевалъ съ окольничимъ Михаиломъ Михайловичемъ Салтыковымъ у гроба царевича Василия Михайлова. 26 мая 1641 г. былъ рыночной на прѣездѣ пословъ греческаго митро-

полита. Въ 1645 г. назначенъ посломъ въ Царьградъ. Вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Кузовлевымъ Т. проживалъ въ Каффѣ и здѣсь въ началѣ 1646 г. со словъ архимандрита Іоакима и пѣнного малороссийскаго казака Ивашка Романова провѣдалъ о самозванцѣ Ивашкѣ Вергуненкѣ, выдававшемъ себя за царевича за сына царя Димитрія, коего самозванца раньше держалъ при себѣ крымскій ханъ, а нынѣ выслалъ его въ Константинополь. Въ то же время объявился въ Константинополѣ и другой самозванецъ, Тимошка Акуниновъ, выдававшій себя за сына царя Василия и присланый Молдавскимъ господаремъ Василѣемъ. Т. далъ знать великому визирю, что у него на дворѣ скрываются воры, и просилъ, чтобы рѣчамъ ихъ не вѣрить, а разыскать бы подлинно; русскій переводчикъ и толмачъ, присланные Т., передъ визиремъ уличали Тимошку. Усиленные розыски Т. про самозванцевъ побудили визира указать ему, что «то дѣло не ихъ (пословъ), присланы они не за тѣмъ — имъ до этого дѣла нѣть». Въ октябрѣ того же 1646 г. архимандритъ сообщилъ Т., что Ивашка посаженъ въ Семибашенный замокъ, а Тимошка донесъ визирю о сношеніяхъ его, архимандрита, съ Т., и визирь по этому случаю ему угрожалъ, почему Амфилохій просилъ Т. впредь вести сношенія тайно. Въ это же время пошли и другія строгости: пословъ стали держать взаперти, что вызвано было дошедшими въ Константинополь вѣстями о движениіи русскихъ войскъ подъ Азовъ. Въ ноябрѣ Т. умеръ на чужбинѣ.

„Акты Южной и Западной Россіи“, т. VIII, стр. 279, 334.— „Разрядная книга по официальнымъ овыхъ спискамъ“, т. I, столбецъ 1040.— „Дворцовые разряды“, т. I, столб. 685; т. II, столб. 397, 529, 536.— „Древняя Россійская Библіопека“, пад. 2-е, т. VIII, стр. 143, 151.— Ивановъ, „Алфавитный указатель къ боярскимъ книгамъ“, стр. 408.— „Русская Историческая Библіотека“, т. IX, стр. 431, 507, 562; т. X, стр. 19, 34, 41, 54, 63, 93, 170, 233, 287.— Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. Общественной Пользы, кн. II, стр. 1496—1499.

Телепневъ - Нѣмой - Оболенскій, князь Петръ Ивановичъ, по прозванію Одолба, сынъ Иваша Васильевича (см. выше), воевода. Значился въ дѣтяхъ боярскихъ. Въ 1526 г. января 21 въ бракосочетаніе Василия Ioannovica съ княжной Еленой Васильевной Глинской свѣчу величаго князя къ мѣсту и къ постели несъ

и десятымъ у постели быль и постель стаљ. Въ 1544 г. съ марта служилъ первымъ воеводой второго Ертаульного полка въ Казанскомъ луговою стороной походѣ. Въ 1545 г. быль первымъ воеводой большого полка въ Казани по крымскимъ вѣстямъ. Въ 1549 г. съ 20 апрѣля первымъ воеводой тринадцатаго большого полка въ шведскомъ походѣ.

Спирідовъ, „Сокращенное описание службъ благор. росс. дворянъ“, ч. I, стр. 332.—„Древнѣшайшая разрядная книга“, изд. Милковымъ, „Чтепія въ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ за 1902 г., кн. I, стр. I.—Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс., кн. X, стр. 47, 241.—„Бархатная книга“, ч. I, стр. 216.—Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга“, т. II, стр. 42.—Петровъ, „Исторія родовъ русск. дворянства“, т. I, стр. 31.

Телепневъ-Оболенскій, кн. Иванъ Васильевичъ, по прозвищу *Нѣмой*, бояринъ и воевода. Въ 1471 г. быль посланъ изъ Устюга на Вятку войсковымъ воеводою, и вслѣдъ ему на орду идти. Въ 1477 г. Т. въ походѣ на Новгородъ быль въ передовомъ полку подъ братомъ велик. князя Ивана Васильевича княземъ Андреемъ Меншикомъ воеводой надъ владимерцами. Въ 1482 г. въ Нижнемъ по казанскимъ вѣстямъ воеводой. Въ 1512 г. Т. быль первымъ воеводой въ Стародубѣ; въ томъ же году первымъ воеводой на Сурѣ для храненія отъ прихода казанцевъ, а по перемѣнѣ воеводы въ декабрѣ того же года въ походѣ на Литву первымъ воеводой передового полка на Угрѣ. Въ 1513 г. первымъ воеводой передового полка въ Тулѣ, а затѣмъ въ Дорогобужѣ. Въ 1514 г. во время третьяго Смоленскаго похода первымъ воеводой лѣвой руки войскъ въ Тулѣ, въ юлѣ того же года участвовалъ во взятіи Смоленска. Въ 1515 г. при походѣ съ Лукъ Великихъ подъ Полоцкъ Т. быль воеводой лѣвой руки передового полка, въ томъ же году первымъ воеводой передового полка на Дорогашѣ для храненія отъ прихода казанцевъ. Въ 1516 г. вторымъ воеводой въ Рославль. Въ 1517 г. Т. быль вторымъ воеводой передового полка, а по перемѣнѣ воеводы большого полка на Волшавѣ, потомъ на Сурѣ противъ казанцевъ; въ томъ же году первымъ воеводой въ Стародубѣ. Въ 1518 и 1519 гг. быль первымъ воеводой лѣвой руки войскъ на берегу Оки для храненія отъ крымцевъ

и первымъ же воеводой въ Стародубѣ. Въ 1520 и 1521 гг. быль намѣстникомъ въ Бѣлой. Въ 1522 г. пожалованъ въ окольничіе и въ томъ же году въ Коломенскомъ противъ крымскаго хана Махмета-Гирея съ государемъ въ походѣ быль. Въ 1523 г. вторымъ воеводой большого полка Береговой рати въ походѣ на Суру. Въ 1524 г. пожалованъ въ бояре. Въ 1526 г., января 21, въ бракосочетаніе великаго князя Василія Ioannovicha съ княжной Еленой Васильевной Глинской Т. быль первымъ у постели стояль и постель стаљ, а на другой день съ государемъ въ мыльнѣ быль. Въ 1527 г. сопровождалъ вел. князя на богомолье въ Тихвинскій монастырь. Въ 1530 г. Т. быль посланъ первымъ воеводою войскъ противъ Казани; 16 юля этого же года Т. совершино разбилъ казанцевъ, убивъ у нихъ множество людей. Въ 1534 г. Т. умеръ.

Спирідовъ, „Записки о старинныхъ службахъ русскихъ благородныхъ родовъ (рукопись Императ. Публичн. Библіот.), ч. IV, стр. 353, 354.—Его же, „Сокращенное описание службъ благор. российск. дворянъ“, ч. II, стр. 328.—Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства“, т. I, стр. 31.—Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга“, т. II, стр. 42.—Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей“, т. VI, стр. 265.—Разрядная книга, изд. Милковымъ, въ „Чтепіяхъ Московскаго Общ. Любителей Древности“ за 1902 г., кн. I, стр. 1, 12, 51, 56, 62, 63, 65, 72, 73.—„Временникъ“, изд. Московскаго общ. любителей древности, кн. X, стр. 47, 241.—„Родословная книга князей и дворянъ“ (Бархатная книга), ч. I, стр. 216.—Карамзинъ, „Исторія Госуд. Российской“, изд. Эйнерлинга, т. VII, прим. 98, 110, 231.—Лихачевъ, „Разрядные дѣяки“, приложение, стр. 13.

Телепневъ - Овчина-Оболенскій, князь Иванъ Федоровичъ, конюшій, фаворитъ правительницы Елены Васильевны Глинской, второй жены царя Василія III и матери Ioанна Грознаго, могущественный царедворецъ, оставившій по себѣ память храбраго воина, но вмѣстѣ съ тѣмъ и жестокаго человѣка. Сблизившись съ правительницей черезъ сестру свою Аграфену Челядининову, маку великаго князя, Т. пріобрѣль исключительное вліяніе на вел. княгиню Елену и на управление государствомъ, оттеснивъ на второй планъ Шигону Поджогина и даже могущественнаго родственника Елены, Михаила Львовича Глинскаго. Результатомъ сближенія Т. съ Еленою

и приобрѣтеннаго имъ могущества было удаленіе, ссылка или заключеніе въ тюрьму наиболѣе близкихъ къ двору и влиятельныхъ бояръ, многіе изъ которыхъ тамъ вскорѣ умерли—часто насильственную смертью. Раньше другихъ пострадалъ братъ покойнаго царя, Юрий Ивановичъ, удѣльный князь дмитровскій, человѣкъ привѣтливаго нрава, весьма популярный и любимый народомъ. Его обвинили въ томъ, что онъ перезывалъ къ себѣ на службу нѣкоторыхъ изъ московскихъ бояръ и думалъ воспользоваться малолѣтствомъ Ивана Васильевича, чтобы за夺得ъ великокняжескимъ престоломъ. Юрий схватили и заключили въ тюрьму, где онъ вскорѣ умеръ, какъ гласили небезосновательные слухи — отъ уморы голодомъ. Въ августѣ 1534 г. были также схвачены и посажены въ тюрьму князья Иванъ Федоровичъ Бѣльскій и Иванъ Михайловичъ Воротынскій, безъ всякихъ оснований заподозреніе какъ соумышленники кн. Семена Бѣльского и Ивана Ляцкаго, въ виду возникшихъ преслѣдований бѣжавшихъ въ Литву. Нѣкоторое противленіе преслѣдованію влиятельныхъ лицъ Т. встрѣчалъ еще въ лицѣ Михаила Глинскаго, ошибочно считавшагося долгое время душою, вождемъ окружавшихъ правительницу лицъ и руководителемъ сложившейся при ней политики. Т. было тѣсно съ Глинскимъ, и Елена должна была выбрать между «близкимъ человѣкомъ» и братомъ. Она выбрала Т. Глинскій былъ обвиненъ въ томъ, что замышлялъ единолично вершить дѣла государства и что будто бы отравилъ Василія Ioannовича. Обвиненія, въ особенности послѣднее, были явно несправедливы, тѣмъ не менѣе его схватили, посадили въ тюрьму и тамъ уморили.

Если въ этихъ преслѣдованіяхъ Т. дѣствовалъ еще съ согласіемъ приближенныхъ къ Еленѣ бояръ, то, при заключеніи второго дяди Ioanna, удѣльного князя старца скаго Андрея Ивановича, дѣствующими лицами являются только Елена и Т. Андрей Ивановичъ, получивъ отказъ отъ правительницы въ территоріальной прибавкѣ къ своему удѣлу, обидѣлся и уѣхалъ въ Старицу, где, въ кругу своихъ приближенныхъ иногда высказывался довольно рѣзко обѣ Еленѣ и ея фаворитѣ Т., о чѣмъ съ прикрасами и добавленіями доносилось наушниками правительницѣ. Когда въ 1536 г. Елена пригласила его въ Москву для совѣщенія о казанскихъ

дѣлахъ, онъ не побѣхалъ, ссылаясь на болѣзнь, а въ самомъ дѣлѣ опасаясь раздѣлить участіе старшаго брата, Юрия. Ему не повѣрили, а Т. отдалъ приказаніе схватить нѣкоторыхъ его бояръ. Видя, что отношенія его къ Еленѣ обостряются, и предупрежденный своими людьми, что противъ него въ Москвѣ замышляютъ недѣлное, кн. Андрей Ивановичъ собралъ отрядъ изъ боярскихъ дѣтей и двинулся по направлению къ Новгороду, где надѣлся встрѣтить хороший прѣемъ и найти сторонниковъ. По распоряженію Т., противъ Андрея Ивановича изъ Новгорода выступилъ воевода Бутурлинъ, на помощь которому изъ Москвы былъ посланъ отрядъ подъ начальствомъ Никиты Васильевича Хромого-Оболенскаго, а самъ Т., во главѣ другого, болѣе значительного отряда, двинулся въ тылъ старицкому князю и около с. Тюхоли настигъ его. Далѣе извѣстія начинаютъ разногласить, потому что одни лѣтописцы держали сторону московскаго правительства, другие—сторону удѣльнаго князя. По московскимъ извѣстіямъ, когда обѣ стороны приготовились къ битвѣ, князь Андрей раздумалъ «бой поставить» и вступилъ въ переговоры съ Т., соглашаясь положить оружіе, если тотъ клятвенно ему обѣщаетъ, что правительница большой опасны на него не положить и вообще не поступить съ нимъ худо. Т., не сбоявшись съ Еленою, далъ требуемую клятву, вслѣдствіе чего кн. Андрей довѣрчиво побѣхалъ съ повинно въ Москву. Елена же сдѣлала будто бы Т. строгій выговоръ, зачѣмъ безъ ея согласія дать клятву князю Андрею, а послѣднаго велѣла схватить и заключить въ оковы, чтобы «впередъ такой смуты не было, ибо многіе московскіе люди поколебались». По другимъ извѣстіямъ, Т. еще въ Москвѣ получилънаказъ звать князя Андрея, чтобы шелъ въ Москву, где великий князь его пожалуетъ де и вотчину ему придастъ; въ силу этого наказа Т. первый сталъ посылать къ старицкому князю съ предложеніями не проливать крови и съ наказанными ему обѣщаніями. Какъ бы ни было, клятва и обѣщанія Т. были нарушены; Андрей Ивановичъ съ женою и дѣтьми былъ схваченъ и брошенъ въ тюрьму, где спустя шесть мѣсяцевъ умеръ насильственную смертью.

Въ 1534 г. истекло перемиріе между Москвою и Литвою, и Сигизмундъ I задумалъ воспользоваться малолѣтствомъ Ioanna VI, чтобы вернуть себѣ Смоленскъ. Его

войска сначала имѣли успѣхъ, но затѣмъ перевѣсь перешель на сторону русскихъ; передовыми отрядомъ ихъ начальствовалъ Т., который опустошилъ литовскія волости и дошелъ почти до самой Вильны. Въ началѣ 1535 г. въ Москву дошли слухи, что Сигизмундъ готовится къ новому походу на Смоленскъ. Изъ Москвы тотчасъ отрядили сильную рать, передовыми полкомъ которой начальствовалъ опять Т. Нигдѣ не встрѣтивъ литовцевъ, пошедшихъ въ иномъ чѣмъ предполагалось направлѣніи, московскіе воеводы удовољствовались сожженіемъ посада Мстиславскаго и опустошеніемъ окрестностей. Обманувшись въ своихъ расчетахъ на успѣхъ, литовскій король заговорилъ о мирѣ. Еще въ сентябрѣ 1535 г. въ Москву къ Т. прїѣхалъ человѣкъ брата его Федора, находившагося въ литовскомъ плѣну, Андрей Горбатый, который объявилъ, что гетманъ Юрій Радзивилль говорилъ о желаніи короля жить въ мирѣ съ Москвою. Т. посовѣтѣ съ боярами отослалъ Горбатаго обратно съ грамотой, въ которой писалъ, что война начата не Москвою и что «государь нашъ, какъ есть истинный христіанскій государь, и прежде не хотѣлъ и теперь не хочетъ, чтобы кровь хрисгіанская лилась, а бусурманская рука высилаась; хочетъ нашъ государь того, чтобы христіанство въ тишинѣ и покой было». Такъ если король желаетъ того же и пришлеть къ нашему государю, то пересылками между государствами добрая дѣла становятся». Въ февралѣ 1536 г. къ Т. пришелъ посолъ отъ Радзивилла съ опасной грамотой для московскихъ пословъ въ Литву и съ другой грамотой къ Т. Нѣкоторыя выраженія послѣдней какъ Т., такъ и боярамъ не понравились, почему Т. отправилъ въ Литву неполномочныхъ пословъ, а лишь одного человѣка съ отвѣтной грамотой, и то только для того, чтобы не прервать переговоровъ. Послѣ пораженія литовцевъ подъ Себежомъ Радзивилль, понимая, что теперь московское правительство не согласится послыдать своихъ пословъ въ Литву, послалъ Т. новую грамоту съ предложениемъ—дабы не возникло опора о томъ, кому изъ государей приличнѣе первому послыдать пословъ—встрѣтиться послѣднимъ на границѣ. Т. на это предложеніе отвѣтилъ отказомъ, формально мотивировавъ его тѣмъ, что «это кто-нибудь, не желая между государствами доброго согласія, такія

новизны выдумываетъ»; по существу же Т. писалъ, что «отъ предковъ нашихъ государей повелось, что отъ королей къ намъ послы ходили и дѣла у нихъ дѣлывали». Дальнѣйшіе переговоры, въ 1537 г. закончившіеся перемириемъ на 5 лѣтъ, велись королемъ непосредственно съ царемъ Ioанномъ, но Т. принималъ въ нихъ, разумѣется, самое близкое и рѣшающее участіе.

Подъ конецъ царственія Елены Глинской Т. стѣсался единоличнымъ фактическимъ вершителемъ государственныхъ дѣлъ. Безъ его участія не рѣшалось ничего важнаго, не происходили пріемы иностраныхъ посольствъ. Понятно, что такимъ могуществомъ Т. многие были недовольны, особенно старинные княжеские роды, какъ, напр., Шуйскіе. Вмѣстѣ съ этимъ явно было, что его положеніе прочно только при жизни Елены, такъ какъ хотя великий князь Ioаннъ тоже очень его любилъ, но по малолѣтству едва ли могъ бы защитить его. Съ другой стороны, исключительное могущество Т. было и причиной преждевременной смерти Елены. З апрѣля 1538 г. она скончалась скоропостижно, какъ твердили упорные слухи—отъ отравленія, а на 7-й день послѣ ея смерти былъ схваченъ Т. вмѣстѣ съ сестрой своею Аграфеной. Несмотря на плачъ Ioанна, его заковали въ цѣпіи и бросили въ тюрьму, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ отъ недостатка въ пищѣ и отъ тяжести оковъ; сестру же его сослали въ Каргополь и въ мѣстномъ монастырѣ постригли.

Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей, т. VI, стр. 250, 254, 261, 263—264, 266—267, 272—275; т. VIII, стр. 269, 280—286, 292—294.—Никоновск. лѣтоп., т. VII, стр. 1—3.—Спинодальская лѣтоп., № 486, № 645, стр. 415; № 788, стр. 529.—Львовская лѣт., т. IV, стр. 9—10.—«Собрание Госуд. Грамотъ и Договоровъ», т. II, № 30, 32.—«Царствен. книга», стр. 36—37, 65—70.—«Акты Археографической Экспедиції», т. I, стр. 337.—«Акты Западной Россіи», т. II, № 175.—«Древняя Российск. Библіофида», т. XIII, стр. 16, 17.—«Сборникъ Императ. Русск. Историч. Общества», т. 59, стр. 14—29, 30—39, 42, 45, 47—48, 56—58, 184, 187, 201, 523.—«Родословн. книга», изд. «Русской Старины», т. II.—Карамзинъ, «Исторія госуд. Российской», изд. Эйнерлинга, т. VII, стр. 92, 98, 105; прим. 201, 265, 302; т. VIII, стр. 6, 9, 11, 17, 19, 21, 23, 26, 28, 30, 31, 49; прим. 2, 12, 16, 68, 74, 75.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Rossіи», изд. т-ва «Общ. Польза», кн. I, стр. 1641; кн. II, стр. 6, 8—11, 13—16, 24, 29, 30, 347.—«Энциклоп. словарь» Брокгауза-Ефрона, 1-е изд., т. 32, Спб. 1901, стр. 807.—«Разрядная

книга" П. О. Лихачева, стр. 30, 119. — Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки XVI стол.", стр. 81, 305 (приводится фактъ вліянія Т. на составленіе разрядныхъ росписей).

Телепневъ-Овчина - Оболенскій, князь Федоръ Федоровичъ, братъ Ивана Федоровича, воевода. Во время войны съ Литвою при Еленѣ Глинской начальствовалъ однимъ изъ московскихъ отрядовъ, действовавшихъ въ Сѣверской землѣ. Въ 1534 г. онъ изъ Стародуба ходилъ къ Мозырю, Турову, Могилеву и доходилъ до самого Новгорода-Литовского, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія и разрушая все встрѣчающееся по дорогѣ. Въ 1535 г. литовское войско, захвативъ Гомель, осадило Стародубъ, гдѣ начальникомъ гарнизона былъ Т. Онъ оказалъ энергическое сопротивленіе. Не будучи въ силахъ взять городъ приступомъ, литовцы подвели подъ его стѣны подкопъ, 29 августа взорвали ихъ и чрезъ образовавшуюся брешь проникли въ городъ. Т. съ войскомъ встрѣтилъ непріятеля геройски, долго съ успѣхомъ отбивался, два раза доходилъ даже до его станицы, но въ концѣ концовъ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ густыми рядами превосходного непріятеля, долженъ былъ положить оружіе и сдаться въ пленъ. Въ этой битвѣ погибло около 13 тысячъ русскихъ. Когда первоначальный успѣхъ литовцевъ смѣнился на всѣхъ дальнѣйшихъ пунктахъ пораженiemъ ихъ, пребывавшемъ Т. въ плену воспользовался гетманъ Юрий Радзивилль, въ концѣ сентября 1535 г. обратившійся черезъ него къ его брату, Ивану Федоровичу, съ переговорами о мирѣ. Въ февралѣ слѣдующаго года Радзивилль писалъ Ивану Федоровичу, что Т. будто бы былъ членомъ, чтобы паны ходатайствовали у короля о мирѣ, всѣдѣствие чего и посылается въ Москву опасная грамота на проѣздъ русскихъ пословъ въ Литву для дальнѣйшихъ переговоровъ. Этотъ фактъ—челобитье Т. безъ какихъ-либо полномочий изъ Москвы—сдѣлали достовѣренъ; вѣроятнѣе всего, что онъ сочиненъ Радзивилломъ для того, чтобы выйти изъ затруднительного положенія. Во всакомъ случаѣ въ Москвѣ этому не придали ни вѣры, ни значенія, и фактическій глава правительства, Иванъ Федоровичъ Т., отвѣчалъ Радзивиллу: «Пишутъ на князя Федора, что имъ князь Федоръ членъ быть; а князь Федоръ

у нихъ въ рукахъ, что хотать, то на него и пишутъ»; вмѣстѣ съ этимъ самому Т. была послана грамота съ наказомъ, что ему, если сообщенное справедливо, бить членомъ неприложе. Послѣ заключенія 5-лѣтнаго перемирия съ Литвою въ 1537 г. Т. воротился въ Москву.

Любопытна наказъ Т., присланный имъ изъ литовскаго піѣна своему сыну Дмитрію, имѣющій въ виду участившіеся на Руси разбои, руководителями которыхъ становились часто лица изъ высшихъ сословій. «Жиль бы ты по отца своего наукъ,— пишетъ Т.—не смутялъ (смуты не затѣвалъ), людямъ отца своего и своимъ красть, разбивать и всякое лихо чинить не велѣль, отъ всякаго лиха унималъ бы ихъ, велѣль бы своимъ людямъ по деревнямъ хлѣбъ пахать и тѣмъ сытымъ быть; а если людей отцовскихъ и своихъ отъ лиха удержать не сможешь, то бей членъ боярину князю Ивану Федоровичу (брату Т.), чтобы велѣль ихъ удержать, чтобы отъ государя... въ отцовскихъ людахъ и въ твоихъ тебѣ срамоты не было».

„Древняя Россійская Библіопека“, т. XIII стр. 2, 18.—Карамзінъ, „Исторія государства Россійскаго“, изд. Эйперлинга, т. VII, стр. 98; прим. 201, 302; т. VIII, стр. 17, 20, 23, 72 т. IX, пр. 11.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Общественная Чольза“, кн. II, стр. 13—15, 134, 487.—„Энциклопедич. словарь“ Брокгауз-Ефрана, 1-е изд., т. 32, стр. 807.

Телешова, Екатерина Александровна, ученица Дидло, любимая балерина Петербургскихъ Императорскихъ театровъ, извѣстная своимъ талантливымъ исполнениемъ пантомимныхъ ролей. Родилась въ 1805 г., умерла въ 1850 г. Воспитывалась въ Императорскомъ театральномъ училищѣ. Еще воспитанницей Т. обратила на себя вниманіе графа М. А. Милорадовича, тогдашняго петербургскаго военнаго генераль-губернатора. Благодаря его покровительству и родству съ драматургомъ А. А. Шаховскимъ, Т. стали выдѣлять среди остальныхъ ученицъ училища, и она стала выступать на петербургской сценѣ. Впервые она выступила въ 1819 г. въ балетѣ «Зефиръ и Флора», исполняя роль Гименея. Въ 1821 г. она обратила на себя вниманіе удачнымъ исполненiemъ роли Бабеты въ балетѣ «Дезертиръ», а въ слѣдующемъ году имѣла рѣшительный успѣхъ въ ба-

легъ «Разрушенный кумирь», поставленномъ Дилю въ бенефисѣ знаменитой балеринѣ Истоминой. Курсъ театрального училища Т. окончила въ 1823 г. и съ тѣхъ порь постоянно стала выступать на балетной сценѣ, восхищая всѣхъ своей легкостью и грацией. Фаддей Булгаринъ («Русская Талия») пишетъ о ней: «Телешова юная питомица Терпсихоры, отличная въ трудномъ искусстве пантомимы, всѣ свои роли исполняетъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Она подаетъ большія надежды своимъ постояннымъ стремлѣніемъ къ совершенствованію». По словамъ современниковъ, Т. была красавица,стройная, изящная, увлекательная. Красотой и талантомъ она пріобрѣла многихъ восторженныхъ поклонниковъ, среди которыхъ находились Милорадовичъ и Грибоѣдовъ. Послѣдній писалъ о ней своему другу: «Телешова въ три-четыре вечера меня съ ума свела». Въ свое время было много толковъ о томъ, что личная исторія изъ-за Т., которая вышла у Грибоѣдова съ гр. Милорадовичемъ, помѣшила постановкѣ въ 1825 г. «Горе отъ ума» на петербургской сценѣ. По поводу выступленія Т. въ роли волшебницы, обольщающей витязя («Русланъ и Людмила»), Грибоѣдовъ написалъ «Послание къ Телешовой» (напечатанное въ «Сынѣ Отечества» за 1825 годъ):

О, кто она? Любовь, Харита?
Иль Пери изъ страны иной?
Эдемъ покинула родной,
Тончайшимъ облакомъ обвита?..
Зачѣмъ манишь рукою нѣжной,
Зачѣмъ влачишь изъ дальнихъ странъ
Пришельца въ плѣнь твой неизбѣжный
Къ страданью неисцѣльныхъ ранъ.

Особеннымъ успѣхомъ пользовалась Т. въ балетахъ «Дезертиръ», исполненная роль Луизы, «Федра», «Возвращеніе изъ Идії», «Фенелла», исполненная съ громаднымъ успѣхомъ роль нѣмой Фенеллы. Выступала она неоднократно въ драматическихъ роляхъ, напр. въ драмахъ Скриба, особенно удачно въ роли русской сироты Ольги.

Вольфъ, „Хроника петербургскихъ театровъ“.—Плещеевъ, „Нашъ балетъ“.—Араповъ, „Лѣтопись русского театра“. — „Пантонъ русскихъ и всѣхъ европейскихъ театровъ“ за 1840 г.—Покровскій, „Биографія Грибоѣдова“,—Соч. Грибоѣдова, т. I, стр. 190 (письмо къ Бѣгичеву).—„Сынъ Отечества“, 1825—„Русская Талия“, 1826.

Телешовъ, Иванъ Ивановичъ, думный дьякъ. Въ 1500 г. посланъ Иоанномъ III къ литовскому князю Александру, своему зятю, съ объявлениемъ, чтобы тотъ не вступалъ въ отчины князей Симеона стародубскаго и Василия Рыльскаго, которые добровольно присоединяются къ Москвѣ и будуть подъ ея защитой. Вмѣстѣ съ тѣмъ Т. долженъ былъ вручить Александру «складную грамоту», въ которой Ioанъ, слагая къ нему крестное прѣлованіе, объявлялъ Литвѣ войну за ея принужденіе православныхъ къ католицизму. Въ 1502 г. посланъ вмѣстѣ съ княземъ Василиемъ Нодроватовымъ въ Казань «для приимки царя» Абыль-Летифа, досадовавшаго Москвѣ своими «неправедностями», и съ порученiemъ привезти его въ Москву, что посланными и было выполнено; Абыль-Летифъ былъ заточенъ на Бѣлоозеро. Въ 1514 г. участвовалъ въ церемоніи приема турецкаго посла Камала: наряду съ другими встрѣчалъ посла предъ дверьми большой палаты и провожалъ его къ великому князю. Въ 1515 г. вновь ъздилъ въ Казань съ порученіемъ московскаго великаго князя уладить вопросъ о престолонаслѣдіи въ связи съ ожидавшемся кончиною хана Махлетъ-Амина. Ханъ тогда выздоровѣлъ, умеръ же три года спустя (1518), и Т. опять ъздилъ въ Казань съ тою же цѣлью, имѣль сношеннія съ казанскими вельможами и съ некоторыми изъ нихъ вернулся въ Москву, гдѣ ханомъ былъ объявленъ Шигъ-Алей. Въ 1520 г. былъ думнымъ дьякомъ, причемъ имя его въ думскихъ актахъ всегда называется впереди именъ о тальныхъ двухъ думныхъ дьяковъ. Въ царствованіе Василия Ioанновича былъ противникомъ Глинскихъ, осуждалъ второй бракъ царя и за недоброжелательство къ Еленѣ, наряду со многими другими вельможами, подвергся опалѣ, которая съ него была снята 25 августа 1530 г., по случаю рождения царевича Ioанна (Грознаго).

„Приказныя дѣла старыхъ лѣтъ“, въ Московскому архиву минист. иностран. дѣлъ, связка 1, № 1.—Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей, т. VI, стр. 45, 47; т. VIII, стр. 241, 260, 266.—„Акты Историческіе“, т. I, стр. 177—182.—„Памятники дипломатическихъ сношений“, т. I, стр. 216—432.—„Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общ.“, т. 25, стр. 243—245, 302, 335—339, 376, 670; т. 95, стр. 96, 411, 530.—Карамзинъ, „История госуд. Россійск.“, Спб. 1843, т. VI, стр. 183—184; прим. 533, т. VII, прим. 149—181, 310.—Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки“, Спб. 1888, стр. 177—170.

Телицинъ, Максимъ, служилый членъ вѣкъ. Упоминается подъ 1641 г. Получилъ наказъ отправиться изъ Якутска на реку Юганду вмѣстѣ съ товарищами, ленскими воеводами Петромъ Головинымъ и Матвѣемъ Глѣбовыми, для сбора ясака и открытия новыхъ земель. Наказъ, помимо порученія финансового характера, предъявлялъ къ Т. большія требованія какъ къ изслѣдователю; въ немъ писалось: «и идучи имъ, Максимику съ товарищи, съ усть Лѣны реки до Юганды реки смотрѣть того накрѣпко, которые реки впали устьемъ въ море и сколько отъ которой реки отъ устья до устья ходу парусомъ или греблею и распрашивать про тѣ реки доподлинно, какъ тѣ реки словуть, и отколѣво вершинами выпали и какіе люди по тѣмъ рекамъ живутъ и чѣмъ кормятся».

Дополненія къ Актамъ Историческимъ¹, т. II, стр. 256—528.

Телушкинъ, Петръ, казенный крестьянинъ Даниловского уѣзда, Ярославской губерніи, мастеръ кровельного цеха, въ 1831 г. получилъ временную, но громкую известность своимъ смѣлымъ подъемомъ на рукахъ, безъ лѣсовъ, до креста на шпицѣ Петропавловского собора (въ Петербургѣ) для починокъ. Крестъ и ангелъ собора часто терпѣли поврежденія отъ молний и вѣтра, и каждый разъ починка обходилась очень дорого; всего больше затратъ требовало возведеніе лѣсовъ, такъ какъ высота Петропавловского собора вмѣстѣ со шпицемъ до креста 57 саженъ. Осенью 1831 г. вѣтромъ отъ креста оторвало листы, а отъ ангела крылья. Предстояла обычная починка съ предварительнымъ возведеніемъ лѣсовъ. Въ это время Т. было подано письменное заявленіе о томъ, что онъ берется исправить всѣ поврежденія въ крестѣ и ангелѣ собора безъ постройки лѣсовъ. За свой трудъ опредѣленного вознагражденія онъ не назначилъ, предоставивъ начальству установить величину его, а просилъ лишь о выдачѣ ему около 1500 руб. за материалы, которые потребуются ему при производствѣ починки. Предложенія Т. условія вслѣдствіе ихъ выгодности были приняты, хотя на благопріятный исходъ его предпріятія никто не надѣялся. Тѣмъ не менѣе Т. удачно выполнилъ взятое на себя дѣло, проявивъ при этомъ необыкновенную

физическую силу, ловкость и сообразительность. Въ свое время газеты были переполнены описаниемъ этого предпріятія.

Въ краткихъ чертахъ обстоятельства этого подъема таковы. Въ колокольномъ шпицѣ Петропавловского собора имѣются слуховые окна и два небольшихъ (до 1 хв. аршина) люка, открывающихся наружу,— верхній изъ нихъ на разстояніи приблизительно 8 саженъ отъ слуховыхъ оконъ. По деревяннымъ укрѣплѣніямъ во внутренности шпица Т. добрался до верхнаго люка. Шпицъ собора покрытъ мѣдными позолоченными листами, въ горизонтальныхъ спаѣхъ непосредственно наложенныхъ другъ на друга, въ вертикальныхъ же—загнутыхъ ребромъ; загибы выступаютъ на два вершка отъ поверхности и образуютъ полосы по длини шпица. Этими выступающими ребрами Т. и воспользовался здѣсь для того, чтобы обвить веревкою шпицъ. Прикрѣпивъ конецъ веревки къ внутреннимъ деревяннымъ укрѣплѣніямъ шпица и опоясавшись ею, онъ вышелъ наружу, значительно спустился внизъ и затѣмъ, поддерживая корпусъ веревкой, сталъ передвигаться отъ ребра къ ребру вокругъ шпица и вверхъ по немъ. Передвиженіе это стоило неимовѣрныхъ усилий, ибо двухвершковые выступы позволяли хвататься за нихъ только двумя пальцами (большимъ и указательнымъ), и у Т. отъ напряженія изъ-подъ ногтей ногѣко показывалась кровь. Нужна была исключительная физическая сила, чтобы на четырехъ пальцахъ подыматься всѣмъ корпусомъ вверхъ. Въ такихъ неимовѣрныхъ условіяхъ Т. удалось окружить шпицъ и подняться вмѣстѣ съ тѣмъ до люка, отъ которого онъ опустился. Обвитая вокругъ шпица веревка могла уже плотно придерживать его къ шпицу, а вмѣстѣ съ тѣмъ стягиваниемъ свободного конца веревки, продѣтаго сквозь особую петлю, онъ получилъ возможность укорачивать веревочное кольцо на шпицѣ, что было необходимо, потому что послѣдній уточнялся кверху. Поддержка корпуса такимъ образомъ была обезпечена. Но нужны были еще средства для подъема. Отъ верхнаго люка до самого яблока, на которомъ находится крестъ съ ангеломъ, расположены по длини шпица жѣлезные крюки, одинъ отъ другого въ 4½ аршинахъ, съ выступомъ отъ крыши на 2 вершка. Ими Т. и воспользовался для дальнѣйшаго поднятія. Изъ двухъ вер-

вокъ остроумнымъ примѣненіемъ сложныхъ петель и ямского узла онъ устроилъ подвижныя стремена, которыхъ и накинулъ на ближайшій крюкъ. Съ помощью этихъ-то стремянъ, затрачивая страшныя усилия и прибѣгая къ разнымъ, иногда весьма находчивымъ уловкамъ, Т. отъ крюка къ крюку добирался до самаго яблока. Самымъ труднымъ было подняться по дугѣ яблока къ кресту, гдѣ и требовалось сѣять починку. Шпинъ имѣется у яблока въ диаметрѣ нѣсколько болѣе аршина, въ то время какъ диаметръ яблока достигаетъ 4 аршинъ. Непосредственно по яблоку сѣдовательно подниматься не было возможности. Т. привязалъ къ шпицу двѣ новыя веревки, сѣвалъ въ нихъ петли близко къ поверхности шпинца и просунулъ въ эти петли ступни ногъ такъ, чтобы можно было упираться ими въ шпинъ подъ самымъ яблокомъ, а конецъ той веревки, которая была обвита вокругъ шпинца и до того плотно его къ шпицу придерживала, онъ нѣсколько опустилъ. Благодаря этому онъ занялъ наклонное положеніе и повисъ въ воздухѣ почти горизонтально, обращенный лицомъ кверху. Вися въ такомъ положеніи, Т. имѣвшуюся при немъ веревку длиною въ 6 сажень привязалъ однимъ концомъ къ веревкѣ, обвитой вокругъ шпинца, а другой собралъ кругами и сильнымъ размахомъ бросилъ вверхъ, давъ направление по дугѣ справа налево. Веревка, описавъ въ воздухѣ дугу, обвилась вокругъ основания креста, и размотавшійся конецъ ея свѣсился къ Т. На немъ Т. сѣвалъ глухую петлю, продѣль въ нее другой конецъ и передергивалъ веревку до тѣхъ поръ, пока она не затянулась на крестѣ. По этой веревкѣ, на которой предварительно сѣланы были узлы, онъ взобрался къ кресту. Задача была рѣшена. Сѣять веревочную лѣстницу для постоянныхъ подъемовъ уже не представляло трудностей, разъ ее можно было укрѣпить у креста. Весь подъемъ Т. совершилъ въ два дня: первый былъ потраченъ на подготовленія и на обходъ шпинца у люка, а второй на дальнѣйший подъемъ. Самая починка не представляла интереса. За работу ему было заплачено 5000 рублей ассигнаціями. А. Н. Оленинъ представилъ Т. государю, который наградилъ его деньгами и медалью на анненской лентѣ. Слава и посыпавшейся кровельные заказы не пошли Т. въ проѣкъ:

онъ скоро спился и въ 1833 г. умеръ. Чертежи, изображающіе его подъемъ, приложены къ нижеизвѣненнымъ статьѣ А. Н. Оленина и книгѣ А. Башущкаго и къ т. XV «Русской Старинѣ» за 1876 г.

А. О.— (Оленинъ), „О починѣ креста и ангела (безъ лѣсовъ) на шпинѣ Петропавловскаго собора въ Петербургѣ“, „Сынъ Отечества“, 1831, ч. 140, т. 18, № 14, стр. 406—414; то же отдельной брошюрой, Спб. 1831.—II. Телушкінъ, „Петръ. Вѣдомости“, 1831, № 109, стр. 452—453.—„Московскія Вѣдомости“, 1831, № 104.—„Ярославскія Губ. Вѣдом.“, 1831 № 14, перепечатка статьи А. Н. Оленина.—И. Пушкинъ, „Описание С.-Петербургра и уѣздныхъ городовъ С.-Петербургской губерніи“, Спб. 1839, ч. I, стр. 165.—А. Башущкій, „Панорама С.-Петербурга“, Спб. 1834, ч. I, стр. 117—124.—Прот. Д. Флоринскій, „Историко-статистическое описание С.-Петербургскаго каѳедрального Петропавловскаго собора“, Спб. 1857, стр. 31—33.—Ф. Г. Солнцевъ, „Моя жизнь и художественно археологические труды“, „Русская Старина“, 1876, т. XV, стр. 639—643.—В. Лѣствицынъ, „Крестьянинъ Телушкінъ“, „Ярославскія Губ. Вѣдом.“, 1869, № 2.—Пр. И.—въ, „Кровельщикъ Телушкінъ“, „Архангельскія Губ. Вѣдом.“, 1875, № 9.—Историко-статистическая свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи“, Спб. 1869, ч. I, гл. II, стр. 74—75.—„Настольный словарь“ Ф. Толля, т. III, Спб. 1864, стр. 632.—„Справочный энциклопед. словарь“ К. Крайя, т. X, Спб. 1848, стр. 199.—„Исторический Вѣстникъ“, 1883, августъ, стр. 483.

Телѣгинъ, Никита Дмитріевичъ, былъ воеводой въ Перми и въ Чердыни въ 1634—1635 гг. Въ 1636 г. Т. отпущенъ былъ къ Москвѣ, а на его мѣсто въ Чердынь посланъ иноземецъ Христофоръ Рылской. Отъ времени его воеводства сохранились три царскихъ грамоты, къ нему посланныхъ: отъ 9 октября 1634 Т. извѣщался о дозвolenіи польскимъ военнопленнымъ возвратиться на родину; отъ 17 августа 1635 г. ему указывалось выслать въ Москву на судъ чердынскихъ земскихъ старостъ за взысканіе податей съ обѣльской Ныробской волости; отъ 26 сентября 1635 г. Т. указывалось разыскать бѣжавшаго въ Чердынь чернаго діакона Брюханова, обвиненнаго въ измѣнѣ, и за поимку обѣщано царское жалованіе. Подъ 1636 г. Т. упоминается (Боярскія книги) въ чинѣ московскаго дворянина. Въ 1640 г. онъ постригся.

„Акты Археологической Экспедиціи“, т. III, стр. 389, 391—398, 396.—Разрядныя книги по офиц. оныхъ спискамъ“, т. II, столбцы 826, 931.—Барсуковъ, „Городовые воеводы въ XVII столѣтїи“, стр. 177.—Ивановъ, „Алфавитный указатель къ боярскимъ книгамъ“, стр. 408.

Телятевский, князь Андрей Андреевич, прозванием Хрипунъ, бояринъ, по-томокъ, удельныхъ князей Тверскихъ, извѣстный двѣтъ Смутного времени, сторонникъ Шаховскаго, Болотникова и Лже-Петра. Первое упоминаніе о немъ относится къ 22 июня 1587 г., когда онъ рыною присутствовалъ при приемѣ литовскаго посла Сапеги недавно передъ тѣмъ восшедшемъ на престоль царемъ Федоромъ. 7 августа 1590 г. разбиралось мѣстническое дѣло Т. съ кн. Иваномъ Никитичемъ Одоевскимъ, а 25 апреля 1591 г. «искалъ (онъ) своего отечества на князь Андрѣе Петровиче Куракине для того что Куракину вѣдно быть въ сторожевомъ полку въ первыхъ, а Телятевскому въ большомъ полку въ другихъ». 22 мая 1597 г.—въ званіи стольника присутствовалъ въ Грановитой палатѣ при приемѣ знатнаго цесарскаго посла, бургграфа Авраама Донаускаго. При Борисѣ Годуновѣ онъ былъ пожалованъ въ бояре, засѣдалъ въ думѣ, сдѣлался виднымъ сановникомъ и былъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся воеводъ этого царствованія. Въ 1604 г., когда дѣятельствія Лжедимитрія приняли угрожающій характеръ, Т. во главѣ значительного отряда выступилъ изъ Брянска для противодѣйствія самозванцу и для защиты противившагося ему Новгорода. Около Трубчевска онъ принялъ участіе въ совѣтѣ русскихъ воеводъ, рѣшившемъ послать сандомирскому воеводѣ Мнишеку требованіе уйти изъ предѣловъ Россіи. Участвовалъ Т. и въ битвѣ подъ Трубчевскомъ, окончившейся пораженіемъ Лжедимитрія. Въ 1605 г. Т., одинъ изъ немногихъ воеводъ, остался вѣрить новому царю, Федору Борисовичу, и долженъ былъ бѣжать въ Москву, когда увидѣлъ измѣну Басманова и войска и понялъ, что приверженцы самозванца одержали верхъ. Есть извѣстіе, что по прибытіи въ Москву онъ былъ арестованъ, но потомъ, когда положеніе дѣль окончательно повернулось въ пользу Лжедимитрія, присягнулъ самозванцу и получилъ свободу. 3 июня 1605 г. Т. вмѣстѣ съ Воротынскимъ былъ избранъ московскимъ населеніемъ идти въ Тулу, гдѣ находился самозванецъ, съ повинною отъ столицы. Лжедимитрій встрѣтилъ посланныхъ грубою и рѣзкою рѣчью, приближенные его также ихъ позорили, а Т., какъ остававшагося дольше другихъ вѣрныхъ Годуновымъ, чуть не убили. Во все время царствованія Само-

званца онъ, повидимому, находился въ опалѣ и вліянія на дѣла не имѣлъ.

Въ 1607 г., когда царемъ были уже Василий Шуйскій, появились слухи о новомъ самозванцѣ. Въ видахъ самозащиты царь Василий отрекся отъ того, что говорилъ раньше о смерти царевича Димитрія, и съ большой торжественностью перенесъ тѣло убиеннаго изъ Углица въ Москву, объявивъ всѣмъ, что Димитрій не покончилъ съ собою въ припадкѣ болѣзни, а дѣйствительно былъ убитъ. Т., вѣрно служившій царю Борису, возмутился тѣмъ, что убийство царевича официально стало приписываться Годунову, и стала на сторону нового Димитрія, хотя ничего положительного о немъ еще никто не зналъ. Отказавшись раньше предаться «живому, торжествующему самозванцу», Т. теперь предался одному его имени. Возможно также, что онъ вѣрилъ въ спасеніе Лжедимитрія, о чёмъ тогда въ Москвѣ ходили упорные слухи. Ставшій во главѣ восстанія противъ Шуйскаго, извѣстный Болотниковъ былъ раньше холопомъ Т., и послѣдній имѣлъ на него, по-видимому, сильное вліяніе. При Лже-Петрѣ онъ начальствовалъ значительной частью его приверженцевъ и, будучи во главѣ ихъ, около Тулы разбилъ московскаго воеводу Воротынскаго и занялъ Тулу и Дѣдиловъ. Затѣмъ онъ двинулся къ Калугѣ и по дорогѣ къ ней встрѣтился съ сильнымъ московскимъ войскомъ подъ начальствомъ воеводъ Татева, Черкасскаго и Борятинскаго. Въ жестокой битвѣ при Щелынѣ, произшедшей 2 мая 1607 г., Т. разбилъ на голову царское войско, причемъ Татевъ и Черкасскій легли на полѣ битвы, 15 тыс. человѣкъ перешли на сторону Болотникова, а остальная часть въ беспорядкѣ бѣжала къ Калугѣ въ станъ Мстиславскаго. Эта решительная и блестящая победа Т. произвела въ Москвѣ ошеломляющее впечатлѣніе. Потребовались неимовѣрныя усиія со стороны московскаго правительства, чтобы собрать новое значительное войско и прежнее, деморализованное неудачами и опасеніемъ, привести въ боевое состояніе. Давъ отдыхъ своимъ людямъ послѣ битвы при Щелынѣ, Т. соединился съ Болотниковымъ и направился затѣмъ къ Каширѣ съ намѣреніемъ занять ее, но при р. Восмѣ встрѣтился съ московскими полками. 21 мая на берегахъ этой рѣки произошло новое сраженіе, въ которомъ верхъ одержало цар-

ское войско. О роли Т. въ этой битвѣ существуютъ двѣ версіи. По одной изъ нихъ, онъ былъ въ лагерѣ мятежниковъ и послѣ пораженія съ небольшимъ уцѣльвшимъ отрядомъ бѣжалъ въ Тулу, гдѣ и скрывался вмѣстѣ съ Шаховскимъ, Болотниковымъ и Лже-Петромъ. По другому извѣстію, Т. въ самый разгаръ сраженія съ четырехъ-тысячнымъ отрядомъ перешелъ на сторону Шуйскаго и тѣмъ рѣшилъ дѣло въ пользу послѣдняго. Если принять первую версію, то ничѣмъ нельзѧ объяснить послѣдующую судьбу Т. Какъ извѣстно, царь Василий лично осадилъ Тулу; осажденные два раза посыпали въ Польшу съ просьбой выслать какого-нибудь нового Лжедимитрия,—и онъ, наконецъ, нашелся въ лицѣ Тушинского вора; тѣмъ не менѣе Тула продержалась только до 10 октября, когда голодъ и болѣзни принудили осажденныхъ сдаться; свое категорическое обѣщаніе помиловать мятежниковъ Шуйскій не сдержалъ: Болотникова утопили, Лже-Петра повѣсили, Шаховскаго сослали въ пустыни на Кубенское озеро. При перечисленіи этихъ лицъ и постигшихъ ихъ карь о Т. ничего не говорится. Между тѣмъ въ «Древней Российской Вивліоеніѣ», многія свѣдѣнія которой почерпнуты изъ сгорѣвшихъ въ 1812 г. при московскомъ пожарѣ документовъ, есть указаніе, что Т. умеръ въ 1612 г. въ боярскомъ санѣ. Трудно предположить, чтобы Т., если онъ дѣйствительно находился въ станѣ мятежниковъ при ихъ сдачѣ, былъ пощаженъ. Поэтому едва ли соотвѣтствуетъ истинѣ слѣдующее категорическое положеніе Карамзина: «Князь Телятевскаго, знатѣйшаго и тѣмъ виновнѣйшаго измѣнника, изъ уваженія къ его именитымъ родственникамъ не лишили ни свободы, ни боярства, къ посрамленію сего вѣльможнаго достоинства и къ соблазну государственному». Соловьевъ болѣе правдоподобно предполагаетъ, что при Шуйскомъ Т. могъ быть въ опалѣ и все же умереть въ боярскомъ санѣ, вернувшись къ себѣ послѣ сверженія Василия Шуйскаго. «Съ другой стороны,—продолжаетъ Соловьевъ,—нельзя не принять къ свѣдѣнію и показанія, что Телятевскій еще при Воюѣ перешелъ на сторону Шуйскаго», и это положеніе, повидимому, наиболѣе правдоподобно, легко объясняется вмѣстѣ съ тѣмъ и дальнѣйшую судьбу Т.

„Акты Археографической Экспедиції“, т. II,

стр. 43, 173.—„Древняя Российская Вивліоеніѣ“, т. XI, стр. 421; т. XIII, стр. 14, 254, 294, 330—331, 342, 377, 383; т. XX, стр. 86.—Дѣлапольскія, въ архивѣ министерства иностран. дѣлъ въ Москвѣ, листъ 209.—Разрядная книга Е. В. Барсова, лл. 483, 561—562, 595—596.—Разрядная книга П. О. Лихачева, стр. 501.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Российскаго“, изд. Эйнерлинга, т. X, прим. 58, 315; т. XI, стр. 93, 111, 113, 117, 120—121; прим. 272, 285, 311; т. XII, стр. 16, 19, 27, 31, 32, 34, 39, 40; прим. 51, 61, 114, 123, 131—133, 155.—О. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, изд. т-ва „Общества Польза“, кн. II, стр. 767, 769, 770, 822, 825.—Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дѣяки XVI стол.“, стр. 492, 503, 504, 518—519, 523; въ приложении стр. 49, 68, 71.—„Справочныи энциклопед. словарь“ Края-Старчевскаго, т. 10, с. v. —„Энциклопедич. словарь“ Брокгауз-Ефрана, 1-е изд., т. 32, стр. 827—828.

Телятевскій, князь *Василий Иванович*, прозваніемъ *Батутинъ*, воевода. Впервые упоминается подъ 1564—66 гг. намѣстникомъ въ Брянскѣ. Въ 1569 г. Т. былъ первымъ воеводой передового полку калужскихъ войскъ, а по смѣнѣ воеводы первымъ воеводой большого полка въ Тулѣ. Въ 1570 г. вторымъ воеводой въ Калугѣ по крымскимъ вѣстямъ. Въ 1571 г. участвовалъ въ походѣ противъ Девлетъ-Гирея; 22 сентября посланъ изъ Опричнины въ Тарузы первымъ воеводой сторожевого полка. Въ 1573 г. во время Лиѳляндскаго похода былъ головою у ночныхъ сторожей и спалъ въ государевомъ ставѣ въ Новгородѣ. Въ 1574 г. вторымъ воеводой съ Серпуховѣ, а послѣ, по смѣнѣ большихъ воеводъ, съ 3 сентября первымъ воеводою сторожевого полка въ Колпинѣ. Въ 1576 г. первымъ воеводой въ Новгородѣ. Въ 1579 г. былъ первымъ осаднымъ воеводой въ Цолоцкѣ. На эту крѣпость, считавшуюся почти неприступной, направилъ свой первый ударъ Стефанъ Баторій, предпринявший походъ на Россію. Т. начальствовалъ въ городѣ, Петръ Волынскій въ одной изъ крѣпостей, Острогѣ, а кн. Щербатый въ другой—Стрѣлецкой, «имѣя довольно много запасовъ и снарядовъ, многого усердій и мужества, гораздо менѣе искусства». Приступъ начался съ городской части, гдѣ начальствовалъ Т. Воеводы оказались упорное сопротивленіе. Когда поляки стали одолѣвать, Т. вмѣстѣ Щербатымъ хотѣли взорвать крѣпость, но «слабый духомъ» Волынскій и стрѣльцы не допустили до этого. Тогда вѣрные воеводы заперлись въ церкви, откуда затѣмъ силой

извлекли и представили Баторю «смиренныхъ безъ унженія». По другой версії, можетъ вѣроятной, Т. и другіе воеводы измѣнили государю, ибо «были худы, а мы имъ были жены». Стефанъ не покаралъ воеводъ, но отъ себя не отпускалъ, по мнѣнию Карамзина, какъ бы опасаясь возвратить венціателю такихъ вѣрныхъ добліхъ воиновъ. Вѣроятнѣе однако, что воеводы оставались у Баторія, опасаясь гнѣва Іоаннова; такъ, гонецъ литовскій Богданъ сказалъ царскому чиновнику въ Новгородѣ: «король ихъ всѣхъ (воеводъ Полоцкихъ)... къ государю отпущалъ, а они сами ёхать не хотѣли». Щербатовъ утверждаетъ, что имя Т. встрѣчается въ разрядныхъ книгахъ еще подъ 1581 г., т. е. что Т. вернулся изъ плѣна, однако послѣднее утвержденіе Карамзинъ отвергается.

Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, т. IX, стр. 174, прим. 365, 527.—Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. „Общ. Пользы“, кн. II, стр. 271, 272.—Щербатовъ, „Исторія Россійская“, т. V, ч. III, стр. 28.—„Древняя Россійск. Вивліоенка“, изд. 2-е, т. XIII, стр. 364; т. XIV, стр. 306.—Чтепія при Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ за 1902 г., кн. I, стр. 246, 256, 265.—„Временинкъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.“, кн. X, стр. 240.—„Бархатная книга“, ч. I, стр. 64.—Дѣла польскія (рукопись Моск. арх. иностр. дѣль), № 11, л. 184.—Спиридовъ, „Записки о старинныхъ службахъ русск. родовъ“ (рукопись Имп. Публ. Бібл.), ч. III, стр. 402, 403.—Его же, „Сокращенное описание службъ“, ч. II, стр. 186.—Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга“, т. II, стр. 293.—Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства“, т. I, стр. 132, 135.

А. Я.

Телятевскій, князь Дмитрий Ивановичъ, воевода. Въ 1536 г. служилъ первымъ воеводой, а где—не сказано. Въ 1542 г. вторымъ воеводой передового полка въ Коломенѣ. Въ 1544 г. (1 марта) назначенъ былъ вторымъ воеводой первой правой руки войскъ въ Казанскомъ луговою стороною походъ. Въ 1549 г. воевода большого полка въ Муромѣ. Съ 27 сентября 1551 г. воевода сторожевого полка въ Полоцкомъ походѣ; 2 октября того же года записанъ во вторую статью Московского списка; въ томъ же году былъ первымъ воеводой у Николы Зарайскаго и въ походѣ противъ крымцевъ, коихъ разбилъ и прогналъ. Въ 1559 г. первый воевода въ Мещерѣ.

Спиридовъ, „Записки о старинныхъ службахъ благородныхъ россійскихъ родовъ“ (рукопись Имп. Публ. Бібл.), ч. III, стр. 401, 402.—Его же, „Сокращенное описание службъ благор. россійск. дворянъ“, ч. II, стр. 293.—Петровъ, „Исторія родовъ русск. дворянства“, т. I, стр. 132, 135.—Дурасовъ, „Родословная кн. всероссійск. дворянства“, т. I, гл. II, стр. 151.

росс. дворянъ“, ч. II, стр. 186.—Полное Собр. Русск. Лѣтоп., т. VII, стр. 246.—„Временинкъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Россійск.“, кн. X, стр. 52, 240.—Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга“, т. II, стр. 293.—Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства“, т. I, стр. 132, 135.

Телятевскій, князь Иванъ Михайловичъ Большой, сынъ слѣдующаго, бездѣтный. Родословная Лобанова-Ростовскаго и Петрова указываютъ на 1495 г. какъ на годъ получения Т. боярства и на 1512 г.—годъ его смерти. Спиридовъ приписываетъ эти даты брату Т., Ивану Михайловичу меньшому, по прозванию Ватута. Старая родословная Воскресенской лѣтописи, „Временинка“ и „Бархатной книги“ не даютъ на этотъ счетъ никакихъ указаний, древнейшая разрядная книга, изд. Милюковымъ, упоминаетъ воеводу Ивана Михайловича Т. въ Новгородскомъ походѣ 1495 г. и въ литовскихъ походахъ 1506—1508 гг., не обозначаетъ, былъ ли большей или меньшей Т.

О Иванѣ Михайловичѣ меньшомъ, по прозванию Ватута, сохранились слѣдующія свѣдѣнія, которые могутъ быть отнесены только къ нему. Упоминается впервые подъ 1492 г., когда служилъ первымъ воеводой лѣвой руки войскъ, а где—не указано. Въ 1495 г. пожалованъ въ бояре и вмѣстѣ съ отцомъ своимъ въ Новгородскомъ съ государемъ въ походѣ былъ. Въ 1506, 1507 и 1508 гг. воеводой большого полка въ походахъ изъ Дорогобужа на Литву. Въ 1508 г. (въ сентябрѣ) посланъ былъ изъ Москвы въ Вязьму, а оттуда на помощь Дорогобужу противъ литовцевъ первымъ воеводой лѣвой руки войскъ. Въ 1512 г. умеръ. Былъ родоначальникомъ вѣтви князей Телятевскихъ-Ватутинихъ; имѣлъ троихъ сыновей: Петра, Дмитрия и Василия.

Спиридовъ, „Записки о старин. служб. русск. благор. родовъ“ (рукопись Императ. Публ. бібл.), ч. III, стр. 399.—Его же, „Сокращен. описание службъ благор. россійск. дворянъ“, ч. II, стр. 185.—„Древнѣйшая разрядная книга“ изд. Милюковымъ, „Чтепія въ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ за 1902 г., кн. I, стр. 21, 36, 40, 42.—„Временинкъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.“, кн. X, стр. 52, 240.—Полное Собр. Русск. Лѣтоп., т. VII, стр. 246.—„Бархатная книга“, ч. I, стр. 64.—Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга“, т. II, стр. 293.—Петровъ, „Исторія родовъ русск. дворянства“, т. I, стр. 132, 135.—Дурасовъ, „Родословная кн. всероссійск. дворянства“, т. I, гл. II, стр. 151.

Телятевскій, князь *Михаилъ Федоровичъ*, бояринъ тверской и московской. Былъ сыномъ первого князя Телятевскаго. Федора Александровича, а не родного дяди послѣдняго, кн. Федора Микулинскаго, какъ некоторые историки полагаютъ. Невѣрно также утвержденіе Петрова и Экземплярскаго, что Михаилъ Федоровичъ Т. прозывался *Ватутой* и былъ родоначальникомъ вѣти *Ватутинъхъ*—Телятевскихъ; по старымъ родословнымъ Воскресенской лѣтописи, В «ременика» и «Бархатной книги», а также по новѣйшимъ Лобанова-Ростовскаго и Дурасова *Ватутой* (не *Вашутой*) прозывался сынъ Михаила Федоровича Иванъ Михайловичъ Меньшой и потомки послѣдняго прозывались *Ватутинными*—*Телятевскими*. Впервые Т. упоминается въ тверскихъ боярахъ. Въ 1477 г. Т. по государеву указу посланъ отъ великаго князя тверского воеводой тверскими войсками въ походъ подъ Новгородъ и 4 ноября пришелъ въ станъ къ государю въ селеніе Боблово, и «князь великий, почтивъ его, да велѣлъ ему за собою пойти по своей дороги»; 19 ноября Т. былъ назначенъ въ товарищи къ брату вел. кн. князю Андрею Большому вторымъ воеводой правой руки войскъ подъ Новгородомъ; 3 декабря указано ему стоять у монастыря св. Николы на Островкѣ. Въ 1478 г. Т. пожалованъ былъ въ московскіе государевы бояры. Въ 1488 г., опасаясь враждебнаго отношения Иоанна къ тверскому вел. кн. Михаилу, Т. перешелъ на службу къ московскому государю и получилъ отъ него помѣстье Дмитровъ. Въ 1492 г. былъ назначенъ вторымъ воеводой тверскихъ войскъ на берегу Оки. Въ 1493 г. второй воевода правой руки войскъ въ походѣ на Литву. Въ 1495 г. былъ въ Новгородскомъ съ государемъ походѣ. Въ 1496—1497 гг. воевода правой руки конной роты въ походѣ къ Казани. Въ 1500 г. Т. участвовалъ въ походѣ на Литву, ходилъ къ Рославлю и къ Ельни, первымъ воеводой передового полка стоялъ на берегу р. Ведроши, въ какомъ мѣстѣ была столь удачная для русскихъ битва 14 июля. Въ 1501 г. Т. четвертымъ воеводой въ Твери съ государевымъ сыномъ кн. Василиемъ Ивановичемъ; въ октябрѣ того же года первымъ воеводой правой руки войскъ въ походѣ на Ливонію. Въ 1502 г. въ походѣ на Литву съ царскимъ сыномъ Димитриемъ

вторымъ воеводой сторожевого полка, а по второму наряду воеводой правой руки войскъ въ походѣ на Литву и противъ лифляндцевъ, коихъ 24 ноября русскіе разбили и въ Лиѳландинѣ великия разоренія учинили: въ томъ же году второй воевода сторожевого полка въ походѣ къ Смоленску. Въ 1505 г. Т. былъ посланъ вторымъ воеводой судовой раты въ походѣ къ Казани. Въ 1508 г. въ литовскомъ походѣ указано ему было идти изъ Великихъ Лукъ къ Торопцу для соединенія съ кн. Щенятевымъ, а по взятии Дорогобужа быть первымъ воеводой лѣвой руки войскъ въ этомъ городѣ. Въ 1510 г. намѣстникомъ во Владимирѣ и въ этомъ же году умеръ.

Поли. Собр. Русск. Лѣтоп., т. VI, стр. 206; т. VII, стр. 246; т. VIII, стр. 184, 186, 187; т. XV, стр. 498.—Русская лѣтопись по Никонову списку, ч. VI, стр. 74, 75.—«Времен. Имп. Моск. Общ. Ист. и Древа Росс.», кн. X, стр. 52, 240.—Родословная книга, извѣстная подъ называніемъ «Бархатная книга», ч. I, стр. 64.—Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», т. II, стр. 293.—Петровъ, «Исторія родовъ русск. дворянства», т. I, стр. 132, 135.—Спирідовъ, «Записки о старинныхъ службахъ русск. благ. родовъ» (рукопись Император. Публ. бібл.), ч. III, стр. 398.—Его же, «Сокращенное описание службъ благ. россійск. дворянъ», ч. II, стр. 184.—Карамзинъ, «Исторія государства Россійскаго», т. VI, столбцы 70, 71, 75, 111, 196; примѣчанія 488, 516, 541; т. VII, прим. 9, 31.—Экземплярскій, «Великие и удѣльные князья Сѣверной Руси», т. II, стр. 553, 557.—Чтенія при Имп. Моск. Общ. Ист. и Древи. Росс.» за 1902 г., кн. I, стр. 21, 24, 27, 32.—Дурасовъ, «Родословная книга всероссійск. дворянства», ч. I, гл. II, стр. 133.

Телятевскій-Ватутинъ, кн. *Петръ Ивановичъ*, бояринъ и воевода. Съ 25 декабря 1542 г. былъ первымъ воеводой большого полка по крымскимъ вѣстямъ. Въ 1543 г. первымъ воеводой передового полка сначала въ Крымской, а затѣмъ въ Литовской Українѣ, въ октябрѣ того же года первымъ на приступѣ къ Полоцку въ ворота Московской башни. Съ 1 марта 1544 г. Т. былъ вторымъ воеводой первого сторожевого полка въ Казанскомъ нагорно-сторожевомъ походѣ. Въ 1545 г. первый воевода на Плещеѣ; въ 1547 г. первый воевода передового, а въ 1548 г. сторожевого полка въ Муромѣ. Въ 1549 г. показанъ въ окольничихъ, съ 20 апрѣля этого года вторымъ воеводой первого сторожевого полка въ Шведскомъ походѣ. Въ 1550 г. во время

государева Казанского похода первымъ воеводой въ Нижнемъ. Съ 1551 г. (съ 27 сентября) первымъ воеводой осмой лѣвой руки войскъ въ Полоцкомъ походѣ, а послѣ вторымъ воеводой въ Рязани и въ походѣ противъ крымцевъ. Въ 1555 г. Т. былъ въ походѣ съ государемъ по крымскимъ вѣстямъ въ Коломну и въ Тулу. Въ 1563 г. былъ пожалованъ въ бояре: въ томъ же году съ 30 ноября третьимъ въ походѣ съ государемъ къ Полоцку. Въ 1564 г. первымъ воеводой правой руки войскъ въ Калугѣ отъ поля. Въ 1566 г. умеръ.

Спиридовъ, „Записки о старинныхъ русск. благ. родовъ“ (рукопись Имп. Публ. библ.), ч. III, стр. 400.—Его же, „Сокращен. описание службъ благор. россійск. дворянъ“, ч. II, стр. 186.—Полное Собр. Русск. Лѣтоц., т. VII, стр. 246.—„Времениникъ Московск. Общ. Исторіи и Древн. Россійск.“, ч. X, стр. 52, 240.—Родословная, извѣстная подъ названіемъ „Бархатная книга“, ч. I, стр. 64.—Лобановъ-Ростовский, „Русская родословская книга“, т. II, стр. 293.—Петровъ, „Исторія родовъ русск. дворянства“, т. I, стр. 132, 135.—„Акты Археографич. Экспедиціи“, т. I, стр. 354.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійск.“, т. IX, прим. 66.

Телятевскій, князь Федоръ Александровичъ,—первый и единственный владѣтельный князь телятевскій. Современникъ Василия Темного (XVII колѣно рюриковичей), сынъ кн. Александра Федоровича Микулинскаго, внука великаго князя тверскаго Михаила Александровича, Т. получилъ свое имя по удѣлу Телятеву, выдѣлившемуся изъ Микулинскаго удѣльнаго княжества. Княжилъ онъ въ Телятевѣ съ 1397 по 1437 г. Въ лѣтописяхъ, кроме лѣтописной родословной, не упоминается, но въ жалованной грамотѣ вел. кн. тверскаго Бориса Александровича («Акты Арх. Экспедиціи»), данной тверскому Отроchu монастырю, Т. названъ послѣ великаго князя въ числѣ другихъ удѣльныхъ князей, отъ которыхъ дается эта грамота. Грамоту издатели ея относятъ къ 1437—1461 гг. Послѣдніе годы жизни Т. провелъ у великаго князя Бориса Александровича.

Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей, т. VII, стр. 246.—„Времениникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.“, ч. X, стр. 52, 240.—Родословная, извѣстная подъ павланіемъ „Бархатная книга“, ч. I, стр. 64.—Лобановъ-Ростовский, „Русская родословная книга“, т. I, стр. 380; т. II, стр. 293.—Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства“, т. I, стр. 132, 135.—Спиридовъ, „Записки старинныхъ службахъ русск. благор. родовъ“ (рукопись Имп. Публ. библ.), ч. III, стр. 394, 377.—Его же,

„Сокращ. опис. службъ благ. россійск. дворянъ“, ч. II, стр. 184.—„Акты Археографич. Экспед.“, т. I, № 34.—Экземплярскій, „Великие и удѣльные князья Сѣверн. Руси“, т. II, стр. 557.—Дурасовъ, „Родословная книга все-российск. дворянства“, ч. I, гл. II, стр. 111.

Телятевскій, князь Федоръ Александровичъ, стольникъ и воевода. Впервые упоминается въ 1623 г., въ коемъ 15 августа въ чинѣ стольника смотрѣль въ большой государевъ столѣ. Въ 1624 г. 2 февраля Т. наряжалъ вина при государевомъ столѣ, 19 сентября въ бракосочетаніе царя Михаила Федоровича съ княжной Долгорукую была тридцатымъ въ поѣздѣ, 22 сентября смотрѣль въ большой столѣ въ Грановитой палатѣ, 17 октября въ большой столѣ смотрѣль въ передней палатѣ. Въ 1625 г. 17 мая при столѣ, на который, были званы кизылбашскіе послы, Т. предъ государемъ пить носилъ. Въ 1626 г. съ 20 мая отправленъ вмѣстѣ съ Юріемъ Игнатьевичемъ Татищевымъ и съ ними 408 ратныхъ людей на 4 мѣсяца первымъ воеводой въ Вязьму, откуда вернулся въ Москву уже 19 сентября того же года. Въ 1627 г. 11 декабря Т. со столомъ ѿздили отъ государя и отъ патріарха къ турецкому послу. Въ 1628 г. съ 13 апреля Т. служилъ въ Українномъ разрядѣ первымъ воеводой большого полка въ Тулѣ по крымскимъ вѣстямъ; въ царской грамотѣ отъ 31 мая Т. приказывалось смотрѣть за укрѣплѣніями, слѣдить за приходомъ непріятеля, звать окрестныхъ жителей въ осаду при приближеніи непріятеля, доносить обо всемъ государю и воеводамъ близайшихъ городовъ, посыпать дозорчиковъ, ловить языковъ, смотря по вѣстямъ—самому противъ крымчанъ ходить «и товарищѣ своихъ другихъ воеводъ посыпать»; въ случаѣ нападенія крымчанъ и ногайцевъ на Тулу къ Т. на сходѣ должны были идти воеводы съ Дѣдилова, съ Крапивны, съ Переяславля Рязанскаго и со Мценка, въ случаѣ же нападенія на Рязань Т. долженъ быть посланъ туда на помощь; въ приказѣ отъ 20 сентября Т. отпускался съ 1 октября съ Тулы къ Москвѣ, если не будетъ вѣстей про воинскихъ людей. Съ 31 мая 1631 г. по 16 мая 1633 г. Т. служилъ первымъ воеводой въ Тобольскѣ; служба его совпада со временемъ расширѣнія и закрѣплѣнія нашихъ сибирскихъ владѣній, и этимъ задачамъ Т. приказано было всячески содѣйствовать: въ наказѣ

бывшимъ въ то время на Тарѣ воеводамъ кн. Никитѣ Михайловичу Барятинскому и Константина Селивестровичу Сытову имъ приказано окладная книги всякаго рода посыпать въ Тобольскъ стольнику и Т., ему же, какъ видно изъ этого наказа, поручался сыскъ и досмотръ про ясачныхъ людей, ему должны были посыпаться отписки о татарскихъ измѣнникахъ, онъ долженъ былъ смирять ихъ войною вмѣстъ съ тарскими воеводами и отговаривать ихъ отъ измѣны; отъ 1632 г. сохранилась переписка между Т. и верхотурскимъ воеводой Бояшевымъ о сыскѣ бѣглыхъ верхотурскихъ ясачныхъ людей, и отписки Бояшеву со стороны Т. обѣ оповѣщеніи верхотурскихъ жителей, чтобы они калмыцкихъ язырей приводили въ сѣзжую избу, не крестили и не продавали бы ихъ; въ 1634 г. про сидѣніе Т. воеводой въ Тобольскѣ посыпался сыскъ Федоръ Ивановичъ большой Голенищевъ-Кутузовъ. Въ 1634 г. 2 февраля смотрѣль въ большой государевъ столъ въ столовой палатѣ; 4 и 15 февраля были первыми рындою при вторичномъ прїѣздѣ къ государю турецкаго послы въ золотой подписанной палатѣ; 1 марта въ именины царицы Евдокіи Лукьянновны (Стрѣшневой) смотрѣль въ большой государевъ столъ въ столовой палатѣ; 6 апрѣля въ Свѣтлое Воскресеніе Т. наряжалъ вина при государевомъ столѣ въ столовой палатѣ, въ большой же столъ смотрѣль кн. Алексѣй Ивановичъ Воротынскій, и по сему слушаю Т. быть членомъ государю на князя Алексѣя Воротынского о мѣстѣхъ, а кнезъ Алексѣй быть членомъ на Т. о безчестѣ; 18 іюня и 27 іюля Т. былъ первымъ рындою при представлѣніи государю кизылбашскаго купчины, юргенскаго и шведскихъ пословъ; 28 іюля смотрѣль въ большой государевъ столъ въ столовомъ шатрѣ Новодѣвицкаго монастыря; 3 и 22 августа и 3 и 23 сентября стояль первыми рындой на прїѣздѣ къ государю шведскихъ, голштинскихъ и турецкихъ пословъ въ большой подписанной палатѣ; 29 сентября первыми рындой при прїѣздѣ вдругорядь голштинскаго послы и гонца; 5 октября въ крестины царевны Софии Михайловны въ столовой палатѣ въ большой государевъ столъ смотрѣль; 28 октября первыми рындой при отпускѣ шведскихъ пословъ въ меньшей золотой палатѣ въ Николинъ день смотрѣль въ большой

государевъ столъ въ передней палатѣ. Въ 1636 г. 10 апрѣля въ Вербное Воскресеніе у патріарха въ столовой кельѣ, 17 апрѣля (въ Свѣтлое Воскресеніе), 5 мая въ именины царевны Ирины Михайловны, 5 іюня (въ Троицкій день) 15 августа и 25 декабря въ столовой палатѣ Т. смотрѣль въ большой государевъ столъ. То же въ 1637 г. 12 января (въ именины царевны Татьяны Михайловны), 2 апрѣля (въ Вербное Воскресеніе), 9 апрѣля (въ Свѣтлое Воскресеніе), 2 іюня (въ именины царевича Ивана Михайловича), 15 августа и 8 сентября; съ 23 же сентября Т. назначенъ былъ первымъ воеводой большого полка въ Тулѣ. Въ 1638 г. опять въ Москвѣ стольникомъ до 5 мая, когда былъ у государя у руки при отпускѣ въ Одоевъ первымъ воеводой для храненія отъ прихода крымцевъ и ногайцевъ. Въ 1640—41 г. снова стольникъ. Въ 1642 г. былъ посланъ первымъ воеводой въ Астрахань, гдѣ оставался до 1645 г.; при вступлѣніи въ воеводство ему былъ данъ царскій наказъ, повелѣвавшій ласково себя держать по отношенію къ ногайскимъ, юртовскимъ и едисанскимъ мурзамъ, «въ аманаты (зажники) имати лучшихъ людей и держать на закладномъ дворѣ и береженіе держать противъ прежняго государства указу», же намъ же и дѣтямъ заложниковъ выдавать на прокормленіе, приходящихъ кочевать съ Крымской стороны подъ Астрахань и на Ногайскую сторону ногайскихъ мурзъ повелѣвалось переписывать по улусамъ и съ нихъ тоже братъ заложниковъ; въ 1642 г. во время воеводства Т. калмыки сделали нападеніе подъ Астрахань, при чемъ едисансіе мурзы перешли на ихъ сторону, и Т. впослѣдствіи пытался отговарить едисанцевъ отъ измѣны. Въ 1645 г. Т. въ Астрахань же скончался.

Спиридовъ, „Записки о старинѣ службахъ русскихъ благородныхъ родовъ“ (рукопись Имп. Публ. библ.), ч. III, стр. 415, 415, 417.—Его же, „Сокращенное описание службъ благородн. российск. дворянъ“, ч. II, стр. 191.—Акты Историческіе, т. III, стр. 313—315, 491; т. IV, стр. 46, 82, 91.—Полное Собрание Законовъ, т. III, стр. 553, 557, 564, 580, 581.—„Древняя Российская Визліюенка“, изд. 2-е, т. III, стр. 149, 153.—„Русская Историческая Библиотека“, т. IX, стр. 411, 423, 429, 540, 546, 568, 569; т. X, стр. 135, 141, 166, 167, 173, 191, 198, 199.—„Разрядные книги по официальнымъ санамъ спискамъ“, т. I, столб. 1230; т. II, столбцы 8, 9, 10, 16, 17, 25, 26, 28, 29, 31, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 46, 49, 51, 52, 54, 56, 101,

362, 689.—„Дворцовые разряды“, т. I, столбцы 643, 652, 733, 843, 934, 964, 983, 988, 991; т. II, столбцы 81, 93, 127, 159 (прим. 3), 184, 296, 352, 360, 361, 366, 367, 368, 380, 387, 388, 392, 397, 401, 402, 403, 405, 406, 506, 507, 508, 510, 516, 523, 525, 526, 527, 528, 534, 539, 544, 552, 561, 564, 603, 621, 630, 672, 688.—А. П. Барсуковъ, „Списки городовыхъ воеводъ Московскаго государства въ XVII столѣтіи“, стр. 9, 55, 287.—Ивановъ, „Алфавитный указатель къ боярскимъ книгамъ“, стр. 403.—Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга“, ч. II, стр. 294.

А. Я.

Темирязевъ см. Тимирязевъ.

Темка-Яновъ-Ростовскій, князь Иванъ Ивановичъ, воевода; потомокъ Рюрика въ XIX колычѣ, сынъ Ивана-Яна Андреевича удѣльнаго князя ростовскаго, правнука Константина Васильевича, родоначальника младшей линіи князей Ростовскихъ рода Василія Константиновича. Получивъ прозвище Темка, кн. Ив. Ив. сдѣлался родоначальникомъ кн. Темкиныхъ-Ростовскихъ. Въ 1474 г. произошла продажа великому князю Ивану Васильевичу Борисоглѣбской стороны Ростова, и съ этого года Т., хотя и рожденный удѣльнымъ княземъ, пересталъ быть таковымъ и въ источникахъ упоминается только какъ воевода. Въ 1495 г. Т. служилъ воеводой въ Тулѣ. Въ 1501 г. воеводой передового полка въ Новгородѣ. Въ 1502 г. стоялъ на заставѣ противъ лифляндцевъ сперва въ Ямъ-городѣ, а послѣ въ Корбосельской волости. Въ 1503 г. первымъ воеводою въ Ивангородѣ; 13 сентября того же года неожиданно пришедшихъ къ сему городу лифляндцевъ разбилъ и многихъ полонилъ; 16 декабря вторично разбилъ лифляндцевъ на Ругодѣвскомъ походѣ. Въ 1509 г. Т. былъ первымъ воеводой сторожевого полка въ походѣ изъ Вязмы на помощь Дорогобужу. Въ 1514 г. во время третьяго государева къ Смоленску похода Т. былъ воеводою передового полка въ Великихъ Лукахъ, а по взятии Смоленска ходилъ изъ Великихъ Лукъ подъ Оршу первымъ воеводою того же полка; 8 сентября того же года былъ убитъ въ битвѣ съ литовцами подъ Оршой на Днѣпрѣ: «а мѣсто пришло тѣсно... и убила изъ пушки воеводу въ передовомъ полку кн. Ив. Ив. Темку-Ростовскаго». Т. имѣлъ четырехъ сыновей: Семена, Юрія, Василия, Григорія.

Бархатная книга, ч. I, стр. 86.—„Времена, Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос.“, кн. X. стр. 39, 40, 58, 142, 230.—Лобановъ-Ростовскій,

„Русская родословная книга“, ч. II, стр. 183.—Петровъ, „Исторія родовъ россійск. дворянства“, т. I, стр. 102.—Чтенія при Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос.“ за 1902 г., кн. I, стр. 29, 55.—Спиридовъ, „Записки о старинныхъ службахъ русскихъ благородныхъ родовъ“ (рукопись Имп. Публ. библ.), ч. II, стр. 83, 84.—Его же, „Сокращенное описание службъ благородн. россійск. дворянъ“, ч. II, стр. 28.—А. Эжемплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси“, т. II, стр. 58.—Карамзинъ, „Исторія государства россійскаго“, изд. Эйнерлинга, т. VII, примѣч. 110, 123.—Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. „Обществ. Пользы“, кн. I, стр. 1008, табл. I.—Лихачевъ, „Разрядные дѣякія“, стр. 306.

Темкинъ-Ростовскій, князь Василий Цвановичъ, бояринъ и воевода; сынъ Ивана Ивановича Темки. Въ 1540, 1543, 1544 гг. Т. служилъ первымъ воеводою въ Рязани за городомъ. Въ 1550 г. значился въ боярахъ двоюроднаго брата Ивана Васильевича кн. Владимира Андреевича Старицкаго; 31 мая этого года въ свадьбу сего князя съ дѣвицей Нагой Т. сидѣлъ четвертымъ въ кривомъ государевомъ столѣ противъ Государевыхъ бояръ. Въ 1558 г., 22, 23, 24 апрѣля во вторую свадьбу кн. Владимира Андреевича съ княжной Одоевской Т. сидѣлъ вторымъ къ кривомъ государевомъ столѣ противъ бояръ же. Въ 1559 г. Т. посланъ въ Каширу со своимъ же княземъ Владиміромъ Андреевичемъ. Послѣ 1563 г., когда кн. Владиміру Андреевичу была объявлена опала, Т. въ числѣ другихъ бояръ ушелъ со службы Старицкаго на государеву службу и поступалъ въ опричнику. Въ 1565 г. Т. былъ посланъ первымъ воеводою изъ опричнины изъ Москвы противъ крымцевъ. Въ 1566 г. И онъ былъ пѣхоникомъ въ Литвѣ; при началѣ переговоровъ объ обмѣнѣ пѣхонныхъ царь Московскій, въ отвѣтъ на предложеніе обмѣнить Т. на полоцкаго воеводу Довойну, потребовалъ съ литовцевъ приплаты 15 тысячъ золотыхъ; бояре, ведшіе переговоры съ литовцами, говорили про Т., что онъ по сравненію съ Довойной «не тое версты; служилъ въ удѣль, то селскіе князи и тово и поминати нечево, что Темкина взяти за Довойна»; переговоры затянулись и лишь въ 1567 г. Т. вернулся въ Москву, гдѣ продолжалъ службу въ опричнику. Въ 1568 г. Т. былъ пожалованъ въ государевы бояре; въ этомъ же году онъ, согласно Карамзину, «прежде воинъ именитый, тогда слуга тиранства, подобно Басмановы», былъ

посланъ въ Соловецкій монастырь вмѣстѣ съ епископомъ сузdalскимъ Пафнютиемъ и архимандритомъ андрониковскимъ Феодосиемъ искать клеветниковъ на митрополита Филиппа; Т. съ другими послами то угрожалъ монахамъ, то ласкалъ ихъ, требуя, чтобы они безстыдно лгали на своего бывшаго игумена; когда, однако, всѣ монахи говорили, что Филиппъ святъ дѣлами и сердцемъ, и только игуменъ отецъ Пасий, прельстившись ожидаемыми наградами, дерзнула утверждать противное, тогда изобритены были доносы и улики и представлены Иоанну. Въ 1570 г. въ маѣ мѣсяцѣ Т. во время мирныхъ переговоровъ съ литовцами участвовалъ въ приговорѣ царя и бояръ о рубежахъ Полоцкаго повѣта и названъ при этомъ «бояриномъ изъ опричнинъ»; въ іюнѣ мѣсяцѣ участвовалъ въ переговорахъ съ литовцами о титулѣ литовскаго и польскаго короля Сигизмунда Августа. Въ 1570 г. 4 сентября посланъ изъ опричнинъ по крымскимъ вѣстямъ, и указано ему ожидать государева похода, а съ 16 числа того же мѣсяца вторымъ въ походѣ съ государемъ изъ Александровской слободы къ Николѣ Зарайскому, въ Каширу, Коломну и подъ Серпуховъ. Въ 1571 г. Т. находился вмѣстѣ съ государемъ и кн. Черкасскимъ на берегахъ Оки подъ Серпуховыми воеводою передового полка, будучи въ приближенныхъ у государя, а послѣ сего стоялъ первымъ воеводой Опричного разряда съ дружиною опричниковъ за Неглинною при напасти на Москву крымскаго хана Девлетъ-Гирея; когда же ханъ ушелъ и кн. Черкасскому приказало было его преслѣдоватъ, Т. въ семъ несостоявшемся походѣ назначено было быть правою рукой Черкасскаго; въ этомъ году Т. былъ награжденъ помѣстьями, но въ этомъ же году впалъ въ немилость и казненъ вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ: «паки потомъ тѣхъ же княжать Ростовскихъ, иже и здѣсь страдалъ за него Василій Темкинъ съ сыномъ своимъ, разсѣканы отъ кромѣщниковъ его, катовъ избранныхъ, за повелѣніемъ его» (Курбский).

„Акты Историческіе“, т. I, стр. 341.—„Древняя Россійская Библіопека“, изд. 2-е, ч. ХІІІ, стр. 81; ч. ХХ, стр. 49, 50, 54.—„Сборникъ Имп. Россійск. Историч. Общ.“, т. LXXI, стр. 413, 414, 420, 421, 422, 423, 432, 440, 441, 661, 716, 717.—Дѣла польскія (рукопись Московскаго архива иностр. дѣлъ), десятнп 7 и 9.—„Чтения при Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн.“

Россійск.“ за 1902 г., кн. I, стр. 8, 17, 120.—„Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Россійск.“, кн. X, стр. 40, 142, 230.—„Бархатная книга“, ч. I, стр. 87.—Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга“, ч. II, стр. 182.—Петровъ, „Исторія родовъ россійск. дворянства“, т. I, стр. 102.—„Сказанія кн. Курбскаго“, изд. 3-е Устялова, стр. 84, 319, 390.—Смирновъ, „Записки о старин. служб. русск. благор. родовъ“ (рукопись Имп. Публ. библ.), ч. II, стр. 87, 88.—Его же, „Сокращенное описание службъ благор. россійск. дворянъ“, ч. II, стр. 29, 30.—Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, т. IX, стр. 62, 70, 106, прим. 197, 221, 268, 358.

А. Ясный.

Темкинъ, князь Григорій Ивановичъ, воевода. сынъ Ивана Ивановича Темки. До 1550 г., числился въ ярославскихъ и двоюроднаго брата царя Иоанна Васильевича князя Владимира Андреевича старицкаго дѣтяхъ боярскихъ. Въ 1550 г., при раздачѣ помѣстій въ Московскомъ уѣздѣ, Т., занесенный въ первую статью дѣтей боярскихъ, получилъ 200 четей; 31 мая того же года Т. былъ третьимъ въ поѣздѣ во время свадѣбы князя Владимира Андреевича съ дѣвицей Нагой; въ томъ же году былъ третьимъ есауломъ въ казанскомъ походѣ. Въ 1552 г. Т. служилъ первымъ воеводою въ Тулѣ. 21 іюня отъ него къ государю пригналъ гонецъ съ вѣстями о приходѣ крымцевъ на Тулу. Иоанъ послалъ къ Тулу воеводу Щенятева и Курбскаго съ товарищами, собирался и самъ выступить на другой день въ помощь, но на утро пришла вторая вѣсть отъ Т., что крымцевъ мало и они, пограбивъ окрестъ, ушли. Царь отпустилъ по этимъ вѣстямъ только воеводу, а самъ остался. 23 іюня прискакалъ новый гонецъ отъ Т. съ вѣстью, что Тулу осаждаетъ самъ царь казанскій съ большими нарядами и янычарами. Валѣвъ передовымъ воеводамъ переходить Оку, Иоанъ вновь лично собрался въ походъ и поспѣшилъ къ Каширѣ, но не дойдя до нея получивъ извѣстіе, что хана уже иѣть подъ Тулой. 1 июня 22 Т. удалось отбить всѣ приступы татаръ несмотря на малочисленность защитниковъ, на утро 23-го же ханъ, свѣдѣвъ, что на помощь идетъ самъ царь, началъ отступать, а Т. вмѣстѣ съ тулянами бросился его преслѣдоватъ, много татаръ, въ числѣ ихъ шурина ханскаго князя Камбуруса, перебилъ въ тотъ день, захватилъ многихъ плененныхъ и огнестрѣльный снарядъ; въ этой вылазкѣ принимали

участіе даже жены и дѣти тульскія; черезъ нѣсколько часовъ подоспѣли посланные на помошь царскіе воеводы и разбили убѣгавшихъ татарь на рѣчкѣ Шиворонѣ. Карамзинъ по поводу спасенія Тулы называетъ Т. «бодрымъ начальникомъ», однако и на Т. падаетъ тѣнь отъ упрека воеводамъ въ письмѣ Иоанна къ Курбскому за неиспользованіе тульской побѣды: «Егда же къ нашу отчину, на Тулу, недругъ нашъ приходилъ Крымскій царь, и мы тогда вѣсъ послахомъ противъ него: оному же устрашишися и въ своя возвратившися, Агметъ Улану же, воеводѣ его, не со многими людьми оставившися, вы же тогда побѣхаете на обѣдъ къ воеводѣ нашему, ко князю Григорію Темкину, и ядше, пойдоста за ними и ничто жъ имъ сотвориша: они бо въ то время въ далечайшее разстояніе отъ васъ отъѣдоша. Аще убо вы и раны многи претерпѣста, но побѣды никою же не сотвориша». Въ 1553 г. Т. служилъ первымъ воеводой въ Путинѣ; 5 ноября того же года въ свадьбу казанскаго царя Симеона съ дѣвицей Кутузовой былъ третьимъ въ поѣздѣ. Въ 1555 г. служилъ головою для посылокъ въ походѣ съ государемъ въ Коломну и Тулу противъ крымцевъ. Въ 1556 г.—второй воевода для вылазокъ. Въ 1556 г.—первый воевода въ Казани. Въ 1558 г. Т. стоялъ съ ратью въ Изборскѣ, откуда былъ посланъ воевать ближайшіе предѣлы Лавоніи, чтобы наказать нѣмцевъ за вѣроломство, такъ какъ они во время Великаго поста неожиданно стали стрѣлять изъ Нарвы въ Ивангородъ, отдѣленный отъ нихъ одной лишь рѣкой; Т. выжегъ село въ окрестностяхъ Валка, разбилъ непріятельскій отрядъ, взялъ 4 пушки и возвратился въ Изборскъ. Въ октябрѣ того же года Т. послался сначала подъ Юрьевъ, а потомъ во Псковъ противъ ливонскаго магистра первымъ воеводой сторожевого полка. Въ 1560 г. послался по крымскимъ вѣстямъ для охраненія воеводою въ Темниковъ. Въ 1562 г. Т. служилъ первымъ воеводою сторожевого полка въ Серпуховѣ и оттуда ходилъ къ Мценску противъ крымцевъ; въ томъ же году посланъ первымъ воеводою въ Казань.

«Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Россійск.», кн. X, стр. 40, 142, 230. — «Бархатная книга», ч. I, стр. 87. — «Древняя Россійская Библіопека», изд. 2-е, ч. XIII, стр. 56, 59, 297; ч. XVII, стр. 158. — «Царственная книга», стр. 228, 230, 231. — «Чтения при Имп. Моск.»

Общ. Ист. и Древн. Россійск.» за 1902 г., кн. I, стр. 5, 155, 159, 174, 184, 199, 201, 202, 221, 229. — «Сказанія кн. Курбскаго», изд. 3-е Устялова, стр. 186. — Карамзинъ, «Исторія государства Россійскаго», т. VIII, стр. 91, 165; примѣч. 509; т. IX, стр. 36. — Соловьевъ, «Исторія Россія», кн. I, стр. 73. — Спиридовъ, «Записки о старинѣ службъ благор. россійск. родовъ» (рукопись Имп. Публ. бібл.), ч. II, стр. 88, 89, 90. — Его же, «Сокращенное описание службъ благор. россійск. дворянъ», ч. II, стр. 30. — Лихачевъ, «Разрядные дьяки», примѣч. 27. — Лобановъ-Ростовский, «Русская родословная книга», ч. II, стр. 183. — Петровъ, «Исторія родовъ россійск. дворянства», т. I, стр. 102. А. Я.

Темкинъ, князь Иванъ Васильевичъ, воевода въ большомъ полку, сынъ Василия Ивановича. Въ 1565 и 1570 гг. служилъ вторымъ воеводою большого полка въ Калугѣ. Въ 1571 г. при походѣ на крымскаго хана Девлетъ-Гирея былъ посланъ вмѣстѣ съ шуриномъ царя Иоанна кн. Михаиломъ Темрюковичемъ Черкасскимъ изъ опричнины въ Тарусу вторымъ воеводою большого полка; въ томъ же году этотъ молодой выдающійся воевода былъ казненъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ. Спиридовъ, какъ бы не вѣя въ его гибель, называетъ Т. воеводою въ разныхъ городахъ впредь до 1602 г., что ошибочно.

Курбскій, «Сказанія кн. Курбскаго», стр. 84, 319, 390. — Спиридовъ, «Записки о старинныхъ службахъ русск. благор. родовъ» (рукопись Имп. Публ. бібл.), ч. II, стр. 90, 91. — Его же, «Сокращенное описание службъ благор. россійск. дворянъ», ч. II, стр. 30. — «Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.», кн. X, стр. 142. — Лобановъ-Ростовский, «Русская родословная книга», ч. II, стр. 183. — Петровъ, «Исторія родовъ россійск. дворянства», т. I, стр. 102.

Темкинъ, князь Иванъ Григорьевичъ, сынъ боярскаго, сынъ Григорія Ивановича. Въ 1573 г. былъ тринадцатымъ изъ побѣжавшіхъ въ свадьбѣ дочери двоюроднаго брата царя Иоанна Васильевича князя Владимира Андреевича старицкаго княжны Марыи Владимировны и короля Арцмагнуса. Въ 1579, 1580, 1581 гг. былъ головою у надзиралія почальныхъ сторожей и спаль въ государевомъ стану въ походахъ на лифляндцевъ и противъ польскаго короля. Въ 1590 г. былъ головою у огней въ новгородскомъ и подъ Ругодѣвъ походахъ.

Спиридовъ, «Сокращенное описание службъ благор. россійск. дворянъ», ч. II, стр. 30. — Петровъ, «Исторія родовъ россійскаго дворянства», т. I, стр. 102.

Темкинъ, князь Михаилъ Григорьевичъ, воевода сынь Григорія Ивановича, братъ предыдущаго. Въ 1579, 1580 и 1581 гг. Т., подобно брату, служилъ головою у надзирания вочныхъ сторожей въ походахъ на лифляндцевъ и противъ польского короля. Въ 1590 г.—голова у огней въ новгородскомъ и подъ Ругодѣвъ походѣ. Въ 1591 г., числясь въ дворяняхъ, награжденъ за отогнаніе крымцевъ отъ Москвы золотымъ. Въ 1594, 1595 и 1596 гг. служилъ первымъ воеводой въ Свіяжскѣ. 22 мая 1597 г. стоялъ среди дворянъ въ Грановитой палатѣ при приемѣ австрійскаго послы бургграфа Авраама Донавскаго; въ томъ же году посланъ воеводой въ Орелъ. Въ 1598 г. принималъ участіе въ соборѣ, избравшемъ на престоль Бориса Годунова, и къ грамотѣ за него руку приложилъ кн. Андрей Хилковъ; въ томъ же году—второй воевода у огней въ государевомъ стану въ Серпуховскомъ по крымскимъ вѣстямъ походѣ. Въ 1600 г. Т. былъ первымъ обѣзжимъ въ Москвѣ въ Кремль; въ этомъ же году имѣлъ мѣстническое дѣло съ кн. Василиемъ Ивановичемъ Буйносовымъ. Въ 1601—1602 гг. служилъ воеводой въ Корелѣ; въ 1602 же году посланъ былъ первымъ воеводой въ Орѣшну. Въ 1605 г. вмѣстѣ съ дьякомъ Филимономъ Озеровымъ поверсталъ муромскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, а послѣ Мурома въ этомъ и 1606 г. поверсталъ съ тѣмъ же дьякомъ въ Нижнемъ, Арзамасѣ, Новгородѣ и въ Лухѣ. Въ 1614—1615 гг. служилъ первымъ воеводой въ Вологдѣ.

„Акты Историческіе“, т. III, стр. 92.—„Акты Археографич. Экспедиціи“, т. II, стр. 43; т. III, стр. 18.—„Древняя Россійская Вівлюсіка“, изд. 2-е, ч. XIX, стр. 159, 272, 274, 275, 309, 419; ч. XIX, стр. 386.—„Акты Юриадческіе“, т. I, стр. 234, 366, 368.—„Временникъ Импер. Моск. Общ. Истор. и Древн. Россійск.“, кн. X, стр. 40; кн. XIV, стр. III.—„Разрядные книги по офиц. оныхъ спискамъ“, т. I, столбцы 76, 180.—„Дворцовые разряды“. т. I, столбцы 134, 150, 190.—П. Ф. Лихачевъ, „Разрядная книга“ (рукопись хранится въ Имп. Публ. бібл.), стр. 475.—Е. В. Барсовъ, „Разрядная книга“ (рукопись хранится въ Имп. Публ. бібл.), стр. 648.—Московский архивъ министерства юстиціи, десятии 6 п 9.—Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дѣяки“, стр. 199, 518, 528, 532; примѣръ 57, 69, 70, 71.—Спиридонъ, „Записки о старинѣ службахъ россійск. благородовъ“ (рукопись Имп. Публ. бібл.), ч. II, стр. 91.—Его же, „Сокращенное описание службы благор. россійск. родовъ“, ч. II, стр. 30, 31.—Барсуковъ, „Списки городовыхъ воеводъ

Московского государства въ XVII, столѣтії“, стр. 46, 111. Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, т. X, примѣръ 315.—Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. „Общ. Пользы“, кн. II, стр. 1663.

Темкинъ, князь Михаилъ Михайловичъ, стольникъ и большой воевода, а по томъ бояринъ и дворецкій, сынъ предыдущаго. Впервые упоминается подъ 1617 г. головою въ Дорогобужѣ. Въ 1623 г.—мѣсяцъ и день не указаны—Т., уже въ чинѣ стольника, смотрѣлъ въ большой государевъ столь. Въ 1625 г. 19 сентября, въ первое бракосочетаніе царя Михаила Федоровича съ княжной Марьей Владимировной Долгорукой Т. пятнадцатымъ въ поѣздѣ былъ. Въ 1626 г.—5 февраля, во второе бракосочетаніе того же царя—десятнымъ въ поѣздѣ былъ. Съ 4 апреля 1630 г. Т. находился на службѣ въ украинномъ разрядѣ первымъ воеводой большого полка въ Тулѣ для береженія отъ крымскихъ и ногайскихъ людей, а съ нимъ дворянъ и дѣтей боярскихъ украинныхъ городовъ и иноземцевъ 1095 чел. Предъ отправленіемъ въ Тулу Т. получилъ царскій наказъ отъ 30 марта на службѣ своей смотрѣть за укрѣпленіями, производить смотры ратнымъ людямъ, следить за приближеніемъ непріятеля, звать по вѣстямъ окрестныхъ жителей въ осаду, доносить о непріятелѣ государю и воеводамъ ближайшихъ городовъ, посыпать дозорщиковъ, ловить языковъ, самому или общими силами съ другими воеводами отражать непріятельскія нападенія. 1 октября 1630 г. Т. въ числѣ другихъ большихъ воеводъ былъ отпущенъ на осень къ Москвѣ. Въ 1633 г.—21 февраля—наряжалъ вина при государевомъ столь въ селѣ Тайнинскомъ. Съ 24 мая 1635 г. Т. назначено было быть первымъ воеводой въ Тобольскѣ на смѣну князя Андрея Голицына, отпущенаго къ Москвѣ; въ Тобольскѣ Т. служилъ до мая же мѣсяца 1639 г. Подобно другимъ тобольскимъ воеводамъ и Т. приходилось служить дѣлу закрѣпленія и расширенія нашей сибирской окраины: въ 1639 г. ему и товарищу его Андрею Васильевичу Волынскому приказано было сдѣлать отправку въ Ленскіе острожки воеводъ, стольниковъ Петра Головина и Матвѣя Глѣбова; отъ того же года сохранилась еписка сына боярского Шахова къ Т. и его товарищу обѣ отсылкѣ имъ въ Тобольскъ собранного Шаховыми на рѣкѣ

Вилкъ ясака и о получении въ свою очерь изъ Тобольска денегъ для раздачи жалованья служилымъ людямъ. Въ 1640 г.—12 июля (въ государевы имяны) въ столовой палатѣ, 17 сентября въ селѣ Коломенскомъ (на новосельѣ) въ новыхъ хоро-махъ, 1 октября въ селѣ Рубцовѣ—смотрѣлъ въ большой государевъ столъ. Въ 1641 г.—12 января (въ именины царевны Татьяны Михайловны), 1 марта (въ именины царицы Евдокіи Лук'яновны), 17 марта (въ именины царевича Алексія Михайловича), 27 апрѣля и 5 мая (въ именины царевны Ирины Михайловны)—въ столовой палатѣ въ большой государевъ столъ смотрѣлъ. Въ этомъ же 1641 г. Т. посланъ былъ первымъ воеводой въ Казань, гдѣ остается и въ 1642 и 1643 гг.; отъ времени его воеводства въ Рязани сохранилась копія царской къ нему грамоты объ избавленіи крестьянъ и бобылей Тетюшинскаго Покровскаго монастыря отъ состоянія въ Тетюшской засѣкѣ. Въ 1644 г. 28 января Т. первымъ смотрѣлъ въ большой государевъ столъ въ Грановитой палатѣ при датскомъ царевичѣ Бальдемарѣ. Въ 1645 г. 9 августа Т. встрѣчалъ на большой встрѣчѣ у дверей золотой палаты польского посла Гаврилы Стемпковскаго, а послѣ со столомъ къ нему отъ государя єздилъ; 28 сентября въ коронацію царя Алексія Михайловича—третьимъ предъ государемъ ходилъ, а 30 сентября вина наряжалъ при государевомъ столѣ въ Грановитой палатѣ; 1 октября того же 1645 г. Т. пожалованъ въ бояре и дворецкіе, а у сказки стояль бояринъ Васілій Иванович Стрѣшневъ, а сказывалъ думный разрядный дьякъ Иванъ Гавреневъ; того же дня у государя въ столовой палатѣ за столомъ былъ. Въ 1647 г. 6 іюня (въ Троицкій день) въ трапезѣ Троице-Сергіевскаго монастыря—у государя за столомъ былъ. Въ 1648 г. 16 января въ бракосочетаніе царя Алексія Михайловича съ дѣвицей Марьей Ильиничной Малославской Т. былъ первымъ въ цариціиныхъ сидячихъ, съ 21 января вторымъ оставленъ былъ вѣдать Москву въ государево отсутствіе въ Троице-Сергіевъ монастырь, 25 марта—у государя въ столовой палатѣ за столомъ былъ, съ 7 апрѣля вновь вторымъ оставленъ былъ Москву вѣдать въ государево отсутствіе въ село Покровское. Съ 14 іюня того же 1648 г. Т. былъ назначенъ первымъ судьей Разбой-

наго приказа. Въ 1649 г. царь Алексій Михайловичъ высыпалъ Т. для переговоровъ съ возмущившимся народомъ, причемъ подвергся безчестью и побоями со стороны толпы и былъ пограбленъ дворъ его въ Москвѣ; въ томъ же году 8 сентября и 25 декабря у государя въ столовой палатѣ за столомъ былъ. Въ 1650 г.—2 іюня (въ Троицкій день) въ трапезѣ Троице-Сергіева монастыря, 12 іюня въ Кашире въ столовомъ шатрѣ и 25 декабря въ столовой палатѣ—у государя за столомъ былъ; тоже въ 1651 г.—30 марта (въ Свѣтлое Воскресеніе) въ столовой палатѣ, 18 мая (въ Троицкій день) въ трапезѣ Троице-Сергіева монастыря, 28 іюля въ столовомъ шатрѣ Новодѣвичьяго монастыря, 15 августа у патріарха въ столовой кельѣ; тоже въ 1652 г.—18 апрѣля (въ Свѣтлое Воскресеніе) въ столовой палатѣ, въ 1653 г.—19 января въ трапезѣ Савина монастыря, въ 1654 г.—30 апрѣля въ трапезѣ Троице-Сергіева монастыря. 16 мая 1654 г. Т. у государя у руки былъ при отпускѣ его въ Вязьму первымъ воеводой сторожевого полка предъ государевымъ походомъ противъ поляковъ; 25 мая послано къ нему отъ государя изъ стану подъ Шолковкой повелѣніе «итти войной тотчасъ» съ полкомъ своимъ подъ Бѣлую, а «учиня подъ Бѣлую Промыслъ» идти къ государю въ Дорогобужъ; въ началѣ іюня Т. взялъ у поляковъ и литовцевъ Бѣлую, съ каковою вѣстью прискакалъ къ государю въ Дорогобужъ 14 іюня стольникъ Степанъ Никитичъ Шаховской, и пожалована была ему за это грамота похвальная, а при томъ указано ему идти съ полкомъ своимъ въ Дорогобужъ къ государю, оставя въ Бѣлой осадного голову Захарія Новосильцова. 9 іюля государь послалъ Т. изъ стана подъ Смоленскъ вмѣтѣ съ воеводой большого полка княземъ Черкасскимъ и воеводой передового полка княземъ Одоевскимъ подъ Оршу первымъ воеводой сторожевого полка; 2 августа пригнали отъ воевода изъ подъ Орши къ государю въ станъ на Дѣвичью гору гонцы—отъ Т. гонцомъ былъ Иванъ Евтифіевъ Тверитиновъ—съ извѣстіемъ, что «Божіей милостью, а его государевымъ счастьемъ» городъ Оршу взяли, а гетманъ Радзивиллъ изъ-подъ Орши побѣжалъ и воеводы его преодѣдуютъ; 3 августа посланъ былъ стольникъ князь Александръ Лобановъ-Ростовскій къ воеводамъ съ государевымъ жалованіемъ словомъ за

оршанскую службу; 7 августа вновь прибыли гонцы отъ воеводъ изъ-подъ Орши къ государю подъ Смоленскъ — отъ Т. гонецъ Лыковъ—съ вѣстю, что «гетмана Радзивилла и польскихъ и литовскихъ людей побили и языки многіе взяли». Изъ-подъ Орши Т. вмѣстѣ съ тѣми же воеводами отправился подъ Дубровну; 23 сентября государь послалъ имъ подъ Оршу извѣщеніе о взятіи имъ Смоленска; въ октябрѣ воеводы взяли Дубровну, о чёмъ Т. уведомилъ государя чрезъ гонца Ивана Васильевича Тыртова, прибывшаго къ государю, когда тотъ шелъ въ Дорогобужъ, 16 октября. Въ этотъ счастливый для Россіи и для Т. походъ, онъ, кромѣ Бѣлой, Орши и Дубровны принималъ еще участіе во взятіи Коласи и Шклова. Съ 11 марта 1655 г. Т. третьимъ въ походѣ съ государемъ изъ Москвы въ Смоленскъ и изъ Смоленска подъ Вильну противъ польского короля. Въ 1661 г. Т. умеръ. Состоялъ въ бракѣ съ Марьей Ивановной Измайловой, въ первомъ бракѣ бывшей за княземъ Сицкимъ; дѣтей не имѣлъ.

Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей, т. IV, стр. 328, 339, 340.—«Дополненія къ Актамъ Историческихъ», т. II, стр. 164—168, 234, 472.—«Акты Археографической экспедиціи», т. IV, стр. 122, 128.—«Акты Южной и Западной Россіи», т. IX, стр. 479; т. XIV, стр. 762.—«Акты исторические и юридич. п. древн. царск. грамоты Казавской губ.», собр. Мельниковы, т. I, стр. 22—24.—«Древняя Россійская Библіо-ека», изд. 2-е, т. XIII, стр. 159, 175, 193, 272, 274, 275, 309, 404, 408, 412, 419.—«Спинбрскій сборникъ», изд. Языковы, стр. 147.—«Русская Историческая Библіотека», т. X, стр. 286, 386, 387, 390, 402, 465, 475.—«Временникъ Имп. Моск. Общ. п. Древя. Россійск.», кн. III, глава „Материалы“, стр. 118.—«Разрядные книги по официаль. оныхъ спискахъ», т. II, стр. 217, 218, 224, 225, 226, 227, 228, 230, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 239, 240, 241, 243, 245, 247, 248, 251, 253, 255, 256, 257, 259, 262, 305, 449, 828, 833.—«Дворцовые разряды», т. III, стр. 7, 19, 20, 134, 412, 420, 430, 431, 435, 439, 440, 441.—Спиридовъ, „Записки о старинныхъ службахъ благор. россійск. родовъ“ (рукопись Имп. Публ. ббл.), ч. II, стр. 92, 93, 94, 95, 96—Его же, „Сокращенное описание службъ благор. россійск. дворянъ“, ч. II, стр. 31, 32.—Барсуковъ, „Списки городовыхъ воеводъ Моск. государства въ XVII столѣт.“, стр. 87, 237.—Ивановъ, „Алфавитный указатель къ боярскимъ книгамъ“, стр. 409.—Петровъ, „История родовъ россійск. дворянства“, т. I, стр. 102.
А. Я.

Темкинъ, князь Юрий Ивановичъ, сынъ Ивана Ивановича Темки, бояринъ и воевода. Въ 1529 г. былъ присланъ отъ

воеводъ изъ-подъ Казани къ государю съ извѣстіемъ о разбитіи татаръ и черемистъ, а потомъ посланъ отъ государя въ Новгородъ и Псковъ съ объявлениемъ о рожденіи ему сына Ioanna. Въ 1531 г. Т.—первый воевода большого полка въ Галичѣ, гдѣ сразился съ припѣдшими татарами. Въ 1532 г.—первый воевода въ Чухломѣ, откуда ходилъ въ погоню за дѣлавшими набѣги татарами; въ томъ же году первый воевода въ Бѣломъ Колодезѣ близъ Коломны, затѣмъ первый приставъ при царѣ Шигѣ-Алѣѣ въ Нижнемъ. Въ 1533 г.—воевода въ Путинѣ, а потомъ въ Новгородѣ — Сѣверскѣ. Въ 1534 г. Т. служилъ первымъ воеводой въ Тулѣ за городомъ; въ томъ же году въ бою съ казанцами на Унѣтѣ первый воевода большого полка. Въ 1535 г.—первый воевода сторожевого полка въ Брянскѣ, а затѣмъ первый воевода передового полка по стародубскимъ вѣстямъ. Въ 1536 г.—первый воевода въ Нижнемъ за городомъ, а при приближеніи казанцевъ и въ погонѣ за ними до Долгова острова—первый воевода передового полка. Въ 1537 г.—вновь первый воевода въ Нижнемъ за городомъ. Въ 1541 г.—первый воевода сторожевого полка въ казанскомъ походѣ; въ томъ же году первый воевода сторожевого полка для храненія отъ прихода крымцевъ, сначала въ Ростовѣ, а потомъ на Оке; когда 1 августа крымскій ханъ пытался перейти Оку, Т. съ другими воеводами не допустилъ перехода, погнался за ханомъ и принудилъ его покинуть русскія области. Въ 1542 г.—первый воевода большого полка въ Алексинѣ; въ томъ же году — воевода въ Серпуховѣ, откуда, соединясь съ другими воеводами, пошелъ противъ пришедшихъ въ рязанскія и зарайскія мѣста крымцевъ; воеводы, нагнавъ крымцевъ на Дону на Куликовомъ полѣ, разбили ихъ общими силами, гнали до реки Мечи и многихъ полонили. Въ 1543 г., во время одного изъ многочисленныхъ (послѣ малолѣтства Ioanna IV) дворцовыхъ переворотовъ, Т., примиравшій къ партии Шуйскихъ, былъ сосланъ, однако вскорѣ возвращенъ въ Москву и въ дальнѣйшемъ, несмотря на ратную службу свою, продолжалъ принимать участіе въ борьбѣ дворцовыхъ партій за власть и вліяніе на молодого царя. Съ 1 марта 1544 г. Т. былъ первымъ воеводой 7-го ергаульного полка въ казанскомъ

нагорною стороною походъ. 1547 г. Т. былъ однимъ изъ главныхъ подстрекателей черни къ восстанію противъ Глинскихъ, которые были обвинены въ волшебствѣ и объявлены виновниками великихъ бѣдствій, постигшихъ Москву въ февралѣ и юнѣ того года. Ненавидя Глинскихъ, захватившихъ власть, Т. и князь Федоръ Шуйскій-Скопинъ, главари партии Шуйскихъ и главные союзники казненнаго въ 1543 г. Андрея Шуйскаго, не рѣшились уже, запуганные расправами Иоанна, на открытое самоуправство, а потому и стали дѣйствовать посредствомъ народа, предварительно заключивъ союзъ съ царскимъ духовникомъ Барминымъ и дядей царицы Григоріемъ Захарьинымъ, также враждебно столкнувшимися съ Глинскими. Послѣ событій 26 юнія, день, въ который чернь вторгнулась въ Успенскій собортъ, выволокла оттуда Юрія Глинскаго, убила его и свиту его и разграбила дворъ Глинскихъ, Т. былъ снова сосланъ. И на этотъ разъ ссылка Т. продолжалась недолго: въ 1549 г. онъ былъ не только возвращенъ въ Москву, но и пожалованъ боярствомъ; въ этомъ же году былъ назначенъ сначала вторымъ, а затѣмъ первымъ воеводой передового полка въ Коломенѣ. Въ 1550 г. во время государева казанскаго похода Т.—первый воевода правой руки войскъ, сначала въ Коломенѣ, а потомъ въ Нижнемъ. Въ 1551 г.—воевода большого полка въ Калугѣ. Въ 1552 г.—первый воевода въ Смоленскѣ. Въ 1553 г. посланъ первымъ изъ Казани въ Кадомъ. Въ 1554 г.—первый воевода сторожевого полка въ Коломенѣ. Въ 1555 году—первый воевода сторожевого полка, сначала у Николы Зарайскаго, а съ юлиемъ въ Коломенѣ, откуда ходилъ противъ крымцевъ, къ Тулѣ шедшихъ. Въ 1556 г.—первый воевода лѣвой руки войскъ въ Калугѣ, а затѣмъ первый воевода сторожевого полка въ Серпуховѣ и Усть-Лопаснѣ. Въ 1557 г.—намѣстникъ и первый воевода въ Смоленскѣ. Въ 1561 г. умеръ въ Казани, будучи тамъ первымъ воеводой. Т. оставилъ двухъ бездѣтныхъ сыновей: Дмитрія и Ивана. Нѣкоторыя даты послѣднихъ лѣтъ жизни Т., указанныя у Спиридова, совпадаютъ съ таковыми же приведенными относительно брата Т., Григорія Ивановича, однако провѣрить ихъ невозможно, такъ какъ Спиридовъ пользовался материалами впослѣдствіи сгорѣвшими.

Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей, т. VIII, стр. 299.—«Акты Археографической Экспедиціи», т. I, стр. 345, 350.—«Древняя Россійская Библіоенка», изд. 2-е, ч. 20, стр. 36, 44.—«Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Россійск.», кн. X, стр. 40, 142, 230. — «Чтения при Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Россійск.», за 1912 г., кн. I, стр. 87, 88, 91, 92, 97, 98, 103, 113, 132, 133, 140, 155, 162, 163, 168, 171, 177, 178, 180, 214; кн. II, стр. 225. — «Бархатная книга», ч. I, стр. 87. — «Царственная книга», стр. 347.—Спиридовъ, «Записки о старинныхъ службахъ россійск. благор. родовъ» (рукопись Имп. Публ. ббл.), ч. II, стр. 84, 85, 86, 87.—Его же, «Сокращенное описание службъ благ. россійск. дворянъ», ч. II, стр. 28, 29. — Соловьевъ, «Исторія Россії», изд. «Общ. Пользы», кн. II, стр. 37, 42.—Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», ч. II, стр. 183.—Петровъ, «Исторія родовъ россійск. дворянства», т. I, стр. 102.

Тенгоборскій, Людвигъ Валеріановичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ Государствен. Совѣта, писатель по политической экономіи и статистикѣ, родился въ 1793 г., умеръ 30 марта 1857 г. Первые годы своей служебной дѣятельности былъ вице-референдаріемъ въ государственномъ совѣтѣ Царства Польскаго. Въ 1820 г.ѣздилъ на конгрессъ въ Троицу для занятія вопросами, касающимися финансовыхъ отношеній великаго герцогства Варшавскаго съ союзными государствами. Въ 1828 г. онъ былъ назначенъ генералльнымъ консуломъ въ Данцигъ, въ какой должности оказалъ важныя услуги Россіи во время польской кампаніи. Въ 1832 г. былъ назначенъ полномочнымъ комиссаромъ въ Вѣну, где въ качествѣ представителя Россії участвовалъ въ совѣщеніяхъ о переустройствѣ Краковской республики. Нѣсколько позже сопровождалъ въ Парижъ князя Друцкаго-Любецкаго, отправленного туда для ликвидации финансовыхъ отношеній между Франціей и бывшимъ великимъ герцогствомъ Варшавскимъ. Въ 1845 г. былъ русскимъ уполномоченнымъ для веденія переговоровъ съ австрійскимъ правительствомъ, результатомъ которыхъ было заключеніе въ 1846 г. судоходной конвенціи Россіи съ Австріей. По возвращеніи въ Петербургъ принималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи проекта таможенныхъ реформъ, выступая противъ существовавшихъ тогда почти запретительныхъ тарифовъ. Утвержденный въ 1850 г. новый таможенный тарифъ былъ составленъ Т. и сравнительно съ предшествовавшимъ далъ значительное пониженіе

ставою по главнымъ предметамъ ввоза, главнымъ образомъ по хлопчатобумажнымъ тканямъ, красильнымъ веществамъ, колониальнымъ продуктамъ и орудиямъ фабричнаго присыпства. Въ 1848 г. онъ былъ назначенъ членомъ Государственного Собрания. Когда въ 1850 г. въ связи съ Лондонской всемирной выставкой была учреждена особая комиссия для устройства на ней русскаго отдѣла, Т., какъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ русской и иностранной промышленности, былъ назначенъ ея предсѣдателемъ. Съ этого же года и до смерти состоялъ предсѣдателемъ тарифнаго комитета.

Т. принадлежитъ рядъ значительныхъ работъ по общественнымъ, экономическимъ и финансовымъ работамъ, материалы для которыхъ имъ собраны и изучены огастинъ въ связи съ своей служебной дѣятельностью. Первой изъ нихъ вышла въ свѣтъ „Des l'instruction publique en Autriche“ (Парижъ 1841)—содержать изложение и основательный критический разборъ общественно-образовательныхъ учрежденій въ Австрии. Два года спустя вышло одно изъ капитальнѣшихъ сочиненій : „De finances et du crdit public en Autriche“ (Парижъ 1843), въ которомъ дается сравнительное изложение австрійскихъ, французскихъ и прусскихъ финансовъ со многими оригинальными теоретическими объясненіями. Въ 1844 г. напечатано въ Вѣнѣ «Uebersicht des österreichischen Handels in dem elfjrigen Zeitraume von 1831 bis 1841», въ 1848 г. тамъ же появилось „Expositions des motifs concernant la rvision du tarif“; обѣ работы даютъ обильный статистический материалъ изъ дѣйствовавшей тогда тарифной системы и основательную ея критику. Главное сочиненіе Т. касается Россіи, хотя написано на французскомъ,—это «Essai sur les forces productives de la Russie» (Парижъ 1852—1855); въ русскомъ переводѣ проф. И. Вернадского оно вышло подъ названіемъ «О производительныхъ силахъ Россіи» (Москва и Спб. 1854—1858) и долгое время считалось лучшимъ систематическимъ трудомъ въ области хозяйственной статистики Россіи, являясь въ то же время первой серьезной попыткой ознакомить иностранцевъ съ промышленностью и рынкомъ нашего отечества. Общія воззрѣнія Т., положенные въ основу этой работы,

сводятся къ тому, что Россія по пространству, почвѣ, естественнымъ условіямъ и географическому положенію есть страна по преимуществу земледѣльческая, прочія же отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности въ ней стоятъ на второмъ планѣ. Т. не отрицаєтъ важности промышленности и для Россіи и для другихъ странъ, но находитъ, что благосостояніе страны должно строиться и въ большинствѣ государствъ дѣйствительно строится на земледѣліи; даже въ Англіи, странѣ торгово-промышленной по преимуществу, подоходный налогъ со всей мануфактурной промышленности, торговли и движимыхъ имуществъ не составляетъ и двухъ-трехъ суммы подоходного налога, взимаемаго съ земледѣлія. Во всѣхъ болѣе или менѣе обширныхъ странахъ, по выкладкамъ Т., цѣнность продуктовъ земледѣлія значительно превышаетъ цѣнность продуктовъ промышленности. И Т. дѣлаетъ общій выводъ, что обширныя государства могутъ достигнуть значительной степени благосостоянія и безъ большого развитія мануфактурной промышленности, но такое благосостояніе для страны невозможно, если ея земледѣліе находится въ дурномъ состояніи и въ пренебреженіи. Поэтому мануфактурная промышленность въ лучшемъ случаѣ должна идти наравнѣ съ успѣхами земледѣлія, но однѣжды не быть покровительствуемой за счетъ послѣдняго, особенно въ странахъ преимущественно земледѣльческихъ. Указаніе на то, что земледѣліе извлекаетъ въ большей или меньшей мѣрѣ непосредственная выгода изъ успѣховъ промышленности, Т. считаетъ вполнѣ справедливымъ для отдѣльныхъ округовъ, но отрицає эти выгода для страны взятой въ цѣломъ: въ конечномъ счетѣ эти выгода далеко не оправдываются. Наоборотъ, интересы земледѣлія, по мнѣнію Т., очень часто могутъ потерпѣть ущербъ, если мануфактурная промышленность чрезмѣрно покровительствуется на его счетѣ, т. е. если она удорожаетъ рабочія руки, заставляетъ земледѣльца хронически или въ продолженіе значительного времени очень дорого оплачивать всѣ сработанные въ странѣ вещи, цѣны на которыхъ въ силу покровительственныхъ пошлинъ чрезмѣрно высоки, и если, наконецъ, отнимаетъ у земледѣльческаго класса возможность мены во

высшей торговли, особенно когда покровительственная политика и въ связи съ нею ростъ цѣнъ простирается на предметы первой необходимости. Изъ этихъ соображений, подкрепляемыхъ фактами и цифрами, Т. дѣлаетъ слѣдующіе выводы въ отношеніи Россіи: Россія по своимъ естественнымъ условіямъ не въ состояніи сравниться съ другими странами, а тѣмъ болѣе превзойти ихъ на поприщѣ мануфактурной промышленности. Поэтому, ставя фундаментъ нашей хозяйственной жизни земледѣліе, изъ отраслей обрабатывающей промышленности слѣдуетъ преимущественно заботиться лишь о тѣхъ, которыхъ наиболѣе соответствуютъ положенію нашей страны, въ высшей степени по своимъ свойствамъ земледѣльческой, и наилучше могутъ быть соединены и связаны съ сельскохозяйственной промышленностью,—вообще должно поощрять тѣ отрасли промышленности, для которыхъ почва Россіи производить въ изобилии сырой матеріалъ.

Т. принадлежатъ еще слѣдующія менѣе значительныя работы: «Sur les gîtes aurifères de la Californie» (1848); рядъ брошюръ по поводу восточной войны: «De la politique anglo-française dans la question d'Orient», «Encore quelque mots sur la question d'Orient», «Stimme aus Norden an Oesterreichs Freunde»; далѣе, «Sur les finances de la Russie» (Bruxelles 1854) и «Essai sur le crédit mobilier» (ibid. 1856). Т. принималъ дѣятельное участіе въ основаніи журнала «Nord», который, выходя въ Парижъ и на имѣя офиціального значенія, являлся средствомъ вліянія на иностранное общество.

Л. В. Тенгборекій, „Производительныя силы Россіи“, Сіб. 1854—1858, съ біографическимъ очеркомъ, составленнымъ проф. И. Вернадскимъ.—Некрологъ въ „Петербургскихъ вѣdomostяхъ“, 1857, № 84.—„Иллюстрированная Газета“, 1871, т. 28, № 48.

Теннеръ, Карлъ Ивановичъ, известный топографъ, сынъ управляющаго небольшимъ имѣніемъ Амферъ, близъ Нарвы, родился 22 июля 1783 г. Бѣдность родителей была причиной тому, что мальчикъ пользовался уроками лишь урывками, пріобрѣтая познанія отъ странствовавшихъ въ мѣстахъ его родины учителей и землемѣровъ. Способности мальчика обратили на себя вниманіе богатого помѣщика, графа Мантейфеля, который взялъ его къ себѣ

въ домъ для совмѣстнаго съ своими дѣтьми обученія; Т. дѣлалъ быстрые успѣхи, такъ что когда ему было всего 15 лѣтъ, Мантейфель поручилъ ему составить карту для издаваемаго имъ на французскомъ языке описанія путешествія по Сибири; работа эта требовала поѣздки въ Петербургъ, где генералъ-квартирмайстеръ П. К. Сухтеленъ зачислилъ Т. на службу въ колонновожатые и принялъ къ себѣ въ домъ на все готовое. 11 сентября 1802 г. онъ былъ произведенъ въ подпоручики и определенъ въ свиту Его Величества по квартирмайстерской части, причемъ должность былъ въ теченіе трехъ лѣтъ слушать курсъ астрономіи у академика Шуберга. Когда въ 1805 г. снаряжалось посольство Головкина въ Китай, на Т., какъ знакомаго съ Азіатской Россіей по работамъ съ Мантейфелемъ, Сухтеленъ возложилъ подготовку необходимыхъ матеріаловъ для ученой экспедиціи, долженствовавшей сопровождать посольство, въ составъ которого входилъ и Т. Посольство въ октjabрѣ достигло Кяхты, причемъ офицеры сняли глазомѣро путь отъ Перми помимо опредѣленія долготы и широты попутныхъ городовъ, а на обратномъ пути въ 1807 г. четыре офицера, въ томъ числѣ и Т., сняли глазомѣро Нерчинскій округъ и китайскую границу на востокъ до Амура, а на западъ до Омска. По возвращеніи въ Россію Т. былъ произведенъ въ поручики и тотчасъ назначенъ въ распоряженіе Штейнгеля, находившагося въ дѣйствующей арміи. Вскорѣ Т. получилъ и боевое крещеніе, будучи раненъ въ сраженіи при Фридландѣ, во время переправы черезъ рѣку Алле подъ выстрелами. Въ 1809 г. онъ съ двумя помощниками произвелъ первый опытъ тригонометрической съемки Петербурга и затѣмъ занимался тріангуляціей южнаго берега Финскаго залива въ теченіе трехъ лѣтъ, пока Отечественная война не вызвала его на поле браны. Офицеры квартирмайстерской части во время всей кампаніи исключительно производили рекогносцировки, выбирали биваки и т. п., и лишь въ диспозиціи на 5 октября для нападенія на Мюратъ на р. Чернишевъ упоминается о нихъ какъ о назначенныхъ состоять во время боя при корпусахъ, причемъ Т. былъ прикомандированъ къ 8-му пѣхотному; кроме того, онъ несомнѣнно участвовалъ въ сра-

жени при Маломъ Ярославцѣ (12 октября), такъ какъ за это дѣло было произведенъ въ подполковники, и въ дѣлахъ коалиционной войны 1813—1814 гг., ибо за отличіе въ разныхъ сраженіяхъ былъ награжденъ чиномъ полковника, а за Лейпцигъ орденомъ Георгія 4-й степени.

16 декабря 1815 г. Т. Высочайше было повелѣно произвести тригонометрическую и топографическую съемку Виленской губерніи, для чего избрать основаніе на одномъ изъ озеръ въ окрестностяхъ Brasлава или Орисвята и зимою же измѣрить его по льду; въ помощь ему даны три офицера. Строго-математическое образованіе Т., его прекрасная теоретическая подготовка, значительный опытъ въ геодезическихъ работахъ и любовь къ нимъ (въ геодезическихъ работахъ онъ видѣлъ возможность осуществленія завѣтной мысли—измѣрить дугу меридіана) — обезпечивали порученному ему дѣлу полный успѣхъ. Зимой 1815—1816 гг. онъ произвелъ рекогносцировку Виленской губерніи и представилъ свои соображенія по производству триангуляціи князю Волконскому, начальнику Главнаго штаба, который далъ разрѣшеніе связать съ этой триангуляціей всѣ астрономическія работы, вызываемыя градуснымъ измѣреніемъ. Одновременно и Лифляндское экономическое общество предложило профессору Дерптскаго университета В. Я. Струве произвести астрономическія и тригонометрическія работы градусного измѣренія, которая онъ вель къ сѣверу отъ Лифляндіи до Норвегіи, а Т. въ то же время — къ югу до Дуная. Совокупными трудами этихъ ученыхъ Россія обязана, что памѣрена дуга меридіана въ $25^{\circ}20'$, изъ которой $11^{\circ}10'$ отъ Двины до Измаила есть трудъ Т., выполненный съ совершенствомъ. Съемка Виленской губерніи была окончена въ 1821 г., причемъ измѣreno три базиса (Орисвятскій, у м. Понедѣль и при Полангенѣ) и определено 115 треугольниковъ съты, связывавшихъ 98 точекъ. Начальнымъ пунктомъ работъ Т. избралъ Мѣшканцы въ 26 верстахъ отъ Вильны, где устроилъ обсерваторію; инструменты были доставлены отъ Главнаго штаба, но весьма не полно, къ тому же невысокаго качества; эти недочеты Т. пополнялъ, пользуясь обсерваторіей Виленскаго университета, профессора котораго оказывали полное содѣйствіе и

принимали дѣятельное участіе въ его трудахъ. Во время работъ Т. получилъ приказаніе (1819) приступить къ топографическимъ работамъ, для чего отъ первой арміи были назначены 15 офицеровъ квартирмейстерской части и 10 артиллеристовъ, изъ которыхъ только 5 человѣкъ знали инструментальную съемку и черченіе горъ, почему весь годъ Т. вынужденъ быть употребить на чисто учебную съемку; послѣдовавшій же приказъ князя Волконскаго, чтобы ежегодно пятерыхъ офицеровъ замѣнять новыми, вызвалъ ходатайство Т. назначить къ нему 15 воспитанниковъ военно-сиротскихъ отдѣлений, изъ числа готовящихся въ инженерные кондукторы; опытъ вышелъ удачный, и въ теченіе трехъ лѣтъ 70 воспитанниковъ прошли школу съемки подъ руководствомъ Т.; многие изъ нихъ оказались очень способными къ дѣлу и дали Т. возможность окончить обширную работу, т. е. снять $57.432^{1/4}$ квадратныхъ версты на 658 листовъ и представить статистическое описание Виленской губерніи. За успешное выполнение этого порученія Т. былъ произведенъ (23 мая) въ генераль-майоры и пожалованъ столовыми деяльгами по 4000 рублей въ годъ. Почти одновременно со съемкой Виленской губерніи Т. приступилъ къ составленію триангуляціи въ Курляндіи, увлекаясь этой работой, такъ какъ она служила продолженіемъ его градусного измѣренія до Западной Двины, где оно могло быть соединено съ таковыми же Струве. Окончивъ въ два года тригонометрическую съемку Курляндіи, Т. началъ распространять триангуляцію по Гродненской и Минской губерніямъ. Въ 1835 онъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты, а черезъ нѣсколько лѣтъ назначенъ присутствующимъ въ варшавскихъ правительствующимъ сената департаментахъ и начальникомъ триангуляціи Царства Польскаго; на этихъ должностяхъ Т. былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи (1856). Умеръ Т. 8 января 1860 г.

За свою многолѣтнюю службу помимо орденовъ (золотая шпага съ надписью «за храбрость» въ 1812 г., Георгія 4-й степени въ 1813 г. Владимира 2-й степени въ 1826 г., Аны 1-й степени въ 1831 г., Бѣлаго орла въ 1846 г., Св. Александра Невскаго въ 1851 г., знакъ отличия безпорочной службы за 45 лѣтъ въ

1851 году и такового же за 50 лѣтъ въ 1858 г.) — Т. получалъ неоднократно денежныя награды, единовременныя пособія, подарки и аренды.

Высочайшия приказы соотвѣтствующихъ годовъ. — Дивизіонные списки, книга 48. — Списки полковниковъ съ 1807 г. по 1818 г., стр. 76. — Списки генераловъ съ 1818 г., стр. 128. — Списки генераловъ съ 1835 г., стр. 243. — Глиноецкій, „Русскій генеральныи штабъ въ царствованіе Императора Александра I“, „Военный Сборникъ“, 1874, №№ 10, 11 и 12. — „Исторический очеркъ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ съ 1822 по 1872 г.“, „Столѣтие Военного Министерства. Главный Штабъ“, т. IV, ч. 1, кн. 2, отд. 1, стр. 204, 234, 275, 240, 282, 393, 394, 395, 396.

М. П.

Теннеръ, Николай Карловичъ, изъ дворянъ Минской губерніи, родился 29 января 1831 г. и по окончаніи образованія въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ выпущенъ (1848) прaporщикомъ въ Л.-Гв. Финляндскій полкъ, въ которомъ служилъ до 29 октября 1864 г., когда, въ чинѣ полковника (съ 1862 г.), былъ назначенъ командиромъ 11-го гренадорскаго Фана-горскаго полка. Въ 1872 г. былъ произведенъ въ генералъ-маюры, а въ слѣдующемъ году назначенъ командиромъ 2-й бригады 4-й пѣхотной дивизіи, которой командовалъ до 11 октября 1878 г., когда по болѣзни былъ уволенъ отъ службы съ мундиромъ и пенсіей. Участвовалъ въ военныхъ дѣятвіяхъ при усмиреніи Польскаго возстанія 1863 г., съ 2-го февраля по 14 іюля въ составѣ Виленскаго военнаго округа: при рѣшительномъ пораженіи 25 апрѣля генералъ-маюромъ Ганецкимъ соединенныхъ скопицъ Сѣраковскаго и Колышки при Медейкѣ; 26 апрѣля при фольваркахъ Гавеняшкахъ и Гудзишкахъ и 27 апрѣля при фольваркѣ Шнуркишкахъ въ Ковенской губерніи.

Формуляръ въ Общемъ Архивѣ Главнаго штаба, дѣло 5 ст., 6 отд., 1878 г. № 174, св. 2447.

Теплова, Надежда Сергеевна, въ замужествѣ *Терюхина*, писательница, родилась 19 марта 1814 г. въ Москвѣ, въ купеческой семье; получила довольно хорошее для того времени образованіе, главнымъ образомъ литературное и музыкальное. Въ литературѣ выступила очень рано: когда ей было только 13 лѣтъ, появилось

въ печати первое ея стихотвореніе «Къ родной сторонѣ» («Московскій Телеграфъ», 1827, № 12, отдѣлъ 2, стр. 136), а вслѣдъ затѣмъ и другое стихотвореніе «Идиллия» («Дамскій Журналъ», 1827, № 20, стр. 221). Вскорѣ Т. познакомилась съ М. А. Максимовичемъ, который сталъ ея руководителемъ. Съ тѣхъ поръ ея стихотворенія стали появляться въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ. Ею напечатаны были, кроме указаныхъ выше: «Послѣдняя пѣснь» и «Къ присланной лампадѣ» («Московскій Телеграфъ», 1829 ч. I); «На смерть А. П. Эссена» (тамъ же, ч. II); «Русская пѣснь» и «Къ чародѣю» (тамъ же, 1830, ч. I); «Безнадежность» (альманахъ «Деница», 1830); «Жажды молитвы» («Сынъ Отечества», 1833, т. 2, отд. I, стр. 93); «Спокойствіе» (альманахъ «Подарокъ бѣднымъ» на 1834 г., Одесса 1834, стр. 153); «Къ дѣвицѣ поэту» («Библіотека для Чтенія», 1838, № 3); «Забытые» и «Юноша» (Кievлянинъ, 1840, стр. 78 и 230). Т. писала преимущественно небольшая лирическія стихотворенія; исключеніе въ ихъ ряду представляется отрывокъ изъ новѣсти въ стихахъ, помѣщенный въ «Отечественныхъ Запискахъ», т. XVI. По характеру ея лирики Т. принадлежала къ Пушкинской школѣ; стихотворенія ея пронакнуты задушевностью и теплымъ чувствомъ. Критика того време-ни отзывалась одобрительно о ея произведеніяхъ. Въ 1833 г. Т. собрала ихъ въ отдельный томикъ, подъ заглавіемъ «Стихотворенія» (Москва 1833; 2-е изданіе Москва 1838). Послѣ смерти М. А. Максимовичемъ выпущено было 3-е изданіе «Стихотвореній», значительно дополненное, содержащее въ себѣ 81 пьесу (Москва 1860). Кромѣ того въ «Кіевской Старинѣ» (1882, т. I, стр. 162 и 164) напечатаны два ея стихотворенія изъ альбома М. А. Максимовича. Цодисывалась она какъ фамиліей по мужу, такъ и дѣвичьей. Умерла въ Звенигородѣ, 16 іюня 1848 г.

Киевъ П. П. Голицынъ, „Библіографическій словарь русскихъ писательницъ“. Спб. 1889, стр. 224.—Н. Бліевичъ, „Русская писательница XIX вѣка“ Moscowskij Городской Листокъ“, 1847, № 169, стр. 678.—Ф. Толль, „Настольный словарь для справокъ по всемъ отраслямъ знанія“, Спб. 1864, т. II, стр. 642.—„Русский Архивъ“, 1865, стр. 1210,

1211, 1228. — „Московскій Телеграфъ“, 1833, № 16, стр. 583. — Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду“, 1838, № 47. — „Сѣверная Пчела“, 1834, № 175. — М. Лонгновъ, „Стихотворенія Надежды Тепловой“, „Русскій Вѣстникъ“, 1861, т. 31, № 2, стр. 217—219. — „Современнаѧ Лѣтопись Русскаго Вѣстника“, 1861, № 20, стр. 32. — В. И. Межовъ, „Русская историческая библиографія за 1800—1854 годы“, Спб. 1893, т. II, стр. 18, № 10376. — Мезьеръ, „Русская словесность съ XI по XIX столѣтіе включительно“, Спб. 1902, № 17868, стр. 397. — „Систематический реестръ русскимъ книгамъ съ 1831 по 1846 годъ“, изд. М. Д. Ольхина, Спб. 1846, стр. 241, № 5299.

Тепловъ, Григорій Николаевичъ, сенаторъ, статсь-секретарь, государственный дѣятель и писатель, сынъ истопника, родился 20 ноября 1717 г. Первоначальное образование получилъ въ школѣ, учрежденной въ Петербургѣ Теофаномъ Прокоповичемъ, и затѣмъ послѣднимъ былъ посланъ доучиваться за границу, именно въ Германію. По возвращеніи оттуда въ 1736 г. онъ поступилъ въ студенты при академіи наукъ, а годъ спустя былъ назначенъ переводчикомъ въ неї. Въ 1740 г. едва не пострадалъ по дѣлу Волынскаго. Въ 1741 г. онъ былъ пожалованъ въ адъюнкты академіи наукъ. По восшествіи на престолъ Елизаветы Петровны Т. синскаль расположение и довѣріе всесильнаго гр. А. Г. Разумовскаго, который въ 1743 г. взвѣрилъ ему воспитаніе своего младшаго брата, гр. Кирилла Григорьевича. Съ послѣднимъ Т. въ томъ же 1743 г. уѣхалъ въ чужie края въ качествѣ воспитателя. Именнымъ указомъ повелѣно было ему «для дальнѣйшаго и совершеннаго обученія и усмотрѣнія въ чужестранныхъ академіяхъ наилучшихъ порядковъ и учрежденій отправиться въ Вюртембергское королевство, въ городъ Тубингъ (Тюбингенъ), а оттуда въ Парижъ, дабы, возвратясь послѣ четырехъ или пяти лѣтъ, достойнымъ профессоромъ быть», причемъ ему было опредѣлено 600 руб. жалованья въ годъ. Требованіе отъ Т. присмотрѣться къ порядкамъ, существующимъ въ иностраннѣхъ академіяхъ, исходило изъ намѣренія сдѣлать Кириллу Разумовскаго президентомъ академіи наукъ, а Т.—помощникомъ ему въ этомъ званіи. Возвратясь изъ-за границы, Разумовскій 11 июня 1746 г. дѣйствительно былъ назначенъ президентомъ, а Т.—ассесоромъ академіи.

Власть Т. въ академіи была безгранич-

на; президентомъ фактически былъ онъ, ибо Разумовскій поступалъ всегда по его совѣтамъ и безъ нихъ ничего не предпринималъ. «Въ члѣвѣ академії,—говорить С. М. Соловьевъ,—стоялъ человѣкъ, не достойный этого положенія ни по способностямъ, ни по образованію, человѣкъ, кроме того, нерадивый, исполнявшій свою должность чужими (Теплова) руками, и руками нечистыми». Въ исторіи академіи Т. не оставилъ по себѣ свѣтлой памяти. Нѣть, кажется, ни одного факта, который свидѣтельствовалъ бы о томъ, что принадлежавшая ему исключительная власть была направлена имъ на благо академіи или отдаленныхъ выдающихся членовъ ея. Скорѣе напротивъ. Идиентный къ судьбамъ академіи, какъ цѣлаго, къ ея ученымъ успѣхамъ, къ ея славѣ и процвѣтанію, онъ вмѣшивался въ тогдашнюю борьбу ея членовъ между собою, вмѣшивался какъ начало не примиряющее, а обостряющее разногласія, ибо всегда становился на опредѣленную сторону—былъ партіенъ, а слѣдовательно не беспристрастенъ. Его деспотизмъ и гнетъ пришло испытать и труженику Миллеру, и гордости академіи—Ломоносову, и даже Тредьяковскому. Въ 1749 г. Т. показалось подозрительнымъ, зачѣмъ Миллеръ составлялъ найденные въ его бумагахъ родословныя, и онъ, именемъ гр. Разумовскаго, запросилъ исторіографа, «самъ ли собою» онъ сочинилъ ихъ или «по чьему-либо приказу или прошевію», и хотя Миллеръ далъ вполнѣ естественное объясненіе — родословные таблицы нужны ему по должностіи историка, ибо исторія и генеалогія тѣсно связаны между собою,—тѣмъ не менѣе Т. объявилъ ему, чтобы впередь родословныхъ не сочинять. Въ 1749 г. тотъ же Миллеръ написалъ рѣчи «О происхожденіи народа и имени Русовъ», въ которой развивалъ новое для того времени положеніе о скандинавскомъ происхожденіи варяговъ. По поводу этой рѣчи и проводимаго въ неї положенія въ средѣ академиковъ завязалася горячій споръ, который былъ разрешенъ Т. слѣдующей резолюціей, къ наукѣ имѣющей мало отношенія, по несомнѣнно вынужденной взглядами, которые были вызваны этимъ споромъ въ высшихъ кругахъ: «Диссертацию профессора Миллера, — писалъ онъ отъ имени президента, — собравъ

черную и бѣлую рукописную, отдать въ архиву, а напечатанную и съ корректурами хранить до указу подъ особливою канцелярскою печатью, не выпуская ни подъ какимъ видомъ ни единаго экземпляра въ свѣтъ, дабы со столь многими сомнительствами и важными погрѣшностями не могъ себя авторъ подвергнуть дальнему толкованию...» Враги Миллера, впрочемъ, пошли даже дальше Т.: и «черную», и «бѣлую рукописную», и напечатанную, и корректуры они сожгли. Несколько позже Т. счелъ за нужное отнять у Миллера должность ректора находившагося при академіи университета и принудить его къ чтенію лекцій по всеобщей исторіи. Въ отвѣтъ на ропотъ и жалобы исторіографа ему пригрозили вычетомъ изъ жалованья. Не безъ основанія подозрѣвая во всемъ этомъ Т., выведенныи изъ себя Миллеръ подаль на него жалобу президенту, говоря въ ней о Т. какъ о человѣкѣ, который во всемъ ему, Миллеру, вредить. Послѣдствія этого предвидѣть было не трудно. Разумовскій прислалъ въ академію бумагу, въ которой грозилъ, въ случаѣ повторенія подобныхъ жалобъ, совсѣмъ прогнать Миллера, пока же разжаловалъ его изъ академиковъ въ адъюнкты. Скоро, впрочемъ, ошибка была сознана, и Миллеру возвратили прежнее званіе. Значительная непріятности приходилось выносить отъ Т. и Ломоносову. Въ началѣ 1755 г. возникъ вопросъ о пересмотрѣ академического устава. Ломоносовъ высказался за болѣе обширное участіе ученаго корпуса въ управлениі академіею и за соотвѣтственное ограничение власти президента. Т. былъ, конечно, противъ этого, такъ какъ, съ принятіемъ предложенія, уменьшилась бы его собственная власть. Споръ перешелъ въ брань, послѣ чего Т., съ нимъ и Шумахеръ, донесли президенту, что присутствовать на академическихъ собраніяхъ вмѣстѣ съ Ломоносовымъ они не могутъ. Разумовскій, по совѣту Т. же,велѣлъ сдѣлать Ломоносову выговоръ и запретилъ ему являться въ собранія. «И осужденъ», писалъ Ломоносовъ по этому поводу И. И. Шувалову: «Тепловъ цѣль и торжествуетъ. Виноватый оправдаясь, правый обвиняетъ... Президентскимъ ордерамъ готовъ повиноваться, только—не Тепловъ...», и Ломоносовъ просить Шувалова ходатайствовать передъ императрицей, чтобы его «отъ Теплова

ига избавить не презира». Отчасти изъ-за этого ига Т. Ломоносовъ впослѣдовіи хлопоталъ и обѣ отставкѣ. Что касается Тредьяковскаго, то отношеніе Т. къ нему было самое бездрамонное, въ чёмъ толь самъ отчасти былъ повиненъ. Въ 1755 г. Тредьяковскій подкинулъ пасквиль на президента академіи, на Миллера и другихъ академиковъ-иностраницъ, болѣе же всего доставалось въ немъ Т. Послѣдній подалъ жалобу, въ которой доказывалъ, что по всѣмъ признакамъ авторомъ пасквила долженъ быть Тредьяковскій. «Въ многорѣчіи своемъ,—писалъ Т.,—которое есть истинное Тредьяковскаго, по всей шесь отъ начала до конца, онъ столь же особливъ же, что едва ли можно въ родѣ человѣческомъ быть другому Тредьяковскому...» Въ жалобѣ мѣтко осмыкается стиль Тредьяковскаго, его «трикъ-тракъ-треки» и «фра-фрѣ-фрѣ», и дается бранчивая характеристика дѣятельности профессора элоквенціи: «Служба его состояла въ негодномъ и стыдѣ академіи приносящемъ трудѣ, т. е. въ гнусномъ стихосложеніи, въ пусторѣчіи латини». Но довольствуясь жалобою, Т. вызвалъ Тредьяковскаго въ домъ къ президенту, встрѣтилъ его тамъ лично и, по словамъ самого Тредьяковскаго, «ругалъ, какъ хотѣлъ, м..., и грозилъ шпагою заколоть». Въ своей жалобѣ въ академію Тредьяковскій писалъ, что ему отрѣзанъ путь для словесныхъ представлений президенту, такъ какъ живущій при дому послѣдняго совѣтникъ Т. ругаетъ его «попносыми браньюми безъ всякаго права». Въ 1750 г. гр. К. Г. Разумовскій былъ назначенъ гетманомъ Малороссіи и поселился въ Глуховѣ. Безъ Т. однако Разумовскій всюду былъ безрукъ, почему передъ отѣздомъ онъ просилъ дать ему «однаго Теплова для правленія домашнихъ гетманскихъ дѣлъ», на что императрица отвѣтила поведѣніемъ Т. быть при гетманѣ «всегда въ такомъ званіи, въ какомъ гетманъ благоусмотрѣтъ по его чину, и получать свое довольствіе отъ гетмана». «Правленіе домашнихъ гетманскихъ дѣлъ» было лишь ширмой; въ сущности Т. управлять не только «домашними», но и всю совокупностью дѣлъ гетманства. Онъ былъ, по выражению Соловьевъ, менторомъ лѣниваго и скучающаго въ Глуховѣ Разумовскаго. Обѣ его исключительной роли въ дѣлахъ управления можно судить по

тому, что самые знатные малороссияне считали своею обязанностью ёздить къ нему съ поздравлениями въ день рожденія его дочери. Несмотря на свое положеніе, онъ былъ тѣмъ не менѣе чрезвычайно трудолюбивъ, одинъ «стоилъ четверыхъ великороссийскихъ членовъ прежней Малороссийской коллегіи». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сближается съ образоваными малороссиянами, обмѣнивается съ ними книгами, собираетъ обширный материалъ для исторіи Малороссіи и настолько обстоятельно въ общемъ и въ деталяхъ изучаетъ положеніе края и его нужды, что безспорно считается однимъ изъ лучшихъ, если не лучшимъ его знатоковъ того времени, и впослѣдствіи, уже въ царствованіе Екатерины II, его мысли кладутся въ основу реформы Малороссії. Какъ Разумовскій, такъ и Т. часто наѣзжали въ Петербургъ и Москву и подолгу оставались тамъ. Только этимъ и объясняется возможность для Т. быть въ курсѣ дѣлъ академіи наукъ, вліять на ихъ теченіе, а самое главное—быть въ курсѣ другого рода дѣлъ, болѣе важнаго характера, дѣлъ общеполитическихъ.

Вскорѣ послѣ восшествія на престолъ Петра III служебная карьера Т. на времена оборвалась. Какими-то «нескромными словами» на счетъ государя онъ навлекъ на себя его подозрѣніе, былъ арестованъ, допрошенъ, но успѣлъ и изъ этого разъ вывернуться и отѣлся только отставкой. Любопытно, что, будучи въ отставкѣ, онъ тѣмъ не менѣе 23 марта 1762 г. былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники съ добавленіемъ—«быть въ отставкѣ попрежнему». Отставка однако не мѣшала Т. попрежнему же фактически управлять изъ-за спины Разумовскаго дѣлами какъ въ Малороссіи, такъ и въ академіи наукъ. Немилость, въ которой Т. находился при Петрѣ III, послужила впослѣдствіи толчкомъ къ тому, что онъ выѣхалъ съ Разумовскимъ сблизился съ приверженцами Екатерины. Несмотря на всѣ отрицательныя черты его характера, онъ былъ необходимъ человѣкомъ въ заговорѣ и оказался весьма полезнымъ при осуществлении послѣдняго. Тогдашній австрійскій посолъ въ донесеніи къ гр. Кауницу въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ Т.: «Признаю всѣми за коварнѣйшаго обманщика цѣлаго государства, впрочемъ очень ловкій, вкрад-

чивый, корыстолюбивый, гибкий, изъ-за денегъ на всѣ дѣла себя употреблять позволяющій. Когда онъ находился при гетманѣ Украйны, то несправедливостями и неотвязчивыми вымогательствами такъ сильно распустилъ всю страну, что, конечно, не избѣжалъ бы смертной казни, если бы въ предыдущія оба царствованія (Елизаветы и Петра III) господствовалъ хоть малѣйшій порядокъ». Эта характеристика, можетъ быть, слишкомъ ужъ мрачна, тѣмъ не менѣе значительную долю истины въ себѣ содержитъ, и даже осторожный Соловьевъ почти всецѣло къ ней присоединяется, называя Т. «безнравственнымъ, смѣлымъ, умнымъ, ловкимъ, способнымъ хорошо говорить и писать». Людей и безнравственныхъ, и смѣлыхъ, и умныхъ, и ловкихъ среди приверженцевъ Екатерины было достаточно и безъ Т.; но онъ былъ чуть не единственнымъ, обладающимъ даромъ краснорѣчія и даромъ писать. Именно поэтому всѣ важнѣйшіе акты, изданные въ первые дни царствованія Екатерины II, принадлежать перу Т.: въ самый день переворота онъ составилъ—и, пожалуй, онъ одинъ только и могъ составить въ теченіе какого-нибудь получаса—маніфестъ о восшествіи и формулу присяги, и ему же принадлежитъ составленіе текста отречения Петра отъ престола,—акты, въ которыхъ каждое слово должно было быть обдумано и взвѣшено. И если въ нихъ оказались недочеты и неясности, то нужно удивляться не этому, а тому, что они достаточно удовлетворительны, ибо ихъ Т. приходилось писать чуть ли не стоя, составлять на-спѣхъ, почти експромтомъ. О роли Т. въ теченіе переворота можно судить еще и по тому, что въ чрезвычайномъ совѣтѣ сенаторовъ, обсуждавшихъ во главѣ съ новой императрицею распоряженія относительно флота, приморскихъ мѣстъ и заграничной армии, онъ—единственный не-сенаторъ—исполнилъ обязанности секретаря! Наконецъ, вмѣстѣ съ Алекс. Григ. Орловымъ и кн. Фед. Серг. Борятинскимъ онъ находился 6 июля 1762 г. въ Ропшинскомъ дворцѣ въ тотъ часъ, когда произошла кончина Петра III. Участіе въ переворотѣ сблизило его съ Орловыми и особенно тѣсно съ Панинымъ и кн. Дашковой. Екатерина II, за оказанныя имъ услуги, щедро наградила его денежно, принялъ вновь

на службу и назначила членомъ комиссіи о духовныхъ имѣніяхъ.

Тѣмъ не менѣе вскорѣ при дворѣ къ Т. стали относиться очень осторожно. Уже ко времени коронаціи онъ жаловался, что не пользуется прежней довѣренностью императрицы. Охлажденіе Екатерины къ Т. могло произойти изъ-за его тѣсной дружбы съ Дашковой, которая чрезмѣрнымъ афишированіемъ своей будто бы исключительной роли въ переворотѣ на-влекла на себя, какъ извѣстно, немилость государыни. Могъ повредить Т. и бывшій канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ, который еще въ 1749 г. имѣлъ съ нимъ на какой-то шиуршкѣ рѣзкую стычку, закончившуюся, несмотря на канцлерство Бестужева и тогдашній «малый чинъ» Т., дерзостями послѣдняго по адресу первого. Кроме того Бестужевъ имѣлъ противъ Т. кое-что и посерѣзнѣе: когда канцлера при Петрѣ III отрѣшили отъ должности и судили, его, между прочимъ, спрашивали, для чего и по какимъ дѣламъ посыпалъ онъ много-кратно курьеровъ къ гетману Разумовскому; когда же при Екатеринѣ Бестужевъ снова былъ приближенъ, къ нему въ руки попало слѣдственное дѣло о немъ самомъ, причемъ на поляхъ документовъ имѣ было сдѣлано иѣсколько приписокъ, изъ которыхъ видно, что Бестужевъ доносителемъ о перепискѣ между Екатериной и Разумовскимъ считалъ Т., ибо только ему одному изъ незainteresованныхъ лицъ было обѣ этомъ извѣстно; эти замѣчанія, выставляемія Т. измѣнникомъ по отношенію къ Екатеринѣ, были ей, конечно, извѣстны. Какъ бы то ни было, отношеніями къ нему императрицы Т. былъ недоволенъ, что и видно изъ его писемъ къ уѣхавшему въ Москву Панину. Въ письмѣ отъ 29 августа 1762 г. онъ писалъ между прочими: «Я теряю терпѣніе, но привожу себѣ на память, что человѣкъ со-лидный не долженъ помрачать свою добродѣтель простыми предположеніями, и что два мѣсяца недостаточны, чтобы сказать, что имѣешь довольно опыта при дворѣ... Вѣрно то, что не станутъ удерживать силою того, отъ кого хотятъ отѣлѣтаться. Служить, не имѣя довѣренности государя,—все равно, что умереть отъ сухотки...» Въ другомъ письмѣ къ Панину же, отъ 1 сентября того же года, жалуясь на то, что тексты составляемыхъ имъ ука-

зовъ передѣлываются, при томъ неудачно, Т. замѣчаетъ: «Но человѣкъ безъ кредита, какъ я, долженъ все проглатывать».

Съ начала 1763 г. Т. вернулъ себѣ утраченное было довѣріе. Въ апрѣля этого года онъ былъ пожалованъ въ статсъ-секретари, опредѣленъ къ принятію прошений на Высочайшее имя и вскорѣ за-тымъ, вмѣстѣ съ производствомъ въ дѣ-ствительные статскіе совѣтники, сдѣланъ дѣлопроизводителемъ комиссіи о дворян-ствѣ, а въ декабрѣ—дѣлопроизводителемъ комиссіи о коммерціи и купечествѣ. Влія-тельность его въ это время можно иллю-стрировать хотя бы нашумѣвшимъ дѣломъ Хитрова, изъ которого видно, что Т. вмѣстѣ съ Панинымъ, гр. Карилло Разумовскимъ, Пасекомъ и др. участвовалъ въ соглашеніи, воспрепятствовавшемъ браку Екатерины II съ гр. Григориемъ Орловымъ. Еще болѣе возросло вліяніе Т. съ 1764 г., когда воз-никъ вопросъ о реформахъ въ Малороссіи. Сдѣлавшись придворнымъ, онъ явно сталъ на сторону Орловыхъ, превратившись въ ихъ клеврета, и измѣнилъ Разумовскому, забывъ оказанныя ему послѣднимъ милости и важная услуги и своими совѣтами не въ пользу гетмана подготовивъ его паденіе. Когда въ 1764 г. возникла мысль объ упраздненіи гетманства, мысль о томъ, чтобы «вѣкъ и имя гетмановъ исчезли», Екатерина для точнѣшаго уясненія дѣла обратилась къ мнѣнию Т., который, какъ сказано, прекрасно зналъ малороссійскія дѣла и уже раньше, въ неоднократныхъ разговорахъ съ императрицею, упоминалъ о тамошнихъ безпорядкахъ. Въ отвѣтѣ Т. составилъ обширную записку, содержаніе которой въ краткихъ словахъ таково. Въ Малороссіи все управляетъ не правомъ и законами, а силою старшинъ, и обманомъ грамотныхъ людей. Вслѣдствіе такого управления число свободныхъ землевла-дѣльцевъ чрезвычайно уменьшилось, а число крѣпостныхъ, напротивъ, увеличи-лось. Старшинами и другими чиновными и богатыми людьми свободные казаки обращены въ крѣпостное состояніе. По ревизіи, произведенной великокорусскими офицерами вскорѣ послѣ смерти гетмана Скоропад-скаго, свободныхъ дворовъ было 45 ты-сячъ, а гетманъ Разумовский не нашелъ ихъ и 4 тысячи, несмотря на увеличеніе населенія. Злоупотребленія старшинъ без-мѣрны. Съ другой стороны казаки отяг-

чены непосильными податями и воинскими повинностями. Полный беспорядок царить и въ обмежеваніи земель, что является источникомъ ссоръ, тяжбъ, часто дракъ и «наездовъ» сильныхъ на болѣе слабыхъ. Въ большомъ ходу продажа мѣстъ, подкупы и пр. Хотя гетманскіе універсалы признаютъ казака свободнымъ, независимымъ отъ помѣщика землевладѣльцемъ, однако на дѣлѣ онъ угнетается и сотнякомъ въ сотнѣ и помѣщикомъ въ деревнѣ. Хозяйство у крестьянъ ведется плохо. Богатые помѣщики переманиваютъ къ себѣ безнаказанно крѣпостныхъ отъ бѣдныхъ. «Такимъ образомъ, въ плодородной Малороссіи земледѣлецъ терпитъ голодъ, убогий помѣщикъ въ большую бѣдность впадаетъ, богатый усиливается, и государственная выгода часть-отъ-часу уменьшается»... «Сіи суть только генерально показанные непорядки въ малороссійскомъ народѣ,—говорить Т. въ заключеніе записки;—но ежели бы нужда востребовала все сіе ясище показать, то надлежитъ только заглянуть въ течслie ихъ судовыхъ (судебныхъ) дѣлъ, въ произведеніе государевыхъ повелѣний и во внутреннюю ихъ собственную экзекюцію: тогда множайше еще показаться могутъ».

Эта любопытная записка, краски которой сдва ли сгущены, окончательно убѣдила императрицу въ необходимости реформъ въ Малороссіи, начавъ ихъ съ уничтоженія гетманства. Разумовскій былъ уволенъ. Не безъ вліянія Т. былъ изданъ и указъ объ учрежденіи взамѣнъ гетманства малороссійской коллегіи подъ предсѣдательствомъ гр. П. А. Румянцева, который получилъ отъ императрицы обширное наставленіе по управлению края, составленное не только въ духѣ записки Т., но, вѣроятно, имъ и написанное. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что по желанію Екатерины Румянцевъ, по поводу управления Малороссіей, имѣлъ съ Т. рядъ устныхъ «большихъ конверзаций». Участіе Т. въ уничтоженіи гетманства заставляло многихъ смотрѣть на него, не безъ основанія, какъ на измѣнника по отношенію къ Разумовскому. Не подлежитъ, напр., сомнѣнію, что именно онъ своими внушеніями довелъ Разумовскаго до того, что послѣдній сталъ мечтать объ учрежденіи наследственного въ своемъ семействѣ достопочтства гетмана Малороссіи, что и было первымъ толчкомъ къ совершененному упраздненію этого званія. Съ другой

стороны, толковали, что и донесеніе о движении въ пользу наследственного гетманства подано тоже Т. Иллюстраціей къ тогдашнимъ мѣняніямъ и разговорамъ о Т. можетъ служить разсказъ о томъ, что когда Разумовскій, по приѣздѣ изъ Малороссіи, явился во дворецъ, где его встрѣтилъ Т. съ распостертymi объятіями, присутствовавшій при этой сценѣ гр. Григорій Орловъ будто бы сказалъ: «И лобза его же предаде».

Только въ послѣдніе годы отчасти выяснина довольно видная роль, которую Т. игралъ въ составленіи проектовъ учебной реформы, столь обильныхъ въ первую половину царствованія Екатерины II. Въ архивѣ Государственного Совета сохранился документъ, озаглавленный «Начальное разсужденіе о планѣ для учрежденія публичныхъ училищъ», написанный по поводу представленнаго Екатеринѣ (вѣроятно Бецкимъ) «Проекта общества для воспитанія благородныхъ дѣтей по губерніямъ» и замѣчаній на него исторіографа Герг. Миллера и капеллана англійской факторіи въ Петербургѣ Дюмареска. Авторомъ этого документа С. В. Рождественскій въ своемъ изслѣдованіи «Проекты учебныхъ реформъ въ царствов. Екатерины II» не безъ основанія считаетъ Т. Авторъ «Начального разсужденія» въ общемъ присоединяется къ началамъ, изложенными Бецкимъ въ «Генеральномъ учрежденіи для воспитанія юношества обоего пола» отъ 12 марта 1764 г., находя, что только они могутъ быть лучшимъ способомъ «для вкорененія правилъ доброго воспитанія и восажденія доброго гражданства», но вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ ихъ слишкомъ «генеральными», почему и полагаетъ нужнымъ измѣненія. Въ запискѣ Миллера и Дюмареска онъ находитъ вѣкоторыя мысли здравыми и «остроумными», особенно пунктъ записи о разделеніи училищъ по специальнostямъ на военные, гражданскія и коммерческія, большинство же соображеній ея отвергаеть какъ «немного соотвѣтствующія состоянію нашего государства». Свои «резоны» по поводу записи Миллера и Дюмареска Т. представилъ Бецкому, но послѣдній «по несогласованію сего генерального основанія съ воспитаніемъ юношества, почитая всѣ тѣ сумнѣнія ненужными и подлежащими отмѣненію», возвратилъ ихъ автору «безъ всего». Въ отвѣтъ на это Т. обратился

къ императрицѣ, испрашивая, чтобы «пополнило было, до дальнѣйшаго приступленія къ осему плану, учинить подробное разсмотрѣніе», и въ результатахъ этого доклада былъ указъ о назначеніи комиссіи изъ Т., Миллера и Дюмареска съ порученіемъ составить планъ учебной реформы. Въ концѣ 1766 г. комиссія представила «Генеральный планъ дѣтскихъ воспитательныхъ академій» или «государственныхъ гимназій» вмѣстѣ съ двумя докладами,— однимъ отъ имени одного Т., и другимъ съ подписью остальныхъ участниковъ. Самый проектъ «государственныхъ гимназій» содержать много любопытныхъ положеній, въ центрѣ которыхъ лежитъ оригиналъ типъ воспитательно-учебного заведенія, совѣщающаго задачи визшей, средней и высшей школы, но осуществленъ онъ не былъ. Въ 1871 г. Т. участвовалъ въ другой комиссіи по составленію проекта учебной реформы, именно въ такъ называемой «комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ», въ составъ которой, кромѣ Т., вошли петербургскій архіепископъ Гаврійль, архіепископъ псковскій Иннокентій и оберъ-прокуроръ синода П. П. Чебышевъ. Разсмотрѣній комиссіей проектъ «Учрежденія школъ низкихъ въ городахъ столичныхъ, губернскихъ, уѣздныхъ и въ мѣстечкахъ» былъ составленъ архіепископомъ Гаврійломъ и Т. Отличительная черта этого проекта, тоже оставшагося неосуществленнымъ,— преобладающее значеніе духовенства въ дѣлѣ народнаго образования.

22 сентября 1765 г. Т. получилъ Анненскую ленту. Въ 1766 г. онъ участвовалъ въ заключеніи трактата съ Великобританіей, въ слѣдующемъ году былъ назначенъ присутствующимъ въ межевой экспедиціи, членомъ комиссіи по разселѣванію злоупотребленій въ духовномъ вѣдомствѣ въ Тобольской губерніи, а затѣмъ, одновременно съ повышеніемъ въ тайные советники, сдѣланъ почетнымъ опекуномъ Петербургскаго воспитательнаго дома. Въ 1769 г. ему вмѣстѣ съ Волковымъ было поручено произвести изысканія о томъ, какую подать должны вносить въ тогдашнее весеннее время купечество и мѣщанство. Т. пришелъ къ выводу о необходимости соотвѣтственные налоги временно удвоить, причемъ, работая надъ этимъ вопросомъ, составилъ попутно любопытныи и нынѣ весьма цѣнныи какъ историческій

материалъ статистической таблицы числу фабрикъ, заводовъ, машинъ, печей съ указаніями цѣнности ихъ, количеству народонаселенія по сословіямъ и пр. 10 июля 1775 г. Т. былъ пожалованъ званіемъ сенатора и Александровскою лентою. 30 марта 1779 г. онъ скончался и похороненъ въ церкви Св. Лазаря въ Александро-Невской лаврѣ.

Т. почитался за одного изъ умнѣйшихъ и образованѣйшихъ людей своего времени. Онъ состоялъ почетнымъ членомъ Императорскихъ академіи наукъ и академіи художествъ, почетнымъ же членомъ мадридской академіи, дѣйствительнымъ членомъ вольно-экономического общества, одно время преподавалъ политическія науки на слѣдника престола Павлу Петровичу, съ которымъ сошелся весьма близко. Человѣкъ живой, онъ всего стремился отъ работы надъ задачами государственного характера съэкономить себѣ время для другихъ занятій, которыя носили печать разносторонности и разнообразія; съ увлеченіемъ занимался музыкой и зналъ въ неї толкъ, много времени посвящалъ домоводству, строительству, садоводству и сельскому хозяйству въ своемъ большомъ и благоустроенному имѣніи, селѣ Молодово, Орловской губ. Карабачевскаго уѣзда, где и донынѣ сохранился огромный каменныи домъ съ обширными службами, садомъ, собраніемъ картинъ и гравюръ, цѣннымъ архивомъ и богатою библиотекою. Съ 1763 г. Т. вмѣстѣ съ В. А. Гудовичемъ содержалъ въ Малороссіи табачную монополію и не мало способствовалъ разведенію тамъ разныхъ сортовъ табаку какъ практическими указаніями отдельнымъ мелкимъ плантаторамъ, такъ и своею книгою—«О засѣвѣ разныхъ табаковъ иностранныхъ въ Малороссіи» (Спб. 1765). Извѣстенъ былъ Т. въ свое время и какъ писатель по разнороднымъ вопросамъ. Изъ его сочиненій изданы въ свѣтъ: «Россійская географія», предназначенная для семинаріи Феоѳана Прокоповича, «Знанія вообще до философіи касающіяся» (Спб. 1751), «Наставленіе сыну» (ib. 1768), «Штичій дворъ» (ib. 1777) и «Разсужденіе о врачебной наукѣ, которую называютъ докторствомъ» (ib. 1774)— своеобразный памфлѣтъ, вызванный недовольствомъ Т. лечившими его врачами. Изданы и два его перевода съ латинскаго—«Ода на

новый 1738 годъ» (Спб. 1738), написанная академикомъ Таубертомъ, и «Рѣчи, которые были читаны въ публичномъ собраниѣ Спб. академіи наукъ 29 апрѣля 1742 г.» (ib. 1842). Двѣ его работы—«Каталогъ кабинета естественной исторіи» и переводъ на латинскій языкъ сатиръ Кантемира—остались ненапечатанными. Собранные Т. обширные материалы и цѣнныя источники для исторіи Малороссіи, которую онъ не успѣлъ написать, перешли въ руки Ив. Перф. Елагина.

Полное Собрание Законовъ, т. XVI, стр. 118, 157, 176—178, 193, 194, 237, 238, 293, 303, 387—389, 426, 427, 629, 699; т. XVII, стр. 148, 659, 662, 821, 952; т. XVIII, стр. 435, 704, 930, 1012; т. XIX, стр. 94, 96, 98, 114, 115, 210, 211, 543, 565, 567, 603, 634, 673, 759, 844, 972; т. XX, стр. 99, 168; т. XXIV, стр. 601, 602, 657, 702, 703, 705, 706; т. XXV, стр. 42, 173; т. XXVI, стр. 661; т. XXIX, стр. 1165; т. XXXIII, стр. 1025, т. XXXIV, стр. 212; т. XXXVI, стр. 123.—«Сборникъ Император. Русскаго Историческаго Общества», т. I, стр. 293; т. II, стр. 275; т. IV, стр. 11, 35; т. VII, стр. 101—109, 116, 121, 123, 133, 142, 170, 185, 226—228, 232, 233, 238—267, 280, 290, 291, 294, 297, 298, 300, 310, 313, 319, 325, 350, 391, 397—399, 403, 404; т. X, стр. 7—8, 21, 32, 41, 42, 69, 134, 138, 209, 246, 251, 259, 312, 321, 326—329, 363—367, 370; т. XII, стр. 53, 191, 192, 229, 341; т. XIII, стр. 114, 115, 168, 270, 273, 279; т. XVII, стр. 270; т. XVIII, стр. 248, 266, 462, 467; т. XXII, стр. 94, 268; т. XVI, стр. 40, 41, 52, 215, 216, 236; т. XXVII, стр. 169, 235; т. XXIX, стр. 332, 330, 337; т. XLII, стр. 297, 303, 369; т. XLVI, стр. 393; т. XLVIII, стр. 314.—«Древняя Россійская Библиотека», т. XIII, стр. 102.—Журналъ Сената, отъ 8 марта 1748 г.; 26 февраля и 2 марта 1751 г.; 9 декабря 1763 г.—«Записка» А. П. Бестужева-Рюминова въ Государств. архивѣ; тамъ же письма Т. къ Павлину.—П. Пекарскій, «Исторія Академіи Наукъ», т. II.—Сухомлиновъ, «Исторія Император. Академіи Наукъ».—«Собрание сочинений Ломоносова», въ изд. Бокрама, Спб. 1867, и Смирдина (письма Ломоносова къ Т.).—Билярскій, «Материалы для биографіи Ломоносова».—П. Пекарскій, «Дополнительный извѣстія для биографіи Ломоносова», прилож. къ VIII т. «Записокъ Импер. Академіи Наукъ», 1865 г.—«Материалы для биографіи Третьяковскаго», ibid., т. IX.—«Общественная и частная жизнь Августа-Людвига Шледера, имъ самимъ составленная», перев. съ иѣз. В. Кеевича, Спб. 1875, гл. 12 и прилож.—П. А. Ефремовъ, «Материалы для исторіи русской литературы», Спб. 1867.—М. Н. Лонгиновъ, «Биографическая свѣдѣнія о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ XVIII в. и библіографическая извѣстія объ ихъ произведенияхъ», «Русская Старина», 1870, №№ 5, 7, 8.—В. И. Межовъ, «Исторія русской словесности», т. II, стр. 248—270.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Общественная Полыза», кн. V, стр. 566, 567, 626, 632—633, 707—708,

485, 850—857, 1041, 1324, 1334—1335, 1340—1341; 1345, 1368—1370, 1393, 1455—1457, 1469, 1483, кн. VI, стр. 6, 30—33, 37, 223, 234—236, 330, 413, 1007—1008.—Его же, «Письма Н. Г. Теплова, 1777 г.», «Русскій Архивъ», 1869, № 2, стр. 216—220 (къ М. М. Щербатову и Н. И. Паницу).—Его же, «Гергарть-Фридрихъ Миллеръ», «Современникъ», 1854, № X.—Его же, «Писатели русской исторіи XVIII в.».—Имъ же сообщено, «Изъ подлинныхъ бумагъ Елизаветиниа царствованія», «Осьмнадцатый вѣкъ», сборн. П. И. Бартенева, Москва 1869, № 4, стр. 87—96.—«Записки Марковича», подъ 1751—1752 гг.—«Записка» Т. о Малороссіи напечатана въ «Запискахъ Южной Россіи», т. II.—А. А. Васильчиковъ, «Семейство Разумовскихъ», Москва 1869, стр. 120, 218—221.—«Собрание сочинений М. А. Максимовича», т. I, отд. III (по поводу «Записки» Т. о Малороссіи).—«Mémoires de l'Imp. Catharine», II, pp. 248, 250, 271.—«Mémoires de la princ. Daschkoff», I, р. 82; то же въ иѣз. изд., Hamburg 1857, I, S. 145—146.—«La cour de la Russie il y a cent ans», Berlin 1858, S. 228—230.—«Vis de Pierrre III», I, p. 230.—«Начальное разсужденіе о планѣ учрежденія публичныхъ училищъ» находится въ архивѣ Государственного Совета, дѣла II отдѣленія собств. Е. И. В. Канцелярии, 320/221.—С. В. Рождественскій, «Проекты учебныхъ реформъ въ царствование император. Екатерины II», «Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.» 1907, № 12; 1908, № 2 и 3.—«Исторія народной школы», изъ серіи «Шедагогическая Академія», изд. т-ва «Польза», Москва 1910.—П. М. Майковъ, «Иванъ Иванович Бецкой», Спб. 1904, стр. 90, 182, 209, 253, 298, 313, 318; прим. стр. 38, 135, 163.—А. С. Лаппо-Данилевскій, И. И. Бецкой и его система воспитанія», Спб. 1904, стр. 38 и слѣд.—«Журн. Минист. Народного Просвѣщ.», 1844, ч. 48, отд. V (матеріи Т. о провинциальныхъ школахъ).—«Письмо Теплова къ тверскому архиепископу Платону, 1771 г.», сообщ. П. С. Казанский, «Чтѣнія въ Общ. Истор. и Древн. Россійск.», 1876, № 3, стр. 105.—«Записки кн. Якова Петровича Шаховскаго, обер-прокурора синода», Спб. 1872, прил., гл. 3.—А. П. «Выдержки изъ прошедшаго и давно прошедшаго Архангельской губерніи», «Арханг. Губ. Вѣдом.», 1874 г., № 9 (письма Т.).—«Отправка купеческихъ сыновей въ Англію, 1766 г.», сообщ. А. Подвысоцкій, «Русск. Стар.», 1875, № 7, стр. 437—439 (письма Т. обѣ этомъ).—Бантышъ-Каменскій, «Словарь достоинственныхъ русскихъ людей», т. V, Спб. 1836, стр. 133—137.—Митроп. Евгений, «Словарь свѣтскихъ писателей», ч. II, стр. 205—207.—«Справочн. энциклопед. словарь Крайя-Старчевскаго, т. X, с. v.—«Энциклопедич. словарь Брокгауз-Ефрона», изд. 1-е, т. 32, стр. 924.—В. Сопиковъ, «Опытъ россійской библиографіи», №№ 4305, 6578, 7014, 8203, 9357, 9712, 9963.—«Росписъ книгами изъ библиотеки Смирдина», № 10429.—«Russische Günstlinge», р. 316.—Бантышъ-Каменскій, «Полное собрание списковъ кавалеровъ четырехъ россійскихъ орденовъ», стр. 224, 304.—«Москвитянинъ», 1852, II, стр. 5.—«Русский Архивъ», 1864, изд. 2-е, стр. 404, 446; 1866, стр. 315,

582. — „Русская Старина“, 1870, изд. 2-е, т. II, стр. 362.— „Адресъ-календарь на 1767 г.“, стр. 11, 121, 122.

Теплоуховъ, Александръ Ефионичъ, лѣсоводъ и археологъ, писатель, родился въ селѣ Карагайскомъ (Оханского уѣзда, Пермской губерніи) 21 августа 1811 г. въ семье крѣпостного Строгановыхъ. Уже съ дѣтства онъ обратилъ на себя своими способностями вниманіе администраціи имѣній Строгановыхъ и былъ опредѣленъ въ учрежденную графинею С. В. Строгановой въ Петербургѣ школу сельского хозяйства и горныхъ наукъ. Въ 1830 г. Т. окончилъ курсъ школы по горному отдѣленію съ аттестатомъ высшаго разряда, послѣ чего въ теченіе 1830—1833 гг. занимался въ Петербургской главной конторѣ Строгановыхъ. Въ 1833 г. С. В. Строгановой ему было предложено поступить въ Фрейбургскую горную академію для усовершенствованія въ горно-заводскихъ наукахъ. Чувствуя больши склонности къ сельскому хозяйству, Т. просилъ разрѣшенія заняться изученіемъ лѣсныхъ наукъ въ Тарантской королевской лѣсной академіи, въ Саксоніи, на что и получилъ согласіе. Въ этой академіи Т. пробылъ съ 1834 по 1838 г. По возвратѣ въ Россію онъ получилъ дарственную и назначеніе въ 1839 г. преподавателемъ лѣсныхъ наукъ въ школѣ графини Строгановой. Для практическихъ занятій по лѣсводству съ учениками Т. предоставлены были двѣ дачи въ имѣніи Строгановыхъ Марьино, Новгородской губерніи. Здѣсь онъ сталъ производить первые опыты примѣненія германской системы лѣсохозяйства къ мѣстнымъ условіямъ. Эти опыты описаны имъ въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Лѣсномъ Журналѣ» за 1841—1842 гг. Издававшее этотъ журналъ «Общество для поощренія лѣсowego хозяйства» поручило ему составить руководство для устройства лѣсовъ въ помѣщичихъ имѣніяхъ, которое и было издано на счетъ Общества въ 1847 г. Начиная съ 1841 г. ученики, занимавшіеся подъ руководствомъ Т. лѣсными науками, по окончаніи школы отправлялись въ Пермскій маіоратъ Строгановыхъ, гдѣ они производили съемку и таксацію заповѣдныхъ лѣсовъ. Но закрытие училища Т. уѣхалъ въ Пермь въ качествѣ главнаго лѣсничаго и члена главнаго управления лѣсами маіората, дальнѣй-

шая съемка и таксація которыхъ производилась подъ его непосредственнымъ руководствомъ. По освобожденіи крестьянъ онъ назначенъ былъ главноуправляющимъ пермскими маіоратомъ. Т. много работалъ надъ опытами по акклиматизаціи и росту древесныхъ породъ въ питомникѣ, устроенному имъ въ селѣ Ильинскомъ, мѣстѣ своего постояннаго жительства. Наблюденія, сдѣланныя имъ за время своей долголѣтней практики въ качествѣ лѣсвода, послужили материаломъ для многочисленныхъ статей, помѣщенныхъ имъ въ различныхъ русскихъ и немецкихъ новомененныхъ изданіяхъ. Къ концу своей жизни Т. сталъ интересоваться археологіей, занятіемъ которой онъ посвятилъ все свое время, послѣ того какъ оставилъ службу въ качествѣ завѣдующаго маіоратомъ Строгановыхъ. Толчкомъ къ этому послужило открытие имъ въ окрестностяхъ села Ильинского ямы, наполненной костями и обломками старинной глиняной посуды. Съ тѣхъ поръ онъ усердно отыскивалъ и собирая всякаго рода древнія вещи въ Пермской губерніи, изъ которыхъ у него составился цѣлый музей. Результаты этихъ занятій археологіей описаны имъ въ нѣсколькихъ журнальныхъ статьяхъ. Т. былъ почетнымъ членомъ Уральского общества любителей естествознанія съ 1880 г. и Лѣсного общества въ Петербургѣ съ 1883 г., дѣйствительнымъ членомъ Пермскаго губернскаго статистическаго комитета съ 1854 г., комитета лѣсводства при Имп. Обществѣ сельскаго хозяйства въ Москвѣ съ 1856 г. и Антропологическаго общества въ Вѣнѣ съ 1883 г.; членомъ-корреспондентомъ Петербургскаго общества для поощренія лѣсного хозяйства съ 1839 г., Имп. вольно-экономического общества съ 1845 г., Имп. Казанскаго экономического общества съ 1859 г., Германскаго общества антропологии, этнографии и первобытной исторіи въ Берлинѣ съ 1878 г., Финно-Угорскаго общества въ Гельсингфорсѣ и Финскаго историческаго съ 1885 г.; членомъ-сотрудникомъ общества археологии, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университѣтѣ съ 1879 г.

Умеръ Т. 17 апрѣля 1885 г. въ селѣ Ильинскомъ, Пермской губерніи.

Имъ напечатаны слѣдующія статьи, посвященные различнымъ вопросамъ лѣсного хозяйства и археологіи: „Тарантская академія“

(„Лѣсной Журналъ“, 1837, № 3); „Лѣса и лѣсоводство Шварцальдскихъ горъ“ (тамъ же, 1840, ч. I, кн. 2); „О приведеніи въ извѣстность и первоначальномъ устройствѣ лѣсовъ въ частныхъ имѣніяхъ“ (тамъ же, 1840, ч. III, кн. 3); „Нѣкоторая свѣдѣнія объ учрежденіи правильнаго лѣсного хозяйства въ имѣніи графини С. В. Строгановой, Марьинѣ“ (тамъ же, 1841, ч. II, кн. 2); „Замѣчанія и наблюденія, произведенныя при введеніи правильнаго лѣсного хозяйства въ имѣніи Новгородской губ., Марьинѣ“ (тамъ же, 1842, ч. I и II); „Наблюденія надъ изысканіемъ источниковъ вслѣдствіе обнаружения отъ лѣсовъ“ (тамъ же, 1842, ч. IV); „Объ урожаѣ еловыхъ сѣмянъ“ (тамъ же, 1842), „Наставленія по лѣсохозяйству для дѣтей Марьинской школы землемѣдѣльція“ (въ изд. „Сельскія бестѣды“, Спб. 1842, бестѣды XII—XV); „Bemerkungen über die Waldwirtschaft und das Verhalten des wichtigsten Holzarten auf den Uralgebirge im Vergleich mit denen des Nowgorodischen Gouvernements“ („Forstliches Cotta-Album“, 1844, Breslau und Oppeln, § 244); „Устройство лѣсовъ въ помѣщачьихъ имѣніяхъ“ (Спб. 1848, изд. 2-е Спб. 1850); „Beobachtungen eines Forstmannes am Uralgebirge im Sommer des Jahres 1844“ („Mitteilungen des Kais. Freien Oekonomischen Gesellschaft“, Petersb. 1849, 2. Heft); „Ueber Windbruch Holzsamen, Waldgrüserei und über Schaden in den Kornfeldern durch die Raupe Agrostis Exclamationis“ (тамъ же, 1849); „О пользѣ и вредѣ уборки вершинника, хвостика и другого сора въ лѣсахъ“ („Земледѣльческая Газета“, 1849, № 98, п „Лѣсной Журналъ“, 1850, № 2—3); „Подробное изложеніе о механическомъ разложеніи лѣсной почвы простыми средствами“ („Лѣсной Журналъ“, 1850, № 16, 17 и 18); „Наблюденія надъ побѣгопроизводительностью и приростомъ березы, сдѣланы въ лѣсной дачѣ Былымбаевскаго завода“ („Труды Импер. Вольно-Эконом. Общ.“, 1852, листъ); „О бобовидной рудѣ, открытой въ Пермскомъ уѣздѣ, въ имѣніи гр. Н. П. Строгановой“ (изд. Пермск. статист. комитета, 1855); „Лѣсохозяйственное описание Чердынского уѣзда“ (изд. Пермск. статист. комитета, 1856); „Статистическія свѣдѣнія объ употребленіи лѣсовъ въ заводахъ и оброчныхъ имѣніяхъ графини Н. П. Строгановой, состоящихъ въ Пермской губ., въ уѣздахъ Пермскомъ, Оханскомъ, Соликамскомъ и Екатеринбургскомъ“ („Пермскія Губернскія Вѣдомости“, 1857, № 31 и сѣд.); „130 словъ, провинціальныхъ и техническихъ, употребляемыхъ въ Пермской губ. и относящихся до крестьянского хозяйства, лѣсоводства, горнаго дѣла и судостроенія“ („Ученые Записки Имп. Казанскаго Университета“, 1857, кн. II); „Краткое описание руководствъ, относящихся къ лѣсной промышленности крестьянъ Срѣтенского вѣдомства“ („Экономическая Записка“, 1858, № 22); „Объ угольныхъ работпкахъ, урочищахъ, положеніяхъ и вознаграждени за работы“ („Газета Лѣсоводства и Охоты“, 1858, № 48); „Лѣсохозяйственные замѣтки“ („Экономическая Записка“, 1858, № 41); „О выдѣленіи особыхъ лѣсныхъ участковъ въ помѣщачьихъ имѣніяхъ для пользованія крестьянъ“ (Журналъ Сельскаго Хозяйства“, 1858, № 9, перепеч. въ „Запискахъ Комитета Лѣсоводства“, 1859, т. II); „Исторический взглядъ на лѣсохозяйство въ Пермскомъ нераздѣльномъ имѣніи“ (Пермь 1881); „Сборники лѣсохозяйственныхъ постановленій и правилъ въ Ильинскомъ округѣ пермскаго маиората графовъ Строгановыхъ“ („Труды Имп. Вольно-Экономического Общества“, 1859, сентябрь); „О сырости или сочности дерева“ (тамъ же, 1859, декабрь); „Причины изслѣдованія быта крестьянъ въ хозяйственномъ отношеніи“ („Пермскій сборникъ“, изд. Д. Д. Смышляевымъ, 1860, кн. 2); „О значеніи въ лѣсохозяйствѣ обуви, изготавляемой изъ древесной коры“ („Экономич. Записки“, 1862, № 13; перепеч. въ „Журн. Минист. Госуд. Помоществъ“, 1862, апрѣль); „О рубкѣ и возобновленіи казенныхъ лѣсовъ въ Чердынскомъ уѣздѣ“ („Экономич. Записки“, 1862, № 34 и 36); Мѣры противъ пожаровъ („Труды Имп. Вольно-Экономич. Общества“, 1866, т. I, вып. 2); „Ueber die prähistorischen Opferstätten am Uralgebirge“ („Archiv für Anthropologie“, Bd XII, Freiburg 1879); то же въ перев. на русскій О. Е. Клерова подъ заглавиемъ „О доисторическихъ жертвенныхъ мѣстахъ въ Уральскихъ горахъ“ („Записки Уральского Общ. Любителей Естествознанія“, 1880, т. I, вып. 2); „Archäologische Beiträge aus dem Osten Europas“ („Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien“, 1879, VIII, №№ 10—12); „Извѣстіе о чудскомъ селище близъ села Кудышкорского“ („Записки Уральского Общ. Любителей Естествознанія“, т. VI, вып. 1); „Описание коллекціи черепиковъ глиняной посуды изъ Чудского селища близъ села Кудышкорского въ Соликамскомъ уѣзда“ (тамъ же, т. VI, вып. 4, 1884); „Mosaiksochse“ („Archiv für Anthropologie“, XVI); „Древесный растенія, прозывающія въ саду моемъ па открытомъ воздухѣ безъ всякаго прикрытия на зиму“ („Лѣсной Журн.“, 1885, в. 3).

Литература о Т.: Д. Д. Языковъ. „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, Спб. 1907, вып 10, стр. 98.—Д-р J. J. Ratzeburg. „Forstwissenschaftliches Schriftsteller-Lexicon“, Berlin 1872.—Н. А. Роговъ, „Материалы для истории пермского землѣдѣльческаго имѣнія графовъ Строгановыхъ“, Пермь 1902, стр. 87, 102 и слѣд.—Д. Д. Смышляевъ, „Сборникъ статей о Пермской губерніи“, Пермь 1891, стр. 285—292.—„Труды Пермской губернскай ученої Архивной Комиссии“, 1902, вып. V, стр. 68—70.—Brockhaus Convergations Lexicon, Leipzig 1886, XV, 563.—„Пермскія Губернскія Вѣдомости“, 1885, № 33.—„Illustrirte Zeitung“, 1885, № 2189.—„Лѣсной Журналъ“, 1885, вып. 3, стр. 152; вып. 11, стр. 495.—Н. Н. Вереха, „Лѣсоводство въ журналахъ „Сельское Хозяйство и Лѣсоводство“, Спб. 1891, стр. 82.

Тепляковъ, Викторъ Григорьевичъ, поэтический путешественникъ-археологъ, родился въ Твери 15 августа 1804 г. отъ брака Григорія Алексѣевича Теплякова съ Прасковьей Аггеевной Свѣчиной. Первоначальное образованіе получилъ дома. Бу-

дущій поэтъ отличался уже въ дѣтствѣ довольно сильно развитой мечтательностью и яркой фантазіей. «Благотворная фея» мечты рано стала навѣщать Т., и онъ впослѣдствіи не разъ вспоминалъ о тѣхъ временахъ, «когда, бывало, ты мнѣ мелькала въ златыхъ лучахъ денницы красной; когда въ лугахъ языки согласный пѣвцовъ рѣчныхъ или волнъ морскихъ ты объясняла, о фея, мнѣ; когда на днѣ рѣчномъ казала дома духовъ, рядъ стѣнь зубчатый, чудесъ палаты изъ облаковъ... ты со мнѣ, рука съ рукой, одна блуждала вокругъ стѣнь сѣдыхъ — развалинъ длиныхъ, церквей былыхъ, гробницъ старинныхъ; и рядъ людей вѣковъ минувшихъ, и тѣни дней давно мелькнувшихъ, изъ-подъ земли вставая мшистой, вились вдали чредой сребристой; —ты съ жизнью ихъ меня сливала, съ чудесъ былыхъ покровъ срывала»... Въ уста Перваго Странника, въ стихотвореніи «Странники», поэтъ вложилъ, безъ всякаго сомнѣнія, свои воспоминанія о дѣтствѣ: «и родной весны цвѣты златые, родной зимы снѣга сѣдые, рассказы нянин, игры дѣтъ, косца знакомаго напѣвъ, знакомыхъ ищель въ саду жужжанье, домашнихъ псовъ далекій лай, родныхъ потоковъ лепетанье». Въ этой мирной домашней обстановкѣ воображеніе ребенка усердно работало. Ангель поэзіи, говорилъ Т., его «младые годы когда-то розами вѣнчали; игру младенца золотую благословеніемъ оживляли и въ сердце юноши святую міровъ гармонію вдыхали». Изъ родительскаго дома Т. былъ отправленъ въ Москву и опредѣленъ въ благородный пансионъ при Московскомъ университете. Уже тогда онъ писалъ стихи. Въ 1820 г. Т. поступилъ юнкеромъ въ Павлоградскій гусарскій полкъ. Тогдашняя военная среда, въ которой пришлось вращаться Т., была культурной сферой, богатой образованными людьми; изъ нея вышли дѣятели тайныхъ союзовъ двадцатыхъ годовъ и участники декабристскаго движения 1825 г. Знакомство съ Западной Европой, которое вынесли офицеры изъ недавняго парижского похода, значительно подняло уровень ихъ умственного и нравственного развитія. Офицерство занималось литературой, науками, примыкало къ тайнымъ обществамъ и масонскимъ ложамъ. Эта среда была очень полезна для Т.; онъ познакомился съ извѣстнымъ своей эксцентричностью,

образованіемъ и умомъ П. П. Каверинымъ, другомъ Пушкина. Каверинъ ввелъ его въ одну масонскую ложу. Въ 1824 г. Т. оставилъ военную службу и перебѣхалъ въ Петербургъ. Врачаюсь тамъ среди лучшей тогдашней молодежи, Т. не могъ не быть знакомъ со многими дѣятелями Сѣвернаго тайного общества и участниками военнаго бунта 14 декабря 1825 г. Тѣкъ подозрѣнія пала и на Т.; у него былъ произведенъ обыскъ, при которомъ были найдены предметы, обличавшіе въ немъ члена масонской ложи. Т. былъ арестованъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Сидѣть ему пришлось довольно долго. Въ стихотвореніи «Затворникъ» онъ превосходно изобразилъ весь ужасъ страданій, причинляемыхъ одиночнымъ заключеніемъ, когда «минуты черныя бродутъ вѣковъ огромныхъ колоссальныій», «безумства ядъ душѣ грозитъ, во всѣ мочты ея вливаясь», и только слышны «на башнѣ крикъ ночного врана, часовъ церковныхъ дальний бой, да крики стражей, да порой трескъ заревого барабана». Въ крѣпостномъ казематѣ Т. заболѣлъ и былъ отправленъ въ военный госпиталь. По выздоровленію его перевели, по Высочайшему повелѣнію, въ Александро-Невскую лавру на церковное покаяніе. Здоровье его было совсѣмъ расшатано; въ концѣ 1826 г. онъ обратился къ императору Николаю I съ прошеніемъ о переводе изъ лавры и о разрѣщеніи жить въ болѣе теплыхъ краяхъ. Тогда ему было назначено жить въ Херсонѣ, подъ надзоромъ полиціи; туда его повезли подъ конвоемъ жандарма. Остановившись дорогой въ родной Гвери, Т. имѣлъ возможность свидѣться и проститься съ родными. Свое разставаніе съ ними онъ изобразилъ въ стихотвореніи «Изгнаникъ». Въ Херсонѣ его на первыхъ же порахъ обокралъ его крѣпостной лакай, который былъ арестованъ; благодаря этому прошло въ городѣ слухъ, что у Т. водятся деньги. Шайка грабителей ночью ворвалась въ его квартиру и ограбила его, причемъ самъ онъ былъ раненъ и впослѣдствіи долго страдалъ отъ этой раны. Положеніе ограбленаго и изучченаго Т. было такъ ужасно, что онъ описалъ его въ письмѣ къ государю. Николай Павловичъ былъ растроганъ этимъ письмомъ; къ тому же единственная вина Т. заключалась въ его участіи въ масонской ложѣ. Госу-

дарь приказалъ возвратить ему права, принять на государственную службу и прислать двѣ тысячи рублей, какъ это онъ обыкновенно дѣлалъ, стараясь вознаградить за несправедливое преслѣдованіе и лишеніе свободы. Кромѣ того, для разслѣдованія дѣла о грабежѣ былъ командированъ флигель-адъютантъ. Т. былъ опредѣленъ на службу въ Таганрогскую таможню, но служба эта была ему не по душѣ, и въ ней онъ пробылъ недолго. Новороссийскій генераль-губернаторъ и полномочный намѣстникъ Бессарабской области, графъ М. С. Воронцовъ, взялъ его къ себѣ (въ 1827 г.) чиновникомъ особыхъ порученій; въ этой должности онъ пробылъ до 1835 г. Жизнь Т. измѣнилась значительно къ лучшему, когда онъ поселился въ живой и веселой Одессѣ. Въ Одессѣ тогда жилъ и цѣльствовалъ значительный кругъ умныхъ и высокообразованныхъ людей; рождалась цѣлая школа южно-русскихъ археологовъ, и было чѣму питать жаждущую знаній и впечатлѣній душу Т. Въ 1828 г. Т. отправился вмѣстѣ съ семействомъ своего московскаго знакомаго Г. А. Римскаго-Корсакова на Кавказъ, который привезъ на поэта очень сильное впечатлѣніе.

Т. зналъ нѣсколько языковъ; эпиграфы къ своимъ стихотвореніямъ сѣя бралъ изъ Шиллера, Байрона, Данте, Камоэнса, французскихъ авторовъ; особенно же любилъ онъ исторію и въ частности археологію. Въ Одессѣ тогда открылся музей новооснованного общества исторіи и древности, главной цѣлью котораго было изданіе южно-русской и черноморской археологии. Т. занялся розысканіемъ памятниковъ древности для музея. По предложению его директора И. П. Бларамберга, онъ былъ отправленъ, во время войны съ турками въ 1829 г., на Балканскій полуостровъ, въ города древней Мидии и Оракіи, где пробылъ до конца кампаніи. Немало памятниковъ древности было имъ прислано въ одесскій музей. Отчетъ его объ экспедиціи, представленный имъ по возвращеніи графу М. С. Воронцову, былъ напечатанъ въ «Одесскомъ Вѣстнике» и заѣмъ переведенъ во многихъ европейскихъ журналахъ. Во время похода Т. написалъ лучшее и самое крупное изъ своихъ произведеній—«Оракійская элегія», а подробное научное описание своей ученой поездки издалъ особою книгою—«Письма изъ

Болгаріи», вышедшее въ свѣтъ въ Москву въ 1833 г. Натура Т. была такова, что онъ, близкій свидѣтель грозныхъ происшествій войны, нимало не занимался ими и во время войны уносился духомъ въ мирные картины своей излюбленной древности. Живя въ Одессѣ, Т. былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ «Одесского Вѣстника» и печаталъ въ «Одесскомъ Альманахѣ» свои стихи. По поводу «Писемъ изъ Болгаріи» В. А. Жуковскій писалъ Т. 27 апрѣля 1834 г.: «Давно уже уважаю васъ, какъ поэта съ дарованіемъ необыкновеннымъ и какъ пріятнаго произнѣка, умѣющаго давать слогомъ свою прелестъ учености». Престарѣлый поэтъ И. И. Дмитревъ писалъ ему тоже по поводу этой книги 16 января 1834 г.: «Завидное преимущество творческаго ума! Съ его благодатною книгою я, не сходя съ домашнихъ креселъ, забываю пятнадцать градусовъ мороза, любуюсь радужнымъ востокомъ на голубомъ небѣ, ярко зеленою бархатными долинами, прохладою искрометныхъ фонтановъ и заслушиваюсь моего путеводителя, глубокомысленнаго поэта-живописца и ученаго наблюдателя». Т. владѣла страстью къ путешествіямъ, не та «охота къ перемѣнѣ мѣсть, весьма мучительное свойство» многихъ, но жажда все видѣть, все знать, все испытать. Онъ отлично выразилъ ее въ стихотвореніи «Странники»: «Блаженъ, блаженъ, кто моря зреѣтъ волненіе, кто Божій міръ отчизною называлъ, свой отдалъ путь на волю прорицанія и воздухомъ вселенной подышалъ! Бродячей жизни бредъ счастливый, ты, какъ поэта сонъ игриный, разнообразиѣмъ богатъ! Сегодня—кровъ убогой хаты, деревня, пашни полноты, а завтра—пышныхъ зданій рядъ, искусствъ волшебныя созданья, священный генія завѣтъ, чудесъ минувшихъ яркій слѣдъ, народовъ пѣсни и преданья!... Онъ любилъ, говоря его же словами, «погрузиться думою въ смыслъ исторіи, ускользнувшій отъ человѣческихъ лѣтописей и столь глубокій, столь краснорѣчивый на пощаженныхъ тысячелѣтіями обломкахъ».

Со временемъ путешествія по Болгаріи Т. стала усердно заниматься изученіемъ Востока, что ему было тѣмъ легче, что онъ владѣлъ обоими древними языками и турецкимъ, не говоря уже о нѣсколькихъ европейскихъ. Въ 1834 г. онъ былъ ко-

мандированъ въ Константинополь и Смирну. Въ октябрѣ 1834 г. Т. предпринялъ путешествіе съ научною цѣлью въ Константинополь, Грецію и Малую Азію. Путешествіе обогатило его археологическія знанія; въ путевыхъ запискахъ (неизданныхъ) онъ изложилъ свои наблюденія. Возвратившись изъ этой поѣздки въ апрѣль 1835 г. въ Одессу, Т. вскорѣ уѣхалъ въ Петербургъ—хлопотать о переводѣ на службу при русскомъ посольствѣ въ Константинополь. Это удалось ему съ трудомъ, потому что вице-канцлеръ графъ К. В. Нессельроде былъ настроенъ противъ него. Дневникъ его пребыванія въ Петербургѣ въ 1835 и 1836 гг. сохранилъ отрывочныя замѣтки, изъ которыхъ видно, что онъ вращался въ обществѣ А. С. Пушкина, В. А. Жуковскаго, П. А. Плетнѣва, графа М. Ю. Вельзорского, А. С. Норова, князя В. Ф. Одоевскаго, С. А. Соболевскаго. На одномъ литературномъ вечерѣ у Жуковскаго Т. слушалъ чтеніе Гоголемъ его «Ревизора», на другомъ, въ присутствіи цесаревича Александра Николаевича, самъ читалъ свои «Фракійскія элегіи». Лѣто 1835 г. Т. провелъ частью въ имѣніи своего отца, с. Дорошихѣ, подъ Тверью, частью въ Москвѣ; встрѣчался съ поэтомъ Ф. Н. Глинкою и романпистомъ И. И. Лажечниковымъ. Въ 1836 г. вышелъ въ свѣтъ второй томъ его «Стихотвореній». Первый томъ вышелъ еще въ 1832 г. (въ него вошли стихотворенія, написанныя съ 1824 до 1831 г.). Онъ доставилъ Т. нѣкоторую извѣстность, но второй томъ показалъ въ немъ одного изъ лучшихъ русскихъ поэтовъ. Въ III книгѣ «Современника» 1836 г. Пушкинъ помѣстилъ свою рецензію на второй томъ «Стихотвореній» Т. Указавъ на нѣкоторые недостатки стиховъ Т., великий поэтъ все же нашелъ у него «необыкновенное искусство въ описаніяхъ, яркость въ выраженіяхъ и силу въ мысляхъ» и заключилъ: «вездѣ гармонія, вездѣ мысли, изрѣдка истина чувствъ. Если бы Тепляковъ пичего другого не написалъ, кроме элегій «Одиночество» и статьи «Любовь и ненависть», то и тутъ занялъ бы онъ почетное мѣсто между нашими поэтами». А. С. Стурдза и В. А. Жуковский очень похвалили этотъ томъ.

Состоя при русской миссіи въ Константинополѣ, Т. былъ всячески отстранимъ отъ дѣлъ, и даже архивъ посольства не

былъ ему доступенъ. Несмотря на эти неблагопріятныя условія, Т. нѣсколько разъ представлялъ въ министерство иностраннѣй и финансовыхъ дѣлъ записки о внутреннемъ и положеніи Турціи. Въ 1837 г. онъѣздилъ въ качествѣ дипломатического курьера въ Аенны, а въ началѣ 1838 г. отправился въ путешествіе по Египту, Сиріи и Палестинѣ, причемъ изучалъ исторію и свою излюбленную археологію. Въ Сиріи Т. познакомился съ извѣстной авантюристкой леди Стенгольпъ; посѣтилъ Палестину и на Голгоѳѣ заказалъ панихиду по Пушкинѣ. (Отрывки изъ своихъ путевыхъ записокъ онъ помѣстилъ впослѣдствіи въ Литературныхъ прибавленіяхъ къ «Русскому Инвалиду»). Т. былъ въ Константинополѣ, когда до него дошла печальная вѣсть о смерти Пушкина, котораго онъ довольно близко зналъ, любилъ, и подъ могущественнымъ вліяніемъ котораго выросъ и окрѣпъ его литературный талантъ. 18 февраля и 17 марта 1837 г. хорошая знакомая Т. графиня Р. С. Эдлингъ (сестра А. С. Стурдзы) сообщила ему въ своихъ письмахъ изъ Одессы подробнѣости кончины Пушкина. Еще больше подробнѣостей сообщилъ ему П. А. Плетнѣвъ, другъ Пушкина, въ письмѣ изъ Петербурга отъ 29 мая 1837 г. Возвратившись изъ путешествія по Востоку, Т. просилъ свое начальство о перевodѣ его въ какое-нибудь изъ русскихъ посольствъ въ Западной Европѣ. Въ концѣ 1839 г. онъ писалъ своему брату, Алексѣю Григорьевичу: «Я оставляю Константинополь, развалины чума и варварство мнѣ надоѣли; хочется на западъ, хочется посмотреть на Европу, поближе взглянуть на прославленную цивилизацию нашего времени». Въ министерствѣ Т. недолюбливали и на его просьбу отвѣтили отказомъ. Тогда онъ вышелъ въ отставку и, недолго проживъ въ Петербургѣ, въ маѣ 1840 г. отправился въ Западную Европу. Живя въ Парижѣ, онъ посѣщалъ салонъ С. П. Свѣчиной, где встрѣчался съ Ламартиномъ, Шатобріаномъ и занималъ общество своими интересными разсказами о Востокѣ. Здоровье его было очень плохо, и въ началѣ мая 1841 г. онъ поѣхалъ на воды въ Энглію. Немного поправивъ здоровье, онъ пустился снова въ дорогу; проѣхалъ по Рейну, посѣтилъ Швейцарію и въ октябрѣ прибылъ въ Италію. Въ Римѣ

онъ познакомился съ знаменитымъ языковѣдомъ кардиналомъ Мецдофанті. Здѣсь онъ пожелалъ представиться папѣ Григорію XVI; раньше зная лишь поверхностно итальянскій языкъ, онъ въ одну недѣлю овладѣлъ имъ въ такой мѣрѣ, что въ Ватиканѣ въ присутствіи папы Т. рассказывали о Востокѣ по-итальянски. Григорій XVI предложилъ ему написать по архивнымъ документамъ біографію Beатриче Ченчи; Т. взялся за работу, но вскорѣ оставилъ ее. Возвратившись изъ Рима во Францію, Т. некоторое время лечился въ Виши, а затѣмъ опять перѣѣхалъ въ Парижъ. Операдія, которой онъ тамъ подвергся, не облегчила его болѣзни. Онъ усталъ душевно, тоска и скука овладѣли имъ. Изъ Парижа онъ писалъ брату: «Я видѣлъ все, что только есть любопытнаго въ подлунномъ мірѣ, и все это мнѣ надобно до невыразимой степени». 9 октября 1842 г. ударъ сразилъ его; онъ погребенъ на парижскомъ Монмартрскомъ кладбищѣ.

Не занимая среди современниковъ Цушкина особенно выдающагося места, Т. все же не былъ эфемернымъ дарованиемъ, и имя его не затеряется среди безчисленныхъ именъ, наводнявшихъ журналы и альманахи двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Онъ не былъ продуктивенъ; будучи способенъ создать очень многое, онъ создалъ мало. Его недолгая жизнь прошла въ скитаніяхъ; онъ былъ изъ тѣхъ, которые «и жить торопятся, и чувствовать спѣшатъ». П. А. Плетнѣвъ какъ-то совѣтовалъ ему переработать научно и поэтически все, что пришлось ему увидѣть, узнать и пережить: «Слава Богу, что вамъ удалось столько увидѣть, столько прочувствовать и кинуть все это въ свои восточные портфели. Это не должно погибнуть»... Желаніе Плетнѣва не сбылось; Т. не суждено было разработать богатый запасъ своего житейского опыта, научныхъ знаній и поэтическихъ впечатлѣній, и отъ него осталось только нѣсколько археологическихъ трудовъ, нынѣ, конечно, утраченныхъ значительную часть своего научного достоинства, да два томика стихотвореній, которыхъ не дадутъ имени Т. быть забытымъ въ исторіи русской литературы. Это былъ поэтъ-естетикъ и мыслитель по преимуществу, поэтъ строгихъ и грустныхъ раздумій. Онъ, говоря его же стихами («Чудный домъ»), «въ цар-

ствѣ ума, средь Божественныхъ Музъ, рѣчь чистаго счастья слѣдилъ». Мысли свои о поэзіи Т. изложивъ въ предисловіи къ первому тому своихъ «Стихотвореній»: «Во всѣ времена и между всѣми народами истинная поэзія олица сыновъ съ безсмертными подвигами ихъ предковъ, была грозою утѣшителя, защитою и усolationю безпомощнаго. И нашему ли вѣку, столь ярко озаренному поэтическимъ пробужденіемъ внутренняго человѣка, и намъ ли, юнымъ питомцамъ своего вѣка, позволено видѣть въ поэзіи младенчество народовъ и почитать себя выше всѣхъ животворныхъ чудесъ ся? Когда можетъ устарѣть душа и сдѣлаться предметомъ пренебреженія для тѣла, движимаго ея могуществомъ? И кто болѣе насъ могъ замѣтить, до какой степени переплетены между собою вѣтви единаго древа—кѣти многолиственного кедра наукъ, коего отрасли, не осыпанныя благоухающими цветами поэзіи, показались бы намъ дикими, сухими, безжизненными». Поэзія, по мнѣнію Т., есть та сила, которая является на помощь слабой и мятущейся человѣческой душѣ, когда она «вотще обнять сей міръ огнемъ всѣхъ чувствъ своихъ желаєтъ... въ здѣшнемъ мракѣ видѣть льстится своею отчизны милый свѣтъ... когда въ божественномъ забвѣнїи, сама въ себя погружена, грустить о родинѣ она», — и «небесный ангель разрѣшаеть ее тогда отъ здѣшнихъ узъ и благодатный заключасть съ ней родинѣ ея союзъ», и душа освобождается отъ «земного мучительного груза». Въ свѣтѣ этого божественнаго озаренія «отрокъ, дѣва другъ, любовь, подъ солнцемъ выспреннихъ міровъ,—одно и то же для творенія» («Фриголетта»), и поэту видѣть «лучшій, идеальный міръ», ощущаетъ «ту гармонію сердца, которую, ощущивъ однажды, мы никогда позабыть не можемъ». При такомъ настроеніи души міръ кажется жалкимъ ничтожнымъ, тщетнымъ. «Я знаю вѣро, что не знаю ничего, океанъ тоски мертвящей—умъ пытливый мудреца», — говоритъ поэтъ. «Съ презрѣньемъ я гляжу на блескъ подлунной славы», слова — «дымъ пустой». Все въ мірѣ тленно, все вянеть, все гибнетъ. Пустой и однообразной жизнью живеть «народовъ муравейникъ»: — «вѣка вѣковъ лишь повтореніе! Сперва — свободы обольщенье, гремушки

славы наконецъ; за славой — роскоши потоки, богатства съ золотымъ ярмомъ, потомъ — изящные пороки, глухое варварство потомъ». («Это прекрасно! Энергія послѣднихъ стиховъ удивительна!» замѣтилъ Пушкинъ, выписавъ приведенные строки, представляющія собою переводъ изъ Байрона). Какъ истинный поэтъ, Т. всю жизнь любилъ тотъ таинственный образъ, которому поклонялся Лермонтовъ, который Верленъ называлъ: «шон пёне familialier»: «она своей тоской, своей улыбкой роковой моей души беспечный миръ мечтами странными отъ раннихъ лѣтъ смутила». Истинное счастье—въ золотой серединѣ домашняго спокойствія, скромнаго довольства малымъ, которыхъ, однако, не довелось испытать Т.: «хижина миромъ хранимая, садъ надъ лазурью морской стали, какъ дѣва любимая, сердца любимой мечтой». Онъ жаждалъ этого тихаго уголка: «Дайте хижину простую мнѣ надъ рѣчкой голубой, дочь природы молодую, книгу, садикъ и покой. Тамъ любовю своею душу мрамору я дамъ и другую Галатею съ сердцемъ огненнымъ создамъ!» Но есть и другой счастливый удѣлъ,—счастье созерцающей души, счастье парящей мечты. Счастье можно найти только въ «царствѣ золотыхъ бриллиантовыхъ думъ; по ихъ океану блуждая, какъ сладко циркуль воспрянувшій умъ, венчественный міръ покидая!» Создавъ вокругъ себя особую духовную атмосферу, поэтъ обращается къ самому себѣ: «Пусть, какъ волны моря шумнаго рошщутъ страсти вокругъ тебя,—до тщеславья ихъ безумнаго что тебѣ, душа моя! Возносись, какъ розъ дыханіе, какъ органа звуки ты, крылья взявшъ у созерцанія, къ солнцу вѣчной красоты!» На Т. сильное влияніе имѣлъ Пушкинъ, котораго онъ называлъ своимъ «великимъ учителемъ». Вліяніе это особенно сильно оказывается въ первыхъ стихотвореніяхъ Т. Слогъ его блестящій, страстный. Эпитеты ярkie, простые, но поэтъ умеетъ ими пользоваться, и они не кажутся общими и скучными. Образовъ у Т. ясного, но они красивы и свѣжи, стихъ звученъ и силенъ,—какъ выражался Пушкинъ, «энергиченъ».

«Стихотворенія Виктора Теплякова», Москва 1832; «Стихотворенія Виктора Теплякова», томъ второй, Спб. 1836.—«Отчетъ о разныхъ памятникахъ древности открытыхъ и пріобрѣтенныхъ въ иѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи и

Румеліи» Одесса 1829.—«Письма изъ Болгаріи» В. Г. Теплякова, Москва 1833.—«Московскій Телеграфъ», 1829, ч. 27.—«Литературная Газета», 1830, № 6, 13, 21, 23, 29, 38.—«Новости Литературы», 1824, кн. VIII, № 22.—«Сѣверная Пчела», 1843.—«Отечественный Записки», 1843, т. XXVIII, отд. VIII, стр. 74—103.—«Одесск. Вѣстникъ», 1832, № 41, стр. 162—164, библіографія.—«Одесский Альманахъ» на 1831 и на 1834 г.—«Одесск. Вѣстникъ», 1831, № 6.—«Современникъ», 1836, т. II.—«Сочиненія А. С. Пушкина», изд. Литорат. фонда, Спб. 1887, т. V, 334—340.—«Русск. Архивъ», 1866, стр. 1148.—«Викторъ Григорьевичъ Тепляковъ», біографіческий очеркъ Ф. А. Бычкова, «Историч. Вѣстникъ», 1877, іюль, 5—23; съ портретомъ.—«В. Г. Тепляковъ», очеркъ П. Бычкова, «Нива», 1888, № 41, стр. 1016, 1018, съ портретомъ.—«Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ» Н. В. Гербеля, изд. 2-е, Спб. 1880, стр. 326—327.—«Отчетъ Имп. Публичной библіотеки за 1898 г.».—«Литературные Прибавленія къ Русскому Извѣстію», 1837, № 3.—«Общезапатентный Вѣстникъ», 1857, № 6, статья А. Греня; статья его же въ «Петербургскому Вѣстнику», 1861, № 14, стр. 310—314.—Нѣмецкая „Lothr. Litter. Zeitung“, 1830, статья „Aus Moskau“.—«Изъ одесскихъ преданий», статья Н. Лернера («Вѣдомости Одесск. Градоначальства», 1900, № 285).—«Объ одномъ стихотвореніи В. Г. Теплякова», библіографическая справка Н. Лернера, „Записки Импер. Одесского Общества Истор. и Древн.«, т. XXIV, протоколы, 70—71.

Н. Л.

Тепчегорскій, Григорій, Навловичъ, живописецъ и граверъ на мѣди конца XVII и начала XVIII вѣка, состояль при Московской гражданской типографіи и работалъ подъ надзоромъ Шикара, ученикомъ котораго былъ и манеры котораго онъ придерживался въ своихъ произведеніяхъ. Онъ былъ не только живописцемъ и граверомъ, но также рисовальщикомъ и даже сочинителемъ стиховъ, которые помѣщались на своихъ гравюрахъ и рисункахъ. П. А. Безсоновымъ онъ упоминается какъ сочинитель духовныхъ виршъ, положенныхъ на ноты монахомъ Александромъ Мезенцемъ. Т., вѣроятно, былъ духовнымъ, такъ какъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ говоритъ: «Вспоминаяхъ житіе свое клироское, азъ недостойный Григорій...», а подъ иѣкоторыми своими произведеніями онъ подписывался «Перей Григорій». Гравировалъ онъ, главнымъ образомъ, огромныхъ размѣровъ богословскіе тезисы. Ему принадлежатъ слѣдующія произведенія: 1) Святцы изъ 12 листовъ; каждый листъ раздѣленъ на 5 полосъ и содержитъ одинъ мѣсяцъ; 2) 26 картинокъ,

вклеинныхъ въ рукописный «Акаистъ Алексю, человѣку Божію» съ посвященіемъ царевичу Алексю Петровичу; единственный экземпляръ этого Акаиста находится въ библиотекѣ А. И. Хлудова; 3) Огромная гравюра на 8 доскахъ, сдѣланная по заказу Афанасія Заруднаго, протопопа Новгородъ-Сѣверскаго, въ 1717 г.; въ серединѣ изображены Петръ I, Екатерина I и царевичи Алексій и Петръ Петровичи, справа отъ Петра I — Иоаннъ Богословъ и маленький царевичъ Петръ Алексѣевичъ, вверху — Богоматерь; два экземпляра этой гравюры хранятся въ Московской Оружейной палатѣ и одинъ въ академіи наукъ; 4) Тезисъ Лаврентія Трансильванскаго, одѣянный Т. вмѣстѣ съ Ив. Зубовымъ; 5) «Образъ преблагословенной Дѣвы Маріи, отъ святого евангелиста Луки, начертанный въ Вѣлой Россії» (копія съ иконы Богородицы Ченстоховской), помѣченный 1711 годомъ; 6) Св. Николай Чудотворецъ, съ виршами, сочиненными Т., гравировано въ 1718 г.; 7) Поколѣнное изображеніе св. Іоанна Златоуста, съ посохомъ въ лѣвой руцѣ, правой — благословляюще (въ 1715 г.); 8) «Комедія притчи о блудномъ сыне, бываемое въ хѣтс 1685 года», сдѣлано по инвентарю Пикара старшаго совмѣстно съ Л. Бунинымъ; 9) Три листа съ изображеніемъ иконъ Богородицы, — хранятся въ собраніи Д. Ровинскаго; 10) Заглавный листъ съ изображеніемъ артиллерійскихъ орудій къ «Артиллериі» Бринка (Москва 1710), также картина «Ватер - пас ізі орізонтальнай». Кромѣ того Т. скопировалъ съ «Бібліі» Пискатора рисунки для Апокалипсиса, вырезанного Коренемъ (1696 г.), увеличивъ ихъ вчетверо, причемъ придалъ своимъ фигурамъ совершенно польскій характеръ, одѣвъ ихъ въ польскіе кафтаны и сдѣлалъ въ сочиненіи Пискатора стольно измѣненій, что, по словамъ Д. Ровинскаго, трудъ его можно считать почти оригинальнымъ. Подъ наблюденіемъ Т. выгравирована была въ первой половинѣ XVIII вѣка маленькая біблія съ немецкаго оригинала; подъ каждой картинкой этой бібліи помѣщены вирши, сочиненные Т., въ которыхъ встрѣчаются польскія выраженія. Затѣмъ имъ же сдѣланъ 4-й листъ Синодика 1702 г. — Лука митрополитъ. Свои произведения Т. подписывалъ не только полнымъ именемъ, но

также: «Григорій», «Григорій Гридеръ», «іерей Григорій» и инициалами Г. Т.

Д. И. Ровинскій, «Русскіе граверы и ихъ произведения», Москва 1870, стр. 33, 113, 117, 120, 126, 129, 207, 210, 235, 259, 299 — 304. — Его же, «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», Спб. 1889, т. I, стр. 251—252, 894; т. II, стр. 1436, 1444—1454, прилож., стр. 365 и 367. — Его же, «Русскія народныя картинки», Спб. 1881, т. III, стр. 194, 373, 475, 524, 526, 616, 687, 881, 624 и 712; т. IV, стр. 521, 592, 600 и 634; т. V, стр. 10 и 16. — В. Клюшниковъ, «Всеизучный энциклопедіческій словарь», Спб. 1892, ч. 2, стр. 854. — Ф. И. Булгаковъ, «Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства», Спб. 1889, т. I, стр. 291. — А. П. Ноцкій, «Історія русскаго искусства», Москва 1900, т. II, стр. 40. — П. А. Безсоновъ, «Калики пе, рехожіе», т. II, № XI. — П. Пекарскій, «Історія россійской академіи наукъ», т. I, стр. 303.

Тергужасовъ, Арзасъ Артемьевичъ, генералъ-лейтенантъ, родился въ 1819 г. Образованіе получилъ въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія. Въ 1852 г. былъ зачисленъ маюромъ въ Аштеронскій пѣхотный полкъ, съ которымъ участвовалъ во многихъ кавказскихъ экспедиціяхъ. Въ 1859 г. назначенъ командующимъ этого полка, и вскорѣ послѣ того, командуя его 1-мъ и 4-мъ баталіонами, онъ съ ними двинулся къ аулу Гунаѣ и послѣ горячаго боя овладѣлъ непріятельскими завалами у этой деревни. Съ 1868 г. Т. управлялъ среднимъ отдѣломъ Терской области, а годъ спустя получилъ въ командованіе 38-ю пѣхотную дивизію вмѣстѣ съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты. Во время Русско - Турецкой войны 1877—1878 гг. Т. оставался въ Кавказскомъ дѣйствующемъ корпусѣ и начальствовалъ Эриванскимъ отрядомъ. 18 апрѣля 1877 г. онъ со своею дивизіей занялъ покинутый непріятелемъ Баязетъ, оставилъ въ крѣпости небольшой гарнизонъ и самъ съ остальными силами двинулся къ Эрзеруму, попутно выбивъ 28 мая непріятеля изъ укрѣпленія Алашкарть. 9 іюня отрядъ Т., выдержавъ бой у с. Даары, гдѣ былъ атакованъ значительно превосходными силами Мухтарапаши. Послѣдній имѣлъ въ виду воспользоваться отдаленностью главныхъ спль нашего Кавказскаго корпуса, оставшагося подъ Карсомъ, овладѣть проходомъ Делибаба, преградить такимъ образомъ путь отряду Т. къ Эрзеруму и нанести ему решительный ударъ. Сраженіе открылось въ 2 часа пополудни артиллерійскимъ огнемъ

съ обѣихъ сторонъ, отъ которого пострадали значительно болѣе турки, чѣмъ русскіе; въ $4\frac{1}{2}$ часа непріятель двинулся въ атаку, направляя главныя усиія противъ праваго фланга отряда Т., но на всѣхъ пунктахъ былъ отбитъ; въ 10 час. вечера бой прекратился безъ ясныхъ результатовъ. Ночью Т. получилъ приказаніе отступать, вызванное неудачами нашихъ главныхъ силъ у Зевина. Несмотря на большія трудности пути и сльдованіе непріятеля по пятамъ, отступленіе было совершено въполномъ порядке, и турки вскорѣ прекратили преслѣдованіе. Направляясь обратнымъ путемъ къ Баязету, Т. подоспѣлъ къ нему какъ разъ въ критической моментъ для находившагося тамъ русскаго отряда. Вскорѣ по ходу Т. къ Эрзеруму, оставленный имъ въ Баязетѣ малочисленный отрядъ (около 1.600 чел.) былъ осажденъ 25-тысячнымъ отрядомъ Измаила-паша и Кази-Магомы, занявшимъ вѣнчій городъ и обложившимъ крѣпость. Больѣ 20 дней осажденный гарнизонъ мужественно отражалъ непріятеля. 28 июня Т. подошелъ къ крѣпости и послѣ боя приводилъ осаждавшихъ къ бѣгству. 28 октября Т. вмѣстѣ съ генераль-лейтенантомъ Гейманомъ канесъ рѣшительное пораженіе туркамъ при Деве-Бойну, весьма сильной съ фронта и фланговъ горной позиціи, на которой сосредоточилъ всѣ свои силы Мухтаръ-паша. Т., соединившись съ генераломъ Гейманомъ, 28 октября въ $4\frac{1}{2}$ часа дня атаковалъ эту позицію. Послѣ жестокаго боя русскіе овладѣли ключомъ позиціи, высотою Узунъ Ахметъ, и вскорѣ за этимъ принудили турокъ къ послѣшному отступленію. Почти вся непріятельская артиллерія сдѣлалась нашимъ добычей. По окончаніи войны Т. былъ назначенъ командиромъ 2-го Кавказскаго корпуса, въ каковой должности оставался до смерти, послѣдовавшей 8 января 1881 г.

„Русскій Извѣстій“, 1881, № 12. — „Энциклопедич. словарь“ Брокгауза-Ефрона, 1-е изд., т. 32, Спб. 1901, стр. 947. — „Материалы по описанію Русско-Турецкой войны 1878—1879 гг.“, изд. Военно-Исторической комиссіи Главнаго штаба.

Теребеневъ, Александръ Ивановичъ, скульпторъ, академикъ, сынъ скульптора же и карикатуриста Ивана Ивановича Теребенева, родился въ Петербургѣ 24 января 1812 г. На 12-мъ году поступилъ въ ака-

демію художествъ, гдѣ учился сначала въ рисовальномъ классѣ, но потомъ избралъ специальностью скульптуру, которой обучался у профессора Демутъ-Малиновскаго. Въ это время скульптура въ академіи переживала переходное время: вмѣсто подражанія формамъ древней классической Греціи стали стремиться къ изображенію естественныхъ, реальныхъ формъ. Въ числѣ приверженцевъ нового направленія былъ и Т. Онъ проявилъ большія дарованія, дѣлалъ блестящіе успѣхи въ ваяніи и получилъ цѣлый рядъ наградъ: еще въ первые годы своего учченія двѣ малыя серебряныя медали за лѣпку группы съ натуры и за бюстъ съ натуры же книгопродавца И. Сленина (его дяди), въ 1835 г. двѣ большія серебряныя медали (одну за лѣпку группы съ натуры, другую за исполненный по программѣ барельефъ) и малую золотую за барельефъ «Іоаннъ Креститель проповѣдуетъ въ пустынѣ о прішествіи Спасителя», за который онъ оставленъ былъ при академіи пенсионеромъ (хранится въ академической церкви); малую же золотую медаль получилъ и за другой исполненный по заданной программѣ барельефъ «Іосифъ, разсказывающій въ темницѣ о значеніи сновъ, видѣнійъ двумя царедворцами фараона». Въ 1836 г. былъ выставленъ на выставкѣ художественныхъ произведеній его барельефъ «Построеніе ковчега Ноемъ съ сыновьями», который обратилъ на себя всеобщее вниманіе и былъ приобрѣтенъ академіей художествъ; барельефъ этотъ не сохранился. Окончивъ въ 1836 г. курсъ академіи со званіемъ художника XIV класса и будучи оставленъ при академіи пенсионеромъ, Т. получилъ право побѣхать на казенный счетъ въ Италію, для чего ему нужно было исполнить работу на сокланіе большой золотой медали; но этой работѣ помѣшила его женитьба (на дочери профессора А. Е. Егорова); онъ сталъ работать для заработка и долженъ былъ отказаться отъ мысли о поѣздкѣ за границу. Въ ближайшіе годы по выходѣ изъ академіи Т. исполнилъ горельефъ, изображающій Вѣру, для зданія Опекунскаго совѣта и тамъ же круглую статуи и горельефы, украшающіе арки, ниши и парадную лѣстницу, и выдѣлилъ въ видѣ барельефа четырехъ евангелистовъ для городской церкви въ Петергофѣ. Вскорѣ ему удалось проявить

свои дарованія при работахъ въ Зимнемъ дворцѣ послѣ пожара; имъ сдѣланы слѣдующія работы: двѣ колоссальные статуи, изображающія Мудрость и Правосудіе, для парадной лѣстницы; огромный барельефъ, длиной въ семь саженъ, изображающій битву амазонокъ съ центаврами, находящійся въ кавалерійскомъ залѣ; двѣ фигуры—Флору и Гебу въ видѣ барельефа—въ покояхъ государыни; двѣ фигуры ангеловъ изъ рарієш шаснѣ, изображающія Старый и Новый завѣты—для дворцовой церкви. Эти работы выдвинули Т. въ рядъ лучшихъ скульпторовъ и доставили ему многочисленные заказы. Имъ было исполнено два большихъ горельефа, въ 4 саж. каждый, для залы Опекунскаго совѣта (вызвавшіе много толковъ и въ значительной мѣрѣ способствовавшіе его известности), по заказу графини Орловой-Чесменской горельефъ для Юрьевскаго монастыря, изображающій Богородицу и св. Феодориста, памятника пастору Муральду и генералу Кононову, цѣлый рядъ работъ для Александровскаго сиротскаго дома, Екатерининскаго института и др. Затѣмъ Т. въ званіи скульптора командированъ былъ въ Крымъ для руководства изысканіями пантикопейскихъ древностей въ Керчи. Здѣсь онъ выпилъ бюстъ керченскаго градоначальника князя Херхеуладзе и началъ лѣпить круглую статую Амфитриды, но не успѣлъ закончить ее, такъ какъ вскорѣ возвратился въ Петербургъ съ керченскими древностями; многія изъ этихъ древностей онъ удачно реставрировалъ. Самыми замѣчательными и выдающимися изъ его работъ являются каріатиды и термы, сдѣланыя имъ для Эрмитажа. Фигуры эти высѣчены были изъ сердобольскаго гранита. Каріатиды сдѣланы колоссальныхъ размѣровъ, въ 7 аршинъ вышины, и украшаютъ собой подъѣздъ Эрмитажа; за глиняную модель каріатида, представленного имъ на конкурсъ, онъ удостоенъ былъ званія академика, а за первую сдѣланную фигуру Императоръ Николай I, которому она очень понравилась, наградилъ его брилліантовымъ перстнемъ. Всего имъ было высѣчено 10 каріатидъ. Термесовъ имъ было сдѣлано 80 большихъ, изъ которыхъ 17 отправлено было въ Петергофъ для Нового павильона, и 40 меньшихъ размѣровъ; термы помѣщены между окнъ Эрмитажа. Для Эрмитажа же имъ былъ сдѣланъ

плафонъ въ Аполлоновой залѣ и нѣкоторыя работы для галлереи, прилегающей къ залѣ. Для производства всѣхъ этихъ работъ Т., по повелѣнію государя, отведенъ былъ подъ мастерскую манежъ рядомъ съ Зимнимъ дворцомъ. По окончаніи работъ для Эрмитажа онъ пожалованъ былъ орденомъ Анны 3-й степени и получилъ кромѣ причитавшейся ему платы еще 17 тыс. рублей награды отъ государя. Такія же термы, какъ и для Эрмитажа, были имъ сдѣланы по повелѣнію государя для подарка прусскому королю. Термы эти отвезены были въ Берлинъ самимъ Т.; за нихъ онъ награжденъ былъ отъ короля брилліантовымъ перстнемъ. Въ 1850 г. онъ назначенъ былъ на службу въ качествѣ помощника начальника 2-го отдѣленія Эрмитажа, а позднѣе — также завѣдующимъ всѣми скульптурными произведеніями, находящимися въ императорскихъ дворцахъ и садахъ. За время его службы имъ была сдѣлана на фронтона зданія Адмиралтейства статуя, изображающая мѣсяцъ Февраль, затѣмъ изсѣчены изъ мрамора копіи съ античной статуи Атлета, снимающаго ножомъ потъ со своей руки, памятникъ герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому въ видѣ саркофага, находящійся въ католической капеллѣ пажескаго корпуса, бюсты императора Николая I и императрицы Александры Феодоровны, отправленные къ великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ. Изъ остальныхъ его работъ, сдѣланныхъ въ разное время, наиболѣе замѣчательны: отлитый изъ бронзы бюстъ артиста В. А. Караганова, который поставленъ на памятникъ артиста на Смоленскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ, бюстъ А. С. Пушкина, сдѣланный изъ мрамора, и бюсты Голенищевой - Кутузовой, Куниной, Косяковскаго, Яковлева, артиста В. М. Самойлова, графа Д. И. Хвостова, Н. В. Кукольника, художника Василенко. Въ періодъ расцвѣта своего таланта Т. получалъ многочисленные заказы, и доходы его были значительны. Но онъ вѣль широкой образъ жизни и быстро проживалъ все, что зарабатывалъ, тратясь за роскошную обстановку, собственные выѣзды, званные обѣды и балы. При нуждѣ же въ деньгахъ онъ продавалъ что только могъ, съ трудомъ перебиваясь до новаго крупнаго заработка; однажды онъ продалъ даже домъ съ мраморными колоннами, подокон-

никами и фронтонами, только что имъ отдѣланный. Къ тому Т. не былъ способенъ къ усидчивому труду, и когда съ годами его стало покидать вдохновеніе, онъ пересталъ получать выгодные заказы и разорился. Изъ Эрмитажа онъ былъ уволенъ, не дослуживъ до пенсіи. Въ 1858 г. Т. заболѣлъ черной осопой и легъ въ Маринскую больницу. Его жена заразилась отъ него и умерла. Смерть жены окончательно подорвала его силы, и онъ сдѣлался иподикрикомъ. Весною 1859 г. онъ простудился и легъ въ Обуховскую больницу, где и умеръ 31 июля 1859 г., въ нищетѣ и вѣми забытый. Послѣ него не осталось средствъ даже на похороны, которыхъ были устроены за свой счетъ мраморщикомъ Балушкинымъ, помогавшимъ Т. во время его работъ для Эрмитажа. На кладбище за его гробомъшли только Балушкинъ и К. А. Ухтомскій.

„Сѣверный Цвѣтокъ“, 1859, № 38. — „Русское Слово“, 1859, № 10, отдѣль III, стр. 78—82. — „Архитектурный Вѣстникъ“, 1860, № 2. — „Энциклопед. словарь“ Брокгауз-Ефрона, 1-е пѣд., т. 32, Спб. 1901, стр. 948. — „Настольный словарь“ Ф. Толля, Спб. 1864, т. Ш, стр. 645. — „Справочный энциклопед. словарь“ К. Края, т. X, Спб. 1848, стр. 223. — Н. Рамазановъ, „А. И. Теребеневъ“, „Современная Лѣтопись“, 1866, № 15, стр. 14. — Д. Карайша, „Скульпторъ А. И. Теребеневъ“, „Одесский Вѣстникъ“, 1843, № 8, стр. 35—36. — „Иллюстрированная Газета“, 1868, т. 21, стр. 166, статья „Карнатиды“. — П. Н. Петровъ, „Сборникъ материаловъ для исторіи Импер. Академіи Художествъ“, Спб. 1870, т. II, стр. 197, 293, 295, 304, 309, 318, 325, 328, 345, 346.—П. и Б. Ламбины, „Русская историческая библіографія за 1859 г.“, Спб. 1868, стр. 110, № 1996 и 1998; то же за 1860 годъ, Спб. 1869, стр. 119, № 2030.

Теребеневъ, Иванъ Ивановичъ, рисовальщикъ, скульпторъ и граверъ, родился въ 1780 г., воспитывался въ Петербургской академіи художествъ и шелъ сначала по классу живописи, но затѣмъ занялся скульптурою. Курсъ академіи окончилъ въ 1800 г. со званіемъ художника и малой золотой медалью и былъ оставленъ при академіи пенсионеромъ, но, тяготясь условиями пенсионерской жизни, вскорѣ оставилъ академію. До 1805 г. жилъ въ Петербургѣ, занимаясь исполненіемъ незначительныхъ частныхъ заказовъ, потомъ перѣхалъ въ Тверь на должность преподавателя въ тамошней гимназіи, а въ 1807 г. вышелъ въ отставку и опять поселился въ Петер-

бургѣ. Здѣсь онъ исполнилъ рядъ большихъ скульптурныхъ работъ, доставившихъ ему значительную извѣстность; тековы его большіе орнаментальные барельефы на зданіи Адмиралтейства, барельефы и статуи для Нарвскихъ триумфальныхъ воротъ и нѣсколько крупныхъ, фигуръ, вылѣпленныхъ для залы въ зданіи биржи въ Петербургѣ. Гораздо большую извѣстность онъ составилъ себѣ своими карикатурами, нѣрѣдко очень юдкими и остроумными, на войну 1812 г.,—всего 43 листа. Умеръ 16 января 1815 г. и погребенъ на Волковомъ кладбищѣ въ Петербургѣ.

Д. Ровинскій, „Русскія народныя картины“, т. II, №№ 376—418 (подробное описание всѣхъ 43 листовъ карикатур). — П. Н. Петровъ, „Материалы для исторіи академіи художествъ“ (по указателю, составленному Юдаловымъ). В. И. Срезневскій, „Изъ писемъ Теребенева къ Востокову“, „Русская Старина“, 1901, № 1.—А. Востоковъ, „Ив. Ив. Теребеневъ, художникъ и карикатуристъ“, „Сынь Отечества“, ч. 19, № 4, стр. 164—166.

Теребеневъ (Теребенинъ), Михаилъ Ивановичъ, портретистъ и исторический живописецъ, академикъ, сынъ художника, родился въ 1795 г. Обучался въ академіи художествъ по классу портретной живописи на казенный счетъ. Будучи еще ученикомъ академіи Т. награжденъ въ 1810 г. малой и въ 1812 г. большой серебряной медалью за рисунки съ натуры; въ 1814 г. получилъ золотую медаль за картину на заданную тему: «Русская крестьянская свадьба». Въ томъ же году онъ окончилъ курсъ академіи по классу живописи портретовъ и въ виду выдающихся дарованій оставленъ былъ при академіи, но въ 1817 г. ушелъ изъ нея. Въ 1824 г. онъ былъ избранъ въ назначенные въ академики по миниатюрной живописи. На соисканіе звания академика ему задано было «написать въ миниатюрѣ поколѣній портретъ профессора скульптуры Д. Малиновскаго», за который въ 1831 г. и былъ удостоенъ искомаго звания. Кисти Т. привадлежать поисные портреты профессора медико-хирургической академіи И. В. Будильского, актера В. А. Караганова, портретъ академика живописи Ф. Я. Алексѣева и картина «Освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостного состоянія». Въ 1860 г. онъ написалъ 14 аналойныхъ образовъ для церкви Михайловскаго артиллерийскаго училища и картину «Семейное

разговѣніе послѣ обѣдни свѣтлаго Христова Воскресенія»; въ 1861 г.—4 образа для хоругвей церкви того же училища, походный иконостасъ съ чертежемъ проф. А. Е. Егорова и плащаницу для церкви Петропавловской больницы. Умеръ Т. въ 1864 г.

Д. И. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Спб. 1889, т. I, стр. 365 и 902; т. II, прилож., стр. 261. П. Н. Петровъ, „Сборникъ материаловъ для исторіи Импер. Академіи Художествъ за 100 лѣтъ“, Спб. 1864—1866, т. I, стр. 554, 564, 567; т. II, стр. 3, 15, 33, 67, 69, 70, 71, 93, 192, 194, 245, 279; т. III, стр. 446.—Отчетъ Импер. Академіи Художествъ за 1859—1860 г., Спб. 1860, стр. 50; то же за 1860—1861 г., Спб. 1861, стр. 59; то же за 1861—1862 г., Спб. 1862, стр. 113.

Терентій Даниловичъ, новгородскій бояринъ. Управлялъ Новгородомъ съ 1633 по 1641 гг. Въ 1633 г. великій князь Иоаннъ Даниловичъ, возвратясь отъ хана, потребовалъ съ новгородцевъ серебра замѣскаго, новгородцы отказали, Иоаннъ занялъ Бѣжицу, Торжокъ въ окрестности; тогда къ великому князю отправлены были Т. Д. и архіепископъ Василий, которые безуспешно предлагали Иоанну 500 р. Въ 1640 г. Т. Д. вмѣстѣ съ братомъ и другимъ бояриномъ посланъ былъ въ Торжокъ на помощь таможнимъ жителямъ противъ сборщиковыхъ дани великаго князя Симеона Иоанновича; они арестовали намѣстника и даньщиковъ великаго князя, но вскорѣ сами были изгнаны новоторжской чернью.

Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей, т. III, стр. 77, 80; т. IV, стр. 54; т. V, стр. 222; т. VII, стр. 206.—Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, т. IV, примѣч. 291, 332.

Терентій Фоминичъ, псковскій бояринъ. Въ 1410 г. былъ посланъ псковичами совѣтство съ псковскимъ посадникомъ Акимомъ для заключенія мира съ Витовтомъ: «и взяша миръ съ Витовтомъ». Въ 1417 г. онъ и посадникъ Силивестръ Левонтьевичъ были посланы въ Москву къ великому князю Василию Дмитревичу съ хлопотами о назначеніи княземъ на псковскій столъ Федора Александровича, въ чёмъ и успѣли и «въ Цековъ прѣѣха за двѣ недѣли до Рождества».

Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей, т. V, стр. 21—22.—Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, т. V, примѣч. 201 и 202.

Терентій, протопопъ Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ, духовникъ Лжедмитрія (Отрѣльева). Въ 1605 г. при вѣзѣ въ Москву привѣтствовалъ его витеватымъ похвальнымъ словомъ, въ которомъ называлъ его «доблестнымъ вѣнцемъ, милость на языкѣ носящимъ», «свѣтлымъ храборникомъ», «твердымъ адамантомъ, рачителомъ и красителемъ христіанской церкви» и подобными же условными фигурами церковнаго витѣства. Въ заключеніе Т. умолялъ царя простить народъ, по невѣдѣнію шедшаго противъ него. «Воздвигни малостивыя очи свои на насть,— говорилъ онъ,— пощади насть, отврати отъ насть праведный гнѣвъ свой». Тогда же былъ назначенъ духовникомъ царя и въ 1606 г. вѣнчаль Лжедмитрія и Марию Мнишекъ.

„Акты Археографич. Экспедиції“, т. II, стр. 383—385.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. „Общ. Пользы“, кн. II, стр. 771, 900.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, т. IX, стр. 126, 158, 159; примѣч. 377.

Терентьевъ, Николай Алексѣевичъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ артиллерійского управлениія морскаго министерства, родился 1 мая 1800 г., умеръ 3 октября 1863 г. 11-ти лѣтъ онъ поступилъ въ морскую артиллерию юнгою, черезъ годъ (9 октября 1812 г.) былъ произведенъ въ канониры 1-ой статьи, еще черезъ годъ—въ бомбардиры, которымъ оставался до 1819 г., когда повышенъ въ констапели и почти одновременно съ этимъ назначенъ преподавателемъ математики, военныхъ наукъ и черченія юнкерамъ и унтеръ-офицерамъ корпуса морской артиллери. Пріобрѣтены имъ солидныя теоретическая и практическая познанія въ области изготавленія морского вооруженія обратили на Т. вниманіе, и въ 1822 г. его наблюденію была поручена портовая мастерская стакновъ и другихъ принадлежностей для орудій судовой артиллери. Произведенный въ 1826 г. въ унтеръ-лейтенанты и черезъ три года въ лейтенанты, онъ въ серединѣ 1829 г. былъ назначенъ преподавателемъ теоріи и практики морской артиллери гардемаринамъ морского корпуса, до 1832 г. сохраняя за собою и должность преподавателя юнкерамъ. Военно-учебная дѣятельность Т., въ общей

сложности продолжавшаяся свыше 28 лѣтъ, до 1847 г., создала ему съ одной стороны репутацію опытнаго преподавателя, обладающаго обширной эрудиціей въ техническихъ вопросахъ, и съ другой—выдвинула его въ качествѣ лица, способнаго оказать цѣнныя услуги и въ области чисто практической. Такія услуги онъ, дѣйствительно, и оказалъ въ эту пору сначала въ должностіи правителя дѣлъ комитета для разсмотрѣнія конструкцій морскихъ орудій, занимаемой имъ съ 1830 по 1840 г., а затѣмъ въ роли управляющаго чертежномъ артиллерійскаго департамента морскаго министерства (1832—1846 гг.). Переименованный въ январѣ 1831 г. въ поручики корпуса морской артиллеріи, почти непосредственно за этимъ повышенный въ штабсъ-капитаны, затѣмъ въ декабрѣ 1832 г.—въ капитанъ-лейтенанты, награжденный за отличія нѣсколькими орденами, а за составленные имъ для Е. И. В. генералъ-адмирала чертежи по части морской артиллеріи пожалованный въ 1842 г. бриліантовымъ перстнемъ и въ слѣдующемъ 1843 г. чиномъ подполковника, Т. 1 мая 1846 г. былъ назначенъ вице-директоромъ артиллерійскаго департамента и эту должностію занималъ до 10 октября 1854 г., когда, уже будучи полковникомъ (съ 6 декабря 1849 г.), повышенъ въ исправляющаго должностію директора, каковымъ былъ утвержденъ 27 марта 1855 г. вмѣстѣ съ производствомъ въ генераль-маиоры. Съ 20 апрѣля того же года онъ кромѣ того занималъ мѣсто инспектора корпуса морской артиллеріи, но многочисленныя обязанности, сопряженныя съ первой должностію, и участіе его въ занятіяхъ разныхъ комиссій вынудили Т. въ 1857 г. просить отъ освобожденія отъ обязанностей инспектора. Съ преобразованіемъ морскаго министерства въ 1860 г. онъ получилъ назначеніе начальникомъ артиллерійскаго управлѣнія, каковымъ и оставался до самой смерти, незадолго до нея будучи произведенъ въ генераль-лейтенанты,—17 апрѣля 1862 г. Участіе Т. въ подготовкительныхъ работахъ разныхъ учрежденій выражалось, главнымъ образомъ, въ занятіяхъ времененнаго артиллерійскаго комитета, учрежденного въ 1850 г. подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича, и комиссіи, на обязанность ко-

торой возложено было составленіе проекта нового морскаго устава.

„Общи морской списокъ“, ч. VIII, Спб. 1894, стр. 299—301.

Тереховскій, Мартынъ Матвеевичъ (Мартыновичъ), докторъ медицины, профессоръ химіи, ботаники и анатоміи Петербургскаго генеральнаго госпитала и ботаническаго сада, писатель, сынъ гадяческаго священника, родился въ 1740 г. Учился въ Кіевской духовной академіи, по окончаніи курса которой (1768) поступилъ въ Петербургскій генеральный госпиталь и по экзамену 23 сентября 1765 г. произведенъ въ лекари того же госпиталя. Съ 1767 г. состоялъ при Ботаническомъ садѣ. Въ 1770 г. онъ просилъ разрѣшенія поѣхать за границу «для обучения медицинскому наукамъ, чтобы черезъ то снискать совершенѣйшее въ оныхъ знаніе и потомъ большую отечеству приносить пользу», на что и получилъ дозволеніе. Т. изучалъ медицину въ теченіе $4\frac{1}{2}$ лѣтъ въ Страсбургскомъ университѣтѣ, где осенью 1775 г. получилъ степень доктора медицины. По возвращеніи въ Россію былъ подвергнутъ экзамену, при чемъ его экзаменаторы дали о немъ слѣдующій отзывъ: «se medicum eruditum et probe doctum praestitit» (иоказалъ себя знающимъ медикомъ и достаточно ученымъ). Постѣ этого Т. въ маѣ 1777 г. получилъ право практики и назначенъ былъ допентомъ всей медицины Кронштадтскаго морскаго госпиталя. Въ 1779 г. его перевели въ качествѣ лектора анатоміи въ Петербургскій генеральный госпиталь на мѣсто умершаго Хр. Ф. Меллена. Здѣсь у Т. проходили постояннія столкновенія съ его помощникомъ, младшимъ докторомъ Дюбельтомъ, разсчитывавшаго, что онъ, а не Т. назначенъ будетъ лекторомъ госпиталя. Вслѣдствіе этого Т. подалъ прошеніе объ отставкѣ, ссылаясь на разстроенное здоровье, и былъ уволенъ въ январѣ 1781 г., а на его мѣсто назначенъ былъ Дюбельтъ. Позже Т. выѣхалъ въ Малороссію, но остановился въ Москвѣ и сталъ просить о назначеніи его на имѣющееся вакантное мѣсто въ Московскій госпиталь для преподаванія ботаники и акушерства. Въ это время Дюбельтъ былъ уволенъ изъ Петербургскаго генеральнаго госпиталя, и Т. снова назначенъ былъ туда (24 февраля 1782 г.). Въ 1783 г. онъ получилъ званіе профессора и

читалъ, кромѣ анатоміи, еще и ботанику, вслѣдствіе чего поселился въ Ботаническомъ саду. Когда возникла мысль объ основаніи высшей медицинской школы, медико-хирургической академіи, Т. вмѣстѣ съ проф. Шумлянскимъ посланъ былъ въ 1784 г. за границу для осмотра тамъ высшихъ медицинскихъ школъ, и собранные имъ матеріалы были впослѣдствіи использованы при учрежденіи академіи. Осеню 1786 г. Т. вернулся изъ-за границы и въ январѣ 1787 г. вступилъ въ исправленіе своей должности, причемъ сталъ читать также химію съ фармаціей и матерію-медику. Онъ состоялъ почетнымъ членомъ медицинской коллегіи, въ дѣлахъ которой привималъ дѣятельное участіе. По отзыву знавшихъ его, Т. отличался большими трудолюбіемъ, много работалъ по своей специальности, сидя за успѣхами науки, и пользовался всеобщимъ уваженіемъ какъ ученый, обладающій обширными для своего времени познаніями, и опытный врачъ. Имъ было положено много труда для приведенія въ порядокъ Ботаническаго сада. 24 марта 1795 г. онъ просилъ объ увольненіи его отъ химическихъ работъ въ Ботаническомъ саду, такъ какъ по старости лѣтъ не чувствовалъ достаточно силъ для усиленныхъ занятій. Умеръ Т. въ юнѣ 1796 г.

По словамъ митроп. Евгевія, Т. много писалъ по естествознанію и медицине, но не всѣ его сочиненія появились въ свѣтѣ. Имъ издано: «De vermitibus infusoris,—de Chao infus. Sinnaei» (Strasburg 1775),—докторская диссертација, о которой съ похвалой отзывается геттингенскій проф. Гемплинъ въ своей «Зоологии»; «Польза, которую растенія смертнымъ приносятъ» (Спб. 1796; 2-е изд. Спб. 1809) и «Описаніе Парижской хирургической школы». Кромѣ того имъ переведено съ латинскаго сочиненіе ванъ-Свитена, «Краткое описание болѣзней, которыхъ весьма часто приключаются въ арміяхъ, съ правилами, какъ они враачевать должно» (Спб. 1778; 2-е изд. Спб. 1788).

Я. Чистовитъ, „Історія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россії“, Спб. 1883, стр. 166—167 210, 343, 349, 585, CCCV—CCCVII.—А. Никитинъ, „Краткій обзоръ состоянія медицины въ Россії въ царствованіе Екатерины II“, Спб. 1855, стр. 28, 63—64.—Л. Ф. Змѣевъ, „Русские врачи-писатели“, Спб. 1886, тетр. 2, стр. 127.—Митроп. Евгений (Болховитиновъ), „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей“, Москва 1845, т. II, стр.

207.—„Записки И. И. Мартынова“, „Заря“, 1871, № 6, стр. 69.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1865—1876 гг. включ.“, т. I, стр. 159, № 4027.—„Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина“, Спб. 1828, стр. 368, № 4757; стр. 600, № 8226.—В. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографії“, Спб. 1813—31, ч. 4, стр. 49—50, № 7528—7529; стр. 169, № 8514—8515.—„Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки В. Плавильщика“, Спб. 1820, стр. 46, № 546; стр. 420, № 5294.

Терешкевичъ, Николай Александровичъ, земскій дѣятель и статистикъ; среднее образованіе получилъ въ Саратовской гимназіи, курсъ которой окончилъ съ золотою медалью, и высшее на физико-математическомъ факультетѣ Московского университета, изъ котораго въ 1880 г. вышелъ со степенью кандидата и поступилъ на службу въ московское земство, гдѣ работалъ въ статистическомъ бюро подъ руководствомъ В. И. Орлова. Вскорѣ Т. получилъ мѣсто завѣдующаго статистическимъ бюро Полтавскаго губернскаго земства, гдѣ и работалъ до самой смерти. Подъ его редакціей и при дѣятельномъ его участіи былъ собранъ, обработанъ и изданъ «Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губерніи», въ 5 томахъ (Полтава 1882—1885); въ этомъ Сборникѣ описаны уѣзды Зеньковскій (т. I, ч. 1 и 2), Полтавскій (т. II), Миоргородскій (т. III), Лубенскій (т. IV) и Гадячскій (т. V). Т. составлены были для каждого уѣзда отдѣль общихъ свѣдѣній и очеркъ сельско-хозяйственныхъ условій. Работы его, занявши видное мѣсто въ земско-статистической литературѣ, отличаются полнотой и тщательностью разработки положенного въ нихъ основу материала. За плодотворную дѣятельность на этомъ по-пришѣ Т. въ 1886 г. награжденъ былъ Импер. Географическимъ обществомъ золотою медалью. Умеръ Т. въ Севастополѣ въ концѣ декабря 1888 г.

„Русскія Вѣдомости“, 1889, № 7.—Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, Спб. 1900, вып. VIII, стр. 113.—„Энциклопед. словарь“ Эфрона, 1-е пад., полусл. 64, стр. 955.—„Отчетъ Импер. Московскаго университета за 1880 годъ“, Москва 1881, стр. 22.

Терещенко, Александръ Васильевичъ, дѣятельный статский советникъ, этнографъ и археологъ, родился въ 1806 г., умеръ 21 февраля 1865 г. въ Зеньковѣ, Полтавской губерніи. Наибольшую извест-

ность какъ писатель-этнографъ Т. пріобрѣлъ своей книгою «Бытъ русскаго народа» (Спб. 1848, 4 тома въ 7 частяхъ). Въ ней собраны свѣдѣнія о самыхъ различныхъ сторонахъ народнаго быта: о жилищахъ, домоводствѣ, нарядахъ, музыкѣ, о крещеніи, похоронахъ и поминкахъ, времячисленіи, обрядовыхъ предникахъ, свадьбахъ, обѣт играхъ, забавахъ, обрядахъ. Какъ первый опытъ всесторонняго описанія народнаго быта, содержащей много нового материала, книга эта на первыхъ порахъ обратила на себя вниманіе круговъ, интересующихся этнографіей, но позднѣе обнаружены были дефекты, значительно обезцѣнивающіе ея значеніе. Трудъ Т. вызвалъ замѣчательныя статьи Кавелина, представляющія собой обстоятельный разборъ «Быта русскаго народа» и являющіяся вмѣстѣ съ тѣмъ первой у насъ попыткой поставить изученіе этнографическаго материала на научную почву. Кавелинъ, отдавая должное Т., констатируетъ, что его книга «представляетъ одно изъ самыхъ полныхъ и богатыхъ собраніе материаловъ для теперешняго и древнѣйшаго быта русскаго народа. Эти материалы тѣмъ важнѣе, что заимствованы не только изъ книгъ, но изъ устныхъ разсказовъ простого народа, непосредственныхъ живыхъ наблюдений автора и другихъ лицъ, подобно ему интересующихся предметомъ». Но поскольку Т., не ограничиваясь ролью собирателя этнографического материала, беретъ на себя трудную задачу систематической обработки и изслѣдовавши этого материала, дѣлаетъ выводы и заключенія, онъ обнаруживаетъ недостаточное знакомство съ основными методами исторической науки. «Какъ изслѣдователь,—говорить Кавелинъ,—онъ впадаетъ въ самые забавныя ошибки». Въ общемъ, книга носитъ характеръ панегирика славянству, въ частности русской народности, что ведеть часто къ чисто субъективнымъ, мало обоснованнымъ выводамъ обобщеніямъ автора. Книга Т. не безупречна и съ вѣнчайшей стороны. Она изобилуетъ грамматическими и стилистическими ошибками, особенно недопустимыми въ работахъ такого рода. Кроме «Быта русскаго народа» главными трудами Т. являются «Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи», 3 части (Спб. 1847). «Очерки Новороссийскаго края» (Спб. 1854) Т. всю

жизнь работалъ надъ собираниемъ историческихъ документовъ и материаловъ, онъ былъ дѣятельнымъ членомъ Археографической комиссіи съ самого ея учрежденія и занимался разборомъ различныхъ архивовъ, Астраханскаго, Виленскаго, Варшавскаго, главнымъ же образомъ южно-русскихъ. Результаты этихъ изысканій изложены имъ въ многочисленныхъ статьяхъ, разбросанныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ. Вотъ перечень его главнѣйшихъ работъ: «Katalog raisonné des manuscripts du compte Th. A. de Tolstoy» (Спб. 1830—1831), гдѣ описано 137 иностранныхъ рукописей; «О трудахъ Максима Грека» («Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія», 1838, № 8), гдѣ сообщаются важныя данные изъ документовъ Румянцевскаго музея; «Коллекція актовъ 1508—1621 гг. на русскомъ и польскомъ языкахъ, извлеченныхъ изъ Варшавскаго короннаго архива въ 1838 году» («Лѣтопись занятій Археографической комиссіи», кн. III, проток. 4—19), въ числѣ которыхъ много материаловъ о смутномъ времени и списки съ подлинныхъ грамотъ Дмитрія Самозванца; «Списокъ всѣхъ актовъ, находящихся въ Археографической комиссіи» (тамъ же, кн. V, 105, кн. VI, 30); «О смерти Петра II», соч. Феофана Прохоровича («Сынъ Отечества», 1837, CLXXXIV); «Сузdal'skія древности» («Библіотека для Чтенія», ч. СУП); «Насыпи могильныя въ южной Россіи съ указаниемъ нѣкоторыхъ памятниковъ въ другихъ мѣстахъ» («Журн. Минист. Народн. Просвѣщенія», 1835, июль); «О каменныхъ бабахъ» (тамъ же, № 39); «Окольничій Ф. Ртищевъ» (тамъ же, № 38); «Біографіческій очеркъ А. Б. Куракина и Н. П. Панина» («Сборн. Русск. Историч. Общества», т. III); «Открытие новыхъ документовъ (дѣла ландъ-миліційской украинской канцеляріи съ 1732 по 1762 годъ) въ Константиноградѣ, въ 1859 году» («Сѣверная Пчела», 1860, № 265); «И. П. Котляревский» («Основа», 1861, № 2); «Отписка или доносеніе сына боярскаго Петра Гутова, ходившаго въ Корлякскую землю въ 1712 году на берестѣ, изъ Охотскаго острова» («Лѣтопись занятій Археографич. комиссіи», 1861, кн. 1); «О сарайскомъ серебряномъ рубль» («Археологический Вѣстникъ», 1860, июль—августъ); «Докладная записка о соборномъ протопопѣ Козминѣ, преслѣдовавшемъ архи-

епископомъ астраханскимъ и ставропольскимъ Варлаамомъ Лещинскимъ» («Русскій Архивъ», 1865); Къ исторіи нравовъ XVIII вѣка» (тамъ же). Послѣ его смерти напечатаны были изъ его бумагъ слѣдующіе статьи и материалы: «Грамота Петра I, 1695 года, жителямъ г. Переяславля Южнаго на право магдебургское, вольности и земли» («Чтение въ Общ. Исторіи и Древн. Рос.», 1866, № 1); «О могильныхъ насыпяхъ и каменныхъ бабахъ въ Екатеринославской и Таврической губерніяхъ» (тамъ же, № 4); «Замѣтки о звенигородскихъ древностяхъ» («Археологич. Вѣстникъ», 1867, № 4); «Извѣстія о началѣ учрежденія и состояніи лѣгурьного войска въ Россіи, съ показаніемъ перемѣнъ», съ рукописи, принадлежавшей канцлеру графу Румянцеву («Чтение въ Моск. Общ. Исторіи и Древностей Рос.», 1874, кн. III; отдѣльный оттискъ, Москва 1875).

„Одесскій Вѣстникъ“, 1865, № 196.—Г. И. Геннадій, „Краткій свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1865 году“, „Русскій Архивъ“, 1867, стр. 978—979.—„Энциклопедич. словарь“ Эфрона, 1-е изд., т. 32, Спб. 1901, стр. 955.—„Русскій энциклопедический словарь“ Верезина, т. II, Спб. 1877, стр. 531.—Приложеніе къ I тому „Настольнаго словаря“ Ф. Толля, Спб. 1865, стр. 500.—„Исторический Вѣстникъ“, 1883, т. XVII, стр. 288.—А. Н. Пылько, „Исторія русской этнографіи“, т. I, Спб. 1890—1891, стр. 413; т. II, стр. 2, 25.—А. С. Архангельскій, „Изъ лекцій по истории русской литературы“, Казань 1898, стр. 14.—Рецензія К. Д. Кавелина въ „Современникѣ“, 1848, кн. IX, стр. 1—49, кн. X, стр. 85—139, и въ „Собраниі сочиненій“, Спб. 1900, т. IV, стр. 3—201.—Письмо преосвященнаго Иппонеякентія, епископа Чигиринскаго, къ А. В. Терещенко, „Русская Правда“, альманахъ на 1860 г., стр. 66—70.—Д. А. Ровинскій, „Русскія народныя картины“, Спб. 1881, ч. V, стр. 245.—„Опись книгъ, брошюръ и статей библіотеки сенатора Н. П. Смирнова“, Спб. 1898, стр. 215, №№ 619, 620; стр. 87, №№ 222, 226; стр. 406, № 1620.—А. Ф. Поворинскій, „Систематический указатель русской литературы по гражданскому праву“, Спб. 1904, стр. 139, № 2471.—В. С. Иконниковъ, „Опытъ россійской исторіографіи“, Кіевъ 1891, т. I, кн. 1, стр. 108, 135, 136, 139, 140, 142, 226, 230, 235, 236, 238, 243, 256, 266, 310, 343, 403, 570, 679, 865, 868, XV, XXXVI, CXXXIII, CL; кн. 2, стр. 1012, 1132, 1163, 1164, 1260, 1282, 1360, 1395, 1516, CCXLIV, CCLXXXIII, CCCXXI.—„Роспись содержанія Русскаго Архива“ за первыя 30 лѣтъ, 1863—1892 г.“, Москва 1894, стр. 9, № 153; стр. 26, № 504; стр. 136, № 2804.—П. и Б. Ламбины, „Русская историческая библіографія“ за 1856 г., Спб. 1861, стр. 8, № 76; стр. 108, № 1446; стр. 125, № 1670; тоже за 1860 г., 1869, Спб. стр. 8, № 100; стр. 15, № 1877.—

М. Д. Ольхинъ, „Систематический реестръ русскимъ книгамъ съ 1831 по 1846 годъ“, Спб. 1846, №№ 1816, 1896.—А. В. Мезиеръ, „Русская словесность съ XI по XIX столѣtie“, Спб., ч. I, стр. 38, № 1021; стр. 39, № 1045; стр. 42, № 1136а; стр. 107, № 2697; ч. II, стр. 153, № 922.—В. И. Межовъ, „Исторія русской и всеобщей словесности“, Спб. 1872, №№ 1072, 2793, 2794, 2795 2798, 7255, 10493, 13284.—Его же, „Сибирская библіографія“, Сиб. 1903, т. I, № 1767.—Его же, „Литература русской исторіи за 1859—1864 годы“, Спб. 1866, т. I, №№ 4874, 5541, 5542.—Его же, „Третье прибавленіе къ систематическому каталогу книгъ И. И. Глазунова“, Спб. 1882, стр. 72, № 9158.—Его же, „Русская историческая библіографія за 1865—1876 годы включительно“, Спб. 1882—1886, т. I, № 2519; т. II, №№ 11126, 14771, 24057; т. IV, № 39217; т. V, №№ 46123, 52264, 54073, 54272.—Его же, „Русская историческая библіографія за 1800—1854 гг.“, Спб. 1898, т. II, стр. 19, № 10495.

Терлецкій, Антонъ, написалъ слѣдующія сочиненія: «Теорія и практика измѣренія горъ барометромъ или извѣлированіе земныхъ мѣсть отъ горизонта морского» (Москва 1820), «Новое доказательство общей формулы или фигураного ключа, служащаго къ раскладкѣ и вычислению суммы ядеръ, гранатъ и бомбъ, располагаемыхъ въ геометрическій фигуры» (Спб. 1832), «Орономія, или горозаконіе земного шара въ прогрессивной системѣ; новое физико-геометрическое открытие» (Саб. 1831), «О новомъ дорожномъ барометрѣ» (Саб. 1836).

Д. М. Ольхинъ, „Систематический реестръ русскимъ книгамъ съ 1831 по 1846 годъ“, Спб. 1846, стр. 115, № 2676; стр. 117, № 2697; стр. 119, № 2733.—„Роспись россійскими книгами для чтенія изъ библіотеки Александра Смирдина“, Спб. 1828, стр. 310, № 4017.

Термонтъ, Иванъ, врачъ-хирургъ, именуемый въ архивныхъ документахъ также *Термундъ*, *Тирмундъ*, а у Голиковъ въ одномъ мѣстѣ (ч. XIV, стр. 61) *Шормолтъ*, родился въ 1640 г., по архивнымъ даннымъ въ Фрисландіи, а по рукописному списку Миллера, упоминаемому В. Рихтеромъ, въ Бременѣ. Обучался у доктора Сигизмунда Зоммера, черезъ посредство котораго вступилъ на царскую службу: началь службу въ Москвѣ въ 1660 г., какъ это явствуетъ изъ поданной имъ 4 мая 1694 г. просьбы о дозвolenіи ему отправиться въ Германію по личнымъ дѣламъ, гдѣ указано, что онъ находится на русской службѣ уже 34 года. Т. наход-

дился въ качествѣ врача на кораблѣ «Орель», который, подъ руководствомъ голландца Давида Ботлера (Будлера) въ 1668 г. прибылъ изъ села Дѣдинова въ Астрахань по ходатайству одной персидской купеческой компаніи для охраны ея товаровъ на Каспійскомъ морѣ. Въ Астрахани команда подверглась нападенію Разина, а «Орель» былъ имъ сожжены; при этомъ Т. удалось спастись. О Т. и его присутствіи на кораблѣ «Орель» упоминаетъ и Петръ I въ предисловіи къ морскому регламенту. Однако въ докладѣ о членобитной, поданной Т. при возвращеніи въ Москву о выдать ему жалованья, разсказывается, что онъ подвергся нападенію Разина на возвратномъ пути изъ Персіи, куда онъѣздилъ съ послѣствомъ Томаса Брейна, отправленнымъ къ персидскому шаху при Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1666 г. Въ членобитной повѣствуется, что Т. былъ въ Астрахани во время осады ся Разиномъ и, при приступѣ, получилъ три раны; отсюда онъѣзжалъ на Терекъ, а затѣмъ обратно въ Перею, а изъ Переиѣзжалъ въ Индію, а хотѣль «изъ Индіи проѣхать къ Москвѣ, и къ Москвѣ же тогда проѣхать ему было невозможно и прѣѣхалъ онъ изъ Индіи въ Переиду, а изъ Переиды съ Андреемъ Приклонскимъ къ Москвѣ». Сколько Т. проѣстествовалъ — неизвѣстно, но въ 1675 г. онъ уже былъ въ Москвѣ. Современники отзываются о немъ какъ о хорошемъ вратѣ; о немъ упоминаютъ Шлессингъ, Корбъ, Гордонъ. Т. пользовался особымъ расположениемъ Петра I и сопровождалъ его въ походахъ; находился при Петрѣ также во время его заграничного путешествія въ 1697—1698 гг. Умеръ Т. въ 1704 г.; въ словарѣ Березина говорится, что онъ умеръ въ 1717 г., но въ архивныхъ материалахъ и въ спискѣ Миллера указана первая дата, и къ тому посль 1704 г. имя его не встрѣчается.

В. Рихтеръ, «Исторія медицины въ Россіи», Москва 1820, ч. II, стр. 331—332; прилож., стр. 358; ч. III, стр. 180—181.—«Настольный словарь» Ф. Толля, Спб. 1864, т. II, стр. 649.—«Всенаучный энциклопедический словарь» В. Клюшникова, Спб. 1882, ч. II, стр. 855.—«Материалы для исторіи медицины въ Россіи», Спб. 1885, вып. 4, стр. 1255—1257.—Вен. Бергманъ, «Исторія Петра Великаго», Спб. 1883, т. I, стр. 164, примѣч. 1.—«Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ дер-

жавами иностранными», Спб. 1867—1868, т. VIII, стр. 573—574, 615, 661, 752, 847, 848; т. IX, стр. 21, 939, 1006, 1016, 1025, 1027, 1030. — «Сборникъ высокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петре Великомъ», Москва 1872, т. I, стр. 42.—«Справочный энциклоп. словарь» К. Края, Спб. 1848, т. X, стр. 232.—«Русский энциклоп. словарь» И. Н. Березина, Спб. 1877, т. III, стр. 534. — И. Половой, «Исторія Петра Великаго», Спб. 1843, ч. I, стр. 158. — Устриковъ, «Исторія царствованія Петра Великаго», т. II, стр. 110; прил. 1, стр. 398.—Гончаровъ, «Лѣтнія Петра Великаго», Москва 1837—1843, изд. 2-е, ч. I, стр. 342; ч. XIV, стр. 61—62, 423.—«Письма и бумаги императора Петра Великаго», Спб. 1889, т. II, стр. 149, 488, 494, 519, 520, 521. — Штейнъ, «Литературное собрание анекдотовъ о Петре Великомъ», Москва 1891, т. I, ч. I, стр. 30—32.—А. Висковатовъ, «Краткій историческій обзоръ морскихъ походовъ русскихъ и мореходства ихъ вообще до исхода XVII столѣтія», Спб. 1864, стр. 83, 87, 88.—«Дипломатія Актаў Историческихъ», Спб. 1867, т. X, стр. 470—471.—С. Шубинскій, «Исторические очерки», стр. 14. — J. Scheltema, «Peter de Groot in Holland ende Zaardam», Амстердамъ 1814.—Его же, «Russland en de Nederlanden», Амстердамъ 1817, т. I; стр. 285.—М. А. Веневитиновъ, «Русское въ Голландіи», Москва 1897, стр. 54.

Тернеръ, Густавъ-Карлъ Даниловичъ, статейный советникъ, докторъ медицины Дорпскаго университета, родился 12 декабря 1797 г. въ Дорпѣ; съ 1815 г. изучалъ въ Дорпскомъ университѣтѣ медицину и въ 1821 г. окончилъ медицинскій факультетъ со степенью доктора медицины за диссертацию: «Sistons meletemata quaedam de vi respirationis in vitam animalium servandam» (1821). Т. служилъ врачомъ при первой морской артиллерійской бригадѣ, затѣмъ въ 1840 г. назначенъ быть вторымъ старшимъ ординаторомъ Обуховской больницы въ Петербургѣ, а отсюда переведенъ старшимъ врачомъ въ Мариинскую больницу. Умеръ въ Петербургѣ въ 1846 г. Имя написана на пѣмецкомъ языке статья: «Ueber die epidemische Brechruhr» (*Seiditz und Lichtenstädts Mitteilungen*, т. I).

Hasselblatt, «Album Akademicum der Universität zu Dorpat», Dorpat 1807, S. 46, № 1031.—Recke und Napierksky, «Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland», Mitau 1832, IV, 360 и 626.

Терновскій, Алексѣй Григорьевичъ, статейный советникъ, докторъ медицины, адъюнктъ-профессоръ Московскаго универ-

онтета, анатомъ, родился въ 1792 г. въ Москвѣ. Отецъ его былъ священникъ, чловѣкъ съ обширными познаніями, и подъ его руководствомъ Т. получалъ первона-чальное образованіе, потомъ учился въ Московской славяно-греко-латинской академіи, гдѣ отличался успѣхами въ древней словесности, философіи и богословіи. Курсъ въ академіи окончилъ въ 1812 г., передъ самимъ наступающимъ французовъ. Нѣкото-рое время Т. колебался, выбрать ли себѣ поприще священника или врача, но подъ вліяніемъ лекцій по медицине, читавшихся въ академіи извѣстнымъ проф. Мухинымъ, рѣшился на послѣднее. Въ 1814 г. Т. поступилъ на врачебное отдѣленіе Москов-скаго университета, гдѣ обратилъ на себя вниманіе профессоровъ, особенно Мудрова и Мухина, своими дарованіями и усердіемъ. Окончилъ университетъ въ 1819 г. со степенью лекаря. Ему разрѣшено было, во вниманіе къ оказаннымъ имъ успѣхамъ, тотчасъ же экзаменоваться для получения степени доктора медицины, но онъ воспользовался этимъ разрѣшеніемъ въ 1821 г., когда представилъ диссертацию: «De morbis nervorum in genere et in specie de prosoplagia» и защитилъ ее въ присутствіи совѣта университета. Еще до полу-ченія докторской степени ему поручена была должность лектора анатоміи и над-зирателя при медицинскомъ институтѣ, открытомъ въ 1820 г. при университѣтѣ. Тогда же на него, совмѣстно съ профес-торомъ Гумбургомъ, возложена была обязанность производить вскрытие и освидѣтельствование, согласно судебнной медицинѣ, труповъ, доставляемыхъ изъ полиціи. Въ 1821 г. Т. назначенъ былъ исправляющимъ должность секретаря врачебного отдѣленія. Въ 1827 г. онъ произведенъ былъ въ адъюнкты анатоміи и назначенъ помощ-никомъ при проф. Лодерѣ. Тогда онъ из-далъ для своихъ слушателей конспективную программу своихъ лекцій подъ заглавиемъ «Brevis explicatio anatomica structurae osseae sceleti humani» (Москва 1827). Кромѣ того имъ издано сочиненіе, заслу-жившее похвальный отзывъ французскихъ ученыхъ: «De methodo cadavri operiendi ac sedes morborum causasque mortis in cor-pore mortuo investigaudi» (Москва 1829); сочиненіе это является результатомъ на-блуденій, которыя Т. сдѣлалъ, вскрывъ въ теченіе 10 лѣтъ до 600 труповъ. Съ

1834 г. Т. кромѣ анатоміи читалъ еще дітику по книгѣ Вальдбрехта. Въ 1836 г. поступилъ въ университетъ любимый ученикъ Лодеровъ, анатомъ Эйбротъ, и «при-немъ,—говорится въ «Біографич. словарѣ профессоровъ Московск. унів.», Терновскій увидалъ себя излишнимъ, и въ 1836 году за реформой уволенъ изъ университета». По выходѣ въ отставку Т. занялся част-ной практикой. Онъ оказывалъ медицин-скую помощь главнымъ образомъ бѣднымъ слоямъ населенія столицы; состоялъ вра-чемъ Московской больницы для чернора-бочихъ. Такая практика не могла доста-вить ему достаточнаго материальнаго обез-печевія, и ему вмѣстѣ со своей семьей приходилось жить въ постоянной нуждѣ. Т. много работалъ во время холеры 1830 и 1848 гг. Имъ сдѣлано было первое въ Москвѣ вскрытие холерного трупа; но со-бранные имъ материалы и наблюденія онъ не успѣлъ привести въ порядокъ и обра-ботать. За труды во время холеры на-гражденъ былъ брилліантовымъ перстнемъ, а въ 1845 г. получилъ чинъ статского совѣтника. Т. состоялъ также членомъ Физико-Медицинскаго общества. Умеръ 15 февраля 1852 г.

„Біографіческий словарь профессоровъ Имп. Московскаго університета“, Москва 1855, ч. II, стр. 432—438.—Певыревъ, „Історія Имп. Московскаго университета“, Москва 1855, стр. 447, 448, 452 и 551.—Л. Ф. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели“, Спб. 1896, тетр. 2, стр. 127—128.—Его же, „Словарь врачей, получившихъ степень доктора медицины въ Московскому университетѣ“, Спб. 1885, стр. 56.—„Москві-танинъ“, 1852, т. II, № 6, стр. 88—90.—„Сынь Отечества“, 1852, т. II, кн. 3, стр. 27.—„Московская Вѣдомость“, 1852, № 28.—„Московский Врачебный Журналъ“, 1852, кн. 1—2, стр. 102—103.—„Чтения въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, 1870, № 4, стр. 218.—„Энциклопедический словарь“ Эфрана, 1-е изд., полусл. 65, стр. 33.

Терновскій, Пётръ Матв'євичъ, заслуженный профессоръ богословія, цер-ковной исторіи, церковнаго законовѣдѣнія, логики и опытной психологіи въ Московскому университетѣ, протоіерей, писатель, родился 26 мая 1798 г. въ Москвѣ, гдѣ отецъ его, Матвій Матв'євичъ, былъ свя-щенникомъ Іоанно-Предтеченской церкви, что на Покровкѣ, умеръ, по однімъ свѣ-дѣніямъ—5-го, по другимъ—15 сентября 1874 г. 10 лѣть отъ роду поступилъ въ славяно-греко-латинскую академію, откуда

въ 1814 г., послѣ преобразованія духовныхъ училищъ, перешелъ въ только что открыту тогда при Николо-Перервинскомъ монастырѣ духовную семинарію, курсъ которой окончилъ со степенью студента въ 1818 г. и тотчасъ былъ принятъ въ Московскую духовную академію. Въ теченіе четырехлѣтнаго пребыванія въ послѣдней, занимаясь богословскими, философскими и историческими науками, а также новыми и древними—особенно еврейскимъ—языками, Т. на выпускномъ испытаніи въ 1822 г. былъ удостоенъ степени магистра и послѣ этого оставленъ при академіи бакалавромъ греческаго языка; съ 1823 по 1826 г. исполнялъ онъ въ академіи также обязанности секретаря конференціи и правленія. За это время Т. дѣятельно и, какъ кажется, не безъ пользы для дѣла, участвовалъ въ производившемся тогда переводѣ Священнаго Писанія съ древне-еврейскаго языка на русскій и самостоятельно работалъ надъ переводомъ съ греческаго твореній св. отцовъ для петербургскаго журнала «Христіанско Чтеніе». Въ концѣ 1827 г. Т. оставилъ службу въ академіи и въ началѣ слѣдующаго года митрополитомъ Филаретомъ былъ рукоположенъ во священника церкви Благороднаго пансиона и опредѣленъ въ послѣдній преподавателемъ закона Божія и греческаго языка. Однако уже въ концѣ 1827 г. онъ по покровительству вліятельныхъ лицъ, хотя и не имѣя научныхъ заслугъ, былъ сразу назначенъ ординарнымъ профессоромъ богословія и церковной исторіи въ Московскій университетъ, а не сколько позже, именно съ 1831 г. занялъ място настоятеля университетской церкви, бывшей тогда на Красной горкѣ. Написанное Т. въ это время руководство для студентовъ, подъ заглавіемъ «Богословіе догматическое», доставило автору, благодаря поддержкѣ митрополита Филарета, степень доктора богословскихъ наукъ и званіе дѣйствительнаго члена конференціи Московскій духовной академіи. Этаотъ мало оригинальный трудъ, своими тенденціями какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшій господствовавшему духу времени, былъ призванъ официальнымъ руководствомъ для студентовъ, и только этимъ объясняется то обстоятельство, что въ короткое время онъ выдержалъ три изданія (1838, 1839 и 1844 гг.). Въ 1837 г. Т. былъ переведенъ

настоятелемъ церкви, построенной при зданіи университета, и тогда же возведенъ въ санъ протоіерея. Дальнѣйшая его педагогическая дѣятельность характерна какъ для него самого, такъ и особенно для современной ему эпохи. Когда въ 1850 г. въ университетѣ было упразднено преподаваніе философіи и оставлены лишь опытная психологія и логика, чтеніе лекцій по этимъ предметамъ было возложено именно на Т., причемъ въ руководство при изложеніи этихъ наукъ ему были даны программы, выработанныя Московскій духовной академіей. Если у Т. были еще иѣ-которые данные, хотя и весьма скромныя, для чтенія богословія, то психологія и логика совершенно уже не соотвѣтствовали ни его знаніямъ, ни его подготовкѣ. Тѣмъ не менѣе и эти предметы, какъ богословіе и церковную исторію, онъ продолжалъ излагать до самой отставки, причемъ еще въ декабрѣ 1852 г. былъ удостоенъ званія заслуженного профессора. За время своей службы въ университетѣ онъ занималъ различные должности декана отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, члена училищного комитета, цензора проповѣдей и пр. Кроме «Богословія догматического», имъ напечатаны еще «Слово о пророчествахъ Ветхаго завѣта» (Москва 1828) и «Избранныя мысли изъ Священной исторіи Ветхаго и Нового Завѣта съ назидательными и новыми размышленіями» (Москва 1851). «Труды его,—по словамъ біографа Т.—много разъ были удостоены милостиваго вниманія начальства»,—и это по времени вполнѣ достаточная и краснорѣчивая ихъ характеристика.

С. Шевыревъ, „Історія Імператорск. Московскаго университета (1755—1855)“, Москва 1855, стр. 503, 546, 558.—„Біографіческій словарь профессоровъ и преподавателей Імператорскаго университета“, ч. II, Москва 1855, стр. 479—482.—„Протоіерей И. М. Терновский“, „Христіанско Чтеніе“, 1874, октябрь.—„Календарь для духовенства на 1875 г.“, стр. 88.—„Энциклопедич. словарь“ Брокгауз-Ефронъ, 1-е изд., т. 33, Спб. 1904, стр. 33.

Терновскій, Филиппъ Алексѣевичъ, профессоръ Киевской духовной академіи и доцентъ по каѳедрѣ церковной исторіи въ университетѣ св. Владимира, докторъ русской исторіи, сынъ дьякона (впослѣдствіи священника) церкви Воззвіженія на Острожкахъ въ Москвѣ), родился 11 августа 1838 г., умеръ 23 мая 1884 г. Среднее

образованіе получилъ въ Московской духовной семинаріи (1852—1858) и высшее въ Московской же духовной академіи, курсъ которой окончилъ 1862 г. со степенью магистра богословія, удостоенный ею за диссертацию «Мѣстоблюститель патріаршаго престола митрополитъ рязанскій Стефанъ Яворскій и Димитрій Тверитиновъ» («Прибавленія къ Твореніямъ св. отецъ», 1862, т. XXI, кн. 3); два года спустя эта работа вышла въ дополненіи и расширеніи видѣ подъ названіемъ «Митрополитъ Стефанъ Яворскій; біографіческій очеркъ» («Труды Киевск. Дух. Академіи», 1864, т. I и II, кн. 1, 3 и 6)—одинъ изъ значительнейшихъ трудовъ въ исторической литературѣ о дѣятельности Яворскаго. Еще на студенческой скамьѣ Т. опубликовалъ нѣсколько работъ, большую частью за подписью «Ф. Алексѣевъ»,—таковы «Современное религіозное движение въ Италии» («Прав. Обозр.», 1860, кн. 8), «Положеніе протестантскихъ партій въ Пруссіи» (тамъ же, 1860, кн. 11), «Германскій богословъ Христіанъ Бунзенъ и его литературные труды» (тамъ же, 1861, кн. 5), «Обзорѣніе материаловъ для исторіи русской духовной литературы» (тамъ же, 1862, кн. 3), «Изъ исторіи нашихъ духовныхъ школъ въ XVIII стол.» (тамъ же, 1862, кн. 10) и «О монашествѣ и безбрачіи по отношенію къ избранію въ санъ епископа» (тамъ же). За эти работы и диссертацию Т. былъ назначенъ бакалавромъ Киевской духовной академіи по каѳедрѣ обличительного богословія (съ 30 окт. 1862 г.), а черезъ годъ (въ декабрѣ 1863) на каѳедру русской гражданской исторіи, на которой до февраля 1866 г. числился бакалавромъ, а съ этого времени повышенъ въ экстраординарного профессора, коимъ состоялъ 17 лѣтъ. Одновременно съ профессурой въ духовной академіи Т. соединялъ должность одно времія (1868—1870) преподавателя нѣмецкаго языка въ академіи же и учителя русской исторіи въ Киевскомъ епархіальномъ училищѣ (1863—1873); 28 марта 1869 г. онъ былъ приглашенъ приватъ-доцентомъ въ университетъ св. Владимира по каѳедрѣ церковной исторіи и въ 1872 г. утвержденъ въ званіи штатнаго доцента. За работу «Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе къ древней Руси» («Кievsk. Унів. Ізвѣстія», 1875—1876, и отд.: Кіевъ

1877, 2 вып., стр. 214 + 301) онъ былъ удостоенъ въ 1877 г. университетомъ доктора русской исторіи. Къ этому времени уже появилась въ свѣтѣ главнѣйшая работы Т. по исторіи протестантизма и вольнодумства на Руси, каковы «Московскіе еретики въ царствованіе Петра I» («Правосл. Обозр.», 1863, кн. 4—6, и отд.: Москва 1863), «Матеріалы по дѣлу Тверитинова» (тамъ же, 1863, кн. 8), „Рожнецъ духовный“ и «Камень вѣры», два полемическихъ сочиненія противъ московскихъ еретиковъ въ царствованіе Петра I“ (тамъ же, 1863, кн. 11 и 12), «Матеріалы для исторіи мистицизма въ Россіи» («Труды Киевск. Дух. Акад.», 1863, т. III, кн. 10), «Русское вольнодумство при Екатеринѣ II и эпоха реакціи» (тамъ же, 1868, кн. 3 и 7), «Императоръ Петръ I въ его отношеніяхъ къ католичеству и протестантству» (тамъ же, 1869, кн. 3). Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ работъ синодъ усмотрѣлъ «направленіе, несогласное съ духомъ православія, и склонность къ маѣніямъ протестантскихъ историковъ» и указомъ отъ 16 ноября 1883 г. уволилъ его отъ профессуры при Киевской духовной академіи. Доцентомъ въ университѣтѣ Т. однако остался. Еще раньше, въ декабрѣ 1879 г., онъ былъ избранъ въ экстраординарные профессора, но утверждены не были, по офиціальной мотивировкѣ — изъ-за смѣты. Послѣдніе годы жизни (1883—1884) онъ состоялъ также преподавателемъ русской исторіи на высшихъ женскихъ курсахъ въ Кіевѣ.

Т. оставилъ очень значительное литературное наслѣдство. Для нѣкоторыхъ трудовъ онъ работалъ въ московскихъ и центральныхъ архивахъ и ѻздилъ даже на Аѳоны. Кроме упомянутыхъ выше назовемъ еще слѣдующія его болѣе важныя работы: «Объ отношеніи между духовною и свѣтскою литературою» («Труды Киевск. Дух. Акад.», 1862, кн. 3), «Участіе древнихъ русскихъ архіереевъ въ дѣлахъ общественныхъ» (тамъ же, 1870, кн. 5), «Очеркъ исторического движения русской религіозной церковной жизни», извлеченіе изъ лекцій («Правосл. Обозр.», 1870, кн. 1), «Указатель статей по церковной и общей русской исторіи», литографированное изданіе (Кіевъ 1870), «Первые три вѣка христіанства» («Кievsk. Унів. Ізвѣстія», 1877, и отд.: Кіевъ 1877; эта работа написана Т. совмѣстно съ братьемъ, С. А. Терновскимъ,

доцентомъ Казанской духовной академія), «Кіево-Софійскійprotoіерей Іоаннъ Вас. Левандъ», біографія, неизданныя проповѣди, рѣчи и письма («Труды Кіевск. Дух. Акад.», 1878, и отд.: Кіевъ 1879, 376 стр.), «Матеріалы для історіи кіевской іерархіи въ XVIII в.», по архивнымъ документамъ («Чтениа въ Обществѣ Нестора-лѣтописца», Кіевъ 1879, и отд. *ibid.* 1879), «Очерки для історіи русской іерархіи въ XVIII в.: Стефаян Яворскій» (Древн. и Нов. Россія», 1879, кн. 8), «Греко-восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Опытъ руководства по церковной історіи» (этотъ труда, написанный Т. тоже совмѣстно съ братомъ, составляетъ продолженіе выше-названной ихъ общей работы и по напечатаніи въ «Кіевск. Универс. Извѣст.», 1879 — 1883, также вышелъ отдельнымъ изданіемъ: Кіевъ 1883, 551 стр.), «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила» («Кіевск. Старина», 1882, кн. 4), «Серапіонъ, митрополитъ кіевскій» (тамъ же, 1883, кн. 9 и 10; 1884, кн. 7), «Собрание церковныхъ древностей въ Аeonъ, въ Дрезденѣ и Берлинѣ» (читано рефератомъ въ собраніи Церковно-археолог. общества и напечатано въ «Труд. Кіевск. Дух. Акад.», 1883, кн. 2).

Напечатано также нѣсколько рѣчей Т., произнесенныхъ въ связи съ разными торжественными случаями: «Рѣчь по случаю поминовенія Кіевскою дух. академію ея основателей, благодѣтелей, начальниковъ и проч.» («Труды Кіевск. Дух. Акад.», 1867, кн. 1), «Религіозный характеръ русскихъ государей XVIII в.», актова рѣчь (тамъ же, 1874, кн. 10), «Характеристика Импер. Александра I», актовая рѣчь (тамъ же, 1878, кн. 1). Т. принадлежитъ рядъ цѣнныхъ рецензій на разныя сочиненія: «Два пути духовнаго развитія», по поводу «Сочиненій И. В. Кирѣевскаго» («Труды Кіевск. Дух. Акад.», 1864, кн. 4), разборъ книги П. Знаменского: «Руководство къ русской церковной історіи» («Кіевск. Унив. Изв.», 1877, кн. 5), разборъ сочиненія епископа Хрисанфа: «Религія древняго міра» (тамъ же, 1877, кн. 6), разборъ «Історіи русской церкви» митроп. Макарія («Кіевск. Стар.», 1883, кн. 5) и др.

Т. былъ членомъ редакціи журнала «Вос-кресное Чтеніе», принималъ дѣятельное участіе въ редактированіи перевода на современный языкъ «Апокрифіса» (Кіевъ

1870), «Актовъ русскаго Аeonскаго монастыря» (на греческомъ и русскомъ языкахъ), «Матеріалы для історической топографіи Кієва», «Твореній блажен. Іеронима» (съ латинскаго) и переводъ съ французскаго статьи Амедея Тьери «О блажен. Іеронимѣ». Ему же принадлежитъ редакція русской компиляціи книги Куно Фишера «Беконъ Веруламій» (1863). По порученію Общества історіи и древн. россійск. онъ окончилъ переводъ «Лѣтописи византійца Феофана», начатый профес. К. И. Оболенскимъ еще въ 1859 г.; переводъ этотъ напечатанъ въ «Чтеніяхъ» общества за 1884 (кн. 1—3) (1885, кн. 1—4) и 1886 (кн. 1—3). Рядъ актовъ, переведенныхъ Т. съ греческаго, напечатанъ въ «Запискахъ Одесск. Общ. Ист. и Др. Россійск.». Т. состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Одесского общества історіи и древностей, Импер. Московскаго археологическаго общества, Историческаго общества Нестора-лѣтописца и Церковно-археологическаго общества при Кіевской духовной академіи.

Некрологи: «Московскія Вѣдомости», 1884, № 24; «Кіевлянинъ», 1884, № 27 и 114—116 (біографіческій очеркъ); «Кіевская Старина», 1884, кн. 6, стр. 358; «Історический Вѣстникъ», 1884, кн. 7, стр. 224—225; «Афиши и Объявленія», 1884, № 383; «Свѣтъ», 1884, № 116; «Церковно-Общественный Вѣстникъ», 1884, февраль, стр. 28.—«Энциклоп. словарь» Брокгауз-Ефрона, 1-е изд., т. 33, стр. 34.—«Прибавленіе къ Трудамъ св. отцевъ», т. II, стр. 648—676.—Смирновъ, «Історія Московской духовной академіи», Москва 1879, стр. 244, 469, 468 и 568.—Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ по-коиныхъ русскихъ писателей», вып. 4, Спб. 1888, стр. 89—93; вып. 5, Спб. 1889, стр. 15; вып. VI, Спб. 1889, стр. 7.—«50-лѣтній юбилей Кіевской духовной академіи», Кіевъ 1869, стр. 189, 396, 400.—«Труды Кіевской Духовной академіи», 1877, кн. 6 («Докторскій диспутъ проф. Ф. А. Терновскаго»).—«Біографіческий словарь профес. и преподавателей университета св. Владимира», Кіевъ 1884, стр. 640—644.

Терновскій-Платоновъ, Іванъ Матвеевичъ, магистръ богословія, профессоръ Московской семинаріи и преподаватель логики Московскаго университета, сынъ священника, родился въ Москвѣ въ 1800 г. Образование получило въ Московской духовной академіи, курсъ которой окончилъ съ отличиемъ и удостоенъ былъ степени магистра богословскихъ наукъ. Съ 1826 по 1834 г. состоялъ профессоромъ словесности, гражданской історіи и нѣмецкаго языка Московской семинаріи. Съ 1834 по

1846 г. преподавалъ въ Александровскомъ сиротскомъ институтѣ россійскую словесность и логику; кроме того въ 1837—1839 гг. читалъ логику въ Московскомъ университѣтѣ. Умеръ въ Москвѣ 19 ноября 1849 г.

„Біографіческій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Московск. университета“, Москва 1853, ч. II, стр. 486.—С. Шевыревъ, „Історія Имп. Московск. университета“, Москва 1855, стр. 558.—В. И. Межовъ, „Історія всеобщей и русской словесности“, Спб. 1872, стр. 267, № 6806.

Терсинскій, Иванъ Григорьевичъ, магистръ Петербургской духовной академіи, тайный советникъ, родился въ 1817 г. Отецъ его былъ священникомъ Саратовской епархіи. Образованіе получилъ въ Петербургской духовной академіи (1839—1843), которую окончилъ въ 1843 г. со степенью магистра богословія и вскорѣ послѣ того назначенъ преподавателемъ богословія въ Саратовской духовной семинаріи. Въ 1847 г. онъ оставилъ должность въ семинаріи и перешелъ на гражданскую службу, въ которой пробылъ въ разныхъ вѣдомствахъ до 1859 г., когда былъ назначенъ оберъ-секретаремъ синода. Въ качествѣ дѣлопроизводителя Т. принималъ близкое участіе въ дѣятельности учрежденій при синодѣ комитетовъ для разсмотрѣнія вопроса о сокращеніи переписки по духовному вѣдомству и для пересмотра положенія 1842 г. объ обезпечениіи православного духовенства въ западныхъ епархіяхъ; состоялъ также членомъ особой комиссіи по составленію проекта законооположенія о нотаріальномъ части духовного вѣдомства. Въ 1866 г. онъ назначенъ управляющимъ дѣлами Высочайше учрежденія присутствія по дѣламъ православного духовенства. Въ результатахъ трудовъ этого присутствія подверглись измѣненіямъ всѣ статьи Свода Законовъ изд. 1857 г., касавшіяся личныхъ и сословныхъ правъ православного духовенства. Съ образованіемъ въ 1867 г. особаго учрежденія при синодѣ для ревизіи книгъ и отчетовъ по оборотамъ денежныхъ и материальныхъ капиталовъ, состоящихъ въ завѣдываніи синода, Т. былъ назначенъ завѣдующимъ контролемъ при синодѣ, а съ 30 июня 1872 г. переименованъ управляющимъ контролемъ при синодѣ. По этой должности онъ былъ представителемъ отъ духовного вѣдомства въ комиссіи при бывшемъ II от-

дѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи для кодифікаціи законовъ о правахъ дѣтей лицъ духовнаго званія православнаго духовенства, а также и о правахъ дѣтей лицъ армяно-григоріанскаго исповѣданія, въ комиссіяхъ при министерствѣ внутренніхъ дѣлъ для составленія правилъ объ обезпечениіи православнаго духовенства Западнаго края землями и домами и въ комиссіи по составленію положенія о всеобщей воинской повинности. Въ послѣдніе годы жизни онъ работалъ въ комиссіи для пересмотра правилъ о церковномъ хозяйствѣ, а также по измѣненію и дополненію прежней редакціи устава духовныхъ консисторій для нового его изданія въ 1883 г., согласно послѣдовавшимъ со времени первого (въ 1841 г.) изданія сего устава новыми узаконеніями, значительно измѣнившимъ и дополнившимъ многоязъ его статей. Умеръ Т. 12 февраля 1888 г. и 14 февраля погребенъ на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

А. Родосскій, „Біографіческій словарь студентовъ первыхъ ХХVIII курсовъ Петерб. дух. акад., 1814—1869 г.“, стр. 487—488.—“Церковныя Вѣдомости“, 1888, стр. 218—219.

Терскій (также Терскій, Аркадій Ивановичъ), генераль-рекетмейстеръ, тайный советникъ, родился 21 іюля 1732 г. На службу вступилъ въ 1744 г., а въ 1758 г. записанъ былъ по опредѣленію сената въ дворянскій списокъ и пожалованъ коллегіи юнкеровъ. Въ 1760 г. получилъ чинъ коллежскаго секретаря, въ 1763 г. возведенъ въ секретари капитанскаго чина, два года спустя опредѣленъ сенатскимъ секретаремъ, а въ 1775 г. назначенъ (въ чинѣ надворнаго советника съ 1769 г.) на должность оберъ-секретаря 1-го департамента сената. Въ 1780 г. Т. опредѣленъ былъ на должность генераль-рекетмейстера съ возведеніемъ въ чинъ статского советника; эту должность онъ занималъ въ теченіе 16 лѣтъ. На обязанності генераль-рекетмейстера лежало разсмотрѣніе жалобъ на несправедливость и волокиту судебныхъ установлений и составленія о нихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ; ему же подавались прошенія на Высочайшее имя. О дѣятельности Т. въ этой должности сохранились вполнѣ ей благожелательные отзывы, одинъ изъ нихъ говорить даже о данномъ ему современниками прозваніи «защитника правоты». Однако

Державинъ въ своихъ «Запискахъ» даетъ ему совсѣмъ иную характеристику. «Терской», — говорить Державинъ, — человекъ хотя умный, дѣла знатный, но хитрый и совершенный подьячій, готовый всегда угождать сильной сторонѣ». Въ придоворныхъ кругахъ Т. пользовался большими влияніемъ вслѣдствіе расположенія къ нему Екатерины II. Въ 1783 г. онъ по Высочайшему указу возведенъ былъ въ потомственное дворянство и награжденъ орденомъ Владимира 2-й степени. Въ 1784 г. Т. получилъ чинъ дѣйствительного статского советника, а позднѣе — тайного советника. Въ 1795 г. Екатерина II пожаловала ему 600 душъ въ Бѣлостокскомъ краю. Съ вступленіемъ на престолъ Павла I, Т. въ 1796 г. былъ уволенъ въ отставку, хотя и съ награжденіемъ орденомъ Анны 1-й степени. Умеръ Т. въ Москвѣ 2 августа 1815 г. и погребенъ на Донскомъ кладбищѣ.

«Обзоръ жизни генералъ-рекетмейстера А. И. Терского», «Русский Вѣстникъ», 1824, кн. 5, стр. 3—15 (съ портретомъ). — «Черты изъ жизни генералъ-рекетмейстера А. И. Терского», «Московская Вѣдомость», 1836, № 65, стр. 1331—1333. — «Литературные Прибавленія къ „Русскому Извѣстію“», 1836, № 57, стр. 451—453. — «Сочиненія Г. Р. Державина», съ примѣчаніями Я. Грота, Спб. 1869—1871, т. V, стр. 310, 333, 566, 583, 584, 585, 600, 623, 705—706, 720—725, 727, 737, 738, 869, 870, 872, т. VI, стр. 622, 631, 655, 661, 636—638, 657, 658, 659, 695—686. — В. Ключниковъ, «Всеобщий энциклопед. словарь», Спб. 1882, ч. II, стр. 859. — Ф. Толль, «Настольный словарь для справокъ», Спб. 1864, т. III, стр. 651. — «Справочный энциклопед. словарь», Крайя, Спб. 1848, т. X, стр. 287. — «Русский Архивъ», 1867, стр. 1268. — «Исторический Вѣстникъ», 1886, т. XXIII, стр. 134—138, 142.

Терюхина, см. *Теплова*.

Теряевъ, Андрей Михайловичъ, статской советникъ, профессоръ Педагогического института и медико-хирургической академіи, переводчикъ и писатель по естественно-научнымъ предметамъ, родился 30 ноября 1767 г., умеръ 12 октября 1827 г. Образованіе получилъ въ Петербургской учительской семинаріи и, какъ одинъ изъ блестящѣ окончившихъ курсъ, былъ назначеънъ къ отправленію за границу для усовершенствованія, но открывшаяся война воспрепятствовала этому. Т. остался при семинаріи и въ 1789 г. былъ произведенъ въ профессоры естественной исторіи, которую преподавалъ въ учительской гимназіи и въ воспитательномъ обществѣ благо-

родныхъ дѣвицъ. Когда въ 1805 г. учительская семинарія была преобразована въ Педагогический институтъ, Т. былъ назначенъ въ этомъ учебномъ заведеніи экстраординарнымъ профессоромъ минералогіи, ботаники и зоологіи. Въ 1808 г. онъ опредѣленъ адъюнктомъ тѣхъ же предметовъ въ медико-хирургическую академію, а въ 1809 г. утвержденъ ординарнымъ профессоромъ какъ въ институтѣ, такъ и въ академіи. Въ исторіи естествознанія въ Россіи Т. извѣстенъ своимъ проектомъ о снабженіи всѣхъ учебныхъ заведеній коллекціями предметовъ по естественной исторіи. Ему принадлежать слѣдующія печатные работы: «Разсужденіе о новѣйшихъ перемѣнахъ въ минералогіи, съ присовокупленіемъ краткой системы сей науки» (Спб. 1796), «Разсужденіе о природѣ, или разсужденіе о естественныхъ тѣлахъ вообще» (Спб. 1802), «Начальные основанія ботанической философіи» (Спб. 1810), «Систематическое расположение ископаемыхъ и животныхъ тѣлъ» (Спб. 1810), «Исторія минералогіи съ присовокупленіемъ главнаго основанія новѣйшей системъ по всѣмъ частямъ всеобщей минералогіи» (Спб. 1819) и «Главное основаніе системы царства животныхъ» (Спб. 1824). Перевелъ съ нѣмецкаго «Руководство къ естественной исторіи» Бауменбаха (Спб. 1794) и «Экономическую ботанику» (Спб. 1801).

«Андрей Михайловичъ Теряевъ», «Сынъ Отечества», 1827, ч. 116, № 22, стр. 131—138. — «Энциклопед. Словарь» Эфрона, 1-е изд., т. 33, стр. 96.

Теслевъ, Александръ Петровичъ, сынъ титуллярнаго советника, лютеранскаго вѣроисповѣданія, родился въ 1781 г.; началъ службу капраномъ въ Невскомъ пѣхотномъ полку, а въ 1793 г. переведенъ колонновожатымъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части и произведенъ въ прапорщики въ 1797 г. При новой организации квартирмейстерской части на академика Шуберта была возложена подготовка офицеровъ къ геодезическимъ работамъ; Шубертъ читалъ имъ курсъ астрономіи въ теченіе 1802—1805 гг. и обратилъ вниманіе на Т.; несомнѣнно, что молодой поручикъ и тогда уже выдѣлялся своими способностями, потому что былъ назначенъ зимой 1803—1804 гг. сопровождать Шуберта для наблюденія солнечнаго затменія въ Шолоцкъ и опредѣленія

долготы и широты этого города; по возвращении изъ этой командировки Т. отправился съ Шубертомъ же для определенія астрономического положенія пунктовъ на восточномъ и южномъ берегахъ Бѣлаго моря, Онежскаго и Ладожскаго озеръ, въ мѣстностяхъ, вовсе не изслѣдованныхъ до того времени, при чемъ были определены долготы и широты городовъ Сердоболя, Онеги, Архангельска, Вытегры, Кеми и монастырей Сердобольскаго и Никольскаго; затѣмъ А. В. принималъ въ теченіе трехъ лѣтъ участіе въ определеніи пунктовъ по берегамъ Финскаго и Рижскаго заливовъ. Въ 1805 г. было снаряжено въ Китай посольство Головкина, которое сопровождала астрономическая экспедиція; въ составъ ея вошелъ и Т. Въ октябрѣ экспедиція достигла Кяхты, сдѣлавъ 6.228 верстъ, причемъ начиная отъ Перми Шубертъ и Т. опредѣляли долготы и широты всѣхъ по путныхъ городовъ; на обратномъ пути Т. въ числѣ четырехъ офицеровъ снималъ глазомѣрию Нерчинскій округъ и всю китайскую границу на востокъ до Амура, а на западъ до Омска, пройдя маршрутами 6.022 версты; Т., кроме того, опредѣлилъ еще положеніе десяти пунктовъ въ Забайкальѣ.

Въ 1807 г. начинается семилѣтняя (съ перерывомъ въ два года) дѣятельность Т. на театрѣ военныхъ дѣйствій, причемъ онъ принялъ участіе во многихъ дѣлахъ: въ 1807 г., состоя въ арміи барона Беннигсена: 24 мая при дд. Вольфсдорфѣ, Лангенau, Нейсдорфѣ и Глагау, 25 іюня при дд. Квѣцѣ, Аннендорфѣ, Деппенѣ, 29 и 30 іюня подъ Гейльсбергомъ, 2 іюля подъ Фридландомъ; въ шведской войнѣ 1808—1809 гг., въ кампаніи 1808 г.: 22 февраля при Куопіо, 4 и 6 апрѣля при киркахъ Шихаюки и Сигаюки въ авангардѣ подполковника Кульниева, 2 іюня при киркѣ Лаппо, 28 іюня при киркѣ Аллово, 5 августа при той же киркѣ, 9 августа при киркѣ Вирдойсъ, 20 августа при киркѣ Куортанъ, 15 и 30 октября при Иденсалмы; въ кампанію 1809 г. находился подъ командой генераль-лейтенанта Штейнгеля. «былъ послыаемъ парламентеромъ и на Аландскіе острова и, презирая опасности, достигъ почти Стокгольма, собравъ множество полезныхъ для насы свѣдѣній». О заслугахъ Т. свидѣтельствуютъ награды: онъ получилъ слѣдующій чинъ, золотую

саблю съ надписью «За храбрость», бриллиантовый перстень и особое Высочайшее благоволеніе.

Въ 1810 г. Т. былъ командированъ на Аландъ для съемокъ, въ виду существовавшаго предположенія выстроить тамъ крѣость; во время этихъ работъ онъ сломалъ лѣвую ногу, въ уваженіе чего ему была пожалована пенсія по 500 р. Слѣдующій годъ Т. былъ занятъ составленіемъ атласа части Сибири и китайской Монголіи, а затѣмъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ при войскахъ, въ Новой Финляндіи расположенныхъ, подъ начальство знашаго его по Шведской войнѣ генерала Штейнгеля. Передъ началомъ Отечественной войны, когда въ Финляндіи формировался амбарцируемый корпусъ, Т. былъ определенъ въ немъ Штейнгелемъ старшимъ по квартирмейстерской части, «такъ какъ онъ опытами, извѣстенъ о знаніи своего дѣла и усердіи къ службѣ» (изъ донесенія Штейнгеля военному министру). Въ августѣ корпусъ отплылъ изъ Гельсингфорса въ Ревель, откуда двинулся въ Ригу; въ пути Т. получилъ указъ о возведеніи его съ потомствомъ въ дворянское достоинство. Началась опять боевая дѣятельность Т.; онъ участвовалъ въ слѣдующихъ сраженіяхъ: 1812 г.—14 сентября при Доленкирхенъ, 15 сентября при Гроссъ-Эккау, 18 сентября на р. Аа при Цемаленѣ, 7 и 8 октября при Полоцкѣ, 12 октября при д. Кубличахъ (за два послѣднихъ дѣла чинъ полковника), 19 октября при Чашникахъ, 2 ноября при мызѣ Смольянахъ (орденъ Владимира 3-й степени), 15 ноября при Борисовѣ; 1813 г.—5 и 6 арѣля при осадѣ крѣости Витенберга, 20 арѣля подъ Люценомъ, 7, 8 и 9 мая подъ Бауценомъ, съ 10 августа по 5 сентября въ дѣлахъ при Пирнѣ, Кульмѣ, подъ Дрезденомъ, при м. Гонглейбѣ, гдѣ былъ раненъ пулей въ руку (за эти дѣла произведенъ въ генераль-маиора); при отступлѣніи отъ Дрездена французы отбили нашъ обозъ, и Т. лишился всего имущества, въ вознагражденіе чего ему пожаловано 1.500 р.; 4, 6 и 7 октября былъ въ битвѣ подъ Лейпцигомъ (орденъ Георгія 4-й степени); 1814 г.—15 февраля при Барь-Сюръ-Обѣ, 19 и 20 февраля при д. Лабрюсель и г. Траа (за что вторично награжденъ чиномъ генераль-маиора), 9 марта при Арсисѣ и Ферь-шампенуазѣ, 17 и 18

марта подъ Парижемъ (золотая шпага, украшенная алмазами). Въ 1815 г. Т. былъ назначенъ начальникомъ штаба 1-го пѣхотнаго корпуса, а въ 1819 г. командиромъ 21-й пѣхотной дивизіи, но вскорѣ перемѣщены на таковую же должность въ 23-ю и произведенъ (22 августа 1826 г.) въ генераль-лейтенанты. Прежняя служба въ Финляндіи была несомнѣнно причиной, что Т. былъ назначенъ (1833) помощникомъ Финляндскаго генераль-губернатора по гражданской части, а еще раньше, именно въ 1832 г., и. д. вице-канцлера Александровскаго университета; на этихъ постахъ Т. былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи (1 юля 1841 г.) и поключенъ изъ списковъ умершимъ въ 1847 г. (3 ноября этого года). Высшей наградой имѣлъ орденъ Александра Невскаго (1839).

Въ аттестации Т. сказано: «Отчеты по должности всегда представлялись въ срокъ. Жалобамъ никакимъ не подвергался и въ виду начальства таковыхъ не было. Слабымъ въ отправлении обязанностей службы замѣченъ не былъ, беспорядковъ и неисправностей между подчиненными не допускалъ. Въ неприличномъ поведеніи оглашаемъ и изобличаемъ не былъ». Отъ брака съ Іоганной - Маріой урожд. Гельсингіусъ имѣлъ шесть чловѣкъ дѣтей.

Высочайшие приказы соотвѣтствующихъ годовъ.—«Списокъ генераловъ съ 1845 г.», стр. 131.—«Материалы Воен. - Учен. Архива Генерального Штаба. Отечественная война 1812 г.», т. XII, стр. 176.—Судравский, «Военная галлеря Зимнаго Дворца», стр. 31.—«Столѣтие Военного Министерства. Главный Штабъ», т. IV, ч. 1, кн. 2, стр. 206 и 282.—Глиноецкій, «Русский Генеральный штабъ въ царствованіе Императора Александра I», «Военный Сборникъ», 1874, №№ 10, 11 и 12.—Формуляръ въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба, Московское отдѣленіе, дѣло 3 стола 3 отдѣленія Инспекторскаго департамента военнаго министерства за 1848 годъ, № 1251, по архиву свѣдака 302.

M. II.

Тетеревниковъ, Николай Кузьмичъ, генераль-лейтенантъ, членъ главнаго военнаго суда, участникъ Севастопольской обороны, родился въ 1805 г.; воспитывался въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, по выходѣ изъ котораго произведенъ въ пра-прапорщики лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Въ составѣ своднаго гвардейскаго полка Т. принималъ участіе въ Персидской войнѣ 1826 и 1827 гг., причемъ отличился при осадѣ крѣпости Абасъ-Абадъ, гдѣ былъ

раненъ пулей въ руку, въ сраженіи при Джеванъ-Булакѣ (за особыя отличія награжденъ Владимиромъ 4-й степени съ бантомъ); за дѣла при взятіи Эривани награждевъ золотой полусаблей съ надписью «За храбрость». Въ 1828 г. вернулся съ Закавказья въ Петербургъ. Въ 1829 г. онъ въ рядахъ своднаго гвардейскаго полка находился въ Подольской губерніи и участія въ происходившей въ то время войнѣ съ Турцией не принималъ. Въ 1831 г. при штурмѣ Варшавскихъ укрѣплений и обложеніи крѣпости Модлина (Новогеоргіевскъ) находился въ составѣ лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Послѣ замиренія Польши Т. въ 1832 г., въ чинѣ штабсъ-капитана, переведенъ былъ въ генеральный штабъ, гдѣ находился до 1843 г., служа сначала въ Оренбургскомъ корпусѣ, а затѣмъ въ кавалеріи генераль-квартирмейстера главнаго штаба. Въ 1843 г., съ производствомъ въ полковники, назначенъ начальникомъ межеванія казенныхъ земель въ Саратовской губерніи съ переводомъ въ корпусъ военныхъ топографовъ, а въ 1844 г. снова определенъ въ генеральный штабъ, съ назначеніемъ въ штабъ дѣйствующей арміи. Въ 1847 г., занялъ должность оберъ-квартирмейстера IV корпуса и въ 1848 г. переведенъ на ту же должность во II корпусъ. Принималъ въ 1849 г. дѣятельное участіе въ Венгерской кампаніи и за сраженіе при Добречинѣ произведенъ въ чинъ генераль-майора. Въ 1851 г. назначенъ былъ начальникомъ штаба III пѣхотнаго корпуса, въ 1853 г.—командиромъ 2-й бригады 8-й пѣхотной дивизіи и въ концѣ 1854 г. отправился съ дивизіей въ Крымъ, въ дѣйствующую армію. Прибывъ къ Евпаторіи въ началѣ февраля 1855 г., онъ привималъ участіе въ рекогносцировкѣ этого города, занятаго союзными войсками, а 5 февраля участвовалъ въ штурмѣ Евпаторіи, командуя средней колонной наступательнаго отряда. Въ мартѣ того же года Т. назначенъ былъ начальникомъ сѣверныхъ укрѣплений и береговыхъ батарей въ Севастополѣ; здѣсь онъ пробылъ 5 мѣсяцевъ и 4 дня, съ 23 марта по 27 августа, а въ сентябрѣ переведенъ командиромъ 8-й дивизіи. Въ 1860 г. назначенъ командующимъ башкирскихъ войскъ. Позже по слѣдовательно командовалъ 23-й (съ 1862 г.), 4-й и 37-й пѣхотными диви-

зіями, имѣя уже чинъ генераль-лейтенанта. Въ 1868 г. назначень былъ предсѣдателемъ Одесского военного окружного суда, а въ 1871 г.—членомъ главнаго военнаго суда. Умеръ 4 марта 1874 г. въ Варшавѣ проѣздомъ изъ Одессы.

Некрологи за 1874 г.: „Русскій Инвалидъ“, № 51; „Иллюстрированная Недѣля“, № 17.— „Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя“ подъ ред. Н. Дубровина, Спб. 1871, вып. 2, стр. 60, 113, прилож. стр. 29.— М. И. Богдановичъ, „Восточная война 1853—1856 годовъ“, Спб. 1876, т. 3, стр. 217—218.—Д. И. Ровинский, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Спб. 1886, т. II, прилож. стр. 861.— „Портреты лицъ, отличившихся своими заслугами въ 1853—1856 гг.“, Спб. 1857—1860 (портретъ Т.).

Тетеря, Павель, малороссійскій заднѣпровскій гетманъ. О его происхожденіи и раннихъ годахъ не имѣется достовѣрныхъ свѣдѣній. Онъ былъ зятемъ Юрия Хмельницкаго и любимцемъ его отца, Богдана. До 1647 г. занималъ должность регента, т. е. правителя канцеляріи городскаго суда во Владимирѣ-Волынскомъ, а затѣмъ недолго состоялъ на службѣ у брацлавскаго каштеляна Г. Стемпковскаго. Когда въ 1648 г. вспыхнуло возстаніе Богдана Хмельницкаго, Т. присоединился къ казакамъ и занялъ должность Переяславльскаго полковника. Въ концѣ 1653 г. изъ Москвы въ Украину пришло посольство боярина Бутурлина для принятія Малороссіи въ подданство. 31 декабря это посольство въ 5 верстахъ отъ Переяславля торжественно встрѣчено Т., бывшимъ во главѣ 600 казаковъ. Сойдя съ лошади, онъ произнесъ витеватую привѣтственную рѣчъ, въ которой отъ лица казаковъ выражалъ радость, «яко вы (послы) со исполненiemъ царскаго обѣта грядете къ намъ, еже быти подъ высокою великодержавнаго благочестиваго царя восточнаго рукою православному и прославленому войску запорожскому», и послѣ обмѣна привѣтствіями ввелъ посольство въ Переяславль, куда 6 января 1654 г. прибылъ и Хмельницкій съ войсковыми чинами. Во всѣхъ дальнѣйшихъ переговорахъ, предшествовавшихъ присягѣ, въ соѣщаніяхъ тайныхъ и явныхъ и въ извѣстной Переяславльской радѣ. Т. принялъ ближайшее участіе. Когда въ церкви, куда стороны пришли для присяги, между Хмельницкимъ и Бутурлинымъ вышли разногласія въ томъ, присягать ли и Бутур-

лину за царя встրѣчною клятвою въ ненарушеніи вольностей казацкихъ, отъ чего Бутурлинъ отказывался,—гетманъ и всѣ старшины отправились въ домъ Т. для совѣщенія, а потомъ Т. и миргородскій полковникъ Сахновичъ возвратились въ церковь и продолжали настаивать на своемъ требованіи. Т. ссыпался на пріемъръ польскихъ королей, приносящихъ присягу своимъ подданнымъ, но Бутурлинъ стоялъ на своемъ, полагая, что и говорить о присягѣ царя непристойно, а въ сохраненіи вольностей завѣряя своимъ посольскимъ словомъ. Съ этимъ Т. и вернулся въ свой домъ къ Хмельницкому. 8 января гетманъ и полковники, въ ихъ числѣ и Т., принесли присягу. 12 января Т., войсковой писарь Выговскій, войсковой судья Самойла Богдановичъ и другія лица предложили Бутурлину дать хотя бы грамоту за своей рукой, дабы показывать ее по полкамъ для приведенія къ присягѣ, ибо безъ такого письменнаго документа «въ города ѻхать для привода къ присягѣ нельзя, потому что всѣмъ людямъ въ городахъ будетъ сомнительно». Бутурлинъ отказалъ. Т. и судья Самойла Богдановичъ (Зарудный) составили договорные статьи о присоединеніи Малороссіи, а въ концѣ марта Т. и судья Гонсовскій были посланы въ Москву для представленія ихъ царю Алексѣю Михайловичу. Т. былъ челомъ, чтобы 1) урядники въ городахъ были избираемы изъ мѣстныхъ людей, а не назначались изъ Москвы, 2) гетманъ и войско могли принимать иностранныхъ пословъ, если только они не пришли съ чѣмъ-нибудь противнымъ царскому величеству, 3) число реестровыхъ казаковъ было не менѣе 60 тысячъ, 4) по смерти гетмана войско могло избирать нового по своей волѣ, 5) права и вольности не были нарушены. На всѣ эти пункты послѣдовало согласіе царя и бояръ.

Въ началѣ 1657 г. Т. снова ѻздилъ въ Москву въ качествѣ посла отъ Хмельницкаго. Тамъ онъ долженъ былъ, съ одной стороны, дать отвѣтъ на два вопроса бояръ,—почему мало денегъ собирается съ казаковъ и какъ эти средства расходуются (до Москвы доходили вѣсти о злоупотребленіяхъ сборщиковъ, полковниковъ и гетмана) и по какому праву гетманъ принимаетъ пословъ (хотя это не противорѣчило договору), а съ другой—предста-

вить и́есколько грамотъ Хмельницкаго и и́есколько члобитій войскового писаря, судьи и др. При представлениі царю Т. произнесъ большую рѣчъ, преисполненную фигурами витїства, въ чемъ онъ былъ незаурядныи мастеромъ. Пока шли переговоры, получилась вѣсть о смерти Хмельницкаго, послѣ чего Т. повелъ рѣчъ о новомъ гетманѣ, имѣя въ виду сына Богдана, Юрия Хмельницкаго, и не зная еще о выборѣ радою въ гетманы Ивана Выговскаго. На предложеніе Т. послѣдовало парское соглашеніе, для извѣщенія о которомъ въ Малороссію было отправлено посольство Кикина.

По возвращеніи въ Малороссію Т. присоединился къ партии Выговскаго, а потомъ выѣхѣлъ съ нимъ измѣнилъ и передался на сторону Польши, за что и былъ назначенъ заднѣпровскимъ наказнымъ гетманомъ. Въ 1660 г., когда западно-бережный гетманъ Юрий Хмельницкій началъ умышлять измѣну, Т., по настояніямъ королевскаго комиссара Бенѣвскаго, былъ избранъ войсковымъ писаремъ. Такъ какъ Юрий былъ еще «молоденький» и, въ противоположность отцу, человѣкъ небольшихъ дарованій, то онъ всецѣло подпалъ подъ вліяніе Т., человѣка дѣятельного и краснорѣчиваго. Уже съ этого времени Т. сталъ фактически гетманомъ западной части Малороссіи и свое вліяніе направилъ въ пользу Польши. Въ 1662 г. Юрий открыто измѣнилъ. Въ послѣдовавшихъ въ томъ же году битвахъ гетманъ былъ сначала разбитъ княземъ Г. Ромодановскимъ, но затѣмъ самъ нанесъ жестокое пораженіе московскимъ войскамъ. Тѣмъ не менѣе его положеніе было шаткимъ, и Т. неоднократно писалъ и посыпалъ сказать королю, что необходима помошь казакамъ, иначе дѣла примутъ дурной оборотъ, ибо войско велослушно, своевольничаетъ, при томъ татары изъ союзниковъ грозятъ превратиться въ господь. Но отношенію къ Юрию онъ, повидимому, держался лицемѣрной политики, вѣнчимъ образомъ уговаривая казаковъ его не смыть, а тайно добиваясь этого. Въ концѣ 1662 г. Юрий самъ отказался отъ гетманства и постригся. На его мѣсто гетманомъ западной стороны былъ избранъ Т. Враги его говорили, что онъ получилъ гетманство отъ Хмельницкаго по родству, но въ избраніи его злоупотребленія были, повидимому, не свыше обычныхъ. Свое гетманство Т. началъ съ по-

сольства къ польскому королю, прося его о немедленной помощи и обращая вниманіе на все возрастающую силу и вліяніе среди казаковъ татаръ. Гетманство Т., хотя и продолжалось около 5 лѣтъ, было непрочно и неспокойно. Украина раздидалась междусобіями, вызванными вопросомъ о гетманствѣ въ восточной ея части, на которое было иѣсколько претендентовъ. Одного изъ послѣднихъ, Самко, Т. всячески старался привлечь на сторону Польши. Послѣ избрания въ гетманы восточной стороны Брюховецкаго Т. сталъ посыпать туда «прелестные листы», въ которыхъ призывалъ казаковъ склониться къ Польшѣ, но успѣха не имѣть. Во время похода того же 1662 г. польского короля на восточную часть Украины Т. начальствовалъ казаками и отрядомъ союзныхъ татаръ. Сначала онъ обложилъ Гадячъ, но чрезъ иѣсколько недѣль принужденъ былъ отступить, такъ какъ прослыпалъ о приближеніи кн. Ромодановскаго съ московскими полками. Въ апрѣль онъ осадилъ кошевого Сѣрко въ Смѣлой, но урона осажденнымъ не могъ принести. Неудачи побудили Т. писать къ канцлеру Пражмовскому, что миръ съ Москвой необходимъ, особенно въ виду—настойчиво указываемой имъ и раньше— опасности со стороны татаръ, явно стремящихся оторвать Украину отъ Польши и присоединить ее къ Крымскому ханству. На предложеніе Т. не было обращено вниманія, несмотря на то, что въ такомъ случаѣ онъ просилъ уволить его отъ гетманской должности, въ чемъ ему тоже было отказано. 22 мая Т. съ поляками напалъ на Каневъ, гдѣ заперся Брюховецкій. Рядъ нападеній осаждавшихъ и вылазокъ осажденныхъ не дали яснаго результата, и поляки отошли за Бѣлую Церковь, а Т. съ казаками и татарами направился къ Умані, чтобы помѣшать жителямъ Уманскаго и Браславскаго полковъ, сторонникамъ Москвы, убрать хлѣбъ съ полей, да кромѣ того попытаться склонить ихъ вновь въ сторону короля. На «прелестныхъ листахъ» его съсоответствующимъ воззваніемъ нарисованъ былъ крестъ и образъ Богоматери; крестомъ и образомъ онъ клялся, что никому не будетъ мости ни отъ короля, ни отъ него. Въ октябрѣ Т. сормѣстно съ польскимъ воеводой Чарнецкимъ настигъ царскаго воеводу Косагова въ Медвинѣ и держалъ его 4 недѣли въ осадѣ, но взять не могъ и отступилъ. Есть извѣстіе, что

около этого времени Т. черезъ какого-то монаха предлагалъ царю престить его и обѣщалъ служить вѣрою и помирить Москву съ крымскимъ ханомъ. Вскорѣ Т. удалился въ Польшу, потомъ въ Молдавию, откуда по какимъ-то соображеніямъ намѣревался пройти въ Константинополь. Черезъ вѣкоторое время онъ возвратился, опять ввязался въ борьбу съ Брюховецкимъ, но въ 1667 г. былъ схваченъ и казненъ.

„Акты Южной и Западной Россіи“, т. VII—XII.—Архивъ министерства юстиціи, столбцы Малороссійского приказа, № 5865, 6001 п. др.—Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, дѣла Малороссіи, 1662—1665 гг.—Государственный архивъ, столбцы Приказа тайныхъ дѣлъ, № 75.—„Акты Археографической Комиссіи“, т. IV.—Полное Собрание Законовъ, т. I, стр. 308, 311, 313—315; т. VI, стр. 682.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, по изд. „Общ. Попъзъ“ кн. II, стр. 1634—1638; кн. III, стр. 2—5, 91—97, 107—114, 124, 125, 130—135, 142, 414.—Д. Бантышъ-Каменскій, „Исторія Малой Россіи“, Москва 1830.—Д. И. Эварицкій, „Исторія запорожскихъ казаковъ“, Спб. 1895.—Костомаровъ, „Богданъ Хмельницкій“, Спб. 1884.—J. Engel, „Geschichte der Ukraine und der Ukrainischen Kosaken“, Halle 1796.

Теттенборнъ, баронъ Фридрихъ-Карлъ, генераль-майоръ, родился въ 1778 г. въ Австріи, умеръ въ 1845 г. Служилъ сначала въ австрійскихъ войскахъ, участвовалъ въ кампаніи 1809 г. противъ Наполеона. Австрійская военная неудачи побудили его покинуть службу тамъ и перейти на русскую. Въ 1812 г. онъ былъ назначенъ въ отрядъ Винцингероде, гдѣ неоднократно проявилъ себя удачными дѣлами. По выступленіи французовъ изъ Москвы Т. съ отличиемъ командовалъ однимъ изъ партизанскихъ отрядовъ. Въ 1813 г. сдѣлалъ удачный набѣгъ на Бременъ. Въ 1814 г. онъ былъ назначенъ во главѣ значительного летучаго отряда, которому было поручено содержать сообщеніе между главною и силезской арміями. Въ 1818 г. онъ перешелъ на баденскую службу и былъ назначенъ посланикомъ въ Вену.

„Сборникъ Императ. Русскаго Историческаго Общества“, т. 121, стр. 239—241—245, 247, 277; т. 122, стр. 50, 78—82, 84, 89.

Теть, Егоръ Егоровичъ (Джоржъ), адмираль, родомъ англичанинъ, на русскую службу поступилъ въ 1771 г. Впервые былъ въ сраженіи при Наполи-ди-Романья и при Чесмѣ. Въ чинѣ капитана 1-го ранга, командуя 74-пушечнымъ корветомъ «Кирь

Юанъ», участвовалъ въ Гогландскомъ сраженіи 6 июля 1788 г. Въ 1790 г., уже капитанъ-бригадиръ, во главѣ того же корвета, былъ въ Ревельскомъ сраженіи и способствовалъ пораженію эскадры подъ флагомъ герцога Зюдерманландскаго. 25 мая того же года въ составѣ эскадры адмирала В. Я. Чичагова вышелъ съ своимъ судномъ изъ Ревеля и участвовалъ въ пре-слѣдованіи непріятельской эскадры вплоть до Выборгской губы, а 22 июня—въ извѣстномъ Выборгскомъ сраженіи, во время котораго захватилъ въ плѣнъ шведский фрегатъ. За это сраженіе произведенъ въ контр-адмиралы. Въ 1798 г., уже въ чинѣ вице-адмирала, командовалъ эскадрою изъ 6 крупныхъ и нѣсколькоихъ мелкихъ судовъ при блокадѣ голландскихъ береговъ, по окончаніи которой соединился на Норскому рейдѣ съ англійскою эскадрою, бывшею подъ флагомъ вице-адмирала Дункена, и русской эскадрою подъ командою вице-адмирала Макарова. По окончаніи войны былъ назначенъ сенаторомъ 3-го департамента. Умеръ въ 1826 г.

А. Кротковъ, „Повседневная запись замѣтательныхъ событий въ русскомъ флотѣ“, Спб. 1894, стр. 94, 138, 176, 209, 244, 246, 484, 485.—Головачевъ, „Дѣйствія русскаго флота во время войны Россіи со Швеціей въ 1788—1790 гг.“, стр. 42, 64, 208.—Шишковъ, „Военные дѣйствія россійскаго флота противъ шведскаго въ 1788—1790 гг.“, стр. 124, 141, 153, 156.—„Собрание разныхъ полученныхъ отъ главнокомандующаго арміями и флотомъ ко двору донесеній“, 1789.—„Записки Гидрографич. Департамента“, т. VIII, стр. 326.—Шишковъ, „Собрание морскихъ журналовъ“, стр. 113—122.—„Сборникъ Русскаго Историч. Общества“, т. 29, стр. 290.

Тибѣкинъ, Василій, баснописецъ на-чала XIX вѣка. Біографическихъ свѣдѣній о немъ не сохранилось. «Собрание басенъ» Т. вышло въ Петербургѣ въ 1819 г. Оно посвящено кн. Я. Ив. Лобанову-Ростов-скому и содержитъ 30 басенъ.

Березинъ-Ширяевъ, „Материалы для біблиографіи“, Спб. 1868, стр. 159.—„Энциклопед. словарь“ Ефроня, 1-е изд., полуут. 65, стр. 156.

Тигерstedtъ, Аксель Федоровичъ, родился въ 1813 г. и по окончаніи курса въ Финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ выпущенъ 1832 г. прапорщикомъ въ гвардейскую артиллерию; черезъ три года командированъ на Кавказъ, гдѣ принялъ участіе въ дѣлахъ съ горцами, а затѣмъ возвра-щенъ въ бригаду и продолжалъ въ ней

службу до производства въ полковники (1847) и получения 3-й батареи 3-й гвардейской и grenaderской артиллерийской бригады; батареей командовалъ годъ, такъ какъ былъ назначенъ командиромъ резервной бригады grenaderской артиллерийской дивизии, съ каковой совершилъ Венгерский походъ 1849 г. Черезъ два года (1851) назначенъ командиромъ сводной резервной бригады 1-й, 2-й и 3-й артиллерийскихъ дивизий, а на слѣдующій годъ—13-й полевой артиллерийской бригады. Во время Восточной войны при дѣйствіяхъ противъ Карса состоялъ командующимъ артиллеріи Ахалцыхскаго отряда и въ этомъ званіи былъ произведенъ (1855) въ генераль-маиоры. 1860—1864 годы провелъ въ отставкѣ, но затѣмъ поступилъ на службу вновь командиромъ 38-й артиллерийской бригады, на каковой должности и скончался въ юнѣ 1870 г.

„Ежегодникъ Русской арміи“, 1871, стр. 68.

Тидебель, Сигизмундъ Андреевичъ, инженеръ-генералъ, начальникъ Николаевской академіи, членъ Александровского комитета о раненыхъ, родомъ изъ дворянъ Лифляндской губерніи, родился 8 мая 1824 г. Учился въ главномъ, нынѣ Николаевскомъ, инженерномъ училищѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1844 г., въ томъ же году произведенъ въ полевые инженеръ-прапорщики и оставленъ при училищѣ въ качествѣ преподавателя. Въ юнѣ 1845 г. его перевели на службу въ Рижскую инженерную команду, затѣмъ въ Ревельскую и въ 1851 г. въ Варшавскую, а въ маѣ 1852 г. назначили адъютантомъ къ начальнику инженеровъ дѣйствующей арміи, генералъ-адъютанту Шильдеру. Въ чинѣ поручика принялъ участіе въ Восточной войнѣ 1853—1856 гг. Въ качествѣ адъютанта генерала Шильдера онъ распоряжался постройкой въ янвѣрѣ 1854 г. батареи при Дунаѣ противъ турецкой флотиліи, 20 февраля былъ подъ начальствомъ генерала Хрулева въ дѣль подъ Каларашемъ, а 1 марта — въ форсированной переправѣ черезъ Дунай у Браилова; въ маѣ 1854 г. принималъ участіе въ осадѣ Силистрии, завѣдуя частью осадныхъ работъ, и былъ въ числѣ инженеровъ, которые 28 мая спустились въ ровъ непріятельского укрѣпленія Арабъ-Тагба и устроили крытый переходъ черезъ ровъ. За эти дѣла произведенъ (17 февраля

1854 г.) въ штабсъ-капитаны и награжденъ золотой полусаблей съ надписью «за храбрость». Послѣ того какъ осада Силистрии была снята и русскія войска перешли на лѣвый берегъ Дуная, Т. былъ перемѣщенъ въ Крымъ и назначенъ въ распоряженіе Тотлебена для производства инженерныхъ работъ въ Севастополь. Здѣсь онъ заявилъ себѣ какъ одиа изъ самыхъ дѣятельныхъ помощниковъ Тотлебена. Подъ руководствомъ Тотлебена имъ былъ заложенъ и построенъ одинъ изъ передовыхъ редутовъ — Селенгинскій на Киленбалочномъ хребтѣ, причемъ работы приходилось производить подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ; онъ также принималъ участіе въ отраженіи штурма этого редута непріятелемъ. Совмѣстно съ Сахаровымъ Т. заложилъ Волынскій редутъ, находившійся на четвертомъ бастіонѣ, работая при сильномъ бомбардированіи его непріятелемъ. 10 марта 1855 г. имъ возстановлены передовые ложементы Камчатского люнета, послѣ того какъ изъ нихъ выбить былъ непріятель, причемъ онъ принималъ участіе и въ боѣ; 28 марта онъ завѣдалъ производствомъ работъ на Камчатокомъ редутѣ. Эти три редута, возведенные Т., находились подъ постояннымъ непріятельскимъ огнемъ и вслѣдствіе этого ежедневно разрушались; приходилось по мѣрѣ возможности постоянно возобновлять разрушенныя непріятелемъ части, что Т. исполнялъ съ неослабной энергией. Въ мартѣ его перевели въ лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ. Въ апрѣлѣ онъ выполнилъ трудное и требовавшее значительной смѣлости предприятіе—построилъ ложементы впереди четвертаго бастіона. 10 мая того же года принялъ участіе въ дѣлѣ на Кладбищенской высотѣ (за отличие пожалованъ Георгіемъ 4-й степени). Когда 8 юня Тотлебенъ былъ раненъ въ ногу, завѣдываніе оборонительными инженерными работами на Корабельной сторонѣ было передано Т., который и исполнялъ эту обязанность до 25 юна. Онъ участвовалъ также въ отраженіи штурма непріятельскими войсками севастопольскихъ укрѣпленій, произведенѣаго въ августѣ 1855 г. (награждены Владимиромъ 4-й степени и произведенъ въ капитаны). Послѣ отступленія русскихъ войскъ съ южной стороны Т. командированъ былъ въ сентябрь мѣсяцѣ въ Николаевъ для устройства Херсонской оборо-

иятальной линії. Всего онъ провелъ на севастопольскихъ бастіонахъ 11 мѣсяцівъ. Въ октябрѣ 1856 г., когда Восточная война была окончена, Т. былъ произведенъ въ полковники и вмѣстѣ съ тѣмъ определенъ адъютантомъ къ великому князю Николаю Николаевичу старшему, бывшему тогда генераль-инспекторомъ по инженерной части. Будучи произведенъ въ апрѣль 1863 г. въ генераль-маіоры, онъ одновременно определенъ быть членомъ техническаго комитета главнаго инженернаго управлениія.

Въ октябрѣ 1866 г. Т. былъ назначенъ начальникомъ Николаевской инженерной академіи и училища. Въ качествѣ начальника академіи и училища онъставилъ себѣ главной задачей вести эти военно-учебныя заведенія въ военномъ направлении; онъ внимательно следилъ за работами преподавателей по тактике, фортификаціи и артиллеріи, и подъ его руководствомъ составлено было преподавателями академіи и училища руководство для офицеровъ полевыхъ войскъ: «Саперныя работы въ полѣ» (Спб. 1869). По его инициативѣ организованы и первые три года (начиная съ 1878) подъ личнымъ его наблюденіемъ велись лѣтнія полевые тактико-фортификаціонныя занятія обучающихся въ академіи, причемъ Т. составлялъ для нихъ инструкціи; поздѣѣ эти занятія введены были и въ инженерномъ училищѣ. Имъ же организованы были не практиковавшія до того публичныя лекціи по наиболѣе интереснымъ и важнымъ вопросамъ теоріи и практики военно-инженернаго искусства; лекціи эти происходили ежегодно во время поста, и къ участію въ нихъ Т. привлекалъ преподавателей академіи и наиболѣе выдающихся дѣятелей генеральнаго штаба. За время пребыванія въ должностіи начальника инженерной академіи Т. былъ назначенъ въ ноябрѣ 1869 г. въ свиту Его Величества, а въ мартѣ 1871 г.—произведенъ въ генераль-лейтенанты. Въ юнѣ 1868 г. онъ получилъ командировку за границу для ознакомленія съ организацией военно-инженерныхъ и артиллерійскихъ учебныхъ заведеній въ Германіи и Бельгіи и для осмотра крѣпостныхъ работъ въ Автврленѣ и Пруссіи. Нѣсколько разъ ему поручалось осматривать крѣпости и наблюдать за производствомъ крѣпостныхъ работъ. Въ должностіи начальника военно-инженерной академіи и училища Т. про-

былъ 20 лѣтъ, до апрѣля 1886 г., когда былъ назначенъ членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ. Въ августѣ 1887 г. былъ произведенъ въ инженер-генералы. Т. былъ почетнымъ членомъ Николаевской инженерной академіи и числился въ спискахъ роты юнкеровъ ея. Скончался въ Петербургѣ 18 января 1890 г.

Некрологи: „Русскій Инвалидъ“, 1890, № 18 (статья А. Плюшинскаго), и „Новое Время“, 1890, № 4991.—„Энциклопедич. словарь“ Эфрона, 1-е изд., полусл. 65, стр. 165.—„Настольный энциклоп. словарь“ бр. Гранатъ, 1-е изд., т. VIII, стр. 4755.—„Русскій календарь на 1891 годъ“, изданіе А. С. Суворина, стр. 285.—„Краткій біографіческій очеркъ замѣтныхъ дѣятелей изъ бывшихъ воспитанниковъ Николаевской инженерной академіи и училища“, „Всемірная Иллюстрація“, 1869, № 52, стр. 410.—М. Максимовскій, „Исторический очеркъ развитія Главнаго инженернаго училища, 1819—1869 гг.“, Спб. 1869, стр. 144, 188, 196 и 201.—Богдановичъ, „Восточная война 1853—1856 годовъ“, Спб. 1876, т. III, стр. 243, 244, 249, 263, 295, 400.—Тотлебенъ, „Описаніе обороны г. Севастополя“, Спб. 1868, ч. II, отд. I, стр. 20, 24, 25, 29.—Д. И. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Спб. 1889, т. IV, стр. 861.—Портретъ Т. помѣщенъ въ изданіи 1857—1860 гг. „Портреты лицъ, отличившихся заслугами въ 1853—1856 годахъ“.

Тизенгаузенъ, баронъ Евгений Богдановичъ, морской инженеръ, строитель Кронштадтскихъ доковъ, генерал-лейтенантъ, родился 2 февраля 1817 г. Въ ноябрѣ 1831 г. поступилъ въ Главное инженерное училище кондукторомъ, 1 января 1836 г. произведенъ въ полевые инженер-прапорщики, черезъ годъ въ подпоручики и еще черезъ годъ, по окончаніи полного курса наукъ въ «верхнемъ» офицерскомъ классѣ, повышенъ въ поручики съ назначеніемъ въ инженерный корпусъ и оставленъ для подготовки къ преподаванію, а въ декабрѣ 1839 г. былъ назначенъ при томъ же училищѣ, именно въ офицерскомъ классѣ, преподавателемъ строительного искусства. Въ августѣ 1840 г. Т. былъ командированъ въ распоряженіе начальника V пѣхотнаго корпуса г.-л. Лидерса, въ составѣ десантнаго отряда, снаряженного къ берегамъ Босфора. Въ 1844 г. по порученію инженернаго училищаѣздилъ за границу для обозрѣнія крѣпостей Германіи и Франціи и для изученія новыхъ данныхъ въ области строительного искусства. 28 января 1847 г. Т., будучи въ чинѣ инженер-

капитана (съ 1846 г.), переведенъ въ л.-гв. Саперный батальонъ, въ видѣ особаго отличія съ тѣмъ же чиномъ и съ причисленіемъ къ штабу генераль-инспектора по инженерной части въ число адъютантовъ при его высочествѣ. 5 декабря 1849 г. назначенъ для особыхъ порученій по морской строительной части къ начальнику главнаго морскаго штаба, а два года спустя произведенъ въ полковники съ переводомъ въ изъженеры морской строительной части. Лѣто 1858 г. Т. провелъ въ Архангельскѣ за изученіемъ и изысканіемъ средствъ по углубленію бара Сѣверной Двины и предупрежденію заносовъ впереди тамошняго адмиралтейства. Въ 1854 г. онъ совершилъ поѣздку по Западной Европѣ, побывалъ въ Голландіи, Бельгіи, Франціи, Италіи, Германіи и Англіи для изученія разныхъ работъ по гидротехнической части, и по возвращеніи былъ назначенъ для особыхъ порученій по морскому министерству. Въ юлѣ 1855 г. назначенъ членомъ комитета по вооруженію кронштадтскихъ укрѣплений и завѣдывалъ оборонительными работами фортовъ. Почти весь слѣдующій 1856 годъ Т. провелъ въ Астрахани, командированный туда для выясненія мѣры по упорядоченію канала при Астраханскомъ портѣ и для постройки самоосвѣщающагося маяка на островѣ Святомъ въ Каспійскомъ морѣ, а по возвращеніи назначенъ помощникомъ строителя всѣхъ кронштадтскихъ укрѣплений. Въ августѣ 1857 г. прикомандированъ къ морскому министру для особыхъ порученій, въ мартѣ слѣдующаго годаѣздили депутатомъ отъ Россіи въ составѣ международной технической комиссіи, засѣдавшей въ Парижѣ, для обсужденія вопроса объ урегулированіи пароходства по Дунаю, лѣтомъ 1859 г. работалъ по изслѣдованію бара главнаго нѣвскаго фарватера и какъ членъ комитета по сооруженію гаваніи при Петровскомъ укрѣплении у Каспійскаго моря. За успѣшное исполненіе этихъ работъ Т. былъ произведенъ въ генераль-маиоры (8 сентября 1859 г.). Въ 1860 г. назначенъ производителемъ работъ по углубленію бара главнаго нѣвскаго фарватера грунтовыми минами и членомъ строительного отдѣленія морскаго техническаго комитета. Въ слѣдующемъ годуѣздили въ Германію съ цѣлью заказа машинъ для возведенія доковъ въ Кронштадтѣ и по возвращеніи

назначенъ строителемъ этихъ доковъ. Въ 1863 г. составилъ проектъ броненосной лодки съ подводнымъ миннымъ тараномъ; испытавшая особою комиссией лодка найдена пригодною. 1 января 1868 г. произведенъ въ инженеръ-генераль-лейтенанта и пожалованъ денежною наградою за оборудование красносельскихъ дворцовъ водопроводомъ;ѣздили въ Виндаву и Либаву для осмотра портовъ и выбора направлѣнія къ нимъ будущей желѣзной дороги. Былъ представителемъ отъ Россіи при открытии Суэцкаго канала въ 1869 г. Въ апрѣлѣ 1870 г. назначенъ представителемъ строительного отдѣленія морскаго техническаго комитета и въ томъ же году наблюдалъ за строеніемъ порта въ Шоти, потомъ работалъ въ качествѣ члена комиссіи по составленію проекта морскаго канала между Кронштадтомъ и устьемъ Невы. Подъ его ближайшимъ руководствомъ въ 1873 г. былъ построенъ въ Николаевѣ памятникъ адмиралу Грейгу. Въ 1874 г.ѣздили въ Англію заказывать водоотливныя машины для новыхъ кронштадтскихъ доковъ и по прѣѣздѣ оттуда назначенъ членомъ адмиралтейств-совѣта. Въ должностіи строителя кронштадтскихъ доковъ оставался до самой смерти, послѣдовавшей 5 ноября 1875 г. Высшими наградами имѣлъ ордена Владимира 2-й степени и Бѣлого Орла, а на Вѣнскай всемірной выставкѣ 1873 г. удостоенъ медалью «За преуспѣяніе» въ мореходномъ дѣлѣ. Въ «Морскомъ сборникѣ» напечатаны его статьи: «Объ опытахъ подводныхъ грунтовыхъ взрывовъ, произведенныхъ въ устьѣ Невы весною 1853 г.» (1853), «О способахъ, употребляемыхъ въ Нидерландахъ для предохраненія крутостей рѣчныхъ дамбъ отъ размыванія и для искусственнаго наращиванія береговъ» (1855), «Польза песчаныхъ оснований подъ каменными строеніями» и «О колебаніяхъ горизонта Каспійскаго моря на устьяхъ Волги» (1858).

„Общий морской списокъ“, ч. 12, Спб. 1900, стр. 22—25.

Тизенгаузенъ, Иванъ Андреевичъ (Johann Otto), графъ, оберъ-гофмейстеръ, действительный тайный совѣтникъ, происходилъ изъ старинной остзейской дворянской фамилии, родился въ 1745 г. Начавъ службу съ 1772 г., Т. 22 сентября 1792 г. получилъ чинъ тайного совѣтника.

При воцареніи Павла I онъ пожалованъ былъ 6 ноября 1796 г. гофмаршаломъ, а 19 ноября того же года награжденъ александровской лентой. Съ 1796 г. по 1798 г. Т. надзиралъ за гофф-интенданской конторой. 18 декабря 1799 г. онъ произведенъ былъ въ действительные тайные советники и украшенъ былъ орденомъ св. Иоанна Иерусалимскаго, съ правами кавалеровъ Большого Креста. За время своей придворной службы дослужился до звания оберъ-гофмейстера. Т. женатъ былъ на Екатеринѣ Ивановнѣ Стакельбергъ; умеръ въ 1815 г.

„Русская Старина“, 1871, т. III, стр. 55; 1872, т. V, стр. 251—252.—„Энциклопедический словарь“ Эфрона, 1-е изд., полусл. 65, стр. 167.—Полное Собрание Законовъ, т. XXV, стр. 108, № 18401; стр. 857, № 19184; т. XXVI, стр. 69—70, № 19311.

Тизенгаузенъ, баронъ *Карлъ Егоровичъ*, генераль-лейтенантъ, изъ дворянъ Петербургской губерніи, род. въ 1802 г. и по окончаніи образованія въ частномъ учебномъ заведеніи поступилъ (1816) въ л.-гв. Егерскій полкъ, черезъ 4 года былъ произведенъ въ прaporщики и оставался въ гвардіи до 1822 г., когда перевелся штабс-капитаномъ сначала въ Алексопольскій егерскій полкъ, затѣмъ (1823) въ Рязанскій пѣхотный и наконецъ (1827) въ Могилевскій пѣхотный, съ которымъ выступилъ въ Турецкій походъ 1828—1829 гг., где за отличие при штурмѣ (13 сентября 1828 г.) турецкихъ укрѣплений подъ крѣпостью Варной награжденъ орденомъ Владимира 4-й степени съ бантомъ. Въ 1833 г. былъ назначенъ адъютантомъ къ Витебскому генераль-губернатору князю Хованскому и вскорѣ переведенъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ съ оставленіемъ въ занимаемой должности. Въ 1837 г. перешелъ въ корпусъ жандармовъ подполковникомъ съ назначеніемъ губернскимъ штабъ-офицеромъ въ Тверской губерніи, а въ слѣдующемъ году переведенъ на ту же должность въ Новгородскую губернію. Произведенный въ полковники, онъ вскорѣ (1847) былъ назначенъ начальникомъ полицейского управления Петербургско-Московской желѣзной дороги, но въ 1852 г. снова вернулся на должность губернскаго штабъ-офицера Вятской губерніи и въ томъ же году былъ произведенъ въ генераль-маиоры. Пробывъ три года на

этой должности, Т. былъ причисленъ къ штабу корпуса жандармовъ, а затѣмъ (1857) къ министерству внутреннихъ дѣлъ; въ 1885 г. онъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты съ зачисленіемъ въ запасъ армейской кавалеріи, где пробылъ два года. Умеръ 30 июня 1887 г.

Общий Архивъ Главнаго Штаба, формуллярные списки состоящимъ въ запасѣ, лит. Т, спл. 16.

Тилезіусъ-фонъ-Тиленау, *Вильгельмъ - Готтлибъ*, естествоиспытатель, членъ академіи наукъ, писатель, родился въ Мюльгаузенѣ (въ Тюрингенѣ) 17 июля 1769 г., умеръ тамъ же 17 мая 1857 г. Въ Лейпцигскомъ университѣтѣ изучалъ философию и медицину, въ 1797 г. получилъ тамъ степень доктора философи, а въ 1801 г.—доктора медицины и затѣмъ нѣсколько лѣтъ былъ доцентомъ по наукоznымъ, венерическимъ и глазнымъ болѣзнямъ въ различныхъ немецкихъ университетахъ. Когда Крузенштернъ въ 1803 г. предпринялъ свое извѣстное кругосвѣтное путешествіе, Т. былъ приглашенъ вмѣстѣ съ другимъ естествоиспытателемъ Лангсдорфомъ принять участіе въ экспедиціи въ качествѣ натуралиста. 26 июня 1803 г. экспедиція отплыла изъ Кронштадта въ составѣ двухъ кораблей («Надежда» и «Нева»), направилась черезъ Атлантический океанъ, обогнула мысъ Горнъ, особенное вниманіе обратила на изслѣдованіе Камчатки, Курильскихъ острововъ и Сахалина и 19 августа 1806 г. вернулась обратно. Въ теченіе этого трехлѣтняго кругосвѣтного плаванія Т. занимался естественно-историческими изслѣдованіями, преимущественно по зоологии. Результатомъ этихъ изслѣдований явился рядъ работъ о различныхъ классахъ животнаго царства, главными образомъ о кишечнополосатыхъ, иглокожихъ и рыбахъ. Работы эти были впослѣдствія напечатаны въ изданіяхъ академіи наукъ. Важное изслѣдование его о голотуріяхъ вышло отдельнымъ изданіемъ, подъ заглавиемъ «Naturhistorische Früchte der ersten kaiserlich-russischen unter dem Kommando des Herrn von Krusenstern glücklich vollbrachten Erdumseglung: I. Ueber die Seeblasen; II. Bemerkungen über den Jock oder Orang-Outang» (Спб. 1813). По возвращенію изъ экспедиціи Т. былъ приглашенъ адъютантомъ естественной си-

сторія въ академію наукъ (въ октібрѣ 1806 г.), 12 апрѣля 1809 г. назначенъ экстраординарнымъ академикомъ, како-вымъ пробылъ до сентября 1817 г., когда со званіемъ почетного члена академіи наукъ выступалъ изъ нея и уѣхалъ въ Германію (жиль въ Лейпцигъ, Геттінгенъ, Дрезденъ и Мюльгаузенъ).

Во время своего пребыванія въ Россіи Т. напечаталъ въ изданіяхъ академіи наукъ слѣдующія работы по зоології, ботаникѣ, географії и палеонтології: «Sur le plus petit volcan du globe, c'est à dire sur la petite île de Cooisma située dans l'archipel du Japan pres du Cap Sangar» («Mémoires de l'Académie Impériale de sciences de St.-Pétersbourg», V série, т. X); «De skeleto mammonteo sibiro ad moris glacialis littora anno 1797 effosso, cui praemissae elephantini generis specierum distinctiones» (ibid., т. V, стр. 406—513); на русскомъ языке работа эта была напечатана въ «Трудахъ Академіи Наукъ» за 1821 г. (ч. I, стр. 106—173) подъ названіемъ: «Описаніе остава мамонта, вырытаго изъ земли въ 1797 г. при берегахъ Ледовитаго моря, съ присо-вокупленіемъ разсужденія о различіи по-родъ слоноваго рода»; «Описаніе большого губчатаго гриба» («Технологический Жур-налъ», т. VIII, 1811, ч. 4); «Cheiroste- mon platanooides Humboldti ob mirabilem interioris corollae structuram denuo pic- tum ac descriptum» («Mémoires de l'Aca-demie etc.», V série, т. V, стр. 321—330, 579—582); «Извѣстіе о естествен-номъ и политическомъ состояніи острова Нукаиву, никѣмъ еще не описанаго, на которомъ путешествователи около свѣта еще не были, изъ числа тѣхъ острововъ Южнаго моря, которые адмираль Мен-данса, въ честь маркизу Мендозѣ, называлъ Маркизскими» («Технологич. Журн.», т. III, 1806, ч. 4); «De novo Actiniarium specie gigantea Kamtschatica, quam in portu Petro-Pauli ad vivum pinxit de de-scripsit... 4 august 1804. Praemissis anno-tationibus characterem Actiniarum gene-ricum spectanibus ab auctore anno 1804 adjectis» («Mémoires etc.», V série, т. I); «Piscium Kamtschaticorum Терпукъ et Вахня descriptiones et icones» (ibid., т. II, III и IV); «De Cancris, Camtschaticis, Oniscis, Entomostracis et Cancellis mari-nes miscroscopis noctilucentibus» (ibid.,

т. V); «De Piscium Australium novo genere iconе illustrato» (ibid., т. VI); «De Gesko-ne Australi argyropode, nec non de gene-rum naturalium in Zoologia systematica dignitata tuenda, atque de Geckonibus in genere» (ibid., т. VII); «Additamenta conchi-liologica ad zoographiam Rosso-Asiaticam» (ibid., т. VIII); «De chitone giganteo Cam-tschatico» (ibid., т. IX); «De Corallio sin-gulari maris orientalis, ejusque organo la-didifico» (ibid., т. X); «Описаніе иѣкото-рыхъ новыхъ рыбъ, открытыхъ во вре-мя путешествія вокругъ свѣта» («Умо-зрительныя Издѣйствія Академіи На-укъ», 1812, т. III); «Объ открытии доселѣ неизвѣстнаго органа у животныхъ млеко-питающихъ» («Технологич. Журн.», 1812, т. IX); «О рогачѣ безъ брюшныхъ перь-евъ, новомъ родѣ изъ Южнаго моря или Тихаго моря» («Труды Академіи Наукъ», 1821, ч. I); «О достопамятномъ превра-щеніи въ кость грудныхъ мышцъ у ку-рицы» (ibid., 1823, ч. II). Въ Германіи имъ напечатаны еще до прїѣзда въ Рос-сію: «Musae paradisiacae, quaes nuper Lip-siae floruit» (Лейпцигъ 1792), «Ueber die sogennanten Seemäuse» (ibid., 1802), и послѣ отѣзда изъ Россіи: «Beiträge zur Naturgeschichte der Medusen» («Nova Acta Acad. Leop. Car.», т. XV, 1831), «Die Wallfische» («Isis», 1835), а также рядъ работъ по медицинѣ, изъ которыхъ важнѣйшия: «De pathologia artis fristoria plasticesque auxilio illustanda» (Лейп-цигъ 1801), «Ausführliche Beschreibung und Abbildung der beiden sogennannten Stachelschweinmenschen aus der be-kannten englischen Familie Lambert oder der porcupine-man» (Альтенбургъ 1802), «Theorie der flechtenartigen Ausschläge» (Лейпцигъ 1802), «Neueste ableitende Be-handlungsart der kramfartigen Cholera asiatica» (ibid. 1831), «Ueber die Cholera und die kräftigsten Mittel dagegen» (Ню-ренбергъ 1830—31).

„Allgemeine Deutsche Biographie“, т. 38, Лейпцигъ 1894.—„Biographisches Lexikon der hervorragendsten Aerzte aller Zeiten und Völker“, herausgeg. von d-r A. Hirsch, т. V, Вѣна и Лейпцигъ 1887. — „Систематический и ал-фавитный указатель статей, помѣщенныхъ въ периодическихъ изданіяхъ и сборникахъ Императ. Академіи Наукъ“, ч. I, Спб. 1872, стр. 190, 195, 214, 256, 257, 417, 447; ч. II, стр. 108, 118, 119, 143. — „Энциклопедич. словарь“ Эфронъ, 1-е изд., т. 33, стр. 172. — „Słownik nauzny“, Прага 1869, т. IX, стр. 446.

Тиличеевъ, Николай Павловичъ, директоръ Демидовскаго лицея въ Ярославлѣ, родился въ 1810 г.; происходилъ изъ дворянъ Тульской губерніи. Образованіе получилъ домашнее. Въ 1827 г. поступилъ на службу юнкеромъ въ л.-гв. Егерскій полкъ, где дослужился до чина капитана. Въ 1834 г. переведенъ въ Петрозаводскій внутренній гарнизонный батальонъ, а вскорѣ назначенъ быть адъютантомъ при генералѣ 3-го округа внутренней стражи. 30-го мая 1837 г. Т. уволенъ былъ съ военной службы и определенъ въ гражданскую съ чиномъ титуллярнаго совѣтника. Съ 1839 г. состоялъ на службѣ въ корпусѣ лѣсничихъ, лѣснымъ ревизоромъ въ Черниговской, потомъ въ Тульской губерніяхъ. 8 марта 1848 г. Т. вновь уволился отъ службы, а 6 ноября того же года назначенъ быть вмѣсто Голохвастова директоромъ Демидовскаго лицея съ чиномъ коллежскаго ассесора. Историкъ лицея Головщиковъ замѣчаетъ, что «службы въ Ярославлѣ Тиличеевъ добился потому только, что въ это время братъ его былъ въ Ярославлѣ же управляющимъ палатой государственныхъ имуществъ». Прослуживъ въ качествѣ директора 1½ года, Т. 8 июня 1850 г. перемѣщенъ былъ въ министерство народнаго просвѣщенія чиновникомъ особыхъ поручений VI класса. О дальнѣйшей дѣятельности Т. свѣдѣній не имѣется.

Головщиковъ, „П. Г. Демидовъ и исторія основанія имъ въ Ярославлѣ училища“, Ярославль 1887, стр. 179—180.—„Энциклопед. словарь“ Брокгауза - Ефона, 1-е изд., т. 33, стр. 173.

Тилло, Иванъ Алексѣевичъ, профессоръ французскаго языка и словесности Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго лицея. Преподавалъ въ 1820-хъ годахъ французскій языкъ въ Петербургскомъ университѣтѣ, въ горномъ кадетскомъ корпусѣ, нынѣ институтѣ, въ инженерномъ и артиллерійскомъ училищахъ. Считался однимъ изъ лучшихъ преподавателей французскаго языка, такъ какъ зналъ хорошо и русскій, что для французовъ-преподавателей того времени было рѣдкостью. Въ 1821 г. приглашенъ былъ преподавателемъ французскаго языка и французской литературы въ Царскосельскій лицей въ званіи адъюнкта-профессора, оставилъ при этомъ преподаваніе въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1824 г. о旣 получилъ званіе профессора, и ему поручено было препо-

даваніе какъ для младшаго, такъ и для старшаго возраста. Преподавателемъ тамъ оставался до самой смерти, послѣдовавшей 27 сентября 1830 г.

„Сѣверная Пчела“, 1830, № 120, стр. 1 (некролог).—В. В. Григорьевъ, „Импер. С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія“, Спб. 1870, стр. 52.—П. Плетнѣвъ, „Первое двадцатипятилѣтіе Импер. С.-Петербургскаго университета“, Спб. 1844, стр. 65.—„Памятная книжка Импер. Александровскаго лицея на 1886 годъ“, Спб. 1886, приложения, стр. 30.—А. Лоранскій, „Исторический очеркъ развитія Гѣрманскаго института“, Спб. 1873, стр. 48.—Селезнѣвъ, „Исторический очеркъ импер. Александровскаго лицея 1811—1861 годовъ“, Спб. 1861, стр. 59, 84, 113, 261, 262.

Тилло, Эдуардъ Ивановичъ, извѣстный гидротехникъ, инженеръ-генералъ, предсѣдатель строительного комитета морскаго министерства, родился 12 августа 1820 г., умеръ 11 января 1893 г. въ Петербургѣ. 3 ноября 1834 г. поступилъ въ кондукторскую роту главнаго инженернаго училища, изъ которой, произведенный сначала въ полевые инженеръ-прапорщики, затѣмъ въ подпоручики, въ 1838 г. перешелъ въ «верхній» офицерскій классъ того же училища. 29 августа 1839 г. Т. окончилъ курсъ и былъ выпущенъ на дѣйствительную службу въ инженерный корпусъ. Въ чинѣ поручика (съ 14 июня 1842 г.) онъ въ 1845 г. былъ причисленъ къ кронштадтской инженерной командѣ, изъ которой три года спустя, уже въ чинѣ штабс-капитана (съ 14 сентября 1847 г.), былъ переведенъ въ корпусъ инженеровъ морской строительной части съ зачисленіемъ въ петербургскую инженерную команду. Въ 1849 г. Т. впервые получилъ болѣе или менѣе самостоятельную должность, въ которой можно было обнаружить и энергию, и присущую ему инициативу,—завѣдывающаго работами и чинами инженерной команды въ Архангельскѣ, но вслѣдствіе неладовъ съ начальствомъ былъ принужденъ въ январѣ 1850 г. уволиться отъ всякой службы и перейти «къ статскимъ дѣламъ». Однако уже въ декабрѣ того же года состоялся обратный приемъ его, на этотъ разъ въ кронштадтскую инженерную команду. Произведенный вскорѣ послѣ этого въ капитаны, онъ въ 1854 г. былъ назначенъ завѣдывающимъ работами по сооруженію канонерской гавани и редута на Лисьемъ ясус. Во время нападенія англо-французскаго флота на Крон-

штадтъ Т. долгое время находился на фортѣ «Князь Меньшиковъ», распоряжаясь некоторыми срочными, вызываемыми необходимостью инженерными работами. Несколько позже, именно 4 апреля 1856 г., за отличие при этой защитѣ онъ былъ повышенъ въ чинъ подполковника. Въ 1856 г. состоялась его командировка въ Западную Европу для собранія свѣдѣній по устройству различныхъ морскихъ сооруженій. Обѣзѣдивъ Францію, Австрію, Пруссію, Голландію и Бельгію, Т. осмотрѣлъ и изучилъ постройку цѣлаго ряда доковъ, эллинговъ, водопроводовъ и т. п., и по возвращеніи въ 1853 г. былъ назначенъ командиромъ петербургской инженерной команды. Заграничная поѣздка дала ему знакомство съ новѣйшими усовершенствованіями какъ въ гидротехнике, такъ и въ области военнаго инженерного искусства, обогатила его запасомъ разнообразнѣйшихъ теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній, касающихся его специальности, что и обнаружено имъ было въ небольшой, но талантливо составленной рецензіи на книгу Charles Byrn'a, «On the construction of breakwaters, for harbours simily situated as the one at Dover», напечатанной въ «Морскомъ Сборникѣ» за 1859 г. Обширная эрудиція обратила на него вниманіе, и 6 декабря 1859 г., выѣхавъ съ переводомъ въ военные инженеры, онъ былъ назначенъ помощникомъ строителя Кронштадтской крѣпости. Успѣшность работы по этому сооруженію доставила Т. въ 1861 г. полковничій чинъ и назначение исправляющимъ должность командира Петербургскаго инженернаго округа, которымъ онъ состоялъ до 17 августа 1865 г., когда, до того произведенный въ генераль-маіоры, былъ перемѣщенъ вице-директоромъ главнаго инженернаго управления. Въ 1869 г. Т. былъ командированъ въ Египетъ въ качествѣ представителя отъ Россіи для присутствованія при открытии Суэцкаго канала, причемъ воспользовался случаемъ для осмотра и изученія этого въ своемъ родѣ единственнаго сооруженія; результаты собранныхъ материаловъ и свѣдѣній были изложены имъ въ обширной статьѣ, подъ заглавиемъ «Суэцкій каналъ», напечатанной въ «Инженерномъ Журналѣ» за 1870 г. (№№ 4 и 5). Въ 1871 г. онъ получилъ новую командировку въ Амстердамъ и другие порты Западной Европы для изученія гидротехническихъ сооруженій, и свое пребываніе

въ Амстердамѣ использовалъ для всестороннаго изученія тамошняго морскаго канала, описание которого дано имъ въ труѣ «Амстердамскій морской каналъ», помещенномъ въ томъ же журналѣ за 1872 г. (№ 4). Во время пребыванія въ Австріи онъ былъ удостоенъ ордена Франца-Іосифа, а по возвращеніи въ Россію награжденъ орденомъ св. Анны 1-й ст. и 30 августа 1873 г. за отличие произведенъ въ генераль-лейтенанты. Въ декабрѣ 1876 г. Т. былъ переведенъ въ корпусъ инженеровъ морской строительной части съ назначеніемъ предсѣдателемъ строительного отдѣленія морского техническаго комитета. Основнымъ стремленіемъ его въ качествѣ начальника корпуса инженеровъ было—придать этому учрежденію исключительно военную организацію. Въ теченіе 1880—1882 гг. онъ совершилъ рядъ поѣздокъ въ Англію, въ Керчь-Еникале, Севастополь, Николаевъ и въ рядъ другихъ пунктовъ Азовскаго и Чернаго морей, въ Англію—съ цѣлью ознакомиться съ усовершенствованіями въ сооруженіи малковъ, и на югъ Россіи—преимущественно съ цѣлью осмотрѣть, испытать и провѣрить дѣйствіе существовавшихъ малковъ. Ордена Бѣлаго Орла и Александра Невскаго были его наградою за успѣшно выполненное порученіе. Въ 1884 г. Т. получилъ новое назначеніе — членомъ—представителемъ отъ морскаго министерства въ совѣтъ министерства путей сообщенія; оставаясь въ прежней должности. Еще до этого онъ началъ принимать участіе въ главномъ обществѣ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, сначала въ званіи члена, затѣмъ вице-предсѣдателя общества, и въ теченіе болѣе чѣмъ 10 лѣтъ былъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ сотрудниковъ въ разрѣшеніи разнообразныхъ техническихъ вопросовъ, причемъ нѣкоторыя сооруженія особой важности велись подъ личнымъ его наблюденіемъ. Съ преобразованіемъ морскаго министерства въ 1886 г. Т. занялъ должность предсѣдателя морского строительнаго (нынѣ техническаго) комитета и въ ней оставался до самой отставки, послѣдовавшей 1 мая 1889 г. За сооруженіе Алексѣевскихъ доковъ въ Кронштадтѣ онъ удостоился особой Высочайшей благодарности и брилліантовыхъ знаковъ ордена св. Александра Невскаго (въ 1887 г.), а 4 декабря 1888 г. за отличие былъ произведенъ въ инженеръ-генералы. Слѣдуетъ отмѣтить, что подъ

руководствомъ Т. были произведены важные работы по расширению портовыхъ оружений въ Балтийскомъ морѣ и Великомъ океанѣ и особенно при устройствѣ новаго Севастопольского порта. Ему принадлежитъ рядъ научныхъ сочиненій и статей, преимущественно по гидротехнику, изъ которыхъ, помимо упомянутыхъ, вниманія заслуживаетъ его «Проектъ огражденія Петербурга отъ наводненій», законченный имъ всего за два дня до смерти.

«Общій морской списокъ», ч. XII, Спб. 1900, стр. 26—29.—«Правительственный Вѣстникъ», 1893, № 10.—«Энциклопедич. словарь» Брокгауза-Эфрона, 1-е изд. т. 33, Спб. 1903, стр. 175.—«Исторический Вѣстникъ», 1889, январь, стр. 248 (о его юбилеѣ); 1893, февраль, стр. 650 (некрологъ).

Тильманъ, Карлъ Андреевичъ (Karl Henrich), тайный советникъ, лейбъ-окулистъ, писатель по медицинѣ, сынъ бѣдныхъ родителей, родился 7 декабря 1802 г. въ г. Николаи, въ Верхней Силезіи. Изучалъ въ Бреславльскомъ университѣтѣ сначала филологію, а затѣмъ медицину. Хотя онъ прослушалъ весь курсъ медицинскаго факультета, однако, вслѣдствіе несчастливо окончившейся дуэли, принужденъ былъ оставить университетъ въ Бреславль еще до выдержанія имъ окончательныхъ экзаменовъ съ званіемъ помощника хирурга. Въ 1827 г. Т. прѣѣхалъ въ Петербургъ и занялъ място домашняго учителя въ семье лейбъ-окулиста доктора Лерхе, бывшаго тогда директоромъ Петербургскаго глазного госпиталя. Здѣсь Т. получилъ возможность пополнить свое медицинское образованіе, причемъ онъ главнымъ образомъ совершился въ лечениіи глазныхъ болѣзней. Въ 1831 г. Т. представилъ въ Дерптскій университетъ удостовѣреніе о выслушаніи имъ всего курса медицинскаго факультета, выданное ему Бреславльскимъ университетомъ, послѣ чего допущенъ былъ къ окончательнымъ экзаменамъ изъ естественныхъ наукъ, которые и выдержалъ съ успѣхомъ. Въ 1832 г. онъ въ Дерптскомъ же университетѣ получилъ степень доктора медиціи за представленную имъ диссертацио: «Veterum opiniones de augiologii atque sanquinis motu inde ab antiquissimis temporibus usque ad Galenum enarratae sive questio utrum sanguinis circulatio veteribus innovicerit nec ne?» (Dorpati 1832). По возвращеніи въ Петербургъ

Т. принялъ на службу морскимъ врачомъ въ одномъ изъ флотскихъ экипажей. Здѣсь онъ пріобрѣлъ славу хорошаго окулиста удачнымъ леченіемъ эпидеміи воспаленія глазъ, возникшой въ томъ году въ военныхъ госпиталяхъ столицы. Благодаря этому онъ приглашенъ былъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ въ качествѣ ординатора Ораніенбаумскаго морскаго госпиталя, въ 1833 г. Въ 1837 г. Т. переведенъ былъ главнымъ врачомъ Петровавловской больницы. Здѣсь онъ особенно интересовался леченіемъ тифа и холеры. Наблюденія, которыя Т. дѣлалъ при леченіи тифа, и выводы, къ которымъ онъ пришелъ, были изложены имъ въ сочиненіи «Der Darmtyphus, beobachtet im Jahre 1840 im Peter-Paul Hospital zu Petersburg» (Leipzig 1841). Леченіе холеры привело его къ изобрѣтенію особыхъ противохолерныхъ капель, пользовавшихся извѣстностью. Съ 1844 г. Т. выѣхѣлъ Гейне и Кребелемъ сталъ издавати газету «Medizinische Zeitung Russlands», которую онъ редактировалъ до 1860 г. Въ ней онъ напечаталъ до 60 статей, главнымъ образомъ по офтальмологіи и частной патологіи. Въ 1851 г. Т. получилъ званіе лейбъ-окулиста. Умеръ онъ 14 августа 1872 г.

М. Лещинский, „К. А. Тильманъ“, Спб 1874.—Иллюстрированная Газета“, 1872 № 33.—„Allgemeine deutsche Biographie“, Leipzig 1894, Bd. XXXVII, 739.—Hasselblatt „Album Academicum der Universitat Dorpat“, Dorpat 1867, § 131, № 2913.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библиография за 1865—1876 годы“, Спб. 1889, т. II, стр. 22, 389.—«Энциклопедич. словарь» Эфрона, 1-е изд., полут. 65, стр. 177.

Тимаевъ, Матвей Максимовичъ, дѣйствительный статскій советникъ, педагогъ, инспекторъ классовъ Воспитательного общества благородныхъ дѣвицъ и Александровскаго училища, родился въ Ревельѣ 6 ноября 1796 г. Первоначально воспитывался въ Устюгѣ, где отецъ его служилъ по лѣсному вѣдомству въ качествѣ фортемейстера, затѣмъ поступилъ въ Вологодскую губернскую гимназию, по окончаніи курса которой въ 1811 г., какъ одиѣ изъ самыхъ лучшихъ учениковъ, отиравленъ былъ для дальнѣйшаго образованія въ Петербургскій Педагогическій институтъ. Здѣсь Т. занимался изученіемъ по преимуществу философіи, словесныхъ и государственныхъ наукъ. Въ Педагогическомъ институтѣ онъ провелъ 5 лѣтъ и

по окончании курса въ 1816 г. командированъ бытъ заграницу вмѣстѣ съ тремя другими студентами того же института, Свенске, О. Ободовскимъ и Ф. Буссе, для изученія различныхъ методовъ начального образования, господствовавшихъ въ то время въ Западной Европѣ, въ особенности же метода взаимнаго обученія Белля и Ланкастера. Это было время, когда въ пра-вящихъ кругахъ дѣлались попытки къ лучшей постановкѣ народнаго образования. Наибольшими симпатіями и въ руководя-щихъ кругахъ правительства и въ общес-твѣ пользовался методъ взаимнаго обу-ченія, впервые предложенный англійскимъ педагогомъ Ланкастеромъ въ концѣ XVIII столѣтія и получившій быстрое распро-страненіе въ Западной Европѣ. Министер-ство народнаго просвѣщенія предполагало въ широкихъ размѣрахъ примѣнить этотъ методъ къ начальному образованію. Во-просъ этотъ обсуждался въ печати, было организовано частное общество, имѣвшее своей задачей устройство начальныхъ школъ сообразно этому методу, и самъ государь серьезно имѣлъ интересовался. По его распо-риженію и были отправлены заграницу студен-ты Педагогического института. Прежде всего они направились въ Лондонъ, гдѣ ими руководилъ секретарь русскаго посоль-ства Штрандманъ и англичанинъ Гердъ, готовившійся къ отѣзду въ Россію по приглашенію канцлера графа Румянцева для введенія въ его помѣстяхъ метода взаимнаго обученія. Здѣсь студенты озна-комились съ постановкой обученія по ме-тоду Ланкастера въ центральной школѣ (Central School of the British and Foreign School Society), служившей образцомъ для всѣхъ школъ этого типа, и затѣмъ съ центральной школой, организованной по методу взаимнаго обученія Белля, и съ иѣкоторыми другими лондонскими учеб-ными заведеніями. Изъ Лондона они отпра-вились путешествовать по всей Англіи и Шотландіи и осмотрѣли нѣсколько наибол-ѣ выдающихся школъ. Позже они по-бывали въ Парижѣ, гдѣ осматривали мѣст-ную Ланкастерскую центральную школу и ознакомились съ методомъ аббата Гутье, и въ Швейцаріи, гдѣ знакомились съ земле-дѣльской школой Фелленберга въ Го-ф-вилѣ, потомъ посѣтили Фрайбургъ, гдѣ находилась школа монаха Жирара, и по-бывали въ Иверденѣ, гдѣ познакомились

съ методами преподаванія и прѣмами вос-питанія Песталоцци. Въ серединѣ 1819 г. студенты получили приказаніе вернуться въ Россію и на обратномъ пути осматри-вали наиболѣе замѣчательныя учебныя за-веденія Германіи, посѣтивъ Висбаденъ, Лейпцигъ, Дрезденъ, Галле и Берлинъ. Вынесенные изъ заграничной поѣздки свѣдѣнія Т. почти не пришлося примѣ-нить къ дѣлу, такъ какъ въ правитель-ственныхъ кругахъ къ Ланкастерскому ме-тоду охладили уже къ тому времени. Ему поручено было, впрочемъ, составить таб-лицы по Ланкастерскому методу, и Т. дѣй-ствительно въ 1821 г. составилъ 8 таблицъ для чтенія, 6 таблицъ славянскихъ и 19 ариѳметическихъ. По окончаніи этой работы онъ былъ назначенъ преподава-телемъ во вновь учрежденный учитель-скій институтъ, причемъ взять на себя по собственному выбору преподаваніе исто-рии и кромѣ того обучать воспитанниковъ института декламаціи. Къ этому же времени Т. опредѣленъ былъ въ качествѣ преподавателя ариѳметики во вновь учрежден-ный военно-учительскій институтъ, кото-рый предназначался къ образованію учи-телей для низкихъ чиновъ военнаго зва-нія; въ этомъ учебномъ заведеніи онъ пре-подавалъ недолго, такъ какъ въ 1822 г. оно по распоряженію Аракчеева переве-дено было въ село Грузино. Когда въ 1823 г. учительскій институтъ былъ пре-образованъ въ 3-ю Петербургскую гимна-зію, Т. утвержденъ былъ при цей стар-шимъ учителемъ исторіи. Въ этомъ же году начинается педагогическая дѣятель-ность его при женскихъ воспитательныхъ заведеніяхъ, состоящихъ подъ покрови-тельствомъ императрицы Маріи Єеодо-ровны: 11 августа 1823 г. онъ былъ опре-дѣленъ учителемъ переводовъ въ училище ордена св. Екатерины, а въ 1824 г. на-значенъ на службу въ классы Воспита-тельного общества благородныхъ дѣвицъ въ качествѣ преподавателя исторіи. Вмѣ-стѣ съ тѣмъ Т. съ 1825 г. назначенъ былъ преподавателемъ русской словесности въ Артиллерійское училище. 12 ноября 1827 г. онъ опредѣленъ былъ на должность помощ-ника инспектора классовъ при Воспита-тельномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, а 1 декабря того же года—на ту же долж-ность при училищѣ св. Екатерины. Съ назначениемъ на эти должности Т. въ

виду обиља обязанностей принужденъ былъ отказаться отъ должности преподавателя исторіи при гимназії. Въ 1828 г. онъ назначенъ адъюнктомъ всеобщей и русской исторіи при Главномъ. Педагогическомъ институтѣ, где пробылъ до 1 августа 1832 г. Т. также преподавалъ русскую исторію нѣкоторымъ членамъ Императорской фамилии: въ 1833 г. великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ, въ 1837 г. (исторію и географію) великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ, въ 1840 г. принцессѣ Гессенъ-Дармштадтской, тогда невѣстѣ, а впослѣдствіи супругѣ Александра II, въ 1841 г. великой княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ. Въ награду за свои занятія съ членами Императорской фамилии онъ 1 июля 1839 г. получилъ чинъ статского советника, а за занятія съ великой княжной Маріей Николаевной ему назначена была пожизненная пенсія въ тысячу рублей ежегодно и такая же пенсія по прекращеніи преподаванія русской исторіи великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ. Въ 1845 г. Т. назначенъ былъ членомъ учебного комитета, учрежденнаго при IV отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи для разсмотрѣнія учебныхъ пособій и установления большаго единства въ Маринскихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Когда въ маѣ 1849 г. при Александровскомъ училищѣ былъ учрежденъ специальный педагогический классъ, Т. назначенъ былъ инспекторомъ его. На актѣ по поводу послѣдовавшаго черезъ годъ первого выпуска специального педагогического класса (14 апреля 1850 г.) имъ прочитанъ былъ докладъ «О началахъ воспитанія вообще и началахъ воспитанія, принятыхъ въ специальному классу, въ особенности». Вскорѣ послѣ этого ему поручено было организовать учебную часть въ Павловскомъ институтѣ согласно съ началами вновь изданного для этого института устава. 25 августа 1851 г. Т. былъ произведенъ въ дѣятельные статские советники.

Т. составилъ нѣсколько учебныхъ пособій, главнымъ образомъ по исторіи и словесности. Пособія эти въ то время приняты были въ качествѣ руководствъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, преимущественно вѣдомства Императрицы Маріи Феодоровны, и нѣкоторыя изъ нихъ выдержали много изданій въ томъ числѣ и посмертныя. Ему принадлежитъ составле-

ніе слѣдующихъ учебниковъ и пособій: «Начертаніе курса изящной словесности» (Спб. 1833), представляющее собой конспектъ по теоріи и исторіи литературы къ курсу, читавшемуся имъ въ женскихъ институтахъ; «Тетрадь сокращенной русской грамматики» (Спб. 1839); «Histoire universelle, cours préparatoire à l'usage de la communitant Impériale des demoiselles» (2-е изд., Спб. 1843); «Программа преподаванія всеобщей русской исторіи въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ» (Спб. 1855); «Тетрадь всеобщей географіи», приготовительный курсъ (Спб. 1841; 8-е изд. 1863), предназначенный для начального преподаванія и приспособленный къ дѣтскому пониманію. Напечатана его рѣчь, произнесенная 5 апреля 1856 г. на актѣ выпуска изъ специального педагогического класса при Александровскомъ училищѣ: «Объ отношеніяхъ науки и жизни» (Спб. 1856). Въ рукописи послѣ Т. сохранился его дневникъ, содержащий подробное описание загранічной командировки, и два краткихъ руководства, одно по древней, а другое по средней исторіи. Педагогическая дѣятельность Т. продолжалась до самой смерти, послѣдовавшей отъ паралича 27 февраля 1858 г.

К. Свенске, «Воспоминанія о М. М. Тимаевѣ», „Журналъ для Воспитаній“, 1859, т. V, стр. 18—37.—Г. Геннади, „Краткія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1858 году“, „Вѣбюографическія Записки“, 1861, т. 3, № 4, стр. 125—126.—„Энциклопедич. словарь“ Эфрона, 1-е изд., полусл. 65, стр. 178.—С. В. Рождественскій, „Исторический обзоръ дѣятельности министерства народного просвѣщенія. 1802—1902“, Спб. 1902, стр. 145.—А. Вороновъ, „Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго округа съ 1829 по 1853 годъ“, Спб. 1854, стр. 324, примѣч. 2.—„Краткое историческое обозрѣніе дѣйствій Главнаго Педагогическаго института съ 1828 по 1859 годъ“, Спб. 1859, стр. 29.—„Актъ двадцатипятилѣтнія юбилея Главнаго Педагогическаго института“, Спб. 1853, стр. 7, 13, 43, 102.—А. Смирновъ, „Обозрѣніе двадцатипятилѣтія Главнаго Педагогическаго института“, „Журналъ Министерства Народного Просвѣщенія“, 1854, ч. LXXXI, стр. 37.—„Русская Старина“, 1870, т. II, стр. 145.—П. и Б. Ламбины, „Русская историческая библіографія за 1859 годъ“, Спб. 1868, стр. 106, № 1916.—„Систематический реестръ русскимъ книгамъ съ 1831 по 1846 годъ“, изданіе М. Д. Ольхина, Спб. 1846, стр. 207, № 4322.

Тиманъ, Иванъ Карловичъ (Johann-Wilhelm-Ludwig), дѣятельный статский

совѣтникъ, лейбъ-медикъ, московскій уро-
женецъ, сынъ лекаря, родился въ юнѣ 1761 г.
Учился въ Московскомъ университѣтѣ, по-
томъ въ Московскомъ госпиталѣ, а въ юнѣ
1775 г. уволенъ былъ за границу, гдѣ въ
разныхъ университетахъ слушалъ курсъ
медицинскихъ наукъ и въ юнѣ 1781 г.
удостоенъ званія доктора медицины. По
возвращеніи въ Россію онъ въ декабрѣ
того же года подвергся экзамену при ме-
дицинской коллегіи и получилъ право
практики въ Россіи. Въ марта 1782 г. его
опредѣлили докторомъ въ г. Софію, Шетер-
бургской губ., откуда въ скоромъ вре-
мени перевели въ Шетербургскій уѣздъ. Т.
просился на службу при арміи и въ марта
1784 г. опредѣленъ дивизіоннымъ докто-
ромъ пограничной дивизіи въ Крыму.
Отсюда онъ въ 1785 г. переведенъ былъ въ
Елисаветградъ, въ 3-ю дивизію. Въ февралѣ
1787 г. былъ уволенъ по болѣзни въ от-
ставку, но вскорѣ вновь принялъ на службу
и назначенъ генеральнымъ штабъ-докто-
ромъ Екатеринославской губ. Т. находился
безотлучно въ Яссахъ при князѣ Г. А.
Потемкинѣ и пользовался расположениемъ
и покровительствомъ со стороны послѣд-
няго. Здѣсь онъ своею властью произвелъ
11 подлекарей въ лекари и нѣсколько ци-
рюльниковъ въ подлекари, не понеся за
это никакой кары. 12 февраля 1792 г. Т.
по Высочайшему повелѣнію назначенъ былъ
придворнымъ докторомъ. Назначеніе это
подтверждено было указомъ Павла I отъ
20 февраля 1797 г. Въ должности лейбъ-
медика онъ оставался до самой своей
смерти. Умеръ 30 января 1831 г.

Я. Чистовицъ, „Исторія первыхъ медици-
нскихъ школъ въ Россії“, Спб. 1883, стр.
СССVII—СССVIII.—Д. Ровинскій, „Подробный
словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Спб. 1889, т. II, стр. 1745.—О. И. Шу-
бліцкій, „Исторические очерки и рассказы“, Спб. 1893, стр. 278, 280.—„Общій медицинский спісокъ“ на 1810 г., стр. 102.—„Русская Старина“, 1875, т. 13, стр. 140; т. 14, стр. 247.

Тимашевскій, Орестъ Исаакіевичъ, академикъ живописи, исторический живо-
писецъ и жанристъ, по происхожденію кре-
стьянинъ, вольноотпущеный помѣщика
Булгакова, родился въ 1822 г. Обучался
въ академіи художествъ въ качествѣ
вольноприходящаго ученика, находясь въ
числѣ учениковъ Ф. Бруни. За время пре-
быванія въ академіи получилъ малую сере-
бряную медаль за рисунокъ и большую сере-

бряную за картину, изображающую двухъ
дѣвушекъ. При окончаніи курса академіи, въ
сентябрѣ 1850 г., награждены были малой
золотою медалью за написанную по задан-
ной программѣ картину «Возвращеніе блуд-
наго сына въ отеческій домъ»; эта же кар-
тина дала ему званіе класснаго художника.
Въ слѣдующемъ году Т. представилъ на-
писанную на предложенную академіей тему
картину «Первые христіанскіе мученики
при св. Владимирѣ, св. Феодорѣ и Ioанѣ,
пострадавшіе въ Киевѣ въ 983 году»; за
нее онъ получилъ большую золотую медаль
и отправленъ былъ за границу въ качествѣ
пенсіонера академіи въ 1852 г.; картина
этота находится въ картинной галлерѣи ака-
деміи. Изъ Рима Т. приславъ лѣтомъ 1859 г.
картину «Римскій народный праздникъ»,
которая первоначально помѣщена была на
выставкѣ общества поощренія художниковъ,
а затѣмъ перевезена въ музей академіи.
Эта картина доставила ему въ 1860 г.
званіе академика. Въ 1864 г. Т. возвра-
тился въ Россію и умеръ въ Шетербургѣ
въ 1866 г.

А. Сомовъ, „Картинная галлерѣя академіи
художествъ. Каталогъ оригинальныхъ про-
изведеній русской живописи“, Спб. 1879, стр.
78—79, 218.—П. Н. Петровъ, „Сборникъ мате-
риаловъ для истории Импер. академіи худо-
жествъ за 100 лѣтъ ея существованія“, Спб.
1886, т. III, стр. 90, 93, 96, 120, 132, 145, 146,
157, 164, 216, 336, 350, 355, 386, 439, 447.—В. И.
Межовъ, „Русская историческая библіографія
за 1865—1876 гг.“, Спб. 1882, т. II, стр. 448,
№ 25709.

Тимашевъ, Алексѣй Ивановичъ, контрѣ-адмиралъ, потомъ генераль-лейте-
нантъ. Служилъ въ Валтійскомъ флотѣ. Въ
1790 г., въ чинѣ капитана 1-го ранга ко-
мандуя 66-пушечнымъ корветомъ «Побѣдо-
носецъ», участвовалъ въ Ревельскомъ сра-
женіи 2 мая и, за отличие въ немъ, былъ
награжденъ золотою шпагой съ надписью
«За храбрость». 25 мая въ составѣ эскадры
адмирала В. С. Чичагова подошелъ къ
острову Сескарь, изъ-подъ когтаго рус-
скія суда принудили удалиться въ глубь
Выборгской бухты шведскую эскадру гер-
цога Зюдерманландскаго. 22 июня участво-
валъ въ Выборгскомъ сраженіи. Его кор-
вету въ этотъ день сдался шведскій корабль
«Финляндъ» съ 56 пушками и 390 чел.
команды. За это отличие Т. бытъ произве-
денъ въ капитаны бригадирскаго ранга и
награждены орденомъ Георгія 4-й степени.

Въ 1794 г., повышенъ въ контр-адмиралы и въ 1803 г. вместо повышенія былъ переименованъ въ генераль-лейтенанты. Годъ смерти неизвѣстенъ: въ 1823 г. упоминается еще въ живыхъ.

Шишковъ, „Военныя дѣйствія русскаго флота противъ шведскаго въ 1788—1790 гг.“, стр. 156, 157, 214—216.—Головачевъ, „Дѣйствія русскаго флота въ войнѣ съ шведами въ 1790 г.“, стр. 57, 77, 78.—А. Кротковъ, „Повседневная запись замѣчательныхъ событий въ русскомъ флотѣ“, Спб. 1893, стр. 94, 96, 138, 176, 205, 210.

Тимашевъ, Егоръ Николаевичъ, генераль-маоръ, оренбургскій губернскій предводитель дворянства, родился въ 1791 г.; службу началъ юнкеромъ въ Оренбургскомъ драгунскомъ полку и черезъ два года (1811) произведенъ въ корнеты съ перевомъ въ Сумскій гусарскій полкъ, въ которомъ получилъ боевое крещеніе, причемъ за боевые отличія подъ Лейпцигомъ и Пройзансомъ получилъ два чина, ордена Св. Анны и Св. Владимира 4-й степени; въ 1817 г. вернулся въ Оренбургъ съ назначениемъ старшимъ адъютантомъ въ отдѣльный Оренбургскій корпусъ; въ 1819 г. былъ переведенъ въ л.-гв. Гусарскій полкъ съ оставлениемъ въ должности адъютанта, каковую исполнялъ до назначенія въ 1822 г. управляющимъ Оренбургскимъ казачьимъ войскомъ; въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ полковники съ оставлениемъ въ занимаемой должности. Въ 1831 г. вышелъ въ отставку и занялся хозяйствомъ въ обширныхъ своихъ имѣніяхъ; начиная съ 1833 г., былъ избираемъ дворянствомъ въ теченіе пяти трехлѣтій губернскимъ предводителемъ дворянства. По избранию на третью трехлѣтіе былъ произведенъ въ генераль-маоры, съ каковыми чиномъ и вышелъ въ 1845 г. въ отставку. Онъ владѣлъ 2.519 душъ крестьянъ въ девяти деревняхъ Оренбургскаго уѣзда и 152.000 десятинъ земли, не считая недвижимостей въ г. Оренбургѣ. Его сынъ Александръ былъ впослѣдствіи министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Боевой формуляръ Т. за періодъ 1812—1814 гг. указываетъ на многочисленныя дѣла и сраженія, въ которыхъ онъ принималъ участіе, будучи молодымъ офицеромъ: 1812 г.—15 юля подъ Витебскомъ, 16 юля при отступленіи отъ Витебска до д. Попызовой, 18 юля при д. Орлово, 26 юля при д. Руднѣ, 6 августа въ при-

крытіи батареи при г. Смоленскѣ, 7 августа при д. Лаврова, 9 августа при задержаніи ватиска непріятеля во время переправы нашей арміи черезъ Днѣпръ, 15 августа при д. Семлевѣ, 17 августа при Вязьмѣ, 26 августа при Бородинѣ; 1813 г.—14 августа подъ Дрезденомъ, 16 августа при с. Фаленштейнѣ, 17 августа при с. Цинвалидѣ, 23 августа при с. Кинендорфѣ, 24 августа при с. Петерсвальдѣ, 25 августа при с. Готтамбѣ, 26 августа при Пирнѣ, 27 августа при м. Допау, 2 сентября при пораженіи непріятеля между д. Оберсвальдѣ и с. Гисгюбель, 3 сентября въ дѣлѣ между с. Гисгюбель и Голендорфѣ, 4 сентября близъ с. Петерсвальде, 27 сентября при м. Борно, 2 октября при с. Вакхау, 4 и 6 октября въ генеральномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ; 1814 г.—13 января при с. Фонтеиѣ, 17 января въ составѣ партизанскаго отряда генераль-маоры Сеславина подъ городомъ Бріенъ ла Шато, 1 февраля въ занятіи города Монтаржи, 3 февраля подъ г. Петивье, 5 февраля подъ г. Бельгардъ (раненъ пулей въ ногу), 6 февраля подъ г. Арельсонъ, 11 февраля при Барь-сюр-Сенъ, 14 февраля при с. Лафертѣ, 16 февраля при с. Вальерь, 9 марта при г. Арсисѣ, 13 марта при г. Вольнакѣ, 15 марта подъ г. Проянсомъ (произведенъ въ ротмистры и получилъ отъ Императора Австрійскаго орденъ Св. Леопольда малаго креста; а отъ Короля Баварскаго орденъ Св. Максимилиана).

Московское отдѣленіе Общаго Архива Главнаго Штаба. Дѣло 3 стола отдѣленія Инспекторскаго департамента военнаго министерства за 1845 годъ, № 526, связка 1431.—„Столѣтіе военнаго министерства“, т. XI, ч. 2, прил., стр. 230.
М. П.

Тимашевъ, Иванъ Ивановичъ, изъ дворянъ Астраханской губерніи, родился 27 декабря 1813 г.; воспитаніе получилъ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, причемъ какъ отличившій по поведенію и успѣхамъ въ наукахъ записанъ на мраморную доску; выпущенъ прaporщикомъ въ л.-гв. Гренадерскій полкъ (1831), въ которомъ служилъ до 1845 г., когда былъ командированъ въ Павловскій кадетскій корпусъ для испытанія и перевода въ солдаты впослѣдствіи. Въ 1848 г. былъ произведенъ въ полковники съ перевомъ

во 2-й кадетский корпус и въ томъ же году—въ Дворянскій полкъ. Здѣсь онъ пробылъ около года и вернулся въ строй, въ Полтавскій пѣхотный полкъ, изъ кото-раго былъ командированъ (1850) въ Образцовый пѣхотный полкъ «для принятія въ ономъ правиль фронтовой службы». Пробывъ годъ въ командировкѣ, Т. распо-раженіемъ штаба 3-го пѣхотнаго корпуса былъ назначенъ командовать баталіономъ въ Александровскомъ егерскомъ полку, но и тамъ пробылъ недолго, такъ какъ вскорѣ назначенъ командующимъ пѣхотнымъ графа Дабича-Забалканскаго полкомъ. За отличія въ сраженіяхъ во время Восточ-ной войны былъ произведенъ (1855) въ генераль-маиоры съ оставленіемъ по арміи въ запасныхъ войскахъ, но черезъ три года назначенъ непремѣннымъ презузыомъ комиссіи военнаго суда при Петербург-скомъ ордонанс-гаузѣ, на каковой дол-жности и скончался 16 января 1864 г.

Формуляръ въ Общемъ архивѣ Главнаго штаба, дѣло № 41 министерства военнаго, департамента инспекторскаго, отд. 3, столъ 3.

Тимашевъ-Берингъ, Алексѣй Александровичъ, изъ дворянъ Калужской губерніи, родился въ 1812 г. въ г. Задонскѣ, куда родители его удалились изъ Калуги вслѣдствіе вторженія Наполеона. Съ до- машнимъ воспитаніемъ поступилъ юнке-ромъ въ лейбъ-Кирасирскій полкъ, где въ слѣдующемъ 1831 г. произведенъ въ кор-неты за участіе въ дѣлахъ противъ поль-скихъ матежниковъ: подъ Сіядовыми и при с. Рудкахъ (8 мая), въ сраженіи при Желткахъ (9 мая), въ авангардномъ дѣлѣ между Замосцемъ и Странкусунемъ (14 мая); участвовалъ еще 24 іюля въ стычкѣ при с. с. Недаровомъ и Божаловомъ, 25 и 26 августа при штурмѣ Варшавы и съ 15 по 24 сен-тября въ преслѣдованіи остатковъ поль-ской арміи до мѣстечка Припиглица. Въ кирасирскомъ полку Т. служилъ затѣмъ до 1839 г., когда въ чинѣ ротмистра былъ назначенъ адъютантомъ къ командиру 6-го пѣхотнаго корпуса генералъ-адъютанту Нейдгардту, съ переводомъ въ Оренбургскій уланскій полкъ; съ назначеніемъ Нейдгардта командинромъ отдѣльного Кавказскаго кор-пуса Т. послѣдовалъ за своимъ начальни-комъ на Кавказъ и оставался тамъ до 1844 г., когда былъ переведенъ въ резер-вый армейскій № 25 ескадронъ. Въ слѣ-дующемъ году онъ былъ назначенъ поли-

цеймейстеромъ въ Москву, произведенъ на этой должности въ подполковники (1846) и полковники (1847), а затѣмъ перешелъ (1849) для особыхъ порученій къ москов-скому генералъ-губернатору. Пробывъ по-ловину 1851 г. членомъ Московскаго по-печительнаго о тюремахъ комитета, онъ вышелъ въ отставку для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ съ награжденіемъ чиномъ статского совѣтника и тотчасъ былъ на-значенъ московскимъ вице-губернаторомъ; черезъ три года снова былъ зачисленъ по кавалеріи полковникомъ съ назначениемъ (12 мая 1854 г.) исправляющимъ должность московскаго оберъ-полицеймейстера; на этой должности онъ былъ произведенъ (1855) въ генераль-маиоры; въ 1857 г. уволенъ по болѣзни отъ службы. Пробывъ 9 лѣтъ въ отставкѣ, Т. опять поступилъ на службу съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи и съ причисленіемъ къ министерству вну-треннихъ дѣлъ. Съ этого времени онъ не имѣлъ опредѣленныхъ обязанностей, а испол-нялъ различные порученія: въ 1866 г. состоялъ членомъ, а затѣмъ и предсѣдате-лемъ слѣдственной комиссіи о дѣлатахъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, а въ 1870 г.—предсѣдателемъ комиссіи по устройству тюремной части въ Москвѣ. Въ 1872 г. вторично вышелъ въ отставку и скончался въ томъ же году 7 ноября.

Формуляръ въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба, дѣло 3 ст., 4 отд., 1872 г., № 40, стр. 9—16.—Некрологъ въ „Калужскихъ Губер-скихъ Вѣдомостяхъ“, 1872, № 49.

Тимириязевъ, Богданъ Афанасьевичъ, лихвинскій городовой дворянинъ, воевода. Въ 1628—1630 гг. Т. служилъ воеводой въ Переяславѣ. Въ 1630 г.—воеводой въ Крапивнѣ. Въ 1632—1634 гг. воеводой въ Чернѣ; 10 іюля 1634 г. временно ему быть въ Москвѣ, а на его мѣсто въ Чернѣ посланъ Федоръ Бунаковъ. Въ 1640 г. Т. снова служилъ воеводой въ Чернѣ и въ 1642 г. снова въ Крапивнѣ. Съ марта 1652 г. по февраль 1656 г. воеводой въ Мосальскѣ; отъ времени его воеводства въ Мосальскѣ сохранились: отъ августа 1655 г. составленная Т. роспись «столникомъ и стряпчимъ и дворяномъ московскимъ и жильцомъ, которые по государеву указу, коихъ челобитье для болезни съ его госу-даревой и(з) смоленска отпущены по древ-нинамъ до срока до йльина дня нынешняго 163 году и ихъ самихъ и помѣтей и вот-

чинныхъ и крестьянъ въ мосалску і въ мосалскомъ уезде нетъ»; отъ 1655 г. же отписка о сборѣ рабочихъ подводъ, въ отвѣтъ на полученный имъ 24 февраля того же года указъ изъ Монастырскаго приказа; отъ 1656 г. черновая отписка Т. о наборѣ войскъ, въ коей Т. уведомляетъ государя, что согласно царской грамотѣ отъ 17 декабря 1655 г. о наборѣ охочихъ людей въ стрѣльцы онъ посыпалъ «кликатъ во многихъ торгъ», однако никто не объявился, потому «что которыхъ стрелецкія и казачкія дети въ масалску и те все въ службѣ въ стрѣльцахъ і въ казакахъ, а иныхъ вольныхъ никакихъ людей въ мосалску и въ мосалкомъ уезде нетъ»; въ сохранившейся отпискѣ Давида Племянникова государю отъ 1656 г. Племянниковъ извѣщалъ, что февраля съ 14 принялъ отъ Т. воеводство на Черни.

„Разрядныя книги по официальнымъ оныхъ спискамъ“, т. II, столб. 173, 270, 672, 673, 724.—„Временникъ Императ. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.“, кн. IV, стр. 32.—„Русская Историческая Библиотека“, т. IX, стр. 563; X, 208, 222.—„Акты Московскаго Государства“, т. I, стр. 500.—„Калужскія Губернскія Вѣдомости“ за 1874 г., №№ 86, 87, 89, отдѣлъ „Калужская старина“.—„Извѣстія Калужской Ученой Архивной Комиссіи“ за 1898 г., вып. VII—VIII, стр. 17.—А. П. Барсуковъ, „Городовые воеводы Московскаго государства въ XVII столѣтіи“, стр. 115, 141, 170, 273.—Ивановъ, „Алфавитный указатель къ боярскимъ книгамъ“, стр. 409.

Тимирязевъ, Василій Аѳанасьевичъ, воевода. Въ Кормленной книгѣ Костромской чети подъ 1616 г. значится, что Т. назначено было при царѣ Василіи Шуйскомъ денежнаго жалованья изъ чети 16 рублей, каковое жалованье и продолжаетъ ему выдаваться. Въ 1626 г. г. Т. посланъ былъ воеводой въ Переимышль на мѣсто князя Андрея Шаховскаго, отпущенаго къ Москвѣ; въ Переимышль оставался до 1628 г.; отъ 15 июня 1626 г. сохранилась отписка Т. изъ Переимышля о наличномъ составѣ ратныхъ людей, снарядовъ и хлѣбныхъ запасовъ. Съ 1633 г. Т. служилъ осаднымъ головой въ Пронскѣ. Въ 1635 г. согласно наказу пронскимъ воеводамъ Ивану Федорову и Алексѣю Борзецову Т. долженъ былъ оставаться воеводой въ Пронскѣ на случай, если названные воеводы пойдутъ по крымскимъ вѣстямъ на сходъ въ Крапивну; въ томъ же году Т. отпущенъ былъ къ Москвѣ, а на его мѣсто назначенъ Григорій Хитрой. Въ 1637 г.

Т. посланъ на мѣсто Григорія Хитрого воеводой въ Пронскѣ же; въ Пронскѣ оставался до 1639 г. Въ боярскихъ книгахъ подъ 1636 г. Т. значился дворяниномъ московскимъ.

„Разрядныя книги по официальнымъ оныхъ спискамъ“, т. I, столб. 1225, 1336; т. II, столб. 67, 793, 796.—„Дворцовые разряды“, т. I, столб. 733.—„Русская Историческая Библиотека“, т. IX, стр. 391, 530; т. X, стр. 84, 108; т. XV, стр. 56.—А. П. Барсуковъ, „Описки городовыхъ воеводъ Московск. госуд. въ XVII столѣтіи“, стр. 170, 182.—Ивановъ, „Алфавитный указатель къ боярскимъ книгамъ“, стр. 409.

Тимирязевъ, Иванъ Семеновичъ, генераль-лейтенантъ, изъ дворянъ Московской губерніи, родился въ 1791 г. Начавъ въ 1807 г. службу юнкеромъ въ Л.-гв. Егерскомъ полку, Т. на слѣдующій годъ перевелся въ конную гвардию, где произведенъ (1810) въ корнеты; съ полкомъ принялъ участіе въ Отечественной войнѣ, а по окончаніи ея былъ назначенъ адьютантомъ къ Цесаревичу Константишу Павловичу, хорошо знавшему его по Л.-гв. Конному полку, въ которомъ Т. былъ полковымъ адьютантомъ. Т. состоялъ при Цесаревичѣ до 1819 г., когда въ чинѣ полковника (съ 1816 г.) вышелъ въ отставку и пробылъ въ ней восемь лѣтъ, а затѣмъ вновь поступилъ на службу въ Л.-гв. Гродненскій гусарскій полкъ. Въ 1829 г. пожалованъ флигель-адьютантомъ. При возмущеніи въ Варшавѣ выступилъ съ полкомъ въ походъ и за отличие при штурмѣ Варшавы 25 и 26 августа 1831 г. произведенъ въ генераль-маиоры съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества. Въ 1834 г. Т. былъ назначенъ исправляющимъ должность астраханскаго военнаго губернатора и управляющимъ гражданской частью, въ 1835 г. утвержденъ въ должности, въ 1840 г. произведенъ въ генераль-лейтенанты, въ 1844 г. отчисленъ отъ должности и въ 1846 г. уволенъ въ отставку. Такая перемѣна была вызвана нареканіями на неправильныя дѣйствія Т. по должностіи губернатора, но сенаторская ревизія, произведенная княземъ Гагарінымъ, выяснила недоказанность предположений, и дѣйствія Т. были подвергнуты разсмотрѣнію сената и окончательному обсужденію государственного совѣта, вслѣдъ за чѣмъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе отъ 26 октября 1853 г., по которому Т. отъ

всякаго взысканія освобождень и принять вновь на службу съ назначеніемъ къ приступованию въ сенатъ.

Въ боевомъ формуларѣ упоминаются слѣдующія дѣла, въ которыхъ Т. принималъ участіе: 1812 г.—13 и 14 юля подъ Витебскомъ, 4, 5 и 6 августа подъ Смоленскомъ, 26 августа при Бородинѣ, 6 октября подъ Тарутиномъ, 12 и 13 октября подъ Малымъ Ярославцемъ, 4, 5 и 6 ноября подъ Краснымъ; 1813 г.—20 апрѣля подъ Люценомъ, 8 и 9 мая подъ Бауценомъ, 17 августа подъ Кульмомъ (чинъ штабсъ-ротмистра), 4, 5 и 6 октября подъ Лейпцигомъ (золотая шпага съ надписью «За храбрость»); 1814 г.—20 января при Брюнѣ, 13 марта подъ Фершампенгуазомъ, 18 марта при взятіи Парижа; 1830 г.—будучи начальникомъ аванпостовъ съ 17 по 20 ноября, захватилъ 70 мятежниковъ съ орудіемъ, 20 ноября при переправѣ черезъ Вислу подъ м. Пулавами, 5 декабря при переправѣ черезъ Бугъ; 1831 г.—13 февраля подъ Гроховыемъ, 16 мая при переправѣ вплыв Буга у с. Граны и у м. Цѣхановцы, 11 мая подъ м. Нуръ, 14 мая подъ Остроленко, 11 юля при м. Роціонже во время пораженія полкомъ и совершенного истребленія 2-го Краковскаго полка, 16 юля при переправѣ черезъ Вислу у с. Немовы, 17 юля, командуя отрядомъ, разбилъ мятежниковъ и обезоружилъ жителей въ г. Ленчицы, 25 юля при г. Ловичѣ, 26 юля подъ м. Баламовичъ, 3 августа въ м. Карварі, 25 и 26 августа при штурмѣ Варшавы. Имѣлъ рядъ орденовъ, въ томъ числѣ св. Владимира 2-й, св. Георгія 4-й степени, Бѣлаго Орла, прусскій «За заслуги», австрійскій Леопольда, баварскій Максимилиана и персидской Льва и Солнца.

Формуларъ въ Московскомъ отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба, кн. № 28441, с. 600.

Тимковскій, Александръ Ивановичъ, генералъ-лейтенантъ, изъ дворянъ Петербургской губерніи, родился въ 1802 г.; въ 1822 г. поступилъ унтеръ-офицеромъ въ Кавалергардскій полкъ, въ которомъ и произведенъ 1 января 1825 г. въ корнеты. Въ 1832 г. произведенъ въ штабсъ-ротмистры и въ слѣдующемъ году переведенъ маюромъ въ Новгородскій кирасирскій полкъ, а черезъ два года—въ Малороссійскій кирасирскій, произведенный за отличие

въ подполковники и полковники Т. перевелся въ 1846 г. въ Бѣлгородскій уланскій полкъ и черезъ два года назначенъ его командиромъ. Въ 1853 г. былъ произведенъ въ генераль-маиоры, въ 1857 г. зачисленъ въ запасныя войска, а въ 1861 г. произведенъ въ генераль-лейтенанты съ увольненіемъ отъ службы съ мундиромъ и пенсіей полнаго содержанія. Т. участвовалъ въ усмиреніи польскаго восстанія 1831 г., а именно въ сраженіяхъ при Желтикахъ, Остроленкѣ, Старомъ Якацѣ и при штурмѣ Варшавы.

Формуларъ Общаго Архива Главнаго Штаба, дѣло 3 ст., 1 отд., 1861 г., № 285, ч. III, стр. 179—182.—«Сборникъ біографій Кавалергардовъ, 1801—1826 гг.», стр. 398.

Тимковскій, Василий Федоровичъ, гражданскій губернаторъ Бессарабской области, писатель, братъ слѣдующаго и Ивана, Ильи и Романа Федоровичей, родился въ 1781 г. Первоначальное образованіе, подобно братьямъ, получилъ подъ руководствомъ монахинь Золотоношского Благовѣщенскаго монастыря. Съ дѣтства онъ предназначался родителями къ поступленію въ монашество, но въ Киевской духовной академіи, гдѣ онъ получилъ высшее образованіе, Т. увлекся литературой и воспротивился намѣренію родителей. На студенческой скамьѣ онъ занимался переводами изъ иностранныхъ языковъ и писалъ стихотворенія на духовныя и свѣтскія темы; всѣ сколько его стихотвореній напечатано въ книжѣ «Радостныя чувствованія музъ» (Кievъ 1796), которую академія привѣтствовала новаго киевскаго митрополита Іероѳея. По окончаніи академического курса Т. всѣ сколько лѣть жилъ, повидимому, въ небольшомъ родительскомъ имѣніи въ Золотоношскомъ уѣздѣ. Въ 1804 г. появился въ печати его переводъ «Путешествія Морица по Англіи» (Москва) и два года спустя—«Жизнь графа Миниха» Галема (Москва 1806). Только въ 1810 г. онъ поступилъ на государственную службу—въ канцелярію государственного совѣта. Т. былъ человѣкомъ несомнѣнно весьма способнымъ, о чёмъ свидѣтельствуютъ какъ знавшіе его (напр. М. А. Максимовичт.), такъ и тѣ должности, которыя онъ занималъ: человѣкъ относительно безродный, онъ, съ самаго начала службы и долгое время въ теченіе ея, состоялъ для особыхъ порученій при вліятельныхъ лицахъ, а по-

рученія ему давались иногда исключительной важности. Въ канцеляріи государственного совета онъ состоялъ при предсѣдателѣ департамента государственной экономіи Н. С. Мордвиновѣ. Въ началѣ 1812 г. его взялъ къ себѣ бывшій тогда въ званіи государственного секретаря А. С. Шишковъ. Т. былъ постояннымъ спутникомъ и сотрудникомъ Шишкова во всѣхъ его путешествіяхъ по Россіи и Европѣ вслѣдъ за Императоромъ Александромъ I. Ему поручалось, между прочимъ, составленіе манифестовъ въ эпоху войны съ Наполеономъ. Позже Т. занималъ послѣдовательно должности: правителя канцеляріи при полномочномъ намѣстникѣ Бессарабской области, начальника обоихъ отдѣлений азіатскаго департамента министерства иностраннѣхъ дѣлъ, предсѣдателя Оренбургской пограничной комиссіи. По просьбѣ главнокомандующаго въ Грузіи Ермолова онъ былъ командированъ къ нему для особыхъ порученій. Въ 1826 г. былъ назначенъ губернаторомъ Бессарабской области, каковымъ оставался до 1828 г. Умеръ Т. въ 1832 г.

Въ бытность чиновникомъ для порученій при бессарабскомъ намѣстникѣ Т. собирая материалы для исторіи этого края и использовавъ ихъ въ труда «Історія Бессарабії» (написана въ 1816—1817 гг.), не напечатанномъ, такъ какъ рукопись погибла во время петербургскаго наводненія. М. А. Максимовичъ свидѣтельствуетъ о другой работѣ Т., историческомъ изслѣдованіи подъ названіемъ «Князь Курбскій», но о судьбѣ ея ничего неизвѣстно. Во время своихъ путешествій и поѣздокъ онъ велъ путевые замѣтки и писалъ записки о Кавказѣ; рукописи эти тоже, повидимому, погибли. Видѣвшій ихъ М. А. Максимовичъ очень высоко оцениваетъ достоинствахъ, также какъ и о талантахъ ихъ автора, о которыхъ онъ говоритъ: «Сила пера его недѣлко уравнивалась съ силой его увлекательнаго изустнаго слова, въ которомъ я не зналъ ему равнаго».

И. В. Шупбургъ, „Илья Федоровичъ Тимковскій“, „Кіевская Старина“, 1891, т. 34, стр. 215—216.—„Русскій Архивъ“, 1871, № 12, стр. 2108—2119.—„Энциклопед. словарь“ Эфронъ, 1-е изд., т. 33, стр. 183.

Тимковскій, Егоръ Федоровичъ, братъ предыдущаго, тайный советникъ, родился 23 мая 1790 г. въ д. Егорской-Тимков-

щинѣ (Золотоношского уѣзда Полтавской губерніи); начатки грамоты получиль у монахинь Золотоношского Благовѣщенскаго монастыря, потомъ учился въ Кіевѣ и Переяславлѣ и высшее образованіе получилъ въ Московскомъ университѣтѣ. Въ 1813 г. поступилъ на службу въ главное управление путей сообщенія, находившееся тогда въ Твери; съ переводомъ въ 1815 г. этого управления въ Петербургъ на жительство туда перѣхалъ и Т. Занимая должность секретаря совѣта путей сообщенія, онъ участвовалъ въ совѣщаніяхъ разныхъ комитетовъ и комиссій по представляемымъ въ этотъ совѣтъ проектамъ и запискамъ. Въ 1820 г., по предложению М. М. Сперанскаго, бывшаго тогда сибирскимъ генераль-губернаторомъ, Т. было поручено сопровождать въ Пекинъ вновь составленную во главѣ съ архимандритомъ Петромъ Каменоскимъ духовную миссію и вывести изъ Пекина въ Россію прежнюю духовную миссію, начальникомъ которой былъ извѣстный синологъ Іакинфъ Бичуринъ. Т. выѣхалъ изъ Кяхты 31 августа 1820 г., а возвратился туда изъ Китая 1 августа 1821 г., причемъ 9 мѣсяцевъ изъ этого времени провелъ въ Пекинѣ. Свою поѣздку Т. использовалъ для многостороннаго изученія Китая, результатомъ которого было изданное по Высочайшему повелѣнію на казенный счетъ трехтомное сочиненіе «Путешествіе въ Китай черезъ Монголію въ 1820 и 1821 годахъ» (Спб. 1824). Въ первомъ томѣ этого сочиненія описывается караванный путь между Кяхтой и Пекиномъ, второй заключаетъ разнообразійший свѣдѣнія о Китаѣ, отчасти о Восточномъ Туркестанѣ, Тибетѣ и Корее, и третій посвященъ описанію возвращенія въ Россію и общему обозрѣнію Монголіи съ точки зренія исторической, географической, административной, этнографической и религіозной. Къ книгамъ приложены карта пройденного пути и нѣсколько плановъ и рисунковъ съ натуры. Книга Т. теперь устарѣла какъ въ фактическихъ данныхъ, такъ и въ своихъ выводахъ, но въ свое время представляла самое полное и обстоятельное собрание свѣдѣній о Китаѣ. Достаточно сказать, что она была переведена на англійский, нѣмецкій и французскій языки. Въ теченіе многихъ лѣтъ она была необходимѣйшимъ пособіемъ, даже настольною книгою для

всѣхъ изучавшихъ Китай. Въ теченіе своего относительно недолгаго пребыванія въ Китай Т., конечно, не могъ собрать всѣхъ свѣдѣнія, которыхъ даны въ его книгѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что часть ихъ овь почерпнула изъ бесѣдъ съ Бичуриномъ.—Другимъ послѣдователемъ путешествія Т. въ Китай былъ прїездъ въ Россію Іакинфа Бичурина. Духовную миссію въ Пекінѣ Т. нашелъ въ самомъ плачевномъ положеніи. Отагченное Наполеоновскими войнами, правительство, повидимому, совсѣмъ забыло объ этой миссіи, въ теченіе долгихъ лѣтъ не посыпало туда содержанія, и Бичуринъ принужденъ былъ продать все, даже церковную утварь. Роль Т. въ смыслѣ избавленія Бичурина отъ этихъ обстоятельствъ не можетъ быть точно выяснена, но М. М. Сперанскій, очевидно, имѣлъ основаніе выразиться такъ: «Нашъ Тимковскій подарили Россіи два китайскихъ творенія: одно живое—отца Іакинфа, и другое живописное—свою книгу». По прїездѣ въ Россію Бичуринъ былъ преданъ суду по обвиненію въ разстройствѣ дѣлъ миссіи, осужденъ и заточенъ въ Валаамскій монастырь, и только въ значительной мѣрѣ благодаря ходатайству Т. былъ оправданъ и могъ отдаваться своимъ научнымъ работамъ. Еще важнѣе то содѣйствіе, которое Т.оказалъ Бичурину въ изданіи его книгѣ, настоятельно рекомендуя азіатскому департаменту печатаніе ихъ на казенный счетъ,—этимъ онъ оказалъ важную услугу русской синологіи.—По возвращеніи изъ Китая Т. въ ближайшіе годы служилъ начальникомъ отдѣленія въ азіатскомъ департаментѣ министерства иностраннѣхъ дѣлъ, а съ 1830 по 1836 г. былъ консуломъ въ Молдавіи. Утомленный службою, въ 1836 г. онъ вышелъ въ отставку и около 9 лѣтъ прожилъ въ своемъ небольшомъ имѣніи въ Золотоношскомъ уѣздѣ, но въ 1845 г. вновь поступилъ на службу, занявъ должность начальника драгомановъ въ министерствѣ иностраннѣхъ дѣлъ. Въ 1852 г. назначенъ на должность управляющаго петербургскимъ главнымъ архивомъ министерства иностраннѣхъ дѣлъ а съ 1866 г. служилъ членомъ совѣта этого министерства и въ этой должностіи и умеръ 9 февраля 1875 г. Съ 8 мая 1846 г. Т. состоялъ дѣйстгит. членомъ Императ. Географическаго общества. Въ «Кievskaya Starina» 1894 г. напечатаны

«Воспоминанія» Т., доведенные имъ до 1813 г. Въ нихъ много интересныхъ данныхъ о Московскомъ университете, описанномъ Т. въ моментъ предъ нашествіемъ Наполеона и видѣніаго имъ также вскорѣ по уходѣ французовъ изъ Москвы.

К. А. Скачковъ, „Е. О. Тимковскій“, „Московская Вѣдомость“, 1875, № 47 (до напечатанія этой биографической очеркѣ былъ члѣнъ на засѣданіи Импер. Географическаго общества).—Его же, „Еще о Е. О. Тимковскомъ“, тамъ же, 1875, № 66.—„Воспоминанія Е. О. Тимковскаго“, „Кievskaya Starina“, 1894, т. 44 и 45 (съ предисловіемъ и краткимъ биографическимъ очеркомъ, составлен. И. В. Шугуровымъ).—„Чтепія Общ. Истории и Древл. Россійск.“, 1874, № 4, стр. 167 (краткая биографич. замѣтка О. М. Бодянскаго).—„Отчетъ Император. Русскаго Географическаго общества за 1875 г.“, составлен. И. И. Вильсономъ, Спб. 1876, отдѣльн. „Некролог“.—„Отрывки изъ воспоминаній спбірскаго казака Черепалова“, „Древняя и Новая Россія“, 1876, № 6, гл. 1.—„Въ память гр. М. М. Сперанскаго“, Спб. 1872, прилож. III (письма Сперанскаго къ Т.).—„Гражданинъ“, 1876, № 4.—„Календарь А. Гатцкука“ за 1876, стр. 205.—„Русскій календарь“ А. С. Суворина на 1876 г.—„Энциклоп. словарь“ Эфрона, 1-е изд., т. 33, стр. 183.

Тимковскій, Иванъ Осиповичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, докторъ медицины, цензоръ, директоръ гимназій и училищъ Петербургской губерніи, родился въ 1768 г. Среднее образованіе получилъ въ Московской университетской гимназіи, куда вступилъ въ августѣ 1781 г. По окончаніи гимназіи принялъ былъ студентомъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета; въ ноябрѣ 1791 г. экзаменовался въ Петербургѣ при медицинской коллегіи, послѣ чего ему дано было право представить диссертацию. Всльдствіе болѣзни онъ воспользовался этимъ правомъ лишь черезъ $1\frac{1}{2}$ года, когда представилъ въ медицинскую коллегію диссертацию: «De structura ventriculi ejusque functione»; 19 декабря 1793 г. Т. признанъ былъ докторомъ медицины и назначенъ въ Московскій военный госпиталь сверхъ комплекта. Въ юлѣ 1795 г. онъ назначенъ быть врачомъ въ Иркутское намѣстничество. Пробыть здѣсь $1\frac{1}{2}$ года, Т. соскучился и попросилъ о пересводѣ въ Московскій военный госпиталь, хотя бы сверхъ штата и безъ жалованья, что и было удовлетворено въ сентябрѣ 1797 г. Въ февралѣ 1800 г. по собственной просьбѣ переведенъ былъ въ Петербургскій «физи-

кать» безъ жалованья, которое онъ сталъ получать лишь съ 1802 г. Въ 1804 г. назначенъ былъ петербургскимъ цензоромъ и оставался въ этой должности до 1821 г. Онъ также завѣдывалъ больницами по обѣимъ столицамъ. Въ 1810 г. за усердіе по службѣ награжденъ былъ бриллантовымъ перстнемъ. Въ 1811 г. назначенъ былъ смотрителемъ вольныхъ въ Петербургѣ пансионовъ, а затѣмъ директоромъ гимназій и училищъ Петербургской губерніи, въ томъ же году опредѣленъ былъ также членомъ военной комиссіи учебныхъ пособій кантоналистамъ поседенческихъ войскъ, а въ 1819 г.—членомъ совѣта по учебной части въ Петербургскомъ учительскомъ при университѣтѣ институтѣ. Со службы въ физикатѣ уволенъ въ 1827 г. Умеръ Т. въ Петербургѣ 4 апрѣля 1837 г. Перевелъ съ французского языка «Врачъ свѣтскихъ людей», соч. Тиосота (Москва 1792) и помѣстилъ въ «Pharmaceutische Zentralblatt» статью «Togurak-Seife» (1832, № 21). Пушкинъ упоминаетъ о Т. какъ цензорѣ въ одной эпиграммѣ: «Тимковскій царствовалъ—и всѣ твердили вслухъ, что врѣдъ ли гдѣ ословъ найдешь подобныхъ двухъ...», и во «Второмъ посланіи къ цензору».

Некрологи за 1837 г.: «С.-Петербургскія Вѣдомости», № 82, п. «Свѣрхая Пчела», № 79.—Я. Чистовичъ, «Історія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россії», стр. CCCIX.—Л. Ф. Змѣевъ, «Русские врачи-писатели», Спб. 1886 г., тетр. 2, стр. 128.—«Общий медицинский списокъ» на 1809 г., стр. 94, и на 1810 г., стр. 20.—«Русская Старина», 1872, т. 5, стр. 281; 1873, т. 13, стр. 476.—«Русский Архивъ», 1873, стр. 1039.—П. К. Щебальскій, «Материалы для исторіи русской цензуры», «Бесѣды въ обществѣ любит. российск. словесности», 1871, вып. 3, стр. 10, 12.—В. И. Межовъ, «Русская историческая библіографія за 1865—1876 гг.», Спб. 1882, т. III, стр. 371.—Его же, «Сибирская библіографія», Спб. 1890, т. II, стр. 227.—В. Сопниковъ, «Опытъ российской библіографіи», Спб. 1813 ч. 2, стр. 229, № 2671.—«Роспись российскимъ книгамъ изъ библіотеки В. Плавильщика», Спб. 1820, стр. 46, № 555.

Тимковскій, Иванъ Федоровичъ, поэтъ и переводчикъ конца XVIII и начала XIX столѣтія, братъ слѣдующаго и профессора Романа Федоровича; учился въ Киевской духовной академіи, окончилъ Московскій университетъ съ тремя медалями. Служилъ въ канцеляріи графа Воронцова, а потомъ въ комиссіи сочиненія законовъ. Умеръ молодымъ, на 30-мъ году. Т. переводилъ съ

нѣмецкаго и англійскаго языковъ и помѣщалъ свои оригинальныя стихотворенія и переводы въ цврменныхъ изданіяхъ того времени. Въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени» имъ помѣщено за 1796 г. «Къ пышной гробницѣ» (ч. XII, стр. 97); за 1797 г.: «Мысли прекрасной вдовы о цвѣтахъ», перев. съ нѣмецк. (ч. XIV, стр. 17), «Выписки изъ арабской рукописи» (ч. XIV, стр. 38), «Судь», перев. съ нѣм. (ч. XIV, стр. 49), «Подобіе лица, истинное происшествіе въ Германіи» (ч. XV, стр. 49); за 1798 г.: «Пріятный вечеръ при лунномъ сияніи», перев. съ нѣм. (ч. XIX, стр. 209), «Утро въ Вильденфельдѣ», перев. съ нѣм. (ibid., стр. 363), «Маркелъ изъ Сиракузъ», изъ Т. Ливія, кн. XXV, гл. 24, (ibid., стр. 382), «Милый кавалеръ» (ч. XX, стр. 20), «Кончина Фоконова» стих. (ibid., стр. 125), «Къ лунѣ», стих., (стр. 140). Въ «Иллюстраціи» за 1799 г.: «Сцены 31 декабря 1798 г.», стих. (ч. I, стр. 125), «Утомленный странникъ» (ibid., стр. 151). Свои журнальныя статьи подписывалъ сокращеннымъ именемъ И.-з Тимкес. или Т.-й. Кроме того Т. отдельно издалъ: «Природа и любовь», соч. Мильтенберга, перев. (Москва 1799), «Жизнь Екатерины Великой», соч. барона Танненберга (Москва 1801, 2-е изд. Спб. 1804), «Секретарь новый или полный письмовникъ, содержащий въ себѣ полное наставление, какъ должно образовать себя въ письменномъ слогѣ», 2 части (Москва 1801), «Полное собраніе сочиненій Геснера», 4 части (Москва 1802—1803).

«Киевская Старина», 1891, августъ, стр. 215.—А. Н. Неустроевъ, «Историческое разысканіе о русскихъ цврменныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 включ.», Спб. 1875, стр. 771, 773, 774, 779, 780 и 816.—В. Сопниковъ, «Опытъ российской библіографіи», Спб. 1813—31, ч. 3, стр. 79 и 80, №№ 3977—3978; ч. 4, стр. 223, № 9040—9041; стр. 365, № 10186; стр. 464, № 11009; ч. 5, стр. 185, № 13103.—Г. Геннадій, «Справочныи словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ», Берлинъ 1880, т. II, стр. 373.—«Роспись российскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина», Спб. 1828, стр. 163, № 2192; стр. 213, № 2813; стр. 485, № 6171; стр. 663, № 9288.—«Роспись российскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки В. Плавильщика», — Спб. 1820, стр. 264, № 3097.—В. С. Карцовъ и М. Н. Мазаевъ, «Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей», — Спб. 1891, стр. 127.—«Энциклоп. словарь» Эфрона, 1-е изд., полусл. 65, стр. 184.

Тимковскій, Илья Федоровичъ, профессоръ российскаго правовѣдія Харь-

ковского университета, директоръ Новгородской въерской гимназіи, педагогъ и писатель, родился 15 июля 1772 или 1773 г. въ Переяславлѣ (Шолтавской губ.). Въ 1777 г. семья Тимковскихъ перѣехала въ свое имѣніе въ Золотоношскую сотню, а затѣмъ въ село Згарское. Четыре года Т. обучался дома, нѣкоторое время вмѣстѣ съ сестрой и двоюродными братьями у монахинь Золотоношского Благовѣщенскаго женскаго монастыря, устроившихъ у себя нѣчто вродѣ маленькаго пансиона. Въ 1781 г. его опредѣлили въ Переяславльскую семинарию, а затѣмъ въ 1785 г. Т. поступилъ въ Киевскую духовную академію. Изъ академіи ежегодно поступало нѣсколько человѣкъ въ Московскій университетъ; они писали своимъ товарищамъ о профессорахъ, занятіяхъ въ университѣтѣ, московской жизни. Извѣстія эти побудили Т. по окончаніи академіи, въ сентябрѣ 1789 г., отправиться въ Москву и поступить въ университетъ. Университетскій курсъ Т. прошелъ блестяще. Онъ получилъ за представленныя сочиненія 2 серебряныя медали, въ 1790 и 1792 гг., по философскому факультету, и серебряную и золотую, въ 1793 и 1795 гг., по юридическому факультету. Больше всего Т. занимался правовѣдѣніемъ. «Кончивъ первый курсъ, — пишетъ онъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», — я предался правамъ и политикѣ, удержаль только прикладную математику, по любви моей: знаніе побочное, но которое на вѣку часто было мнѣ пригодно». Будучи студентомъ, Т. сотрудничалъ въ газетахъ и журналахъ того времени, помѣщая стихи и статьи въ прозѣ, какъ переводныя, такъ и оригинальныя, за подписью *И-я Тимкск.* Одно изъ его стихотвореній, помѣщенное въ № 1 «Московскихъ Вѣдомостей» за 1797 г., обратило на себя вниманіе куратора университета, князя Ф. Н. Голицына. Т. поющѣстилъ: въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени» за 1796 г., въ ч. IX: «Изслѣданіе природы», соч. Сенъ-Пьера (перев. съ франц.), «Къ отечеству» (ода), «Вольнодумецъ» (изъ Геллерта); въ ч. X: «Вкусъ», «Клариссъ, любящей стихотворство», «Солице» (изъ Сенъ-Пьера), «Добротѣль», «Вѣнокъ» (изъ Гакгедорна), «Краснорѣчіе», «Бѣглецъ»; въ ч. XII: «Взглядъ на самого себя», «Къ потерянному сну», «Тоска по отечеству»; за 1797 г., въ ч. XIII: «Размышленіе о

Богѣ», «Къ Тебѣ, предвѣчный сынъ»; въ ч. XIV: «Утро» (стих.); въ ч. XV: «Желавіе» (изъ Геснера, перев. съ нѣмецк.), «Сонъ» (стих.), «Замыслы», «Изъ Гакгедорна», «Письмо», «Къ Аонидѣ»; въ «Новостяхъ» за 1799 г.: стих. «Вѣсть» (май) и «Утренняя прогулка» (августъ).

Въ 1797 г. Т. окончилъ курсъ университета. Въ это время генераль-прокуроръ князь А. Б. Куракинъ обратился въ университетъ съ просьбой доставить ему двухъ свѣдущихъ правовѣдовъ; конференція въ числѣ этихъ двухъ выбрала и Т. Вначалѣ 1797 г. Т. уѣхалъ въ Петербургъ и 7 февраля того же года назначена преподавателемъ российскаго правовѣдѣнія въ сенатской юнкерской институтѣ, а въ 1801 г. опредѣленъ секретаремъ сената. Здѣсь имъ составлено было «Систематическое расположение законовъ российскихъ», — первый опытъ систематизаціи русскихъ законовъ. За это сочиненіе онъ въ августѣ 1802 г. награжденъ былъ брилліантовымъ перстнемъ, само же сочиненіе передано было въ комиссію сочиненія законовъ черезъ графа П. В. Завадовскаго. Послѣдній предложилъ ему поступить въ самую комиссию, но Т. отказался. Въ томъ же 1802 г., когда образованы были министерства, Т., по предложенію назначенного тогда министромъ юстиціи Г. Р. Державина, занялъ должность юрисконсульта при департаментѣ министерства юстиціи; здѣсь онъ составилъ, по порученію Державина, проектъ третейскаго совѣтскаго суда. Въ этой должности Т. пробылъ недолго, около 4 мѣсяцевъ. Въ январѣ 1803 г. онъ получилъ два предложения: одно отъ Дерптскаго университета — занять въ качествѣ ординарнаго профессора каѳедру российскаго правовѣдѣнія, другое отъ назначенаго попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа графа С. О. Потоцкаго — сдѣлаться профессоромъ Харьковскаго университета, который еще предстояло открыть. Желая быть ближе къ родинѣ, онъ принялъ послѣднее предложеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ на него возложена была обязанность визитатора учебныхъ заведеній Харьковскаго округа. Въ июнѣ 1803 г. Т. переселился въ Харьковъ. На его долю выпало немало труда въ дѣлѣ подготовленія открытія университета, такъ какъ В. Н. Каразинъ принужденъ былъ выѣхать изъ Харькова въ Петербургъ. Т. заботился о пріисканіи и приготовленіи

зданія для университета, о сборѣ дожертованій и т. п. Въ мартѣ 1804 г. съ прѣздомъ Потоцкаго былъ образованъ комитетъ университета, въ который вошелъ и Т.; къ торжественному открытию университета онъ составилъ церемоніаль и сочинилъ для этого случая стихотвореніе. Читаль Т. «rossijskое право, не только гражданское и уголовное, но также общее и частное, вмѣстѣ съ исторіей онъхъ». Лекціи его отличались витеватостью и вычурностью языка и съ большимъ трудомъ усваивались студентами. Больше всего дѣятельность Т. проявлялась въ визитациіи учебныхъ заведеній обширнаго въ то время Харьковскаго округа. О результатахъ своихъ ревизій онъ представлялъ подробные отчеты, хранящіеся въ архивѣ Харьковскаго университета, попечителю или его замѣстителю Н. Н. Новосильцеву. По словамъ Лавровскаго, въ этихъ отчетахъ заключается обильный матеріалъ для исторіи учебныхъ заведеній Харьковскаго округа. «Едва ли,—говорить Лавровскій,—какой городъ ускользнулъ отъ посѣщенія Т.; изъ отчетовъ его можно видѣть, съ какимъ участіемъ и любознательностью относился онъ къ разнымъ сторонамъ и явленіямъ тогдашней провинціальной жизни, хотя бы вовсе и независимымъ отъ непосредственно порученного ему дѣла. Онъ пропрѣягъ при ревизіяхъ не только познанія учениковъ, но и учителей, проектировалъ устройство при университетахъ краткосрочныхъ педагогическихъ и методологическихъ курсовъ для учителей низшихъ учебныхъ заведеній, высказывалъ въ овоихъ отчетахъ за широкое распространение грамотности среди крестьянъ». При содѣствіи Т. были устроены вновь открытыя Харьковская, Черниговская, Екатеринославская, Воронежская, Новгородсѣверская, Таганрогская и Одесская гимназии и уѣздныя училища въ тѣхъ же губерніахъ. Т. состоялъ членомъ правленія университета, членомъ училищного и цензурнаго комитетовъ; кроме того въ 1807, 1810 и 1811 гг. онъ былъ деканомъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, а въ 1810 г. назначенъ былъ членомъ комитета «для испытанія чиновниковъ и преподаванія наукъ молодымъ людямъ, обязаннымъ гражданской службой», причемъ составилъ программу испытаний по праву и государственному хозяйству. Въ 1805 г. Московскій универси-

тетъ призналъ его докторомъ правъ *honoris causa*, а въ засѣданіи 18 декабря 1804 г. то же сдѣлалъ и Харьковскій университетъ. Въ 1811 г. Т. подалъ прошеніе объ отставкѣ и былъ уволенъ изъ университета. При этомъ советъ университета, перечисливъ всѣ заслуги Т., счѣль нужнымъ заключить, что «университетъ всегда съ величайшей признательностью будетъ вспоминать, что устройство весьма многихъ училищъ въ округѣ университета, теперь цвѣтущихъ, обязано благородумію, усердію и неутомимому труду проф. Тимковскаго» (въ засѣданіи 15 юля 1811 г.). За время службы при университетѣ были напечатаны три его рѣчи: «О бывшихъ въ Россіи помѣстяхъ и помѣстномъ правѣ» («Рѣчи, говоренныя въ торжественному собраніи Харьк. унив. 30 іюня 1810 г.», Харьковъ 1811), «О примѣненіи знаній къ состоянію и цѣли государства» (тоже, отъ 17 января 1808 г., Харьковъ 1808). «Опытный способъ къ философическому познанію россійскаго языка» (Харьковъ 1811).

По выходѣ въ отставку Т. поселился въ своемъ имѣніи Турхановкѣ, Черниговской губ. 18 августа 1812 г. онъ былъ избранъ членомъ дворянскаго комитета, снаряжавшаго ополченіе во время Отечественной войны, и состоялъ въ немъ по 2 января 1815 г. Съ 1815 г. служилъ по выборамъ два трехлѣтія Глуховскимъ уѣзднымъ судьей. Въ 1825 г. вновь назначенный попечитель Харьковскаго учебнаго округа А. А. Перовскій предложилъ ему занять должность директора Новгородсѣверской гимназіи. Въ первые годы завѣдыванія Т. гимназіей произошло вѣкоторое уменьшеніе числа учениковъ въ ней въ виду строгости экзаменовъ, какъ вступительныхъ, такъ и переводныхъ, но вслѣдъ затѣмъ число это стало быстро возрастать: въ 1833 г. было 126 учениковъ, а въ 1838 г.—454. Поэтому въ Новгородсѣверской гимназіи раньше, чѣмъ въ большей части губернскихъ гимназій, потребовалось раздѣлить первые три класса на два отдѣленія, о чѣмъ состоялось Высочайшее повелѣніе 27 декабря 1838 г. Успѣшная педагогическая дѣятельность Т. побудила попечителя вновь образованнаго Кіевскаго учебнаго округа Е. Ф. фонъ-Брадке предложить ему занять място директора Нѣжинскаго лицея въ 1834 г., но Т. отказался, мотивируя отказъ желаніемъ быть поближе къ

своимъ роднымъ и привязанностью къ Новгородъ-Северской гимназіи.

Въ 1838 г., утомленный многолѣтними трудами, Т. вышелъ въ отставку и окончательно поселился въ Турхановѣ, посвяшая свое время сельскому хозяйству, въ частности пчеловодству. Онъ напечаталъ «О состояніи пчеловодства въ Черниговской губ.» («Москвитянинъ», 1853, № 19). Т. написалъ также свои воспоминанія, о которыхъ съ похвалой отзывался Погодинъ, они помѣщены въ «Москвитянинѣ» за 1852 г. и перепечатаны были въ «Русскомъ Архивѣ» за 1874 г. Кроме того имъ помѣщена въ «Москвитянинѣ» статья «Судья и парадоксы» (1855, № 19). Въ бумагахъ его есть указаніе на сочиненіе, написанное имъ на латинскомъ языкѣ въ бытность его въ Харьковскомъ университѣтѣ: «Сравненіе юстиціановыхъ законовъ съ россійскими», за которое Геттингенское ученое общество избрало его своимъ членомъ въ 1809 г., причемъ осталось невыясненнымъ время и мѣсто его изданія. Умеръ Т. въ Турхановѣ, въ февралѣ 1853 г., 80-лѣтнимъ старикомъ.

«Воспоминанія И. Ф. Тимковскаго», «Москвитянинъ», 1852, ч. 5, № 17, 18, и 20, и «Русский Архивъ», 1874, № 6.—Н. В. Шугуровъ, «И. Ф. Тимковскій, педагогъ прошлаго времени», «Кievская Старина», 1891, августъ, стр. 212; сентябрь, стр. 375; октябрь, стр. 82.—«Энциклопедійный словарь Эфрона», 1-е изд., полуот. 65, стр. 184.—Д. И. Багалѣй, «Опытъ исторіи Харьковск. універс.», Харьковъ 1894, т. I, стр. 8, 15, 53, 98, 99, 105—108, 121, 126, 127, 129—131, 135, 136, 142, 145, 149, 153, 155, 159—161, 169, 170, 186—189, 191, 212, 214, 216, 241, 242, 257, 259, 260, 262, 263, 271, 273, 280, 299, 308, 355, 372, 510—522, 541, 542, 575, 578, 579, 586, 651—653, 688, 704, 729, 730, 733, 770, 775, 782, 783, 847, 856, 862—866, 870, 894, 954, 956, 960—970, 1001, 1096, 1097, 1107—1110, 1112, 1118, 1124, 1131, 1132, 1145—1147, 1149, 1150, 1155—1163, 1165—1169, 1172—1186; т. II, стр. 364, 554.—Н. А. Лавровскій, «В. Н. Каразинъ и открытие Харьковск. універс.», «Журн. Мин. Народ. Просв.», 1872, январь, стр. 78, 84, 87, 92; февраль, стр. 197, 202, 212—214, 242.—Его же, «Изъ первоначальной исторіи Харьковск. універс.», тамъ же, 1869, октябрь, стр. 242—245, 247.—К. Фойтъ, «Историко-статистическая свѣдѣнія объ Имп. Харьковск. універс.», Харьковъ, 1859, стр. 140, 141, 143.—Д. И. Багалѣй, «Характеристика просвѣтительной дѣятельности Харьковск. універс.», «Русская Школа», 1892, № 10, стр. 21; № 11, стр. 11, 15, 17.—П. Пекарскій, «Русские мемуары XVIII в.», «Современникъ», 1855, № 4, стр. 80—82.—Рославлевъ-Петровскій, «Объ ученої дѣятельности Харьковск. універс.», «Журн. Мин. Народ. Просв.», 1855, ч. LXXXVII, стр. 2, 4, 8, 11, 12,

28, 31.—Роммель, «Пять лѣтъ изъ жизни Харьковского універс.», Харьковъ 1868, стр. 60.—«Харьковскій Сборникъ», 1889, стр. 142; 1890 г., стр. 116, 119.—«Русский Архивъ», 1869, стр. 1547.—«Воспоминанія М. К. Чалаго», «Кievская Старина», 1889, № 3, стр. 620; № 4, стр. 232; № 5, стр. 327—335; № 6, стр. 15—32; № 7, стр. 157—176; № 8, стр. 443—444.—В. И. Межовъ, «Исторія всеобщей и русской словесности», Спб. 1872, стр. 482, № 12838.—Его же, «Русская историческая библиографія за 1800—1854 гг.», Спб. 1893, т. II, стр. 248, № 17368.—П. и Б. Дамбины, «Русская историческая библиографія 1855 г.», Спб. 1861, стр. 46 № 448.—Г. Геннадій, «Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ», Берлинъ 1880, т. II, стр. 47.—А. Н. Неустроевъ, «Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.», Спб. 1875, стр. 768, 806, 834.—«Роспись россійскимъ книгамъ изъ библиотеки для чтенія А. Смирдина», Спб. 1828, стр. 451, № 572; стр. 503, № 6439.—В. Соловьевъ, «Опытъ россійской библиографіи», Спб. 1813—1831, ч. 3, № 4387; ч. 5, № 11247.—В. С. Карповъ и М. Н. Мазаевъ, «Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей», Спб. 1891, стр. 127.—«Русская Старина», 1875, сентябрь, стр. 195.—«Біографіч. словарь юрид. фак. Харьк. у-та», 1903.

ТИМКОВСКІЙ, Іосифъ Васильевичъ, докторъ медицины, московскій штатъ-физикъ, служилъ лекаремъ въ С.-Петербургскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ. Для получения медицинскаго образованіяѣздилъ въ 1761 г. за-границу, гдѣ изучалъ въ теченіе 4 лѣтъ медицину въ Лейденскомъ университетѣ. Для получения степени доктора медицины написалъ и представилъ въ 1765 г., въ университѣтѣ диссертацию «De morbis incurabilis» (Лейденъ 1765). Въ 1770 г. опредѣленъ былъ полевымъ врачомъ въ Смоленскую дивизію. Впослѣдствіи назначенъ былъ на должность московскаго штатъ-физика. Умеръ въ Москвѣ.

В. Рихтеръ, «Исторія медицины въ Россіи», Москва 1820, ч. III, стр. 501.—Митроп. Евгений Болховитиновъ, «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», Москва 1845, т. II, стр. 207—208.—А. Никитинъ, «Краткій обзоръ состоянія медицины въ Россіи въ царствованіе Екатерины II», Спб. 1855, стр. 64.—Н. Новиковъ, «Опытъ исторического словаря о россійскихъ писателяхъ», Спб. 1773, стр. 226.—«Материалы для исторіи русской литературы», под. Ефремова, Спб. 1867.

ТИМКОВСКІЙ, Романъ Федоровичъ, филологъ, ординарный профессоръ Московскаго университета по каѳедрѣ римской и греческой словесности, докторъ философіи, родился въ 1785 г. въ деревнѣ Згарѣ Полтавской губерніи, Золотоношского по-вѣта. Элементарные начатки грамоты мальчикъ получилъ въ кельѣ своего дяди,

инока Киево-Печерской обители; аскетический образъ жизни первого наставника и суровая окружающая обстановка оказали на душу ребенка настолько сильное впечатлѣніе, что уже изъ него нѣкоторые биографы Т. пытаются вывести тѣ черты, которыя отличали его характеръ въ позднѣйшемъ, необщительность, любовь къ уединенію, нѣкоторая суровость и пр. Съ элементарными познаніями мальчикъ вступилъ въ число учениковъ Киевской академіи, но тамъ пробылъ недолго и въ октябрѣ 1797 г. перешелъ въ гимназію при Московскомъ университѣтѣ, а по окончаніи въ 1782 г. ея курса съ серебряной медалью былъ принятъ въ самый университетъ. Главное свое вниманіе здѣсь Т. сосредоточилъ на изученіи классической словесности, которую занимался подъ руководствомъ профессоровъ Христіана-Фредерика Маттея, Іоганна-Вильгельма Мельмана и П. А. Сохадцаго. Успѣхи его въ этой области были поощрены въ 1803 г. серебряной медалью и порученіемъ ему вести греческій этиологический и латинскій синтаксический классы. Окончивъ въ 1804 г. университетскій курсъ кандидатомъ и удостоенный въ 1805 г. за нижеизложенную диссертaciю о дифирамбахъ степенью магистра словесныхъ наукъ, а въ слѣдующемъ году степенью доктора философіи, для дальнѣйшаго совершенствованія въ классической словесности онъ былъ отправленъ за-границу. Вмѣстѣ съ командированнымъ туда же для изученія восточной словесности А. В. Болдыревымъ, впослѣдствіи профессоромъ этого предмета въ Московскомъ университѣтѣ, Т. направился прежде всего въ Галле; городъ вскорѣ былъ осажденъ французами, университетъ разгромленъ, а Т. остался безъ всякихъ средствъ. Очутившись въ критическомъ положеніи, онъ оставилъ Галле и въ сопутствіи того же Болдырева пѣшкомъ отправился въ Лейпцигъ, гдѣ занимался въ теченіе одного года, а затѣмъ перешелъ въ славившійся тогда своими учеными силами университетъ въ Геттингенѣ. Подъ руководствомъ профессоровъ Гейне и Мичерлиха, живѣйшую признателность къ которымъ, особенно къ первому изъ нихъ, Т. сохранилъ всю жизнь, тамъ онъ съ исключительнымъ усердиемъ отдался изученію древней словесности и археологии, успѣшности занятій которыми въ немалой степени способство-

вали богатѣйшія сокровища университетской библиотеки, одной изъ замѣчательнѣихъ въ тогдашней Европѣ. Въ Германии Т. пробылъ въ общей сложности три года и за это время успѣль очень много. Съ запасомъ обширныхъ познаній и солиднымъ научнымъ багажомъ въ 1809 г. возвратился онъ въ Москву, и съ 1 сентября того же года въ званіи адъюнкта, которымъ былъ удостоенъ непосредственно передъ заграничной поѣздкой, открылъ въ университетѣ курсъ древней словесности. Выдающійся успѣхъ, который онъ встрѣтилъ съ самаго начала своей педагогической дѣятельности, побудилъ университетскій совѣтъ избрать его въ 1810 г. экстраординарнымъ и уже въ слѣдующемъ—ординарнымъ профессоромъ греческой и латинской словесности. Впослѣдовавіи лекціи по этимъ обширнѣйшимъ предметамъ были раздѣлены между двумя лицами, но Т. читалъ ихъ одинъ, возможность чего находить свое объясненіе отчасти въ дѣятельно прекрасномъ знакомствѣ его съ ними, отчасти же въ томъ сравнительно невысокомъ уровне, на какомъ стояли какъ научная разработка этихъ областей, такъ и изложеніе ихъ съ университетской каѳедры. Изъ греческихъ классиковъ Т. объяснялъ слушателямъ преимущественно Софокла, Геродіана, Гомера, Геродота, Ксенофonta, Аполлодора и Демосфена, изъ латинскихъ же—Лівія, Виргілія, Ціцерона и Гораци. Курсъ римскихъ древностей онъ раздѣлилъ на двѣ части—древности государственные и древности, по его терминологии, «домашнія»,—и каждый годъ поперемѣнно читалъ то одну, то другую изъ нихъ. По примѣру заграничныхъ университетовъ имъ было введенъ и при Московскомъ филологическомъ семинарій, въ которомъ студенты подъ его руководствомъ практически работали надъ разборомъ и критикою классическихъ писателей и древностей, о которыхъ параллельно шла рѣчь на лекціяхъ. Характеръ лекцій Т. ученикамъ его А. М. Кубаревымъ рисуется слѣдующимъ вѣсколько тяжеловѣсными словами: «Чтенія его... близко подходили къ диктованію... Изъ повторений, когда это было нужно, сказанного имъ прежде, выражаемыхъ всегда почти тѣми же словами, было очевидно, что каждая его лекція была основательно имъ обдумана. Онъ такъ привыкъ къ какой-то ученой

отчетливости и полности, что никогда почти не увлекался или не позволялъ себѣ увлекаться дальше границъ, предписанныхъ самому себѣ. При объясненіи древностей охотно раскрывая намъ прекраснѣйшія мѣста изъ классиковъ, онъ однакоожь никогда не пускался въ эстетической разборѣ красоты ихъ, оставляя слушателямъ самимъ ихъ чувствовать. Но изъ выбора этихъ мѣстъ было видно, что онъ былъ проникнуть ихъ красотами...»

Дѣятельность Т. въ университетѣ, помимо его прямыхъ обязанностей, отмѣчена и другими сторонами: съ 1812 по 1818 г. онъ состоялъ членомъ училищного комитета, нѣсколько лѣтъ (1814, 1815 и 1817 гг.) занималъ должность декана словеснаго отдѣленія, съ 1811 г. и до смерти состоялъ при цензурномъ комитетѣ, а съ 1815 г.—директоромъ педагогического института, наконецъ, преподавалъ греческій и латинскій языки въ находившейся при университѣтѣ гимназіи и нѣкоторое время латинскую словесность въ университѣтскомъ Благородномъ пансионѣ. Лѣтомъ 1812 г., не предвидя угрожавшей Москвѣ опасности, Т. уѣхалъ на родину, оставилъ въ Москвѣ все свое имущество, которое и было уничтожено пожаромъ,—въ томъ числѣ цѣнное собрание книгъ и рукописей, которымъ онъ чрезвычайно дорожилъ, особенно частью, собранной имъ съ большими трудомъ и материальными лишеніями во время пребыванія за границею. Дѣятельность Т. продолжалась очень недолго; упорная болѣзнь, обостравшавшаяся его раздражительнымъ характеромъ и въ свою очередь неблагопріятно на него вліявшая, скоро свела его въ могилу, въ послѣднее время послуживъ причиной задумчивости, нервиности, угрюмости Т., а также охлажденію, почти равнодушію его къ ученымъ занятіямъ. 15 января 1820 г. онъ скончался.

Какъ ученый, Т. въ свое время пользовался выдающейся извѣстностью; нѣкоторые труды его на много лѣтъ пережили автора, и отзвуки ихъ, конечно лишь весьма слабые, можно и понынѣ встрѣтить въ литературѣ, посвященной изслѣдованію древне-русскихъ памятниковъ; какъ ни обширны были познанія Т. въ классической филологии, тѣмъ не менѣе наиболѣе существенные услуги оказалъ онъ наукѣ совсѣмъ въ другой области—почти совершенно неразработанной области критического изслѣдо-

ванія цѣдлинности упомянутыхъ памятниковъ. Первый трудъ Т., относившійся къ классической филологии, вышелъ еще въ 1803 г., когда автору было всего 18 лѣтъ. Это былъ одѣланый имъ переводъ (съ иѣменскаго) Оссіана. Въ 1806 г. вышла въ Москвѣ магистерская диссертациѣ Т.—«De Dithyrambis eogumque usu apud Graecos et Romanos», относительную которой проф. И. Т. Буле писалъ: «Разсужденіе сіе тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалу, что оно важнѣе по своему содержанію, относящемуся къ такому предмету дровной классической литературы, который до сихъ поръ еще не былъ довольно обработанъ и объясненъ. Сверхъ того, такъ какъ подобные занятія, при всей ихъ пользѣ и необходимости для усовершенствованія наукъ въ Россіи, очень рѣдки между нашими молодыми людьми,—оно можетъ также для прочихъ служить примеромъ и образцомъ къ подражанью». Сочиненіе это, въ исправленномъ и дополненномъ видѣ напечатано также въ «Актахъ» словеснаго семинарія Лейпцигскаго университета, дѣйствительно обладаетъ научными достоинствами, отмѣченными и нѣкоторыми пѣмоцкими авторитетами. Почти одновременно съ нимъ появилось изданію Т. на латинскомъ языке басенъ Федра подъ заглавиемъ «Phaedri Augusti liberti fabularum Aesopiarum libri quinque ex recensione P. Burmani» съ русскимъ подзаголовкомъ: «Федровы басни съ замѣчаніями издалъ Романъ Тимковскій» и съ посвященіемъ «въ знакъ признательности за благосклонность и милостивымъ попеченіемъ объ авторѣ» М. Н. Муравьеву, тогдашнему по-печателю Московскаго университета. Трудъ этотъ, предпринятый по желанію Муравьева, въ своей текстуальной части представляется просто дословной перепечаткой ст. заграницнаго изданія Бурмана съ нѣкоторымъ уклоненіемъ лишь въ знакахъ препинания; цѣнны и оригинальны въ немъ лишь примѣчанія Т., обнаруживающія въ молодомъ филолога—смѣу въ его время было всего 20 лѣтъ—солидный и разностороннія познанія. Объ этой работѣ, за которую, по ходатайству того же Муравьева, Т. былъ награжденъ золотою табакеркою изъ кабинета, онъ тѣмъ не менѣе вспоминаль впослѣдствіи съ большой неохотой, считая ее неудовлетворительной и несерьезной и лишь отчасти извиняя себя той спѣшностью, съ которой пришлось ее заканчивать

передъ самымъ отъездомъ заграницу. Послѣднимъ сочиненіемъ Т. по классической филологии была произнесенная имъ на университетскомъ актѣ 5 июля 1811 г. торжественная рѣчъ «De virtutibus Graecorum et Romanorum non nisi ex eorum ingenio moribus et vita recte aestimandis», въ переводѣ И. И. Давыдова напечатанная въ «Трудахъ профессоровъ Московскаго университета» и предвосхитившая многія положенія Набура въ области классической древности.

Въ послѣдніе годы своей жизни Т. замѣтно охладѣлъ къ классической филологии и преимуществоное вниманіе стало удѣлять русской древней словесности; главныйшая заслуга его въ этомъ отношеніи состоять въ томъ, что онъ первый подвергъ критикѣ установленное на шаткихъ основаніяхъ XVIII в. мнѣніе о сочиненіяхъ прец. Нестора, первый пришелъ къ мысли детального сличенія и сличилъ лѣтопись съ другими памятниками, приписывавшимися Нестору, съ «Патерикомъ» и «Житіемъ св. Феодосія», причемъ первый же указалъ несходство между лѣтописью и «Житіемъ» и открылъ, по его собственнымъ словамъ, «весьма важную истину, что преподобный Несторъ не оставилъ намъ по себѣ никакого другого памятника, кромѣ драгоценной лѣтописи». Избранный въ дѣйствительные члены Исторического общества, онъ, по предложенію послѣдняго, занялся изданіемъ поученія Луки Жидаты, которое и появилось въ I части «Русскихъ Достопамятностей», снабженное цѣнными филологическими примѣчаніями. Имъ же предпринятое изданіе Несторовской лѣтописи долгое время считалось образцовымъ. Наоборотъ, довольно слабымъ явился его трудъ—«Разсужденіе о Несторѣ, какъ сочинителе „Патерика“», напечатанный въ «Трудахъ Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ» (ч. I). Наконецъ, Т. много трудился надъ объясненіемъ «Слова о полку Игоревѣ» и по этому предмету написалъ обширное изслѣдованіе, которое затерялось послѣ его смерти.

Въ заключеніе приведемъ небольшую характеристику Т. какъ ученаго, принадлежащую одному изъ его биографовъ: «Съ глубокими свѣдѣніями въ греческой и римской словесности онъ соединялъ основательное знаніе древностей и исторіи. Какъ искусственный критикъ, онъ умѣлъ тонко

раздѣлять предметъ и глубоко проникать въ онъ; порядокъ и точность были средствомъ и цѣлью его изслѣдованій, какая онъ посвящалъ и на разсмотрѣніе исторической истины, и на опредѣленіе происхожденія и значенія слова». Помимо древнихъ, Т. въ совершенствѣ зналъ и нѣсколько новыхъ языковъ,—французскій, немецкій, англійскій и польскій, а латинскій былъ для него «какъ бы природнымъ».

С. Шевыревъ, «Исторія Императорскаго Московскаго университета», Москва 1855, стр. 345, 348, 403, 410, 424, 425.—Его же, «Обзоръ стольнаго существованія Импер. Московскаго университета» въ «Исторической запискѣ... и отчетѣ Московскаго университета», Москва 1855.—И. Двигубскій, «Краткая исторія Императорскаго Московскаго университета съ 6 июля 1819 г. до 6 июля 1820 г.», Москва 1820.—Н. В. Сушкинъ, «Московскій Благородный пансионъ», Москва 1858.—«Биографический словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго университета», Москва 1855, ч. II, стр. 486—498.—Рѣчи, произнесенные въ торжественныхъ собранияхъ Императорскаго Московскаго университета профессорами онаго съ краткимъ ихъ жизнеописаніемъ», ч. III, Москва 1821.—Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. I, Спб. 1888.—М. И. Сухомлиновъ, «Русские университеты при Александрѣ I».—«Воспоминанія И. О. Тимковскаго», «Москвитянинъ», 1852, ч. 5 №№ 17, 18, 20, и «Русск. Архивъ», 1874 № 6.—А. Н. Пыпинъ, «Исторія русской этнографіи», т. I, стр. 27, 29, 223, 317, 322.—«Энциклоп. словарь» Березина, с. в.—«Настольный словарь» Ф. Толя, т. III, Спб. 1864 г., с. в.

Тиммерманъ, Францъ Федоровичъ, голландскій купецъ, учитель Петра I по геометрии и фортификаціи, корабельный мастеръ. Въ исторіяхъ Бергмана, Галема, Полевого Т. названъ уроженцемъ Страсбурга, но вѣрѣ, что онъ былъ родомъ изъ Голландіи, такъ какъ самъ Петръ въ предисловіи къ морскому регламенту называетъ его голландцемъ. Время пріѣзда Т. въ Россію неизѣбѣсто, но есть основаніе полагать, что это было задолго до знакомства его съ Петромъ, ибо голландскій посланникъ Борель, пріѣзжавшій въ Москву въ 1664 г., называетъ и Т. въ числѣ жившихъ здѣсь голландскихъ купцовъ. Во всякомъ случаѣ, какъ на это указываетъ Устяловъ, о долголѣтнемъ пребываніи его въ Россії свидѣтельствуютъ и сохранившіяся учебные тетради Петра, въ которыхъ задачи записаны рукой учителя довольно правильнымъ русскимъ языкомъ и твердымъ почеркомъ. Существуютъ двѣ

версію о времени и обстоятельствахъ, при которыхъ Т. сдѣлался учителемъ Петра. По одной изъ нихъ, основанной на воспоминанияхъ Крекшина и повторяемой Голиковымъ, Забѣлиннымъ и др., знакомство Петра съ Т. произошло въ 1684 г. Послѣ одного изъ упражненій въ пушечной стрѣльбѣ и въ метаніи бомбъ Петръ попросилъ начальствующаго пушечныхъ дворомъ указать ему искуснаго въ артиллерійской стрѣльбѣ офицера; на слѣдующій день въ качествѣ такого ему представленъ былъ Т. (тогда будто бы поручикъ), съ которымъ Петръ долго разговаривалъ, остался имъ доволенъ, сдѣлалъ его своимъ учителемъ и повелѣлъ отвести ему во дворцѣ комнату. У Голикова разсказывается также, что вскорѣ затѣмъ въ томъ же 1684 г. Петръ «повелѣлъ ему, Тиммерману, въ рощахъ Преображенскихъ, при рѣкѣ Яузѣ, сдѣлать малую регулярную крѣость... и назвалъ крѣость свою Цресбургъ», — разсказать маловѣроятный, не подтверждаемый данными, какія имются о построеніи потѣшного городка Преобургъ: о Т. въ нихъ не упоминается; къ тому же нигдѣ въ сохранившихся дѣлахъ онъ не именуется поручикомъ. Между тѣмъ въ Государственномъ архивѣ (кабинетный дѣлъ I, книга 38) сохранился собственноручно Петромъ написанный разсказъ (принятый и въ школьныхъ руководствахъ) о своемъ знакомствѣ съ Т., изданный въ видѣ предисловія къ морскому регламенту. Согласно этому документу Петръ, узнавъ въ 1687 г. о существованіи астролябіи, попросилъ князя Як. Долгорукова, отправлявшагося посломъ во Францію, пріобрѣсть ему этотъ инструментъ, который и былъ привезенъ въ маѣ 1688 г. Такъ какъ никто изъ приближенныхъ царя не умелъ обращаться съ астролябіей, то Петръ попросилъ доктора фантьдеръ-Гульста сыскать человѣка, знакомаго съ инструментомъ. «Оный дохторъ,— разсказываетъ Петръ,— въ скоромъ времени сыскалъ голландца, именемъ Франца, про-званиемъ Тиммермана, которому я вышеописанные инструменты показалъ, который, увидѣвъ, сказалъ тожъ, что князь Яковъ говорилъ о нихъ, и что онъ употребилъ ихъ умѣТЬ, къ чemu я гораздо присталъ съ охотой учиться геометріи и фортификаціи. И тако сей Францъ черезъ сей случай сталъ при дворѣ быть безпрестанно и въ компаніяхъ съ нами». Сохранившаяся учеб-

ная тетради Петра свидѣтельствуютъ о томъ, съ какой охотой и усердіемъ занимался онъ съ Т.; хотя и съ некоторымъ трудомъ, но довольно быстро познакомился онъ съ ариѳметикой, геометріей, фортификаціей и артиллеріей, научился владѣть астролябіей и вычислять полетъ пушечнаго ядра, ознакомился также со строеніемъ крѣостей. Какъ математикъ Т. стоялъ не высоко, часто ошибался въ элементарныхъ дѣйствіяхъ, въ одной его задачѣ встречается ошибка даже въ сложеніи. Преподаваніе его сводилось къ простому изложенію основныхъ правилъ и практическихъ приемовъ, изобиловавшему множествомъ иностраннѣхъ терминовъ; такъ, четыре основныхъ дѣйствія ариѳметики Т. называлъ «адицію» (Петръ писалъ «одицое», «водиція»), «субстракція», «мунтипликація», «дивизію». Занятія Т. съ Петромъ продолжались недолго, но въ точности продолжительность ихъ неизвѣстна.

Имя Т. связано также съ зарожденіемъ русскаго флота: онъ сопровождалъ Петра, когда послѣдній лѣтомъ 1688 г. нашелъ въ Измайловѣ, средь разнаго стараго хлама, старый ботъ, «дѣдушку русскаго флота»; моментъ этотъ изображенъ на картинѣ Мясѣцова «Дѣдушка русскаго флота». Т. объяснилъ Петру, что ботъ можетъходить на парусахъ по вѣтру и противъ вѣтра, и указалъ на голландца Карштень-Бранда, какъ человѣка, который сможетъ починить ботъ и управлять имъ. Въ дальнѣйшемъ мы видимъ Т. принимающимъ живое участіе въ построеніи флота. Такъ, еще въ 1790 г., 7 апрѣля, «по указу великихъ государей велико дать иноземцу Францу Тиммерману на покупку полотна на парусы и на иные мелочныя припасы къ струговому дѣлу четыре рубли 3 алтына и 2 денги»; въ 1692 г., при постройкѣ флотиліи въ Переяславлѣ, онъ именуется корабельнымъ мастеромъ. Ему поручается покупка различныхъ материаловъ для корабельного дѣла, доставка ихъ изъ Москвы, и вообще онъ употребляется для разныхъ посылокъ то до Переяславля, то до Верховажа, то до Вологды. 10 октября 1693 г. посланъ по указу великихъ государей довольно странный запросъ изъ Конюшеннаго приказа въ Оружейную палату: «отписать, размѣрного дѣла мастеръ Францъ Тиммерманъ да часоваго дѣла мастеръ Иванъ Гантъ нынѣ въ лицахъ ли?»,

на который изъ Оружейной палаты получился отвѣтъ, что «изъ тѣхъ иноземцевъ великихъ государей у дѣлъ часового дѣла Иванъ Гантъ, и нынѣ онъ въ лицахъ, а размѣрного Францъ Тиммерманъ въ Оружейной палатѣ не вѣдомъ, и нынѣ онъ въ лицахъ ли, того не вѣдомъ». Однако Т. все время былъ «въ лицахъ» и 22 ноября 1693 г. получаетъ «прогонныхъ денегъ отъ Москвы до Переяславля и назадъ до Москвы на 3 подводы ямскія по три алтынъ за подводу», также упоминается о немъ и въ маѣ 1693 и въ 1694 г. въ связи съ постройкой флотилии въ Переяславлѣ. Дѣятельность Т. по постройкѣ флота прервана была на время первымъ Азовскимъ походомъ, въ которомъ онъ принималъ участіе въ качествѣ главнаго инженера. Что такова была роль Т. въ этомъ походѣ, видно ужъ изъ того, что онъ имѣлъ свой собственный стругъ, входившій въ составъ дивизіи А. М. Головина; подтверждается это и воспоминаніями современниковъ, напримѣрь Гордона и др. Помощниками его были Адамъ Вейде и Яковъ Брюсъ. Для роли инженера онъ оказался еще менѣе пригоднымъ, чѣмъ для роли преподавателя математическихъ и военныхъ наукъ. Отъ взрыва пороха въ подкопѣ, устроенному имъ и его помощниками, крѣпостная стѣна, какъ это имѣлось въ виду, не обрушилась, но пострадали русскія же войска; много народа было перебито, что вызвало въ войскѣ неописанный ужасъ и неудовольствіе иностранцами. Послѣ Азовскаго похода 1696 г. Т. возвращается къ корабельному дѣлу и принимаетъ участіе въ постройкѣ азовскаго флота. Ему поручается ближайшій надзоръ за кораблестроеніемъ, завѣдываніе хозяйственной и технической частью; вѣроятно, онъ принималъ участіе и въ составленіи роеписи предметовъ, нужныхъ для постройки и вооруженія судовъ, для такъ называемыхъ кумпанствъ; ему же поручены были наемъ для кумпанствъ иностранныхъ мастеровъ, которыхъ онъ и высыпалъ изъ Голландіи. Т., какъ и некоторые другие иностранцы, бралъ на себя по ряднымъ записямъ постройку судовъ отъ кумпанствъ, которыя вслѣдствіе неопытности не умѣли сами взяться за дѣло, и имъ заключена была первая по времени рядная запись съ кумпанствомъ князя Одоевскаго (16 апрѣля 1697 г.).

Несмотря на свою близость къ Петру и на очевидное расположение къ нему послѣдняго, Т. никогда не достигалъ высокаго положенія при дворѣ. Въ актахъ и дѣлахъ онъ большую частью именуется иноземцемъ, иногда — корабельнымъ мастеромъ или размѣрныхъ дѣлъ мастеромъ и одинъ разъ — инженеромъ; вызванные имъ иностранные мастера въ одной бумагѣ величаются его «адмиралцѣцемъ». Т., вѣроятно, и не стремился къ чинамъ: «барыши,— говорить Устряловъ,— прельщали его больше, чѣмъ царская служба». Несмотря на разнообразіе дѣлъ, какія онъ исполнялъ при Петрѣ, онъ не переставалъ быть купцомъ. Такъ, еще въ 1689 г. 1 декабря у него «куплено столъ каменный, цѣною 25 рублейъ, а тотъ столъ къ великому государю въ хоромы»; 28 февраля 1690 г. у него же «куплено въ мастерскую палату пара пистолей, дано 12 рублейъ». А въ дѣлахъ Главнаго архива, переданныхъ въ военное министерство, имѣется жалованная грамота, данная Т. 11 февраля 1693 г. «на корабельный заводъ и на выдѣлку корабельныхъ парусныхъ полотенъ у Архангельска на Двинѣ и на устьѣ Мезени, потомственно на 20 лѣтъ съ 1694 года съ правомъ строить корабли и рубить лѣсъ вездѣ, кромѣ заповѣденыхъ». Правомъ, предоставленнымъ ему этой грамотой, онъ почему-то не воспользовался. Въ 1701 г. 1 января ему отданъ былъ Хамовный плацъ въ Москвѣ для производствия паруснаго полотна съ поставкой въ казну, и Т. заселъ здѣсь фабрику. Въ сущности участіемъ Т. въ постройкѣ Азовскаго флота кончается его дѣятельность при Петрѣ. Время его смерти нигдѣ прямо не указано; въ просьбѣ, поданной сыномъ Т. Иваномъ отъ 25 апрѣля 1713 г. (въ Государственномъ архивѣ, кабинетная дѣла, отд. II, кн. 18), говорится, что отецъ его умеръ, провладѣвъ Хамовнымъ плацомъ полтора года; а такъ какъ плацъ этотъ былъ Т. отданъ въ январѣ 1701 г., то отсюда можно заключить, что Т. умеръ въ серединѣ 1702 г.

Т. изображенъ въ числѣ другихъ лицъ на гравюрѣ Шхонебека, представляющей осаду Азова; съ этой гравюры заимствованъ его поколѣній портретъ, въ овалѣ, съ планомъ Азова въ рукахъ. Кромѣ того имѣется его портретъ, гравированный Афанасьевымъ (въ собраніи портретовъ Бекетова).

Астровъ, „Первоначальное образование Петра Великаго“, „Русский Архивъ“, 1875, кн. 3, стр. 213—217.—Голиковъ, „Дѣяніе Петра Великаго“, 2-е изд., Москва 1837—1843, т. I, стр. 5, 29, 30, 73, 242, 269; т. XIV, стр. 6.—Устяловъ, „Исторія царствованія Петра Великаго“, т. II, сгр. 18—19, 25—26, 233, 267, 310, 312, 352—354, 373, 390, 393—394, 399, 423, 436, 564 (въ „Дополненіяхъ“ къ т. II—снимки съ учебныхъ тетрадей Петра).—В. Ключевскій, „Курсъ русской истории“, Москва 1910, ч. IV, стр. 14—15.—Венiamинъ Бергманъ, „Исторія Петра Великаго“, Спб. 1833, т. I, стр. 142, 159.—М. П. Погодинъ, „Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго“, Москва 1875, стр. 132—135.—И. Забѣлинъ, „Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи“, Москва 1872, т. I, стр. 21.—„Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петре Великомъ“, Москва 1872, т. I, стр. 102, 107, 112, 137—139, 292, 298, 302, 327, 331—332, 381—382, 385, 386.—Ѳ. Туманскій, „Полное описание дѣяній государя императора Петра Великаго“, Спб. 1788, ч. I, стр. 174.—Записки Петра Никифоровича Крекшина, въ сборнике И. Сахарова „Записки русскихъ людей“, Спб. 1841, стр. 67.—Крекшинъ, „Краткое описание жизни и дѣлъ императора Петра Великаго въ разговорахъ“, Спб. 1788.—Николай Полевой, „Исторія Петра Великаго“, Спб. 1843, ч. I, стр. 118.—Gordon, „Tagebuch“, II, стр. 603.—Брикнеръ, „Исторія Петра Великаго“, изд. А. С. Суворина, Спб. 1882, ч. I, стр. 88, 110, 127, 140 (приложенъ портретъ Т.).—Галемъ, „Жизнь Петра Великаго“, Спб., ч. I, стр. 9, 49.—Ѳеофанъ Прокоповичъ, „Исторія императора Петра Великаго“, Москва 1788.—С. Елагинъ, „Исторія русского флота, периодъ Азовскій“, Спб. 1864, стр. 24, 56, 60—61, 62, 302.—Штелинъ, „Полное собрание анекдотовъ о Петре Великомъ“, Москва 1801, т. I, ч. 1, стр. 20.—Ѳ. Веселаго, „Краткая история русского флота“, Спб. 1893, стр. 9.—T. Scheitheim, „Russland en de Nederlanden“, Амстердамъ 1817—1818, т. I, стр. 272.—А. А. Матушицкий, „Послѣднія художественные выставки въ Петербургѣ“, „Русский Вѣстникъ“, 1872, юнь, стр. 783—784.—Д. А. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Спб. 1889, т. III, стр. 1653, 2036—2037; т. IV, стр. 366, 466.—Катиоръ, „Житие Петра Великаго“, перев. съ греческ. яз., Спб. 1772.—Rabener, „Leben Petri des Ersten und Grossen“, Leipzig 1725.—von-Claudius, „Peter der Grosso“, 1798, т. I.—І. Цекарскій, „Наука и литература въ Россіи при Петре Великомъ“, Спб. 1862, т. I, стр. 268; т. II, стр. 245.—K. Walischewsky, „Pierre le Grand, l'education — l'homme-l'oeuvre“, Paris 1897.

ТИММЪ, Василий Федоровичъ (Вильгельмъ Фридриховичъ), живописецъ и рисовальщикъ батальныхъ и жанровыхъ сценъ, издатель „Русского Художественного Листка“, сынъ живописца, родился въ Ригѣ въ 1820 г., тамъ же учился рисованию, а затѣмъ въ 1835 г. поступилъ въ

Петербургскую академію художествъ въ качествѣ вольноприходящаго ученика. Своей специальностью онъ избралъ батальный родъ живописи и занимался ею подъ руководствомъ профессора А. П. Заурвельда, основателя этого направления въ Россіи. За рисунокъ «Группа улановъ» ему дана была въ 1838 г. малая серебряная медаль. Въ 1839 г. Т. кончилъ курсъ академіи со званіемъ художника XIV класса и получилъ большую серебряную медаль. Послѣ того онъ нѣкоторое время путешествовалъ по Востоку, гдѣ много работалъ съ натуры; за это время имъ написана картина «Алжирка учить дитя ходить, заставляя его ити за черепахой». Т. писалъ не только красками, но и рисовалъ; онъ хорошо владѣлъ такъ называемымъ «итальянскимъ караваджизмъ». Наиболѣе известны его рисунки: «Кавалеръ», «Гуляки», «Торговка», «Священникъ». Въ 1844 г. Т. отправился въ Парижъ для усовершенствования и работалъ тамъ подъ руководствомъ О. Вернета. Онъ участвовалъ въ парижскихъ салонахъ и обратилъ на себя вниманіе двумя картинами: «Русский фельдегерь» и «Арабскій импровизаторъ у воротъ Баль-эль-Уедъ въ Алжирѣ». Послѣдняя картина, выставленная въ 1848 г., считается лучшимъ его произведеніемъ. Въ 1849 г. Т. вернулся въ Россію и сталъ издавать «Русский Художественный Листокъ» (съ 1851 г.). Издание представляло собою периодический сборникъ, въ которомъ помѣщались литографіи, какъ самого Т., такъ и другихъ художниковъ, съ небольшимъ пояснительнымъ текстомъ. Оно имѣло значительный успѣхъ, особенно во времена Крымской кампаниіи. Т. самъ находился на театрѣ военныхъ дѣйствій при участковавшихъ въ кампаниіи великихъ князьяхъ и помѣстилъ въ своеѣ изданіи много рисунковъ, изображающихъ различные эпизоды войны. Онъ много путешествовалъ по Россіи, побывалъ на Кавказѣ, гдѣ тогда шла борьба съ горцами, замѣствуя тамъ сюжеты для своихъ батальныхъ рисунковъ и картинъ. Большое число его акварельныхъ и карандашныхъ рисунковъ находится въ альбомахъ особы Императорской фамилии. Бытовые свои произведения онъ издалъ въ видѣ отдельного сборника подъ названіемъ «Русские типы». Въ 1855 г. академія художествъ избрала его своимъ членомъ. Издание «Русского

Художественаго Листка» продолжалось до 1863 г., когда Т. вслѣдствіе болѣзни глазъ принужденъ былъ оставить занятія искусствомъ. Онъ уѣхалъ заграницу и поселился въ Берлинѣ, гдѣ занимался живописью на фарфорѣ и фаянсѣ, составивъ у себя большую коллекцію своихъ работъ этого рода. Въ послѣдніе годы своей жизни Т. завѣдалъ частнымъ керамическимъ заведеніемъ въ Берлинѣ, гдѣ и умеръ въ 1893 г.

В. А. Никольскій, „Русская живопись“, Спб. 1904, стр. 272, 275, 277.—А. П. Новицкій, „Исторія русского искусства“, Москва 1900, т. II, стр. 156.—Ф. И. Булгаковъ, „Национальные художники“, Спб. 1890, книга II, стр. 293.—А. Ивановскій, „Ф. И. Прянишниковъ и его картины галерея“, Спб. 1870, стр. 98—99, 144, 186—187.—Ф. Толль, „Настольный словарь для справокъ“, Спб. 1864, т. III, стр. 666.—„Собрание материаловъ для исторіи Императорской академіи художествъ“, т. II, стр. 363, 386, 390; т. III, стр. 248.—Д. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Спб. 1882, т. II, стр. 1556; прил., стр. 129, 130.—„Русская Старина“, 1875, т. 14, стр. 66, 67, 511.—П. и Б. Ламбины, „Русская историческая библиографія“ за 1855 г., Спб. 1861, стр. 143, № 1438; то же за 1856 г., Спб. 1861, стр. 182, № 2464.—„Энциклопедический словарь“ Эфрона, 1-е изд., полуут. 53, стр. 332 (слово „Русск. Худож. Листокъ“) и полуут. 65, стр. 184—185.

Тимоѳеева, см. Стрѣльникова, Авдотья Тимоѳеевна.

Тимоѳеевъ, Алексѣй Васильевичъ, поэтъ, родился 15 марта 1812 г. въ гор. Курмышѣ, Симбирской губ.; умеръ въ юлѣ 1883 г. въ имѣніи Саратовской губ.; среднее образованіе получилъ въ Казанской гимназии, а высшее—въ Казанскомъ же университѣтѣ, на юридическомъ факультетѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1830 г. со степенью кандидата. Въ слѣдующемъ году Т. перѣѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу помощникомъ столоначальника въ департаментъ юстиціи. Первыми напечатанными его произведеніями были пятиактная драма «Разочарованный» (Спб. 1832), сборникъ стихотвореній подъ названіемъ «Двѣнадцать пѣсенъ» (Спб. 1838; 2-е изд., 1835), фантазія въ 3 сценахъ «Поэтъ» и повѣсть «Художникъ» (1834). Эти произведенія имѣли значительный успѣхъ и обратили на Т. вниманіе въ литературной средѣ того времени. Академикъ и цензоръ А. В. Никитенко подъ 11 марта 1834 г. записываетъ въ своеемъ дневнике: «Я недавно сблизился съ моло-

дымъ писателемъ Тимоѳеевымъ. Это совершенно новое и пріятное для меня явленіе. Онъ одаренъ пламеннымъ воображеніемъ, энергией и талантомъ писателя. Доказательствомъ того служатъ его «Поэтъ» и «Художникъ», двѣ пьесы, исполненные мысли и чувства. Онъ совершенно углубленъ въ самого себя, дышеть и живеть въ своемъ внутреннемъ мірѣ страстами, которые служатъ для него источникомъ муки и наслажденій. Службой онъ почти не занимается и можетъ не заниматься, потому что имѣть деньги и не имѣть русского честолюбія, т. е. страсти къ чинамъ и орденамъ. Всегда задумчивъ, съ привлекательной физіономіей. Первоначально нась свела цензура. Я не могъ допустить къ печати его пьесъ безъ исключеній и измѣнений: въ нихъ много новыхъ и смѣлыхъ идей. Вездѣ прорывается благородное негодование противъ рабства, на которое осуждена большая часть нашихъ бѣдныхъ крестьянъ. Впрочемъ, онъ только поэзъ: у него нетъ никакихъ политическихъ замысловъ». Баронъ Бромбенусъ (Сенковскій) увидѣлъ въ Т. восходящую звѣзду необыкновенной яркости; онъ превозносилъ его талантъ, называлъ Т. прямымъ наследникомъ Пушкина и вторымъ Байрономъ и, конечно, пригласилъ въ постоянные сотрудники своей «Библіотеки для Чтенія». За 1834 г. Т. помѣстилъ въ послѣдней двѣ мистеріи—«Жизнь и Смерть» (кн. 8) и «Послѣдній день» (кн. 10). Одновременно съ этимъ онъ сталъ сотрудничать и въ «Сынѣ Отечества», въ которомъ за тотъ же годъ напечаталъ разсказы «Невидимка» (№ 18) и «Важный споръ» (№ 35), стихотворенія—«Мой демонъ» (№ 23) и «Посланіе къ барону Бромбенусу» (№ 27).

Въ концѣ 1834 г. Т. вышелъ въ отставку и отправился въ путешествіе по Западной Европѣ. Онъ побывалъ въ Германіи, Швейцаріи, Италии и Голландіи, послыавъ въ русскіе журналы то корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ,—напр. «Уtrechtская происшествія» («Бібл. для Чт.», 1834), «Русскіе художники въ Римѣ» (тамъ же, 1835, кн. 8), «Гамбургъ; письмо къ редактору» («Сынъ Отеч.», 1834, № 35), «Письмо къ ред. изъ Амстердама» (тамъ же, 1835, № 36), «Письмо къ ред. изъ Кастеля близъ Майнца» (тамъ же, № 45), то мелкая стихотворенія, какъ отрывокъ изъ фантазіи «Человѣкъ» (тамъ же, № 10), «Жен-

щина—посланіе къ мурзѣ Меліку» (тамъ же, № 32), «Я» (№ 33), то болѣе обширные рассказы и повѣсти, каковы: «Сентимен-
тальная женщина» (тамъ же, № 3), «Ва-
лерій и Амалія, или несчастное семейство»
(*«Бібл. для Чт.»*, 1835, кн. 5; отд. Москва
1835) и «Конрадъ фонъ-Тейфельбергъ»
(тамъ же, кн. 8). Возвратившись въ 1835 г.
изъ путешествія, Т. снова поступилъ на
службу, въ министерство народного про-
свѣщенія, какъ членъ редакціи его офи-
циального журнала, въ которомъ особенно
дѣятельного участія, повидимому, не при-
нималъ, такъ какъ за долгое время помѣ-
стить всего двѣ статьи: «Сравнительное
состояніе русскихъ университетовъ за
1834 г.» (1835, ч. IX) и «Обозрѣніе рус-
скихъ газетъ и журналовъ» (1836, ч. XIII).
Болѣе часто появлялись произведения Т.
все въ той же *«Бібл. для Чтенія»*; за
ближайшіе годы были напечатаны его
стихотворенія *«Воронъ»* (1835, т. XII),
«Мысль» (т. XIII), *«Пѣсня на новый годъ»*
и *«Всадникъ»* (1836, т. XIV), *«Вѣтеръ и*
Роза» (т. XVI), *«Вдали и вблизи»* (т. XVII),
«Пробужденіе въ снѣ» (т. XVIII), *«Луна»*
(1837, т. XX), *«Курганъ»* (т. XXI), *«При-
знаніе и возрожденіе»* (т. XXII), *«Время»*
и *«Комета»* (т. XXIV), *«Море и вулканъ»*,
«Выборъ» и *«Терпѣніе»* (1837, т. XXV),
«Тоска» (1838, т. XXVI), *«Носидѣлки»*
(баллада, т. XXVII), *«Бѣдность и богат-
ство»* (1839, т. XXXII) и крупная повѣсть
«Джуліо» (1836), написанная, какъ ска-
зано въ предисловіи, въ сотрудничествѣ съ
«А. Бѣлкинъ», — псевдонимъ, давшій
многимъ поводъ думать, что подъ нимъ
скрывается Пушкинъ (И. П. Бѣлкинъ), на
самомъ же дѣлѣ онъ принадлежитъ О. И.
Сенковскому. Отдѣльно онъ издалъ за это
время фантазію *«Елизавета Кульманъ»*
(Спб. 1835), въ 1837 г. вышедшую въ
переводѣ К. З. въ-С. на немецкомъ языкѣ
(«Elisabeth Kulmann», Phantasie von
A. Timofeew), *«Опыты въ прозѣ и сти-
хахъ»*, въ части (Спб. 1837), пятиактную
трагедію *«Римъ и Кароагенъ»* (1837) и
*«Очерки Ерусалима и свв. мѣстъ: Виѳлема,
Виѳанії, Йордана, пустыни св. Иоанна,
монастыря св. Саввы и пр.»*, — отчасти
оригинальные, отчасти же составленные
по перепискѣ о Востокѣ Мишо (1837).

Помѣстивъ въ *«Маякъ»* 1843 г. нѣ-
сколько мелкихъ стихотвореній и *«Бога-
тырскіе обороны Ильи Муромца»* — продолгъ

къ драматической поэмѣ *«Илья Муромецъ»*,
Т. вдругъ исчезаетъ съ литературного го-
ризонта, не появляясь на немъ въ теченіе
цѣлыхъ 30 лѣтъ. Объ этомъ періодѣ жизни
Т. известно слѣдующее: въ 1843 г. онъ
перешелъ на службу въ канцелярію одес-
ского ген.-губернатора М. С. Воронцова,
черезъ два года возвратился въ Петербургъ,
гдѣ получилъ мѣсто столоначальника въ
департаментѣ министерства юстиціи, въ
1849 г. былъ назначенъ въ Уфу губер-
скимъ прокуроромъ и въ этой должности
оставался до 1853 г., когда вышелъ въ
отставку и поселился въ деревнѣ близъ
Уфы; въ 1856 г. овъ перѣѣхалъ въ Москву,
гдѣ снова служилъ — чиновникомъ особыхъ
порученій при генераль-губернаторѣ, а въ
1870 г. окончательно вышелъ въ отставку
и поселился въ Петербургѣ. Въ дневникѣ
того же А. В. Никитенко поль 28 марта
1856 г. сохранилась слѣдующая замѣтка,
характеризующая Т. въ періодѣ его лите-
ратурнаго, такъ сказать, бездѣствія и
отчасти объясняющая послѣднее: «Встрѣ-
ти недавно Т., бывшаго никогда лите-
раторомъ, но уже давно не появлявшагося
въ печати..... Насилу могъ узнать. Лицо
его, вѣкогда довольно пріятное, теперь
точно опухло и заплыло жиромъ. Онъ
женился, разбогатѣлъ, взялъ за жену
огромное имѣніе, не служить, отѣдаетъ
и отпиваются, то въ своихъ деревняхъ,
то въ Москвѣ. Это былъ большой писака!
Цисаніе у него было родъ какого-то жиз-
ненного процесса, какъ бы совершившагося
безъ его вѣдома и воли. Онъ мало учился
и мало думалъ, но какъ подъ мельничнымъ
жерновомъ у него въ мозгу все превра-
щалось въ стихи, и стихи выходили гладкію,
иногда въ нихъ присутствовала мысль....
Журналы наполнены были его стихами.
Онъ издалъ три тома своихъ сочиненій
(разумѣются упомянутые *«Опыты»*) — и
вдругъ замолчалъ и скрылся куда-то. Но
вотъ теперь выплылъ съ семьей, съ день-
гами и съ брюхомъ — уже безъ стиховъ.
Впрочемъ, виновать, стихи есть. У него
со временемъ развилось странное напра-
вленіе: онъ пишетъ и прячетъ все напи-
санное. У него полны ящики исписанной
бумаги. «Что жъ вы не печатаете?» —
спросилъ я.— Да такъ,— отвѣчалъ онъ:—
Вѣдь я пишу, потому что пишется». Т.
дѣйствительно писалъ, работалъ надъ про-
изведеніемъ, которому онъ придавалъ осо-

бенное значение. Въ 1874 г. въ сборнике «Сладчия» появилось его ийско́лько мелкихъ стихотвореній, а два года спустя онъ выступилъ съ огромной поэмой—«Микула Селяниновичъ, представитель земли». Это главное его произведение представляеть попытку, въ большей части удачную, представить въ рядѣ живописныхъ картинъ всю исторію Россіи и въ рельефныхъ образахъ дать очеркъ происхожденія славянъ.

Несмотря на то, что въ 30-хъ годахъ Т. пользовался большою популярностью какъ поэтъ, онъ, однако, мало чѣмъ выдѣлялся изъ ряда посредственныхъ стихотворцевъ того времени. Проникнутымъ мыслью, хотя и не глубокой, гладкимъ, иногда красивымъ и образнымъ стихамъ Т. сильно вредить ихъ высокопарность, часто напыщенность, стремленіе произвести эффектъ, отсутствие простоты, а порою и слашавость. Поэзія Т. напоминаетъ бенедиковскую, но слабѣе ея. Зато у него есть много пѣсенъ въ народномъ духѣ, которая выше «русскихъ пѣсенъ» Дельвига своею цѣльностью, непосредственностью и задушевностью. Положенные на музыку лучшими композиторами, онъ вѣдѣлъся народнымъ достояніемъ; таковы: «Не женись на умницѣ», «Осѣдилаю коня», «Борода ль моя, бородушка» и друг.

Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, вып. III, Спб. 1887, стр. 76—77; вып. IV, Спб., 1888, стр. 12.— „Русские поэты въ биографіяхъ и образцахъ“, Гербеля, Спб. 1880, стр. 425—427.— И. И. Панаевъ, „Литературный воспоминанія“, Спб. 1875, стр. 150—151.— „Дневникъ академика А. В. Никитенко“, „Русская Старина“, 1889, № 8, стр. 286—287; 1890, № 7, стр. 140—141.— „Исторический Вѣстникъ“, 1883, № 8, стр. 486.— „Энциклопедический словарь“ Брокгауз-Эфрона, 1-е изд., т. 38, стр. 189.— „Русская Муза“, сборникъ стихотворений русскихъ поэтовъ, составилъ П. Я. (Якубовичъ), Спб. 1904, стр. 98.— Мезиеръ, „Русская словесность съ XI по XIX стол. включительно“, ч. II, Спб. 1902, №№ 17943—17960.

Тимоѳеевъ, Антипъ, служитель Соловецкаго монастыря, доцманъ, спасшій жизнь Петру Великому, проведя яхту, на которой ѿхалъ Петръ, въ безопасное мѣсто. Во второй свой прїездъ въ Архангельскъ, въ маѣ 1694 г., Петръ Великій, согласно данному имъ прежде обѣту, отправился на архиерейской яхтѣ въ Соловецкій монастырь. Страшная буря, разразившаяся въ пути, гро-

зила гибелю всѣмъ находившимся на утной яхтѣ. Не потерявшій присутствія духа Т. рѣшительной рукой взялъ руль и на желаніе царя помочь ему будто бы отвѣтилъ такъ: «Поди прочь! я знаю что дѣлать! если ты мій отдалъ руль, что же ты мѣшаешься въ мое дѣло?» Т. благополучно провелъ яхту между многочисленными камнями Упскаго залива, введя ее въ Упскую гавань. «Славно ты меня отчиталъ», замѣтилъ Петръ Т. на берегу, чѣмъ тольѣ былъ очень смущенъ; но государь, выше словъ цѣнившій дѣло наградилъ, его своей одеждой, 25 рублями денегъ и приказалъ навсегда освободить его отъ монастырскихъ работъ.

С. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, т. III, стр. 1089.— „Въ память Петра Великаго“, очеркъ Полевого, стр. 63, 64.

Тимоѳеевъ, Артамонъ, дьякъ приказа Большого дворца, былъ близокъ къ заговорщикамъ, приверженцамъ царевны Софии Алексѣевны. Имъ написана окладная книга по Каширскому уѣзду, доведенная по 1677 г., благодаря которой «взято въ казну недоимокъ 5000 чет. да денегъ 427 руб.». Такую свою заслугу Т. выдвигаетъ въ членитной, прося предоставить ему мѣсто на Окѣ для постройки мельницы въ безоброчное пользованіе въ теченіе 5 лѣтъ. Удовлетвореніе его просьбы, переходъ затѣмъ мельницы въ пользованіе его дѣтей и наконецъ отображеніе ея по рѣшению камеръ-коллегіи послужило матеріаломъ для длительного и въ историческомъ отношеніи любопытнаго дѣла между зятемъ Т., Корчминомъ, камеръ-коллегіей и сенатомъ. Канцлеру Головину въ оправданіе поступка камеръ-коллегіи пришлось дать между прочимъ биографическія справки о Т.: «Съ прошлаго 190 года (1622), послѣ бунта, вскорѣ подъячій Артамонъ Тимоѳеевъ былъ при хоромахъ царевны Софии Алексѣевны и выдана за него изъ ея хоромъ дѣвка и по той причинѣ былъ онъ, подъячій, въ милости ея, царевны Софии Алексѣевны и пожалованъ во дворцовыя дьяки. А онъ вору Федѣку Щегловитому, который казненъ смертью, былъ великий другъ и въ поступкахъ его воровскихъ помощникъ, и за такимъ подозрѣніемъ ему, Тимоѳееву, въ Москвѣ ни въ какомъ приказѣ у дѣлъ быть не велѣно и посланъ былъ въ Сибирь. Есть указаніе, впрочемъ, что въ Сибирь Т. былъ посланъ только въ

1690 г., при бояринѣ С. М. Салтыковѣ. Вскорѣ послѣ этого времени онъ умеръ; въ прошеми Корчина 1704 г. уже говорится о его смерти.

„Сборникъ Русскаго Историческаго Общества“, т. 69.—„Акты Археографической Экспедиціи“, т. III.—„Древнія Россійская Библіюшки“, т. III.

Тимофеевъ, Богданъ, дьякъ монастырскаго прихода. Въ 1606 г. имя его впервые встрѣчается на жалованной грамотѣ Кириллову монастырю «объ изъятіи изъ вѣдомства городовыхъ мѣстныхъ начальствъ сбора денегъ и даточныхъ людей» съ крестьянъ означеннаго монастыря. Въ 1613 г. имъ утверждается уставная грамота крестьянамъ Борисоглѣбской слободы. Въ подтверждениіи жалованной грамоты Василия Шуйскаго «протопопу Саввѣ съ братію собора Преображенія Спасова въ Нижнемъ Новгородѣ» Т. называется «государевымъ, царевымъ и великаго князя Михаила Феодоровича всеа Руси дьякомъ», при чёмъ подписывается имъ подтверждающая грамота. Большинство разрѣшительныхъ и жалованыхъ грамотъ монастырямъ проходить черезъ руки Т. Такъ, имъ подписана жалованная грамота архимандриту Трифону Солотченскому монастырю 21 мая 7122 (1614 г.), въ томъ же году жалованная «несудимая» грамота Никольскому Прилуцкому монастырю (на Двинѣ), въ 1615 г. грамота Бѣлозерскому воеводѣ Головину о невзысканіи «съ отчины Троицко - Сергиева монастыря необходимыхъ запасовъ на ратныхъ людей», въ томъ же году царская жалованная грамота Торузскому Николаевскому собору «на половину мыти на рѣкѣ Окѣ», въ 1616 г. царскѣйшии Даріи Алексѣевнѣ жалованная грамота на село Никифоровское съ деревнями, въ 1619 г. разрѣшительная грамота Старо-Прилуцкому монастырю на беспошлиновый провозъ соли и др.

„Акты Историч.“, т. II и III.—„Дополненія къ Актамъ Историч.“, т. I и II.—„Акты Археографической Экспедиціи“, т. I.

Тимофеевъ, Василий, дьякъ Посольскаго приказа; въ 1632 г. былъ подьячимъ при бояринѣ В. С. Проестѣвѣ; сохранился указъ ему озабочиться устройствомъ двора для запасовъ корма посольствамъ, прѣезжающимъ въ Москву. Въ 1666 г. на требование короля шведскаго Христіана отпустить на родину, въ Швецію, генераль-

поручика Николая Бодмана, пославшагося въ Россію для обученія «шахматскимъ» пріемамъ русскаго войска, за подписью Т. посланъ отвѣтъ, что Бодманъ необходимъ еще на некоторое время, а вторичної грамотой за его же подписью сообщается, что генераль-поручикъ отосланъ съ наградой. Когда въ 1671 г. известные въ Россіи XVI вѣка иноземцы Петръ Марселисъ и фонъ деръ Гатель были приговорены къ высылкѣ «подъ надзоръ» въ Бого родицкое, ихъ сопровождалъ Т. Значительной миссіей была посылка Т. въ качествѣ послы царя въ Польшу; по отзыву русскаго резидента въ Варшавѣ Тапкина она была неудачно имъ выполнена. Порученіе Т. состояло въ томъ, чтобы привести къ присягѣ резидента Тапкина и бывшихъ съ нимъ людей, вручить грамоту королю Яну III и разузнать тайно, насколько дѣйствительно возможенъ миръ Польши съ Турцией. 8 декабря 1675 г. Т. прибылъ въ Варшаву. Ему было всѣмъ отдать грамоту королю непремѣнно при резидентѣ Тапкинѣ, но благодаря свѣти интригѣ канцлера Цапа онъ былъ принятъ одинъ. Въ ожиданіи королевскаго пріема Т. успѣлъ поссориться съ резидентомъ изъ-за своихъ людей, безчинствовавшихъ въ Варшавѣ. Личная непріязнь, вѣроятно, дала поводъ Тапкину говорить потомъ о Т., что онъ привезъ для подарковъ изъ Москвы соболи «самые плохіе и прѣѣльные, а лучшіе себѣ взялъ». Отъ короля польскаго Т., согласно данному наказу, долженъ быть щать къ императору Леопольду и передать ему грамоту царя Алексія Михаиловича. Ему поручается тайно разузнать, какія отношенія «у цезаря съ султаномъ, съ королями испанскими и французскими», да, кроме того, добиться, чтобы на грамотахъ царю писали «величество», а не «пресвѣтѣйшество», какъ было въ прежніхъ грамотахъ. Въ 1677 г. Т., уже дьяку Рейтарнаго приказа, повелѣвается сдѣлать наборъ рейтарь въ Ядрийскомъ уѣздѣ и выслать списки поимѣнниковъ и татаръ, набранныхъ воеводой Нелединскимъ въ Ядрийскомъ уѣздѣ.

С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнійшихъ временій“, книга III, т. XII, стр. 511—514. — „Памятнія дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранскими“, т. IV, стр. 413, 416, 421, 475, 476, 478—484, 497, 498, 502—505, 664, 674, 1160, 1166.—„Дополненія къ Актамъ Историч.“, т. V, стр. 92—93, т. VI, стр. 185; т. VII, стр. 69.

Тимоөеевъ, Василій Ивановичъ, генералъ-лейтенантъ, родился въ 1770 г.; въ дѣтствѣ еще лишившись отца, Т., по окончаніи курса въ первомъ кадетскомъ корпусѣ (1797), вышедши прапорщикомъ въ армію, вынужденъ быть жить на скучное офицерское жалованье. Боевое крещеніе онъ получилъ въ чинѣ штабсъ-капитана Выборгскаго пѣхотнаго полка въ сраженіи подъ Аустерлицемъ, гдѣ обратилъ на себя вниманіе храбростью и распорядительностью; шефъ полка генералъ-майоръ Олсуфьевъ упоминаль о немъ особо въ донесеніи главнокомандующему. Въ кампанію 1807 г. Т. поддержалъ свою репутацію, когда подъ Прейсишъ-Эйлау съ охотниками атаковалъ колонну французскихъ егерей и отбилъ 2 орудія и единорогъ, за что былъ награжденъ орденомъ Владимира 4-й степени съ бантомъ. По окончавшему походу Т. перевелся въ grenадерскаго графа Аракчеева полкъ, изъ котораго былъ командированъ въ 2-ю пѣхотную дивизію для указаній новыхъ правилъ обученія войскъ; это порученіе Т. выполнилъ очень удачно и послѣ Высочайшаго смотра удостоился награжденія брилліантовымъ перстнемъ (1809). 8 ноября 1811 г. онъ былъ произведенъ въ подполковники съ назначеніемъ командиромъ баталіона въ новый л.-гв. Литовскій (нынѣ Московскій) полкъ, съ которымъ и выступилъ въ Отечественную войну. Во время Бородинской битвы, въ которой полкъ покрылъ себя славой, Т.оказалъ несолько крупныхъ услугъ: когда французы заняли Семеновскіе редуты и защищавшіе ихъ чины grenадерскихъ баталіоновъ стали отходить по одиночкѣ, онъ пристроилъ ихъ къ своему каре, а затѣмъ часть отправилъ на сосѣднюю батарею, которая, за убылью прислугои у орудій, не могла бы безъ нихъ дѣйствовать; выдѣлившись далеко впередъ, высмотрѣвъ расположение непріятельскихъ колоннъ, скрытыхъ за горой, и лично, съ разрѣшеніемъ командаира батареи, навелъ на нихъ орудіе; когда кирасиры готовились къ атакѣ на его каре, онъ велѣлъ лишь дѣлать движение ружьями, зная по опыту, что лошади не пойдутъ на блестящіе штыки; мѣра эта имѣла дѣйствительно успѣхъ, и кирасиры, поѣздавъ вокругъ каре, начали въ 30 шагахъ строиться въ колонну, чтобы ударить массой, но въ это время Т. бросился съ

каре въ штыки, и латники обратились въ бѣгство; съ лѣваго фланга изъ-за лѣса воявилась непріятельская колонна съ артиллеріей, съ очевиднымъ намѣреніемъ занять командиную высоту; замѣтивъ это, Т. испросилъ разрѣшеніе подъѣхавшаго генерала Коновницына предупредить непріятеля на этомъ пункѣ и занять его раньше французовъ, но вскорѣ разрѣзная пуля, обвитая волосомъ, вывела его изъ строя, раздробивъ кость лѣвой ноги; за эти подвиги онъ былъ произведенъ въ полковники и награжденъ орденомъ Георгія 4-й степени. Рана оказалась очень серьезной, не заживала, и жизнь Т. долго была въ опасности, но все же, пролежавъ болѣе года въ госпиталѣ уѣзданаго города Касимова, онъ поправился и въ 1814 г. прибылъ къ арміи въ Варшаву, гдѣ былъ назначенъ комадующимъ гвардейскою резервною пѣхотною дивизіею. Въ 1816 г. Т. былъ произведенъ въ генералъ-майоры, а съ 1818 г. по 1824 г. командовалъ сформированною имъ grenадерской бригадою отдѣльного Литовскаго корпуса, состоящей подъ начальствомъ великаго князя Константина Павловича, когда были переведены въ отдѣльный корпусъ военныхъ поселеній. Въ 1828 г. Т. былъ назначенъ командиромъ резервной пѣхоты, а въ слѣдующемъ — начальникомъ 12-й пѣхотной дивизіи, на каковой должности произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ Турецкой войнѣ 1828—1829 гг. онъ принялъ участіе лишь во второй кампаніи, исправляя должность военнаго генералъ-губернатора Румелии; при возвращеніи въ Россію былъ назначенъ на ту же должность въ Севастополь на мѣсто генерала Столыпина, убитаго во время сварѣствовавшей тамъ чумы. Когда началось польское восстание, Т. выступилъ съ 11-й пѣхотной дивизіей для обложенія крѣпости Замосты. 4 августа 1831 г. генералъ Кайсаровъ, желая воздѣйствовать на гарнизонъ, рѣшилъ овладѣть двумя редутами впереди форштадта и уничтожить хранившіеся тамъ запасы; предпріятіе это выполнилъ удачно Т. въ два часа ночи, во главѣ 22-го Егерскаго полка, причемъ былъ контуженъ осколкомъ гранаты въ руку и ногу, а также ушибся при паденіи убитой подъ нимъ лошади; паденіе это имѣло дурную послѣдствія, вызвавъ приливъ крови къ глазу; ушибленному пескомъ подъ Бородинымъ,

Т. началъ испытывать сильные страданія; нѣсколько операций не помогли, и въ 1837 г. глазъ былъ вынутъ. Въ 1842 г. Т. былъ назначенъ командиромъ 6-го пѣхотнаго корпуса въ Москвѣ, за отличное состояніе которого былъ награжденъ орденами Александра Невскаго (1843), алмазными знаками къ нему (1846) и Владимира 1-й степени (1848), а черезъ годъ назначенъ шефомъ Московскаго пѣхотнаго полка, что было послѣдней и самой почетной наградой. Скончался Т. 5 января 1850 г. и похороненъ въ церкви Новодѣвичьяго монастыря.

„Москвитянинъ“, 1850, ч. 2, № 8, книга 2.— „Московскія Вѣдомости“, 1850, № 4.

Тимоѳеевъ, Иванъ, дьякъ, авторъ извѣстнаго «Временика» о событияхъ Смутнаго времени. По ошибочному предположенію П. М. Строева, его долгое время считали дьякомъ новгородскаго митрополита, но проф. С. Ф. Платоновъ на основаніи новыхъ изысканій устанавливаетъ, что онъ былъ государевымъ дьякомъ,—въ 1598 г., когда его имя вообще упоминается впервые, онъ подписался подъ грамотой обѣ избраний Бориса Годунова, именно въ качествѣ приказнаго дьяка. О томъ, что онъ действительно служилъ въ московскихъ приказахъ, свидѣтельствуютъ и нѣкоторыя данные, приводимыя въ «Памятникахъ дипломатическихъ сношеній»: такъ, въ маѣ 1604 г. ему была дана память снабжать «коромъ и питьемъ» цесарскаго посла Бальгазара Марлу и его людей, и въ юни того же года—память о томъ же на обратной дорогѣ посла. При Димитрии Самозванцѣ Т. вмѣстѣ съ бояриномъ кн. Василиемъ Кардануковичемъ Черкасскимъ и кн. Андреемъ Васильевичемъ Хилковымъ версталъ на Тулѣ помѣстными и денежными окладами дѣтей боярскихъ. Въ концѣ 1606 или началѣ 1607 г. Т. былъ отправленъ на службу въ Новгородъ государевымъ дьякомъ. Тамъ онъ былъ, между прочимъ, свидѣтелемъ народнаго самосуда надъ окольничимъ Михаиломъ Ивановичемъ Татищевымъ, заподозрѣннымъ въ измѣнѣ, и послѣ его трагической смерти составилъ опись и распѣвку оставшагося по немъ имущества. Отбывъ службу къ началу 1610 г., Т. долженъ былъ возвратиться въ Москву, но сдѣлать этого по недостатку средствъ ему не удалось, и онъ задержался

въ Новгородѣ вплоть до взятія этого города шведами и во все время господства послѣднихъ. Въ 1618—1619 гг. Т. вмѣстѣ съ дьякомъ Иваномъ Грязевымъ значится въ Астрахани при воеводѣ Андрѣѣ Хованскомъ, откуда въ 1620 г. отзывается въ Москву и черезъ два года (1620) получаетъ назначеніе въ Ярославль при воеводѣ Воейковѣ, гдѣ остается до 1625 г. Позже былъ дьякомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Съ отзываніемъ въ Москву изъ послѣдняго мѣста свѣдѣнія о немъ обрываются. П. М. Строевъ дату его смерти относить къ 1628—1630 гг.

Разореніе Новгорода шведами, чemu Т. былъ очевидцемъ, произвело на него сильное впечатлѣніе, и тогда-то въ немъ зародилась мысль описать бѣдствія родины, вызванныя политической смутой. Поддержаный въ этой мысли новгородскимъ митрополитомъ Исидоромъ, Т. приступилъ къ составленію своего «Временика» въ 1616—1617 г. и проработалъ надъ нимъ, вѣроятно, до конца 20-хъ годовъ. Сочиненіе Т. носить название—«Временикъ по седьмой тысячи отъ сотворенія свѣта во осьмой въ первые лѣта». Оно сохранилось всего въ единственномъ экземпляре—спискѣ, принадлежащемъ библіотекѣ Флорищевой пустыни (№ 168/682, въ 4-ю долю на 313 листахъ, скоропасью XVII вѣка). Долгое время этотъ интересный временникъ былъ неизвѣстенъ; впервые на него указалъ П. М. Строевъ, честь же его изслѣдованія принадлежитъ С. Ф. Платонову въ его трудахъ «Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени XVII вѣка», какъ историческій источникъ. Не представляя цѣльнаго очерка всѣхъ событий смуты, «Временикъ» содержитъ въ себѣ рядъ неравномѣрно разработанныхъ отдельныхъ эпизодовъ изъ царствованій Иоанна Грознаго, Феодора, Бориса Годунова и Василія Шуйскаго. Періода междуцарствія Т. почти не касается, ограничиваясь характеристикой дѣятельности патріарха Гермогена. Въ видѣ дополнительныхъ статей къ «Временику» присоединены главы: 1) «Лѣтописецъ вкратцѣ»—сжатый конспектъ всего предшествующаго изложенія, 2) «О крестномъ цѣлованіи королевичу Владиславу», 3) «О вдовствѣ Московскаго государства двѣ притчи»—риторическое сравненіе Московскаго государства въ эпоху смуты съ домомъ, въ которомъ, по смерти

хозяина, безчинствуютъ рабы. Въ заключительныхъ строкахъ «Временника» авторъ кратко упоминаетъ о прекращеніи смуты и свою работу заканчиваетъ восторженными панегирикомъ Михаилу Феодоровичу, патріарху Филарету и инокинѣ Мареѣ.

Въ ряду русскихъ сказаний о Смутномъ времени «Временникъ» Т. занимаетъ видное мѣсто какъ по своеобразной манерѣ изложенія, чрезвычайно изысканной и витѣватой, такъ и по раннему времени написанія, что придаетъ особое, весьма цѣнное значеніе нѣкоторымъ его показаніямъ. Что особенно интересно въ отношеніи автора, писавшаго въ первой четверти XVII вѣка, это его ярко выраженное стремленіе подняться отъ чисто фактическаго разсказа до обобщающихъ выводовъ. Т. сильно занимается вопросомъ о генезисѣ смуты, онъ часто останавливается на немъ и, разрѣшая его, пытается пойти дальше обычной въ такихъ случаяхъ въ древней письменности точки зрѣнія провиденціализма. Причины смуты онъ усматриваетъ въ другихъ общественно-историческихъ явленіяхъ: въ деспотической политикѣ Иоанна Грознаго, въ упадкѣ личной и общественной нравственности на Руси—и это положеніе иллюстрируется всмѣмъ содержаніемъ «Временника», наполненнымъ отрицательными характеристиками дѣятелей Смутнаго времени, начиная съ Бориса Годунова,—и въ раззѣдамющій русское общество розни, возникшей на почвѣ взаимнаго недовѣрія и отсутствія созвательныхъ общихъ интересовъ. Въ виду всѣхъ этихъ условій и неурядицъ чисто внутреннаго характера, происки и домогательства вѣшнихъ враговъ, какъ причина смуты, получаются въ глазахъ Т. второстепенное значеніе, что онъ и выражаетъ въ своей фразѣ: «Не чуждіи зѣмли нашей раззорители, но мы есмы сами той потребителя». «Временникъ» Т. полностью напечатанъ въ XIII т. «Русской Исторической Библіотеки», издаваемой Археографической комиссіей.

Архивъ министерства юстиціи въ Москвѣ; книги десятень, №№ 19, 223.—Дополненія къ Актамъ Историческ., т. I, стр. 268—269.—«Акты Юридические», № 214.—«Древняя Россійская Вивіоеніка», т. V, стр. 5.—«Памятники дипломатическихъ сношеній», т. II, стр. 814, 837.—«Акты Археографич. Экспедиціи», т. II, № 7.—Н. П. Лихачевъ, «Разрядные дѣяки XVI в.», Спб. 1888 г., стр. 197—201, 400, 527, 528; прилож., стр. 60, 68.—С. Ф. Платоновъ, «Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ

времени XVII вѣка, какъ исторический источникъ», Спб. 1888, стр. 128—168.—П. Строевъ, «Библіологический словарь».—П. Г. Васенко, «Дьякъ Иванъ Тимофеевъ», Спб. 1908, 36 стр.

Тимофеевъ, Константинъ Акимовичъ, дѣйствительный статскій советникъ, педагогъ, поэтъ и писатель; образованіе получилъ на историко-филологическомъ факультетѣ Петербургскаго университета, гдѣ въ 1847 г. окончилъ курсъ со степенью кандидата и золотою медалью за сочиненіе на тему: «Объяснить идею о философіи исторіи, возникшую въ новѣйшее время». Состоялъ преподавателемъ русскаго языка и словесности, а затѣмъ и инспекторомъ классовъ въ Петербургскомъ Смольномъ институтѣ. Умеръ въ Петербургѣ 25 марта 1881 г.

Т. помѣщалъ въ периодическихъ изданіяхъ статьи критическая и педагогическая, а также нѣсколько самостоятельныхъ и переводныхъ стихотвореній; нѣкоторыя его произведенія по исторіи литературы изданы отдельно. Напечатаны: «Критико-эстетические очерки», вып. I: «Гамлетъ, принцъ Датскій» (Спб. 1862), «Пособіе при изученіи исторіи русской словесности» (Спб. 1869, 2-е изд., Спб. 1873), «Шекспиръ», соч. Гервикуса, перев. съ нѣмецк. яз. (Спб. 1869—1870; 2-е изд., Спб. 1873), «Воспоминаніе о королевѣ Вюртембергской Екатеринѣ Павловнѣ», переводъ (Спб. 1872), «Прощаніе», стих., посвящ. выпускнымъ воспитанницамъ Смольнаго института (Спб. 1879), «Генрихъ Песталоцци», біограф. очеркъ («Журналъ Минист. Народн. Просвѣщ.», 1856, ч. ХС—ХСІ; отдельн. оттискъ, Спб. 1856, 2-е изд., Спб. 1877), «О направлении и единству преподаванія въ гимназіяхъ» (тамъ же, 1857, ч. ХСІІ), «О журнアルъ для воспитанія, издаваемомъ А. Чумиковымъ» (тамъ же, ч. ХСІІІ), «Правды самоостоятельности въ воспитаніи», соч. Кюнера, переводъ (тамъ же, ч. ХСІІІ), «Воспитаніе и воспитатели» (тамъ же, ч. ХСІІІ), «Могила Пушкина и село Михайловское» (тамъ же, 1859, ч. СІІІ, кн. 8), «Пѣсни», стихотв. («С.-Петербург. Вѣдомости», 1854, № 119), «Поѣздка въ Видлицы» («Олонецкія Губ. Вѣдомости», 1864, № 46), «Князю П. А. Вяземскому», стихотв. («Сѣверная Почта», 1866, № 264), «Пѣвецъ», баллада Гёте («Литературная Библіотека», т. 4, стр. 147), «Памяти А. В. Шакѣева» («Современный Листокъ», 1870, № 75).

Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1881 г.“, Спб. 1903, вып. I, стр. 66—67.—В. В. Григорьевъ, „Импер. Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія“, Спб., 1870, стр. XLII и LXXXV.—„Записки и дневникъ А. В. Никитенко“, Спб. 1893, т. I, стр. 524—525.—П. и Б. Ламбины, „Русская историческая библиографія“ за 1856 г., Спб. 1861, № 2078; то же за 1859 г., Спб. 1868, № 1874.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библиографія за 1865—1876 гг.“, Спб. 1882—90, т. I, №№ 20089, 25027; т. IV, №№ 36857, 36858, 41388; т. VI, №№ 63972 и 63973.—А. В. Мезиеръ, „Русская словесность съ IX по XIX вѣкъ включч.“, Спб. 1902, ч. II, №№ 3699, 15309а, 15559.

Тимофеевъ, Николай Дмитриевичъ, генералъ-маіоръ, родился въ 1799 г.; по окончаніи образованія въ первомъ кадетскомъ корпусѣ выпущенъ въ 1816 г. въ 16-ю артиллерійскую бригаду. Черезъ нѣсколько лѣтъ перевелся въ 19-ю артиллерійскую бригаду, съ которой принялъ участіе въ Турецкой войнѣ, отличившись въ иѣсколькихъ дѣлахъ: при взятіи Браилова, при Чиѳликѣ 17 юля 1828 г. въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Ридигера (произведенъ въ штабсъ-капитаны), при блокадѣ Шумлы, въ сраженіи при Кульчѣ, въ дѣлахъ при Айдосѣ, Сливно и Адріанополѣ. Въ 1830 г. былъ произведенъ въ капитаны и въ слѣдующемъ году назначенъ командиромъ легкой № 3 роты 18-й артиллерійской бригады, съ которой участвовалъ въ усмиреніи польского восстания 1831 г., при блокадѣ крѣпости Замостья. 18-я бригада затѣмъ была послѣдовательно переименована въ 14-ю и 15-ю, и Т. продолжалъ служить въ ней до 1845 г., когда въ чинѣ полковника былъ назначенъ командиромъ 17-й артиллерійской бригады; этой бригадой онъ командовалъ и въ чинѣ генералъ-маіора (съ 1852 г.) до 1854 г., въ который разстался съ артиллеріей, получивъ 1-ю бригаду 14-й пѣхотной дивизіи. Оборона Севастополя дала возможность Т. отличиться еще разъ: 24 октября онъ, во главѣ Минского пѣхотного полка и 4 орудій произвелъ вылазку съ 6-го бастиона на лѣвый флангъ непріятельской линіи; противнику стянулся къ этому пункту 3 французскихъ дивизіи и турецкіе резервы, но Т. началъ наступать и навелъ непріятеля подъ перекрестный огонь крѣпостныхъ батарей, которая нанесла ему значительный уронъ; за это дѣло Т. былъ награжденъ орденомъ Станислава 1-й степени.

26 мая 1855 г. Т., командуя пятымъ отдѣленіемъ оборонительной линіи, повелъ вѣренныя войска на штурмъ занятой французами Забалканской батареи; при штурмѣ онъ былъ раненъ пулей въ голову и черезъ три дня скончался.

„Артиллерійскій Журналъ“, 1856, № 5, стр. 14—15.

Тимофеевъ, Парфенъ, стрѣлецъ въ Азовѣ, поднявшій въ 1689 г. азовскихъ стрѣльцовъ, виновникъ такъ называемаго «Азовскаго бунта». Вскорѣ послѣ раскрытія дѣла стрѣльцовъ, взятыхъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ, Т. въ Азовѣ началъ подбивать стрѣльцовъ «итти и бать начальниковъ». Призывъ его не вызвалъ всеобщаго возмущенія и серьезныхъ послѣдствій не имѣлъ. Тѣмъ не менѣе надъ участниками движенія произведена суровая расправа: Т. былъ казненъ вмѣстѣ со многими въ декабре 1698 г.

Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, кн. II, стр. 1193, 1201.—Розыскное дѣло о стрѣльцахъ въ Полномъ Собр. Законовъ, т. IV, № 1679.

Тимофеевъ, Петръ, прозванный *Мстиславецъ* (по мѣсту рожденія въ Мстиславль), вмѣстѣ съ Иваномъ Федоровымъ былъ первымъ книгопечатникомъ въ Москвѣ. Т. былъ пришельцемъ въ Москву, онъ самъ въ послѣдователяхъ къ напечатаннымъ имъ книгамъ указываетъ на свое происхожденіе изъ г. Мстиславля, Могилевской области. Приглашенъ ли онъ въ Москву, когда здѣсь задумано было устроить типографію, или же прибылъ туда по собственному почину, остается невѣдѣмымъ. Неизвѣстно также, съ какого времени онъ поселился въ Москвѣ. Во всякомъ случаѣ онъ былъ уже здѣсь, когда въ 50-хъ годахъ XVI столѣтія основана была первая московская типографія. Во вновь устроенной типографіи Т. работалъ вмѣстѣ съ Иваномъ Федоровымъ, являясь помощникомъ послѣдняго; это видно изъ того, что сказанія половины XVII столѣтія «О воображеніи книгопечатнаго дѣла», сохранившіяся въ Печатномъ дворѣ, называютъ Т. «клевретомъ» Федорова. Остается невѣдѣмымъ и вопросъ, гдѣ и у кого Т. обучался типографскому искусству. Существуетъ предположеніе, что обоихъ первопечатниковъ обучалъ Гансъ Миссенгеймеръ (или Богбиндеръ), датскій посолъ.

привезшій въ 1552 г. Іоанну Грозному грамоту отъ датскаго короля Христіана III, въ которой предлагается объединеніе православной церкви съ лютеранской; «если это наше предложеніе (о церковномъ единеніи), — говорится въ грамотѣ, — и двѣ книги съ Библіей будуть приняты и одобрены тобой, возлюбленный братъ, патріархомъ, митрополитомъ и прочимъ духовенствомъ, то этотъ нашъ служитель (Гансъ), по переводѣ означенніихъ книгъ, напечатать ихъ въ нѣсколькихъ ста экземпляровъ, и такимъ образомъ можно будетъ въ немногіе годы споспѣшствовать и содѣйствовать пользѣ всѣхъ церквей и прочихъ подданыхъ, ревнующихъ о славѣ Христовой и о своемъ спасеніи». Но предложеніе это принято не было, послѣ датскаго короля встрѣченъ былъ недружелюбно, и потому маловѣроятно, чтобы ему поручено было обучать типографскому искусству лицъ, которыхъ должны были печатать богослужебныя книги. Тѣмъ менѣе вѣроятно, какъ на это указываетъ Соловьевъ, высказываемое нѣкоторыми изслѣдователями предположеніе, что Гансъ Богбиндеръ руководилъ первопечатниками при печатаніи «Апостола»: ни въ послѣсловіи къ московскому «Апостолу», ни въ послѣсловіяхъ къ другимъ своимъ изданіямъ Иванъ Федоровъ и Т. не упоминаютъ о Гансѣ. По сказаніямъ «О воображеніи книгопечатнаго дѣла» Иванъ Федоровъ и Т. выучились книгопечатанію у итальянцевъ - фряговъ. Если принять во вниманіе, что со временеми Іоанна III Московское государство находилось въ близкихъ сношеніяхъ съ Италией, въ особенности же съ Венеціей, откуда въ Москву стали прѣѣзжать художники и ремесленники, что въ послѣсловіяхъ къ изданіямъ первопечатниковъ встрѣчаются итальянскія техническія названія и что въ украшеніяхъ книгъ, печатанныхъ Иваномъ Федоровымъ и Т., замѣчается сходство съ орнаментовой венеціанской изданій, то предположеніе, что учителями нашихъ первопечатниковъ былъ кто-либо изъ жившихъ тогда въ Москвѣ итальянцевъ, становится весьма вѣроятнымъ; и въ послѣсловіи къ московскому «Апостолу» говорится, что Іоаннъ Грозный «начать помышляти, како бы изложити печатныя книги, яко же въ Греекехъ и въ Венеции и въ Фрижи». Достаточно обоснованнымъ такое предположеніе

тѣмъ не менѣе не можетъ считаться, ибо, во-первыхъ, въ документахъ нигдѣ нѣть даже намека соответственнаго, и къ тому же, во-вторыхъ, итальянское искусство стало проникать въ Россію еще за 100 лѣтъ до основанія первой московской типографіи, а итальянскіе термины усвоены были въ то время во всей Европѣ и могли проникнуть въ Москву косвеннымъ путемъ. Относительно Т. вѣроятнѣе всего допустить, что онъ ко времени прибытія въ Москву уже былъ знакомъ съ типографскимъ дѣломъ, которому могъ научиться въ Вильнѣ или вообще на западѣ или юго-западѣ Руси, куда русское книгопечатаніе было занесено изъ Чехіи и гдѣ въ первой половинѣ XVI столѣтія были извѣстны изданія доктора Скорины. Гатцукъ высказываетъ даже мысль, что Т. былъ учителемъ Ивана Федорова; и если не Т., а Ивану Федорову отведена была главная роль въ московской типографіи, то потому, что хотя Т. былъ православный, но все же пришелецъ изъ Польши, главнымъ же образомъ потому, что ему, какъ мірянину, нельзя было поручить дѣло исправленія церковныхъ книгъ, для чего по преимуществу и была устроена московская типографія. Необходимостью обучить Ивана Федорова книгопечатному дѣлу Гатцукъ объясняетъ и то обстоятельство, что между основаніемъ московской типографіи и началомъ работы въ ней прошло десять лѣтъ. Флетчеръ, жившій въ Россіи во второй половинѣ XVI столѣтія, свидѣтельствуетъ, что первопечатники учились въ Польшѣ, откуда вывезены были шрифты и станокъ.

Первой книгой, напечатанной Федоровымъ и Т. въ московской типографіи, былъ «Апостолъ». Нѣкоторые библиографы высказываютъ предположеніе, пока не подтверждавшееся, что еще до «Апостола» тѣми же лицами печатались въ Москвѣ и другія книги. Апостолъ, какъ это видно изъ послѣсловія, начать печатаніемъ 19 апрѣля 1563 г. при митрополитѣ Макаріи и законченъ при преемнике его, митрополитѣ Аѳанасіи, 1 марта 1564 г. Онъ заключаетъ въ себѣ 267 листовъ малаго формата, по 25 строкъ въ каждой страницѣ. Книга эта напечатана съ разными украшеніями, заглавные буквы киево-варью, и въ ней помѣщено изображеніе евангелиста Луки, который держитъ въ рукахъ развернутый свитокъ со словами: «первое убо слово».

Печать «Апостола» хорошая и свидѣтельствуетъ о тщательности и усердіи, но въ немъ встрѣчается много орографическихъ ошибокъ, а изъ знаковъ препинанія употреблены только точка и запятая, часто не у мѣста. Второй книгой была «Часословъ», начатый печатаниемъ 2 сентября и оконченный 29 октября 1565 г.; онъ содержитъ 172 листа въ четвертую долю листа, по 18 строкъ въ страницѣ. Какъ установилъ архимандритъ Леонидъ, московскими книгопечатниками напечатано было еще «Евангеліе напрестольное» безъ выходного листа: время печатанія его архим. Леонидомъ относится къ 1564—1568 гг.

Дѣятельность первопечатниковъ въ Москвѣ продолжалась недолго. Державшіеся покровительствомъ митрополита Макарія, они послѣ его смерти были обвинены въ ереси и волшебствѣ, типографія была подожжена, и они приуждены были бѣжать въ Литву. На роль духовенства въ преслѣдованіи Ивана Федорова и Т. указываетъ и Флѣтчеръ; немало этому, вѣроятно, способствовали и переписчики книгъ, такъ называемые «доброисѣцы», промыселъ которыхъ долженъ быть совершено пасть вслѣдствіе введенія книгопечатанія. Время ихъ бѣгства въ точности неизвѣстно. Въ Литвѣ они встрѣтили благосклонный пріемъ у короля и у пановъ рады литовской, о чёмъ разсказывается въ послѣсловіи къ львовскому «Апостолу» 1574 г.: «Егда же оттуду (т. е. изъ Москвы) съмъ преидохомъ и, по благодати богоомольнаго Іисуса Христа, Господа нашего, хотящаго судити вселенную въ правду, въспріяша насть любезно благочестивый государь Жигитмонтъ Августъ, король польскій и великий князь литовскій со всѣми паны рады своея». Пріемъ этотъ могъ произойти или на Виленскомъ сеймѣ въ концѣ 1565 г. или въ началѣ 1566 года, или же на Гродненскомъ сеймѣ въ серединѣ 1567 г., такъ какъ на этихъ сеймахъ присутствовалъ король съ литовской радой. Въ Литвѣ московскіе бѣглецы получили приглашеніе отъ Григорія Александровича Ходкевича, «наивысшаго гетмана великаго княжества Литовскаго», извѣстнаго ревнителя православія, устроить типографію въ его имѣніи Заблудовѣ (нынѣ мѣстечко Бѣлостокскаго уѣзда), обѣщающаго дать нужная для этого средства. Предложеніе было принято, и типографія

устроена. Здѣсь напечатано съ 8 июня 1568 г. по 17 марта 1569 г. «Евангеліе учительское»... «Не поощдѣхъ,—говорить Ходкевичъ въ послѣсловіи,—отъ Бога дарованныхъ ми сокровищъ на сіе дѣло дати, къ тому же изобрѣтахъ себѣ въ томъ дѣлѣ друкарскомъ людей наученныхъ Ивана Федорова Москвитина и Петра Тимофеевича Мстиславца, повелѣли есмы имъ, учинивши веритатъ друкарски, выдруковать сію книгу Евангеліе учительское». Въ печатаніи заблудовской «Псалтири съ часословцами» въ 1570 г. Т. уже участія не принималъ: она напечатана однимъ Федоровымъ. Т. покинулъ Заблудово и отправился въ Вильну, а заблудовская типографія вскорѣ прекратила свое существованіе по желанію ее основателя.

Въ Вильну Т. прибылъ по приглашенію друзей князя Курбскаго, Зарѣцкихъ и Мамоничей. При помощи виленскихъ купцовъ, братьевъ Козьмы, Льва и Луки Мамоничей, онъ устроилъ здѣсь типографію, где и возобновилъ свою дѣятельность. Переселеніе Т. въ Вильну произошло вѣроятно въ 1570 г., т. е. тотчасъ послѣ соединенія Литвы и Польши по Люблинской унії въ 1569 г., когда православію и вообще всему русскому стала на Литвѣ угрожать большая опасность. Перенесши свою дѣятельность въ Вильну, Т. занялъ одинъ изъ передовыхъ и наиболѣе опасныхъ постовъ въ борьбѣ православія съ католицизмомъ за распространеніе своего вліянія въ Западной Руси. Первымъ изданіемъ, напечатаннымъ Т. въ типографіи Мамоничей, было «Четвероевангеліе», начатое 14 мая 1574 г. и законченное 30 марта 1575 г., размѣромъ въ листъ на 9+395 листахъ, по 17 строкъ въ страницѣ. Азбука «Четвероевангелія» великорусская, но въ исѣ по требованіямъ мѣстнаго произношенія введены юсы. Шрифтъ, который Т. употреблялъ въ виленской типографіи, сдѣлался родоначальникомъ такъ называемыхъ «евангельскихъ шрифтовъ». Къ «Четвероевангелію» приложены изображенія четырехъ евангелистовъ. Затѣмъ Т. напечаталъ «Псалтирь» въ 1576 г., размѣромъ въ листъ, на 249 листахъ. На этомъ дѣятельность Т. заканчивается. При изданіи виленской типографіей въ 1576 г. «Апостолъ» безъ выходного листа помѣщена королевская привилегія польского короля, дарованная Мамоничамъ, а объ участіи Т.

въ печатаніи «Апостола» ничего не говорится. Очевидно, Мамоничи выхлопотали себѣ привилегію, послѣ того какъ воспользовались искусствомъ и принадлежностями Т., устранивъ его самого отъ дѣла. Дальнѣйшая судьба Т. неизвѣстна. Виленская типографія существовала послѣ этого еще около 60 лѣтъ и называлась «Друкарня въ дому Мамоничевъ».

«Послѣдовія» къ московскому (1564) и львовскому „Апостолу“ (1574), къ „Евангеліямъ“ заблудовскому (1565) и виленскому (1575) и къ „Псалтири“ (Вильна 1575—1576).—Ѳ. И. Булгаковъ, „Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства“, Спб. 1889, т. I, стр. 215—230, 236, 238, 252.—И. Н. Божеряновъ, „Исторический очеркъ русскаго книгопечатнаго дѣла“, Спб. 1895, стр. 9—10.—В. Е. Румянцевъ, „Сборникъ материаловъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи“, Москва 1872, выпускъ I.—Митрополит Евгений, „Словарь о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-rossійской церкви“, Спб. 1827, т. I, стр. 260 и съдѣ.—А. А. Бахтаровъ, „Исторія книги на Руси“ Спб. 1875, стр. 75—81.—А. Гатцукъ, „Очеркъ исторіи книгопечатнаго дѣла въ Россіи“, „Русскій Вѣстникъ“, 1872, маі, стр. 328—339, 341.—К., „Старопечатныя славянскія изда-нія“, „Вѣстникъ Славянства“, 1895, кн. X, стр. 120.—Н. С., „Очеркъ книгопечатнаго дѣла въ Россіи“, въ приложениі къ „Русской Библиографії“ за 1878 г., выпускъ 2, стр. 12—13.—И. Спегревъ, „Основанія датскаго короля Христіана III съ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ касательно заведенія типографії въ Москвѣ“, „Русский Исторический Сборникъ“, Москва 1840, т. 4, кн. 1, стр. 118.—„Отчетъ о седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова“, Спб. 1864, стр. 33—38.—В. С. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографії“ подъ редакціи В. Н. Рогожина, Спб. 1904, ч. I, предисловіе, стр. XXXII—XXXIII; № 73; ч. V, №№ 12893 и 12897.—А. С. Петрушевичъ, „Іванъ Федоровъ, русскій первопечатникъ“, Львовъ 1883, стр. 38.—И. И. Малышевскій, „Новые данные для биографіи Ивана Федорова, русскаго первопечатника“ „Чтения въ Историч. Общ. лѣтописца Нестора“, 1893, кн. 7, стр. 95—96.—Евгений, „О слав.-руssк. типографіяхъ“, „Вѣсти Европы“, 1813, ч. LXX, № 14.—„Первые русскіе типографщики“, подъ А. Волинкова, Спб. 1838.—К. Тромонть, „Достопримѣчательности Москвы“, Москва 1844, стр. 17—24.—Ляхницкій, „Начало книгопечатанія въ Россіи“, Спб. 1833.—Флетчеръ, „О государствѣ россійск.“, гл. 21.—Н. Гречъ, „Опытъ краткой исторіи россійск. литературы“, Спб. 1822, стр. 43—44.—Д. Ровинскій, „Русскіе граверы и ихъ произведенія съ 1564 года до основанія Академіи художествъ“, Москва 1870, стр. 55.—П. Н. Полевой, „Очеркъ жизни и дѣятельности первого русскаго печатника Ивана Федорова“, Спб. 1883.—Л. Спегревъ, „Первникъ а русскаго книгопечатанія“, „Би-

блографическая Записка“, 1862, № 1.—П. В. Владимировъ, „Начало славянскаго и русск. книгопечатанія въ XV—XVI вв.“, Киевъ 1894.—„О древніхъ типографіяхъ“, „Чтения Моск. Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ“, 1845—1846, кн. 3.—J. Frich, „Historia linguae slavonicae“, Berlini 1727.—Geideke, „Ueber die Einführung und den Fortgang der Buchdruckerkunst in Russland“, Riga 1808.—Brandt, „Historia drukarū w królewstwie Polskiem i w kr. Litewskiem“, 1826.—Его же, „Historia drukarū kralowskich“, стр. 146—147.—J. Backmeister, „Essai sur la Bibliothèque publique“, стр. 98.—В. Берхъ, „О евангелии, напечатанной въ 1575 г. въ Вильне“, „Сѣверный Архивъ“, 1822, ч. 2, № 8.—Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, Спб. 1821, т. IX, стр. 50; примѣт. 89 на стр. 27.—Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнійшихъ временъ“, ч. VII, стр. 259, 285.—А. Новицкій, „Исторія русскаго искусства съ древнійшихъ временъ“, Москва 1903, т. I, стр. 374.—„Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи“, изд. П. Н. Батюшкова, Спб. 1874, вып. VI, стр. 142, 171.—„Энциклопедический словарь“ Эфрова, 1-е изд., полуут. 23, стр. 88, слово „Заблудово“; полуут. 39, стр. 102; полуут. 46, слово „Печатное дѣло“, стр. 526; полуут. 54, стр. 414.—П. Кеппенъ, „Материалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Библіографические листы 1825 г.“, Спб. 1826, стр. 37—38; стр. 293, № 217; стр. 294, № 233; стр. 295, № 242; стр. 296, № 243.—М. А. Максимовичъ, „Книжная старина южно-руссская“, „Временникъ Моск. Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ“, 1849, № 1, стр. 3.—„Вѣстникъ Европы“, 1813, № 18, стр. 93, въ 1822, № 11 и 12 (статьи Калайдовича); 1823, № 4.—„Православное Обозрѣніе“, 1883, № 11.—„Сѣверный Архивъ“, 1823, ч. 2, стр. 318.—„Кievская Старина“, 1886, № 6, стр. 238.—„Реестръ старопечатныхъ славянскихъ книгъ, находящихся въ библіотекѣ А. С. Ширяева“, Москва 1833, № 6.—П. Строевъ, „Описanie старопечатныхъ книгъ славянскихъ, находящихся въ библіотекѣ И. Н. Царскаго“, Москва 1836, стр. 8, № 15; стр. 11, № 17; стр. 15, № 21.—Его же, „Обстоятельное описание старопечатныхъ книгъ славянскихъ и российскихъ, хранящихся въ библіотекѣ графа є. А. Толетого“, Москва 1829, стр. 25—28, № 16; стр. 28—32, № 17; стр. 41, № 19.—Его же, „Дополненіе къ старопечатнымъ книгамъ“, стр. 242—243.—Сахаровъ, „Обозрѣніе славяно-руссской библіографії“, Спб. 1849, стр. 14, № 45; стр. 15, № 46; стр. 16, № 50; стр. 18, №№ 76 и 77.—И. Карапаевъ, „Хронологическая распись славянскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами 1491—1730 г.г.“, Спб. 1861, стр. 11, №№ 54, 55, 59; стр. 13, №№ 69, 70.—И. И. Срезневскій, „Древнія русскія книги“, въ „Христіанскихъ древностяхъ“ Прохорова, 1864, кн. 2 и 5.—В. М. Уядольскій, „Очеркъ славяно-руссской библіографії“, Москва 1871, стр. 11, №№ 61, 62; стр. 12, № 66; стр. 13, №№ 76, 77, 78.—Архим. Леонидъ, „Евангелие, напечатанное въ Москвѣ въ 1564—1568 г.г.“, Спб. 1883.—„Московскія Вѣдомости“, 1853, № 152.—„Жур-

наль Министерства Народного Просвѣщенія», 1838, ч. IX, стр. 563; 1849, ч. XXI, стр. 162; 1884, май, стр. 42.—„Другъ Просвѣщенія”, 1806, ч. IV, стр. 151.—„Древности. Труды Московскаго Археологического Общества”, т. II, выш. 1, стр. 33, примѣч. 68.—В. С. Иконониковъ, „Опытъ русской историографіи”, Кіевъ 1891, т. I, кн. 1, стр. 785.—„Трехсотлѣтие первого друкария на Руси Ивана Федорова. 1583—1883 г.г.”, юбилейное издание журнала „Обзоръ Графическихъ Искусствъ”. — П. Шибаловъ, „Каталогъ русскихъ и славянскихъ книгъ, напечатанныхъ въ Москве и Петербургѣ”, Москва 1888.—П. П. Голике, „Сборникъ снимковъ съ славяно-русскихъ старопечатныхъ книгъ”, Спб. 1895.—А. Кирничниковъ, „Очеркъ исторіи книги”, „Пантонъ Литературы”, 1888, № 2.

Тимофеевы—несколько болѣе или менѣе выдающихся иконописцевъ XVII в.—1. *Абрамъ*, упоминается впервые въ 1664 г., когда писаль образа въ церкви Евдокіи-мученицы; въ 1668 г. работалъ въ Саввинскомъ монастырѣ, въ Успенскомъ и Архангельскомъ соборахъ и вмѣстѣ съ Гришкой Ивановымъ «на кормовомъ дворцѣ доски прянишныя писаль, и кадки яицныя травами писаль, и столы травами писаль же, и шесты писаль, и въ Чудовомъ монастырѣ школы патріархомъ писаль, трубы, печи писаль...» и т. д.—2. *Артемій*, родомъ изъ Костромы, въ 1681 г. расписывалъ церковь Ильи пророка въ Ярославлѣ и соборъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ; въ 1673—1684 гг. писаль потѣшаю книгу для царевича Петра Алексѣевича.—3. *Борисъ*, въ 1664 г. за «успенское» письмо былъ пожалованъ царскою наградою; подъ 1650 г. называется 2-мъ кормовымъ иконописцемъ у письма въ Саввинскомъ монастырѣ.—4. *Іванъ*, упоминается какъ иконописецъ въ 1668 г., повидимому также работалъ надъ писавіемъ образовъ для Саввинского монастыря.—5. *Поликарпъ*, по одной изъ сказокъ отъ 1652 г. называется кормовымъ иконописцемъ.—6. *Тимофеи*, подъ 1642 г. величается «изуграфомъ московскимъ»; въ 1664 г. получилъ царскую награду за «успенское» письмо.—*Федоръ*, наиболѣе выдающейся изъ всѣхъ, носилъ званіе царскаго иконописца «большой статы»; впервые упоминается подъ 1661 г., когда получилъ порученіе «исправить на дому карту»; въ 1664 г. былъ у иконнаго письма въ церкви Евдокіи-мученицы; въ слѣдующемъ году писаль образа во дворѣ троюроднаго брата царя Михаила Федоровича, боярина Никиты Ивановича Романова (повидимому,

по заказу жены, такъ какъ самого боярина къ этому времени уже не было въ живыхъ; умеръ въ декабрѣ 1655 г.); наконецъ, въ 1666 г. былъ у письма въ церкви Спаса и въ Саввинскомъ монастырѣ.

И. Е. Забѣлинъ, „Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія”, стр. 9, 12, 13, 28, 53, 55, 73, 74, 91, 103.—Д. А. Ровинскій, „Исторія русскихъ школъ иконописанія до конца XVII вѣка”, Спб. 1856, стр. 184—185.—Бго же, „Обозрѣніе иконописанія въ Россіи”, Спб. 1903, стр. 138, 165.

Тимофеи Васильевичъ (*Власьевичъ*), псковскій посадникъ, принадлежалъ къ знатному боярскому роду во Псковѣ. Посадникомъ упоминается между 1448 и 1471 гг., но въ лѣтоисчислѣ нѣть точныхъ указаний о томъ, когда впервые онъ былъ избранъ на эту должность и въ какіе изъ отмѣченныхъ годовъ онъ былъ не у власти, т. е. долженъ считаться бывшимъ посадникомъ. Въ 1448 г. онъ участвовалъ въ псковско-ливонскомъ сѣздѣ на р. Наровѣ по заключенію мира между совѣтавшимися сторонами; несомнѣнно, что въ это время онъ былъ степеннымъ посадникомъ, т. е. стоялъ у власти. Обратное слѣдуетъ предполагать о послѣдующемъ времени, длившемся около 15 лѣтъ, вилотъ до 1463 г., когда Т. В., повидимому, опять въ роли степенного посадника, былъ посланъ псковичами въ Москву къ Иоанну III просить въ Псковъ князя; такъ какъ Иоаннъ гаѣвался на Псковѣ, то онъ сначала не хотѣлъ принимать Т. В., но послѣ трехдневныхъ переговоровъ согласился его выслушать, и въ результатѣ «отпусти его съ милостивымъ словомъ». Въ томъ же 1463 г. Т. В., во главѣ псковской рати, вышелъ противъ ливонцевъ, подошедшіхъ къ Новому городку; при его приближеніи ливонцы сначала поспѣшили отступили, но затѣмъ съ подоспѣвшими къ нимъ на помощь свѣжими силами возвратились, готовые принять бой; вступить въ борьбу съ преображеніемъ испрѣтелемъ Т. В. не рѣшился и отошелъ къ Пскову, гдѣ сталъ собирать подкрѣпленія. Есть еще одно упоминаніе о Т. В. подъ 1463 г.—въ концѣ года онъ провожаетъ до Невадичъ уѣзжающаго въ Москву великооктябрьскаго воеводу Федора Юрьевича Шуйскаго и подносить ему дары. Въ 1465 г. Т. В. заложилъ новыя деревянныя стѣны вокругъ Пскова, а годъ спустя началъ строить въ городѣ, по слу- чаю большого мора, церковь св. Варлаама

Хутынского. При его посадничествѣ въ 1468 г. произошелъ раздѣлъ новыхъ, значительно разросшихся пригородовъ Пскова на концы. Въ 1471 г. Т. В. участвовалъ въ псковско - литовскомъ сѣвѣздѣ на Березники, а вскорѣ послѣ этого съ псковской ратью пошелъ на помощь Иоанну Васильевичу, осаждавшему Новгородъ; по дорогѣ Т. В. осадилъ Вышегородъ, но затѣмъ, добившись выдачи находившихся тамъ въ плѣну псковичей, осаду снялъ и подступилъ къ Княжичамъ, где долженъ былъ оставить рать, а самъ спѣшилъ въ Коростынъ, куда вызвалъ его зачѣмъ - то Иоаннъ III. Послѣднее извѣстіе о Т. В. относится тоже къ 1471 г., подъ которымъ упоминается, что онъ и псковская рать, послѣ заключенія между Новгородомъ и Москвою мира, возвратились въ Псковъ.

Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей", т. IV, стр. 214, 222—223, 226 — 227, 229—231, 235, 240—242; т. V, стр. 31, 34.— "Акты Исторические", т. I, стр. 101.— Карамзинъ, "История государства Россійскаго", т. V, стр. 47, 319.

Тимоѳей Васильевичъ, новгородский посадникъ; въ этой должности упоминается всего единственный разъ, именно подъ 1 сентября 1421 г., когда вмѣстѣ съ тысячкимъ Кузьмой Терентьевичемъ и другими видными новгородцами участвовалъ въ чинѣ избрания на новгородской святительской столь нового архіепископа, Феодосія, бывшаго игумена Троицкаго монастыря (на мѣсто скончавшагося въ юнѣ этого года архіеп. Симеона); во главѣ словія именитыхъ новгородцевъ Т. В. «взведоша Феодосіа въ домъ св. Софіи на сѣни». По вѣдѣмъ вѣроятіямъ слѣдуетъ думать, что посадничаль онъ до 1428 г.,— только въ этомъ году въ посадникахъ упоминается уже другое лицо, Григорій Посихно.

"Продолженіе Древней Россійской Вівлѣеніи", ч. II, Спб. 1786, стр. 699.— Степенная книга, ч. I, стр. 512.— К. Ф. Калайдовичъ, "Историческій и хронологический опытъ о посадникахъ новгородскихъ", Москва 1821, стр. 237—238.— Карамзинъ, "История государства Россійскаго", изд. Эйнерлинга, т. V, Спб. 1843, прим. 254.— Д. Прозоровскій, "Новые разысканія о новгородскихъ посадникахъ", "Вѣстникъ Археологии и Исторіи", вып. IX, Спб. 1892, стр. 122.— Карамзинъ, "Исторія государства Россійскаго", изд. Эйнерлинга, Спб. 1843, т. VI, прим. 66.

отъ 1471 г., которыми новгородская республика скрѣпила свой союзъ съ великимъ княземъ Иоанномъ III Васильевичемъ; въ первой изъ нихъ, такъ называемой «Новой докончальной и приписанной» грамотѣ (отъ 11 августа) рѣчь идетъ о томъ, чтобы великому князю Новгородъ «держати въ старинѣ по пошлини безъ обиды», взамѣнъ чего новгородцамъ княженіе на ихъ столь московского князя также «держати честно и грозно безъ обиды», литовскому князю «не отдатися нѣкоторою хитростью» и отъ Москвы «быти неотступными ни къ кому» и пр. На этой «миромъ и крестнымъ дѣлованіемъ доконченій» грамотѣ имя Т. Е. съ новгородской стороны стоитъ первымъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что онъ былъ посадникомъ степеннымъ, т. е. правительствовавшимъ въ тотъ моментъ, а не бывшимъ. Дѣйствительно, степеннымъ посадникомъ онъ и называется во второй грамотѣ отъ того же года, которую были признаны со стороны Москвы права Новгорода на владѣніе нѣкоторыми землями на сѣверѣ и Уралѣ.

"Акты Археогр. Экспедиціи", т. I, № 91, 93, стр. 66, 72.— "Собрание Государств. Грамотъ и Договоровъ", ч. I, стр. 26.— К. Ф. Калайдовичъ, "Исторический и хронологический опытъ о посадникахъ новгородскихъ", Москва 1821, стр. 250.— Д. Прозоровскій, "Новые разысканія о новгородскихъ посадникахъ", "Вѣстникъ Археологии и Исторіи", вып. IX, Спб. 1892, стр. 122.— Карамзинъ, "Исторія государства Россійскаго", изд. Эйнерлинга, Спб. 1843, т. VI, прим. 66.

Тимоѳей Юрьевичъ, новгородский посадникъ, представитель видного новгородского боярского рода, сынъ посадника же Юрия (Гюргія) Ивановича; впервые упоминается подъ 1386 г., когда, не будучи еще посадникомъ, вмѣстѣ съ занимавшимъ тогда эту должность Федоромъ Тимоѳеевичемъ, по приговору вѣча, былъ отправленъ въ Заволочье для сбора съ тамошнихъ жителей 5.000 рублей, предназначенныхъ въ вознагражденіе поволжскимъ городамъ за убытки, причиненные заволочанами самовольнымъ ихъ вторженіемъ туда. Время первого избрания Т. Ю. въ посадники неизвѣстно, но въ 1392 г. онъ называется уже состоящимъ въ этой должности. Въ это время Новгородъ переживалъ одинъ изъ нелегкихъ моментовъ своей исторіи; на почвѣ отказа его платить Москвѣ «черную», или народную дань между имѣ и

великимъ княземъ московскимъ Василемъ Дмитревичемъ происходили трения. Желая усложнить конфликтъ, вызвать городъ на болѣе явную враждебность и тѣмъ самымъ получить поводъ для военныхъ дѣйствій противъ него, князь послалъ въ Новгородъ московского митрополита Кипріана, которому поручилъ, опираясь на бывшій когда-то обычай, потребовать отъ новгородцевъ подчиненія ихъ въ гражданскихъ дѣлахъ духовному суду митрополита. Въ отвѣтъ на эти притязанія руководимые Т. Ю. новгородцы сослались на крестную грамоту, которой они раньше постановили «къ митрополиту не зватися», и отказались подчиниться. Кипріанъ уѣхалъ «съ великою досадою», а великий князь тотчасъ же выступилъ походомъ на новгородскія области и многія мѣста предалъ огню и грабежу. Съ своей стороны и новгородцы не остались въ долгу: Т. Ю., наряду съ князьями Романомъ литовскимъ и Константиномъ Ioannovichemъ bѣлозерскимъ, собралъ значительную рать «охвочихъ людей» новгородской вольницы и позднею весною 1393 г. обрушился на московскія области по Сѣверной Двинѣ, захвативъ и разграбивъ Устюгъ, Устюжну и Кличенъ - городокъ. Переѣхъ остался на сторонѣ Москвы, и новгородцы должны были пойти на уступки: «чѣ хотѣти кровопролитія больше», какъ снисходительно выражается лѣтопись, они послали къ великому князю «съ чѣлобитиемъ о старинѣ», а къ митрополиту Кипріану «грамоту цѣловальную». Повидимому, вскорѣ послѣ этихъ событий Т. Ю. были лишены посадничества, но уже въ 1397 г. по маловажному случаю упоминается «Тимоѳей Юрьевичъ и вси посадники», изъ чего слѣдуетъ, что къ этому времени онъ вновь стоялъ во главѣ управленія. Существовавшее между Новгородомъ и Псковомъ раздоры, по причину псковитянъ, опасавшихся нападенія литовскаго князя Витовта, и при посредничествѣ новгородскаго архіепископа Ioanna, въ 1398 г. были устраниены миромъ, и Т. Ю. первымъ со стороны Новгорода подписался подъ заключеннымъ договоромъ. Этотъ актъ оказался, кстати и для новгородцевъ, ибо къ этому времени стало известно, что московский князь отказался возобновить съ ними истекавшій срокомъ мирный договоръ, а искона принадлежавшая Новгороду двинская область Заволочье, по проискамъ

иѣкоторыхъ новгородцевъ, отложилась къ Москвѣ. Владѣніе этимъ краемъ для Новгорода было важно, ибо изъ него и черезъ него изъ Сибири получался цѣнныій мѣхъ, одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ торговли Новгорода съ нѣмцами. Среди жителей вспыхнула ненависть къ Москвѣ и загорѣлся воинственный духъ. Была собрана значительная рать (8.000 чсл.), и главное начальство надъ нею принялъ Т. Ю. Въ самомъ почти началѣ похода, во время кратковременной остановки въ городѣ Корелицѣ, Т. Ю. узналъ, что великокняжескій бояринъ Андрей Алберузовъ обложилъ уже иѣкоторыя заволочкия волости данью, а изъ Москвы былъ даже присланъ специальный намѣстникъ для отложившейся области, кн. Федоръ Ростовскій. Эти вѣсти, свидѣтельствовавшія о нежеланіи Москвы отказаться отъ пріобрѣтеннаго безъ труда края и о полномъ хозяйственіи въ немъ, еще болѣе озлобили новгородцевъ, и Т. Ю. перешелъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Прежде всего онъ началъ на союзную Москву Бѣлозерскую область, опустошилъ и разграбилъ ее на значительномъ пространствѣ, взялъ городъ Бѣлозерскъ, мѣстныхъ князей и находившихся тамъ московскихъ воеводъ заставилъ явиться въ новгородскій станъ съ изъявленіемъ покорности, а жителей попадиль только за выкупъ, впрочемъ небольшой. Съ плѣнными и добычою двинулся Т. Ю. дальше и вскорѣ овладѣлъ Вологдою, Кубеною и Устюгомъ, изъ послѣдняго часть отряда послалъ опустошить Галичъ и его окрестности, а самъ съ главными силами спустился внизъ по Двинѣ, и вскорѣ достигъ собственно Заволочья, изъ-за измѣны котораго и возникъ весь походъ. Серьезное сопротивление оказалось адѣль новгородцамъ на первыхъ же порахъ городокъ Орлецъ, но послѣ 4-недѣльной осады они имъ овладѣли и крѣпость «раскопаша»; руководителей защиты, новгородскаго боярина Ioanna и его братьевъ Герасима и Родиона, подъ вліяніемъ и по наущенію которыхъ главнымъ образомъ и произошло отложеніе Заволочья, Т. Ю. казнилъ, иѣкоторыхъ сообщниковъ ихъ заключилъ въ оковы, у великокняжескаго намѣстника кн. Федора Ростовскаго отнялъ всѣ собранія имъ пошлины, всю наличную казну и затѣмъ съ миромъ отпустилъ его въ Москву, съ жителей взялъ 3.000 руб. и 300 руб. съ находившихся

въ городѣ московскихъ купцовъ. Паденіе Орлеца рѣшило исходъ всего похода, и Т. Ю. вскорѣ вернулся въ Новгородъ съ побѣдою и торжествомъ. Дальнѣйшая его судьба неизвѣстна; повидимому, онъ отстригся отъ политическихъ дѣлъ. Скончался онъ въ 1410 г. — по датѣ Никоновской лѣтописи (по «Древней Россійск. Вивліоэ.» — 1409 г.).

«Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей», тт. III, V, VI, XII. — «Никоновская лѣтопись», ч. IV, Спб. 1786, стр. 150, 271, 274 — 277; ч. V, Спб. 1788 стр. 35. — «Новгородская первая лѣтопись», Москва 1781, подъ 6999—6906 гг. — «Софійская лѣтопись», ч. I, Спб. 1895, стр. 346. — «Архангелогородская лѣтопись», Москва 1781, стр. 92, 99, 100. — «Продолженіе Древней Россійской Вивліоэ.», ч. II, Спб. 1788, стр. 652, 660, 661, 680; ч. XVIII, стр. 5. — Карамзинъ, «Исторія государства Россійского», изд. Эйнерлинга, Спб. 1843, т. V, стр. 77, 93, 92; прим. 107, 147, 149, 171, 197, 254. — Г. Калайдовичъ, «Исторический и хронологический опытъ о посадникахъ новгородскихъ», Москва 1821, стр. 211—217. — Н. А. Рожковъ, «Политическая партія въ Великомъ Новгородѣ», «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣтства», 1901, апрѣль. — Пасекъ, «Новгородъ самъ въ себѣ», «Чтения Общ. Исторіи и Древн. Россійск.», 1869, кн. 4. — Д. Прозоровский, «Новая розысканія о новгородскихъ посадникахъ», «Вѣстникъ Археологии и Исторіи», вып. IX, Спб. 1892, стр. 113, 115—116, 129.

Тимоѳе́й, святой XII вѣка; съ 1124 г. былъ игуменомъ Киево-Печерской лавры. При немъ въ Киевѣ былъ большой пожаръ, отъ которого сгорѣла значительная часть города и около 600 церквей. Въ лѣтописи подъ 6637 (1130) годомъ значится, что Т. обложилъ золотомъ и серебромъ раку преп. Феодосія на средства Суздалскаго тысяцкаго, князя Георгія Симоновича, приславшаго для этой цѣли 500 гривенъ серебра и 50 гривенъ золота. Скончался Т. въ 1131 г.; мощи его хранятся въ пещерѣ препод. Феодосія, память его чтится 28 августа.

Філаретъ, «Русские святые», Черниговъ 1864, августъ, стр. 115. — Д. И. Протопоповъ, «Житія святыхъ», Москва 1885, августъ, стр. 85. — Евгений Болховитиновъ, «Описаніе Киево-Печерской лавры», Кіевъ 1821, стр. 107. — Н. Барсуковъ, «Источники русской агиографіи», Спб. 1892, стр. 549. — П. Строевъ, «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей российской церкви», Спб. 1877, стр. 12. — Амвросій, «Історія российской іерархіи», Москва 1807—1815, т. II, стр. 43. — Полное Собрание Русскихъ лѣтописей, т. II, стр. 12, 293. — Карамзинъ, «Історія Государства Россійскаго», Спб. 1815, т. II, прим. № 256. — Сергій, «Полный мѣсяце-

словъ Востока», Москва 1876, т. II, ч. 1, стр. 227.

Тимоѳе́й, духовникъ Мстислава Удальцого; упоминается подъ 1226 (6734) годомъ въ лѣтописи при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ этомъ году галицкій бояринъ Жирославъ завѣлъ смуту среди остальныхъ бояръ; онъ увѣрилъ ихъ, что Мстиславъ ведеть ихъ въ степь къ своему тестю Котячу съ тѣмъ, чтобы тамъ ихъ всѣхъ перебить. Испуганные бояре скрылись въ Карпатскіе горы, въ Перемышильскій округъ. Тогда Мстиславъ удалой послалъ къ нимъ своего духовника Т. Послѣднему удалось разубѣдить бояръ и привести ихъ обратно къ Мстиславу.

«Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей», т. II, стр. 165. — Соловьевъ, «Історія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», Москва 1869—1870, изд. 4-е, т. II, стр. 354; т. III, стр. 72.

Тимоѳе́й, пономарь Новгородского Юрьевского монастыря, лѣтописецъ. Въ синодальномъ спискѣ первой Новгородской лѣтописи подъ 6738 г. находится слѣдующее извѣстіе: «Той же зимѣ въ ведоша съ Хутина отъ святого Спаса Арсенія игумена, мужа кротка и смиренна, князь Ярославъ, владыка Спиридонъ и весь Новгородъ, и даша игуменство у святаго Георгія; а Саву лишиша, посадиша и въ келіи, и разболѣся, лежавъ шесть недѣль, и представиша въ марта 15, въ субботу, предъ обѣднею, и тако погребенъ бысть игуменомъ Арсеніемъ и всею братью, а даи Богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣхиному Тимоѳею пономарю». Курсивные слова, вписаныя отъ первого лица, даютъ на первый взглядъ поводъ думать, что Т.-пономарь и есть авторъ какъ данного отрывка, такъ и всей лѣтописи. Между тѣмъ въ спискѣ той же лѣтописи, находящемся въ Академіи наукъ, на мѣстѣ этихъ словъ стоять другія — «и мнѣ грѣхиному Іоанну-попову». Возникаетъ вопросъ, кто же изъ этихъ лицъ авторъ лѣтописи, или можетъ быть имъ не былъ ни тотъ, ни другой, оба же они не болѣе какъ переписчики съ болѣе древніаго списка или даже съ подлинника, въ соответственномъ мѣстѣ замѣнившіе стоящее тамъ имя автора или переписчицы-предшественника своимъ именемъ. Сталківавшіеся съ этимъ вопросомъ ученые давали на него различные отвѣты. Митрополитъ Евгей сочинителемъ Новгородской

Лѣтописи считаетъ Иоанна-попа, а Т.-пономаря его подражателемъ. А. В. Полѣновъ полагаетъ, что Т. былъ только переписчикомъ. Преосвященный Филаретъ замѣчаетъ, что «пономарь Т. не былъ только переписчикомъ лѣтописи, а сочинителемъ ея», объ Иоаннѣ-попѣ же онъ вовсе не упоминаетъ. М. П. Погодинъ о Т.-пономарѣ и Иоаннѣ-попѣ говорить, что они «скорѣе были переписчиками... чѣмъ сочинителями; сочинителями они оба въ одно время быть не могли, а переписчиками могли; Тимофею-пономарю могъ принадлежать второй почеркъ, который продолжается до конца 1234 г.». П. А. Лавровскій замѣчаетъ: «Едва ли не положительно должно утверждать о пономарѣ Тимофеѣ, какъ о несомнѣнномъ писцѣ второго почерка». Митрополитъ Макарій предполагаетъ, что Т.-пономарь и Иоаннѣ-попѣ могли быть только переписчиками. Проф. Голубинскій считаетъ Иоанна лѣтописцемъ, а Т. переписчикомъ, поставившимъ свое имя вмѣсто имени Иоанна-попа. Сениговъ, примыкая въ этомъ отношеніи къ мнѣнію Погодина и Лавровскаго, т. е. къ тому, что Т. принадлежитъ второй почеркъ, полагаетъ возможнымъ, съ нѣкоторой вѣроятностью, считать Т. первымъ продолжателемъ Софійского временника. Наконецъ, посвятившій этому вопросу отдельную статью И. Тихомировъ задался вопросомъ установить относительную древность каждого изъ списковъ и на этомъ основаніи рѣшить авторство того или другого лица; на основаніи характера письма и другихъ вѣщнихъ признаковъ онъ заключаетъ, что болѣе древнимъ является списокъ Т., почти современный описываемымъ событиямъ, почему должно считать болѣе вѣроятнымъ чтеніе имени Т.-пономаря, а не Иоанна-попа. Тѣмъ не менѣе Тихомировъ не рѣшается считать Т. авторомъ лѣтописного Новгородскаго свода отъ 1200 до 1234 г.—ни авторомъ, ни переписчикомъ, а отводить ему особую роль: живя близко къ описываемымъ событиямъ, Т. не могъ бы допустить, по мнѣнію Тихомирова, той путаницы, какая существуетъ въ этомъ лѣтописномъ сводѣ; онъ былъ пономаремъ при Юрьевскомъ монастырѣ, гдѣ и вель современнымъ и недавно прошедшимиъ событиями записки, которыми впослѣдствіи воспользовался какой-нибудь позднѣйшій безымянныій составитель свода, плохо разобрался въ нихъ и многое перепутавши.

Изъ изложенного видно, что вопросъ объ авторствѣ Т. Новгородской лѣтописи, несмотря на всѣ изысканія, остается открытымъ, да при наличіи имѣющагося материала едва ли можетъ быть окончательно разрѣшенъ. Т.-пономаря не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ пономаремъ того же имени, переписчикомъ Лобковскаго пролога. Послѣдній былъ при церкви св. Іакова въ Неревскомъ концѣ Новгорода. Прежніе изслѣдователи (Снегиревъ, Филаретъ) считали обоихъ пономарей за одно лицо.

«Ученые Записки Императорск. Академіи Наукъ, по I и III отдѣламъ», т. II, вып. 5, стр. 750, 751, 753, 754.—Карамзинъ, «Історія Госуд. Россійскаго», т. I, стр. XVI; т. III, прим. 369.—«Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей»,—въ III т. напечатана Новгородская лѣтоп., на стр. 47 находится цитированное мѣсто.—Митроп. Евгений, «Словарь о писателяхъ духовнаго чина», т. I, стр. 258; т. II, стр. 265.—А. В. Полѣновъ, «Библіографическое обозрѣніе русскихъ лѣтописей», «Журналъ Минист. Народн. Просвѣщ.», 1849, ноябрь, стр. 86.—Преосвящ. Филаретъ, «Обзоръ русской духовной литературы», 3-е изд., стр. 45.—М. П. Погодинъ, «Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи», т. V, стр. 349—350.—П. А. Лавровскій, «О языкахъ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей», стр. 155.—Митроп. Макарій, «Історія русской церкви», 2-е изд., т. III, стр. 203.—Проф. Голубинскій, «Історія русской церкви», т. I, стр. 653 и прим. 2.—Селиговъ, «О древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ Новгорода Великаго», стр. 98.—И. Тихомировъ, «О Тимофеѣ-пономарѣ, упоминаемомъ въ синодальномъ спискѣ первой Новгородской лѣтописи», «Журналъ Минист. Народн. Просвѣщ.», 1887, мартъ.

Тимоѳеѣ, епископъ Сарскій и Подонскій, начала XV столѣтія, до посвященія былъ игуменомъ Борисо-Глѣбскаго монастыря. Въ епископы Т. хиротонисанъ 22 июля 1404 г.; у Строева однако показана другая дата—20 июля того же года, въ «Історіи іерархіи» же Амвросія посвященіе Т. отнесено къ 1418 г. Татищевъ и Русская Лѣтопись по Никонову списку подтверждаютъ, что въ 1404 (6212) году всероссійскій митрополитъ Кипріанъ совершилъ на Голенищевъ рукоположеніе въ епископа Сарскаго и Подонскаго, не называя имени рукоположеннаго. Изъ дѣяній Т. известно только, что 22 марта 1416 г. (а по нѣкоторымъ сѣдѣніямъ въ 1415 г.), въ недѣлю средокрестную, въ Москвѣ, въ церкви св. архангела Михаила, онъ въ числѣ прочихъ архіереевъ былъ на поставленіи Сампсона, нареченаго Симеономъ, въ епископа Новгородскаго и Псков-

скаго, которое совершає всероссійскій митрополитъ Фотій въ присутстві вели-каго князя Василія Дмитріевича и его братьевъ князей Юрія и Константина.

Н. Л. Соловьевъ, „Сарайскіе и Крутицкіе епископы“, „Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, 1894, кн. 3, стр. 38—39.—Иоли. Собрание Русскихъ Лѣтописей“, т. III, стр. 106 и 130; т. IV, стр. 114; т. V, стр. 260; т. VI, стр. 77 и 88.—П. Строевъ, „Список архіереевъ и настоятелей монастырей россійской церкви“, Спб. 1877, стр. 1033.—Н. Карамзинъ, „Історія государства Россійскаго“, Спб. 1819, т. V, примѣч. 254, стр. 156, 172 и 182.—Татищевъ, „Історія Россійского государства“, Спб. 1784, т. IV, стр. 415—416.—„Русскій Временникъ“, т. I, стр. 264.—Чтениа въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“, 1890, мартъ, отд. III, стр. 22.

Тимоѳей, протопопъ Архангельского Московскаго собора, въ 1552 г. упоминается въ Царственной Книгѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ Свіяжскѣ въ этомъ году начала свирѣпствовать чынга; казанцы, воспользовавшись этимъ, взволновали всю горную страну. Среди населенія и въ войскахъ началось броженіе, парило любострастіе. Чтобы успокоить свіяжцевъ и совершиеніемъ молебствій пріостановить эпидемію, митрополитъ московскій Макарій послалъ въ Свіяжскъ Т., «мужа изряднаго, наученнаго богоудивленному писанію», со святой водой, освященій на мощахъ, перенесенныхъ изъ Благовѣщенскаго собора въ Успенскій; Т. повезъ съ собой также писменное поученіе отъ митрополита къ начальникамъ и ко всему войску. Возвращаясь уже изъ Свіяжска, Т. встрѣтился во Владимирѣ на Клязьмѣ 8 іюля съ Іоанномъ IV и говорилъ ему, что служилъ молебны въ мѣстныхъ храмахъ, совершає крестные ходы, «и вѣхъ христiane, пребывающіе во градѣ томъ, со усердіемъ и со слезами молили Бога и за кресты ходили»; что эпидемія утихла и насленіе успокоилось.

„Царственная книга“, Спб. 1769, стр. 209, 237.—Карамзинъ, „Історія государства Россійскаго“, Спб. 1819, т. VI, стр. 141; примѣч. 261, 280.—Соловьевъ, „Історія Россіи съ древнійшаго времени“, Москва 1856, т. VI, стр. 97.

Тимоѳей, іеромонахъ, ректоръ греко-славянскаго училища и справщикъ Большого московскаго печатнаго двора послѣдней четверти XVII вѣка, прибыль съ Востока въ Москву въ 1679 г. Въ „Історіи ческомъ извѣстіи о Московской академіи“

(«Древн. Россійск. Вивл.») о немъ сказано, что онъ «нѣсколько лѣтъ обходѧщ святая земля въ Палестинѣ и въ Святогорскихъ монастыряхъ». По прибытіи въ Москву Т. былъ у царя Федора Алексѣевича, которому рассказалъ о притѣсненіяхъ, какія терпѣла православная церковь въ святой Землѣ отъ латинянъ и магометанъ, объ оскудѣніи греческаго духовнаго просвѣщенія на Востокѣ. Царемъ эти вѣсти были сообщены московскому патріарху Іоакиму, который взялъ Т. въ крестовые монахи въ свой домашній клиръ. Для поддержанія православной церкви и греческаго просвѣщенія на Востокѣ противъ латинянъ и магометанъ устроено было при Большомъ Московскому печатномъ дворѣ греко-славянское училище, первымъ ректоромъ которого назначенъ былъ Т.; изъ этого училища возникла потомъ Заиконоспасская славяно-греко-латинская академія. Въ 1689 г. Т. назначенъ былъ справщикомъ Большого московскаго печатнаго двора. Въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцевъ» говорится, что Т. былъ вѣроятно тотъ самый пресвитеръ, который подписался подъ определеніемъ Іерусалимскаго собора 1672 г. повтореннымъ затѣмъ въ посланіи патріарховъ восточныхъ къ синоду въ 1722 г. и изданнымъ въ переводѣ на русскій языкѣ въ 1838 г. Умеръ Т. въ 1699 г.

Сергій Смирновъ, „Історія Московской Славяно-греко-латинской академіи“, Москва 1855, стр. 9, 10, 11.—„Історическое извѣстіе Московской академіи“ соч. Поликарпова въ „Древней Россійской Вивліоникѣ“, Москва 1791, т. XVI, стр. 292.—Филаретъ Гумилевский, „Історія россійской церкви“, Черниговъ 1862, изд. 4-е, періодъ 4, стр. 106.—Л. Н. Майковъ, „Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII вѣковъ“, Спб. 1889, стр. 157.—Ф. И. Булгаковъ, „Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства“, Спб. 1889, т. I, стр. 278, примѣч. 144, и стр. 286.—„Прибавление къ твореніямъ святых отцевъ“, Москва 1845, т. II, стр. 174—175.—„Древности. Труды Московскаго Археологическаго общества“, Москва 1869, т. II, вып. 1, стр. 13, 16 и 37.

Тимоѳей Архиповичъ, подьячій, по-томъ монахъ, юродивый. Жилъ при дворѣ царицы Ирасковыи Федоровны, супруги Іоанна Алексѣевича, и въ это время начальствовалъ юродствование. Многіе изъ современниковъ приписывали ему даръ прорицанія и считали его за святого. Объ этомъ свидѣтельствуетъ историкъ Татищевъ, знавшій

Т. лично. «Дворъ царицы Прасковьи Федоровны, супруги царя Иоанна Алексеевича (матери императрицы Анны),—пишеть онъ,—отъ набожности былъ госпиталь на уродовъ, юродивыхъ, ханжей и шалуновъ. Между многими такими былъ знатенъ Тимоѳей Архиповичъ, сумасбродный подьячий, котораго за святого и пророка суевѣрцы почитали, да не токмо при немъ, какъ послѣ него предсказанія вымыслили. Онъ императрицѣ Аннѣ, какъ была царевною, провѣщалъ быть монахиней и называлъ ее Анфисой, царевичъ Прасковьѣ—быть за королемъ и дѣтей много имѣть; а послѣ, какъ Анна императрицей учинилась, сказывали, якобы онъ ей задолго корону провѣщалъ. Когда я отѣзжалъ 1722 года другой разъ въ Сибирь къ горнымъ заводамъ и прѣѣхалъ къ царицѣ прощеніе принять, она, жалуя меня, спросила онаго шалуна: скоро я возвращусь? Онъ какъ меня не любилъ за то, что я не былъ суевѣренъ и руки его исцѣловалъ, сказалъ: онъ руды много закопаетъ, да и самаго закопаетъ. Но сколько то право, то всяко видно». Нѣкоторыя данные о личности Т. получаемъ изъ собственоручной записи и показаній Іосія Самгина, строителя Берлюковской пустыни (въ связи съ извѣстнымъ процессомъ саровскаго монаха Зворыкина и Маркелла Радышевскаго, одного изъ передовыхъ борцовъ съ проникавшимъ въ началѣ XVIII в. въ Россію протестантізмомъ). Іосія показалъ, что онъ почиталъ Т. А. святымъ угодникомъ за его прозорливость, въ подтвержденіе которой приводить рядъ фактовъ, преимущественно въ отгадываніи дурныхъ мыслей. Изъ дальнѣйшихъ показаній Іосія и другихъ явствуетъ, что Т. раньше былъ иконоописцемъ, что многіе дѣйствительно почитали его за святого, кладли передъ нимъ по два поклона, какъ предъ угодникомъ, носили въ шейныхъ крестахъ его волосы, полагали, что онъ «совѣти человѣческія знаетъ» и пр. Къ нему ходили за совѣтомъ и за разрѣшеніемъ религіозныхъ и житейскихъ сомнѣній, почитая его за ясновидца. Отвѣты свои онъ давалъ источными голосомъ, часто въ отчѣнѣ грубой и рѣзкой формѣ, чаще же всего ничего не значащими словами, неопредѣленными и ничего не говорящими. Но и рѣзкость и неопредѣленность отвѣтovъ никакъ не смущали воопрошавшихъ,

и они въ обрывкахъ брошенныхъ словъ искали смысла и разрѣшенія своихъ сомнѣній и нерѣдко находили ихъ, вскрывъ и вкосъ толкуя брошенныя слова. Бывало, что являлся къ нему человѣкъ съ не совсѣмъ чистой совѣстью, и фраза Т. въ родѣ: «Врагъ Божій, покинь и не дѣлай этого»—а такія фразы онъ произносилъ часто—падали мѣтко въ дѣль и служили къ судьбѣ славѣ Т. какъ ясновидца, нерѣдко исправляя и кающихся, чemu и примѣры приводятся въ показаніяхъ Госіи и другихъ. Къ нему часто приходили съ просьбой: «Батюшка, помолись обо мнѣ грѣшномъ», на что Т. либо ничего не отвѣчалъ, либо, согласно показаніямъ, «токмо не знамъ для чего обѣими руками своими вертѣть около головы подушку». Мнѣніе, что Т. «совѣти человѣческія знаетъ» и «что кому скажетъ, то и сбудется» пользовалось значительнымъ распространеніемъ. Его реченія, если въ нихъ только можно было уловить смыслъ, подчинались даже очень высокопоставленныя лица изъ его почитателей, напр. царица Прасковья Федоровна, или царевна Екатерина Ioannovna, которая, по показанію казненнаго въ 1736 г. Столѣтова, «изволила сомнѣваться въ С.-Петербургѣ, для того, что Архиповъ говорилъ, что она, государыня, въ С.-Петербургѣ скончается». Въ числѣ его поклонниковъ были нѣкоторые изъ Путятыныхъ, въ домѣ которыхъ на Москвѣ онъ часто жилъ, нѣкоторые изъ Долгорукихъ, много другихъ изъ свѣтскихъ лицъ, немало также и изъ духовенства. Въ письмахъ къ нему иногда дѣлали такія надписи: «Великому угоднику Божію Тимоѳею Архиповичу, прибѣже отчалинъ, надежда ненадежныя». Трудно, однако, судить, была ли въ юродствованіи Т. какая-либо мистификація, рассчитанная на легковѣріе времени, охваченного шатаніемъ умовъ въ связи съ Петровской реформой. Скончался Т. въ 1731 г. и погребенъ въ Чудовомъ монастырѣ; на могильной плите была высѣчена надпись: «быть юродъ миру, а ве себѣ». Понятно, что если при жизни ого почитали за ясновидца и святителя, то послѣ смерти всякия сомнѣнія уже не могли быть оживлены, и ничего неѣть удивительного, что тѣло его многими почиталось нетленнымъ, нѣкоторые имѣли при себѣ его волосы, части его одежды и образы, написанные съ вѣн-

цомъ на бумагѣ въ Саровской пустыни трудникомъ бѣгледомъ Григоріемъ. «У іеродакона Іоны,—показываетъ Іосія,—я видѣлъ и читалъ множество чудесъ, отъ Тимофея Архиповича бывшихъ», а нѣкто Зворыкинъ имѣлъ намѣреніе собрать въ отдаленную книгу описание этихъ чудесъ. «Персона» его въ видѣ образа писана была многократно лицами и неизвѣстными, и установленными позднейшими розысками. «А съ персоны Тимофея которая была у меня въ Саровской пустыни и привезена ко мнѣ въ Берлюковскую пустынь,—говорить тотъ же Іосія,—вѣдѣлъ списать персону пять или шесть, подлинно не помню, всѣ съ вѣнцами, и поставлены онѣ были въ моихъ кельяхъ и въ сѣняхъ; а списывала малая тѣ персоны, по приказанію моему, мальчишка Григорій, и я ему вѣдѣлъ сказать, ежели кто его о той персонѣ спросить, чтобы онъ сказывалъ—пишетъ Іеронимову персону». Помимо Іосія Самгина, еще одинъ саровецъ, Ефремъ Короткой задумалъ прославить Т. по его смерти церковными пѣснями и сочинилъ въ честь его службу. «И я дерзнулъ,—показывалъ Ефремъ на позднейшемъ допросѣ,—безъ благословенія святѣшаго синода сочинять службу, какъ въ церкви обычай имѣется святымъ угодникамъ Божіимъ, юродивому Тимофею Архиповичу и сочинилъ, памятуется мнѣ, малую вечерню, а на большой стихирѣ, также и на литіи со словникомъ и на стиховѣй, и тропарѣ, да канона—не знаю, четыре, не знаю, пять пѣсней; стихирѣ писаны на бумагѣ, а тѣ бумаги заложены у меня въ кровлѣ, а канона часть на дощечкѣ, а дощечка положена за печью въ моей кельѣ; а спряталъ я того ради, чтобы кто отъ братіи, пришедші, не читалъ и оттого мнѣ, ради грубаго моего сочиненія, не было спѣху; и того ради о той моей прорѣности ни строителю, ни братіи отнюдь никому не извѣстно, аписано у меня то тайно. А вину того сочиненія я принялъ отъ похвальныхъ рѣчей разстриги Якова и другихъ, что они про него сказывали, что онъ сущій угодникъ, и рабъ Божій ради его прозорства; и я, вѣря ихъ словамъ, благодарила Бога о томъ, что Онъ въ наши лѣта даровалъ такого святого мужа. А самъ я Тимофея Архиповича не видывалъ». Впослѣдствіи синоду стоило много труда и усилий, чтобы развѣнчать память Т. отъ ореола свя-

тости, прозорливости и проч. Едва ли эта цѣль была достигнута вполнѣ, но значительная тѣнь была набросана на его память нѣкоторыми добытыми следствіемъ компрометирующими обстоятельствами. Одно изъ показаній, напр., свидѣтельствуетъ: «По приходѣ ихъ въ домъ, гдѣ онъ Тимофеевъ жилъ, ночью, только еще съ вечера (попреже до того слыхалъ онъ, что къ оному Т. пускать не вѣрно, а для чего, не знаетъ) послали служителя—что время лѣтъ къ нему приди. И онъ служитель къ тому Тимофееву ходилъ и, возвратясь, сказалъ имъ, что онъ Тимофеевъ пьяный и кричитъ и не даетъ никому къ себѣ приступиться, знать-де дѣвшему его напоили». Такія и подобныя свидѣтельства значительно охладили горячія чувства къ памяти Т. его поклонниковъ. Феофанъ Прокоповичъ поручилъ оберъ-секретарю Дудину собрать свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія Т. А. Во исполненіе сего порученія Дудинъ обратился къ секретарю московской синодальной канцеляріи Павлу Протопопову со слѣдующимъ письмомъ: «Изволь весьма секретно спрашиться и учиально поступить, дабы никто никакъ догадаться не могъ: въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ погребено тѣло Тимофея Архиповича, и надъ гробомъ его положено и вѣтъ ли каковыхъ отмѣти противу прочихъ? Также какая при гробѣ его на стѣнѣ надпись написана и кѣмъ и когда? И съ той описи формально спиши копію, и къ намъ съ вышеописаннымъ пришли въ не-медленномъ времени: ибо того требуется высокими персонами для нужного дѣла». Протопоповъ увѣдомлялъ, что «Тимофеи Архиповичъ погребенъ въ Чудовомъ монастырѣ, въ церкви Архистратига Михаила, по правую сторону алтаря, и надпись изъѣчена на лещади и вмазана въ алтарной стѣнѣ; начальные литеры наведены киноваремъ, а прочія чернилами; вокругъ лещади дорожникъ на подобіе столярного выкрашенъ муміею, а кругъ дорожника чернилами, а по угламъ шишкы, на подобіе рамы. Противу той надписи на землѣ на могилѣ ни камня и никакого знаку не имѣется. И тотъ осмотрѣ и спикоѣ училъ одинъ и никто того не видѣлъ. А кѣмъ и когда та надпись учинена, о томъ онъ спрашивать опасался, попреже вѣдѣно ему то учинить весьма секретно, дабы никто дознаться не могъ. А, повидимому, та надпись сдѣлана отнынѣ около

годичнаго времени—и не далъе». Надгробная надпись гласила: «1731 года маія въ 29 день при державѣ благочестивѣйшія и величія государыни нашеѧ Аны Ioанновны, самодержицы всеѧ Россіи, представись рабъ Божій Тимоѳеј Архиповъ сынъ, который, остави иконописаное художество, юродствовалъ миру, а не себѣ, а жилъ при дворѣ матери ея императорскаго величества государыни императрицы, благочестивѣйшія государыни царицы и великия княгини Паскевы Федоровны двадцать осмь лѣтъ и погребенъ въ 1 день іюня». Вследствіе этого розыска надгробная плита Т. была уничтожена.

Татищевъ, „Россійская история“, т. I, стр. 46.—Чистовичъ, „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время“, Спб. 1868, стр. 537—543.—„Звончины—эпизодъ изъ исторіи Ѣеофана Прокоповича“, „Духъ Христіаніна“, 1862, кн. 3, стр. 130—177.—Чтения Общ. Исторіи и Древности Россійск., Москва 1875.—Историческій очеркъ Николаевской Верлюковской пустыни.—„Голосъ“, 1869, № 65.—Церковная Лѣтопись, 1869, № 17 и 18.

Тимоѳеј, въ мірѣ Каменевичъ-Ревскій, іеродиаконъ Холопъяго монастыря (на рекѣ Мологѣ) въ 1684—1697 гг., родомъ изъ Москвы, писатель конца XVII столѣтія. Больѣ другихъ извѣстна его работа «О древностяхъ Россійского государства» (1690; рукопись Московской синодальной библіотеки), представляющая собою обширную компиляцію изъ лѣтописей и другихъ источниковъ; ѿ пользовался уже Карагинъ. Мало изучена передѣлка «Повѣсти о семи мудрецахъ» (1692; рукопись Императорской Публичной библіотеки). Ему принадлежатъ еще слѣдующія проізведенія: «Исторія Греко-Славянская» (1684), «О началѣ Славяно-Россійскаго народа» (1699), «Лѣтопись о зачатіи Москви» и «Градъ Божій»—увѣщательное посланіе къ К. Истомину, написанное (отчасти силлабическими стихами, отчасти прозой) по поводу слуха о томъ, что Истоминъ желаетъ оставить монашеское званіе и жениться; далѣе, четыре церковныхъ поученія, свидѣтельствующихъ о большой начитанности автора, но сугубо-риторическихъ и мало содержательныхъ. Его историческая компиляція, поскольку рѣчь идетъ о фактическомъ ихъ содержаніи, представляютъ значительную цѣнность, въ особенности потому, что часть документовъ, изъ которыхъ онъ черпалъ свѣдѣнія,

сгорѣли впослѣдствіи во время пожаровъ; что же касается выводовъ, соображеній и умозаключеній Т., то они въ большинствѣ слабы, хотя самъ Т. былъ именно обѣ этой сторонѣ своихъ работъ очень высокаго帮忙нія, полагая, что онъ освѣтилъ и даже разрѣшилъ многіе запутанные вопросы. Въ общемъ онъ является подражателемъ Симеона Полоцкаго.

А. Титовъ, „Рукопись В. Вахромѣева“, вып. II.—Филаретъ, еп. Харьк., „Обзоръ русской духовной литературы (862—1720)“, кн. 3, стр. 255.

Тимоѳеј, въ мірѣ Тихонъ Ивановичъ Щербакъ или Щербацкій, по синодскому дѣлу Щернацкій, родился въ Трипольѣ при рекѣ Днѣпрѣ въ 1698 г.; отецъ его, зажиточный мѣщанинъ, желая дать сыну образованіе, опредѣлилъ его въ Киевскую духовную академію. Обладая отличнымъ голосомъ, Т. поступилъ въ академической пѣвческой хоръ. Петръ Великий, во время своего первого посѣщенія Киева, обратилъ вниманіе на его голосъ, очень ему понравившійся, ивелъ взять его пѣвчимъ въ придворную капеллу. Но вскорѣ Т., желавшій продолжать ученіе, воспользовался тѣмъ, что у него стала мѣняться голосъ, испросилъ себѣ увольненіе и вернулся въ Киевскую академію. По окончаніи курса въ академіи онъ принялъ монашество и получилъ мѣсто каефдрального писаря при Киевскомъ Софійскомъ монастырѣ, въ 1737 г. Въ томъ же году Т. былъ произведенъ въ игумены и определенъ настоятелемъ Мгарскаго Спасо-Преображенскаго монастыря, Полтавской епархіи. Здѣсь онъ пробылъ недолго, ибо въ томъ же году переведенъ обратно въ Киевъ въ Выдубицкій монастырь. Въ 1739 г. онъ рукоположенъ былъ въ архимандрии и назначенъ настоятелемъ Златоверхомихайловскаго монастыря, а 14 апрѣля 1740 г. въ присутствіи кievскаго митрополита Рафаила избранъ и утвержденъ былъ настоятелемъ Кіево-Печерской лавры. Когда въ сентябрѣ 1744 г. въ Киевѣ ожидалась императрица Елизавета Петровна, Т. написалъ въ Петербургъ графу А. Г. Разумовскому письмо, въ которомъ указывалъ, что домъ генерал-губернатора, приспособляемый для приема государыни, совершенно не соответствуетъ этой цѣли, а гораздо болѣе подходящимъ было бы для императрицы поселиться въ келіяхъ Кіево-Печер-

ской лавры. Предложение было принято, и во время пребывания въ Киевѣ Елизавета Петровна жила въ архимандритскихъ покоахъ. Т. встрѣтилъ государыню рѣчю, въ которой восхвалялись добродѣтели императрицы и ея заслуги передъ Россіей (издана подъ названіемъ «Рѣчь Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ на прибытіе ея въ Кіево-Печерскую лавру», Спб. 1744).

Съ этихъ поръ Т. сталъ пользоваться покровительствомъ Елизаветы Петровны и уже въ 1745 г., по смерти архіепископа московскаго Іосифа Волочаинскаго, въ числѣ прочихъ кандидатовъ на вакантный постъ былъ выставленъ синодомъ и Т. По Высочайшему повелѣнію онъ немедленно вытребованъ былъ въ Петербургъ. Но пока производилось дѣло объ утвержденіи одного изъ намѣченныхъ кандидатовъ, окончался кіевскій митрополитъ Рафаиль, и тогда, по указанію императрицы, на постъ кіевскаго митрополита 9 ноября 1747 г. назначенъ былъ Т., прямо изъ архимандритовъ. Посвященіе его состоялось въ Петербургѣ 6 марта 1748 г. По выѣтіи Т. изъ Кіево-Печерской лавры на митрополитію братія этого монастыря на основаніи вольныхъ правъ избранія себѣ настоятеля выбрала 4 февраля 1748 г. Т. своимъ архимандритомъ. Когда синодъ опротестовалъ это избраніе, лавра сослалась на то, что въ 1570 г. она представила званіе архимандрита Мелентію Хрентовичу, когда тотъ назначенъ былъ епископомъ Владимірскимъ и Брестскимъ; тѣмъ не менѣе синодъ избранія Т. не утвердилъ. За время своего пребыванія въ Кіевѣ въ качествѣ митрополита Т. обращалъ усиленное вниманіе на улучшеніе постановки учебнаго дѣла въ духовной академіи; при немъ въ академіи была введена філософская система Баумейстера и изученіе французскаго языка. 4 ноября 1754 г. Т. назначенъ былъ членомъ синода. Чувствуя себя усталымъ, онъ въ 1757 г. просилъ объ увольненіи его на покой, но вместо удовлетворенія этой просьбы переведенъ былъ митрополитомъ въ Московскую епархію 22 октября того же года. Здѣсь, въ качествѣ члена синода, онъ присутствовалъ въ Московской синодальной конторѣ. Въ 1764 г. Т. переименованъ былъ въ митрополита Московскаго и Калужскаго. 3 января 1767 г. онъ уволенъ былъ на покой, а 18 апрѣля того же года скончался. Онъ первый изъ архіереевъ

погребенъ былъ не по монашескому, а по священническому обряду, что послѣ этого было особымъ указомъ возведенъ на степень общаго правила; похороненъ въ Чудовомъ монастырѣ, въ Москвѣ. На могилѣ Т. іеромонахомъ Феофилактомъ была говорена проповѣдь, напечатанная въ Москвѣ въ 1747 г. Имеется его портретъ въ Кіевской духовной академіи.

Евгений Болховитиновъ, „Описаніе Кіево-Печерской лавры“, Кіевъ 1826, стр. 123.—Н. Розановъ, „Історія Московскаго епархиальнаго управлінія“, Москва 1870—71, ч. II, кн. 2.—Его же, „Встрѣча московскому митрополиту Тимоѳею 100 лѣтъ тому назадъ“, „Душеполезное Чтеніе“, 1868, ч. I, стр. 142.—Ф. фонъ-Эттингеръ, „Митрополиты въ царствование имп. Екатерины II“, „Сынъ Отечества“, 1848, кн. 12, отд. 1, стр. 2.—„Письма Т. Шербацкаго“, сообщ. В. Аскоченскимъ, „Кіевская Губернскія Вѣдомости“, 1857, № 37.—Амвросій, „Історія россійской іерархіи“, Москва 1807—1815, т. I, стр. 64, 91; т. II, стр. 51—52, 539; т. VI, стр. 881, 894.—В. Аскоченскій, „Кіевъ и его древнійше училище—академія“, Кіевъ 1856, т. II, стр. 74—75, 93—94, 151—216.—П. Строевъ, „Списки архіереевъ и настоятелей монастырей россійской церкви“, Спб. 1877, стр. 7, 14, 15, 131 и 929.—„Московскія Епархиальные Вѣдомости“, 1869, №№ 27 и 28.—Д. Говинский, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Спб. 1889, т. II, прилож. стр. 294.—В. Н. Межовъ, „Русская историческая бібліографія за 1865—1876 гг.“, Спб. 1882, т. II, №№ 13459, 24073, 24074; т. III, № 27835—В. Сопиковъ, „Опытъ россійской бібліографіи“, изд. В. Рогожина, Спб. 1905, ч. IV, стр. 150, № 9110, п стр. 218, № 9990.—„Описаніе Кіево-Софійскаго собора“ и „Кіевская іерархія“ Евгія Болховитинова, 1825, стр. 225.

Тимоѳей, Максимовичъ, архимандрит Елецкаго Успенскаго Черниговскаго монастыря съ 1727 г. До производства въ архимандриты Т., въ санѣ іеромонаха, состоялъ въ теченіе трехъ лѣтъ наставникомъ Черниговскаго коллегіума, а затѣмъ десять лѣтъ былъ каѳедральнымъ писаремъ. Въ архимандриты Елецкаго монастыря посвященъ 20 іюня 1727 г. преосвящ. Иродіономъ. Скончался въ 1749 г.

Філаретъ, „Історико-статистическое описание Черниговской епархіи“, Черниговъ 1873, кн. 3, стр. 24—25—П. Строевъ, „Списки архіереевъ и настоятелей монастырей россійской церкви“, 1877, стр. 515—„Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. Правил. Синода“, т. X, стр. 16, № 17; стр. 84, № 32, стр. 385, № 226.

Тимоѳей, въ мірѣ Трофимъ Котляреевъ, епископъ смоленскій, родился 23 іюля 1782 г. въ с. Костыряхъ, Рославльскаго

у́зда, Смоленской губерніи, где отець его былъ священникомъ. Послѣ домашняго воспитанія обучался въ Смоленской духовной семинарии и изъ средняго отвѣленія былъ отправленъ въ Московскую славяно-греко-латинскую академію. По окончаніи ученія въ академіи, въ 1806 г., болѣе 10 лѣтъ занималъ должность учителя при Смоленской духовной семинарии въ среднемъ и высшемъ грамматическихъ классахъ, а по преобразованіи ея въ 1817 г. былъ опредѣленъ инспекторомъ и профессоромъ философіи. Въ 1821 г., 18 ноября, онъ былъ постриженъ съ именемъ Тимофея, рукоположенъ въ іеродіакона, потомъ въ іеромонахи, 9 июля 1822 г., возведенъ въ сань архимандрита Смоленского Троицкаго монастыря и вскорѣ перемѣщенъ въ Харьковъ ректоромъ тамошняго коллегіума. Значительное влияніе оказалъ на него здѣсь Иванъ Борисовъ, впослѣдствіи извѣстный епископъ Иннокентій, а также тогдашній харьковскій преосвященный, которому Т. ежевоскресно долженъ былъ давать подробные отчеты по управлению коллегіумомъ. Изъ Харькова въ 1828 г. былъ вызванъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія, и здѣсь митрополитъ Серафимъ, зававшій Т. въ бытность свою въ Смоленской епархіи, пожелалъ имѣть его викаріемъ по новгородской каѳедрѣ. 7 октября 1828 г. Т. былъ хиротонисанъ во епископа Старыя Русы и новгородской митрополіи викарія. Новый архіерей былъ при погребеніи императрицы Маріи Феодоровны. Въ это время Т. снискаль расположение Императора Николая I въ связи съ извѣстнымъ возмущеніемъ военныхъ поселеній въ 1831 г. Графъ Аракчеевъ, скрываясь отъ возмутившейся толпы, прожилъ нѣсколько дней и ночей въ Хутынскомъ монастырѣ у Т., переодѣтый въ крестьянское платье. Когда на ближайшей панихидѣ по убитымъ во время возмущенія іеродіаконъ возгласилъ «о убіеныхъ рабѣхъ Божіихъ», Т. громко повелѣлъ говорить: о «невинно убіеныхъ рабѣхъ Божіихъ». Между присутствовавшими поселянами произошло волненіе, но Т. еще громче повторилъ свое приказаніе и потомъ произнесъ увѣщаніе на тему о раскаяніи и признаніи вины, заключивъ: «Кровь невинныхъ вопіеть на васъ предъ Господомъ». Черезъ два часа послѣ панихиды прибылъ на мѣсто происшествія

Императоръ Николай I и былъ свидѣтелемъ еще продолжавшагося волненія. Наградой Т. былъ орденъ св. Анны 1-й степени, но безъ означенія этого события въ реєскрипѣ, а вскорѣ (1834) Т. назначенъ былъ на смоленскую каѳедру. Въ этомъ назначеніи выразилась особая милость къ нему Императора, ибо во избѣженіе непотизма обычно не назначаются епископы въ мѣста ихъ рождения. Т. и самъ былъ, повидимому, не очень доволенъ назначеніемъ въ родныя мѣста и первую свою проповѣдь началъ словами: «Нѣсть славенъ пророкъ въ отечествѣ своемъ», которая ему впослѣдствіи неоднократно приходилось повторять въ оборону отъ своихъ многочисленныхъ недоброжелателей, упрекавшихъ его дѣятельность болѣе всего за непотизмъ.

Служеніе Т. смоленской церкви продолжалось ровно 25 лѣтъ. Его стараніями былъ обновленъ и украшенъ Богоявленскій соборъ (1840—1843), построенъ въ немъ приදѣль во имя святого Меркурія, смоленскаго чудотворца (1843), двухъ-этажный корпусъ для Бѣльскаго духовнаго училища (1852). Главной заслугой Т. является учрежденіе женскаго духовнаго училища для дѣвицъ духовнаго званія при Визенскомъ Аркадьевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ (1849), перемѣщенаго въ 1852 г. въ Смоленскъ. Онъ усердно боролся противъ раскола, за что въ 1855 г. получилъ благодарность синода. Въ 1856 г. награжденъ орденомъ св. Владимира большого креста, а 26 августа 1856 г. пожалованъ въ сань архіепископа.

Сохранившіеся отзывы свидѣтельствуютъ, что Т. въ епархіальныхъ дѣлахъ былъ крайне недовѣрчивъ, такъ же какъ и въ домашнемъ быту. Малѣйшая непріятность со стороны высшаго правительства повергала его почти въ болѣзньное состояніе; онъ хотѣлъ, чтобы и мимолетная тѣнь не падала на него и на окружающихъ его. По какой-то необъяснимой почти боязни онъ никогда не печаталъ своихъ проповѣдей, иногда, по свидѣтельству его біографа, весьма краснорѣчивыхъ и содержательныхъ, и не позволялъ печатать проповѣди и другимъ. Особеннымъ расположениемъ его пользовались монастыри и монашествующіе, почему его и называли «монахолюбивымъ». 31 мая 1843 г. онъ разославъ посланіе ко всемъ благочиннымъ своей епархіи съ

приглашением вдовыхъ священнослужите-
лей и церковниковъ поступать въ мона-
шество.

Въ 1859 г. Т., по слабости здоровья
и преклонности лѣтъ, просилъ синодъ
объ увольненіи отъ управления епар-
хию. Для жизни на покой онъ построилъ
себѣ еще раньше домъ съ церковью въ
Бѣльской Красногородищенской пустыни,
отличающейся прекраснымъ мѣстоположе-
ніемъ, но неудовольствіе настоятеля пу-
стыни на то, что постройка обезобразила
монастырь и что самъ онъ долженъ будеть
оставить настоятельство въ случаѣ пере-
селенія туда преосвященнаго, побудило Т.
избрать мѣстомъ своего покоя Ордынскую
пустынь, въ 50 верстахъ отъ Смоленска,
куда и переселился въ декабрѣ 1859 г.
Тамъ же и скончался 23 іюля 1862 г.

Александръ Ратшинъ, „Полное собраніе историческихъ свѣдѣній о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существующихъ монастыряхъ и примѣщат. церквяхъ въ Россіи“, стр. 493, 494.—„Ордынская пустынь Смоленской епархіи“, Спб. 1873, стр. 15 и слѣд., стр. 40 и слѣд.—В. В. Звѣринскій, „Мате-
риалы для историко топографическаго паслѣ-
довавія о православныхъ монастыряхъ въ
Россійской Имперіи“, II, стр. 255.—„Историко-
статистическое описание Смоленской епархіи“,
Спб. 1864, стр. 373 и слѣд.—П. Строевъ,
„Списки юарховъ и настоятелей монастырей Росс.
церкви“, стр. 559.—„Памятная книжка Смол. губ. на 1862 г.“, стр. 37 и 38 (отд. II).—„Стран-
никъ“, 1862, № 312, стр. 491—493.—„Смоленск.
Вѣд.“, 1879, № 10, стр. 396—419.

Тимоѳей Самбижинъ, архимандритъ
Задонскаго, Соловецкаго и Свято-Духова
Виленскаго монастырей, постригся въ мо-
нахахъ изъ вдовыхъ діаконовъ. Въ 1791 г.
определенъ игуменомъ Задонскаго, Воро-
нежской епархіи, монастыря, а 10 сен-
тября 1798 г. возведенъ въ сань архи-
мандрита того же монастыря. Съ 1791 же
года состоять присутствующимъ членомъ
Воронежской консисторіи. 15 іюля 1805 г.
Т. уволенъ былъ изъ Задонскаго мона-
стыря и определенъ настоятелемъ Соловец-
каго на Бѣломъ морѣ монастыря, но и
здесь пробылъ недолго и въ томъ же году
былъ вторично уволенъ по болѣзни и опре-
деленъ на пенсію въ Воронежскій Акатовъ
монастырь. Здѣсь онъ пробылъ до 1808 г.,
когда 14 марта его назначали настояте-
лемъ Виленскаго Свято-Духова монастыря,
игравшаго въ то время большую роль въ
качествѣ разсадника православія въ Лит-

вѣ. Въ Вильнѣ Т. совершилъ проступокъ,
за который понесъ наказаніе. Въ 1810 г.,
въ субботу на свѣтлой седмицѣ онъ въ
еврейской домѣ повѣчаль больного чахот-
кой полковника Зеленина, который черезъ
три дня послѣ того умеръ, съ дѣвичей,
отъ которой Зеленинъ имѣлъ уже троихъ
дѣтей. Бракъ этотъ признали быть недѣй-
ствительнымъ, а Т. подвергнутъ быть време-
нному лишенію права священнослу-
женія, причемъ о проступкѣ его объявлено
было по епархіи. «Дѣло это,—говорить
его біографъ,—архимандритомъ Т. совер-
шено было по простодушію, не ради ко-
рысти и не по другой какой-либо предо-
судительной причинѣ». Запрещеніе свя-
щеннослуженія снято было съ него уже
при новомъ минскомъ архіепископѣ Сера-
фимѣ, 7 мая 1812 г. Въ маѣ же Т. про-
силъ объ увольненіи его за покой, ссыла-
ясь на расшатанное здоровье и на все уве-
личивающуюся слабость зрѣнія, которое
онъ къ этому времени почти совсѣмъ по-
терялъ. 10 февраля 1813 г. Т. получилъ
увольненіе; мѣстомъ пребыванія ему назначе-
нъ былъ Задонскій Воронежскій мона-
стырь, где онъ и умеръ 2 сентября 1817 г.
Во время пребыванія Т. въ Вильнѣ Свято-
духовъ монастырь былъ въ значитель-
ной мѣрѣ разграбленъ и разоренъ про-
ходившими въ 1812 г. французскими
войсками.

Флегонтъ Смирновъ, „Виленскій Свято-Ду-
ховъ монастырь“, Вильна 1888, стр. 265—268,
338.—Архим. Досифей, „Лѣтопись Соловец-
кій на 4 столѣтія“, Москва 1847, стр. 136—
137.—Геронтій, „Историко-статистическое описаніе Задонского Богородицкого монастыря“—
Москва 1873, 2-е изд.—„Воронежская Епархі-
альная Вѣдомость“, 1869, № 6, 7 и 9.—П.
Строевъ, „Списки архіереевъ и настоятелей
монастырей россійской церкви“, Спб. 1877,
стр. 539, 817 и 874.

Тимоѳей—имя двухъ поповъ иконо-
писцевъ. 1) Попъ московскій, вмѣстѣ съ
иконописцемъ Діонисіемъ, Коня и др.,upo-
минается въ 1481 г., когда они «написали
десусъ съ праздниками и пророки велия
чуденъ въ новую церковь пречистыя Во-
городицы соборныя въ Москвѣ»; въ 1482 г.
онъ съ тѣми же лицами получиль отъ ро-
стовскаго архіепископа Вассіана сто руб-
лей съ тѣмъ, чтобы «написати десусъ въ
новую церковь святыя Богородицы», и
«написаша чудно велими его, и празд-
ники и пророки»—2) Ростовскій попъ, въ

1644 г. пожалованъ царскомъ наградою за «успенское» письмо.

Полное Собр. Русскихъ Лѣтописей, т. III, стр. 177.—«Русский Временникъ», ч. II, стр. 138.—И. Е. Забѣлинъ, «Материалы для исторіи русскаго иконописанія», стр. 9.—Д. А. Ровинский, «Исторія русскихъ школъ иконописи до конца XVII в.», Спб. 1856, стр. 185.—Его же, «Обозрѣніе иконописанія въ Россіи», Спб. 1903 стр. 165.—Карамзинъ, «Исторія госуд. Российскаго», Москва 1819, т. VI, прим. 629.—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», Москва 1855, т. V, стр. 245—246.

Тимротъ, Александръ Ивановичъ, генераль-лейтенантъ, лютеранскаго вѣроисповѣданія, изъ дворянъ Эстляндской губерніи, родился въ 1790 г.; службу началъ въ 1805 г. подпрапорщикомъ въ grenадерскомъ Короля Пруссіаго полку, гдѣ произведенъ въ 1807 г. въ прапорщика и оставался до 1821 г., когда въ чинѣ подполковника (съ 1819 г.) былъ переведенъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ и въ томъ же году произведенъ въ полковники. Какъ выдающійся офицеръ Т. обратилъ на себя вниманіе Императора Николая I, былъ пожалованъ въ 1829 г. во флигель-адъютанты и въ томъ же году произведенъ въ генераль-маіоры съ назначениемъ командиромъ Образцового пѣхотнаго полка; черезъ 4 года Императоръ Николай I отличилъ Т., назначивъ его командиромъ любимаго государемъ л.-гв. Измайловскаго полка. Въ 1836 г. Т. былъ назначенъ окружнымъ генераломъ 2-го округа отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, въ 1842 г. состоявшимъ для особыхъ порученій при корпусѣ внутренней стражи—въ 1847 г. произведенъ въ генераль-лейтенанты. Скончался 20 января 1848 г.

Съ grenадерскимъ Короля Пруссіаго полкомъ Т. принялъ участіе въ цѣломъ рядѣ дѣлъ и сраженій во время войнъ 1805—1807 гг. съ Наполеономъ, при обороны побережья Балтійскаго моря во времія Шведской войны 1808—1809 г., Отечественной, а также коалиціонныхъ 1813 и 1814 годовъ: 1805 г.—съ 16 по 19 сентября въ десантномъ корпусѣ на Балтійскомъ морѣ, а затѣмъ въ отрядѣ сухопутныхъ войскъ въ Шведской Помераніи, Мекленбургъ-Шверинской и Стрѣлецкой областяхъ; 1806 г.—съ 20 октября по 12 декабря въ Пруссіи; 14 декабря при отступлѣніи отъ мѣстечка Насильдека; 1807 г. 22 января подъ Пултускомъ; при д. Ин-

ковѣ; 25 января при отступлѣніи отъ Ламберга; 26 и 27 января подъ Прейсиш-Эйлау; 29 мая при Гейльсбергѣ, 2 июня при Фридландѣ, причемъ ранены шулями въ обѣ руки; 1808 г.—съ 14 августа по 16 сентября при блокадѣ Балтійскаго порта и при оборонѣ береговыхъ укрѣплений; 1812 г.—13 и 14 іюля подъ Витебскомъ, 6 августа подъ Смоленскомъ, 26 августа при Бородинѣ, причемъ награжденъ золотой щагой съ надписью «За храбрость», 6 октября при с. Спасскомъ, 12 октября подъ Малоярославцемъ, 5 и 6 ноября подъ Краснымъ; 1813 г.—20 апрѣля при Люценѣ, 7 мая при Бауценѣ, 15 и 16 августа подъ Дрезденомъ, 18 августа подъ Кульмомъ, 4, 5, и 6 октября въ генеральномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ; 1814 г.—при блокадѣ крѣпости Бельфуртъ (съ 28 декабря 1813 по 4 января 1814 г.), 20 января подъ Брюненомъ, 8 марта при Арсисѣ и 18 марта при взятіи Парижа.

Въ аттестації Т., данной командиромъ корпуса генераломъ Гартогомъ, было сказано: «Отчеты по должности, какие имѣлъ въ теченіе службы, въ срокъ представляя. Жалобамъ не подвергался. Слабымъ въ отправлении обязанностей службы замѣчекъ не былъ и никакихъ безпорядковъ и неисправностей между подчиненными не допускалъ. Обличаемъ и оглашаемъ не былъ». Отъ брака съ дочерью Курляндскаго оберъ-гауптмата барона фонъ Бастрома, Елизаветой Григорьевой, имѣлъ пять сыновей, причемъ Карла, родившагося въ бытность Т. командиромъ Измайловскаго полка, воспринималъ отъ купели Императоръ Николай I.

Формуляръ въ Московскомъ отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба. Дѣло 3-го стола 3-го отдѣленія Инспекторскаго Цензуртамента Военнаго Министерства за 1848 годъ. № 79, связка 290.

Тимченко, Григорій, капитанъ 1-го ранга. Въ чинѣ капитана-лейтенанта 17 іюня 1788 г. участвовалъ въ сраженіи подъ Очаковомъ и за храбрость награжденъ орденомъ Георгія 4-й степени. Въ 1798 г. въ чинѣ капитана 2-го ранга находился въ эскадрѣ вице-адмирала Ушакова, отправленной по повелѣнію Императора Павла I для оказанія помощи суптану въ его войнѣ съ Франціей. Командуя въ этой эскадрѣ корветомъ «Марія Маг-

далина», онъ участвовалъ въ военныхъ операцияхъ противъ Ионическихъ островъ, отнятыхъ Франціей у Турціи. Операции сводились къ крейсированию въ прилегающихъ водахъ, и Т. плавалъ въ Средиземномъ морѣ «не далѣе Египта, Кандіи, Мореи и Венеціанскаго залива, смотря по нуждѣ и обстоятельствамъ». Въ октябрѣ (8 числа) въ составѣ эскадры онъ присоединился къ флотскому отряду капитана 1-го ранга Селивачева, блокировавшему Корфу, и 18 февраля 1799 г. сражался при взятии передовыхъ берковъ этой крѣпости. Послѣ этого ходилъ съ эскадрой въ Неаполь, оттуда въ маѣ 1800 г. возвратился къ Корфу, и затѣмъ, за прекращенiemъ военныхъ дѣйствій, перешелъ въ Севастополь.

Висковатовъ, „Военные дѣйствія Россіи въ 1787—1791 гг.“.—Петровъ, „Вторая турецкая война въ царствованіе Екатерины II“, стр. 145—146.—Скаловский, „Жизнь адмирала Ф. Ф. Ушакова“, стр. 61, 227, 232.—„Записки Гидрографического Департамента“, т. VIII, стр. 279 и дал.—А. Кротковъ, „Повседневная запись замѣчательныхъ событий русского флота“, стр. 5, 30, 192, 349, 480.

Тимченко, Григорій Павловичъ, докторъ медицины, профессоръ Московской акушерской школы, редомъ изъ Малороссіи, первоначально обучался въ Киевской духовной академіи, откуда въ сентябре 1772 г. поступилъ въ Петербургскую адмиралтейскую госпитальную школу. Не удовлетворяясь знаніями, какія давала эта школа, Т. ходатайствовалъ объ увольненіи его заграницу для изученія тамъ медицины, на что въ апрѣль 1773 г. получилъ разрешеніе. Т. занимался медицинскими науками $5\frac{1}{2}$, лѣтъ въ Кильѣ, затѣмъ $1\frac{1}{2}$, года въ Коененгагенѣ, послѣ чего опять вернулся въ Киль, гдѣ получилъ степень доктора медицины 7 октября 1780 г. за диссертацию „Observationes medico obstetriciae“ (Kilae 1780). По возвращенію въ Россію Т. былъ утвержденъ въ полученной имъ степени медицинской коллегіей (11 января 1781 г.), по экзамену, произведеному Ашемъ, Линдеманомъ и Тихорскимъ. Въ февралѣ того же года онъ опредѣленъ былъ врачомъ въ Симбирскъ, а 1783 г. переведенъ докторомъ въ 3-ю дивизію. Въ 1786 г. Т. назначенъ былъ профессоромъ акушерства въ Московскій генеральный госпиталь, Московскію акушерскую школу (новивальныи институтъ) и медико-хирургическое

училище. Умеръ въ Москвѣ 21 сентября 1793 г.

Я. Чистовичъ, „Історія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россії“, Спб. 1873, стр. CCCIX—CCCX.

Тимянскій, Василій Ильичъ, на-дворный советникъ, профессоръ естественной исторіи и ботаники при Казанскомъ университѣтѣ, родился въ 1791 г.; происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. Въ 1801 г. поступилъ въ Казанскую губернскую гимназію, а въ 1805 г. переведенъ былъ въ открывшійся въ то время Казанскій университетъ, изъ которого вышелъ въ февралѣ 1809 г. со степенью кандидата, полученною за сочиненіе «О раздѣленіи тѣлъ на три парства» (сохранилось въ рукописи въ архивѣ Казанскаго университета). По окончаніи университета Т. продолжалъ свои занятія подъ руководствомъ профессора К. Ф. Фукса. 23 марта 1811 г. онъ былъ утвержденъ магистромъ физико-математическихъ наукъ, въ особенности же естественной исторіи и затѣмъ состоялъ помощникомъ при профессорѣ К. Фуксѣ и завѣдующимъ естественно-историческимъ кабинетомъ и ботаническимъ садомъ. Въ мартѣ 1814 г. Т. былъ назначенъ адъюнктомъ-профессоромъ естественной исторіи и ботаники. Ему поручено было въ 1815/16 г. читать курсъ минералогіи, о чёмъ и было объявлено въ «Ізвѣщеніи о преподаваніи наукъ», «сколько сіе возможно по малочисленности штуфовъ, въ университетскомъ минералогическомъ кабинетѣ находящихся»,—однако курса этого онъ не читалъ. Съ марта 1816 г. Т. вмѣстѣ съ адъюнктами-профессорами Дунаевымъ и Юнаковымъ редактировалъ по назначению совета университета «Казанскія Извѣстія». Въ 1820 г. былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ естественной исторіи и ботаники на мѣсто Фукса, получившаго кафедру практической медицины. Для получения этого званія онъ по предложению университетскаго совѣта представилъ конспектъ по своей специальности; объ этомъ конспектѣ профессоръ Фуксъ далъ отзывъ, что, «несмотря на краткость, въ немъ изложены предметы естественной исторіи ясно и определено; авторъ изслѣдуетъ ихъ, разсматриваетъ цѣлы и основаніе науки и сопровождаетъ это разсужденіемъ о пользѣ оной». При назначеніи Т. экстраординарнымъ профессоромъ ему по-

ставлено было въ заслугу составлеи имъ рукописнаго курса зоологіи и приведеніе въ порядокъ минералогическаго кабинета. 22 іюля 1820 г. Т. вошелъ въ составъ «издательского комитета», сформированаго изъ 7 профессоровъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа А. Магницкимъ для «Казанскаго Вѣстника», замѣнившаго «Казанскія Извѣстія». Въ марта 1823 г. онъ утвержденъ былъ въ званіи ординарнаго профессора и съ начала того же года состоялъ секретаремъ университетскаго совѣта. Выѣхѣть съ профессоромъ Городчаниновымъ Т. былъ докладчикомъ на университетскомъ судѣ по извѣстному дѣлу ректора Казанскаго университета Г. И. Солнцева. Въ 1824 г. онъ, оставаясь въ должности профессора Казанскаго университета, назначенъ былъ естествоиспытателемъ на военный шлюпъ «Смирный», отправлявшейся въ русскія южно-американскія колоніи; «Смирный», вышедший изъ Кронштадта, на пути изъ Копенгагена въ Портсмутъ принужденъ былъ вслѣдствіе бури укрыться въ Арендалскомъ порту въ Норвегіи и здѣсь оставался съ 20 октября 1824 до 8 мая 1825 г., когда полученъ былъ приказъ о возвращеніи обратно въ Россію. Послѣ этой неудавшейся экспедиціи Т. уже не возобновлялъ своей преподавательской дѣятельности при Казанскомъ университѣтѣ, а подалъ прошеніе объ отставкѣ; причина этого обстоятельства неизвѣстна. 13 іюля 1825 г. онъ былъ уволенъ изъ университета и вступилъ на службу въ строительный департаментъ морскаго министерства, гдѣ занималъ должность помощника директора.

Въ бытность профессоромъ Казанскаго университета Т. напечаталъ слѣдующія работы и статьи: «Легкій способъ снимать точайшія изображенія мотыльковъ» («Казанскія Извѣстія», 1816, № 26), «Дополненіе къ описанію водяного смерча въ окрестностяхъ г. Казани» (тамъ же 1816, № 58); «Наблюденія надъ круговорашенiemъ сока въ растеніи, названномъ отъ Линея Chara vulgaris», переводъ («Казанскій Вѣстникъ», 1821, кн. I), «О торжественномъ собраниі Казанскаго университета въ 17-й день января 1821 года» (тамъ же, кн. II), «Выписка изъ отчета посѣтительнаго комитета тюремнаго общества за 1820 годъ» (тамъ же, кн. VIII, XI и XII), «Естественная история янтаря, примѣнен-

ная къ каменному янтарю» (тамъ же, кн. X), «О фосфорическомъ свѣтѣ ископаемыхъ» (тамъ же, кн. X), «О бирюзахъ» (тамъ же, 1822, кн. X), «О сѣрнокисломъ квининѣ и о наблюденіяхъ надъ температурой въ рудникахъ» (тамъ же, 1822, кн. XI).

И. П. Загоскинъ, «Біографіческій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Казанскаго университета 1804—1904 годовъ», Казань 1904, ч. I, стр. 509—511.—Н. Буличъ, «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета, 1805—1819 годы», Сіб. 1904, изд. 2-е, ч. II, стр. 243, 722.—«Енциклопедический Словарь» Брокгауза, 1-е изд., полуут. 269, стр. 902; слово «Казанскій Вѣстникъ», стр. 904; слово «Казанскій университетъ», стр. 906; слово «Казанскія Извѣстія».—Н. Поповъ, «Общество любителей отечественной словесности и периодическая литература въ Казани съ 1805 по 1834 годъ», «Русскій Вѣстникъ», 1859, т. 23, стр. 71.—Н. П. Лихачевъ, «Казанскій Вѣстникъ», Кипровъ, 1894, №№ 2, 3, 4, стр. 11, 14, 24, 49, 52, 54, 55, 73, 74, 76, 77, 80.—«Казанскія Извѣстія», 1816, № 19.

Тинбаевы—княжескій татарскій родъ, въ XVII вѣкѣ бывшій на службѣ Московскаго государства. Татарская фамилія—Гинбай, Тинбай.—1) Абла Т., мурза едисанскій, въ 1635 г. былъ пожалованъ Доревянинскимъ и Гинкушинскимъ водами, а также устьемъ реки Ахтубы, въ которыхъ ему было разрѣшено безданно производить ловъ рыбъ; оберегая свои владѣнія, онъ посыпалъ ратныхъ людей подъ Астрахань на калмыковъ, которыхъ послѣ многократныхъ столкновеній почти совсѣмъ обезвредилъ, но зато и совершилъ разоріль и ограбіль.—2) Конай Т., съ 1625 по 1630 г. находится на службѣ въ Астрахани; у него татарскій отрядъ въ 2000 человѣкъ, которымъ онъ бережеть рубежъ отъ набѣговъ кочующихъ племенъ.—3) Каязъ Михаиль Конайевичъ Т., вѣроятно сынъ предыдущаго, воевода; въ 1616 г., вскорѣ послѣ прекращенія русско-литовскихъ переговоровъ подъ Смоленскомъ, получилъ указъ идти въ содружествѣ съ воеводою Никитой Лихоревымъ за литовскій рубежъ для всеванія и поиска непріятеля: «землю воевать, села и деревни жечь и городомъ проходить рѣзвымъ дѣломъ и того искать, чтобъ гдѣ городъ или у города посады пожечь и литовскимъ людямъ тѣсноту учинить». Т. шелъ на Литву черезъ Волокъ. Погорѣлое городище, на рекѣ Вѣлой взялъ языковъ и по ихъ скажѣмъ дошелъ до Литвы, гдѣ разорилъ горо-

да Суражъ, Водицъ и Витебскъ, особенно же окрестности ихъ.—4) *Рахмангуль* Т., мурза, вмѣстѣ съ братомъ Абла былъ по-жалованъ упомянутыми водами и съ ними же берегъ рубежъ отъ калмыковъ.—5) Князь *Яннаметъ Янаевичъ* Т., юртовскій табун-ный голова; въ 1678 г. отъ него потребовано выслать 300 юртовскихъ татаръ, «добрыхъ конныхъ», въ помощь русскимъ войскамъ во время похода въ Малороссію; Т. жаловался на обѣденіе и изнеможеніе народа, указывалъ, что по малолѣтству однихъ и дряхлости другихъ столькихъ людей онъ не можетъ поставить и послалъ всего 27 человѣкъ, въ томъ числѣ своего сына Каммамета, но черезъ астраханского воеводу Салтыкова ему дано знать, чтобы не замедлилъ выслать и остальныхъ вы- требованныхъ татаръ.

1 и 4) «Акты Историч.», т. II, стр. 150, 151; т. III, стр. 538; т. IV, стр. 90; «Времен. Московск. Общ. Ист. и Древн. Рос.», кн. II, отдѣль „Матеріалы“, стр. 56; кн. III, тутъ же отдѣль, стр. 2.—2) „Разр. книга по официаль-нымъ спискамъ“, т. I, стр. 1142, 1249, 1354; т. II, стр. 186, 190, 287, 352, 741; «Времен. Московск. Общ. Ист. и Древн. Рос.», кн. 4, отдѣль „Смѣсь“, стр. 44.—3) „Разр. книга по официаль-нымъ спискамъ“, т. I, стр. 169, 170, 173; С. М. Соловьевъ, „История Россіи“, изд. „Общ. Пользы“, кн. II, стр. 1138.—5) „Дополн. къ Актамъ Историч.“, т. III, стр. 31—32.

Тиньковъ, Александръ, переводчик второй половины XVIII столѣтія, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, ведущаго начало отъ временъ Василія Тем-наго. Служилъ въ лейбъ-гвардіи Семенов-скому полку. Перевѣлъ съ французскаго «Воображеніе Петракова или письмо его къ Ларѣ, его любовнице» (Спб. 1768). Въ томъ же году въ Петербургѣ появился перево-водъ Т. нѣсколькоихъ элегій и разныхъ дру-гихъ мелкихъ произведеній Овидія. Во время свирѣпствовавшей въ Москвѣ въ 1770—1772 гг. моровой язвы Т. состоялъ частнымъ смотрителемъ.

Ефремовъ, „Матеріалы русск. литературы. Опытъ историч. словаря о Россійскихъ писат. Ник. Новиковъ“, стр. 110.—Мезіеръ, „Русская словесность“, ч. II, № 17968—17970.—Вен-геровъ, „Русская поэзія“, вып. VI, примѣч. и дополн. къ I т., стр. 364.—„Описаніе моровой язвы“, Москва 1778, стр. 400.—Энциклопед. словарь Брюкгауза, 1-е изд., полуэт. 65, стр. 203.

Типольть, Карлъ Карловичъ, гене-раль-лейтенантъ, помощникъ начальника 2-й гвардейской кавалерійской дивизіі,

лютеранскаго вѣроисповѣданія, изъ дво-рій Витебской губерніи, родился въ 1801 г.; по окончаніи образованія въ част-номъ учебномъ заведеніи, службу началъ 1820 г. юнкеромъ въ Сумскомъ гусарскомъ полку и въ слѣдующемъ году былъ про-изведенъ въ офицеры; черезъ шесть лѣтъ былъ переведенъ въ л.-гв. Драгунскій (нынѣ л.-гв. Конно-Гренадерскій) полкъ, где служилъ до 1841 г., когда въ чинѣ пол-ковника былъ назначенъ командиромъ Но-вовороссійского драгунскаго полка; на этой должности произведенъ (1845) за отличие въ генераль-маиоры и черезъ годъ назна-ченъ командиромъ 2-й бригады 1-й улан-ской дивизіи, каковой командовалъ 4 года, послѣ чего получилъ въ командование л.-гв. Конно-Гренадерскій полкъ; въ дальнѣйшей службѣ Т. перемѣнилъ слѣдовали быстро; такъ, въ 1852 г. определенъ командиромъ 1-й бригады 1-й легкой гвардейской кава-лерійской дивизіи, въ 1853 г. произведенъ въ генераль-лейтенанты съ назначеніемъ состоять при гвардейскомъ корпусѣ, въ 1854 г. назначенъ командиромъ 1-й легкой кавалерійской дивизіи, въ 1855 г. началь-никомъ 1-й легкой гвардейской кавалерій-ской дивизіи, въ 1856 г. состоявшимъ при гвардейскомъ резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ и въ 1857 г. помощникомъ къ начальнику 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи.

Съ Конно-Гренадерскимъ полкомъ Т. участвовалъ въ дѣлахъ Турецкой войны 1828—1829 гг. и въ усмиреніи Польскаго вѣзстанія 1831 г.: 1828 г.—15 сентября, въ сраженіи при Гаджи-Гассанъ-Ларѣ; 18 сентября въ составѣ отряда принца Ев-гения Виртембергскаго въ сраженіи близъ Варны, на правомъ берегу лимана (орденъ св. Анны 3-й степени); 30 сентября при преслѣдованіи корпуса Омеръ-Врюнен-паша отъ Варны до р. Камчикъ, 3 октября въ дѣлѣ на р. Камчикѣ, у подножія Балкан-скихъ горъ; 1831 г.—23 марта по приказа-нию генераль-лейтенанта графа Ностица переправился съ эскадрономъ черезъ Наревъ у м. Ражаны, послѣ чего спѣшилъ эскадронъ и защищалъ переправу отъ многочисленнаго непріятельскаго отряда (золотое оружіе съ надписью «за храб-рость»); съ 24 по 26 марта въ отрядѣ генераль-адъютанта Бистрома при воспре- пятствованіи мятежникамъ переправиться черезъ Бугъ и Наревъ; съ 7 по 23 апрѣля

въ экспедиціяхъ между Остроленкою, с. Приштицъ и г. Вышковымъ; 1 мая въ экспедиціи между с. с. Валево, Длугосъдло, Поренбы и г. Вышковымъ; 5 мая въ стычкахъ подъ с. с. Соколовымъ и Старымъ Яковцемъ; 6 и 7 мая при защите переправы въ пѣхѣмъ строю у м. Клячкова (Владимира 4-й степени); 8 мая въ стычкахъ при с. Рудкахъ; 9 и 10 мая въ дѣлѣ при Тикочинахъ: 11—13 мая въ стычкахъ при м. Клячковѣ; 15 мая въ преслѣдованіи отряда Гельгута, причемъ, «находясь въ резервѣ, поддерживалъ атаку л.-тв. Уланского полка подъ жестокимъ огнемъ артиллерии мятежниковъ и на каждомъ шагу служилъ достойнымъ примѣромъ для подчиненныхъ» (св. Аны 2-й степени); затѣмъ участвовалъ во многихъ мелкихъ дѣлахъ и въ штурмѣ Варшавы, когда былъ раненъ пикой въ спину съ поврежденіемъ двухъ реберь, въ лѣвое плечо съ поврежденіемъ ребра и саблей въ лѣвую руку и подбородокъ (корона къ ордену св. Аны 2-й степени); эти раны вынудили Т. временно покинуть строй, куда вернулся при возвращеніи корпуса въ Петербургъ. Командуя 1-й легкой кавалерійской дивизіей, Т. находился съ нею во время Восточной войны въ составѣ отряда, охранявшаго съ 15 апрѣля по 1 сентября 1854 г. прибрежье Петербургской губерніи. Кроме указанныхъ выше наградъ имѣлъ еще св. Георгія 4-й степени, св. Владимира 3-й степени, св. Аны и св. Станислава 1-й степени и нѣсколько медалей за разныя кампаніи.

Формуляръ въ Московскомъ отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба, № 762, списки, доставленные отъ штаба Гвардейскаго корпуса за 1857 г.

Тироль, Константинъ Петровичъ, участникъ Севастопольской обороны, воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ въ 1827 г. и курсъ которого окончилъ 4 января 1835 г. съ чиномъ гардемарина. Ближайшихъ два лѣта онъ проходилъ практическую службу на корабляхъ «Березина» и «Императоръ Александръ I» въ Балтійскомъ морѣ, послѣ чего, вмѣстѣ съ производствомъ въ мичманы, былъ отправленъ въ Черноморскій флотъ, на фрегатъ котораго, крейсировуя у абхазскихъ береговъ, участвовалъ въ сраженіи съ горцами, завершившемся взятиемъ мыса Константиновскаго (Адлера),

и за оказанное въ этомъ дѣлѣ отличіе былъ удостоенъ ордена Аны 4-й степени на саблю съ надписью «За храбрость». На томъ же фрегатѣ и у тѣмъ же береговъ плавалъ онъ и въ теченіе слѣдующихъ 1838—1842 гг., неоднократно будучи участникомъ обстрѣливанія горскихъ отрядовъ, причемъ выказалъ новые отличія, за одно изъ которыхъ былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 3-й степени и чиномъ лейтенанта (19 апрѣля 1842 г.). Въ кампаніи 1843—1851 г. онъ на различнѣйшихъ судахъ Черноморскаго флота—пароходо-фрегатѣ «Одесса», фрегатахъ «Флора», «Кулевчи» и «Кагулъ», корабль «Ягудиль»—крайсировалъ у восточныхъ береговъ и въ открытыхъ водахъ Черного моря, несъ десантную службу, ходилъ между Одессою и Константинополемъ и проч. Произведенный 30 марта 1852 г. въ капитанъ-лейтенанты, Т. получилъ въ командование бригъ «Персей» и на немъ вышелъ въ Архипелагъ и Средиземное море, гдѣ пробылъ до осени слѣдующаго, когда слухи о предстоящей войнѣ заставили его возвратиться въ бассейнъ Черного моря. Въ 1854 г. онъ былъ назначенъ командиромъ фрегата «Месемврія», съ которымъ въ началѣ войны стоялъ на Севастопольскомъ рейдѣ, послѣ чего поступилъ въ составъ севастопольского гарнизона. Безстрашный храбрецъ, будучи начальникомъ 1-го отдѣленія 5-го бастіона, онъ всегда стоялъ на самыхъ опасныхъ мѣстахъ, за что и поплатился жизнью: 24 ноября былъ пораженъ пулево и отъ этой раны черезъ нѣсколько часовъ скончался.

Общий морской списокъ, ч. XII, Спб. 1900, стр. 36.—А. Кротковъ, «Повседневная запись замѣчательныхъ событий въ русскомъ флотѣ», Спб. 1903, стр. 410, 423.—Тотлебентъ, «Описание обороны Севастополя», т. I, стр. 181.—А. Жандръ, «Материалы для истории обороны г. Севастополя», стр. 264.—«Морской Сборникъ», 1854, ч. XII, стр. 231 и LXV; 1855, ч. IV, стр. 507.—Ф. Веселаго, «Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса съ приложеніемъ списковъ воспитанниковъ за 100 лѣтъ», Спб. 1852.

Тироль, Михаилъ Петровичъ, начальникъ Сѣверной оборонительной линіи, капитанъ 1-го ранга; службу началъ въ 1830 г. гардемариномъ на фрегатѣ «Анна» Балтійскаго флота, въ слѣдующемъ году перешелъ на корветъ «Императоръ Александръ I» и на немъ служилъ до 1840 г.,

когда, въ чинѣ лейтенанта (1837), получилъ въ командование ботъ № 4. 1841—1846 годы на корветѣ «Императоръ Петръ I», бригѣ «Агамемнонъ» и корветѣ же «Львица» крейсировалъ по Балтийскому морю и несъ службу въ портахъ Финского залива; неоднократно, между прочимъ, ему поручалась проводка глубокосидящихъ судовъ по мелководному устью Невы. Повышенный въ капитанъ-лейтенанты (съ 1847 г.), въ кампани 1888—1852 гг. крейсировалъ на корветахъ «Березино» и «Императоръ Петръ I» у датскихъ береговъ. Передъ началомъ Крымской войны онъ на фрегатѣ «Аврора» перешелъ въ Петровавловскій портъ, и въ 1854 г. участвовалъ при отраженіи отъ Петровавловска англо-французской эскадры; за отличие произведенъ въ капитаны 2-го ранга и награжденъ орденомъ Владимира 4-й степени съ мечами. На томъ же фрегатѣ въ 1855 г. перешелъ изъ Петровавловска въ заливъ Де-Кастри, где 8 и 9 мая сражался при новомъ отраженіи непріятельского флота (орденъ Аны 2-й степени). Въ 1856 г. былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга и назначенъ командиромъ фрегата «Аврора», съ которымъ въ слѣдующемъ году перешелъ въ Кронштадтъ. Ближайшіе затѣмъ годы служилъ на кронштадтскомъ рейдѣ и командовалъ 2-мъ флотскимъ экипажемъ и корветомъ «Выборгъ», а въ 1863 г. былъ назначенъ начальникомъ Сѣверной оборонительной линии въ Кронштадтѣ, въ каковой должности пробылъ до смерти, послѣдовавшей 18 июля 1866 г.

Н. К., „М. П. Тироль“, „Морской Сборникъ“, 1866, № 11, стр. 177—181.—„Общий морской списокъ“, ч. XII, Спб. 1900, стр. 36—38.

Тироль, Павелъ Петровичъ, контр-адмиралъ, братъ предыдущихъ, родился 30 марта 1812 г. и въ маѣ 1824 г. поступилъ въ морской кадетскій корпусъ, курсъ котораго окончилъ 30 марта 1830 г. съ чиномъ гардемарина; въ слѣдующемъ году произведенъ въ мичманы, онъ былъ определенъ въ Балтийский флотъ и на различныхъ судахъ его—корабль «Не тронь меня», бригахъ «Агамемнонъ» и «Казарский» совершилъ незначительные береговые переходы, плавалъ и крейсировалъ въ Балтийскомъ морѣ и его заливахъ, преимущественно Финскомъ, вплоть до 1844 г., когда, уже въ лейтенантскомъ чинѣ (съ

1837 г.), былъ переведенъ въ отрядъ гребной флотилии и на ея судахъ весь сторожевую службу у Кронштадта. 11 апреля 1848 г. Т. былъ повышенъ въ капитанъ-лейтенанты вмѣстѣ съ назначеніемъ на корабль «Эмгейтенъ», на которомъ онъ впервые вышелъ за предѣлы балтийскихъ водъ,—въ Нѣмецкое море, гдѣ крейсировалъ въ теченіе вѣсесолькихъ лѣтнихъ кампаний; въ составѣ офицерской команды того же корабля онъ принималъ участіе и въ оборонѣ Кронштадта въ 1854 г. противъ соединенного англо-французского флота и по окончаніи ея былъ назначенъ командиромъ транспорта «Америка», на которомъ ходилъ между Кронштадтомъ и Свеаборгомъ до 15 октября 1856 г., когда транспортъ потерпѣлъ крушеніе у о. Гогланда. Наряженное по этому поводу слѣдствіе выяснило, что причины крушенія носили неотвратимый характеръ, почему Т. былъ оправданъ. Въ 1859 г. онъ былъ назначенъ командиромъ винтовой лодки «Бурунъ» и непосредственно вслѣдъ за этимъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга, каковыми оставался до 17 апреля 1862 г., когда вмѣстѣ съ повышеніемъ въ капитаны 1-го ранга былъ отправленъ въ Николаевскъ-на-Амурѣ, где его командованію было ввѣренъ 27-й флотскій экипажъ. Изъ Восточной Сибири Т. возвратился зимою 1866 г. и тогда же былъ назначенъ начальникомъ 8-го флотскаго экипажа. Контр-адмиральскій чинъ онъ получилъ въ 1870 г. вмѣстѣ съ увольненіемъ отъ службы и вскорѣ послѣ этого, именно 12 января 1871 г., скончался.

„Общий морской списокъ“, ч. ХП, Спб. 1900, стр. 38—39.—О. Ф. Веселаго, „Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса съ приложеніемъ списковъ воспитанниковъ“, Спб. 1852.

Титинецъ, Федоръ Пименовичъ, новгородскій посадникъ. Степенимы посадникъ, т. е. у власти, былъ въ 1207 г. Большинство лѣтописей его не называетъ, кроме Новгородской, которая пишетъ его *Тихфинецъ*. Тамъ же говорится, что онъ на собственные средства въ 1207 г. заложилъ двѣ церкви, во имя св. Пантелеимона и во имя Николая Чудотворца.

Калайдовичъ, „Исторический и хронологический опытъ исторіи новгородскихъ посадниковъ“, Москва 1821, стр. 105—106.—„Исторія русской іерархіи“, т. V, стр. 456.

Титова, Елизавета Ивановна, писательница начала XIX столѣтія, родилась въ 1780 г. Еще въ 1797 г. она выпустила въ свѣтъ переведенную ею комедію въ одномъ дѣйствіи «Слѣпая въ Спа», сочиненіе Жаннисъ (Москва 1797), а въ 1798 г. помѣстила въ журналъ «Пріятное и Полезное препровожденіе времени» (ч. XVII) свой переводъ «Отрыковъ изъ китайской исторіи Хао-Кангъ», подпісанный ініциалами Е. Т. Въ началѣ XIX столѣтія Т. написала нѣсколько комедій и драмъ въ духѣ господствовавшаго въ то время сентиментального направлѣнія. Ея произведенія ставились на петербургской сценѣ и пользовались значительнымъ успѣхомъ у публики. Т. написала слѣдующія оригинальныя драматическія произведенія: «Густавъ База или торжествующая невинность», драма въ 5 дѣйствіяхъ съ хорами (Спб. 1810), поставленная въ придворномъ Штербургскомъ театрѣ въ первый разъ 27 іюня 1809 г. съ участіемъ Яковлева и Каратагиной; «Аделаїда и Вольмаръ», драма въ 5 дѣйствіяхъ (Спб. 1811), поставленная на сценѣ въ первый разъ 5 февраля 1811 г. и болѣе всего, по словамъ Арапова, способствовавшая извѣстности Т.; «Крестьянскій театръ», комедія въ одномъ дѣйствіи, въ первый разъ поставленная на петербургской же сценѣ 23 августа 1811 г.; «Ольга или торжество вѣры», поэма въ 4 пѣсняхъ (Спб. 1813). Кромѣ того Т. помѣстила въ «Вѣстникѣ Европы», въ періодъ изданія его И. Карамзінъ, нѣсколько лирическихъ стихотвореній.

Князь Н. Н. Голицынъ, «Библіографический словарь русскихъ писательницъ», Спб. 1889, стр. 245.—С. В. Русовъ, «Библіографический каталогъ россійскимъ писательницамъ», Спб. 1826, стр. 42.—В. Клюниковъ, «Всеноучный энциклопедический словарь», Спб. 1882, ч. II, стр. 871.—Галаховъ, «Исторія русской словесности», Спб. 1868, т. II, стр. 130.—Н. Вильевичъ, «Русская писательница XIX вѣка», «Московскій Городской Листокъ», 1847, № 80, стр. 320; № 114, стр. 455.—П. Араповъ, «Портреты русского театра», Спб. 1861, стр. 143, 193, 209, 210.—«Дамскій Журналъ», 1830, ч. 29, стр. 27; ч. 30, стр. 81; ч. 31, стр. 36.—«Русский Архивъ», 1865, стр. 1211, 1224.—А. Н. Неструевъ, «Историческое розысканіе о русскихъ нововременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 годы», Спб. 1874, стр. 777.—В. Соловиковъ, «Опыты россійской библіографіи» подъ редакціей В. Н. Рогожина, Спб. 1904, ч. II, стр. 104, № 3343; ч. III, стр. 161, № 24.—«Роспись россійскимъ книгамъ изъ библіотеки

для чтенія А. Смирдина», Спб. 1828, стр. 559, № 7485; стр. 598, № 8183.—«Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки В. Плавильщика», Спб. 1820, стр. 333.

Титова, Наталья Ивановна, писательница, супруга Николая Сергеевича Титова, родилась въ 1709 г. Писала элегіи и пѣсни, «отличающіяся чистотой, пріятностью и нѣжностью слога», перевела съ французскаго аллегорическую повѣсть «Бокъ и Зульба», въ 2 частяхъ (Москва 1774). По свидѣтельству Новикова, Т. свои оригинальныя стихотворенія печатала въ журналахъ «Всякая Всячина», «Трутень» и «Парнасскій Щепетильникъ», но установить ихъ названія не представляется возможнымъ, такъ какъ стихи въ этихъ журналахъ печатались обычно безъ подпи-сей авторовъ.

Мезьеръ, „Русская словесность“, ч. II, № 17974.—Венгеровъ, „Русская поэзія“, вып. VI, стр. 364.—Ефремовъ, „Материалы русской литературы. Опыты исторической словаря российскихъ писателей Ник. Новикова“, стр. 111.—„Дамскій Журналъ“, 1830, ч. 12, № 7; ч. 30, № 21.

Титовъ, Алексѣй Николаевичъ, генераль-маіоръ, членъ военной коллегіи, музыкантъ и композиторъ, родился 12 іюня 1769 г., умеръ 8 ноября 1827 г. Долгое время служилъ въ конной гвардіи. Т. отлично игралъ на скрипкѣ и недурно владѣлъ техникой композиціи. Онъ написалъ довольно много оперъ, изъ нихъ нѣкоторыя въ свое время ставились на русской сценѣ и игрались даже въ Парижѣ. Наиболѣе важныя изъ нихъ: «Пивоваръ или кроющійся духъ», «Судъ царя Соломона» (слова С. Глинки, поставлена при Павлѣ I), «Ямъ» (слова Княжнина, поставлена въ 1805 г.), «Амуръ-судья или споръ трехъ грацій» (слова Княжнина, 1805), «Нур-захадъ» (слова Княжнина, 1807), «Дѣвишникъ или Филаткина свадьба, слѣдствіе Яма» (слова Княжнина, 1809), «Эмиракъ Текелій» (1812), «Правдникъ Могола или торжество Олимара» (1823), «Минутное заблужденіе» (слова С. Глинки), «Наталья боярская дочь» (слова С. Глинки), «Татьяна прекрасная на Воробьевыхъ горахъ», «Солдатъ и Пастухъ», «Легконѣрны» и др. Ему же, вѣроятно, принадлежитъ опера «Вотъ каковы русскіе или мужество кievлянъ» (слова Княжнина, поставлена въ 1817 г.). Музыка Т. носить отпечатокъ Гайдновско-Моцартовскаго стиля, а иногда

въ ней замѣчаются и проблески вліяїа русской народной музыки.

„Воспоминанія Николая Алексѣевича Титова“ (его сына), „Древняя и Новая Россія“, 1878, кн. III.—Марковъ, „Исторія русской оперы“ (полный перечень его оперъ).—В. В. Стасовъ, „Списокъ оперъ, поставленныхъ въ Россіи“, „Русская Музыкальная Газета“, 1898, и отд., Спб. 1898.—„Энциклопедич. Словарь“ Брокгауза-Ефрона, 1-е изд., т. 33, стр. 257.

Титовъ, Григорій Семеновичъ, стрѣлцкій голова и полковникъ, сынъ думного дьяка Семена Степановича Титова. Въ 1670 г. названъ стряпчимъ, а въ 1676 г. пожалованъ въ стольники. Въ 1678 г. служилъ въ стрѣлцкомъ приказѣ полковникомъ; подъ началомъ у него въ полку 10 капитановъ и 938 стрѣльцовъ; старшимъ надъ ними былъ князь Михаилъ Юрьевичъ Долgorуковъ. Въ томъ же году посланъ былъ со своимъ полкомъ изъ Москвы въ Малороссію, именно въ Чигирикъ къ князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому, и тамъ участвовалъ въ рядѣ мелкихъ стычекъ съ турками и татарами. По случаю этого похода къ прежнему окладу ему пожаловано помѣстной придачи 100 четей и денежной 10 рублей. Подъ 1679 г. отмѣченъ въ Казанскомъ разрядѣ въ Большомъ полку. Въ іюлѣ 1697 г. находился съ полкомъ подъ Киевомъ: чолъ его прежняго состава. Позже служилъ комендантомъ въ Таганрогѣ. Умеръ въ 1713 г.

Полное Собрание Законовъ, т. II, стр. 80.—Дополн. къ Актамъ Историч., т. IX, стр. 117, 203.—Акты Археографич. Экспед., т. IV, стр. 358.—Акты Юго-Западной Россіи, т. XIX, стр. 98, 325.—Ивановъ, „Описание государственного разрядного архива“, стр. 85.—Разрядная книга по официальнымъ спискамъ, т. II, стр. 1195, 1201, 1327, 1328, 1358.

Титовъ, Кузьма Семеновичъ, стольникъ стругового и плотничьяго дѣла, заѣдывавшій Воронежской верфью; былъ сыномъ извѣстного въ царствованіе Алексея Михайловича думного дьяка Семена Степановича Титова и со стороны Петра Великаго пользовался довѣріемъ и расположениемъ, о чёмъ свидѣтельствуютъ неоднократныя грамоты воеводѣ князю Савину Горчакову о высылкѣ Т. требуемыхъ имъ людей, материаловъ, денегъ и проч. Весь періодъ съ 1693 по 1697 г. Т. завѣдывалъ постройкой струговъ на Воронежской верфи; въ 1697 г. по приказу Петра принялъ запасы хлѣба изъ городовъ края

для стрѣлецкаго войска. Въ выполненіи плана Петра Великаго о скорѣйшей постройкѣ нужного флота для Азовскаго похода Т. сыгралъ значительную роль.

„Старинные грамоты, относящіяся къ эпохѣ Петра Великаго“, „Воронежская Губ. Вѣдомости“, 1871, № 88, 90, 92, 99; 1872, № 16.

Титовъ, Михаилъ Алексѣевичъ, братъ извѣстнаго композитора Николая Алексѣевича, тоже композиторъ, авторъ довольно популярныхъ въ свое время романсовъ, родился въ 1804 г. Получилъ довольно солидное музыкальное образованіе,—учился теоріи композиціи у Джуліани, автора «Introduction au code d'harmonique»; поэтому у него довольно умѣлая фактура. Романсы его относятся къ 1820—1830 гг. Наиболѣе значительны изъ нихъ: «Зачѣмъ исchezъ прелестный сонъ?», «Ожиданіе», «Нешастный», «Ахъ, въ мірѣ я одинъ», «Quand deux flambeaux brulent ensemble», «Се que је венч...», «Не вѣрьте мнѣ...». Большинство изъ нихъ написаны очень музыкально. Т. составилъ также вѣсколько танцевъ для фортепіано. Въ молодости онъ служилъ въ Преображенскомъ полку; въ 1830 г. вышелъ въ отставку и поселился въ Павловскѣ, гдѣ и скончался 3 декабря 1853 г.

С. Буличъ, „Цѣдушка русского романса—Николай Алекс. Титовъ“, „Русск. Музыкальная Газета“, 1890, № 17.—„Сочиненія Державина“, въ изд. Академіи Наукъ, т. V: „Переписка“ (письма Т. къ Державину).—„Воспоминанія Никол. Алекс. Титова“, „Древняя и Новая Россія“, 1878, кн. III.—„Энциклопед. словарь“ Брокгауза-Ефрона, т. 33, 1-е изд., стр. 258.

Титовъ, Михаилъ Ивановичъ, коммерціи совѣтникъ, фабрикантъ ситцевыхъ издѣлій, родился 1 сентября 1767 г. Имъ основана была въ Москвѣ первая въ Россіи фабрика ситцевыхъ издѣлій. Живя постоянно въ Москвѣ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ общественной жизни города; былъ бурмистромъ, въ разное время состоялъ членомъ комитетовъ: о дарованіи льготы разореннымъ посѣлѣніямъ жителямъ, объ изысканіи городскихъ доходовъ, о разсмотрѣніи приходовъ и расходовъ городской думы, комитета для постройки въ Москвѣ биржи и др. Многіе годы Т. состоялъ депутатомъ для разсмотрѣнія сметы расходовъ думы и членомъ московскаго отдѣленія коммерческаго союза. Оставаясь по выбору общества кан-

дидатомъ въ должность городского головы, онъ занялъ это мѣсто въ 1814 г. по смерти бывшаго до того городскимъ головой Ф. И. Кожевникова. Несмотря на отказъ, онъ избранъ былъ на новое трехлѣтіе. За время служенія городскимъ головой Т. много способствовалъ устроенію Москвы послѣ Отечественной войны, за что и былъ награжденъ рядомъ орденовъ. Онъ имѣлъ также золотую медаль для ношенія на шей, бронзовую—за 1812 годъ и большую похвальную золотую медаль съ именемъ за успѣхи въ ситцевомъ производствѣ. Умеръ Т. въ Москвѣ, 6 ноября 1835 г., 68 лѣтъ отъ роду.

„Московскія Вѣдомости“, 1835, № 94, стр. 4668—4669.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1800—1854 гг.“, Спб. 1893, т. II, стр. 248, № 17879.

Титовъ, Николай Алексѣевичъ, одинъ изъ наиболѣе популярныхъ русскихъ композиторовъ въ области романса и танцевальныхъ мотивовъ, известный подъ прозвищемъ «Дѣдушка русского романса». Это лестное прозвище, данное Т. еще при жизни и поддержанное такими авторитетами, какъ Глинка и Даргомыжскій, основывается на ходачемъ мнѣніи, что Т. положилъ начало русскому романсу изданіемъ въ 1820 г. своей «Уединенной сосны», о которой между прочимъ упоминаетъ Тургеневъ въ «Запискахъ охотника» (рассказъ «Татьяна Борисовна и ея племянники»), олицетворяя этотъ романъ Варламову. Русский романъ однако существовалъ уже за 10—15 лѣтъ до первыхъ опытовъ Т. (К. Шаликовъ, кн. П. И. Долгоруковъ). Тѣмъ не мѣре Т. имѣть право на данный ему титулъ, такъ какъ именно его романы впервые получили широкое распространеніе, сдѣлались популярны, отчасти ствѣчая насрѣвшиимъ эстетическо-музыкальнымъ потребностямъ русского общества, отчасти же и способствуя ихъ пробужденію. Въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка, по словамъ профессора А. Н. Бекетова, не было «музцирующей барышни, которая не пѣла бы романъ Титова «Коварный другъ, но сердцу милый». Т. родился 28 апреля 1800 г. въ Петербургѣ; восприемникомъ его отъ купели былъ Императоръ Александръ I, тогда еще наследникъ. Семейная обстановка какъ нельзя болѣе могла способствовать развитію въ ребенкѣ музыкальныхъ и художествен-

ныхъ наклонностей. Въ домѣ отца Т., Алексія Николаевича (см. выше), музыканта и композитора, часто устраивались вечера, на которыхъ исполнялась камерная музыка. Иногда въ этомъ домашнемъ квартетѣ принимали участіе и заѣзжія знаменитости; посѣщали домъ и композиторы, артисты, артистки, художники, пѣвцы и пѣвицы. Эти впечатлѣнія дѣствовали на значительной мѣрѣ повлияли на развитіе музыкальныхъ наклонностей младшаго брата Т., Михаила Алексѣевича (см. выше), но на его собственной судьбѣ почти не отразились, благодаря тому, что воспитаніе его въ области музыки сразу же прошло неправильно. Учителя музыки, которому одному за другимъ вѣѣрили ребенка Т., рутиной своего преподаванія не только не способствовали дремавшей въ его душѣ музыкальной искрѣ, но скорѣе содѣствовали тому, что въ мальчикѣ родилась сначала апатія, а потомъ почти отвращеніе къ музыке. Послѣ ряда опытовъ и перемѣнъ вѣѣлькихъ учителей отецъ Т. бросилъ надежду сдѣлать сына музыкантомъ. Общее образованіе Т. до 8-лѣтняго возраста получалъ дома, по томъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, который черезъ два года послѣ поступленія долженъ былъ по слабости здоровья оставить, послѣ чего побывалъ въ вѣѣлькихъ частныхъ пансионахъ, изъ которыхъ въ пансионѣ Сантъ-Флорана и окончилъ курсъ.

Только къ 19 годамъ въ Т. проснулось музыкальное чувство, или, по его собственнымъ словамъ, въ немъ «заговорило впервые сердце», и онъ «началь фантазировать на фортепіано и сочинять, наставляя, сначала вальсы, а послѣ и романсы». Когда Т. показалъ свои первые опыты и болѣе удавшіяся романы на слова «Rendez la moi cette femme chérie» отцу, послѣдній пришелъ въ восторгъ и настоятельно сталъ совѣтовать сыну взяться за теорію музыки и композиції. Отчасти подъ руководствомъ отца, отчасти самостоительно Т. съ этихъ поръ стала серьезно изучать доступные ему музыкально-теоретические труды, одновременно взявшиися и за игру на фортепіано. Запоздалое и безсистемное ученіе, конечно, не могло замѣнить Т. настоящей музыкальной школы, и онъ вслѣдствіе этого навсегда въ сущности остался лишь дилетантомъ-композиторомъ какъ Алябьевъ, Верстовскій, Варламовъ,

и даже въ большей степени, чѣмъ они; композиторская техника его не могла освободиться отъ дилетантского характера и много уступала даже технику его отца. Дальше простѣйшей формы салонного романса и танца, наполненного музикальнымъ содержаніемъ, элементарнымъ въ смыслѣ гармонического и методического творчества, Т. не пошелъ. Пріемы его фортепианного письма очень несложны, а ритмъ, часто вопреки содержанію текста, привинимаетъ плясовой характеръ; напр., его романсы «Я не скажу вамъ, кто она» (1831) написаны въ ритмѣ галопа, молитва «Въ мишуру жизни трудную» (1840) въ формѣ вальса и «Птичка Божія не знаетъ»—польки. Тѣмъ не менѣе искренность настроенія и теплота чувства въ большинствѣ романсовъ, нерѣдко переходящая въ естественную для того времени сантиментальность, вмѣстѣ съ безпритязательной простотой и общедоступностью композиторскаго стиля, искупаютъ недостатки творчества Т., и именно эти стороны создали ему широкую популярность. Самая сильная сторона его творчества—мелодія, часто краткая, куплетная, но закругленная, извучая и легко запоминаемая.

Первымъ появившимся въ печати романсомъ Т. была, какъ сказано, «Уединенная сосна» (1820), а вслѣдъ за нею послѣдовали и рядъ другихъ. Всего перу Т. принадлежитъ свыше 60 романсовъ на русскіе и французскіе тексты; наиболышею популярностью изъ нихъ пользовались: «Шарфъ голубой» (слова М. А. Марковича, 1830), «Мальвина» (В. А. Жуковскаго, 1831), «Коварный другъ» (М. Офросимова, 1831), «Какая грусть владѣть мнѣй» (слова, вѣроятно, самаго Т.), «Звѣздочка» (Новикова), «Къ Морфѣю» (Пушкина, 1860), «Прости на долгую разлуку», «Признаніе» (Офросимова), «Гусли мои, гусли» (Н. Кукольника), «Мечта любви» (кн. П. А. Вяземскаго), «Пѣсня ямщика» (К. Бахтурина), «Колыбельная пѣсня» (Лермонтова), «Горные вершины» (Лермонтова изъ Гете) и др. Въ началѣ 1820-хъ годовъ Т. началъ сочинять и издавать свои танцы. Такъ, въ 1823 г. въ музыкальномъ журнале «La Harpe du Nord» появилась его кадриль въ три руки, а въ слѣдующемъ 1824 г. онъ издалъ свою знаменитую кадриль «Vieux pochés» (a-mol), сдѣлавшуюся любимѣйшою въ публикѣ,

разошедшуюся, по словамъ ея издателя Бернарда, болѣе чѣмъ въ 16 тысячахъ экземпляровъ и пережившую нѣсколько цикловъ. Въ 1824 г. Т. сочинилъ свой первый скорый маршъ, аранжированный Н. А. Дерфельтомъ для военного оркестра и имѣвшій большой успѣхъ. Съ этихъ поръ марши Т. вошли въ моду и очень нравились при Дворѣ, такъ что великие князья Николай и Михаилъ Павловичи неоднократно заказывали ему новые и удостаивали его разными подарками. Изъ наиболѣе выдающихся инструментальныхъ произведений Т. слѣдуетъ назвать маршъ «Кіа-кінгъ», маршъ на тему изъ оперы «Красная шапочка», вальсы «Родные звуки» «Mon Salut à Pawlowsk», «Весенний букетъ», «Maria-Valse», «Alexander-Valse», польку «Die Eigensinnige»; въ общей сложности инструментальныхъ произведений имъ написано свыше 30. Недавно напечатаны въ видѣ материаловъ къ биографіи Т. нѣсколько написанныхъ имъ стихотвореній, преимущественно шуточныхъ и довольно слабыхъ какъ по формѣ, такъ и по содержанію; довольноѣ вѣроятно, что текстъ нѣсколькихъ его романсовъ принадлежитъ также ему.

Что касается служебной дѣятельности Т., то она началась въ 1817 г., когда онъ опредѣлился подпрапорщикомъ въ Преображенскій полкъ, и кончилась въ 1867 г. Въ 1819 г. былъ переведенъ въ лейбъ-гвардію Финляндскій полкъ, 27 марта 1822 г. произведенъ въ офицеры, въ 1830 г. вышелъ по домашнимъ обстоятельствамъ въ отставку, но въ 1833 г., по предложению самого государя, снова поступилъ въ военную службу—въ лейбъ-гвардію Уланскій полкъ; въ февралѣ 1834 г. онъ упалъ съ лошади, сильно расшибся, долго проболѣлъ, по выздоровленію оставилъ строевую службу и перевелся чиновникомъ особыхъ порученій въ комиссаріатскій департаментъ, где позже послѣдовательно занималъ должности—смотрителя казенной фабрики офицерскихъ вещей, директора лосиной фабрики и члена общаго присутствія. Въ отставку онъ вышелъ въ чинѣ генераль-лейтенанта. Съ 1839 г. былъ женатъ на извѣстной московской красавицѣ Софіи Алексѣевнѣ Смирновой. Скончался Т. 10 декабря 1875 г.

«Воспоминанія» Т., имѣющія автобіографический характеръ, напечатаны въ „Русской

Старинѣ», 1870, кн. I, пад. 1-е, стр. 148—149, 419—422; изд. 2-е, стр. 215—222, а также въ „Древней и Новой Россіи“, 1878, т. III, стр. 265—286.—С. Буличъ, „Дѣдушка русскаго романса—Николай Алексѣевич Титовъ“, „Русская Музикальная Газета“, № 17—20, и отд., Слб. 1900 (приведенъ полный перечень сочинений Т.). Его же, „Нѣсколько новыхъ данныхъ для біографіи Николая Алексѣевича Титова“, тамъ же, 1900, № 50.—М. Ивановъ, „Пушкинъ въ музыкѣ“, Слб. 1899, стр. 32.—„Воспоминанія В. Т. Соколова“, „Исторической Вѣстнѣкъ“, 1889, т. 32, стр. 528.—„Изъ семейной хроники Л. Н. Павлищева“, тамъ же, 1888, т. 31, стр. 315.—„М. А. Офросимовъ“ (авторъ текста многихъ романсовъ Т.), „Древняя и Новая Россія“, 1878, т. I, стр. 274.—„Общий полный каталогъ музикального магазина П. Юргенсона въ Москвѣ“, отд. IV: „Русскіе романсы и пѣсни для пѣнія съ сопровожденіемъ фортепіано“, Москва 1898.—„Русскій Архивъ“, 1887, т. II, стр. 541—542.—„Н. А. Титовъ. Некрологъ“, „Голосъ“, 1875, № 352.—„Н. А. Титовъ. Некрологъ“, „Иллюстрированная Недѣля“, 1876, № 4.—То же „Народная Школа“, 1876, № 2, стр. 17—18 (проплаж.).—То же, „Гражданинъ“, 1876, № 4.—„Необходимое дополненіе къ Настольному словарю Ф. Толля“, с. в.—„Энциклопед. словарь“ Брокгауза-Эфрона, 1-е изд., т. 33.

Титовъ, Николай Сергеевичъ, капитанъ-поручикъ лейб-гвардіи Семеновскаго полка, сынъ Сергея Николаевича, композиторъ романсовъ, годъ рожденія и смерти неизвѣстенъ (въ воспоминаніяхъ его двоюроднаго брата, Николая Алексѣевича, сказано: «умеръ въ цвѣтующихъ годахъ въ Москвѣ»). Ему принадлежитъ около 20 романсовъ, вышедшихъ въ изданіяхъ Стедловскаго и Бернарда и нѣрѣдко прописывавшихся болѣе популярному Н. А. Титову, ибо и по фактурѣ и по стилю они ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ произведений «дѣдушки русскаго романса». Наиболѣе выдаются слѣдующіе его романсы: «Фонтанъ», «Слыхали ль вы?», «Даруетъ небо человѣку», «Подъ вечеръ осенью ненастной», «Я помню чудное мгновеніе», «Паль туманъ на сине море», «Талисманъ», «Прощай, свободная стихія». Нѣкоторые изъ нихъ («Талисманъ», «Даруетъ небо человѣку» и др.) были очень популярны во второй и третьей четвертяхъ прошлаго вѣка, а романъ «Слыхали ли вы?» и дни вѣчастся въ концертныхъ репертуарахъ.

С. Буличъ, „Дѣдушка русскаго романса—Николай Алексѣевич Титовъ“, „Русская Музикальная Газета“, 1900, № 17, и отд., Слб. 1900.—„Воспоминанія Никол. Алекс. Титова“,

„Древняя и Новая Россія“, 1878, кн. III, п. „Русск. Старина“, 1870, т. I.—„Энциклопедич. словарь“ Брокгауза-Эфрона, т. 33, 1-е изд., стр. 258.

Титовъ Нилъ Михайловичъ, генераль-маиръ, родился въ 1804 г., умеръ 16 марта 1866 г.; воспитаніе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ который поступилъ въ апрѣль 1817 г. и черезъ пять лѣтъ окончилъ его курсъ гардемариномъ. Произведенный въ февралѣ 1821 г. въ мичманы, онъ былъ опредѣленъ на фрегатъ «Помощный», въ составѣ офицерской команды котораго то плавалъ въ Финскомъ заливѣ, то крейсировалъ въ водахъ Нѣмецкаго моря вплоть до 1827 г., когда былъ перемѣщенъ на корабль «Александъ Невскій», на немъ перешелъ изъ Кронштадта въ Портсмутъ, а оттуда въ эскадрѣ контр-адмирала гр. Л. П. Гейдена (впослѣдствіи главнаго команда Ревельскаго порта)—въ Средиземное море, гдѣ принялъ участіе въ Наваринскомъ сраженіи, за что удостоился получить орденъ св. Анны 4-й ст. съ надписью «За храбрость». Въ теченіе ближайшихъ затѣмъ четырехъ лѣтъ Т. на томъ же кораблѣ продолжалъ крейсировать въ Арихипелагѣ, при чемъ былъ участникомъ блокады Дарданеллъ и только по ся снятіи возвратился въ Кронштадтъ, гдѣ 11 января 1831 г. получилъ лейтенантскій чинъ. Въ 1838 г. онъ былъ переведенъ въ Свеаборгъ, на рейдѣ котораго въ продолженіе четырехъ лѣтъ несъ брандвахтеннуя службу въ составѣ офицерской команды брига «Агамемнонъ», послѣ чего одновременно съ производствомъ въ капитанъ-лейтенанты (19 апрѣля 1842 г.) былъ назначенъ командромъ порохода «Проворный», которымъ оставался до 1846 г. Награжденный орденами Св. Станислава 3-й ст. и «за 18 морскихъ кампаній» Георгія 4-го класса, Т. получилъ въ командование другой пароходъ «Неву» (1848 г.), которымъ начальствовалъ до декабря слѣдующаго года, когда былъ назначенъ командромъ 3-го рабочаго экипажа вмѣстѣ съ переименованіемъ въ маиоры. Оставаясь въ той же должности, 26 марта 1860 г. былъ произведенъ въ полковники, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ зачисленъ по резервному флоту. Генераль-маирскій чинъ Т. получилъ 30 августа 1861 г. одновременно въ увольненіемъ отъ службы.

„Общій морской списокъ“, ч. XII, Спб. 1900, стр. 40—41.—Ѳ. Ф. Веселаго, „Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса съ приложеніемъ списковъ воспитанниковъ“. Спб. 1852.

Титовъ, Павелъ Николаевичъ, драматургъ и переводчикъ конца XXVIII и начала XIX в., народный советникъ съ 1800 г. Напечатаны слѣдующія его произведения: «Истинный другъ», драма въ 3 д. (Спб. 1795), «Наслѣдники» драма въ 1 д. (Спб. 1799), «Баронъ Фельзеймъ», драма въ 3 д. съ хорами, балетомъ и военными эволюціями (Спб. 1812). Послѣднее произведение представляетъ собою передѣлку съ французскаго.

Мезиеръ, „Русская словесность“, ч. II, № 17977, 17978.—Березина—Ширяевъ Описание „русскихъ и иностранныхъ книгъ“, 1873, стр. 372.

Титовъ, Петръ Петровичъ, художникъ-портретистъ 40—50-хъ годовъ; происходилъ изъ вольноотпущеныхъ, крестьянъ. Воспитывался въ академіи художествъ. Въ 1851 г. представилъ написанную съ натуры голову для получения званія художника. Сохранилось нѣсколько достовѣрныхъ его произведеній, по которымъ его можно опредѣлить какъ вполнѣ выработавшагося и довольно даровитаго мастера изъ школы Левицкаго, Рокотова и Боровиковскаго.

П. Петровъ, „Сборникъ матер. для ист. Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія“, т. 3, стр. 152.—А. Бенуа, „Исторія русской живописи“, стр. 17, 18.

Титовъ, Петръ Савельичъ, живописецъ декоративной живописи, академикъ. Художественный талантъ развивался и складывался въ вліянія академіи. Въ 1845 г. онъ расписывалъ стѣны Греческаго монастыря въ Москвѣ. Въ 1849 г. представилъ для получения званія некласснаго художника картину, изображающую цветы. За работы по росписи церкви лейбъ-гвардіи Егерскаго полка удостоенъ званія академика.

П. Петровъ, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія“, Спб. 1864, т. 3, стр. 3, 109, 247.

Титовъ, Семенъ Степановичъ, думный дьякъ въ Разрядѣ, изъ дворянскаго стариннаго рода, уходящаго съ XVI ст. Въ 1663 г. дьякъ денежнаго сбора. Въ 1665—1669 гг. состоялъ въ приказѣ Большого дворца. Въ 1670 г. по повелѣнію

Алексѣя Михайловича завѣдывалъ формироувкой отрядовъ для посылки въ Алатырь по случаю бунта Разина. Въ 1672 г. при посвященіи въ Москвѣ въ патріархи архіепископа новгородскаго Питирима Т. былъ въ числѣ представителей власти «чертные и белые», сопровождалъ патріарха въ его обѣздѣ Кремля и былъ у царскаго стола. Въ Разрядѣ въ качествѣ думного дѣлака находился до самой смерти, послѣдовавшей въ 1676 г.

Полное Собрание Законовъ, т. I, стр. 379, 550, 551, 699, 815, 818, 822, 823, 870, 874, 892, 941, 947, 986; т. II, стр. 3.—«Акты Историч.», т. IV, стр. 516.—«Дополн. къ Акт. Историч.», т. IV, стр. 316, 318; т. V, стр. 38, 229, 335, 340, 363, 409, 418; т. VI, стр. 61—63, 65, 38, 253, 254; т. VII, стр. 4; т. IX, стр. 51, 175, 257; т. X., стр. 48.—«Акты Археографич. Экспедиціи», т. IV, стр. 229, 235, 237.—Древняя Россійская Вивіюсія», т. VI, стр. 356. т. XVI, стр. 356,—Графъ Бобрикскій, «Дворянскіе роды», т. I, стр. 684.

Титовъ, Сергеѣвъ Николаевичъ, генераль-лейтенантъ, членъ военной коллегіи (1804—1809), композиторъ, родился въ 1770 г., умеръ 24 марта 1825 г.; славился какъ очень хороший музыкантъ—играль на фортепиано, на альте и віолончели. Съ большимъ или меньшимъ вѣроятіемъ ему приписываются оперы «Посидѣлки» (слова Княжнина, 1809), «Старинные святки» (1809), «Легковѣрные» (слова Княжнина, 1812) и «Принужденная женитьба». Вторая и четвертая изъ этихъ оперъ принадлежатъ ему несомнѣнно, остальная же двѣ написаны, вѣроятно, его старшимъ братомъ, — Алексѣемъ Николаевичемъ. Неизвѣстно, кто изъ нихъ былъ авторомъ балета «Новый вертепъ» (поставленъ въ 1799 г.) и оперы «Исправленный игрокъ» (поставлена при Александрѣ I). Ему же принадлежитъ комедія въ 1 дѣйствіи «Обманутый опекунъ» (Спб. 1788).

«Воспоминанія Николая Алексѣевича Титова» (цементника Т.), «Древняя п Новая Россія», 1878, кн. III.—Марковъ, «Исторія русской оперы».—В. Стасовъ, «Списокъ оперъ, поставленныхъ въ Россіи», «Русская Музикальн. Газета», 1898.—«Энциклопедич. словарь» Брокгауза-Эфрона, 1-е изд., т. 38, стр. 257.—Мезиеръ, «Указателъ къ русской литературѣ», Спб. 1903, № 1795, 1796.—Веевгеровъ «Русская поэзія», вып. VI, Спб. 1897.

Титовъ, Федоръ Федоровичъ, капитанъ 1 ранга, герой Севастопольской обороны. Образованіе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ; въ 1847 г. былъ произве-

день въ первый офицерскій чинъ, гардемаринъ, въ 1849—въ мичманы и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ на службу въ Черноморскій флотъ. Въ 1850 г. на транспортахъ «Бзыбъ» и «Бугъ», фрегатѣ, «Флора», корветѣ «Орестъ» и шхунѣ «Дротикъ» совершаѣтъ переходы изъ Очакова въ Севастополь, плавалъ и крейсировалъ въ Азовскомъ и Черномъ моряхъ, въ 1851—1853 гг. на той же шхунѣ «Дротикъ» корветѣ «Уріль», бригахъ «Орфей», «Персей», «Птоломей» и фрегатахъ «Флора», «Коварна» и «Мидія» совершаѣтъ крейсерскія кампаніи у абхазскихъ береговъ и во время одной изъ нихъ (1853 г.) участвовалъ въ сраженіи съ тремя турецкими пароходами, послѣ чего на небольшомъ барказѣ съ командою въ нѣсколько человѣкъ былъ посланъ въ укрѣпленіе Бомбары, а оттуда въ Сухухъ-кале къ начальнику эскадры контр-адмиралу П. М. Вукотичу съ донесеніемъ о результатахъ сраженія. Когда началась Крымская война, фрегатъ «Коварна», на которомъ тогда находился Т., стоялъ на Севастопольскомъ рейдѣ. Съ началомъ блокады порта Т. въ составѣ десантной команды фрегата включился на сушу и съ 11 по 13 сентября 1854 г. былъ въ числѣ защитниковъ южныхъ укрѣпленій Севастополя. 13 сентября онъ перешелъ на Малаховъ курганъ и, командуя 4-й ротой десантнаго стрѣлковаго батальона, стоялъ на этомъ опаснѣйшемъ мѣстѣ въ теченіе 17 дней, до 30 сентября, когда, назначенный командиромъ 10-пушечной № 25 батареи, былъ переведенъ на городскую сторону, занявъ позицію между 4-мъ и 5-мъ бастионами. При первомъ бомбардированіи Севастополя батарея Т. мѣтко посланными снарядами взорвала пороховые погреба на французской сторонѣ, чѣмъ обратила на себя всеобщее вниманіе. Солдатская молва окрестила батарею именемъ Т., и это название, перешедшее потомъ и въ офицерскій языкъ, продержалось до самаго конца осады. Съ этого опаснаго мѣста Т. 21 ноября былъ переведенъ въ другое, не менѣе опасное — назначенъ траишей-маюромъ по 1-му отдѣленію оборонительной линіи. Здѣсь онъ обнаружилъ чудеса храбрости. Среди всѣхъ смѣльчаковъ и безшабашныхъ удальцовъ, которыми была такъ богата Севастопольская оборона, Т. былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся.

Безудержная храбрость, презрѣніе къ опасности, «отчаянность» толкали его на самыя рискованныя вылазки. Во главѣ городи матросовъ (20 человѣкъ), вооруженныхъ мушкетонами, и подъ прикрытиемъ двухъ горныхъ «единороговъ» въ ночь съ 29 на 30 ноября онъ вплотную подступилъ къ непріятельскому редуту № 1 и, произведя нѣкоторыя опустошенія, вспоможивъ изумленныхъ французовъ, безъ всякихъ потерь возвратился въ русскія укрѣпленія. Подобныя вылазки, опасныя и не всегда цѣлесообразныя, ибо, несмотря на сопряженный съ ними рискъ, онъ въ виду малочисленности участниковъ не могли быть богаты успѣхомъ. Т. совершаѣтъ неоднократно. Только въ ночь съ 7 на 8 января 1855 г. ему удалось испросить разрѣшеніе на вылазку и организовать ее въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Во главѣ пяти ротъ Тобольского полка и 100 матросовъ — охотниковъ въ эту ночь онъ произвелъ нападеніе на центръ французскихъ траншей и стремительнымъ приступомъ, послѣ кровопролитной рукопашной схватки, изъ нѣкоторыхъ траншей вытѣснилъ непріятеля. Понятно, что долго удержаться здѣсь онъ не могъ; подоспѣвшія французскія подкрѣпленія вынудили отрядъ отступить. Отступленіе совершено было уже не подъ командой Т., такъ какъ при схваткѣ изъ-за второй траищей штуцерною пулею онъ былъ раненъ въ грудь и выплыть и съ поля сраженія унесенъ полумертвымъ. Тщательность медицинскаго ухода спасла ему жизнь, чemu не мало способствовали, конечно, его молодость и крѣпость организма. Къ началу декабря онъ уже значительно оправился и въ правахъ раненыхъ былъ прикомандированъ къ морскому корпусу. Однако потеря силъ не позволила ему уже болѣе принимать участіе въ оборонѣ. «За храбрость и неустрашимость при оборонѣ Севастополя» по ею окончаніи Т. былъ сразу награжденъ орденами св. Георгія 4-й степени, св. Владимира той же степени съ бантомъ и производствомъ въ лейтенантскій чинъ. 14 февраля 1855 г. онъ былъ переведенъ въ Гвардейскій экипажъ съ назначеніемъ сначала завѣдующимъ катерами Императорской фамилии, а затѣмъ командиромъ катерами Его Величества и гвардейскихъ гребныхъ судовъ. Въ этой исключительно почетной для лейтенантскаго чина долж-

ность Т. пробыл до 15 марта 1860 г., когда был переведенъ исправляющимъ должность начальника Петергофскаго порта и завѣдывающимъ гвардейскими загородными судами. Получивъ рядъ знаковъ отличія и чинъ капитанъ-лейтенанта, онъ въ 1869 г., ссылаясь на обостряющуюся болѣзнь—отзвуки полученной имъ раны,—испросилъ отчисленія отъ занимаемыхъ имъ должностей. Произведенный въ капитаны 2-го ранга (1875) и продолжительнымъ лечениемъ восстановивъ свои силы, Т. въ 1875 г. былъ назначенъ начальникомъ того же Петергофскаго порта, которымъ оставался до самой смерти, послѣдовавшей 5 января 1880 г. Чинъ капитана 1-го ранга былъ полученъ имъ 17 января 1875 г. Въ 1871 г. боровицкимъ земствомъ онъ былъ избранъ на первое и въ 1878 г. на второе трехлѣтіе въ почетные мировые судьи.

„Общій морской списокъ“, ч. XII, Спб. 1900, стр. 42—44.—А. Кротковъ, „Повседневная запись замѣчательныхъ событий въ русскомъ флотѣ“, Спб. 1893, стр. 7, 504, 505, 522.—Ф. Ф. Веселаго, „Очеркъ истории морского кадетскаго корпуса“, Спб. 1855.—Тотлебенъ, „Описание обороны Севастополя“, т. I, стр. 333, 337, 357.—„Въ память столѣтія юбилея Императорскаго военнаго ордена св. Великомуч. и Побѣдносца Георгія, 1769—1869 гг.“.—„Списки кавалеровъ Имп. воен. ордена св. Великом. и Побѣд. Георгія за боевые отличия“, Спб. 1869.—Дубровинъ, „Материалы для истории Крымской войны“, Спб. 1871—1873.—Жандъръ, „Материалы для истории обороны Севастополя“.—„Морской Сборникъ“, 1854, № XII, стр. 226; 1855, № II, стр. 265; № IV, стр. 509; 1857, т. II, стр. LXVI.

Титъ, кіевскій граверъ на деревѣ началъ XVIII вѣка. Въ «Акаестахъ» 1706 и 1709 гг., изданныхъ въ Кіевѣ, подпись его встрѣчается на слѣдующихъ листахъ: листъ 93—Іоаннъ Креститель; листъ 137—Соборъ св. апостоловъ; листъ 145—Св. Николай, на облакахъ Богъ-Отецъ и Иисусъ Христосъ; листъ 220—Соборъ печерскихъ преподобныхъ. Въ тѣхъ же Акаестахъ имѣется картина, на которой изображенъ Соборъ всѣхъ святыхъ, сверху съ Христомъ, Богомъ-Отцомъ и Предтечей, аникузъ имѣется подпись «Титъ — 1706» и стихи: «Тако святіи Христу Богу угодиша Яко жизнь себѣ окресть его полушиша».

Д. И. Ровинскій, „Русскіе граверы и ихъ произведения“, Москва 1870, стр. 124, 308.

Титъ, книгописецъ XVI вѣка, монахъ. Иль написанъ «Сборникъ поученій наибольшѣ I. Златоустаго отъ Пасхи до недѣли Всѣхъ Святыхъ», носящий общее заглавіе «Пятидесятницы». Рукопись въ 404 листа (хранится въ Троице-Сергіевской лаврѣ, № 146/1512), имѣеть искусственную заставку, написана полууставомъ, крупно, четко, относится къ 1511 г. Монашество Т. принялъ въ Комельскомъ Никольскомъ монастырѣ, но въ 1540 г. уже находится при игуменѣ Порфирии II въ Троице-Сергіевскомъ монастырѣ.

„Чтения въ Московскомъ Общ. любителей дрѣв. письмъ“, 1878, кн. 2, стр. 116—121.—Горской, „Историческое описание Свято-Троицкія Сергіевы лавры“, Москва 1841, стр. 74.

Титъ, пресвитеръ, преподобный пещерскій, монахъ Кіево-Печерскаго монастыря, жившій въ XIII вѣкѣ. Въ Патерикѣ пещерскомъ, въ «Сказаніи о двою брату, о Титѣ попѣ и Евагрії діаконѣ, имѣвшихъ между собой вражду», входящемъ въ составъ посланія епископа Симона Владимирскаго и Сузdalскаго къ Поликарпу, черноризцу Печерскому, объ этомъ угоднѣй разсказывается слѣдующее. Т. былъ очень друженъ съ діакономъ Евагріемъ, но вскорѣ дружба эта перешла во вражду. Черезъ нѣкоторое время Т. тяжело заболѣлъ и, лежа уже на смертномъ одрѣ, послалъ за Евагріемъ, взыскавъ съ нимъ мира; но Евагрій отказался идти на миръ и еще болѣе злословилъ Т. Тогда пещерская братія насильно привела діакона къ умирающему. Напрасно Т. со слезами просилъ прощенія у Евагрія: этоѣ остался непреклоненъ и объявили передъ всѣми, что онъ ни теперь, ни въ будущемъ не простить пресвитера. Но едва діаконъ вымолвилъ эти слова, какъ упалъ мертвымъ, а Т. въ то же время выздоровѣлъ. Сказаніе свое Симонъ начинаетъ слѣдующими словами: «и се ти еще ино чудскажу, иже самъ видѣхъ, еще убо сотвориша въ томъ же Печерскомъ монастырѣ». Мощи преподобнаго Т. почиваютъ въ Антоніевої пещерѣ; память его чтится 27 февраля.

Викторова, „Кіево-Печерскій патерикъ“, Кіевъ 1897, стр. 53—55.—„Словарь исторический о святыхъ, прославленныхъ въ русской церкви“, 2-е изд., Спб. 1865, стр. 228—229.—Макарій, „Исторія русской церкви“, изд. 2-е Спб. 1868, т. III, стр. 47—Евгений Болховитиновъ, „Описание Кіево-Печерской лавры“, Кіевъ 1826, стр. 85.—Ф. Л. Ч. (Фила-

реть), „Русские святые“, Черниговъ 1862, мѣс. февраль, стр. 138—141.—Д. И. Протопоповъ, „Житія святыхъ“, Москва 1884, мѣс. февраль, стр. 193—194.—Сергій, „Полный мѣсяцесловъ Востока“, Москва 1876, т. II, ч. 1, стр. 50.—Кальюфорій, „Teraturgima“, Kiow 1636, р. 15.—Н. Барсуковъ, „Источники русской агиографіи“, Слб. 1882, стр. 549—550.—„Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ“ пзд. В. Яковлевымъ, Слб. 1872, стр. СІХ—СХ.—Амвросій, „Історія россійской іерархії“, Москва 1807—1815, т. I, стр. 288.—„Кievskая Старина“, 1886, № 8, стр. 626.—Ігнатій, „Краткія жизнеописанія русскихъ святыхъ“, Слб. 1875, ч. I.

Титъ-воинъ, преподобный печерскій; въ житіяхъ о немъ разсказывается, что въ молодости онъ былъ воиномъ и во время одного похода опасно раненъ въ голову. Несколько оправившись отъ полученной раны, Т. пришелъ въ Киевский Печерскій монастырь и принялъ быть въ число иноковъ. Т. изображается въ Житіяхъ святыхъ какъ строгій отшельникъ, ведшій постоянную и упорную борьбу съ плотью, часто подвергавшійся искушеніямъ дьявола, но стойко выдержавшій ихъ; о немъ говорится, что еще при жизни онъ получалъ отпущеніе грѣховъ. Время его жизни неизвѣстно. Мопи Т. почивають въ пещерѣ препод. Антонія въ Кіевскомъ Печерскомъ монастырѣ; память его чтится 28 августа; служба общая.

Евгений Болховитиновъ, „Описаніе Кіево-Печерской лавры“, Кіевъ 1826, стр. 89.—Д. И. Протопоповъ, „Житія святыхъ“, Москва 1885, августъ, стр. 433—434.—Сергій, „Полный мѣсяцесловъ Востока“, Слб. 1875—76, т. II, ч. I, стр. 226.—„Энциклопедіческий словарь“ Брокгауза и Эфрона. 1-е изд. полут. 65, стр. 259.—Амвросій, „Історія россійской іерархії“, Москва 1807—1815, т. I, стр. 314.—„Кievская Старина“, 1886, № 8, стр. 630.

Тіу (Tiusъ), Романъ Ульяновичъ, «медикусъ» и аптекарь въ Москвѣ, въ срединѣ XVII вѣка, родомъ изъ Англіи. Время прибытія его въ Россію неизвѣстно; въ 1644 г. онъ уже значится среди лицъ, служившихъ въ Аптекарскомъ приказѣ. Повидимому, Т. долгое время пробывъ на службѣ у царя Алексея Михайловича; въ attestatѣ, данномъ Т. 4 июля 1655 г., и одобрительной грамотѣ означены его преклонныя лѣта и болѣзненное состояніе. Изъ расходныхъ книгъ Аптекарского приказа видно, что Т. получалъ очень высокое по тому времени жалованіе,—по 25 руб. въ мѣсяцъ. При увольненіи его царь поручилъ

ему прислать другого аптекаря на свое мѣсто. Т. прислалъ аптекаря Романа Биньяна, который, какъ видно, былъ не столь искусенъ, какъ его предшественникъ, и Алексей Михайловичъ выразилъ желаніе имѣть Т. опять въ своей службѣ. Въ 1658 г. царскому комиссару Гебдону дано порученіе снова пригласить Т. въ Россію. Впослѣдствіи о Т. однако никогда не упоминается ни слова, изъ чего можно думать, что онъ по старости своей уже не могъ рѣшиться вновь отправиться въ Россію.

„Акты Историч.“, т. III, стр. 396.—„Дополн. къ Акт. Историч.“, т. III, стр. 1.—Рихтеръ, „Історія медиц. въ Россії“, ч. II, стр. 271.—„Матеріали для исторіи медпцины въ Россії“, вып. I, стр. 75; вып. III, стр. 578, 581.

Тихановскій, Іосифъ Андреевичъ, изъ дворянъ Смоленской губерніи, родился 1 апреля 1810 г. и по окончаніи образованія въ Дворянскомъ полку поступилъ (15 апреля 1829 г.) прапорщикомъ въ 7-й Егерскій полкъ, а черезъ два года перевелся въ 49-й Егерскій и вторично черезъ два года—въ Волынскій пѣхотный полкъ. Получая за отличие по службѣ всѣ чины, Т., подполковникъ съ 1853 г., былъ назначенъ въ 1859 г. командиромъ 6-го резервнаго баталіона Тенгинскаго пѣхотнаго полка и въ томъ же году произведенъ въ полковники. Въ 1863 г. баталіонъ съ его командиромъ вошелъ въ составъ 157-го пѣхотнаго Имеретинскаго полка, въ которомъ Т. оставался до назначения (24 марта 1868 г.) командиромъ Свеаборгскаго крѣпостнаго полка. 13 декабря 1874 г. Т. за отличие по службѣ былъ произведенъ въ генералъ-майора съ зачисленіемъ въ запасныя войска, въ которыхъ состоялъ 9 лѣтъ до зачисленія въ запасъ армейской пѣхоты. Скончался 11 августа 1884 г. Прямо со школьной скамьи Т. отправился въ Турцію на театръ военныхъ дѣйствій (съ 13 июня 1829 г. по 3 марта 1830 г.), привялъ участіе въ усмиреніи польского восстанія 1831 г., а послѣдующая его боевая дѣятельность сосредоточилась исключительно на Кавказѣ въ дѣлахъ съ гордами: былъ въ дѣлахъ 2—19 апреля 1841 г., 16 июня—29 ноября 1855 г., 1 июля—5 декабря 1860 г., 3 ноября—20 декабря, въ составѣ мало-лабинскаго отряда въ теченіе цѣлаго 1863 года и въ 1864 г. съ 1 января по 1 ноября.

Формуляръ Общаго Архива Главнаго Штаба, форм. сп. состоящимъ въ зап. войскахъ лич. Т., сп. 19.

Тихановичъ, Госифъ Кирилловичъ (Карловичъ), коллежскій советникъ, докторъ медицины, адъюнктъ рецептуры въ Московскомъ университѣтѣ, происходилъ изъ кіевскихъ мѣщанъ. Съ позволенія кіевскаго магистрата вступилъ въ декабрѣ 1804 г. въ академическую гімназію при Московскому университѣтѣ. По окончаніи курса въ гімназіи произведенъ въ августѣ 1812 г. въ студенты медицинскаго отдѣленія и привѣтъ на казенное содержаніе. Черезъ 4 года распоряженіемъ сената уволенъ изъ податнаго сословія. Въ ноябрѣ 1819 г. окончилъ курсъ университета со степенью лекаря 1-го отдѣленія и по предписанію министра народнаго просвѣщенія оставленъ при университѣтѣ «для большаго усовершенствованія въ наукахъ и полученія званія доктора медицины». Въ январѣ 1820 г. попечитель Московскаго университета поручилъ ему имѣть надзоръ за студентами медицинскаго факультета, а въ сентябрѣ того же года онъ назначенъ былъ помощникомъ директора Врачебнаго института. Въ 1823 г. Т. представилъ диссертацию на тему «De febre рицерегагит» (Москва 1823) и получилъ 4 іюля степень доктора медицины. По представленію попечителя Московскаго учебнаго округа онъ 17 ноября 1825 г. назначенъ былъ адъюнктомъ рецептуры и завѣдующимъ университетской аптекой и въ апрѣлѣ 1826 г. опредѣленъ врачемъ Московской губернскай гімназіи. Съ 9 сентября того же года Т. по предписанію попечителя округа отправилъ должность инспектора казенныхъ студентовъ сначала временно, а съ 22 ноября 1827 г. съ утвержденіемъ въ должности. За отличіе по службѣ и усердіе получилъ 28 апрѣля 1828 г. монаршее благоволеніе. 18 августа 1828 г. утвержденъ былъ въ должности директора Медицинскаго института. Въ университѣтѣ Т. находился до 1830 г., когда по прошенію выбылъ изъ него и ушелъ въ качествѣ врача въ Турецкую кампанію. Какъ преподаватель и ученикъ онъ ничѣмъ не выдавался. За пе-ріодъ дѣятельности въ университѣтѣ имѣ, кромѣ диссертаций, было написано еще: «Врачебные правила для сохраненія здоровья и жизни роженицъ и новорожденныхъ младенцевъ», 2 ч. (Москва 1825).

Въ 1830 г. Т. назначенъ былъ старшимъ лекаремъ, а вскорѣ главнымъ докторомъ Варшавскаго военнаго временнаго госпиталя, откуда въ томъ же году переведенъ въ Виленскій военный госпиталь. Въ теченіе 1831 г. служилъ старшимъ лекаремъ послѣдовательно въ Венгровскомъ, Ружанскомъ и Бѣлостокскомъ военныхъ временныхъ госпиталяхъ; въ 1832 г. переведенъ ординаторомъ въ Динабургскій военный госпиталь, въ 1833 г.—въ Петербургскій госпиталь, а 1834 г.—въ госпитальное отдѣленіе въ д. Эргмана, откуда въ 1837 г. былъ уволенъ. Въ 1839 г. поступилъ въ Кременчугскую больницу, но въ томъ же году назначенъ лубенскимъ, Полтавской губ., уѣзднымъ врачемъ. Въ 1848 г. перешелъ въ московское губ. правленіе и при канцеляріи гражданскаго губернатора въ качествѣ врача. Вышелъ въ отставку въ 1855 г. За время своей службы военнымъ врачемъ Т. составилъ «Рисунки хирургическихъ инструментовъ, съ краткимъ ихъ описаніемъ для молодыхъ врачей» (Москва 1833).

«Біографіческий словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго унив.,» Москва 1855, ч. II, стр. 498—499.—Шевыревъ, «Історія Имп. Московскаго унив.,» Москва 1855, стр. 551.—Л. Ф. Змѣевъ, «Русские врачи-писатели», Спб. 1886, тетр. 2, стр. 130.—Его же, «Словарь врачей, получившихъ степень доктора медицины въ Московск. унив.,» Спб. 1885, стр. 57.—В. И. Межовъ, «Історія русской и всеобщей словесности», Спб. 1872, стр. 276, № 6808.—«Роспись российскими книгами для чтенія изъ библиотеки А. Смирдина», Спб. 1828, стр. 361, № 4677.

Тихановичъ, Паликарпъ Васильевичъ, дѣйств. ст. советникъ, ординарный профессоръ греческой и римской филологии Харьковскаго университета, родился 22 февраля 1813 г. въ мѣстечкѣ Рашевѣ (Гадячскаго уѣзда Полтавской губерніи) въ купеческой семье. Среднее образование получилъ въ Переяславской духовной семинаріи и высшее на философскомъ факультете Харьковскаго университета, курсъ котораго въ 1838 г. окончилъ со степенью кандидата. Служебную дѣятельность онъ началъ въ качествѣ преподавателя латинскаго языка при первой Харьковской гімназіи. Въ 1841 г. получилъ степень магистра классической филологии. Въ 1849—1858 гг. былъ инспекторомъ Курской гімназіи, при чмъ въ теченіе 1849—1852 гг. часто исправлялъ должностъ ди-

ректора училищъ Курской губерніи. Въ 1858 г. опредѣленъ адъюкто-профессоромъ Харьковскаго университета по каѳедрѣ греческой и римской филологии, въ 1859 г. исполняющимъ должность экстраординарнаго, а въ 1862 г. ординарнаго профессора. Вмѣстѣ съ тѣмъ Т. состоялъ инспекторомъ классовъ Харьковскаго женскаго института, а съ 12 іюля 1868 г.—директоромъ первой Харьковской гимназіи. Ему принадлежать слѣдующія работы изъ области древне-греческой и римской жизни и филологии: «Римскіе авгуры» («Журналъ Минист. Нар. Просвѣщенія», 1849, ч. LXIII), «Древнія гречанки» («Библіотека для Чтенія», 1850, кн. 9, 11 и 12), «Очеркъ гимнастическихъ игръ у древніхъ грековъ» («Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія», 1856, ч. ХСП, кн. 12; отд. оттискъ, Спб. 1856), «Древнія римлянки» (въ сборникѣ «Пропилеи», изданіемъ П. М. Леонтьевымъ), «Медея, Евріпиды трагедія», актовая рѣчъ («Годичный торжественный актъ въ Харьковскомъ университѣтѣ», 1861), «Театръ у древніхъ грековъ» («Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія», 1869, ч. СХЛIV, кн. 12), рецензія на «Хепоронтис Анахасіс» Крешера (тамъ же, 1870, № 8), «Греко-латино-русскій словарь къ сочиненію Ксенофона Кирюна Аурафасіса» (Харьковъ 1874), рецензія на русско-латинскій словарь А. Г. Орлова («Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія», 1877, №№ 1 и 8), переводъ «Ифигеніи въ Авлидѣ» Евріпida (тамъ же, 1881, № 7). Умеръ Т. въ Харьковѣ 4 мая 1888 г.

Некрологи за 1888 г.: „Харьковская Губернская Вѣдомость“, № 117; „Московская Вѣдомость“, № 132; „Московский Листокъ“, № 130.—Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, Спб. 1900, вып. VІІ, стр. 113—114.—В. И. Межовъ, „Исторія русской и всеобщей словесности“, Спб. 1872, стр. 579, № 15066; стр. 584, № 15116.—А. И. Лященко, „Указатель статей, помѣщенныхыхъ въ неофиціальной части „Журнала Мин. Народнаго Просвѣщенія“ за время съ 1867 г. по 1891 г.“, Спб. 1894, стр. 72, № 1105; стр. 85, № 1311 и 1314; стр. 191, № 3091; стр. 307, № 4870; стр. 339, №№ 5395—5396.—П. Прозоровъ, „Систематический указатель книгъ и статей по греческой филологии“, Спб. 1898, отд. II, стр. 44, №№ 731 и 732; стр. 45, № 760; стр. 51, № 879; стр. 54, № 939; отд. IX, стр. 199, № 134; стр. 206, № 275; стр. 236, № 910.—„Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія“, 1877, ч. СХV, № 12, стр. 79.—Н. А. Рубакинъ, „Библіографический указатель переводной беллетристики“, Спб. 1897, стр. 125, 126.

Тихановъ, Михаилъ Никитичъ, дьякъ Посольского приказа при Михаилѣ Феодоровичѣ. Въ качествѣ посла въ Персію въ 1614 г. получаетъ подробный наказъ, что дѣлать и говорить у шаха персидскаго. Дипломатическая задача, согласно наказу, состояла въ томъ, чтобы дать подробное описание бѣдствій родной земли отъ неурядицъ виѣшнихъ и внутреннихъ въ прошломъ, указавъ на то, что при нынѣшнемъ царѣ, Михаилѣ Феодоровичѣ, въ государствѣ процветаетъ миръ и благосостояніе, и установить дружбу и прочный миръ съ Персіей. Въ его задачу входило также установление точности границы между Персіей и Московскимъ государствомъ, такъ какъ въ этомъ чувствовалось существенная необходимость, ибо постройка городовъ на Сумѣ изъ-за пограничныхъ споровъ и неурядицъ задерживалась. Посольство Т. было удачно: шахъ Аббасъ объявилъ, что хочетъ быть съ царемъ Михаиломъ въ дружбѣ, извинялся, что по просьбѣ Марины и Заруднаго общалъ помочь имъ казною и ратными людьми, и клялся, что «отнынѣ пусть Богъ меня убьетъ, если неправду сдѣлаю царю Михаилу Феодоровичу». Надавшіяся отношенія дали возможность Михаилу Феодоровичу устроить заемъ у персидскаго шаха въ 7000 руб. серебромъ въ слиткахъ.

С. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнійшихъ временъ“, кн. II, стр. 1102.—„Памятники дипломатическихъ сношеній“, т. II, стр. 1128, 1164, 1170, 1171.—„Древняя Россійская Библіопека“, т. V, стр. 16, 43, 129.

Тихменевъ, Иванъ Андреевичъ, волоколамскій воевода; въ 1660 г. пожалованъ въ стряпчие и служилъ въ Москвѣ до 1677 г., когда отправленъ стряпчимъ въ Волоколамскъ. 1678 г. назначенъ воеводою тамъ же; въ этомъ же году сдѣлалъ перепись Волоколамску и окрестностямъ. Сохранилось вѣсько грамотъ ему объ освобожденіи крестьянъ Волоколамскаго монастыря отъ городового дѣла. Въ 1680 г. пожалованъ въ стольники.

„Дополн. къ Актамъ Историч.“, т. IX, стр. 228.—„Акты Археографич. Экспедиціи“, т. IV, стр. 304.—Барсуковъ, „Списокъ городовыхъ воеводъ Московскаго государства въ XVII столѣтії“, стр. 49.—Ивановъ, „Алфавитный указатель къ боярскимъ книгамъ“, стр. 411.—„Чтенія при Импер. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос.“, 1902, кн. 2, стр. 35.

Тихменевъ, Петър Александровичъ, капитанъ 1-го ранга, авторъ нѣсколькихъ трудовъ по морской исторіи; образованіе получиль въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ который поступилъ въ началѣ 1857 г.; въ 1839—1842 гг. гардемариномъ на фрегатахъ «Паллада» и «Аврора», кораблѣ «Императрица Александра», бригѣ «Полинуръ», совершаль учебныя плаванія по Балтійскому морю, потомъ въ отрядѣ гребной флотиліи ходилъ между Петербургомъ и Кронштадтомъ. Въ чинѣ мичмана онъ въ теченіе слѣдующихъ 1841—1845 гг. на кораблѣ «Ретвизанъ» и брандвахтенномъ лугерѣ «Стрѣльца» несъ береговую службу въ Финскомъ заливѣ, быль въ кампанияхъ на Ревельскомъ рейдѣ, затѣмъ, произведенный въ 1846 г. въ лейтенанты, на шхунѣ «Снѣгъ» принималь участіе въ работахъ при промырѣ глубинъ въ Финскомъ заливе. 7 февраля 1848 г. Т. быль назначенъ адъютантомъ къ астраханскому губернатору съ переводомъ на суда Каспійскаго флота, на одвомъ изъ которыхъ, пароходѣ «Ленкорань», онъ и ходилъ по портамъ Каспійскаго моря каждое лѣто вплоть до 1852 г., когда быль возвращенъ въ Балтійскій флотъ. Въ этомъ году на фрегатѣ «Паллада» онъ вышелъ изъ Кронштадта въ продолжительное плаваніе къ берегамъ Японіи, изъ котораго возвратился, сухимъ путемъ, только въ 1854 г. и вскорѣ быль определенъ на новскія батареи Елагина острова и Галерной гавани. 18 июня 1856 г. Т. получилъ назначеніе помощникомъ капитана надъ Астраханскимъ портомъ, где прослужилъ лишь годъ и затѣмъ быль уволенъ для службы въ Россійско-Американской компаніи,— почти одновременно съ повышеніемъ въ капитаны-лейтенанты. Пользуясь архивными и живыми данными о дѣятельности этого общества, онъ на ихъ основаніи составилъ обстоятельный очеркъ «Историческаго обозрѣнія образования Россійско-Американской компаніи и дѣйствія ея до настоящаго времени», за который въ 1861 г. удостоился получить Высочайшую благодарность и двухъ Демидовскихъ премій. Въ маѣ 1864 г. Т. вновь быль зачисленъ на дѣйствительную службу, въ 8-й флотскій экипажъ, вскорѣ произведенъ въ капитаны 2-го ранга, но, не прослуживши на этотъ разъ и года, съ чиномъ капитана 1-го ранга вышелъ въ отставку

и поселился въ Костромской губерніи, где дважды быль избираемъ (1878 и 1881) въ почетные мировые суды Буйского уѣзда. 11 января 1882 г. Т. вновь быль принять на службу съ назначеніемъ начальникомъ архива Кронштадтскаго порта, на мѣсто скончавшагося И. И. Стренцеля,— съ переименованіемъ въ надворные совѣтники, и въ этой должности оставался до самой смерти, послѣдовавшей 7 сентября 1888 г. Работая въ кронштадтскомъ архивѣ, Т. воспользовался его мало разработанными материалами и на ихъ основаніи написалъ нѣсколько статей исторического содержания, наиболѣе важной изъ которыхъ является «Кронштадтская старина», печатавшаяся въ теченіе 1882—1887 гг. въ «Кронштадтскомъ Вѣстнике».

«Общий морской списокъ, ч. XII, Спб. 1900, стр. 45—47.—Ф. Веселаго, „Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса съ приложеніемъ списка воспитанниковъ за 100 лѣть его существованія”, Спб. 1852.—„Русская библиографія морского дѣла, 1701—1882 гг.”, Спб. 1885.—„Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общ.”, т. 27, стр. 430. — „33-е присужденіе учрежденныхъ Демидовыхъ наградъ, 26 июня 1864 г.”, Спб. 1865, стр. 31—78 (разборъ книги Т.).

Тихобразовъ, Николай Ивановичъ, историческій живописецъ и портретистъ. родился въ 1818 г. Съ дѣтства онъ проявлялъ склонность къ живописи, но вслѣдствіе недостатка материальныхъ средствъ не имѣлъ возможности систематически обучаться ей. Въ 1835 г. получить стипендию отъ общества поощренія художниковъ, поступилъ въ академію художествъ и сталъ посѣщать классъ живописи въ качествѣ вольноприходящаго ученика. Въ академіи учился подъ руководствомъ К. П. Брюллова, бывшаго его главнымъ наставникомъ. На него возлагались большия надежды, онъ считался однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе обѣщающихъ учениковъ Брюллова, характеръ и достоинства живописи которого онъ впослѣдствіи усвоилъ. За время прохожденія курса въ академіи Т. получилъ двѣ серебряныя медали, одну за рисование, другую за живопись, а въ 1843 г. награжденъ быль малою золотою медалью за исполненную по заданной программѣ картину «Геркулесъ освобождается Прометеемъ». При окончаніи имъ въ 1845 г. курса академіонъ представилъ написанную по программѣ картину «Христосъ изго-

няеть торгующа изъ храма», за которую награжденъ былъ большою золотою медалью, получилъ званіе художника XIV класса и право быть посланнымъ за границу на казенный счетъ. Картины, писанные Т. въ академіи, были лучшими изъ его работъ; онъ давали основанія предполагать въ немъ выдающіяся способности къ живописи, особенноми же достоинствами отличалась послѣдняя картина. Однако онъ не оправдалъ полностью возлагавшихся на него надеждъ, не создавъ въ дальнѣйшемъ ничего, что могло бы сравняться съ его академическими работами, и всю жизнь остался среднимъ талантомъ, хотя въ трудоспособности ему нельзя сдѣлать упрека. Въ 1847 г. онъ отправился на казенный счетъ за-границу и поселился въ Римѣ, но долго пробыть здѣсь ему не пришлось, такъ какъ въ 1849 г. онъ вызванъ былъ обратно въ Россію вслѣдствіе политическихъ волненій, происходившихъ въ то время въ Италии. На академической выставкѣ 1851 г. находился его большой образъ «Моленіе о чашѣ», а въ 1852 г. была выставлена его картина «Албанка за шитьемъ», за которую онъ получилъ званіе художника. Съ этихъ поръ Т. жилъ безвыѣзно въ Петербургѣ, занимался преподаваніемъ рисованія и бралъ заказы по исполненію живописныхъ работъ всякаго рода, въ томъ числѣ и портретовъ. Съ 1852 по 1861 г. онъ преподавалъ рисование великимъ князьямъ, дѣтямъ государя, а иѣкоторое время также дѣтямъ великой княгини Маріи Николаевны. Въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ онъ содержалъ въ Петербургѣ фотографическое заведеніе. Живописные работы его довольно разнообразны. Имъ было написано три иконостаса въ 1854 г. для церквей Кіевскаго и Новгородскаго кадетскихъ корпусовъ и для церкви Петербургскаго батальона военныхъ кантонистовъ, въ 1857 г.—образъ для одной изъ церквей въ Дербентѣ, въ 1869 г.—образъ для домовой церкви И. Н. Игнатьева и въ 1869—1870 гг.—образъ для православнаго собора въ Сѣдѣцахъ. Изъ работъ по стѣнной живописи наиболѣе известны: живопись, украшающая стѣны и потолки собственной Его Величества дачи близъ Петергофа, и такая же живопись въ заново отдѣленныхъ залахъ Старого Эрмитажа; затѣмъ, въ 1861 г., имъ было на-

писано 17 декоративныхъ картинъ для парадной гостиной въ дворцѣ великаго князя Николая Николаевича (нынѣ Ксениинскій институтъ). Изъ портретовъ, писанныхъ Т., известны портреты г-жи Тихобразовой и Тренина, относящіеся къ 1855 г., и портретъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, сдѣланный для училища Правовѣдѣнія. Умеръ Т. въ Петербургѣ, 14 декабря 1874 г.

„Иллюстрированная Недѣля“, 1875, № 2 (некрологъ). — А. Сомовъ, „Картичная галлерей Имп. Академіи Художествъ. Каталогъ оригинальныхъ произведений русской живописи“, Спб. 1872, стр. 75, 214.— „Отчетъ Имп. Академіи Художествъ съ 4 ноября 1874 года по 4 ноября 1875 года“, Спб. 1876, стр. 9, 104—105.— П. Петровъ, „Сборникъ материаловъ для исторіи Имп. Академіи Художествъ“, Москва 1870, т. II, стр. 413, 418, 439, 452; т. III, стр. 7, 15, 32, 42, 81, 101, 179, 180, 328, 364, 386.— „Энциклопедический словарь“, Брокгауза и Ефрона, 1-е изд., полуэт. 55, Спб. 1899, стр. 666, 669, слово „Россія“.

Тихомандрицкій, Александръ Никитичъ, профессоръ университета св. Владимира, инспекторъ Главнаго педагогического института, родился 10 августа 1808 г. въ Твери и тамъ же въ духовной семинарии получилъ среднее образованіе; въ 1829 г., какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ семинарии, онъ былъ определенъ въ открытый незадолго передъ тѣмъ въ Петербургѣ Главный педагогический институтъ, курсъ котораго и окончилъ въ 1835 г. по математическому факультету, а вслѣдъ за этимъ былъ посланъ заграницу для дальнѣйшаго образованія. Поселившись въ Кенигсбергѣ, Т. въ мѣстномъ университѣтѣ продолжалъ изучать математику, астрономію и физику, послѣднія лекціи профессоровъ И. И. Якоби, Бесселя, Неймана и др. и подъ руководствомъ этихъ профессоровъ работая въ ихъ семинарияхъ. Возвратившись изъ за-границы, онъ былъ назначенъ адъюнкту-профессоромъ въ университетѣ св. Владимира по кафедрѣ прикладной математики, по получении же имъ степени доктора математическихъ наукъ въ 1843 г. повышенъ сначала въ экстраординарныхъ, а затѣмъ и въ ordinariis профессора, въ качествѣ какового читалъ лекціи и велъ практическія занятія по алгебраическому анализу, механикѣ, теоріи молекулярныхъ силъ и начертательной геометрії. Въ 1848 г. Т. былъ назначенъ инспекторомъ Главнаго педагогического института

и эту должность занимал до закрытия послѣдняго, т. е. до 1859 г.; когда въ 1857 г. въ министерствѣ народного просвѣщенія возникъ вопросъ о преобразованіи института и по этому поводу были опрошены компетентныя лица, въ числѣ ихъ былъ и Т., рѣшительно высказавшійся за возвращеніе къ уставу 1828 г. Съ 1860 и по 1865 г. онъ исполнялъ послѣдовательно должности—директора 2-й гимназіи въ Петербургѣ, потомъ помощника попечителя Казанскаго учебнаго округа, наконецъ, вице-директора департамента министерства народного просвѣщенія. Съ 1865 г. Т. былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, состоя членомъ совѣта по дѣламъ книгопечатанія, а съ 1873 г. служилъ вновь въ министерствѣ народного просвѣщенія, будучи тамъ членомъ ученаго комитета и членомъ главнаго управления цензуры. Т. напечаталъ слѣдующія работы: «Рѣшеніе двучленныхъ уравненій» (Кievъ 1841) — докторская диссертациѣ; «Начальная алгебра»—вышла въ трехъ изданіяхъ (Спб. 1853, 1855 и 1860) и долгое время служила руководствомъ въ гимназіяхъ; наконецъ, «Вспомогательныя таблицы для вычисления пожизненныхъ эмеритальныхъ пенсій» («Журн. Минист. Народн. Просв.», ч. CLXX, прилож. и отд., Спб. 1875); послѣдняя работа была составлена по порученію министерства нар. просвѣщенія, заботившагося въ это время о введеніи эмеритуры. Въ періодическихъ изданіяхъ Т. помѣстилъ рядъ статей по вопросу о пенсіяхъ. Умеръ онъ 2 августа 1888 г. въ Петербургѣ.

Иконниковъ, «Біографический словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Университета св. Владимира», Киевъ 1884, стр. 644—645.—«Обзоръ преподаванія науки въ университете св. Владимира», съ 1838 по 1849 г.—С. В. Рождественский, «Исторический обзоръ дѣятельности министерства народного просвѣщенія, 1802—1902 гг.», Спб. 1902, стр. 359.—Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ цокойныхъ русскихъ писателей», вып. 8, Москва 1900, стр. 114.—Н. А. Любимовъ, «М. И. Катковъ и его историческая заслуга», Спб. 1889 (на стр. 307—310 помѣщена «Записка» Тихомандрицкаго о «Московскихъ Вѣдомостяхъ»).—«Энциклопедич. Словарь» Брокгауз-Ефрона, 1-е изд., т. 33, стр. 288—289.

Тихомандрицкій, Алексій Александровичъ, ординарный профессоръ университета св. Владимира по каѳедрѣ технologіи, братъ предыдущаго, родился въ

1814 г. въ Твери, умеръ 26 октября 1853 г. въ Кіевѣ; первоначальное и среднее образование получилъ въ родномъ городѣ, сначала въ духовномъ училишѣ, затѣмъ въ духовной семинаріи, изъ которой, еще до окончанія курса, былъ, какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, переведенъ въ петербургскій Главный педагогическій институтъ, курсъ котораго въ 1339 г. окончилъ съ золотою медалью. Несмотря на то, что въ институтѣ Т. учился на математическомъ факультетѣ, по выходѣ изъ него онъ былъ назначенъ въ рижскую гимназію учителемъ совершенно чуждыхъ ему предметовъ—русскаго языка, исторіи и географіи, что объясняется отсутствиемъ въ распоряженіи министерства народного просвѣщенія достаточнаго контингента подходящихъ педагогическихъ силъ. Тѣмъ не менѣе Т. вѣль преподаваніе определенныхъ ему предметовъ въ высшей степени успѣшно: не довольствуясь устарѣлыми учебниками и рутинными способами преподаванія, онъ самъ составилъ грамматику и хрестоматію, приворожленную для учениковъ преимущественно не-русской національности, а преподаваніе, слѣдя указаніямъ здраваго смысла, вѣль настолько толково, что всѣ его ученики, вѣмцы и латыши, прекрасно усваивали русскій языкъ и свободно на немъ изъяснялись. Въ 1842 г. Т. былъ командированъ за-границу,—одинъ годъ онъ провелъ въ Берлинѣ, занимаясь химіей и минералогіей, другой—въ Гиссенѣ, где работалъ подъ руководствомъ знаменитаго Либиха, Гофмана и др. Надѣясь, вполнѣ естественно, занять въ какомъ-либо русскомъ университѣтѣ каѳедру химіи, Т. всѣ свои обереженія отъ прежней службы затратилъ на приобрѣтеніе всевозможныхъ приборовъ, химическихъ реактивовъ и пр., однако расчеты его не оправдались: по возвращеніи въ 1844 г. въ Россію онъ былъ назначенъ адъюнктомъ въ университетъ св. Владимира по каѳедрѣ не химії, а технології—предмету ему мало известному. Т. долженъ былъ подчиниться, хотя на первыхъ порахъ ему приходилось неслѣко какъ вслѣдствіе собственной неподготовленности, такъ и вслѣдствіе того, что предметъ былъ вообще мало разработанъ даже въ западно-европейской прикладной науке. Только благодаря исключительнымъ способностямъ и выдающейся энергіи ему удалось поставить на долж-

ную высоту преподаваніе этого предмета, которому онъ посвятилъ всю остальную свою жизнь. Онъ постоянно и неуклонно стремился съ одной стороны къ развитію преподаванія сообразно своему взгляду и системѣ, съ другой—къ увеличенію необходимыхъ для изученія технологіи пособій; въ 1853 г. его заботами и трудами было закончено устройство технологической лабораторіи, богато обставленной соотвѣтственными средствами. Въ 1850 г. за защиту диссертациі «О броженіи сахарныхъ веществъ» онъ былъ удостоенъ степени магистра химіи и назначенъ сначала экстраординарнымъ, а съ 1851 г.—ординарнымъ профессоромъ. Въ слѣдующемъ году Т. былъ приглашенъ участвовать въ составленіи статистическо-исторического описанія губерній Киевскаго учебнаго округа; во исполненіе возложенного на него порученія онъ составилъ и представилъ ректору университета подробный и обширный планъ веденія работъ по описанію означенныхъ губерній въ технико-промышленномъ отношеніи и изданія свѣдѣній по этому предмету, но до практическаго осуществленія намѣченной имъ программы не дожилъ.

Иконниковъ, „Біографіческій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго университета св. Владимира“, Кіевъ 1884, стр. 642—644.—„Энциклопедич. словарь“ Брокгауза-Ефрона, 1-е изд., т. 33, стр. 289.—„Справочный энциклопедич. словарь“ Крайя-Старчевскаго, т. 10, Спб. 1855.

Тихомировъ, Андрей, переводчикъ съ нѣмецкаго языка конца XVIII и начала XIX вѣка. Имъ изданы слѣдующіе переводы съ нѣмецкаго яз.: «Какимъ образомъ можно сохранить здоровіе и красоту молодыхъ женщинъ» (Москва 1793), «Трогательныя приключенія принца Ли-бу, уроженца Целевскихъ острововъ, привезенна-го капитаномъ Вильсономъ въ Англію, съ краткимъ присовокупленіемъ исторіи сихъ острововъ и обыкновеній обитателей» (Москва 1793), «Путешествіе Бридо же черезъ Сицилію и Мальту въ 1770 г., дополненное изъ разныхъ новѣйшихъ путешествій», съ примѣч. Кампе, изд. Дюмуные (Москва 1796); то же подъ заглав.: «Бесѣды отца съ дѣтьми или собраніе любопытныхъ путешестій по разнымъ государствамъ», 2 ч. (Спб. 1816).

„Роспись россійскимъ книгамъ изъ библиотеки для чтенія А. Смирдина“, Спб. 1828, стр. 285—286, № 3730; стр. 381, № 4937; стр. 675

№ 9496.—В. Соликовъ, „Опытъ россійской бібліографіи“, Спб. 1813—31 гг., ч. 3, стр. 246, № 4978; стр. 254, № 5024; ч. 4, стр. 218, № 8998.—„Роспись россійскимъ книгамъ изъ библиотеки для чтенія В. Плавильщика“, Спб. 1820, стр. 54, № 644; стр. 155, № 1827; стр. 304, № 3540.

Тихомировъ, Григорій, адъюнктъ-профессоръ, докторъ медицины, изъ духовнаго званія, родился въ 1798 г. Первоначально обучался въ Московской славяно-греко-латинской академіи, по окончаніи курса которой поступилъ въ 1818 г. казеннымъ студентомъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета. Въ 1822 г. Т. окончилъ его курсъ со степенью лекаря 1-го разряда и оставленъ былъ при университѣтѣ субъ-инспекторомъ; 21 іюня 1826 г. онъ представилъ диссертацию «De aquis mineralibus, eorumque effectu in corpus humanum» (Mosquensi 1826), за которую удостоенъ былъ степени доктора медицины и назначенъ адъюнктъ-профессоромъ при университѣтѣ. Въ томъ же году, однако, Т. командированъ былъ въ Кавказскую область къ Червліенской карантинной заставѣ, но прежде чѣмъ онъ доѣхалъ до мѣста назначения, его уволили изъ гражданскаго вѣдомства и опредѣлили ординаторомъ въ Ораніенбаумскій военный госпиталь. Въ 1827 г. онъ переведенъ былъ въ артиллерійскій госпиталь, затѣмъ въ 1828 г. въ лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ, а въ 1830 г.—въ лейбъ-гвардіи Саперный батальонъ. Въ этой должности Т. и умеръ въ 1831 г. Кромѣ диссертации имъ написано еще: «Правила о способѣ врачеванія англійской болѣзни для учрежденія лечебницы» (Спб. 1830).

Л. Ф. Эм'євъ, „Русские врачи-писатели“, Спб. 1886, тетр. 2, стр. 129.—Его же, „Словарь врачей, получившихъ степень доктора медицины въ Московскому университетѣ“, Спб. 1885, стр. 56.

Тихомировъ, Дмитрий Алексеевичъ, протоіерей, профессоръ богословія, сынъ священника Исковской епархіи, поступилъ въ 1851 г. въ Петербургскую духовную академію, курсъ которой окончилъ въ 1855 г. со степенью магистра богословія и по окончаніи определенъ священникомъ къ церкви при домѣ для содержанія неисправныхъ должностниковъ. Въ 1859 г. перевѣщенъ былъ въ церковь при медико-хирургической академіи, причемъ на него также возложено было чтеніе богословія

студентамъ академіи. Въ 1882 г. онъ церемоній былъ въ лѣсной институтъ въ качествѣ профессора богословія и настоятеля институтской церкви послѣ I. Полканова. Его лекціиользовались значительнымъ успѣхомъ среди студентовъ и привлекали много слушателей. Онъ былъ извѣстенъ какъ одинъ изъ выдающихся проповѣдниковъ. Особенно замѣтны его популярныи научно-религіозныи бесѣды въ Соляномъ городкѣ, которая онъ одинъ изъ первыхъ устроилъ для образованныхъ классовъ населенія. Всего такихъ бесѣдъ было шесть; они напечатаны въ «Церковномъ Вѣстнике» (1881, № 132 и слѣд.). Въ нихъ Т. выказалъ довольно значительная съственно-научная познанія. Имъ напечатаны слѣдующія произведения: «Слово въ день столѣтнаго юбилея Екатерины Великой—12 августа 1875 года» («Православное Обозрѣніе», т. 3, № 9), «Апологетическая бесѣда о религії» (Спб. 1884), «Ваѣслужебныя бесѣды о богослуженіи православной церкви» (Спб. 1884); послѣ его смерти изданъ былъ его «Курсъ основного богословія» (1-е изд. Спб. 1887; 2-е изд. тамъ же 1897). Кроме того онъ напечаталъ нѣсколько прошовѣдей въ «Духовной Бесѣдѣ» и помѣщалъ статьи въ «Духѣ Христіаніи», соредакторомъ котораго состоялъ. Скончался въ Петербургѣ 4 мая 1887 г.

А. Родосскій, „Біографіческій словарь студентовъ первыхъ ХХVІІІ выпускъ С.-Петербургской духовной академіи за 1814—1869 годы“, Спб. 1907, стр. 490 и LXV.—„Історический очеркъ развитія С.-Петербургскаго лѣсного института за 1803—1903 годы“, Спб. 1903, стр. 182.—„Історія Имп. Военно-Медицинской академіи за сто лѣть, 1798—1898 гг.“, подъ редакціей Ивановскаго, Спб. 1898, стр. 556, 741.—„Энциклопедический словарь“ Брокгауза и Ефрона, 1-е изд., т. 33, Спб. 1903, стр. 290.

Тихомировъ, Дмитрий Павловичъ, соревнователь Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россіи и (съ 24 октября 1839 г.), корреспондентъ Одесского отдѣленія того же общества. Жилъ въ г. Спасскѣ. Написалъ «Историческое изслѣдованіе о генеалогіи князей рязанскихъ, муромскихъ и провинскихъ» съ приложеніемъ родословныхъ росписей и «Историческая свѣдѣнія объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Старой Рязани» съ приложеніемъ плановъ открытыхъ авторомъ въ 1836 г. древностей: 1) плана

местности городка Села Старой Рязани, находящейся въ Спасскомъ уѣздѣ, 2) плана соборного зданія въ холмѣ, находящемся въ Старой Рязани, 3) плана внутренности соборного зданія и 4) рисунковъ разныхъ предметовъ древности.

„Записки Одесского Общ. Исторіи и Древностей Россіи“, т. I, стр. 569.

Тихомировъ, Петръ Васильевичъ, адьюнктъ астрономіи при Петербургскомъ университѣтѣ, писатель по астрономіи и математикѣ, сынъ священника, родился въ 1802 г. Высшее образование получиль въ Петербургскомъ университѣтѣ (по физико-математическому факультету), курсъ котораго блестяще (съ золотой медалью) окончилъ въ 1823 г. и былъ оставленъ при университѣтѣ «для исправленія должности магистра», т. е. предназначенъ въ кандидаты для укомплектованія личнаго состава преподавателей. Изъ лекціоннаго проспекта на 1824 г. видно, что въ этомъ году онъ, въ званіи кандидата, объявилъ курсъ по прямолинейной и сферической тригонометріи, въ основу котораго положено руководство Лекруа, и по аналитической геометріи, придерживаясь руководства Біо. По отзыву В. В. Григорьева, Т. былъ очень даровитый человѣкъ, преподавалъ прекрасно, и студенты слушали его весьма охотно. Въ 1829 г. онъ баллотировался въ адьюнкты астрономіи; былъ избранъ изъ девяти баллотировавшихся и только онъ одинъ получилъ всѣ 15 избирательныхъ голосовъ за себя и ни одного противъ. Широкія надежды, которая на него возлагались какъ на растущую ученую силу, рушились съ его преждевременною смертью; онъ умеръ 28 марта 1831 г., всего 28 лѣтъ отъ роду. Ему принадлежитъ нѣсколько работъ въ области астрономіи, изъ которыхъ послѣдній его трудъ, «О составленіи каталога звѣздъ», особенно замѣтелъ по цѣннымъ формуламъ, относящимся къ предмету: Книга охватываетъ обширный материалъ и трактуетъ предметъ весьма основательно и подробно. Изъ учебныхъ книгъ Т. издано: «Арифметика на счетахъ» (Спб. 1830) и «Руководство къ математической географіи», предназначеннѣе для школы топографовъ, гдѣ Т. состоялъ преподавателемъ до самой смерти. Кроме того имъ переведены съ немецкаго «Геометрическое черченіе и рисование» и «Общая физика» Баумгартина.

В. В. Григорьевъ, „Императ. Петербургскій университетъ“, Спб. 1870, стр. 43, 50, 54, 61, 70, 79; прилож. стр. 18, 19, 24, 32.—„Объявленіе публичнаго преподаванія наукъ въ Импер. Петербургскому университету на 1824 г.“, дѣла Совета университета за 1828 г., № 116.—„П. В. Тихомировъ“ (икрологъ), «Сѣверная Пчела», 1831, № 77.—„Энцикл. словарь“ Брокгауза и Ефрона, 1-е изд., т. 33, стр. 294.

ТИХОНОВЫ—НѢСКОЛЬКО ИКОНОПИСЦЕВЪ.

1) *Герасимъ*, въ 1854 г. имъ былъ написанъ образъ Смоленской Божией Матери; въ селѣ Взорковѣ находится написанная имъ мѣстная икона Владимицкой Божией Матери. 2) *Михайла*, работаль въ Троице-Сергиевомъ монастырѣ до 1659 г., когда былъ отосланъ въ Москву. 3) *Яковъ*, упоминается въ росписи иконописцевъ отъ 1652 г., къ которой «руку приложилъ».

Борисовъ, „Описаніе города Шуи“, стр. 73, 75.—И. Е. Забѣлипъ, „Материалы для исторіи русского иконописанія“, стр. 13, 18, 113.—Д. А. Ровинскій, „Исторія русскихъ школъ иконописи до конца XVII в.“, Спб. 1856, стр. 185.—Его же, „Обозрѣніе иконописанія въ Россіи“, Спб. 1903, стр. 165.

ТИХОНРАВОВЪ, Василий Васильевичъ, священникъ; изъ Владимицкой семинаріи въ 1825 г. перешелъ въ Петербургскую духовную академію, курсъ которой окончилъ въ 1829 г. со степенью магистра богословія, и послѣ этого былъ рукоположенъ во священники къ одной изъ петербургскихъ церквей. Слова и рѣчи, произнесенные имъ въ разное время, въ 1841 г. вышли въ Петербургѣ отдельнымъ изданіемъ, повтореннымъ и дополненнымъ въ 1850 г. Въ рукописи сохранилось его «Слово въ Четвертокъ св. Пасхи» со слѣдующей чѣй-то поимѣткой: «Проповѣдь хоропша, слогъ ровенъ, за исключениемъ «сихъ и оныхъ»,—можно сказать» (т. е. можно произнести). Умеръ Т. въ 1848 г.

А. Родосскій, „Біографический словарь студентовъ первыхъ ХХVIII курсовъ Петербургской академіи, 1814—1869 г.“, стр. 490.—Филаретъ, еп. Харьковскій, „Обзоръ русской духовной литературы (1820—1858)“, кн. 2, стр. 255.

ТИХОНРАВОВЪ, Константинъ Никифоровичъ, редакторъ «Владимицкихъ Губернскихъ Вѣдомостей», секретарь Владимицкаго губернскаго статистическаго комитета, изслѣдователь Владимицкой губерніи; род. 28 априля 1822 г. въ г. Ковровѣ, Владимицкой губ., въ семье бѣднаго чиновника, умеръ 6 июля 1879 г. во Влади-

мирѣ. Первоначальное образование полу- чилъ въ Суздальскомъ духовномъ училищѣ, въ 1836 г. поступилъ во Владимицкую семинарію, которую окончилъ въ 1842 г. Въ томъ же году поступилъ на службу въ канцелярію владимицкаго губернатора и съ конца 1843 г. сталъ завѣдывать вѣдоми- дѣлами губернскаго статистическаго комитета, составляя статистическія таблицы о состояніи губерніи для статистическаго отдѣленія министерства внутреннихъ дѣлъ и для всеподданнѣйшихъ годовыхъ отчетовъ губернатора. Въ то же время онъ сталъ дѣятельно сотрудничать въ неофициальнѣй части «Влад. Губ. Вѣд.», помѣщая тамъ различные статьи по статистикѣ, этнографіи, исторіи и археологіи Владимицкой губерніи, обратившія на себя всеобщее вниманіе. Въ 1851 г. ему было поручено составить «Обозрѣніе внутренней торговли Владимицкой губерніи» для Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, и въ томъ же году онъ былъ командированъ по губерніи для собирания статистическихъ и археологическихъ свѣдѣній. Въ 1851—52 г. онъ былъ прикомандированъ къ графу А. С. Уварову, производившему археологическія изслѣдованія въ Суздальскомъ и Юрьевскомъ уѣздахъ Владимицкой губерніи, и явился дѣятельнымъ помощникомъ графа при раскопкахъ кургановъ, которыхъ за это время было разрыто болѣе 8000. Въ 1853 г., когда на мѣсто графа Уварова былъ назначенъ археологъ П. С. Савельевъ, Т. продолжалъ свои работы по раскопкамъ кургановъ, при чѣмъ подъ его собственнымъ наблюденіемъ было разрыто до 3000 кургановъ. Къ этому времени Т. уже приобрѣлъ значительную извѣстность, состоялъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ и потому въ 1853 г., какъ знатоку Владимицкой губерніи, его вѣдомію была поручена неофициальная часть «Влад. Губ. Вѣд.», редакторомъ которыхъ онъ съ этого времени состоялъ въ теченіе 25 лѣтъ, до самой смерти. За время своего редакторства Т. успѣлъ высоко поднять эту провинциальную газету, сделавъ ее однимъ изъ лучшихъ periodическихъ изданій по богатству печатавшихся въ немъ археологическихъ и этнографическихъ изслѣдованій и неизданныхъ историческихъ актовъ. Огромная часть напечатанныхъ тамъ материаловъ принадлежитъ самому Т. Въ

течение только первыхъ 25 лѣтъ своего сотрудничества въ газетѣ онъ напечаталъ въ неї 420 статей и замѣтокъ и 115 древнихъ найденныхъ имъ актовъ. Всего же имъ напечатано не менѣе 700 статей, полный списокъ которыхъ въ хронологическомъ порядке данъ въ обстоятельной биографіи Т., напечатанной А. В. Смирновымъ въ его книгѣ: «Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, получившіе известность на различныхъ по прицахъ общественной пользы» (Владиміръ 1898), стр. 154—279.

Въ 1856 г. Т. былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ статистического комитета въ томъ же году предпринялъ изданіе сборника, заключавшаго въ себѣ все напечатанное имъ о Владимірской губерніи до этого года. Трудъ этотъ вышелъ въ свѣтъ только въ 1857 г., подъ заглавіемъ: «Владимірскій Сборникъ. Материалы для статистики, этнографіи, истории и археологии Владимірской губерніи». Въ томъ же году напечатанъ и другой его трудъ: «Статистический списокъ населенныхъ мѣстностей Владимірской губерніи». Въ 1859 г. Т. былъ командированъ въ Петербургъ для занятій при земскомъ отдѣлѣ центрального статистического комитета, въ комиссии о преобразованіи уѣзденныхъ учрежденій. Въ 1861 г. утвержденъ въ должности секретаря Владимірского статистического комитета, а въ 1863 г. онъ снова производилъ раскопки кургановъ въ Шуйскомъ уѣздѣ. Кромѣ указанныхъ трудовъ, Т. напечаталъ: «Хронологический указатель къ неофиціальной части «Влад. Губ. Вѣд.», 1838—1869 гг.» (Влад. 1869); «Описаніе Владимірского Рождественского монастыря XII вѣка» (тамъ же 1869); «Владимірскій историко-статистический сборникъ» (1869). Кромѣ того, съ 1863 г. подъ его редакціей вышло 10 выпусковъ «Трудовъ Владимірского Статистического Комитета», а съ 1876 г. по его инициативѣ и подъ его редакціей сталъ выходить «Ежегодникъ Влад. Статист. Комитета». Оба эти изданія также заключаютъ въ себѣ много работъ Т. Уже послѣ смерти его въ 1880 г. былъ напечатанъ прекрасный трудъ, составленный имъ и Н. А. Артлебеномъ, подъ названіемъ: «Древности Сузdalско-Владимірской области, сохранившіяся въ памятникахъ зодчества въ предъ-

лахъ Владимірской губерніи. Вѣкъ XII» (вып. I).

Кромѣ указанной выше книги А. В. Смирнова, материалами для биографіи Т. могутъ служить: «Влад. Губ. Вѣд.», 1867, № 11; 1870, № 17; 1879, № 28 (некрологъ); 1879, № 29.—«Влад. Епарх. Вѣд.», 1879, № 14 и 15.—И. А. Голышевъ, «К. Н. Тихонравовъ», Чтепія въ Імпер. Общ. Исторіи и Древн. Рос. при Моск. Університетѣ, 1886, кн. 3, стр. 1—40; также отдельно, Влад. 1888.—«Русск. Старина», 1879, № 12.—«Русск. Вѣдом.», 1879, № 14.—«Церковно-Общественный Вѣстникъ», 1879, № 87.—«Историч. записка о дѣятельности Імперат. Моск. Археолог. Общества за первые 25 лѣтъ его существованія», Москва 1890, стр. 140—142.—«Переписка И. А. Голышева съ разными учеными лицами», Владим. 1898.

ТИХОНЪ (Александровичъ), іеромонахъ, префектъ Киевской духовной академіи XVIII вѣка преподавалъ въ Киевской духовной академіи поэзію и риторику, а съ 1743 г. назначенъ былъ послѣ Казаченского префектомъ академіи и наставникомъ философіи. Имъ написаны слѣдующія учебные руководства на латинскомъ языке: «Praecepta de arte poëtica» (1743), въ которомъ содержится много стиховъ и нѣсколько акростиховъ императрицы Елизаветы Петровны и митрополиту кievскому Рафаилу; «Praecepta oratia» (1743); «Syntagma totius Aristotelis philosophiae, publicis disputa tionibus illustratum» (1745).

В. Аскоченскій, «Кievъ и его древнѣйшее училище — академія», Киевъ 1856, ч. II, стр. 109.—Филаретъ (Гумилевский), «Обзоръ русской духовной литературы», изданіе 3-е, Спб. 1884, ч. II, стр. 332, № 33.

ТИХОНЪ, въ мірѣ Тимоѳей Васильевичъ Воиновъ, митрополитъ крутицкій, а потомъ казанскій, родился въ Нижнемъ-Новгородѣ 21 февраля 1655 г.; постригся 8 апрѣля 1677 г. въ патріаршемъ Благовѣщенскомъ монастырѣ. Нѣкоторое время состоялъ патріаршимъ различимъ, а 3 апрѣля 1692 г. посвященъ былъ въ архимандриты Спасо-Преображенского, Московской епархіи, монастыря. 21 апрѣля 1695 г. Т. рукоположенъ былъ въ митрополита крутицкаго (саракаго и подонскаго), а 23 марта 1699 г. переведенъ былъ въ Казань митрополитомъ казанскимъ и свиажскимъ. Въ Казанской епархіи имъ много было сдѣлано для обращенія въ православіе инородческихъ языческихъ и магометанскихъ племенъ, главнымъ образомъ черемисовъ; онъ велъ также усиленную борьбу съ расколомъ, который

быть сильно распространенъ въ его епархіи. Въ январѣ 1724 г. Т. просилъ синодъ объ увольненіи его, за старостью и болѣзнями, отъ завѣдыванія всякаго рода сборами и исполненія по различнымъ указамъ, относящимся до управлениія епархіи, что и было синодомъ уважено. Скончался Т. 24 марта 1724 г. и погребенъ въ Казанской соборной церкви. Завѣщаніемъ онъ отказалъ большую часть своего имущества на построение храмовъ и монастырей.

П. Строевъ, „Списки архіереевъ и настоятелей монастырей россійской церкви“, Спб., 1887, стр. 144, 396, 1036. — „Полное собрание постановлений и распоряженій по вѣдомству православныхъ исповѣданій Россійской имперіи“, Спб. 1879, изд. 2-е, т. I, стр. 31, № 212315. — „Описание документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. Синода“, т. I, стр. 129—180, 142, 170, 182, 364—368, 433, примѣч. I, 588 ж, з; 606—607, 690, 523, CCCV—CCCVI; т. II, ч. 1, стр. 368, № 228; стр. 97, № 65, примѣч.; стр. 648, № 480, прим.; стр. 677, № 491; стр. 771, № 528; стр. 1031, № 678, прим.; стр. 1123, № 734, прим.; CCLXXI, 67; CCXCVIII, 122; CCLXXIV, 115; т. II, ч. 2, стр. 49, № 815; стр. 66, № 836; стр. 606, № 1248; т. 3, стр. 199, № 173; стр. 200, № 174; стр. 222, № 202; стр. 305, № 318; стр. 441, № 433; стр. 460, № 443; стр. 663, № 611; т. IV, стр. 30, № 25; стр. 173, № 176; стр. 535, № 522; стр. XX—XXXII; т. V, стр. 28, № 11; стр. 407, № 250; т. VII, стр. 88, № 77.

Тихонъ, въ мірѣ *Тимоѳеемъ Малининымъ*, архієпископъ астраханскій, членъ св. синода, родился въ 1745 г. въ селѣ Князь-Ивановѣ, Калужской губерніи, гдѣ отецъ его былъ диакономъ. Въ сентябрѣ 1755 г. поступилъ въ Московскую духовную академію, по окончаніи курса которой въ 1763 г. назначенъ учителемъ низшаго класса и исправляющимъ должность проповѣдника при той же академіи, когда еще былъ бѣльцомъ. 25 октября 1867 г. постригся въ монахи и въ томъ же году посвященъ во іеродіакона и іеромонаха. Въ Московской академіи оставался до сентября 1770 г., когда по указу синода переведенъ вице-ректоромъ въ семинарию Сергиево-Троицкой лавры, но въ октябрѣ того же года возвратенъ въ Московскую академію въ должности префекта и преподавателя философіи. Эту должность исправлялъ только годъ, такъ какъ въ августѣ 1771 г. былъ взятъ преосв. Платономъ въ Тверскую епархію и определенъ префектомъ Тверской семинарии, а 22 октября того же года посвященъ въ архи-

мандрила Тверского Отроча - Успенскаго монастыря.

Въ Тверской семинаріи онъ преподавалъ философію и состоялъ также членомъ консисторіи. Въ началѣ 1774 г. Т. былъ назначенъ ректоромъ той же семинаріи и переведенъ изъ Отроча монастыря въ калязинскій Макаріевъ-Троицкій монастырь, а 21 июня 1775 г. рукоположенъ въ Москву въ епископа воронежскаго и елецкаго. За время управления Воронежской епархіей онъ ввелъ преподаваніе нѣмецкаго и французскаго языковъ въ мѣстной семинаріи, а также и другія измѣненія въ программѣ преподаванія. 6 мая 1788 г. Т. назначенъ былъ тверскимъ и кашинскимъ епископомъ и членомъ св. синода, а 18 мая 1792 г. переведенъ архієпископомъ въ Астрахань, гдѣ и скончался 14 ноября 1793 г. Изъ сочиненій Т. самымъ крупнымъ является: «Толкователь писавія: толкованіе на первое соборное посланіе апостола Петра» (Москва 1794), напечатанное уже послѣ его смерти. Т. былъ хорошимъ проповѣдникомъ и произносить обыкновенно свои проповѣди и рѣчи не записывая ихъ заранѣе. Въ бытность воронежскимъ епископомъ онъ проповѣдавалъ при каждомъ всенародномъ совершение літургіи. Изъ его рѣчей напечатаны слѣдующія: «Слово въ день восшествія на престоль Императр. Екатерины II» (Спб. 1791, изд. 3-е); «Слово при погребеніи св. Тихона, епископа Воронежскаго» (напеч. въ собрании сочиненій Тихона Задонскаго). Въ «Исторіи славяно-греко-латинской академіи» С. Смирнова (Москва 1855) напечатаны его письма къ митрополиту Платону.

Митроп. Евгентій Болховитиновъ, „Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина“, Спб. 1827, т. I, стр. 268—269. — С. Смирновъ, „Исторія славяно-греко-латинской академіи“, Москва 1855, стр. 211. — Филарет Гумилевскій, „Исторія русской церкви“, Чертківъ 1862, изд. 4-е, періодъ 4-й, стр. 50 и 154, примѣч. — Его же, „Обзоръ русской духовной литературы“, Спб. 1864 изд. 3-е, ч. II, стр. 362, № 66. — П. Строевъ, „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійской церкви“, Спб. 1877, 311, 445, 450, 453, 838. — „Тверскія Епархіальныя Вѣдом.“, 1865, № 2. — „Памятная книжка Тверской губ. на 1865 годъ“, стр. 147—157. — „Астраханскія Губернскія Вѣдомости“, 1841, №№ 24 и 26. — В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1800—1854 гг.“, Спб. 1893, т. II, № 10476. — Его же, „Исторія русской и всеобщей словесности“, Спб. 1872, № 88414. — В.

Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографії“, Спб. 1905, изд. В. Рогожина, ч. IV, № 10590.— Амвросій, „Історія россійской іерархії“, Москва 1807—1815, т. I, стр. 107, 141, 199, 558, 630.

Тихонъ (*Малышкинъ*), архієпископъ ростовскій, ярославскій и бѣлозерскій, рукоположенъ 15 января 1490 г. изъ архимандритовъ Спасо-Ярославскаго или Ростовскаго Спасскаго монастыря, что въ точности неизвѣстно. Съ этого времени онъ и становится извѣстнымъ въ россійской іерархії. Лѣтоцись повѣствуетъ, что Т. присутствовалъ на соборахъ 1491 и 1492 гг., созванныхъ для борбы съ ересью, которую въ то время распространялъ ереоіархъ жидовствующихъ Схарій, при чёмъ на этихъ соборахъ онъ былъ по митрополіи первымъ между другими іерархами. Т. совершилъ въ 1496 г. рукоположеніе надъ игуменомъ Троицкой обители Симономъ, когда тотъ избрали былъ въ митрополиты. Онъ присутствовалъ также въ 1499 г. при вѣнчаніи внука великаго князя Дмитрія Ioannовича на великое боярство. При немъ были открыты нетійныя моши св. благовѣрныхъ князей Василія и Константина Всеволодовичей, внуковъ Константина Мудраго и племянниковъ св. Василька. Въ январѣ 1503 г. Т. отошелъ на покой въ Борисоглѣбскій монастырь на Устьѣ, Ярославской епархии. Здѣсь же онъ скончался и похороненъ.

А. Крыловъ, „Историко - статистическое обозрѣніе Ростовско - Ярославской епархіи“, Ярославль 1860, стр. 19, 42 и 67.— „Іерархи Ростовско - Ярославской паства въ преемственномъ порядкѣ съ 992 г. и до настоящаго времени“, Ярославль 1864, стр. 100—103.— Амвросій, „Історія россійской іерархії“, Москва 1807—1815, т. I, стр. 120 и 128.— П. Строевъ, „Списки архіереевъ и настоятелей монастырей россійской церкви“, Спб. 1877, стр. 332, 337, 363.— „Русский Временникъ“, ч. II, стр. 150.— Карамзинъ, „Історія государства Россійскаго“, Москва 1819, т. VI, стр. 198, примѣч. 326, 618 и 629.— А. Ниль, „Ярославскій Спасо-Преображенскій монастырь“, Ярославль 1862, стр. 86—87.

Тихонъ (*Писаревъ*), архимандрит Троице-Сергіевской лавры въ 1718—1721 гг.; постригся въ монашество въ Серпуховскомъ Высоцкомъ монастырѣ. Въ 1714 г. опредѣленъ былъ архимандритомъ въ Спасо-Ярославскій монастырь, откуда 7 ноября переведенъ въ Троице-Сергіеву лавру. Т. въ числѣ многихъ другихъ свѣтскихъ и духовныхъ чиновъ подписался подъ Ду-

ховнымъ регламентомъ, изданнымъ Петромъ Великимъ 25 января 1721 г., во въ число совѣтниковъ синода не былъ призванъ. Въ исходѣ 1721 г. Т. былъ отрѣшенъ отъ должности настоятеля Троице-Сергіевской лавры, такъ какъ, по слову Высочайшаго указа отъ 20 марта 1722 г. о назначеніи ему преемника, онъ «явился по многимъ непорядочнымъ дѣламъ подозрительнымъ». О причинѣ этого отрѣшенія можно судить по тому, что въ росписи доходовъ Московскаго синодального управления канцелярии указанъ штрафъ въ размѣрѣ 7.341 руб. 12 коп., взятый въ 1721 г. съ Т. «за многія съ монаховъ, служителей и крестьянъ взятки». Послѣ увольненія Т. поселенъ былъ въ братство Чудова Московскаго монастыря. 15 ноября 1724 г. Т., по Высочайшему указу, данному синоду, взять былъ подъ стражу; изъ дѣлъ архива синодаго не видно, за какой проступокъ онъ былъ арестованъ. Послѣ восшествія на престолъ Екатерины I Т. указомъ отъ 20 февраля 1725 г. былъ освобожденъ, прощенъ «для поминовенія блаженныя и вѣчнодостойныя памяти» Петра I и опредѣленъ въ братство Серпуховскаго Высоцкаго монастыря.

А. В. Горской, „Історическое описание Свято - Троицкой Сергіевской лавры“, Москва 1890, ч. I, стр. 158; ч. II, стр. 10.— „Історическое описание Свято-Троицкія Сергіевы лавры“, Москва 1882, стр. 194.— П. Строевъ, „Списки архіереевъ и настоятелей монастырей россійской церкви“, Спб. 1877, стр. 139 и 338.— Амвросій, „Історія россійской іерархії“, Москва 1807—1815, ч. 2, стр. 181.— „Описаніе дѣлъ и документовъ, хранящихся въ архивѣ св. Правит. Синода“, т. I, стр. 235, 248, 273, 489; т. II, ч. 1, стр. 53, № 54; стр. 444, № 307, стр. 541, № 397; т. IV, стр. 509—510, № 492; т. V, стр. 626, № 389; т. VII, стр. XXXII; т. VIII, стр. 566—567, № 602.— „Полное собрание постановлений и распоряженій по вѣдомству православного исповѣданія Россійской Имперіи“, Спб. 1879, изд. 2-е, т. I, стр. 31; т. II, № 493.

Тихонъ, въ мірѣ Александъ Павловичъ Покровскій, духовный писатель, архієпископъ волынскій и житомирскій, сынъ священника села Ушакова, Кашинскаго уѣзда, Тульской губ., гдѣ и родился 21 февраля 1821 г.; среднее образование получилъ въ Тульской духовной семинаріи и высшее въ Петербургской духовной академіи, куда поступилъ въ 1843 г. По окончаніи академического курса въ 1847 г. со-

степеню кандидата и съ правомъ на магистра по выслугѣ двухъ лѣтъ въ духовномъ вѣдомствѣ, онъ занялъ мѣсто учителя въ Петербургскомъ Александро-Невскомъ духовномъ училищѣ, въ которомъ прослушалъ до 1855 г. 12 ноября 1850 г. былъ рукоположенъ во священника къ Преображенской церкви (что въ Котловской) и священнослужилъ при ней до 1869 г., послѣднее время, съ 1865 г., состоя въ санѣ протоиерея. Къ этому времени относится рядъ жестокихъ ударовъ судьбы, постигшихъ его въ семейной жизни—смерть сначала жены, а затѣмъ и дѣтей. Оставшись одинокимъ и не будучи чѣмъ—либо болѣе связанъ съ міромъ, онъ «обратился духомъ къ монашеству» и 3 юля 1869 г. былъ постриженъ съ именемъ Тихона, а вскорѣ послѣ этого (6 августа) возведенъ въ санъ архимандрита, 29 августа назначенъ смотрителемъ Александро-Невского духовного училища и 10 сентября хиротонисанъ во епископа выборгскаго, второго викария Петербургской митрополии. 16 августа 1871 г. онъ былъ переименованъ въ епископа Ладожскаго, первого викария той же митрополіи, и менѣе чѣмъ черезъ два года, 13 юля 1873 г., назначенъ епископомъ саратовскимъ и царицынскимъ, которымъ оставался до 6 марта 1882 г., когда былъ возведенъ въ санъ архиепископа съ назначеніемъ на Волынско-Житомирскую кафедру. Въ этой епархіи и скончался 16 апреля 1885 г.—въ Житомирѣ, гдѣ и погребенъ. Т. пользовался славой увлекательного проповѣдника, которую приобрѣлъ еще въ званіи священника при Преображенской церкви; своими общедоступными и ясными проповѣдями, произносимыми обыкновенно безъ всякой подготовки, онъ привлекалъ слушателей всегда въ изобилії. Бесѣды его помѣщались въ различныхъ духовныхъ журналахъ, преимущественно въ «Духовной Бесѣдѣ», въ которой онъ былъ однимъ изъ постоянныхъ и наиболѣе усердныхъ сотрудниковъ. Рядъ помѣщенныхъ въ этомъ журналѣ духовно-нравственныхъ статей снабжены подписью: Прот. А. Покровскій. Таковы его: за 1862 г.—«Невольное повиновеніе твари суетъ людской», «Благіе начатки и плоды въ современныхъ преобразованіяхъ Россіи», «Поученіе по случаю заложенія трехпрестольного храма въ Котловской» (№ 26), «Празднованіе тысячелѣтія Россіи

въ праздникъ Рождества Богоматери» (№ 45); 1863 г.—«Духа не угашайте» (№ 20), «Общественная благотворительность въ С.-Петербургѣ», «Значеніе православной церкви въ Россіи» (№ 51); 1864 г.—«Слѣпота тѣлесная и слѣпота духовная», «Житейскія исудачи»; 1865 г.—«О христіанской обязанности въ отношеніи къ болящимъ»; 1866 г.—«О происхожденіи физического зла на землѣ»; 1869 г.—«Попеченіе объ одѣждѣ» и 1870 г.—«Попеченіе св. церкви о православныхъ христіанахъ въ различныхъ ихъ нуждахъ и состояніяхъ» (девять бесѣдъ). Къ характеристикѣ этихъ статей и рѣчей Т. вообще слѣдуетъ сказать, что, будучи въ большинствѣ случаевъ просты по слогу, безъ излишняго книжества, часто для простыхъ сердецъ утѣшительны, онъ въ то же время изобилуютъ и даже страдаютъ элементомъ духовнаго детерминизма, объясняемаго въ значительной мѣрѣ тяжелыми ударами, перенесенными Т. въ личной жизни. Кроме упомянутыхъ статей въ «Духовной Бесѣдѣ», Т. издалъ также отдельную брошюру: «О церкви, какъ матери всѣхъ православныхъ христіанъ, по долгу ихъ назиданія домашнаго и общественнаго» (Спб. 1862), а въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1869 г. (ч. II) была напечатана его «Рѣчь св. синоду при нареченіи во епископа выборгскаго». Многочисленныя обязанности, связанныя съ саномъ епископа и затѣмъ архиепископа, не позволяли уже Т. удѣлять время на писаніе журнальныхъ статей; съ этого времени въ печати, въ официальныхъ органахъ различныхъ епархій, главнымъ образомъ въ «Саратовскихъ Епархиальныхъ Вѣдомостяхъ», появляются лишь его рѣчи и слова, произнесенные по разнымъ поводамъ. Въ бытность архиепископомъ волынскимъ Т. поощрялъ и поддерживалъ издательская начинанія Почаевской лавры; съ его благословенія изданы лаврой слѣдующія духовно-нравственные книжки: «Повѣсть о Почаевской иконѣ Божіей Матери», «Путеводитель къ горѣ Почаевской», «Православіе и уния въ лицахъ», «Пчела почаевская», «Службы и академісты въ честь иконы Почаевской...» и др.

Волынскія Епархиальные Вѣдомости, 1885, №№ 12, 13, 14.—«Воронежскія Епарх. Вѣдом.» 1885, № 11.—«Донскія Епарх. Вѣдом.» 1885, № 10.—«Кievскія Епарх. Вѣдом.» 1885, № 10.—«Костромскія Епарх. Вѣдом.» 1885, № 19.—«Подольскія Епарх. Вѣдом.» 1885, № 19.—

Саратовскія Епарх. Вѣдом., 1885, № 11.—
Смоленскія Епарх. Вѣдом., 1885, № 11.—
Гульскія Епархіальн. Вѣдом., 1885, № 9.—
„Голосъ Москвы“, 1885, №№ 111 и 116.—
Московскія Вѣдомости, 1885, №№ 111, 114 и
116.—
„Новь“, 1885, кн. 13, стр. 62.—
Церковный Вѣстникъ, 1885, №№ 16 и 19.—
Церковно - Общественный Вѣстникъ, 1885, № 37.—
Строевъ, „Списки іерарховъ“, Спб. 1877, стр.
268, 269, 1024.—
„Девятисотлѣтіе русской іерархіи“,
Москва 1888, стр. 21, 22, 69 и 73.—
Хойнацкій, „Почаевская лавра“, стр. 186 и
дал. (съ портретомъ).—Д. Д. Языковъ, „Жизнь
и труды покойныхъ русскихъ писателей“,
вып. V, Спб. 1889, стр. 139—140.—А. Родос-
скій, „Біографіческий словарь студентовъ пер-
выхъ 28-ми курсовъ Петербургской духовной
академіи, 1814—1869 г.“, Спб. 1907, стр. 490—
491.

Тихонъ Задонскій, въ мірѣ Тимоѳей
Соколовъ, святитель, епископъ воронежскій,
знаменитый іерархъ и духовный писатель,
родился въ 1724 г. въ с. Коропкѣ, Новго-
родской губерніи, Валдайскаго уѣзда, въ
семье бѣднаго дѣячка Савелія Кирилло-
вича. Рано лишившись отца, онъ съ самого
дѣтства испытывалъ материальную нужду.
«Когда дома ёсть нечего,—вспоминалъ онъ
впослѣдствіи объ этомъ времени,—то, бы-
вало, весь день бороню пашию у богатаго
человѣка, чтобы только накормилъ меня
хлѣбомъ». Съ 1738 г. учился въ Новго-
родской духовной школѣ, живя на сред-
ства своего брата Петра, бывшаго дѣячкомъ
въ Новгородѣ. Съ открытиемъ въ 1740 г.
семинаріи его, какъ одного изъ лучшихъ
учениковъ, приняли на казенное содержаніе.
Еще до окончанія семинаріи, въ 1750 г., онъ оставленъ былъ при ней учи-
телемъ греческаго языка, а по окончаніи
ея въ 1754 г. также и риторики. Въ 1758 г.
принялъ монашество въ Новгородскомъ
Антоніевомъ монастырѣ съ именемъ **Тихо-**
на, въ Фомино воскресеніе посвященъ
былъ въ Петербургѣ во діакона и въ томъ
же году въ іеромонаха. Съ 1758 г. Т.
сталъ преподавать философию въ семина-
ріи, а 18 января 1759 г. назначенъ былъ
тамъ префектомъ. Въ томъ же году его
по просьбѣ тверского епископа Аѳанасія
назначили архимандритомъ Желтикова мо-
настыря, но вскорѣ перевели въ Отrocъ
монастырь съ назначеніемъ ректоромъ
Тверской семинаріи, учителемъ богословія
и присутствующимъ въ духовной конси-
сторії. Затѣмъ Т. управлялъ Хутынскимъ
монастыремъ. 13 мая 1761 г. Т. возведенъ
былъ въ санъ епископа кексгольмскаго и

ладожскаго, викарія Новгородской епархіи,
причёмъ рукоположеніе совершено было
въ Петербургскомъ Петроавловскомъ со-
борѣ. Въ августѣ 1762 г., когда синодъ
выѣжалъ въ Москву по случаю коронаціи
Екатерины II, ему повелѣно было при-
быть въ Петербургъ и предсѣдательство-
вать временно въ синодальной конторѣ.
3 февраля 1763 г. Т., послѣ смерти Іоан-
ніакія Павлуцкаго, назначенъ былъ на са-
мостоятельную воронежскую епископскую
каѳедру. Съ самаго вступленія въ управ-
леніе епархией передъ Т. открылсяши-
рокій просторъ для дѣятельности. Прежде
всего онъ обратилъ вниманіе на ветхость
собора, и ему удалось, главнымъ образомъ
на частныя пожертвованія, заложить но-
вый каменный соборъ, который однако
былъ законченъ постройкой уже послѣ
него. Въ средѣ духовенства онъ нашелъ
невѣжество, пренебреженіе обязанностями
и злоупотребленія: многіе не знали какъ слѣ-
дуетъ чина службы, другіе въ праздничные и
воскресные дни изъ-за личныхъ дѣлъ
совсѣмъ не совершали службы; много без-
порядковъ было по дѣламъ брачнымъ;
вообще нравственный и образовательный
уровень духовенства не соответствовалъ
его назначенію. Вскорѣ по прибытии въ
Воронежъ, Т. написалъ въ катехизической
формѣ для священства краткое ученіе «О
седми ов. тайнахъ», въ которомъ давалъ
краткое понятіе о сущности каждого та-
инства, объ образѣ его совершенія, о лицахъ
совершающемъ и о лицахъ, приемлющихъ
его. Затѣмъ имъ было написано «Приба-
вленіе къ должностіи священнической о
тайнѣ св. покаянія», гдѣ даются священ-
никамъ наставленія, какъ держать себя
на исповѣди: возбуждать въ паствѣ чув-
ство раскаянія, но въ то же время отно-
ситься не слишкомъ строго, а осторожно
и осмотрительно, утѣшать милосердіемъ
Божімъ тѣхъ, кто въ скорби о сво-
ихъ грѣхахъ доходитъ до отчаянія. Что-
бы не допускать до рукоположенія лю-
дей недостойныхъ или непріготовлен-
ныхъ къ служенію церкви, Т. немедленно
по вступленіи на епархію послалъ (31 мая
1763 года) указъ во все городскія и ду-
ховныя управленія, чтобы ставленники
имѣли отъ причта и отъ прихожанъ одо-
брительное свидѣтельство. Для побужденія
священниковъ къ произнесенію проповѣ-
дей и чтобы пріучить ихъ къ чтенію, Т.

предписалъ, чтобы послѣ заамвонной молитвы во всякий воскресный и праздничный день читался соотвѣтствующій отрывокъ или изъ Толковаго евангелія или изъ какой-нибудь другой книги, принятой въ Восточной церкви, «а въ иные воскресные дни прочитывать напечатанное въ Слѣдовавшій псалтыри на листу 386, весьма душеподезное и поощрительное спящей и нерадѣющей о своемъ спасеніи душѣ, слово св. Кирилла, архіепископа Іерусалимскаго объ исходѣ души и о второмъ пришествіи». За время своего управлінія Воронежской епархіей Т. строго наблюдалъ за исполненіемъ этого предписанія. А чтобы познакомить священниковъ съ проповѣданіемъ катехизиса, онъ вызвалъ изъ Московской славяно-греко-латинской академіи воспитанника Ивана Васильевича Турбина, который каждое воскресенье произносилъ проповѣди въ каѳедральномъ соборѣ. Къ слушанію этихъ проповѣдей должны были явиться всѣ духовныя лица Воронежа. Для уѣздающихъ же городовъ, въ которыхъ нельзѧ было найти людей способныхъ быть катехизаторами, разослана была особая книжка для чтенія въ церквяхъ. Т. старался по возможности о просвѣщеніи духовенства, заботился объ исправленіи нравственныхъ его недостатковъ; имъ было написано и разослано по епархіи особое наставленіе въ видѣ окружного посланія, въ которомъ излагаются высокія обязанности священника, какъ онъ долженъ готовиться къ совершенію таинствъ, внушилось избѣгать пьянства, сквернословія, худыхъ обычаевъ. Заботясь о доброй жизни и нравственности духовенства, прибѣгалъ къ строгимъ подчасъ мѣрамъ наказанія, онъ тѣмъ не менѣе наблюдалъ, чтобы консistorія не была пристрастна по отношенію къ священникамъ въ своихъ дѣйствіяхъ и приговорахъ, не оттягивала дѣлъ, бородя противъ грубаго обращенія консисторскихъ чиновниковъ съ священниками. Т. первый запретилъ въ своей епархіи пріимченіе тѣлеснаго наказанія къ лицамъ духовнаго званія. И въ своихъ собственныхъ решеніяхъ онъ явился не столько строгимъ судьей, карающимъ преступленіе, сколько настыремъ, исправляющимъ провинившагося. Много вниманія удѣлялъ Т. и школамъ, въ которыхъ ощущалась большая вужда. Семинарія, основанная въ Вороне-

жѣ въ 1721 г., стояла на чрезвычайно низкомъ уровнѣ при предшественникѣ Т. Во всей Воронежской епархіи оставались только двѣ славянскія школы: одна при архіерейскомъ домѣ, а другая въ Острогожскѣ. Недостатокъ школъ понудилъ Т. предписать духовнымъ правленіямъ городовъ епархіи завести славянскія школы и нужную для нихъ зданія купить или выстроить за счетъ духовенства. Но вслѣдствіе нерадивости духовныхъ управителей, несочувствія этому дѣлу со стороны духовенства вообще, скупившагося на средства, и побѣговъ учениковъ эти школы пришлось черезъ два года закрыть. Тогда Т. вместо нихъ открылъ латинскія школы въ Острогожскѣ и Ельцѣ. Кромѣ того въ была открыта школа въ Новочеркасскѣ для дѣтей священниковъ Донскаго края, где чувствовалась особенная нужда въ просвѣщеніи духовенства вслѣдствіе склонности казаковъ къ расколу. Когда послѣ отобранія у монастырей крестьянъ была сдѣлана правительстvомъ первая ассигновка на содержаніе духовныхъ школъ, Т. приступилъ къ устройству въ Воронежѣ семинаріи; для этой цѣли былъ расширенъ прежній семинарскій домъ и вызваны учителя изъ числа воспитанниковъ Кіевской академіи и Харьковскаго коллегіума. Сборъ же съ духовенства на содержаніе училищъ былъ прекращенъ. Т. часто посѣщалъ классы, самъ опредѣлялъ порядокъ занятій, отмѣчалъ лучшія и поучительнѣйшія мѣста для толкованія воспитанникамъ. Имъ же написана была и «Інструкція, что семинаристамъ должно наблюдать», где излагались нравственные обязанности воспитанниковъ, какъ будущихъ пастырей. Дурное состояніе монастырей Воронежской епархіи, нетрезвый образъ жизни въкоторыхъ монаховъ, непорядки, парившіе въ ихъ средѣ, также обратили на себя вниманіе Т., и имъ было написано 15 статей для монашества.

Не менѣе значительны его заботы о преподаваніи народу основныхъ христіанскихъ понятій. Съ этой цѣлью Т. произнесъ проповѣди, отличавшіяся простотой, глубиной вѣры и воодушевленіемъ, писалъ особья сочиненія для народа и разсыпалъ ихъ по церквамъ. Таковы: «Краткое увѣщаніе, что всякому христіанину отъ младенчества до смерти въ памяти всегда держать должно»; «Краткое наставленіе,

како подобаетъ себѣ въ христіанскій должностіи содержать»; «Наставлениѣ о должностіи христіанской, родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ»; «Примѣчанія иѣ-
ка, изъ св. Писанія выбранная, возбуждающая грѣшника отъ сва грѣховнаго и къ покаянію призывающа, съ послѣ-
дующими образцами», съ краткимъ увѣща-
ваніемъ къ скорому обращенію. Наконецъ,
имъ было еще написано большое сочиненіе
«Плоть и духъ, или собраніе иѣкіихъ
нравоучевій изъ св. Писанія, Ветхаго Зап-
іята и псалмовъ и толкователя св. Писанія,
Іоанна Златоустаго» (Спб. 1796). Т. при-
нималъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ
къ тому, чтобы народъ болѣе усердно по-
сещалъ храмы въ праздничные и воскрес-
ные дни; для этой цѣли имъ, между про-
чимъ, было разослано по епархіи «Краткое
увѣщаніе, како подобаетъ въ святые храмы
входить на словословіе». Т. боролся и
противъ нехристіанскихъ обычаевъ, рас-
пространенныхъ въ населеніи. Такъ, съ
цѣлью искорененія такихъ обычаевъ въ
празднованіи масленицы онъ произнесъ
въ 1765 г. наиболѣе замѣчательную изъ
своихъ проповѣдей «Слово о сырной сед-
мицѣ». Энергично боролся онъ также про-
тивъ празднованія Ярила, народного празд-
ника, пережитка языческой старины. Въ
1765 г. онъ самъ явился на площадь, где
происходили празднества въ честь Ярилы,
и произнесъ проповѣдь; по этому же пово-
ду онъ написалъ «Увѣщаніе жителямъ Во-
ронежа объ уничтоженіи ежегоднаго празд-
нества, называвшагося Ярило», и въ ре-
зультатѣ празднество это постепенно было
забыто. Борьба съ расколомъ, имѣвшимъ
глубокіе корни въ Донской области не толь-
ко среди мірянъ, но отчасти и среди ду-
ховенства, также отнимала не мало силъ
у Т., но эта борьба къ значительнымъ
результатамъ не привела. Въ своей дѣя-
тельности по оздоровленію церкви Т.
встрѣчалъ препятствія со стороны какъ
населенія, такъ и духовенства, которое
было недовольно строгостью и требова-
тельностью епископа. Утомленный непре-
рывными заботами и борьбой Т. просилъ
объ увольненіи его на покой и былъ уво-
ленъ 17 декабря 1767 г. Д. Ровинскій
утверждаетъ, что увольненіе его произошло
потому, что онъ произнесъ во дворцѣ об-
личительную проповѣдь. На воронежской
епископской каѳедрѣ Т. пробылъ 4 года
7 мѣсяцевъ.

Удалившись на покой, Т. первоначально
поселился въ заштатномъ Толшевскомъ мо-
настырѣ, расположенному въ 40 верстахъ
отъ Воронежа. Эта обитель была имъ вы-
брана благодаря уединенности ея мѣстопо-
ложенія, но нездоровыій климатъ, вредная
болотистая испаренія заставили его въ
1769 г. переселиться въ Задонскій Бого-
родицкій монастырь. Первоначально Т. то-
мился столь рѣзкимъ переходомъ отъ энер-
гичной дѣятельности, проявленной имъ на
воронежской каѳедрѣ, къ покою монастыр-
ской жизни: онъ чолагалъ даже принять
предложенное ему петербургскимъ архіе-
пископомъ мѣсто настоятеля Валдайскаго
Иверскаго монастыря, но потомъ отка-
зался отъ своего намѣренія и навсегда
остался въ Задонскѣ.

Жизнь Т. въ Задонскомъ монастырѣ отли-
чалась простотой и являла собою примѣръ
высокаго благочестія и аскетизма. Онъ про-
далъ лучшую свою одежду и драгоцен-
ности, какія сохранились у него со вре-
мени служенія на воронежской каѳедрѣ, и
вырученныя деньги роздалъ бѣднымъ. Для
себя онъ оставилъ самое необходимое, пи-
шу употреблялъ самую скучную, спаль-
очень мало, отказывалъ себѣ во всемъ и
большую часть своего времени отдавалъ
молитвѣ и богословскимъ занятіямъ. На-
ряду съ этимъ Т. занимался тяжелыми ра-
ботами въ монастырскомъ саду, пилиль и
кололь самъ дрова, косиль сѣво и т. п.
«Если бы не епископскій санъ,—говари-
валъ онъ своему келейнику,—я бы пошелъ
на самыя простыя работы, какъ-то: ру-
бить дрова, воду носить, муку сѣвать, хлѣбы
печь. Но та бѣда, что у насъ въ Россіи
нельзя сего сдѣлать». Онъ не любилъ и
избѣгалъ обычныхъ услугъ отъ своего ке-
лейника и принималъ ихъ только въ наи-
болѣе необходимыхъ случаяхъ. Много силь-
T. потратилъ на борьбу со своимъ харак-
теромъ. По натурѣ онъ былъ человѣкомъ
впечатлительнымъ и раздражительнымъ,
склоненъ къ унынію; временами имъ овла-
дѣвало чувство тоски и безотчетной скорби;
только упорной борьбой и цѣнѣ многихъ
усилій ему удалось слѣдить эти неровности
и выработать въ себѣ смиреніе и крот-
кое отношеніе къ людямъ, развить въ себѣ
тѣ нравственные начала, которыя онъ счи-
талъ обязательными для всякаго христіа-
нина. Онъ достигъ той степени смиренія,
когда старшій у младшаго просить про-

щенія; и Т. часто кланялся въ ноги своему келейнику и просилъ прощенія, если замѣчалъ, что чѣмъ-нибудь обидѣлъ его. О томъ же свидѣтельствуетъ еще и слѣдующій случай. Разъ въ гостяхъ у знакомаго помѣщика Т. встрѣтился съ однимъ дворяниномъ, человѣкомъ вольнодумнымъ и вспыльчивымъ, и вступилъ съ нимъ въ споръ; святитель сильно и мѣтко возражалъ своему собесѣднику, и послѣдній пришелъ въ такое раздраженіе, что ударилъ его по щекѣ. Тогда Т. упалъ ему въ ноги со словами: «Прости меня, Бога ради, что я ввелъ васъ въ такое изстушеніе». Этотъ поступокъ такъ сильно подействовалъ на дворянина, что онъ самъ сталъ просить прощенія и съ того времени сдѣлался добрымъ христіаниномъ. Интересная слѣдующая характеристика, данная Т. однимъ изъ его келейниковъ: «Комплексіи святителя былъ ипохондрической и часть холерики была въ немъ. Иногда дѣсть мнѣ строгій и справедливый выговоръ, но скоро потомъ придется въ раскаяніе и сожалѣніе».

Ни покой Т. съ усердіемъ предался дѣламъ благотворительности и милосердія. По сочувствію къ простому народу и потому, что, происходя самъ изъ низшаго сословія, хорошо зналъ бѣдственное положеніе крестьянъ, Т. больше всего благотворилъ крестьянамъ, хотя въ то же время не отказывался помогать бѣднымъ и изъ другихъ сословій. Лишался ли кто дома благодаря пожару, или же какое-нибудь несчастье доводило крестьянина до разоренія, Т. всегда оказывалъ по мѣрѣ силъ материальную помощь обнищавшему. На его средства выстроена была въ г. Ливнахъ значительная богадѣльня. На дѣла благотворительности онъ тратилъ всю свою пенсію въ 500 рублей и все средства, какія получалъ въ даръ отъ частныхъ лицъ. Т. часто посѣщалъ больныхъ и умирающихъ окрестныхъ селеній, утѣшалъ и ободрялъ ихъ своими бесѣдами. Такимъ же другомъ-утѣшителемъ былъ онъ и для заключенныхъ; въ Елецкой тюрьмѣ онъ бывалъ по нѣскольку разъ въ году. Его общительность и простота въ обращеніи, его жизнерадостность духа привлекали къ нему сердца людей. Келія его сдѣлалась источникомъ духовнаго пленія для окружающаго населенія, среди котораго онъ пользовался исключительнымъуваженіемъ и

авторитетомъ. Онъ мирилъ ссорившихся монаховъ и часто улаживалъ раздоры среди помѣщиковъ, возникавшіе главнымъ образомъ на почвѣ семейныхъ недоразумѣй. Есть много основаній думать, что именно по духовному облику Т. нарисованъ Достоевскимъ его старецъ Зосима въ «Братьяхъ Карамазовыхъ».

По своему происхожденію близкій къ народу, Т. любилъ бесѣдоватъ съ людьми изъшаго сословія,—и съ тѣмъ большимъ удовольствиемъ, когда собесѣдники не узнавали его подъ простымъ одѣяніемъ. Ему понятѣй было разговоръ крестьянъ, известны имъ нужды и потребности. Часто, подъ видомъ простого монаха или послушника, встрѣчая крестьянъ на дворѣ или у крыльца, онъ заводилъ съ ними простой разговоръ, разспрашивалъ объ ихъ работахъ, занятіяхъ, повинностяхъ, правительственныхъ распоряженіяхъ и т. п. Считая христіанско воспитаніе очень важнымъ для человѣка, имѣющимъ крупное влияніе на всю его дальнѣйшую жизнь, и видя, съ другой стороны, невнимательность крестьянъ къ воспитанію и образованію своихъ дѣтей, Т. охотно собиралъ дѣтей въ своей келіи, заботился объ ихъ воспитаніи, стараясь внушить имъ христіанскія понятія, смягчить ихъ дурные нравы и склонности. И къ нему съ охотой приходили дѣти изъ сосѣдней слободы. Даже многихъ изъ раскольниковъ привлекалъ къ Т. слухъ о его добродѣтельной жизни. Вскорѣ послѣ поселенія его въ Задонскомъ монастырѣ раскольники, безуспѣшно искавшіе себѣ архиепископія обратились, наконецъ, къ нему съ предложеніемъ быть у нихъ епископомъ. Недоразумѣніе съ этимъ обращеніемъ явное, но оно краснорѣчиво говорить о высокомъ образѣ жизни святителя, имитировавшемъ даже людямъ другихъ церковныхъ обрядовъ. Несмотря на отказъ Т., раскольники продолжали пытать къ нему чувствоуваженія, тѣмъ болѣе, что онъ не былъ сторонникомъ рѣшительныхъ мѣръ въ преслѣдованіи ихъ. Такъ словомъ и дѣломъ Т. завоевывалъ себѣ симпатіи широкихъ слоевъ окружнаго населения. Т. продолжалъ много писать и въ Задонскѣ, гдѣ имъ закончены лучшія творенія. Въ писаніяхъ Т. замѣчается преобладаніе нравственно-религіознаго содержанія; вопросы морали христіанской посвящены наиболѣе крупныя его сочиненія.

нія. Нравственная жизнь была для него важиye и выше всего, и потому во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ онъ главнымъ образомъ старается раскрыть оказанности христіанства, такъ какъ въ нихъ онъ видѣлъ сущность нравственности, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не дѣлаетъ одну какую-нибудь добро-дѣтель центральнымъ пунктомъ и исключительной задачей нравственного совершенствованія, не сводить къ ней одной всѣ свои мысли, не концентрируетъ на ней одной своего вниманія. Какъ въ своей собственной жизни онъ не предавался исключительно одному только подвигу, такъ и въ сочиненіяхъ своихъ онъ старается по возможности вполнѣ обніять и раскрыть всеобщія обязанности человѣка. Такъ, напримѣръ, его книга «Объ истинномъ христіанствѣ» имѣеть предметомъ своимъ именно такое полное духовное развитіе человѣка въ «мужа совершенія». Но, чтобы общественное положеніе не отвлекало людей отъ этого дѣла нравственного совершенствованія, Т. даетъ еще наставленія частныя, примѣнительно къ различію въ общественномъ положеніи людей: онъ оставилъ наставленія государю и подданнымъ, богачу и бѣдняку, знатному и незнатному, сильному и слабому, купцу и покупателю, мужу и женѣ, родителямъ и детямъ, работодателю и рабочему. Въ связи съ вопросами религіозно-нравственными Т. старался представлять и догматы вѣры. И въ изображеніи ихъ онъ стремился къ установлению живой и непосредственной связи догмата съ реальною, повседневною жизнью, что дѣлало его писанія понятными и доступными широкому кругу лицъ. Вѣшнія природы, обыденныя явленія и случаи жизни служили Т. въ качествѣ матеріала и иллюстрацій для его нравственно-религіозныхъ выводовъ и для выясненія сущности и значенія догматовъ вѣры. Въ такомъ духѣ написана имъ книга «Сокровище, отъ мира собираемое». Аналогія между вѣшнimi явленіями природы и духовной жизнью человѣка, его религіозными возврѣніями часто встречается у него; гармонія, порядокъ, взаимная связь и зависимость другъ отъ друга явлений видимой природы должны, по мнѣнію Т., напоминать и внушать намъ мысль о порядкѣ духовной жизни, о связи между людьми, основанной на взаимной помощи и любви. «Смотришь на небо,—пишетъ онъ,—такое чудное, высокое,

обширное, украшенное различными звѣздами; на солнце и луну, сияющія и всю поднебесную осіявающія; на облака въ воздухѣ, туда и сюда прѣходящія и какъ мѣхи дождь точащія и напояющія насы наши Представляетъ тебѣ чувство и разумъ землю съ исполненіемъ ея, съ древесами, травами, скотами, звѣрями, морями, реками, источниками и прочимъ украшеніемъ. Отъ видимыхъ прейди умомъ, отъ созданія мира къ создателю. Да будетъ тебѣ случай сей удивиться: 1) Всемогуществу Бога нашего, который вся сія изъ ничего словомъ единымъ сотворилъ; 2) Премудрости Его, который такъ премудро сотворилъ; 3) Благости Его, который вся сія насть ради сотворилъ». Въ своихъ сочиненіяхъ Т. очень рѣдко прибегаетъ къ какимъ-либо логическимъ, чисто формальнымъ построеніямъ и доказательствамъ, а старается по преимуществу воздействовать на здравый смыслъ читателя, на непосредственное чувство истины, на свойственный и обычный для всякаго человѣка образъ представлений. И здесь замѣтно вліяніе, оказанное на него твореніями Иоанна Златоуста, бывшими самыми любимыми его чтеніемъ. Т. постоянно пользуется для поясненія своихъ мыслей примѣрами, сравненіями, противоположеніями, взятыми изъ повседневной жизни. Языкъ его писаній отличается необыкновенною простотою, доступностью, живостью и увлекательностью формы; рѣчь его изобилуетъ народными оборотами и поэтическими образами. Одинъ изъ биографовъ Т. даетъ слѣдующую характеристику его сочиненій: «Общедоступное изложеніе самыхъ высокихъ истинъ вѣры, приближенное къ разумѣнію самыхъ простыхъ христіанъ, рѣдкое искусство посредствомъ сравненій и образовъ сообщать истинамъ особенную ясность и занимательность для всякаго христіанина, при всѣкомъ удобномъ случаѣ изыскать для нихъ назиданіе и пропагдать имъ путь къ собственному усовершенствованію въ богоносіи христіанской, всѣ сіи качества дѣлаются святителя Т. преимущественно народнымъ христіанскимъ учителемъ»...

Первымъ трудомъ, написаннымъ Т. въ Задонскомъ монастырѣ, было его сочиненіе «Объ истинномъ христіанствѣ», въ 6 частяхъ (Спб. 1785 и 1803); въ основу этого сочиненія положены переводъ изъ его богословскихъ лекцій, читанныхъ въ

Тверской семинарии, съ значительными дополнениями и разъяснениями. Къ числу крупныхъ и наиболѣе выдающихся писаний Т. надо отнести «Сокровище духовное, оть міра собираемое», въ 4 частяхъ (Спб. 1774) и «Плоть и духъ или собраніе нѣкоторыхъ нравоученій изъ св. Писанія, Нового Завѣта и псалмовъ и толкователя св. Писанія св. Иоанна Златоустовскаго» (Спб. 1796); послѣднее сочиненіе еще въ 1784 году издано было въ Петербургѣ II. Богдановичемъ безъ указанія автора, подъ названіемъ «Скрижали нравоученія». Затѣмъ Т. написалъ «Наставление христіацкое съ прибавленіемъ о взаимныхъ должностяхъ христіанскихъ» (Спб. 1784; изд. 3-е Спб. 1794); выбравъ изъ этого сочиненія нѣкоторыя мысль и дополнивъ ихъ нѣкоторыми другими статьями Т., синодъ издалъ этотъ сборникъ подъ названіемъ «Наставление о собственныхъ всякомъ христіанина должностяхъ» (Спб. 1789; 48-е изданіе, Москва 1870) и сдѣлалъ распоряженіе о чтеніи его по церквамъ. Специально для монашескаго духовенства Т. написалъ, кромѣ 15 статей еще въ бытность его воронежскимъ епископомъ, также «Правила монашескаго житія» и «Наставление обратившимся отъ суетнаго міра». Затѣмъ имъ были написаны еще слѣдующія статьи и сочиненія самаго разнообразнаго содержанія: «Письма келейныхъ» (Спб. 1784; изд. 2-е Спб. 1796); «Разныя письма къ нѣкоторымъ писателямъ посылаемые» (Спб. 1784; изд. 2-е 1802); «Разныя проповѣди» (Спб. 1784; изд. 2-е 1794; этотъ сборникъ приписывается также Тихону Малинину); «Кроткія нравоучительныя слова» (Спб. 1784; изд. 2-е 1794); «Бесѣды о молитвѣ» (Спб. 1821); «Чувствованіе о благодареніи Богу» (Спб. 1821); «Вода мимотекущая»; «Полезное наставление о страхѣ Божиемъ» (Спб. 1821); «О любви къ врагамъ» (Спб. 1821); «О любви къ ближнему» (Спб. 1821); «О отпущеніи согрѣшеннѣй ближнему» (Спб. 1821); «Увѣщаніе о сохраненіи правосудія и присяги»; «Познаніе о любви Божіей» (Спб. 1821); «Разсужденіе о смиреніи»; «Упованіе о надеждѣ» (Спб. 1821); «Изъясненіе о узкомъ пути» (Спб. 1821); «Размышеніе о презрѣніи и отрицаніи міра» (Спб. 1821). Затѣмъ есть указаніе, что Т. переводилъ псалтырь съ еврейскаго языка и Новый Завѣтъ съ греческаго. Кромѣ того онъ на-

писалъ рядъ мелкихъ статей, инструкцій и наставлений въ связи съ различными сторонами епархиального управления за время своего пребыванія на воронежской кафедрѣ. Часть его сочиненій была собрана и издана Евгеніемъ Болховитиновымъ, митрополитомъ кievскимъ, подъ заглавіемъ «Остальныя сочиненія Тихона» (Спб. 1799). Первое полное собраніе его писаній, «Сочиненія преосвященнаго Тихона, епископа Воронежскаго и Еледскаго», издано было тѣмъ же митрополитомъ Евгеніемъ въ Петербургѣ, въ 1825—1826 гг. Позднѣе изданіе полнаго собранія сочиненій Т. взялъ на себя синодъ; оно вышло въ свѣтъ въ Москвѣ, въ 1836 г.; 5-е изданіе въ 1889 г. Умеръ Т. въ Задонскомъ монастырѣ 13 августа 1783 г. Имъ было оставлено духовное завещаніе, въ которомъ онъ дѣлаетъ послѣднія распоряженія о раздачѣ имущества и прощается съ братией монастырской. Въ 1861 г. совершено было торжественное открытие мощей Т., которыхъ почиваютъ открыто въ Задонскомъ монастырѣ. Днемъ памяти его установлено 13 августа. Жизнь Т. описали два его келейника, Иоаннъ Ефимовъ, въ монашествѣ Тихонъ, и В. И. Чеботаревъ. Письма Ефимова, въ которыхъ изображена жизнь Т. на покой, хранятся въ Кіево-Софійской бібліотекѣ (подъ № 194).

„Жизнеописаніе Тихона Задонскаго“ въ приложении къ т. I „Собрания сочиненій“, Спб. 1825.—„Описаніе жизни и подвиговъ преосвященнаго Тихона, епископа Воронежскаго, для любителей и почитателей памяти сего преосвященнаго“, Спб. 1799, изд. 2-е, Москва 1856 (авторъ—митрополит Евгений).—„Записки келейника В. И. Чеботарева“ (Материалы для жизнеописанія святителя Тихона, епископа Воронежскаго), „Православное Обозрѣніе“, 1861, т. V, № 7, стр. 299, и Прибавление къ „Тамбовскими Епархиальными Вѣдомостямъ“, 1861, №№ 15—24.—„Жизнь почившаго въ Задонскѣ Тихона, епископа Воронежскаго“, Спб. 1861.—„Жизнь святителя Христова Тихона, епископа Воронежскаго, съ присовокупленіемъ избранныхъ мыслей изъ его твореній“, Москва 1861, изд. 2-е 1862.—„Житіе иже во святыхъ отца нашего Тихона, епископа Воронежскаго, всея Руси чудотворца“ Спб. 1861, изд. 6-е 1870.—„Житіе святителя Тихона Задонскаго“, Спб. 1861.—В. Михайловский, „Святый Тихонъ, епископъ Воронежский и Задонский“, Спб. 1873, изд. 4-е 1899.—А. Лебедевъ, „Святитель Тихонъ Задонский и всея Руси чудотворецъ“, изд. 3-е, Спб. 1896.—П. Кратировъ, „Святитель Тихонъ Задонский какъ пастырь и пастыреучитель“, Казань 1897.—Н. Елагинъ, „Житіе иже во святыхъ отца

нашего Тихона, епископа Воронежского, всея Руси чудотворца", Спб. 1876.—Л. Ефремовъ, "Жизнь и уроки изъ жизни св. Тихона", Воронежъ 1874.—"Благодатная помощь св. Тихона", Спб. 1874.—"Угодникъ Божий святитель Тихонъ Задонскій какъ наставникъ и руководитель въ дѣлахъ вс помошествованія бѣднымъ", Спб. 1876.—О. М-скій, "Преданіе о св. Тихонѣ Задонскомъ", "Душеполезное Чтение", 1865, № 7, стр. 113, и "Новгородская Губернская Вѣдомость", 1861, №№ 2—3.—Ал-дръ Лебединцевъ, "Отличительные черты и значение писаній св. отца нашего Тихона епископа Воронежского", "Духъ Христіанина", 1861, сентябрь, стр. 16.—В. Терюхинъ, "Село Короцко", "Новгородская Губернская Вѣдомость", 1861, № 39.—"Нѣсколько свѣдѣній о святителе Тихонѣ, епископѣ Воронежскомъ", "Прибавленіе къ "Херсонскому Епархиальному Вѣдомству", 1861, №№ 17—19, т. IV, стр. 30—36, 92—100, 136—159.—М. Быловъ, "Въ Воронежской губерніи при епископѣ Тихонѣ", "Воронежская Епархиальная Вѣдомость", 1883, № 15.—П. С. Казанский, "Труды святителя Тихона, епископа Воронежского, по управлению Воронежской епархией", "Прибавленіе къ "Твореніямъ св. отцевъ", 1862.—"Житіе святителя Тихона Задонскаго", Москва 1894.—И. Я. Морошкинъ, "Прошеніе императрицы Екатеринѣ II Тихона Задонскаго объ увольненіи его отъ управления епархией", "Странникъ", 1872, № 2.—Переписка епископа Кирилла со святителемъ Тихономъ, сообщ. Николаева, "Воронежская Епархиальная Вѣдомость", 1860, № 19.—Инструкція преосвященнаго Тихона, 1763, о школахъ, "Тамбовская Губернская Вѣдомость", 1856, № 29.—"Новооткрытое письмо святителя Тихона Воронежскаго", сообщ. кн. Долгоруковъ, "Христіанское Чтение", 1856, ч. I, стр. 461, и "Воронежская Губернская Вѣдомость", 1856, № 38 — Два письма Тихона Задонскаго въ "Христіанское Чтеніе", 1838, № 4, стр. 62, и 1834, № 1, стр. 314.—Два письма Т. Задонскаго въ "Москвитянинъ", 1850, № 18; 1851, № 1.—"Херсонская Губернская Вѣдомость", 1861, № 32.—"Кievskaya Епархиальная Вѣдомость", 1861, №№ 11 и 13.—"Ярославская Епархиальная Вѣдомость", 1861, № 34.—"Домашняя Бесѣда", 1859, № 42, стр. 397.—"Историческій Вѣстникъ", 1895, сентябрь.—"Москвитянинъ", 1843, № 4.—"Воскресное Чтение", 1838, № 37.—"Душеполезное Чтение", 1872, ч. 3, № 9, стр. 33 и 76.—"Московская Епархиальная Вѣдомость", 1871, № 30, стр. 282; № 31, стр. 294.—Филаретъ Гумилевский, "Обзоръ русской духовной литературы", изд. 2-е, кн. 2, Черниговъ 1863, стр. 100, № 54.—Его же, "Исторія русской церкви", Черниговъ 1862, періодъ 5-й, стр. 8, 9, 36, 45, 50, 128, 133—135.—Митрополитъ Евгений Болховитиновъ, "Словарь исторический о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовного чина греко-российской церкви", изд. 2-е, Спб. 1827, т. II, стр. 265.—Професоръ Знаменский, "Чтение изъ истории русской церкви за времена царствованія Екатерины II", "Православный Собесѣдникъ", 1875, т. III.—К. Здравомысловъ, "Епархи Новгородской епархіи отъ древнѣйшихъ временъ и до настоящаго вре- мени", Новгородъ 1897.—Бекетовъ, "Портреты именитыхъ мужей россійской церкви съ приложениемъ ихъ краткихъ жизнеописаний", Москва 1843.—Гером. Герантій, "Историко-статистическое описание Задонского Богородицкаго монастыря", изд. 2-е, Москва 1873.—Н. Ка-таевъ, "Очеркъ исторіи русской церковной проповѣди", "Херсонская Епархиальная Вѣдомость", 1824, № 24, приложение.—"Христіанское Чтение", 1834, т. I.—П. Строевъ, "Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійской церкви", Спб. 1877, стр. 39, 453, 457, 836.—"Полный христіанский мѣсяцесловъ", Киевъ 1839 и 1868.—"Любопытный мѣсяцесловъ", Спб. 1794.—Сергій, "Полный мѣсяцесловъ Востока", Москва 1876, т. 2, ч. II, стр. 212.—Софія Дестунісъ, "Житія святыхъ", Спб. 1891, августъ, стр. 43.—Филаретъ Гумилевский, "Житія святыхъ, читимыхъ православною церковью", Спб. 1900, изд. 3-е, августъ, стр. 85.—Архим. Игнатій, "Краткія жизнеописанія русскихъ святыхъ", Спб. 1875, ч. II.—Д. И. Протопоповъ, "Житія святыхъ, читимыхъ православною церковью", Москва 1885, августъ, стр. 185.—Д. А. Ровинский, "Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ", Спб. 1889, т. II, стр. 1743; приложение, стр. 288.—Генадій, "Анонимныя книги", стр. 39.—Его же, "Словарь русскихъ писателей", т. I, стр. 98.—В. И. Межовъ, "Исторія русской и всеобщей словесности", Спб. 1872, № 546, 8416, 12149, 13298.—В. Сопиковъ, "Опытъ россійской библиографіи", Москва 1824, ч. I, № 7959, 8158—8159, 8181—8182, 8304, 9109, 10326, 11792—11799, 12977—12978; ч. III, № 3655; ч. IV, № 7638.—"Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библиотеки А. Смирдина" Спб. 1828, №№ 355, 356, 369, 370, 371, 372—373, 378, 379, 380, 391, 407, 416, 434, 444, 482, 672, 723, 925, 927, 929, 936, 980.—"Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библиотеки В. Плавильщика", Спб. 1820, №№ 1232, 1327, 1375, 1396, 1430—1431, 1442, 1458.

Тихонъ (Якубовскій), епископъ сѣвскій, воронежскій и сузdal'скій, происходилъ изъ мѣщанъ, родился въ г. Коропѣ, въ Малороссії, въ 1721 г. Образованіе получилъ въ Киевской духовной академіи и постриженъ былъ въ монахи по однімъ свѣдѣніямъ по окончаніи академіи, а по другимъ еще во время пребыванія въ академіи. По окончаніи курса вступилъ въ Киево-Братскій монастырь. Въ 1775 г. определенъ былъ іеромонахомъ въ кадетскій корпусъ, а въ 1758 г. переведенъ архимандритомъ въ Спасо-Ярославскій монастырь. Когда въ томъ же году русскими войсками взята была Кенигсбергъ, Т. отправленъ былъ туда для основанія православной церкви, а послѣ заключенія мира возвратился въ Спасо-Ярославскій монастырь. Когда была учреждена Московская викарная епархія подъ назва-

ніемъ Сѣвской, Т. 8 августа 1864 г. былъ назначенъ на каѳедру епископіи сѣвской и брянскай, а 17 декабря 1767 г. епископомъ воронежскимъ и елецкимъ. 19 мая 1775 г. онъ переведенъ былъ въ Сузdalскую епархію; умеръ въ Суздали 4 апреля 1786 г. и погребенъ въ Сузdalскомъ соборѣ. Т. былъ послѣднимъ сузальскимъ епископомъ, такъ какъ послѣ его смерти указомъ отъ 6 мая 1786 г. Сузdalская епархія соединена была съ Владимірской. Напечатаны двѣ его привѣтственные рѣчи: «Слово, сказанное во градѣ Сузdal, во соборной Благовѣщенской церкви во имя прибытія въ должностіе правителя А. Б. Куракина» (Москва 1778); «Рѣчъ графу Л. Воронцову при обозрѣніи имъ Владимирского намѣстничества» (Москва 1779).

В. Аскоченскій, „Кievъ съ его древнійшими училищемъ—академіей“, Киевъ 1856, ч. II, стр. 212 и 529.—П. Строевъ, „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійской церкви“, Спб. 1877, стр. 338—339, 132, 658, 838.—Амвросій, „Історія россійской іерархіи“, Москва 1807—1815, т. I, стр. 93, 183, 199.—Филарет Гумилевский, „Обзоръ русской духовной литературы“ Спб. 1884, ч. 2, стр. 537, № 58.—В. И. Межовъ, „Історія русской и всеобщей словесности“, Спб. 1893, стр. 291, № 8417.—В. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи“, изд. В. Н. Рогожина, Спб. 1905, ч. IV, стр. 226, № 10103; стр. 261, № 10539.—Воронежскія Губернскія Вѣдомости“, 1845, № 30.

Тихонъ, преподобный Медынскій, основатель Медынской, нынѣ Тихоновой пустыни, жилъ въ XV вѣкѣ. Вслѣдствіе литовскаго разоренія почти не сохранилось письменныхъ памятниковъ о жизни Т.; согласно старинной службѣ преподобному и преданіямъ основанной имъ обители, Т. въ молодыхъ еще годахъ принялъ постриженіе въ Москву. Есть основаніе думать, что онъ былъ ученикомъ преподобнаго Пафнутия Боровскаго, умершаго въ 1477 г.: въ монастырѣ и въ городскихъ церквяхъ Калуги долгое время хранились древнія иконы, изображавшія Пафнутия Боровскаго, ученика его Никифора и Т. Стремясь къ уединенію, онъ удалился въ глухой лѣсъ Ярославца Малаго, бывшаго тогда во владѣніи князя Ярослава, сына Владимира Андреевича Храбраго, въ нынѣшней Калужской губерніи. Здѣсь онъ поселился въ дуплѣ исполинскаго дуба, на берегу рѣки Вепрѣйки, въ 15 верстахъ отъ города Ме-

дины; остатки этого дуба, разрушенаго впослѣдствіи грозой, хранятся и понынѣ. Пищей ему служили «былі саморосленныя», а питьемъ—вода изъ колодезя, который онъ самъ ископалъ. Преданіе говоритъ, что однажды князь Ярославъ Владиміровичъ, во время охоты встрѣтивъ въ лѣсу Т., пришелъ въ большую ярость, приказалъ ему немедленно удалиться изъ его владѣній и замахнулся на него плетью, но вдругъ рука у него онѣмѣла и осталась неподвижной вмѣстѣ съ плетью. Пораженный этимъ чудомъ князь просилъ у преподобнаго прощенія и обѣщалъ сдѣлать пожертвованіе на построеніе обители. Вскорѣ вѣсти о жизни Т. стали доходить до окрестнаго населенія, и съ нимъ стали селиться. Тогда была основана на берегу рѣки Вепрѣйки обитель въ честь успенія Божіей Матери; Т. ио предложенію братіи принялъ санъ игумена. По монастырскому преданію онъ скончался въ глубокой старости схимникомъ, какъ онъ записанъ въ синодикѣ Лаврентіева монастыря, где имя его поставлено волѣй за именемъ Лаврентія. Годъ его смерти, 1492, достовѣрно опредѣленъ по рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Московской духовной академіи (подъ № 509), написанной въ XVII вѣкѣ; рукопись эта содержитъ подробное перечисленіе святыхъ россійской церкви, составленное, какъ видно изъ предисловія, при царѣ Феодорѣ Ioанновичѣ. Въ ней сказано: «Преподобный Тихонъ, иже бысть на Оцѣ рѣки, преставио въ лѣто 7000 (1492)». Мощи его почиваются подъ спудомъ въ соборной церкви обители Преображенія Господня; на нихъ, какъ разсказывается въ разныхъ житіяхъ этого святого, совершилось много чудесныхъ исцѣленій. Изъ вкладной книги Тихоновой обители 1666 г., написанной словно съ прежней, видно, что уже въ 1580 г. Т. именовался преподобнымъ. Память его празднуется 16 июня. Въ честь его составлена полная служба: стихири, канонъ и акаѳистъ; служба утверждена въ 1805 г. епископомъ калужскимъ Феофилатомъ. Въ иконописномъ подлинникѣ сказано: «Преподобный отецъ нашъ Тихонъ, начальникъ монастыря Богоявленска, иже на Калугѣ; подобіемъ надѣдѣ, брада яки Власіева, ризы преподобніческія и въ схимѣ».

„Преподобный Тихонъ, основатель Тихоновой, пустыни калужскій чудотворецъ“, Ка-

лука 1874, 2-е изд. 1887.—„Словарь исторический о святых российской церкви”, Спб. 1862, 2-е изд., стр. 229.—Ф. А. Ч. (Филаретъ), „Русские святые”, Черниговъ 1863, мѣс. юнь, стр. 97—98.—Амвросій, „Історія россійской іерархії”, Москва 1807—1815, т. VI, стр. 401.—ІІ. Строевъ, „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей российской церкви”, Спб. 1877, стр. 585.—Н. Барсуковъ, „Источники русской агиографіи”, Спб. 1882, стр. 560.—„Чтения въ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ”, 1862, кн. 2, стр. 46—48.—„Калужскія Епархиальные Вѣдомости”, 1867, №№ 20 и 21; 1871, №№ 7, 8 и 11; 1874, №№ 8 и 9.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библиографія за 1865—1876 г.г.”, Спб. 1882, т. III, стр. 33, № 27110; стр. 51—52, №№ 27745, 27746.—Ігнатій, „Краткія жизнеописанія русскихъ святыхъ”, ч. I.—Преосвящен. Сергій, „Мѣсяцесловъ Вѣстника”, 1875—76, прилож. кт II ч., стр. 200, ч. I, стр. 161.—Софія Дестунісъ, „Житія святыхъ”, Спб. 1891, мѣс. юль, стр. 65.—Душеполезное чтеніе”, 1887, ч. III, стр. 161—166.

ТИХОНЬ, святой Луховскій, въ мірѣ Тимоѳей, жилъ въ XV вѣкѣ, родился въ предѣлахъ великаго княжества Литовскаго, гдѣ въкоторое время былъ на военной службѣ. Въ 1452 г. переселился изъ Вильны въ Москву, жилъ здѣсь въ различныхъ монастыряхъ и въ одномъ изъ нихъ принялъ постриженіе. Вскорѣ затѣмъ удалился на реку Луху, гдѣ находились владѣнія князя Ф. Бѣльскаго. Т. выпросилъ у него небольшой участокъ земли въ уроцішѣ Копытовѣ и поставилъ себѣ тамъ келью. Черезъ вѣкоторое время къ нему присоединились два инока, Фотій и Герасимъ. Втроемъ они переселились на болѣе удобное мѣсто за 3 версты отъ Копытовки. Т. искусно писалъ книги и былъ хорошимъ токаремъ; плоды своихъ трудовъ, какъ и трудовъ учениковъ, онъ продавалъ, и это давало инокамъ средства къ существованію. Т. отказался принять священническій санъ и до самой своей смерти остался простымъ монахомъ. Умеръ 16 юня 1503 г. У П. Строева и вѣкоторыхъ другихъ годомъ его смерти показанъ 1492 й, но, какъ указываетъ митр. Филаретъ, это ошибка: въ 1492 г. умеръ Т. Медынскій, тоже 16 юня. Въ житіи Т., составленномъ Филаретомъ, говорится, что «бѣдность старца и учениковъ его была такъ велика, что ученики не знали, въ чемъ положить честное тѣло умершаго подвижника; къ утѣшению неожиданно сузdalскій епископъ присыпалъ для старца свѣтку», и въ ней его похоронили. На мѣстѣ, гдѣ жилъ Т., выстроена была обитель въ честь св. Николая, на-

званная Крестовоздвиженской Николаевской Тихоновой пустынью. Время постройки этой обители въ точности неизвѣстно: по однимъ свѣдѣніямъ—вскорѣ послѣ смерти Т., по другимъ—еще имъ самимъ. Мощи Т. открыты въ 1569 г. Въ «Житіяхъ святыхъ» говорится, что къ тому времени на его гробѣ стали совершаться исцѣленія; мощи оказались нетѣлѣными. Однако, какъ сказано въ житіи Т., «игуменъ, поставившій ихъ поверхъ земли, былъ пораженъ слѣпотой и получилъ прозрѣніе тогда, когда они опять сокрыты были подъ землю». Въ житіи его говорится о 70 посмертныхъ чудесахъ; составлено оно въ 1649 г. на основаніи преданій, сохранившихся въ обители; чудеса же извлечены изъ памятныхъ монастырскихъ книгъ, въ которыхъ они записывались со времени обрѣтенія мощей Т. Память его празднуется мѣстно 16 юня.

Н. Барсуковъ, „Источники русской агиографіи”, Спб. 1882, стр. 559.—„Словарь исторический о святыхъ”, Спб. 1862, 2-е изд., стр. 229.—ІІ. Строевъ, „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей российской церкви”, Спб. 1877, стр. 585.—Ф. А. Ч. (Филаретъ), „Русские святые”, Черниговъ 1863, юнь, стр. 94—97.—В. Ключевскій, „Древне-русская житія святыхъ какъ исторический источникъ”, Москва 1871, стр. 230—331.—Амвросій, „Історія россійской іерархії”, Москва 1807—1815, т. I, стр. 304; т. VI, стр. 400.—ІІ. Строевъ, „Описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ и российскихъ Ф. А. Толстого”, Москва 1829, ч. 3, № 85.—„Описаніе Луховскаго монастыря”, Москва 1836, стр. 76, 91.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библиографія за 1865—1876 г.г.”, т. III, стр. 33, № 27136; стр. 36, № 27341.—Сергій, „Мѣсяцесловъ Востока”, Москва 1876, т. II, ч. 1, стр. 16.—Софія Дестунісъ, „Житія святыхъ”, Спб. 1891, юль, стр. 65.—Ігнатій, „Краткія жизнеописанія русскихъ святыхъ”, Спб. 1875, ч. 1.

ТИХОНЬ, епископъ коломенскій съ 1520 г., въ 1515 г. опредѣленъ быть игуменомъ въ Кирилло-Бѣлозерскій, Новгородской епархіи, монастырь, а въ 1517 г. переведенъ игуменомъ же въ Николаевскій Угryшскій, Московской епархіи, монастырь. 28 февраля 1520 г. Т. рукоположенъ быть во епископа коломенскаго. Его имя встрѣчается въ поручной грамотѣ, данной въ 1522 г. княземъ Василемъ Васильевичемъ Шуйскимъ о бытіи ему въ вѣрности у своего государя.

„Исторический очеркъ Николаевскаго Угryшскаго общежит. монастыря”, Москва 1872 стр. 5, 24, 97 и 110.—ІІ. Строевъ, „Списки архіереевъ и настоятелей монастырей россий-

ской церкви", Спб. 1877, стр. 55, 205 и 1030.—Амвросій, „Історія російської ієрархії“, Москва 1807—1815, т. I, стр. 245; т. IV, стр. 497.—Карамзінъ, „Історія государства Російського“, Спб. 1819, т. VII, примѣч. 383.—„Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ“, Спб. 1813—1824, ч. I, стр. 414.

Тихонъ, до постриженія князь Тимоѳей Ивановичъ Хворостининъ, архіепископъ казанскій и свіяжскій; съ 1572 г. состоялъ игуменомъ Николаевскаго Угрѣшскаго, Московской епархіи, монастыря; въ 1573 г. переведенъ былъ въ Успенскій Іосифовъ той же епархіи монастырь, а 5 іюля 1575 г. рукоположенъ во архіепископа казанскаго и свіяжскаго. Т. присутствовалъ на соборѣ 1572 г., созванномъ въ Москвѣ для сужденія о желанії Іоанна IV вступить въ четвертый бракъ, и подписался подъ разрѣшительной грамотой, данной царю. Въ первомъ степенномъ спискѣ, составленномъ тѣмъ же соборомъ, Т. имѣлъ тринадцатую степень, но подъ соборнымъ дѣяніемъ подписался одиннадцатымъ. Скончался 14 іюня 1576 г. и погребенъ въ Троицкомъ казанскомъ монастырѣ; 15 ноября 1700 г. тѣло его перенесено было въ соборный храмъ. Имя его безъ обозначенія года внесено въ синодикъ Угрѣшскаго монастыря.

„Історический очеркъ Николаевскаго Угрѣшскаго монастыря“, Москва 1872, стр. 5, 24 98, 110, 121.—Д. Е., „Угрѣша, исторический очеркъ“, Москва 1875.—Амвросій, „Історія російської ієрархії“, Москва 1807—1815, т. I, стр. 98; т. VI, стр. 977.—П. Строевъ, „Списки архієреевъ и настоятелей монастырей російской церкви“, Спб. 1877, стр. 182, 205 и 287.—Древняя Российская Библіоека“, Москва 1791, ч. VIII, стр. 108.

Тихонъ, игуменъ Угрѣшскаго Николаевскаго, Московской епархіи, монастыря съ 1590 до 1599 г. Упоминается въ подтверждительной подписи, сдѣланной Годуновымъ 2 марта 1599 г. на беззпишиной грамотѣ Угрѣшскому монастырю 1567 г.; въ августѣ 1598 г. подписался подъ второй избирательной грамотой, которой Богданъ Годуновъ избранъ былъ на царство.

„Історический очеркъ Николаевскаго Угрѣшскаго монастыря“, Москва 1872, стр. 25, 98; прилож. стр. 20, 21.—П. Строевъ, „Списки архієреевъ и настоятелей монастырей російской церкви“; Спб. 1877, стр. 206.—„Акты Історическихъ“, ч. II, стр. 142.

Тихонъ, игуменъ Бѣлопесецкаго Троицкаго, Московской епархіи, монастыря съ

1617 до 1630 г.; въ апрѣлѣ 1630 г. возведенъ былъ въ санъ архимандрита и переведенъ настоятелемъ Новоспасскаго Московскаго монастыря. Въ монашество Т. постриженъ былъ въ Старицкомъ Богородичномъ монастырѣ и, вѣроятно, былъ собесѣдникомъ препод. Діонисія Радонежскаго, постриженаго въ этомъ же монастырѣ.

„Членія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“, 1870, кн. 11, стр. 105—106.—И. Спегиревъ, „Новоспасскій Ставронігіальныи монастырь въ Москвѣ“, Москва 1863.—„Історическое описание Серпуховскаго Владычнаго монастыря“, Москва 1866, стр. 185—187.—П. Строевъ, „Списки архієреевъ и настоятелей монастырей російской церкви“, Спб. 1877, стр. 143 и 219.

Тихонъ, архимандритъ Ипатьевскаго, Костромской епархіи, монастыря, по «Спискамъ» Строева съ 1653 до 1663 г., а по истории монастыря съ 1655 до 1661 г. Т. присутствовалъ на соборѣ святителей, созванномъ для исправленія богослужебныхъ книгъ.

П. Островскій, „Історико-статистическое описание Костромского Ипатьевскаго монастыря“, Кострома 1870, стр. 112.—П. Строевъ, „Списки архієреевъ и настоятелей монастырей російской церкви“, Спб. 1877, стр. 853.—Амвросій, „Історія російской ієрархії“, Москва 1807—1815, т. II, стр. 657.

Тихонъ, строитель Туруканскаго Троицкаго, Тобольской епархіи, монастыря съ 1660 до 1682 г., въ мірѣ Тимоѳей, родился въ Устюгѣ Великомъ въ семье священника. 42 лѣтъ отъ рода поселился въ Енисейскѣ, гдѣ занимался дѣланіемъ воськовыхъ свѣчъ. Въ 1656 г. вступилъ въ число инооковъ Спасскаго Енисейскаго монастыря и въ томъ же году, при игуменѣ Леонидѣ, постригся въ монашество. Стремясь къ отшельнической жизни, Т. вмѣстѣ съ другимъ монахомъ, Діонисіемъ, отправился въ лодкѣ внизъ по рѣкѣ Енисею въ Туруканскій край. Прибылъ туда весною 1757 г., онъ поселился при устьѣ рѣки Нижне-Тунгузы, близъ г. Мангазеи, и основалъ здѣсь пустынѣ. Вскорѣ къ Т. и Діонисію стали присоединяться другіе монахи, такъ что къ 1660 г. составилось довольно многочисленное братство. Тогда Т. обратился съ ходатайствомъ къ архієпіскопу тобольскому и сибирскому Симеону о разрѣшеніи построить церковь во имя св. Троицы и о возведеніи пустыни на

степень монастыря. Ходатайство это было удовлетворено, и въ томъ же году была построена церковь; монастырь сталъ именоваться Троицкимъ. Т. возвведенъ былъ въ санъ іеромонаха и сдѣланъ настоятелемъ вновь открытаго монастыря. Въ марта 1670 г. Т. поручено было освидѣтельствованіе мощей препод. Василия Мангазейскаго. Скончался Т. 24 июля 1682 г., до самой своей смерти живя въ основанномъ имъ монастырѣ въ качествѣ настоятеля.

Н. Абрамовъ, „Блаженный Тихонъ, строитель Туруканско-Троицкаго монастыря“, „Странникъ“, 1866, № 12, стр. 104—111.—Амвросій, „Історія россійской іерархіи“, Москва 1807—1815, т. VI, стр. 461.—П. Строевъ, „Списки архіереевъ и настоятелей монастырей россійской церкви“, Спб. 1877, стр. 326.

ТИХОНЪ, игуменъ Жабынской, Гульской епархіи, Введенской пустыни, съ 1710 до 1722 г., архимандритъ Бѣлевскаго Спасо-Преображенскаго, той же епархіи, монастыря съ 1722 до 1738 г., изъ постриженцевъ Жабынской Введенской пустыни; былъ въ санѣ іеродіакона въ 1792 г. различимъ крутицкаго архіерейскаго дома при митрополитѣ Иларіонѣ. Въ 1707 г. назначенъ быть для возстановленія Введенской пустыни, причемъ возвведенъ былъ въ санъ игумена. Пустынь эта была очень бѣдная, не имѣла ни угодьевъ, ни вотчины и для поддержанія ея, ему разрѣшено было перенести во вѣренную ему обитель изъ села Озерска мѣстночтимую икону Знаменія Божіей Матери. За время настоятельства Т. обитель была въ самомъ цвѣтущемъ состояніи; ему удалось собрать въ нее до 40 человѣкъ братіи, чего до него никогда не было. На средства благотворителей онъ воздвигнулъ при пустыни каменную церковь. Чтобы материально обеспечить Введенскую пустынь, Т. ходатайствовалъ о разрѣшении устроить близъ нея ярмарку, что и было удовлетворено въ 1717 г., причемъ ярмаркѣ этой дарованы были разныя льготы, право безпошлиной торговли; неизвѣстно, однако, пришлось ли Т. воспользоваться полученнымъ имъ разрѣшеніемъ. При немъ введенъ былъ второй синодикъ съ вкладной книгой. Т. послалъ также челобитную Петру I о присыпѣ къ пустыни окружныхъ деревень и угодьевъ, но, прежде чѣмъ членовъ была разсмотрѣна, Т. переведенъ былъ въ 1722 г. настоятелемъ Бѣлевскаго

Спасо-Преображенского монастыря, причемъ возвведенъ быть въ санъ архимандрита; Введенскую же пустынь рѣшено было упразднить. Ходатайства Т. обѣ отмѣнѣ этого рѣшенія лишь отсрочили нѣсколько упраздненіе пустыни. Настоятелемъ Бѣлевскаго монастыря Т. состоялъ до 1738 г., когда ушелъ на покой, оставаясь въ этомъ же монастырѣ.

А. Л., „Историко-статистич. описание Бѣлевской Жабынской Введенской пустыни“, Тула 1865, стр. 21, 23—27, 30—37, 79, 81, 93, 94, 97, 98, 102, 119, 120, 122—123.—Тульская Епархиальная Вѣдомость“, 1865, № 11, 14—23.—П. Строевъ, „Списки архіереевъ и настоятелей монастырей россійской церкви“, Спб. 1877, стр. 790 и 794.

ТИХОНЪ, архимандритъ Дмитровско-Борисоглѣбскаго и Ново-Голутвинскаго Троицкаго монастырей, сынъ священника Тамбовской епархіи, въ мірѣ именовался *Тимоѳеемъ Феодоровичемъ Углинскимъ*. Сначала воспитывался въ Тамбовской семинаріи, гдѣ пробылъ до первого года богословскаго класса. По опредѣленію Московскаго академического правленія Т. съ половины богословскаго курса посланъ быть въ Казанскую семинарію для обученія тамъ татарскому языку. Въ 1822 г. онъ окончилъ семинарскій курсъ, послѣ чего опредѣленъ быть въ Тамбовское уѣздное училище преподавателемъ татарскаго языка; въ 1823 г. Т. былъ переведенъ въ Лебедянь на должность инспектора духовныхъ училищъ и преподавателя латинскаго языка, пространного катехизиса и географії. Въ 1826 г. его вторично назначили въ Тамбовское уѣздное училище. Въ 1828 г. онъ постриженъ былъ въ монашество и получилъ священническую степень. Въ 1829 году Т., продолжая преподаваніе въ уѣздномъ училищѣ, занялъ мѣсто учителя татарскаго языка въ Тамбовской семинаріи. Въ 1831 г. назначенъ быть на должность инспектора уѣздного училища и присутствующимъ членомъ въ мѣстное попечительство о бѣдныхъ духовного званія, а также награжденъ набедренникомъ. Въ 1833 г. его перемѣстили въ Московскую епархію, гдѣ онъ продолжалъ свою педагогическую дѣятельность въ качествѣ смотрителя сначала звенигородскихъ, затѣмъ перервинскихъ и, наконецъ, дмитровскихъ духовныхъ училищъ. Въ 1835 году Т. во вниманіе къ его заслугамъ возвведенъ былъ

въ сань архимандрита съ назначениемъ на должность настоятеля Дмитровскаго Борисоглѣбскаго монастыря и присутствующаго въ духовномъ правленіи. Здѣсь онъ оставался до 1846 г., когда перемѣщенъ былъ въ Коломенскій Ново-Голутвинскій Троицкій монастырь, причемъ и здѣсь присутствовалъ въ духовномъ правленіи; въ этой должности оставался до самой смерти, которая послѣдовала 7 февраля 1871 г.

„Московская Епархиальная Вѣд.“, 1871, № 7; № 13, стр. 126—128.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1865—1876 гг.“, Спб. 1882, стр. 390, № 24088.—П. Строевъ, „Списки архіереевъ и настоятелей монастырей россійской церкви“, Спб. 1877, стр. 187 и 202.

Тихорский, Єома Трофимовичъ, статскій советникъ, докторъ медицины, членъ медицинской коллегіи, сынъ казака Переяславскаго полка, Домантовской сотни, род. въ 1733 г. въ Переяславѣ-Киевскомъ. Учился въ Киевской духовной академіи, по окончаніи курса которой поступилъ въ 1756 г. въ Петербургское генеральное адмиралтейское госпитальное училище. Въ 1758 г. получилъ званіе подъѣкаря, а въ 1760—ѣкаря. По указу сената онъ, вмѣстѣ съ другими, отправленъ былъ для пополненія образованія въ 1761 г. въ Лейденскую академію, гдѣ 20 сентября 1765 г. получилъ степень доктора медицины за представленную имъ диссертацию «De vera sive proxima causa podagrae». По возвращеніи въ Россію подвергнутъ былъ въ январѣ 1766 г. экзамену при медицинской коллегіи, по которому признанъ былъ докторомъ медицины. Затѣмъ его назначили преподавателемъ матеріи-медику, а съ 1767 г. также и практики медицеской въ обоихъ госпиталяхъ Петербурга. Съ 1770 г. состоялъ исполняющимъ должность старшаго доктора, а съ 1775—старшимъ докторомъ адмиралтейского госпитала. Въ 1776 г. переведенъ старшимъ докторомъ въ Петербургскій генеральный госпиталь, продолжая преподавать практику медицескую. По некоторымъ извѣстіямъ онъ преподавалъ также и фармацевтику. Съ 1779 по 1799 г. состоялъ членомъ медицинской коллегіи. Въ 1804 г. назначенъ былъ членомъ медицинскаго совѣта московской полиціи, а въ 1806 г. уволенъ въ отставку. Т. былъ членомъ Петербургской академіи наукъ, медико-хирургической академіи и

многихъ ученыхъ обществъ. Умеръ въ Петербургѣ 2 февраля 1814 г.

„Всеобщій Журн. Врачебной Науки“, 1816, № 1.—Л. Ф. Змѣевъ, „Русские врачи-писатели“, Спб. 1886, тетр. 2, стр. 130.—В. Рихтеръ, „Исторія медицины въ Россіи“, Москва 1820, ч. III, стр. 496.—Я. Чистовичъ, „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи“, Спб. 1883, стр. 157, 163; ч. II, стр. СОСХ.—Митр. Евгений, „Словарь русскихъ святыхъ писателей“, Москва 1845, ч. II, стр. 209—210.—Н. Новиковъ, „Опытъ исторического словаря о российскихъ писателяхъ“, Спб. 1772, стр. 227.

Тишбейнъ, Людвигъ-Филиппъ, живописецъ и архитекторъ, строитель Большого театра въ Петербургѣ, родился 15 августа 1744 г., происходилъ изъ немецкой семьи, въ которой было много художниковъ. Обучался у своего дяди, въ Гамбургѣ, а потомъ совершенствовался въ Италии. Въ 1773 г. приѣхать въ Россію и занимался писаніемъ декорацій въ Петербургѣ. Въ 1782 г. ему поручено было построение Большого театра. Театръ строился по плану Т., подъ главнымъ надзоромъ инженера Бауэра. Екатерина II особенно интересовалась новой постройкой и часто совѣтовалась съ Т. насчетъ подробностей, главнымъ образомъ внутренняго устройства. Театръ этотъ отличался многими примѣчательными особенностями: императорская ложа расположена была въ центрѣ амфитеатра, и отъ нея въ обѣ стороны шли особья мѣста съ повышенной платой, въ нѣсколько рядовъ; надъ императорской ложей кругомъ расположены были партеръ, а вокругъ него устроены былъ рядъ ложъ. Театръ законченъ былъ въ 1783 г. Въ 1803 году фасадъ его былъ перестроенъ архитекторомъ Томономъ; вскорѣ затѣмъ онъ сгорѣлъ. Т. написалъ также и занавѣсъ для построенного имъ театра. Умеръ Т. въ Петербургѣ 27-го мая 1806 г. Въ Царскосельскомъ дворцѣ хранятся дѣтскіе портреты великихъ князей Николая и Михаила Павловичей съ подписью Тишбейнъ, но едва ли подпись принадлежитъ этому Т.

E. Michèle, „Les Tischbein“, Lion 1881.—„Тишбейнъ и Томонъ, зодчіе Большого каменного театра“, „Художественная Газета“, 1837, № 3, стр. 50—51.—И. Пушкинъ, „Описание С.-Петербургра и уѣздныхъ городовъ С.-Петербургскаго губернія“, Спб. 1884, ч. III, стр. 120.—Пименъ Араповъ, „Лѣтопись русскаго театра“, Спб. 1861, стр. 89.—„Русская Старина“, 1870, т. II, стр. 199.—„Русская Тайя“, издание Ф. Булгакова, Спб. 1825, стр. IX, 15 примѣч.—„Энциклопедический словарь“

Брокгауза и Ефона, 1-е изд., полуут. 7, стр. 334, слово „Большой театръ“; полуут. 66, стр. 48, слово „Томонъ“.—Brockhaus „Conversations Lexikon“, Leipzig 1886, 13. Auflage, Bd. 15, 713.—Александръ Бенуа, „Русская школа живописи“, Спб. 1904, вып. II, стр. 17.

Тишевский, Андрей Лариновичъ, генераль-майоръ, оберъ-экипажмейстеръ, родился въ 1727 г., умеръ 2 июня 1812 г.; образование получилъ въ морской академіи, куда поступилъ въ іюнь 1741 г.; черезъ два года произведенъ въ гардемаринъ и еще черезъ годъ—въ мичманы, началь практическія плаванія на кораблѣ «Слава Россіи», который ходилъ между Кронштадтомъ и Красной Горкой; въ 1745—1746 гг. участвовалъ въ работахъ по прокладкѣ вѣхъ отъ Кронштадта до Дагерорда, въ 1747—1750 гг. находился въ кампаніяхъ на Балтійскомъ морѣ и совершилъ переходъ изъ Кронштадта въ Архангельскъ и обратно. Повышенный въ мичманы, онъ былъ переведенъ въ береговую команду Архангельского порта, где въ слѣдующемъ чинѣ унтеръ-лейтенанта (съ 1751 г.) командовалъ брандвахтеннымъ судномъ «Зосима и Савватій» до 1754 г., когда возвратился въ Кронштадтъ, откуда въ теченіе ближайшихъ лѣтъ на фрегатѣ «Россія» совершалъ обычныя плаванія, преимущественно въ водахъ Балтійскаго моря. Въ 1762 г. Т. въ чинѣ лейтенанта (съ 1756 г.) участвовалъ въ Кольбергской экспедиціи и вслѣдъ за этимъ былъ назначенъ въ береговую команду Ревельского порта. 20 апрѣля 1764 г. онъ получилъ чинъ капитана 2-го ранга и въ командованіе корабль «Нептунъ», на которомъ въ составѣ остального флота подъ штандартомъ Императрицы Екатерины II плавалъ отъ Кронштадта до Балтійскаго порта, а въ теченіе 1765—1768 гг. присутствовалъ сначала въ морской адмиралтейской конторѣ, затѣмъ въ интенданской экспедиціи по экипажному департаменту. 4 іюня 1769 г. Т. былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга и отправленъ въ Азовскую флотилию, откуда въ слѣдующемъ годуѣздилъ въ командировку сначала въ Борисоглѣбскій уѣздъ для заготовки «вѣтвистыхъ деревъ» на постройку фрегатовъ, затѣмъ на р. Хопрь съ цѣлью пріискать подходящее мѣсто для устройства верфи, где можно было бы сооружать фрегаты. Мѣсто было отыскано, верфь возведена, и уже въ 1771 г. Т. провелъ въ Таганрогъ

два построенныхъ тамъ фрегата, послѣ чего былъ назначенъ начальникомъ верфи на Хопрѣ и завѣдующимъ проводкою новопостроенныхъ судовъ. Въ юлѣ 1776 г. Т. былъ повышенъ въ капитаны бригадирскаго ранга одновременно съ назначеніемъ оберъ-экипажмейстеромъ, которымъ и оставался до самой отставки, послѣдовавшей 28 юля 1782 г.,—причёмъ за три года до этого, именно 1 января 1779 г., получилъ чинъ капитана генераль-майорскаго ранга, а въ генераль-майоры переименованъ при отставкѣ.

„Общий морской списокъ“, ч. II, Спб. 1885, стр. 427—429.

Тишининъ, Александръ Анфимовъ, генераль-майоръ по полевой артиллеріи, сынъ флота капитанъ-лейтенанта, небогатаго дворянина Ярославской губерніи, за которымъ въ Рыбинскомъ и Романово-Борисоглѣбскомъ уѣздахъ состояло всего 32 души, родился въ 1789 г. и, по окончаніи образованія во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, выпущенъ (1807) подпоручикомъ въ 21-ю артиллерійскую бригаду. Всю службу провелъ въ артиллеріи, переводясь безпрестанно изъ одной части въ другую: въ 1809 г. со своей ротой переведенъ въ 1-ю понтонную роту 5-й артиллерійской бригады; въ 1812 г. въ 14-ю артиллерійскую бригаду, въ которой за боевые отличія получилъ чины поручика и штабсъ-капитана; въ 1814 г. въ 18-ю артиллерійскую бригаду; въ 1819 г. былъ командующимъ батарейной № 4 ротой въ 11-й артиллерійской бригадѣ; въ 1821 г., послѣ производства въ подполковники, снова переведенъ вмѣстѣ съ ротой въ 1-ю артиллерійскую бригаду. Въ 1824 г. Т. покинулъ строевую службу по болѣзни и былъ назначенъ командиромъ Ревельского артиллерійского гарнизона; въ 1836 г., въ чинѣ полковника (съ 1832), назначенъ командиромъ Петербургскаго арсенала; на этой должности произведенъ въ генераль-майоры (1841) и скончался въ 1844 г.

На второй годъ своей службы Т. получилъ боевое крещеніе въ Шведской войнѣ 1808—1809 г., а затѣмъ участвовалъ въ Отечественной и коалиціонной 1813 г. войнахъ въ флотѣ рядѣ сраженій и дѣлъ: 1808 г.—4 апрѣля при киркѣ Пихаюкѣ, 4 апрѣля при Сикаюкахъ (орденъ Владимира 4-й степени); 1809 г.—20 іюня при киркѣ Лапо, 20 августа подъ командой

генералъ-лейтенанта Раевского при киркѣ Куртансъ, 13 сентября подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Каменскаго 2-го при д. Рацкаль; 1812 г.—7 августа при Смоленскъ, 24 августа при Шевардинѣ, 26 августа при Бородинѣ (золотая шпага съ надписью «За храбрость»), 6 октября при Тарутинѣ; 1813 г.—въ арьергардныхъ дѣлахъ 23, 24, 26, 27, 29 и 30 апреля подъ командой графа Милорадовича при отступлении арміи къ Бауцену и отъ Люпена къ Дрездену; 8 и 9 мая при Бауценѣ.

Московское отдѣленіе Общаго Архива главнаго штаба, дѣло 3-го стола 3-го отдѣленія Инспекторскаго департамента военнаго министерства за 1844 годъ, № 1328, св. 1170.

Тишинъ, Василий Григорьевичъ, генералъ-маіоръ, инспекторъ военныхъ госпиталей, родился въ 1775 г. и одиннадцати лѣтъ отъ рода опредѣленъ на службу кадетомъ въ артиллерійской пехотескій кадетскій корпусъ; черезъ семь лѣтъ переведенъ былъ штыкъ-юнкеромъ въ 1-й канонирскій полкъ, съ которымъ принялъ участіе въ войнѣ Россіи съ турками и польскими конфедератами, заслуживъ за храбрость при штурмѣ Праги золотой крестъ. Въ 1796 г. былъ произведенъ въ подпоручики и затѣмъ переводился послѣдовательно изъ одной части въ другую: въ баталіонъ Гербеля (1797), въ полкъ Рѣзваго (1800) и въ 3-й артиллерійскій баталіонъ; изъ послѣдней части былъ уволенъ (1803) отъ службы штабсъ-капитаномъ и пробылъ въ отставкѣ пять лѣтъ, потомъ снова поступилъ на службу въ Углицкій пехотный полкъ съ назначеніемъ адъютантомъ къ военному министру. Въ этой должности проявилъ распорядительность и энергию при устройствѣ въ Финляндіи госпиталя и вербованіи на нашу службу шведовъ. Съ началомъ Отечественной войны зачисленъ былъ въ корпусъ графа Витгенштейна, выказалъ храбрость въ дѣлахъ при Полоцкѣ (18 окт.), при м. Чашникахъ и при с. Смолинахъ, за что былъ произведенъ въ маіоры и награжденъ орденомъ Анны 2-й степени. Кампанія 1813 г. дала ему возможность также проявить свои способности, и за отличие въ дѣлахъ при Гамерно (24 марта), Ширинѣ (10 августа), Дрезденѣ (14 и 15 августа), Колендорфѣ, Кульмѣ, Петерсвалдѣ и въ генеральномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ онъ былъ произведенъ въ подполковники, награжденъ золотой шпагой съ над-

писью «За храбрость» и орденомъ Анны 2-й степени съ алмазами; въ эту же кампанію состоялось его назначеніе и. д. директора госпиталей при арміи, благодаря его дѣятельности въ Финляндіѣ въ 1810 г. Въ кампаніи 1814 г. участвовалъ тоже въ иѣсколькихъ дѣлахъ, именно при Но-жакѣ (31 января), Баренадѣ (15 февраля), д. Лабрюсель (19 февраля), Троа (20 февраля) и взятии Парижа, за каковыя получилъ бантъ къ ордену св. Владимира, прусскій орденъ «за достоинство» и Высочайшее благоволеніе; въ этомъ же году былъ переведенъ въ Селенгинскій пехотный полкъ и продолжалъ строевую службу до 1829 г., когда былъ назначенъ сперва состоять при главнокомандующемъ 2-й арміей, затѣмъ главнымъ смотрителемъ петербургскихъ и загородныхъ военныхъ госпиталей и въ 1830 г.—директоромъ военныхъ госпиталей дѣйствующей арміи; въ 1831 г. произведенъ въ генералъ-маіора и во время польского восстания захваченъ въ пленъ, въ которомъ находился съ 25 августа по 18 сентября. Въ слѣдующемъ году вторично занялъ постъ главного смотрителя петербургскихъ и загородныхъ военныхъ госпиталей, а черезъ четыре года (12 апреля 1836 г.) былъ назначенъ инспекторомъ военныхъ госпиталей при военному министерству, на каковой должности оставался до увольненія въ отставку 13 января 1847 г. Годъ смерти неизвѣстенъ.

Архивъ канцелярії въснаго министерства, дѣло 1847 г., № 289.—„Адресъ-календарь“ на 1810 г. и на 1837 г.—Завторницкій, „Столѣтіе военнаго министерства“, т. II.—„Указатель біографическихъ свѣдѣній, архивныхъ и литературическихъ материаловъ, касающихся чиновъ общаго состава по канцелярії военнаго министерства съ 1802 до 1902 г. включительно“, стр. 475 и 476.

Тишкінъ, Якоевъ (также *Тишковъ-Третьякъ*), дьякъ; въ 1531 г. при великомъ князѣ Василии Ioанновичѣ въ числѣ «государевыхъ» людей былъ отправленъ въ Новгородъ. На него и другихъ посланныхъ великаго князя возложена была обязанность установить въ Новгородѣ «судъ правый», для чего ими было избрано 48 человѣкъ изъ числа жителей города, были приняты мѣры противъ усиливавшихся грабежей и поджоговъ; въ числѣ другихъ мѣръ Т. установилъ «рѣшотки», т. е. рогатки, ночную стражу и пожарныхъ. Въ 1534 г. Т. находится на службѣ у

Юрія Іоанновича Дмитровського. Въ качествѣ дьяка этого князя онъ, если положиться на слова одного изъ варіантовъ лѣтописныхъ свѣдѣній о немъ, сыгралъ роковую роль въ жизни боярина Андрея Шуйскаго. По словамъ лѣтописи, Т. былъ посредникомъ при переговорахъ Юрія Іоанновича, дяди несовершеннолѣтняго Іоанна, съ Андреемъ Шуйскимъ. Цѣль этихъ переговоровъ была склонить на сторону Юрія Іоанновича, домогавшагося великокняжескаго престола, боярина Шуйскаго. Когда же партія Іоанна взяла перевѣсъ и усилились Глинскіе, Т. оклеветалъ Шуйскаго, который былъ арестованъ и сосланъ. Т. оправдался въ глазахъ Глинскихъ и остался служить. Въ описи царскаго архива (№ 289 за годы 1575—1584) есть указаніе, что въ ящики 26 хранится «выпись Третьяка Тишкова на князя Андрея Шуйскаго»; этотъ документъ устанавливаетъ подлинность доноса Т. на Шуйскаго, въ которомъ сомнѣвается С. Соловьевъ.

Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“—С. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, кн. III, стр. 60.—„Дополненія къ Актамъ Историч.“, т. I, стр. 27.—Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей, т. VIII, стр. 286.—„Акты Арх. Экспедиціи“, т. I, стр. 337.

Ткачевъ, Петъръ Никитичъ, писатель по экономическимъ и политическимъ вопросамъ и литературный критикъ, редакторъ зарубежного журнала «Набатъ», родился въ 1844 г. въ Псковской губерніи, въ небогатой помѣщичьей семье. Среднее образование получилъ во 2-й Петербургской гимназіи, по окончаніи курса которой поступилъ въ 1861 г. на юридический факультетъ Петербургскаго университета. Однако въ томъ же году онъ былъ арестованъ въ связи съ волненіями среди студентовъ и заключенъ въ Кронштадтскую крѣпость; вслѣдствіе этого ареста посыпало его увольненіе изъ университета. По окончаніи слѣдствія онъ былъ администраційнымъ порядкомъ высланъ въ Псковскую губернію, въ имѣніе матери на поруки. Здѣсь Т. готовился къ государственнымъ экзаменамъ по юридическому факультету, которые и сдалъ при университѣтѣ по возвращеніи въ Петербургъ, получивъ званіе кандидата правъ. 17 ноября 1862 г. онъ былъ вторично арестованъ въ связи съ дѣломъ студента Ольшевского и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость,

но вскорѣ былъ освобожденъ. Въ концѣ 1864 г. сенатъ призналъ недоказаннымъ обвиненіе Т. «въ сообщничествѣ со студентомъ Ольшевскимъ въ преступныхъ его замыслахъ», но все же приговорилъ Т. къ заключенію въ крѣпость на 3 мѣсяца «за имѣніе у себя возмутительного воззванія подъ заглавіемъ «Что нужно народу» и за недонесеніе о томъ кому слѣдуетъ. И первый и второй арестъ Т. были результатомъ не прямого участія его въ революціонномъ движеніи начала 60-хъ годовъ, а личнаго знакомства съ нѣкоторыми революціонерами. Онъ стоялъ въ сторонѣ отъ подпольного движения того времени, посвятивъ свои силы легальной публицистической дѣятельности. Писать Т. началъ очень рано; уже въ 1862 г. въ № 6 журнала «Время» помѣщена была его статья «О судѣ по преступленіямъ противъ законовъ печати». Въ періодъ съ 1862 по 1864 г. въ журналахъ «Время» и «Эпоха» помѣщались его статьи по разнымъ вопросамъ, касавшимся судебнай реформы. Одновременно съ тѣмъ онъ сотрудничалъ также и въ «Библіотекѣ для Чтенія», издававшейся П. Б. Боборыкинымъ. Первоначально Т. писалъ по вопросамъ юридического характера. Таковы его статьи: «Тюрьма и различныя системы тюремнаго заключенія» («Эпоха», 1864, № 3; по поводу статей А. Ю. Миттермайера «О сословіи адвокатовъ» и «Руководство къ судебнай защите по уголовнымъ дѣламъ») и «Тюрьма и различныя системы тюремнаго заключенія» («Библіотека для Чтенія», 1864, № 2). Но потомъ онъ сталъ посвящать свои статьи разработкѣ вопросовъ экономическихъ. Такъ, въ «Библіотекѣ для Чтенія» имѣ напечатаны за 1864 г.: «Русскій городъ» (№ 4—5) и «Статистические этюды. Бѣдность и благотворительность, преступленіе и наказаніе» (№№ 10 и 12). Когда «Библіотека для Чтенія» прекратила свое существованіе, Т. стала сотрудничать въ «Русскомъ Словѣ» Г. Е. Благосвѣтова и въ замѣнившемъ его журналѣ «Дѣло». Его литературная дѣятельность не ограничивалась однѣми журнальными статьями; подъ его редакціей изданъ былъ учено-литературный сборникъ «Лучъ» (Спб. 1866) и сдѣланы переводы слѣдующихъ книгъ: «Судебные ошибки» съ подзаголовкомъ «Посвящается присяжнымъ засѣдателямъ» (Спб. 1867); «Рабочій вопросъ въ его со-

временному значеніи и средства къ его разрѣшенію» соч. Э. Бехера (Спб. 1869—1871); «Исторія крестьянской войны въ Германии» соч. В. Циммермана (Спб. 1865—1868; 2-е изд. Спб. 1872). 26 марта 1869 г. Т. былъ арестованъ въ третій разъ по обви-ненію въ участіи въ заговорѣ Нечаева; ему приписывалось составленіе извѣстной про-кламації «Къ обществу», выпущенной Нечаевской организаціей. Кромѣ того, какъ сказано въ обвинительномъ актѣ, онъ „не-зависимо отъ участія въ заговорѣ преданъ суду еще по двумъ обвиненіямъ: 1) въ составленіи предисловія и примѣчаній про-тивозаконнаго содержанія въ изданному подъ его редакціей переводу книги Эрн-еста Бехера подъ заглавіемъ «Рабочій во-просъ»; 2) въ напечатаніи статьи преступ-наго содержанія подъ заглавіемъ «Психо-логические этюды» въ изданномъ имъ сборникѣ «Лучъ». Осталось невыяснен-нымъ, насколько близко было участіе Т. въ организаціи Нечаева, но во всякомъ случаѣ онъ не стоялъ въ сторонѣ отъ нея, а прокламація «Къ обществу» была дѣй-ствительно составлена имъ. Послѣ двух-лѣтнаго предварительного заключенія се-натъ приговорилъ его къ 2 годамъ крѣ-пости. По освобожденіи, въ началѣ 1873 г., онъ высланъ былъ административно въ Великіе Луки, Псковской губ. Т. опять возвновилъ свою журнальную дѣятель-ность, сотрудничая въ «Дѣлѣ», но уже не подъ своей фамиліей, а подъ псевдонимами: П. Н. Ніоновъ, И. Н. Постный, П. Ни-китинъ, И. Грачіоли, Ш. Гр-ли, Все тотъ же. По общему признанію историковъ ли-тературы и общественного движенія въ Россіи, Т. обладалъ недюжиннымъ ли-тературнымъ талантомъ; статьи его написаны живо и увлекательно и отличаются строгой послѣдовательностью. Если онъ мѣстами не договаривалъ до конца, то это объяс-няется цензурными условіями времени. Въ своихъ статьяхъ Т. проводилъ ту мысль, что всѣ стороны общественной жизни, право, мораль, всѣ завоеванія культуры и темныя стороны человѣческаго общежитія обусловливается экономическою жизнью общества; онъ доказывалъ, что въ истори-ческомъ процессѣ развитія господствуетъ опредѣленная, строгая закономѣрность, и отрицалъ «гармонію интересовъ», про-вѣдывавшуюся классической школой эко-номистовъ, утверждая, что въ сферѣ эко-

номической жизни общества господствуетъ эксплоатациѣ экономически слабыхъ силь-ныхъ. «Воть въ чёмъ состоить эта гармо-ния,—говорится въ его рецензіи на книгу Адама Смита «О богатствѣ народовъ»:— своеорыстіе однихъ обуздывается голodomъ, своеорыстіе другихъ—границей минимума человѣческихъ потребностей» («Дѣло», 1868, № 3, отд. II, стр. 77). Т. считаются сторонникомъ и первымъ проповѣдникомъ ученія Карла Маркса, однако въ его излож-женіи доктрина эта носить упрощенный ха-рактеръ. Т. много работалъ надъ ста-тистикой экономической и населенія и умѣло обращался съ цифровымъ матеріа-ломъ, несмотря на крайнюю скучность его въ то время. Но большая часть статей его посвящены литературной критикѣ. У него не было опредѣленіо выработанныхъ лите-ратурныхъ взглядовъ: съ одной стороны, онъ защищалъ реализмъ въ искусствѣ въ Писаревскомъ смыслѣ, а съ другой—упре-каль И. С. Тургенева въ томъ, что онъ недостаточно эстетикъ. Въ своихъ крити-ческихъ статьяхъ онъ удѣлялъ больше вниманія анализу затронутыхъ разбирае-мыми произведеніемъ общественныхъ яв-леній, чѣмъ разбору его литературного достоинства. По цензурнымъ условіямъ времени, говорить о вопросахъ обществен-наго характера почти только и можно было въ статьяхъ, посвященныхъ вѣ-нѣшимъ образомъ критикѣ литературныхъ явленій; къ этой формѣ прибегали и Чер-нышевскій, и Добролюбовъ, ю же поль-зовался и Т. Въ своихъ статьяхъ онъ бо-ролся съ мѣщанствомъ и консерватизмомъ, рисовалъ пути къ лучшему будущему человѣчества. Провозвѣстниковъ въ лите-ратурѣ и сторонниковъ на практикѣ такихъ идеаловъ онъ называлъ «людьми будущаго». «Для людей будущаго,—говоритъ онъ,—осуществление извѣстныхъ хорошихъ идей, роковою необходимости выработанныхъ нашей цивилизацией, составляетъ един-ственную цѣль и наслажденіе въ жизни». Къ противникамъ онъ относился рѣзко и нетерпимо: его полемика всегда носила характеръ кровный и страстный.

Не имѣя возможности полностью раз-вить свои взгляды въ легальной прессѣ Т. въ концѣ 1873 года эмигрировалъ при содѣйствіи М. И. Купранова и другихъ, за границу и поселился въ Же-невѣ. Здѣсь онъ сначала сотрудничалъ

въ журналъ «Впередъ», но вскорѣ прекратилъ сотрудничество вслѣдствіе расхожденій во взглядахъ съ редакторомъ журнала П. Лавровымъ. Выходъ его изъ журнала ознаменовался брошюрою, написанной имъ яротивъ П. Лаврова; въ ней онъ нападалъ на послѣдняго съ не меньшой рѣзкостью и отрицаніемъ, съ какими раньше относился въ «Русскомъ Словѣ» къ писателямъ, не сходившимся съ направлениемъ этого журнала. Рѣзкость брошюры произвела дурное впечатлѣніе на читателей зарубежной печати и сразу поставила Т. въ изолированное положеніе. Въ ноябрѣ 1875 г. онъ основалъ свой собственный органъ «Набатъ», въ сотрудничествѣ съ Турскимъ, Лакеромъ, Григорьевымъ и Молчановымъ. По своимъ воззрѣніямъ, нашедшимъ свое отраженіе въ «Набатѣ», Т. занялъ обособленное положеніе среди литературныхъ выразителей различныхъ теченій въ русскомъ революціонномъ мірѣ 70-хъ годовъ. Его взгляды довольно точно охарактеризованы данной ему кличкой «русскаго якобинца»; они были сторонники захвата государственной власти и доктрированія затѣмъ извѣстныхъ пунктовъ программы. Поэтому онъ расходился съ лѣвыми своими сосѣдами, напр. Бакунинымъ, который, какъ анархистъ, отрицалъ всякое государство и всякую власть, и съ правыми, какъ Лавровъ, бывшій за умѣренный образъ дѣйствія. Въ дальнѣйшемъ Т. рисовалась народная дума, которая постепенно преобразуетъ современный общественный строй въ соціалистической иутемъ видоизмѣненія крестьянской общины въ коммуну (въ каковомъ пункте сближался съ народниками), введенія учрежденій, устраяющихъ потребность въ частномъ посредничествѣ при обмѣнѣ, постепенного обобществленія орудій производства, путемъ общественного воспитанія въ духѣ лозунговъ французской революціи, уничтоженія родительской власти, развитія общинного самоуправленія и уменьшенія функций центральной власти. Сторонниковъ въ революціонной средѣ Т. имѣлъ мало. Усилия террора въ Россіи и рѣзкій поворотъ въ сторону политической борьбы къ концу 70-хъ годовъ создали нѣсколько болѣе благопріятную почву для пропаганды идей «Набата». Въ своихъ статьяхъ этого времени Т. признавалъ терроръ, какъ приемъ борьбы, но статьи его носили такой

кровожадный, упрощенный до вульгарности характеръ, что сами террористы противостояли противъ направления «Набата». Осенью 1880 г. Т. сдѣлалъ попытку перенести изданіе «Набата» въ Петербургъ, но тотчасъ же по прибытіи туда типографіи она была арестована. Изданіе «Набата», существование котораго и до того съ трудомъ поддерживалось его немногочисленными сторонниками, прекратилось. Т. въ томъ же году уѣхалъ въ Парижъ; въ революціонномъ мірѣ онъ уже не пользовался никакимъ влияніемъ. Въ Парижѣ онъ въ 1882 г. заболѣлъ психически и остатки своей жизни провелъ въ парижскомъ приютѣ для душевно-больныхъ St. Appie. Здѣсь Т. и умеръ 23 декабря 1885 г.

Во время своего пребыванія за границей Т. продолжалъ сотрудничать въ «Дѣлѣ». Имъ помѣщены были въ этомъ журнале слѣдующія статьи: за 1867 г.—«Производительные силы Россіи. Статистические очерки» (№№ 2, 3 и 4); «Новые книги» (№№ 7, 8, 9, 11 и 12); «Нѣмецкие идеалисты и филостеры» (по поводу книги Шерра «Deutsche Cultur und Sittegeschichte», №№ 10, 11, 12); за 1868 г.: «Люди будущаго и герои мѣщанства» (по поводу романовъ Шипиллагена, Джорджа Элліота, Жорджа Зандъ, Андре Лес; №№ 4 и 5); «Подрастающія силы» (о романахъ В. А. Сѣльцова, Марко-Бовчка, М. А. Авдѣева, №№ 9 и 10); «Разбитая иллюзія» (о романахъ Рѣшетникова; №№ 11 и 12); за 1872 г.: «Недодуманные думы» (о сочиненіяхъ Н. Успенского; № 1); «Неподкрашенная старина» (о романѣ Н. Станицкаго «Три страны свѣта»; №№ 11 и 12); «Недоконченные люди» (о романѣ Кущевскаго «Николай Негоревъ»; № 2—3); «Невинные замѣтки» (о повѣстѣ «Вечная вода» И. С. Тургенева; № 1); «Статистическая примѣчанія къ теоріи прогресса» (№ 3); «Спасенные и спасающіеся» (по поводу романа Боборыкина «Солидарныя добродѣтели»; № 10); за 1873 г. «Статистические очерки Россіи» (№№ 1, 4, 5, 7 и 10); «Тенденціозный романъ» (по поводу собранія сочиненій А. Михайлова - Шеллера; №№ 2, 6 и 7); «Больные люди» (о «Бѣсахъ» Ф. М. Достоевскаго; №№ 3 и 4); «Тюрьма и ея принципы» (№№ 6 и 8); за 1874 г.: «Ташкентские рыцари» (по поводу повѣстей и разсказовъ Н. Каразина; № 11); за

1875 г.: «Научная хроника» (№ 1); «Беллетристы-эмпирики и беллетристы-метафизики» (о сочиненияхъ Кущевского, Глѣба Успенского, Боборыкина, С. Смирновой; №№ 3, 5 и 7); «Роль мысли въ исторіи» (по поводу «Опыта исторіи мысли» П. Миртова, №№ 9, 12); за 1876 г.: «О почвенникахъ новѣйшей формациі» (о газетахъ «Молва» и «Недѣля»; № 2); «Литературное поппурі» (о романахъ «Два мира» Алѣвой, «Въ глупи» Марко-Бовчка, «Подростокъ» Ф. М. Достоевскаго и «Сила характера» С. Смирновой; №№ 4, 5 и 6); «Французское общество конца XVIII вѣка» (по поводу книги Тена; №№ 3, 5, 7); «Поможетъ ли намъ мелкій кредитъ?» (№ 12); за 1877 г.: «Идеалистъ мѣщанства» (по поводу сочиненій Авдѣева; № 1); «Уравновѣшенныя души» (по поводу романа Тургенева «Новь»; №№ 2, 3, 4); «О пользѣ философіи» (по поводу сочиненій А. А. Козлова и В. В. Лесевича; № 5); «Эдгардъ Кине. Критико-біографический очеркъ» (№ 6—7); за 1878 г.: «Безобидная сатира» (о книгѣ Щедрина-Салтыкова «Въ средѣ умѣренности и аскетичности»; № 1); «Салонное художество» (о романѣ графа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»; №№ 2, 4); «Кладези мудрости российскихъ философовъ» (по поводу «Цисемъ о научной философіи» В. В. Лесевича; №№ 10 и 11); «Литературные мечты» (о взглядахъ Суворина, Достоевскаго и Елисеева на Некрасова; № 6); за 1879 г.: «Мужикъ въ салонахъ современной беллетристики» (по поводу сочиненій Успенскаго, Златовратскаго, Засодимскаго и А. Погѣхина; №№ 3, 6, 7, 8 и 9); «Оптимизмъ въ наукахъ, посвящающійся Вольно-Экономическому Обществу» (№ 6); «Единственный русский социологъ» (о «Социологии» де-Роберти; № 12); за 1880 г.: «Утилитарный принципъ въ нравственной философіи» (№ 1); «Гнилые корни» (о сочиненіяхъ В. Крестовскаго-псевдонимъ; №№ 2, 3, 7, 8). Уже изъ заглавій этихъ критико-литературныхъ статей Т. зарубежного периода его жизни видно, что ни одинъ писатель его не удовлетворялъ. И

къ Толстому, и къ Тургеневу, и къ народникамъ, и даже къ Щедрину онъ относился рѣзко отрицательно. Надъ литературными его взглядами этого периода довѣли его взгляды политические, непримиримые и крайне-крайніе. Въ литературѣ онъ искалъ политическихъ тенденцій и не могъ ихъ, конечно, найти, художественность же произведенія, правдивость бытописанія, личная переживанія персонажей для него стали безразличны. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Т. вѣль «Бібліографіческій листокъ» въ «Русскомъ Словѣ» и отдѣль «Новые книги» въ «Дѣлѣ», подписываясь обыкновенно только инициалами П. Т. Многія рецензіи, особенно о книгахъ экономического содержанія, достигаютъ у него размѣровъ журнальной статьи и иногда болѣе ясно отражаютъ экономическая воззрѣнія Т. чѣмъ его статьи.

А. Тунъ, «Історія революціонныхъ движений въ Россії», изд. «Бібліотеки для всѣхъ», Спб. 1906, стр. 113, 121—125, 166—167, 236—237, 381, 25 и 55.—Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей и писательницъ», Москва 1907, изд. 2-е, вып. 10, стр. 96.—Б. Базилевскій (Б. Богуварскій), «Государственные преступленія въ Россіи въ XIX в.», Спб. 1906, т. I, стр. 159—161, 172—173, 176, 180—181, 182, 187, 188.—Его же, «Революціонная журналистика 70-хъ годовъ въ Россії», Спб. 1906.—Его же, «Матеріалы для исторіи революціонного движения въ Россії», Спб. 1906.—С. Сватиковъ, «Общественное движение въ Россіи въ 1700—1895 г.г.», Ростовъ-на-Д. 1905, ч. II, стр. 80—81.—С. А. Венгеровъ, «Очерки по исторіи русской литературы», Спб. 1907, изд. 2-е, стр. 107.—М. Лемкѣ, «Къ біографіи П. Н. Ткачева», «Былое», 1907, № 8, стр. 151.—«Матеріалы для біографіи П. Н. Ткачева», тамъ же, стр. 156.—Земфиръ-Ралли-Арборе, «С. Т. Нечаевъ», тамъ же, 1901, № 7, стр. 138, 142.—П. П. Суворовъ, «Записки о прошломъ», «Русское Обозрѣніе», 1893, кн. 9, стр. 144—145 и отд. изданиемъ, Москва 1899, ч. I, стр. 98.—В. С. Карцовъ и М. Н. Мазаевъ, «Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей», Спб. 1891, стр. 91 и 33.—«Правительственный Вѣстникъ», 1871, №№ 155—206.—«Судебный Вѣстникъ», 1870, № 21.—«Иллюстрированный Миръ», 1886, № 2.—«Новое Время», 1885 г., № 3535.—«Былое», 1907, № 7, стр. 128—129.—В. И. Межовъ, «Історія русской и всеобщей словесности», Спб. 1872, стр. 261, № 5811, стр. 263, № 5858; стр. 557, № 14543.

